Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"

Оглавленіе „Нивы“ за 1874 годъ.

I) Стихотворенія.

стр.
Е. В. Буцко. Стихотв. **В. Н. Д.** 327
Два Якшича (съ сербскаго) Б. . . 526
Двѣ книги. **Бенедиктова** 414
Дріада (поэма лѣтняго дня) 428
Изъ лѣтнихъ стихотв. **В. Н. Д.** . 511
Къ памятнику Екатерины II **А. Бѣшенцова** 525
Новый годъ (экспромтъ) **Вѣ-ера** . . 10
Стихотвореніе. *Его-же* 22
Стихотвореніе. **Н.** 194
Стихотворенія **Н. Гусевой** . . . 588, 593
Фантастическое окончаніе поэмы «Кому живется всѣхъ вольготнѣе на Руси 806
Узникъ. **В. И. Немировича-Данченки**. 200

II) Романы повѣсти, и проч.

Антипатичный человѣкъ (изъ дневника бывшей институтки) **В. Югова**. 386
Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюнникова** . . . . . 49, 65, 82, 97, 114, 129, 155, 170, 185, 195, 214.
Двуногій волкъ. Романъ **Н. Каразина** . . . . . 648, 657, 678, 690, 710, 722, 738, 754, 778, 786, 802, 823.
Двѣ встрѣчи (деревенская идиллія). **В. Н. Д.** 611
Еще нѣсколько секундъ 598
Живой телеграфъ 671
Изъ жизни духовныхъ. **Отлукаевскаго** 439
Изъ міра народныхъ повѣрій. **Лѣшій**. 148
Испорченый шкафъ. **Вѣ-ера**. . . . 498
Какъ ихъ судить (разсказъ изъ уголовной хроники) **А. Шкляревскаго** 684, 696, 718, 740, 759,
Наемщикъ (разсказъ изъ отживающей системы наборовъ) 226
На ловлѣ (изъ дорожныхъ очерковъ) **В. Н. Д.** 467
На травѣ (очерки кавалерійской жизни) **Всеволода Крестовскаго** 1, 17, 34, 402, 418, 434, 455, 470 482.
Павлинъ. Разсказъ **Н. Лѣскова (Стебницкаго)** . . . . . 259, 273, 289, 306, 322. 353, 370.
Прелестный букетъ (разск.) **В. Щиглева** 423
Серіозная книга 682
Сказано, что Авія (романъ) **А. Бѣшенцова** . . . . . 530, 547, 562, 594, 579.
Сонъ въ руку (изъ вседневной жизни). 810
Что случилось съ Петромъ Петровичемъ (разсказъ) **Н. Боева** . . 626, 642
У Плеса (картинка *В.* **И. Немировича-Данченки** 5
Бѣдовыя чернила (разсказъ) 322
Двѣ сцены изъ гражданской войны . 523
Какъ произошелъ фаэтонъ 387
Минута между жизнью и смертью. . 87
Мужъ своей жены 442 486
Найденная жена 375
Подъ испанскимъ небомъ. 278, 294
По пути (разсказъ **Ауэрбаха** . . . 617
Товарищъ Тенесси (разсказъ) **Бретъ-Гарта**. 242
Это была игра!.. **Гаклендера** . . . 135, 150, 161, 179, 230, 246.

III) Біографіи и характеристики.

Альфредъ Великобританскій, принцъ. 4
Вергъ, графъ Ѳ. Ѳ., генералъ-фельдмаршалъ 43
Брамсъ, Іоганъ 318
Бретъ Гартъ 238
Буонаротти Микель Анджело. . . . 172
Вагнеръ, Рихардъ 315
Владиміръ Александровичъ, Великій князь 535
Вѣра Константиновна, Великая княгиня 472
Гершель, Джонъ 59
Глинка, М. И. 753
Диксонъ, Генвортъ 113
Евгеній Виртембергскій, герцогъ . . 472
Каразинъ, Н. Н. 561
Каульбахъ, Вильгельмъ 241
Киль, Фридрихъ 318
Кириллъ, св. 199
Клеверъ, Юлій 542
Листъ, Францъ 316
Маріи Александровна, Вел. княгиня. 4
Марія, Великая Герцогиня Мекленбургъ-шверинская 535
Оберъ, Даніэль Франсуа 630
Раффъ, Іоахимъ 318
Рейнке, Карлъ 318
Рубинштейнъ, Антонъ 316
Тиндалль, Джонъ 490
Фолькманъ, Робертъ 318
Францъ Іосифъ, импер. Австрійскій. 91
Францъ, Робертъ 318
Эркманъ-Шатріанъ, литер. близнецы. 193

IV) Историко-археологическіе очерки.

Блистательная эпоха въ исторіи Персіи. **Михайлова** 472
Борьба за Неву. **П. Н. Петрова** . 119, 298, 503, 551, 714, 747, 790.
Домашній царскій обиходъ встарину. **П. Н. Петрова** 145, 166 584
Египетскія пирамиды 610
Зданіе храма Перкуна въ Ковно . 428
Золотое кадило въ Архангельскомъ соборѣ въ Москвѣ. **П. Н. Петрова**. 745
Историч. развитіе папской власти **Архимандрита Алексія** . . 603, 666
Копорье, крѣпость 545
Кромвель и министръ Филиппа IV. . 508
Междуцарствіе **П. Н. Петрова**. . . 178, 202, 267.
Могила Шевченки 177
Неронъ и христіанскіе мученики . 651
Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ. **П. Н. Петрова**. 818
Порицкъ и Волчій постъ (эпизодъ изъ польскаго мятежа). **Н. Каразина**. 516, 539, 551, 568, 594.
Развалины Гансальскаго замка . 210, 311
Соборъ Архистр. Михаила въ Нижнемъ Новгородѣ 158
Совѣтъ минист. у г-жи де Ментенонъ. 770
Троицко-Сергіевская лавра 280
Христіанскіе муч. въ Древнемъ Римѣ. 264
Чета новобрачныхъ на прогулкѣ (бытъ XVII вѣка въ Москвѣ) 828

V. Этнографическія картины и культурно-историческіе очерки.

Арль въ южной Франц. и его дѣвушки. 763
Арысь, озеро 358
Астрахань 38
Баденъ-Баденъ 433
Баку. 140
Величковскія соляныя копи 398
Версаль 370
Висячій мостъ чрезъ одно изъ ущелій Перу 827
Въ окрестностяхъ Арханг. **В. Н. Д.** 296, 324, 345.
Выборгъ 498
Вятка 786
Деревенская сватьба въ Олонец. губ. 35
Желѣзная дорога на горѣ Риги . . 74
Земледѣліе Заравшанской долины. . 466
Зимній день крестьянина Костр. губ. 11
Исландія (тысячелѣтній юбилей) . . 513
Казань. **Н. Боева** 630
Кивать, водопадъ 59
Конокрады 55
Кострома 187 235
Мертвое море 482
Монбланъ 385
Монъ-Сенисъ 632
На Волгѣ. I. Жегулевскія горы . . 706
II. Царевъ бугоръ . . 770, 819
Народы Россіи. XVI. Чукчи 26, 42
XVII. Камчадалы . 106, 122
Малоросіяне . 459
Псковитяне . 250
XIX. Татары . . 347, 363
XX. Алеуты . . . 379
XXI. Зыряне . . . 555
XXII. Бѣлоруссы . . 714
Новая страна чудесъ 10
Одесса 351
Петрозаводскъ 270
Прогулка по Пекину 655, 670
Ростовъ на Дону 8
Рыбинскъ 76
Сайменскій каналъ 258
Самара 108
Санторинъ, островъ 447
Сарепта 337
Седмиградская поселянка 806
Эмсъ 417

VI. Путешествія.

Австрійская полярная экспедиція Паера и Вейпрехта 671
Аму-Дарьинская учен. экспедиція. 566, 694
Впечатлѣнія русскаго путешественника (отъ Кіева до Женевы) **С.** . . . 490, 790
Жизнь на морѣ (изъ воспоминаній моряка). **Б. Савича** . . 330, 342, 392
Изъ Америки. 606
Лапландія. **В. И. Немировича-Данченки** 577, 663, 721
Поѣздка по льду озера Байкалъ . . 411

VII. Охота.

Кабанъ и кабанья охота 28
Охота за бизонами 758
Охота на косулю 122
Охота на тюленей въ полярн. странахъ. 446
Приключеніе на охотѣ 204

VIII. Естествознаніе.

Благодѣтельная кошка 300
Бой зайцевъ 492
Водяная и болотная птица во время перелета 475
Горностай 164
Грифы какъ могильщики природы . 430
Запретная охота 620
Звѣздное небо 630
Исландскій горячій водометъ. . . . 90
Исторія ядовитыхъ змѣй 105
Кока 12
Круговоротъ вещества по тремъ царствамъ природы. **Проф. Чермака**. 449
Крылатый рыбакъ. 776
Маленькіе ночные разбойники . . . 572
Невидимыя существа въ природѣ . . 139
Необходимая приправа 338
Новѣйшее вещество 39
Песецъ и чернобурая лисица . . . 90
Прохожденіе планеты Венеры . . . 615
Рысь и дикая кошка 328
Стереоскопъ и его изображенія. . . 23
Сцены и войны изъ міра животныхъ.
I. Ехидна съ добычей 124
II. Кольчатый ужъ и травяная лягушка 664
III. Материнская любовь (бѣлка и сорока) 184
Угорь и его размноженіе. 123
Ягуаръ. 266

IX. Гигіена.

Глаза зеркало души 586
Опасный чай 410

Библиотека "Руниверс"

стр.
О питаніи грудныхъ дѣтей при разстройствѣ пищеваренія 524
Переливаніе человѣческой и овечьей крови человѣку 102, 153
Прививаніе чумы рогатаго скота . . 506
Разумное воспитаніе дѣтей. 404, 574, 796, 827

X) Живопись.

Весна 524
Встрѣча съ медвѣдемъ въ лѣсу . . . 1[illegible]
Двѣ картины Жерара Дова. 413
Домъ сумасшедшихъ. Картина Каульбаха 728
Зимній лѣзажъ съ обозомъ 216
Купающіяся нимфы. Винтергальтера 166
Литературный альбомъ съ картинами:
I. «Боярынь Орша» Лермонтова. 646
II. «Братья разбойники» Пушкина 796
III. «Бѣжинъ лугъ» Тургенева . 22
IV. «Бѣсы» Пушкина 740
V. «Дядя Власъ» Некрасова. 250
VI. «Морская царевна» Лермонтова 735
VII. «Русалка» Пушкина 100
На страстную недѣлю 212
Ученая супруга. 86

XI) Новыя изобрѣтенія.

Искуственные драгоцѣнные камни . 510
Керосиновыя печи 689
Локомотивъ съ отваломъ для снѣга . 219
Огнетасительный снарядъ Дика. . . 750
Ферранонъ аппаратъ для сбереженія лошад. силы 737
Хорошенькое комнатное украшеніе . 625
Американскій проэктъ уличнаго желѣзнаго пути 458

XII) Изъ современной жизни.

Балъ въ Константинополѣ 106
Всеобщая воинская повинность. . 75
Выставка картинъ Верещагина . . . 239
Женская война противъ шлянстга въ Америкѣ 218
Индоволжская желѣзная дорога . . . 556
Озеро-море въ Африкѣ. 641
Оружіе и доспѣхи нашихъ предковъ въ Средней Азіи. Н. Кондзина 234
Нети-Тифлисская желѣзная дорога. . 314
Новая русская церковь въ Дрезденѣ. 759
Новое Вавилонское столпотвореніе въ Америкѣ 168
Новый оперный театръ въ Парижѣ. 212
Прусскій военный оркестръ 529
Тулонскія галеры 103
Цѣпной мостъ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ 252

XIII) Статьи разнаго содержанія.

Біографія науки о языкѣ 56, 71
Законъ большихъ чиселъ (по Уле) . 359

XIV. Судебная хроника.

Буйство въ публичномъ мѣстѣ . . . 190
Дѣло игуменьи Митрофаніи . . . 730, 795
» Крестьянина Брюхачева съ Малмыж. З. Управой 111
» объ игорномъ домѣ Колемина . 331
» объ оставленіи кр. Артамонова въ опасномъ мѣстѣ 110
» о мнимыхъ чудесахъ 271
» о пароходѣ «Царица» 332
» о подложномъ свидѣтельствѣ, представл. въ Университетъ . . . 270
» о цѣлой ротѣ солдатъ, обвин. въ нарушеніи дисциплины 271
» о шайкѣ воровъ и разбойниковъ. 126
Запутанное дѣло въ Подольской губ. 110
Кр. Трифоновъ, обвин. въ истязаніи роднаго сына. 110
Мошенничество 190
Поддѣлка акц. Тамб. Козл. желѣз. дор. --
Процессъ Бестрэмовъ 222
о насильственномъ бракѣ . 271

XV. Библіографія.

Для легкаго чтенія 142
Италія. Путеш. отъ Альповъ до Этны. 746
XVI. Тиражъ выигр. Госуд. банка 48, 176, 448. 591
XVII. Политическое обозрѣніе. 126 159, 220, 252, 302, 318, 349, 588, 638, 702, 732.
Собственныя кореспонденціи «Нивы». Изъ Версали Н. Чашникова . 12, 44 60, 111, 191, 207, 255.
XVIII. Шахматы . . . . 175, 191, 207 288, 303, 320, 336, 352, 368.
XIX. Разныя извѣстія 15
и далѣе въ каждомъ нумерѣ.

XX. Смѣсь.

Американскій воздухоплаватель . . 143
Анекдотъ изъ жизни Наполеона . . 430
» о Лавалеттѣ 78
Беатриче Ченчи 638
Безпримѣрное пари 494
Бельгійскіе монастыри 479
Важное открытіе 350
Веберовскій Оберонъ 463
Величайшій паровой молотъ въ мірѣ. —
Военный духъ въ нѣмец. гимназіяхъ. 764
Воздушное путешествіе чрезъ Атлант. океанъ 223
Вопросъ о сожженіи мертвыхъ . . . 414
Восходъ солнца въ степи послѣ урагана. 639
Вросшія въ камняхъ жабы 92
Всемірная выставка въ Филадельфіи. 590
Выставка картинъ Каульбаха . . 463
Вѣрная любовь 431
Домашнее сельское хозяйство . . . 287
Дорогая услуга 223
Древность человѣческаго рода . . . —
Древняя Троя и Генрихъ Шлиманъ. 476
Древнѣйшія газеты въ мірѣ 463
Entre chien A loup 764
Жеромъ, Жанъ Леонъ 672
Замѣна смертной казни въ Луизіанѣ. 750
Запасы Гуано въ Тихомъ океанѣ . 415
Золото и его растяжимость 750
Издержки Тичборнскаго процесса . 79
Изслѣдованія мостовой 92
Ичъ Казани 764
Изъ Неаполя 94
Изъ письм. стоящ. импер. Вильгельма. 493
Изъ Чимбая 639
Или я закричу 494
Интересная статья . . . . . —
Интересныя цифры 350
Искуственные камни 332
Исторія Франціи 495
Кавудесъ-Гонъ 559
Какимъ способомъ доставляется карлистамъ оружіе. 764
Какъ выводить кровавыя пятна изъ бѣлья 71
Какъ предохранять желѣзо отъ ржавчины. 399
Какъ склеивать янтарь 495
Календарь Гатцука 750
Калифорнія 622
Кобзари 143
Ковальскій. Генрихъ 558
Когда и кѣмъ введено огнестрѣльное оружіе 543
Курьезъ изъ хивинской экспедиціи . 30
Къ исторіи распространенія насѣкомыхъ 814
Къ характеристикѣ ласточки. . . . 45
Ловля ласточекъ 415
Лондонъ до 1857 года 559
Мвійскіе холода. 431
Маленькая дворцовая исторія . . . 382
Мароготы 783
Мистеръ Брукисъ 479
Молочная мука химика Нестле. . . 750
Монета изъ Никкеля 92
Мормонизмъ 639
Монархъ. 79
На вѣсъ золота. 94
Наполеонъ I и г-жа Сталь 494
Народное образованіе во Франціи . 79
Нашла коса на камень 494
Невинный мошенникъ 62
Необыкновенное музыкальное событіе въ Италіи 475
Новая порода пчелъ 814
Новоизобрѣтенный воздушной винтовой корабль 814
Новый родъ рекламы 31
Новѣйшія изслѣдованія луны. . . . 286
Нужда въ Парижѣ . . . . . —
Обманутый обманщикъ 30
Общая цифра плавающихъ судовъ . 350
Объемъ Лондона и число жителей . 363
О вліяніи мясной пищи на здоровье. 812
Опіумъ въ Америкѣ. 759
Осада Лилля 495
Открытыя письма 382
Обычай 101 выстрѣла изъ пушки . . 559
Панчери, италіянскій профессоръ . 382
Патагонцы 558
Писчебум. производство въ Японіи . 28
Пищеварител. аппаратъ животныхъ . 382
Плодовитость животныхъ 287
Пожарные въ Константинополѣ . . 558
Полезное изобрѣтеніе 494
Положеніе церков. дѣлъ въ Бразиліи. 782
Пороховой взрывъ въ Лондонѣ . . . 814
Правительству требуется 100 коробовъ. 383
Право и права 287
Предостереженіе 494
Прежніе католическіе монархи . . 462
Привозъ свѣжаго мяса изъ отдаленныхъ странъ . . . . . 1[illegible]
Проектированный мостъ черезъ Ламаншъ. . . . . 1[illegible]
Противоядіе фосфору 766
Пуля въ головѣ. . . . . 7[illegible]
Путешественница изъ Индіи 30
Различные цвѣта траура. 287
Раскопки въ Колизеѣ 783
Садовница. Картина Мурильо . . . 60
Самыя прочныя красныя чернила. . 782
Скорость желѣзныхъ дорогъ въ Америкѣ. 431
Слѣдующая всемірная выставка въ Филадельфіи 15
Слѣпой скрипачъ 44
Собраніе китайскихъ стихотвореній. 433
Сожиганіе труповъ 495
Списокъ потерь нѣмецкой арміи . . 94
Спички спасшія крестьянина отъ волковъ. 543
Средство животныхъ передавать свои мысли 783
Средство противъ чумы 812
Сто лѣтъ тому назадъ. 14
Страхованіе красоты 494
Счастливые подписчики 463
Съ которыхъ поръ происходятъ искуственные зубы . . . . . —
Тайная тюрьма 143
Уваженіе къ памяти основателя С. Американс. республики 559
Французскія потери оружіемъ въ послѣднюю войну 814
Фридрихъ Вильгельмъ и іезуиты . . 283
Характеристичная черта китайскихъ нравовъ 223
Цыганка 143
Чайные эксперты 479
Черепъ Наполеона III и френологія. 94
Число бивоновъ. 559
Что такое иллюзія 287
Юитъ, г-жа Елиза Веббъ 15
Японскіе дома 494

XXI) Рисунки.

Алеуты 381
Альфредъ, герцогъ Эдинбургскій . . 5
Американскій проэктъ уличнаго желѣзнаго пути. . . . . 452 – 3
Андалузское rendez-vous 277
Арль въ южной Франціи и его дѣвушки 765
Архангельскъ, общій видъ 293
Астрахань 41
Баденъ-Баденъ 433
Баку. 141
Бергъ, графъ Ѳ. О., генералъ-фельдмаршалъ (бюстъ). 45
Биржа въ Одессѣ. 649

Библиотека "Руниверс"

стр.

Битва кн. Пожарскаго съ гет. Хоткевичемъ подъ Москвой 181
Богоявленскій монаст. въ Костромѣ. 189
Бой Александра Невскаго со шведами Биргера. 117
Боргеттскій мостъ близь Валеджіо . 748
Борьба съ пьянствомъ. 217
Братья-разбойники 797
Бретъ Гартъ 225
Бѣломорское село. 721
Бѣлорусы. 713
Бѣсы. 741
Версаль . . — 369
Весна въ деревнѣ 325
Взятіе русскими Ландскроны. . . . 301
Висячій мостъ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ 253
Висячій мостъ черезъ одно изъ ущелій въ Перу 327
Владиміръ Александровичъ, Великій Князь 532
Возвращеніе Арсенія 645
Ворота и городская стѣна въ Пекинѣ. 653
Восходъ солнца въ степи 629
Восхожденіе на Монбланъ 385
Воспоминаніе о Каирѣ 661
Встрѣча съ медвѣдями въ лѣсу. . . 133
Входъ въ Дельту Аму-Дарьи. . . . 693
Выборгъ 497
Вятка 785
Гвидо Рени и Беатриче Ченчи, . . 637
Гейзеръ въ Исландіи 89
Гершель, Джонъ 57
Гинскеумъ 709
Глинка, М. И. 753
Горностай 161
Горячее сердце. 612
» » съ лукомъ 613
Грифы какъ могильщики въ природѣ. 429
Двѣ картины Жерара Дова 409
Дервиши на молитвѣ 349
Диксонъ Гепвортъ 113
Добро пожаловать! 461
Добываніе соли въ Величкѣ 396
Дріада (лѣсная нимфа) . . . . . 420—1
Дѣвушка изъ окрестностей Архангельска 289
Дядя Власъ 245
Евгеній Виртембергскій, герцогъ . . 473
Египетскія пирамиды 609
Ехидна съ добычей 125
Еще нѣсколько секундъ 597
Жаворонокъ 809
Жегулевскія горы 705
Живой телеграфъ 669
Зайцы на поединкѣ 493
Запретная охота 621
Зародышъ угря 124
Зданіе храма Перкуна въ Ковно . . 425
Зимній день въ деревнѣ. Костромскіе ткачи 13
Зимній пейзажъ съ обозомъ 205
Зимняя погодушка. 781
Золотое кадило Архангельскаго собора въ Москвѣ 745
Зыряне. 553
Зырянинъ, отправляющійся за Уралъ. 557
Икона Ѳедоровской Божіей Матери въ Костромѣ 237
Исландки. 513
Исландцы 516
Кабаны. 29
Кавказъ 380
Казанскъ. 565
Казань, кремль. 605
Какъ живой!... 341
Камчадалъ 105
Каразинъ, Н. Н. 561
Карта Индоволжской желѣзн. дороги. 537
Карта мѣстностей, въ которыхъ видно будетъ прохожденіе Венеры . 617
Карта сѣверныхъ полярныхъ странъ. 673
Каульбахъ, Вильгельмъ 241
Керосиновая печь. 689
Кивачъ, водопадъ 61

стр.

Кирилъ, Св. 196
Кобзари 137
Кола. 801
Кольчатый ужъ и травяная лягушка. 665
Комнатный фонтанъ 625
Конокрады 53
Копорье, крѣпость 545
Крестьянскіе дѣти въ ночномъ, Бѣжинъ лугъ 21
Крылатый рыбакъ. 777
Кубокъ Іоанна Грознаго 585
Лапландскій походъ на лыжахъ въ въ 1490 г. 549
Локомотивъ съ отваломъ для отгребанія снѣга. 221
Локомотивъ на желѣзной дорогѣ горы Риги 72
Ломбардская жница 793
Лѣсъ, картина Клевера 541
Лѣто. 509
Льшій 149
Лявля, селеніе близь Архангельска . 321
Маленькіе ночные разбойники . . . 569
Малороссіяне 457
Марія Алексан. Великая княгиня. . 4
Марія Мекленбургъ-Шверинская, Великая Герцогиня. . . . . .
Марія Ѳеодоровна, Государыня Цесарсвна. 229
Мертвое море. 481
Меѳодій, Св. 197
Микель Анджело Буонароттн 173
Могила Тараса Шевченки въ Каневѣ 177
Молодая гречанка съ вѣеромъ . . . 701
Молоденькая торговка голубями. . . 485
Морская царевна 733
Мостъ на желѣзной дорогѣ горы Риги. 73
Наводненіе въ соляныхъ копяхъ Велички. 393
Намолло-чукчи. 25
Нерукотворенный образъ. 213
Нищенствующіе крестьянскіе дѣти. . 469
Новое Вавилонское столпотвореніе въ Филадельфіи. 169
Новое зданіе большой оперы въ Парижѣ. 813
Нѣмецкая слобода въ Архангельскѣ. 333
Оберъ, Д. Ф., композиторъ. 633
Озеро Арысъ въ Туркестанѣ, . . . 357
Озеро Байкалъ съ восточной стороны 413
» — » — съ западной стороны. 412
Озеро среди горъ Пуодзь-Элла . . . 580
Операція переливанія крови 153
Оружіе и доспѣхи нашихъ противниковъ въ средней Азіи 233
Орша въ свѣтлицѣ дочери 644
Осенней порой 729
Островъ на озерѣ Нотоярви 577
Отступленіе русскихъ отъ Выборга. 501
Охота на косулю 121
Охотники за тюленями. 441
Палаты бояръ Романовыхъ въ Москвѣ 817
Первая морская битва Петра I въ устьяхъ Невы. 789
Первый шагъ. Съ картины Бонна. . 405
Песецъ и чернобурая лисица. . . . 81
Петрозаводскъ 269
Пиннісвый лѣсокъ близъ Торре дель Греко. 749
Плугъ въ Заравшанской долинѣ. . . 465
Пляска амуровъ. 505
Послѣдній привѣтъ христ. мученицѣ на аренѣ. 261
Поти-Тифлисская желѣзная дорога.
I Гавань въ Поти. 313
II Между Кутаисомъ и Квирилами. . . . . —
III Станція Поти 305
IV Между Сурамомъ и Квирилами . . . . . 308—9
Потрава . . . . . 372—3
Почтовая станція въ русской Лапландіи. 657

стр.

Почтовая станція Орско-Казалинскаго тракта.
I въ первобытномъ видѣ . . . 565
II въ нынѣшнемъ ея видѣ . . —
Поѣздъ Аму-Дарьинской экспедиціи въ сыпучихъ пескахъ 565
Приключеніе на охотѣ. 201
Проектированное озеро-Море въ Африкѣ. 641
Пролетная птица на устьяхъ Волги. 477
Психея. 525
Псковитянки 249
Развалины Гапсальскаго замка . . . 209
Римлянка се ребенкомъ 389
Родительская любовь. 185
Ростовъ на Дону, пристань 9
Русалка. 101
Русская свадьба. 33
Рыбачья стоянка на озерѣ Сары-Куль 697
Рыбинскъ, пристань. 77
Рысь и дикая кошка. 329
Ряженные на святкахъ въ деревнѣ . 821
Садовница. Картина Мурильо . . . 52
Сайменскій каналъ 257
Самара 109
Самоѣды ловятъ олени 556
Санторинъ, островъ въ Эгейскомъ морѣ. . . . . 436—7
Сарепта 337
Седмиградская поселянка 805
Семейное счастіе 581
Серіозная книга 677
Свой самоваръ 685
Слѣпой скрипачъ 37
Соборъ Архистр. Михаила въ Нижнемъ Новгородѣ 157
Современные композиторы. 9 портрет. 317
Совѣтъ мин. у г-жи де Ментенонъ. 773
Спускъ въ долину Альманагіа . . . 517
Средина жел. дор. на горѣ Риги . . 75
Стадо бизоновъ, преслѣдуемое краснокожими . . . . . 756—7
Станція Веггисъ на жел. горы Риги. 76
Стереоскопъ 24
Сумасшедшій домъ. Картина Каульбаха. . . . . 724—5
Схематическое изображеніе круговорота вещества по тремъ царствамъ природы 449
Схематическое изображеніе прохожденія планеты Венеры. 617
Тарель, ложка, вилка царя Алек. Мих. 145
Татарская арба 348
Татарская семья дома 344
Татарскіе мясники и купцы 364
Татарскія бани. 361
Татары и армяне въ кофейной . . . 365
Татары на выходѣ изъ мечети . . . 345
Тиндалль, Джонъ 489
Торжественный выходъ Московскаго государя въ церковь 69
Трапеза въ Троиц.-Сергіевской лаврѣ. 281
Троицко-Сергіевская лавра . . . . 284—5
Тройка. 589
Успеніе Божіей матери. Картина Мурильо 521
Ученая супруга. 85
Фермановъ аппаратъ для сбереженія лошад. силы 737
Флора (статуя Симони) 681
Флоринда. Купающіяся Нимфы . . . 165
Францъ Іосифъ I Импер. Австрійскій. 93
Фрезе, Карлъ 529
Царевъ бугоръ 769
Церковь, новая русская, въ Дрезденѣ. 761
Церковь Св. Петра и Павла въ Казани. 604
Цыганка 601
Цыганка 129
Что такъ жадно глядишь на дорогу? 573
Шведы Делагарди и ратники Шуйскаго. 717
Эмсъ 417
Эркманъ-Шатріанъ 193
Юдиоь 445
Ягуаръ 265

Дозволено цензурою. 19 декабря 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Заграпа Гатце, Вознес. пр., д. № 58.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ, ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 1 — 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 2 января 1874 года. — Годъ V. — Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ПРИЛОЖЕНЫ «ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» ЗА ЯНВАРЬ СЪ 20 РИСУНКАМИ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1874 Г.

НИВА ВЫХОДИТЪ КАКЪ И ВЪ ПРОШЕДШІЕ 4 ГОДА КАЖДУЮ НЕДѢЛЮ.

Въ 1874 году будутъ приложены разныя **безплатныя преміи**, также какъ и въ 1873, на полученіе которыхъ **имѣетъ право каждый подписчикъ, уплатившій подписную цѣну за весь годъ сполна.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПОСТОЯННО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1874 ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ. **4** р.

II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева. . . **4** р. **50** к.

III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ . **5** р.

IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію . . . . **5** р. **50***) к.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 к. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

На травѣ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

I.

Ильяновскій фольваркъ.

Весенній кампаментъ кончился. Іюнь пришелъ на смѣну мая. Эскадроны изъ полковаго сбора расходятся «на траву». «Трава»—это кавалерійскіе каникулы. Съ «травою» начинается «вальготное» лѣтнее время и людямъ, и конямъ. И тѣ, и другіе въ теченіи шести недѣль, а иногда и цѣлыхъ двухъ мѣсяцевъ, отдыхаютъ отъ фронтовой службы весенняго сбора: не нужно надѣвать на себя никакой сбруи—ни мундиронъ, ни шапокъ, ни амуниціи—знай себѣ одно только дѣло: уборку коня, да черезъ день ступай въ луга косить сѣно. День косьбы и день отдыха, а за косьбу—и лучшій кусокъ мяса, и лишняя чарка водки. Кони въ это время раскованы и овса уже не получаютъ, а ѣдятъ одну свѣжую траву, которая необходима для нихъ въ гигіеническомъ отношеніи, какъ кровочистительное средство,— послѣ чего, съ переходомъ на овесъ, лошадь становится бодрѣе и лучше возьметъ настоящее, прочное тѣло, которое у кавалеристовъ называется «овсянымъ тѣломъ», въ отличіе отъ дутаго и непрочнаго «сѣннаго».

Съ вечера принесли приказъ по полку. Что тамъ такое? — прочитаемъ: «Съ окончаніемъ весенняго полковаго сбора, предписываю съ завтрашняго числа эскадронамъ выступить на травяное довольствіе въ мѣста ихъ расположенія». Прекрасно. Степанъ! «взводный» былъ?

— Заходилъ, ваше благородіе. Сказывалъ, что майоръ приказали въ семь часовъ утра выступать.

— У тебя вещи уложены?

— Все готово-съ. По утречку подвода выѣдетъ... я ужь распорядимшись.

***

Утро свѣтлое, погожее. День будетъ жаркій, но до мѣста дойти успѣемъ еще до солнопёку: придемъ часу въ одиннадцатомъ.

Я вышелъ за городъ, къ мосту, чтобы встрѣтить тамъ

Библиотека "Руниверс"

эскадронъ и идти съ нимъ походомъ. На мосту уже стояла небольшая кучка нашихъ эскадронныхъ юнкеровъ и офицеровъ. Всѣ въ походной формѣ, въ лядункахъ и при пистолетахъ. Одни изъ офицеровъ только проводятъ свои эскадроны, доставятъ себѣ маленькое удовольствіе прогулки верхомъ въ прекрасную погоду и вернутся въ городъ; другіе, командированные полковымъ приказомъ, пойдутъ на траву со своими частями. Я былъ въ числѣ этихъ послѣднихъ. Тутъ же, около этой группы, стояли двое деньщиковъ «съ запасами».

Вотъ на подгородной дорогѣ показались облака пыли, сквозь которую мелькаютъ вороные кони, бѣлые кителя, и острія пикъ сверкаютъ искрами на солнцѣ.— «Наши подходятъ!» Эскадронный командиръ, красиво собравъ горячаго, виднаго коня, короткимъ галопомъ молодцовато подъѣзжаетъ къ нимъ на встрѣчу,—грохотъ отвѣтнаго отклика на его «здорово, люди!» бодрымъ и свѣжимъ звукомъ несется въ утреннемъ воздухѣ. Эскадронъ проходитъ мимо насъ и на минутку останавливается за мостомъ. Рейткнехты подводятъ лошадей офицерамъ и принимаютъ отъ деньщиковъ дорожные «запасы», которые спѣшно и ловко привычною рукою упаковываютъ въ свои кабуры. Вызвали пѣсенниковъ впередъ и тронулись далѣе.

Дорога идетъ длинною аллеей и теряется за пригоркомъ. Старые вязы, тополи, березы и рябины кидаютъ на нее прохладную тѣнь и тихо шелестятъ росистою листвою. Офицеры вольно ѣдутъ-себѣ впереди и нѣсколько всторонѣ отъ эскадрона, стараясь подъ широкими и кудрявыми вѣтвями доставить своимъ конямъ прохладу утренней прозрачной тѣни. Ароматъ сигары порою смѣшивается съ запахомъ русской махорки, который, будучи доносимъ иногда легкимъ вѣтеркомъ, становится какъ-то особенно пріятенъ на воздухѣ.

Прошли двѣнадцать верстъ незамѣтно. На дорогѣ, подъ сѣнью высокихъ, старыхъ деревьевъ, стоитъ одинокая бѣлая корчма, извѣстная подъ именемъ «Мурованки». Взглянуть на нее—видно, что древняя, прочная постройка. Въ ея сыроватыхъ и мрачныхъ стѣнахъ въ 1863 году пировали повстанцы, не помышляя о роковой близости генерала Ганецкаго. Вотъ всторонѣ крестъ, на которомъ хотѣли распять казака, случайно перехваченнаго на дорогѣ; только не удалось: ловкій казакъ какъ-то хитро успѣлъ увернуться и удрать на своемъ скакунѣ отъ крестной смерти. Здѣсь эскадрону сдѣлали привалъ. Людямъ — обычная чарка водки; а офицеры съ юнкерами, расположившись на землѣ подъ деревомъ, распаковываютъ свои «запасы». Походная фляга идетъ въ круговую — и неизмѣнная жареная курица кромсается на части; неизмѣнные пирожки съ капустой, словно изъ рога изобилія, сыплются на траву изъ неловко развернутаго бумажнаго тюрика. Умный эскадронный шарикъ, почуявъ съѣстное, подбѣжалъ дробною побѣжкой, вѣжливо виляя хвостикомъ, и усѣлся тутъ же, умильно поглядывая на закуску и засматривая въ глаза всѣмъ и каждому: неужели, молъ, вы, господа офицеры, шарика позабудете? Въ офицерской кучкѣ и въ солдатскихъ группахъ идетъ какой-то, повидимому безпричинный, но добродушно веселый смѣхъ и говоръ: погода это, что-ли, дѣйствуетъ такимъ образомъ — не знаю, только очевидно, что всѣмъ очень весело

Солнце начинаетъ уже печь—и какъ пріятно теперь на нѣсколько минутъ растянуться-себѣ, заложивъ руки подъ голову, на сыроватой землѣ, подъ деревомъ, которое кидаетъ на тебя свою колеблющуюся, золотисто-зеленоватую тѣнь, а сквозь эту тѣнь такъ ласково пробиваются мелкими, свѣтлыми пятнами—какъ сквозь сѣть—лучи горячаго солнца! Мягко, хорошо, привольно!.. Голубое, глубокое небо сквозитъ изъ-за листьевъ. Взоръ лѣниво и безпечно блуждаетъ вокругъ, переходя отъ вѣтвей и неба къ тѣмъ полямъ, по которымъ волнуются легкими тѣнями еще зеленыя, но уже колосистыя нивы, и сквозь шопотъ листьевъ слышно, какъ дождемъ сыплются надъ этими нивами звуки безчисленныхъ жаворонковъ и какую тревогу бьютъ въ травѣ кузнечики... Подъ эти звуки начинаешь будто забываться немного полудремотой, какъ вдругъ—«Садись!»— и снова на коня, и снова пошелъ походомъ!

* * *

Свернули съ большой дороги влѣво и пошли проселкомъ. Впереди засинѣла гора, покрытая сосновымъ боромъ. Это— Гродненская пуща зачинается. На склонѣ этой горы, среди лѣса, стоитъ Ильяновскій фольваркъ, куда мы теперь направляемся. Дорога идетъ открытыми полями, по которымъ торчатъ высокіе покосившіеся кресты, разбросанные и тамъ, и сямъ во всѣ стороны; кое-гдѣ видны соломенныя кровли убогихъ деревнюшекъ, кое-гдѣ возвышаются группы высокихъ тополей, являющіяся неизмѣнною принадлежностью панскихъ фольварковъ.

Солнце печетъ. За эскадрономъ стоитъ облако пыли, поднятое конскими копытами. Жара, очевидно, умаяла людей, и они пріумолкли; а въ этой тишинѣ, сквозь мѣрный и однообразный конскій топотъ, еще слышнѣе и отчетистѣе сыплются съ неба серебристыя трели жаворонковъ, а подъ ногами кузнечики поднимаютъ такой оживленный концертъ, что кажется, будто это сама трава стрекочетъ.

Но за то, послѣ жаркой и пыльной духоты, какъ освѣжительно какъ-будто обвѣяла васъ вдругъ сыроватая прохлада густаго лѣса! Запотѣлые и запыленные кони подбодрились и зафыркали, чуть только вступили подъ широкую тѣнь; между людьми тоже легкій говорокъ пошелъ—и примолкшіе-было пѣсенники дружно подхватили вдругъ веселую пѣсню, которая среди частаго лѣса раздается какъ-то громче, ярче, полнѣе.

Что за веселый этотъ лѣсъ Ильяновскій! Характеромъ своей растительности онъ нѣсколько напоминаетъ Бѣловѣжскую пущу, хотя конечно въ миніатюрѣ и гораздо бѣднѣе. Огромный, широкій и раскидистый орѣшникъ густо заслоняетъ нашу дорогу съ обѣихъ боковъ ея, а надъ нимъ вѣковые дубы простираютъ крѣпкія вѣтви и старые грабы раскидисто сплетаютъ, въ видѣ навѣса, свою ярко-зеленую, изящную и веселую зелень. Прелесть, какъ хороша эта короткая лѣсная дорога!

И вдругъ повѣяло на васъ чуднымъ ароматомъ розы и жасмина.—Что это за запахъ? откуда онъ несется? Мы съ двумя товарищами свернули съ дороги всторону; продираясь между хлесткими зелеными вѣтвями, углубились въ лѣсную чащу, которая, то и дѣло, прерывается небольшими полянками и лужайками, каждая въ нѣсколько саженей въ окружности,—и вдругъ открываемъ въ этой чащѣ одичалые кусты бѣлыхъ розъ, усѣянные пышными цвѣтами, и купы одичалаго садоваго жасмина, на которыхъ какъ звѣздочки, сверкаютъ бѣлоснѣжные гвозди цвѣтовъ. Откуда вдругъ такая роскошь среди этой глуши? Мы съ коня нарвали нѣсколько пышныхъ пучковъ розъ и жасминовъ, съ которыхъ скатывались еще рѣдкія капли росы и привезли ихъ къ эскадрону. Товарищи наши были пріятно изумлены этимъ неожиданнымъ сюрпризомъ.—«Гдѣ, что и какъ—и откуда взялись такіе пышные букеты?» посыпались на насъ распросы. Эскадронный командиръ, который уже не первое лѣто стаивалъ въ этихъ мѣстахъ «на травѣ», разрѣшилъ наше недоумѣніе: здѣсь нѣкогда былъ обширный паркъ знаменитаго польскаго графа Валицкаго; этотъ прекрасный паркъ давно уже заброшенъ, забытъ, заглохъ и превратился въ одичалый лѣсъ, гдѣ мѣстами сохранились еще и до нашихъ дней одичалые кусты жасмина, розъ и сирени. Если нѣкогда воздѣланный паркъ былъ великолѣпенъ, судя по разсказамъ,—то нынѣ этотъ лѣсъ съ такою роскошью цвѣтовъ, по моему мнѣнію, сталъ еще лучше, еще

Библиотека "Руниверс"

прекраснѣе, послѣ того, какъ время наложило на него свою руку и щедро впустило въ него столь поэтическую одичалость.

Но вотъ, лѣсъ кончился. Поднимаемся на плавноволнистую возвышенность, и вдругъ—передъ нами открывается зеркальная поверхность широкаго, большаго озера, которое сверкаетъ своимъ серебромъ между кудрявыми купами деревьевъ. Далеко, вправо, видны надъ озеромъ черепичныя и соломенныя кровли, башенки костела, куполъ и колокольня церкви; это мѣстечко Езёры, принадлежавшее нѣкогда тому же графу Валицкому,—а ближе, налѣво, возвышается гора, покрытая высокимъ, синимъ боромъ. Это уже Гродненская пуща. Березы, клены, вязы, ольха и осина спускаются къ самому берегу озера, гдѣ, между зеленью, видны кое-какія постройки, сараи, домикъ, около котораго вьется бѣлый дымокъ изъ-подъ вѣтвистаго навѣса, подъ которымъ устроена эскадронная кухня, а выше, на пригоркѣ стоитъ съ распростертыми крыльями вѣтряная мельница. Мы опять вступаемъ подъ сѣнь деревьевъ и поднимаемся въ гору. Здѣсь встрѣчаютъ насъ квартирьеры, отъ которыхъ отдѣляется унтеръ-офицеръ и офиціальнымъ шагомъ подходитъ рапортовать эскадронному командиру. Шарикъ узналъ *своихъ*, узналъ знакомыя мѣста—и потому, задравъ кверху свой крендель, бойко пускается въ припрыжку впередъ, оглашая воздухъ веселымъ и звонкимъ лаемъ.

***

Неподалеку отъ озера, въ лѣсу, на полугорѣ, подъ сѣнью высокихъ сосенъ Гродненской пущи, притаился одинокій Ильяновскій фольваркъ. Въ этомъ лѣсномъ убѣжищѣ нашъ эскадронъ проводитъ время своей «травы». Взводы тотчасъ же разбились по фольварковымъ сараямъ, которые безъ всякаго порядка разбросаны и тамъ, и сямъ между лѣсомъ, но недалеко одинъ отъ другаго. Люди устроили стойла и тутъ же по сараямъ приладили свои собственныя постели.

— Таперича, мы, значитъ, на дачѣ! осклабясь широкою улыбкой, съ видимымъ удовольствіемъ говоритъ Каковинъ, эскадронный запѣвало, распустивъ свою амуницію и разстегивая китель. — Прикрасная трава будетъ, братцы!

— А ты почемъ знаешь? откликается ему «взводный».

— Потому и знаю, что день очень прикрасный: ишь, какая теплынь! и свѣту сколько! Ужь это у меня первая примѣта такая,—какъ выходить на траву, коли день погожій—и вся трава веселая будетъ.

— Твоими бы устами да медъ пить!

— Ну, медъ не медъ, а водочки, дастъ Богъ, своими устами хватимъ!

Входитъ въ сарай эскадронный вахмистръ—освѣдомиться, хорошо ли въ каждомъ взводѣ устроились люди и лошади.

— Андрею Васильевичу!.. Съ травою честь имѣемъ проздравить! летятъ ему навстрѣчу привѣтливые голоса веселыхъ солдатъ.

***

Офицеры вмѣстѣ съ «майоромъ», т. е. эскадроннымъ командиромъ, располагаются по комнатамъ панскаго дома, являющагося лучшимъ образцомъ тѣхъ помѣщичьихъ обиталищъ, которыя въ Литвѣ и въ Польшѣ извѣстны подъ характернымъ именемъ соломенныхъ дворцовъ. Это былъ «*правдзивы палацъ солмяны*. Низенькій деревянный, одноэтажный, съ небольшими окривѣлыми окнами, рамы которыхъ качаются на плохихъ желѣзныхъ петляхъ, съ бревенчатыми балками поперекъ потолка, съ бѣлеными стѣнами и разщелистымъ поломъ, крытый соломенною кровлей,—домъ этотъ служилъ нѣкогда убѣжищемъ одному изъ самыхъ яркихъ и характерныхъ представителей «старожитной Литвы» конца прошлаго столѣтія.

Теперь онъ пустъ и оживляется на нѣсколько недѣль только лѣтомъ, когда займутъ его подъ постой наши офицеры. Въ соломенной кровлѣ, поросшей темнозеленымъ бархатнымъ мхомъ, гнѣздится множество воробьевъ; вдоль бѣленыхъ стѣнъ, между переплетовъ, растутъ абрикосы; рѣшетчатыя крылечки густо увиты зеленью хмѣля и дикаго винограда; по этимъ стѣнамъ и по вьющейся зелени въ солнечный полдень бѣгаютъ шустрыя ящерки, а подъ половицами гнѣздятся ужи, которыя иногда сквозь широкія щели заползаютъ и въ комнаты. Сначала такое сосѣдство казалось не особенно пріятнымъ, но вскорѣ мы совсѣмъ привыкли къ этимъ безвреднымъ змѣямъ. Разсказываютъ, что однажды одинъ изъ юнкеровъ сдѣлалъ даже очень удачный опытъ дрессировки и прирученія этого пресмыкающагося, которое довольно долгое время жило съ нимъ вмѣстѣ въ его квартирѣ.

— Къ чему вы держите у себя такую гадину? спросили его какъ-то.

— Отличное средство противу кредиторовъ! отвѣчалъ юнкеръ.—Сами вы знаете, господа, пояснилъ онъ:—что въ мірѣ нѣтъ ничего несноснѣе лавочницы или факторши-еврейки, которой вы имѣли несчастіе задолжать нѣсколько рублей за табакъ или за сахаръ. Ходитъ она, ходитъ, и можете быть увѣрены, что каждое утро непремѣнно застанете ее у себя въ прихожей, какъ неизбѣжное memento mori. «Не ходи ты ко мнѣ, мадамъ! говоришь ей:—нѣтъ теперь ни копѣйки! Подожди; вѣдь сама ты лучше меня еще знаешь, что къ такому-то числу мнѣ всегда присылаютъ изъ дому деньги—ну, и подожди недѣлю!» Еврея — того всегда можно урезонить, но еврейка ничего этого не хочетъ понимать: ей просто наслажденіе какое-то доставляетъ придти къ вамъ каждое утро; надоѣдая своей особой, смотрѣть, что вы дѣлаете, сколько стакановъ чаю выпьете, какую сорочку надѣваете; слушать, что вы говорите; видѣть, кто и зачѣмъ къ вамъ приходитъ,—и въ то же время назойливо повторять вамъ со вздохами: «а кёдыжь я зъ васъ мои деньги получи? Я такая сплябая на здоровье, а ви гхочете, какъ я увешё до васъ сходила!» Вы согласитесь, что это наконецъ можетъ надоѣсть до смерти. Вотъ тутъ-то я у себя и завелъ радикальное средство. Какъ появится эдакая надоѣдальщица и начнетъ приставать, не слушая никакихъ резоновъ, я ей сейчасъ и говорю: «такъ вы, мадамъ, непремѣнно желаете получить сію же минуту?»—«Дайте сшто мозжете!»—«Ну, извольте! все, что могу и все что имѣю—отдамъ съ удовольствіе! Держите пригоршни!» Та и рада; подставитъ обѣ руки и ждетъ, а тутъ ей изъ кармана и вынешь передъ самымъ носомъ живаго ужа:—«Извольте, мадамъ! получайте!.. все, что имѣю!» Ужъ, конечно, изовьется, раскроетъ челюсти, засипитъ, а мадамъ какъ заоретъ благимъ матомъ да давай Богъ ноги!—«Хай имъ чортъ!» говоритъ: «позаводили у сшибе въ квартэру зжмѣювъ и увешякаго трэфу, больше и гходить до нихъ не мозжно!»—Только этимъ и избавился. Потомъ, какъ прислали деньги, встрѣчаю мою мадамъ на улицѣ: «получите, говорю, мой долгъ за сахаръ» и даю ей деньги. Куда тебѣ! мадамъ и слушать ничего не хочетъ: «нiѣтъ, нiѣтъ! ви мине зжмѣювъ, а не деньговъ будете давать!» насилу разубѣдилъ, да и то только при помощи соблазнительнаго вида синенькихъ ассигнацій. Съ тѣхъ поръ вообще, когда приходятъ ко мнѣ кредиторы «изъ насшихъ», то напередъ освѣдомляются у человѣка: «а сшто, чи зжмѣи васши дома?»—Дома, говоритъ, дома!—«Ну то до сшвиданья вамъ!—сказжитъ, сшто мы засхóдили!»—а сами ужь и не дерзаютъ переступить порогъ моей комнаты.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Марія Александровна.

Съ фотографіи рис. Тагацци, грав. К. Вейерманъ.

Принцъ Альфредъ Великобританскій и Великая Княжна Марія Александровна.

Представляя нашимъ читателямъ портреты Высоконарѣченной четы, пользуемся случаемъ напомнить, что союзъ этотъ былъ встрѣченъ какъ въ Россіи, такъ и въ Англіи одинаково сочувственно. Принцъ Альфредъ-Эрнестъ-Альбертъ, герцогъ Эдинбургскій, герцогъ Саксонскій, графъ Ульстерскій, графъ Кентскій и наслѣдный герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій, сынъ нынѣ царствующей королевы Викторіи и покойнаго супруга ея, Альберта Августа принца Саксенъ-Кобургъ-Готскаго, родился 6-го августа 1844 г. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ принцъ показывалъ особенную склонность къ морскому дѣлу и въ 1857 г. поступилъ на дѣйствительную службу на винтовой фрегатъ „Эрхоамъ", а впослѣдствіи командовалъ винтовымъ же фрегатомъ „Галатея", на которомъ совершилъ кругосвѣтное плаваніе, причемъ вполнѣ заслуженно пріобрѣлъ славу истиннаго моряка. Кромѣ того принцъ Альфредъ наслѣдовалъ отъ покойнаго отца артистическое дарованіе.

Прошлою весною принцъ гостилъ у Государыни Императрицы въ Сорренто, гдѣ Ея Величество имѣла пребываніе вмѣстѣ съ Великой Княжной, и затѣмъ минувшимъ лѣтомъ получилъ согласіе Ея Высочества. Герцогъ Эдинбургскій назначенъ шефомъ 2-го Черноморскаго флотскаго экипажа.

Великая Княжна Марія Александровна родилась въ 1853 г. 5-го октября.

Англійскія газеты единогласно утверждаютъ, что предстоящій бракъ чуждъ всякихъ политическихъ соображеній, а заключается единственно по склонности Высоконарѣченной четы.

Библиотека "Руниверс"

Его Королевское Высочество принцъ Альфредъ, герцогъ Эдинбургскій.

Съ фотографіи рис. Тагацци, грав. К. Вейерманъ

У ПЛЕСА.

(КАРТИНКА).

В. И. Немировича-Данченки.

Что это была за прелестная рѣка!

Съ самаго утра мы плыли между двумя крутыми откосами, покрытыми сплошь зеленою лѣсною чащей. Изъ-за береговъ синѣли вершины далекихъ горъ, словно причудливые купола плавая въ безпредѣльномъ просторѣ яснаго неба. Рѣка змѣилась извилинами, огибая крутые выступы, раздѣляясь на узенькія рукава вокругъ безлюдныхъ островов, то ложившихся пестрѣющими лугами, то касавшихся купами деревъ, выросшихъ прямо изъ воды. Въ двухъ или трехъ мѣстахъ теченіе ея перерывалось порогами, черныя зубья которыхъ торчали направо и налѣво; волны между ними бились, пѣнились и грохотали какъ подъ колесомъ мельницы, но спустя пять минутъ передъ нами снова уже блистало покойное зеркало неподвижной влаги, съ далеко серебрившимся слѣдомъ нашего челнока.

Наконецъ уже около полудня—зеленыя чащи берега раздвинулись—и скоро мы плыли посреди круглаго плеса, обставленнаго золотисто - изумрудными террасами лѣсовъ, пашенъ, луговъ и рощъ. Глазъ въ одну минуту охватывалъ всю эту роскошную картину, съ сожалѣніемъ отрываясь отъ ея прелестныхъ деталей, вѣявшихъ идиллическими воспоминаніями далекаго дѣтства, солнечнымъ свѣтомъ и весеннимъ тепломъ пережитаго былаго.

Мой гребецъ, умыло мурлыкавшій что-то про себя, когда мы плыли узкими рукавами Суймы, теперь точно ожилъ — посреди плесоваго простора. Разомъ вспых-

Библиотека "Руниверс"

нула и разгорѣлась широкая безконечная пѣсня съ гулкими перекатами. Словно орлица залетала она все выше и выше, купаясь въ тепломъ сіяніи дня, вздрагивая каждымъ перышкомъ своего крыла надъ этою зеркальною влагой. Каждый звукъ ея точно любовался самимъ собою, каждая нотка долго дрожала въ воздухѣ, точно пѣвшая ее грудь не хотѣла разстаться съ нею. И самъ гребецъ въ это время какъ-то жмурился, захватывая побольше воздуху; весла двигались все медленнѣе, все глубже разсѣкали воду и вдругъ замерли надъ бортами челнока, когда пѣсня разсыпалась на тысячи яркихъ брызгъ и перешла затѣмъ въ тихіе звуки свѣтлой грусти, низко-низко стлавшіяся, словно туманный утренничекъ, по спокойному простору этого плеса... Только порою звонкая удаль прорывалась въ этотъ тихій мотивъ, точно ласточка быстро надъ самою водою вьющаяся передъ крупными каплями золотаго лѣтняго дождя, готоваго пролиться изъ-за этой нежданно набѣжавшей сѣрой тучки, затуманившей ясный денекъ... Но вотъ весла опять опустились въ воду, высоко поднялись и тысячами огней засверкали брызги рѣки—и пѣсня разомъ оборвалась на полутонѣ, словно недоконченная... Ее оканчивало сердце — и долго еще, казалось, замирали и снова вспыхивали и гасли кругомъ роскошные родные звуки. Такъ поютъ только тѣ, кто живетъ у небольшихъ рѣкъ и озеръ. Смѣлые бойцы океана и моря поютъ слишкомъ громко, точно хотятъ перекричать его волны, его могучую бурю. Въ звукахъ ихъ пѣсенъ слышится что-то грубо-величавое, порою хриплое, точно шумъ вѣтра въ снастяхъ и парусахъ цѣлой шкуны затерявшейся посреди безбрежнаго простора. Эти пѣсни хороши вдали; за то пріозерная, прирѣчная пѣсня такъ и просится въ душу, такъ и ластится, такъ и нѣжитъ ухо...

Солнце уже высоко стояло въ небѣ, обливая знойнымъ свѣтомъ весь просторъ неподвижнаго плеса, да ласточки разсѣкали воздухъ вдоль берега. Мошки жужжали надъ самою водою. Изрѣдка на садившееся насѣкомое кидалась изъ воды кумжа—и черная голова ея ярко отдѣлялась на мгновеніе отъ голубаго зеркала покойной влаги. Сиги прыгали изъ воды, гоняясь за мелкою сельцей. Ширикіе листы и алые кушинчики водяныхъ цвѣтовъ усѣяли небольшія заводья плеса; вода была до того прозрачна, что на глубинѣ пяти саженъ я различалъ и широкую уродливую камбалу распластавшуюся на желтомъ днѣ рѣки, и быстраго зоркаго харіуса, словно стрѣла прорѣзавшаго влагу, и сѣрый камень, обросшій розовымъ подводнымъ мохомъ, и змѣевидныя зеленыя листья рѣчной витушки.

— Красота—ваше мѣсто!

— А въ лѣсахъ у насъ бывалъ ты, живой человѣкъ?

— Нѣтъ, не бывалъ.

— То-то! узналъ бы красоту! Есть тамъ такая птица, есть! Она малая. Комаромъ прозывается. Съ ей узнаешь украсу... Хуже смерти она! Какъ почнетъ тебя жарить — не отдышешься... Супротивъ ее и страданій никакихъ нѣтъ. Самая по-одлая!.. Жилъ у насъ одинъ святой человѣкъ, ужъ онъ и заклялъ ее — а ей все водъ... Не заговоришь ее! Она этого заговору не боится...

Скоро лодка повернула направо. Тутъ плесъ образовалъ нѣчто въ родѣ залива. Прямо у берега шла березовая роща. Солнце золотымъ блескомъ обхватывало нѣжную зелень молодыхъ порослей. Косые лучи его ложились яркими пятнами на узкую тропинку, по которой мы шли въ лѣсное село «Суймица».

— Слышишь звонъ!.. Это наши коровы бубенцами позвякиваютъ... Все лѣто они по лугамъ бродятъ— иная и на ночь домой не идетъ... Кругомъ вода здѣсь— не заблудиться. Корова — звѣрь смирный, ласковый звѣрь. Обхожденіе очень хорошо понимаетъ: другая всякій разговоръ чувствовать можетъ. Ей это дано что лошади.

— Гдѣ мы остановимся сегодня?

— А тутъ есть мѣстовъ, сколько хошь есть!.. У насъ, я тебѣ скажу, мѣстовъ много и во всякомъ мѣстѣ странпему человѣку ради. Потому странній человѣкъ — божій человѣкъ. Одначе и за страннимъ человѣкомъ гляди въ оба. Всякіе есть. Одновъ странникъ у меня телушку увелъ. «Для Бога» говоритъ. Ну, я ему одначе такъ не отпустилъ. Мы ему съонча треуховъ надавали... Плакалси!.. А странницы тутъ ходятъ — тѣ безобидныя. Не тронутъ ничего. Только ежель насчетъ водочки гдѣ — ну слабы, любятъ это... Очень эту водку обожаютъ.

Скоро березки стали рѣже. Сквозь широкую просѣку блеснуло небольшое село, съ новою кокетливою церковью и старою часовней, прятавшейся въ темную чащу высокихъ елей — послѣднихъ отъ нѣкогда стоявшаго тутъ дремучаго лѣса. Избы жались одна на другую; справа и слѣва стѣсняли небольшую площадку села глубокіе не то овраги, не то пропалы. Въ одномъ бился и злобно шумѣлъ, въ безсильной ярости ворочая сѣрые камни, быстрый потокъ—Гремяка. Тутъ росли ивы, низко наклоняясь надъ пѣнными струями.

— Молись Богу, живой человѣкъ,—пришли!

Вотъ направо и налѣво потянулись убогія избенки въ перемежку съ большими домами деревенскихъ міроѣдовъ. Собаки лѣниво лежали въ ямкахъ, выкопанныхъ ими передъ домами. Онѣ только пошевеливали хвостами да жмурились, завидѣвъ страннаго человѣка. Одна какая-то взъерошенная и маленькая кинулась-было мнѣ подъ ноги съ громкимъ лаемъ, да и та разомъ словно чего-то сконфузилась — поджала хвостъ и замолчала, быстро забѣжавъ подъ высокія тесовыя ворота ближайшей избы. Ребятенки, игравшіе на улицѣ, уставились на меня глазами, меланхолически пожевывая рукава длинныхъ рубахъ, точно телята случайно найденную въ травѣ тряпку. Особенно одинъ бѣлобрысый большеголовый мальченка съ выпяченнымъ животомъ и голыми кривыми ногами,—тотъ просто замеръ увидѣвъ прохожаго, рѣдкаго въ глуши этого села.

— Чего глядишь, Ванютка? спросилъ его мой провожатый.

Тотъ перевелъ глаза на него и съ тѣмъ же изумленіемъ уставился на меня опять.

— Къ спойной маткѣ на постой станемъ, объяснилъ мнѣ онъ.—Любопытная баба! Супругъ, будемъ такъ говорить, у ей—въ рястантахъ ниоче. Видалъ я его, въ сѣрой куцой сибиркѣ ходитъ, а рукава черныя... Только строкъ ему значитъ пышелъ—у насъ начальство и опрашывало народъ: желаемъ ли его принять. Мы въ одинъ голосъ — не беремъ. Потому человѣкъ сумнительный. И допрежъ ворпщей былъ, а таперача опосля рястанства и за горло возьметъ. Всю науку тамъ должно произошелъ...

— Почему же ты говоришь, что жена у него любопытная?

— Какъ не любопытная! потому она баба смирная, тихая, работница. Честная баба, что говоритъ. И мы всей душей къ ней; всякую ей помочь. Ну а супруга ейнаго — нѣтъ, не возьмемъ. И вотъ, братецъ мой, задача! Мужъ, будемъ прямо говорить, билъ ее на убійство! До зеленаго змія билъ. Тиранилъ! Другая бы радешенька, что съ такимъ звѣремъ разстаться приходится, а она съ утра до ночи воетъ. За нимъ идти собирается. Въ городъ за тысячу верстовъ два раза къ нему хаживала. Но только на послѣдокъ, баютъ у насъ, онъ ее знатно выбранилъ. Извѣстно: рястантъ и языкъ у него рястанскій. А баба — золото. И живетъ она зажиточно. Она какъ за него выходила—богатая была. Все ея—и домъ, и земля, и промыселъ. А ёнъ

Библиотека "Руниверс"

и тогды разбойный человѣкъ былъ. Какъ они слюбились—Господь одинъ вѣдаетъ. Вотъ и изба ихняя.

Домъ когда-то былъ повидимому строенъ на широкую ногу. Теперь все пришло въ упадокъ. Рамы съ выбитыми стеклами, одни ставни сорвались и висятъ на послѣдней петлѣ, другихъ и вовсе нѣтъ; загородка обвалилась, стѣны насквозь прозеленѣли, продырявились.

— Ты не гли отсюда. Внутри жилье первый сортъ. Потому она въ чистотѣ держитъ. Очень эту чистоту любитъ. О прошлую зиму таракана морила. Есть у насъ этотъ звѣрь...

Въ сѣняхъ насъ встрѣтила еще молодая женщина, болѣзненная съ виду, но симпатичная и красивая. Голубые глаза ея смотрѣли на насъ съ выраженіемъ робкой тоски, отъ всего лица вѣяло невеселымъ чувствомъ какой-то затаенной внутренней скорби. Тонкія темныя брови и небольшой, но пріятный лобъ выкупали нѣсколько-толстый носъ ея и блѣдныя губы. Она была одѣта чисто. Въ комнатахъ тоже все оказалось прибрано. Грязи, пыли и сажи—нигдѣ. У образа съ серебряными вѣнцами висѣли чистые утиральники. Столъ былъ покрытъ безукоризненно бѣлою, хотя и толстою скатертью. Въ переднемъ углу сидѣла старуха — мать ея, еще здоровая, сѣдая женщина, зорко оглядѣвшая насъ прежде перваго привѣтствія.

— Не требовается ли чего, батюшко? обратилась она ко мнѣ.—У насъ есть молочко, пожалуй и рыбина найдется.

— Спасибо, мнѣ бы отдохнуть хотѣлось. Я цѣлую ночь не спалъ.

— А вотъ рядомъ есть у насъ горенка. Ложись поди, живой человѣкъ.

Я попросилъ сѣна—и скоро рядомъ въ небольшомъ чуланчикѣ нанесли мнѣ его съ гору. Пока молодая хозяйка устраивала мнѣ такимъ образомъ постель—я заглядѣлся въ окно. Оно выходило въ поле, на самомъ краю котораго зеленѣли высокія березы. У ихъ подножій на сочномъ тѣнистомъ лугу расположилось стадо пестрыхъ овецъ, едва замѣтныхъ на этомъ разстояніи. Далѣе серебристо-голубою нитью вилась узенькая рѣченка, на самомъ горизонтѣ разливавшаяся въ ярко блестящій щитъ такого же плеса, въ какомъ мы плыли недавно. По обѣ стороны его смутно синѣла подъ туманною дымкою отдаленія лѣсная полоса, а еще далѣе изрѣдка мелькали вершины какихъ-то горъ, тонувшихъ въ яркомъ свѣтѣ этого теплаго дня...

— Иди, божья душа, отдохни!.. пригласила меня старуха. А какъ встанешь—поди и самоварчикъ потребовается тебѣ?..

Я не успѣлъ опуститься въ свѣжее сѣно, какъ глаза мои невольно сомкнулись и, заснувъ какъ убитый, я проспалъ до вечера. Когда я проснулся, прямо въ глаза мнѣ свѣтила алая заря, догорая послѣдними своими лучами на безоблачномъ небѣ. Изъ окна моего чуланчика видны были вершины далекаго лѣса, охваченныя розовымъ блескомъ, да тонкое длинное облачко—пурпурно-золотистое, подернутое кверху сѣроватымъ пепломъ, словно остывающая полоса желѣза. По улицамъ села слышались пѣсни; рядомъ назойливо просился въ уши какой-то оживленный говоръ. Я потянулся. Вставать вовсе не хотѣлось. Оказалось, что долетавшіе до меня голоса принадлежатъ хозяйкѣ и ея дочери. Я невольно сталъ свидѣтелемъ чудной сцены любви и примиренія, никакъ неожиданной мною посреди этого крестьянскаго захолустья.

Голосъ матери, сухой и старческій, звучалъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ, а порою поднимался до крикливыхъ нотъ, сопровождавшихся удушливымъ и долгимъ кашлемъ. Слова ея молодой дочери едва-едва доносились до меня сквозь деревянную перегородку. Въ нихъ слышались: давно-наболѣвшее горе, сердечныя слезы, что-то робкое, молящее. Они медленно звучали, то прерываясь плачемъ, то смолкая и снова вспыхивая. Если бы я не различалъ словъ—все-таки бы понялъ, что дѣло идетъ о миломъ и дорогомъ человѣкѣ, о счастьѣ цѣлой жизни. Самый мотивъ ихъ говорилъ сердцу, прокрадывался въ него, неотразимо охватывая чувство... Ее нельзя было не слушать, а слушая невольно самъ отдавался безконечной тоскѣ, сознавая свое безсиліе помочь ей... И разомъ померкла въ моихъ глазахъ эта алая заря, и это сѣровато-золотистое облачко ушло куда-то далеко-далеко. Блѣдное лицо, видѣнное мною утромъ, мелькало передо мною—и его грустное выраженіе чѣмъ-то роднымъ вѣяло на меня. Право, хотѣлось самому плакать и мучиться съ нею.

— Али ты совсѣмъ съ разума сбилась? Обошелъ онъ тебя чѣмъ нибудь должно!.. слышался старческій голосъ.—Эдакаго тиранства нигдѣ еще и видано не было. Слыхала-ли ты отъ него слово привѣтное какое? Только у него для тебя и было что брань одна гольная.. Правду я говорю тебѣ али нѣтъ?

— Мамушка, да ты...

— Стой! твое дѣло потомъ говорить будетъ... Ты помолчи пока. Попомни-ко, какъ онъ опозорилъ насъ! Слава Господу Богу, во всемъ роду нашемъ воровъ не было. Почетной народъ, трудящій. Отецъ твой работникомъ слылъ, дѣдъ—еще и того болѣ. Никакого грѣха на ихъ памяти нѣтъ. А онъ-то, твой-то идолъ, кого онъ на селѣ не обидѣлъ? Только и вздохнули немного, какъ увели его въ острогъ. Подумай-ко ся, носилъ-ли онъ въ домъ что? все изъ дому, на полюбовницъ да на такихъ же товарищей какъ самъ... Погляди, когда ты эту чистоту въ домѣ завела, при немъ что было?—Содомъ, скверна. Дѣтки почитай голыми бѣгали, все впроголодь жили. Вишь я семой десятокъ живу, старая, сѣдая—а онъ и моей ветхости да болѣзни не пожалѣлъ. Помнишь, какъ вечоръ разсказывала тебѣ? Сколь онъ меня старуху опривѣтилъ оглоблей!.. Правду я тебѣ говорю? скажешь, вру все?..

— Да ты, родная...

— Нѣтъ, ты погоди... ты помолчи. Довольно наслушалась я, навидалась твоего горя, не въ моготу болѣ. Опротивѣло уже. Ты послушай!.. Рази ты позабыла, какъ онъ тиранилъ тебя, когда ты на послѣдяхъ ходила? Завтра ребенку родиться, а сегодня онъ тебя полѣномъ билъ,—забыла? Забыла, какъ по чужимъ людямъ прятаться бѣгала, хоронили отъ него, звѣря лютаго?.. Ты, аль нѣтъ, слезами обливалась да жизь свою мученическую кляла? На эвтомъ самомъ мѣстѣ не ты руки на себя наложить хотѣла? Не ты собиралась въ скиты убѣчь отъ него, варвара?.. Что же ты молчишь? тебѣ говорю... А теперь опять за нимъ, да еще куда—въ Сибирь. Пойми ты, что онъ тамъ тебя совсѣмъ пришибетъ. Всякое зло свое на тебѣ срывать станетъ. Здѣсь ты покою не знала—а тамъ и того пуще. Станешь плакаться, да не поможетъ... Не отмолишься отъ него, отъ злодѣя. А дѣтки малыя, ты о нихъ—о дѣткахъ подумай! Вѣдь они — несмышленочки! Тутъ они возрастутъ тебѣ на утѣху, работничками будутъ, кормильцами. А тамъ что? Ворицами, большедорожными кровопивцами...

— Родная моя, мамушка!.. не говори ты мнѣ... Все я знаю это... да только не могу я любви его позабыть... ласки... помню, какъ я въ дѣвкахъ была... Не надышится бывало. Тебя съ нами не было, какъ мы у воротъ ночки коротали, милуясь... Не видала его ты тогда, когда онъ прямо въ глаза мои глядѣлъ, сохнулъ отъ меня. Не слыхала его ты, какъ онъ мнѣ про тоску свою великую сказывалъ... Бывало заря засвѣтетъ, а онъ меня все за руку держитъ, не пускаетъ... Помнишь ты, какъ онъ изъ-за меня на Матку ушелъ?..

... Билъ онъ меня потомъ... Это точно что билъ. А

Библиотека "Руниверс"

только когда трезвый былъ—въ ногахъ валялся. Помнишь, какъ станоной сюда за нимъ пріѣхалъ? Кинулся онъ ко мнѣ, побѣлѣлъ весь. На моихъ грудяхъ и замеръ. Чуть десятскій оторвалъ его! Ты не видала насъ, какъ мы съ нимъ послѣ содому нашего глазъ на глазъ бывали. Пронимала его совѣсть, до слезъ его прошибало. Милѣе меня ему нѣтъ никого... Что онъ обижалъ сусѣдей, скотъ угонялъ—правда; а только за это онъ уже натерпѣвался муки-то. Три года вѣдь былъ въ рястантахъ. Грѣшно и поминать что было!.. Про полюбовницу ты, мамушка, помолчи! околдовала она его. Тутъ не его грѣхъ—ея... Разъ этто въ клѣти лежимъ мы. Разметался онъ, да и стонетъ... «Что тебѣ, Никита?» спрашиваю. «Тяжко — баитъ — тяжко. Люблю я тебя крѣпче жизти и ни на кого не промѣняю—а все къ Дарьѣ тянетъ. Какъ зажму глаза — такъ она передо мною и смѣется подлая. Такъ бы и пришибъ ее разлучницу!» Заплакала я. «Ты не плачь, говоритъ, потому я ее и подъ ноги тебѣ не брошу, мразь она передъ тобой, а тольки не могу я, опоила должно чѣмъ. Все къ тебѣ вернусь!» Ты про что мнѣ поминала—побои энти?.. А ты попомни-ко, какъ лѣтось я съ побоевъ его въ избу къ теткѣ Анисьѣ убѣгла, а по селу и пройди вѣсть, что какая-то баба въ Суймицу въ рѣку топиться кинулась. Ты и скажи: «должно быть Марья». Что же, онъ смѣялся, что ли? Нѣтъ, сама послѣ сказывала, что закаменѣлъ весь, а потомъ убѣгъ на берегъ да въ Чертову Ламбину (озеро) и пошелъ топиться... Шутилъ что ли? Небось какъ вытащили—чуть отвадились...

... Не бери, мамушка, грѣха на душу! Всѣ мы праведники нешто? Случалось и я его словомъ какимъ попрекну. А наше слово не малое. Иной разъ и молчишь это, такъ что остёръ-ножъ ему. Разъ этто прилегли мы, онъ и говоритъ: «ты пойми, съ чего это злоба меня палитъ: какъ я ору на тебя, а ты сидишь что мертвая, такъ меня и душитъ, — не скотъ я безчувственный, понимаю, какой я звѣрь передъ тобою, и жутко мнѣ, а тольки отъ этого еще больше злоба бушуетъ... Въ эфто время я бы и надъ собой радъ что сдѣлать». Нѣтъ, ты не вѣдаешь душу его, мамушка... Нешто я Дарья, что брошу его?.. Не полюбовница — жена я ему. Округъ аналоя водилъ насъ попъ... Ты подумай, что онъ тамъ будетъ дѣлать одинъ? Совсѣмъ пропадетъ! Что ни на есть надъ собой сдѣлаетъ, либо кого другаго уложитъ — тоску свою сорветъ. На чьей душѣ грѣхъ будетъ?.. Не помню я зла его, синяки-то отъ побоевъ зажили—не поминай ихъ и ты. Ласки да любовь его—вотъ что я знаю понѣ... И не забыть ихъ!.. Коли бы онъ рѣзать меня зачалъ, такъ я бы и подъ ножемъ его вспомнила ихъ... А что теперь онъ въ несчастіи да въ скорбяхъ — этимъ ли тѣшиться?..

— Что-жь, ты такъ и меня кинешь? я тебя на то рази выростила, на то мое сердце болѣло по тебѣ?..

— Ты пойми, мамушка, туточка тебя все-то знаетъ, вся округа тебя почитаетъ,—а тамъ онъ одинъ, что перстъ, будетъ. Нешто я добра твоего не чувствую, а только исчахну я здѣсь, не могу я безъ него; не житье мнѣ на селѣ нашемъ...

— Что, встамши?.. послышался чей-то голосъ.

— Спитъ еще, а что?..

— Да и въ путь пора.

Я понялъ, что дѣло идетъ обо мнѣ, и позвалъ проводника.

Когда я выходилъ изъ села—долго еще передо мною мелькало все облитое слезами лицо несчастной женщины, видѣнное мною въ горенкѣ деревенской избы. На душѣ росла тоска; всѣ чудныя картины, озаренныя послѣднимъ сіяніемъ зари, померкли, словно подернутыя плажною осенцею мглою. Хотѣлось самому плакать надъ горькою долею этой мученицы, являвшей примѣръ такой высокой любви, такого безграничнаго, беззавѣтнаго всепрощенія. А тутъ, какъ на зло, мой гребецъ снова запѣлъ пѣсню, только такую тоскливую, словно вся человѣческая скорбь отдала ей свои жгучія слезы...

Скоро рѣка круто свернула налѣво.

Становилось все темнѣе и темнѣе. Сумракъ сгущался надъ водою и гористыми берегами. Скоро и ихъ не стало видно. Мы поплыли медленнѣе. Во тьмѣ легко было наткнутся на черную, незамѣтно выстапившуюся изъ воды корчу или попасть въ опасные пороги. Я легъ на дно лодки...

— Эй!.. живая душа! протри глаза-то! послышалось надо мною.

— Чего тебѣ? и я вскочилъ. Оказалось, что я пролежалъ не то во снѣ, не то въ забытьи около двухъ часовъ.

— Глянько, у берега!

На высокой горѣ, обрывавшейся въ рѣчку крутымъ выступомъ, пылалъ яркій костеръ, вѣнчая самую вершину. Широко - багровыя полосы колеблющагося свѣта раскидывало то на противоположный берегъ въ непроглядную черную чащу ельника, то на покойно струившуюся рѣку, то на откосъ горы, заваленный сѣрыми камнями. На аломъ и желтомъ фонѣ пламени двигались какія-то черныя фигуры. Огонь порою вспыхивалъ ярче, порою едва-едва тлѣлся; тысячи искръ взлетали вмѣстѣ съ дымомъ костра и гасли высоко въ безрасвѣтной тьмѣ ночнаго неба...

— Это рыболовы наши ушицу варятъ... не пристать ли?

И мы пристали къ берегу...

Архангельскъ.

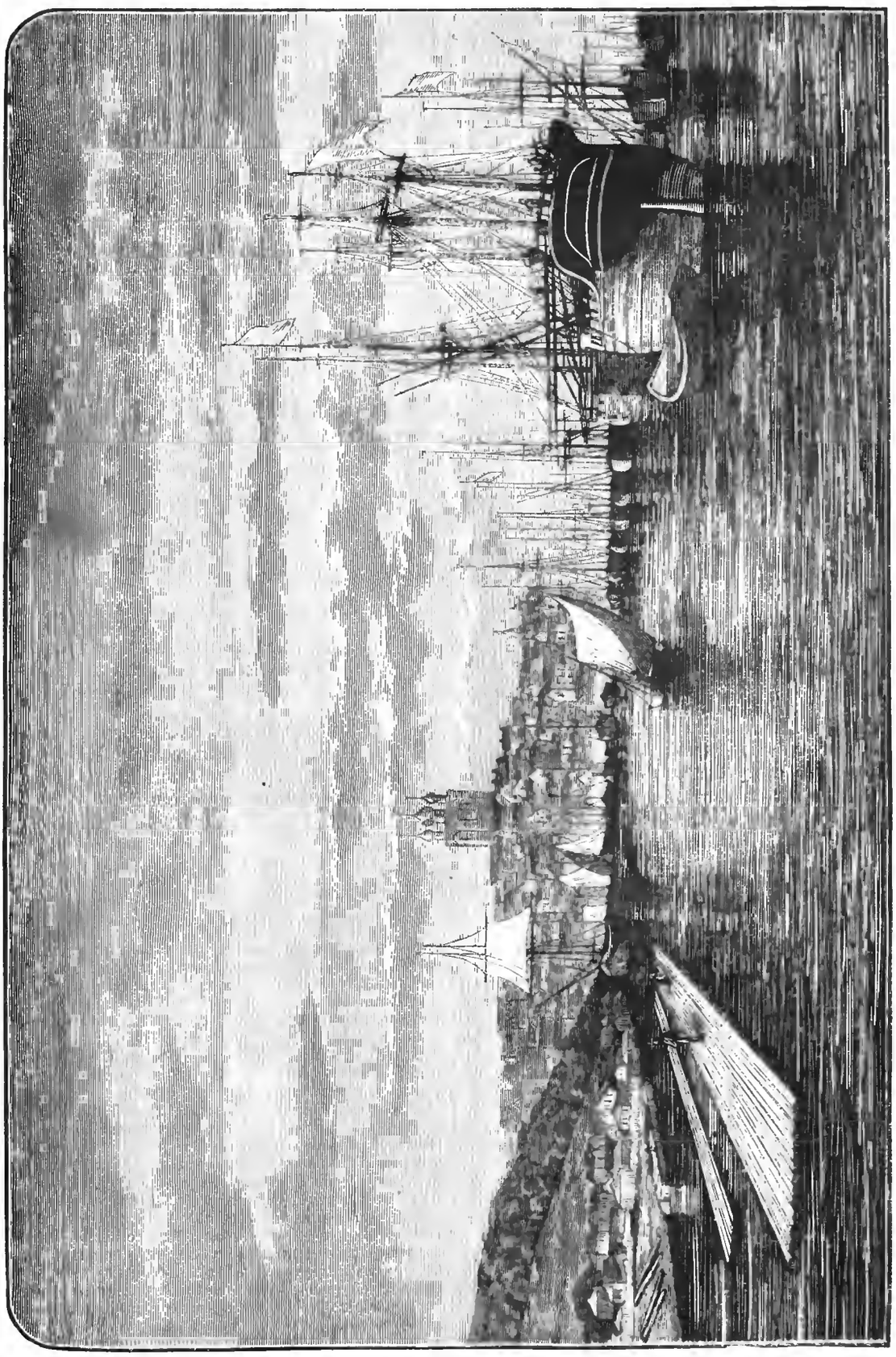
Ростовъ на Дону.

Ростовъ на Дону, уѣздный и портовый городъ Екатеринославской губерніи, расположенъ на значительно возвышенномъ правомъ берегу Дона; изъ всѣхъ городовъ, лежащихъ по этой рѣкѣ, Ростовъ самый значителеный по своей торговлѣ. Своимъ торговымъ развитіемъ онъ обязанъ положенію близъ устья Дона, который омываетъ городъ и его предмѣстья на протяженіи почти 4-хъ верстъ, образуя превосходную естественную пристань. Нормальная ширина Дона у Ростова до 100 саженъ, и при такой ея незначительности стоянка судовъ покойна и безопасна. Высокія воды Дона происходятъ отъ таянія снѣговъ въ земляхъ, лежащихъ вверхъ по Дону, Донцу и ихъ притокамъ; онѣ начинаютъ прибывать около 15-го апрѣля, получаютъ наибольшій горизонтъ къ 9-му мая и тогда доходятъ до 13 футовъ надъ самыми низкими водами; совершенно сбываютъ въ началѣ іюня. Сѣверные вѣтры сгоняютъ воду въ море и затрудняютъ судоходство, низовые же вѣтры благопріятствуютъ ему. Теченіе Дона у Ростова очень тихо, такъ что движеніе судовъ во рѣкѣ зависитъ преимущественно отъ вѣтровъ.

Ростовъ основанъ въ XVIII вѣкѣ на мѣстѣ какого-то весьма древняго поселенія. Еще въ 1731 г., для огражденія входа въ Донъ со стороны турецкихъ владѣній, положено было основаніе крѣпости Св Анны на одномъ низменномъ островѣ, образуемомъ р. Дономъ и притокомъ Аксаемъ; но въ 1751 г. крѣпость была перенесена на мѣсто нынѣшняго Ростова и получила названіе крѣпости св. Димитрія Ростовскаго. Окрестности твердыни стали мало по малу заселяться, и съ теченіемъ времени образовалось поселеніе подъ названіемъ Ростова. Въ концѣ прошедшаго столѣтія, при образованіи Новороссійской губерніи, Ростовъ былъ назначенъ ея уѣзднымъ городомъ, а въ 1802 г. былъ включенъ въ губернію Екатеринославскую. Въ 1807 г. его присоединили въ вѣдомству Таганрогскаго градоначальства, но въ 1834 г. онъ снова получилъ значеніе уѣзднаго города Екатеринославской губерніи.

Населеніе города простирается до 40.000 человѣкъ. Какъ портовый городъ, Ростовъ привлекаетъ къ себѣ много иностранцевъ, имѣющихъ съ нимъ торговыя сношенія; поэтому населеніе его до-

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ пристани въ Ростовѣ-на-Дону. Рис. съ акварели профессора Боголюбова И. А. Космаковъ, грав. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

вольно смѣшано: кромѣ русскихъ, здѣсь живутъ греки, нѣмцы, евреи, армяне, итальянцы и французы. Въ городѣ 5 православныхъ церквей: соборъ стоитъ на самомъ возвышенномъ мѣстѣ города; есть также синагога и еврейскій молитвенный домъ. Въ городѣ устроенъ водопроводъ. Изъ всѣхъ городовъ, расположенныхъ по Азовскому морю, Ростовъ на Дону вообще самый красивый; онъ хорошо обстроенъ со стороны Дона, множество судовъ въ его гавани придаютъ ему оживленный видъ,—но за то окраины его, обращенныя къ таганрогской дорогѣ, имѣютъ видъ деревни, и въ противоположность другимъ городамъ Новороссійскаго края городъ бѣденъ садами.

Кромѣ удобства сообщенія съ моря и по теченію Дона, Ростовъ служитъ еще центральною точкою сухопутныхъ сообщеній на востокѣ Новороссійскаго края. Сухопутныя дороги отъ Ростова ведутъ къ сѣверу черезъ Аксайскую станицу въ Новочеркаскъ и вообще въ землю Войска Донскаго, также въ приволжскія губерніи и въ Воронежъ. На сѣверо-западъ, черезъ Бахмутъ и Екатеринославль, Ростовъ сообщается съ Харьковомъ, а на юго-востокъ съ Кавказомъ. Такое выгодное положеніе развило въ этомъ городѣ весьма значительную торговлю. Начало его торговаго процвѣтанія относится къ 1834—1836 годамъ; въ 1835 г. при ростовской пристани была учреждена таможенная застава, и началась отпускная торговля. Главныя статьи этой торговли суть: хлѣбъ, маслобойныя сѣмена, шерсть, сало, коровье масло и желѣзо. Отпускная торговля Ростова весьма обширна, и постоянно возрастаетъ въ значительной прогрессіи. Такъ напр., въ 1865 г. отпускъ простирался на 12.211,335 руб., а въ 1869 г. онъ уже возросъ до 22.281,056 руб. сер. Размѣры внутренней торговли также не маловажны; они опредѣляются его каботажемъ, заводской промышленностью, ярмарками и рыбными промыслами. Назначеніе Ростовскаго каботажа состоитъ въ томъ, чтобы доставлять товары на иностранныя суда, ожидающія ихъ на Таганрогскомъ и Маріупольскомъ рейдахъ. Кромѣ морскаго каботажа, въ Ростовѣ процвѣтаетъ судоходство по Дону, преимущественно низовое. Въ связи съ каботажемъ, довольно развито судостроеніе. Заволжская промышленность Ростова имѣетъ также довольно значительные размѣры, равно какъ и ремесленныя производства, что можно заключить изъ того, что тамъ около трехъ тысячъ ремесленниковъ, въ томъ числѣ до восьми сотъ мастеровъ. Ярмарки бываютъ два раза въ годъ: Вознесенская и въ день Рождества Богородицы. Первая имѣетъ только мѣстное значеніе; на ней торгуютъ произведеніями сельскаго хозяйства, скотомъ, лошадьми и крестьянскимъ товаромъ. За то осенняя ярмарка весьма значительна; на ней производится торгъ различными изъ внутренней Россіи товарами, какъ-то: шерстяными, бумажными, шелковыми и другими тканями, также фарфоромъ и фаянсомъ, издѣліями кожевенными и металлическими и прочими предметами, а равно и заграничными товарами.

Еще значительную статью торговлѣ Ростова доставляетъ рыболовство. Ростовскіе жители имѣютъ болѣе 150 рыболовныхъ заводовъ и нѣсколько рыбосѣтныхъ заведеній, въ которыхъ заготовляютъ вяленую рыбу, икру, балыки, рыбій клей и жиръ, вязигу и пр. на сумму отъ 150,000 до 250,000 руб. въ годъ, смотря по болѣе или менѣе удачному улову рыбы. За этими рыбными продуктами стекаются къ Ростову отъ 10 до 15 тысячъ повозокъ изъ внутренней Россіи, и кромѣ того часть продуктовъ отвозится въ Одессу моремъ.

Какъ въ портовомъ торговомъ городѣ, въ Ростовѣ находятся: таможенная застава, телеграфная станція, отдѣленіе коммерческаго совѣта, отдѣленіе государственнаго банка и городской общественный банкъ. Въ городѣ учрежденъ также клубъ, но средства образованія къ сожалѣнію весьма скудны; они ограничиваются слѣдующими учрежденіями: уѣзднымъ и приходскимъ училищами, женскимъ уѣзднымъ училищемъ, частною женскою школою и еврейскою талмудъ-тярою. Въ городѣ есть больница, богадѣльня и дѣтскій пріютъ.

Новый годъ.

(Экспромтъ).

Полночь бьетъ! Годъ старый брошенъ,
Какъ костюмъ уже потертый...
Здравствуй, новый! Ну, каковъ-то
Будетъ семьдесятъ четвертый?

Что̀ гадать о томъ, что̀ будетъ?
Фантазировать отъ скуки?
Предсказанья могутъ дѣлать
Только точныя науки—

Предсказанья безъ ошибки!
Скажемъ только для примѣра:
Черезъ дискъ пресвѣтлый солнца
Въ ноябрѣ пройдетъ Венера.

То̀, что̀ будетъ, то̀, конечно,
И случится, безъ сомнѣнья....
Господа, не омрачимъ же
Это свѣтлое мгновенье!

Новая страна чудесъ.

Наша мать-земля еще долго сохранитъ свою огневую натуру. Первый пылъ молодости, правда, уже давно прошелъ; лишь изрѣдка напоминаетъ онъ о себѣ черезъ какую нибудь предательскую скважину на ея холодной поверхности, — но есть на землѣ еще и такія мѣста, откуда отъ времени до времени вырывается наружу прежнее могучее пламя и даетъ намъ понятіе о томъ, какъ оно властвовало въ минувшіе вѣка. Послѣднее изверженіе Везувія было такой вспышкой стараго огня молодости. Какъ ни сильно однако впечатлѣніе, которое производятъ на человѣка эти грозныя явленія, доказывающія, какой жаръ таится подъ холодной земною корой,—какъ ни потрясаютъ они вѣру въ неизмѣнность твердой поверхности подъ ногами нашими,—какъ ни прекрасны и ни величественны они, — но есть явленія того же характера еще болѣе интересныя. Какъ вода изстари была для людей заманчивѣе, чѣмъ твердый материкъ, такъ и горячіе источники возбуждаютъ больше интереса, нежели вулканы, хотя въ сущности они однородны и обязаны своимъ происхожденіемъ однѣмъ и тѣмъ же силамъ природы. И ученые не мало ломали голову надъ объясненіемъ этого явленія, пока, благодаря знаменитому Бунзену, оно не оказалось весьма простымъ, что впрочемъ нисколько не уменьшило, а напротивъ увеличило его интересъ.

Простые горячіе источники не рѣдки; они, какъ извѣстно, составляютъ цѣль путешествія для множества больныхъ, возлагающихъ свои надежды на ихъ цѣлебную силу. Но представителемъ горячихъ водометовъ былъ до сихъ поръ одинъ великій Гейзеръ въ сказочной Исландіи, кромѣ малоизвѣстныхъ такихъ же водометовъ въ Новой Зеландіи и Калифорніи. Тамъ, въ Исландіи, на юго-западъ отъ Геклы, мы находимъ на вершинѣ маленькаго конусообразнаго холма, состоящаго изъ кремнистаго туфа, бассейнъ пятнадцати метровъ въ діаметрѣ, изъ середины котораго труба, въ три метра толщины, перпендикулярно спускается почти на двадцать метровъ въ вулканическую почву. Труба и бассейнъ наполнены прозрачной, голубой, кипящей водой, стекающей по множеству желобовъ черезъ край бассейна. Но по временамъ, когда загремитъ подземный громъ, на водѣ начнутъ подыматься большіе пузыри пара, и царящія тамъ внизу силы даютъ себѣ наконецъ просторъ, выбрасывая водяной столбъ въ тридцать и болѣе метровъ вышины. За этимъ столбомъ черезъ нѣсколько минутъ летятъ вверхъ другіе, еще выше, и затѣмъ подземныя силы утихаютъ, часто на нѣсколько дней. Объяснить это явленія не трудно, если только наши читатели вообще нуждаются въ этомъ. Всѣмъ извѣстенъ фактъ, что жидкости кипятъ, то есть переходятъ во всей своей массѣ въ паръ, тѣмъ труднѣе, чѣмъ больше давленіе, которому онѣ подвергнуты. Стоитъ только вспомнить о кипѣніи въ пріемникѣ воздушнаго насоса, на высокихъ горахъ, въ Папиновомъ котлѣ,—чтобы вызвать старыя, зачастую выходящія изъ памяти, школьныя воспоминанія. И такъ, если вода на поверхности Гейзера кипитъ, положимъ при 100° Ц., то на десять метровъ ниже въ трубѣ она можетъ кипѣть только при высшей температурѣ. Если она достигла этой высшей температуры подъ вліяніемъ вулканическаго подземнаго жара, тогда должны подыматься вверхъ паровые пузыри, которые вытѣсняютъ часть воды черезъ край бассейна и такимъ образомъ уменьшаютъ давленіе на нижніе, горячіе слои. Естественнымъ послѣдствіемъ уменьшеннаго давленія будетъ внезапное бурное развитіе паровъ въ нижнихъ разгоряченныхъ слояхъ, и развившіеся такъ внезапно пары выбрасываютъ вверхъ давящій на нихъ водяной столбъ. Поэтому въ горячихъ источникахъ, не имѣющихъ такой длинной трубы или вовсе лишенныхъ ея, даже при такой же температурѣ воды не можетъ быть такихъ изверженій; излишняя вода будетъ

Библиотека "Руниверс"

спокойно стекать внизъ, но въ то же время, вслѣдствіе осадка растворяемыхъ минераловъ, образуетъ со временемъ такое же коническое возвышеніе съ котломъ и трубой, слѣдовательно источникъ придетъ въ состояніе обусловливающее выбрасываніе воды. Но, труба, тѣмъ же самымъ путемъ какимъ достигла этой необходимой длины, будетъ продолжать рости — и наконецъ давленіе увеличенное поднявшимся выше водянымъ столбомъ сдѣлается непреодолимымъ, и изверженія прекратятся: тогда передъ нами будетъ переставшій дѣйствовать источникъ, такъ - называемый «Лаугъ». Въ Исландіи находятся источники во всѣхъ трехъ степеняхъ развитія; ихъ можно сравнить съ юношей, мужемъ и старцемъ. И какъ видъ маститаго старца производитъ благоговѣйное впечатлѣніе, такъ и Лауги эти «неописанно хороши», по выраженію Бунзена. Онъ говоритъ дальше. «Надъ ихъ поверхностью вьется легкій паръ; вода чистѣйшаго голубаго цвѣта—и покрываетъ своей прелестной лазурью фантастическія фигуры по стѣнамъ бассейна, между тѣмъ какъ на днѣ видно отверстіе нѣкогда могучаго гейзера».

Недавно на верхней Іеллойстонской рѣкѣ, въ Сѣверной Америкѣ, открыта большая область, наполненная такими горячими ключами во всѣхъ трехъ степеняхъ ихъ развитія; въ ученыхъ журналахъ уже появились отчеты посланной въ «ту чудесную страну» экспедиціи подъ руководствомъ извѣстнаго геолога, профессора Гайдна. 1-го мая 1872 г. Конгрессъ призналъ эту Іеллойстонскую область гейзеровъ государственной собственностью.

Вновь открытая область имѣетъ 168 нѣмецкихъ квадратныхъ миль и лежитъ на 6.000 футовъ надъ поверхностью моря; ее описываютъ величественныя горныя цѣпи, отъ 10 до 12.000 футовъ вышины. Сообразно съ высотой положенія, температура этой мѣстности низка, но воздухъ прозраченъ и чистъ. Вышеупомянутая экспедиція уже теперь нашла тамъ много больныхъ, искавшихъ исцѣленія отъ своихъ болѣзней въ горячихъ ключахъ, находящихся тамъ въ самыхъ различныхъ степеняхъ температуры. Судя по тому какъ эти больные прославляли цѣлительную силу источниковъ, надо полагать, что ихъ надежды не будутъ обмануты. Члены экспедиціи не могутъ нахвалиться красотой, дикимъ романтизмомъ и богатымъ разнообразіемъ ландшафтовъ этой мѣстности. Названія какъ «чортовъ скатъ», «чортово ущелье», «чортовъ котелъ» даютъ понятіе о характерѣ мѣстностей, получившихъ такія имена. Горы состоятъ изъ базальта; Іеллойстонъ прорыла въ нихъ массахъ дикія ущелья, крутые почти вертикальные края которыхъ имѣютъ отъ 12 до 1,500 футовъ вышины. Какъ будто для того чтобы доказать всю красоту, какой можетъ обладать рѣка, Іеллойстонъ два раза низвергается въ пропасти во 140 и въ 350 футовъ глубины. Кромѣ этихъ водопадовъ, въ странѣ есть еще и другіе, восхитительной красоты; одинъ изъ нихъ даже названъ «Водопадъ эльфовъ». Ко всему этому еще присоединяется прелесть Іеллойстонскаго озера и густаго, дремучаго лѣса, покрывающаго горы. Всѣ эти красоты конечно привлекаютъ сюда массу американскихъ, да и европейскихъ туристовъ, не говоря о главной притягательной силѣ, какую получитъ страна благодаря громадному количеству горячихъ ключей, на всѣхъ вышеупомянутыхъ ступеняхъ развитія.

Мы не преувеличиваемъ, называя количество ключей громаднымъ; карта, которую экспедиція приложила къ отчету о своемъ путешествіи, во многихъ мѣстахъ буквально испещрена черными точками, обозначающими горячіе источники въ юношескомъ состояніи — до того обильные водой, что напримѣръ, одинъ изъ нихъ образовалъ горячую рѣчку въ 6 футовъ ширины и 2 фута глубины. Тутъ же находятся источники бьющіе фонтаномъ, настоящіе Гейзеры, выбрасывающіе, какъ «Grand Geyser», столбы воды, требующіе 20 минутъ чтобы подняться кверху и имѣющіе 6 футовъ въ діаметрѣ и 200 футовъ вышины; паръ отъ нихъ подымается на 1,000 футовъ. «Лауги» также имѣютъ здѣсь своихъ представителей; конусы ихъ возвышаются на 200 футовъ и заросли соснами и кедрами, — живое доказательство, что ключи эти перестали бить уже лѣтъ 80 или 100 тому назадъ. Вода въ нихъ подымается всего на нѣсколько дюймовъ; она стекаетъ съ холма черезъ верхній край, проходя цѣлый рядъ естественныхъ резервуаровъ: такимъ образомъ, купающіеся находятъ для своего употребленія готовые бассейны съ различнѣйшими температурами воды. Источники эти раздѣляются въ извѣстныхъ мѣстностяхъ на группы — и такъ многочисленны, что напримѣръ въ одной такой группѣ температура была измѣрена въ 67 источникахъ. И на самомъ Іеллойстонскомъ озерѣ, имѣющемъ при 22 англійскихъ миляхъ длины, отъ 10 до 15 миль ширины, находятся вблизи береговъ горячіе источники, вслѣдствіе осадковъ кремнезема образовавшіе идущія къ берегу плотины: стоя на нихъ можно ловить прекрасныхъ форелей, которыми кишитъ Іеллойстонское озеро, да пожалуй тутъ же и приготовить лакомое блюдо въ кипящей водѣ источника. Ну не есть ли это настоящая обѣтованная земля?

И эта чудная страна объявлена государственной собственностью и назначена для публичнаго парка. Правительство Соединенныхъ Штатовъ разъ уже приняло такое же рѣшеніе, когда въ Калифорніи была открыта маленькая область съ рощей знаменитыхъ гигантскихъ Веллингтоній. Благодаря этому, чудныя эти деревья были спасены отъ вѣрнаго и быстраго истребленія. Точно такъ же и эту новооткрытую страну чудесъ (индѣйцы давно знали ее, но избѣгали по случаю частыхъ землетрясеній) приняло въ свое вѣдомство министерство внутреннихъ дѣлъ. Оно будетъ наблюдать, чтобы тутъ не затѣвалось никакихъ поселеній, чтобы не вырубались лѣса, чтобы не дѣлалось раскопокъ въ горахъ, не вывозились съ мѣста никакія естественныя рѣдкости. Всѣ могущіе быть отъ страны доходы назначены на содержаніе парка.

Сколько, подумаешь, прекрасныхъ мѣстъ пропадаетъ у насъ даромъ! сколько чудесныхъ лѣсовъ, составляющихъ украшеніе и жизненную необходимость для извѣстной мѣстности, гибнутъ жертвой ограниченности и невѣжества!—Позднѣйшія поколѣнія, качая головой, навѣрно будутъ упрекать насъ въ безпечности, съ какой мы относились къ такъ легко выполнимымъ обязанностямъ. Американцамъ не придется услышать такого упрека.

Зимній день крестьянина Костромской губерніи.

Осень какъ-то незамѣтно прикончилась и перешла въ зиму. Студено становилось по утрамъ домалачивать остальные снопы: тѣлу-то еще ничего, цѣпъ-отъ не свой братъ—хоть кого унаритъ; а главная причина—руки зябнутъ, красныя стануть ровно гусиныя лапки, закоченѣютъ совсѣмъ. Бѣлая пороша понемногу заносила гумно съ протоптаной дорожкой, а тамъ подиялись мятели, замело и слѣдъ его. Хлѣбъ давнымъ давно ссыпанъ въ ригу, только какъ ни раскидывай умомъ, а до весны не хватитъ. Земелька тугъ не Богъ знаетъ какая, ковыряешь-ковыряешь ее сохой-то, а урожай годъ отъ году плоше. Вотъ и выходитъ на повѣрку, что какъ ни ладно лежать на печи, да глодать кирпичи, — а надо это дѣло бросить. Волей-неволей приходится приниматься за какіе нибудь заработки. Ну, а костромичи извѣстно чѣмъ славятся — Буй да Кадуй бока надуй, а Перехта-матушка да Кинешма или вотъ нашъ взятъ Костромской уѣздъ — первые мастера по ткачеству. Это полотна, скатерти камчатныя, салфетки узорныя, все что господамъ на потребу идетъ,— гдѣ ихъ не знаютъ? И въ Москвѣ, и въ Петербургѣ ткачи костромскіе разносятъ ихъ по домамъ да продаютъ по мелочи; а на ярмаркахъ въ Ростовѣ городѣ или въ селѣ Великомъ, такъ тамотка навезутъ наши полотенъ-то видимо-невидимо. Ну, такъ вѣдь большимъ-то производствомъ занимаются кто позажиточнѣй, да у кого киса туго набита: на свой счетъ пряжу закупаютъ въ Костромѣ, или въ селѣ Вичугѣ, сами же и издѣлія свои сбываютъ; а то вотъ есть еще артельныя ткацкія—цѣлое село на общій счетъ устроитъ заведеніе становъ на 5, на 10 и даже до полутора десятка, сообща отапливаютъ, и очередь соблюдается кому сторожить по ночамъ. это все люди первостатейные. А мелюзга работаетъ изъ «хозяйскихъ» основъ, значитъ по заказамъ отъ фабрикантовъ — и конторы такія заведены по селамъ, приказчики при нихъ есть, раздаютъ основу кому угодно; — только пожива отъ нихъ плохая. Дай Богъ въ недѣлю рубля полтора или два заработать! Оно если бы круглый-то годъ работать—и ничего-бы; вотъ какъ село Анализа есть у насъ: пахотной земли у нихъ нѣтъ, цѣлый годъ почитай не разгибаясь за станомъ сидятъ, ну и выработаетъ каждый рублей до сто двадцати и до полутораста. А у насъ все таки первое дѣло— земля, а станъ только подспорье; такъ тутъ, какъ ни бейся съ этими маклаками конторскими, больше четвертной не заработать! Ужь на что малыя дѣти, ребятишки лѣтъ десяти, вотъ что пряжу мотаютъ на шпули да на цѣвки,—и тѣмъ выгоднѣе на фабрикѣ супротивъ нашего брата. Имъ хошь за сотню мотовъ и не много платятъ—всего-то копѣекъ сорокъ-пятьдесятъ, да иной парнишка сотню-то въ три дня покончитъ, анъ въ мѣсяцъ рубля четыре и набѣжитъ. А нашему брату съ основы полотна въ 120 аршинъ долиной да полтора аршина ширины отсыпятъ рубля два никто и не полюбопытствуетъ, каково ее—спину-то гнуть за станомъ. Опять же «хозяйская» работа порядка требуетъ—какъ ее въ нашей тѣснотѣ справить: надо идти въ «отхожую избу» али въ такую свѣтелку, что сдается въ наемъ: плати еще за нее рубля два-три въ годъ, а въ эту свѣтелку бабѣ-то и войти не совсѣмъ ловко, тамъ почитай одни мужички работаютъ...

А у насъ, видишь, баринъ, совсѣмъ особь статья.

Думали мы-это, думали,—да и порѣшили обойдтись по старинному, своимъ домкомъ. Самъ-то я старъ, спину разломило, плохо ужь и глаза глядятъ — мнѣ бы только лапти ковырять кое-какъ — кочедыкъ-то изъ рукъ не вываливается. Ну, а старуха моя не чета мнѣ — мастерица прясть, что и говорить: веретено такъ и поетъ, только успѣвай ленъ чесать да насаживай на гребень. А вѣдь ручная-то пряжа въ полотнѣ цѣнится дороже фабричной—копѣйки на три на четыре аршинъ,—такъ оно значитъ прямой расчетъ. Внучки мои, Ваютка да Мина, тутъ же и пряжу мотаютъ, горемычные! Отецъ-отъ въ Питерѣ, въ малярахъ, да нѣтъ въ немъ пути — мо-

Библиотека "Руниверс"

тыга пареиь, жена больше отъ него и померла, не судилъ имъ Богъ пожить вмѣстѣ. Ну, вотъ и труждаемся собча старый да малый — и смѣхъ и грѣхъ — и ничего бы намъ не подѣлать, кабы не Аннушка! Вотъ ужь подлинно золото дѣвка. Внучатная она мнѣ племянница доводится, сиротинкой ее въ домъ взялъ къ себѣ махонькой—анъ Господь и благословилъ за доброе дѣло. Выросъ пріемышъ намъ старикамъ на утѣшенье, добрымъ молодцамъ на заглядѣнье. Ишь она какая, Богъ съ ней, рослая да дородная, сядетъ за станъ, какъ почнетъ локтями сучить—только станъ скрыпитъ; а челнокъ-отъ что твоя молонья такъ и сверкаетъ... Супротивъ любаго ткача она въ грязь лицомъ не ударитъ. Вотъ этимъ и кормимся зиму-зимушку. Чтожь, неча Бога гнѣвить, пока по грѣхамъ терпитъ, — спасибо ей родной: и мы всѣ, и ребятенки сыты одѣты, обуты а болѣ намъ ничего и не требуется. Вотъ бы ей только женишка хорошаго—да небось найдутся: дѣвка одно слово работница!

Кока.

У каждаго народа есть свое національное средство возбуждающее и услаждающее: не нахвалится англичанинъ своимъ портеромъ и элемъ, полякъ своими вудки, шведъ—пуншемъ, турокъ - кофеемъ и опіумомъ, китаецъ - чаемъ и такъ далѣе, наконецъ даже индѣецъ Южной Америки имѣетъ листья коки, которые не такъ давно стали извѣстны и обратили на себя общее вниманіе. Объ этомъ именно растеніи мы и намѣрены сообщить читателямъ нѣкоторыя свѣдѣнія.

Слово кока на индѣйскомъ языкѣ означаетъ только — растеніе. Но отрадно звучитъ это слово для индѣйца: всякій разъ оно напоминаетъ ему о божественномъ растеніи, употребленіе котораго сдѣлалось для него необходимою жизненною потребностью. Сами боги ниспослали этотъ даръ на всю землю; въ благодарность къ богамъ, индѣйцы воздѣлываютъ этотъ кустарникъ—и самые жрецы провозгласили его священнымъ. Съ давнихъ временъ индѣйцы приносили въ жертву богамъ листья коки, и самые жрецы не дерзали неосвященными предстоять предъ своими богами, то есть прежде чѣмъ нѣсколько шариковъ изъ коки не приведутъ ихъ въ надлежащее настроеніе духа. Да, суевѣріе приписывало этому растенію такую силу, что ни одно дѣло не могло начинаться безъ вспомоществованія столь чудесныхъ листьевъ.

Кустарникъ, отъ 1,5 до 2,0 фут. вышины, отъ батаниковъ получилъ названіе erytroxilon coca. Для удобнѣйшаго пониманія надо сказать, что кока имѣетъ большое сходство съ нашимъ терновникомъ и такіе же имѣетъ бѣлые цвѣточки. Преимущественно воздѣлываютъ его въ Перу и Бразиліи, гдѣ часто можно видѣть склоны горъ покрытыя этимъ растеніемъ. Въ нѣкоторыхъ восточныхъ округахъ Бразиліи тоже распространилось воздѣлываніе его. Листья его похожи на вишневые; особенность ихъ заключается въ томъ, что на нижней сторонѣ листка находятся двѣ боковыя жилки, которыя охватываютъ среднюю жилку продолговатой формы. Листья, смотря по развитію собираются три, четыре раза въ году и сушатся на солнцѣ; высушенные, они сохраняются въ кожаныхъ тщательно-изготовляемыхъ мѣшкахъ. Если хранятъ ихъ болѣе года, то они теряютъ свою чудесную силу

Сухіе хорошіе листья бываютъ свѣтло-зеленаго цвѣта, имѣютъ запахъ сѣна и вкусъ зеленаго чая. Отъ вліянія сырости страдаетъ цвѣтъ, а также и цѣнность листьевъ: цвѣтъ темнѣетъ и чудесное дѣйствіе листьевъ слабѣетъ.

Какимъ-же образомъ индѣецъ наслаждается листьями коки?

Накинувъ на себя кожаную сумку, наполненную листьями коки, и хорошо закупоренную тыквенную флягу съ небольшимъ запасомъ пережженой извести или растительной золы, выступаетъ въ путь индѣйскій горецъ. Найдя удобное мѣстечко, онъ располагается здѣсь, чтобы въ полномъ спокойствіи духа предаться упоительному наслажденію, т. е. жеванію коки. Съ радостнымъ взоромъ беретъ онъ изъ сумки нѣсколько листковъ, посыпаетъ ихъ золою, дѣлаетъ изъ нихъ шарикъ или пилюлю и кладетъ въ ротъ. Движеніями языка извлекается изъ него зеленый сокъ, часть котораго глотается, другая выплевывается. Мало по малу иссякаетъ источникъ влаги, тогда изготовляется новая пилюля. На четверть или на полчаса времени позволяетъ себѣ индѣецъ такую «сіесту»; куреніе сигаретки служитъ, обыкновенно, заключеніемъ этой усладительной сцены, разыгрываемой раза три-четыре въ день. Потребленіе листьевъ коки простирается среднимъ числомъ въ теченіе дня отъ 50 до 60 граммовъ.

Широко раскрытые глаза смотрятъ неподвижно; безчувственный ко всему міру, индѣецъ переходитъ постепенно въ состояніе блаженства и восторженности и, витая въ высшихъ сферахъ, онъ мечтаетъ о невѣдомыхъ наслажденіяхъ, заставляющихъ его забывать жестокую дѣйствительность рабства.

Умѣренное употребленіе коки невредно, но преувеличенное—производитъ разстройство нервной системы. Лучшимъ доказательствомъ безвредности этого растенія при разумномъ потребленіи—служитъ глубокая старость, которой достигаютъ туземцы при огромномъ напряженіи силъ своихъ. Кока считается въ извѣстной степени питательнымъ средствомъ, такъ какъ его замедляющее дѣйствіе не прекращаетъ вещественный обмѣнъ организма, но въ то же время возвышаетъ упругость въ области нервной системы, уменьшаетъ чувства голода и жажды и предохраняетъ отъ одышки которая одолѣваетъ при затруднительномъ подъемѣ на гору. «Съ горстью сухаго маиса или ячменя, индѣецъ трудится до пота лица, день за день тащась подъ тяжелыми ношами по крутымъ тропинкамъ горныхъ ущелій, или по цѣлымъ годамъ копаясь въ нѣдрахъ земли — въ рудникахъ — и не чувствуетъ ни голода, ни жажды, ни утомленія, коль скоро онъ снабженъ въ достаточномъ количествѣ листьями коки». Такъ разсказываетъ знаменитый путешественникъ Чуди въ своихъ путевыхъ наблюденіяхъ, и далѣе говоритъ какъ, находясь на 14000 футовъ надъ поверхностью моря и имѣя съ собою только холодный настой изъ листьевъ коки, онъ безъ устали карабкался по вершинамъ, не чувствуя одышки, какъ будто прогуливался по самой ровной мѣстности.

О дѣйствующихъ силахъ, свойственныхъ листьямъ коки, вѣроятно объяснитъ намъ въ подробности органическая химія, нынѣ доведенная до совершенства въ ея опытныхъ изслѣдованіяхъ.

Насколько листья коки могутъ благодѣтельно дѣйствовать на больные организмы, это мы узнаемъ впослѣдствіи изъ ученыхъ физіологическихъ опытовъ. Во всякомъ случаѣ, листьямъ коки, какъ врачебному средству, предстоитъ и въ Европѣ великая будущность.

Изъ Версали.

(Собственныя корреспонденціи „Нивы“).

I.

Версаль. Національное собраніе 1873 года 22 (10) декабря.

Въ среду, 24 (12) декабря, будутъ пренія по поводу закона о мэрахъ. Исключая докладчика, г-на Клапье, будетъ говорить за проектъ закона г-нъ Брольи, отъ лица правительства. Понятно, что почтенный герцогъ употребитъ въ своей рѣчи всѣ устрашающіе аргументы: тутъ будетъ и петролій и поджоги, и разрушеніе соціальныхъ и семейныхъ основъ, и необходимость спасти Францію и даже Европу отъ радикализма—словомъ, все произойдетъ въ духѣ Понсонъ дю Терайля или Ксавье де Монтепена. Этими средствами благородный герцогъ удерживаетъ уже 8 мѣсяцевъ всю правую сторону и человѣкъ двадцать изъ лѣваго центра. Эти пугливые джентельмены сбились теперь совершенно съ толку: съ кѣмъ вотировать — съ лѣвой или съ правой. Вотировать съ правой — значитъ поддерживать Брольи и помогать реставраціи монархіи—а они себя считаютъ все-таки республиканцами; вотировать съ лѣвой — страшно, не ровенъ часъ: ну а какъ они въ самомъ дѣлѣ начнутъ жечь петроліемъ да разрушать всяческія основы. И кромѣ того, все будто совѣстно прослыть за радикала. Или далѣе,—думаютъ эти члены лѣваго центра,—кто знаетъ: дастъ ли намъ республика земныя блага, между тѣмъ какъ теперешній неопредѣленный порядокъ, т. е. ни монархія ни республика, все-таки, нѣтъ-нѣтъ да и дастъ кое-какую подачку, въ родѣ посланничества въ Гагу (г-нъ Тарже) или выгодную префектуру. Теперь, молъ, и монархисты въ насъ повременамъ нуждаются, и мѣста даютъ, а слывемъ мы все-таки за людей либеральныхъ, республиканцевъ даже; монархія имъ сильно, впрочемъ, претитъ.

Разбитные герцоги съ правой, какъ, напр., герцогъ Одиффре-Пакье, считаютъ себя конституціоналистами, послѣдователями либеральнаго монархиста Бенжамена Констана, и поставляютъ исключительною цѣлью своего существованія — министерскій портфель. Благопріятели Одиффре-Пакье подняли на прошлой недѣлѣ такой вопросъ: отчего, молъ, штатскому не подобаетъ быть военнымъ министромъ, вѣдь это чисто административная должность, для войны у насъ есть и маршалы и генералы. Посмотрите, говорили благопріятели,—что за дѣятельный человѣкъ Одиффре, что за организаторъ! и кому какъ не ему обязана Франція за раскрытіе послѣднихъ военныхъ торговъ и кражъ въ интендантствѣ во время начала послѣдней войны? Но дѣло не удалось, генералъ дю-Барайль и до сихъ поръ пребываетъ министромъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Одиффре будетъ стараться попасть въ будущій кабинетъ Деказа и что Брольи встрѣтитъ въ немъ опаснаго противника.

Библиотека "Руниверс"

Зимній день въ деревнѣ. Костромскіе ткачи. Рис. Конерзшевъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

Герцогъ Одиффре относится нѣсколько холодно къ соціальнымъ основамъ и будто не вѣритъ всеразрушающему дѣйствію петролія при существованіи дисциплинированнаго войска и хорошо организованныхъ пожарныхъ командъ. Такъ какъ почтенный герцогъ commence à percer, то я полюбопытствовалъ прочесть его знаменитую рѣчь, произнесенную слишкомъ годъ тому назадъ, т. е. 14 декабря 1872 года. Бывая каждый день въ собраніи почти два года, я слышалъ эту рѣчь—и она произвела на меня нѣкоторое впечатлѣніе; вотъ что сказалъ герцогъ о возможности предупредить будущую революцію и остановить теченіе радикальныхъ идей:

«Франція спокойна, крестьянинъ требуетъ *только* мира и свободнаго сбыта своихъ продуктовъ; приговоримъ законы въ этомъ смыслѣ и поставимъ **дисциплинированную силу** *печатной и фактической агитаціи*».

Герцогъ—человѣкъ практическій, политически не суевѣрный и если добьется портфеля или проведетъ и Брольи и Деказа вмѣстѣ, то будетъ держаться деспотическаго и развращающаго принципа Гизо: enrichissez vous! О свободѣ и самоуправленіи не мечтайте—это роскошь; будете богаты-молъ, какими бы то ни было средствами, — будете свободны въ томъ смыслѣ, что можете обходить любой законъ. Такова грустная теорія ловкаго герцога.

Будетъ ли выброшена вся масса грязныхъ интригъ монархистовъ и конституціоналистовъ на задній дворъ республики — покажетъ будущее!

II.

Версаль. Національное собраніе 1873 г. 13 (25) декабря

Il faut qu'une porte soit ouverte ou fermée, говоритъ пословица, намекая на то, что всякое statu quo хорошо только тогда, когда оно опредѣленно. Если національное собраніе положило заверсть двери реставраціи монархіи Бурбоновъ вслѣдствіе неуступчивости графа Шамбора, то естественнѣе всего открыть дверь республикѣ, такъ какъ орлеанская монархія также невозможна и даже *нелегальна* послѣ свиданія графа Парижскаго съ Шамборомъ въ Зальцбургѣ. Настоящій порядокъ вещей во Франціи отличается крайней неопредѣленностью; «какое зрѣлище представляетъ намъ политика теперешняго правительства»? спрашиваетъ République Française въ сегодняшнемъ нумерѣ 13 (25) декабря?

«Эта политика,—отвѣчаетъ упомянутая газета,—отличается непослѣдовательностью, запутанностью и слѣпымъ стремленіемъ къ реакціи. И дѣйствительно, рядомъ съ парламентарными положеніями *будто бы свободной страны* мы встрѣчаемъ самые деспотическіе декреты, стѣсненіе печатнаго слова и полнѣйшую свободу монархистовъ пропагандировать монархію и подрывать республику». Словомъ, теперешнее правительство, носящее названіе республиканскаго, считаетъ своими друзьями и ревнителями общественнаго спокойствія тѣхъ, которые стараются низвергнуть республику. Я ужс говорилъ вамъ, какая участь ожидаетъ институтъ мэровъ: изъ лицъ избирательныхъ они превратятся въ чиновниковъ правительства и будутъ чѣмъ-то въ родѣ суб-суб-префектовъ, если можно такъ выразиться. Вы знаете также, что будущій избирательный законъ ограничитъ избирательное право настолько, что выброситъ вонъ почти одну треть изъ массы избирателей. Можете ожидать, въ дополненіе къ вышесказанному, что будетъ возстановленъ даже цензъ, и кто знаетъ — можетъ быть и пэрство.

Конечно, даже поверхностный наблюдатель пойметъ, что подобный порядокъ просуществуетъ не долго, ибо огромное большинство націи и половина войска вполнѣ сочувствуютъ республикѣ. Вопросъ, слѣдовательно, заключается въ слѣдующемъ: къ чему монархисты, стоящіе теперь во главѣ правленія, предпринимаютъ походъ противъ законныхъ стремленій страны? Неужели они только наивные дѣятели, которые n'ont rien appris et rien oubliés? Я слишкомъ уважаю человѣческую личность, чтобы предполагать иное. Въ позавчерашнемъ засѣданіи, (23) 11 декаб., былъ возбужденъ вопросъ о возвращеніи императрицѣ Евгеніи музея древняго оружія въ Фонтенебло и 2,800,000 франковъ недоплаченныхъ по цивилистѣ. Министръ торговли, г-нъ Деселиньи, сказалъ весьма робко и видимо ощупывая почву, что правительство не видитъ никакого препятствія допустить къ преніямъ этотъ вопросъ, который имѣетъ законную основательность съ точки зрѣнія императрицы. но что правительство нисколько не предрѣшаетъ его въ настоящее время. Очевидно, что правительство не желаетъ потерять 28 бонапартистскихъ шаровъ; впрочемъ, оно любезничаетъ со всѣми партіями, кромѣ радикаловъ, и остается весьма благодарнымъ всякому перебѣжчику изъ какого бы то ни было лагеря. Разыгрывая политическое соло на 30 голосахъ, оно, понятно, ничѣмъ не брезгаетъ. Я сказалъ 30 голосовъ, а не 70, полученныхъ правительствомъ въ послѣднюю вотировку, потому что остальные 40 голосовъ вотировали вовсе не за кабинетъ Брольи или даже не за маршала Макъ-Магона, а просто за консерватизмъ и за реакцію; эти 40 голосовъ ожидаютъ только случая, чтобы вотировать за консерваторовъ и реакціонеровъ изъ своего лагеря, т. е. за Деказа или Одиффре-Пакье. Далѣе, изъ этихъ злополучныхъ 30 голосовъ большинства нужно выкинуть 11 членовъ лѣваго центра, которые уже публично заявили, что будутъ вотировать противъ правительства въ законѣ о мэрахъ и избирательномъ—и даже противъ изготовляемой конституціи коммиссіей 30-ти, если она будетъ монархистская. И такъ la vraie majorité правительства состоитъ изъ 19 человѣкъ, которые также далеко не надежны, ибо принадлежатъ къ группѣ практическаго Тарже, нынѣ посланника въ Гагѣ. Вотируютъ же они въ числѣ 60 и 70 за настоящее правительство, потому что намѣченные одними главы кабинета, какъ-то: Деказъ и Ларошфуко-Бизачія, а другими изъ нихъ Одиффре Пакье и герцогъ Омальскій—не успѣли еще организовать достаточно сильную партію. Во всякомъ случаѣ, если орлеанистамъ и удастся заправлять Франціей вмѣстѣ съ герцогомъ д'Омаль, то во всякомъ случаѣ послѣ кабинета Деказа pour que ces messieurs aie t le temps de s'user.

Съ такими-то любезными мыслями уступаютъ шагъ орлеанисты приверженцамъ традиціонной монархіи, которые думаютъ низвергнуть республику посредствомъ полулиберальной конституціи. Эти господа (орлеанисты и герцогъ Омальскій) поставили своимъ девизомъ—терпѣніе, и весьма хорошо знаютъ, что будущее правительство продержится нѣсколько мѣсяцевъ и что послѣ него вопросъ упростится до слѣдующаго: демократическая-ли республика послѣ неизвѣстныхъ результатовъ борьбы съ консерваторами, или же аристократическая республика съ герцогомъ Омальскимъ,—что выберетъ Франція?

Въ избирательномъ законѣ большинство собранія будетъ держаться принциповъ 31 мая 1851 года, когда такой же законъ былъ вотированъ въ угоду Наполеону III. Въ это злополучное засѣданіе Тьеръ произнесъ одну фразу, отъ которой отрекся въ настоящее время, но которая много повредила ему въ эти 22 года. Въ это время онъ принадлежалъ, касательно вопроса о suffrage universel, къ той группѣ политическихъ мыслителей, которая желала очистить отъ плевелъ массу избирателей ограниченіемъ права вотировать;—это убѣжденіе и побудило его выразиться о пролетаріяхъ que c'est une vile multitude. Эта vile multitude въ лицѣ своихъ представителей и дала себя почувствовать въ послѣднее время, хотя Тьеръ публично назвалъ свое выраженіе несчастнымъ *и вполнѣ ошибочнымъ*. Но пословица оправдалась: въ пору сказанное слово — серебряное; въ пору умолчанное — золотое. Пренія объ избирательномъ законѣ будутъ весьма интересны, хотя совершенно всѣмъ извѣстно, что избирательное право будетъ ограничено 25-лѣтнимъ возрастомъ и 2-мя годами постояннаго мѣстожительства. Интересъ сосредоточится цѣликомъ на крайней оппозиціи, которая, въ лицѣ Гамбеты, Луи Блана, будетъ стоять за радикальное приложеніе права избирать. Умѣренная лѣвая, въ лицѣ Тьера, Дюфора, Леона Сэ, Дювержье де Горана, будетъ также отстаивать полноту избирательнаго права. Теперешній кабинетъ ничего не уступитъ—это вѣрно; но можно предположить, что Деказъ или Одиффре-Пакье, желая добиться власти, пойдутъ кое на какія сдѣлки, чтобъ перетянуть нѣсколько голосовъ изъ лѣваго центра и составить себѣ кое-какое большинство. Вѣроятнѣе всего, что лѣвая приметъ сдѣлку, ибо избавить suffrage universel отъ ограниченій и урѣзокъ нѣтъ никакой возможности въ настоящее время. Законъ о мэрахъ идетъ также въ разрѣзъ съ общественнымъ мнѣніемъ, ибо теперь замѣчается огромное стремленіе во Франціи къ децентрализаціи экономической и политической. Всѣ эти рестриктивные законы имѣютъ цѣлью «*обуздать радикализмъ*», который, пожалуй, можно обуздать такими средствами во всякой другой странѣ—только не во Франціи, гдѣ самыя ярыя проявленія революціонныхъ идей требуютъ только *регулированія*. Ни одна династія не могла удержаться во Франціи болѣе 15-ти или 20 лѣтъ, не смотря ни на какія уловки, не смотря ни на какой деспотизмъ. Le rire Gaulois открываетъ обыкновенно кампанію; этотъ страшный всеразрушающій вольтеровскій смѣхъ подрываетъ и кредитъ и уваженіе ко всякой власти, требующей къ себѣ безусловнаго повиновенія. Критицизмъ—продолжаетъ дѣло; а баррикады, штыки и пушки доканчиваютъ его. Затѣмъ, нація пріобрѣтаетъ *клочекъ* той программы, изъ-за которой воздвигались баррикады, и реакція начинается опять на 15 — 20 лѣтъ. Желательно, слѣдовательно, чтобы во главѣ Франціи стояли такіе политики, которые поняли бы разумность республиканскихъ идей и, не торгуясь съ нею, поставили бы своей задачей регулировать политическую жизнь, охраняя всѣ честныя и либеральныя стремленія.

Н. Чашниковъ.

Смѣсь.

Сто лѣтъ тому назадъ. При вѣнскомъ дворѣ сто лѣтъ тому назадъ всѣ придворныя дамы и даже сама императрица носили такія открытыя платья, что Авраамъ Санкта-Клара проповѣдовалъ противъ такой нескромности съ каѳедры, заключивъ разъ свои увѣщанія слѣдующими словами: «женщины, обнажающія себя такимъ образомъ—недостойны даже плевка имъ въ лицо». Импе-

Библиотека "Руниверс"

ратрица, обиженная этими словами, велѣла ему сказать, что онъ лишится своей должности, если не возьметъ ихъ назадъ. Въ слѣдующее воскресенье онъ исполнилъ это такъ: „Я говорилъ прошлый разъ: «женщины, носящія такія открытыя платья, не стоятъ чтобы имъ плюнуть въ лицо; беру торжественно свое слово назадъ и объявляю: онѣ стоятъ этого!»

Слѣдующая всемірная выставка. Какъ извѣстно, слѣдующую всемірную выставку хотятъ устроить американцы въ 1876 г. въ Филадельфіи. Уже назначена конкуренція на составленіе плановъ для зданія выставки. Выставка эта въ отношеніи пространства будетъ обширнѣйшей изъ всѣхъ бывшихъ до сихъ поръ всемірныхъ выставокъ, такъ какъ опредѣленное для нея мѣсто равняется 450 акрамъ. Вторая парижская выставка занимала всего 100 акровъ пространства; такую же площадь обнимала нынѣшняя вѣнская выставка. Выставка будетъ открыта въ день празднованія столѣтней годовщины американской независимости. Жители Филадельфіи уже теперь изо всѣхъ силъ хлопочутъ о томъ, чтобы сдѣлать выставку возможно величественнѣе. За десять лучшихъ рисунковъ для зданія выставки назначены преміи по 1000 долларовъ — и въ настоящее время коммиссія получила уже сорокъ плановъ. Распорядительные комитеты уже начали свою дѣятельность: городское управленіе 4-го іюля уже передало въ распоряженіе коммиссаровъ мѣсто, на которомъ должно быть воздвигнуто зданіе.

Госпожа Елиза Веббъ Юнгъ, семнадцатая супруга мормонскаго пророка, начавшая, какъ извѣстно, процессъ о разводѣ съ своимъ многоженнымъ мужемъ, излила въ газету «New-Jork-Herald» всѣ страданія своей замужней жизни. Существенная часть этихъ жалобъ заключается въ слѣдующемъ: госпожа Юнгъ была уже замужемъ и въ разводѣ съ мужемъ; она жила у своихъ родителей, ведя самый уединенный образъ жизни, когда въ первый разъ увидала Брейгама Юнга. Она не приняла его предложенія— ей было 22 года, ему 67, и, кромѣ того, она относилась неблагосклонно къ многоженству. Однако, такъ какъ ей надо было помочь брату, навлекшему на себя немилость пророка, она согласилась выйдти замужъ за своего престарѣлаго поклонника, который обѣщалъ ей хорошо меблированный домъ и 1000 долларовъ годоваго дохода. Въ день свадьбы онъ подарилъ ей три платья и банковый билетъ въ 50 долларовъ, но съ тѣхъ поръ поступалъ съ ней самымъ скряжническимъ образомъ. Черезъ годъ послѣ свадьбы, онъ помѣстилъ ее въ одну кухмистерскую на хлѣбы; тамъ ей давали въ мѣсяцъ около 5 фунтовъ сахару, 1/4 фунта чаю, 1 кусокъ мыла и 1 фунтъ свѣчей. Часто она по мѣсяцамъ сидѣла безъ мясной пищи. Послѣ этого она получила отъ Юнга позволеніе самой открыть кухмистерскую, но ей неповезло. Она захворала и стала жаловаться Юнгу на свое горе. Тогда онъ позвалъ «семейнаго каммергера» и велѣлъ давать ей двѣ порціи мяса. Вскорѣ затѣмъ она оставила пророка и подала на него настоящую жалобу. Госпожа Юнгъ прибавляетъ къ этому, что если она начнетъ процессъ, то и другія послѣдуютъ ея примѣру, такъ какъ многія жены Юнга очень огорчены его пристрастіемъ къ Амеліи, фавориткѣ. Что же касается до поданной ею же жалобы о возмѣщеніи убытковъ, то она помирилась на 1500 долларовъ и взяла назадъ жалобу. Она, конечно, не получила и десятой доли того, на что имѣла претензію, но по ея мнѣнію, тощая мировая лучше жирнаго процесса; а пророкъ-то, вѣроятно, предвидѣлъ пораженіе, и потому также согласился на сдѣлку. Впрочемъ, по слухамъ, адвокаты, которымъ госпожа Елиза Юнгъ поручила веденіе своего процесса, не соглашаются на заключенную мировую и хотятъ самовластно продолжать процессъ.

Разныя извѣстія

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Начальнику Варшавскаго жандармскаго округа, генералъ-адъютанту, генералъ-лейтенанту барону Фредериксу, Всемилостивѣйше повелѣно быть генералъ-губернаторомъ Восточной Сибири и командующимъ войсками Восточнаго Сибирскаго военнаго округа.

— Уполномоченный Туркестанскаго генералъ-губернатора заключилъ съ эмиромъ бухарскимъ *новый договоръ*. Независимо отъ болѣе пространнаго и основательнаго опредѣленія торговыхъ отношеній, договоромъ этимъ означены новыя границы Бухары съ Хивою и уничтожено рабство и торговля невольниками въ ханствѣ.

Государственный совѣтъ, въ департаментѣ государственной экономіи и въ общемъ Собраніи, *мнѣніемъ положилъ*: Всякое рыболовство въ рѣкѣ Волгѣ и рукавахъ ея отъ устья до гор. Камышина запрещается съ 15-го мая по 15-е іюля. На томъ же пространствѣ но не въ самой Волгѣ и рукавахъ ея, а въ придаточной системѣ водъ, лежащихъ по дельтѣ Волги и въ дельтѣ ея (какъ то: въ рѣчныхъ заливахъ, озерахъ, ильменяхъ, поляхъ и въ соединяющихъ ихъ съ Волгою и рукавами ея постоянныхъ или временныхъ протокахъ и ерикахъ) запрещается всякое рыболовство съ 15-го апрѣля по 15-е мая. Зимній подледный ловъ въ морѣ производится безъ всякихъ ограниченій въ числѣ, мѣстѣ и направленіи снастей на всемъ пространствѣ моря, предоставленномъ вольному промыслу; но предѣлъ устьямъ Волги и сѣверныхъ рукавовъ Терека, т. е. въ бакенномъ пространствѣ, зимній подледный ловъ допускается лишь крючковою снастью.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе государственнаго совѣта 22-го ноября 1873 года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

— Комитетъ по дѣламъ Царства Польскаго, въ засѣданіи 6-го ноября 1873 года разсмотрѣвъ представленіе управлявшаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, отъ 29-го іюня 1873 г., о распространеніи на губерніи Царства Польскаго статей 601 и 602 т. XIV уст. о пасп. и бѣгл., *полагалъ*: Распространить на губерніи Царства Польскаго дѣйствіе 601 и 602 т. XIV уст. о пасп. и бѣгл. св. зак. изд. 1857 г., съ предоставленіемъ права на полученіе наградныхъ денегъ въ размѣрѣ, опредѣленномъ означенными статьями, и помѣщикамъ изъ нижнихъ чиновъ таможеннаго вѣдомства. Всѣ несогласныя съ симъ дѣйствовавшія по нынѣ въ губерніяхъ Царства Польскаго постановленія отмѣнить.

Государь Императоръ на журналѣ комитета 22-го ноября 1873 г. соизволилъ написать Собственноручно: «*Исполнить*»

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Изъ донесенія командира корвета «Витязь», капитана 1-го ранга Назимова 1-го, изъ *Нагасаки*, отъ 10-го (22-го) сентября, между прочимъ, видно, что, стоя на Юкагамскомъ рейдѣ подъ флагомъ контръ-адмирала Брюммера, корветъ снялся съ якоря для слѣдованія въ Хакодате, куда и прибылъ 28-го іюля. Выйдя затѣмъ изъ Хакодате въ дальнѣйшее плаваніе, корветъ прибылъ 15-го августа въ *бухту Находка на островѣ Аскольдѣ*. Эта прекрасная, спокойная бухта съ красивыми берегами совсѣмъ покинута какъ русскими, такъ и манзами; послѣдніе, получивъ запрещеніе вывоза морской капусты изъ этой бухты, обратились въ золотопромышленниковъ на островѣ Аскольдѣ. 16-го (28-го) августа, въ 7 часовъ утра, адмиралъ съ офицерами отправился на паровомъ катерѣ съ вельботомъ на буксирѣ въ рѣку Сучанъ, гдѣ посѣтилъ *русскіе деревни Владиміровское и Александровку*. Въ одной изъ нихъ живутъ переселенцы, а въ другой—поселенцы. Обѣ деревни обладаютъ огромными тучными полями и сѣнокосомъ, производящими съ избыткомъ сельскіе полевые продукты, но къ сожалѣнію трудъ ихъ—увеличивать хлѣбовашество—остается невознагражденнымъ, по неимѣнію мѣста сбыта продуктовъ. Одинъ изъ крестьянъ выразился такъ: «собравъ нынѣшній урожай, хоть два года не работай». Въ 6 часовъ вечера адмиралъ возвратился на корветъ.

— Въ Кронштадтѣ съ первыхъ чиселъ декабря начались *вечернія лекціи для нижнихъ чиновъ*, съ волшебнымъ фонаремъ и туманными картинами. Лекціями этими, какъ и въ прошломъ году, завѣдываетъ капитанъ 1-го ранга Н. П. Бѣлавенецъ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

На осеннемъ промыслѣ сельдей въ Кандалакшской губѣ въ селеніи Кандалакшѣ выловлено 9.000 боченковъ, въ селеніяхъ Керети и Черной-Рѣкѣ 2.000, въ Ковдѣ 2.500 и въ Княжей губѣ 3.500 боченковъ, а всего 17.000 сельдянокъ. Это количество сельдей заготовлено собственно для продажи. Считая мѣстныя цѣны среднимъ числомъ по 15 коп. за боченокъ, сельдяной промыселъ далъ населенію около 2.350 рублей. Кромѣ того, крестьянами названныхъ деревень сдѣланы достаточные запасы для собственнаго продовольствія. Въ Поньгамской губѣ, гдѣ осенняя сельдь послѣ 15-тилѣтняго отсутствія появилась въ октябрѣ, ея выловлено до 1 900 пудовъ крестьянами Поньгамской и Лѣтнерѣцкой деревень.

—*На морскихъ звѣриныхъ промыслахъ* Зимнемъ, Кедовскомъ, Устьинскомъ и Вешнемъ участвовало около 3.000 промышленниковъ на 513 лодкахъ; убито ими съ небольшимъ 2.000 звѣрей, на сумму 20.500 рублей. Такъ какъ въ то же время на производство промысловъ затрачено (провизія, промысловые снаряды и проч.) 25.953 рубля, то промыслы и въ текущемъ году должны быть отнесены къ числу неудачныхъ. Только меньшинство промышленниковъ, преимущественно крестьяне Золотицкой и Койденской волостей, были болѣе счастливы; что касается промышленниковъ остальныхъ мѣстностей, то они хотя и били удачно звѣрей на зимнихъ промыслахъ, но не могли вывести ихъ къ берегу и бросили въ море, надѣясь на лучшую добычу на Устьинскихъ промыслахъ. Но и на эти послѣдніе они не могли прибыть во время, такъ какъ путь на Устьинскіе промыслы былъ загроможденъ льдами, нескрошенными бурями до того, что тащить во нимъ лодки было невозможно.

— По извѣстіямъ «Олон. Губ. Вѣд.», въ Мяндусельской волости, *Повѣнецкаго* уѣзда, открыты въ двухъ мѣстахъ *месторожденія бураго желѣзняка* и въ одномъ *магнитнаго*.

ТОРГОВЛЯ.

Подвозъ хлѣба въ Одессу по желѣзной дорогѣ въ настоящее время значителенъ: ежедневно подвозится по 300 вагоновъ и болѣе. Всѣ почти станціи завалены хлѣбомъ, но свободныхъ вагоновъ мало. За доставку хлѣба съ товарной станціи въ городъ платится по 5—8 р. отъ вагона, и извощики успѣваютъ въ день четыре раза вернуться изъ города въ вокзалъ.

—*Въ Астрахани* въ теченіе октября сего

Библиотека "Руниверс"

года привезено изъ Персіи товаровъ на 63.628 руб. 57½ к. и отправлено въ Персію на 272.942 р.

НОВЫЯ ИЗОБРѢТЕНІЯ.

— Химикъ *Лудовикъ Шмидецкій*, въ началѣ августа настоящаго года, представилъ главнокомандующему войсками Варшавскаго военнаго округа нѣсколько *консервовъ* своего приготовленія и изобрѣтенія, и просилъ распоряженія генералъ-фельдмаршала объ испытаніи и изслѣдованіи представленныхъ имъ образцовъ. Въ числѣ послѣднихъ были: консервы изъ гороха для варки изъ нихъ супа или похлебки; консервы изъ ржаныхъ сухарей; консервы, приготовленные изъ ржи, для употребленія ихъ безъ предварительной варки или печенія, и нѣкоторые другіе. Изобрѣтатель придалъ своимъ консервамъ форму обыкновеннаго кирпича, почему онъ ихъ и назвалъ кирпичами.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

На разсмотрѣніе *с.-петербургской* городской думы былъ внесенъ докладъ особой коммиссіи по предмету устройства новаго постояннаго черезъ р. Неву въ С.-Петербургѣ моста взамѣнъ Литейнаго.

Въ настоящее время, техническій, одобренный городскою думою съ нѣкоторыми замѣчаніями, проектъ на устройство моста представленъ въ министерство внутреннихъ дѣлъ.

— *Таганрогская* городская дума одобрила выработанный городскою управою проектъ условій для устройства водопровода въ Таганрогѣ посредствомъ частной предпріимчивости.

—Въ Уфѣ, 9-го минувшаго ноября, открытъ *пріютъ для престарѣлыхъ бѣдныхъ женщинъ*, учрежденный уфимскимъ попечительнымъ комитетомъ о бѣдныхъ.

— Въ Нѣжинѣ — по словамъ газеты «Кіевлянинъ»—предполагается открыть подписку для сооруженія *памятника Гоголю*, предъ зданіемъ лицея, на лицейскомъ дворѣ или въ лицейскомъ саду, гдѣ до сихъ поръ указываютъ дерево, подъ которымъ любилъ сидѣть Гоголь въ школьные годы своей жизни.

— Въ Олонецкой губерніи, 18-го ноября, открыто *въ Лодейномъ-Полѣ* новое *городское общественное управленіе*, на основаніи Высочайше утвержденнаго 16-го іюня 1870 года городоваго положенія.

НЕСЧАСТІЯ.

Вслѣдствіе свирѣпствовавшей въ *Рижскомъ заливѣ* съ 21-го по 23-е и въ ночь на 24-е минувшаго ноября *бури*, произошелъ сильный *разливъ моря*, причинившій въ купальныхъ мѣстахъ *Дуббельнъ, Маіоренгофъ* и другихъ значительныя опустошенія. Всѣ купальныя будки, за исключеніемъ расположенныхъ на возвышеніи, опрокинуты и разрушены; въ Маіоренгофѣ купальное заведеніе доктора Нордштрема повреждено, а купальное заведеніе Циммермана въ Дуббельнѣ совершенно разрушено. Вдоль всего морскаго берега образовался песчаный валъ вышиною отъ 6 до 7 футовъ, и сообщеніе въ этой мѣстности сдѣлалось невозможнымъ ни для пѣшеходовъ, ни для проѣзжихъ.

— *Въ Ярославской губерніи* въ 1872 году было 453 *пожара*, изъ нихъ въ городахъ 30 и въ уѣздахъ 423, слѣдовательно, по числу 9.660 населенныхъ мѣстъ губерніи, на каждыя 22 изъ нихъ въ теченіе года приходится одинъ пожарный случай. Число сгорѣвшихъ дворовъ (въ смыслѣ дома съ принадлежащими къ нему холодными — нежилыми строеніями) простирается по губерніи до 2 807, изъ которыхъ на долю городовъ относится 20 и уѣздовъ 2.787 дворовъ. *Убытки* потерпѣвшихъ исчисляются по губерніи въ 992.164 рубля, изъ которыхъ на долю горожанъ падаетъ только 53.480 р.; на этихъ пожарахъ погибло 14 человѣкъ (5 мужчинъ и 9 женщинъ) въ томъ числѣ 5 дѣтей.

НОВЫЯ КНИГИ.

Любимовъ, Г. М. Дневныя морскія записки, веденныя на кораблѣ «Уріилъ» во время плаванія его въ Средиземномъ морѣ съ эскадрою, подъ начальствомъ вице-адмирала Сенявина состоявшею. Части II и III. Спб. Тип. морск. мин. 8 д. 237 — 708 стр. 600 экз.

Любимовъ, Н. Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванія. Москва. Унив. тип. 8 д. III—989 стр. 3.000 экз. Цѣна 3 р.

СОДЕРЖАНІЕ: На травѣ (очерки кавалерійской жизни) **Всеволода Крестовскаго**.—Принцъ Альфредъ Великобританскій и Великая Княжна Марія Александровна (съ портретами ихъ Высочествъ).—У влеса (Кр ртинка) **В. И. Немировича-Данченки**.—Ростовъ-на-Дону (съ видомъ пристани). — Новый годъ (стихотворенія) — Новая страна чудесъ.—Знакомый домъ крестьянина Костромской губерніи (съ рисункомъ).—Кока, — Изъ Версали (собственная корреспонденція «Нивы») **Н. Чашникова**. — Смѣсь. — Разныя извѣстія. — Моды за январь съ 20 рисунками.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся въ Самарской губерніи.

Въ Редакціи „Нивы" получено: переносъ изъ № 52 1874 г. 274 р. 95 к., отъ П. А. 50 к., М. А. Плакид въ Тулѣ 5 р., П. въ Москвѣ 50 к., К. въ Х. 50 к., Я. Л. Б. въ село А. 3 р. 50 к., Е. въ Ч 71 к., въ Т. Рост. 50 к. Лядовой въ Шуѣ 9 р. 50 к., Б. У. въ М. 50 к., С. въ 50 к., Ч. въ Р. 4 р. 35 к., Б. въ Б. 1 р. 50 к., Р. въ О. 50 к., А. въ Е. 50 к., Б. въ О. 1 р., Г. Т, въ Ш. 3 р. Итого 308 р. 61 к.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ Больш. Морск., № 9.

„НИВА"

1870. 1871, 1872 и 1873 годовъ.

Каждый годъ отдѣльно составляетъ цѣлый томъ «НИВЫ», 832—880 страницъ, печатанныхъ на лучшей бумагѣ, и содержитъ въ себѣ 140—250 художественно-выполненныхъ рисунковъ, служащихъ нагляднымъ объясненіемъ къ тексту разсказовъ и статей, обнимающихъ собою всѣ области человѣческаго знанія. Можетъ служить роскошнымъ альбомомъ, а также весьма полезной и интересной настольной книгой

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ:

брошюрованному	4 р.	к.
съ пересылкою	5 »	
въ простомъ переплетѣ	4 »	50 »
съ пересылкою	5 »	50 »
въ изящномъ каленкоровомъ переплетѣ, съ золотымъ тисненіемъ	5 »	50 »
съ пересылкою	6 »	50 »

Подписчики 1874 г., выписывающіе всѣ четыре предъидущіе тома „НИВЫ", пользуются уступкою 25%.

Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко переплести въ нее нумера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки 1 руб., съ перес. 1 руб. 50 коп. Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на 1874 г., которыя могутъ служить въ теченіе года для сохраненія №№ какъ портфель.

ВО ВСѢХЪ ИЗВѢСТНЫХЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ПРОДАЮТСЯ

Очерки современной Англіи Соч. *Тэна*, 1 р. 50 к.

Берлинскія народныя кухни. Соч. *Лины Моргенштернъ*. Ц. 50 к.

Военно-хирургическія наблюденія во время франко-германской войны. Соч. проф. И. медико-хирургической академіи *К. Геннера*. Съ 27 политип. Ц. 1 р. 50 к.

Характеръ. Соч. *Смайльса*. Первое русское изданіе (Одобрено ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія и учебнымъ комитетомъ при IV отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи для чтенія воспитанникамъ и воспитанницамъ мужскихъ и женскихъ гимназій). Ц. 2 р.

Приключенія трехъ русскихъ и трехъ англичанъ въ южной Африкѣ. Соч. *Жюля Верна* Ц. 1 р. 50 к.

МАГАЗИНЪ БУМАГЪ

КОНСТАНТИНА ЧЕРНОХВОСТОВА.

гостиный дворъ, № 35.

ВНОВЬ ПОЛУЧЕНЫ:

Бомбоньерки — отъ 5 коп. за штуку.
Хлопушки съ сюрприз. — отъ 10 коп.
Елки — отъ 15 к. и украшенія для нихъ.
Свѣчи парафиновыя цвѣтныя пачка — 25 коп.
Цвѣты фарфор. въ натуральн. видѣ — 75.
Цвѣты разн. величины отъ 1 р. 60 к. за пару.

Вещи въ папье маше, съ русской живописью, и самый разнообразный выборъ вещей для подарковъ.

ПОДСТАКАННИКИ разныхъ новѣйшихъ фасоновъ въ большомъ выборѣ изъ лучшаго качества мельхіора можно найти въ магазинѣ

Александра Качъ,

на Невскомъ, противъ думы, въ домѣ Европейской Гостиницы №3/36.

Гг. иногороднымъ высылаютъ по требованію иллюстрированные каталоги, безплатно.

зволено цензурою С.-Петербургъ. 9 Марта 1876 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ Спб. Больш. Морская, д. № 9. Тип. Болькина, Англ. пр. № 10.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 2 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

Выданъ 7 января 1874 года. Годъ V. Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1874 Г.

НИВА ВЫХОДИТЪ КАКЪ И ВЪ ПРОШЕДШІЕ 4 ГОДА КАЖДУЮ НЕДѢЛЮ.

Въ 1874 году будутъ приложены разныя **безплатныя преміи**, также какъ и въ 1873, на полученіе которыхъ **имѣетъ право каждый подписчикъ, уплатившій подписную цѣну за весь годъ сполна.**

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ПОСТОЯННО.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА 1874 ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ. 4 р.

II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева . . 4 р. 50 к.

III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ . 5 р.

IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію . . . . . 5 р. 50*) к.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп. можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

На травѣ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ.)

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

Странное и какое-то смѣшанное впечатлѣніе производитъ этотъ «палацъ солмяны», брошенный среди лѣса и заглохшаго парка, въ южной части громадной Гродненской пущи, на берегу широкаго и прекраснаго озера. Поглядѣть на него снаружи — низенькій, одноэтажный, деревянный домишко подъ соломенною кровлею, построенный глаголемъ, и только. Кажись бы, ровно ничѣмъ не отличается отъ сотень тысячъ подобныхъ же шляхетскихъ соломенныхъ палацовъ, въ изобиліи раскинутыхъ по всей Литвѣ и вообще по Западному краю. Но чуть вступишь подъ его убогую кровлю, тутъ и начинается это странное, смѣшанное впечатлѣніе. Внутри рядъ низенькихъ, темноватыхъ комнатъ, съ маленькими окнами, съ потолкомъ, настланнымъ поверхъ поперечныхъ балокъ, съ бѣленькими стѣнами и некрашенымъ поломъ. Мебель сбродная, стародавняя и дубовато-крѣпкая, всѣмъ характеромъ и видомъ своимъ обличающая несомнѣнное мѣстное происхожденіе. Все такъ сѣро и скудно, и ото всего вѣетъ какимъ-то сыровато-затхлымъ холодомъ запустѣнія и нѣкоторою мрачностью. Но тѣмъ сильнѣе, тѣмъ поразительнѣе дѣйствуетъ на васъ неожиданный видъ драгоцѣнныхъ предметовъ самой изысканной артистической роскоши, собранныхъ въ этихъ бѣдныхъ стѣнахъ, подъ этою соломенною кровлею. Въ углахъ стоятъ китайскіе боги и японскія фарфоровыя вазы, болѣе чѣмъ въ полтора аршина вышиною, испещренныя затѣйливою живописью; на окнахъ и на простыхъ тесовыхъ столахъ тоже красуются подобные же сосуды, нѣсколько меньшихъ объемовъ, носящіе на себѣ клейма китайскихъ, японскихъ и древнихъ мавританскихъ мастеровъ, рядомъ съ произведеніями королевско-саксонской и севрской фабрикъ. Стеклянный шкафъ на которомъ скалитъ зубы чей-то желтый черепъ, облаченный въ древній рыцарскій шлемъ, наполненъ дорогимъ и рѣдкимъ хрусталемъ и коллекціей дорогихъ яшмъ, аметистовъ, лазореваго камня, малахитовъ и другихъ наиболѣе цѣнныхъ горныхъ породъ. На стѣнахъ,

Библиотека "Руниверс"

въ старинныхъ золоченыхъ рамахъ, почернѣвшихъ отъ времени, висятъ прекрасныя картины, принадлежащія кисти старыхъ, хорошихъ мастеровъ испанской и французской школы. Но, Боже мой, въ какомъ запущеніи, въ какомъ упадкѣ всѣ эти драгоцѣнныя коллекціи! Иныя картины прорваны и облуплены, хрусталь побитъ, нѣкоторыя вазы сломаны... Жалко и больно смотрѣть на эти дивныя вещи,—и вмѣстѣ съ тѣмъ становится досадно на невѣжественную небрежность людей, несумѣвшихъ соблюсти и сохранить ихъ какъ должно. Но какой странный контрастъ представляютъ всѣ эти предметы искуства и роскоши съ этими потолочными балками, съ этими бѣдными низенькими стѣнами соломеннаго палаца! Странное присутствіе ихъ въ этихъ нежилыхъ, мрачныхъ и скудныхъ покояхъ кажется вамъ какимъ-то рѣзкимъ диссонансомъ,—и невольно рождается вопросъ: кому, когда, зачѣмъ и для чего пришла идея совокупить и погребсти отъ свѣта всѣ эти коллекціи подъ непривѣтливою кровлею убогаго домишки, одиноко брошеннаго среди пустыря Гродненской пущи?

Тотъ, кто сдѣлалъ это, былъ, въ своемъ родѣ, замѣчательнымъ человѣкомъ, и память о немъ сохранилась по преданію еще и доселѣ, далеко за предѣлами Ильяновскаго фольварка.

Это былъ нѣкто Валицкій, польскій шляхтичъ, называвшій себя—правильно или неправильно—графомъ. Жизнь его, исполненная разныхъ приключеній, носила на себѣ загадочный и отчасти романическій характеръ. Одинъ изъ замѣчательныхъ авантюристовъ, почти современникъ знаменитаго Каліостро, шляхтичъ Валицкій являлъ въ себѣ нѣкоторыя типическія черты своего времени.

Бѣдный шляхтичъ захудалаго рода, онъ изъ милости получилъ воспитаніе въ домѣ «крайчаго литевскаго», пана Бучинскаго, гдѣ выказалъ замѣчательныя способности къ наукамъ. Преданіе говоритъ, что когда ему исполнилось восемнадцать лѣтъ, панъ Бучинскій, въ силу «старожитнаго» обычая, подарилъ ему бричку, четверку лошадей, пару пистолетовъ, ружье и саблю, снабдилъ бѣльемъ и нѣсколькими перемѣнами платья, да двумя-тремя рекомендательными письмами въ Вильну и въ Варшаву, и закрѣпилъ за нимъ мальчика-казачка, да кучера; за тѣмъ вручилъ ему сто червонцевъ, дозволилъ припасть къ своей ногѣ, дабы почтительно облобызать ее, и пустилъ въ подаренной бричкѣ на всѣ четыре стороны «въ умизги до фортуны», т. е. на волокитство за счастьемъ. Это было въ 1770 или 71-мъ году—и съ тѣхъ поръ о Валицкомъ ни на Литвѣ, ни въ Польшѣ не было слуху. Онъ исчезъ, какъ словно бы сквозь землю провалился. Но вотъ, проходитъ двадцать лѣтъ, въ Варшавѣ закипѣла революція—и въ разгаръ ея, въ этомъ вѣтреномъ, но прелестномъ городѣ вдругъ появляется воспитанникъ пана Бучинскаго,—но какъ появляется! Съ несомнѣннымъ состояніемъ въ нѣсколько милліоновъ и съ фантастическимъ титуломъ итальянскаго графа. Было много толковъ по поводу этого титула: одни утверждали, будто Валицкій самозванецъ; другіе доказывали, что онъ точно купилъ себѣ графство въ какомъ-то итальянскомъ владѣніи,—но какъ бы то ни было, а достовѣрно, что король Станиславъ-Августъ лично призналъ за нимъ этотъ титулъ и возвелъ въ кавалеры ордена Станислава 1-й степени, за щедрое пожертвованіе значительныхъ суммъ въ пользу учебныхъ заведеній. Еще болѣе толковъ и подозрѣній возбуждало загадочное происхожденіе его милліоновъ. Говорили, будто это громадное состояніе нажито карточною игрою, будто онъ выигралъ брильянты у королевы Маріи-Антуанетты, и примѣшивали къ этому вдобавокъ какое-то темное участіе въ исторіи знаменитаго «ожерелья королевы». Въ Ильяновскомъ фольваркѣ стоялъ прислоненный къ стѣнѣ подрамокъ съ огромнымъ холстомъ, на которомъ замѣчательно-сочною кистью изображенъ во весь ростъ Валицкій, съ задумчивыми голубыми глазами, среди роскошной обстановки богатаго кабинета. Онъ сидитъ въ креслѣ у стола, одѣтый въ богатый французскій кафтанъ; передъ нимъ стоитъ раскрытый ларецъ, наполненный драгоцѣнностями, а въ рукѣ изображены нити крупныхъ брильянтовъ, которыми фантастическій графъ какъ будто небрежно и задумчиво играетъ *). Картина дѣлаетъ нѣкоторое впечатлѣніе. Но всѣ эти невыгодные слухи относились исключительно къ темному и безвѣстному періоду жизни Валицкаго. Съ появленія же въ Варшавѣ и уже до конца своей жизни, онъ—какъ утверждаютъ—будучи страстнымъ игрокомъ, велъ большую игру необыкновенно счастливо, при чемъ, однако, случалось ему и проигрывать огромныя суммы. То былъ золотой вѣкъ азартной игры. Во всѣхъ значительныхъ городахъ Литвы и Польши, не говоря уже о Вильнѣ и Варшавѣ, разныя куртизанки открыто держали у себя игорные дома, куда стекалось польское панство и русское офицерство. Игра шла почти исключительно на одно только золото, которое цѣлыми грудами бывало навалено на зеленомъ полѣ, и ставки шли не на отдѣльныя монеты, а *на стопки*, т. е. понтеры ставили на карту стаканы, наполненные червонцами безъ всякаго счета. Цѣлыя шайки варшавскихъ шуллеровъ разъѣзжали по всему краю, рыскали по ярмаркамъ, слѣдовали за полками и отрядами и грѣли руки, гдѣ была лишь малѣйшая возможность. Въ этотъ азартный періодъ героями подобнаго сорта было составлено много значительныхъ состояній, извѣстныхъ на Литвѣ даже до послѣдняго времени.

Появясь въ Варшавѣ, Валицкій сразу произвелъ ослѣпляющее впечатлѣніе на общество. Манеры, тонъ, образъ жизни—все это было имъ усвоено такъ, что внушительно говорило всѣмъ и каждому о привычкѣ графа къ высшему обществу. Его связи со многими дворами и знаменитостями того времени были извѣстны всѣмъ, а баснословная щедрость, веселый нравъ и роскошь жизни доставили ему огромную популярность въ Европѣ. Даже гордые польскіе магнаты наперерывъ стремились пріобрѣсти дружбу и расположеніе загадочнаго графа. Онъ весь вѣкъ остался холостымъ человѣкомъ, но задавалъ балы и принималъ дамъ. Красавицы всей Европы добивались его благосклонности и постоянно толпились вокругъ золотыхъ грудъ игорнаго стола, который никогда не оставался закрытымъ въ его домѣ. Онъ игралъ въ высшей степени хладнокровно—съ тѣмъ «пріятнымъ изяществомъ», которое почитается наилучшимъ украшеніемъ хорошаго игрока. Никто не умѣлъ съ такимъ спокойствіемъ и любезностью проигрывать и отдавать громадные куши, какъ панъ грабя Валицкій,—но за то же никто не могъ и наказывать болѣе жестокимъ образомъ тѣхъ шуллеровъ, которые шайками врывались въ его домъ съ цѣлью пообчистить любезнаго графа. Замѣтивъ противъ себя комплотъ, онъ до послѣдней нитки обиралъ честную компанію, говоря ей въ назиданіе: «contre coquin — coquin et demi!», и за тѣмъ сейчасъ же отдавалъ весь выигрышъ въ пользу бѣдныхъ.

Что касается до темнаго періода его жизни, то тутъ разсказываютъ слѣдующіе факты:

Получивъ отъ пана Бучинскаго сто червонцевъ, молодой человѣкъ укатилъ изъ Могилева и предался игрѣ. Фортуна иногда ему улыбалась, но чаще поворачивалась спиною къ своему искателю и довела его въ одну прескверную ночь до того, что и бричка, и кони, и пистолеты, и бѣлье, и казачекъ съ кучеромъ—все это

*) Въ настоящее время, когда конфискованное Езерское имѣніе, принадлежавшее наслѣдинку Валицкаго, замѣшанному въ послѣднемъ возстаніи, куплено гр. Левашевымъ, портретъ этотъ перешелъ во владѣніе семейства г-жъ Костяковскихъ, въ Гроднѣ.

Библиотека "Руниверс"

осталось въ рукахъ шуллеровъ, а Валицкій очутился маркеромъ въ одномъ изъ лембергскихъ трактировъ. Долго влачилъ онъ это незавидное состояніе, посвящая все свободное время изученію карточныхъ фокусовъ, разсчетовъ и таинствъ игры,—и успѣлъ довести ловкость рукъ своихъ и соображеніе до степени геніальнаго совершенства. Въ такомъ-то положеніи столкнула его однажды судьба съ извѣстнымъ польскимъ магнатомъ, княземъ Фр. Сапегою, который, зайдя въ трактиръ поиграть на бильярдѣ, случайно обратилъ вниманіе на наружность и внѣшній лоскъ ничтожнаго маркера. Узнавъ, что въ этой должности состоитъ родовитый польскій шляхтичъ, Сапега не потерпѣлъ такого «униженія» своего сословія и взялъ съ собою Валицкаго въ Вѣну, гдѣ онъ и состоялъ нѣкоторое время у князя «на ласковомъ хлѣбѣ» въ качествѣ приживальщика, въ числѣ подобныхъ же шляхтичей, составлявшихъ дворъ и свиту знаменитаго магната. Отъѣзжая по дѣламъ въ Польшу, Сапега оставилъ Валицкаго въ Вѣнѣ и далъ ему денегъ «на разживу». Съ этого-то и пошелъ уже въ гору воспитанникъ Бучинскаго.

Однажды ночью онъ металъ банкъ въ долѣ съ нѣсколькими игроками мелкаго разбора, въ одномъ изъ самыхъ трущобныхъ вѣнскихъ трактирчиковъ. Счастье на сей разъ благопріятствовало Валицкому, карманы понтеровъ были уже пусты и компанія дольщиковъ намѣревалась уже забастовать, какъ вдругъ входитъ въ комнату «нѣкто» въ венгерскомъ костюмѣ, съ видомъ «таинственнаго незнакомца«, высокій, худощавый, длинноусый, и выдернувъ на-удачу какую-то карту, произноситъ тихо:

— Ва-банкъ!

Дольщики смутились, но Валицкій метнулъ на незнакомца внимательно зоркій взглядъ и приготовился метать. Компанія остановила его и потребовала напередъ, чтобы, во-первыхъ, были пересчитаны наличныя деньги банка, а во-вторыхъ, чтобы венгерецъ положилъ на столъ соотвѣтственную сумму.

— Душевно бы радъ, но, къ сожалѣнію, со мною нѣтъ ни копѣйки!—наотрѣзъ отказался незнакомецъ, и снова подвинувъ карту, повторилъ свое тихое «ва-банкъ».

Компанія, за исключеніемъ банкомета, продолжала сопротивляться столь оригинальному понтеру.

— Если вы, господа, честные люди, заявилъ наконецъ венгерецъ:—вы должны повѣрить мнѣ на честное слово.

Тѣ не соглашались. Тогда Валицкій, пересчитавъ банкъ, отдалъ его товарищамъ и сказалъ незнакомцу:

— Если вы, милостивый государь, обращаетесь къ моей чести, я охотно готовъ держать вамъ банкъ на ваше слово. Извольте, я держу вамъ одинъ, безъ участія этихъ господъ. Ваша карта?

Незнакомецъ не открылъ ея.

Валицкій молча началъ метать направо и налѣво.

Рискованная игра шла уже на чистую, но банкометъ отлично владѣлъ собою и казался совершенно спокоенъ.

— Бита! столь же спокойно и тихо произнесъ незнакомецъ, оборачивая свою карту,—и дѣйствительно, она была убита.

— Я попрошу васъ, прибавилъ онъ, обращаясь къ Валицкому:—отправиться со мною и получить деньги.

— Какъ вамъ угодно, сдержанно поклонился счастливый шляхтичъ.

— Но только я не желаю, чтобы ваши товарищи отправлялись вмѣстѣ съ вами: я приглашаю къ себѣ васъ одного, но никакъ не этихъ господъ! рѣшительно заявилъ венгерецъ.

— Какъ вамъ угодно, повторилъ Валицкій—и не взирая на доводы своихъ товарищей, опасавшихся отпустить его одного, послѣдовалъ за незнакомцемъ.

Они отправились. Пройдя нѣсколько глухихъ улицъ и переулковъ, путники вышли въ болѣе людную и безопасную часть города, гдѣ венгерецъ остановился у подъѣзда одного роскошнаго дома. Прислуга съ величайшимъ почтеніемъ раскрыла передъ нимъ дверь—и Валицкій вмѣстѣ со своимъ спутникомъ прошелъ въ кабинетъ черезъ анфиладу богатыхъ комнатъ. Пригласивъ своего гостя садиться, хозяинъ обратился къ нему съ вопросомъ:

— Извините за нескромность, но... скажите, кто вы такой?

— Претендентъ короны польской, любезно но совершенно серіозно отвѣчалъ Валицкій.

— По какому же праву?! широко раскрывъ глаза, изумился венгерецъ.

— По праву родовитаго польскаго шляхтича. Я—шляхтичъ Валицкій; а вамъ, конечно, извѣстно, что каждый изъ насъ имѣетъ законное право на выборъ въ короли.

— О, если такъ, то позвольте имѣть честь рекомендоваться! улыбнулся хозяинъ: — я князь Эстергази. Вамъ какъ претенденту на польскую корону, а мнѣ какъ венгерскому магнату, положимъ, хотя и не слѣдовало бы посѣщать такіе вертепы, въ какомъ мы столкнулись сегодня, но... я иногда дѣлаю это отъ скуки и изъ любопытства.

— А я для того, чтобы не умереть съ голоду, промолвилъ въ отвѣтъ Валицкій, и кстати разсказалъ ему свою біографію.

Этотъ случай сблизилъ его съ венгерскимъ магнатомъ, въ домѣ котораго, по прошествіи нѣкотораго времени, шляхтичъ претендентъ короны польской сталъ до такой степени «своимъ человѣкомъ», что Эстергази рѣшительно ни на шагъ не могъ обойдтись безъ него. Уѣзжая въ Парижъ съ какимъ-то дипломатическимъ порученіемъ, магнатъ захватилъ съ собой и претендента польской короны, который успѣлъ не только втереться, благодаря князю, въ высшее парижское общество, но черезъ княгиню Полиньякъ достигъ до самой королевы. Онъ сдѣлался постояннымъ членомъ самыхъ интимныхъ вечеровъ Маріи-Антуанетты и былъ почти постояннымъ партнеромъ ея за картами. Говорятъ, будто нѣкоторое время она дарила его особою благосклонностью и особою довѣренностью; говорятъ также, будто и Валицкій оказалъ для нея и для ея семейства много услугъ при началѣ первой французской революціи. Положеніе при дворѣ и въ особенности вечера въ Тріанонѣ сблизили Валицкаго со множествомъ знаменитостей того времени, а также съ французскою и иностранною знатью. Вездѣ и повсюду умѣлъ онъ ловко пролѣзать, втереться съ чувствомъ сознанія собственнаго достоинства, понравиться своею наружностью и нравомъ и, наконецъ, сдѣлаться «своимъ» интимнымъ человѣкомъ. Въ это-то время и былъ положенъ первый фундаментъ громадному состоянію. Онъ игралъ постоянно и все съ тѣми же изящными достоинствами beau joueur'a. Онъ много путешествовалъ, былъ въ Англіи, въ Италіи, въ Германіи—и вездѣ появлялся не иначе какъ въ качествѣ настоящаго grand seigneur'a, со своимъ графскимъ титуломъ, со своими связями и знакомствами и со своимъ дивнымъ искусствомъ, которое открывало ему не только двери но и карманы сильныхъ и богатыхъ міра сего. Какъ польскій шляхтичъ, онъ считалъ себя аристократомъ по преимуществу и постоянно выказывалъ тенденціи наивысшаго аристократическаго свойства. Духъ революціи, однако, выкурилъ его изъ Парижа, куда возвратился онъ послѣ своихъ путешествій, — и послѣ Валицкій появляется на родинѣ, сначала въ Варшавѣ, гдѣ производитъ необычайный фуроръ, а потомъ и «на Литвѣ глембокей», гдѣ накупаетъ себѣ

Библиотека "Руниверс"

нѣсколько богатѣйшихъ имѣній и между прочими Езеры (цѣлое мѣстечко, къ которому принадлежало болѣе десятка деревень и фольварковъ, раскинутыхъ по окрестности), осушаетъ въ нихъ многія болоты и проводитъ сплавные каналы. Здѣсь-то, на берегу озера Бѣлаго, въ трехъ верстахъ отъ Езеръ, среди высокаго сосноваго лѣса соорудилъ себѣ Валицкій палацъ солмяны, который и назвалъ Виля-нова, а мѣстное крестьянство передѣлало его уже на свой ладъ въ Ильяново. Одна часть обширнаго лѣса, и именно та, гдѣ растутъ дубы, вязы и грабы, была превращена въ прекраснѣйшій паркъ, — а другая, такъ-называемый «биръ» или «чернолѣсье», неприкосновенно оставлена во всей дикой красотѣ и прелести стародавней пущи. Ильяновскій фольваркъ, вдаваясь болѣе въ сосновый лѣсъ, стоитъ однако почти на рубежѣ этой пущи и парка, которые въ настоящее время, отъ лѣтъ ихъ запущенія, уже слились между собою въ одну одичалую, поэтическую заросль.

Въ 1804 году фантастическій графъ появился вдругъ и на петербургскомъ горизонтѣ. Сначало онъ-было нанялъ себѣ цѣлый нижній этажъ въ домѣ графини Браницкой, что нынѣ князя Юсупова, на Мойкѣ, но вскорѣ найдя, что въ этой квартирѣ мало солнца, купилъ себѣ въ Морской, на углу почтамтскаго переулка, собственный домъ, куда и переселился, со своею дюжиной золотыхъ эмальированныхъ табакерокъ, украшенныхъ живописью Петито (которыя принадлежали Людовику XVI и достались Валицкому какими-то особыми путями), и со своею коллекціей алмазовъ, бриллiантовъ и иныхъ драгоцѣнныхъ камней, гдѣ между прочимъ находился извѣстный сапфиръ, имѣвшій свойство измѣнять свой цвѣтъ послѣ захожденія солнца и послужившій по этому M-me Жанлисъ темою для повѣсти. Ни у одной самой отъявленной щеголихи не было такого разнообразнаго, многочисленнаго и богатаго собранія дорогихъ шалей и кружевъ, какимъ славился мужчина Валицкій, проявлявшій относительно нѣкоторыхъ предметовъ и вещей чисто женскія прихоти и вкусы. Онъ былъ отличный болтунъ, а его встрѣчи, знакомства, житейскія столкновенія и приключенія во время путешествій по Европѣ—давали ему неистощимую тему для разсказовъ, въ которыхъ никто и никогда не могъ отличить, гдѣ истина переходитъ въ фантазію и гдѣ фантазія граничитъ съ истиной. Извѣстно вѣдь, что въ тѣ времена двери нашихъ баръ были давно открытыя

для званыхъ и незваныхъ,
особенно изъ иностранныхъ,—

и потому все высшее петербургское общество охотно принимало Валицкаго, и ѣздило къ нему въ домъ на его блестящіе балы и тонко - гастрономическіе банкеты. Свѣтскихъ дамъ влекло къ нему обычное любопытство, съ цѣлью полюбоваться на его кружева, шали и драгоцѣнности, которыя онъ иногда умѣлъ дарить необыкновенно кстати и всегда съ такимъ искуствомъ и тактомъ, что отъ его подарка рѣшительно не было восможности отказаться.

Объ одномъ только не любилъ говорить Валицкій — это именно о темномъ періодѣ своей жизни, и когда однажды его спросили, правда-ли, что князь Сапега встрѣтилъ его въ Лембергѣ маркеромъ, онъ отвѣчалъ: «правда!», но на вопросъ, какимъ образомъ дошелъ онъ до такого состоянія, Валицкій проговорилъ поморщась:

— Это для васъ ни мало не интересно, а для меня скучно.

И подобными фразами онъ всегда отдѣлывался, какъ скоро дѣло начинало касаться его прошлаго.

Во время его пребыванія въ Петербургѣ, въ Кронштадтскій портъ возвратился изъ кругосвѣтнаго плаванія Крузенштернъ, на своихъ корабляхъ «Нева» и «Надежда». Наши моряки навезли съ собою множество заморскихъ диковинокъ, которыя продавались тогда съ аукціона въ правленіи Россійско-американской компаніи. Между этими диковинками, передъ которыми ежедневно толпились наши баре, въ особенности обращали на себя вниманіе рѣдкія коллекціи вещей китайскихъ и японскихъ. Лучшіе экземпляры тѣхъ и другихъ были скуплены Валицкимъ, и теперь забытые остатки ихъ ютятся въ убогихъ стѣнахъ Ильяновскаго фольварка.

Не добившись никакихъ особыхъ почестей и отличій Валицкій удалился въ Литву и остатокъ жизни своей проводилъ то въ Вильнѣ, то въ Гроднѣ, то въ своемъ ильяновскомъ «палацѣ солмянемъ».

Богъ вѣсть, изъ какихъ побужденій происходила его замѣчательная щедрость: было ли это прирожденное свойство души, или дѣло тщеславія, но только онъ кидалъ кошельки каждому просящему, жертвовалъ большія суммы на богоугодныя заведенія, устроилъ въ Вильнѣ восемь университетскихъ стипендій и купилъ цѣлый домъ, въ которомъ жили эти студенты-стипендіаты съ гувернеромъ, на полномъ иждивеніи Валицкаго. Кромѣ того, виленскому же университету подарилъ онъ богатую коллекцію рѣдкихъ камней и минераловъ, которая составляетъ теперь собственность университета Кіевскаго. Факты этой категоріи, безспорно, рисуютъ Валицкаго свѣтлыми, симпатичными чертами.

Мнѣ и моему товарищу отвели въ соломенномъ палацѣ крайнюю непроходную комнату, съ окномъ въ заглохшій садъ, которая, по преданію, была спальной самого Валицкаго. Вечеромъ, лежа на своихъ походныхъ складныхъ постеляхъ, и невольно слушая трепетный звукъ крыльевъ ночныхъ бабочекъ, порхавшихъ вокругъ лампы, да странный шорохъ ужей подъ половицею, мы припомнили себѣ рядъ разсказовъ о загадочномъ владѣльцѣ этого «палаца».

— Такая яркая, блестяще-роскошная жизнь и такой убогій «палацъ»! И зачѣмъ, рядомъ съ этою аляповатою грубою мебелью, на этомъ некрашеномъ полу стоятъ драгоцѣнныя вазы, а на этихъ кривыхъ стѣнахъ висятъ картины, которыя могли бы быть украшеніемъ дѣйствительныхъ, а не «солмяныхъ» палацовъ? Была ли это одна изъ тѣхъ «фацецій», которыми отличалась польская магнатерія прошлаго вѣка, или простая случайность? Или же, наконецъ, панъ Валицкій вообразилъ себя древнимъ Цинциннатомъ, который суету и величіе Рима промѣнялъ на огородъ и соломенную кровлю деревенской хижины?

— Ни то, ни другое, ни третье! отвѣчалъ мнѣ товарищъ, на цѣлый рядъ моихъ вопросовъ и діалогическихъ размышленій.

— Такъ что же, по твоему?

— По моему,—очень просто! И я, и ты видали много подобныхъ же панскихъ, помѣщичьихъ «палацовъ», и въ каждомъ изъ нихъ замѣчается, болѣе или менѣе, одно и то же: неряшество и грубость постройки, полнѣйшее отсутствіе настоящаго, житейскаго комфорта, въ томъ смыслѣ, какъ всегда понимали и понимаютъ его, напримѣръ, англичане,—и вмѣстѣ съ этою грубостью и неудобствами—аристократическія замашки, картины, фарфоръ, а тутъ—гляди—рядомъ грошовая литографія «Дѣвочка съ барашкомъ» и какой нибудь полинялый бунетъ искуственныхъ цвѣтовъ. Это у нихъ всегда и во всемъ сказывается—и это есть ничто иное какъ прирожденное неряшество.

Такимъ-то прозаическимъ, расхолаживающимъ, выводомъ моего товарища былъ заключенъ рядъ нашихъ воспоминаній и моихъ поэтическихъ размышленій. Но... какъ бы то ни было, такъ или иначе, а все-таки шляхтичъ Валицкій съ его фантастическимъ графствомъ и шалыми милліонами является личностью крупною и достопримѣчательною. (Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Крестьянскіе дѣти въ ночномъ. (Бѣжинъ лугъ). Съ картины В. Е. Маковскаго, рис. самъ авторъ, грав. Болрскій.

Библиотека "Руниверс"

Стихотворенія.

I.

Не сплошною вереницей
Мчатся тучки, затмѣвая
Ликъ луны блестяще-блѣдный;
Чуднымъ свѣтомъ обливая,
Вдругъ она такъ кротко взглянетъ,
Нѣжно, ласково и мило....
И опять уйдетъ за тучу,
И опять кругомъ уныло....
Такъ и ты, моя голубка!
Взглядъ твой ласковъ, милъ бываетъ
Лишь тогда, когда сердечко
Изъ-за тучки выбѣгаетъ.

II.

Когда впервые на тебя
Взглянулъ я—сердце встрепенулось,
Но странно: больше не встрѣчать
Въ груди желанье шевельнулось!
Но мы еще столкнулись разъ...
Какъ сердце радо было встрѣчѣ!...
Сидѣли долго мы вдвоемъ,
Пока не догорѣли свѣчи.
Я шелъ одинъ... Сгущался мракъ
Осенней ночи... Грустно было...
И съ той поры все длится ночь!..
Гдѣ жъ день? гдѣ ты, мое свѣтило!..

III.

Стройная, гибкая, съ чудною грудью,
Съ парой губительныхъ глазъ—
Вы родились подъ счастливой звѣздою!
Какъ же не думать о васъ?
Личико, грудь, эти чудные глазки,
Съ блескомъ волшебнымъ такимъ,
Такъ и мелькаютъ предъ умственнымъ окомъ,
Умственнымъ окомъ моимъ!..
Вотъ я и видѣлъ во снѣ васъ сегодня—
Боже!.. старушкой сѣдой!...
Васькѣ-коту говорили вы нѣжно:
«Вася, дружочекъ ты мой!
«Моешься ты, знать, гостей зазываешь?
«Полно! Не будутъ они...
«Наша съ тобою пора миновалась,
«Сгинули красные дни!

У окна.

I.

Подъ кисейной занавѣской,
Вѣтеркомъ взволнованной,
Раза два мелькнула ручка,
И, какъ очарованный,
Я стою, гляжу и слышу
Самъ сердцебіеніе...
Вотъ опять мелькнуло что-то
Только на мгновеніе!...
Грустно, скучно! Не прогонишь
Скуку пѣсней звонкою...
Ахъ, побыть бы на минутку
Занавѣской тонкою!...

II.

Дождь окошко омываетъ
Съ самаго утра;
Осень! Мухъ совсѣмъ не видно...
И—хандра, хандра!
Съ крышъ блестящихъ звучно льются
Мутные ручьи;
Какъ растрепаны на клумбахъ
Бархатки мои!
Вѣтви бьютъ въ окно съ розмаху...
Скучно... Боже мой!
Нѣтъ сосѣдки интересной,
Даже съ виду злой...

Вѣ—еръ.

Литературный альбомъ.

„Бѣжинъ лугъ" И. С. Тургенева (съ картины В. Маковскаго).

Братья Маковскіе давно извѣстны русской публикѣ какъ одни изъ самыхъ талантливыхъ представителей народнаго жанра. Даровитая семья молодыхъ художниковъ насчитываетъ нынѣ въ средѣ своей уже трехъ членовъ, съ честью служащихъ искуству. Кто не знаетъ «Народнаго гулянья на Адмиралтейской площади во время масляницы», громадной картины, охватывающей своей рамой болѣе ста фигуръ, самыхъ разнообразныхъ типовъ, и принадлежащей кисти старшаго изъ братьевъ, Константина Егоровича, профессора С.-Петербургской Академіи Художествъ? Картина эта, пріобрѣтенная Государемъ Императоромъ, упрочила славу ея автора, до тѣхъ поръ болѣе извѣстнаго въ качествѣ портретиста. Читатели «Нивы» не забыли вѣроятно великолѣпной гравюры академика Сѣрякова, воспроизведенной съ этой картины по рисунку самого автора и помѣщенной въ нашемъ журналѣ въ 1870 году. Въ томъ же году мы познакомили нашихъ читателей и съ другимъ художникомъ носящимъ то же имя, В. Е. Маковскимъ, помѣстивъ оригинальный рисунокъ его, «Возвращеніе съ аукціона».

Нынѣ мы прилагаемъ снимокъ съ картины его, нѣкогда привлекавшей многочисленную толпу посѣтителей выставки Академіи 1869 г. Это такъ-сказать высокохудожественная иллюстрація къ одному изъ наиболѣе поэтичныхъ произведеній И. С. Тургенева—«Бѣжинъ лугъ».

Вы конечно помните, какъ оставившій намъ свои безсмертныя «Записки» охотникъ, заблудившись къ ночи въ паросникѣ и кустахъ, спускается на огонекъ на дно оврага—и застаетъ тамъ кружокъ деревенскихъ ребятишекъ, расположившихся «на ночное» вблизи пасущихся коней. Въ котелкѣ надъ охапкой пылающаго хвороста варятся картошки; вьющееся пламя освѣщаетъ съ полдюжины дѣтскихъ лицъ и теплымъ освѣщеніемъ своимъ такъ пріятно контрастируетъ съ холодными тонами туманной дымки, заволокивающей луга. Настроенное на чудесный ладъ, дѣтское воображеніе сильно работаетъ. Идутъ разсказы о домовомъ въ старой рольнѣ, о русалкахъ и тому подобной нечисти. Смотря по характеру слушающихъ, глаза ихъ то съ любопытствомъ, то съ испугомъ уставлены на разсказчика. Любимый сынъ зажиточнаго крестьянина, Костя, баловень семьи, нѣжится на овчинномъ полушубкѣ и дремлетъ съ безпечнымъ видомъ, какъ будто онъ заранѣе увѣренъ, что его во всякомъ случаѣ выручатъ товарищи. Даже собака

Библиотека "Руниверс"

словно чувствуетъ ласку сидящаго возлѣ нея мальчугана.

Отъ всей картинки такъ и дышетъ прелестью лѣтней ночи, со всею свѣжестью и обаяніемъ дѣвственной жизни природы и тѣхъ, которые имѣютъ полное право назваться дѣтьми ея.

Стереоскопъ и его изображенія.

Человѣкъ одаренъ отъ природы, кромѣ разума и тѣлесной ловкости, еще и могучимъ подражательнымъ инстинктомъ. Такъ, онъ не довольствуется только тѣмъ, что можетъ наслаждаться произведеніями природы и извлекать изъ нихъ всевозможную пользу,—онъ кромѣ того, стремится, все то что видитъ — или *воспроизвести заново*, или же *изобразить* возможно-вѣрно дѣйствительности. Другими словами: онъ или задается цѣлью (если такъ можно выразиться) «закрѣпить образъ природы», т. е. сдѣлать неподвижнымъ то, что вѣчно движется и измѣняется; или же, проникая умомъ въ высшій смыслъ творенія, онъ открываетъ законы ея бытія, и руководствуясь найденными законами, *совершенствуетъ* природу, приближаясь все болѣе къ идеалу, который онъ себѣ начерталъ. Смотря по средствамъ, которыми располагаетъ, онъ такъ или иначе приближается къ своей цѣли.

Такъ какъ предметъ нашей статьи есть задача: *какъ получить возможно-вѣрныя изображенія предметовъ, существующихъ въ природѣ?*,—то мы и разсмотримъ тѣ средства, какими располагаютъ «ваятель» и «живописецъ». *Ваятель* умѣетъ своимъ рѣзцомъ воспроизводить всѣ формы тѣла, влить душу въ холодный мраморъ, такъ-что произведенія его, съ какой бы стороны на нихъ не смотрѣли, производятъ на насъ впечатлѣнія ихъ живаго образца. Но ваятель въ то же время *ограниченъ* въ томъ отношеніи, что онъ можетъ представить данное тѣло только въ его индивидуальной самостоятельности, т. е. *внѣ связи его съ окружающимъ міромъ*: имѣя дѣло съ пространственными измѣреніями: высотой, широтой и глубиной,—онъ не можетъ теряться въ безпредѣльномъ пространствѣ. *Живописецъ* въ этомъ отношеніе менѣе ограниченъ.

Не имѣя дѣла съ однимъ изъ элементовъ измѣренія—*глубиной*, *) онъ можетъ выбрать себѣ опредѣленное мѣсто, откуда, по его мнѣнію, удобнѣе всего дѣлать снимокъ,—и затѣмъ, сохраняя только пропорціональность ширины и высоты, перенести изображеніе предметовъ на плоскость картины, ограничивая размѣры послѣдней какъ ему угодно. Такимъ образомъ, живописецъ въ состояніи изобразить предъ нашими глазами, въ относительно тѣсной рамкѣ, довольно крупную связную часть природы. Но за то, какъ-бы живописецъ ни старался вознаградить недостатокъ рельефности возможно-правильнымъ соблюденіемъ свѣта и тѣней,—онъ никогда не достигнетъ того, чтобы картина производила на созерцающаго ее такое же *тѣлесное* впечатлѣніе, какое производитъ предметъ въ природѣ или пластическое произведеніе. И это вовсе не зависитъ отъ того или другаго положенія, въ какое станетъ человѣкъ при разсматриваніи произведенія живописи или скульптуры.

Такъ, одна и та же человѣческая фигура, разъ нарисованная, а другой разъ изваянная,—съ какой бы стороны ее ни разсматривали,—на картинѣ, даже самой совершенной въ техническомъ отношеніи, всегда будетъ производить на насъ впечатлѣніе *плоскаго* изображенія, въ видѣ-же статуи—*рельефнаго тѣла*.

Нашъ органъ «зрѣнія», благодаря его совершенному устройству, даетъ намъ возможность *имъ однимъ* безъ всякой помощи «осязанія» *отличать плоское отъ рельефнаго*.

Уже *одинъ* глазъ, при достаточно развитой аккомодаціонной способности, *) въ состояніи, по измѣненіямъ вызываемымъ въ немъ созерцаніемъ отдаленныхъ или близкихъ предметовъ, опредѣлить относительное разстояніе послѣднихъ отъ своего мѣстонахожденія—и такимъ образомъ, приблизительно рѣшить: находятся ли они въ одной плоскости, или нѣтъ. Тѣмъ легче и вѣрнѣе въ состояніи рѣшить это *оба* глаза, изъ которыхъ каждый получаетъ отдѣльное изображеніе одного и того же предмета, и которыхъ оси всегда направлены одна относительно другой такъ, что оба изображенія падаютъ на соотвѣтственныя мѣста сѣтчатой оболочки и сливаются въ нашемъ сознаніи (въ мозгу) въ *одно* общее свѣтовое впечатлѣніе. *) При малѣйшемъ отведеніи взора отъ одного пункта къ другому, глазныя оси непремѣнно должны принять иное направленіе, чтобы на своемъ продолженіи снова встрѣтиться въ этомъ новомъ пунктѣ; мы поэтому не можемъ въ одно время отчетливо разсматривать больше *одного* мѣста въ данномъ предметѣ. Всѣ прочія мѣста, находящіяся въ такомъ же разстояніи отъ глаза, какъ и разсматриваемое, будутъ, понятно, не столь ясны—и тѣмъ менѣе ясны, чѣмъ дальше они отстоятъ отъ послѣдняго; всѣ же тѣ мѣста, которыя лежатъ впереди или позади разсматриваемаго мѣста, т. е. ближайшіе и болѣе отдаленные предметы мы видимъ также неясно и *двойными*. Пояснимъ это на примѣрѣ.

Если, держа предъ глазами бѣлый листокъ бумаги, разсматривать изъ отмѣченныхъ на немъ двухъ точекъ сначала точку *a* (фиг. 1), то изображеніе этой точки, получаемое на сѣтчатой оболочкѣ *лѣваго* глаза, покроетъ изображеніе этой же точки, получаемое на сѣтчатой оболочкѣ *праваго* глаза. Точка *b* будетъ казаться лѣвому глазу немного менѣе ясной и лежащей немного позади точки *a*; совершенно въ такомъ же направленіи и разстояніи она будетъ видна и правому глазу.

Такимъ образомъ, если будемъ пристально разсматривать (*фиксировать*) точку *a*, то изображенія точки *b* должны покрывать другъ друга и наоборотъ,—изображенія отъ *a* сольются въ *одно*, если *b* будетъ фиксирована. То же будетъ и со всѣми остальными точками, сколько бы ихъ ни лежало вокругъ *a* и *b*—и вся поверхность листка будетъ намъ, слѣдовательно, представляться однимъ неподвижнымъ, плоскимъ изображеніемъ.

Теперь сдѣлайте слѣдующій опытъ.

Поставьте три свѣчи въ рядъ такъ, чтобы соединяющая ихъ прямая линія на своемъ продолженіи прошла между обоими глазами. Тогда, если будете смотрѣть *однимъ* глазомъ, то увидите только *переднюю* свѣчу, остальныя же двѣ закроются его. Теперь смотрите *обоими* глазами на свѣчи и съ *различныхъ* сторонъ: вы тогда увидите отдѣльно каждымъ глазомъ не только всѣ три свѣчи, но и въ различномъ порядкѣ расположенія. Такъ, изображеніе передней свѣчи (1 фиг. 2) получается въ *лѣвомъ* глазу (*l*) болѣе всего *вправо*, а въ *правомъ* глазу (*r*) глазу—всего болѣе *влѣво*.

Одновременно *покрыть другъ другъ*—и слѣдов. восприниматься нашимъ сознаніемъ какъ *одинъ* предметъ—могутъ только изображенія *одной* свѣчи: именно той, которую мы въ данное время фиксируемъ. Изображенія же остальныхъ двухъ свѣчей,—такъ какъ они падаютъ на несоотвѣтственныя мѣста сѣтчатки и въ противоположныхъ бокахъ отъ изображенія фиксированной свѣчи,—должны представляться намъ менѣе ясными и разъединенными, короче: *двойными*. Такимъ образомъ, мы вмѣсто *трехъ* свѣчей увидимъ *пять*: одну фиксированную, двѣ остальныя *удвоенными*.

Въ этомъ опытѣ, слѣдовательно, получаемъ не простое неподвижное изображеніе установленныхъ свѣчей,—подобно тому какъ мы это получили въ предъидущимъ опытѣ съ тремя точками на бумагѣ, или какое мы получили бы и отъ свѣчей, еслибы онѣ были *нарисованы* на бумагѣ,—но мы получаемъ *подвижное* изображеніе, которое мы можемъ сдѣлать неподвижнымъ только при прямомъ фиксированіи предметовъ.

Совершенно аналогичное только-что-описанному оптическое явленіе представляетъ намъ каждый *одиночно* разсматриваемый предметъ,—будь это, какъ въ нашемъ опытѣ свѣча, шаръ, конусъ и проч. Получаемыя отъ него изображенія не одинаковы для обоихъ глазъ: въ то время, какъ его передняя сторона представляется обоимъ глазамъ вмѣстѣ и одинаково ясно, (с. фиг. 3), лѣвому глазу, кромѣ того, всего яснѣе видѣнъ лѣвый бокъ (*a*) предмета, а правому глазу—правый бокъ (*b*).

И такъ, въ то время какъ, при разсматриваніи отдѣльныхъ точекъ *плоскаго* изображенія (рисунка и проч.), оба глаза видятъ ихъ (точки) одинаково ясно и всегда въ одномъ и томъ же разстояніи какъ между собою, такъ и отъ наблюдающаго глаза,—они (глаза), при разсматриваніи точекъ, лежащихъ въ *различныхъ* плоскостяхъ (т. е. при разсматриваніи *тѣла*), должны, для фиксированія каждой новой точки, каждый разъ *поворачивать свои оси подъ новымъ угломъ*, и по *величинѣ* послѣдняго судить о взаимномъ *разстояніи* точекъ другъ отъ друга и отъ наблюдателя.

Только такимъ путемъ (т. е. постояннымъ измѣненіемъ угловъ зрѣнія) мы и можемъ составить себѣ понятіе о *величинѣ*, *формѣ* тѣлъ, и ихъ взаимномъ *разстояніи* другъ отъ друга. Однако, для *составленія* себѣ подобныхъ «понятій» *недостаточно одного только свѣтового впечатлѣнія*, воспринимаемаго глазомъ отъ разсматриваемаго предмета: необходимо еще *содѣйствіе* въ этомъ такъ-называемаго *сознанія*. Весь тотъ запасъ опытныхъ свѣдѣній, который мы пріобрѣли путемъ собственнаго передвиженія въ пространствѣ и наблюденія взаимной связи между перемѣною нами мѣста и измѣненіемъ изображеній на нашей сѣтчаткѣ,—мы невольно приводимъ въ дѣйствіе при рѣшеніи какой нибудь оптической задачи,—и результатъ, получаемый нами при этомъ, тѣмъ вѣрнѣе, чѣмъ обширнѣе пріобрѣтенный нами опытъ. Ребенокъ, не имѣющій въ этомъ отношеніи никакой опытности, одинаково хватается какъ за далекіе, такъ и за близкіе предметы: одинаково протягиваетъ руки къ свѣчѣ, находящейся въ комнатѣ, и къ звѣздамъ на небѣ. Совершенно такое же неумѣніе опредѣлять разстоянія замѣчаемъ у слѣпыхъ, которые внезапно сдѣлались зрячими.

Но помимо содѣйствія сознанія,—то обстоятельство, что *мы обоими глазами видимъ два различныхъ изображенія одного и того же объекта*, есть главная причина—почему предметы представляются намъ лежащими *одинъ за другимъ въ пространствѣ*, и произво-

---

*) Подъ глубиной разумѣется выпуклость изображенія,—то, что наз. *рельефностью*.

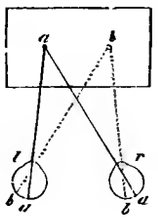
*) Подъ „аккомодаціонной" способностью разумѣютъ способность глаза *приспособляться* къ близкимъ и далекимъ разстояніямъ, причемъ вся суть заключается въ большемъ или меньшемъ сжатіи хрусталика: такъ, при разсматриваніи близкихъ предметовъ хрусталикъ дѣлается выпуклѣе, при разсматриваніи далекихъ—площе.

*) Сліяніе обоихъ изображеній въ одно объясняется тѣмъ, что зрительныя нервы, подобно прочимъ нервамъ головы, *перекрещиваются* въ мозгу.

Библиотека "Руниверс"

дятъ на насъ впечатлѣніе не *плоскихъ изображеній*, а *пластическихъ* осязаемыхъ *тѣлъ*.

Возвратимся теперь къ нашей задачѣ: какъ достигнуть возможно-обманчиваго изображенія предметовъ такими, какими мы ихъ видимъ въ природѣ? Какъ присоединить къ тѣмъ преимуществамъ, которыя живопись имѣетъ предъ скульптурой,—именно: многосторонности и неограниченности сюжета,—единственно ей недостающее—*пластичность* ощущенія? Очевидно, если приготовить два различныхъ изображенія одного и того же предмета: одно въ такомъ видѣ, въ какомъ предметъ рисуется въ лѣвомъ глазу, а другое—въ такомъ видѣ, въ какомъ предметъ рисуется въ правомъ глазу,—и оба эти изображенія помѣстить такъ, чтобы они упали на соотвѣтственныя мѣста сѣтчатыхъ оболочекъ;—тогда эти изображенія, при совмѣстномъ ихъ воздѣйствіи на зрительные нервы, вызовутъ въ мозгу такое же *пластическое* ощущеніе, какое вызываетъ предметъ въ природѣ или произведеніе скульптуры. Такія чисто-разсудочныя умозаключенія англійскій физикъ Уатстонъ первый старался подтвердить практическимъ ихъ ощуществленіемъ.



Фиг. 1.

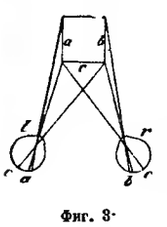
Онъ приготовилъ два изображенія простаго тѣла, кажется куба, соотвѣтственно правому и лѣвому глазу, и помѣстилъ эти изображенія у правой и лѣвой боковыхъ стѣнокъ (*a* и *b*, фиг. 4) аппарата, на днѣ котораго поставлены были, подъ прямымъ угломъ между собою, два зеркала (*s s*); послѣднія отражали, по законамъ катоптрики, оба изображенія по направленію къ правому и лѣвому глазамъ (*l* и *r*). Опытъ удался вполнѣ: *оба изображенія чудным образомъ слились въ одно* общее *«пластическое» представленіе*,—такъ что нарисованный *на плоскости* предметъ кажется *рельефнымъ*, природнымъ *тѣломъ*, причемъ оно казалось находящимся въ точкѣ *c*. Такимъ образомъ Уатстону принадлежитъ заслуга *перваго*, по времени, *практическаго рѣшенія задачи*; но аппаратъ его, получившій названіе *«стереоскопа»*—съ прибавленіемъ имени изобрѣтателя—теперь уже болѣе не употребляется, и объ немъ упоминается развѣ въ учебникахъ физики.

Онъ давно уже вытѣсненъ изъ практики превосходнымъ стереоскопомъ сэра *Давида Брюстера*, извѣстнымъ теперь всему міру, и отличающимся тѣмъ, что въ немъ зеркала замѣнены діоптрическими (преломляющими лучи) стеклами—что дѣлаетъ получаемое изображеніе гораздо *болѣе яснымъ* и *рельефнымъ*.

Устройство этого стереоскопа таково:

Четыреугольный ящикъ высотою (для нормальныхъ глазъ) обыкновенно въ 16 сантиметровъ (около $6^1/_2$ дюймовъ), такой же длины и вдвое меньшей ширины — въ основаніи, а кверху съуживающійся на половину объема; въ крышкѣ этого ящика прорѣзаны двѣ дыры, въ которыя вправлены оптическія стекла.

Черезъ эти стекла смотрятъ на положенныя на днѣ ящика два, отдѣльныя или вмѣстѣ нарисованныя, изображенія одного и того же предмета (изъ которыхъ каждое занимаетъ слѣдовательно около 8 квадратныхъ сантиметровъ), раздѣленныя другъ отъ друга перегородкой: такъ что каждому глазу видно только одно *ему соотвѣтствующее* изображеніе. Стѣнки ящика внутри выкрашены въ черный цвѣтъ—для устраненія всякого мѣшающаго посторонняго свѣта, а освѣщеніе производится черезъ поднимающуюся затворку, снабженную зеркаломъ. Для того, чтобы изображенія легче покрывали другъ друга, оба стекла (*g* и *g* фиг. 5), квадратами или кругами, вырѣзаны изъ двухъ половинъ собирательной линзы; такъ что они получаютъ черезъ это треугольную (призматическую) форму; будучи обращены другъ къ другу своими острыми краями, они пропускаютъ черезъ себя изображенія *a* и *b* не по прямой линіи къ глазу, но, какъ и всѣ призмы, отклоняютъ ихъ къ своимъ широкимъ концамъ, то есть по направленіямъ линій *дд*. Такое отклоненіе лучей призматическими стеклами имѣетъ слѣдствіемъ то, что глазныя оси поворачиваются другъ къ другу подъ болѣе тупымъ угломъ, изображенія такимъ образомъ падаютъ на соотвѣтственныя мѣста сѣтчатой оболочки, и наблюдателю кажется, будто онъ видитъ *дѣйствительный предметъ* въ точкѣ пересѣченія обѣихъ осей (*e*). Эффектъ выходитъ тѣмъ поразительнѣе, что изображенія представляются *приближенными* и *увеличенными*, — такъ какъ стекла, будучи частями собирательной линзы, обладаютъ и увеличительнымъ свойствомъ.

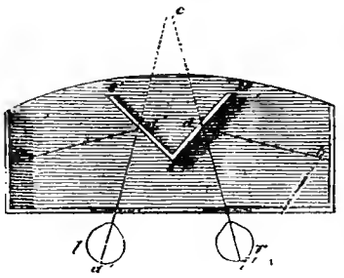


Фиг. 3.

Фиг. 5. представляетъ Брюстеровскій стереоскопъ въ разрѣзѣ.

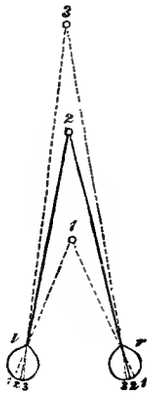
Но можно также и *упражненіемъ* дойти до того, чтобы одними глазами *безъ помощи стеколъ* умѣть соединить два стереоскопически-нарисованныя изображенія. Дальнозоркимъ это удается часто лишь при большомъ напряженіи, но близорукимъ, которыхъ глаза вообще легко аккомодируются (приспособляются) къ близкимъ предметамъ, это удается безъ труда. Но въ этомъ случаѣ можно обойтись и *вовсе безъ стереоскопа:* достаточно поставить между обоими изображеніями *перегородку* (листокъ бумаги) и помѣстить глаза такъ, чтобы каждый видѣлъ одно только *ему соотвѣтствующее* изображеніе. Можно даже обойтись и *безъ перегородки*; но тогда мы будемъ видѣть *три* изображенія, изъ которыхъ *среднее* будетъ *слитое пластическое*, между тѣми какъ два боковыя изображенія происходятъ отъ того, что каждый глазъ видитъ еще изображеніе, предназначенное для *другаго* глаза.

Такимъ образомъ, разными окольными путями дошли, наконецъ, до самого простого, какой себѣ только можно вообразить, способа—заставить два стереоскопическихъ изображенія взаимно покрыть другъ друга. Однако, какъ уже было сказано, этотъ способъ можно довести до такой простоты только при упражненіяхъ, а еще болѣе при благопріятномъ для этого —но вообще незавидномъ — устройствѣ глазъ, т. е. при *близорукости*. Иному же и не разу не посчастливится слить стереоскопическія изображенія. Случается это всего чаще при недостаткѣ навыка, и еслибъ желающій, во чтобы ни стало, добиться этого человѣкъ задалъ себѣ трудъ: въ продолженіи нѣсколькихъ минутъ смотрѣть спокойно и пристально на оба изображенія, то послѣднія, *при постепенномъ приближеніи* къ глазу наблюдателя, навѣрное въ извѣстный моментъ покрыли бы другъ друга и вызвали бы въ наблюдателѣ *ощущеніе пластичности*. Но этого *ни при какомъ упражненіи* не достигнетъ тотъ, кто страдаетъ органическимъ недостаткомъ устройства глазъ, противоположнымъ близорукости, т. е.—*дальнозоркостью*.

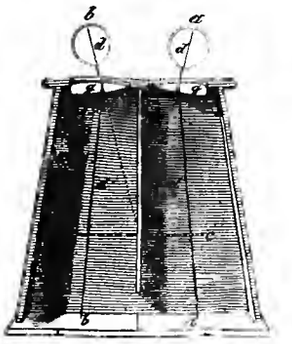


Фиг. 4.

Въ то время, какъ у *близорукаго*, вслѣдствіе всегда свойственной ему большей *выпуклости* глазъ (и преимущественно прозрачной части роговой оболочки), лучи свѣта преломляются сильнѣе и, вслѣдствіе этого, пересѣкаются (т. е. образуетъ фокусъ) *впереди* сѣтчатой оболочки, — у дальнозоркаго, напротивъ того, вслѣдствіе большей *плоскости* его глазъ, лучи, падающіе отъ близкихъ предметовъ, пересѣкаются *позади* сѣтчатки, а слѣдовательно и самое изображеніе предмета яснѣе всего рисуется *позади* нервной оболочки *). Такимъ образомъ, стереоскопическій ящикъ, который обыкновенно приспособленъ къ *нормальному* глазу, оказывается для дальнозоркаго слишкомъ *короткимъ*, такъ какъ лежащія на днѣ ящика изображенія не могутъ упасть на самую сѣтчатую оболочку, а позади ея, и слѣдовательно не могутъ вызвать *яснаго* свѣтоваго ощущенія предмета. Помогаютъ въ этомъ случаѣ тѣмъ, что (если ящикъ не имѣетъ, какъ обыкновенно, дна) кладутъ изображенія на столѣ и постепенно удаляютъ глаза вмѣстѣ съ ящикомъ до тѣхъ поръ, пока оба изображенія покроютъ другъ друга. Дальнозоркій еще можетъ себѣ помочь въ этомъ случаѣ тѣмъ, что надѣнетъ (какъ и при чтеніи) *очки*, которыя должны быть такого устройства, чтобы восполнить недостатокъ устройства его глазъ, т. е. *выпуклые*. Близорукому, напротивъ того, приходится прибѣгнуть къ *вогнутымъ* очкамъ—для того, чтобы отодвинуть изображенія, получаемыя отъ близкихъ предметовъ впереди сѣтчатой оболочки *на самую* оболочку. Всего же лучше употреблять для этой цѣли театральную зрительную трубку (бинокль), въ которой разстояніе призмъ отъ дна регулируется посредствомъ винта. Дѣти большею частью видятъ стереоскопическое изображеніе весьма ясно съ перваго взгляда, такъ какъ у нихъ недостатокъ близорукости или дальнозоркости еще не успѣлъ вполнѣ развиться. Благодаря сильной конкуренціи, стереоскопъ съ теченіемъ времени многократно подвергался усовершенствованіямъ и соотвѣтственно этому стоялъ каждый разъ дешевле. Дорого стоятъ большіе аппараты съ замѣчательно-искуснымъ механизмомъ, проводящимъ (безъ того, чтобы къ нему притронулись даже)—длинный рядъ картинъ предъ изумленными глазами зрителя, и могущимъ въ то же время услаждать его слухъ прелестными звуками вертящагося органа, помѣщеннаго внутри ящика. Но въ то же время можно и за *полтину* пріобрѣсть «стереоскопъ съ дюжиной картинъ и ящикомъ для нихъ» и сдѣлать имъ весьма пріятный рождественскій сюрпризъ милымъ малюткамъ. За такую цѣну стереоскопъ, конечно, не можетъ быть особенно изящнымъ и тѣмъ менѣе прочнымъ,



Фиг. 2.



Фиг. 5.

*) А условіе sine qua non отчетливаго, а тѣмъ болѣе *пластическаго* видѣнія—это, чтобы изображеніе рисовалось *на самой* сѣтчатой оболочкѣ: ибо послѣдняя—представляя собою сплетеніе зрительныхъ *нервовъ* (проводниковъ) съ ихъ *концовыми аппаратами* (воспріемниками впечатлѣній),—только одна и способна, при своемъ *раздраженіи*, передать *физическое впечатлѣніе въ видѣ физіологическаго ощущенія* органу нашего сознанія—*мозгу*. *Пер.*

Библиотека "Руниверс"

а прилагаемые къ нему рисунки подавно не отличаются изяществомъ и тщательностью отдѣлки; однако и цѣны, которыя запрашиваются въ магазинахъ за хорошіе стереоскопы, подчасъ снабженные богатыми коллекціями превосходныхъ рисунковъ, не находятся ни въ какой соразмѣрности съ тѣмъ удовольствіемъ—а съ пользой подавно—какое они намъ доставляютъ. Упомянутыя коллекціи обыкновенно состоятъ изъ портретовъ, жанровыхъ картинъ и животныхъ, снимковъ скульптурныхъ произведеній, изображеній торжествъ и пр.; но главнымъ образомъ изъ пейзажныхъ и архитектурныхъ видовъ древнихъ мѣстностей земли, куда только въ состояніи проникнуть фотографъ съ своимъ чуднымъ ящикомъ.

приготовляемыя въ обширномъ стереоскопическомъ институтѣ *фонъ-Мозера* въ Берлинѣ; особенно достойны извѣстности большіе виды Гарца *) и внутренности берлинскихъ и потсдамскихъ замковъ. Изъ многочисленныхъ произведеній южной Германіи достойны быть упомянутыми только виды Баварскихъ горъ и Мюнхенскія художественныя коллекція *Майя и Видмейера*. Въ Австріи, гдѣ фотографическое искуство пользуется особенною любовью и гдѣ оно развилось до роскошныхъ размѣровъ, самое видное мѣсто въ ряду художниковъ занимаетъ *Вильгельмъ Бургеръ*. Его стереоскопическіе виды *Вѣны* и проч. представляютъ рѣдкую прелесть работы и выбора, и отличаются притомъ «вѣнской», полной изящества, отдѣлкой (орнаментовкой). За Германіей и Австріей въ

Намолло-чукчи. Съ натуры рисовалъ Кенель, грав. Руссо.

Изъ безчисленнаго множества стереоскопическихъ картинъ, приготовляемыхъ въ Германіи, Австріи, Франціи, Швейцаріи и проч., особенное вниманіе обращаютъ на себя произведенія съ подписью «A. Braun à Dornach (Haut—Rhin)», а также мастерски отдѣланныя «*Vues de la Suisse et de Tirol par E. Lamy*». Послѣднему весьма дѣльному фотографу мы обязаны превосходными видами царственнаго Парижа и его великолѣпныхъ дворцовъ, а въ недавнее время онъ представилъ намъ съ ужасающую ясностью печальныя картины разрушенія и варварства коммуны. Германскія резиденціи, университетскіе города, церкви, храмы и проч. фотографируются въ огромномъ количествѣ въ Берлинѣ, съ превосходныхъ снимковъ *Христмана*. Весьма хороши также коллекціи,

поле зрѣнія стереоскопа мало по малу вошли и прочія государства Европы, и мы имѣемъ теперь виды съ американскихъ, азіятскихъ и австралійскихъ гаваней, а въ послѣднее время даже съ Новой земли.

Что можетъ быть пріятнѣе возможности совершить кругосвѣтный обзоръ наиразнообразнѣйшихъ мѣстностей, не выходя изъ своего кабинета, не подвергаясь ни морской качкѣ, ни лишеніямъ въ знойныхъ пустыняхъ, словомъ никакимъ непріятностямъ, сопряженнымъ съ дальнимъ странствованіемъ,—и при этомъ воспроизводить предъ собой по желанію ту или другую страну въ данную минуту.

*) Гора въ Германіи.

Библиотека "Руниверс"

Народы России.

XVI. Чукчи.

Трудно найдти страну непривѣтливѣе, климатъ суровѣе и жизнь скуднѣе, чѣмъ на той оконечности Сибири, которая омывается съ одной стороны Ледовитымъ, а съ другой Тихимъ океанами. Особенно мрачнымъ колоритомъ отличается край, лежащій за 65° къ сѣверу отъ линіи, проведенной черезъ Гижигинскъ и Нижне-колымскъ. Характеръ этой территоріи не лишенъ оригинальности и дикаго величія, но красота ея подавляетъ мысль, пугаетъ душу случайнаго путника. Громадный просторъ не оживляется зеленью привѣтливо раскинувшагося лѣса, мертвые луга только на два мѣсяца занестрѣютъ желтыми и бѣлыми цвѣтами, напоминающими вамъ о роскошной растительности иныхъ широтъ. Безплодныя долины этого края — безчисленны. Также неизсчетны черныя вершины обнаженныхъ горъ, каменные скаты которыхъ только изрѣдка покрыты густою порослью ягеля — оленьяго мха. Эта пустыня—беззвучна. Словно царство смерти сковываетъ она громкое слово и смѣлую пѣсню. Гребни горъ причудливо изрѣзаны выступами скалъ, то острыхъ и длинныхъ какъ готическія колокольни, то полукруглыхъ какъ купола, то неровныхъ иззубренныхъ, покрытыхъ щебнемъ и вѣчными снѣгами. По ложбинамъ, образуемымъ часто отвѣсными скатами горъ, бѣгутъ весною грозные потоки. У рѣкъ, вливающихся въ Арктическое море и Тихій океанъ, лѣтомъ сосредоточивается все живое, тутъ бьется пульсъ этого сумрачнаго края. Но отойдите отъ рѣки на версту или двѣ—и та же мертвая глушь охватитъ васъ со всѣхъ сторонъ, неотступно преслѣдуя вашу мысль подавляющимъ однообразіемъ дикихъ пейзажей. А зимою страна еще неприглядѣе, еще сумрачнѣе. Снѣга сглаживаютъ всѣ трещины, разщелины и выступы горъ, снѣга заваливаютъ долины, покрываютъ ложа окованныхъ льдомъ рѣкъ—и только полярное сіяніе отсвѣтомъ своего мрачно-сверкающаго сегмента придаетъ фантастическую жизнь и призрачное движеніе этому бѣлому простору...

Судьба и сюда въ этотъ дикій и печальный уголъ занесла изгнанниковъ. Жизнь ихъ была одною безпрестанною агоніей. Дѣти роскошнаго юга, они замирали и гасли здѣсь среди мертваго молчанія и почти вѣчныхъ снѣговъ. Не дай Богъ никому вынести то, что выносили они! Лучшимъ исходомъ для нихъ была смерть. Другіе сходили съ ума, третьи рѣшались на самоубійство. Правда, ниже 65° край этотъ становится привѣтливѣе, густые лѣса покрываютъ его глади и самыя болота зеленѣютъ подъ сочною порослью сѣверной флоры, но и здѣсь дикая жизнь номадовъ заключена въ такія тѣсные предѣлы, что отъ нее съ ужасомъ отступитъ маломальски развитый человѣкъ. Вѣсь этотъ районъ отъ Олуторовска до береговъ Ледовитаго океана и отъ Чаунской губы и Гижиги до Берингова моря занятъ бродячимъ населеніемъ Чукчей и Коряковъ. Первые нераздѣльно владѣютъ территоріей, простирающейся къ Сѣверу отъ рѣки Анадыри и не пускаютъ селиться и кочевать здѣсь не только чуждыхъ имъ русскихъ но и коряковъ, съ которыми они имѣютъ много общаго. Къ югу отъ Анадыри до самой Камчатки земля номинально принадлежитъ Корякамъ и Ламутамъ, но не смотря на это Чукчи и кочуютъ и живутъ между ними; впрочемъ южнѣе Олуторовска ихъ уже не видно. Чукчи, Коряки и Ламуты по всей вѣроятности составляли одно племя. Въ ихъ языкахъ, обычаяхъ и преданіяхъ мало различій. Случайныя обстоятельства, междоусобица, характеръ обитаемыхъ ими странъ раздѣлили ихъ до такой степени, что теперь многіе этнографы рѣшились даже считать Чукчей отдѣльною расой. Они не похожи ни на одно изъ сибирскихъ племенъ. Въ ихъ преданіяхъ до сихъ поръ хранятся воспоминанія о томъ, что когда то ихъ было гораздо больше чѣмъ теперь, они составляли сильный народъ, но что различія въ промыслѣ и борьба за преобладаніе между различными родами раздѣлили ихъ. Въ этомъ сказаніи—несомнѣнные слѣды ихъ племенной общности съ Коряками. Вмѣстѣ съ послѣдними Чукчи принадлежатъ къ тому же корню какъ и Алеуты, т. е. къ эскимосамъ. У всѣхъ у нихъ черепъ вдавленъ въ вискахъ и плоскъ у затылка. Монгольская раса отличается отъ этихъ инородцевъ Сибири болѣе узкими глазами, плоскимъ лицомъ и низкимъ лбомъ. Черноволосые, они, какъ говоритъ Паули, иногда выраженіемъ лица производятъ весьма пріятное впечатлѣніе на туриста. Въ самыхъ обычаяхъ племенъ крайняго сѣверо-востока Сибири есть рѣзкія черты, отличающія ихъ отъ остальныхъ народовъ этой громадной страны. Такъ, Чукчи и отчасти Коряки только одни сохранили привычку татуироваться. Они въ одномъ и томъ же чумѣ или юртѣ помѣщаются по нѣскольку семействъ разомъ, чего не допускаютъ нравы остальныхъ народовъ нашихъ Азіатскихъ областей. Въ самыхъ легендахъ Чукчей нѣтъ никакихъ указаній на связь этого племени съ Тунгузами, Бурятами, Остяками, Юкагирами и т. д. Ихъ преданія, если можно такъ выразиться — обращены лицомъ къ востоку—на ту великую родину, гдѣ до сихъ поръ невозбранно растетъ и развѣтвляется корень эскимосской расы. Въ позднѣйшихъ сказаніяхъ, правда, встрѣчаются смутныя намеки на болѣе западныя племена Сибири, но это намеки на битвы съ ними, на ожесточенную, варварскую борьбу. Это указаніе на то что Чукчи вытѣснили аборигеновъ занимаемаго нынѣ края и вытѣснили ихъ на западъ. Въ одной изъ пѣсенъ, поющихся на ихъ свадьбахъ, какъ разсказываетъ туземецъ Аныровъ, Чукча говоритъ, что семья его всегда будетъ безопасна отъ трусовъ обитающихъ за Чаунскою губою, и что его дѣти будутъ грабить у послѣднихъ, какъ у ихъ исконныхъ враговъ, мѣха пушнаго звѣря и добычу рыбнаго промысла.

Чукчи имѣютъ прирожденную страсть къ мѣновой торговлѣ. Это смѣлые охотники и промышленники, которыхъ до сихъ поръ не удавалось еще поставить въ кабальную зависимость русскимъ эксплуататорамъ и кулакамъ, захватившимъ въ ежовыя рукавицы остальныхъ инородцевъ Сибири. Чукча и до сихъ поръ совершенно свободенъ отъ какихъ бы то ни было обязательствъ, которыми наши купцы окружили остяковъ, самоѣдовъ, тунгусовъ и камчадаловъ. Чукча смѣтливъ и въ петлю не полѣзетъ. Его не проведешь призрачными выгодами, на которыя ловятся остальныя племена. Этотъ полудикій инородецъ—чрезвычайно воинственъ. Онъ и до сихъ поръ еще не совсѣмъ покорился русскимъ, не смотря на двухсотлѣтнюю отчаянную борьбу. Онъ свирѣпо отстаивалъ и отстаиваетъ свою независимость отъ казаковъ—и въ его территоріи не удавалось еще безнаказанно поселиться ни одному русскому и коряку. На самую мѣновую торговлю Чукчи являются вооруженными и готовыми разомъ отразить оружіемъ всякое посягательство на ихъ интересы. Самая борьба ихъ съ русскими носитъ на себѣ такой варварскій оттѣнокъ, что и привычный и знакомый съ ужасами сибирскихъ войнъ человѣкъ невольно отступитъ отъ страшныхъ картинъ убійства массами, грабежей и дикихъ нашествій, переполняющихъ эту эпопею. Вотъ какъ г. Паули разсказываетъ о заселеніи этого края въ своей статьѣ «Peuples de la Siberie orientale»: Въ началѣ семнадцатаго вѣка казаки захватили край гдѣ нынѣ находится Нижне-Колымскъ, населенный тогда племенами инородцевъ, изъ коихъ нѣкоторыя, принадлежавшія быть можетъ къ Юкагирамъ — исчезли нынѣ совсѣмъ. Казаки вторглись въ эту страну черезъ устье Колымы и посредствомъ мирнаго и ласковаго обращенія и подарковъ пріобрѣли себѣ расположеніе ея обитателей. Чтобы приготовить себѣ вѣрное на всякій случай убѣжище, казаки въ 1644 году построили себѣ деревянный острогъ, на мѣстѣ нынѣшняго Нижне-Колымска, и затѣмъ съумѣли такъ ловко вмѣшиваться въ распри туземцевъ, что мало по малу заставили ихъ вполнѣ дружелюбно платить себѣ подать. Нѣкоторыхъ они даже крестили,—и съ возрастаніемъ вліянія русскихъ, число новокрещенныхъ такъ увеличилось, что въ началѣ восемнадцатаго вѣка, даже прежде учрежденія Иркутской эпархіи, въ этой странѣ была уже церковь и священники. Однако крещеніе всѣхъ инородцевъ колымскихъ было совершено только въ промежутокъ между 1800 и 1810 годами. Настоящая же страна Чукчей къ сѣверу отъ 65° до настоящаго времени чужда христіанству. Только нѣсколько Чукчей, бывшихъ въ Анюйскомъ острожкѣ съ торговыми цѣлями, обращены въ христіанство. Зимою 1811 года, священникъ Слѣпцовъ, движимый неустанною ревностію къ вѣрѣ и полный самоотреченія, прошелъ на пятьсотъ верстъ къ востоку отъ Нижне-Колымска въ страну Чукчей, тогда еще болѣе дикихъ и враждебныхъ русскимъ, чѣмъ нынѣ. Такимъ образомъ Слѣпцовъ добрался до Чаванской губы, на старыхъ картахъ называемой Чауномъ, а по чукотски—Чава, Чауа, Чауанъ. Тамъ прежде жилъ народъ, который въ чукотскихъ преданіяхъ извѣстенъ подъ именемъ Чаваша, Чавашей, имя напоминающее современныхъ намъ Чувашей. Казаки въ первый разъ встрѣтились съ Чукчами двѣсти лѣтъ тому назадъ въ устьѣ Колымы, откуда эти свирѣпые и враждебные инородцы удалились по берегамъ Чаваны; бѣжа передъ «бородатыми поджигателями» русскими, которыхъ они и теперь еще называютъ мильгитанами, отъ слова: мильгиръ—огонь. Такимъ образомъ, жившіе прежде въ этой странѣ и постоянно притѣсняемые Чукчами — Омоки были оставлены въ покоѣ. Смѣлый атаманъ Дежневъ преслѣдовалъ бѣжавшихъ—и сопровождаемый нѣсколькими Омоками, служившими ему переводчиками и проводниками, рѣшился въ 1648 г. пуститься въ море на семи судахъ изъ устья Колымы. Льды разбили и расплющили почти всѣ его суда. Безпомощный на этихъ негостепріимныхъ берегахъ, онъ только съ двумя судами достигъ до мыса Эррена, гдѣ онъ встрѣтилъ Чукчей и при посредствѣ подарковъ завелъ съ ними дружественныя отношенія. Потомъ онъ предпринялъ знаменитую экспедицію свою чрезъ Берингов проливъ, названный всетаки по имени мореплавателя, посѣщавшаго его значительно позже».

Обращаясь къ другимъ источникамъ, видно, что дальнѣйшія отношенія этихъ инородцевъ къ русскимъ завоевателямъ были уже совершенно иными. Казаки начали нападать на Чукчей и разорять ихъ. Послѣдніе отвѣчали тѣмъ же. Не разъ случалось, что, являясь подъ видомъ купцовъ и гостей въ становье Чукчей, русскіе убивали ихъ всѣхъ, имущество ихъ уносили съ собою, а юрты сжигали. Точно такъ же поступали и Чукчи. Они заходили въ русскіе острожки съ пушнымъ товаромъ—и пользуясь первою оплошностію русскихъ, истребляли и грабили ихъ. Впрочемъ нужно отдать справедливость — зачинщиками ссоръ и распрей, начинателями всевозможныхъ варварствъ—были наши соотечественники. Разсказы о томъ какъ съ живыхъ номадовъ сдирали кожу, какъ чукчей жгли на маломъ огнѣ, а ихъ беременнымъ женамъ взрѣзывали животы — и теперь передаются въ юртахъ ино одцевъ

Библиотека "Руниверс"

этой Сибирской окраины. Нельзя при этомъ не разсказать одного случая. Лодку съ десятью голодными, слабыми и больными казаками выбросило бурею не въ далекѣ отъ чукотскаго становья. Инородцы приняли умирающихъ враговъ, накормили ихъ и одѣли. Чѣмъ же отплатили русскіе? Они воспользовались отлучкою мужчинъ—Чукчей на промыселъ, перебили ихъ женъ, захватили лучшіе мѣха, перерѣзали оленей и сожгли юрты, затѣмъ на той же лодкѣ пользуюсь попутнымъ вѣтромъ отплыли отъ берега. Небо впрочемъ не оставило безнаказанными этихъ гнусныхъ разбойниковъ. Спустя нѣсколько времени, тѣла ихъ были найдены южнѣе, посреди голой каменной луды, гдѣ всѣ они умерли невидимому отъ голода, не успѣвъ воспользоваться плодами своего преступленія. Другой случай также отвратителенъ. Казакъ взялъ себѣ въ жены молодую чукотскую дѣвушку. Свадьба въ чукотской юртѣ была отпразднована по обрядамъ инородцевъ. Противъ всякаго обычая, казаку надавали всевозможныхъ мѣховъ и подарковъ, молодые на чужихъ оленяхъ и выѣхали изъ становья. На другой день Чукчи нашли несчастную новобрачную зарѣзанною невдалекѣ отъ того угодья, гдѣ они жили. Понятно, что подобные поступки воспитывали въ номадахъ чувство мести и ненависти къ завоевателямъ—и не дикари виноваты если послѣдующія страницы исторіи захватовъ въ этомъ краѣ облиты русскою кровью. Къ счастію, рядомъ съ этими тяжелыми для патріота сценами, встрѣчались и примѣры великодушія и честности, обнаруженныя тѣми же флибустьерами Сибирскихъ тундръ — казаками. Въ оправданіе жестокостей совершавшихся послѣдними нужно принять и то, что въ ихъ крови было не мало инородческой, такъ какъ эти казаки женились не въ Россіи, а въ восточныхъ областяхъ Сибири.

По образу жизни чукчи раздѣляются на осѣдлыхъ или береговыхъ и на кочующихъ. Послѣдніе изъ нихъ гораздо богаче первыхъ. Они постоянно переходятъ съ мѣста на мѣсто, съ горъ въ равнины и обратно, блуждаютъ по болотамъ, отыскивая пастбища для своихъ стадъ. По роду занятій эти инородцы подраздѣляются на оленеводовъ, на морскихъ чукчей промышляющихъ рыболовствомъ и охотою за морскимъ звѣремъ и на чукчей-торговцевъ ведущихъ мѣновую торговлю съ русскими. Вообще замѣчено, что чѣмъ далѣе къ сѣверу тѣмъ эти номады становятся зажиточнѣе, а стада ихъ многочисленнѣй. Оленеводы чукчи всѣ предметы первой необходимости покупаютъ у осѣдлыхъ, живущихъ преимущественно у устьевъ рѣкъ и въ глубинѣ многочисленныхъ бухтъ къ югу отъ Берингова пролива. Дѣятельнѣе всего мѣновая торговля ихъ производится въ двухъ мѣстностяхъ — въ Аніуитскомъ-Острогѣ на маленькой рѣченкѣ Анюѣ, въ 250 или 300 верстахъ отъ Нижне-Колымска; на круговой-майнѣ, одномъ изъ рукавовъ Колымы, расположенъ другой торжокъ ихъ. Въ первый ежегодно сходятся Чукчи живущіе по всему побережью отъ Ледовитаго океана до Берингова пролива, Аніутскій-острожекъ собственно и устроенъ съ этою цѣлію, въ остальное время года онъ почти необитаемъ. Сюда попадаютъ изъ Нижне-Колымска на нартахъ, въ которыя запрягаютъ около дюжины и болѣе собакъ. Нѣтъ ничего выносливѣе этихъ собакъ. Кормятъ ихъ только разъ въ день—и то на каждую идетъ не болѣе десяти мороженныхъ сельдей. Цѣнность хорошихъ собакъ доходитъ до 10 и даже до 15 р., впрочемъ ѣзда на нихъ требуетъ особеннаго искуства и навыка. Американецъ Кенанъ, путешествовавшій по Камчаткѣ и по землѣ Ламутовъ и Коряковъ, не разъ описываетъ неудобство этихъ поѣздокъ. Собаки на ходу не останавливаются до тѣхъ поръ пока не упадутъ отъ усталости. Поэтому, если нарта обернется—вамъ придется кое-какъ волочиться на боку большія растоянія, пока этимъ импровизованнымъ буцефаламъ Сибири не благоугодно будетъ дать себѣ отдыхъ. Точно такъ же они не подождутъ, если путникъ выскочитъ изъ нарты наткнувшейся на пень. Неосторожный будетъ оставленъ посреди снѣговаго безлюдья на жертву волковъ или голодной смерти. Собаки эти не знаютъ дороги. Они мчатся цѣлиной, не обращая вниманія ни на колоды, ни на холмы, ни на сугробы снѣгу. На такое тяжелое страннничество способны только русскіе. Нужна громадная энергія, неутомимость, способность выносить самыя существенныя лишенія, чтобы по общепринятому способу путешествовать въ этихъ отдаленныхъ и мертвыхъ пустыняхъ. Мѣновая торговля ведется не въ самомъ Аніуицкѣ, а въ извѣстномъ разстояніи отъ него на открытомъ воздухѣ на снѣгу или на ледяной поверхности рѣки Анюй. Видъ кочевьевъ въ это время бываетъ необычайно оригиналенъ и даже живописенъ. Чукчи полукругомъ разставляютъ свои нарты, строя кучками (по родамъ) юрты изъ легко переносимаго войлока. У кочующихъ чукчей располагаются впереди—юрты болѣе богатые, а у осѣдлыхъ—болѣе мудрыхъ и опытныхъ инородцевъ. Кочующіе чукчи раскидываютъ свой станъ первые, за ними уже могутъ выбирать мѣста—осѣдлые. Прежде, когда чукчи являлись на этотъ торжокъ вооруженными—сношенія съ ними были чрезвычайно опасны для русскихъ. Русскіе везутъ сюда товары издалека, даже изъ Якутска, переправляя ихъ сначала на Нижне-Колымскъ. Наши грузы состоятъ преимущественно изъ черкасскаго табаку, желѣзныхъ издѣлій, мелкихъ стеклянныхъ вещицъ, зеркальцевъ и т. п., холстовъ, тесьмы, выдровыхъ, волчьихъ и россомашьихъ мѣховъ. Въ обмѣнъ на это русскіе торговцы получаютъ оленьи, бобровые, рысьи, куньи и другіе мѣха. Сюда даже изъ Америки привозятъ моржевые зубы. Чукчи купцы являются на Анюитскую ярмарку побывавъ въ отдаленнѣйшихъ захолустьяхъ Американскаго сѣверо-запада. Тамъ они вымѣниваютъ у эскимосскихъ народцевъ мѣха и другую промысловую добычу, съ выгодою сбываемую русскимъ.

Такимъ образомъ, благодаря этому торжку, русскіе товары получаютъ сбытъ въ полярныхъ окраинахъ Америки, а произведенія этихъ негостепріимныхъ пустынь проникаютъ въ Европейскую Россію. Кромѣ того, береговые Чукчи, входя въ сношенія съ инородцами занимающимися боемъ китовъ у Берингова пролива, везутъ на эту же ярмарку моржевые клыки, китовый усъ, сало и др. предметы. Клыки направляются отсюда въ Китай. Тутъ же Чукчи уплачиваютъ свой ясакъ и иногда поручаютъ чиновникамъ въ знакъ своего вѣрноподданства препроводить въ Петербургъ, для поднесенія Государю Императору, чернобурыхъ лисицъ. За это они получаютъ почетные кафтаны, сабли и деньги. Разсказываютъ, что въ прежнее время на этой ярмаркѣ совершалось самое возмутительное мошенничество. Русскіе купцы обманывали инородцевъ и обижали ихъ. Но такой порядокъ продолжался не долго. Не обращаясь съ жалобами къ чиновникамъ, Чукчи распоряжались сами. Послѣ нѣсколькихъ убійствъ и варварскихъ грабежей, совершенныхъ обманутыми дикарями, русскіе сообразили, что съ ними нельзя вести дѣла такъ же какъ съ другими, болѣе миролюбивыми, инородцами Сибири,—и стали по неволѣ честны. Съ тѣхъ поръ и случаи насилія—прекратились.

По свидѣтельству Алатырова, на Аніуитскую ярмарку собирается до 1500 торговцевъ — Чукчей. Г. Паули очевидно взялъ весьма низкія цифры, считая всѣхъ торгующихъ Чукчей на этомъ торжкѣ отъ 300—900 чел.

Чукчи оленеводы занимаютъ южныя и внутреннія части этой страны. Языкъ ихъ и обычаи чрезвычайно похожи на коряцкіе. Они и зимою и лѣтомъ живутъ въ чумахъ или юртахъ изъ оленьихъ шкуръ, гдѣ помѣщается обыкновенно по нѣскольку семействъ вмѣстѣ. Мужчины, женщины и дѣти спятъ всѣ вмѣстѣ. Воздухъ здѣсь бываетъ ужасенъ въ полномъ смыслѣ этого слова. Одинъ русскій купецъ, говоритъ Крашенинниковъ, чуть не умеръ въ такомъ чумѣ, гдѣ помѣщалось до двадцати Чукчей. Прибавьте къ испареніямъ ихъ тѣлъ и ихъ дыханію запахъ просушиваемаго платья и обуви—и вы поймете чѣмъ должны дышать эти инородцы. Случается нерѣдко, что и Чукчи выползаютъ совершенно голые изъ своихъ чумовъ и едва-едва оправляются въ холодномъ воздухѣ, посреди собакъ и нартъ на бѣлой снѣговой пеленѣ окружающей ихъ пустыни. Чукчи-оленеводы питаются мясомъ оленей и другихъ звѣрей, промышляемыхъ ими. Вкусы ихъ въ этомъ отношеніи весьма неприхотливы. Сусловъ видѣлъ, какъ нѣсколько этихъ дикарей съ жадностію пожирали мясо мертвой нерпы, выброшенной волнами океана на сѣверные берега. Морскіе звѣри—вмѣстѣ съ рыбою — доставляютъ пищу и Чукчамъ осѣдлымъ. Послѣдніе преимущественно питаются сельдью и другой рыбой. Тѣ и другіе впрочемъ весьма прожорливы, чему не разъ удивлялись русскіе. Одинъ путешественникъ, напримѣръ, разсказываетъ, что просыпавшіеся ночью Чукчи принимались за ѣду—и доѣвъ остатки приготовленной вечеромъ пищи, заваливались спать. Одѣваются они лѣтомъ по-русски, а зимою — по своему въ оленьи шкуры. Куколнка или парка ихъ обшивается по краямъ собачьимъ, выдровымъ или бобровымъ мѣхами, воротъ украшенъ собачьими хвостами, но верхомъ роскоши считаются обшивка изъ россомашьяго мѣха. Волчьи шкуры—въ большомъ почетѣ; онѣ употребляются для шапокъ. Капюшоны съ головою животнаго, употребляются или во время войны, или вообще въ опасныхъ предпріятіяхъ. Мужчины стригутъ и даже брѣютъ (Сусловъ) себѣ волосы, оставляя ихъ только въ видѣ кружка на темени, чтобы вплетать туда кораллы и другія украшенія. Мужчины и женщины носятъ серги, а послѣднія кромѣ того и татуируютъ лицо. Чукчи не носятъ бороды вовсе, вырывая ее вонъ. Женщины заплетаютъ волосы въ двѣ косы, которыя падаютъ по обѣ стороны головы. Иногда они стригутъ темя, а на рукахъ носятъ браслеты изъ желѣза и мѣди. Осѣдлые Чукчи живутъ по берегамъ Сѣвернаго Ледовитаго Океана къ числѣ 10.000 чел. Имъ принадлежитъ до 1500 юртъ. Они раздѣляются на пятьдесятъ родовъ. Это—бывшіе оленеводы, обнищавшіе отъ потери своихъ стадъ и заброшенные крайнею бѣдностью на суровые берега сумрачнаго моря. Съ ними впрочемъ не слѣдуютъ смѣшивать Намолло-Чукчей, живущихъ по берегамъ Комошенской бухты и устья Анадыри въ числѣ 1000 ч. Эти непосредственно происходятъ отъ эскимосовъ и живутъ небольшими деревушками, лѣтомъ въ юртахъ, а зимою въ землянкахъ, вырытыхъ близъ устьевъ рѣки. Ихъ языкъ составляетъ нарѣчіе Кадьякаго. Намолло-Чукчи миролюбивы, гостепріимны, веселы но преданы грубѣйшимъ суевѣріемъ шаманства и крайне неопрятны. Объ этомъ свидѣтельствуетъ не одинъ г. Паули; Сусловъ идетъ еще далѣе, утверждая, что Намолло-Чукчи никогда не моются. Чукчи вообще страстно любятъ табакъ, водку и охоту. Послѣдняя составляетъ ихъ постоянное занятіе, не смотря на то, что море даетъ имъ обильную добычу рыбы. Онѣ знаютъ употребленіе ружей—и луки мало по малу выводятся у нихъ вовсе. Только самые Сѣверные Чукчи еще стрѣляютъ звѣря изъ луковъ. Впрочемъ всѣ чукчи употребляютъ исключительно кремневое ружье. О мѣткости ихъ стрѣльбы разсказываютъ очень многое. Такъ, судя по словамъ г. Алатырова, они бьютъ лисицу въ глазъ, волка тоже—и никогда не даютъ промаха.

(Окончаніе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Кабаны и кабанья охота.

Дикая свинья, кабанъ (Sus scropha), единственное толстокожее Европы, лишь изрѣдка попадающееся въ западной ея половинѣ, весьма обыкновенно на югѣ Россіи, во всѣхъ умѣренныхъ мѣстахъ Сибири, въ Монголіи до Гималая и въ сѣверной Африкѣ. Это сильное животное почти въ 6 футовъ длины и 3 фута вышины у загривка, вѣсомъ отъ 200 до 500 фунтовъ. По наружности кабанъ отличается отъ свиньи только тѣмъ, что туловище у него короче и плотнѣе, ноги толще, голова нѣсколько длиннѣе и острѣе, уши болѣе стоячіе, да клыки гораздо длиннѣй и заостреннѣе. Цвѣтъ его тѣла непостоянный, большею частію черный; сѣрые, рыжіе, пестрые и бѣлые кабаны рѣдки и считаются потомками одичавшихъ домашнихъ свиней. Мѣхъ состоитъ изъ жесткихъ, длинныхъ и колючихъ щетинъ, между которыми находится болѣе или менѣе короткій, тонкій подшерстокъ, смотря по времени года; на спинѣ щетины образуютъ родъ гребня или гривы.

Кабанъ обыкновенно держится въ сырыхъ, болотистыхъ мѣстахъ, все равно: покрыты ли они густымъ лѣсомъ или нѣтъ; на Кавказѣ и въ Туркестанѣ убѣжищемъ ему служатъ камыши по берегамъ рѣкъ. Каждый сильный кабанъ ежедневно взрываетъ себѣ новое логовище, яму такой величины, чтобы въ ней удобно было лежать,—а такъ какъ они весьма общительны, ходятъ стадами и каждое лѣто взрываютъ новыя мѣста, то и наносятъ страшный вредъ плантаціямъ и вообще земледѣлію.

Днемъ стадо лежитъ лѣниво; къ вечеру поднимается и выходитъ за кормомъ, направляясь въ лѣса и луга рыть землю, или бѣжитъ къ лужѣ, озерку или рѣчкѣ купаться. Когда къ ночи все затихнетъ въ окрестности, кабаны отправляются на хлѣбныя поля—и если разъ гдѣ нибудь поселятся, то выгнать ихъ совсѣмъ не легко. Къ тому же, они ѣдятъ гораздо меньше чѣмъ портятъ своимъ рытьемъ. Впрочемъ и прожорливость ихъ замѣчательна. Въ лѣсу и лугахъ они ищутъ личинокъ насѣкомыхъ и червей, осенью и зимой ѣдятъ жолуди дубовые и буковые, лѣсные орѣхи, картофель, бобы и проч.; по берегамъ рѣкъ подбираютъ выкидываемую на отмель соиную рыбу, пожираютъ мертвую дичь, падаль, даже человѣческіе трупы, но никогда не нападаютъ съ хищническими цѣлями на живыхъ представителей высшихъ двухъ классовъ.

Всѣ движенія этого животнаго быстры и порывисты, хотя нѣсколько неуклюжи и тяжелы. Кабанъ бѣжитъ довольно скоро и всего охотнѣе въ прямомъ направленіи; въ особенности самцы не любятъ крутыхъ поворотовъ. Тѣмъ не менѣе ускакать отъ него можно лишь на хорошемъ конѣ. Острая голова и узкое тѣло кабана, какъ нельзя лучше приспособлены для того, чтобъ прокладывать себѣ дорогу въ мѣстахъ непроходимыхъ для другаго животнаго. Сквозь самыя густыя чащи среднеазіатскаго камыша кабаны несутся такъ же быстро какъ по ровной тропинкѣ, узкое рыло раздвигаетъ сплошную стѣну камышей или сучья кустарниковъ, за головой протискивается тѣло—и работа идетъ дальше съ быстротой молніи. Въ болотѣ и даже озерѣ кабаны тоже какъ дома: для плаванія складъ тѣла свиней чрезвычайно удобенъ; рыбообразное, жирное туловище ихъ безъ труда держится на водѣ—и достаточно легкаго движенія копытъ, чтобы быстро толкать его впередъ.

Всѣ кабаны осторожны и бдительны, но не трусливы, потому что могутъ разсчитывать на свою силу и вѣрность своего страшнаго оружія. При взглядѣ на клыки кабана-самца, ужасъ внушаемый имъ становится понятенъ. Уже на второмъ году эти клыки поднимаются съ верхней и нижней челюсти кверху. У трехгодовалаго кабана нижній клыкъ выростаетъ значительно противъ верхняго, идетъ косвенно кверху и загибается на концѣ. Верхній клыкъ загибается кверху тотчасъ по выходѣ изъ челюсти, но едва достигаетъ половины длины нижняго. Тотъ и другой чрезвычайно остры и съ возрастомъ становятся еще острѣе отъ постояннаго тренія другъ о друга. Чѣмъ старше животное, тѣмъ круче загибаются его клыки, увеличиваясь въ то же время въ длину и толщину. У стараго кабана нижніе сходятся почти надъ самымъ рыломъ—и для защиты ему остаются только верхніе, идущіе кнаружи и кверху. Удары этихъ острыхъ зубовъ въ высшей степени опасны и могутъ быть смертельны. Кабанъ, бросающійся на противника, умѣетъ очень искусно воткнуть свои клыки снизу въ ногу или животъ непріятеля—и быстро откидывая голову вверхъ и назадъ, разрываетъ длинныя глубокія раны, которые проникаютъ черезъ всѣ мышцы ноги человѣка до костей или черезъ всѣ покровы живота до внутренностей; послѣднее случается всего чаще съ собаками. Сильные кабаны бросаются такимъ образомъ и на болѣе крупныхъ животныхъ—и подпрыгивая, изувѣчиваютъ ихъ жестоко: лошадямъ, напр., разрываютъ животъ и грудь.

Къ счастію для не-охотниковъ, кабаны довольно добродушны. Даже самый сильный не трогаетъ человѣка, если не раздраженъ. Только на собаку, злѣйшаго своего врага, они бросаются во всякомъ случаѣ. Если же человѣкъ идетъ спокойно, они не обращаютъ на него вниманія или быстро убѣгаютъ; но не выносятъ ни малѣйшаго оскорбленія или даже дразненія — и при этомъ бросаются безъ оглядки на безоружнаго или вооруженнаго и дерутся съ слѣпой яростью, наносятъ клыками тяжелыя раны, хотя рѣдко останавливаются у своей жертвы или возвращаются къ ней. Если не потерять присутствія духа и, давъ кабану приблизиться, прыгнуть за дерево или даже просто отскочить всторону—звѣрь пронесется мимо. Кому же нѣтъ ни времени, ни возможности прибѣгнуть къ этому средству, тотъ можетъ еще спастись бросившись плашмя на землю, потому что кабанъ можетъ бить клыками только вверхъ, а не внизъ.

Самки кабановъ не такъ раздражительны, но не уступаютъ имъ въ храбрости. Хотя онѣ не могутъ нанести значительныхъ ранъ своими небольшими клыками, но тѣмъ не менѣе опаснѣе самцовъ, потому что не отступаютъ отъ предмета своего гнѣва, топчутъ его ногами и кусая вырываютъ цѣлые куски мяса,—такъ что имѣя дѣло съ ними, было бы весьма нерасчетливо ложиться на землю—и охотнику, лишенному заряда въ ружьѣ, остается только ножъ, на который онъ, если у него достаточно ловкости и силы, долженъ принять набѣжавшее животное.

Въ опасности кабаны помогаютъ другъ другу—и въ особенности молодые храбро защищаются взрослыми. Самки, имѣющія поросятъ, принадлежатъ къ опаснѣйшимъ животнымъ и преслѣдуютъ похитителя ихъ дѣтей до тѣхъ поръ, пока не заставятъ отдать хоть одного изъ дѣтенышей.

Около конца іюня, самка молодая мечетъ 4—6, а старая 11—12 поросятъ. Для этого она приготовляетъ себѣ въ уединенной чащѣ гнѣздо, выстланное мхомъ, листьями и пр., и здѣсь первыя двѣ недѣли тщательно прячетъ нѣжно-любимыхъ дѣтокъ, оставляя ихъ рѣдко и то на короткое время, чтобы покормиться. Затѣмъ она выводитъ свои семейку и учитъ ее рыться въ землѣ.

Миловидныя рѣзвыя малютки очень скоро выучиваются употреблять въ дѣло свои рыльца. Поросята по сѣро-рыжеватому полю покрыты желтоватыми полосами, которыя идутъ довольно прямо спереди назадъ, но уже въ первые мѣсяцы исчезаютъ. Иногда нѣсколько самокъ сходятся вмѣстѣ съ своими поросятами и общими силами выводятъ ихъ. Случается, что если одна изъ матерей погибнетъ, другая беретъ на себя воспитаніе сиротъ. Стадо этихъ молодыхъ, красивыхъ животныхъ представляетъ очень привлекательную картину. Живость и подвижность, свойственныя молодости, составляютъ рѣзкую противуположность лѣни и медленности старыхъ кабановъ. Матери важно идутъ впереди поросятъ, которые то бѣгутъ рысцей, то пускаются вскачь, пищатъ и хрюкаютъ, разсыпаются въ разныя стороны и снова собираются въ кучку, останавливаются порыть землю, выкидываютъ неожиданно какую нибудь неуклюжую штуку, потомъ подбѣгаютъ къ матери, тѣснятся вокругъ нея, останавливаютъ ее—и насосавшись молока, снова пускаются бѣжать.

Такъ проходитъ вся ночь. Днемъ неугомонное общество едва можетъ усидѣть въ логовѣ, копошится и вертится безъ устали.

До времени размноженія (ноябрь мѣсяцъ), нѣсколько самокъ и молодыхъ самцовъ держатся обыкновенно вмѣстѣ. Только сильные кабаны живутъ угрюмо и отшельниками. Это такъ-называемые одиницы. Кабанъ живетъ до 30 лѣтъ и вообще мало подверженъ болѣзнямъ. Лишь чрезмѣрный холодъ съ глубокимъ снѣгомъ и слѣдовательно безкормицей, да гололедица твердой корой своей причиняющая раны на ногахъ—бываютъ причиной ихъ гибели. Тигръ, барсъ, волкъ, рысь и хитрая лиса, который иногда удается утащить маленькаго поросенка,—главные враги кабана, за исключеніемъ конечно злѣйшихъ его непріятелей—охотниковъ съ собаками.

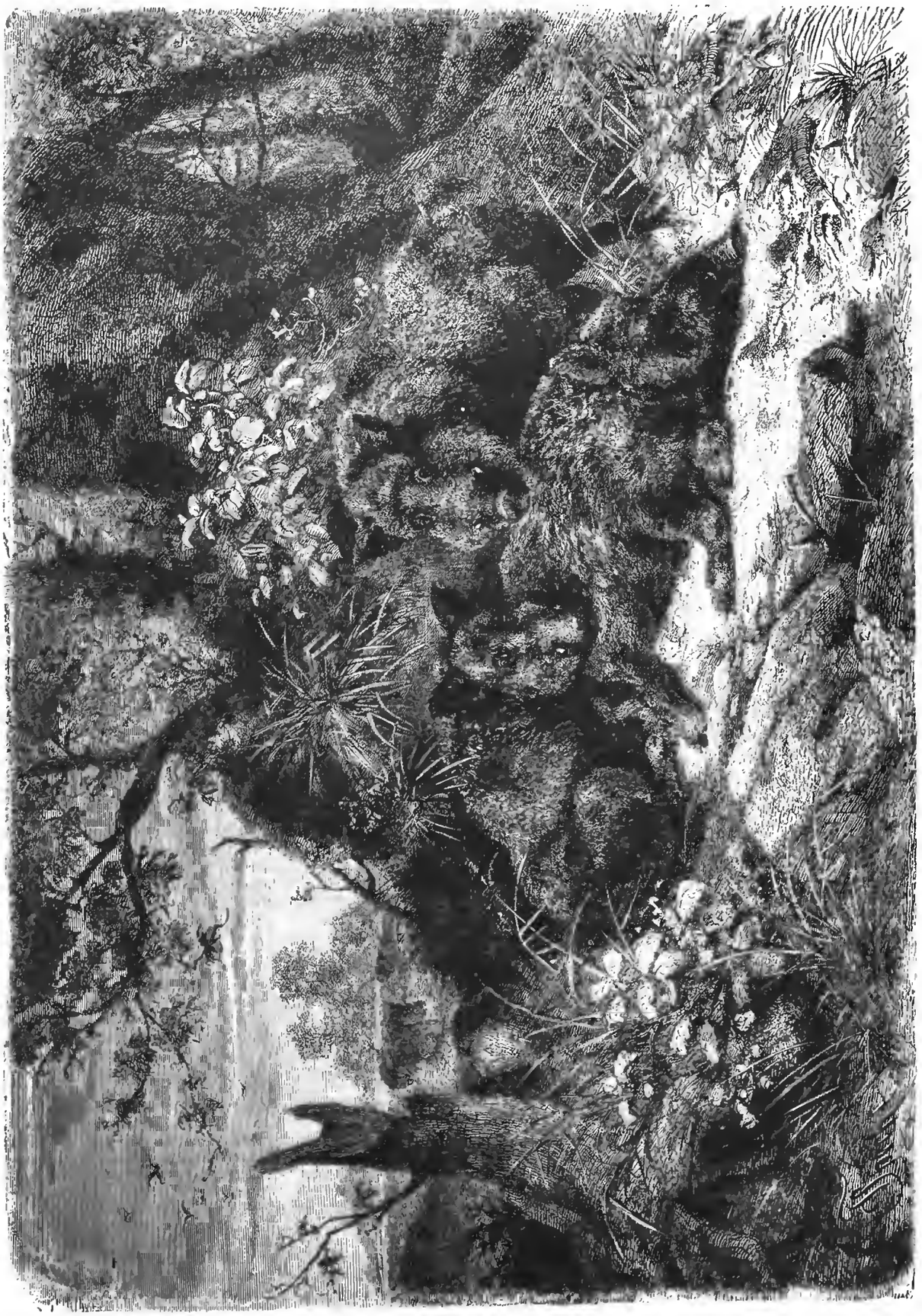
Мясо кабана по справедливости цѣнится высоко. Въ немъ вкусъ свинины соединенъ со вкусомъ дичи. Особенно хорошъ поросята. Голова и окорока считаются большимъ лакомствомъ.

Ни одна изъ породъ дичи не подходитъ на такое короткое разстояніе къ охотнику, стоящему за вѣтромъ въ засадѣ, какъ кабанъ, такъ какъ зрѣніе его довольно плохо; ни къ какому другому крупному животному нельзя такъ близко подкрасться во время его отдыха. Поэтому ихъ стрѣляютъ и на облавахъ съ загонщиками, и просто выслѣживая съ лягавой собакой. Нѣкоторые смѣльчаки принимаютъ ихъ даже на рогатину. Встарину кабановъ травили особыми собаками—такъ-называвшимися кабанными и особыми же гончими. Прежде чѣмъ собакамъ удавалось поймать кабана, т. е. схватить его за уши, многія изъ нихъ оставались на мѣстѣ. Съ обѣихъ сторонъ дрались съ одинаковымъ мужествомъ, но конечно 8 или 9 сильныхъ собакъ одолѣвали кабана, пока приходилъ охотникъ, чтобы съ нимъ покончить.

Смѣсь.

Писчебумажное производство въ Японіи. Въ Европѣ, безъ сомнѣнія, достигли весьма многаго въ производствѣ бумаги, а главное на бумагѣ. Но какъ далеко отстали мы въ этомъ отношеніи отъ японцевъ! Европейцы узнали употреб-

Библиотека "Руниверс"



Кабаны. Рис. и грав. Ф. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

леніе облагороженныхъ тряпокъ, то есть бумаги, всего лѣтъ триста тому назадъ; японцы же производятъ бумагу уже болѣе тысячи лѣтъ.

Сначала они писали на деревянныхъ дощечкахъ, потомъ на шелковой матеріи, пока въ 280 г. не былъ ввезенъ изъ Кореи первый образецъ бумаги, вошедшей въ общее употребленіе. Четыре столѣтія спустя, одинъ священникъ, по имени Донсо, пріѣхалъ изъ Кореи въ Японію и научилъ японцевъ дѣлать бумагу, чернила и жерновые камни. Бумагой заинтересовался самъ наслѣдникъ престола, Шотуку Таиши. Онъ даже изобрѣлъ четыре превосходныхъ сорта бумаги, которые такъ съ тѣхъ поръ и остались въ модѣ, только были значительно улучшены.

Хотя у насъ также производится множество сортовъ бумаги для письма, печати, рисованія, писанья красками, и т. д. Но до сихъ поръ мы все еще сидимъ на тряпкахъ и соломѣ—и едва-едва начинаемъ вводить у себя нѣкоторыя другія вещества.

Японскій фабрикантъ знать не хочетъ ни одного изъ этихъ веществъ, потому что знаетъ гораздо лучшія, и умѣетъ примѣнять ихъ къ самымъ разнообразнымъ цѣлямъ. Въ Іеддо, можно найдти въ бумажныхъ лавкахъ писчую бумагу всевозможныхъ цвѣтовъ, тонины и качества; на всякій особенный случай, напримѣръ для какихъ нибудь поздравленій, приглашеній, рекомендательныхъ писемъ, есть особый сортъ бумаги; существуютъ даже различные сорта для писателей стихами и прозой. Кромѣ того, тутъ найдете необозримое количество оберточной бумаги, почти такой же какъ у насъ, но въ большомъ выборѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе практической. Прибавьте къ этому разнообразнѣйшіе обои, одни уже съ отпечатанными узорами, другіе просто загрунтованные, оставляющіе свободное поле для искуства комнатнаго живописца или личнаго вкуса покупателя. Далѣе слѣдуютъ совсѣмъ отдѣльные сорта, замѣняющіе дерево для ширмъ, дверей и шкафовъ; бумага въ родѣ кожи для книжныхъ переплетовъ, бумажныя матеріи для куколъ и *настоящія платья*; бумага для рамъ и разныхъ оправъ, для ящиковъ и сундуковъ, для фонарей и окоиъ, для чахловъ на мебель и ковры, для обтягиванія простыхъ и дождевыхъ зонтиковъ, для игрушекъ, кошельковъ, вѣеровъ, масокъ, письменныхъ ящиковъ, мѣшечковъ для табаку для мужчинъ и для дамъ и т. д. и т. д.

Во всѣхъ этихъ вещахъ они еще не слишкомъ перещеголяли насъ, такъ какъ и мы производимъ не меньше этого вещей изъ бумаги и папки, нѣкоторыя фабрики дѣлаютъ даже бумажные воротнички и манжеты, груди къ рубашкамъ, салфетки и т. п. Но вотъ чисто японская вещь! Настоящія очень практическія шляпы фуражки изъ бумаги, *цѣлые сюртуки и плащи изъ непромокаемой бумаги*. Японскіе солдаты носятъ очень удобныя складныя бумажныя шляпы. Для высшихъ классовъ также дѣлаются шляпы изъ бумаги, но онѣ держатся крѣпче и тверже, чѣмъ еслибы была сдѣланы изъ самаго жесткаго дерева. Есть еще другаго рода шляпы чрезвычайно легкія, точно сплетенныя изъ соломы, между тѣмъ онъ также бумажныя. Правда и у насъ въ Фребелевскихъ дѣтскихъ садахъ искусныя ручки плетутъ хорошенькія вещицы изъ бумажныхъ полосокъ, но японскія бумажныя плетенья такъ прочны, что ихъ можно *мыть*. Кромѣ того, у нихъ есть бумажные носовые платки, бумажныя ленты, бумажныя шпильки, подошвы, вуали, разные головные уборы. Одиимъ словомъ, въ Японіи можно съ ногъ до головы одѣться въ бумагу, жить въ бумагѣ, спать подъ бумагой и на бумагѣ, ѣсть изъ бумажной посуды сидя на бумажныхъ стульяхъ за бумажными столами, пить изъ бумажныхъ кружекъ, и все это не имѣетъ ни малѣйшаго соприкосновенія съ тряпками. Японецъ получаетъ вещество для производства бумаги непосредственно, безъ длиннаго ряда метаморфозъ, изъ льна въ пряжу и ткань, бѣлье и прочее, и наконецъ въ тряпки. Онъ находитъ это вещество въ четырехъ деревьяхъ или кустарникахъ: *митсума*, *токасо*, *ма-котцу* и *кадзисо*. Оба послѣдніе доставляютъ главную массу для всѣхъ родовъ бумаги. Кора втораго даетъ только низшіе сорта, а волокна митсуматы идутъ исключительно на ассигнаціи.

Самое большое количество бумаги доставляетъ ма-котцу или бумажно-шелковичное дерево (Broussonelia Papyrifera), которое съ этой цѣлью уже цѣлое тысячелѣтіе культивируется самымъ тщательнымъ образомъ, и притомъ лучше всего на вновь обработанной почвѣ, требующей кромѣ того еще особеннаго ухода. Какъ разъ можно испортить дѣло, положивъ слишкомъ много или слишкомъ мало удобренія; сухое лѣто вредно ему равно какъ и слишкомъ сырая осень. Всего лучше растетъ оно въ низменной мѣстности на холмистыхъ склонахъ, гдѣ есть по близости прудъ или рѣка. Для приготовленія изъ него бумаги поступаютъ слѣдующимъ образомъ: во время разсадки, осенью, старые коренья раздѣляются, рѣжутся на куски вершка по три въ длину—и разсаживаются такъ, чтобы изъ земли они выглядывали не больше какъ на полъ-вершка. Такъ ростутъ эти отростки, пока на четвертомъ году не достигнутъ отъ шести до двѣнадцати футовъ вышины; при этомъ ихъ каждый годъ обрѣзаютъ до самаго корня. Вмѣсто обрѣзанныхъ вѣтвей на слѣдующій годъ выходитъ пять новыхъ, такимъ образомъ на пятый годъ образуются густые кустарники, вѣтви которыхъ и доставляютъ наконецъ фабриканту превосходныя волокна.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о бумагѣ изъ митсуматы, приготовляемой для японскихъ ассигнацій. Бумага эта, или какъ ее называютъ *Кинсатсу*, фабрикуется изъ волоконъ растенія съ примѣсью тончайшаго песку, рисоваго крахмала и порошка изъ пшеничныхъ отрубей. Самую бумагу еще можно бы было подѣлать, но прозрачные знаки, оттискиваемые на каждой бумажкѣ отдѣльно, сдѣланы такъ искусно и имѣютъ такіе тонкіе секретные знаки, что подѣлка сейчасъ будетъ замѣтна.

Очень любимая у нихъ, узорчатая шелковая бумага приготовляется весьма просто между двумя прессами съ вырѣзаннымъ на нихъ узоромъ. Многіе сорты бумаги и папки на манеръ кожи—получаютъ такой видъ просто отъ примѣси въ бумажную массу одного масла, которое добывается изъ растенія, называемаго *іе* (Celtis Willdenawiana). Свои желтые, зеленые, красные, черные бумажные дождевые плащи, они дѣлаютъ изъ спрессованныхъ вмѣстѣ и наклеенныхъ другъ на друга листовъ бумаги зенка, пропитанныхъ масломъ *іе*. Зенка называется родъ бумаги, идущей преимущественно на конвертные фунтики и вообще на всякія обертки для кондитерскаго товара. Изъ этого же сорта бумаги вырабатываются чуть не настоящія *шерстяныя платья*, или по крайней мѣрѣ отлично замѣняющія ихъ. Фабрикація эта въ высшей степени проста и вмѣстѣ съ тѣмъ остроумна, а полученныя матеріи превосходятъ своими качествами наши лучшія настоящія ткани. Главное ихъ достоинство въ непромокаемости. Изъ этой бумаги дѣлаютъ даже *горшки, котлы и сковороды*, и въ этой бумажной посуды можно варить и жарить все что угодно. Еще изъ нея дѣлаютъ родъ мѣшковъ, для согрѣванія вина въ горячей водѣ.

Кустарникъ *кадзисо* похожъ на нашу иву; каждую осень съ него сдираютъ липкое лыко, и посредствомъ различныхъ процессовъ превращаютъ его въ бумагу.

Эти японская бумажная ива могла бы рости вездѣ на югѣ Россіи по канавамъ, рѣкамъ и другимъ влажнымъ мѣстамъ, какъ наша простая обыкновенная ива, и не дурно бы было подумать заняться у насъ разведеніемъ этого драгоцѣннаго кустарника. Еслибы торговые люди, имѣющіе сношенія съ Японіей, постарались изучить тамъ это производство, привезли бы сюда образцы этой бумаги и попробовали акклиматизировать дающій ее кустарникъ, то навѣрное остались бы не въ накладѣ отъ этого.

Курьезъ изъ хивинской экспедиціи. Въ Nordd. Allg. zeit. (Сѣверогерманской Всеобщей Газетѣ) сообщаютъ фактъ, заслуживающій извѣстность, такъ какъ онъ показываетъ, что даже въ пустынныхъ степяхъ далекаго востока дѣйствуетъ правильно организованная власть. Извѣстный прусскій офицеръ, лейтенантъ Штуммъ, принимавшій участіе въ хивинской экспедиціи, на обратномъ пути, въ песчаной пустынѣ между Казалинскомъ и Оренбургомъ, въ то время какъ опрокинулся его экипажъ, потерялъ желѣзный крестъ, который онъ постоянно носилъ въ теченіи всей экспедиціи. Послѣ тщетныхъ поисковъ, онъ отказался отъ всякой надежды когда либо найти его. Каково же было его удивленіе, когда нѣсколько дней тому назадъ онъ получилъ изъ Петербурга черезъ министерство иностранныхъ дѣлъ пакетъ, въ которомъ вмѣстѣ съ письмомъ отъ министерства заключался и—его желѣзный крестъ!

Путешественница изъ Индіи. Въ настоящее время въ Лондонѣ находится одна путешественница изъ Индіи. Она принадлежитъ къ одной изъ высшихъ кастъ, и не смотря на это, не только рѣшилось переплыть океанъ, но даже посѣщаетъ лондонское общество, во всемъ подчиняясь принятымъ тамъ обычаямъ и манерамъ. Дама эта молода и очень хороша собой; она осматриваетъ вмѣстѣ съ своимъ мужемъ, пріѣхавшимъ съ нею изъ Мадраса въ Англію, всѣ достопримѣчательности Лондона, равно какъ и другихъ большихъ городовъ Англіи. Это первая индійская женщина, рѣшившаяся презрѣть кастовые предразсудки и предпринять такое путешествіе. Всякій, знающій условія жизни въ Индіи, конечно подивится смѣлому поступку этой дамы, доказывающему въ ней большую силу воли.

Обманутый обманщикъ. «Нѣсколько лѣтъ тому назадъ», говорилъ сэръ Генри, «удалось мнѣ обмануть одного человѣка на 110 фунтовъ стерлинговъ (880 руб. сер.) и ничто въ моей жизни не доставило мнѣ столько удовольствія».

Мы всѣ были удивлены слыша нѣчто подобное отъ богатаго, чрезвычайно уважаемаго англійскаго купца. Вѣроятно на нашихъ лицахъ отражалось это недоумѣніе, потому что нашъ другъ, для объясненія своихъ словъ, тотчасъ же продолжалъ:

«Можетъ быть я неправильно выразился, сказавъ что я обманулъ одного человѣка, такъ какъ мой поступокъ не заслуживаетъ такаго названія. Собственно говоря, я помѣшалъ ему обмануть меня. Но я подробно разскажу вамъ исторію.

Лѣтъ пятнадцать тому назадъ у меня были нѣкоторыя дѣла съ одиимъ человѣкомъ, по имени Мориссомъ. Это былъ господинъ необыкновенно ловкій, который всегда могъ легко перехитрить того, кто велъ съ нимъ дѣла. Разъ онъ пришелъ въ мою контору и забралъ у меня товару на незначительную сумму. Товаръ былъ ему отосланъ и деньги получены. Отъ времени до времени слѣдовали отъ него дальнѣйшіе заказы товаровъ, пока онъ не пріобрѣлъ у меня извѣстнаго кредита. Тогда онъ началъ платить по своимъ счетамъ векселями. Положимъ, въ настоящее время сумма ихъ показалось бы мнѣ совершенно ничтожной, но тогда она была для меня очень важна, такъ какъ я только что началъ свою торговлю и притомъ въ очень маленькихъ размѣрахъ.

Библиотека "Руниверс"

У меня было отъ него два векселя по 50 фунтовъ стерл. и одинъ въ 20 ф. стерл., что въ сложности составляло 120 ф. стерл. Передъ самымъ срокомъ платежа, онъ убѣдилъ меня обмѣнять векселя на чекъ Государственнаго Банка, гдѣ у него есть небольшой текущій счетъ. Онъ просилъ меня не предъявлять чека раньше восьми дней послѣ истеченія срока векселямъ, которые я ему возвратилъ. Въ основаніе этого онъ приводилъ разныя затрудненія встрѣтившіяся въ его дѣлахъ, что, какъ онъ сообщилъ мнѣ подробнѣе, надѣлало ему много хлопотъ. Потомъ я узналъ, что все это были одиѣ выдумки. На чекѣ не было выставлено числа такъ какъ англійскіе банки считаютъ недѣйствительными чеки помѣченные; но мы уговорились съ Мориссомъ, что я выставлю число въ тотъ самый день когда предъявлю чекъ,—и конечно, полагаясь на мою честность, онъ былъ увѣренъ, что я не предъявлю чека раньше условленнаго между нами времени.

Когда онъ ушелъ, мени стало разбирать раздумье на счетъ этого обстоятельства; мнѣ пришли на память нѣкоторые подозрительныя вещи, которыя я случайно слышалъ объ этомъ человѣкѣ,—и мнѣ было досадно, зачѣмъ я далъ себя уговорить. Кромѣ того, какъ я уже говорилъ, сумма эта были тогда для меня весьма значительна.

Наконецъ насталъ назначенный день, а такъ какъ мнѣ самому предстояло сдѣлать нѣсколько платежей, то я поспѣшилъ послать чекъ въ банкъ. Но его возвратили моему прикащику съ надписью «превышаетъ сумму счета». Можете судить, какъ это меня взбѣсило!

Я тотчасъ же пошелъ въ контору господина Морисса, но не засталъ его тамъ. Послѣ этого я нѣсколько разъ посылалъ къ нему своего прикащика, но постоянно напрасно, его никогда не было дома. Между тѣмъ я самъ пришелъ въ это время въ весьма затруднительное положеніе, потому что навѣрно разсчитывалъ на полученіе этихъ 120 ф. с; но всего больше я разсердился, узнавъ отъ одного пріятеля о преднамѣренной нечестности Морица, и когда наконецъ я его засталъ, то не могъ добиться отъ него другого отвѣта кромѣ того что онъ объ этомъ думаетъ.

Я узналъ, что Мориссъ, въ то время какъ я представилъ его чекъ, дѣйствительно имѣлъ въ банкѣ 30 ф. с., но такъ какъ этой суммы было недостаточно для уплаты чека на 120 ф. с., то чекъ и былъ отданъ мнѣ назадъ. Я нѣсколько разъ слышалъ, что онъ опять дѣлалъ вклады для поддержанія своего счета но при этомъ всегда имѣлъ въ виду, чтобы его капиталъ былъ меньше должной мнѣ суммы. Я съ своей стороны твердо рѣшился не давать себя обманывать такимъ образомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ былъ въ большомъ затрудненіи, потому что по нѣкоторымъ причинамъ не хотѣлъ давать этому дѣлу огласки и жаловаться на моего безсовѣстнаго должника. Онъ зналъ это, отчего и считалъ себя въ безопасности, и вѣроятно только сожалѣлъ, зачѣмъ не сдѣлалъ долга на большую сумму.

Наконецъ открылся путь, который могъ вывести меня изъ этого труднаго положенія. Пріятель, сообщившій мнѣ первыя свѣдѣнія о Мориссѣ, предложилъ мнѣ одинъ планъ; сначала онъ показался мнѣ сомнительнымъ, но пріятель убѣждалъ меня въ необходимости бить его собственнымъ орудіемъ, если я не хочу дать провести себя за носъ. Планъ состоялъ въ слѣдующемъ:

По дошедшимъ до насъ слухамъ, Мориссъ опять положилъ въ Банкъ извѣстную сумму; какъ мы знали, его капиталъ заключался теперь въ 110 ф. ст., слѣдовательно не хватало только на 10 ф. с. до слѣдуемой мнѣ по чеку уплаты. Въ этотъ день было уже поздно что нибудь сдѣлать, но мы приняли свои мѣры. На слѣдующее утро, я первымъ дѣломъ отправился съ своимъ прикащикомъ въ Банкъ. Прикащикъ внесъ на имя господина Морисса 10 ф. с. и 1 шиллингъ. Вмѣстѣ съ имѣвшимися 110 ф. с., это составило должную сумму, и еще одинъ шиллингъ. Тогда я предъявилъ чекъ, по которому мнѣ разумѣется сейчасъ же было уплочено. Такимъ образомъ я перехитрилъ Морисса: моя потеря, кромѣ траты времени, ограничилось 10 ф. с. и 1 шиллингомъ, но я охотно пожертвовалъ этимъ чтобы не потерять всего. Не знаю, что чувствовалъ Мориссъ, когда узналъ что весь его капиталъ въ Банкѣ заключается въ одномъ шиллингѣ, но я слышалъ, что, за особенный способъ вести свои дѣла, неблагодарное отечество помѣстило его на даровую квартиру, и вѣроятно онъ много лѣтъ не будетъ имѣть никакихъ счетовъ въ Банкѣ.

Новый родъ рекламы. На этихъ дняхъ всѣ вѣнскіе врачи получили слѣдующее посланіе: «Ваше Высокоблагородіе! Прилагая при семъ прейсъ-курантъ моего новаго магазина принадлежностей траурнаго туалета, беру смѣлость присовокупить просьбу, въ случаѣ ожиданія Вашимъ Высокоблагородіемъ смерти кого либо изъ Вашихъ паціентовъ, передать оный съ Вашей милостивой рекомендаціей, дамамъ этого семейства, прежде чѣмъ онѣ закажутъ себѣ трауръ въ другомъ мѣстѣ, или всемилостивѣйше увѣдомить меня запиской, за что обязуюсь платить Вашему Высокоблагородію 10% съ каждаго заказа. Съ особеннымъ почтеніемъ остаюсь покорнымъ слугой Вашего Высокоблагородія. (Подпись).

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Въ видахъ соединенія въ одномъ Главномъ Управленіи завѣдыванія Государственными Имуществами, указомъ правительствующему сенату 21 декабря 1863 г. Высочайше повелѣно: 1. Всѣ части Горнаго Вѣдомства и завѣдывающія оными учрежденія, а именно: Горный Департаментъ, Горный Совѣтъ, Горный Институтъ, Горный Ученый Комитетъ и подчиненныя имъ мѣстныя управленія, за исключеніемъ нижепоименованныхъ частей, передать изъ Министерства Финансовъ въ Министерство Государственныхъ Имуществъ. 2. Оставить въ Вѣдомствѣ Министерства Финансовъ монетную и пробирную части и завѣдывающія сими частями учрежденія.

— Для приготовленія учителей въ начальныя народныя училища будетъ учреждено съ 1-го іюля 1874 г., сверхъ существующихъ, еще пять учительскихъ семинарій въ С.-Петербургскомъ, Московскомъ, Харьковскомъ, Казанскомъ и Одесскомъ учебныхъ округахъ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: 31 октября 1873 г. въ г. Чембарѣ ремесленные курсы, 11 ноября въ Бѣлозерс. уѣздѣ Новгород. губ. Антушевское двухклассное училище, 23 ноября въ Житомірѣ Житомірскій еврейскій учительскій институтъ, 14 ноября въ Вологдѣ смѣшанное приходское училище, 21 ноября въ Кіевѣ учебныя мастерскія, въ Екатеринбургѣ реальное училище.

— Въ Харьковѣ 4-го ноября происходило *освященіе дома Москалевской школы* Харьковскаго Общества распространенія грамотности. Здѣсь же въ скоромъ времени предполагаютъ устроить, въ залѣ 3-й гимназіи, *народныя воскресныя бесѣды*.

— Педагогическій совѣтъ Уральской войсковой гимназіи, въ засѣданіи 29-го ноября, по предложенію г. директора, постановилъ открыть музей гимназіи для публики.

— Въ Симферополѣ, какъ сообщаютъ въ «Одес. Вѣст.», недавно открылась *Симферопольская садовая дѣтская игральня*. Заведеніе это открыто Обществомъ, членами котораго могутъ быть лица обоего пола всѣхъ званій и состояній, желающія опредѣлить въ означенный садъ своихъ дѣтей или питомцевъ, причемъ жены лицъ, опредѣлившихъ въ дѣтскій садикъ своихъ дѣтей, считаются также членами того Общества.

— Въ Воронежѣ, съ начала 1874 года, будетъ открыто *Александровское женское безплатное училище*, цѣль котораго доставлять дѣтямъ бѣднаго городскаго населенія всѣхъ сословій начальное умственное и религіозно-нравственное образованіе.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— 27-го декабря происходило, въ присутствіи Его Величества Государя Императора, торжественное открытіе *Михайловской Клинической Больницы баронета Вилліе*.

— *Въ рапортѣ начальника отряда судовъ въ Тихомъ океанѣ контръ-адмирала Ф. Я. Брюммера* отъ 11-го (23-го) октября 1873 года описывается плаваніе адмирала на винтовомъ корветѣ «Витязь» *изъ Нагасаки въ Шангай* и пребываніе корвета въ Шангаѣ, гдѣ между прочимъ, 8-го и 9-го октября, устроена была большая *международная гонка гребныхъ судовъ*. Въ оба эти дня въ разрядѣ военныхъ судовъ побѣда осталась за шлюпками нашего корвета. Въ первый день въ разрядѣ гиговъ и вельботовъ первый и второй призы достались вельботамъ корвета «Витязь». Во второй день въ разрядѣ катеровъ первый призъ достался баржѣ съ корвета. Всѣ эти гребныя суда были построены въ кронштадтскихъ шлюпочныхъ мастерскихъ, издѣлія которыхъ уже давно пользуются заслуженной извѣстностію.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— *Елабужское* Уѣздное, Вятск. губ. Земское Собраніе въ виду того, что въ Елабужскомъ уѣздѣ есть сѣрные Кузебаевскіе и Варзіатчинскіе источники, при которыхъ предположено устроить лѣчебницу, а между тѣмъ химиками подробно изслѣдованы только Кузебаевскіе источники, а Варзіатчинскіе еще подлежатъ подробному анализу и, по отзывамъ спеціалистовъ, едва ли не лучше Кузебаевскихъ—постановило ассигновать 250 рублей на расходы по изслѣдованію сѣрныхъ водъ.

— Осташковское Земство изъявило готовность пожертвовать весь лѣсной матеріалъ на устройство телеграфныхъ столбовъ въ предѣлахъ Осташковскаго уѣзда.

— *Полтавское* Губернское Земское Собраніе постановило ассигновать на счетъ остатковъ 1873 года 6,000 рублей въ распоряженіе Губернскаго Комитета народнаго здравія для принятія мѣръ по прекращенію чумы рогатаго скота.

— *Тверское* Губ. Земское Собраніе въ засѣданіи 7-го декабря постановило ходатайствовать о признаніи за лицами, имѣющими въ каждомъ уѣздѣ менѣе 250 десятинъ, но въ нѣсколькихъ уѣздахъ одной губерніи въ совокупности не менѣе 250 десятинъ, т.-е. полный цензъ, право пользоваться въ одномъ изъ уѣздовъ правами крупныхъ землевладѣльцевъ и участвовать въ избирательныхъ съѣздахъ землевладѣльцевъ.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

Въ музей *Юго Западн. Отдѣла Русскаго Географическаго Общества*, въ Кіевѣ, пожертвована драгоцѣнная рукописная карта южной Россіи, принадлежавшая Румянцеву-Задунайскому.

— Въ Казани 17-го ноября, въ залѣ Русскаго Собранія происходило *засѣданіе Обще-*

Библиотека "Руниверс"

ства Врачей г. Казани. Особый интересъ представляли сообщенія: «О гидрофобіи (водобоязни) по поводу статьи медика П. В. Петрова; «О качествѣ хлѣба послѣдняго урожая», т.-е. прошлаго 1873 года, и затѣмъ «О проституціи».

— Въ Тифлисѣ—*Комитетомъ Кавказскаго Художественнаго Общества* учреждаются съ 1874 г., для развитія художественныхъ способностей и распространенія прикладнаго художественнаго образованія среди мѣстнаго населенія, *классы рисованія и скульптуры.*

— Въ Томскѣ Попечительный о тюрьмахъ Комитетъ, въ виду крайняго недостатка самыхъ необходимыхъ врачебныхъ пособій, особенно среди сельскаго населенія Томской губерніи, въ засѣданіи 17-го октября 1873 года, опредѣлилъ открыть съ 1-го минувшаго ноября при Владимірскомъ дѣтскомъ пріютѣ фельдшерскую школу на первое время на 10 человѣкъ.

— Пензенское Общество охотниковъ конскаго бѣга, въ засѣданіи 4-го декабря, постановило устроить, въ непродолжительномъ времени, *зимнія конскія состязанія съ призами на р. Пензѣ.* Кромѣ рысистыхъ лошадей, на бѣгъ будутъ допускаться пары и тройки и возовики одиночками для передвиженія тяжестей.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Съ Высочайшаго соизволенія Министерство Государственныхъ Имуществъ открываетъ весною 1874 года *выставку прядильныхъ растеній и механизмовъ для обработки ихъ.* Выставка эта имѣетъ цѣлью уясненіе современнаго состоянія воздѣлыванія въ Россіи прядильнымъ растеній, а равно ознакомленіе хозяевъ съ существующими въ Россіи и заграницею снарядами и машинами, необходимыми или полезными для обработки ихъ. Для устройства выставки учрежденъ особый Комитетъ. Срокъ пріема предметовъ на выставку 15-е мая, срокъ пріема заявленій 1-е апрѣля и день открытія ея 1-е іюня.

— Въ видахъ поощренія и развитія всѣхъ отраслей сельскаго хозяйства, съ Высочайшаго соизволенія открыта будетъ въ *Варшавѣ*, въ сентябрѣ 1874 г., *общая выставка сельско-хозяйственныхъ произведеній и садоводства*, съ допущеніемъ на оную экспонентовъ изъ внутреннихъ губерній Россіи а также иностранныхъ экспонентовъ.

ЛИТЕРАТУРА:

Новыя книги:

Русскій энциклопедическій словарь, изд. **П. Н. Березинымъ.** Отд. I. А — Б. Вып. I, тетр. III. Спб. Тип. Тов. „Общ. Польза". 4 д. 1+15 к V—XIV и 561—688 и VII—XVII и 5 стр. 5,000 экз.

Штоль, Г. В. Разказы изъ исторіи. Для школы и дома. Перев. съ нѣм. М. Г. Спб. 1874. Тип. Мордуховскаго. 8 д. 194+158 стр. 4,000 екз. Ц. 1 р. 25 к.

Барсовъ, Н. П. Очерки русской исторической географіи. Географія начальной лѣтописи, Варшава, Тип. учебн. окр. 8 д. 10+179+XXV стр. 250 экз.

Терлецкій, Владим. Угорская Русь и возрожденіе сознанія народности между русскими въ Венгріи. Кіевъ. 1874. Тип. Еремѣевт. 12 д. 52 стр. 1,000 экз.

Березинъ. Военно-морская исторія. Спб. Лит. Якобсона. 4 д. 66 стр. 200 екз.

Труды С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. нед. подъ ред. А. Бекетова. Т. IV. Вып. II. Спб. Тип. 8 д. 143 стр. и 3 л. рис. 400 екз.

Дашкевичъ, Николай. Княженіе Даніила Галицкаго по русскимъ и иностраннымъ извѣстіямъ. Кіевъ. Унив. тип. 8 д. 159 стр. 200 екз.

Вышнеградскій, Н. Основные бѣконы механической теоріи теплоты. Лекціи. Спб. Тип. II Отдѣлен Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. 4 д. 11 стр. 1,200 экз.

Кагуръ и Гиршъ. Бесѣды о химіи. Перев. съ франц. М. Жученко. 78 рис. Спб. 874. Тип. Траншеля. 8 д. II+350+II стр. 1.540 экз. Ц. 2 руб.

Тиндаль, Джонъ. Формы воды въ облакахъ и рѣкахъ, во льдѣ и ледникахъ. Пер. съ англ. Москва, Унив. тип. 8 д. 146 стр. 1,200 экз. Ц. 1 р.

Семеновъ, А. Земной міръ. пособіе при изученіи естественной исторіи. Съ картинк. Изд. 2-е, Леухина Москва. 1874 Тип. Орлова. 8 д. 758 стр. 1,200 экз. Ц. 2 р. 50 к.

Шерцель, В. N. Санскритская грамматика. Ч. I. Харьковъ. Унив. тип. 8 д. VIII+123 стр. 200 экз.

Савваитовъ, П. И. О зырянскихъ деревянныхъ календаряхъ и о пермской азбукѣ, необрѣтенной св. Стефаномъ. Москва. Синод. тип. 4 д. 16 стр. 200 екз.

Лекціи современныхъ нѣмецкихъ клиницистовъ, издаваемыя Ю. Гольдендахомъ, кн. VIII. Москва. Унив. тип, 8 д. 153 стр. 1,300 екз. Ц. 75 к.

Аврь, К. Сохраненіе и развитіе ума и энергіи (гигіена). Ѳ. Мосальскаго-Сурина. Казань. Тип. Коковиной. 8 д. 40 стр. 300 экз.

Зингеръ. Георгъ. Различныя способы искуственнаго размноженія пчелиныхъ семействъ. Пер. съ нѣм. съ изм. подъ редак. А. Бутлерова. Спб. Тип. „Тов. Общ. Польза". 12 д. 56 стр. 5.100 экз. Ц. 15 коп.

Стенли, Генри. Какъ я отыскалъ Ливингстона. Путешествія, приключенія и открытія въ средней Африкѣ. Съ рис. и карт. Изд. Д. Кожанчикова. Спб. 1874. Тип. Демакова. 8 д. 582 стр. и 1 к. 1,200 экз. Ц. 3 р

Гейки, А. Физическая географія. Пер. съ англ. М. Антоновича. Изд. Черкесова. Спб. Тип. Сущинскаго. 12 д. 3,000 екз.

СОДЕРЖАНІЕ: На травѣ (очерки кавказерійской жизни) **Всеволода Крестовскаго.**—Литературный альбомъ. Бѣжинъ Лугъ И. С. Тургенева (съ рисункомъ).—Стереоскопъ и его изображенія (съ 5-ю рисунками).—Народы Россіи. XVI. Чукчи (съ рисункомъ). —.Кабаны и кабанья охота (съ рисункомъ).—Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „НИВЫ" получено: Переносъ изъ № 1: 308 р. 1 к, вновь получено отъ М. въ Херсонѣ 50 к., отъ Понкова въ Шацкѣ 4 р. 50 к., отъ Ст. въ Иваново Вози. 50 к., отъ Брат. въ Ельцѣ 2 р. 50 к., отъ С. въ Кобринѣ 50 к., отъ С. Козловѣ 50 к., отъ Муков. въ Чухломѣ 50 к., отъ Р—ой въ Спб. 1 р., отъ М. въ Спб 10к., отъ Дов. въ Екатеринбургѣ 50 к., отъ Сур. въ Лабинскѣ 1 р. 50 к., отъ Шим въ Екатеринбургѣ 50 к. Итого 321 р. 11 к.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ЧАСОВАГО МАСТЕРСТВА

составленное часов. д. мастеромъ И. М. Гусевымъ

съ 70-ю гравированными рисунками.

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ 1870 ГОДА.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучать часовое мастерство но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обращаться часами при повѣркѣ, прибавленіи и убавленіи хода, повѣрка часовъ по солнцу; устройство солнечныхъ часовъ и электромагнитныхъ, вычисленіе относительной разности мѣстностей во времени; составленіе припоевъ и паяніе, каленіе стали, шлифованіе и полированіе металовъ, окрашиваніе мѣди, золоченіе и серебреніе. Поэтому книга можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія а также для слесарей, паяльщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для производящихъ мастерство въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для пріобрѣтенія научныхъ познаній, Продается: **въ Нижнемъ Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ въ редакціи Ремесленной Газеты и у всѣхъ книгопродавцевъ.—Пересылка безъплатно.**

Не стоитъ теперь при полномъ совершенствѣ мельхіоровыхъ издѣлій покупать серебро и тѣмъ болѣе если старыя вещи примутъ на фабрикѣ **Александра Качъ** за полъ цѣны обратно. Магазинъ на Невскомъ напротивъ Думы, въ д. Рогова, № 3/36.

Иллюстрированные каталоги высылаютъ по требованію гг. иногородныхъ безплатно.

Изданіе А. Ф. Маркса, въ С.-Петербургѣ, Больш. Морск. № 9.

„НИВА"

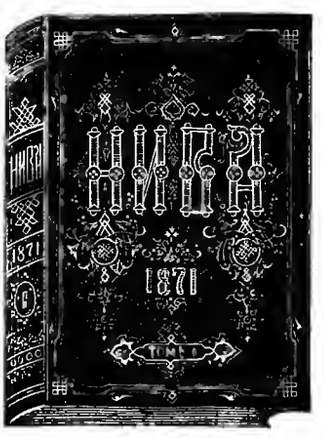
1870, 1871, 1872 и 1873 годовъ.

Каждый годъ отдѣльно составляетъ цѣлый томъ „НИВЫ", 832—880 страницъ, печатанныхъ на лучшей бумагѣ, и содержитъ въ себѣ 140—250 художественно-выполненныхъ рисунковъ, служащихъ нагляднымъ объясненіемъ къ тексту разсказовъ и статей, обнимающихъ собою всѣ области человѣческаго знанія. Можетъ служить роскошнымъ альбомомъ, а также весьма полезной и интересной настольной книгой.

ЦѢНА КАЖДОМУ ТОМУ:

	р.	к.
брошюрованному	4	
съ пересылкою	5	
въ простомъ переплетѣ	4	50
съ пересылкою	5	50
въ изящномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ	5	50
съ пересылкою	6	50

Подписчики 1874 г., выписывающіе всѣ четыре предъидущіе тома „НИВЫ", пользуются уступкой 25%.



Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко переплести въ нее нумера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки **1 руб.** съ перес. **1 руб. 50 коп.** Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на **1874 г.** которыя могутъ служить въ теченіи года для сохраненія №№ какъ портфель.

Дозволено цензурою. 3 января 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 23.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 3 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 14 января 1874 года.

Годъ V.

Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА", НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" 1874 НА ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лаитъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ.

Русская свадьба. Съ картины Сверчкова. Рис. Е. Ріу, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

На травѣ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ.)

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

II.

Ильяновская легенда.

Въ нашей комнатѣ было нѣсколько накурено и душно. Товарищъ мой всталъ и растворилъ окно. Блѣдный и какъ бы трепетный лунный свѣтъ озарялъ блѣдно-синее небо и ближній лѣсъ, подернутый дымкою легкаго тумана, который прозрачно курился надъ болотистою низиной, гдѣ пробирался межъ осоки тихій лѣсной ручей. Кусты жасминовъ и бѣлыхъ розъ, омоченные росою, сверкали подъ лучами луны, словно осыпанные снѣгомъ, и благоухали еще сильнѣе, чѣмъ въ душно-горячій полдень. Дурманящій смѣшанный запахъ этихъ цвѣтовъ ароматною широкою струею вливался къ намъ въ раскрытое окошко.

Я взглянулъ на товарища, который не отходилъ отъ окна и—какъ показалось мнѣ—пристально вглядывался въ что-то.

— Во что ты уставился, Апроня? спросилъ я, замѣтивъ его напряженное и отчасти изумленное вниманіе.

— Тсс! сторожко поднялъ онъ палецъ и поманилъ меня.

— Чего тебѣ?

— Ступай сюда... гляди... гляди-гляди!... Скорѣе! шепотомъ лепеталъ Апроня.

Я вскочилъ съ постели и помѣстился рядомъ съ нимъ въ окошкѣ.

— Видишь? указалъ онъ пальцемъ по направленію къ болотистой низинѣ.

— Ничего не вижу... Въ чемъ дѣло?

— Бѣлое... вонъ-вонъ... Видишь?

— Бѣлое?... Ну, чтожь такого?! туманъ курится и только.

— Туманъ!.. А въ туманѣ-то что?

Я сталъ вглядываться пристальнѣй, и въ ту-жъ минуту взоръ мой различилъ нѣчто особенное, странное...

Среди вьющихся струекъ тонкаго пара что-то бѣлое тихо двигалось, словно бы плыло, вдоль по низинѣ. Слабый лучъ мѣсяца скользилъ неровными бликами по этой неопредѣленной фигурѣ. На первый взглядъ трудно было опредѣлить, что это такое: живое ли существо, причудливый завитокъ сгустившагося пара, или воздушный призракъ.

— Это женщина, тихо проговорилъ Апроня.

— Вотъ вздоръ какой! усмѣхнулся я на его замѣчаніе:—откуда тутъ быть женщинамъ?

— Ей-богу, женщина! Когда она проходила нѣсколько ближе, такъ я замѣтилъ совсѣмъ какъ будто женскій обликъ.

— Мерещется!... А впрочемъ, можетъ быть и женщина, согласился я:—баба какая-нибудь возвращается изъ сосѣдней деревни.

— Въ лѣсъ-то!.. Да вѣдь тутъ некуда возвращаться! Я, слава тебѣ Господи, знаю этотъ лѣсъ: въ той сторонѣ и жилья-то нѣтъ никакого, и притомъ...

Апроня нѣсколько замялся.

— Что «притомъ?» взглянулъ я на него вопросительно.

— А то, что походка-то у нея не бабья: больно ужь плавно движется... и стройна тоже.

— Дѣло воображенія! усмѣхнулся я, и, не чувствуя болѣе охоты стоять передъ окномъ, вернулся къ своей постели.

— Нѣтъ, чортъ возьми, это любопытно! пробормоталъ Апроня—и въ тотъ же мигъ, натянувъ сапоги да накинувъ пальто, спрыгнулъ въ паркъ прямо черезъ окошко. Лопухи и крапива зашурстѣли подъ его шагами—и затѣмъ все смолкло.

Я взялся за книгу и сталъ читать. Окно оставалось раскрытымъ и сквозь него набралось въ комнату еще болѣе звенящихъ комариковъ и бѣлыхъ мохнатыхъ бабочекъ, привлеченныхъ молочно-матовымъ свѣтомъ лампы. Минутъ около пяти ночная тишина ничѣмъ не нарушалась. Вдругъ надъ лѣсомъ раздался какой-то тихій—нѣсколько мелодическій звукъ: не то легкій стонъ женскаго голоса, похожій какъ будто на какой нибудь условный знакъ, не то случайный выкликъ какой-то птицы встрепенувшейся въ просонкахъ. Я поднялъ голову и прислушался; но такъ какъ вслѣдъ за этимъ опять наступила невозмутимая тишина, то я снова занялся моею книгой. Но не прошло и минуты, какъ вдругъ тотъ же самый звукъ повторяется еще разъ, только нѣсколько слабѣе и какъ будто дальше. Я вскочилъ съ постели и высунувшись въ окошко, сталъ чутко прислушиваться.—Все тихо. Золотой серпъ мѣсяца все также плыветъ себѣ по блѣдной лазури, все также паръ курится надъ низиной и сверкаютъ бѣлѣя звѣздочки жасмина; шустрая ящерица по травѣ пробѣжала, тускло сверкнувъ на мгновенье подъ лучемъ мѣсяца; а издали, когда вслушаешься въ ночную тишину,—начинаешь различать щелканье соловьевъ въ прибрежныхъ кустахъ, склонившихся надъ широкимъ озеромъ, и слабые, мелодическіе, нѣсколько урчащіе стоны жабъ на далекомъ болотѣ. Не дождавшись повторенія въ третій разъ того особеннаго звука, что привлекъ мое вниманіе, я, наконецъ, улегся на своей постели.

Нѣсколько времени спустя, снова зашуршали подъ окномъ лопухи да крапива — и въ комнату впрыгнулъ мой товарищъ.

— Ну, что? спросилъ я.

— А Богъ его знаетъ что! пожалъ плечами Апроня:—прошелся по лѣсу и вдоль ручья, да даромъ только прогулялся.

— Ничего не видалъ?

— Н-нѣтъ, сначала-то, какъ пошелъ во слѣдъ, она мнѣ издали раза два мелькнула въ глаза, а потомъ подъ лѣсомъ вдругъ исчезла, словно сквозь землю провалилась... Ты слышалъ окликъ какой-то? спросилъ Апроня.

— Слышалъ, и даже дважды.

— Ну, да, два раза. Я тоже совсѣмъ явственно слышалъ, и гдѣ-то близко около себя; пошелъ было на звукъ, но онъ повторился уже въ другой сторонѣ: я туда—пусто; искалъ межъ деревьевъ—ничего нѣтъ!

— Не мудрено: въ лѣсу-то вѣдь теметь.

— Ну, нѣтъ, не совсѣмъ; межъ стволами все-таки свѣтъ пробивается, такъ что можно бы различить, особенно если бѣлое. Но нѣтъ; говорю тебѣ, какъ сквозь землю!.. А интересно бы дознаться, что это такое?

— Привидѣніе, улыбнулся я въ шутку.

— А что жь?! подхватилъ Апроня:—этотъ загадочный панъ Валицкій, этотъ «палацъ» въ лѣсу, пустырь вокругъ—все это такія данныя, что какая нибудь легенда и, особенно, привидѣніе были бы здѣсь очень кстати.—Чу! перебилъ онъ свою рѣчь:—слышишь?

Въ эту минуту въ лѣсу дѣйствительно послышался въ третій разъ тотъ же самый загадочный звукъ,—и едва

Библиотека "Руниверс"

онъ замеръ въ воздухѣ, какъ вдругъ, словно бы въ отвѣтъ ему, раздался въ той же сторонѣ не громкій протяжный свистъ.

— Чортъ возьми, это рѣшительно не спроста! увѣренно воскликнулъ Апроня. — Въ Ильяновѣ, значитъ, есть свои тайны, и это меня очень утѣшаетъ!

— Почему такъ?

— Стану наблюдать и добиваться сути. — Все-таки развлеченіе и, значитъ, въ концѣ концовъ, «траву» проведемъ не совсѣмъ уже скучно.

— Помогай тебѣ Господи!

— И тебѣ вмѣстѣ со мною! въ шутку добавилъ Апроня, накрываясь своей простынею.

На слѣдующій день, около полуночи, онъ нарочно усѣлся передъ раскрытымъ окномъ и имѣлъ терпѣніе продежурить такимъ образомъ часа два, коли не болѣе, но увы!—понапрасно. Ночь была такая же ясная и тихая, а «привидѣніе» наше не появлялось.

— На сей разъ не желаетъ! въ шутку вздохнулъ мой сожитель, покидая свой обсерваціонный постъ. Но эта неудача не помѣшала ему въ слѣдующую ночь повторить свои наблюденія и даже прогуляться по лѣсу, однако же безъ всякаго успѣха. Это, наконецъ, ему надоѣло, и онъ оставилъ свою праздную затѣю.

Прошло дней восемь. Мы уже совсѣмъ успѣли позабыть про нашъ таинственный призракъ, какъ вдругъ, однажды передъ обѣдомъ, входитъ въ комнату мой сожитель съ торжествующимъ видомъ.

— Поздравляй меня! Добился-таки! воскликнулъ онъ, смѣясь и потирая руки:—въ Ильяновскомъ фольваркѣ существуетъ легенда!

— Будто?

— Самымъ положительнымъ образомъ.

— И кто герой ея?

— Ни болѣе, ни менѣе, какъ самъ явневельможный панъ грабя Валицкій!

— А героиня?

— Какая-то француженка... графиня, герцогиня и чуть ли даже не сама Марія Антуанетта.

— Такъ это она-то и гуляетъ?

— Она!

— Поздравляю! Но легенду-то откуда жь ты узналъ?

— А, это совсѣмъ особъ-статья. Я, видишь ли, пошелъ-было на траву, взглянуть, каково-то наши косятъ, началъ объяснять мнѣ Апроня:—а назадъ возвращаюсь лѣсомъ. Иду это себѣ, только гляди—лежитъ на бугорочкѣ органистъ изъ Езерскаго костела и уплетаетъ землянику, прямо съ вѣточекъ срываетъ, каналья, самую крупную, спѣлую ягоду, и въ ротъ! — а на бугоркѣ-то цѣлый ягодникъ—даже алѣетъ издали. Соблазнился я, глядючи на него. тѣмъ болѣе, что на жарѣ-то пить ужасно хотѣлось, и прилегъ съ нимъ рядышкомъ, благо, человѣкъ знакомый. Мы съ нимъ прошлымъ лѣтомъ все на утокъ хаживали въ пущенскія озеры. Ну, разговарились за ягодой-то, сперва про охоту, про то да се, а тамъ про дѣвчатъ съ маладзёхнами, что ходятъ въ лѣсъ по землянику, — вѣдь онъ тутъ у нихъ большимъ сердцеѣдомъ почитается,—а съ сего предмета—вѣроятно ужъ по ассоціаціи идей, такъ какъ дѣло касалось женщинъ и лѣса, вспомнилъ я про наше привидѣніе, и разсказалъ ему, какая онамедни штука была.

— Ну, и что жь на это твой панъ органыста?

— Сначала какъ будто опѣшилъ и смутился нѣсколько — такъ показалось мнѣ, продолжалъ мой сожитель:—а потомъ вдругъ и говоритъ: „а что вы думаете себѣ, пане ротмистру! оно и въ правду привидѣніе! фантомъ! и вы, говоритъ не хорошо сдѣлали, что пошли за нимъ вдогонку, потому, говоритъ, это дѣло рисковое и могъ бы изъ него выйти «бардзо кепски интэресъ"! — А что же, спрашиваю, развѣ бывали примѣры?—„Да всякаго, говоритъ, бывало; малоль чего на свѣтѣ не случается! И вы ужъ лучше въ другой разъ не пытайтесь, а то, дали-бугъ, бѣда будетъ"! — Стало быть, спрашиваю шутя, у васъ вѣрно и легенда есть?— „М...да, говоритъ, есть и легенда".—И вѣрно съ графомъ Валицкимъ? — „М...да, есть-таки и съ Валицкимъ".—Въ чемъ же дѣло-то? это, говорю, любопытно,— и присталъ къ нему. Органыста мой сначала было помялся, помялся да и разсказалъ... немножко нескладно и несообразно, но, въ отношеніи мѣстнаго интереса, ничего себѣ, живетъ и эдакъ, потому какая ни на есть, а вежь-таки «легенда».

Изложивъ всѣ эти обстоятельства, сожитель мой самымъ положительнымъ образомъ обратился къ передобѣденной закускѣ.

— Я слушаю твою легенду, напомнилъ я ему о продолженіи.

— Мм... постой, братъ, не до нея! озабоченно пробурчалъ Апроня, пережевывая кусокъ копченой селедки: — дай сначала поѣсть, а потомъ слушай-себѣ, сколько хочешь!

И мы усѣлись за свой «офицерскій обѣдъ», въ которомъ фигурировали неизмѣнный супъ изъ курицы и столь же неизмѣнные битки въ сметанѣ съ блинчиками „на пирожное", — этими тремя, такъ сказать, традиціонными блюдами, какъ извѣстно, испоконъ вѣка ограничивается все кулинарное деньщичье искусство.

(Продолженіе будетъ).

Деревенская свадьба.

(Изъ крестьянскаго быта Олонецкой губерніи).

Весь міръ русской народной поэзіи, уходящій въ недоступную даль, отражающей въ себѣ всѣ фазисы внутренней общественной жизни которая предшествовала лѣтописи или ускользала отъ вниманія лѣтописцевъ, будучи лишена характера законченности внѣшнихъ событій, весь процесъ народнаго мышленія все это заключается въ народномъ творчествѣ, въ былинахъ, повѣрьяхъ, пѣсняхъ и причитаньяхъ.

Какъ разныя повѣрья и суевѣрья обрисовываютъ намъ черты отдаленной древности и переносятъ насъ въ далекое прошедшее, представляя намъ времена чуть что не идолопоклонства,—такъ причитанья, разныя обряды и свадебные припѣвы знакомятъ насъ со взглядомъ народа на явленія его семейной жизни.

Въ этихъ причитаньяхъ и припѣвахъ, какъ вообще въ пѣсняхъ, видѣнъ кругъ тѣхъ несложныхъ ощущеній, которыя приходится испытывать простолюдину какъ члену семьи, общины и наконецъ какъ человѣку.

Отъ самаго рожденія и до глубокой старости и даже до смерти пѣсни эти (т. е. разнаго рода пѣсни) провожаютъ русскаго человѣка.

Начиная съ убаюкиванья малаго ребенка — пѣсня идетъ слѣдомъ за нимъ во всѣхъ фазисахъ его жизни: она помогаетъ его дѣтскимъ играмъ и приводитъ его къ первому пробужденію чувства называемаго любовью,—она первая затрогиваетъ эти душевныя струны.

Пѣсня же облегчаетъ лѣтомъ тяжелую работу *), оживляетъ праздничный отдыхъ въ хороводѣ, или веселитъ общество на посѣдкахъ и бесѣдахъ.

Она же оживляетъ счастіе или довольство, помогаетъ переносить матери разлуку съ сыномъ, когда онъ идетъ въ солдаты на службу царскую **) и помогаетъ переносить самое тяжелое горе, какъ вѣчную разлуку съ умершимъ.

Наконецъ, та же пѣсня, только другой родъ ее. въ трогательныхъ образахъ представляетъ дѣвушкѣ горькій или сладкій переходъ отъ дѣвичей воли или власти родительской—къ замужеству: безволью или къ царству въ своемъ домѣ.

Вообще пѣсни нашего народа, особенно пѣсни нашихъ сѣве-

*) Есть поговорки „съ пѣсней дѣло спорится".

**) Принято причитывать, какъ надъ умершимъ.

Библиотека "Руниверс"

рянъ можно раздѣлить на собственно пѣсни т. е. плясовыя, хоровыя, на пѣсни бытовыя, потомъ заклички, поющіяся надъ покойникомъ, и наконецъ на свадебные припѣвы т. е. пѣсни которыя поются или, вѣрнѣе, причитаются во время сватовства, помолвки и самой свадьбы.

Послѣдніе два рода пѣсень можно причислить къ поэзіи, созданной преимущественно женщинами, потому что онѣ играютъ главную роль, какъ при погребеніи такъ и при свадебныхъ обрядахъ особенно въ началѣ.

Приходилось ли вамъ видѣть деревенскую свадьбу, когда по гладкой зимней дорогѣ мчатся бѣшено удалыя тройки съ погремушками и колокольцами? Гривы лошадей уинты пестрыми лентами, лихой парень съ лихимъ посвистомъ управляетъ конями; въ широкихъ деревенскихъ пошевняхъ сидятъ въ первыхъ женихъ и невѣста съ раскраснѣвшими отъ мороза щеками, въ другихъ подруги, свахи и кумушки, а по бокамъ гарцуютъ вершники и клѣтники, на сытыхъ деревенскихъ лошадкахъ, осыпая ѣдущихъ въ саняхъ снѣжною серебристою пылью.

Лихо!... скоро мчится весь поѣздъ къ погосту *) чтобъ оттуда послѣ церковнаго обряда еще съ большимъ весельемъ везти молодыхъ въ домъ жениха.

Но совершеніе свадебнаго обряда, несмотря на всѣ видимыя веселости которыми онъ сопровождается, особенно въ началѣ имѣетъ какой-то унылый характеръ.

Предстоящей разлукѣ дѣвушки съ родителями придается такъ много значенія, что дѣвушка, какъ бы позабывая всѣ празднества устроеваемыя въ честь этого случая, горько плачетъ причитая свои припѣвы.

Еслибы столичному жителю пришлось попасть на здѣшнюю деревенскую свадьбу, то онъ въ простотѣ сердца спросилъ бы указывая на невѣсту: отецъ или братъ умеръ у этой дѣвушки?

Не одно только обыкновеніе — но и страхъ и неизвѣстность будущаго заставляютъ невѣсту примѣшивать къ радости горе. Мужъ деспотъ — вещь очень нерѣдкая. На мудрено, что дѣвушка при предстоящей перемѣнѣ судьбы, радуется и вмѣстѣ убивается, сопровождая все это унылыми пѣснями и припѣвами, какъ-то необъяснимо грустно дѣйствующими даже на посторонняго зрителя.

И сколько души, сколько поэзіи слышится въ этихъ простыхъ, безъискуственныхъ, сложенныхъ самимъ народомъ пѣсняхъ.

Описывая свадьбу, на которой намъ пришлось присутствовать, чтобы не утомлять читателя частыми повтореніями, приведемъ возможно кратко только тѣ изъ стиховъ, въ которыхъ заключается самая сущность обрядовъ или какая нибудь особенность, характеризирующая нравственный складъ жителей.

Передъ началомъ описанія самой свадьбы и предшествующихъ ей обрядовъ, считаемъ весьма не лишнимъ ознакомить читателя съ тѣми личностями, которыя играютъ главную роль при исполненіи многихъ обрядовъ.

Кромѣ подружекъ со стороны невѣсты и дружекъ со стороны жениха, кромѣ старшей подружки, безъ которыхъ не можетъ обойтись ни одна свадьба, довольно важное мѣсто занимаетъ *вершникъ*, играющій роль церемоніймейстера. Лицо не менѣе важное *клѣтникъ*. Клѣтникъ — лицо созданное чисто суевѣріемъ. При свадьбѣ клѣтникъ не имѣетъ опредѣленнаго значенія; хотя онъ выбирается и до свадьбы, но участіе его въ обрядѣ начинается только послѣ отвода молодыхъ ко сну, уже послѣ окончанія всего свадебнаго обряда. Обязанность его состоитъ въ томъ, что онъ верхомъ на лошади долженъ разъѣзжать вокругъ дома, въ которомъ ночуютъ молодые, предохраняя ихъ отъ порчи. Изъ другихъ лицъ необходимыхъ при совершеніи этого обряда - замѣчательны: *тысяцкій* (крестный отецъ со стороны жениха) и *постельная* (проводница со стороны невѣсты). Послѣдняя выбирается большею частью изъ родственницъ невѣсты, провожаетъ ее и будитъ молодыхъ отъ сна.

Остальныя лица, участвующіе въ обрядѣ, называются поѣзжанами.

Теперь, ознакомивъ читателей съ лицами нужными для совершенія всѣхъ обрядовъ, перейдемъ къ описанію самой свадьбы.

Когда мужичекъ подумываетъ женить своего сына, онъ, разузнавъ про невѣсту стороною, и узнавъ что она «сподручна его сыну», накупивъ пива и вина и разныхъ даровъ **) или посылаетъ въ домъ невѣсты сватовъ, или отправляется самъ, гдѣ переговоривъ съ отцомъ и условясь съ нимъ, начинаетъ дарить его и мать невѣсты, которые въ свою очередь отдариваютъ и совершаютъ рукобитье. При этомъ присутствуютъ подружки невѣсты, которыя вмѣстѣ празднуютъ. По отъѣздѣ сватовъ или отца жениха, выходитъ въ горницу невѣста, которая въ продолженіи всего этого времени была «обряжена» Выйдя въ горницу, она подходитъ къ отцу и начинаетъ причитать

Не спасибо, родный батюшка,
Что ты пропилъ мя горюлицу
На пивной меня на стопочкѣ,
На винной меня на чарочкѣ;
Вѣрно я была не работница,
Просыпала я зари утренни
и т. д.

*) Погостомъ называютъ у простонародья церкви съ прилегающимъ кладбищемъ.
**) Дары—подарки.

Но видя, что судьба ее рѣшена, она обращается къ своимъ подружкамъ и съ ними вмѣстѣ приступаетъ къ обряду прощанія съ вольной вольницей.

Передъ совершеніемъ обряда невѣста, покорная свое судьбѣ, причитаетъ:

«Не прошу я, красны дѣвицы,
Мнѣ ходить и красоватися
Со милыми со подругими
Со милыми со любовными,
Мнѣ сказали милы подружки
Что слетитъ съ моей головушки
Моя вольная да волюшка и т. д.

По окончаніи этого причитанья дѣвицы начинаютъ совершать обрядъ прощанья съ вольной вольницей *).

Невѣста съ перевязкою на головѣ и нѣсколькими въ рукахъ идетъ провожать вольницу. Впереди ее идутъ четыре дѣвицы, которыя наглядно представляютъ изъ себя олицетворенную вольницу, сама невѣста ведется подъ руки своими старшими подружками; за невѣстою идетъ пара дѣвушекъ, которыя представляютъ изъ себя безволье и замужество.

Причитая при этомъ длинное, полное поэзіи причитанье, въ которомъ она прощается съ своей вольницей и разсказываетъ своимъ подружкамъ, какъ она владѣла ею,—она прощаясь съ ней передаетъ ее одной изъ любимыхъ подружекъ.

Возвращаясь затѣмъ домой, невѣста молится Богу, и получивъ родительское благословенье, отправляется въ парную во *баенку*, сопровождая все это причитаньями и припѣвами.

На другое утро пріѣзжаетъ женихъ—и если онъ изъ другой деревни, то останавливается въ избѣ сосѣда. Когда невѣста готова т. е. одѣта и уже можетъ принять жениха, дружки послѣдняго приходятъ въ домъ невѣсты и зовутъ подружекъ къ домъ жениха. При входѣ въ горницу, старшая подружка подходитъ къ жениху и подноситъ ему на кружкѣ пива или вина, дары или вышитое полотенце, или шейный платокъ, и при этомъ причитаетъ говоря:

Отъ княгини молодой
Вамъ подарокъ дорогой.
Васъ велѣла подарить
И отъ васъ назадъ просить.

Принимая подарокъ, женихъ даритъ отъ себя деньги, угощаетъ подружекъ невѣсты и своихъ дружекъ; по окончаніи угощенія старшая подружка, обращаясь къ жениху, говоритъ:

Просимъ васъ, князь удалой,
Ко княгинѣ молодой
Опричь **) хоромъ
Со всѣмъ дворомъ
Со всѣмъ поѣздомъ.

Сказавъ это, старшая подружка со всѣми невѣстиными дѣвушками, отправляется домой, а женихъ садится въ сани или телѣгу и пріѣзжаетъ къ запертымъ воротамъ невѣстина дома, у которыхъ стоитъ братъ невѣсты. Отдавъ брату невѣсты какую нибудь плату за пропускъ въ ворота, онъ въѣзжаетъ на дворъ и опять останавливается у запертыхъ дверей въ горницу, куда впускается не иначе какъ заплативъ за пропускъ.

При входѣ жениха въ комнату, дѣвушки и подружки поютъ:

Подломитесь сѣни новыя,
То летятъ вѣдь черны вороны
То за нашей за горюлицей;
Вокрѣпись ты, братецъ роднелькій,
Не мечись на золоту казну,
Золота казна въ людяхъ запята,
Цвѣтно платьице въ людяхъ добыто.

Женихъ, какъ бы не слыша этого непріятнаго привѣтствія, подходитъ къ старшей подружкѣ, стоящей по срединѣ полукруга, образуемаго дѣвушками,—и говоритъ ей

Да набольшая ты подружка (имя),
Какъ держали мы путь да дальнюю
Да заѣхали мы къ вашей княгинѣ (имя)
Какъ попить, погулять, побесѣдовать...

Подружка отвѣчаетъ:

Просимъ милости къ намъ пожаловать,
Здѣсь дворы наши все широкіе,
Да и стойлы наши не узкія,
И овса въ нихъ много насыпано;
Для гостей же все приготовлено.

Во время переговоровъ жениха и его дружки съ старшей подружкой, невѣста напоминаетъ ей не кидаться на золоту казну и плачется на свою горькую судьбу. Въ это же время дружка жениха подходитъ къ старшей подружкѣ и подаетъ ей пирогъ изъ пшеничной муки, утыкая его серебряными деньгами. Принимая отъ него пирогъ, она спрашиваетъ его о происхожденіи жениха, его занятіяхъ, — и какъ бы недовольная воткнутыми въ пирогъ деньгами, постукивая большимъ мѣшкомъ съ мѣдными деньгами по столу приговариваетъ

Наша княгиня молода
Не грошова не рублева
А стотысячна,

причемъ женихъ какъ бы желая поддержать свое достоинство, вты-

*) Вольной вольницей—называется перевязка, которую носятъ дѣвушки.
**) Кромѣ.

Библиотека "Руниверс"

Слѣпой скрипачъ. Рисунокъ К. Гротгера, грав. Прикорскій.

Библиотека "Руниверс"

кается въ пирогъ еще нѣсколько монетъ, что продолжается до тѣхъ поръ, пока, по мнѣнію старшей подружки, не будетъ довольно заплачено за невѣсту, за ея волю и косу.

Когда женихъ такимъ образомъ откупилъ невѣсту, онъ садится съ нею за столъ и начинаетъ пить и ѣсть, какъ бы не обращая вниманія на плачъ невѣсты, которая оплакиваетъ свою горькую судьбу, выговариваетъ матери и подружкамъ, что они продали ее горюлицу.

Во время празднества дѣвушки поютъ хвалебныя пѣсни тысяцкому, отцу жениха и родственникамъ.

Передъ тѣмъ какъ ѣхать къ вѣнцу, невѣста, сопутствуемая толпою подругъ, съ неудержимыми отчаянными воплями отправляется прощаться съ мѣстными урочищами, съ своимъ домомъ, дѣвичьимъ угломъ и вообще съ дорогими мѣстами своей дѣвичьей жизни.

Но вотъ все кончено, всѣ обряды исполнены, удалыя тройки стоятъ у воротъ—слезы вытерты и мчатся широкіе ошевни по гладкой зимней дорогѣ.

Бубенцы звенятъ, ленты и платки развѣваются на дугахъ, а вершникъ или клѣтникъ пришпоривастъ свою толстую лошадку, стараясь обогнать поѣздъ и первымъ пріѣхать къ погосту.

Астрахань.

Астраханская губернія, нѣкогда составлявшая, вмѣстѣ съ окрестными областями, обширное татарское царство того же имени, а еще прежде входившая въ составъ Золотой Орды, покорена впервые русскому владычеству при Іоаннѣ Грозномъ. Ограниченная съ сѣвера Саратовскою и Самарскою губерніями, съ востока Землей Войска Уральскаго, съ юга Каспійскимъ моремъ, съ юго-востока Ставропольской губерніей, съ запада Землей Войска Донскаго, — площадь ея представляетъ собою двѣ степи, астраханскую и уральскую, обнимая пространство въ 88,000 кв. верстъ. Степи эти тянутся или мертвыми пустынями, въ особенности въ солончаковыхъ низменностяхъ, или обильными травою пастбищами, преимущественно въ сѣверной части, гдѣ отроги Общаго Сырта образуютъ плодородную наносную почву. Волга разсѣкаетъ губернію какъ разъ посрединѣ. Общій Сыртъ, служащій водораздѣломъ между Волгою и Ураломъ, теряется въ степяхъ, незамѣтно переходя въ цѣпь песчаныхъ холмовъ, такъ-называемыя Рынь-пески, которая тянется до самаго Каспійскаго моря. Лучшая почва въ Черноярскомъ округѣ, въ особенности по волжскимъ островамъ и на лѣвомъ берегу Ахтубы (рукавъ Волги, тянущійся параллельно съ нею чрезъ всю губернію), гдѣ часто встрѣчаются слои чернозема на песчаной или солончаковой подпочвѣ, а также и по самой Волгѣ, которая, подобно Нилу, утучняетъ своимъ иломъ окрестныя низменности во время разлива. Правый берегъ Енотаевскаго, весь Астраханскій и южныя части Красноярскаго округа состоятъ изъ кремнезема, песку и солончаковъ, совершенно неудобныхъ для земледѣлія; но островамъ Астраханско-волжской дельты и то съ большими усиліями разведены сады, за исключеніемъ которыхъ вся растительность губерніи заключается лишь въ малорослыхъ кустарникахъ, камышахъ и степной травѣ. Полоса прилегающая къ морю—изрѣзана песчаными отмелями, косами, и солончаковыми болотами. Эти песчаныя дюны, Рынь-пески, чрезвычайно важны для киргизовъ, служа мѣстомъ ихъ зимовокъ, гдѣ скотъ находитъ себѣ защиту отъ холодовъ и обильный портъ. Изъ прочихъ горъ замѣчательны большая Богдо, у калмыковъ Богдо-Оола, малая Богдо, Чапчаши и Азаргаръ. Рѣки, кромѣ Волги съ Ахтубой, незначительны и лѣтомъ большею частью пересыхаютъ. Соленыхъ и прѣсныхъ озеръ множество. Важнѣйшія: Камышъ-Самара, Кутмасъ, Заганъ-иоръ или Бѣлое изобилующее солью, Баскунчацкое или Богдо. Климатъ, по широтѣ мѣста соотвѣтствующій средней Франціи, преимущественно зависитъ отъ силы и направленія вѣтровъ. Зимою сѣверный и сѣверо-восточный вѣтеръ производитъ стужу до — 30° Реомюра, лѣтомъ жара достигаетъ + 30° въ тѣни. Юговосточный и южный вѣтеръ обусловливаетъ зимнія оттепели, лѣтомъ же удушливый зной; постоянная перемѣна въ направленіи вѣтровъ тѣмъ не менѣе благодѣтельна, такъ какъ вредныя и заражающія воздухъ испаренія разсѣеваются и уносятся вѣтромъ. Но лѣтомъ болотныя испаренія, несмотря на то, все таки обусловливаютъ упорныя лихорадки. Лучшее время года — осень: воздухъ освѣжается, ночи становятся прохладнѣй, обильная роса покрываетъ землю, подъ лучами солнца зрѣютъ арбузы, виноградъ и другія южные фрукты. Суровыя зимы вредятъ растительности и скотоводству, но благопріятствуютъ рыбной ловлѣ. Важнѣйшія произведенія царства растительнаго кромѣ вышеупомянутыхъ: разнаго рода хлѣбъ, свекловица, горчица, испанскій перецъ, спаржа и проч. Главные представители фауны: лошади, рогатый скотъ, овцы, свиньи, верблюды, дикіе кабаны, волки, степныя лисы, зайцы, тушканчики, выхухоль, выдра, гуси, утки, лебеди и проч. Минеральные продукты: поваренная, горькая и глауберова соль, селитра, глина, мергель, гипсъ, известь и мамонтовая кость.

Жители Астраханской губерніи принадлежатъ къ весьма различнымъ племенамъ. Здѣсь живутъ великоруссы, малороссіяне, казаки, армяне, грузины, чуваши, черемисы, калмыки, киргизъ-кайсаки, татары, персіяне, таджики, нидѣйцы, бухарцы, туркмены изъ Хивы, кизилбаши, греки, французы и нѣмцы. Астраханскіе казаки, въ числѣ 12,000, составляютъ особое войско съ собственнымъ атаманомъ; большая часть ихъ старообрядцы, занимаются скотоводствомъ и рыбною ловлей (багреньемъ) на Каспійскомъ морѣ. Кочующіе въ степяхъ калмыки, называющіе себя Дербенъ-Оретъ (т. е. четыре соединенныхъ народа) доходятъ числомъ до 90,000 душъ. Астраханскіе татары раздѣляются на гилянскихъ, бухарскихъ и агришанскихъ. Послѣдніе заимствуютъ свое названіе отъ того, что произошли путемъ смѣшанныхъ браковъ—переселившихся сюда индѣйцевъ съ татарками. Живутъ они большею частію кочевою жизнью, немногіе занимаются торговлею и ремеслами по городамъ, еще меньшее число земледѣліемъ. Къ нимъ же причисляется въ низовьяхъ Ахтубы около 1000 юртъ кундуровскихъ татаръ и огнепоклонники кизилбаши (персидскіе колонисты). Общее число жителей въ губерніи до 414,526 человѣкъ.

Такова природа и люди страны, главный городъ которой составляетъ предметъ настоящаго очерка. Астрахань (въ древности Аджотарханъ, у средневѣковыхъ писателей Джитарханъ и Гинтарханъ), расположенная на лѣвомъ берегу Волги, въ 50 верстахъ отъ устья, одинъ изъ богатѣйшихъ, красивѣйшихъ и населеннѣйшихъ городовъ Россіи. Она высится на холмахъ длиннаго волжскаго острова (Зейца), въ нездоровой и малоплодородной степи, перерѣзана и окружена волжскими рукавами и островами, засаженными плодовитыми деревьями и виноградниками, и дѣлится на *Кремль*, *Бѣлый городъ* и *слободы*. Изъ послѣднихъ замѣчательны *Старо* и *Ново-армянская* и *Татарская*. Вдоль черезъ весь городъ тянется каналъ, соединяющій Волгу съ рукавомъ ея, Кутумомъ. Въ городѣ до 49,000 весной и лѣтомъ до 70,000 жителей. Здѣсь насчитывается 37 православныхъ церквей, 2 католическія, 2 армянскія, 1 протестантская, 15 мечетей и 1 индійскій храмъ. Лучшая изъ церквей — находящійся въ Кремлѣ пятиглавый, выстроенный въ 1696 г. при Петрѣ Великомъ. Великолѣпно также зданіе главной армянской церкви, выстроенной изъ камня въ новѣйшемъ стилѣ и богато украшенной внутри. Изъ учебныхъ заведеній здѣсь находятся духовная семинарія, гимназія, армянская школа и мн. др., ботаническій садъ и губернская библіотека. Торговымъ цѣлямъ служатъ контора рыболовныхъ промысловъ, таможня, множество русскихъ, армянскихъ, татарскихъ, персидскихъ и индѣйскихъ купеческихъ домовъ. Кромѣ того здѣсь есть корабельная верфь, адмиралтейство и т. д. Волга у Астрахани шириною въ 314 и даже 350 саженъ. Собственно гавань лежитъ между Крымскими воротами и Варвацкимъ каналомъ. Недалеко отъ впаденія Волги въ Каспійское море устроенъ карантинъ, а въ 125—130 верстахъ отъ Астрахани, на островѣ Четырехбугорномъ высится маякъ. Въ Астрахани множество фабрикъ и мануфактуръ, въ особенности, шелковыхъ, хлопчато-бумажныхъ и полотняныхъ, шагреневыхъ, юфтянныхъ и сафьянныхъ, мыловаренныхъ и свѣчныхъ. Большею частью шелковыхъ фабрикъ владѣютъ Армяне (около 100), главнѣйшія же принадлежатъ казнѣ. Изъ трехъ тысячъ пудовъ шелка, ежегодно привозимыхъ изъ Персіи, болѣе половины обработывается въ самой Астрахани, остальное идетъ въ Москву и Петербургъ. Послѣ шелковыхъ тканей главнѣйшее занятіе армянъ составляетъ выдѣлка шагрена. Онъ приготовляется изъ самыхъ жесткихъ хребтовыхъ полосъ лошадиныхъ шкуръ, доставляемыхъ татарами и калмыками. Такъ-называемое татарское мыло приготовляется татарами изъ тюленьяго жира. Этотъ жиръ, всякая рыба, икра и тому подобные статьи составляютъ главнѣйшій предметъ внутренней торговли, особенно съ Казанью. Кромѣ того Астрахань могла бы создать себѣ новую отрасль промышленности въ добываніи соды, такъ какъ едвали найдется еще страна, въ которой бы растенія содержали столько соды, какъ степныя травы по низовьямъ Волги и по берегамъ Каспійскаго моря между Ураломъ и Кумой.

Астрахань играла блестящую роль въ торговлѣ Европы съ Азіею. Расположенная въ концѣ величайшей въ Европѣ судоходной рѣки, она съ одной стороны, чрезъ посредство Каспійскаго моря, вступала въ сношеніе съ Туркменіей и сѣверными частями Персіи, а съ другой — Дономъ и Волгою соединялась съ срединными областями Московскаго государства и со всѣмъ побережьемъ Чернаго моря. При такомъ географическомъ положеніи, она естественнымъ образомъ должна была стать однимъ изъ главныхъ складочныхъ мѣстъ индѣйской торговли въ средніе вѣка, когда морской путь вокругъ мыса Доброй Надежды не былъ еще открытъ и европейскіе мореплаватели не появлялись еще въ Персидскомъ заливѣ. Тѣмъ не менѣе, о происхожденіи Астрахани и ея древнѣйшей исторіи почти нѣтъ достовѣрныхъ извѣстій. Астрахань, столица татарскихъ хановъ, лежала версты на 1½ сѣвернѣе. На мѣстѣ нынѣшняго города прежде находились развалины селитрянаго городка или завода. Когда Вильгельмъ Рубруквисъ въ XIII вѣкѣ посѣтилъ Астрахань, она уже была резиденціею хана, но представляла селеніе даже необнесенное стѣною. Съ того времени значеніе ея быстро возросло—и къ половинѣ XIII сто-

Библиотека "Руниверс"

лѣтія, когда на Каспійскомъ морѣ развилась индѣйская торговля (которой не чужды были уже печенѣги, предшественники татаръ), Астрахань, съ одной стороны, и Солдай на Черномъ морѣ, съ другой, стали двумя приморскими гаванями татаръ—и посредствомъ каравановъ, отправляемыхъ вдоль Волги и Кубани, обмѣнивались между собой европейскими и азіатскими товарами. Когда же, около 1280 г., генуезцы овладѣли берегами Тавриды (Крыма), центромъ всей азіатской торговли стала Кафа и оставалась имъ до завоеванія Магометомъ II (1453 г.), покорившимъ и всѣ колоніи генуэзской республики, причемъ Смирна захватила монополію азіатской торговли. Караваны по Волгѣ и Кубани прекратились, плаваніе по Каспійскому морю почти совсѣмъ затихло, и Астрахань ограничивалась мѣстною торговлей съ окрестными областями. Еще до того времени, въ 1395 г. она была разрушена Тимуромъ, но немного лѣтъ спустя вновь основана уже на теперешнемъ ея мѣстѣ. Во время Іосафата Барбаро, въ XV вѣкѣ, она еще была маленькимъ мѣстечкомъ, но уже въ 1475 г. венеціанскій посолъ Амброзіо Контарини нашелъ здѣсь обширную торговлю рисомъ, шелкомъ и шелковыми тканями, привозимыми Каспійскимъ моремъ. Въ это время пріѣзжали сюда уже и русскіе по купеческимъ дѣламъ. По взятіи же приступомъ Казани (1552 г.), съ которою астраханскій ханъ заключилъ оборонительный союзъ, царь Иванъ Васильевичъ двинулся на Астрахань и завоевалъ ее 1 апрѣля 1554 г. Изъ развалинъ ея и города Царицына Грозный основалъ нынѣшнюю Астрахань и укрѣпилъ ее Кремлемъ, выстроеннымъ на возвышеніи. Въ 1566 г. къ стѣнамъ новаго города пришелъ и осадилъ его султанъ Селимъ II съ 30,000 янычаръ и многочисленной толпой другихъ воинственныхъ народовъ, но долженъ былъ отступить. Также безполезна была и шестимѣсячная осада Астрахани въ 1574 году другимъ турецкимъ войскомъ въ 70,000 человѣкъ, которое зима принудила удалиться. Въ 1661 году Астраханью овладѣли крымскіе татары, но ненадолго—всего на годъ. Въ 1669 городъ и Кремль были обнесены каменными стѣнами и снабжены военнымъ запасомъ и провіантомъ, такъ какъ въ то время опасались мятежныхъ казаковъ. Послѣдніе и въ самомъ дѣлѣ явились на слѣдующій годъ съ предводителемъ ихъ, Стенькою Разинымъ. Воевода астраханскій вышелъ имъ навстрѣчу съ 2.600 стрѣльцами и 50-ю пушками; но войско это перешло на сторону мятежниковъ, а Стенькѣ измѣною отворены были городскіе ворота. Вступленіе его въ городъ, 25 іюня 1670 г., ознаменовалось страшными жестокостями и насиліями надъ служилыми царскими людьми. По Стенька вскорѣ былъ свергнутъ сообщникомъ его, казацкимъ гетманомъ Корнеліемъ Якловымъ, выданъ правительству и казненъ въ 1671 г. Во времена Лжедимитрія Астрахань была разграблена, въ 1692 и 1693 гг. посѣтила ее моровая язва, а въ 1719 г. разграбили ее персіяне.

Поэтому поводу, Императоръ Петръ I, давно уже питавшій мысль о торговлѣ съ востокомъ, обратилъ свое вниманіе на Астрахань. Намѣреваясь учредить транзитную торговлю съ Индіей, замыслилъ онъ силою оружія основать вдоль персидскаго побережья русскія поселенія. Блестящій походъ русскихъ въ Закавказье не имѣлъ однакожь въ то время важныхъ послѣдствій для торговли. Средняя Азія продолжала свои сношенія съ Европой чрезъ Смирну и индѣйскій океанъ; а по смерти Петра I Россія отказалась отъ всякихъ притязаній на южные берега Каспійскаго моря. Но распространеніе русскихъ владѣній до береговъ Кубани и Терека, а на востокъ до Урала все-таки принесло нѣкоторые плоды. Астрахань вновь увидѣла въ стѣнахъ своихъ караваны персидскихъ и индѣйскихъ купцовъ изъ Хивы и Бухары; западные и восточные берега Каспійскаго моря снова стали посѣщаться кораблями и многочисленныя кочевыя орды въ степяхъ Волги и Кумы не мало содѣйствовали движенію мѣновой торговли между Россіей и Закавказскими странами. Императрица Екатерина II предоставила каждому иноземцу, который пожелалъ бы завести въ Астрахани или въ прилежащихъ мѣстностяхъ осѣдлость или фабрику, 30-ти лѣтнюю льготу отъ податей и полную независимость въ отправленіи своего дѣла,—вслѣдствіе чего населеніе и торговое значеніе Астрахани значительно возросло. Въ 1839 году въ городѣ считалось всего 47 купцовъ первой гильдіи и 48 судовъ при 9,000 тоннъ, изъ которыхъ лишь 12 могли назваться купеческими кораблями. Главные предметы вывоза изъ Астрахани въ Азію: юфть, хлопчато-бумажныя и шелковыя издѣлія, сукна, бумага, сахаръ, чай, кошениль, индиго, сандалъ, бусы, стеклянная посуда, фарфоровыя и глиняныя издѣлія, олово, цинкъ, аммiакъ, желѣзо, чугунъ, сталь, мѣдь и проч.

Новѣйшее вещество.

Въ книгахъ, написанныхъ лѣтъ двадцать тому назадъ, нѣтъ и помину о множествѣ удивительныхъ вещей, которыя химики, эти чернокнижники нашего времени, вызвали на свѣтъ Божій изъ каменноугольнаго дегтя. Но намъ эти вещи до такой степени не въ диковинку, что самой скромной хозяйкѣ стыдно было бы не знать пятно-выводнаго бензина — и не одна молодая дама считала бы большимъ лишеніемъ, еслибъ у ней не было нарядного платья, выкрашеннаго фуксиномъ или анилиномъ. Нечего и говорить объ ученыхъ: тѣ ужь конечно должны все знать, чтобы заслуживать это названіе; мы не будемъ говорить и о веществахъ, употребляемыхъ исключительно въ техникѣ или доступныхъ только наукѣ и обозначаемыхъ въ химіи таинственными символическими формулами и цифрами,—такъ-что простой смертный становится передъ ними въ тупикъ и сознается, что ровно ничего не понимаетъ въ этихъ таинственныхъ каракуляхъ. Здѣсь рѣчь идетъ только о тѣхъ, которыя обогатили намъ обиходный языкъ множествомъ новыхъ словъ, а нашъ домашній бытъ—множествомъ новыхъ предметовъ.

Одно изъ такихъ веществъ, сдѣлавшееся почти необходимымъ для каждаго сколько нибудь благоустроеннаго хозяйства и для самыхъ разнообразныхъ отраслей промышленности, искуства и науки—это глицеринъ; а между тѣмъ не дальше какъ лѣтъ сорокъ назадъ, услышавъ это названіе, даже образованный человѣкъ попросилъ бы повторить его, думая, что онъ ослышался. Спеціалистъ по этой части сказалъ бы ему при этомъ, что это особое вещество, открытое въ 1773 г. Шеелемъ (которому мы обязаны также открытіемъ углекислоты, хлора и другихъ кислотъ и основаній), когда онъ, при приготовленіи свинцовой мази (т. е. при омыленіи оливкаго масла окисью свинца) изслѣдовалъ избытокъ воды, и выпаривая ее, получилъ странную сыропообразную жидкость. Но только послѣ того, какъ химикъ Шеврейль (1823 г.) посвятилъ двѣнадцать лѣтъ своей жизни на изслѣдованіе жировъ и маслъ,—свѣтъ узналъ, да и то еще сначала только ученый свѣтъ, что есть глицеринъ и какими онъ обладаетъ драгоцѣнными качествами. Мало по малу его стали употреблять для самыхъ разнообразныхъ отраслей промышленности, и теперь наконецъ ужь всякій знаетъ глицеринъ. Онъ можетъ пригодиться каждому, а многіе употребляютъ его, сами того не зная. О сущности же этого вещества, объ важныхъ его качествахъ и даже объ его происхожденіи, большинство имѣетъ вѣроятно только очень смутное представленіе. Между тѣмъ глицеринъ вполнѣ заслуживаетъ болѣе близкаго знакомства съ нимъ и съ удивительными его качествами, давшими ему такое широкое распространеніе.

Прежде всего, мы просимъ читателя, если онъ никогда не дѣлалъ этого, попробовать когда нибудь глицеринъ, представляющій въ чистомъ состояніи прозрачную маслянистую жидкость. Тогда собственно онъ пойметъ, отчего онъ называется глицеринъ, т. е. сладкое масло. Онъ найдетъ, что ни сахаръ, ни медъ, ни патока не оставляютъ на языкѣ такого сладкаго ощущенія, какъ онъ. Это, просто, можно сказать, жидкая сладость. Многіе усладители жизни какъ нельзя лучше поняли это и съумѣли примѣнить къ дѣлу. Нѣкоторые ликерные заводы примѣшиваютъ огромное количество глицерина въ свои напитки: благодаря ему, современный виноторговецъ превращаетъ свои мѣстныя вина въ сладкіе сорта южныхъ винъ—и вѣрно намъ не разъ случалось пить какое нибудь токайское, обязанное этимъ именемъ не прекраснымъ виноградникамъ Венгріи, а просто-на-просто удивительному продукту химіи, составляющему предметъ настоящей статьи. Кондиторъ употребляетъ его для такихъ вещей, которыя запасаются впрокъ; даже всякая современно-образованная хозяйка варитъ фруктовыя варенья не на сахарѣ, или не все на сахарѣ, а и на глицеринѣ; тогда они могутъ стоять сколько угодно и никогда не испортятся. Разумѣется, при этомъ всегда должно обращать вниманіе, чтобъ онъ былъ настоящій, очищенный и прозрачный, какъ вода.

Да развѣ для всѣхъ этихъ вещей не такъ же хорошъ нашъ старый почтенный сахаръ? Конечно, еслибы всѣ достоинства глицерина заключались *единственно* въ сладости. Впрочемъ, за сахаромъ все-таки оставалась бы та выгода, что онъ нѣсколько дешевле; значитъ защитники стараго могли бы успокоиться: въ концѣ концовъ все же старое остается лучшимъ. Но, какъ извѣстно, сахаръ подверженъ броженію, вслѣдствіе чего заготовленныя въ немъ вещи не обезпечены отъ разныхъ опасностей; сваренное въ немъ варенье, у самой заботливой хозяйки, портится иногда въ самое короткое время. Если въ вино прибавить сахару, то вмѣсто того чтобы осластиться, оно начинаетъ бродить и портиться. Но если замѣнить сахаръ глицериномъ, а для этого достаточно отъ 2 до 3 процентовъ, то оно отлично сохраняется; даже когда вино уже совсѣмъ перебродило, нечего опасаться что примѣсь глицерина заставитъ его бродить снова. Примѣсь эта всего выгоднѣе еще тѣмъ, что одинъ изъ продуктовъ разложенія глицерина въ значительной степени входитъ въ составъ каждаго натуральнаго букета вина. Поэтому глицеринъ сохраняетъ вино, такъ какъ не подверженъ ни броженію, ни порчѣ. Вотъ какая благодѣтельная вещь глицеринъ и какія услуги оказываетъ онъ намъ въ хозяйствѣ!

Наряду съ этимъ глицеринъ обнаруживаетъ еще другое консервативное свойство, которое дѣлаетъ его примѣнимымъ совсѣмъ къ другимъ цѣлямъ. Это жидкость весьма трудно замерзающая. Глицеринъ всегда непремѣнно смѣшанъ съ водой, и если въ немъ содержится напримѣръ 60 процентовъ воды, то онъ замерзаетъ

Библиотека "Руниверс"

при 14 градусахъ. Чѣмъ меньше въ немъ воды, тѣмъ ниже точка его замерзанія. Это качество чрезвычайно важно въ такихъ техническихъ примѣненіяхъ, гдѣ требуется жидкость, могущая выдержать всякій требуемый градусъ холода. Между многими случаями, гдѣ употребляются съ этой цѣлью глицеринъ, мы укажемъ на газовые часы для вычисленія сгорѣвшаго газа, которые должны пропускать газъ черезъ эту жидкость и дѣятельнѣе всего работать преимущественно зимой. Одна извѣстная глицериновая фабрика сбываетъ большую часть своихъ произведеній исключительно для этой цѣли.

Хотя во всемъ что до сихъ поръ сказано—весьма мало видѣнъ характеръ глицерина какъ жира, тѣмъ не менѣе характеръ этотъ остается за нимъ во всей силѣ. Въ различныхъ ремеслахъ онъ оказывается гораздо практичнѣе всякаго настоящаго масла или жира, такъ какъ во первыхъ, онъ также обладаетъ великолѣпнымъ качествомъ совершенно свободно соединяться со всякой другой жидкостью, будь это вода или алкоголь, легко растворяется въ ней, и во вторыхъ какъ всякое настоящее масло или жиръ нисколько не испаряется. И такъ, онъ удовлетворяетъ всѣмъ самымъ притязательнымъ требованіямъ, какія только можно имѣть относительно практически-примѣнимой жидкости.

За то, гдѣ только и не употребляется онъ! въ шерстяной пряжѣ и тканьѣ, гдѣ до сихъ поръ употребляли деревянное масло, которое кромѣ непріятнаго запаха весьма трудно вычищается, и не иначе какъ при помощи мыла,—въ настоящее время большею частію употребляютъ глицеринъ, чрезвычайно легко смываемый. Механики, часовыхъ дѣлъ мастера и другіе, нашли въ этомъ неизмѣняющемся веществѣ превосходный матеріалъ для смазыванія своихъ какъ тонкихъ, такъ и грубыхъ инструментовъ, между тѣмъ какъ всѣ извѣстныя до сихъ поръ средства заставляли желать весьма многаго. Растворы гумми-арабика не подвергаются никакой порчѣ, если сдѣланы на глицеринѣ, а не какъ прежде, на водѣ. Прежде, когда хотѣли что нибудь сберечь въ хозяйствѣ, хозяйка не знала какъ предохранить свои запасы, чтобы они не сгнили или не засохли. Теперь, глицеринъ помогаетъ ей въ этомъ случаѣ. Свѣжіе фрукты сохраняются въ немъ необыкновенно долго, и остаются такъ свѣжи, какъ будто ихъ сейчасъ сорвали съ дерева. Онъ также предохраняетъ отъ гніенія мясо и яйца. Чтобы удалить сладкій вкусъ, стоитъ только вполоснуть вещь водой, и на ней не остается и слѣдовъ глицерину. Нюхательный табакъ, къ отчаянію нюхальщиковъ, сохнетъ даже въ герметически закрытыхъ табакеркахъ; но стоитъ только капельку вспрыснуть его глицериновой водой, и онъ никогда не засохнетъ. Фабриканты нюхательнаго табака уже воспользовались этимъ средствомъ, важнымъ еще въ томъ отношеніи, что оно дѣлаетъ ненужнымъ упаковку табака въ оловянные листы, къ чему прибѣгали прежде, чтобы удержать въ товарѣ влажность. Фотографія также много обязана глицерину; прежде коллодіумъ быстро высыхалъ, вслѣдствіе чего пленка коллодіума на фотографической пластинкѣ съеживалась и давала трещины; теперь же, ее слегка намазываютъ глицериномъ, и она дѣлается эластичной и гибкой. Скульпторъ, прибавивъ къ своей глинѣ этого вещества, сохраняетъ ее на долго свѣжей, и можетъ хоть на нѣсколько дней прерывать работу. Глицеринъ также улучшаетъ чернила; при этомъ написанное чернилами съ примѣсью глицерина долго не высыхаетъ, что весьма удобно, если нужно дѣлать нѣсколько оттисковъ. Одинмъ словомъ, въ какую бы отрасль промышленности мы не заглянули, едва ли найдемъ такую, которая бы въ настоящее время могла обойтись безъ глицерина,—а нѣкоторыя изъ нихъ достигли благодаря ему такой степени совершенства, о какой безъ него нечего бы было и думать.

Возмемъ теперь косметическія принадлежности туалета: онѣ получили настоящій свой ароматъ и тонкость, только съ введеніемъ глицерина. При помощи глицерина возможно во всей чистотѣ и цѣлости извлекать изъ растеній нѣжный ароматъ, эти летучія эфирныя масла цвѣточнаго міра, улетучивающіяся при самой осторожнѣйшей перегонкѣ, и добываемыя прежде обработкой цвѣтовъ посредствомъ жировъ. Въ настоящее время дошли до удивительнаго совершенства въ приготовленіи душистыхъ помадъ, маслъ и тому подобныхъ дорогихъ душистыхъ эссенцій. Эти нѣжныя растительныя вещества соединяются съ глицериномъ, если будутъ приведены въ прикосновеніе съ нимъ, и затѣмъ остается только отдѣлить ихъ отъ него, чтобы онѣ получились въ самомъ чистомъ видѣ.

А какая модная дама не знаетъ знаменитаго глицериноваго мыла, прозрачнаго какъ хрусталь, черезъ которые все видно насквозь какъ черезъ чистое стекло! А оно ничто иное, какъ прямое соединеніе обыкновеннаго мыла съ чистымъ глицериномъ; стружки простаго мыла нагрѣваютъ вмѣстѣ съ глицериномъ, хорошенько перемѣшиваютъ и потомъ образовавшуюся прозрачную массу выливаютъ въ формы.

Подобныя услуги глицерина относятся конечно только къ предметамъ роскоши. Но онъ является вѣрнымъ помощникомъ и въ различныхъ страданіяхъ. Разумѣется, бывшее одно время въ ходу мнѣніе, что это самое вѣрное средство противъ нѣкоторыхъ родовъ глухоты, преувеличено. Однако, глицеринъ пущенный въ ухо, растворяетъ затвердѣвшія массы, можетъ быть лучше всякаго другаго средства. Часто совѣтуютъ его принимать отъ кашля и катарра. Больше же всего онъ извѣстенъ, какъ превосходное средство для наружнаго употребленія. Обожжетъ ли кто нибудь руку, стоитъ только намазать обожженное мѣсто глицериномъ, не будетъ ни пузыря, ни нагноенія. Кожа ли у кого высохнетъ и растрескается, и тутъ, намазать глицериномъ, и все пройдетъ. Онъ также составляетъ чудесное средство для заживленія ранъ. Лучше всего употреблять его въ этихъ случаяхъ въ формѣ такъ-называемыхъ глицериновыхъ препаратовъ, которые весьма легко приготовить самимъ, смѣшавъ глицеринъ съ немного меньшимъ противъ него количествомъ яичнаго желтка. Это образуетъ жирную массу, похожую на медъ; она совершенно не допускаетъ доступа воздуха къ ранѣ, сдѣлавшейся напримѣръ отъ ожога, стертой ссадины, и т. п., защищаетъ больное мѣсто отъ пыли, отчего оно и заживаетъ быстрѣе. Въ этомъ отношеніе, глицеринъ можетъ быть имѣетъ преимущество даже надъ коллодіумомъ, впрочемъ, также весьма почтеннымъ средствомъ; но, не говоря объ опасности этого послѣдняго вещества, его очень трудно распредѣлить равномѣрно, вслѣдствіе его быстраго испаренія.

Такъ какъ глицеринъ есть продуктъ науки, то чтобы не остаться передъ ней въ долгу, онъ оказалъ ей съ своей стороны, много важныхъ услугъ. Мы упомянемъ только объ одномъ изъ труднѣйшихъ научныхъ занятій, о работѣ съ микроскопомъ. Занимающіеся этимъ дѣломъ, — всегда жаловались на трудность сохраненія какъ растительныхъ такъ равно и животныхъ влажныхъ микроскопическихъ препаратовъ. Всѣ употребляемыя прежде средства чтобы сохранить препараты въ цѣлости между двумя стеклянными пластинками, какъ то: копайскій бальзамъ, алкоголь или хлористый кальцій, оказывались недѣйствительными; то препараты темнѣли, то подвергались химическимъ измѣненіямъ, то сморщивались. Теперь же этихъ жалобъ не слышно. Капля глицерину на стеклянной пластинкѣ сохраняетъ микроскопическіе препараты въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ, такими чистыми, какъ будто они только сейчасъ сдѣланы.

А между тѣмъ происхожденіе этого вещества,—такъ щедро разсыпающаго свои благодѣянія, самое грязное. Его родина—мыльный заводъ; именно, оно ничто иное какъ побочный химическій продуктъ, образующійся при соединеніи сала съ щелочами. Въ отношеніи глицерина, сало играетъ такую же роль, какъ каменноугольный деготь въ отношеніи бензина, фенола и великолѣпныхъ красокъ. Сало вовсе не есть простое, но напротивъ въ высшей степени сложное и удивительнымъ образомъ составленное тѣло. И хотя наука разгадала его постепенно и съ большимъ трудомъ, но тѣмъ болѣе надо удивляться природѣ, что она могла хранить эту тайну до современнаго намъ поколѣнія. Кому бы изъ всѣхъ ученыхъ въ мірѣ, въ прежнія времена, пришло въ голову, что сало можетъ быть чѣмъ нибудь инымъ какъ саломъ! Его можно было топить, смѣшивать съ водой, оно оставалось себѣ чѣмъ было; развѣ что въ соединеніи съ щелочами выходило изъ него мыло. Вдругъ открывается, что оно составляетъ сумму многихъ разнородныхъ веществъ, которыя скрыты въ немъ какъ великолѣпные цвѣта радуги въ простомъ бѣломъ солнечномъ лучѣ.

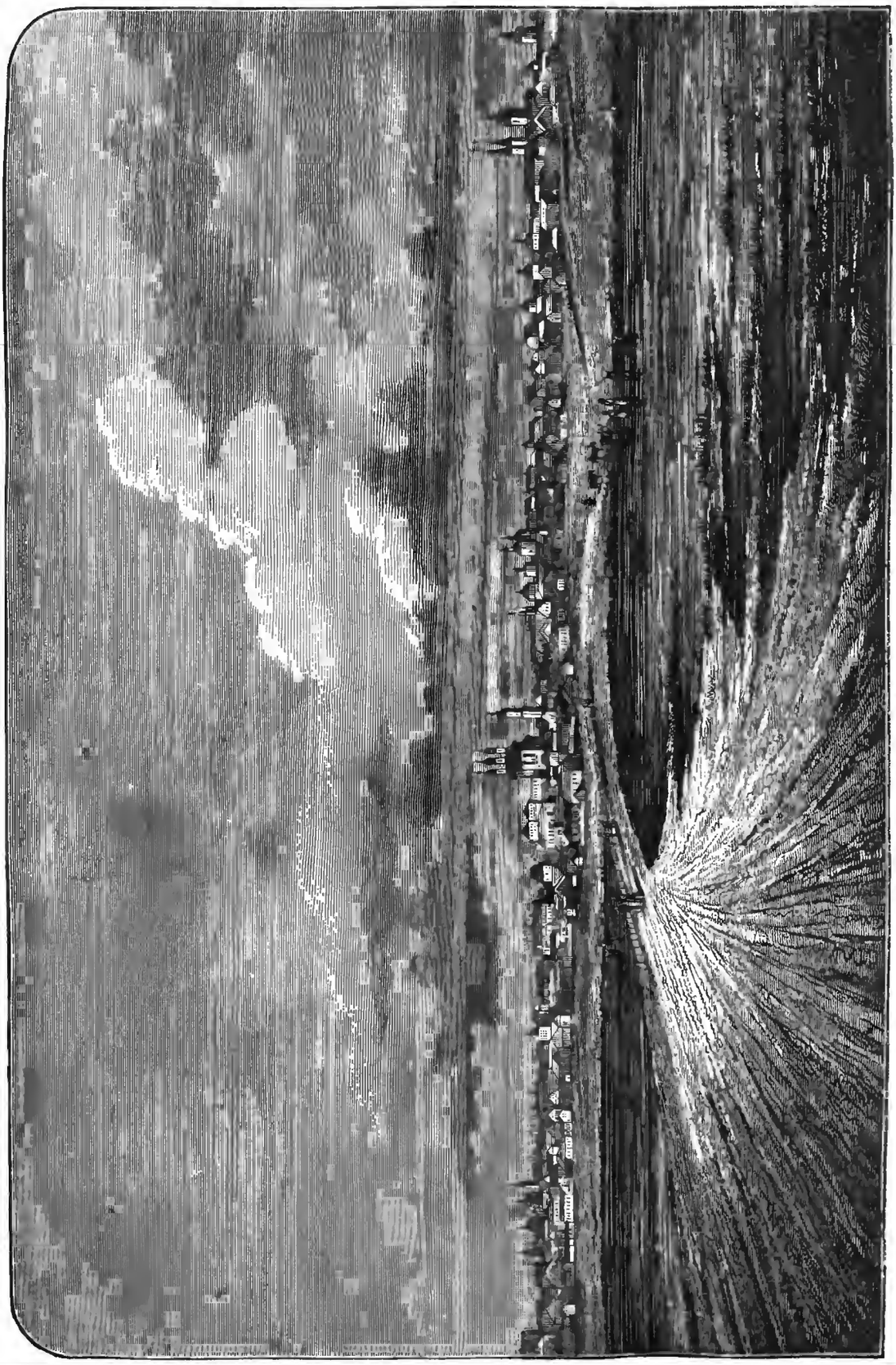
Чтобы повѣрить этому, пусть читатель сдѣлаетъ одно наблюденіе, впрочемъ можетъ быть уже дѣланное имъ, если онъ помнитъ то время, когда привѣтливо освѣщавшая его комнату лампа питалась рѣпнымъ масломъ. Когда зимой случалось проникать морозу въ кладовую гдѣ стояла посуда съ масломъ, то подъ вліяніемъ холода, масло не то что бы замерзало, но страннымъ образомъ раздѣлялось на двѣ разнородныя половины: нижняя представляла маслянистую жидкость, верхняя, плотную сальную массу. Масло разложилось на свои двѣ главныя составныя части: на густой стеаринъ и на жидкій элаинъ. Каждое же масло и жиръ, сало деревянное, пальмовое масло, рыбій жиръ, одинмъ словомъ, какое бы ни было, разлагается, если не посредствомъ холода, то точно такимъ же образомъ другими химическими пріемами—съ одной стороны на стеаринъ, съ другой на элаинъ. Но эти послѣдніе не во всѣхъ жирахъ находятся въ одинаковой пропорціи. Чѣмъ нѣжнее и текучее масло или жиръ, тѣмъ болѣе въ немъ элаина; преобладаніе же стеарина, какъ напримѣръ въ салѣ, составляетъ причину его твердости. Стеаринъ этотъ, конечно, не могъ оставаться неизвѣстнымъ, имъ давно воспользовались главнымъ образомъ для приготовленія стеариновыхъ свѣчей, ужъ лѣтъ съ двадцать, съ тріумфомъ изгнавшихъ сальныя свѣчи. Хотя стеаринъ, почти исключительно составляетъ твердую составную часть сала, но есть другіе жиры, гдѣ стеаринъ замѣняется другими веществами, какъ напримѣръ, въ пальмовомъ маслѣ пальметиномъ.

Химикъ не перестаетъ поражать насъ удивленіемъ; онъ показываетъ намъ что и стеаринъ и олеинъ опять—таки не простыя органическія тѣла; стеаринъ—это парное тѣло, состоящее изъ стеариновой или элаиновой кислоты и глицерина. Химическое раздѣленіе этой пары производится на заводѣ стеариновыхъ свѣчей, гдѣ, надо замѣтить, на изготовленія свѣчей идетъ только отдѣленная стеариновая кислота. Глицеринъ же отдѣляется, и съ выгодой продается зародчикомъ въ другія руки, между тѣмъ какъ онъ долженъ бы былъ его просто бросить.

То же самое соединеніе съ глицериномъ, мы находимъ и въ жидкой части всѣхъ, какъ растительныхъ такъ и животныхъ маслъ, жировъ и въ разныхъ родахъ сала. Также и элаинъ (называемый въ маслахъ олеиномъ) состоитъ изъ элаиновой кислоты и имѣетъ своимъ основаніемъ химически-соединенный съ нимъ глицеринъ; слѣдовательно на языкѣ химиковъ, это будетъ «элаиново-кислый глицеринъ» (окись).

Какъ въ неорганическомъ, такъ и въ органическомъ мірѣ, при-

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ города Астрахани. Съ акварели профессора Боголюбова рис. И. Космакотъ, грав. Заблоцкій.

Библиотека "Руниверс"

рода удивительнымъ образомъ распредѣлила матерію попарно. Стеариновая кислота есть одна часть, а глицеринъ другая, и когда онѣ приходятъ между собой въ химическое соединеніе, то происходитъ такое тѣсное сродство, что обѣ части становятся однимъ цѣлымъ, такъ что ихъ уже нельзя отличить другъ отъ друга: онѣ образуютъ тогда, какъ принято называть въ химіи, соль. Въ неорганическомъ мірѣ, такая соль есть напримѣръ углекислый натръ, хлорновато-кислое кали, и т. п. Вслѣдствіе этого, химикъ, въ своей строгой послѣдовательности, назоветъ и стеаринъ (стеарново-кислый глицеринъ) и элаинъ (элаиново-кислый глицеринъ) солями, какъ бы ни сталъ съ нимъ спорить простой смертный, по понятіямъ котораго—соль должна имѣть соленый вкусъ и происходить изъ минеральнаго царства.

Когда, такимъ образомъ, съ одной стороны стеариновая и элаиновая кислоты, а съ другой глицеринъ придутъ въ химическое соединеніе, то отдѣлить ихъ другъ отъ друга дѣло не легкое. Заводчику стоитъ не малыхъ хлопотъ освободить ту или другую составную часть. Но онъ знаетъ средство раздѣлить ихъ. Для этого нужно знать вещество, къ которому бы одна изъ частей показывала большую склонность, чѣмъ къ первоначально - связанному съ ней веществу. Такое вещество онъ находитъ въ щелочахъ; если ихъ смѣшать съ саломъ, масломъ и т. п. онѣ съ энергіей притягиваютъ къ себѣ жирную кислоту, и соединяются съ ней въ мыло. Тогда оставшаяся свободная часть и есть глицеринъ. Сначала онъ служилъ основаніемъ; теперь же, когда щелочь, какъ болѣе сильное основаніе, вытѣснила его, онъ отдѣляется самъ собой. Но получаемый на мыльныхъ и стеариновыхъ заводахъ въ этомъ свободномъ состояніи глицеринъ—не чистъ; онъ натурально, механически, смѣшанъ съ щелокомъ. Это уже дѣло глицериноваго заводчика очистить его посредствомъ дальнѣйшихъ химическихъ процессовъ отъ всякихъ посторонныхъ примѣсей. Это достигается всего легче, если глицеринъ отдѣлялся посредствомъ извести, какъ это дѣлается на стеариновыхъ заводахъ; тогда онъ легко очищается сѣрной кислотой. Поэтому стеариновый заводъ самый лучшій поставщикъ для глицериноваго завода; между тѣмъ какъ глицеринъ получаемый съ мыльныхъ заводовъ—такъ трудно очищается отъ своего щелока, что почти не стоитъ выдѣлки. Въ новѣйшее время изобрѣли новый способъ, еще упростившій химическое раздѣленіе стеарина. Именно, стеаринъ перегоняютъ подъ извѣстнымъ давленіемъ съ водянымъ паромъ; образующіеся при этомъ пары сгущаются и ложатся двумя слоями: верхній слой составитъ стеариновую кислоту, а нижній водянистый глицеринъ, который стоитъ только выпарить, чтобы получить почти совсѣмъ чистый глицеринъ.

Но все еще жиръ не разлагается этимъ на свои простѣйшія составныя части. Всѣ упомянутыя его части суть такія сложныя тѣла, гдѣ кислота и основаніе имѣютъ значеніе того или другаго, только смотря по количеству содержащагося въ нихъ кислорода. Поэтому чтобы получился чистый глицеринъ изъ окиси глицерина, доставляемой стеариновымъ заводомъ, должна еще отдѣлиться часть кислорода, что впрочемъ происходитъ само собой вслѣдствіе воспріятія водорода, который соединяется въ воду съ этимъ кислородомъ. Чистый глицеринъ, употребляемый въ домашнемъ хозяйствѣ, или въ фабрикаціи винъ и ликеровъ, только повидимому кажется простымъ органическимъ тѣломъ. Это нисколько не значитъ, чтобы оно было простымъ элементомъ; оно опять-таки состоитъ изъ тѣснѣйшаго соединенія водорода, кислорода и углерода между собой. На эти части онъ разлагается наконецъ, когда мы его сжигаемъ, но и тутъ еще онѣ могутъ подвергаться различнымъ соединеніямъ. Если напримѣръ нагрѣвать ложку съ глицериномъ на огнѣ, то распространяется ѣдкій запахъ, сильно раздражающій глаза и обоняніе. Онъ происходитъ отъ образующагося вслѣдствіе жара вещества, акролеина, того самаго, что производитъ извѣстный нестерпимый духъ при горѣніи жира.

Но, посредствомъ химическихъ процессовъ, можно превратить глицеринъ въ самыя лакомыя вещества; тончайшій вкусъ не отличитъ въ нихъ ихъ глицериноваго происхожденія. Кто повѣритъ, что волшебная наука приготовляетъ изъ глицерина ромъ! Это удается ей какъ нельзя лучше, смѣшавъ глицеринъ съ щавелевой кислотой и нагрѣвая до извѣстной степени смѣсь. Результатомъ этой операціи, конечно, не сейчасъ же выйдетъ ромъ, но такъ называемая муравьиная кислота, которая въ свою очередь въ искусныхъ рукахъ употребляется для изготовленія рома. Много еще разныхъ прекрасныхъ вещей, точно волшебствомъ, выходятъ изъ добытой такимъ образомъ муравьиной кислоты, прежде всего цѣлый рядъ различныхъ эфировъ и этилей. Эти же эфиры и этили, при дальнѣйшей химической обработкѣ, даютъ ароматныя, вкусныя и живительныя вещества. Кажется, что онѣ сдѣланы изъ самыхъ дорогихъ фруктовъ, ананасовъ, земляники, грушъ; ихъ натуральный ароматъ и вкусъ совершенно обманываютъ насъ. Конечно промышленность воспользовалась этимъ при издѣліи фруктовыхъ маслъ и сыроповъ, ликеровъ и т. п. Очень часто мы воображаемъ что наслаждаемся благороднѣйшими и тончайшими произведеніями живой природы, между тѣмъ какъ мы обязаны этимъ наслажденіемъ просто-на-просто глицерину.

Да, глицеринъ—удивительная вещь! Мы видѣли, сколько онъ дѣлаетъ чудесъ, но это еще не все. Довольно бездѣлицы чтобы изъ него вышла самая ужаснѣйшая вещь. Дурное общество портитъ, какъ говорится, хорошіе нравы. Если мы химически соединимъ съ глицериномъ охлажденную смѣсь изъ двухъ частей концентрированной сѣрной кислоты и одной части концентрированной селитряной кислоты, то произойдетъ вещество, маслянистая жидкость, извѣстная подъ именемъ нитроглицерина или глоиоина. Оно не имѣетъ никакого запаха, но если до тронуться до него кончикомъ языка, то чувствуется непріятный рѣзкій вкусъ. Для нашего организма это смертельный ядъ, дѣйствіе котораго похоже на дѣйствіе морфія. Больше же всего онъ извѣстенъ какъ самое сильное разрывное средство, какое знаетъ современная наука.

И такъ, глицеринъ, играющій такую важную роль въ современной жизни, вполнѣ заслуживаетъ чтобы всякій зналъ объ его сущности, его пріятныхъ и страшныхъ качествахъ. А между тѣмъ это не болѣе какъ составная часть сала, которое наши предки цѣлые вѣка беззаботно жгли въ своихъ подсвѣчникахъ, не подозрѣвая, что за таинственное вещество сжигается на свѣтильнѣ.

Народы России.

XVI. Чукчи.

(Окончаніе).

Чукчи признаютъ многоженство, но не платятъ калыма за женщину. Уже этотъ обычай отличаетъ ихъ отъ остальныхъ народовъ Сибири, монгольскаго происхожденія. Женихъ служитъ пастухомъ у отца невѣсты—и только пріобрѣтя его расположеніе, можетъ добиваться любви дѣвушки, безъ согласія которой свадьбы не устроится. Вдова передается по наслѣдству въ жены же брату ея умершаго мужа. Никто не помогаетъ женщинѣ во время родовъ. Она сама обмываетъ ребенка. Говорятъ, что въ этомъ случаѣ употребляется не вода а урина. По крайней мѣрѣ г. Паули повторяетъ это, прибавляя что такая жидкость у Чукчей считается тѣмъ же чѣмъ у Европейца оде-колонъ и прочіе духи. Мертвыхъ Чукчи бросаютъ на съѣденіе дикимъ звѣрямъ и хищнымъ птицамъ и только изрѣдка сжигаютъ ихъ трупы. Единственный музыкальный инструментъ Чукчей—нѣчто вродѣ бубна, которымъ они акомпанируютъ себѣ во время пѣнія, выражая его звуками и радость и печаль. Такой бубенъ находится въ каждой юртѣ—и часто издали еще путникъ слышитъ его звуки, не видя самаго жилья. Пѣсни чукчей—крайнѣ немногосложны. Они поютъ о томъ, что видятъ. Таковы свадебныя ихъ пѣсни. Единственнымъ исключеніемъ служатъ только историческія ихъ пѣсни, въ которыхъ воспѣваются ихъ богатыри, стародавнія были и болѣе близкія къ нашей эпохѣ битвы съ казаками.—Между прочимъ въ одной пѣснѣ разсказывается, какъ одинъ чукча отправился прямо на сѣверъ отъ Берингова пролива и черезъ три года плаванія достигъ счастливой земли—гдѣ не переводился звѣрь для охоты и мухоморы росли на каждомъ шагу. Нужно замѣтить, что настой изъ этихъ грибовъ для Камчадаловъ, Коряковъ и Чукчей служитъ—опьяняющимъ ихъ лакомствомъ. О дѣйствіи такого напитка мы уже говорили въ статьѣ о Камчадалахъ.

Главные праздники Чукчей бываютъ въ апрѣлѣ, іюлѣ и августѣ. Въ первомъ когда олени щенятся, во вторыхъ, когда тѣхъ же оленей убиваютъ на одежду. Наконецъ есть еще осенній праздникъ по окончаніи времени течки. Во время этихъ праздниковъ помады ѣдятъ до отвалу, играютъ на своихъ бубнахъ, поютъ и разсказываютъ стародавнія были, пьютъ водку и иногда настой изъ мухомора. Все это сопровождается играми и шутками, на наши глаза крайне цинничными и неудобопередаваемыми въ печати. Дѣти природы впрочемъ не знаютъ нашего стыда. По словамъ г. Паули, во время войны чукчи надѣваютъ родъ кирассы, защищающей ихъ отъ пуль; въ мирное же время они ходятъ все таки вооруженными однимъ или двумя ножами. Они не имѣютъ жрецовъ, каждый отецъ семейства служитъ шаманомъ для послѣдняго. Передъ началомъ рыбнаго промысла въ Чаунской губѣ, избирается одно особенно почетное лицо, для совершенія молитвъ и жертвоприношеній. Приносятся въ жертву олени и собаки. По положенію убитаго животнаго, узнаютъ волю боговъ. Носятся слухи, что въ особенно важныхъ случаяхъ Чукчи приносятъ человѣческія жертвы, но это далеко еще не доказано. Впрочемъ изъ свѣдѣній собранныхъ прежними путешественниками видно, что злодѣйство такого рода въ прошломъ столѣтіи еще встрѣчалось въ средѣ этихъ инородцевъ.

Вотъ какъ г. Паули разсказываетъ объ одномъ торжественномъ жертвоприношеніи Чукчей, совершенномъ въ 1755 году, близь Анюйскаго острога, передъ началомъ ярмарки: Чукчи расположили полукругомъ на берегу рѣки Анюя свои нарты, переполненныя товаромъ. Несчетныя стада оленей окружали ихъ лагерь. Женщины и дѣвушки одѣлись въ лучшія свои платья, украшенныя самыми странными рисунками. Они первыя начали торжество, очищая землю отъ снѣга. Потомъ они поставили на нарты расположенныя полукругомъ высокія жерди, обвернули ихъ кожами и получили т. о. родъ юрты, по срединѣ которой былъ устроенъ очагъ

Библиотека "Руниверс"

съ трубою, выводящею дымъ. Внутри были развѣшаны два полога ихъ двадцати оленьихъ шкуръ. Помѣщенія внутри юрты, раздѣленной пологами, были освѣщены каганцами, въ которыхъ горѣло китовое сало. Земля также была покрыта мѣхами оленей. Тамъ было мѣсто для восьми человѣкъ. Передъ гостями—русскими—поставили маленькій и низенькій столъ съ тремя оловянными тарелками; угощеніе состояло изъ сухаго оленьяго мяса и копченыхъ оленьихъ языковъ. Потомъ подали чай. Въ это время женщины приготовляли яства изъ корней смѣшанныхъ съ кровью, изъ сала и мозга оленей, и варили все это на открытомъ воздухѣ. Хозяйка дома почерпнула ножомъ этой смѣси и плеснула ее на всѣ четыре стороны, приглашая гостей явиться на пиршество съ своими «серебряными ложками». Послѣ пира начались приготовленія къ жертвоприношенію. Изъ стада былъ выбранъ олень, котораго привели въ юрту. Одна изъ женщинъ, взявъ дротикъ, приблизилась къ животному и убила его однимъ ударомъ. Олень упалъ, склоняя голову въ ту сторону, откуда пришли гости, что вызвало веселое восклицаніе хозяйки и такой же отвѣтъ отъ присутствовавшихъ. По знаку хозяина, его жена погрузила руку во внутренность убитаго животнаго и брызнула вокругъ его кровью.—Такимъ образомъ были принесены въ жертву пять оленей и пять собакъ.

Чукчи имѣютъ идоловъ, представляющихъ ихъ духовъ и невидимыхъ существъ называемыхъ кьеленами и крекамъ-чатканами.—Идоловъ этихъ они повсюду носятъ съ собою, привязывая ихъ или къ платью или нося на шеѣ. Чукчи думаютъ, что горы, рѣки и др. урочища имѣютъ своихъ добрыхъ и злыхъ духовъ, называемыхъ авиралiанъ. Они приносятъ въ даръ послѣднимъ стрѣлы, табакъ, сало, иногда жертвы въ видѣ оленей или собакъ...

Вотъ общія черты этого племени, заброшеннаго въ страшную глушь сибирскаго сѣверо-востока. Трудная жизнь исполненная лишеній, суровая природа—сдѣлали ихъ выносливыми и смѣлыми. Тутъ каждый день достается человѣку трудною борьбою, тяжелымъ самоотреченіемъ. Несмотря на это, въ средѣ ихъ живутъ поэтическія преданія—и въ дикихъ трущебахъ, прерываемая крикомъ чаекъ, носится веселая пѣсня инородца, пересѣкающаго мертвую пустыню на легкой нартѣ, или гоняющагося на лыжахъ за хищникомъ оленьихъ стадъ—волкомъ. Вглядитесь въ этого съ виду свирѣпаго воинственнаго варвара—и вы подъ жесткою оболочкою его отыщете прекрасную, честную душу, мужественное сердце также бьющееся любовью, также сочувствующее чужому горю и чужимъ страданіямъ. Вы невольно убѣдитесь, что вездѣ, подъ всѣми широтами, на роскошномъ югѣ и на сумрачномъ сѣверѣ—одинаково живетъ въ природѣ человѣка та божественная искра, которую не могутъ погасить ни вѣчныя вьюги полярныхъ пустынь, ни суровыя битвы съ нищетою и одиночествомъ.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ.

(НЕКРОЛОГЪ).

6 января въ 10 ч. 25 минутъ утра, Россія потеряла одного изъ своихъ фельдмаршаловъ, именно: графа Ѳедора Ѳедоровича Берга.

Представляя читателямъ бюстъ этого знаменитаго главнокомандующаго и давъ еще въ 1872 году его портретъ съ полною біографіею, мы въ настоящее время лишь въ краткихъ словахъ возобновимъ въ памяти нашихъ читателей главные фазисы жизни покойнаго графа.

Намѣстникъ въ Царствѣ Польскомъ, генералъ-фельдмаршалъ графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ скончался, какъ уже выше сказано, 6 января въ 10 ч. 25 минутъ, въ гостиницѣ Демутъ, послѣ непродолжительной болѣзни. Уже съ перваго января чувствовалъ себя графъ несовсѣмъ здоровымъ—и доктора признали, что у него воспаленіе подреберной плевы, которое къ третьему числу перешло въ воспаленіе легкихъ. До утра 5-го января графъ продолжалъ заниматься дѣлами—и только тогда уже чувствуя приближеніе смерти, такъ какъ отецъ его умеръ тоже отъ воспаленія легкихъ, онъ призвалъ старшаго своего племянника и передалъ ему свои послѣднія распоряженія.

Къ вечеру того же числа показалось какъ будто облегченіе болѣзни—лѣвое легкое опять стало дѣйствовать, такъ что докторъ послѣ сдѣланной аускультаціи подалъ надежду на поправленіе. 6 января утромъ въ седьмомъ часу докторъ замѣтилъ, что дыханіе больнаго ослабѣваетъ, и что наступилъ параличъ легкихъ, причемъ графъ потерялъ сознаніе. Придя въ себя въ десятомъ часу, онъ пріобщился Св. Тайнъ изъ рукъ генералъ-суперъ-интендента Др. Фроммана, а въ 10 часовъ 25 минутъ графъ спокойно отошелъ въ вѣчность.

Тотчасъ по его смерти, комнаты гостиницы были убраны чернымъ сукномъ и уставлены тропическими растеніями, а отъ Преображенскаго полка былъ выставленъ почетный караулъ.

Хотя графъ и лютеранинъ, но близкіе ему и подчиненные пожелали отслужить по немъ панихиду, которая и была въ день смерти въ 7 часовъ вечера.

7-го января утромъ тѣло покойнаго графа было перенесено съ подобающими почестями въ лютеранскую церковь Св. Петра, гдѣ и была вечеромъ отслужена панихида по лютеранскому обряду.

Графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ родился 15 мая 1794 года въ Лифляндіи на мызѣ Шлосѣ-Загницѣ. Потомокъ старинной дворянской фамиліи, графъ получилъ свое воспитаніе сначала въ гимназіи а потомъ въ Дерптскомъ университетѣ и въ мартѣ 1812 года поступилъ юнкеромъ въ Либавскій пѣхотный полкъ.

Произведенный вскорѣ въ офицеры, графъ участвовалъ въ походахъ 1812—1814 года и воротился въ Россію капитаномъ гвардейскаго генеральнаго штаба. Во время мирнаго затишья графъ Бергъ посѣтилъ Турцію и Балканскій хребетъ съ цѣлью военнаго обозрѣнія, за что и былъ произведенъ въ полковники.

Вскорѣ послѣ этого, графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ по Высочайшему повелѣнію былъ назначенъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Состоя при русскихъ посольствахъ въ Мюнхенѣ, Римѣ и Неаполѣ, въ 1822 году былъ снова переименованъ въ полковники съ назначеніемъ въ квартирмейстерскую часть.

Получивъ за тѣмъ порученіе пересмотрѣть положеніе Оренбургской губерніи, тревожимой хищными набѣгами Хивинцевъ и Киргизовъ, покойный графъ предпринималъ три экспедиціи, послѣ счастливаго окончанія которыхъ былъ зачисленъ снова въ государственную коллегію иностранныхъ дѣлъ и по случаю усилившихся несогласій въ Турціей, какъ изучившій тотъ край, былъ назначенъ вторымъ совѣтникомъ нашего посольства при Отоманской портѣ. Въ этой должности Бергъ пробылъ почти весь 1827 годъ и по возвращеніи въ Петербургъ былъ снова переименованъ въ генералъ-маіоры и прикомандированъ къ свитѣ Его Величества и назначенъ состоять при главной квартирѣ Государя Императора.

Въ 1828 году, по случаю возгорѣвшейся войны съ Турціей, Бергъ былъ назначенъ генералъ-квартирмейстеромъ 2-й арміи, въ этой должности своимъ знаніемъ края много содѣйствовалъ успѣху нашихъ войскъ за что, въ особенности за мужество въ дѣлахъ при крѣпости Шумлѣ и въ 1829 году при осадѣ крѣпости Силистріи, вмѣстѣ съ генералъ-маіоромъ княземъ Горчаковымъ былъ уполномоченъ условиться о сдачѣ этой крѣпости.

По сдачѣ Силистріи генералъ Бергъ, по приказанію главнокомандующаго графа Дибича, прибылъ въ главную квартиру и въ должности генералъ-квартирмейстера способствовалъ главному переходу нашей арміи черезъ Балканскій хребетъ, а равно и при взятіи крѣпости Адріанополя, гдѣ и находился до самаго заключенія мира. По возвращеніи 2-й арміи въ предѣлы Россіи, Бергъ по случаю размѣщенія войскъ былъ уволенъ за границу—и узнавъ въ Италіи объ открытіи польскаго мятежа, снова просился въ ряды войскъ, получилъ на это высочайшее соизволеніе и участвуя при всѣхъ битвахъ принималъ особое участіе въ битвахъ при м. Пыски и при Остролекѣ и при взятіи города Варшавы.

Послѣ покоренія Польши, графъ, оставаясь 12 лѣтъ въ званіи генералъ квартирмейстера дѣйствующей арміи и успѣвъ придать всѣмъ частямъ своего управленія новую дѣятельность, а геодезическимъ работамъ болѣе обширные размѣры, 10 октября былъ произведенъ въ генералы отъ инфантеріи.

Въ 1846 и 1848 годахъ онъ имѣлъ нѣсколько важныхъ дипломатическихъ порученій, въ 1849 вслѣдствіи революціи въ Австріи и въ Вѣнѣ былъ посланъ Его Величествомъ въ Вѣну, для обсужденія и изысканія мѣръ, могущихъ спасти имперію.

При открытіи Крымской кампаніи Бергу была поручена защита Остзейскихъ провинцій противъ высадокъ англійскаго флота; онъ въ самое короткое время въ такой степени укрѣпилъ городъ Ревель, что адмиралъ никакъ не отважился сдѣлать приступа.

Такое блестящее исполненіе возложенной на него обязанности обратило на графа Берга вниманіе Государя, который предоставилъ его дѣятельности болѣе важный постъ и назначилъ его финляндскимъ генералъ-губернаторомъ и командующимъ войсками. За распорядительность и мужество при оборонѣ Финляндіи, Императоръ изволилъ наградить Берга орденомъ Св. Апостола Андрея Первозваннаго съ мечомъ — и годъ спустя возвелъ его въ графское достоинство великаго княжества финляндскаго.

Оставивъ въ 1861 году свои усиленные труды, графъ Бергъ однако не долго пользовался отдыхомъ, и при возникновеніи польскаго мятежа былъ назначенъ намѣстникомъ Царства Польскаго и главнокомандующимъ тамъ войсками. Подавивъ вскорѣ мятежъ, за всѣ заслуги по устройству Польши, графъ Бергъ былъ награжденъ портретомъ Его Величества украшеннымъ алмазами и 23-го октября 1866 года возведенъ въ званіе генералъ-фельдмаршала русской арміи.

Вотъ тѣ краткія перечисленія фактовъ изъ жизни почившаго фельдмаршала, которыми мы постарались напомнить читателямъ полную его біографію, уже помѣщенную въ нашемъ журналѣ.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Версали.

(Собственныя корреспонденціи „Нивы“).

Національное собраніе. 18 (30) декабря 1873 г.

Въ ожиданіи дебатовъ по поводу важныхъ законовъ, лѣвая сторона намѣрена не давать покоя правительству своими интерпеляціями — впрочемъ весьма основательными. Г-нъ Рикоръ членъ лѣваго центра намѣренъ былъ интерпеллировать сегодня правительство по поводу его дѣйствій касательно провинціальной прессы.

На всѣ подобнаго рода частные интерпелляціи герцогъ Брой отвѣчалъ неизмѣнно одно и тоже: страна въ осадномъ положеніи, мы вынуждены, и т. д. Но эти отвѣты конечно никого не удовлетворяютъ, ибо когда 4 мѣсяца тому назадъ интерпелировали правительство касательно того: на какіе именно департаменты распространяется осадное положеніе,—то правительство не могло дать удовлетворительнаго отвѣта. Министръ внутреннихъ дѣлъ ссылался въ своей отвѣтной рѣчи то на декреты императрицы Евгеніи (!!!) передъ войной, то на декреты правительства національной обороны, то на Тьера, то на циркуляры Броя и даже... префектовъ!

Однимъ словомъ, теперешнее французское правительство только тогда хорошо знаетъ какіе департаменты въ осадномъ положеніи и какіе — нѣтъ, когда дѣло идетъ о запрещеніи какого либо оппозиціоннаго журнала. Г-нъ Рикоръ очевидно хотѣлъ сегодняшней интерпелляціей добиться толку и кассировать результатъ вотировки, увѣнчавшей уклончивую рѣчь министра Белэ четыре мѣсяца тому назадъ. Но герцогъ Брой просилъ Рикора обождать до завтра, т. е. до 31 декабря. Завтра-же правительство намѣрено предложить Собранію отложить интерпелляцію до слѣдующаго дня за интерпелляціей генерала дю-Тампля, по поводу внѣшней политики Франціи въ Римскомъ вопросѣ. Слѣдовательно интерпелляція Рикора будетъ отложена до 22 генваря. Вы уже замѣтили конечно, что я ничего не говорю въ моихъ корреспонденціяхъ о коммиссіи 30. Я считаю излишнимъ затруднять вниманіе читателя политическо-хитроумными проэктами г-дъ Вентена или Прадье, или заставлять ихъ зѣвать надъ неменѣе тончайшими отвѣтными рѣчами Броя въ той-же коммиссіи. Пусть эти господа занимаются урѣзками suffrage universel, *«возстановленіемъ равновѣсія»* при организаціи публичныхъ властей (конституція). Все это финесы эпохи отжившей, эпохи конституціоналистовъ въ родѣ Бенжамена Констана, или доктринеровъ въ родѣ Ройэ Колляра, Монталамбера, Броя-отца и Гизо. Не только Россіи, но даже и Франціи нѣтъ до этого ни малѣйшаго дѣла. Франція скажетъ свое слово при будущихъ выборахъ, отъ которыхъ открутиться невозможно, ибо ничто не вѣчно подъ луной. Достаточно поговоривъ о близкомъ будущемъ, перейдемъ теперь къ описанію величественной и спокойной народной манифестаціи, бывшей во время похоронъ Франсуа Виктора Гюго, послѣдняго сына великаго поэта. Здѣсь—мы въ области живой дѣйствительно-многознаменательной дѣйствительности. Симпатіи рабочаго населенія высказались неподдѣльно къ горю великаго гражданина и міроваго поэта. Несмотря на то что выносъ тѣла былъ назначенъ въ 12 часовъ изъ дому на кладбище Père-Lachaiz'a, къ 9 часамъ утра толпа окончательно запрудила всю улицу Drouot до № 20, гдѣ жилъ покойный Франсуа Гюго. Экипажи съ трудомъ пробирались и сидѣвшія въ нихъ лица оставляли далеко отъ подъѣзда свои экипажи изъ уваженія къ пѣшей публикѣ. Я обогналъ похоронный поѣздъ на бульварѣ Пуассоньеръ, желая встрѣтить кортежъ у воротъ кладбища. На протяженіи слишкомъ пяти верстъ я встрѣчалъ сплошную массу блузниковъ и скромно-одѣтыхъ людей съ букетомъ иммортелей въ петличкѣ. Журналы всѣхъ партій и оттѣнковъ единогласно заявили, что публики было не менѣе 50 тысячъ. Сегодняшнее донесеніе полицейскаго коммиссара полагаетъ цифру провожавшихъ съ букетиками въ 62,730 человѣкъ. Великій поэтъ шелъ всю дорогу отъ дома до кладбища пѣшкомъ. Въ траурной каретѣ ѣхала г-жа Шарль Гюго и Луи Бланъ. Послѣ полуторочасоваго шествія кортежъ въѣхалъ на кладбище и похоронная колесница остановилась у временной могилы. Фамильный склепъ уже полнъ! Самъ великій поэтъ, доведшій любовь къ ребенку до высокаго недосягаемаго идеала, не нашелъ бы въ немъ мѣста, рядомъ съ своими дѣтьми. Его высокая но тяжкая миссія только тогда будетъ исполнена повидимому, когда онъ уснетъ сномъ вѣчности среди «малыхъ міра сего» среди дѣтей и людей изстрадавшихся. Завидная доля!

Колесница остановилась, друзья сняли гробъ и медленно опустили въ могилу. Послѣдовала мертвая тишина, несмотря на несмѣтное множество народа, покрывшаго сплошной массой поверхность кладбища, такъ что надгробныхъ плитъ и даже мавзолеевъ не было видно. Тогда Луи Бланъ началъ рѣчь; сдѣлавъ обзоръ жизни покойнаго и указавъ на его заслуги въ литературѣ, онъ указалъ на его политическія качества. За тѣмъ нѣсколько сочувственныхъ словъ великому поэту заключили эту блестящую рѣчь. Рѣчь эта безпрестанно прерывалась сдержанными «браво» и аплодисментами. По окончаніи рѣчи, отецъ бросилъ первую горсть земли на гробъ сына и.... зарыдалъ. Тутъ произошло зрѣлище, какого мнѣ никогда не придется больше увидѣть. Огромная масса народа окружала Виктора Гюго, къ нему протянулись тысячи рукъ, такъ что онъ не успѣвалъ пожимать ихъ. Затѣмъ раздались крики: «Vive la république», vive le grand poète! vive Victor Hugo! которые продолжалось непрерывно болѣе четверти часа, пока онъ добрелъ до кареты, въ которую сѣлъ вмѣстѣ съ Луи Бланомъ и г-жею Шарль Гюго.

Франсуа Гюго оставилъ по себѣ прочный памятникъ: переводъ всѣхъ сочиненій Шекспира, съ большими предисловіями къ каждой пьесѣ. Эти предисловія составляютъ цѣлый томъ и почитаются лучшимъ изъ французскихъ разборовъ твореній Шекспира

Національное собраніе. 1 (13) января 1874 г.

Въ сегодняшнее засѣданіе происходятъ дебаты по поводу закона о мэрахъ. Вотировки еще не было, но сомнѣнія нѣтъ никакого, что законъ предложенный правительствомъ пройдетъ большинствомъ 39 или 45 голосовъ, которые спасли во вчерашнюю вотировку кабинетъ г-на Броя. Луи Бланъ, Кристофль и другіе ораторы лѣвой говорили конечно противъ закона; ораторы правой и докладчикъ понятно отстаивали законъ. Не приводя даже въ видѣ цитатъ слова и аргументы той или другой партіи — разберемъ подробно сущность вопроса о мэрахъ и объ избирательныхъ властяхъ вообще, въ государствахъ республиканскихъ.

Что такое мэръ?

Мэръ—это чиновникъ заправляющій административными интересами общины и направляющій политическія идеи своихъ избирателей въ смыслѣ большинства.

Спрашивается, можетъ-ли быть мэръ назначаемъ правительствомъ? Конечно — нѣтъ; ибо тогда *исчезнетъ всякая доля самоуправленія*, которая признана необходимой даже въ государствахъ неконституціонныхъ, какъ напр. въ Россіи. Франція будетъ имѣть въ этомъ случаѣ только коронныхъ чиновниковъ, которые въ качествѣ таковыхъ будутъ постоянно насиловать свободныя проявленія земской жизни, сообразно направленіямъ смѣняющихся кабинетовъ.

Такой результатъ не желателенъ. Теперь является вопросъ: для чего настоящее правительство Франціи желаетъ института коронныхъ мэровъ? Только для выборовъ, только для того чтобы образовать будущее Національное Собраніе, въ которомъ большинство было-бы монархическое.

Н. Чашниковъ.

Клубъ молчальниковъ. Въ Парижѣ, въ окрестности *Barrierés Montparnasse* существуетъ замкнутое общество, не такъ извѣстное, правда, какъ Жокей-клубъ или клубъ патиперовъ, но въ своемъ родѣ по меньшей мѣрѣ столько же интересное, если еще не интереснѣе послѣднихъ. Общество называется *клубомъ молчальниковъ*. Однако тотъ былъ бы въ большомъ заблужденіи, кто бы подумалъ, что члены этого общества обязаны въ силу строгаго правила ордена, какъ напримѣръ у траппистовъ, соблюдать молчаніе, иначе общество вычеркнетъ имя члена изъ своихъ списковъ, что каждый вступающій долженъ давать торжественную клятву хранить въ глубочайшей тайнѣ все происходящее въ клубѣ. Отъ членовъ клуба молчальниковъ не требуется ни обѣтовъ ни клятвъ: сама природа сдѣлала для нихъ невозможнымъ поступать противъ законовъ общества, потому что—всѣ они глухонѣмые. Это несчастіе становится здѣсь преимуществомъ, такъ какъ оно единственное условіе вступленія въ общество.

Не только члены клуба должны быть глухонѣмыми, но это требованіе распространяется и на прислугу. Въ помѣщеніи клуба проведены вездѣ телеграфныя проволки; онѣ устроены такъ, что прислуга постоянно имѣетъ ихъ въ виду, и какъ только проволока приходитъ въ движеніе, прислуга спѣшитъ исполнить требуемое.

Теперешній президентъ клуба молчальниковъ старецъ, участвовавшій въ свои молодые годы въ походѣ противъ краснокожихъ въ Америкѣ; въ одной изъ схватокъ онъ попался въ руки дикарямъ, которые вырѣзали ему языкъ.

Этотъ клубъ, вѣроятно единственный въ Парижѣ, гдѣ никогда не бываетъ шума, насчитываетъ до пятидесяти человѣкъ.

Смѣсь.

Слѣпой скрипачъ.

(РИСУНОКЪ К. ГРОТГЕРА).

На ряду съ развитіемъ ученой музыки какъ строгаго искусства, во всѣ времена и у всѣхъ европейскихъ національностей шла музыка народная, безъискусственная, являлись музыканты-самоучки, нерѣдко поражавшіе замѣчательнымъ талантомъ. Одинъ изъ такихъ самозванныхъ жрецовъ Полигимніи изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ даровитаго, недавно умершаго художника Гротгера. Это слѣпой скрипачъ, уличный трубадуръ, зарабатывающій себѣ

Библиотека "Руниверс"

дневное пропитаніе при помощи своего инструмента и дѣвочки, служащей ему путеводительницей въ безконечномъ лабиринтѣ большаго города. Скрипка, лишь въ видѣ исключенія попадающаяся въ простонародьѣ средней Россіи, весьма обыкновенна на югѣ, въ западномъ и привислянскомъ краяхъ. Не рѣдко артистъ самъ и мастеритъ себѣ нехитрый инструментъ, начиная отъ склейки собственноручно выстроганныхъ дощечекъ до сученія струнъ и устройства смычка изъ конскихъ волосъ. Представленный на нашемъ рисункѣ слѣпой рапсодъ владѣетъ впрочемъ болѣе совершеннымъ инструментомъ — и владѣетъ имъ съ замѣчательнымъ умѣньемъ, судя по впечатлѣнію, которое отражается на задумчивомъ личикѣ его юной спутницы. Надъ самой головой музыканта, къ стѣнѣ большаго каменнаго дома прилѣплены театральныя и другія афиши, но это нисколько не мѣшаетъ ему отважно конкурировать съ болѣе крупными соперниками по ремеслу и терпѣливо выжидать себѣ благосклоннаго слушателя, который быть можетъ не пожалѣетъ нѣсколькихъ грошей на почетный гонораръ артисту.

Генералъ-фельдмаршалъ графъ Ѳедоръ Ѳедоровичъ Бергъ.

Съ мраморн. бюста рис. В. Шнакъ. грав. П. Матюшинъ.

Къ характеристикѣ ласточки. Какъ бы мало ни обнаруживалъ человѣкъ участія къ своеобразной жизни животныхъ, какъ бы умственная лѣность ни мѣшала ему искать разрѣшенія загадокъ, встрѣчающихся чуть не на каждомъ шагу,—но громадность размѣровъ, съ какою совершаются *переселенія* животныхъ, поражаетъ даже самаго отчаяннаго эгоиста, готоваго отвернуться отъ всего, что выходитъ за предѣлы его мелкихъ ограниченныхъ интересовъ.

Удивительное явленіе *періодическихъ* переселеній животныхъ—конечно одно изъ самыхъ необыкновенныхъ явленій въ природѣ. Оно заключаетъ въ себѣ множество неразрѣшенныхъ загадокъ, оставшихся безъ отвѣта вопросовъ и находится тѣсной связи съ законами великой экономіи природы.

Къ сожалѣнію, это явленіе, вслѣдствіе сокровенности побудительныхъ причинъ и незнанія тѣхъ средствъ, посредствомъ которыхъ оно исполняется,—отчасти ускользаетъ отъ наблюдателя.

Какъ бы то ни было, но почуявъ—говоря словами одного поэта—въ воздухѣ сладкое откровеніе осени, зовущей ихъ на югъ, перелетныя птицы собираются толпами, и тутъ, въ союзѣ другъ съ другомъ находятъ прелесть въ напряженіи своихъ силъ и поощреніе къ тяжелымъ усиліямъ — повторяющимся ежегодно.

Замѣтимъ къ этому, что *явленіе періодическихъ переселеній отнюдь, однакоже, не основывается на потребности въ пищѣ и теплѣ;* оно овладѣваетъ съ волшебною силою всѣми особями какого либо животнаго вида въ той или другой странѣ, влечетъ ихъ ближайшими путями къ мѣсту сборищъ и приводитъ почти непонятнымъ для насъ способомъ соглашенія ко всеобщему единодушію, къ опредѣленію дня и часа для отправленія въ путь.

Больше этого, оно съ точностію магнитной стрѣлки указываетъ странствующимъ стаямъ дорогу надъ горами и долинами, надъ рѣками и морями, ведущую въ самыя отдаленныя страны, даетъ имъ силу для громадныхъ трудовъ и удивительныхъ дѣлъ при самомъ скудномъ питаніи и отдыхѣ, и приводитъ ихъ въ извѣстное время опять назадъ, на родину.

Побужденіе къ переселенію возбуждаетъ въ птицѣ лихорадочное безпокойство: даже при теплотѣ и обильной пищѣ она порхаетъ въ клѣткѣ цѣлыя ночи напролетъ, не смыкая глазъ; а иныя птицы — какъ напр. кукушка — даже умираютъ, если ихъ удержатъ отъ путешествія.

Что касается до *переселенія ласточекъ*, то осенью онѣ собираются большими стаями для отлета, сперва упражняются нѣсколько недѣль въ летаніи, а потомъ вдругъ исчезаютъ ночью. Насчетъ самого перелета мы не имѣемъ еще удовлетворительныхъ наблюденій, потому что онѣ летаютъ на страшной высотѣ. Какъ ни неутомимы онѣ въ летаніи, но странствуютъ часто ночью, въ дур-

Библиотека "Руниверс"

ную погоду, часто отдыхаютъ впродолженіи нѣсколькихъ дней и большею частью прячутся. Среднимъ числомъ онѣ дѣлаютъ по десяти географическихъ миль въ часъ, такъ что для того, чтобъ перенестись напр. изъ Германіи въ самую середину Африки, имъ нужно всего отъ трехъ до пяти дней.

Наши европейскія ласточки переселяются, по всѣмъ вѣроятіямъ, большею частью въ Египетъ, выводятъ тамъ птенцовъ и возвращаются къ намъ весною вмѣстѣ съ ними. Что однакоже не всѣ онѣ останавливаются тамъ—объ этомъ свидѣтельствуютъ *Брэмъ*, который видѣлъ нашихъ ласточекъ 12 градусами с. ш. южнѣе въ *Нубіи*, а другихъ перелетныхъ птицъ еще южнѣе. Такая необыкновенная тревога въ мірѣ птицъ производится, повидимому, нестолько климатическими, какъ гастрическими вліяніями.

Насчетъ ласточекъ прежде неоднократно утверждали, что онѣ проводятъ зиму въ оцѣпенѣніи въ древесныхъ дуплахъ, или въ стѣнныхъ углубленіяхъ, или же подо льдомъ,—и споръ о томъ: возможно ли это или онѣ, напротивъ того, улетаютъ въ другія страны, шедшія въ прошломъ, а отчасти и въ нынѣшнемъ столѣтіи, съ большимъ ожесточеніемъ.

Невозможно сомнѣваться, что большая часть ласточекъ улетаетъ; но, принимая въ уваженіе множество свидѣтельствъ, нельзя положительно отрицать и того, что нѣкоторыя изъ нихъ остаются на мѣстѣ въ летаргическомъ состояніи. Такъ напр. *Фроринъ* дѣлаетъ новыя важныя показанія касательно зимняго сна ласточекъ въ водахъ.

Дѣйствительно, по неизвѣстнымъ причинамъ, незначительная часть особей (можетъ быть такихъ, которыя не въ состояніи сопровождать большинство во время его переселенія) подвергается, повидимому, у насъ зимней спячкѣ, такъ какъ болѣе холодныя страны не представляютъ питающимся насѣкомыми условій для бодрствующей жизни.

Способность цѣпенѣть не ограничивается только собственно летарическими животными, но лишь въ особенной степени присуща имъ. У спящихъ зимою животныхъ нельзя найти никакихъ особенностей, которыми объяснялось бы это явленіе.

Во время большихъ путешествій ласточки летятъ какъ можно больше противъ вѣтра, пока онъ не слишкомъ силенъ, потому что дующій вслѣдъ за ними вѣтеръ приподнималъ бы ихъ перья, чего птица не терпитъ. Переселеніе происходитъ, повидимому, ранжированными стаями и подъ руководствомъ старшихъ и болѣе опытныхъ особей. Возможность достигать отдаленныхъ странъ, не сбиваясь съ пути, объясняется конечно традиціоннымъ, наслѣдственнымъ знаніемъ дороги, хотя это не разрѣшаетъ всѣхъ загадокъ касательно феномена переселенія.

Брэмъ справедливо говоритъ, что не только потребность въ пищѣ и уменьшеніе теплоты, но и врожденное стремленіе странствовать, побывать въ чужихъ странахъ и потомъ опять возвратиться на родину—составляютъ главную причину переселенія птицъ, къ чему присоединяется еще удивительная способность предчувствовать то, что ихъ тамъ ожидаетъ. Иволга крикливая (oriolus galbula), ласточка, чеслодъ (falco apivorus) даже подъ 12 градусами с. ш. не находятъ себѣ еще покоя, если не пищи, то улетаютъ къ самое сердцѣ Африки: зачѣмъ же это такъ далеко?

Но если и въ Египтѣ и въ Нубіи наши птицы имѣютъ всегда оживленный видъ, то все же это еще не настоящая жизнь. Онѣ знаютъ, что онѣ на чужбинѣ, встрѣчаются всегда не иначе какъ большими обществами, очень смирны и не вьютъ себѣ гнѣзда.

Съ нетерпѣніемъ ждутъ онѣ времени возвращенія на родину съ которымъ пробуждается въ нихъ бодрость и новая жизнь, и опять раздается ихъ радостное чириканье; онѣ сознали, что къ ихъ родинѣ приближается весна, а съ нею и время ихъ возвращенія.

Быстрый полетъ ласточекъ подалъ древнимъ народамъ мысль употреблять ихъ, подобно почтовымъ голубямъ, для передачи вѣстей.

Плиній говоритъ объ этомъ въ своей естественной исторіи слѣдующее: «Цеципа, воллатеранійскій всадникъ, владѣвшій особеннымъ экипажемъ для общественныхъ ристалищъ, взялъ съ собою въ Римъ ласточекъ, вымазалъ ихъ, (когда одержалъ верхъ надъ соперниками) цвѣтомъ побѣды, пустилъ ихъ на волю—и онѣ, къ своему гнѣзду, скоро принесли это извѣстіе его друзьямъ». И *Фабій Викторъ* разсказываетъ въ своей лѣтописи, что когда римскій гарнизонъ былъ осажденъ лигурами, ему прислали взятую отъ птенцовъ ласточку, для того чтобъ онъ привязалъ ей къ лапкамъ ниточку и могъ обозначить посредствомъ узелковъ число дней, по истеченіи которыхъ онъ придетъ на выручку, а гарнизонъ долженъ будетъ сдѣлать вылазку.

Если эта ласточка была побуждаема къ скорѣйшему возвращенію избыткомъ материнской любви, то и *Коцебу* разсказываетъ въ своемъ «новомъ путешествіи вокругъ свѣта» трогательный примѣръ сильной любви родителей къ своимъ птенцамъ:

«Когда мы стояли на якорѣ у береговъ Камчатки» — пишетъ онъ—«пара ласточекъ свила себѣ гнѣздо близь моей каюты. Не смущаясь шумомъ работниковъ на кораблѣ, любящаяся чета благополучно вывела птенцовъ, кормила ихъ съ самой нѣжной заботливостью и радостно чирикала имъ пѣсни. Тутъ вдругъ ихъ мирное убѣжище стало отдаляться отъ земли. Они, повидимому, были удивлены и робко кружились вокругъ все болѣе и болѣе удалявшагося судна, но все еще приносили съ суши пищу птенцамъ, пока разстояніе не стало слишкомъ велико. Тутъ началась борьба между самосохраненіемъ и родительской любовью. Долго еще летали онѣ вокругъ корабля, потомъ исчезали на нѣсколько времени, вдругъ опять возвращались къ своимъ голоднымъ птенцамъ, протягивавшимъ къ нимъ открытые клювы, и повидимому сожалѣли, что не могли найдти для нихъ пищи. Эти исчезанія и появленія продолжались еще нѣсколько времени. Наконецъ онѣ уже не показывались больше—и матросы приняли на себя попеченіе о сироткахъ».

Ласточки обнаруживаютъ часто состраданіе къ другимъ, больнымъ, раненымъ и находящимся въ опасности товарищамъ. «Мы видѣли, пишетъ естествоиспытатель Фэ (*Fée*), «какъ однажды въ Парижѣ одна ласточка ухватилась когтями за щипецъ зданія института. Поймавшее ее дитя удерживало ее посредствомъ прикрѣпленнаго къ ея лапкѣ шнурка. На испуганные крики бѣдной птицы къ зданію собрались, громко чирикая, тысячи ласточекъ. Многія изъ нихъ описывали на лету круги, причемъ онѣ пролетали мимо плѣнницы—и всякій разъ, повидимому, гладили ее въ знакъ ласки крыльями. Скоро, къ величайшему удивленію зрителей, цѣль этихъ движеній обнаружилась. *Ласточки перегрызли клювами шнурокъ*, плѣнница улетѣла на волю, а другія разсѣялись»!

Арабы называютъ ласточекъ «*райской* птицей» потому что—какъ пишетъ *Брэмъ—онѣ прошмыгнули подлѣ пламеннаго херувима, чтобы послѣдовать за изгнанными изъ рая людьми.*

Наши предки воображали, что многія животныя приносятъ на землю молнію,—повѣрье, основывающееся на первобытномъ представленіи *окрыленной молніи* въ видѣ *птицы*. Всего яснѣе выступаетъ этотъ миѳъ на *аистѣ*, птицѣ съ *красными* ногами. Но и другія птицы предохраняютъ, по той же причинѣ какъ и аистъ, домъ отъ огня и молніи, какъ напр. *сова*, пламенные глаза которой напоминали еще грекамъ о молніи. Въ особенности же относится это къ вѣрной подругѣ человѣка *ласточкѣ, которая приноситъ въ домъ счастье и изобиліе*, потому-что она божья птица».

Если у насъ существуетъ поговорка «*одна* ласточка весны не дѣлаетъ», то все же въ этомъ случаѣ наша милая птичка означаетъ *возвращеніе весны*. О зимѣ, ея холодѣ и сопровождающемъ ее запустѣніи, одинокомъ и безпомощности—отъ нашихъ предковъ дошли до насъ только одни жалобы; никто не поетъ *о* пылающемъ каминѣ, о пріятности длинныхъ зимнихъ вечеровъ, о тихихъ прелестяхъ домашняго очага. Но когда теплый весенній воздухъ вливался въ открытыя окна, согрѣвая охладѣлыя стѣны, то тутъ растворялись и сердца и все начинало ликовать и радоваться. Чтобы понять какъ слѣдуетъ эту радость, мы должны вспомнить насколько суровѣе была сѣверная зима, насколько болѣе тяготѣла она надъ народомъ, какъ мѣшала всякимъ сношеніямъ, какъ всякая жизнь такъ-сказать засыпалась снѣгомъ и замерзала, такъ что ликованіе народа, когда *прилетѣвшія ласточки* приносили ему въ качествѣ вѣстниковъ весны первое извѣстіе о его освобожденіи, вполнѣ понятно.

«Выгоды культуры, пишетъ *Симрокъ*, избавили насъ отъ убійственныхъ неудобствъ зимы, но за то и лишили насъ того живаго сочувствія природѣ, которое создало это народное празднество и эти миѳы. Мы уже не пляшемъ вокругъ *первой фіялки*, мы уже не ловимъ съ торжествомъ *перваго майскаго жука*—и *кто извѣщаетъ насъ о появленіи перваго аиста, первой ласточки, не получаетъ уже награду за эту вѣсть*; только въ дѣтяхъ, которыхъ мы еще больше стали запирать въ комнатахъ, живетъ еще подобное чувство, а еще въ прошломъ столѣтіи извѣщеніе о *появленіи весны и лѣта* было предоставлено бѣднымъ дѣтямъ, которые ходили изъ дому въ домъ съ *вѣнкомъ*, съ *ласточкой*, съ *ласточей* и собирали за это дары, которые приносились прежде въ видѣ жертвы возвращающейся богинѣ весны».

Привозъ свѣжаго мяса изъ отдаленныхъ странъ, изобилующихъ скотомъ. Англія, истребляющая громадное количество мяса, кажется пришла наконецъ къ практическому разрѣшенію весьма важнаго для нея вопроса о доставленіи изъ отдаленныхъ мѣстъ мяса—не подвергая его порчѣ. На дняхъ прибылъ въ Ливерпуль пароходъ «Скандинавія», привезшій изъ Канады нѣсколько индѣекъ. Мясо было въ совершенно удовлетворительномъ состояніи, и казалось, будто оно было только нанканунѣ бито.. Инспекторъ мяса, по освидѣтельствованіи его, нашелъ что оно не уступаетъ свѣжему мясу. Между тѣмъ, оно было бито за два дня до отхода «Скандинавіи» изъ Квебека. Сохраненія мяса въ свѣжести достигли тѣмъ, что въ Квебекѣ его сильно заморозили, и потомъ на пароходѣ сохраняли его въ прохладномъ и сухомъ мѣстѣ. Если бы въ этомъ помѣщеніи можно было постоянно поддерживать прохладную температуру, то ледъ былъ бы совершенно излишнимъ. Но такъ какъ это не всегда возможно, то для охлажденія его ставятъ туда ледъ, который впрочемъ никакъ не долженъ касаться мяса. Подобный опытъ повторенъ уже три раза, и имѣлъ полный успѣхъ. Первый опытъ былъ сдѣланъ въ самое трудное время, именно въ іюльскіе жары, но не смотря на это удался какъ нельзя лучше. Теперь уже предполагается составить компанію, которая бы имѣла двоякую цѣль: посредство для эмиграціи въ Канаду и привозъ мяса изъ Канады въ Англію. Мясо въ Канадѣ стоитъ отъ 2—4 дол; слѣдовательно, компанія, за покрытіемъ всѣхъ издержекъ, могла бы съ большой выгодой продавать его въ Англію за 6 дол., что обезпечило бы компаніи огромнѣйшій, вѣрный сбытъ, такъ какъ тамъ мясо вдвое дороже этого.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

3-го сего января, въ 2 часа 30 минутъ пополудни, изволили прибыть въ С.-Петербургъ Ихъ Королевскія Высочества Принцъ и Принцесса Валлійскіе и Принцъ Артуръ Великобританскій.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Высочайший манифестъ

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ.

ВСЕРОССІЙСКІЙ

царь польскій, великій князь финляндскій

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ постоянной заботливости о благѣ Нашей Имперіи и дарованіи ей лучшихъ учрежденій Мы не могли не обратить вниманія на существовавшій до сего времени порядокъ отправленія воинской повинности. По дѣйствовавшимъ донынѣ узаконеніямъ, повинность эта возлагалась лишь на сословія мѣщанъ и крестьянъ, и значительная часть русскихъ подданныхъ изъята была отъ обязанности, которая должна быть для всѣхъ одинаково священна. Такой порядокъ, сложившійся при иныхъ обстоятельствахъ, не согласуясь съ измѣнившимися условіями государственнаго быта, не удовлетворяетъ и настоящимъ военнымъ требованіямъ. Новѣйшія событія доказали, что сила государствъ не въ одной численности войска, но преимущественно въ нравственныхъ и умственныхъ его качествахъ, достигающихъ высшаго развитія лишь тогда, когда дѣло защиты отечества становится общимъ дѣломъ народа, когда всѣ, безъ различія званій и состояній, соединяются на это святое дѣло.

Признавъ необходимымъ преобразовать устройство военныхъ силъ Имперіи на основаніи указаній современнаго опыта, Мы въ 1870 году повелѣли Военному Министру приступить къ составленію предположеній о болѣе совершенномъ способѣ пополненія Нашихъ войскъ, съ привлеченіемъ къ воинской повинности всѣхъ вообще сословій.

Испытанная готовность Нашихъ подданныхъ приносить себя въ жертву родинѣ служила Намъ ручательствомъ, что призывъ Нашъ встрѣтитъ въ русскихъ сердцахъ сочувственный отголосокъ. Мы въ томъ не ошиблись. Наше доблестное дворянство и другія неподлежавшія рекрутству сословія въ многократныхъ заявленіяхъ выразили Намъ радостное желаніе раздѣлить съ остальнымъ народомъ тягости обязательной военной службы.

Мы приняли эти заявленія съ отраднымъ чувствомъ гордости и благотворѣйшею признательностью къ Провидѣнію, вручившему Намъ скипетръ надъ народомъ, въ которомъ любовь къ Отечеству и самоотверженіе составляютъ завѣтное, изъ рода въ родъ переходящее достояніе всѣхъ сословій.

Для предначертанія, на указанныхъ главныхъ началахъ, новаго Устава о воинской повинности была затѣмъ образована особая Коммисія изъ чиновъ разныхъ вѣдомствъ и другихъ лицъ, обладающихъ надлежащими по этой части свѣдѣніями. Составленный Коммисіею и послѣ подробнаго обсужденія исправленный Государственнымъ Совѣтомъ Уставъ вполнѣ соотвѣтствуетъ Нашимъ видамъ. Исходя отъ основнаго положенія, что защита Престола и Отечества есть священная обязанность каждаго русскаго подданнаго, Уставъ сей привлекаетъ къ участію въ отправленіи воинской повинности все мужское населеніе, безъ допущенія денежнаго выкупа или замѣны охотниками. Дѣйствіе новаго закона не должно распространяться лишь на казачье населеніе, несущее военную службу въ установленномъ для него порядкѣ, а также на нѣкоторыхъ инородцевъ, на Закавказскій Край и другія поименованныя въ указѣ Нашемъ правительствующему Сенату отдаленныя мѣстности, для которыхъ будутъ изданы особыя положенія. За сими исключеніями и нѣкоторыми въ томъ же указѣ означенными временными льготами, мужское населеніе Имперіи и Царства Польскаго, по достиженіи 20 лѣтъ, будетъ подлежать жеребью, которымъ опредѣляется одинъ разъ, на всегда, кто обязанъ идти на дѣйствительную службу и кто остается отъ нея свободнымъ. Для поступившихъ въ сухопутныя войска хотя полагается общій 15-тилѣтній срокъ службы, но по истеченіи шести лѣтъ, а въ случаѣ возможности и ранѣе того, они будутъ распускаемы по домамъ, съ обязанностью являться подъ знамена, по призывамъ Правительства, лишь въ случаяхъ чрезвычайной военной надобности. Поступающимъ во флотъ и въ войска, въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ расположенныя, назначаются особые сроки службы. Для молодыхъ людей, обучавшихся въ училищахъ, не исключая и начальныхъ, продолжительность обязательнаго пребыванія въ войскахъ въ мирное время значительно сокращается соотвѣтственно степени и роду полученнаго ими образованія и сверхъ того предоставляются имъ другія важныя облегченія.

Утвердивъ составленный согласно съ сими основаніями Уставъ о воинской повинности и призывая подданныхъ Нашихъ, именемъ дорогой всѣмъ намъ отчизны, къ ревностному исполненію возлагаемыхъ на нихъ обязанностей, Мы не имѣемъ намѣренія отступить отъ началъ, которымъ неуклонно слѣдовали во все Наше Царствованіе. Мы не ищемъ, какъ не искали до сихъ поръ, блеска военной славы и лучшимъ жребіемъ, ниспосланнымъ Намъ отъ Бога, почитаемъ нести Россію къ величію путемъ мирнаго преуспѣянія и всесторонняго внутренняго развитія. Устройство могущественной военной силы не остановитъ и не замедлитъ этого развитія; оно, напротивъ, обезпечитъ правильный и непрерывный ходъ онаго, ограждая безопасность Государства и предупреждая всякое посягательство на его спокойствіе. Даруемыя же нынѣ важныя преимущества молодымъ людямъ, получившимъ образованіе, да будутъ новымъ орудіемъ къ распространенію въ народѣ Нашемъ истиннаго просвѣщенія, въ которомъ Мы видимъ основаніе и залогъ его будущаго благоденствія.

Данъ въ С.-Петербургѣ, января въ 1-й день, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ семьдесять четвертое, Царствованія же Нашего въ девятнадцатое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

„*Александръ*"

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

Въ Кронштадтѣ—въ *Средней гавани*, на льду, у Петровской пристани, поставлены копры и вбиваются сваи *для устройства новой каменной пристани*, болѣе обширной чѣмъ существующая деревянная. Работы начаты еще передъ праздниками.

— Въ Севастополѣ 21-го минувшаго декабря поднята на элингъ поповка «Новгородъ». Работа поднятія судна была сопряжена съ большими трудами, но кончилась съ полнымъ успѣхомъ. Кромѣ машины, дѣйствующей на двѣ тележки, были вкопаны четыре шпиля, при коихъ 160 человѣкъ пособляли цѣпями и линями.

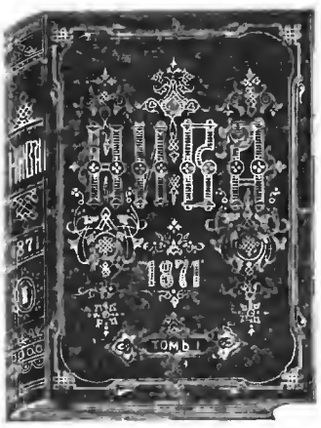
ТОРГОВЛЯ.

Маргаритинская ярмарка въ г. Архангельскѣ, начавшаяся съ 1-го сентября, кончилось 36-го сентября. Всѣхъ товаровъ было привезено на 1.783,605 руб., а продано на 1.522,124 рубля. Цѣнность всѣхъ товаровъ, привезенныхъ на ярмарку въ прошломъ году, по сравненіи съ 1872 годомъ, уменьшилась на сумму 957,088 рублей; количество проданныхъ товаровъ также уменьшилось на сумму 190,798 р.

Цѣнность иностранныхъ товаровъ къ русскимъ произведеніямъ относится какъ 1 къ 3, 3. Къ главнымъ привознымъ заграничнымъ товарамъ принадлежитъ рыба соленая и сушеная (на 417,295 руб.), привозимая изъ Норвегіи, затѣмъ пушной товаръ: лисьи, куньи и выдровыя шкуры (на 20,690 руб.), соль поваренная (на 7,164 руб.), петролеумъ и проч.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „НИВА" получено: Переносъ изъ № 2: 321 р. 11 к., вновь получено отъ Свящ. Павла въ Сад. 1 р., собрано отъ 35 лицъ въ Опочкѣ и доставлено чрезъ г. Дѣмчинскаго 69 р. отъ Евтрам. въ Фил. 50 к., отъ Кар. въ Новочеркаскѣ 30 к., отъ Солерн. въ г. Моршанскѣ 3 р., отъ Парфен. въ Козловѣ 50 к., отъ Рудолфон. въ Лаб. 4 р. 50 к., отъ Карп. въ Ставрополѣ 50 к. Итого 400 р. 41 к.



Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагреенѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко переплести въ нее нумера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки **1 руб.** съ перес. **1 руб. 50 коп.** Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на 1874 г. которыя могутъ служить въ теченіи года для сохраненія №№ какъ портфель.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Кому угодно пріобрѣсти хорошаго качества мельхіоровые столовые и чайные приборы, найдетъ въ магазинѣ **Александра Качъ**, на Невскомъ, противъ Думы, въ домѣ Европейской Гостинницы, самый изящный выборъ этого рода издѣлій.

Гг. иногороднымъ высылаютъ иллюстрированныя каталоги по требованію безплатно.

Библиотека "Руниверс"

1-й заемъ 1864 г. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 18-й тиражъ 2-го января 1874 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го марта 1864 года Положенія о внутреннемъ 5o/o съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го января 1874 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 1-го займа 1864 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.
118	46	500	3612	1	500	8237	40	500	12762	48	500	15222	27	500	17417	23	500
134	8	500	3645	44	500	8429	23	500	12873	39	500	15224	42	500	17447	9	500
259	1	500	3652	28	5000	8457	28	8000	12887	36	1000	15337	44	500	17490	26	500
288	10	500	3701	21	500	3630	4	1000	13012	37	500	15372	46	500	17663	37	500
386	13	500	3726	46	500	8700	48	500	13084	48	5000	15490	7	500	17668	18	500
408	35	500	3808	11	500	8921	26	500	13305	42	500	15532	5	500	17722	26	500
446	40	500	3967	33	500	8934	45	500	13315	32	500	15553	16	500	17734	45	500
456	23	500	3984	37	500	8942	4	1000	13343	20	500	15567	43	1000	17768	31	500
468	1	500	4299	48	500	9039	1	500	13428	43	1000	15605	10	1000	17860	10	500
542	17	500	4313	42	500	9047	43	500	13475	40	500	15663	26	1000	17891	1	500
612	16	500	4337	50	500	9074	14	500	13542	7	500	15706	25	500	17939	22	500
687	12	500	4412	30	500	9198	39	500	13582	31	500	15733	40	500	17941	15	500
742	33	10000	4625	25	500	9293	40	500	13592	17	500	15755	13	500	18086	43	5000
779	16	500	4666	6	500	9442	12	500	13819	10	500	15885	33	500	18230	32	500
825	44	1000	4693	10	500	9456	45	500	13937	36	500	15895	43	500	18266	49	500
851	14	500	4701	13	500	9515	2	500	13986	41	500	15925	25	500	18346	3	500
959	13	500	4708	5	500	9541	37	500	14049	4	500	15967	10	500	18384	9	500
971	20	500	5213	31	500	9548	24	500	14242	28	500	16027	11	8000	18392	16	500
989	18	500	5226	30	500	9568	36	500	14257	25	500	16067	11	500	18456	38	500
1052	37	1000	5352	41	500	9572	47	500	14384	35	500	16076	24	500	18767	48	500
1199	12	500	5361	2	8000	9737	47	500	14454	3	500	16289	13	500	18994	21	500
1212	40	500	5394	7	1000	9862	28	500	14541	24	500	16351	40	1000	19065	37	500
1219	23	500	5533	29	500	9880	12	500	14566	27	500	16357	44	500	19101	50	500
1233	30	500	5557	6	500	9899	46	500	14683	34	500	16493	43	500	19164	19	500
1261	45	500	5659	28	500	10042	35	500	14755	25	500	16562	23	500	19253	3	500
1286	14	500	5843	14	500	10202	22	500	14768	12	500	16660	21	500	19289	25	5000
1438	37	500	5866	12	1000	10211	26	500	14807	40	500	16845	5	500	19431	45	500
1443	8	500	6090	50	500	10476	6	500	14835	5	500	16859	33	1000	19590	10	500
1495	32	500	6125	43	500	10566	34	1000	14857	29	500	16938	11	500	19630	7	500
1643	29	200000	6257	6	40000	10575	24	10000	14912	6	500	17043	5	500	19819	49	500
1835	16	500	6309	19	500	10594	29	500	14989	36	500	17066	37	500	19871	46	500
1886	28	500	6325	20	500	10692	40	500	15087	33	500	17197	22	500	19898	43	500
1888	27	500	6355	32	5000	10718	7	500	15118	45	500	17253	24	500	19923	33	500
1908	47	500	6412	4	500	10743	20	500	15144	33	500	17287	24	8000	19936	8	500
2038	25	500	6424	45	500	10745	33	1000									
2054	41	500	6477	32	500	10862	11	500									
2105	32	500	6518	23	500	11066	24	500									
2109	8	1000	6556	34	8000	11067	28	500									
2177	41	500	6616	6	1000	11168	37	500									
2440	24	75000	6619	41	500	11194	39	5000									
2529	49	500	6621	14	500	11287	21	500									
2545	21	500	6732	23	500	11450	45	500									
2564	50	500	6924	3	5000	11508	42	500									
2624	49	500	6960	44	500	11514	40	500									
2638	24	5000	6998	43	500	11567	27	500									
2690	9	500	7050	29	500	11696	19	1000									
2704	41	500	7132	44	500	11780	40	500									
2744	18	500	7176	1	500	11795	46	500									
2841	15	500	7181	32	500	11798	29	500									
2926	15	500	7282	50	500	11823	21	500									
2936	7	500	7290	33	500	11849	38	500									
3062	28	500	7291	26	500	11931	32	500									
3086	36	1000	7299	11	500	11958	38	500									
3199	1	500	7401	31	500	11974	50	500									
3259	15	1000	7472	17	500	12198	20	500									
3276	35	500	7507	19	500	12271	50	500									
3281	13	500	7815	30	500	12291	44	500									
3424	18	500	7815	35	500	12296	20	500									
3425	27	10000	7887	2	500	12344	24	500									
3483	36	500	7943	12	500	12382	7	500									
3491	28	25000	7948	3	500	12393	19	500									
3507	42	500	7969	38	500	12465	12	500									
3548	13	500	8015	40	500	12600	50	500									
3549	43	500	8166	6	500	12656	37	500									
3560	31	500	8170	10	500	12724	18	500									
3593	5	500	8198	34	500	12727	7	500									

Уплата выигрышей будетъ производится въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го августа 1873 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 1-го внутренняго 5o/o съ выигрышами займа 1864 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 1-го января 1873 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

62, 359, 1236, 1666, 1715, 1735, 2008, 2125, 2762, 2809, 3327, 3794, 4181, 5293, 5331; 7627, 7658, 7867, 8286, 8327, 8425, 8807, 9114, 9395, 9876, 9952, 10080, 10378, 10438, 10657, 11056, 11457, 11703, 11773, 12075, 12950, 13034, 13839, 13950, 14452, 14794, 15524, 15612, 15613, 15921, 16393, 16728, 17505, 17668, 17952, 18829, 19134.

Всего 52 серій, составляющихъ 2,600 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 120 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го апрѣля 1874 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: На травѣ (очерки кавалерійской жизни) **Всеволода Крестовскаго** (продолженіе).—Русская свадьба (изъ крестьянскаго быта Олонецкой губерніи) (съ рисункомъ).—Астрахань (съ рисункомъ).—Новѣйшее вещество —Народы Россіи. XVI. Чукчи (окончаніе).—Генералъ-фельдмаршалъ графъ Ѳ. Ѳ. Бергъ (некрологъ) (съ изображеніемъ бюста).—Изъ Версали (собственныя корреспонденціи «Нивы») **Н. Чапникова**. — Слѣпой скрипачъ (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Дозволено цензурою. 10 января 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 4 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 21 января 1874 года. Годъ V. Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА", НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" 1874 НА ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" за 1874 годъ.

НАШИМЪ ПОДПИСЧИКАМЪ.

Имѣя въ виду громадное значеніе новаго „Устава о воинской повинности" для каждой семьи, члены которой отнынѣ обязаны будутъ рано или поздно вступить въ военную службу, и не желая обременять страницъ нашего журнала въ ущербъ общезанимательному чтенію,—мы приложимъ къ слѣдующему № 5 „НИВЫ" въ видѣ

БЕЗПЛАТНОЙ ПРЕМІИ

ЕЯ ПОДПИСЧИКАМЪ

„УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ"

ОТДѢЛЬНОЙ КНИЖКОЙ ОКОЛО 64 СТРАНИЦЪ.

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова

Хорошо ли вы знаете, читатель, эти два существа, или, лучше сказать, эту одну и ту же, слегка видоизмѣненную особь? О, конечно!—и я спѣшу извиниться въ легкомысленности моего приступа. Но имѣли-ль вы досугъ, мой добрый читатель, взвѣсить во всѣхъ подробностяхъ, до какой степени несчастно это существо и чѣмъ оно повинно въ своей долѣ? Позвольте мнѣ попытаться намѣтить кой какія вѣхи въ житейскомъ поприщѣ этого типа.

Начнемъ ab ovo.

Дѣвочка заканчивается большею частью въ пятнадцать лѣтъ, съ этого времени обыкновенно начинается дѣвушка. Барышня же—въ тринадцать лѣтъ совсѣмъ готова: едва ли кто дерзнетъ назвать ее дѣвочкой, но за то ужь навѣрняка никто не рѣшится почтить ее названіемъ дѣвушки.

Женщина... Впрочемъ, кто же не знаетъ (или по крайней мѣрѣ не считаетъ себя знающимъ), что такое женщина? Барыня — возникаетъ въ тотъ самый часъ и въ ту самую минуту, когда барышня получитъ право надѣвать чепчикъ днемъ и на людяхъ. Но такъ какъ о барынѣ рѣчь еще далеко впереди, то и не будемъ забѣгать впередъ.

Дѣвушка можетъ рано или поздно потерять отца и вовсе не имѣть братьевъ или сестеръ, но растетъ и развивается всегда подъ надзоромъ умной и доброй

Библиотека "Руниверс"

матери,—рѣже у тетки и другихъ родственницъ, обладающихъ тѣми же качествами. У барышни—мать непремѣнно придурковатая барыня и нѣсколько старшихъ сестеръ. Удается барышня иногда и безъ этихъ условій, но это уже рѣдкія исключенія и такъ-сказать геніальныя самородки.

Кончивъ это нѣсколько педантическое предисловіе—недостатокъ присущій болѣе или менѣе всѣмъ опредѣленіямъ—приступаю къ разсказу.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Барышня.

I.

Совершенно случайно узналъ я, что Бэтси Прыгунова—барышня.

Не улыбайтесь, читатель,—барышня себѣ на умѣ—и разглядѣть ее совсѣмъ не легко. Можно цѣлые годы видать ее въ почтенномъ ея семействѣ—и не замѣчать какъ всякую маленькую дѣвочку. Нуженъ особый случай, чтобъ она проявила несомнѣнные признаки своей расы.

Какъ-то за мной прислали отъ одного изъ товарищей по университету. Впрочемъ: университетскаго-то въ немъ остались одни воспоминанія о Британіи; Левъ Сметанкинъ слылъ сердцѣдомъ и большимъ фатомъ, любилъ пожить и весьма успѣшно служилъ гдѣ-то по особымъ порученіямъ. Я довольно рѣдко посѣщалъ его, но на этотъ разъ отговориться нельзя было: катаясь верхомъ, онъ упалъ съ лошади и, по словамъ присланнаго, довольно серіозно повредилъ себѣ ногу.

Льва я засталъ въ привычной обстановкѣ его пріемно-рабочаго кабинета. Два слова мелькомъ объ этой храминѣ: тутъ все было какъ-то съ ужимкой, съ колѣномъ, какъ говорятъ на Москвѣ. Подъ письменнымъ столомъ оскаленная тигровая шкура, рядомъ огромный глобусъ, по стѣнамъ разнохарактерное оружіе и даже англійское сѣдло; на столѣ цѣлый магазинъ articles de Paris; спичечница—и та въ видѣ нимфы стыдливо-прячущейся въ раковину. Сметанкинъ лежалъ въ изящномъ халатѣ, на оттоманкѣ, скуксившись но явно позируя—и черезъ силу улыбаясь протянулъ мнѣ руку.

— Что будешь дѣлать? пошла дѣвушка къ обѣднѣ, а вышло дѣло наплевать! началъ онъ любимой поговоркой.

Я осмотрѣлъ его ногу — вывихъ оказался незначительнымъ, но довольно капризнымъ и все-таки требовалъ дня два-три безусловнаго покоя.

— Туда къ чорту! А какъ же завтра-то? Графиня поручила мнѣ непремѣнно сладить пикникъ у Яра...

— Ну, выбирай что знаешь: безъ пикника или—неровенъ случай—безъ ноги...

— Выбирай... выбирай... Ужь эти мнѣ эскулапы! Ну, садись, строчи что-нибудь—а тамъ посмотримъ...

Нисколько не сомнѣваясь въ томъ, что онъ способенъ пренебречь ногою pour les beaux yeux de M-me la comtesse,—я все таки присѣлъ къ столу и уже готовился прописывать рецептъ, какъ вдругъ...

Я врагъ всякихъ необычайныхъ появленій въ разсказѣ изъ обыденной жизни, къ сожалѣнію, даже слишкомъ обыденной,—но тутъ произошла сцена по истинѣ выходящая изъ ряду вонъ.

Дверь быстро распахнулась, на порогѣ мелькнуло кудрявое, темнорусое личико, въ черной шляпочкѣ, короткое платьице, кружевные панталончики... Все это какъ-то разомъ присѣло мнѣ—и не дѣтски-застѣнчивымъ книксеномъ, а словно вскользь, бокомъ; затѣмъ юная особа подошла прямо къ моему паціенту и поздоровалась съ нимъ за руку...

Я нѣсколько изумился, узнавъ Бэтси, младшую (ей не было и двѣнацати лѣтъ) дщерь семейства Прыгуновыхъ, у которыхъ я былъ годовымъ докторомъ; жили они улицы черезъ двѣ отсюда—и сколько мнѣ помнилось, не были знакомы со Сметанкинымъ. Бэтси, съ своей стороны, влетѣвъ такъ неожиданно, вся раскраснѣлась и надулась какъ мышь на крупу; она очевидно не ожидала встрѣтиться именно со мною.

— Я шла перемѣнить ноты сестрѣ и зашла... по дорогѣ... Мамаша вамъ кланяется... проситъ заѣхать—что-то нужно очень... проговорила она наконецъ, сурово поглядывая на меня.

Я сталъ писать рецептъ, дѣлая видъ, что не обращаю на нее вниманія, какъ бы находя все это въ порядкѣ вещей. Я забылъ сказать, что между оттоманкой и письменнымъ столомъ стояло большое трюмо, придававшее еще болѣе своеобразный оттѣнокъ кабинету и постоянно будившее остроты менѣе свѣтскихъ сослуживцевъ Сметанкина. Въ это-то злополучное зеркало я и видѣлъ, какъ Бэтси, понемногу развернувшись и уже болтая со Сметанкинымъ, вдругъ стала къ нему бокомъ и не спуская съ меня глазъ, подала ему изъ-за спины что-то розовое. Совершивъ это чрезвычайно проворно и ловко, она, потупивъ глазки, подошла ко мнѣ—и съ самымъ невиннымъ видомъ, кивнувъ на Сметанкина, проговорила:

— Что, это не опасно?

Я понялъ, что она разумѣетъ ногу моего паціента.

— Не безпокойтесь, будетъ какъ ни въ чемъ не бывало танцовать на вашей свадьбѣ, отвѣтилъ я, по возможности храня ея серіозный тонъ.

— Вотъ взоръ какой!.. Я не хочу, замужъ...

— Что такъ? въ монастырь собираетесь?

— Ну-да, вамъ бы все смѣяться! слегка выставивъ нижнюю губку проговорила Бэтси, отходя прочь, — а вы чѣмъ-то очень довольны, Левъ Трофимовичъ? да? довольны? Что это у васъ въ рукахъ? не секретъ? откуда? начала было она, лукаво погрозивъ ему пальчикомъ, и осѣклась, вытаращивъ глаза на Сметанкина... Дѣло въ томъ, что мой паціентъ не выдержалъ искушенія порисоваться — и съ самымъ беззаботнымъ видомъ, какъ будто такъ и слѣдовало, перебросилъ мнѣ на столъ раздушенную записочку, примолвивъ: „на-ко, полюбуйся, каковъ слогъ! Это тебѣ, домосѣду-книгоѣду, пользительно будетъ“...

Я не зналъ кому больше дивиться: Сметанкину или Бэтси, которая такъ и впилась въ него сверкающими глазенками. Чего только не прошло на мигъ въ этомъ взглядѣ: испугъ, негодованіе, укоръ и чуть не презрѣніе смѣнялось одно другимъ, какъ будто она въ совершенствѣ поняла некрасивую выходку моего паціента.

Безсознательно глянулъ я на лежавшее передо мной письмо и узналъ руку одной изъ сестеръ Бэтси. Судя по бросившейся мнѣ въ глаза фразѣ, письмо не предназначалось напоказъ постороннимъ — и я брезгливо отодвинулъ раздушенную бумажку всторону.

— Ну-съ, прощайте, Левъ Трофимовичъ! мнѣ пора! нараспѣвъ протянула Бэтси, поправляя резинку своей сдвинутой на бекрень шляпки.

Въ это время дверь опять потихоньку скрипнула и за ней выглянуло сморщенное лицо старушки въ темномъ платкѣ поверхъ тюлеваго чепчика.

— Иди, иди, баловница, задребезжалъ старческій голосъ,—барыня опять гнѣваться будутъ...

Надо было видѣть, какъ окрысилась на нее Бэтси.

— Что это, нянька!.. вскрикнула она, топнувъ ногой, и вся вспыхнула, спохватившись на послѣднемъ словѣ:—не можетъ подождать! Точно за маленькой — такъ и бѣгаетъ!.. мы невольно расхохотались съ Сметанкинымъ, а у Бэтси даже слезы выступили на глаза.

— У-у, безстыдница-барышня! ворчала нянька, — убѣгаешь ли за тобой!.. небось какъ онамедни штрафъ-колпакъ надѣли да на хлѣбъ на воду...

— Господи, чтожъ это за мука!.. въ отчаяніи перебила Бетси, закрывъ лицо руками, —уйдешь ли ты, противная?!..

Библиотека "Руниверс"

— Ну, иду-иду, отступила старуха, притворяя дверь— но уже было поздно...

Хорошенькое личико Бэтси покривилось, губы задергались, она упала головой въ подушку дивана — и кабинетъ огласился сдержанными рыданіями.

Сметанкинъ приподнялся съ мѣста, я бросился утѣшать огорченную барышню, но та только плечами передергивала и еще глубже зарывалась лицомъ въ подушку, брыкая меня ноженками...

Я развелъ руками и хотѣлъ было пойдти за стаканомъ воды,—но, къ немалому нашему удивленію, припадокъ такъ же быстро прошелъ какъ и начался... Бэтси вдругъ порывисто сѣла на диванъ и подняла голову, отбрасывая обѣими руками за ухо выбившіеся изъ подъ шляпки локоны...

— Вы пожалуйста не думайте, что я злюсь на эту глупую старуху, торопливо заговорила она, еще всхлипывая и словно спѣша вылить все накипѣвшее на сердцѣ,— мнѣ все равно, что бы она тамъ ни сочиняла... Я совсѣмъ не объ томъ, а объ томъ, что вы такіе гадкіе... гадкіе!.. гадкіе!..

Этого заключенія я по меньшей мѣрѣ не ожидалъ, но въ то же время слишкомъ хорошо видѣлъ всю его неискренность и не безъ любопытства ждалъ, какъ-то она выпутается изъ своего просака.

Бэтси сглотнула опять подступавшія ей къ горлу слезы стыда и досады.

— Вѣдь вы — *другъ* его? съ нѣкоторой торжественностью произнесла она, взявъ меня за руку и указывая глазами на Сметанкина, который невольно поёжился при этомъ.

— Ну, разумѣется!.. отвѣтилъ я, не зная что сказать. Мнѣ и вчужѣ просто жутко становилось отъ всего этого.

— Стало быть вы все знаете!.. А все таки это не хорошо: сестра влюблена въ него — и онъ тоже ухаживаетъ...

— Однако, Бэтси, вы ужъ черезчуръ, кажется... совсѣмъ съёжился Сметанкинъ, не глядя на нее.

— Нечего—черезчуръ! въ азартѣ перебила Бэтси,— сами письма показываете да черезчуръ! Я просто не понимаю Сони... развѣ можно ему довѣряться? обратилась она ко мнѣ,—вы, положимъ, его другъ, но я бы и другу, и матери родной не показала бы такихъ писемъ... и опять накинулась на Сметанкина,—мало того, что вы можете компрометтировать ея репутацію!.. Вы знаете ли, что вы дѣлаете?

Я ушамъ не вѣрилъ и сталъ посматривать своей шляпы. Сметанкинъ былъ просто жалокъ передъ этимъ расхорохорившимся цыплепкомъ—и я хотѣлъ по крайней мѣрѣ избавить его отъ моего присутствія.

— Вы оскорбляете ея самыя святыя чувства!.. да-съ!.. Вы съ такой гадкой усмѣшкой кинули ему письмо! продолжала Бэтси наступая на опѣшеннаго наѣздника,— да! да! Вамъ похвастаться захотѣлось своими побѣдами... Вонъ какая куча у васъ на столѣ разноцвѣтныхъ billets-doux, а Софи даже булки свои въ пансіонѣ мѣняетъ на розовую бумагу... Стоите вы этого!.. Бѣдная сестра! Что, еслибъ я сказала ей—сердце ея разорвется отъ негодованія... Прощайте, не дамъ вамъ руки, пока не заслужите!.. И горячая барышня выбѣжала изъ кабинета, совершенно забывъ обо мнѣ подъ вліяніемъ волновавшихъ ее чувствъ...

— Аллахъ одинъ вѣдаетъ, что выйдетъ со временемъ изъ этого гомункула! думалъ я, уже ѣдучи домой послѣ страннаго визита — и наперекоръ уму допуская въ будущемъ почти равные шансы добра и зла въ развитіи характера Бэтси.

II.

Прошло съ годъ или больше того, прежде чѣмъ случаю угодно было вновь подарить меня возможностью наблюденія—на этотъ разъ тѣмъ болѣе интереснаго, что оно было заглазное. Послѣ вышеописаннаго происшествія Бэтси дичилась меня, когда я по обязанности являлся въ домъ Прыгуновыхъ. До нея собственно у меня почти не бывало дѣла: здоровье ея въ ту пору было въ полномъ смыслѣ цвѣтущее. Неожиданно встрѣчаясь со мною или проходя ту комнату, гдѣ происходила моя визитація, Бэтси обыкновенно потупляла глаза и, чуть примѣтно улыбаясь, скромной московской барышней скрывалась въ дальніе аппартаменты. Я же всякій разъ испытывалъ смутное и пожалуй на иной взглядъ комическое ощущеніе какъ-бы сообщничества въ какой-то ея винѣ. Дѣло въ томъ, что я невольно сознавалъ себя нѣсколько отвѣтственнымъ за ея будущность, подмѣтивъ такіе рѣзкіе задатки въ ея характерѣ и всетаки не рѣшаясь выдать ее кому слѣдовало бы. Пусть читатели сами судятъ, насколько можно было оправдать мой образъ дѣйствій.

Мадамъ Прыгунова, вдова статскаго совѣтника, была въ полномъ смыслѣ московскою барыней средней руки: У нея имѣлся деревянный домъ въ одномъ изъ кривыхъ и въ то время еще немощеныхъ переулковъ Сивцева Вражка да какая-то заложенная и перезаложенная *подмосковная*, какъ она звала свою деревушку верстахъ въ полутораста отъ древней столицы и даже въ другой губерніи. Заложено было имѣніе во время выхода за мужъ старшей изъ трехъ дочерей М-me Прыгуновой, а перезаложена по случаю развода молодой особы съ мужемъ, pour guarder les convenances — такъ объясняла сама М-me Прыгунова близкимъ людямъ, утирая близорукіе и наспанные глазки кружевнымъ платкомъ. Совершивъ всѣ формальности втораго, нѣсколько апокрифическаго пассажа, старшая дочь осталась въ Петербургѣ и даже изрѣдка не наѣзжала къ роднѣ. Средняя, Софи, къ началу второй главы моего разсказа, какъ-то разомъ выскочила изъ пансіона и замужъ за Сметанкина, получивъ въ приданое заложенную и перезаложенную Подмосковную съ недоимками всякаго рода на имѣніи, съ неутолимою жаждою жизни въ душѣ новобрачныхъ. У М-me Прыгуновой остался одинъ домъ и одна дочь. Слѣдовательно мнѣ оставалось обратиться съ моими опасеніями за Бэтси или къ М-me Прыгуновой или къ самой Бэтси. Вы сейчасъ увидите, почему я выбралъ послѣднее и медлилъ, такъ какъ Бэтси чуждалась меня.

Въ одинъ изъ самыхъ скверныхъ зимнихъ вечеровъ, когда добрый хозяинъ собаки на дворъ не выгонитъ, а вѣтеръ и мятель словно цѣлая стая этихъ раболѣпныхъ животныхъ выли въ моемъ каминѣ,—ко мнѣ приползъ на-ванькѣ лакей Марьи Ивановны Прыгуновой съ неотступною просьбою пожаловать сейчасъ же—барышнѣ-де что-то неладное приключилось. М-me Прыгунова частенько за мной присылала, но когда я пріѣзжалъ на зовъ, оказывалось обыкновенно, что до прибытія врача уже пущено въ ходъ какое нибудь домашнее средство вродѣ четверговой соли, повѣшенной въ мѣшечкѣ подъ ложечку, или пріема внутрь водицы съ какихъ-то трехъ угольковъ. Такъ какъ эти таинственные процесы были не по моей части, а болѣзнь оказывалась чистѣйшимъ вздоромъ, то я никогда особенно не спѣшилъ визитомъ. Теперь же, услыхавъ, что съ *барышней* не ладно, чего еще не бывало, я не дождался даже своего экипажа и на томъ же ванькѣ потащился съ посланцемъ на Сивцевъ Вражекъ, презрѣвъ мятель и московскіе ухабы.

Слуга провелъ меня въ гостиную, гдѣ горѣли двѣ свѣчи на раскрытомъ угольникѣ, и пошелъ искать барыню. Отъ нечего дѣлать, я сталъ перелистывать толстую тетрадь развернутыхъ на пюпитрѣ нотъ... Полька, романсъ.. вальсъ, кадриль, романсъ.. вальсъ, полька-мазурка, полька, романсъ—замѣчали-ли вы, читатель, что только у барышень и барынь попадается такой переплетенный винегретъ? Я знавалъ замѣчательныхъ му-

Библиотека "Руниверс"

зыкантшъ, которыя любили щегольски переплетать свои ноты—но то были полныя сочиненія классиковъ или Бетховена, Мендельсона, Шопена, изрѣдка пожалуй Шумана; я знавалъ даже дѣвочекъ, толково разучивавшихъ настоящую музыку... Барышня же, прямо съ гаммъ и первыхъ слѣдующихъ страничекъ школы Гюнтена, перескакиваетъ на винегретъ, бренчитъ всю свою жизнь и до самой смерти не выучивается играть, или бросаетъ *свою* музыку много-что на второй годъ замужства—и въ такомъ случаѣ весьма основательно поступаетъ, хотя все таки безъ сознанія.

Размышленія мои были прерваны осторожной походкой на цыпочкахъ—вошла М-me Прыгунова. Полное, бѣлое и дряблое какъ калачъ, лицо ея носило явные признаки волненія. Она даже вышла ко мнѣ въ кофтѣ и простоволосая.

— Что такое у Бэтси? спросилъ я. По старой привычкѣ я все еще звалъ ее этимъ именемъ, да другаго пока и не было (кстати, одна няня Власьевна никакъ не могла примириться съ нимъ: «тьфу! словно собаченку кличутъ. Попъ крестилъ, Лизавета имя далъ; а они—бести, бести! только что не *на тебѣ сахарцу*»).

— Вотъ подите-жь! отвѣчала М-me Прыгунова на мой вопросъ:—боюсь, надорвется въ ней что-нибудь...

— Какъ надорвется? Отчего?

— Отъ слезъ, извѣстно. Какую манеру взяла! какъ что не по ней—хлопъ ничкомъ на постель и лежитъ цѣлый день плачетъ, пока уснетъ. Никто и не подходи къ ней—только хуже. Ни дать, ни взять—я сама какъ въ дѣвицахъ была... Ну, такъ я была злая, капризная дѣвочка, улыбаясь продолжала Марья Ивановна,—а вѣдь Бэтси у меня такая нервная, деликатная, просто ангелъ доброты...

— Вы не разстраиваете ли ее какъ нибудь? не замѣчали ли вы чего нибудь особеннаго въ ней?

— Полноте, докторъ, ужъ я ли не баловала ее? А все это началось изъ-за проклятаго длиннаго платья—voila toute l'histoire! сановито улыбнулась М-me Прыгунова, опускаясь въ кресло.

С.-Петербургскій Императорскій Эрмитажъ. Садовница. Съ картины Мурильо.

Рис. Де ла Шарлери, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

Конокрады. Оригинальный рисунокъ Н. Каразина, грав. Заблоцкій.

Библиотека "Руниверс"

— Что жъ ей, покороче чтоли хочется? При чемъ же я-то тутъ? недоумѣвалъ я.

— Какое покороче!.. Со шлейфомъ хочетъ, un train, comprenez vous? Ну, статочное ли дѣло — дѣвчонкѣ тринадцать лѣтъ — а она длиннаго платья требуетъ...

— Ну, сшейте ей коли такъ безпокоится — посмѣются надъ ней—сама броситъ...

— Ахъ, сшито ужь, безъ меня сшито!.. отмахивалась M-me Прыгунова,—Софи еще больше моего балуетъ ее, тайкомъ отъ меня и сшили... Такъ все еще мало — въ клубъ захотѣла, на семейные тамъ какіе-то вечера...

— Э-э-э! вотъ оно что! улыбнулся я,—ну чтожъ, вы конечно не пустили?

— За кого-жь вы меня принимаете, докторъ? даже обидѣлась M-me Прыгунова, — Софи тамъ какъ себѣ хочетъ — она дама и съ мужемъ ѣздитъ... А дѣвицѣ нашего круга прилично ли? чего она можетъ наслушаться? Вѣдь тамъ Богъ знаетъ кто бываетъ! Ну, другое дѣло къ своимъ на вечеринку или хоть и на балъ—il n'y a pas à dire, пусть себѣ привыкаетъ...

— Какъ же это, Марья Ивановна, развѣ не все равно, отъ кого бы ни наслушаться такихъ вещей, что рано еще слушать...

— Ah, cher docteur, вы меня не понимаете!.. Поговорите-ко съ ней, она умнѣй насъ съ вами! съ материнской гордостью произнесла M-me Прыгунова,—vrai, ma parole, elle en sait autant que nous deux et plus encore... Я не того боюсь...

— Да, ну если такъ... началъ я, перемѣняя разговоръ:—чтожь она и теперь плачетъ?

— Пятница нынче, клубный день что-ли это у нихъ называется—вотъ и плачетъ съ самаго съ обѣда... Сейчасъ вотъ передъ вами битый часъ простояла у нея на порогѣ... лежитъ ничкомъ, хоть бы что! Войдти-то я не смѣла, только издали прислушивалась — кажется, уснула теперь...

— Такъ что же вамъ отъ меня собственно угодно? почтительно освѣдомился я.

— Да, да... засуетилась вдругъ M-me Прыгунова,— внезапно блѣднѣя,—заболталась я съ вами, докторъ, а главное-то и забыла... Странно мнѣ показалось, что-то она очень ужь покойно лежитъ, какъ будто и не дышетъ!.. Близорука я немножко—не разгляжу; а подойти—бѣда!.. Я только издали...

Сердце вдругъ у меня упало—и я не на шутку перепугался, предчувствуя какую-нибудь затаенную дѣтскую драму, которыя гораздо опаснѣе въ этомъ возрастѣ чѣмъ у взрослыхъ. Въ то время самоубійства не были такъ часты, но таки встрѣчались...

— Помилуйте! вскрикнулъ я,—да вѣдь съ этого начать надо было? Гдѣ же она?

— Тамъ, у себя наверху, въ мезонинѣ, едва выговорила M-me Прыгунова, теперь окончательно растерявшись.

— Пойдемте!. пойдемте скорѣй!

Я схватилъ свѣчу съ угольника и кинулся впередъ по лѣстницѣ. M-me Прыгунова грузно поднималась за мной, крехтя и охая.

— Постойте, батюшка, я впередъ погляжу — не раздѣлась ли она? обогнала меня Марья Ивановна, перенявъ изъ рукъ моихъ свѣчу, и осторожно заглянула въ комнату,—нѣтъ, все такъ же! шепотомъ произнесла она и даже перекрестилась, а потомъ стала звать, постепенно возвышая голосъ: «Лиза!.. Лиза!.. Лизанька!..»

Я тоже заглянулъ черезъ плечо M-me Прыгуновой. Бэтси дѣйствительно лежала на постели въ простенькомъ люстриновомъ платьицѣ и ночномъ чепчикѣ, изъ подъ котораго выбивались ея роскошные волосы. Ни малѣйшая складка ея костюма не колебалась, дыханія не было и слѣда...

Опрометью кинулся я къ ней, схватилъ за руку—и сначала даже ошалѣлъ на нѣсколько мгновеній, выронилъ свѣчку и пробираясь въ потемкахъ назадъ зацѣпилъ какой-то столикъ или стулъ.

На шумъ прибѣжала няня Власьевна въ повойникѣ, съ ночникомъ, и наскоро поставивъ его на лежанку, повалилась въ ноги Марьѣ Ивановнѣ!..

— Матушка, прости! мой грѣхъ! вопила старуха, ловя руки недоумѣвавшей барыни: — спутали они меня, старую!.. Всѣ три такъ-то... и Настенька... и Сонюшка... вотъ и эта егоза...

— Да, что такое? что? нервно кричала въ свою очередь сбитая съ толку M-me Прыгунова.

— Ничего, ничего! серіозно и какъ можно строже проговорилъ я, дергая няньку за рукавъ, — пойдемте, Марья Ивановна, а то Бэтси опять разплачется; я вамъ ручаюсь, что она придетъ къ вамъ завтра поутру послушная и капризы эти кончатся, если только вы обѣщаете мнѣ не тревожить ее до завтра и позволите мнѣ поговорить съ ней сегодня...

— Ахъ, дѣлайте что хотите, докторъ, я просто изъ силъ выбилась... Je suis au bout de mes forces, на этотъ разъ съ неподдѣльнымъ изнеможеніемъ въ голосѣ произнесла M-me Прыгунова.

Я насилу свелъ ее съ лѣстницы.

— Успокойтесь же, ложитесь спать — и помните слово — иначе я ни за что не ручаюсь! проворчалъ я на прощанье, возвращаясь въ мезонинъ.

Меня и смѣхъ разбиралъ, и досадно мнѣ было, что я допустилъ себѣ разыграть такого дурака вмѣстѣ съ Марьей Ивановной. Всей-то Бэтси только и было тутъ, что два-три локона подъ чепчикомъ, когда нибудь остриженные и сохраненные на память, а пожалуй и по преданію сестрицъ. Остальное же составлялъ полный домашній костюмъ ея, набитый бѣльемъ. Передъ этимъ-то чучеломъ и простояла Марья Ивановна битый часъ у двери, а я даже пульсъ у него пробовалъ... Разбирая чучело, нянька вытащила изъ него и нѣсколько томиковъ Жоржъ-Занда, Дюмафиса и Ко.

— Ну, старая, обратился я къ нянькѣ, — куда барышню дѣвала?

— У сестрицы, баринъ, не сойдти съ мѣста, у сестрицы! сама заѣзжала за нею, а оттуда въ маскарадъ прости Господи собирались...

„Слезы-то значитъ ужь эксплуатировать умѣемъ— плохо дѣло! невольно подумалъ я:—вотъ ужъ подлинно: пошла барышня къ обѣдни, а вышло дѣло наплевать!“ припомнилось мнѣ любимая поговорка Сметанкина.

Я велѣлъ оторопѣвшей нянькѣ запереть спальню Бэтси на ключъ, и въ случаѣ еслибъ Марья Ивановна вздумала нарушить обѣщаніе — говоритъ ей, что барышня замкнулась извнутри. Что жъ, оно и правда было!

Теперь читатель понимаетъ, почему я не рѣшался прежде и на этотъ разъ не рѣшился выдать Бэтси Марьѣ Ивановнѣ—не ей бы поправить то, о чемъ она до сихъ поръ и не гадала.

Если она втеченіи нѣсколькихъ лѣтъ спокойно проглядѣла entente cordiale сестеръ между собою и съ нянькой, не съумѣвъ въ самомъ началѣ обсѣчь преждевременные побѣги и прививки въ характерѣ своихъ дѣтей,—что бы могла подѣлать бѣдная барыня теперь, когда эти уродливые отростки забрали силу, развѣтвились и окрѣпли при такой благопріятной почвѣ? Открывъ ей продѣлки Бэтси, я только отравилъ бы Марьѣ Ивановнѣ остатокъ мирнаго прозябанія въ блаженномъ невѣденіи коварства ея ближнихъ, а съ другой стороны, при безтактности добрѣйшей старушки, Бэтси могла бы лишь ожесточиться. По этому я рѣшился дѣйствовать на Бэтси непосредственно.

Я взялъ извощика и поѣхалъ въ маскерадъ.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Конокрады.

Не мало всякихъ бѣдъ обрушивается на голову нашего крестьянина хлѣбопашца. Крехтитъ бѣднята да чешетъ свой загорѣлый-красный затылокъ; нѣтъ-нѣтъ всплакнетъ, когда уже очень солоно прійдется, сведетъ все на волю Божью — да и стерпитъ... И снова принимаются за дѣло привычныя къ работѣ руки, занятыя было на время, хотя и весьма характернымъ, но совершенно безполезнымъ, почесываніемъ затылка... Авось какъ либо что... до новой бѣды, до новой лихой напасти...

А бѣда не далеко сидитъ... Кростся она и въ той сизой, холодной тучѣ, что поднимается изъ-за лѣса, тучѣ, которая словно нарочно, изъ злобы какой-то къ бѣднякамъ, сбережетъ весь запасъ своего крупнаго града, проходя надъ лѣсомъ,—за то ужь не поскупится на это добро, разразившись надъ крестьянскими пашнями и огородами; кроется она и въ этихъ безснѣжныхъ, морозныхъ зимахъ замораживающихъ всѣ молодые, озимые всходы; кроется она и «въ красномъ пѣтухѣ» нѣтъ-нѣтъ да и прогуляющемся по жалкимъ лачугамъ разныхъ «Прѣснохлѣбаловокъ» Голодаевокъ, «Недоѣдковыхъ» селъ и проч. и проч... Кростся она и въ черезъ чуръ ужь усердныхъ къ исполненію своихъ обязанностей сборщикахъ, кростся она и въ прогонномъ гуртѣ, разносящемъ по своему длинному пути чуму до разные сапы... Кроется она и въ лихихъ людяхъ, больно ужь до чужаго скота охочихъ... Да и мало ли гдѣ?!... нѣтъ кажется того мѣста откуда не глядитъ бѣда на бѣднягу... Всего не перечтешь, обо всемъ не наговоришься.

Да... «и въ лихихъ людяхъ, больно до чужаго скота охочихъ»... Богъ вѣсть, хуже ли этой бѣды—всѣ прочія бѣды?!

Скотина для хлѣбопашца—тѣ же руки... Кто знаетъ крестьянскій бытъ,—тому извѣстно—какъ лошадь да корова связались съ судьбою, съ жизнію крестьянской семьи... Пуще даже первая—и потерять коня для крестьянина дѣло слишкомъ ужь горькое, а подъ часъ даже непоправимое. Казалось, въ виду этого, какъ всѣмъ поголовно не возстать противъ такого зла!.. вѣдь это уже не Божьей воли дѣло, а рукъ человѣческихъ—и рукъ принадлежащихъ самому незначительному меньшинству... Какъ-же не попытаться бороться съ этимъ зломъ, не попробовать съ корнемъ вырвать его изъ крестьянскаго быта!.. а между прочимъ, по всей Руси, съ изстари и по сіе время, живетъ себя это зло и живетъ, и даже ничуть не уменьшается... Есть цѣлыя губерніи, въ которыхъ конокрадство обратилось уже въ привычный—хроническій недугъ, и противъ него вырабатались даже извѣстныя, чисто паліативныя мѣры.

Вотъ объ этомъ-то недугѣ и о этихъ паліативныхъ мѣрахъ, крайне характеризующихъ—выработанные вѣками—взгляды нашего крестьянина, мы и поговоримъ въ нашей короткой статьѣ, написанной по поводу рисунка.

Въ мѣстахъ степныхъ, сосѣднихъ съ кочевыми народами (какъ напримѣръ, степныя губерніи между Ураломъ и Волгою), конокрадство держится еще на степени простаго воровства, не организовавшагося еще во что-то правильное, цѣльное, какъ въ другихъ полосахъ Россіи, гдѣ оно сложилось настолько систематично и прочно, что дѣйствительно оказываются безсильными противъ зла тѣ средства, которыя находятся въ рукахъ крестьянскихъ общинъ.

Крестьянинъ не можетъ такъ беречь и запирать своего рабочаго коня какъ берегутъ его горожане... Еще въ зимнее время, когда за лѣто принесенъ кормъ для скота,—крестьянинъ держитъ свою лошадь въ сараѣ, или въ какомъ нибудь загонѣ; откуда не такъ легко свести ея лихому человѣку.—Лѣтомъ же, съ закатомъ солнца кончаются только работы, начавшіяся съ восходомъ,—и только ночь остается для отдыха и корма на травѣ; а по близости крестьянскихъ избъ давно уже заняты подъ огороды и прочіе нужды всѣ пригодныя мѣста,—и вотъ, приходится отгонять табунъ подальше, часто версты за двѣ отъ жилья,—и поручать его призору малолѣтнихъ дѣтей, такъ какъ взрослымъ тоже нуженъ отдыхъ для завтрашней тяжелой работы... Это обыкновенно называется отгонять лошадей «въ ночное».—Этимъ-то «ночнымъ» подъ покровомъ темноты и пользуются конокрады для своихъ торговыхъ операцій.

Да и кромѣ «ночнаго»—днемъ, во время полуденнаго отдыха, на каждомъ шагу представляется возможность украсть лошадь-другую; ни какаго труда, ни удали тутъ не требуется... Вся задача конокрада состоитъ въ томъ, чтобы скрыть концы — сбыть украденное; и вотъ тутъ-то и помогаетъ ему та темная организація, дѣятели которой находятся въ той же страдающей средѣ, и нельзя сказать чтобы очень заботились объ сохраненіи своего инкогнито... Эта беззастѣнчивость антрепренеровъ конокрадства доходитъ до самаго возмутительнаго цинизма... Всѣ знаютъ хорошо главныхъ коноводовъ дѣла, и ни у кого не поднимается рука на нихъ; всякъ свою голову бережетъ—и низко кланяется крестьянинъ при встрѣчи съ какимъ нибудь извѣстнымъ Яшкой безпалымъ или Ильею Савичемъ, кабатчикомъ села «Худо-словскаго».

Пропившіяся до нищеты безшабашныя головы, наемные пастухи, весь этотъ темный людъ состоитъ на посильной службѣ у подобнаго Ильи Савича,—а самъ Илья Савичъ ни гу-гу.. живетъ себѣ тихо, привольно, передъ начальствомъ во всякомъ дѣлѣ правый, потому что ловко ведетъ свое дѣло и придраться не къ чему, развѣ только къ тому, что богатѣетъ уже какъ-то слишкомъ скоро; да и на этотъ предметъ у него есть какое нибудь дѣло или торговля, такъ больше для видимости... Ну и все для него лично обстоитъ благополучно...

Разыскивать крестьянину сведеннаго коня некогда, время рабочее не терпитъ... а тутъ надо—пѣшкомъ идти по слѣду, изъ одной деревни въ другую, расспрашивать, наводить справки, въ станъ давать знать, въ городъ жаловаться... за чѣмъ?! когда это гораздо короче можно сдѣлать... И вотъ, идетъ горемыка на поклонъ къ сѣдому, почтенному Ильѣ Савичу... Происходитъ слѣдующая сцена.

Илья Савичъ соснулъ, часокъ другой, чайку попилъ, на крылечко посидѣть вышелъ. Ребятишки его сытые около возятся; хозяйка, баба здоровая, сдобная, на весь дворъ работницу зачѣмъ то кличетъ звонкимъ голосомъ... Еще за десять саженей снявъ шапку, подходитъ, запыленный, усталый горемыка.

— Ты, братъ, что? спрашиваетъ подходящаго Илья Савичъ, и зорко окидываетъ его съ ногъ до головы своимъ полуоватымъ, крайне, впрочемъ, добродушнымъ взглядомъ.

— Да къ твоей милости!—съ поклономъ говоритъ горемыка.

— Откедова?...

— Изъ «Брехова села» по дѣлу... вотъ...

— Знаю!... Какое такое твое дѣло...?

— Лошаденка, это, у меня третьяго дни пропала.

— Свели чтоли?

— Оборони Богъ! зачѣмъ *свели?!* такъ, надо быть, сдуру куда забѣжала...

— То-то, братъ, умѣешь говорить, ученый! одобрительно посмѣивается Илья Савичъ...

— Ученые! почесываетъ затылокъ горемыка...

— Ну что же, братъ, я тутъ ни причемъ... воля Божья!.. пробираетъ себѣ бороду Илья Савичъ.

— Помоги, отецъ родной, выручи! а я, значитъ, какъ могу... мрачно говоритъ пришедшій, а въ ноги на всякій случай кланяется...

— Погадать что-ли!..

— Да ужь какъ знаешь, а я, значитъ...

— Какой масти?..

— Бурой, батюшка, бурой... лѣвая задняя бѣлоножка, ухо эдакъ-то вотъ подсѣчено, а хвостомъ жидка... былъ это у ней зудъ, такъ вычесала надо полагать... спѣшитъ выложить горемыка.

— Приходи завтра, объ эту пору, и того, братъ, трешницу принеси. Я погляжу!..

— Кормилецъ ты нашъ, да гдѣ намъ эдакія деньги, по нынѣшнему времени, взять? больно дорого! возьми рубль!..

— Два дашь?..

Сходятся наконецъ на рублѣ съ полтиной, и идетъ горемыка куда нибудь обождать завтраго.

На другой день снова приходитъ къ Ильѣ Савичу.

— Ну, такъ какъ же, батюшка?

— А сходи ты къ болоту, у кривой березы, тамъ, ребята сказывали, пасется твой бурый.. говоритъ Илья Савичъ.

Спѣшитъ бѣдняга на указанное мѣсто, гдѣ дѣйствительно находитъ своего бураго — понуро стоящаго у дерева на привязи, истомленнаго длиннымъ перегономъ безъ отдыха, еще издали радостнымъ ржаніемъ привѣтствующаго своего законнаго хозяина.

Попасться съ поличнымъ, прямо на мѣстѣ преступленія, конокраду приходится очень рѣдко... Лѣтомъ это почти невозможно: крестьянинъ узнаетъ о потери коня большею частью поздно,—когда похититель успѣлъ уже довольно далеко отъѣхать отъ мѣста покражи, и даже сбыть коня въ другія и третьи руки... Зато уже если и попадется какой нибудь неловкій воръ, большею частью новичекъ, то ему приходится уже очень плохо... Натерпѣвшіеся въ волю, озлобленные крестьяне на пойманномъ вымѣщаютъ все что у нихъ накипѣло на сердцѣ: и въ станъ привозится совершенно избитый, часто искалѣченный несчастный, котораго надо отправлять уже не въ тюрьму, а прямо въ больницу... Но зато удалось какъ-нибудь отдѣлаться вору, онъ снова появляется на мѣстѣ своихъ операцій. Онъ можетъ смѣло разсчитывать на самый, хотя и не радушный, зато почтительный пріемъ... ему и поклонятся пониже, а въ кабакѣ поднесутъ первую чарку... даже дѣвки въ хороводѣ окажутъ ему свое вниманіе, радѣя о безопасности своей скотинки... Всякій думаетъ «авось либо меня не тронетъ»?! И конокрадъ отлично пользуется этимъ положеніемъ, только зло косится на тѣхъ, кто особенно усердно тузилъ его, во время первой неудачи...

— А помнишь, братъ, какъ ты меня, того, по загривку гладилъ? спрашиваетъ Яшка безпалый какого нибудь парня.

— Я то?! что ты, голубчикъ! я легонько... робѣетъ бѣдняга.

— Легонько... какъ же!.. Ну погоди!..

— Зачѣмъ, Яковъ Петровичъ, старое вспоминать? не надо—грѣхъ!

— Хе, хе!...Ладно, братъ. Ладно, родимые, ладно!.. бахвалится

Библиотека "Руниверс"

Яшка безпалый.—Я вотъ вамъ теперь все припомню, все... Погодите!

— Хоть бы ты сдохъ, проклятый скорѣе! каждый желаетъ ему въ душѣ, но высказывать своихъ пожеланій вслухъ не рѣшается.

И надъ злополучною мѣстностью водворяется временно что-то очень похожее на панику.

Случалось иногда, что долготерпѣніе наконецъ истощалось, робость крестьянъ передъ извѣстными конокрадами уступала мѣсто отчаянной рѣшимости—и вотъ узнаютъ, что Яшку безпалаго, или кого нибудь изъ его сотоварищей, нашли въ оврагѣ съ проломленнымъ черепомъ... Производится слѣдствіе, розыски, виновныхъ не оказывается, да до нихъ, впрочемъ, очень-то усердно и не добираются. Крестьяне поднимаютъ головы, смотрятъ веселѣй прочіе конокрады призатихаютъ на время. А тамъ, на мѣсто погибшаго является новая безшабашная голова, пожалуй, что еще удалѣе своего предшественника,—и опять начинаютъ исчезать изъ табуновъ бурки да сивки, опять со всѣхъ концовъ тянутся горемыки напоклонъ сѣдому кабатчику села Худославскаго, Ильѣ Савичу.

Біографія науки о языкѣ.

Нѣтъ ничего ближе къ намъ, какъ мы сами, наша внутренняя душевная дѣятельность и внѣшнее выраженіе ея—языкъ. Языкомъ пользуемся мы и въ бесѣдахъ съ другими, и въ бесѣдахъ съ самими собою; языкъ неотдѣлимъ отъ самыхъ таинственныхъ плановъ нашихъ и глубочайшихъ соображеній. Однакожъ, не смотря на то, изслѣдованія надъ языкомъ до начала нынѣшняго столѣтія почти совершенно не возбуждали любопытства натуръ-философа. Въ то время, когда сильные умы были привлечены къ изслѣдованію древностей; когда пепелъ Помпеи былъ просѣянъ ради добыванія игрушекъ римской жизни; когда пергаменты были вынуждены химическими средствами открыть стершіяся уже на нихъ мысли греческихъ философовъ; когда египетскія гробницы были обысканы, ради ихъ священнаго содержанія; когда вавилонскіе и ниневійскіе дворцы были изломаны для полученія лѣпныхъ дневниковъ Навуходоносора; когда въ самомъ дѣлѣ, все, въ чемъ только предполагали слѣды прежней человѣческой жизни, было тщательно изслѣдовано и заботливо сохранено въ библіотекахъ и музеяхъ;—въ то время языкъ, который самъ собою ведетъ насъ въ самую глубокую древность,—древность, далеко превосходящую клинообразную литературу Ассиріи и Вавилоніи, или гіероглифическіе документы Египта,—который соединяетъ насъ непрерывною цѣпью слова съ первыми предками нашей расы и выводитъ свою жизнь отъ перваго человѣческаго лепета,—языкъ, этотъ живой и говорящій свидѣтель всей исторіи человѣчества, вовсе не былъ допрашиваемъ историкомъ и побуждаемъ къ открытію своихъ тайнъ, пока въ послѣднія пятьдесятъ лѣтъ не стали вопрошать и, такъ сказать, приводить его къ собственному сознанію геніальные люди, каковы Гумбольдтъ, Бопъ, Поттъ, Гриммъ, Бунзенъ, Максъ, Мюллеръ и др.

Прежде, чѣмъ стану я разсматривать труды новѣйшаго времени, позвольте мнѣ бросить краткій взглядъ на труды по языкознанію стараго міра. Начнемъ съ Индіи, нашей прародины.

Въ брагманахъ языкъ называется коровою, духъ—быкомъ, а умъ человѣческій почитается ихъ дѣтищемъ. Въ нихъ же говорится, что Брагма, высочайшее существо, познается посредствомъ языка. Но уже въ весьма раннемъ періодѣ брагманы очнулись отъ своихъ мечтаній касательно языка—и съ удивительнымъ искуствомъ начали разсѣкать его священное тѣло. Успѣхи, оказанные ими въ грамматическомъ анализѣ еще въ VI ст. до Р. Х., не превзойдены въ грамматической литературѣ ни одною націею. Мысль, привесть весь языкъ къ незначительному числу корней, чего въ Европѣ добивался Henry Estienne не раньше XVI ст., явилась у брагмановъ по крайней мѣрѣ за 500 л. до Р. Х.

Если мы теперь обратимся къ грекамъ, то увидимъ, что хотя они и не обоготворяли языкъ, однако смотрѣли на него съ величайшимъ уваженіемъ въ своихъ древнихъ философскихъ школахъ. Едва-ли найдется хоть одинъ изъ ихъ первоначальныхъ философовъ, который не оставилъ бы нѣсколько изрѣченій о природѣ и происхожденіи языка. Такъ, *Пифагоръ* говоритъ: «самое мудрое въ свѣтѣ—число, а послѣ него то, что даетъ имена.» *Гераклитъ* говоритъ, что слова подобны тѣнямъ вещей, отраженіямъ деревьевъ и горъ въ рѣкѣ, нашему собственному отраженію въ зеркалѣ. *Демокритъ* приписываетъ происхожденіе языка искуству, соглашенію. Слова по его мнѣнію—картины, произведенія искуства, но только не на камнѣ или металлѣ, а въ звукѣ. Но особенно много принесли пользы языкознанію Платонъ и Аристотель. Утверждая вмѣстѣ съ предшествующими философами, что языкъ составленъ человѣкомъ искуственно, подражательно, что всякій человѣкъ подъ впечатлѣніемъ минуты можетъ составлять слова,—они оказали много пользы грамматическому анализу: они первые положили начало терминологіи грамматической. Но надо сказать правду, что подобныя общія выраженія о природѣ языка еще не составляютъ изслѣдованія о языкѣ. Если мы желаемъ опредѣлить начало языкознанія, то должны стараться узнать, въ какую эпоху всемірной исторіи и при какихъ обстоятельствахъ люди впервые начали изучать какой либо языкъ, кромѣ своего собственнаго. Въ это время мы найдемъ и первую практическую грамматику, но не ранѣе.

Древній грекъ никогда не помышлялъ объ изученіи чужаго языка. Онъ раздѣлялъ міръ на грековъ и варваровъ. Говорить по гречески—онъ считалъ преимуществомъ. Требуется время для того, чтобы народъ понялъ, что выражать свои мысли можно кромѣ своего языка и на чужомъ.

Если мы обратимся къ Геродоту (IV, 24), то найдемъ, что торговля впервые пробудила ремесло переводчиковъ. Геродотъ говоритъ, что караваны греческихъ торговцевъ, шедшіе по теченію Волги вверхъ до Уральскихъ горъ, были сопровождаемы 7-ю переводчиками, говорившими на 7-ми различныхъ языкахъ. Къ нимъ вѣроятно принадлежали славянскіе, татарскіе и финскіе діалекты, на которыхъ говорили въ тѣхъ краяхъ во времена Геродота, какъ и въ настоящее время. Войны съ Персами заставили грековъ понять, что и другія націи имѣютъ настоящіе языки. Ѳемистоклъ изучилъ персидскій языкъ и говорилъ на немъ свободно. Походъ Александра еще болѣе содѣйствовалъ ознакомленію съ другими націями и языками. Вскорѣ за Македонской эпохой, мы находимъ *Бероза* въ Вавилоніи, *Менандра* въ Тирѣ и *Мането* въ Египтѣ, собирающихъ по оригинальнымъ источникамъ лѣтописи своихъ странъ. Ихъ сочиненія были составлены на греческомъ языкѣ и писаны для грековъ. Природный языкъ Бероза былъ вавилонскій, языкъ Мането—египетскій. Берозъ былъ въ состояніи читать клинообразные документы Вавилоніи съ такою-же легкостію, какъ Мането—египетскіе папирусы. Почти одновременное появленіе 3-хъ такихъ мужей, варваровъ по происхожденію и языку, имѣетъ весьма важное значеніе. Они старались спасти исторію своей родины отъ совершеннаго забвенія, передавая ее сохраненію своихъ завоевателей, грековъ; но, къ стыду греческихъ и македонскихъ завоевателей, надо замѣтить, что они придавали слишкомъ мало значенія этимъ сочиненіямъ. Они всѣ затеряны и дошли до насъ только въ отрывкахъ; но не можетъ быть сомнѣнія, сочиненіе Бероза было бы неоцѣненнымъ руководствомъ для изучающаго клинообразныя надписи исторіи Вавилоніи,—и если бы Мането удѣлѣлъ вполнѣ, онъ избавилъ бы насъ отъ цѣлыхъ томовъ противорѣчій насчетъ египетской хронологіи. Вскорѣ послѣ эпохи, обозначаемой завоеваніями Александра на Востокѣ, начинается знаменитый *Александрійскій періодъ*. Въ Александріи встрѣчались разныя націи, говорившія на разныхъ языкахъ и вѣровавшія въ различныхъ боговъ. Хотя онѣ преимущественно были заняты торговыми спекуляціями, однако совершенно естественно, что въ свободное время они разсказывали другъ другу о своемъ отечествѣ, о своихъ богахъ, царяхъ, законодателяхъ и поэтахъ. Кромѣ того, греки, жившіе въ Александріи для изученія древностей, умѣли распрашивать людей, приходившихъ изъ далекихъ странъ. Притязаніе Египтянъ на баснословную древность, вѣрованія евреевъ въ священный характеръ своего закона, вѣрованіе персіянъ въ сочиненія Зороастра, все это служило годнымъ матеріаломъ для толкованія въ залахъ и библіотекахъ Александріи. Духъ изслѣдованія особенно усилился послѣ того, когда ученые евреи, жившіе въ Александріи и почти забывшіе свой природный языкъ, перевели Библію на греческій языкъ для своего собственнаго употребленія. За переводомъ Библіи послѣдовалъ переводъ священнаго закона персовъ, Зендавесты. Паралельно съ переводами священныхъ книгъ на греческій языкъ шло въ Александріи критическое и филологическое изученіе греками древнихъ діалектовъ своего собственнаго языка. Это критическое изученіе греческаго языка преимущественно основывалось на гомерическомъ текстѣ. Труды Александрійскихъ ученыхъ и соревновавшей съ ними академіи въ Пергамѣ составляютъ великую эпоху въ исторіи языкознанія. Почти весь оставъ греческой грамматики, начатый греч. философами, былъ составленъ ими, а Діонисій Ѳракійскій довершилъ ея созданіе. Его грамматика сдѣлалась однимъ изъ главныхъ каналовъ, чрезъ которые грамматическая терминологія, вынесенная изъ Аѳинъ въ Александрію, изливалась въ Римъ, чтобы распространиться оттуда по всему міру.

Если мы теперь обратимся къ Италіи, то увидимъ, что Италія почти всѣмъ обязана Греціи не только въ позднѣйшее время, когда заходившее солнце греческой цивилизаціи смѣшало свои лучи съ утреннею зарею римскаго величія,—но еще и тогда, когда первые греческіе колонисты стремились на востокъ для отысканія новыхъ жилищъ. Италійцы заимствовали алфавитъ и научились читать и писать у грековъ. Италійцы, безъ сомнѣнія, имѣли своихъ національныхъ боговъ, но они скоро были поглощены миѳологіею грековъ. Прорицанія знаменитой куманской сивиллы были писаны на греч. языкѣ. Когда римляне, въ 455 г. до Р. Х., пожелали составить сводъ законовъ, то первымъ ихъ дѣломъ было послать коммисію въ Грецію для собранія свѣдѣній о законахъ Солона. До пуническихъ войнъ всѣ знатные римляне говорили на

Библиотека "Руниверс"

Сэръ Джонъ Гершель. Съ фотографіи грав. Прикорскій.

греческомъ языкѣ. Римскіе мальчики въ школахъ обучались главнымъ образомъ по гречески. Преподаватели языковъ въ Римѣ были греки. Первая исторія Рима была написана въ Римѣ на греческомъ языкѣ Фабіемъ Пикторомъ (ок. 200 д. Р. Х.). Основатели римской литературы были греки. Даже старый Катонъ, этотъ непреклонный врагъ греческой философіи и риторики, на старости лѣтъ долженъ былъ учиться по гречески, дабы научить своего сына тому, что онъ считалъ вреднымъ. Когда Римъ получилъ свѣтильникъ знанія изъ умирающихъ рукъ Греціи, то онъ уже не горѣлъ самымъ чистымъ огнемъ. За Платономъ и Аристотелемъ слѣдовали Хризипъ и Карнеадъ. Евринидъ и Менандръ заняли мѣста Эсхила и Софокла. Становясь хранителемъ искры Прометея, сперва свѣтившей Греціи, а потомъ озарившей не только Италію, но всѣ земли Европы,—Римъ потерялъ много своей природной virtus, которой былъ обязанъ величіемъ. Строгія мѣры и проклятія ни къ чему не повели. Каждое новое поколѣніе все болѣе и болѣе напитывалось греческимъ духомъ. Въ 131 г. былъ консулъ Публій Крассъ, второй Мецнофанти, умѣвшій говорить на разныхъ греческихъ діалектахъ. Подъ гостепріимною кровлею *Сципіоновъ* собирался космополитическій клубъ, гдѣ желанными гостями были философъ Панетій и греческій историкъ Архій. Въ этомъ избранномъ кружкѣ читались и критиковались образцовыя произведенія греческой литературы, обсуждались вопросы греческой философіи и высшіе интересы человѣческой жизни составляли предметъ глубокомысленныхъ бесѣдъ. Наконецъ любовь къ литературѣ и особенно къ грамматикѣ возросла до того, что толки объ именахъ и глаголахъ, о падежахъ и родахъ, о правильныхъ и неправильныхъ спряженіяхъ начали составлять въ высшихъ кружкахъ римскаго общества предметъ обсужденій, предметъ общаго интереса и тему изящныхъ разговоровъ. Посланники иностранныхъ дворовъ, если только умѣли по гречески, считали долгомъ читать публичныя лекціи о грамматикѣ. Такъ мы знаемъ, что между 2-ю и 3-ю пуническими войнами, посланникъ царя Аттала, Кратъ изъ Пергама, прибывъ въ Римъ, читалъ публичныя лекціи о грамматикѣ. Другой посланникъ Карнеадъ тоже началъ было читать лекціи, но ему Катонъ помѣшалъ. Послѣ лекцій Крата и Карнеада и мн. др., филологическія занятія сдѣлались въ Римѣ весьма популярными. Около этого-же времени Варронъ написалъ 24 книги о латинскомъ языкѣ, а Юлій Цезарь соч. о латинской грамматикѣ. Сочиненіе это было написано имъ во время галльской войны и посвящено Цицерону. Если мы припомнимъ, какъ Цезарь воевалъ съ варварами Галліи и Германіи, какъ онъ слѣдилъ издали за политическимъ ходомъ дѣлъ въ Римѣ, готовый завладѣть скипетромъ міра, и какъ въ то же время онъ продолжалъ свои филологическія занятія съ своимъ секретаремъ, грекомъ Дидимомъ,—то получимъ весьма свѣтлый взглядъ на этого необыкновеннаго мужа и на время, въ которое онъ жилъ. Послѣ того какъ Цезарь восторжествовалъ, однимъ изъ его любимыхъ плановъ стало основаніе въ Римѣ латинско-греческой библіотеки — и онъ предложилъ должность библіотекаря лучшему ученому того времени, своему врагу, Варрону. Около этого-же времени является въ Римъ съ своею грамматикой и упомянутый нами Діонисій ѳракійскій. Съ Діонисіемъ грамматическій анализъ латинскаго и греческаго языковъ былъ законченъ. Позднѣйшіе писатели поправляли его, но ничего новаго и оригинальнаго не прибавили.

Слѣдя шагъ за шагомъ за первыми попытками языкознанія, мы видѣли, что древнему міру удалось анализировать свои языки и создать для нихъ грамматики. Особенно въ этомъ отношеніи счаст-

Библиотека "Руниверс" 8

ливы брагманы. Но отъ этого шага въ языкознаніи еще далеко до разъясненія природы языка. Для того чтобы достигнуть сей цѣли, недостаточно одного только анализа двухъ или трехъ языковъ, нужно анализировать всѣ извѣстные языки—и, анализировавши, сравнить ихъ, а тогда уже стараться открыть законы, направляющіе ихъ природою. Но древнему никогда не приходило въ голову примѣнить принципъ классификаціи къ разнообразнымъ языкамъ человѣческой рѣчи. Онъ различалъ только свой, съ одной стороны, отъ всѣхъ прочихъ, съ другой, которые онъ называлъ *варварскими*. Не ранѣе какъ это слово было вычеркнуто изъ словаря человѣчества и замѣнено словомъ *братъ*, не ранѣе какъ сознано было право всѣхъ націй земнаго шара считаться членами одного рода, мы можемъ искать первыя начала нашей науки. Такая перемѣна была произведена христіанствомъ. Христіанство уничтожило преграды между евреями и язычниками, между греками и варварами, между чернокожими и бѣлыми. *Человѣчность* есть слово, котораго было бы тщетно искать у Платона и Аристотеля. Идея всего человѣчества, какъ одного семейства, какъ дѣтей одного Бога, родилась изъ христіанства—и наука человѣчества и языковъ человѣчества есть наука, которая безъ христіанства никогда не вступила бы въ жизнь. Когда людей стали учить смотрѣть на всѣхъ ближнихъ какъ на братьевъ, тогда только разнообразіе человѣческой рѣчи представилось вопросомъ, призывающимъ къ своему рѣшенію глубокомысленныхъ наблюдателей—и поэтому настоящее начало науки о языкѣ можно считать съ перваго дня пятидесятницы. Послѣ этого дня освобожденныхъ языковъ изливается новый свѣтъ надъ міромъ—и нашимъ взорамъ являются предметы, скрывавшіеся отъ глазъ народовъ древности. Старыя слова принимаютъ новое значеніе, старые вопросы получаютъ новый интересъ, старыя науки новую цѣль. Общее происхожденіе человѣчества, различія расы и языка, воспріимчивость всѣхъ націй къ высшей умственной культурѣ, все это становится въ новомъ мірѣ, въ которомъ мы живемъ, вопросами, полными научнаго интереса, ибо этотъ вопросъ болѣе чѣмъ научный.

Предвѣстниками нашей науки были именно тѣ апостолы, которымъ было велѣно «*идти по всему міру и преподавать евангеліе всей твари*» и ихъ истинные преемники—миссіонеры всей Христовой церкви. Пока изучаемыми языками были греческій, латинскій и еврейскій, идея о классификаціи языковъ немыслима была: удовлетворялись только раздѣленіемъ языковъ на священные и свѣтскіе, классическіе и восточные. Но когда и теологи распространили свои изученія на арабскій, халдейскій, сирійскій языки, то былъ сдѣланъ весьма важный шагъ къ установленію класса или семейства языковъ. Особенно много оказало пользы въ этомъ отношеніи распространеніе миссіонерами переводовъ Библіи и Отче Нашъ на разныхъ языкахъ. Такъ, въ 1548 г. Отче Нашъ былъ изданъ на 14 языкахъ, въ 1591 на 26 язык., 1592 на 40 язык., 1593 на 50 языкахъ. А въ настоящее время въ Лондонѣ издается Библія на 150 языкахъ. Но развитіе науки о языкѣ, начатое такъ хорошо апостолами и истинными ихъ преемниками миссіонерами, на долгое время было задержано мыслію, будто еврейскій языкъ былъ первобытнымъ языкомъ человѣчества. Отцы церкви никогда не выражали на этотъ счетъ ни малѣйшаго сомнѣнія. Св. Іеронимъ пишетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ къ Дамасу: Вся древность утверждаетъ, что еврейскій языкъ, на которомъ писанъ Вѣтхій Завѣтъ, былъ началомъ всякой человѣческой рѣчи. Тоже подтверждаетъ и *Оригенъ*, въ своей второй бесѣдѣ на кн. числъ. А позднѣйшіе ученые *Гишаръ* и *Тамасанъ* пошли еще далѣе: они начали отъ еврейскаго производить и всѣ прочіе языки. Такъ, Гишаръ утверждаетъ, что, такъ какъ еврейскій языкъ пишется съ правой стороны на лѣвую, то стоитъ только читать греческія слова также съ правой стороны на лѣвую, чтобы привести ихъ къ еврейскому. Многіе, подобно Гишару, въ порывѣ увлеченія, доходили до страшныхъ абсурдовъ. *Андрей Кемпе* напр., въ своемъ *сочиненіи о райскомъ языкѣ*, утверждалъ, что Богъ говорилъ съ Адамомъ по шведски (самъ былъ Шведъ), Адамъ отвѣчалъ по датски, а змѣя говорила съ Евою по французски. *Эрро*, въ своемъ El Mundo primitivo, утверждаетъ, что Адамъ говорилъ на басскомъ языкѣ. А около 200 лѣтъ тому назадъ, на соборѣ католическихъ епископовъ въ Намюрнѣ; происходилъ интересный споръ. Слѣдующее рѣшеніе внесено въ протоколы собора. 1) былъ ли басскій языкъ первобытнымъ языкомъ человѣчества? Ученые члены признаются, что они, не смотря на свое твердое убѣжденіе объ этомъ предметѣ, всѣ таки не смѣютъ дать утвердительный отвѣтъ. 2) Былъ ли басскій языкъ единственный, на которомъ говорили Адамъ и Ева въ Раю? Соборъ объявляетъ, что въ этомъ отношеніи въ ихъ умахъ не можетъ быть сомнѣнія—и невозможно сдѣлать какое либо серіозное или раціональное возраженіе. Но подобные абсурды только содѣйствовали общему убѣжденію въ ложности самой задачи, и ускорили появленіе отважнаго генія, которому суждено было перевернуть вопросъ и этимъ рѣшить его. Первымъ, дѣйствительно одолѣвшимъ предразсудокъ, будто еврейскій языкъ есть источникъ всѣхъ языковъ, былъ *Лейбницъ*, современникъ Ньютона. Онъ говорилъ: «Называть еврейскій языкъ первобытнымъ—значило бы называть вѣтви одного дерева первоначальными, или воображать себѣ, что въ какой либо странѣ срубленные ими могутъ расти какъ самостоятельныя деревья. Такія идеи могутъ быть выдуманы, но онѣ не согласуются съ законами природы и съ гармоніею вселенной, т. е. съ божественною мудростію». Но Лейбницъ не только устранилъ этотъ камень отъ порога языкознанія, онъ первый призналъ необходимымъ собрать полный *гербарій* языковъ человѣчества. Онъ воззвалъ къ миссіонерамъ, путешественникамъ посланникамъ, князьямъ и государямъ о помощи ему въ дѣлѣ которое онъ такъ сильно желалъ исполнить. Въ 1713 г. Лейбницъ просилъ Петра В. положить на письмо многочисленные языки находящіеся въ имперіи Его Величества, и собрать словари этихъ языковъ, чтобы, какъ онъ говорилъ omnis linguae laudet dominum. И дѣйствительно по его призыву работа закипѣла. Миссіонеры въ Китаѣ должны были работать для него. Путешественникъ Витсенъ прислалъ ему драгоцѣнный подарокъ: переводъ Отче Нашъ на жаргонъ Готтентотовъ. Но настоящимъ плодомъ дѣятельности, возбужденной Лейбницемъ, были два большія сочиненія, въ которыхъ, въ началѣ нашего столѣтія, были собраны результаты этихъ изслѣдованій: это *каталогъ языковъ Гервиса* и *Митридатъ Аделунга*. Родомъ испанецъ, званіемъ іезуитъ, миссіонеръ между многоязычными племенами Америки, *Гервасъ* собралъ опыты и замѣчанія болѣе чѣмъ о 300-хъ языкахъ. Но онъ сдѣлалъ еще болѣе: онъ самъ составилъ грамматики болѣе чѣмъ 40 языковъ. Онъ первый указалъ необходимость опредѣлять истинное сродство языковъ преимущественно помощію грамматическихъ свидѣтельствъ, а не простымъ сходствомъ словъ. Митридатъ *Аделунга* содержитъ еще болѣе языковъ. Это настоящій гербарій языковъ. Но науку о языкѣ ожидало еще большее счастіе. Будучи покровительствуема въ Римѣ Цезаремъ, она нашла еще болѣе преданную покровительницу въ великой царицѣ сѣвера *Екатеринѣ В.* Еще будучи в. княгинею, Екатерина была занята мыслію издать общій словарь, по плану, составленному Лейбницемъ. Она ободрила капеллана англійской факторіи *Даніеля Дюмареска*, предпринять такое сочиненіе, и онъ издалъ по ея желанію *Сравнительный словарь восточныхъ языковъ*. Когда Екатерина вступила на престолъ, то она сдѣлали тратила болѣе времени на завоевательные планы, чѣмъ на филологическія занятія. Однажды она заперлась почти на годъ, дабы посвятить свое время собранію своего сравнительнаго словаря. Ей помогали русскіе посланники, профессора снабжали ее грамматиками и словарями,—а Вашингтонъ, чтобъ угодить императрицѣ, разослалъ ей списки словъ ко всѣмъ губернаторамъ и генераламъ Соединенныхъ Штатовъ съ просьбою достанить равнозначущія слова американскихъ діалектовъ. Первый томъ *императорскаго* словаря явился въ 1787 г. Но хотя сочиненія Гервиса, императрицы Екатерины и Аделунга и важны, какъ собранія,—однако принципъ классификаціи, положенный въ основаніе этихъ сочиненій, едва-ли можно назвать научнымъ. Языки распредѣлены географически на языки Европы, Азіи, Америки, Африки и Австраліи. Языки представлялись такимъ образомъ какъ бы плавающими, подобно островамъ, въ океанѣ человѣческой рѣчи: они не сталкивались вмѣстѣ, чтобъ образовать большіе материки. И долго пришлось бы имъ такъ плавать, если-бы счастливый случай, подобно электрической искрѣ, не заставилъ плавающіе элементы кристаллизоваться въ правильныя формы. Эта электрическая искра состояла въ открытіи санскрытскаго языка.

Первый достопѣрный случай одолѣнія европейскимъ ученымъ трудности санскрытскаго языка явилъ католическій миссіонеръ и вмѣстѣ брагманъ *Роберто-де-Нобили* (1606 г.), потомъ іезуитъ отецъ *Понсъ*, составившій обширный отчетъ о литературномъ богатствѣ брагмановъ (1840), и наконецъ Paulinus a Santo Bartholomeo, изданній первую санскрытскую грамматику въ Римѣ (1776—1780). Но исторія, собственно, того, что можно бы назвать европейскою санскрытологіею, начинается съ основанія азіятскаго общества въ Калькуттѣ въ 1784 г. Трудно было бы сказать, что изъ двухъ, языкъ или литература, возбуждало болѣе сильный и продолжительный интересъ. Нельзя было взглянуть, хотя самымъ поверхностнымъ взглядомъ, на склоненія и спряженія, не бывъ пораженнымъ необыкновеннымъ сходствомъ и положительнымъ тождествомъ грамматическихъ формъ въ санскрытѣ, греческомъ, латинскомъ и др. языкахъ. *Гольхендъ* въ предисловіи къ своей грамматикѣ бенгальскаго языка пишетъ: «меня поразило сходство санскрытскихъ словъ съ арабскими и персидскими, и даже съ латинскими и греческими; и это сходство я нашелъ не въ техническихъ и метафорическихъ выраженіяхъ, которыя могли бы быть введены случайнымъ обмѣномъ утонченныхъ искуствъ и усовершенствованныхъ нравовъ, но и въ главныхъ основаніяхъ языка, въ односложныхъ словахъ, въ названіяхъ числительныхъ и такихъ предметовъ, которые могли быть различаемы прежде всего при самомъ разсвѣтѣ цивилизаціи». Тоже утвердили фактами, *Джонсонъ*, *Лордъ Монбодо* и др. А многіе до того были поражены сходствомъ санскрыта (Джонъ Стюартъ) съ языками: персидскимъ, греческимъ, латинскимъ и др., что начали утверждать, будто санскрытскій языкъ выдуманъ, будто онъ составленъ по образцу греческаго и латинскаго языковъ первыми обманщиками и величайшими лгунами, брагманами, и что вся санскрытская литература—обманъ. Первый, кто осмѣлился прямо взглянуть въ лицо фактамъ о санскрытѣ и выводамъ изъ этихъ фактовъ, былъ нѣмецкій поэтъ, Фридрихъ *Шлегель*. Пріобрѣвъ знаніе санскрыта отъ мистера Алекс. Гамильтона, онъ издалъ въ 1808 г. сочиненіе Ueber die Sprache und Weisheit der Inder. Это сочиненіе, подобно магическому пруту, указало на мѣсто, гдѣ слѣдовало взорвать подкопъ, и вскорѣ нѣкоторые изъ отличнѣйшихъ ученыхъ того времени начали углублять шахту и извлекать металлъ. Такъ, въ 1816 и 33 гг. появились безсмертные труды *Франца*

Библиотека "Руниверс"

Боппа: «*Сравнительная грамматика санскритскаго, зендскаго, греческаго, латинскаго, литовскаго, славянскаго, готскаго, и нѣмецкаго языковъ.*» Этотъ трудъ навсегда будетъ служить твердымъ и вѣрнымъ основаніемъ сравнительной филологіи. За этимъ представителемъ языкознанія слѣдовалъ другой, еще болѣе значительный и вліятельный, *Вильгельмъ фонъ-Гумбольдтъ*. Возросшій среди философскихъ и эстетическихъ стремленій цвѣтущаго времени европейской литературы, возбужденный Кантомъ и Фихте, другъ Шиллера и передовой членъ веймарскаго кружка, высокогосударственный человѣкъ, онъ въ поздніе лѣта жизни былъ завлеченъ великою проблемою о безконечномъ различіи языковъ человѣческихъ. Основываясь на богатѣйшихъ коллекціяхъ, собранныхъ его великимъ братомъ изъ внутренней Азіи и Америки, онъ сдѣлалъ обстоятельное обозрѣніе этого различія и яснымъ взглядомъ узналъ, что это безконечное море языковъ должно быть понимаемо какъ нѣчто *единое*, случайно испорченное и распавшееся. Знаменитое его сочиненіе «Ueber die Kawe Sprache». Потомъ на основаніи этихъ же общихъ началъ, слѣдовалъ трудъ проф. *Потта*: «Etymologische Forschungen». За тѣмъ трудъ *Гримма* Deutsche Grammatik, трудъ, который съ полнымъ правомъ можно назвать гигантскимъ. 20 л. продолжалось изданіе этой грамматики (1819—1837). Много есть и другихъ славныхъ ученыхъ, которые съ тріумфомъ прошли по сокровеннымъ тайникамъ дыханія души человѣческой; но время не позволяетъ мнѣ обозрѣть ихъ священные труды. Пойду далѣе.

Я полагаю, будетъ предложенъ вопросъ, почему открытіе Санскрыта сдѣлалось эпохою въ языкознаніи. Когда Санскрытъ приведенъ былъ въ соотношеніе съ другими языками Европы и Азіи, тогда увидѣли, что это соотношеніе даетъ весьма вѣрное средство къ точному распредѣленію языковъ по ихъ родству, или, такъ сказать, по ихъ родословному дереву; что Санскрытъ не отецъ всѣмъ языкамъ Европы и Азіи, какъ сначала полагали, а ихъ старшій братъ,—и что языки Европы и Азіи дѣти одной и той-же матери, или, говоря иначе, развѣтвленія одного и того-же основнаго языка, названнаго учеными арійскимъ. Въ послѣднее время по архивамъ языка составлена исторія арійской цивилизаціи,—исторія, простирающаяся во времена далеко за область документальной исторіи. Вотъ вкратцѣ исторія этого народа.

За нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашей эры, внутри Азіи, на сѣверной окраинѣ ея могучей центральной цѣпи горъ, въ богатой лугами плодосной полосѣ земли обиталъ высокодаровитый народъ. Этотъ былъ народъ пастушескій. У него были и первые зачатки хлѣбопашества. Знали необходимое плотничье искусство и кораблестроеніе. Высшимъ существомъ у него было свѣтлое небо. Борьба свѣта съ тьмою, задернутыхъ тьмою облаковъ съ блескомъ солнца, шумъ бурь и непогодъ, восходъ и заходъ солнца—все это развилось въ живомъ воображеніи этого народа въ чудные образы битвъ и дѣяній сверхъ-естестепныхъ силъ. Этотъ народъ, въ тиши его патріархальнаго быта, совершилъ великое духовное дѣло, доставшееся намъ въ наслѣдство; онъ создалъ совершеннѣйшій изъ языковъ человѣческаго племени.

Когда такимъ образомъ, языки міра распредѣлены были по классамъ и семействамъ, тогда увидѣли, что это безконечное море языковъ, доходящее по приблизительному вычисленію гальскаго проф. Потта до 860 (53 для Европы, 153 для Азіи, остальные для другихъ частей свѣта) дѣлится естественнымъ образомъ, по ступенямъ ихъ развитія на четыре группы, съ четырьмя различными формами строенія языка, сколько характеристическими для психологическихъ особенностей тѣхъ народовъ, которымъ онѣ принадлежатъ, столько же и важными для вопроса о происхожденіи языка. Эти четыре формы можно разсматривать какъ ступени одного и того-же развитія и съ этой точки зрѣнія ихъ можно назвать *картинною, радикальною, аглютинативною и инфлекціональною* ступенью. Вотъ вкратцѣ характеристическія черты этихъ языковъ.

(Окончаніе будетъ).

Джонъ Гершель.

Въ исторіи астрономіи навсегда останутся имена Гершелей, нѣмецкихъ уроженцевъ, переселившихся въ Англію съ 1757 года. Собственно говоря, только Вильямъ и Джонъ, отецъ и сынъ, прославились важными изслѣдованіями и открытіями на обоихъ полушаріяхъ звѣзднаго неба,—да еще слѣдуетъ причислить къ нимъ сестру Вильяма Каролину, которая въ значительной степени помогала ему въ научныхъ трудахъ.

Младшій Гершель, умершій 11 мая 1871 года въ Кентѣ, конечно не поровнялся въ славѣ съ отцомъ, который открытіемъ планеты Уранъ и множествомъ замѣчательныхъ наблюденій въ концѣ XVIII столѣтія затмилъ всѣхъ современныхъ ему астрономовъ. Единственный сынъ Вильяма, Джонъ, родился 7 марта 1792 г. въ Слоу (Slough) близь Виндзора. Съ малыхъ лѣтъ онъ радовалъ отца своимъ пристрастіемъ къ математикѣ, главныя основанія которой изучилъ въ кембриджской коллегіи Ст. Джона. Въ 1813 году онъ получилъ степень баккалавра точныхъ наукъ. По окончаніи курса и до смерти отца въ августѣ 1822 г. главнѣйше занимался онъ чистой математикой и теоретической физикой. Въ 1814 году вмѣстѣ съ Пикокомъ (Peacok) работалъ надъ дополненіемъ къ *дифференціальному счисленію* Лакруа. Не въ 1816 году, какъ пишетъ Ваперо, а только по смерти отца началъ онъ производить астрономическія наблюденія съ помощью методы и инструментовъ, завѣщанныхъ ему Вильямомъ. Преимущественно занимался онъ туманными пятнами и двойными звѣздами, при содѣйствіи Джемса Соута (South). Королевское Астрономическое Общество неразъ награждало его за каталоги золотыми медалями. Изданные тѣмъ же обществомъ *Transactions* печатно возвѣстили о результатѣ осмилѣтнихъ его работъ надъ этимъ предметомъ (въ 1833 году). То были выводы изъ такихъ важныхъ и замѣчательныхъ наблюденій, что всѣ невольно обратили вниманіе на молодаго Гершеля, хотя образованный міръ давно уже зналъ его по нѣсколькимъ, менѣе важнымъ но равно ученымъ, трудамъ, какъ напр. *Трактатъ о звукѣ* (1830), *Трактатъ о теоріи свѣта* (1831) *Вступительная рѣчь объ изученіи натуральной философіи* (1831). Печаталъ Гершель свои сочиненія въ *Encyclopaedia metropolitana* и *Lardner's Cyclopaedia*. Въ этомъ послѣднемъ изданіи въ первый разъ помѣстилъ онъ свой *трактатъ объ Астрономіи*. Не мѣсто здѣсь распространяться о сочиненіяхъ его, въ которыхъ, кромѣ высокаго популяризаторскаго таланта, проявляется замѣчательная оригинальность мысли,—тѣмъ болѣе что для массы читающей публики они представляютъ мало интереса, какъ слишкомъ спеціальныя и переполненныя астрономическими подробностями.

1833 годъ сталъ эпохою въ жизни Гершеля. Въ этомъ году пришла ему мысль заняться астрономическими наблюденіями надъ южнымъ полушаріемъ звѣзднаго неба, мало до тѣхъ поръ извѣстнымъ. Запасшись отцовскими инструментами и нѣсколькими новыми, онъ съ женой и дѣтьми отправился на мысъ Доброй Надежды. Тамъ, въ мѣстечкѣ Фельдгаузенъ построилъ онъ себѣ обсерваторію—и съ февраля 1834 года до мая 1838, одинъ-одинехонекъ, безъ перерыва производилъ наблюденія. По Европѣ въ это время и даже послѣ его возвращенія въ Англіи (1838 г.) ходили разные фантастическіе слухи объ диковинныхъ открытіяхъ Гершеля, о видѣнныхъ имъ людяхъ на лунѣ и т. п. Только въ 1847 году положилъ онъ этимъ розсказнямъ конецъ изданіемъ своей книги *результаты астрономическихъ наблюденій съ* 1834 *по* 1838 *годъ на Мысѣ Доброй Надежды*. Кстати, слѣдуетъ прибавить, что въ Африкѣ же производилъ онъ и метеорологическія наблюденія, побуждая англійскія обсерваторіи къ трудамъ въ этомъ направленіи.

Вслѣдъ за возвращеніемъ въ Англію, на Гершеля посыпались щедроты судьбы: королева пожаловала ему титулъ баронета, оксфордскій университетъ прислалъ докторскій дипломъ. Правительство хотѣло возвратить Гершелю издержки на устройство обсерваторіи въ Фельдгаузенѣ,—но онъ отказался отъ этого предложенія. Въ 1842 году онъ сталъ ректоромъ коллегіи въ Абердинѣ, а въ 1848 Астрономическое общество единогласно выбрало его въ президенты. Наконецъ въ 1850 году получилъ онъ почетную синекуру директора королевскаго монетнаго двора, которую въ 1855 году по слабости здоровья уступилъ знаменитому химику, проффессору Грагаму.

Кромѣ вышеупомянутыхъ спеціальныхъ трудовъ, сэръ Джонъ Гершель печаталъ множество статей въ энциклопедіяхъ, а такъ же въ Edinbourg u Quarterly review. Слѣдуя классическому примѣру англійскихъ ученыхъ, онъ перевелъ съ оригинала всю „Иліаду" и нѣкоторые отрывки изъ «Божественной комедіи».

Знаменитый сынъ знаменитаго отца оставилъ по себѣ значительное потомство: девять дочерей и трехъ сыновей.

Водопадъ Кивачъ.

Въ глуши Олонецкой губерніи, среди ея суровыхъ пейзажей, природа скрыла одну изъ своихъ чудеснѣйшихъ, величественнѣйшихъ картинъ — водопадъ Кивачъ. Подъѣзжая къ нему густымъ лѣсомъ, еще издали слышишь шумъ его водъ. Онъ низвергается съ вышины 5 саженъ и падаетъ четырьмя уступами въ глубокую рытвину внизу порога, какъ воспѣваетъ его Державинъ въ своихъ знаменитыхъ стихахъ

«Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четыремя скалами;
Жемчугу бездна и сребра

Библиотека "Руниверс"

Кипить внизу, бьетъ вверхъ буграми;
Отъ брызговъ синій холмъ стоитъ,
Далече ревъ въ лѣсу гремитъ»

На картинѣ профессора Боголюбова, изображающей Кивачъ, видѣнъ только одинъ изъ этихъ четырехъ уступовъ, который самъ по себѣ представляетъ великолѣпный водопадъ. Вѣроятно художникъ нашелъ водопадъ въ его цѣломъ слишкомъ громаднымъ и раскинутымъ для рамки своей картины. Онъ остановился на одномъ моментѣ и выбралъ его чрезвычайно удачно. Какъ хороша здѣсь рамка водопада; спокойно и твердо стоятъ вокругъ утесы темнобураго гранита, а молодыя ели склонились къ блестящему потоку, будто слушая его страстныя рѣчи.

Сила паденія водопада такъ велика, что большое дерево, пущенное съ порога, разламывается на части какъ щепка. Вокругъ водопада, паромъ растилается тонкая водяная пыль, ложится на деревья и до самыхъ вершинъ покрываетъ ихъ вѣтви брильянтовыми росинками. Зимой эти деревья стоятъ обвѣшанныя цѣлыми сталактитами ледяныхъ сосулекъ. Водовадъ лежитъ на рѣкѣ Сунѣ, въ 57 верстахъ отъ Петрозаводска и въ 15 отъ Конзачерскаго завода; на лодкахъ можно отъ Кивача проѣхать черезъ Кендолажскую губу на Онежское озеро. Для спуска корабельныхъ лѣсовъ черезъ водопадъ, въ 1837 г. устроено особое русло въ видѣ мельничнаго водянаго спуска аршина въ 3 ширины. Посѣщающіе водопадъ обыкновенно ѣдутъ изъ Петрозаводска въ село Вороново, и оттуда верстъ 10 поднимаются вверхъ по р. Сунѣ. Рѣка эта также чрезвычайно живописна, мѣстами тихая и ровная, мѣстами прерываемая бурными порогами. Державинъ въ одномъ мѣстѣ своего стихотворенія обращается къ ней, восклицая,

«И, ты, о водопадовъ мать!
Рѣка на сѣверѣ гремяща,
О, Суна! и т. д.

Впаденіе Суны въ Онегу—поэтически изображено Державинымъ въ заключительныхъ строфахъ его стихотворенія:

«И безъ примѣса чуждыхъ водъ
Поишь златые въ нивахъ бреги.
Великолѣпный свой ты ходъ
Вливаешь въ свѣтлый сонмъ Онеги»

Самое лучшее время для посѣщенія Кивача—май и іюнь. Это время его полноводья, и тогда онъ представляется во всей своей могучей красотѣ и силѣ.

Изъ Версали

(Собственныя корреспонденціи „Нивы“).

Національное собраніе. 3 Января 1874 г.

Вотъ уже третье засѣданіе какъ происходятъ пренія о законѣ о мэрахъ; всѣ усилія лѣвой стороны останутся конечно тщетны,—ибо правительство г-на Броя, не смотря на минутную неудачу, находится въ полной силѣ. Но если оно располагаетъ достаточнымъ большинствомъ теперь, то едвали, повторю еще разъ, оно удержитъ это большинство во время преній о конституціонныхъ законахъ. Во вчерашнее засѣданіе докладчикъ г. Клапье произнесъ снова защитительную рѣчь, которая была до крайности плоха. Расчитывая вѣроятно на невѣжество аудиторіи, онъ высказалъ напр. такого рода вещи.—Что такое мэръ? спрашивалъ ораторъ.—Это министръ внутреннихъ дѣлъ въ своей общинѣ, это министръ финансовъ *ибо онъ дѣлаетъ бюджетъ* (?!), онъ военный администраторъ ибо раздаетъ квартиры военнымъ (?!) и т. д. Большаго невѣжества, согласитесь, заявить нельзя, ибо во 1-хъ бюджетъ составляетъ муниципальный совѣтъ, во 2-хъ экономическо-административныя распоряженія дѣлаетъ или муниципальный совѣтъ, или генеральный смотря по важности вопроса, въ 3-хъ размѣщаетъ военныхъ на квартиры полковой начальникъ по плану изъ министерства внутреннихъ дѣлъ черезъ министерство военное,—такъ что полковникъ только совѣтуется съ мэромъ.

Подобныя преувеличенія не имѣютъ конечно смысла. Вся рѣчь г-на Клапье сопровождалась комическими жестами, такъ что на лѣвой сторонѣ раздавался постоянно смѣхъ, а правая не смѣла даже аплодировать своему оратору. По выходѣ изъ засѣданія Тьеръ сказалъ, обращаясь къ группѣ окружавшихъ его депутатовъ: Nous avons assistés messieurs à l'agonie du Polichinelle,—c'est tout». Сегодняшнее засѣданіе пока не представляетъ ничего важнаго (теперь 5½ ч). но можно ожидать какого либо incident. Полученныя сегодня утромъ свѣдѣнія изъ Италіи—черезвычайно дурныя, ибо биржа, по только что полученной телеграммѣ, которая теперь лежитъ передо мной, понизилась на 50 сентимовъ. Вообще при направленіи внѣшней политики Франціи не надо быть глубокимъ мудрецомъ, чтобы предсказать войну съ Италіей. Послѣ преній о законѣ о мэрахъ, которыя закончатся завтра, стоитъ на очереди интерпелляція генерала дю Тампля по римскому вопросу. Генералъ принадлежитъ къ клерикальной партіи и намѣренъ вопросить правительство о томъ, какой политикѣ оно намѣрено слѣдовать касательно папы, притѣсняемаго грабителемъ Викторомъ Эмануиломъ,—le plus grand spoliateur de notre siécle, какъ выражаются клерикалы. Вообще дѣла идутъ дурно; а если продержится Брой еще немного—то будутъ еще хуже. Завтра, по окончаніи закона о мэрахъ, сообщу подробно содержаніе закона и результатъ вотировки.

Только что получилъ свѣденія о содержаніи полученной депеши изъ Италіи; за вѣрность ручаюсь, ибо слышалъ отъ депутата. Итальянское правительство требуетъ отозванія фрегата Оренокъ, который крейсируетъ въ итальянскихъ водахъ къ услугамъ папы, и сверхъ того отозванія спеціальнаго посланника изъ Ватикана. Это громадный щелчокъ. Остается рѣшить слѣдующій вопросъ: можетъ-ли уступить правительство столь серіозному требованію, или нѣтъ. Грустно уступать подобному ультиматуму.

Бѣдная Франція!

Настоящій порядокъ во Франціи черезвычайно шатокъ и имѣетъ угрожающій характеръ касательно будущаго. Кончитъ-ли Франція тѣмъ политическимъ хаосомъ какъ Испанія, — вотъ вопросъ, который неминуемо приходитъ въ голову всякому, кто внимательно слѣдитъ за ходомъ внутренней политики теперешняго французскаго правительства. Я уже говорилъ вамъ, что въ самыхъ важныхъ законахъ какъ напр: въ избирательномъ и въ вырабатываемыхъ комиссіей 30-ти законахъ основныхъ, — правительство идетъ въ разрѣзъ съ демократическими стремленіями страны, и что столкновеніе между ними неизбѣжно. Наблюдатель, поставленный среди центра французской политики, можетъ отмѣтить куріозный характеръ реакціи правительства. Это не реакція правительства желающаго упрочить свое собственное существованіе,—нѣтъ! Это реакція какъ бы подготовляющая исподволь почву для монархіи. Республиканская реакція отличается гораздо большимъ характеромъ подвижности и уступчивости. Законъ о мѣрахъ имѣетъ характеръ чисто монархическій; избирательный законъ создаетъ во Франціи если не классы общества то привиллегированныя категоріи; поговариваютъ напр. о высокомъ избирательномъ цензѣ и о верхней палатѣ образованной изъ лицъ *высшихъ* классовъ и съ большими прерогативами противу низшей палаты.

Подобныя политическія идеи конечно весьма почтенны, и дѣйствуютъ исправно въ Англіи,—но въ странѣ 1789 года онѣ производили только революціи, что служитъ достаточнымъ доказательствомъ того что можетъ произойти въ будущемъ. Между тѣмъ непопулярный кабинетъ Брая стремится впередъ, какъ-бы заранѣе увѣренный въ успѣхѣ.

Говорятъ, что секретарь г-на Броя забираетъ всѣ возможныя свѣдѣнія о состояніи умовъ въ Парижѣ и о всѣхъ мѣрахъ, которыя были приняты Людовикомъ Наполеономъ накануне Coup d'Etat.

Полиція дѣйствительно стала страшно несносна дней пять или шесть. Примѣры: съ разъѣзда публичныхъ баловъ выпускаютъ публику чуть не попарно, тоже изъ театровъ, и вообще разгоняютъ даже незначительныя кучки народа гдѣ бы то ни было. Третьяго дня на балѣ у Макъ-Магона замѣчено было много дамъ въ бѣломъ съ fleurs de lys на головахъ или въ формѣ бриллiантовыхъ брошекъ и діадемъ. Въ Journal officiel появляются весьма часто приказы сдвигающіе войска въ Парижъ; въ настоящее время всѣхъ войскъ въ столицѣ 324 тыс. человѣкъ. Еще маленькое указаніе: графъ Шамборъ живетъ во Франціи инкогнито, а г-нъ де Ларси теперешній министръ публичныхъ работъ заявилъ, что правительство въ согласіи съ правой стороной снова поставитъ вопросъ собранію во время преній о конституціи—какая должна быть окончательная форма правленія—монархія или республика.

Умѣренные члены правительства (ихъ всего два: Десселиньи и Деказъ), говорятъ, боятся повторенія комуны или междуусобной войны; попы кричатъ что вы знаете изъ газетъ. Ротшильдъ и Монто-Люнель завербованы Броемъ и авансируютъ 500 мил. и въ случаѣ войны новаго короля съ Италіей 2000 мил. заемъ.

Н. Чашниковъ.

Смѣсь.

Садовница.

(Съ картины Мурильо).

Бартоломей Эстебанъ Мурильо, знаменитый испанскій живописецъ, родился 1 января 1618 года въ Севильѣ, умеръ 3 апрѣля 1682 года. Онъ былъ главою севильской школы живописи и отличался въ своихъ произведеніяхъ теплотою, искренностью, силой, возвышенностью и страстностью. Множество написанныхъ

Библиотека "Руниверс"

Водопадъ Кивачъ въ Олонецкой губерніи. Съ акварели профессора Боголюбова. Рис. И. А. Космаковъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

нмъ картинъ распадаются главнымъ образомъ на слѣдующіе отдѣлы: религіозно историческая живопись, юмористическій жанръ и портреты.

Прилагаемый рисунокъ, воспроизведенный съ оригинальной картины, находящейся въ Императорскомъ С-Петербургскомъ Эрмитажѣ,—представляетъ одно изъ тѣхъ граціозныхъ вдохновеній великаго мастера, которыми онъ преимущественно снискалъ себѣ популярность въ средѣ людей даже мало развитыхъ въ художественномъ смыслѣ. Это одинъ изъ нестонародныхъ испанскихъ типовъ, годящійся въ pendants любому изъ подобныхъ произведеній Мурильо, какъ напр. мальчикъ-нищій, уличные мальчишки и т. п. Молодая садовница, возвращающая съ обильной жатвой цвѣтовъ въ своемъ передникѣ,—казалось бы, сюжетъ избитый до того, что въ наше время не всякій ученикъ дерзнетъ выступить съ нимъ на экзаменъ. Но здѣсь-то и оправдывается вѣчное и неизмѣнное правило: въ искусствѣ важно не *что* (подразумѣвается: изображено) а *какъ* (выполнено). Въ этомъ величайшая тайна искусства—и разгадка того, какимъ образомъ мы часто проходимъ безъ малѣйшаго вниманія мимо большой исторической картины—и по цѣлымъ часамъ стоимъ, не отрывая глазъ отъ какой нибудь головки, созданной к стью истинно-великаго художника.

Невинный мошенникъ. Мы сидѣли въ Бриньонскомъ кафе въ Нью-Іоркѣ, и пили шоколадъ; разговоръ зашелъ о разбойникахъ и парижскихъ мошенничествахъ, и одинъ господинъ, изъ нашего общества, разсказалъ намъ слѣдующее:

Нѣкто, г. П., возвращался поздно ночью домой; онъ шелъ въ глубочайшей темнотѣ съ фонаремъ въ рукахъ, какъ вдругъ на *Pont Neuf* его останавливаетъ какой-то незнакомецъ и заговариваетъ съ нимъ такъ вѣжливо, что онъ не задумываясь остановился.

— У васъ есть огонь, сказалъ незнакомецъ,—не будете ли вы такъ добры прочитать мнѣ эту бумажку, которую я сейчасъ поднялъ. Можетъ быть въ ней есть что нибудь важное.

Господинъ П. приподнялъ свой фонарь и посмотрѣлъ сначала на незнакомца; онъ увидѣлъ высокаго, сильнаго барина съ густой бородой, впрочемъ, весьма прилично одѣтаго. Затѣмъ онъ взялъ бумажку, и къ величайшему своему удивленію, прочиталъ слѣдующее:

«Когда вы это прочитаете, не произносите ни единаго звука. Скажите слово, и васъ ждетъ смерть.—Отдайте мнѣ ваши часы, вашъ кошелекъ и ваши драгоцѣнности. Сдѣлавъ это, молча ступайте дальше, тогда вы останетесь живы. — Берегитесь же»!

Въ послѣднее время передъ этимъ, въ Парижѣ происходило множество самыхъ смѣлыхъ грабежей, и ходило много разсказовъ о подвигахъ разныхъ отчаянныхъ мошенниковъ; г. П. былъ увѣренъ, что передъ нимъ стоитъ одинъ изъ такихъ героевъ. При немъ не было ни какаго орудія защиты, поэтому онъ разсудилъ что всего благоразумнѣе молча исполнить предъявленное ему требованіе. И такъ, онъ снялъ съ себя часы, вынулъ изъ кармана кошелекъ, и вмѣстѣ съ своими кольцами и дорогой булавкой, отдалъ незнакомцу. При этомъ онъ еще разъ пристально посмотрѣлъ ему въ лицо, чтобы узнать его, еслибы какъ нибудь пришлось съ нимъ встрѣтиться. Исполнивъ все это безъ малѣйшаго поползновенія къ оппозиціи, онъ, какъ только могъ скорѣе, пошелъ черезъ мостъ.

Прошла недѣля послѣ описаннаго происшествія, какъ въ одинъ прекрасный день, г. П., стоя на *Quai de la Conference*, увидѣлъ разбойника, ограбившаго его на *Pont Neuf*. Онъ не выпускалъ его изъ виду до тѣхъ поръ пока не дошелъ до полицейскаго и не убѣдилъ того арестовать подозрительнаго господина и свести къ судьѣ. Г. П. расказалъ о происшествіи на мосту, обвиняя арестованнаго въ грабежѣ. Того посадили въ тюрьму. Когда мошенникъ былъ призванъ въ залу суда по взведенному на него обвиненію, то, безпечно охорашивая свою бороду, объявилъ себя «невиновнымъ». Господинъ П., пострадавшее лицо и единственный свидѣтель катастрофы, клятвенно увѣрялъ въ бывшемъ грабежѣ и въ томъ, что онъ былъ совершенъ именно этимъ человѣкомъ.

Подсудимый защищалъ себя самъ; онъ говорилъ съ такой увѣренностью, какою можетъ обладать лишь искуслѣйшій адвокатъ. Онъ говорилъ:

«Господа, я признаю что въ упомянутый вечеръ я встрѣтился съ этимъ господиномъ на *Pont Neuf*, и что передаваемая имъ сцена произошла точно такимъ образомъ какъ онъ разсказываетъ. Но, Боже мой! у меня не было ничего дурнаго на умѣ. Все мое несчастіе въ томъ, что я не умѣю читать. Только что передъ тѣмъ я поднялъ лоскутокъ бумаги, и подумавъ; не заключаетъ ли она чего важнаго,—попросилъ господина, шедшаго съ фонаремъ, прочитать ее мнѣ. Я хотѣлъ спросить что тамъ написано, но прежде чѣмъ я успѣлъ сказать слово, онъ вытащилъ свой кошелекъ и часы, сунулъ мнѣ все это въ руку, потомъ отдалъ мнѣ свои кольца и брильянтовую булавку. Я не могъ опомниться отъ удивленія. Я счелъ его за сумасшедшаго—мнѣ пришло въ голову: не намѣревается ли онъ броситься съ моста въ Сену.—Неужели его понудила къ этому прочитанная бумага? Ужъ не назначалась ли она для него? Я уже намѣревался было сдѣлать ему этотъ вопросъ, какъ вдругъ онъ пустился бѣжать; я остался одинъ не зная что дѣлать. Опомнясь, я подумалъ что вѣрно содержаніе этой бумаги чрезвычайно важно, можетъ быть въ ней заключается какая нибудь государственная тайна, и незнакомецъ отдалъ мнѣ всѣ свои вещи, чтобы самому завладѣть бумагой и поскорѣй избавиться отъ меня. *Ma foi*, мнѣ кажется, я въ полномъ правѣ на него жаловаться. Я могъ бы требовать удовлетворенія за напрасно произведенное надо мной насиліе».

Въ залѣ суда не было ни одного человѣка, который бы не былъ убѣжденъ въ виновности мошенника, но онъ доказалъ что ничего не требовалъ отъ г. П.,—и человѣкъ, утверждавшій что онъ не умѣетъ читать, а между тѣмъ защищавшій себя съ граціей самаго блестящаго адвоката, вышелъ изъ суда оправданнымъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Ихъ Императорско-Королевскія Высочества Наслѣдный Принцъ Германскій и Прусскій съ Супругою и Его Высочество Владѣтельный Герцогъ Саксенъ-Кобургъ-Готскій изволили прибыть 8-го января, въ 3 часа пополудни, въ С.-Петербургъ. 8-го же января, въ 8 часовъ вечера, прибылъ въ С.-Петербургъ Его Королевское Высочество Наслѣдный Принцъ Датскій.

— 11-го сего января, въ часъ пополудни, совершено было въ Зимнемъ дворцѣ бракосочетаніе Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ, согласно Высочайше утвержденному церемоніалу. Въ тотъ же день, въ 5 часовъ пополудни, былъ Высочайшій обѣденный столъ на 700 персонъ, для лицъ первыхъ трехъ классовъ, и другихъ особъ, упомянутыхъ въ означенномъ церемоніалѣ. Вечеромъ, въ 9 часовъ, былъ балъ въ Георгіевскомъ и Гербовомъ залахъ, къ каковому приглашены были всѣ лица, пріѣздъ ко Двору имѣющія. Столица, и въ особенности зданія, прилежащія къ Зимнему дворцу, и путь отъ арки Главнаго Штаба, по Большой Морской и Невскому проспекту, вплоть до Аничкина моста, въ теченіе дня были разукрашены флагами, а вечеромъ блистательно иллюминованы: огромныя толпы народа тѣснились на всемъ означенномъ пространствѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ играли хоры военной музыки.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Сводъ росписи государственныхъ доходовъ и расходовъ на 1874 годъ.

I.

Государственные доходы.

ОБЫКНОВЕННЫЕ ДОХОДЫ ГОСУДАРСТВЕННЫЕ.

	Доходъ, ожидаемый въ 1874 г. Рубли.
1. Налоги:	
а) Прямые налоги (подати и за право торговли). .	107.085.469
б) Косвенные налоги (сборы, акцизы и пошлины.	281.182.442
2. Правительственныя регаліи	22.851.857
3. Отъ казенныхъ имуществъ.	45.804.747
4. Поступленія разнаго рода.	50.332.261
5. Доходы. Закавказскаго Края	7.111.139
Итого всѣхъ обыкновенныхъ доходовъ государственныхъ.	514.367.915
II.	
6. Оборотныя поступленія. . .	19.184.979
Всего.	533.552.894
III.	
7. Рессурсы, спеціально назначенные на сооруженіе желѣзныхъ дорогъ и устройство портовъ	6.298.762
Всего вообще. . .	539.851.656

Государственные расходы.

I.

РАСХОДЫ ОБЫКНОВЕННЫЕ.

	Расходы, назначенные въ 1874 г. Рубли.
1. Государственный долгъ . .	93.257.877
2. Высшія государственныя учрежденія	1.969.453
3. Вѣдомство Святѣйшаго Синода	9.663.360
4. Министерство Имп. Двора	8.866.599
5. » Иностр. Дѣлъ	2.532.093
6. Военное Министерство . .	170.192.553
7. Морское » . . .	24.847.685
8. Министерство Финансовъ .	80.342.492
9. » Госуд. Имущ.	9.740.684
10. » Внутр. Дѣлъ	43.747.452
11. » Нар. Просв.	13.135.089
12. » Путей Сообщ.	27.301.289
13. » Юстиціи . .	11.458.546
14. Государственный контроль	2.041.977
15. Главное Управленіе Государственнаго Коннозаводс.	697.541
16. Расходы по Вѣдомству Юстиціи въ Царствѣ Польскомъ	834.517
17. Расходы Закавказскаго Края	6.570.888
Итого обыкновенныхъ Государственныхъ расходовъ	507.200.095
II.	
18. На недоборъ въ податяхъ.	4.000.000
III.	
19. Оборотные расходы	19.184.979
Всего.	530.385.074
IV.	
20. Расходы временные, экстраординарные, по постройкѣ желѣзныхъ дорогъ и устройству портовъ, покрываемые спеціально опредѣленными	

Библиотека "Руниверс"

экстраординарными рессурсами.	6.298.762
Всего вообще. . .	536.683.836
Превышеніе въ доходахъ .	3.167.820
	539.851.656

— Воспрещена въ 1874 г. раздробительная продажа крѣпкихъ напитковъ въ мѣстностяхъ Бузулукскаго, Николаевскаго и Бугурусланскаго уѣздовъ Самарской губерніи, наиболѣе пострадавшихъ отъ неурожая, за исключеніемъ тѣхъ пунктовъ, въ коихъ, по соглашенію между Министерствами Внутреннихъ Дѣлъ и Финансовъ, будетъ признано необходимымъ допустить такую продажу для удовлетворенія лишь дѣйствительной потребности въ винѣ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Высочайшимъ приказомъ по Военному Вѣдомству, въ С.-Петербургѣ, 11-го января, Его Королевское Высочество Герцогъ Альфредъ Эдинбургскій *зачисленъ* въ 14-й уланскій Ямбургскій Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны полкъ.

— 9-го января Государь Императоръ, въ часъ пополудни, изволилъ принимать командира 14-го уланскаго Ямбургскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны полка, флигель-адъютанта полковника Штрандтмана и того же полка поручика Крестовскаго 1-го, *) который, какъ сообщается въ «Русскомъ Инвалидѣ», имѣлъ счастіе представить Его Величеству составленную имъ «Исторію Ямбургскаго полка». Государь Императоръ изволилъ принять трудъ поручика Крестовскаго, посвященный высокому Имени Августѣйшаго Шефа, Ея Высочеству Великой Княжнѣ Маріи Александровнѣ, и неоднократно въ весьма милостивыхъ словахъ изволилъ выразить благодарность какъ за этотъ трудъ, такъ равно и за альбомъ акварельныхъ рисунковъ, изображающихъ формы одежды и вооруженія помянутой воинской части съ 1771 по 1871 годъ.

Ея Императорское Высочество Великая Княжна Марія Александровна, того же числа, удостоила личнымъ пріемомъ депутацію отъ полка Имени Ея Высочества. При этомъ полковникъ Штрандманъ и поручикъ Крестовскій имѣли счастіе представить Ея Высочеству Августѣйшему Шефу альбомъ съ формами полка и портретами: Ея Высочества Великой Княжны Маріи Александровны и общества полковыхъ офицеровъ,—а также и томъ «Исторіи» этого полка, причемъ они были удостоены милостивымъ выраженіемъ благодарности со стороны Ея Высочества, а поручикъ Крестовскій особымъ вниманіемъ при прочтеніи посвятительнаго письма къ Ея Императорскому Высочеству.

— Въ «Кронштадскій Вѣстникъ» телеграфируютъ, что клиперъ «Гайдамакъ» 25-го декабря ушелъ изъ *Бреста*, а клиперъ «Всадникъ» 21-го прибылъ *въ Портландъ* и оттуда идетъ *на острова Зеленаго-Мыса*.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Чрезвычайное *Верейское* Уѣздное, Московской губерніи, Земское Собраніе, имѣвшее свои засѣданія 22-го и 23-го минувшаго ноября, постановило благодарить г. Коншина за пожертвованныя имъ на богоугодныя заведенія 1000 руб. и княгиню Щербатову за пожертвованные ею на покупку аптеки 2,500 руб.

— *Московское* Губернское Земское Собраніе послѣдняго очереднаго созыва, въ засѣданіи 8-го декабря, постановило ходатайствовать установленнымъ порядкомъ о разрѣшеніи на изданіе періодическаго Сборника Московскаго земства. На расходы по изданію Сборника ассигновано Собраніемъ 4.500 р.

— *Вятское* Губернское Земское Собраніе послѣдней очередной сессіи, въ засѣданіи 1-го минувшаго декабря, согласно ходатайству Губернской Управы, въ видахъ поощренія частной предпріимчивости въ дѣлѣ развитія сельскаго хозяйства, постановило оказать пособіе въ размѣрѣ 500 рублей машинисту Воткинскаго завода, сельскому обывателю Шадрину, на устройство ручной молотилки, весьма удобной въ крестьянскомъ быту и доступной по цѣнѣ, а также машины для выдѣлки кирпича, дающей возможность приготовлять до 7.000 штукъ кирпича въ день, и пожарной лѣстницы.

— То же *Вятское* Губернское Земское Собраніе поручило Губернской Управѣ разработать вопросъ отъ устройствѣ аптекарскаго сада при Вятской земской больницѣ.

— *Орловское* Уѣздное, Вятской губерніи, Земское Собраніе VII очередной сессіи въ засѣданіи 24-го сентября слушало актъ, составленный назначенною минувшимъ очереднымъ Собраніемъ Коммисіею по изслѣдованію Батырскаго минеральнаго источника. Изъ акта между прочимъ видно, что ключъ этотъ даетъ три ведра въ минуту, а въ сутки 4,320 ведеръ воды; устройство же ключа и небольшихъ бараковъ для врачебной цѣли потребуетъ, по приблизительной смѣтѣ, до 700 руб. По мнѣнію врачей отъ устройства ключа можно ожидать большой пользы.

ТОРГОВЛЯ.

— Изъ гор. *Екатеринодара* пишутъ въ газету «Кавказъ», что *Покровская ярмарка* (мѣстная), окончившаяся въ истекшемъ октябрѣ, была не мало оживлена. Съѣздъ торговцевъ былъ значительный, а наплывъ покупщиковъ простирался до 50,001 человѣкъ. Торговля краснымъ товаромъ среднимъ числомъ оказалась на сумму 150,000 руб. сер., мелочнымъ на 42,000 р. и кожевеннымъ на 55,000 р. с. Хлѣба продано на 600,000 руб. серебромъ.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— *На Мурманскихъ промыслахъ* въ теченіе минувшаго лѣта находилось 793 судна. Рыбопромышленники съѣхались въ становища въ апрѣлѣ и частію въ началѣ мая и продолжали ловъ рыбы до августа. Раннему выѣзду промышленниковъ въ становища препятствовали противные вѣтры и льды, дѣлавшіе въ Кольской губѣ проѣздъ на судахъ невозможнымъ, почему новые промышленники принуждены были отправиться изъ гор. Колы въ становища на оленяхъ. Начало промысловъ было несовсѣмъ удачно, особенно для промышленниковъ восточной стороны берега, гдѣ большая часть ихъ и не выѣзжала въ море до іюня по случаю плавающихъ льдовъ, нагнанныхъ восточными вѣтрами, и появленія морскихъ звѣрей, которые разогнали рыбу.

Вслѣдствіе всего этого Мурманскіе промыслы вообще были менѣе удачны противъ предшествовавшаго года.

Въ навигацію текущаго года на *Мурманскомъ берегу* выловлено рыбы 340,970 п., палтусины 11,995 п., пикшуя 30,860 п. и сайды 53.950 п.; жиру вытоплено 31,627 п., всего 469,402 пуда на сумму 234,490 руб. Во время промысла цѣны на треску стояли отъ 40 до 55 коп., на палтусину отъ 70 до 1 руб. 30 коп., пикшуй и сайду 20 коп. пудъ. Возвышеніе цѣны на треску объясняется требованіемъ ея для отправки въ С.-Петербургъ. Раздѣляя всю цѣнность улова на количество промышлявшихъ судовъ, полагая на каждое судно по 4 человѣка, на каждаго промышленника придется среднимъ числомъ по 74 рубля.

— *Въ Калужской губерніи*, около гор. Лихвина (въ 45 верстахъ отъ Калуги), находятся *Зеленинскія каменноугольныя копи*, въ теченіе уже четырехъ лѣтъ разработываемыя капитаномъ Полуэктовымъ.

Площадь разработываемаго рудника, на рѣчкѣ Жерновкѣ, въ 4 верстахъ отъ Оки, заключаетъ въ себѣ около 30,000 кв. саж.; на этой площади находятся 4 воздушныя шахты и 6 штолень: ходовъ устроено около 1,000 саженъ, т.-е. съ заготовкой для выработки полей около $1^1/_2$ милліона пудовъ. Разработывается третій пластъ угля толщиною отъ $2^1/_2$ до 3 аршинъ, на глубинѣ отъ 12 до 18 саженъ.

Отъ рудника къ р. Окѣ на разстояніи 4 верстъ устроена была деревяно-конная дорога. Сбытъ угля въ 1870 году простирался до 15,000 пуд., въ 1871 году около 70,000. Въ послѣднее время уголь поставлялся на фабрику г-жи Третьяковой, въ гор. Серпуховъ.

АРХЕОЛОГІЯ.

— Въ числѣ различныхъ учебно-вспомогательныхъ учрежденій при Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ состоитъ между прочимъ *Нумизматическій кабинетъ*. Въ кабинетѣ этомъ въ настоящее время 10,427 различныхъ предметовъ, стоимостью въ 4,240 рублей.

— Въ Уманскомъ уѣздѣ—2-го ноября прошлаго года, въ присутствіи члена Московскаго Археологическаго Общества С. Кржиженовскаго, *былъ разрытъ одинъ изъ кургановъ*, находящихся на правой сторонѣ р. *Синицы*, у села *Колодистаго*; главною находкою, при глубинѣ 1-го марта 40 цент., былъ ножикъ красной мѣди, окислившійся, со сломанымъ немного острымъ концомъ, безъ ручки. Такой же почти ножикъ найденъ недавно въ предѣлахъ Австріи, возлѣ Карпатъ. Найденный ножъ можно отнести къ мѣдному періоду, и нужно полагать, что онъ найденъ въ могилѣ жреца.

НЕКРОЛОГЪ.

Помѣщенный въ № 3 «Нивы» рисунокъ бюста графа Ѳ. Ѳ. Берга воспроизведенъ съ мраморнаго бюста, находящагося въ Зимнемъ дворцѣ.

ЛИТЕРАТУРА:

Новыя книги:

Дрэперъ, Джонъ Вильямъ. Исторія умственнаго развитія Европы. Перев. съ англ. Подъ ред. А. Пыпина. 2 тома. Изд. 2-е. Спб. Изд. и тип. Бакстер. 8 д. 2+364 и 357 ст. 1.440 экз.

Исторія монголовъ по армянскимъ источникамъ. Вып. II. Перев. и объясн. *К. Патканова*. Спб. Тип. Акад. Н. 8 д. VIII+140 стр. 310 экз.

Капустинъ, Михаилъ. Международное прво. Яросл. 1873. Тип. Губ. Земской Управы. 8 д. 1+86 стр. 400 экз.

Стебутъ, И. А. Основы полевой культуры и мѣры къ ея улучшенію въ Россіи. Вып. I. Москва. 1873. Унив. тип. 8 д. 208 стр. 600 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Стасовъ, В. Нынѣшнее искусство въ Европѣ. Художественныя замѣтки о всемірной выставкѣ 1873 г. (Въ пользу самарскихъ голодающихъ). Спб. Тип. Тов. „Общ. Польза". 12 д. 2+183 стр. 500 экз. Ц. 1 р.

Тено, Ж. II. Теорія практической пресцективы для рисованія съ натуры, удобопонятная для всѣхъ. Перев. Л. Муратовъ. Москва. Унив. тип. 8 д. 176 стр. и 28 л. рису. 1,500 экз. Ц. 2 р.

Бугаевъ Н. В. Руководство къ арифметикѣ. Арифметика цѣлыхъ чиселъ. Москва. Унив. тип. 8 д. II+118 стр. 4.800 экз. Ц. 40 к.

Глазель, Карлъ. Книга для экскурсій. Руководство къ набивкѣ чучелъ, собиранію насѣкомыхъ и проч. Перев. и доп. Н. Сорокинъ. Съ рис. Изд. 2-е, Черкесовъ. Спб. Тип. Сущинскаго. 8 д. IV+114 стр. 5,000 экз. Ц. 40 к.

Памятная книжка Виленской губерніи на 1874 г. Изд. Губ. Стат. К-та. Вильна. Печ. Тыркина. 12 д. 142+LXVIII стр. 1.250 экз.

Макарій, архіеп. Исторія русской Церкви. Т. 7-й. Спб. Тип. Бокрама. 8 д. 528 стр. 1,844 экз. Ц. 2 р.

СОДЕРЖАНІЕ: Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова** конокрады (съ рисункомъ).—Біографія науки о языкѣ.—Джонъ Гершель (съ портретомъ).—Водопадъ Киватъ съ рисункомъ) изъ Версаля....—Садовница (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

*) Авторъ печатающихся въ „Нивѣ" очерковъ кавалерійской жизни „На травѣ".

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „НИВА" получено: Переносъ изъ № 3: 400 р. 41 к., вновь получено отъ Шафор. въ Бор. 50 к., отъ Вор. въ Кам. 50 к., отъ Малин. въ Петр. 50 к., отъ Рагинск. въ Киш. 50 к., отъ Леонов. въ Павлоградѣ 1 р., отъ Расбок. в Кадняк. 50 к. Итого 403 р. 91 к.

Библиотека "Руниверс"

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ЧАСОВАГО МАСТЕРСТВА

составленное часов. д. мастеромъ И. М. Гусевымъ

съ 70-ю гравированными рисунками.

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ 1870 ГОДА.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучать часовое мастерство но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обращаться часами при повѣркѣ, прибавленіи и убавленіи хода, повѣрка часовъ по солнцу; устройство солнечныхъ часовъ и электромагнитныхъ, вычисленіе относительной разности мѣстностей во времени; составленіе припоевъ и паяніе, каленіе стали, шлифованіе и полированіе металовъ, окрашиваніе мѣди, золоченіе и серебреніе. Поэтому книга можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія а также для слесарей, паяльщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для производящихъ мастерство въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для пріобрѣтенія научныхъ познаній, Продается: **въ Нижнемъ Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ въ редакціи Ремесленной Газеты и у всѣхъ книгопродавцевъ. — Пересылка безъплатно.**

ОБЪ ИЗДАНІИ

ПРАВОСЛАВНАГО ОБОЗРѢНІЯ

въ 1874 году.

Въ слѣдующемъ 1874 году *Православное Обозрѣніе* будетъ издаваться — подъ редакціею свящ. Смирнова-Платонова, при участіи свящ. А. Иванцова-Платонова и П. Преображенскаго — по прежней программѣ, въ томъ же духѣ и направленіи, какъ велось доселѣ.

Годовое изданіе *Православнаго Обозрѣнія* состоитъ изъ двѣнадцати книжекъ, выходящихъ ежемѣсячно, каждая въ объемѣ отъ 12 до 15 печатныхъ листовъ. Подписная цѣна: *6 р. 50 к.*,—а съ доставкою на домъ и пересылкою въ другіе города *7 р. сер.* Подписная цѣна съ «Указателемъ» къ *Православному Обозрѣнію* за одиннадцать лѣтъ — *8 р. съ перес.*

Подписка принимается: *въ Москвѣ*, въ *редакціи журнала*, *Остоженка, приходъ Новаго Воскресенія, домъ свящ. Смирнова-Платонова*, — и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ въ Москвѣ и Петербургѣ. *Иногородные* благоволятъ адресоваться съ своими требованіями исключительно такъ: *Въ редакцію Православнаго Обозрѣнія, въ Москвѣ.*

Полные экземпляры *Православнаго Обозрѣнія* за прежніе годы можно получать по слѣдующимъ пониженнымъ цѣнамъ: 1861, 1862, 1863 и 1864 годы по 2 р. безъ перес., 1865, 1866 и 1869 — по 3 р. безъ перес., 1867, 1868 и 1871—по 4 руб. безъ перес., 1870, 1872, 1873 по 6 руб. безъ перес., а за *тринадцать лѣтъ* 1861—1873—*сорокъ пять рублей* безъ перес. На пересылку за каждый годовой экземпляръ прилагается за 6 ф., а за 13 лѣтъ за 70 фунтовъ—по разстоянію. Выписывающіе «Православное Обозрѣніе» за всѣ прежніе годы получаютъ «Указатель» безплатно.

БИБЛІОТЕКА МОИХЪ СТАРШИХЪ ДѢТЕЙ.

Вышли въ свѣтъ и продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ **четыре** первыя книжки; въ каждой отъ 50—60 страницъ текста и 4 рисунка. Цѣна книжки безъ доставки 30 к., съ пересылкою 40 к.

До святой недѣли выйдутъ **12 книженъ**, всего около 700 страницъ текста и 40 рисунковъ. Желающіе **подписаться** (исключительно въ конторѣ редакціи «Всемірной Иллюстраціи», б. Садовая, д. Коровина) на **всѣ** 12 книжекъ, получатъ ихъ **значительно дешевле**, а именно: безъ доставки **три рубля**, съ пересылкою **четыре рубля.**

Подписка допускается только до 1-го февраля будущаго 1874 года.

Содержаніе первыхъ четырехъ книжекъ: подвиги русскихъ людей, старцы и великаны растительнаго міра, Еруслан Лазаревичъ и засыпанный городъ, гибель Помпеи.

Содержаніе слѣдующихъ: день въ древнемъ Египтѣ за 6000 лѣтъ до насъ, зачѣмъ и какъ взяли мы Хиву, начало русскаго театра, легенда о рыцарѣ Жофръ и пр.

№№ 1-й по 3-й 1874 г. уже вышли.

Всемірная иллюстрація. Цѣна на 1874 г. безъ дост. 13 р., съ доставкою 14 р. 50 к., съ пересылкою въ провинцію 16 р.

Всемірная иллюстрація. Цѣна на 1874 г. безъ дост. 13 р., съ доставкою 14 р. 50 к., съ пересылкою въ провинцію 16 р.

Всемірная иллюстрація. Цѣна на 1874 г. безъ дост. 13 р., съ доставкою 14 р. 50 к., съ пересылкою въ провинцію 16 р.

Всемірная иллюстрація. Цѣна на 1874 г. безъ дост. 13 р., съ доставкою 14 р. 50 к., съ пересылкою въ провинцію 16 р.

Всемірная иллюстрація. Цѣна на 1874 г. безъ дост. 13 р., съ доставкою 14 р. 50 к., съ пересылкою въ провинцію 16 р.

№№ 1-й по 3-й 1874 г. уже вышли.

Модный свѣтъ. Цѣна на 1874 г.; I изд., съ 12 раскраш. карт., безъ дост. 4 р., съ перес. 6 р.; II изд., съ 24 раскраш. карт., и съ 24 вырѣзными выкройками, безъ дост. 5 р., съ перес. 7 р.

Модный свѣтъ. Цѣна на 1874 г.; I изд., съ 12 раскраш. карт., безъ дост. 4 р., съ перес. 6 р.; II изд., съ 24 раскраш. карт., и съ 24 вырѣзными выкройками, безъ дост. 5 р., съ перес. 7 р.

Модный свѣтъ. Цѣна на 1874 г.; I изд., съ 12 раскраш. карт., безъ дост. 4 р., съ перес. 6 р.; II изд., съ 24 раскраш. карт., и съ 24 вырѣзными выкройками, безъ дост. 5 р., съ перес. 7 р.

Модный свѣтъ. Цѣна на 1874 г.; I изд., съ 12 раскраш. карт., безъ дост. 4 р., съ перес. 6 р.; II изд., съ 24 раскраш. карт. и съ 24 вырѣзными выкройками, безъ дост. 5 р., съ перес. 7 р.

Всеобщій календарь на 1874 г. Цѣна въ бум. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к. съ перес. 2 р.

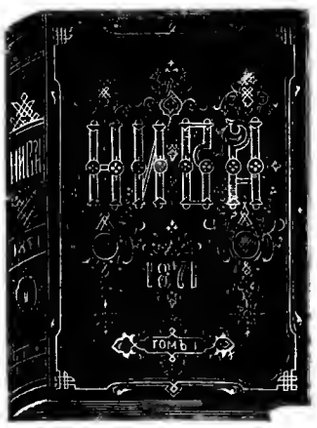
Всеобщій календарь на 1874 г. Цѣна въ бум. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Всеобщій календарь на 1874 г. Цѣна въ бум. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Всеобщій календарь на 1874 г. Цѣна въ бум. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Всеобщій календарь на 1874 г. Цѣна въ бум. 1 р., съ пер. 1 р. 30 к.; въ папкѣ 1 р. 30 к., съ перес. 1 р. 60 к.; въ переплетѣ 1 р. 50 к., съ перес. 2 р.

Изданіе Германа Гоппе въ С.-Петербургѣ.



Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко переплести въ нее нумера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки **1 руб.** съ перес. **1 руб. 50 коп.** Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на 1874 г. которыя могутъ служить въ теченіи года для сохраненія №№ какъ портфель.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Очень много полезнаго и не дорого изъ мельхіоровыхъ и другихъ вещицъ для хозяйства можно найти изящной работы въ магазинѣ **Александра Качъ**, на Невскомъ, напротивъ Думы, въ домѣ Европейской Гостинницы № 3/36.

Гг. иногороднымъ высылаютъ иллюстрированные каталоги по требованію безплатно.

Дозволено цензурою. 17 января 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 5 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 28 января 1874 года. Годъ V. Цѣна этого № «Нивы» 25 коп. сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА", НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" 1874 НА ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" за 1874 годъ.

ПЕРВАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ПОДПИСЧИКАМЪ „НИВЫ" НА 1874 ГОДЪ.

Какъ всегда стараясь всесторонне удовлетворять потребности нашихъ подписчиковъ и имѣя въ виду громадное значеніе новаго «Устава о воинской повинности» для каждой семьи, члены которой отнынѣ обязаны будутъ рано или поздно вступить въ военную службу,—но не желая обременять страницъ нашего журнала въ ущербъ общезанимательному чтенію,—мы прилагаемъ къ настоящему № 5 «НИВЫ» для всѣхъ подписчиковъ

„УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ"

ОТДѢЛЬНОЙ КНИЖКОЙ ВЪ 64 СТРАНИЦЪ.

Желающіе выписать нѣсколько экземпляровъ «устава» благоволятъ присылать за каждый лишній (сверхъ преміи) экземпляръ по 20 к. почтовыми марками, за 10 экземпляровъ 1 р. 50 к., за 20 экземпляровъ 2 р. 50 к., за 50 экземпляровъ 7 руб. сер.

Барышня и барыня

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

III.

Когда я спустился съ галереи за колоннами въ большую залу Благороднаго Собранія, она была еще не освѣщена, но уже такъ полна народа, что приходилось поминутно протискиваться самому и уступать другимъ. Густой полумракъ и жужжащія толпы масокъ въ темныхъ одѣяніяхъ придавали громадной залѣ фантастическій характеръ, какое-то подобіе царства тѣней, въ которомъ сновали, носились и перешептывались его таинственные обитатели. Дѣвчонкамъ эта робертовская декорація должна чрезвычайно нравиться. Но вотъ, гдѣ-то близехонько, взрывъ музыки невольно заставилъ меня вздрогнуть — и красныя звѣзды стронціановой нитки, колеблясь и ныряя въ воздухѣ, отъ люстры къ люстрѣ, понемногу освѣтили залу какъ бѣлый день. Все зашумѣло, загомозилось съ удвоенной силой точно въ муравейникѣ, когда ткнуть его палкой...

Побродивъ немного въ жаркой удушливой атмосферѣ толпы, я скоро нашелъ искомое. Неподалеку отъ эстрады оркестра я чуть не наткнулся на Сметанкина, стоявшаго подъ-руку съ двумя дамами. Возлѣ нихъ ласковымъ песикомъ увивался какой-то бѣлобрысый востроносый юноша, совсѣмъ мальчикъ, видимо недавно обновившій фракъ и то и дѣло старавшійся ущипнуть у себя хоть что-нибудь на подбородкѣ... Я едва успѣлъ взять всторону, какъ младшая дама подала

Библиотека "Руниверс"

ему руку—и парочка эта отдѣлилась отъ группы. Я сказалъ *младшая дама*, потому что со втораго, болѣе пристальнаго взгляда никакъ не могъ признать въ этой маскѣ—Бэтси. Она выросла чуть не на цѣлую голову, изящное шелковое домино съ капюшью такъ скрадывало знакомыя мнѣ дѣтскія ухватки Бэтси, что я начиналъ уже думать: полно, не ошибаюсь ли я,—но въ тоже время какая-то увѣренность въ противоположномъ заставляла меня осторожно слѣдовать за этой парой въ нѣкоторомъ разстояніи, не теряя ее изъ виду. Вотъ они сѣли на одинъ изъ угловыхъ диванчиковъ, я сдѣлалъ еще туръ по залѣ, взошелъ на галерею, обогнулъ ее, помѣстился за колонной какъ разъ позади моей пары — и всякое сомнѣніе исчезло: прислонясь спиною къ колоннѣ и съ самымъ беззаботнымъ видомъ глядя на тянувшіяся мимо вереницы масокъ, я вдругъ явственно различилъ позади голосъ Бэтси... Постепенно возвышаясь отъ шопота, онъ вдругъ такъ наивно зазвенѣлъ—и потомъ, не смотря на всѣ усилія, уже не могъ сдержать дѣтскаго волненія и понизиться до шопота... Мнѣ четко слышалось въ полголоса:

Ахъ, люби меня безъ размышленій,
Безъ тоски, безъ дуиы роковой,
Безъ упрековъ, безъ пустыхъ сомнѣній,
Что тутъ думать—я твоя, ты иой!..

— Чудо что за стихи! восторженно прозвенѣло еще разъ.

Если вамъ попадутся когда нибудь мои записки, Лизавета Николаевна, смѣю васъ увѣрить: улыбнулся я тогда единственно потому, что такъ неожиданно услыхалъ эту пламенную, дышащую могучей страстью строфу... Бэтси въ то время слишкомъ сильно интересовала меня, чтобъ я могъ посмѣяться надъ нею за глаза и безъ цѣли.

Я перемѣнилъ тактику. Мнѣ хотѣлось, чтобы Бэтси сама подошла ко мнѣ въ полной увѣренности, что я не узнаю ее въ этой обстановкѣ. Я опять выбрался въ залу, и рискуя самъ показаться смѣшнымъ, еслибъ случились знакомые въ маскерадѣ,—сталъ въ противуположномъ углу отъ Бэтси, прислонясь къ барьеру галереи, скрестивъ руки à la Napoleon—и изобразивъ, насколько умѣлъ, въ лицѣ крайнее недовольство и утомленіе, старался не глядѣть на Бэтси, разсѣянно бродя глазами по залѣ...

Разсчетъ мой оказался вѣренъ.

Немного погодя, я подмѣтилъ бѣглымъ взглядомъ, что Сметанкинъ съ женой присоединились къ моей парочкѣ и долго шушукались, украдкой кивая въ мою сторону; потомъ обѣ дамы взялись подъ руку и пошли въ уборную, а Левъ направился въ обходъ ко мнѣ.

— Скукища-то какая! привѣтствовалъ онъ меня:— ты давно здѣсь? А я хожу-хожу—хоть бы одна попнтересней...

— А жена-то развѣ ужь не интересна стала? сказалъ я, поддѣлываясь подъ его тонъ.

— Да, вытащишь ее!—поди чай спитъ давно; это я по старой памяти—одинъ какъ перстъ—контрабандой! и онъ даже подмигнулъ мнѣ.—Чтожь, пойдемъ коньячку хватимъ? а?

— Нѣтъ, я одну маску жду изъ уборной... Лучше послѣ поужинаемъ вмѣстѣ...

— Ну и то дѣло! сказалъ онъ, потирая руки и направился въ столовую. Очень ужь онъ торопился посмотрѣть, какъ меня будутъ дурачить, и не обратилъ вниманія на то, что я, не считая нужнымъ хитрить съ нимъ, отвѣтами моими прямо показывалъ, насколько видны мнѣ бѣлыя нитки этой мистификаціи. Увы! въ моей самоувѣренности я и не подозрѣвалъ, что мнѣ готовится Я только боялся, чтобы вмѣсто Бэтси не подошла ко мнѣ сама М-me Сметанкина.

Но подошла Бэтси. Она видимо еще робѣла вначалѣ — смѣсь ребяческой отваги и застѣнчивости сказалась въ ней какъ въ то время, когда мы столкнулись у Сметанкина. Остановясь передъ мной, она неловко опустила руки, помялась на одномъ мѣстѣ—потомъ, дѣланнымъ, горловымъ голосомъ произнесла: «хочешь со мной ходить? Или ты можетъ быть ждешь кого нибудь?»

— Я тебя не знаю, маска, вяло проговорилъ я,— что тебѣ за охота болтать съ незнакомымъ?

— Ты меня не знаешь и никогда не узнаешь, но я тебя знаю, часто слѣжу за тобой... Я хотѣла бы знать: отчего ты такой разочарованный? что у тебя на душѣ?

«Ну, шалишь, барышня, подумалъ я, подавая ей руку,—посмотримъ-ка сперва, что у тебя на душѣ».

— Сколько тебѣ лѣтъ, маска? спросилъ я какъ бы въ отвѣтъ на ея слова.

— Не бойся, я не старуха, кокетливо проговорила она, почти повиснувъ на моей рукѣ,—мнѣ всего двадцать... два... года...

— Гм! отчего жь ты такая маленькая, не смотря на высокіе каблуки съ пробками?

Это послѣднее обстоятельство, разрѣшавшее давешнія недоумѣнія я случайно замѣтилъ, въ то время какъ она довольно ловко отбросила назадъ свой шлейфъ ногою, на поворотѣ...

Маска казалась озадаченною.

— У насъ въ семьѣ всѣ маленькаго роста, и мамаша и... папаша... проговорила она сорвавшимся голосомъ, который въ эту минуту сильно отозвался ея природнымъ.

— И по голосу ты ребенокъ, подхватилъ я,—и знаешь что? ты мнѣ ужасно напоминаешь одну бѣдную дѣвочку, которая хочетъ подражать взрослымъ...

— Чтожь тутъ дурнаго подражать тѣмъ, кто умнѣе насъ? горячо перебила маска.

— Не всегда это удобно, маска. Вотъ, напримѣръ, что можетъ быть смѣшнѣй маленькой дѣвочки, которая плачетъ въ подушку, если ей не дадутъ любимой карамельки, а вечеромъ требуетъ длиннаго платья и думаетъ, что будетъ похожа на взрослую дѣвушку?

— Ну, еще бы! принужденно разсмѣялась моя маска, — какія ты глупости говоришь однако!.. Неужели ты всегда такъ занимаешь своихъ дамъ? Если *да*, то я тебя не поздравляю... Вѣрно ты очень засидѣлся надъ своими книгами и рецептами?... Что? видишь теперь, какъ я тебя знаю?

— Пожалуй, такъ; а ты конечно часто выѣзжаешь? любишь маскарады?

— Ужасно люблю!.. прозвенѣлъ мнѣ свѣжій наивный голосокъ Бэтси, — къ сожалѣнію, не могу такъ часто бывать, какъ бы хотѣлось!

— Отчего-же?

— Меня не пускаютъ... то есть, видишь... быстро подхватила маска,—я... я вѣдь за мужемъ...

— Вотъ какъ! такъ молода — и ужь замужемъ—и кажется не слишкомъ высокаго мнѣнія объ своемъ мужѣ?

— Ахъ, онъ такой прозаикъ въ душѣ—и при томъ фатъ нестерпимый... рисуется съ утра до вечера, — знаешь, это идетъ къ молодости, когда есть чѣмъ похвалиться; а что ужь въ тридцать-то лѣтъ!—пора на покой...

— Бѣдная маска! ты значитъ очень несчастлива? проговорилъ я, мысленно относя эти слова къ моему товарищу (я не сомнѣвался, что Бэтси наслушалась всей этой мудрости въ задушевныхъ бесѣдахъ съ m-me Сметанкиной),—но какъ же ты, такая умница, выбрала именно его? Гдѣ у тебя глаза были?

— Боже мой, я вовсе не думала, что онъ будетъ всюду слѣдовать за мной какъ тѣнь или отказывать мнѣ въ самыхъ необходимыхъ развлеченіяхъ!..

Библиотека "Руниверс"

«А, вотъ оно что»! улыбнулся я про себя,—что же онъ и теперь здѣсь?

— Нѣтъ, сегодня я вырвалась какъ птичка на волю!.. Я одна—и свободна какъ рыбка въ водѣ...

Мнѣ казалось, что я уже довольно заглянулъ въ заповѣдный міръ наклонностей, предвзятыхъ мнѣній и всякаго навѣяннаго сору въ дѣтской головѣ. Моя задача впрочемъ перестала мнѣ казаться легкою...

— Какъ-же ты избавилась отъ него? А понимаю, ты вѣрно сказалась больною и положила въ своей комнатѣ манекинъ въ старомъ платьѣ вмѣсто себя?

Бэтси невольно отшатнулась въ бокъ на всю длину руки; глаза испуганно глядѣли на меня въ прорѣзы черной маски...

— Или можетъ быть ты сказала, что отправляешься погостить къ роднымъ и чтобъ онъ завтра заѣхалъ за тобой?...

— Откуда тебѣ извѣстны эти средства? перебила маска нѣсколько успокоеннымъ голосомъ, но зачѣмъ-то оглядываясь назадъ...

— У меня есть знакомая маленькая барышня, которая такъ обманываетъ свою мамашу...

— А-а-а!..

Мы помолчали. Бэтси опять оглянулась и кивнула раза два своимъ чернымъ вѣеромъ.

Я тоже обернулъ голову—бѣлобрысый юноша спѣшно расталкивалъ толпу позади насъ, пробираясь къ Бэтси.

— Pardon, мнѣ надо сказать два слова моему кавалеру, проговорила Бэтси, освобождаясь отъ меня,—ты не ревнуй—это cavaliere servente—и только!

Она лукаво погрозила мнѣ пальчикомъ въ черной перчаткѣ и подойдя къ отрекомендованному мнѣ субъекту, что-то быстро и довольно долго шептала ему на ухо... Тотъ поклонился и пропалъ въ толпѣ.

— Видишь, какъ ревностно меня охраняютъ? начала Бэтси вернувшись ко мнѣ,—я просила его не безпокоиться на время... Сядемъ, ты меня очень заинтересовалъ, мнѣ хотѣлось бы поболтать съ тобой, — но можетъ быть я надоѣла тебѣ?

— Напротивъ... Еслибъ наше знакомство не было такимъ недавнимъ, проговорилъ я какъ могъ серіознѣе,— я бы просилъ тебя оказать мнѣ честь отужинавъ со мною...

Я ждалъ не безъ любопытства, приметъ она предложеніе или нѣтъ.

Бэтси какъ-то вся пожалась.

— Я никогда не ужинаю здѣсь... Merci за то, что не соскучился со мной! Знаешь, меня занимаетъ эта твоя знакомая, объ которой ты два раза вспоминалъ... какъ ты сказалъ?—маленькая барышня, кажется? — Не секретъ, какъ ее зовутъ?

— Бэтси, равнодушно отвѣтилъ я, глядя въ сторону.—Пожалѣй ее лучше — это совсѣмъ несчастный ребенокъ...

— Отчего? медленно спросила маска, усиленно поддѣлывая голосъ.

— Видишь ли, можетъ быть ты очень несчастлива замужемъ, но все же у тебя мелькали свѣтлыя минуты, когда ты была невѣстой,—весело вѣдь, не правда ли? царица всѣхъ баловъ, всѣ поздравляютъ, грезится счастье... А ей, бѣдняжкѣ, никогда не придется испытать даже этого...

— Почему? живо и съ удивленіемъ спросила Бэтси.

— Какъ тебѣ сказать? — репутація ея сильно компрометтирована, вспомнилъ я собственное выраженіе Бэтси,—конечно, ей самой никогда не намекнутъ объ этомъ, въ глаза даже хвалятъ пожалуй, но всѣ ея знакомые согласны въ томъ, что изъ ребенка-кокетки никогда не выйдетъ доброй, хорошей жены...

— Но почему говорятъ, что она кокетка? развѣ что нибудь знаютъ про нее?

«То-то, задѣло за живое!» торжествовалъ я мысленно, заранѣе поздравляя себя съ успѣхомъ относительно выбраннаго мной пути.

— Я уже говорилъ тебѣ, ходятъ слухи, что она обманываетъ свою maman, добрую, близорукую старушку,— для того чтобъ ѣздить въ маскарады, на вечера въ клубъ...

— Какой вздоръ! вскипѣла маска, — дѣвочка... одна... этого не можетъ быть!..

— Она не одна ѣздитъ; старшая сестра ея, замужняя, имѣетъ неосторожность брать ее съ собою тайкомъ... конечно, по добротѣ... Я увѣренъ, что она сама не сознаетъ, до какой степени губитъ дѣвочку...

— Ахъ, какіе вы всѣ гадкіе!.. гадкіе!.. гадкіе!.. не вытерпѣла Бэтси, — почемъ вы знаете, что ваша Бэтси такой ребенокъ, какъ вы воображаете? почемъ вы знаете, что ей тринадцать лѣтъ и что она...

— Я не говорилъ: тринадцать...

— Ну, да сколько бы тамъ ни было! торопливо подхватила Бэтси,—а вы увѣрены, что ея мать не скрываетъ цѣлыхъ двухъ годовъ... изъ какихъ нибудь глупыхъ разсчетовъ на то время, когда придетъ пора выдавать замужъ?

Я понялъ, что Бэтси въ дѣйствительности пятнадцать лѣтъ.

— Наконецъ, развѣ она не могла украдкой читать романовъ, продолжала Бэтси успокоиваясь,—и стало быть получше всякаго доктора знать настоящую жизнь?...

Этотъ ребяческій уколъ заставилъ меня невольно усмѣхнуться.

— Это я знаю, отвѣтилъ я, — говорятъ, она даже чучелку свою набиваетъ Жоржъ-Сандомъ, Дюма-фисомъ и компаніей...

— Ха! ха! ха! покатилась Бэтси звонкимъ, веселымъ смѣхомъ, — не понимаю, изъ чего *я-то* горячусь такъ, что даже губы пересохли!... Будь такъ добръ, принеси мнѣ лимонаду... Ты, самъ того не зная далъ и мнѣ хорошій урокъ — я постараюсь не остаться въ долгу...

И Бэтси легонько ударила меня вѣеромъ по рукѣ.

Я поспѣшилъ исполнить ея просьбу, мнѣ пришлось мѣнять деньги въ буфетѣ, потомъ осторожно пробираться въ толпѣ въ сопровожденіи буфетнаго прислужника—и когда я подошелъ къ диванчику занимаемому Бэтси—представьте себѣ мое изумленіе—тамъ никого не было и я очутился въ самомъ глупомъ положеніи: со стаканомъ на подносикѣ, передъ пустымъ диваномъ...

Въ довершеніе всѣхъ удовольствій, отдавая стаканъ буфетному слугѣ, я увидалъ неподалеку бѣлобрысаго юношу, который въ свою очередь наблюдалъ меня—и не безъ язвительной улыбки.

— Если не ошибаюсь, вы ищете маску, которая здѣсь сидѣла? почтительно освѣдомился онъ.

Я посмотрѣлъ ему въ брови и на сапоги.

— Она уѣхала, началъ онъ, захлебываясь отъ нетерпѣнія,—и поручила мнѣ передать вамъ, что всегда платитъ учителямъ тою же монетою... извините, я не знаю, что это значитъ...

— Ну, вы-то можете убираться безъ всякихъ извиненій...

— Какъ-съ?.. вы, кажется, говорите мнѣ дерзости?.. Что же это-съ?

— А то что вы не маска — заговаривать съ незнакомыми вамъ не полагается. Ступайте или васъ выведутъ...

— Помилуйте, вѣдь это... просто... вѣдь...

Онъ исчезъ.

«Ну, этотъ гусь едвали будетъ когда *любить безъ размышленій*! подумалъ я ему вслѣдъ. Я теперь догадался, что Бэтси въ самомъ началѣ заподозрила меня и на всякій случай предупредила Сметанкиныхъ чрезъ

Библиотека "Руниверс"

посредство услужливаго охранителя, чтобы тѣ были готовы къ поспѣшному бѣгству, — а потомъ поддалась было увѣренности, что я не узналъ ея — и окончательно сробѣла, замѣтивъ что я ей не подъ силу и заставляю ее проговариваться.

— Ага, Бэтси, такъ вамъ таки удалось одурачить вашего учителя и ускользнуть безнаказанно? Не я-молъ, да и баста! — посмотримъ, какъ-то вы его встрѣтите завтра, повидавшись съ вашей нянюшкой.

Случилось однако далеко не то, что я предполагалъ.

IV.

Я довольно рано пріѣхалъ къ Прыгуновымъ — и первою встрѣтила меня Бэтси. Но что за диковинная перемѣна произошла въ ней! — я еще никогда не видывалъ ее такою. Блѣдная, подавленная чѣмъ-то, въ простенькой утренней блузѣ, она стояла въ дверяхъ, пока я снималъ шубу, — и слегка отворотясь лицомъ, протянула мнѣ дрожащіе пальчики.

— Вы нездоровы, Бэтси? началъ было я, пожавъ ей руку, но она не выпускала моей и крѣпко стиснувъ ее, потащила меня въ гостиную.

— Подите, подите сюда! порывисто говорила она вполголоса, усаживая меня на диванъ, и сама бросилась въ кресло возлѣ меня, — ну, чтожь вы ничего не говорите? Какой лгуньей, какой гадкой, дерзкой дѣвчонкой я вамъ кажусь теперь!.. О, Боже мой! Боже мой!

Яркая краска залила ей все лицо до ушей, и она въ совершенномъ отчаяніи скрыла его въ ладоняхъ, со стукомъ опершись локтями на столъ...

— Полно, Бэтси, перестаньте, началъ было я опять, — я вовсе не хочу обвинять васъ...

— Вы пожалуйста не подумайте, что я васъ боюсь! гордо сверкнула она глазенками, уронивъ руки на колѣна и внезапно выпрямясь, — никакими силами вы теперь не заставите няньку сказать, что меня не было дома! и ужь конечно maman повѣрила бы всѣмъ намъ больше чѣмъ вамъ одному!..

Голосъ ея, вначалѣ гнѣвный, постепенно не то чтобы смягчался, а какъ-то непроизвольно падалъ и падалъ...

— Но если хотите — ступайте сейчасъ къ maman, я ни на кого не посмотрю, я сама скажу, что ваша правда....

— Да что съ вами, Бэтси? вы меня просто пугаете....

— Послушайте, нетерпѣливо перебила она, — я всю эту ночь не могла заснуть — и все думала, думала, думала... Я боялась, что у меня голова совсѣмъ скружится...

— Отчего же? отчего? допытывался я, начиная догадываться.

— Оттого, что вы умный, добрый, благородный, хорошій — вотъ отчего! залпомъ проговорила она, подбородокъ у нея задрожалъ отъ волненія и она быстро отвернулась отъ меня.

Кому случалось подхватывать падающаго съ крутизны ребенка или вытаскивать утопающаго, тотъ пойметъ какъ радостно дрогнуло у меня сердце.

— Бэтси, дѣточка моя! вскрикнулъ я, взявъ ее за руки (безъ обиняковъ сознаюсь, что я самъ волновался какъ школьникъ), — бѣдная вы романтическая головка, еслибъ вы все могли понять такъ, какъ поняли вчерашнее!..

— Говорите, говорите — я вамъ вѣрю. Софи не понимаетъ этого и назвала васъ шпіономъ; а я знаю, что вы вчера же могли сказать все maman, еслибъ захотѣли, — и не пріѣхали бы сегодня, еслибъ только изъ любопытства слѣдили за мной... Я васъ ждала какъ я не знаю что!

— Такъ вы не сомнѣваетесь, что я вамъ самый искренній другъ?

— Нѣтъ, не сомнѣваюсь, вдумчиво проговорила Бэтси, — да вѣдь и Софи мнѣ другъ, она Богъ знаетъ что готова для меня сдѣлать — оба вы хорошіе — только разные... Ну, вотъ съ этимъ я и не слажу... я вижу, что я просто измучаюсь... Знаете что?.. вы не будете смѣяться надо мной? — я вамъ одинъ вопросъ задамъ, нерѣшительно выговорила она съ видимымъ смущеніемъ.

— Нѣтъ, не буду...

— Честное слово?

— Ну, хорошо, честное слово!

— Вы... не влюблены... въ меня? почти прошептала она, подозрительно глядя исподлобья.

Этого я никакъ не ожидалъ — и не взирая на честное слово, мнѣ большихъ усилій стоило сдержать горловую спазму.

— Бэтси, дѣточка, вѣдь я чуть не въ отцы вамъ гожусь, серіозно заговорилъ я, — ну, смотрите на меня какъ на старшаго брата чтоли...

— Довольно, довольно! раздражительно перебила она, — остальное извѣстно. Ну и хорошо! а то ужь очень не хорошо было бы, еслибъ вы влюбились да поѣхали подсматривать... Вотъ это главное мнѣ и надо было знать. И больше пожалуйста объ этомъ ни слова: никому, я думаю, особенно не пріятно слышать, что не принадлежатъ къ числу вашихъ поклонниковъ...

Кстати, я еще ни слова не сказалъ о наружности моей героини. Поклонники эти по всей вѣроятности были не совсѣмъ выдумкой. Черты Бэтси принадлежали къ рѣдкому типу тѣхъ лицъ, которыя почти не измѣняются въ промежутокъ отъ пятнадцати до тридцати пяти лѣтъ и одинаково просятся какъ въ живопись такъ и въ скульптуру. Смуглое, съ едва примѣтнымъ румянцемъ, въ минуты волненія оно вспыхивало какъ маковъ цвѣтъ; небольшой лобъ легкой выемкой отдѣлялся отъ красивой горбинки правильнаго римскаго носа; капризный изломъ какъ бы сдвинутыхъ бровей придавалъ какую-то серіозность ласкающему взгляду большихъ карихъ глазъ, а улыбка изящно-очерченныхъ губъ, что итальянцы зовутъ arco d'amore, была необыкновенно привлекательна. Бэтси не полѣтамъ развилась физически и вѣроятно успѣла уже вскружить не одну молодую голову. Самая рѣзкость и угловатость ея чисто-дѣтскихъ манеръ, которая такъ нейдетъ большинству дѣвушекъ, только усугубляла чарующее впечатлѣніе ея красоты.

— Бэтси, хотите сдѣлаемъ маленькій уговоръ?.. Я еще разъ даю вамъ честное слово, что вамъ никогда не придется раскаяваться въ этомъ...

— Да что вы въ самомъ дѣлѣ все какъ съ маленькой! притопнувъ ножкой, прикрикнула Бэтси, — ну-ну, ничего, ничего — сегодня вамъ все прощается... Что за уговоръ?

— Хотите на самомъ дѣлѣ быть моимъ другомъ? Обѣщайте мнѣ никогда ни чего не скрывать отъ меня — вѣдь не даромъ же я докторъ. Прежде всего успокойтесь, мнѣ не нужно ни именъ, ни тайнъ. Вы просто скажете мнѣ: теперь я думаю такъ-то о томъ-то и свои ли это у васъ мысли или взятыя вами чужія; — потомъ скажете: теперь я хочу поступить такъ-то и такъ-то и вотъ почему... Хотите?

— Отлично! отлично! Ну, не говорила ли я, что онъ умница!.. даже въ ладоши захлопала Бэтси, — я сама хотѣла просить васъ объ этомъ... А то подумайте: сестрѣ я не могу не вѣрить и вамъ вѣрить хочу — что же мнѣ дѣлать? А лгать я больше не стану — кончено — это ужь тамъ какъ они хотятъ!

— И даже пробки изъ башмаковъ вонъ?

— Это *коски* называется — и ихъ вонъ!

— И капризами не будете мучить мамашу?

— Не буду — она, бѣдненькая, все еще спитъ со вчерашняго, «убивается» говоритъ нянька — оно не трудно такъ-то убиваться, а все таки не буду...

Библиотека "Руниверс"

Торжественный выходъ Московскаго Государя въ церковь. Рис. Коверзневъ, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

— И тогда я ужь такъ и быть запишусь въ число вашихъ поклонниковъ...

— Да, вотъ въ какіе!.. выдвинувъ губку, произнесла она,—въ награду за прилежаніе, какъ говоритъ мамаша, когда даритъ что-нибудь... Ахъ я негодная дѣвчонка!

Миръ былъ заключенъ, уговоръ ратификованъ— и я уѣхалъ успокоенный во многихъ отношеніяхъ. Послѣ вчерашнихъ приключеній, я не ожидалъ найдти въ Бэтси такой непочатый, незасоренный источникъ самобытныхъ порывовъ ко многому хорошему, пробивавшійся въ грудѣ всякаго чуждаго хлама.

Къ несчастію, всемогущій случай помѣшалъ нашему уговору въ самомъ началѣ. Дня черезъ два я получилъ повѣстку о вызовѣ меня въ качествѣ свидѣтеля по одному довольно запутанному процессу въ дальней губерніи. Дѣло близко касалось одного изъ моихъ друзей,—а показанія мои, соединявшія въ себѣ и компетентность эксперта, могли быть особенно вѣски при моемъ личномъ присутствіи. Собираясь въ путь, я еще разъ видѣлся съ Бэтси. Она прямо приступила ко мнѣ съ просьбой указать ей, какія книги читать. Я сказалъ, что ей надо не читать, а учиться. Я давно уже замѣчалъ, что на образованіе ея слишкомъ мало обращаетъ вниманія добрѣйшая M-me Прыгунова. Желая, по возможности удалить Бэтси отъ вреднаго вліянія сестры и ловко затронувъ струнку материнскаго самолюбія, я убѣдилъ M-me Прыгунову помѣстить Бэтси въ одно изъ наиболѣе славившихся въ то время учебныхъ заведеній. Бэтси, считавшая каждое слово мое чуть не закономъ, съ своей стороны настойчиво поддерживала меня, заявляя, что ей пора серіозно учиться. Согласіе было дано, не смотря на возраженія Софи Сметанкиной — и дѣло рѣшено было не откладывать въ долгій ящикъ.

Могъ ли я ожидать, что это благое начинаніе возъимѣетъ исходъ настолько печальный, что къ нему останется только приложить любимую поговорку M-r Сметанкина?

(Продолженіе будетъ).

Выходы московскихъ царей въ праздничные и торжественные дни.

Византійская ревность къ дѣламъ вѣры и строгій придворный этикетъ издревле находили себѣ подражателей въ лицѣ русскихъ князей, въ особенности же съ паденіемъ Константинополя отъ меча турокъ, когда Москва стала *третьимъ Римомъ*, а царь Іоаннъ III Васильевичъ, вмѣстѣ съ рукою греческой царевны Софіи Палеологъ, принялъ византійскій гербъ и другія регаліи повелителя Восточной Римской Имперіи. Между прочими церемоніями, введенными по примѣру византійцевъ, благочестивые цари московскіе совершали богомольные выходы въ каждый церковный праздникъ. Вотъ какъ передаетъ знатокъ и авторъ «домашняго быта русскихъ царей», г. Забѣлинъ, сущность этого обычая.

Государь являлся народу въ несказанномъ великолѣпіи, что было необходимо при самомъ значеніи древняго царскаго сана. Самые обыкновенные, ежедневные, выходы царя къ обѣднѣ—были ничто иное какъ церемоніальныя шествія, которыя нерѣдко возвѣщались особымъ колокольнымъ звономъ, такъ-называемымъ *выходнымъ*.

Къ обѣднѣ государь выходилъ пѣшкомъ, если было близко и стояла хорошая погода, или ѣхалъ въ каретѣ, а зимою *шелъ* въ саняхъ или по древнему выраженію *шелъ саньми*. Сани были большіе, нарядные, т. е. раззолоченые и расписанные красками. *Возницею* (кучеромъ) назначался окольничій, который помѣщался не на саняхъ а ѣхалъ верхомъ; на *ухабѣ* (запяткахъ) стоялъ стольникъ.

Царя сопровождали всегда бояре и прочіе служилые люди въ великолѣпныхъ и богатыхъ одеждахъ, соотвѣтственно значенію праздника или торжества и наряду самого государя. Лѣтомъ государь выходилъ въ легкомъ шелковомъ опашнѣ и въ золотой шапкѣ съ мѣховымъ околомъ; зимою—въ шубѣ и горлатной шапкѣ лисьей. Въ рукахъ у него всегда былъ посохъ каповый, инроговый (единороговый) или индѣйскій изъ чернаго дерева. Во время большихъ праздниковъ и торжествъ государь облекался въ *нарядъ царскій*: царское платно (собственно порфира), царскій становой кафтанъ, царскую шапку или корону, діадиму или бармы покрывавшія плеча; на грудь возлагались наперсный крестъ и перевязь; вмѣсто посоха въ рукахъ его находился царскій жезлъ. Все это блистало золотомъ, серебромъ и драгоцѣнными каменьями,—а такъ какъ тяжесть этого наряда было весьма значительна, то государя въ подобныхъ церемоніяхъ поддерживали подъ руки стольники, или бояре изъ ближнихъ людей.

Свита государя была также одѣта болѣе или менѣе богато, соотвѣтственно его нарду, для чего изъ дворца отдавался приказъ, въ какомъ именно платьѣ быть на выходѣ. У кого по недостатку не было богатыхъ одеждъ, тому на этотъ случай выдавали изъ казны. Общимъ же выходнымъ платьемъ была *ферезея*, верхняя одежда вродѣ опашни; по богатству ферезеи дѣлились на золотыя, бархатныя и объярныя (муарэ).

Во время шествія свита раздѣлялась рядами. Впереди шли люди меньшихъ чиновъ, дьяки разныхъ приказовъ и прочіе служилые, по старшинству, по 2 или по 3 человѣка въ рядъ; а бояре, окольничіе, думные дворяне и ближніе люди слѣдовали за государемъ. На всѣхъ выходахъ находился *постельничій* со стряпней, т. е. съ разными предметами царскаго обихода, несомыми стряпчими,—какъ напр. полотенце или носовой платокъ, стулъ съ зголовьемъ или подушкой, подножье (родъ ковра) для церковной службы, солнышникъ (зонтъ) и проч.

Царь Иванъ Васильевичъ выходилъ къ обѣднѣ въ сопровожденіи *рынд* (пажей по нынѣшнему), молодыхъ людей лѣтъ тридцати но рослыхъ и сильныхъ. Они шли двое впереди, двое позади, въ нѣкоторомъ отдаленіи и въ равномъ разстояніи отъ царя. На головахъ ихъ были высокія шапки изъ бѣлаго бархата съ жемчугомъ и серебромъ, опушенныя рысьимъ мѣхомъ. Одежда ихъ, изъ серебряной ткани, на горностаѣ, до самыхъ ногъ застегивалась серебряными пуговицами, сапоги надѣвались бѣлые съ подковами. Каждый рында несъ на плечѣ красивый топоръ, блиставшій серебромъ и золотомъ.

Главнѣйшіе выходы совершались въ день Новолѣтія т. е. новаго года (1 сентября), въ Рождество, Крещеніе съ ходомъ на Іордань, въ прощеные дни Масляницы, Благовѣщеніе, недѣлю Вайи съ шествіемъ патріарха на осляти ведомомъ за поводъ самимъ царемъ, прощеные дни Страстной недѣли, въ Свѣтлый и Троицынъ дни, наконецъ во время крестныхъ ходовъ.

Хотя охранители *чести государева двора* преслѣдовали всякое непристойное слово, произнесенное въ палатахъ или на выходѣ, тѣмъ не менѣе, знатныя и почтенныя особы нерѣдко позволяли себѣ ссориться и безчинствовать въ самомъ дворцѣ, — такъ что меньшимъ по чину людямъ трудно было и ставить въ вину ихъ перебранки на постельномъ крыльцѣ, гдѣ собиралось много молодежи и происходили частыя стычки, кончавшіяся жалобами и разбирательствомъ.

Съ другой стороны, не смотря на то, что постоянная и бдительная стража состоявшая изъ стольниковъ и стряпчихъ, днемъ и ночью охраняла дворецъ царскій и предупреждала всякій неприличный поступокъ вблизи царскаго величества, - изъ толпы народа, поджидающаго царскій выходъ, нерѣдка вырывался какой нибудь юродивый или блаженный, приступавшій къ самому государю съ своими, подчасъ весьма рѣзкими, обличеніями. Пушкинъ въ «Борисѣ Годуновѣ» художественно изобразилъ подобную сцену, гдѣ юродивый, въ веригахъ и желѣзномъ колпакѣ, укоряя Бориса въ убіеніи царевича Димитрія говоритъ ему: «нельзя молиться за царя-Ирода—Богородица не велитъ.» Не мало юродивыхъ проживало на такъ-называемомъ верху въ самомъ дворцѣ царскомъ—и таково было религіозное благочестіе той эпохи, что цари весьма рѣдко преслѣдовали подобныхъ обличителей. Такую же сцену представляетъ и прилагаемый рисунокъ нашего талантливаго сотрудника, г. Коверзиева,—рисунокъ могущій служить наглядною иллюстраціею къ торжественнымъ выходамъ всѣхъ московскихъ царей XVI и XVII вѣка.

На первомъ планѣ слѣва видѣнъ рында съ топоромъ на плечѣ, возлѣ него—самъ государь, величественно пріостановившійся, опираясь на посохъ; за нимъ видна многочисленная свита, рядами сходящая съ крыльца и освѣщенная утреннимъ солнцемъ. Въ тѣни отъ противоположныхъ зданій расположились передовые народной толпы—нѣсколько мальчугановъ. Между ними и царемъ какъ изъ земли выростаетъ типическая фигура юродиваго, обращающагося повидимому къ самому государю.

Библиотека "Руниверс"

Біографія науки о языкѣ.

(Окончаніе).

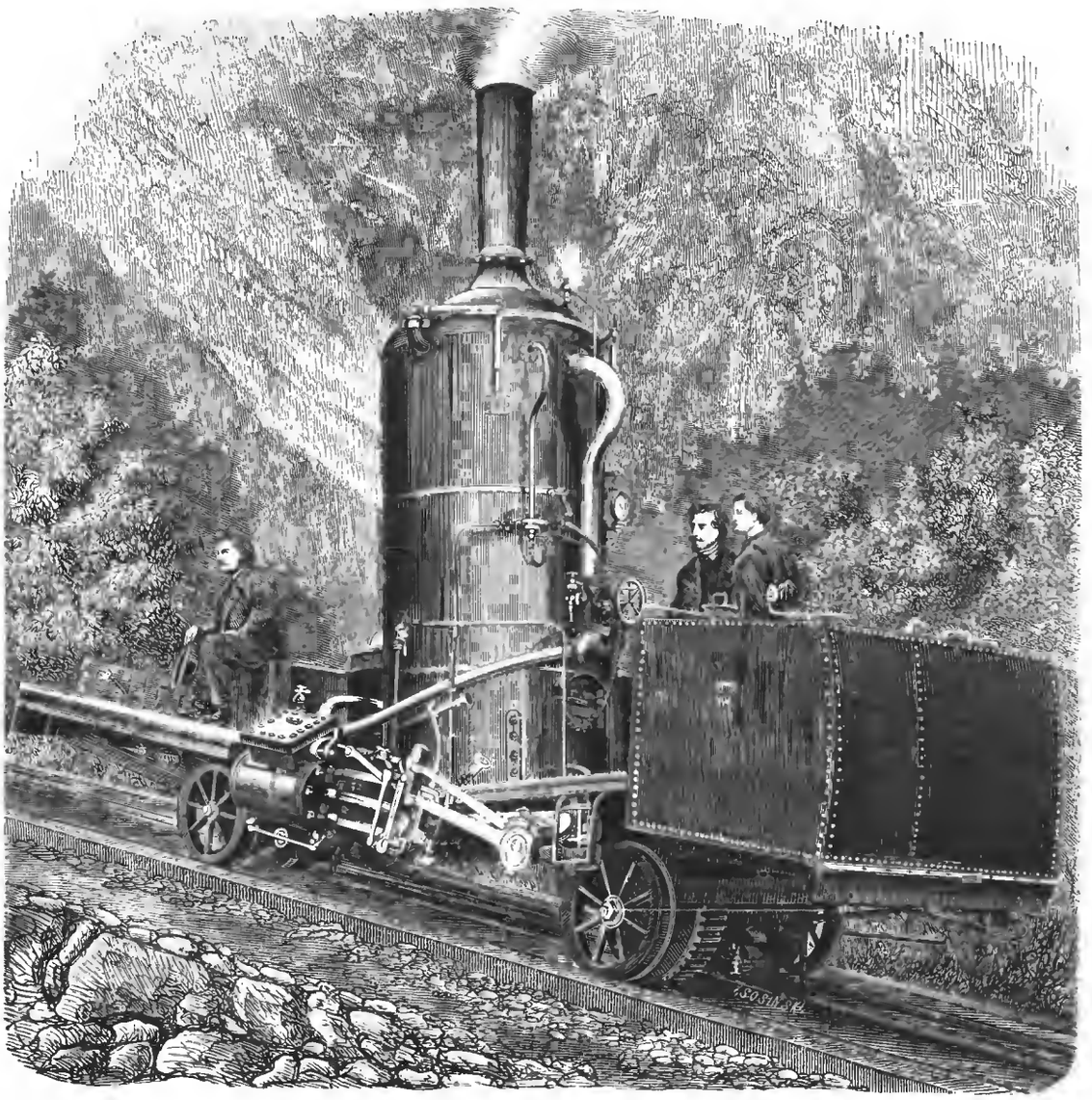
Языкъ картинный состоитъ по большей части въ представленіи предметовъ и идей грубымъ очертаніемъ посредствомъ жеста ихъ рѣзкихъ чертъ. Въ этомъ языкѣ связь между идеею и знакомъ не только постоянно существуетъ, но даже и не теряется ни на минуту изъ виду. Между тѣмъ въ остальныхъ языкахъ трудно и даже почти невозможно бываетъ отгадать: почему напр. *стоять* и *идти* имѣютъ данный имъ смыслъ, почему мы не говоримъ *стоять* тамъ, гдѣ теперь говоримъ *идти*. Эти языки имѣютъ свою этимологію, свой синтаксисъ. Этимъ языкомъ говорятъ, преимущественно, народы стоящіе на низшей ступени развитія, Александръ Гумбольдъ, когда путешествовалъ у рѣки Ориноко, то дѣлалъ наблюденія надъ этимъ языкомъ. Маіоръ Лонгъ и позднѣе капитанъ Бортонъ въ своихъ отчетахъ экспедицій говорятъ, что нѣкоторые индѣйцы Сѣверной Америки довели этотъ языкъ до высокой степени совершенства. При этомъ нужно замѣтить, что картинные языки представляютъ намъ замѣчательнѣйшіе факты для объясненія происхожденія языка. Прежде чѣмъ человѣкъ началъ говорить, ему необходимо было пройти нѣкоторую посредствующую ступень. Этою ступенью, какъ можно думать, и былъ языкъ жестовъ. Это предположеніе подтверждается еще слѣдующими фактами. Псаметихъ, царь египетскій, желая узнать, какой народъ изъ населяющихъ его царство древнѣе, египетскій или фригійскій,—велѣлъ для этого молчаливому воспитателю воспитывать двоихъ дѣтей, египетскаго и фригійскаго, такъ, чтобы они до той поры, когда дѣти начинаютъ говорить, совершенно не слышали человѣческаго голоса. Питаться же они должны были молокомъ козы, постоянно при нихъ находившейся. Когда исполнилось положенное время, то первый звукъ, который они произнесли, былъ bekos, что на фригійскомъ языкѣ значитъ хлѣбъ, и это было для Псаметиха доказательствомъ того, что фригійцы были самою древнѣйшею расою. Но не трудно видѣть, что слово bek-bek—слово картинно-подражательное, вѣрное представленіе блѣянія, такъ какъ греческое и нѣмецкое blêchaomai, mêkaomai, blöken, meckern. Такой-же опытъ производилъ, какъ расказываетъ іезуитъ отецъ Катру, великій моголъ Акбаръ Ханъ. Акбаръ захотѣлъ узнать, какимъ образомъ стали бы говорить дѣти безъ всякаго обученія, такъ какъ онъ слышалъ, что еврейскій языкъ былъ первобытный и естественный языкъ тѣхъ, которые не были научены никакому другому. Для этого онъ взялъ 12 грудныхъ младенцовъ, заключилъ ихъ въ замокъ, въ шести миляхъ отъ Агры, и отдалъ на воспитаніе 12-ти нѣмымъ кормилицамъ. Привратнику, который былъ тоже нѣмой, запрещалось подъ страхомъ смерти отворять ворота замка. Когда они достигли 12-ти лѣтняго возраста, Ханъ велѣлъ привести ихъ къ себѣ и призвалъ въ свой дворецъ людей, знающихъ всѣ языки. Одинъ еврей, находившійся въ Агрѣ, долженъ былъ судить: по еврейски ли будутъ они говорить. Было не трудно отыскать въ столицѣ также арабовъ и халдейцевъ. Съ другой стороны, индѣйскіе философы утверждали, что дѣти заговорятъ на санскрытскомъ языкѣ. Но когда дѣти предстали предъ царя, всѣ были поражены удивленіемъ: дѣти не говорили вовсе ни на какомъ языкѣ. Они объяснялись жестами, были пугливы и дики, и трудно было впослѣдствіи научить ихъ говорить. Неврожденность человѣку членосоставной рѣчи, кромѣ того, подтверждается еще нѣсколькими другими достовѣрными фактами, именно — дикими людьми, которые были пойманы въ разныхъ странахъ Европы, напр. въ Гессенъ - Касселѣ въ 1344 году, въ лѣсахъ литовскихъ въ 1694 г., въ пиринейскихъ горахъ (два человѣка) въ 1719 г., наконецъ дикимъ, пойманнымъ въ лѣсахъ ганноверскихъ (при Георгѣ I). Всѣ дикіе были нѣмы. Кромѣ того, Діодоръ Сицилійскій и Бюффонъ говорятъ о существованіи народовъ *безсловесныхъ* (aglossoi). Всѣ эти факты и соображенія ведутъ насъ къ тому заключенію, что чѣмъ первобытнѣе народъ, тѣмъ онъ богаче языкомъ жестовъ. И мы когда-то говорили преимущественно этимъ языкомъ. Тѣ малые остатки языка жестовъ, которые и теперь еще у насъ существуютъ, суть не что иное, какъ остатки языка первобытнаго. Возмемъ для примѣра *рукопожатіе*. Жители острова Фиджи жмутъ другъ другу руки, втягивая при этомъ воздухъ ноздрями и обнюхивая другъ друга. Племя Ва-ника, близъ Бомбаса, также жмутъ другъ другу руки, но съ мусульманскимъ оттѣнкомъ этого жеста, состоящаго въ прижиманіи большихъ пальцевъ другъ къ другу. Самое лучшее объясненіе смысла жеста соединенія рукъ мы находимъ въ его повсемѣстномъ употребленіи, какъ знакъ брачнаго договора. *Присѣданіе* или сжиманіе (дѣланіе реверанса) тоже ведетъ свое начало отъ варварскихъ временъ. Этотъ знакъ есть естественное выраженіе страха и безсилія къ сопротивленію, что принадлежитъ какъ животнымъ, такъ и людямъ. У насъ онъ, кромѣ того, выражается поклономъ и колѣнопреклоненіемъ. Крайнее выраженіе покорности поверженіе лицомъ въ прахъ существуетъ въ Китаѣ и въ сѣверо-западномъ русскомъ краѣ. Въ Сибири крестьянинъ ползаетъ по землѣ и цѣлуетъ прахъ предъ знатнымъ лицемъ. Арабъ только намекаетъ на такую унизительную покорность, опуская руку къ землѣ, и за тѣмъ прикладывая ее къ губамъ и лбу, жестъ тождественный съ древне-мексиканскимъ. Жители острова Тонга отдаютъ честь своему главѣ тѣмъ, что когда они встрѣчаются съ нимъ, то послѣдній поднимаетъ назадъ ногу, какъ обыкновенно дѣлаютъ лошади, выражая этимъ, что они подъ стопой своего властелина. Кукъ разсказываетъ, что это такъ надоѣдало повелителямъ, что они, издали завидѣвъ вѣрноподданныхъ, обращались въ бѣгство. Также довольно легко найти вѣроятную причину снимать шляпу и носить перчатки. Самый низшій классъ привѣтствій, которыя просто имѣютъ цѣлію пріятное ощущеніе тѣла, приближается къ тѣмъ учтивостямъ, которыми обмѣниваются между собою низшія животныя. Таковы, ласканье и глаженье по головѣ, цѣлованье, трепанье за носъ, обнюхиванье и т. д. Индѣйцы с. Америки выражаютъ удовольствіе и привѣтствіе при встрѣчѣ треніемъ рукъ, груди, живота, какъ другъ у друга, такъ и у себя собственно. Послѣднее есть и у насъ. Жители центральной Африки при встрѣчѣ схватываютъ другъ друга за руки и трутъ ихъ, вверхъ и внизъ. Въ Полинезіи существуетъ обычай гладить свое лицо рукой или ногой другаго. Жители Огненной земли при встрѣчѣ гладятъ другъ друга по головѣ. Въ Новой Зеландіи, говоритъ Дарвинъ, треплютъ другъ друга за носъ. На лапландскихъ Альпахъ, по сказанію Линнея, жители при встрѣчѣ прикасаются носами. Жители Андаманскихъ островъ при встрѣчѣ дуютъ другъ другу въ руки, съ едва слышнымъ пришептываніемъ. Жители береговъ Мексиканскаго залива дуютъ другъ другу въ уши. Существуетъ и еще много весьма употребительныхъ жестовъ, которые однакожъ трудно объяснить. Таковы знаки презрѣнія и ненависти, какъ напр. высунуть языкъ (знакъ общеупотребительный во всемъ человѣчествѣ, хотя и неизвѣстно, почему это такъ), кусать большой палецъ, дѣлать рукой клювъ аиста за спиной кого нибудь и извѣстный знакъ оглядыванья человѣка.

Вторая группа—*языки радикальные* или коренные. На этой ступени въ языкѣ ничего нѣтъ кромѣ корней. Здѣсь каждый элементъ имѣетъ свое собственное значеніе. Представителемъ этого класса языковъ является языкъ китайскій. Этотъ языкъ вовсе не есть флективный языкъ. Онъ весь состоитъ изъ односложныхъ звуковъ, соотвѣтствующихъ по смыслу не частямъ рѣчи, а корнямъ; но въ предложеніи, каждый изъ этихъ корней, вслѣдствіе разстановки и при пособіи другихъ корней можетъ выражать различныя части рѣчи. Такъ, напримѣръ, одинъ и тотъ же звукъ ngai, соотвѣтствующій по смыслу нашему корню *люб*, въ предложеніи имѣетъ значеніе и *любить*, и *любовь*, и *любезный*, и *любя*, и *любилъ*, словомъ: значеніе всѣхъ частей рѣчи и ихъ измѣненій. Все зависитъ отъ мѣста слова въ предложеніи и отъ приставки къ слову другихъ знаменательныхъ словъ. Такъ изъ двухъ односложныхъ звуковъ, соединенныхъ въ предложеніе, первый всегда имѣетъ значеніе падежа родительнаго: nân—xan=*востока гора* или *восточная гора*, (буквально: *вост—гор*); ngò—gîn=*зла человѣкъ* или *злой человѣкъ*. Если переставить эти звуки, если сказать gîn—ngò, смыслъ фразы будетъ другой. Множественное число выражается прибавленіемъ къ имени предмета слова muen, многіе: напр. gîn, человѣкъ; gîn—muén, я многіе, то есть *мы*. Падежи обозначаются приставкою частицъ, заключающихъ въ себѣ принятіе выражаемыхъ падежами отношеній. Для родительнаго падежа употребляется частица chi, для дательнаго — частица *yu*, ради, для, напр. gîn, человѣкъ; *yu* — gîn, человѣкъ—для, то есть *человѣку*. Имена, означающія званіе, состояніе, занятіе, образуются прибавленіемъ къ имени нарицательному словъ: ciam, мастеръ, gîn, человѣкъ, xen, рука: напр. mocîam дерева мастеръ, то есть *плотникъ*; xu - xen, книгъ—рука, то есть *переплетчикъ*; ti—ieù—tiè—gîn, бритія—голова—для человѣкъ, то есть *цырюльникъ*. Для выраженія настоящаго времени глагола, къ глаголу прибавляется слово Kin, т. е. теперь; для прошедшаго совершеннаго слово leao, перестать, свершиться; для будущаго ciam или hoei, приготовляться къ чему. Такимъ образомъ: ngo—Kin — ngai, я—теперь—любить, т. е. *люблю*; ngò — ngai—leao, я—любить—перестать, т. е. я полюбилъ; ngo—ciam ngai, я —приготовляться—любить, т. е. *полюблю*. Для выраженія сослагательнаго наклоненія, къ глаголу приставляются слова, означающія надежду, боязнь, желаніе, возможность: yen желать, *pa* бояться; ngô—yen—ngai, я—желать—любить, т. е. любилъ бы (amarem). Въ повелительномъ наклоненіи прибавляются къ глаголу слова: cim, просить; *cie* велѣть: cim—ngai просить—любить, т. е. люби; cie—Ki, велѣть—начинать, т. е. *начинай*. Для выраженія залога страдательнаго прибавляется къ глаголу частица pi, значащая *отъ*: ia—pi—ni—ta, онъ—отъ—ты—бить, т. *онъ тобою* бить; ngò—kin—pi—ngai—я теперь—отъ—любить, т. е. *любимъ*. Такимъ образомъ, чтобы выразить первое лицо множественнаго числа давнопрошедшаго времени страдательнаго залога, amati eramus, китаецъ долженъ употребить десять словъ: cie—na—xi—ngò—muen—y—pi—ngai—kuò—leao, т. е. *мы любимы*: шесть этихъ словъ употреблены для выраженія категоріи времени (cie—na—xi, въ то время, когда, *y*, уже, kuò пройти, leao свершится), ngò (я) выражаетъ отношеніе къ лицу, muen (многіе)—число, pi отъ—залогъ страдательный, наконецъ ngai (любить)—основное понятіе спрягаемаго глагола. Каждое изъ этихъ словъ имѣетъ свой знакъ, очень сложный и затѣйливый; поэтому, какъ кажется, европеецъ

Библиотека "Руниверс"

успѣетъ написать нѣсколько предложеній прежде, нежели Китаецъ нарисуетъ одно слово amabamur *).

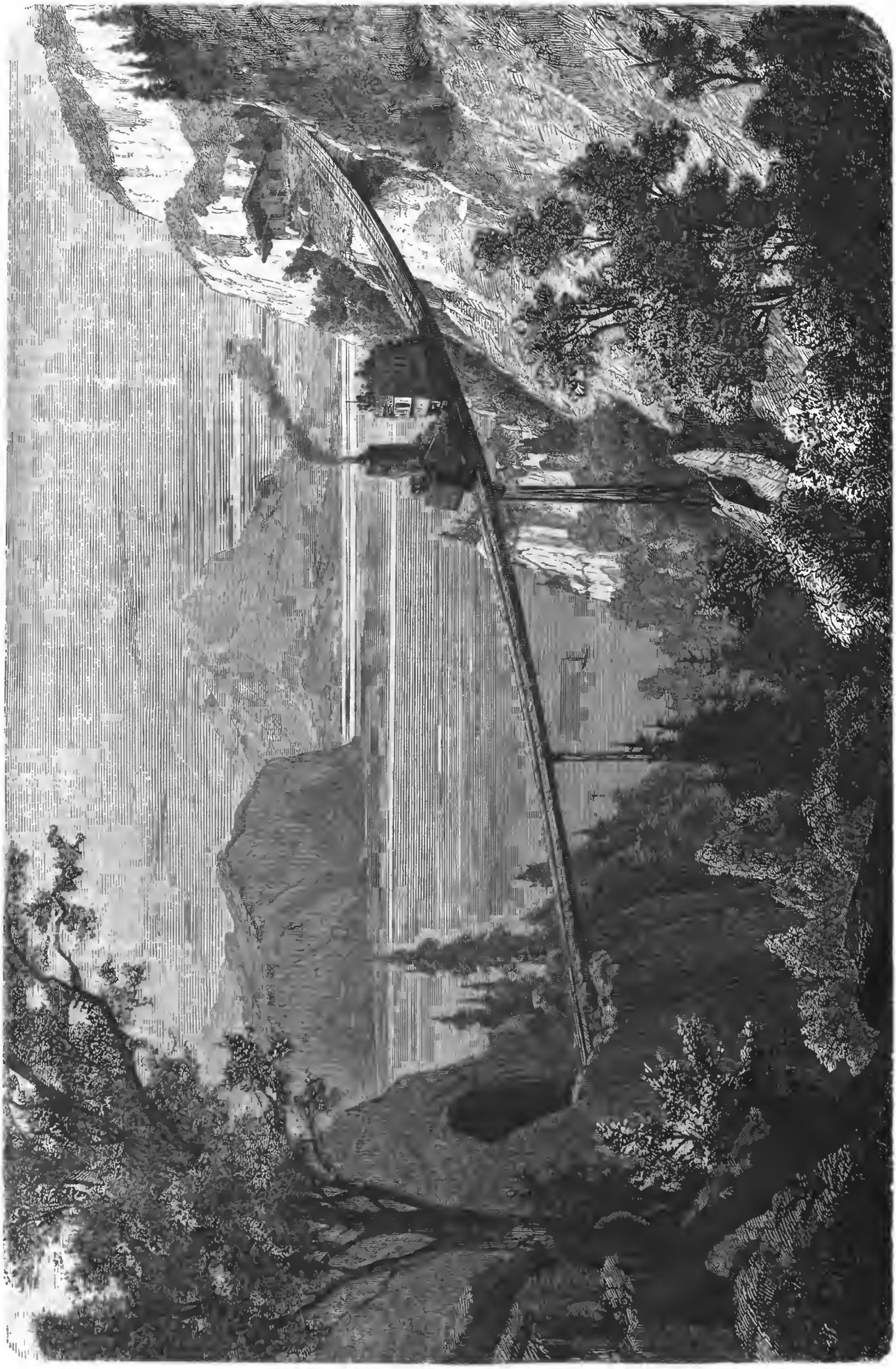
Средину между китайскимъ и нашими флективными языками занимаетъ *аглютинація*, т. е. выраженіе отношеній посредствомъ словосложенія, основаннаго не на органическомъ нарощеніи корней, какъ въ языкахъ индо-европейскихъ, а на механическомъ прикладываніи. Чтобы выразить извѣстное отношеніе, аглютинирующіе, то есть приставочные языки, къ главному слову присоединяютъ побочное, выражающее отношеніе, и такимъ образомъ изъ двухъ отдѣльныхъ словъ составляютъ какъ бы одно. Это флексія, если не по исполненію, то по крайней мѣрѣ по намѣренію. Они не отказываются отъ грамматическихъ отмѣтокъ. Между этими языками, дѣйствительно, есть много такихъ, которые почти совершенно не имѣютъ грамматическихъ формъ; но при этомъ есть много и такихъ, которые имѣютъ множество грамматическихъ формъ. Къ аглютинирующимъ языкамъ принадлежатъ языки: Тунгузскій, Монгольскій, Тюркскій, Финскій, Самоѣдскій, языки Декана, Тибета, Бготаиа, Сіама, языки малайско-полинезійскихъ островов, языки Америки, отъ Гренландіи до Перу и Бразиліи. Представителемъ этихъ языковъ служитъ языкъ Турецкій. Вотъ что говоритъ о грамматикѣ Турецкаго языка Максъ Мюллеръ: «Чтеніе турецкой грамматики доставляетъ просто удовольствіе, даже не желающему изучать ее практически. Остроумный способъ, какимъ образованы многочисленныя грамматическія формы, правильность, которою проникнута система склоненій и спряженій, прозрачность и понятность всего строенія—должны поражать каждаго, кто понимаетъ удивительную силу человѣческаго ума, обнаруживающуюся въ языкѣ. Дано такое незначительное число графическихъ и указательныхъ корней, какое едва было бы достаточно для выраженія самыхъ обыкновенныхъ потребностей человѣческихъ существъ, и имъ создается инструментъ, которымъ передаются самые тонкіе оттѣнки чувства и мысли.» Но паралельно съ такимъ совершеннымъ языкомъ находятся въ этой группѣ и такіе, которые почти не имѣютъ грамматики. Таковы языки Америки: Гуронскій, Галибинскій и Каранбскій, словари и грамматики которыхъ у насъ есть. Гуронскій языкъ самый грубый и несовершенный изъ всѣхъ трехъ. Вотъ въ чемъ главныя характеристическія особенности этого языка. *Во первыхъ*, въ этомъ языкѣ вовсе нѣтъ слѣдовъ словопроизводства, искуства сокращать количество разнообразныхъ звуковъ. Множественность и разнообразіе корней доходитъ въ Гуронскомъ языкѣ до неимовѣрной степени. *Во вторыхъ*, въ языкѣ этомъ не выражается ни одно свойство отвлеченное. Въ цѣломъ языкѣ нѣтъ имени прилагательнаго. *Въ третьихъ*, при обозначеніи дѣйствій Гуроны не дѣлаютъ никакого различія между дѣйствіемъ, лицомъ дѣйствующимъ, предметомъ дѣйствія и способомъ онаго. Все это выражается вмѣстѣ однимъ словомъ. Цѣлые наши предложенія выражаются однимъ словомъ. *Въ четвертыхъ*, нѣтъ въ немъ временъ, чиселъ и лицъ, а все это выражается акцентомъ или тономъ. Тоже самое замѣчаетъ *Лакондаминъ* о языкѣ дикихъ на берегахъ Амазонской рѣки, имѣющихъ слова непомѣрной длинноты, и это можно сказать о всѣхъ первоприродныхъ языкахъ безъ исключенія. Жители на берегахъ рѣки Амазонки, чтобы сказать *три*, употребляютъ десятисложное слово poetazzazorincouroac. Эскимосы, чтобы сказать *много*, употребляютъ шестисложное: won—na—we—uck—tuck—luik, а для означенія слова *мало*, пятисложное: mik—ke—u—auk—rook. Таковъ же и языкъ Каранбовъ. Что же касается до синтаксиса Гуронскаго языка, то въ немъ нѣтъ ни предлоговъ, ни союзовъ, ни родовъ, ни чиселъ, ни падежей, ни наклоненій. То же самое и въ языкахъ Галиби и Каранбскомъ. Какъ же, спросятъ насъ, при совершенномъ отсутствіи синтаксиса,



Локомотивъ на желѣзной дорогѣ горы Риги. Грав. Сосинскій.

*) Приводимые здѣсь примѣры заимствованы изъ китайской грамматики Фурмона (Fourmont, Linguae Sinicae Grammatica MDCCXLII) и изъ сочиненія Тулова: *„Обозрѣніе лингвистическихъ категорій“*.

Библиотека "Руниверс"



Мостъ на желѣзной дорогѣ горы Риги. Съ фотографіи рис. и грав. Хороманскій.

Библиотека "Руниверс"

они понимаютъ другъ друга? Этого они достигаютъ чрезъ акцентъ, тѣлодвиженія и знаки. Что же касается до счисленія дикихъ племенъ, то оно у Гуроновъ доходитъ до 2000, у жителей Камчатки до 20, числа пальцевъ на рукахъ и ногахъ; дошедши до этого числа, они спрашиваютъ: *что намъ дѣлать далѣе?* Счисленіе Каранбовъ не простирается далѣе 5; Австралійцы, которыхъ словарь заключаетъ въ себѣ не болѣе 300 словъ, считаютъ до 2-хъ слѣдующимъ образомъ: одинъ —ku, два—kykko; три, четыре и т. д. составляются изъ kykko и ku, повторяемыхъ одинъ или много разъ. Слѣдовательно девять по Австралійски будетъ: kykko—kykko—kykko—kykko—ku. У весьма многихъ племенъ Сѣв. и Южн. Америки и Западн. Африки находимъ слѣдующія выраженія для счета: вмѣсто 5 *цѣлая рука*, вм. 6 *одинъ отъ другой руки*, вм. 10 *двѣ руки*, вм. 11 *одинъ отъ ноги*, вм. 20 *одинъ Индѣецъ*, вм. 21 *одинъ отъ руки другаго Индѣйца*. или вм. 11 *нога одинъ*, ногъ два и т. д., вм. 20 *одинъ человѣкъ кончился*. Къ бѣднымъ діалектамъ можно отнести шипящій языкъ Троглодитовъ въ Абиссиніи и ворчливый говоръ, на подобіе собачьяго, нѣкоторыхъ дикихъ на берегахъ рѣки Амазонки. *Кондаминъ* говоритъ, что они разговариваютъ не голосомъ, но дыханіемъ, втягиваемымъ въ грудь. Кстати о варварскихъ языкахъ, *Шаффгаузенъ* говоритъ, что въ Абиссиніи, въ густыхъ бамбуковыхъ лѣсахъ, живетъ племя Доко ростомъ не выше 4-хъ футовъ, слѣдовательно не выше 10-ти - лѣтняго ребенка. Они темно-оливковаго цвѣта и живутъ въ совершенно животномъ состояніи, безъ жилищъ, безъ храмовъ, безъ священныхъ деревьевъ, не имѣютъ ни начальниковъ, ни оружія. Питаются кореньями, плодами, мышами, змѣями, муравьями, медомъ, и лазятъ по деревьямъ какъ обезьяны. Руки у нихъ чрезвычайно длинны. Длинные ногти служатъ имъ для вырыванія кореньевъ и муравьевъ, ногтями же они разрываютъ на части змѣй, которыхъ и глотаютъ сырыми. Огонь имъ неизвѣстенъ. Размножаются они скоро, но не имѣютъ понятія ни о бракѣ, ни о семействѣ. И мужчины и женщины живутъ съ кѣмъ попало. Это-то племя Доко, весьма бѣдное по языку, бѣднѣе даже, можно думать, и Австралійцевъ. Но маленькіе черные Минкопы на Андаманскихъ островахъ Бенгальскаго залива превосходятъ бѣдностію понятій и племя Доко. Въ гористой внутренней части Люцона есть народъ, который напоминаетъ собою огромное семейство обезьянъ. Языкъ и движенія ихъ подобны крику и движеніямъ обезьянъ. Но тутъ-же, обокъ съ этими языками, стоятъ и такіе, которые въ нѣкоторомъ отношеніи богаче даже классическихъ. Такъ, напр. въ Финскомъ языкѣ 15-ть падежей, но за то нѣтъ винительнаго чисто объективнаго. Нашъ Митрополитъ Московскій *Иннокентій* въ своей класификаціи сѣверныхъ языковъ Америки говоритъ, что Кадьякскій и Уналашкинскій имѣютъ 3 числа, 36 падежей, предлоги и нарѣчія измѣняются у нихъ по числамъ, родовъ нѣтъ, но у всѣхъ одинъ родъ общій.

Четвертая группа—языки *инфлекціональные*. На этой ступени развитія всѣ элементы въ языкѣ теряютъ свой первоначальный видъ и свою знаменательность. Къ этой группѣ принадлежатъ языки Семитскаго семейства, т. е. Арамейскій, Еврейскій и Арабскій, и языки Санскритскаго корня или *Арійскіе*. Но не здѣсь еще предѣлы того поля, которое языковѣды вспахиваютъ.

Такъ какъ всѣ вымершіе языки суть ничто иное, какъ ископаемая поэзія,—то ученые языковѣды, въ послѣднее время, по остаткамъ этой поэзіи, при посредствѣ сравнительнаго метода, приступили къ составленію исторіи не только каждаго языка, но, если возможно, и каждаго слова. Относительно Германскаго языка это дѣло блистательно выполнилъ безсмертный *Гриммъ* въ своей *исторіи Нѣмецкаго языка* и въ своемъ *словарѣ древне-германскихъ языковъ*. «Ни лучи горныхъ свѣтилъ, которыя такъ давно глядятъ на нашу землю, ни различные пласты, которые одѣваютъ ея каменный остовъ и свидѣтельствуетъ о великихъ, незапамятныхъ переворотахъ. не откроютъ намъ нашей древней исторіи. Она начинается вмѣстѣ съ человѣкомъ: все, что было до его появленія, какъ бы ни было оно велико и поразительно, не *человѣчно*, а потому не согрѣетъ человѣческаго сердца. Начала человѣчества окружены мнѣомъ». И далѣе: «Мало мертвыхъ вещественныхъ памятниковъ для опредѣленія первыхъ шаговъ исторіи человѣчества. Прошедшая жизнь народовъ имѣетъ другаго свидѣтеля, болѣе живаго и краснорѣчиваго, чѣмъ кости и гробы. Этотъ свидѣтель—языкъ. Въ языкѣ заключена живая душа человѣка; тамъ, гдѣ слышатся его звуки—въ устномъ ли словѣ, или въ письменныхъ памятникахъ,—тамъ становятся ясны отношенія говорившаго имъ народа къ сосѣднимъ племенамъ; тамъ, гдѣ изсякаютъ всѣ другіе источники, гдѣ всѣ уцѣлѣвшіе остатки не могутъ разрѣшить нашего недоумѣнія,—тамъ ничто не обѣщаетъ такой обильной жатвы для изслѣдователя, какъ тщательное изученіе взаимнаго родства или уклоненія языковъ и нарѣчій до ихъ послѣднихъ, тончайшихъ развѣтвленій. Исторія языковъ представляетъ то же явленіе, какое въ послѣднее время увидѣли въ мнѣѣ: и въ языкѣ повторяется постепенная утрата матеріальнаго совершенства и постепенное восхожденіе къ духовному. Благо языкамъ, которымъ посчастливилось сочетать въ себѣ кроткую прелесть поэзіи съ желѣзною силой прозы!»

А. Чернышевъ.

Желѣзная дорога на горѣ Риги.

21 мая 1871 года открыта для публики эта, единственная въ своемъ родѣ, желѣзная дорога,—единственная, говоримъ мы, не только въ отношеніи ея устройства, но и по самому ея назначенію: для туристовъ, карабкающихся на вершину Альповъ, вагонъ ея замѣняетъ собою осла, мула или альпійскій посохъ. Она простирается на 17,000 футовъ, покрыта рельсами и вьется около господствующей надъ Швицскимъ кантономъ горы Риги. Сооружена эта дорога компаніей капиталистовъ и обошлась въ 1,250,000 франковъ. Цѣль ея проведенія заключалась въ томъ, чтобы доставить возможность любопытнымъ путешественникамъ безопасно насладиться созерцаніемъ окрестной природы, причемъ ежегодный наплывъ чужеземныхъ туристовъ долженъ былъ съ избыткомъ покрыть издержки на ея построеніе.

Гора Риги лежитъ надъ озеромъ Четырехъ-кантоновъ (Фирвальдштетерское) и возвышается на 5,500 футовъ надъ уровнемъ моря. Узкія тропинки между пастбищами ведутъ на вершину ея—*Кульмъ*. Подножіе горы усѣяно швейцарскими селеніями и сыроварнями. Одна изъ такихъ осѣдлостей, мѣстечко Вицнау, лежащее надъ самымъ озеромъ, есть точка исхода новаго желѣзнаго пути. Трудно вообразить себѣ болѣе тихій уголокъ; рядомъ съ небольшою часовенкой помѣщается швейцарскій домикъ — это вокзалъ желѣзной дороги.

Съ самаго начала своего, дорога идетъ подъ гору; шпалы представляются какъ бы ступеньками лѣстницы. Поперечныя шпалы эти не лежатъ непосредственно на землѣ какъ въ обыкновенныхъ желѣзныхъ дорогахъ, а укрѣплены на продольныхъ балкахъ, параллельныхъ рельсамъ, — иначе на значительныхъ склонахъ онѣ посдвигались бы подъ тяжестью поѣзда. Наиболѣе же всего отличается дорога Риги отъ обыкновенныхъ желѣзныхъ дорогъ третьимъ рельсомъ, зубчатымъ, который тянется посрединѣ межъ двухъ обычныхъ. Межъ тѣмъ какъ по этимъ послѣднимъ катятся обыкновенныя колеса вагоновъ, по среднему зубчатому катится зубчатое же колесо локомотива, попадая своими зубцами въ соотвѣтственныя выемки зубчатаго рельса. Это колесо литой стали представляетъ собою главнѣйшее ручательство за безопасность поѣзда, тѣмъ болѣе что постоянно цѣпляется разомъ тремя зубцами, такъ что если бы одинъ изъ нихъ сломался, паденія поѣзда все таки бы не послѣдовало.

Движущійся по этой линіи подвижной составъ также стоитъ упоминовенія. Во первыхъ, скорость движенія весьма незначительна. Когда поѣздъ идетъ подъ гору, его можетъ обогнать и пѣшеходъ. Весь же путь (17,000 футовъ) совершается въ цѣлый часъ. Далѣе обращаетъ на себя вниманіе локомотивъ съ вертикально-стоящимъ котломъ, нѣсколько наклоненнымъ назадъ. Такое устройство котла вызвано необходимостью, чтобы уровень воды въ котлѣ находился всегда на одной и той же высотѣ. Съ чисто-механической точки зрѣнія, нельзя не замѣтить устройства тормаза, посредствомъ котораго можно въ одинъ мигъ остановить поѣздъ. При восхожденіи на гору, локомотивъ прицѣпляется сзади вагоновъ, такъ что онъ не тянетъ ихъ, а толкаетъ передъ собою. Вагоны также особаго устройства. Каждый изъ нихъ, подобно омнибусу, кромѣ сидѣній внутри, имѣетъ еще открытыя мѣста на верху, на имперіалѣ. Всѣхъ мѣстъ въ вагонѣ 81. Въ погожую пору гораздо болѣе охотниковъ на верхнія мѣста чѣмъ на покойныя кресла внутри вагона.

Но для слабонервныхъ путешественниковъ такая ѣзда не особенно пріятна. Темные, страшные тупели; пропасти, скалы, пѣнящіеся горные потоки, а пуще всего вздымающійся надъ ними мостъ на аркадахъ—неоднократно причиняютъ головокруженіе. Мостъ этотъ, межъ двухъ скалъ, простирается на 77 метровъ длины и укрѣпленъ только на двухъ желѣзныхъ аркадахъ. Издали невозможно безъ страха глядѣть на смѣлый изгибъ желѣзныхъ слегъ, который такъ вотъ кажется и хрустнетъ какъ соломинка подъ тяжестью поѣзда. Видъ съ этого моста очаровательный: на дальнемъ планѣ высокія горы, подпирающія небо; подъ ногами ревущіе потоки, темные лѣса, нѣсколько далѣе пастбища и фруктовые сады; по другую сторону лазурное небо глядится въ озерко, за нимъ величественный пикъ Пилата, а прямо предъ тобой и позади голыя скалы съ отверстыми устьями тунелей.

У подножія *Кульма*, въ мѣстечкѣ Штаффель, дорога кончается. Туристы отдыхаютъ часокъ въ швейцарскомъ домикѣ, откуда или продолжаютъ путь пѣшкомъ на вершину или опять садятся въ вагоны и возвращаются тѣмъ же путемъ до Веггиса.

Желѣзная дорога на Риги есть дѣло чисто народное, швейцарское. Строители ея—инженеры Адольфъ Неффъ изъ с. Галлена, Н. Ригенбахъ изъ Ольтена и Цшокке изъ Ааргау.

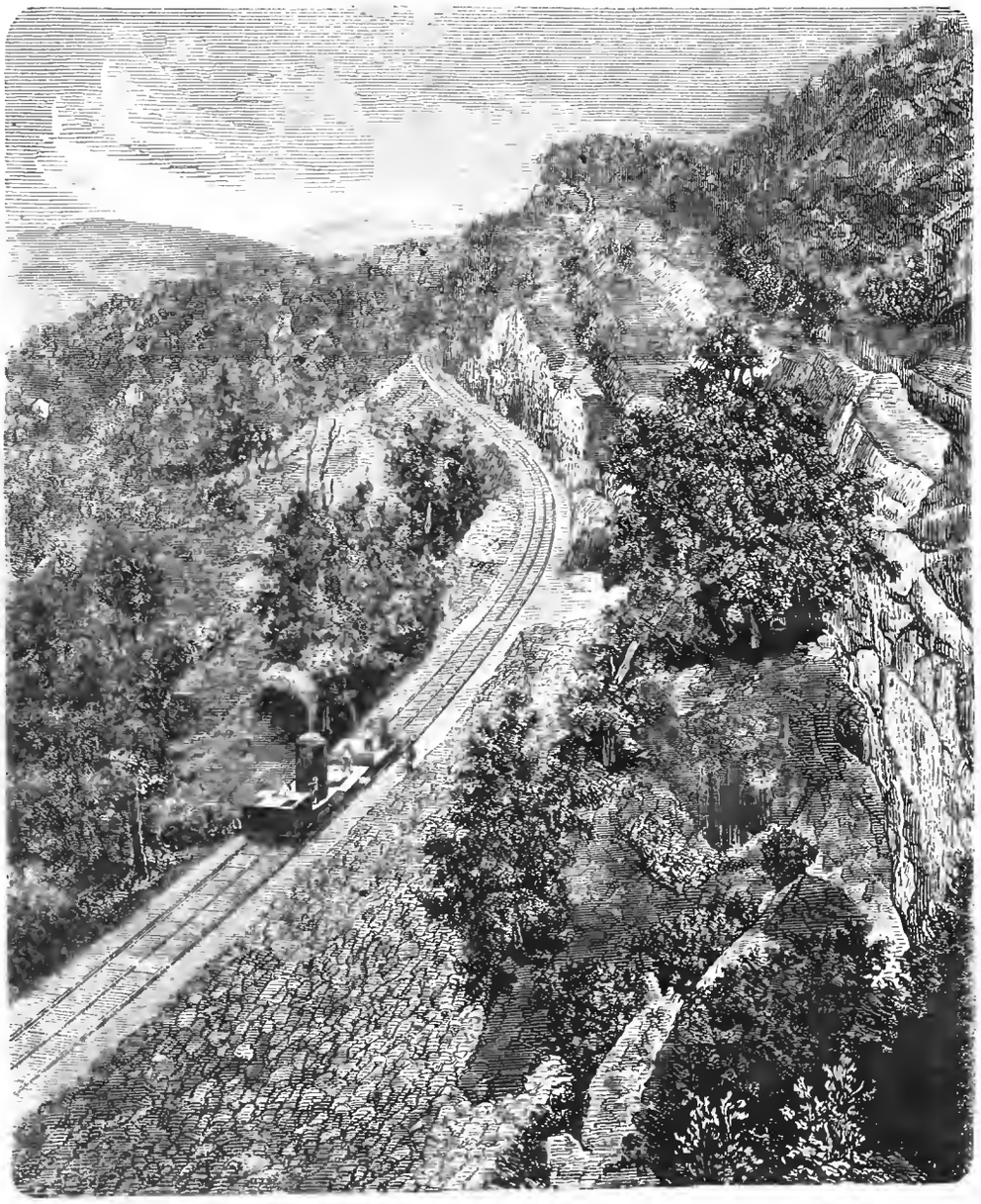
Прилагаемъ четыре рисунка съ фотографій, сдѣланныхъ на мѣстѣ и дающихъ наглядное понятіе какъ о самой дорогѣ такъ и объ окрестныхъ ея видахъ.

Библиотека "Руниверс"

О всеобщей воинской повинности.

Всеобщая воинская повинность въ Россійской Имперіи—весьма различно обсуждалась въ повременной печати, которая всесторонне взвѣшивала практическія слѣдствія этой реформы, большую или меньшую трудность ея введенія и наконецъ возможныя столкновенія съ установившимися воззрѣніями или учрежденіями. Нынѣ, когда «уставъ о воинской повинности» находится предъ глазами читателей, множество прежнихъ возраженій устраняются уже тѣмъ фактомъ, что при вырабатываніи новаго закона принимались во вниманіе всевозможныя условія семейнаго быта, сословій и состояній, религіи и призванія. А равно и учрежденіе комиссіи, состоящей изъ министровъ и другихъ высокопоставленныхъ лицъ, съ цѣлію ближайшаго опредѣленія порядка и способа введенія реформы, служитъ уже достаточнымъ ручательствомъ устраненія недоразумѣній и ошибокъ, неразлучныхъ со всякимъ кореннымъ преобразованіемъ на первыхъ порахъ.

При введеніи всеобщей воинской повинности, дѣло уже не въ большей или меньшей тяготѣ, отъ которой до сихъ поръ одни были избавлены, а другіе несли ее безпрекословно; рѣчь идетъ о патріотическомъ долгѣ, въ которомъ каждый честный гражданинъ обязанъ принимать дѣятельное участіе. Отнынѣ уже не будетъ военнаго сословія въ противуположность гражданамъ и дворянству, не будетъ выдѣленнаго изъ государственнаго строя и противупоставляемаго ему войска, не будетъ повинности несомой одними за другихъ. Право и обязанность носить оружіе на защиту отечества признаются присущими всѣмъ гражданамъ Россійской Имперіи,-подобно тому какъ установлено равенство всѣхъ предъ судомъ и закономъ. Это естественное слѣдствіе современнаго государственнаго строя, какъ онъ понимается нынѣ и въ другихъ странахъ, напр. въ Германіи и Франціи. Въ особенности же въ Россіи новый уставъ составляетъ необходимѣйшее звѣно въ цѣломъ рядѣ реформъ, слѣдовавшихъ съ такимъ величіемъ и счастливымъ исходомъ въ теченіи 15 лѣтъ одна за другою. Каждый долженъ видѣть въ этомъ прогрессѣ новый шагъ къ дальнѣйшему развитію, всеобщее право, честь и обязанность. Разсматривая подробнѣе новыя узаконенія, приходимъ къ заключенію, что они ничего не отнимаютъ и у дворянства, котораго свобода отъ обязательной службы исчезаетъ нынѣ во всеобщей обязанности. Оно по прежнему будетъ служить свѣточемъ и образцемъ въ офицерскихъ и высшихъ военныхъ должностяхъ; только не рожденіе, а сопряженное съ нимъ или облегчаемое имъ высшее образованіе будетъ открывать его представителямъ доступъ къ офицерскимъ чинамъ и прочимъ предусмотрѣннымъ новымъ уставомъ льготамъ. Теперь уже отъ самого дворянства будетъ зависѣть доставленіе себѣ личными заслугами преимущественнаго положенія, котораго на почвѣ образованія и интеллигенціи никто не можетъ оспаривать у него въ Россіи, какъ и въ другихъ государствахъ. Но съ другой стороны, всеобщая военная повинность отнюдь не можетъ считаться учрежденіемъ демократизирующимъ; напротивъ того, она лишь содѣйствуетъ скрѣпленію связи различныхъ сословій между собою въ лучшемъ смыслѣ этого слова, возвышая умственный и нравственный уровень арміи и народа посредствомъ частыхъ служебныхъ сношеній ихъ съ интеллигенціею, высшимъ образова-

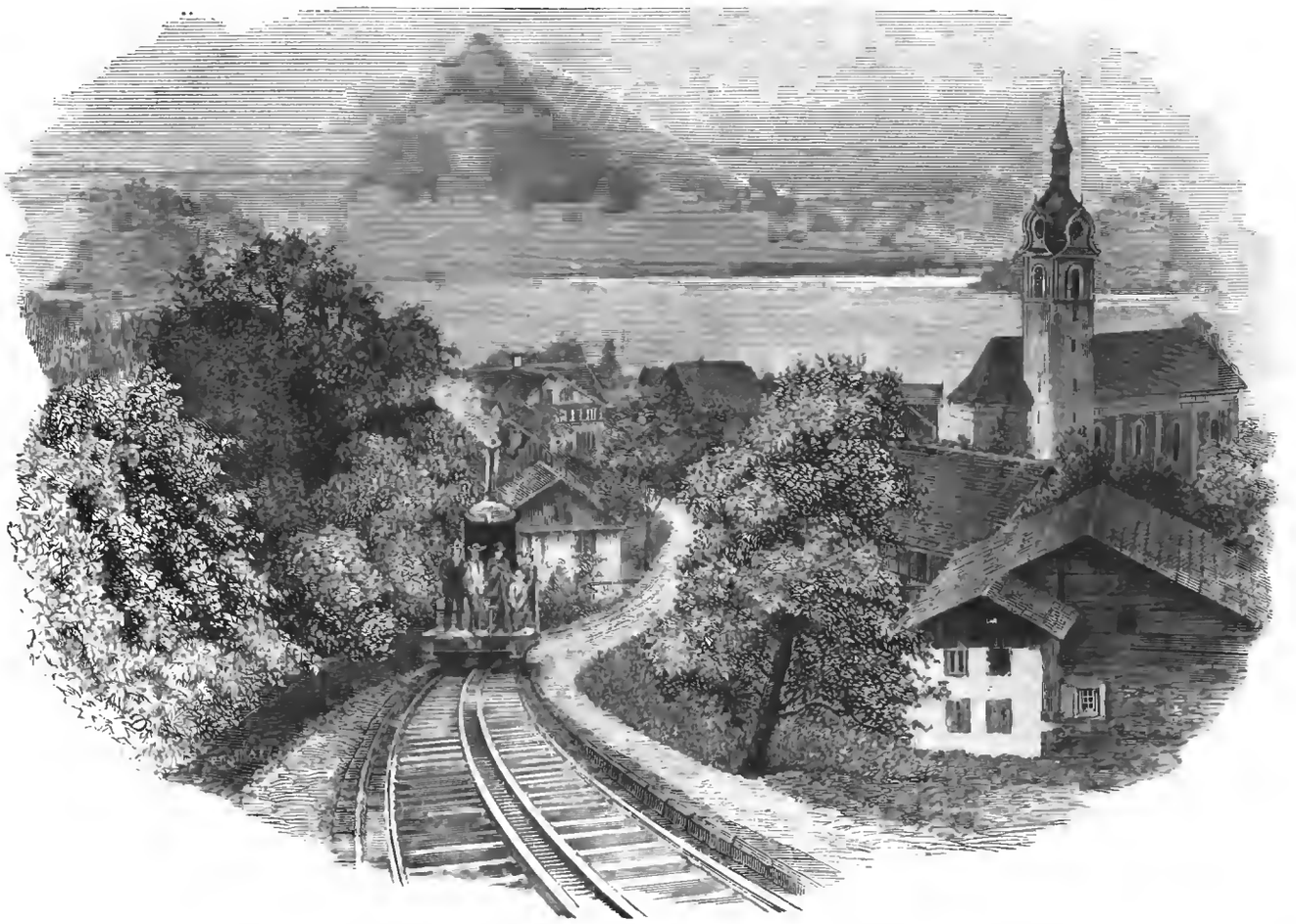


Середина желѣзной дороги на горѣ Риги. Грав. Хороманскій.

Библиотека "Руниверс"

ніемъ и утонченными нравами. Такимъ образомъ и съ этой точки зрѣнія общая военная повинность побуждаетъ привеллигированное сословіе къ усиленной дѣятельности и расширенію своего вліянія.

Для массы же народа въ новомъ уставѣ особенно важны слѣдующія двѣ стороны. Высокое значеніе школьнаго обученія и образованія вообще, вслѣдствіе тѣхъ льготъ которыя предоставлены имъ уставомъ, будутъ такъ понятно, такъ наглядно и практически ясно доказаны народу, а стремленіе къ ученію возрастетъ въ такой степени, какой невозможно было бы достигнуть ни увѣщаніями, ни теоретическими убѣжденіями, ни даже принудительными мѣрами. И въ самомъ дѣлѣ, вотъ уже съ полгода, т. е. вслѣдъ за обнародованіемъ началъ всеобщей воинской повинности, мы видимъ, какъ городскія и сельскія общества хлопочатъ объ основаніи школъ и о просвѣщеніи если не для себя, то для своего потомства. Что эта важная сторона военной реформы явственно представлялась мудрому ея вводителю—это несомнѣнно вытекаетъ изъ тѣхъ значительныхъ исключеній и льготъ, которыя новый уставъ допускаетъ въ различной степени для людей грамотныхъ, образованныхъ и ученыхъ. Если во всеобщей воинской повинности повсюду видятъ начало просвѣщающее и дающее мужественный закалъ, то введеніе такой реформы въ наше время слѣдуетъ привѣтствовать съ особенной благодарностью. Содѣйствуя съ одной стороны, укрѣпленію началъ долга и дисциплины въ низшихъ сословіяхъ, она въ то же время противудѣйствуетъ развитію разслабляющей изнѣжности въ высшихъ и болѣе богатыхъ. Всеобщее право ношенія оружія вдохнетъ въ нихъ новую живительную струю мужества, устраняя въ то же время, нѣкогда повсемѣстныя, опасенія за то, чтобъ изнѣженность мужчинъ и эмансипація женщинъ не изгладили той рѣзкой черты которою природа разграничила оба пола между собою и которой они пожалуй могутъ касаться, но отнюдь не должны переступать или сглаживать до такой степени, когда ни одинъ изъ обоихъ половъ уже не сознаетъ свойственной ему дѣятельности, не довольствуется ею. Всеобщая военная повинность и въ этомъ отношеніи является какъ бы межевымъ столбомъ, полагающимъ грань извращеннымъ стремленіямъ подобнаго рода. Даруя право мужчинѣ, *каждому* мужчинѣ и *только* мужчинѣ носить оружіе, новая повинность указываетъ какъ ему такъ и женщинѣ, что слабость составляющая въ послѣдней невыразимую прелесть женственности—мужчину дѣлаетъ только женоподобнымъ, что роскошь украшаетъ женщину, сила мужчину. Несчастному же пристрастію женщинъ къ эмансипаціи новая воинская повинность наглядно доказываетъ, что первая и всеобщая обязанность мужчинъ — для женщины не существуетъ, такъ какъ женщина самой природой, закономъ и простымъ, здравымъ смысломъ освобождена отъ этой почетной тяготы. Мечъ—мужу, домашній очагъ—женѣ.



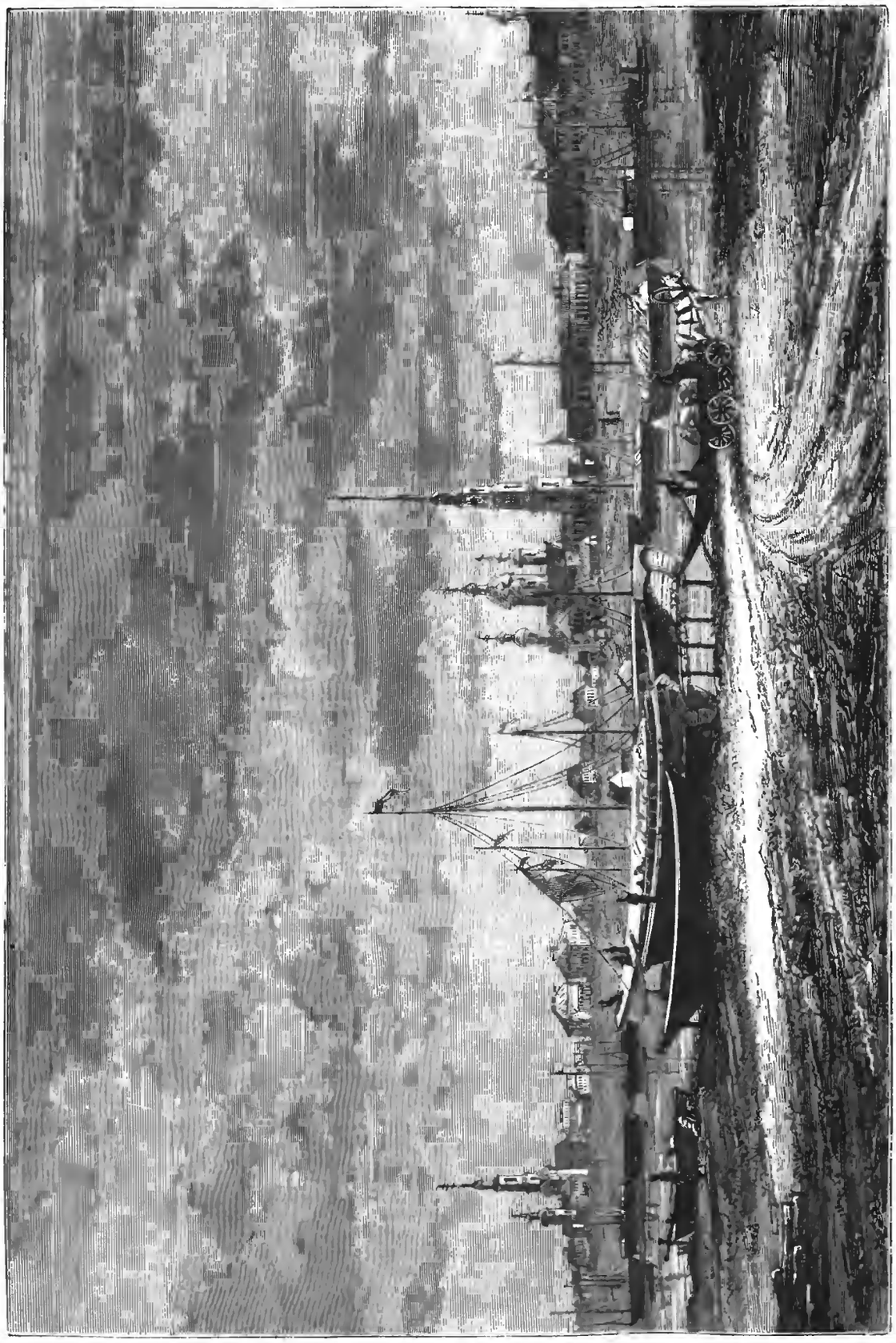
Станція Вегисъ на желѣзной дорогѣ горы Риги. Съ фотографіи рис. и грав. Сосинскій.

Рыбинскъ.

Рыбинскъ, уѣздный городъ Ярославской губерніи, расположенъ на правомъ ровномъ берегу Волги, при впаденіи въ нее рѣчки Черемхи и противъ устья р. Шексны. Когда и кѣмъ основанъ городъ — неизвѣстно, но по его выгодному положенію на Волгѣ противъ устья р. Шексны, надо предполагать, что здѣсь существовало древнее населеніе. Самое же названія города позволяетъ думать, что первыми поселенцами были рыбаки. Въ уставной грамотѣ Новгородскаго князя Святослава Ольговича 1137 г., въ коей утверждаются подати съ разныхъ селеній, между прочимъ упоминается и Рыбинскъ, обязанный платить волжевскую гривну. Въ послѣдующее время городъ называется Рыбною слободою и Дворцовою Ловецкою слободою. По духовному завѣщанію Великаго Князя Іоанна III въ 1504 г. Рыбная слобода отказана старшему сыну его, Василію. Жители обязаны были ловить рыбу для дворца царскаго. Въ 1672 г. рыбный оброкъ состоялъ изъ 30 осетровъ съ третью, по 20 бѣлорыбицъ, по 10 стерлядей большихъ, по 25 среднихъ и по 50 малыхъ. За сверхъ-оброчную рыбу выдавались деньги изъ кормоваго двора по указной цѣнѣ. Въ 1777 г. Рыбная слобода переименована въ Рыбинскъ, уѣздный городъ Ярославскаго намѣстничества.

Въ торговомъ отношеніи, Рыбинскъ занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Россіи, благодаря своему положенію на Волгѣ у

Библиотека "Руниверс"



Пристань въ городѣ Рыбинскѣ. Съ акварели профессора Боголюбова рис. И. А. Космаковъ, грав. Хлѣльницкій.

Библиотека "Руниверс"

начала водныхъ системъ, связывающихъ Волгу съ Балтійскимъ моремъ. Городъ и получилъ свое важное значеніе только съ окончаніемъ этихъ соединительныхъ водныхъ системъ, то есть съ половины XVIII столѣтія. До этого времени Рыбинскъ велъ незначительную торговлю; мимо его проходили только суда, шедшія по Волгѣ съ низу вверхъ и обратно. Съ проведеньемъ же каналовъ Маріинской, Тихвинской и Вышневолоцкой системъ, Рыбинскъ сдѣлался центральнымъ пунктомъ всѣхъ судовъ, идущихъ не только съ низовьевъ Волги, но и изъ Петербурга. Вся торговля по Волгѣ и ея притокамъ сосредоточивается здѣсь, и отсюда идутъ главныя вѣтви, разносящія всѣ многоразличныя богатства Россіи по самымъ отдаленнымъ концамъ ея. Рыбинскъ — это послѣдняя главная Приволжская станція на пути въ сѣверную столицу.

Всѣ операціи Рыбинской пристани заключаются въ выгрузкѣ, нагрузкѣ и перегрузкѣ; послѣдняя особенно необходима для отправленія товаровъ къ верхнимъ частямъ Волги и по каналамъ, гдѣ большія суда, приходящія изъ Нижняго и другихъ низовыхъ мѣстъ, не могутъ ходить, но передаютъ свой грузъ тихвинкамъ и другимъ небольшимъ судамъ, употребительнымъ по каналамъ. Рыбинская пристань тянется на нѣсколько верстъ и раздѣляется на 9 отдѣленій или пристаней, Бутырскую, Тоговщинскую, Петровскую, Абакумовскую, и др. въ которыхъ размѣщаются суда, смотря по ихъ грузу, значенію и потребностямъ. Такое систематическое размѣщеніе необходимо для сохраненія порядка въ пристани, гдѣ собирается иногда разомъ до 2000 и болѣе барокъ. Въ самый разваль судоходства, весною и лѣтомъ, Волга (ширина которой достигаетъ у Рыбинска 230 саженей) покрывается, буквально, сплошною массою судовъ, такъ что по этому импровизированному мосту легко перейти съ одного берега на другой. И какихъ только тутъ нѣтъ судовъ и лодокъ! Вотъ легкая изящная бѣлозерка съ двумя стройными мачтами и опрятной палубой; рядомъ съ ней безобразный шитикъ съ плоскимъ дномъ и круглыми бортами; у однихъ судовъ выстроены на палубахъ цѣлые домики, на другихъ палубы совсѣмъ нѣтъ, и они имѣютъ видъ огромныхъ длинныхъ широкихъ лодокъ. Вообще должно замѣтить, что по Волгѣ и ея притокамъ плаваетъ до 40 различнаго рода судовъ; почти каждая значительная рѣка, каждая водная система имѣетъ свои, исключительно ей принадлежащія суда, хотя многія изъ нихъ, не смотря на свои особенныя названія (сурики, тихвинки, соминки и бѣлозерки и т. д.) отличаются другъ отъ друга самыми незначительными особенностями. Барочное дѣло составляетъ главный промыселъ жителей; а какъ онъ обширенъ — можно судить по тому, что на одной Шексне строится въ годъ болѣе 2000 барокъ. Большая часть малыхъ судовъ, плавающихъ по верхнимъ частямъ Волги и ея притокамъ, обыкновенно остается на тѣхъ мѣстахъ гдѣ выгружаютъ свои товары—и идутъ на дрова и мелкія постройки. Только большія волжскія суда дѣлаютъ нѣсколько рейсовъ и служатъ въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ. За то онѣ и ходятъ только между Рыбинскомъ и Астраханью. Барки, застигнутыя позднимъ временемъ въ Рыбинскѣ, остаются здѣсь на зимовку въ нарочно-устроенной для этого Черемухинской пристани.

Уже съ конца прошедшаго столѣтія черезъ Рыбинскъ проходило до полуторы тысячи судовъ съ кладью до 10 мильоновъ пудовъ на 5 мильоновъ рублей. Съ усиленіемъ отпуска С. Петербургскаго порта, усиливалась и дѣятельность Рыбинска. Въ періодъ навигаціи 1859-62 г. среднимъ числомъ ежегодно отпускалось клади:

Перегруженной	40, 671, 599	пудовъ на	сумму	29, 868, 320 р.
Зимовалой	2,472, 593	« »	«	1, 144, 442 «
Подвезенной гужемъ	1,260,152	« «	«	815, 836 «

Главными товарами были: хлѣбъ, сѣмя, масло постное, пенька, сало, металлы, смола, деготь, чай, сахаръ, соль, рыба, табакъ, поташъ, спиртъ, холстъ и пряжа и проч. Мѣстное купечество ведетъ торговлю преимущественно хлѣбомъ, который привозится въ зернѣ съ низовыхъ Волжскихъ губерній и передѣланный на мельницахъ, отправляется на сѣверъ,—а также лѣсомъ, барками, саломъ и т. д. Базары назначены еженедѣльно по вторникамъ и субботамъ, но съѣздъ бываетъ только на послѣдній, а лѣтомъ крестьяне привозятъ свои произведенія по воскресеньямъ. Кромѣ того, въ городѣ бываетъ ежегодно двѣ ярмарки: съ 23 іюня по 6 іюля и съ 10—25 сентября. На послѣднюю иногородное купечество не пріѣзжаетъ; вообще, въ сравненіи съ колоссальными размѣрами главной торговли Рыбинска, обороты этихъ ярмарокъ (отъ 300-400 тысячъ въ году) такъ ничтожны, что объ нихъ почти не стоитъ и говорить. За то нельзя не обратить вниманія еще на одно чрезвычайно важное значеніе Рыбинска въ меркантильномъ отношеніи — на связь его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и области Волги, съ Архангельскомъ и съ рѣчною областью Двины, черезъ посредство Александровскаго водянаго сообщенія, оконченнаго въ 1828 году и соединяющаго Шексну съ Кубинскимъ озеромъ, изъ котораго вытекаетъ Сухона, западной притокъ Сѣверной Двины. Въ настоящее время, кромѣ обширныхъ водяныхъ сообщеній, Рыбинскъ соединяется желѣзно-дорожнымъ путемъ съ Николаевской желѣзной дорогой.

Зимою городъ тихъ, малолюденъ; въ немъ считается не болѣе 15 тысячъ жителей, но за то лѣтомъ число это возрастаетъ до 100,000 человѣкъ. Берега Волги оживлены и кишатъ народомъ, особенно противоположный берегъ, застроенный сплошными амбарами, сараями и магазинами. Большую часть этого прихлынувшаго населенія составляютъ бурлаки и рабочіе — народъ сильный, здоровый и смѣлый. Почти всѣ бурлаки, уроженцы приволжья или рѣкъ впадающихъ въ Волгу. Въ настоящее время, съ развитіемъ пароходства, бурлачество, правда, потеряло прежнее значеніе, но тѣмъ не менѣе весь этотъ народъ находитъ много работъ на всѣхъ пристаняхъ гдѣ останавливается суда.

Главное занятіе мѣстныхъ жителей Рыбинска составляетъ перегрузка товаровъ, подвозка товаровъ къ пристанямъ, выгрузка и нагрузка ихъ, судостроеніе, распилка старыхъ негодныхъ судовъ на дрова и мелочная торговля, выгодная для бѣдныхъ жителей во время скопленія здѣсь огромнаго количества судорабочихъ, нуждающихся въ съѣстныхъ припасахъ, обуви, платьѣ и другихъ мелкихъ вещахъ; отдача домовъ въ наймы также доставляетъ значительныя выгоды жителямъ. Наибольшее число ремесленниковъ занимается изготовленіемъ одежды и пищи. Хлѣбники выпекаютъ въ годъ хлѣба на сумму до 75 тыс. руб.; столь значительное производство происходитъ отъ обильнаго стеченія судорабочихъ, и отъ того, что здѣсь всѣ суда запасаются провіантомъ въ дальнѣйшій путь.

Богатый Рыбинскъ довольно хорошо обстроенъ, но къ сожалѣнію очень грязенъ. Набережная Волги одѣта гранитомъ отъ биржеваго дома до устья рѣки Черемхи; по рѣчкѣ Черемхѣ расположенъ городской бульваръ. Въ городѣ 11 православныхъ церквей; изъ нихъ соборъ Преображенія, состоящій изъ двухъ зданій, какъ по размѣрамъ своимъ, такъ и по изяществу, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду церквей Ярославской губерніи. Приходской храмъ Казанской Божіей Матери есть древнѣйшая изъ церквей города, основанъ въ 1697 г.; большая часть прочихъ церквей построена въ нынѣшнемъ столѣтіи. Въ городѣ много торговыхъ и промышленныхъ заведеній, театръ, двѣ больницы: одна городская, другая для судорабочихъ, общественный банкъ, учрежденный въ 1862 году, съ основнымъ капиталомъ въ 39 тысячъ, на проценты котораго предполагалось содержать богадѣльню, публичная библіотека, впрочемъ весьма не богатая. Числомъ учебныхъ заведеній Рыбинскъ не блистаетъ; его учебныя средства ограничиваются 1 уѣзднымъ и 2 приходскими училищами для мальчиковъ и 1 женскимъ училищемъ 2-го разряда.

Смѣсь.

Анекдотъ о Лавалеттѣ. Антуанъ графъ де Лавалетъ былъ одинъ изъ самыхъ горячихъ поклонниковъ Наполеона I; въ качествѣ офицера арміи, онъ пріобрѣлъ уваженіе и довѣріе императора, который опредѣлилъ его въ должность своего частнаго секретаря. Впослѣдствіи онъ получилъ мѣсто главнаго начальника почтъ. Послѣ паденія императора въ 1814 году. Лавалеттъ потерялъ это мѣсто, но по возвращеніи Наполеона съ острова Эльбы, ему снова было ввѣрено главное начальство надъ почтами. Послѣ реставраціи Людовика XVIII, Лавалеттъ былъ арестованъ и приговоренъ къ смерти, по обвиненію въ томъ, что онъ помогалъ императору въ послѣднихъ его попыткахъ. Но у Лавалетта были друзья, которые рѣшились сдѣлать все отъ нихъ зависящее чтобы его спасти. Жена и дочь его были свободны; при помощи трехъ англичанъ, онѣ такъ энергически дѣйствовали для достиженія своей цѣли, что графъ получилъ возможность бѣжать изъ своей тюрьмы, выйдти переодѣтымъ изъ Парижа и оставить Францію. Сэръ Робертъ Вильсонъ былъ его спутникомъ. Они уже достигли одного маленькаго городка недалеко отъ границы, какъ лошади ихъ такъ изнемогли, что путешественники принуждены были остановиться. Съ свѣжими лошадьми, они могли бы въ нѣсколько часовъ быть за Рейномъ, гдѣ ихъ ожидала полная безопасность. Они знали, что бѣгство ихъ открыто и посланы гонцы по ихъ слѣдамъ.

Въ этомъ опасномъ положеніи, Лавалеттъ убѣдительно требовалъ лошадей. Почтмейстеръ узналъ своего прежняго начальника, не смотря на то что тотъ былъ переодѣтъ. Не сказавъ ни слова о своемъ открытіи, не давая даже никакого отвѣта, почтмейстеръ пошелъ къ себѣ въ домъ, и вскорѣ изъ почтамта въ галопъ помчался куда-то почтальонъ. Лавалеттъ былъ сильно обеспокоенъ; онъ просилъ окружающихъ доставить ему лошадей, но они покачивали головой и говорили что вѣрно почтмейстеръ не велѣлъ давать. Графъ желалъ видѣть почтмейстера; ему сказали, что онъ вышелъ.

Лавалеттъ и сэръ Робертъ Вильсонъ поняли, что почтмейстеръ узналъ графа, хотя объ этомъ никто и не говорилъ ни слова. Они находились въ странѣ совершенно имъ неизвѣстной, а королевскіе шпіоны шныряли повсюду. Они рѣшились дорого продать свою жизнь, если не будетъ возможности бѣжать. Только

Библиотека "Руниверс"

они успѣли прийти къ этому рѣшенію, какъ къ воротамъ подъѣхалъ почтмейстеръ въ коляскѣ, запряженной парой сильныхъ, горячихъ лошадей. Выйдя изъ коляски, онъ обратился къ графу съ слѣдующими словами:

«Милостивый государь, я считаю васъ за честнаго человѣка, и поэтому питаю къ вамъ полное довѣріе. Вы ѣдете въ Мюнхенъ; тамъ вы увидите графа Лавалетта, который былъ нѣкогда моимъ другомъ и далъ мнѣ теперешнее мое мѣсто. Передайте ему эти двѣсти наполеондоровъ, которые я ему долженъ; я думаю, при настоящихъ обстоятельствахъ онъ очень нуждается въ нихъ. Садитесь съ вашимъ товарищемъ въ экипажъ и поѣзжайте. Вамъ запряжены мои самыя лучшія лошади, и я послалъ впередъ почтальона, чтобы вездѣ до границы были заказаны для васъ новыя смѣны лошадей. Вамъ не будетъ нигдѣ задержки».

Съ этими словами, почтмейстеръ положилъ въ экипажъ тяжелую шкатулку. Лавалеттъ благополучно достигъ Мюнхена, гдѣ его милостиво принялъ король, и куда вскорѣ за нимъ пріѣхали его жена и дочь.

Моцартъ. Императоръ Іосифъ II часто самъ писалъ для своего прекраснаго баса маленькія вещицы, которыя обыкновенно выходили весьма удачно. Но разъ онъ написалъ для себя большую арію и вклеилъ ее въ одну изъ маленькихъ итальянскихъ оперъ, дававшихся на его частномъ театрѣ въ Шенбруннѣ. Никто не долженъ былъ знать, что она написана имъ, но конечно всякій это зналъ, также и Моцартъ. «Моцартъ, что скажешь ты объ аріи?» спросилъ его императоръ. «Пожалуй», отвѣчалъ дѣтски смѣлый и дѣтски веселый Моцартъ, «арія хороша, но тотъ кто ее сочинилъ—все-таки лучше».

Народное образованіе во франціи. Какъ сообщаетъ само, превосходное, къ сожалѣнію свергнутое ультрамонтантской партіей и ханжествомъ императрицы Евгеніи, французское министерство народнаго просвѣщенія Дюрюи, изъ числа 657,400 дѣтей оставившихъ школу, 262,008, слѣдовательно 40%, посѣщали ее безъ всякой пользы. Вотъ буквальныя слова отчета: *sans y puiser de connaissansus utiles et solides* (не вынеся изъ нея никакихъ полезныхъ и основательныхъ свѣдѣній). И такъ, почти половина французскаго юношества посѣщаетъ школу безъ пользы — фактъ дѣйствительно грустный. Во время, министерства столько же ученаго сколько дѣятельнаго и гуманнаго Дюрюи, извѣстнаго также своими превосходными историческими сочиненіями, народная школа какъ будто ожила. Онъ создалъ такъ-называемыя «*Conférences*», то есть народныя научныя чтенія, которыя должны были служить къ распространенію (какъ въ большихъ такъ и въ маленькихъ городахъ) «географическихъ и историческихъ познаній» въ народѣ, обращать вниманіе слушателей на успѣхи естественныхъ наукъ, объяснять духъ образцовыхъ классиковъ и разсѣявать предубѣжденіе противъ свободномыслящихъ религіозныхъ писателей. Онъ достигъ преобразованія высшихъ школъ для дѣвицъ и освободилъ ихъ изъ подъ власти духовенства и монахинь св. Урсулы. Но начиная отъ епископа и кончая послѣднимъ деревенскимъ священникомъ, вся ультрамонтанская клика посыпала на него проклятіями,—и наконецъ этотъ превосходный министръ, сдѣлавшійся еще ненавистнѣе фанатическому духовенству вслѣдствіе предпринятой имъ реформы учительскихъ семинарій, получилъ отставку. Дюрюи, кромѣ всего остальнаго, принадлежитъ заслуга уничтоженія такъ называемой «катехизической методы», введенной напримѣръ въ первоначальномъ преподаванію исторіи. По этой нелѣпой методѣ, ученику задается выдолбить наизусть извѣстное число вопросовъ и отвѣтовъ. При этомъ задача учителя во время урока весьма не хитра, такъ какъ онъ читаетъ по книгѣ вопросовъ, а ученики буквально отвѣчаютъ на нихъ то что они задолбили. Найдетъ ли настоящій министръ народнаго просвѣщенія какое нибудь радикальное средство противъ подобнаго преподаванія?

Издержки Тичборнскаго процесса. Одна англійская газета передаетъ издержки Тичборнскаго процесса въ слѣдующихъ цифрахъ: присяжнымъ заплочено 2600 фунт. стер., стенографамъ около 2000 ф. с. и типографіямъ около 4000 ф. с. Прокуры, въ числѣ пяти человѣкъ, поглотили 14,000 ф. с. Защитники претендента, въ сравненіи съ прокурорами, получили жалкое вознагражденіе, но какое именно—достовѣрно не извѣстно. Нѣкоторые изъ свидѣтелей получили весьма значительныя суммы—однихъ было дано по 1000 ф. с. другимъ по 700 ф. с. третьимъ по 500 ф. с. Общій итогъ издержекъ процесса долженъ дойти до 150,000 фунт. стерлинговъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Ея Императорское Высочество Государыня Великая Княжна Вѣра Константиновна, съ соизволенія Государя Императора и Августѣйшихъ Родителей Своихъ, 11-го (23) сего января, въ Стутгардтѣ, помолвлена съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Вильгельмомъ-Евгеніемъ Виртембергскимъ.

— 16-го сего января, въ Зимнемъ Дворцѣ, прибывшія въ С.-Петербургъ по случаю бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Маріи Александровны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ, особыя депутаціи отъ дворянствъ Владимірской и Нижегородской губерніи, отъ городскихъ обществъ Нижегородскаго, Казанскаго и Новгородскаго и отъ крестьянъ Смоленской губерніи, имѣли счастіе принести Высоконовобрачнымъ вѣрноподданническія поздравленія.

При этомъ означенными депутатами были представлены: отъ владимірскаго дворянства—заявленіе объ учрежденіи 13 стипендій, по числу уѣздовъ губерніи, во владимірской женской гимназіи; отъ Нижегородскаго дворянства—заявленіе объ учрежденіи 50 стипендій Имени Ея Высочества въ Нижегородской мужской гимназіи; отъ Нижегородскаго городскаго общества заявленіе объ учрежденіи стипендій Имени Ихъ Высочествъ 25 въ мужской и 25 въ женской Нижегородскихъ гимназіяхъ и хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ; отъ Казанскаго городскаго общества—серебряная братина съ чарами на серебряномъ блюдѣ; отъ Новгородскаго общества—хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ; отъ крестьянъ Слоленской губерніи—икона Смоленской Божіей Матери въ серебр. ризѣ.

— 16-го сего января былъ въ Большомъ театрѣ торжественный спектакль, который начался въ 9 часовъ. Его Императорское Величество, Высоконовобрачные и прочіе Члены Императорской фамиліи изволили занимать среднюю Царскую ложу.

— 20-го января, въ Концертномъ залѣ Зимняго Дворца, въ 6 часовъ пополудни, былъ Высочайшій обѣденный столъ на 200 персонъ, въ которому приглашены были находящіеся въ Петербургѣ: Наслѣдный Принцъ Германскій съ Супругою, Наслѣдный Принцъ Великобританскій съ Супругою и прочіе иностранные Принцы и Принцесы, особы Ихъ свиты и Германскаго, Великобританскаго и Датскаго Посольствъ.

— Въ четвергъ, 10-го января, прибывшій сюда Бухарскій Посланникъ Абдулъ-Кадыръ-Бей и два секретаря его Имнъ-Ахматъ-Уранъ и Мирза-Абдулъ-Аганъ имѣли честь представляться въ торжественной аудіенціи Его Величеству Государю Императору.

— Императоръ Австрійскій выѣзжаетъ изъ Вѣны въ Петербургъ 30-го января (11-го февраля), послѣ полудни, въ сопровожденіи многочисленной свиты, въ томъ числѣ генералъ-адъютанта графа Беллегарде.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ, въ ознаменованіе бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Маріи Александровны, Всемилостивѣйше соизволилъ 9-го января 1874 года, согласно положенію Комитета Министровъ, даровать лицамъ, подвергшимся по 1-е января 1871 года обвиненіямъ въ государственныхъ преступленіяхъ, если они не совершили послѣ того какихъ-либо новыхъ преступленій и не были замѣчены ни въ чемъ предосудительномъ, нижеслѣдующія облегченія:

1. Состоящимъ нынѣ въ разрядѣ сосланныхъ на житье, съ лишеніемъ всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ и преимуществъ, и находящимся какъ въ Европейской Россіи, такъ и въ Сибири, даровать прежнія личныя права состоянія, распространивъ оныя и на законныхъ дѣтей ихъ, прижитыхъ послѣ осужденія родителей.

2. Тѣмъ изъ таковыхъ лицъ, кои находятся въ Сибири, позволить, если пожелаютъ, переселиться въ одну изъ внутреннихъ губерній, по назначенію Правительства.

3. Тѣхъ же, которые находятся въ Европейской Россіи, освободить отъ надзора полиціи на основаніяхъ, какія установлены 3 пунктомъ Всемилостивѣйшаго Его Императорскаго Величества повелѣнія 13-го мая 1871 года объ облегченіи нѣкоторыхъ преступниковъ.

4. Освобожденнымъ по настоящее время отъ надзора полиціи, на основаніи означеннаго пункта Высочайшаго повелѣнія 13-го мая 1871 г., предоставить право поступленія на государственную службу въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ имъ дозволено свободное проживаніе—и

5. Подобнымъ же особожденнымъ отъ надзора лицамъ, которыя были удалены съ мѣста жительства, безъ лишенія правъ, дозволить возвратиться на родину.

— Указомъ Прав. Сенату отъ 22 декабря 1873 повелѣно: 1. С.-Петербургскій и Московскій Опекунскіе Совѣты, Главный Совѣтъ Женскихъ Учебныхъ Заведеній и Московское его Отдѣленіе соединить въ одинъ Совѣтъ, коему присвоить наименованіе: «Опекунскій Совѣтъ Учрежденій Императрицы Маріи». 2. Изъ членовъ сего Совѣта образовать два Присутствія; одно въ С.-Петербургѣ, и другое въ Москвѣ, съ одинаковыми правами въ отношеніи рѣшенія дѣлъ въ тѣхъ предѣлахъ, какіе установлены Положеніемъ о Совѣтѣ.

3. Особыя Канцеляріи при Опекунскомъ Совѣтѣ упразднить, а дѣла къ слушанію его заготовлять въ подлежащихъ экспедиціяхъ IV Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи, изъ коихъ одной постоянно находиться въ Москвѣ—*и* 4. Нынѣшнихъ членовъ Совѣта, за сліяніемъ сего учрежденія съ Опекунскимъ Совѣтомъ, переименовать въ почетные опекуны.

Библиотека "Руниверс"

— Указомъ Правит. Сенату повелено упразднить должность Новороссійскаго и Бессарабскаго генералъ-губернатора.

ТОРГОВЛЯ.

— *Изъ свѣдѣній о количествѣ иностранныхъ товаровъ, выпущенныхъ изъ таможенъ, а также о русскихъ товарахъ, вывезенныхъ за границу по европейской торговлѣ— съ 1-го января по 1-е ноября 1873 года,* видно: въ этотъ періодъ времени изъ портовыхъ и сухопутныхъ таможенъ *выпущено иностранныхъ товаровъ*: сахара сырца и толченаго 119.216 п., рафинада 1.470 п., чая кантонскаго 612.693 п., кофе 345.001 п., масла деревяннаго 1.170.985 п., вина виноградного 927.780 б., шампанскаго 1.006,399 бут., соли 10.884.498 п., табаку листоваго 190.651 п., крошенаго и въ сигарахъ 3.112 п., бумаги хлопчатой сырца 2.964.437 пуд., пряденой 262.718 п., дерева красильнаго 319.074 п., индиго 39.435 п., масла для освѣщенія 2.037.282 п., чугуна не въ дѣлѣ 1.556.150 п., желѣза полосоваго и въ лому 3.703.797 п., бронзваго, котельнаго и листоваго 1.454.701 п., рельсоваго 6.581.805 п., свинца 810.722 п., шерсти въ сыромъ видѣ 129.834 п., всякой непряденой 14.184 п., искусственной 17.646 п., пуши всякой пряденой 154,144 п., шелка 12.312 п., соды 944.918 п., угля каменнаго 42.670.186 п., паровозовъ, локомобилей и принадлежностей машинъ 1.863.570 пуд., бумажныхъ издѣлій 82.185 п., шерстяныхъ 117.342 п., шелковыхъ 10.287 п., льняныхъ (полотна) на 2.149.860 рублей. *Вывезено за границу русскихъ товаровъ*: пшеницы 5.795.311 четв., ржи 5.819.728 ч., ячменя 1,023.139 ч., кукурузы 615.315 ч.. гороха 147.084 ч., овса 3.159.251 ч., муки всякой 278.384 ч., прочаго хлѣба 496.797 ч., всего 17.335.009 четвертей (въ 1872 году 13.930.123 ч.), сѣмени льнянаго и конопляннаго 2.164.345 ч., масла льнянаго и конопляннаго 2.664 п., коровьяго 91.347 п., спирта и вина хлѣбнаго 531.598 п., меда и патоки 87.504 п., табаку листоваго и крошенаго 84.966 п., скота крупнаго 40.563 шт., мелкаго 689.612 шт., лошадей 16.973 шт., сала скотскаго 689,304 п., льна 8.286.252 пуд., льняной пакли 596.261 п., пеньки 3.420.565 п., пеньковой пакли 48.641 п., пряжи льняной и пеньковой 360.105 п., кожъ невыдѣланныхъ 290.685 ., выдѣланныхъ и юфти 18.423 п., кости простой 871.395 п., шерсти сырца 836.118 п., щетины 98.742 п., гривъ конскихъ 46.894 п., поташа 243.085 п.. желѣза 885.775 п., мѣди 9.157 п., тряпья всякаго 630.620 п., веревокъ и канатовъ 241.219 п , полотна парусного, равендука и фламскаго 11.105 кусковъ, холста хряща 6.454.397 арш., ткацкихъ издѣлій 8.952 п., лѣснаго товара на 28.835.945 рублей и мягкой рухляди 32.903 пуда.

— Въ теченіе нѣсколькихъ недѣль въ *Млавскомъ уѣздѣ, Плоцкой губерніи*, идетъ оживленная дѣятельность *по доставкѣ зерноваго хлѣба въ Пруссію*. Особенно эта дѣятельность замѣтна въ Млавѣ, какъ центральномъ пунктѣ закупки хлѣба въ Праснышскомъ и Цѣхановецкомъ уѣздахъ, занимающихся вывозной торговлей. Ежедневно изъ этого города отправляются слишкомъ 10 товарныхъ фуръ и нѣсколько десятковъ подводъ съ хлѣбомъ, слѣдуя двумя трактами: по шоссе въ Нейдебургъ и простой дорогой изъ Сольдау. Здѣсь было нѣсколько такихъ дней, въ которые всѣ запасы хлѣба въ Млавѣ были исчерпаны, потому что болѣе ста фуръ и подводъ разомъ вывезли за границу товаръ. Главный спросъ на рожь, цѣна которой въ настоящее время 5 р. 40 к. за корецъ.

— По словамъ «Варшавскаго Дневника» *изъ Калишской губерніи* въ прошломъ году *вывезено строеваго и дровянаго лѣса* на 2.000.000 руб; на 1.000.000 руб. *разнаго хлѣба*; на 70.000 руб. *лошадей*; на 400.000 р. разной *домашней птицы* и на 30.000 р. однихъ гусей.

НЕСЧАСТІЯ.

— Въ первые дни новаго года *въ Кіевѣ очень часто стали повторяться пожары*. Вечеромъ 9-го января сгорѣли на Львовскомъ базарѣ 4 лавки, и только искусное и энергическое дѣйствіе пожарной команды помѣшало пламени охватить остальныя лавки. Едва окончился этотъ пожаръ, какъ появилось зарево другаго, гораздо значительнѣйшаго, хотя и болѣе отдаленнаго: въ одномъ изъ предмѣстій Кіева, внизъ по Днѣпру, у Китаевской пустыни, сгорѣлъ большой кирпичный заводъ г-жи Львовой и Эрлиха, застрахованный въ 150.000 р.

Не задолго передъ этимъ сгорѣло болѣе дюжины лавокъ на Печерскомъ базарѣ и былъ пожаръ на Подолѣ въ складѣ г. Терешенка. На Печерскѣ пожаръ начался въ запертой лавочкѣ, товаръ которой застрахованъ былъ въ 2.000 р.

ЛИТЕРАТУРА:

Новыя книги:

Субботинъ, Н. Исторія Бѣлокриницкой іерархіи. Т. 1-й, съ приложеніями и двумя портретами. Москва. Тип. Рисъ, 8 д. 680 стр. 750 экз. Ц. 3 р. 50 к.

О церковномъ судоустройствѣ въ древней Россіи. Спб. Тип, Глазунова. 8 д. 96 стр. 1,200 экз

Альбинскій, свящ. Пѣніе божественной литургіи на финскомъ языкѣ. Спб. Литогр. Пазовскаго. 8 д. 27 стр 300 экз.

СОДЕРЖАНІЕ: Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова**. Выходъ Московскихъ царей въ праздничные и торжественные дни (съ рисункомъ).—Біографія науки о языкѣ (окончаніе) **А. Чернышева**.—Желѣзная дорога на горѣ Риги (съ четырьмя рисунками).—О всеобщей воинской повинности (съ приложеніемъ **безплатной преміи** подписчикамъ „Нивы", Устава о воинской повинности отдѣльной книжкой въ 64 страницы)· — Рыбинскъ (съ рисункомъ).—Смѣсь.—Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „НИВА" получено: Переносъ изъ № 4, 403 руб. 91 коп., вновь получено отъ свящ. Чернявскаго въ Новоузен. 5 Р., отъ Филонова въ Закаталѣ 3 р., отъ Цытухина въ Стерлитамакѣ 2 р. 50 к.. отъ Аксютина въ Тамбовѣ 1 р. 50 к., отъ Гнитовичъ въ Елисоветполѣ 1 р. 50 к., отъ Добровольскаго въ Ковловѣ 1 р 50 к., отъ свящ. Потова въ Никольскѣ 50 к., отъ Золотарева въ Мор. 50 к. Итого 419 р. 91 к.

Въ Спб. на углу Невскаго проспекта и Большой Морской, домъ Котомина, № 18.

ПО СЛУЧАЮ ПРЕКРАЩЕНІЯ ТОРГОВЛИ

РАСПРОДАЖА

(оставшихся непроданными).

Нѣсколько масленныхъ картинъ . . . . . отъ 40 р. до 80 р.
Нѣсколько сотъ фотограф. видовъ, портретовъ, акварелей и карточекъ . . . . . » 10 к. до 6 р.
Нѣсколько сотъ олеографическихъ карточекъ и головокъ . . . . . » 25 к. до 40 р.
Болѣе 200 тоже «троекъ», (Бредова) . . . . » 3 р. до 9 р.

Съ вызолоч. рамами, подъ стекло и безъ оныхъ;

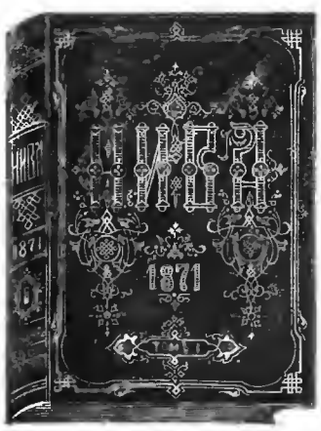
а также небольшой партіи галантерейныхъ предметовъ: альбомовъ отъ 2 р. до 20 р., порт-моне, порт-сигаръ и кошельковъ—отъ 75 коп. до 6 р., печатей, штемпелей и прессовъ отъ 1 р. до 10 р. штука. Покупающіе на 30 р.—пользуются уступкой 10%; — отъ 50 руб. 15%; а на 100 р, и болѣе — 25%. Пересылка по почтовому окладу на счетъ заказчика, а укупорка безплатна. Р. Г. тутъ же продается болѣе 80 заграничныхъ искуственныхъ цвѣтовъ (обр зчиковъ) для шляпъ и головнаго уборо,—все за 60 р., (а если нужно, то съ пересылкой и укладкой).

Для каждой семьи и земствъ.

Для медицинскихъ и женскихъ

Книга: Руководство къ уходу за больными, беременными, родильницами и новорожденными дѣтьми. М. Залуговскаго. Съ 28-ю рис. Ц. 1 р. 50 к. Прод. у Глазунова, Исакова въ С.-Петербургѣ и у Глазунова, Лехина, Прѣснова, Клочкова, Черенина и друг. книгопродавцевъ Москвы

Для больницъ и сельскихъ школъ.



Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко переплести въ нее нумера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки **1 руб.** съ перес. **1 руб. 50 коп.** Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на 1874 г. которыя могутъ служить въ теченіи года для сохраненія №№ какъ портфель.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Чайники, кофейники, сахарницы, и сливочники изъ бѣлаго Британскаго металла, никогда неизмѣняющагося, въ магазинѣ мелхіоровыхъ издѣлій

Александра Качъ.

Чайники отъ 2½ до 3½ р.
Кофейники 3½ » 5 »
Сахарницы 3 » 4½ »
Сливочники 1 » 1 » »

Александра Качъ.

На Невскомъ противъ Думы, въ д. Европейской Гостинницы. Гг. Иногородныхъ, прошу присылать при каждомъ рубли за 1 фунтъ портовыхъ.

Дозволено цензурою. 24 января 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 6 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ

Выданъ 4 февраля 1874 года. Годъ V. Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА", НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" 1874 НА ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" за 1874 годъ.

Песецъ и чернобурая лисица. Грав. Фриманъ.

Библиотека "Руниверс"

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

(Продолженіе).

V.

Дѣла задержали меня значительно дольше, чѣмъ я предполагалъ; мнѣ удалось вырваться въ Москву лишь къ масляницѣ — и такимъ образомъ прошло болѣе мѣсяца, какъ я не видалъ Бэтси. На первыхъ порахъ, собственно говоря, мнѣ и не до нея было, тѣмъ болѣе что хоть на время я значительно успокоился. Зная впечатлительный, пылкій и настойчивый характеръ моего юнаго друга, я нисколько не сомнѣвался, что Бэтси, увлекшись желаніемъ учиться, во всякомъ случаѣ сумѣетъ поставить на своемъ; но по мѣрѣ того, какъ я подѣзжалъ къ Москвѣ, меня все больше и больше занимали вопросы о томъ, какъ-то повліялъ на Бэтси школьный бытъ и какую перемѣну найду я въ ея мысляхъ.

Поэтому, одинъ изъ первыхъ моихъ визитовъ достался М-me Прыгуновой. Живо памятенъ мнѣ этотъ масляничный вечеръ....

— Ну, что Бэтси? учится? спросилъ я послѣ первыхъ вѣжливостей и освѣдомленій о состояніи здоровья семьи.

— Ахъ, докторъ, не знаю какъ мнѣ благодарить васъ! чуть не со слезами начала Марья Ивановна,— я такихъ успѣховъ и не ожидала, признаюсь откровенно! Была я у начальницы заведенія—«поздравляю, говоритъ, ваша дочь—просто геніальная головка! Какъ ей все легко дается!—музыка, пѣніе, танцы, науки... А сочиненія, говоритъ... это у нихъ тамъ *на тэму* задаютъ что-то... просто говоритъ, непостижимо для ея лѣтъ!—такъ и сказала: непостижимо — учителя въ примѣръ ее ставятъ всѣмъ ученицамъ....

— Ну и слава Богу! порадовался я въ свою очередь,—гдѣ же она? можно ее видѣть?

— Сегодня-то суббота — это назначенный день у Софи, такъ ужь у насъ такъ заведено: субботу Бэтси у нея, а воскресенье у меня. Il faut que jeunesse se passe, voyez vous! нельзя же не побаловать за прилежаніе,—ну а у Софи ей конечно веселѣе, тамъ все молодежь собирается, ученые, художники... mais tres comme il faut, не то чтобы артисты какіе нибудь — все хорошихъ семействъ молодые люди.... любители что-ли называются... Одинъ даже у меня здѣсь портретъ Бэтсинъ сдѣлалъ—и какъ скоро, imaginez vous! взялъ листъ картона, накоптилъ его на лампѣ... и потомъ по копоти-то палочкой-палочкой, не карандашомъ, а просто бѣлой спичкой—delicieux!...

Я впрочемъ не сталъ дослушивать исторіи портрета, мнѣ хотѣлось поскорѣй видѣть оригиналъ послѣ тѣхъ новостей, которыя сообщала Марья Ивановна, — и я поспѣшилъ сократить мое посѣщеніе. Добрѣйшая барыня, безъ всякаго умысла, нѣсколько сбила меня съ толку: кружокъ госпожи Сметанкиной и успѣхи Бэтси какъ-то не вязались въ моей головѣ.

Сметанкины нанимали небольшую квартирку, съ претензіями на московскій шикъ, въ одной изъ отдаленныхъ частей города, *чтобъ не подъ бокомъ у мамаши*, какъ не разъ объяснялъ мнѣ Левъ. Уже въ передней непріятно поразилъ меня пискливый звукъ скрипки въ сочетаніи съ фортепіано, разстроенномъ или настроенномъ на полтона ниже. Звонокъ мой не привлекъ ничьего вниманія кромѣ хозяевъ. М-me Сметанкина встрѣтила меня довольно сухо—она вообще не долюбливала мужниныхъ знакомыхъ, но Левъ чего-то обрадовался какъ брату родному, засуетился и потащилъ меня въ залу. Въ низенькой комнатѣ было на порядкахъ тѣсно и такъ накурено, что я не сразу разглядѣлъ Бэтси. Въ длиннѣйшемъ черномъ шелковомъ платьѣ, съ высокимъ шиньономъ на головѣ, она стояла облокотясь на фортепіано, слѣдя за исполнителями. Замѣтивъ появленіе новаго лица, она прищурилась, важно направила въ упоръ на меня лорнетъ — и вдругъ слегка смѣшавшись, проворно бросила себѣ за спину дымившуюся у нея въ рукѣ папироску. Какой-то кудлатый дородный малый поспѣшилъ поднять и съ поклономъ подалъ окурокъ Бэтси. Та въ конецъ растерялась...

— Докторъ?... давно-ли?... вотъ неожиданный сюрпризъ!... проговорила она, протискиваясь между мной и услужливымъ кавалеромъ,—какъ же я вамъ рада!...

— Какова? засѣменилъ около насъ Левъ, — совсѣмъ grande demoiselle стала! Старое старится, молодое ростетъ—таковъ законъ природы...

Вообще видно было, что онъ какъ-то безъ надобности суетится и точно примазывается своей особой, чего въ немъ прежде не бывало.

— Да, да! что и говорить! отвѣтилъ я, глядя на Бэтси, — только чего же предъ друзьями-то конфузиться?

— Лизавета Николаевна у насъ, кажется, не конфузливаго десятка! ядовито произнесъ позади меня знакомый голосъ.

«И ты здѣсь?» подумалъ я, признавъ бѣлобрысаго cavaliere-servente.

Онъ былъ тутъ и между своими не робѣлъ уже. А скрипка между тѣмъ невыносимо пищала, не смотря на всѣ усилія какой-то худосочной дѣвицы покрыть ее своимъ аккомпаниментомъ.

— Какъ же я давно васъ не видала! продолжала Бэтси, пожимая мнѣ руку,—и какой вы славный, что такъ невзначай прямо заѣхали! мнѣ нужно много съ вами говорить... Пойдемте сюда!..

Бэтси усѣлась рядомъ со мной въ оконную нишу, обрамленную точно кіоскъ широкими подобранными портьерами. Я замѣтилъ, что и прочее общество, разбиваясь попарно, какъ-то уединялось по укромнымъ уголкамъ. Въ другой комнатѣ нѣсколько молодыхъ людей и дѣвицъ играли въ карты, но и вокругъ зеленаго стола виднѣлись отдѣльныя группы. Разговоръ шелъ какъ бы сурдинкой подъ музыку, но весьма оживленный, часто прерываемый тихимъ смѣхомъ...

— Кто эта особа? спросилъ я, показывая глазами на акомпанирующую піанистку.

— Ахъ, это моя классная дама—лучшій мой другъ!.. радостно воскликнула Бэтси,—погодите, вотъ она кончитъ, я васъ познакомлю...

— Классная дама?! повторилъ я, недоумѣвая...

— Да, — а что? вы удивляетесь, что она съ нами такъ запросто? она, бѣдняжка, небогата и очень долго мыкала горе въ гувернанткахъ; а теперь вотъ какъ получила это мѣсто—понятно, ей тоже хочется пожить, повеселиться..,

— Ну, Богъ съ ней! перебилъ я, не зная пока что возражать на такую своеобразную логику,—а вотъ вы такъ скоро измѣнились.... *Лизавета Николаевна* стали... курите, кажется?

— Такъ шалю... вспыхнула Бэтси, — я вѣдь не затягиваюсь... такъ только!... Вы пожалуйста не проболтайтесь мамашѣ...

— Бэтси значитъ похоронена окончательно?

— Какъ?

— Та Бэтси, что собиралась никогда не лгать...

— Я вамъ и не лгу! обиженно и вмѣстѣ горделиво

Библиотека "Руниверс"

произнесла Бэтси, тряхнувъ головкой,—а кому не хочу говорить все—такъ молчу...

Я слегка улыбнулся.

— Гдѣ вы это выучились такимъ іезуитскимъ правиламъ?

— Ну, ужъ извините — іезуитъ-то вы, если на то пошло... «Но, милый братъ», и Бэтси даже подняла указательный пальчикъ вверхъ,—«не подражай проповѣдямъ жестокимъ, указывая путь другимъ тернистый къ небу, когда ты самъ идешь дорогою грѣха веселой....»

— Браво, Лизавета Николаевна! Шекспира читаете—и какъ видно съ пониманіемъ...

— А развѣ это изъ Шекспира? самодовольно спросила Бэтси, играя лорнетомъ, — это мнѣ одинъ молодой литераторъ декламировалъ, мнѣ понравилось—я и попросила написать въ мою тетрадку....

— Такъ вы не читали «Гамлета?».

— Не только читала, даже и на сценѣ видѣла.... Самойловъ игралъ... Ахъ, да это вѣрно оттуда? Впрочемъ, ктожъ теперь читаетъ Шекспира?

— Ну, то-то же! разсмѣялся я.

— Лизавета Николаевна!... подлетѣлъ къ намъ кудлатый малый, расшаркиваясь и подставляя руку,—васъ просятъ пѣть... осчастливьте компанію!..

— Хорошо!... проговорила Бэтси, и пошла кивнувъ мнѣ головкой, а онъ повелъ ее съ вычурною и явно утрированною вѣжливостью.

Я послѣдовалъ за нею, не безъ любопытства примкнувъ къ молодежи, столпившейся у рояля.

— Что же вамъ спѣть? сказала Бэтси, развязно усаживаясь на табуретѣ — и не дожидаясь заявленій, начала вѣчно-модный въ закоулкахъ Москвы, нѣсколько безсмысленный романсъ...

Говорятъ, что я кокетка,
Что любить я не могу...

Голосъ у нея былъ чистый и довольно сильный для ея лѣтъ, но далеко не сформировавшійся и вовсе не обработанный... Я мысленно опустилъ цвѣтокъ на гробъ еще одного дарованія, такъ рано погибшаго насильственной смертью... Бэтси училась уже, слѣдовательно учитель говорилъ ей, что нельзя пѣть безъ толку все что нравится...

Но кокетка
Какъ ракетка
Вся вдругъ вспыхнетъ, полетитъ...

словно поясняла намъ Лизавета Николаевна, что̀ вышло изъ наставническихъ увѣщаній...

Въ передней глухо дрогнулъ звонокъ. Поздній гость оказался высокимъ, блѣднолицымъ, худощавымъ молодымъ человѣкомъ въ синихъ очкахъ, одѣтымъ въ черное. Онъ вошелъ нѣсколько надменно закинувъ голову и поздоровался только съ М-ше Сметанкиной, едва кивнувъ кой-кому изъ прочихъ. Бэтси оглянулась черезъ плечо, вдругъ наклонилась къ нотамъ, зардѣвшись до ушей — и съ удвоенной выразительностью закончила, протягивая отдѣльныя фразы...

А видали ль, какъ я плачу
Безнадежно полюбя,
Силы дѣвственныя трачу
Полны дивнаго огня?...

И при этомъ взглядывала на вошедшаго, какъ ей видимо казалось, ему одному понятными взглядами...

— Привезли? оборвала она разомъ послѣднюю торопливую нотку.

Синіе очки порылись въ боковомъ карманѣ и молча подали Бэтси какую-то рукопись въ трубочкѣ.

Бэтси съ торжествомъ понесла ее въ дальнія комнаты.

Сметанкинъ нашелъ нужнымъ представить мнѣ таинственнаго незнакомца.

— Рекомендую, братъ, геній первой величины.... публицистъ... «Заплѣснѣвшее бучило» знаешь конечно? читалъ?... Переверзевъ Сергѣй... Докторъ N...

— Что за выраженія? подсѣкъ его геній, довольно брезгливо подавая мнѣ руку, — никакъ вотъ не могу вразумить ихъ, что геній ничто иное какъ высшая степень труда и настойчивости... Я по крайней мѣрѣ никогда не замѣчалъ въ себѣ такъ-называемыхъ вдохновеній, откровеній и тому подобнаго вздора... Вы, какъ докторъ, стало быть реалистъ, конечно согласитесь со мной?!.

Онъ заранѣе утвердительно склонилъ голову, какъ-бы недопуская возраженій.

Я не сталъ разрушать его безподобнаго самодовольства.

— А что это вы привезли Бэтси? заюлилъ Сметанкинъ,—не новый ли плодъ вашего...

— Ну, какой тамъ еще плодъ?... опять оборвалъ его Переверзевъ, — просто на просто гиль. Вообразите, обернулся онъ ко мнѣ и даже взялъ за петлю моего сюртука,—задаютъ имъ въ этомъ храмѣ просвѣщенія... писать дисертаціи на заданныя тэмы... ерунду непроходимую... Вотъ хоть бы на этотъ разъ: «*о нравственномъ вліяніи семейнаго быта на лучшія качества души*... Вѣдь тутъ что ни словечко—то пятіалтынный на чай!... Ну гдѣ же барышнѣ справиться съ этакой премудростью!... Поэтому я и предпочелъ самолично исполнять за Лизавету Николаевну формальныя сочиненія, а ей по тому же предмету доставлять хорошія книги...

Я чуть не привскочилъ—такъ неожиданно разоблачилась мнѣ тайна успѣховъ Бэтси.

— Смѣю васъ спросить, какого именно рода книги вы находите особенно полезными въ подобныхъ случаяхъ? освѣдомился я.

— Да, вотъ хоть бы ***!.. онъ назвалъ одинъ изъ петербургскихъ журналовъ, — далъ ей нѣсколько нумеровъ—и пять-шесть предразсудковъ какъ рукой сняло! побѣдоносно заявилъ г-нъ Переверзевъ.

— Вы состоите преподавателемъ въ томъ учебномъ заведеніи, гдѣ воспитывается Лизавета Николаевна?

— Нѣтъ, преподавателемъ не состою, а тамъ меня таки слушаются... А что? вы не одобряете моего выбора чтенія?

— Да въ этомъ журналѣ вѣдь ничѣмъ не стѣсняются... Его не совсѣмъ-то ловко дать въ руки пятнадцатилѣтней дѣвочкѣ...

— Позвольте-съ! вдругъ перебилъ меня рѣзкій тоненькій голосокъ,—почему же вы думаете, что дѣвушка должна игнорировать нѣкоторыя вещи до самаго замужства?

Я быстро обернулся—это красная дама на меня накинулась такъ внезапно. Переверзевъ же просто показалъ мнѣ спину и пошелъ къ карточному столу въ другую комнату, по прежнему внушительно и бережно неся свою особу на длинныхъ тонкихъ ногахъ...

— Всѣ несчастія нашей жизни отъ того собственно и происходятъ, что мы не умѣемъ найдтись въ данномъ случаѣ!.. подступалъ ко мнѣ новый противникъ, по мѣрѣ того какъ я невольно шагъ за шагомъ подавался назадъ,—а сколько жизней разбито чисто по неопытности?.. Если мы принимаемъ за идеалъ перваго встрѣчнаго и навязываемъ ему несуществующія въ немъ достоинства...

Красная дама такъ и сыпала въ меня всѣмъ своимъ арсеналомъ.

— ..... А сколько браковъ разрѣшилось въ домашній адъ, который... (и т. д. и т. д.).

— ..... А чѣмъ гарантировано молодое сердце отъ уловокъ новѣйшаго фоблаза... (и проч. и проч.).

— Согласенъ, но не рано ли гадать... пытался было я возразить.

Библиотека "Руниверс"

— А гдѣ порука тому, что... (слѣдовали примѣры всевозможныхъ случайностей).

Она все наскакивала-наскакивала, загнала меня въ другую комнату, наконецъ влѣпила меня въ стѣну — и только подоспѣвшій на выручку подносъ съ фруктами освободилъ меня отъ этой назойливой джигитовки.

«Вотъ ужъ изъ огня-то да въ полымя—и это я самъ собственноручно имѣлъ счастіе пересадить бѣдняжку!» думалъ я, глядя на Бэтси.

Мы находились въ кабинетѣ моего пріятеля, гдѣ былъ поставленъ карточный столикъ и шла оживленная игра въ стуколку. Бэтси сидѣла въ углу большаго кожанаго дивана, подобравъ ножки, весело щебеча съ молодымъ скрипачемъ, котораго то и дѣло называла княземъ. Онъ дѣйствительно бросался въ глаза отпечаткомъ не совсѣмъ обыкновенной порядочности. Держалъ онъ себя, правда, какъ-то по дѣтски чопорно, подбородокъ его часто упирался въ безукоризненные стоячіе воротнички,—слушая болтовню Бэтси (онъ больше слушалъ чѣмъ говорилъ), князь съ изысканно-вѣжливымъ вниманіемъ и видимымъ удовольствіемъ устремлялъ на нее кроткіе голубые глаза, всякій разъ слегка склонялъ голову, когда приходилось отвѣчать,— замѣчательно ловко и не суетливо оказывалъ ей маленькія услуги... А она, прижавшись въ свой уголокъ, заигрывала съ нимъ какъ кошечка лапкой—безпрестанно заставляла его краснѣть, то обдавая своимъ ласковымъ и загадочно-манящимъ взглядомъ, то будто нечаянно въ разговорѣ касаясь его руки своею, то выставляя узенькій кончикъ свѣтлой ботинки, то вдругъ закидывая голову на спинку дивана и смѣясь тихимъ лукавымъ смѣхомъ... Она явно практиковалась надъ бѣднымъ юношей и посылала мнѣ торжествующіе взгляды. «Видишь теперь, сколько у меня поклонниковъ!» говорили они яснѣе всякихъ словъ.

Мнѣ стало невыносимо жаль ее.

VI.

Между тѣмъ затѣялись неизбѣжные танцы подъ фортепіано—и даже карточный столикъ опустѣлъ. Я остался одинъ въ кабинетѣ докуривать свою сигару. Въ сосѣдней комнатѣ за перегородкой, сквозь звонъ посуды, сдержанно но явственно раздавался недовольный голосъ M-me Сметанкиной.

— Вамъ ничего нельзя поручить — вѣчно все перепутаете!... Ну какое это вино? куда оно годится?..

— Но, Софи, цыпочка моя... слышался молящій голосъ Сметанкина (я просто ушамъ не вѣрилъ),—гдѣ же взять лучшаго? Сама знаешь, въ долгъ больше не вѣрятъ...

— Мнѣ что за дѣло до вашихъ отговорокъ!... Не умѣете устроить, такъ и не беритесь! безъ васъ обойдутся...

— Ангелъ мой, что ты говоришь!.. подумай только, что ты говоришь!

— Очень нужно мнѣ думать!.. Идите ужъ — стоитъ только хлопаетъ глазами...

Не постигая, какъ могъ мой бѣдный другъ такъ скоро угодить подъ башмакъ своей супруги, и ужъ конечно вовсе не желая быть свидѣтелемъ переборки домашняго бѣлья, я хотѣлъ было потише удалиться,—но тутъ въ кабинетъ вошелъ кудлатый малый, совершенно запыхавшись отъ танцевъ, выпилъ залпомъ два стакана воды и бросился возлѣ меня на диванъ. Свѣжее, румяное лицо его съ веселыми карими глазами дышало такимъ неподдѣльнымъ добродушіемъ, умомъ и безпечною удалью, что нельзя было не любоваться на него...

— Бьюсь объ закладъ, докторъ, началъ онъ, широко развалясь и тяжело дыша мощною грудью,—вотъ вы сидите и думаете: что это такое здѣсь дѣлается?

— На какомъ же основаніи вы предлагаете такое пари?

— Да ужъ я вижу, что вы глазъ не спускаете съ миссъ Бэтси!.. Виноватъ, я можетъ быть неловко навязываюсь, но меня право цѣлый вечеръ такъ и подмываетъ сказать вамъ: «эй, не теряйте масла и трудовъ!..»

— Я васъ не совсѣмъ понимаю...

— Полноте, чего тутъ не понять! Не думаете ли вы, что я способенъ принять васъ за одного изъ ухаживателей?.. А хороши, не правда-ли? Ну, князекъ, это еще *бэбэшка*, ему простительно... А геній-то геній доморощеный—вѣдь по уши втюрился, да и всѣ до одного... И дѣвочка очень хорошо это знаетъ, а также и то что красота ея неотразима... Ну, чтожь вы тутъ подѣлаете съ вашей моралью?.. Слышалъ я про вашъ подвигъ и давно желаю познакомиться... Мораль! Вы этакъ чего добраго прочтете намъ басню: *стрекоза и муравей?* Но, любезный докторъ, мы очень хорошо знаемъ, что трудолюбивый муравей корпитъ всю жизнь на грошахъ къ гувернанткахъ или экономкахъ, пока не высохнетъ въ лимонную корку, а милой стрекозкѣ вездѣ первое мѣсто... et des bonbons,—какъ же вы хотите насъ увѣрить, что лѣто красное прошло?.. т. е. не наступало еще... Оно то же на то выходитъ.

Мнѣ почему - то пріятно стало отрезвиться этимъ грубымъ здоровеннымъ здравымъ смысломъ, хотя я и не поддавался ему относительно дальнѣйшаго образа дѣйствій.

— И вся эта молодежь отлично знаетъ чего добивается, но тѣмъ не менѣе каждый играетъ особую роль... Вотъ этотъ баринъ (онъ указалъ мнѣ на маскераднаго чичероне) чуть не лакеемъ на побѣгушкахъ, приживалкой какой-то, подчасъ вѣроятно и сошніонить не прочь: Переверзевъ развиваетъ; другой завиваетъ: третій что-нибудь прививаетъ — и всѣ будто дѣло дѣлаютъ....

— Ну, а ваша-то роль какая-же? Извините, откровенность за откровенность...

— Какая же моя роль! Я просто шалопай — и нисколько не скрываю этого, произнесъ мой собесѣдникъ съ ужимкой, которая въ первый разъ еще вышла несовсѣмъ искренней,—такъ и рекомендуюсь: Михайло Тароватовъ шалопай; шальное наслѣдство избавило меня отъ необходимости записываться въ цѣхъ муравьевъ или стрекозъ, мнѣ все равно гдѣ ни быть—вотъ я и маюсь...до первой осины, разумѣется...

— А какъ вы думаете, шутки въ сторону, есть еще средство спасти Бэтси или нѣтъ?..

— Есть-то есть, да вѣдь вамъ скажи—такъ вы *караулъ* закричите....

— Попробуйте все таки....

— Вѣдь нельзя-же ее увезти въ степь моздокскую или въ Нью-Іоркъ? нельзя? Прыгуновы и Сметанкины не пустятъ отъ себя. Ну, такъ одно остается теперь: надо чтобъ она серіозно полюбила—и хорошаго человѣка....

— Въ пятнадцать-то лѣтъ!!!

—Городовой!!! крикнулъ мнѣ въ унисонъ Тароватовъ,— вѣдь говорилъ, что призовете къ порядку?!

Признаюсь, въ эту минуту хваленый здравый смыслъ показался мнѣ сильно не въ своемъ умѣ.

— Впрочемъ, что *пользы только толковать*, гласитъ мудрость нашихъ дней! кончилъ онъ, поднимаясь съ дивана и оправляясь передъ знаменитымъ трюмо, — грядемте!

Онъ ринулся въ залу, переполненную порхавшими парами, подхватилъ Бэтси, закружилъ ее прямо съ мѣста и понесся въ бѣшеномъ вальсѣ. Танцовалъ онъ превосходно; только волнистые кудри его слегка вздрагивали на поворотахъ, а глаза близко смотрѣли въ личико Бэтси, раскраснѣвшееся отъ упоенія — она обыкновенно плясала до упаду, до истерики, до обмо-

Библиотека "Руниверс"

Ученая супруга. Рис. Нестель, грав. Кисманъ.

Библиотека "Руниверс"

роковъ... Чуть живую посадилъ онъ ее на стулъ, сѣлъ рядомъ и принялся болтать.

— Ну-съ, милая барышня, какъ же вы нынче живете-можете? Сколько сердецъ положили въ кармашекъ? И какія это сердца — сахаръ, медъ или патока?—чай патока больше? нынче все экономія...

Съ нимъ однимъ Бэтси не кокетничала и смѣялась отъ души...

А онъ точно и забылъ про недавній нашъ разговоръ, досталъ изъ кармана раздушеный платокъ, напачкалъ сигарнымъ пепломъ себѣ руку, сложилъ ее въ кулакъ и обернулъ платкомъ, отчего она стала уморительно похожа на старушечье лицо въ чепчикѣ: старуха эта морщилась, шевелила губами, ѣла конфекты, курила папиросу,—а Бэтси помирала со смѣху, совершенно по дѣтски воззрившись въ нее глазенками...

Мнѣ сдавалось, что я понялъ Тароватова: въ противуположность моей системѣ, онъ видимо хотѣлъ дѣйствовать на ребяческія стороны характера Бэтси, какъ-бы задерживая ихъ окончательное исчезновеніе. «Чтожъ» подумалъ я, «можетъ быть онъ-то и нашелъ настоящій ключъ къ этой задачѣ!»

Смѣшно вспоминать, но я почувствовалъ что-то вродѣ облегченія, убѣдясь, что не я одинъ навязалъ себѣ отвѣтственность за будущее нашей милой барышни. Я даже перенесъ мои наблюденія на прекрасную половину обычныхъ гостей М-me Сметанкиной—отыскивая, не найдется-ль и здѣсь хоть сколько нибудь надежной подмоги на случай надобности въ дальнѣйшемъ образѣ дѣйствій. На задорную наставницу Бэтси разумѣется нечего было разсчитывать. Довольно было мелькомъ взглянуть на то, какъ она порхала въ послѣдовавшей за тѣмъ кадрили, придерживая свое платьице: она, такъ-сказать на склонѣ юныхъ лѣтъ, сама предпочла возвратиться въ дѣтство. Забывъ весь міръ, одинаково-блаженной улыбкой свѣтила она и князю, съ которымъ танцовала, и своему визави Тароватову. Такъ и казалось, что она вотъ-вотъ заспрягаетъ: «Я счастлива, ты счастливъ, онъ счастливъ, будемъ же всѣ счастливы!..» Кромѣ ея, изъ представительницъ школьной жизни, тутъ была подруга Бэтси, замѣчательно сырое и лимфатическое существо, которое, съ тѣмъ же самымъ выраженіемъ большихъ коровьихъ глазъ, клало въ танцѣ руку на плечо своего кавалера или отправляло себѣ въ ротъ полгруши. Еще была тутъ какая-то вертлявая молодая особа съ цѣлымъ ливнемъ распущенныхъ по спинѣ золотистыхъ волосъ; эта безъ умолку трещала и весьма отважно обращалась съ молодежью, а съ дамами разъ два полькировала за кавалера. Отчаявшись въ поддержкѣ прочихъ дѣвицъ, я уже сталъ подумывать, какъ бы незамѣтнѣе убраться домой и, воспользовавшись той суматохой, когда въ залѣ накрывали столъ, тихонько отыскалъ свою шляпу... но ее тотчасъ же перехватили у меня изъ рукъ.

— Ни за что не пущу! кричалъ Сметанкинъ, заступая мнѣ дорогу,—въ кои-то вѣки собрался—да и тягу! это, братъ, не по товарищески! дудки! безъ ужина не пущу!..

Самъ онъ еще до ужина успѣлъ немного повеселѣть и видимо входилъ въ роль хозяина.

Подошли Бэтси, m-me Сметанкина,—я дѣлать нечего остался.

За ужиномъ Бэтси усѣлась между княземъ и Тароватовымъ. Парный элементъ соблюдался и между прочею молодежью, какъ въ теченіи всего вечера. Разговоръ пошелъ еще живѣе. Тароватовъ все упрашивалъ Бэтси, подбивая ее на какую-то штуку,—та не соглашалась, грозила ему пальчикомъ, смѣялась, наконецъ уронила салфетку на его сторону и что-то долго ее поднимала подъ столомъ, а потомъ заговорила съ княземъ, сѣвъ какъ-то прямо и чинно, точно въ ожиданіи чего-то...

Подали шампанское. Я замѣтилъ, что глазенки у Бэтси опять засверкали, когда Сметанкинъ перерѣзывалъ бичевку пробки — онъ былъ мастеръ на этотъ счетъ и, бывало, артистически безъ малѣйшаго звука откупоривалъ вино на холостыхъ пирушкахъ, — но теперь, взглянувъ на Бэтси, улыбнулся, нарочно хлопнулъ на всю залу и первымъ наполнилъ ея бокалъ....

Когда пришла очередь Тароватова, онъ взялъ у Сметанкина бутылку и всталъ на стулъ; въ другой рукѣ у него была щегольская дамская ботинка...

— Храня завѣтъ священной старины, заговорилъ онъ, обращаясь къ обществу,—позвольте мнѣ, господа, не упоминая имени особы почтившей меня не въ примѣръ прочимъ, предложить вамъ тостъ за здоровье всѣхъ присутствующихъ...

Надо было видѣть состояніе нѣкоторыхъ изъ этихъ присутствующихъ: князекъ (его уже не разъ коробило въ теченіи вечера) поблѣднѣлъ какъ тарелка и не смѣлъ ни на кого глазъ поднять; Переверзевъ кусалъ губы въ безсильной злобѣ; до сихъ поръ ко всему равнодушная подруга явно считала себя обиженною на этотъ разъ; даже отважная тараторка притихла... Всѣ узнали башмачекъ Бэтси.

Тароватовъ вылилъ въ него остатки шампанскаго, поклонился на всѣ стороны, и залпомъ осушилъ башмачекъ, который вслѣдъ за этимъ исчезъ куда-то съ непостижимымъ проворствомъ, между тѣмъ какъ торжествующій шалопай садился на свое мѣсто.

Теперь только я окончательно понялъ моего новаго знакомаго: если вся здѣшняя молодежь, по словамъ его, была влюблена въ Бэтси,—то всѣхъ больше, всѣхъ такъ-сказать сумасшедшѣе любилъ ее самъ Тароватовъ....

(Продолженіе будетъ).

Ученая супруга.

Лѣтъ семь или восемь тому назадъ Иванъ Иванычъ Тихомировъ былъ что-называется завиднымъ женихомъ во всѣхъ отношеніяхъ. Не особенно красивый, но довольно пріятной наружности, которую какъ бы освѣщали большіе, необыкновенно добрые глаза,—молодой человѣкъ занималъ довольно видное положеніе въ мірѣ дѣловыхъ людей и кромѣ того владѣлъ порядочнымъ состояніемъ средней руки. Пожилыя дамы, имѣвшія двухъ-трехъ дочерей на возрастѣ, были просто безъ ума отъ его скромности, домосѣдства и хозяйственныхъ наклонностей; самая квартирка его была устроена какъ-то не на холостую ногу и представляла, по мнѣнію старушекъ, нѣкоторое подобіе полной чаши—недоставало только хозяйки. Само собой разумѣется, что и это необходимое дополненіе не замедлило отыскаться.

Аглая Петровна, въ противоположность своему суженому, была замѣчательно красива. Единственная дочь небогатыхъ, но достаточныхъ родителей, она рано вошла въ роль общей любимицы, привыкла властвовать неограниченно въ своемъ домѣ и съ дѣтства уже не отказывала себѣ даже въ малѣйшей прихоти. Въ дѣвушкахъ она много выѣзжала, веселилась и слыла разборчивой невѣстой въ толпѣ многочисленныхъ поклонниковъ. Тѣмъ неожиданнѣе поразила всѣхъ ихъ вѣсть о помолвкѣ Аглаи Петровны съ Иваномъ Ивановичемъ.

Не смотря на нѣкоторое различіе въ характерахъ жениха и невѣсты, пословица «суженаго коемъ не объѣдешь» на этотъ разъ оправдалась какъ нельзя лучше—и свадьба не только состоялась, но даже была отпразднована съ подобающимъ блескомъ.

Новобрачной подвидимому не очень понравилось въ полной чашѣ. Не прошло и недѣли медоваго мѣсяца, какъ распространился слухъ, что Тихомировъ бросаетъ свою дѣятельность и ѣдетъ съ молодой женой заграницу. Никто, впрочемъ, не дивился этому, зная наклонности Аглаи Петровны. «Чтожъ, люди молодые, пожить хочется, людей посмотрѣть, себя показать».. гово-

Библиотека "Руниверс"

рили даже самые строгіе охотники перемыть косточки своему ближнему. Злые языки прибавляли, правда, что Ивану Иванычу вскорѣ по прибытіи въ чужіе края придется перемѣнить свою дорожную войлочную шляпу на болѣе высокій цилиндръ, такъ какъ она едвали будетъ ему впору,—но на то же и были они злые языки, своевременно получившіе вполнѣ заслуженное посрамленіе. Ничего подобнаго не случилось съ Иваномъ Ивановичемъ—а случилось съ нимъ нѣчто иное—тоже впрочемъ не совсѣмъ ладное... Представьте себѣ изумленіе добродушнаго туриста, собиравшагося сдѣлать превеселенькую partie de plaisir по всей Европѣ и посѣтить наиболѣе живописныя мѣстности, — какъ вдругъ молодая жена, достигнувъ Геттингена, объявила, что далѣе не поѣдетъ и намѣрена прослушать полный курсъ медицины и естественныхъ наукъ.

Во всей цивилизованной Европѣ и даже въ Америкѣ, гдѣ такъ-называемый женскій вопросъ давно уже не составляетъ притчи дня, прекрасный полъ учится въ дѣвушкахъ — и учится чрезвычайно серіозно на случай необходимости добывать себѣ кусокъ хлѣба. Затѣмъ, по выходѣ замужъ, молодая женщина отдается всѣмъ существомъ своемъ мужу, дѣтямъ и домашнему очагу. Только овдовѣвъ и оставшись безъ средствъ, или въ случаѣ полной неспособности мужа добывать деньги — по болѣзни ли или по другимъ причинамъ—или наконецъ раззорившись до тла, когда для поправленія обстоятельствъ мало одного труженика, — женщина прилагаетъ свои свѣдѣнія къ какой либо дѣятельности внѣ дома. По крайней мѣрѣ, за уродливыми исключеніями, такъ всегда бываетъ, пока въ домѣ ростутъ малолѣтки, требующіе неусыпнаго надзора какъ за физическимъ такъ и за нравственнымъ развитіемъ.

У насъ же на Руси, такъ-называемые *синіе чулки* вырабатываются большею частью изъ молодыхъ женщинъ никогда ничему не учившихся—и въ самую неудобную для ученія пору первыхъ лѣтъ замужства, безъ всякой надобности и нерѣдко при полной бездарности.

Привыкнувъ за медовый мѣсяцъ безусловно подчиняться волѣ своей подруги, Иванъ Иванычъ сначала утѣшалъ себя мыслью, что это минутная прихоть—и скрѣпя сердце засѣлъ въ нѣмецкомъ городишкѣ.

Уже съ самаго перваго времени хлопотъ ему было не мало: Аглая Петровна принялась за дѣло съ жаромъ и прилежаніемъ. Иванъ Иванычъ цѣлый день на побѣгушкахъ—то книгу купи, то микроскопъ, то пробирныхъ стклянночекъ, то другую книгу выпиши, то трупъ доставай или хоть часть по крайнѣй мѣрѣ, то съ такимъ-то ученымъ знакомься и зови къ себѣ, — а самой Аглаѣ Петровнѣ все недосугъ: она цѣлый день за книгами, надъ костями человѣческими, въ лабораторіи,—перепачкается вся, пахнетъ хлоромъ или сѣрнистымъ водородомъ, волосы подстригла чтобъ такъ ужь и не чесаться... Дальше да больше—незамѣтно пролетѣло мѣсяца три—четыре... Иванъ Ивановичъ унывать началъ, но съ другой стороны не осмѣливался заявить протеста — Аглая Петровна подавала несомнѣнную надежду возвести супруга въ достоинство почтеннаго отца семейства—а при такихъ условіяхъ всякое противорѣчіе, какъ извѣстно, вредно отражается на потомствѣ. Преодолѣлъ себя и на этотъ разъ Иванъ Иванычъ, и еще усерднѣе занялся *мелочными презрѣнными нуждами*, какъ называла ихъ ученая супруга. Къ концу перваго семестра Аглая Петровна дѣйствительно подарила Ивана Ивановича дочерью — и онъ заликовалъ—но не надолго.

Вскорѣ пошло еще хуже. Аглаѣ Петровнѣ понадобилась уже цѣлая библіотека дорогихъ ученыхъ сочиненій, а Ивану Иванычу приходилось доставать на чужой сторонѣ кормилицу или хоть козу Амалтею для того чтобы первородное его чадо не умерло съ голоду. Не желая явить примѣръ такого неслыханнаго даже въ западной Европѣ пролетаріата, Иванъ Иванычъ кое-какъ уговорилъ и подрядилъ какую-то дщерь Саксоніи, за который ѣздилъ въ ея отечество, такъ какъ мѣстныя худосочныя нѣмки наотрѣзъ отказывались выкармливать дитя такой странной госпожи, у которой вмѣсто рабочей корзинки на столѣ покоился безглазый человѣческій черепъ. А тамъ Аглаѣ Петровнѣ понадобилась копія съ извѣстной картины фламандской школы «урокъ Анатоміи» для украшенія ея рабочаго кабинета. Иванъ Иванычъ дѣлать нечего заплатилъ художнику, но съ ужасомъ замѣтилъ, что кошелекъ его въ какіе нибудь полтора года подвергся полному истощенію,—и ясно видѣлъ, что никакія медицинскія свѣдѣнія супруги не въ состояніи излѣчить его олѣзни, а напротивъ съ каждымъ днемъ только ухудшаютъ общее состояніе. Онъ попробовалъ было намекнуть ей объ радикальныхъ средствахъ въ родѣ строжайшей экономіи; но ученая жена въ это время уже собиралась подарить его второю дочерью, если не сыномъ,—и очень неблагосклонно встрѣтила его непрошенное вмѣшательство въ высшія ея соображенія. Иванъ Иванычъ опять уступилъ въ видахъ Дарвиновой теоріи сохраненія улучшенныхъ породъ въ борьбѣ за существованіе, — но подпялся на хитрости. Онъ убѣдилъ свою супругу, что умъ ея достаточно уже обогащенъ научными познаніями для того чтобы приносить практическую пользу отечеству — и уполялъ, не теряя драгоцѣннаго времени, возвратиться на родину. Аглая Петровна, въ свою очередь, воспылала благороднымъ рвеніемъ — и вотъ они въ сѣверной столицѣ, въ скромной квартиркѣ на Петербургской сторонѣ, чтобы быть поближе отъ Академіи. Здѣсь Аглая Петровна окончательно сдала всѣ мелкія хлопоты по хозяйству на руки мужу, а сама посвятила себя наукѣ и всему человѣчеству вообще.

Первый экзаменъ ея на степень доктора медицины впрочемъ прошелъ неблагополучно, конечно изъ зависти факультета къ новому свѣтилу и по боязни докторовъ допустить такую опасную конкурренцію. «Jalousie de metier!» презрительно говорила Аглая Петровна—и еще усерднѣе принялась работать.

Но прошло еще лѣтъ пять-шесть, дѣти умирали и рождались новые, Иванъ Иванычъ пробовалъ служить въ разныхъ вѣдомствахъ, домашнія дѣла отвлекали его слишкомъ сильно для того чтобъ онъ могъ преуспѣвать по службѣ, молодой человѣкъ усталъ гоняться за двумя зайцами, сгорбился, похудѣлъ, посѣдѣлъ и окончательно вышелъ въ отставку,—а докторскій дипломъ все еще не дается какъ кладъ Аглаѣ Петровнѣ—теперь уже несомнѣнно по предразсудку относительно самостоятельнаго труда женщинъ. Аглая Петровна сохранила вполнѣ всю свою Геттингенскую обстановку, даже трубку, изъ которой выучилась курить подобно нѣмецкимъ студентамъ; Иванъ Иванычъ самъ набиваетъ ее и подаетъ женѣ каждое утро вмѣстѣ съ кофе, а дѣти совершенно привыкли хвататься за полы его халата какъ за юбку. Правда, у дѣтей нерѣдко чулокъ только на одной ногѣ да и то неподвязанный, головы ихъ рѣдко причесываются, еще рѣже моются, — ну да и то сказать: за всѣмъ вѣдь не углядишь—Иванъ Иванычъ и такъ съ ногъ сбился.

Аглая Петровна, надо отдать ей справедливость, весьма цѣнитъ мужественныя усилія своего супруга и совѣтуетъ не терять энергіи, такъ какъ на будущій годъ она уже непремѣнно будетъ докторомъ и вознаградитъ его примѣрное рвеніе...

Но Иванъ Иванычъ уже ничего на это не говоритъ, и покорно почесавъ затылокъ, отправляется въ дѣтскую.

Минута между жизнью и смертью.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, я проѣзжалъ съ двумя товарищами часть тѣхъ безконечныхъ равнинъ, что разстилаются какъ море отъ болотистыхъ береговъ Мексиканскаго залива на западъ, къ безплоднымъ горамъ Новой Мексики.

Мы не спѣша приближались къ мѣсту нашего назначенія, лежащему на восточномъ берегу Гваделупы маленькому городку Викторія, который привлекалъ къ себѣ эмигрантовъ, какъ мѣсто очень удобное для поселенія.

На одномъ привалѣ, гдѣ мы остановились чтобы дать необходимый отдыхъ лошадямъ и самимъ позабавиться охотой на дикихъ индюковъ, къ намъ подошелъ караванъ состоящій изъ нѣсколькихъ семействъ, направлявшихся въ то же самое мѣсто, куда ѣхали мы.

Общество человѣкъ въ двадцать расположилось около насъ лагеремъ, и мы рѣшили по возможности держаться другъ друга, такъ какъ именно въ это время ходили слухи о набѣгахъ индѣйцевъ, а чѣмъ больше было общество путешественниковъ тѣмъ менѣе угрожала ему опасность подобной встрѣчи.

Мужчины скоро познакомились съ нами и разсказали намъ, что они еще весной отослали на Гвделупу свои имущества и прислугу, а теперь отправляются съ женами и дѣтьми, чтобы совсѣмъ тамъ поселиться. У каждаго семейства былъ въ услуженіи негръ, правившій запряженными въ экипажи лошаками.

На третій день нашего путешествія, путь нашъ долженъ былъ идти далеко разстилавшейся преріей, поросшей такой высокой травой, что изъ-за нея не видно было ни одного дерева; горизонтъ только мѣстами блестѣлъ передъ нами свѣтлой полоской тамъ, гдѣ трава смѣнялась тростникомъ, черезъ густыя массы котораго лошади наши едва-едва пробирались.

Мы знали, что дорога черезъ прерію—старая военная тропинка индѣйцевъ, была чрезвычайно утомительна, совершенно лишена воды, и поэтому пораньше пустились въ путь, уговорившись гдѣ насъ должны нагнать экипажи. Путь нашъ шелъ сквозь высокій, переплетенный словно проволока, волнующійся надъ нашими головами тростникъ; мы предположили достигнуть сегодня маленькаго Аррого (русло высохшей рѣчки), въ надеждѣ найти тамъ воды. Тамъ мы думали дождаться прибытія экипажей, и одинъ изъ моихъ товарищей, Ватсонъ, обѣщалъ дамамъ приготовить на ужинъ великолѣпныхъ рыбъ, которыми кишмя кишатъ глубокія водяныя ямы бухты.

Часа два прошло что мы были въ сѣдлѣ, а все еще, такъ какъ дорога шла постепенно въ гору, могли видѣть утопавшіе въ травахъ преріи бѣлые экипажи; однако вслѣдствіе неровности почвы вскорѣ потеряли ихъ изъ виду. Въ полной увѣренности что экипажи правильно слѣдуютъ за нами, мы весело продолжали наше путешествіе къ предназначенному мѣсту. Тамъ мы встали съ ло-

Библиотека "Руниверс"

шадей и пустили ихъ на сочную, чудесную траву около берега.

Какъ заранѣе предсказывалъ Ватсонъ, здѣсь въ ямахъ оказалась вода и множество рыбы. Бухта, которая въ остальныя времена года образуетъ рѣчку, въ безводные мѣсяцы почти совершенно высыхаетъ; вода остается только въ отдѣльныхъ ямахъ, куда собирается тогда все рыбное населеніе рѣчки.

Выбравъ удобное мѣстечко около одного изъ такихъ бассейновъ, мы развели огонь и расположились поджидать экипажи. Каждый изъ насъ запасся удочкой и нѣсколькими червяками; мы усердно принялись за уженье—и въ короткое время побросали на зеленую траву много чешуйчатой добычи, которая барахталась и рвалась назадъ къ своей родной стихіи.

Мы такъ погрузились въ наше занятіе, что и не замѣтили какъ уже много прошло времени, и только странное поведеніе нашихъ лошадей заставило насъ обратить вниманіе на окружающую насъ мѣстность. Лошади перестали щипать траву, стояли раздувъ ноздри и высоко поднявъ головы: въ глазахъ ихъ выражался ужасъ, онѣ старались оборвать привязывавшіе ихъ поводья и оглашали воздухъ пронзительнымъ ржаніемъ, вѣрнымъ признакомъ близкой опасности.

«Это или индѣйцы или дикія лошади!» воскликнулъ Паерсонъ, бросая свою удочку и спѣша къ самому возвышенному мѣсту берега. Я послѣдовалъ за нимъ, но Ватсонъ, который былъ ближе къ мѣсту, первый прибѣжалъ къ нему и закричалъ:

«Боже мой, прерія горитъ!»

Если бы мы стояли въ пороховомъ магазинѣ и кто бы нибудь пришелъ съ зажженнымъ фитилемъ и угрожалъ намъ опасностью взлетѣть въ слѣдующую минуту на воздухъ, нами не могъ бы овладѣть большій ужасъ, какъ при ужасномъ восклицаніи: прерія горитъ! потому что не было никакой надежды спастись изъ окружавшей насъ пустыни, наполненной воспламеняющимися матерьялами.

«Прерія горитъ!» повторялъ я, едва владѣя голосомъ.

Это была слишкомъ справедливая истина. На темномъ, багрово-красномъ небѣ заходило солнце, а между его кругомъ и горизонтомъ подымались черныя массы густыхъ облаковъ дыма; онѣ застилали собой всю мѣстность на сѣверъ и югъ, насколько только могъ видѣть нашъ глазъ; сквозь нихъ, словно морскія волны, бьющія о скалы утесистаго берега, вырывалась линія бѣлаго пламени. Тамъ и сямъ изъ этой линіи высовывались громадные огненные языки, которые прыгали и скакали въ воздухѣ, возвѣщая что огонь въ тростникѣ и виноградныхъ лозахъ нашелъ болѣе обильную пищу, чѣмъ въ окружающей сухой травѣ,—зрѣлище придавшее всей картинѣ еще болѣе грозный видъ.

Между тѣмъ какъ мы въ первую минуту, точно онѣмѣвъ отъ ужаса, смотрѣли на страшную картину,—вѣтромъ принесло къ намъ запахъ гари, воздухъ сдѣлался горячъ и сухъ, будто его наполнило удушливое дыханіе сирокко,—и шумъ, подобный реву вздымаемаго бурей океана, глухо дрожалъ въ раскаленной атмосферѣ, словно отдаленные раскаты грома.

Огонь могъ быть еще довольно далеко отъ насъ; но въ распаленномъ воздухѣ порывы западнаго вѣтра доносили до насъ звуки пожара съ ужасающей ясностью, а въ разраставшейся темнотѣ огненныя колонны возвышались еще отчетливѣе. Пламя неслась на насъ съ быстротою локомотива, и черезъ пять минутъ должно было достигнуть насъ.

«Обрѣжьте поводья лошадямъ!» закричалъ Ватсонъ, хватая ножъ и освобождая свою лошадь, «пустите лошадей! теперь онѣ намъ безполезны, а животныя можетъ быть сами спасутся въ наполненныхъ водой углубленіяхъ бухты.»

Слѣдуя его совѣту, мы поспѣшили къ нашимъ испуганнымъ лошадямъ. Животныя, почувствовавъ себя свободными, съ дикимъ ржаніемъ пустились скакать и исчезли изъ нашихъ глазъ по направленію къ бухтѣ.

«Теперь въ воду сѣдла и охотничьи принадлежности!» продолжалъ распоряжаться Ватсонъ, при чемъ онъ хваталъ что только могъ достать изъ этихъ предметовъ и кидалъ ихъ воду; мы слѣдовали его примѣру, и уже хотѣли побросать туда же и свои одѣяла, какъ опять раздался его голосъ: «Нѣтъ, нѣтъ, Боже упаси бросать одѣяла, они намъ понадобятся. Дѣлайте только то, что дѣлаю я,—отъ этого зависитъ наша жизнь!»

Съ этими словами онъ бросился, на западномъ берегу бухты, на землю—и изо всѣхъ силъ принялся руками и рукояткой своего ножа рыть яму въ легко подававшейся почвѣ.

Мгновенно угадавъ его намѣреніе, Паерсонъ и я выбрали подходящія мѣста и принялись за работу такъ, какъ не многимъ приходилось работать на своемъ вѣку; но отъ этого зависѣла, какъ справедливо сказалъ Ватсонъ, наша жизнь, и скорѣе чѣмъ сколько нужно времени чтобы это описать, мы прорыли въ легкой песчаной почвы отверстіе, достаточно большое чтобы намъ можно было скорчившись помѣститься въ немъ.

Когда яма Ватсона была готова, онъ побѣжалъ къ тому мѣсту гдѣ лежали одѣяла, схватилъ одно изъ нихъ, и до тѣхъ поръ купалъ его въ водѣ, пока она совершенно не пропитала его; тогда онъ вернулся къ своей искуственной пещерѣ. Мы все повторяли за нимъ, и черезъ нѣсколько минутъ уже растягивали мокрыя одѣяла надъ нашими ямами.

Между тѣмъ, пока мы были заняты этими приготовленіями, огонь быстро приближался къ намъ—и теперь мы видѣли его въ какихъ нибудь нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ себя. Трескъ ломавшагося тростника былъ до того оглушителемъ, что мы не могли слышать голоса другъ друга; на насъ неслись массы густаго дыма и чада, который ѣлъ глаза и каждую секунду грозилъ задушить насъ.

Вотъ пришла наконецъ минута опускаться въ наши могилы, натянуть надъ головами мокрыя одѣяла—и въ этомъ положеніи пережидать, пока пронесется страшное огненное море. Вскорѣ оно полилось надъ нами чудовищными волнами. Мы слышали ужасный его шумъ, чувствовали какъ надъ нашими головами раскаляется и трещитъ земля. Къ счастію въ песчаной почвѣ нашего убѣжища не было сырости, иначе мы непремѣнно бы задохлись, а пропитанныя водой одѣяла не только не допускали къ намъ жара извнѣ, но еще и внутри настолько прохлаждали воздухъ, что намъ можно было кое-какъ дышать».

Не знаю, сколько времени провели мы въ этомъ отчаянномъ положеніи; но какъ бы ни казалось оно намъ длиннымъ, продолжалось оно всего нѣсколько минутъ, потому что дикій огонь несся по равнинѣ съ быстротою молніи.

Сухіе, легко воспламеняемые матерьялы, которые давали пищу огню, скоро были имъ пожраны,—и прерія, насколько могъ видѣть глазъ по направленію къ западу, лежала покрытая густымъ слоемъ черной золы, между тѣмъ какъ огненное море, не встрѣчая препятствій, съ бѣшеной яростью продолжало разливаться на востокъ.

Въ эти минуты страшной опасности, когда каждый изъ насъ дѣйствовалъ подъ вліяніемъ могущественнаго инстинкта самосохраненія, мы все-таки не забыли своихъ спутниковъ въ экипажахъ; хотя мы очень безпокоились объ ихъ участи, но утѣшали себя надеждой, что они еще раньше насъ увидѣли дымъ горящей преріи, и точно также какъ мы, успѣли спастись отъ огня знакомыми туземцамъ способами.

Мы вышли наконецъ изъ своихъ спасительныхъ ямъ; легкія наши понемногу привыкли къ палящей атмосферѣ; мы смотрѣли на огонь, все дальше и дальше разстилавшійся на востокъ и въ глубинѣ сердца молились за тѣхъ, кому онъ могъ угрожать.

Еслибы они прямо ѣхали по тому пути, на которомъ утромъ мы потеряли ихъ изъ вида, то они должны бы были подъѣхать къ бухтѣ около того времени, какъ мы замѣтили дымъ горящей преріи,—и именно ихъ замедленіе заставляло насъ надѣяться, что они во время увидѣли огонь и какимъ нибудь образомъ избѣжали опасности.

Пламя исчезло съ такой же быстротой съ какой появилось, но въ воздухѣ еще долго стоялъ удушливый чадъ; вѣтеръ подымалъ тучи покрывавшихъ землю пепла и сажи, такъ что въ нѣсколько минутъ наши лица и одежда были также черны какъ окружавшая насъ прерія.

Горизонтъ ограничивалъ теперь съ трехъ сторонъ черную равнину, на который нельзя было больше найти ни одного живаго существа, ни одной живой былинки; съ четвертой стороны она заканчивалась волнующимся огненнымъ моремъ, оставлявшимъ позади себя вьющіеся клубами столбы дыма, которые сливались съ темнотой все ниже и ниже спускавшейся на землю ночи.

Мы были погружены въ созерцаніе этого страшнаго но вмѣстѣ съ тѣмъ величественнаго зрѣлища, какъ вдругъ среди завываній огня и вѣтра, раздался такой раздирающій душу вопль ужаса, какого молю Бога никогда больше не слышать въ моей жизни.

«Экипажи, экипажи!» воскликнули мы въ одинъ голосъ. «Боже, сжалься надъ безпомощными дѣтьми и женщинами!» было слѣдующее восклицаніе вырвавшееся изъ нашихъ дрожащихъ губъ. Это была самая ужасная минута въ моей жизни,—минута, требовавшая дѣйствія, тогда какъ не было почти никакой надежды на успѣхъ. Тутъ некогда было думать о собственной безопасности, и еще разъ окунувъ наши одѣяла въ воду и наскоро завернувшись въ нихъ, по дымящейся землѣ бросились мы бѣжать по направленію откуда послышался крикъ.

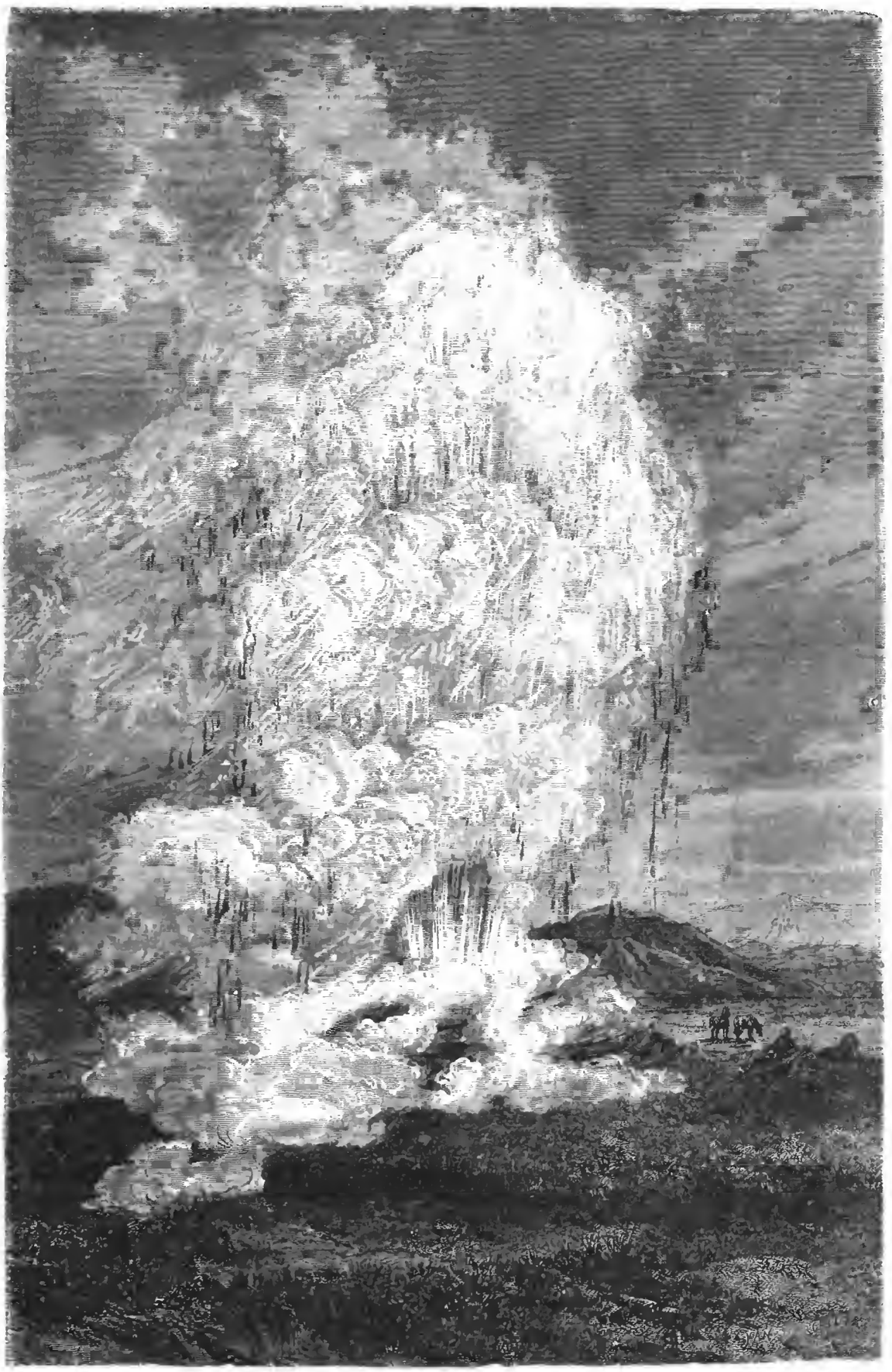
Глазамъ нашимъ представилось ужасающее зрѣлище. На землѣ валялись объятые пламенемъ экипажи, а подъ ними груды закоптѣлыхъ и обгорѣлыхъ мущинъ, женщинъ, дѣтей. Все это были трупы. Нѣкоторые лежали въ крѣпкихъ объятіяхъ; другихъ смерть застигла, повидимому, въ минуту бѣгства; третьи предупредили свою страшную участь въ тщетныхъ попыткахъ защитить дѣтей отъ пожирающаго пламени. Очевидно они задохлись, прежде чѣмъ до нихъ достигъ огонь.

Это было такое зрѣлище, котораго конечно ни одинъ изъ насъ не забудетъ всю жизнь. Четыре негра и двое бѣлыхъ еще жили, но были безъ чувствъ; однако прежде чѣмъ мы успѣли принести имъ воды, и они испустили духъ. И вотъ не осталась ни одного живаго человѣка! Изъ всего каравана, состоявшаго почти изъ двадцати человѣкъ, ни одинъ не пережилъ страшнаго часа.

Лошаковъ не было и слѣда. При внимательномъ осмотрѣ экипажей, для насъ сдѣлалась ясной причина ихъ замедленія. Передній экипажъ опрокинулся—и люди такъ долго возились съ нимъ поднимая, что бѣжать отъ пожара было уже поздно.

Мы вернулись къ бухтѣ, провели на ея берегу печальную безсонную ночь, и на слѣдующее утро пошли опять къ мѣсту несчастія. Тамъ, мы, какъ могли, предали землѣ тѣла такъ страшно погибшихъ товарищей, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ ихъ застигла ужасная ихъ судьба.

Библиотека "Руниверс"



Большой Гейзеръ въ Исландіи. Грав. д'Аржанъ.

Библиотека "Руниверс"

Исландскій горячій водометъ, Большой Гейзеръ.

Изъ всѣхъ горячихъ ключей на земномъ шарѣ—наиболѣе замѣчательны такъ-называемые исландскіе гейзеры, которыхъ въ Исландіи безчисленное множество; но самые знаменитые между ними, это *Большой Гейзеръ*, *Малый Гейзеръ* и *Новый или Штрокъ Гейзеръ*. Область Большаго Гейзера лежитъ на сѣверо-западъ отъ Геклы, на три мили сѣвернѣе мѣстечка Скальголта, у подошвы образованнаго изъ слащевъ и сѣрыхъ трахитовъ холма, въ широкой долинѣ, одѣтой, благодаря теплотѣ своей вулканической почвы, богатой растительностью, и по большой части наполненной весьма недавнимъ наносомъ; поверхъ послѣдняго постепенно наслоился густой пластъ кремнезема, происходящаго отъ осадка источниковъ. Изъ пластовъ этого осадка образовался вокругъ Большаго Гейзера конусъ, пепельнаго цвѣта, наклоненный къ востоку подъ угломъ въ 8—10 градусовъ; на его притупленной вершинѣ находится плоскій бассейнъ около 48 футовъ въ діаметрѣ, изъ середины котораго, подобно фонтанной трубѣ, вертикально спускается на глубину 70 футовъ, естественный цилиндрическій каналъ отъ 9—10 футовъ въ діаметрѣ. Что отсюда развѣтвляются дальше скрытые каналы—въ высшей степени вѣроятно. При обыкновенныхъ обстоятельствахъ, бассейнъ наполненъ прозрачной какъ хрусталь, зеленоватой водой; она имѣетъ температуру въ 82° Ц. и стекаетъ маленькими струйками по восточному наклону конуса. Но, отъ времени до времени, вдругъ раздаются раскаты подземнаго грома, они потрясаютъ поверхность конуса, вода въ бассейнѣ прибываетъ, покрывается большими пузырями пара, которые лопаются на ея поверхности и выбрасываютъ на нѣсколько футовъ вышины кипящую и клокочущую воду. Затѣмъ наступаетъ тишина. Черезъ правильные промежутки отъ 80—90 минутъ, явленіе это безпрерывно продолжается цѣлый день, иногда и нѣсколько дней сряду, пока наконецъ не являются предвозвѣстники большаго изверженія. Тогда изъ глубины слышатся болѣе грозные громовые удары, вода въ бассейнѣ подымается выше и ходитъ бурными волнами; по серединѣ крутятся громадные пузыри пара, и черезъ нѣсколько секундъ летитъ въ воздухъ водяной столбъ, разсыпающійся мелкой, ослѣпительно-бѣлой пылью, и подымающійся на высоту 80—100 футовъ. Еще не успѣютъ послѣднія капли упасть назадъ, какъ за этимъ вернымъ водянымъ столбомъ, слѣдуетъ второй, третій, еще выше перваго. Брызги, цѣлыя струи воды разбрасываются по всѣмъ направленіямъ, въ воздухѣ клубятся огромныя облака пара, отчасти закрывая собой колоссальный водяной сводъ. Какъ только послѣдняя водяная струя, превосходящая вышиной всѣ остальныя и часто влекущая съ собой изъ глубины камни и комки земли, подымается въ вышину,—вся колонна рушится продержавшись всего нѣсколько минутъ—и прежде чѣмъ стечетъ вода съ краевъ конуса и разсѣется густой паръ, бассейнъ, который былъ до этого переполненъ водой, представится глазамъ наблюдателя совсѣмъ сухимъ; вода тихо и неподвижно стоитъ въ трубкѣ на 6 фут. ниже ее края. Очевидцы говорятъ, что ничего не можетъ быть величественнѣе этого чудеснаго явленія природы. Мало по малу, вода въ трубкѣ начинаетъ снова прибывать, и черезъ нѣсколько часовъ бассейнъ опять черезъ край наполняется водой. Но подземные громовые удары начинаются только во истеченіи 4—6 часовъ послѣ опорожненія бассейна, и періодически продолжаются до новаго большаго изверженія, которое иногда заставляетъ себя ждать цѣлый день. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ на юго-западъ отъ большаго Гейзера, лежитъ *Новый или Штрокъ-Гейзеръ*: онъ образовался только въ 1784 г. вслѣдствіе бывшаго землетрясенія, между тѣмъ какъ первый существуетъ съ незапамятныхъ временъ. Конусъ *Штрокъ-Гейзера* состоитъ изъ кремнистаго туфа, труба его имѣть воронкообразную форму, вверху діаметръ ея простирается на 7 футовъ, а на глубинѣ 25 футовъ онъ съуживается до 9 дюймовъ. На глубинѣ 40 саженъ лотъ встрѣчаетъ препятствіе. Вода Штрокъ-Гейзера стоитъ на 8—12 футовъ ниже устья воронки, слѣдовательно она не стекаетъ внизъ, но постоянно сильно кипитъ. Изверженія Штроккера чаще изверженій Большаго Гейзера, за то выбрасываемое имъ количество воды несравненно меньше. Штроккеръ толчками выбрасываетъ одну за другой водяныя струи, разлетающіяся мелкой пылью, на вышину 120—150 футовъ, пока черезъ нѣсколько минутъ маленькія струйки не заканчиваютъ чудеснаго зрѣлища. Вблизи Штроккера и Большаго Гейзера лежитъ еще около 40 горячихъ источниковъ; нѣкоторые изъ нихъ также періодически бьютъ фонтанами, другіе образуютъ глубокіе бассейны, наполненные темно-зеленой кипящей водой. Самые значительные изъ маленькихъ водометовъ бьютъ на 20—30 футовъ вышины. Это удивительное явленіе, вѣками повторяющееся изъ году въ годъ, не имѣетъ никакой связи съ изверженіями Геклы. *Малый Гейзеръ* принадлежитъ другой группѣ, лежащей на 8 миль къ юго-западу отъ Большаго Гейзера. Изверженія этого источника, повторяющіяся черезъ промежутокъ времени въ 3¾ часа, не имѣютъ характера вдругъ выбрасываемаго и короткое время держащагося въ воздухѣ водянаго столба; приближеніе изверженій даетъ о себѣ знать постепеннымъ увеличеніемъ паровыхъ пузырей и подземнымъ плескомъ и шумомъ. Послѣ этого выступаетъ кипучая пѣна, которая, медленно подымаясь и опускаясь, наконецъ начинаетъ подниматься все выше и выше,—пока минутъ черезъ 10, когда явленіе достигаетъ своего высшаго развитія, не поднимется до 30—40 футовъ вертикальнымъ сводомъ, сыплющимъ по сторонамъ блестящія брызги. Затѣмъ водяные лучи постепенно уменьшаются въ объемѣ и высотѣ, и черезъ 10 минутъ источникъ возвращается къ своему прежнему спокойствію.

Въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ нашего журнала, мы имѣли случай, по поводу вновь открытыхъ горячихъ ключей въ Америкѣ, говорить объ этомъ величественномъ явленіи природы и объ разъясненіи, какое далъ ему Бунзенъ. Въ 1846 году, ученый этотъ самымъ основательнымъ образомъ изучилъ изверженія гейзеровъ и первый установилъ правильную ихъ теорію. До него эти періодическія водяныя изверженія не умѣли объяснить ничѣмъ другимъ, какъ полыми подземными пространствами, куда черезъ разщелины сверху попадала вода, а снизу выходили горячіе пары. Бунзенъ объясняетъ это явленіе гораздо проще; профессоръ же Мюллеръ во Фрейбергѣ довелъ свои опыты до искуственнаго подражанія гейзерамъ. Явленіе это основывается на той простой причинѣ, что постоянно прибывающая въ трубкѣ гейзера вода, подъ давленіемъ тяготѣющаго надъ ней водянаго столба, имѣетъ на глубинѣ гораздо высшую температуру, нежели точка кипѣнія воды на поверхности. Когда же эти горячія водяныя массы, подымаясь, очутятся подъ меньшимъ давленіемъ, чѣмъ то которое соотвѣтствуетъ ихъ температурѣ,—то онѣ внезапно превращаются въ паръ, и паръ этотъ выбрасываетъ весь находящійся надъ нимъ водяной столбъ далеко вверхъ,—вслѣдствіе чего, стремящіяся за нимъ водяныя массы, освобожденныя въ свою очередь отъ части лежащаго на нихъ давленія, также быстро переходятъ въ паръ. Такимъ образомъ, гейзеръ походитъ на громадную паровую пушку, стрѣляющую вмѣсто ядеръ водой. Гейзеръ бьетъ до тѣхъ поръ, пока выброшенная, частію падающая обратно въ бассейнъ, вода настолько не охладится, что сдѣлаетъ невозможнымъ дальнѣйшее образованіе пара. Послѣ этого наступаетъ періодъ спокойствія; онъ продолжается до тѣхъ поръ, пока охлажденный водяный столбъ опять настолько разгорячится, что снова можетъ начаться образованіе пара. Изобрѣтенный профессоромъ Мюллеромъ аппаратъ, подражающій этому явленію, состоитъ изъ свинцовой трубки, имѣющей около 5 дюймовъ ширины и 6 футовъ вышины, которая снизу замкнута, вверху же снабжена расширяющимся бассейномъ; трубка почти до устья наполняется водой, и сильно нагрѣвается по серединѣ и снизу. Тогда въ ней образуются сами собой подымающіеся кверху потоки и весьма похожіе на гейзеровыя изверженія взрывы пара, которые періодически повторяются.

Песецъ или полярная лисица и чернобурая лисица.

Каждый членъ замѣчательнаго лисьяго семейства стоитъ особаго описанія, потому что каждая лисица есть существо самостоятельное и имѣетъ свои особенности, хотя, разумѣется, болѣе или менѣе похожа на прочихъ сестеръ.

Едва ли какое нибудь изъ прочихъ первоклассныхъ животныхъ пользуется такой славой и можетъ похвалиться такой извѣстностью, какъ лиса—олицетвореніе хитрости, лукавства, коварства, преступности и удальства. Мы встрѣчаемъ похвалы лисамъ въ пословицахъ, въ сказкахъ, въ пѣсняхъ, а одинъ изъ величайшихъ поэтовъ Германіи, Гете, счелъ ее даже достойной быть героиней своей поэмы. Можно положительно сказать, что предметомъ такого общаго вниманія должно быть существо выходящее изъ ряда обыкновенныхъ. И дѣйствительно, семейство лисицъ не можетъ пожаловаться, что оно обижено Зевесомъ. Мы невольно платимъ дань уваженія ихъ умственнымъ и физическимъ качествамъ, но въ то же время не можемъ похвастаться дружественнымъ расположеніемъ къ этому семейству,—и не смотря на уваженіе преслѣдуемъ и вредимъ ему вездѣ, гдѣ только представится случай. Право, можно подумать, что между человѣкомъ и лисой есть какое то соперничество,—будто человѣкъ старается доказать, что его умъ все-таки тоньше лисьяго, а лиса съ своей стороны доказываетъ, на зло гонителю, что не смотря на всѣ его ухищренія, на свѣтѣ жить еще можно.

Лиса—совершенство въ своемъ родѣ, она изящнѣе своихъ сродниковъ (собакъ, волковъ и шакаловъ) во наружности и пріемамъ, и въ то же время тоньше, осторожнѣе, расчетливѣе и гибче ихъ по уму.—Лиса имѣетъ удивительную память и знаніе мѣстности, терпѣлива, изобрѣтательна, рѣшительна; одинаково искусна въ пры-

Библиотека "Руниверс"

ганьѣ, ползаньѣ, бѣганьѣ и плаваньѣ, и соединяетъ въ себѣ всѣ свойства закончеинаго вора въ такой полнотѣ, что въ веселую минуту дѣлаетъ пріятное впечатлѣніе виртуоза въ своемъ дѣлѣ.— Лисица или лиса (какъ ее называетъ простонародье) съ своими братьями и сестрами по крови—самый отъявленный плутъ.

Ея умственные способности стоятъ не только въ согласіи съ физическими качествами, но во многихъ случаяхъ служатъ замѣной нѣкоторыхъ физическихъ преимуществъ, свойственныхъ другимъ хищнымъ животнымъ. Для лисы нѣтъ почти ничего невозможнаго, никакая добыча не бываетъ слишкомъ быстра и сильна для ея хитрости и коварства; отъ ея проворства не уйдетъ ни что, а передъ ея ловкостью исчезаетъ ловкость другихъ. Опасность лиса очень хорошо понимаетъ, но не боится ея, потому что для лисы почти не существуетъ сѣтей, западней, ловушекъ и оружія; изъ самаго затруднительнаго положенія она умѣетъ найти выходъ. Только безконечная хитрость человѣка и его сила въ соединеніи ловкостью могутъ разрушить всѣ разсчеты лисы и стоить ей подъчасъ жизни.

Наша лиса, конечно обыкновенная (Vulpes vulgaris), знакома каждому; каждый слыхалъ сто разъ про нее, видѣлъ ее на рисункахъ или даже живою. Изображеная здѣсь чернобурая лисица весьма мало отличается отъ обыкновенной, и потому объ ней мы говорить не будемъ, а займемся на этотъ разъ полярной или каменной лисицей (Vulpes Lagopus) называемой Песцемъ.

Полярная—каменная лисица или песецъ (Vulpes lagopus)—видъ самый близкій къ нашей лисицѣ, хотя онъ и не похожъ на нее по образу жизни. Это одинъ изъ самыхъ назойливыхъ, дерзкихъ до глупости и въ то же время хитрыхъ членовъ семейства лисицъ. Никакое другое животное изъ всѣхъ млекопитающихъ, птицъ и даже пресмыкающихся, не держится такъ упорно однажды-принятыхъ привычекъ, не отвергаетъ такъ упрямо всякій опытъ, какъ эта сѣверная лисица, весьма близкая по виду къ нашей, умѣющей съ такою поразительною ловкостью найдтись во всякомъ затрудненіи и пользоваться самымъ лучшимъ образомъ всякимъ опытомъ.

Отличительными признаками песца служатъ: незначительная величина (его тѣло не больше двухъ футовъ въ длину, а хвостъ имѣетъ около 1 фута); короткія, круглыя уши, очень толстыя, покрытыя длинною и густою шерстью; кожа, имѣющая лѣтомъ и зимою совершенно соотвѣтствующій мѣстности цвѣтъ и окраску. — Какъ большая часть сѣверныхъ животныхъ, песецъ два раза въ годъ мѣняетъ свою шерсть, которая лѣтомъ бываетъ песочнаго цвѣта, а зимою самаго бѣлаго снѣжнаго. Впрочемъ, относительно цвѣта встрѣчается много различій. Есть песцы совершенно бѣлые съ чернымъ кончикомъ хвоста, голубоватые, свинцоваго цвѣта, бурые, или красновато-бураго цвѣта.

Песецъ живетъ въ полярныхъ странахъ Стараго и Новаго Свѣта, и здѣсь встрѣчается какъ на островахъ такъ и на материкѣ. Громадныя ледяныя горы, плавающія въ сѣверномъ океанѣ, разносятъ этихъ животныхъ по всѣмъ полярнымъ странамъ; ихъ очень часто видѣли плавающими на этихъ льдинахъ, или находили на снѣжныхъ островахъ съ другими млекопитающими. На югъ песецъ не заходитъ дальше 60° сѣверной широты, только въ Сибири можно встрѣтить его южнѣе этого градуса. Во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ водится, онъ встрѣчается очень часто, особенно же на островахъ, откуда ему труднѣе бываетъ переселиться.

Нельзя сказать, чтобы люди особенно любили песца. Его смѣлость и беззастѣнчивость вооружаютъ противъ него всѣхъ—и онъ считается язвою страны, въ которой водится.

Лишь въ дурную погоду, или когда онъ не считаетъ себя вполнѣ безопаснымъ, песецъ скрывается въ ущельяхъ или въ густомъ камышѣ, откуда только ночью выходитъ на добычу. Въ тѣхъ же мѣстахъ, гдѣ онъ бываетъ вполнѣ безопасенъ и можетъ выходить свободно днемъ, не боясь преслѣдованія со стороны человѣка,— песецъ не даетъ себѣ труда вырывать нору, а просто прячется между камней, кустовъ и другихъ тому подобныхъ предметовъ, откуда онъ и подстерегаетъ свою добычу. Относительно пищи онъ совсѣмъ неразборчивъ и охотно употребляетъ всякую. Изъ млекопитающихъ песецъ ловитъ всѣхъ, кого только можетъ осилить, но особенно любитъ мышей; онъ часто на протяженіи цѣлыхъ миль преслѣдуетъ стадо пеструшекъ даже черезъ моря и рѣки. Увѣряютъ, что ему достается при этомъ по большей части четвертая часть стада. Изъ птицъ песецъ любитъ въ особенности бѣлыхъ куропатокъ, ржанокъ, вообще морскихъ и береговыхъ птицъ, которыхъ можетъ поймать, особенно много вреда онъ приноситъ молодымъ выводкамъ.

Песецъ не всегда живетъ въ одиночку, иногда ихъ встрѣчаютъ цѣлыми стадами. Но въ этихъ стадахъ не постоянно бываетъ полное согласіе, а напротивъ часто происходятъ кровавыя драки, представляющія довольно забавное зрѣлище. Въ это время песцы поднимаютъ визгъ, какъ кошки. Въ случаяхъ нетерпѣнія, песцы кричатъ чистымъ голосомъ; въ обыкновенномъ же состояніи рѣдко можно слышать, чтобы песецъ издавалъ какіе нибудь звуки.

Если песца поймать молодымъ, то его можно приручить и довести до того, что онъ станетъ ходить за хозяиномъ, подобно собакѣ. Но онъ всетаки остается очень раздражительнымъ и при этомъ ворчитъ, какъ собака.

Императоръ Австрійскій.

Францъ-Іосифъ I Карлъ родился 6 (18) Августа 1830 года. Старшій сынъ эрцгерцога Франца Карла (сына императора Франца II) и принцессы Софіи баварской, онъ былъ воспитанъ подъ руководствомъ графа Бомбелля при содѣйствіи превосходныхъ учителей и подъ вліяніемъ своей замѣчательно-развитой матери; въ это время онъ между прочимъ пріобрѣлъ тѣ обширныя лингвистическія познанія, которыя позволяютъ ему нынѣ говорить со всѣми различными народами Австро-Венгріи на ихъ природныхъ языкахъ и нарѣчіяхъ. Назначенный въ апрѣлѣ 1848 года намѣстникомъ чешскимъ, онъ вскорѣ за тѣмъ принялъ участіе въ войнѣ съ Италіей—и съ отличіемъ. Оборотъ, принятый политическими дѣлами, неожиданно призвалъ его на престолъ. Именно, въ видахъ того, чтобы не быть связанными въ отношеніи венгерцевъ обѣщаніями, которыя далъ имъ императоръ,—лица стоявшія во главѣ управленія нашли наиболѣе соотвѣтственною этой цѣли перемѣну правителя и даже престолонаслѣдія съ обходомъ правъ наслѣдника престола, эрцгерцога Франца Карла (родился 7 декабря 1802 г.). Вслѣдствіе этого молодой эрцгерцогъ Францъ-Іосифъ объявленъ былъ совершеннолѣтнимъ 1 декабря 1848 года въ Ольмюцѣ, гдѣ тогда находился дворъ; затѣмъ, 2 декабря, императоръ Фердинандъ отказался отъ престола, а эрцгерцогъ Францъ Карлъ отъ правъ наслѣдства, которыя и принялъ сынъ его въ качествѣ императора австрійскаго, короля венгерскаго и чешскаго.

Францъ-Іосифъ въ маѣ 1849 г. отправился въ Венгрію и лично участвовалъ въ раабскомъ штурмѣ (28 іюня), а свиданіе съ императоромъ Николаемъ въ Варшавѣ подготовило походъ русскихъ войскъ. Между тѣмъ собравшійся въ Кремзирѣ имперскій сеймъ былъ распущенъ и 4 марта 1849 г. издана новая конституція, по которой всѣ отдѣльныя части монархіи сливались въ одно цѣлое государство. Тѣмъ не менѣе, политика молодаго государя и его совѣтниковъ могла развернуться въ полной силѣ лишь послѣ окончательнаго покоренія Венгріи (въ августѣ 1849 г.) и итальянскихъ провинцій. Попытка основать изъ германскихъ государствъ особый отъ Австріи союзъ подъ управленіемъ Пруссіи—не удалась, союзъ Пруссіи съ мелкими государствами разрушенъ, союзный сеймъ возстановленъ, а экзекуціи въ Гессенѣ и Гольштейнѣ вновь упрочили австрійское вліяніе въ Германіи,—въ особенности, когда Францъ-Іосифъ собралъ вокругъ себя южно-германскихъ государей въ Брегенцѣ (октябрь 1850 г.). Изъ внутреннихъ дѣлъ главною цѣлью поставлялась централизація монархіи; прежніе государственные порядки были упразднены и дана конституція 20 августа 1851 г., возстановлявшая абсолютную монархію. Францъ-Іосифъ неутомимо изучалъ свою имперію. Личное и самостоятельное правленіе его впрочемъ начинается лишь по смерти князя Феликса Шварценберга. Свиданіе съ королемъ прусскимъ въ Берлинѣ (1853) ускорило заключеніе германско-австрійскаго торговаго и таможеннаго союза. Посѣщеніе итальянскихъ провинцій (1857) ознаменовалось всеобщей амнистіей политическимъ преступникамъ. Когда же вспыхнула война 1850 г. за итальянскую независимость, Францъ-Іосифъ отправился въ Италію и лично управлялъ военными дѣйствіями, но безуспѣшно. Неожиданное и быстрое заключеніе Виллафранкскаго мира, по которому Австрія лишилась Ломбардіи, частью обусловливалось и неудовольствіемъ противъ Пруссіи, которая при болѣе продолжительной войнѣ могла естественно забрать въ свои руки гегемонію (преобладаніе) въ Германіи,— а также и недовольствомъ обнаружившимся во многихъ странахъ самой Австріи. Ощущалась потребность въ перемѣнѣ системы государственнаго управленія. Уже въ маѣ графъ Буоль получилъ отставку и его замѣстилъ графъ Рехбергъ, а по окончаніи войны и другіе главные представители прежнихъ порядковъ, министръ внутреннихъ дѣлъ фонъ Бахъ и генералъ адъютантъ графъ Гринне удалились отъ дѣлъ. Новая система не сразу дала себя почувствовать, но тѣмъ болѣе радостно встрѣчены были въ 1860 году либеральный законъ о ремеслахъ, упрощеніе въ государственномъ управленіи и сокращеніе численности войска, какъ первый шагъ къ улучшенію финансовъ.

Дальнѣйшія событія слишкомъ близки нашему времени и общеизвѣстны.

Въ апрѣлѣ 1854 года Францъ-Іосифъ I вступилъ въ бракъ съ принцессою Елисаветою, дочерью короля Максимиліана баварскаго; у нихъ дѣти: принцесса Гизела (род. 12 іюля 1856 г.) и принцъ Рудольфъ (род. 21 августа 1858 г.).

Не мало затрудненій возникало въ управленіи государствомъ, котораго подданные группируются въ такое множество отдѣльныхъ племенъ; правительству не разъ приходилось соглашать свою политику съ требованіями времени. Такъ, съ 1866 года, послѣ войны съ Пруссіею, во главѣ правленія сталъ графъ Бейстъ съ извѣстною системою дуализма, т. е. признанія Венгріи какъ бы

Библиотека "Руниверс"

автономическимъ государствомъ наравнѣ съ Австрію, но въ тоже время политически слитымъ съ нею воедино. Императоръ Францъ Іосифъ 8 іюня 1867 года даже короновался венгерскою королевскою короною, до сихъ поръ бывшею неоспоримымъ атрибутомъ императорскаго дома Габсбурговъ. 1867 и 68 годы, бывшіе блестящей эпохою власти графа Бейста, въ то же время отмѣчены были развитіемъ либеральныхъ идей. За либеральнымъ министерствомъ Бейста, слѣдовали одно за другимъ министерства Гаснера, Потоцкаго и Гогенварта. И въ это время императоръ охотно склонялся на уступки различнымъ народностямъ, собраннымъ подъ его скипетромъ, но остерегался крайнихъ и неполитическихъ шаговъ, къ которымъ побуждали его представители федералистской системы.

Во всѣхъ важныхъ государственныхъ событіяхъ императоръ Францъ-Іосифъ постоянно приносилъ свою личность въ жертву интересамъ страны. Ему принадлежитъ починъ во всѣхъ либеральныхъ реформахъ, ведущихъ Австрію по пути свободнаго развитія.

Внѣ политической жизни, императоръ Францъ-Іосифъ являетъ въ себѣ человѣка многостороннее развитаго. Въ послѣдніе годы онъ предпринималъ большія поѣздки на Западъ (Всемірная парижская выставка) и на Востокъ (открытіе Суэцкаго канала 17 ноября 1869 г.), украсилъ Вѣну нѣсколькими монументальными зданіями, каковы Академія художествъ, Университетъ, Художественно промышленный музей и пр., подъ его покровительствомъ воздвигнуты памятники Радецкому въ Прагѣ, Тегетгофу въ Тріестѣ, эрцгерцогу Карлу, принцу Евгенію и фельдмаршалу Шварценбергу въ Вѣнѣ. Резиденція его въ теченіи нѣкоторой части года находится въ Офенѣ и въ замкѣ Гёдёлё, обыкновенно же въ замкахъ Шенбруннѣ и Лаксенбургѣ близъ Вѣны. Погруженный въ государственныя дѣла, императоръ не пренебрегаетъ и тѣлесною дѣятельностью въ качествѣ воина и охотника, часто объѣзжаетъ свое государство, въ особенности любитъ посѣщать Зальцбургъ, Ишль и Мерапъ.

Смѣсь.

О предстоящемъ введеніи въ Германіи монеты изъ никеля. Въ Германіи предполагается выбить изъ никеля 5 и 10 пфеннинговыя монеты, которыя должны будутъ замѣнить ходящіе тамъ теперь гроши и полу-гроши. По этому поводу читателямъ нашимъ не безъинтересно будетъ узнать, что никель еще за 200 лѣтъ до Р. Х. былъ употребляемъ для чеканки монетъ. Мы обязаны этимъ свѣдѣніемъ одному значительному авторитету, именно др. Фляйту (*Flight*), состоящему при Британскомъ музеѣ въ Лондонѣ. Нѣсколько времени тому назадъ, одинъ извѣстный нумизматикъ передалъ этому ученому монеты временъ индо-греческихъ королей Эвтидемія (за 200 лѣтъ д. Р. Х.), Пантелеона (135 лѣтъ до Р. Х.) и Агаѳокла (120 лѣтъ до Р. Х.), для химическаго анализа, такъ какъ ему давно казался подозрительнымъ особенный бѣловатый цвѣтъ этихъ, считавшихся серебряными, монетъ. Анализъ открылъ въ монетахъ всѣхъ трехъ царствованій, одинаковый составъ. Они содержали 20% никеля, 77% мѣди и 3% желѣза, олова, кобальта и сѣры. Для сравненія, г. Фляйтъ сдѣлалъ анализъ новой бельгійской никелевой монеты. Эта послѣдняя содержитъ 70, 4% мѣди, 25, 55% никеля и 4, 41% желѣза и проч. Китайцы, какъ сообщаетъ г. Фляйтъ, уже въ давнія времена употребляли металлъ, называемый ими бѣлой мѣдью и имѣющій слѣдующій составъ: 79, 4% мѣди, 16.02 никеля и 4, 58% олова, Въ Европѣ же никель узнали только съ 1751, когда этотъ металлъ былъ открытъ Кронштадтомъ.

Изслѣдованіе мостовой. Хорошее устройство мостовой составляетъ весьма существенный вопросъ для всякаго большаго города. Въ Лондонѣ недавно были сдѣланы по этому предмету интересныя изслѣдованія. Частыя паденія лошадей на асфальтовой мостовой, побудили лондонскаго главнаго полицейскаго инспектора, при помощи 42 полицейскихъ, которые должны были ежедневно записывать свои наблюденія,—опредѣлить съ возможной точностью, какой родъ мостовой всего безопаснѣе для лошадей. Наблюденія продолжались съ 8 часовъ утра до 8 часовъ вечера. Для этой цѣли были выбраны четыре изъ наиболѣе оживленныхъ пунктовъ Сити, вымощенныхъ гранитомъ, асфальтомъ, деревомъ и минерализированнымъ деревомъ. Наблюденія производились въ теченіи 50 дней, именно между мартомъ и іюнемъ. Изъ числа этихъ 50 дней было только 17 дождливыхъ, поэтому погода была, какъ говорится въ отчетѣ, весьма благопріятна для асфальта, довольно благопріятна для дерева и весьма неблагопріятна для гранита.» Пространство, пройденное въ это время лошадьми, простиралось по вычисленіямъ коммисіи до 478,523 миль, а число несчастныхъ случаевъ до 2327, слѣдовательно среднимъ числомъ лошадь бѣжала 205 м. не подвергаясь опасности упасть. Результаты наблюденій относительно различнаго рода мостовыхъ дали слѣдующіе выводы: паденія приходились, на асфальтовой мостовой черезъ 191 милю, на гранитной черезъ 132, на деревянной же черезъ 446. Притомъ какого бы рода ни были паденія, съ деревянной мостовой лошади подымались легче нежели съ асфальтовой и гранитной. При сырой погодѣ, на асфальтѣ происходили паденія черезъ 125 миль, при мокрой черезъ 192, а при сухой черезъ 223 мили. На сухой гранитной мостовой лошадь падала черезъ 78, на сырой черезъ 168 и на мокрой черезъ 537 миль. Относительныя цифры для сырой, мокрой и сухой деревянной мостовой были: 193, 433 и 646. Опаснѣйшія паденія были на асфальтѣ, менѣе опасныя на гранитѣ и самыя безопасныя на деревянной мостовой. Наблюденія эти, не смотря на всю ихъ важность, тѣмъ не менѣе не могутъ еще привести къ совсѣмъ точнымъ выводамъ,—и въ самомъ отчетѣ говорится, что желательно бы было предпринять подобныя же наблюденія еще въ другое время года.

Вросшія въ камняхъ жабы. Всякому приходилось слышать и даже читать о жабахъ, находимыхъ внутри камней въ каменоломняхъ или при взрывѣ каменныхъ массъ въ горныхъ работахъ. Разсказываютъ, будто вросшая въ камень жаба, попавши на солнечный свѣтъ, снова оживаетъ. И такія вещи разсказываютъ серіозно, только обыкновенно умалчивается о доказательствахъ, какимъ же образомъ могла жаба жить безъ воздуха и пищи цѣлыя тысячелѣтія, потому что въ жизни нѣкоторыхъ каменныхъ породъ часто принадлежащихъ къ давно-прошедшимъ геологическимъ эпохамъ, время считается именно тысячелѣтіями. Точно такъже увѣряютъ, будто находили еще живыми жабъ вросшихъ въ дерево; разсказывали про одну такую жабу, найденную въ дубѣ, кора котораго показывала болѣе чѣмъ столѣтній возрастъ дерева. Такъ какъ вѣра въ подобныхъ жабъ слишкомъ распространена, то многіе ученые старались разяснить эту загадку; практическіе же опыты надъ замуравливаньемъ жабъ были производимы др. *Букландомъ*. Мы намѣрены здѣсь сообщить кое-что объ этихъ интересныхъ опытахъ. Кто хочетъ самъ повторить ихъ можетъ весьма легко сдѣлать это и убѣдиться въ справедливости сообщаемаго.

Букландъ велѣлъ пробить 24 дырки въ двухъ большихъ каменныхъ глыбахъ различной величины; двѣнадцать дырокъ были сдѣланы въ грубомъ оолитовомъ известнякѣ, а другія двѣнадцать въ рыхломъ кремнистомъ песчаникѣ. Дырки имѣли круглую форму; тѣ которыя были въ известнякѣ—имѣли двѣнадцать дюймовъ глубины и пять дюймовъ ширины; дырки сдѣланныя въ песчаникѣ,—имѣли такую же ширину, но были на половину меньше въ глубину. Каждая дырка было герметически закрыта стекломъ, кромѣ того весь камень былъ покрытъ шиферомъ и замазанъ глиной, такъ что ни свѣтъ, ни воздухъ, ни влажность, ни какимъ образомъ не могли проникнуть въ назначенную жабамъ тюрьму.

Въ каждой изъ этихъ 24 темницъ было погребено по несчастной жабѣ; каждая жаба было предварительно тщательно взвѣшена и вѣсъ записанъ. Затѣмъ Букландъ зарылъ камни вмѣстѣ съ похоронеными въ нихъ жабами, на три фута въ землю. Они оставались въ такомъ положеніи тринадцать мѣсяцевъ; послѣ этого камни вырыли и открыла дырки. Всѣ жабы замуравленныя въ маленькихъ дырочкахъ песчанка—оказались околѣвшими и пришедшими уже въ сильную степень разложенія. *Напротивъ того, большая часть жабъ замуравленныхъ въ известнякѣ, была жива* и, что еще удивительнѣе, многія изъ нихъ увеличились въ вѣсѣ. У одной жабы послѣднее обстоятельство можно было объяснить тѣмъ, что стеклянная и шиферная покрышки дали трещину, черезъ которую къ жабѣ могла проникать влажность и даже маленькія земляные насѣкомыя. Жабъ снова зарыли, и по истеченіи года опять вытащили на свѣтъ. Но на этотъ разъ уже всѣ онѣ найдены мертвыми.

Бутландъ замыкалъ жабъ также и въ деревѣ: онъ пробуравилъ съ сѣверной стороны яблоновыхъ деревьевъ дырки пяти дюймовъ длины и трехъ дюймовъ ширины, посадилъ туда жабъ и герметически закупорилъ ихъ деревянными пробками, черезъ годъ онъ открылъ дырки—и всѣ жабы оказались мертвыми.

Итакъ, эти опыты показываютъ, что жаба никоимъ образомъ не можетъ жить однимъ «подземнымъ воздухомъ,» какъ ходитъ повѣрье въ народѣ, у котораго сильно играетъ воображеніи и мало развита наблюдательность. Жаба, это неуклюжее, лѣнивое, неповоротливое животное, никогда не преслѣдуетъ своей добычи, а между тѣмъ она ѣстъ преисправно и притомъ съ пользой для человѣка. Онъ съ необыкновенной быстротой проглатываетъ своимъ слизистымъ языкомъ всѣхъ приближающихся къ ней насѣкомыхъ, мухъ, муравьевъ, жуковъ, гусеницъ, даже улитокъ, все это быстро исчезаетъ въ ея желудкѣ. Вслѣдствіе этого, она весьма полезна для садовниковъ; въ Англіи это уже давно поняли: жабы составляютъ тамъ предметъ торговли. Англійскіе садовники покупаютъ ихъ десятками для своихъ садовъ—примѣръ, которому не худо бы было слѣдовать.

Библиотека "Руниверс"

Францъ-Іосифъ I, Императоръ Австрійскій. Съ фотографіи грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

На вѣсъ золота. У однаго богатаго нью-іоркскаго купца, по имени Бишофа, была очаровательная 17-ти лѣтняя дочь, Ида, и прикащикъ, въ завидномъ возрастѣ 24 лѣтъ, носившій имя Джона Брауна. Что довольно часто бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, то случилось и здѣсь; молодые люди полюбили другъ друга, и наконецъ Браунъ отважился просить у г. Бишофа руки его дочери. Богатый купецъ съ презрѣніемъ отвергнулъ предложеніе молодаго человѣка, такъ какъ зналъ что все его состояніе заключается въ сбереженныхъ имъ изъ его жалованья 200 долларахъ, и при нѣсколькихъ свидѣтеляхъ сказалъ ему: «Я отдамъ за васъ свою дочь только тогда, когда вы будете въ состояніи свѣсить ее золотомъ».

Браунъ схватился за эту мысль, и потребовалъ чтобы это условіе было заключено на бумагѣ. Въ полной увѣренности что прикащику его никогда не нажить столько золота, г. Бишофъ сдѣлалъ письменный договоръ, подписанный имъ и двумя свидѣтелями. Получивъ этотъ документъ, Браунъ немедленно уѣхалъ въ Калифорнію искать золота. Нѣсколько мѣсяцевъ ему почти ничего не попадалось, но онъ велъ постоянную переписку съ Идой, увѣряя ее, что онъ до тѣхъ поръ не успокоится, пока не будетъ въ состояніи свѣсить ее золотомъ. Дѣвушка между тѣмъ потихоньку вывѣсила себя и сообщила ему цифру своего вѣса. Золотомъ это должно было выйти 36,000 долларовъ. Вдругъ Браунъ находитъ большой кусокъ золота стоимостью въ 20,000 долларовъ. Черезъ нѣсколько дней онъ выигрываетъ въ карты 3,000 долларовъ. Но проигравъ послѣ того 2,000 долларовъ, поклялся никогда больше не играть, и еще усерднѣе принялся работать на пріискахъ.

Отецъ Иды, узнавъ, что Браунъ пріобрѣлъ уже значительную сумму, сказалъ дочери: «Гм! я сдержу свое слово, но не уступлю ни одного доллара». Дѣвушка стала ограничиваться лишь самой необходимой пищею, чтобы уменьшить свой вѣсъ. Такимъ образомъ, черезъ нѣколько времени, она имѣла удовольствіе написать своему возлюбленному, что ужъ ему надо 2,000 долларовъ меньше. На это Браунъ отвѣчалъ нѣжными просьбами прекратить эту изнурительную діэту, и наконецъ неожиданно появился въ Нью-Іоркѣ съ 40,000 долларовъ. Дѣвушку свѣсили на золото, и вѣсъ ея оказался всего въ 30,000 долларовъ. Къ этимъ деньгамъ, г. Бишофъ далъ столько же на приданое и счастливая чета была обвѣнчана. Фирма называется теперь: «Бишофъ и Брауиъ», съ вывѣской: «Вѣрный вѣсъ». Магазинъ ихъ наполненъ покупателями, привлекаемыми любопытствомъ взглянуть на молодую парочку.

Списокъ потерь нѣмецкой арміи въ послѣднюю французско-германскую войну. Долго ожидаемый обширный трудъ прусскаго статистическаго бюро: «Потери нѣмецкой арміи въ войнѣ противъ Франціи», вышелъ уже въ свѣтъ. По самымъ тщательнымъ, точно провѣреннымъ свѣдѣніямъ, потери нѣмецкой арміи, убитыми, ранеными и безъ вѣсти пропавшими простираются до 127,897 человѣкъ, въ томъ числѣ 5,254 чел. офицеровъ и врачей. Изъ этой послѣдней категоріи, офицеровъ убитыхъ на мѣстѣ и вскорѣ умершихъ отъ ранъ было 1,534 человѣка; между ними 5 генераловъ, 117 штабъ-офицеровъ, 12 врачей. Раненыхъ было 3,614, изъ нихъ 17 генераловъ, 247 штабъ-офицеровъ, 63 врача; пропавшихъ и взятыхъ въ плѣнъ 106 офицеровъ и врачей. Сумма смертныхъ случаевъ во время войны, по добросовѣстнѣйшимъ сообщеніямъ, опредѣляется въ 40,881, въ слѣдующемъ порядкѣ: на поляхъ битвъ осталось 17,572 человѣка офицеровъ, врачей и солдатъ; отъ ранъ умерло 10.710, отъ несчастныхъ случаевъ 316, отъ самоубійства 30. Жертвами болѣзней сдѣлались 12,253 человѣка офицеровъ и солдатъ Отъ тифа погибло 6,965 человѣкъ, отъ диссентеріи 2,000, отъ оспы 261, отъ воспаленія легкихъ и острыхъ болѣзней 1,021, отъ хроническихъ болѣзней 778, безъ обозначенія болѣзни 974. Пропало безъ вѣсти 4,009 человѣкъ; и такъ, по этимъ цифрамъ, общій итогъ потерь нѣмецкой арміи убитыми и безъ вѣсти пропавшими выходитъ въ 44,890 офицеровъ и солдатъ. Нѣмецкія же военныя силы, мобизированныя и фактически дѣйствовавшія во Франціи, состояли изъ 913,967 человѣкъ. Военныхъ стычекъ, сопряженныхъ съ потерею людей, произошло въ теченіи войны 1,599. Изъ нихъ было: въ открытомъ полѣ 77 битвъ, схватокъ и большихъ сраженій; 870 небольшихъ дѣлъ при взятіи крѣпостей, 33 вылазки и 486 нападеній. Къ этому надо еще присовокупить 121 встрѣчу съ этапами и 11 причиненныхъ врагомъ несчастныхъ случаевъ на желѣзныхъ дорогахъ. Самые кровавые дни были: Вёртъ, Тіонвиль, Гравелотъ и 2-го декабря 1870 года, въ которыхъ происходили битвы при Базошѣ, Отесѣ, Оржерѣ, равно какъ сраженія при Бри и Шампиньи подъ Парижемъ. Полкъ № 16 потерялъ болѣе половины своего первоначальнаго состава, (1691 человѣкъ, именно: убитыми 532 и пропавшими 373) и № 52 (1655 человѣкъ); затѣмъ больше всего пострадали полки № 44, № 48; баварскій полкъ № 2, №3; сюда же надо причислить 1 и 2 гвардейскій и гренадерскій полки Императора Франца. Самыя большія, сравнительно, потери понесъ батальонъ гвардейскихъ стрѣлковъ.

Изъ Неаполя пишутъ слѣдующее. «Везувій, который давно уже постоянно дымится, при чемъ дымъ выходитъ преимущественно изъ жерла двойнаго кратера, вотъ уже два дня какъ выказываетъ усиленную дѣятельность; она выражается во первыхъ болѣе густыми клубами дыма, во вторыхъ болѣе стремительнымъ и сильнымъ выбрасываніемъ его. Сильнѣе всѣхъ дѣйствуетъ сѣверо-западный кратеръ, ближайшій къ Обсерваторіи. Изъ внутренности кратеровъ еще не показывается огня, но клубы дыма, вырывающіеся изъ двухъ новыхъ дырокъ, показываютъ, что огненные матерьялы лежатъ не особенно далеко.»

Черепъ Наполеона III и френологія. Можетъ ли вѣсъ и величина мозга служить мѣриломъ интеллигенціи? При вскрытіи тѣла Наполеона III, въ интересахъ анатоміи и антропологіи, мозгъ экс-императора былъ подвергнутъ спеціальному изслѣдованію. Въ немъ оказалось вѣсу 1500 грам., что равняется $1^1/_2$ киллограмамъ, или 3 фунтамъ, слѣдовательно онъ принадлежитъ къ числу очень большихъ мозговъ. Если прежнее положеніе анатомовъ и физіологовъ, что «умственныя способности человѣка стоятъ въ прямомъ отношеніи къ величинѣ и тяжести мозга», вѣрно, то умершій императоръ французовъ долженъ бы принадлежать къ величайшимъ умомъ человѣчества. Но исторія его царствованія и результаты онаго, доказываютъ что, вообще, это была личность не болѣе какъ посредственная, не доросшая до своего положенія и до роли, которую ей пришлось играть. И такъ, получившее уже научное значеніе, приведенное выше мнѣніе, объ отношеніи мозговой массы къ интеллигенціи, должно быть повидимому въ нѣкоторомъ родѣ потрясено «случаемъ Луи-Наполеона». Уже и прежде взвѣшивали мозгъ многихъ людей замѣчательныхъ умственныхъ дарованій и не находили въ немъ особенно большаго вѣса. Нѣкоторые не достигали даже 1500 граммовъ; такъ напримѣръ мозгъ величайшаго математика Гауса, вѣсилъ всего 1492 граммовъ.

Извѣстны также мозги далеко превышавшіе этотъ вѣсъ; мозгъ англійскаго поэта Байрона вѣсилъ 2238 (слѣдовательно почти $4^1/_2$ фунта), мозгъ знаменитаго протектора англійской республики, Оливера Кромвеля, вѣсилъ 2233, и мозгъ геніальнаго французскаго естествоиспытателя Кювье 1829 граммовъ. Но такъ какъ эти люди, хотя и особенно одаренные, все-таки не были выше многихъ другихъ, мозгъ которыхъ не превышалъ 1300—1500 граммовъ, то и эти факты уже должны бы были поколебать положеніе науки. Ничуть не бывало! Вѣроятно и «случай Луи-Наполеона» не будетъ имѣть вліянія на мнѣніе авторитетовъ. Оно оставалось непоколебимымъ даже тогда, когда ревностный изслѣдователь Бергманъ, нашелъ у одного молодаго человѣка 28 лѣтъ, не отличавшагося никакими умственными способностями, мозгъ вѣсомъ въ 1815 граммовъ, слѣдовательно почти равный мозгу Кювье и превосходящій на $^1/_5$ мозгъ великаго ученаго Гауса. Такихъ фактовъ можно насчитать сотни, но до сихъ поръ защитники изваннаго положенія отвѣчаютъ на это, что исключенія только подтвержаютъ правило.

Однако въ положеніи, которое мы здѣсь оспариваемъ, есть своя доля истины, такъ какъ по всѣмъ до сихъ поръ сдѣланнымъ опытамъ сколько нибудь значительное умственное развитіе невозможно при мозгѣ не доходящемъ до 1200 граммовъ; а въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вѣсъ мозга не доходилъ до 800 граммовъ, замѣчалось положительное тупоуміе.

Не играетъ ли качество мозговаго вещества той роли, какую ошибочно приписываютъ количеству онаго? На этотъ вопросъ наука не дала еще удовлетворительнаго отвѣта. Поэтому мы не будемъ останавливаться на немъ подробно. Но дѣйствительно отдѣльныя части мозга обладаютъ различными качествами относительно ихъ умственныхъ отправленій, какъ неоспоримо доказываетъ френологія, и что малу по малу признаютъ даже ея сильнѣйшіе противники.

Въ этомъ явленіи и лежитъ разрѣшеніе того противорѣчія, которое возникаетъ между положеніемъ науки и практическимъ опытомъ, отрицающимъ прямое отношеніе интеллигенціи къ вѣсу и объему мозга, и вмѣстѣ съ тѣмъ отвѣтъ на вытекающій отсюда вопросъ: въ какомъ отношеніи находится величина мозга къ умственнымъ способностямъ, къ интеллигенціи? По ученію френологіи, такъ называемое «сѣрое вещество мозга», лежащее непосредственно подъ черепнымъ покровомъ, относительно своихъ отправленій раздѣляется на три области, изъ которыхъ, лежащая въ области лба представляетъ собой умственныя силы, лежащая въ темени душевныя качества, а расположенная по обѣимъ сторонамъ головы и въ затылкѣ—силу воли. Наука эта идетъ еще дальше; она старается доказать, что человѣческій умъ состоитъ изъ извѣстнаго количества основныхъ силъ, изъ которыхъ каждая имѣетъ свой независимый отъ другихъ органъ въ опредѣленномъ мѣстѣ мозга. Но упомянутыя категоріи признаются даже нѣкоторыми учеными, и они соглашаются, что сила тѣхъ или другихъ, способностей стоитъ въ прямомъ отношеніи къ величинѣ тѣхъ частей мозга, которыя служатъ ихъ представителями.

Изъ этого слѣдуетъ, что по величинѣ и тяжести всего мозга еще нельзя вывести заключенія объ интеллигенціи, занимающей мѣсто вѣдь въ однихъ переднихъ отдѣлахъ мозга и составляющей только часть человѣческаго духа, точно также какъ органы послѣдняго образуютъ лишь часть мозга. Равнымъ образомъ нельзя измѣрять интеллигенцію, называемую въ общежитіи попросту умомъ, только по величинѣ и тяжести переднихъ частей мозга, и по выпуклости и глубинѣ лба. Изъ этого слѣдуетъ далѣе, особенно принявъ въ соображеніе то обстоятельство что области влеченій и чувствъ занимаютъ гораздо большую часть мозга—воз-

Библиотека "Руниверс"

можность обладать значительной интеллигенцией, вовсе не имѣя большаго мозга и наоборотъ, человѣкъ съ очень большимъ лбомъ можетъ имѣть ограниченныя способности.

Удивительно, почему анатомы и физіологи не обращаютъ вниманія на эти факты, хотя сами же признаютъ вытекающія изъ нихъ гипотезы. Даже Карлъ Фогтъ, восхваляющій французовъ за принятую ими систему оцѣнки умственныхъ способностей человѣка не исключительно по внутреннему объему черепа, но также и по «наружному его строенію», даже онъ не отрѣшается отъ мнѣнія, зависимости интеллигенціи отъ абсолютной величины мозга. Что же касается черепа Наполеона, то главной своей величиной онъ обязанъ области влеченій и чувствъ, и той части своего органа ума, за которой признается наблюдательная способность и которая лежитъ въ нижней части лба.

Высшія силы ума, мышленія, способности сравненія, анализа и послѣдовательности, представляли у Наполеона лишь посредственное развитіе относительно прочихъ основныхъ качествъ. Недостатокъ этотъ высказывается въ отклоненной назадъ верхней части лба, подтверждается дѣйствіями экс-императора какъ ученаго, государственнаго и военнаго человѣка; нижняя часть его лба напротивъ, выступала впередъ. Поэтому несмотря на вѣсъ мозга въ 1500 граммъ, Наполеонъ III относится къ посредственнымъ умамъ. Всѣмъ своимъ значеніемъ онъ обязанъ не уму, но, исключая нѣкоторыхъ обстоятельствъ, не имѣющихъ ничего общаго съ его индивидуальными дарованіями,—своимъ сильнымъ влеченіямъ и чувствамъ, которыя внушали ему честолюбіе, упорство, энергію, силу воли, хитрость, самоувѣренность, и увлекали его въ смѣлыя предпріятія, правда большею частію необдуманныя и кончавшіяся несчастно. Онъ обладалъ большой нравственной силой въ общемъ смыслѣ слова, но не былъ одаренъ «высшимъ умомъ». Если понимать подъ «нравственной силой» общую сумму изображаемыхъ мозгомъ нравственныхъ качествъ,—слѣдовательно не одни силы ума, но также и чувства и влеченія,—то мы соглашаемся съ положеніемъ, что вѣсъ и величина мозга служатъ маштабомъ нравственной силы. Если же понимать это выраженіе въ смыслѣ ума и интеллигенціи, то мы считаемъ его положительно невѣрнымъ. У людей, отличающихся страстностью, энергіей, необыкновенной силой воли, и достигающихъ вслѣдствіе этого виднаго положенія и большаго вліянія, всегда бываетъ большой мозгъ, хотя форма лба бываетъ и не особенно выпукла. У великихъ мыслителей и ученыхъ, какъ вообще у людей замѣчательнаго ума, напротивъ, часто оказывается довольно обыкновенный мозгъ, но за то тѣмъ болѣе развита у нихъ верхняя часть лба. Соединеніе большой интеллигенціи съ сильными влеченіями и чувствами въ одномъ мозгу, конечно, создаетъ человѣка необыкновенно одареннаго, генія, такъ какъ влеченія и чувства возбуждаютъ умственныя силы къ болѣе возвышенной и энергической дѣятельности. Поэтому при одинаковыхъ умственныхъ способностяхъ, большаго значенія достигнетъ человѣкъ съ большимъ объемомъ черепа и мозга.

Такимъ образомъ, на вопросъ поставленный въ началѣ нашей статьи, никакъ нельзя безусловно дать утвердительнаго отвѣта.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Его Величество Государь Императоръ, въ сопровожденіи Высоконовобрачныхъ и Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Наслѣдника Цесаревича, Государыни Цесаревны, Великихъ Князей Владиміра и Алексѣя Александровичей, Ихъ Королевскихъ Высочествъ Принца и Принцессы Валлійскихъ, Наслѣднаго Принца Датскаго и Принца Артура Великобританскаго, изволилъ благополучно прибыть въ Москву 23-го сего января въ 11 часовъ вечера. Его Императорское Величество изволилъ заѣхать въ часовню Иверской Божіей Матери и затѣмъ остановился въ Кремлевскомъ Дворцѣ. 24-го января, Его Величество Государь Императоръ, въ 11 часовъ утра, изволилъ имѣть выходъ въ Успенскій соборъ и затѣмъ присутствовалъ при разводѣ съ церемоніею въ экзерциргаузѣ. Въ часъ пополудни Высоконовобрачные изволили принимать въ Кремлевскомъ Дворцѣ поздравленіе отъ высшихъ военныхъ и гражданскихъ чиновъ и знатныхъ обоего пола особъ, а также изволили принять поднесеніе отъ московскаго дворянства и городскихъ обществъ. Въ 8 часовъ пополудни Его Величество вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами и Августѣйшими Гостями посѣтилъ парадный спектакль въ Большомъ театрѣ.

Городская хроника.

— *С.-Петербургская* Городская Дума утвердила *«правила общей переоцѣнки недвижимыхъ имуществъ въ С.-Петербургѣ для городскаго сбора.*

— *Полтавская* Городская Дума предоставила устройство газоваго освѣщенія въ городѣ предпринимателю на слѣдующихъ, между прочимъ, условіяхъ: Предприниматель получаетъ исключительное право освѣщать городъ газомъ въ теченіе 36 лѣтъ. По окончаніи означеннаго въ п. 1 срока, газовый заводъ со всѣми строеніями и аппаратами, а также фонари со столбами и газопроводными трубами, предприниматель обязанъ передать въ собственность города въ исправномъ состояніи. Но городу предоставляется выкупить все вообще газовое устройство и до истеченія упомянутаго срока, по особому о томъ соглашенію (опредѣленному въ контрактѣ), не прежде, впрочемъ, какъ по прошествіи 10 лѣтъ со дня заключенія договора.

— Воронежская Городская Дума постановила оказать устраиваемой въ Воронежѣ сельсто-хозяйственной выставкѣ денежное пособіе въ размѣрѣ 2.000 рублей изъ запаснаго капитала.

— Въ настоящее время, пишутъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», по улицамъ Одессы часто можно видѣть безконечныя вереницы крестьянскихъ возовъ съ *камнемъ*. Пользуясь дешевизной, домовладѣльцы закупаютъ въ городѣ камень массами. Цѣна его впрочемъ поднялась до 9, 10 и 11 р. за сотню (вмѣсто 6, 7 до 8 р. въ осенніе мѣсяцы). Давно уже нельзя было въ Одессѣ производить постройки такъ дешево, какъ теперь, благодаря дешевизнѣ камня, рабочаго труда и лѣса.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— 14 сельскихъ обществъ Аккерманскаго уѣзда Херсонской губерніи (волостей Ташлыкской и Ивановской), при содѣйствіи мироваго посредника 2-го участка, постановили, какъ сообщаютъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», на мірскихъ сходахъ: *обезпечить содержаніе своего сельскаго духовенства*, назначивъ содержаніе въ годъ: священникамъ 500—650 р. и причту отъ 200 до 300 р. Мірскіе объ этомъ приговоры утверждены бессарабскимъ преосвященнымъ съ его благословеніемъ такому благому почину.

— Въ Ревелѣ 3-го сего января, въ 10 часовъ утра, освящена православная церковь во вновь устроенномъ помѣщеніи для срочныхъ арестантовъ. Церковь занимаетъ залу, въ которой свободно можетъ помѣститься до 80 молящихся. Иконостасъ простой, но довольно изящной работы, въ русскомъ стилѣ, сдѣланъ по рисунку мѣстнаго художника г. Богданова и подъ его наблюденіемъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ 1873 году *навигація въ Черномъ морѣ* продолжалась, какъ сообщаютъ въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ», болѣе 9½ мѣсцевъ: съ 1-го марта по 19-е декабря. Число плавающихъ судовъ флота состояло: изъ 1 Императорской яхты, 1 броненосца, 3 корветовъ, 7 пароходовъ, 12 шхунъ, 2 парусныхъ тендеровъ, 4 плавучихъ маяковъ и 4 паровыхъ катеровъ, всего 34 судна, изъ числа которыхъ въ заграничномъ плаваніи находится 2 парахода и 3 шхуны.

— Въ напечатанномъ въ «Кронштадт. Вѣстникѣ» *обзорѣ судоходства Кронштадтскаго порта за* 1873 *годъ* названная газета отмѣчаетъ, между прочимъ, фактъ увеличенія въ 1873 году числа судовъ, *приходившихъ* къ Кронштадтскому порту. Изъ распредѣленія числа *пришедшихъ* судовъ по національностямъ, съ указаніемъ числа паровыхъ, получается слѣдующая таблица:

Національности.	Общее число судовъ.	Въ томъ числѣ паровыхъ.
Англійскихъ	890	429
Германскихъ. . . .	489	202
Голландскихъ . . .	318	18
Норвежскихъ . . .	270	25
Датскихъ	254	39
Шведскихъ	216	166
Русскихъ	168	25
Французскихъ . . .	54	31
Бельгійскихъ	8	8
Американскихъ . . .	19	»
Итальянскихъ . . .	7	»
Австрійскихъ . . .	1	»
Итого . .	2.694 судна	943 пар-

Всѣхъ *ушедшихъ* изъ Кронштадта въ прошломъ году судовъ было 2.640. Наибольше число судовъ направилось: въ Лондонъ 375; въ Штетинъ 296; въ Ротердамъ 147; въ Гуль 130; Амстердамъ 107 и проч. Кромѣ вышеозначенныхъ судовъ *дальняго плаванія* изъ русскихъ портовъ *прибыло* въ Кронштадтъ 559 *каботажныхъ* судовъ, въ томъ числѣ пароходовъ 254.

На зимовку въ Петербургѣ осталось 7 судовъ, въ томъ числѣ одинъ шведскій винтовый пароходъ *Уллери*, и въ Кронштадтѣ 9 судовъ, въ томъ числѣ одинъ русскій винтовый пароходъ *Альто*.

— Въ Новочеркаскѣ — 29-го минувшаго декабря открыта *артиллерійская школа*.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— *Московское* Губ. Земс. Собраніе 12-го минувшаго декабря, признавая важное значеніе рисованія въ народомъ образованіи, постановило поручить Губ. Управѣ заняться разработкою вопроса о введеніи рисовальныхъ классовъ въ начальныя народныя училища. Вмѣстѣ съ тѣмъ Собраніе ассигновало на три года, начиная съ текущаго, по 1.000 р. ежегодно, на введеніе, въ видѣ опыта, техническихъ рисовальныхъ классовъ въ тѣхъ мѣстностяхъ Московской губерніи, гдѣ, по мѣстнымъ потребностямъ и состоянію училищъ, Губ. Управа признаетъ это наиболѣе удобнымъ и полезнымъ.

— То же Собраніе, по выслушаніи внесенной въ Собраніе записки объ учрежденіи временныхъ школъ съ переѣздными наставниками, постановило просить членовъ отъ земства губ. Училищнаго Совѣта сообщить свои соображенія о возможности и пользѣ введенія этого способа распространенія грамотности.

— Олонецкое губ. земл Собраніе, по обсужденіи въ засѣданіи 30-го декабря докладовъ Губ. Зем. Управы *о геологическомъ изслѣдованіи Олонецкой губерніи и необходимости гидрографическаго описанія Онежскаго озера*, нашло, что изслѣдованія произведенныя въ 1873 г. членомъ Минералогическаго

Библиотека "Руниверс"

Общества А. А. Иностранцевымъ въ восточной части Повѣнецкаго уѣзда, привели къ заключенію о богатствѣ рудныхъ мѣсторожденій какъ въ этихъ мѣстностяхъ, такъ и во всемъ Повѣнецкомъ уѣздѣ. Подробное геологическое изслѣдованіе и въ другихъ мѣстахъ губерніи можетъ привлечь солидныхъ промышленниковъ и капиталистовъ къ основательнымъ горнымъ развѣдкамъ. Въ виду такой пользы геологическихъ изслѣдованій, зем. Собраніе постановило просить Минералогическое Общество о командированіи А. А. Иностранцева въ Повѣнецкій уѣздъ и въ 1874 году на счетъ земства. Въ земскую смѣту 1874 г. на этотъ предметъ внесено 2.000 руб. Относительно описанія и промѣра Онежскаго озера тѣмъ же Собраніемъ постановлено просить начальника губерніи о назначеніи гидрографической экспедиціи для изслѣдованія озера. На расходы по изслѣдованію ассигновано земствомъ 5.500 руб.

— IX очередное *Казанское* Губ. Зем. Собраніе, въ засѣданіи 15-го декабря, выслушавъ докладъ Губ. Управы о необходимости дополнительнаго ассигнованія на Чистопольскій уѣздъ продовольственнаго капитала, для обезпеченія нуждъ мѣстнаго населенія, постановило: 1) на выдачу въ нынѣшнемъ году ссудъ по Чистопольскому уѣзду на продовольствіе нуждающимся и обсѣмененіе полей ассигновать 130.000 рублей.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Никилаевичъ Старшій, покровительствуя улучшенію *на Дону* коннозаводства, изволилъ пожаловать *войсковому конскому заводу*, кромѣ трехъ уже подаренныхъ жеребцовъ, еще четырехъ производителей и семнадцать матокъ. Войсковой заводъ, принявъ съ полною признательностію такой щедрый подарокъ Его Высочества, имѣетъ возможность понести собственную породу чистокровныхъ арабскихъ лошадей, значеніе которой для донскаго коннозаводства несомнѣнно.

— Въ Пензенской губерніи *число крестьянскихъ приговоровъ объ устройствѣ въ селеніяхъ постоянныхъ случныхъ пунктовъ* все болѣе и болѣе возрастаетъ. Недавно крестьянами 3-хъ селеній Инсарскаго уѣзда составлены приговоры, которыми они опредѣлили въ каждомъ изъ этихъ селеній имѣть по одному жеребцу. Крестьяне же Мокшанскаго уѣзда рѣшили завести случныхъ жеребцовъ при пожарныхъ обозахъ въ селахъ Засѣчномъ и Бибиковѣ, въ каждомъ по 2 жеребца.

— По постановленію Херсонскаго Губ. Земс. Собранія 3-го ноября 1873 года, существовавшія въ Елисаветградѣ конскія скачки замѣнены *выставками рабочаго и молочнаго скота мѣстной породы*. Пунктами выставки назначены города: Елисаветградъ, Херсонъ и Тирасполь. Первая выставка будетъ открыта въ Елисаветградѣ 23 го апрѣля сего года, подъ наблюденіемъ мѣстной Уѣздной Управы.

— Одесса переживаетъ замѣчательную зиму: январь на исходѣ, а снѣгу и морозовъ нѣтъ. Если такъ протянется и февраль, а въ мартѣ настанутъ морозы безъ снѣга, то озимые хлѣба, представляющіе теперь роскошный зеленый коверъ, неминуемо погибдутъ. До сихъ поръ, однакожъ, сельское населеніе довольно тѣмъ, что оно могло сохранить оставшіеся запасы сѣна и соломы, такъ какъ скотъ всю зиму пасется къ полѣ, на зеленѣющемъ подножномъ корму. Въ случаѣ неурожая сѣна въ 1874 году, эти уцѣлѣвшіе запасы очень пригодятся; вообще подножный кормъ и теплота зимы значительно облегчаютъ до сихъ поръ сельскихъ жителей и отчасти ослабляютъ бѣдствія неурожая.

— *Поземельная собственность въ Люблинской губерніи* въ настоящее время возрастаетъ съ каждымъ днемъ. Недавно влока земли (15 десятинъ) продавалась въ отдаленныхъ отъ Люблина уѣздахъ за 1.200 р., и по этой цѣнѣ можно было пріобрѣтать цѣлыя имѣнія; теперь же никто и слышать не хочетъ про такія цѣны. Недавно прекрасное имѣніе 200 влокъ было продано по 1.650 р. за влоку. Имѣніе, купленное по 1.350 р. за влоку, продается въ настоящее время за 1.800 руб. влока, причемъ владѣлецъ оставляетъ за собой изъ дачи 70 влокъ лѣса.

ЛИТЕРАТУРА:

Новыя книги:

Дневникъ **А. В. Храповицкаго**, 1782 — 1763, по подлинной его рукописи. Съ біографич. статьею и объяснит. текстомъ **Николая Барсукова**. Изд. Базунова. Спб Тип. Стасюлевича. 8 д. XII,+XXIV+610 стр. 1.200 экз. Ц 3 р. 50 к.

Колокольцевъ. Пребываніе Туркестанскаго отряда въ Хивѣ въ 1873 г. и переѣздъ изъ Хивы въ Казалинскъ, Спб. Тип. Д.-та Удѣл. 8 д. 20 стр. 300 экз.

Полный хронологическій сборникъ законовъ и положеній, касающихся евреевъ, отъ Уложенія Царя Алексѣя Михайловича до настоящаго времени, 146 — 1873. Сост. и изд. **В. О. Левакда**. Спб, Тип. Трубникова. 8 д, 3+1.58+XVIII стр. 2.000 экз. Ц, 4 р.

Петровскій, Н. Ѳ. О шелководствѣ и шелкомотаніи въ Средней-Азіи. Ташкентъ, 1873. Тип. Военно-Народн. Управл. 8 д. IV+120+XI стр.

Жижиленко, А. Учебникъ родовспомогательнаго искусства для сельскихъ повивальныхъ бабокъ. Спб Тип. Демакова. 8 д. VIII+223 стр. 1.800 экз. ц. 1 р. 25 к.

Труссо. Клиническія лекціи, Перев. подъ ред. Ю. Чудновскаго. Изд. А. Сергѣева. Т. II. Вып. I. Спб. Тип. Д.-та Удѣл. 8 д. 224 стр. 1.200 экз.

Плаховъ, П. Теорія русской стенографіи. Спб. Лит. Дилс. 16 д 60 стр. 100 экз. Ц. 15 к.

Можаровскій, Ал. Святочныя пѣсни, игры и гаданія Казанской губерніи. Казань. 1873. Тип. Тилин. 8 д. XI+IV+114 стр. 360 экз

Скугаревскій, А. Военная игра. Сборникъ задачъ для тактическихъ упражненій. 3. Спб. Тип. Балашева. 8 д IV+108+39+32 стр. и въ прилож. 7 л. чертеж. 1.52 экз. Ц. 1 р.

СОДЕРЖАНІЕ: Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова**.—Ученая супруга (съ рисункомъ).—Минута между жизнью и смертью.—Исландскій горячій водометъ Большой Гейзеръ (съ рисункомъ).—Песецъ или полярная лисица и Чернобурая лисица (съ рисункомъ.—Императоръ Австрійскій (съ портретомъ).—Смѣсь.—Разныя извѣстія.—Моды за февраль съ 24 рисунками.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ВНОВЬ ВЫШЕДШАЯ КНИГА

РУКОВОДСТВО КЪ ИЗУЧЕНІЮ ЧАСОВАГО МАСТЕРСТВА

составленное часов. д. мастеромъ И. М. Гусевымъ

съ 70 ю гравированными рисунками.

НИЖНІЙ НОВГОРОДЪ 1870 ГОДА.

ЦѢНА 1 Р. 50 К.

Книга эта будетъ полезна не только желающимъ изучать часовое мастерство но и для всякаго любознательнаго человѣка; въ ней объясняются способы: обращаться часами при повѣркѣ, прибавленіи и убавленіи хода, повѣрка часовъ по солнцу; устройство солнечныхъ часовъ и электромагнитныхъ, вычисленіе относительной разности мѣстностей во времени; составленіе припоевъ и паяніе, каленіе стали, шлифованіе и полированіе металовъ, окрашиваніе мѣди, золоченіе и серебреніе. Поэтому книга можетъ быть полезна вообще для начальнаго механическаго обученія а также для слесарей, паяльщиковъ и золотыхъ дѣлъ мастеровъ, въ особенности же для производящихъ мастерство въ небольшихъ городахъ и селеніяхъ, гдѣ для ремесленника вовсе нѣтъ средства для пріобрѣтенія научныхъ познаній, Продается: **въ Нижнемъ Новгородѣ, въ часовомъ магазинѣ И. М. Гусева, въ Москвѣ въ редакціи Ремесленной Газеты и у всѣхъ книгопродавцевъ.—Пересылка безплатно.**

БИБЛІОТЕКА МОИХЪ СТАРШИХЪ ДѢТЕЙ.

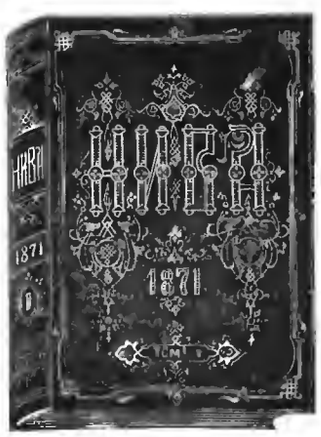
Вышли въ свѣтъ и продаются у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ **четыре** первыя книжки: въ каждой отъ 50—60 страницъ текста и 4 рисунка. Цѣна книжки безъ доставки 30 к., съ пересылкою 40 к.

До святой недѣли выйдутъ **12 книженъ**, всего около 700 страницъ текста и 40 рисунковъ. Желающіе **подписаться** (исключительно въ конторѣ редакціи «Всемірной Иллюстраціи», б. Садовая, д. Коровина) на **всѣ** 12 книжекъ, получатъ ихъ **значительно дешевле**, а именно: безъ доставки **три рубля**, съ пересылкою **четыре рубля**.

Подписка допускается только до 1-го февраля будущаго 1874 года.

Содержаніе первыхъ четырехъ книжекъ: подвиги русскихъ людей, старцы и великаны растительнаго міра, Еруслан Лазаревичъ и засыпанный городъ гибель Помпеи.

Содержаніе слѣдующихъ: день въ древнемъ Египтѣ за 6000 лѣтъ до насъ, зачѣмъ и какъ взяли мы Хиву, начало русскаго театра, легенда о рыцарѣ Жофръ и пр.



Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко переплести въ нее нумера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки **1 руб.**, съ перес. **1 руб. 50 коп.** Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на 1874 г., которыя могутъ служить въ теченіи года для сохраненія №№ какъ портфель.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

ПОДСТАКАННИКИ разныхъ новѣйшихъ фасоновъ въ большомъ выборѣ изъ лучшаго качества Мельхіора можно найти въ магазинѣ **Александра Качъ**, на Невскомъ противъ Думы въ домѣ Европейской Гостинницы №3/36.

Гг. иногороднымъ высылаютъ по требованію Иллюстрированные каталоги, безплатно.

Дозволено цензурою. 1 февраля 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 7 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 11 февраля 1874 года. Годъ V. Отдѣльные №№ «Нивы» по 15 коп. сер.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА", НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" 1874 НА ГОДЪ.

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" за 1874 годъ

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

(Продолженіе).

VII.

Дня черезъ три послѣ шумной встрѣчи масляницы у М-me Сметанкиной, вечеркомъ является ко мнѣ няня Бэтси, Власьевна. Старуха видимо разстроена, проситъ-молитъ сейчасъ-же съ нею и ѣхать...

— Очень развѣ захворала? спросилъ я.

— Ну-у-у, типунъ бы тебѣ!.. что за хвороба въ ея годы! махнувъ рукой проговорила нянька,—извѣстно, что нибудь напроказила да и трусу!—бѣдокуръ-дѣвка!.. Привези-да привези: онъ, говоритъ, одинъ только и можетъ помочь... Ужь ты, родной, не выдай насъ: барынѣ-то сказали, что грудка разболѣлась, приказано мнѣ за тобой; такъ-ты приди, хоть для виду-то пульсы пощупай, пропиши какое зелье...

Старуха видимо считала меня *своимъ*, улыбалась и подмаргивала мнѣ.

— Да что же такое случилась? опять спросилъ я.

— А Господь вѣдаетъ — нѣшто разберешь? Ходитъ день-денской какъ въ воду опущенная да все на часы поглядываетъ.... ужь я раза два и стрѣлки-то переводила,—думаю: не легче-ли ей будетъ? нѣтъ, куда!—только грѣхъ одинъ!... А то придетъ въ мою конурку, голову на колѣни мнѣ положитъ да и плачетъ... тихо да жалостливо таково, индо и я-то съ ней всплакну,—а сказать ничего не скажетъ...

Крайне заинтересованный всѣмъ этимъ, я поспѣшилъ къ Прыгуновымъ. У нихъ было освѣщено. Въ гостиной на диванѣ съ Марьей Ивановной сидѣла востроносенькая сухая старушка, необыкновенно прямо державшаяся въ своей темной бархатной накидочкѣ съ горностаемъ; въ разговорѣ она то и дѣло поглядывала зоркимъ окомъ за двумя привезенными ею дочерьми, точно боясь что вотъ-вотъ налетитъ коршуньё и похититъ ихъ. Опасности впрочемъ не представлялось: обѣ дѣвицы были скромны и томны до безжизненности, да и единственнымъ коршуномъ на лицо являлся неизбѣжный cavaliere servente, который въ сосѣдствѣ М-me Прыгуновой велъ себя примѣрно-благонамѣренно. Еще были тутъ какой-то ветхій старичокъ съ крестикомъ поверхъ высокаго бѣлаго атласнаго галстуха, въ длинномъ сюртукѣ, и пожилой приходскій священникъ, занятые бесѣдой между собою о французскихъ дѣлахъ. Едва-ли нужно считать малолѣтняго внучка священника: выстриженный подъ гребенку, съ большимъ затылкомъ и глазами на выкатѣ, маленькій поповичъ сидѣлъ возлѣ дѣдушки, точно голодный галченокъ поглядывая на варенье.

Вся эта картина только мелькнула у меня въ глазахъ—такъ рѣзко выдѣлялась въ ней главная фигура—Бэтси. Я въ первый разъ еще видѣлъ ее въ казенномъ нарядѣ: коротенькое камлотовое платьице, того неопредѣленно сѣраго цвѣта что такъ идетъ смуглянкамъ, перехваченное бѣлымъ передникомъ, узко облегало ея стройный станъ, обнажая плеча и руки выше локтя. Гладко зачесанные и захваченные гребенкой, волосы ея темной волной падали на спину; печальное личико

Библиотека "Руниверс"

ея глядѣло еще грустнѣе въ этой простенькой рамкѣ. Оно примѣтно похудѣло и осунулось; темная тѣнь у глазъ обличала затаенныя волненія и можетъ быть безсонныя ночи. Бэтси подошла ко мнѣ съ необычною робостью и едва подала кончики пальцевъ.

— Разнемоглась что-то... пояснила мнѣ Марья Ивановна,—грудью жалуется... Я было оподельдокомъ хотѣла... М-ше Прыгунова умолкла, встрѣтивъ негодующій взглядъ и румянецъ своей любимицы...

— Надо выслушать, въ чемъ дѣло... сказалъ я, выразительно глядя на Бэтси.

Она поблагодарила меня застѣнчивой улыбкой и отошла къ своимъ гостьямъ.

— Охо-хо! вставилъ священникъ,—корень суетнаго ученія въ наши дни особенно горекъ и часто не подъ силу юному организму...

— Чего-съ! желчно подхватилъ старичокъ,—у меня племянника совсѣмъ заморили... Малый бывало щелчкомъ орѣхъ разбивалъ, а теперь эта латынь да греція такъ одолѣла—совсѣмъ задумываться началъ... И что это, смѣю полюбопытствовать, въ попы что-ли готовятъ? хэ, хэ, хэ! простите батюшка!... и старчкъ закашлялся, поперхнувшись своимъ смѣхомъ.

Во время послѣдовавшаго затѣмъ общаго разговора, Бэтси незамѣтно стушевалась, а нѣсколько минутъ спустя, меня позвали къ ней наверхъ.

Бэтси ждала меня въ своей комнаткѣ, въ мезонинѣ, порывисто ходя изъ угла въ уголъ. Все напускное самообладаніе ея исчезло—она такъ и кинулась мнѣ навстрѣчу.

— Простите, зачастила она,—я опять за старое.... Но что же мнѣ дѣлать?!. Еслибъ вы знали, какое у меня горе!.. какая бѣда!..

— Что? что такое? экзаменъ что ли грозитъ? шутливо успокоивалъ я, садясь на стулъ у ея уборно-письменнаго столика.

— Ахъ, полно, какой экзаменъ!—экзаменъ пустяки... Вѣдь это только для виду дѣлается—всѣ билеты переворуемъ и перемѣтимъ...

— Вотъ какъ! Чѣмъ же могу служить вамъ?

— Вѣдь вы помните ваше обѣщаніе?... Она положила обѣ руки на мое плечо и пытливо-просительно смотрѣла мнѣ въ глаза,—вы мнѣ другъ?—настоящій? искренній?... Ну, вотъ теперь мнѣ понадобилась вся ваша дружба... слышете—вся, потому что...

Она быстро сняла одну руку и стала перебирать вещи на столикѣ, безъ всякой надобности переставливая ихъ...

— Потому что? тихонько ободрялъ я.

— Потому что со мной ужасное случилось.... такое что я не знаю, какъ и сказать... даже вамъ...

Болѣзненная выразительность ея глазъ не на шутку перепугала меня.

— Если вы не поможете мнѣ—больше некому... и тогда что же мнѣ дѣлать съ собою?

Она то краснѣла, то блѣднѣла, хрустя пальчиками.

— Дѣточка, началъ я,—если это въ самомъ дѣлѣ такъ серіозно, говорите съ полной откровенностью—и и чѣмъ проще—тѣмъ лучше...

— Ну, хорошо, я не знаю отчего я вамъ всегда вѣрю... я вамъ все скажу... Она закрыла лицо руками, колеблясь и собираясь съ духомъ: яркая краска проступала изъ подъ тонкихъ пальцевъ по лицу до самаго лба...

— Нѣтъ, не могу!... стыдно... что вы подумаете обо мнѣ?... шептала она—и вдругъ сдѣлала безнадежное усиліе надъ собой: —ну все равно... видите ли что... я поссорилась съ своимъ.. жѐнихомъ...

У меня отлегло отъ сердца, но, не смотря на всю мою привычку къ эксцентричностямъ Бэтси, мнѣ все еще казалось, что я ослышался.

— Съ вашимъ женихомъ? довольно глупо повторилъ я,—какъ же это, Бэтси? А кто говорилъ, что никогда не выйдетъ замужъ?

— Мало-ли что говорится!.. развѣ это у меня свои слова были?... Ахъ, еслибъ вы могли видѣть, какъ я съ тѣхъ поръ перемѣнилась!..

Всѣ дѣвочки воображаютъ, что можно вдругъ перемѣниться отъ чего бы то ни было; но на этотъ разъ я къ величайшему прискорбію начиналъ понимать, въ чемъ заключалась эта *перемѣна* у Бэтси...

— Такъ вы говорите, Тароватовъ поссорился съ вами?

— Какой Тароватовъ? и глаза у Бэтси вспыхнули гнѣвомъ,—онъ-то всему и причина!.. Еслибъ я могла—я бы... я не знаю какъ бы я ему отомстила!..

— Такъ неужели же Переверзевъ?

— Да перестаньте, какой вы безтолковый!... Развѣ этотъ любитъ кого нибудь кромѣ себя... Меня просто злило, что онъ при мнѣ презрительно говоритъ о красотѣ—ну, вотъ я и довела его до того, что онъ теперь воображаетъ будто влюбленъ въ меня...

Я подумалъ о маскарадномъ знакомцѣ, но во первыхъ онъ присутствовалъ тутъ, а во вторыхъ—очень ужь это было бы нелѣпо.

Бэтси между тѣмъ, застѣнчиво потупясь, торопливо достала изъ корсажа большой медальонъ на золотой цѣпочкѣ и сняла его черезъ голову..

— На-те, на-те, недогадливый! прошептала она отвертываясь и краснѣя, а потомъ зашла позадь моего стула, облокотилась на спинку—и предо мною въ туалетномъ зеркальцѣ выглянуло ея лицо, до того преображенное трогательною сердечною нѣжностью, что я невольно залюбовался ею, разсѣянно открывая медальонъ.

— Милый, злой ревнивецъ!... словно про себя воскликнула Бэтси, устремивъ глаза на фотографическую миніатюру...

Я узналъ черты молодаго князя Окольнаго, котораго видѣлъ на вечерѣ у М-ше Сметанкиной.

— Да вы посмотрите на него хорошенько! обиженно произнесла Бэтси, останавливая мою руку, когда я хотѣлъ закрыть медальонъ, — какое у него выраженіе въ глазахъ!.... просто неземное что-то.... А лобъ?.... гордый, смѣлый—правда вѣдь?... и послѣ этого бояться, что ему предпочтутъ кого нибудь!

— А въ самомъ дѣлѣ, Бэтси? улыбнулся я, понявъ наконецъ суть,—какъ-же башмачокъ-то?..

— И вы тоже? Ну, да! съ отчаяніемъ вскрикнула Бэтси,—вотъ и онъ также думаетъ, вотъ за это и сердится,—не хочетъ понять, что я просто изъ пустаго тщеславія позволила эту глупость.... а теперь Богъ знаетъ что дала бы, лишь бы этого не было!.. Хотите десять лѣтъ жизни? отдамъ—только помирите насъ....

— Десять лѣтъ—это сумма не малая; только чѣмъ я-то могу пособить въ такомъ дѣлѣ, когда вы сами...

— Ахъ, я ужь все перепробовала... На васъ одна надежда!... Не сказать же мнѣ ему самой, что я прошу простить меня, глупую дѣвочку!... Боже мой, да я бы на колѣна стала передъ нимъ—такъ бы и стояла пока не проститъ... А не могу!—онъ долженъ понять самъ, а то вѣдь онъ послѣ этого пожалуй способенъ подумать, что мнѣ княжество его нужно... Нѣтъ, нѣтъ, не хочу и вѣрить!... Ради Бога, поѣзжайте къ нему, хоть намекните какъ нибудь...

Я не въ силахъ былъ сдержать улыбки.

— Такъ это вы и обо мнѣ позаботились, чтобъ и я не совсѣмъ безъ роли остался?

— Вы умный, добрый, хорошій—вы одинъ съумѣете это сдѣлать!.. Я даже Софи ничего не говорила: почему-то мнѣ кажется, что и она тутъ не поможетъ; сама написала ему третьяго дня, звала къ намъ—не пріѣхалъ; вчера пишу, что я больна, — это правда, чистая правда!—не ѣдетъ; сегодня послала ему письмо,

Библиотека "Руниверс"

что если онъ не будетъ къ девяти вечеромъ, то я прошу его возвратить мой портретъ... Послала письмо, а сама и не знаю что со мною... Думаю: «что я надѣлала!» да скорѣй за вами...

— А у него тоже портретъ?

— Да, немного сконфузилась Бэтси,—свой онъ мнѣ подарилъ вмѣстѣ съ медальономъ, а мнѣ нельзя было сниматься: мама не позволила бы, — такъ онъ художника съ собой привозилъ — тотъ шутя копотью набросалъ, а потомъ увезъ съ собой додѣлывать...

— И давно это вы... познакомились съ княземъ?

— Давно.... скоро полгода.... У насъ все рѣшено ужь, то есть видите.... впрочемъ отъ васъ у меня нѣтъ секретовъ: ему тоже не позволятъ жениться: онъ еще студентъ и maman у него прегордая степная помѣщица... Такъ мы хотѣли уѣхать за-границу, въ Парижъ, тамъ много русскихъ аристократовъ проживаютъ...

— Часъ отъ часу не легче! А знаете *сколько* они проживаютъ?

— О, не напоминайте мнѣ про деньги! онъ такой богачъ и maman его такъ балуетъ—онъ теперь на свои menus-plaisirs получаетъ изъ дому двѣ тысячи въ мѣсяцъ... у него лошади свои были, квартира... Что же вы думаете онъ сдѣлалъ?—поселился между студентами въ нумерахъ и копитъ—ужь четыре тысячи накопилъ... Каково мнѣ знать, что я ничего ему не принесу!... За то ужь... Она не смогла договорить и въ глазахъ ея опять проступила та невыразимая нѣжность, что давеча поразила меня въ зеркалѣ.

Давно какъ-то, проѣздомъ въ Закавказьи по казенной надобности, я остановился у одного грузина; мой хозяинъ былъ въ большомъ горѣ—съ него взыскивали долгъ и ему приходилось продать кувшинъ заповѣднаго вина, которое уже лѣтъ двадцать хранилось какъ святыня въ его подвалѣ, зарытое въ землю, и должно было простоять еще лѣтъ десять до свадьбы его внуки. Старикъ повелъ меня въ марань, какъ они называютъ эти погреба, снялъ крышку съ громаднаго кувшина—и сталъ передъ нимъ на колѣна, обоняя дивный букетъ благоухающаго вина.—«Скоро, скоро—онъ опустѣетъ!» выговорилъ старикъ, плача какъ ребенокъ.

Теперь онъ живо припомнился мнѣ. Здѣсь, передо мною лилась черезъ край непочатая, драгоцѣнная свѣжесть молодаго чувства, которой въ свое время хватило бы на то, чтобъ осчастливить цѣлыхъ двѣ жизни на всю жизнь,—и выливалась она даромъ, ни за что... Всѣ эти затѣи Бэтси съ княземъ Окольнымъ могли бы вызвать улыбку своей несбыточностью развѣ у невѣжды или очень грубаго и ограниченнаго врача-спеціалиста. Я же не ошибся въ силѣ и чистотѣ этого преждевременнаго чувства. «Кто-то поплачетъ надъ бѣднымъ сердечкомъ, когда оно опустѣетъ?» съ болью пришло мнѣ въ голову.

Я надѣялся только на одно: авось Бэтси, еще до разрушенія своихъ надеждъ неумолимой дѣйствительностью, понемногу разсмотритъ своего жениха и увлечется чѣмъ нибудь инымъ, какъ это бываетъ подчасъ у пылкихъ натуръ—тогда это раннее взыграніе страсти оставитъ по себѣ не особенно тяжелый слѣдъ мимолетной весенней бури... Я не думалъ, что развязка такъ близка.

VIII.

Я еще отшучивался съ возможной бережностью отъ порученія Бэтси, увѣряя ее, что Окольный самъ теперь еще пуще плачетъ и не замедлитъ прилетѣть на мокрыхъ крылышкахъ раскаянія, — какъ деревянная лѣстница заскрипѣла подъ тяжелой походкой и къ намъ вошла Марья Ивановна. Я едва успѣлъ спрятать медальонъ въ карманъ.

— Что это какъ вы долго? боязливо проговорила она, подходя къ дочери,—выслушали вы ее, докторъ?

— Выслушалъ...

Qui pro quo съ M-me Прыгуновой становились у меня чѣмъ-то хроническимъ.

— Ничего такого?...

— Такого ничего... будьте спокойны; беречь только ее надо, проговорилъ я.

— Ну, слава Богу! поди тамъ тебя хочетъ видѣть... пріѣхалъ этотъ — черномазый, что палочкой то палочкой...

Бэтси, вначалѣ вся было радостно насторожившаяся, чуть замѣтно дрогнула и не спѣша пошла внизъ. Я слѣдомъ за нею.

Черномазый былъ тотъ самый артистъ-любитель, который дѣлалъ портретъ Бэтси. Онъ и вечеромъ къ дамамъ явился въ чорномъ бархатномъ пиджачкѣ, съ усами въ ниточку и съ растрепаннымъ хохломъ на головѣ...

— Князь просилъ меня завезти вамъ эти ноты, встрѣтилъ онъ Бэтси, расшаркиваясь и подавая ей довольно толстую тетрадку, завернутую въ газеты.

— А самъ? коротко и сухо спросила Бэтси.

— Онъ уѣзжаетъ гостить къ роднымъ въ имѣніе...

— Надолго? впрочемъ это все равно...

Бэтси какъ-то вся повыпрямилась.

— Merci, м-сье... мсье...

— Куприкъ... подсказалъ артистъ, корчась. Странная фамилія видимо отравляла ему юные дни.

— Еще разъ благодарю васъ за вашу любеезность! Извините, я должна васъ на минуту оставить...

И горделиво закинувъ головку, Бэтси пошла въ чайную, позвавъ меня мимоходомъ.

— Браво! дѣточка моя, браво! молодецъ!.. хотѣлъ я хоть чѣмъ-нибудь утѣшить ее, оставшись наединѣ въ опустѣлой чайной. Самоваръ, погасая, уныло жужжалъ тоненькой фистулой; приглушенная лампа слабо освѣщала комнату...

— Ну, посмотримъ однако, что тамъ такое? сорвавшимся голосомъ прошептала Бэтси, жадно глядя на свертокъ.

Я понялъ все: съ чисто-дѣтской цѣпкостью она еще надѣялась въ послѣднюю минуту.

— Вы позволите мнѣ взять это съ собой и завтра передать вамъ на словахъ содержаніе?.. Сегодня у васъ чужіе!.. попробовалъ было я извернуться на всякій случай.

— Нѣтъ, нѣтъ... сей часъ-же! Я до завтра измучаюсь... Не бойтесь, я себя не выдамъ... Скорѣе только, пока не вошелъ кто-нибудь!..

Я развернулъ ноты, въ нихъ заложены были черный портретъ и пачка мелко-исписанныхъ листиковъ розовой почтовой бумаги. Пока Бэтси проворно прятала ее въ кармашекъ, я взглянулъ на произведеніе искуства. Сходство было, но сходство утрированное, близкое къ карикатурѣ; молодыя лица рѣдко удаются и хорошимъ художникамъ—юношескія черты слишкомъ слитны, оттѣнки слишкомъ тонки, цѣлое черезчуръ неопредѣленно даже для опытной руки...

— Медальонъ у васъ? дайте сюда! шепнула Бэтси. Она судорожно скомкала его въ ту же газетную бумагу и опустила въ кармашекъ.

Крупныя слезы медленно и беззвучно покатились у нея по щекамъ, она схватила чайное полотенце, смочила его изъ графина и начала торопливо прикладывать къ лицу и глазамъ, передергивая плечами...

— Ну, теперь какъ будто легче стало! проговорила она, болѣзненно улыбаясь,—по крайней мѣрѣ знаешь, что между нами всему конецъ!...

— То-то же! поддакнулъ я,—вы только подумайте Бэтси: достоинъ ли онъ васъ послѣ этого?

Я остался въ чайной, чтобы не привлекать ничьего любопытства; мнѣ видно было издали, какъ Бэтси подсѣла къ артисту и тихо говорила ему что-то, раза два

Библиотека "Руниверс"

она засмѣялась даже, но рѣзкіе переходы отъ волненіи къ притворной холодности не прошли ей даромъ: щеки ея лихорадочно горѣли, глаза точно искрились, смѣхъ выходилъ неестественный—и когда наконецъ господинъ Куприкъ откланялся, Бэтси пошатнулась въ дверяхъ, провожая его въ переднюю...

Врачи душевныхъ боѣзней поймутъ, если я скажу, что почувствовалъ нѣкоторое уваженіе къ такой силѣ, уцѣлѣвшей въ бѣдномъ ребенкѣ послѣ невообразимаго сумбура, которымъ напичкали ему голову родня, знакомые и книжонки. Я до того близко принималъ къ сердцу все случившееся, что, долго не видя возвращенія Бэтси въ гостиную, сталъ бояться, какъ бы она не уронила себя напослѣдокъ какой нибудь выходкой передъ мальчишкой. Хорошо зная расположеніе дома M-me Прыгуновой, я обошелъ изъ чайной другими комнатами въ переднюю, прислуга возилась приготовляя ужинъ и не обратила на меня вниманія. Вѣроятно по этому случаю и передняя была пуста. Я уже хотѣлъ вернуться, какъ вдругъ мнѣ пахнуло въ ноги холодомъ снадворья—и я замѣтилъ, что наружныя стеклянныя двери отворены.

Не давая обѣ отчета въ смутномъ предчувствіи, я выбѣжалъ на крыльцо—и остолбенѣлъ...

Тамъ, на десятиградусномъ морозѣ, прислонясь къ каменной стѣнѣ, въ своемъ легкомъ сѣренькомъ платьицѣ и передничкѣ, стояла Бэтси, неподвижно глядя въ отворенные ворота—одна, подъ мелкими звѣздинками вьющагося сверху снѣга...

— Какъ вамъ не стыдно! крикнулъ я, схвативъ ее руку.

Бэтси вырвалась, истерически смѣясь побѣжала по ступенькамъ внизъ и по двору въ рыхлыхъ снѣжныхъ колеяхъ... Что еслибъ кто нибудь изъ моихъ паціентовъ невзначай увидѣлъ, какъ я, во фракѣ, безъ шляпы, гонялся по двору за сумасбродной дѣвочкой?—картина вышла бы поучительная. Мнѣ въ первый разъ еще осязательно ясно представилось, какъ жалка, смѣшна и безполезна роль такъ-называемыхъ *спасителей*... Но дѣлать нечего—надо было поймать бѣглянку...

Бэтси раза два со смѣхомъ увертывалась отъ меня какъ въ горѣлкахъ, наконецъ поскользнулась и упала мнѣ прямо на руки...

— Вы убьете себя! въ ужасѣ проговорилъ я, подхвативъ ее какъ ребенка, и понесъ домой.

— Да, да! рыдала она у меня на плечѣ,—умереть... умереть... самое лучшее теперь....

Въ передней намъ прямо навстрѣчу попалась востроносая гостья съ обѣими дочерьми, выходившая въ сопровожденіи самой Марьи Ивановны...

— Что? что такое? испуганно обступили онѣ насъ.

— Бэтси немного... дурно сдѣлалось... я хотѣлъ освѣжить ее... вольнымъ воздухомъ, путался я мысленно посылая ихъ въ преисподнюю...

— Ахъ, Боже мой, какъ можно такъ рисковать!. прошипѣла зоркая старушка,—долго ли на вѣкъ простудиться!..

— Неправда!.... неправда!... внѣ себя закричала Бэтси,—онъ тутъ ни при чемъ.... Я одна виновата... Мнѣ теперь все ровно... я любила князя—онъ меня бросилъ... Для меня все кончено... Смотрите, смѣйтесь—что хотите—какое мнѣ дѣло!.. Если *онъ*... *онъ*.. не понялъ, ктожъ меня пойметъ?!.. И не надо!.. не надо!..

Бэтси схватилась за голову и побѣжала къ себѣ наверхъ.

Пассажъ выходилъ изъ рукъ вонъ плохой. Надо было спасти приличія во что бы то ни стало.

— Я боюсь, не начинается ли у нея горячка, сказалъ я, серіозно глядя на дамъ,—она просто бредитъ... Сейчасъ увѣряла меня, что она невѣста князя Монморанси, который былъ казенъ при Людовикѣ XIII...

— Охъ, романы, романы!.. протянула подозрительная гостья и поспѣшила уѣхать изъ зараженнаго дома, какъ она потомъ разсказывала.

Богъ знаетъ, насколько она мнѣ повѣрила.

Увы! я самъ еще не зналъ, какая правда заключалась въ моихъ словахъ. Къ счастью, M-me Прыгунова перепугалась еще пуще гостей и уговорила меня остаться при больной.

Къ утру Бэтси уже металась въ сильнѣйшей горячкѣ...

— Ради Бога, докторъ, что все это значитъ? говорила добрѣйшая Марья Ивановна, ломая руки.

Меня зло взяло.

— То и значитъ сударыня, съ сердцемъ отвѣтилъ я, — что мы всѣмъ можемъ интересоваться — и театромъ, и французской политикой, и городскими сплетнями—одного только не хотимъ знать: что дѣлается у насъ въ домѣ съ собственными дочерьми!...

(Продолженіе будетъ).

Литературный альбомъ.

„Русалка" А. С. Пушкина.

«Русалка» принадлежитъ къ числу немногихъ недоконченныхъ произведеній великаго поэта, явившихся въ печати уже по смерти автора. Біографъ Пушкина говоритъ, что зимою 1832—33 года она уже хранилась въ портфели почти совсѣмъ обдѣланною.

Рѣдкое пониманіе отечественной исторіи, которою почти исключительно занимался поэтъ въ послѣдніе 6—7 лѣтъ своей жизни, отразилось и въ этомъ высокомъ творенін, какъ бы живописующемъ домашнюю обстановку русскихъ князей удѣльнаго періода и народный бытъ со всѣми его повѣрьями, остатками языческой религіи предковъ. Обращеніе къ народности въ поэзіи составляетъ одну изъ величайшихъ заслугъ безсмертнаго писателя,—тѣмъ болѣе, что онъ жилъ и творилъ въ такую эпоху, когда корифеи литературы считали народную рѣчь «подлою» т. е. низкою, недостойною занимать мѣсто въ изящной словесности. По силѣ же и выразительности чисто-русскихъ оборотовъ «Русалка» мало имѣетъ себѣ подобнаго даже у Пушкина и можетъ сравниться развѣ только съ «Борисомъ Годуновымъ».

Позволимъ себѣ въ краткихъ чертахъ напомнить читателямъ содержаніе прилагаемаго рисунка.

Дѣйствіе происходитъ на мельницѣ, надъ Днѣпромъ, въ стольномъ городѣ земли русской. Красавица-дочка стараго мельника тоскуетъ о своемъ миломъ князѣ, который прежде то и дѣло ѣздилъ на мельницу, а теперь уже нѣсколько дней не видать его... Старикъ-мельникъ уговариваетъ дочку:

Охъ, то-то всѣ вы, дѣвки молодыя,
Всѣ глупы вы! Ужь если подвернулся
Къ вамъ человѣкъ завидный, непростой,
Такъ должно вамъ себѣ его упрочить,
А чѣмъ? Разумнымъ, честнымъ поведеньемъ,
Заманивать то строгостью, то лаской;
Порою исподволь, обиняком
О свадьбѣ заговаривать, а пуще
Беречь свою дѣвическую честь—
Безцѣнное сокровище; она—
Что слово—разъ упустишь не воротишь.
А коли нѣтъ на сватьбу ужь надежды,
То все таки по крайней мѣрѣ можно
Какой нибудь барышъ себѣ, иль пользу
Роднымъ да выгадать; подумать надо:
«Не вѣчно жъ будетъ онъ меня любить
И баловать меня».

Библиотека "Руниверс"

Русалка. Оригинальный рисунокъ Коверзнева, грав. Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

Является желанный князь; мельникъ, униженно предлагая ему приготовить угощенье, оставляетъ его наединѣ съ дочкой. Ласковый князь начинаетъ съ признанья своей любѣ, что онъ носитъ въ сердцѣ тяжелую печаль, и затѣмъ постепенно приготовляетъ ее къ предстоящей разлукѣ...

Она.

Постой, теперь я понимаю все:
Ты женишься? *(князь молчитъ)* Ты женишься?

Князь.

Что дѣлать!
Сама ты разсуди. Князья не вольны
Какъ дѣвицы: не по сердцу они
Себѣ подругъ берутъ, а по разсчетамъ
Иныхъ людей, для выгоды чужой...
Твою печаль утѣшитъ Богъ и время!
Не забывай меня! Возьми на память
Повязку—дай тебѣ я самъ надѣну.
Еще привезъ съ собою ожерелье,
Возьми его. Да вотъ еще: отцу
Я это посулилъ—отдай ему!
(даетъ ей въ руки мѣшокъ съ золотомъ)

Затѣмъ прощается навсегда; пораженная, убитая горемъ дѣвушка хочетъ наговориться съ нимъ въ послѣдній разъ—языкъ и мысли не повинуются ей.

Она.

Постой, тебѣ сказать должна я...
Не помню что.

Князь

Припомни.

Она.

Для тебя
Я все готова... Нѣтъ, не то... Постой...
Нельзя, чтобы навѣки, въ самомъ дѣлѣ,
Меня ты могъ покинуть!..

Вотъ этотъ-то моментъ и изображенъ бойкимъ карандашемъ г. Коверзнева.

Слѣдуетъ заключительная сцена между отцомъ и дочерью; старый скряга дрожитъ при видѣ золота и радуется, что совѣты его пошли впрокъ. Дочь сначала равнодушно слушаетъ его, какъ бы оглушенная поразившимъ ее ударомъ, потомъ мало по малу безысходное горе просится наружу и разражается цѣлымъ градомъ упрековъ совратителю:

Да бишь, забыла я: тебѣ отдать
Велѣлъ онъ это серебро за то,
Что былъ хорошъ ты до него, что дочку
За нимъ пускалъ таскаться, что ее
Держалъ не строго... Въ прокъ тебѣ пойдетъ
Моя погибель!

Мельникъ.

До чего я дожилъ!
Что Богъ привелъ услышать!
. . . . . .

Дочь.

Охъ, душно!
Холодная змѣя мнѣ шею давитъ...
Змѣею подколодной онъ меня—
Не жемчугомъ опуталъ... *(Рветъ съ себя жемчугъ).*
Такъ бы я
Разорвала тебя, змѣю-злодѣйку,
Проклятую разлучницу мою!

Мельникъ.

Ты бредишь; право, бредишь!

Дочь *(снимаетъ съ себя повязку).*

Вотъ вѣнецъ мой,
Вѣнецъ позорный! Вотъ чѣмъ насъ вѣнчалъ
Лукавый врагъ, когда я отреклася
Ото всего, чѣмъ прежде дорожила!
Мы развѣнчались. Сгинь ты, мой вѣнецъ!
(Бросаетъ повязку въ Днѣпръ).
Теперь все кончено!..
(Бросается въ рѣку).

Нужно ли напоминать читателю дальнѣйшій ходъ драмы: живое изображеніе сватьбы князя съ молодой княжною, при всей древнерусской обстановкѣ поѣзжанъ, сватовъ и свахъ; внезапное появленіе русалки на брачномъ пиру и слабый ревнивый крикъ ея при взаимномъ поцѣлуѣ молодыхъ... Затѣмъ отчаяніе новобрачной, которую часто покидаетъ скучающій князь для какихъ-то невѣдомыхъ отлучекъ... Высоко-художественная сцена русалокъ на берегу Днѣпра и разговоръ бывшей мельничихи, а теперь властительницы воднаго царства, съ ея дочерью русалочкой, съ которой она шлетъ поклонъ тоскующему князю... Его появленіе на берегу Днѣпра, куда его влечетъ таинственная сила, встрѣчу съ помѣшаннымъ мельникомъ, который воображаетъ, что онъ *здѣшній* воронъ... и наконецъ выходъ русалочки...

На вопросѣ изумленнаго князя: «откуда ты, прелестное дитя?» твореніе великаго поэта обрывается; но постепенное развитіе дѣйствія приводитъ къ мысли, что драма должна была закончиться такъ же какъ ея блестящее музыкальное возсозданіе Дорогомыжскимъ—опера «Русалка»—окончательнымъ возвращеніемъ князя къ памяти о первой любви и соединеніемъ съ нею въ холодныхъ волнахъ Днѣпра.

Переливаніе человѣческой и овечьей крови человѣку.

Трансфузія, т.-е. переливаніе крови здороваго человѣка въ вену больнаго, съ цѣлью спасти послѣднему жизнь или возстановить его силы, есть счастливая мысль XVII столѣтія.

Магнусъ Пегеліусъ, докторъ медицины и профессоръ въ Ростокѣ, впервые высказалъ эту мысль около 1660 года. *Андреасъ Либовіусъ*, докторъ медицины въ *Кобургѣ*, подробнѣе описалъ способъ выполненія этой мысли, совѣтуя переливать черезъ серебряныя трубки кровь изъ вскрытой артеріи въ какую нибудь вену другаго человѣка. Въ силу только-что высказанныхъ мыслей, *Кларкъ* и *Геншавъ* въ 1664 г. производили многочисленные, но неудачные опыты переливанія крови животнымъ, и лишь *Ричарду Ловеру* удалось въ 1666 г. перелить кровь изъ артеріи одной собаки въ вену другой собаки, а 23-го ноября 1667 г. онъ производилъ въ первый разъ переливаніе живому человѣку съ полнымъ успѣхомъ.

Во Франціи, *Жанъ Денисъ* (Jean Denis) и *Эммерэ* (Emmerez) въ Парижѣ въ 1667 г. производили первыя переливанія животнымъ, а 15 іюня того же года они сдѣлали переливаніе одной парализованной женщинѣ такимъ образомъ, что во вскрытую вену послѣдней заставляли втекать чрезъ серебряныя трубки кровь прямо изъ шейной артеріи овцы. Несмотря на счастливые исходы этихъ операцій, несмотря на то, что д-ру *Кингу*, удалось въ ноябрѣ 1667 г. произвести два раза переливанія овечьей крови одному «дураку», согласившемуся за пару монетъ подвергнуться этой операціи, безъ всякаго вреда для здоровья послѣдняго,—трансфузія тѣмъ не менѣе не избѣгла какъ въ Англіи, такъ и во Франціи ожесточенныхъ нападковъ со стороны завистливыхъ, недоброжелательныхъ и «боящихся пота» врачей, вслѣдствіе чего она потеряла кредитъ и въ средѣ остальной публики, присоединившейся къ противникамъ—разумѣется безсознательно, въ силу извинительнаго невѣдѣнія.

Въ Германіи *Балтазаръ* изъ *Кюстрина и Готфридъ Пурманнъ* сдѣлали въ 1668 г. первые опыты переливанія овечьей крови одному скорбутическому и одному прокаженному солдатамъ.

Въ Италіи экспериментами трансфузіи занимались: Фракассати, Кассини, Рива, Манфредусъ и другіе въ 1667 и 1668 гг.

Всѣ эти опыты переливанія сдѣланы были съ овечьей кровью надъ людьми съ довольно благопріятнымъ результатомъ. Но и въ Германіи и Италіи тѣ же враждебные элементы, что и во Франціи и Англіи, помѣшали дальнѣйшей разработкѣ «вопроса о переливаніи». Нуженъ былъ импульсъ, котораго именно и недоставало. Мало по малу вопросъ этотъ, благодаря «гробовому молчанію», перешелъ въ полное забвеніе.

Только въ началѣ нашего столѣтія *Гуфеланды*, отецъ и сынъ, и копенгагенскій врачъ *Павелъ Шеле* предложили трансфузію какъ терапевтическую мѣру въ особенности при опасныхъ кровотеченіяхъ; къ нимъ присоединился *К. Фр. Грэфе*, устроившій даже аппаратъ для переливанія крови съ одной руки въ другую; аппаратъ этотъ описанъ былъ его ученикомъ *Голфертомъ* въ 1819 г. Съ этого времени была произведена масса опытовъ переливанія надъ животными, которые привели къ тому повидимому важному правилу, что: «необходимо брать для трансфузіи кровь животныхъ, одного и того же вида, такъ какъ у различныхъ видовъ животныхъ находятся неодинаковой величины кровяныя тѣльца, которыя въ чужомъ организмѣ могутъ закупорить узкіе волосные сосуды легкихъ и этимъ путемъ вызвать въ нихъ нагноеніе, а затѣмъ и смертельное «гнилостное отравленіе». Прямымъ слѣдствіемъ изъ этого правила является необходимость, при операціи

Библиотека "Руниверс"

трансфузіи надъ людьми употреблять кровь только съ человѣка, вопреки прежнимъ удачнымъ опытамъ съ овечьей кровью.

Это была однако, какъ мы послѣ докажемъ, ошибка имѣвшая дурныя послѣдствія для разрѣшенія вопроса о трансфузіи.

Послѣ того какъ это повидимому важное положеніе такъ окончательно установилось, превосходный физіологъ и акушеръ въ Гаевскомъ госпиталѣ въ *Лондонѣ*, (Guy's hospital) *Джемсъ Блюндль* въ 1818 году, послѣ того какъ ему однажды пришлось, какъ врачу, быть пассивнымъ зрителемъ истеченія кровію молодой, крѣпкой женщины послѣ тяжелыхъ родовъ, испробовалъ трансфузію надъ однимъ мущиной, который вслѣдствіе «рака желудка», отказывался отъ всякой пищи, и отъ истощенія лежалъ уже при послѣднемъ издыханіи. Проба эта, для которой присутствовавшіе врачи пожертвовали своею кровію, добытой путемъ обычной веносекціи, удалась до того успѣшно, что уже лишившійся было рѣчи больной могъ громко и радостно воскликнуть: «я чувствую себя теперь гораздо лучше и менѣе истощеннымъ!» Само собою разумѣется, что впослѣдствіи больной умеръ отъ своей неизлечимой раковой болѣзни; тѣмъ не менѣе однако жизнь была удержана,—хотя для больнаго выигрышъ отъ этого былъ не большой! Эта операція трансфузіи, кромѣ того, что для нея была въ первый разъ употреблена человѣческая кровь, еще тѣмъ замѣчательна, что при ней въ первый разъ употребленъ былъ *шприцъ* для переливанія выпущенной крови во вскрытую вену. Съ того самаго времени вплоть до послѣдняго шприцъ употребляли для трансфузіи почти исключительно.

Неутомимый *Джемсъ Блюндль* былъ также первымъ, примѣнившимъ трансфузію у одной родильницы, чуть не лишившейся жизни вслѣдствіе кровотеченій, въ сентябрѣ 1825 г. въ практикѣ знакомаго д-ра съ самымъ блестящимъ результатомъ. Съ того времени (1825) до сей поры трансфузія примѣнена была въ 120 случаяхъ истеченій кровію отъ родовъ или иныхъ причинъ.

Изъ этого числа 86 случаевъ имѣли благопріятный исходъ, остальные протекли неблагопріятно. Если подумать о томъ, что эти 120 истекавшихъ кровію людей безъ трансфузіи безусловно должны были бы умереть, и что изъ этихъ 120 лицъ 86-ти, обреченнымъ на смерть, удалось буквально возвратить жизнь и здоровье въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, то нельзя будетъ не признать за этимъ терапевтическимъ средствомъ огромной важности, въ силу чего оно заслуживаетъ величайшаго вниманія.

Однако не въ однихъ только случаяхъ истеченія кровью дѣлаютъ трансфузію,—къ ней прибѣгаютъ также во всѣхъ случаяхъ острыхъ отравленій, гдѣ ядъ уже перешелъ въ массу крови и гдѣ прежде приходилось врачу безнадежно опустить руки; таковы случаи отравленія опіемъ, морфіемъ, стрихниномъ и проч., случаи отравленія окисью углерода (угаръ), простаго задушенія или удавленія. Въ 10 случаяхъ подобнаго рода испытана была т. наз. *деплеторная трансфузія*, т. е. опорожненіе отравленной крови путемъ вскрытія артерій съ послѣдующимъ впрыскиваніемъ здоровой крови, однако только въ 3 случаяхъ послѣдовало выздоровленіе.

Само собою разумѣется, что безпрерывно прогрессирующая наука задаетъ себѣ вопросъ: отчего же не всѣ истекающіе кровью и не всѣ отравленные и удушенные угольнымъ чадомъ могутъ быть спасаемы?

Почти всѣ врачи объясняли это тѣмъ, что для трансфузіи употребляется кровь выпускаемая, какъ извѣстно, изъ венъ, т. е. кровь темная, бѣдная кислородомъ, кровь уже сдѣлавшаяся почти негодною для питанія тѣла. Они пришли къ тому заключенію, что такъ какъ артеріальной крови здоровыхъ людей употреблять нельзя, вслѣдствіе чрезвычайной опасности артеріотоміи (вскрытія артерій); то необходимо венозную кровь *артеріализировать*, слѣдовательно *дефибринировать*, т. е. ввести въ кровь атмосферическій кислородъ, отъ чего она дѣлается яркокрасной и при этомъ освобождается отъ фибринороднаго вещества. Противъ этого высказались *Дэй*, *Дегранжъ*, *Шницъ* и профессоръ *Мартенъ* въ Берлинѣ, утверждая, что отъ взбиванія *) кровь болѣе или менѣе быстро теряетъ свою физіологическую силу и что такая артеріализированная кровь именно и вредна. И въ самомъ дѣлѣ, за исключеніемъ 36 случаевъ, 79 случаевъ имѣли смертельный исходъ. Несмотря на это однако приверженцы дефебринаціи оставались при своемъ мнѣніи. Въ такомъ положеніи стоялъ вопросъ о трансфузіи, пока въ сентябрѣ 1868 г. д-ръ *Францъ Гезелліусъ* въ С.-Петербургѣ, не выступилъ противъ всѣхъ своимъ сочиненіемъ подъ заглавіемъ: «Капиллярная кровь — недефибринированная — для трансфузіи». Въ то же время имъ представленъ былъ новый аппаратъ для трансфузіи, какъ простой, такъ и деплеторной. Съ обнародованіемъ этого сочиненія, вопросъ о трансфузіи повидимому вступилъ въ новую фазу. Авторъ первый неопровержимымъ образомъ доказалъ, что трансфузія можетъ не только продолжить жизнь одряхлѣвшихъ стариковъ и старухъ, рѣшить вопросъ о томъ, есть ли данный субъектъ мнимо или дѣйствительно умершій, но что она можетъ служить также могущественный союзницей трахеотоміи (горлосѣченіе) въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ эта операція уже не можетъ принести пользы, вслѣдствіе отравленія крови.

Въ частности имъ были развиты слѣдующія положенія: 1) не говоря уже о томъ, что венозная кровь представляетъ собою дурную малопитательную кровь,—ее въ минуту опасности весьма трудно если не совсѣмъ нельзя добыть отъ здороваго человѣка, такъ какъ кровопусканіе во всякомъ случаѣ операція не совсѣмъ безопасная и ея не безъ основанія боятся; — 2) дефибринированіе, помимо того, что оно беретъ много времени, на основаніи данныхъ, представленныхъ профессоромъ *Мартиномъ* въ Берлинѣ, должно быть отвергнуто; — 3) при переливаніи крови посредствомъ шприца, хотя бы и *ни разу* не употребленнаго и слѣдовательно совершенно чистаго, иногда можно вогнать въ вену, если и не старые сгустки, то все же, даже при величайшей осторожности, пузырьки воздуха, что, какъ извѣстно, ведетъ за собою мгновенную смерть,—не говоря уже о томъ, что при энергическомъ впрыскиваніи крови посредствомъ шприца является опасность переполненія кровію праваго сердца. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній и употребленіе шприца не можетъ быть признано цѣлесообразнымъ.

Такимъ образомъ *д-ръ Гезелліусъ* отвергнулъ все то, что не представляетъ безусловной безопасности: кровопусканіе, венозную кровь, дефибринацію, шприцъ! «Трансфузія, говоритъ онъ, должна быть упрощена, совершенно безопасна, и нужно въ каждую данную минуту имѣть тотчасъ наготовѣ свѣжую человѣческую кровь. Разрѣшить удачно эту трудную задачу казалось дѣломъ весьма замысловатымъ.

Вмѣсто уже бывшей въ употребленіи, лишенной кислорода темной венозной крови, добываемой не иначе какъ вскрытіемъ венъ—операціей далеко не совсѣмъ безопасною—онъ бралъ богатую кислородомъ и всегда легко добываемую красную *капиллярную кровь*, т. е. кровь, находящуюся въ тонкихъ волосныхъ сосудахъ, которые составляютъ переходъ отъ артерій къ венамъ и въ несмѣтномъ количествѣ прорѣзываютъ всю поверхность нашего тѣла.

Для добыванія капиллярной крови имъ придуманъ былъ весьма остроумный конструкціи аппаратъ съ приспособленіемъ въ родѣ кровососной банки, для извлеченія капиллярной крови изъ спины здороваго человѣка. Но, къ сожалѣнію, *д-ру Гезелліусу* со временемъ пришлось сдѣлать то наблюденіе, что не у всѣхъ здоровыхъ людей можно извлечь изъ спины достаточное количество крови, именно minimum 4 унца, такъ какъ не всѣ люди одинаково богаты кровью, и это непріятное открытіе заставило его разочароваться въ своей геніальной идеѣ.

Однако смѣлый изслѣдователь, воодушевленный мыслію о великомъ значеніи трансфузіи, не устрашился подобныхъ неудачъ въ дѣлѣ разрѣшенія этого важнаго вопроса. Исходя изъ той мысли, что уже въ среднихъ вѣкахъ дѣлали людямъ трансфузію овечьей кровію, и нерѣдко съ успѣхомъ,—онъ началъ изучать всѣ старыя сочиненія, трактовавшія о трансфузіи овечьей крови, и наконецъ, поставилъ себѣ вопросъ: какая причина тому, что съ того времени отвергнута была трансфузія людямъ животной крови?

(Продолженіе будетъ).

*) Взбиваніе крови палочкой производится съ цѣлью привести ее въ лучшее соприкасаніе съ атмосферимъ кислородомъ.

Тулонскія галеры.

Какъ только вердиктъ, присуждающій преступника къ галерамъ («travaux forcés»), вступитъ въ свою законную силу, преступнику налагаютъ на руки и на ноги цѣпи—и въ сопровожденіи двухъ жандармовъ отправляютъ кратчайшимъ путемъ къ цѣли его назначенія. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ несчастные должны были еще по нѣскольку мѣсяцевъ томиться въ запасной тюрмѣ, пока не накоплялось извѣстнаго числа осужденныхъ, которыхъ гнали тогда по большимъ дорогамъ партіями человѣкъ во сто и болѣе. Такой порядокъ вещей господствовалъ въ свое время, во всей южной Европѣ. Стоитъ только вспомнить, какъ благородный рыцарь Донъ-Кихотъ Ламанчскій, освободилъ такую партію каторжниковъ. Въ настоящее время, благодаря желѣзнымъ дорогамъ, преступники немедленно доставляются къ мѣсту ихъ назначенія; такимъ образомъ устраняется множество матерьяльныхъ и нравственныхъ страданій, которымъ подвергались несчастные во время «chaîne», какъ назывались эти печальныя шествія.

Съ той минуты какъ преступникъ вступаетъ на галеры—онъ безусловно теряетъ всякую личность: его низводятъ на степень нумера. Это лишеніе гражданской индивидуальности имѣетъ для деликатныхъ натуръ (а даже и на галерахъ есть меньшинство, состоящее болѣе изъ несчастныхъ нежели виновныхъ людей) нѣчто особенно потрясающее и уничтожающее. Теперь-то судьба безповоротно произнесла свой приговоръ. Послѣдняя связь соединявшая осужденнаго съ человѣческимъ обществомъ—разорвана; съ этой минуты его жалкая жизнь—одинъ позоръ и страданіе.

Послѣ того какъ чиновникъ занесетъ въ журналъ требуемыя статьи, новаго пришлеца ведутъ къ цирюльнику, который брѣетъ ему голову и бороду. Житель южной Франціи, желая охарактеризовать невріятное безбородое лицо, говоритъ: «голъ какъ черепъ каторжника». Дѣйствительно, нельзя себѣ представить ничего противнѣе этихъ гладко выбритыхъ головъ; за неимѣніемъ естественнаго украшенія, каждая линія выступаетъ на нихъ рѣзко и

Библиотека "Руниверс"

угловато. Онѣ напоминаютъ лишенные растительности горные ландшафты, сѣрые контуры которыхъ глядятъ на насъ холодно и безрадостно, будто чувствуя себя на вѣки оскверненными святотатственной рукой, похитившей ихъ сосновые лѣса и дубровыя рощи.

По исполненіи этихъ вступительныхъ формальностей, преступника одѣваютъ въ костюмъ каторжника. Послѣдній состоитъ изъ рубашки небѣленнаго холста, желтыхъ панталонъ изъ толстой шерстяной матеріи, ярко-красной куртки изъ такой же матеріи, безъ пуговицъ и вообще безъ всякихъ украшеній, называемой на языкѣ каторжниковъ «Ic Mouy», холщеваго колпака и обитыхъ гвоздями башмаковъ.

Лѣтомъ желтые шерстяные панталоны замѣняются толстыми холщевыми.

Шапка бываетъ красная или зеленая,—красная для тѣхъ, кто черезъ долго ли коротко ли, можетъ надѣяться на освобожденіе; зеленыя для «пожизненно-каторжныхъ». Спереди на маленькой мѣдной дощечкѣ стоитъ нумеръ преступника.

Преступники скованы попарно. Эта операція производится слѣдующимъ образомъ.

Двухъ арестантовъ кладутъ другъ на друга; верхнему подымаютъ ногу такъ, чтобы колѣно образовало прямой уголъ съ тѣломъ; галерный кузнецъ надѣваетъ несчастному на щиколотку кольцо, такъ-называемую «*manille*», продѣваетъ сквозь него цѣпь, и спаиваетъ ее на стоящей тутъ же на надлежащемъ уровнѣ наковальнѣ. Скованъ такимъ образомъ двухъ преступниковъ на одну «*manille*», обѣ цѣпи спаиваются посредствомъ соединительнаго кольца, и сіамскіе близнецы готовы. Кожаный, извѣстнымъ образомъ приспособленный поясъ, застегнутый пряжкой, служитъ для прицѣпленія къ нему кандаловъ, что облегчаетъ ходьбу.

Преступники раздѣляются на три категоріи, именно, отдѣлъ «*petite fatigue*», (легкія работы), отдѣлъ «*grande fatigue*» (тяжелыя работы), и отдѣлъ «неисправимыхъ».

Обѣ первыя категоріи, какъ уже можно заключить по ихъ названію, ходятъ на работы; неисправимые же запираются на долгіе сроки въ ихъ нарахъ и только разъ въ двѣ недѣли выводятся на работы въ гавань. Впрочемъ длина цѣпи, которой они прикованы къ своему ужасному ложу, позволяетъ имъ вставать съ наръ и немножко пройтись взадъ и впередъ. Справедливость требуетъ такъ же сказать, что камеры, гдѣ содержатся эти несчастные, превосходно вентилируются, отчего здоровье ихъ не подвергается серіознымъ опасностямъ.

Остальные два класса выходятъ на работу лѣтомъ въ пять, зимою въ шесть часовъ. Сигналъ дается пушечнымъ выстрѣломъ, ему элегически отвѣчаетъ монотонный звонъ галернаго колокола, и по всѣмъ камерамъ проходитъ пронзительный свистокъ надсмотрщика. Черезъ пять минутъ, всѣ преступники на нарахъ, имъ подается завтракъ; черезъ слѣдующія пять минутъ ихъ уже выводятъ на арестантскій дворъ. Тутъ «*rondier*» посредствомъ тяжелаго молотка свидѣтельствуетъ цѣпи и манильи, въ удостовѣреніе что не ослабли за ночь. Затѣмъ преступники раздѣляются на партіи, человѣкъ по шестнадцати и по двадцати, и ведутся подъ карауломъ на работы. Каждая такая партія находится подъ начальствомъ такъ называемаго «*Garde-Chiourme*» (надсмотрщикъ каторжниковъ), которому должно оказываться безусловное повиновеніе. По прибытіи на мѣсто назначенія, арестанты перекликаются по нумерамъ: въ силу галернаго статута, они должны отвѣчать на вызовъ громкимъ отчетливымъ «здѣсь»!

Категорія «*petite fatigue*» работаетъ въ закрытыхъ отдѣленіяхъ гавани, въ магазинахъ, на корабляхъ или въ базарныхъ мастерскихъ; въ послѣднихъ работаютъ особенно привилегированные преступники, которымъ снимаютъ кандалы. Преступники класса «*petite fategue*» получаютъ поденную плату, въ размѣрѣ пяти, десяти, пятнадцати и двадцати сантимовъ, смотря по достоинству работы каждаго. Двѣ трети этого заработка сейчасъ же отдаются на руки арестантамъ: остальная треть поступаетъ въ вѣдѣніе галерной дирекціи. По истеченіи срока наказанія, половина сбереженной такимъ образомъ суммы передается выпускаемому на волю; другую половину отсылаютъ на его родину, откуда онъ можетъ получить ее послѣ извѣстнаго срока, опредѣляемаго сообразно съ тяжестью совершеннаго преступленія.

Категорія «*grande fatigue*» гребетъ на тяжелыхъ судахъ, передвигаетъ тяжелыя тачки, копаетъ рвы, тоскаетъ камни, вообще дѣлаетъ то, что французы называютъ «*les gros travaux*». При этомъ не берется въ расчетъ никакая погода. Подъ палящими лучами африканскаго солнца, въ жгучій зной, когда все живое прячется въ тѣнь, подъ ледянымъ дыханіемъ «*bise*», подъ проливными дождями, равно какъ при удушливыхъ несчастныхъ вихряхъ, постоянно должны они съ одинаковой стойкостью оставаться на своемъ постѣ и справлять свою тяжелую работу. При видѣ этихъ мрачныхъ, молчаливо работающихъ людей, изъ которыхъ большинство приговорено «*à perpetuité*» — на вѣчную каторгу, — невольно вспоминается знаменитый стихъ Гомера:

«И Сизифа видѣлъ я, терпящаго безмѣрныя муки»...

Каждый новый день приноситъ приговоренному на «вѣчную каторгу» тотъ же мучительный трудъ, то же безотрадное будущее. Сознаніе погибшей жизни неотступно грызетъ и терзаетъ душу, и только надежда, неоставляющая ни одного преступника, на какое нибудь особенное помилованіе, бросаетъ слабый лучъ свѣта въ это невообразимо жалкое существованіе.

Пища галерныхъ арестантовъ состоитъ преимущественно изъ хлѣба и овощей. Къ этому они получаютъ каждый день полулитра легкаго мѣстнаго вина. Арестантамъ, заслужившимъ особенное довѣріе и работающимъ за плату въ магазинахъ и мастерскихъ, позволяется покупать на свои деньги мясо, зелень, фрукты и т. п. но не иначе какъ у казеннаго поставщика и притомъ лишь на опредѣленную уставомъ сумму. Водка и табакъ не допускаются ни подъ какимъ видомъ.

Какъ только стемнѣетъ, раздается вечерній колоколъ, который возвѣщаетъ арестантамъ окончаніе казенныхъ работъ. Но въ зимніе мѣсяцы имъ дозволяется, до отхода ко сну, еще нѣсколько часовъ работы на себя.

Ровно въ восемь часовъ надсмотрщикъ свиститъ въ свой свистокъ, и черезъ пять минутъ всѣ арестанты лежатъ на нарахъ. Сѣрое одѣяло изъ самой грубой шерсти изображаетъ собой всю постель. Надсмотрщикъ подходитъ къ нарамъ съ длинной ночной цѣпью, которую онъ продѣваетъ черезъ кольца цѣпей каждаго арестанта и запираетъ большимъ висячимъ замкомъ на блокѣ, недоступнымъ для арестантовъ. Этимъ способомъ сцѣпляется по двадцать четыре человѣка. Вслѣдъ за окончаніемъ этой операціи, по камерамъ проносится во второй разъ оглушительный свистокъ: онъ означаетъ насупленіе ночнаго покоя. Никто не смѣетъ больше произнести звука или пошелохнуться съ мѣста. Утомленные тяжелымъ трудомъ, несчастные закрываютъ глаза и засыпаютъ скорѣе чѣмъ могъ бы предполагать психологъ. Но каковы-то сны, которые тревожатъ ихъ лишенные любви и свѣта души?

Надзоръ за галерными, какъ можно судить потому что нами разсказано, въ высшей степени строгъ и неумолимъ. Прежде строгость простиралась до того, что у дверей камеръ стояли заряженныя пушки. Въ новѣйшее время отмѣнили эту болѣе грубую чѣмъ практическую мѣру. Зато казармы окружены многочисленными караулами. Черезъ каждые два дня бываетъ генеральная инспекція. Если у арестанта найдутъ запрещенные предметы, особенно какіе нибудь инструменты, могущіе повредить кандалы и цѣпи, онъ немедленно подвергается тѣлесному наказанію—уставъ опредѣляетъ его въ «двадцать пять» ударовъ. Наказаніе это приводится въ исполненіе посредствомъ такъ вазываемой «*garette*». Это канатъ пропитанный дегтемъ. Виновнаго пристегиваютъ къ назначенной для этой цѣли «скамьѣ правосудія» (banc de justice) и заставляютъ его товарища по кандаламъ, держать несчастнаго во время экзекуціи.

Для предупрежденія могущихъ возникнуть между арестантами бунтовъ, администрація всегда имѣетъ изъ ихъ среды тайныхъ агентовъ, которымъ она платитъ жалованье. Но эти шпіоны, не смотря на матерьяльныя преимущества, доставляемыя имъ ихъ двухсмысленнымъ ремесломъ, несчастнѣе всѣхъ своихъ менѣе привилегированныхъ товарищей. Какъ скоро откроется что такой-то «измѣнникъ», на него обрушается ненависть всѣхъ галеръ, и никто не пропуститъ случая всячески ему напакостить. Ненависть эта краснорѣчиво подтверждается тѣмъ фактомъ, что почти половина этихъ «*Renards*», какъ ихъ называютъ, погибаетъ отъ несчастныхъ случаевъ на работахъ. То они падаютъ въ море, то бываютъ раздавлены балками, или что либо въ этомъ родѣ, и при этомъ никогда нельзя доказать злаго умысла со стороны ихъ товарищей.

За три мѣсяца до конца срока наказанія, арестантъ имѣетъ право начать отращивать волосы и бороду. Одежда его такъ же получаетъ нѣкоторыя измѣненія, вообще съ нимъ обходятся мягче и внимательнѣе. Онъ обязанъ заранѣе высказать свои планы, и опредѣлить мѣсто своего будущаго пребыванія. Въ этомъ отношеніи ему предоставляется полная свобода выбора: одинъ только Парижъ остается для него недоступнымъ еще на слѣдующіе два года, если нѣтъ какихъ нибудь особенныхъ обстоятельствъ, которые снимаютъ для него это запрещеніе.

Никогда время не тянулось для арестанта такъ долго, какъ эта послѣдняя четверть года. Онъ считаетъ дни, часы, съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ влюбленнаго, которому назначено первое свиданіе.

Каждое его движеніе, каждый взглядъ носитъ на себѣ отпечатокъ томительнаго ожиданія. Когда «*grande chiourme*» дѣлаетъ ему выговоръ или понукаетъ его работать, на губахъ его играетъ полу-насмѣшливая, полу-довольная улыбка, какъ будто онъ хочетъ сказать: «Погоди, братъ, придетъ времячко, что ужъ ты не посмѣешь мной командовать—и тогда»...

«Да... и тогда?.. Это-то и есть самый серіозный и вмѣстѣ съ тѣмъ самый тяжелый вопросъ. Не розовая будущность ожидаетъ выпущеннаго каторжника, и тернистый путь, на который онъ вступаетъ, часто снова приводитъ его назадъ въ жесткое, безотрадное рабство...

Когда пробьетъ часъ свободы, выпускаемому на волю отдаютъ заработанныя имъ во время каторги деньги, а такъ же снабжаютъ его приличной одеждой. Послѣ этого онъ получаетъ нужные документы. Подъ страхомъ возобновленія каторги, онъ обязанъ непремѣнно слѣдовать маршруту, прописанному въ его «*Congé*», и тотчасъ же по прибытіи намѣсто явиться къ мэру. Тамъ у него отбираютъ его дорожные документы и выдаютъ въ замѣнъ ихъ родъ билета на жительство. Онъ остается еще по крайней мѣрѣ годъ подъ надзоромъ полиціи, мѣра, къ сожалѣнію ведущая только къ тому, чтобы затруднить ему честное добываніе хлѣба. Понятно что всякій, развѣ ужъ въ самомъ крайнемъ случаѣ возьметъ къ

Библиотека "Руниверс"

себѣ на службу человѣка, къ которому во всякое время можетъ придти полиція. Результатомъ этой столько же нечеловѣчной сколько нелогичной опеки – не рѣдко бываетъ новое преступленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и окончательная гибель человѣка, который могъ бы быть спасенъ при болѣе гуманныхъ условіяхъ. И тутъ многое измѣнитъ время!

Исторія ядовитыхъ змѣй.

Подъ этимъ заглавіемъ, профессоръ медицинской коллегіи въ Калькуттѣ, Файреръ, выпустилъ въ свѣтъ весьма интересное сочиненіе, о которомъ знаменитый химикъ Дюма въ Парижѣ читалъ недавно докладъ въ Академіи Наукъ. Исторія эта едва ли возбудитъ въ комъ желаніе выбрать Остъ-Индію своимъ жительствомъ. Она заключаетъ въ себѣ именно печальную статистику смертныхъ случаевъ отъ укушенія змѣй.

Камчадалъ. Рис. Руссо, грав. Паннемакеръ.

Сочиненіе это относится только къ 1869 г. и къ слѣдующимъ восьми провинціямъ: бенгальской, сѣверо-западнымъ: Пендшабу, Ауду, центральнымъ провинціямъ, центральной Индіи, Байпутану, Британской Бирмѣ или Бурмѣ. Президентства Мадрасъ и Бомбей не включены въ означенную статистику.

Породы змѣй, укушеніе которыхъ смертельно, ограничиваются небольшимъ числомъ. Первое мѣсто между ними занимаетъ кобра, потомъ найтъ (*Bungarus caeruleus*), второе, гамадріасъ, дабоа, *Bugnarus fasciatus*, гидрофисъ. Если ядъ кобры или гамадріаса всосется въ кровь, нѣтъ почти никакой надежды спасти укушеннаго.

Въ 1869 г. въ 43 округахъ Бенгаліи умерло 6.219 человѣкъ отъ констатированныхъ случаевъ укушенія змѣй. Въ этомъ числѣ находилось 2,374 человѣка мужскаго пола старше 12 лѣтъ, 2,567 женщинъ, 663 мальчика и 606 дѣвочекъ, что въ общей сложности составляетъ сумму въ 3,037 лицъ мужскаго и 3182 женскаго пола.

Число констатированныхъ смертельныхъ случаевъ отъ укушенія змѣй, безъ обозначенія возраста и пола, въ другихъ провинціяхъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Бенгаліи 6,645; въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ 1,945; въ Пендшабѣ 755; въ Аудѣ 1,205; въ центральныхъ провинціяхъ 616; въ центральной Индіи 90; въ Бирмѣ 120. Итого 11,416.

По словамъ Файрера, число это, и безъ того значительное, далеко ниже истины. Еслибы полиціи въ точности были извѣстны

Библиотека "Руниверс"

всѣ смертные случаи отъ укушенія змѣй, то во всемъ Индостанѣ, сумма ихъ за годъ дошла бы до 20,000. Пространство на которомъ сдѣланы эти наблюденія обнимаетъ, приблизительно, не болѣе четверти Индостанскаго полуострова съ населеніемъ въ 120, 972, 263, душъ.

По мнѣнію нашего автора, змѣиный ядъ или вполнѣ парализируетъ нервные центры и причиняетъ такимъ образомъ смерть, или же только отчасти ослабляетъ ихъ и заражаетъ кровь. Естественно, что симптомы и важность ихъ весьма различны въ обоихъ случаяхъ.

Змѣиный ядъ вмѣстѣ съ тѣмъ—ядъ весьма раздражающій; касаясь уже одной слизистой оболочки, онъ возбуждаетъ сильное мѣстное воспаленіе. Какъ скоро ядъ всосался въ кровь, немедленно появляются симптомы общаго отравленія. Если укушенный остается живъ, раны и граничащія съ ними части подвергаются гніенію и производятъ гнилостное зараженіе крови. Ядъ измѣняетъ самую кровь, но авторъ не можетъ съ точностію опредѣлить перемѣны въ кровяныхъ шарикахъ и сывороткѣ крови.

Иногда всасываніе яда происходитъ необыкновенно быстро; это послужило даже поводомъ къ предположенію, что нѣкоторые яды дѣйствуютъ отраженіемъ на всю нервную систему. Но по нашему мнѣнію, гипотеза эта не выдерживаетъ критики. Ядъ достигаетъ нервныхъ центровъ, проникнувъ черезъ сосудистую систему.—Кровь остается жидкой, когда укушеніе сдѣлано дабоа, и тотчасъ же густѣетъ послѣ укушенія кобры.

Профессоръ Файреръ послалъ нѣсколько пробъ ядовъ лондонскому химику Генри Армстронгу. Заключавшійся въ маленькихъ флаконахъ ядъ, состоялъ изъ коричневатаго, сиропистаго вещества. Когда флаконы открыли, изъ нихъ пошелъ газъ. Анализъ показалъ, что ядъ кобры состоитъ въ жидкости, содержащей бѣлковину; но дальше этого ничего не было открыто. Высланный изъ Остъ-Индіи ядъ разумѣется измѣнился, но сила его сохранилась. Сиропистое вещество, влажное, высушенное и смѣшанное съ алкоголемъ, дѣйствовало на животныхъ, во всѣхъ трехъ видахъ, совершенно такъ же какъ самый ядъ. На основаніи химическаго анализа и огромной силы распространенія яда, невольно останавливаешься на заключеніи, что яды должны приближаться собственно къ ферментамъ (дрожжамъ), что уже положительно доказано въ отношеніи оспеннаго яда.

Дюма замѣчаетъ, что на этотъ вопросъ можно бы было пролить свѣтъ, начавъ съ опытовъ надъ ядомъ гадюки. Этотъ превосходный химикъ самъ еще раньше занимался этимъ вопросомъ, но опыты его были прерваны обстоятельствами. Во всякомъ случаѣ изученіе этого предмета представило бы большой интересъ какъ для физіологіи такъ и для терапіи.

«Ничто не говоритъ противъ того,» справедливо выражается Дюма, «чтобы этотъ страшный ядъ не могъ быть обращенъ въ полезное цѣлебное средство благоразумнымъ, постепеннымъ примѣненіемъ его въ извѣстныхъ случаяхъ; точно также ничѣмъ не доказано, чтобы систематическое изученіе не привело наконецъ къ открытію противуядія противъ него». При настоящемъ состояніи науки, можно съ довѣріемъ положиться на такіе опыты экспериментальной химіи.

Балъ въ Константинополѣ.

Въ столицѣ Высокой Порты произошло нѣчто небывалое еще съ тѣхъ поръ какъ въ ней развѣвается знамя пророка—въ Константинополѣ былъ балъ. Въ домѣ персидскаго посланника раздавалась гяурская музыка, и мужчины и женщины невѣрныхъ кружились подъ звуки западныхъ танцевъ. Персидскій посланникъ, Мосхинъ Ханъ, пошелъ наперекоръ общему предразсудку, разумѣется получивъ на это торжественное позволеніе своего повелителя. Дворецъ персидскаго посланника—прекрасное, обширное зданіе, будто нарочно созданное для танцовъ и увеселеній. Въ немъ нѣтъ почти никакихъ восточныхъ украшеній; обои, ковры, занавѣсы, все убранство—произведенія западныхъ фабрикъ. Если бы не своеобразность костюмовъ, составлявшихъ странный контрастъ съ остальной обстановкой, легко бы можно было представить себя въ любомъ салонѣ Парижа, Вѣны, Берлина. Гостей принималъ Мосхинъ Ханъ и его секретарь, затѣмъ они были представляемы супругѣ нашего посланника генерала Игнатьева, которая играла роль хозяйки. Мосхинъ Ханъ женатъ, но восточные нравы запрещаютъ его женѣ присутствовать на празднествахъ, къ величайшему огорченію обитательницъ гарема. Веселые звуки бальной музыки, долетавшіе до нихъ, причиняли имъ муки Тантала. Великій визирь, министръ иностранныхъ дѣлъ, военный министръ и группы турецкихъ офицеровъ вмѣшивались въ толпу гостей, болтали съ знакомыми. Нѣсколько персидскихъ купцовъ, въ ихъ простомъ костюмѣ рѣзко выдѣлялись среди блестящихъ мундировъ и роскошныхъ дамскихъ туалетовъ. Корпулентные мусульмане, увлеченные баломъ, дѣлали комическія попытки танцовать. Одинъ бомбейскій купецъ, съ необыкновенно объемистымъ брюшкомъ, въ своемъ шелковомъ тюрбанѣ и безконечно широкихъ шароварахъ, выкидывалъ непостижимыя штуки въ котильонѣ. Уже занялось утро, а оркестръ все еще игралъ, и мусульмане и христіане кружились въ вихрѣ танцевъ. Кто знакомъ съ обычаями востока, тотъ увидитъ въ этомъ балѣ значительный переворотъ въ понятіяхъ, вошедшихъ въ плоть и кровь народа. Уже одно присутствіе великаго визиря, который конечно не могъ бы быть на праздникѣ безъ позволенія на то султана, имѣетъ огромное значеніе.

Народы Россіи.

XVII. Камчадалы.

Въ Тихомъ океанѣ, омываемый Камчатскимъ и Охотскимъ морями, лежитъ громадный полуостровъ—теперь послѣдняя грань Русскихъ владѣній на Востокѣ. Въ исторіи колонизаціи Сибири этотъ край играетъ немаловажную роль, представляя собою арену, на которой съ полною безнаказанностію и звѣрствомъ еще столѣтіе тому назадъ разыгрывались страшныя сцены порабощенія и поземельныхъ захватовъ. Камчатка вынесла на себѣ всѣ ужасы этой борьбы, усложненной еще мужествомъ ея исконныхъ обитателей и непримиримою ненавистью ихъ къ смѣлымъ предводителямъ первыхъ казачьихъ шаекъ, обрушившихся на это когда-то многочисленное и смѣлое племя.

Первый русскій, ступившій на Камчатскую землю, былъ Федоръ Алексѣевъ—торговый человѣкъ, занесенный сюда бурею. Камчадалы, принявшіе его сподвижниковъ за духовъ, располагавшихъ громомъ и молніей, быстро увѣрились въ ихъ земномъ происхожденіи. Одинъ изъ прикащиковъ, бывшихъ въ этой партіи, зарѣзалъ на глазахъ у дикарей своего товарища. Это событіе навело ихъ на мысль истребить всѣхъ русскихъ, что они тотчасъ же и привели въ исполненіе. Собственно, первымъ покорителемъ камчатки является казакъ Атласовъ—цѣльный типъ грабителя—колонизатора вносившаго огонь и убійство въ захватываемую имъ страну. Нужно сказать правду, враги стоили другъ друга. Вдали отъ административныхъ центровъ казаки и государевы прикащики дѣлали съ камчадалами все, что имъ было угодно. Ихъ затравливали на охотахъ, сжигали живьемъ, топили въ рѣкахъ. Не ограничиваясь этимъ, казаки и между собою жили далеко не мирно. Не признавая даже номинально отдаленной власти, каждая партія колонизаторовъ считала Камчатку своей страною. Казачьи пятидесятники воевали другъ съ другомъ, брали другъ у друга острожки, вѣшали другъ друга, считая себя воюющей стороною. Присылаемые правительствомъ ревизоры начинали прямо съ грабежа и своихъ и чужихъ. Покоряемые, преслѣдуемые Камчадалы отличались такою неукротимой свирѣпостью, такою энергіей отчаянія, какую едва-ли встрѣтишь и у прославленныхъ дикарей Сѣверной Америки. Двѣ расы здѣсь боролись на жизнь и на смерть, до тѣхъ поръ пока въ концѣ прошлаго столѣтія центральная власть не положила предѣла этой кровавой эпопеѣ захватовъ, битвъ и грабежа. Тогда же смирились и Камчадалы, согласившись уплачивать ясачную дань Россіи соболями, бобрами, выдрами, лисицами и др. мѣхами.

Камчатка, особенно же Камчатскій югъ—прелестный край. Проѣзжайте его лѣтомъ—и васъ поразитъ могучая красота сибирской природы, причудливые очерки горныхъ вершинъ, словно потонувшихъ въ безоблачной лазури ослѣпительно сіяющаго неба, сжатыя отвѣсными и утесистыми берегами бурливыя рѣченки, мирныя идиллическія озера, окруженныя зеленѣющими пажитями или цѣпями мягко очерченныхъ, не представляющихъ ни одной рѣзкой линіи, холмовъ. А эти чудные лѣса!.. какіе лѣса—цѣлыя царства лѣсовъ, гдѣ вѣчно царитъ суровая, настраивающая душу на самоуглубленіе и созерцаніе тишина и тѣнь... А эти конусообразныя сопки, еще до сихъ поръ выбрасывающія черные клубы дыма надъ мирными долинами и тихими берегами—откуда въ недосягаемую даль тянется подавляющій просторъ великаго, въ самомъ покоѣ своемъ—божественно-грознаго, океана...

Камчатка—край, который при широкой производительности могъ бы не нуждаться въ промышленной опекѣ своей метрополіи. Царство животныхъ этого полуострова безгранично. Камчатская лисица—лучше остальныхъ сибирскихъ лисицъ. Чернобурыя здѣсь встрѣчаются чаще чѣмъ даже въ привольныхъ пустыняхъ Приамурскаго простора. Камчадалы промышляютъ ихъ отравою, клепцами и стрѣльбою изъ луковъ. Челибуха примѣшанная къ мясу или рыбѣ—почти мгновенно умерщвляетъ лисицу. До покоренія Камчатки казаками и слѣдовательно до начала правильныхъ промысловъ за лисицами, послѣднія отнюдь не пугались присутствія

Библиотека "Руниверс"

человѣка. Камчадалы въ случаѣ нужды били ихъ палками, что впрочемъ случалось рѣдко, потому что дикари собачій мѣхъ предпочитали лисьему. Камчатскій соболь крупнѣе и пышнѣе всѣхъ остальныхъ сибирскихъ соболей. Какъ мало цѣнили ихъ первоначальные властители полуострова—видно изъ того, что, отдавая за топоръ до 20 хорошихъ шкурокъ, камчадалы смѣялись надъ казаками какъ надъ круглыми невѣждами. Они считали годнымъ къ употребленію только мясо соболя, а мѣхъ его или выбрасывали, или если и цѣнили—то гораздо ниже собачьяго. Соболей въ настоящее время они ловятъ обметами (сѣтями) и стрѣляютъ ихъ изъ луковъ. Мѣха песцовъ и зайцевъ цѣнятся весьма дешево и потому ихъ бьютъ только при случаѣ, никогда не снаряжая для этого особеннаго промысла. Пищухи, горностаи, ласки, тарбагаганы добываются здѣсь во множествѣ. Мѣха россомахъ пріобрѣтаются ими для собственнаго употребленія. Калашниковъ и Крашенинниковъ, изслѣдовавшіе нѣкогда Камчатку, сообщаютъ о медвѣдяхъ ея весьма оригинальный фактъ: «сіе достойно примѣчанія, говоритъ послѣдній, что тамошніе медвѣди не дѣлаютъ вреда женскому полу, такъ что въ лѣтнее время берутъ съ ними вмѣстѣ ягоды и ходятъ около ихъ какъ дворовый скотъ, одна имъ отъ медвѣдей и то не всегдашняя обида, что отнимаютъ они у бабъ набранныя ими ягоды.» По всей вѣроятности, теперь медвѣди потеряли эту рыцарскую вѣжливость къ прекрасному полу, потому что въ позднѣйшихъ источникахъ мы уже не встрѣчали указаній на такое великодушіе лѣсныхъ жантильомовъ Камчатки. Медвѣдей Камчадалы бьютъ изъ луковъ, изъ ружей, преимущественно подымая ихъ въ берлогахъ или убивая у морскихъ береговъ, куда промышляемый звѣрь направляется лѣтомъ для рыбной ловли. Дикари полуострова особенно дорожатъ волчьими мѣхами, которые у нихъ въ большой чести. Оленей и дико-каменныхъ барановъ бьютъ изъ ружей и стрѣлами. Замѣчательно, что для Камчадала полевая мышь является однимъ изъ полезнѣйшихъ животныхъ. Въ ея норахъ они отыскиваютъ значительные запасы сараны, кедровыхъ орѣховъ и питательныхъ корней, высоко цѣнимыхъ ими. Но самое дорогое животное для дикаря—это его собака. Она здѣсь играетъ ту же роль какую олень для самоѣда (см. №№ Нивы 2, 3 и 4, за 1872 г.). Она доставляетъ Камчадалу одежду, она же служитъ для него и средствомъ передвиженія. Объ этомъ вѣрномъ другѣ камчатскаго номада будетъ еще сказано ниже.

Кромѣ этого Камчадалы занимаются главнымъ образомъ рыболовствомъ и боемъ морскихъ звѣрей, которые Беринговымъ проливомъ заходятъ сюда изъ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Короче, Камчадалъ ведетъ трудовую и дѣятельную жизнь, изрѣдка только озаряемую свѣтлыми для него моментами разгула и обще-народныхъ празднествъ.

Царство растительное—здѣсь также богато. Лѣтомъ вся Камчатка съ конца въ конецъ представляетъ одну зеленѣющую поверхность. Глазъ удивляется то могучимъ формамъ лѣсныхъ великановъ, то яркости и аромату луговыхъ цвѣтовъ, то неизвѣстнымъ и причудливымъ растеніямъ, заткавшимъ всѣ просвѣты между деревьями, вершины которыхъ тамъ и сямъ раскидываютъ надъ одинокими тропинками свои величавые и тѣнистые шатры. Вдоль уединенныхъ бухтъ Охотскаго моря, глубоко врѣзавшихся въ матерую землю, неподвижно рисуются на голубомъ фонѣ вѣчно яснаго лѣтняго неба громадные тополи и лиственницы, напоминая сердцу случайнаго странника счастливый край безсмѣнной весны, далекую, теплую родину, оставленную имъ для скитальчества въ глуши чужихъ морей и холодныхъ пустынь Сѣвера. Разумѣется, зимою этотъ заманчивый край является во всемъ своемъ суровомъ величіи. Ледяныя оковы погружаютъ его въ летаргію—и только одна пурга, словно полновластный хозяинъ, реветъ и воетъ по всему этому простору, празднуя торжество полярнаго мороза надъ жизнью, свѣтомъ и бескомъ природы.

Камчадалы—далеко не привлекательны. Представьте себѣ неуклюжаго, малорослаго, смуглаго и скуластаго дикаря съ подозрительно бѣгающими глазами, цѣпкими и тонкими руками, словно крадущеюся походкой, во всякомъ движеніи котораго такъ и сквозитъ раболѣпство и лукавство. Къ этому же необходимо прибавить, что они почти никогда не моются и обладаютъ какимъ-то особеннымъ, только имъ однимъ свойственнымъ, запахомъ перегнившей рыбы. Женщины ихъ особенно противны. Тутъ нечистоплотность достигаетъ своего апогея. Это просто ходячіе звѣринцы—и понятенъ ужасъ одного американца, которому пришлось провести нѣсколько дней между этими изящными представительницами прекраснаго пола.

Камчадалы живутъ острожками. Въ каждомъ острожкѣ поселяется по нѣскольку семействъ; прежде, въ первыя времена завоеванія полуострова, эти поселки укрѣплялись валомъ или палисадникомъ, какъ это и до сихъ поръ еще дѣлаютъ осѣдлые коряки. Острожки состоятъ изъ земляныхъ зимнихъ юртъ и изъ лѣтнихъ балагановъ. Для первыхъ выкапываютъ землю аршина на два въ глубину. По серединѣ ямы ставятъ четыре толстые столба и вершины ихъ соединяютъ съ краями ямы накатникомъ. Въ этой куполообразной крышѣ оставляютъ отверстіе, служащее и окномъ и дверью и трубою. Кровля покрываются землею и дерномъ, такъ что съ наружи такое жилье похожа на холмъ—и только подымающійся отъ вершины его дымокъ указываетъ на мѣстопребываніе убогой семьи полудикаго камчадала. Внутри — юрта представляетъ правильный четыреугольникъ. У одной изъ стѣнъ его устраивается очагъ, къ которому въ видѣ норы идетъ выводъ съ наружи. Цѣль этаго отверстія—доставить внѣшнему воздуху возможность выгнать дымъ изъ землянки въ окно, устроенное въ центрѣ ея кровли. На нарахъ внутри жилья спитъ семейство на рогожахъ или на шкурахъ упромышленныхъ имъ звѣрей. Изъ землянки выходятъ по лѣстницамъ въ то же окно, откуда идетъ и дымъ. Во время топленія очага непривычному весьма трудно бываетъ проникнуть въ юрту или выйдти изъ нея. Часто одна юрта устраивается на нѣсколько семействъ, но каждое изъ послѣднихъ имѣетъ непремѣнно свой отдѣльный балаганъ. Эти балаганы служатъ одновременно и амбарами для съѣстныхъ припасовъ и жильемъ. Они устраиваются высоко отъ земли на крѣпкихъ столбахъ, на которыхъ дѣлаютъ помостъ устиласмый травою, а надъ помостомъ треугольникомъ воздвигаютъ кровлю, служащую одновременно и стѣнами неприхотливаго воздушнаго шалаша.

На непривычнаго путешественника производятъ странное впечатлѣніе эти юрты и особенно балаганы. Послѣдніе часто попадаются и въ безлюдныхъ урочищахъ, тамъ гдѣ только разъ въ годъ Камчадалъ ловитъ рыбу или устанавливаетъ охотничью станцію для звѣриныхъ промысловъ. Въ этихъ помѣщеніяхъ до зимы оставляется предварительно высушенная добыча промысловъ.

Такіе поселки устраиваются Камчадалами преимущественно по островамъ въ густыхъ тальникахъ, при этомъ выборъ окрестностей обнаруживаетъ въ дикарѣ тонкое пониманіе красоты окружающей его природы. Всякій острожекъ ту рѣку, на которой онъ стоитъ, считаетъ своимъ неотъемлемымъ владѣніемъ. Если нѣсколько семей захотятъ выдѣлиться изъ общаго поселка, то онѣ устраиваютъ свои юрты и лѣтовья непремѣнно по этой же рѣкѣ. Отсюда можно заключить, что рѣкою и окрестнымъ райономъ владѣетъ одинъ родъ, отнюдь не смѣшиваясь съ другими. Камчадалы по этому поводу разсказываютъ, что ихъ прародитель Кутъ на каждой рѣкѣ жилъ по два года, оставивъ повсюду дѣтей и отдавъ имъ занимаемыя ими мѣста въ нераздѣльное пользованіе. Домашняя утварь Камчадала весьма проста. Нѣсколько чашъ, корыто, берестяные чуманы—вотъ и все. Себѣ и собакамъ ѣсть они варятъ въ однихъ и тѣхъ же посудинахъ, да и ѣдятъ вмѣстѣ съ животными, не стѣсняясь.

Нѣсколько лодокъ и сани дополняютъ хозяйство Камчадала. Лодки бываютъ двухъ образцовъ: у однихъ носъ выше кормы и бока пологи, у другихъ носъ и корма одинаковой высоты. Первые употребляются для плаванія по рѣкамъ, вторыя исключительно предназначаются для моря.

Занятія Камчадаловъ опредѣляются временами года. Лѣтомъ они ловятъ и сушатъ рыбу, собираютъ разныя коренья, ягоды и мухоморы; осенью они продолжаютъ рыболовство, бьютъ птицъ, гусей, лебедей, утокъ, заготовляютъ лѣсъ; зимою охотятся за соболемъ и лисицею, плетутъ сѣти для рыбы, дѣлаютъ санки, перевозятъ запасы изъ лѣтнихъ промысловыхъ шалашей въ свои юртовья. Весною—начинаются морскіе звѣриные промысла, ловля бобровъ. Всѣ эти работы строго распредѣлены между мужчинами и женщинами: первые бьютъ и ловятъ звѣря, вторыя занимаются его приготовленіемъ. Первые строютъ юрты и балаганы — вторыя шьютъ платья.

Коряки—могутъ считаться законодателями моды для всего Сѣвера и Востока Сибири. До знакомства съ ними, Камчадалы просто носили на тѣлѣ собачьи и лисьи шкуры, но подъ вліяніемъ первыхъ они стали одѣваться въ куклянки—мѣховые мѣшки шерстью внизъ и въ парки—такіе же мѣшки мѣхомъ въ верхъ. Подолы куклянки обшиваются арабесками изъ разныхъ лоскутьевъ сукна. Иногда сукно замѣняется подборами, т. е. кускомъ замши, разшитымъ разными шелками. Женщины отличаются только своего обувью которая у нихъ длиннѣе. Это тѣ же пимы, которыя употребляются и самоѣдами Архангельской и остяками Тобольской губерній.

Камчадальскія дамы носили прежде шиньоны, которые вѣроятно позаимствованы отъ нихъ нашими Европейскими. Къ несчастію, онѣ давно бросили эти тяжелые и некрасивые колтуны, предоставивъ ихъ въ исключительное пользованіе нашимъ красавицамъ. Какъ и послѣднія, онѣ употребляютъ бѣлила и румяна, замѣняя первые порошкомъ гнилаго дерева, а вторыя какою-то морскою травою. Какъ видите, идеалы красоты одинаковы и для дикарки Камчадальскаго юртовья и для красавицы нашего европейскаго міра. Разница только въ средствахъ и матеріалахъ.

Пища Камчадаловъ состоитъ главнымъ образомъ изъ *юколы*, приготовляемой изъ всѣхъ рыбъ рода лососей. Каждую рыбу они дѣлятъ на шесть частей. Бока съ хвостомъ сушатъ на воздухѣ, спинки и тешки приготовляютъ особенно. Головы квасятъ въ ямахъ, пока весь хрящъ покраснѣетъ—и несмотря на страшную вонь, ѣдятъ ихъ какъ лакомство. Остающееся на костяхъ мясо снимаютъ, сушатъ и толкутъ для примѣси къ вареву, а кости заготовляютъ для собакъ. Затѣмъ слѣдуетъ рыбья икра, которая сушится и вмѣстѣ съ корою ивы и березы употребляются въ пищу во время промысловъ и охотъ. Мясо и жиръ тюленя, моржа и др. морскаго звѣря они также ѣдятъ, приготовляя его съ разными кореньями и травами. Ягоды и сараиа (корни лилейныхъ) дополняютъ ихъ неприхотливое menu. Пьютъ они настойку мухомора, о которомъ будетъ сказано ниже.

Способы передвиженія Камчадаламъ даютъ собаки. Къ ѣздѣ изъ послѣднихъ назначаются только кладеныя, причемъ въ каждые сани запрягается ихъ по четыре цугомъ—двѣ впереди и двѣ по-

Библиотека "Руниверс"

зади. Такая четверка собакъ называется нартою. Ѣзда эта не особенно удобна. Нужно держаться въ саняхъ какъ можно крѣпче и сохранять равновѣсіе. Собаки не останавливаются. Ѣздокъ упавшій изъ саней не остановить ихъ крикомъ. Придется идти пѣшкомъ до того пункта, гдѣ онѣ лягутъ отъ утомленія. Особенно опасны путешествія по Камчаткѣ зимою во время сильныхъ бурь. Собаки въ это время теряютъ чутье и силы;—и если вблизи нѣтъ лѣса подъ защитою котораго могъ бы укрыться путникъ—ему грозить неминуемая гибель. Сколько разъ въ глуши этого полуострова отыскивались трупы людей, заваленныхъ снѣговыми сугробами посреди безлюднаго и мертваго простора!...

Миѳологія Камчадаловъ весьма немногосложна. Первый человѣкъ — Кутха сотворилъ землю изъ своего сына — Сымскалинъ, котораго родила жена Илькхумъ, гуляя съ нимъ по морю. До сотворенія земли Кутха жилъ на небѣ. Поселившись въ Камчаткѣ, онъ имѣлъ двухъ дѣтей: сына Тыжилъ-Кутху и дочь Сидуку. Кутху былъ ужасно глупъ. Онъ не умѣлъ ловить рыбы, почему вмѣстѣ съ дѣтьми питался древесною корою. Когда изъ Камчатки онъ отправился странствовать, то подъ тяжестію его тѣла гнулась земля, отчего и образовались горы и долины. Тыжилъ-Кутху пошелъ дальше своего отца. Онъ научился дѣлать сѣти изъ крапивы и ловить рыбу. Онъ же сотворилъ звѣрей и птицъ и поручилъ ихъ Пилучаю или Пилячучѣ. Пилячучъ—едва замѣтенъ, такъ онъ малъ ростомъ. Онъ живетъ въ облакахъ—и часто, напившись настоя изъ мухомора (амброзія — Грековъ?), ниспосылаетъ на землю сдуру громъ и молнію. Онъ ѣздитъ въ саняхъ на куропаткахъ и отличается своимъ роскошнымъ платьемъ. Какъ уже выше замѣчено, Камчадалы своего бога и прародителя, своего Адама - Кутху—считаютъ дуракомъ большой руки. Они ему не молятся, смѣются надъ нимъ, ругаютъ его, разсказывая о немъ анекдоты самаго неприличнаго свойства. Выше всѣхъ боговъ и духовъ — невѣдомый Богъ—Дустехтичь. Знаменуя его, они ставятъ ему среди тундръ и гладей столбы, близь которыхъ приносятъ въ жертву Дустехтичу хвосты отъ рыбъ и разные негодные остатки отъ своихъ съѣстныхъ припасовъ. Въ окрестности этихъ столбовъ они не рвутъ ягодъ, не бьютъ ни птицы ни звѣря. Въ огнедышащихъ горахъ живутъ злые боги — бѣсы (Камули); въ дремучихъ лѣсахъ царятъ духи—Ушахчу, жены ихъ носятъ дѣтей приросшими къ спинѣ; въ морѣ живетъ богъ Митчъ—большая рыба, царица всѣхъ рыбъ и океана. Подъ землею есть другой свѣтъ, другое небо, другая земля. Наша земля только изнанка того неба. Тамъ царитъ Гаечь и туда-то послѣ смерти переселяются люди, животныя, птицы, насѣкомые и рыбы. Никто не умираетъ. Даже и муха воскреснетъ на томъ свѣтѣ. Работать и тамъ придется такъ же какъ и здѣсь: ловить рыбу, бить звѣря, собирать ягоды, напиваться настоемъ мухомора. Когда у насъ зима — на томъ свѣтѣ лѣто, и обратно. Бѣдные здѣсь будутъ богатыми тамъ, а богатые станутъ нищими. Гаечь, принимая умершихъ, наблюдаетъ слѣдующій порядокъ: кто къ нему является въ богатой куклянкѣ, хорошихъ саняхъ и на крѣпкихъ собакахъ—тому онъ даетъ лохмотье, скверные разбитые сани и дрянныхъ замореннихъ собакъ. Разумѣется, бѣднякамъ все это отпускается въ лучшемъ видѣ. На томъ свѣтѣ нѣтъ бурь, пурги и снѣгу. Суевѣріе ихъ нелѣпы до безобразія. Убійство, самоубійство, прелюбодѣяніе и тому подобное — они вовсе не считаютъ грѣхами. Напротивъ, смертный грѣхъ вытащить утопающаго изъ воды, потому что въ такомъ случаѣ спасителю грозитъ одинаковая участь. Грѣшно такъ же пить горячую воду или мыться въ ней, всходить на огнедышащія горы, драться надъ кислой рыбой; таковы были ихъ суевѣрія. Не смотря на номинальное обращеніе въ христіанство, старыя вѣрованія и досихъ поръ незыблемы въ умахъ камчадаловъ. Они и теперь приносятъ въ жертву огню собольи и лисьи норки, заговариваютъ китовъ и медвѣдей, ставятъ столбы невѣдомому богу и держатъ въ своихъ землянкахъ идоловъ, грубо сдѣланныхъ изъ камня и дерева. Нынче въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Камчатки эти дикари уже отрекаются отъ старыхъ заблужденій, хотя школы устроенныя для ихъ дѣтей (еще въ прошломъ столѣтіи) приносятъ весьма незначительную пользу этому убогому племени.

У камчадаловъ всякая баба непремѣнно—колдунья. Они упражняются и въ шаманствѣ. Но въ Нивѣ за 1871 годъ были помѣщены такія обстоятельныя статьи о шаманствѣ сибирскихъ народовъ, что повторять здѣсь уже достаточно подробно изложенныя данныя—по меньшей мѣрѣ безполезно.

Во время праздниковъ и пировъ Камчадалы пьютъ настой изъ мухомора, или высушивъ этотъ грибъ глотаютъ его цѣликомъ. Вслѣдъ затѣмъ почти тотчасъ же наступаетъ опьяненіе, это тотъ же гашишъ мусульманскихъ народовъ. Русскіе казаки, употреблявшіе это снадобье разсказываютъ о немъ самыя удивительныя вещи. Такъ, имъ *мухоморъ приказывалъ* удавиться, зарѣзаться, и его приказаніе непремѣнно было бы исполнено ими, еслибы не товарищи, во-время останавливавшіе расходившихся пьяницъ. Другому казаку почудился адъ и геена огненная, причемъ тотъ же *мухоморъ приказалъ* ему исповѣдаться, что онъ и началъ вслухъ на потѣху хохотавшихъ собесѣдниковъ, выложивъ имъ все сокровенная. Коряки и чукчи ѣдятъ мухоморъ, когда собираются кого нибудь убить или рѣшиться на опасное предпріятіе.

На своихъ пирахъ камчадалы такъ же и поютъ. Пѣсни ихъ однообразны, хотя ихъ ритмъ и мотивы не лишены своей пріятности. Пѣсни, преимущественно любовнаго содержанія, сочиняются ихъ дѣвушками и женщинами. Вотъ, напримѣръ, образчикъ одной:

«Я потерялъ жену свою и душу, съ печали пойду въ лѣсъ, буду сдирать кору съ дерева и ѣсть, послѣ того встану по утру, погоню утку Аангичь съ земли на море и стану поглядывать во всѣ стороны: не найду ли гдѣ любезной моего сердца!..» Камчадалы отличается необыкновенною подражательностію. Достаточно ему разъ увидѣть васъ, чтобы онъ воспроизвелъ въ совершенствѣ вашъ голосъ, движенія, манеры, походку и смѣхъ.

(Окончаніе будетъ).

САМАРА.

Самара, губернскій городъ Самарской губерніи, находится подъ 53° 11′ с. ш. и 67° 45′ в. д., въ 1801 верстѣ отъ Петербурга и 1103 верстахъ отъ Москвы. Городъ этотъ расположенъ по склону лѣваго берега Волги при впаденіи въ нее рѣки Самары, противъ Жигулевскихъ горъ. Мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о времени построенія Самары; бывшіе сильные пожары въ 1700 и 1765 годовъ уничтожили всѣ архивные документы. Несомнѣнно, что онъ уже существовалъ въ 1586 году. Существуетъ преданіе, что Самара построена вскорѣ послѣ взятія Казани, и что св. митрополитъ Алексѣй, во время своего священства (1355 г.) проѣзжая по Волгѣ въ Золотую Орду къ царю Вердевьеру для испрошенія Россіи мира, посѣтилъ это мѣсто и предсказалъ о возникновеніи здѣсь большаго города. Въ то время при самарскомъ устьѣ росъ густой лѣсъ, а въ немъ жилъ отшельникъ, давшій первое названіе рѣкѣ Самарѣ, которое и было подтверждено святителемъ. Неизвѣстно, насколько вѣрно это преданіе, но жители имѣютъ къ нему большую вѣру—и въ воспоминаніе его построена на берегу Волги каменная часовня, гдѣ передъ иконою Спасителя горитъ неугасимая лампада.

Первоначальное значеніе Самары было чисто стратегическое; она служила оплотомъ противъ воровскихъ казачьихъ шаекъ на Волгѣ и народовъ кочевавшихъ въ волжскихъ степяхъ. Такъ какъ за рѣкой Самарой лѣтомъ кочевали калмыки, а по сю сторону, неподалеку отъ рѣки Самары были башкирскія дачи, и оба эти народа дѣлали частыя нападенія на городъ,—то на горѣ, при рѣкѣ Самарѣ, стояла земляная крѣпость, окруженная глубокимъ рвомъ; въ концѣ ея возвышалась большая башня обведенная рубленою стѣною съ башнями, а позади ея рогатки; здѣсь жили служилые и жалованые люди. Остатки вала бывшей крѣпости сохранились и понынѣ въ сѣверо-восточной части города. Въ исторіи упоминаются слѣдующіе факты относящіеся до Самары: виды Заруцкаго на Самару въ 1613 году, неудачное нападеніе калмыковъ въ 1639 г. и разореніе Самары разбойникомъ Стенькой Разинымъ въ 1670 году. Стенька Разинъ подошелъ къ самарской крѣпости и разными льстивыми обѣщаніями сманивъ жителей и гарнизонъ на свою сторону, разграбилъ государеву казну, умертвилъ воеводу Ивана Анфитова и всѣхъ кто отказался оказывать ему повиновеніе. По устроеніи оренбургскаго края въ XVIII столѣтіи Самара обратилась въ мирное поселеніе и сдѣлалась одним изъ главныхъ торговыхъ пунктовъ на Волгѣ. Въ 1708 г. Самара была приписана къ Казанской губерніи; въ 1717 перешла къ Астраханской, въ 1764 г. состояла въ симбирской провинціи Казанской губерніи, въ 1773 г. передала въ вѣдомство Оренбургскаго губерніи, въ 1780 г. назначена уѣзднымъ городомъ Симбирскаго намѣстничества, переименованнаго въ 1796 г. въ губернію, въ коей и оставалась до 1851 г., а въ этомъ году, при образованіи новой Самарской губерніи, назначена губернскимъ городомъ.

Выгодное географическое положеніе Самары, въ луговой хлѣбороднѣйшей части приволжскаго края, сдѣлало изъ нея одинъ изъ значительнѣйшихъ въ Россіи рынковъ по торговлѣ хлѣбомъ, скотомъ и саломъ. Находясь въ безлѣсной странѣ, она служитъ обширнымъ складочнымъ мѣстомъ лѣса и лѣсныхъ матеріаловъ; кромѣ того, она имѣетъ значеніе перевалочнаго пункта для илецкой соли и товаровъ, идущихъ изъ Хивы, Бухары и Ташкента въ Россію и обратно.

Въ Самарѣ двѣ пристани, на которыхъ и производятся главные обороты самарской торговли. Одна пристань на Волгѣ, другая на рѣкѣ Самарѣ недалеко отъ впаденія ея въ Волгу. При сліяніи этихъ двухъ рѣкъ построены хлѣбные магазины, изъ которыхъ отпускаются хлѣбные товары на суда предназначенныя грузиться въ устьѣ Самары, не имѣющей столь быстраго теченія какъ Волга. Кромѣ того, съѣзды къ рѣкѣ Самарѣ положе, вслѣдствіе чего гужевая подвозка товаровъ къ пристани значительно удобнѣе. Волжская пристань тянется вдоль всего берега Волги. Ближе къ устью становятся суда грузящіяся и приходящія съ грузомъ; далѣе идутъ пароходныя пристани разныхъ компаній; за ними тянется лѣсная пристань, у которой сосредоточивается лѣсная торговля. Самарская лѣсная пристань считается одной изъ значи-

Библиотека "Руниверс"

Общій видъ города Самары. Съ акварели проф. Боголюбова Рис. Космаковъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

тельнѣйшихъ пристаней такого рода по всему низовью Волги. Лѣсъ гонится сюда черезъ Вятку и Каму изъ Вятской и Казанской губерній. Центральнымъ мѣстомъ считаютъ такъ-называемый Вислый Камень. Отсюда вправо и влѣво берега загромождены различными лѣсными матеріалами, а также готовыми срубами. Самое оживленное мѣсто, въ лѣтнее время, это бурлацкій базаръ; тутъ съ утра до ночи толпится народъ, привлекамый сюда множествомъ лавчонокъ и навѣсовъ съ жизненными припасами и разными необходимыми предметами житейскаго обихода. Здѣсь также останавливаются лодки съ съѣстными припасами и преимущественно съ посудой; послѣднія распродаются большею частію безъ разгрузки; на нѣкоторыхъ же лодкахъ производится розничная продажа, такъ что онѣ представляютъ изъ себя какъ бы плавучія лавки.

Изъ всѣхъ низовыхъ приволжскихъ городовъ, ни одинъ не можетъ по удобству своей пристани сравняться съ Самарой. Даже по спадѣ воды, Волга имѣетъ здѣсь постоянно весьма значительную глубину; а во время полноводья, суда большихъ размѣровъ подходятъ къ самымъ магазинамъ, и такимъ образомъ нагружаются по мѣрѣ прибыли воды. Отпускная торговля Самары заключается преимущественно въ произведеніяхъ самарскаго края; изъ нихъ продукты земледѣлія, то есть хлѣбъ и льняное сѣмя, и скотоводства: сало, кожи, шерсть и пр.—занимаютъ самое видное мѣсто. Какъ процвѣтаетъ здѣсь земледѣліе можно судить изъ того, что въ городѣ болѣе 250 семействъ занимаются хлѣбопашествомъ на нанимаемыхъ ими казенныхъ земляхъ, одна арендная плата за которыя простирается до 170,000 рублей въ годъ. Кромѣ того до 70 семействъ занимается садоводствомъ, приносящимъ также большія выгоды. Малаконскій фруктовый садъ, принадлежащій мѣщанину Грачеву, даетъ дохода отъ однихъ яблокъ до 6,000 руб. въ годъ.

Торговое значеніе Самара получила еще въ XVII столѣтіи, когда черезъ нея установился путь изъ Москвы на Уралъ. Безъ сомнѣнія, значеніе это увеличится, если осуществится предполагаемая желѣзная дорога изъ Самары къ Оренбургу и черезъ Пензу путь къ Московско-Воронежской дорогѣ. Это значительно оживитъ самарскую торговлю, которой теперь много препятствуетъ неимѣніе хорошихъ путей сообщенія, которые могли бы связать ее съ одной стороны съ нашими отдаленными азіатскими владѣніями, съ другой—со внутренними губерніями.

По своему внѣшнему виду, Самара больше походитъ на большую деревню, но благоустроенную. Улицы и площади не мощены, но правильны и широки, дома небольшіе и большей частью деревянные. Въ 1852 г., то есть вскорѣ послѣ назначенія Самары губернскимъ городомъ, въ ней считалось 19,892 чел. жителей; по свѣдѣніямъ за 1869 годъ, число жителей дошло до 34,494, слѣдовательно въ теченіи 17 лѣтъ населеніе города почти удвоилось. Въ городѣ находится теперь 13 православныхъ церквей, 1 единовѣрческая, 1 протестантская, еврейскій молитвенный домъ и школа, и кромѣ того мужской монастырь и женская община. Изъ церквей древнѣйшія: во имя Казанской Божіей Матери, называемая также старымъ соборомъ, построена въ 1744 г.; церковь во имя Благовѣщенія Пресвятой Богородицы, основана въ 1785 г.; церковь во имя св. митрополита Алексѣя, построена въ память пребыванія святителя. Въ городѣ есть деревянный театръ, къ которому примыкаетъ городской общественный садъ. Учебныя заведенія: гимназія существующая съ 1856 г. и при ней землемѣро-таксаторскіе классы, уѣздное и 2 приходскихъ мужскихъ училища, женскія училища 1 и 2 разряд. и 2 приходскихъ, духовная семинарія и уѣздное училище; публичная библіотека, на содержаніе которой отпускается изъ городскихъ суммъ 1000 руб. въ годъ. Городская больница, богодѣльня, тюрьма. Въ городѣ четыре площади; изъ нихъ на Алексѣевской, считающейся центромъ города, помѣщаются гостинницы, разныя лавки и магазины, а на Троицкой собираются два раза въ недѣлю базары, особенно оживленные въ зимнее время. Въ 1861 г. открыта въ Самарѣ телеграфная станція. На Казанской улицѣ расположенъ обширный и тѣнистый, такъ-называемый Струковскій садъ. Онъ служитъ самарскимъ жителямъ убѣжищемъ отъ лѣтняго зноя. Тамъ бываетъ музыка и танцы, и на лѣто устраивается кабинетъ для чтенія. Кромѣ того вверхъ по Волгѣ, на *Висломъ Камнѣ*—мѣстности возвышенной, получившей такое названіе, потому что оно какъ бы нависло шатромъ надъ берегомъ, расположена дача Анаева съ садомъ, служащимъ и мѣстомъ для прогулокъ. Близь города находится кумысо-лечебное заведеніе, основанное докторомъ Постниковымъ.

Въ Самарѣ бываетъ въ году 3 ярмарки: сборная съ понедѣльника 3-ей недѣли великаго поста въ теченіи 15 дней; казанская съ 8 іюля въ теченіи 12 дней и воздвиженская съ 14 сентября въ теченіи двухъ недѣль. Обороты ихъ весьма значительны.

Судебная хроника.

Запутанное дѣло въ Подольской губерніи. — Дѣло объ оставленіи крестьянина Артамонова въ опасномъ мѣстѣ, послѣдствіемъ чего была смерть этого крестьянина.—Крестьянинъ Трифоновъ, обвинявшійся въ истязаніи своего роднаго сына.—Дѣло крестьянина Брюхачева съ предсѣдателемъ и членами Малмыжской уѣздной земской управы.

Въ Каменецъ-Подольской губерніи, сообщаютъ газеты, производится весьма запутанное и оригинальное дѣло, начало котораго относится еще къ прошлому столѣтію. Въ 1787 году, богатый подольскій помѣщикъ, графъ Потоцкій, въ ознаменованіе посѣщенія его королемъ Станиславомъ-Августомъ, освободилъ отъ крѣпостной зависимости и отъ нѣкоторыхъ повинностей все населеніе мѣстечка Тульчина и его предмѣстій. За порывомъ великодушія слѣдовало охлажденіе, особенно со стороны наслѣдниковъ графа. Крестьяне были снова закрѣпощены и внесены въ ревизскія сказки. Отсюда возникъ процессъ, и черезъ 37 лѣтъ по освобожденіи, закрѣпощенные признаны были Государственнымъ Совѣтомъ свободными. Но этимъ дѣло не кончилось: возникъ вопросъ о томъ, кого именно считать освобожденнымъ и кто не долженъ быть освобожденъ. И въ этотъ разъ дѣло доходило до Сената, который, наконецъ, въ 1841 году рѣшилъ его въ пользу освобожденія въ нисходящей линіи 60 семействъ, оспариваемыхъ помѣщикомъ. Но исполненіе указа Сената и тутъ встрѣтило на мѣстѣ разныя затрудненія, такъ что Сенатъ еще разъ разсматривалъ дѣло это въ 1851 году и снова призналъ тульчинскихъ жителей свободными. Тогда явился новый процессъ о вознагражденіи неправильно закрѣпощенныхъ за лишеніе свободы, за пользованіе ихъ трудомъ и разныя истязанія, а такъ же за сдачу въ рекруты; но тутъ представился юридическій вопросъ: какъ оцѣнить стоимость закрѣпощенія? Основываясь на одной статьѣ закона, по которой помѣщикъ за передержательство чужаго бѣглаго крестьянина долженъ былъ платить владѣльцу его за каждое лицо мужскаго пола 60 р., а за женщину 30 р. въ годъ, истцы вычислили сумму вознагражденія въ 400,000 рублей, которые и были присуждены закрѣпощеннымъ Брацлавскимъ уѣзднымъ судомъ. Между тѣмъ наслѣдники закрѣпощенныхъ переуступили свои права по иску дворянамъ Чайковскимъ, и уже эти послѣдніе стали требовать вознагражденія за закрѣпощеніе и истязанія бывшихъ тульчинскихъ жителей. Въ настоящее же время дѣло ведутъ не сами Чайковскіе, а ихъ наслѣдники, и уже не противъ Потоцкаго, а противъ преемницы его правъ — графини Строгоновой. Общая сумма иска выведена, вмѣстѣ съ наросшими процентами, въ 800 тысячъ рублей, изъ которыхъ на долю нынѣшнихъ истцовъ причитается 440,000 рублей.

Во Владимірскомъ окружномъ судѣ разбиралось недавно дѣло, интересное не столько по личности подсудимыхъ или по существу своему, сколько по самому поводу къ обвиненію, весьма рѣдко встрѣчающемуся въ нашей судебной практикѣ. Крестьянинъ Артамоновъ, глухонѣмой отъ рожденія, въ одну изъ темныхъ осеннихъ ночей, отправляется на пасѣку, принадлежащую крестьянамъ Барабошкинымъ, и вырѣзаетъ тамъ изъ нѣсколькихъ ульевъ медъ; но, не успѣвши благополучно выбраться съ похищеннымъ, тутъ же настигается хозяевами пасѣки, которые безъ дальнихъ разговоровъ произвели надъ нимъ собственную расправу: избивши его чуть не до полусмерти, они связали ему руки и повезли въ деревню для представленія надлежащимъ властямъ; но дорогой Барабошкины разсудили, что съ представленіемъ вора въ руки правосудія, они вовлекутъ и себя, и всю деревню въ излишнія хлопоты, а потому рѣшили отпустить Артамонова. Опасаясь, однако, чтобы онъ изъ чувства мести не причинилъ бы ихъ пасѣки какого нибудь вреда, они, не развязывая ему рукъ, оставили его на узенькой тропинкѣ, проходящей по довольно топкому болоту. Какимъ-то непонятнымъ образомъ случилось, что Артамоновъ былъ найденъ мертвымъ на берегу озера, лежащаго на довольно значительномъ разстояніи отъ дороги. Въ желудкѣ найдено было большое количество «вощинъ», съ спиртнымъ запахомъ, что давало поводъ предполагать, что Артамоновъ, оставленный въ такомъ безотрадномъ положеніи и мучимый жаждою, поползъ къ водѣ, чтобы напиться; но, завязнувши въ болотѣ, умеръ отъ голода и истощенія силъ, не имѣя возможности, какъ глухонѣмой, позвать себѣ кого либо на помощь. Такимъ образомъ, Барабошкины преданы были суду по обвиненію въ томъ, что оставили Артамонова въ опасномъ мѣстѣ, послѣдствіемъ чего была смерть означеннаго крестьянина. Присяжныя засѣдатели, принимали въ соображеніе, что врачебный осмотръ не обнаружилъ на тѣлѣ Артамонова никакихъ боевыхъ знаковъ, а такъ же единогласные одобрительные отзывы о подсудимыхъ, вынесли, какъ сообщаютъ въ «Судебномъ Вѣстникѣ», оправдательный приговоръ.

Но если въ данномъ случаѣ фактъ преступленія недостаточно еще выяснился передъ лицомъ суда, то въ дѣлѣ крестьянина Трифонова, которое разбиралось въ г. Порховѣ временнымъ отдѣленіемъ Псковскаго окружнаго суда, фактъ насильственнаго истязанія не подлежитъ уже никакому сомнѣнію. Крестьянинъ Порховскаго уѣзда Михаилъ Максимовъ, явясь къ судебному слѣдователю, заявилъ, что въ теченіи двухъ лѣтъ онъ подвергается истязаніямъ со стороны своего отца, который бьетъ его чѣмъ попало и даже сажаетъ на цѣпь. Въ тотъ-же день былъ произведенъ осмотръ избы Максима Трифонова, причемъ оказалось, что у изголовья постланной на нарахъ постели въ деревянную стѣну вбитъ большой гвоздь, къ которому, посредствомъ висячаго замка,

Библиотека "Руниверс"

прикрѣплена желѣзная цѣпь, имѣющая приблизительно около 2¼ аршинъ; другой конецъ этой цѣпи закрѣпленъ другимъ висячимъ замкомъ. Образуемый цѣпью поясъ пришелся какъ разъ къ туловищу Михаила Максимова. Длина цѣпи, повидимому, разсчитана такъ, что прикованный можетъ свободно лежать на нарахъ. Потомъ представлены были также два кнута, которыми отецъ стегалъ своего сына. Максимъ Трифоновъ признался въ томъ, что дѣйствительно сажалъ сына на цѣпь и билъ его кнутомъ; но при этомъ, ввидѣ собственнаго оправданія, объяснилъ, что уже пять лѣтъ, какъ сынъ его Михаилъ подверженъ какимъ-то страннымъ припадкамъ, повторяющимся черезъ два года въ третій. Припадки эти состоятъ въ томъ, что онъ вдругъ затрясется и жалуется на боль подъ сердцемъ. Онъ, Трифоновъ, обращался къ разнымъ средствамъ: возилъ сына въ церковь, ходилъ къ волхвамъ; но ничего не помогало. Въ послѣднее время, именно около Крещенія 1873 года, сынъ его началъ ругать скверными словами всѣхъ, кто бы ему ни попался. Тогда онъ, Трифоновъ, помолившись Богу, свилъ веревочный кнутъ, окропилъ его святой водой и сталъ имъ бить сына, приговаривая: «не я тебя бью, а самъ Спаситель бьетъ», послѣ чего сынъ становился потише. На разрѣшеніе присяжныхъ поставлены были два вопроса; отвѣтомъ на первый вопросъ они признали фактъ преступленія совершившимся, а вторымъ, ввиду смягчающихъ обстоятельствъ, признали невозможнымъ обвинить подсудимаго въ возводимомъ на него преступленіи.

Въ заключеніе, приводимъ слѣдующее куріозное дѣло касающееся нашихъ земскихъ дорожныхъ сооруженій и заимствуемое нами изъ «Пет. Вѣдомостей»: весной настоящаго года лошадь крестьянина Брюхачева сломала ногу на земскомъ мосту, находящемся на почтовомъ трактѣ въ Малмыжскомъ уѣздѣ, отъ неисправнаго полотна моста. По возбужденному Брюхачевымъ иску за изувѣченную лошадь, по рѣшенію малмыжскаго судебно-мироваго съѣзда, взыскано въ пользу истца съ предсѣдателя и трехъ членовъ управы по равной части съ каждаго — за лошадь 50 руб., и за веденіе дѣла 5 р., а всего 55 руб. Члены управы, имѣя въ виду, что наблюденіе за исправностью дорожныхъ сооруженій на томъ мѣстѣ, гдѣ лошадь Брюхачева изломала ногу, лежитъ на обязанности предсѣдателя управы, въ непосредственномъ распоряженіи котораго для этого дѣла почти постоянно были трое служащихъ при управѣ, ходатайствовали передъ собраніемъ опредѣлить о винѣ или невинности ихъ данномъ случаѣ, для того, чтобъ, въ случаѣ оправданія ихъ собраніемъ, они могли уплаченныя ими Брюхачеву деньги, по 13 руб. 75 коп. каждымъ, взыскать съ предсѣдателя управы. Собраніе, имѣя въ виду, что содержаніе тракта, на которомъ лошадь Брюхачева изломала ногу, отнесено къ обязанности губернской управы (слѣдовательно, на ея счетъ должны быть относимы и всѣ убытки, случайно происходящіе отъ неисправностей тракта) и что собраніе не имѣетъ въ виду такихъ фактовъ, которые бы свидѣтельствовали о нерадѣніи или неисправности членовъ управы по наблюденію за дорогой, а само же считая себя не въ правѣ входить въ сужденіе этихъ обстоятельствъ,—опредѣлило представить губернской управѣ о принятіи насчетъ губернскаго сбора взысканныхъ съ членовъ уѣздной управы 55 р., объ ассигнованіи впредь суммы на подобные платежи и о приглашеніи уполномоченнаго на ходатайство по дѣламъ этого рода.

Изъ Версали.

(Собственныя корреспонденція „Нивы.“

Версаль. 1874 года 28 января (10 февраля).

Пренія о новыхъ налогахъ продолжаются до сихъ поръ; коммиссія согласна съ министромъ касательно налога на товары перевозимые по малой скорости. Я уже говорилъ вамъ о томъ, что движеніе товаровъ по желѣзнымъ дорогамъ не уменьшилось отъ этого налога: онъ падетъ цѣликомъ на потребителей. Экономическій вопросъ заключается въ томъ, что повысится ли заработная плата при повышеніи цѣнъ на предметы первой необходимости? Я полагаю—нѣтъ, ибо цифра производства и экономіи (то есть, вывозъ и ввозъ) остается почти одна и та же за послѣдніе 2 года. Производство не можетъ увеличиться—вслѣдствіе неопредѣленнаго политическаго состоянія въ которомъ находится Франція. Это состояніе подрываетъ торговлю и промышленность, такъ что народный капиталъ, не только при существованіи новыхъ и добавочныхъ налоговъ, но и безъ нихъ, не могъ бы выдѣлять прогрессивно увеличивающуюся сумму для производства. Кромѣ того, при существованіи добавочнаго налога на соль—который конечно будетъ вотированъ—мы смѣло можемъ сказать, что Франція будетъ платить налоги изъ суммы прежней экономіи, т. е. изъ массъ того богатства, которое англичане называютъ stock. Уравненія налоговъ также не произойдетъ, если производство и заработная плата не увеличатся. Въ результатѣ, слѣдовательно, получается та грустная истина, что новые налоги падутъ цѣликомъ на недостаточные классы и что правительству необходимо будетъ изыскивать работу той массѣ населенія, которая живетъ au jour le jour безъ всякой экономіи на черный день.—Послѣ преній о новыхъ налогахъ, засѣданія версальскаго парламента будутъ гораздо интереснѣе въ политическомъ смыслѣ. Шалемель-Лякуръ и Гамбетта будутъ интерпеллировать правительство касательно послѣдняго циркуляра вицепрезидента кабинета г-на Броя. Циркуляръ французскаго премьера разъясняетъ префектамъ, что семилѣтіе—институтъ окруженный нынѣ всѣми гарантіями политической устойчивости, и что настоящее statu quo вотированное *большинствомъ* имѣетъ законное право на семилѣтнее существованіе. Такое заявленіе привело въ бѣшенство монархистовъ, не смотря на отсутствіе слова *республика*. Gazette de France и Union вмѣстѣ съ легитимистами разразились цѣлымъ потокомъ ругательствъ на герцога Броя, и не сегодня завтра обзовутъ его коммунистомъ. Г-нъ Брой—орлеанистъ и конечно никогда не будетъ республиканцемъ; — декларація его имѣетъ цѣлью не раздражать республиканцевъ и уничтожать легитимистовъ, которые какъ извѣстно не отличаются политическою прозорливостью. Вотируя семилѣтнее продолженіе власти г-на Макъ-Магона, они конечно не предвидѣли, что это обстоятельство сильно повредитъ кандидатурѣ ихъ Коу, и расширитъ арену политическихъ экспериментовъ для либеральныхъ герцоговъ. Г-нъ д'Омаль находится теперь въ Безансонѣ и командуетъ своею дивизіей. Онъ дѣятельно занимается улучшеніемъ арміи и пишетъ проекты, которые военное министерство не успѣваетъ даже читать. И такъ, заявленіе герцога Броя, не провозглашая республику, какъ окончательную форму правленія во Франціи, узаконяетъ только семилѣтіе (septennot), какъ вполнѣ легально установленный порядокъ вещей. Интерпелляція Шалемель Лякура и Гамбетты будетъ состоять въ томъ, что эти депутаты попросятъ г-на Броя сдѣлать то же заявленіе передъ собраніемъ и разъяснить его смыслъ. Какъ бы предупреждая объясненія своего министра, маршалъ Макъ-Магонъ произнесъ вчера рѣчь въ коммерческомъ судѣ, въ которой онъ подтвердилъ заявленіе г-на министра и увѣрялъ г-дъ представителей парижской торговли, *что спокойствіе не будетъ нарушено въ теченіи семи лѣтъ.*

Версаль. 1874 года 29 января (11 февраля).

Не смотря на рѣчь маршала-президента, которая служитъ подтвержденіемъ циркуляра г-на Броя, — члены крайней лѣвой, гг. Гамбетта и Шалемель-Лякуръ всетаки будутъ интерпеллировать правительство по этому поводу внутренней политики. Республиканской партіи кажется страннымъ, что министръ, объясняя префектамъ, что институтъ семилѣтія продлитъ существующій государственный порядокъ и успокоитъ страну,—ничего, между тѣмъ, не говоритъ о томъ, что этотъ государственный порядокъ служитъ переходной ступенью къ утвержденію республики во Франціи, и что вырабатываемые законы организуютъ эту семилѣтнюю власть президента въ республиканскомъ смыслѣ. Членамъ лѣвой и милліонамъ ихъ избирателей кажется невозможнымъ отнестись серіозно къ такому государственному институту, который по истеченіи семи лѣтъ приведетъ Францію къ той же неразрѣшимой дилеммѣ: республика или монархія?—Вотъ содержаніе будущей интерпелляціи.

Корреспонденція изъ Парижа, напечатанная въ *Daily Telegraph*, и приводящая разговоръ г-на Броя съ авторомъ ея, произвела сильное впечатлѣніе на французскую публику. Корреспондентъ этой газеты говоритъ, что вице-президентъ совѣта министровъ сказалъ ему, что онъ употребитъ всѣ усилія, чтобы изготовляемые законы объ организаціи публичныхъ властей имѣли характеръ чисто монархическій, такъ какъ онъ не *вѣритъ* въ существованіе *консервативной республики* во Франціи. Почтенный герцогъ поспѣшилъ заявить на слѣдующій день въ своемъ органѣ Le Français, что разговоръ его съ корреспондентомъ—чистѣйшая выдумка; что онъ дѣйствительно согласился дать ему аудіенцію, продолжавшуюся нѣсколько минутъ, въ теченіи которыхъ онъ сказалъ ему только то, что составляетъ главную мысль его циркуляра, т. е., что существующій порядокъ вещей не будетъ нарушенъ въ теченіи 7 лѣтъ. Тѣмъ не менѣе французская публика отнеслась съ большимъ довѣріемъ къ словамъ корреспондента чѣмъ къ заявленію г-на Броя, узнавши, что министръ дѣйствительно имѣлъ съ нимъ свиданіе. Тотчасъ за знаменитымъ циркуляромъ правительство поспѣшило произвести перетасовку мэровъ, и судя по началу можно заключить, что оно намѣрено воспользоваться пріобрѣтеннымъ правомъ съ энергіей достойной лучшаго дѣла. Въ одинъ день, напримѣръ, было смѣщено 65 мэровъ. Эти гекатомбы мирныхъ служителей французскаго земства грозятъ принять ужасающіе размѣры, такъ что это *умиротворяющее* вліяніе закона о мэрахъ приведетъ страну въ хаотическое состояніе, такъ какъ на эти мѣста правительство должно назначать волей неволей и легитимистовъ, и бонапартистовъ и орлеанистовъ, — ибо семилѣтіе было вотировано этими *тремя консервативными* партіями. Что-же касается кабинета, то онъ просто à la merci даже незначительной фракціи любой изъ трехъ партій и куражиться рѣшительно не въ состояніи. Пренія о новыхъ налогахъ все еще продолжаются. Несомнѣнно, что добавочный налогъ на соль

Библиотека "Руниверс"

будетъ вотированъ и, говорятъ, по способу закрытой баллотировки,—чему не было еще примѣра въ истории парламентовъ. Ясно, что крайняя правая и правый центръ оберегаютъ свою популярность такимъ наивнымъ способомъ. Министръ финансовъ стоитъ за налогъ на сдѣлки и комерческія бумаги—и кажется весьма радъ, что налогъ на провозъ товаровъ по малой скорости прошелъ большинствомъ 50 голосовъ. Будутъ ли довольны плательщики?

Н. Чашниковъ.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 26-го января, Его Величество Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами Высоконовобрачными, въ два часа пополудни изволилъ посѣтить Московскій Воспитательный домъ и Елисаветинское училище. Вечеромъ Его Величество съ Ихъ Высочествами и Августѣйшими гостями удостоилъ посѣщеніемъ балъ, данный московскимъ генералъ-губернаторомъ. 27-го января Государь Императоръ изволилъ слушать Божественную литургію въ Дворцовой церкви Рождества Богородицы и въ часъ пополудни вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами изволилъ отправиться по желѣзной дорогѣ въ Троицко-Сергіевскую лавру. Возвратясь изъ Троицко-Сергіевской лавры, Его Величество Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Ихъ Высочествами и Августѣйшими Гостями, изволилъ въ 7 час. 15 мин. пополудни выѣхать по Николаевской желѣзной дорогѣ и 28-го января, въ 11 часовъ утра, изволилъ прибыть въ С.-Петербургъ.

— 1-го февраля, въ 2½ часа пополудни, изволилъ прибыть въ С.-Петербургъ Его Величество Императоръ Австрійскій, Король Венгерскій. Къ назначенному времени, на дебаркадерѣ Варшавской желѣзной дороги собрались всѣ члены Императорской Фамиліи, находящіеся въ Петербургѣ иностранные Принцы и многочисленная свита. На платформѣ дебаркадера былъ выстроенъ почетный караулъ отъ л.-гв. Измайловскаго полка. По всему пути, отъ вокзала къ Зимнему дворцу, дома были украшены флагами русскими, австрійскими и англійскими; на многихъ балконахъ, убранныхъ коврами, стояли бюсты Императоровъ: Александра II и Франца-Іосифа, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ устроены были транспаранты съ вензелями обоихъ Государей. Массы народа сплошными стѣнами толпились по всему протяженію, на тротуарахъ. Государь Императоръ съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ заблаговременно изволилъ выѣхать, для принятія своего Августѣйшаго Гостя, въ Гатчину, гдѣ для встрѣчи назначенъ былъ почетный караулъ отъ лейбъ-гвардіи кирасирскаго Ея Величества полка. Въ 2 часа 35 минутъ свистъ машины возвѣстилъ о приближеніи Царскаго поѣзда. Какъ только локомотивъ подъѣлъ подъ навѣсъ вокзала, почетный караулъ, по командѣ Его Высочества Главнокомандующаго войсками гвардіи, отдалъ честь, и музыка заиграла австрійскій гимнъ. Его Императорское Величество, въ сопровожденіи Императора Франца-Іосифа и Государя Наслѣдника Цесаревича, изволилъ выйти изъ вагона и направиться къ правому флангу почетнаго караула, гдѣ Великій Князь Николай Николаевичъ вручилъ Императору Австрійскому почетный рапортъ. Поздоровавшись съ Великимъ Княземъ Николаемъ Николаевичемъ, Императоръ Францъ-Іосифъ привѣтствовалъ рукопожатіемъ стоявшихъ тутъ же Принца Валлійскаго и Наслѣднаго Принца Датскаго, и затѣмъ, обратясь къ Великому Князю Константину Николаевичу, дважды облобызалъ его. Послѣ того Императоръ Австрійскій, направясь къ почетному караулу, обошелъ его. Затѣмъ, пройдя черезъ Царскіе покои вокзала, оба Императора изволили сѣсть въ экипажъ и направиться къ Зимнему дворцу, привѣтствуемые по пути собравшеюся публикою. У Совѣтскаго подъѣзда Зимняго дворца находился почетный караулъ л.-гв. Преображенскаго полка. Послѣ встрѣчи караула, Императоръ Австрійскій, при звукахъ пушечной пальбы изъ Петропавловской крѣпости, въ 3 часа пополудни, изволилъ вступить въ приготовленные для него покои въ Зимнемъ дворцѣ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ концѣ октября — какъ сообщаютъ «Туркестанскія Вѣд.»—въ *Самаркандѣ* было получено извѣстіе о *появленіи* въ нагорныхъ туменяхъ (къ югу отъ Самарканда) довольно значительной *шайки разбойниковъ* подъ начальствомъ шахрисябскаго жителя Абдулъ-Кадыръ Мирахура. Дерзость шайки увеличивалась съ каждымъ днемъ. Нѣсколько человѣкъ было ограблено по разнымъ дорогамъ, а 30-го октября шайка открыто напала и ограбила кишлакъ Верхній Фарабъ, причемъ нѣкоторые жители Фараба были изранены. Видя, что сами жители горныхъ кишлаковъ не могутъ справиться съ разбойниками, капитанъ Шпицбергъ (завѣдывающій нагорными туменями) отправился противъ нихъ съ конвоемъ изъ нѣсколькихъ казаковъ. Разбойники, надѣясь на свою силу, *устроили завалъ на Саты-Джумаинскомъ перевалѣ* и встрѣтили казаковъ выстрѣлами. Но казаки живо бросились на завалъ и, несмотря на сопротивленіе, разсѣяли всю шайку, захвативъ при этомъ нѣсколькихъ разбойниковъ. Предводитель шайки успѣлъ однако скрыться.

— Въ Могилевѣ открыта, какъ сообщаютъ въ «Рус. Инв.», *«чайная»* для нижнихъ чиновъ Владимірскаго полка и штаба 16-й пѣхотной дивизіи. Чайная эта состоитъ изъ пяти большихъ, опрятныхъ комнатъ, въ которыхъ, кромѣ чая (порція котораго стоитъ всего три копѣйки), пива, меда, вина и разнаго сорта дешевыхъ закусокъ, нижніе чины найдутъ себѣ предметы для чтенія и развлеченія, и нѣкоторыя начальныя учебныя пособія, какъ-то: большой глобусъ, развѣшенныя по стѣнамъ географическія карты Россіи и всѣхъ частей свѣта, картины изъ священной и отечественной исторіи съ текстами, волшебный фонарь и панораму съ видами эпизодовъ отечественной войны 1812 года и славной обороны Севастополя. Сверхъ того, въ чайной имѣется бильярдъ. Здѣсь же, по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, будетъ играть полковая музыка и предполагается устройство солдатскаго театра.

— Въ «Одес. Вѣстникѣ» пишутъ, что *Маріупольскій портъ мелѣетъ* вслѣдствіе разрѣшенія судамъ выбрасывать свой балластъ въ море. Объ отмѣнѣ этого разрѣшенія однимъ изъ гласныхъ town. Маріуполя подана докладная записка мѣстной Городской Управѣ.

НЕКРОЛОГЪ.

— Въ Одессѣ, 1-го февраля, въ 4 часа пополудни, скончался генералъ-адъютантъ графъ Лидерсъ

Почтовый ящикъ.

Г-ну П. Ш. въ село Лысково. Редакція имѣетъ честь увѣдомить, что глицеринъ можно выписывать изъ склада аптекарскихъ товаровъ Штоля и Шмидта, С.-Петербургъ, Кирпичный пер., д. Кононова, по нижеслѣдующей цѣнѣ:

Глицеринъ самый лучшій чистый . по 60 к. за фунтъ.
« « бѣлый . . . . « 7 р. за пудъ.
За упаковку каждаго пуда . . . « 3 р.
Пересылка отдѣльно по почтовому тарифу.

СОДЕРЖАНІЕ: Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова** (продолженіе).—Литературный альбомъ. „Русалка" А. С. Пушкина (съ рисунковъ).—Перелитаніе человѣческой и овечьей крови человѣку. — Тулонскія галеры.—Исторія ядовитыхъ змѣй. —Балъ въ Константинополѣ. — Народы Россіи XVII. Камча-далы.—Самара (съ общимъ видомъ города). — Судебная хроника.—Изъ Версиль (собственная корреспонденція „Нивы") **Чашникова**.—Разныя извѣстія.—Почтовый ящикъ.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „НИВЫ" получено: Переносъ изъ № 6, 419 р. 91 к. иноонь получено отъ Настас. Д. Заб. въ Харьковѣ 70 к., отъ Лазарева въ Архангельскѣ 8 р., отъ Шмот. въ Челябинскѣ 50 к., отъ Петрова въ Токмакѣ 50 к., отъ свящ. Дмитр. Кириллова въ Коротоякѣ 14 р. 50 к. Итого 444 р 11 к.

ПРОДАЕТСЯ ИМѢНІЕ

въ д. Кошинахъ, Черниг. губ. Остерскаго уѣзда, при г. Острѣ разстояніемъ отъ городовъ Чернигова 70 верстъ, Кіева 65 в., Нѣжина (гимназія и лицей) 70 в., Козельца 11 в. и Остра 7 в. Имѣніе на почтовой дорогѣ между Козельцемъ и Остромъ, въ 30 верстахъ отъ желѣзной дороги на ст. Бобрикъ. Въ имѣніи хорошо устроенная усадьба (фрукт. садъ на 7 д. съ паркомъ, дубовою и берез. рощею на 7 д., господскій домъ о 12 комнатахъ, крытый желѣзомъ. При иемъ вновь устроен. винокурен. заводъ (нынѣ въ дѣйствіи), три мельницы и друг. постройки для службъ, хозяйства и винокуренія. къ имѣнію принадлежатъ: усадьба у г. Остра 13 д., (три дома, службы, фрукт. садъ и огородъ у рѣки), левада въ 16 д., полуостровъ на судоходной Деснѣ противъ города, въ 203 д. съ лѣсомъ, покосами и озеромъ. Всего въ имѣніи 750 д. размежеван. изъ чрезполосности. Цѣна за все имѣніе 45 т. р., изъ коихъ уплата болѣе трети можетъ быть разсрочена на продолжительное время.

Желающіе купить это имѣніе могутъ обращаться лично къ владѣльцу или письменно чрезъ г. Остеръ, Черн. губ. въ д. Комины къ А. В. С.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Не стоитъ теперь при полномъ совершенствѣ мельхіоровыхъ издѣлій покупать серебро и тѣмъ болѣе если старыя вещи примутъ на фабрикѣ **Александра Качъ** за полъ цѣны обратно. Магазинъ на Невскомъ напротивъ Думы, въ д. Рогова, № 3/36.

Иллюстрированные каталоги высылаютъ по требованію гг. иногородныхъ безплатно.

При этомъ нумерѣ прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе чайнаго магазина О. А. Корещенко *въ Москвѣ*.

Дозволено цензурою. 8 февраля 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Готье**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 8 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 18-го февраля 1874 года. Отдѣльные №№ „Нивы по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" 1874 НА ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ 4 р., съ доставкою 5 р. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетною экспедицію 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" и преміи за 1874 годъ.

Вильямъ Гепвортъ Диксонъ.

Диксоны ведутъ старинный родъ свой отъ пуританской фамиліи, члены которой владѣли обширными помѣстьями въ Іоркшайрѣ (въ Глэдговѣ и Астльгаллѣ). Это былъ одинъ изъ тѣхъ могущественныхъ родовъ, которые, наслѣдуя землевладѣніе, становились какъ бы посредниками между трономъ и нисшими классами населенія. Диксоны отличались либеральнымъ направленіемъ. Роды эти, опираясь на своихъ іоменовъ (yeomen), сослужили не одну важную службу Англіи, помогая ей въ достиженіи политической свободы и охраняя страну. Диксоны всѣ до единаго стояли на сторонѣ парламентарнаго порядка, многіе изъ нихъ были въ рядахъ Кромвеля; во время междоусобной войны, одинъ изъ нихъ, Вильямъ, на свой счетъ вооружилъ конный полкъ и лично предводительствовалъ имъ при Мэрстонъ-Мурѣ. Проявленія пуританизма еще не исчезали въ Англіи, а только приняли обаятельно-рыцарскій характеръ.

Гепвортъ Диксонъ

Въ ряду современныхъ англійскихъ публицистовъ первое мѣсто безспорно занимаетъ Гепвортъ Диксонъ, какъ историкъ, біографъ и критикъ. Проникнутый духомъ своихъ предковъ, онъ однако не питаетъ слѣпой, непоколебимой вѣры къ устарѣлымъ взглядамъ завзятаго пуританизма—въ совершенствѣ понимая важность перемѣнъ, которыя вносятъ съ собою общественныя реформы и культурное развитіе.

Библиотека "Руниверс"

Гепвортъ, сынъ Абнера Диксона, родился 30 іюня 1821 года въ Ньютонъ-Гефѣ близь Манчестера. Отецъ его пріобрѣлъ себѣ осѣдлость въ Америкѣ и уже собирался переселиться съ женою и дѣтьми, какъ вдругъ его отъѣздъ изъ Ливерпуля замедлился рожденіемъ на свѣтъ Гепворта —и затѣмъ уже никогда не приводился въ исполненіе.

Диксонъ, подобно многимъ талантливымъ людямъ, избѣгъ выгодъ и недостатковъ школьнаго образованія, проведя все дѣтство и молодость въ уединенной глуши Оверъ - Дарвена, подъ руководствомъ дяди, человѣка развитаго и одареннаго живымъ воображеніемъ, который владѣлъ громадной библіотекой и особенно поощрялъ племянника къ занятіямъ философіей.

Молодой человѣкъ, впослѣдствіи получившій мѣсто въ одномъ изъ манчестерскихъ торговыхъ домовъ, освоился со многими иностранными языками, велъ корреспонденцію и выступилъ на стезю поэта въ одномъ провинціальномъ журналѣ, Bradschaw-magazine.

Уже первые эти опыты обратили на него общее вниманіе, которое еще болѣе возросло, когда онъ вмѣстѣ съ д-ромъ Голландомъ началъ издавать либеральный журналъ подъ названіемъ «магазинъ сѣверной Англіи». «Законы свободы», помѣщенные Диксономъ въ этомъ изданіи, были перепечатаны въ Америкѣ - и такъ понравились знаменитому юмористу Дугласу Джерольду, что тотъ постарался завербовать къ себѣ молодаго автора. Ставъ однимъ и въ главнѣйшихъ сотрудниковъ Shillings-magazine и Illustrated-magazine, Диксонъ уже не покидалъ литературнаго поприща и былъ важнымъ сподвижникомъ мирной революціи, которая расширила свободу и увеличила права манчестерскихъ рабочихъ.

Позднѣе Диксонъ былъ главнымъ редакторомъ какой-то чельтенгамской газеты и наконецъ отправился въ Лондонъ.

Тутъ онъ докончилъ свои занятія правовѣденіемъ и сталъ адвокатомъ. Литература однако влекла его къ себѣ неотразимо. Какой-то ирландецъ, Мэдденъ, назначилъ двѣ преміи за сочиненія на тэмы: *«папа Иннокентій* III *и его дворъ»* и *«стадіи цивилизаціи»*. Диксонъ получилъ обѣ награды. Дильке, собственникъ журнала «Атенеумъ» и редакторъ «Daily News» пригласилъ Диксона въ сотрудники. Здѣсь Диксонъ помѣстилъ множество статей политическаго и соціальнаго содержанія, преимущественно разъяснявшихъ рабочій вопросъ. Затѣмъ онъ написалъ біографію знаменитаго реформатора XVIII вѣка, Джона Говарда, за которую по предложенію Стангопа и былъ избранъ въ члены Археологическаго общества.

Съ этого времени въ литературной дѣятельности Диксона наступаетъ новая эра; новые труды свои онъ теперь посвятилъ ознакомленію публики съ знаменитостями древняго англійскаго либерализма, пуританскими богатырями: Вильямомъ Пенномъ, основателемъ Филадельфіи, и Робертомъ Блэкомъ, великимъ адмираломъ Кромвеля. Въ этихъ сочиненіяхъ онъ нетолько разбиваетъ впрахъ католическаго историка Лингарда, но даже опровергаетъ нѣкоторые взгляды знаменитаго вига, лорда Маколея, который въ своей исторіи смѣшалъ имена Вильяма Пенна и Томаса Пенна, приписавъ неблаговидные поступки одного другому. За это возстановленіе доброй памяти о великомъ мужѣ, почти всѣ американскія ученыя общества прислали Диксону дипломы.

Въ 1853 году Диксонъ сталъ главнымъ редакторомъ «Атенеума» и занялся біографіей Бэкона, которая составляетъ одну изъ лучшихъ монографій Елисаветинской эпохи.

Диксонъ путешествовалъ по Италіи, Испаніи и Германіи; въ 1863 г. онъ посѣтилъ Египетъ и Палестину и издалъ ихъ описаніе подъ заглавіемъ „Святая земля", въ двухъ томахъ, отличающееся оригинальностью и новизною взглядовъ. Затѣмъ совершилъ путешествіе въ Америку, объѣздилъ Соединенные Штаты и достигъ Соляпаго озера мормоновъ.—результатамъ чего явились извѣстныя его книги: «духовныя жены» и «новая Америка». Поѣздка въ Россію разрѣшилась предпослѣднимъ и наименѣе удачнымъ твореніемъ Диксона, доказавшимъ всѣмъ компетентнымъ людямъ, что Россію нельзя изучить въ нѣсколько мѣсяцевъ. Послѣднее произведеніе Диксона посвящено Швейцаріи.

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

(Продолженіе).

Перехожу теперь къ самой тяжелой для меня части моихъ записокъ, сознавая, что пробѣлъ значительно повредилъ бы ихъ цѣльности, еслибъ я вздумалъ соблазниться и утаить отъ читателей слѣдующее въ ряду похожденій моей героини. Да послужитъ же мнѣ руководящимъ примѣромъ искренность «Исповѣди» знаменитаго автора «Эмиля или о воспитаніи»!

Я дежурилъ при Бэтси день и ночь въ первое, трудное время, самъ давалъ ей лекарство, уводилъ Марью Ивановну, когда больная начинала бредить—и сталъ совсѣмъ своимъ человѣкомъ въ домѣ М-ше Прыгуновой. Я не сомнѣвался въ томъ, что сильная молодая жизнь отстоитъ себя—и дѣйствительно, благополучный переломъ болѣзни не заставилъ себя долго ждать; но оправлялась Бэтси очень медленно—и въ это-то время, бывая у нея каждый день, я могъ изучить ее основательнѣе, чѣмъ въ цѣлые годы урывчатыхъ наблюденій... Къ несчастію, мнѣ скоро стало не до изученія.

Добрѣйшая Марья Ивановна совсѣмъ съ ногъ сбилась, рыская по городу во исполненіе различныхъ причудъ выздоравливающей. Бэтси хотѣлось то свѣжей земляники, то устрицъ, то кипрскаго, то котлетку изъ цыпленка—и М-ше Прыгунова объѣзжала на поискахъ всѣ гастрономическіе магазины и даже гостинницы... Когда я слегка намекнулъ ей, что это пожалуй можетъ обратиться у Бэтси въ привычку, Марья Ивановна даже обидѣлась.

— Помилуйте, докторъ, да она здоровая гораздо требовательнѣе—и то я ни въ чемъ ей не отказываю... Вся въ меня, лакомка! Ну, а теперь вѣдь не она—болѣзнь проситъ...

Я не сталъ противорѣчить, такъ какъ баловство это оказывалось не только совершившимся фактомъ, но и давно вошедшимъ въ домашній обиходъ. Впрочемъ, эти первыя наивныя проявленія оживающаго ребенка скоро отошли на второй планъ.

Мало по малу мысли Бэтси окрѣпли, стали возвращаться къ прошлому,—но какъ? На первыхъ порахъ ее одолѣла какая-то вялость и полнѣйшая апатія... Бэтси большею часть или лежала или просиживала въ покойномъ креслѣ, равнодушно слѣдя за домашними, когда убирали ей комнату или накрывали ея одинокій приборъ. Во время посѣщенія ея подругъ и близкихъ знакомыхъ, она часто задумывалась, видимо не дослу-

Библиотека "Руниверс"

шивала ихъ рѣчей, отвѣчала невпопадъ и слабо улыбалась, когда ей замѣчали промахи... Куда дѣвалась прежняя рѣзкость, угловатость ея движеній!—точно ихъ дочиста выѣла болѣзнь! За то, въ лѣнивомъ наклонѣ головки, плавныхъ изгибахъ стана и рукъ—нѣтъ-нѣтъ да и проступитъ какая-то неуловимая, новая прелесть... Что то женственное, уступчивое, глубоко-трогательное...

— Скучно, докторъ! жаловалась она,—тоска! читать я еще не могу... и въ глазахъ и въ мысляхъ у меня зигзаги какіе-то!.. что бы мнѣ дѣлать?

— Попробуйте какую нибудь легкую работу. несложный узоръ... Вы любите вышивать?

Брови ея высоко приподнялись въ удивленіи,

— Я и взяться-то не умѣю за иглу!.. проговорила она съ пренебреженіемъ.

— Какъ?.. совсѣмъ?..

— Конечно! за кого же вы меня принимаете?..

— Ну вязанье, чтоли....

Она слабо махнула рукою.

— Да, нѣтъ-же, нѣтъ!.. съ легкою досадою перебила она,—никакихъ рукодѣлій и добродѣтелей за мной не водится, какъ говоритъ наша классная дама...

— Ну, вотъ вамъ и случай выучиться—послѣ пригодится въ жизни...

— Мнѣ?.. чуть слышно проговорила она,—да, когда-то мечтала о томъ, какъ бы это хорошо было...

Она не договорила начатаго и погрузилась въ свои мысли.

Я предложилъ ей читать вслухъ, она охотно согласилась—и дня два дѣло шло какъ нельзя лучше, я бесѣдовалъ съ ней устно обо всемъ читанномъ... Но вскорѣ оказалось, что на нее повліяла только прелесть новизны—не болѣе. Вмѣстѣ съ тѣмъ я началъ замѣчать нѣчто новое, небывалое... Бэтси вдругъ начала усиленно заниматься своей внѣшностью. Являясь по утрамъ, я неизмѣнно заставалъ ее за утреннимъ туалетомъ въ постели, причемъ она не только пудрилась, а просто натиралась пудрой до бумажной бѣлизны. При входѣ моемъ она кокетливо куталась въ пеньюаръ, нѣкогда стоившій ей много слезъ, но наконецъ таки завоеванный,—и затѣмъ съ удовольствіемъ протягивала мнѣ руку ради пульса, но ни за что на свѣтѣ не соглашалась показать языкъ.

— Скорѣй умру, а этому не бывать! И объ чемъ вы хлопочете? стоитъ ли заботиться объ этомъ жалкомъ прозябаніи?!.. говорила она, печально поникнувъ головкой,—лучше почитайте-ка мнѣ что нибудь...

Я усаживался возлѣ ея изголовья и начиналъ читать ей какія нибудь путешествія или историческіе расказы, которые нарочно привозилъ съ собой...

— Нѣтъ, скучно что-то! перебивала она на второй страницѣ,— у меня отъ *вашихъ* умныхъ книгъ сейчасъ голова заболитъ.... вотъ-вотъ и болитъ уже!.. говорила она, поднося руку ко лбу.—Добренькій, вы все хотите чтобъ я поумнѣла,—да на что это мнѣ?

— Какъ на что? сказалъ я однажды,—вѣдь вы сами хотѣли учиться?

— Мало ли что было прежде!.. теперь моя пѣсенка спѣта:

Я не вытерпѣлъ.

— А пудрой-то зачѣмъ штукатуриться?

Бэтси лукаво улыбнулоаь.

— Это другое дѣло. Говорятъ, я блѣдная еще интереснѣй—такъ вотъ я и хочу, чтобъ у *него*... вы знаете у кого?.. чтобъ у *него* сердце разорвалось отъ того, что онъ потерялъ!.. И она запѣла вполголоса:

Пусть онъ поищетъ, въ мірѣ широкомъ,
Сердце теплѣе, любовь горячей...

Глаза ея приняли разсѣянное, мечтательное выраженіе, она отвернулась къ стѣнѣ и начала водить пальчикомъ по узору обой.

Ранка очевидно еще не зажила и болѣла сильнѣе, чѣмъ я предполагалъ.

Между тѣмъ какъ Бэтси понемногу стала даже выходить,—я, самъ того не замѣчая, проводилъ почти все время въ домѣ у Марья Ивановны, сталъ какъ-то небрежно относиться къ прочимъ своимъ больнымъ... Часто я просыпался съ намѣреніемъ навѣстить такого-то, а что-то неуловимое тянуло меня къ Бэтси, я пріѣзжалъ и просиживалъ назначенное время въ болтовнѣ, которой самъ-бы посовѣстился въ другое время...

— Что мнѣ съ собою дѣлать, докторъ? говорила напримѣръ моя барышня,—въ монастырь идти смѣшно... вѣдь смѣшно?

— Смѣшно-то смѣшно, да не то! улыбался я.

— Переверзевъ совѣтуетъ въ акушерки, нерѣшительно сообщала Бэтси,—чтожь! Я согласна съ нимъ, что всякій самостоятельный трудъ....

— Создатель! воскликнулъ я, всплеснувъ руками,—да вѣдь ими скоро будутъ шпалы мостить на желѣзныхъ дорогахъ!.. А кстати, зачѣмъ это вы позволяете ему врать при васъ все что взбредетъ въ голову?..

— Э, полноте, куда ужь мнѣ разбирать приличія?!.. съ горечью проговорила Бэтси,—вы послушайте-ка, что про меня разсказываетъ М-me Калязинцева!—Дочерей даже перестала пускать къ намъ... положимъ, потеря небольшая...

И такъ, то, что я шутя какъ бы предсказалъ въ маскерадѣ, сбывалось! Бэтси попала на язычекъ востроносенькой гостьѣ, а это значило пріобрѣсти во всей Москвѣ извѣстность.

Бэтси подмѣтила у меня въ лицѣ мрачное выраженіе, но перетолковала его по своему...

— Вы не думаете-ли, что онѣ въ самомъ дѣлѣ такія наивныя и скромныя, какъ представляются.... дочки-то ея? Подите, у нихъ всѣ эти манеры до того заучены передъ зеркаломъ!.. мнѣ кажется, еслибъ у нихъ блохи водились—и тѣ были бы ученыя, дресированыя, вотъ что крохотную каретку возятъ четверней и на запяткахъ стоятъ...

Я не смѣялся; неподдѣльное негодованіе, съ которымъ произнесена была это острота, какъ на ладони показало мнѣ, до чего ожесточалось бѣдное сердечко Бэтси.

— Хорошо, но почему же вы думаете, что это у нихъ притворно?

— Да вѣдь онѣ тоже въ пансіонѣ? А тамъ извѣстно, прежде таблицы умноженія, свои же подруги всему научатъ—съ этого и начинается...

Въ концѣ концовъ я оказывался побитымъ; я приступалъ въ самопадѣянной мечтѣ, что имѣю дѣло просто съ ребенкомъ, а передо мной возникала *барышня* во всеоружіи—*барышня* съ ногъ до головы, то есть изумительнѣйшая смѣсь невинной дѣвочки съ душою опытной женщины... Я даже боялся заглядывать глубже въ сердце Бэтси, но не смотря на то, вмѣстѣ съ слѣдующимъ утромъ, ѣхалъ къ Прыгуновымъ, самъ не зная зачѣмъ...

Неожиданный случай открылъ мнѣ глаза.

Какъ-то утромъ, Бэтси еще нѣжилась подъ мягкимъ, пуховымъ одѣяломъ; я читалъ ей какой-то романъ — сколько нибудь серьезное чтеніе окончательно было брошено,—Марья Ивановна поѣхала *на вербы* накупать подарковъ дочери по случаю перваго ея выѣзда по выздоровленіи, мы были одни. Бэтси слушала, заложивъ руки подъ голову и сосредоточенно глядя въ потолокъ... Протяжный великопостный благовѣстъ доносился къ намъ сквозь двойныя рамы, сливаясь съ моимъ голосомъ. Богъ знаетъ, слышала ли что Бэтси... Въ послѣднее время она сознавалась мнѣ, что романы потеряли для нея прежнюю прелесть, „Бывало, вѣдь я всю ночь напролетъ до утра со свѣчкой читаю“, говорила она, улыбаясь,—„да это еще что! а вотъ на другой-то день,—голова болитъ, въ ушахъ звонъ, глаза слипаются — я

Библиотека "Руниверс"

все читаю, пока не засну гдѣ попало!... А теперь самое лучшее—сонъ! Свернусь-вотъ калачикомъ—и байбай!." Она лѣниво потянулась, чуть выставивъ ножку изъ подъ одѣяла.

Я дочиталъ первую часть и пошелъ за вторымъ томикомъ въ другую комнату, гдѣ въ числѣ всякаго хлама и рухляди хранились и запретныя книги въ сундукѣ... Я еще рылся въ немъ, присѣвъ на полу, какъ вдругъ дверь Бэтсиной комнаты съ шумомъ отворилась, на порогѣ показался Тароватовъ, быстро оглядѣлся — и не замѣтивъ меня, бросилъ шляпу, кинулся къ Бэтси, упалъ на колѣна, схватилъ ея ножку и не отрывая губъ цаловалъ ее, цаловалъ безъ конца, какъ помѣшанный...

— Мишэль!... Мишэль!... Михайло Иванычъ!... пожималась Бэтси, краснѣя и дергая ножку, — оставьте... встаньте... сію же минуту встаньте, слышите?!.. Какъ вы смѣете!..

— Не встану, пока не простите!..—прикажете — и глазомъ не мигну, пойду и повѣшусь... Только прежде простите... Еслибъ я зналъ, что вы заболѣете по милости моего дурачества, меня давно бы не было на свѣтѣ!. говорилъ Тароватовъ—и у него это выходило такъ просто, искренно, горячо, что даже Бэтси утихла...

Худшее положеніе, по обыкновенію, досталось мнѣ. Точно какая-то сила сорвала меня съ мѣста, я разомъ очутился возлѣ нихъ и молча стоялъ. глядя въ упоръ на Тароватова...

— Какая патетическая сцена!... проговорилъ я, силясь придать своимъ словамъ выраженіе равнодушной насмѣшки.

— И какое у васъ перекошеное лицо, докторъ!... отвѣтилъ Тароватовъ, какъ ни въ чемъ не бывало поднимаясь съ колѣнъ, — вы должно быть натощакъ сегодня?

Онъ съ такимъ радушіемъ протянулъ мнѣ руку, что не принять ее не было никакой возможности.

— Случай совершенно исключительный, докторъ, позвольте доложить вамъ! такъ и сыпалъ между тѣмъ Михаилъ Иванычъ, посматривая на Бэтси, — я не извиняюсь, потому что я право чувствую себя точно въ такомъ положеніи, какъ разъ, когда мнѣ привезли на имянины помадную банку. .

Бэтси уже смѣялась, точно одинъ звукъ его голоса направлялъ ее въ привычную колею...

— Отчего? что за банка? подхватила она и глаза у нея засвѣтились бывалымъ блескомъ.

— Банка себѣ какъ банка—и только; а я какъ всѣ дѣти жадный былъ и внутренно досадовалъ, что это за идея дарить мнѣ такую штуку... Вдругъ, чуть притронулъ крышку—она слетаетъ сама и со дна поднимается преинтересный трубадуръ, съ улыбкой, съ усиками, въ красной курточкѣ, сидитъ въ цѣломъ кустѣ розъ и играетъ на гитарѣ... Увѣряю васъ, докторъ, я такъ же мало подозрѣвалъ его присутствіе тамъ, какъ и ваше здѣсь...

— Цѣлъ у васъ этотъ трубадуръ?!. перебила Бэтси.

— Нѣтъ, увы! онъ былъ сахарный — его мыши съѣли!..

Бэтси повеселѣла, точно кошечка, у которой передъ глазами качается бумажка на ниточкѣ... Тароватовъ просидѣлъ цѣлый часъ, болталъ безъ умолку, разсказывалъ самые невѣроятные анекдоты, и наконецъ попросилъ позволенія заѣхать ко мнѣ посовѣтоваться насчетъ своей болѣзни.

— Ну, какая у васъ можетъ быть болѣзнь?.. со смѣхомъ сказалъ я.

— Сердце шалитъ, отвѣтилъ онъ, вдругъ дѣлаясь очень серіознымъ, и взялъ шляпу,—боюсь какъ бы аневризмы не было!.. Ну, да авось!.. Прощайте, барышня, смотрите же: не поминайте лихомъ!

Онъ явился и исчезъ, какъ молнія въ душной знойной мглѣ,—но сдѣлалъ свое дѣло: воздухъ былъ освѣженъ... Все какъ будто прояснилось, дышалось легче...

По уходѣ его, Бэтси долго, пристально смотрѣла на меня, лукаво улыбаясь; тихое торжество лучами сіяло у нея въ глазахъ...

— Такъ вотъ какъ?!.. проговорила она слегка взволнованнымъ голосомъ,—ревновать?.. хмуриться?.. и это *вы*?.. *вы*?.. Не ожидала!.. Знаете ли, послѣ этого... прибавила она понизивъ голосъ, — никто ужь не разувѣритъ меня теперь въ томъ, что я въ самомъ дѣлѣ...

Бэтси не договорила своей мысли, но мнѣ она и безъ того ясна была. Безошибочновѣрнымъ инстинктомъ взрослой женщины этотъ ребенокъ угадалъ, что со мной дѣлалось. Такъ вотъ чѣмъ разрѣшались мои безкорыстныя попытки, вотъ отчего мнѣ такъ пріятно было ѣздить сюда, наперекоръ здравому смыслу?.. Я стоялъ передъ нею молча, обдумывая, какъ-бы по крайней мѣрѣ отступить безъ особеннаго посрамленія знамени...

— Завидно стало? шепнула Бэтси, чуть выставивъ ножку изъ подъ одѣяла и тотчасъ спрятала ее, засмѣявшись, какъ бы поддразнивая, — ну, что жъ вы молчите?.. Хороша ножка?—то-то же!.. проститесь—больше никогда ее не увидите!..

Я теперь понялъ, почему вся эта молодежь забывала самое присутствіе другихъ дамъ и толпилась вокругъ пятнадцатилѣтней дѣвочки;—отъ всего существа ея, какъ бы неяснымъ намекомъ на будущее, словно еще въ зародышѣ, вѣяло чѣмъ-то раздражающимъ, манящимъ неотразимымъ...

— Послушайте, перебилъ я,—до сихъ поръ все еще было бы поправимо... Васъ хоть и сбивали съ толку, но вы и тутъ еще находили возможность изъ всѣхъ золъ выбирать меньшее. Теперь я серіозно — и въ послѣдній разъ говорю вамъ: одумайтесь — вы на краю пропасти... Одинъ шагъ...

— Ну, такъ на-те жъ вамъ, несносный!

И она высунула мнѣ кончикъ языка.

— Добились наконецъ? увидали? Что? желтъ или бѣлъ? нѣтъ ли у меня разстройства печени?.. Ну, не буду! не буду!.. Слушайте же и вы, что я вамъ скажу, тоже въ послѣдній разъ..

Она взяла меня за руку, притянула къ себѣ, и голосъ ея сталъ тихъ, мелодиченъ, какъ игра стеклянной гармоники...

— Вы для меня такъ много дѣлали, то есть хотѣли сдѣлать—это все равно,—такъ много мучились за меня, что я вамъ скажу, чего никому не сказала бы...

Она потупилась и помолчала.

— Такъ я, по вашему, ребенокъ, вѣтреница, капризная, сбитая съ толку? начала она съ разстановкой. — А вы все таки полюбили?... чуть слышно слетѣло у нея съ губъ.

Бэтси вдругъ обдала меня неотразимой лаской своего лучистаго взгляда и крѣпко пожала мою руку.

— И любите!... любите меня просто... *безъ тоски, безъ думы роковой*, выразительно прибавила она, — да, я глупа, тщеславна... все что хотите, но я знаю, что вы лучше всѣхъ ихъ—и постараюсь какъ можно чаще думать о васъ, долго и много стану думать, пріучаться къ тому... Боже мой, какъ это странно!... воскликнула она вдругъ, всплеснувъ руками,—*вы*?... *вы*?... Я съ ума сойду отъ гордости!...

Я сталъ не спѣша надѣвать перчатки.

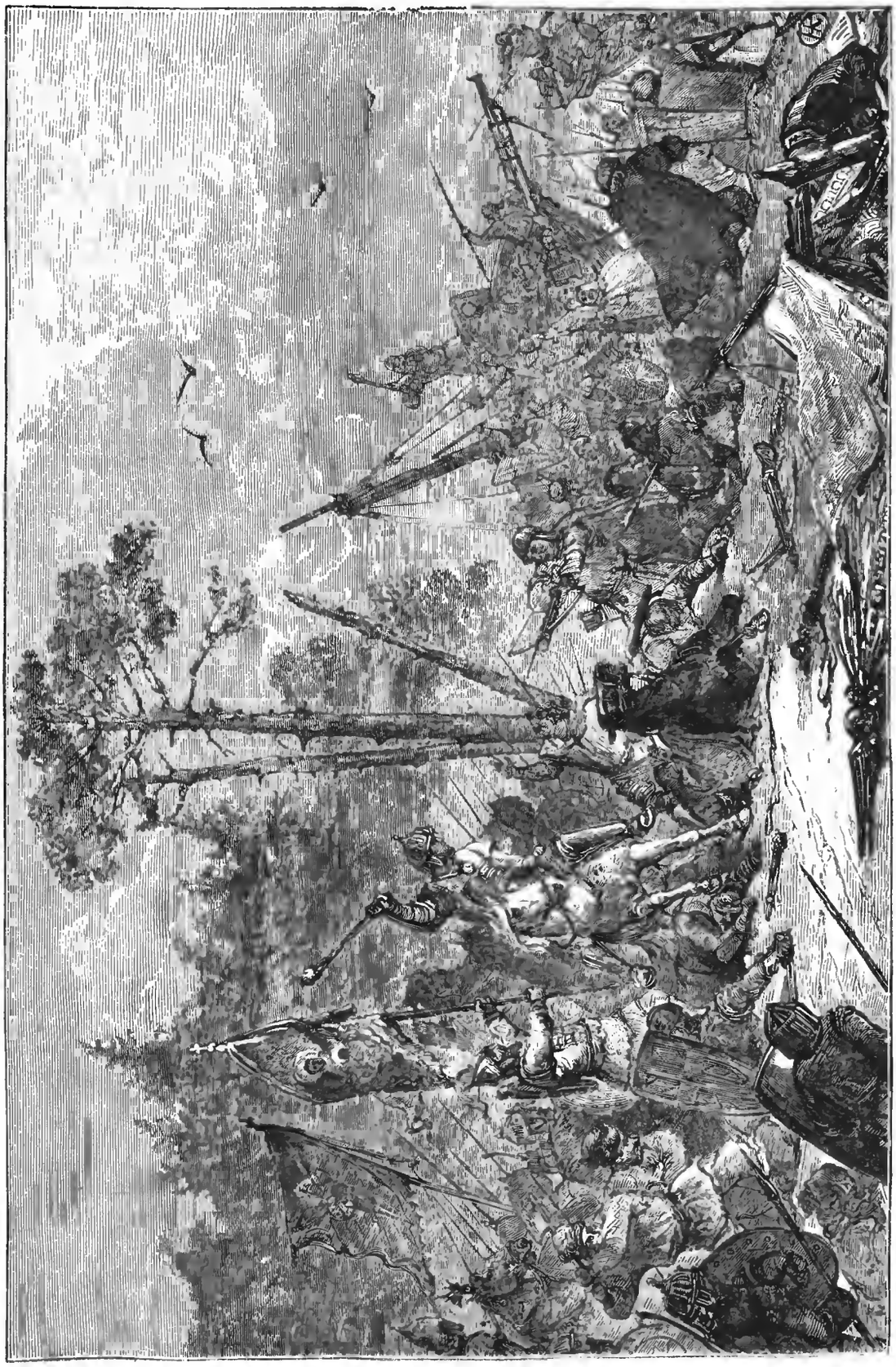
— Мнѣ конечно не особенно пріятно разочаровывать васъ, Лизавета Николаевна, проговорилъ я, — но тѣмъ не менѣе я долженъ прекратить это недоразумѣніе...

— Знаю, знаю!... вѣдь вы мнѣ... какъ это?—да-бишь, въ старшіе братья годитесь и взяли слово: все вамъ говорить, какъ я теперь думаю... Вотъ я держу свое слово—объявляю, что я вамъ не вѣрю...

— Очень жаль! прощайте, дѣточка, желаю вамъ лучшихъ сновъ...

— Неудачно, докторъ!.... неудачно!... послышалось мнѣ вдогонку.

Библиотека "Руниверс"



Бой Александра Невскаго на Невѣ со шведами Биргера. Рис. Каразинъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

X.

До самаго вечера я просидѣлъ дома въ наискверн ѣйшемъ расположеніи духа. Да будетъ мнѣ позволено умолчать о тѣхъ мысляхъ, что всѣми силами старался я отгонять прочь и которыя лѣзли ко мнѣ какъ назойливыя осеннія мухи... Ребячество заразительно— вотъ все что я могу сказать, извѣдавъ это личнымъ опытомъ. Раза два я ловилъ себя на самой блаженной улыбкѣ, разъ я такъ ударилъ рукой по столу, что все задребезжало на немъ...

Конецъ этому положилъ сильный звонокъ и голосъ въ передней. Вошелъ Тароватовъ. Подъ мышкой у него былъ какой-то ящикъ изящной работы, въ рукахъ ящичекъ—просто заглядѣнье. Онъ не спѣша положилъ тотъ и другой на столѣ и поздоровался со мной.

— Это лекарства, сказалъ онъ, кивнувъ головой на принесенное, — я пріѣхалъ посовѣтоваться съ вами, докторъ, какое изъ нихъ выбрать... Дѣло мое такъ плохо, что изъ рукъ вонъ!..

— Вѣрно электрическая машинка? усмѣхнулся я, подвигая къ себѣ тяжелый большой ящикъ.

— Нѣтъ, посильнѣе!.. отвѣтилъ Тароватовъ и отперъ его ключикомъ; полированная крышка поднялась, подъ ней на бархатномъ днѣ врѣзались два превосходные пистолета съ приборомъ.

— Средство энергическое, согласился я, все еще не догадываясь,—и вѣроятно послѣднее?

Совершенно справедливо. Какъ вы думаете, докторъ, что... если мы возьмемъ по такой дудкѣ въ руки да и станемъ вонъ тамъ по угламъ?... Не хотите ли?..

Онъ посмотрѣлъ на меня съ такимъ видомъ, какъ будто предлагалъ мнѣ стаканъ чаю или сигаретку.

— Что жь, пожалуй! отвѣтилъ я, наклоняя голову,— отъ такихъ предложеній, говорятъ, не водится отказываться... Благодарю за неожиданную честь, но ужь не взыщите и на моихъ условіяхъ:—у меня такая странная привычка: на каждый выстрѣлъ я отвѣчаю щелчкомъ по носу...

— Очень пріятно имѣть дѣло съ порядочнымъ человѣкомъ!... весело проговорилъ Тароватовъ, въ свою очередь кланяясь и запирая ящикъ,—хотя, въ сущности, я бы и на ваши условія пошелъ... Право, я не вижу, что бы помѣшало мнѣ принять ихъ, вдумчиво продолжалъ онъ,—да нѣтъ, рѣшительно не вижу... Но не въ томъ дѣло... Позволите ли мнѣ теперь объясниться съ вами откровенно?

— Сдѣлайте одолженіе...

— Видите-ли, докторъ, это дьявольски щекотливое обстоятельство!... въ особенности при тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя я имѣлъ честь вступить съ вами сію минуту!... Онъ въ раздумьи поглядѣлъ на ящикъ съ пистолетами, ероша кудлатые волосы.

Малый, какъ всегда, сильно занималъ меня...

— Ну, да все едино!... Представьте себѣ, докторъ, что мы съ вами оба интересуемся одною и той же особой и разумѣется желаемъ ей всякаго благополучія... Вы предлагаете ей одно, я—другое, а молодая особа по той или по другой причинѣ (скажемъ: по некомпетентности) не въ состояніи сдѣлать выбора между нами;—выйдетъ нѣкоторое подобіе Микадо и Тайкуна, такъ-сказать невозможное раздвоеніе властей, до чего уже и японцы додумались... Простится ли мнѣ, что я при такихъ обстоятельствахъ рѣшился взять починъ или, говоря языкомъ старѣйшихъ братьевъ, иниціативу въ этомъ дѣлѣ?

Можно ли ему было не простить чего нибудь?

— И такъ, по моему мнѣнію, вотъ единственное средство могущее вполнѣ удовлетворить честныхъ людей...

Онъ такъ же тщательно отперъ другой ящикъ; тамъ на точно такомъ же синемъ бархатѣ уложены были— двѣ соломенки, одна подлиннѣй, другая покороче.

— Послушайте, шутъ вы гороховый, это вы интересующую-то васъ особу предлагаете мнѣ разыграть по жеребью? à courte paille? расхохотался я.

— Надо же было мнѣ какъ-нибудь отрекомендоваться, чтобъ вы не присчитали меня къ тому стаду, что пасется на тощихъ пажитяхъ у М-me Сметанкиной!.. И неужели же вы не замѣчаете, какъ я за вами увиваюсь все это время? сказалъ Тароватовъ, поднимаясь и начиная ходить по комнатѣ, — впрочемъ, повторяю, докторъ, я готовъ на честное слово продѣлать и эту штуку...

— А если выдернете коротенькую?...

— Ну, тогда... мрачно началъ Тароватовъ,—ба! позвольте, докторъ, это общаго дѣла уже не касается....

— Спѣшу извиниться, поддерживалъ я тотъ же тонъ,—только напрасно вы на меня разсчитывали—я на эту штуку не согласенъ...

— А?!... такъ и зналъ! вырвалось у Тароватова и онъ немного поблѣднѣлъ,—чтожь теперь осталось? на подлость развѣ пойдти?—пойду и на подлость... то есть вру, не пойду, само собой разумѣется...

Онъ отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть въ темноту. Думаю, что и я былъ блѣденъ,—но крайней мѣрѣ руки мои дрожали, когда я подвигалъ къ себѣ скоморошный ящичекъ. Я вполнѣ сознавалъ, какъ важно для насъ двоихъ то, что я собирался сдѣлать, — но рѣшеніе мое было принято еще до пріѣзда моего гостя... Я подошелъ къ Тароватову—и торжественно преподнесъ ему длинный жребій...

Онъ такъ и замеръ глядя на меня, стараясь уловить малѣйшій намекъ въ моихъ глазахъ...

— А это я возьму себѣ на память, сказалъ я, ставя на зеркало ящичекъ съ короткимъ жребіемъ...

Не успѣлъ я обернуться, какъ почувствовалъ себя въ мощныхъ объятіяхъ Михайлы Ивановича.

— Докторъ!.. голубчикъ!.. отецъ родной!.. неистовствовалъ онъ,—а брудершафтъ выпьемъ? идетъ?

Я позвонилъ и послалъ за шампанскимъ.

— Да что его ждать брудершафта этого—нѣмецкая штука! Вотъ теперь я тебѣ все могу сказать... началъ онъ разваливаясь вслѣ меня на диванѣ,—ужь Богъ тебѣ судья, какъ ты смогъ самъ отказаться—послѣ развѣ когда нибудь пойму... А вѣдь я одного тебя только и боялся! Смотри сюда: это что?

Онъ вытащилъ свой дорогой хронометръ и показалъ мнѣ темный волосяной снурокъ, на которомъ носилъ часы,—какъ думали его знакомые, по странной прихоти богача.

— Ужъ моя не моя будетъ, а въ гробъ меня съ этимъ положатъ...

— Неужели это ея волосы? спросилъ я.

— До шиньона, душа моя, до шиньона!.. А ты и въ самомъ дѣлѣ думалъ, что тебѣ одному говорятъ всю правду? анъ видишь — и я тоже единственный другъ, и мнѣ также говорятъ всю правду — только другую...

И Тароватовъ залился счастливымъ, безпечнымъ смѣхомъ...

— Вся-то и разница въ томъ, что ты зовешь ее *дѣточкой*, а на дѣлѣ считаешь больше женщиной чѣмъ дитяткой, а я—наоборотъ: Лизаветой Ивановной величаю и прочее и прочее... Ты-вотъ пробовалъ занять ее серіознымъ чтеніемъ, — ну возможно ли это, когда у нея нѣтъ самыхъ основныхъ свѣдѣній? какъ ей интересоваться путешествіемъ, или исторіей, когда она имѣетъ самое смутное понятіе, что такое климатъ, широта, долгота и тому подобные страхи? Вѣдь она вѣритъ, что тараканы кусаются и что судьба есть на свѣтѣ... Мало этого, хочешь пари: спроси ты у нея, изъ чего дѣлается пеклеванный хлѣбъ, такъ она скажетъ: *изъ пакли*—да и то подумавши развѣ!.. Да и наконецъ, совсѣмъ намъ не того нужно!.. И несмотря на все это, она совершенное дитя. Путаемся и сбиваемся мы оба— и только время покажетъ, кто изъ насъ правъ...

Библиотека "Руниверс"

— Я ужъ сказалъ свое: vicisti, Galileae!

— А я не хотѣлъ тебѣ ничего говорить о моихъ съ ней отношеніяхъ, потому что ее да нечестно добывать— претитъ, не могу; а потерять ее — для меня смерть... Она вотъ теперь ожила—и ужъ коготки расправляетъ... Знаю, что много еще горя вынесу,—а всежъ лучше, чѣмъ покой бытія.

(Продолженіе будетъ).

Борьба за Неву (*).

I. Бой Александра Невскаго на Невѣ со шведами Биргера.

Была пора, когда войну Петра I съ Карломъ XII, королемъ шведскимъ, нетолько шведы и прочіе иностранцы, но, къ стыду нашему—сами русскіе люди объясняли чисто воинственными побужденіями нашего преобразователя. Теперь же не скажутъ этого самые отъявленные порицатели Великаго Петра, потому что разработка исторіи уже частію вскрываетъ подлинное положеніе дѣла, при которомъ вопросъ о владѣніи Невою, а по ней выходомъ въ Финскій заливъ Балтійскаго моря, является необходимостью неотвратимою. Безъ того мало могли помочь и всевозможныя преобразованія или, точнѣе выразиться, были бы онѣ излишними, неслужившими и не ведущими, подлинно, ни къ чему. А безъ преобразованій коренныхъ и неотложныхъ московское государство не могло долѣе тянуть уже своей искорченной машины: администраціи на татарскій манеръ, съ византійско-церковною декораціею,—оставаясь слабымъ извнѣ и внутри. Не одинъ Петръ I конечно видѣлъ, что недостаточность средствъ для покрытія ежегоднаго бюджета можетъ быть пополнена только внѣшней торговлей. А торговля съ Европою не могла развиваться съ обладаніемъ однимъ Архангельскимъ портомъ, открытымъ для навигаціи три-четыре мѣсяца въ году, да куда и доступъ въ лучшее-то время (единственно способное для сплава) былъ соединенъ, кромѣ длины протяженія, съ вѣчнымъ неудобствомъ подвергаться бурямъ около Нордкапа. Сверхъ того, монополисты бѣломорской торговли нашей, англичане завели около Нордкапа еще наблюдательный портъ и старались не пропускать тамъ чужихъ кораблей къ Архангельску, желая одни извлекать всю выгоду изъ русской торговли. Петръ I, какъ извѣстно, на первыхъ порахъ пустился къ благодатному югу и овладѣлъ Азовомъ, желая пробиться въ Черное море. Но, получивъ желаемое и выйдя въ Азовское море, да пославъ корабль къ Константинополю—пришелъ къ заключенію, что изъ этого ничего не выдетъ: турки въ Европу не пустятъ наши корабли. Между тѣмъ, выходомъ изъ Руси въ Балтійское море искони владѣли новгородцы,—и московское государство, ослабленное смутою самозванцевъ, только при дѣдѣ Петра I потеряло Неву, уступивъ Швеціи еще сорокаверстную полосу на югъ отъ этой рѣки по Столбовскому договору, конечно уже неволею, не будучи въ состояніи спраситься разомъ съ Польшею, высылавшею шайки грабителей, и съ Швеціею, занявшею даже Новгородъ, а не только имѣвшею выходъ въ море, въ рукахъ своихъ.

Какъ и почему потеряло отечество наше настолько ему нужный приневскій край—послѣ четырехъ-вѣковой борьбы, веденной сперва не къ выгодѣ врагамъ нашимъ? Мы намѣрены разсказать здѣсь правдивую повѣсть взаимныхъ неудачъ и успѣховъ. Смѣемъ думать, что выдѣляя цѣликомъ этотъ важный вопросъ нашихъ бытописаній, мы выяснимъ частію историческія судьбы Руси, обязанной населеніемъ своимъ торговлѣ съ сѣверомъ, востокомъ и югомъ. Русь испытала въ теченіе полутора вѣка чуть не нищету, за выпускомъ ея изъ рукъ по ослѣпленію московской администраціи. А за тѣмъ Россія, съ пріобрѣтеніемъ Петромъ I четырехъ морей, развила настолько уже свои неистощимыя средства, что будущее не даетъ права по недавнему прошлому заключать о повтореніи прожитаго застоя — пины нашихъ бѣдствій.

Пусть титулованные историки, переписывая другъ у друга нарафразъ лѣтописей, принимаютъ на себя видъ людей серіозно разрѣшающихъ судьбы доисторическаго міра, упорно стоя за варяговъ-шведовъ; отъ тысячекратнаго повторенія всѣмъ извѣстнаго дѣло не двигается. И не двинется оно до тѣхъ поръ, пока на происхожденіе Руси не перестанутъ смотрѣть какъ на образованіе мнимой монархіи. Когда же отбросивъ безплодное пустословіе, поглядитъ здоровымъ взглядомъ на суть дѣла—а главное на карту Россіи—какой-нибудь выскочка, не всосавшійся въ зады профессорскихъ лекцій, а разсуждающій по логикѣ фактовъ, то для него *чисто торговая цѣль* сдѣлается разгадкой населенія сѣвера. Никакое нашествіе чудовищъ, въ родѣ пресловутой орды *хунну* не въ состояніи загнать цѣлыя земледѣльческія племена съ юга на сѣверъ, гдѣ хлѣбъ не родится и слѣдовательно дѣлать земледѣльцамъ нечего. Другое дѣло—торговцы: корысть и пріобрѣтеніе цѣннаго товара изъ первыхъ рукъ заставятъ ихъ идти на край свѣта!

А такими торговцами — посредниками востока съ западомъ и югомъ—были поморскіе славяне въ началѣ средняго вѣка. Имъ знакомо было море съ дѣтства: ихъ не пугали опасности, развивая удаль беззавѣтную; ихъ томила, наконецъ, какъ всѣхъ сѣверянъ, жажда дѣятельности. Вотъ вамъ всѣ задатки для колонизаціи въ колоссальныхъ размѣрахъ. Эти же самыя черты въ характерѣ англичанъ—привели ихъ къ заселенію территоріи соединенныхъ штатовъ Сѣверной Америки, въ эпоху перваго колонизированія представлявшую также непроглядную глушь лѣсовъ. Колонизація коснулась опять мѣстности обильной большими озерами, соединенными другъ съ другомъ—совершенно тождественныя условія съ нашею новгородскою областью. И въ Америкѣ и на сѣверо-востокѣ Европы первые колонисты были охотники на пушнаго звѣря; разница въ томъ только, что гонимый звѣрь почти во все теченіе средняго вѣка у прибалтійскихъ славянскихъ народностей былъ единицею цѣнности, слѣдовательно распространеніе потребности въ мѣхѣ было большее, чѣмъ послѣ эпохи возрожденія наукъ. А отъ того, по аналогіи фактовъ, должны были послѣдовать и соотвѣтственные результаты: большее выселеніе съ южнаго поморья въ пріозерно-ладожское полѣсье и на водораздѣлъ балтійско-каспійскій, въ непроходную глушь, смѣлыхъ искателей приключеній. Они, эти пришельцы не заняли отнюдь сплошнаго пространства, а разсѣялись купами при рѣкахъ, служившихъ единственными сообщеніями въ странѣ занятой финскими народцами - звѣроловами. Временные пункты посѣщеній перекупщиковъ звѣря у чуди, при рѣкахъ, подъ именемъ урочищъ *Боръ*, отъ того и испестрили всю карту нынѣшнихъ Новгородской, Петербургской (юговосточной части), Псковской, Тверской и Смоленской губерній. Временные притоны обратились въ становища. Впослѣдствіи, при купахъ селеній являются неотмѣнною принадлежностью бобровые гоны, *княжій боръ*, да *гостиные боры*. Съ развитіемъ колонизаціи и усиленіемъ славянскаго элемента, обложены инородцы налогомъ доставки пушнаго звѣря — черный боръ. Для этого учреждены, — опять же по рѣчнымъ системамъ,—погосты и волости. Извѣстное число тѣхъ и другихъ выходило въ *вѣтвь* —округъ, впослѣдствіи названный *станомъ*. Десятки становъ этихъ были въ каждомъ изъ пяти участковъ, на которые раздѣлилась въ послѣднее время новгородская область. Эти *пятины* оставилъ Іоаннъ III и они просуществовали до учрежденія губерній Петромъ I.

Черный людъ—*чернь*—по роду налога податное племя инородцевъ—доставлялъ самую главную статью торговли Новгорода со своею юго-приморско-балтійскою метрополіею, а, черезъ нея, съ западною Европою вообще.

Прибалтійскіе торговые города, ведшіе морскую торговлю, первые и составили союзъ для охраненія своихъ капиталовъ, въ товарахъ везомыхъ на морскихъ судахъ, отъ хищничества пиратовъ. Союзъ этотъ, порожденный изъ одного общаго источника, назвался кошелькомъ—*ганзою*, гдѣ новгородцы играли одну изъ важнѣйшихъ ролей. Норвежскіе города уже были менѣе значительны. А такъ какъ первою статьею вывоза на судахъ ганзы были произведенія чисто лѣсной полосы русскаго сѣвера: пушные товары, медъ и воскъ,—часть которыхъ доставляли за-ладожскіе и обонежскіе погосты населенные корелами (финскимъ племенемъ восточнаго типа) то, шведы, современи достиженія административно-политическаго вліянія на Норвегію, очень естественно обратили свои завоевательные планы на Финляндію и вообще на приладожскую страну, съ нею сосѣднюю. Вотъ источникъ борьбы шведовъ съ новгородцами, не уступавшими своего исконнаго господства надъ корелами - звѣроловами, отъ которыхъ ближе прочихъ получались товары цѣнные.

I.

Первое столкновеніе обоихъ, несосѣдей еще, будущихъ враждебниковъ, послѣдовало въ лѣто *отъ созданія міра*, какъ всѣ считали тогда въ Европѣ, — *6672-е*, т. е. по нашему теперешнему счету *въ 1164 году*. Въ Неву, принадлежавшую еще безспорно новгородцамъ, вошли 55 шнекъ шведскихъ—и пройдя въ Ладожское озеро, намѣрены были овладѣть острогомъ ладожскимъ, при устьѣ Волхова. Въ Новгородѣ правилъ князь Святославъ Ростиславичъ. При вѣсти отъ посадника Нѣжаты о непріятельскомъ нашествіи заставившемъ горожанъ сжечь посадъ, т. е. дома и уйти въ крѣпость,—онъ съ *посадникомъ* (*) Захаріею, наскоро собралъ наличныя силы и сойдясь съ десантомъ шведскимъ на берегу Ладож-

(*) Подъ этимъ общимъ заглавіемъ мы намѣрены время отъ времени помѣстить рядъ историческихъ очерковъ (6 статей) обнимающихъ каждый одно столѣтіе, съ самаго начала борьбы за невскій торговый путь. Отдѣльныя и составляющія стройное цѣлое статьи будутъ сопровождаться рисунками, изображающими важнѣйшіе моменты данныхъ эпизодовъ, а именно.

1) Бой Александра Невскаго на Невѣ со шведами Биргера. XIII вѣкъ.
2) Взятіе русскими Ландскроны 18 мая 1301 года. XIV вѣкъ
3) Лапландскій походъ на лыжахъ. XV вѣкъ.
4) Походъ Іоанна IV, XVI вѣкъ.
5) Шведы дома Гарди и ратники Шуйскаго. XVII вѣкъ.
6) Первая морская битва Петра Великаго въ устьяхъ Невы со шведами. XVIII вѣкъ.

Каждый изъ этихъ рисунковъ изготовленъ лучшими художниками подъ руководствомъ автора статей, извѣстнаго археолога, Н. Н. Петрова.

(*) Неноминальнымъ какъ *князья*, а дѣйствительнымъ *рабочимъ* главою исполнительной власти въ Новгородѣ, выбравшимся на вѣчѣ — общемъ сходѣ нольными голосами изъ горожанъ торговой республики, мѣстныхъ уроженцевъ непремѣнно.

Библиотека "Руниверс"

скаго озера, при рѣчкѣ *Вороной* (теперь Сальмѣ), между Сясью и Пашею—разбилъ на голову пришельцевъ, 28-го мая. «Овѣхъ избиша, и овѣхъ изымаша» т. е. увели въ плѣнъ, прибавляетъ описавъ побоище авторъ Никоновской лѣтописи. Въ Тверской же лѣтописи прибавлено, что взято было у шведовъ 43 шнека, такъ что «мало ихъ убѣжаша, и тѣ избіени» (т. е. ранены, избиты) были.

Прошло послѣ этой неудачи шведовъ 64 года и ущербъ забылся потомками. Лѣтомъ 1228 года, въ Спасовъ день (1 августа) Новгородъ всполошенъ вѣстью, что безчисленная масса лодокъ спустилась съ сѣвера по озеру, къ Ладогѣ или, вѣрнѣе сказать, въ окрестности Волхова. Хищники, съ озера подходя къ богатымъ селеніямъ, производили грабежи, въ заключеніе зажигая домы ограбленныхъ. Въ Ладогѣ (комендантомъ) посадникомъ былъ мужественный и предпріимчивый вождъ Владиславъ. Пославъ донесеніе въ Новгородъ, онъ вооружилъ кого могъ, и самъ пустился для наказанія хищниковъ. Было уже къ вечеру, когда храбрый посадникъ, зайдя далеко въ лодьяхъ на озеро, усмотрѣлъ суда ихъ приваливщія къ берегу—и заставъ злодѣевъ въ самомъ пылу истребленія селенья Исады, овладѣлъ незащищенными лодками, пустивъ ихъ къ чуть видному съ берега острову. Затѣмъ Владиславъ ударилъ на грабителей. Они защищались отчаянно—но, вначалѣ не желая разстаться съ добычею, тѣснимые должны были отойти къ лѣсу. И тутъ, когда остановились враги, посадникъ окружилъ ихъ. Видя бѣду неминучую, шведы предложили миръ—Владиславъ отказалъ. Ночь всю стояли они, не смѣя двинуться. Скота при нихъ было много. На утро со злости перебили они скотъ, и съ пустыми руками скрылись въ лѣсъ, открывъ себѣ путь туда тяжкими жертвами, съ большею потерею товарищей. Владиславъ приказалъ, уходя сжечь вражескія лодки. Вѣроятно, укрывшіеся въ лѣсу потомъ были переловлены, или умерли съ голода.

Истребивъ хищниковъ Владиславъ воротился въ свое посадничество, не зная даже, что князь Ярославъ Всеволодовичъ (по вѣсти имъ данной что пришли шведы съ моря) прямо изъ Новгорода двинулся на Неву, думая пересечь здѣсь возвратный путь съ добычею.

Прошло между тѣмъ нѣсколько дней и о врагахъ не было помина. Въ средѣ праздно-стоявшей дружины возникло подозрѣніе, будто бы одинъ изъ воеводъ, Судиміръ, далъ знать врагамъ. Возникъ мятежъ и князю въ своемъ судѣ едва удалось скрыть подозрѣваемаго невинно. Тогда стали получаться извѣстія отъ ижорцевъ, ловившихъ по одиночкѣ въ лѣсу бѣглецовъ съ Исады,—и дѣло разъяснилось.

Несчастные шведы—тѣ которымъ наконецъ послѣ не человѣческихъ подвиговъ терпѣнія, удалось добраться до Невы лѣсомъ и даже переплыть ее,—перебиты корелами, не достигнувъ Финляндіи и тамъ оставленныхъ одноземцевъ. Такимъ образомъ 2000 храбрыхъ погибли безплодно.

Есть возможность предполагать, что описанное нами нашествіе было совершено войскомъ финляндскаго архіепископа, и что грабежъ на языкѣ самозванныхъ обращателей въ христіанство—разумѣя подъ нимъ католицизмъ только—былъ карою упорствовавшихъ. Незнаніе языка и, вслѣдствіе того, полное непониманіе цѣли требованій тѣми, къ кому они адресовались, оказывается повсемѣстнымъ явленіемъ на пути слѣдованія шаекъ этихъ жадныхъ *крестоносцевъ*, равно ненавидимыхъ и корелами,—какъ видимъ ихъ же перебившими,—и русскими, что бились за свою собственность. Предположеніе же свое, о томъ что избитые были—крестоносцы, мы составили на одновременномъ явленіи такихъ же господъ въ Финляндіи, гдѣ, въ силу грамоты короля Эрика (1228 г.) получивъ номинальное право на владѣніе рощами (служившими бѣднымъ финнамъ мѣстами мольбищъ по ихъ языческой религіи), архіепископъ Абовскій разослалъ толпы наемной сволочи *проповѣдовать и обращать* вооруженою рукою да захватомъ собственности.

Манія обращенія въ католицизмъ не чужда была и цѣли похода Биргера на Неву, окончившагося битвою на Ижорѣ—тоже несчастливо для предпринимателя этой операціи, въ большемъ конечно размѣрѣ, чѣмъ подвиги несчастливцевъ, на берегахъ Ладожскаго озера.

Овладѣвъ при помощи духовенства престоломъ своимъ,—разъ уже потеряннымъ,—король Эрикъ (Эриковъ сынъ) предоставилъ духовнымъ большія преимущества. Мало того, для поддержки требованій папы Григорія IX—выраженныхъ въ грамотахъ къ Архіепископу Упсальскому Ярлу, отъ 5 декабря 1237 г. — *обращать мечемъ непокорныхъ финновъ*, онъ послалъ съ войскомъ своего шурина ярла Биргера Біэльбовскаго (женатаго на сестрѣ его Ингеборгѣ и разсѣявшаго всѣхъ противниковъ его въ Швеціи) предводить этимъ войскамъ по сю сторону Балтики.

Шведскіе историки относятъ походъ Биргера и борьбу его съ Александромъ отнюдь не 1240-му, а къ 1248 году нашей эры. Бѣдность подробностей, сбивчивость ихъ и явная нелогичность выводовъ заставляетъ насъ предпочесть невѣрному иностранному отечественное показаніе, полное реторическихъ фигуръ на церковный складъ, но, тѣмъ не менѣе, обстоятельное и правдоподобное (въ 1-ой Софійской лѣтописи).

Мотивъ для войны, наивный лѣтописатель—не зная его конечно—находитъ въ зависти шведскаго короля, до котораго дошелъ слухъ о нравственныхъ и физическихъ совершенствахъ новгородскаго героя. Наивность этой посылки, относительно времени послѣдованія невской битвы, когда Александру всего только едва минуло 20 лѣтъ (принимая дату рожденія его, послѣ брата Ѳедора—20 мая 1220 г.), такъ уже сама говоритъ за себя, что входить въ объясненія тутъ совершенно излишне. Составитель лѣтописи, не задаваясь никакими положеніями, кромѣ желанія, по своему возвеличить предметъ своихъ восхваленій, говоритъ, что королю (котораго и имени онъ не знаетъ) вспало на мысль «побѣдити (Александра Ярославича) или руками яти, а великій Новгородъ плѣнити и всѣ грады ихъ и люди славеньскія къ себѣ въ работу сотворити: и рече поиду на земли великаго князя Александра Ярославича». Принимая во вниманіе слово *великій князь* при имени Александра, пожалуй возможно бы было принять годъ войны, указываемый шведскими историками. Онъ былъ бы и болѣе вѣроятенъ, если бы не сбивало съ толка пребываніе невскаго героя въ Ордѣ, вслѣдъ за смертью отца по 1250 годъ. Зная же невозможность Александру находиться на Невѣ въ 1248 году, мы опять должны слѣдовать сказанію своихъ лѣтописей и отнести мужественный подвигъ сына Ярослава къ двадцать первому году его земной жизни; именно къ іюлю 1240 года.

Послѣ рождества, зимою еще 1239—1240 г., явилась на востокъ отъ Швеціи яркая комета—и католическіе прелаты, проповѣдуя крестовый походъ на Тавастландъ и Наугардію, невѣжественному народу прямо указывали на хвостъ кометы, какъ на предвѣстіе великихъ происшествій и именно на знакъ милости Божіей къ ополчающимся для проношенія имени Іисуса Христа въ концы земли». —«Туда идите братія»,—проповѣдникъ простиралъ руку на востокъ, гдѣ горѣла комета—«вотъ небесная путеводительница Ваша къ лучшей жизни, за подвигъ»!

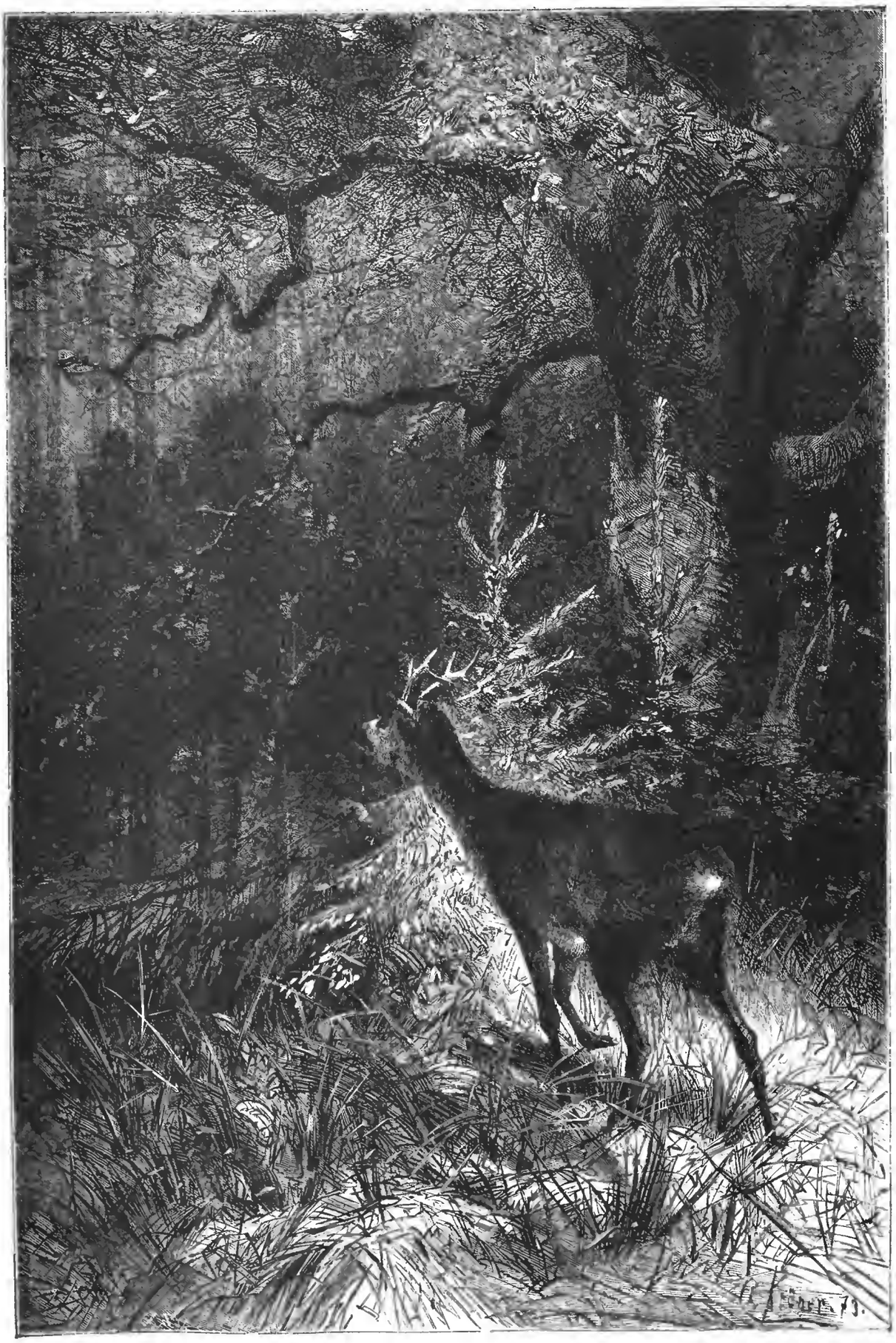
Предсказаніе конечно буквально исполнилось для порубленныхъ Новгородцами на Устьѣ Ижоры. Не такъ думали двигатели ополченія. Не того ожидалъ главный вождь и не для такой мзды, какая послѣдовала, боголюбивые епископы Ярлъ Упсальскій и Ларсъ Линкенгскій ѣхали лично забирать лепту на свѣчу ко гробу Петра апостола. Усиліями невѣрныхъ новгородцевъ нашли эти пастыри, конечно, путь въ иную жизнь, но едва ли расчитывали на то, отправляясь съ Биргеромъ Ярломъ, ополчивъ норвежцевъ да племена Финскія, имъ покорныя, кромѣ природныхъ Шведовъ. Переѣздъ черезъ Балтійское море и отъ Або по Финскому заливу совершился для усердныхъ воителей—успѣшно. Нева стояла полною въ берегахъ своихъ, благодаря весеннимъ ненастьямъ, и новые крестоносцы съ большими шнеками добрались до пороговъ гдѣ конечно, должны были остановиться. Предположеніе прорваться въ Ладожское озеро — не состоялось. Но какъ видно въ Новгородѣ уже не были тайною приготовленія къ экспедиціи Биргера. Сборы впрочемъ всегда шли туго у новгородцевъ. И на этотъ разъ, при извѣстіи о походѣ Шведовъ, Александръ Ярославичъ, принявъ отъ архіепископа Спиридона благословеніе, выступилъ не дождавшись явки и сбора всѣхъ силъ своихъ. Безъ сомнѣнія, весенняя половодь и дожди задержали многихъ за полевыми работами. Спѣшно идя, Александръ нашелъ враговъ стоявшихъ уже лагеремъ при устьѣ Ижоры, дальше которой не могли двигаться глубоко сидящіе шнеки.

Задержала ихъ, вѣроятно, и наличная сила правителя Швеціи—какъ кажется, тоже не совсѣмъ еще изготовившагося и поджидавшаго подхода можетъ-быть и значительной партіи на парусныхъ судахъ удержанныхъ безвѣтріемъ. По крайней мѣрѣ суда рѣчные и шехерные были у Биргера, о парусныхъ же большихъ нѣтъ и намека въ лѣтописи. Ожиданіе же парусныхъ судовъ съ высокими бортами (насадъ) выказывается въ самомъ расказѣ Пелгуси, финна преданной Александру и крещеннаго съ именемъ Филипа. Этотъ Филипъ высланъ былъ къ морю: усмотрѣть и дать знать о приходѣ новыхъ силъ къ шведамъ. Ему вздремнулось. Ночь туманна но далеко не темна. Вотъ онъ приходитъ въ себя, или продолжаетъ грезить—какъ разобрать!—но видитъ близко проходитъ большое судно (насада) ярко освѣщенное. Но этомъ насадѣ присмотрѣлъ (Пелгуси) Филиппъ двухъ молодыхъ людей въ яркихъ красныхъ плащахъ (что въ то время отличало уже вождей) стоящихъ положивъ другъ другу руки на плечи дружески. Лица гребцовъ казались Филиппу неопредѣленными, когда проходила близъ него насада, онъ будто бы услышавъ разговоръ обнимавшихся—«Брате Глѣбѣ, вели грести (сильнѣе), да поможемъ (т. е. успѣемъ во время пріѣхать на помощь) сроднику нашему Александру Ярославичу»!

Насадъ, дѣйствительно, быстро удалился—и Пелгуси поскакалъ доложить князю о пріѣздѣ большаго судна, на которомъ такъ говорили. Князя удалось ему увидѣть скорѣе чѣмъ онъ думалъ: Александръ дѣлалъ рекогносцировку непріятельскаго стана—и ободреніе свыше, какъ онъ понялъ изъ видѣнія Пелгуси побудило героя не откладывать дальше нападенія на шведовъ.

Туманъ уже разсѣялся. Наступилъ день 15 іюля, яркій и знойный. Около десяти часовъ утра (въ 6-мъ часу дня, начинавшагося въ ту пору въ половинѣ 4-го часа пополуночи)—герой двинулъ свои силы на Биргера, надѣясь на храбрость дружины. Передъ дружнымъ натискомъ съ разныхъ сторонъ храбрыхъ конниковъ Александра ошеломленные внезапностью шведы не долго выказывали отчаянную храбрость. Храбрый Сбысловъ Якуновичъ, размахивая страшнымъ топоромъ своимъ, прорубилъ широкую дорогу въ густой толпѣ враговъ, смѣшавшихся около правителя. Самъ Александръ, увлеченный мужествомъ, съѣхался лицомъ къ лицу съ предводителемъ шведскимъ. Однимъ ударомъ меча разрубилъ ему шлемъ, а другимъ - «взложи печать на лице его». Раненаго вождя

Библиотека "Руниверс"



Охота на косулю. Рис. и грав. К. Крёгеръ.

Библиотека "Руниверс"

подхватили подъ руки и понесли къ шнеку. Тутъ подскакалъ Гаврило Олексичъ и слѣдомъ за свитою по сходнѣ, взъѣхалъ на палубу судна, нашоя смерть попадавшимъ подъ удары его. Тѣлохранители раненаго спихнули въ воду храбреца, но онъ какъ ни въ чемъ не бывало выплылъ изъ воды, направившись далѣе въ станъ шведскій, поѣхалъ на предводителя отряда Спринга (Спиридонъ по лѣтописи). Гаврилѣ удалось свалить этого рыцаря, среди его ратниковъ, недалеко отъ павшаго епископа Ларса, тоже принявшаго участіе въ схваткѣ, не смотря на санъ свой. Битва кипѣла съ ожесточеніемъ. Ловчій князя Александра, Яковъ Полочанинъ съ дворянами, на коняхъ, потѣснилъ дружно стоявшую кучку шведовъ, отстаивавшихъ крѣпко свою свободу; на помощь къ отчаянному мужеству Якова явился Ратмиръ съ пѣшимъ строемъ—и приведя враговъ въ невозможность сопротивляться, палъ смертью храбрыхъ, доставивъ честь побѣды одноземцамъ. Другой пѣшій отрядъ новогородцевъ, предводимый разудалымъ Мишею, напалъ уже на забравшихся на шнеки непріятелей, потопивъ три изъ нихъ. Сила русская сломила кичливость враговъ—и отрокъ княжескій, Сава, поскакалъ на шатеръ Биргера, золоченый значекъ надъ которымъ служилъ для терявшихъ мужество шведовъ послѣднимъ признакомъ порядка, видный издали, благодаря высотѣ своей. Сава, понявъ значеніе для одолѣваемыхъ этого блещущаго стяга, поспѣшилъ подрубить подпору на которой держался шатеръ — и онъ свалился, вызвавъ крикъ ужаса въ шведахъ, пустившихся куда глаза глядятъ. Побѣдители принялись разбирать убитыхъ и три шнека наполнили мертвыми, одѣтыми въ доспѣхи. Финновъ пало тоже не мало. Убитые, по словамъ лѣтописи, находились даже за Ижорою, куда не переходилъ огонь сѣчи. Вѣроятно умерли тамъ безъ помощи, выведшіе изъ боя, тяжело раненые. Лѣтописецъ видитъ въ этомъ перстъ провидѣнія и чудо, напоминавшее Сенахеримово библейское избіеніе ангеломъ враговъ народа еврейскаго. Изъ рядовыхъ храбрецовъ новогородскихъ пало тоже 20 мужей именитыхъ въ невскомъ бою, но потеря эта забыта на радостяхъ побѣды, давшей предводителю имя *Невскаго*. **П. Петровъ.**

Охота на косулю.

Наша косуля (Capreolus vulgaris) служитъ представительницей одного рода оленей, съ вилообразными рогами и едва замѣтными слезными ямочками.

Косуля—маленькій изящно-организованный и граціозный олень съ короткими коренастыми туловищемъ, шею и головою, высокими, стройными ногами и небольшими рожками. Хвоста совсѣмъ не видно и слезныя впадины едва замѣтны. Цвѣтъ шерсти различенъ, смотря по времени года. Лѣтомъ у нихъ шерсть нѣжная, гладко-прилегающая и короткая, она упруга и повсюду ржавокраснаго цвѣта. Зимою бываетъ снизу значительно длиннѣе, курчавѣе, ломче и принимаетъ буро-сѣрую окраску. Большое пятно вокругъ хвоста и зеркальце — въ зимней одеждѣ бѣлыя. И въ той и въ другой одеждѣ видны постоянныя черно-бурыя полоски, идущія одна отъ переносья ко рту и двѣ снизу съ каждой стороны подъ нижнею губою. У молодыхъ вся одежда въ свѣтлыхъ пятнахъ. Сверхъ того есть черныя и бѣлыя породы косуль.

По образу жизни косуля напоминаетъ сродичей. Но она живетъ только семьями и небольшими стадами отъ трехъ до девяти или двѣнадцати штукъ, не больше. Эти стада держатся разъ избранныхъ мѣстъ, пока самая жестокая погода не вынудитъ ихъ къ странствованію. Днемъ такое стадо скрывается въ чащѣ, къ вечеру оно выходитъ пастись на поляны. Самецъ тщательно оглядѣвшись идетъ впереди самки, а телята вслѣдъ за ними. Кормъ ихъ почти тотъ же что у ихъ родичей, развѣ за исключеніемъ того что косуля не роетъ картофель какъ олень. Всякія нѣжныя травы и былинки, клеверъ, полевая рѣпа, рожь и другія полевыя растенія—все употребляется ими въ пищу, но прежде всего молодыя вѣтви, листья и побѣги лиственныхъ и даже хвойныхъ деревьевъ образуютъ главную часть корма. Какъ лакомство употребляются дубовые и каштановые желуди, дикіе плоды, грибы, сморчки и трюфели, которые очень ловко выкапываются ими изъ земли.

За исключеніемъ сѣверныхъ странъ, косуля встрѣчается во всей Европѣ и въ большей части Азіи. Въ иныхъ мѣстахъ она почти что уже истреблена, хотя вообще можно сказать, что еще встрѣчается во всѣхъ большихъ лѣсахъ, какъ въ гористыхъ, такъ и въ ровныхъ мѣстностяхъ, какъ въ красномъ такъ и въ черномъ лѣсу. Для нее особенно пріятны тѣ мѣста гдѣ много кустарника, гдѣ темно и много тѣни. Зимою она сходитъ съ высотъ въ долины, лѣтомъ же поднимается на горы; въ ровныхъ мѣстностяхъ она забирается въ это время въ поля и прячется въ высокихъ хлѣбахъ. Косули держатся то въ рѣдкихъ то въ темныхъ лѣсахъ, смотря потому, оставляютъ ли ихъ въ покоѣ или часто преслѣдуютъ; онѣ прячутся преимущественно во время дня, устроивая себѣ логовище въ травѣ или кустахъ.

По своему образу жизни косуля напоминаетъ оленей, но ея нравъ значительно отличается отъ нрава оленя. Ея движенія очень проворны и красивы. Косуля можетъ дѣлать очень большія прыжки и безъ замѣтнаго напряженія перепрыгивать черезъ широкія рвы, высокіе заборы и кустарники; она плаваетъ очень хорошо и лазитъ порядочно. Къ этому надо присоединить еще ея высшія способности; она чуетъ, слышитъ и видитъ превосходно; она умна, хитра, осторожна и очень пугалива. Ласковость и привязчивость видна во всякомъ ее взглядѣ, тѣмъ не менѣе ее можно приручить только когда она взята въ ранней молодости и воспитана человѣкомъ; въ противномъ случаѣ, не смотря на самый лучшій уходъ, въ ней сохраняются пугливость и боязнь человѣка и животныхъ. Это боязнь такъ велика, что косуля не только кричитъ отъ страха когда ее вспугнутъ, но часто не можетъ даже спастись бѣгствомъ, совершенно растерявшись, и боязливо вертится на одномъ мѣстѣ; такимъ образомъ она нерѣдко становиться жертвою не только хищниковъ, но даже обыкновенныхъ дворовыхъ собакъ.

Голосъ косули различенъ. Самецъ кричитъ отрывистымъ глухимъ голосомъ, голосъ самки выше и протяжнѣе, теленокъ пищитъ на тотъ же маперъ, именно: «Бё бё бё».

Ни у одного рода изъ прочихъ оленей не извѣстно столько своенравныхъ т. е. неправильно разросшихся роговъ, какъ у косули. Замѣчательно, что почти въ каждой странѣ свое особое развитіе роговъ,—и оно наслѣдственно въ семьяхъ.

Пойманныя молодыми косули становятся милыми домашними животными. Онѣ какъ собаки слѣдуютъ за своими хозяевами на прогулкахъ и выѣздахъ. Матки остаются постоянно кроткими и милыми, самцы-же напротивъ часто требуютъ значительной осмотрительности. Многіе изъ шаловливости опаснымъ образомъ играютъ своими острыми рогами и нѣкоторые такъ злы, что ставятъ своихъ хозяевъ въ серіозную опасность. Уже много было несчастныхъ случаевъ отъ самцовъ косуль.

Вкусное мясо и кожа употребляемая въ выдѣлкѣ—дѣлаютъ косулю лакомымъ кускомъ для охотниковъ. Охотятся на нее большею частью осенью или зимою—облавой или же съ собаками. Самцовъ же бьютъ и лѣтомъ, если ихъ приходиться встрѣтить, гдѣ нибудь нечаянно, въ лѣсу, или подкараулить у водопоя.

Народы России.

XVII. Камчадалы.

(Окончаніе).

Въ обычаяхъ Камчадаловъ весьма много страннаго. Вотъ какъ, напримѣръ, у нихъ еще недавно сводилось знакомство. Если одинъ камчадалъ хотѣлъ короче сойтись съ другимъ, то онъ, предварительно заготовивъ всякаго рода припасовъ на десятерыхъ, звалъ будущаго друга къ себѣ въ гости. Юрта на этотъ случай топилась до невозможности. Хозяинъ и гость сидѣли въ ней раздѣвшись. Затѣмъ послѣднему предлагались яства—и въ то время какъ онъ ѣлъ, хозяинъ на раскаленные каменья очага наливалъ воду. Гость, по засвидѣтельствованію очевидца, старается все что у хозяина приготовлено съѣсть и жаръ его вытерпѣть, а хозяинъ старается, чтобъ гость взмолился и просилъ свободы отъ пищи и жару». Выйти изъ юрты гость права не имѣетъ, хозяину же предоставляется оставлять ее когда ему угодно. Гость откупается собаками или платьемъ. Обряды сватанья и сватьбы—такъ же нелѣпы: женихъ сначала служитъ какъ рабъ своему тестю и затѣмъ уже получаетъ позволеніе «хватать» невѣсту. Какъ только позволеніе дано — невѣста охраняется всѣмъ женскимъ поломъ своего острожка.

Въ это время она одѣта въ нѣсколько платьевъ и вся перепутана сѣтями и неводами. Женихъ долженъ поймать свою невѣсту тогда, когда около нѣтъ никого. Прежде когда Камчадалы были не христіане — этого было совершенно достаточно и обрядъ вѣнчанія считали совершеннымъ. Во время «хватанья» юнаго героя старухи острожка часто искалѣчивали въ конецъ. Затѣмъ невѣста увозились въ юрту къ жениху съ многосложными обрядами, описывать которые не позволяетъ къ сожалѣнію объемъ настоящей статьи. Если женятся на вдовахъ, то этихъ обрядовъ не исполняютъ вовсе. Однако жениться на вдовѣ нельзя пока кто нибудь не сниметъ съ нея «вдовьяго грѣха», что для камчадала считается позорнымъ. Впрочемъ, говоритъ Крашенинниковъ «съ тѣхъ поръ какъ наѣхали въ Камчатку казаки то трудность найти грѣхоснимателей миновала». Прежде Камчадалы допускали супружества

Библиотека "Руниверс"

между пасынками и мачихами, вотчимами и надчерицами, двоюродными братьями и сестрами. Разводы и до сихъ поръ совершаются весьма легко. Въ прежнее время у этихъ дикарей—было по нѣскольку женъ. Ревности они и до сихъ поръ не знаютъ и дѣвственность невѣсты ставится въ порокъ тещамъ.

Ихъ женщины отличаются особенно легкими родами. Черезъ часъ послѣ нихъ женщина идетъ въ юрту какъ ни въ чемъ не бывало. Странны ихъ повѣрья. Кто хочетъ имѣть дѣтей—тотъ ѣстъ пауковъ. Дѣтоубійство — дѣло самое обыкновенное. Крашенниковъ говоритъ, что прежде случались и такіе случаи: живыхъ только-что рожденныхъ дѣтей камчадальскія матери выбрасывали собакамъ или давили ихъ безъ всякаго сожалѣнія; часто причиною этому были ихъ суевѣрія, такъ какъ когда рождались двойни—одному ихъ нихъ слѣдовало умереть. Грудью младенцевъ кормятъ по три и по четыре года. Отцы и матери вообще любятъ своихъ дѣтей, но за то дѣти не отвѣчаютъ тѣмъ же. Они презираютъ своихъ родителей за ихъ старость и слабость, бранятъ ихъ и даже бьютъ. Если молодой Камчадалъ захочетъ жениться—онъ никогда не спрашиваетъ позволенія у отца или у матери, чаще онъ даже и не предупреждаетъ ихъ объ этомъ.

Здоровьемъ Камчадалы далеко не могутъ похвалиться. Главныя болѣзни у нихъ: цынга, чирьи, ракъ. Смертность впрочемъ между ними не особенно велика. Первоначально Камчадалы не погребали умершихъ, а просто кидали ихъ на съѣденіе собакамъ, твердо вѣруя что съѣденный собаками—на томъ свѣтѣ станетъ ѣздить на самыхъ лучшихъ псахъ. Всѣ платья умершаго выбрасывались вонъ, потому что всякій надѣвшій ихъ долженъ былъ неминуемо умереть въ самое непродолжительное время. Мертвыхъ младенцевъ кладутъ въ дупла деревевъ безъ всякихъ обрядовъ. По умершимъ не особенно сокрушаются.

Вотъ общія черты характера этаго полудикаго племени, заброшеннаго на очаровательный лѣтомъ и суровый зимою полуостровъ Комчатку. Нужно замѣтить, что Камчадалы способны къ прочной осѣдлости—и при маломъ процентѣ русскихъ живущихъ въ ихъ краю, они, по всей вѣроятности, не выродятся такъ, какъ выродились тѣ расы, которымъ привелось вести съ могучею славянскою расой борьбу за существованіе. Такъ, мы видимъ, что число Камчадаловъ не уменьшается, какъ уменьшается численность самоѣдъ, остяковъ и другихъ номадовъ русскаго Сѣвера. Въ камчатскихъ школахъ камчадальское молодое поколѣніе отличается способностями, быстротой и живостію пониманія. Теперь уже почти всѣ дикари этого полуострова говорятъ по русски, многіе русскіе обычаи усвоиваются ими—и не далеко то время когда послѣдніе слѣды варварства исчезнутъ здѣсь, уступая свое мѣсто цивилизующему вліянію завоевательнаго элемента, первое появленіе котораго—облито кровью исконныхъ обладателей.

Законъ исторіи не знаетъ пощады. Внося повидимому разрушеніе и смерть—онъ создаетъ иную мощную жизнь—и человѣчество все таки выигрываетъ съ каждымъ шагомъ его впередъ. Недалека уже свѣтлая будущность Камчатки. Естественныя богатства ея дадутъ прочное основаніе для хозяйства ея тружениковъ, а съ богатствомъ—создастся и образованіе.

Тогда быть можетъ этотъ гористый и далекій край не будетъ пугать своимъ суровымъ величіемъ. Воздѣлываемая природа развернется здѣсь со всею роскошью яркихъ красокъ, жизнь скажется повсюду и—на могилахъ первыхъ колонизаторовъ Камчатки возникнутъ богатыя и самостоятельныя села, гдѣ имя Россіи будетъ не представителемъ чуждаго нашествія—а именемъ родины, славы и счастья!

В. Немировичъ-Данченко.

Угорь и его размноженіе

Угорь принадлежитъ къ отряду рыбъ, отличающихся своимъ удлиненнымъ змѣеобразнымъ тѣломъ и хрящевымъ скелетомъ. Кожа этихъ рыбъ толстая, мягкая, слизистая, непокрытая, или же только изрѣдка покрытая, чешуей. Спина ихъ чернозеленая, брюхо бѣлое. Плавники мало развиты, состоятъ изъ очень мягкихъ лучей. Брюшныхъ плавниковъ въ большинствѣ случаевъ не существуетъ у этихъ рыбъ, а есть только грудные плавники, расположенные у жаберныхъ отверстій.

Голова угрей узкая, удлиненная, сверху приплющенная; ротъ съ крѣпкими, острыми крючковатыми зубами; верхняя челюсть въ видѣ маленькой косточки, спрятанной въ толстой мясистой губѣ. Угорь живетъ въ рѣхахъ, озерахъ и прудахъ, а также и въ моряхъ у берега. Зиму они проводятъ въ спячкѣ, скучившись сотнями въ одномъ логовищѣ. Пища ихъ состоитъ изъ различныхъ маленькихъ водяныхъ животныхъ и растеній,—въ особенности они любятъ горохъ, для добыванія котораго они, въ февралѣ, часто предпринимаютъ ночные набѣги на прибрежныя поля (возможностію оставаться долгое время внѣ воды угри обязаны особенному устройству ихъ жаберъ, въ мѣшкахъ которыхъ помѣщается много воздуха). Для метанія икры они, въ февралѣ и мартѣ, переселяются въ море. Мясо угрей очень вкусно и составляетъ поэтому предметъ обширной торговли. Въ высшей степени интересенъ вопросъ *о способѣ размноженія* угрей, который, какъ и вопросъ о способѣ размноженіе рыбъ вообще, имѣетъ весьма важное значеніе не только для науки, но и для практической жизни. Между тѣмъ вопросъ этотъ, несмотря на то, что угри составляютъ далеко не рѣдкую породу рыбъ, и что вопросомъ этимъ занимался чуть ли уже не Аристотель, до сихъ поръ не рѣшенъ окончательно. До сихъ поръ еще не удалось найти угря мужскаго пола. Относительно же способа размноженія существуетъ два противоположныхъ мнѣнія: по одному, угорь, подобно прочимъ рыбамъ размножается посредствомъ метанія икры,—по другому же, угри родятъ *живыхъ* дѣтенышей. Въ пользу справедливости послѣдняго мнѣнія говоритъ положительное наблюденіе, сдѣланное недавно однимъ учителемъ гимназіи въ Роштокѣ, д-ромъ *Эбергардомъ*; послѣдній сообщаетъ о своемъ чрезвычайно интересномъ наблюденіи слѣдующее.

Благодаря внимательности одного изъ учениковъ нашего училища, Вестендорфа, мнѣ удалось сдѣлаться владѣтелемъ довольно значительно по числу и вполнѣ развитаго угорьнаго вывода. Сдѣлано это счастливое пріобрѣтеніе по слѣдующему случаю. Ученикъ Вестендорфъ разсказалъ своей теткѣ, занимавшей квартиру въ домѣ одной изъ здѣшнихъ коптильщицъ угрей, что, несмотря на то, что ежегодно ловятся огромныя количества угрей, до сихъ поръ еще ничего не знаютъ о способѣ происхожденія этихъ рыбъ. Нѣсколько времени спустя, назадъ тому нѣсколько недѣль, коптильщица, вскрывая одного угря, нашла въ немъ необыкновенное содержимое, каковою находкою она и поспѣшила подѣлиться съ своею сосѣдкою, теткою Вестендорфа. Послѣдняя, припомнивъ разсказъ своего племянника, взяла часть этой находки для передачи ея мнѣ черезъ Вестендорфа. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе ошибки, я получилъ посылку спустя лишь нѣсколько недѣль, такъ что лишенъ былъ возможности достать и рѣдкую угревую самку.

Отъ коптильщицы угрей я узналъ, что рыба была обыкновенной длины, но поразительной толщины. Въ полости брюха найденъ былъ сѣтообразный мѣшокъ, заключавшій въ себѣ до тысячи маленькихъ зародышей—изъ нихъ и состояло найденное содержимое — которые продолжали двигаться и ползать еще долго по вынутіи ихъ изъ тѣла матери. Двадцать семь изъ этихъ угревыхъ личинокъ были мною получены и сохранены въ спиртѣ. На приложенномъ рисункѣ одна изъ этихъ личинокъ изображена увеличенною въ пять разъ. Цвѣта онѣ свѣтлозеленаго, голова же и брюхо украшены болѣе желтымъ цвѣтомъ. Длина зародышей среднимъ числомъ достигаетъ до двадцати пяти миллиметровъ. Ихъ темные глаза поражаютъ свое величиною, а сѣрый слегка разлитый кругъ обозначаетъ собою зрачекъ. Нижняя челюсть нѣсколько длиннѣе верхней.

Въ нѣкоторомъ удаленіи отъ головы начинается нѣжный плавникъ, который тянется вдоль спины. Замѣтны также пара грудныхъ плавниковъ, за то совсѣмъ нѣтъ брюшныхъ плавниковъ. Скелетъ просвѣчиваетъ до того хорошо, что его можно ясно видѣть простымъ глазомъ. Къ груди прикрѣпленъ посредствомъ совершенно прозрачной, тягучей кожи студенистый пузырекъ, содержащій въ себѣ желтую капельку: это такъ-называемый желтковый мѣшокъ. Брюшко вздуто.

Что мы имѣемъ дѣло съ рыбою—стольже ясно, какъ и то, что эта рыба принадлежитъ къ породѣ молодыхъ угрей. Тому предположенію, что старый угрь поглотилъ, быть можетъ, нѣкоторыхъ изъ своихъ сородичей, въ очень еще молодомъ возрастѣ послѣднихъ, прямо противорѣчатъ два обстоятельства: во первыхъ то, что этихъ зародышей найдено было такое громадное количество, а во вторыхъ, то, что они жили еще довольно долгое время послѣ поимки и вскрытія угря.

Я думаю поэтому что, на основаніи приведенныхъ данныхъ, можно съ положительностію утверждать, что угорь производитъ на свѣтъ живыхъ дѣтенышей,—и я думаю кромѣ того, что не ошибаюсь, если на основаніи присутствія желтковаго пузыря вывожу заключеніе о томъ, что питаніе молодыхъ въ утробѣ матери происходитъ такимъ же способомъ, какъ у акулъ, именно насчетъ содержимаго желтковаго пузыря.

Безъ сомнѣнія, еще большему выясненію этого въ высшей степени интереснаго и практически важнаго вопроса можетъ содѣйствовать каждый болѣе или менѣе развитый читатель, если онъ только этимъ вопросомъ заинтересуется и подѣлится своими наблюденіями и открытіями съ спеціалистомъ по этой части. Тогда можно будетъ придти къ совершенно новымъ выводамъ относительно темнаго происхожденія этой странной породы рыбъ».

Такія наблюденія въ особенности легки у насъ въ Петербургѣ, гдѣ рыба эта ловится въ большомъ количествѣ и доставляется въ мѣстныя коптильни, а также и для маринованія,—и слѣдовательно каждый любитель естественныхъ наукъ во всякое время года можетъ имѣть ее подъ рукою.

Библиотека "Руниверс"

Сцены и войны изъ міра животныхъ.

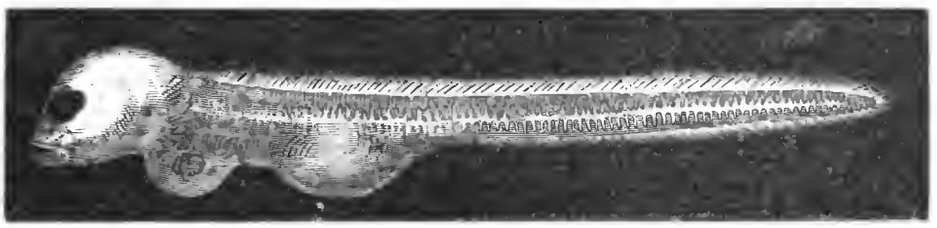
I.

Ехидна и ея добыча.

Нѣтъ ни одного человѣка, который, придя въ болѣе или менѣе близкое соприкосновеніе съ животнымъ міромъ, не сдѣлался бы въ то же время искреннымъ другомъ послѣдняго. Каждый человѣкъ, смотря по своимъ взглядамъ и наклонностямъ, находитъ себѣ любимцевъ въ этомъ мірѣ одушевленныхъ существъ, и этимъ избраннымъ любимцамъ онъ отдаетъ часть своихъ симпатій. Нѣкоторыя животныя пристаютъ къ обществу людей вовсе безъ всякаго на то старанія со стороны послѣднихъ—и даже противъ ихъ желанія.

Ласточки, аисты и скворцы расчитываютъ на нашу защиту, и, пользуясь всеобщею любовью, дѣйствительно вездѣ ее находятъ. Къ нимъ непрошеннымъ гостемъ вторгается противный ястребъ, которому однако осквернять своимъ присутствіемъ святыню нашаго домашняго очага мѣшаетъ недостатокъ нахальства, свойственнаго крысѣ, юркости мыши, назойливости паука! Что значатъ для нашихъ нѣжныхъ дамъ всѣ ужасы міра въ сравненіи съ жалкимъ тріумвиратомъ только-что упомянутыхъ вполнѣ безобидныхъ звѣрей! Стоитъ вамъ только заговорить въ присутствіи дамъ объ этихъ бѣдныхъ животныхъ, какъ пойдутъ обмороки, конвульсіи, истерики и другіе припадки раздраженнаго состоянія черезъ чуръ изнѣженной нервной системы! а въ лучшемъ случаѣ вы подвергаетесь за вашу неприличную выходку негодованію и упрекамъ не только со стороны дамъ, но и женоподобныхъ мущинъ, которые, къ вящему стыду, раздѣляютъ съ женщинами эту слабость. И это въ сущности очень глупо: ибо какъ-бы отвратительно ни было по наружности животное, благоразумному человѣку нѣтъ никакого резоннаго основанія ненавидѣть животное или избѣгать его, хотя и нельзя его любить и терпѣть его сообщество.

Если нелюбимое животное наноситъ вредъ нашему имуществу, нашей жизни или нашему здоровью, то мы имѣемъ полное право его преслѣдовать и полное основаніе его избѣгать. Но соединять съ этой самообороной чувство отвращенія и ужаса, которое, при извѣстныхъ обстоятельствахъ (напр. при чрезмѣрной нервной раздраженности человѣка) можетъ причинить бѣду гораздо большую, нежели та, какую будто бы причиняетъ животное, — по меньшей мѣрѣ смѣшно.



Увеличенный (въ 5 разъ) зародышъ угря.

Никакой человѣкъ, если онъ только смотритъ на вещи трезво, не станетъ оправдываться тѣмъ, что у него будто бы существуетъ къ этимъ животнымъ врожденное отвращеніе, или какъ это называется на языкѣ свѣтскихъ людей и ученыхъ: антипатія, идіосинкразія. Было и всегда будетъ недостойно благоразумнаго человѣка, сознавая за собою подобныя слабости, не постараться серіозно объ ихъ уничтоженіи. *Паукъ*, напримѣръ, не можетъ причинять никакого вреда ни нашей жизни, ни нашему здоровью. Пусть забавныя тенета, устраиваемыя имъ въ углахъ комнатъ, дѣйствительно вносятъ безпорядокъ въ домашній строй, и весьма некстати и вездѣ оставляютъ неизгладимые слѣды своего существованія; пусть въ подкарауливающемъ существѣ длинноногаго кровопійцы дѣйствительно есть нѣчто отталкивающее, но *бояться* его человѣку нѣтъ никакого разумнаго основанія.

Нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ двумя другими гостями: *крысами* и *мышами*. Какъ первыя, такъ и послѣднія, не только насъ тяготятъ своимъ присутствіемъ, но прямо вредятъ, не столько здоровью, сколько нашему имуществу; преслѣдовать ихъ заставляетъ насъ чувство самозащиты, ненавидѣть ихъ простительно,—но *бояться* ихъ нелѣпо—въ особенности *мыши*, которая сама пугливѣе всякой слабонервной женщины. Мало этого, если, преодолѣвши ложное чувство отвращенія и боязни, ближе присмотрѣться къ этому подпольному животному, то можно убѣдиться, что оно представляетъ собою весьма граціознаго, опрятнаго, забавнаго и вполнѣ добродушнаго звѣрька.

Во всякомъ случаѣ, не въ примѣръ болѣе тягостны для насъ въ домашнемъ быту *крысы*. Я самъ не особенно имъ симпатизирую, да и врядъ ли кто, за исключеніемъ развѣ отшельника, любитъ ихъ сообщество,—и никто, кромѣ колодника, не станетъ дѣлить свою трапезу съ этою отверженной компаніей.

Тѣмъ не менѣе и онѣ способны быть воспитанными. Отъ существа же, которое всѣ презираютъ и ненавидятъ, жестоко преслѣдуютъ и безгранично боятся, мы не должны ожидать ничего хорошаго. Такимъ образомъ, крысы, заклейменыя позорнымъ именемъ неукротимыхъ домашнихъ разбойниковъ, лишены покровительства законовъ и навсегда изгнаны изъ нашего общества; счастливое исключеніе составляютъ только бѣлые какъ снѣгъ альбиносы съ ихъ пурпурно-красными глазками.

Но существуютъ и такія животныя, съ которыми не смотря на то, что они намъ не приносятъ никакого вреда и даже не тяготятъ насъ, мы никакъ не можемъ сдружиться. Читатель безъ сомнѣнія догадывается, что рѣчь идетъ о пресмыкающихся, и прежде всего о *змѣяхъ*. Въ послѣднихъ насъ пугаетъ не тѣло, изгибающееся красивою спиралью, не чешуйчатый ихъ покровъ, весьма нерѣдко прелестно разрисованный, еще менѣе можетъ внушать страхъ ихъ судорожное подергиваніе вилообразнымъ языкомъ,—ибо всякій изъ насъ знаетъ, что змѣя, если она наноситъ кому нибудь рану, то дѣлаетъ это просто, кусая зубами, но отнюдь не «жаля» своимъ совершенно безсильнымъ языкомъ. Однако у каждаго изъ насъ, почти безъ исключенія, пробѣгаетъ легкая дрожь, какъ только вблизи насъ заслышится шелестъ отъ проползшей по травѣ змѣи,—и это вполнѣ основательно, ибо хотя змѣи и не «противны и отвратительны,» а также и не непобѣдимы, однако ея заманчиво-блестящій панцырь часто скрываетъ въ себѣ гибельный для жизни ядъ. Въ бѣдной змѣями Германіи существуетъ только одна ядовитая змѣя—*ехидна*, *) которую намъ художникъ изобразилъ въ тотъ самый моментъ, когда она наноситъ смертельный укусъ мыши.

Не смотря на всѣ старанія натуралистовъ, знакомство съ этой, единственно у насъ опасной, змѣей недостаточно распространено въ публикѣ. И какъ часто такое легкомысленное невѣжество бываетъ причиной большихъ несчастій! Много ли найдется людей настолько не трусливыхъ, чтобы, при каждомъ шелестѣ листьевъ или чуть завидя животное, хотя бы то и была змѣя, не потерять отъ страху сознанія? Они отъ испуга либо остаются пригвожденными къ мѣсту, лицомъ къ лицу съ непріятелемъ, либо что еще постыднѣе—превращаются въ зайца!

Такимъ образомъ мы никогда не въ состояніи вполнѣ и невозмутимо наслаждаться природой! такимъ образомъ мы дѣлаемся несправедливыми и даже жестокими въ отношеніи къ нашимъ безсловнымъ сотоварищамъ.

Такимъ образомъ все, безъ исключенія, носящее имя *гадовъ*, какъ то: амфибіи, мѣдяницы, ящерицы, саламандры, лягушки и жабы, служатъ предметомъ всеобщей ненависти, совершенно неосновательно прослывши за животныхъ ядовитыхъ,—и избѣгать ихъ, а еще чаще—немилосердно ихъ убивать считается чуть ли не великимъ и добродѣтельнымъ подвигомъ. Такъ жестоко обращаться съ міромъ животныхъ мы не имѣемъ никакого права. Напротивъ того, желая быть дѣйствительно разумными, мы не должны злоупотреблять превосходствомъ нашихъ силъ, а должны щадить животныхъ вездѣ, гдѣ они не приносятъ прямаго вреда нашему благосостоянію. Истреблять животныхъ только за ихъ некрасивую наружность—глупо и преступно.

Напротивъ того, ехидна, составляющая единственную мѣстную ядовитую змѣю, и даже можно сказать вообще единственное ядовитое животное, встрѣчающееся въ средней Европѣ, рѣшительно не должна быть терпима въ человѣческомъ обществѣ. Ее слѣдуетъ убивать вездѣ, гдѣ только она попадается намъ на глаза: этимъ мы избавляемъ отъ опасности и себя и насъ окружающихъ людей. Само собою разумѣется, что мы должны быть какъ можно ближе знакомы съ наружностію ехидны; иначе мы станемъ, во первыхъ, вмѣсто нея истреблять животныхъ совершенно невинныхъ, т. е. не угрожающихъ намъ никакого опасностію, и во вторыхъ, надѣясь на поверхностное знакомство съ этой змѣей, можемъ сдѣлаться нечаянно жертвой этого коварнаго, смертоноснаго гада. Ни картины, ни описанія, будь они даже мастерскія произведенія, не дадутъ намъ полнаго знанія этого животнаго, даже музеи весьма мало помогутъ намъ достичь этой цѣли. Единственно раціональный и прямой путь къ близкому ознакомленію съ этимъ опаснымъ животнымъ—это наблюдать его *живымъ* въ природѣ; лишь послѣ такого наблюденія, и притомъ неоднократно повторяемаго, мы научимся вполнѣ отличать ехидну отъ другихъ съ нею сходныхъ змѣй, неядовитыхъ (отъ *ужа* напримѣръ)—и такимъ образомъ, съ одной стороны, мы не будемъ подвергаться ложному страху тамъ, гдѣ опасности никакой нѣтъ, а съ другой съумѣемъ избѣгнуть и дѣйствительной опасности. По этой причинѣ мы тутъ даже не беремъ на себя труда описывать животное, такъ какъ приложенная картина достаточно понятно—болѣе чѣмъ это можно сдѣлать на словахъ—представляетъ все, что только въ состояніи передать опытный художникъ своею

*) Тоже самое относится къ Россіи; у насъ ехидна болѣе извѣстна подъ именемъ *гадюки*. Пер.

Библиотека "Руниверс"

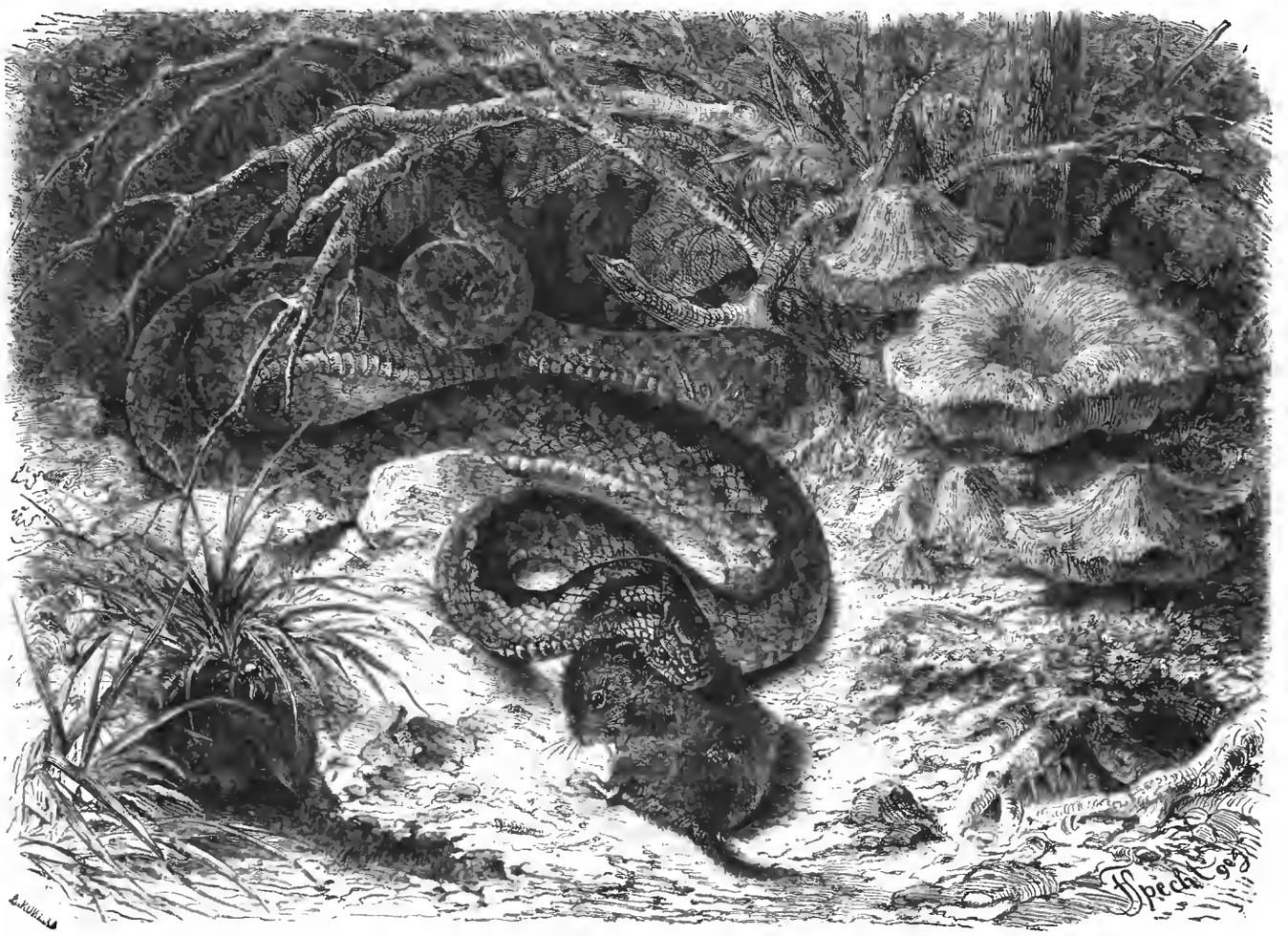
кистью. *Крестъ на головѣ*, которому змѣя обязана своимъ нѣмецкимъ названіемъ (Kreüzotter), и *зигзагообразная линія*, тянущаяся *вдоль всей спины* вплоть до кончика хвоста, — вотъ тѣ характерные признаки, по которымъ ехидну сразу можно узнать и отличить отъ другихъ змѣй.

Однако указанные признаки не всегда бываютъ одинаково рѣзко выражены, поэтому необходимо наблюдать цѣлый рядъ ехиднъ —и путемъ сравненія ихъ съ другими змѣями нашей мѣстности изощрить свой взглядъ до невозможности ихъ смѣшивать. Орудіе, посредствомъ котораго ехидна наноситъ своей жертвѣ смертельныя раны, это два *трубчатыхъ зуба*, сидящихъ подвижно на двухъ выдѣляющихъ ядовитую жидкость желѣзахъ; когда змѣя вонзаетъ эти зубы въ тѣло пойманнаго животнаго, то они придавливаютъ желѣзы—и ядъ изъ нихъ вылнвается черезъ каналъ, существующій въ этихъ зубахъ, въ рану, гдѣ, прійдя въ соприкосновеніе съ кровью, онъ производитъ отравленіе.

Вотъ миловидная пара мышей беззаботно играетъ предъ входомъ своего подземнаго жилища, не подозрѣвая, что неподалеку ихъ караулитъ страшный врагъ въ образѣ змѣи. Милые звѣрки беззаботно рѣзвятся, всецѣло увлекшись своей игрой, какъ вдругъ среди ихъ раздается пронзительное шипѣніе — и появляется страшная голова, бросающая смертоносный взглядъ. Одно мгновеніе — и бѣдная мышка въ зубахъ ехидны! Ядъ произвелъ свое страшное дѣйствіе: раздирающій писк жертвы возвѣщаетъ объ угасшей жизни!... Змѣя готовится проглотить свою жертву съ кожей и волосами. Бѣдный, осиротѣвшій товарищъ, успѣвшій вовремя улизнуть и укрыться въ надежномъ мѣстѣ, печально высматриваетъ изъ своего логовища. Берегись мышка! твой врагъ знаетъ дорогу въ твою подземную нору и съумѣетъ тебя тамъ накрыть!

Маленькихъ животныхъ укушеніе ехидны убиваетъ почти мгновенно; другія же, находящія даже удовольствіе совмѣстно съ человѣкомъ содѣйствовать истребленію ехиднъ, какъ напр. *ежъ*, *коршунъ* и *хорекъ*, оказываются почти совершенно невосприимчивыми къ яду этихъ змѣй. Къ сожалѣнію, этого нельзя сказать относительно людей. Однако укушеніе змѣи не во всякое время бываетъ смертельнымъ, такъ какъ не всегда у змѣи имѣется въ желѣзахъ достаточное количество яда,—именно, когда ехидна уже сдѣлала нѣсколько укушеній, то яду у нея истощается настолько, что новое укушеніе, нанесенное крупнымъ животнымъ, а въ томъ числѣ и человѣку, причиняетъ уже очень мало вреда, или вовсе безвредно. Весьма возможно также, что нѣкоторые индивидуумы менѣе воспріимчивы; вообще играетъ, кажется, большую роль темпераментъ, а можетъ быть и фантазія. Кромѣ того предполагаютъ также, что укушеніе ехидны въ жаркіе дни опаснѣе, нежели въ прохладные, и что ядъ дѣйствуетъ гораздо гибельнѣе тогда, когда змѣя разъярена. Все это возможно, но хотя и не совсѣмъ невѣроятно, все же не доказано съ достовѣрностію. Положительно извѣстно только то, что не всѣ змѣи, которыя кусаютъ,—вмѣстѣ съ тѣмъ и ядовиты, что не всякое укушеніе ехидны вызываетъ одинаково опасныя явленія.

Случаевъ быстрой смерти или продолжительной хворости можно привести весьма немного; въ гораздо большемъ же числѣ случаевъ, даже гдѣ доказано было, что укушеніе было сдѣлано дѣйствительно ехидной,—оказывается, что послѣдовавшія за укушеніемъ болѣзненныя явленія были весьма ничтожны, или же ихъ вовсе не было. На основаніи этого можно усомниться въ дѣйствительности цѣлебной силы тѣхъ средствъ, которыя шарлатанами и знахарями выхваляются какъ *специфическія* противъ укушенія змѣи. Это имѣетъ такой же смыслъ какъ специфическія средства, предлагаемыя тѣми же господами противъ укушенія бѣшеной собаки. Въ медицинѣ, не шарлатанской, не извѣстно до сихъ поръ ни одно лекарство, которое бы обладало *спеціальнымъ* свойствомъ уничтожать дѣйствіе яда, разъ что этотъ послѣдній пришелъ въ смѣшеніе съ кровью и произвелъ уже въ ней извѣстныя измѣненія. Змѣиный же ядъ, равно какъ и собачій, только тогда и опасенъ, когда онъ приходитъ въ непосредственное соприкосновеніе съ кровью. Принятый же внутрь, въ желудокъ, или намазанный на кожу, ядъ этотъ остается безъ всякаго дѣйствія (если только то мѣсто, съ которымъ ядъ соприкасается не поранено). Во всѣхъ же случаяхъ, гдѣ ядъ проникъ чрезъ рану, единственное раціональное средство, какое можетъ помочь, это немедленное вымываніе и высасываніе раны и разрушеніе яда прижигающимъ веществомъ.



Ехидна съ добычей.

Библиотека "Руниверс"

Судебная хроника.

Между дѣлами разбиравшимися, на прошлой недѣлѣ, въ московскомъ окружномъ судѣ, возбудило какъ пишетъ корреспондентъ «Голоса», всеобщій интересъ дѣло о цѣлой шайкѣ воровъ и разбойниковъ, которые, послѣ совершеннаго ими, въ мартѣ прошлаго года, убійства одной старухи на дачѣ Абрамовкѣ, въ Солоникахъ, были наконецъ схвачены и переданы въ руки правосудія.

Въ качествѣ соучастниковъ въ этомъ дѣлѣ явились передъ судомъ восемь столь типичныхъ и характерныхъ личностей, что образъ ихъ, навѣрно, долго останется въ памяти тѣхъ, которые видѣли ихъ въ судѣ. Главою и предводителемъ шайки, распредѣлявшимъ роли и державшимъ въ своихъ рукахъ цѣлую организацію ея, былъ, уже однажды лишенный всѣхъ правъ состоянія, мѣщанинъ Иванъ Никитинъ изъ Старой Русы, уже два-три раза бѣжавшій изъ заключенія и скрывавшійся подъ подложными видами, которые самъ поддѣлывалъ и снабжалъ ими своихъ соумышленниковъ. Онъ владѣлъ также фальшивою печатью и только при писаніи текста паспорта помогалъ ему одинъ изъ его соумышленниковъ, также изъ числа обвиняемыхъ и извѣстный Москвѣ со времени достопамятной исторіи разграбленія Рогожскаго кладбища, въ которой онъ участвовалъ переодѣтымъ въ помощника квартальнаго надзирателя. Онъ еще очень молодъ, съ весьма умнымъ лицомъ, передъ судомъ онъ держался очень сдержанно и съ большимъ тактомъ. Что касается Ивана Никитина, который, по его собственному признанію, душилъ свою жертву собственными руками и отправлялся на убійство, вооруженный только мощнымъ кулакомъ, то это рѣдкій въ Россіи типъ человѣка, не имѣющій въ себѣ ничего человѣческаго. Это страшная, гигантская обезьяна въ арестантской одеждѣ. Бѣлый платокъ на шеѣ дѣлаетъ смуглый цвѣтъ лица еще болѣе рѣзкимъ. Выраженіе лица безучастно ко всему окружающему. Взглядъ у него звѣрскій и, когда Никитинъ, отдыхая, опираетъ голову на руки, лежащія на желѣзной рѣшеткѣ, то напоминаетъ собою покоющагося дикаго звѣря.

Чрезвычайно подозрительнымъ и непостижимымъ является соучастье въ этой шайкѣ одной молодой женщины весьма симпатичной наружности, съ прелестнымъ груднымъ ребенкомъ на рукахъ, которая, только вслѣдствіе близкихъ отношеній къ злодѣю, отъ котораго она и родила несчастнаго ребенка, попала въ эту шайку. Ѳеодосія Алексѣева, такъ ее зовутъ, ничего не украла, никого не обманула, ни въ одномъ изъ темныхъ дѣлъ банды не участвовала; однакожь знала обо всемъ и продолжала быть любовницей человѣка, на рукахъ котораго, какъ она сама разсказывала, видѣла ясные признаки укушеній и ранъ, нанесенныхъ удушенной жертвою. Любить такого человѣка, зная всю гнусность его нравственной природы и постоянно имѣя передъ глазами отвратительный образъ—это психологическая загадка. Не менѣе типичною личностью является другая обвиняемая, Екатерина Николаева, которая, какъ сама разсказываетъ, уже прежде осужденная въ каторжныя работы, бѣжала изъ заключенія, и не видя необходимости бѣжать изъ Москвы, спокойно оставалась въ городѣ, постоянно снабжаемая неутомимымъ Никитинымъ новыми паспортами, послѣ того какъ обворовали хозяевъ, у которыхъ нанималась въ кухарки, горничныя и т. д., нуждалась въ новомъ видѣ. По тому же пути шла Прасковья Иванова, которая, согласно ея показанію, совершила столько кражъ, что всѣхъ не упомнитъ. Пріятное открытіе для нанимателей. Кому прійдетъ въ голову, что нанимая прислугу среди бѣлаго дня на открытой площади, на виду полицейскихъ, можно имѣть дѣло съ бѣглымъ преступникомъ, котораго паспортъ безъ всякихъ затрудненій прописывается въ всѣхъ частяхъ города? Чтобы легче красть, Прасковья и Екатерина нанялись одновременно въ одинъ и тотъ же домъ, а паспорты ихъ, писанные однимъ почеркомъ, хотя полученные изъ различныхъ мѣстъ, были прописаны въ одномъ участкѣ. Прасковья, впрочемъ, ужь четырежды бѣжала изъ тюрьмы. Такъ жили онѣ всѣ нетревожимые въ Москвѣ: Иванъ Никитинъ съ Ѳедосіею, какъ супруги, по правильно прописаннымъ, фальшивымъ его паспортамъ, мнимый поручикъ, принимавшій участіе въ разграбленіи Рогожскаго кладбище, другой членъ банды поручикъ Голумбіевскій, красивый молодой человѣкъ лѣтъ 24—25, представшій передъ судомъ въ щегольскомъ костюмѣ, и, наконецъ, любовникъ Прасковьи, крестьянинъ Ильинскій, содѣйствовавшій убійству. Совершивъ кровавое злодѣяніе, разбойники самымъ безпечнымъ образомъ направлялись съ похищенными вещами, чрезъ городъ, на базаръ, съ тѣмъ чтобы сбыть ихъ тамъ. Изъ всѣхъ, Катерина Николаева самая интересная и загадочная личность. Она крестьянка, но въ обвинительномъ актѣ сказано, что она хорошо воспитана и хорошо говоритъ по французски и по нѣмецки. За что она приговорена была въ каторжной работѣ—неизвѣстно. Къ суду она была совершенно равнодушна и часто улыбалась, только при чтеніи обвинительнаго акта она горько плакала.

Политическое обозрѣніе.

Въ одномъ изъ прошлогоднихъ нашихъ обозрѣній мы представили читателямъ грустную картину событій, раздиравшихъ Испанію послѣ отъѣзда короля Амедея изъ Мадрида и не обѣщавшихъ ничего утѣшительнаго для будущаго этой злополучной страны. Къ сожалѣнію, положеніе вещей съ тѣхъ поръ не только не измѣнилось къ лучшему, но даже еще ухудшилось. Въ какіе-нибудь одинадцать мѣсяцевъ, странѣ пришлось пережить не мало всякаго рода испытаній, начиная отъ смѣны президентовъ республики, продолжая новыми блистательными успѣхами карлистовъ, которые съ каждымъ днемъ пріобрѣтаютъ все больше и больше значенія и силы, и кончая разладомъ и междоусобицами въ самомъ лагерѣ республиканцевъ. Дѣло въ томъ, что между этими послѣдними въ Испаніи, какъ и во Франціи, рѣзко выдѣляется партія такъ-называемыхъ «непримиримыхъ», политическая программа которой, между прочимъ, требуетъ управленія страной на началахъ федеративнаго устройства, т. е. такого, при которомъ отдѣльныя части государства пользуются значительною самостоятельностью и независимостью одна отъ другой и отъ центральной власти. Къ этой-же партіи принадлежатъ люди и другихъ крайнихъ мнѣній, выставляемыхъ обыкновенно какъ средства вывести страну изъ настоящаго безотраднаго ея положенія. Какъ и слѣдовало ожидать, большинство испанцевъ не на сторонѣ такого пересозданія государства, а, напротивъ того, смотрятъ на подобные проекты съ крайнимъ недовѣріемъ и даже боязнью. Но и послѣднее правительство Испаніи, въ лицѣ президента республики Кастеляра, не внушало къ себѣ особеннаго довѣрія. Этого государственнаго дѣятеля выбрала въ президенты партія умѣренныхъ республиканцевъ, видѣвшая въ немъ человѣка безусловно честнаго, а главное — не слишкомъ враждебнаго партіи консервативной, которая готова была бы примириться съ временнымъ управленіемъ этого лица, если бы только ему удалось водворить хотя какой-нибудь порядокъ въ странѣ. Но давленіе событій было слишкомъ тяжело для правительства, которое, при всемъ желаніи вывести отечество изъ угрожающаго ему положенія, не могло этого сдѣлать. Въ короткій періодъ его управленія, партія карлистовъ постепенно выигрывала поле битвы; съ другой стороны, знамя бунта подняли и федералисты; ко всему этому присоединились усиленные происки такъ называемыхъ «альфонсистовъ» (сторонниковъ возведенія на испанскій престолъ Альфонса, сына бывшей королевы Изабеллы) и интриги католическаго духовенства, дѣйствующаго подъ вліяніемъ римской куріи. Неудовольствіе противъ правительства росло не по днямъ, а по часамъ, и наконецъ въ ночь на 21-е декабря выразилось забаллотированіемъ Кастеляра въ собраніи народныхъ представителей (въ Кортесахъ): большинство 120 голосовъ противъ 100, по выслушаніи посланія президента о продленіи его диктаторской власти, выразило свое недовѣріе къ правительству, послѣдствіемъ чего было заявленіе Кастеляра, что онъ слагаетъ съ себя званіе президента испанской республики. Тогда собраніе приступило къ выбору новаго президента. Но тутъ произошло событіе, чуть не безпримѣрное въ лѣтописяхъ парламентской жизни. Пока считали голоса за новыхъ кандидатовъ, въ собраніи вдругъ разнесся слухъ, что выходить на улицу для депутатовъ не безопасно,—что приготовляется какой-то переворотъ, поддерживаемый даже военной силой. Дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, президентъ собранія, Сальмеронъ, занявъ свое мѣсто, объявилъ депутатамъ, что онъ получилъ письмо отъ мадридскаго генералъ-губернатора Павіи, въ которомъ тотъ пишетъ, что ввиду невозможности продолжать засѣданія Кортесовъ безъ нарушенія общественнаго порядка въ городѣ, онъ приглашаетъ депутатовъ разойтись черезъ пять минутъ. Послѣ такого заявленія, къ собраніи поднялась страшная суматоха, такъ-что нельзя было ничего разобрать; на Кастеляра и его друзей посыпались упреки и подозрѣнія въ томъ, что не онъ-ли виновникъ происходящаго переворота. Но президентъ республики энергически опровергнулъ подобное обвиненіе и изъявилъ намѣреніе немедленно отрѣшить генерала Павію отъ должности. Тутъ же военнымъ министромъ былъ на скорую руку составленъ и обвинительный актъ противъ этого генерала, который присуждался къ удаленію отъ должности и разжалованію. Минута была критическая; разногласія и споры были забыты; медлить было нельзя, а потому всѣ депутаты съ замѣчательнымъ единодушіемъ обратились къ Кастеляру, прося его принять на себя диктаторскую власть въ странѣ; но Кастеляръ отвѣчалъ, что собраніе слишкомъ поздно оказало ему довѣріе и что теперь онъ не въ силахъ сдѣлать ничего. А между тѣмъ, пятиминутный срокъ, назначенный генераломъ Павіей, уже давно прошелъ, и паиѣренія генерала начали обнаруживать себя даже въ самомъ собраніи народныхъ представителей: дворъ Кортесовъ занимали войска и въ залу засѣданій стали входить солдаты; въ сосѣдней залѣ, гдѣ то-же были солдаты, послышались выстрѣлы, направленные, впрочемъ, въ потолокъ. Это послужило сигналомъ ко всеобщему бѣгству, и зданіе Кортесовъ очутилось въ рукахъ солдатъ и генерала Павіи.

Библиотека "Руниверс"

Но что-же, спросятъ можетъ быть, дѣлало въ это время населеніе Мадрида? относилось-ли оно безучастно къ совершающемуся на глазахъ его перевороту, или же поддерживало его? Изъ свѣдѣній, полученныхъ иностранными газетами, оказывается, что мадридское населеніе не только не воспротивилось этому грубому вмѣшательству военной силы въ дѣло народнаго представительства, но, какъ видно, даже сочувствовало ему: красное знамя, вывѣшенное «непримиримыми» противъ городской ратуши, было имъ разорвано въ куски, какъ бы ввидѣ протеста противъ стремленій федералистовъ; солдаты, а въ особенности виновникъ всего этого генералъ Павія, встрѣчаемы были съ энтузіазмомъ; весь послѣдующій день оказывалось имъ отъ мадридскаго населенія особенное вниманіе,—въ трактирахъ и питейныхъ домахъ съ офицеровъ и солдатъ не брали даже денегъ за выпитое ими. Генералъ Павія сдѣлался героемъ дня и вдругъ пріобрѣлъ европейскую извѣстность; всѣ свѣдѣнія о немъ возбуждаютъ живѣйшій интересъ. Это человѣкъ средняго роста, хорошо сложенный; хотя ему уже болѣе сорока лѣтъ, но по наружности своей, походкѣ и манерамъ онъ кажется молодымъ человѣкомъ. Его считаютъ однимъ изъ самыхъ образованныхъ испанскихъ офицеровъ; воспитаніе онъ получилъ въ артиллерійскомъ училищѣ и служилъ въ артиллеріи до чина батальоннаго командира. Послѣ нѣсколькихъ экспедицій и походовъ, онъ нѣкоторое время командовалъ Сѣверной арміей, дѣйствовавшей противъ карлистовъ. Павія очень любимъ своими подчиненными, потому-что входитъ въ ихъ жизнь и принимаетъ къ сердцу ихъ интересы; къ тому-же, онъ отличается необыкновенною храбростью. Для характеристики этого человѣка можетъ служить то, что, вопреки установившемуся обычаю награждать чинами и должностями всѣхъ участвовавшихъ въ переворотѣ, онъ не хотѣлъ принять ничего ни для себя, ни для войскъ, бывшихъ подъ его командой, которыя считали уже за честь самую службу свою подъ начальствомъ такого человѣка.

Въ пользу какихъ-же лицъ или какой партіи дѣйствовалъ генералъ Павія? Послѣ открытаго, публичнаго заявленія Кастеляра въ собраніи народныхъ представителей, никто уже не рѣшался подозрѣвать низвинутаго президента въ сообщничествѣ съ генер. Павіей, а вскорѣ обнаружилось, что весь переворотъ былъ задуманъ и исполненъ недовольными слабостью Кастеляра и врагами «непримиримыхъ», однимъ словомъ, тѣми людьми, которые произвели когда-то революцію противъ правительства королевы Изабеллы: маршаломъ Серрано, бывшимъ министромъ президентомъ Сагастой, адмираломъ Топете и другими. Такимъ образомъ, на глазахъ нашихъ, въ Испаніи совершается событіе, совершенно тождественное съ тѣмъ, что происходитъ теперь во Франціи: какъ тутъ, такъ и тамъ, во главѣ правительства *республики* стоитъ лицо съ несомнѣнными *монархическими* убѣжденіями и склонностями,—въ Испаніи маршалъ Серрано, а во Франціи маршалъ Макъ-Магонъ; какъ въ Испаніи, такъ и во Франціи, переворотъ совершился хотя и безъ всякаго кровопролитія, но привелъ къ ниспроверженію лицъ, безусловная честность и либеральная умѣренность которыхъ извѣстны всему міру, которые хотѣли вести дѣло не въ угоду какой-либо партіи, а единственно въ интересахъ отечества, окруженнаго всевозможными опасностями. Не такова программа политическихъ дѣятелей, опирающихся на интриги и заговоры, людей партіи, чуждыхъ истиннаго патріотизма и гражданскаго долга.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— На обѣдѣ, бывшемъ 3-го февраля въ Зимнемъ Дворцѣ, въ Концертномъ залѣ, Его Величество Государь Императоръ изволилъ провозгласить тостъ за здравіе Его Величества Императора Австрійскаго-Короля Венгерскаго въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Пью за здоровье Друга Моего Императора Франца-Іосифа, Котораго Мы радуемся видѣть среди насъ. Въ дружбѣ, связующей Насъ Обоихъ съ Императоромъ Вильгельмомъ и съ Королевой Викторіей, усматриваю Я самый вѣрный залогъ мира въ Европѣ, столь всѣми желаемаго и столь для всѣхъ необходимаго». На эти слова Его Величество Императоръ Австрійскій - Король Венгерскій изволилъ отвѣтить: «Преисполненный благодарности за дружескій пріемъ, здѣсь Мною встрѣченный, и искренно раздѣляя убѣжденія и чувства, только что выраженныя Августейшимъ Другомъ Моимъ, Я пью за здоровье Его Величества Императора, Ея Величества Императрицы и всего Августейшаго Дома. Да будетъ надъ Ними благословеніе Божіе».

— 7-го февраля, въ 12 часовъ дня, состоялся, въ присутствіи Императора Австрійскаго, Высочайшій смотръ всѣмъ войскамъ, расположеннымъ въ Петербургѣ и окрестностяхъ. Наканунѣ смотра были разосланы въ войска пожалованные Императоромъ Австрійскимъ ордена, по три на каждую отдѣльную часть и всѣмъ начальствующимъ на смотру лицамъ, до командировъ отдѣльныхъ частей включительно. Въ исходѣ двѣнадцатаго часа изволилъ выѣхать Государь Императоръ, а ровно въ 12 часовъ къ войскамъ прибылъ Австрійскій Императоръ Францъ-Іосифъ, въ русскомъ обще-генеральномъ мундирѣ. По личной Его Величества Государя Императора командѣ войска взяли на-караулъ, музыка заиграла австрійскій гимнъ и вся площадь огласилась громкими «ура!» въ честь Августейшаго Гостя. Вмѣстѣ съ тѣмъ начался объѣздъ Ихъ Величествъ по фронту войскъ. Государь Императоръ изволилъ пропустить Своего Августейшаго Гостя впередъ, а Самъ слѣдовалъ сбоку и нѣсколько позади его. За обоими Императорами изволили ѣхать Его Высочество Главнокомандующій и Ихъ Королевскія Высочества: Принцъ Валлійскій и Наслѣдный Принцъ Датскій, а еще далѣе, позади—многочисленная блестящая свита, сзади которой находились представители почти всѣхъ европейскихъ армій. Изъ среды свиты въ особенности обращалъ на себя всеобщее вниманіе австро-венгерскій первый министръ графъ Андраши и начальникъ австрійской кавалеріи генералъ графъ Бельгардъ—оба въ красивыхъ голубыхъ гусарскихъ ментикахъ, и начальникъ Императорско-Королевскихъ драбантовъ въ красивомъ, шитомъ золотомъ мундирѣ, въ каскѣ съ чернымъ султаномъ и ботфортахъ. Кромѣ того рѣзко бросался въ глаза Коканскій посланникъ—въ богатомъ, живописномъ восточномъ костюмѣ, съ великолѣпной чалмой на головѣ.

— 7-го февраля, въ Концертномъ залѣ Зимняго Дворца былъ большой балъ, на которомъ присутствовали Его Величество Императоръ Австрійскій, Ихъ Королевскія Высочества Принцъ и Принцесса Валлійскіе, Принцъ Датскій и Принцъ Евгеній Виртембергскій, особы Ихъ свиты и всѣ особы Дипломатическаго Корпуса. Всѣхъ приглашенныхъ было до 600 персонъ.

— 8-го февраля, въ 11½ часовъ утра, Его Величество Императоръ Австрійскій Король Венгерскій изволилъ посѣтить въ Кронштадтѣ доковое адмиралтейство, Морское Собраніе и морскую библіотеку и затѣмъ направился по льду на южный фарватеръ, для осмотра форта Константинъ и новой башенной батареи № 3.

— Въ субботу, 9-го февраля, въ 6 часовъ пополудни, данъ былъ въ Михайловскомъ Дворцѣ обѣдъ на 30 персонъ въ честь Его Величества Императора Австрійскаго.

— Его Величество Императоръ Австрійскій Король Венгерскій, въ часъ ночи съ 10 на 11-е число сего февраля, изволилъ выѣхать въ гор. Москву въ сопровожденіи Его Императорскаго Высочества Государя Великаго Князя Владиміра Александровича.

Земская хроника.

— *Казанское* Губ. Зем. Собраніе въ засѣданіи 12-го декабря 1773 г. слушало докладъ Губернской Управы объ учрежденіи въ гор. Казани родовспомогательнаго заведенія на завѣщанный потомственнымъ почетнымъ гражданиномъ Лихачевымъ капиталъ 40. 497 руб. 40 к. На постройку зданія подъ помѣщеніе родильнаго дома, пріобрѣтеніе для него мѣста и первоначальное обзаведеніе предполагается употребить 8.955 р., а ежегодное содержаніе дома обратить на проценты съ остальной суммы 31.542 р. 40 к. Заведеніе устраивается на 6 кроватей и на ежегодное содержаніе его, по приблизительному разсчету, потребуется 1.430 руб. 40 к. Заведеніе это, имѣющее цѣлью безплатное призрѣніе роженицъ, должно быть доступно для всѣхъ и преимущественно для бѣдныхъ. Называться оно должно «Лихачевскимъ родильнымъ заведеніемъ губернской земской больницы.

— *Челябинская* Городская Дума, признавъ необходимымъ открытіе въ гор. Челябѣ втораго приходскаго училища, внесла исчисленную на сей предметъ сумму въ смѣту текущаго года.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: предоставить состоящей при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ Временной Коммисіи по крестьянскимъ дѣламъ губерній Царства Польскаго право въ тѣхъ случаяхъ, когда споръ о принадлежности той или другой крестьянской усадьбы до времени окончательнаго утвержденія ликвидаціонной табели или данной былъ начатъ, но не разрѣшенъ установленнымъ порядкомъ, а отмѣтки о заявленномъ сборѣ въ табели или данной при утвержденіи оной сдѣлано не было, разрѣшать мѣстнымъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденіямъ входить въ разсмотрѣніе такихъ споровъ на точномъ основаніи Высочайшаго повелѣнія 18-го ноября 1865 г., съ надлежащимъ, если окажется надобность, исправленіемъ сдѣланныхъ въ табеляхъ или данныхъ записей о спорныхъ усадьбахъ.

— Государь Императоръ, въ ознаменованіе торжественнаго дня бракосочетанія Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Маріи Александровны. Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) Лицъ, воспользовавшихся по 1-е января 1874 года ссудами изъ казны вслѣдствіе пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ, освободить отъ круговой другъ за друга отвѣтственности и 2) По ссудамъ, выданнымъ изъ казны по 1-е января 1874 года лицамъ, пострадавшимъ отъ пожаровъ, наводненій и другихъ несчастныхъ случаевъ, сложить со счетовъ и простить всѣ недоимки, числящіяся на такихъ заемщикахъ, съ которыхъ поступившіе по 1-е января 1874 года платежи, вмѣстѣ съ процентами и пенею, покрываютъ первоначальный капитальный долгъ, а съ прочихъ заемщиковъ сложить по таковымъ ссудамъ проценты за просрочку платежей.

— 5 (17) ноября 1873 г. въ Бернѣ между Россіею и правительствомъ Швейцарскаго союза заключена и подписана конвенція о взаимной выдачѣ преступниковъ.

— Генералъ-адъютантъ Яфимовичъ 1-й, командированный, по Высочайшему повелѣнію, въ декабрѣ мѣсяцѣ 1873 года въ Са-

Библиотека "Руниверс"

марскую губернію, представилъ нынѣ Государю Императору нижеслѣдующій всеподданнѣйшій рапортъ:

«Во исполненіе Высочайшей воли Вашего Величества, ознакомившись съ положеніемъ Самарской губерніи, имѣю счастіе всеподданнѣйше повергнуть на Всемилостивѣйшее Вашего Императорскаго Величества усмотрѣніе увѣреніе въ томъ, что бѣдствіе неурожая, поразившее часть этой губерніи, при всей своей жестокости, не имѣло однако же для населенія прискорбныхъ послѣдствій, какихъ можно было опасаться.

«До настоящаго времени не было извѣстій о появленіи гдѣ-либо повальныхъ болѣзней, хотя нельзя отрицать, что недостаточная и дурнаго качества пища вѣроятно усилила въ нѣкоторой степени смертность противъ обыкновеннаго ея уровня.

«Не было также достовѣрныхъ свѣдѣній о какихъ-либо случаяхъ смерти отъ голода. Такіе случаи, должно надѣяться, не встрѣтятся и впослѣдствіи. Хотя число нуждающихся въ пособіи на продовольствіе постоянно возрастаетъ и будетъ еще возрастать по мѣрѣ истощенія своихъ средствъ, но можно имѣть увѣренность, что помощь, оказанная уже Правительствомъ и щедрыми частными пожертвованіями, устранитъ нужду въ продовольствіи населенія.

Вообще, за принятыми нынѣ мѣрами Центральнымъ Совѣщательнымъ Комитетомъ подъ предсѣдательствомъ губернатора, опредѣлена правильная раздача пособія хлѣбомъ и сдѣланъ окончательно заподрядъ хлѣба для обсѣмененія весною полей, и, повидимому, самое трудное время уже миновало. Но не могу умолчать предъ Вашимъ Величествомъ, что Уѣздныя Управы распоряжались медленно и нѣкоторые мировые посредники не исполняютъ точно своихъ обязанностей.

Поздняя выдача вспомоществованій заставила многихъ крестьянъ для прокормленія своихъ семействъ распродать за безцѣнокъ рабочій скотъ и лишила ихъ средства сдѣлать весенній посѣвъ.

Вредныя послѣдствія сего для будущаго хозяйства крестьянъ могутъ быть устранены, но лишь въ малой мѣрѣ, существующимъ въ здѣшней мѣстности между крестьянами обычаемъ соединяться по нѣскольку человѣкъ для снаряженія общими средствами такъ-называемыхъ сборныхъ плуговъ, а также помощью, которою крестьяне, успѣвшіе сохранить нѣкоторое довольство, окажутъ своимъ неимущимъ односельцамъ.

Но, дабы крестьяне могли оказать другъ другу такое пособіе, необходимо, чтобы хлѣбъ, который будетъ розданъ для яроваго посѣва, былъ доставленъ на мѣста не позже 15-го марта, и чтобы во время распутицы и полевыхъ работъ, продолжающихся до 10-го—15-го мая, крестьяне не были отвлекаемы для обязательной перевозки хлѣба,—только такимъ образомъ могутъ быть сохранены силы рабочаго скота. При такихъ условіяхъ, при полной выдачѣ всего количества сѣмянъ, которое крестьяне будутъ въ состояніи посѣять, сообразно съ ихъ наличными средствами, можно надѣяться, что съ Божіею помощью населеніе пострадавшихъ мѣстностей оправится отъ постигшаго его бѣдствія. Состояніе озимыхъ посѣвовъ подкрѣпляетъ эту надежду, такъ какъ осенніе всходы были повсемѣстно хороши.

Но въ южной половинѣ Бузулукскаго и въ Николаевскомъ уѣздахъ этотъ хлѣбъ мало сѣется, и здѣсь улучшеніе настоящаго положенія населенія зависитъ почти исключительно отъ успѣха весенняго посѣва яровыхъ хлѣбовъ.

Самарскій губернаторъ принялъ всѣ мѣры, отъ него зависящія, для правильнаго удовлетворенія нуждающихся жителей губерніи. О его заботахъ и неутомимой дѣятельности считаю долгомъ засвидѣтельствовать предъ Вашимъ Императорскимъ Величествомъ.

Полученныя мною деньги отъ щедротъ Вашего Величества были розданы бѣднѣйшимъ жителямъ въ нѣкоторыхъ волостяхъ Николаевскаго, Бузулукскаго и Бугурусланскаго уѣздовъ на покупку хлѣба. Жители этихъ волостей вознесли теплыя молитвы за здравіе и благоденствіе Вашего Величества.»

ТЕАТРЪ.

— Изъ Архангельской губерніи, изъ *Холмогоръ* пишутъ въ мѣстныя губернскія вѣдомости, что 3-го января въ зданіи Ломоносовскаго училища, *въ деревнѣ Ломоносовкѣ* дано было *крестьянами театральное представленіе* въ пользу жителей Самарской губерніи, пострадавшихъ отъ неурожая. Піесы, исполненныя крестьянами, были взяты изъ русскаго народнаго быта; сыграны были именно два водевиля: «Ямщики или какъ гуляетъ староста Семенъ Ивановичъ», сочиненіе Григорьева и «Дѣдушка домовой или солдатъ знахарь», сочиненіе Погосскаго. На театрѣ этомъ была почти вся холмогорская публика.

ЛИТЕРАТУРА:

Новыя книги:

Уставъ о воинской повинности. Изд. А Маркса. Спб. Тип. Гоппе. 8 д. 63 стр. 12.500 экз.

Памятная книжка области Войска Донскаго на 1874 г. Новочеркасскъ. Обл. тип. 12 д. 84+123 стр., 1 вѣд. и 1 карта II. 1 р.

СОДЕРЖАНІЕ: Вильямъ Гепьортъ Диксонъ (съ портретомъ).—Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова** (продолженіе).—Борьба за Неву. I. Бой Александра Невскаго на Невѣ со шведами Биргера (съ рисункомъ) **П. Петрова**.—Охота на Косулю (съ рисунк.).—Народы Россіи XVII. Камчадалы. **В. Немировича-Данченко** (окончаніе).—Угорь и его размноженіе (съ рисункомъ).—Ехидна съ добычей (съ рисункомъ).—Судебная хроника.—Политическое обозрѣніе.—Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Пожертвованія въ пользу нуждающихся Самарской губерніи.

Въ редакціи „НИВЫ" получено: Перенесъ изъ № 7, 444 р. 11 к. вновь получено отъ Соколова въ Мосальскѣ 1 руб., отъ свящ. Ѳедорова въ Сумахъ 50 коп., отъ А. Глушкова въ Спб. 1 р. Итого 446 р. 61 к.

12-го февраля 1874 года вышеозначенная сумма четыреста сорокъ шесть рублей шестьдесятъ одна копѣйка серебромъ отправлена сполна въ г. Самару въ Самарскую Губернскую Земскую Управу для вручнія нуждающимся, въ чемъ ковтора редакціи „НИВЫ" имѣетъ почтовую квитанцію за № 751 (книга литера С.)

С.-Петербургъ 12 февраля 1874 г. Издатель „НИВЫ" **А. Ф. Марксъ.**

БИБЛІОТЕКА МОИХЪ СТАРШИХЪ ДѢТЕЙ.

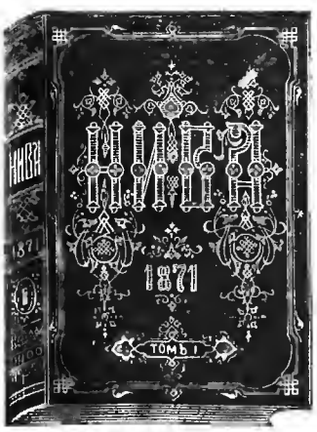
Вышло *шесть* книжекъ, съ 4 рисунками каждая, цѣна каждой книжкѣ 30 к. Главный складъ въ редакціи «Всемірной Иллюстраціи». Содержаніе: подвиги русскихъ людей; Старцы и великаны растительнаго міра; сказка о Еруланѣ Лазаревичѣ; гибель Помпеи; по чему и какъ взяли мы Хиву; два дня въ древнемъ Египтѣ за 5000 лѣтъ до насъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.



Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко переплести въ нее нумера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки **1 руб.**, съ перес. **1 руб. 50 коп.** Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на 1874 г., которыя могутъ служить въ теченіи года для сохраненія №№ какъ портфель.

Г. Г. СОДЕРЖАТЕЛИ

МИНЕРАЛЬНЫХЪ ВОДЪ

могутъ получить на лѣтнее время оркестръ и присылать адресы лицъ отдающихъ квартиры. Адр: Переписка и Переводы. Спб. Невскій проспектъ. Пассажъ 2-я Галл. № 31.

Только что поступило въ продажу у М. О. Вольфа въ Спб. и Москвѣ и у другихъ книгопродавцевъ:

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

и

ВЫСОЧАЙШІЕ МАНИФЕСТЪ и УКАЗЪ

отъ 1 января 1874 года.

Ц. 15 к. съ перес. 20 к. За 1 р. высылается 6 экз, за 2 р.—13 экз., за 3 р. — 20 экз., за 5 р. — 35 экз., за 10 р.—75 экз., за 25 р.—200 экз., за 50 р.—450 экз., за 100 р.—1000 экз.

Складъ находится у В. Е. Генкеля въ С.-Петербургѣ, по Фонтанкѣ, близь Семеновскаго моста д. № 59, въ типографіи М. О. Вольфа.

Кому угодно пріобрѣсти хорошаго качества мельхіоровые столовые и чайные приборы, найдетъ въ магазинѣ **Александра Качъ**, на Невскомъ, противъ Думы, въ домѣ Европейской Гостинницы, самый изящный выборъ этого рода издѣлій.

Гг. иногороднымъ высылаютъ иллюстрированныя каталоги по требованію безплатно.

Дозволено цензурою. 15 февраля 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 9 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 25-го февраля 1874 года. Отдѣльные №№ „Нивы по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1874 ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ безъ доставки на домъ 4 р., съ доставкою 5 р. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 р. 50 к.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" и преміи за 1874 годъ.

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

(Продолженіе).

XI.

Распрощавшись навсегда съ своей кратковременной иллюзіей, я сталъ усерднѣе заниматься практикой, старался чаще бывать въ обществѣ, посѣщалъ даже клубы — и вскорѣ почувствовалъ то отрадное облегченіе, съ какимъ обыкновенно отходишь отъ края обрыва надъ пропастью... Кто бывалъ въ горахъ, на крутыхъ берегахъ рѣкъ или даже просто на высокихъ колокольняхъ, тому знакома эта загадочная притягательная сила бездны, которая такъ и тянетъ кинуться внизъ головой. Къ Прыгуновымъ я заѣзжалъ теперь лишь изрѣдка по обязанности, а съ наступленіемъ весны Бэтси переселилась на дачу M-me Сметанкиной. За то въ Тароватовѣ я нашелъ самаго пріятнаго собесѣдника — и чѣмъ больше узнавалъ его, тѣмъ болѣе сказывалась порядочность моего новаго знакомаго. Все несчастіе его состояло въ томъ, что съ нимъ давно уже приключилась бѣда, отъ которой я такъ круто отвертѣлся,—онъ *любилъ* очертя голову— и вмѣсто того, чтобы постепенно возвышать Бэтси до себя, самъ принижался, нисходилъ къ ней... Но какая сила и глубина чувства, какая бездна нѣжности таилась въ этомъ *шалопаѣ*, какъ онъ имѣлъ обык-

Цыганка. Рис. на деревѣ Н. Павловъ, грав. В. Михайловъ.

Библиотека "Руниверс"

новенье рекомендоваться!... Въ первое время выздоровленія Бэтси, когда ей—по мнѣнію родни—необходимы были развлеченія, онъ просто засыналъ Сметанкиныхъ ложами въ театръ, билетами въ концерты, доставалъ самые дорогіе фрукты, конфекты, устраивалъ пикники, катанья, чуть ли не онъ и дачу-то помогъ нанять Льву. По крайней мѣрѣ самъ онъ перебрался вслѣдъ за ними, приткнулся въ какой-то хибаркѣ подъ соломенной крышей и спалъ на сѣновалѣ, такъ какъ всѣ сколько нибудь сносныя дачи были заняты. Здѣсь-то я и нашелъ его, удосужась въ одно изъ воскресеній. Оставя экипажъ у плетня, которымъ былъ обнесенъ игрушечный палисадникъ передъ лицевыми окошечками, я вошелъ въ ворота—смотрю: посреди двора стоитъ мой Тароватовъ съ хлыстикомъ въ рукѣ—а передъ нимъ красавица-лошадка рыжей масти, шерсть на солнцѣ такъ и лоснится, хвостъ и грива причесаны волосокъ къ волоску: во всѣхъ статьяхъ, въ каждомъ движеніи такъ и бьетъ въ глаза кровь и порода...

Тароватовъ улыбаясь пожалъ мнѣ руку—и вдругъ свиснувъ хлыстикомъ, поднялъ его вверхъ передъ головой благороднаго животнаго...

— Ну, Биби, кланяйся барышнѣ!...

Лошадка, не спуская съ него умныхъ глазъ, попятилась, согнула переднія колѣна и раза три качнула головой въ недоуздкѣ...

— Ага! вотъ оно что!... улыбнулся я, глядя на валявшіеся тутъ-же скребницу, бичъ, арканъ и прочія принадлежности...

— Да, да, самъ холю, сіяя взглядомъ говорилъ Тароватовъ,—самъ и выѣзжалъ, а теперь высшую школу продѣлываемъ... Довольно, Биби!... ступай въ стойло!,.

Лошадка покорно вернулась и легкой рысцой побѣжала въ заново-отстроенную тесовую конюшенку.

Я пожалъ плечами.

— Ну, чего? чего?!... заторопился Михайло Иванычъ, — я очень радъ, что ей припала охота ѣздить верхомъ—это укрѣпляетъ здоровье,—не то что балы да безсонницы!..

— Биби принимаетъ? прозвучалъ за нами свѣжій, знакомый голосокъ.

— Принимаетъ, принимаетъ! радостно отвѣчалъ Тароватовъ, идя на встрѣчу гостьи.

За плетнемъ стояла Бэтси, поддерживая рукой переднія складки амазонки съ громаднымъ кускомъ чорнаго хлѣба. Высокая черная шляпа на-бокъ—характерно тѣнила ея смѣлое, загорѣвшее личико... Она вскользь протянула мнѣ лѣвую руку въ замшевой перчаткѣ...

— Биб-би!.. крикнулъ Тароватовъ, хлопнувъ бичемъ, —Биби!... барышня пришла!...

Надо было видѣть, какъ взвился Биби, вылетѣвъ изъ конюшни на всѣхъ рысяхъ, хвостъ трубой, раздувая ноздри!... Какъ вкопанный остановился онъ возлѣ Бэтси, пофыркивая и храпя...

— Кланяйся! повторялъ Тароватовъ.

Послѣдовало то же представленіе.

— На, на-тебѣ хлѣбца, красота моя!... говорила Бэтси, явно забывая насъ и вся по обыкновенію отдаваясь новой страсти.

Мы съ Тароватовымъ невольно переглянулись. Таковъ-то былъ исходъ первой несчастной любви нашего баловня!...

— Что же, Михайло Иванычъ, сейчасъ ѣдемъ?... капризно спросила Бэтси, отряхая хлѣбныя крошки.

— А докторъ-то? у меня нѣту третьей лошади, нерѣшительно проговорилъ Тароватовъ.

— Не хлопочите! я подожду васъ у Льва, поспѣшилъ я утѣшить обоихъ.

— О? ну и отлично!... сказалъ Тароватовъ,—минуточку только—я мигомъ....

Онъ исчезъ въ конюшнѣ и тотчасъ появился снова въ ботфортахъ, сгибаясь подъ дамскимъ сѣдломъ, которое несъ на плечахъ не хуже любаго грума.

— Какой превосходный человѣкъ Михайло Иванычъ!.. попыталъ я Бэтси, когда Биби былъ осѣдланъ и Тароватовъ пошелъ за своей лошадью.

— О, да!... извѣстный баловникъ!... небрежно уронила Бэтси, какъ будто имѣя неотъемлемое право на это баловство, и принялась гладить чолку Биби. Я подсадилъ ее въ сѣдло — Бэтси щелкнула языкомъ, прямо съ мѣста подняла въ галопъ — и не успѣлъ я опомниться, какъ она уже выскакала за ворота и на улицу, круто забиравшую въ гору...

— Тише!... тише!... раздался отчаянный вопль изъ конюшни, загрохотала настилка сходни подъ копытами, Тароватовъ шумно мелькнулъ мимо меня на сѣромъ конѣ, перескочилъ плетень и помчался за наѣздницей... Уже на взгорьѣ, озаренномъ солнцемъ, удалось ему схватить Биби подъ уздцы—и они, тихо покачиваясь рядышкомъ, скрылись въ густомъ березникѣ...

Я тихонько пошелъ отыскивать Сметанкиныхъ. Дорогой я радовался тому, что передалъ мою барышню въ такія надежныя руки: если ужь Тароватову, съ его терпѣніемъ и врожденнымъ рыцарствомъ, ничего не удастся изъ нея сдѣлать—моя совѣсть могла быть покойна: меня и на половину не хватило бы... День мы провели какъ нельзя лучше: Бэтси явилась къ обѣду, раскраснѣвшись отъ ѣзды, довольная всѣмъ и всѣми, подшучивала надо мной и разливала вокругъ себя превосходное настроеніе.

Вечеромъ, въ паркѣ, благоухающемъ смолою сосенъ и ландышами, на такъ-называемомъ *кругу* состоялся bal champêtre, съѣхалось множество дачниковъ и городской молодежи. Обнесенная канатомъ, песчаная площадка освѣтилась разноцвѣтными фонариками, небольшой оркестръ довольно сносно дѣлалъ свое дѣло въ круглой бесѣдкѣ, общество собралось самое смѣшанное, было весело, шумно, оживлено—даже немножко и черезчуръ, какъ сказала бы М-me Прыгунова и вѣроятно пришла бы въ ужасъ отъ одной мысли, что *ея* Бэтси можетъ когда нибудь попасть *dans ce tohu-bohu*. А Бэтси просто царила здѣсь: ея воздушное кисейное платье съ широкимъ кушакомъ розовыхъ лентъ и вѣткою зелени въ распущенныхъ волосахъ, мелькая то въ огнистомъ сумракѣ скуднаго освѣщенія, то подъ бѣлымъ лучемъ мѣсяца, то въ густой тѣни деревьевъ, становилось центромъ, къ которому рвались и тяготѣли сердца всѣхъ этихъ юныхъ прапорщиковъ, студентовъ, чиновниковъ и всевозможныхъ нѣмцевъ, какъ извѣстно, слетающихся на танцы со всѣхъ сторонъ что мошки на свѣчу. Гдѣ была Бэтси—тамъ толокся цѣлый рой поклонниковъ; малѣйшій взглядъ, намекъ—и десятокъ ихъ бросался исполнять ея желаніе; танцовали что ей хотѣлось; принесли на рукахъ рояль съ одной изъ дачъ, въ надеждѣ умолить ее спѣть, но у нея достало такту отказаться: она величественно объявила, что сегодня *не въ голосѣ* — и всѣ безмолвно покорились... Я собственными ушами слышалъ, какъ близехенько отъ меня какая-то кислая-прекислая матушка ставила ее въ образецъ своей во всѣхъ отношеніяхъ засидѣвшейся дочкѣ.

— Ты посмотри, вѣдь она только руку положитъ на плечо кавалера—ужь онъ самъ не свой отъ восторга: на все умѣнье.... А тебѣ что пень, что кавалеръ—лишь бы опереться!

Не успѣлъ я порядкомъ придти въ себя отъ такой практичности, какъ передо мной точно изъ земли выросъ Тароватовъ. Онъ былъ разстроенъ, торопливо взялъ меня подъ руку и повелъ въ темную глушь парка...

Неподалеку отъ круга тѣнистые своды рощи пересѣкались глубокимъ и широкимъ оврагомъ, деревья уступами росли по крутымъ, обрывистымъ бокамъ его,

Библиотека "Руниверс"

на дно изъ подъ ногъ нашихъ отлогимъ спускомъ змѣилась песчаная дорожка—и тамъ, въ самомъ низу, перекинутъ былъ мостикъ надъ рѣчонкой, которая извивалась вдоль всего лога. Въ густыхъ кустахъ, окаймлявшихъ у мостика дорожку и берега, точно въ бесѣдкѣ пріютилась простенькая деревянная скамья—и все это: дорожка, мостикъ, рѣчка и противуположный лѣсистый подъемъ оврага, облитое серебристо-бѣлымъ свѣтомъ мѣсяца, виднѣлось какъ на ладонкѣ въ крошечной миніатюрѣ съ нашего взгорья...

— Чтобъ не терять времени, въ двухъ словахъ... началъ Тароватовъ,—мы оба съ тобой ошиблись... Исторія съ князькомъ гораздо глубже засѣла чѣмъ мы думали—случилось то, что всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ: покинутое оскорбленное сердечко искало выхода и прильнуло къ первому встрѣчному, который оказался не такимъ благонамѣреннымъ, какъ ты и твой покорнѣйшій слуга...

— Ну?...

— Ну—и вонъ тамъ, у мостика, послѣ этой кадрили назначено свиданіе... Негодяй самъ хвасталъ сейчасъ въ двухъ шагахъ отъ меня какому-то птенцу, а тотъ препротивно смѣялся и поздравлялъ... Надо поберечь ее во что бы то ни стало!... вѣдь чортъ его знаетъ, что это за человѣчишка...

— Да кто такой?...

— Куприкъ этотъ, съ позволенія сказать!... проворчалъ Михайло Ивапычъ.

Мнѣ просто жаль стало моего пріятеля...

— Послушай, сказалъ я—ввязываться въ исторію съ мальчишками...

— Ну, какая тамъ исторія?!... перебилъ Тароватовъ,—просто уши оборву, коли добромъ не унесетъ ногъ...

— Такъ проще-же, посовѣтовалъ я, — займи Бэтси, не пойдетъ же она при тебѣ на свиданье!..

— Эге!.. плохо жъ ты знаешь М-me Сметанкину!... Я ужь было пробовалъ, такъ она сей часъ же взяла меня подруку и увела подъ первымъ удобнымъ предлогомъ... Тутъ и самъ-четвертъ ничего не подѣлаешь—такъ все организовано, что мое почтеніе!..

— Изъ чего же ты-то хлопочешь послѣ этого? попытался я прикинуться...

— Ну, ну, идемъ, чтоли! слышишь, четвертую фигуру играютъ? сердито проговорилъ Михайло Ивановичъ и началъ тихо спускаться прямо съ обрыва въ росистой травѣ, оставя вправѣ дорожку, на которой мы могли быть замѣчены съ круга.

XII.

Мы осторожно пробрались въ кустарникахъ оврага къ самой скамьѣ у мостика и скрылись позади ея въ частомъ переплетѣ нависшихъ вѣтвей сирени.

— Милости просимъ, садитесь! пригласилъ Тароватовъ, мостясь на суку поваленнаго дерева и указывая мнѣ мѣсто возлѣ себя,—зрѣлище будетъ во всякомъ случаѣ занимательное... Я чувствую, что или сегодня... или ужь никогда не разрѣшатся наши недоумѣнія... Вотъ, кажется, кто-то и жалуетъ!...

Въ самомъ дѣлѣ, наверху сбѣгавшей отъ парка дорожки показался темный силуэтъ, быстро двигавшійся къ намъ... Господинъ Куприкъ, въ легенькой лѣтней жакеткѣ, приблизился, какъ-то выдрыгивая ногами,—подошелъ вразвалочку къ скамейкѣ и присѣлъ на нее въ полъоборота, положивъ подлѣ себя соломенную шляпу...

— А вѣдь замѣчательно хорошъ собой, бестія!... шепнулъ Тароватовъ, — не будь у него только этихъ телячьихъ неподвижныхъ глазъ, точно онъ вырвался изъ кабинета восковыхъ фигуръ!... И все молчитъ, все молчитъ, всегда и всюду гдѣ я его ни встрѣчалъ—должно быть себѣ на умѣ...

Въ затишьѣ ночи легкій вѣтерокъ, вмѣстѣ съ какимъ-то пряным запахомъ цвѣтовъ и сырости, чуть слышно доносилъ намъ сверху задорные звуки галопа въ послѣдней фигурѣ кадрили. Господинъ Куприкъ замурлыкалъ мотивъ себѣ подъ носъ, досталъ изъ кармана гребеночку, зеркальце и началъ рачительно приглаживать усы, взбивать волосы, охорашиваться... Потомъ прошелся раза два передъ скамеечкой — и вдругъ, разшаркавшись передъ пустымъ пространствомъ, граціозно протянулъ руку, подвелъ воображаемое существо къ скамейкѣ, заботливо усадилъ...

Мы едва удерживались отъ смѣха... На взгорьѣ тропинки опять вырѣзались силуэты, приближавшіеся къ нашей засадѣ. Ихъ было два: мужской и женскій; кавалеръ на половинѣ дороги остановился, разговаривая съ дамой...

— Смотрите, не прозѣвайте!... прозвенѣлъ голосокъ Бэтси.

Кавалеръ тихонько вернулся къ парку, а Бэтси торопливо сбѣжала подъ гору—и вся запыхавшись, приложивъ обѣ руки къ груди, остановилась въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ, облитая яркимъ луннымъ свѣтомъ, точно перламутровая въ своемъ бѣломъ платьѣ. Съ какимъ-то страхомъ вытянувъ шейку, она прислушалась, осмотрѣлась кругомъ — и рѣшительно пошла къ мѣсту rendez-vous.

Господинъ Куприкъ поспѣшилъ навстрѣчу — и мы имѣли удовольствіе видѣть повтореніе маневра—на этотъ разъ уже не передъ воображаемой особой...

— Боже мой, какъ я боялась!... торопливо начала Бэтси, повернувъ къ нему сіяющее личико,—ни для кого, никогда еще я этого не дѣлала... Ну, доволенъ?.. радъ?..

Господинъ Куприкъ наклонился, поцѣловалъ ея руку и продолжалъ смотрѣть на нее своими стеклянными глазами...

— Какъ церемонно! засмѣялась Бэтси, подвигаясь къ нему,—и что за взглядъ у васъ, милостивый государь?—помилуйте!.. подумаешь, вы рѣшали тутъ какую нибудь задачу, пока я ждала-не дождалась конца этой противной кадрили!.. и Бэтси кокетливо надула губки...

— Я и въ самомъ дѣлѣ думалъ... думу... проговорилъ господинъ Куприкъ,—мнѣ все не вѣрится...

— Пожалуйста безъ пустыхъ сомнѣній!... Что тутъ думать—я твоя, ты мой!... перебила Бэтси, закрывая ему ротъ маленькой ручкой въ перчаткѣ,—а ты приласкалъ бы меня лучше, хорошій мой, вѣдь мы въ первый разъ еще видимся на свободѣ... Ну, чего ты робѣешь.? чего боишься?...

— Вы знаете, Лиза...

— *Вы*? разсердилась Бэтси, притопнувъ.

— Ну, *ты*... если хочешь, съ усиліемъ произнесъ господинъ Куприкъ, — вѣдь ты знаешь, Лиза, я бѣдный художникъ и не дворянинъ—мнѣ все не вѣрится, чтобъ Марья Ивановна отдала тебя мнѣ...

— Вотъ что! Милый!... милый!... Бэтси охватила его голову ручонками и притянула къ себѣ, — дайте сюда вашъ умный лобъ — хотя онъ сегодня и не стоилъ бы этого!.. Она горячо поцѣловала его и въ волненіи прибавила, — говорятъ вамъ, я *такъ* хочу — и maman не пойдетъ противъ моего счастія...

— Ну, а если бы?...

— А тогда я стану на колѣна и буду плакать пока вымолю... буду морить себя съ голоду—и такого страху нагоню, что придется же сдѣлать по моему...

Даже господинъ Куприкъ былъ побѣжденъ этой рѣшимостью и осмѣлился потихоньку обвести руку вокругъ таліи Бэтси; она вся прижалась къ нему и замолкла... такъ прошло минуты двѣ...

Тароватовъ довольно явственно проскрежеталъ зубами, стиснувъ мою руку.

— Ахъ, мнѣ хорошо, хорошо съ тобой!... чуть слышно лепетала Бэтси млѣющимъ голосомъ, закидывая головку на его плечо,—посмотри, какая чудная

Библиотека "Руниверс"

ночь, какія звѣзды!... слышишь?—это соловей гдѣ-то... Я желала бы; чтобъ никого кромѣ насъ теперь не было въ цѣломъ мірѣ... Правда? на что намъ люди? говорила она, повернувъ лицо близехонько къ его лицу и тяжело дыша разкрытыми губками,—развѣ они поймутъ насъ? развѣ меня понималъ кто нибудь?...

Господинъ Куприкъ слегка перемѣнилъ положеніе, закинувъ ногу на ногу.

— Какъ же, Лиза, безъ людей? Люди нужны... какъ бы наставительно произнесъ онъ наконецъ,—безъ людей ничего не подѣлаешь...

— Да онъ совсѣмъ дуракъ!.... ну и слава Богу! шепнулъ мнѣ Тароватовъ.—А какова? какова?... хороши, братъ, и мы съ тобой!

Господинъ Куприкъ долго еще что-то говорилъ...

— Ахъ, ты все свое!... досадливо перебила Бэтси,— ну, не позволятъ намъ—ну, убѣжимъ... что за важность?...

— А какъ же домъ-то? живо проговорилъ господинъ Куприкъ,—нѣтъ, этого нельзя, Лиза!...

— Что такое? какой домъ? удивилась Бэтси.

— Домъ, который за тобою... Подумай только, прибавилъ онъ, какъ бы спохватясь, — ты привыкла къ роскоши... къ тому, къ другому... Я не Тароватовъ, я не въ состояніи буду...

— Это прелестно!... скрежеталъ Тароватовъ, тиская мнѣ руку.

— Полно, милый!.... Для тебя я на все готова.... Знаешь, меня этотъ докторъ... ты видалъ его, надутый такой... философъ...

— Прошу покорно! улыбнулся я въ свою очередь.

— Онъ навелъ меня на хорошую мысль, я выучусь шить... я когда-то мечтала объ этомъ... купимъ швейную машину.... Да чтожъ это мы все о будущемъ!... ты такъ молодъ, а разсуждаешь какъ старики... Развѣ эта дивная ночь не наша! развѣ я не съ тобою?

Мнѣ показалось, что лицо Бэтси, блѣдное какъ ея платье, озарилось такимъ выраженіемъ, какого я еще не видывалъ у нея.

— Нѣтъ, Лиза, воля твоя, ты какая-то странная! уныло проговорилъ господинъ Куприкъ.

Бэтси вдругъ отодвинулась отъ него, гнѣвно сверкнувъ глазами.

— Зачѣмъ же вы говорили мнѣ, что я вамъ дороже всего на свѣтѣ? или я ужь перестала вамъ нравиться?..

— Нѣтъ, этого я не скажу... замялся господинъ Куприкъ,—а все таки...

Въ это время, надъ паркомъ шиня взвились нѣсколько огнистыхъ лентъ и полопались съ глухимъ трескомъ на яркія свѣчечки. Затѣмъ настала какъ бы удвоенная темнота.

— Ахъ ты смѣшной!... Да говори же просто—по человѣчески... Вѣдь ты своей застѣнчивой неловкостью Богъ знаетъ что заставляешь меня думать... Ну, скажи: *люблю, любить вѣкъ буду до могилы*—и довольно, больше мнѣ ничего... слышишь?—ничего не надо... помогала она съ новымъ приливомъ нѣжности, а господинъ Куприкъ все также хладнокровно и вмѣстѣ озабоченно смотрѣлъ на нее.

Еще нѣсколько ракетъ хлопнуло вразсыпную и надъ паркомъ заколыхалось легкое зарево...

— Нѣтъ, рѣшительно вамъ приданое значитъ важнѣе самой меня!... медленно вставая съ презрительнымъ взглядомъ протянула Бэтси; она поныла была назадъ, но вдругъ остановилась и быстро обернулась къ озадаченному искателю невѣстъ, — глупый, глупый и малодушный вы человѣкъ!... заговорила она въ порывѣ негодованія,—еслибъ вы знали, съ какими мыслями я шла сюда—вы бы никогда не заводили рѣчи объ вашемъ любезномъ будущемъ... Мнѣ стыдно самой себя, такъ стыдно, что еслибъ кто нибудь меня видѣлъ, я умерла бы со стыда!..

— А мы еще спасать ее хотѣли!... восторженно шепталъ Тароватовъ, тихонько увлекая меня въ обходъ по влажной травѣ; но въ это время съ горы во всѣ лопатки сбѣжалъ провожатый Бэтси—я узналъ cavaliere servente...

— Что вы такъ долго? кричалъ онъ съ переполоху,— васъ ищутъ по всему кругу... пріѣхала ваша maman, а тамъ сдуру зажгли фейерверкъ, вензловый транспарантъ «Elise»—и ваше имя горитъ у нея на глазахъ...

— Ну и пусть горитъ!... съ какой-то холодной злобой процѣдила Бэтси сквозь зубы,—оно давно ужь горитъ мое доброе имя...

Она опустила голову и съ рѣшимостью безвыходнаго положенія пошла вгору, но на половинѣ дорогѣ силы ей измѣнили, она въ изнеможеніи опустилась на груду мелкаго гравеля и закрыла лицо руками. Cavaliere servente растерянно уговаривалъ ее...

Тароватовъ крѣпко пожалъ мнѣ руку и перескочивъ канаву, очутился возлѣ нихъ. Я лишь мелькомъ видѣлъ его лицо въ эту минуту, но выраженіе его навсегда запечатлѣлось у меня въ памяти... Я остался въ тѣни по сю сторону, чувствуя, что буду лишнимъ.

— Послушайте, заговорилъ Михаилъ Иванычъ, подходя къ моему маскарадному знакомцу, — пригодитесь вы хоть разъ въ жизни на что нибудь путное!.. Подите и скажите вонъ тому господину, вонъ тамъ на лавочкѣ, что если онъ вздумаетъ кому бы то ни было заикнуться о нынѣшнемъ вечерѣ — то будетъ имѣть дѣло съ моимъ арапникомъ... безъ пощады—слышите?..

— А какъ же Лизавета Николаевна?!.

— Ужь предоставьте мнѣ позаботиться объ ней... вы позволяете, Лизавета Николаевна? прибавилъ Тароватовъ, кротко и въ первый еще разъ безъ вычурности называя ее по имени...

Тотъ поёжился, но пошелъ.

— Вы подслушивали?! вскрикнула Бэтси, быстро поднимаясь на ноги, точно это вернуло ей всѣ силы.

— Я готовъ чѣмъ угодно поплатиться за излишнее усердіе, но прежде всего долженъ сказать, если только мое ничтожное мнѣніе что нибудь значитъ для васъ — вы вышли съ честью изъ этого испытанія и выросли въ моихъ глазахъ...

— Добрый Михайло Иванычъ!... но Боже мой, что мы дѣлаетъ?... тамъ меня ищутъ... какъ я теперь покажусь мамашѣ? Спасите меня... придумайте что хотите... не для меня... для нея бѣдненькой...

— Вы уполномочиваете меня... началъ Тароватовъ— и вдругъ понизилъ голосъ, такъ что я болѣе ничего не могъ разслышать...

— Что? что такое?... Нѣтъ, ни за какія блага!... вскрикнула вдругъ Бэтси,—не смѣйте этого дѣлать!... Я не стою... я дрянная дѣвчонка... Я... я запрещаю вамъ...

— Вы не виноваты въ этомъ, Лизавета Николаевна, иначе и быть не могло; позвольте же мнѣ выгородить васъ передъ самыми виноватыми...

— Но... Михайло Иванычъ, что вы заставляете меня сказать вамъ!... вѣдь не могу же я...

— Знаю-знаю, буду ждать съ такимъ же терпѣніемъ, какъ и до сихъ поръ,—даю вамъ честное слово... Да наконецъ можетъ;быть этого и не понадобится, и такъ можетъ быть обойдется...

И они опять заговорили вполголоса. Пользуясь этой минутой, я поспѣшилъ на кругъ и отыскалъ Марью Ивановну. Какъ всѣ слабыя натуры, когда имъ случиться вскипѣть гнѣвомъ,—она была на себя непохожа. Убѣждаемая съ двухъ сторонъ Сметанкинымъ и старшей дочерью, она сидѣла между ними, волнуясь на виду всѣхъ, то развязывая и опять завязывая ленты своей шляпы, то сердито присматриваясь близорукими глазками къ фейерверку, то грозно поводя ими вокругъ и поджимая губы...

Библиотека "Руниверс"

Встрѣча съ медвѣдями въ лѣсу. Рис. Коверзневъ, грав. Заблоцкій.

Библиотека "Руниверс"

— Докторъ — и вы здѣсь? встрѣтила она меня кислой улыбкой,—скажите хоть вы, не видали ли моей дочери? говорятъ, она здѣсь...

Я хотѣлъ бы отвѣтить ей классическимъ: «развѣ я сторожъ.... вашей дочери?», но пробормоталъ только, что вѣроятно она гдѣ нибудь поближе къ фейерверку...

— Хорошъ фейерверкъ, нечего сказать! язвительно проговорила M-me Прыгунова, — но съ кѣмъ же? съ кѣмъ она можетъ быть?

Вопросъ этотъ не замедлилъ разъясниться чрезвычайно наглядно. Изъ толпы гуляющихъ вдругъ выдѣлился Тароватовъ подруку съ Бэтси, онъ велъ ее съ изысканною почтительностью прямо къ матери, усадилъ на свободное мѣстечко и расклапялся какъ всегда непринужденно...

— Помилуй, дитя мое—гдѣ это ты пропадаешь? съ тихою дрожью въ голосѣ произнесла M-me Прыгунова, не удостоивъ Михайлу Иваныча даже взглядомъ,—мы ждемъ-ждемъ.... Собирайся скорѣе, пора домой...

Сметанкинъ заюлилъ вслѣ нея по обыкновенію.

— Я, мамаша, сей часъ провожу васъ... вѣдь вы къ намъ?..

— Я домой ѣду, важно качнувъ головой отвѣтила Марья Ивановна,—найди мнѣ какую нибудь карету, мой другъ!

«Ну, быть бурѣ!» подумалъ я.

Бэтси обратила молящій взглядъ на Тароватова. Онъ тотчасъ подошелъ съ поклономъ къ Марьѣ Ивановнѣ.

— Позвольте мнѣ, madame, предложить вамъ мой экипажъ—мы съ докторомъ тоже ѣдемъ въ городъ...

— Васъ, милостивый государь, я еще надѣюсь видѣть у себя и попрошу объяснить мнѣ то, чего я не понимаю и не допускаю даже, сухо проговорила Марья Ивановна,—но послѣ, а теперь мой другъ, поторопись....

— Ступай же, Leon! выразительно прикрикнула Софья Николаевна, наступивъ мужу на ногу.

Сметанкинъ побѣжалъ, но почти вслѣдъ же за тѣмъ и вернувшись, объявилъ, что каретъ нѣту ни одной...

— Ну дѣлать нечего, воспользуюсь вашей любезностью, брюзжала M-me Прыгунова, между тѣмъ какъ Михайло Иванычъ, шепнувъ мнѣ, чтобъ я не являлся съ своей коляской до его прихода за мной, — подалъ ей руку и вся компанія двинулась къ дачѣ Сметанкиныхъ.

Я уже часа два сидѣлъ въ хибаркѣ Тароватова у открытаго окна, жадно вдыхая лѣсной воздухъ и раздумывая о судьбѣ моего пріятеля, когда онъ шумно вбѣжалъ ко мнѣ и прямо кинулся обнимать...

— Да не можетъ быть?.. невольно вздрогнулъ я, начиная догадываться.

— Шабашъ!... отвѣчалъ ликующій Михайло Иванычъ,—всей семьей напустились на барыню—гуртомъ дешевле значитъ—ну, и одолѣли! Да что-жь ты въ самомъ дѣлѣ?—чѣмъ я не женихъ! Ну, разумѣется, истерики, обмороки, а я говорю: «у меня еще другая бабушка есть—и та поворожитъ, еще наслѣдство будетъ». Смягчилась барыня—тещи всѣ вѣдь на одинъ покрой... И фейерверкъ простила—я разумѣется принялъ на себя продѣлку...

— Вотъ полоумный малый!.. такъ ты стало быть предложеніе en forme сдѣлалъ?

— Всесовершеннѣйше! да вѣдь я только того и ждалъ, чтобъ придраться къ случаю.... Теперь все слажено: порѣшили такъ, что Лиза курсъ кончитъ, а тамъ черезъ годикъ...

— Ужь подлинно что случай!.. Ну, а сама Лизавета Николаевна? какъ-же она-то?

— Молчала, ни словечка не проронила, все намъ предоставила...

— И ты надѣешься быть счастливъ?

— Эка штуку какую сказалъ!.. Ктожъ не надѣется?—надежда—кроткая посланница небесъ... Иначе и браковъ не было бы. Вонъ M-me Калязинцева не надѣялась на дочерей, сама во всѣ глаза глядѣла — и наказана: повезла старшенькую въ деревню прятать—въ городѣ-то до весны не годится, говорятъ...

—

Здѣсь кончаются дѣвическія приключенія моей героини. Вскорѣ за тѣмъ я перешелъ на службу въ Петербургъ—и московскій кружокъ моихъ знакомыхъ надолго померкъ для меня въ туманѣ отдаленія. Изрѣдка еще доходили слухи о Бэтси, но какъ я никогда не придавалъ значенія молвѣ и полагаю, что въ вышеизложенномъ достаточно резюмированы первоначальныя причины и ихъ послѣдствія въ развитіи существа, именуемаго *барышней*, то и позволяю себѣ закончить на этомъ первую часть моихъ записокъ.

(Продолженіе будетъ).

Встрѣча съ медвѣдями въ лѣсу.

Дѣло идетъ къ зимѣ; заморозило и занесло снѣгомъ низкія оконца деревенской избы; въ каждомъ углу такъ и трещитъ сердитый морозъ. Кто войдетъ съ надворья, внесетъ съ собой въ избу цѣлый столбъ пара, и вмѣстѣ съ тѣмъ славный, свѣжій запахъ холода. Дома-бы сидѣть въ эдакую стужу, да сидѣть-то не приходится: хозяинъ въ извозѣ въ Питерѣ, молодой хозяйкѣ надо въ лѣсъ ѣхать дровъ нарубить, не то замерзнешь и въ избѣ, какъ печѣмъ будетъ печь затопить. Правду сказать, не легкое это дѣло. да ничего, баба молодая, здоровая, управится. «Мамка, меня съ собой возьми!» кричитъ сынишка, заслышавъ о сборахъ матери въ лѣсъ. «Ишь шустрый какой!» усмѣхается мать, а сама любовно глядитъ на Ванюшку—любо ей что ростетъ кормилецъ ей на старость, когда рученькамъ не поднять топора, не управиться съ труднымъ деревенскимъ дѣломъ...

Дровни слажены, поѣхали; вотъ и за околицу выѣхали. Бѣлая снѣжная поляна, усѣянная сіяющими блестками, слѣпитъ глаза; ужъ видѣнъ лѣсъ впереди, но онъ не манитъ къ себѣ, какъ лѣтомъ, свѣжой прохладой и таинственной тѣнью, не кишитъ въ немъ жизнь, не оглашается онъ веселымъ птичьимъ пѣньемъ и звонкимъ ауканьемъ. Все мертво въ немъ и пусто. Суевѣрный страхъ сжалъ сердце матери, будто какимъ недобрымъ предчувствіемъ. «Кчему я дитю-то съ собой взяла?.. А какъ неровенъ часъ...» Но солнце вдругъ радостно озарило лѣсъ, все засверкало и засіяло въ его привѣтливыхъ лучахъ, дурныя мысли разсѣялись какъ мелкія пташки по деревьямъ. Пошелъ работать топоръ; стонетъ молодое деревцо, словно пощады проситъ... Ванюшка съ своимъ топоромъ не отстаетъ отъ матери,—прутики обрубаетъ.—За работой и не примѣтила какъ стали подкрадываться сумерки. «Домой пора!» опомнилась мать. Буланый бѣжитъ привычной рысцей по знакомой дорогѣ. Тихо кругомъ, сумрачно; деревья насупились словно думаютъ какую думу; умирающіе лучи свѣта придаютъ снѣжнымъ сугробамъ чудные образы. «Мамка,» шепчетъ Ванюшка, прижимаясь къ матери, «а бабушка вечоръ сказывала, лѣшій въ лѣсу ходитъ...—» Шш!... полно родимый, объ экую пору такія слова говорить.... осѣни насъ крестная сила!.. Вдругъ Буланый всталъ какъ вкопанный, потомъ захрапѣлъ, взвился на дыбы, изъ ноздрей валитъ паръ... Страхъ оковалъ всѣ члены нашихъ путниковъ, мальчуганъ крѣпко обвился обѣими руками вокругъ матери... Изъ за деревьевъ показалось пара медвѣдей — «Чего всталъ, окаянный!» съ отчаяніемъ крикнула женщина, схвативъ сильной рукой возжи,— «выручай, соколикъ!»—Конь, ободренный голосомъ хозяйки, вздрогнулъ и помчался что есть духу, только хвостъ и грива разносятся по вѣтру, да столбомъ взвивается изъ подъ копытъ мягкая снѣжная пыль... Замеръ духъ... оглянуться страшно!...

А оба Михайла Ивановича стоятъ себѣ, точно и сами опалѣли. А можетъ статься думаютъ: «стоитъ связываться съ бабой! Вотъ кабы какой богатырь-дѣтина съ рогатиной.... ну, дѣло десятое, тутъ и силой любо помѣриться»... Погоди, Мишка, не уйдетъ отъ тебя рогатина, а чего добраго и тебѣ не уйти отъ нея.

Счастливо обошлось дѣло на этотъ разъ для тетки Аринуы — а въ иную пору отъ разъяреннаго звѣря и на хорошей лошади не ускачешь!.. Мишка неуклюжъ, а примется махать—только держись!

Библиотека "Руниверс"

Это была... игра!..

РАЗСКАЗЪ

В. К. Гакляндера.

Живая картинка, которую мы хотимъ сейчасъ, прямо, въ интересѣ нашей маленькой повѣсти, поставить передъ благосклоннымъ читателемъ,—право, премиленькая картинка. Мы потому начинаемъ прямо съ выставки ея, что имѣемъ въ виду сразу познакомить читателя съ дѣйствующими лицами въ нашей исторійкѣ, а также и ради той цѣли, чтобы доставить ему, читателю, побольше удовольствія и поменьше скуки, ибо ему гораздо пріятнѣе самолично узнать изъ непринужденныхъ разговоровъ явившихся передъ нимъ особъ и то, и другое, чѣмъ знакомиться съ сутью дѣла изъ простаго описанія, которое могъ-бы сдѣлать самъ разсказщикъ.

И такъ, позвольте:—утро, и довольно еще раннее, но мы входимъ вмѣстѣ съ вами въ комнату, не въ особенно-большую, правда, но тѣмъ не менѣе въ комнату прилично и просто меблированную. Вотъ тутъ, у окна, около стѣнки изъ плюща и высокой смоковницы, чирикаетъ канарейка: а конъ тамъ, на диванѣ, въ уголку, отдыхаетъ кошка на подушкѣ, такъ какъ она, по всей вѣроятности, очень утомилась за ночь, слишкомъ долго бодрствовала; теперь она лежитъ и только сонливо щурится. Надъ диваномъ виситъ зеркало, справа и слѣва отъ него — по портрету, которые написаны не особенно искусною рукою. Портретъ, висящій слѣва, изображаетъ господина съ добродушной физіономіей, украшенной замѣчательнымъ хохломъ; господинъ — въ бѣломъ галстухѣ, въ красномъ бархатномъ жилетѣ (на жилетѣ золотая цѣпочка) и въ черномъ фракѣ; черезчуръ высокій воротникъ фрака былъ, кажется, нарочно такъ выкроенъ для того, чтобы подпирать уши господина. На другомъ холстѣ вы видите даму съ довольно серіознымъ лицомъ, однако глаза ея свѣтятся и кидаютъ боковые взгляды на господина въ вышеописанномъ костюмѣ; губы ея сжаты, но, кажется, что дама хочетъ открыть ротъ и проговорить какую-то пріятную фразу. Прическа у этой дамы высокая, сама она въ платьѣ фіолетоваго цвѣта, съ очень пышными рукавами. На груди у ней, въ видахъ украшенія, виситъ на тяжелой золотой цѣпочкѣ медальонъ съ силуэтомъ господина, портретъ котораго мы уже видѣли.

Оба эти портрета были въ тяжелыхъ золотыхъ рамахъ; нарисованы они — масляными красками на прочномъ холстѣ, и, казалось, что само доброе старое время выглядывало изъ этихъ золотыхъ рамъ,—то доброе время, когда художникъ, работая не торопясь, покойно, съ самоуслажденіемъ, могъ кое-что заработать, когда машина не все еще захватила въ свои желѣзныя руки, какъ это мы видимъ теперь, въ переживаемое нами время; нынче, отсчитавъ равнодушно извѣстное число секундъ, намъ преподносятъ такую же точно работу, которая виситъ здѣсь, въ этой комнатѣ, подъ зеркаломъ, т. е. фотографическій портретикъ. Портретикъ этотъ изображаетъ молодую дѣвушку съ длинными локонами, продолговатымъ личикомъ и довольно длиннымъ носомъ; однако, она — свѣженькая, миловидная, словомъ такая, какою бываютъ обыкновенно особы женскаго пола лѣтъ шестнадцати-семнадцати.

Остановились мы передъ этими тремя портретами единственно по той причинѣ, чтобы нагляднѣе показать читателю, что мы имѣемъ тутъ дѣло съ фамиліей Штраммеръ, состоящей изъ отца, матери и дочери.

Мы смотрѣли на эти портреты, какъ на произведеніе искуства, какъ на копіи съ оригиналовъ; самые-же оригиналы, именно—женскіе, въ данную минуту находятся на лицо въ описанной нами комнатѣ. Что же касается третьяго оригинала, господина Штраммера, то онъ успѣлъ уже промѣнять жалкую земную жизнь на иное, лучшее бытіе тамъ... за гробомъ... И вотъ, глядитъ онъ теперь оттуда, какъ житель болѣе счастливаго міра,—глядитъ на жену свою и дочь, смотритъ, какъ онѣ попиваютъ попрежнему свой утренній кофеёкъ.

Да, пьютъ онѣ кофеёкъ также, какъ и прежде пили — картина почти та-же, что была и во время оно: вотъ г-жа Штраммеръ сидитъ посрединѣ дивана (она и прежде за кофе сиживала на этомъ мѣстѣ), слѣва, около нея, швейная ея корзинка, справа—кошка. Фрейлейнъ Фанни Штраммеръ помѣщается на стулѣ противъ матери — она и прежде помѣщалась на стулѣ противъ матери....

Конечно, обѣ эти женщины не совсѣмъ были похожи теперь на свои портреты: такъ напр., не говоря уже о томъ, что на г-жѣ Штраммеръ было другое платье, а не фіолетовое, что на шеѣ у нея не висѣлъ уже болѣе медальонъ съ силуэтомъ ея милаго покойника, сама г-жа Штраммеръ изрядно таки постарѣла — лицо погрубѣло, стало жесткимъ, черты рѣзче обозначались; если она иногда и теперь дѣлала такой «ротикъ», какой изображенъ художникомъ на портретѣ, то дѣлала это (судя по выраженію ея сѣрыхъ глазъ) вовсе не для того, чтобы раскрыть губки и проговорить какую нибудь пріятную фразу, сладкое словечко... Нѣтъ, въ настоящее время такое сжиманіе губъ было предвѣстникомъ какихъ-нибудь изліяній мрачнаго свойства, а въ такихъ изліяніяхъ эта дама была весьма искусна, не смотря на то, что не могла пожаловаться на прожитую жизнь: много красныхъ дней выпало ей на долю.

Фрейлейнъ Фанни тоже не была уже тѣмъ веселенькимъ созданьемъ въ локончикахъ, какимъ она представляется на фотографическомъ снимкѣ, что виситъ надъ диваномъ. Промежутокъ времени въ одиннадцать — двѣнадцать лѣтъ значительно таки повліялъ на нее, такъ что не только лицо Фанни, но и вся она являлась теперь чѣмъ-то отцвѣтшимъ, какъ-бы поблекшимъ растеньицемъ: та черточка, которая проходила подъ ея нѣсколько-длиннымъ носикомъ и въ былое время придавала всей физіономіи насмѣшливый и задорный видъ,—теперь рѣдко-рѣдко имѣла такой характеръ, напротивъ, что-то презрительное, горькое, сказывалось нынче въ этой черточкѣ подъ носомъ у фрейлейнъ Штраммеръ. И то сказать, ей уже не однажды приходилось сердиться на судьбу за обманутыя надежды, причемъ она претерпѣвала обманы безъ всякой вины съ своей стороны; по крайней мѣрѣ таково было убѣжденіе фрейлейнъ Фанни, чѣмъ она и утѣшалась, потому что каждый разъ, какъ представлялся *случай* — она обнаруживала сердце готовое любить, а приданое ея могло служить надежною основою взаимной супружеской любви. Но, говоря по правдѣ, она унаслѣдовала отъ своей матери многія такія качества, которыя вовсе не могли быть порукою за семейное счастье, и вотъ по этой-то причинѣ не разъ розовыя цѣпи—начинавшія было связывать два существа—вдругъ разрывались и спадали съ рукъ.

Но вотъ теперь, кажется, крѣпкая цѣпь затянулась какъ слѣдуетъ, и звѣнья ея были настолько крѣпки, что могли, не разрываясь, вынести фрейлейнъ Фанни Штраммеръ вонъ изъ лабиринта безотрадной жизни зрѣлой дѣвы и прямо поставить ее среди цвѣтущей лужайки супружества. Въ этой новой цѣпи запутался нѣкій красивый молодой человѣкъ, которому не было еще и тридцати лѣтъ. Онъ обладалъ большимъ, открытымъ лбомъ, добрыми, ясными, умными глазами, бѣлокурыми вьющимися волосами, да кромѣ всего этого—веселымъ, симпатичнымъ лицомъ. Природа одарила его пріятнымъ, звучнымъ голосомъ, а пріятный, звучный голосъ, говорятъ, имѣетъ особенно-сильное вліяніе на дѣвическое сердце.

Этотъ молодой человѣкъ былъ докторомъ медицины и, такъ сказать, еще «начинающимъ» докторомъ, по имени и фамиліи—Отто Дюрингъ. Если-бы кто нибудь видѣлъ его сегодня утромъ тутъ, сидящимъ за столомъ, на которомъ пили кофе,—и замѣтилъ бы ту манеру, съ какою обращались къ нему обѣ дамы, тотъ убѣдился бы, къ немалому своему удив-

Библиотека "Руниверс"

ленію, что отношенія между ними весьма короткаго свойства и весьма прочнаго качества.

Фрейлейнъ Фанни налила молодому доктору кофе и, собственноручно изготовивъ ему буттербродъ, сказала:

— Скушай это, милый Отто! скушай буттербродъ—тебѣ полезно, такъ какъ, по всей вѣроятности, тебѣ предстоитъ сегодня утромъ сдѣлать много визитовъ.

— Да, извольте-ка скушать! И я увѣрена, любезный мой зять, что буттербродъ изъ рукъ вашей Фанни покажется вамъ вдвое вкуснѣе.

Такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ — мы не въ состояніи этого рѣшить, да и вообще трудно, даже невозможно, прочесть что либо на лицѣ человѣка, который отвернется; а это-то именно въ данную минуту и сдѣлалъ молодой докторъ: отвернувшись, онъ сталъ что-то усердно записывать въ свою записную книжку.

— О, да, конечно, конечно! проговорилъ онъ наконецъ, послѣ довольно продолжительной паузы, но проговорилъ какъ-то разсѣянно и прибавилъ:—однако, со всѣми этими кренделькамн пора покончить; у меня и такъ много дѣла и оставаться долѣе—невозможно.

— Ты всегда какъ-то такъ торопишься, замѣтила Фанни тономъ упрека, а г-жа Штраммеръ довольно рѣзко сказала:

— Вамъ, любезнѣйшій зять, предлагали не крендельки кушать, о кренделькахъ и не говорили, а буттербродтъ, который намазывали съ любовью!

— Ну, да, да! Вѣдь я вижу — вотъ онъ лежитъ! Я его сейчасъ и съѣмъ, отвѣтилъ докторъ, вскинувъ глазами. Замѣтивъ облачко неудовольствія, набѣжавшее на лицо фрейлейнъ, онъ прибавилъ пожимая плечами:

— Послушайте, вѣдь это, можно сказать, истинное счастье, что я, молодой врачъ, только что начавшій практиковать, уже имѣю причины торопиться!.. А вѣдь сколько такихъ, которые также кое - чему учились, а между тѣмъ принуждены праздно сидѣть сложа руки?..

— Но это потому, любезный зять, что у васъ хорошія связи, есть протекція; а такъ какъ уже объявлено, что вы женихъ моей дочери, то это объявленіе внушило къ вамъ то довѣріе женщинъ, которымъ вы даже теперь уже пользуетесь.

— Ахъ, мама, перестань! Не говори объ этомъ! вдругъ воскликнула Фанни и кокетливо заткнула себѣ уши. — Ну, не могу я этого слышать!... Да у Отто и нѣтъ вовсе женской практики, онъ недавно еще увѣрялъ меня, говоритъ, что нѣтъ!..

— Нѣтъ, позволь, милая Фанни, ты меня значитъ не такъ поняла, заговорилъ молодой человѣкъ, и лицо его при этомъ приняло серіозное выраженіе:—я и женщинъ лѣчу, но паціентки мои по большей части бѣдныя, престарѣлыя женщины...

— Да, ну, если такъ (и Фанни облегчила грудь свою вздохомъ), то это меня нисколько не безпокоитъ, да я не объ этомъ и говорила. Я подразумѣвала тѣхъ дамъ, которыя, какъ я слышала, приглашаютъ къ себѣ бѣднаго молодаго доктора такъ... отъ скуки... и принимаютъ его у себя въ комнатѣ на-единѣ... Ахъ, мама, когда я только подумаю объ этомъ—меня ужасъ охватываетъ!...

— Еще - бы, оно и понятно, дитя мое; ужасъ твой является благодаря истинному нравственному чувству, но ты можешь быть увѣрена — у твоего будущаго мужа будетъ настолько деликатности и такта, что онъ постарается устранить все, что можетъ сдѣлать невыносимымъ положеніе жены доктора,—а положеніе это само по себѣ, съ какой стороны ни посмотри, весьма тяжелое.

— Ахъ, Боже мой!.. Да, да, милый Отто! Какъ часто думаю я объ этомъ! какъ часто овладѣваетъ мною глубокая душевная скорбь, когда, напримѣръ, какая нибудь подруга заговоритъ о тебѣ съ чувствомъ признательности, начнетъ разсказывать, что она слышала отъ той или другой изъ своихъ знакомыхъ, какъ ты трогательно - заботливо расточалъ слова утѣшенія, сидя у постели больной, знакомой намъ дамы....

Тутъ Фанни какъ-то нервически затрясла головой и даже отвернулась, какъ бы желая не видѣть подобной картины и не знать, какъ дорисуетъ ее собственное ея воображеніе.

— Ну, все это въ будущемъ можетъ измѣниться, замѣтила госпожа Штраммеръ: — онъ будетъ заниматься больше мужской практикой, или же устроитъ такъ, чтобы паціенты приходили къ нему въ извѣстные часы. Не правда-ли, вѣдь вы, любезнѣйшій зять, сдѣлаете это?... Да и какъ не исполнить этого, тѣмъ болѣе, что мы, принеся многія тяжелыя жертвы, вправѣ ожидать отъ васъ такой маленькой уступки.

— Все, что будетъ возможно — я сдѣлаю, отвѣтилъ молодой докторъ нѣсколько-недовольнымъ тономъ.

Фанни, подмѣтивъ тѣнь неудовольствія на лицѣ его, положила свою правую руку на плечо жениха и устремила на него взглядъ преисполненный довѣрчивости. Этотъ взглядъ былъ-бы, пожалуй, трогательнаго свойства, если-бы фрейлейнъ попроще и поискреннѣе бросила его. Потомъ она взяла его за руку и сказала такимъ ласкающимъ голосомъ:

— Вѣдь это такъ, да, добрый мой Отто? Не правда-ли? Я могу быть спокойна насчетъ всего этого, и будущность улыбнется мнѣ свѣтло и радостно?..

— О, конечно... разумѣется, проговорилъ онъ нѣсколько протяжно, но тотчасъ же принудилъ себя улыбнуться и прибавилъ, протягивая руку къ шляпѣ:

— Но теперь, не смотря на все мое желаніе побыть здѣсь еще, я долженъ отправиться. Мнѣ нужно сдѣлать еще двѣнадцать визитовъ до полудня, такъ какъ въ полдень открывается пріемъ паціентовъ въ больницу; а сегодня въ больницѣ мнѣ придется пробыть довольно долго: я назначенъ ассистентомъ при старшемъ докторѣ, который будетъ дѣлать трудную операцію.

— Значитъ, къ обѣду сегодня ты ужъ не придешь?..

— Это невозможно, да мнѣ и не хотѣлось бы явиться къ вамъ прямо съ такой работы...

— Ну, насчетъ этого не стѣсняйтесь, любезный зять!

— Конечно, что тутъ стѣсняться! поддакнула Фанни и сдѣлала томные глаза: — ты можешь оттуда прямо явиться сюда, къ моему любящему сердцу, и я не буду ощущать никакого ужаса, а тогда — помнишь?—я его ощутила, когда твой носовой платокъ такъ поразительно пахнулъ «Eau de Сурге»...

— Да, пахнулъ, но вѣдь это такъ просто, естественно случилось, сказалъ молодой докторъ, пожимая плечами:—и я, кажется, ясно сообщилъ тебѣ, какъ это вышло: мнѣ нужно было подать помощь одной старой барынѣ, которая была въ обморокѣ,—ну, а на туалетномъ ея столикѣ стоялъ флаконъ съ этой Eau de Сурге...

— Хорошо, хорошо! не будемъ объ этомъ больше говорить, милый Отто.

И фрейлейнъ Фанни сложила ручки, принявъ смиренный видъ.

— Но что - же мнѣ дѣлать, продолжала она,—если мое сердце, охваченное пламенною любовью, невольно заставляетъ меня рисовать мрачныя картины?... Спальня.... туалетный столикъ... дамы въ обморокѣ... «Eau de Сурге»... Ну, нѣтъ, нѣтъ! воскликнула она вдругъ весело: — я не буду больше думать объ этомъ! Право, милый Отто, я хочу твердо вѣрить, что та барыня дѣйствительно была—старая и очень не красивая дама!..

— Ну, вотъ, и прекрасно! А затѣмъ—до свиданія, до вечера, сказалъ молодой докторъ и подалъ Фанни руку: — но, если ты хочешь мысленно сопровождать меня, то можешь быть со мной невидимкой, причемъ пожелай-ка мнѣ счастья, т. е. чтобы практика моя, давая доходы, все становилась шире и шире. Вѣдь ты знаешь, какой именно цѣли достигнемъ мы оба, если это счастье мнѣ улыбнется...

— Постойте-ка, любезный зять, постойте! заговорила г-жа Штраммеръ, устремивъ на него серіозный взглядъ:—вы вотъ только что упомянули о цѣли,—конечно, цѣли прекрасной для васъ,—но изъ вашихъ словъ видно, что будто-бы этой цѣли можно достигнуть только при удовлетворительномъ результатѣ вашей практики. А это, какъ вы сами знаете, вовсе не

Библиотека "Руниверс"

Кобзари. Съ картины Курелли. Рис. Шернеръ, грав. Прикорскій.

Библиотека "Руниверс"

такъ... Господь Богъ (тутъ она метнула глазами въ потолокъ) благословилъ меня и милаго моего покойника-мужа, одаривъ насъ земными благами—и такъ щедро, что благъ этихъ хватитъ даже съ излишкомъ на первые годы вашей супружеской жизни, тѣмъ болѣе, что мы хотимъ остаться всѣ вмѣстѣ, жить въ своемъ семейномъ кругу, столь любезномъ сердцу, а потому и вслѣдствіе...

— Ахъ, добрѣйшая мамаша, прошу васъ, торопливо перебилъ ее докторъ,—прошу васъ не говорите этого, не возобновляйте вашего великодушнаго предложенія! Вы вѣдь обѣщали не дѣлать этого? Вы сами, и вотъ Фанни тоже, согласились со мной въ томъ, что для меня будетъ гораздо приличнѣе, почетнѣе, если я, благодаря одной своей практикѣ, добьюсь, сдѣлаюсь сперва человѣкомъ вполнѣ самостоятельнымъ и потомъ уже обвѣнчаюсь и введу жену въ *свой* домъ!.. Да и что значитъ немножко подождать? Что можетъ значить короткій промежутокъ времени въ сравненіи съ долгой, какъ я надѣюсь, и счастливой жизнью?.. И такъ, повторяю еще разъ (молодой человѣкъ докончилъ свою рѣчь смѣясь): чѣмъ скорѣе примусь я за свой трудъ, тѣмъ быстрѣе достигнемъ мы цѣли!

Проговоривъ эти слова, онъ раскланялся, принявъ самый дружелюбный, пріятельскій видъ, и затѣмъ исчезъ. Фанни подошла къ окну, чтобы посмотрѣть ему вслѣдъ.... Черты лица ея теперь какъ-то странно измѣнились: выраженіе чего-то сладко-томнаго, элегическаго исчезло, брови нахмурились, а губы плотно сомкнулись и придали физіономіи ея ужасающую холодность и что-то жесткое. Она пріютилась за оконнымъ занавѣсомъ и, провожая глазами милаго своего Отто, заговорила рѣзкимъ голосомъ:

— Вотъ... вотъ, онъ опять подпрыгиваетъ, порхаетъ точь въ точь какъ птичка, вылетѣвшая изъ клѣтки! Право, мама, ну, вотъ мнѣ кажется, что я слышу, какъ онъ напѣваетъ, обрадовавшись, что вырвался изъ плѣна!..

— Вздоръ ты говоришь! замѣтила госпожа Штраммеръ,— объ этомъ и думать не слѣдуетъ; а если такъ случается и думаютъ, то мыслей своихъ не обнаруживаютъ. Вѣдь у стѣнъ тоже уши-то есть... Старая эта поговорка, да справедливая! Ну, если-бы кто нибудь шепнулъ ему о томъ, какъ именно относишься ты къ нему, какъ довѣряешь ему, говоря подобныя слова, то онъ, право, могъ-бы подумать: «А! если она меня безъ всякаго повода считаетъ негоднымъ, гадкимъ человѣкомъ, такъ буду-же я теперь нарочно, какъ только представится случай, не пропускать того, что плыветъ мимо рукъ»!..

— Ахъ, боюсь я, что это-то именно онъ ужъ и дѣлаетъ! вздыхала Фанни, все еще находясь за оконнымъ занавѣсомъ.

— Довѣрчивость женъ къ мужьямъ — это штука совсѣмъ особаго рода, продолжала г-жа Штраммеръ и подняла при этомъ глаза по направленію къ портрету своего милаго покойника-мужа:—если, напримѣръ, жена не можетъ довѣрять мужу, то тутъ слѣдуетъ притвориться, сдѣлать видъ, какъ будто на самомъ дѣлѣ ему довѣряешь,—это для того, чтобы мужья были менѣе подозрительны и менѣе осторожны. Ну, а потомъ, когда что надо выслѣдишь и доподлинно узнаешь все объ ихъ интрижкахъ— тогда-то вотъ и надо какъ можно сильнѣе и энергичнѣе прихлопнуть измѣнника башмакомъ!..

Такую расправу почтенная дама даже наглядно представила: она топнула ногой, воображая, что подъ башмакомъ у у нея находится измѣнникъ — зять. Этотъ ударъ башмакомъ сдѣланъ былъ такъ выразительно, лицо г-жи Штраммеръ выражало столько ненависти (даже два длинные желтые зуба высунулись), что участь жертвы, попавшейся въ настоящую минуту въ руки почтенной дамы, была-бы не совсѣмъ-то завидна.

— Вотъ ужь его скоро совсѣмъ не будетъ видно— и что-же? Ни разу даже не обернулся! жаловалась Фанни.—Кажется, могъ-бы онъ обернуться, посмотрѣть: не стою-ли я у окна?.. Какъ только повернулъ спину — такъ ужъ больше и не думаетъ обо мнѣ... *Другія* теперь на умѣ у него! Смотрѣть на окна да раскланиваться *другимъ* — это ничего, это онъ можетъ!.. Да онъ и дѣлаетъ это у дома совѣтника-финансовъ, потому что стоитъ ему показаться на улицѣ, какъ тамъ въ окнѣ, непремѣнно показывается это глупое, недозрѣвшее созданьице съ фальшивыми своими локонами.... Ну, подожди: будешь ты у меня шелковый!...

Тутъ она вдругъ умолкла, монологъ ея оборвался... Фанни, какъ неуклюжая толстая муха, бросилась къ самому окну, судорожно вытянула шею и отрывисто заговорила:

— Вонъ онъ у кареты стоитъ... а!.. съ жаромъ говоритъ что-то... Ахъ, если-бы я могла только хорошенько разсмотрѣть, кто въ каретѣ!.. Не одна-ли это изъ тѣхъ...

— Да бѣги скорѣй въ угловую комнату, ну, и увидишь тогда все!... О, глупая! прибавила уже про себя госпожа Штраммеръ, потому что Фанни, слѣдуя совѣту матери, выбѣжала въ сосѣднюю комнату. — Неужели ты считаешь его настолько глупымъ? Позволитъ-ли онъ себѣ забыться тутъ, почти подъ самымъ нашимъ носомъ?... О, мужчины гораздо хитрѣе!..

— Ну, что-же ты видѣла тамъ? спросила она у дочери, когда та вернулась изъ угловой комнаты.

— Да собственно говоря, ничего такого особеннаго не видала, отвѣтила Фанни,—даже почти ничего, а всетаки какое-то горькое чувство зарождается во мнѣ всякій разъ, когда я вижу, что онъ разговариваетъ съ этимъ человѣкомъ— съ этимъ барономъ Венкгеймомъ, а вѣдь баронъ — «худшій изъ худшихъ», какъ говорятъ честные люди о немъ, и, конечно, говорятъ не безъ основанія. Что именно такое они толкуютъ объ этомъ человѣкѣ—я, разумѣется, не могу знать, да и не понимаю ничего въ подобныхъ вещахъ; но вотъ Лотта Дельберсъ (я недавно стояла съ ней и разговаривала, а онъ въ то время проѣзжалъ верхомъ мимо насъ) какъ увидѣла его— такъ и покраснѣла вдругъ, прижала руки къ сердцу и сказала, глубоко вздохнувъ: «О, этотъ Венкгеймъ—ужасный человѣкъ»!..

— Ну, это, пожалуй, Лоттѣ можетъ быть и извѣстно, замѣтила госпожа Штраммеръ; — если онъ для такихъ гусынь и страшенъ, то это все-таки еще ничего не значитъ. Нельзя-же изъ-за одного этого запретить твоему жениху доктору разговаривать съ нимъ! Будь-же благоразумна, Фанни!

— Ахъ, маменька, маменька! Я и то такъ часто бываю благоразумна, что сама себѣ удивляюсь, сама не понимаю, какъ это могу я молчать тамъ, гдѣ сердце мое громко, громко заговариваетъ?.. Но, послушай — пусть это будетъ между нами — я опять скажу: эта «Eau de Сурге» возбудила во мнѣ страшное подозрѣніе... Да! и вотъ почему: мнѣ парикмахеръ говорилъ, что эта «вода» покупается только женщинами дурнаго тона, самыми безсердечными кокетками,—ну, да однимъ словомъ, знаешь, тѣми существами, которыя ходятъ съ подобранными сзади платьями, на высокихъ двухдюймовыхъ каблукахъ, носятъ шляпочки какъ будто слетѣвшія на нихъ съ неба и щеголяютъ распущенными длинными локонами.... Это именно тотъ слой общества, въ которомъ веселится господинъ баронъ Венкгеймъ, а докторъ-то не только раскланивался съ нимъ самымъ пріятельскимъ образомъ, но еще сѣлъ въ его карету—и поѣхалъ съ нимъ!..

— Ну, и пусть покатается, вѣдь не пропадетъ-вернется-же! говорила госпожа Штраммеръ увѣреннымъ тономъ.—Формальная-то ваша помолвка происходила въ присутствіи всей родни: тутъ и твой опекунъ былъ, дядя, юстицъ-совѣтникъ, а онъ покажетъ ему себя, если только доктору вздумается компрометировать такую почтенную фамилію, какъ наша. Да-нѣтъ, это все пустяки! Женихъ твой вовсе и не думаетъ о подобныхъ вещахъ,—а вотъ ты-то, право, способна запугать его своею ревностью. Успокойся, потерпи немножко; а вотъ, когда васъ повѣнчаютъ, ну, тогда ему невозможно уже будетъ избавиться отъ тебя.

Фанни призадумалась, но немного погодя нашла, какъ кажется, благой совѣтъ мамаши своей превосходнымъ, потому что вдругъ начала тихонько барабанить по стеклу сухощавыми пальцами, причемъ улыбка, преисполненная злорадства засіяла на лицѣ ея и еще болѣе освѣтила рѣзкія его черты.

Дѣйствительно, молодой докторъ сѣлъ въ карету барона Венкгейма,—но сдѣлалъ это, уступивъ настоятельнымъ прось-

Библиотека "Руниверс"

бамъ послѣдняго; онъ тщетно отнѣкивался, выставляя на видъ, что его ждутъ спѣшныя, весьма нужныя дѣла, но баронъ удачно возражалъ и представилъ даже въ свою пользу превосходнѣйшій доводъ.

— Вѣдь я тебя, милый Отто, такъ давно не видалъ! Помнишь—съ тѣхъ поръ, какъ мы покинули университетъ! Вѣдь я видѣлъ тебя въ этотъ промежутокъ времени всего два раза, да и то мелькомъ, издали. Ну, теперь-то ты можешь подарить мнѣ часочекъ времени—вотъ мы и поболтаемъ. Или... знаешь что? Хочешь я буду тебя сопровождать? то есть, понимаешь, ты будешь дѣлать визиты, а я буду тебя подвозить тебя къ тѣмъ домамъ, на которые ты укажешь? Ты выйдешь, а я буду ожидать тебя, сидя въ экипажѣ; если-же пригласишь меня присутствовать при какомъ нибудь пикантномъ, интересномъ случаѣ, то это доставитъ мнѣ премного удовольствія, ибо я буду твоимъ ассистентомъ—а?..

— Ну, пикантныхъ-то, интересныхъ случаевъ у меня, какъ врача еще молодаго, маловато, даже почти нѣтъ. Паціенты мои обитаютъ большею частью въ подвалахъ или четвертыхъ этажахъ, а потому и лазить къ нимъ приходится по чернымъ лѣстницамъ. Если и случается иногда бывать въ первомъ этажѣ или во второмъ, то тутъ попадаешь въ какое нибудь солидное бюргерское гнѣздо, въ которомъ и лѣчишь, напримѣръ, старушенцію - бабушку отъ разстройства желудка.

— А! ну, въ такомъ случаѣ я отказываюсь быть твоимъ ассистентомъ, помощникомъ,—и ужъ лучше стану ожидать твоего возвращенія, сидя въ каретѣ и покурнвая сигарку, а ты тѣмъ временемъ будешь гдѣ нибудь мудрить надъ больнымъ. И такъ, куда прежде всего направимъ мы путь?

— Престранная, однако, фантазія у тебя, но ужъ если тебѣ этого непремѣнно хочется — изволь! Прикажи кучеру твоему ѣхать въ Мейзенгассе 14. Повѣрь мнѣ, милый мой Рихардъ, мнѣ также чрезвычайно пріятно встрѣтиться съ тобой послѣ такой долгой разлуки, столкнуться и поболтать на свободѣ, по душѣ! Ну, что-жъ, разумѣется, живется тебѣ отлично?..

— Пожаловаться не могу, да ктому-же многіе мнѣ завидуютъ,—значитъ, по всей вѣроятности, есть же въ самомъ дѣлѣ кое-что и привлекательное, пріятное въ моемъ положеніи. Однако, усматриваю я и темныя стороны, но онѣ, право, тоже занимательны, забавны въ своемъ родѣ, такъ какъ, благодаря имъ, контрастъ сильнѣе, свѣтлыя стороны—ярче. Знаешь, постоянное солнечное сіяніе можетъ прискучить, ну-да и притомъ тоже вѣдь небезполезно, когда около собаки всегда есть поблизости добрая палка. Я, какъ видишь, здоровъ. Нѣтъ, ты взгляни на меня хорошенько: вѣдь я крѣпко здоровъ? И болѣнъ ни разу еще не былъ, а то ради старой дружбы позвалъ-бы тебя, какъ врача. Финансовыя мои обстоятельства — блестящи; а такъ какъ я не настолько скупъ, чтобы запирать свои талеры въ шкатулку, то и веселюсь и наслаждаюсь по горло. Два года я путешествовалъ, а вотъ теперь жительствую здѣсь, состою членомъ разныхъ ученыхъ обществъ, записанъ въ Жокей-клубѣ, въ дворянскомъ казино, въ обществѣ охотниковъ и даже сдѣлался членомъ недавно открытаго общества воспитанія молодыхъ балетныхъ танцовщицъ. Если ты пожелаешь записаться въ члены одного изъ этихъ обществъ, то можешь разсчитывать на мою протекцію.

— Благодарю, но, видишь-ли, для подобныхъ занятій у меня времени мало... А! вотъ мы и въ Мейзенгассе. Ну, если ты серіозно хочешь ждать меня здѣсь, то я въ такомъ случаѣ поторопліюсь вернуться, конечно если это будетъ можно.

— Нѣтъ, нѣтъ, пожалуста не торопись! сказалъ баронъ:—у меня времени довольно,—и ты, знаешь ли, даже спасаешь меня отъ одной глупости, которую я по всей вѣроятности сотворилъ-бы: я хотѣлъ было отправиться въ Жокей-клубъ—тамъ сегодня продаются съ аукціона лошади,—ну, и, конечно, не утерпѣлъ бы и просадилъ-бы порядочный кушъ денегъ. Вотъ, такимъ образомъ, я и обязанъ тебѣ нѣкоторой экономіей!...

(Продолженіе будетъ).

Невидимыя существа въ природѣ.

Человѣкъ слишкомъ легко привыкаетъ равнодушно смотрѣть на чудеса которыми его на каждомъ шагу окружаетъ волшебница-природа, именно потому, что все это для него слишкомъ обыденно. Сколько милліоновъ людей безсознательно глядятъ на звѣздное небо, а между тѣмъ сколько волшебства заключаетъ въ себѣ это необъятное звѣздное пространство! Но сегодня мы не станемъ подыматься въ небесную высь. Богатая органическая жизнь, разсѣянная на землѣ, даетъ вдоволь матерьяла для интересной бесѣды о предметахъ естественной исторіи.

Взглядъ на звѣздное небо ведетъ насъ въ безконечныя пространства, для измѣренія которыхъ у насъ нѣтъ никакой мѣры, даже никакой идеи, какъ справедливо говоритъ Паскаль. Единственной еще мѣрой можетъ тутъ служить свѣтовой лучь, проходящій въ секунду 42,000 миль. Но и эта мѣра оставляетъ насъ въ недоумѣніи. По исчисленіямъ сэра Джона Гершеля, свѣтъ отъ звѣздъ млечнаго пути требуетъ 2,000 лѣтъ чтобы дойти до насъ. Мы знаемъ, что свѣтовой лучь пробѣгаетъ пространство отъ солнца къ землѣ въ $8^1/_4$ минутъ; это даетъ намъ мѣру отдаленія отъ насъ солнца, но еще не дѣлаетъ возможнымъ составить себѣ наглядное представленіе отдаленности этихъ міровыхъ пространствъ. Воображеніе наше безсильно представить пространство, требующее двадцадичетырехъ часоваго пути свѣтоваго луча, а тѣмъ менѣе такого, который онъ можетъ пробѣжать только въ 2,000 лѣтъ,—не говоря о томъ, что эти звѣды млечнаго пути, далеко еще не обозначаютъ предѣловъ міроваго пространства. Будь онѣ намъ доступны, мы и надъ ними увидали бы новый звѣздный міръ, и это повторялось бы до какихъ бы отдаленнѣйшихъ предѣловъ мы не достигли.

Какъ умъ нашъ не можетъ объять этихъ далекихъ, непостижимыхъ ему міровъ, такъ точно теряется онъ въ мірахъ существъ населяющихъ нашу землю. Но наука дала средства и указала пути, съ помощью которыхъ человѣческій умъ приближается къ пониманію безконечнаго. Какъ при посредствѣ телескопа мы проникаемъ въ небесныя пространства, и приближаемъ къ себѣ звѣзды на нѣсколько тысячъ миль, такъ что планеты принимаютъ даже опредѣленную форму, — такъ точно микроскопъ открываетъ намъ тайны безконечно малаго міра; при его помощи мы можемъ теперь измѣрить то, что прежде казалось намъ непостижимо малымъ, такъ какъ есть существа, которыя даже при современныхъ усовершенствованіяхъ микроскопа, при двухтысячномъ увеличеніи діаметра, представляются не болѣе какъ крошечной математической точкой.

Отдавая все вниманіе большимъ животнымъ, многіе забываютъ о микроскопическихъ существахъ; между тѣмъ ими далеко нельзя пренебрегать. Эти созданія, часто невидимыя простому глазу, въ экономіи природы творенія не менѣе опредѣленны, и хотя они по видимому такъ ничтожны, что ихъ никто даже не замѣчаетъ, но роль ихъ далеко не незначительна: эти невидимыя существа производятъ, не рѣдко съ ужасающей быстротой, невѣроятныя, самыя странныя и совершенно неожиданныя явленія.

Эти невидимыя простому глазу животныя существуютъ съ тѣхъ поръ, какъ началась органическая жизнь на нашей землѣ; они открыли ее вмѣстѣ съ другими животными, и прошли черезъ всѣ геологическія эпохи, не претерпѣвъ никакихъ значительныхъ измѣненій; они встрѣчаются повсюду, потому что вездѣ находятъ условія, благопріятныя для ихъ развитія; они распространяются отъ полюсовъ къ экватору, съ высочайшихъ горныхъ вершинъ до глубочайшаго дна морскаго, — и вездѣ размножаются съ плодовитостью, превосходящею всякія границы.

При таяніи льда подъ 78° сѣв. шир. нашли очень хорошенькія животныя формы. На вершинахъ Монблана и Чимборазо, на высотѣ отъ 17 — 18,000 футовъ, еще есть жизнь, если не въ животной то въ растительной формѣ, въ видѣ лишаевъ,—и на глубинѣ 12,000 фут., слѣдовательно подъ давленіемъ 400 атмосферъ, находятъ микроскопическія существа, діатомей или бакциларій. Въ каменноугольныхъ копяхъ, куда не проникаетъ дневной свѣтъ, встрѣчаютъ еще разнообразную флору и фауну въ малѣйшихъ органическихъ формахъ.

Знаніемъ этого въ высшей степени интереснаго міра микроскопическихъ жизней—наука обязана преимущественно необыкновенному терпѣнію одного нѣмецкаго ученаго, извѣстнаго Эренберга въ Берлинѣ. Но никакъ нельзя думать, чтобы онъ уже исчерпалъ весь этотъ міръ. По его слѣдамъ пошелъ недавно французскій химикъ Пастеръ, который сдѣлалъ свое имя извѣстнымъ новыми изслѣдованіями воздуха и плавающихъ въ немъ тѣлецъ. Онъ собиралъ воздухъ на альпійскихъ вершинахъ и на вершинахъ Юры на высотѣ 2,000 футовъ и сравнивалъ его съ воздухомъ, собранныхъ на парижскихъ улицахъ и въ погребахъ; это сравненіе привело его къ убѣжденію, что воздухъ, куда бы онъ ни проникалъ, вноситъ съ собой маленькіе зародыши, которые, если

Библиотека "Руниверс"

находятъ сколько нибудь благопріятную почву, развиваются въ грибки; въ водѣ, которую мы пьемъ, въ хлѣбѣ который мы ѣдимъ, они вызываютъ къ жизни цѣлые легіоны существъ. Носящаяся въ воздухѣ пыль есть исключительная причина и необходимое условіе жизни въ разлагающихся тѣлахъ и въ бродящихъ жидкостяхъ; она-то и производитъ, какъ доказалъ Пастеръ, гніеніе и броженіе.

Эти существа, которые часто такъ малы, что могутъ быть открыты только при помощи сильнѣйшихъ инструментовъ, ежеминутно творятъ тысячи чудесъ; онѣ причиняютъ опустошенія, которыя смѣло могутъ быть поставлены въ одинъ рядъ съ бѣдствіями моровой язвы или голода, и также служатъ причиной величественнѣйшихъ явленій на землѣ. Малое, какъ и великое въ природѣ, краснорѣчиво говоритъ объ ея всемогущей силѣ.

Всякій знаетъ дрожжи—и то, что онѣ необходимы для того чтобы поднялось тѣсто, точно также какъ безъ броженія не можетъ быть ни пива, ни вина. Но всякій ли знаетъ, что такое дрожжи? Если мы взглянемъ въ микроскопъ на одну капельку ихъ, даже на самую крошечную частичку, какую можно захватить на кончикъ булавки, то увидимъ тысячи живыхъ растеній въ формѣ кругловатыхъ клѣточекъ. Каждое изъ этихъ растеньицъ питается, дышитъ и заботится о продолженіи своего рода. Ихъ необыкновенная плодовитость бросается въ глаза даже не особенно внимательному наблюдателю. Кто не знаетъ густой пѣны, которая во время броженія, пива и водки, медленно выходитъ изъ втулочныхъ отверстій боченковъ, высоко бьетъ вверхъ и способна разорвать сосуды, если бы ей не было свободнаго выхода.

Размноженіе этихъ растеньицъ идетъ съ такой необыкновенной быстротой, что буквально видишь, какъ онѣ рождаются и выростаютъ. Здѣсь жатва слѣдуетъ почти немедленно за посѣвомъ. Пастеръ посѣялъ едва замѣтную частичку пивныхъ дрожжей въ чистой водѣ, въ которой были растворены сахаръ, аммоніакъ и фосфорнокислыя соли; въ самомъ непродолжительномъ времени сахаръ пришелъ въ броженіе, то есть, грибки стали ростъ и размножаться, принимая въ себя углеродъ изъ сахара, аммоніака и минеральныя вещества изъ фосфорныхъ солей.

Если въ одномъ кубическомъ дюймѣ содержится болѣе 1,150 милліоновъ этихъ растеньицъ, то сколько же можетъ ихъ народиться въ теченіи нѣсколькихъ часовъ въ боченкѣ съ бродящимъ пивомъ. Масса этихъ индивидуумовъ въ такомъ тѣсномъ пространствѣ—повергаетъ насъ въ такое же изумленіе, какъ и безконечность небеснаго пространства.

И такъ, мы видимъ, что эти безконечно крошечныя существа принимаютъ непосредственное участіе въ отправленіяхъ ежедневной жизни; нечего удивляться поэтому, что естествоиспытатели посвящаютъ свое время и силы изученію этой быстро переходящей и скрытой жизни. Но всего поразительнѣе дѣятельность этихъ крошечныхъ существъ въ океанѣ; кромѣ того онѣ участвуютъ и при землетрясеніяхъ и при вулканическихъ изверженіяхъ.

І. Рейнгольдъ, спутникъ Кука, первый открылъ въ 1780 году, что многіе острова Южнаго Океана обязаны своимъ существованіемъ быстрому размноженію кораловъ. Едва замѣтные простому глазу полипы построили здѣсь множество опасныхъ рифовъ и сдѣлались ужасомъ мореплавателей. Кораллы образовывали мели и подводныя скалы, и съ такой же страшной сколько непостижимой быстротой измѣняли дно океана и строили среди него острова. Эти колоніи малѣйшихъ существъ, возводятъ свою вавилонскую башню, если не до небесъ, то до поверхности окружающаго ихъ моря.

Другое не менѣе извѣстное, странное явленіе производимое этими существами—это свѣченіе моря. Кто не читалъ описаній великолѣпной картины, какъ въ нѣкоторыя лѣтнія ночи свѣтится море? вдоль берега бѣгаютъ по волнамъ огненные змгзаги и погасаютъ у песчаныхъ отмелей; при каждомъ прибоѣ волны, сыплются искры; даже сырой песокъ прибрежья свѣтится подъ ногами, а посреди моря сіяютъ настоящія огненныя гирлянды.

Что служитъ причиной этого удивительнаго явленія? Крошечное кругленькое животное величиною съ булавочную головку, прозрачное какъ хрусталикъ нашего глаза, снабженное маленькимъ приросткомъ на подобіе ножки и называемое естествоиспытателями *Mammaria* или *Noctiula*. Цѣлыя тучи, или лучше сказать, цѣлый міръ этихъ крошечныхъ существъ распространяетъ (каждое вокругъ себя), какъ свѣтящійся червячекъ въ травѣ, такое сильное сіяніе и такой яркій блескъ, что поверхность моря дѣлается похожа на усѣянное звѣздами небо.

Быстрота размноженія этихъ безконечно-малыхъ существъ не менѣе замѣчательна, чѣмъ ихъ крошечная величина. Мы приведемъ только одинъ примѣръ: Эренбергъ вычислилъ, что одно растеньице производитъ въ двадцать четыре часа милліонъ и въ четыре дня 140 билліоновъ себѣ подобныхъ. Въ кубическомъ дюймѣ трепела содержится 41 милліонъ микроскопическихъ животныхъ *Gallionella distans* и такое же крошечное пространство заключаетъ въ себѣ биллiонъ семьсотъ пятьдесятъ милліоновъ другаго вида этихъ безконечно-малыхъ животныхъ, *Gallionella ferruginea*. Находятъ трепелевые слои въ 40 футовъ глубины. Кому охота, пусть сосчитаетъ сколько въ нихъ инфузорій!

Кромѣ того есть еще другіе слои, которые почти исключительно образованы изъ этихъ животныхъ. Въ 1837г., профессоръ Ретціусъ, въ Стокгольмѣ, открылъ настоящее свойство горной муки, употребляемой въ пищу Лапландцами. Она почти вся состоитъ изъ остатковъ инфузорій. Кровяной дождь, метеорная бумага падающая съ неба, зеленая или красная окраска воды въ нѣкоторыхъ лужахъ и прудахъ—все это явленія, производимыя этими микроскопическими животными.

Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ подготовительныхъ работъ, 26 января 1845 г., около Дувра взорвали двадцать милліоновъ центнеровъ известковыхъ скалъ, для проложенія пути строившейся желѣзной дороги; на это потребовалось 140 центнеровъ пороха, который былъ зажженъ электрической ниткой. Противъ какого же врага была сооружена эта ужасная баттарея? Противъ такого крошечнаго, что однимъ пальцемъ мы можемъ раздавить ихъ тысячи. Мѣловые утесы выстроены не изъ чего инаго, какъ изъ известковыхъ панцырей инфузорій.

Дѣйствительно-ли всегда великіе міра рѣшаютъ судьбы, двигающія подлунной и человѣчествомъ? Въ природѣ задача эта очевидно падаетъ на самыхъ малыхъ. Человѣкъ покоряетъ тигра и льва, очищаетъ лѣса отъ волковъ и другихъ хищныхъ звѣрей; убиваетъ даже слона и бегемота, — но безсиленъ противъ микроскопическихъ существъ, наполняющихъ воздухъ и воду, поселяющихся въ его собственномъ организмѣ, поражая его кожу, мускулы, мозгъ или сердце. Часто человѣкъ, не желая, и самъ не зная того, служитъ пріютомъ насѣкомыхъ и червей, и сильнѣйшіе и богатѣйшіе міра сего, такъ же мало обезпечены противъ этого, какъ послѣдній бѣднякъ на свѣтѣ.

Значитъ, пренебрегать этими малѣйшими существами, никакъ не слѣдуетъ; напротивъ, на нихъ должно быть обращено все наше вниманіе, котораго они какъ нельзя болѣе заслуживаютъ. Мы здѣсь на каждомъ шагу встрѣчаемся съ комаромъ въ баснѣ, одержавшимъ побѣду въ борьбѣ со львомъ; отъ Лафонтеня не укрылось значеніе меньшей братьи природы. Въ заключеніе повторяемъ еще разъ, что меньшія созданія имѣютъ такое же значеніе въ хозяйствѣ природы, какъ и большіе. Они съ такой же послѣдовательностью и въ той же мѣрѣ исполняютъ свои различныя отправленія въ громадной мастерской природы, гдѣ жизнь вѣчно одерживаетъ побѣду надъ смертью. Наука могущественно содѣйствовала распространенію полезныхъ животныхъ и ограниченію развитія вредныхъ, но противъ разрушеній производимыхъ многими микроскопическими животными она рѣшительно складываетъ оружіе.

Не говоря объ эпидемическихъ болѣзняхъ, развѣ мы не видимъ, какое огромное участіе принимаютъ эти неуловимыя существа въ различныхъ болѣзняхъ у дѣтей и взрослыхъ? Докторъ все болѣе и болѣе долженъ прибѣгать къ зоологіи и ботаникѣ. Не эти ли крошечныя существа, на видъ не имѣющія ни имени ни опредѣленной формы, не смотря на свою безконечную малость и на нѣжность своего строенія, поражаютъ виноградники и картофельныя поля, раззоряютъ цѣлыя провинціи, становятся даже опасными для жизни цѣлыхъ народовъ?

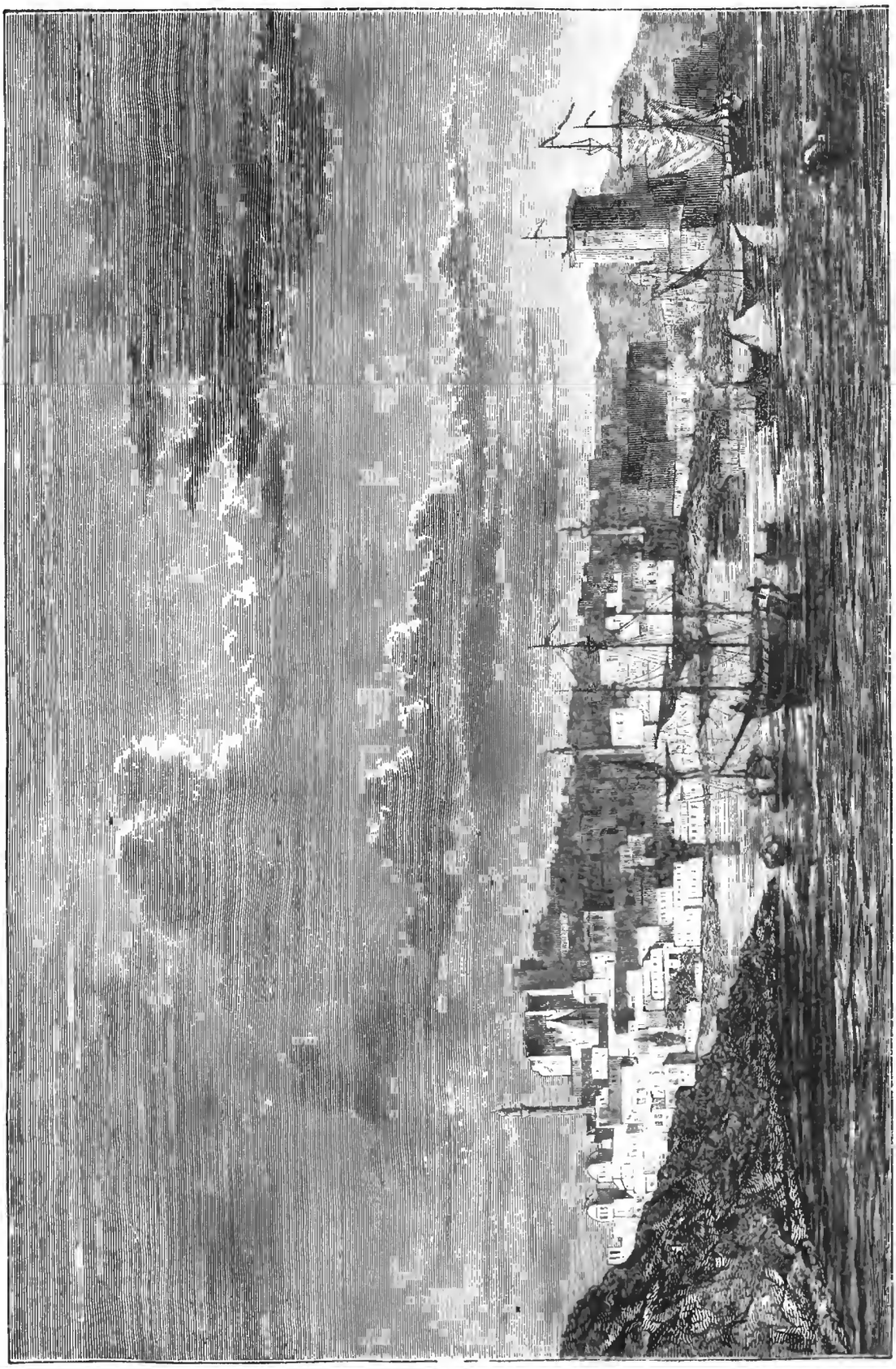
Баку.

Послѣ Тифлиса, первое мѣсто на Кавказѣ принадлежитъ Баку,—городу, хотя и старому по времени основанія [1]), но совершенно юному по своему возрожденію...

Городъ Баку, начиная съ XV вѣка, попеременно принадлежалъ то Персамъ, то Туркамъ. Тѣ и другіе нѣсколько разъ предлагали Россіи завладѣть этимъ городомъ; но русское правительство всегда отклоняло любезныя предложенія мусульманъ и не желало обладать маленькимъ городкомъ на крайнемъ юго-востокѣ,—пока наконецъ, во время особыхъ смутъ въ Персіи, Петръ Великій не былъ вынужденъ послать туда свою эскадру и не подчинить Баку, вмѣстѣ съ Дагестаномъ, своему вліянію. Но это владычество русскихъ въ Баку было кратковременно и, по заключеніи чандокинскаго мира, городъ снова подпалъ подъ власть Персіи. Затѣмъ, при Екатеринѣ Великой, бакинскій правитель Кули-Ханъ во избѣжаніе мусульманскихъ козней, присягнулъ на вѣрноподданство Россіи, но по извѣстной исторически, свойственной ему двуличности, показывалъ однако только видъ, будто онъ подчиняется верховному владычеству Россіи,—а на самомъ дѣлѣ всячески притѣснялъ и разорялъ русскихъ купцовъ, торговавшихъ съ Азіею. Такой порядокъ, какъ анормальный, долго держаться не могъ и дѣйствительно въ 1805 году, герой Кавказа, князь Цицiановъ осадилъ Баку. Осада города продолжалась около года и Кули-Ханъ, не имѣя возможности долѣе сопротивляться, просилъ личнаго свиданія съ главно-командующимъ русскими войсками,—*якобы для врученія ему городскихъ ключей*. Люди практичные видѣли тутъ хитрость, но князь Цицiановъ, отрицая даже малѣйшій намекъ своихъ окру-

[1]) Арабскіе географы относятъ начало города „*Бакуйе*“ къ IX столѣтію.

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ города Баку. Съ фотографіи рис. Космаковъ, грав. Напѣръ.

Библиотека "Руниверс"

жающихъ насчетъ азіатскаго коварства, открыто, почти безъ конвоя, прибылъ на мѣсто свиданія—и былъ измѣннически убитъ—*едва успѣвъ предъ смертію завѣщать прошеніе своему убійцѣ!* Вѣроломство это не принесло Персамъ пользы, ибо въ томъ же году генералъ Булгаковъ взялъ Баку окончательно—и городъ этотъ вошелъ съ тѣхъ поръ въ нераздѣльный составъ русскихъ владѣній на Кавказѣ, занимая сначала роль крѣпости, потомъ уѣзднаго и наконецъ губернскаго, даже окружнаго города.

Разсказавъ вкратцѣ, со многими, впрочемъ неважными, пропусками, исторію города Баку, я долженъ предупредить читателя, что прежній персидскій городокъ, называвшійся «Бадкубе», (что означаетъ въ буквальномъ переводѣ «*собраніе вѣтровъ*», [2]) состоялъ изъ одной ничтожной въ военномъ отношеніи крѣпости, едва примѣтной въ настоящее время за тѣми постройками, какія сооружены кругомъ крѣпостной стѣны въ послѣдніе 5 или 6 лѣтъ, со времени перевода губерніи изъ Шемахи въ Баку. И дѣйствительно, надо удивляться той быстротѣ, съ которою обстраивается Баку и старается занять—какъ по наружному виду, такъ и внутреннему содержанію—первенствующее значеніе на восточномъ Кавказѣ. Въ виду этого нѣкоторыя бѣглыя свѣдѣнія о настоящемъ положеніи Баку едва-ли могутъ быть излишними для читателей «Нивы» и въ особенности еще потому, что это одинъ изъ такихъ городовъ, о которыхъ говорятъ въ литературѣ рѣдко, о которыхъ знаютъ въ обществѣ по-наслышкѣ и заднимъ числомъ, когда онъ былъ еще ауломъ,—а между тѣмъ будущее его не за-горами!..

Подъѣзжая къ городу съ сухаго пути или съ моря, видъ его представляется одинаково живописнымъ, такъ какъ стоитъ Баку на крутой полугорѣ, окаймленной съ трехъ сторонъ невысокими горами, а съ четвертой безбрежнымъ моремъ; причемъ массы каменныхъ построекъ, расположенныхъ амфитеатромъ, какъ будто нагромождены другъ на другѣ и кажутся чѣмъ-то нераздѣльнымъ. Правда, войдя въ городъ, вы видите что онъ не вполнѣ распланированъ; правда, и самые дома безъ крутыхъ крышъ кажутся какъ бы неоконченными; но пройдитесь по набережной, посмотрите на все повнимательнѣе—и вы согласитесь, что если теперь, въ какіе нибудь 5—6 лѣтъ, успѣли на пустынномъ берегу соорудить набережную изъ тесанаго камня, успѣли изгнать передвиженіе верхомъ и завести прекрасныхъ городскихъ извощиковъ, успѣли наконецъ, на мѣстѣ прежнихъ саклей, открыть хорошіе магазины и отличныя гостинницы, а на безплодной почвѣ—развести кое-какіе сады,—то не пройдетъ и десяти лѣтъ, какъ Баку сдѣлается не въ примѣръ лучше и красивѣе любаго города центральной Россіи. Замѣтьте, все это устроено не столько усиліями гражданъ, сколько заботливостью администраціи и даже отчасти на казенный счетъ... И, надо отдать справедливость, деньги затрачены не даромъ и при томъ съ большимъ толкомъ; такъ что, при очевидной выгодности географическаго положенія и при отсутствіи въ Баку кавказскихъ лихорадокъ, городъ этотъ возвратитъ казнѣ затраченные на него капиталы сторицею и сослужитъ свою службу. Ужъ одинъ фактъ перевода сюда изъ Астрахани военной флотиліи и изъ Шемахи губерніи, а также помѣщеніе тутъ, присутственныхъ мѣстъ, централизующихъ финансы восточнаго Кавказа [4]), способствуютъ многому; такъ какъ, это, въ свою очередь, вмѣстѣ съ превосходною бухтою и нефтяными источниками, привлекло въ Баку пароходныя и другія торговыя общества. Стало быть служба города уже начинается.. Остается только желать, чтобы скорѣе провели обѣщанную желѣзную дорогу въ Тифлисъ,—ибо только тогда азіатско-мусульманскій «*Бадкуба*» преобразуется окончательно въ европейско-христіанскій «*Баку*» и сдѣлается средоточіемъ европейско-азіатской торговли, а также проводникомъ той цивилизаціи, которую обязалась Россія предъ Европою внести въ Азію.

[2]) И дѣйствительно я не встрѣчалъ *болѣе вѣтрянаго* города: тутъ изъ 10 дней едва ли выдается одинъ, два, и то не совершенно тихіе.

[4]) Къ такимъ мѣстамъ относятся: Контрольная и Казенная палата, а также Таможенный округъ. Кромѣ того здѣсь Окружный судъ и дирекція училищъ.

Библіографія.

Передъ нами лежитъ нѣсколько хорошенькихъ опрятныхъ книжекъ «*для легкаго чтенія*». Изданіе поставляетъ себѣ задачей доставлять матерьялъ для чтенія образованному классу общества, и въ первыхъ уже выпускахъ знакомитъ читателей съ произведеніями извѣстнѣйшихъ современныхъ авторовъ.

Первый томъ заключаетъ въ себѣ: «*Разсказы Бретъ Гарта.*» Имя этого американскаго писателя пріобрѣло извѣстность во всей Европѣ, и какъ-то разомъ обратило на себя вниманіе нашей печати; во многихъ журналахъ стали появляться то тѣ, то другіе изъ этихъ разсказовъ, и по своей талантливости, свѣжести и оригинальности, конечно, не могли остаться незамѣченными.

Это рядъ коротенькихъ отдѣльныхъ очерковъ, занимающихъ всего по нѣскольку страницъ, но часто эти немногія страницы заключаютъ въ себѣ глубокую, потрясающую драму. Бретъ Гартъ беретъ своихъ героевъ изъ самой грубой, испорченной среды, въ которой общество привыкло видѣть однихъ отчаянныхъ негодяевъ, до того закоренѣлыхъ въ порокахъ, что въ нихъ не можетъ шевелиться никакое человѣческое чувство. Между тѣмъ чуткая душа художника умѣла открыть въ этихъ сердцахъ благороднѣйшія, подъ часъ великія движенія. При этомъ авторъ нисколько не идеализируетъ своихъ героевъ, не заставляетъ ихъ рисоваться благородными чувствами, не нѣжничаетъ и не кокетничаетъ съ ними,—во что легко могъ бы впасть посредственный талантъ,—Но это талантъ сильный, оригинальный, и столько же сильны и оригинальны изображаемые имъ характеры.

Такіе типы могли создаться только при своеобразныхъ условіяхъ жизни окраинъ американской цивилизаціи, съ своимъ кодексомъ нравственности, съ своимъ судомъ и расправой.

Бретъ Гартъ въ своихъ разсказахъ не навязываетъ читателю какой либо морали и добродѣтельныхъ разсужденій, не вдается въ анализъ побужденій, руководящихъ тѣми или другими поступками дѣйствующихъ лицъ, и это еще усиливаетъ впечатлѣніе. Разсказъ блещетъ юморомъ, которому его герои не измѣняютъ даже въ самыя трудныя минуты жизни, и полонъ прелестными поэтическими описаніями картинъ калифорнійской природы съ ея суровой Сьеррой, опустошительными наводненіями и гибельными снѣжными мятелями въ горахъ.

Кромѣ этихъ разсказовъ, въ концѣ тома помѣщено нѣсколько образчиковъ его сжатыхъ романовъ. Это болѣе или менѣе остроумныя пародіи на нѣкоторые изъ извѣстнѣйшихъ англійскихъ и французскихъ романовъ, но по своимъ художественнымъ достоинствамъ, они далеко уступаютъ талантливымъ, увлекательнымъ калифорнійскимъ разсказамъ.

Во второй и третьей книжкахъ «*для легкаго чтенія*» помѣщены послѣдніе романы Самарова: «*Эпигоны въ Ремерѣ*» и «*Двѣ Императорскія Короны*». Авторъ этотъ уже извѣстенъ у насъ своими романами: «За скипетры и короны» и «Европейскія мины и контръ-мины,» надѣлывшими при своемъ появленіи не мало шума. Говорятъ, будто подъ таинственнымъ псевдонимомъ Грегора Самарова, скрывается одно весьма высоко поставленное лицо, состоящее въ должности довѣреннѣйшаго секретаря князя Бисмарка. Такъ какъ содержаніе обоихъ романовъ чисто политическое, то не мудрено угадать, въ какую сторону направлены симпатіи автора. Легкая форма романа особенно удобна для распространенія этихъ симпатій въ массахъ, и авторъ никогда не пропускаетъ случая воспользоваться этимъ. Въ «Эпигонахъ», дѣйствіе происходитъ въ 1863 г. Первая часть почти исключительно посвящена борьбѣ Австріи и Пруссіи за первенство въ Германскомъ Союзѣ и изображенію коварной австрійской политики, подготовившей съѣздъ нѣмецкихъ государей во Франкфуртѣ для произведенія реформъ въ Союзѣ. 16-го августа 1863 г. Ремеръ, древнее зданіе Ратуши во Франкфуртѣ увидѣло въ своихъ стѣнахъ всѣхъ крупныхъ и мелкихъ государей Германіи, но напрасно ждали на съѣздъ короля прусскаго..... Игра опасной соперницы открылась, и искусный министръ Короля Вильгельма не дремалъ. Онъ заранѣе предвидѣлъ борьбу и былъ готовъ къ ней..... «Гроза приближается: пусть такъ,» говоритъ онъ, «я не боюсь ее!»..... Послѣ отъѣзда императора Франца-Іосифа, посѣщавшаго короля прусскаго въ Гаштейнѣ, князь Бисмаркъ, сидя подъ развѣсистымъ букомъ, предается слѣдующимъ размышленіямъ: «Вѣна сбрасываетъ маску—и прекрасно! — Пускай покажетъ свое настоящее лицо—и я тоже встрѣчу ее поднявъ забрало, я вздохну свободнѣе, когда игра пойдетъ на чистоту, открыто. Австрійская затѣя раньше или позже приведетъ къ жестокому столкновенію, и можетъ статься то, что живетъ во мнѣ священнымъ упованіемъ, станетъ дѣйствительностью. Прусская сила и прусскій духъ объединитъ Германію и поставитъ ее, мощную и высокочтимую, превыше всѣхъ народовъ Европы!»

Не смотря на серіозное содержаніе, благодаря живости разсказа, а также и прекрасному переводу, романъ читается совершенно легко. Онъ переноситъ насъ въ Вѣну, въ Тюльери, въ Лондонъ, гдѣ мы знакомимся со всѣми главными двигателями европейской политики, читаемъ ихъ сокровенныя мысли, присутствуемъ на интимнѣйшихъ совѣщаніяхъ. Тутъ же затрогивается и польское возстаніе, къ которому еще примѣшивается маленькая романическая исторія. Переносясь на берега Вислы, мы встрѣчаемъ въ лѣсу, на уединенномъ островѣ, Ромуальда Траугута, бывшаго послѣ Лангевича безконтрольной главой всего польскаго движенія, предсѣдателя тайнаго народоваго жонда въ Варшавѣ, и диктаторомъ королевства. Кромѣ министровъ и государственныхъ людей, мы знакомимся, сначала въ читальной залѣ Британскаго Музея, потомъ въ кабинетѣ лорда Пальмерстона съ знаменитымъ предсѣдателемъ интернаціоналя, Карломъ Марксомъ, далѣе съ представителями рабочихъ, ихъ стремленіями и надеждами.—Однимъ словомъ, это пестрый калейдоскопъ портретовъ, который смотрится съ интересомъ и безъ утомленія.

Само собою разумѣется, романъ не уступаетъ вполнѣ своихъ правъ политикѣ. Въ строгой бюргерской семьѣ богатаго банкира разыгрывается романъ, въ которомъ закоренѣлые кастовые предразсудки старика отца, суроваго, непреклоннаго бюргера, всту-

Библиотека "Руниверс"

паютъ въ тяжелую борьбу съ духомъ новаго времени. Кто побѣдитъ покажутъ слѣдующіе выпуски, которыхъ предполагается еще цѣлыхъ восемь или девять.

«*Искупленіе*,» романъ одной изъ любимыхъ нѣмецкихъ писательницъ, Фанни Левальдъ, заключающійся въ IV томѣ «*для легкаго чтенія*», можно отнести къ разряду тѣхъ романовъ, которые самая строгая мать смѣло можетъ дать въ руки молоденькой дочери. Онъ написанъ мягко и симпатично, какъ все, что выходитъ изъ подъ пера этой писательницы.

Смѣсь.

Цыганка.

(Смотри стр. 129).

Въ «Нивѣ» 1872 года помѣщена была статья о цыганахъ, какъ объ отдѣльномъ и чрезвычайно самобытномъ племени, населяющемъ въ числѣ прочихъ странъ и Россію. Цыгане, подобно евреямъ, разсѣяны по лицу земли, но сверхъ того еще рѣдко имѣютъ и постоянную осѣдлость. Прилагаемый рисунокъ представляетъ одну изъ дочерей этого причудливо-поэтическаго народа, славящагося между прочимъ и красотой своихъ женщинъ. Это не тотъ страстный типъ, который изображенъ Полежаевымъ въ его стихахъ:

Подъ узлами бѣдной шали
Ты не скроешь отъ меня
Ненавистницу печали,
Друга радостнаго дня!..

Напротивъ, тихая задумчивость и какъ бы грусть оттѣняютъ изящныя черты молодой дѣвушки; она скорѣй напоминаетъ Миньону съ ея тоской по родинѣ. Но такое глубокое и постоянное чувство несвойственно цыганской натурѣ; минута—и капризный ребенокъ понесется въ бѣшеной пляскѣ, зазвенитъ ожерелье изъ серебряныхъ монетъ, рука съ бубномъ поднимется надъ головой—и все лицо преобразится такъ же быстро, какъ мѣняется ведро венастьемъ и наоборотъ—непостоянной весенней порою.

Кобзари.

(См. стр. 137).

На улицахъ Москвы, а равно и въ другихъ Европейскихъ столицахъ, на водахъ подъ окнами роскошныхъ виллъ, словомъ всюду гдѣ тѣснится въ кучу богатое населеніе, — встрѣчаются и эти, безъ сомнѣнія, знакомыя читателю, фигуры. Родина ихъ далеко-далеко, въ горахъ благодатной Савойи, въ долинахъ Шамуни и другихъ, откуда ежегодно десятками гонитъ ихъ нужда и голодъ и заставляетъ странствовать по свѣту. Въ южной-ли Франціи, подъ сѣренькимъ ли небомъ Петербурга—савояръ вездѣ одинъ и тотъ-же. Ясное, дѣтски веселое личико его, не смотря на всевозможныя лишенія, довѣрчиво глядитъ на всѣхъ и каждаго, ожидая посильной помощи. Неизмѣнная волынка за спиною, войлочная шляпа, затасканная темная курточка и гетры—вотъ онъ передъ вами во всеоружіи. Пока болѣе искусныя руки его перебираютъ лады инструмента и льется тихая мелодія, въ родѣ знаменитаго ranz des vaches, kuhreichen, и т. п.—меньшой братишка вторитъ ему голосомъ, приплясывая и прищелкивая пальцами.... Но вотъ подъ сѣнью тяжелой маркизы въ окнѣ появляется нѣсколько дамъ, протягиваются руки съ мелкой монетой, — и артисты спѣшатъ докончить ритурнель родимой пѣсни, ежечасно напоминающей имъ безпечальное дѣтство и далекую отчизну.

Американскій воздухоплаватель. Профессоръ Дональдсонъ намѣревъ будущее лѣто перелетѣть въ большомъ воздушномъ шарѣ черезъ атлантическій океанъ въ Ирландію. Онъ думаетъ сдѣлать весь путь часовъ въ семьдадцать, а самое большое въ шестьдесятъ—и хочетъ взять съ собой аппаратъ для электрическаго освѣщенія. Въ случаѣ если это предпріятіе приведетъ къ благопріятнымъ результатамъ, у него уже задуманъ планъ почтоваго и пассажирскаго кругосвѣтнаго воздухоплаванія.

Проектъ моста черезъ Ламаншъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ засѣданій политехническаго общества въ Прагѣ, извѣстный строитель мостовъ, инженеръ Мангеръ, читалъ докладъ о составленномъ имъ проектѣ моста черезъ морскую дорогу между Дувромъ и Кале. По этому проекту предполагается перебросить черезъ каналъ, имѣющій между Шекспировскимъ утесомъ и Бѣлымъ-мысомъ Нецомъ 30,000 метровъ ширины, сводчатый мостъ составленный весьма просто изъ рѣшетчатыхъ балокъ съ тридцатью пролетами по 1000 метровъ. Этотъ мостъ съ четырьмя рядами рельсъ и двумя проѣзжими дорогами долженъ лежать на 112 метровъ выше уровня воды, чему способствуютъ подымающіеся на обоихъ берегахъ мѣловые утесы; этого требуетъ вышина сводовъ, опредѣленная въ 149 метровъ и значительное напряженіе въ 1000 метровъ. Среднія арки должны быть укрѣплены на островахъ, образованныхъ изъ каменныхъ глыбъ: По вычисленіямъ Лангера, на постройку этого моста должно пойти 675,000 кубическихъ метровъ желѣза и стали, и стоимость его должна простираться до 36 мильоновъ фунтовъ стерлинговъ, или 243½ мильона рублей.

Тайная тюрьма. Въ старой парижской тюрьмѣ сдѣлано недавно ужасное открытіе. Въ *кассаціонномъ отдѣленіи* огонь разрушилъ двѣ башни; работники, занятые исправленіемъ башни Св. Лудовика, неожиданно наткнулись на глубокій таинственный колодезь. Оказалось, что это не что иное какъ тайная тюрьма стараго дворца Св. Лудовика. Отверстіе сдѣланное въ одной изъ башенъ, открыло большой туннель, доходящій до уровня Сены. Тамъ онъ образуетъ галлерею, которая склоняется къ руслу рѣки. Попытка проникнуть въ эту подземную темницу осталась безплодной, такъ какъ вся внутренность ея выложена острыми желѣзными иглами, которыя перекрещиваются во всѣхъ направленіяхъ. Когда эта башня С. Лудовика служила мѣстопребываніемъ королей Франціи, въ ея подземныхъ тюрьмахъ держались государственные преступники,—и когда правительственная власть хотѣла избавиться отъ котораго нибудь изъ нихъ, то его вели по узкому проходу пробитому внутри стѣны въ эту новооткрытую темницу, открывалась потайная дверь, несчастнаго толкали въ зіяющую бездну, гдѣ, пронзенный тысячами иглъ, онъ умиралъ медленной и мучительной смертью.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 16-го февраля, въ 8 часовъ пополудни, Ея Императорское Высочество Великая Княгиня Марія Александровна, съ Августѣйшимъ Супругомъ Герцогомъ Альфредомъ Эдинбургскимъ, изволила выѣхать изъ С.-Петербурга въ Лондонъ. Государь Императоръ изволилъ проводить Ихъ Высочества до Гатчины. Въѣздъ Герцога и Герцогини Эдинбургскихъ въ Лондонъ назначенъ на 12-е марта. Королева Викторія будетъ участвовать въ этомъ въѣздѣ.

— О пребываніи Его Величества Императора Австрійскаго въ Москвѣ сообщаютъ въ «Русскомъ Инвалидѣ» слѣдующія подробности: 11-го февраля, съ пяти часовъ вечера, толпы народа направились къ станціи Николаевской желѣзной дороги и къ тѣмъ улицамъ, по которымъ имѣлъ слѣдовать Высокій Гость на пути въ Кремль. Станція Николаевской желѣзной дороги, украшенная флагами и изящно иллюминованная, задолго до прихода Императорскаго поѣзда наполнилась собраніемъ сановныхъ лицъ столицы и нѣкоторымъ числомъ австро-Венгерскихъ подданныхъ, явившихся вмѣстѣ съ консуломъ, привѣтствовать своего Монарха. Подлѣ Императорскихъ покоевъ стоялъ почетный караулъ отъ Екатеринославскаго полка со знаменемъ и музыкой. Въ шесть часовъ подошелъ къ платформѣ Императорскій поѣздъ, и при свѣтѣ бенгальскихъ огней вышли изъ вагона Императоръ Францъ-Іосифъ вмѣстѣ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Великимъ Княземъ Владиміромъ Александровичемъ, окруженный многочисленною и блестящею свитою австро-венгерскихъ чиновъ. Его Императорско-Королевское Величество былъ въ русскомъ генеральскомъ мундирѣ. Поздоровавшись съ представителями столицы, Его Величество изволилъ говорить съ московскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства и сказалъ нѣсколько милостивыхъ словъ австрійскому консулу. Клики «ура», «виватъ» и «эліенъ» сопровождали Императора и Великаго Князя; когда Они направились къ почетному караулу, военная музыка привѣтствовала Его Величество австрійскимъ гимномъ. Со станціи Императоръ Францъ-Іосифъ вмѣстѣ съ Его Высочествомъ Великимъ Княземъ отправились въ открытыхъ парныхъ саняхъ въ большой Кремлевскій дворецъ. Обширная площадь предъ станціей желѣзной дороги и тѣ улицы, которыми проѣзжали Высочайшія Особы, освѣщены были бенгальскими огнями, гирляндами фонарей, транспарантовъ и вензелей. Перекатное «ура» передавалось съ одной улицы на другую. Вскорѣ по прибытіи въ Кремлевскій дворецъ Его Величество имѣлъ обѣденный столъ, къ которому были приглашены: московскій генералъ-губернаторъ, командующій московскимъ военнымъ округомъ и нѣкоторыя почетныя лица, 12-го февраля Его Величество осматривалъ Кремлевскій дворецъ со всѣми его достопримѣчательностями, Кремлевскіе соборы, храмъ Христа Спасителя и проч. Въ пять часовъ Его Величество изволилъ обѣдать у московскаго генералъ-губернатора. Затѣмъ, въ восемь часовъ вечера, Августѣйшій Путешественникъ выѣхалъ изъ Москвы по Смоленской желѣзной дороги.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: въ Плоцкой губерніи три однокласныя сельскія училища для дѣтей обоего пола, въ Кѣлецкой губ. одноклассное католическое училище, въ Сѣрадзѣ (Калишской губ.) четырехклассная частная школа,

Библиотека "Руниверс"

въ городѣ Сызрани (Симбирской губ.) реальное училище, въ Ольвіополѣ желѣзно-дорожное техническое училище.

— Въ числѣ частныхъ *пожертвованій на устройство реальнаго училища въ Полтавѣ*. Гласный Думы *Л. Г. Милорадовичъ* пожертвовалъ для этой цѣли каменный въ 2½ этажа домъ съ двумя флигелями, съ садомъ при немъ и съ усадьбою, простирающеюся до четырехъ десятинъ. Супруга его пожертвовала для предполагаемаго училища физическій кабинетъ въ возможно полномъ его составѣ. Кромѣ этихъ особенно крупныхъ пожертвованій и другіе гласные отозвались посильными пожертвованіями на это благое дѣло: гласный М. А. Бѣлуха-Кохановскій жертвуетъ возможно полную коллекцію географическихъ картъ; гласный П. А. Волковъ полный гимнастическій снарядъ; гласные П. Ф. Флоровъ-Багрѣевъ и И. Д. Стефановичъ по тысячѣ рублей.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министромъ Народнаго Просвѣщенія представленія о семъ Попечителя Московскаго учебнаго округа, 21-го декабря 1873 года Высочайше соизволилъ на учрежденіе изъ процентовъ капитала 5300 руб. представленнаго И. Обществомъ любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, при Московскомъ Университетѣ двухъ стипендій имени профессоровъ Московскаго Университета: Г. Е. Щуровскаго и А. П. Богданова и единовременной преміи въ 300 р. имени А. Ю. Давидова.

— 17-го сего января происходилъ въ Харьковскомъ Университетѣ *торжественный актъ*. Изъ прочитаннаго на актѣ *извлеченія изъ отчета о дѣятельности Харьковскаго Университета въ 1872 и 1873 учебномъ году* между прочимъ видно: Преподавателей къ 1-му января настоящаго года при Университетѣ состоитъ 60 лицъ. Всѣхъ студентовъ къ 1-му января 1874 года было 389; кромѣ того лекціи слушали 134 студента Харьковскаго ветеринарнаго института. Изъ числа студентовъ Университета 105 лицъ были стипендіатами разныхъ наименованій и кромѣ того отъ Университета выдано въ теченіе 1873 года 245 студентамъ болѣе 8 000 р. стипендій и пособій и 42 студента были освобождены отъ платы за слушаніе лекцій.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— 26-го января, Товарищъ Генералъ-Фельдцейхмейстера, генералъ-адъютантъ Баранцевъ, сопровождаемый инспекторомъ оружейныхъ заводовъ и нѣкоторыми лицами, служащими въ Главномъ артиллерійскомъ Управленіи, осматривалъ — какъ сообщаютъ въ «Рус. Инв.»—работы производящіяся на *Сестрорѣцкомъ оружейномъ заводѣ*. Такъ какъ въ настоящее время на заводѣ установилась уже валовая фабрикація машиннаго изготовленія малокалиберныхъ скорострѣльныхъ винтовокъ, при условіи взаимной замѣняемости частей между собою, то и осмотръ работъ на заводѣ главнымъ образомъ имѣлъ цѣлію удостовѣриться въ томъ, на сколько установленная въ немъ валовая фабрикація ружей удовлетворяетъ вышеизложенному условію.

Во время осмотра заводскихъ работъ была собрана одна винтовка изъ частей, изготовленныхъ частью во время посѣщенія завода и ненаходившихся еще подъ осмотромъ Пріемной Коммисіи; на сборку такой винтовки однимъ мастеромъ въ присутствіи посѣтителей потребовалось лишь около четырехъ минутъ, причемъ отдѣльныя части винтовки оказались изготовленными съ такою точностью, что при послѣдующемъ осмотрѣ не обнаружилось никакихъ недостатковъ въ дѣйствіи запирающаго механизма; при испытаніи же стрѣльбою этой винтовки получились вполнѣ удовлетворительные результаты.

На точность изготовленія заводомъ отдѣльныхъ частей винтовки было обращено посѣтителями особенное вниманіе, такъ какъ при повѣркѣ декалами изготовленныя части должны удовлетворять въ отдѣльныхъ случаяхъ точности до 0.001 дюйма. Съ этою цѣлію по окончаніи осмотра всѣхъ заводскихъ работъ былъ произведенъ при посѣтителяхъ опытъ валовой сборки нѣсколькихъ винтовокъ въ Пріемной коммисіи. Для этого изъ числа храхранившихся въ арсеналѣ этой Коммисіи уже принятыхъ винтовокъ, взято было и разобрано пятнадцать штукъ, всѣ части которыхъ были нарочно между собою перемѣшаны, и затѣмъ тремъ сборщикамъ поручено было вновь собрать изъ нихъ цѣльныя винтовки. Результатъ этой сборки оказался отличнымъ. Въ теченіе 20 минутъ съ небольшимъ всѣ 15 винтовокъ были собраны, причемъ дѣйствіе запирающаго механизма и болѣе подробный осмотръ другихъ частей винтовки не обнаружили никакихъ недостатковъ. Такимъ образомъ достигнутая заводомъ точность изготовленія винтовокъ съ соблюденіемъ при этомъ условія взаимной замѣняемости частей подтвердилась вполнѣ.

На заводѣ занято работою до 1.000 человѣкъ оружейниковъ и мастеровыхъ.

— Государь Императоръ, желая предоставить болѣе обширное поприще для дѣятельности тѣхъ изъ донскихъ генераловъ и подковниковъ, которые командовали съ отличіемъ строевыми частями, и будучи притомъ вполнѣ увѣренъ, что они оправдаютъ Высочайшее къ нимъ довѣріе, 15-го минувшаго января Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить вышеозначеннымъ лицамъ право на зачисленіе въ кандидаты на должности бригадныхъ командировъ кавалерійскихъ дивизій и начальниковъ сихъ дивизій, наравнѣ съ чинами регулярныхъ войскъ.

— Въ ночь съ 4-го на 5-е января, въ 18 верстахъ къ югу отъ Петровска, близь мыса *Турали*, при сильномъ Нордѣ и громадной зыби выброшено судно на берегъ. Экипажъ спасенъ, а судно пробито. Подробности крушенія еще неизвѣстны.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

— Въ Кѣльцахъ 25-го минувшаго января *открыты дѣйствія Кѣлецкаго Благотворительнаго Общества*.

— Въ Ярославлѣ 13-го сего января въ помѣщеніи губернской земской больницы *открыта Община сестеръ краснаго креста*. Сестры, числомъ 11, помѣщены въ зданіи больницы, гдѣ онѣ и будутъ обучаться всѣмъ пріемамъ и свѣдѣніямъ для ухода за больными, подъ руководствомъ опытныхъ земскихъ врачей.

— *Спасительный плотъ для озера Ильменя*, отправленный изъ С.-Петербурга Главнымъ Обществомъ поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, доставленъ въ Новгородъ по желѣзной дорогѣ 30-го января утромъ. Съ наступленіемъ весны плотъ будетъ отправленъ на мѣсто назначенія—въ *село Спасское*.

— По словамъ газеты «Кіевлянинъ», *Днѣпровское Общество пароходства* въ будущую навигацію вводитъ *для отопленія пароходовъ* на линіяхъ Кіево-Кременчугской и Кременчугско-Екатеринославской *каменный уголь*. Уголь закупленъ въ количествѣ 300.000 пуд. съ Петровскаго рудника г. Шейрмана по 15½ к. за пудъ съ доставкою до Екатеринослава и по 10½ к. за пудъ съ доставкою до Кременчуга. Управленіе пароходствомъ разсчитываетъ замѣнить сажень дровъ 80—90 пуд. угля.

СОДЕРЖАНІЕ: Варышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова** (продолженіе). — Встрѣча съ медвѣдемъ въ лѣсу (съ рисункомъ).—Это была... игра! соч. Гаклендера.—Невидимыя существа въ природѣ.—Городъ Баку **Сафонова** (съ рисункомъ).— Библіографія.—Цыганка (съ рисункомъ). — Кобзари (съ рисунокомъ).—Смѣсь.— Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Въ удовлетвореніе могущихъ быть требованій, мы заказали стампъ для переплета «Нивы» на 1870, 1871, 1872 и 1873 г. въ шагренѣ съ золотымъ тисненіемъ. Переплетъ сдѣланъ чисто въ русскомъ вкусѣ по рисунку Панова. Каждый иногородный переплетчикъ, получивъ такую покрышку, можетъ легко переплести въ нее нумера «Нивы» за 30—40 коп. Цѣна крышки **1 руб.**, съ перес. **1 руб. 50 коп.** Кромѣ того также принимаются заказы на крышки на 1874 г., которыя могутъ служить въ теченіи года для сохраненія №№ какъ портфель.

Только что поступилъ въ продажу у М. О. Вольфа въ Спб. и Москвѣ и у другихъ книгопродавцевъ:

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

и

ВЫСОЧАЙШІЕ МАНИФЕСТЪ и УКАЗЪ

отъ 1 января 1874 года.

Ц. 15 к. съ перес. 20 к. За 1 р. высылается 6 экз, за 2 р.—13 экз., за 3 р. — 20 экз., за 5 р. — 35 экз., за 10 р.—75 экз., за 25 р.—200 экз., за 50 р.—450 экз., за 100 р.—1000 экз.

Складъ находится у В. Е. Генкеля въ С.-Петербургѣ, по Фонтанкѣ, близь Семеновскаго моста д. № 59, въ типографіи М. О. Вольфа.

Очень много полезнаго и не дорого изъ мельхіоровыхъ и другихъ вещицъ для хозяйства можно найти изящной работы въ магазинѣ **Александра Качъ**, на Невскомъ, напротивъ Думы, въ домѣ Европейской Гостинницы № 3/36.

Гг. иногороднымъ высылаютъ иллюстрированные каталоги по требованію безплатно.

Дозволено цензурою 22 февраля 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 10 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 4-го марта 1874 года. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

Домашній царскій обиходъ въ старину.

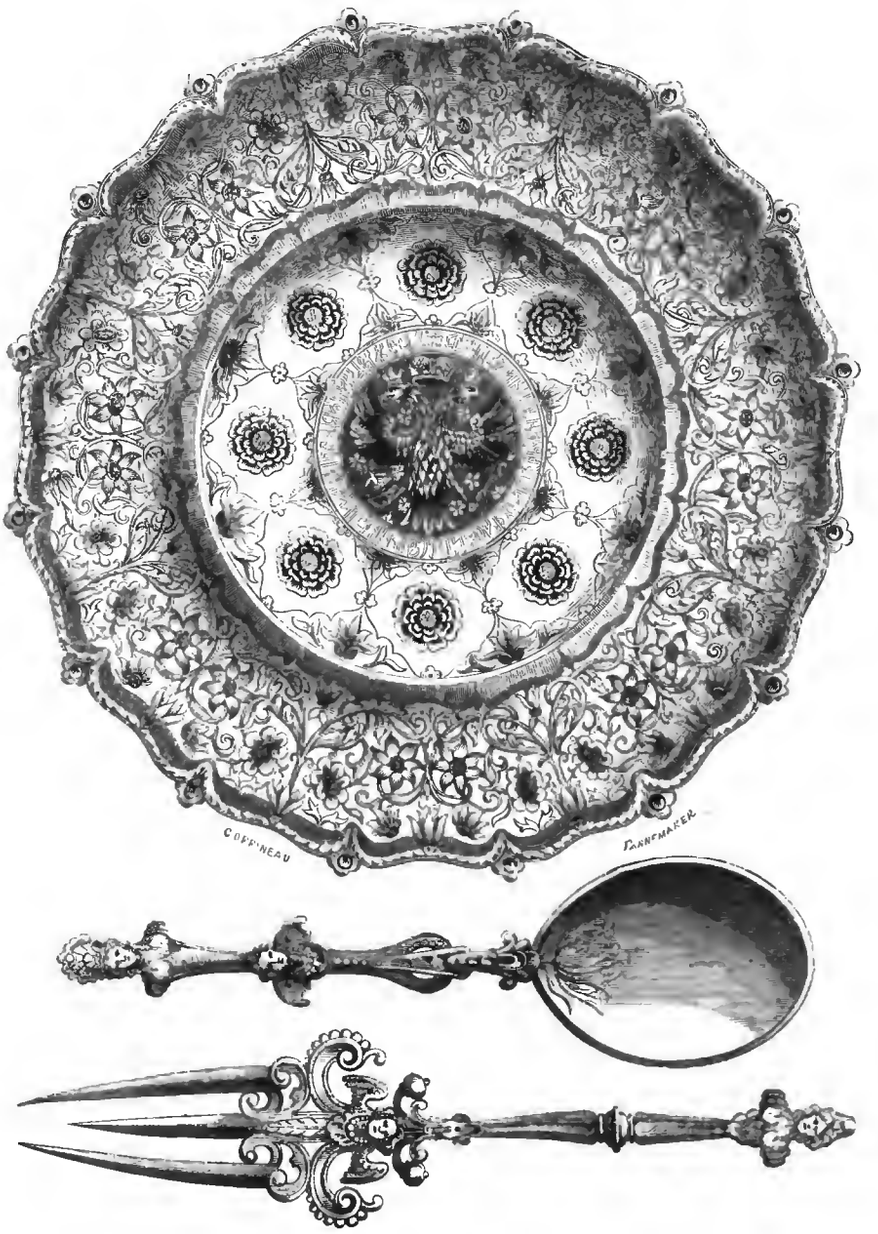
СТОЛЪ ГОСУДАРЕВЪ.

Помѣщая изображеніе старинныхъ столовыхъ приборовъ государевыхъ, всего естественнѣе вспомнить уставъ стола царскаго въ Москвѣ.

Однимъ изъ коренныхъ отступленій отъ обычаевъ предковъ, завѣщанныхъ вѣками, у людей нашего времени оказывается нестрогое соблюденіе постовъ, предписанныхъ церковью. Въ старинной Москвѣ посты мірянами соблюдались тогда гораздо строже, чѣмъ требуетъ уставъ отъ посвятившихъ себя духовному уединенію и созерцательности. Государи московскіе, среди пышнаго двора своего, церковные посты проводили съ такимъ воздержаніемъ, что, по словамъ путешественника Коллинса, Алексѣй Михайловичъ «великимъ постомъ обѣдалъ только три раза въ недѣлю (въ четвергъ, субботу и воскресенье). Въ остальные же дни: черный хлѣбъ съ солью, грибы или огурцы, да стаканъ полпива— составляли всю его пищу для поддержанія силъ. «Рыбу» сообщаетъ тотъ же Коллинсъ, «кушалъ царь только два раза въ великій постъ.... Кромѣ постовъ, онъ мяснаго не ѣлъ по понедѣльникамъ, средамъ и пятницамъ. Однимъ словомъ, ни одинъ монахъ»—заключаетъ любопытный иностранецъ, — «не превзойдетъ его въ строгости постничества. Можно считать, что онъ постился восемь мѣсяцевъ въ году, включая шесть недѣль рождественскаго, да еще два другіе поста».

Къ этому разсказу не требуется комментарій.

Царь Михаилъ, по словамъ Котошихина, соблюдалъ не менѣе строго свое пощеніе. Для него въ понедѣльникъ, среду и пятницу, да въ посты, кромѣ великаго и успенскаго, не въ постные дни готовили «ѣствы рыбныя и пирожныя съ масломъ съ деревяннымъ и орѣховымъ, и со льнянымъ, и съ конопля-



Тарель, ложка и вилка царя Алексѣя Михайловича. Рис. Кофино, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

нымъ, А въ *великій* и въ *успеньевъ* посты готовятся ѣствы: капуста сырая и грѣтая, грузди, рыжики соленые, сырые и грѣтые, и ягодныя ѣства, безъ масла, кромѣ Благовѣщеньева дня. И ѣсть царь въ тѣ посты, въ недѣлю (въ воскресенье), во вторникъ, въ четвергъ, въ субботу, по одинажды на день (т. е. за обѣдомъ,—безъ ужина), а пьетъ квасъ. *А въ понедѣльникъ, и въ среду, и въ пятницу, во всѣ посты. не ѣстъ и не пьетъ ничего*, развѣ для своихъ, царицыныхъ, да царевичевыхъ или царевниныхъ имянинъ».

Въ тѣ дни, когда былъ столъ для государя,—кушавшаго обыкновенно у себя на половинѣ, а не съ царицею и не съ семействомъ,—передъ полуднемъ являлись дворецкій съ ключникомъ въ столовую комнату и постилали на столъ скатерть. На скатерти разставляли они симметрично судки (солоницу, перечницу, уксусницу, горчичникъ или хрѣноватикъ). Государь къ полудню обыкновенно оканчивалъ занятія свои съ боярами и, иногда, въ знакъ особой милости оставлялъ обѣдать съ собою (хотя рѣдко) кого нибудь изъ любимыхъ имъ сановниковъ. Чаще, отвѣдавъ того либо другаго блюда, государь посылалъ ихъ къ боярамъ и окольничимъ со своего стола, въ знакъ почета.

Передъ столовою государевой, въ отдѣльной комнатѣ накрывался также столъ для дворецкаго, но за этимъ столомъ дворецкій не обѣдалъ, а съ него только отпускалъ къ государю кушанье, сидя у *кормоваго поставца*, и пробуя предварительно: нѣтъ ли чего вреднаго въ ѣствѣ? Первую пробу дѣлалъ въ кухнѣ, до отсылки на верхъ, поваръ, въ присутствіи *стряпчаго съ ключемъ*, шествовавшаго «для охраны», передъ кушаньемъ, несомымъ во дворецъ, на блюдахъ *ключниками*. Принеся къ дворецкому кушанье, каждый ключникъ пробовалъ со своего блюда въ присутствіи *дворецкаго* (гофмаршала), дѣлавшаго пробу третью,—отпуская къ государю и сдавая *стольникамъ*.

Чинъ *стольника* московскаго государства, можетъ всего ближе сравниться съ придворнымъ чиномъ *камергюнкера*; тогда какъ слѣдующій чинъ, *окольничаго*, можетъ быть приравненъ къ *камергеру*, по табели о рангахъ поставленному въ пятомъ классѣ.

Войдя съ блюдомъ своимъ въ столовую, стольникъ держалъ его въ рукахъ, ожидая очереди передать *крайчему*.

Крайчій опять «отвѣдывалъ ѣству» и, затѣмъ, ставилъ блюдо на столъ, когда государь изволитъ откушать предшествовавшее кушанье.

Что дѣлали стольники съ кушаньемъ, тоже было и относительно винъ,—съ тою разницею, что пить подавалъ государю чашникъ, по востребованію при каждомъ спросѣ отливая вино изъ чаши въ ковшъ свой и, отвѣдывая, передъ подачею.

Нужно ли объяснять причину этихъ церемоній — сперва внушенныхъ, конечно, заботливостью о здоровьѣ и сохраненіи драгоцѣнной жизни главы государства московскаго?

Кромѣ судковъ, столъ государевъ наряжался кружками, *стопами* (большими стаканами), чарами, чарками и пр. для питей всякаго рода, начиная отъ квасовъ прохладительныхъ, до медовъ ароматныхъ и пива. Для потребленія съ кушаньемъ, клались также *калачи* и *хлѣбцы*, приличнаго вѣса.

Когда предложенъ былъ престолъ Владиславу, отецъ его польскій король Сигизмундъ поинтересовался приведеніемъ въ извѣстность количества и качества припасовъ, расходуемыхъ на столъ царя московскаго, а такъ же и состава (организаціи) обиходнаго *мэню*. Составлена была по этому случаю обстоятельная роспись, доставшаяся какъ-то шведамъ, и безъ начала уже пріобрѣтенная въ Стокгольмѣ г. Соловьевымъ, корреспондентомъ императорской археографической коммиссіи, напечатавшей этотъ любопытный документъ во 2-мъ томѣ своихъ актовъ историческихъ (426 стр.).

Изъ этой «росписи царскихъ кушаньевъ» узнаемъ мы, напримѣръ, что въ «*великоденской мясоѣдъ*» (т. е. отъ пасхи до петрова поста) подавались «въ рыбные дни» (понедѣльникъ, среду и пятницу) къ столу государя: «по два хлѣбца, да по два калача».

«Хлѣбецъ крупичатый въ 4 лопатки муки, да хлѣбецъ ситной, въ одну лопатку, калачь крупичатый въ 6 лопатокъ, да калачь братской (т. е. приготовленный по манеру монастырскому, для праздничной трапезы братій) въ 1 лопатку». Принимая лопатку за четверть фунта даже,—хотя она заключала не меньше полуфунта муки нашего вѣса,—и то мы получимъ въ итогѣ довольно значительную массу хлѣба для одного лица. А въ посты, какъ тамъ же видно, масса хлѣба увеличивалась чуть не вдвое: въ хлѣбцахъ однихъ было отъ двухъ до трехъ фунтовъ, да въ *трехъ* уже (а не въ двухъ, какъ въ мясоѣдъ) калачахъ 12 лопатокъ, т. е. до трехъ фунтовъ, принимая меньшую do nec plus ultra мѣру.

Количество кушаньевъ для обѣда соотвѣтствовало отпускамъ хлѣба, составляя, между тѣмъ, численность кушаньевъ до четырехъ слишкомъ десятковъ блюдъ, по меньшей мѣрѣ. Ранжировка и полная организація царскаго стола не дошла до насъ въ формѣ обыденнаго *мэню* (menus); но мы, благодаря изслѣдованіямъ И. Е. Забѣлина, имѣемъ такого рода перечень блюдъ стола боярина Бориса Ивановича Морозова. И у него за столомъ, передъ масляницею, перечень обѣденныхъ кушаньевъ составляло *сорокъ пять перемѣнъ* *); ясно, что у государя вседневный столъ сервированъ былъ не съ меньшимъ счетомъ блюдъ.

Въ этомъ перечнѣ, человѣка нашего времени непремѣнно долженъ поразить самый порядокъ слѣдованія кушаньевъ. Мягкія блюда рыбнаго жаренья (паровыя) идутъ прежде ухи разнаго рода (суповъ). За ухами же идутъ въ перемежку кушанья соленыя, прежде и послѣ прѣсныхъ, но въ заключеніе обѣда все же подаются острыя соленья, послѣ мягкихъ фаршей (тѣльныхъ);—а не такъ какъ у насъ, *сладкое* въ концѣ. Пирожныя и вообще сладкія оказываются подаваемыми въ срединѣ обѣда. Послѣ нихъ уже даютъ острыя снадобья. Нельзя не замѣтить при этомъ, что о наблюдаемой нами постепенности снабженія желудка произведеніями кулинарнаго искусства—старинные москвичи имѣли свои понятія, если только постепенность питанія тѣла имѣла у нихъ значеніе. Тѣмъ не менѣе, иностранцы, оставившіе сказанія о старинныхъ порядкахъ и бытѣ московскомъ, находили русскія кушанья приготовленными хорошо, только жаловались на дурное качество припасовъ употребляемыхъ въ дѣло. Довольствуясь запасами привозимыми изъ деревень на цѣлый годъ, московскіе хозяева по необходимости должны были выносить и порчу припасовъ столовыхъ, на что въ послѣдствіи не обращали уже ни какого вниманія; тогда какъ на иностранцевъ погнившее и издававшее запахъ производило непріятное впечатлѣніе. Конечно, относясь, вслѣдствіе неудовольствія

*) Вотъ этотъ перечень: 1) капуста съ осетриною, 2) икра луконная (бураковая, свѣжая), 3) икра паюсная, 4) икра ряпушья, 5) вязига (должно быть развареная, съ какимъ нибудь пшеномъ), 6) сельди *паровыя* (свѣжія разумѣется. переяславскія, обжаренныя въ вольномъ духу, мягкія), 7) щучина просольная, 8) тѣло *окрашиванное* (мякоть рыбы подцвѣченная или шафраномъ, или свеклою, или морковью), 9) звена стерляжьи наростовыя (?), 10) семга подъ лимоны, 11) лосось подъ лимоны, 12) спинка семожья паровая, 13) схабъ бѣлужій паровой, 14) щука паровая, 15) стерлядь паровая, 16) стерлядь *вертловая* (т. е. обжареная на вертелѣ), 17) лещь паровой, 18) судакъ паровой, 19) спинка бѣлой рыбицы, 20) спинка лосося, 21) караси *на сковородѣ* (обжарены, разумѣется, въ сметанѣ), 22) уха щучья (т. е. непремѣнно уже *со спеціями*, острыми пряностями и чеснокомъ, густая довольно), 23) пирогъ *съ тѣломъ* (т. е. съ рыбою изъ которой вынуты всѣ кости), 24) *потрохъ* рыбій (собственно печенка осетровая, съ лукомъ приготовлявшаяся), 25) пирогъ съ осетриною. 26) карась *росольный* (т. е. въ соусѣ), 27) уха окуневая (изъ свѣжей рыбы), 28) пироги *кислые* (т. е. на дрожжахъ тѣсто, въ противоположность прѣсному), 29) уха судачья, 30) оладьи, 31) уха *карасевая* (собственно супъ и довольно густой, смотря по количеству полагаемаго на блюдо пшена), 32) пироги *долгіе* (обыкновенно прѣсные, очень жирные) съ горохомъ, 33) уха подъязевая, 34) караси съ вязигою (родъ пилава рыбнаго, съ подсыпкою рыбы не одною вязигою, но и пшеномъ съ яицами), 35) щи съ *тешею* (рыбною), 36) полголовы осетрьи, 37) звена ступишныя (?), свѣжія, 38) *колотка* (фаршъ изъ рыбы, обыкновенно изъ щуки, съ чеснокомъ), 39) сиги (разварные), 40) *ладога* (тоже родъ сиговъ, вѣроятно въ разварѣ), 41) бѣлужина *бочешная* (т. е. просоленая), 42) звена ступишныя астраханской осетрины (привозимой въ Москву просольною), 43) башка (бѣлужья голова, значительно просаливаемая и 45) мясенное (т. е. холодное соленье, подаваемое въ мисахъ).

Библиотека "Руниверс"

на несвѣжесть продуктовъ, не совсѣмъ хладнокровно къ мнимому неумѣнью русскихъ хозяйничать, и относя это къ испорченному вкусу ихъ, осуждатели не хотѣли принимать въ расчетъ нужды и часто невозможности иначе дѣйствовать московскому хозяину. Неумѣнье сохранить въ свѣжести тотъ либо другой продуктъ, по нашему мнѣнію, еще не доказано; какъ не доказано и особенное умѣнье западныхъ европейцевъ приготовлять въ прокъ мясо и рыбу. Съ рыбою, дальше соленья сельдей, наши учители цивилизаціи тоже въ старину не умѣли управиться какъ слѣдовало, а приготовленіе балыковъ и икры русской сами высоко цѣнили, считая эти статьи вывоза чуть не рѣдкостями для себя и для своихъ соотечественниковъ, во многомъ другомъ значительно ушедшихъ впередъ сравнительно съ Русью. Покрайней мѣрѣ такъ было въ Италіи и Голландіи. Слѣдовательно, безусловно осуждать предковъ по жалобамъ иностранцевъ за тухлое мясо, употребляемое къ столу, мы не въ правѣ. Съ одной стороны, въ Москву доставлялись припасы деревенскіе издалека, въ извѣстное время года; а въ другую пору, того или другаго и достать было нельзя въ столицѣ нашихъ государей, окруженной болотами, да не хвалившейся и устройствомъ, сносныхъ сколько-нибудь, проѣзжихъ дорогъ. Съ другой стороны, какъ ни дешевы были столовые припасы въ Москвѣ, но (при маломъ обиліи денегъ въ обращеніи) покупка на базарахъ для стола была не по плечу большинству служилаго класса дворянъ, обязанныхъ жить въ столицѣ безвыѣздно, по цѣлымъ годамъ. Держали вѣдь всѣ въ домахъ столичныхъ застольную для многочисленной прислуги, а доходы съ деревень получались копѣечныя.

Соображая все это, дѣлается понятною заботливость іерея Сильвестра—руководителя Іоанна Грознаго въ теченіе 12-ти лѣтъ блестящаго періода его царствованія—о внушеніи своему сыну (вѣроятно попавшему въ средній классъ московскаго общества) разумной экономіи въ пріобрѣтеніи для домашнихъ надобностей всякаго рода продуктовъ. Домострой, списанный (если не составленный уже?) Сильвестромъ для сына своего, трактуетъ очень пространно мѣры для пріумноженія дохода хозяйскаго, вслѣдствіе умѣнья своевременно запастись необходимымъ. Необходимость же, какъ мы указали уже, обусловливалась обстоятельствами чисто мѣстными и отнюдь не случайными.

Вліяніе этихъ мѣстныхъ обстоятельствъ отразилось и на расположеніи столовыхъ кушаньевъ, въ извѣстное время конечно и недоступныхъ средствамъ хозяина дома.

Такъ «домострой» сообщаетъ, напримѣръ, какъ правило непремѣнное внушаемое конечно практическою мудростью, что «послѣ Семеня дня (1 сентября, тогдашняго новаго года) не подаютъ *юремъ* (*), ни печеней бараньихъ, ни грудей бараньихъ. А съ Покрова дни (въ октябрѣ т. е.) въ столъ ѣству подаютъ: гуси верченые, гуси шестные». Въ это время, то есть, за израсходованіемъ запасовъ деревенскихъ, начинаютъ бить домашнюю птицу, содержимую при городскихъ домахъ, у помѣщиковъ. Ловъ рыбы въ рѣкахъ подстоличныхъ, да и въ прудахъ по усадьбамъ подмосковнымъ, гдѣ жили семейства богатыхъ землевладѣльцевъ — объусловилъ предписаніе *домостроя*: «въ Госпожинъ мясоѣдъ (т. е. отъ 15 августа) въ столъ ѣству подаютъ рыбную. А послѣ Семеня дня не подаютъ сухія рыбы, а прибудетъ съ Семеня дня: караваевъ, поросята тѣльныя (сытыя), утки тѣльныя» (т. е. кормленыя домашнія). А съ Дмитріева дни (въ концѣ октября) прибудетъ ѣствы рыбныя, ухи назимыя всякія»,—то есть жидкіе взвары или изъ свѣженросольной уже, или, даже изъ замороженой рыбы осенняго лова. Тогда какъ въ Рождественскій мясоѣдъ выборъ кушаньевъ бывалъ самый изысканный, затѣмъ что всего уже въ волю, и мяснаго, и рыбнаго навезено было изъ деревень и вотчиннаго хозяйства и крестьянскаго, оброчнаго. Мясные столы передъ масляницею бывали такъ же обильны, какъ и послѣ святой недѣли. Рыбный же столъ въ постные дни въ это время, да на масляницѣ, — какъ мы видѣли изъ приведеннаго примѣра, доходилъ до утонченнаго разнообразія въ сортахъ рыбы и грибовъ, при очевидной ограниченности измышленія приготовлять то и другое.

Позволимъ себѣ также здѣсь замѣтить, что въ XVI вѣкѣ, въ Москвѣ, строгость соблюденія великаго поста не достигла еще у мірянъ и бѣльцовъ вообще, даже духовныхъ, до постническаго истощенія плоти, болѣе подходящаго къ быту отшельниковъ какъ оказывается въ XVII вѣкѣ. Сильвестръ, хотя іерей, въ «домостроѣ» своемъ только говоритъ, что «*свѣжія рыбы*, кромѣ Благовѣщеньева дни да Вербнаго воскресенья *не ядятъ подвижные люди* къ Богу, въ великой постъ». И изъ дальнѣйшаго указанія «Домостроя» видно, что сушеную рыбу подавали къ столу, вмѣстѣ съ просольными рыбами, во всѣ недѣли, по субботамъ и по воскресеньямъ, не стѣсняясь. Мало того, измышляли на время великаго поста *блины икряные*, *на маковомъ молокѣ*, — что доказываетъ, по нашему мнѣнію, сознаніе необходимости употребленія не мясныхъ продуктовъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ, желаніе пользоваться вкуснымъ столомъ, насколько дозволялъ строгій законъ пощенія. Такъ что мѣстныя совершенствованія кулинарнаго дѣла шли своимъ чередомъ и въ посты; ухитрялись приготовлять *сыры гороховые*, да *кальи изъ снятковъ*. Самое поименованіе этихъ блюдъ въ «Домостроѣ», составленномъ духовнымъ лицомъ, еще разъ повторимъ, говоритъ очень краснорѣчиво, что и пастыри церкви въ XVI вѣкѣ не считали грѣхомъ для себя облегчать тягость постнаго подвига вкуснымъ и сколько-либо лакомымъ приготовленіемъ стола.

Если же подобная заботливость усмотрѣна нами въ приготовленіи рыбныхъ и овощныхъ продуктовъ, въ дни Грознаго, мясной и молочный столъ, само собою уже разумѣется, долженъ быть не чуждъ изысканности выбора блюдъ. *Фарши*, напримѣръ, входили одинаково въ составъ обѣдовъ скоромныхъ и постныхъ (это такъ-называемыя *тѣльныя*). Блинные пироги требовали для начинки непремѣнно *тѣльнаго*, приготовленнаго изъ мяса домашнихъ птицъ или (въ постные дни) изъ рыбы. *Лебедей* подавали подъ сладкимъ соусомъ *съ гренками* (тапешки). Къ жаренымъ на вертелѣ уткамъ, подавали *подливку* (взваръ); также какъ и къ жареной *заячьей печенкѣ*. Самаго же зайца подавали подъ рѣпнымъ соусомъ. Пироги и караваи въ столѣ подавались между супами (*ухами* разныхъ наименованій). Въ числѣ же сластей первое мѣсто занимала *рѣдка въ патокѣ*,—рецептъ приготовленія которой сохранился въ «домостроѣ». Любили также, и въ XVI уже вѣкѣ, *подкрашивать* жаркія, да подавать къ нимъ (особенно къ курамъ и дичи) *солсные* огурцы сливы и вишни.

Осенніе завтраки и ужины—сервируемые обыкновенно изъ немногаго числа блюдъ, но особенно вкусныхъ и изысканныхъ,—требовали сладкаго мяса *заячья*, или *буженины съ чеснокомъ*. За обѣдами, послѣ первой перемѣны блюдъ (обыкновенно сухихъ или маринованныхъ мясъ), давали разнаго рода супы. Мы позволяемъ себѣ такъ объяснять терминъ *уха краснія* либо *черная*, въ составъ ихъ не только входили пряности но также крупы разныхъ сортовъ, въ значиныхъ порціяхъ. За этими жидкими все-таки кушаньями, слѣдовали *паровыя* жаренья (вообще дѣлавшія мясо мягкимъ), за жаркими давали пироги, большею частію *сладкіе*; вслѣдъ же за ними разносили *тѣльныя* т. е. роды фаршей, съ прибавкой остротъ.

Обѣды на масляницѣ начинались грибами (обыкновенно рыжиками) прохлажденными до обращенія въ студень ихъ настоя, а вторымъ кушаньемъ была разныхъ сортовъ икра, да рыба соленая. Далѣе слѣдовали пироги и караваи, а за ними уха и вообще похлебки, да *тѣльныя*. Въ заключеніе же, снова острыя рыбныя соленья.

П. Петровъ.

(Окончаніе будетъ).

(*) *Юрма*—кушанье изъ баранины, въ составъ ея входила печенка и плечико бараньи.

Библиотека "Руниверс"

Изъ міра народныхъ повѣрій.

II. Лѣшій *).

Дядя Василій, хорошій мужикъ изъ деревни «Лаптево-Недоплетово», купилъ въ селѣ «Прохвостовѣ» ведерную бутыль водки.

Въ ихъ деревнѣ кабака не было,—съ тѣхъ поръ какъ, еще семь лѣтъ тому назадъ, закрыли послѣдній по крестьянскому приговору; и если надобился кому либо хотя бы полуштофъ вина, надо было ѣхать за нимъ, или идти пѣшкомъ, верстъ за одинадцать, въ самое село «*Прохвостово*», гдѣ съ тѣхъ же самыхъ поръ, какъ по сосѣдству въ деревняхъ, закрывались кабаки, по случаю крестьянскихъ зароковъ не пить,—открылись и благополучно существовали по сіе время шесть питейныхъ заведеній, четыре бѣлыхъ харчевни и два трактира съ дворами постоялыми...

Дядѣ Василію не приходилось тащиться съ своею бутылью пѣшкомъ домой, потому что у него былъ свой сивый мерииокъ, запряженный въ тѣлегу, уже успѣвшій малость отдохнуть, пока его хозяинъ прохлаждался въ питейномъ съ знакомымъ цаловальникомъ.

Подъ вечеръ дѣло становилось — и весело играло спустившееся къ самому выгону солнышко, лаская красными лучами вершины развѣсистыхъ вербъ на плотинѣ, рѣзные коньки крестьянскихъ избъ, гору сосѣднюю, исполосованную наискось яровыми посѣвами и черными лентами свѣжихъ пахотей; длинную придлинную веревку протянутую съ поповскаго забора на дьякоиову крышу, и всю сплошь увѣшанную разными бѣлыми и цвѣтными доспѣхами... Словно золотомъ заливало заходящее солнце и всю переднюю половину двора кабацкаго, и раздѣливъ тѣнью отъ сарая какъ разъ пополамъ тѣлежку дяди Василія, такъ и рѣзало прямо въ его веселое, довольное, хотя и нѣсколько озабоченное лицо, обросшее жидкою русою бородою къ концу клиномъ.

— И какъ это ее, таперича, уложить поспособнѣе, чтобы не того... думалъ и передумывалъ дядя Василій. — Оно положимъ, хоша подлецъ цаловальникъ (пошли ему, царица небесная, всего хорошаго!) кошелочку далъ,—одначе все таки дѣло стеклянное, гдѣ на дорогѣ толкнетъ—ну и шабашъ!..

И долго, такимъ манеромъ, передумывалъ заботливый дядя Василій, перещупывая все днище у своей тѣлежеики, пока не пристроилъ бутыли въ самое сохранное мѣсто къ передку и не обложилъ ея кругомъ тщательно сѣномъ и гороховой соломой, захваченной тутъ же изъ клѣти *подлеца* цаловальника.

— Съ Богомъ голубчикъ!.. крикнулъ ему съ крылечка этотъ самый.

— Пошли тебѣ царица неб.... Ну, сивый, трогай! присѣлъ на облучекъ дядя Василій...

Заскрипѣли немазанныя колеса тѣлежоики, заметался и закашлялся на своей цѣпи песъ сторожевой, дворовой... поплелся рысцею сивый... внизъ подъ горку, на плотину, а оттуда, мимо мельницы черезъ выгонъ, полемъ, прямо къ тому лѣсу, что синею зубчатою полосой виднѣлся версты за три впереди, темнѣя все больше и больше отъ быстро наступающихъ, росистыхъ сумерокъ,

Сивый плелся по легоньку, словно задумавшись... Дядя Василій не очень-то торопилъ его, — потому, незачѣмъ «поспѣемъ молъ!» Сидѣлъ это онъ на облучку, вольготно, пѣсню дулъ во все горло, на все крестьянское поле, и такъ-то ласково кругомъ поглядывалъ, такъ ласково, что, кажись, еслибы кто ни на есть, хотя бы самый злѣйшій ворагъ, повстрѣчался—сейчасъ бы: стой! другъ сердечный поцѣлуемся! да и шабашъ! право слово; потому завтра... что, таперича, завтра ась?!. храмъ, значитъ завтра *Миколы долготерпѣливаго* и все прочая... Тетка Дарья пирогн постановила и ежели ты, таперича, не обидь человѣка—ну и кончено... тпру... легче!..

Чуть чуть не кувырнулся дядя Василій съ своего облучка на земь, потому ужъ очень руками размахивалъ во время своей веселой думы.

— Ну, чего сталъ дуракъ?.. чего... о?. ласково онъ прошелся кнутомъ по выпуклому боку сиваго, который слишкомъ охотно поспѣшилъ остановиться по первому «тпру!»... хозяйскаго голоса... Трогай знай, все трогай; не гляди что хозяинъ, значитъ, маленько того, выпивши! знай при своею дорогою! уговаривалъ дядя Василій своего мерена, а самъ навсякъ случай забрался въ тѣлегу съ ногами.

Устроился мужикъ на новомъ мѣстѣ, оглядѣлъ свою кладь — «ишь ты ототкнулась!» замѣтилъ онъ торчащее изъ соломы зеленое горлышко... «Надыть опять его того, — заткнуть безпремѣнно надыть чтобы не выдыхалось... ха-ха!.. Ну, сивый, копайся пошевеливайся... Да и добрый же человѣкъ, лопни глаза, этотъ Митричь цаловальникъ,—я одну цапъ, онъ тебѣ сейчасъ же другую наливаетъ; опять это цапъ, онъ тѣ третью, важно! знай себѣ на перегородкѣ мѣтки мѣлкомъ черкаетъ, денегъ не спрашиваетъ, тпру!..

Опять сивый остановился, на этотъ разъ хозяинъ на него въ претензіи не былъ.

Оглянулся онъ кругомъ, потрясъ головою, осклабился по самыя уши.

— Ты, Дарья, голубка, того не серчай! потому я при случаѣ; видишь, ототкнулась... Оно по холодку-то важно!..

Хотя тетка Дарья никакъ не могла за десять верстъ слышать своего сожителя, однако этотъ послѣдній все таки нашелъ нужнымъ себя передъ нею оправить, и тогда только наклонилъ бутыль маленько на бокъ и принакрылъ горлышко ея своими встрепанными усами.

Потянулъ немного дядя Василій, духъ перевелъ. Покрѣпче закупорилъ и опять принялся за разсужденіе...

— «Вотъ и къ лѣсу подъѣхали... тпру!.. опять ототкнулась каторжная! и, что только за пробки даетъ цаловальникъ этотъ, дери лѣшій его душу! Ты, тетка, не сердись, потому извѣстно, дѣло къ ночи, ну и того прозябъ безъ кафтана-то.

Уладилъ дѣло дядя Василій, поѣхалъ лѣсомъ... Шумятъ сосны и березы справа, шумятъ слѣва, гудитъ спереди, гудитъ сзади. Прыгаетъ тѣлежка по корнямъ, перепутавшимъ всю лѣсную дорогу, всплескиваетъ грязь по глубокимъ колеямъ, подъ колесами...

— Ототкнулась подлая!.. тпру!.. Эко, худое дѣло, не захватилъ я давеча закуску!.

. . . . . .

Хорошъ былъ день давеча, да къ ночи поиспортился. Тучи понадвинулись, откуда только онѣ взялися?! Вѣтромъ сырымъ потянуло по лѣсу. Крупныя дождевыя капли забарабанили по широколапчатымъ кленовымъ листьямъ...

— Гу-гу-гу-гу!.. запылъ филинъ въ оврагѣ; тр...тр!.. затрещали коростели съ поля, что подошло къ самой опушкѣ; глухо, протяжно словно простоналъ громъ, гдѣ то далеко, далеко—и стемнѣло въ лѣсу разомъ, да такъ что ни зги не стало видно—и уже Богъ вѣсть какъ это чуткій сивый все шелъ да шелъ, не сбиваясь съ давно знакомой дороги.

Приподнялся въ тѣлегѣ дядя Василій—хотѣлъ ли онъ поглядѣть, что впереди дѣлается, такъ ли хотѣлъ маленько поправится,—но только тотчасъ же назадъ запрокинулся, такъ его хлестнуло по лицу мокрою кленовою вѣтвью...

— Стой! драться невелѣно! заоралъ онъ во все горло.—Не тѣ нонѣ времена!..

Потихоньку брелъ сивый по узкой лѣсной дорогѣ, раздвигая своею приземистою дугою свѣсившіеся съ обѣихъ сторонъ, намокшія отъ проливнаго дождя вѣтви. Невидимыя во мракѣ размахивались онѣ надъ тѣлегою, обдавали водою съ ногъ до головы всего мужика, звонко хлестали по его плечамъ и спинѣ, прикрытымъ только одною, промокшею насквозь, прилипшею къ тѣлу рубахою. Брелъ сивый, головою потряхивалъ и только пофыркивалъ навстрѣчу дождевому ливню. На весь лѣсъ ругался дядя Василій.

— Ты опять по рылу! оралъ онъ, надсаживался.—Сказано: драться не велѣно! ну и шабашъ! Самому становому это недозволено!

— А лѣшему можно!

— Ась?!..

— Потому лѣшій, у себя въ лѣсу, особливо въ ночное время больше становаго значитъ...

— Кто говоритъ?!! Царица небесная! Митричь, ты что ли?

Оробѣлъ, совсѣмъ оробѣлъ дядя Василій, — что за диковина! думаетъ, голосъ знакомый!.. да откедова же это?!.. недоумѣвалъ онъ, чувствуя какъ морозъ прохватываетъ его отъ макушки головы до самыхъ пятокъ.

— Хо-хо-хо-хо!.. раскатывается по лѣсу.

— Да воскресиетъ Богъ и расточ....

— Ототкнулась, родимый, ототкнулась!.. заглядываетъ въ тѣлегу какая то бѣлая харя — борода сѣдая растрепанная, носъ крючкомъ, глаза свѣтятся... .

Какъ ни великъ былъ страхъ, охватившій дядю Василія, а магическое слово: ототкнулась—такъ и шарахнуло его къ передку тѣлеги.

Глядитъ, — точно ототкнулась, набокъ совсѣмъ накренилась и на солому поплескиваетъ.

— Караулъ! стой! не на твои деньги куплено! Взвылъ мужикъ и началъ поспѣшно пробку искать, руками по передку шарить; а самъ, на всякій случай, ртомъ къ бутыльному горлу приложился, чтобы пока не бѣжало даромъ, не пропадало зря добро куплеиное.

Долго такимъ манеромъ справлялся съ своею бѣдою дядя Василій, можетъ такъ бы и до дому доѣхалъ...

Вдругъ, на весь лѣсъ вспыхнуло синимъ ослѣпительнымъ свѣтомъ; загрохотало такъ, что даже сивый разомъ сталъ и припалъ на передніе колѣна, оглушенный громовымъ ударомъ.

И вотъ видитъ дядя Василій, что въ этомъ синемъ свѣтѣ словно окутанный туманомъ стоитъ такой, сѣдой, высокій... Лапища у него что твои мельничныя крылья. Цѣлая сосна, съ кориемъ вырванная, стиснута въ этихъ могучихъ лапахъ—и посвистываетъ въ воздухѣ отъ круговыхъ богатырскихъ размаховъ.

— Да воскреснетъ Богъ и расточатся врази его...

— Разшибу! гремитъ и воетъ по лѣсу.

— Караулъ, братцы, рѣжутъ! затянулъ не своимъ голосомъ дядя Василій и пошелъ дуть кнутомъ своего сиваго, дуть почемъ ни попало, не разбирая, — торопясь удрать подальше отъ этого грознаго размаха.

*) См. I статью въ Нивѣ 1873 № 46 стр. 725.

Библиотека "Руниверс"

Изъ міра народныхъ повѣрій. II. Лѣшій. Рис. Н. Каразинъ, грав. Путцъ.

Библиотека "Руниверс"

Заметался въ оглобляхъ перепуганный меренъ, брыкнулъ раза два задними ногами, свернулъ съ дороги и ринулся въ чащу, ломая, встрѣчный кустарникъ, задѣвая тѣлежными осями о пни и стволы деревьевъ.

— Ототкнулась, ототкнулась, ототкнулась!! хохочутъ, заливаются и прыгаютъ подъ колесами грибы не грибы а что-то съ рожками...

— Разшибу! воетъ и гаркаетъ сзади.

И не помнилъ больше ничего дядя Василій; дулъ-дулъ кнутомъ несчастнаго сиваго, дулъ пока самъ какъ снопъ не повалился на землю, черезъ тѣлежную грядку,—а его меренъ подралъ самъ по себѣ и врѣзался съ маху въ самую тоиь заросшаго, кочковатаго лѣснаго болота.

Такъ бы и пропалъ ни за грошъ дядя Василій вмѣстѣ съ своимъ мереномъ, да спасибо лѣснику Миколаичу. Пошелъ это тотъ по утренней зорькѣ лѣсъ поглядѣть: что молъ надѣла ночная буря? пошелъ и на своемъ обходѣ наткнулся на тѣлегу съ завязшимъ конемъ,—а потомъ и на самого дядю Василія, ничкомъ лежавшаго въ травѣ, на буреломѣ, лицомъ прямо въ большую муравьиную кучу...

Очнулся дядя Василій, отрезвѣлъ. Вдвоемъ съ лѣсникомъ, тѣлегу выволокли; сладили все какъ слѣдуетъ...

— Экъ, братъ, ты того нахлестался въ «Прохвостовѣ»! — замѣтилъ лѣсникъ Миколаичъ.

— Я то?.. открестился дядя Василій.—Ни боже мой! и только бы не лѣшій... потому онъ всему дѣлу причина!..

— А это что? чай тоже лѣшій вылокалъ?! ухмыльнулся лѣсникъ, кивая на пустую бутыль, все еще бочкомъ торчащую на своемъ мѣстѣ...

— Это? покачалъ головою. дядя Василій и еще разъ глубоко, глубоко вздохнувъ, произнесъ: «ототкнулась»!

Такъ-то вотъ разъ лѣшій подшутилъ надъ мужикомъ и еще надъ какимъ!—надъ самымъ хорошимъ мужикомъ изъ самой трезвой деревни «Лаптево-Недоплетово».

Н. Каразинъ.

Это была... игра!..

РАЗСКАЗЪ

В. К. Гаклэндера.

(Продолженіе).

Первый визитъ молодаго доктора былъ непродолжителенъ и онъ вернулся въ карету своего пріятеля озабоченнымъ и даже печальнымъ.

— Мнѣ кажется, заговорилъ баронъ,—тебѣ тамъ на верху-то, гдѣ ты сейчасъ былъ,—не посчастливилось?..

— Да, то есть... какъ тебѣ сказать? Болѣзнь, какъ мнѣ кажется, въ моихъ рукахъ, я овладѣлъ ею, но.... противъ другой бѣды, другаго недуга, который часто идетъ рука объ руку съ настоящей болѣзнью, однимъ словомъ—противъ бѣдности я не знаю средствъ.

— Радикальныхъ—конечно, нѣтъ; но можно кое-чѣмъ облегчить страданія и при этомъ недугѣ. Быть ассистентомъ твоимъ покрайней мѣрѣ при такого рода лѣченіи—мнѣ очень пріятно. Ты лѣчишь наверху, въ четвертомъ этажѣ,—а я тутъ, внизу, тоже кое-что дѣлаю для больнаго. Это, братъ, и называется «раздѣленіемъ труда». И такъ, вотъ тебѣ моя доля.

— Что ты, Рихардъ?.. Сто гульденовъ!

— Если этого мало, то ѣдемъ скорѣй ко мнѣ домой.

— Считать такъ, какъ ты считаешь, гульдены — я не могу, замѣтилъ молодой докторъ съ улыбкой, — а потому искренно благодарю тебя за это отъ имени очень бѣдныхъ и очень честныхъ людей...

— Куда-же теперь направимъ путь?

— Теперь—въ Фрюлингс-штрассе.

— Хорошо. Эта улица не близко; ну, вотъ, мы и можемъ подольше поболтать. Закури-ка себѣ папироску. Постой — не хочешь-ли сигару? Вѣдь ты бывало во время оно дымилъ, какъ труба! Да доктору и слѣдуетъ постоянно курить, защищая себя отъ разныхъ міазмовъ.

— Все это такъ, но видишь-ли, есть люди, которые не могутъ выносить табачнаго дыма. Они даже, если ты говоришь съ ними, сейчасъ узнаютъ, что ты курилъ; они отъ волосъ чуютъ даже запахъ табаку, ну, и это имъ непріятно.

— Да, но вѣдь ты-же не женатъ, надѣюсь? спросилъ баронъ Венкгеймъ, тономъ, выразившимъ испугъ.

— Еще не женатъ, но...

— Знаю, знаю! У насъ говорятъ, что молодые врачи должны быть людьми женатыми—это для того, чтобъ они могли пользоваться необходимымъ довѣріемъ у дамъ. Это все тѣ-же штуки, что продѣлываются и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ, напримѣръ: «запечатано въ конвертѣ»... просятъ обратить вниманіе на подпись... Знаю я это! Однако, скажи-ка мнѣ, у тебя тутъ родные есть, у которыхъ ты живешь? Я недавно видѣлъ тебя на гуляньи съ двумя пожилыми дамами.

— То есть, ты хочешь сказать: съ одной пожилой дамой....

— Ну, пожалуй, съ одной, сказалъ баронъ,—но разница между ними такъ незначительна, что и говорить-то о ней не стоитъ.

— Но, позволь, милый Рихардъ, возразилъ молодой докторъ, сдѣлавъ серіозное лицо и принимаясь гладить золотой наболдашникъ своей палки (знакъ его докторскаго сана),—со мной были тогда мать и дочь; онѣ мнѣ не родня, но... весьма близкіе знакомыя.

— Ты проговорилъ это какимъ-то подозрительнымъ тономъ... Послушай, ужь не жалѣть-ли мнѣ тебя? Не начать-ли соболѣзновать?..

— Это какъ тебѣ угодно, милый Рихардъ, но... фрейлеинъ Штраммеръ—невѣста моя.

— О, чортъ возьми!.. Ахъ, нѣтъ-ли у тебя съ собой какого нибудь нюхательнаго спирта?.. Дай!..

— Не говори такъ, любезный Рихардъ!.. Мнѣ, право, это прискорбно... Дѣло ужь сдѣлано и...

— Хорошо, хорошо! Мы объ этомъ поговоримъ послѣ. И такъ, эта фрейлейнъ, надо полагать, твоя юношеская любовь,—то есть, она любила тебя въ то время, когда ты былъ еще въ пеленкахъ!.. Ужъ ты извини меня за мои нехорошія остроты, но я не могу иначе!.. Или—постой: твоя нарѣченная страшно богата, что-ли?

— Нѣтъ.

— Ну, такъ, можетъ быть, изъ знатной фамиліи?

— Тоже нѣтъ.

— Нѣтъ? Въ такомъ случаѣ умъ мой отказывается постигнуть и...

— Послушай, я знаю, что въ сущности ты добрый человѣкъ, заговорилъ молодой докторъ послѣ небольшой паузы и положилъ свою руку на правую руку собесѣдника:—я помню, что ты всегда былъ моимъ вѣрнымъ другомъ,—ну, вотъ, поэтому я и разскажу тебѣ въ краткихъ словахъ, какъ совершилась эта вещь, непонятная для тебя, человѣка свѣтскаго.

— О, Господи! изощри мою мыслительную способность, дабы я могъ ясно уразумѣть то, что сейчасъ услышу!.. проговорилъ баронъ Венкгеймъ, усаживаясь поудобнѣе въ углу кареты.—Говори-же все—не щади меня!..

— Ты вѣдь знаешь, началъ докторъ спокойнымъ тономъ,—что я почти не зналъ своихъ родителей. Мать моя умерла въ моментъ появленія моего на свѣтъ, а отецъ—когда мнѣ было пять лѣтъ. Бѣдные родственники взяли меня на воспитаніе—и не только кормили, но и посылали въ первоначальную школу; потомъ, когда я пріѣхалъ сюда и поступилъ въ гимназію, мнѣ удалось получить частную стипендію. Стипендія эта однако была такъ мала, что безъ помощи добрыхъ людей, оказавшихъ мнѣ участіе, я едва-ли съумѣлъ-бы пробиться. Вотъ, къ этимъ-то добрымъ людямъ и при-

Библиотека "Руниверс"

надлежитъ прежде всего семейство Штраммеръ, въ которомъ добрѣйшимъ существомъ былъ покойный г. Штраммеръ. Онъ, когда я былъ еще гимназистомъ, отдалъ мнѣ за самую умѣренную плату комнатку на чердакѣ и снабжалъ меня завтракомъ; частенько давалъ онъ мнѣ и малую толику денегъ, а также бралъ меня по вечерамъ съ собою поужинать, въ гостинницу. Конечно, эта послѣдняя любезность (тутъ докторъ улыбнулся) дѣлалась не безъ цѣли: я въ такихъ случаяхъ служилъ, такъ сказать, «живымъ оправданіемъ» для господина Штраммера въ глазахъ его нѣсколько строгой супруги. Когда мы уходимъ съ нимъ, она обыкновенно отдавала мнѣ ключь отъ наружной двери,—и это для того, «чтобы быть покойной: знать, что дверь будетъ навѣрно на ночь заперта», такъ говорила госпожа Штраммеръ многозначительнымъ тономъ и прибавляла: «Да иначе и нельзя, потому что на него вовсе нельзя полагаться». А между тѣмъ трудно, мнѣ кажется, былъ-бы найти человѣка, который былъ-бы солиднѣе, благонадежнѣе и честнѣе этого добродушнаго старичка — Штраммера. Ахъ, ты не можешь себѣ представить, какъ онъ всегда бывалъ безпечно-веселъ, когда выходилъ на улицу и за нимъ запирались двери его дома!..

— Такъ вотъ какъ! Ты еще мальчикомъ уже подмѣчалъ, наблюдалъ за всѣмъ этимъ и, конечно, выводилъ свои умозаключенія?

— О, да! Я и тогда хорошо понималъ, почему г. Штраммеръ былъ такъ доволенъ и развеселялся, находясь внѣ своего дома. Сидя же въ собственныхъ своихъ четырехъ стѣнахъ, онъ частенько таки бывалъ мраченъ и вообще не въ духѣ. А какъ онъ, во избѣжаніе семейныхъ сценъ, старался угождать, поддакивать, дѣлаться тише воды, ниже травы!— и все таки, не смотря на все его желаніе, это не всегда ему удавалось.

— А ты-то, кажется, изъ этихъ уроковъ мало чему научился, замѣтилъ баронъ.

— Старикъ меня полюбилъ, продолжалъ докторъ свой разсказъ, ничего не отвѣтивъ на замѣчаніе своего друга,— а такъ какъ я былъ вообще приличнымъ мальчуганомъ, всегда изъявлялъ готовность быть хоть чѣмъ нибудь полезнымъ, то и пріобрѣлъ также расположеніе г-жи Штраммеръ и маленькой Фанни. Фаничкѣ въ то время было, можетъ быть, лѣтъ.., девятнадцать.

— А тебѣ-то сколько было?

— Мнѣ... Если не ошибаюсь—четырнадцать.

— О, въ эти годы, любезный мой, заговорилъ баронъ,—начинаются самыя опасныя изъ всѣхъ нашихъ маленькихъ дѣлишекъ, завязываются отношенія сердечнаго свойства. Ну, и мы, ужъ конечно, пламеннымъ окомъ взирали на разцвѣтшій бутонъ — на дѣвушку, мы глядѣли на нее и въ то же время ощущали не безъ боли нѣчто такое, что говорило намъ о нашемъ ничтожествѣ... Да! мы открыли также въ сердцѣ своемъ неудержимое, пылкое стремленіе добиться когда нибудь обладанія подобнымъ разцвѣтшимъ бутономъ—и какъ мы блаженствовали даже при одной мысли о нѣкіихъ сладостныхъ узахъ, которыя ужъ когда нибудь по праву будемъ-же носить, какъ награду!.. Мы были-бы готовы продать за скверную чечевичную похлебку не только наше право первенства, а и всю жизнь нашу!.. О, то было время, когда мы пѣли, бряцая на гитарѣ:

«Ахъ, потерять тебя, покинуть—
Возможно-ли?!.. Когда царишь
Въ моей душѣ ты полновластно»!..

— Она играла на гитарѣ, сказалъ докторъ смѣясь,—а я переписывалъ ей ноты и за сей трудъ получалъ въ вознагражденіе черносливъ и булку уже не первой молодости — черствую. Она тоже пѣла пѣсенки-вотъ въ родѣ той, которую ты сейчасъ припомнилъ. Ну, разумѣется, въ пѣсняхъ этихъ она обращалась не ко мнѣ, а къ другимъ излюбленнымъ «предметамъ»,—какъ, напримѣръ, къ какому нибудь блестящему офицеру или молодому чиновнику, переполненному блестящими надеждами. И, знаешь, когда она пѣла и подчасъ неслись такіе звуки:

«Нѣтъ, сердце холодно твое,
Ты чуждъ моихъ стремленій пылкихъ»!..

Я за частую не могъ удержаться—и ревность бушевала въ моей груди; я гнѣвался и думалъ въ такія минуты: «о, если-бы я былъ на мѣстѣ этого «холоднаго» счастливца, не такъ-бы я отнесся къ ней!» Да, совсѣмъ иначе, потому что въ то время я любилъ Фанни,—любилъ, какъ только можетъ любить юный, «зелененькій» гимназистикъ IV-го класса вполнѣ развившуюся дѣвушку. А дѣвушку-то эту онъ видѣлъ ежедневно, ну и имѣлъ поэтому слишкомъ много случаевъ восхищаться ею, созерцая ее и сидящую, и стоящую, и въ профиль, и прямо.

— Ну, да, да! Это самое опасное время въ нашей жизни. Воспоминанія о быломъ, о подобоыхъ веселыхъ занятіяхъ, способны даже сегодня, вотъ сейчасъ, взволновать меня.... однако, продолжай!

— Все это, однако, затрогивало меня не слишкомъ глубоко и, по правдѣ сказать, не особенно тревожило, такъ что я продолжалъ учиться ревностно, даже съ пылкою страстью предавался занятіямъ, за которыми и забывалъ весь остальной міръ, этому, впрочемъ, помогало и то еще обстоятельство, что она окорбляла мое юношеское сердце, раза два оттолкнувъ меня отъ себя тѣмъ, что завязала болѣе серіозныя сердечныя отношенія съ другими, а именно—была помолвлена... Но эта же помолвка была причиною того, что послѣ нея, изъ чувства состраданія, я снова привязался къ дѣвушкѣ, потому что нареченный женихъ Фанни оказался вполнѣ недостойнымъ ея. Если Фанни воображала сначала, что жевать корку хлѣба, сидя съ своимъ возлюбленнымъ, презавидное счастье на свѣтѣ,—то матушка ея имѣла на этотъ счетъ другія мысли, а потому разрушивъ помолвку и отправила дочьку погостить къ теткѣ на годъ. Тетка ея жила въ сосѣднемъ городкѣ. Но... не надоѣдаю-ли я тебѣ этой исторіей?

— О, нѣтъ, напротивъ! проговорилъ баронъ: — мнѣ чрезвычайно какъ хочется узнать, какимъ образомъ сплетутся тѣ веревочки, которыя въ настоящее время образуютъ премиленькую сѣточку? А вѣдь въ ней-то ты барахтаешься... Но, вотъ мы ужъ и въ Фрюлингсштрассе! Пожалуйста, прошу тебя: не стѣсняйся, не обращай на меня никакого вниманія. Оставайся у больнаго, сколько душѣ твоей угодно, а я между тѣмъ тутъ буду на улицу глазѣть и дѣлать различныя наблюденія.

Не успѣлъ докторъ Дюрингъ скрыться за дверями дома, передъ которымъ они остановились, какъ тотчасъ же вернулся назадъ: паціентъ его, пользуясь пріятною погодою, вышелъ прогуляться.

— Да этотъ больной, сказать по правдѣ, и болѣнъ не былъ, замѣтилъ докторъ Дюрингъ,—и вотъ намъ, врачамъ, приходится тратить попусту лучшее время дня, посѣщая подобныхъ господъ. Ну, а теперь, къ сожалѣнію, я долженъ тутъ разстаться съ тобой, потому что, войдя въ этотъ домъ, получилъ записку на мое имя, вслѣдствіе чего и долженъ вернуться назадъ почти по той же дорогѣ, которую мы только что проѣхали.

— Зачѣмъ-же разставаться изъ-за этого? Не думаешь-ли ты, что я позволю тебѣ такъ легко лишить меня удовольствія дослушать твой разсказъ?.. Скажи кучеру—куда ѣхать —и затѣмъ садись въ карету!... Ну, вотъ и прекрасно! Теперь разсказывай дальше. Мы остановились на описаніи того періода твоей жизни, когда фрейлейнъ Фанни, послѣ долгаго отсутствія, возвращается домой и, по всей вѣроятности, является немножко поблѣднѣвшею; а ты — изъ прѣснаго, невзрачнаго гимназистика преобразился уже въ молодаго человѣка, готовящагося поступить въ университетъ. У этого молодаго человѣка надъ верхней губой показался уже пушокъ, а по жилету пущенъ имъ широкій плетеный снурокъ.

— Все это совершенно вѣрно. Такъ оно и было. Видъ мой, кажется, поразилъ Фанни,—и она, смутясь, сказала мнѣ «вы» а потомъ назвала даже меня «господиномъ Отто». Старикъ Штраммеръ при этомъ посмѣялся надъ нею и замѣтилъ, что «Отто сталъ почти роднымъ сыномъ въ ихъ семействѣ, а потому и Фанни можетъ обращаться съ нимъ не какъ съ постороннимъ лицомъ». — Окончательный гимназическій мой

Библиотека "Руниверс"

экзаменъ сошелъ самымъ блестящимъ образомъ, а такъ какъ частную стипендію мнѣ продолжали выдавать, то это дало мнѣ средства поступить въ одинъ изъ нашихъ маленькихъ университетовъ и жить въ городкѣ, гдѣ жизнь была дешева. Притомъ я лелѣялъ надежду, что, при громадномъ прилежаніи, авось добьюсь того, что буду въ состояніи окончить образованіе мое здѣсь, въ резиденціи,—конечно, если мнѣ удастся, благодаря пріобрѣтеннымъ познаніямъ, получить мѣсто помощника врача при какомъ нибудь госпиталѣ.

Я уже кажется говорилъ тебѣ, что иногда получалъ отъ добряка Штраммера небольшія деньги; на эти деньги я всегда смотрѣлъ, какъ на взятыя въ долгъ и записывалъ ихъ самымъ аккуратнымъ образомъ. Когда я собирался въ университетъ, старикъ съ любезнымъ видомъ завелъ рѣчь вообще о моихъ обстоятельствахъ и предложилъ мнѣ дальнѣйшую помощь съ своей стороны. Предложеніе это было выражено имъ такъ, что глубоко меня тронуло,—и я не могъ отказаться, даже не отказался-бы и въ томъ случаѣ, если-бы помощь мнѣ и не была такъ необходима. Не знаю, извѣстно-ли это было г-жѣ Штраммеръ или Фанни; но думаю, что онѣ объ этомъ не знали, ибо въ противномъ случаѣ—первая не преминула-бы при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ заговорить по поводу этого вспомоществованія, что она дѣлала весьма охотно, намекая частенько на другаго рода благодѣянія, которыми я пользовался въ ихъ домѣ. Она не пропускала случая твердить мнѣ, что всегда разсчитываетъ на вѣчную благодарность съ моей стороны и что даже увѣрена въ этомъ.

Между тѣмъ приближалось время, когда мнѣ надо было отправиться въ университетъ—и я, предвкушая счастье наслаждаться тамъ золотой студенческой свободой, едва замѣчалъ, въ какомъ меланхолическомъ состояніи духа находилась Фанни,—и не понималъ, что значили долгіе пристальные взгляды, которые она устремляла на меня и потомъ вдругъ какъ-то болѣзненно вздыхала, вскакивала если сидѣла, и отворачивалась... Но я положительно не зналъ за собой никакой вины и былъ вообще такимъ невиннымъ юношей, такимъ новичкомъ въ этихъ дѣлахъ, что однажды какъ-то вечеркомъ взялъ да и сѣлъ рядышкомъ съ ней.... А вечеръ былъ теплый, весенній, настоящій майскій, преопасный вечеръ!... И дѣло, такъ сказать, происходило въ благоухающей бесѣдкѣ изъ бузинныхъ вѣтвей, а сама бесѣдка стояла въ садикѣ, за домомъ...

— И ты обратился къ Фанни съ вопросомъ, замѣтилъ посмѣиваясь баронъ Венкгеймъ:—«Отчего ты такъ грустна, моя милая Фанни? Что съ тобою?.. Если я могу тебѣ помочь, то охотно помогу, только скажи»!..

— Ну, да, разумѣется, я говорилъ ей что-то въ этомъ родѣ. Она слегка задрожала, хотя въ бузинной нашей бесѣдкѣ было очень даже тепло... задрожала она, поглядѣла на меня, потомъ прильнула къ моей груди и пролепетала: «Какъ могу я, бѣдная дѣвушка, не поддаться, не уступить твоимъ настойчивымъ просьбамъ, мой Отто?.. Развѣ возможно, чтобы такая любовь не тронула меня и чтобы я не призналась, что я и сама искренно тебѣ предана?.. Но... довольно! Теперь ты самъ поговори съ мама»...

Ужъ не знаю, право, что со мной было тогда! я ощущалъ въ себѣ нѣчто странное въ эти мгновенія и, полагаю, имѣлъ довольно глупый видъ; но—увы, не могъ ничего возразить, ни сдѣлать, потому что попалъ такъ-сказать въ водоворотъ приключеній, которыя слѣдовали необыкновенно быстро одно за другимъ, просто—опрокинулись на меня! Госпожа Штраммеръ вошла въ бесѣдку; а я, все еще пораженный, сидѣлъ рядышкомъ съ Фанни, былъ такъ близко къ ней... Фанни, увидавъ мамашу свою, вскочила и въ смущеніи бросилась къ ней на шею.

«Онъ самъ все тебѣ скажетъ»! проговорила она и вышла изъ бесѣдки.

— Однако, я могу дать тебѣ торжественно честное слово, продолжалъ докторъ Дюрингъ и даже поднялъ лѣвую руку,—что, не смотря на эту фразу Фанни, я рѣшительно ничего не сказалъ самъ и предоставилъ говорить одной госпожѣ Штраммеръ. Она и заговорила — и о зоркости материнскаго глаза, и о чувствахъ двухъ существъ, связанныхъ духовнымъ сродствомъ, и, наконецъ, о любви Фанни ко мнѣ, молодому, ничего еще не значущему человѣку. Выставивъ нравственныя достоинства своей дочери, она упомянула о своихъ материнскихъ заботахъ, причемъ выразила надежду, что я впослѣдствіи буду въ состояніи сдѣлать ея дитя вполнѣ счастливымъ; ну, словомъ — не прошло и получаса, какъ я очутился, къ собственному моему удивленію, нареченнымъ женихомъ Фанни. И женихомъ я сдѣлался даже по всѣмъ правиламъ, ибо и церемонія была соблюдена: явился самъ Штраммеръ, ведя за руку дитя свое, которое стыдливо опустило глазки. Хотя добрый старикъ и покачивалъ головой, однако все-таки счелъ долгомъ сказать: «Вольному-воля, да и что-же, въ сущности, могу я сказать противъ этого»?.. Затѣмъ появилось и прекрасное винцо, мы всѣ выпили, развеселились,—и когда я, послѣ всего этого, распростился съ ними, готовясь въ полночь отправиться на желѣзную дорогу, то еще долго чувствовалъ, какъ горѣли на моихъ губахъ горячіе поцѣлуи Фанни.... Не могу сказать, чтобы я былъ недоволенъ тѣмъ, что случилось со мною въ этотъ вечеръ.

Говоря по правдѣ, во время перваго семестра, перваго полугодія моей университетской жизни,—мнѣ, лихому студенту, домъ Штраммера казался нѣкоторымъ образомъ спасительною гаванью, которою пренебрегать не слѣдуетъ; я даже смотрѣлъ на него какъ на фундаментъ будущаго храма семейнаго моего счастья... Да и то сказать, вѣдь сердце мое ни разу еще не томилось страстью къ женщинѣ,—за то я зналъ, что молодому врачу необходимо быть женатымъ. Ну, а тутъ, какъ нарочно, насъ помолвили, и эта помолвка избавляла меня въ будущемъ отъ исканій и заботъ по сему предмету—слѣдовательно почему-же мнѣ было и не быть довольнымъ?.. Потомъ, я чрезвычайно скоро втянулся въ занятія, предался наукѣ душою и тѣломъ, учился такъ прилежно и усидчиво, что, увлеченный болѣзненными проявленіями человѣческаго тѣла, потерялъ интересъ ко всему остальному, и чѣмъ симптомы какой либо болѣзни были страшнѣе, тѣмъ я болѣе радовался и увлекался. Въ препаровочной я чувствовалъ себя совсѣмъ какъ дома и мнѣ даже тутъ было лучше, чѣмъ сидѣть въ погребкѣ или шаркать гдѣ нибудь по паркету,—такъ что, когда я пріѣзжалъ на каникулы сюда (съ головой наполненной *моей* наукой), то Фанни представлялась мнѣ даже весьма совершеннымъ женскимъ субъектомъ и, откровенно говоря, я не боялся за будущность свою, не чувствовалъ никакихъ опасеній. Ну-ужъ, конечно, я замѣчалъ, что Фанни относительно свѣжести и красоты начинала нести утраты, но вѣдь претерпѣвать такія утраты—наша общая участь. Да и самъ я, когда сдалъ (и весьма удачно) мой первый экзаменъ, почувствовалъ, что становлюсь что-то очень скучноватымъ, степеннымъ господиномъ.

Вскорѣ послѣ этого умеръ старикъ Штраммеръ. Когда Фанни увѣдомила меня объ этомъ письмомъ, то я, прочитавъ ея письмо, нашелъ его ужъ слишкомъ практичнымъ, дѣловымъ: она, увѣдомляя о смерти отца, писала тутъ же, что въ бумагахъ его нашлись замѣтки о денежныхъ взносахъ за мое обученіе,—и выражала свою радость, что добрый папа положилъ такимъ образомъ для нея капиталъ на проценты — семейное ея счастье...

— Но вѣдь ты-же всѣ эти деньги аккуратно записывалъ? спросилъ баронъ.

— Конечно, записывалъ, отвѣтилъ докторъ и прибавилъ:— мнѣ кажется, что я понимаю смыслъ твоего вопроса: т. е. я, значитъ, хорошо поступилъ, возвративъ имъ сполна всю потраченную на обученіе мое сумму. Какъ только началъ я получать доходцы (и надо признаться — довольно хорошіе), такъ и уплатилъ имъ долгъ этотъ.

— Ты во всякомъ случаѣ поступилъ правильно, отдавъ эти деньги; но, вѣроятно, былъ не въ состояніи, или воли у тебя не хватало и силы—разорвать и другія цѣпи?..

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Переливаніе человѣческой и овечьей крови человѣку.

Д-ръ Гезелліусъ съ истинно желѣзною настойчивостію повторялъ всѣ прежніе и новые опыты трансфузіи у различныхъ видовъ млекопитающихъ—и, послѣ четырехлѣтнихъ дорогихъ экспериментовъ, ему удалось доказать *ложность* того положенія физіологовъ, будто для трансфузіи людямъ годится только кровь отъ *человѣка же*, а не отъ другихъ животныхъ. Дѣло въ томъ, что эти физіологи при своихъ экспериментахъ, надъ трансфузіей напримѣръ овечьей крови собакѣ, удобства ради (для болѣе легкаго впрыскиванія) подвергали кровь *дефибринаціи*, т. е. лишали ее волокнистаго вещества, думая этимъ предохранить кровь отъ свертыванія. Между тѣмъ, съ лишеніемъ крови одного изъ ея существенныхъ элементовъ, она значительно теряетъ въ своемъ отношеніи крови животныхъ—весьма интересны (какъ въ теоретическомъ, такъ и въ практическомъ смыслѣ), то мы и приведемъ въ подлинныхъ словахъ существенные доводы, приводимые авторомъ въ защиту своего мнѣнія.

I. Человѣческой крови для трансфузіи людямъ брать не слѣдуетъ.

ОСНОВАНІЯ.

А. Общія.

Всякій здоровый, мало-мальски развитой человѣкъ боится кровопусканія, инстинктивно сознавая, что извлеченіе крови есть

Операція переливанія крови ягненка въ вену больной. Рис. съ натуры и грав. Ивановъ.

дѣйствіи, какъ питательная жидкость. Если бы физіологи хоть разъ произвели трансфузію *цѣльною*, содержащею *всѣ* свои составныя части, кровью,—то они, по всей вѣроятности, убѣдились бы въ справедливости теоріи Гезелліуса, по которой кровь животныхъ млекопитающихъ, если только она *не лишена волокнины*, обладаетъ вполнѣ способностію исполнять въ человѣческомъ организмѣ ту же физіологическую работу, какую исполняетъ самородная кровь человѣка.

посягательство на его самыя благородныя жизненныя отправленія; а потому въ случаяхъ крайней опасности, какъ напр. при сильныхъ послѣродовыхъ кровотеченіяхъ, часто нѣтъ никакой возможности добыть крови, что уже неоднократно встрѣчалось въ практикѣ многихъ врачей.

3) Во время войны на полѣ сраженія, гдѣ трансфузія призвана

Первоначально изобрѣтенный д-ромъ Гезеліусомъ аппаратъ для трансфузіи.

Стеклянная канюль для трансфузіи.

Вполнѣ обстоятельно и убѣдительно знакомитъ насъ со своимъ взглядомъ на важность трансфузіи человѣку крови животныхъ д-ръ Гезелліусъ въ своей, на дняхъ вышедшей изъ печати, брошюрѣ подъ заглавіемъ Menschenblut und Thierblut zur Transfusion in Menschen» *).

Такъ какъ выводы, къ которымъ на основаніи опытовъ приходитъ Гезелліусъ въ своей новой брошюрѣ насчетъ негодности для трансфузіи крови человѣка и несравненномъ преимуществѣ въ этомъ

*) До этой брошюры д-мъ Гезелліусомъ обнародовано было уже 3 брошюры объ этомъ же вопросѣ и всѣ три обратили на себя вниманіе врачей въ Германіи. Сколько намъ извѣстно, много опытовъ трансфузіи людямъ крови животныхъ сдѣлано было Оскаромъ *Гассе*, практикующимъ врачемъ въ Нордгаузенѣ, и какъ онъ сообщаетъ въ своей брошюрѣ „Die Lammblut-Transfusion beim Menschen" всѣ они увѣнчались блестящимъ успѣхомъ. Трансфузіи сдѣланы были больнымъ, для которыхъ нѣтъ никакихъ лекарственныхъ средствъ, какъ напримѣръ надъ *чахоточными*,—и состояніе ихъ, по увѣренію г. Гассе, улучшалось поразительно.

3) Вообще положеніе врача незавидно, даже мучительно, когда онъ въ случаяхъ, гдѣ жизни больнаго грозитъ большая опасность, въ состояніи помочь лишь тогда, когда благосклонная судьба пошлетъ ему благороднаго человѣка, который рѣшится сдѣлаться жертвою венесекціи.

4) *Покупать* кровь у бѣдняковъ значитъ оказать предпочтеніе богатству что въ принципѣ *безнравственно*.

5) Брать кровь въ больницахъ у больныхъ или у выздоравливающихъ—несправедливость, которой не долженъ себѣ позволять ни одинъ врачъ, стоящій на высотѣ гуманности.

В. Въ отношеніи къ гуманному кроводателю.

1) Кроводатель можетъ за таковую свою гуманность погибнуть отъ *послѣдовательнаго воспаленія венъ* (Phlebitis). Въ литературѣ

Библиотека "Руниверс"

указано много случаевъ phlebitis послѣ пустаго кровопусканія.

2) Кроводатель за таковую свою гуманность можетъ при неудачномъ кровопусканіи (гдѣ, не смотря на всю осторожность, вмѣстѣ съ веной поранена была подлежащая артерія) получить на всю жизнь *параличъ* руки. Въ литературѣ указано много подобныхъ случаевъ.

3) Кроводатель можетъ во время кровопусканія впасть въ *обморокъ* (Syncope) и въ немъ умереть. И такіе случаи отмѣчены въ литературѣ.

4) Даже вслѣдствіе неловкаго (спустя 24 часа послѣ сдѣланнаго кровопусканія) подчасъ непредотвратимаго движенія пораненной рукой, можетъ оторваться отъ начинающейся организоваться, въ сосудистой пробки маленькій *сгустокъ* крови, который, попавъ въ систему кровообращенія можетъ послужить причиною смерти гуманнаго кроводателя. И такіе случаи послѣ простаго кровопусканія указаны въ литературѣ.

5) Всякое кровопусканіе ослабляетъ человѣка, даже вполнѣ здороваго; у человѣка же хотя на видъ здороваго, но со скрытыми задатками органическаго разстройства легкихъ, даже послѣ умѣренной потери крови можетъ послѣдовать быстрое развитіе *чахотки*. И на такіе случаи мы находимъ указанія въ литературѣ. *Выводъ: изъ вышесказаннаго явствуетъ, что со стороны оператора негуманно, ради сомнительнаго исцѣленія больнаго, подвергать опасности жизнь здороваго человѣка.*

С. Въ отношеніи къ больному, получающему кровь.

1) Если для трансфузіи берутъ человѣческую кровь, то послѣдняя можетъ быть только *венозная;* по крайней мѣрѣ до сихъ поръ ни одинъ операторъ, вслѣдствіе чрезвычайной опасности артеріотомія (вскрытія артеріи), не отважился употреблять для этой цѣли *человѣческую артеріальную кровь*, которая одна только и могла бы удовлетворять самымъ идеальнымъ требованіямъ трансфузіи.

2) Человѣческая венозная кровь представляетъ собою уже подвергшуюся въ тѣлѣ сгоранію, бѣдную кислородомъ, богатую углекислотой, темную, обратно идущую кровь, содержащую въ себѣ *отжившіе* элементы ткани животнаго организма.

3) Въ силу этого венозная кровь оказываетъ *ничтожную* пользу при хроническихъ страданіяхъ, при отравленіи окисью углерода и другими газами, у утонувшихъ, повѣшенныхъ, задушенныхъ, пораженныхъ молніей и пр.

4) Вмѣстѣ съ переливаемой кровью больному можетъ быть привитъ *сифилисъ*. Подобный случай былъ у доктора Шатца, въ Лейпцигѣ, при одной произведенной имъ трансфузіи; кроводатель абсолютно не зналъ, что онъ еще одержимъ вторичнымъ сифилисомъ.

5) Вмѣстѣ съ переливаемой кровью можетъ быть также привита *чахотка*, если кровь берется у человѣка повидимому здороваго, но таящаго въ себѣ зародышъ органич. разстройства легкихъ; новѣйшія изслѣдованія дѣлаютъ такое предположеніе весьма вѣроятнымъ.

6) Если кроводатель, хотя бы и вполнѣ здоровый человѣкъ, привыкъ ежедневно употреблять спиртные напитки (все равно водку, пиво, или вино), то венозная кровь его, будучи болѣе или менѣе пропитана алкоголемъ, легко можетъ вызвать *токсическія* явленія у больныхъ, долго не употреблявшихъ никакихъ крѣпкихъ напитковъ, или же у женщинъ, большинство которыхъ совсѣмъ не употребляетъ вина. Подобный случай былъ у д-ра Конкато въ Болоньи въ 1869 г., гдѣ подвергшаяся трансфузіи женщина умерла въ припадкахъ остраго *отравленія*.

7) Человѣческую венозную кровь можно перелить больному не иначе, какъ съ помощью шприца или другаго какого нибудь болѣе или менѣе сложнаго аппарата; слѣдствіемъ этого бываетъ то, что весьма чувствительная кровь, выступившая изъ своего *естественнаго* вмѣстилища, венной трубки,—болѣе или менѣе измѣняется въ своемъ химическомъ составѣ. *Выводъ: въ силу вышеприведенныхъ 7-ми положеній дѣйствіе, человѣческой крови за исключеніемъ случаевъ острыхъ кровотеченій—должно быть признано весьма ничтожнымъ, нерѣдко обманчивымъ, а иногда и прямо вреднымъ.*

II. Для трансфузіи людямъ слѣдуетъ брать артеріальную кровь млекопитающихъ животныхъ.

А. Общее.

1) Гезелліусомъ былъ найденъ тотъ *естественный* законъ, въ силу котораго кровяная сыворотка нижеорганизованныхъ въ физическомъ и умственномъ отношеніи — млекопитающихъ *ни въ какомъ случаѣ* не можетъ разрушить, а еще менѣе растворить кровяныя тѣльца млекопитающихъ *высшеорганизованныхъ*; на этомъ основаніи трансфузія людямъ крови животныхъ, уже эмпирически оказавшаяся весьма благотворною, оправдывается также съ физіологической точки зрѣнія.

2) Кровяныя тѣльца низшихъ млекопитающихъ, попавъ въ кругъ кровообращенія высшеорганизованныхъ животныхъ, не подвергаются въ сывороткѣ послѣднихъ *никакимъ* измѣненіямъ, сопряженымъ съ ихъ раствореніемъ или разрушеніемъ; они прямо принимаютъ на себя ту же самую физіологическую работу, какую исполняютъ въ высшемъ организмѣ его собственныя кровяныя тѣльца. То же самое можно сказать и относительно кровяной сыворотки.

3) *Артеріальную* кровь слѣдуетъ брать только отъ такихъ животныхъ, которыхъ кровяныя тѣльца *меньше*, нежели кровяныя тѣльца человѣка; въ противномъ случаѣ послѣднія могутъ застрять въ узкихъ капиллярныхъ сосудахъ легкихъ, селезенки, почекъ и проч.; и произвести здѣсь гибельное дѣйствіе.

5) Всего удобнѣе для трансфузіи людямъ кровь отъ 2—3 мѣсячнаго ягненка, такъ какъ артеріальная кровь молодыхъ животныхъ силою сердечныхъ сокращеній прогоняется въ человѣческій организмъ медленнѣе, чѣмъ кровь болѣе взрослыхъ животныхъ.

7) Правило, по которому не слѣдуетъ брать для трансфузіи людямъ инородной крови, слѣдовательно крови животныхъ, имѣетъ основаніе лишь въ томъ случаѣ, если эту инородную кровь передъ трансфузіей подвергаютъ *дефибринаціи*; для *цѣльной* же инородной крови это правило (столь крѣпко укоренившееся ко вреду спасительной для цѣлаго ряда инымъ путемъ неизлечимыхъ болѣзней трансфузіи крови животныхъ) *ложно*.

В. Основанія.

1) Разъ признана будетъ цѣлесообразность трансфузіи крови животныхъ, не будетъ никакой надобности въ героической, нерѣдко (вслѣдствіе употребленія венозной крови) совершенно безполезной кровавой жертвѣ со стороны здороваго человѣка.

2) При трансфузіи крови животныхъ, мы имѣемъ, въ нашемъ полномъ распоряженіи, не скудную человѣческую венозную кровь, но *артеріальную*, алую, богатую кислородомъ и бѣдную углекислотой, вполнѣ свѣжую кровь ягненка, которую мы можемъ брать въ количествѣ, вполнѣ зависящемъ отъ нашего усмотрѣнія.

3) Трансфузіей овечьей крови нельзя перенести никакой ни человѣческой ни животной хронической *болѣзни* въ тѣло больнаго.

4) Въ госпиталяхъ и на полѣ сраженія можно теперь у большинства, дотолѣ считавшихся безнадежно погибшими, производить въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ одну только спасительную *артеріальную* трансфузію.

5) Артеріальная кровь ягненка перегоняется въ тѣло больнаго *непосредственно* силою сердечныхъ сокращеній животнаго и притомъ кровь перегоняется черезъ *естественное* ея вмѣстилище—черезъ отпрепарованную на разстояніи 4—6 дюймовъ и въ выступающую изъ раны артеріальную трубку, въ конецъ которой ввязана стеклянная канюль едва ½ дюйма длины, — вслѣдствіе этого всевозможные шприцы всякаго рода болѣе или менѣе дорогіе и сложные трансфузіонные аппараты становятся совершенно излишними; кромѣ того, при такомъ способѣ переливанія, артеріальная кровь животнаго, до ея вступленія въ вену больнаго, не подвергается измѣненію въ своемъ непрочномъ химическомъ составѣ.

6) Уже въ короткій періодъ времени лишь нѣсколькихъ мѣсяцевъ послѣ появленія сочиненія автора подъ заглавіемъ: Transfusion des Blutes. St. Petersburg 1873, которое пробудило вопросъ о переливаніи людямъ крови животныхъ отъ слишкомъ двухлѣтняго сна, — произведено было болѣе 40 непосредственныхъ трансфузій овечьей крови при хроническихъ *инымъ путемъ* неизлечимыхъ болѣзняхъ, и всѣ съ почти увѣнчались успѣхомъ, что служитъ самымъ блестящимъ доказательствомъ того, что первоначальная мысль старыхъ врачей о переливаніи человѣку крови животныхъ была и есть самая разумная.

7) Трансфузія артеріальной крови животныхъ, если она только производится *своевременно*, представляетъ могущественнѣйшее цѣлебное средство противъ болѣзней, въ основаніи которыхъ лежитъ хроническая анемія,—слѣдовательно ничѣмъ незамѣнимое средство противъ легочной чахотки и ея послѣдовательныхъ явленій.

8) Трансфузія артеріальной крови, вслѣдствіе предстоящей ей великой роли, должна доставить истинное душевное удовольствіе практикующему врачу на тяжеломъ поприщѣ, такъ какъ, благодаря ей, ему не придется столь часто отказываться помочь такимъ больнымъ, которымъ до сихъ поръ, не смотря на все желаніе, нельзя было ничѣмъ помочь, а приходилось сложа руки быть пассивнымъ свидѣтелемъ ихъ быстраго разрушенія. Кромѣ того и публика, при видѣ результатовъ даваемыхъ трансфузіею крови животныхъ, проникнется глубокимъ уваженіемъ къ представителямъ медицинской науки, къ которымъ она до сихъ поръ не питала особеннаго довѣрія.

Изъ приложеннаго рисунка, изображающаго операцію переливанія человѣку крови отъ ягненка, легко убѣдиться, что самое выполненіе этой операціи до нельзя просто, легко и безопасно; даже маленькій разрѣзъ кожи, который приходится сдѣлать больному для обнаженія его вены, производится д-мъ Гезелліусомъ совершенно безболѣзненно, такъ какъ онъ предварительно подвергаетъ мѣсто, гдѣ долженъ быть сдѣланъ этотъ разрѣзъ, дѣйствію эфирной души, лишающей кожу чувствительности. Вся операція вмѣстѣ съ переливаніемъ овечьей крови продолжается лишь нѣсколько минутъ.

Что касается послѣдовательнаго дѣйствія, производимаго перелитой овечьей кровью въ тѣлѣ больнаго человѣка, то оно обнаруживается слѣдующими физіологическими явленіями, весьма похожими на явленія, замѣчаемыя во время критическаго перелома какой нибудь острой воспалительной болѣзни. Явленія эти резюмируются авторомъ въ слѣдующихъ пунктахъ:

А. Во время трансфузіи,

1) Лицо больнаго покрывается потомъ; лицо, шея, туловище и верхнія конечности дѣлаются интенсивно красными, почти багровыми.

Библиотека "Руниверс"

2) Въ спинѣ и груди чувствуется жгучій жаръ, пульсъ замедляется, дѣлается твердымъ и полнымъ; всѣ вены вздуваются вслѣдствіе переполненія кровью.

3) Больной жалуется на тошноту, холодъ въ ногахъ и одышку. Появленіе 3-хъ послѣднихъ симптомовъ указываетъ на необходимость прекратить трансфузію, иначе можетъ развиться синюха.

Р. Послѣ трансфузіи.

4) Больной чувствуетъ боль въ крестцѣ, но боль эта очень скоро проходитъ.

5) Температура тѣла мало по малу поднимается, краснота постепенно исчезаетъ, самочувствіе больнаго весьма хорошо. Но спустя короткое время у больнаго появляется потрясающій лихорадочный ознобъ, который вскорѣ разрѣшается критическимъ жаромъ и потомъ. Послѣ этого больной чувствуетъ себя точно возрожденнымъ.

Всѣ эти явленія проходятъ въ періодъ времени около 6 часовъ, послѣ чего наступаетъ

6) Продолжительный крѣпкій *сонъ* даже у такихъ больныхъ, которые лишены были сна въ теченіе многихъ недѣль; сонъ этотъ освѣжаетъ до чрезвычайности.

7) У больныхъ, до того страдавшихъ изнурительными потами (наиболѣе истощающій симптомъ у чахоточныхъ), послѣдніе *исчезаютъ безслѣдно*.

8) У больнаго, даже если онъ долго отказывался отъ пищи, появляется волчій аппетитъ, составляющій весьма важный критерій для сужденій о степени его возстановленія; *питаніе* больнаго улучшается весьма поразительно, больной дѣлается бодрымъ до неузнаваемости.

Указанныхъ явленій *никогда* не бываетъ при переливаніи *человѣческой* венозной крови.

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
Барыня.
I.

Я желалъ бы обладать геніальнымъ перомъ автора «повѣсти о двухъ городахъ», чтобы достойно изобразить противуположность Петербурга относительно Москвы. Диккенсу, кромѣ неизмѣримаго дарованія, много помогало еще то обстоятельство, что Парижъ и Лондонъ, какъ столицы двухъ различныхъ не только національностей, а даже расъ,—католицизма и протестантства, идеаловъ и практики, легкомысленной вдовы Клико и солиднаго Портера, et cetera, et cetera,—рѣзко отличаются другъ отъ друга чрезвычайно крупными чертами. Питеръ и Бѣлокаменная связаны племеннымъ единствомъ, оттѣнки здѣсь должны быть тоньше, неуловимѣй—и однакожь едвали древняя столица Всея Руси менѣе разнится отъ нынѣшней резиденціи, чѣмъ вышеупомянутые европейскіе города между собою.

Начнемъ съ мелочей. Въ Петербургѣ уличный носильщикъ, съ какой нибудь доской на головѣ, еще издали кричитъ вамъ: «господинъ, господинъ, поберегитесь!»; въ Москвѣ разнощикъ, сбивъ съ васъ лоткомъ шляпу, равнодушно замѣчаетъ: «чего прешь-то зря? возьми глаза въ зубы!». Петербургскія горничныя одѣваются съ большимъ вкусомъ чѣмъ первыя щеголихи Москвы. Московскій надворный совѣтникъ стыдится дрожекъ и нанимаетъ пролетку, въ Петербургѣ сплошь и рядомъ генералы ѣздятъ въ омнибусѣ. Не смотря на то, что Москва вчетверо богаче Петербурга, тамъ до сихъ поръ еще *покупаютъ воду* и показываютъ царь-пушку; сѣверная пальмира въ теченіи одного года разобьетъ цѣлый паркъ на громадной площади, поставитъ величественный памятникъ своему прошлому, блистательно приметъ двухъ-трехъ императоровъ—и забудетъ все это на другой же день. Вся Москва соболѣзнуетъ или негодуетъ, если одному изъ ея купеческихъ сынковъ потрафится проиграть въ карты на Ниже-городской ярмаркѣ десятка-два тысячь,—а удастся кому нибудь богадѣльню открыть или что нибудь построить, такъ ужь онъ ломается-ломается, точно міръ осчастливилъ; въ Петербургѣ только близкіе знакомые знаютъ, что такому-то такая-то стоитъ четвертъ мильона въ годъ, причемъ этотъ господинъ кичится ничуть не больше ежедневнаго потребителя полдюжины пива,—общественная же дѣятельность, какъ извѣстно, просто заѣла петербуржцевъ. Все что задумывается въ Москвѣ такъ бы и оставалось одною думою, еслибъ суетливый Питеръ не захватывалъ ее въ свои руки. Въ Бѣлокаменной на зло поговоркѣ: «Москва бьетъ съ носка» благополучнѣйше существуютъ сотни шутовъ, приживалокъ и всякихъ небокоптителей; Петербургъ въ этомъ отношеніи — пробный камень: развѣ чудомъ—и то не больше году продержится въ немъ личность, неспособная къ работѣ. Въ Москвѣ можно годы жить воображая себя и даже слывя громадною силою въ какомъ угодно смыслѣ, въ Петербургѣ человѣкъ до чиста разоблачается на первыхъ же порахъ. Москва, отличающаяся крайнею нетерпимостью на словахъ, уживается съ самыми разнохарактерными слоями своего населенія; Петербургъ, до nec plus ultra либеральный въ своихъ журналахъ, сразу кладетъ свое однообразное тавро на всѣхъ переселенцевъ въ его нѣдра — и замѣчательно что москвичи въ этомъ отношеніи скорѣе другихъ увлекаются общимъ потокомъ, являясь plus royalistes que le roi. Я и позволилъ-то себѣ это длинное отступленіе лишь съ тою цѣлью, чтобы перемѣна въ образѣ жизни моихъ героевъ была понятнѣе читателю, а потому и закончу быть можетъ нѣсколько парадоксальнымъ замѣчаніемъ, что Москва—по преимуществу городъ *барышень* и мысли, Петербургъ же—дѣла и *барынь*.

Прошло года три съ тѣхъ поръ, какъ я прибылъ въ Петербургъ,—а между тѣмъ, не смотря на всѣ ощутительныя выгоды и удобства жизни, я все еще чувствовалъ себя какъ на бивуакахъ. Оборотная сторона медали, совершенно исчезающая въ первомъ ослѣпительномъ впечатлѣніи сѣверной столицы, все чаще и чаще давала себя чувствовать—и я понялъ, почему русскій человѣкъ ѣдетъ работать въ Петербургъ, а зашибивъ копейку возвращается жить въ Москву. Я привыкъ чтобъ голова и сердце находились въ возможно полномъ равновѣсіи, а тутъ вся жизнь уходитъ въ безпощадную борьбу за существованіе. На каждомъ шагу, лица озабоченныя, сторожкія, черствыя,—покрайней мырѣ въ тѣхъ сферахъ, гдѣ мнѣ пришлось постоянно вращаться.

Нуженъ былъ отдыхъ—и я уже начиналъ подумывать о поѣздкѣ на родину, какъ вдругъ случай толкнулъ меня въ самую кипѣнь петербургскихъ веселыхъ кружковъ.

Разъ какъ-то, въ часы моихъ предобѣденныхъ визитовъ, пронизывающая мятель загнала меня въ Пассажъ. Бродя по зеркальнымъ галереямъ, въ которыя дикій съ острововъ Тихаго Океана можетъ прибыть въ національномъ прародительскомъ костюмѣ и черезъ часъ выйдти оттуда tiré à quatre epingles, покуривая сигару послѣ хорошаго обѣда, съ дамой подъ руку если угодно, — я вдругъ натолкнулся на типическую фигуру москвича въ енотовой шубѣ и высокихъ сапогахъ. Лицо мнѣ показалось знакомымъ—мы оба посмот-

Библиотека "Руниверс"

рѣли другъ вдругу въ глаза, разошлись, обернулись—взглядѣлись хорошенько...

— Тароватовъ!

— Докторъ, это ты?!..

Мы обнялись. Нахмуренное лицо моего пріятеля, сбивавшее меня съ толку при первой встрѣчѣ, прояснилось широкой улыбкой—и я увидалъ прежняго Михайлу Иваныча.

— Давно ли въ Петербургѣ? какими судьбами?

— Скоро полгода... неохотно проговорилъ Тароватовъ,—я тутъ съ женой...

— Женатъ ужь? каково!.. и на комъ же? неужели на Бэтси?.. Извини, впрочемъ... привычка!..

— Ну, разумѣется, на Лизаветѣ Николаевнѣ! проницательности тутъ особенной не нужно... Да чтожь мы тутъ стоимъ на народѣ? Пойдемъ слякоти поглотаемъ чтоли... раздавимъ флакончикъ? а? идетъ?

Мы выходили на панель Невскаго.

— Или ты можетъ-быть какъ всѣ здѣшніе? вдругъ подозрительно пріостановился Тароватовъ, — пожалуй думаешь: вотъ навязался!..

— Да что ты за чудакъ сталъ, Михайло!.. я право, не узнаю тебя!..

— Ну, то-то смотри!.. Эй, давай! крикнулъ онъ по-московски.

Превосходный вороной рысакъ остановился передъ нами, роя копытомъ снѣгъ; голубая бархатная шапка кучера и легкія плетеныя сани кинулись мнѣ въ глаза.

— Ты и здѣсь лошадей держишь? проговорилъ я съ удивленіемъ.

— Лошадей-лошадей!.. могло ли кого я держу!... проворчалъ Тароватовъ,—лошади что!..

Недоброе предчувствіе шевельнулось во мнѣ, пока Михайло Иванычъ уступалъ мнѣ первому мѣсто—и обѣжалъ кругомъ саней....

— Ужь ты, братъ, какъ хочешь, садись съ правой стороны! говорилъ онъ мнѣ, подмащиваясь къ моему боку,—я хоть и безъ сабли, да все неловко—успѣлъ привыкнуть!.. Будь мнѣ за даму...

Пять минутъ минутъ спустя мы уже сидѣли въ отдѣльномъ кабинетѣ у Эрбера, передъ бутылкой замороженнаго вина и нѣсколькими десятками устрицъ, открытыхъ *на глубокую сторону*, по приказу Михайлы Иваныча...

— Что же это мы о сю пору съ тобою не встрѣчались? началъ я, чокаясь.

— Ну, да гдѣжь тебѣ тамъ бывать, гдѣ я бываю!—ты чай занятъ съ утра до ночи? А вѣдь мы—люди вольные... Ты не сердись впрочемъ, что я тебя не разыскалъ—откровенно говорю: не до того было—собирался-то собирался...

Я инстинктивно чувствовалъ, что не слѣдовало напоминать ему о домѣ, а между тѣмъ оно и невѣжливо становилось...

— Ну, какъ же твоя жена поживаетъ?

— А что жена? какая есть—дѣлать нечего! перебилъ онъ,—жена не гусли—поиграви не повѣсишь!..

Онъ принужденно засмѣялся, завѣсилъ салфеткой грудь и принялся жевать устрицу за устрицей.

— Да ты шутишь... или въ самомъ дѣлѣ каешься!

— Эхъ, ты простота!.. Ну, съ какой стати сталъ бы я тебѣ жаловаться?.. заговорилъ онъ опять, подливая мнѣ шампанскаго и наполняя свой опорожненный стаканъ,—это вовсе не въ моихъ правилахъ, да Лизавета Николаевна и не подаетъ ни малѣйшаго поводу... А такъ ужь это — въ воздухѣ чтоли носится: женится человѣкъ—и станетъ ни съ того, ни съ сего циникомъ... Замѣчалъ ты это?

— Какъ не замѣчать—отъ тебя только не ожидалъ!

— А ты не всякое лыко въ строку—это я съ голодухи... Богъ ужь теперь гораздо лучше себя чувствую!.. Знаешь что: мнѣ еще нужно кое-куда заѣхать, а ты ступай себѣ прямо къ намъ—Лиза будетъ очень рада... Я скорехонько... вмѣстѣ отобѣдаемъ, коли непрочь? а?..

— Непрочь-то я непрочь, это само собой разумѣется!.. только ты что-то не похожъ на прежняго Тароватова... можетъ быть и Лизавета Николаевна измѣнилась?.. Скажи же по дружески, какъ мнѣ держать себя у васъ—я терпѣть не могу глупыхъ положеній..

— Мало ли что!.. а ты женись—привыкнешь! засмѣялся Михайла Иванычъ,—ты говоришь—измѣнилась? конечно, даже не узнать! но ты не пугайся—не въ родѣ Софи Сметанкиной, напротивъ: совсѣмъ петербуржанка стала—и знаешь, прежней этой удали самый слѣдъ простылъ: кроткая такая, добрая, задумчивая стала...

При послѣднихъ словахъ, голосъ Михайлы Иваныча отозвался чѣмъ-то глубоко-признательнымъ, трогательнымъ...

—Все это не то... счастливъ ты наконецъ? проговорилъ я.

— Смотря по тому, что ты называешь счастьемъ?... Если оно значитъ имѣть возлѣ себя существо уступчивое, невзыскательное, заботящееся по мѣрѣ силъ о твоемъ комфортѣ и съ которымъ наконецъ можно быть вполнѣ спокойнымъ за свое доброе имя... въ такомъ случаѣ все это есть, докончилъ Тароватовъ, залпомъ выпивая свой стаканъ.

— Послушай, Михайло, побойся Бога!.. Чего же тебѣ еще въ самомъ дѣлѣ?.. рожна чтоли?..

— Предположимъ, ты женился бы на этой устрицѣ... сказалъ мой пріятель, подвинувъ мнѣ одну изъ самыхъ крупныхъ раковинъ.

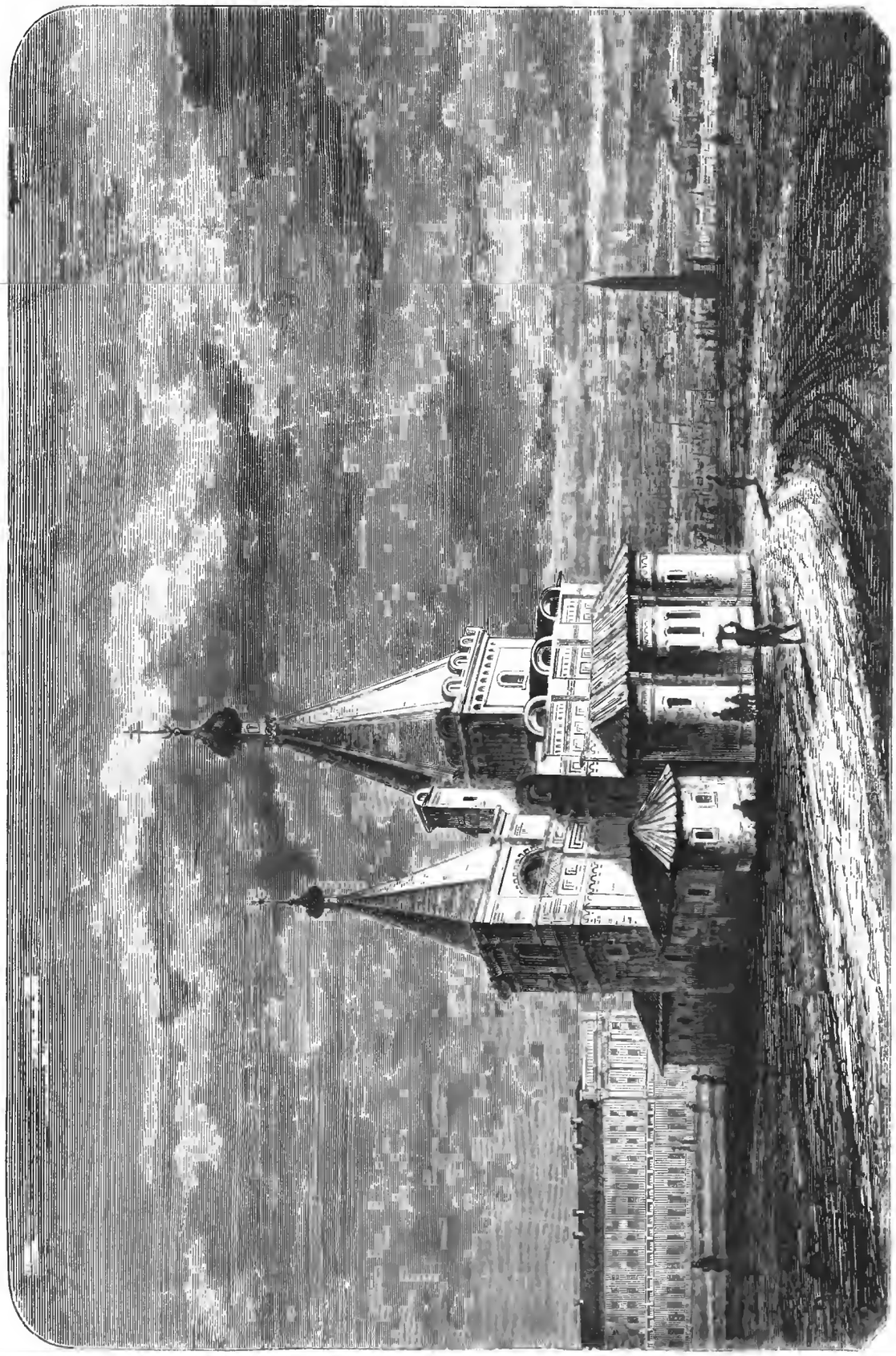
— Ну?

— Ну, кромѣ рожна, какъ ты говоришь, все это ровенехонько было бы и у тебя, серьозно проговорилъ Тароватовъ, вставъ и подавая мнѣ свою карточку,—поѣзжай, поѣзжай, бука ты этакій!.. Не бойся, это я такъ только по духу противорѣчія, на твои же слова возразилъ,—а дѣла наши вовсе не такъ плохи. Счастье такъ скоро не складывается—и на зло твоимъ предсказаніямъ—помнишь?—я еще не отчаяваюсь...

У подъѣзда мы разстались. Онъ отправился по дѣламъ, а я поѣхалъ отыскивать его квартиру, скорѣе изъ любопытства, чѣмъ съ удовольствіемъ Для меня уже не существовало ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что пріятель мой серіозно и глубоко несчастливъ.

На одной изъ лучшихъ улицъ, въ громадномъ домѣ, по парадной лѣстницѣ, заставленной цвѣтами, швейцаръ указалъ мнѣ квартиру въ бельэтажѣ, которая, къ удивленію моему, оказалась не только отпертою, но самая дверь въ нее была не затворена; дощечка съ фамиліей Тароватова сіяла на этой двери, я вошелъ и, самъ повѣсивъ свое пальто на вѣшалку, безпрепятственно проникнулъ въ залу. Сумерки зимняго обѣденнаго часа какъ-то мягко разгонялъ затопленный каминъ—и двойное освѣщеніе точно пригрѣвало пустую комнату, скользя на паркетномъ полу, по круглому столу накрытому на четыре прибора, по крышкѣ небольшаго рояля, по изгибамъ буковой мебели, по рамѣ большаго простѣночнаго зеркала. Въ громадномъ цѣльномъ стеклѣ его вкось отражалась почти вся гостиная, залитая матовымъ свѣтомъ лампъ—я невольно заглядѣлся на эту картину. Среди всевозможныхъ затѣй, доставляемыхъ магазинами Кумберга и Штанге, въ самой замысловатой путаницѣ бронзовыхъ канделябръ и карселей, изящныхъ жардиньерокъ съ рѣдкими цвѣтами, патэ, козетокъ, эсовъ, разбросанныхъ на мохнатомъ коврѣ въ всю комнату, я наконецъ отыскалъ глазами наиболѣе интересное мнѣ — хозяйку этого прелестнаго уголка. Тароватовъ былъ правъ: то была *она* и *не она* вмѣстѣ; мнѣ кажется, проживи я еще полвѣка—и тогда не забуду этого впечатлѣнія, въ особенности лица ея. Лизавета Николаевна полулежала въ креслѣ, скрестивъ руки на груди и глядя на дверь гостиной, въ которую мнѣ пред-

Библиотека "Руниверс"



Соборъ архистратига Михаила въ Нижнемъ Новгородѣ. Съ акварели профессора Боголюбова рис. Космаковъ, грав. Болгскій.

Библиотека "Руниверс"

стояло войдти. Въ зеркалѣ это выходило такъ, что ея большіе грустные глаза уставились прямо на меня съ какимъ-то за сердце хватающимъ выраженіемъ безъисходной подавленной скорби,—а между тѣмъ они смотрѣли твердо и смѣло. Но какъ прекрасно стало это смуглое, слегка похудѣвшее лицо!.. Красота его такъ сказать осмыслилась, черты приняли строго изящную опредѣленность—словомъ, передо мной возникала женщина, уже извѣдавшая какую-то существенную горечь... «Такъ вотъ она—дѣйствительная-то жизнь»! какъ бы сквозило въ задумчивомъ ея взглядѣ, обращенномъ ко мнѣ изъ глубины зеркала...

Я потому останавливаюсь на этомъ описаніи, что первое впечатлѣніе долго впослѣдствіи сбивало меня съ толку, не допуская мысли о томъ, что изъ Лизаветы Николаевны могла выработаться *барыня*.

Меня вывелъ изъ созерцанія знакомый голосъ.

— Михайло Иванычъ! окликнули меня изъ гостиной,—нѣтъ?.. не онъ?.. кто же тамъ?..

Мягко зашелестило платье на лощеномъ полу и въ дверяхъ появилась тонкая, стройная, гибкая фигура Лизаветы Николаевны.

— Боже мой, докторъ!.. можно ли такъ пугать людей? ласково засмѣялась она, протягивая мнѣ руку,—сколько лѣтъ сколько зимъ—и вдругъ точно съ облаковъ изъ петербургскаго тумана!... Людишки мои вѣрно опять разбѣжались—никакого слада съ ними нѣтъ... Ну, здравствуйте!.. какъ это вы вспомнили?.

— Сейчасъ только встрѣтилъ вашего мужа, проговорилъ я, цалуя ея руку.

— То-то мужа!—безъ него не догадались бы?.. А вотъ я не въ васъ, говорила она идя въ гостиную,—я не разъ говорила Михайлѣ Иванычу, что надо бы разыскать васъ...

— А вы мужа зовете Михайло Иванычемъ?

— Какъ же его зовутъ? спокойно переспросила Лизавета Николаевна—и не дождавшись отвѣта, сильно позвонила въ ударный колокольчикъ.

Изъ дальнихъ внутреннихъ комнатъ наконецъ выбѣжала молоденькая горничная.

— Вѣдь вы съ нами обѣдаете, докторъ, ça va sans dire? Глаша распорядитесь, еще приборъ... уронила Лизавета Николаевна, лѣниво опускаясь въ глубокое мягкое кресло,—ну-съ, извольте занимать меня, я на этотъ счетъ еще плохая хозяйка... разсказывайте мнѣ о себѣ... да побольше...

Мнѣ хотѣлась бы самому распросить ее, но тайный голосъ удерживалъ меня. Не смотря на всю ея любезность и напускную игривость, впечатлѣніе зеркала стояло въ моей головѣ и подсказывало, что бывшая Бэтси едвали не вдвое несчастливѣй моего пріятеля.

(Продолженіе будетъ).

Соборъ Архистратига Михаила въ Нижнемъ Новгородѣ.

Соборъ Архистратига Михаила, или, какъ онъ называется, Архангельскій соборъ, есть самый древній храмъ Нижняго Новгорода; основаніе его относится къ 1221 году. Онъ былъ построенъ, сначала деревянный, св. великимъ княземъ владимірскимъ Юріемъ Всеволодовичемъ; потомъ, по словамъ нижегородскаго лѣтописца, въ 1227 г. онъ былъ перестроенъ въ каменный и наименованъ соборомъ.

Константинъ Васильевичъ, переведя въ 1350 г. престолъ свой изъ Суздаля въ Нижній и построивъ главную святыню Земли Низовской—соборный храмъ Преображенія, обратилъ Архангельскій соборъ въ свою придворную церковь. Сынъ Константина Андрей, въ 1359 г., перестроилъ эту церковь заново, но въ княженіе Дмитрія Константиновича, она была разграблена и сожжена, какъ и другіе храмы, во время нашествія татаръ на Нижній; послѣ этого она была возобновлена и стояла до 1620 года. Въ этомъ году, по повелѣнію царя Михаила Ѳеодоровича, была поправлена, потому что уже начала клониться къ разрушенію. Въ эту поправку старинные своды церкви были разобраны и верхъ сдѣлалъ шатромъ.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, въ 1672 г. къ церкви былъ пристроенъ придѣлъ во имя св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ во время чумы въ 1658 г. священники Архангельскаго Собора хоронили мертвыхъ.

Въ 1704 г. пожаръ снова опустошилъ Архангельскій Соборъ и служеніе въ немъ прекратилось на цѣлыхъ 28 лѣтъ. Онъ опять былъ обновленъ только въ 1732 г. Иконостасъ, устроенный въ немъ за эту поправку, существуетъ и до настоящаго времени.

Архангельскій соборъ не обширенъ, съ шатрообразнымъ каменнымъ верхомъ, оканчивающимся одной главой, которая первоначально была покрыта зеленой черепицей, и увѣнчана большимъ прорѣзнымъ крестомъ,—а впослѣдствіи, въ поправку, произведенную въ 1845 г., была выкрашена голубой краской и украшена звѣздочками.

Алтарь этого храма ниже самыхъ стѣнъ и выходитъ изъ нихъ тремя полукруглыми выступами; окна съ желѣзными рѣшетками и ставнями, низенькія и узкія; ширина ихъ не болѣе 5 вершковъ.

Съ южной стороны собора пристроенъ низенькій придѣлъ съ колокольней, оканчивающейся маленькой каменной главой съ крестомъ—принадлежащимъ, судя по полумѣсяцу, находящемуся въ нижнемъ концѣ его, ко времени татарскаго владычества. Съ сѣверной стороны также сдѣлана маленькая пристройка; во времена намѣстничества въ ней была кладовая, въ которой хранилось серебро и разныя драгоцѣнности намѣстниковъ,—въ настоящее же время она служитъ сторожкой.

Между колокольней и шатромъ церкви, устроена четырехъугольная башенка, ходъ въ которую сдѣланъ внутри церковныхъ стѣнъ. Встарину, во время непріятельскихъ набѣговъ, съ нея дѣлались наблюденія надъ дѣйствіями враговъ.

Внутренность главнаго храма, какъ вообще всѣхъ старинныхъ церквей, нѣсколько мрачна,—почему шатеръ, возвышающійся надъ серединой храма, какъ бы теряется въ высотѣ; это еще болѣе возвышаетъ красоту иконостаса, и также очень выгодно для стѣнной живописи, исполненной художникомъ Желѣзновымъ. На сѣверной стѣнѣ представленъ Архангелъ Михаилъ поражающій змія, на текстъ Апокалипсиса: *«и бысть брань на небеси, Михаилъ и ангели его брань сотвориша со зміемъ, и змій брася и ангели его.»*

Иконостасъ—четырехъярусный, золоченый; въ нижней части, на лѣвой сторонѣ отъ царскихъ вратъ, въ немъ помѣщается образъ Собора Архистратига Михаила, въ серебряной ризѣ.

У праваго клироса стоитъ рѣзной кіотъ орѣховаго дерева съ позолотой, въ коемъ находится большой образъ Архистратига Михаила въ богатой серебряной съ позолотой ризѣ.

По южной и сѣверной стѣнамъ стоитъ много иконъ стариннаго письма; западная стѣна занята хорами, которые поддерживаются колоннами.

Особенныя достопримѣчательности этого храма слѣдующія.

1) Три потира, изъ коихъ два очень маленькіе, дискосъ и звѣздица, лжица, дарохранительница, дароносица и два блюдца, древность которыхъ доходитъ, какъ есть основаніе думать, до перваго основанія храма.

2) Двѣ старинныя иконы огромнаго размѣра; первая, стоящая у южной стѣны, печерской Божіей Матери съ предстоящими св. Антоніемъ и Ѳеодосіемъ; вторая—на сѣверной сторонѣ, Архистратига Михаила, являющагося Іисусу Навину; этотъ образъ украшенъ большимъ серебрянымъ вызолоченнымъ вѣнцомъ и жемчужной гривной.

3) Колокольчикъ — мѣдный съ примѣсью серебра, вѣсомъ отъ 4—5 фунтовъ; его также относятъ къ числу вещей принадлежащихъ къ основанію храма.

4) Священническое облаченіе, называемое *княжескимъ*; преданіе говоритъ, что оно сдѣлано изъ одеждъ князей нижегородскихъ.

5) Старинная плащаница, шитая на шелковой матеріи шелками и золотомъ.

6) Мраморный подсвѣчникъ.

За клиросами возвышаются каменные саркофаги, обнесенные желѣзными рѣшетками старинной работы; подъ ними погребены: Василій Юрьевичъ, послѣдній великій князь нижегородскій, получившій въ 1446 г. отъ Дмитрія Шемяки въ независимое владѣніе Нижній Новгородъ; сынъ его Іоаннъ, владѣвшій Нижнимъ и Суздалемъ въ качествѣ присяжника государей московскихъ; Василій Симеоновичъ Кирдяпа, внукъ Димитрія Константиновича, умершій въ 1304 г.; Іоаннъ Васильевичъ, отказавшійся въ 1448 г. отъ Нижняго Новгорода въ пользу Василія Темнаго, и еще князья: Петръ, Зиновій, Зосима и Іона (послѣдніе два иноки) и княгиня Ирина. Въ 1816 г. на паперти собора сдѣлана надпись, гласящая: «Древле Низовскою Землею владѣли идолопоклонники Мордва. Благочестивый великій князь, нынѣ духомъ въ Богѣ, а нетлѣннымъ тѣломъ своимъ въ градѣ Владимірѣ почивающій, Георгій Всеволодовичъ Владимірскій, дабы обезпечить княжескія свои владѣнія отъ набѣговъ сосѣдственныхъ народовъ, заложилъ въ

Библиотека "Руниверс"

6707 г. на устьѣ рѣки Оки градъ, нарекъ имя ему Нижній Новгородъ и т. д.

Дальше слѣдуетъ описаніе храма.

Архангельскій Соборъ имѣлъ отъ разныхъ государей жалованныя граматы, въ томъ числѣ отъ великаго князя Василія Іоанновича и царей Іоанна Грознаго, Василія Шуйскаго въ 1606 г. и Михаила Ѳеодоровича въ 1613 году.

Въ день Архистратига Михаила, 8-го ноября, въ этотъ соборъ изъ Преображенскаго бываетъ крестный ходъ.

Съ образованіемъ въ Нижнемъ Новгородѣ 4-го учебнаго Карабинернаго полка, Архангельскій соборъ сдѣланъ полковымъ соборомъ.

Нашъ рисунокъ представляетъ его съ частью площади, на которой онъ построенъ.

Политическое обозрѣніе.

Кромѣ событій въ Испаніи, общественное вниманіе въ Западной Европѣ сосредоточивается теперь на двухъ новѣйшихъ явленіяхъ, совершающихся въ политической жизни Англіи и Германской имперіи. Мы разумѣемъ здѣсь: паденіе министерства Гладстона, уступившаго своего мѣсто консервативному министерству Дизраэли, и борьбу германскаго правительства противъ католицизма, который заявляетъ себя самымъ рѣшительнымъ противникомъ только-что зародившейся срединной имперіи. Извѣстно, что возсозданіе германской имперіи, совершившееся подъ громъ блистательныхъ побѣдъ Пруссіи (сначала надъ австрійцами, а потомъ и надъ французами), осуществилось лишь благодаря особенно благопріятнымъ внѣшнимъ и внутреннимъ условіямъ, причемъ дѣло не обошлось безъ разныхъ искуственныхъ мѣръ и натяжекъ со стороны той партіи, которая политическое могущество государства ставитъ выше его спокойствія внутри. Вновь образованный тогда, германскій парламентъ большинствомъ голосовъ своихъ доставлялъ правительству надежную подержку во всѣхъ его мѣропріятіяхъ на пользу объединенія Германіи; а потому имперскому канцлеру, князю Бисмарку, оставалось только предлагать на разсмотрѣніе парламента проекты тѣхъ реформъ, которыя, по его мнѣнію, могутъ скорѣе и вѣрнѣе привести къ осуществленію давнишней мечты національно-либеральной партіи Германіи. Но удовлетворяя большинству общественнаго мнѣнія, князь Бисмаркъ, а съ нимъ и вся палата, мало-по-малу возстановляли противъ себя менѣе сильную, но столь-же единодушную партію католическаго духовенства. Это послѣднее увидѣло во вновь-зародившейся имперіи усиленіе государственной власти насчетъ власти духовной, ревниво отстаивающей свое вліяніе на паству не только въ дѣлахъ совѣсти, но и въ политическихъ. А такъ-какъ, съ другой стороны, возсозданіе Германской имперіи, съ Пруссіей во главѣ, и побѣда надъ Франціей, которая, по словамъ клерикальныхъ газетъ, есть самая крѣпкая защитница католической церкви, равнозначущи съ торжествомъ протестантизма надъ католицизмомъ,—то отсюда, само собою, становится понятнымъ явно-враждебное отношеніе ко всякимъ объединительнымъ попыткамъ, проглядывающее во всѣхъ дѣйствіяхъ католическаго духовенства Германіи въ его борьбѣ съ правительствомъ. Чтобы положить предѣлъ всяческимъ злоупотребленіямъ со стороны духовныхъ, правительство вознамѣрилось цѣлымъ рядомъ законовъ ограничить права духовенства и его вліяніе на паству, особенно въ дѣлахъ политическихъ. Парламентъ утвердилъ эти законы, и они вступили въ силу. Но тутъ-то и начинается самый разгаръ борьбы. Раздраженное новыми мѣрами правительства, вырывавшими изъ рукъ его право господства надъ массою невѣжественнаго народа, высшее католическое духовенство выступаетъ на путь открытаго противодѣйствія правительству: не признаетъ новыхъ церковныхъ законовъ, предписывая это-же самое и своимъ подчиненнымъ, подстрекаетъ народъ къ непокорновенію, ведетъ дѣятельную агитацію въ разныхъ слояхъ населенія, употребляя для этого угрозы, обманъ, застращиваніе и проч.,—однимъ словомъ, заявляетъ себя, какъ самая дѣятельная политическая партія, которая, для торжества своихъ идей и стремленій, не остановится ни передъ какими средствами. Такое положеніе, принятое католической партіей, становится для правительства тѣмъ опаснѣе, что члены ея, стѣсненные новыми церковными законами и различными преслѣдованіями правительства, должны дѣйствовать тайно, подкопами, обманывая и властей, и общество насчетъ истинныхъ своихъ цѣлей и намѣреній. Зная очень хорошо желѣзную волю князя Бисмарка, который не легко отступаетъ отъ своихъ принциповъ, клерикалы-католики рѣшились всѣми силами способствовать торжеству своей партіи въ германскомъ парламентѣ и для этого предприняли самую дѣятельную агитацію на недавнихъ выборахъ членовъ въ Рейхсратъ. И усилія ихъ не остались напрасны: вмѣсто 62 представителей католической партіи бывшихъ въ прежнемъ Рейхсратѣ, ихъ будетъ теперь около 100, что, вмѣстѣ съ представителями Эльзаса и Лотарингіи, также враждебными правительству, составитъ болѣе *трети* всего германскаго парламента. Конечно, такая сила не можетъ еще безпокоить правительство, располагающее болѣе чѣмъ двумя третями голосовъ въ палатѣ; тѣмъ не менѣе, оппозиція католиковъ, какъ и вообще всякая оппозиція, не будетъ особенно пріятна князю Бисмарку. Дѣйствительно, уже изъ первыхъ извѣстій объ открытіи парламентской сессіи, видно, какого рода борьба предстоитъ германскому правительству, поддерживаемому національно-либеральной и консервативно-протестантской партіями, противъ враждебныхъ ему партій въ Рейхсратѣ, а слѣдовательно и во всей имперіи. Враговъ же у новой имперіи не мало: самые опасные изъ нихъ—это католики, дѣйствующіе преимущественно въ Баваріи, Силезіи, Познани и Рейнскихъ провинціяхъ; за ними слѣдуютъ эльзасцы и лотарингцы, въ особенности же тѣ изъ нихъ, которые симпатизируютъ Франціи и считаютъ присоединеніе двухъ завоеванныхъ провинцій къ Германской имперіи за открытое нарушеніе международнаго права и за непризнаніе политическихъ правъ народа, — у котораго не было даже спрошено, желаетъ ли онъ присоединиться къ новой имперіи, или же предпочитаетъ остаться по прежнему въ подданствѣ Франціи; наконецъ, партія соціалистовъ (преимущественно въ большихъ мануфактурныхъ и торговыхъ городахъ Сѣверной Германіи), на которую впрочемъ правительство смотритъ болѣе снисходительно, нежели на всѣ остальныя, непріязненныя ему, партіи, и даже старается перетянуть ее на свою сторону, основываясь, вѣроятно, на пословицѣ, что «изъ двухъ золъ надо выбирать лучшее». Несмотря однако на противодѣйствіе чуть не со всѣхъ сторонъ, правительству удалось провести въ Рейхератѣ нѣсколько замѣчательныхъ законовъ, какъ напр. законъ о гражданскомъ бракѣ (въ Прусскомъ сеймѣ), принятый съ условіемъ, чтобы духовенство было вознаграждено за убытки, которые оно должно будетъ понести отъ введенія этой мѣры; отклонено предложеніе депутатовъ отъ Эльзаса и Лотарингіи, настаивавшихъ на томъ, чтобы населеніе этихъ провинцій было спрошено всеобщей подачей голосовъ о своемъ желаніи или нежеланіи присоединиться къ Германской имперіи; наконецъ, подготовляется еще весьма важный дополнительный законопроектъ о предоставленіи духовенству права выбора лицъ на мѣста епископовъ, для занятія духовныхъ должностей вмѣсто тѣхъ, которыхъ смѣстило правительство вслѣдствіе ихъ политической неблагонадежности, какъ напр. архіепископа познанскаго, графа Ледоховскаго. Эта послѣдняя исторія въ свое время надѣлала много шуму и до сихъ поръ еще продолжаетъ занимать умы: архіепископа познанскаго, за его непризнаніе новыхъ церковныхъ законовъ и вообще за открытое противодѣйствіе правительству, не только лишили должности, но даже подвергли аресту, заключивъ въ тюрьму во Франкфуртъ-на-Одерѣ. Можно себѣ представить, какое впечатлѣніе должно было произвести это событіе на весь католическій міръ вообще и на католическое духовенство Германіи въ особенности! Заключеніе въ тюрьму архіепископа стяжало ему, безъ особеннаго съ его стороны труда, вѣнецъ мученическій въ глазахъ всѣхъ вѣрныхъ католиковъ; съ разныхъ сторонъ ему шлютъ адресы и выраженія глубокаго соболѣзнованія; духовенство носитъ трауръ; въ нѣкоторыхъ церквахъ предполагается даже прекратить богослуженіе... Правительство съ понятнымъ безпокойствомъ взираетъ на всѣ эти манифестаціи и, ввидѣ уступки противной партіи, рѣшилось дозволить заключенному нѣкоторыя льготы и облегченія его участи. Впрочемъ, эта крутая мѣра противъ главы католической церкви въ Познани не одобряется и благомыслящими людьми изъ партіи умѣренныхъ либераловъ: они совершенно справедливо порицаютъ этотъ поступокъ, находя, что правительство, идущее въ уровень съ вѣкомъ и желающее стоять на дѣйствительно-либеральной почвѣ, должно быть сильно не репрессивными мѣрами, а своимъ нравственнымъ вліяніемъ въ странѣ, пріобрѣтаемымъ умѣренностью, терпимостью и снисходительностью ко всему, что такъ или иначе идетъ въ разрѣзъ съ его собственными видами и предначертаніями. Рѣшеніемъ окружнаго суда въ Познани, которымъ архіепископъ приговоренъ къ уплатѣ 8,000 талеровъ (болѣе 7,000 р. по нормальному курсу) пени, дѣло далеко не можетъ считаться покончеиным, такъ-какъ подсудимый не пожелалъ ни явиться на судъ, ни дать своей подписи,—и этимъ показалъ, что не признаетъ надъ собой свѣтской судебной власти. Положеніе вещей такимъ образомъ усложняется, а потому въ настоящее время трудно сказать, какой выходъ изъ этого положенія найдетъ для себя германское правительство.

Совсѣмъ иное произошло въ послѣдніе полтора мѣсяца въ Англіи. Если въ Германіи мы видимъ, что правительство, уступая требованіямъ общественнаго мнѣнія, предпринимаетъ цѣлый рядъ болѣе или менѣе либеральныхъ мѣръ и этимъ вызываетъ цѣлую бурю въ лагерѣ католицизма и всевозможныхъ обскурантовъ,—то въ Англіи, напротивъ того, министерство оказывается настолько уже прогрессивнымъ, что внушаетъ даже опасенія либеральному большинству націи, которому оно обязано своимъ избраніемъ. Это замѣчательное событіе произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ. Шесть лѣтъ тому назадъ, нація призвала на постъ перваго министра—знаменитаго своего государственнаго дѣятеля Гладстона, либерала по убѣжденію, человѣка весьма способнаго и краснорѣчиваго. Составленное имъ тогда-же министерство отличалось примѣрнымъ единодушіемъ, послѣдствіемъ чего были замѣ-

Библиотека "Руниверс"

чательно-хорошее управленіе страной (въ особенности со стороны финансовой) и довѣріе націи къ своимъ избранникамъ. Но съ теченіемъ времени связь между различными либеральными группами въ парламентѣ, поддержкою которыхъ пользовалось сначала министерство, стала ослабѣвать: изъ среды ихъ,—совершенно такъ, какъ во Франціи и Испаніи,—образовалась партія такъ-называемыхъ «непримиримыхъ» (которую правильнѣе слѣдовало бы называть партіей «нетерпѣливыхъ»), требующая безотлагательнаго введенія слѣдующихъ коренныхъ реформъ: скорѣйшаго отдѣленія церкви отъ государства, уравненія англиканской религіи какъ господствующей со всѣми остальными въ государствѣ, отмѣны религіознаго образованія въ народныхъ школахъ, предоставленія избирательныхъ правъ сельскимъ рабочимъ наравнѣ съ городскими и наконецъ расширенія политическихъ правъ Ирландіи. Какъ ни либерально было министерство Гладстона, но къ осуществленію такихъ радикальныхъ мѣръ оно не рѣшилось приступить, изъ опасенія возбудить противъ себя неудовольствіе большинства англійской націи. Тогда довольно значительная часть бывшихъ сторонниковъ министерства перешла на сторону оппозиціи—въ надеждѣ, что если не у Гладстона, такъ у какого-нибудь другаго главы министерства они добьются осуществленія своихъ завѣтныхъ плановъ. На дѣлѣ, однако, вышло совсѣмъ не то: перейдя на сторону противниковъ Гладстона, — партія нетерпѣливыхъ должна была примкнуть къ партіи консерваторовъ, также недовольныхъ правительствомъ, но уже не за недостатокъ съ его стороны энергіи и либерализма, а за избытокъ его, чѣмъ Гладстонъ будто бы заявилъ себя. Предвидя собственное паденіе, но не совсѣмъ еще теряя надежду, Гладстонъ обратился къ королевѣ съ просьбою распустить палату съ тѣмъ, чтобы потомъ назначить новые выборы въ парламентъ. На выборахъ, двѣ партіи: либеральная, съ Гладстономъ во главѣ, и консервативная, представителемъ которой выступилъ Дизраэли, бывшій раньше того первымъ министромъ,—вступили въ борьбу: каждый изъ представителей напечаталъ и разослалъ къ избирателямъ манифесты, въ которыхъ изложилъ программу своей будущей дѣятельности, каждый произнесъ по нѣскольку рѣчей, велъ агитацію черезъ своихъ агентовъ и проч. Въ результатѣ, благодаря такъ неблагопріятно сложившимся для либераловъ обстоятельствамъ, Дизраэли вышелъ побѣдителемъ, получивъ большинство только въ 49 голосовъ. Такимъ образомъ, вмѣсто либеральнаго министерства Гладстона, на сцену политической дѣятельности въ Англіи выступило консервативное министерство Дизраэли, которое поставитъ точку къ сдѣланнымъ уже реформамъ и займется только ихъ развитіемъ. Про либераловъ же, подавшихъ голоса противъ Гладстона, можно сказать, что теперь они попали изъ огня, да въ полымя.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Въ англійскихъ журналахъ отъ 25-го февраля помѣщены слѣдующія свѣдѣнія объ окончательной программѣ путешествія Ихъ Королевскихъ высочествъ Герцога и Герцогини Эдинбургскихъ: Ихъ Королевскія Высочества прибудутъ въ Берлинъ 2-го марта и останутся тамъ до вечера вторника 3-го марта. Изъ Берлина Герцогъ и Герцогиня, въ сопровожденіи графа и графини Фландрскихъ, отправятся въ Кельнъ, куда прибудутъ въ среду утромъ, и выѣдутъ оттуда послѣ полудня въ Брюссель. Въ столицѣ Бельгіи Ихъ Высочества останутся до вечера четверга и въ ночь отправятся въ Остенде, откуда переѣдутъ въ Англію на яхтѣ Королевы «Альбертъ», которая прибудетъ въ Гревезендъ утромъ 7-го марта. Отсюда Августѣйшіе Путешественники поѣдутъ прямо въ Виндзоръ въ прекрасномъ вагонѣ, сдѣланномъ недавно для Королевы Компаніей Гритъ-Вестерна. Прибытіе въ Виндзоръ произойдетъ въ часъ пополудни. На станціи Ихъ Высочества будутъ встрѣчены членами Королевской Фамиліи, мэромъ и корпораціями Виндзора. Почетный караулъ будетъ состоять изъ отряда 2 полка лейбъ-гвардіи и изъ взвода пѣшей гвардіи. Процессія вступитъ въ замокъ черезъ ворота св. Георгія, находящіяся противъ Длинной аллеи. Королева приметъ Царственную Чету по прибытіи ея въ замокъ. Августѣйшіе Новобрачные пробудутъ въ Виндзорѣ до 12 го марта, послѣ чего Ихъ Королевскія Высочества поселятся въ Букингамскомъ дворцѣ, гдѣ останутся до конца сезона въ Лондонѣ. Около 7-го октября Герцогъ и Герцогиня переѣдутъ окончательно въ Кларенсъ-Гоузъ. 14-го марта будетъ данъ въ Альбертъ-Голлѣ большой концертъ, на которомъ будутъ присутствовать Ея Величество Королева и всѣ члены Королевской Фамиліи. Въ Виндзорѣ приготовляютъ блестящую иллюминацію».

— Телеграмма изъ Гревзенда 23-го февраля (7-го марта), *суббота*. Сегодня, въ одинадцать часовъ утра, Герцогъ и Герцогиня Эдинбургскіе вышли здѣсь на берегъ при пушечной пальбѣ. Они были встрѣчены Принцемъ Артуромъ, военными и гражданскими властями и отправились, посреди ликовавшей толпы, къ станціи желѣзной дороги. Ихъ Высочества отправились въ Лондонъ по желѣзной дорогѣ въ 11 час. 20 мин. Для пріема Высокихъ Гостей выставлены были почетные караулы отъ кавалеріи и волонтеровъ. Несмѣтная толпа народа покрывала весь путь Ихъ Высочествъ. Погода стоитъ превосходная.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Высочайшимъ приказомъ по Морскому Вѣдомству, 18-го февраля: Его Императорское Высочество Великій Князь Алексѣй Александровичъ назначенъ командиромъ фрегата «Свѣтлана», съ оставленіемъ въ должности командующаго гвардейскимъ экипажемъ и въ званіи флигель-адъютанта.

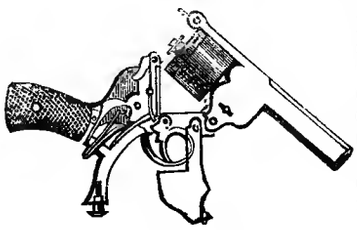
— Въ Ямбургскомъ уѣздѣ, С.-Петербургской губерніи, въ 12-ти верстахъ отъ города Нарвы, Нарвской волости, въ деревнѣ Венкуль, лежащей при сліяніи рѣкъ Россони и Наровы, невдалекѣ отъ моря открытъ 6-го декабря 1873 года *мореходный классъ*, который будетъ именоваться «Мореходнымъ классомъ Петра Великаго». Земская Управа, пишутъ въ «Кр. Вѣстн.», приняла усердное участіе въ этомъ дѣлѣ, и съ помощью правительственной субсидіи, а также небольшой лепты, пожертвованной крестьянами этой волости, устроено необходимое для класса помѣщеніе, заведены классныя принадлежности и приглашенъ учитель, отставной морякъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Домашній царскій обиходъ въ старину: государевъ столъ (съ рисункомъ).—Изъ міра народныхъ повѣрій II. Лѣшій (съ рисункомъ) **Н. Каразина**.—Это была... игра! соч. Гаклендера (продолженіе).—Трансфузія человѣческой и овечьей крови человѣку (съ тремя рисунками).—Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова** (продолженіе). — Соборъ Архистратига Михаила въ Нижнемъ Новгородѣ (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе..—Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

ЦЕНТРАЛЬНОЕ ДЕПО ОРУЖІЯ

Эд. Богд. ВЕНИГА



въ СПБ. на Невскомъ, противъ Малой Морской, д. № 10, въ бель этажѣ *Постоянный* асортированный складъ охотничьихъ ружей лучшихъ европейскихъ мастеровъ, револьверы всѣхъ наилучшихъ системъ и большой выборъ всевозможныхъ охотничьихъ принадлежностей.

Оружейная мастерская центральнаго Депо Оружія принимаетъ всякаго рода починки по оружейной части. — Передѣлка, исправка, вывѣрка и выпробовка оружія.

Подробный Иллюстрированный Прейсъ-Курантъ на 1874 годъ высылается по востребованію гг. Иногородныхъ охотникамъ безплатно по всей Россіи.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногородняго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Чайники, кофейники, сахарницы, и сливочники изъ бѣлаго Британскаго металла, никогда неизмѣняющагося, въ магазинѣ мелхіоровыхъ издѣлій

Александра Качъ.

Чайники отъ	$2^1/_2$ до	$3^1/_2$ р.	
Кофейники	$3^1/_2$ »	5 »	
Сахарницы	3 »	$4^1/_2$ »	
Сливочники	1 »	1 » »	

Александра Качъ.

На Невскомъ противъ Думы, въ д. Европейской Гостинницы. Гг. Иногродныхъ, прошу присылать при каждомъ рубли за 1 фунтъ портовыхъ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“, НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА **1874** ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ **4** руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева **4** руб. **50** коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ **5** руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію **5** руб. **50** коп.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы“ и преміи за 1874 годъ.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

Дозволено цензурою. 1 марта 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 11 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 11-го марта 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА", НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1874 ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" и преміи за 1874 годъ.

Издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ.

Это была... игра!..

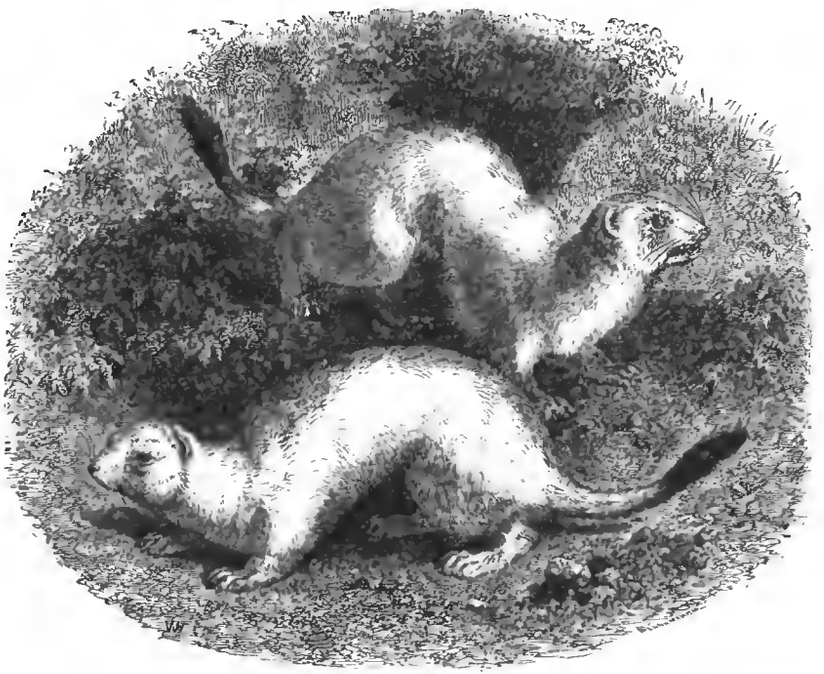
РАЗСКАЗЪ

В. К. Гакландера.

(Продолженіе).

— Положа руку на сердце, заговорилъ докторъ Дюрингъ послѣ довольно продолжительной паузы,—могу сказать, что я не всегда чувствовалъ тяжесть этихъ «другихъ» цѣпей, а только повременамъ... Но тогда, сознаюсь откровенно, цѣпи эти казались мнѣ очень, очень тяжелыми!..

— Право? бѣдный ты мой! И ты такъ кротко, послушно, съ открытыми глазами, идешь прямо туда, гдѣ ожидаетъ тебя пропасть?.. Скажи-ка мнѣ по правдѣ: развѣ передъ тобой никогда не являлась фея, такое существо, при видѣ котораго сердце твое билось учащеннѣе, кровь закипала, а внутренній голосъ нашептывалъ тебѣ, что ты могъ-бы быть счастливѣе съ другой, а не съ этой... уже очень увядающей Фанни?.. Вѣдь вамъ именно, докторамъ, позволяется часто видѣть многое такое, что въ твоемъ настоящемъ положеніи можетъ невольно вызвать на сравненіе...



Горностай. Рис. Фриманъ, грав. Паннемакеръ.

— Нѣтъ, отвѣчалъ докторъ,—да я, по счастью, смотрю на своихъ больныхъ только какъ на больныхъ, или какъ на матерьялъ, пригодный для моей науки,—и передамъ тебѣ еще, такъ сказать, по секрету, что у Фанни, и при такомъ моемъ поведеніи, есть наклонность къ ревности; ну, и поэтому поводу у меня уже были съ ней небольшія сцены, которыя можетъ быть спасли меня отъ содѣянія какой нибудь глупости. Что-же касается феи, какъ ты выразился, то могу тебя положительно увѣрить, что не встрѣчалъ еще ни одного такого существа, ни какой феи, которая прелестями своими и мановеніемъ волшебнаго жезла затронула-бы мое сердце.

— Плохо дѣло! замѣтилъ баронъ Венкгеймъ,—ты, значитъ, находишься теперь въ состояніи лунатика, который, окованный своимъ страннымъ сномъ, можетъ вдругъ слетѣть съ крыши—стоитъ только

Библиотека "Руниверс"

какому нибудь сладкому, нѣжному голосу окликнуть тебя, назвать по имени... А такой сладкій голосокъ хоть однажды въ жизни да прозвучитъ для каждаго смертнаго.

Тутъ баронъ пробормоталъ себѣ подъ носъ, такъ что докторъ не могъ слышать:

— Эти цѣпи непремѣнно нужно разорвать! Это долгъ человѣка, любящаго своего ближняго.

— Ну, а теперь, любезный другъ, сказалъ докторъ, отворяя дверцу кареты,—я не могу ни на секунду долѣе тебя задерживать, а слѣдовательно и пользоваться твоею любезностью; да, мнѣ, по всей вѣроятности, придется довольно долго пробыть въ этомъ домѣ. Послѣ этого визита, сдѣлаю еще два, причемъ все ближе и ближе буду подвигаться къ главному госпиталю, гдѣ меня ожидаютъ къ одиннадцати часамъ. Позволь поблагодарить тебя! Будь увѣренъ, что я былъ чрезвычайно радъ этому случаю, позволившему мнѣ по прежнему поболтать съ тобой по душѣ!..

— Дѣлать нечего, не могу тебя удерживать; но чтобы тоже доказать тебѣ, какъ и мнѣ была пріятна эта встрѣча—объявляю: не отпущу тебя, пока ты не назначишь мнѣ свиданія или на сегодня, или на завтра, или на одинъ изъ слѣдующихъ дней. Да вотъ что: назначимъ-ка rendez - vous на завтрашній день? Ты заѣдешь за мною, мы отправимся и будемъ вмѣстѣ обѣдать. Время выбирай какое угодно; часъ, который ты найдешь удобнымъ для себя, будетъ удобенъ и для меня.

Докторъ Дюрингъ подумалъ съ минуту.

— Вотъ, видишь-ли, отвѣтилъ онъ послѣ размышленія, — во всѣ слѣдующіе дни я буду сильно занятъ, а завтра — праздникъ, и по этому случаю я буду свободенъ отъ служебныхъ обязанностей своихъ въ госпиталѣ, да и вообще могу завтра отложить въ сторону и другія занятія.

— Такъ, значитъ, завтра? Ну, какое же время ты выберешь?..

— А вотъ, выбирай самъ: я свободенъ съ двухъ часовъ вплоть до семи, то есть до вечернихъ моихъ визитовъ,—и полагаю, что нашъ обѣдецъ вѣроятно будетъ конченъ къ этому времени.

— Ну, конечно, сказалъ баронъ,—къ семи часамъ мы ужь отобѣдаемъ; и такъ, ты будешь настолько любезенъ, что заѣдешь за мною послѣ двухъ часовъ. Мой адресъ: Фюрстенштрассе, № 14, parterre. Запиши-ка!

— Запишу непремѣнно, а то, пожалуй, спутаюсь! У меня такая тутъ куча адресовъ... Такъ ты тамъ и обитаешь?

— Да, ты меня тамъ найдешь.

Тутъ баронъ Венкгеймъ пожалъ руку своего друга и проговорилъ потомъ, глядя ему вслѣдъ:

— Какимъ великолѣпнымъ, изящнымъ молодцомъ сталъ этотъ докторъ!.. И вѣдь онъ вовсе не сознаетъ своихъ внутреннихъ и внѣшнихъ достоинствъ... Да! иначе-бы онъ, право, не настаивалъ такъ на мысли связать себя съ этимъ пугаломъ!...

Молодой докторъ думалъ почти то же, находясь подъ впечатлѣніемъ встрѣчи, и не могъ хорошенько взять въ толкъ, почему онъ не посѣщалъ старыхъ своихъ университетскихъ товарищей, забылъ ихъ, а между тѣмъ многіе изъ нихъ жили въ резиденціи, такъ сказать, бокъ о бокъ съ нимъ?.. Впрочемъ, собственно говоря, это случилось совершенно естественно, просто: докторъ большую часть своего свободнаго времени, особенно по вечерамъ, проводилъ въ «семейномъ кругу», добровольно обрекая себя на такое времяпровожденіе. Когда онъ теперь, именно въ эти минуты, подумалъ объ этомъ и сравнилъ собственное зависимое свое положеніе съ свободнымъ житьемъ-бытьемъ блестящаго своего друга, какое-то непріятное чувство охватило его всего,—и онъ почти съ досадою сталъ думать о томъ, что вотъ и сегодня, какъ всегда, изо дня въ день, онъ долженъ будетъ, по окончаніи дневныхъ трудовъ, идти *туда*, потомъ подниматься по старой, поскрипывающей лѣстницѣ, затѣмъ войти въ гостиную... И въ гостиной этой, какъ всегда, госпожа Штраммеръ встрѣтитъ его благосклонно, а Фанни — Фанни, смотря потому, въ какомъ настроеніи будетъ находиться ея сердце—такъ она и встрѣтитъ, или радостно, или съ печалью во взорѣ... И та или другая встрѣча зависитъ отъ его поведенія, отъ рода его занятій!... «Ну, что ты дѣлалъ сегодня, милый Отто? Гдѣ былъ? Нѣтъ-ли новыхъ паціентовъ... или паціентокъ и кто именно»?.. И при этомъ послѣднемъ вопросѣ—многозначительный взглядъ... легкій вздохъ... затѣмъ она прижмется и тихо проговоритъ: «Неправда-ли, о, мой Отто—вѣдь я могу вполнѣ положиться на твою вѣрность»?..

Какъ ни былъ докторъ кротокъ, невозмутимъ, но подобные вопросы (если принять еще во вниманіе, что сердце его было ни въ чемъ не повинно) раза два уже оскорбили его и вынудили дать почти рѣзкій отвѣтъ. Но Фанни, получивъ не совсѣмъ любезный отпоръ, умѣла въ такихъ случаяхъ все это обратить въ шутку, назвать шалостью, поддразниваньемъ съ своей стороны,—или не прибѣгая къ этому, она начинала настаивать на томъ, что вотъ теперь-то, когда онъ вспылилъ, она и имѣетъ право разспрашивать его: гдѣ онъ былъ,—потому что онъ разсердился—значитъ, скрываетъ что нибудь; иначе зачѣмъ-было-бы сердиться? Потомъ она требовала, съ настойчивостью ребенка (что, впрочемъ, вовсе было не къ лицу тридцатилѣтней дѣвицѣ) записную его книжечку — и вотъ, это самое требованіе она заявила опять, сегодня, когда онъ пришелъ, потому что докторъ, ссылаясь на усталость, былъ какъ-то неразговорчивъ.

— Но, послушай, Фанни... требованіе твое, собственно говоря, довольно странное!.. Впрочемъ, вотъ тебѣ моя записная книжка, я не хочу нарушать мира, ссориться съ тобой.

— Ахъ, Отто! Развѣ ты не чувствуешь (въ голосѣ ея звучалъ упрекъ), что меня заставляетъ быть такой любопытной? Мнѣ такъ сладко интересоваться, узнавать, увеличивается ли у тебя число паціентовъ?..

— Да, но вѣдь это я могъ-бы тебѣ и такъ сказать....

— Нѣтъ, нѣтъ! Эти вопросы тебѣ надоѣдаютъ, а кромѣ того, знаешь, я люблю самую эту книжечку. Она покоилась такъ близко къ твоему сердцу и рука твоя писала на ея листочкахъ!.... Постой-ка, посмотри... Тутъ Фанни отвела глаза отъ книжки и взглянула на жениха:

— Ты ужь попалъ и въ аристократическіе кварталы?... Вотъ—14... Фюрстентрассе... Это кто-же тамъ живетъ?..

— Ахъ, этотъ... одинъ, проговорилъ докторъ не безъ смущенія однако,— то есть тамъ живетъ собственно не паціентъ мой, а старый университетскій товарищъ — баронъ Венкгеймъ.

— Вотъ какъ! произнесла Фанни такимъ тономъ, который скорѣй походилъ на вырвавшійся вздохъ, причемъ она поспѣшно закрыла книжку и торопливо отпихнула ее отъ себя, какъ будто-бы она обожгла ей руку.

— А-а... такъ это тотъ самый баронъ Венкгеймъ... Вотъ что! докончила она.

— Ну, что-жъ такое? Что же этотъ баронъ Венкгеймъ?..

Хотя этотъ вопросъ былъ обращенъ къ Фанни, но не она на его отвѣтила; она промолчала... Госпожа Штраммеръ отозвалась, крикнувъ съ своего дивана (молодая парочка сидѣла у открытаго окна, въ которое врывался майскій вѣтерокъ).

— А то, любезный мой зять, что этотъ баронъ Венкгеймъ—общество для васъ вовсе неподходящее! Онъ—въ высшей степени легкомысленный молодой человѣкъ, и это я знаю изъ самыхъ вѣрныхъ источниковъ!..

Остальная часть вечера прошла, по обыкновенію, скучно. Фанни дулась немножко. Какъ и всегда въ такихъ случаяхъ, *сердце* свое она обнаруживала тѣмъ, что принималась задавать странные, рѣзкаго свойства вопросы, на которые сама по большей части и давала колкіе отвѣты.

Игра эта въ вопросы и отвѣты—проклятая игра, и тотъ, на кого она бываетъ направлена, ощущаетъ пренепріятное чувство: будто его втиснули между двумя шипящими зубчатыми колесами. Самое благоразумное при этомъ—сослаться на головную боль или на что нибудь въ этомъ родѣ и удалиться какъ можно поскорѣе во-свояси.

Такъ и сдѣлалъ докторъ Дюрингъ и удалился можетъ-

Библиотека "Руниверс"

быть пятнадцатью минутами ранѣе обыкновеннаго. Но теперь и ссылка на головную боль оказалась не совсѣмъ правдоподобною; она не могла успокоить, усыпить въ Фанни подозрѣніе, уже разъ шевельнувшееся въ ней.

* * *

На другой день, вернувшись отъ своихъ больныхъ, докторъ Дюрингъ занялся своимъ туалетомъ—и занялся этимъ дѣломъ тщательнѣе обыкновеннаго. Онъ уже давно ощущалъ потребность подстричься и вообще придать волосамъ своимъ надлежащій видъ, а потому и отправился къ мастеру этого дѣла. Мастеръ, исполнивъ свое дѣло, не только устроилъ доктору проборъ до самаго затылка (по обѣимъ сторонамъ пробора вились, вздымаясь, бѣлокурые локоны), но и закрутилъ ему еще усы къ верху, что̀ придало доктору до того отважный видъ, что онъ, по окончаніи всей этой операціи, почти испуганно отскочилъ отъ своего изображенія въ зеркалѣ. Отскочивъ, онъ даже подумалъ о томъ, какое бы серіозное лицо сдѣлалъ главный госпитальный докторъ и какую-бы физіономію сдѣлала его невѣста, если-бы они увидѣли его, доктора, принявшаго такой отважный видъ!..

Да, видъ у него былъ именно—*отважный*. Этотъ эпитетъ весьма вѣрно характеризовалъ наружность доктора. Чувство отваги было замѣтно даже въ его легкой, непринужденной походкѣ и въ тѣхъ движеніяхъ, которыя онъ дѣлалъ, вертя правою рукою свою трость.

Но вотъ онъ дошелъ до дома подъ № 14 въ Фюрстенштрассе. По первому звонку хорошенькая, граціозная служанка отворила ему дверь. Появленіе такой служанки нѣсколько удивило доктора; ему было-бы пріятно (относительно нравственности его друга), если-бы у барона отворялъ двери гостямъ старый ворчунъ—лакей. Тѣмъ не менѣе докторъ послѣдовалъ за смазливенькой служанкой, которая, на вопросъ его о баронѣ Венкгеймъ, только молча и весьма мило присѣла. Она ввела его въ очень богато и изящно убранную гостиную. Дверь въ глубинѣ этой комнаты была отворена настежъ и вела прямо въ небольшой но прелестно устроенный, благоухающій садикъ.

— Сдѣлайте одолженіе, сударь, присядьте, подождите минутку, сказала миленькая горничная и скрылась.

Но «сударь» не сѣлъ, а предпочелъ заняться осмотромъ гостиной. Хотя онъ уже бывалъ въ богато и роскошно убранныхъ комнатахъ, но ему до сихъ поръ не случалось еще видѣть такой гостиной: тутъ все было такъ утонченно — изящно и обнаруживало изысканный вкусъ. Осмотрѣвшись, онъ былъ особенно пораженъ тѣмъ обстоятельствомъ, что вся эта обстановка рѣшительно ни въ чемъ не походила на житье-бытье холостяка—напротивъ, вся эта прелесть совершенства въ убранствѣ указывала на присутствіе заботливой женской руки.

Докторъ повернулся спиной къ садику, чтобы разсмотрѣть небольшой рояль фабрики Stoneway. Рояль былъ открытъ, на пюпитрѣ лежали ноты; около нотъ, слѣва, помѣщался огромный букетъ фіалокъ, а справа — лежалъ забытый тонкій батистовый платокъ. Вдругъ онъ услышалъ позади себя шелестъ,—тотъ шелестъ, который французы называютъ «фру-фру», потому что шумъ этотъ происходитъ отъ хвоста женскаго платья, когда онъ волочится по каменнымъ плитамъ или по паркету.

Пораженный докторъ обернулся, взглянулъ — и удивленію его не было границъ, когда онъ увидѣлъ молодую женщину, повидимому дѣвушку, стоявшую въ дверяхъ, ведшихъ въ садикъ. Остановившись, она казалась вставленною въ рамку изъ яркой, свѣжей зелени, по которой перебѣгали свѣтлыя пятна отъ пробившихся солнечныхъ лучей. Молодая женщина одѣта была въ простое бѣлое платье, которое плотно охватывало ея прекрасный бюстъ и обнаруживало такимъ образомъ изящную прелестную фигуру ея. Солнечный лучъ, скользящій косой полосой по зеленой листвѣ, пробѣгалъ также, оставляя мягкій пріятный блескъ, по шелковистымъ блестящимъ чернымъ волосамъ молодой женщины, задѣвъ съ одной стороны ея хорошенькую шейку, очерчивалъ свѣтлой полоской прелестно - округленное плечо и обнаруживалъ выпуклость нѣжно-упругой молодой груди. Прекрасные темные глаза ея смотрѣли на доктора съ такимъ выраженіемъ, какъ будто-бы передъ нею было знакомое лицо, визита котораго ожидали; плутовская улыбка при этомъ играла на полуоткрытыхъ губахъ молодой женщины.

Неужели онъ, докторъ, ошибся номеромъ дома? Неужели хорошенькая служанка не поняла его вопроса? Или быть можетъ, его другъ—Венкгеймъ—позволилъ себѣ такого рода шутку?... Но если баронъ дѣйствительно подшутилъ надъ нимъ, то по пріему, оказанному ему молодой особой, онъ могъ видѣть, что появленіе его въ этой гостиной, какъ плодъ шутки, было встрѣчено не непріятно: она подошла къ нему, весело улыбаясь, и сказала такимъ сладкозвучнымъ тономъ, что заставила его даже вздрогнуть:

— Я очень рада познакомиться съ вами, господинъ докторъ, и очень благодарна нашему общему другу, барону Венкгейму, за то, что онъ назначилъ вамъ rendez-vous здѣсь, у меня. Садитесь, пожалуйста! А можетъ быть вамъ пріятнѣе будетъ пройтись со мной по саду, пока вашъ другъ не явится?... Впрочемъ—нѣтъ! прибавила она, замѣтивъ смущенный видъ доктора (онъ стоялъ передъ ней и не зналъ что дѣлать): нѣтъ, останемся лучше тутъ, въ саду теперь становится слишкомъ жарко!...

И, говоря эти слова, она опустилась въ кресло; докторъ тоже сѣлъ, что было исполнено имъ весьма медленно, и проговорилъ:

— Однако, позвольте, мнѣ нужно попросить у васъ извиненія въ томъ, что я такъ легко поддался обману моего друга; но, право, я былъ увѣренъ, что онъ далъ мнѣ адресъ своей квартиры...

Тутъ онъ обвелъ комнату глазами и прибавилъ:

— Впрочемъ, какъ только я вошелъ сюда, то сейчасъ же усумнился въ этомъ.

— Ну, конечно, конечно! заговорила молодая женщина съ веселымъ смѣхомъ:—вы думали, что вамъ отворитъ дверь лакей и вы попадете въ квартиру холостяка... Что дѣлать! Будьте ужъ довольны обстановкой обиталища женщины, будьте довольны моей гостиной!...

— О, что касается этого, то я безконечно благодаренъ моему другу! воскликнулъ докторъ съ такою живостью, какую быть можетъ и самъ не желалъ-бы обнаружить.

— Вы, кажется, одинъ изъ самыхъ короткихъ друзей барона и, какъ онъ мнѣ говорилъ, уже довольно извѣстный врачъ, хотя еще и недавно практикующій?

— Да, но вы конечно знаете его настолько, что вамъ извѣстно, какъ онъ изъ чувства дружбы готовъ преувеличить нѣкоторыя изъ качествъ его друзей?...

— О, да! но то, что онъ говорилъ мнѣ о васъ, вѣроятно справедливо—и я охотно вѣрю его словамъ!...

Въ продолженіи этого разговора она сидѣла передъ нимъ съ полуопущенными глазами. Если ея красивое, благородное лицо представлялось ему въ высшей степени привлекательнымъ даже тогда, когда онъ почти не видалъ глазъ молодой женщины,—то какое невыразимое чувство охватило его всего въ то мгновеніе, когда она теперь, открывъ вдругъ свои большіе темные глаза, взглянула на него! Даже лицо ея приняло теперь совершенно другое, новое выраженіе: казалось, будто какое-то солнце освѣтило его, и свѣтъ этотъ падалъ на доктора и на все, что окружало его... Словомъ сказать, это такіе были глаза, какихъ онъ еще никогда никогда не видывалъ! Выраженіе ихъ мѣнялось постоянно—и все таки они оставались по прежнему неотразимо привлекательными; это были глаза, которые говорили сами, когда обладательница ихъ молчала; въ глазахъ этихъ ясно выражалось сочувствіе—особенно теперь это хорошо можно было прочесть въ нихъ, когда молодой докторъ, по просьбѣ прекрасной хозяйки, разсказывалъ ей о прежней своей жизни, о томъ, какъ онъ проводилъ время съ Венкгеймомъ. Когда въ разсказѣ его звучали юмористическія нотки, что̀ случалось довольно часто,—молодая женщина развеселялась какъ ребенокъ; но когда ему приходилось, между прочимъ, упоминать

Библиотека "Руниверс"

и о своей ранней юности, глаза ея становилися серіознѣе и обнаруживали полное сочувствіе.

По временамъ она вскакивала съ кресла, смотрѣла на часы, стоявшіе на каминѣ, и восклицала:

— Не понимаю, отчего онъ такъ долго не является! Онъ всегда, по обыкновенію, приходитъ во-время. Впрочемъ, я вовсе не сожалѣю, что его нѣтъ!... Мнѣ только жаль, что вы, любезный докторъ, должны довольствоваться моимъ собесѣдничествомъ!...

Что касается доктора, то онъ вовсе не находилъ достойнымъ сожалѣнія, что ему пришлось довольствоваться такимъ собесѣдничествомъ; но если онъ теперь и сожалѣлъ о чемъ, такъ это о томъ, что вотъ близка уже минута, когда раздастся звонокъ, явится Венкгеймъ и возьметъ его съ собой. Вообще онъ чувствовалъ себя въ какомъ-то странномъ, возбужденномъ состояніи, котораго прежде никогда еще не испытывалъ. Онъ былъ воодушевленъ; что-то опьяняющее ошеломляло его—и онъ искалъ причину этого, хотя такое состояніе само по себѣ не было непріятнымъ. Докторъ объяснялъ себѣ это явленіе тѣмъ, что на него вліяли прелестный образъ женщины, находившійся передъ нимъ, и ароматъ фіалокъ и гіацинтовъ, который струился изъ садика и обдавалъ его своими волнами со всѣхъ сторонъ... Этотъ сладкій запахъ чувствовался имъ даже отъ платья его собесѣдницы, особенно если она быстро вставала или садилась.

— Вы играете на фортепіано? спросилъ онъ, поглядѣвъ на открытый рояль.

— Да, немножко... Мнѣ вѣдь это нужно.

— И, конечно, поете?...

При этомъ вопросѣ молодая женщина сначала посмотрѣла на него поразительно-смѣющимися и почти удивленными глазами и потомъ уже отвѣтила:

— О, да, я и пою немножко...

Докторъ былъ готовъ, собравъ всю свою храбрость, попросить ее что нибудь спѣть или сыграть, но въ это время раздался звонокъ и вслѣдъ затѣмъ послышался чей-то громкій голосъ. Твердые шаги, приближавшіеся къ гостиной, возвѣстили о прибытіи давно-ожидаемаго гостя.

— Тысячу разъ прошу извиненія! воскликнулъ баронъ еще на порогѣ комнаты: — Но, къ сожалѣнію, всегда такъ бываетъ: когда намъ особенно желательно поспѣть къ сроку— тутъ-то и случится что нибудь! Или являются съ визитами одинъ за другимъ, или останавливаютъ всевозможныя задержки. Вотъ и сейчасъ, у самыхъ дверей, остановилъ меня принцъ Георгъ; ну, и я долженъ былъ обѣщать ему, что передамъ прелестнѣйшему величеству, свѣтилу вчерашняго вечера (тутъ баронъ отвѣсилъ низкій поклонъ молодой женщинѣ), самыя восхитительныя, блестящія, безумныя похвалы? Онъ просилъ меня также, чтобы я за него съ чувствомъ глубоко-искреннимъ поцѣловалъ вашу ручку. И такъ, да позволитъ мнѣ всемилостивѣйшая моя королева выполнить все то, что я обѣщалъ!

Онъ всталъ на одно колѣно, а она, весело смѣясь, протянула ему свою руку, которую баронъ почтительно и нѣжно прижалъ къ своимъ губамъ— и затѣмъ тотчасъ-же отбросивъ роль покорнаго раба, воскликнулъ непринужденно - развязнымъ тономъ:

— Нѣтъ, дѣти мои, я, право, серіозно долженъ извиниться и обвинить себя въ томъ, что опоздалъ сюда почти на цѣлый часъ!..

— Почти на цѣлый часъ! Не можетъ быть! воскликнула молодая женщина удивленнымъ тономъ, устремивъ на часы прекрасные глаза свои, но сейчасъ же, опустивъ ихъ, прибавила очаровательно - смущеннымъ голосомъ:

— Мнѣ казалось... я думала, это невозможно, чтобы прошелъ цѣлый часъ...

Звукъ-ли голоса ея, взглядъ-ли, невыразимо - робкій, но вмѣстѣ съ тѣмъ пріятно-сладкій, который она останавливала иногда на лицѣ молодаго доктора, разгорячили, взволновали его такъ странно,—неизвѣстно; только онъ чувствовалъ, какъ его сердцу, послѣ этихъ словъ, стало тѣсно въ груди... Оно его душило, и онъ могъ только, задыхаясь, проговорить въ подтвержденіе ея словъ, что и ему казалось невозможнымъ, чтобъ онъ «такъ долго, почти цѣлый часъ, утруждалъ своимъ присутствіемъ... молодую даму».

— Ну нѣтъ, милый Отто, ты никоимъ образомъ утруждать не могъ, сказалъ Венкгеймъ весело,—я увѣренъ въ этомъ и надѣюсь, что ты ужъ, какъ слѣдуетъ, отрекомендовался?..

— Да этого вовсе и не нужно было, такъ какъ я имѣлъ удовольствіе видѣть, что меня уже знаютъ; но я, напротивъ, не имѣю чести....

И докторъ, не окончивъ фразы, улыбаясь, отвѣсилъ поклонъ молодой хозяйкѣ.

— Ахъ, да, да! воскликнулъ баронъ, ударивъ себя по лбу: — Правда! Но вѣдь я, надѣясь на свою аккуратность, думалъ здѣсь быть одновременно съ тобой. Ну, за то теперь поправляю погрѣшность и имѣю честь представить тебѣ, назвавъ по имени, эту божественную фею, эту волшебницу, передъ которой цѣлыя можно-сказать націи повергаются ницъ!.... Но она вотъ ни на столько (онъ показалъ на кончикъ мизинца) не обращаетъ вниманія на это и не думаетъ вовсе о порабощенной и скованной ею непрекрасной половинѣ рода человѣческаго, Она не кинула ни одного милостиваго взгляда, чтобы осчастлинить этимъ подвластныхъ ей рабовъ!.. Передъ тобой — фрейлейнъ Камилла Пальмеръ, наша первая, единственная пѣвица!..

(Продолженіе удетъ).

Горностай.

Этотъ красивый звѣрокъ въ средніе вѣка служилъ эмблемою чистоты и невинности, на основаніи басни, будто бы онъ охотнѣе побѣжитъ въ огонь чѣмъ въ грязь—и скорѣе рѣшится умереть нежели запачкать свою бѣленькую шубку. Носить мантіи и шапки обложенныя горностаемъ—составляло исключительную привилегію свѣтскихъ и духовныхъ властителей, почему впослѣдствіи горностай съ одежды ихъ перешелъ и на самые гербы для обозначенія княжескаго достоинства.

Горностай (Mustela Erminea *L.*), небольшое, но хищное и кровожадное животное, принадлежащее къ семейству Куницъ, зимою дѣйствительно бѣлаго какъ снѣгъ цвѣта съ чорнымъ кончикомъ хвоста, осенью и зимою пестрый, лѣтомъ же сверху блѣдно-каштановый, снизу желтовато бѣлый. Длиною горностай 12—14 дюймовъ, длина хвоста 6—7 дюймовъ. Подъ хвостомъ находятся желѣзы, отдѣляющія сильный чесночный запахъ, когда животное раздражено или испугано. Горностай водится въ Европѣ, Азіи и сѣверной Америкѣ. Онъ питается мышами, крысами, хомяками, кроликами, молодыми зайцами, птицами и яйцами, уноситъ куриныя яйца, влѣзаетъ на голубятни, разоряетъ ласточьи и воробьиныя гнѣзда; ѣстъ рыбу, ящерицъ, ужей, но боится гадюкъ, презираетъ лягушекъ и овощи. У мелкихъ птичекъ прежде всего съѣдаетъ голову. Въ Маѣ или Іюнѣ самка производитъ на свѣтъ 4 — 8 дѣтенышей. Горностай — животное по преимуществу ночное, но попадается и днемъ, хотя на добычу выходитъ только ночью.

Мѣхъ его желтѣетъ со временемъ; всего устойчивѣе въ этомъ отношеніи норвежскій. Въ Америкѣ же его рѣдко и добываютъ, такъ какъ потребности Европы и Азіи въ этомъ отношеніи вполнѣ удовлетворяются одной Сибирью. Да и въ Европѣ горностай уже не въ такой модѣ какъ прежде; лишь въ Китаѣ и Турціи покупаютъ его по прежнему.

Горностая ловятъ въ капканы, съ приманкой на яйцо или на мышь, которую кладутъ въ самую ловушку или подвѣшиваютъ надъ нею. Ловятъ ихъ и въ западни изъ двухъ

Библиотека "Руниверс"

Флоринда (купающіяся нимфы), съ картины Винтергальтера, рѣзалъ на деревѣ В. Петровъ.

Библиотека "Руниверс"

досокъ, изъ которыхъ одна лежащая на землѣ снабжена столбикомъ, поддерживающимъ другую съ тяжелымъ камнемъ,— причемъ, когда горностай тронетъ приманку, доска падаетъ и придавливаетъ звѣрка.

Купающіяся нимфы.

(СЪ КАРТИНЫ ВИНТЕРГАЛЬТЕРА).

Недавно умеръ знаменитый литографъ и несторъ современой портретной живописи, Франсуа Ксавье Винтергальтеръ. Тамъ какъ портретъ его появился уже при некрологахъ во многихъ иллюстрированныхъ изданіяхъ, то мы ограничиваемся помѣщеніемъ снимка съ одной изъ лучшихъ картинъ престарѣлаго художника.

Винтергальтеръ родился 1803 года въ Ст. Блазіенѣ въ Шварцвальдѣ и получилъ первое художественное образованіе въ Мюнхенѣ, затѣмъ подъ руководствомъ Штилера занялся портретною живописью и посвятилъ себя литографіи. Въ 1832 году, переселясь въ Карлсруэ и написавъ превосходный портретъ великаго герцога Леопольда, онъ былъ пожалованъ въ надворные совѣтники и получилъ средства для дальнѣйшаго развитія своего таланта въ Парижѣ и въ Италіи. Здѣсь онъ написалъ цѣлый рядъ прекрасныхъ жанровъ, дышащихъ южною страстностью, какъ напр. Dolce farniente семья рыбаковъ на полдневномъ зноѣ, декамеронъ — группа молодыхъ дѣвушекъ, полная изящества и граціи. Впослѣдствіе же онъ окончательно предался портретной живописи, объѣхалъ Германію, Францію, Бельгію, Англію и Испанію и сталъ такъ сказать портретистомъ коронованныхъ особъ, въ особенности съ тѣхъ поръ какъ изобразилъ короля Луи Филиппа (1839 и его супругу Амалію (1842). Наполеонъ III также не забылъ почтить его своимъ заказомъ, а ровно и бывшая императрица Евгенія, которая не разъ приказывала ему писать ея портреты, то одинокіе, то въ группахъ съ императорскимъ принцемъ и придворными дамами. Даже въ прилагаемой нами картинѣ, изображающей купающихся нимфъ и чрезвычайно распространенной въ гравюрѣ подъ названіемъ «Флоринды»,— многіе хотѣли видѣть сходство съ чертами экс-императрицы и ея двора. Винтергальтеръ писалъ также портреты многихъ членовъ императорской фамиліи въ Вѣнѣ, короля Бельгіи, короля Вильгельма прусскаго (нынѣ императора германскаго) и его супругу (оба во весь ростъ) и проч. и проч.

Домашній царскій обиходъ въ старину.

(Окончаніе).

Вѣкъ семнадцатый, впрочемъ, обиліемъ кушаньевъ, подаваемыхъ къ столу, далеко оставилъ за собою времена Ивана Васильевича Грознаго. При Алексѣѣ Михайловичѣ, когда домашній обиходъ царей московскихъ достигъ апогея, пріѣзжали часто въ Москву послы иностранныхъ державъ—и пріемы ихъ, очень торжественные, сопровождались обѣдами въ грановитой палатѣ, гдѣ происходила и самая аудіенція.

Вотъ, для примѣра, подобный пріемъ англійскаго посла сэра Чарльса Говарда (или Говерта?), въѣхавшаго въ Москву 7 февраля 1664 г., 11-го ч. принятаго на аудіенціею и 19-го числа (въ пятницу, на масляницѣ) обѣдавшаго у государя, въ грановитой палатѣ; до стола былъ онъ «въ отвѣтѣ», у бояръ въ золотой палатѣ.

Посла принималъ окольничій В. С. Волынской, съ приставомъ и 2 дьяками. Привезли посла въ кремль въ саняхъ государевыхъ, въ сопровожденіи верхомъ справа Волынскими, слѣва Прончищевымъ (думнымъ дьякомъ), между рядами стрѣльцовъ, разставленныхъ шпалерою по улицамъ. Въ кремлѣ, на паперти Благовѣщенскаго собора стояли подъячіе въ цвѣтномъ платьѣ, а далѣе, на красномъ крыльцѣ и въ сѣняхъ— жильцы «въ терликахъ бархатныхъ и объяринныхъ, да и въ шапкахъ золотыхъ (парчевыхъ) съ протозаны и съ алебарды, 61 человѣкъ». Въ кремль вступилъ посолъ «въ 6-мъ часу дня (т. е. въ исходѣ 12-го часа передъ полуднемъ) и были ему три встрѣчи. Проведя посла въ золотую палату, бояре здѣсь пробыли съ нимъ до приглашенія къ столу. Приглашеніе же послѣдовало, когда государь въ 7 часу (т. е. 1 послѣ полудня) выйдя въ грановитую, сѣлъ за столъ. Знать посла приходилъ стольникъ Н. И. Шереметевъ съ дьякомъ. На переходѣ до грановитой опять было три встрѣчи (подъ шатромъ передъ сѣнями въ грановитую, въ сѣняхъ, и у дверей палаты), на каждой встрѣчѣ былъ стольникъ съ дьякомъ. И дьяки на встрѣчѣ произносили привѣтствіе: «Государь (полный титулъ), любя брата своего Карлуса короля (титулъ), а тебя великаго князя Чарлуса Говарта жалуя, велѣлъ для почести встрѣтить (такому-то и такому-то)». По вступленіи посла въ грановитую палату, государь посылалъ спросить его о здоровьѣ. Этотъ спросъ о здоровьѣ произносилъ думный дьякъ Алмазъ Ивановичь въ тѣхъ же терминахъ, какъ и на встрѣчахъ, только съ перемѣною послѣ словъ жалуя — «велѣлъ тебѣ у своего государева стола быти». Посолъ отвѣчалъ «челобитствуя государю» и сѣлъ за столъ, подлѣ окна, выходившаго къ Благовѣщенскому собору, между стольникомъ Шереметевымъ и думнымъ дворяниномъ Прончищевымъ. Сынъ посла, съ членами посольства, посаженъ за другимъ столомъ. Потчивали 2 стольника, а 3-й раскладывалъ «тарелки и ножики»—прежде передъ посломъ, потомъ передъ сыномъ его, затѣмъ передъ московскими сановниками подлѣ нихъ сидѣвшими, а потомъ, передъ членами посольства. Тоже соблюдалось и съ кушаньемъ, которое подносили на разныхъ блюдахъ подключники»... А скатерть, и судки, и солонки, и колачи, положены были на столы до московскаго приходу».

Царь сидѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ (т. е. на тронѣ) «въ бѣлой серебряной шубѣ». Бѣлыя тафтяныя шубы были на боярахъ, сидѣвшихъ въ *большомъ столѣ*. При государѣ стояли «съ мечи» два стольника; вдоль стѣнъ грановитой, начиная отъ дверей, стояли съ каждой стороны по 12 жильцовъ въ сиреневыхъ (червчатыхъ) бархатныхъ *терликахъ*. Со стряпнею (т. е. *съ полотенцами* и *платками*) при государѣ, стояли по сторонамъ трона двое стряпчихъ. Когда государь сѣлъ за столъ, окольничій Ѳ. М. Ртищевъ прошелъ съ правой стороны и представилъ его величеству стольниковъ и чашниковъ, одѣтыхъ въ золотое (т. е. парчевое) платье, разставленныхъ парами. Постоявъ нѣсколько мгновеній, Ртищевъ двинулся къ поставцу мимо центральнаго столба и за нимъ прошли стольники и чашники, назначенные для прислуживанія государю за столомъ. Пить носили государю 26 чашниковъ. а кушанье ставили 58 стольниковъ, изъ чего можно заключить что за этимъ торжественнымъ обѣдомъ должно было подавать 58 перемѣнъ блюдъ и 26 родовъ питей и винъ, которые назначено разносить между кушаньями.

Боярамъ подавали блюда 22 стольника и 23 стряпчихъ, а пить носили 6 стольниковъ и 21 стряпчій. Слѣдовательно, блюдъ за ихъ столомъ было 45, а питей то же число, что и у Государя и у пословъ, при которыхъ также было 26 чашниковъ (два только стольника, остальные стряпчіе). Въ столѣ у пословъ было 26 блюдъ (столько же для ношенія ихъ назначено стольниковъ и стряпчихъ).

При поставцѣ, кромѣ Ртищева, отпускавшаго «ѣству»

Библиотека "Руниверс"

Государю, находились, въ парчевыхъ одеждахъ 2 *дьяка*, 3 *путныхъ ключника*, *чарочникъ*, 5 стряпчихъ и 2 *векошника*. У государева стола стояли крайчій (князь Петръ Семеновичъ Урусовъ) и три стольника (одинъ для кушанья, другой для наряда винъ, а третій для наливанья пить Его Величеству).

Вотъ какъ сложенъ былъ церемоніялъ большаго стола московскаго Государя!

Здоровье англійскаго короля пилъ царь Алексѣй Михайловичь изъ яшмовой братины, пославъ къ Говарду съ заявленіемъ, князя Троекурова. Посолъ вышелъ изъ за стола «бить челомъ» государю; затѣмъ пили бояре изъ кубковъ. Третью чашу пилъ посолъ за здоровье государя, опять выйдя изъ-за стола; то же сдѣлали и бояре. Самъ Государь за себя «пилъ изъ хрустальной чаши». Въ чаши и кубки (по три каждому) наливали: романею, ренское и бастръ, а потомъ по три ковша красныхъ и по три ковша бѣлыхъ медовъ подавали, за столомъ.

Не повторяя всего длиннаго списка кушаньевъ, подававшихся за столомъ, приведенъ только наиболѣе характерныя и оригинальныя, чисто московскія и масляничныя блюда. Таковы, напримѣръ, «перепеча крупичатая, каравай пересыпной съ рыбою да съ хворостомъ, каравай съ осетровыми молоками, пирогъ косой съ блинцы, да съ сыромъ, блюдо сельдей въ тестѣ, блюдо *сочней* съ молочной кашею». Въ числѣ масляничныхъ «ѣствъ», замѣтимъ изъ 16 блюдъ слѣдующія: блюдо *древецъ(?)*, блюдо *елецъ(?)*, блюдо шишекъ чешуйныхъ (т. е. кедровыхъ орѣховъ au naturel), блюдо орловъ, блюдо львовъ, блюдо раковъ, блюдо грифъ, блюдо рѣпьевъ; роща красная цвѣтная, расцвѣченная разными краски, а на ней орелъ золоченный сусальнымъ золотомъ; роща бѣлая, а на ней орелъ серебряный — всѣ эти блюда, начиная съ орловъ были *сладкія печенья*. Послѣднія *двѣ рощи* послалъ Государь, со Ртищевымъ, сыновьямъ своимъ, Алексѣю и Ѳедору Алексѣевичамъ.

Въ заключеніе, прибавилъ, что грановитая палата во время продолжительнаго столованья англійскаго посла освѣщена была восковыми свѣчами. Съ этими свѣчами и провожали посла. Можно представить себѣ, какъ много было этихъ свѣчь, когда по счету видно, что сгорѣло только воску безъ 2½ фунтовъ тридцать восемь пудовъ.

Вслѣдъ за посломъ, на посольскій дворъ послано «подчивать посла и посольскихъ людей:» кружка водки, кружка вина съ кадрамономъ, по ведру романеи, ренскаго, аликанте, медовъ, вишневаго, малиноваго, паточнаго, гвоздичнаго; 2 ведра пива простаго и *поддѣльнаго* (т. е. вкусъ котораго измѣненъ специями), ведро пива съ малиною, ведро квасу; 2 третника (3 ведра) воды брусничныя и поддѣльныя да третникъ «квасу яблочнаго». Да 21 блюдо кушаньевъ (*).

Вотъ какъ угощали пословъ въ Москвѣ русскіе государи.

Оба перечисленные нами состава блюдъ были постные. Для примѣра скоромныхъ обѣдовъ возьмемъ, обиходное *мэню* стола боярина Вориса Ивановича Морозова, на святой недѣлѣ въ субботу (апрѣля 1661 года). Обѣдъ состоялъ изъ тридцати семи блюдъ (**), большею частію (25) мясныхъ, соленая же рыба въ концѣ (послѣднее блюдо) какъ непремѣнное условіе. Царскій столъ отъ боярскаго разнился, можетъ быть, числомъ, но не составомъ блюдъ.

Роспись кушаньевъ царскаго стола заключаетъ собственно количество припасовъ для кушаньевъ, съ обозначеніемъ родовъ блюдъ въ каждомъ мясоѣдѣ. Выше, мы привели отсюда, количество хлѣба, подаваемаго къ столу Государеву, въ постные и скоромные дни. Здѣсь ограничимся мы только нѣсколькими замѣчаніями, въ дополненіе къ высказаннымъ выше фактомъ.

Такъ напримѣръ, изъ «росписи» узнаемъ мы, что въ посты Государю подавались *сельди переяславскія*, свѣжія, *паровыя* (по 3 и по 5 штукъ на блюдо). Къ *тѣльному* изъ стерляди прибавляли: пару щукъ да судака, кипяченыхъ въ полуковшѣ орѣховаго масла. Пряностей въ кушанье класть не жалѣли, такъ что на каждое блюдо ухи рыбьей *требовалея золотникъ перца*. Въ такъ называемую *уху карасевую*, клали «пол-чумича пшена русскаго» *на блюдо*, что и даетъ намъ право видѣть въ этой ухѣ, нѣчто въ родѣ густаго супа, а никакъ уже не уху въ смыслѣ нашего времени. Для изготовленія же одного блюда *пироговъ подовыхъ*, въ филиповъ постъ, требовались «4 лопатки муки крупичатой, 6 чумичей крупъ гречневыхъ, ½ ковша масла орѣховаго, да векошникъ снятковъ»; количество другихъ припасовъ выходило въ той же пропорціи. При большихъ столахъ количество полагаемаго на блюдо увеличивалось, разумѣется.

Столы большіе, обыкновенно въ торжественные дни, отправлялись въ *столовой избѣ* т. е. въ деревянной пристройкѣ къ кремлевскому дворцу, на Москву-рѣку, за Золотою палатою, близъ верхняго государева сада. Бывали, впрочемъ, какъ мы видимъ изъ приведеннаго кормленья англійскаго посла, — столы и въ Грановитой палатѣ, для большаго представленія великолѣпія двора московскаго иностранцамъ.

Обѣды въ *столовой избѣ* бывали въ дни пріема посланниковъ да въ имянины членовъ царскаго семейства, независимо годовыхъ праздниковъ, когда чиновные люди (каковы судьи и дьяки московскихъ приказовъ, да воеводы пріѣзжіе изъ городовъ) являлись во дворецъ «видѣти пресвѣтлые очи государевы» и за тѣмъ оставлялись обѣдать. Обыкновенно на обѣды въ *столовой избѣ* приглашался и патріахъ, со властьми. Духовныхъ лицъ сажали за большой столъ съ боярами, но, при такихъ случаяхъ, ставился еще *кривой* столъ, для менѣе заслуженныхъ гостей. «Въ столы смотрѣли», т. е. распоряжались разносомъ блюдъ гостямъ, обыкновенно стольники *очередные* также *наряжавшіе* и вина. Государь, съ патріархомъ, да тремя-четырмя боярами, сидѣлъ за особымъ малымъ столомъ, имѣя передъ собою *крайчаго*. При Михаилѣ, въ числѣ избранныхъ, на обѣдахъ за царскимъ столомъ, бывали обыкновенно князья Дмитрій Михаиловичъ Пожарскій, да Лыковъ. При Алексѣѣ Михаиловичѣ удостоивались чести сидѣть подлѣ государя, князья: Никита Ивановичъ Одоевскій, Иванъ Андреевичъ Хилковъ и Юрій Алексѣевичъ Долгоруковъ.

При вѣнчаніи на царство, или объявленіи сына государева наслѣдникомъ престола, по столовой избѣ бывали *обѣды трехдневные*, сряду.

Въ эти торжественные дни «ѣсть государю подавали *на золотѣ*», а гостямъ *на серебрѣ*. На этотъ случай развертывались бережно уложенные въ казенныхъ *ткатулахъ* и *ларцахъ*,—*ставы* (мѣшечки, чаще всего разшитые золотомъ и шелками, матерчатые), въ которыхъ находились по *дюжинамъ* приборы, отдѣльно: вилки, ножи и ложки.

Тарелей золотыхъ царя Алексѣя Михаиловича дошло до насъ двѣ, съ его именемъ. Одна изъ нихъ точно передана въ нашемъ изображеніи. На тарелкѣ, финифтью наведенъ узоръ изъ переплетающихся растеній съ цвѣтами, довольно изящный. Въ срединѣ (въ ширину донышка) въ клеймѣ помѣщенъ двухглавый царскій орелъ, финифтяный же. Вокругъ

(*) Съ кормоваго двора: блюдо икры осеннія, оладейка тѣльная, блюдо щучины, блюдо стерлядины, лещь росольной, 2 окуня росольные, полъголовы лососьи подъ лимоны, схабъ бѣлужій, спина лососья, стерлядь паровая, лещь паровой, спина бѣлой рыбицы, уха карасевая, уха пискаревая, уха линевая, караваецъ съ пирожками тѣльной оладейка, жаркая тѣльная (рыбная отбивная котлета), щука колотка (фаршъ рыбный), полъголовы осетрины свѣжей, звѣно бѣлужины свѣжей просольной, щука голова живая.

(**) 1) Окорокъ, 2) тетеря подъ сливами, 3) языкъ провѣсной, 4) полотокъ гусиной, 5) квашенина говяжья, 6) солонина окрашивана, 7) говядина окрашиванная подъ огурцы, 8) плечо баранье, 9) рябчикъ жаркой, 10) легкое баранье, 11) куря индѣйское (жареная индѣйка), 12) шти приказные, 13) гусь жаркой. 14) тетеревъ жаркой надергиванъ ветчиной (шпигованный), 15) пирогъ колобовой (сдобный), 16) утка жаркая, 17) грудина баранья 18) говядина жаркая, 19) сандрики, 20) калья съ лимоны, 21) пирогъ курникъ, 22) шти богатые, 23) потрохъ гусиный, 24) пирогъ съ сахаромъ (пирожное), 25) куря въ кашѣ, 26) каравай яцкой, 27) лапша съ куремъ. 28) баранина, 29) голова баранья, въ ухѣ (опять родъ соуса), 30) аладьи малые, 31) говядина шестная (душеная), 32) пироги долгіе, съ яицы, 33) солонина подъ взваромъ (остро-соленый соусъ), 34) сырники (ватрушки), 35) караси, 36) колотка, 37) уха *окуневая* и 38) звено осетрины (просольной).

Библиотека "Руниверс"

орла по рамкѣ клейма титулъ и имя государя вязью: «Царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ всея Русіи самодержецъ».

Вилки столовыя въ старину бывали о двухъ, или о *трехъ* зубцахъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ.

Ложкамъ изъ благороднаго металла при одинакой формѣ овальнаго жолобка углубленія, обыкновенно придавали много разнообразія украшенія ручки — *стебля*. Золотыхъ ложекъ, со вдѣланными камнями, въ оружейной палатѣ сохраняется значительное число. Большая часть этихъ приборовъ, какъ даетъ понять и помѣщаемое нами изображеніе—*иностранной работы*. Украшенія ихъ своими формами и характеромъ орнаментаціи это доказываютъ.

О посудѣ для питья, поговоримъ въ другой разъ, такъ какъ обиліе и разнообразіе этого рода утварей не можетъ быть объяснено въ нѣсколькихъ словахъ.

П. Петровъ.

Новое вавилонское столпотвореніе въ Филадельфіи (Америка).

По случаю ожидаемой въ 1876 году всемірной выставки, которая послужитъ вмѣстѣ съ тѣмъ столѣтнимъ юбилеемъ независимости американцевъ, предполагается увѣковѣчить воспоминаніе о началѣ нынѣ-могущественнѣйшей республикѣ—по истинѣ величественнымъ образомъ. Намѣреваются именно воздвигнуть въ Филадельфіи такой памятникъ, который вознесся бы надъ землею выше всѣхъ твореній рукъ человѣческихъ, состязуясь съ тѣмъ ветхо-завѣтнымъ вавилонскимъ столпомъ, сооруженіе котораго было предпринято еще въ то время, когда всѣ люди на землѣ говорили единымъ языкомъ и единою рѣчью.

Въ виду исполинскаго сооруженія, которымъ сѣверные американцы желаютъ удивить современный міръ, наша мысль почти невольно переносится въ древнему вавилонскому столпотворенію. Библія не указываетъ намъ ни на кого, по иниціативѣ котораго этотъ столпъ былъ сооруженъ; она просто разсказываетъ, что люди возымѣли желаніе построить башню, вершина которой достигла бы до небесъ, дабы прославить этимъ свое имя. Языческіе писатели, до которыхъ тоже дошла вѣсть объ этой башнѣ, приписывали ея сооруженіе богу-Бэлу, отъ котораго и городъ Вавилонъ или *Бабэль* (врата Бэла) получилъ свое названіе. Развалинами вавилонскаго столпа обыкновенно считаютъ громадную груду мусора, сохранившуюся и понынѣ въ окрестностяхъ города Гиллаха на Евфратѣ, на разстояніи 20 нѣмецкихъ миль къ югу отъ Багдада. Этотъ жалкій остатокъ нѣкогда исполинскаго творенія представляется намъ теперь въ видѣ огромной пирамидальной кучи, вышиною въ 200 футовъ, состоящей изъ обожженныхъ и необожженныхъ кирпичей, извести, цемента и асфальта, отчасти покрытаго клинообразными надписями и астрономическими изображеніями.

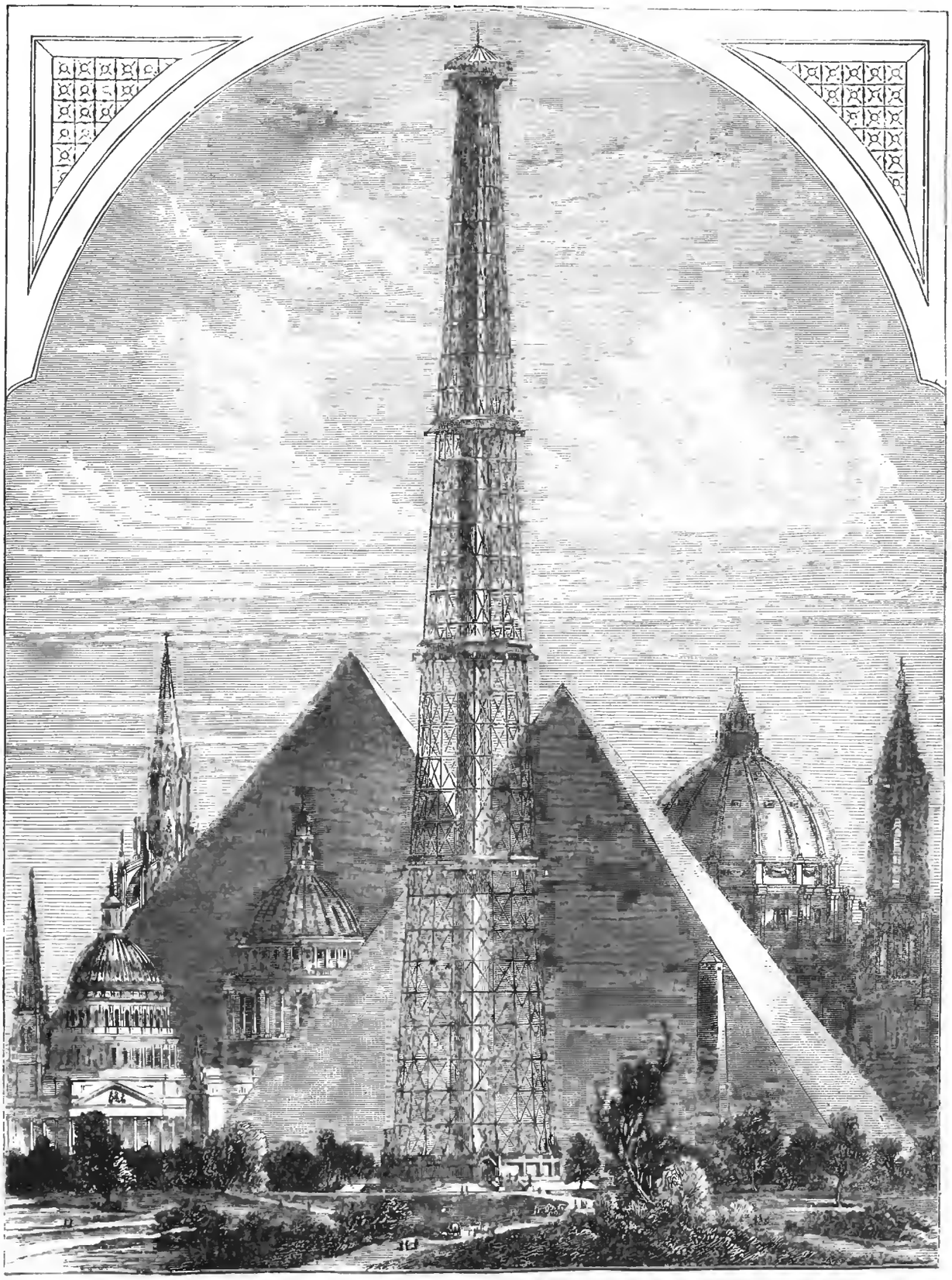
Высота Филадельфійской башни предполагается въ полныхъ 1000 футовъ. Конечно, если сравнивать ее съ высочайшими вершинами Кордильеровъ и Гималая, она выйдетъ просто карликомъ; но всѣ извѣстныя намъ творенія рукъ человѣческихъ она оставляетъ далеко за собою. Читатель можетъ самъ въ этомъ убѣдиться, бросивъ взглядъ на представленный здѣсь рисунокъ знаменитѣйшихъ зданій на земномъ шарѣ. Средину рисунка занимаетъ сѣтчатообразная, такъ сказать, воздушная Филадельфійская башня: ближе всего по вышинѣ подходитъ къ ней башня Кельскаго Собора, высота которой имѣетъ быть въ 500 футовъ надъ основаніемъ храма; за тѣмъ слѣдуютъ пирамида Хеопса, имѣющая 480 футовъ, далѣе великое твореніе Микель-Анджоло—куполъ храма Петра въ Римѣ, имѣющій 473 футовъ, пирамида Хефрена въ 454 фута и страсбургскій мюнстеръ (соборъ) въ 438 футовъ, которому мало уступаютъ относительно высоты Стефанова башня въ Вѣнѣ и Мартиновская церковь въ Ландегутѣ, (первая—436, вторая—434 фута). Далеко за этими зданіями остается Павловская церковь въ Лондонѣ (375 ф.), а въ еще болѣе скромныхъ къ нимъ отношеніяхъ стоятъ высочайшія до сихъ поръ зданія Сѣверной Америки: Капитолійскій куполъ въ Вашингтонѣ (387 ф.), Троицкая церковь въ Нью-Іоркѣ (268 ф.) и гранитная колонна—памятникъ военныхъ дѣйствій на Бункеръ-Гиллѣ (221 ф). Высота купола ротонды вѣнской всеаірной выставки была, какъ извѣстно, въ 348 футовъ.

Планъ этой Гигантской башни былъ проэктированъ частными инженерами Кларкъ и Рсевесъ, производителями работъ въ Фениксвилѣ, которые взяли на себя и сооруженіе этой башни. Фирма ихъ пользуется такою заслуженною репутаціей, что сѣверо-американцы въ ней одной уже видятъ достаточную гарантію въ успѣшномъ исполненіи этого предпріятія. Строительнымъ матеріаломъ будетъ служить американское полосовое желѣзо, прработанное въ плиты, соединеніе которыхъ произведено будетъ посредствомъ діагональныхъ подперемычныхъ брусовъ и гаризонтальныхъ перекладинъ. Башня имѣетъ круглую форму, діаметръ ея основанія составляетъ 150 футовъ: къ верху она все болѣе и болѣе съуживается, оканчиваясь тупою вершиною, имѣющей 39 футовъ въ діаметрѣ. По всей длинѣ ея проходитъ центральная труба, 30 ф. въ діаметрѣ, внутри которой посредствомъ особаго приспособленія двигаются четыре элеватора (подчешники). Послѣдніе такъ устроены, что впродолженіе часа 500 человѣкъ могутъ быть подняты вверхъ и опущены внизъ, употребляя на первое 2 минуты, а на послѣднее 5 минутъ. Для большой безопасности на случай внезапнаго разрыва каната, приводящаго въ дѣйствіе элеваторы, послѣдніе снабжены особыми, приспособленными для этой цѣли пружинами, назначеніе которыхъ удержать элеваторъ отъ паденія. Подобнаго рода задерживающіе снаряды давно уже въ употребленіе въ нашихъ рудникахъ. Кому однакожъ этотъ способъ передвиженія покажется не вполнѣ безопаснымъ, тотъ можетъ преспокойно подниматься вверхъ по вьющейся вокругъ центральной трубы винтовой лѣстницѣ.

На нашемъ рисункѣ видно, что изъ самой средины башни расходятся по всѣмъ направленіямъ укрѣпляющіе болты и связи. Съ ихъ помощью она пріобрѣтаетъ такую крѣпость, какъ будто бы она была высѣчена изъ одного цѣльнаго камня, имѣя за собою притомъ и ту въ высшей степени важную выгоду, что представляетъ вѣтру сравнительно весьма ничтожную поверхность сопротивленія, благодаря своему рѣшетчатому устройству. Всѣ обстоятельства были такъ разсчитаны, что наибольшее давленіе, которое можетъ производить зданіе вмѣстѣ съ находящимися въ немъ людьми и подъ напоромъ боковаго вѣтра съ силою 50 ф. на каждый квадратный футъ, не будетъ обременять нижняго ряда столбовъ болѣе чѣмъ на 500 фунтовъ на каждый квадратный дюймъ. Находящіися на ней четыре галлереи будутъ снабжены крышею и окружены проволочною сѣтью, для предупрежденія несчастныхъ случаевъ. Издержки на сооруженіе этой башни, предполагаются въ 1,000,000 долларовъ, а необходимое для этого время—одинъ годъ. Выборъ мѣста, гдѣ этотъ памятникъ имѣетъ быть воздвигнутъ, не рѣшенъ еще окончательно; во всякомъ случаѣ онъ будетъ настолько близокъ къ зданію всемірной выставки, чтобы послѣдняя могла быть вся ярко освѣщена друммондовымъ и электрическимъ свѣтомъ, падающимъ съ вершины башни.

Такимъ образомъ, съ развитіемъ цивилизаціи и сопутствующихъ ей знаній, нѣкогда дивившія міръ *семь чудесъ свѣта*, къ числу которыхъ принадлежала и вавилонская башня,—низводятся на степень обыкновенныхъ построекъ сравнительно съ тѣмъ, что можетъ воздвигнуть современная архитектура съ ея научными средствами.

Библиотека "Руниверс"



Новое Вавилонское Столпотвореніе въ Филадельфіи (Америка) и сравненіе его съ другими высокими зданіями.

Башня св. Стефана въ Вѣнѣ (436 футовъ). Кельнскій соборъ (500 фут.). Капитолій въ Вашингтонѣ (287 фут.). Пирамида Хеопса (480 фут.). Церковь св. Павла въ Лондонѣ (375 ф.). Башня въ Филадельфіи (1000 футовъ). Пирамида Хефрена (454 фута). Храмъ св. Петра въ Римѣ (473 фута). Страсбургскій соборъ (488 футовъ). Гранитный обелискъ въ Бункеръ-Гиллѣ (221 футъ).

Библиотека "Руниверс"

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

(Продолженіе).

II.

Я еще разсказывалъ про свое нехитрое житье-бытье Лизаветѣ Николаевнѣ, какъ вдругъ изъ передней вслѣдъ за рѣзкимъ продолжительнымъ звонкомъ раскатился женскій смѣхъ, зашуршалъ тяжелый шлейфъ, высокая дама въ узенькомъ бархатномъ платьѣ, опушенномъ соболью, съ огромнымъ турнюромъ, въ шляпкѣ съ длиннѣйшимъ перомъ, съ желтенькой собаченкой на рукахъ, вбѣжала къ намъ, хохоча, спотыкаясь, и бросилась на козетку, какъ разъ противъ меня, такъ что я едва успѣлъ подобрать свои ноги, давая ей дорогу....

— Что ты, Анастази? что съ тобой? проговорила Тароватова, подходя къ ней.

— Представь, Бэтси, ѣду сейчасъ по Невскому и вдругъ вижу, что кто-то съ той стороны поворачиваетъ свои сани за мною и пускается на перегонки, зачастила дама точно въ трещотку,—всматриваюсь—этотъ impossible.... Помнишь старую обезьяну?... Ему страхъ какъ хочется участвовать въ нашей поѣздкѣ — и вотъ онъ два дня уже меня ловитъ... Я не говорюсь дома, je reste porte fermée — не унимается, преслѣдуетъ меня на прогулкѣ... Я разумѣется приказала кучеру не жалѣть лошадь... Свернули въ твою улицу, онъ за нами... Я велѣла задержать на минутку у подъѣзда и прыгъ прямо въ ворота—сани мои понеслись дальше, а тотъ за ними—тоже кричитъ старикашка: «пош-шолъ!... пошшолъ»!.. и кашляетъ... ха, ха, ха!..

Замѣтивъ, что я не смѣюсь, дама вскинула на носъ черепаховое пенсне и оглядѣла меня въ упоръ, слегка закинувъ голову...

— Моя сестра!.. быстро проговорила Лизавета Николаевна, какъ-то повеселѣвъ,—Анастази, докторъ ***...

— Au service des malades imaginaires, n'est ce pas? [1]) переспросила Настасья Николаевна, смѣясь и проворно тиснувъ мнѣ руку, причемъ пенсне самъ собою соскочилъ у нея съ лица.

— Кажется, у насъ тутъ на порядкахъ и настоящихъ больныхъ, для того чтобы заниматься еще мнимыми, отвѣтилъ я улыбаясь...

— Ah, vous êtes docteur pour tout de bon?! [2]) Такъ вы бука стало быть?.. Ну, одной паціенткой меньше—я не приглашу васъ къ себѣ лейбмедикомъ...

Во всѣхъ пріемахъ Анастасіи Николаевны было что-то не то чтобы совсѣмъ мужское, а то родственное ему chiqué, которое заимствуется съ подмостковъ французскаго театра.

Я догадался, что это была старшая сестра Тароватовой, извѣстная мнѣ только по слухамъ объ ея апокриѳическомъ пассажѣ съ мужемъ.

— Нѣтъ, нѣтъ!.. говорила между тѣмъ Лизавета Николаевна,—увѣряю тебя, онъ лучшій мой другъ...

— Посмотримъ!.. Если такъ — я беру его сегодня въ свою тройку—мои кавалеры мнѣ всѣ надоѣли... Хотите?

Я поблагодарилъ и принялъ приглашеніе. Мнѣ хотѣлось имѣть понятіе о томъ, какъ и съ кѣмъ проводятъ время Тароватовы.

Опять раздался звонокъ, — я думалъ, что это Михайло Иванычъ вернулся, но вошелъ московскій знакомецъ мой, cavaliere servente. Петербургъ успѣлъ отозваться на немъ — и весьма невыгодно. Новенькая шляпа и довольно свѣжія перчатки въ конецъ убивали потертый сюртукъ съ высокимъ жилетомъ, надъ которымъ выглядывалъ воротничекъ изъ бѣлаго картона: толстыя ботинки его носили явный слѣдъ его профессіи, оставляя таковый же на паркетѣ и по ковру... За то онъ пріобрѣлъ нѣчто новое, въ чемъ ему рѣшительно отказывали москвичи—личность...

— Не угодно ли вамъ возобновить знакомство, господа? наскоро проговорила Лизавета Николаевна:—Мг. Калязинцевъ...

Мы поклонились другъ другу.

— Eh bien, petit jeune homme? достали тройку Лизѣ? обратилась къ нему Анастасія Николаевна.

— На нашей биржѣ всѣ разобраны, отвѣтилъ Калязинцевъ, садясь такъ, чтобы по возможности скрыть недостатки своего костюма,—Михайло Иванычъ самъ поѣхалъ искать...

— Видите, какой у меня добренькій мужъ? взглянула на меня Лизавета Николаевна—и на этотъ разъ въ глазахъ ея было что-то хорошее, чрезвычайно понравившееся мнѣ...

— Bah!.. bêta que tu es! [1]) вставила Анастасія Николаевна:—это его обязанность, я думаю... Еслибъ я была на твоемъ мѣстѣ—я запрягла бы его самого... Ça lui ferait du bien quand même!... [2]) докончила она со смѣхомъ,—не женитесь, докторъ, если не хотите, чтобъ и про васъ такъ же говорили... C'est la fatalité!.. [3]).

Ничего не стоило вызвать сестрицу Лизаветы Николаевны на дальнѣйшія saillies, но я уже видѣлъ ее насквозь и только желалъ знать, какъ относится къ ней Тароватовъ и ради какихъ соображеній терпитъ онъ ее въ своемъ домѣ.

Но Михайло Иванычъ вошелъ и поздоровался какъ ни въ чемъ не бывало. Слуга внесъ за нимъ объемистый свертокъ.

— Ну, что, барыня, вы ужь за нами прилетѣли? пріѣдемъ-пріѣдемъ—не преминемъ, сказалъ онъ Анастасіи Николаевнѣ и весело обратился къ женѣ,—вотъ Лиза, вы найдете въ томъ тюкѣ ваши порученія; но конечно лучше всего мною привезеннаго... что? спросилъ онъ, поглядывая на меня.

— То, что ты самъ хлопоталъ объ этомъ въ такую мятель, улыбнулась Лизавета Николаевна, дотронувшись до его подбородка.

«Или я давече ошибся, или они артистически ловко морочатъ другъ друга», пришло мнѣ въ голову. Что-то ужь слишкомъ просто обращались они между собою! Такъ выражается лишь семейное счастіе, или полнѣйшее обоюдное равнодушіе... Средины тутъ быть не могло—что-же изъ двухъ?

Трудно было рѣшить это и за обѣдомъ, который послѣдовалъ затѣмъ. Я сидѣлъ между сестрами, едва успѣвая вставлять свое слово въ общую болтовню. Одинъ Калязинцевъ больше молчалъ и ѣлъ за четверыхъ—бѣдный песикъ видимо проголодался, пожалуй и не съ нынѣшняго дня. Анастасія Николаевна раза два наступала мнѣ на ногу подъ столомъ и взглядывала на меня касаясь губами рюмки. Я отвѣчалъ какъ могъ приличнѣе, рѣшившись остаться у нея въ милости въ видахъ будущаго.

Не буду останавливаться на томъ, что при всей раскоши сервировки, скатерть была грязна, блюдо или два сыроваты—и въ срединѣ обѣда пришлось посылать

[1]) Къ услугамъ мнимыхъ больныхъ, конечно?
[2]) Такъ вы—*докторъ не на шутку.*

[1]) Вотъ еще! дурочка ты моя!
[2]) Во всякомъ случаѣ, ему это здорово...
[3]) Судьба!

Библиотека "Руниверс"

за горчицей... Отсутствіе хозяйки въ домѣ чувствовалась на каждомъ шагу—но всякому знающему воспитаніе Лизаветы Николаевны смѣшно было бы и требовать отъ нея такого быстраго превращенія. Меня интересовало не то—и все таки я не находилъ путеводной нити въ лабиринтѣ своихъ предположеній и сомнѣній.

— Лиза, посмотри, стаканъ твоего сосѣда совсѣмъ пустъ, говорилъ напримѣръ Михайло Иванычъ между розсказнями, которыми смѣшилъ Анастази.

— Это ваша область, Михайло Иванычъ! отвѣчали ему.

Ты и *вы* чередовались просто и непринужденно.

Тотчасъ послѣ кофе Анастасія Николаевна заторопилась домой. У нея былъ назначенъ сборный пунктъ всѣмъ тройкамъ.

— Eh bien, docteur! насъ ждутъ... вашу руку!.. partons pour la Syrie!..

— Посиди, посиди еще!.. стала упрашивать ее Тароватова,—успѣешь... куда въ такую рань!

Голосъ ея звучалъ искренней жалобой и лицо приняло грустное выраженіе, между тѣмъ какъ она договорила:

— Что-же это? сама уѣзжаешь.. его увозишь... мнѣ одной скучно будетъ...

Я поглядѣлъ на Михайлу Иваныча: онъ чуточку измѣнился въ лицѣ, но проглотилъ пилюльку молча.

— Михайло Иванычъ, ты развѣ съ нами? спросилъ я, слегка усмѣхнувшись.

Лизавета Николаевна вдругъ покраснѣла и взглянула на меня умоляющими глазами...

— Нѣтъ, не съ вами... спокойно выручилъ Тароватовъ,—да вѣдь мужъ и жена—одно; ну одному-то и скучненько послѣ такаго пріятнаго общества ..

Лизавета Николаевна погрозила ему и пошла провожать насъ.

— А самъ ты никогда не скучаешь со мной? мимоходомъ кинула она вполголоса.

Анастасія Николаевна, на ходу, наклоняла станъ впередъ и приподнимала назади шлейфъ, забывъ вѣроятно, что идетъ не по грязи. Въ передней она быстро сѣла на рѣзной стулъ и обнажила высокій сапожекъ выстроченный шелкомъ до самаго чулка.

— Voyons! mes galoches, s'il vous plaît!.. [1]) проговорила она, ни къ кому особенно не обращаясь и повидимому ожидая этой услуги отъ меня.

Тароватовъ подскочилъ козломъ и сталъ на одно колѣно, первую колошу надѣлъ какъ слѣдуетъ, со второю чуть ни опрокинулъ свояченицу—и самъ же подхвативъ, сдалъ мнѣ ее руки.

— Уфъ!.. медвѣдь!.. проговорила моя дама, — не опаздывайте же, дѣти!.. крикнула она уже на лѣстницѣ и проворно какъ бѣлка побѣжала внизъ по ступенямъ...

III.

Лихачъ, съ бѣлыми какъ снѣгъ возжами, въ бѣлыхъ перчаткахъ, ждалъ у насъ подъѣзда; караковой конь такъ и плясалъ, дугой выгнувъ шею, взрывая цѣлыя облака снѣжной пыли...

— Домой!.. крикнула Анастасія Николаевна, усѣвшись.—Держите же меня, обратилась она ко мнѣ.

Я дѣлать-нечего рѣшился обнять ея станъ, тонкій какъ у осы; она всею тяжестью откинулась на мою руку, потупивъ голову,—и мы вынеслись на Невскій. Только въ такомъ близкомъ разстояніи отъ моей дамы разглядѣлъ ея, что на лицѣ ея, съ перваго взгляда поражавшемъ своеобразной и задорной красотой, много постишу. Даже вѣки глазъ ея были слегка подчернены.

— Считайте, сколько народа будетъ завидовать вамъ! шепнула Анастасія Николаевна, кивнувъ кому-то на панели.

[1]) Ну-съ, калоши мнѣ, пожалуйста!

Я скорчилъ гнуснѣйшую физіогномію.

—Скажите, Madame, началъ я по французски,—наша бѣдняжка что-то не весела съ этимъ медвѣдемъ Тароватовымъ!..

— Et de deux! [1]) торжествуя вскрикнула моя дама,—я то же самое говорю Бэтси!.. Конечно, онъ воспользовался ея неопытностью—но развѣ это могло долго продолжаться?..

— Какъ такъ воспользовался? развѣ онъ настолько уменъ?

— Еще бы!.. Вѣдь онъ сдѣлалъ ей предложеніе, когда ей оставалось одно изъ трехъ: или принять его, или завянуть старой дѣвой подъ ворчанье chère maman, или разорвать со всѣмъ какъ я... на послѣднее въ ея лѣта нельзя рѣшиться...

— Хорошо, но вѣдь она вышла за него почти два года спустя? намекнулъ я.

— А вы тоже кажется не изъ послѣднихъ простяковъ!.. Понятно, она держала его подставнымъ женихомъ на всякій случай, а между тѣмъ пользовалась у мамаши свободою невѣсты...

— Она сама вамъ это говорила? не утерпѣлъ я.

— Женщинѣ вовсе не нужно такихъ признаній!.. Я не слѣпа... Но успокойтесь, пока я жива—не дамъ ее въ обиду...

Я немного успокоился за прошлое Лизаветы Николаевны, за то меня обдавало холодомъ ея грядущее съ такой *зрячей* руководительницей...

Мы незамѣтно очутились въ одной изъ улицъ между Морскими. Лихачъ остановился у дома, сплошь усѣяннаго вывѣсками. Анастасія Николаевна проворно вбѣжала по лѣстницѣ во второй этажъ — и мы очутились въ уютной гостиной, освѣщенной и обставленной еще роскошнѣе чѣмъ у Тароватовыхъ,—а потомъ въ маленькой комнаткѣ, цѣликомъ застланной мягкимъ одноцвѣтнымъ войлокомъ и перехваченной пополамъ альковомъ; свѣтлыя суконныя портьеры его широкими буфами собирались наверху подъ огромную рѣзную изъ матоваго орѣха раковину, отъ которой по обѣ стороны шелъ такой же карнизъ. По одной стѣнѣ, въ невообразимой паутинѣ дорогихъ кружевъ прятался туалетный столикъ со всевозможными косметиками; по другой, надъ маленькимъ каминомъ висѣла копія съ «купальщицъ» Нефа. Въ комнатѣ было накурено какими-то необыкновенно пріятными духами. Красивый мальчикъ въ сѣромъ фрачкѣ съ свѣтлыми пуговицами и въ гетрахъ, встрѣтившій насъ въ передней, теперь почтительно ожидалъ приказаній у дверей.

— Никого еще не было? отрывисто спросила хозяйка,—ступай!.. чтобы къ восьми часамъ все было готово!

— Рекомендую вамъ заняться моими альбомами, пока я пріодѣнусь!... посовѣтовала мнѣ Анастасія Николаевна, кокетливо скрываясь въ альковъ. Вскорѣ за драпировкой послышался шорохъ и шелестъ различныхъ тканей.

— Ау!.. крикнула хозяйка, выставивъ одну мордочку въ складки спущенныхъ портьеръ, и расхохоталась мнѣ въ глаза...

Не знаю, что еще послѣдовало бы за тѣмъ, еслибы подъ окномъ не загудѣли бубенчики подъѣхавшей тройки.

— Allez faire les honneurs de la maison, [2]) сказала мнѣ Анастасія Николаевна, махнувъ на меня рукою, и дернула сонетку.

Француженка горничная пробѣжала мимо меня, когда я выходилъ въ гостиную.

Тройки стали подъѣзжать одна за другой. Общество было довольно смѣшанное, молодежь, дамы въ изящ-

[1]) Вотъ и другой то-же!

[2]) Ступайте принимать гостей.

Библиотека "Руниверс"

номъ вечернемъ туалетѣ, офицеры, пожилые люди.... Появилась наконецъ и хозяйка въ ярко-ранжевомъ жилетѣ съ кружевной фрезою по черному шелковому платью. Выходъ ея привѣтствовали дружныя восклицанія.

— Et la charmante madame Tarowatoff?.. подошелъ къ ней стройный красивый молодой человѣкъ съ изящными манерами, въ щеголеватомъ полувыѣздномъ костюмѣ, какъ и большая часть собравшихся на пикникъ.

Пріѣхали Тароватовы. Я замѣтилъ, что Лизавета Николаевна слегка вспыхнула при встрѣчѣ съ интересовавшимся ею франтомъ, а сестра ея все лебезила передъ Михайломъ Ивановичемъ, стараясь то тѣмъ, то другимъ занять его и отвлечь подальше. Къ удивленію моему, старый воробей добродушно шелъ на мякинную приманку и не обращалъ ни малѣйшаго вниманія на то, какъ ухаживали за его женой. Мало того, когда компанія тронулась въ путь-дорогу, онъ собственноручно подсадилъ жену въ ковровыя сани, гдѣ между прочими помѣщался и рьяный ея поклонникъ, а самъ сѣлъ со мною на тройку Анастасіи Николаевны.

Загудѣли хоромъ бубенчики, смѣхъ и говоръ, и вереница троекъ понеслась на Каменноостровскій проспектъ. Анастасія Николаевна громко и безъ умолку болтала съ двумя сидѣвшими по бокамъ ея военными; мы съ Тароватовымъ занимали мѣста у передка.

— Что ты дѣлаешь, Михайло? шепнулъ я ему въ въ шумѣ разговоровъ, ѣзды и бубенчиковъ.

— А что? какъ всегда спокойно возразилъ онъ.

— Тебѣ не шутя надоѣла жена, кажется?

— Да, понимаю! проговорилъ онъ вполголоса, закуривая у меня сигару,—какъ же этого было избѣжать? ты подумай только: родная сестра...

— Ну, эту родную сестру я бы на порогъ къ себѣ не пустилъ!..

— И дурно бы сдѣлалъ!.. не говоря о томъ, что Лиза оскорбилась бы,—все это имѣло бы для нея прелесть запретнаго плода; я же объ томъ только и хлопочу, чтобъ это все какъ можно скорѣй надоѣло ей... Оно помаленьку и дѣлается...

— Помогай Богъ! сомнительно проговорилъ я и больше ужъ не заговаривалъ объ этомъ, давъ себѣ слово — весь вечеръ не терять изъ виду Лизавету Николаевну.

Мы подъѣхали къ модному въ ту зиму французскому ресторану на островахъ. Всѣ окна его свѣтились въ ночномъ сумракѣ, составляя рѣзную противуположность съ остальными дачами, точно всѣ онѣ составляли какое-то выморочное или сонное царство, а онъ одинъ бодрствовалъ. На ярко-освѣщенномъ подъѣздѣ встрѣтила насъ прислуга въ чорныхъ фракахъ съ салфетками въ рукахъ и принялась высаживать дамъ. Анастасія Николаевна, бросивъ свою бурку, пошла впередъ по залитымъ свѣтомъ заламъ, какой-то разбитной походкой, шумно волоча свой змѣевидный шлейфъ и вся изгибаясь въ таліи. Прочія дамы тоже начали какъ-то пищать и рѣзвиться, точно самый воздухъ производилъ на нихъ магическое дѣйствіе. Кавалеры размѣщали ихъ шляпки, муфты, вуали по окнамъ, на каминѣ.... Пустая и холодная гостиная приняла видъ обитаемой. Чай, фрукты и шампанское сервировали на отдѣльныхъ столикахъ, общество разбилось группами, разбрелось по всему ресторану, нанятому на весь этотъ вечеръ...

(Продолженіе будетъ).

По поводу четырехсотлѣтняго юбилея рожденія Микель-Анджело Буонаротти.

Микель-Анджело Буонаротти, ваятель, живописецъ, архитекторъ и во всѣхъ этихъ искусствахъ великій мастеръ, представляетъ почти единственное явленіе въ исторіи художества; его творенія по всѣмъ этимъ тремъ частямъ являются свѣтлыми точками, образцами недосягаемыми. Они походятъ на антики въ томъ отношеніи, что каждое изъ нихъ вполнѣ удовлетворяетъ своимъ цѣльнымъ внутреннимъ содержаніемъ, — но опять рѣзко отличаются отъ антика своеобразнымъ отпечаткомъ, такимъ грандіознымъ, какого мы не встрѣчаемъ ни у одного великаго художника, ни до, ни послѣ него. Создавая себѣ свой особый міръ, населенный образами нечеловѣческаго величія и силы, онъ разрываетъ связь со всѣми робкими, традиціонными типами. По этому господствующій характеръ его творчества: грозность и величественность; за то цѣлая сторона психической жизни человѣка, весь міръ тонкихъ, нѣжныхъ чувствъ, задушевности — закрытъ ему. Его высшей цѣлью было изображеніе всего возвышеннаго, выходящаго изъ ряда вонъ; по этому даже красота человѣческаго тѣла у него облечена поразительнымъ величіемъ, могучестью,—а если, какъ рѣдкое исключеніе, встрѣчается иногда фигура граціозная, то эта грація непремѣнно соединена съ возвышенно-строгимъ выраженіемъ.

Тѣмъ, чѣмъ сдѣлался Микель-Анджело, онъ сдѣлался самъ изъ себя и самъ по себѣ, безъ видимой связи съ предшественниками, современниками и учителями,—и мы постоянно находимъ его на высшей ступени развитія, но отнюдь не можемъ прослѣдить, какъ онъ перешелъ другія низшія.

Ваяніе онъ по преимуществу признавалъ своимъ призваніемъ. Онъ какъ-то разъ сказалъ про себя, что онъ не живописецъ, а въ другой разъ—что архитектура не по его части: но ваятелемъ онъ всегда безусловно признавалъ себя, и всѣми силами старался вполнѣ овладѣть этимъ труднымъ искусствомъ. Ни одинъ художникъ не врывался во всѣ области пластики такъ рѣшительно какъ онъ— и дѣйствіе его демонической художнической натуры, разрывающей всѣ оковы въ своей бурной дѣятельности, на младшихъ современниковъ было такое потрясающее, порабощающее, что онъ послѣ себя оставилъ только подражателей своей манеры со всѣми ея слабыми сторонами. Онъ поставилъ пластическое искусство на одинъ изъ тѣхъ критическихъ пунктовъ, съ которыхъ оно вступаетъ въ новую эпоху и ему открываются новыя, небывалыя и непредвидѣнныя перспективы. Его глубокая, страстная душа не могла удовлетвориться ни робкимъ, боявшимся отступить отъ буквы природы, реализмомъ XV вѣка, ни спокойнымъ и гармоническимъ типомъ красоты, который создался изъ этого реализма и расцвѣлъ при тщательномъ, лелѣящемъ уходѣ великихъ мастеровъ этого вѣка. Что почти всѣ его пластическія произведенія остались недоконченными въ какой нибудь своей части—это не случай, а послѣдствіе свирѣпой борьбы, вѣчно терзавшей его могучій, безпокойный духъ, который неустанно, страстно стремился все къ высшему и высшему идеалу, неутомимо искалъ новаго выраженія для бродившихъ въ немъ колоссальныхъ мыслей, и такъ мало удовлетворялся достигнутымъ результатомъ, что съ негодованіемъ отворачивался отъ него. А многое и потому осталось неконченнымъ, что онъ, въ своемъ нетерпѣніи вызвать душу сокрытую въ мраморѣ, принимался за дѣло слишкомъ неистово и портилъ мраморъ.

Двѣнадцать лѣтъ Микель-Анджело посвятилъ изученію анатоміи, и всю свою жизнь—изученію антика; такимъ образомъ онъ создалъ себѣ свой особый, самостоятельный, идеальный стиль, который нисколько не отпирается отъ своего происхожденія, напротивъ открыто обнаруживаетъ его въ смѣломъ пониманіи формъ, въ почти отвлеченной красотѣ чертъ лица. Но его фигуры въ тоже время отличаются своеобразною колоссальностью замысла, такою грандіозностью, точно онѣ должны служить непосредственнымъ олицетвореніемъ стихійныхъ силъ, управляющихъ вселенною. Тамъ, гдѣ подобная манера соотвѣтствуетъ сюжету, творенія Микель-Анджело производятъ на зрителя потрясающее впечатлѣніе; но бѣда въ томъ, что онъ и въ другихъ случаяхъ стремится производить то же впечатлѣніе и тогда достигаетъ его лишь въ ущербъ внутренней правды.

И такъ, съ Микель-Анджело ведетъ свое начало новѣйшее искуство, господство въ немъ субъективнаго элемента, съ вытекающими изъ этого господства преимуществами и недостатками.

Въ юношескій періодъ его дѣятельности, т. е. до конца XV вѣка, его творческая сила оставалась чиста и наивна; но въ слѣдующую уже эпоху его воображеніе завлекло его на суровые, дикіе пути; эта эпоха не долго продолжалась — и съ 1503 г. уже начинается періодъ высшаго мастерства. Къ несчастью, онъ что дальше то больше предавался геніальному произволу и этимъ жестоко повредилъ искусству; онъ него, представляющаго одну изъ высшихъ вершинъ искусства, начинается также и упадокъ искусства, имѣющій причиною—стремленіе къ внѣшнимъ эфектамъ.

Какъ въ ваяніи, такъ и въ зодчествѣ, великій духъ Микель-Ан-

Библиотека "Руниверс"

Микель-Анджело Буонаротти.

Со стариннаго портрета гравировалъ Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

дело произвелъ переворотъ. И тамъ, онъ былъ себѣ — и учителемъ и ученикомъ. Онъ не самъ ступилъ въ эту область, а былъ въ нее призванъ, потому что его могучее пониманіе формъ въ ваяніи и живописи привело весь міръ въ изумленіе. Уже при первыхъ его архитектурныхъ работахъ геній замѣнилъ ему недостатокъ опыта. Но и тутъ онъ не терпѣлъ никакихъ оковъ. Увлекаемый страстью къ крупнымъ, живописнымъ эфектамъ, онъ началъ передѣлывать по своему и законы правила, которые въ архитектурѣ гораздо точнѣе опредѣлены нежели въ другихъ искусствахъ—и этимъ открылъ просторъ всевозможнымъ прихотямъ и безобразіямъ своихъ преемниковъ, которые въ свое оправданіе могли ссылаться на примѣръ такаго великаго мастера.

Въ живописи Микель-Анджело является не только однимъ изъ основателей новой эпохи, но и однимъ изъ первыхъ мастеровъ всѣхъ временъ. На этомъ полѣ его творческая сила могла развернуться въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ и со всѣмъ могуществомъ. Она давала ему несравненно болѣе многосторонніе и разнообразные средства для облеченія въ видимые образы идеальнаго міра, который онъ носилъ въ себѣ. Въ возвышенности колоссальности концепцій, въ глубинѣ мысли, въ смѣлости движеній и грандіозности формъ,—ни одинъ художникъ не сравнится съ нимъ тутъ, гдѣ онъ имѣлъ случай исчерпать всѣ возможности, которыя представляетъ человѣческая фигура. Тотъ же титаническій духъ, которымъ исполнены его изваянія, живетъ и въ его картинахъ, для которыхъ ему недостаточно было бы никакой доски, никакаго полотна. Въ нихъ замѣтно стремленіе скорѣе къ пластическимъ нежели къ собственно живописнымъ эфектамъ—естественное послѣдствіе его рѣшительно реалистическаго направленія, которое и на рисунокъ его кладетъ отпечатокъ величайшей опредѣленности. Микель-Анджело однако, хотя онъ и твердо стоялъ (даже въ живописи) на принципѣ пластики, оказался замѣчательнымъ колористомъ; его колоритъ отличается большою осмысленностью и гармоническимъ сопоставленіемъ красокъ.

Микель-Анджело Буонаротти родился 6 марта 1474 въ Кьюзи близь Флоренціи, гдѣ его отецъ, принадлежавшій къ роду графовъ Каносса, занималъ должность подеста. Мальчикъ пользовался тщательнымъ воспитаніемъ—и четырнадцати лѣтъ былъ отданъ въ ученье къ живописцамъ Давиду и Доменико Гирландайо, въ Флоренцію; тамъ онъ въ нѣсколько лѣтъ перегналъ не только своихъ товарищей, но и учителей; тутъ случайно узналъ его Лоренцо Медичи, оцѣнилъ его способности и принялъ его въ только-что основанную имъ школу для живописцевъ и ваятелей. Тамъ онъ занялся ваяніемъ—и скоро пріобрѣлъ необыкновенную ловкость въ трудной техникѣ этого искусства. Лоренцо принялъ даровитаго, крайне прилежнаго юношу, который вдобавокъ отличался пріятнымъ обращеніемъ, совсѣмъ къ себѣ въ домъ. Только въ 1492 г., послѣ смерти Лоренцо, онъ вернулся къ своимъ родителямъ, послѣ чего съѣздилъ въ Венецію и въ Болонью. По возвращеніи своемъ во Флоренцію, въ 1496 г., онъ сдѣлалъ спящаго Купидона изъ мрамора и на время закопалъ его въ землю, чтобы дать ему видъ только что вырытаго антика. Это такъ хорошо удалось ему, что кардиналъ Рафаэль Ріаріо дѣйствительно купилъ купидона за антикъ. Когда мистификація открылась, кардиналъ прислалъ ему купидона назадъ, но его пригласилъ въ Римъ и продержалъ годъ у себя. Тутъ онъ создалъ знаменитаго Вакха, всего ближе подходящаго къ антику, и не менѣе знаменитое сиятіе съ Креста.

Когда онъ снова возвратился въ Флоренцію, Микель-Анджело, уже пользовавшійся большимъ почетомъ, въ состязаніи съ Леонардо да Винчи достигъ верха художнической славы. Болѣе ста лѣтъ уже лежалъ тамъ громадный кусокъ мрамора, изъ котораго Агостино ди Гуччо тщетно пытался изваять колоссальную статую для площади Собора. Синьорія, или городской совѣтъ, пригласила нѣсколькихъ художниковъ, въ томъ числѣ Леонардо и Микель-Анджело, еще разъ попытаться что нибудь изъ него сдѣлать. Леонардо объявилъ, что мраморъ никуда не годится; Микель-Анджело же извѣялъ изъ него своего великолѣпнаго Давида.

Слава художника еще увеличилась въ 1504 г. отъ вторичнаго состязанія съ Леонардо; знаменитый его картонъ битвы съ пизанцами, нарисованный имъ по этому случаю, къ несчастью пропалъ; судя по восторженнымъ отзывамъ современниковъ, онъ никогда уже, ни въ одномъ своемъ твореніи, не достигалъ такаго совершенства по части техники.

Болѣе обширный кругъ дѣятельности открылъ художнику папа Юлій II, который хотѣлъ обезсмертить себя пріобрѣтеніемъ какаго нибудь громаднаго произведенія величайшаго ваятеля своего времени. Онъ пригласилъ Микель-Анджело въ Римъ и поручилъ ему составить проектъ надгробнаго памятника для него, папы. Несмотря на преобладающій въ этомъ проектѣ, несомнѣнно произвольный, даже двусмысленный символическій элементъ,—памятникъ, если бы онъ былъ исполненъ въ томъ видѣ, въ какомъ Микель-Анджело его задумалъ, вышелъ бы изъ рукъ его, какъ скульптурно-архитектурное цѣлое, однимъ изъ величайшихъ твореній какъ новѣйшихъ, такъ и древнихъ временъ; но работа скоро была прервана и проектъ потомъ нѣсколько разъ сокращался въ размѣрахъ. Это даже служило поводомъ неоднократныхъ несогласій съ папою, которыя кончились открытою ссорою: Микель-Анджело бѣжалъ во Флоренцію и ничто не могло заставить его воротиться. Только въ 1508 г. онъ помирился съ папою и взялся, противъ своего желанія, по непремѣнному его настоянію, расписать сводъ Сикстинской капеллы. Этотъ заказъ былъ, по настоящему, плодомъ интригъ его многочисленныхъ враговъ и завистниковъ, которые хотѣли лишить его милости папы и для этого разсчитывали на его незнаніе живописи. Но они сильно ошиблись въ своемъ расчетѣ. Работы приглашенныхъ имъ изъ Флоренціи помощниковъ такъ мало удовлетворили его, что онъ въ одинъ прекрасный день смылъ и соскоблилъ все что они написали, заперся одинъ въ капеллѣ, и одинъ окончилъ всѣ фрески въ 22 мѣсяца—невѣроятно короткое время для такого колоссальнаго труда. Эти фрески—безусловно лучшее, что онъ произвелъ въ какой либо области искусства. Въ нихъ его мощный духъ проявляется во всемъ своемъ величіи и чистотѣ и нигдѣ одностороння прихоть не нарушаетъ потрясающаго впечатлѣнія, которое получается отъ этого громаднаго, цѣльнаго творенія. Никогда умъ человѣческій не задумывалъ и не исполнялъ болѣе грандіозной поэмы чѣмъ та, въ которой Микель-Анджело красками изобразилъ сотвореніе міра и человѣка, его грѣхопаденіе, чудесное избавленіе избраннаго народа и приближеніе времени его искупленія.

По окончаніи этихъ фресковъ, преемникъ Юлія II. Левъ X, послалъ его во Флоренцію съ порученіемъ реставрировать фасадъ церкви Санъ-Лоренцо, позволивъ ему въ то же время продолжать работы для памятника Юлія II, которымъ онъ занимался и во все время царствованія Адріана VI. Климентъ VII опять призвалъ его въ Римъ, чтобы сговориться съ нимъ о сооруженіи новой надгробной капеллы и надгробныхъ памятниковъ для праха его предковъ въ той же церкви Санъ-Лоренцо въ Флоренціи. По въ 1527 г. Медичи были изгнаны изъ Флоренціи и демократическое городское начальство назначило Микель-Анджело комиссаромъ надъ всѣми укрѣпленіями. Занимая эту должность, онъ принималъ живое участье въ защитѣ города, въ 1529 г.; но, не смотря на военныя невзгоды, тяжелое и неспокойное время, онъ ни минуты не прерывалъ своей художнической дѣятельности. Послѣ взятія города, папа Климентъ VII исходатайствовалъ ему прощеніе у герцога—и онъ спѣшилъ кончить заказанныя ему папою работы, чтобы оставить навсегда порабощенную Флоренцію. Надгробные памятники Джульяно Медичи и Лоренцо ди Урбино обогатили потомство нѣсколькими великолѣпными произведеніями искусства: статуями того и другаго и аллегорическими фигурами Дня и Ночи, утренней и вечерней зари.

Когда Микель-Анджело окончилъ свои работы въ Санъ-Лоренцо, въ 1532 г. папа Климентъ VII опять призвалъ его въ Римъ, и поручилъ ему написать на главной стѣнѣ Сикстинской капеллы изображеніе Страшнаго Суда. Этотъ фрескъ былъ оконченъ въ 1545 г. и по смѣлости мысли, по разнообразію мотивовъ и мастерству рисунка, особенно въ труднѣйшихъ ракурсахъ, не сравнится ни съ чѣмъ въ исторіи искусства, но не поражаетъ такою чистотою и возвышенностью какъ фрески на потолкѣ.

По истеченіи ровно сорока лѣтъ, исполненныхъ всякими непріятностями, памятникъ Юлія II былъ поставленъ въ церкви Санъ-Пьетро-инъ-Винколи, и художникъ сбылъ главную заботу своей жизни. Главная фигура—знаменитая статуя Моисея.

Въ 1546 г. Микель-Анджело было поручено докончить Храмъ св. Петра. Семидесяти-двухъ лѣтній старецъ сначала отказывался, но наконецъ уступилъ настоятельнымъ просьбамъ папы и принялъ этотъ громадный трудъ безплатно «во славу Бога»; онъ довелъ храмъ, не смотря на всевозможныя интриги и подкопы своихъ враговъ, до начала свода. Куполъ тоже можно считать его твореніемъ, такъ какъ онъ весь построенъ по собственноручной его модели. Несмотря на разныя произвольныя отступленія отъ строгихъ правилъ искусства и послѣдующія пристройки, это колоссальное зданіе, особенно внутри, помпозности обширности и стройной гармоніи размѣровъ и красоты главныхъ частей, производитъ торжественное, величественное впечатлѣніе,—тогда какъ фасадъ, впослѣдствіи придѣланный, является какого то мелко задуманною, хотя и гигантскою по размѣрамъ декораціею.

Микель-Анджело былъ не только великимъ художникомъ, но и замѣчательнымъ, высоко образованнымъ человѣкомъ. Онъ состязался съ величайшими геніями своего времени—Рафаэлемъ, Леонардо-да-Винчи,—былъ преданъ родинѣ, честно сражался за независимость отечества—и ушелъ въ добровольное изгнаніе, когда оно лишилось ея. Въ его характерѣ, съ суровымъ величіемъ соединяется какая-то чудная мягкость чувства, особенно выступающая въ его прекрасныхъ стихотвореніяхъ, отъ которыхъ вѣетъ духомъ Данте. Уже 62 лѣтъ отъ роду онъ узналъ и полюбилъ одну изъ благороднѣйшихъ, безпорочнѣйшихъ женщинъ того вѣка, Витторію Колонну, вдову маркиза ди Пескара; онъ ее воспѣлъ во многихъ сонетахъ и другихъ стихотвореніяхъ. Ея смерть глубоко поразила его—и онъ, въ состояніи близкомъ къ отчаянію, все повторялъ, что ему безконечно больно, что въ послѣдній разъ какъ она его посѣтила, прежде чѣмъ слегла въ краткой смертельной болѣзни, онъ, прощаясь съ нею, поцѣловалъ у нея только руку, а не лобъ!

Микель-Анджело умеръ въ Римѣ, 18 февраля 1563 г. Весь Римъ участвовалъ въ торжественномъ его погребеніи; но двѣ недѣли спустя его племянники тайно перевезли тѣло его во Флоренцію, гдѣ оно, послѣ новаго пышнаго погребальнаго торжества, устроеннаго Академіею художествъ, было положено въ его фамильный склепъ въ церкви Санта-Кроче.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему Министра Внутреннихъ Дѣлъ докладу, 17-го января сего года, Высочайше повелѣть соизволилъ: бывшей Канцеляріи намѣстника въ Царствѣ Польскомъ присвоить наименованіе «Канцеляріи варшавскаго генералъ-губернатора.»

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу Министра Внутреннихъ Дѣлъ, 17-го минувшаго января Высочайше повелѣть соизволилъ: предоставить при нынѣшнемъ наборѣ бывшимъ дворовымъ людямъ и безземельнымъ крестьянамъ, причисленнымъ къ обществамъ, ту же льготу отъ рекрутской повинности, какая была дарована лицамъ, приписаннымъ къ волостямъ, но съ тѣмъ чтобы льгота эта не распространялась на тѣхъ изъ означеннаго сословія лицъ, которыя сданы уже въ военную службу въ прежніе наборы, а также и на тѣхъ, которые причислены къ обществамъ съ ихъ согласія и по пріемнымъ приговорамъ, такъ какъ въ послѣднемъ случаѣ они должны пользоваться всѣми правами членовъ обществъ и исполнять всѣ возложенныя на нихъ обязанности.

— Высочайше повелѣно: въ дополненіе къ Уставу Гражданскаго Судопроизводства 20-го ноября 1864 года постановить, что рѣшенія столичныхъ (С.-Петербурскаго и Московскаго) Съѣздовъ Мировыхъ Судей должны быть изложены въ окончательной формѣ не позже семи дней со дня объявленія оныхъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ «Кронштадтскій Вѣстникъ» сообщаютъ, что 7-ми-пушечный паровой клиперъ «Всадникъ», подъ командою капитанъ-лейтенанта А. П. Новосильскаго, благополучно *прибылъ въ Порто-Грандо, на островахъ Зеленаго Мыса.*

— Пароходъ Русскаго Общества Пароходства и Торговли «Олегъ», вышедшій изъ Одессы 29-го января, срочнымъ константинопольскимъ рейсомъ, застигнутый бурною погодою, выброшенъ 31-го января на европейскій берегъ, въ трехъ миляхъ не доходя до Босфора. Изъ дальнѣйшихъ свѣдѣній, сообщенныхъ пришедшимъ оттуда англійскимъ пароходомъ, видно, что пассажиры, команда и почта спасены, и къ снятію парохода, сидящаго въ песчаномъ грунтѣ, приняты мѣры.

— Изъ форта Карабутакъ (Тургайской области) сообщаютъ въ «Русскомъ Инвалидѣ», что въ концѣ прошлаго года, благодаря почину командующаго войсками въ Тургайской области, положено начало устройству *офицерской библіотеки.* Въ то же время офицеры расположенной тамъ части войскъ приняли на себя расходы по устройству на святкахъ *спектаклей нижнихъ чиновъ*, съ небольшою входною платою. Сборы за спектакли назначены для образованія *солдатской библіотеки.*

Торговля.

— Въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ» пишутъ, что 26-го ноября *прибылъ въ Хиву изъ Красноводска караванъ* шемахинскаго купца армянина Авахуда, на 40 верблюдахъ, съ чаемъ, сахаромъ, свѣчами, виномъ и разными мануфактурными, бумажными произведеніями. Караванъ прошелъ совершенно спокойно по іомудскимъ землямъ. Въ пути караванъ находился 22 дня. Такимъ образомъ вопросъ объ удобствахъ караваннаго пути отъ Каспія къ устямъ Амѣ можно считать, по мнѣнію названной газеты, уже рѣшеннымъ.

— Подъ извѣстіямъ изъ *Львова*, чрезъ пограничныя русско австрійскія желѣзнодорожныя станціи: *Броды*, *Подволочиска*, *Тарнополь* и *Ярославъ*, прошло въ недѣлю по 20-го января изъ Россіи *хлѣбнаго товара* 639.000 пудовъ. На станціи *Радзивилово* находилось по послѣднимъ извѣстіямъ 311 товарныхъ вагоновъ, нагруженныхъ хлѣбнымъ товаромъ и ожидавшихъ передачи своей клади на австрійскія линіи.

— Въ Одессѣ истекшій январь оказался далеко неблагопріятнымъ для торговли зерновыми продуктами. Съ первыхъ чиселъ мѣсяца цѣны на рынкахъ потребленія все понижались вслѣдствіе извѣстій изъ Америки о подготовляемыхъ тамъ значительныхъ отправкахъ для Европы. Обороты въ январѣ были слѣдующіе: продано: озимой пшеницы 38.700 ч., сандомирки 18.300 ч., гирки 37.000 ч., ржи 12.500 ч., кукурузы 800 ч., льнянаго сѣмени 2.300 ч., рѣпака 5.700 ч., сурѣпы 2.000 ч., итого 117.800 четв. Въ настоящее время *въ Одессѣ* полное затишье въ хлѣбныхъ сдѣлкахъ. Покупателей является очень мало, такъ какъ извѣстія изъ-за границы не совсѣмъ удовлетворительны. Судовъ въ портѣ также мало; фрахтователи хотя и являются, но ни судовъ, ни пароходовъ свободныхъ нѣтъ. Фрахты теперь доходятъ до 40 шиллинговъ и до 3 фр. за шаржъ пшеницы.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— Къ числу *варшавскихъ фабрикъ* прибавилась—какъ сообщаютъ въ «Варш. Днев.»—еще одна, *выдѣлывающая кофе изъ винныхъ ягодъ*; этотъ кофе называется «султанскимъ». Владѣлецъ и основатель этой фабрики, г. Густавъ Риттеръ, даетъ работу 20 человѣкамъ (10 мужчинъ и 10 женщ.). Ежедневно производится 100 пудовъ кофе.

— *Въ Калишской губерніи*—владѣлецъ помѣстья *Хойны*, подъ *Боржинаномъ*, баронъ Дангель—устроилъ въ своемъ имѣніи маленькій *питомникъ для разведенія шелковичныхъ червей* и въ прошломъ году уже продалъ 60 фунтовъ мотаннаго шелка, а разведеніе тутовыхъ деревьевъ такъ удалось ему, что въ его плантаціяхъ уже до ста тысячъ этихъ деревьевъ.

— Въ концѣ прошлаго года въ Варшавѣ открыто *женское рукодѣльное заведеніе*, въ которомъ женщины обучаются слѣдующимъ ремесламъ: наборному, переплетному, кройкѣ платья, шитью сапоговъ и перчатокъ, фабрикаціи цвѣтовъ, парикмахерству, бѣлошвейной работѣ, рѣзбѣ, счетоводству, рисованію въ примѣненіи къ ремесламъ, фотографическому искусству съ иллюминовкой и геліоминіатюрой, часовому мастерству, рѣзбѣ печатей, литографіи, фабрикаціи щетокъ, полировкѣ металловъ и токарному мастерству.

— *Въ Харьковской губерніи* въ концѣ минувшаго года найдена, какъ сообщаютъ «Харьковскія Губернскія Вѣдомости», по побережьямъ Донца и по Торцу около Славянска, *минеральная порода*, весьма годная для приготовленія изъ ней извѣстной и употребительной *краски червлени или муміи.*

— Въ имѣніи *Студзеницъ*, въ *Гостынскомъ* уѣздѣ, Варшавской губерніи, открыты *залежи торфа*, который уже на столько вошелъ во всеобщее употребленіе, что мѣстные винокуренные заводы не употребляютъ уже никакого другаго горючаго матеріала, несмотря на то, что сначала какъ крестьяне, такъ и фабриканты и работники относились къ новому топливу съ большимъ предубѣжденіемъ.

ЛИТЕРАТУРА.

22-го февраля 1874 года, Министръ Внутреннихъ Дѣлъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 14-го іюня 1868 года положенія Комитета Министровъ и согласно заключенія Совѣта Главнаго Управленія по дѣламъ печати, призналъ необходимымъ воспретить розничную продажу нумеровъ газеты «Русскій Міръ».

Окончаніе текста „модъ", мартъ 1874 г.

№ 11. Нарядный туалетъ изъ двухъ матерій. Этотъ туалетъ состоитъ изъ голубой шелковой юбки, покрытой маленькими воланами, и атласнаго шлейфа того же цвѣта. Послѣдній приподнимается назадъ двумя концами изъ той же матеріи, обшитыми на одной сторонѣ и на концахъ воланомъ. Къ лифу пришита сложенная въ трубочку баска на атласной подкладкѣ; изъ подъ баски свѣшиваются петли рипсовыхъ лентъ. Рукава также отдѣланы воланами и петлями изъ лентъ.

№ 12. Домашній туалетъ. Платье изъ темно-зеленой матеріи; на юбкѣ пошиты четыре волана, поверхъ которыхъ положены свѣтло-зеленыя шелковыя застежки съ отворочеными концами, прихваченными пуговицами. Тюникъ спереди открытъ и отогнутъ, а сзади пышно приподнятъ; онъ обшитъ кругомъ свѣтлой обшивкой. Лифъ отдѣланъ косыночкой, состоящей изъ косыхъ свѣтло-зеленыхъ шелковыхъ біэ. Прямая задняя баска представляется въ видѣ пяти падающихъ другъ на друга басокъ, отдѣланныхъ свѣтлыми біэ, которыя заворачиваются съ краевъ и прихватываются пуговицами. Такая же отдѣлка положена на рукавахъ.

№ 13. Модель для букета изъ выпуклыхъ суконныхъ цвѣтовъ.

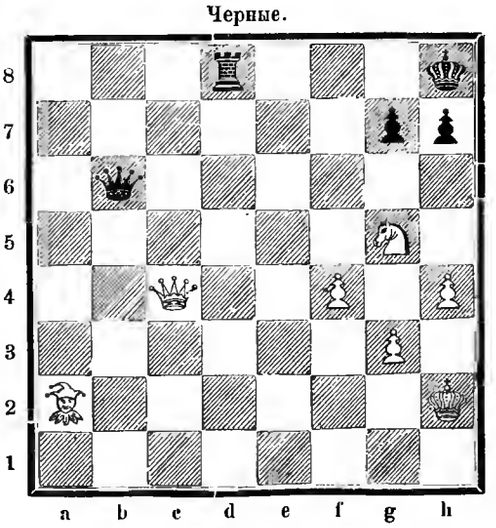
№ 14. Нарядное лиловое бархатное платье съ отдѣлкой изъ свѣтло- и темно-лиловаго фая. Это роскошное платье состоитъ изъ двухъ матерій; переднее и боковыя полотнища сдѣланы изъ фая, при чемъ нижній волань и буфы изъ темно-лиловаго, остальная отдѣлка изъ свѣтло-лиловаго фая. Пышно подобранный длинный шлейфъ и лифъ бархатный. Боковыя полотнища шлейфа подбиты свѣтлымъ фаемъ и украшены карманами, которые отдѣланы, какъ и переднее полотнище англійскимъ шитьемъ темнымъ шелкомъ кордоне по свѣтло-лиловой шелковой полосѣ, пуговицами и біэ. На лифѣ и рукавахъ соотвѣтствующая отдѣлка.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 1.

Н. Ер — ва.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи будетъ въ слѣдующемъ № „Нивы".

Библиотека "Руниверс"

2-й заемъ 1866 г. **ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ** 16-й тиражъ 1-го марта 1874 г.

ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

На основаніи Высочайше утвержденнаго 1-го февраля 1864 года Положенія о внутреннемъ 5% съ выигрышами займѣ и согласно утвержденнымъ г. Министромъ Финансовъ правиламъ для тиража выигрышей и тиража погашенія билетовъ займа, 2-го марта 1874 года Правленіемъ Банка, въ присутствіи членовъ Совѣта Государственныхъ Кредитныхъ Установленій, депутатовъ отъ всѣхъ сословій по назначенію С.-Петербургской городской думы и депутатовъ отъ С.-Петербургской биржи и публики, произведены тиражъ выигрышей и тиражъ погашенія билетовъ 2-го займа 1866 года.

ВЫИГРЫШИ ПАЛИ НА СЛѢДУЮЩІЕ БИЛЕТЫ:

№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.	№№ серій.	№№ бил.	Сумма выигрышей.
11	40	1000	4091	5	500	8848	49	500	13255	37	500	15359	18	500	17664	39	500
36	4	500	4199	33	500	8871	44	500	13263	24	500	15415	33	500	17724	9	5000
55	4	500	4202	49	500	8910	39	500	13292	47	500	15513	19	500	17762	33	500
63	3	5000	4327	43	500	8941	6	500	13333	15	500	15578	3	500	17779	14	500
116	10	500	4333	13	500	8948	18	500	13372	32	500	15837	39	500	17863	4	500
132	21	500	4341	41	500	8979	35	500	13380	35	500	15857	50	500	17918	42	500
323	23	500	4402	2	500	9099	18	500	13383	30	500	15952	46	500	17928	8	500
345	23	500	4468	27	500	9106	31	500	13468	43	500	15962	18	500	18057	19	500
382	29	500	4582	43	500	9226	5	500	13656	14	500	16022	27	500	18179	19	500
393	30	500	4641	6	5000	9272	49	500	13665	50	500	16029	38	500	18229	47	1000
483	27	500	4658	12	500	9280	28	500	13673	20	500	16034	32	500	18269	26	500
492	12	500	4685	44	1000	9410	22	5000	13732	20	500	16110	30	8000	18297	47	500
496	13	500	4703	45	500	9458	49	10000	13735	48	500	16294	42	500	18302	9	500
564	13	500	5010	13	500	9497	34	500	13832	50	1000	16334	4	500	18334	1	500
718	7	500	5015	16	500	9548	41	500	14072	26	500	16344	33	500	18335	46	1000
723	1	500	5241	11	500	9592	28	500	14167	15	500	16409	22	500	18518	12	500
726	40	500	5289	10	500	9612	20	1000	14193	6	500	16439	3	500	18564	29	500
868	2	500	5398	38	500	9728	45	500	14235	24	500	17503	28	500	18772	2	500
996	1	500	5402	23	500	9743	10	500	14244	22	500	16635	42	5000	18772	38	500
1026	14	500	5428	21	500	9796	19	500	14265	15	500	15743	39	500	18804	1	1000
1031	17	500	5579	13	500	9898	44	500	14350	48	500	16748	11	500	19026	41	500
1059	2	500	5606	15	500	9902	5	500	14404	24	500	16804	28	500	19031	20	500
1091	16	1000	5611	44	500	9992	7	5000	14533	18	500	16978	3	500	19075	39	500
1119	45	500	5823	24	500	10100	21	500	14589	18	8000	17069	28	500	19080	13	500
1148	36	500	5860	35	1000	10154	32	500	14684	46	500	17084	33	500	19156	33	505
1170	26	500	5980	18	500	10302	19	500	14901	2	500	17125	24	200000	19363	9	500
1210	36	500	6047	1	500	10498	18	500	15005	19	500	17189	16	500	19421	9	1000
1245	27	500	6060	42	500	10743	46	500	15006	6	500	17354	28	500	19564	33	500
1406	43	8000	6061	49	500	10774	44	500	15065	48	500	17376	20	500	19611	6	500
1554	29	500	6167	42	500	10901	29	500	15163	38	500	17470	32	1000	19709	33	500
1579	13	500	6185	33	500	10974	9	500	15184	17	500	17489	13	500	19717	29	500
1598	33	500	6231	27	500	10976	50	500	15282	34	500	17530	33	500	19764	20	500
1680	26	8000	6234	27	500	11005	44	500	15314	8	500	17567	23	1000	19933	28	500
1685	28	500	6237	23	500	11085	26	500	15354	27	500	17616	2	500	19959	43	500
1820	13	500	6281	32	500	11255	38	500									
1944	2	25000	6454	6	500	11322	28	500									
2014	1	500	6476	36	500	11353	19	500									
2081	6	500	6522	21	500	11357	21	500									
2125	39	500	6678	9	500	11413	21	500									
2155	6	500	6682	19	500	11577	7	500									
2155	10	500	6684	26	500	11588	9	500									
2168	35	500	6703	25	500	11628	32	500									
2332	22	500	6838	47	500	11661	26	500									
2395	25	500	6923	24	500	11781	13	500									
2427	34	500	6975	27	500	11809	50	500									
2436	14	500	7029	33	500	11921	6	500									
2568	6	500	7161	7	500	12066	50	1000									
2715	27	10000	7171	31	500	12166	37	500									
2729	4	500	6234	26	500	12190	39	40000									
2746	6	1000	7312	4	500	12204	31	500									
2785	13	500	7431	8	500	12309	7	500									
2801	40	500	7527	4	500	12388	46	500									
2919	8	500	7553	20	500	12495	18	10000									
3050	48	500	7739	49	500	12502	31	500									
3082	36	500	7768	30	500	12521	13	500									
3191	41	75000	7881	26	1000	12566	16	500									
3280	24	1000	7921	20	500	12608	11	500									
3384	46	500	7934	27	500	12678	36	1000									
3450	23	500	7934	37	500	12712	16	500									
3562	9	8000	8283	36	500	12758	18	1000									
3578	39	500	8318	3	500	12766	11	500									
3692	45	5000	8347	12	1000	12842	12	500									
3749	50	500	8439	27	500	13088	6	500									
3894	41	500	8759	19	5000	13147	2	500									
3931	30	500	8762	30	500	13193	1	500									
3971	17	1000	8794	12	500	13220	24	500									

Уплата выигрышей будетъ производится въ Банкѣ, въ С.-Петербургѣ, съ 1-го іюня 1873 года.

ТАБЛИЦА

серій билетовъ 2-го внутренняго 5% съ выигрышами займа 1866 года, вышедшихъ въ тиражъ погашенія, произведенный въ Правленіи Государственнаго Банка 1-го марта 1874 года.

НУМЕРА СЕРІЙ.

35, 203, 437, 1113, 1582, 1598, 2704, 3778, 4061, 4116, 4132, 4282, 5180, 6694, 7091, 7143, 7488, 7595, 7613, 7729, 8689, 8821, 9105, 9123, 9317, 10590, 10844, 10850, 11691, 11908, 12666, 13312, 13466, 13643, 14451, 14640, 15019, 15029, 15249, 15969, 16170, 16467, 16596, 17323, 17535, 17918, 18154, 18598, 19117, 18244.

Всего 50 серій, составляющихъ 2,500 билетовъ.

Уплата капитала по вышедшимъ въ тиражъ билетамъ по 120 р. за билетъ, будетъ производиться съ 1-го іюня 1874 г. въ Государственномъ Банкѣ, его Конторахъ и Отдѣленіяхъ.

СОДЕРЖАНІЕ: Это была... игра. Разсказъ **Гаклендера** (продолженіе).—Гориостай (съ рисункомъ).—Купающіяся нимфы (съ рисункомъ).—Домашній обиходъ русскихъ царей въ старину (окончаніе).—Новое вавилонское столпотвореніе въ Филадельфіи (съ рисункомъ).—Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова** (продолженіе). — По поводу четырехсотлѣтняго юбилея Микель-Анджело Буонаротти (съ портретомъ).—Разныя извѣстія.—Шахматныя задачи.—Тиражъ.—**Моды за мартъ съ 14 рисунками.**

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

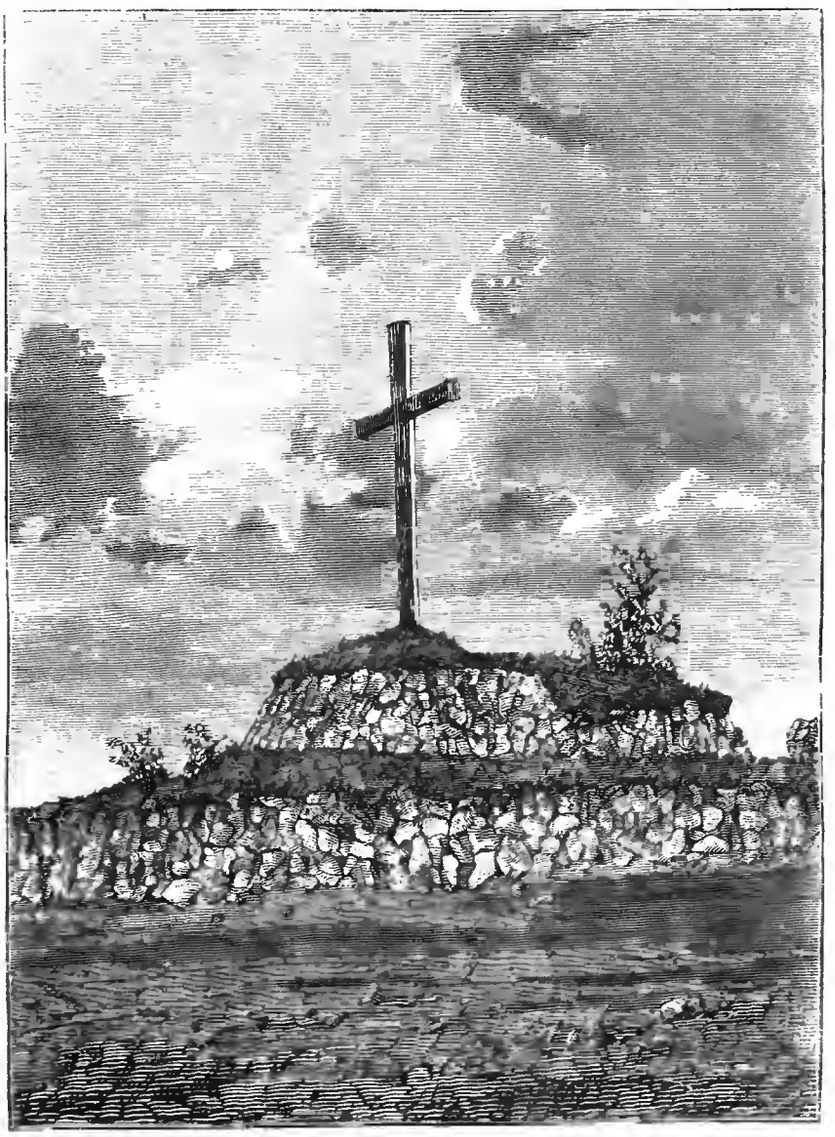
Дозволено цензурою. 8 марта 1874 г. Изданіе **А. Ф. Мариса** въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ
ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.
№ 12 1874
ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ
ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.
Выдана 18 го марта 1874 года.
Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

Могила Шевченки.

Близь города Канева, Кіевской губерніи, на высокой горѣ, въ урочищѣ Монастыркѣ, покоятся останки малороссійскаго поэта и художника Тараса Григорьевича Шевченко. Завѣщаніе покойнаго о погребеніи его «на горі високой», съ которой видны бы были и «Дніпро і кручі» и слышно бы было «Якъ реве ревучій»— вполнѣ исполнено. Болѣе живописной мѣстности въ г. Каневѣ, изобилующемъ горами, и нѣтъ. Съ Тарасовой горы, какъ обыкновенно ее у насъ называютъ, открывается богатый видъ на далекое пространство. Съ нея видна вся заднѣпровская часть Золотоношскаго уѣзда, Полтавской губерніи, прилегающая къ лѣвому берегу, и рѣка Днѣпръ далеко вдоль по теченію.



Могила Тараса Шевченки въ Каневѣ.
Съ фотографіи рисовалъ П. Космаковъ, гравировалъ Навѣръ.

На Тарасовой могилѣ поставленъ простой деревянный, дубовый крестъ, снимокъ котораго а равно и самой могилы прилагаемъ читателямъ «Нивы». Крестъ на могилѣ испещренъ надписями, вырѣзанными въ память посѣщенія могилы почитателями поэта. Насколько помнится намъ, до настоящаго времени мы не встрѣчали этого снимка ни въ одномъ иллюстрированномъ изданіи.

Т. І. Вержбицкій.

Библиотека "Руниверс"

Междуцарствіе.

Борьба патріотовъ за Москву, занятую Поляками (1610—1612 г.).

Были бѣды, когда ворвался съ шайками литвы да казаковъ первый самозванецъ въ Московское государство; не облегчилась тяжесть народная, когда покорились мнимому царевичу Дмитрію;—но смерть его родила большія несчастія. Были еще двѣ попытки выдавать себя за убитаго и будто-бы спасеннаго все того же Дмитрія, признававшагося еще при жизни его Отрепьевымъ и самозванцемъ; при розни царствовавшей въ умахъ вельможъ и благодаря дерзости да проискамъ польскихъ искателей приключеній, соединившихся съ русскими по имени, они довели, при Василіи Шуйскомъ, Москву до осады шайками сволочи да польскими военачальниками. Подвиги князя Михаила Скопина, казалось, могли поправить бѣдственное дѣло наше. Но преждевременная смерть вождя-юноши, уничтоживъ всякую надежду на лучшее положеніе, нанесла послѣдній ударъ престолу хитраго розыскивателя убійства въ Угличѣ. Іюля 18-го 1610 года царь Василій низведенъ съ престола и насильно постриженъ. Царя на Москвѣ не стало—и запутанность дѣлъ на цѣлые три года обратилась въ хроническую неисцѣльную язву, при существованіи которой гибла Москва, погибала Русь и имя русскаго народа готово было исчезнуть, съ потерею государственной самостоятельности.

Совѣтъ низвести царя данъ былъ московскимъ смутникамъ изъ лагеря польскаго гетмана Жолкѣвскаго, стоявшаго подъ Москвою вмѣстѣ съ Тушинскимъ воромъ, держа въ осадѣ столицу. Хитрый гетманъ говорилъ открыто, что выбравъ въ цари сына его короля, въ немъ Москва найдетъ друга и покровителя, силы котораго разсѣятъ скопища самозванцевъ и ихъ сообщниковъ, безъ потери чего бы то ни было со стороны Руси. Низводя съ престола «за несчастье» царя Василья, русскіе люди еще положили (24 іюля 1610 года), съ приведеніемъ къ присягѣ, приговоръ: «выбрати государя на московское государство—всею землею, сослався съ городы, кого Богъ дастъ». Этотъ приговоръ разослали по городамъ и въ Сибирь; но въ началѣ августа члены думы уже передумали ждать сообщенія городовъ, а рѣшили общее дѣло однимъ своимъ умомъ: послали къ королю Сигизмунду, державшему въ осадѣ Смоленскъ, прося въ цари его сына.

Патріархъ Гермогенъ, не видя возможности одинъ противиться почти всѣмъ, неохотно хотя но согласился, прося подождать и представляя опасность отъ католичества, исповѣданіе котораго сомнительно чтобы отвергъ сынъ яраго пропагандиста папства, короля Сигизмунда. Сторону избирателей Владислава держалъ глава временнаго правительства, князь Ѳедоръ Ивановичъ Мстиславскій, безхарактерный, мелочной, но бывшій далеко не прочь снискать милость будущаго владыки, за котораго Сигизмундъ обѣщалъ ему, лично адресованною грамотою, жалованья «городы и вотчины многими», кромѣ первенства «свыше всѣхъ братьи его бояръ».

Скороспѣлое рѣшеніе выбрать Владислава—заставило самозванца, потерпѣвшаго пораженіе отъ соединенныхъ силъ польскихъ и русскихъ, бѣжать изъ подъ Москвы къ Коломнѣ, а оставшихся въ Тушинскомъ лагерѣ сторонниковъ его тоже покориться королевичу, на вѣрность которому приводить людей къ присягѣ московскіе бояре сами послали къ Сапѣгѣ боярина Михаила Александровича Нагаго (въ началѣ сентября). Жолкѣвскій отпустилъ всѣхъ смольянъ подъ Смоленскъ свободно. За этими дворянами послѣдовали великіе послы къ Сигизмунду, въ лагерь его подъ Смоленскъ, отъ котораго онъ не думалъ отступать, приказавъ изъ Литвы привести осенью еще стѣнобитную артиллерію, не смотря на побѣгъ въ Подолію турокъ и татаръ, приступавшихъ къ Каменцу. Воеводы бодрствовавшіе въ Смоленскѣ, М. Б. Шеинъ да князь П. И. Горчаковъ, не вѣрили безкорыстію Сигизмунда и принимали мѣры къ отпору родителя избраннаго государя. Именемъ его разсылались уже грамоты—и московскіе чиновные люди возбуждали ходатайство о деревняхъ, въ польскомъ лагерѣ. Ѳедоръ Андроновъ, душою предавшись полякамъ, за подачку, предупреждаетъ Сапѣгу, чтобы, выполняя свои планы, на словахъ только поддакивали московскимъ правителямъ, прибавляя передъ столицею войско. Тушинскій воръ изъ Калуги давалъ въ окрестные города свои предписанія, вѣрнымъ ему воеводамъ: не давать Полякамъ корону. Тушинскому царику оставался впрочемъ вѣренъ и отдаленный Псковъ, для наблюденія за которымъ у Лукъ Великихъ оставался гетманъ Ходкевичъ, тогда какъ находящійся при королѣ гетманъ Левъ Ивановичъ Сапѣга занятъ былъ внутренними мѣрами для закрѣпленія Москвы, подъ именемъ королевича за королемъ своимъ, испрашивая у него милости измѣнникамъ русскимъ, въ Москвѣ другъ съ другомъ уже не ладившимъ. Ѳедоръ Андроновъ казался подозрительнымъ Михаилу Глѣбовичу Салтыкову, низводя Шуйскаго думавшему имѣть въ столицѣ первенство. Навѣты Андронова, по его мнѣнію, вредили польскому дѣлу. Такъ какъ притѣсненія дѣланныя польскимъ правителемъ Москвы Гонсѣвскимъ озлобляли столичныхъ обывателей, усердный измѣнникъ дѣлу родины даже настаивалъ на скорѣйшемъ прибытіи въ Москву Сигизмунда, во время похода къ столицѣ распустивъ слухъ, что идетъ на Тушинскаго царика. Салтыковъ даже успѣлъ и посольство нарядить къ королю: съ просьбою идти на мнимую Калугу, съ тѣмъ что бы, съ прибытіемъ Сигизмунда въ Можайскъ, можно было оффиціально изъ Москвы нарядить депутацію для приглашенія его величества въ столицу. «А подъ Смоленскомъ королю что стоять? восклицаетъ усердствующій измѣнникъ—коли король будетъ на Москвѣ, тогды и Смоленскъ совсѣмъ его»!..

На благо русскому дѣлу, гибельный совѣтъ этотъ оставленъ Сигизмундомъ. Это было въ октябрѣ, а декабря 11-го въ Калугѣ убитъ самозванецъ княземъ Петромъ Урусовымъ изъ личной мести. Смерть царика заставила князя Григорья Шаховскаго да Заруцкаго явиться въ Москву съ повинною. Декабря 27 жители Бѣлева тоже послали Сапѣгѣ повинную. Въ Калугу пришелъ изъ Рузы князь Юрій Трубецкій и съ 3 января 1611 года сталъ приводить жителей къ присягѣ на вѣрность Владиславу. Его дѣло получило вѣсъ и въ Новогородскихъ пятинахъ, когда осажденнымъ въ Ладогѣ шведамъ, подъ предводительствомъ Дела-Виля, не удалась вылазка и они были побиты княземъ Григорьемъ Волконскимъ (15 января 1611 г.), гнавшимъ разбитыхъ непріятелей 15 верстъ, взявъ въ плѣнъ 64 человѣка. Пораженіе это сыну московскаго рачителя о дѣлѣ Сигизмунда, Ивану Михайловичу Салтыкову доставило возможность идти изъ Новагорода, для окончательнаго стѣсненія шведовъ въ Ладогѣ. Одни смольяне стояли, считая своимъ долгомъ не сдавать города Сигизмунду. Московскіе правители писали Шеину и посламъ при польскомъ королѣ уговорить упорнаго, только 15 марта 1611 г. наконецъ подписавшаго договоръ.

На востокѣ Россіи, вѣсть о бѣдствіяхъ столицы, отъ Рязани и Нижняго, достигла и до Перми; въ это время уже возникла мысль освобожденіи Москвы отъ поляковъ и жители принялись сбирать ратныхъ людей, увѣдомивъ о томъ патріарха (отписскою 15 марта 1611 г.) Тоже дѣлалось въ Устюгѣ, откуда послали даже призывныя грамоты въ Сибирь, на Верхотурье. Тогда какъ Вятка и Казань стояли за самозванца, а шведы предлагали своего королевича въ цари, московскіе измѣнники интересамъ родины уже впустили 21 сентября 1610 г. поляковъ въ Москву и въ Кремль. Гетманъ Жолкѣвскій въ Кремлѣ, по домамъ боярскимъ, разставилъ войско свое, ввѣренное референдарію литовскому Александру Ивановичу Гонсѣвскому, а самъ пошелъ подъ Смоленскъ. Поляки въ Москвѣ зимою позволяли себѣ всякого рода притѣсненія. Филаретъ, въ своемъ повѣствованіи объ этой гибельной порѣ, говоритъ что поляки «начаша людіе насиловати и всякую власть во градѣ воспріемлютъ и стражей отъ вратъ русскихъ отослаша: русскимъ людемъ ни въ чемъ воли не дадяху». Царя Василья съ его братьями

Библиотека "Руниверс"

отвезли сперва въ Волоколамскъ, въ Іосифъ монастырь, а оттуда въ Литву, къ королю. Къ весне безчинства поляковъ дошли до того, что они «святымъ церквамъ и честнымъ иконамъ попраніе дѣяти и людей къ своей прелестней вѣрѣ превращати» начали. Патріархъ, видя это, сталъ настаивать на выходѣ изъ столицы безчинниковъ, но въ виду потворства полякамъ временнаго правительства разослалъ воззванія по городамъ, призывая вѣрныхъ на защиту православія. Одна изъ первыхъ грамотъ послана была въ Переяславль Рязанскій къ предводителю ополченія Прокофью Петровичу Ляпунову. Сторонники Сигизмунда въ субботу на масленицѣ приставили стражу къ дому патріаршему, но въ Вербное воскресенье дали владыкѣ ѣхать на осляти и служить. Но уже было поздно. «Недостаетъ словъ, отъ болѣзни сердца и души»— писалъ патріархъ въ своемъ воззваніи, укоряя московскихъ людей всѣхъ состояній за холодность къ гибели родины, — «вси состави мои содрогаютъ. И плачуся глаголя и рыданіемъ вопію: помилуйте, помилуйте братія и чада единородныя своя души и своя родители, отшедшіе и живые! Видите бо отечество свое чуждими расхищаемо и разоряемо, и святыя иконы и церкви обругаемы и неповинныхъ кровь проливаема, еже вопіетъ къ Богу прося отмщенія».

(Окончаніе будетъ).

Это была... игра!...

РАЗСКАЗЪ

В. К. Гаклэндера.

(Продолженіе).

Лицо молодой дѣвушки приняло нѣсколько серіозное выраженіе. Она слегка наклонила свою прелестную голову по направленію къ доктору—и при этомъ лишь на одно мгновеніе устремила на него внимательный, испытующій взглядъ. Ея прекрасная молодая грудь слегка заволновалась, когда докторъ, смотря на нее блестящими глазами, воскликнулъ:

— О, милостивая государыня, какое это для меня счастье! Счастье неожиданное! Я буду вѣчно благодарить за это моего друга! Я слышалъ васъ только два раза. Къ сожалѣнію, у меня такъ мало времени, чтобы посѣщать театры... Но и послѣ того, какъ я слышалъ васъ два раза, въ груди моей живетъ воспоминаніе о томъ наслажденіи, какъ я испыталъ тогда. Я храню это какъ сокровище!..

— Браво! крикнулъ баронъ весело.—Да ты у меня молодецъ! Ты, право, великолѣпно сейчасъ продебютировалъ въ роли вдохновеннаго цѣнителя искусства!

— Въ послѣдній разъ я васъ видѣлъ въ роли Гретхенъ, продолжалъ молодой человѣкъ, дѣйствительно воодушевившись и обращаясь снова къ Камиллѣ (она стояла передъ нимъ почти-смущенная, съ опущенными глазами):—и, откровенно говоря (тутъ онъ смѣло, прямо взглянулъ на нее своими ясными, честными глазами), я пошелъ въ театръ только изъ любопытства, почти съ предубѣжденіемъ, потому что никакъ не могъ представить себѣ ни Фауста, ни Мефистофеля— *поющими*; такое представленіе не складывалось въ моемъ мозгу, но... прослушавъ оперу, я былъ какъ-то странно взволнованъ!.. Да, изъ моихъ такъ - сказать театральныхъ воспоминаній—воспоминаніе о томъ вечерѣ (и особенно теперь!) я считаю однимъ изъ самыхъ пріятнѣйшихъ.

— Третій актъ—не правда-ли, а? замѣтилъ баронъ Венкгеймъ, быстро откидывая голову.

Фрейлейнъ Камилла снова, какъ-то мелькомъ, бросила на доктора проницательный взглядъ; но когда глаза ея встрѣтились вдругъ съ блестящими глазами молодаго человѣка, прямо на нее устремленными, плутовская улыбка мелькнула на ея хорошенькихъ губкахъ—и она вслѣдъ затѣмъ раскрыла эти губки и пропѣла великолѣпнымъ, звучнымъ голосомъ, хватающимъ за сердце:

Я люблю тебя,
Люблю такъ искренно»!..

Этотъ коротенькій мотивъ она закончила великолѣпною трелью, вовсе не относившейся къ самому мотиву, потомъ разсмѣялась весело, отъ души, быстро повернулась и, какъ капризный ребенокъ, протанцовала черезъ всю гостиную.

— О, шалунья! крикнулъ баронъ Венкгеймъ въ восхищеніи и бросился за нею, чтобы поймать ее, что однако не такъ-то легко было сдѣлать: молодая дѣвушка спряталась за спиной доктора, и когда баронъ вздумалъ схватить ее, сдѣлавъ быстрый поворотъ, она ускользнула изъ его рукъ, причемъ нашла себѣ точку опоры, положивъ свою маленькую ручку на плечо Дюринга. Потомъ Камилла остановилась, отдала легкій поклонъ обоимъ мужчинамъ, затѣмъ подошла къ роялю, схватила съ него батистовый платокъ и приложила его къ своимъ губкамъ.

Венкгеймъ смотрѣлъ ей вслѣдъ съ любовью,—но не такъ, какъ смотритъ страстный, тревожный, взволнованный любовникъ; онъ смотрѣлъ на нее, скорѣе, какъ человѣкъ спокойно наслаждающійся своимъ счастьемъ. Это не ускользнуло отъ зоркаго, наблюдательнаго глаза Дюринга; онъ замѣтилъ также, что другъ его, судя по тому какъ онъ себя держалъ, былъ въ этомъ домѣ человѣкомъ коротко - знакомымъ, почти что называется *своимъ*. Баронъ, напримѣръ, безъ всякихъ церемоній, пошелъ и заглянулъ въ сосѣднюю комнату, подходилъ къ столику, на которомъ въ великолѣпной вазѣ лежали визитныя карточки, записки, и не только бралъ эти предметы въ руки, но и пробѣгалъ глазами распечатанныя письма.

— А гдѣ-же это, мама? вдругъ спросилъ Венкгеймъ, оглядываясь.

— А мама, какъ хорошая хозяйка, отвѣтила Камилла,— теперь на рынкѣ. Она не позволяетъ никому вмѣшиваться въ эти дѣла.

— Ну, въ виду такой удушливой жары, какъ сегодня, предвѣщающей грозу, слѣдовало бы воспретить ей подобную прогулку. Не правда-ли, Отто?..

— Но я не знаю, о чемъ собственно идетъ рѣчь?..

— Вотъ, видишь-ли, мама Камиллы женщина полная, притомъ прежвая и подвержена приливамъ крови къ головѣ. И вотъ теперь, въ полуденный жаръ, она изволитъ бѣгать по рынку, —и вѣдь для того только, чтобы ухитриться купить снаряжу двумя грошами дешевле!

— О, нѣтъ, это онъ преувеличилъ! замѣтила Камилла.— Мама отправляется на рынокъ только потому, что ей доставляетъ удовольствіе великолѣпная пестрота овощей и цвѣтовъ.

— Ну, это все равно! Да ей-то, во время такой жары, слѣдовало-бы сидѣть дома; я долженъ поговорить объ этомъ съ нашимъ докторомъ... Ахъ, да! вспомнилъ баронъ,—вѣдь за этимъ-то собственно, главнымъ образомъ, я и пригласилъ тебя сюда, превосходнѣйшій мой врачъ! Дѣло въ томъ, что докторъ этой молодой особы и ея добрѣйшей мамы—профессоръ Шпиттеръ (ты, конечно знаешь его?) отправляется нынѣ на покой, то есть оставляетъ практику,—и если еще ѣздитъ, то только на важныя консультаціи, а на дому у себя принимаетъ только привилегированныхъ больныхъ. Ну, да не все-ли равно, по какимъ причинамъ посовѣтовалъ я фрейлейнъ Камиллѣ пригласить для ея мама другаго *духовника*? Вотъ, я и предложилъ тебя на мѣсто Шпиттера.

— И во всякомъ случаѣ только для мама, замѣтила молодая дѣвушка, старательно разсматривая свои прекрасные ногти,—потому что я не надѣюсь, чтобы мнѣ ужъ такъ скоро пришлось воспользоваться вашимъ любезнымъ докторскимъ совѣтомъ.

Библиотека "Руниверс"

Докторъ Дюрингъ поклонился въ знакъ благодарности. Онъ глядѣлъ на Камиллу, но не могъ дождаться ея взгляда: молодая дѣвушка стояла съ опущенными глазами, и когда она ихъ подняла, то докторъ все-таки не увидѣлъ ея глазъ, потому что, быстро отвернувшись отъ него, она спрятала свое лицо въ роскошный букетъ фіалокъ.

— Ну, а теперь—filons, mon cher! сказалъ Венкгеймъ, взглянувъ на свои часы.—Ужъ давно пора. Надо поспѣшить, если мы не хотимъ, чтобы мсье Друэ принялъ насъ съ кислой гримасой. Я пригласилъ сего молодаго врача, прибавилъ онъ, обращаясь къ Камиллѣ,—на маленькій обѣдъ, который я ему даю въ видѣ задатка, такъ какъ онъ принялъ на себя обязанности врача въ этомъ домѣ.

— Развѣ господинъ докторъ дѣйствительно согласился на это? спросила Камилла, выглядывая изъ-за букета фіалокъ, причемъ ея сіяющіе глазки выразили несомнѣнное чувство какой-то радости, даже почти боязни... Выраженіе это было такъ неподдѣльно, что баронъ Венкгеймъ на одно мгновеніе былъ пораженъ, но только на одно мгновеніе; затѣмъ онъ повернулся на каблукѣ, чтобы скрыть улыбку, и въ то же время пробормоталъ: «Какъ восхитительно она играетъ!»

А доброе, честное сердце Дюринга ничего этого, такъ сказать, не замѣтило; да къ тому же онъ былъ слишкомъ взволнованъ, почти даже пораженъ такимъ внезапнымъ чудеснымъ прибавленіемъ къ своей практикѣ. Онъ, однако, поклонился и притомъ довольно низко, придавъ поклону своему характеръ полнѣйшаго согласія,—что, повидимому, такъ и было принято молодой дѣвушкой, потому что она поспѣшно, въ знакъ благодарности, подала ему руку. Когда она ее брала обратно, докторъ почувствовалъ — но не пожатіе, а нѣчто въ родѣ ощущенія точно ея рука не свободно разставалась съ его рукой, какъ будто это были желѣзо и магнитъ, которымъ трудно отдѣлиться другъ отъ друга.

Докторъ, кажется, пришелъ въ себя только у m-r Друэ, когда уже съ супомъ было покончено и послѣ того какъ онъ живо проглотилъ стаканъ вина. До этого времени, т. е. дорогой и передъ тѣмъ какъ садиться за обѣдъ, молодой человѣкъ пребывалъ въ какомъ-то полуснѣ: онъ или вовсе не отвѣчалъ на вопросы Венкгейма или давалъ отвѣты не впопадъ, такъ что баронъ раза два совершенно надрывался отъ смѣха.

Отвалившись на спинку стула, баронъ наконецъ проговорилъ:

— Какъ, однако, удушливый жаръ дѣйствуетъ на людей различно: у меня онъ возбуждаетъ нервы; тебя же, напротивъ, давитъ, угнетаетъ!..

— Н-да, жаръ меня дѣйствительно давитъ.

— Такъ что-жъ смотрѣть! воскликнулъ Венкгеймъ весело.—Давай пить искрометное вино! Вѣдь мы тутъ у настоящаго, такъ сказать, источника для утоленія жажды. А вотъ ты посмотри меню обѣда и скажи мнѣ: все-ли по твоему вкусу я заказалъ?

— Не безпокойся, я неразборчивъ.

— Послушай, мы здѣсь одни, тутъ такъ хорошо—уютно, а потому — выпьемъ-ка также и за здоровье твоей Фанни!

— Изволь, выпьемъ! сказалъ Дюрингъ, причемъ физіономія его сдѣлалась нѣсколько серіознѣе.

— Ужъ если пить — такъ пить, а не мочить только губы,—и быть непремѣнно веселымъ! Ты, вотъ, вообрази, что сей кубокъ, наполненный бордосскимъ, есть рѣка забвенія—Лета, черезъ которую ты переходишь, и затѣмъ, съ бокаломъ пѣнящагося шампанскаго, начинаешь новую, счастливую, веселую жизнь. Вѣдь ты, превосходнѣйшій малый, такой жизни заслуживаешь скорѣе, чѣмъ всякій другой! Ну, и оставь поэтому всѣ заботы, разгони всѣ темныя тучки, да отлетятъ отъ тебя летучія мыши и злые духи темной ночи!.. Прочь ихъ!.. Поставь передъ своимъ умственнымъ окомъ блестящій идеалъ, такой идеалъ, на который ты могъ-бы взирать съ теплою вѣрою!.. Есть-ли у тебя такой идеалъ?..

— Полагаю, что я могъ-бы имѣть его, отвѣтилъ Дюрингъ, глядя куда-то вдаль.

— Отлично! И такъ, я пью за здоровье этого чуднаго образа! Да здравствуетъ твой идеалъ и да процвѣтаетъ онъ для тебя!..

Такъ какъ разсказъ нашъ не принадлежитъ къ числу большихъ, то намъ нѣтъ и надобности заниматься описаніемъ этого превосходнаго обѣда «вдвоемъ»; скажемъ только, что обѣдъ былъ устроенъ какъ слѣдуетъ и закончился, по обыкновенію, двумя чашками кофе, сигарами и воспоминаніями вслухъ двухъ друзей объ ихъ прошлой жизни. Баронъ поѣхалъ домой, а Дюрингъ счелъ за лучшее побродить еще довольно долгое время по тѣнистымъ аллеямъ парка, подышать ароматомъ цвѣтовъ и сирени, послушать восхитительныя трели соловья и, наконецъ, полюбоваться съ небольшаго холма на трепетаніе сверкающей зарницы на горизонтѣ. Но мы не можемъ, однако, умолчать о слѣдующемъ обстоятельствѣ: среди такого пріятнаго времяпровожденія докторъ Дюрингъ вдругъ услышалъ (и не безъ нѣкотораго страха), какъ часы пробили десять... Тутъ подумалъ онъ о небольшой, тихой комнаткѣ, въ которой его не было въ данную минуту... Онъ въ первый разъ обманулъ, не пришелъ, его *тамъ* напрасно прождали!...

Да! и не только обманулъ онъ, но и вызвалъ еще *тамъ* гнѣвъ, негодованіе. Когда часы били восемь и онъ при послѣднемъ ударѣ ихъ не явился (докторъ всегда въ это время приходилъ)—Фанни порѣшила встрѣтить его въ такомъ случаѣ «мило-надувшись»; въ половинѣ девятаго было рѣшено принять доктора тоже «надувшись», но уже не *мило*, а настоящимъ манеромъ; въ девять-же—появленіе его было-бы принято за поступокъ совершенно - церемонный, вслѣдствіе чего съ нимъ и слѣдовало уже тогда обойдтись достойнымъ образомъ, соотвѣтствующимъ его поведенію.

А неумолимое время шло да шло; вотъ одна четверть часа пролетѣла, вотъ другая, и канули онѣ въ вѣчность, оставивъ на душѣ тяжелый свинцовый слѣдъ... Настоящее заволакивается черной дымкой, она становится все чернѣе и мрачнѣе, а улетѣвшія мгновенія невольно пораждаютъ тревожныя мысли, ставятъ передъ глазами самые ненавистные призраки, околдовывая и еще пуще омрачая душу Фанни.... Но вотъ пробило и десять часовъ. Госпожа Штраммеръ съ видимымъ неудовольствіемъ объявила, что уже не желаетъ больше ждать этого неблагодарнаго, этого вѣтренника - гуляку; а Фанни, терзаемая чувствомъ мести, устремила взглядъ въ непроглядную мглу ночи и проговорила, глубоко вздохнувъ:

— О-о-о-хъ, ужъ эта мнѣ eau de Сурге!..

На другой день, утромъ, и именно въ тотъ утренній часъ, когда правила приличія допускали это, Фанни поднялась по лѣстницѣ по направленію къ квартирѣ одного изъ жильцовъ ихъ дома. Жилецъ этотъ обладалъ городскимъ адресъ-календаремъ, а потому фрейлейнъ Штраммеръ и рѣшилась отправиться къ нему, чтобы навести справку относительно *одного предмета*, о которомъ она продумала почти всю ночь, такъ какъ ее посѣтила безсонница.

«Eau de Сурге» была для Фанни исходнымъ пунктомъ. Отправляясь отъ этого пункта, она сплела сѣтку изъ возможныхъ фактовъ и представила себѣ, что въ нее попалъ ея женихъ, пойманный какою нибудь кокеткою. Ей представлялось также весьма возможнымъ, что онъ бьется въ этой сѣткѣ и что его, можетъ быть, можно еще освободить изъ плѣна, если только самъ онъ не смотритъ на преступную свою капитуляцію, какъ на сладкую, самимъ имъ желанную цѣль... При мысли о подобной капитуляціи, о такомъ паденіи—цѣломудренная Фанни отвернулась съ ужасомъ, боясь дать волю своему воображенію. Подобныя мысли и даже болѣе несообразныя вещи приходили ей въ голову; баронъ Венкгеймъ рисовался въ ея воображеніи безбожнымъ соблазнителемъ... «О, если этотъ баронъ Венкгеймъ... Если онъ дѣйствительно.... Да! если этотъ баронъ не является тутъ подставнымъ лицомъ, чтобы загородить другое, то... Но, Боже мой, испорченность мужчинъ и въ особенности молодыхъ докторовъ кому же не извѣстна? Они на все готовы»!.. Такъ говорила Фанни про себя и спрашивала: «Да и кто знаетъ, не обманулъ-ли ужъ онъ меня тѣмъ адресомъ»?..

Библиотека "Руниверс"

Битва князя Пожарскаго съ гетманомъ Ходкевичемъ подъ Москвой. Рис. Коверзневъ, грав. Цуцъ.

Библиотека "Руниверс"

И вотъ, она, поднявшись по лѣстницѣ, стала спрашивать у старой служанки: дома-ли жилецъ, не ушелъ ли ужъ на службу господинъ совѣтникъ—и если еще дома, то можно-ли его видѣть?

Господинъ совѣтникъ пребывалъ во вдовствѣ, иначе фрейлейнъ Фанни не рѣшилась бы распрашивать лично о немъ, не обратившись съ этими вопросами къ его супругѣ черезъ служанку.

Господинъ совѣтникъ былъ еще дома. Фанни было передано, что «господинъ совѣтникъ считаетъ за величайшую честь услужить хоть чѣмъ нибудь фрейлейнъ Штраммеръ».

Какъ только Фанни вошла, онъ тотчасъ же самъ повторилъ эту любезность, придавъ словамъ своимъ оттѣнокъ настоящей куртуазности, потому что г. совѣтникъ не принадлежалъ къ числу завзятыхъ зачерствѣлыхъ чиновниковъ: онъ скорѣе былъ человѣкомъ живымъ, знающимъ жизнь и знакомымъ съ ея наслажденіями. Г. совѣтникъ былъ первымъ теноромъ въ «обществѣ пѣвцовъ», онъ завѣдывалъ сельскохозяйственнымъ отдѣломъ въ городскомъ музеумѣ и, какъ поэтъ, сотрудничалъ тайкомъ въ одномъ изъ мѣстныхъ органовъ прессы.

Допустить, чтобы фрейлейнъ Фанни утруждала свои прелестные глазки, отыскивая въ адресной книгѣ то, что ей было нужно—этого онъ никакъ не могъ дозволить, «ни за что на свѣтѣ, хоть бы давали цѣлый милліардъ военной контрибуціи»! Такъ воскликнулъ восторженно совѣтникъ и затѣмъ спросилъ:

— А потому потрудитесь сказать: какое это такое счастливое имя, которое вы желаете найдти?

— Меня, господинъ совѣтникъ, ничье имя не интересуетъ, отвѣтила фрейлейнъ Штраммеръ, пріятно улыбаясь и дѣлая отрицательный жестъ:—мнѣ просто хочется только узнать: живетъ-ли одна дама, моя знакомая, въ Фюрстенштрассе, № 14, кажется такъ, если не ошибаюсь.

— Фюрстенштрассе, № 14? А вотъ посмотримъ. Начнемъ сверху. Во второмъ этажѣ—вдова фонъ-Штахелинская; бельэтажъ занимаетъ русская княгиня Тачкова; въ партерѣ — а!...

Тутъ совѣтникъ, сладко улыбаясь, сложилъ кисточкой пальцы правой руки и, цѣлуя ихъ, проговорилъ:

— Въ партерѣ живетъ—бриліантъ... жемчугъ... лебедь... соловей! Это—фрейлейнъ Камилла Пальмеръ, первая пѣвица наша. О, фрейлейнъ Штраммеръ, это—ангелъ! Ужъ въ этомъ могу васъ увѣрить! Она ангелъ, какъ артистка и какъ — какъ-бы выразиться?—какъ женское существо высшаго разряда!...

— А—а—а! Ну, и больше никого не живетъ въ этомъ домѣ? спросила Фанни слабымъ голосомъ.

— Больше никого-съ, сударыня. Но тамъ, гдѣ она живетъ, совершенно достаточно и этой драгоцѣнности!

Фанни закусила свою тонкія губы и попробовала улыбнуться, чтобы показаться веселой; но улыбка, эта дочь веселья, вышла у нея какая-то безобразная.

— Однако, какой вы мечтатель, господинъ совѣтникъ! сказала она.

— Да-съ, но только относительно искусства, многоуважаемая фрейлейнъ! Если я восторгаюсь, то исключительно чистымъ искусствомъ; я восторгаюсь, такъ сказать, золотымъ ядромъ пѣнія, а не блестящей его скорлупой, и кланяюсь въ этомъ самимъ Анубисомъ! Что-же касается другаго рода мечтаній (тутъ онъ положилъ правую руку на сердце), то я храню въ глубинѣ моего сердца иные идеалы... Но—увы, идеалы эти тлѣютъ тамъ подъ пепломъ, они сами разрушаютъ себя, потому что...

— Извините, перебила его Фанни утомленнымъ голосомъ,— я васъ такъ долго утруждала... Благодарю васъ!

— Нѣтъ ужъ, позвольте, сударыня, проводить васъ до самихъ вашихъ дверей, вызвался любезный совѣтникъ,—только до дверей, не далѣе, потому что за ними, тамъ, стоитъ на стражѣ ангелъ съ огненнымъ мечомъ въ рукѣ, дабы поразить имъ всякаго незваного, непрошенаго!...

— Тамъ, господинъ совѣтникъ, нѣтъ ни ангела, ни огненнаго меча, отвѣтила Фанни съ нѣкотораго горечью въ тонѣ,—а потому и попытайтесь проникнуть за двери, если, конечно, вы имѣете свободный часокъ, чтобъ посидѣть съ мама.

— О, сударыня, для вашей многоуважаемой мама у меня всегда найдется такой часокъ, для васъ-же — хоть цѣлая вѣчность!

И онъ дѣйствительно провелъ ее по лѣстницѣ. Когда-же Фанни пригласила его войти въ комнату, совѣтникъ разсыпался въ увѣреніяхъ, что онъ соглашается быть настолько нескромнымъ, чтобы позволить себѣ войти на минутку.

Госпожа Штраммеръ приняла гостя чрезвычайно любезно, пригласила его сѣсть въ кресло и начала съ нимъ болтать. Фанни отправилась въ свою спальню. Кинжалы и кинжальчики рѣзали ея сердце, и она старалась съ какимъ-то канибальскимъ наслажденіемъ еще глубже вонзать въ него то одинъ кинжалъ, то другой...

— Гâ! измѣнникъ! восклицала она.—Съ его стороны было-бы довольно дурнымъ дѣломъ ужъ одно то, если-бы онъ свелъ тѣсную дружбу съ барономъ Венкгеймомъ, а тутъ еще... первая пѣвица! Ангелъ тѣломъ и...

Фрейлейнъ Фанни хотѣла было сказать «и душой», но вовремя спохватилась и разразилась безконечно-презрительнымъ смѣхомъ: она представила себѣ, какъ можетъ быть *ангельски-чиста* душа театральной «принцессы»!...

— О, чудовище! И даже вѣдь не наука туда его тянетъ— нѣтъ! Если-бы эта пѣвица была больна, то совѣтникъ навѣрно бы зналъ ужъ о ея болѣни... Ну-да, положимъ, если-бы она и дѣйствительно была больна—что же, развѣ онъ не обѣщалъ мнѣ, что никогда не будетъ дѣлать визитовъ особамъ соблазнительнаго свойства, лѣчить этихъ сиренъ, которыя, послѣ какой нибудь утомительной роли (а это мнѣ разсказывала одна честная женщина—прачка), изволятъ принимать своихъ друзей, и вообще гостей, всегда лежа въ постели?... А онъ... является еще туда и какъ врачъ, и какъ... любовникъ!...

Вотъ уже какъ далеко зашла фрейлейнъ Фанни, размышляя о поступкѣ своего жениха, причемъ чаша страданій ея переполнилась; но тутъ-то и явился, такъ сказать, благодѣтельный кризисъ, поворотъ мыслей ея въ другую сторону, утѣшительнаго свойства,—а именно: она вспомнила о коварной «eau de Сурге» потомъ, какъ докторъ неоднократно уже обнаруживалъ признаки неудовольствія, скуки и даже нетерпѣнія, какъ человѣкъ, который, скрежеща зубами, поневолѣ остается на цѣпи.

— Успокойся-же, тревожное сердце!...

Тутъ Фанни ощутила болѣзненно-пріятное чувство, останавливаясь на мысли, что теперь она можетъ пойдти къ матери и сказать ей такъ:

— Вотъ, видишь-ли, ошибалось-ли мое чувствительно-нѣжное дѣвическое сердце? Какъ оно было похоже на цвѣтокъ мимозы, когда трепетало и какъ-бы свертывало свои листки при каждомъ грубомъ прикосновеніи къ нему!...

Какъ радовалась она при мысли, что, войдя въ гостинную, будетъ въ состояніи теперь порядкомъ-таки разбить всѣ противурѣчные доводы матери—и какъ-же была удивлена Фанни, когда мама ея, противъ обыкновенія своего, вовсе даже не была намѣрена противурѣчить ей! Госпожа Штраммеръ, пожимая плечами, скорѣе даже соглашалась съ нею во всемъ, т. е. была того-же мнѣнія, что имъ предстоитъ теперь рѣшить задачу и вообще хорошенько поразмыслить объ этомъ дѣлѣ.

— Ну, и во всякомъ случаѣ было-бы глупо съ нашей стороны дать ему хоть что либо замѣтить, прибавила госпожа Штраммеръ послѣ короткой паузы: — по крайней мѣрѣ дать замѣтить такъ, какъ ты привыкла это дѣлать—обращаться къ нему съ жалобами или сидѣть съ печальной физіономіей.

— Это, мама, совершенно вѣрно. Хорошо!

— И ты должна казаться веселой.

— О, да, веселой, веселой!

— Да, и какъ будто все это тебя нисколько не огорчи-

Библиотека "Руниверс"

ло... Сегодня-же вечеромъ, когда онъ явится, тебя не будетъ дома.

— Не будетъ дома, мама?

— Да. Мы приглашены сегодня на чашку чая къ Шперлебахамъ.

— А, это къ сестрѣ господина совѣтника?

— Ну-да, то есть, я послала сказать, что мы сегодня придемъ къ нимъ на чашку чая. Я рѣшилась навѣстить ихъ ради старой дружбы, да и совѣтникъ просилъ меня, увѣряя, что сестра его, ну и многіе другіе давно уже огорчаются по той причинѣ, что мы прервали всѣ почти знакомства вслѣдствіе... Ну, вслѣдствіе чего именно — мнѣ не за чѣмъ тебѣ это говорить; скажу одно: то, что мы теперь начинаемъ только видѣть—было давно уже извѣстно всему свѣту.

— О, какъ это отвратительно! Но, почему же, мама, если весь свѣтъ это зналъ, насъ раньше не предупредили, ничего не сказали?...

Госпожа Штраммеръ ничего не отвѣтила на этотъ вопросъ, да ей и трудно было-бы отвѣтить на него. Она повторила только, что сегоднешній вечеръ онѣ проведутъ въ гостяхъ и что сама она ничего не имѣетъ противъ желанія г. совѣтника, предложившаго ей придти за ними и сопровождать ихъ къ своей сестрѣ.

—Но, мама, а если *онъ* съ нами встрѣтится?

— Тѣмъ лучше! Встрѣтится—и увидитъ, что ты не желаешь вторично ожидать его понапрасну.

— Однако, это... опасная игра, мама, и, пожалуй, несовсѣмъ... вѣрная...

— Которую онъ-же и началъ, а мы, въ свою очередь, имѣемъ полное право продолжать противъ него.

Дѣйствительно, вечеромъ этого дня докторъ Дюрингъ, съ нѣсколько непріятнымъ ощущеніемъ въ сердцѣ, появился у дверей своей невѣсты, но, найдя ихъ запертыми, тотчасъ-же, съ облегченнымъ сердцемъ, поворотилъ налѣво-кругомъ—и быстро, даже очень быстро, спустился съ лѣстницы, также быстро перебѣжалъ улицу и отправился прямо въ оперу, чтобы послушать *ее*, чтобы снова отравить свое сердце опаснымъ ядомъ, исходящимъ изъ чудныхъ звуковъ *ея* голоса.

Сладкія грезы туманили его голову; витая въ облакахъ, онъ опьянѣлъ, окончательно же перепутало всѣ его мысли воспоминаніе о незабвенныхъ минутахъ, прожитыхъ имъ вчера тамъ... гдѣ онъ былъ такъ близко къ ней, прикасался къ ея рукѣ и дышалъ съ нею однимъ воздухомъ...

Все это казалось ему теперь не то сномъ, не то какой-то чудесной сказкой, и только тогда, когда онъ вышелъ изъ театра, встрѣтилъ на улицѣ друга своего, барона Венкгейма, к когда этотъ послѣдній протянулъ ему руку, — только теперь, пожимая эту руку, онъ отрезвился, упалъ съ облаковъ на землю—и на какую, по истинѣ, восхитительную землю! Да, самъ баронъ сказалъ ему: «Я сегодня случайно видѣлся съ фрейлейнъ Камиллой. Она освѣдомлялась о тебѣ и просила меня увѣдомить тебя, какъ доктора, что ея мама, побывъ вчера на удушливо-жаркомъ воздухѣ, дѣйствительно настолько этимъ разстроила себя, что нуждается въ маленькой медицинской помощи. Ты явись туда завтра и лучше всего до полудня между 11 и 12 часами». — «Ахъ, да! вспомнилъ Венкгеймъ, отойдя уже отъ него шага на два и снова возвращаясь:—вотъ еще что: нынчѣ вечеромъ, или лучше—въ сумерки, я случайно проходилъ мимо дома твоей невѣсты и, если я вообще не ошибся, то видѣлъ твою невѣсту. Она вышла изъ дому подъ руку съ какимъ-то молодымъ человѣкомъ, но тутъ-же была мамаша, слѣдовательно ты можешь не ревновать ее. Такъ не забудь-же: завтра, отъ 11 до 12 часовъ»!...

Развѣ докторъ могъ-бы это позабыть? Это для него было невозможно. И вотъ, чтобы быть къ назначенному времени совершенно свободнымъ, онъ цѣлымъ часомъ ранѣе началъ свои визиты къ больнымъ, что весьма утѣшило многихъ страдальцевъ, паціентовъ его, которые чуть-ли не съ самаго разсвѣта сгорали желаніемъ поскорѣе увидѣть своего врача. Съ такимъ-же нетерпѣніемъ ожидала его и госпожа Пальмеръ. Хорошенькая служанка тотчасъ-же провела его къ ней, миновавъ уже извѣстную намъ гостиную. Такъ какъ г-жа Пальмеръ была дама не молодая и притомъ «немножко-черезчуръ» полная, то и приняла доктора у себя, лежа на кушеткѣ, съ прелюбезнымъ видомъ, и сейчасъ-же весьма словоохотливо начала сообщать ему о своемъ нездоровьѣ, насчитавъ по крайней мѣрѣ съ цѣлую дюжину симптомовъ своей болѣзни, которые, ужъ разумѣется, внушали ей не мало опасеній.

— Камилла была даже встревожена, продолжала она,— доброе дитя настаивало на томъ, чтобы сейчасъ-же послать за вами, потому что профессоръ Шпиттеръ совершенно неизвинительно оставилъ всѣхъ своихъ бѣдныхъ больныхъ. Говоря откровенно, любезный докторъ, вы были-бы для меня немножко молоды, если-бы добрый Венкгеймъ не поручился за васъ и за ваши знанія въ наукѣ. А впрочемъ, Камилла моя здорова и чувствуетъ себя также хорошо, какъ рыба въ водѣ; что-же касается меня, то мы ужъ между собой поладимъ. Ну, какъ вы находите состояніе моего здоровья?...

Докторъ Дюрингъ пощупалъ у ней пульсъ; разстройство произошло просто отъ вліянія, жаркаго весенняго солнца, къ которому нужно привыкать такъ же постепенно, какъ и при началѣ зимы къ холоду. Онъ ей предписалъ спокойствіе, пару холодныхъ компресовъ, и обѣщалъ снова навѣстить.

Всѣ движенія доктора были какъ-то медленны, говорилъ онъ все это не торопясь, весьма обстоятельно, и позволилъ даже себѣ, уже поднявшись съ кресла, втянуться въ разговоръ съ госпожей Пальмеръ. Разговаривая съ ней, докторъ, кажется, слушалъ ее только глазами и въ то же время старался изощрить свой слухъ, чтобы уловить серебряный звукъ *ея* голоса или услышать шелестъ *ея* платья въ сосѣдней комнатѣ или въ корридорѣ. Но все было тщетно! Въ квартирѣ г-жи Пальмеръ царило почти гробовое безмолвіе, нигдѣ и ничто не шевелилось—и, повидимому, не было ни кого, кто-бы пожелалъ поболтать съ нимъ; а такъ какъ мать Камиллы, казалось, утомилась отъ болтовни, то докторъ Дюрингъ, наконецъ, взялъ шляпу и отправился по пустому корридору къ парадным дверямъ. Снова появилась хорошенькая служавка чтобы выпустить его, сдѣлавъ при этомъ ему любезный книксенъ.

Солнце обливало своими жгучими лучами и мостовую, и стѣны домовъ, и панель, а тамъ... въ изящной гостиной, съ дверью, отвореною въ садикъ, навѣрно теперь такъ свѣжо, прохладно и, можетъ быть, *она* дремлетъ тамъ, все еще утомленная вчерашнимъ спектаклемъ... Но, по правдѣ сказать, Камилла не очень-то, какъ видно, заботится о больной, иначе она явилась-бы, чтобы узнать отъ него о состояніи здоровья своей матери... Это глубоко его огорчило, но тутъ докторъ снова былъ выхваченъ изъ области грезъ громкимъ стукомъ проѣзжающаго экипажа. Онъ поднялъ глаза и увидѣлъ хорошенькую каретку, славную лошадь. Экипажъ вдругъ остановился и какъ разъ подлѣ него — и онъ узналъ *ту*, о которой такъ сладко сейчасъ мечталъ. *Она* ласково смотрѣла на него и слегка манила его, приглашая подойдти поближе,—а затѣмъ онъ, восхищенный, услышалъ чудный ея голосъ, говорившій волшебныя для него слова: «Не можетъ-ли онъ вернуться вмѣстѣ съ нею и пробыть у нихъ еще нѣсколько минутъ, чтобы тамъ сказать ей, въ какомъ положеніи находится больная»?...

Могъ-ли онъ не исполнить этой просьбы?... заставилъ-ли онъ упрашивать себя сѣсть съ ней въ ея каретку, въ которой такъ было тѣсно, что близкое соприкосновеніе становилось неизбѣжнымъ, не смотря на то, что она безъ всякой жалости принялась мять свое легкое, тонкое кисейное платье, чтобы въ экипажѣ было попросторнѣе?...

— И такъ, опаснаго ничего нѣтъ? спросила она съ сіяющими глазками, выслушавъ подробный и преисполненный всякой медицинской премудрости отчетъ доктора, и затѣмъ воскликнула:—какъ это меня радуетъ! Послушайте, если вы хотите быть любезнымъ, то останьтесь еще на четверть часа у меня, чтобы я могла продлить эту радость?... Впрочемъ, зачѣмъ мнѣ просить объ этомъ?...

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Сцены и войны изъ міра животныхъ.

II. Бѣлка и сорока.

Мы слишкомъ любимъ нашу бѣлку за ея красивыя формы и живой нравъ, чтобы обращать вниманіе на дурныя стороны ея характера. На самомъ же дѣлѣ нашъ любимецъ не болѣе какъ коварный плутишка, на совѣсти котораго лежитъ много непозволительныхъ шалостей и—какъ охотно мы бы объ этомъ молчали!—даже убійствъ съ цѣлью грабежа. За то съ сорокой мы уже не такъ церемонимся, она у насъ слыветъ и всѣми признана за открытую грабительницу, которую мы осуждаемъ безъ всякаго снисхожденія. И дѣйствительно сорока—грабительница по профессіи, которой доставляетъ истинное удовольствіе воровать, грабить и убивать; благодаря своей смѣлости, хитрости и осторожности, всѣ эти подвиги она совершаетъ съ блестящимъ успѣхомъ. «Сорока-воровка» вошла въ поговорку. На нашей картинѣ сорока изображена не въ роли воровки, еще менѣе въ роли разбойницы, готовящейся, пожалуй, привести въ исполненіе свой преступный замыслъ. Здѣсь ей пришла просто охота подразнить ловкую, неостанавливающуюся передъ кровавою местью бѣлку, къ мужеству которой въ минуту, когда ея дѣтямъ грозитъ смертельная опасность, не слѣдуетъ относиться совсѣмъ легкомысленно. Тѣмъ не менѣе, дерзость и самонадѣянность сороки (а гдѣ силы недостаточно, то и хитрость) нерѣдко и тутъ доставляютъ ей побѣду.

Прекрасный лѣтній день. Всѣ молодыя бѣлки безусловно сегодня оставляютъ гнѣздо. Солнце такъ привѣтливо улыбается и въ воздухѣ не шевелится ни малѣйшій вѣтерокъ. Но малютки слишкомъ полюбили свое теплое ложе и не научились еще довѣряться своимъ силамъ. Отецъ нѣжно манитъ ихъ къ выходу, ему дѣятельно помогаетъ мать, которая поднимаетъ своихъ малютокъ на ноги и осторожно выталкиваетъ къ выходу перѣшительныхъ.

Одинъ смѣлый прыжокъ—и малютки уже очутились у порога своего гнѣзда; робко подвигаются они впередъ и несмѣлыми шагами обходятъ они свое жилище. Родители стараются ихъ ободрять, весело прыгаютъ около нихъ—и своими смѣлыми прыжками стараются имъ показать, что нужна только отвага, гимнастическія же упражненія сами по себѣ не представляютъ никакой опасности. При первой прогулкѣ малютки обыкновенно не уходятъ далеко отъ гнѣзда; они держатся очень близко отъ него и не увлекаются заманчивой листвой могучаго дуба, на которомъ покоится ихъ жилище. Они не разсѣеваются, такъ какъ имъ нужна еще защита родителей. Но вотъ раздается отвратительный и рѣзкій крикъ сороки; весь міръ маленькихъ птицъ и млекопитающихъ знаетъ этотъ крикъ и боится его; этотъ крикъ предвѣщаетъ приближеніе злѣйшаго врага молодаго бѣличьяго поколѣнія. Носясь надъ вершиною дуба, сорока своимъ проницательнымъ глазомъ безошибочно высмотрѣла малютокъ, неустрашимо устремляется она къ аренѣ веселыхъ игръ нашихъ безпечныхъ звѣрковъ, къ ихъ романтически-расположенному гнѣзду. Не успѣли еще наши бѣлки оправиться отъ ужаса, наведеннаго на нихъ неожиданнымъ появленіемъ сороки, какъ одна изъ молодыхъ сдѣлалась уже жертвою этой дерзкой птицы; одного удара клювомъ было достаточно чтобъ оглушить несчастное животное, которое она теперь схватила своими когтями. Теперь, гнѣздограбительница, спасайся, если желаешь избѣгнуть справедливаго гнѣва разъяренныхъ бѣлокъ! Фыркая и сердито ворча, отецъ и мать спѣшатъ отомстить злодѣйкѣ, не имѣя больше возможности спасти свое любимое дѣтище. Въ своей неномѣрной дерзости сорока однакожъ не трогается съ мѣста, что нѣсколько смущаетъ нашихъ бѣлокъ. Но замѣшательство послѣднихъ на руку нашей сорокѣ; хитрая грабительница пользуется этимъ удобнымъ моментомъ и удираетъ, не заботясь больше о добычѣ, еслибъ даже она упала на землю. Сорока улетаетъ довольно далеко отъ мѣста своего преступленія, такъ какъ смѣлость вступить въ поединокъ съ исполненными рыцарской отваги бѣлками кажется ей уже слишкомъ значительной. Но сорока-мать имѣетъ у себя дома голодныхъ дѣтей, которыя настолько прожорливы, что положительно дѣлаютъ изъ своихъ родителей настоящихъ хищниковъ. Приведенныя въ ужасъ только-что разыгравшеюся передъ ними кровавою сценою, наши бѣлки удалились въ свое гнѣздо, чтобъ сосчитать число своихъ возлюбленныхъ. Въ это время сорока тихонько подкрадывается къ подножію дуба и схватываетъ неуспѣвшую еще остыть жертву своей крожадности, съ которою она поспѣшно удаляется въ свое гнѣздо и разрываетъ добычу. Въ нѣсколько мгновеній всѣ слѣды кровавой жертвы исчезаютъ въ бездонной глоткѣ этой прожорливой птицы.

Сорока всегда можетъ считаться не безопасной хищницей, если даже она истребляетъ и вредныхъ животныхъ. Ко времени высиживанія яицъ ея хищническіе набѣги становятся положительно невыносимыми; она причиняетъ человѣку очень чувствительный вредъ, за что ее повсюду безпощадно преслѣдуютъ. Въ нашихъ зоологическихъ садахъ она не только опасна для яицъ разныхъ водяныхъ птицъ, которыя она при недостаточно бдительномъ надзорѣ воруетъ или надламываетъ въ разныхъ мѣстахъ; но дерзость ея нерѣдко до того доходитъ, что молодыхъ утятъ довольно крупной породы она уноситъ изъ-подъ самаго крыла матери. Она такъ ловко парализуетъ всѣ ухищренія своихъ преслѣдователей, что всѣ ихъ труды подстеречь ее обыкновенно остаются напрасными, если даже они забираются въ засаду еще до разсвѣта. Единственное средство избавиться отъ этой назойливой грабительницы—отыскать гнѣздо ея и унести дѣтей, которыя такимъ образомъ за грѣхи матери дѣлаются достояніемъ зоологическаго сада. Если эта мѣра не сдѣлаетъ грабительницу совершенно безвредной, то избавленная отъ заботъ о своихъ прожорливыхъ дѣтяхъ она по крайней мѣрѣ оставитъ тѣ мѣста, гдѣ только съ крайнею опасностью для жизни она въ состояніи удовлетворять своимъ хищническимъ наклонностямъ. Для себя одной она вездѣ найдетъ достаточно пищи, а безъ нужды сорока ни въ какомъ случаѣ не рискнетъ жизнью. Послѣдняя мѣра рекомендуется уже потому, что молодыя сороки, лишившись нѣжной заботливости матери, могутъ сдѣлаться жертвою голодной смерти. Въ интересахъ гуманности всѣ животныя, будь они даже самыми заклятыми нашими врагами, заслуживаютъ отъ насъ такой милости!

Еще болѣе чѣмъ хищнической нравъ сороки — извѣстны ея наклонности къ воровству. Особенно замѣчательна ея страсть къ блестящимъ и пестроокрашеннымъ предметамъ. Эта страсть сороки неоднократно служила поводомъ къ обвиненію совершенно невинныхъ людей въ воровствѣ и къ наказанію. Слѣдующій замѣчательный случай этого рода стоилъ жизни служанкѣ одного колокольнаго литейщика. Изъ комнаты исчезло нѣсколько серебряныхъ ложекъ; въ комнатѣ кромѣ служанки никого не было. Подозрѣніе, разумѣется, пало на служанку. Чтобы испытать ея честность, въ комнатѣ было оставлено нѣсколько драгоцѣнныхъ вещей. Когда эти послѣднія тоже исчезли, служанка была предана суду, который, не взирая на ея увѣренія въ своей невинности, призналъ ее виновной и приговорилъ къ смертный казни. Нѣсколько времени спустя хозяину несчастной служанки пришлось работать на одной колокольнѣ. Къ великому его изумленію, онъ нашелъ тамъ нѣкогда имъ вскормленную, а впослѣдствіи улетѣвшую отъ него сороку вмѣстѣ съ исчезнувшими изъ его комнаты вещами. Чтобы испросить прощеніе своей вины въ смерти несчастной служанки была, какъ гласитъ преданіе, отслужена обѣдня, которая ежегодно праздновалась всѣми молодыми дѣвушками епархіи. Съ тѣхъ поръ праздникъ этотъ сталъ называться «обѣдня сороки» и послужилъ темою для драмы, имѣвшей въ свое время большой успѣхъ въ Англіи и Франціи.

Впрочемъ эта страсть къ блестящимъ предметамъ свойственна многимъ птицамъ изъ вороньяго семейства; вороны и въ особенности галки не уступаютъ въ этомъ отношеніи сорокѣ. Въ Новой Голландіи существуетъ порода птицъ, принадлежащихъ къ этому семейству, которыя замѣчательны тѣмъ, что устраиваютъ себѣ весьма красивыя сводчатыя гнѣзда, нѣчто въ родѣ гаремовъ, для украшенія которыхъ онѣ приносятъ всякаго рода красивыя бездѣлушки, каковы раковины, цвѣтные камушки и косточки и даже нерѣдко похищаютъ изъ домовъ разныя драгоцѣнности. Туземцы при всякой пропажѣ какой нибудь мелкой драгоцѣнной вещи тотчасъ заподозриваетъ въ кражѣ этихъ проказницъ и отправляются разыскивать ее въ ихъ гнѣздахъ.

Сорока чрезвычайно хитрая и смышленная птица; ея понятливость и лингвистическій талантъ извѣстны всякому. Попавъ въ милость къ человѣку и будучи имъ воспитана съ молоду, сорока дѣлается чрезвычайно довѣрчивой и своимъ веселымъ нравомъ доставляетъ своему покровителю много удовольствія. На свободѣ же, будучи преслѣдуема всѣми на каждомъ шагу, сорока по неволѣ становится по природѣ недовѣрчивой, лукавой и злою. Она напоминаетъ собою страшную грѣшницу, которая вездѣ преслѣдуема своею нечистою совѣстью и подобно Каину безцѣльно скитается по свѣту, избѣгая всякой встрѣчи съ живымъ человѣкамъ. И это извращеніе природнаго характера сороки цѣликомъ лежитъ на нашей совѣсти. Въ Швеціи, гдѣ вмѣсто преслѣдованія сорока встрѣчаетъ самое широкое гостепріимство, она менѣе пуглива и подпускаетъ къ себѣ человѣка на очень близкое разстояніе. То же самое слѣдуетъ сказать о воронахъ Гренландіи, которыя на зиму поселяются въ самыхъ домахъ туземцевъ.

Самое вѣрное средство перехитрить сороку—это задѣть ея любопытство. Если кто изъ надежной засады умѣетъ издавать разнообразные, хотя бы и неестественные, но не похожіе на человѣческіе звуки, то сорока, движимая любопытствомъ, подпрыгиваетъ къ засадѣ все ближе и ближе и можетъ быть настигнута въ расилахъ. Успѣхъ несомнѣненъ, если кому нибудь удается изобразить въ звукахъ воинственную сцену ихъ міра животныхъ. Охотники по этому поводу замѣчаютъ, что сорока вполнѣ обладаетъ мошеннической логикой — и знаетъ, что тамъ гдѣ двое дерутся, третьему достается добыча. Вообще существуетъ очень много анекдотовъ, въ которыхъ лукавство и хитрость сороки играютъ очень не послѣднюю роль. Такъ разсказывается про одинъ случай, гдѣ она съумѣла ухитриться, состоящій въ слѣдующемъ. Наблюдая съ завистью за игрой кошки съ пойманной мышью, сорока придумала хитрость, чтобы утащить у нея добычу, сорока стала дразнить кошку и своего назойливостью довела ее до того, что, забывъ о своей добычѣ, кошка въ гнѣвѣ бросилась на дерево преслѣдовать проказницу. Въ одно мгновеніе сорока очутилась возлѣ оставленной мыши—и съ нею была плутовка такова.

Библиотека "Руниверс"

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

(Продолженіе).

IV.

Не видя нигдѣ Лизаветы Николаевны, я обошелъ всѣ залы ресторана, заходилъ даже въ бильярдную, на антресоли — все напрасно; наконецъ, вернувшись уже, мимоходомъ заглянулъ въ отдѣльный угловой кабинетъ... Это была премиленькая комнатка, освѣщенная съ потолка матовымъ краснымъ фонарикомъ; вся въ его теплыхъ розовыхъ отсвѣтахъ, мягкая мебель самыхъ причудливыхъ формъ, обитая французскимъ ситцомъ крупными букетами по бѣлому полю, подъ цвѣтъ обоевъ и драпировокъ,—тѣснилась вокругъ дорогаго пьянино съ инкрустаціями перламутра и бронзы; мягкій коверъ скрадывалъ звукъ шаговъ; одинокій незажженный канделябръ на овальномъ столикѣ, казалось, только намекалъ на то, что комнатку можно и озарить по желанію... Все здѣсь располагало къ лѣни, мечтамъ, нѣгѣ, и какъ будто съ умысломъ приноровлено было для пикантныхъ rendez-vous. Здѣсь-то, у средняго угловаго окна я увидалъ Лизавету Николаевну. Она стояла у окна, опершись руками на мраморный подоконникъ и смотрѣла на пустынный видъ парка съ его голыми деревьями, торчавшими изъ снѣгу, на безлунной бѣловатой мглѣ зимняго вечера...

Заслышавъ мои шаги, Тароватова быстро обернулась—и точно обрадовалась увидѣвъ именно меня...

— О чемъ вы такъ задумались? проговорилъ я,—и Боже мой, какое у васъ опять убитое выраженіе лица!.. Развѣ такъ бывало веселились вы, Лизавета Николаевна?!..

— Бывало! произнесла она съ горечью, — ну, что говорить о прошломъ!.. Вы спрашиваете, о чемъ я думала!.. о томъ, что судьба какъ будто нарочно посылаетъ васъ ко мнѣ въ такія минуты, когда... не знаю какъ бы это сказать...

Она сѣла на маленькій диванчикъ и показала мнѣ мѣсто возлѣ себя.

— Намъ сегодня не удалось перекинуть и двухъ словъ съ вами, докторъ. Судя по тому, что говорила мнѣ сестра, вы очень перемѣнились здѣсь въ Петербургѣ? продолжала Лизавета Николаевна, внимательно посмотрѣвъ на меня.

— Она успѣла уже передать вамъ свои наблюденія?

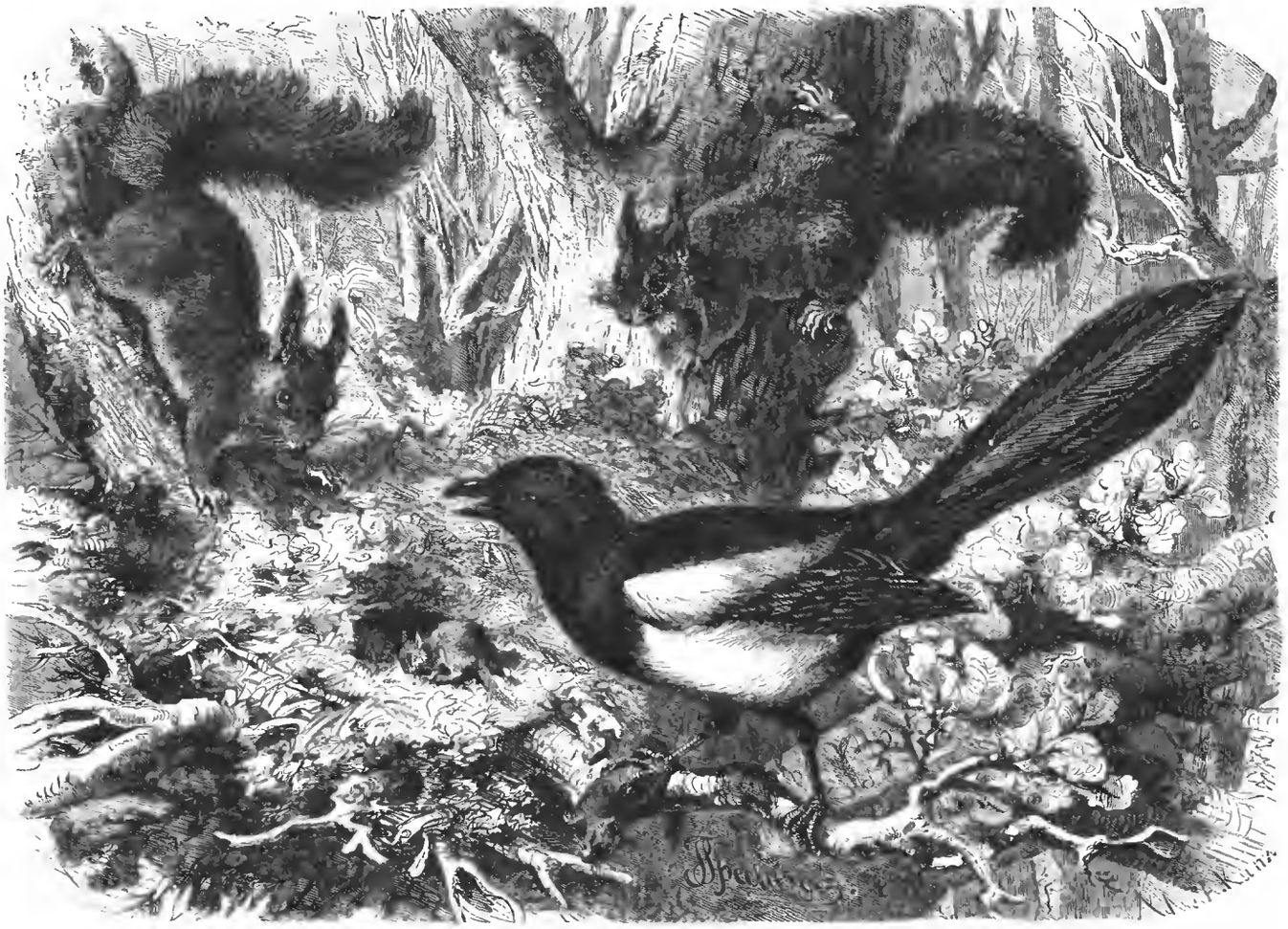
Тароватова улыбнулась.

— Хотите мнѣ оказать большую-большую услугу? быстро проговорила она, издали замѣтивъ приближеніе нѣсколькихъ паръ къ нашему пріюту.

— Приказывайте!

— Пріѣзжайте ко мнѣ завтра утромъ — мнѣ нужно много и долго съ вами говорить... Я буду одна...

Она быстро взглянула на дверь, и замолчавъ, поту-



Родительская любовь. (Сорока и бѣлка).

Библиотека "Руниверс"

пилась. Тамъ стоялъ интересовавшійся ею, щеголеватый господинъ, удивленно поглядывая то на нее, то на меня... Это былъ замѣчательно красивый молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти; горделивый профиль его могъ бы привести въ восторгъ любаго ваятеля, но живописецъ едва ли бы съ удовольствіемъ принялся за его портретъ: въ его свѣтлыхъ и вмѣстѣ холодныхъ сѣрыхъ глазахъ было что-то нахально-самоувѣренное, а крупныя хотя и красиво-очерченныя губы складывались въ какую-то отталкивающую усмѣшку.

— Тамъ затѣваются танцы, Лизавета Николаевна, проговорилъ онъ, подходя къ намъ,—позволите ли вы мнѣ просить васъ?

— Нѣтъ, нѣтъ.. пожалуйста... Мнѣ сегодня что-то нездоровится, голова болитъ, отвѣтила Лизавета Николаевна,—будьте такъ любезны, не настаивайте... и попросите другихъ, чтобы не мѣшали мнѣ посовѣтоваться о моей болѣзни... Это будетъ лучше и для меня, и для всѣхъ... Послѣднія фразы она произнесла какъ-то особенно отчеканивая, хотя совершенно спокойно, и потомъ добавила:—не угодно ли вамъ быть знакомымъ, господа? Валентинъ Сергѣичъ Игреневъ. докторъ * * *

Игреневъ съ минутнымъ любопытствомъ остановилъ на мнѣ свои пронизывающіе глаза, пожавъ руку, сказалъ двѣ-три вѣжливости, выразилъ свое сожалѣніе о томъ, что долженъ лишиться удовольствія танцовать съ Лизаветой Николаевной и удалился, заслышавъ музыку.

Лизавета Николаевна закинула голову на мягкій отвалъ спинки диванчика и нѣсколько секундъ молчала, хмурясь и улыбаясь вмѣстѣ...

— Знаете, докторъ, проговорила она вдругъ, закрывъ глаза, точно въ отчаянной рѣшимости,—бываютъ минуты, когда я глубоко... до бѣшенства... ненавижу себя...

— За что? попробовалъ я отшутиться,—за свои нервы?

Каюсь, я предчувствовалъ что-то тяжелое, и мнѣ хотѣлось хоть на-время увильнуть.

Лизавета Николаевна выпрямилась и поглядѣла мнѣ прямо и твердо въ глаза.

— Нѣтъ, а за то, что я погубила и себя, и Михайлу Иваныча...

— Лизавета Николаевна, торопливо перебилъ я, начиная догадываться,—ради васъ самой, ради его, не теперь, не здѣсь....

Она тихо и злобно засмѣялась.

— Полно же вамъ въ самомъ дѣлѣ считать меня ребенкомъ! съ раздраженіемъ проговорила она,—вотъ сейчасъ здѣсь стоялъ человѣкъ, передъ которымъ я дѣйствительно могла бы смутиться, а я сказала ему все что нужно—и вы этого не замѣтили даже...

Я не сталъ разувѣрять ее, ожидая, что будетъ дальше...

— Помните, докторъ, вы предложили мнѣ признаваться вамъ во всемъ, что у меня на душѣ? Ахъ, еслибъ вы знали, какъ я смѣялась надъ вами впослѣдствіи!.. Вѣдь на такую откровенность способна только дѣвочка, до такой степени неопытная, какъ я была въ то время, когда вы стали меня обращать на путь истины... Кстати, вы напрасно тогда меня забросили: я пожалуй была бы вамъ хорошей женою... Впрочемъ, если вы только этой откровенности добывались—цѣль ваша теперь достигнута: я буду съ вами вполнѣ откровенна, потому что мнѣ ужь не остается ничего инаго...

— И вы увѣрены, что я приму эту откровенность какъ слѣдуетъ? спросилъ я, шокированный такимъ безцеремоннымъ тономъ.

— Надо же мнѣ хоть чѣмъ нибудь отомстить вамъ! Конечно примете прямо къ сердцу, засмѣялась она,—вѣдь виновата все таки я—меня и казните, а Михайлу Иваныча волей-неволей придется пожалѣть... Ну, вотъ вы и примете на себя неказистую роль моего повѣреннаго—только для того чтобы передать ему горькую правду *какъ слѣдуетъ*...

Мы помолчали.

— Зачѣмъ же вы это вышли замужъ, Лизавета Николаевна? спросилъ я наконецъ, не вытерпѣвъ.

— А зачѣмъ никто не задавалъ мнѣ такого вопроса, когда я выходила замужъ? переспросила Тароватова, засверкавъ глазами,—зачѣмъ Софи увѣряла меня, что всѣ *такъ* выходятъ за-мужъ и что изъ мужа можно дѣлать все что угодно? Зачѣмъ Анастази говорила мнѣ, что замужъ выходятъ для того, чтобъ быть совершенно свободною, что мужья ничего лучшаго и не заслуживаютъ? Зачѣмъ никто изъ родныхъ не сказалъ мнѣ, что убивать человѣка совсѣмъ не такъ легко, какъ это рисуется въ романахъ? Вы посмотрите на меня... вѣдь я на себя не похожа... вѣдь я вся изстрадалась, глядя на Мишеля...

— А все же измѣнили ему!.. невольно вырвалось у меня.

— То есть, что вы хотите этимъ сказать?.. вся вспыхнувъ, гордо проговорила Лизавета Николаевна,—неужели вы считаете меня такой низкой женщиной, чтобъ я воспользовалась его довѣріемъ? развѣ вы не замѣчаете, что онъ вотъ уже около часу не видитъ меня и нисколько не безпокоится узнать, гдѣ я... Онъ слишкомъ ясно даетъ это мнѣ чувствовать. Нѣтъ, докторъ, я не измѣняла ему въ вашемъ смыслѣ. Онъ можетъ быть хочетъ удивить меня своимъ благородствомъ, но ужь конечно я скорѣе умру, а это ему не удастся...

— Не обманываете ли вы себя, Лизавета Николаевна? Мнѣ со стороны виднѣе—и мнѣ кажется, что вы съ Михайлой оба искренно..... привязаны другъ къ другу...

— Ахъ, Богъ мой, конечно привязаны! съ досадой перебила Тароватова, — и это я говорю безъ всякаго каламбура,—привязаны во всѣхъ отношеніяхъ, кромѣ одного...

Она не докончила и быстро перешла въ другой тонъ: — понадобись кому нибудь его жизнь — мнѣ кажется, я не задумываясь отдала бы свою за него.... Но дѣло въ томъ, что ничего подобнаго ему не понадобится. Онъ добивается одного только, живетъ для одного, мучится и страдаетъ—и я на него глядя мучусь и терзаю себя упреками, а дать ему счастья не могу... Ну, не могу—что же мнѣ дѣлать съ собою?...

— Онъ такъ искренно, такъ глубоко, такъ честно любитъ васъ, рѣшился я наконецъ выговорить.

— Какъ же вы не понимаете, что въ этомъ все несчастіе!... вскрикнула Лизавета Николаевна, ломая свои прекрасныя руки. — онъ слишкомъ уменъ и чутокъ, чтобъ его можно было обмануть притворствомъ... но я все таки пробовала, впередъ зная что изъ этого ничего не выйдетъ,—и только пуще измучила его и себя... А теперь дошло до того, что нѣтъ силъ выносить больше; все мнѣ до того постыло, что давече, когда вы вошли, я вотъ стою тутъ у окна—и тянетъ меня туда, въ глушь, за деревья—уйдти, забиться въ какую нибудь нору и покончить съ собою...

У менядаже слезы навернулись на глазахъ.

— Бѣдная, бѣдная вы моя дѣточка!... проговорилъ я, взявъ ее за руку, — во всю-то вашу жизнь навернулся вамъ одинъ только порядочный человѣкъ—и тому вы не съумѣли отвѣтить, какъ онъ того достоинъ...

Лизавета Николаевна раскрыла на меня большіе, удивленные глаза...

— А признайтесь-ка, вѣдь вы вѣнчаясь съ нимъ постарались таки первая ступить на коврикъ? Тароватова кивнула головой, улыбаясь какому-то воспоминанію.

Библиотека "Руниверс"

— Ну, такъ!... такъ!... проговорилъ я,—обо всемъ позаботятся, о послѣдней мелочи, о бабьихъ бредняхъ даже;—объ одномъ только никогда не думаютъ—это объ человѣкѣ, съ которымъ жизнь свою связываютъ...

— Ахъ, неправда же, докторъ!... Еслибъ вы знали, какъ я боялась, какъ я молилась, чтобы мнѣ здѣсь въ кого нибудь не влюбиться!...

Я расхохотался, не смотря на все угнетенное состояніе моего духа.

— И въ Михайлу Ивановича боялись?

— Въ Михайлу Иваныча?... непередаваемо изумилась она,—да развѣ въ него можно влюбиться?...

Послѣднія сомнѣнія мои исчезли, точно въ оперѣ, когда на сценѣ рядъ за рядомъ поднимаются занавѣсы изъ флера, изображающіе туманъ, и наконецъ вмѣстѣ съ послѣдней дымкой обнажится вся декорація—на-голо...

V.

— Ага, вотъ они куда забились!... раздался въ дверяхъ голосъ Тароватова,—значитъ, старый другъ лучше новыхъ двухъ?... О чемъ это вы бесѣдуете? подошелъ къ намъ Михайло Иванычъ.

— О чемъ же съ докторами толковать какъ не о болѣстяхъ и немощахъ людскихъ? развязно проговорила Лизавета Николаевна, какъ ни въ чемъ не бывало играя вѣеромъ и глядя мужу въ лицо.

— Нашла мѣсто и время!.. улыбнулся Тароватовъ:—лучше избавь-ка меня отъ нареканій всей этой молодежи, будто это я деспотически лишаю ее твоего общества... Никто не хочетъ вѣрить твоему нездоровью... Безъ тебя говорятъ пикникъ не пикникъ...

— Что-жь, если ты самъ этого хочешь — изволь! сказала Лизавета Николаевна, кинувъ мнѣ выразительно взглядъ, — смотрите же, докторъ, я васъ жду завтра...

И кивнувъ мнѣ головкой, она пошла по-передъ нами въ большую залу, гдѣ уже дотанцовывали кадриль съ нѣкоторой игривостью, а пуще всѣхъ Анастасія Николаевна, вся какъ-то извиваясь и слегка пошевеливая кружевными оборками своего платья...

Минуту спустя и Лизавета Николаевна иолькировала уже съ какимъ-то офицеромъ, который крутилъ ее какъ вихрь, вдругъ широчайшими на прорѣзывалъ всю залу изъ угла въ уголъ и снова кружился съ нею, порхая, скользя и звеня шпорами въ толкотнѣ прочихъ паръ. Я издали отыскалъ въ толпѣ Игренева. Онъ стоялъ у дверей, прислонясь плечомъ къ косяку и слегка закинувъ красивую голову, скрестивъ руки, смотрѣлъ на танцующихъ. То не былъ взглядъ *нѣмаго обожанья*, робкій, почтительный и затаенно-страстный; холодно поводя стальными глазами, спокойнымъ, увѣреннымъ въ себѣ побѣдителемъ слѣдилъ онъ за Тароватовой...

Когда Лизавета Николаевна запыхавшись опустилась возлѣ него на стулъ, онъ крошечку подвинулся всторону, потомъ разсѣянно наклонился къ ней, выслушивая какую-то просьбу, какъ бы не-хотя принесъ ей блюдечко фруктовъ и наконецъ удостоилъ присѣсть на свободный стулъ возлѣ. Заученыя манеры петербургскаго сердцеѣда сказывались въ каждомъ его движеніи, въ малѣйшемъ жестѣ... А она, эта нѣкогда бойкая дѣвушка, смущавшая бывало самыхъ неробкихъ, теперь едва осмѣливалась по временамъ взглянуть на своего кавалера, но глаза ея и все лицо мало по малу свѣтлѣли, на щекахъ появился слабый румянецъ и вся она видимо приободрилась...

Не зная какъ бы обратить вниманіе моего пріятеля на происходившую передъ нами сцену, я прямо началъ вопросомъ: «что, хорошій господинъ этотъ Игреневъ?».

— Да, когда спитъ, отвѣтилъ Михайло Иванычъ съ короткимъ зѣвкомъ.

— А вѣдь онъ, кажется, порядкомъ пріударяетъ за твоей женой?...

— Ну, что жь—на здоровье!

Что это было: безнадежная апатія или грозное затишье передъ бурей? Ни на лицѣ Тароватова, ни въ тонѣ его голоса ничего нельзя было уловить. А между тѣмъ, надъ молодой четой и вокругъ нея тяготѣло что-то нависшее, гнетущее, удушливое... Я предчувствовалъ, что *завтра* все должно разъясниться: что-то будетъ: освѣтитъ ли мракъ этихъ тучъ яркая молнія въ грохотѣ грома, или онѣ расползутся затхлымъ петербургскимъ туманомъ?... Дважды получивъ отпоръ Тароватова, я видѣлъ только, что намеки мои вовсе не новы ему, и прекратилъ ихъ.

Вечеръ закончился ужиномъ. Много болтали, смѣялись, Анастасія Николаевна первенствовала и здѣсь, журила прислугу за блюда не по ея вкусу, требовала невозможныхъ по сезону вещей, безъ счету осушала свои бокалы и усердно подливала сестрѣ, наконецъ даже запѣла какую-то задорную шансонетку...

— Tric!.. Trac!.. Ah! ah! ah!... ah! ah!.. выдѣлывала она среди общихъ рукоплесканій, подмаргивая слушателямъ и поводя плечами...

За столомъ становилась шумно и ужь черезчуръ весело. Я замѣтилъ, что Тароватовъ пилъ противъ обыкновенія много и съ каждымъ стаканомъ не то чтобы хмурился, а какъ-то сосредоточеннѣе, серіознѣе становился... На Лизавету Николаевну шампанское дѣйствовало совершенно иначе: мелкіе локончики на лбу ея красиво развились и сбѣгали къ бровямъ, лицо раскраснѣлось, глаза сверкали прежнимъ блескомъ, она чаще стала улыбаться, принимая всевозможныя любезности, которыя сыпались на нее со всѣхъ сторонъ,—а когда мы уже собирались въ обратный путь, она въ передней совсѣмъ-одѣтая вдругъ неожиданно набѣжала на меня и проворно схватила меня за руку...

— Не надо завтра... шепнула она, чуть примѣтно покачнувшись, — забудьте, что я вамъ говорила... У меня никогда не достанетъ духу признаться мужу...

Я посмотрѣлъ на нее, недоумѣвая, но ее уже подхватила съ собой выходившая толпа—и скоро тройки, звонко журча бубенцами, несли насъ во всю прыть къ Петербургу... Всю дорогу я былъ въ сквернѣйшемъ расположеніи духа, размышляя о моихъ друзьяхъ.

Я сидѣлъ съ какой-то совсѣмъ незнакомой мнѣ молодежью, не чаялъ какъ добраться домой, и добравшись, заснулъ какъ убитый.

Каково же было мое удивленіе, когда въ полдень разбудившій меня слуга подалъ мнѣ маленькую записочку торопливымъ, сбивающимся почеркомъ: «Пріѣзжайте скорѣй, у меня въ домѣ ужасное несчастіе. Ваша Бэтси.»

(Продолженіе будетъ)

Кострома.

Древній городъ этотъ имѣетъ слѣдующіе памятники его сѣдой старины: Успенскій Соборъ, устроенный В. К. Василіемъ Ярославичемъ по прозванію Квашнею, изъ рода владѣтельныхъ Владимірскихъ князей, въ память чудесно одержанной имъ между 1259 и 1262 годами побѣды надъ татарами заступленіемъ Божіей Матери, ради явленнаго Ея не за долго предъ тѣмъ тому же князю и чудотворнаго Ѳедоровскаго образа Небесной царицы. По лѣтописямъ отъ образа сего, находившагося съ княземъ во время битвы, «видѣша поганіи лучи огненные, и видѣша смутишаяся, и на бѣжаніе устремишася. Князь же великій въ слѣдъ ихъ гнаше,

Библиотека "Руниверс"

и многихъ ноби, и живыхъ поима» *). Самый образъ находится въ томъ же Соборѣ, привлекая множество богомольцевъ мѣстныхъ и иногородныхъ. Подъ сводами теплаго предѣльнаго соборнаго храма въ честь Св. великом. Ѳеодора Стратилата, похоронено тѣло основателя Собора. Замѣчательно, что, противу устава церковнаго, алтари соборные расположены не прямо на востокъ, а нѣсколько на сѣверо-востокъ,—что, какъ намъ извѣстно, составляетъ предметъ соблазна для старообрядцовъ и что объясняется ревностнымъ живымъ почтеніемъ къ Ѳеодоровскому образу Богоматери, явившемуся князю Василію въ запрудненской рощѣ, именно на сѣверо-восточной сторонѣ города. Спасская запрудненская церковь, прежде бывшая монастыремъ и основанная княземъ Квашнею на томъ мѣстѣ, гдѣ совершилось чудесное явленіе иконы Богоматери. Икона явилась князю на сосновомъ деревѣ, и пень отъ этаго дерева доселѣ показываютъ подъ однимъ изъ церковныхъ престоловъ. Ипатіевскій монастырь, основанный во времена Калиты крещенымъ татариномъ, мурзою Четомъ, родоначальникомъ фамиліи Годуновыхъ въ памятъ бывшаго ему на нынѣшнемъ мѣстѣ монастыря видѣнія Св. Ипатія Гангрскаго вмѣстѣ съ Апостоломъ Филиппомъ; имѣетъ два собора: Троицкій холодный, въ которомъ происходило нареченіе на царство Государя Михаила Романова и хранится тронъ Михаиловъ вмѣстѣ со старинными церковными вещами, Евангеліями, крестами, чашами и пр. прикладами Великихъ Князей и Государей и преимущественно Бояръ Годуновыхъ; подъ папертью усыпальница многихъ Годуновыхъ, начиная съ родоначальника ихъ, Чета. Въ тепломъ соборѣ, въ честь Рождества Пресвятой Богородицы, Чудотворная икона Тихвинской Божіей Матери. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ послѣдняго Собора дворецъ Михаиловъ, воздвигнутый изъ келій, въ которыхъ жилъ этотъ царь и устроенный на совершенное подобіе Романовскихъ палатъ на Московской улицѣ Варваркѣ; уцѣлѣли въ дворцѣ вещи принадлежавшія царю: ведро съ ковшемъ и картины царствовавшихъ Государей; другихъ рѣдкостей не видно. При Императорѣ Николаѣ 1, основателѣ Ипатьевскаго дворца, построенъ также въ связи съ архіерейскимъ помѣщеніемъ придворный храмъ во имя Св. Хрисанфа и Даріи празднуемыхъ церковью 19 марта, въ то число, въ которое въ 1613 г. Михаилъ Романовъ избранный въ Цари отбылъ изъ Костромы въ Москву, чтобы принять бразды управленія Государствомъ. Городской Богоявленскій, прежде мужскій а нынѣ женскій монастырь, основанный въ XV стол. съ усыпальницею рода Салтыковыхъ, по имени которыхъ называется доселѣ холодный Соборъ монастырскій Салтыковскимъ **).

Обитель эта находится въ сѣверной части города Костромы, въ Константиновской части, между улицами: Власьевскою, Богоявленскою, Троицкою и Пятницкою, «на посадѣ» т. е. около бывшаго кремля. Основанъ монастырь этотъ инокомъ Никитою, современникомъ Василія Темнаго. Громадный соборъ Богоявленія, развалины котораго представляетъ намъ рисунокъ, построенъ въ 1563 году, въ дни Грознаго, пожертвовавшаго бывшему монастырю рукописный сборникъ, въ листъ. Въ числѣ вкладчиковъ для сооруженія храма упоминается князь Владиміръ Андреевичъ Старицкій. Храмъ построенъ былъ въ характерѣ соборовъ того времени, о пяти главахъ, съ каменными папертями. Своды собора поддерживаются, какъ и въ Успенскомъ московскомъ соборѣ, четырьмя пилонами. Храмъ трех-престольный. Главный престолъ во имя Богоявленія, съ права придѣлъ Успенія, а налѣво бывшій придѣлъ Святителя Николая, обращенъ въ ризницу. Въ одной связи съ соборомъ высокая колокольня, съ большою главою. На колокольнѣ повѣшенъ почаинный» колоколъ во 106½ пудъ, вылитый при царѣ Борисѣ и игуменѣ Исаіи, подписавшемъ грамоту по избраніи въ цари Годунова. Въ 1628 году на колокольнѣ Богоявленской были «боевые русскіе часы съ перечасьемъ и получасьемъ» т. е. съ боемъ нетолько часовымъ, но и получасовымъ.

Подъ храмомъ Богоявленія усыпальница княжескаго рода. Здѣсь погребены были дѣти князя Василья Ярославича: Иванъ, Андрей и Василій Васильевичи, да бояринъ М. М. Салтыковъ (ум. 30 октября 1672 г.). Гробницы этихъ лицъ сохранились въ цѣлости, а встарину были покрыты коврами. Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ вмѣстѣ съ А. В. Волынскимъ, да патріархомъ Іосифомъ, были главными вкладчиками на сооруженіе стѣны, начатой вокругъ монастыря въ 1642 г., на протяженіи 450 саженъ. Стѣна каменная выведена съ 6 башнями, 2-мя воротами и 4 контрфорсами и двумя воротами. Благодаря неправильности линіи внѣшнихъ стѣнъ, площадь монастыря представляетъ изломанную трапецію, съ обсѣченіемъ юго-восточнаго угла и съ изломомъ выгибающимъ внутрь сѣверную сторону, идущую подъ острымъ угломъ отъ западной. Стѣны окончены въ 1648 году и царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ Богоявленской обители 7 литыхъ чугунныхъ пушекъ на ограду. Въ 1671 году иждивеніемъ боярина Петра Михайловича Салтыкова—сына перваго жертвователя, соборъ Богоявленія по фасадамъ и паперти его росписаны иконными изображеніями, также и на святыхъ воротахъ, со стороны Пятницкой улицы написана (на юго-западной башнѣ) икона Богоматери Смоленской. Съ этимъ священнымъ изображеніемъ въ сказаніяхъ городскихъ старожиловъ соединено спасеніе отъ пожара (12 мая 1770 г.) Монастыря, близь западной стороны котораго сильно свирѣпствовалъ огонь, повредивъ строеніе, тогда какъ высокая югозападная башня (гдѣ была икона) удержала розлитіе огня и сама не пострадала,—такъ что сохранился и деревянный кіотъ иконы, необъуглившись. Въ память этого случая къ башнѣ придѣлана деревянная часовня на каменныхъ столбахъ. Въ 1824 году, настоятель Богоявленскаго монастыря и ректоръ костромской семинаріи, находившійся въ стѣнахъ монастыря этого съ 1814 года до пожара 1847 г., испепелившаго наконецъ обитель,—архимандритъ Макарій построилъ одноглавый храмъ Б-цы Одигитріи, съ полуциркульною придѣлкою къ стѣнѣ: Пожары 1840 г., а особенно 1847 года сильно повредили эту церковь, возобновленную въ концѣ пятидесятыхъ годовъ, пожертвованіями извѣстнаго патріота Платона Васильевича Голубева, уроженца Костромы. Родъ Салтыковыхъ оказывается благодѣтельствующимъ Богоявленской обители и въ минувшемъ столѣтіи. Въ 1753 году, близъ собора Богоявленія,—почти въ срединѣ монастырской площади,—построена церковь Николая Чудотворца, съ придѣломъ Михаила Архангела, супругою Д. С. С. Михаила Петровича Салтыкова (умерш. 6 сентября 1750 г.), Екатериною Михайловною урожд. графиней Шереметевой (внучкою петровскаго фельдмаршала), родившеюся 20 ноября 1707 г. и умершею 21 января 1769 года. Церковь эта извѣстна данымъ подъ именемъ *Салтыковской*. Этимъ прозваніемъ, какъ бы увѣковѣчиваются щедрыя жертвованія пяти поколѣній сряду представителей этой фамиліи въ обитель Богоявленскую. Кострома, кромѣ Богоявленскаго монастыря, заключавшая въ стѣнахъ своихъ еще обители: 3-го класса Крестовоздвиженскую, Анастасьинскую, Донскую (между Царевскою и Московскою улицами) и 1-го класса Ипатьевскую, въ концѣ XVIII вѣка, самыми надежными сооруженіями считала корпуса каменные Богоявленскаго монастыря. Поэтому, въ Богоявленскомъ монастырѣ хранилась казна денежная, принадлежащая намѣстничеству, съ открытіемъ котораго въ обители помѣщены были и всѣ присутственныя мѣста. Помѣщенія ихъ съ 1814 года заняты были семинаріею, сюда переведенною съ Запрудни—загородной архіерейской дачи.

Монастырь этотъ 1847 году, во время бывшаго въ Костромѣ большаго пожара, сгорѣлъ и долго состоялъ въ запустѣніи, кромѣ монастырской часовни, возобновленной съ исполненіемъ въ ней церковныхъ службъ; и можетъ быть ему суждено было долго оставаться въ такомъ состояніи, если бы игуменія другаго здѣшняго Анастасіинскаго монастыря мать Марія, о которой упомянемъ ниже, испросивъ согласіе у эпархіальнаго начальства о обращеніи монастыря изъ мужскаго въ женской, не взялась возстановить почтенный памятникъ древности. Въ настоящее время монастырь въ главныхъ частяхъ совершенно устроенъ и устроенъ въ видѣ лучшемъ того, въ какомъ онъ прежде существовалъ, съ сохраненіемъ впрочемъ всей его величавой старины: странныхъ зубчатыхъ стѣнъ, башенъ съ бойницами и тѣхъ характерныхъ особенностей въ разныхъ постройкахъ, какія были въ прежнемъ монастырѣ до пожара его. Читатель спроситъ, на какія средства былъ устроенъ монастырь: Это на средства самой игуменьи Маріи и на приношенія изъисканныхъ ею почитателей храмовъ Божіихъ. Подвигъ игуменьи Маріи по возобновленію Богоявленнаго монастыря—скажемъ отъ себя—громадный; но цѣна его увеличивается, когда знать, что, кромѣ изысканія средствъ къ спасенію для города священноисторическаго памятника, игуменья Марія сама составляла планы и чертежи построекъ, сама наблюдала за работами до мельчайшихъ подробностей, совѣтуя и поправляя; она же рисовала иконы для вновь устроенныхъ храмовъ, вездѣ и во всемъ былъ ея глазъ и руководительство... и все это дѣлала женщина, которымъ приписывается слабость, какъ качество неотъемлемое отъ ихъ пола.

Послѣ Богоявленнаго монастыря, достойно упомянуть какъ о старинной церкви, о Воскресенской на Дебрѣ, устроенной изъ когда-то большаго монастыря и обращающей на себя вниманіе причудливою шахматами живописью на наружныхъ стѣнахъ, внутреннею рѣзьбою и позолотою. Подъ стать къ древности церкви настоящій настоятель ея, о. Петръ Аскаронскій недавно праздновавшій юбилей своего священства—юбилей, на которомъ собирались всѣ представители города начиная съ губернатора, а прихожанами поднесенъ юбиляру золотой крестъ, украшенный драгоцѣнными камнями.

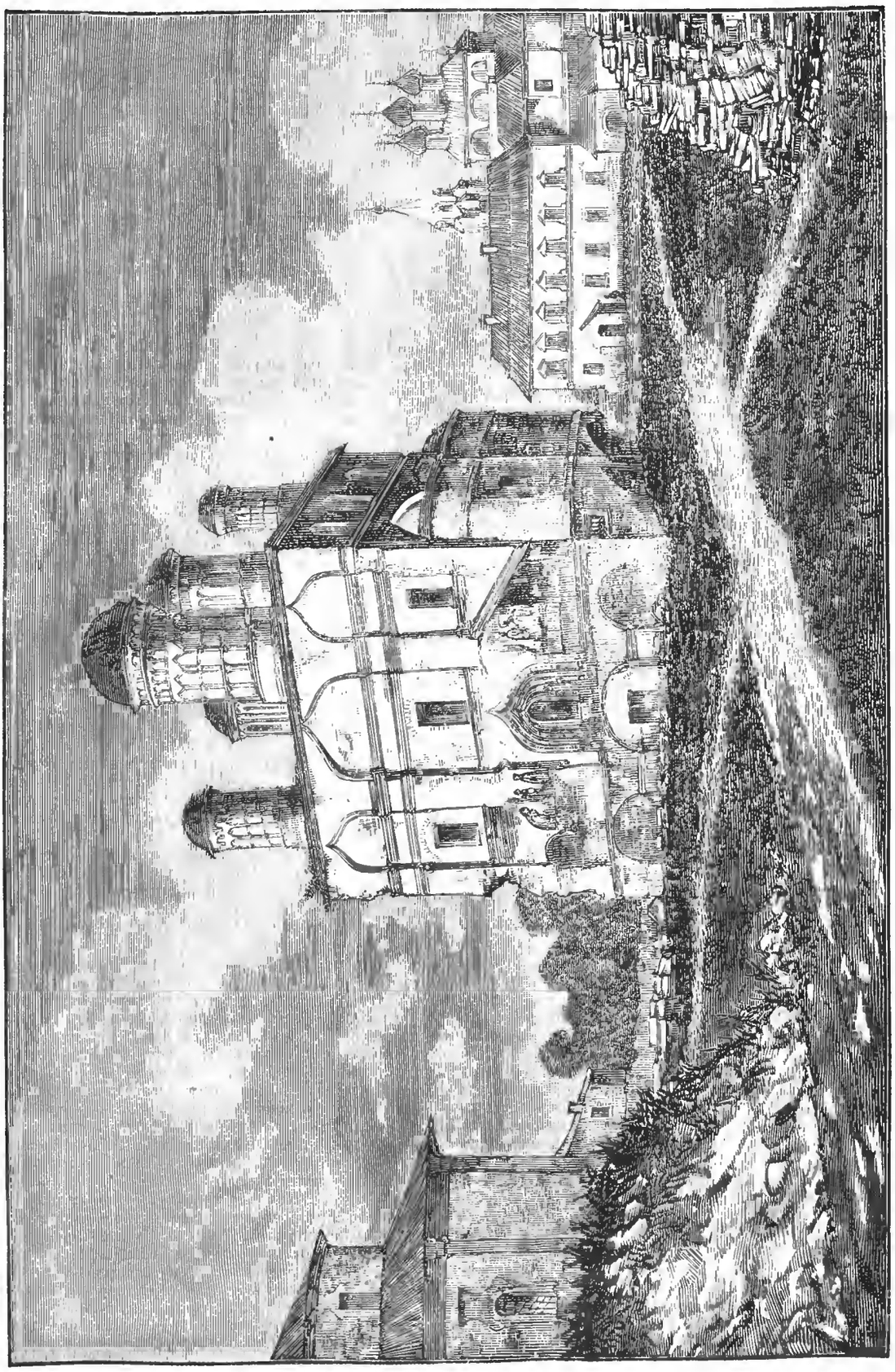
Изъ двухъ существующихъ въ городѣ Костромѣ площадей, на главной возвышается памятникъ, воздвигнутый въ 1851 году въ честь крестьянина Ивана Сусанина. Памятникъ представляетъ гранитную колонну съ гербами государственнымъ и костромскимъ, поставленную тоже на гранитномъ призматическомъ пьедесталѣ; на верху колонны находится бюстъ Государя Михаила Ѳеодоровича Романова, сдѣланный изъ бронзы, — Царь въ шапкѣ мономаховой и съ крестомъ на груди, висящимъ на цѣпи;—бюстъ обращенъ лицевою стороною къ р. Волгѣ. У подножія колонны Сусанинъ въ колѣнопреклоненномъ положеніи и съ глазами воздѣтыми къ небу. На одной сторонѣ пьедестала изображено темными выпуклыми рельефами событіе убійства Ляхами крестьянина патріота, на другихъ сторонахъ нарѣзаны золотыми по граниту буквами и цифрами: годъ событія и надпись гласящая: «крестьянину Ивану Сусанину, за Царя, спасителя вѣры и царства, животъ свой положившему, благодарное потомство».

(Окончаніе будетъ).

*) См. свѣдѣніе о явл. и чуд. ик. Б. М. Ѳеодоровской. Спб. 1863 г.

*) Костромской Богоявленскій и Угличскій суть единственные въ Россіи два монастыря съ этимъ названіемъ.

Библиотека "Руниверс"



Богоявленскій монастырь въ Костромѣ. Съ акварели профессора Боголюбова Рис. И. Космаковъ, грав. Діаманъ

Библиотека "Руниверс"

Судебная хроника.

Буйство въ публичномъ мѣстѣ. — Мошенничество. — Поддѣлка акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги.

Любопытнымъ явленіемъ, съ точки зрѣнія общественной нравственности, является случай нарушенія общественной тишины на дачѣ г. Андреева, въ Петровскомъ-Разумовскомъ, близъ Москвы. Изъ составленнаго, 14 августа прош. года, по этому случаю становымъ приставомъ акта и возникшаго затѣмъ разбирательства у мироваго судьи 2 участка, Московскаго уѣзда, обнаружились слѣдующія подробности этого куріознаго происшествія.—Дворяне Калустовъ и Барышниковъ пріѣхали въ садъ г. Андреева на дрожкахъ, запряженныхъ тремя людьми, въ серединѣ которыхъ былъ негръ. Владѣлица дачи требовала, чтобы они вышли изъ сада. Оставивъ дрожки за садомъ, названные дворяне, въ сопровожденіи юнкера Троянa (Барышниковъ тоже отставной юнкеръ)—и тѣхъ людей, на которыхъ они пріѣхали,—вошли опять въ садъ. Съ ними находились также нѣкіе Скорренко и Крошковъ, и притомъ всѣ были пьяны. Сторожъ дачи, рядовой Алексѣевъ, который, увидѣвъ людей, пріѣхавшихъ на своихъ ближнихъ, спросилъ: «зачѣмъ вы безобразничаете и ѣздите на людяхъ?» — поплатился теперь за свое любопытство. Калустовъ, по показанію свидѣтеля Михайлова, отхлесталъ Алексѣева кнутомъ такъ, что, по окончаніи этой операціи, свидѣтель г. Андреевъ видѣлъ впалыя побоевъ и кровь на шеѣ и рукахъ Алексѣева; при этомъ Барышниковъ щипалъ (?) его. Юнкеръ Троянъ «тоже разгорячился», какъ самъ онъ отвѣтилъ свидѣтелю, генералъ-маіору Назимко — и имѣя въ рукахъ кнутъ, которымъ погоняли запряженныхъ людей, замахнулся было имъ; но свидѣтель, писарь Ивановъ, отнялъ кнутъ. мировой судья постановилъ подвергнуть Барышникова аресту при арестантскомъ домѣ на пять дней, а Калустова, по совокупности проступковъ (буйства и побоевъ)—на три недѣли. Съѣздъ утвердилъ рѣшеніе судьи, ходя Калустовъ и обжаловалъ его въ апелляціоннымъ порядкѣ.

Совсѣмъ другой характеръ имѣетъ дѣло титулярнаго совѣтника Зенкевича и дерптскаго мѣщанина Петерсена, обвинявшихся въ мошенничествѣ. Производство этого дѣла, состоявшееся 4 февраля текущаго года, въ I отдѣленіи с.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей, представляетъ его въ слѣдующемъ видѣ. У дерптскаго 2 гильдіи купца Ѳедора Ѳедорова сгорѣла лавка, застрахованная въ 10,000 рубляхъ. Въ виду предстоявшаго по этому случаю иска противъ «Россійскаго страховаго общества», Петерсенъ рекомендовалъ Ѳедорову Зенкевича, какъ адвоката. Условившись, что Зенкевичъ, въ случаѣ выигрыша дѣла съ страховымъ обществомъ, получитъ отъ него 4,000 руб.,—Ѳедоровъ, по требованію Зенкевича, уплатилъ ему еще на внесеніе въ судъ исковыхъ, судебныхъ, канцелярскихъ пошлинъ, на совершеніе нотаріальныхъ актовъ и другіе расходы, всего до 1590 руб. Затѣмъ, возвратившись уже изъ Петербурга въ Дерптъ, Ѳедоровъ получилъ отъ Зенкевича письмо, въ которомъ послѣдній писалъ, что ему необходимо имѣть еще 500 руб. на доплату въ судъ пошлинъ до суммы 1,250 р. 75 к., и что, въ случаѣ недоплаты, внесенные уже 600 р. пошлинъ могутъ погибнуть безвозвратно. Угадывая, наконецъ, во всемъ этомъ обманъ, Ѳедоровъ послалъ въ Петербургъ прикащика своего, Казаринова, съ полномочіемъ принять необходимыя по дѣлу мѣры. Изъ справокъ Казаринова оказалось, что искъ противъ страховаго общества даже вовсе еще не былъ предъявленъ въ судъ и что на 10,000 р. исковой суммы слѣдовало внести только 50 руб. судебныхъ пошлинъ; вслѣдствіе чего, Казариновъ просилъ прокурора возбудить уголовное преслѣдованіе противъ Зенкевича и Петерсена по обвиненію ихъ въ мошенничествѣ,—такъ какъ Петерсенъ принималъ участіе во всѣхъ переговорахъ Зенкевича съ Ѳедоровымъ, рекомендуя перваго въ письмахъ своихъ къ послѣднему хорошимъ человѣкомъ. На судѣ Зенкевичъ не призналъ себя виновнымъ, объясняя употребленіе полученныхъ отъ Ѳедорова денегъ такимъ образомъ: 600 руб. онъ получилъ въ задатокъ отъ Ѳедорова за веденіе дѣла со страховымъ обществомъ; 500 руб. въ задатокъ за дѣло брата его, Василія Ѳедорова, обвинявшагося въ поджогѣ; 54 р. 90 к. на уплату нотаріусу, и 80 руб. выданы были ему Ѳедоровымъ на дорогу, всего 1,234 р. 90 к. — сумма приблизительно та самая, которую онъ получилъ или признавалъ полученною отъ Ѳедорова. Если же на нотаріальные расходы показано имъ въ счетѣ 135 р., и выставлено болѣе денегъ, чѣмъ слѣдовало для внесенія въ судъ, то это сдѣлано по просьбѣ самаго Ѳедорова, который, будто бы, желалъ скрыть отъ жены свои личные расходы; а въ письмѣ онъ по ошибкѣ написалъ 500 руб. судебныхъ пошлинъ, вмѣсто 50; дѣло же не начиналъ до 13 января 1871 г. по неимѣнію до тѣхъ поръ документовъ.—Петерсенъ тоже оправдывалъ себя на судѣ, отрицая вовсе свое участіе въ дѣлѣ; переписывался же онъ съ Ѳедоровымъ по просьбѣ Зенкевича, который показывалъ ему счетъ въ 1,250 р. 75 к., уплаченныхъ будто бы имъ въ судѣ по дѣлу.—Но объясненія Зенкевича опровергаются показаніями Казаринова и перепискою съ Ѳедоровымъ. Участіе же Петерсена обнаруживается также перепискою съ Ѳедоровымъ и писаннымъ, при дѣлѣ находящимся счетомъ издержкамъ Ѳедорова, на сумму 1,590 руб.; письмо счета, по мнѣнію экспертовъ, сходно съ почеркомъ Петерсена. Присяжные вынесли обвинительный вердиктъ, и судъ приговорилъ: по лишеніи всѣхъ особенныхъ правъ и преимуществъ, — Зенкевича (26 л.) къ ссылкѣ на житье въ Томскую губернію на 1½ года, съ воспрещеніемъ на 2½ года выѣзда въ другія губерніи; а Петерсена на 2 года въ исправительныя арестантскія роты съ послѣдствіями по 48 ст. Приговоръ о Зенкевичѣ представить на благоусмотрѣніе Государя Императора.

Сложною организаціею и темными интригами дѣйствующихъ лицъ отличается дѣло о поддѣлкѣ акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги, разбиравшееся 14 февраля въ I отдѣленіе с.-петербургскаго окружнаго суда, съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей. Изъ обвинительнаго акта и показаній подсудимыхъ и свидѣтелей оно представляется такимъ образомъ. Въ дѣлѣ фигурируютъ слѣдующія лица: Феликсъ Ярошевичъ, еще въ 1867 г. осужденный приговоромъ с.-петербургскаго окружнаго суда за участіе въ похищеніи суммъ изъ почтъ-пакетовъ с.-петербургскаго почтамта и бѣжавшій до исполненія надъ нимъ приговора за границу,—въ эпоху возникновенія настоящаго дѣла онъ жилъ въ Брюсселѣ; сынъ его, Александръ Ярошевичъ, оставшійся съ семействомъ въ Петербургѣ, послѣ побѣга своего отца; лекарь-акушеръ Василій Колосовъ, тоже подвергнутый уголовному преслѣдованію, возбужденному еще въ бытность его уѣзднымъ врачемъ въ г. Крестцахъ, Новогородской губерніи, за составленіе имъ именнаго и ложнаго доноса, а также подложнаго духовнаго завѣщанія отъ имени г-жи Павловой въ свою пользу, — и библіотекарь медико-хирургической академіи, колежскій совѣтникъ Никитинъ. Ихъ взаимныя отношенія сложились случайно: Ярошевичи семейно были знакомы съ Никитинымъ, а въ 1866 г. переѣхалъ въ Петербургъ и Колосовъ; навѣщая въ долговомъ отдѣленіи нѣкую Степанову, онъ познакомился съ содержавшеюся въ то время тамъ за долги Кассильдою Ярошевичъ, женой Ф. Ярошевича. По выходѣ на свободу Кассильды Ярошевичъ, Колосовъ сталъ общимъ знакомымъ Ярошевичей и Никитиныхъ. Съ этого времени отношенія ихъ мало по малу завязались такъ тѣсно, въ смыслѣ такихъ преступныхъ видовъ, что выдѣлить кого нибудь одного изъ среды своей, значило для остальныхъ подвергнуться риску быть открытыми; выдѣлиться одному, значило возбудить подозрѣніе остальныхъ и подвергнуться опасности личной мести. Отношенія эти, кромѣ открытія Колосовымъ конторы гласной ссуды, съ капиталомъ 5,000 руб., которою завѣдывалъ А. Ярошевичъ, кромѣ еще предположенія, послѣ неудачнаго опыта съ конторой, открыть торговое заведеніе за границей,—кромѣ всего этого состояли главнымъ образомъ въ томъ, что положеніе Ф. Ярошевича въ такомъ техническомъ центрѣ, какъ Брюссель, оказывалось довольно удобнымъ для выдѣлки фальшивыхъ акцій тамбовско-козловской желѣзной дороги; при чемъ А. Ярошевичъ, пользуясь положеніемъ имѣнія своей тетки на самой границѣ Россіи, могъ удобно доставлять эти бумаги въ Россію; а библіотекарь Никитинъ представлялъ собою вѣрнаго сберегателя ихъ въ массахъ книгохранилища. Роль же Колосова, который повидимому располагалъ денежными средствами, кромѣ преимущественой инициативы и общей организаціи дѣла, — состояла въ доставленіи денежныхъ субсидій, необходимымъ для выполненія предпріятія. Нѣкоторыя частности улаживались сами собою: необходимыя предостереженія были сообщаемы телеграммами о дѣятельности братьевъ «Томъ», подъ именемъ которыхъ разумѣлись полицейскіе агенты, для осмотра изготовленныхъ акцій и распредѣленія предполагавшейся выручки, предпринята была Колосовымъ поѣздка за границу подъ благовиднымъ предлогомъ поправленія здоровья, и притомъ въ обществѣ дамъ: жены Никитина и дѣвицы Ивановой; такъ какъ подобное общество, думалъ Колосовъ, могло устранить всякое подозрѣніе, насчетъ предосудительныхъ цѣлей поѣздки. Уже участвовавшій въ этой поѣздкѣ Александръ Ярошевичъ, пользуясь, на возвратномъ пути, указаннымъ положеніемъ имѣнія своей тетки, перевезъ въ Россію 353 акціи, которыя впослѣдствіи найдены у Никитина,—уже заготовлялся, съ помощію усовершенствованныхъ инструментовъ, новый громадный выпускъ,—какъ вдругъ случилось нѣчто гибельное для подобной компаніи. А. Ярошевичъ давно уже былъ влюбленъ въ дѣвицу Иванову и пользовался взаимностью; узнавши ее, Колосовъ также, по видимому, увлекся ею. Желая вооружить Иванову противъ Ярошевича и расположить ее въ свою пользу, Колосовъ пустилъ въ ходъ интригу, сталъ распространять о А. Ярошевичѣ дурные слухи и достигъ наконецъ того, что Ярошевичъ долженъ былъ прекратить свое посѣщеніе семейства Ивановыхъ. Интрига однако скоро объяснилась, и Колосовъ вызвалъ общее негодованіе; ему наговорили дерзостей и прекратили съ нимъ знакомство. Но Ярошевичъ и Никитинъ понимали, что оставить Колосова въ такомъ враждебномъ положеніи нельзя; примиреніе тоже не казалось имъ вѣрнымъ обезпеченіемъ для ихъ преступной тайны и безопасности,—и потому стараясь примириться съ Колосовымъ, они собственно имѣли въ виду найти случай вовсе отдѣлаться отъ него, отправивши какъ нибудь на тотъ свѣтъ. Замыселъ этотъ былъ сообщенъ Ивановой, та разсказала о немъ Колосову, а этотъ послѣдній, въ ноябрѣ 1871 г., заявилъ объ угрожавшей ему опасности въ III отдѣленіи собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи; — чѣмъ и было возбуждено уголовное преслѣдованіе, обнаружившее приведенныя здѣсь обстоятельства дѣла.

Библиотека "Руниверс"

Къ слѣдствію по настоящему дѣлу привлечены были только два лица—В. Колосовъ и А. Ярошевичъ; Никитинъ же, во время производства слѣдствія, сошелъ съ ума. Присяжные признали Колосова безусловно виновнымъ; Ярошевича же — виновнымъ, но заслуживающимъ снисхожденія; а судъ приговорилъ: Колосова—къ ссылкѣ въ Сибирь на поселеніе съ лишеніемъ правъ, а Ярошевича—на житье въ Тобольскую губернію, безъ лишенія правъ.

Изъ Версали.

(Собственныя корреспонденціи „Нивы").

Версаль 1874 года 12 февраля (30 января).

Вы уже знаете, что добавочный налогъ на соль будетъ вотированъ au scrutin secret и что этой странной системѣ правительствующее большинство версальскаго парламента намѣрено слѣдовать при вотировкѣ непопулярныхъ и компрометирующихъ налоговъ. Любопытно знать причину, почему версальскіе законодатели почитаютъ налогъ за перевозку товаровъ (пропорціальный протяженію) менѣе компрометирующимъ чѣмъ соляной и другіе предлагаемые и вотируемые налоги, которые въ концѣ концовъ всѣ одинаково тягостны, ибо взимаются не изъ той части народнаго богатства которую можно облагать безнаказано. Отвѣтъ однако весьма простой: неудобства и тягость большаго налога на соль совершенно понятны всякому сразу, — это какъ бы личный налогъ, который платится съ полнымъ сознаніемъ за такой предметъ, что составляетъ первую необходимость для всякаго хозяйства. Понятно, что равномѣрность его только кажущаяся. Налогъ этотъ крайне антипатиченъ во Франціи *сельскому населенію*, противъ котораго легитимисты и монархисты дѣйствуютъ во всѣхъ случаяхъ очень осторожно. Налогъ за провозъ товаровъ кажется напротивъ либеральнымъ, ибо падаетъ на комерсантовъ и людей достаточныхъ; тѣмъ не менѣе эти комерсанты при существованіи налога могутъ понизить цѣну покупаемыхъ продуктовъ и товаровъ въ размѣрѣ налога, и потеряютъ все таки первые производители,—и никто болѣе. Понятно что рыночная цѣна продуктовъ и товаровъ будетъ повышаться то въ размѣрѣ налога, то нѣсколько больше его, то меньше, сообразно спросу и общей состоятельности потребителей. Но безошибочно можно сказать, что, не принимая въ расчетъ годы неурожая или періодовъ застоя большихъ отраслей промышленности, рыночная цѣна товаровъ и продуктовъ повысится въ размѣрѣ добавочнаго налога за провозъ. Вотъ новое поприще для спекуляціи. Изъ массы предлагаемыхъ налоговъ, которые имѣютъ всѣ безъ исключенія тотъ недостатокъ что будутъ взиматься изъ такихъ источниковъ гдѣ почти нечего взять—есть много предложеній весьма потѣшнаго свойства; такъ напр.: виконтъ де Лоржериль предложилъ обложить 5 франковымъ налогомъ парадныя шляпы и фуражки швейцаровъ, а также высокія мужскія шляпы—но собраніе отвергло это предложеніе.

Виконтъ поэтъ (онъ пишетъ стихи—которые читаютъ только корректоры) предложилъ за тѣмъ обложить 10-франковымъ налогомъ фортепіано и рояли и этотъ налогъ послѣ защитительной рѣчи г-на Белькастеля вотированъ сегодня 13 февраля. Налогъ на торговыя бумаги и векселя еще не вотированъ. Между комиссіей и министромъ существуетъ разногласіе по этому поводу. Здѣсь вопросъ состоитъ въ томъ,—легко-ли взимаемъ этотъ налогъ или нѣтъ, и не поведетъ-ли онъ къ тѣмъ-же злоупотребленіямъ какъ налогъ на доходъ, вслѣдствіе почти одинаковой трудности взиманія; Вопросъ о томъ, насколько этотъ налогъ повліяетъ на торговлю и на количества сдѣлокъ,—заслуживаетъ полнаго вниманія, особенно если принять въ расчетъ то, что обременивъ производительныя силы страны, онъ можетъ не дать казнѣ ожидаемаго дохода. Къ этой категоріи налоговъ причислены были и чеки, но г-нъ Пуйе-Кертье во вчерашной рѣчи возставалъ противъ обложенія этого денежнаго знака и собраніе рѣшило возвратить проектъ комиссіи для разсмотрѣнія. Пуйе-Кертье и нѣкоторые легитимисты заискивающіе у сельскаго населенія возстаютъ противъ налога на соль и предлагаютъ обложить сахаръ,—что конечно разумнѣе. 8 февраля былъ вотированъ налогъ на внѣсудебные акты (actes extra judiciaires) какъ то повѣстки, объявленія, вызовы, протесты, заявленія *и вообще всѣ акты не выданные прямо судомъ* какъ говоритъ французскій законъ. Г-нъ Фай въ своей рѣчи старался доказать собранію, что нельзя облагать предметы не имѣющіе даже точнаго опредѣленія въ законодательствѣ, которое, перечисливъ 14 актовъ, заключаетъ статью закона словами «*и другіе акты неисходящіе прямо отъ суда*». Кромѣ того г-нъ Фай статистическими данными доказалъ, что $^3/_4$ процессовъ происходятъ въ средѣ маленькихъ капиталистовъ и промышленниковъ, а также среди сельскаго населенія и что налогъ этотъ будетъ весьма тягостенъ для этихъ классовъ при существованіи большихъ судебныхъ пошлинъ. Собраніе однако вотировало этотъ налогъ.

Версаль 1874 года 27 (15) февраля.

Пренія о новыхъ налогахъ продолжаются до сихъ поръ и не окончатся ранѣе восьми или десяти дней. Нѣсколько засѣданій было посвящено налогу на сахаръ, что дало возможность г-ну Пуйе Кертье произнести три блестящія рѣчи. Предложеніе Пуйе Кертье состояло въ томъ чтобы обложить всѣ рафинадныя фабрики во Франціи, которыя дѣлятся на двѣ категоріи: fabrique de raffinerie et raffinerie simple. Первыя занимаются выдѣлкой сахара отъ перваго процесса фабрикаціи до окончательной выдѣлки; вторыя, гораздо болѣе многочисленныя, занимаются выдѣлкой низшихъ сортовъ изъ свекловицы и привознаго сахарнаго тростника. Первые обложены налогомъ уже давно; вторыя ничего не платятъ. Пуйе Кертье старался доказать, что подобное состояніе не нормально, что фабрики выдѣлывающія сахаръ низшаго качества затрачиваютъ меньшій капиталъ, благодаря упрощенному производству, а имѣютъ между тѣмъ большія выгоды, и сверхъ того не платятъ налога казнѣ. Бывшій министръ старался доказать что налогъ на такія фабрики гораздо справедливѣе налога на соль, который становится день ото дня непопулярнѣе во Франціи. Противъ Пуйе-Кертье говорили три министра: Деселиньи, министръ земледѣлія и торговли, котораго рѣчь отличалась крайнею безсодержательностью, — доводы министра были безъ труда разрушены Пуйе - Кертье; затѣмъ говорилъ противъ г-нъ Деказъ, министръ иностранныхъ дѣлъ, который ссылался на трактаты связывающіе Францію, вслѣдствіи чего простыя рафинадныя заведенія не могутъ быть обложены налогомъ раньше апрѣля 1875 г.; Пуйе-Кертье указалъ на возможность ввести нѣкоторыя измѣненія въ трактатахъ и что Англія, Бельгія и Голландія не откажутся отъ пересмотра ихъ, такъ какъ сахароварни этихъ странъ не могутъ бояться конкуренціи. Въ заключеніи противъ проекта Пуйе говорилъ Мань — министръ финансовъ; онъ просилъ только отсрочить пренія по этому вопросу до апрѣля 1877 года! На лѣвой послышался хохотъ; дѣйствительно аргументація министра была довольно куріозная. Дѣло въ томъ, что деньги-то сей часъ нужно, и что именно *теперь* этотъ налогъ болѣе справедливъ чѣмъ налогъ на соль. Словомъ, г. Пуйе-Кертье разрушилъ всѣ доводы кабинета, и министерству угрожало паденіе; но интриги все спасаютъ. За пять минутъ до вотировки министерскіе эмисары стали шнырять по лавкамъ депутатовъ, затѣмъ окружили г. Пуйе-Кертье и,—о удивленіе! побѣдитель Пуйе взялъ назадъ свое предложеніе. Само собраніе и публика были скандализированы до нельзя. Герцогъ Брой былъ очень доволенъ,—и поспѣшилъ къ себѣ домой, такъ какъ въ этотъ вечеръ у него былъ раутъ, на которомъ присутствовалъ г. Пуйе-Кертье.

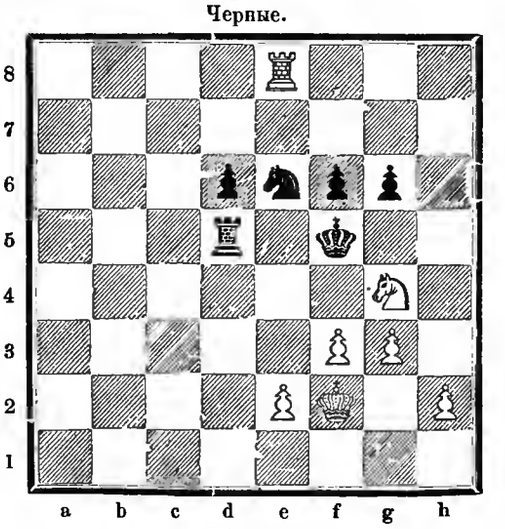
Н. Чашниковъ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 2.

Н. Ер — ва.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи будетъ въ слѣдующемъ № „Нивы",

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 1-й.

(См. № 11 „Нивы").

Бѣлые.	Черные.
1) c 4 — g 8 +	1) d 8 — g 8°
2) g 5 — f 7 M	

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— *Нижегородское* Губ. Зем. Собраніе послѣдней очередной сессіи, по выслушаніи доклада Губернской Управы объ устройствѣ въ Нижнемъ-Новгородѣ конной стражи, постановило: внести въ смѣту на этотъ предметъ сумму, отнесенную на долю земства въ количествѣ 2.217 р. 50 к. на ежегодное содержаніе и 1.288 руб. на единовременные расходы по устройству конной стражи.

— *Сосницкое* Черниговск. губ. Уѣздное Собраніе, въ виду значительнаго развитія въ уѣздѣ табачнаго производства, постановило ходатайствовать предъ Губернскимъ Собраніемъ объ открытіи въ гор. Сосницѣ табачной ярмарки съ 21-го декабря по 21-е января.

— *Вятское* Губернское Земское Собраніе въ засѣданіи 4-го декабря минувшаго года, по разсмотрѣніи доклада Губернской Управы по дѣлу о ходѣ взаимнаго земскаго страхованія отъ огня, между прочимъ постановило: 1) на заготовленіе пожарныхъ трубъ и запасныхъ къ нимъ пеньковыхъ рукавовъ для болѣе многолюдныхъ селеній ассигновать изъ запаснаго страховаго капитала въ распоряженіе Губернской Управы 15.000 руб., съ тѣмъ чтобы Управа на эту сумму пріобрѣла трубы, по своему усмотрѣнію, отъ разныхъ фабрикантовъ, разослала ихъ въ Уѣздныя Управы для распредѣленія по селеніямъ.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— 2-го сего января открыта въ *г. Верхотурьѣ*, Пермской губерніи, *Городская Управа*.

— *Полтавская* Городская Дума постановила: учредить въ городѣ Полтавѣ шестиклассное реальное училище съ основнымъ отдѣленіемъ въ 5 и 6 классахъ, съ высшимъ 7 классомъ и при немъ общимъ и механико-техническимъ отдѣленіемъ.

— *Тверская* Городская Дума, принявъ въ принципѣ предложеніе г. Шерниваля объ устройствѣ конно-желѣзной дороги въ городѣ къ станціи Николаевской желѣзной дороги, поручила Городской Управѣ истребовать отъ предпринимателя подробный проектъ такого устройства.

— *Ростовская* (Екатеринославской губерніи) Городская Дума предположила устроить центральную бойню въ городѣ посредствомъ частной предпріимчивости. Устройство это приняли на себя новохоперскій купецъ Курти и ростовскій купецъ Алфераки.

— Въ Тулѣ 21-го декабря 1873 г. открытъ Дамскій мѣстный *Комитетъ Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ*.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Газета «Кавказъ», говоря о необходимости *осушенія болотъ въ Кавказскомъ краѣ*, разсказываетъ, между прочимъ, о новомъ повсемѣстно-разводимомъ растеніи, быстро уничтожающемъ влагу болотной почвы и въ тоже время распространяющемъ въ воздухѣ здоровыя камфорныя испаренія. Растеніе это—австралійское дерево *эвкалипта* (Eucalyptus globulus). Не такъ давно, ученый садовникъ, г. Шарреръ, сдѣлалъ заявленіе въ Кавказскомъ Обществѣ Сельскаго Хозяйства о чудесныхъ свойствахъ этого дерева, чрезвычайно легко принимающагося въ любомъ грунтѣ. Замѣчательное свойство его заключается въ томъ, что въ теченіе сутокъ эвкалипта всасываетъ въ себя десять собственныхъ объемовъ воды, что, рядомъ съ здоровыми испареніями, которыя оно выпускаетъ изъ себя, сильно способствуетъ улучшенію въ гигіеническомъ отношеніи болотистыхъ мѣстностей. Вниманіе на эвкалипту обращено было только нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Изъ европейцевъ англичане первые развели его съ гигіенической цѣлью въ Капской колоніи и въ три года дурныя гигіеническія условія колоніи измѣнились къ лучшему. Недалеко отъ Алжира, въ одномъ пунктѣ, страшномъ своею болотною лихорадкою, 13.000 штукъ молодыхъ эвкалиптъ вскорѣ совершенно избавили фермеровъ и рабочихъ отъ лихорадки. Въ окрестностяхъ Константины, славившихся особенно нездоровымъ климатомъ, опыты разведенія этого *врачующаго* дерева также привели къ блистательнымъ результатамъ, изгнавъ оттуда лихорадку и горячку.

— *Въ Купянскомъ уѣздѣ* (Харьковской губерніи) начинаетъ довольно сильно развиваться *посѣвъ хлѣба сѣялками системы Эккерта*, чему, конечно, много способствуютъ легкость и простота устройства этого прибора. Сѣялка эта, имѣя въ длину около $5^1/_2$ аршинъ, засѣваетъ до 11 десятинъ въ теченіе 10-ти-часовой работы, чѣмъ и даетъ возможность производить посѣвъ быстро, что, вслѣдствіе мѣстныхъ климатическихъ условій, чрезвычайно важно. Что эта сѣялка примѣнима въ здѣшней мѣстности, видно изъ того, что въ Харьковѣ въ складѣ земледѣльческихъ орудій Беллино-Фендерихъ и К° въ теченіе прошлаго лѣта и осени продали сѣялокъ Эккерта около 300 штукъ.

— Въ *Кобержискѣ*, близь Сѣрадзя (Калишской губерніи) основана недавно *новая фабрика земледѣльческихъ орудій*. Иниціатива этого дѣла принадлежитъ г. Прондзынскому, который, повидимому, намѣревается вести свое предпріятіе на широкую ногу, съ цѣлью удовлетворить земледѣльческимъ потребностямъ тамошняго сельскаго населенія.

СТАТИСТИКА.

— Изъ Вѣдомости, помѣщенной въ «Прав. Вѣстникѣ» видно, что въ 1873 году всѣхъ пожаровъ въ Россіи было 22,476. Убытку всего понесено на 44.416.315.

— По однодневнымъ переписямъ населенія, произведеннымъ въ Одессѣ 5 сентября, и въ Житомірѣ 18 декабря 1873 года, оказывается въ первой 180.922 жителя обоего пола, а во второмъ свыше 40,000. Въ Донской области *подворная перепись жителей* Перваго Донскаго округа въ настоящее время повсемѣстно окончена. По переписи насчитывается въ округѣ 21.569 дворовъ и 138.049 душъ обоего пола.

ЛИТЕРАТУРА.

Новыя книги:

Франко-нѣмецкая война 1870—1871. Сост. Военно историческимъ Отдѣленіемъ прусскаго Генеральнаго Штаба. Пер. съ нѣм. А. Риттера и И. Маслова. Ч. I, вып. 3-й. Спб. Тип. Балашева. 8 д. 147—257 и 55 — 66 стр., 2 плана и 3 крокн. 2000 экз. Ц. 1 р. 40 к.

Сборникъ правительственныхъ распоряженій по устройству быта крестьянъ. (Съ 1-го янв. 1873 г.) Т. XII. Спб. 1873. Тип. М—ства Внутр. Дѣлъ, XXIV+247+XXIII стр. 2.400 экз.

Руссель Уолласъ, Альфредъ. Малайскій архипелагъ, отечество орангъ-утанга и райской птицы. Перев. подъ ред. А. Бекетова. Ч. I. Изд. „Русской кн. торг.“ Спб. Тип. Демакова. 8 д. VI+338 стр. 1.500 экз. Ц. 1 руб. 50 коп.

Библіотека монхъ старшихъ дѣтей. № 6. Два дня въ древнемъ Египтѣ за 5.000 лѣтъ до насъ. Съ 4 рис. Спб. Тип. Котомина. 12 д. 51 стр. 1.500 экз.

Гоголь, Н. В. Полное собраніе сочиненій. 4 т. Москва. Тип. Мамонтова. 8 д. 1+482+483+436+836 стр. 12.000 экз. (IV т. 3.000). Ц. 5 р., за каждый томъ 1 р. 50 коп.

Некрасовъ, Н. Стихотворенія. Т. III. Спб. Тип. Краевскаго. 8 д. 354+274 стр.

Крестовскій, Всеволодъ. Исторія 14-го уланскаго Ямбургскаго Ея Императорскаго Высочества Великой Княжны Маріи Александровны полка. Спб. Тип. Эттингера. 8 д. XIV+816 стр. 1.020.

СОДЕРЖАНІЕ: Могила Шевченко (съ рисункомъ).—Это была... игра! повѣсть **Гаклендера.**—Междуцарствіе (съ рисункомъ) П. **Петрова.** — Бѣлка и сорока (съ рисункомъ).—Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова.**—Кострома (съ рисункомъ). — Судебная хроника.—Изъ Версали (собственныя корреспонденціи „Нивы“) **Н. Чашниова.**—Шахматы.—Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

КОМНАТНЫЯ

растенія 12 сор. 3 р. (вѣсъ 10 ф.), 25 сор. 5 р., плющь 6 ш. 1 р., хмѣль для бѣседокъ 12 ш. 50 к., георгины махр. 12 ш. 1 р. 50 к. безъ пересылки. Цвѣточныя сѣмяна: 12 лучш. сорт. 75 к., 20 сѣющихся въ грунтѣ 75 к., 12 вьющихся 60 к., 10 декоративныхъ 40 к., 10 иммортелей 35 к., 20 многолѣтн. 1 р. 25, разныхъ 1 р., 50—2 р., 100—3 р., 200—5 р. съ перес., земляника англійская 100 ш. 2 р. (вѣсъ 5 ф.), картофель 25 сор. за 100 ш. 1 р. 25 к. (вѣсъ 15 ф.). Адресъ: Саратовъ контора, Р. Х. садоваго заведенія.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Только что поступилъ въ продажу у М. О. Вольфа въ Спб. и Москвѣ и у другихъ книгопродавцевъ:

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННЫЙ УСТАВЪ О ВОИНСКОЙ ПОВИННОСТИ

и

ВЫСОЧАЙШІЕ МАНИФЕСТЪ и УКАЗЪ

отъ 1 января 1874 года.

Ц. 15 к. съ перес. 20 к. За 1 р. высылается 6 экз, за 2 р.—13 экз., за 3 р. — 20 экз., за 5 р. — 35 экз., за 10 р.—75 экз., за 25 р.—200 экз., за 50 р.—450 экз., за 100 р.—1000 экз.

Складъ находится у В. Е. Генкеля въ С.-Петербургѣ, по Фонтанкѣ, близь Семеновскаго моста д. № 59, въ типографіи М. О. Вольфа.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“, НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА **1874** ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ **4** руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева **4** руб. **50** коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ **5** руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію **5** руб. **50** коп.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы“ и преміи за 1874 годъ.

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

Дозволено цензурою. 15 марта 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Геппе**, Вознес. пр., д. № 55.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 13 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 25-го марта 1874 года. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1874 ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" и преміи за 1874 годъ.

Литературные близнецы, Эркманъ-Шатріанъ.

Извѣстно, что на западѣ, особенно во Франціи, часто приходится двумъ или тремъ писателямъ общими трудами создавать драмы, романы и другія литературныя произведенія. Намъ нѣсколько претитъ, даже несовсѣмъ понятно такое пренесеніе принципа ассоціаціи изъ промышленной области въ область художественнаго творчества, особенно литературнаго; между тѣмъ этотъ способъ имѣетъ тамъ нерѣдко большой успѣхъ, и надо признаться, что если бы такое сотрудничество всегда такъ понималось какъ эльзасскими писателями, Эркманомъ и Шатріаномъ, то искусство не было бы въ накладѣ.

И у насъ, какъ въ остальной Европѣ, эти два писателя давно уже не чужіе; и наша читающая публика, въ подлинникахъ или переводахъ давно знакома съ ихъ эпическими твореніями въ прозѣ, въ которыхъ они съ глубокимъ чувствомъ въ одно время какъ бы воспѣваютъ и оплакиваютъ національную славу Франціи. Они, съ головы до ногъ, до глубины души—французы, французы сердцемъ и умомъ; однако отличаются отъ толпы даже талантливыхъ французскихъ писателей необыкновенной своеобразностью мысли и слога, несравненно большей теплотой и задушевностью. Это то самое отсутствіе мишурности, та же глубина и трезвость мысли, свѣжесть и сила чувства, которыя такъ знакомы и дороги намъ въ твореніяхъ Стендаля, Тёпфера и Анри Мюргера. Это—германская струйка общая натурѣ всѣхъ этихъ писателей, которые по рожденію только на половину французы.

Эркманъ-Шатріанъ. Съ фотогр. рис. Джонъ.

Біографія этихъ двухъ друзей, внѣшняя весьма проста, а внутренняя довольно сложна, — что впрочемъ, можно справедливо сказать о жизни почти каждаго человѣка. Оба они уроженцы Эльзаса, окрестностей Пфальцбурга, Эркманъ—чисто нѣмецкаго происхожденія, а Шатріанъ по предкамъ своимъ скорѣе оверньятъ, а если заглянуть еще дальше въ прошлое, то окажется, что родъ его начался въ Корсикѣ, въ Италіи.

Эмиль Эркманъ, которому теперь лѣтъ пятьдесятъ, въ первой молодости учился въ пфальцбургской гимназіи, и не особенно тамъ отличался успѣхами. Однако въ 1842 г. онъ поселился въ Парижѣ студентомъ юридическаго факульте-

Библиотека "Руниверс"

та. Но никогда онъ не могъ одолѣть эту, для него, невыносимо сухую и спутанную матерію, и только въ 1857 г. (послѣ того какъ онъ, въ 1848 г., на короткое время бросилъ всѣ занятія и замѣнилъ перо ружьемъ) удалось ему выдержать третій, рѣшительный экзаменъ. Но эта побѣда оказалась насколько дорого куплена, настолько и безполезна, потому что на слѣдующій же годъ онъ навсегда распрощался съ карьерою законника. Теперь еще Эркманъ охотно разсказываетъ, со свойственнымъ ему добродушіемъ, что онъ никогда не могъ понять самую легчайшую юридическую задачу, такъ что наконецъ съ отчаянія пришелъ къ чудовищному рѣшенію выучить наизусть, отъ доски до доски, весь Code Napoléon. За этой нечеловѣческой работой у него вылѣзли всѣ волоса, но онъ пріобрѣлъ механическія, такъ сказать, познанія, которыя блистательно вывезли его на экзаменѣ.

Александръ Шатріанъ четырьмя годами моложе Эркмана и тоже началъ учиться въ пфальцбургской гимназіи, но его скоро послали оттуда въ Бельгію, гдѣ онъ долженъ былъ, согласно семейнымъ традиціямъ, посвятить себя производству стекла. Несмотря на то, что на этомъ поприщѣ его ждала обезпеченная и почетная будущность, онъ не могъ примириться съ нимъ и, побуждаемый страстнымъ желаніемъ учиться, вдругъ, къ немалому испугу родныхъ, все бросилъ и возвратился въ Пфальцбургъ, гдѣ поступилъ въ гимназію репетиторомъ, чтобы имѣть право безплатно слушать весь курсъ преподаванія.

Тутъ-то оба молодые люди познакомились у одного стараго профессора и такъ подружились, что въ весьма скоромъ времени стали почти неразлучны. Эта дружба сопровождалась такимъ полнымъ тѣснымъ сліяніемъ душъ, что не смотря на большое различіе въ развитіи, въ характерахъ, манерѣ воспринимать, между обоими друзьями оказались или выработались почти безусловно одинаковыя воззрѣнія и чувства по всѣмъ вопросамъ религіи, философіи, исторіи, литературы, искусства и пр.: такимъ-то образомъ изъ ихъ общаго пера могъ выйти въ свѣтъ цѣлый рядъ разсказовъ, отличающихся такимъ строгимъ единствомъ замысла и исполненія, что долгое время, даже когда они уже начинали пользоваться большимъ успѣхомъ, никому не приходило въ голову, чтобы двойное имя, Эркманъ-Шатріанъ, принадлежало двумъ отдѣльнымъ личностямъ.

Сначала имъ, правду сказать, очень не везло. Повѣсти ихъ печатались лишь въ провинціальныхъ газетахъ, или возвращались въ ихъ портфель, обойдя множество редакцій, такъ что оба чуть не отчаялись въ своемъ литературномъ призваніи. Эркманъ—это было до 1857 г.—опять принялся за свои юридическія упражненія памяти и въ душѣ жалѣлъ, что не послѣдовалъ своему юношескому влеченію и не сдѣлался—мясникомъ. Шатріанъ добылъ себѣ скромное мѣстечко въ конторѣ Восточной-желѣзной дороги въ Парижѣ и весь отдался своей скучной, кропотливой работѣ. Такъ проходилъ день. По вечерамъ, когда оба друга усаживались за пиво въ знакомой Bierhalle на Страсбургскомъ бульварѣ, они отводили душу—и по прежнему сочиняли фантастическіе разсказы, изустно, такъ-сказать въ разговорной формѣ. Каждый давалъ то, чѣмъ была богата его натура: Эркманъ—фантастическій элементъ, напоминающій Калло и Гофмана; Шатріанъ—ясную, неумолимую логику. Все обсудивъ, переговоривъ, они принимались за настоящую работу; то одинъ писалъ, то другой; иногда оба отдѣльно писали одну и ту же главу, и тогда поразительно выходило сходство замысла и исполненія. Готовая работа подвергалась строгому разбору и тонкой отдѣлкѣ, причемъ особенно Шатріану приходилось обрѣзывать слишкомъ роскошные романтическіе побѣги, напущенныя во всѣ стороны неистощимой фантазіей его пріятеля.

Въ 1859 г. они праздновали свой первый значительный успѣхъ: «*Знаменитый докторъ Матье*» былъ напечатанъ въ «*Revue de Paris*», послѣ того какъ Шатріанъ цѣлыхъ полгода носилъ рукопись въ карманѣ и вездѣ тщетно предлагалъ ее. Затѣмъ уже быстрымъ рядомъ пошли «*фантастическіе разсказы*», «*Разсказы съ береговъ Рейна*», «*Разсказы изъ горъ*», и пр. Отъ всѣхъ этихъ произведеній вѣетъ слегка германскимъ духомъ. Ясный реализмъ, не имѣющій, однако, ничего общаго съ сухо-фотографическимъ токомъ, струна звучащая настоящимъ чувствомъ, придаютъ естественность и задушевность этимъ простымъ разсказамъ, нерѣдко близко подходящимъ къ Стендалевскому юмору; въ нихъ чувствуется какая то отрадная, такъ-сказать лѣсная свѣжесть—и можно смѣло сказать, что они почти въ первый разъ раскрыли французамъ заповѣдный міръ горъ, долинъ и ущелій живописнаго вогезскаго края.

Несмотря, однако, на народный характеръ этихъ повѣстей, они были достояніемъ сравнительно тѣснаго круга читателей—того разборчиваго круга, который брезгливо отворачивается отъ фельетонныхъ романовъ, наполняющихъ нижніе столбцы большинства органовъ повседневной печати. Но вотъ, въ 1863 г. въ *Journal des Débats* явился первый большой романъ патріотическаго содержанія: «*Madame Thérèse или волонтеръ 1692 г.*» и авторы нашли путь къ сердцу народа всѣхъ сословій, *сесамъ* отпирающій имъ равно хижины и дворцы. Въ то же время чувствуется, что все это у авторовъ выходитъ не сдѣланное, не изъ тенденціи, а свободно, самобытно, какъ у истинныхъ художниковъ, которые не подчиняютъ своего творчества искусственнымъ цѣлямъ и соображеніямъ. Нельзя также умолчать о красотѣ и чистотѣ языка, которымъ пишутъ друзья,—и замѣчательно, что они сами чуть ли не въ этой чертѣ видятъ главное достоинство своихъ произведеній и искренно горчаются тѣмъ, что ихъ стремленіе возвратить языку его первобытную чистоту недостаточно замѣчено и оцѣнено.

Упомянемъ еще объ «*Исторіи одного поселянина*» и «*Польскомъ Евреѣ*».—«*Исторія поселянина*» представляетъ бытовую картину временъ революціи.

Польскій еврей»—драма, единственная на которую покусились друзья. Она имѣла блистательный успѣхъ на сценѣ. Фабула, заимствованная изъ одного изъ ихъ народныхъ разсказовъ, до послѣдней возможности проста, драматическая постройка наивна, даже какъ будто немного неловкая. Весь центръ тяжести пьесы—въ предпослѣднемъ явленіи, такомъ оригинальномъ, потрясающемъ, захватывающемъ духъ, что заставляетъ забыть обо всѣхъ неровностяхъ и погрѣшностяхъ, а нескончаемый громъ рукоплесканій въ концѣ каждаго представленія спасаетъ общее впечатлѣніе. Дѣйствіе происходитъ конечно въ Эльзасѣ и свѣжій мѣстный характеръ придаетъ пьесѣ особый букетъ, который парижскій партеръ, найдящій себѣ оскомину на вѣчномъ однообразіи театральной рутины, отлично умѣетъ цѣнить. Маттесъ, бюргермейстеръ небольшой деревенки, за двадцать лѣтъ до начала пьесы, когда онъ былъ близкимъ къ банкротству трактирщикомъ, убилъ польскаго еврея завернувшаго къ нему въ холодную зимнюю ночь и сжегъ тѣло въ печи для обжиганія извести, вслѣдствіе чего всѣ судебные розыски остались напрасны. Вдругъ совѣсть бюргермейстера пробуждается отъ появленія сына его жертвы. Ему все чудится звонъ колокольчика, съ которымъ отецъ пріѣхалъ къ нему на саняхъ въ ту ужасную ночь, двадцать лѣтъ назадъ. Его нервное состояніе все ухудшается. Онъ боится выдать свою тайну во снѣ и переноситъ свою спальню въ отдаленную комнату. Маттесъ ложится спать. Прозрачный металлическій занавѣсъ опускается на сцену. Представляется судъ: мы видимъ судей, свидѣтелей, самаго подсудимаго—это Маттесъ. На сценѣ изображено его сновидѣніе. Прокуроръ читаетъ обвинительный актъ, предсѣдатель увѣщеваетъ Маттеса сказать всю правду, онъ увѣряетъ въ своей невинности: тогда на него надѣваютъ, несмотря на его сопротивленіе, отороченное мѣхомъ зеленое пальто убитаго еврея—онъ не въ силахъ болѣе молчать, признается, — и приговоренъ къ повѣшенію. Этотъ сонъ исполненъ такой реальной правды, изображенъ такъ мастерски, что у зрителя духъ захватываетъ—и оригинальности этой сцены достаточно, чтобы даже человѣку незнакомому съ талантомъ Эркманъ-Шатріана, дать понятіе о полнотѣ и силѣ мысли и слова, которыми располагаютъ эти авторы.

Въ личной жизни нѣмецкій элементъ особенно замѣтенъ въ Эркманѣ. Робкій, безпомощный въ практическихъ дѣлахъ, точно нѣмецкій профессоръ, врагъ такъ - называемаго «общества» съ его скучными условіями и обязательствами, онъ живетъ только для себя и своей работы. Въ Парижѣ ему не хорошо живется. Тогда только онъ свободно дышитъ, тогда только счастливъ, когда можетъ по цѣлымъ днямъ бродить по роднымъ горамъ въ окрестностяхъ Пфальцбурга и заводить знакомство съ угольщиками и сплавщиками лѣса. Во время своихъ странствій, онъ въ умѣ отдѣлываетъ свое собственное, отдѣльное сочиненіе: это—большая эпопея въ стихахъ «*Французская Революція*».

Другъ его Шатріанъ играетъ при немъ въ нѣкоторомъ родѣ роль земнаго провидѣнія. Онъ заказываетъ для него черный фракъ, когда представляются такія приглашенія, отъ которыхъ нѣтъ возможности отказаться, напр. отъ издателя «*Débats*», Эдуарда Бертень. Онъ одинъ занимается финансовой частью и рѣшаетъ вопросы о гонорарѣ, заключаетъ контракты съ издателями и редакторами газетъ или журналовъ, читаетъ корректуры и заботится, чтобы его другу, преувеличенно-впечатлительному какъ настоящій поэтъ, попадались только тѣ критики и рецензіи, которыя могутъ подѣйствовать на его нервы успокоительно и пріятно, и пр. и пр. Шатріанъ самъ застрахованъ съ этой стороны: онъ настолько философъ, чтобы легко переносить всякую брань, настолько скептикъ, чтобы не нуждаться въ похвалѣ. Однимъ словомъ, эти два человѣка другъ друга дополняютъ и до такой степени вмѣстѣ составляютъ одно цѣлое, что становится понятно, какъ они могли всю жизнь остаться холостяками несмотря на то, что имъ обоимъ, особенно Шатріану, не разъ представлялись къ тому случаи, даже иногда блестящіе.

Стихотвореніе.

Бушуетъ вѣтеръ надъ рѣкою
И взволновалася рѣка.
Надъ нею ходятъ облака
Суровой, сѣрою толпою....

«Барашки» бѣлые, какъ снѣгъ,
Валы сердитые вѣнчаютъ.
И волны съ ревомъ ударяютъ
Въ холодный, непріютный брегъ.

Библиотека "Руниверс"

Волна ударитъ, окропитъ
Утесъ песчаный пѣной мутной
И, встрѣтивъ берегъ неприютный,
Назадъ къ себѣ въ рѣку бѣжитъ....
Не такъ ли мы весь вѣкъ бушуемъ,
Стремимся, словно ищемъ кладъ,
И, наконецъ, когда спасуемъ
Бѣжимъ, сѣдые, ужъ назадъ?

Н. I.

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

(Продолженіе).

VI.

Прочитавъ записку Лизаветы Николаевны, я понялъ, что съ Тароватовымъ случилось что-то недоброе; сердце у меня такъ и упало, но самая неопредѣленность ея выраженій заставила меня быть очень осторожнымъ, чтобы не компрометтировать какой нибудь тайны,—и я, по немногу собравшись съ духомъ, какъ можно спокойнѣе спросилъ у посланнаго: дома ли баринъ. Зная страстную натуру Михайлы и припоминая вчерашнее его поведеніе за ужиномъ, я боялся одного: какъ бы онъ не покусился на свою жизнь въ припадкѣ внезапнаго отчаянія или негодованія;—сказать правду, мнѣ почему-то явственно представлялось, что я уже не застану его въ живыхъ. Но къ великому облегченію моему, отвѣтъ на мой вопросъ послѣдовалъ отрицательный: баринъ сутра еще куда-то отправился и пѣшкомъ.

Отпустивъ слугу, который торопился на посылки, я поспѣшилъ къ Лизаветѣ Николаевнѣ и не мало былъ изумленъ, когда вслѣдъ за звонкомъ она сама отперла мнѣ двери. Она была одѣта какъ бы къ выѣзду, а между тѣмъ туалетъ ея поражалъ недоконченностью и безпорядкомъ. На ней, что называется, лица не было...

— Ахъ, Боже мой, какъ вы долго!... чуть не простонала она, схвативъ меня за руку, точно ища опоры,—я одна одинёхонька—совсѣмъ потерялась—всѣхъ людей разослала: одну къ сестрѣ, другаго за вами, Калязинцевъ тоже поѣхалъ...

— Но что-же такое? что случилось?

— Они стрѣляются... это навѣрно... Господи, мнѣ кажется, я съ ума сойду! растерянно говорила Лизавета Николаевна, поднося руку къ пылавшему лбу,— мнѣ сказали, что Мишель вышелъ изъ дому на зарѣ, никто не знаетъ куда: никогда еще этого не бывало! И говорятъ, съ какимъ-то ящикомъ... Я бросилась къ нему въ кабинетъ...

— Ну?

— Вѣдь вы знаете его пистолеты... помните? Искала-искала—нѣтъ нигдѣ...

— Полноте, что за вздоръ! успокоивалъ я,—спрятаны вѣрно... Но почему же вамъ пришло это въ голову? развѣ между вами было что нибудь вчера?

— Въ томъ-то и дѣло!... Ахъ Боже мой, что я за несчастная!... всхлипнула Лизавета Николаевна и залилась слезами въ раздушенный платокъ.

Мы все еще стояли въ передней: я замкнулъ дверь, сбросилъ пальто, увелъ растерянную барыню и усадилъ ее въ гостиной, не подавая виду, что и у меня пистолеты эти гвоздемъ засѣли въ головѣ...

— Чѣмъ такъ метаться изъ пятаго въ десятое, началъ я по возможности ровнымъ голосомъ,—лучше разскажите мнѣ, что у васъ было съ Михайлой, если вамъ нуженъ мой совѣтъ или вообще какая нибудь помощь съ моей стороны...

Что мнѣ вамъ разсказывать?... Я одна всему виной. Вчера, когда мы высадили по домамъ Игренева съ сестрой и остались одни на своей тройкѣ, ч-ч-чёртъ знаетъ что со мной сдѣлалось!.. (Во всякое другое время, едва ли бы я удержался отъ смѣху—съ такимъ неподдѣльнымъ отчаяніемъ произнесла Лизавета Николаевна слово *чортъ*). Должно быть шампанское ударило въ голову,—только мнѣ вдругъ захотѣлось помучить Михайлу Иваныча. Я сначала и давай трунить надъ нимъ, пропѣла ему «le mari sage», знаете изъ «belle Helene»?.. *) потомъ стала выставлять ему всѣ достоинства Игренева: хвалю а сама чувствую, что вотъ-вотъ все ему скажу — и вѣдь не то чтобы это помимо воли и не могла удержаться! Нѣтъ, просто сама хочу, такъ и подталкиваетъ признаться ему, и кажется мнѣ, что и обязана это сдѣлать... А онъ молчалъ-молчалъ да вдругъ и отозвался объ Игреневѣ такъ дурно, какъ ножомъ въ сердце — и не помню что ужь я тутъ наговорила... Точно у меня въ вискахъ закипѣло что-то— все ему и высказала: и что онъ не имѣетъ права такъ говорить о людяхъ, и что несчастна была съ нимъ, и что люблю Игренева... Пріѣхали домой, я вдругъ разрыдалась, убѣжала къ себѣ и заперлась... А сегодня... ну да вотъ вамъ и все!

Я только руками развелъ на все это, а барыня моя нервно засновала по комнатѣ, то и дѣло подходя къ окну. Наконецъ кто-то позвонилъ—она такъ и рванулась навстрѣчу, я насилу ее удержалъ и пошелъ отворить. Это былъ являвшійся за мною лакей.

— А я думала: Калязинцевъ, опять пріуныла Лизавета Николаевна.

Этого куда же вы еще послали?.. спросилъ я.

Лизавета Николаевна покраснѣла до ушей.

—Чтожъ мнѣ было дѣлать?.. Не зная гдѣ искать Михайлу Иваныча, я послала его съ запиской къ Игреневу, чтобъ хоть тамъ развѣдать...

— И съ запиской даже?!

— А чтожъ? онъ всегда аккуратно доставлялъ ихъ, второпяхъ оправдывалась Тароватова.

— Почтенное ремесло, нечего сказать! Но вы-то... вы-то какъ же это рискуете?!.. ужь если вамъ не жаль своего добраго имени, вы хоть бы мужа-то не выставляли на уськанье мальчишкамъ!.. Вѣдь ваши записки по рукамъ пойдутъ, въ трактирахъ, чортъ знаетъ гдѣ...

— Позвольте же наконецъ, докторъ! вспылила вдругъ Лизавета Николаевна: — и вы тоже начинаете на людей бросаться... Во первыхъ, эти записки заключали въ себѣ лишь простыя дружескія приглашенія и больше ничего: во вторыхъ, Игреневъ—благороднѣйшій человѣкъ... Онъ самъ говорилъ мнѣ, что еслибъ имѣлъ счастіе пользоваться моей взаимностью, такъ первый пришелъ бы къ мужу и сказалъ бы ему: «вотъ вамъ повинная голова—берите, если надѣетесь этимъ помочь горю»... и ужь конечно теперь съумѣлъ бы постоять за меня... Но я только этого и боюсь... Поймите же наконецъ, что отношенія наши совершенно чисты!..

— Нѣтъ, ужь это пусть кто хочетъ понимаетъ, Лизавета Николаевна, если у васъ доходило до такихъ

---

*) Изъ прекрасной Елены.

Библиотека "Руниверс"

Св. Кириллъ. Съ медальона на главныхъ вратахъ храма въ Карлинѣ, по рисунку Іосифа Манеса.

Библиотека "Руниверс"

Св. Меѳодій. Съ медальона на главныхъ вратахъ храма въ Карлинѣ, по рисунку Іосифа Манеса.

Библиотека "Руниверс"

объясненій — и все попусту; по моему, это какая-то пальба холостыми зарядами въ сонное чудовище... Ну, а если оно проснется, да разорветъ васъ всѣхъ?..

— Ахъ, ради Бога!.. слабо вскрикнула Лизавета Николаевна, закрывая глаза рукою,—мнѣ и безъ того мерещатся такіе ужасы...

Я попросилъ извиненія и сталъ успокоивать ее, хотя у меня тоже на сердцѣ кошки скребли: мнѣ опять почему-то сдавалось, что Михайло иначе употребитъ свои пистолеты... А чѣмъ я могъ помѣшать? гдѣ бы я сталъ его разыскивать?

Мы уже все переговорили: нѣсколько минутъ длилось тяжелое, гнетущее молчаніе, наконецъ прозвенѣлъ колокольчикъ—и на этотъ разъ вошла Анастасія Николаевна.

VII.

— А что? а что? затараторила бойкая барыня еще въ дверяхъ гостиной,—говорила тебѣ, что съ твоимъ характеромъ ни за грошъ пропадешь?... Взяла да сама все и выболтала—умница, пять съ крестомъ!... Ну, полно, полно, ты ужь въ самомъ дѣлѣ струсила? разсмѣялась Анастасія Николаевна, цѣлуясь съ сестрой:— не бойся, не выдадимъ... Je m'en fiche pas mal de mr. Tarowatoff!... [1]). И что ты за чепуху написала мнѣ?... Станетъ Игреневъ стрѣляться!... Во первыхъ, онъ не имѣетъ никакого права компрометтировать тебя такимъ скандаломъ—и если твой мужъ такъ глупъ что не понимаетъ этого, такъ ему растолкуютъ... А во вторыхъ, Игреневу и не приходится рисковать жизнью... Bonjour, docteur!... Уфъ! устала я сегодня, откинулась она въ качалку, протягивая мнѣ руку, — ну, объ чемъ же ты думаешь? обратилась она снова къ сестрѣ,—собирайся, поѣдемъ ко мнѣ... вѣдь нельзя же тебѣ здѣсь оставаться послѣ всего этого!...

— Постой, Анастази!.. улыбнулась даже Лизавета Николаевна,—какъ у тебя все это скоро!... Еслибъ я только навѣрно знала, что ни съ кѣмъ изъ нихъ не случится бѣды, я бы ничего не боялась...

— Надѣешься сойдтись съ мужемъ?... Ха! ха! ха! съ какою-то злобною горечью засмѣялась Анастасія Николаевна, такъ что мнѣ вчуже стало жутко,—нѣтъ, ужь въ этомъ отношеніи повѣрь мнѣ, дружочекъ, не удастся тебѣ! я сама когда-то пробовала примириться съ моимъ дражайшимъ супругомъ .. Мужчина совсѣмъ не того сорта звѣрь, чтобы могъ простить кое-какіе ударчики его самолюбію,—pardon, cher docteur, васъ я я конечно исключаю... Вы—замѣчательный экземпляръ une parfaite collection des vertus antiques... [2]).

— А какого же рода звѣрей желали бы вы найдти въ мужчинахъ? возразилъ я.

— C'est selon!... [3]). Теперь же—разъ это съ вашей братьей случилось, une fois que vous êtes coiffé, — вы совсѣмъ перемѣняетесь. Изъ самаго кроткаго существа выходитъ какая-то препротивная злючка: точно старая шавка—цѣлый день кружится на одномъ мѣстѣ и кусаетъ свой хвостъ —какъ будто не ей же больнѣй отъ этого. Je suppose, никому не охота быть этимъ хвостомъ: вотъ почему самое вѣрное средство избавить и себя, и васъ самихъ отъ такого миленькаго чистилища—c'est de vous plantez là [4]) и бѣжать изъ дому во всѣ лопатки...

— Но, Анастази, скажи мнѣ по чести, вдругъ перебила Лизавета Николаевна, подходя къ сестрѣ и положивъ ей дрожащую руку на плечо,—ты впослѣдствіи никогда не раскаявалась?... Тебѣ никогда не хотѣлось вернуться къ мужу?...

Эта мольба шла прямо къ сердцу, трогала какъ стонъ тяжело раненаго, какъ плачъ ушибеннаго малютки... Я поглядѣлъ изъ-подлобья на Анастасію Николаевну, ожидая ея отвѣта. Къ удивленію моему, бойкая барыня смѣшалась не хуже школьницы... Такъ неотразимо вліяніе свѣжей, молодой жизни на самые испорченные характеры!

— Pardieu!.. вскрикнула она, вся вспыхнувъ, — да если это невозможно!.. развѣ ты не помнишь, что я писала мамашѣ, когда у насъ съ мужемъ началась эта исторія?.. Впрочемъ, что я говорю!.. ты была слишкомъ еще мала—и конечно не могла знать. Ахъ, Лиза, ты не можешь себѣ представить, до чего эти господа способны оскорблять насъ! Нѣтъ силъ человѣческихъ вытерпѣть то, что они говорятъ и чего допытываются...

— Все это прекрасно, вмѣшался я, сознавая необходимость остановить расходившуюся барыню, — но зачѣмъ же стрѣлять изъ пушки по воробьямъ?.. До сихъ поръ все происходящее здѣсь—можетъ оказаться фальшивой тревогой... Михайло Иванычъ можетъ быть преспокойно бесѣдуетъ гдѣ нибудь съ друзьями...

— Можетъ быть, проговорила Лизавета Николаевна,—только для меня это не фальшивая тревога, докторъ!.. Не знаю почему, но мнѣ кажется, что я сегодня или съ ума сойду, или добьюсь правды!..

— Давай Богъ!.. прибѣгнулъ я къ самой крайней изворотливости, стараюсь казаться какъ можно веселѣе, — а пока тамъ что будетъ, дайте-ка намъ чего нибудь позавтракать...

— Il n'est pas si bête, comme je le taxais... le savant! [1]) отозвалась Анастасія Николаевна.

Всѣ видимо почувствовали, что давно пора положить конецъ нашимъ таинственнымъ переговорамъ, которые, при утреннихъ посылкахъ, могли бы обратить вниманіе прислуги: а ужь это, какъ извѣстно, послѣднее дѣло.

Анастасія Николаевна взялась приготовить намъ какое то необыкновенное soté de rognons au madère pour reconforter les nerfs [2]) и лично отправилась въ кухню.

Воспользовавшись ея отсутствіемъ, я прямо обратился къ Лизаветѣ Николаевнѣ.

— Ради Бога, не вѣрьте сестрѣ!.. уговаривалъ я,— изъ ея разсказа видно, что у нея былъ не мужъ, а просто тряпка... Насколько я знаю Михайлу—онъ не способенъ вовсе не только оскорбить, а даже упрекнуть любимую женщину, которая честно ему откроетъ свою душу, что бы тамъ ни было на днѣ ея... Онъ скорѣе съ собою покончитъ, чѣмъ отравить хоть одинъ день ея жизни.

— Зачѣмъ вы мнѣ это говорите докторъ? отвѣтила Тароватова:—точно я не вижу, какъ Анастази легкомысленна!.. Вамъ слѣдовало бы догадаться, что я давно ужь разсталась съ розовыми мечтами юности. Все мое горе въ томъ, что я не знаю, кто изъ нихъ мнѣ дороже — Игреневъ или Мишель... А я слишкомъ тяжелымъ опытомъ извѣдала, что принудить сердце въ ту или другую сторону нельзя,—изъ такой лжи ничего не выйдетъ кромѣ терзаній... Но, Боже мой, Боже мой, скоро ли кончиться эта мучительная неизвѣстность— хоть бы одинъ конецъ какой нибудь!...

Конецъ не замедлилъ.

VIII.

Пока мы сидѣли за завтракомъ, общими силами утѣшая Лизавету Николаевну, хотя и съ совершенно противуположныхъ точекъ зрѣнія,—прибылъ Калязинцевъ. Бѣдный песикъ вошелъ съ такимъ унылымъ, смущен-

---

[1]) Не съѣстъ же насъ господинъ Тароватовъ.
[2]) Собраніе всѣхъ добродѣтелей древности.
[3]) Смотря по обстоятельствамъ.
[4]) Посѣять васъ.

[1]) Онъ не такъ глупъ, какъ я думала, ученый-то!
[2]) Почки въ мадерѣ, для подкрѣпленія нервовъ.

Библиотека "Руниверс"

нымъ видомъ, что я серіозно подумалъ, ужь не побилъ ли его кто нибудь...

Лизавета Николаевна даже привстала съ мѣста и молча глядѣла на него.

Калязинцевъ повидимому не ожидалъ попасть въ цѣлое общество—и только пожимаясь сощелкивалъ пальцами грязь съ своей шляпы...

— Вы вѣрно не застали его? порывисто спросила Тароватова.

— Нѣтъ, застать-то засталъ... проговорилъ Калязинцевъ, волкомъ посматривая на меня.

— Да говорите, пожалуйста! вступилась Анастасія Николаевна,—терпѣть не могу, какъ онъ начнетъ ломаться... мямлитъ-мямлитъ—и скажетъ какую нибудь глупость...

— У васъ вѣрно письмо есть ко мнѣ? перебила Лизавета Николаевна.

— Нѣтъ, письма никакого нѣтъ...

— Ну, хорошо, разсказывайте ужь по порядку... досадливо произнесла Тароватова.

— Воля ваша, если ужь вы приказываете... Я просто не понимаю этого человѣка, началъ Калязинцевъ,— когда я къ нему пришелъ, у него было какихъ-то двое господъ — и они всѣ втроемъ собирались обѣдать у Дюссо, а вечеромъ въ театръ Берга...

— Потомъ домой, закусить и спать, а завтра опять съ утра умываться, одѣваться... скороговоркой зачастила Анастасія Николаевна.

— Позвольте, Анастасія Николаевна, вы совершенно напрасно меня сбиваете... Я не безъ толку докладываю вамъ, какъ они хотѣли провести день, обидѣлся посолъ.

— Лиза, выгони ты его—онъ издергаетъ мои нервы! Анастасья Николаевна взяла бутылку и налила Калязинцеву стаканъ краснаго вина, — подкрѣпитесь и умѣрьте свое краснорѣчіе...

— А потомъ, какъ только тѣ двое ушли, я передалъ ему ваше письмо-съ—онъ прочелъ, неестественно даже поблѣднѣлъ и точно растерялся совсѣмъ... «Сумасшедшая!» говоритъ... Извините, не мои слова...

— Что? переспросила Лизавета Николаевна, — такъ и сказалъ: «сумасшедшая?».

— Да-съ. А потомъ вдругъ засуетился, заходилъ по комнатѣ, да хвать себя въ лобъ кулакомъ... «Ахти!» говоритъ: «какой же я разсѣянный! Вѣдь мнѣ сегодня непремѣнно нужно быть за-городомъ...»

Сознавая всю важность привезенныхъ имъ извѣстій, Калязинцевъ мало по мало входилъ въ свою роль.

— Ты вѣрно ему написала все, что у васъ тутъ произошло? вмѣшалась Анастасія Николаевна.

— Постой же, Анастази! Разумѣется, написала!... Надо же мнѣ было его предупредить, чтобъ они не передрались, если не успѣли уже,—отозвалась Тароватова, — но теперь я все понимаю; Михайло Иванычъ должно быть вчера еще вызвалъ его?

— Нѣтъ, что-то не похоже, заговорилъ Калязинцевъ, — иначе зачѣмъ-же Игреневу было бы укладываться... на дуэль? А онъ позвалъ человѣка и велѣлъ уложить свой чемоданъ...

— Ah, le gredin!... *) вскипѣла Анастасія Николаевна,—и это въ то время, когда онъ долженъ быть здѣсь на лицо, чтобъ защищать тебя?...

— Меня совсѣмъ не то удивляетъ, Анастасія Николаевна, замѣтилъ я вскользь, — а вотъ какъ *вы* съ вашей опытностью могли ожидать чего нибудь инаго — это рѣшительно психологическая загадка...

Я замолчалъ, видя что этотъ разговоръ становится пыткой для Лизаветы Николаевны. На нее жалко было смотрѣть. Она уже не распрашивала Калязинцева и кажется забыла о присутствіи его. Какъ убитая сидѣла она передъ нами, потупясь въ свою тарелку и безсознательно мяла хлѣбныя крошки...

Мнѣ какъ-то невольно пришло въ голову, что вчера еще за этимъ самымъ столомъ всѣ мы такъ весело болтали, собираясь на пикникъ,—а Михайло Иванычъ по обыкновенію больше всѣхъ смѣшилъ остроумными выходками и шутками... Точно въ самомъ дѣлѣ «судьба сторожила и подслушала насъ», чего бывало такъ боялась маленькая барышня Бэтси.

Вдругъ шумъ отодвигаемаго стула заставилъ меня очнуться... Лизавета Николаевна порывисто подошла къ зеркалу и наскоро отправясь, все также молча и торопливо уже завязывала ленты свой шляпки...

— Куда ты, Лиза? Что ты хочешь дѣлать? испуганно бросилась къ ней Анастаія Николаевна,—pauvre enfant, она внѣ себя... Можно ли такъ принимать все къ сердцу!.. Докторъ, да помогите же мнѣ образумить ее...

Лизавета Николаевна слегка оттолкнула сестру и обратилась ко мнѣ; глаза у нея свѣтились давнишнимъ, знакомымъ мнѣ, лихорадочнымъ блескомъ.

— Ради Бога, докторъ, поѣдемте со мной... У меня предчувствіе... Я еще давече хотѣла это сдѣлать и совсѣмъ было собралась, да забыла, что услала экипажъ за сестрой, а тутъ и вы явились. Мишель непремѣнно тамъ, на островахъ, въ томъ самомъ кабинетѣ, гдѣ мы вчера толковали съ вами... Быть можетъ, мы еще успѣемъ... помѣшаемъ ему сгубить себя...

— Что за мысль! чуть не вскрикнулъ я, между тѣмъ какъ у меня даже мурашки забѣгали по всему тѣлу — до того это совпадало съ моими опасеніями съ тѣхъ поръ, какъ я узналъ, что Михайло захватилъ съ собой пистолеты.

— Нѣтъ, ужь если пошло на догадки, такъ вѣрнѣе всего, что онъ теперь у меня сидитъ, заявилъ я притворно-спокойнымъ тономъ,—повѣрьте же хоть мнѣ, что онъ далеко не сумасбродъ и едвали рѣшится на такой шагъ, не устроивъ по крайней мѣрѣ своихъ дѣлъ... Будьте же паенькой, я вотъ съѣзжу домой—и если не найду его тамъ, даю вамъ слово тотчасъ же отправиться по вашему указанію...

Кое-какъ урезонивъ Лизавету Николаевну и оставивъ ее на попеченіе *друзей дома*, я погналъ къ себѣ. Моя догадка оказалась вѣрнѣе: Михайло Иванычъ дѣйствительно сидѣлъ въ моемъ кабинетѣ и провелъ все утро въ ожиданіи, пока мы пороли горячку;—но конечно никто изъ насъ и не подозрѣвалъ истинныхъ его намѣреній: Тароватовъ нашелъ такой исходъ, который во многихъ отношеніяхъ не уступалъ ни дуэли ни самоубійству.

(Окончаніе будетъ).

*) Негодяй!

Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ.

Кириллъ и Меѳодій, родные братья, были дѣти солунскаго вельможи Льва, бывшаго вторымъ лицомъ послѣ главнаго военачальника. Младшій изъ братьевъ, Константинъ (въ иночествѣ Кириллъ) съ 842 года воспитывался при дворѣ въ Константинополѣ вмѣстѣ съ малолѣтнимъ императоромъ Михаиломъ, такъ какъ «царевъ строитель, иже нарицается Логоѳетъ, посла по него, да ся бы съ царемъ училъ». Дарованія, образованность и связи при дворѣ открывали ему блистательное поприще; Логоѳетъ хотѣлъ женить его на своей крестницѣ и дать званіе стратига; но юноша вступилъ въ духовное званіе и былъ библіотекаремъ при патріархѣ во Св. Софіи, а потомъ скрылся въ пустыню, такъ что едва нашли его

Библиотека "Руниверс"

чрезъ полгода и насилу убѣдили принять должность учителя философіи въ Царьградѣ. Меѳодій, послѣ домашняго воспитанія, былъ въ военной службѣ и нѣсколько лѣтъ управлялъ «Княженіемъ Словеньскимъ», т. е. былъ правителемъ Славяно-греческой области.

Въ 851 году двадцатичетырехлѣтній Константинъ, отправленный къ милитенскому эмиру Амаврію для борьбы съ магометанствомъ, окончилъ порученіе съ успѣхомъ и затѣмъ удалился на Олимпъ, гдѣ вмѣстѣ съ братомъ, также удалившемся отъ свѣта, проводилъ время въ постѣ и молитвахъ. Въ 858 году, послы Хазаръ просили императора прислать къ нимъ какого нибудь ученаго мужа, который бы ихъ научилъ истинной вѣрѣ. Вслѣдствіе этого Константинъ, прозванный *философомъ*, посланъ былъ къ нимъ съ братомъ своимъ Меѳодіемъ и настолько успѣлъ въ своей миссіи, что между хазарами каждому было дозволено обращаться къ христіанской вѣрѣ. Едва возвратились братья въ Царьградъ, какъ въ концѣ 862 года, т. е. въ то самое время, отъ котораго считается начало русскаго государства, славяно-паннонскіе князья, Ростиславъ, Святополкъ и Котелъ, «не имѣя истиннаго учителя своему народу», а еще болѣе того чувствуя потребность слышать на родномъ языкѣ богослуженіе и ученіе о вѣрѣ, просили императора Михаила прислать къ нимъ учителей. Царь, послѣ совѣщанія соборнаго, избралъ на это дѣло Константина и Меѳодія, говоря имъ: «вы бо еста Солунянина; да солуняне все чисто словенски бесѣдуютъ (т. е. говорятъ по славянски)». Тогда-то и былъ ими сдѣланъ знаменитый переводъ Св. Писанія на славянскій языкъ, положившій начало между прочими славянскими племенами и русской письменности. Крестивъ моноходомъ болгарскаго царя Бориса, братья прибыли въ Моравію и здѣсь провели четыре года, обучая дѣтей, устрояя богослуженіе, то и другое на славянскомъ языкѣ. «И рады быша Словене, слышаще величья Божья своимъ языкомъ». Послѣ долгихъ преслѣдованій со стороны католицизма, братьямъ удалось наконецъ стяжать расположеніе папы Адріана священнымъ даромъ обрѣтенныхъ ими мощей Св. Климента— и папа счелъ за нужное даже оправдать славянскую службу особымъ посланіемъ.

Св. Кириллъ (Константинъ) скончался въ Римѣ, принявъ схиму, а Меѳодій, исполняя завѣщаніе брата, возвратился къ славянамъ. Здѣсь ему пришлось выдержать не менѣе жестокую борьбу съ нѣмецкимъ духовенствомъ, такъ что онъ цѣлыхъ два года съ половиною томился въ заточеніи—и только папа Іоаннъ VIII (846 г.) возвратилъ Меѳодію власть его. При всѣмъ противодѣйствіи нѣмцевъ, всѣ славянскіе племена, начиная съ Хорватіи и Далмаціи до границъ Польши, слушали славянскую службу Меѳодія. Чехія съ ея княземъ Буривоемъ по его распоряженію приняли св. крещеніе, и потому память св. братьевъ до сихъ поръ столь священна чехамъ, что и въ недавнее время знаменитый художникъ ихъ Іосифъ Манесъ почелъ лучшимъ украшеніемъ для главныхъ вратъ храма въ Карлинѣ воспроизвести медальонное изображеніе просвѣтителей славянъ, которое и представляемъ читателямъ въ вѣрномъ снимкѣ. Къ сожалѣнію, по смерти Меѳодія, почившаго 7 Апрѣля 885 года, нѣмцы выгнали учениковъ его въ Болгарію, и только тамъ, подъ мирнымъ кровомъ восточнаго патріарха, сѣмена православія, щедро посѣянныя Кирилломъ и Меѳодіемъ, процвѣли среди благочестія и образованности, а отсуда уже были переданы на Русь.

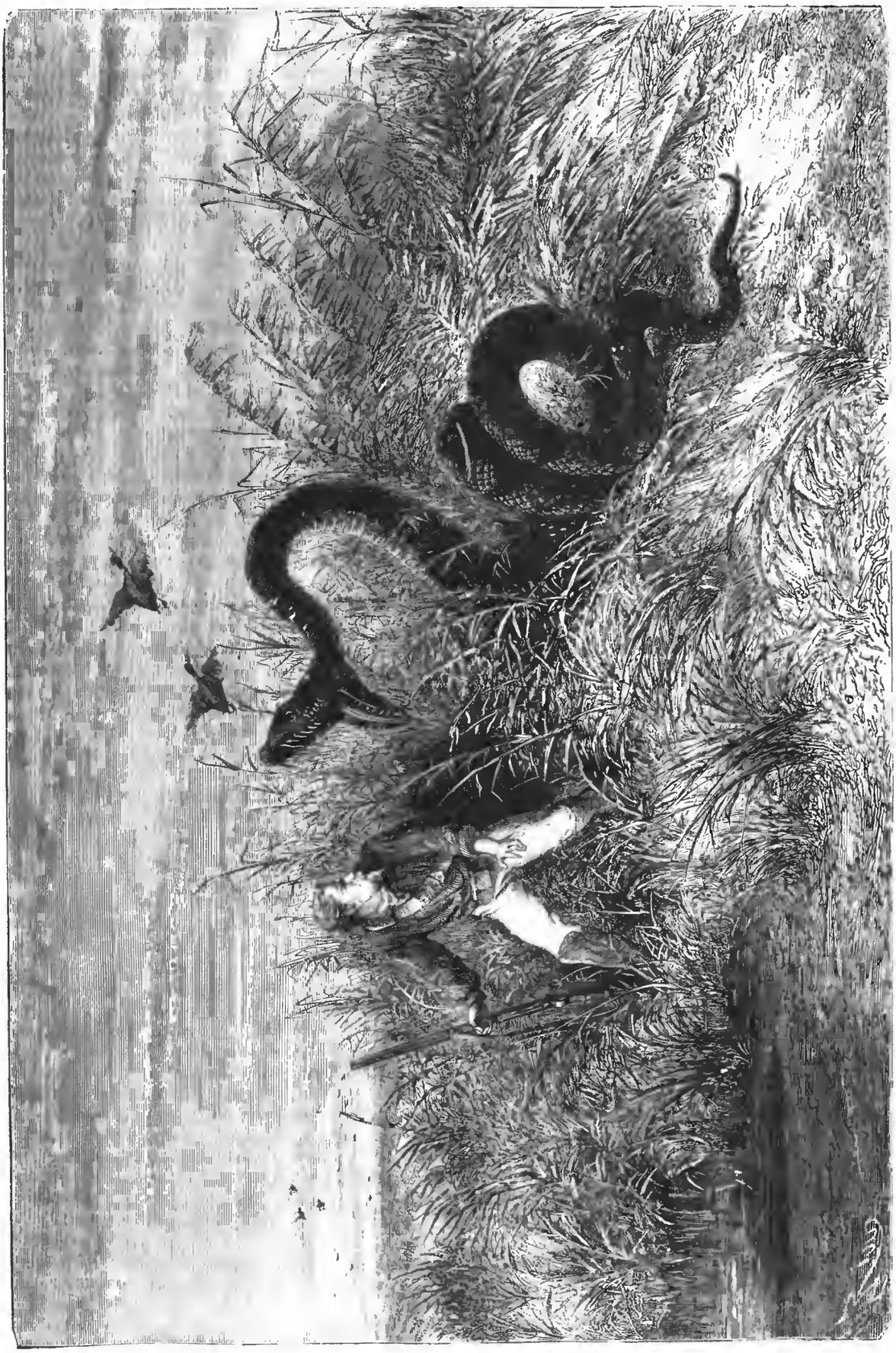
Изобрѣтенная св. братьями славянская азбука до сихъ поръ употребляется нами подъ именемъ Кирилицы и служитъ какъ-бы отличіемъ нашимъ отъ германо-романской расы, сохранившей свои латинскія и нѣмецко-готическія буквы.

Узникъ.

Ночь темна и тиха... За горою
Надъ обрывомъ, гдѣ волны шумятъ,
Озаренныя ясной луною
Башни бѣлаго замка стоятъ...
Въ душной кельѣ лампада мерцаетъ,
Узникъ спитъ... разгорается кровь
И былое въ душѣ оживаетъ,
Воскресаетъ забытое вновь...
Спитъ и видитъ онъ: утро росное,
Небо въ блескѣ весеннихъ лучей,
Улыбаясь, глядитъ голубое
На цвѣты ароматныхъ полей.
Спитъ и видитъ онъ—сладкія грезы!...
Мчится онъ на ретивомъ конѣ,
На лицѣ его—счастье и розы,
На устахъ—только пѣсни однѣ.
Вонъ рѣки голубые извивы,
Бѣлый парусъ мелькаетъ вдали;
Вонъ зеленыя рощи и нивы
Полосою волнистой легли...
Это тополь вдали серебрится,
Или свѣтлая тучка блеститъ?...
Мимо конь его бѣшеный мчится,
Только искры летятъ отъ копытъ...
Мчится конь его бѣшеный мимо,
Черезъ рытвины, рѣчки и долъ,
Такъ въ лазурныя бездны незримо
Подымается мощный орелъ
А денекъ-то, денекъ! Раздаются
Издалека напѣвы гребцовъ...
Струйки ласково шепчутъ и льются
У зеленыхъ своихъ береговъ.
Черезъ лѣсъ онъ несется тѣнистый,
Хлещутъ вѣтви въ лицо ѣздоку,
Онъ на лугъ выѣзжаетъ росистый
И кидается смѣло въ рѣку.
Тамъ, гдѣ яблонь въ саду зацвѣтаетъ,
Липы манятъ, подъ темную сѣнь,—
У калитки знакомой мелькаетъ
Чья-то бѣлая, милая тѣнь.
Онъ вперилъ туда зоркое око
И безжалостно шпоритъ коня.
Звонъ копытъ отдается далеко,
По кремнистой дорогѣ звѣня.
И далеко за цѣлые годы
Невидимкой мечта унеслась...
Жизнь любви и борьбы, и свободы
Вся въ лучахъ передъ нимъ поднялась.
Оживаетъ душа молодая
И волнуется мощная грудь;
Вновь идетъ, головы не склоняя,
Онъ въ далекій невѣдомый путь.
Онъ забылъ про лихую неволю,
Вся душа его блескомъ полна;
Непосильную трудную долю
Словно счастье встрѣчаетъ она.
Въ немъ—великія силы титана,
Надъ толпой онъ высоко паритъ...
Чу—проносится дробь барабана,
Гдѣ то цѣпь, занывая, звенитъ,
Онъ очнулся—лампада мерцаетъ;
За желѣзной рѣшеткой окна
Словно въ саванѣ тускло мелькаетъ
Заходящая во тучу луна.
Сжало сердце безмѣрною мукой,
Радъ бы плакать—да слезы нейдутъ.
А кругомъ то ни слова, ни звука,
Только узники тихо поютъ.
Въ тишинѣ этой кельи далекой,
Какъ подъ камнемъ могилы нѣмой,
Словно трупъ онъ лежитъ одинокій,
Давитъ грудь гробовою доской.
И рисуетъ тревожная дума:
Въ сторонѣ отъ большихъ городовъ,
Далеко отъ житейскаго шума,
Степь и гладь безконечныхъ снѣговъ.
Тамъ шумитъ заунывная вьюга,
Тамъ мятель завываетъ реветъ,
Тамъ подъ кровлей убогой подруга
Цѣлый вѣкъ свой, страдая, живетъ...
За немилымъ она погибаетъ,
Обманула и жизнь и мечты—
И очей ея блескъ потухаетъ
И прекрасныя блекнутъ черты.
Не спасти тебѣ жизнь молодую!
Снѣгъ сойдетъ и настанетъ весна—
И безслѣдно въ могилу нѣмую
Съ первымъ цвѣтикомъ ляжетъ она.
Затеряется крестъ одинокій
На просторѣ зеленыхъ степей...
И ужъ ты не придешь издалека
Помолиться и плакать надъ ней.

В. Немировичъ-Данченко.

Библиотека "Руниверс"



Приключеніе на охотѣ. Рисов. Ріу. грав. Гошаръ.

Библиотека "Руниверс"

Междуцарствіе.

Борьба патріотовъ за Москву, занятую Поляками (1610—1612 г).

(Продолженіе).

Ужо на воззванія краснорѣчиваго патріота, державшаго крѣпко бразды церковнаго правленія, откликнулись нижегородцы—и отписки отъ нихъ полетѣли на Волгу, въ Кострому и на Вятку—съ начала 1611 года. Въ одной изъ нихъ говорится: «27-го января писали къ намъ изъ Рязани, что воевода Прокопій Ляпуновъ, дворяне, и дѣти боярскіе, и всякіе люди рязанскія области, по благословенію святѣйшаго Ермогена, собрався со всѣми сибирскими и украйнскими городами, и съ Тулою, и съ Колужскими со всѣми людьми, «идутъ на польскихъ и на литовскихъ людей къ Москвѣ»; чтобъ съ ними нижегородцамъ «свѣстяся съ окольными и съ Поволскими городы» идти черезъ Владиміръ къ столицѣ; что въ день полученія приглашенія изъ Рязани, переслалъ въ Нижній двѣ грамоты патріархъ: одну отъ москвичей, а другую отъ русскихъ великихъ пословъ изъ подъ Смоленска. Препровождая въ Нижній подлинникъ извѣстія о несчастномъ положеніи столицы, гдѣ безчинствовали поляки, и Смоленска, которымъ всѣми неправдами хотѣлъ завладѣть Сигизмундъ, — патріархъ умолялъ поспѣшить прибытіемъ къ Москвѣ. Въ грамотѣ же москвичей говорилось, что предателей отечества «немного числомъ», и патріарху «всѣ крестьяне православные послѣдуютъ, лишь неявственно стоятъ». Изъ подъ Смоленска же посланіе открывало, что Салтыковъ съ Андроновымъ писали уже королю, какъ патріархъ явно говоритъ, что если королевичъ не приметъ православія «и не выйдутъ изъ московскія земли всѣ литовскіе люди—и королевичъ де намъ не государь». Открывая возникающую опасность отъ воззваній этихъ патріаршихъ, сторонники призывали сами короля въ Москву «со многими людьми», совѣтовали «вывести лучшихъ людей съ Москвы», а безъ того угрожали потерею столицы и всякихъ надеждъ на завладѣніе Русью. Зная эти планы враговъ, усердные патріоты вызывали для скорой помощи родинѣ мужественныхъ защитниковъ. Въ февралѣ уже въ Суздалѣ дѣйствовалъ Андрей Просовецкой съ казаками, изъ Романова поднялись татары служилые и явились въ Ярославль. Владиміръ сдѣлался сборнымъ пунктомъ дружинъ между Окою и Волгою. Здѣсь, высланный изъ Москвы съ русскими и польскими силами, бился противъ дружинъ защитниковъ-патріотовъ воевода князь И. С. Куракинъ (11 февраля) и былъ разбитъ ими. По рукамъ защитниковъ-патріотовъ заходили крестоцѣловальныя грамоты, въ которыхъ выражался единодушный завѣтъ: «стоять за православіе, и отъ московскаго государства не отстати, а королю польскому и литовскому креста не цѣловати и не служити»; съ городами быть въ единодушіи для общей защиты, короля польскаго на царствѣ имѣть не желать и со сторонниками его не сноситься; никого ни чѣмъ не оскорблять, но не выдавать московскимъ правителямъ и вступившихъ въ союзъ, пока «не дастъ Богъ на московское государство государя». Московскіе же правители, объявивъ измѣнникомъ Ляпунова еще въ январѣ, требовали, чтобы Сапѣга шелъ противъ него къ Рязани. Но хитрый полякъ, сознавая свое безсиліе одолѣть дружины возставшихъ, вздумалъ прикинуться будто-бы неповинующимся столичнымъ властямъ и другомъ патріотовъ, приглашая Калужанъ и прочихъ совѣтоваться съ нимъ объ общемъ дѣлѣ. Прокопій Ляпуновъ провидѣлъ въ предложеніи Сапѣги хитрую штуку, но не подавая вида что не вѣритъ его дружеству, предложилъ только ему отойти къ Можайску, да не пускать къ Москвѣ короля. Въ Новгородѣ, дѣйствуя одиночно, по письмамъ изъ Ярославля о возстаніи противъ поляковъ, жители посадили своего воеводу Ивана Михайловича Салтыкова въ тюрьму, побили наѣздъ поляковъ Рудницкаго изъ Русы (12 марта); правители же, митрополитъ Исидоръ и кн. Одоевскій, заключили договоръ съ шведскимъ предводителемъ Жакомъ Делагарди о поддержкѣ и защитѣ отъ поляковъ, за уступку трехъ погостовъ за Невою.

Таково было положеніе дѣлъ Россіи, передъ несчастнымъ побоищемъ въ сердцѣ Бѣлокаменной, во вторникъ на страстной недѣлѣ,—19 марта 1611 года.

Не вѣрится, но современники-поляки даже пишутъ, что усердный доброжелатель поляковъ, Михаилъ Глѣбовичъ Салтыковъ, самъ будто упрекалъ Гонсѣвскаго, зачѣмъ не произвелъ онъ рѣзни народа беззащитнаго, собравшагося на шествіе патріарха на осляти, на Вербное воскресенье?

— «Нынче былъ случай и вы Москву не били,—говорилъ предатель отечества — ну, такъ они васъ во вторникъ будутъ бить! Я этого ждать не буду; возьму жену и поѣду къ королю!»

Говоря такъ и страшая вторникомъ, извергъ расчитывалъ на прибытіе въ этотъ день къ столицѣ дружинъ Ляпунова. Совѣтъ предателя подѣйствовалъ. Поляки встащили на башни Кремля и Китая наличныя пушки. Ляпуновъ не прибылъ, но другіе предводители дружинъ явились: князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, выручивъ Ляпунова въ Рязани, пришелъ прогнавъ Сунбулова изъ Коломны и сталъ на Стрѣтенкѣ, Иванъ Матвѣевичъ Бутурлинъ со стороны Яузы, а Иванъ Колтовскій — на Замоскворѣчьѣ, съ Серпуховской дороги.

Во вторникъ патріоты ничего впрочемъ не думали начинать—и купцы спокойно открыли свои лавки для торговли. Но явился одинъ изъ польскихъ полковниковъ — Николай Казановскій на базаръ и сталъ хватать извощиковъ да посылать въ кремль на помощь полякамъ: встаскивать пушки на башни. Извощики не шли, требуя ряды за работу; дошло до брани. Можетъ ругательствами бы обоюдными и окончилось, если бы нѣмцы, перешедшіе къ полякамъ, при Клушинѣ, не бросились съ оружіемъ изъ кремля въ толпы и не начали бить русскихъ. Поляки присоединились къ нѣмцамъ—и началась рѣзня народа безоружнаго, торговаго. Въ одномъ Китаѣ-городѣ перерубили 7000 человѣкъ; въ томъ числѣ погибъ и, арестованный поляками въ его домѣ, князь Андрей Васильевичъ Голицынъ, братъ великаго посла.

Видя убійство повсемѣстное въ Китаѣ, народъ бѣжалъ въ Бѣлый городъ. Здѣсь успѣли уже вооружиться и собраться для отпора. Изъ скамей и столовъ подѣлали поперегъ улицъ завалы и изъ-за нихъ стали отстрѣливаться, также какъ изъ оконъ домовъ, съ крышъ сбрасывая бревна и доски на голову непріятелямъ, да пуская градъ камней изъ-за утлыхъ преградъ своихъ въ поляковъ. Князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, собравъ пушкарей, на Стрѣтенкѣ отбилъ поляковъ и гоня ихъ втопталъ въ Китай городъ. У воротъ его поставилъ онъ на Лубянкѣ острожекъ, заперши выходъ врагамъ съ этой стороны. Такой же успѣхъ имѣлъ и Бутурлинъ въ Яузскихъ воротахъ. Такъ что поляки и нѣмцы оказались запертыми въ центрѣ столицы — въ Кремлѣ и Китаѣ. Видя бѣду неминучую, они, по совѣту Салтыкова — для примѣра поджогшаго свой домъ,—зажгли опустѣлыя уже слободы Китай-города. Порывистый вѣтеръ помогъ страшному дѣлу разрушителей—и во всю ночь пожаръ такъ ярко освѣщалъ мракъ, что, по словамъ очевидцевъ, можно было отыскать булавку, на землѣ. Набатъ колокольный не переставалъ раздаваться въ эту страшную ночь, и подъ гулъ металла, недавніе друзья—теперь враги-истребители—разсуждали, что огонь необезопасиваетъ ихъ и доведетъ до того, что прятаться негдѣ: необходимо бросить огонь за Москву рѣку и открыть черезъ Замоскворѣчье путь къ спасенію. Но легче было предположить здѣсь то или другое сдѣлать, чѣмъ-выполнить. За Москвою рѣкою тянулись Стрѣлецкія слободы. Поляки направились въ нихъ, но были отбиты съ урономъ, успѣвъ однако поджечь деревянныя избы. Затѣмъ, въ большихъ силахъ напали враги на острожекъ кн. Пожарскаго. Цѣлый день отбивался герой противъ превосходныхъ силъ, не получая ни откуда помощи и, израненый весь, къ вечеру лишился чувствъ, а въ ночь увезенъ былъ въ Троицкую Лавру. Жители столицы

Библиотека "Руниверс"

лишенные кроковъ, вышли изъ города. Въ великій четвергъ (21 марта) некому было биться. Враги торжествовали, но на слѣдующій день привелъ тридцати-тысячныя дружины изъ Владиміра воевода Просовецкой. Гонсѣвскій послалъ противъ него полковниковъ Заборовскаго и Струся, но ихъ отбили патріоты и расположились подъ городомъ въ укрѣпленныхъ лагеряхъ—дожидать Ляпунова.

Въ день Благовѣщенья (2-й день пасхи) собралось отовсюду къ бѣлокаменной 100,000 ея защитниковъ. Они остановились подъ Симоновымъ, сколотивъ *гуляй-городки* (деревянныя укрѣпленія). Гонсѣвскій вышелъ со всѣми своими силами, вызывая на бой: боя не приняли. Послалъ нѣмцевъ выбить стрѣльцовъ изъ монастырской слободки, но флангъ обоза,—храбрецовъ отразили и сами стрѣльцы начали наступленіе. Тогда коннымъ хоругвямъ поляковъ пришлось уже спѣшившись отбиваться—и кто знаетъ, чѣмъ бы кончилось дѣло, когда бы вся русская наличная конница соединила свои усилія съ натискомъ стрѣльцовъ?

Время упустили! Когда уже отбитые поляки стали отступать въ городъ, наши было показались, но видя враговъ остановившихся — опять ушли въ обозъ, какъ бы недовѣряя себѣ. Маневръ этотъ повторился—и поляки находились въ величайшемъ затрудненіи, но близость къ стѣнамъ кремля спасла ихъ. Скрывшись за спасительною охраною, враги уже не выходили болѣе мѣряться силами. Пользуясь этимъ, 1 апрѣля патріоты обложили Бѣлый городъ. Ляпуновъ подошелъ къ Яузскимъ воротамъ, остановившись тамъ гдѣ теперь Воспитательный домъ. Отъ него на сѣверъ, къ Воронцовскому полю стали дружины князя Дм. Тим. Трубецкаго да атамана Ив. Март. Заруцкаго. Передъ Покровскими же воротами расположились дружины Костромская и Ярославская. Противъ Стрѣтенскихъ вышелъ Артемій Измайловъ, а поперекъ Тверской князь Мосальскій.

Въ пятницу на Ѳоминой (6-го апрѣля) поляки просыпаются—и видятъ, что русскія дружины въ Бѣломъ городѣ. То чего они опасались на страстной недѣлѣ — совершилось несмотря на поджоги и безполезное кровопролитіе. Теперь уже,—какъ писали свои Потоцкому подъ Смоленскъ:—стала «рыцерству на Москвѣ тѣснота великая — сидятъ въ Китаѣ и въ Кремлѣ, въ осадѣ; ворота всѣ подтяты; пить ѣсть нечего!» Мало того, опытный воитель, Прокопій П. Ляпуновъ выбралъ два пункта возвышеній: у церкви Петра митрополита и у Никиты мученика (на Вшивой горкѣ). Здѣсь устроилъ онъ баттареи изъ тяжелыхъ орудій и съ этихъ баттарей русскіе начали обстрѣливать Китай-городъ, съ цѣлью сдѣлать бреши въ стѣнахъ—для приступа.

Въ началѣ Мая подошелъ гетманъ Сапѣга, поставленный своею собственною хитростью въ странное положеніе. Онъ притворялся,—какъ мы выше замѣтили — другомъ русскихъ и едва ли не имѣлъ личныхъ видовъ на престолъ Московскій: зная какъ легко удается, въ это тяжелое время повсемѣстной анархіи, провести любому пройдохѣ свои искательства праздной короны, заручившись поддержкою, хотя и слабой партіи. Въ этихъ только видахъ, разумѣется, онъ и не пошелъ противъ Ляпунова въ январѣ,—когда самъ Сигизмундъ собственноручнымъ письмомъ уговаривалъ его помѣшать походу изъ Рязани да сбору дружинъ отважнаго и пылкаго Прокофья, не скрывая «сколь для республики важно, чтобъ этотъ человѣкъ былъ удержанъ». Мало того, переметчикъ Сапѣга увѣдомилъ даже русскихъ дружинниковъ о такомъ королевскомъ порученіи, прося не безпокоиться и увѣряя въ своемъ доброхотствѣ и поддержкѣ ихъ. Такъ что появленіе его весною на Поклонной горѣ нисколько не испугало предводителей возстанія, и они вошли съ нимъ въ сношеніе—вѣря или не вѣря его искренности, но охотно. Переговоры съ двуличнымъ гетманомъ впрочемъ ни къ чему, разумѣется, не привели—и дѣло дошло до разлада, даже до боя, кончившагося не къ выгодѣ гетмана, затѣмъ уже перешедшаго явно на сторону Гонсѣвскаго. Впрочемъ и этотъ переходъ вреда русскому дѣлу не принесъ, потому что буйные рыцари Сапѣги скоро соскучились безъ грабежа. За неимѣніемъ въ осажденной Москвѣ предметовъ возбуждавшихъ жадность ихъ, сочли они за благо отретироваться въ Переяславль - Залѣсскій, подъ предлогомъ добычи провіанта. Надобность въ немъ заставила Гонсѣвскаго придать гетману и часть своихъ хоругвей (не надѣясь отъ однихъ Сапѣжинцевъ получить скоро средствъ для существованія). Ослабленіе силъ осажденныхъ замѣчено было дружинами осаждавшихъ. Русскіе вожди даже не повѣрили и мнимой радостной стрѣльбѣ поляковъ, будто-бы получившихъ вѣсть, что идетъ къ нимъ на выручку Ходкевичь съ большими силами. Довольные призрачной удачею застрастки осаждающихъ, поляки безпечно заснули, а русскіе съ 21-го на 22-е мая, за три часа до разсвѣта, приготовились къ штурму стѣнъ Китая-города. И если бы не чуткость Морхоцкаго — штурмъ этотъ не былъ бы отбитъ, хотя и съ большими жертвами. До этого штурма во власти поляковъ были еще башни Бѣлаго города, на востокъ отъ Тверской; но, отбитые отъ Китая, дружинники сдѣлались за то властителями ихъ и, такъ сказать, соединительной нити поляковъ кремлевскихъ съ ожидаемыми подкрѣпленіями. Взяли и нѣмцевъ, засѣвшихъ въ Новодѣвичьемъ монастырѣ.

Отрѣзавъ же такимъ образомъ всѣ пути къ соединенію съ земляками, русскіе стали острить надъ запертыми врагами—«Да, да, кричали они такъ чтобы слышали поляки на стѣнахъ,—ведетъ 50 темъ Гетманъ, всю Польшу вдосталь... и Конецъ-польскій тутъ, а живности везетъ—Кишку!» (Кишка и Конецпольскій были ротмистры у Ходкевича).

Гнѣвный Сигизмундъ, слыша это, только тѣшилъ безсильную злобу свою надъ безоружными великими послами (отправивъ ихъ плѣнными въ Литву), да надъ сдавшимся наконецъ, съ оскуденіемъ защитниковъ Смоленскихъ, безстрашнымъ Шеиномъ. Героя этого храбрый король подвергъ ненужной пыткѣ; самъ отступилъ отъ Смоленска и на сеймѣ въ Варшавѣ величался недолговременнымъ торжествомъ своего оружія, какъ бы забывъ о доведенныхъ до крайности своихъ хоругвяхъ, въ Кремлѣ. И если бы не личные виды Заруцкаго, ради связи съ Мариною Мнишекъ желавшаго возвести на престолъ ея сына, младенца Ивана, да не коварство Гонсѣвскаго,—которымъ хитрый атаманъ успѣлъ своевременно воспользоваться для погубленія ненавистнаго ему, Прокофья Ляпунова,—полякамъ не долго бы держаться въ русской столицѣ.

Іюля 23-го 1611 г., благодаря махинаціямъ Заруцкаго, извѣтъ на Ляпунова, пущенный Гонсѣвскимъ, успѣлъ возбудить злобу своевольцовъ. Они, ободренные своимъ атаманомъ, потребовали Ляпунова въ свой кругъ,—хотя за приговоромъ 30 іюня казаки не имѣли ни малѣйшаго права судить или требовать отвѣта у вождя избраннаго всею землею. Но гибель Ляпунова нужна была его сопернику, тушинскому боярину, атаману Заруцкому, да тянувшему на его руку Трубецкому. И самый этотъ приговоръ былъ орудіемъ, для возбужденія вражды противъ смѣлаго вождя, талантами выдѣлявшагося изъ тріумвирата. Враждѣ казаковъ дала большее развитіе мнимая грамота Ляпунова, писанная коварнымъ Гонсѣвскимъ, гдѣ говорилось о расправѣ съ казаками и будто бы объ искорененіи ихъ совсѣмъ, съ успокоеніемъ московскаго государства. Этотъ извѣтъ отдалъ, возвратившійся изъ плѣна отъ поляковъ, казакъ своему атаману Заварзину. Казаки забушевали, прочитавъ содержаніе фальшиваго документа, и потребовали вождей въ свой кругъ.

Трубецкой съ Заруцкимъ, зная въ чемъ дѣло, не поѣхали. Къ несчастію, Ляпуновъ былъ не въ нихъ, и на вторичный призывъ—отправился. Ему показали мнимую грамоту; не хотѣли вѣрить его отрицанію и, въ жару спора, изрубили героя. Его защищалъ только личный врагъ—Иванъ Никитичъ Ржевскій и погибъ вмѣстѣ съ жертвою козней казацкаго и польскаго вождей.

Смерть Ляпунова нанесла рѣшительный ударъ успѣху общаго дѣла. Делагарди овладѣлъ Новгородомъ. Во Псковѣ парилъ самозванецъ (съ марта 1611 г.), а Лисовскій съ Ходкевичемъ хозяйничали въ земляхъ нѣкогда мужественнаго народнаго правительства.

Запасшись хлѣбомъ въ Псковской области, Сапѣга 14 августа явился подъ Москвой и соединился съ кремлевскими осажденными, опять отнявшими у русскихъ четверо воротъ въ Бѣломъ городѣ. Въ войскахъ Трубецкаго и Заруцкаго царила

Библиотека "Руниверс"

робость да неувѣренность. Успѣхъ окрылилъ Гонсѣвскаго; онъ задумалъ выбить совсѣмъ русскихъ изъ Бѣлаго города, но начались интриги между полковниками польскими, а тутъ скоропостижно почти умеръ Сапѣга (14 сентября). Стали ждать прихода гетмана Ходкевича, бывшаго во враждѣ со смоленскимъ губернаторомъ Потоцкимъ, успѣвшимъ образовать сильную партію въ войскахъ гетмана. Такъ что и съ приходомъ Ходкевича къ Москвѣ (6-го октября), вмѣсто единодушія дѣйствій и общаго усердія, обнаружилось рознь и несогласія въ польскомъ лагерѣ. И поляки отказывались даже повиноваться гетману, потому что онъ вождь силъ Литвы, а не Польши. Наконецъ, силы Ходкевича были ничтожны для начатія наступательныхъ дѣйствій противъ 100,000 русскихъ подъ Москвою. Что значили хотя бы и 7000 челов. (съ осажденными) передъ массою дружинниковъ съ казаками? У поляковъ къ тому же все была конница, а корму лошадямъ достать неоткуда. Понятно, что при этомъ осень и зима прошли въ бездѣйствіи. Ходкевичъ долженъ даже былъ съ израсходованіемъ фуража отойти ко Ржеву.

Въ крайности, занимавшіе Кремль поляки отдали въ закладъ воинамъ Сапѣги царскіе московскіе уборы и драгоцѣнности, вмѣсто денегъ; да снарядили посольство къ королю: просить его личнаго прибытія къ Москвѣ съ войскомъ, или отправки сына. Безъ того не ручались они за сохраненіе въ столицѣ польской власти. Въ посольство это выбрали двоихъ Салтыковыхъ (Юрія да Михайлу) съ думнымъ дьякомъ Яновымъ. Сигизмундъ ничего между тѣмъ не сдѣлалъ на усильныя просьбы своихъ *вѣрныхъ подданныхъ*, поляковъ и русскихъ измѣнниковъ. Патріархъ заключенъ. Трубецкой и Заруцкой оказываются *не промышленниками, и не поборниками по Христовой* вѣрѣ. Земства ихъ игнорировали послѣ смерти Ляпунова и сами стали промышлять о новыхъ вождяхъ, годныхъ для доведенія къ концу спасенія родины. Лавра Троицкая отъ себя теперь разсылаетъ призывныя грамоты защитникамъ Руси. Здѣсь являются дѣятелями: Архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ, игравшій роль при Шуйскомъ, потомъ выпрашиватель милости да вотчинъ у Сигизмунда подъ Смоленскомъ. Воззванія ихъ раздались въ томъ мѣсяцѣ, когда погибъ Ляпуновъ. — «Помяните и смилуйтеся надъ видимою общею смертною погибелью, да не и васъ самихъ та же лютая смерть не постигнетъ: чтобъ служивые люди безъ всякаго мѣшканья поспѣшили къ Москвѣ, въ сходъ, ко всѣмъ боярамъ и воеводамъ и всему множеству народа всего православнаго христіанства. Сами вѣсте, что всякому дѣлу едино время належитъ.... о единомъ всѣмъ вамъ съ нами положити подвигъ страдати для избавленія православныя христіанскія вѣры, покамѣсть къ нимъ въ недолгомъ времени какая помощь бы не пришла... Не закоснѣнно сотворите дѣло сіе, избавленія ради крестьянскаго, ратными людьми и казною помогите, чтобъ нынѣ собранное множество народу хрестіанскаго и войска, здѣся на Москвѣ, скудости ради не разошлося»... Въ Нижнемъ Новѣгородѣ грамоты Лавры вторично произвели возвышенный порывъ любви народа къ родинѣ. Мясникъ, Козьма Миничъ Сухорукъ природнымъ краснорѣчіемъ чувства тронулъ за живое простыя души горожанъ своихъ. Въ октябрѣ 1611 года, получивъ 2-ю троицкую грамоту о приходѣ Ходкевича, начальные люди въ Нижнемъ собрались на совѣтъ, съ духовенствомъ. Мининъ, присутствуя какъ земскій выборный, среди разсужденій общихъ, встаетъ и заявляетъ: «Св. Сергій явился мнѣ во снѣ и приказалъ возбудить уснувшихъ; прочтите грамоты Діонисіевы въ соборѣ, а тамъ, что будетъ угодно Богу!»

Стряпчій Иванъ Биркинъ вздумалъ противорѣчить горячему патріоту.—Я догадываюсь, изъ-за чего ты противишься общему дѣлу? отвѣтилъ ему Кузьма,—и интриганъ, боясь напоминанія своихъ прошлыхъ не совсѣмъ честныхъ дѣяній, со стыдомъ замолчалъ. Общій голосъ положилъ назавтра сойтись въ соборномъ храмѣ. Протопопъ Савва произнесъ теплое увѣщаніе о храненіи братской любви и единенія. Затѣмъ прочтена грамота лаврская и Козьма Миничъ отозвался: «Коли хотимъ помочь Московскому государству, такъ не пожалѣемъ имѣнья, ничего нашево, продадимъ дворы. Не хватитъ: займемъ—дадимъ въ закладъ женъ и дѣтей нашихъ... Да побьемъ челомъ, кто бы вступился за вѣру православную.... былъ-бы вождемъ нашимъ».

Его спрашиваютъ: чтожъ намъ дѣлать? — Ополчатися!

— Гдѣ казну взять на снарядъ полченья?

— У насъ всего, отвѣчаетъ Мининъ,—съ 200 съ 500 человѣкъ, денегъ въ сборѣ 1700 рублевъ, а брали третью деньгу. Я убогъ. Было триста рублевъ—принесъ сотню, на-те! И вы несите.

— Быть такъ! крикнуло большинство и пошелъ сборъ. Кузьму выбрали въ земскіе казначеи.

Съ накопленіемъ взносовъ, предстояло выбирать вождя. Мининъ зналъ о мужественномъ подвигѣ князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, въ Москвѣ на Лубянкѣ (19 марта 1611 г.). Отъ ранъ полученныхъ тамъ, тридцатитрехлѣтній воевода еще лѣчился, живя въ помѣстьѣ своемъ, селѣ Пурехѣ, Балахнинскаго уѣзда. Къ нему поспѣшилъ Кузьма и уговорилъ вождя не отказать народному выбору. А самъ заявилъ въ собраніи, что болѣе бывалаго и благодушнаго воеводу съискать трудно. Самыя раны его служили лучшей рекомендаціей. Получилъ ихъ воевода стоя одинъ, всѣми оставленный, въ неподсильной борьбѣ съ поляками! Совѣтъ и заявленіе Кузьмы приняты—и Печерскій архимандритъ Ѳеодосій съ дворяниномъ Жданомъ Болтинымъ наряжены къ храброму князю: просить его быть воеводою.

— «Радъ я вашему совѣту. Готовъ хоть сейчасъ ѣхать, да выберите изъ посадскихъ, кому бы быть у такого великаго дѣла, человѣка разумнаго».

— Такого-то не знаемъ, кормилецъ, отвѣтили депутаты.— Есть Кузьма у насъ, Мининъ, ему это дѣло заобычно.

И поставили горячаго патріота Минина, рядомъ съ потомкомъ Рюрика — Пожарскимъ, во главѣ земскаго уряда ополченія!

Храбрый вождь не замедлилъ явиться въ Нижній. Грамоты Нижегородцевъ о содѣйствіи общему дѣлу разослали по городамъ. Города поспѣшили выслать въ Нижній своихъ выборныхъ, казну и ратныхъ людей. Первые откликнулись (послѣ притѣсненныхъ Заруцкимъ смоленскихъ дворянъ) жители Коломны, Рязани и Украйны московской вообще. Казань смутилъ дьякъ Шульгинъ, найдя клеврета въ клеветникѣ Биркинѣ, туда же съѣхавшемъ. Вожди Нижегородскіе впрочемъ вѣрили твердо въ святость общихъ обѣтовъ и не боялись интриги.

(Окончаніе будетъ).

Приключеніе на охотѣ.

Французская Гвіана, болѣе извѣстная какъ ссылочная колонія, подъ именемъ Кайенны, изобилуетъ всякою дичью,—агути, паками, ланями, пекари, тапирами, всевозможными птицами; это настоящее эльдорадо охотниковъ. Здѣсь охотятся преимущественно въ лѣсу съ гончею собакою, или въ равнинѣ, *саваннѣ*, съ лягавою; та и другая охота представляетъ свои опасности. Заблудиться въ лѣсу—считается одной изъ величайшихъ бѣдъ, какимъ только можетъ подвергнуться охотникъ; поэтому охота производится лишь въ населенныхъ мѣстахъ, по опушкѣ лѣсовъ или по берегу рѣкъ. Саваны же большихъ луговъ изборождены болотами или *при-при*; зимой они наводняются, лѣтомъ высыхаютъ. Лучшее время охоты послѣ первыхъ осеннихъ дождей, когда почва слегка увлажена,—или когда солнце испаритъ большую часть зимняго водополья; тогда здѣсь водятся бекасы, кулики, коростели и прочія породы болотной дичи. Доступъ къ ней впрочемъ довольно труденъ; трава ростетъ кустиками по кочкамъ, между которыми вода чертитъ влажныя, извилистыя заводьи. Эти равнины находятся обыкновенно вдали отъ колоній и заведеній, такъ что выѣхавъ напр. изъ Кайенны, нужно сдѣлать почти четырехчасовой переѣздъ, чтобы попасть на мѣсто охоты.

Въ такой-то саваннѣ однажды охотился прибывшій на службу въ колонію изъ Франціи бригадиръ, высокій плечистый альзасецъ,

Библиотека "Руниверс"

Зимній пейзажъ съ обозомъ. Композиція Н. Каразина, грав. Путцъ.

Библиотека "Руниверс"

настоящій типъ сплача. По многочисленнымъ *при-при* этой равводилось безчисленное множество утокъ; но днемъ эта осторожная птица держится внѣ выстрѣловъ, въ самой серединѣ болота— и подойдти къ ней нѣтъ никакой возможности: того и гляди, утонешь въ грязи. Къ берегу же утки подплываютъ только раннимъ утромъ. Нашъ альзасецъ забрался въ *при-при* еще до разсвѣта, вошелъ въ воду по колѣна, и взведя курки, сталъ высматривать, внимательно прислушиваясь къ плеску и кряканью утокъ въ осокѣ... Вдругъ онъ чувствуетъ—кто-то хвать его за плечо, да такъ крѣпко!.. Бригадиръ обернулся—и видитъ въ двухъ дюймахъ отъ своего лица пасть огромной змѣи. Инстинктивно прянувъ всторону, охотникъ высвободился отъ ужаснаго гада, который вырвалъ у него лишь клокъ шерстяной блузы. Но не удовольствовавшись такой скудной добычей, колосальное пресмыкающееся свернулось въ кольцо и вторично кинулось на бригадира; теперь змѣя схватила его за бедро, страшные зубы впились въ тѣло и причиняли нестерпимую боль. Но альзасецъ не потерялся и сталъ бить змѣю прикладомъ по головѣ, пока та не выпустила его ногу. *Ужъ*, какъ его называютъ туземцы въ Гвіанѣ, отползъ немного, чтобы удобнѣе сдѣлать новый прыжокъ, обвить безстрашнаго охотника и задушить его въ своихъ кольцахъ. Но бригадиръ предупредилъ его выстрѣломъ почти въ упоръ изъ обоихъ стволовъ. Пораженное на смерть, пресмыкающееся упало, извиваясь въ судоргахъ;—а нашъ охотникъ сдѣлалъ кое-какъ нѣсколько шаговъ и выбрался изъ болота. Но тутъ ноги его подкосились—и онъ въ свою очередь безъ чувствъ упалъ на траву; когда же пришелъ въ себя, солнце было уже высоко надъ его головою, рана разболѣлась до того, что онъ чуть не кричалъ отъ невыносимыхъ страданій. Только къ вечеру, то ползкомъ, то опираясь на ружье, добрался онъ до ближайшаго мѣстечка, откуда его снесли въ госпиталь. Тамъ онъ пролежалъ цѣлыхъ шесть недѣль: открылись лихорадка, бредъ, воспаленіе, едва ногу не отрѣзали. Много спустя по выпискѣ изъ больницы и то понемногу оправился онъ окончательно, но уже не переставалъ прихрамывать...

— И конечно бросилъ охоту? спроситъ быть-можетъ кто нибудь изъ читателей.

Какъ бы не такъ! Только что выписавшись изъ госпиталя, полубольной вернулся онъ въ *при-при* и прежде всего отыскалъ своего убитаго врага; но муравьи и урубусы (коршуны) совсѣмъ разнесли тѣло—и остался только одинъ костякъ позвонковъ, въ 24 фута длины. Это былъ, къ счастію неядовитый, но тѣмъ не менѣе страшный боа, удавъ. Полюбовавшись этой махиной, бригадиръ уже пробирался съ ружьемъ на перевѣсъ къ своей собакѣ, сдѣлавшей стойку... Видно горбатаго да охотника — одна могила исправитъ!

Зимній пейзажъ съ обозомъ.

Лѣто прошло. Наступила осень съ ея бездорожьемъ, холодомъ, дождями, слякотью... Все съ полей и огородовъ свезено и сложено въ амбары, погреба и клѣти. Скотъ уже больше не выгоняется въ поле, а скученъ въ тѣсныхъ сараяхъ и толпится подъ навѣсами, зарываясь по брюхо въ свѣжую солому... Лошади тоже поотъѣлись на сухомъ зерновомъ кормѣ, отдохнули отъ сохи и бороны и ждутъ новой работы... А какая тутъ работа, когда и носу нельзя высунуть изъ дому, когда и версты нельзя проѣхать по этимъ изрытымъ непогодою, разкисели вшимся дорогамъ? Скверно!..

А тутъ и хозяевамъ ихъ грозитъ новая бѣда; съ податями, съ разными сборами приступаютъ неумолимыя власти... Платить-то ихъ есть чѣмъ, — да только денегъ нѣтъ наличныхъ, а скотиною, хлѣбомъ и пищею не берутъ. Добра-молъ всякаго много, а въ карманѣ и пустомъ затяжномъ кошелѣ—ни копѣйки!.. «Поѣзжай, продавай» толкуетъ какой нибудь нетерпѣливый сборщикъ. «А когда, братъ, вотъ зимы дождемся, дорога станетъ, тогда и поѣдемъ... Небось все сполна заплатимъ!.. Погоди до снѣгу, до перво-путка....

И этого снѣга, этого перво-путка съ нетерпѣніемъ ждетъ не дождется крестьянинъ-большакъ; ждутъ его младшіе семьяне и работники, которымъ хочется поразмяться дорогою и повидать людей; ждутъ ихъ хозяйки, бабы и дѣвки, которыя знаютъ очень хорошо, что, при возвращеніи изъ поѣздки пустыхъ возовъ,—онѣ будутъ, къ праздникамъ, съ яркоцвѣтными обновами... Ждетъ всякъ отъ мала до велика—и съ наслажденіемъ, съ радостью встрѣчаетъ первыя, мелькающія въ сѣромъ воздухѣ звѣздочки— снѣжинки.

Наступила зима; рѣки, канавы, ручьи, топи и болотины сковало льдами, запорошило снѣгомъ, всѣ колеи загладились, всѣ дальнія объѣзды остались всторонѣ; напрямикъ — вольно — идетъ гладкая зимняя дорога... Скрипитъ по ней санная полозь... зеленѣютъ сосновыя вѣтви, натыканныя по сторонамъ въ снѣгу, чтобы въ заметь не сбиться съ дороги... оживляются вороны, галки и мелкія птахи. Звонкое хлопанье кнута, фырканье и храпъ лошадей, дребезжаніе бубенчиковъ и развеселый звонъ поддужнаго колокольчика....

Зашевелился народъ по дворамъ крестьянскимъ—усиленная возня поднялась по избамъ: все занято, все суетится; ладятъ сбрую, правятъ сани, куютъ лошадей на зимнія подковы съ острыми шипами, сговариваются о днѣ выѣзда и все толкуютъ объ одномъ: объ дальней дорогѣ, о знакомыхъ постоялыхъ дворахъ и знакомыхъ дворникахъ, о городахъ большихъ и малыхъ, о сбытѣ... Загадываютъ даже напередъ о томъ, что купятъ въ городѣ, когда продадутъ товаръ, что купятъ бабамъ, что отложатъ на подати, что пропьютъ да прогуляютъ....

Басня о горшкѣ съ молокомъ—разыгрывается въ безчисленныхъ, разнообразныхъ варіантахъ.

—

Передъ вашими глазами деревня... Снѣгомъ ее еще не занесло, какъ обыкновенно заноситъ къ праздникамъ — чуть не до самыхъ трубъ... но уже избы приготовились встрѣтить холода и метели: окутались соломою, обтыкались жердями; подслѣповато глядятъ на улицу крохотныя окна изъ своихъ соломеннымъ амбразуръ; около воротъ, вдоль заборовъ, навалены цѣлыя кучи заготовленнаго топлива... Тѣлеги и все колесное убрано, — взамѣнъ ихъ всюду бѣлѣютъ новыя полозья улаженныхъ и совсѣмъ приспособленныхъ къ дѣлу дровней... Трубы съ горшками на вершинахъ дымятъ усиленно и стелется черный дымъ по-надъ бѣлыми полями,— по-надъ огородами, гдѣ еще торчатъ изъ подъ снѣга старые комли. Темнѣетъ рано... во всѣхъ окнахъ свѣтятся красныя жерла русскихъ печей. На полатяхъ возятся ребята вмѣстѣ съ кошками.... Въ углахъ подъ скамьями, мычатъ и ворочаются молочные телята... Куры бродятъ по полу, прикрытому соломой... Теплымъ хлѣбомъ пахнетъ.

Кислымъ запахомъ полушубка разитъ даже на улицѣ, на вольномъ воздухѣ. Всѣ мужики на дворѣ; около саней возятся — завтра еще до свѣту собираются выѣхать. Сани уже нагружены, покрыты рогожами, веревками какъ слѣдуетъ укручены. У каждыхъ воротъ стоятъ такіе сани и таращатъ свои приподнятыя оглобли.

Сладили все, поугомонились, а часа черезъ четыре, еще за долго до утренней зари, опять все на ногахъ, и опять возня и хлопоты около тѣхъ-же саней, въ которые теперь уже впрягаютъ мохнатыхъ отъѣвшихся лошадей, гремящихъ подъуздными бубенчиками.

Помолились; проводы окончились. Стали на дорогу вытягиваться, и потянулся маленькій обозикъ въ дальній путь, прокладывая за собою новые, еще бѣленькіе, дѣвственные слѣды...

Обозъ пока не великъ: возовъ десятокъ не больше; но вотъ на пути еще деревня, оттуда тоже выбрались навьюченные сани, присоединяются къ нашимъ,—обозъ увеличивается...

Еще деревня, — еще новые возы. Прошли всего сутки, а уже сотни саней тянутся однѣ за другими, и не видно заднихъ переднимъ, развѣ когда совсѣмъ идутъ открытымъ мѣстомъ.

Привычныя лошади — безъ вожжей бредутъ одна за другою; мужики идутъ сторонкою, кучками; имъ незачѣмъ ни погонять лошадей, ни править ими. Дорога одна, да и та узка; всторону конь не бросится, зная по опыту, что за эту продѣлку ему же самому прійдется вытаскивать изъ сугроба увязшія сани.

Сходивъ раза два въ обозѣ, лошади до того привыкаютъ къ своему дѣлу, что не требуютъ даже хозяйской помощи при такихъ сложныхъ путаницахъ какъ въѣздъ во дворы и выѣздъ изъ нихъ опять на дорогу... Только переднюю лошадь выводятъ изъ тѣсныхъ воротъ, а за нею уже выберутся поочередно всѣ остальные...

Понятно, что такой безконечный обозъ уже никому не сворачиваетъ съ дороги; встрѣчныя тройки и одиночки, свернувъ въ глубокой снѣгъ, пережидаютъ, пора всѣ возы пройдутъ мимо или же, если надѣются на силу своихъ лошадей—гонятъ ихъ цѣликомъ по глубокому снѣгу...

Дорога уже знакома, цѣны на постояломъ дворѣ уже установились испоконъ вѣка... никто съ дворниками не торгуется, а пріѣхавъ во дворъ, убравъ лошадей, прямо садятся къ столу и принимаются за щи, кашу и разныя похлебки...

Такимъ образомъ изо дня въ день подвигается безконечный обозъ; проходитъ города, проходитъ лѣса, равнины безпредѣльныя, поднимается на горы, спускается съ нихъ, и все ближе и ближе подходитъ къ цѣли путешествія, къ рынкамъ столицы, гдѣ на весь деревенскій товаръ найдутся покупатели.

Путешествіе кончается; покрайней мѣрѣ первая его половина; начинается коммерческая сторона дѣла...

Еще за нѣсколько верстъ до столичныхъ заставъ—встрѣчаютъ такой обозъ кулаки-скупщики и соблазняютъ крестьянъ продать весь товаръ гуртомъ, представляя имъ всѣ выгоды этой сдѣлки, избавляющій ихъ отъ всякихъ хлопотъ и заботъ по розничной продажѣ... Обозчикамъ говорятъ, между прочимъ, о разныхъ городскихъ бѣдахъ, конечно небывалыхъ и несуществующихъ на дѣлѣ, о пониженіи цѣнъ, тоже вымышленномъ, — предлагаютъ деньги прямо изъ рукъ въ руки, и къ концу всего убѣждаютъ наивныхъ степняковъ заключить наконецъ сдѣлку, несравненно менѣе выгодную для нихъ, чѣмъ если бы они сами продавали свой товаръ изъ первыхъ рукъ, прямо потребителямъ.

Получивъ деньги и порожнемъ въѣхавъ въ городъ, пріѣзжіе

Библиотека "Руниверс"

гуляютъ дня два по городу, что нужно покупаютъ—и продавъ ненужные сани, оставляя только то количество, которое нужно имъ самимъ, партіями пускаются въ обратный путь, совершая его несравненно скорѣе чѣмъ первый...

Вотъ, одинъ изъ такихъ-то обозовъ и изображенъ на нашемъ рисункѣ. Вереница нагруженныхъ саней, перебравшись черезъ небольшой мостикъ, загибаетъ за лѣсокъ—и на самомъ поворотѣ дороги у кабачка на минутку только задерживается, пока хозяева выпьютъ холоду по стаканчику.

Съ каждымъ годомъ все короче и короче становятся эти—въ бѣлыя времена положительно безконечные — обозы. Страшный конкурентъ локомотивъ, пыхтя и гремя желѣзными колесами, — летитъ по рельсамъ тамъ, гдѣ недавно еще тянулась простая проселочная дорога. Не подъ силу спорить крестьянскимъ конямъ съ этимъ желѣзнымъ чудищемъ—и съ завистью, часто съ озлобленіемъ, косится мужикъ обозникъ на бѣлую полосу пара, разстилающагося надъ темнымъ лѣсомъ, надъ зелеными порослями молодаго сосняка...

Одно дѣло отбито отъ рукъ, къ другому еще онѣ не привыкли и не знаютъ. Не сознавая будущей пользы, ощущается настоящій вредъ. Это одна изъ причинъ, почему крестьяне вообще не дружески относятся къ изобрѣтеніямъ Уатта и Фультона и къ ихъ практическимъ примѣненіямъ къ дѣлу.

Н. Каравинъ.

Изъ Версали

(Собственныя корреспонденціи „Нивы“).

Версаль. 1874 года, 16 (28) февраля.

Считая излишнимъ утомлять далѣе вниманіе русскихъ читателей преніями о французскихъ налогахъ,—перехожу прямо къ вопросу о выдачѣ г-на Мельвиль Блонкура суду, за участіе въ коммунѣ. Вотировка только что окончилась, и вотъ результатъ: число вотировавшихъ 617, за выдачу суду 552, противъ выдачи 65; но г. Мельвиль Блонкуръ находится впрочемъ давно въ Женевѣ. Вопросъ о томъ справедливо-ли преслѣдовать г. Блонкура или нѣтъ—не можетъ быть рѣшенъ результатомъ вотировки, такъ какъ настоящее большинство образовалось вслѣдствіе разныхъ политическихъ комбинацій. Достаточно указать на то, что за выдачу его вотировали многія изъ его политическихъ друзей. Лѣвая и крайняя лѣвая предпочли пожертвовать *однимъ депутатомъ, однимъ голосомъ* въ виду завтрашнихъ выборовъ, чѣмъ пугать общественное мнѣніе парламенской борьбой, защищая человѣка хотя и невиннаго, но все таки прикосновеннаго къ коммунѣ. Завтра, 1-го марта будутъ выборы въ департаментахъ Воклюзы и Віенны. Кандидатомъ въ первому—г. Ледрю Ролленъ; во второмъ—г. Лепетн. Оба республиканцы. Г. Петн нашелъ поддержку въ Тьерѣ, который напечаталъ по этому поводу письмо въ газетѣ *Bien public*. Въ этомъ письмѣ знаменитый старикъ является вполнѣ республиканцемъ и говоритъ предъ лицомъ всей Европы, что спасеніе Франціи,—въ республиканской формѣ правленія. Министерство, которое вмѣстѣ съ г. Броемъ, чуть не погибло вчера въ патокѣ и сахарѣ, надѣется побѣдить Ледрю Роллена и сохраняетъ торжествующій видъ.

Версаль 1874 г. 19 февраля (3 марта.

Ледрю Ролленъ и Лепети избраны въ своихъ департаментахъ, но незначительнымъ большинствомъ голосовъ. Тѣмъ не менѣе побѣда за республиканцами.

Въ своей прокламаціи передъ выборами Ледрю Ролленъ объявилъ чистосердечно, что онъ будетъ стоять за всѣ республиканскія учрежденія и что будетъ бороться всѣми силами съ противниками «всеобщей подачи голосовъ» (suffrage universel).

Въ политическую программу г. Ледрю входитъ также «обязательное образованіе», противъ котораго возставалъ въ прошломъ году монсиньоръ Дюпанлу. Съ высоты французской трибуны гг. Белькастель, де Кердрель, епископъ Дюпанлу и другіе ораторы правой, говорили не стѣсняясь, что обязывать родителей посылать дѣтей въ школу и наказывать ихъ за сопротивленіе—просто деспотизмъ (!). Ледрю Ролленъ объявилъ также своимъ избирателямъ, что онъ будетъ стоять за свободу прессы и что цензурныя стѣсненія встрѣтятъ въ немъ энергичнаго противника.

Версаль. 1874 года 20 февраля (4 марта).

Г. Лепети избранный въ департаментѣ Віенны принадлежитъ, какъ я уже сказалъ, къ умѣренной республиканской партіи. Политическіе дѣятели правой и крайней правой сильно разсчитывали на то, что рекомендація Тьера повредитъ избранію этого депутата. Главная забота гг. монархистовъ и членовъ правительства состоитъ въ томъ чтобы дискредитировать Тьера въ общественномъ мнѣніи елико возможно. Между тѣмъ, вокругъ бывшаго президента группируются всѣ люди порядка, дошедшіе до убѣжденія, что республика — единственная форма правленія, пригодная отнынѣ для Франціи. Конституціонные законы вырабатываются не спѣша комиссіею 30-ти. Она не только не спѣшитъ, но просто медлитъ, такъ какъ вовсе не желаетъ создавать республиканскія учрежденія. Организація исполнительной власти составляетъ только часть конституціи; увеличить эту властьновыми правами значитъ только создать диктатуру—и ничего болѣе. Всякое увеличеніе власти хотя бы въ предѣлахъ Сенатенота (Семилѣтія), безъ соотвѣтственнаго расширенія прерогативъ народнаго представительства, т. е. Національнаго собранія, и также безъ увеличенія свободы печатнаго слова, — создаетъ только *временной порядокъ*, *) возможный только при существованіи осаднаго положенія. Комиссія 30 уже разработала проектъ о расширеніи правъ исполнительной власти, и не коснулась еще вопроса о второй камерѣ или о расширеніи народнаго представительства въ формѣ одного собранія *). Ясно, что законодатели и не думаютъ организовать республику, а только создать семилѣтнюю диктатуру вооруженную закономъ о мэрахъ, новымъ избирательнымъ закономъ и осаднымъ положеніемъ, въ которомъ находится половина Франціи. Вотъ, въ нѣсколькихъ словахъ, состояніе законодательныхъ работъ комиссіи 30-ти. Избирательный законъ также разработанъ комиссіей; благодаря условіямъ 25 лѣтняго возраста и 3-хъ лѣтъ мѣстожительства, масса избирателей уменьшилась приблизительно на 3 милліона 700 тысячъ. Пренія объ этомъ законѣ отложены до мая. Остальное время до каникулъ, т. е. до 52 марта, собраніе займется новыми налогами, о которыхъ я уже писалъ довольно подробно. Экономическіе дебаты собранія будутъ прерваны только разъ, дней черезъ 8 или 10, интерпелляціей Шалемель-Лякура и Гамбетты, содержаніе которой я уже изложилъ въ одной изъ моихъ кореспонденцій. Г. д'Омаль оставитъ, говорятъ, на нѣсколько дней свою дѣятельность по части реорганизаціи безансонской дивизіи и явится въ парламентъ побѣждать радикаловъ купно съ г. Броемъ, Бель-Кастелемъ, Деказомъ и не безпристрастнымъ г. Бюффе. Здѣсь—побѣда останется за ними; въ собраніи эти господа окончательно побѣждены послѣдними выборами и популярностью Тьера.

Н. Чашниковъ.

*) Etat provisoire.

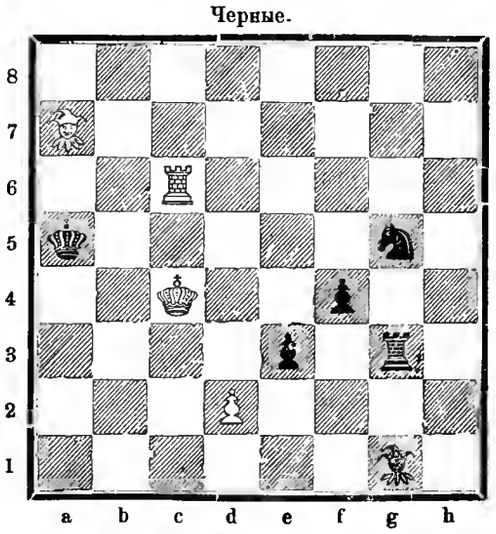
*) Assemblée unique.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 3.

В. Кл — ва.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи будетъ въ слѣдующемъ № „Нивы“.

РѢШЕНІЕ ЗАДАЧИ № 2-й.

(См. № 12 „Нивы“).

Бѣлые.	Черные.
1) e 2 — e 4 +	1) f 5 — g 5
2) h 2 — h 4 +	2) g 5 — h 5
3) e 8 — h 8 M	

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно отмѣнить существующую нынѣ въ Закавказскомъ Краѣ откупную систему взиманія дохода съ соли и ввести взамѣнъ ея акцизную систему.

— Высочайше повелѣно: взиманіе установленной ст. 776—789 и 794—796 Уст. о податяхъ (Св. Зак. т. V, изд. 1857 г.) подати съ вемель, розданныхъ для заселенія и скотоводства, отмѣнить съ 1874 года, сложивъ вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣ числящіяся по сей подати недоимки.

— Высочайше повелѣно освободить земства отъ расхода въ 7.308 р. 48 коп. на содержаніе гимназій и уѣздныхъ училищъ.

— Циркуляромъ Министра Народнаго Просвѣщенія предписано, чтобы съ будущаго 1874—1875 учебнаго г. ношеніе учащимися въ гимназіяхъ и реальныхъ училищахъ классныхъ принадлежностей въ ранцахъ было сдѣлано для нихъ обязательнымъ.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Въ Ставрополѣ, въ декабрѣ прошедшаго года, основано «Андреевское Братство», имѣющее, какъ сообщаетъ газета «Кавказъ», въ виду содѣйствовать успѣхамъ православной вѣры въ предѣлахъ Кавказской епархіи.

— Въ Минскѣ, 2-го минувшаго февраля, совершенно освященіе православнаго Преображенско-Варваринскаго храма, устроеннаго изъ римско-католическаго костела. При храмѣ этомъ открытъ первоклассный женскій монастырь, который будетъ преслѣдовать и благотворительныя цѣли. На 10.000 руб., отпущенныхъ Св. Синодомъ, пріобрѣтенъ смежный съ монастыремъ каменный домъ, въ которомъ предполагается открыть пріютъ для сиротъ, больницу и дать помѣщеніе для сестеръ милосердія.

— Въ Калугѣ, 3-го февраля, освящена домовая церковь въ мѣстномъ земскомъ инвалидномъ и богадѣльномъ домѣ. Иконостасъ вновь устроенной церкви дубовый рѣзной, въ древне-русскомъ стилѣ, выполненъ по художественнымъ рисункамъ инженеръ-архитектора графа де-Рошфора.

— Въ Ревелѣ, 19-го февраля, освящена православная церковь вновь построенная, въ имѣніи Аррокюлѣ, находящемся въ 20 верстахъ отъ Ревеля.

ТОРГОВЛЯ.

— *Березовская пристань* на рѣкѣ Камѣ въ Уфимской губерніи въ теченіе сорокалѣтняго съ небольшимъ періода (съ 1830 по 1874 г.) получила огромное развитіе: изъ числа бывшихъ здѣсь прежде не болѣе десяти амбаровъ устроилось теперь слишкомъ двѣсти. Въ продолженіе навигаціи 1873 года здѣсь грузилось и догружалось до сорока судовъ. Вся стоимость груза составляла сумму въ 1.228.965 рублей.

— Со времени соединенія нашихъ югозападныхъ желѣзныхъ дорогъ съ австрійскими (галиційскими) стала сильно развиваться *торговля лѣсомъ Россіи съ Германіею* чрезъ Галицію. Развитію этой торговли способствуютъ, пишутъ въ газетѣ «Кіевлянинъ», лѣсныя богатства по близости Кіево-Брестской желѣзной дороги. Русскіе торговцы лѣсомъ заявили галиційской желѣзной дорогѣ Карла-Лудвига, что въ первую половину 1874 года они намѣрены отправить по ней лѣса 710.000 пудовъ.

— *Симбирская сборная ярмарка*—до 15-го февраля шла туго, но затѣмъ торговля оживилась, и проданы были въ большомъ количествѣ многіе мануфактурные товары, а также чай и сахаръ и въ особенности бумажныя ткани; ордынской шерсти продано до 60,000 пудовъ. Хлѣбная торговля на ярмаркѣ была очень тиха; покупатели были мѣстные.

— 20-го февраля закрылась *въ Кіевѣ контрактовая ярмарка*. По словамъ газеты «Кіевлянинъ», ни въ одинъ годъ не замѣчалось такого съѣзда торговцевъ изъ Привислянскихъ губерній, какъ въ настоящій.

— *Изъ Ирбити*—корреспондентъ «Пермскихъ Губ. Вѣд.» между прочимъ сообщаетъ отъ 15-го февраля, что торгуютъ хорошо кожевеннымъ товаромъ сарапульцы и кунгуряки. Сибирскихъ товаровъ нынѣ въ привозѣ гораздо болѣе прошлогодняго; товаръ этотъ: рыба свѣжая, соленая и сушеная, медъ, воскъ и орѣхи. Вслѣдствіе большого привоза этихъ продуктовъ, цѣны невысоки.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

—Съ береговъ Азовскаго моря въ «Донскія Областныя Вѣдомости» пишутъ, что ловля рыбы всю зиму была очень хороша; въ особенности много поймано рыбы въ концѣ января и началѣ февраля. Мѣстами уловъ въ Азовскомъ морѣ былъ баснословенъ: такъ, въ одномъ мѣстѣ, именно на южной сторонѣ Азовскаго моря, на Чернявской косѣ, неводомъ было поймано рыбы столько, что *неводъ выгружался восемь дней*, и въ этотъ разъ добыто было рыбы болѣе нежели на *четыре тысячи рублей*. Цѣны на бѣлую рыбу низки: тысячу тарани продаютъ за 3 рубля, сотню сулъ и сазана 1 рубль 90 к., сотню мелкой красной рыбы 2 р. 70 к. Въ настоящее время въ *Азовскомъ морѣ и въ гирлахъ р. Дона уловъ рыбы* чрезвычайно изобиленъ. Такого улова, говорятъ рыбаки, уже давно не бывало. Идетъ преимущественно тарань; красной же рыбы, напротивъ, совершенно нѣтъ. По причинѣ отсутствія красной рыбы, *свѣжая икра* высоко поднялась въ цѣнѣ; на *Кривой-Косѣ*, на мѣстѣ ловли, она продается по *три* рубля за фунтъ. Между тѣмъ, въ Ростовѣ можно купить ее дешевле—по 2 р. 50 коп. Такое странное пониженіе цѣны объясняется въ «Донскихъ Областн. Вѣдомостяхъ» просто—фабрикаціею икры: изъ старой паюсной и жидкости, образующейся послѣ перевозки свѣжей икры, обыкновенно негодной къ употребленію,—ростовцы мастерятъ икорную массу; ею наполняютъ банки разной величины, прикрывая сверху небольшимъ лишь слоемъ настоящей *зернистой* свѣжей икры.

— Въ 1873 году *на частныхъ золотыхъ промыслахъ Восточной Сибири добыто золота* 1.341 п. 17 ф. 19 з. 42½ д.; число рабочихъ на промыслахъ простиралось до 26.266 чел. Въ 1872 году золота было добыто 1.543 п. 3 ф. 37 з. 50 д. при 30.622 рабочихъ.

— На земляхъ Тупадло, находящихся въ *Плоцкой* губерніи, въ Липновскомъ уѣздѣ, *открыты залежи торфа*, расположеннаго на пространствѣ 200 морговъ, на глубинѣ 15 футовъ, по среднему сѣченію. Одна эта мѣстность можетъ доставить, по словамъ «Варшавскаго Дневника», около милліона кубическихъ саженъ топлива, драгоцѣннаго во всѣхъ отношеніяхъ, такъ какъ находящійся здѣсь торфъ—чисто-растительнаго происхожденія, и причисляется по качеству къ лучшимъ сортамъ.

АРХЕОЛОГІЯ.

Въ газетѣ «Кіевлянинъ» пишутъ, что въ августѣ настоящаго года откроется въ Кіевѣ *съѣздъ археологовъ*—третій по порядку: первый былъ Петербургѣ, второй въ Москвѣ. Предсѣдательство въ предварительномъ Комитетѣ будетъ принадлежать извѣстному археологу графу А. С. Уварову. При съѣздѣ предполагается устроить археологическую выставку русскихъ и славянскихъ памятниковъ для сравнительнаго ихъ изученія.

— Недавно въ *Донской областной статистическій Комитетъ* доставленъ *мѣдный топорикъ, вырытый въ одномъ изъ кургановъ Міусскаго округа*, Сарматской волости. Топорикъ этотъ вылитъ изъ *красной мѣди*, вѣсомъ почти въ два фунта, и принадлежитъ какъ объясняется въ мѣстныхъ областныхъ вѣдомостяхъ, къ той эпохѣ, когда желѣзо не было еще извѣстно, т. е. къ *мѣдному періоду*.

СПОРТЪ

— Въ Калишской губерніи, по словамъ «Варшавскаго Дневника», *сбереженіе дичи* обращаетъ на себя вниманіе здѣшнихъ земледѣльцевъ, особенно же тѣхъ, у кого обширные лѣса. Независимо отъ недавно устроеннаго въ одномъ изъ имѣній Велюнскаго уѣзда звѣринца, въ настоящее время такой же устраивается въ Ченстоховскомъ уѣздѣ, въ имѣніи Клобуцкомъ. Это большое имѣніе три года принадлежитъ графу Генглю-фонъ-Доннерсмарку, который изъ обширныхъ своихъ лѣсовъ отдѣлилъ 2.000 морговъ для звѣринца и старается о разведеніи тамъ большихъ животныхъ. Кромѣ лисицъ и козъ, въ этотъ звѣринецъ впущено 60 паръ оленей и 18 кабановъ, пойманныхъ въ окрестностяхъ. Звѣринецъ находится близь фольварка Ренчище, на дорогѣ изъ Ченстохова въ Панки, и имѣетъ 18 верстъ въ окружности. Съ одной стороны звѣринца проходитъ дорога; двѣ стороны ограждены заборомъ въ 5 локтей высоты, а съ четвертой стороны, граничащей съ остальной частью лѣса, устроена земляная насыпь, на которую животныя могутъ могутъ взбираться, но не могутъ выйдти изъ звѣринца.

— Въ области Войска Донскаго, въ Хоперскомъ округѣ, расположена станица Бурацкая. Мѣстность кругомъ этой станицы покрыта сплошнымъ лѣсомъ, болотами и весьма крутыми и лѣсистыми буераками. Въ этихъ-то буеракахъ издавна плодятся волки. Такъ какъ лѣсистая неровная мѣстность, гдѣ обитаютъ звѣри, не всегда представляетъ удобства охотиться верхомъ, то и охотятся бурацкіе казаки болѣе пѣше съ ружьями, загоняя звѣрей въ тенета. Вырученныя отъ шкуръ деньги, за отчисленіемъ нужной части на ремонтъ охотничьихъ снарядовъ, раздѣляются между всѣми участвующими въ охотѣ. Это истребленіе волковъ бурацкими охотниками очевидно приноситъ пользу жителямъ окольныхъ станицъ и хуторовъ, обезпечивая значительно домашнихъ животныхъ отъ нападенія хищныхъ звѣрей.

СОДЕРЖАНІЕ: Литературные близнецы, Эркманъ-Шатріанъ (съ двумя портретами).—Барышня и барыня (записки доктора) **В. Клюшникова** (продолженіе). Уланкъ (стихотвореніе) **В. Немировича-Данченки**. — Св. Кириллъ и Меѳодій, просвѣтители славянъ (съ двумя рисунками). -Международное II. Н. **Петрова** (продолженіе. — Приключеніе на охотѣ (съ рисункомъ). — Зимній Пейзажъ съ обозамъ **Н. Карзина** (съ рисункомъ). - Изъ Версали (собственныя корреспонденціи „Нивы") **Н. Чашникова**.—Разныя извѣстія.

Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

БИБЛІОТЕКА МОИХЪ СТАРШИХЪ ДѢТЕЙ.

Продается **Томикъ-образчикъ** «Библіотеки моихъ старшихъ дѣтей» (300 страницъ текста и 24 рисунка, въ роскошномъ, тисненномъ золотомъ, каленкоровомъ переплетѣ) новаго повременнаго изданія съ будущаго 1 января 1875 года. Цѣна томику 2 р. безъ пересылки, съ пересылкою 2 р. 40 к. Программа изданія отпечатана въ томикѣ. Главный складъ въ конторѣ редакціи «Всемірной Иллюстраціи» и «Моднаго свѣта». Сиб. Большая Садовая, д. Коровина. Подписка съ осени.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Дозволено цензурою. 22 марта 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 14 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 1-го апрѣля 1874 года. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" НА 1874 ГОДЪ.

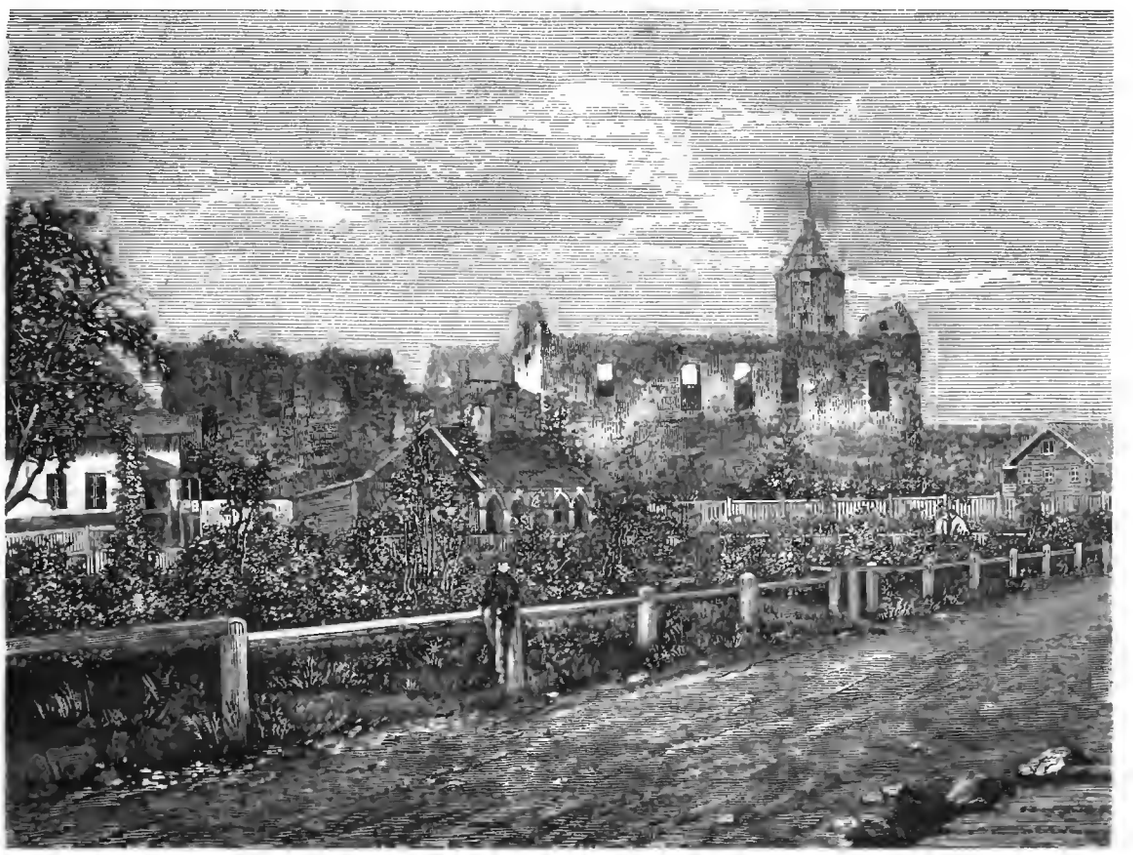
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1874 ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" и преміи за 1874 годъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**



Развалины Гапсальскаго замка. Съ фотографіи рис. И. Космаковъ, грав. К. Вейерманъ.

Библиотека "Руниверс"

Развалины гапсальскаго замка.

Эстляндской губерніи въ г. Гапсалѣ, извѣстномъ издавна морскими купаньями и цѣлебными грязями, замѣчательны руины Гапсальскаго замка, устроеннаго въ видѣ крѣпости; большая часть ея составляла костелъ и монастырскія кельи, отъ которыхъ въ настоящее время уцѣлѣли однѣ только стѣны, выложенныя изъ бута, и колокольня въ видѣ громадной башни, на которую, съ помощію живущаго въ замкѣ сторожа, въ лѣтнее время пріѣзжіе въ Гапсаль, не безъ труда, по разрушившимся ступенькамъ, взбираются на самый верхъ, откуда и любуются великолѣпнымъ видомъ гапсальскихъ окрестностей и чуднымъ Балтійскимъ моремъ.

Замокъ Гапсаль построенъ въ 1228 году вторымъ гроссмейстеромъ Тевтонскаго ордена фонъ-Винтерштетомъ, — затѣмъ втеченіи 50-ти лѣтъ близь замка уже было построено множество домиковъ и хижинъ, жители которыхъ преимущество занимались мореходствомъ, торговлей съ другими городами и рыбнымъ промысломъ, и уже въ 1279 году селеніе это получило названіе города Гапсаля, именовавшагося прежде Ганизелли, и управлялось обществомъ епископовъ. Епископы выдавали всѣмъ селившимся грамоты съ условіемъ защищаться отъ нападеній непріятелей, предоставляя за то права пользованія рыбными ловлями, лугами, выгонами и прочей недвижимостью. Судебныя дѣла рѣшались выборными судьями по рижскому праву. Епископъ утверждалъ избраніе судей, ихъ удаленіе отъ должности и разсматривалъ дѣла, по апелляціи. Онъ имѣлъ право чеканить монету и пользоваться половиной штрафныхъ денегъ, изъ которыхъ другая половина шла въ доходъ города.

15 лѣтъ спустя, т. е. въ 1294 году епископъ Іаковъ далъ городу уложенія гражданскія, уголовныя и полицейскія на простонародномъ нѣмецкомъ языкѣ. Они были взяты, по большей части изъ рижскаго права съ нѣкоторыми измѣненіями и состояли, изъ 67 статей. Изъ этого уложенія видно, что рабы считались наравнѣ съ домашнымъ скотомъ; дѣлатели фальшивой монеты, превышающей цѣнность марки, должны были живыми быть изжарены на желѣзныхъ плитахъ, имѣвшихъ видъ сковороды.

Дальнѣйшее развитіе Гапсаля на нѣсколько лѣтъ было пріостановлено смутами и разорительной войной съ прибалтійскими областями; такъ напр., ссора архіепископа съ орденомъ рыцарей была причиной жестокой междоусобной войны, и замокъ нѣсколько разъ подвергался осадѣ. Въ 1343 году пало десять тысячъ эстонцевъ подъ стѣнами Ревеля, пораженныхъ рыцарями подъ предводительствомъ гермейстера Вирхарда фонъ Дрейлёвена.

Каноники, члены духовнаго капитула, начали мало по малу оставлять свою тихую жизнь въ кельяхъ, пріобрѣтать помѣстья въ окрестностяхъ Гапсаля, позволять себѣ болѣе и болѣе свободы, предоставивъ богослуженіе своимъ викаріямъ. Ссоры между епископами были безпрерывны, слѣдствіемъ одной изъ нихъ была таинственная и ужасная смерть епископа Гейнриха въ 1381 году. Канониковъ обвиняли въ его смерти, и по этому случаю капитулъ писалъ папѣ, оправдывался въ этомъ обвиненіи, приписывая вину самому Гейнриху, который по ихъ словамъ былъ крайне со всѣми жестокъ и отъ старости лѣтъ впалъ въ слабоуміе, распродавалъ церковное имущество, отмѣнялъ ихъ права и привилегіи. Кромѣ того они обвиняли его въ отступничествѣ отъ папства. Папа Урбанъ II поручилъ рижскому архіепископу разобрать это дѣло, увѣдомляя, что, насколько ему извѣстно, покойный епископъ былъ задушенъ каноникомъ Болке съ сообщниками. Это несчастное обстоятельство имѣло для Гапсаля самыя печальныя послѣдствія, и произвело множество разнаго рода смутъ чрезъ вмѣшательство постороннихъ лицъ. Наконецъ волненія утихли и новый епископъ Гейнрихъ фонъ Книпенроде въ 1391 г. далъ новыя привилегіи городу Гапсалю и усовершенствовалъ прежнія. Между духовными владѣльцами Гапсаля заслуживаетъ вниманіе епископъ Іоаннъ Кинель, такъ онъ въ 1524 г. открылъ свободное преподаваніе евангельскаго ученія, чрезъ что реформація была введена безъ малѣйшаго сопротивленія.

Всѣ духовные были переименованы въ свѣтскихъ землевладѣльцевъ, и религіозное преобразованіе начало дѣлать быстрые успѣхи; большая часть каноников присоединилась къ новому ученію, и напрасно старался въ 1530 г. Рейнгольдъ Буксгевденъ возвратить жителей къ римской церкви,—онъ былъ низложенъ по желанію рыцарей и канониковъ, а на мѣсто его избранъ усердный ревнитель реформаціи. Послѣднимъ духовнымъ владѣтелемъ Гапсаля былъ Мангусъ фонъ Шлезвигъ-Гольштейнъ. Въ 1560 г. онъ оставилъ Гапсаль, угрожаемый тогда русскими и осажденный Эстонцами. Архивъ и вся церковная собственность были перевезены на островъ Эзель, откуда болѣе не возвращались.

Страшась попасть въ руки царя Іоанна Васильевича, Эстонія отдалась во власть Швеціи. Это было въ 1561 г., и съ этихъ поръ начинается шведское владычество. Викъ всегда былъ отдѣленъ отъ Эстоніи и соединенъ съ Эзелемъ и Ливоніей, и жители его сопротивлялись съ отчаяннымъ мужествомъ.

Въ 1563 г. шведскій полководецъ, Аке Бенгсомъ, осадилъ замокъ, и чрезъ одинадцать дней принудилъ осажденныхъ сдаться. Шведы ограбили церковь, увезли все церковное имущество, а изъ колоколовъ вынли шесть большихъ и нѣсколько маленькихъ пушекъ, изъ которыхъ стрѣляли во время осады другихъ городовъ Эстоніи.

Первый бургомистръ Гапсаля, котораго имя дошло до насъ, былъ Альбертъ Ледебу, умершій въ 1569 г., какъ видно изъ надписи на надгробномъ камнѣ, лежавшемъ въ городской церкви, передъ алтаремъ и который еще можно было видѣть въ 1828 г.

Въ шведскомъ войскѣ было много такъ-называемыхъ лифляндскихъ дворянъ, которые требовали уплаты удержаннаго жалованья. Чтобы удовлетворить ихъ требованія, шведскій полководецъ Авезонъ отдалъ имъ въ залогъ замокъ Гапсаль съ нѣкоторыми другими замками, съ условіемъ, что этотъ залогъ обратится въ ихъ собственность, если на слѣдующій годъ, до Иванова дня, не будетъ уплачено слѣдуемое жалованье. Имъ также предоставлялось право передать городъ другимъ христіанскимъ владѣтелямъ, исключая русскихъ царей и герцога Магнуса. Нѣкоторые изъ дворянъ вошли измѣннически въ переговоры съ Клаусомъ фонъ Унгернъ, датскимъ намѣстникомъ на островѣ Эзелѣ, отказались подъ различными предлогами отъ жалованья, и передали Гапсаль 25 января 1575 г. датскому намѣстнику, который вступилъ во владѣніе имѣніемъ короля датскаго. Дворяне получили за свою измѣну 80,000 золотыхъ гульденовъ, которыми Данія слишкомъ дорого купила свое кратковременное владычество. Въ 1576 г. русскіе, въ числѣ 6,000 чел., явились у воротъ Гапсаля, и лифляндскіе дворяне повторили свою измѣну, передавъ городъ во власть пришельцевъ, подъ тѣмъ предлогомъ, что при покупкѣ датчане не вполнѣ сдержали свои обѣщанія.

Русскіе заняли всѣ отданные имъ замки и готовились войти въ Гапсаль, гдѣ искали убѣжища многія знатныя особы изъ дворянства и гражданства. Несмотря на малое число осаждающихъ, всѣ осажденные спѣшили оставить замокъ безъ выстрѣла, въ невыразимомъ смятеніи, стоившемъ жизни многимъ.

Клаусъ Унгеръ, который также легко потерялъ Гапсель, какъ и пріобрѣлъ его, пылалъ мщеніемъ. Въ апрѣлѣ того же года ворвался онъ въ городъ, и разграбилъ его, чему не могли воспрепятствовать русскіе, по причинѣ своей малочисленности. Въ 1577 г. возстали противъ русскихъ толпы поселянъ подъ предводительствомъ извѣстнаго Ино Шенкенберга, и получили сильное подкрѣпленіе отъ шведскаго губернатора, снабдившаго ихъ оружіемъ и всѣмъ необходимымъ. Русскіе отважно отбивали всѣ эти нападенія впродолженіи 6 лѣтъ, до 1581 г., когда шведы явились передъ городомъ подъ предводительствомъ генерала Горна. Послѣ сильнаго сопротивленія замокъ Гапсаль достался снова шведамъ въ 1581 г., и оставался въ ихъ владѣніи 129 лѣтъ.

Съ завоеваніемъ Гапсаля, Шведы сдѣлались владѣтелями всего Вика, и ужасное время кровавыхъ войнъ, пожаровъ, грабежей, убійствъ, миновало наконецъ.

Шведское правительство позаботилось возстановить городъ изъ пепла и развалинъ. Король Іоаннъ III прислалъ бургомистру рескриптъ, которымъ обѣщалъ помочь возстановленію церкви и школы, позаботиться о необходимомъ учрежденіи правильнаго богослуженія, и содержать пастора, каппелана, школьнаго учителя и 12 бѣдныхъ въ богадѣльнѣ. Король предоставлялъ церкви всѣ ея прежнія преимущества, и далъ городу подтвержденіе всѣхъ его привилегій. Мѣста, опустошенныя пожарами, велѣно было застроить какъ можно скорѣе; если, за отсутствіемъ или за недостаточностью средствъ владѣльцевъ, мѣста оставались незастроенными впродолженіи цѣлаго года, то поступали въ казну.

Въ началѣ шведскаго владычества только одинъ пасторъ евангелическаго исповѣданія находился въ Гапсалѣ; по повелѣнію короля къ нему былъ присоединенъ второй, и съ тѣхъ поръ это повелѣніе было всегда исполняемо.

Всѣ короли шведскіе утверждали права и вольности Гапсаля, и долго еще сохранялся манифестъ объ этомъ предметѣ, данный королемъ шведскимъ и польскимъ Сигизмундомъ. Между прочими статьями король позволялъ туземцамъ мореплаваніе и торговлю преимущественно со шведами; но это позволеніе возбудило ссору съ ревельцами, которые, защищая права ганзейскаго союза, хотѣли запретить жителямъ Гапсаля свободу мореплаванія и торговли.

Уроженцы Гапсаля обратились съ своей просьбой къ герцогу Карлу, правителю Швеціи въ отсутствіи короля, представляя, что городъ имѣлъ уже право мореплаванія, когда еще Ревель не былъ основанъ. Правитель отвѣчалъ отказомъ на просьбу; тогда онѣ, видя опасность, угрожавшую городу, обратились къ самому королю Сигизмунду, который приказалъ сдѣлать изслѣдованіе о ихъ правахъ. Что оказалось по изслѣдованію — неизвѣстно, но Гапсаль продолжалъ посылать свои суда въ море и процвѣтать болѣе и болѣе. Городъ получилъ гербъ, изображающій половину якоря, для означенія, что онъ былъ обязанъ своимъ благосостояніемъ мореплаванію.

Губительная язва, которая опустошала Ливонію въ первомъ году семнадцатаго столѣтія, не пощадила и Гапсаль. Страшный голодъ, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра, ей предшествовалъ. 15-го августа 1601 г. настали такіе морозы, что уничтожили всѣ лѣтніе посѣвы, испортили озими, и даже въ садахъ уничтожили

Библиотека "Руниверс"

всѣ плоды. Бочка ржи, стоившая обыкновенно не болѣе одной марки, поднялась до 30 марокъ, потомъ и той нельзя было достать. Не только цѣлыя семейства, цѣлыя деревни, цѣлыя волости погибали. Бѣдствіе было такъ велико, что даже достаточные люди не могли избѣгнуть голодной смерти, жизненныхъ припасовъ нельзя было найти ни за какія деньги. Хлѣбъ пекли изъ ясени и молодыхъ сосенъ, изъ разныхъ кореньевъ, изъ водяныхъ лилій, соломы и клевера. Потомъ стали ѣсть животныхъ, не употребляемыхъ въ пищу, кошекъ, собакъ и проч. Но это было только начало бѣдствій. Отчаяніе и изступленіе овладѣли несчастной страной, всѣ узы родства и дружбы были разорваны, страшное могущество голода заглушило всѣ чувства, мучило людей, доводило до безумія, и принуждало доходить до звѣрства, превосходившаго всякое вѣроятіе.

Жертвы голода были такъ многочисленны, что нельзя было и думать о погребеніи. Тутъ наступили ужасы, возмущающіе душу, разсказъ о которыхъ приводитъ въ содроганье. Лѣтописецъ приписываетъ это ужасное бѣдствіе презрѣнію слова Божія, отсутствію любви между людьми, преданности къ колдовству, жестокосердію и другимъ порокамъ людскимъ.

Къ голоду присоединился обыкновенный спутникъ его — моръ. Путешественники находили цѣлыя деревни опустѣлыми, число умершихъ невозможно было исчислить; когда оставшійся въ живыхъ встрѣчалъ слѣдъ ноги человѣческой, то цѣловалъ его съ радостію, воображая, что по близости найдетъ подобнаго себѣ. Церкви, около которыхъ вымерло все народонаселеніе, оставались долго забытыми и открыты только случайно; такъ, церковь Маріи Магдалины была найдена собаками, уже обросшая кругомъ лѣсомъ. Въ народныхъ преданіяхъ до сихъ поръ эта чума олицетворяется то въ видѣ чернаго человѣка, то маленькаго мальчика, поздно ночью подъѣзжающаго въ челнокѣ къ берегу и поражающаго смертью всѣхъ спящихъ; тѣ же, которые не спятъ и успѣютъ сотворить молитву при его приближеніи, остаются въ живыхъ.

Король Каралъ IX, по примѣру своихъ предшественниковъ, подтвердилъ въ 1610 г. права и вольности Гапсаля. Этотъ городъ находился въ милости у шведскаго правительства, что видно изъ манифеста, которымъ королева Христина благосклонно увѣдомила магистратъ о кончинѣ своего супруга.

Король Густавъ-Адольфъ тоже оказывалъ свое покровительство городу, и увеличилъ своими дарами церковное имущество.

11-го мая 1628 г. король Густавъ-Адольфъ продалъ замокъ, городъ и ленныя владѣнія Гапсаля, главнокомандующему, члену государственнаго совѣта и губернатору Эстоніи графу Іакову-де-ла-Гарди, за сумму 66,830 рейхсталеровъ. Контрактъ продажи былъ заключенъ на кораблѣ «Меркуріѣ.»

Новый владѣлецъ имѣлъ, можетъ быть, самыя лучшія намѣренія, но его управленіе не принесло счастья городу, уменьшивъ и измѣнивъ его права и привилегіи. На жалобу жителей графъ отвѣчалъ рѣшеніемъ, гдѣ, между разными стѣснительными мѣрами, запрещалось мореплаваніе, пока городъ не докажетъ достаточно свои права. Во время господства графа де-ла-Гарди Гапсаль былъ управляемъ сначала бургомистромъ, потомъ намѣстникъ графа Генрихъ фонъ Кнорингъ учредилъ городское управленіе, состоявшее изъ судьи и двухъ членовъ совѣта, его помощниковъ.

Въ 1641 г. графъ де-ла-Гарди предпринялъ черезъ намѣстника своего фундаментальную поправку замка.

Документы того времени представляютъ интересное обозрѣніе тогдашняго состоянія замка, пришедшаго въ совершенную ветхость. Замокъ имѣлъ значительное, по тому времени, число пушекъ, судя по инвентарію.

Хотя королева Христина утвердила привиллегію города, но годъ спустя жители опять должны были представить прошеніе графскимъ коммисарамъ. Они просили о свободѣ мореплаванія, о дозволеніи торговать на островѣ Даго, учредить 2 ярмарки въ Гапсалѣ, уничтожить сосѣднія пристани, усилить магистратъ новыми членами, опредѣлить жалованье судьямъ и нотаріусу, пошлину съ рыбной ловли предоставить совѣту а не замку,—рыбаковъ, жившихъ въ слободѣ *по ту сторону замка*, поставить въ зависимость отъ городскаго правленія,—не давать пропитанія тѣмъ, которые не произнесли еще гражданской присяги, или не были достойны сдѣлаться гражданами,—достаточнымъ дворянамъ города приказать нести повинности наравнѣ съ прочими гражданами, запретить открывать пивоварни по произволу, не позволять шинковъ вблизи города, брать пошлину съ графскихъ чиновниковъ имѣющихъ пивоварни, всѣхъ умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней выносить вонъ изъ города,—висѣлицу, которая безъ воли и вѣдома совѣта была поставлена на мѣстѣ публичнаго гулянья, снять оттуда и поставить на прежнее мѣсто,—споръ о границахъ съ Вейсенфельдомъ кончить дружелюбно, и сдѣлать опредѣленіе о пекарняхъ, пивоварняхъ, винокуренныхъ заводахъ и торговлѣ, чтобы не всякій могъ заниматься этими ремеслами. Къ просьбѣ былъ приложенъ списокъ тѣхъ особъ, которыя, какъ прежде упомянуто, или не произнесли присяги гражданства, или не были того достойны. Уполномоченные графа, желая прекратить безпорядки и привести городъ въ цвѣтущее состояніе, издали рѣшеніе, благопріятное для жителей, въ которомъ, между прочимъ, обѣщано поддерживать прежнія права мореплаванія, дозволена торговля съ островомъ Даго, установлены двѣ ярмарки, и всѣ пустоши застроены на счетъ казны.

Графъ Аксель Юліусъ де-ла-Гарди, управлявшій по довѣренности своего отца, далъ въ 1654 г. новыя привилегіи, позволилъ свободную торговлю только уроженцамъ Гапсаля, и строго запретилъ ее выходцамъ изъ Ревеля, Пернавы, Риги и Аренсбурга.

Городъ началъ быстро процвѣтать. Бургомистровъ не было выбираемо впродолженіи 12 лѣтъ.

Правленіе стараго графа де-ла-Гарди приходило къ концу. Имя его было очень популярно между простымъ народомъ, который прозвалъ графа *«лѣнивый Яковъ»* за медленность его движеній. Въ народныхъ преданіяхъ представляется онъ лицомъ фантастическимъ, продавшимъ душу свою злому духу, который долженъ былъ усердно служить ему. Такъ, однажды графъ велѣлъ нечистому обратить въ воиновъ весь пухъ, вынутый имъ изъ подушекъ. Когда пришло время расплаты и дьяволъ явился за душой его, то графъ просилъ пожить столько, чтобы окончить вполнѣ свой туалетъ. Дьяволъ не могъ не согласиться на такое скромное требованіе и былъ жестоко обманутъ. Де-ла-Гарди во всю остальную жизнь ходилъ полуодѣтый, и наконецъ построеніемъ церкви, въ честь своего патрона св. Іакова въ Стокгольмѣ, совершенно освободился отъ власти духа тьмы.

Іаковъ де-ла-Гарди умеръ въ 1657 г., оставивъ всѣ свои имѣнія сыну своему, канцлеру Магнусу де-ла-Гарди, который управлялъ ими до тѣхъ поръ по довѣренности, данной отцомъ. При немъ началось счастливое для Гапсаля время—и хотя чума опять опустошала городъ въ продолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ, но это уже было послѣднее бѣдствіе жителей.

Графъ обратилъ вниманіе на все, что могло способствовать процвѣтанію города. Главной его заботой были: торговля, судебная и полицейская часть. Онъ приказалъ главному начальнику города не допускать никакихъ ревельскихъ постановленій въ гражданскіе законы Гапсаля, во всѣхъ затрудненіяхъ представлять дѣла на аппеляцію самому графу или верховному совѣту, гражданамъ предоставилъ право выбирать городскаго голову и двухъ старшинъ, и подарилъ магистрату мѣсто на базарѣ для постройки ратуши, давъ на это денегъ и строительныхъ матеріаловъ. Онъ опредѣлилъ съ точностью обязанности судебныхъ мѣстъ, главныхъ начальниковъ, комендантовъ и совѣтниковъ.

Чтобы дать большую силу своимъ постановленіямъ о правосудіи, графъ Магнусъ обратился къ королю Карлу XI и получилъ отъ него новое подтвержденіе привилегій города. Гапсаль съ тѣхъ поръ пересталъ почитаться областнымъ городомъ, и всѣ прежнія постановленія поэтому предмету были уничтожены. Маловажныя дѣла должны были рѣшаться судебнымъ приставомъ, дѣла нѣсколько значительнѣе обращались въ магистратъ, а самыя важныя разсматривались въ верховномъ совѣтѣ.

Уже въ 1664 г. Магнусъ склонилъ ревельскую городскую думу на то, чтобы не настаивать на запрещеніи жителямъ Гапсаля имѣть морскую торговлю и въ постановленіи 20-го октября ясно означено, что ревельская дума *это дѣлаетъ въ угожденіе графскому дому* де-ла-Гарди и изъ желанія заслужить его благосклонность.

Торговля и мореплаваніе приняли изумительные размѣры. Рескриптомъ короля Карла XI учрежденъ портъ въ Гапсалѣ, и портовыя деньги должны были дѣлиться на двѣ части, одна въ пользу города, а другая въ пользу короля. Этой частью могъ пользоваться графъ де-ла-Гарди до дальнѣйшаго распоряженія. Магистратъ просилъ о нѣкоторыхъ улучшеніяхъ, о правѣ рѣшенія гражданскихъ дѣлъ, о взятіи въ пользу города десятой части имущества гражданъ оставляющихъ городъ, о привлеченіи на жительство честныхъ, добрыхъ людей, особенно черезъ устройство мануфактуръ. Тогда въ первый разъ упоминалось о почтахъ, управленіе которыми предоставлялось городскому секретарю или кому другому, по назначенію думы.

Выше было уже сказано о необыкновенно быстромъ распространеніи торговли и мореплаванія. Объ этомъ можно судить не только потому, что образовалось большое купеческое общество торговаго мореплаванія, но и потому, что основалась компанія мануфактуръ.

Магистратъ сдѣлалъ все, что отъ него зависѣло, чтобъ поддержать процвѣтаніе города, возвысивъ тѣмъ свое собственное значеніе. Указомъ магистрата назначены были дни для поданія прошеній, установлено наблюдать чистоту на улицахъ и запрещена пышность въ церковныхъ обрядахъ при крещеніи и погребеніи.

Школа, въ которой результатъ преподаванія былъ до сихъ поръ ничтоженъ, сдѣлала быстрые успѣхи, подъ управленіемъ де-ла-Гарди. Въ ней считалось въ 1686 г. болѣе сорока учениковъ, изъ которыхъ многіе были урожденцы Пернавы, Аренбурга, Ревеля и даже Стокгольма. Оттуда поступали въ высшія учебныя заведенія или прямо на службу.

Въ то самое время, когда Гапсаль стоялъ на высшей точкѣ процвѣтанія, умеръ графъ де-ла-Гарди въ 1686 г. и съ его смертью городъ началъ приходить въ упадокъ, что продолжалось почти 40 лѣтъ, и нарушило благосостояніе его въ самомъ цвѣтѣ. Умершему графу наслѣдовалъ зять его, генералъ-фельдмаршалъ Отто Вильгельмъ графъ фонъ Кенигсмаркъ, который нисколько не заботился о своихъ владѣніяхъ, вступилъ въ службу венеціанской республики, и умеръ въ Негропонтѣ, во время войны съ Турками. Чиновники графскіе начали позволять себѣ своеволія разнаго рода. Дѣятельность магистрата очень уменьшилась, и указы совѣта стали отличаться своей странностью; такъ напримѣръ, велѣно было учредить ночныхъ стражей на страстной недѣлѣ—не для того, чтобы заботиться о безопасности жителей, но

Библиотека "Руниверс"

чтобы охранять ихъ отъ злаго духа, потому что (сказано въ указѣ) передъ святой недѣлей сатана всегда очень дѣятеленъ. Въ мартѣ 1688 г. пожаръ замка уничтожилъ двѣ башни и церковную крышу, колокола, новый прекрасный органъ, и сдѣлалъ все зданіе необитаемымъ, при этомъ многіе дома въ городѣ пострадали. Вскорѣ добровольныя приношенія гражданъ возстановили все уничтоженное пожаромъ. Не смотря на то, что гапсальская область была уступлена графу де-ла-Гарди не въ видѣ залога или подарка, и что онъ имѣлъ на нее законнымъ образомъ утвержденную купчую, Карлъ XI возвратилъ эту область въ свое владѣніе, и велѣлъ привести гражданъ къ присягѣ. Вмѣстѣ съ Гапсалемъ были присоединены къ шведской коронѣ Эзель, Даго, Вормсъ и другіе острова. Позднѣе Петръ I отказался отъ острова Вормса, который былъ присужденъ абатисѣ кедлингбургской Маріи Аврорѣ фонъ Кенигсмаркъ, а Даго былъ отданъ графинѣ Штейнбокъ, урожденной де-ла-Гарди. Въ 1692 г. скончался знаменитый своей ученостью Іоахимъ Селлій, пробстъ и асессоръ консисторіи, бывшій пасторомъ при церкви замка. Онъ погребенъ въ замкѣ въ своемъ наслѣдственномъ склепѣ.

Городъ все еще находился въ состояніи упадка. Въ 1696 г. ему суждено было претерпѣть еще бѣдствіе. Весенный разливъ нанесъ много вреда жителямъ, разрушилъ мельницы, снесъ рыбачьи хижины, при чемъ многіе лишились жизни.

Хотя сѣверная война не имѣла непосредственныхъ отношеній къ Гапсалю, но потери отъ нея происшедшія, и слѣдовавшая за ней чума, довели городъ до крайняго истощенія. Въ іюлѣ 1710 г. былъ онъ взятъ, безъ всякаго сопротивленія, русскими, подъ предводительствомъ генерала Бауера. Тутъ опять явилась чума, отъ которой умерло 300 человѣкъ.

Императоръ Петръ Великій подошелъ съ флотомъ къ Ревелю 8-го іюля 1715, продолжалъ свое плаваніе далѣе и 20-го бросилъ якорь въ Одинсгольмѣ. Тутъ оставилъ онъ эскадру, и на галерахъ съ четырьмя полками явился передъ Гапсалемъ, чтобы осмотрѣть гавань. Галеры остались зимовать въ Либавѣ, чтобъ при началѣ весны отправиться въ Померанію. Самъ онъ вышелъ на берегъ въ Гапсалѣ, и съ тѣхъ поръ мѣсто его высадки называется Kaiserort (императорское мѣсто). Пробывъ въ городѣ нѣсколько часовъ, осмотрѣвъ замокъ и все, что было примѣчательнаго, онъ отправился въ замокъ Линденъ. Посѣщеніемъ императора Гапсаль былъ обязанъ его желанію побывать въ помѣстьѣ Ливденъ, принадлежавшимъ шведскому оберъ-егермейстеру барону Рейнгольду Унгернъ-Штернбергу. Петръ зналъ лично этого почтеннаго человѣка, который много разъ былъ въ Петербургѣ, какъ депутатъ эстонскаго дворянства. Государь не зналъ о смерти Унгера, и вашелъ въ помѣстьѣ только молодую вдову его Софію-Августу, урожденную баронесу Паленъ, съ ея младенцомъ сыномъ Рейнгольдомъ. Не мало была она удивлена прибытіемъ высокаго посѣтителя, который своимъ участіемъ вскорѣ совершенно ее успокоилъ.

(Окончаніе будетъ).

На Страстную недѣлю.

(Съ картиною Корреджіо).

Тамъ гдѣ живописная цѣпь Аппениновъ спускается въ обширную равнину рѣки По, раскрываясь красивыми долинами, между городами Пармою и Реджіо, въ страстную субботу 1629 г. подъ сумерки, статный, дородный мужчина ѣхалъ на большой, сильной лошади, какія въ то время употреблялись для болѣе или менѣе продолжительныхъ путешествій. Судя по одеждѣ, онъ принадлежалъ къ знатному сословію; его прекрасное, тонко очерченное, но блѣдное лицо было мрачно, а на высокомъ, умномъ челѣ залегли морщины; но густые черные волосы и юношеская бодрость осанки скоро вывели бы изъ заблужденія того, кто бы вздумалъ судить о годахъ проѣзжаго по его истомленнымъ, поблекшимъ уже чертамъ. Это былъ человѣкъ въ самой порѣ, лѣтъ сорока, не болѣе; но страсти или заботы преждевременно наложили на его лицо печать начинающагося разрушенія.

Въ ту самую минуту когда онъ ѣхалъ по мосту, переброшенному черезъ широкую рѣчку Энцу, на западѣ догоралъ послѣдній отблескъ дня, по небу и землѣ заиграли прихотливыя краски и тѣни; всадникъ остановилъ свою лошадь, и взоромъ исполненнымъ восторга впился въ это восхитительное зрѣлище. Его грустныя черты просіяли, глаза его засвѣтились—и не удивительно: всадникъ былъ никто иной какъ Антоніо Аллегри, болѣе извѣстный подъ именемъ Корреджіо (собственно имя его роднаго города), первый мастеръ по части эфектовъ свѣта и волшебнаго chiaroscuro (свѣто-тѣни). Онъ ѣхалъ изъ Пармы, гдѣ только-что кончилъ свою громадную работу — восшествіе на небо Божьей матери — въ куполѣ собора, и возвращался къ себѣ въ Корреджо.

Именно это-то великое творевіе и не вознаградило художника за потраченный на него трудъ; смѣлость замысла и мастерство исполненія были поняты немногими. Члены соборнаго капитула позволили себѣ множество пустѣйшихъ придирокъ; онъ разстался съ ними въ ссорѣ и уѣхалъ отъ нихъ, лишь на половину окончивъ работу, глубоко оскорбленный въ своей художнической гордости. Даже народъ, не отличавшійся въ Пармѣ большого любовью къ искусству, а скорѣе нѣсколько скаредною домовитостью, отпускалъ злыя остроты на счетъ фрескъ купола.

Все это дошло до художника и привело его въ крайне раздраженное настроеніе, вслѣдствіи чего онъ весьма рѣзко отвѣчалъ на критическія замѣчанія господъ каноническъ. Когда же въ это самое время у него неожиданно умерла нѣжно любимая жена, онъ на отрѣзъ прервалъ всѣ дальнѣйшіе переговоры и рѣшился, тоскливо стремясь къ тишинѣ и уединенію, впредь жить вдали отъ людей въ своемъ небольшомъ родномъ городѣ. На дорогѣ туда мы и встрѣчаемъ его. Но какъ ни былъ онъ печаленъ и разстроенъ, онъ не могъ равнодушно смотрѣть на роскошный закатъ и невольно залюбовался чудною картиною. Онъ простоялъ посерединѣ моста до тѣхъ поръ, пока солнце совсѣмъ скрылось, и только быстро наступающая темнота заставила его вспомнить о необходимости поискать себѣ ночлега гдѣ нибудь по близости. Онъ пришпорилъ свою усталую лошадь и поѣхалъ крупной рысью.

Между тѣмъ, быстро темнѣло. Но вотъ, по правую руку отъ дороги, выѣхавъ изъ низенькаго лѣсочка, онъ увидѣлъ небольшую церковь съ ярко освѣщенными окнами. Онъ повернулъ туда и, подъѣзжая, услышалъ торжественные звуки органа и пѣніе собравшихся къ вечерней службѣ монаховъ.

Это былъ небольшой монастырь, построенный въ довольно глухомъ мѣстѣ. Очевидно мало посѣщаемая тропинка привела художника къ воротамъ. Онъ слѣзъ съ лошади и постучался. Ему отворилъ монахъ съ сѣдою бородою и радушно привѣтствовалъ его, услышавъ его просьбу о ночлегѣ. Сдавъ лошадь прибѣжавшему прислужнику, монахъ ввелъ гостя въ скромную пріемную, а самъ отправился къ отцу пріору съ докладомъ. Вскорѣ затѣмъ вышелъ пріоръ, тоже почтенный старецъ, весь сѣдой, и дружески предложилъ ему гостепріимство. Другой прислужникъ явился съ чашею стараго вина и тарелкою съ хлѣбомъ и плодами. Пріоръ, радушно пригласивъ путешественника подкрѣпить свои силы, сѣлъ подлѣ него. Правила его монастыря не дозволяли раздѣлить скромный ужинъ пріѣзжаго, но онъ завелъ съ нимъ дружескую бесѣду.

— Кто вы, благородный странникъ? спросилъ старецъ, — что привело васъ къ намъ, и чѣмъ могу я служить вамъ?

— Достопочтенный отецъ, отвѣтилъ художникъ,—не стоитъ говорить вамъ мое имя. Меня называютъ «веселымъ» (Allegri), однако я далеко не веселъ. Я живописецъ. Люди хвалятъ мои картины за то, что въ нихъ все—свѣтъ и жизнь, что онѣ дышатъ счастіемъ. Можетъ быть. Но я не таковъ какъ мои творенія. Въ нихъ я стараюсь уйти отъ себя. Я пишу, чтобы забыться. Кисть моя весела, но душа моя печальна и мрачна.

— Изъ вашихъ словъ, мой благородный гость, я заключаю, что вижу передъ собою славнаго живописца Антоніо де Корреджіо, и радуюсь, что вы почтили своимъ посѣщеніемъ нашу бѣдную обитель.

— Да, я тотъ самый, возразилъ Антоніо; — но какъ я могу что нибудь дать вамъ моимъ присутствіемъ? Ахъ, я скорѣе готовъ у васъ просить и искать того, чего жаждетъ душа моя. Я бѣдный, жалкій человѣкъ!

— Что же можетъ дать вамъ эта убогая обитель—вамъ, прославленному художнику, другу и собесѣднику вѣнценосцевъ и знатныхъ міра его?

— Миръ души — вотъ что мнѣ нужно, достопочтенный отецъ. Да, много выпало на мою долю славы и почестей, внѣшнею свою судьбою я вполнѣ доволенъ; но чего недостаетъ мнѣ, чего не могло дать мнѣ даже мое дивное искусство, это—внутренній, незыблемый сердечный миръ. И именно теперь, когда смерть отняла у меня возлюбленную жену, когда пошлость и грубость низкихъ, тупоумныхъ людей посягаетъ даже на мою тяжкимъ трудомъ стяжанную славу художника, мнѣ вдругъ стало такъ ясно, что я въ сущности бѣденъ и безпомощенъ. Мои улыбающіяся, свѣтомъ облитыя фигуры святыхъ меня самаго не умиляютъ, не проливаютъ мира въ мое сердце. Изъ какого источника вы черпаете ваше свѣтлое спокойствіе, достопочтенный отецъ?

— Другъ мой, тихо отвѣтилъ пріоръ, — я тоже еще не поборолъ свѣта, я еще ношу его въ себѣ, хотя монастырскія стѣны и охраняютъ меня отъ внѣшняго прикосновенія съ нимъ. Но, слава и благодареніе Богу, я знаю и Того, кто поборолъ все мірское—и вы тоже можете Его познать.

— Знаю, о Комъ вы говорите, сказалъ Корреджіо.—Посмотрите, продолжалъ онъ, указывая на привѣшанную къ стѣнѣ на простомъ гвоздѣ весьма плоховатую гравюру на деревѣ, изображающую увѣнчанную терніями голову Спасителя;—посмотрите на это менѣе чѣмъ посредственное произведеніе искусства; оно некрасиво и грубо, а между тѣмъ въ этомъ строгомъ святомъ ликѣ есть нѣчто, чего я не нахожу во всѣхъ моихъ святыхъ и мадоннахъ—нѣчто утѣшающее, возвышающее духъ; при всемъ желаніи, я не въ силахъ вложить въ нихъ это нѣчто! Человѣкъ сдѣлавшій

Библиотека "Руниверс"

Нерукотворенный образъ. (Съ картины Корреджіо). Грав. О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

этотъ рисунокъ—даже не художникъ; но его твореніе смотритъ на меня такъ, какъ будто оно создано сердцемъ: этотъ человѣкъ имѣлъ *вѣру*. Не было надобности подписывать подъ этой головой слова: «Пріидите ко мнѣ, труждающіеся и обремененные»! Ихъ можно прочитать на самомъ лицѣ, при всей неудовлетворительности техническаго исполненія. Я могу облечь мои картины всѣми прелестями рисунка и красокъ, я дѣйствительно — художникъ; но я могу заставить говорить только чувствамъ, не сердцу. Я написалъ Христа на Масличной Горѣ; но какимъ холоднымъ, бездушнымъ припоминается онъ мнѣ, когда я сличаю съ этимъ жалкимъ произведеніемъ, въ которомъ видна *душа!*

— Не хулите великаго дара, который данъ вамъ Богомъ! съ жаромъ перебилъ его пріоръ;—я хорошо васъ знаю; я видѣлъ вашего Христа въ Реджіо и ваше Вознесеніе Христово въ церкви св. Іоанна—и былъ ими глубоко умиленъ. Вы обладаете чуднымъ даромъ, который станетъ еще драгоцѣннѣе, если вы, наставленный печалями и испытаніями, посланными вамъ Господомъ, углубитесь въ самого себя, вникните въ истинную, внутреннюю жизнь. Свѣтъ съ его пышностью и великолѣпіемъ — скоропреходящій, блестящій призракъ; чѣмъ дальше же мы углубляемся въ истины вѣчнаго спасенія, тѣмъ свѣтлѣе и отраднѣе раскрываются онѣ намъ. Самъ Господь указываютъ вамъ путь—ищите же то, что не блекнетъ и не увядаетъ; найти не трудно—стоитъ захотѣть. Поклонитесь кресту, дорогой маэстро, вашимъ сердцемъ и вашимъ искусствомъ. *Ubi crux, ibi lux,* (гдѣ крестъ, тамъ свѣтъ)!

— Ваше слово вѣрно, задумчиво молвилъ Корреджіо,—я чувствую въ немъ успокоеніе. Отъ васъ вѣетъ миромъ. Позвольте мнѣ остаться съ вами нѣсколько дней—я жажду тишины. Дайте мнѣ провести Святую недѣлю въ вашемъ монастырѣ.

— Душевно радъ, дорогой маэстро! отвѣтилъ пріоръ: — вы будете у насъ желанный гость. Господь да благословитъ васъ и исполнитъ своею благодатью это время отрѣшенія отъ свѣта. Мнѣ самому нельзя будетъ много бывать съ вами: праздники для служителей церкви—дни тяжелаго труда; но всѣ свободные часы я буду съ удовольствіемъ проводить съ вами.

Антоніо Аллегри остался гостить въ монастырѣ. Это были тихіе, мирные дни, въ которые онъ насладился благодѣтельнымъ спокойствіемъ, котораго тщетно просила въ мірѣ его страстная, бурная натура. Онъ постоянно посѣщалъ маленькую монастырскую церковь, гдѣ торжественный полусвѣтъ, праздничное богослуженіе, звуки органа и хороваго пѣнія, дѣйствовали на его душу примирительно и цѣлебно. Добрый пріоръ каждый свободный часъ посвящалъ дружеской бесѣдѣ съ своимъ знаменитымъ, душевно полюбившимся ему гостемъ. Художникъ забылъ на время свѣтъ съ его соблазнами, опьяняющими наслажденіями и почестями. Послѣ Святой недѣли, однако, онъ покинулъ мирный пріютъ. Съ благодарностью обнялъ онъ престарѣлаго пріора и подарилъ ему на прощанье картину, написанную имъ въ часы уединенія.

Въ корридорѣ передъ своею кельею онъ нашелъ старую шелковую хоругвь и вырѣзалъ изъ нея кусокъ матеріи, на которомъ онъ написалъ платъ съ изображеніемъ головы Спасителя, увѣнчанной терніями. Это произведеніе отличается всею роскошью колорита, свойственною кисти Корреджіо, но въ то же время строгостью, какихъ мы не встрѣчаемъ ни на одной ихъ всѣхъ прочихъ его картинъ. По удивительному освѣщенію, но прозрачнымъ тѣнямъ узнается работа Корреджіо, но нѣтъ и слѣда того заигрыванія жизни даже со строгостью святыню, которое именно составляетъ его особенность—его собственную, такъ и называемую *Корреджіевской*, манеру.

Добрый пріоръ со слезами на глазахъ отпустилъ дорогаго гостя, котораго онъ полюбилъ какъ роднаго за довѣріе, съ которымъ тотъ обратился къ нему въ трудную минуту душевной борьбы. Онъ сдѣлалъ къ картинѣ раму и помѣстилъ ее въ монастырскую церковь, на память о посѣщеніи великаго художника.

Самъ Корреджіо нѣсколько времени еще оставался вѣренъ рѣшеніямъ, внушеннымъ ему краткою, но мирною, счастливою монастырскою жизнью. Онъ зажилъ тихо и уединенно въ своемъ маленькомъ родномъ городѣ, имя котораго онъ прославилъ. Можетъ быть въ этотъ періодъ создалась его «кающаяся Магдалина», въ прелестныхъ чертахъ которой, правда, замѣтно не столько страданіе сокрушенной раскаяніемъ души, сколько спокойное созерцаніе, мечтательное отдохновеніе, отъ утомительной мірской суеты.

Но свѣтъ не легко выпускаетъ такую добычу. Вдовствующая владѣтельница области Корреджо, высокообразованная Вероника Гамбара, страстная любительница и щедрая поощрительница искусства, съумѣла привязать своего великаго соотечественника къ своему двору и даже—какъ утверждаютъ многіе—къ своей особѣ. Она поддерживала дѣятельныя сношенія съ домомъ Эсте-Гонзага въ Миланѣ, члены котораго тоже славились какъ поклонники и цѣнители искусства; самъ императоръ Карлъ V высоко уважалъ и однажды гостилъ у нея въ Корреджо. Эта-то умная и привлекательная женщина съумѣла снова заманить любимаго художника въ блестящую и свиду счастливую, въ сущности же суетную и пустую свѣтскую жизнь. Ей онъ несомнѣнно былъ обязанъ многочисленными заказами, которые онъ получалъ изъ Мантуи.

Когда Карлъ V въ 1530 г. короновался въ Италіи, сдѣлавшись германскимъ императоромъ, онъ даровалъ своему вѣрному союзнику Фредериго II, владѣтельному князю Мантуи, герцогскій титулъ. Въ благодарности за эту милость, новый герцогъ послалъ Карлу нѣсколько драгоцѣнныхъ картинъ лучшихъ мастеровъ, Корреджіо онъ заказалъ по этому случаю двѣ картины: Леду съ лебедемъ и Данаю. Кромѣ того роскошный дворъ герцога украсился еще нѣсколькими картинами того же художника, на миѳологическіе сюжеты. Несомнѣнно, что въ этихъ картинахъ онъ достигъ высшаго совершенства техники, но признаемъ также и то, что чувственность доведена въ нихъ до такой степени, какая едва ли можетъ быть допускаема въ твореніяхъ искусства.

Замѣчательно, что въ этотъ послѣдній періодъ своей дѣятельности, Корреджіо исключительно вращался въ этой сферѣ чувственной красоты; отъ послѣднихъ годовъ его жизни не осталось ни одной картины серьознаго содержанія. Былъ ли онъ при этомъ счастливъ? Нашелъ ли онъ желанный миръ?...

Когда въ 1534 г. преждевременная смерть вырвала изъ рукъ его кисть, вѣсть объ этомъ событіи, быстро облетая Италію, проникла и въ тихій монастырь на берегу Энцы. Престарѣлый пріоръ не могъ отказать себѣ въ грустномъ утѣшеніи проводить своего бывшаго, незабвеннаго гостя на мѣсто послѣдняго успокоенія и, несмотря на свои лѣта, нарочно поѣхалъ въ Корреджо. При этомъ случаѣ онъ посѣтилъ еще открытую мастерскую, гдѣ послѣднія работы покойнаго еще не были сняты съ мольбертовъ.

Долго, въ глубокой задумчивости простоялъ онъ передъ одною потрясающею картиною, которая теперь находится въ Луврѣ. Она извѣстна подъ заглавіемъ: «*Порочный элементъ во владычествѣ страстей*».

— Бѣдный! вздохнулъ пріоръ: — свѣтъ ему опротивѣлъ, а не выпутался онъ изъ него! Я лучше стану смотрѣть на его голову Христа; когда онъ ту писалъ, у него хоть разъ въ жизни было на сердцѣ спокойно и свѣтло.

Картина осталась въ монастырѣ. Монахи не продали ее за деньги, подобно тому какъ другіе монастыри и города. Но гроза европейской войны начала этого столѣтія не пощадила и этотъ мирный уголокъ. Голова Христа попала въ Миланѣ къ торговцу древностями. Здѣсь ее увидѣлъ прусскій фельдмаршалъ фонъ Кнезебекъ, путешествовавшій по Италіи по заключеніи мира. Онъ купилъ картину и впослѣдствіи подарилъ ее королю Фридриху Вильгельму III, который высоко цѣнилъ ее и причислилъ ее къ своимъ любимымъ картинамъ. Онъ даже помѣстилъ ее въ своей собственной дворцовой церкви. Преемникъ его подарилъ ее берлинской галлереѣ, гдѣ она и нынѣ находится. Оно снята съ шелковой матеріи и переведена на полотно. Съ нея сдѣлана гравюра на деревѣ, которую мы помѣщаемъ въ нашемъ сегодняшнемъ нумерѣ.

Барышня и барыня.

(ЗАПИСКИ ДОКТОРА.)

В. Клюшникова.

(Окончаніе).

IX.

Я тотчасъ далъ знать Лизаветѣ Николаевнѣ о томъ, что Михайло живъ и здравъ обрѣтается у меня; затѣмъ, остатокъ дня мы съ нимъ провели въ переговорахъ, и только подъ вечеръ вернулся я къ нашей барынѣ—впрочемъ далеко не съ радостными вѣстями.

— Какъ, вы одни! Чтожъ это значитъ? гдѣ мой мужъ? Отчего жъ онъ не ѣдетъ домой? закидала она тревожными вопросами, то и дѣло мѣняясь въ лицѣ.

— Погодите, Лизавета Николаевна, дѣло слишкомъ серіозное; позвольте ужъ все по порядку изложить, сказалъ я, садясь и осматриваясь,—вы одни?

— Одна. Сестра на меня разсердилась, за то что я не послушалась ея. Говоритъ: рано или поздно придется же мнѣ переселяться къ ней, — съ тѣмъ и уѣхала.

Библиотека "Руниверс"

— Ну и прекрасно. Позвольте же мнѣ прежде всего исполнить порученіе, сказалъ я, доставъ изъ бумажника довольно толстый пакетъ,—Михайло Иванычъ просилъ меня передать вамъ это. Прошу васъ обратить вниманіе на подпись и на печать...

— Что это?!. проговорила Лизавета Николаевна,— отъ Игренева ко мнѣ? Почеркъ его... но какъ же это попало къ мужу?

— Вы видите, что пакетъ не распечатывался? Потрудитесь взглянуть: все ли содержимое въ порядкѣ?

Лизавета Николаевна быстро вскрыла пакетъ, изъ котораго выпало вразсыпную нѣсколько разноцвѣтныхъ записокъ... Она, краснѣя, подхватила ихъ—и отодвинувшись въ уголъ дивана, стала наскоро пересматривать ихъ одну за другою... Вдругъ она поблѣднѣла и затряслась.

— Михайло Иванычъ проситъ васъ припомнить, все ли здѣсь?

— Всѣ... всѣ до одного... это мои письма къ Игреневу... Ради Бога, скажите, онъ убилъ его?

— Сообразите же, Лизавета Николаевна, что пакетъ адресованъ вамъ самимъ корреспондентомъ, улыбнулся я.—Кромѣ того, Михайло Иванычъ взялъ отъ него еще письмо уже къ себѣ лично, съ такимъ сознаніемъ, послѣ котораго господинъ Игреневъ едвали почувствуетъ охоту передъ кѣмъ бы то ни было упоминать ваше имя... Наконецъ, вотъ пистолеты, прибавилъ я, развернувъ газетную бумагу, въ которой привезъ шкатулку,—если вы хоть немного знакомы съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, то можете убѣдиться, что они остались безъ употребленія, какъ этому и быть надлежитъ въ послѣдней четверти девятнадцатаго вѣка.... Осторожнѣе только—они заряжены.

— Чтожъ онъ до сихъ поръ... Постойте!... сама себя перебила Лизавета Николаевна,—когда же онъ успѣлъ быть у Игренева?

— Тотчасъ послѣ Калязинцева; онъ съ утра еще къ нему отправился—и справясь у лакея, имѣлъ терпѣніе пережидать въ наемной каретѣ, пока всѣ гости разойдутся, а затѣмъ и порѣшилъ дѣло съ глазу на глазъ...

— Боже мой, какой онъ добрый!.. какой великодушный!.. воскликнула Лизавета Николаевна,—но вы что-то скрываете... отчего жъ онъ не ѣдетъ домой?... и какъ вы могли его оставить?.. Вы увѣрены, что онъ не рѣшится на самоубійство?..

— Совершенно, проговорилъ я.

— Однако почему же? нѣсколько даже обиженно спросила Лизавета Николаевна.

— Потому что на самоубійство рѣшаются только разъ въ жизни, а онъ ужь продѣлалъ это передъ женидьбой, такъ какъ вы сами же увѣряли меня вчера, что погубили его...

— Но развѣ онъ могъ знать это передъ сватьбой? улыбнулась и Лизавета Николаевна.

— Гораздо раньше зналъ...

Я понялъ, что Михайло Иванычъ, передавая женѣ нашу бесѣду въ тотъ вечеръ, когда мы съ нимъ впервые сошлись, деликатно умолчалъ о своемъ взглядѣ на тогдашнюю Бэтси, разсказавъ ей только потѣшный эпизодъ пистолетовъ и соломенокъ. Поэтому я не преминулъ дополнить ея свѣденія о мужѣ, какъ о человѣкѣ слѣдившемъ каждый шагъ ея и предвидѣвшимъ неисчерпаемую бездну горя въ будущемъ...

Лизавета Николаевна была видимо поражена и заинтересована.

— Такъ вотъ онъ какой!.. тихо проговорила она, задумываясь.—А вы мнѣ все таки не сказали, отчего же онъ не пріѣхалъ съ вами?

— Онъ боялся, не будетъ-ли вамъ тяжело увидаться съ нимъ...

— Это почему такъ?... выговорила Тароватова, но какъ-то не рѣшительно, начиная повидимому догадываться.

— Но вы же, надѣюсь, не шутили вчера, когда увѣряли его, что несчастливы съ нимъ и что вся ваша жизнь—рядъ нескончаемыхъ мукъ?..

— Я сама не помню, что̀ говорила...

— Очень жаль, потому что я не считалъ уже себя въ правѣ скрыть отъ него нашъ вчерашній разговоръ и тѣмъ невольно подтвердилъ ваши слова; ну а вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній у Михайлы Иваныча сложилось твердое намѣреніе — и онъ поручилъ мнѣ узнать: какъ вамъ угодно будетъ сговориться относительно этого дѣла—лично ли съ нимъ самимъ или черезъ мое посредство...

— Но въ чемъ... въ чемъ же сговориться? Что онъ такое затѣялъ?..

— Онъ хочетъ возвратить вамъ свободу и сойти со сцены, уѣхавъ куда нибудь подальше...

— Что такое? какъ? у него достанетъ силы послѣ всего этого бросить меня? изумилась Лизавета Николаевна.

— Полагаю...

Лизавета Николаевна прошлась раза два по комнатѣ, какъ всегда въ минуты сильнаго волненія,—и вдругъ остановилась передъ мною. Смуглое лицо ея буквально позеленѣло, характерныя брови были сдвинуты рѣзкимъ изломомъ, глаза сверкали ненавистью, ядовитая усмѣшка до того страшно искажала прекрасныя черты, что я осязательно видѣлъ теперь, какъ несчастливъ долженъ быть Михайло Ивановичъ, если ему хоть изрѣдка случалось выдерживать этотъ взглядъ, — такого внезапнаго откровенія забыть уже нельзя. По крайней мѣрѣ передо мной возникало полное олицетвореніе *злой жены*...

— Позвольте однако спросить васъ, докторъ, какъ вы теперь назовете этотъ его поступокъ? проговорила она, указывая дрожащей рукой на лежащую передъ нами пачку писемъ,—если онъ рѣшился предоставить мнѣ свободу, какъ вы изволите выражаться, — зачѣмъ же ему понадобилось до такой степени унижать въ моихъ глазахъ Игренева? по какому праву наконецъ онъ осмѣлился? Вѣдь онъ еще не могъ знать, какъ отнесется тотъ къ моему положенію?.. Что—это благородно, по вашему?

— Въ томъ-то и дѣло, что Михайло вовсе не такъ слѣпъ, какъ вы думаете, и конечно насквозь видѣлъ этого искателя приключеній. Развѣ лучше было предоставить вамъ разочароваться впослѣдствіи, когда дѣло стало бы непоправимымъ?

— Скажите, какая трогательная заботливость!.. засмѣялась Лизавета Николаевна тѣмъ дѣланнымъ смѣхомъ, который непріятно поражалъ меня въ сестрѣ ея.—Но вѣдь это нестерпимо, когда васъ третируютъ какъ ребенка!.... вскрикнула она, принимаясь опять ходить изъ угла въ уголъ, — ужь если онъ считалъ меня способною отравить ему жизнь, кто же виноватъ—зачѣмъ онъ женился на мнѣ? кажется, онъ и при васъ еще и впослѣдствіи не имѣлъ недостатка въ доказательствахъ, что я къ нему была равнодушна?... Или онъ во что бы то ни стало хотѣлъ добиться моей руки, хоть на время, какъ завидной игрушки?.. Я вотъ все шучу съ вами, а знаете ли вы, что эта мысль мнѣ покою не даетъ съ самой сватьбы? Бываютъ минуты, когда я невыразимо презираю его за это... когда я думаю: стоитъ ли такъ мучиться за него, какъ я вамъ вчера докладывала...

— Вспомните, Лизавета Николаевна, что меня вѣдь не было при вашей сватьбѣ; но я знаю, что Михайло, точно также какъ и вашъ покорнѣйшій слуга, строго различалъ ваши увлеченія и ваше сердце.... Мы оба, я такъ-сказать невольно, а онъ сознательно, покрывали кое-какія *лжишки* ваши,—но ни онъ, ни я не считали

Библиотека "Руниверс"

васъ способною солгать въ чемъ нибудь крупномъ... А разъ когда вы приняли предложеніе и дали свое слово—ни одинъ изъ насъ не задумался бы ввѣрить вамъ свою жизнь и честь...

— Онъ вамъ говорилъ это? перебила Лизавета Николаевна.

— Первое я всегда зналъ, а что касается чести его, такъ вчера еще, съ первыхъ словъ, онъ увѣрялъ меня въ своемъ полнѣйшемъ спокойствіи за нее...

— Ну и за то спасибо! горько усмѣхнулась Тароватова,—значитъ утро вечера мудренѣе вышло... Что же онъ мнѣ предлагаетъ черезъ ваше посредство?

— Если вы предпочитаете этотъ путь—извольте: онъ на дняхъ ѣдетъ въ Москву, тамъ устроитъ передачу вамъ всего своего состоянія за исключеніемъ небольшихъ денегъ, съ которыми отправится за границу...

— Вотъ какъ! А самъ разумѣется не удостоитъ меня ужь не только проститься какъ слѣдуетъ, а даже хоть сегодня изъ одного приличія пробыть дома...

— Я уже говорилъ вамъ, что это зависитъ отъ вашего желанія, — и мы съ нимъ условились такъ, что если я не вернусь къ десяти часамъ — онъ явится сюда...

— О, такъ давайте чай пить въ ожиданіи такого пикантнаго свиданія!.. Обманутый мужъ и брошеная жена—чудо что за оперетка вышла бы!..

Признаюсь, при всемъ знаніи прошлаго Лизаветы Николаевны, я подивился ея умѣнью владѣть собою или ужь въ самомъ дѣлѣ полнѣйшему презрѣнію къ личности моего друга. Видно вліяніе Анастази успѣло заявить себя въ жадной до новыхъ впечатлѣній душѣ ея сестры!

X.

Пока собирали чайный столъ, а Лизавета Николаевна, извиняясь подъ тѣмъ предлогомъ, что въ нынѣшней суетѣ съ самаго утра ей было не до туалета, удалилась въ свою комнату съ пачкою привезенныхъ мною писемъ,—я все болѣе и болѣе волновался, проклиная свою неисправимую готовность браться за глупѣйшія роли, чуть что коснется интереса моихъ друзей. Я смутно чувствовалъ, что имѣю дѣло далеко не съ прежней московской барышней и не предвидѣлъ никакого прока въ предстоящемъ свиданіи супруговъ. Дѣло въ томъ, что Михайло какъ утопающій хватался за соломенку: воспользовавшись вчерашнимъ сознаніемъ жены и припугнувъ серцеѣда, при чемъ тотъ струсилъ позорнѣйшимъ образомъ,—онъ рѣшился испробовать послѣднее отчаянное средство, а именно: дать Лизаветѣ Николаевнѣ на время желанную свободу и одинокую независимость, и затѣмъ—смотря по тому какъ она ими воспользуется—или побѣдить, или окончательно сойдти со сцены. Я не сомнѣвался, что его станетъ на это; но въ отношеніи Лизаветы Николаевны предвидѣлъ исходъ совершенно противуположный его хрупкимъ надеждамъ... Мнѣ вспомнилось, какъ я нѣкогда возвращался отъ Сметанкина, раздумывая о томъ, что выйдетъ изъ маленькой барышни въ будущемъ — и долженъ былъ сознаться себѣ, что Лизавета Николаевна до сихъ поръ остается для меня тѣмъ же загадочнымъ сфинксомъ.

Въ этомъ-то мрачнѣйшемъ расположеніи духа и засталъ меня Тароватовъ. Онъ вошелъ и поздоровался со мною какъ ни въ чемъ не бывало, только серьознѣе какъ-то сталъ и въ глазахъ его проступала сосредоточенная рѣшимость.

— Послушай, Михайло, сказалъ я вполголоса, отводя его къ сторонкѣ,—мнѣ кажется, ты губишь ее, самъ толкая на этотъ скользкій путь?...

— Ну теперь поздно ужь спохватываться! проговорилъ онъ, угрюмо потупясь,—не въ скоморошество же обратить всю эту исторію... Что жъ она—согласна? Что она тебѣ отвѣтила?

— Ни да, ни нѣтъ. Услышишь самъ...

— Пріѣхалъ наконецъ? послышалось изъ гостиной, и тихо шелестя широкимъ кружевнымъ пеньоаромъ вошла Лизавета Николаевна. Остановясь на минутку въ дверяхъ, какъ бы для того чтобъ дать намъ вдоволь налюбоваться своей чарующей красотой, она небрежнымъ кивкомъ головы пригласила насъ къ чайному столу...

— Пожалуйте, пожалуйте-ка сюда, Михайло Иванычъ, заговорила она, опускаясь въ бѣлыя волны кружевъ на кресло, и смѣряла мужа взглядомъ съ ногъ до головы, — и вы, докторъ, сдѣлайте мнѣ одолженіе, останьтесь ужь съ нами... Намъ отъ васъ таить нечего теперь...

Тароватовъ оглянулся было на дверь передней.

— Не безпокойтесь, кинула ему Лизавета Николаевна,—люди усланы... Я вѣдь небольшая охотница до театральныхъ эффектовъ, а вотъ вамъ надо отдать справедливость—мастерски устраиваете ихъ, Михайло Иванычъ, съ самаго утра...

— Что дѣлать-съ, не взыщите—какъ вышло! сказалъ тотъ, подвигая себѣ стулъ поодаль отъ жены,—я впрочемъ не особенно старался... Но не въ томъ дѣло! ясно ли передалъ вамъ докторъ, для чего собственно мы теперь собрались?...

— Какже, какже! Совершенно ясно... какимъ-то рѣзкимъ суховатымъ тономъ отвѣтила та,—чтожь, я васъ поздравляю, Михайло Иванычъ! Вы и эти обстоятельства уладили прекрасно... для себя, разумѣется...

— Для меня? переспросилъ Тароватовъ, первый разъ еще взглядывая на жену.

— А еще бы! вы—мужчина, вамъ широкая дорога на всѣ четыре стороны, между тѣмъ какъ я... Да неужели же вамъ не приходилось видѣть, какъ тяжело положеніе покинутыхъ женъ?...

— Но ты стало быть не все передалъ Лизаветѣ Николаевнѣ? обратился Тароватовъ ко мнѣ.

— Ахъ, это вы насчетъ вашего великодушнаго предложенія объ моемъ обезпеченіи? переспросила Лизавета Николаевна, — виновата, я и забыла поблагодарить васъ!... Впрочемъ, я надѣюсь, вы по крайней мѣрѣ сознаете, что это прямая ваша обязанность, которую вамъ иначе можно бы и повнушительнѣй напомнить... Вѣдь не могли же вы разсчитывать, что я поселюсь на чердакѣ и стану зарабатывать себѣ хлѣбъ какими нибудь переводами!... Нынче ужь такія дурочки повывелись—особенно какъ иногда, зная три-четыре языка, приходится за недостаткомъ работы идти въ магазинъ и становиться за швейную машину...

Мы съ Тароватовымъ только переглянулись въ изумленіи, а Лизавета Николаевна преспокойно себѣ разлила по стаканамъ и поставила передъ нами чай.

— Тѣмъ не менѣе, продолжала она,—позвольте еще разъ выразить вамъ свою признательность и отказаться отъ вашего пожертвованія...

— Но что же вы намѣрены дѣлать? спросилъ Тароватовъ.

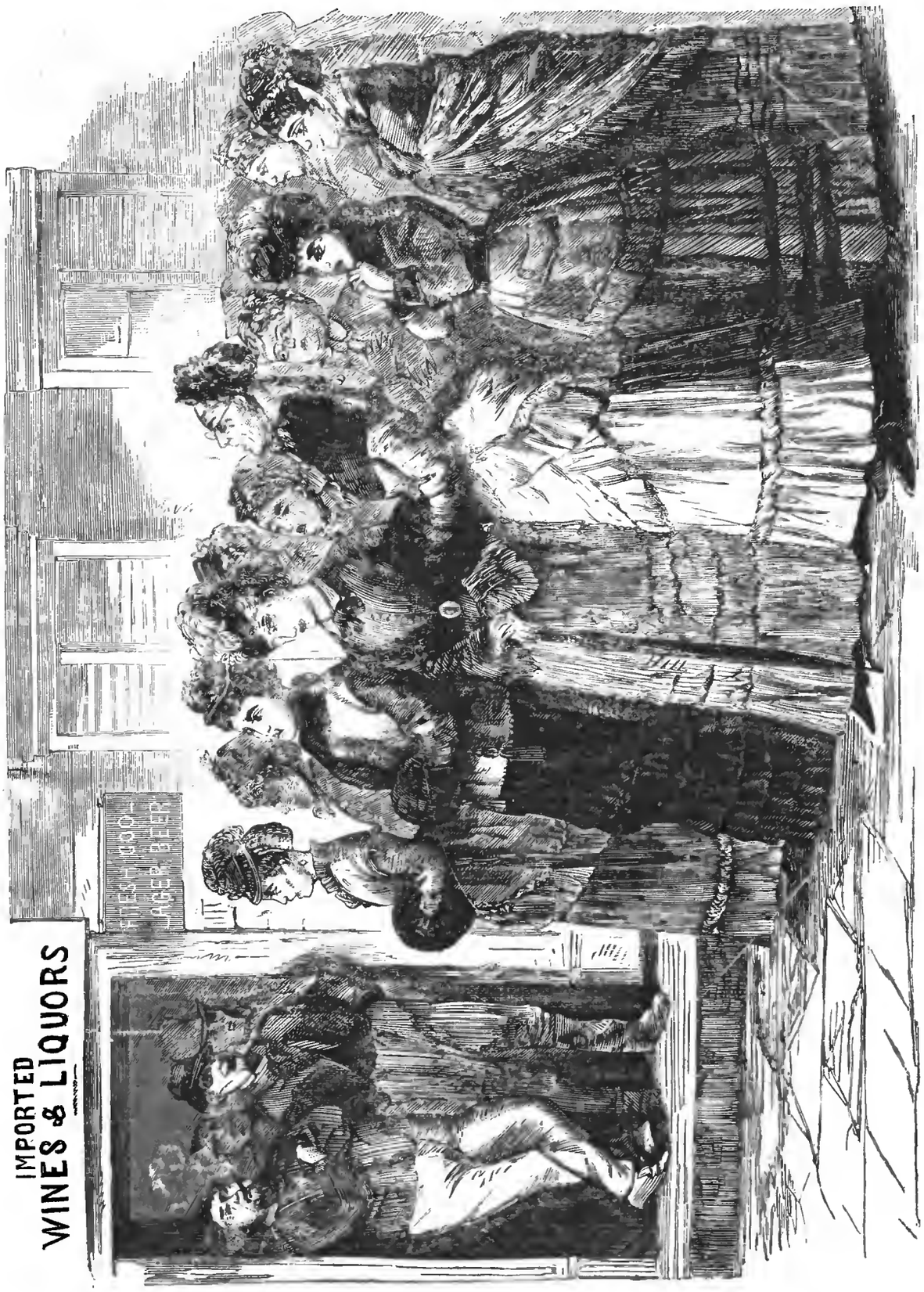
— О, Боже мой, вы ужь слишкомъ далеко простираете свою заботливость! съ горечью произнесла Лизавета Николаевна, — здѣсь не пустыня, у меня сестра есть,—ей, бѣдняжкѣ, давнымъ давно пришлось пережить мое горе... Она даже сегодня предлагала мнѣ пріютъ. Она говоритъ, что ей скучновато становится и некому руку подать, а годы проходятъ... Vous savez le reste? *).

Я опять взглянулъ на Тароватова. Онъ хмурился, кусалъ губы и видимо готовъ былъ разсердиться не на шутку.

— Чего же бы вы сами отъ меня потребовали? выговорилъ онъ черезъ силу.

*) Остальное вы знаете?

Библиотека "Руниверс"



Борьба съ пьянствомъ. Съ американскаго эскиза, грав. Дьяванъ.

Библиотека "Руниверс"

— Наконецъ-то догадались полюбопытствовать!.. засмѣялась Лизавета Николаевна,—чтожъ, если ужь вы не боитесь тяжелыхъ и двусмысленныхъ положеній *для меня*, такъ не хотите ли помѣняться?... Останьтесь здѣсь: вы на своей половинѣ, я—на своей; вы будете совершенно свободны, я постараюсь не стѣснять васъ...

— Что за шутки!... отвернулся Тароватовъ.

— А я думала, это вы шутите-то, Михайло Иванычъ. Если же вы серіозно желаете знать мои намѣренія, такъ я ничего не требую отъ васъ, а только прошу...

Я невольно взглянулъ на нее. Голосъ у нея слегка сорвался—и она протянула ему руку съ тонкими дрожавшими пальцами....

— Прошу отъ всего сердца: простите меня...

— Мнѣ васъ не въ чемъ прощать, Лизавета Николаевна, сухо проговорилъ Тароватовъ,—дѣло простое: вы заявили мнѣ, что наша жизнь вамъ становится не подъ силу—я готовъ избавить васъ отъ этого бремени, только научите: *какъ?*

— Я прошу простить меня въ томъ, что я легкомысленно испортила вамъ жизнь, когда не знала еще ни васъ, ни самой себя, ни самой жизни. Вмѣсто того чтобъ заботиться о вашемъ счастьѣ... Ну, да что говорить, чего не могла дать вамъ—того и не могла... на нѣтъ суда нѣтъ... Но, ради Бога, не подумайте, что я вамъ навязываюсь: еслибъ не такъ стыдно было мнѣ передъ мамашей, я давно бы уѣхала къ ней... А теперь, мнѣ волей неволей приходится прибѣгнуть къ вашему снисхожденію...

Оба они какъ-то разомъ встали съ мѣстъ и подошли другъ къ другу.

— Какъ ни странно вамъ это покажется, но исполните мою просьбу, порывисто заговорила Лизавета Николаевна,—поймите, что это нужно мнѣ для моего спокойствія... Разстанемся формально, выхлопочите себѣ разводъ, я принимаю всю вину на себя, выговорила она задыхаясь, — устройте это какъ знаете и будьте свободны...

— Помилуйте, развѣ это возможно?! вскрикнулъ я, подходя къ нимъ въ свою очередь.

— Можно, говорятъ, можно!... съ какимъ-то отчаяніемъ повторяла Лизавета Николаевна, остановивъ молящій взглядъ на Тароватовѣ; губы у нея задрожали, она съ усиліемъ договорила,—по крайней мѣрѣ, дайте мнѣ честное слово честно употребить всѣ усилія для того, чтобъ это было сдѣлано... Ради Бога! мнѣ это нужно... Пожалѣйте меня... пощадите...

Тароватовъ, блѣдный какъ полотно, тоже не сводилъ съ нея глазъ, весь какъ бы окаменѣвъ въ ожиданіи, и вдругъ взялъ ее за обѣ руки.

— Ну, хорошо, я согласенъ, пробормоталъ онъ.

— Честное слово?...

— Честное слово, твердо повторилъ Тароватовъ.

Лизавета Николаевна вздохнула всю грудью, точно выбираясь изъ какого-то душнаго подземелья и крѣпко пожала руку мужа... На лицѣ ея блуждала какая-то хорошая улыбка и румянецъ понемногу заливалъ смуглыя щоки...

— А потомъ ужь... начала она прерывающимся голосомъ,—когда все будетъ кончено... и вы поѣдете заграницу—возьмите и меня съ собою. Вѣдь иначе вы никогда не повѣрите, что я перестрадала сегодня въ одни сутки... Иначе вамъ ложью покажется то, что я вижу теперь ясно какъ день, не смотря на все что со мной было...

Слезы мѣшали ей говорить.

— Что же? что? какимъ-то ликующимъ голосомъ перебилъ Тароватовъ.

— А то, что я люблю тебя!... вырвалось у Лизаветы Николаевны, и обвивъ мужнину голову руками, она такъ и замерла въ объятіи.

Я потихоньку взявъ шляпу выбрался изъ счастливаго уголка, гдѣ уже не было мѣста лишнему — по крайней мѣрѣ на сегодня.

Пересматривая мои записки, нѣсколько лѣтъ спустя послѣ того какъ они были окончены, я нахожу, что многое въ нихъ неполно, блѣдно и слабо въ сравненіи съ дѣйствительностью. Впрочемъ, я обѣщалъ читателямъ, если таковые найдутся, лишь намѣтить главныя черты того типа, который въ послѣдовательномъ своемъ развитіи составляетъ *барышню* и *барыню*. При томъ же я не литераторъ, а скромный наблюдатель жизни съ точки зрѣнія врача,—хотя и въ этомъ случаѣ, какъ въ большинствѣ другихъ, докторъ можетъ только указать болѣзнь; лекарство же не въ его рукахъ—оно слишкомъ сложно, какъ самъ недугъ. Быть можетъ, поинтересуются узнать, счастлива ли теперь Бетси.. виноватъ: Лизавета Николаевна? Да, насколько счастіе возможно въ мірѣ. Едва-ли нужно упоминать, что послѣдній планъ ея никогда не былъ приведенъ въ исполненіе—потому, какъ говаривалъ Тароватовъ впослѣдствіи, что давъ честное слово свое, онъ не обозначилъ времени его исполненія — и все откладываетъ этотъ срокъ, по всей вѣроятности до конца земнаго странствія. И такъ, Лизаветѣ Николаевнѣ таки посчастливилось довольно благополучно миновать всѣ подводные камни своего поприща, благодаря нѣкоторой исключительности ея характера. Съ большинствомъ же ей подобныхъ бываетъ не такъ. А кто виноватъ? Неужели сами барышни, когда онѣ получаютъ такое воспитаніе у барынь? Не барыни ли?—да развѣ онѣ развились не изъ тѣхъ же барышень? Это вредный кругъ, изъ котораго не выбьешься, пока воспитаніе нашихъ дочерей не станетъ въ общемъ сознаніи вопросомъ первостепенной важности. А пока на досугѣ припомните, читатель, сколько болѣе или менѣе знакомыхъ вамъ барышень и барынь обрывались и падали стремглавъ съ любой изъ тѣхъ ступенекъ, которыя я позволилъ себѣ назвать *главами* моихъ записокъ?...

Женская война противъ пьянства въ Америкѣ

Въ настоящее время въ Соединенныхъ Штатахъ, общественный интересъ сильно возбужденъ оригинальнымъ крестовымъ походомъ предпринятымъ прекрасной половиной человѣческаго рода противъ пьянства, этой пагубной слабости сильнаго пола. Въ Америкѣ, равно какъ въ Англіи и во Франціи, было издано множество разныхъ законовъ и постановленій противъ пьянства;—какъ по ту, такъ и по сю сторону океана, всѣ законы оказываются безсильными противъ порока, который ускользаетъ отъ всякихъ мѣръ преслѣдованія. Но чего не могли сдѣлать законодатели, то не побоялись предпринять слабыя женщины; онѣ образовали общество, которое не замедлило пріобрѣсти громадное количество членовъ; когда общество организовалось настолько твердо, чтобы быть въ силахъ начать борьбу съ врагомъ, военныя дѣйствія его открылись; и вотъ въ чемъ состоитъ планъ компаніи, въ общихъ чертахъ почти вездѣ одинаковый и повсюду увѣнчанный полнымъ успѣхомъ. Главный комитетъ, образовавшійся въ извѣстной мѣстности, начинаетъ съ того, что увѣдомляетъ всѣхъ содержателей питейныхъ заведеній объ открытіи общества, приглашая ихъ закрыть свои заведенія; эти почтенные торговцы, само собою разумѣется, не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на такое воззваніе; тогда объявляется открытая война. Отряды женщинъ, отъ десяти до двадцати человѣкъ, отправляются къ дверямъ каждаго кабака, и начинаютъ пѣть сочиненные для этого случая гимны, восхваляющіе преимущества трезвости; пѣніе это продолжается день и ночь, причемъ отряды смѣняются каждый часъ, точь въ точь какъ караулы въ военное время. Сначала кабатчикъ только посмѣивается, однако вскорѣ онъ замѣчаетъ, что заведеніе его мало по малу пустѣетъ. Если же находится какой нибудь отчаянный смѣльчакъ, который рѣшается не покидать кабака во что бы то ни стало, то на другой же день во всѣхъ мѣст-

Библиотека "Руниверс"

ныхъ газетахъ публикуется его имя и, если это женатый человѣкъ, то яркими красками рисуется картина ужаснаго положенія, въ какомъ находится его семья, въ то время какъ онъ предается гнусному пороку. Кабатчики выходятъ изъ себя, но ничего не могутъ сдѣлать противъ слабыхъ женщинъ; ихъ трогательное краснорѣчіе и самоотверженіе понемногу обезоруживаетъ самыхъ грубыхъ людей. Бывали случаи, что послѣ безполезнаго гнѣва содержатели питейныхъ заведеній сами выкачивали изъ своихъ погребовъ на улицу бочки съ виномъ, и выливали его на землю въ честь своего обращенія къ принципамъ умѣренности. Надо впрочемъ прибавить, что дамы великодушно вознаграждаютъ новообращенныхъ за убытокъ, только бы они оставляли свое ремесло.

Не прошло нѣсколькихъ недѣль съ открытія этой, такъ называемой, *«войны противъ водки»*, какъ она уже успѣла указать удивительные результаты; во всемъ штатѣ Огіо, то есть въ мѣстности, почти равняющейся Франціи, закрылись всѣ кабаки до единаго. Примѣръ женщинъ штата Огіо воодушевилъ другихъ; повсюду стали организоваться общества; одного извѣстія объ открытіи комитета въ какомъ либо городѣ—уже достаточно чтобы закрылось нѣсколько питейныхъ заведеній. Увѣряютъ, что въ конгрессѣ уже обдумываются средства, какими бы можно замѣнить доходъ отъ акциза на спиртные напитки, такъ какъ эта статья государственнаго прихода повидимому въ скоромъ времени совсѣмъ исчезнетъ, что конечно послужитъ къ громадному увеличенію производительныхъ силъ страны.

Мы приведемъ здѣсь нѣсколько, не лишенныхъ интереса, эпизодовъ изъ этой оригинальной войны. Въ Франклинѣ одинъ содержатель ресторана, нѣмецъ, долго не сдавался; когда дамы подошли къ его дому, онъ позвалъ музыкантовъ и задалъ балъ, въ то время какъ осаждающія распѣвали свои пѣсни. Но дамскія глотки оказались сильнѣе трубъ, дамы побѣдили, и нѣмцу пришлось закрыть свой «салонъ». Въ городѣ южнаго Огіо, Лондонѣ, движеніе пріобрѣло такую силу, что ежедневно всѣ магазины по два раза въ день запираются на цѣлый часъ, для того чтобы всѣ, и старый и малый, могли присоединиться къ демонстраціи, и звонъ колокола подаетъ знакъ къ началу осады. Но самый знаменитый случай изъ водочной войны произошелъ въ Новой Вѣнѣ, гдѣ нѣкто Ванъ Пельтъ защищался особенно упорно. «Салонъ» его уже нѣсколько дней выдерживалъ осаду, наконецъ владѣлецъ его встадъ у дверей съ топоромъ, намѣреваясь принять оборонительное положеніе противъ непрошеныхъ посѣтительницъ. Между тѣмъ никто изъ публики не смѣлъ идти въ его заведеніе, боясь путешествія сквозь строй поющихъ женщинъ. Въ Новой Вѣнѣ въ это время сорокъ «салоновъ» были въ осадномъ положеніи, но Ванъ Пельцъ гордо выдерживалъ осаду, объявляя что ни за что и никогда не уступитъ. Онъ сдѣлался главнымъ предметомъ любопытства всѣхъ ново-вѣнцевъ,—и такъ какъ осада начиналась, не смотря ни на какую погоду, съ восьми часовъ утра и продолжалась вплоть до ночи, то передъ его домомъ собирался чуть не весь городъ, чтобы дождаться развязки камедіи. Держались большіе пари, кто побѣдитъ, Ванъ Пельтъ или дамы. Но и здѣсь вѣсы склонились на сторону послѣднихъ. Ванъ Пельтъ вздумалъ было дѣйствовать кроткими мѣрами, онъ отложилъ въ сторону угрожающее оружіе, сдѣлался любезенъ и предложилъ дамамъ пустые пивные боченки, приглашая ихъ сѣсть; онѣ граціозно приняли эти импровизированные стулья, усѣлись полукругомъ около двери и преспокойно продолжали осаду. *Пиво* также подвергается преслѣдованіямъ со стороны дамъ; поэтому все, что только имѣетъ вкусъ или запахъ алкоголя, должно быть уничтожено. Дамы пѣли съ восьми часовъ утра и до десяти часовъ; это пѣніе могло разорвать барабанную перепонку, смягчить камни. Наконецъ этого не выдержали даже нервы Ванъ Пельта, онъ подошелъ къ дверямъ и торжественно, публично объявилъ себя побѣжденнымъ.

Больше ста дамъ вошли въ его салонъ, пропѣли псаломъ, а когда Ванъ Пельтъ принесъ въ жертву всѣ свои запасы вина и пива, изъ толпы вышло двое духовныхъ, которые выкатили боченки на улицу; затѣмъ была прочитана молитва, и Ванъ Пельтъ схватилъ топоръ, которымъ онъ сначала пугалъ дамъ, и разбилъ имъ боченки. Между тѣмъ, уже заранѣе нанятый фотографъ снялъ чудесную картину. При совершеніи этого акта, звонили колокола всѣхъ церквей Новой Вѣны. Обрадованныя своей побѣдой дамы, устроили между собой подписку, и собранные по ней 150 долларовъ отдали Ванъ Пельту въ вознагражденіе за убытки. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ фанатическимъ приверженцемъ проповѣдницъ умѣренности, и теперь, во главѣ осаднаго дамскаго отряда, переходитъ отъ кабака къ кабаку, чтобы принуждать своихъ бывшихъ коллегъ прекращать ихъ торговлю.

Мы не беремся рѣшать насколько прочны результаты, добытые этой женской войной противъ пьянства, но во всякомъ случаѣ они не могутъ пропасть совсѣмъ безслѣдно. Примѣръ американокъ для европейскихъ женщинъ конечно недосягаемъ, но какъ бы хорошо было, если бы тѣмъ или другимъ путемъ поубавилось число посѣтителей нашихъ кабаковъ. Поногутъ-ли тутъ красноснія вывѣски—это еще большой вопросъ. Мы не станемъ здѣсь разбирать причины, почему русскаго человѣка тянетъ въ кабакъ; онѣ такъ глубоко коренятся во всѣхъ экономическихъ условіяхъ народной жизни, что это повело бы насъ слишкомъ далеко; вспомнимъ только, что общество почти еще ничего не даетъ ему взамѣнъ кабака, и мы будемъ строже относиться къ этому равнодушному обществу, чѣмъ къ пьяному мужику, на котораго часто сыплются такіе громы обвиненій за его яко-бы безпробудное пьянство.

Локомотивъ съ отвалами для отгребанія снѣга.

Къ самымъ опаснымъ и трудно-отстраняемымъ препятствіямъ свободному движенію поѣздовъ по желѣзнымъ дорогамъ безспорно принадлежатъ ледъ и снѣгъ—и большая часть случающихся несчастій можетъ быть отнесена къ этой причинѣ. Поэтому неудивительно, если придумываютъ множество различнѣйшихъ аппаратовъ для устраненія съ пути этой помѣхи, начиная отъ самыхъ простыхъ клинообразныхъ отваловъ, до самыхъ сложныхъ машинъ, долженствующихъ дѣйствовать безъ помощи ручной работы. Но всѣ эти опыты до сихъ поръ не приносили особенныхъ результатовъ, такъ что опять приходилось прибѣгать къ ручной работѣ, и ставить сотни—а на длинныхъ горныхъ протяженіяхъ даже тысячи рабочихъ, которые лишь съ величайшими усиліями, и то послѣ цѣлыхъ дней работы, могли сдѣлать сообщеніе возможнымъ. Если такіе случаи уже у насъ сильно нарушаютъ правильность сообщеній, то они еще гораздо чувствительнѣе на большихъ американскихъ линіяхъ, напр. Тихоокеанской, гдѣ дорога на громадномъ протяженіи—въ такой зависимости отъ погоды, что зимою одной ночи достаточно, чтобы на десятки миль прервать всякое движеніе. Понятно, что именно на этой линіи дѣлаются безпрестанно новые опыты; послѣдній изъ нихъ, если вѣрить отзывамъ американской печати, какъ будто достигаетъ цѣли лучше всѣхъ прежнихъ.

Эта новая машина, изобрѣтеніе нѣкоего Аббіатлу, устроена такъ, чтобы одновременно исполнять всѣ работы необходимыя для освобожденія пути отъ снѣга и льда: она отгребаетъ снѣгъ, дробитъ ледъ и чиститъ рельсы.

Съ помощью прилагаемыхъ рисунковъ, изъ которыхъ одинъ (ф. 1) изображаетъ весь локомотивъ съ его отвалами, другой (фиг. 2) поперечный разрѣзъ, а третій (фиг. 3) продольный разрѣзъ механизма, нашимъ читателямъ не трудно будетъ составить себѣ ясное понятіе о конструкціи аппарата Весь аппаратъ, прикрѣпленный впереди сильнаго локомотиво-тендера, состоитъ изъ слѣдующихъ частей: внизу, вертикально укрѣпленные, очень острые ножи; въ промежуткахъ между ножами вставлены крѣпкіе стальные отвалы, которые всѣ вмѣстѣ обращаются вокругъ помѣщающейся въ срединѣ общей оси, и сверхъ того каждый, при помощи особыхъ эксцентриковъ, вертится вокругъ своей отдѣльной оси, укрѣпленной на короткой сторонѣ выступовъ. Весь аппаратъ имѣетъ основаніемъ шайбу, которая тоже участвуетъ въ общемъ вращательномъ движеніи и служитъ для дробленія льда. Эта шайба настолько велика, что выступаетъ по обѣ стороны за рельсы, и находится отъ нихъ на возможно меньшемъ разстояніи. Въ выступы ея вставлены пилообразные зубья, имѣющіе задачею, такъ сказать, распиливать ледяныя массы. Для очищенія рельсовъ имѣются вращающіяся стальныя щетки, которыя счищаютъ съ нихъ все къ нимъ прилипшее.

Дѣйствіе аппарата слѣдующее: въ то время, какъ локомотивъ съ умѣренною скоростью двигается впередъ, шайба служащая для дробленія льда вращается и отдѣляетъ снѣговыя и ледяныя массы отъ полотна, ножи схватываютъ ихъ по частямъ, а подвижные отвалы выталкиваютъ ихъ наружу съ такою силою, что онѣ откидываются на достаточное разстояніе отъ пути. Окончательная чистка рельсовъ производится стальными щетками.

Работу этого аппарата можно сравнить всего лучше съ работою жатвенной машины, такъ какъ онъ почти такимъ же способомъ срѣзываетъ полосы почти въ 9 футовъ шириною и правильно откладываетъ ихъ въ сторону. При наносѣ въ 2—3 фута вышиною, они, говорятъ, дѣйствуетъ еще съ быстротою 15 англійскихъ миль въ часъ.

Будемъ надѣяться, что это новое изобрѣтеніе на практикѣ окажется вполнѣ удовлетворительнымъ; это былъ-бы такой прогресъ въ желѣзнодорожной эксплуатаціи, неоцѣненныя послѣдствія котораго даже трудно разсчитать.

Читатели быть можетъ помнятъ еще описанное въ № 47 Нивы за 1872 приключеніе въ снѣгахъ на Тихоокеанской желѣзной дорогѣ. Въ теченіи цѣлыхъ четырехъ дней должны были оставаться путешественники въ своихъ вагонахъ, не трогавшихся съ мѣста. Наконецъ, потерявъ надежду на помощь, пассажиры принялись отгребать снѣгъ, для очищенія пути одному локомотиву, который при помощи снѣговаго плуга могъ добраться на станцію за рабочими.

Библиотека "Руниверс"

Политическое обозрѣніе.

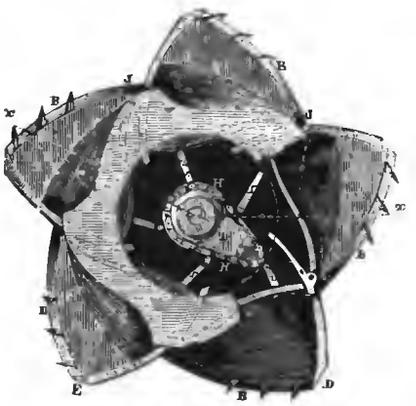
Изъ предъидущихъ нашихъ обозрѣній политической жизни въ западной Европѣ читатели могли замѣтить, что главнѣйшимъ вопросомъ занимающимъ тамошнихъ политиковъ и существеннѣйшимъ знаменіемъ времени является борьба между свѣтскою и духовною властями въ различныхъ государствахъ нашего исредоваго материка. Борьба эта принимаетъ настолько серіозный характеръ, что въ настоящее время трудно даже предвидѣть, какого рода послѣдствія могутъ быть отъ нея для той или другой стороны, для того или другаго сословія въ государствѣ. Вникая въ сущность этого столкновенія, въ особенности же въ тѣ поводы, изъ за которыхъ она возникла, можно придти къ тому грустному заключенію, что обѣ стороны не только не уступятъ одна другой въ настойчивости и энергіи, но даже какъ будто почерпаютъ въ борьбѣ новыя силы для дальнѣйшаго ея веденія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что явленіе это, какъ всякій крупный историческій фактъ, есть неизбѣжное слѣдствіе цѣлаго ряда причинъ, обусловливающихъ собою поступательное движеніе впередъ всего человѣчества – и если оно возникаетъ въ отдѣльныхъ государствахъ, а не повсемѣстно, то это показываетъ только, что государства эти представляютъ къ тому болѣе благопріятныя условія. Такъ, мы видимъ, что въ Швейцаріи, при ея свободныхъ учрежденіяхъ и разнохарактерномъ населеніи борьба между свѣтской и духовной властями,—между католиками признающими догматъ папской непогрѣшимости и между отвергающими его, вступаетъ ярче и захватываетъ значительную часть населенія южныхъ и югозападныхъ кантоновъ; то-же самое находимъ въ Пруссіи, гдѣ благопріятствующими условіями должно считать: съ одной стороны, усиливающееся значеніе свѣтской и центральной власти, а съ другой—задуманное объединеніе Германіи, ея католическихъ и протестантскихъ элементовъ. Относительно этой послѣдней, впрочемъ, можно сказать, что въ ней борьба подготовлялась цѣлыми десятилѣтіями и во всякомъ случаѣ не можетъ быть ни для кого неожиданностью. Совсѣмъ другое дѣло—Австрія. Благопріятный для свѣтской власти исходъ борьбы въ Пруссіи объясняется преобладаніямъ въ ней протестантизма, который никогда не отличался ни тою нетерпимостью, ни тою односторонностью и стремленіями къ власти, какія мы видимъ у католическаго духовенства. Слѣдовательно, съ точки зрѣнія всемірной культуры, столкновеніе двухъ важнѣйшихъ элементовъ въ протестанской Пруссіи не представляетъ еще такого разительнаго переворота въ общественномъ мнѣніи, какъ въ Австріи, странѣ по преимуществу католической. Въ Австрійской имперіи, отношенія между церковью и государствомъ опредѣлились конкордатомъ 1855 года, въ силу котораго епископамъ католическимъ предоставлена была въ нѣкоторыхъ случаяхъ полнѣйшая независимость отъ свѣтской власти; такъ напр. всѣ предписанія изъ Рима, отъ главы католической церкви, могли обнародываться въ Австріи безъ всякаго разрѣшенія правительства; епископы пользовались правомъ собирать сборы, даже не увѣдомляя о томъ правительство, наконецъ, въ рукахъ духовенства, въ силу того-же закона, находился исключительный надзоръ надъ школами, вслѣдствіе чего какъ дозволеніе учебниковъ, такъ равно и положеніе учителей стояли въ прямой и полнѣйшей зависимости отъ духовныхъ лицъ, заправлявшихъ не только совѣстью, но также умственнымъ и политическимъ развитіемъ своей паствы. Само собою разумѣется, что такое положеніе вещей, которое было равнозначуще существованію государства въ государствѣ—status in statu, — не могло долго продолжаться, и вотъ съ 1867 года начинается цѣлый рядъ нападокъ на излишнія притязанія и совершено обособленное положеніе духовенства среди остальныхъ сословій. При посредствѣ различныхъ законодательныхъ мѣръ, проведенныхъ черезъ палату народныхъ представителей, правительству удалось возвратить ускользнувшій изъ его рукъ надзоръ за народнымъ образованіемъ, тѣмъ самымъ освободивъ его отъ одностороннаго вмѣшательства духовенства, а также и таинство брака поставить въ нѣкоторое независимое положеніе отъ произвола духовныхъ лицъ, которыя зачастую злоупотребляли своею властію. Въ нынѣшнюю сессію австрійскаго рейхсрата (собраніе народныхъ представителей), правительство внесло проектъ новыхъ законовъ, служащихъ естественнымъ развитіемъ предъидущихъ, съ цѣлью еще точнѣе опредѣлить взаимныя отношенія церкви къ государству. Пренія, происходившія въ парламентѣ по этому поводу, заняли нѣсколько засѣданій, возбуждая къ себѣ сильнѣйшій интересъ въ общественномъ мнѣніи; палата собралась въ полномъ своемъ составѣ; въ засѣданіяхъ присутствовали всѣ министры; многочисленная публика наполняла галлереи и всѣ отведенныя для нея мѣста; въ преніяхъ принимали участіе болѣе 50 ораторовъ, изъ которыхъ одни говорили противъ новыхъ церковныхъ законовъ, а другіе за нихъ. Одинъ изъ противниковъ новаго закона вошелъ въ такой азартъ, что грозилъ открытымъ сопротивленіемъ правительству, даже съ оружіемъ въ рукахъ, если только оно не оставитъ въ покоѣ духовенства, которое, по его словамъ, отстаиваетъ религію, возведшую европейскій міръ на высокую степень цивилизаціи.... Предвидя явную опасность для своихъ незаконныхъ притязаній и чтобы установить опредѣленный планъ дѣйствія, австрійскіе епископы собрались въ особую конференцію и порѣшили всѣми средствами противодѣйствовать утвержденію законовъ, противныхъ ихъ видомъ и намѣреніямъ; а потому, съ одной стороны — выставили оппонентовъ въ палатѣ, которые съ пѣною у рта говорили противъ новыхъ проектовъ правительства, а съ другой - порѣшили, своими пастырскими посланіями и вообще своимъ вліяніемъ на народъ, возстановлять его противъ стремленій правительства подчинить себѣ духовную власть въ государствѣ. Какъ-бы въ подмогу католическому духовенству Австріи, недавно явилось папское посланіе (энциклика), въ которомъ папа жалуется, что къ гоненіямъ на церковь католическую въ Италіи и Германіи присоединяется еще новое, тѣмъ болѣе прискорбное, что оно исходитъ отъ самаго католическаго изъ всѣхъ существующихъ правительствъ — австрійскаго. На новые церковные законы, вводимые нынѣ въ Австріи, папа смотритъ какъ на несправедливое, противорелигіозное и противоестественное вмѣшательство государства въ дѣла церкви, и въ доказательство приводитъ слова писанія: богово Богови, кесарево Кесареви; императорамъ, говоритъ онъ, принадлежатъ дворцы, а священникамъ — церкви; а потому онъ энергически протестуетъ противъ вторженія свѣтской (мірской) власти въ область дѣйствій духовной, возбуждая католическое духовенство къ защитѣ правъ церкви, отмѣна которыхъ въ глазахъ «святаго отца» равносильна упраздненію самой религіи и т. д. Несмотря, однако, на всѣ эти попытки поколебать общественное мнѣніе и самую палату народныхъ представителей, заставивъ ихъ усомниться въ пользѣ и цѣлесообразности проектируемыхъ правительствомъ законовъ,—несмотря, наконецъ, на письмо папы къ императору Францу-Іосифу, въ которомъ папа старается склонить вѣнскій кабинетъ къ уступкамъ, - проектъ новыхъ церковныхъ законовъ былъ утвержденъ въ палатѣ депутатовъ огромнымъ большинствомъ 224 голосовъ противъ 71 и такимъ образомъ получилъ права полнаго гражданства. Въ отвѣтъ на угрозу со стороны представителей духовенства, засѣдавшихъ въ палатѣ, что они не будутъ повиноваться новымъ законамъ, министръ-президентъ заявилъ, что правительство постарается энергическими мѣрами доставить уваженіе законамъ. Слова эти вызвали въ собраніи шумное одобреніе. Такимъ образомъ, теперь можно уже положительно сказать, что и Австрія, подобно Германіи, находится наканунѣ жестокой борьбы съ притязаніями католицизма, который поля битвы даромъ не уступитъ, хотя бы для этого ему пришлось потерять многое изъ того, чѣмъ онъ такъ привыкъ дорожить и съ чѣмъ не желаетъ теперь разстаться.

Въ германскій парламентъ внесены были недавно составленные правительствомъ проекты двухъ важнѣйшихъ реформъ, изъ которыхъ одна касается увеличенія численнаго состава войскъ въ мирное время до 400,000 человѣкъ, съ тѣмъ, чтобы расходъ на содержаніе этого количества былъ утвержденъ парламентомъ на 12 лѣтъ, а другая вводитъ нѣкоторыя существенныя измѣненія въ промышленномъ уставѣ, которыя клонятся къ опредѣленію отношеній между хозяевами и рабочими и имѣютъ, между прочимъ, цѣлію прекращеніе стачекъ. Защиту перваго проекта предъ лицомъ палаты взялъ на себя знаменитый стратегъ, прусскій фельдмаршалъ, графъ Мольтке. Рѣчь его хотя и была одобрена многими сторонниками милитаризма, но съ точки зрѣнія современности и по мнѣнію людей мира она представляетъ весьма мало утѣшительнаго. Начать съ того, что усиленіе *мирнаго* комплекта войскъ, безъ всякаго къ тому повода, когда повидимому ни откуда не грозитъ опасность, ни въ какомъ случаѣ не можетъ служить доказательствомъ миролюбиваго настроенія прусскихъ государственныхъ людей; затѣмъ, требованіе утвердить этотъ усиленный составъ на возможно большее число лѣтъ какъ-бы разрушаетъ неотъемлемое право палаты утверждать бюджетъ ежегодно, сообразно съ условіями времени и обстоятельствъ. Многія мѣста означенной рѣчи, показывающія односторонность и сухость взглядовъ оратора на высшіе и насущные интересы народа, произвели тяжелое впечатлѣніе на всю страну, и утвержденіе проекта встретило нѣкоторыя препятствія, а многіе параграфы его подверглись существенному измѣненію. Второй проектъ, касающійся, какъ мы уже сказали, опредѣленія отношеній между нанимателями съ одной стороны и рабочими съ другой, судя по бывшимъ въ паламентѣ преніямъ, составленъ въ интересѣ однихъ только крупныхъ промышленниковъ. По этому въ палатѣ онъ встрѣтилъ сильныя возраженія со всѣхъ сторонъ и былъ забракованъ; противъ него говорили не только представители рабочихъ и крайнихъ прогрессистовъ, но даже такой умѣренный либералъ, какъ извѣстный Шульце-Деличъ, даже и тотъ возвысилъ свой голосъ противъ новаго закона, заявивъ, что исключительныя мѣры противъ стачекъ, вмѣсто того, чтобы помѣшать имъ, только могутъ раздражить рабочее сословіе и тѣмъ усилить съ его стороны всякіе союзы и коалиціи. Послѣ предварительныхъ преній, обнаружившихъ главнѣйшія изъ слабыхъ сторонъ проекта, онъ былъ переданъ въ особую коммиссію, отъ которой въ скоромъ времени надо ожидать доклада собранію.

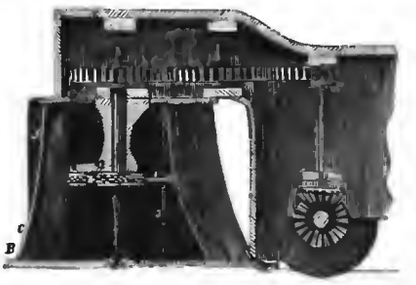
16-го марта, по случаю совершеннолѣтія сына покойнаго экс-императора французовъ Наполеона III, въ Чизльгерстѣ, въ Англіи, гдѣ въ настоящее время проживаетъ семейство умершаго императора, былъ большой праздникъ, на который собралось до 6,000 разныхъ приверженцевъ бонапартизма, въ томъ числѣ весьма

Библиотека "Руниверс"

Локомотивъ съ отвалами для отгребанія снѣга въ Америкѣ. (Грав. Езерскій. (Фиг. 1).



(Фиг. 2).



(Фиг. 3).

Библиотека "Руниверс"

многіе пріѣхали нарочно для этой цѣли изъ Франціи. Событіе это послужило поводомъ къ дѣлой манифестаціи со стороны приверженцевъ наполеоновской династіи. Императорскій принцъ, которому минуло едва только 18 лѣтъ, произнесъ къ настоящему случаю рѣчь, заключающую въ себѣ взгляды этой партіи на положеніе дѣлъ во Франціи и показывающую, что партія бонапартистовъ не только не теряетъ надежды на возстановленіе монархіи съ молодымъ принцемъ во главѣ, но даже совершенно увѣрена въ успѣхѣ своего дѣла. Какъ ни странны кажутся на первый взглядъ подобныя иллюзіи, но при настоящемъ положеніи дѣлъ во Франціи тамъ можно ожидать осуществленія даже самыхъ невозможныхъ плановъ и намѣреній; а потому не будетъ ничего удивительнаго, если не сегодня, такъ завтра мы услышимъ о какомъ нибудь новомъ Coup d'etat въ этой злополучной странѣ, которая внушаетъ къ себѣ сочувствіе уже за одни свои безконечныя неудачи.

Судебная хроника.

Рѣдко такъ была переполнена посѣтителями зала уголовнаго отдѣленія московскаго окружнаго суда, какъ во время процесса Бострэмовъ. Не только мѣста, назначенныя для публики, были заняты, но и въ проходахъ, и въ углахъ толпились любопытные, такъ что при открытіи засѣданія предсѣдатель вынужденъ былъ выслать съ жандармами тѣхъ, которые должны были стоять за неимѣніемъ мѣста и на приглашеніе удалиться — отвѣчали отказомъ. — На скамьѣ подсудимыхъ — двое молодыхъ людей. Имъ нѣтъ еще и тридцати лѣтъ. Это братья Оскаръ и Александръ Бострэмы. До сихъ поръ они не имѣли никакихъ столкновеній съ судомъ и пользовались наилучшей репутаціей, и вотъ теперь— привлечены къ суду по обвиненію въ грабежѣ, совершенномъ ими надъ присяжнымъ повѣреннымъ Московскаго суда—Львомъ Гольдшмитомъ. Всеобщій интересъ и неподдѣльное, искреннее участіе возбуждали въ публикѣ двѣ молодыя женщины—жены подсудимыхъ. Онѣ съ напряженнымъ вниманіемъ и съ выраженіемъ страха на лицѣ, боязливаго ожиданія, слѣдили за ходомъ дѣла. Обвиненіе основывалось на слѣдующихъ данныхъ: 22-го Ноября 1873 года г. Гольдшмитъ заявилъ судебному слѣдователю 2-го участка, что когда онъ, Гольдшмитъ, въ 3 часа по полудни того же дня явился въ квартиру Оскара Бострэма, чтобы навѣстить своего ребенка, отданнаго имъ на воспитаніе въ семейство Бострэма, то встрѣтилъ обоихъ братьевъ Оскара и Александра, которые, напавъ на него, нанесли ему оскорбленіе дѣйствіемъ и кромѣ того—ограбили, взявъ у него 2000 руб. сер., въ довершеніе же всего принудили подписать вексель на 5000 рублей и росписку на 1000 р. Вслѣдствіе этого заявленія, судебный слѣдователь вмѣстѣ съ Гольдшмитомъ отправился на квартиру Бострэма, гдѣ ему и были отданы вексель и росписка; но 2000 р., будто-бы ограбленныхъ, при этомъ не оказалось: денегъ этихъ не нашли. При осмотрѣ комнаты судебный слѣдователь замѣтилъ: одно сломанное кресло, стекло разбитое въ окнѣ и мокрое полотенце съ кровяными пятнами. На лицѣ Гольдшмита, на рукахъ его и на рукавахъ рубашки тоже была кровь. Лицо его было мѣстами изранено, ранки были и на другихъ частяхъ тѣла, однако врачъ нашелъ ихъ незначительными. На полу валялась разорванная и запятнанная кровью другая росписка — на 5000 рублей. Гольдшмитъ хотѣлъ, чтобы нападеніе, сдѣланное на него, разсматривалось на судѣ какъ дѣяніе, единственной цѣлью котораго былъ просто грабежъ, а не расправа за оскорбленіе, будтобы нанесенное имъ женѣ Оскара Бострэма: это, по его мнѣнію, было только предлогомъ къ грабежу со стороны братьевъ Бострэмовъ. Однако, рядомъ съ этой точкой зрѣнія явились и другія, благодаря показаніямъ подсудимыхъ и вызванныхъ свидѣтелей; эти новыя свѣдѣнія были такого свойства, что не могли возбудить особенной симпатіи къ г. Гольдшмиту. Изъ массы показаній, хотя и неотносящихся прямо къ самой сути процесса, можно, какъ кажется, усмотрѣть слѣдующее: Гольдшмитъ, будучи женатымъ, соблазнилъ молодую дѣвушку и увезъ ее за границу, гдѣ она вскорѣ послѣ родовъ и умерла. Съ ребенкомъ и богемкой-нянькой возвратился онъ изъ за границы въ Москву. Познакомившись на желѣзной дорогѣ съ однимъ изъ подсудимыхъ (Оскаромъ), Гольдшмитъ, черезъ нѣсколько времени, отдалъ Оскару Бострэму на воспитаніе этого ребенка, сначала, однако, не называя его своимъ. Посѣщая Бострэма, онъ вскорѣ сталъ обнаруживать гораздо больше интереса къ молодой женѣ его, чѣмъ къ ея питомцу, который былъ къ нему все-таки ближе. Дѣло дошло до того, что госпожа Бострэмъ вскорѣ принуждена была пожаловаться своему мужу на навязчивость и безсовѣстныя предложенія Гольдшмита. Поступки этого послѣдняго удивили даже кухарку Бострэма и она рѣшилась однажды сказать своему барину: «Вамъ бы, сударь, слѣдовало быть дома, когда приходитъ сюда этотъ черномазый»... 20-го ноября Гольдшмитъ (онъ обыкновенно являлся тогда, когда Оскара Бострэма не бывало дома) возобновилъ свою навязчивость и такъ встревожилъ этимъ молодую женщину, что мужъ ея, вернувшись домой, не могъ не замѣтить ея волненія. Тутъ Оскаръ Бострэмъ и рѣшилъ дать хорошій урокъ непрошеному гостю. 21-го ноября былъ праздничный день, а по праздникамъ Гольдшмитъ никогда не являлся въ квартиру Бострема, потомучто, какъ показалъ Оскаръ Б., онъ могъ быть увѣренъ, что застанетъ его дома; но Бострэмъ никуда не пошелъ и на слѣдующій день, ожидая посѣщенія Гольдшмита. Въ квартирѣ Оскара Б. былъ въ это время и братъ его Александръ. Когда Гольдшмитъ дѣйствительно пришелъ 22-го числа — Оскаръ Бострэмъ пригласилъ его въ свою комнату и началъ тутъ упрекать его въ оскорбленіи жены. Гольдшмитъ все отрицалъ, но такъ какъ Бострэмъ не считалъ возможнымъ вѣрить его словамъ, то и предложилъ ему покончить все это дѣло миромъ, а именно — подписать сейчасъ же вексель на 5000 руб. сер. Вексель этомъ, по показанію Бострэма, долженъ былъ служить ему надежнымъ обезпеченіемъ воспитанія ребенка, ибо, какъ показала передъ судомъ и жена Александра Б., легко можно было ожидать отъ человѣка, который, будучи женатымъ, соблазнилъ дѣвушку, а когда она умерла, началъ преслѣдовать любовными предложеніями чужую жену,—что въ одно прекрасное утро онъ, безъ дальнѣйшихъ церемоній, оставитъ своего ребенка на шеѣ Бострэма, переставъ заботиться о судьбѣ его. Разумѣется, Гольдшмитъ не соглашался подписать вексель и, при этихъ словахъ Оскара Бострэма: «Ну, такъ я знаю что теперь дѣлать», — бросился къ окну, выбилъ стекло и крикнулъ «караулъ!» Тутъ Александръ Б. оттащилъ его отъ окна и оба подсудимые «въ братскомъ единодушіи» такъ отработали Гольдшмита своими кулаками, что онъ, на вопросъ защитника подсудимыхъ: «было-ли ему тогда больно?» отвѣтилъ благимъ совѣтомъ «испробовать на себѣ чтобы узнать: больно или нѣтъ?» Во время потасовки Гольдшмитъ былъ, какъ кажется, несовсѣмъ страдательнымъ лицомъ, но все-таки отстался побѣжденнымъ: защищаясь, онъ схватилъ графинъ, но Оскаръ Б. не только успѣлъ вырвать у него это «орудіе», но и самаго его толкнулъ такъ деликатно на кресло, что кресло сразу попало въ разрядъ инвалидной мебели... Увидя, наконецъ, что сопротивляться далѣе безполезно, Гольдшмитъ подписалъ вексель, но когда ему дали подписать еще росписку на такую же сумму — онъ замаралъ бумагу кровью, вслѣдствіе чего Бострэмъ и разорвалъ эту росписку: она-то и была найдена на полу. Послѣ этого Гольдшмитомъ дана была другая—на 1000 рублей для того, какъ показалъ Бострэмъ, чтобы вексель попридержать, не сейчасъ подавать его ко взысканію. Гольдшмитъ, какъ кажется, поторговался, а относительно векселя просилъ снисхожденія, успокоивая братьевъ Бострэмовъ тѣмъ, что будетъ молчать о случившемся, а также просилъ и ихъ ничего не разглашать. Затѣмъ, какъ заявилъ Гольдшмитъ, братья оставили его въ покоѣ и одинъ изъ нихъ предложилъ ему даже сигару, которую онъ и принялъ, но потомъ все-таки отправился къ судебному слѣдователю—и процессъ начался. Во время преній собственный адвокатъ истца заявилъ, что отказывается отъ главнаго обвиненія—обвиненія въ грабежѣ 2000 р. у Гольдшмита, потому что «не имѣетъ подъ рукой достаточно матеріала для этого». Однако, впослѣдствіи онъ дѣлалъ намеки относительно того, что жена Оскара Б. не была подвергнута обыску... «Легко могло случиться, говорилъ адвокатъ, что одинъ изъ подсудимыхъ успѣлъ скрыть похищенныя деньги». Что-же касается попытки со стороны Гольдшмита соблазнить молодую женщину, то защитникъ его, опровергая это, старался указать, что подобныя указанія—просто выдумка Бострэмовъ, ибо они «люди цивилизованные, умственно развитые», слѣдовательно, гораздо изобрѣтательнѣе въ такихъ вещахъ какого нибудь необразованнаго субъекта, который подкарауливаетъ своего ближняго на большой дорогѣ и, имѣя въ рукахъ дубину, прямо убиваетъ его, чтобы поживиться чѣмъ нибудь и т. д. Прокуроръ также отказался отъ обвиненія Бострэмовъ въ грабежѣ и вообще высказался въ томъ смыслѣ, что скорѣе склоненъ вѣрить показаніямъ обѣихъ женъ, чѣмъ разсказу Гольдшмита... Защитникъ подсудимыхъ, назначенный судомъ, г. Плевако, началъ свою защиту съ большимъ жаромъ; рѣчь его была блистательна; послѣ него говорилъ другой защитникъ, г. Высоцкій, избранный самими подсудимыми. Онъ сказалъ, что обвиненіе, взводимое Гольдшмитомъ на Бострэмовъ, явилось только потому, что самъ Гольдшмитъ пожелалъ выйти сухимъ изъ воды, погубивъ при этомъ два семейства, — и замѣтилъ, что роль Гольдшмита во всемъ этомъ дѣлѣ далеко не завидная, такъ что въ данную минуту «пострадавшая сторона не на томъ мѣстѣ, гдѣ-бы ей по настоящему слѣдовало быть»... Затѣмъ присяжные удалились и, послѣ совѣщанія, вынесли на всѣ вопросы одинъ отвѣтъ: «не виновенъ». Судъ освободилъ Бостремовъ—тяжелое обвиненіе снято было съ нихъ. Рубашку г. Гольдшмита съ пятнами крови на рукавѣ, а также и другія вещи, лежащіе на столѣ, поручено тотчасъ же возвратить г-ну Гольдшмиту — но его уже во время чтенія вердикта не было въ залѣ суда. Засѣданіе было закрыто въ 2 часа утра. Носятся слухи, что г. Гольдшмитъ объявилъ въ совѣтѣ присяжныхъ повѣренныхъ, что намѣренъ сложить съ себя званіе присяжнаго адвоката.

Библиотека "Руниверс"

Смѣсь.

Древность человѣческаго рода. Англійскій археологъ и геологъ Франкъ Кальвертъ, избравшій мѣстомъ своего жительства Дарданеллы, напечаталъ въ выходящемъ въ Константинополѣ журналѣ «*Levant Herald*» статью объ открытіяхъ, которыя, если онѣ въ такой же степени дѣйствительны, увеличиваютъ на громадное число тысячелѣтій, признаваемую теперешней наукой древность человѣческаго рода. «Я имѣлъ счастіе,» пишетъ онъ, «найти вблизи Дарданеллъ вѣрныя доказательства существованія человѣка въ міоценовый періодъ третичной формаціи. Я собственноручно досталъ съ передней стороны состоящаго изъ слоевъ этого періода утеса, на геологической глубинѣ 300 футовъ, остатокъ кости или динотеріума или мастадонта, на выпуклой сторонѣ которой, глубоко вытѣсненна неоспоримая фигура рогатаго четвероногаго съ согнутой шеей, ромбоической грудью, длиннымъ туловищемъ, прямыми передними ногами и широкими ступнями. Тутъ же находятся слѣды семи или восьми другихъ фигуръ, почти стертыхъ, также какъ и заднія ноги первой. Весь рисунокъ занимаетъ наружную часть кости, имѣющей 9 дюймовъ въ діаметрѣ и 5 дюймовъ толщины. Недалеко отъ этой кости, въ различныхъ частяхъ того же утеса, я нашелъ кусокъ кремня и нѣсколько костей, очевидно разбитыхъ вдоль рукою человѣка, для добытія изъ нихъ мозга. На счетъ геологическаго свойства формаціи, изъ которой я вытащилъ на свѣтъ божій эти замѣчательные остатки, невозможно никакое сомнѣніе. Чихачевъ, извѣстный геологическими описаніями Малой Азіи, изслѣдовалъ эти страны и опредѣлилъ, что онѣ принадлежатъ къ міоценовому періоду; это подтверждается ископаемыми костями, зубами и раковинами, найденными тамъ мною. Сэръ Джонъ Люббокъ, которому я послалъ рисунки нѣкоторыхъ изъ этихъ ископаемыхъ, пишетъ мнѣ: что Бюскъ и Джеффрей, эти достойные всякаго довѣрія ученые, признали въ нихъ остатки динотеріевъ и черепъ одной породы мелапіи, оба, строго принадлежащіе міоценовому періоду. Кромѣ этихъ открытій, километрахъ въ 16 отъ вышеупомянутой мѣстности я недавно наткнулся въ наносѣ, имѣющемъ отъ 200-300 футовъ толщины и лежащемъ подъ утесомъ, образованнымъ изъ 400-500 слоевъ, еще на другіе слѣды существованія человѣка. Я не могу навѣрное утверждать, что эта формація также принадлежитъ міоценовому періоду, такъ какъ ея ископаемые еще не опредѣлены научно, но по всей вѣроятности это окажется такъ. Во всемъ этомъ наносѣ я нашелъ много каменныхъ орудій. Кремень относительно рѣдокъ; зато встрѣчаются другіе твердые камни, между прочимъ очень много красной и другихъ цвѣтовъ яшмы. Нѣкоторыя изъ этихъ вещей значительной величины и вѣсятъ отъ 4 — 5 килограммовъ. Всего лѣтъ 40 или 50 какъ было серіозно высказано мнѣніе, что человѣкъ появился на землѣ раньше, чѣмъ за 6000 лѣтъ тому назадъ, какъ обыкновенно принято было считать, и только въ новѣйшее время геологи, на основаніи найденныхъ въ аллювіальномъ наносѣ доказательствъ, признали за человѣческимъ родомъ древность въ 100,000 лѣтъ. Въ пліоценовой и міоценовой формаціяхъ, конечно замѣчались нѣкоторые предполагаемые слѣды существованія человѣка, но они не были достаточно ясны для полнаго доказательства. Наносъ аллювіальнаго періода, которымъ ограничивались самые ранніе, до сихъ поръ извѣстные слѣды человѣка, образуетъ непосредственно подъ поверхностью земли, такъ сказать, тонкую кору; подъ ней лежатъ попорядку толстые слои старыхъ и новыхъ пліоценовъ и міоцены третичнаго періода, въ которомъ открытіе мое показываетъ существованіе человѣка. Вслѣдствіе этого, становится несомнѣннымъ удивительный фактъ, что древность человѣческаго рода надо уже считать не тысячами а милліонами лѣтъ. Дальнѣйшія изслѣдованія мѣста, гдѣ была найдена кость съ вышеописанными рисунками, я откладываю до того времени, когда мнѣ можно будетъ работать надъ этимъ вопросомъ вмѣстѣ съ хорошо извѣстными въ наукѣ учеными, которые, я надѣюсь, посѣтятъ эту страну.

Воздушное путешествіе черезъ атлантическій океанъ. Неустрашимый американскій воздухо-плаватель, намѣревающійся перелетѣть въ воздушномъ шарѣ черезъ атлантическій океанъ, хлопочетъ теперь въ Нью-Іоркѣ о томъ, чтобы достать необходимыя для исполненія его проекта, 2000 фунтовъ стерлинговъ. Шаръ долженъ имѣть 100 футовъ въ діаметрѣ, поднимать 19,000 фунтовъ балласта и тащить хвостъ въ 1000 футовъ длины, который предназначается для облегченія вѣса шара, въ случаѣ погруженія его въ воду. Пассажиры будутъ помѣщаться въ двухъэтажной корзинѣ, нижній этажъ которой будетъ служить кладовой для провизіи, какъ-то: вареной говядины, фруктовъ, а также негашеной извести для варки кофе и яицъ. Подъ шаромъ должна быть устроена открытая галлерея, чтобы дѣлать съ него наблюденія надъ солнцемъ, а подъ этой галлерей будетъ находится спасительная лодка. Профессоръ Визе — имя воздухоплавателя разсчитываетъ на сильное западное теченіе воздуха, которое погонитъ его шаръ въ Англію; онъ намѣревается заняться изученіемъ атмосферическихъ теченій. Если удастся этотъ первый опытъ, профессоръ проектируетъ кругосвѣтное воздухоплаваніе, которое можно совершить по его вычисленіямъ не болѣе какъ въ 8—9 дней.

Дорогая услуга. Мандаринъ Нанкингъ считался самымъ богатымъ частнымъ лицомъ въ Китаѣ. Императору Камхи запала въ голову мысль непремѣнно отнять у Нанкинга часть сокровищъ. Онъ велѣлъ сказать мандарину, чтобы онъ находился въ паркѣ, въ то время когда императоръ прогуливается. Увидѣвъ его въ паркѣ, императоръ приказалъ ему взять подъ уздцы осла, на котораго императоръ сѣлъ и велѣлъ мандарину провести себя въ по парку. Мандаринъ повиновался. Въ награду за свою услугу онъ получилъ отъ императора золотой. Императоръ съ своей стороны захотѣлъ оказать мандарину то же самое удовольствіе. Напрасно старался мандаринъ отклонить отъ себя эту честь: онъ принужденъ былъ согласиться чтобы императоръ провелъ по парку осла, на которомъ сидѣлъ мандаринъ. Когда кончилась эта оригинальная прогулка, императоръ спросилъ мандарина: «Во сколько разъ я больше и могущественнѣе тебя?» Мандаринъ бросился къ его ногамъ и отвѣчалъ, что онъ не осмѣлится сдѣлать такаго сравненія. «Ну, хорошо», сказалъ Камхи, «я самъ его сдѣлаю. Я въ двадцать тысячъ разъ сильнѣе тебя; слѣдовательно за мой трудъ ты долженъ мнѣ заплатить во столько же разъ больше противъ той цѣны, какую я счелъ нужнымъ дать тебѣ.» Мандаринъ заплатилъ двадцать тысячъ золотыхъ и безъ сомнѣнія благословлялъ судьбу за скромность своего повелителя, который точно также могъ бы оцѣнить себя во сто тысячъ разъ сильнѣе и могущественнѣе своего мандарина.

Характеристическая черта китайскихъ нравовъ. Въ «Пекинской газетѣ» напечатанъ императорскій указъ, въ которомъ ставится на видъ примѣръ любви къ родителямъ, доказывающій какъ упорно держатся китайцы своихъ старинныхъ обычаевъ и предразсудковъ. Императоръ говоритъ въ этомъ указѣ, что онъ получилъ депеши отъ Ли-Халъ-Чанга, намѣстника Ліангху въ Хунанѣ, и Хинся (брата Ли, намѣстника Чи-ли), сообщающія ему о смерти трехъ благородныхъ женщинъ въ Хунанѣ и ходатайствующія о томъ, чтобы былъ воздвигнутъ памятникъ для увѣковѣченія ихъ добродѣтелей, и чтобы родственникъ этого семейства, мандаринъ третьяго класса, былъ лишенъ своего званія, за то что осмѣлился поступить противъ старинныхъ обычаевъ Имперіи, не имѣя подобнаго примѣра въ прошедшемъ. У помянутаго мандарина, Ли-Конгъ-ліао, былъ младшій братъ, который женился на женщинѣ обладавшей огромнымъ богатствомъ и необыкновенной красотой. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ счастливаго супружества, онъ скоропостижно умеръ, оставивъ двухъ дочерей, которыя были уже обручены. Жена его была неутѣшна, плакала не осушая глазъ, не принимала никакихъ совѣтовъ и сочувствія своихъ друзей и заперлась отъ всѣхъ; наконецъ здоровье ея было совершенно потрясено и она ослѣпла. Это страшно подѣйствовало на ея дочерей, наслѣдовавшихъ отъ матери ея красоту и преданное сердце; онѣ рѣшили посвятить свою жизнь матери, чтобы постомъ и молитвой возвратить ей потерянное зрѣніе. Семейства, въ которыя онѣ должны были вступить выйдя замужъ, прибѣгли къ посредничеству старшаго брата умершаго, естественнаго опекуна дѣвушекъ. Этотъ послѣдній уговаривалъ ихъ не произносить такаго обѣта. Но дѣвушки твердо стояли на своемъ. По китайскимъ понятіямъ любви къ родителямъ, это совершенно въ порядкѣ вещей. Мать умоляла дочерей послѣдовать совѣту дяди. Дѣвушки оставались непреклонны, говоря что жизнь ихъ должна быть долгой молитвой къ богамъ о возвращеніи ихъ матери свѣта. Несчастная мать, чувствуя что она служитъ помѣхой своимъ дочерямъ и семействамъ въ которыя онѣ должны бы были вступить, рѣшилась на самоубійство. Теперь горе дѣвушекъ не знало границъ; онѣ плакали день и ночь. Дядя опять пробовалъ ихъ уговаривать, но когда увидѣлъ что всѣ его убѣжденія напрасны, онъ строго велѣлъ имъ преодолѣть горе и готовиться къ свадьбѣ. Тутъ онѣ стали еще сильнѣе плакать, и оставшись вдвоемъ рѣшили, что всего лучше поскорѣе соединиться въ Гадесѣ (небо китайцевъ) съ своей возлюбленной матерью; и вотъ обѣ сироты прекращаютъ свою жизнь, повѣсясь въ своихъ спальняхъ. Такъ печально оканчивается исторія трехъ несчастныхъ женщинъ.—Далѣе Императоръ говоритъ, что семейство это заслуживаетъ самыхъ высокихъ похвалъ, жена за безграничную преданность мужу, дочери за пожертвованіе своей жизнью матери. Поэтому памяти ихъ должны быть воздаваемы величайшія почести. Что же касается дяди ихъ мандарина Ли-Конгъ-ліао, предпочитавшаго для своихъ племянницъ счастливое замужество посту, молитвѣ и самоотверженію дѣтской любви, то онъ лишается за это всѣхъ своихъ почетныхъ и довѣренныхъ должностей, дабы другіе, видя его стыдъ, трепетали и видѣли въ этомъ предостереженіе для себя.

РѢШЕНІЕ ШАХМАТНОЙ ЗАДАЧИ № 3-й.

(См. № 13 „Нивы").

Бѣлые.	Черные.
1) a 7 — c 5	1) Черные могутъ ходить какъ угодно.
2) c 5 — b 4	
3) c 6 — a 6	

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— О рекрутскомъ наборѣ 1873 г., произведенномъ съ обѣихъ полосъ Имперіи и съ губерній Царства Польскаго въ періодъ времени съ 15-го января по 15-е февраля минувшаго года, сообщаются въ «Русскомъ Инвалидѣ», между прочимъ, слѣдующія свѣдѣнія: По раскладкѣ слѣдовало взять съ населенія Имперіи 147.490 рекрутъ. Въ этомъ числѣ принято натурою 118.782; зачтено по квитанціямъ: выкупнымъ — 9,421, зачетнымъ — 3,136; внесено деньгами за 646 человѣкъ; осталось къ сроку окончанія набора въ недоимкѣ 6,505 человѣкъ. Сверхъ того во время набора принято по разнымъ случаямъ 1,284 рекрута. По росписаніямъ, составленнымъ соразмѣрно числу мужескаго населенія Царства Польскаго, наборъ 1873 года долженъ быть доставить 18,910 рекрутъ. Въ этомъ числѣ принято рекрутъ 15,757; откупилось взносомъ въ 800 рублей. 1.455; осталось въ недоимкѣ 812. Сумма расходовъ по набору, падающая на бюджетъ Военнаго Министерства, равняется 2.696,560 руб. 7½ коп. Общій расходъ казны на каждаго рекрута среднимъ числомъ доходитъ до 27 р. 23 к.

— Въ Кронштадтѣ 16-го марта отданъ по порту приказъ о началѣ вооруженія судовъ, назначенныхъ въ нынѣшнемъ году въ плаваніе.

— Въ «Кронштадтскомъ Вѣстникѣ» помѣщены слѣдующія *свѣдѣнія о пріобрѣтеніяхъ нашего флота, сдѣланныхъ, въ теченіе прошлаго 1873 года.* Въ числѣ этихъ пріобрѣтеній на первомъ планѣ стоятъ двѣ новыя Императорскія яхты «Держава» и «Ливадія», окончательно вооруженныя и испытанныя въ прошломъ году. Обѣ яхты построены въ Россіи, изъ русскихъ матеріаловъ, и снабжены машинами, изготовленными въ Петербургѣ и въ Колпинѣ. Изъ боевыхъ судовъ окончены въ прошломъ году постройкою и вооруженіемъ поповка «Новгородъ», и продолжалась въ Кронштадтѣ отдѣлка двухбашеннаго броненоснаго брустверного корабля «Петръ Великій», спущеннаго на воду въ 1872 г. На воду въ прошл. году спущены были: броненосный 6-ти-пушечный корветъ «Генералъ-Адмиралъ», и колесный пароходо-фрегатъ «Олафъ». Продолжалась постройка второй поповки — «Кіевъ», переименованной въ «Вице-Адмиралъ Поповъ». Далѣе слѣдуютъ: 6-ти-пушечный броненосный корветъ «Александръ Невскій», строющійся, канонирскія лодки «Нерпа» и «Сивучъ», строющіяся въ Николаевскѣ-на-Амурѣ, и морскія баржи «Ершъ» и «Карась», строющіяся въ Астрахани. Въ теченіе года вновь заложены были: паровой клиперъ «Крейсеръ», строющійся изъ желѣза съ деревянною обшивкою въ Новомъ адмиралтействѣ, въ С.-Петербургѣ, канонирская лодка «Ершъ», строющаяся тамъ же, паровой барказъ, строющійся въ Николаевскѣ на Амурѣ и еще неимѣющій названія, и двѣ маленькія парусныя шкуны, для практики, строющіяся при мачтовомъ мастерствѣ въ Кронштадтѣ.

Земская хроника.

— Слѣдующія суммы назначены на народное образованіе въ текущемъ году уѣздными земскими собраніями: Самарскимъ 13,613 р. и Новоржевскимъ, 3,200 р.

— Казанское губ. Зем. Собраніе постановило уполномочить Губернскую Управу войти въ соглашеніе съ Городскимъ Управленіемъ объ учрежденіи въ Казани оспеннаго института, а на расходы на этотъ предметъ ассигновать 1,600 рублей.

— Калужское губ. Зем. Собраніе постановило поручить Губернской Управѣ ходатайствовать объ улучшеніи судоходства по Окѣ расчисткою фарватера этой рѣки, который съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе мелѣетъ.

— Симбирс. губ. Зем. Собраніе постановило снестись съ земствомъ Пензенской и Саратовской губерній о принятіи совмѣстныхъ мѣръ къ истребленію волковъ, такъ какъ выдача вознагражденій за убитыхъ волковъ уже принята въ губерніяхъ Самарской, Казанской и Нижегородской.

— Въ Ломжинской губерніи *поземельныя права крестьянъ* какъ въ частныхъ, такъ и въ казенныхъ имѣніяхъ, и отношенія собственниковъ къ бывшимъ владѣльцамъ опредѣлены окончательно и завершены составленными своевременно ликвидаціонными табелями.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— 8-го сего февраля открыто *въ Ржевѣ Тверской губ. Общество ревнителей тушенія пожаровъ въ городѣ.*

— *Петрозаводская* Городская Дума, озабочиваясь изысканіемъ мѣръ къ прекращенію нищенства, опредѣлила открыть въ городѣ подписку на сборъ суммы, необходимой на содержаніе пріюта для неимѣющихъ крова престарѣлыхъ людей и малолѣтныхъ дѣтей.

— Оренбургская Город. Дума постановила представить мѣстнымъ жителямъ производить безплатно ловлю рыбы въ принадлежащихъ городу водахъ, съ тѣмъ чтобы ловля эта не была допускаема неводами, а бредни употреблялись длиною не болѣе 30 саженъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Въ пещерахъ близъ *Ойцова, Кѣлецкой губерніи, открыты значительны пласты гуано.* Количество гуано считаютъ въ 100,000 центнеровъ.

— Авторъ статьи *«Памяти минувшаго года» — А. С.*, разобравъ свойства засухъ, приходитъ къ заключенію, что самое лучшее средство противодѣйствія засухамъ — есть глубокая обработка земли, съ достаточнымъ ея разрыхленіемъ. Главнѣйшая основа этого заключенія—свойство почвы поглощать изъ воздуха находящуюся въ немъ постоянно въ формѣ паровъ влагу.

Условія, при которомъ это свойство почвы наиболѣе проявляется, замѣчается въ высшей степени рельефно тогда, когда почва достаточно разрыхлена.

— Кіевское общество Садоводства предположило устроить 23-го, 24-го марта въ гор. Кіевѣ *выставку предметовъ садоводства*, въ видѣ цвѣточнаго базара.

— *Жатвенная машина*, извѣстная подъ названіемъ *«варшавянки»* и изобрѣтенная *г. Флоріаномъ Грубинскимъ*, до настоящаго времени, несмотря на громадные заказы, приготовлялась въ весьма ограниченномъ числѣ экземпляровъ, только на фабрикѣ желѣзныхъ издѣлій г. Воронцова-Вельяминова, которая не успѣвала удовлетворять всѣмъ требованіямъ. Недавно составилась въ Варшавѣ компанія для изготовленія въ огромномъ количествѣ жатвенныхъ машинъ г. Грубинскаго. Компанія эта предполагаетъ еще къ началу жатвы текущаго года изготовить, по крайней мѣрѣ, тысячу жатвенныхъ машинъ.

— 15-го февраля *г. Раковичъ* прочелъ въ Кронштадтскомъ Морскомъ Собраніи первую лекцію *объ опредѣленіи качествъ ржаной муки посредствомъ хлороформа.* Для узнанія качествъ ржаной муки и ея примѣсей по способу, изобрѣтенному г. Раковичемъ, муку всыпаютъ въ цилиндръ, наполненный хлороформомъ, гдѣ она раздѣляется на три слоя: верхній—отруби, средній—клейковина, и нижній—крахмалистыя вещества. Наиболѣе интересною была та часть лекціи, гдѣ говорилось о примѣси *спорыньи* въ ржаной мукѣ. Отъ прилитія постепенно большаго количества спирта къ хлороформу вся мука вообще осѣдаетъ въ цилиндрѣ на дно, и послѣ всѣхъ другихъ слоевъ отруби. Между тѣмъ, черноцвѣтныя вещества, и между ними спорынья, остаются наверху. Для отличія спорыньи отъ другихъ черноцвѣтныхъ веществъ служитъ реакція на разведенную сѣрную кислоту, прибавленія которой въ количествѣ трехъ капель достаточно, чтобы сперва обезцвѣтить спорынью, а потомъ окрасить ее въ розоватый цвѣтъ. Это самая чувствительная и вѣрная реакція. Мука считается годною къ употребленію, если въ ней не болѣе полупроцента спорыньи, между тѣмъ содержащая болѣе % служитъ причиною извѣстныхъ болѣзней.

ТЕАТРЪ И МУЗЫКА.

— Въ послѣдніе три года въ Архангельской губерніи на родинѣ Ломоносова положено основаніе и упрочено существованіе народнаго театра, на которомъ играютъ исключительно крестьяне любители. Театръ этотъ обратилъ серіозное вниманіе публики. 30-го января посѣтилъ его начальникъ губерніи. По крайней недостаточности піесъ, пригодныхъ для здѣшней сцены, пришлось повторить «Дѣдушка домовой» и «Ямщики». Многимъ крестьянамъ, желавшимъ быть въ театрѣ, по недостаточности помѣщенія, пришлось отказать. Роли были выполнены хорошо; въ заключеніе спектакля 7 крестьянскихъ мальчиковъ пропѣли народный гимнъ «Боже, Царя храни».

— Въ Петерб. газ. пишутъ, что наша соотечественница, г-жа Бѣлоха, получила ангажементъ въ Нью-Йоркъ за 150 тыс. дол. ларовъ.

ГИГІЕНА.

— Въ засѣданіи Императорскаго Виленскаго Медицинскаго Общества, 12-го января текущаго года, членъ Общества И. Я. Жицкій сообщилъ, что въ минувшемъ году, проживая въ деревнѣ, онъ замѣтилъ, что дворовая, очень злая собака, часто разрывавшая встрѣчающихся въ тѣхъ мѣстностяхъ змѣй, а именно coluper berus, и vipera berus, и потому часто имѣвшая на шеѣ, головѣ и около рта опухоли покрововъ вслѣдствіе укушенія змѣй, покусалась однажды съ прибѣжавшею откуда-то несомнѣнно *бѣшеною собакою* (покусанные прибѣжавшею собакой скотъ и другая собака молодая взбѣсились). Крѣпко искусанная собака наблюдалась съ намѣреніемъ застрѣлить ее при первыхъ подозрительныхъ симптомахъ, но осталась здоровою. Это обстоятельство обратило на себя особенное вниманіе референта; при собираніи объ этомъ предметѣ свѣдѣній, онъ встрѣтилъ женщину, которая, бывъ однажды укушена змѣей, подверглась впослѣдствіи укушенію бѣшеной собаки, но осталась здоровою. Вслѣдствіе этого референтъ остановился на вопросѣ: нѣтъ ли антагонизма между *змѣинымъ ядомъ и ядомъ бѣшеной собаки*, подобно антагонизму между оспеннымъ ядомъ (variola) и коровьею оспою (vaccina).

ЛИТЕРАТУРА.

— Въ обѣихъ петербургскихъ газетахъ, издающихся на нѣмецкомъ языкѣ — «St. Petersburger Zeitung» и Nordische Presse — напечатано объявленіе о томъ, что, въ виду недостаточности круга читателей для успѣшнаго изданія въ Петербургѣ двухъ нѣмецкихъ газетъ, редакціи ихъ условились между собою соединить обѣ газеты въ одну, вслѣдствіе чего съ 1-го апрѣля будетъ выходить у насъ одна только «St. Petersburger Zeitung»

СОДЕРЖАНІЕ: Развалины Гапсальскаго замка (съ рисункомъ).—На страстную недѣлю (съ картиной Корреджіо).—Барышня и барыня (записки доктора) В. Клюшникова (окончаніе).—Женская война противъ пьянства въ Америкѣ (съ рисункомъ).—Локомотивъ съ отвалами для отгребанія снѣга (съ тремя рисунками).—Политическое обозрѣніе.—Судебная хроника.—Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

При семъ нумерѣ прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ чайнаго магазина К. Е. Киселева въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. 29 марта 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ

ЛИТЕРАТУРЫ

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 15 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 8-го апрѣля 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ПРИЛОЖЕНЫ «ВЕСЕННІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» ЗА АПРѢЛЬ СЪ 11 РИСУНКАМИ.

Бретъ Гартъ. Грав. Пепе.

Библиотека "Руниверс"

Наемщикъ.

(РАЗСКАЗЪ ИЗЪ ОТЖИВАЮЩЕЙ СИСТЕМЫ НАБОРОВЪ).

Въ морозный декабрскій день 186... года, по большой дорогѣ изъ Войнова въ Дегтярскъ шла партія солдатъ, человѣкъ пятнадцать. Это былъ этапъ пересыльныхъ, шедшихъ изъ разныхъ полковъ: кто домой въ отпускъ, кто къ переводу, кто на поправку по болѣзни и т. п. Позади всѣхъ шелъ конвойный солдатъ Войновской уѣздной команды, Голубой. На груди этого начальника партіи висѣлъ на ремнѣ небольшой телячій ранецъ, въ которомъ хранились бумаги и деньги, слѣдующія въ сдачу вмѣстѣ съ партіей въ сосѣднюю Дегтярскую команду.

— Слава тебѣ, Господи! — кажется, доползаемъ и до привала, прервалъ длинное молчаніе одинъ изъ пересыльныхъ солдатъ, завидѣвъ впереди верстахъ въ трехъ деревушку. Онъ шелъ въ отпускъ въ Псковскую губернію. Прослуживъ лѣтъ 15 въ томъ благословенномъ краѣ, гдѣ серіозную русскую зиму знаютъ лишь по старой памяти, да по наслышкѣ, онъ забылъ почти о ней, — а въ настоящую минуту морозъ давалъ себя знать, — и поэтому его интересовалъ привалъ болѣе всего.

— Хоть бы хозяевъ подъискать полюбезнѣе — горяченькимъ-бы покормиться съ морозу, сказалъ другой.

— Да. Послѣ такого мороза, горячаго похлѣбать-бы нехудо, да сторона-то здѣсь скупа насчетъ этого. — Народъ тутъ такой, что горячаго развѣ за деньги добудешь, а такъ чтобы изъ любезности — поворачивай оглобли!.. пояснилъ третій.

— Ну, деньгами-то у насъ не разживешься: были, да всѣ вышли, отвѣтилъ разсчитывавшій на любезность хозяевъ.

— Это, братцы, такая губернія, что горячаго только и разживешься у цѣловальника, сказалъ Голубой, — а мужикъ тотъ самъ ѣстъ хлѣбъ съ мякиною, — оттого мякинниками и прозываются, — варево ихъ не приведи Господи ѣсть.... Я вотъ шестой годъ топчу этотъ край, такъ знаю. У насъ четыре тракта; походишь вотъ этакъ-то — вдоволь насмотришься.

— Значитъ на привалѣ насчетъ горячаго — шабашъ, служба! объяснилъ внушительно все тотъ-же охотникъ до любезности. — Будемъ грѣться у друга-пріятеля, Ивана Елкина, если оный въ сей обители обрѣтается, — и то у кого хватитъ на косушку, а у кого нѣтъ купила, тотъ дѣйствуй по своему усмотрѣнію.

— Именно такъ, сказалъ конвойный. — А кабакъ имѣется.

И солдаты, воодушевленные близкою деревушкою и прочимъ, кому что рисовала фантазія, а также подгоняемые морозомъ, шли бодрѣе и быстрѣе. Начали завязываться разговоры, вертѣвшіеся, впрочемъ, болѣе всего на морозѣ и его свойствахъ.

— Ну, дѣдушка, отвяжись, не обижай воина православнаго: совсѣмъ зазнобилъ руки, говорилъ одинъ, усиленно похлопывая руками.

— Чай и грѣшно такъ шутить надъ нашимъ братомъ! добавилъ другой.

— Землякъ, а землякъ, спрячь усы-то — отморозишь, острилъ солдатъ-любезникъ надъ музыкантомъ изъ евреевъ (шедшимъ въ отставку въ Могилевъ), у котораго высунувшіеся далеко изъ башлыка бакены дѣйствительно казались не натуральными, а сдѣланными изъ ваты.

— Отстань, ступай своей дорогой, отвѣтилъ тотъ.

— Эхъ, морозъ-морозецъ, удалецъ ты русскій!.. затянулъ было одинъ, да на этомъ и остановился.

— Какъ подумаешь, какъ это на свѣтѣ все чудно устроено: лѣтомъ тепло, а зимой холодно, размышлялъ философъ-кавказецъ.

Въ подобномъ отрывочномъ разговорѣ прохожіе не замѣтили пути — и черезъ четверть часа для всѣхъ любезный кабакъ, называемый иногда солдатами Елкинымъ (въ деревняхъ кабакъ обозначается торчащею надъ дверьми или на крышѣ елкою, замѣнившею прежнія вывѣски съ двуглавымъ орломъ), пріютилъ подъ своею кровлею всю эту компанію. Поосвободившись отъ башлыковъ, шарфовъ и прочаго, что у кого имѣлось въ этомъ родѣ, порастеревъ руки, потопавъ приличное время ногами и прогулявшись словцомъ вѣжливымъ и невѣжливымъ насчетъ мороза, — путники принялись за скудную трапезу, заплативъ кто сколько могъ дать кабатчику за живительную влагу. Конвойный Голубой, какъ человѣкъ болѣе знакомый съ мѣстностью и у котораго чуть не въ каждой избѣ была кума или другая какая нибудь болѣе или менѣе близкая родственница, отправился въ деревню провѣдать ихъ и погрѣться болѣе комфортабельнымъ образомъ.

— Не напиваться-же, братцы!... До станціи верстъ двѣнадцать еще, сказалъ онъ и вышелъ.

Выйдя на улицу и подумавъ съ минуту куда направиться, Голубой было уже пустился рысцой къ избѣ старосты, какъ былъ остановленъ молодымъ, лѣтъ 20-ти человѣкомъ, вышедшимъ изъ-за угла кабака. Далеко не зимній и не крестьянскій костюмъ послѣдняго и робость, съ которою онъ остановилъ конвойнаго, привлекли особенное его вниманіе — и ему уже въ перспективѣ представилась трехъ-рублевая бумажка, выдаваемая казною за представленіе бѣглаго безписьменнаго бродяги. Голубой, котораго вся служба посвящена исключительно сбереженію арестантовъ и который на своемъ вѣку провелъ изъ города въ городъ и прокараулилъ не одну сотню этого люда, — тотчасъ смекнулъ, что это какой нибудь горемыка, бѣжавшій изъ Сибири или изъ какого нибудь острога и отъ голода и холода отдающійся въ руки правосудія.

— Я за вами, дяденька, шелъ издали... началъ молодой человѣкъ.

— А что ты за человѣкъ?

— Сынъ Собакинскаго дьякона, былъ въ семинаріи, а теперь иду куда нибудь, отвѣчалъ тотъ почти со слезами на глазахъ и трясясь отъ холода.

— Ты ушелъ изъ семинаріи, что-ли? спросилъ Голубой, по убѣжденію котораго это было что-то въ родѣ острога или Сибири.

— За неуспѣхи исключили... дома никого нѣту... я сирота. Вотъ и пошелъ.

— А есть у тебя видъ? Кто ты каковъ? Ты, пожалуй, улепетнулъ откуда нибудь, а теперь и строишь дурака? допрашивалъ конвойный.

— Есть свидѣтельство, отвѣчалъ семинаристъ, вынимая дрожащими руками изъ-за пазухи бумагу и отдавая ее солдату.

— То-то свидѣтельство. Каково еще свидѣтельство? Бываютъ фальшивыя. Знаемъ мы васъ! продолжалъ Голубой, укладывая бумагу за обшлагъ шинели. — Пойдемъ-ка со мною любезный, тамъ въ теплѣ мы поразвѣдаемъ, что ты такое.

— Я, дядюшка, хотѣлъ-бы въ солдаты.... наняться.... да не знаю съ чего начать, сказалъ молодой человѣкъ, идя за солдатомъ.

— Гмъ, въ солдаты?... Посмотримъ; объ этомъ послѣ поговоримъ, а сначала дай узнать: кто ты таковъ?

И оба отправились въ избу старосты.

Здѣсь отыскавъ былъ грамотѣй, при помощи котораго Голубой убѣдился, что предъявитель сего свидѣтельства — сынъ дьякона села Собакина, такого-то уѣзда и губерніи, Афанасій Прохоровъ Архангеловъ, уволенъ для избранія рода жизни и пр. и пр. Солдату, какъ человѣку опытному, видывавшему на своемъ вѣку кое-какіе виды, а если и не видывавшему то слышавшему кое-что, — послѣ заявленнаго Архангеловымъ желанія поступить въ солдаты и по полученіи свѣдѣній объ его личности представлялась уже не трехъ-рублевая бумажка. «Нѣтъ, тутъ не этимъ пахнетъ, подумалъ онъ, — тутъ можно и четвертной хватить, а не то — такъ и весь Императора портретъ». И будущій служака былъ взятъ подъ особенное покровительство Голубаго, который кормилъ и пригрѣвалъ его, выхлопатывая это, конечно, не изъ своего кармана,

Библиотека "Руниверс"

и присматривалъ за нимъ, чтобы тотъ часомъ не улизнулъ и чтобы надежды конвойнаго такимъ образомъ не рухнули. Архангелову было сдѣлано наставленіе: обо всемъ, касающемся до его личности, на распросы любопытныхъ, молчать; идти при этапѣ, выдавая себя за пересыльнаго, и о дальнѣйшей судьбѣ не думать, а положиться во всемъ на Голубаго.

Планъ Голубаго составился такого рода: въ виду того чтобы такая дорогая находка, какъ Архангеловъ, не ускользнула у него,—вести его въ Дегтярскъ при себѣ, а оттуда такимъ же порядкомъ въ Войновъ, а здѣсь уже дѣйствовать какъ сложатся обстоятельства.

Такимъ образомъ Архангеловъ прошелъ въ качествѣ пересыльнаго въ Дегтярскъ и оттуда въ Войновъ, пользуясь возможными въ этомъ случаѣ удобствами. Голубой былъ такъ внимателенъ къ своему protegé, что удѣлилъ ему изъ своихъ скудныхъ финансовъ двадцать копѣекъ, которыя при удобномъ случаѣ они и пропили вмѣстѣ.

II.

— Ты, Шигаевъ, зачѣмъ вотъ эту шинель на четверть вершка длиннѣе пустилъ? А? Зачѣмъ это? франтить ему, козѣ Нижегородской, надо, что-ли? Сукно лишнее израсходовалъ, да и не форма. Небось радъ, пострѣлъ ты коровій, что сукно не твое?—рѣжь сколько влѣзетъ; недостанетъ, такъ начальникъ пополнитъ. Вотъ я тебя, пугало воронье, какъ засажу въ карцеръ, такъ будешь знать, какъ соблюдать казенный интересъ! Ты, я знаю, взялъ съ него на шкаликъ, да и сдѣлалъ ему шинель длиннѣе. Вотъ я васъ обоихъ!... А знаешь-ли ты, беззубый твой дѣдъ, что прибавивши ему въ длину четверть вершка на полу, прибавилъ на шинель полвершка, а на восемьдесятъ шинелей ты прибавишь сорокъ вершковъ,—вѣдь почти три аршина. Шутка, небось?

Такъ говорилъ начальникъ Войновской уѣздной команды, штабсъ-капитанъ Никонъ Кирилловичъ Фофановъ, осматривая въ своей канцеляріи вновь сшитыя шинели и собственноручно измѣряя длину каждой изъ нихъ аршиномъ.

— Вотъ у этой, чушки заморской, тоже чуть длиннѣе. Это просто подрясники поповскіе, а не шинели. Ты, братъ, заткнуть тебя въ трубу, у меня не умничай! Начальство умнѣе тебя: порѣшило оно быть шинели семь вершковъ отъ полу—ну и дѣлай такъ.

Эти наставленія и распеканціи относились къ командному закройщику Шигаеву.

Шигаевъ, дока и плутъ по части шитья казенной одежды,—очень хорошо сознавалъ, что при его кройкѣ не можетъ быть и рѣчи о недостаткѣ, а скорѣе еще останется экономіи аршинъ двадцать пять. Зналъ онъ также, что шинели его хороши и лишняго сукна на нихъ не пошло,—что въ карцерѣ онъ сидѣть не будетъ, такъ какъ все это говорится по привычкѣ. Зналъ все это и начальникъ, но говорилъ все-таки и распекалъ, будучи убѣжденъ въ душѣ, что подчиненнаго слѣдуетъ распечь. И онъ любилъ распекать. Каждодневно каждый изъ его подчиненныхъ, начиная съ фельдфебеля и кончая вѣстовымъ или младшимъ писаремъ, получалъ свою долю распеканія, при чемъ былъ обозванъ чемъ нибудь, такъ какъ каждый солдатъ у Фофанова имѣлъ свою особенную кличку. Ругаться Фофановъ не любилъ и ругательства его имѣли такой оригинальный характеръ, что скорѣе походили на ласку чѣмъ на брань. Короче сказалъ, онъ былъ добрѣйшее существо въ мірѣ,—въ доказательство чего разсказываютъ два особенно оригинальныхъ анекдота, которые нельзя не передать здѣсь. Идетъ Фофановъ по улицѣ и видитъ, что одинъ изъ его солдатъ, вслѣдствіе усерднаго возліянія Бахусу, никакъ не можетъ взойдти на крутой всходъ моста—онъ беретъ его подъ руку и помогаетъ ему взойдти; а на другой день распекъ за то, что тотъ, будучи пьянымъ, не избралъ себѣ болѣе удобнаго пути. Въ другой разъ, дежурный явился къ нему въ такомъ видѣ, что языкъ его не ворочался рапортовать о состояніи команды и рапортовалъ за него вѣстовой его благородія, спрятавшійся сзади дежурнаго. На другой день добрый начальникъ распекъ послѣдняго за то, что тотъ шатался, а не прислонился для твердости къ стѣнѣ.

Голубой, явившись къ начальству въ канцелярію, отрапортовалъ о благополучномъ препровожденіи этапа и хотѣлъ было уже выйдти, чтобы отправиться на другую половину, въ квартиру его благородія, и тамъ докончить неофиціальную часть своего рапорта,—но могъ это сдѣлать не прежде, какъ получивъ свою дозу нотаціи и будучи обозванъ Вавилой безпятымъ за то, что не принесъ квитанціи изъ послѣдней команды въ принятіи этапа, хотя солдатъ и объяснялъ, что въ Дегтярской командѣ писаря были пьяны и что начальникъ сказалъ: вышлетъ ее.

Управившись съ дѣлами въ канцеляріи, Никонъ Кирилловичъ отправился на свою половину. Было двѣнадцать часовъ, время, въ которое онъ всегда пропускалъ въ желудокъ рюмку перцовки—и уже готовъ былъ это сдѣлать, уже и рюмка была поднесена ко рту, какъ вѣстовой доложилъ, что пришелъ Голубой. По дѣламъ не служебнымъ, а домашнимъ солдаты всегда являлись къ нему на квартиру, когда имѣли къ нему дѣло.

— Зови, сказалъ онъ, отправивъ скорѣе содержимое въ рюмкѣ по назначенію и пославъ туда же кусокъ чернаго хлѣба, густо насыпанный солью. Онъ не любилъ, чтобы подчиненные знали о его слабости.

Выслушавъ подробный докладъ Голубаго объ Архангеловѣ и взявъ отъ него документъ, онъ велѣлъ позвать послѣдняго. Когда тотъ явился, онъ освѣдомился отъ него самого объ его личности, намѣреніи, предшествовавшихъ обстоятельствахъ: объ его родныхъ.... Спросилъ даже, отчего у него не достаетъ двухъ зубовъ; повѣрилъ примѣты по свидѣтельству и обѣщалъ свое содѣйствіе къ поступленію его на службу охотникомъ.

— Только вотъ что я долженъ сказать, милый ты мой человѣкъ, сказалъ Никонъ Кирилловичъ,—фигура-то твоя плоховата: ростъ небольшой, худощавъ, сутуловатъ... не дадутъ тебѣ много, да и трудно будетъ сдавать въ присутствіи.

— При моемъ крайнемъ положеніи я бы взялъ рублей хоть двѣсти, промолвилъ съ запинкою Архангеловъ.

— Не знаю, не знаю, продолжалъ штабсъ-капитанъ, осматривая молодаго человѣка съ ногъ до головы.—Ну, да тамъ посмотримъ: рѣчь не послѣдняя еще... Пока однако судъ да дѣло, ты государь мой милостивый, живи-ка у меня на кухнѣ; тамъ и продовольствіе тебѣ будутъ отпускать. — Въ городъ одинъ не ходи—городъ нашъ большой—неравно заблудишься, а бери съ собой вѣстоваго.

Послѣдняго штабсъ-капитанъ боялся собственно не потому, что городъ большой и что можно заблудиться, — если бы и случилась такая оказія, то инвалиднаго начальника любой мальчишка укажетъ,—а ради того, чтобы Архангеловъ не обдѣлалъ своего дѣла безъ него, почему тутъ-же поручилъ вѣстовому смотрѣть за нимъ въ оба, а въ городѣ не позволять ему много разговаривать съ посторонними, «да и таскаться попусту нечего», добавилъ онъ.

— Вотъ что, Голубой, сказалъ Фофоновъ по уходѣ Архангелова и вѣстоваго,—знаешь ты Бубна? Тотъ, что около Богородицкой церкви хлѣбомъ торгуетъ?

— Онъ и холсты то же скупаетъ, — знаю, ваше благородіе, отвѣтилъ Голубой.

Бубна знали всѣ солдаты уѣздной команды, потому что весь холстъ, отпускаемый имъ, всегда продавали ему.

— Ну, такъ сходи къ нему—у него сынъ на очереди—и скажи ему, что я его прошу сегодня вечеркомъ на чай. Дѣльце, скажи, есть. Многаго тамъ съ нимъ не разговаривай, а просто скажи: важное, молъ, дѣло! сказалъ Фофановъ, знавшій хорошо у кого въ городѣ сынъ на очереди или дочь на выходѣ.

— Слушаю, ваше благородіе, отвѣтилъ Голубой и отправился по назначенію.

III.

Мѣщанинъ Бубенъ велъ торговлю хлѣбомъ, скупалъ холстъ, кожи, пеньку и т. п. Онъ имѣлъ въ Войновѣ хорошій каменный домъ, тысячь десять капитала и четырехъ взрослыхъ сыновей. Уже давно считается за его семействомъ рекрутская очередь, и до сихъ поръ онъ отдѣлывался то поклонами головѣ, то благодарностью секретарю Думскому. Наконецъ онъ

Библиотека "Руниверс"

пришелъ къ тому заключенію, что гораздо выгоднѣе отбыть эту повинность (неизвѣстно, почему онъ не записывался въ купечество). Чтобы который нибудь изъ его сыновей поступилъ въ рекруты—объ этомъ онъ и думать не хотѣлъ, считая предсудительнымъ даже, если его сынъ будетъ стоять въ рекрутскомъ присутствіи голымъ; да къ тому и знакомые заклевали-бы его, еслибъ только это случилось. Надежда на забраковку тоже плоха: одного забракуютъ, трое на его мѣсто есть.—Слѣдовательно оставалось одно средство—нанять охотника, котораго Бубенъ уже давно пріискивалъ и находились даже такіе, но или просили дорого, или собой плоховаты, такъ что сдача ихъ обошлась бы дорого, а къ тому же и наборъ предстоялъ еще не скоро,—и Бубенъ по пословицѣ: тише ѣдешь—дальше будешь, разсчитывалъ, что еще успѣетъ найдти подходящаго человѣка. Выкупныя квитанціи въ то время еще не были введены.

Между тѣмъ, не за горами и становилось 15 января, начало наборовъ,—а Бубенъ охотника за сына не сдалъ и даже не пріискалъ еще. Къ этому времени и наемщики становятся рѣдки, потому что больше является потребителей на нихъ. Они, обыкновенно, разбираются заранѣе: за мѣсяцъ и болѣе; хозяева въ это время ихъ отпаиваютъ и откармливаютъ,—короче сказать, въ это время ихъ стараются какъ можно болѣе запутать въ сѣти, такъ что ко дню набора этимъ несчастнымъ становится уже невозможнымъ какъ нибудь распутаться—и обыкновенно приходится доплучить лишь нѣсколько рублей изъ условной платы, хотя они и половины еще не получали.

Бубенъ сидѣлъ въ лавкѣ.

— Здравствуйте, Федотъ Павловичъ! сказалъ ошедшій Голубой.

— Здравствуй, почтенный. Что надо?

— Да вотъ нашъ баринъ (такъ въ нѣкоторыхъ командахъ солдаты называютъ начальника, въ разговорахъ о немъ) проситъ васъ сегодня къ себѣ по одному дѣльцу, касательно васъ. Охотникъ пріискивается, а вамъ, кажется, надобность въ немъ имѣется.

Послѣднее Голубой сказалъ нѣсколько тише.

— А!... охотникъ—хорошо. Прійду.—Изъ какихъ онъ?

— Изъ духовныхъ. Архангеловымъ прозываютъ.

— Ученый значитъ, подумалъ про себя Федотъ Павловичъ,—задумаетъ о себѣ Богъ знаетъ что и заломитъ такую цѣну... Ну, да Слава Богу что нашелъ, а тамъ какъ нибудь будемъ уламывать: съ большаго-то съѣзжаютъ на маленькое... Я пріискалъ было, сказалъ онъ въ слухъ,—да и этого все таки посмотримъ. Хорошо, прійду.

Бубенъ совралъ, что нашелъ охотника; ему нужно было показать видъ, что мало нуждается въ немъ.

— Человѣкъ красивый и ростомъ подходящъ, продолжалъ солдатъ.

— Подходящъ не подходящъ, а безъ денегъ не сдашь.—Ну, да тамъ посмотримъ, потолкуемъ... Ступай себѣ, да скажи Никону Кириловичу, что просилъ, молъ, благодарить, что хоть и есть охотникъ, а прійду.

— На чаекъ-бы надо съ васъ.

— Ничего не видя, да и на чай просишъ... Падки вы до чаю-то; а дай—въ кабакъ снесешь.—Приходи въ воскресенье—напою чаемъ. Ну, да что съ тобой дѣлать—на, да и иди. Онъ далъ ему гривенникъ.

По уходѣ Голубаго, Бубенъ заперъ лавку и отправился домой.

IV.

Вечеромъ того же дня, въ квартирѣ Фофанова, за чаемъ рѣшали судьбу Архангелова Никонъ Кириловичъ съ Федотомъ Павловичемъ.

— Отецъ его, видите-ли, Федотъ Павловичъ, знакомый мнѣ. Ну, и просилъ похлопотать, чтобы доставить сыну случай поступить за кого нибудь въ солдаты. «Мнѣ бы, говоритъ, помощь оказалась, да и брюхо одно съ хлѣба долой.» Семья-то у него большая: шесть сыновей еще дома осталось. Учился-то этотъ плохо: его и исключили семьѣ на шею. Мнѣ-бы и охоты не было возиться съ нимъ, да знаю, что вамъ нуженъ человѣкъ такой, говорилъ Никонъ Кириловичъ.

— Все это такъ, да ужъ дорого хотите вы, баринъ,—шутка-ли 500 рублей! За эти деньги въ нную пору ихъ двухъ можно достать, отвѣчалъ Бубенъ.

— Какъ хотите. Я вамъ по совѣсти говорю: меньше нельзя. Пошлю сказать къ Папушкину, тотъ, кажется, тоже ищетъ охотник.. Онъ дастъ эти деньги.—Хотѣлъ вамъ удружить, потому что хлѣбъ-соль водимъ. Видно, не подходитъ статья, сказалъ полуобиженнымъ тономъ штабсъ-капитанъ.

— Я съ моимъ удовольствіемъ, Никонъ Кириловичъ, да цѣна-то вѣдь небывалая, а къ тому-жъ и имѣется на примѣтѣ человѣкъ, сказалъ торговецъ.—Такъ, рублей 300—можно-бы.

— Нѣтъ. Такъ мы съ вами, Федотъ Павловичъ, не сойдемся.—Вы ужъ скупитесь очень.—Вотъ, другое дѣло если есть человѣкъ такой у васъ,—такъ сказали бы давно.—Намъ и толковать попусту не о чемъ. Вамъ значитъ не нуженъ онъ?

— Кто говоритъ: не нуженъ?—Нуженъ. Съ тѣмъ мы можемъ и распрощаться—отказать ему, сказалъ Федотъ Павловичъ, вспомнивъ, что Папушкинъ дѣйствительно нуждается въ охотникѣ.

— Ну, такъ нечего и толковать. Я это дѣло съ вами рѣшаю, какъ съ знакомымъ и для знакомства, а то бы я меньше 500 и толковать не сталъ. Что онъ мнѣ родной, что-ли? А главное, старикъ на меньшее не согласится. Онъ потому и просилъ меня: «увидитъ, говоритъ, деньги—за бездѣлицу наймется.» Вы сами, Федотъ Павловичъ, знаете: какое теперь время. Теперь на этотъ товаръ охотниковъ много найдется. Кромѣ того, нужно имѣть въ виду, что другаго-то сдача не легко обойдется: нужно и доктору, и тому, и другому подсунуть, а здѣсь вамъ хлопотъ никакихъ—я все дѣло обдѣлаю. Сообразивши все это, вы и увидите, что 500 рублей—ей Богу не дорого. Вы бы посмотрѣли, что за человѣкъ-то?—любо-дорого.—Онъ былъ у меня, да я его послалъ за бумагами—черезъ недѣлю вернется. Рѣшайтесь, Федоръ Павловичъ: деньги на столъ, довѣренность въ руки и дѣло съ концомъ. Я его и сдамъ—здѣсь или въ Сабаровскомъ присутствіи.

Хотя Бубенъ долго еще упрямился въ цѣнѣ, но доводы Фофанова подѣйствовали на него—и особенно то, что штабсъ-капитанъ самъ будетъ хлопотать по этому дѣлу, такъ какъ онъ хорошо понималъ, что иногда охотникъ дешевлѣ стоитъ чѣмъ его сдать.—Порѣшено было, что Архангеловъ поступаетъ въ рекруты за семейство Бубна за 450 рублей, что всѣ хлопоты по сдачѣ и найму беретъ на себя Фофановъ, а Бубенъ получаетъ чистенькій документъ, указывающій, что семейство его рекрутскую очередь отбыло.

Архангеловъ въ это время сидѣлъ на кухнѣ начальника и о рѣшеніи своей участи ничего не зналъ.

V.

20 Января 186... года въ Войновское рекрутское присутствіе былъ представленъ Архангеловъ для пріема въ рекруты.—Представлялъ его Голубой а не наниматель, да и этотъ былъ нуженъ здѣсь скорѣе какъ конвойный, такъ какъ въ провинціи не всегда требуется личность нанимателя, лишь бы было кому деньги выдать, да и время было выбрано такое, когда Федотъ Павловичъ былъ въ уѣздѣ по торговымъ дѣламъ. Нужныя къ этому документы были подписаны братомъ Голубаго, существовавшимъ гдѣ-то въ дальной губерніи, причемъ приложена была и довѣренность, данная Бубномъ на его имя для ходатайства по этому дѣлу. Въ условіи значилось, что Архангеловъ добровольно поступаетъ въ военную службу за семейство Войновскаго мѣщанина Федора Павловича Бубна за вознагражденіе въ 200 рублей, при чемъ всѣ расходы по сдачѣ, требуемые закономъ, принимаетъ на себя Архангеловъ. Его осмотрѣли, нашли къ военной службы годнымъ, документы въ порядкѣ и приняли. Условныя деньги взносилъ Голубой, а военнымъ пріемщикомъ былъ Никонъ Кириловичъ.

И пошелъ Архангеловъ служить службу царскую.

Говорятъ, впрочемъ, что поступивъ въ полкъ, онъ спился съ круга и попалъ въ разрядъ штрафованныхъ.

Голубой съ этого дня кутилъ безъ просыпу цѣлую недѣлю

Библиотека "Руниверс"

Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна Марія Ѳедоровна и Его Высочество Великій Князь Николай Александровичъ.

Рисовалъ Тагаццо, гравировалъ Пуцъ.

Библиотека "Руниверс"

и впослѣдствіи всегда говаривалъ: «да, когда-то и мы обдѣлывали дѣла.

Федотъ Павловичъ получилъ квитанцію въ томъ, что его семейство рекрутскую очередь отбыло и при встрѣчѣ послѣ этого съ Никономъ Кириловичемъ всегда улыбаясь говаривалъ: «поддѣли-же вы, Ваше Благородіе, меня: охотничка сдали за 200, а съ меня взяли 450», на что штабсъ-капитанъ обыкновенно отвѣчалъ: «на то, Федотъ Павловичъ, въ морѣ и щука, чтобы карась не дремалъ.»

Это была... игра!..

РАЗСКАЗЪ

В. К. Гаклэндера.

(Продолженіе).

Слова эти фрейлейнъ Камилла проговорила нарочно больнымъ, страдальческимъ голосомъ, причемъ длинная рѣсницы ея опустились:—Вѣдь я могу требовать этого отъ *моего* доктора, продолжала она, — требовать, потому что отъ сегодняшней жары и послѣ утомительной репетиціи я чувствую себя... я почувствовала себя вдругъ очень нездоровой... Ахъ, пожалуста, пощупате мой пульсъ и изслѣдуйте біеніе моего сердца!

Каретка остановилась, и когда хорошенькая служанка снова появилась въ дверяхъ и доложила потомъ фрейлейнъ Камиллѣ, что «госпожа спитъ»,—Камилла приложила указательный палецъ къ свѣжимъ розовымъ своимъ губкамъ, и взявъ доктора за руку, провела его по другой дорогѣ прямо въ роскошную, чудно-благоухающую гостиную, которая вся была въ тѣни.

Докторъ Дюрингъ и фрейленъ Камилла, оставаясь наединѣ другъ съ другомъ, разговорились и бесѣда ихъ продолжалась довольно долго. Она покоилась на диванѣ, онъ сидѣлъ въ креслахъ. Что касается самаго разговора, то по содержанію онъ былъ вовсе не важенъ; покрайней мѣрѣ фразы говорились обыденныя, простыя, но за то звукъ голоса и взгляды являлись краснорѣчивѣе словъ,—и Камилла, повидимому, не безъ удовольствія замѣчала эти взгляды доктора и прислушивалась къ тону его рѣчи, потому что, когда молодой человѣкъ пожелалъ узнать, какой блестящій камешекъ вдѣланъ въ ея колечко—она протянула ему обѣ свои изящныя ручки. Докторъ не только сейчасъ же схватилъ эти ручки, чтобы тщательно разсмотрѣть колечко и камешекъ, но и сталъ еще подносить то одну, то другую къ своимъ губамъ. Такого рода вольность, конечно, испугала немножко Камиллу, но испугъ этотъ былъ радостнаго свойства, такъ что выраженіе этого чувства даже озарило прелестныя черты ея лица.

Ахъ, вѣдь кругомъ такъ было хорошо, цвѣты такъ благоухали!... Гдѣ-то по сосѣдству прозвенѣлъ колокольчикъ—и звуки его, пролетѣвъ въ тихой гостиной по волнамъ аромата, казались даже нѣжными.

Но вотъ, неожиданно явилась въ дверяхъ хорошенькая горничная и доложила, что «госпожѣ кушать подано». Услышавъ это, докторъ Дюрингъ почти испуганно вынулъ свои часы и взглянулъ на нихъ, дабы убѣдиться въ томъ, что онъ просидѣлъ тутъ, болтая, цѣлыхъ два часа! Да, а между тѣмъ вѣдь ни о чемъ серіозномъ они не говорили... Однако, бесѣда эта была для него настолько важна, что, прощаясь, онъ не могъ оторвать отъ молодой дѣвушки своего открытаго, честнаго взгляда и потомъ сказалъ ей, что «время—проведенное имъ здѣсь—блаженное, незабвенное для него время и что все это чрезвычайно важно для него»!

Фрейлейнъ Камилла, по всей вѣроятности, думала почти тоже, потому что, послѣ ухода его, она съ минуту еще простояла на томъ же мѣстѣ, у дверей, склонивъ голову на руки,—и потомъ, поднявъ глаза, прошептала:

— Я не должна была-бы *этого* дѣлать! О, Боже мой, я не должна была-бы этого дѣлать!..

Но иныя мысли бродили въ головѣ доктора. Не смотря на палящій зной, онъ шелъ теперь по улицѣ такой легкой, свободной походкой, какъ будто его окрыляло ощущаемое имъ высокое чувство радости, даже блаженства; онъ глядѣлъ куда-то вверхъ и глядѣлъ съ такимъ восхищеніемъ, словно видѣлъ тамъ, въ лучезарномъ небѣ, образъ воплотившейся надежды, которая, кивая ему головой, говорила: «Ты будешь счастливъ»!

Что же, развѣ онъ не былъ уже счастливцемъ?... Онъ чувствовалъ себя несказанно-счастливымъ; это было такое счастье, о которомъ онъ никогда и не думалъ, считая его невозможнымъ для смертнаго... Вѣдь онъ—любилъ! Въ первый разъ онъ любилъ со всею страстью, со всѣмъ пыломъ чистой, безгрѣшной молодости. Она слегка только пожала ему руку—и этого было довольно для него: онъ почувствовалъ, что и въ ея сердцѣ есть уже уголокъ для него, онъ подмѣтилъ это, взглянувъ на ея влажные блестящіе глазки.

И не смотря на то, что сердце его ликовало—онъ становился все серіознѣе, даже уныніе начало овладѣвать имъ, когда онъ вспомнилъ объ отношеніяхъ своихъ къ Фанни. Однако, мысль о томъ, какимъ образомъ завязались эти отношенія, нѣсколько успокоила его: онъ могъ поднять правую руку и присягнуть, что никогда не говорилъ ей, Фанни, никакого такого слова, о которомъ она могла-бы напомнить ему съ упрекомъ. Но какъ *все это* такъ случилось—онъ едва-ли могъ сообразить въ данную минуту, и ему скорѣе (что весьма понятно) сватовство его представлялось теперь какимъ-то невозможнымъ, даже невѣроятнымъ дѣломъ.

Докторъ, какъ честный человѣкъ, прежде всего долженъ былъ, разумѣется, попытаться разрѣшить задачу эту удовлетворительнымъ образомъ, но—какъ? этого онъ и самъ хорошенько не зналъ. И вотъ, чтобы покончить съ этимъ, отправился онъ, дня два спустя, въ домъ госпожи Штраммеръ; волнуемый непріятными чувствами, вошелъ онъ туда и былъ встрѣченъ обѣими женщинами съ ледяною холодностью, что и приготовило его заранѣе къ серіозной сценѣ.

Началось съ того, что Фанни привѣтствовала жениха своего такою фразой: «Наконецъ-то г. докторъ соизволилъ снова показаться»! Потомъ послѣдовалъ короткій отвѣтъ доктора, что «у него были на то причины, которыя скрывать онъ вовсе не желаетъ отъ нихъ» и затѣмъ уже завязалась весьма жаркое, настоящее сраженіе, «словесный бой», или вѣрнѣе—аттака, потому что громы раздавались только со стороны мамаши и дочки. Изъ этой аттаки докторъ достаточно хорошо узналъ всю суть дѣла: тутъ были непонятныя ссылки на eau de Сурге, всяческія подозрѣнія и весьма ясное указаніе на Фюрстенштрассе—№ 14...

Въ заключеніе, Фанни объявила доктору съ натянутымъ высокомѣріемъ, что «дочь ея матери» слишкомъ горда, чтобы желать оставаться съ нимъ въ тѣхъ отношеніяхъ, которыя онъ, благодаря своему поразительному невниманію, самъ намѣревался разорвать.

Можетъ быть, это была только простая военная тревога? Не были-ли на самомъ дѣлѣ всѣ эти выстрѣлы холостыми?.. Какъ-бы то ни было, но вообще опасно бросать на вѣтеръ подобные боевые заряды, если стрѣляющій не увѣренъ въ мѣткости своей стрѣльбы или если на щитѣ уже нѣтъ ви-

Библиотека "Руниверс"

димой цѣли: кружка, въ который снарядъ могъ бы ударить. А вѣдь такъ дѣйствительно и было въ данномъ случаѣ: когда докторъ Дюрингъ могъ, наконецъ, заговорить, то, увы! онъ отдѣлывался только словами, одними словами, разумѣется, преисполненными чувства благодарности, искренности.... Но что-же толку-то въ этихъ прекрасныхъ изліяніяхъ въ подобную минуту? Какая польза отъ нихъ стрѣлявшимъ?..

Очутившись на улицѣ, докторъ тутъ только почувствовалъ себя въ безопасности и увѣрился, что непріятность миновала; чувства его были тѣ же, что и у путника, который, застигнутый проливнымъ дождемъ, добрался наконецъ до жилья. Однако, сердце его еще сильно билось, кровь шумѣла въ головѣ, такъ что ему нужно было предпринять довольно продолжительную прогулку, успокоить нервы и вообще настолько оправиться, чтобы явиться потомъ не въ веселую компанію—это было для него невозможно, а въ общество врачей, которые назначили собраніе какъ разъ сегодня. Онъ надѣялся, что въ этомъ собраніи, слушая различныя научныя сообщенія, ему удастся выбросить изъ головы недавнюю непріятную сцену, но это ему не удалось: во время, напримѣръ, чтенія одного изъ своихъ собратовъ по наукѣ объ интересныхъ соотношеніяхъ костей скелета — передъ нимъ рисовалась угловатая, деревянная фигура госпожи Штраммеръ; а когда предсѣдатель общества врачей, профессоръ Шпиттеръ, сообщилъ свой взглядъ на слезную желѣзку—докторъ отчетливо видѣлъ передъ собой Фанни всю въ слезахъ, называвшую его «негоднымъ измѣнникомъ»...

И даже по окончаніи засѣданія, когда онъ возвращался домой, ему все еще трудно было отдѣлаться отъ непріятныхъ воспоминаній, хотя онъ имѣлъ честь проводить знаменитаго предсѣдателя «общества врачей» до самаго его жилища.

Профессоръ Шпиттеръ особенно какъ-то полюбилъ молодаго доктора за его рабочую дѣятельность и искуство, а потому и передалъ ему часть своей практики, рекомендовавъ его во многіе хорошіе дома.

Остановившись у дверей своей квартиры и собираясь позвонить, профессоръ сказалъ доктору Дюрингу:—«Ну, вотъ, вы уже и побывали въ домѣ нашей превосходной, первой пѣвицы, фрейлейнъ Пальмеръ. Особа эта прелюбезная, великолѣпная и весьма приличная молодая особа, а такая рекомендація немаловажна относительно превосходной артистки, за которой такъ всѣ ухаживаютъ.... Ну - съ, насчетъ здоровья фрейлейнъ Камиллы вы не безпокойтесь: она васъ не станетъ утруждать; другое дѣло—старуха,—вотъ - она такъ все страдаетъ, по обыкновенію, воображаемыми болѣзнями и притомъ сразу цѣлою дюжиною недуговъ. Старуха по временамъ будетъ васъ и ночью тревожить, но вы тогда только являйтесь къ ней, когда она пришлетъ за вами раза два-три. Говоря вообще, это домъ хорошій, и меня радуетъ, что вы теперь тамъ практикуете; однако-же, полагаю, что васъ отрекомендовалъ госпожѣ Пальмеръ баронъ Венкгеймъ, который знакомъ съ вами, а то-бы тутъ и моя протекція ничего не сдѣлала. Баронъ Венкгеймъ, какъ вы это знаете, а можетъ быть и не знаете, ибо это еще покамѣстъ полутайна,—женихъ прелестной пѣвицы... Ну-съ, а затѣмъ, любезный мой молодой другъ, желаю вамъ спокойной ночи и сладкихъ сновидѣній».

Сновидѣній... сладкихъ сновидѣній! Да онъ и теперь, съ открытыми глазами, грезилъ, устремивъ ихъ на двери, за которыми только что скрылся профессоръ!.. Онъ мечталъ о *ней* и о *немъ*... Онъ видѣлъ ихъ вмѣстѣ... Вотъ, *они* сидятъ теперь въ прелестной гостиной, двери изъ нея отворены въ садъ... Комната слабо освѣщена... Онъ видѣлъ и слышалъ, какъ *она*, улыбаясь, разсказывала *ему* объ ихъ послѣднемъ свиданіи и какъ *онъ*, выслушавъ добродушно ея разсказъ, воскликнулъ потомъ смѣясь: «Однако, этотъ докторъ Дюрингъ—престранный парень, право!.. Едва-ли считалъ я его способнымъ на это. Разсказываетъ онъ мнѣ длинную исторію о своемъ сватовствѣ и — вдругъ потомъ даетъ себя такъ легко обмануть и такъ внезапно влюбляется въ другую!...»

— Да, да! Ну, чтожъ, бормоталъ про себя Дюрингъ, крѣпко стискивая зубы,—этого нельзя и отрицать.... Да! я не скажу даже, что я влюбился только: сознаюсь, что воспылалъ я къ ней могучей, страстной любовью! Пожатіе ея руки, выраженіе глазъ, когда она глядѣла на меня—притянули меня къ ней, какъ желѣзо къ магниту... И—все это была только игра... нарочно придуманная игра?!.. А! ну, въ такомъ случаѣ, берегись, Венкгеймъ! Добрый тихій парень вдругъ можетъ преобразиться въ бѣшенаго молодца—и тогда завяжется дѣло инаго рода: о моей или о твоей жизни пойдетъ рѣчь!..

— Но, возможно-ли, чтобы это именно такъ было? размышлялъ онъ потомъ, продолжая свой путь и находясь въ мрачномъ настроеніи, почти въ оцѣпененіи:—Неужели такой взглядъ, такая прелестная улыбка... могутъ лгать?.. Неужели слова ея, полныя ласки, искренности, были только ловушкой для меня?.... А, впрочемъ - да! вѣдь она принцесса театральнаго міра: ложь, обманъ — это для нея дѣло пустое, легкое; ну а притворяться, казаться страстной — это вѣдь ея ремесло... А не вознамѣрилась-ли она, можетъ быть, наказать за то, что онъ дерзнулъ остановить свои взгляды на невѣстѣ своего-же друга?.. Что-жъ, вѣдь онъ дѣйствительно дерзнулъ на это—отрицать нельзя; но сдѣлано было это имъ по невѣденію... просто такъ—отъ души... вполнѣ невинно!..

Если-бы онъ относительно практической жизни обладалъ такими въ сущности прекрасными качествами, какъ невинность, простодушіе, въ размѣрѣ гораздо меньшемъ, чѣмъ этотъ размѣръ на самомъ дѣлѣ былъ,—если-бы докторъ въ нѣкоторыхъ дѣлахъ не былъ такъ несвѣдущъ, простодушенъ и невиненъ, то онъ обратился бы къ другу своему съ нѣкоторыми вопросами и ужъ навѣрно самъ-бы спросилъ себя: отчего, напримѣръ, баронъ Венкгеймъ держитъ себя такъ непринужденно-развязно, какъ будто у себя дома, въ квартирѣ прекрасной Камиллы?.. Теперь, когда онъ предложилъ себѣ этотъ вопросъ (конечно нѣсколько поздно), то не могъ найти болѣе подходящаго, простаго отвѣта, какъ тотъ, который заключался въ словахъ добраго профессора Шпиттера.

Ужъ такъ и быть, онъ готовъ былъ примириться со всѣмъ этимъ, даже перенести терпѣливо такой ударъ, такъ какъ Венкгеймъ не могъ же въ самомъ дѣлѣ знать, какъ немного нужно было для того чтобы воспламенить его сердце, но... «О, вѣдь это было ужъ черезчуръ»! вздыхалъ докторъ, возводя глаза къ небу... Искушеніе слишкомъ сильное, а искуситель, явившейся передъ нимъ, имѣлъ такой чистый, обольстительный образъ!.. Самъ ангелъ ласково разговаривалъ съ нимъ, улыбался ему, и если этому неземному существу первому удалось зажечь въ его сердцѣ святое пламя — то неужели не простить молодому человѣку его увлеченія?..

И все-таки докторъ чувствовалъ себя несказанно несчастнымъ, отъ сердца его какъ будто что-то оторвалось; онъ страдалъ, ему было больно, какъ отъ раскрытой раны, которую исцѣлить невозможно...

Вотъ и вечеръ... Какой теплый весенній воздухъ! Какое чудное лунное сіяніе, какъ цвѣты благоухаютъ!... Но что ему до всего этого?.. Всѣ эти прелести, которыя онъ еще недавно привѣтствовалъ съ такимъ восторгомъ, какъ будто видѣлъ ихъ въ первый разъ, — приняли совершенно другой видъ: воздухъ казался ему жгучимъ, сухимъ, луна потускнѣвшею, цвѣты поблекшими...

На другой день, когда онъ отправился въ квартиру г-жи Пальмеръ (докторъ продолжалъ лечить почтенную даму), то время для этого визита было назначено имъ такое, когда онъ навѣрно зналъ, что прелестной пѣвицы не могло быть дома. Онъ просто боялся снова увидѣть ея чудные, опасные, лукаво-загадочные глаза, страшился также и объясненія съ нею; а это объясненіе было-бы неизбѣжно, если-бы онъ встрѣтился съ фрейлейнъ Камиллой, потому что, какъ ни твердо порѣшилъ докторъ не выходить болѣе изъ роли простаго гостя, вѣжливаго кавалера, онъ однако предчувствовалъ, что въ присутствіи ея у него силъ не хватитъ выдержать до конца такую роль. Да, не хватитъ силъ по край-

Библиотека "Руниверс"

ней мѣрѣ теперь; ну, а потомъ, можетъ быть, онъ и справится съ собой, только потомъ... позже...

Спустя нѣсколько дней, онъ опять навѣстилъ утромъ госпожу Пальмеръ,—и когда, послѣ визита, проходилъ, какъ и всегда, одинъ, безъ провожатаго, по корридору къ парадной двери, его остановила вышедшая навстрѣчу хорошенькая горничная и просила «быть настолько добрымъ, чтобы зайти на нѣсколько минутъ въ гостиную, къ молодой госпожѣ, потому что она не совсѣмъ здорова, не поѣхала на репетицію въ театръ и желаетъ поговорить съ докторомъ».

Дѣлать было нечего, отъ такого приглашенія отказаться нельзя, и докторъ отправился, съ равнодушнымъ, спокойнымъ видомъ (а сердце билось!), въ извѣстную уже намъ гостиную, съ дверью отворенною въ садъ. Горничная впустила его туда и онъ, войдя, сейчасъ-же увидѣлъ Камиллу: она стояла, но, при появленіи его, быстро повернулась и пошла къ нему на встрѣчу, любезно-радушно привѣтствуя доктора.

Кто, скажите, не бывалъ въ подобномъ положеніи, въ положеніи Дюринга въ настоящую минуту?.. Онъ снова видѣлъ передъ собой любимую женщину во всемъ сіяньи красоты, свѣжести, молодости... Существо любимое нами—всегда для насъ мило и дорого, не смотря на то что мы проводили изъ-за него и дни, и ночи въ мучительныхъ думахъ, все мечтая о немъ; оно не сдѣлалось для насъ менѣе дорогимъ оттого, что мы обращались къ нему съ длинными монологами,—оттого, что ставя его передъ собой, осыпали его вопросами, чтобы въ концѣ концовъ получить на эти вопросы удовлетворительные отвѣты, которые повергали насъ, наконецъ, къ ногамъ горячо-любимаго существа или бросали въ распростертыя его объятія!.. Все это, конечно, происходитъ только въ нашемъ воображеніи; это — грезы, не болѣе, потому что въ дѣйствительности, находясь въ подобныхъ обстоятельствахъ, мы являемся гораздо сдержаннѣе,—а если улыбка при этомъ и играетъ на нашихъ губахъ, то улыбаемся мы тутъ какъ-то тихо, страдальчески, съ оттѣнкомъ горечи, можетъ быть даже сожалѣемъ, что сдѣлались жертвой заблужденія, стараемся увѣрить, что для той и другой стороны все это пройдетъ безслѣдно, забудется, или-же просто отшучиваемся какъ нибудь, но шутка наша печальна—мы смѣемся, да, но сердце въ то же время обливается кровью!...

Также точно попытался повернуть все дѣло и докторъ Дюрингъ, которому въ этомъ отношеніи благопріятствовала еще роль его, какъ врача. Разговаривая съ Камиллой, онъ то и дѣло сворачивалъ съ дороги, т. е. заговаривалъ о состояніи здоровья ея «дорогой мама», раза два взглянулъ на часы и наконецъ отдалъ тотъ мягкій поклонъ, послѣ котораго съ нами обыкновенно прощаются и отпускаютъ насъ.

Но попытка его не удалась. Если-бы даже прелестная молодая дѣвушка прямо сказала ему: «Прощайте, г. докторъ», то сильная боль сердца отуманила-бы, можетъ быть, его зрѣніе, потому что онъ подмѣтилъ, увидѣлъ и по глазамъ, и по нечаянно вылетѣвшимъ вздохамъ изъ груди и по нервическому подергиванію ея губъ, что въ душѣ молодой дѣвушки забушевало какое-то чувство, что она силилась овладѣть собой и, наконецъ, всетаки не выдержала, потому что вдругъ протянула ему обѣ руки... И когда онъ тихо подалъ ей свою правую руку, то почувствовалъ, какъ тонкіе пальчики крѣпко охватили ее, причемъ губы Камиллы какъ-то болѣзненно дрогнули и она почти шопотомъ, прерывающимся голосомъ, проговорила: «Простите меня, господинъ докторъ! Простите»!...

Обратившись съ этими словами къ доктору, Камилла такимъ образомъ, прямо созналась въ томъ, что какъ она, такъ и Венкгеймъ *поиграли* съ нимъ; а потому Дюрингъ разомъ ощутилъ въ себѣ достаточно силы и храбрости, чтобы устоять противъ обаянія ея чудныхъ глазъ, очаровательныхъ звуковъ прелестнаго голоса, словомъ—устоять противъ этой женщины, этого совершеннаго существа, преисполненнаго гармоніи, которое онъ уже любилъ несказанно, а теперь... любилъ еще больше!..

И вотъ, онъ гордо выпрямился и проговорилъ любезнымъ, но холоднымъ тономъ, освобождая тихо свою правую руку:

— Почему же мнѣ и не простить вамъ эту маленькую, невинную игру со мной? Вы часа на два развлеклись, мнѣ-же это вреда не причинило, потому что я, разумѣется, сейчасъ-же увидѣлъ, что все это было не больше какъ игра... Да и какъ же я могъ иначе къ этому отнестись, зная, что передо мною—вы, невѣста друга моего?..

Тутъ докторъ отвѣсилъ болѣе низкій поклонъ и, замѣтя, что молодая дѣвушка поблѣднѣла и отступила, какъ-бы чѣмъ-то пораженная, быстро вышелъ изъ гостиной... чтобы вдругъ не упасть къ ея ногамъ. Онъ услышалъ — ему почудилось, какъ вслѣдъ за этимъ въ гостиной раздался громкій крикъ, но тутъ служанка отворила ему дверь и когда эта дверь заперлась за нимъ—докторъ сталъ бѣднѣе однимъ блаженствомъ, но за то богаче однимъ горькимъ опытомъ. По счастью для него, теперь и случая уже не могло представиться бывать въ этомъ домѣ и снова испытывать подобное опасное столкновеніе, потому что почтенная дама совершенно выздоровѣла, а это избавляло доктора отъ новой встрѣчи съ Камиллой. Да и кромѣ этого онъ твердо рѣшился просить профессора Шпиттера отрекомендовать г-жѣ Пальмеръ, вмѣсто него, кого нибудь изъ его товарищей—врачей.

А что-же Венкгеймъ?... О, каждый разъ, когда докторъ вспоминалъ его, кровь въ немъ гнѣвно закипала и онъ размышлялъ о томъ, какъ именно поступить ему относительно «бывшаго» своего друга?... Но, по счастью, у Дюринга довольно было времени обдумать этотъ вопросъ, такъ какъ баронъ уѣхалъ на нѣсколько дней по какимъ-то весьма важнымъ дѣламъ, вѣроятно, по дѣламъ, касающимся его женитьбы. Да, наконецъ, какимъ образомъ могъ-бы Дюрингъ привлечь Венкгейма къ отвѣтственности, этого свѣтскаго кавалера, который, по своему легкомыслію, не долго думая, назоветъ всю эту исторію просто невинной шуткой, затѣмъ съ удовольствіемъ даже попроситъ извиненія и, посмѣиваясь «своимъ смѣхомъ», предложитъ, пожалуй, какое угодно удовлетвореніе?... О, докторъ даже и теперь уже слышитъ слова барона: «Ну, Отто, не будь же ребенкомъ и не ссорься со мной изъ-за такихъ пустяковъ!... Послушай, ну, какъ же могу я повѣрить, что все это могло такъ огорчить тебя?... Вся эта исторія останется между нами. Ты, какъ слѣдуетъ, оцѣнишь Камиллу, когда она сдѣлается моей женой, и останемся мы по прежнему добрыми друзьями! Положимъ, что сыгранную нами игру можно, пожалуй, назвать предумышленнымъ дѣломъ, но вѣдь все это сочинилъ я для твоего же блага, и ты, какъ человѣкъ разсудительный, давно уже конечно это сообразилъ?... Я избавилъ тебя отъ невыносимыхъ цѣпей и, право, могъ-бы даже потребовать отъ тебя благодарности за такую услугу»!..

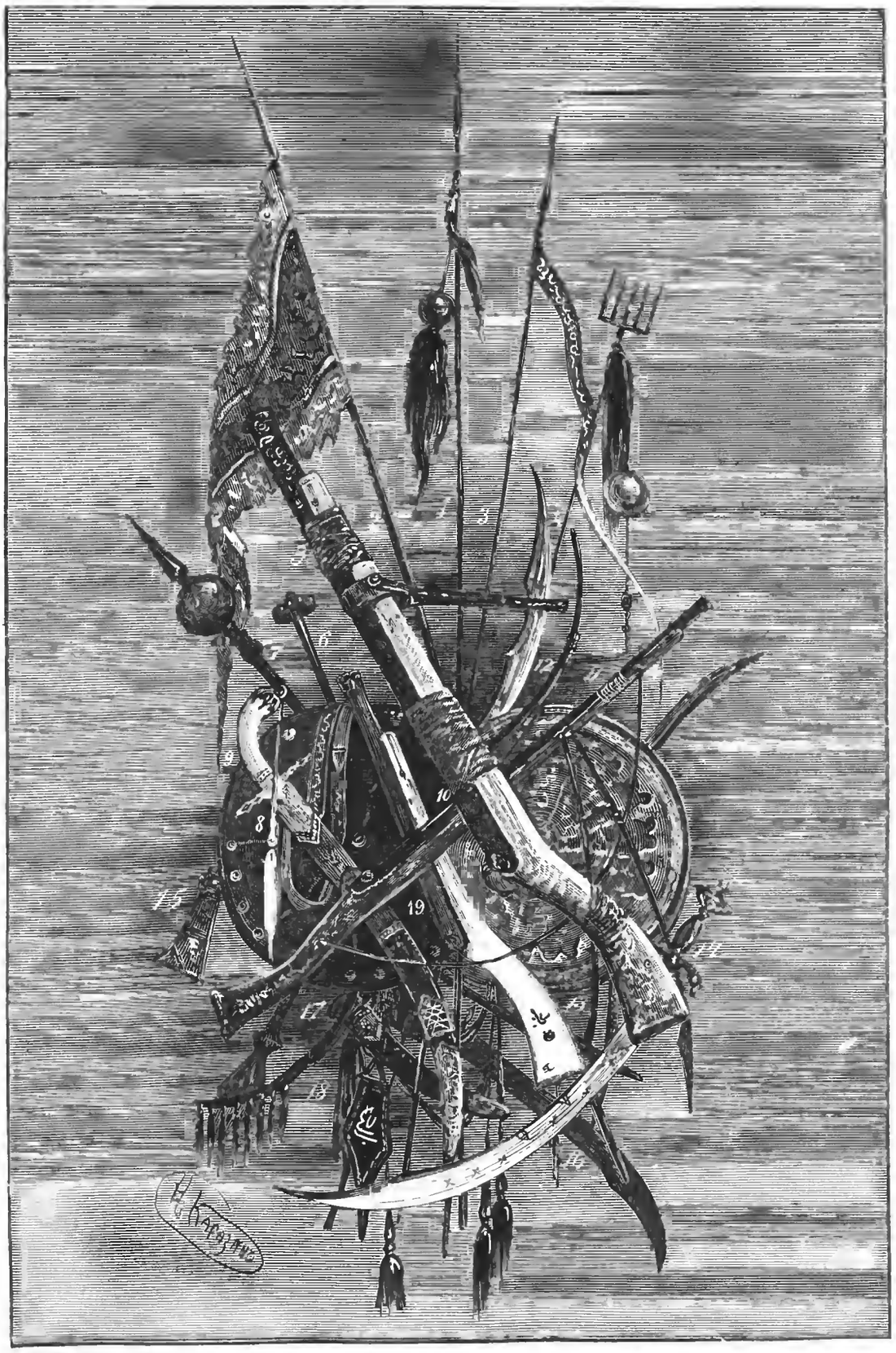
Относительно этого послѣдняго довода мы не можемъ не сообщить тутъ одного обстоятельства, которое неожиданно случилось и было такого сорта, что Дюрингъ, когда узналъ о немъ, не могъ умолчать даже передъ легкомысленнымъ своимъ другомъ,—а это извѣстіе давало-бы барону право, хотя все еще сомнительное, крѣпче опереться на вышеупомянутый доводъ. А случилось вотъ что: спустя дня два, когда докторъ вернулся домой послѣ своихъ визитовъ, нашелъ онъ на своемъ столѣ письмо отъ г-жи Штраммеръ, въ которомъ она увѣдомляла его о помолвкѣ дочери своей съ г. совѣтникомъ Цвирбелемъ.

Посмѣялся докторъ, прочитавъ письмо, и ощутилъ въ то же время въ груди пріятное чувство—свободы...

А что если-бы и *другое* улыбнулось ему, а не вышло такъ, какъ вышло на самомъ дѣлѣ печально и мрачно, разомъ уничтоживъ все, что такъ было ему дорого, разбивъ все счастье его жизни?... Но не совсѣмъ, однако, осиротѣлъ докторъ: съ нимъ остался предметъ его научной дѣятельности; теперь съ медициной своей хотѣлъ онъ обручиться, зажить съ нею еще тѣснѣе чѣмъ прежде, и вотъ, поэтому, всякое прибавленіе къ его практикѣ, и такъ уже довольно большой, радовало его и онъ желалъ еще увеличенія ея.

(Окончаніе будетъ).

Библиотека "Руниверс"



Оружіе и доспѣхи нашихъ противниковъ въ Средней Азіи. Рис. Н. Каразинъ, грав. Бергъ

Библиотека "Руниверс"

Оружіе и доспѣхи нашихъ противниковъ въ средней Азіи.

Читая о боевыхъ подвигахъ нашихъ войскъ въ центральной Азіи, о тѣхъ успѣхахъ, грандіозныхъ и блистательныхъ, которые дѣлаетъ наше оружіе, пролагая широкій путь къ благимъ началамъ цивилизаціи и проникая все глубже и глубже въ полудикія, невѣдомыя до сихъ поръ страны,—и, конечно, читая обо всемъ этомъ съ понятнымъ любопытствомъ и вниманіемъ, мы не можемъ не остановиться на нѣкоторыхъ странныхъ обстоятельствахъ, которыя для неосвященныхъ кажутся чѣмъ-то совершенно необъяснимымъ, почти вымышленнымъ.

Напримѣръ: мы читаемъ извѣстіе о какомъ нибудь сраженіи, гдѣ русскій отрядъ численностью въ 10 — 12 ротъ. т. е. около полуторы тысячи человѣкъ, наноситъ окончательное пораженіе тридцати тысячнымъ массамъ непріятеля. Недоумѣніе наше растетъ еще болѣе, когда мы узнаемъ, что потеря наша ограничивается какимъ нибудь десяткомъ жертвъ—непріятель же «усѣяваетъ степь своими тѣлами».

Что-же это такое?.. какой-же это непріятель?.. не были-ли это совершенно безоружныя толпы дикарей?... невольно приходятъ намъ на мысль такія предположенія. Но тутъ-же мы читаемъ и слѣдующее, окончательно уже сбивающее насъ съ толку:—мы узнаемъ, что у непріятеля этого было отнято нѣсколько десятковъ пушекъ и фальконетовъ, что непріятель этотъ, весьма дѣятельно поддерживалъ артиллерійскій и ружейный огонь—и прекратилъ его только тогда, когда обратился въ полное бѣгство, оставивъ въ нашихъ рукахъ и пушки свои, и обозы, и палатки, спасая свою жизнь, разсѣяваясь во всѣ стороны, подъ вліяніемъ страшной, неотразимой паники.

Значитъ: есть что-то такое, дающее этотъ перевѣсъ нашимъ малочисленнымъ войскамъ, этимъ горстямъ героевъ, оторванныхъ отъ родины, отъ всего дорогаго сердцу, заброшенныхъ въ самую глубь чужой стороны, этихъ безвѣстныхъ піонеровъ цивилизаціи.

Эта могучая сила состоитъ изъ двухъ элементовъ: первый—это дисциплина и строгое сознаніе долга; вторый — полнѣйшее превосходство оружія. Первое помогаетъ намъ бороться съ всѣми лишеніями и ужасами, которые на каждомъ шагу ставитъ намъ негостепріимная дикая природа,—второе, помогая первому, родило Ташкентъ, Ирджаръ, Ходжентъ, Джюзакъ, Ура-тюбе, Самаркандъ, Зарабулакъ и наконецъ Хиву—эти безсмертные боевые подвиги нашихъ «бѣлыхъ рубашекъ» *).

—

Не стану описывать нашего оружія, оно болѣе или менѣе извѣстно каждому; я ограничусь только подробнымъ очеркомъ средне-азіятскаго вооруженія и разберу по частямъ красивую арматуру, предложенную читателямъ на одной изъ страницъ нынѣшняго нумера «Нивы». Тогда для каждаго будетъ ясно многое то, что казалось ему темнымъ съ перваго раза; тогда, вѣроятно, читатели будутъ съ большимъ довѣріемъ относиться къ реляціямъ и военнымъ донесеніямъ изъ Азіи, и воздержатся отъ двусмысленной улыбки и сомнительнаго пожиманія плечъ.

1, 2, 3 и 4 значки начальниковъ и предводителей, бунчуки и пики на длинныхъ гибкихъ древкахъ, сдѣланныхъ или изъ цѣлаго молодаго дерева, или изъ китайскаго бамбука, или же изъ клинообразныхъ кусковъ какъ обыкновенно приготовляются бильярдные кіи. Послѣдніе, впрочемъ, исключительно встрѣчаются только у знаменъ и значковъ, служащихъ признакомъ власти,—но не употребляются непосредственно какъ оружіе, по причинѣ своей хрупкости и недостаточной эластичности. Самая странная изъ нихъ—это туркменская камышевая пика съ волосяннымъ пучкомъ подъ своимъ короткимъ, тонкимъ, острымъ какъ ножка циркуля остріемъ. Эта пика въ рукахъ опытнаго ловкаго наѣздника неотразимое смертельное оружіе — и потому нашъ солдатъ очень хорошо дѣлаетъ, не позволяя врагу воспользоваться своимъ оружіемъ и ссаживая его съ лошади пулею, едва только онъ подскачетъ на приличное разстояніе.

Знамена рѣдко встрѣчаются съ четвероугольнымъ полотномъ, большею частію они дѣлаются въ видѣ вытянутаго треугольника краснаго цвѣта вышитаго красивымъ узоромъ изрѣченій изъ корана чернымъ и бѣлымъ шелками. Коймы знаменъ иногда вырѣзываются зубцами, иногда обшиваются бахромой и кистями. У бунчуковъ часто подвѣшиваются металическіе, пустые шары и конскіе хвосты, что придаетъ имъ необыкновенно своеобразный видъ (ф. 1 и 4).

Вилообразные, многоконечные бунчуки рѣдко встрѣчаются въ войскахъ, они должны служить боевыми эмблемами надъ могилами павшихъ богатырей (ф. 4).

Теперь перейдемъ къ саблямъ («клынчь»).

Въ Средней Азіи вы чрезвычайно рѣдко встрѣчаете хорошо-закаленные клинки, рубящіе гвозди, стругающіе желѣзо и дѣлающіе тому подобные безполезные подвиги, какими гордится перекаленное до нельзя знаменитое кавказское оружіе. Здѣшній батырь считаетъ лучшимъ достоинствомъ клинка его остроту; оттачиваетъ его какъ бритву и, пользуясь мягкостью своего оружія, тотчасъ же съ помощью карманнаго оселка приводитъ свой клынчь опять въ порядокъ, едва только онъ затупится о вражескую кость, едва только загнется его тонкое жало... что невозможно, покрайней мѣрѣ неудобно сдѣлать съ перекаленнымъ клинкомъ, по хрупкости послѣдняго.

Ф. 12. Клинокъ ятагана съ лукообразными вырѣзами по спинкѣ, тяжелый и весьма неудобный при выниманіи и вкладываніи обратно въ ножны; встрѣчаются довольно рѣдко.

Ф. 9. Бухарская сабля, роскошное и дорогое оружіе. Красиво выгнутый эфесъ, выточенный изъ слоновой кости, украшенъ на концѣ серебряною ажурною оковкою и длинною бѣлою кистью; бархатные ножны окованы золотомъ и серебромъ, отдѣланы чеканенымъ узоромъ, бирюзою и даже дорогими камнями. Цѣнность этихъ сабель доходитъ часто до весьма крупныхъ цифръ, и, понятно, дѣлаетъ ихъ принадлежностью весьма не многихъ избранныхъ. Подобная сабля была прислана бухарскимъ эмиромъ генералу Абрамову, послѣ взятія имъ г. Корши, занятаго инсургентами.

Ф. 14. Авганская сабля, съ желѣзною ручкою, замѣчательна какъ по формѣ своего широкаго клинка, такъ и по своей необыкновенно изящной ручкѣ.

Ф. 15. Топорикъ (балта) (чеканъ) носится за поясомъ и, смотря по своей рукояткѣ, золотой, серебряной, или же просто обтянутой цвѣтнымъ бархатомъ, служитъ признакомъ сана и должности.

Ф.17 и 18. Поясной ножъ (псякъ) съ рукояткою, совершенно уходящей въ ножны, и кошель для запасныхъ кремней и боеваго фитиля изъ зеленой кожи, вышитой золотою ниткою.

Самое оригинальное, допотопное оружіе—это разнообразныя булавы, какъ ихъ здѣсь называютъ батики (ф. 7 и 6), оружіе не смотря на всю свою дикость довольно внушительное въ рукопашной схваткѣ,—особенно ф. 6, представляющая довольно тяжелую чугунную шишку, насаженную на тонкомъ, гибкомъ какъ хлыстъ камышевомъ или буковомъ древкѣ. Эта шишка со свистомъ рѣжетъ воздухъ, описывая круги,—и горе тому тѣлу, которое подвернется подъ этотъ губительный розмахъ.

Осмотрѣвъ такимъ образомъ оружіе холодное, не представляющее никакихъ особыхъ преимуществъ передъ нашимъ холоднымъ же оружіемъ,—мы перейдемъ къ мултукамъ, фальконетамъ и пушкамъ, этимъ дѣятелямъ такъ-называемаго «огненнаго боя».

Ф. 5. Крѣпостное ружье, фальконетъ. Тяжелое, безобразное, неповоротливое оружіе совершенно ясно и понятно изображенное на нашемъ рисункѣ. Тяжелый чугунный стволъ, болѣе полутора дюйма въ діаметрѣ канала, привязанъ сыромятными ремнями къ такой-же неуклюжей тяжелой ложѣ. Стволъ этотъ тоже покрытъ неизбѣжными изрѣченіями изъ ко-

*) Акъ-кулмахъ—прозвище, которымъ туземцы окрестили нашего солдата по цвѣту его одежды.

Библиотека "Руниверс"

рана и разнымъ узоромъ, заряжается большою пулею, обвернутой насаленной тряпкою,—заряжается очень неудобно, медленно, такъ что едва только каждыя десять минутъ можетъ дѣлать по одному выстрѣлу; къ нему прилажена желѣзная подпорка, безъ которой немыслимо было бы ворочать его человѣческими руками; страшно отдаетъ при каждомъ выстрѣлѣ и даже опрокидываетъ стрѣляющаго. Огонь сообщается заряду посредствомъ пропитаннаго селитрянымъ растворомъ фитиля, одинъ конецъ котораго намотанъ на прикладѣ, а другой защемленъ въ развилку проволочнаго крючка, изогнутаго въ видѣ буквы S и двигающагося на шарнерѣ; если потянуть за нижній конецъ этаго крючка, верхній тотчасъ же клюнетъ въ отверстіе задняго конца ствола, насыпанное порохомъ и такимъ образомъ произойдетъ выстрѣлъ, предшествуемый, обыкновенно, сильною вспышкою изъ затравки, обжигающей брови и бороду полудикаго стрѣлка.

При большемъ углѣ возвышенія, пуля летитъ довольно далеко и, благодаря своей неправильной формѣ, прорѣзываетъ воздухъ съ какимъ-то ревомъ и визгомъ, очень хорошо извѣстнымъ нашему солдату.

Ф. 11. Легкое ружье (мултукъ), съ подсошкою, заряжается такъ же какъ и первое и съ такимъ же фитильнымъ крючкомъ; это собственно оружіе пѣхотинцевъ но часто встрѣчается у конныхъ. Послѣдніе для каждаго выстрѣла должны слѣзть съ лошади, и держа за поводъ робкое, напуганное выстрѣлами животное, садиться на землю, устанавливать подсошку и тогда уже стрѣлять,—понятное дѣло, надѣясь только на аллаха и свою пулю, «которая должна же найти наконецъ виноватаго». Большею частью пули, вылетѣвшія изъ подобнаго оружія, оказываются несравненно гуманнѣе самихъ стрѣлковъ—и вопреки ихъ желанію летятъ съ жалобнымъ визгомъ совсѣмъ не туда, куда хотятъ эти послѣдніе.

Ф. 19. Короткій фитильный же карабинъ конныхъ воиновъ, безъ подсошки. Стрѣльба изъ этого оружія еще менѣе дѣйствительна, принимая во вниманіе, неспокойно стоящую лошадь, неловкость приклада и боязнь стрѣлка отдачи и затравочной вспышки, заставляющей его предварительно закрыть глаза и даже отвернуться въ сторону.

Кромѣ фитильнаго оружія, встрѣчается иногда и кремневое и даже ударное,—но это послѣднее, большею частью, испорченное до нельзя европейское оружіе, благодаря частымъ поправкамъ и передѣлкамъ неумѣлыхъ мастеровъ доведенное до полное негодности.

Такими ружьями вооружены регулярные пѣхотинцы бухарскаго эмира и другихъ средне-азіатскихъ владыкъ. Изъ цѣлыхъ кучъ подобнаго оружія, взятаго въ Самаркандѣ, невозможно было найти и одного экземпляра, хотя сколько нибудь могущаго исполнять свое прямое назначеніе.

Представителями классической древности служатъ щиты и даже наивный лукъ съ камышевыми стрѣлами, отваживающійся идти на состязаніе съ нашими штуцеромъ Бердана.

Впрочемъ, щиты эти совершенно утратили свое прямое назначеніе, а сохранились только какъ признаки власти и сана; они большею частью бываютъ кожаные — и украшены или тисненымъ золотымъ узоромъ или же металическими, четуеобразными бляхами и даже золотыми монетами.

Поставьте теперь противъ этого, описаннаго нами, оружія, какъ бы оно ни было многочисленно, нѣсколько десятковъ «берданокъ», стрѣляющихъ чуть не на версту и посылающихъ пули одна за другою—по тридцати штукъ въ минуту—и вамъ ясны будутъ результаты, кажущіеся съ перваго взгляда невѣроятными.

Объ артилеріи нашихъ противниковъ въ Средней Азіи, мы поговоримъ въ другой статьѣ; теперь же ограничимся только тѣмъ, что наши пушки и митрильезы составляютъ съ дѣйствительно многочисленными пушками непріятеля еще болѣе поразительный контрастъ чѣмъ ручное огнестрѣльное оружіе.

Тѣ знаменитыя пушки чудовища, которыя украшаютъ въ Москвѣ зданіе арсенала и грановитой палаты, даютъ уже нѣсколько понятія объ артилеріи азіатскихъ воителей; а если и встрѣчаются, попавшія черезъ Авганистанъ въ Бухару, старыя англійскія пушки, то они тоже, временемъ и неумѣніемъ обращаться, доведены до полнѣйшей негодности къ употребленію.

Н. Каразинъ.

Кострома,

(Окончаніе).

Сказавъ о памятникѣ стоящемъ на Костромской площади, стоитъ замѣтить о самой площади, какъ увидимъ едва-ли не единственной въ своемъ родѣ въ Россіи, свидѣтельствующей о счастливой сообразительности первоначальныхъ строителей города и пробуждающей нѣкоторыя историческія воспоминанія. Занимая значительное пространство, отлично вымощенная камнемъ и ровная какъ листъ бумаги, костромская площадь съ одной стороны своей открыта къ р. Волгѣ, съ другихъ окаймлена лучшими въ городѣ зданіями, гостиннымъ дворомъ, присутственными мѣстами, домами церкви Св. Благовѣщенія, домомъ прежде бывшимъ генерала Борцова и теперь принадлежащимъ окружному суду (здѣсь останавливался Императоръ Николай I), домами двухъ владѣльцовъ Лопухина и Григорова и въ заключеніе красивою съ гауптвахтою калаичею (послѣднее произведеніе бывшаго архитектора художника Ѳирсова). Уже по этой одной обстановкѣ площадь можетъ почитаться одною изъ красивѣйшихъ. Но красота ея еще болѣе увеличивается по другому, слѣдующему обстоятельству. Въ то время какъ (извѣстно не намъ однимъ) площади въ другихъ городахъ находятся совсѣмъ не у мѣста, какъ напр. у сосѣда Ярославля, въ которомъ площадь неизвѣстно почему приткнулась къ самому въѣзду въ городъ съ Костромской стороны, оставляя совсѣмъ позади себя весь городъ,—мѣсто для Костромской площади избрано въ самомъ центрѣ города, въ центрѣ, въ которомъ соединяются въ формѣ звѣзды всѣ безъ исключенія главныя улицы города, какъ-то: Мшанская или Московская, Царевская, Еленинская или Смоленская, Павловская, Марьинская, Благовѣщенская, Русина *) или Кинешемская, Нижне-Дебринская, Молочная. Говорятъ, что Императрица Екатерина II, во время извѣстнаго своего путешествія по Волгѣ въ гребной флотиліи, посѣтивъ Кострому любовалась городскою площадью и выразила о ней одобрительной отзывъ своимъ приближеннымъ; а Императоръ Николай I, посѣтивъ Кострому въ 1839 г., слѣд. за долго еще до открытія Сусанинскаго памятника, Высочайше повелѣлъ именовать площадь Сусанинскою.

*) Названіе улицы Русиной свидѣтельствуетъ о ея давности: съ этимъ названіемъ существовала улица въ Великомъ Новогородѣ.

Если обиліе и благолѣпіе храмовъ въ извѣстной мѣстности можетъ свидѣтельствовать о набожности обитателей этой мѣстности, то Кострома имѣетъ свыше 35 церквей, включая сюда монастыри,—и всѣ церкви хорошо украшены. Первенство изъ нихъ принадлежитъ Богоявленскому монастырю, за нимъ слѣдуютъ: церковь во имя св. благовѣрнаго князя Александра Невскаго, св. Покрова Божіей Матери, св. Иліи Пророка, двѣ церкви Козмы и Даміана, св. Благовѣщенія и св. Михаила Архангела. Бѣднѣйшею изъ церквей считается св. Стефана Сурожскаго Чудотворца, которая расположена въ концѣ города по набережной, въ мѣстѣ, зимою заносимомъ снѣгомъ, а весною заливаемымъ водою, и большая часть прихожанъ которой, суть крестьяне ближайшихъ къ городу деревень: Черной и сосѣднихъ разнаго названія.

Главною мѣстною святынею считается въ Костромѣ Ѳедоровская чудотворная икона Богоматери, въ Успенскомъ Соборѣ.

Объ иконѣ этой сложилась священная повѣсть, относящая явленіе образа въ 1239 году нашего теперешняго лѣтосчисленія.

Былъ княземъ въ Костромѣ тогда, сынъ Юрія Всеволодовича, Василій прозваніемъ *кевиня*. Вотъ онъ, на другой годъ послѣ нашествія лютыхъ полчищъ Батыя, когда слѣды разрушенія вездѣ были еще свѣжи, разъ отправившись, на охоту, 16 августа, увидѣлъ на деревѣ образъ. Благочестивый князь сошелъ съ коня, приблизился къ дереву—и только хотѣлъ взять чудную находку, какъ она, невидимыми руками, приподнята выше. Взлѣзая на дерево, князь не одинъ разъ приближался къ иконѣ, но она отъ рукъ все поднималась, постепенно. Чудо такое заставило религіознаго князя Василья отложить охоту, воротиться въ городъ, созвать духовенство и привести крестный ходъ къ мѣсту—гдѣ нашелъ онъ икону. Съ совершеніемъ здѣсь молебствія, икона далась въ руки священникамъ и торжественно перенесена въ городъ. Варіантъ сказанія добавляетъ, что нѣсколько прежде находки князя какіе-то благочестивые костромичи видѣли по Мшанской (теперь Московская) улицѣ икону, несенную молодымъ воиномъ, подобіе котораго—какъ объясняли они—схоже съ изображеніемъ на иконѣ св. Ѳеодора стратилата. И это будто бы сказаніе видѣвшихъ—заставило внесенную въ городъ икону поставить въ построенной обыденной церкви, освященной во-имя великомученика

Библиотека "Руниверс"

Θеодора, по которой икона и получила въ народѣ прозваніе Θедоровской. Князь Василій нашелъ икону на урочищѣ посившемъ имя *запрудни*, по рѣчкѣ тамъ протекающей. И мѣсто явленія св. иконы владѣтелю Костромы увѣковѣчено сооруженіемъ храма, во имя нерукотвореннаго образа Спасителя, который чествуетъ православная церковь въ день нахожденія образа (16 Ав.). Съ съ теченіемъ времени, при церкви Спасовой на запруднѣ, образовался монастырь.

Церковь Θеодора Стратилата въ одно княженіе Василья Юрьевича три раза обращалась въ пепелъ, но каждый разъ строилась въ большихъ размѣрахъ. Эти частые пожары, при которыхъ образъ выносили невредимымъ, заставили князя Василія начать сооруженіе каменнаго храма Успенія Богоматери, въ Кремлѣ съ предѣломъ св. Θеодора Стратилата, гдѣ и поставлена чудотворная икона. Костромской соборъ горѣлъ въ послѣдній разъ, при Екатеринѣ II, въ 1773. По возобновленіи его Государыня пожаловала 12,000 рублей.

Усердіе благочестивыхъ чтителей святыни украсило древній образъ драгоцѣнною золотою ризою, въ 1805 году. На ризу съ вѣнцомъ пошло одного благороднаго металла 20 фунтовъ 39 золотниковъ. Въ вѣнецъ вдѣланы бриліанты, яхонты, изумруды, рубины, бурмицкія зерна и крупный жемчугъ. Каждый годъ, съ Θедоровскою иконою, совершаются частные крестные ходы изъ собора въ приходскія церкви, наканунѣ храмовыхъ праздниковъ, передъ вечернею Въ самый же праздникъ икона возвращается въ соборъ, послѣ литургіи. Крестные ходы въ Костромѣ съ Θедоровскою иконою упоминаются въ царской грамотѣ 1661 года. Изъ писцовой книги г. Костромы 1628 г. видно, что тогда еще стояла у Мшанской улицы, «на Сулѣ—церковь безъ пѣнія Θеодора Стратилата». На этомъ мѣстѣ въ 1769 костромской епископъ Дамаскинъ далъ совѣтъ гражданамъ, у Сулы, построить храмъ во имя иконы Богоматери Θедоровскія, на память принесенія образа, съ Запрудни въ Θедоровскую церковь. Совѣтъ архіерея исполненъ; въ 1771 г. храмъ освященъ съ придѣломъ св. Богоотецъ, отъ котораго эта церковь прозывается *Богоотцовскою*. Въ храмъ этотъ установился обычай приносить икону изъ Собора 16 августа, съ крестнымъ ходомъ.

Сказать вообще, какъ сказано вначалѣ, Кострома одинъ изъ лучшихъ нашихъ губернскихъ городовъ. Для полноты картины не могу умолчать еще объ одной особенности города, а именно о любви его къ хоровому пѣнію и обиліи пѣвчихъ изъ мѣстныхъ жителей. Многіе придворные помнятъ, что еще не такъ давно primo basso въ императорской капеллѣ и обыкновенный чтецъ апостола въ церкви Зимняго Дворца при Высочайшемъ присутствіи—былъ покойный костромичъ А. П. Невзоровъ. Долго служившій въ той же капеллѣ, на службѣ и умершій инспекторъ, почтеннѣйшій П. Е. Бѣликовъ былъ тоже костромичъ. Извѣстный въ С.-Петербургѣ въ настоящее время учитель пѣнія, И. Т. Козыревъ,—уроженецъ Костромы изъ бывшихъ регентовъ костромскаго архіерейскаго хора. Въ Костромѣ нѣсколько пѣвческихъ хоровъ. Кромѣ архіерейскаго, могущаго давать публичные концерты, существуютъ хоры: семинарскій, дѣвичьяго монастыря, гимназическій (образованъ бывшимъ директоромъ гимназіи Шафрановымъ, извѣстнымъ дѣятелемъ въ Остзейскомъ краѣ), уѣзднаго и приходскихъ училищъ, пріютскіе (М. Дѣтскаго Пріюта), любительскіе числомъ 2, управляемые извѣстнымъ всему городу регентомъ самоучкою купцомъ Голодаевымъ, владѣющимъ къ тому же хорошимъ басомъ; фабричные пѣвчіе, сборные изъ чиновниковъ и другихъ гражданъ до 3, и разные мелкіе хоры, экспромтомъ являющіеся въ церкви по воскреснымъ днямъ и въ дни храмовыхъ праздниковъ, а также по другимъ случаямъ.

Къ слову сказать о нашихъ общественныхъ удовольствіяхъ. Мѣстами соединенія всѣхъ сословій служатъ общественный и дворянскій клубы, въ которые одни являются для картъ и танцовъ, а другіе—и такихъ не мало - для чтенія библіотечныхъ книгъ и газетъ. Не даромъ Кострома страна писателей: *) въ клубахъ не встрѣтишь неразрѣзанной книги; страсть къ чтенію развита во всѣхъ сословіяхъ.

Изъ другихъ удовольствій: зимою—катокъ на Мѣдномъ прудѣ сзади Павловской площади, а также на р. Волгѣ; ледяныя горы въ саду дома дворянскаго собранія; лѣтомъ—прогулки по двумъ бульварамъ такъ наз. Кремлевскимъ, расположеннымъ около собора и въ аллеяхъ Муравьевскихъ, устроенныхъ бывшимъ губернаторомъ В. Н. Муравьевымъ, идущихъ отъ церкви св. Бориса и Глѣба мимо губернаторскаго дома, бывшаго дома А. П. Шипова, домовъ: Прокофьевой и мужской гимназіи, и расположенныхъ на горѣ террасами, съ очаровательнымъ видомъ на р. Волгу и на противуположный берегъ. Обаяніе послѣдней прогулки возростаетъ въ дни табельные: тогда по срединѣ Волги устанавливаютъ высокія суда, освѣщенныя разноцвѣтными огнями, а за рѣкою горятъ разнообразные транспараны, арабески и смоляныя бочки. Къ названнымъ городскимъ гуляньямъ присоединяются катанья по Волгѣ съ музыкою и пѣсенниками на пароходахъ, содержимыхъ г. Ратьковымъ; увеселительный вокзалъ за Волгою на одной горѣ, съ которой городъ открывается весь какъ на ладони; пикники: въ Запрудненской рощѣ, дающей видъ на р. Кострому и знаменитый Ипатьевскій монастырь, также на Черной рѣчкѣ и подгородной слободѣ такъ-наз. Татарской, населенной татарами переведенными сюда изъ Романово-Борисоглѣбска при государѣ Іоаннѣ Грозномъ. Сама Кострома, расположенная при двухъ рѣкахъ, пользуется живописнымъ мѣстоположеніемъ, въ чемъ ей отдавали справедливость всѣ туристы, печатавшіе извѣстіе о городѣ. Живописны и окрестности города, какъ-то: мѣстности около Ипатьевскаго монастыря, села: Святое, Мисское, Мотково, Васильевское — всѣ эти мѣста нерѣдко посѣщаются жителями.

Кострома успѣла сдѣлать замѣтные успѣхи въ дѣлѣ распространенія школьнаго образованія, въ отношеніи торговли и промышленности, въ дѣлѣ развитія удобствъ общественной жизни и т. п., поставивъ себя въ равное, если не высшее положеніе съ лучшими губернскими городами. Здѣсь кромѣ казенныхъ учебныхъ заведеній: губернской гимназіи мужской съ 1 уѣзднымъ и 2 приходскими училищами, кромѣ духовной семинаріи съ духовнымъ училищемъ, находятся школы, устроенныя по иниціативамъ частныхъ лицъ, какъ-то: женская гимназія, по времени учрежденія первая изъ заведеній подобнаго рода въ Россіи, основанная на иждивеніе здѣшняго землевладѣльца, покойнаго Дѣйств. Статс. Совѣт. А. П. Григорьева, и по имени его зовущаяся Григорьевскою; женское училище при Богоявленскомъ монастырѣ, обязанное своимъ основаніемъ игуменіи этого монастыря, матери Маріи, и имѣщее цѣлью приготовленіе наставницъ въ сельскія школы; училище для дѣвочекъ сиротъ при Маріинскомъ дѣтскомъ пріютѣ; приходское женское училище бывшаго городскаго головы А. А. Акатова; общественное безплатное училище для мальчиковъ и дѣвочекъ; 3 школы существующія при механическомъ заводѣ гг. А. и Д. П—ей Шиповыхъ, при льнопрядильныхъ фабрикахъ Михина и Зотова, а также при фабрикѣ «товарищества новой костромской льняной мануфактуры», устроенныя при заводѣ Шиповыхъ—на неопредѣленное число учащихся, при фабрикахъ Михина и Зотова на 100 и «Товарищества» на 80 человѣкъ обоего пола; въ послѣдней школѣ, сверхъ общихъ предметовъ, предположено обученіе ремесламъ. Со 2 ч. февраля прошлаго года учреждена фельдшерская школа при земской больницѣ. Итого на народонаселеніе города, простирающееся до 30 т., приходится 15 учебныхъ заведеній, — число очень почтенное какъ само по себѣ, такъ сравнительно съ числомъ учебныхъ заведеній, существующихъ въ другихъ губернскихъ городахъ. Здѣшняя семинарія—въ свою очередь первая въ Россіи преобразована по новому уставу на пожертвованія мѣстнаго епархіальнаго духовенства нисколько не касаясь государственнаго казначейства,—во вниманіе къ чему здѣшній епископъ Платонъ Всемилостивѣйше возведенъ въ санъ архіепископа, въ санъ, которымъ не пользовался ни одинъ изъ его предшественниковъ съ самаго учрежденія Костромской епархіи. Арх. Платонъ есть составитель книги: «нравственное богословіе», служащей учебнымъ руководствомъ въ нашихъ семинаріяхъ; онъ же авторъ сочиненія «о покаяніи» и другихъ духовныхъ сочиненій.

Къ другимъ средствамъ образованія жителей принадлежитъ читальня при общественномъ клубѣ, снабженная хорошею библіотекою, заключающею не одни журналы и газеты, но вмѣстѣ съ ними многія русскія и иностранныя переводныя сочиненія по разнымъ отдѣламъ наукъ. Читальня открыта три раза въ недѣлю: по вторникамъ, четвергамъ и воскресеніямъ, отъ 10 до 2 часовъ—въ эти дни безплатно,—и ежедневно по вечерамъ, съ платою по 25 к., платою, открывающею въ то же время, въ дни клубные, входъ въ клубное собраніе. Кромѣ читальни, въ городѣ есть библіотека купца Архипова, отпускающая книги на дома для прочтенія за 25 и 50 коп. въ мѣсяцъ. Книгохранилище Архипова, правда, не обширное; оно какъ говорится вновѣ, но обѣщаетъ распространиться, если будетъ поддержано постояннымъ къ себѣ вниманіемъ публики. Въ городѣ 3 книжныя лавки: мѣщанина Вихнѣшина, расположенные вблизи Успенскаго собора, купца Солидовникова и мѣщанки Клеченовой въ гостиномъ дворѣ, не считая продажи книгъ съ рукъ, а также складовъ книгъ существующихъ при казенныхъ учебныхъ заведеніяхъ и присылаемыхъ изъ департамента народнаго просвѣщенія, комитета грамотности и изъ другихъ комитетовъ. Изъ означенныхъ книжныхъ лавокъ, лавка купца Солидовникова имѣетъ спеціальностью своей торговли книги духовнаго содержанія.

Про здѣшній театръ худаго тоже нельзя сказать: начиная съ хорошей отдѣлки его, рѣдко встрѣчаемой въ нашихъ городахъ и много обязанной бывшему губернатору Радьевичу, портретъ котораго поставленъ въ залѣ театра на вѣчное время.

Кромѣ обыкновенныхъ губернскихъ вѣдомостей, городъ издаетъ ежегодный календарь подъ названіемъ крестнаго костромскаго календаря, въ которомъ, при перечнѣ главнѣйшихъ общерусскихъ свѣдѣній, заключаются подобныя свѣдѣнія, касающіяся въ разныхъ

*) Вотъ перечень именъ — костромичей, потрудившихся на литературномъ и ученомъ поприщахъ: Грамматинъ, переводчикъ слова о Полку Игоровѣ, П. П. Свиньинъ, первый редакторъ Отечественныхъ записокъ и авторъ картинъ Россіи, А. Ѳ. Писемскій, С. В. Ешевскій, А. А. Потѣхинъ, С. В. Максимовъ, Н. П. Колюпановъ, А. П. Шиповъ, Н. А. Вороновъ, А. П. Кобякова, Н. А. Потѣхинъ, Кіевскій митрополитъ Арсеній, профессоры университетовъ: С.-Пбг.: М. Ѳ. Окатовъ свящ-никъ Горчаковъ, Московскаго М. А. Толстопятовъ, Н. К. Соколовъ, ректоръ московской дух. ак. А. В. Горскій, покойный П. А. Плетневъ, М. М. Тимоѳеевъ (инспекторъ Смоленскаго института и авторъ нѣкоторыхъ учебниковъ), И. И. Шульгинъ и др. Здѣшній мѣщанинъ — самоучка Кривошипниковъ упредилъ Брегета въ изобрѣтеніи хронометра. Извѣстный драматургъ А. П. Островскій, хотя родился въ Москвѣ, по происхожденіемъ изъ дворянъ Костр. губ.

Библиотека "Руниверс"

Икона Ѳедоровской Божіей Матери въ Костромѣ

Съ акварели профессора Боголюбова рисовалъ И. Космаковъ, гравировалъ Ничъ.

Библиотека "Руниверс"

отношеніяхъ Костромы и Костромской губерніи. Календарь этотъ, толково составляемый однимъ изъ здѣшнихъ жителей, Г. Смарцковымъ, расходится по губерніи во множествѣ экземпляровъ.

Въ Костромѣ, вмѣстѣ съ казенною типографіею, существующею при губ. правленіи, есть одна частная, устроенная, г. Островскимъ. При тонкости работъ, при разнообразіи шрифтовъ, а также при содержаніи въ той и другой типографіяхъ удовлетворительныхъ корректоровъ, здѣшніе люди печати могутъ легко обходиться безъ столичныхъ или другихъ иногородныхъ типографій, не говоря уже о здѣшнихъ присутственныхъ мѣстахъ, которыя всегда дѣлаютъ заказы на мѣстѣ.

Въ городѣ существуютъ механическій заводъ гг. Шиповыхъ для изготовленія пароходовъ, машинъ, катковъ и пр., 2 льнопрядильныя фабрики купцовъ Михина и Зотова, одна фабрика подъ названіемъ «товарищества новой костромской льняной мануфактуры», занимающаяся выдѣлкою пряжи и полотна, свѣчные воскобовыхъ и сальныхъ свѣчей заводы купцовъ Солодовникова и Акатова и фабрика курительнаго нашихъ сортовъ и зеленаго нюхательнаго табаковъ купцовъ Чумаковыхъ. Общая черта сей-часъ названныхъ промышленныхъ учрежденій есть то, что на нихъ всѣ главные мастера, механики, управляющіе—люди русскіе; при первыхъ четырехъ есть школы и больницы, и, замѣчательно, доступныя не для однихъ лицъ служащихъ при учрежденіяхъ, но и для лицъ совершенно постороннихъ, а при заводѣ гг. Шиповыхъ сверхъ того устроена читальня для рабочихъ. Не успѣвъ получить цифры оборотовъ годовыхъ на заводахъ Шиповыхъ, свѣчномъ заводѣ и табачной фабрикѣ Чумаковыхъ, мы должны ограничиться здѣсь цифрою оборотовъ, существующей на остальныхъ фабрикахъ, простирающейся до $3^1/_2$ мил. Костромскія сальныя свѣчи подобно Муромскимъ пользуются извѣстностію въ томъ, что даютъ ровный свѣтъ и не скоро отекаютъ; едва ли не большую славу стяжалъ себѣ Костромской зеленой табакъ, какъ по особому своему букету, такъ по крѣпости нѣкоторыми столько любимой.

Въ городѣ находится очень порядочные, и нѣкоторые даже хорошіе магазины краснаго и панскаго товара и другихъ потребленій, какъ-то: Лошниковыхъ, Колесовой, Акатовыхъ, Маннскаго, Солодовникова; большая торговля хлѣбомъ купцовъ Стоюнина и Мясникова и лѣсомъ—Абатова, Козырева и Корелиныхъ.

Здѣшнія гостинницы довольно недурны, а изъ нихъ «Старый Дворъ» содержимая г. Карцовымъ и «Кострома» купца Аспгаевъ даже могутъ назваться хорошими, особенно первый, какъ по опрятности помѣщенія, такъ по исправной кухнѣ.

Кострома имѣетъ 2 банка: общественный и коммерческій, имѣющіе своими операціями продажу и покупку процентныхъ бумагъ, ссуду денегъ подъ залогъ недвижимаго имѣнія, домовъ, и пр.; пріемъ денегъ на храненіе изъ $6^1/_2$%; притомъ, при первомъ банкѣ находится сберегательная касса.

Благотворительность городская представляется въ слѣдующемъ видѣ: здѣсь есть Маріинской дѣтскій пріютъ съ школою и рукодѣльнею, учрежденными по мысли перваго директора пріюта Д. С. С. А. П. Шипова; начавшись при г. Шиповѣ, который много сдѣлалъ для сиротъ, пріютъ имѣетъ ревностнаго дѣятеля въ преемникѣ Шипова, директорѣ и докторѣ медицины Л. Д. Даниловѣ; благотворительный комитетъ, учрежденный г. Суворовымъ; двѣ богадѣльни, изъ коихъ одна при земской больницѣ, другая при назаревскомъ кладбищѣ. Въ примѣръ того, какъ наши монастыри, находящіе себѣ столько порицателей, могутъ служить дѣлу благотворенія, нельзя не указать на здѣшній Богоявленскій женскій монастырь: съ тѣхъ поръ, какъ монастырь этотъ поступилъ подъ управленіе честнѣйшей матери Игуменіи Маріи (изъ дворянскаго рода Давыдовыхъ), при обители открыто женское училище съ рукодѣльнею для приготовленія наставницъ въ сельскія школы, училище, дающее воспитаніе дочерямъ бѣдныхъ родителей за недорогую плату или и совсѣмъ безплатно; въ рукодѣльнѣ, кромѣ общихъ занятій, ученицы вышиваютъ шелкомъ, жемчугомъ, а также занимаются живописью образовъ на деревѣ и стеклѣ. Въ послѣднихъ занятіяхъ руководствуетъ учащихся сама игуменья, получившая въ мірѣ хорошее образованіе, ознакомленная съ искусствомъ живописи и написавшая весь иконостасъ для 2-хъ монастырскихъ церквей.

Частныя лица точно также не остаются глухи къ несчастіямъ нуждающейся браніи. Такъ, содержатель одной изъ здѣшнихъ аптекъ Д. П. Зегницъ отпускаетъ неимущимъ лекарства безплатно, здѣшнимъ дворянствомъ устроиваются въ пользу нуждающихся концерты, спектакли, рынки, лотереи и пр. Число докторовъ въ городѣ восходитъ до 20. Больницъ, кромѣ временныхъ полковыхъ, стоящихъ здѣсь полковъ, находится: земская, устроенная изъ бывшаго дома училища дѣтей канцелярскихъ служителей—большое помѣщеніе, хорошо приспособленное къ своей цѣли, съ удобною вентиляціей, съ двумя садами, съ церковью и школою для фельдшеровъ; а также съ лечебницею для приходящихъ больныхъ, — и больницы устроенныя на городскихъ заводахъ и фабрикахъ.

Аптекъ 3, именно: Зегницъ, Зоммера и земская. Лучшею изъ нихъ считается первая, которою г. Зегницъ давно владѣетъ, успѣвъ снискать себѣ довѣренность отъ публики. Для удобнаго пользованія рѣчною волжскою водою, по мысли бывшаго городскаго головы А. А. Акатова, устроена въ городѣ водоподъемная машина по площадкѣ у Гостиннаго двора, съ развѣтвленіями на концѣ Павловской улицы и на Русиной вблизи земской больницы.

Прилагаемый рисунокъ изображаетъ внутренность успенскаго собора съ находящееся въ немъ иконою Ѳедоровской Божіей Матери.

Раса карликовъ.

Итальянское географическое общество, получило изъ Александріи вмѣстѣ съ извѣстіемъ о смерти естествоиспытателя Міани, много разныхъ этнологическихъ предметовъ, а главное два живыхъ экземпляра племени Акка или Тикку-Тикки, купленныхъ путешественникомъ у короля Мупца. Эти индивидуумы, изъ которыхъ одинъ восемнадцати лѣтъ и четырнадцати дюймовъ росту, другой шестнадцати лѣтъ и 31 дюйма, принадлежатъ, по мнѣнію Міани, къ расѣ карликовъ описанной Геродотомъ, и въ недавнее время снова открытой нѣмецкимъ изслѣдователемъ Швейнфуртомъ. По описаніямъ этого послѣдняго, карлики этой расы отличаются большимъ животомъ, тонкими конечностями, вогнутыми колѣнями и круглой формой черепа; руки и ноги у нихъ очень длинныя, кожа мѣднаго цвѣта и волосы курчавые, всклокоченные какъ пакля.

Брэтъ Гартъ.

Въ прошломъ 1873 году впервые появилась въ русскомъ переводѣ рядъ небольшихъ разсказовъ и очерковъ калифорнійской жизни, сразу доставившихъ автору громкую извѣстность и сдѣлавшихъ его любимцемъ русской читающей публики. Франсисъ Брэтъ Гартъ, сынъ учителя, родился въ 1839 г. въ Альбани, главномъ городѣ штата Нью Іоркъ. Въ 1854 онъ прибылъ въ Клифорнію и само собою разумѣется сталъ золотоискателемъ,—да и кто бы воздержался отъ искушенія въ тѣ времена! Насколько успѣшна была его служба суетному Ваалу — намъ неизвѣстно; надо полагать, что надежды его не сбылись, такъ какъ онъ вскорѣ промѣнялъ свое заманчивое ремесло на скромное поприще школьнаго учителя, а затѣмъ сталъ наборщикомъ и наконецъ «газетчикомъ» при одномъ изъ тѣхъ журнальныхъ предпріятій, которыя въ Америки ростутъ какъ грибы всюду, гдѣ только заведется дюжина домишекъ съ сотнею жителей. Къ счастію, на этотъ разъ онъ нашелъ истинное свое призваніе, т. е. вступилъ на литературную стезю — и стоило только ему сознать, что онъ достаточно поскитался въ золотопромышленныхъ лагерахъ и мѣстечкахъ Сьерры-Невады, чтобы добыть себѣ въ Санъ-Франциско новый очагъ, новую дѣятельность и первые успѣхи въ той области, которой нынѣ онъ является однимъ изъ лучшихъ украшеній. Въ 1857 году прибылъ онъ въ эту обѣтованную страну какъ разъ къ тому времени, когда общественный бытъ Санъ-Франциско, сложившій не болѣе десятка лѣтъ тому назадъ переживалъ страшный кризисъ — и наблюдательные комитеты (vigilance-comittees) 1856 года доканчивали свою безпощадную борьбу съ тайнымъ заговоромъ игроковъ, разбойниковъ и прочихъ враговъ общественнаго порядка, закладывая такимъ образомъ краеугольный камень той столицы, что нынѣ именуется владычицей Тихаго Океана. Молодой поэтъ снова вступилъ въ ряды наборщиковъ еженедѣльной газеты, которой самое названіе — *золотой вѣкъ*—сулилъ блестящую будущность ярому Калифорнійцу. Судьба сдержала слово. Не прошло и году, какъ Брэтъ Гартъ прямо отъ кассы попалъ въ кабинетъ редакціи, изумивъ издателя газеты первенцами своей музы, которые онъ нетолько довѣрилъ бумагѣ, но еще и напечаталъ самъ превосходнымъ шрифтомъ. Это были юмористическія стихотворенія, въ которыхъ онъ старался запечатлѣть особенности калифорнійскаго житья бытья. Нѣкоторыя изъ нихъ, а также изъ послѣдующихъ, когда онъ вскорѣ затѣмъ сталъ редакторомъ-издателемъ собственнаго листка «Калифорніецъ», уцѣлѣли и вошли въ позднѣйшія изданія сочиненій Брэтъ Гарта; но большая часть того, что писалъ въ то время, проникнута интересомъ минуты.

Такимъ образомъ изъ авантюриста и золотоискателя довольно скоро выработался прилежный и въ своемъ кругу охотно признаваемый писатель-журналистъ. Болѣе того, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, нѣкогда смѣлый аргонавтъ женился и сталъ отцомъ семейства, чѣмъ и объясняется то обстоятельство, что въ 1864 году онъ принялъ предложенную ему должность секретаря казначейства Соединенныхъ Штатовъ въ Санъ-Франциско. Снова въ жизнь его ворвались потоки калифорнійскаго золота, но тѣмъ сильнѣе забили ключемъ изъ нѣдръ души его золотыя струи калифорнійской поэзіи, — ибо теперь только, при обезпеченномъ существованіи, находилъ онъ необходимый досугъ для своихъ вдохновеній и пріобрѣлъ нетолько многочисленныхъ поклонниковъ въ читающей пуб-

Библиотека "Руниверс"

ликѣ, но и литературныхъ друзей, готовыхъ жертвовать своимъ трудомъ, съ помощью которыхъ и началъ въ 1864 году изданіе ежемѣсячнаго журнала «Overland monthly.»

Успѣхъ этого предпріятія былъ поразителенъ. Превосходно редактируемый вообще, журналъ сверхъ того почти въ каждомъ нумерѣ давалъ своимъ подписчикамъ по сокровищу изъ вдохновеній Брэтъ Гарта. Уже въ Августѣ явилась «Удача гремучаго лагеря» и выказала любимаго публикой поэта юмориста внезапно во всеоружіи прозаическаго творчества. Вскорѣ за этимъ первымъ произведеніемъ послѣдовали «Покерфлатскіе изгнанники (Января 1869)» и «пріятель Тенесси». Въ промежуткахъ между ними являлись очерки въ стихахъ и прозѣ, полные теплоты и той неотразимой прелести въ гармоніи формы съ содержаніемъ, которыя, не имѣя себя предшествовавшихъ образцовъ, до сихъ поръ не находятъ и подражателей. То была блестящая пора развитія его таланта. Всесвѣтная слава еще не стояла за нимъ, слѣдя за каждымъ листкомъ бумаги, которые онъ наполнялъ тѣми стихами и разсказами, что нынѣ повторяются на всѣхъ цивилизованныхъ нарѣчіяхъ. Творчество его было еще такъ-сказать безсознательное, неизвѣстное за предѣлами Калифорніи, сомнительное для самого творца. Но не долго длились его сомнѣнія въ своихъ силахъ. Осенью 1871 года на страницахъ «Оверланда» появилась маленькое его стихотвореніе, перешло во всѣ газеты Соединенныхъ Штатовъ, стоустно повторялось дѣтьми и ребятишками, а наконецъ облетѣло и весь міръ. Это было «Heathen Chinee», какъ его называла народная молва, или «Plain language from truthful James» (простая рѣчь правдиваго Якова). Брэтъ Гартъ могъ сказать себя, что онъ пережилъ то утро, въ которое пробудилась его національная слава.

Первымъ слѣдствіемъ этой извѣстности было то, что настоящая родину лишила поэта его пріемнаго отечества. Она призывала къ себѣ торжествующаго сына — и онъ внялъ ея зову. Весною 1871 года онъ сложилъ съ себя редакторство и профессуру словесности въ высшемъ калифорнійскомъ учебномъ заведеніи, вернулся на востокъ, въ Нью-Іоркъ и зажилъ тамъ привольною жизнью, полною блеска и славы.

Въ настоящее время творенія Брэтъ Гарта стали общеевропейскимъ достояніемъ. Англія пользуется завидной возможностью читать ихъ на своемъ родномъ нарѣчіи. Въ Германіи они воспроизведены десятками переводчиковъ, въ главѣ которыхъ стоитъ маститый поэтъ Фрейлигратъ. Франція познакомилась съ ними на страницахъ «Revue de deux mondes.» У насъ въ Россіи почти одновременно явилось нѣсколько переводовъ какъ въ журналахъ такъ и отдѣльнымъ изданіемъ — и мы не замедлимъ ознакомить нашихъ читателей съ поэтическимъ дарованіемъ Брэтъ Гарта въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ «Нивы», а пока прилагаемъ портретъ этого талантливаго писателя.

Выставка картинъ г. Верещагина.

В. В. Верещагинъ—воспитанникъ петербургской Академіи Художествъ. По выходѣ изъ Академіи, онъ поработалъ еще нѣкоторое время въ Парижѣ (подъ вліяніемъ художника Жерома) и въ Мюнхенѣ. Затѣмъ, впродолженіи нѣсколькихъ лѣтъ занимаясь изученіемъ средней Азіи, онъ окончилъ цѣлый рядъ картинъ, касающихся природы Туркестана, жизни его обитателей и характера недавнихъ нашихъ тамъ военныхъ дѣйствій.

Сама Азія явилась къ намъ! Такъ хочется невольно воскликнуть, идя по залѣ, гдѣ г. Верещагинъ выставилъ свои картины. Вся вообще постановка сдѣлана съ большимъ знаніемъ дѣла. Освѣщеніе сверху и боковое весьма удовлетворительны. Каждая картина сама по себѣ и какъ картина дополняющая, поясняющая слѣдующую—поставлена такъ, что въ общемъ выставка эта напоминаетъ тѣ искусно устроенныя картинныя галлереи, которыя обязаны своимъ существованіемъ королю Людовику (Баварскому), и именно ту замѣчательную залу, гдѣ король помѣстилъ виды Греціи художника Ротмана. Зритель видитъ тамъ, въ промежутки между колонами, подъ темнымъ сводомъ, ярко-освѣщенные пейзажи Эллады.

Г. Верещагинъ, устроивъ передъ своими картинами баррьеры, поставилъ публику на надлежащемъ пунктѣ; но эти загородки не мѣшаютъ, однако, нѣкоторымъ поклонникамъ искусства («Петрушкамъ» въ живописи) проползать подъ перила, чтобы наслаждаться *поближе* картиной, имѣющей, напримѣръ, нѣсколько квадратныхъ саженъ.

Да, Азія среди насъ! Она перенеслась въ Петербургъ! Вы видите блестящій, невыносимо-горячій солнечный свѣтъ, рѣзко голубое тяжеловатое небо, великолѣпную пестроту, яркіе цвѣта, страшную нищету, лохмотья, дикую свирѣпость и дикое благочестіе однихъ и тѣхъ-же людей, гигантскіе монументы и рядомъ безотрадные пески пустыни, степь, глушь... Вся эта картина чужда намъ, это какой-то невѣдомый міръ, это — Азія, какъ есть нагишомъ, чудная, страшная Азія!

Картины г. Верещагина—восточный эпосъ въ яркихъ образахъ, въ краскахъ; онѣ заставятъ призадуматься, онѣ способны разогнать сонъ... Картины эти совершенно понятны во взаимной ихъ связи: самъ художникъ въ своемъ пояснительномъ каталогѣ картинъ относится къ нимъ какъ къ цѣльному стихотворенію. Каждая картина имѣетъ свое названіе или лучше — эпиграфъ. Такъ напримѣръ, № 1. «*Смертельно раненый*». *Ой, братцы, убили! Убили... Ой, смерть моя пришла*».... № 3. «Забытый» съ слѣдующимъ эпиграфомъ:

«Ты скажи моей молодой вдовѣ,
Что женился я на другой женѣ:
Насъ сосватала сабля острая,
Положила спать мать сыра земля»....

Передъ вами одинокій трупъ храбраго русскаго воина. Лежитъ онъ среди обширной равнины, залитой солнечными лучами. Это—добыча хищныхъ, степныхъ птицъ. Братья — товарищи его ушли далеко впередъ... Некому было бросить горсточку земли на уснувшаго вѣчнымъ сномъ... Раздирающая сердце картина забвенія!.. Затѣмъ слѣдуетъ героическая поэма въ нѣсколькихъ картинахъ подъ названіемъ «Варвары». Вотъ, нѣкоторые изъ эпиграфовъ къ этимъ картинамъ: а) *Высматриваютъ*... б) *Нападаютъ въ расплохъ! Умремъ, не посрамимъ русской земли! Мертвымъ не стыдно*... в) *Окружили—преслѣдуютъ* и т. д. И все это преисполнено жизни, движенія, патріотическаго огня! Какимъ святымъ, чистымъ представляется это высокое, облагораживающее чувство любви къ отчизнѣ въ сердцахъ грубыхъ, суровыхъ воиновъ, и какъ сильно должно быть это самое чувство въ самомъ художникѣ, который съумѣлъ изобразить *такъ* этихъ простыхъ героевъ!..

По группировкѣ, великолѣпію красокъ, гармоніи, силѣ впечатлѣнія и по живописи, какъ картина, первое мѣсто, по нашему мнѣнію, занимаетъ картина «Торжествуютъ». «Такъ повелѣваетъ Богъ! Нѣтъ бога, кромѣ Бога!» Передъ вами толпа азіатовъ. Она слушаетъ разсказъ одного изъ участниковъ битвы... Народъ ждетъ раздѣла добычи, плѣнные расправы... На мачтахъ, вмѣсто пестрыхъ флаговъ, насажены головы убитыхъ непріятелей. Другая картина, представляющая менѣе совершенства какъ картина, но за то болѣе привлекательная, замѣчательная по содержанію и размѣрамъ своимъ, это — «*Съ горъ на долины*» (перекочевка киргизскихъ ауловъ). Аулъ, тѣснимый русскими, уходитъ съ своего мѣста. Жители аула на верблюдахъ, волахъ и лошадяхъ увозятъ все свое добро, спускаясь съ горъ. Одни переходятъ въ бродъ черезъ горныя рѣчепки, другіе подвигаются впередъ по каменистымъ тропинкамъ... Вся эта толпа стремится туда, въ долины, вглубь страны, къ инымъ, далекимъ пастбищамъ. Караванъ неразрывною цѣпью идетъ въ порядкѣ, но тѣмъ не менѣе въ торопливомъ шагѣ вьючныхъ животныхъ и въ взглядахъ людей, устремленныхъ впередъ, вдаль, нельзя не подмѣтить тревоги.... смятенія отъ нагрянувшей бѣды... Неумолимый рокъ дѣлаетъ здѣсь свое дѣло: дикія орды Азіи бѣгутъ при приближеніи европейской цивилизаціи; а вонѣ тамъ, на вершинахъ горъ, піонеры новой культуры, съ оружіемъ въ рукахъ, уже видны...

Въ картинахъ небольшаго размѣра нѣтъ недостатка въ юморѣ, въ психологическихъ загадкахъ и вопросахъ, вызывающихъ на размышленіе («Апотеоза войны», «Продажа ребенка—невольника», «Политики въ опіумной лавочкѣ въ Ташкентѣ» и др.). Что касается техники, то относительно выполненія архитектурныхъ деталей, изображенія тканей, головъ, фигуръ, освѣщенія — она великолѣпна, современно реалистична; но въ ландшафтной живописи г. Верещагинъ нѣсколько слабѣе. Говоря вообще, картины его способны поразить всякаго, оставить глубокое впечатлѣніе, и на нихъ уже было обращено достодолжное вниманіе въ Англіи, Мюнхенѣ и въ Петербургѣ. Кромѣ собственно картинъ и этюдовъ (121 номеръ), г. Верещагинъ выставилъ тутъ-же рисунки (изъ записныхъ своихъ тетрадей), такъ что вся коллекція состоитъ изъ 243 произведеній.

Скажемъ въ заключеніе, что картины талантливаго художника—это нѣчто совершенно-своеобразное—необыкновенное явленіе, но вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ представляютъ такъ-сказать и предѣлъ того, что можетъ создать искусство: еще шагъ впередъ по этому направленію — и мы будемъ уже имѣть живопись *будущаго* (какъ уже имѣемъ «Музыку будущаго» Рихарда Вагнера), т. е. философію въ образахъ, *нарисованную мысль*,—а не живопись, какъ изображеніе (красками) вѣчно-прекраснаго, вѣчно-правдиваго въ жизни.

Къ каталогу картинъ, этюдамъ и рисункамъ В. В. Верещагина приложенъ «Очеркъ Туркестана», составленный весьма обстоятельно г. А. К. Гейнсомъ по просьбѣ г. Верещагина. «Очеркъ» занимаетъ 70 слишкомъ страничекъ, цѣна-же всей книжки-каталогу 5 коп. сер. Изумительно дешево!

По слухамъ, довольно достовѣрнымъ, всю коллекцію картинъ В. В. Верещагина купилъ за 90,000 руб. одинъ москвичъ, г. Б... любитель живописи и, какъ говорятъ, обладатель весьма замѣчательной картинной галлереи.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА

— 17-го марта 1874 г. Высочайше повелѣно: 1. Утвержденіе добровольныхъ соглашеній сторонъ о размѣрѣ вознагражденія за выкупаемые безсрочные чинши, сборы и другія повинности, въ губерніяхъ Царства Польскаго, а равно и разборъ дѣлъ, въ случаяхъ несогласія сторонъ, изъемлются нынѣ же изъ вѣдѣнія учрежденій по крестьянскимъ дѣламъ и предоставляются общимъ судебнымъ установленіямъ—и

2 Окончательныя рѣшенія по означеннымъ дѣламъ, состоявшіяся до изданія настоящаго постановленія въ учрежденіяхъ по крестьянскимъ дѣламъ, сохраняютъ свою силу и никакому пересмотру не подлежатъ.

— Государь Императоръ 19-го сего марта, Высочайше соизволилъ утвердить:

1. Правила о пріемѣ вольноопредѣляющихся въ войска и о прохожденіи ими службы, составленныя въ развитіе и дополненіе отд. I гл. XII Уст. о Воинской Повинности. 2. Временныя постановленія о служебныхъ правахъ вольноопредѣляющихся, поступившихъ до 1-го марта сего года по дѣйствовавшимъ до изданія упомянутаго Устава правиламъ. 3. Положеніе о пріемѣ охотниковъ въ военную службу.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Въ *с. Матусовѣ, Черкасскаго уѣзда.* Кіевской губерніи, открыто 24-го февраля *Тихоновское братство* въ честь святителя Тихона, епископа воронежскаго. По окончаніи въ означенный день литургіи, настоятель церкви священникъ Іоаннъ Гордіевскій обратился, — какъ сообщаютъ въ газетѣ «Кіевлянинъ»—къ народу съ глубоко-прочувствованной импровизованной рѣчью, въ которой, выясняя значеніе братствъ въ прошлой жизни народа, приглашалъ прихожанъ завести у себя братство *для поддержанія школы, хора пѣвчихъ и добрыхъ христіанскихъ порядковъ въ обществѣ.* «Любовь — въ заключеніе сказалъ проповѣдникъ—по слову св. Тихона, выше поста, совершаемаго вами нынѣ, братія, а потому во имя любви, которою такъ пламенѣлъ св. Тихонъ къ бѣдствующему человѣчеству, приглашаю васъ открыть Тихоновское братство». Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ сердечной рѣчи народъ тѣснился къ тому мѣсту, гдѣ записывали имена и фамиліи братчиковъ, съ обозначеніемъ количества жертвуемыхъ ими денегъ, и этимъ показалъ, что живо откликается на знакомый голосъ любви.

— «Церковно-Общественный Вѣстникъ» сообщаетъ слѣдующія свѣдѣнія о шелопутахъ Константиноградскаго уѣзда, Полтавской губерніи. Шелопутство Константиноградскаго уѣзда, по всѣмъ предположеніямъ, перешло сюда изъ богатаго сектантами всѣхъ пошибовъ пограничнаго Новомосковскаго уѣзда Екатеринославской губерніи. Въ срединѣ шестидесятыхъ годовъ, въ одномъ селѣ Константиноградскаго уѣзда появился босоногій толкъ. Адепты его считали ношеніе обуви чѣмъ-то грѣховнымъ и даже зимой ходили босикомъ. Центръ шелопутства полагаютъ въ селѣ Поповкѣ. Шелопуты обращаютъ на себя вниманіе тѣмъ, что не употребляютъ спиртныхъ напитковъ и не бѣгаютъ отъ грамотности. Къ частнымъ признакамъ принадлежности къ шелопутству, видимымъ для всякаго, слѣдуетъ отнести то, что шелопуты, дѣлая земные поклоны при богослуженіи въ храмахъ, непомѣрно стучатъ лбами о полъ, а женщины не носятъ цвѣтной одежды, манжетъ и прочихъ украшеній. По ночамъ шелопуты собираются, для чтенія церковныхъ книгъ, по домамъ зажиточныхъ изъ своихъ собратій. Послѣ чтенія и пѣнія домохозяинъ обязанъ предложить всѣмъ участвующимъ въ собраніи ужинъ. Ужинъ этотъ далеко выше крестьянской кухмистерской обыденности. Хлѣбъ долженъ быть непремѣнно бѣлый, пшеничный; кушанье больше сладкое, съ пряностями и вино церковное въ излишнемъ количествѣ.

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

Въ Архангельской губерніи на родинѣ Ломоносова, въ деревнѣ Ломоносовкѣ, *открыты,* съ разрѣшенія попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа, *публичныя чтенія для народа,* подъ руководствомъ мѣстнаго мироваго посредника Личкова. Объ открытіи чтеній были извѣщены крестьяне окрестныхъ деревень, волостные начальники, дѣти, учители и жители гор. Холмогоръ. По отслуженіи благодарственнаго молебствія мѣстный священникъ, законоучитель Ломоносовскаго училища, обратился къ присутствовавшимъ съ приличнымъ словомъ о пользѣ публичныхъ чтеній и затѣмъ прочелъ статью изъ «Солдатскаго Чтенія» —«значеніе присяги»; мировой посредникъ Личковъ объяснилъ Уставъ о Воинской Повинности, цѣль его и предоставляемыя имъ выгоды для народа; учитель Соснинъ прочелъ статью «Сиротское дѣло» Иларія Иванова изъ Мірскаго Вѣстника»; г-жа Личкова—статью изъ того же журнала—«Нѣтъ худа безъ добра», а учитель Шеповальниковъ читалъ басни Крылова съ разъясненіемъ ихъ. Крестьяне отнеслись сочувственно къ чтеніямъ, которыя, какъ можно было замѣтить, произвели на слушателей благопріятное впечатлѣніе. Положено прочитать въ воскресные дни нѣсколько статей, разрѣшенныхъ для чтенія попечителемъ С.-Петербургскаго учебнаго округа.

— 3-го минувшаго января устроенъ былъ праздникъ для учениковъ *Вязицкой земской школы* (Новогородскаго уѣзда). Праздникъ этотъ заключался въ чтеніи изъ разсказовъ Горбунова, Вейнберга и другихъ сочиненій и пѣніи учениками народнаго гимна «Боже, Царя храни» и другихъ избранныхъ стихотвореній. Зрителей и участвующихъ въ праздникѣ было до 185 человѣкъ; мѣстные крестьяне отнеслись къ этому празднику весьма сочувственно и выразили единогласно желаніе поддержать матеріальными средствами устройство подобныхъ полезныхъ увеселеній на будущее время.

— Министръ Народнаго Просвѣщенія разрѣшилъ Правленію Московскаго Университета принять отъ члена Общества Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи *П. І. Губонина* 15.000 р. и *г. Пермикина* 10.000 р., а всего 25.000 р., для употребленія сихъ денегъ, согласно волѣ жертвователей, *на расширеніе и разныя нужды зоологическаго музея упомянутаго Университета.*

— Въ послѣднее время открыты слѣдующія учебныя заведенія: въ январѣ мѣсяцѣ въ Липовскомъ уѣздѣ Плоцкой губерніи 4 начальныя евангелическія училища и Серпецкомъ 1, 19-го февраля въ Сольвычегодскомъ уѣздѣ Вологодской губ. народное сельское училище при Успенскомъ-Пустынномъ погостѣ, и 10 марта школа русскаго техническаго общества для дѣтей рабочихъ С.-Петербургскаго арсенала.

— 24-го февраля открыто въ *с. Бологомѣ* Новогородской губерніи *церковно-приходское училище.* Училище это помѣщается въ совершенно отдѣльномъ чистенькомъ свѣтломъ домикѣ, вмѣщающемъ пять комнатъ, изъ которыхъ двѣ для классовъ весьма вмѣстительны; въ обѣихъ свѣтъ падаетъ съ двухъ сторонъ, спереди и съ лѣвой стороны учащихся, какъ требуетъ условіе правильной школы. Въ каждой комнатѣ устроена вентиляція, и печи приспособлены особымъ способомъ для осушки и очищенія воздуха; стѣны оклеены шпалерами. Свѣтъ и чистота придаютъ очень веселый видъ школѣ. Она снабжена по возможности необходимыми учебными принадлежностями; тутъ и хорошія доски, и удобные низенькіе столы, и шведскіе счеты, и разные новѣйшіе учебники. Кромѣ закона Божія, русскаго языка, ариѳметики и общихъ понятій изъ исторіи и географіи, въ училищѣ предполагается ввести переплетное мастерство, а для дѣвочекъ рукодѣлье.

Литература.

новыя книги.

Константиновичъ, М Химическія бесѣды. Общепонятное изложеніе химическихъ свѣдѣній. Съ рис. Кіевъ. Тип. Фрица. 8 д. IV+371 стр. 2,000 экз. Ц. 1 р. 50 к.

Вальберхъ, Н. и Павленковъ, Ф. Краткій очеркъ популярной химіи. Съ рис. Спб. Тип. Тов. „Общ. Польза". 8 д. 58 стр. 1.550 экз Ц. 50 к.

Тиндаль, Джонъ. Вода въ видѣ облаковъ и рѣкъ, льда и глетчеровъ. Перев. А. Фрейденберга. Кіевъ. Учяв. тип. 8 д рис. 500 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Мильнъ-Эдвардсъ, Альфонсъ. Первыя начала геологіи Перев. съ францу. Изд. Лицея Цесаревича Николая. Москва. Унив. тип. 8 д. 168 стр. 2,400 экз.

Иверсенъ, В. Э. Полная сельско-хозяйственная зоологія. Руководство для народныхъ учителей и учительскихъ семинарій. Ч. II, птицы, пресмыкающіяся и рыбы. Съ рис. Спб. Тип. Акад. Н. 4-д. 216 стр. 410 экз. Ц. 1 р, 60 к.

Реклямъ, К. Строеніе и жизнь человѣческаго тѣла. Вып. III. Изд. „Книжн. магаз. для иногор." Спб. Тип. Меркульева. 8 д. 1 и 325 — 580 стр, 3,000 экз. Ц. 1 р. 50 к

Улэ, Отто. Популярныя бесѣды о природѣ и человѣкѣ Перев. съ нѣм. Съ политипи. Москва. Тип. Мамонтова 8 д. 1+291 стр. 1,400 экз.

Устройство человѣческаго тѣла, представленное на раскладныхъ рисункахъ. Съ текстомъ. Изд. ред. „Природа". Москва. Тип. Готье. Текстъ въ 8 д. 12 стр. и въ прилож. складные рисунки. 1,200 экз. Ц. 1 р.

СОДЕРЖАНІЕ: Портретъ Ея Императорскаго Высочества Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны и Великаго князя Николая Александровича.—Наемщикъ (сцены изъ отживающей системы наборовъ).—Это была игра...—Оружіе и доспѣхи нашихъ противниковъ въ Средней Азіи (съ рисункомъ).—Кострома (окончаніе) (съ рисункомъ).—Брэтъ Гартъ (съ портретомъ).—Выставка картинъ г. Верещагина. — Разныя извѣстія. — **Парижскія моды за апрѣль мѣсяцъ съ 11-ю рисунками.**

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА **1874** ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ **4** руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева **4** руб. **50** коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ **5** руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію **5** руб. **50** коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" и преміи за 1874 годъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи **„НИВЫ"** въ **С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**

При семъ нумерѣ прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ центральнаго депо фортепіанъ Г. М. Коха, въ С.-Петербургѣ, при чемъ издатель «Нивы» рекомендуетъ вниманію гг. подписчиковъ это депо, какъ наиболѣе извѣстное въ С.-Петербургѣ.

Дозволено цензурою. 5 апрѣля 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 16 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выдавъ 15-го апрѣля 1874 года. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

Вильгельмъ фонъ Каульбахъ.

Вильгельмъ фонъ Каульбахъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ живописцевъ нашего времени, въ особенности прославившійся своими картинами и фресками всеобще-историческаго содержанія и сатирическими произведеніями, родился 15 октября 1805 въ Арользенѣ, въ княжествѣ Вальдекъ. Отецъ его, золотыхъ дѣлъ мастеръ, былъ его первымъ учителемъ рисованія, а въ 1821 году онъ поступилъ въ академію художествъ въ Дюссельдорфѣ, гдѣ имъ съ особеннымъ вниманіемъ занимались извѣстные живописцы Корнеліусъ и Мослеръ. Даровитый юноша дѣлалъ быстрые, блестящіе успѣхи и, усвоивая себѣ основныя начала школы своихъ наставниковъ, въ то же время пролагалъ себѣ собственную, самостоятельную стезю. Въ этомъ ему помогъ, между прочимъ, одинъ странный случай. Въ домашней церкви заведенія умалишенныхъ въ Дюссельдорфѣ онъ написалъ нѣсколько ангеловъ; въ благодарность за эту любезность главный врачъ показалъ ему свое заведеніе. Этотъ обзоръ до того поразилъ молодаго художника и привелъ его воображеніе въ такое возбужденное состояніе, что онъ (какъ потомъ самъ разсказывалъ) скомпоновалъ свою знаменитую картину «Домъ сумасшедшихъ», для того только, чтобы отдѣлаться отъ подавляющихъ, неотвязчивыхъ впечатлѣній. Главныя фигуры взяты имъ прямо съ натуры. Это произведеніе положило основаніе славѣ Каульбаха. Оно было гравировано на мѣди и издано съ коментаріями Герреса. Въ 1826 г. Корнеліусъ вызвалъ своего уче-

Вильгельмъ фонъ Каульбахъ.

Библиотека "Руниверс"

ника въ Мюнхенъ, гдѣ онъ сначала работалъ въ строго-идеальномъ стилѣ, мало уклоняясь отъ простоты антика. Въ этомъ стилѣ написаны имъ плафонъ Одеона (Аполлонъ, окруженный музами), шестнадцать стѣнныхъ фресокъ во дворцѣ герцога Макса, изображающіе миѳъ Психеи и Эрота. Переходъ отъ стараго стиля его школы къ личной своей манерѣ, или отъ антика къ романтизму, представляютъ эскизы набросанные имъ въ 1830 — 31 гг. и изображающіе моменты изъ германской исторіи. Переходъ этотъ рѣшительнѣе сказывается въ дальнѣйшихъ его большихъ работахъ—фрескахъ и плафонахъ исполненныхъ въ королевскомъ дворцѣ, въ покояхъ и тронной залѣ королевы на сюжеты изъ Клопштока, Виланда и Гёте. Но творческая самостоятельность Каульбаха окончательно развернулась не ранѣе какъ въ его битвѣ Гунновъ (1834 г.); эта обширная, знаменитая композиція, изображающая народную легенду о томъ, какъ передъ воротами Рима духи павшихъ гунновъ и римлянъ продолжали бой, прекращенный живыми ратями,—отличается необыкновенною величественностью замысла и богатствомъ фонтазіи. Исполненіе характерно, дышетъ жизнью, огнемъ и красотою, частности исполнены поразительною правдою и чужды всего условнаго, рутиннаго. Однимъ словомъ, эта картина, знакомая большинству любителей искусства по превосходнымъ гравюрамъ и фотографіямъ, вполнѣ справедливо причисляется къ самымъ крупнымъ, знаменательнымъ твореніемъ Каульбаха. Онъ между тѣмъ съ большою любовью занялся изученіемъ Гогарта, и плодомъ этихъ занятій явился рядъ рисунковъ къ «Фаусту» Гёте и «Преступнику отъ потери чести» Шиллера. Въ 1837—48 гг. Каульбахъ, по заказу одной польской графини, приступилъ къ своей второй большой героической композиціи: «Разрушеніе Іерусалима Титомъ». Эскизъ онъ окончилъ въ 1838 году; но за исполненіе на полотнѣ — въ размѣрахъ 18 на 20 футовъ—принялся лишь въ 1839 г., основательно занявшись въ Италіи изученіемъ колорита. Въ 1846 г. картина была окончена и помѣщена въ новой Пинакотекѣ въ Мюнхенѣ. Эта колосальная концепція увлекаетъ силою и полнотою мысли; каждая черта полна величія и ума; глубоко трагическая мысль проникаетъ все твореніе. Каульбахъ самъ напечаталъ коментаріи къ этому творенію, гдѣ на восьми страницахъ, онъ приводитъ всѣ мѣста изъ Библіи, которыми онъ руководствовался. Изъ того же періода назовемъ еще Освобожденіе Гроба Господня крестоносцами, Христа въ преддверіи ада, Анакреона со своею возлюбленною и пр. Но эти и многія другія большія, и большею частью символическія, композиціи, несмотря на все разнообразіе и великія достоинства, не сравнятся съ произведеніемъ, въ которомъ геній Каульбаха выразился всего чище и своеобразнѣе: мы говоримъ о его Рейнекѣ Фуксѣ (или «Рейнекъ Лисъ»), который съ 1847 г. являлся выпусками и представляетъ крайне оригинальный, глубоко продуманный и художественный переводъ—если можно такъ выразиться—знаменитой сатирической эпопеи.

Въ 1847 г., Каульбахъ по приглашенію прусскаго короля, переѣхалъ въ Берлинъ расписывать фресками культурно-историческаго содержанія стѣны обширной лѣстницы (Treppenhaus) новаго музея. Эта колосальная работа состоитъ изъ шести фресковъ, съ раздѣляющими и окружающими ихъ циклами меньшихъ картинъ, и вѣнчающимъ все произведеніе фризомъ въ видѣ затѣйливо-переплетающихся арабесковъ изъ фигуръ дѣтей и животныхъ, которыми художникъ хотѣлъ выразить, въ юмористически-сатирическомъ родѣ, борьбу и стремленіе человѣческаго духа, обнаруживающіяся въ изображенныхъ имъ великихъ историческихъ явленіяхъ. Картонъ къ одной изъ большихъ картинъ—Вавилонское столпотвореніе—былъ готовъ въ Мюнхенѣ: это крайне-продуманная и законченная композиція, исполненная съ поразительною тонкостью и красотою. Вторая картина изображаетъ пору процвѣтанія Эллады, третья есть повтореніе разрушенія Іерусалима, четвертая—битва Гунновъ; Крестоносцы подходящіе ко Іерусалиму—составляютъ сюжетъ пятой картины, а шестая и послѣдняя посвящена Реформаціи. Надо признаться, что при всей громадности замысла и роскоши исполненія, весь циклъ страдаетъ неполнотою логической связи — такъ напримѣръ, полное отсутствіе міра римской цивилизаціи составляетъ значительный пробѣлъ. Притомъ, усвоенное себѣ Каульбахомъ философско-символическое отношеніе къ исторіи едвали годится для живописи. Впрочемъ, это вопросъ, конечно, спорный и подлежащій различнымъ рѣшеніямъ, смотря по личному вкусу и воззрѣнію на искусство.

Каульбахъ тоже писалъ много портретовъ масляными красками — между прочимъ замѣчательный портретъ извѣстной Лолы Монтесъ; есть у него также рисунки мѣломъ и углемъ, наконецъ рядъ «иллюстрацій» къ Шекспиру и Гёте, подъ названіемъ «шекспировской» и «гётевской галлерей». Къ сожалѣнію, онъ очень ужъ субъективно относится въ нихъ къ обоимъ великимъ поэтамъ и нерѣдко проявляетъ неудовлетворяющее, недостаточно глубокое пониманіе изображенныхъ имъ твореній.

Въ послѣднее время Каульбахъ работалъ надъ колосальною картиною масляными красками, «Битвою при Саламинѣ». Онъ любилъ воспроизводить, такъ сказать, въ эпическомъ духѣ такіе крупные моменты всемірной исторіи. При этомъ не довольствовался изображеніемъ даннаго событія, а старался наглядно представить участвующія въ немъ духовныя силы, а также причины и послѣдствія его, для чего ему приходилось захватывать въ кругъ своей картины и прошлое и позднѣйшее время. По этой причинѣ онъ не боится — какъ напримѣръ въ «Процвѣтаніи Эллады —грѣшить противъ хронологіи и соединять личности и факты, раздѣляемые большими промежутками времени и пространства, группируя ихъ такъ, чтобы они наглядно выражали данную идею. По этому же онъ, по примѣру эпическихъ поэтовъ, любитъ вводить сверхъестественныя, аллегорическія, символическія фигуры, выясняющія сокрытую отъ взора нравственную и духовную сторону дѣйствія. Первыя произведенія Каульбаха оставляли весьма многаго желать по части колорита, но послѣ его поѣздки въ Италію, онъ и въ этомъ отношеніи вполнѣ наверстал упущенное въ началѣ его художнической дѣятельности.

Каульбахъ состоялъ баварскимъ придворнымъ живописцемъ, членомъ большей части академій, кавалеромъ Почетнаго Легіона и имѣлъ медаль перваго класса. Скончался въ Берлинѣ въ мартѣ нынѣшняго года.

Товарищъ Генесси.

(РАЗСКАЗЪ БРЕТЪ-ГАРТА).

Не думаю, чтобы его настоящее имя было извѣстно. Неизвѣстность имени и происхожденія въ сущности не представляли никакихъ общественныхъ неудобствъ, потому что на Песчаной Косѣ, въ 1854 году, большая часть людей были вновь окрещены. Многія изъ именъ были произведены отъ какой нибудь особенности въ одеждѣ, какъ напримѣръ *Дунгари-Джекъ* *); или отъ какой нибудь своеобразной привычки, какъ *Соленый Билль*, названный такъ вслѣдствіе употребленія чрезмѣрной пропорціи соли въ пищѣ; или отъ какого нибудь несчастнаго промаха, какъ напримѣръ *Айронъ Пайретъ*, кроткій, безобидный человѣкъ, получилъ свое зловѣщее имя вслѣдствіе несчастнаго неумѣнья произноситъ *желѣзный колчеданъ* **). Можетъ быть это было началомъ первобытной геральдики; но мнѣ думается, что это происходило главнымъ образомъ потому, что настоящее имя человѣка въ тѣ времена зависѣло только отъ личнаго его усмотрѣнія.—«Васъ можетъ быть зовутъ Клифордомъ?» сказалъ бостонецъ, обращаясь съ невыразимымъ презрѣніемъ къ

*) Дунгари называется грубое синее сукно.

*) Iron-pirate — желѣзный пиратъ, Iron-pyrites — колчеданъ.

Библиотека "Руниверс"

новому пришельцу: — «адъ биткомъ набитъ такими Клифордами!» — Затѣмъ онъ представилъ несчастнаго человѣка, котораго имя случайно было дѣйствительно Клифордъ, подъ названіемъ *Сойки Черли*,— и эта вызванная минутнымъ вдохновеніемъ кличка осталась при немъ навсегда.

Но вернемся къ Товарищу Теннесси, котораго мы никогда не знали иначе какъ подъ его относительнымъ титуломъ; мы только узнали впослѣдствіи, что онъ существовалъ и какъ отдѣльная и самостоятельная личность. Кажется, что въ 1853 году онъ ѣздилъ изъ Покерфлета въ Санъ-Франциско—главнымъ образомъ для того, какъ онъ говорилъ, чтобы достать себѣ жену. Онъ однако не былъ дальше Стоктона. Тамъ ему приглянулась молодая особа, служившая за столомъ въ отелѣ, куда онъ заходилъ обѣдать. Однажды утромъ онъ сказалъ ей что-то, что̀ заставило ее улыбнуться не неблагосклонно, не безъ кокетливости ткнуть тарелку съ поджаренымъ хлѣбомъ въ его серіозное, добродушное лицо и затѣмъ уйти на кухню. Онъ пошелъ за ней и вернулся черезъ нѣсколько минутъ, завоевавъ еще больше поджаренаго хлѣба и побѣдныхъ лавровъ. Черезъ недѣлю они обвѣнчались въ мировомъ судѣ и вернулись въ Покерфлетъ. Я сознаюсь, что изъ этого эпизода можно было сдѣлать что нибудь больше, но предпочитаю передать его такъ, какъ онъ разсказывался на Песчаной Косѣ, въ портерныхъ и билліардныхъ, гдѣ всякое чувство подавлялось безпощаднымъ юморомъ.

О ихъ брачномъ счастіи было мало извѣстно, можетъ быть потому, что Теннесси, тогда жившій съ Товарищемъ, однажды вздумалъ сказать что-то его женѣ въ свою собственную пользу, на что, говорятъ, она улыбнулась не неблагосклонно и скромно удалилась, — на этотъ разъ не дальше Мерисвиля, куда Теннесси послѣдовалъ за ней и гдѣ они зажили безъ содѣйствія мироваго суда. Товарищъ Теннесси отнесся къ утратѣ жены просто и серіозно, какъ ко всѣмъ явленіямъ жизни. Но къ удивленію всѣхъ, когда Теннесси однажды вернулся изъ Мерисвиля безъ жены своего товарища, — она улыбнулась и скромно удалилась съ кѣмъ-то другимъ,—Товарищъ Теннесси первый пожалъ ему руку и дружески привѣтствовалъ его. Ребята, собравшіеся-было поглазѣть на «взрывъ», были разумѣется возмущены. Ихъ негодованіе излилось бы пожалуй въ сарказмахъ, еслибъ не брошенный взглядъ Товарища Теннесси,—взглядъ, въ которомъ отсутствовало всякое сочувствіе къ юмористическимъ выходкамъ. Онъ былъ человѣкъ серіозный, но чрезвычайно внимательный ко всякимъ мелочамъ, что̀ иногда ставило другихъ въ затрудненіе.

Между тѣмъ общественное мнѣніе постепенно возставало противъ Теннесси. Онъ былъ извѣстенъ какъ игрокъ, заподозрѣнъ въ кражѣ. Эти подозрѣнія въ одинаковой степени компрометировали и Товарища Теннесси. Его постоянная интимность съ Теннесси послѣ вышеупомянутаго случая могла быть объяснена только преступнымъ сообщничествомъ.

Наконецъ, поведеніе Теннесси обнаружилось вполнѣ и сдѣлалось окончательно возмутительнымъ. Онъ напалъ на проѣзжавшаго по дорогѣ въ Реддогъ. Проѣзжій впослѣдствіи разсказывалъ, что Теннесси сперва развлекалъ его одиночество интересными анекдотами и воспоминаніями, но потомъ нелогично заключилъ пріятную бесѣду слѣдующими словами: «А теперь, молодой человѣкъ, побезпокойтесь мнѣ передать вашъ ножъ, вашъ пистолетъ и ваши деньги. Оружіе можетъ ввести васъ въ лишніе хлопоты въ Реддогѣ, а ваши деньги могли бы послужить искушеніемъ для злонамѣренныхъ. Кажется, вы сказали, что живете въ Санъ-Франциско. Не премину завернуть къ вамъ».—Надо замѣтить кстати, что Теннесси обладалъ такимъ запасомъ юмора, что никакія дѣловыя заботы не были въ силахъ его совсѣмъ подавить.

Эта выходка была послѣдней. Реддогъ и Песчаная Коса единодушно ополчились на грабителя большихъ дорогъ. Теннесси травили почти такимъ же способомъ, какъ его прототипъ—медвѣдя. Когда собаки сдвинулись тѣснѣе вокругъ него, онъ сдѣлалъ отчаянный прыжокъ черезъ Косу, выстрѣлилъ въ толпу передъ Аркадой, и бросился въ Гризли-Кенонъ; но въ этой послѣдней крайности ему вдругъ перерѣзалъ дорогу небольшой человѣкъ на сѣрой лошади. Они съ минуту поглядѣли другъ на друга въ молчаніи. Оба были безстрашны, независимы, полны самообладанія; оба—типы той цивилизаціи, которая въ семнадцатомъ вѣкѣ была бы возвышена до геройства, а въ девятнадцатомъ считается признакомъ безстыдства.

— Какія карты у васъ на рукахъ? спросилъ спокойно Теннесси.

— Два валета и тузъ, отвѣчалъ человѣкъ на сѣрой лошади, также спокойно и показывая два револьвера и ножъ.

— Значитъ, я покрытъ, отвѣчалъ Теннесси, и съ этой эпиграммой шуллера бросилъ безполезный пистолетъ и поѣхалъ назадъ со своимъ побѣдителемъ.

Была теплая ночь. Прохладный вѣтеръ, обыкновенно поднимающійся изъ-за горъ съ заходомъ солнца, избавилъ на этотъ вечеръ Песчаную Косу отъ своего присутствія. Маленькій поселокъ былъ полонъ теплыхъ смолистыхъ испареній, а гніющіе морскіе выброски на отмели испускали изъ себя смертоносные міазмы. Лихорадка дня все еще наполняла поселокъ. По берегу неугомонно мелькали огни, на черномъ фонѣ елей, окна стараго чердака надъ конторой экспрессовъ выступали поразительно ярко, и сквозь открытыя рамы праздношатавшіеся внизу различали очертанія тѣхъ, кто рѣшалъ судьбу Теннесси. А надъ всѣмъ этимъ, на темномъ небосклонѣ рѣзко обрисовывалась Сьерра, спокойная и безстрастная, увѣнчанная далекими, безстрастными звѣздами.

Процессъ Теннесси былъ веденъ настолько правильно, сколько было возможно при судьѣ и присяжныхъ, чувствовавшихъ себя до нѣкоторой степени обязанными загладить приговоромъ предшествовавшія неправильности ареста и обвиненія. Законы Песчаной Косы были непреклонны, но не мстительны. Раздраженіе и личныя чувства, преобладавшія во время травли, отошли на второй планъ; овладѣвъ Теннесси, они были готовы терпѣливо выслушать всякую защиту. Въ ихъ собственныхъ умахъ не было никакого сомнѣнія, но тѣмъ не менѣе они готовы были предоставить подсудимому всевозможныя льготы. Рѣшивъ въ общихъ чертахъ, что ему надлежитъ быть повѣшеннымъ, они окружали его тѣмъ почтеніемъ, которое неотразимо вызывала его безпечная смѣлость. Судья былъ болѣе взволнованъ чѣмъ подсудимый, который несомнѣнно злораднс тѣшился созданной имъ отвѣтственностію.—«Я умываю руки, сами заварили кашу, сами и расхлебывайте», — было его отвѣтомъ на всѣ распросы. Судья—поймавшій его и взявшій въ плѣнъ—на минуту пожалѣлъ-было, что не застрѣлилъ его на мѣстѣ въ то утро, но затѣмъ тотчасъ же стряхнулъ съ себя эту человѣческую слабость, какъ недостойную юридическаго ума. Тѣмъ не менѣе, когда стукнули въ дверь и сказали, что пришелъ Товарищъ Теннесси сообщить что-то насчетъ подсудимаго, его впустили немедленно. Можетъ быть младшіе изъ присяжныхъ, которымъ процессъ смертельно надоѣлъ, привѣтствовали его какъ спасеніе.

Онъ не являлъ въ себѣ ничего величественнаго. Коротенькій и плотный, съ четыреугольнымъ лицомъ, неестественно краснымъ отъ загара, одѣтый въ широкую, грубую куртку и панталоны, замаранныя красной глиной, онъ показался всѣмъ ужасно смѣшнымъ. Когда онъ остановился и опустилъ къ своимъ ногамъ тяжелый ковровый мѣшокъ, который принесъ съ собой,— всѣ замѣтили, что матеріалъ, которымъ были заплатаны его панталоны, былъ отмѣченъ таможенными клеймами и, слѣдовательно, первоначально предназначался для менѣе почетной цѣли. Тѣмъ не менѣе онъ имѣлъ сосредоточенный видъ; пожавъ руки всѣмъ бывшимъ въ комнатѣ, онъ вытеръ свое серіозное, взволнованное лицо краснымъ бумажнымъ платкомъ, бывшимъ немного свѣтлѣе лица, положилъ свою сильную руку на столъ, чтобы поддержать себя, и такимъ образомъ обратился къ судьѣ:

— Я шелъ мимо и думалъ, не мѣшаетъ зайдти и взглянуть, какъ идетъ дѣло насчетъ Теннесси — моего товарища. Жаркая ночь! Я не запомню такой погоды у насъ на Косѣ.

Онъ помолчалъ съ минуту, но такъ какъ никто больше не вдавался въ метеорологическія разсужденія, онъ снова

Библиотека "Руниверс"

прибѣгнулъ къ носовому платку и въ теченіи нѣсколькихъ минутъ прилежно натиралъ себѣ лицо.

— Вы имѣете что нибудь сообщить относительно подсудимаго? спросилъ наконецъ судья.

— Точно такъ, отвѣчалъ Товарищъ Теннесси со вздохомъ.—Я пришелъ, какъ товарищъ Теннесси,—знающій его вотъ уже четыре года, вдоль и поперекъ, на сушѣ и на водѣ, въ счастіи и несчастіи. Мы съ нимъ жили каждый на свой ладъ, но въ этомъ молодомъ человѣкѣ не было ни одного шага, котораго бы я не зналъ. И если вы мнѣ скажете,—откровенно, какъ человѣкъ человѣку,—если вы у меня спросите: знаете ли вы что нибудь о немъ?—я скажу вамъ, положа руку на сердце, какъ человѣкъ человѣку: что можетъ человѣкъ знать о своемъ товарищѣ?

— И это все, что вы имѣете сообщить? спросилъ судья нетерпѣливо, чувствуя можетъ быть, что опасная искорка юмора начинала пробѣгать по суду.

— Именно, продолжалъ товарищъ Теннесси.—Не мнѣ говорить что нибудь противъ него. А теперь, въ чемъ дѣло? Теннесси нужны были деньги, до зарѣзу нужны, и онъ не хотѣлъ попросить у стараго товарища. Хорошо; что же Теннесси сдѣлалъ? Онъ поймалъ чужаго человѣка и остановилъ его. А вы поймали его и остановили: не все ли равно? И я спрашиваю у васъ, какъ у человѣка умнаго, у всѣхъ джентльменовъ, какъ у людей умныхъ,—развѣ это не такъ?

— Подсудимый, прервалъ судья,—не желаете ли вы что нибудь спросить у этого человѣка?

— Нѣтъ, нѣтъ! продолжалъ торопливо Товарищъ Теннесси.—Я играю эту игру одинъ, и дайте мнѣ кончить. Дѣло вотъ въ чемъ: Теннесси сыгралъ скверную штуку съ этимъ проѣзжимъ и со всѣми вами. Теперь дѣло только въ томъ, какъ бы уладить, чтобы никому не было обидно. Вотъ семнадцать сотъ долларовъ золотомъ и часы,—и пускай все будетъ попрежнему.

И прежде чѣмъ какая нибудь рука успѣла удержать его, онъ опросталъ ковровый мѣшокъ на столъ. На моментъ жизнь его была въ опасности. Одинъ или двое вскочили на ноги, нѣсколько рукъ схватились за ножи, и предложеніе выбросить его въ окно было пріостановлено только вмѣшательствомъ судьи. Теннесси смѣялся. Товарищъ Теннесси воспользовался случаемъ, чтобы отереть лицо платкомъ.

Когда порядокъ былъ возстановленъ, и при помощи усиленной реторики было выяснено, что проступокъ Теннесси нельзя искупить деньгами,—лицо его товарища стало еще серіознѣе и краснѣе, и стоявшіе ближе къ нему замѣтили, что сильная рука его, опиравшаяся о столъ, слегка задрожала. Онъ поколебался съ минуту, прежде чѣмъ медленно опустить золото въ мѣшокъ, какъ будто не вполнѣ уловивъ возвышенное понятіе о справедливости, двигавшей судомъ, и тревожно раздумывая, не слишкомъ ли мало онъ предложилъ. Затѣмъ онъ обратился къ судьѣ и сказалъ:

— Я сыгралъ эту игру въ одиночку, безъ товарища,—затѣмъ онъ поклонился суду и хотѣлъ-было выйти, когда судья вернулъ его назадъ.

— Если вы имѣете сказать что нибудь Теннесси, говорите лучше теперь.

Въ первой разъ въ этотъ вечеръ глаза подсудимаго и его адвоката встрѣтились. Теннесси усмѣхнулся, показавъ свои бѣлые зубы, и сказалъ:—Не поминай лихомъ, старина!—и протянулъ ему руку.

Товарищъ Теннесси взялъ ее своей рукой и проговорилъ:—Я шелъ мимо и зашелъ взглянуть, въ какомъ положеніе дѣло... Затѣмъ давъ своей рукѣ пассивно упасть, прибавилъ, что—«ночь ужасно теплая»,—опять утеръ лицо платкомъ и, не сказавъ больше ни слова, вышелъ.

Эти два человѣка никогда больше не видѣлись въ этой жизни. Неслыханное оскорбленіе подкупомъ, предложеннымъ Суду Линча—который, хотя узкій по понятіемъ и не чуждый ханжества, слылъ по крайней мѣрѣ неподкупнымъ,—сняло съ сердца этой миѳической личности всякія колебанія насчетъ участи Теннесси. И на разсвѣтѣ онъ шелъ, подъ сильной стражей, встрѣчать эту участь на вершинѣ Мавлеева холма.

Какъ онъ ее встрѣтилъ, какъ онъ былъ хладнокровенъ, какъ онъ отказался что нибудь высказать, какъ безукоризненны были распоряженія комитета,—все это подробно описано, съ прибавкой предупреждающаго нравоученія въ назиданіе всѣмъ будущимъ злодѣямъ, въ «Вѣстникѣ Красной Собаки», въ передовой статьѣ издателя, который самъ при всемъ этомъ присутствовалъ и къ пикантному слогу котораго я совѣтую читателю обратиться. Но красота лѣтняго утра, святая гармонія земли, воздуха и небесъ, пробуждающаяся жизнь свободныхъ лѣсовъ и холмовъ, радостное, полное надеждъ пробужденіе природы, и надъ всѣмъ этимъ—безпредѣльное спокойствіе, отзывавшееся на всѣхъ,—не были описаны, такъ какъ они не шли въ тонъ соціальному поученію. А между тѣмъ, малодушное и безумное дѣло было сдѣлано,—и жизнь, съ ея возможностями и отвѣтственностями, вышла изъ нескладнаго образа, болтавшагося между небомъ и землей,—птицы пѣли, цвѣты благоухали, солнце свѣтило также весело, какъ прежде; и можетъ быть «Вѣстникъ Красной Собаки» былъ правъ.

Товарищъ Теннесси не былъ въ группѣ, окружавшей дерево. Но когда они повернулись, чтобы уйти, всѣ замѣтили на дорогѣ неподвижно стоявшую телѣжку, запряженную осломъ. Когда они подошли ближе, то узнали почтенную Джинни и признали въ двухколесной телѣжкѣ собственность Товарища Теннесси, употреблявшуюся имъ для вывозки грязи изъ его участка; а въ нѣсколькихъ шагахъ дальше и самъ хозяинъ экипажа, подъ деревомъ, вытиралъ потъ съ пылавшаго лица.

Въ отвѣтъ на вопросъ, онъ сказалъ, что пріѣхалъ за тѣломъ умершаго, если комитету все равно. Онъ не хочетъ никого безпокоить, и можетъ подождать. Онъ не будетъ работать сегодня, и если джентльмены покончили съ товарищемъ, ему желательно было бы взять его.

— А если кто изъ присутствующихъ,—прибавилъ онъ съ своей обычной серіозностью,—если кто нибудь не прочь принять участіе въ похоронахъ, то милости просимъ!

Можетъ быть благодаря преобладавшему юмору, о которомъ я уже говорилъ какъ о характерной чертѣ Песчаной Косы, можетъ быть по какому нибудь лучшему побужденію—но двѣ трети зѣвакъ сразу приняли приглашеніе

Былъ полдень, когда трупъ Теннесси былъ переданъ въ руки его товарища. Когда телѣжка подъѣхала къ роковому дереву, мы замѣтили въ ней грубый продолговатый ящикъ, до половины наполненный сухими листьями и хвоями. Кромѣ того телѣжка была украшена вѣтками и цвѣтами. Когда тѣло было положено въ ящикъ, Товарищъ Теннесси прикрылъ его смоленымъ холстомъ, и осторожно взобравшись на узенькое сидѣнье впереди и упершись ногами въ оглобли, пустилъ осла впередъ. Экипажъ медленно двинулся, тою степенною рысцой, которой Джинни не измѣняла даже въ менѣе торжественныхъ случаяхъ. Люди—наполовину движимые любопытствомъ, наполовину шутки ради, но всѣ въ высшей степени добродушно—побрели рядомъ, сзади или даже нѣкоторые впереди телѣжки. Но мало по малу, вслѣдствіе ли узкой дороги или взявшаго верхъ чувства приличія, компанія раздѣлилась на пары, сдержала шагъ и приняла внѣшній видъ формальной процессіи. Джекъ Фолинсби, который сначала затрубилъ-было похоронный маршъ, перебирая пальцами по воображаемому тромбону,—замолчалъ, видя недостатокъ симпатіи и оцѣнки и не обладая способностью вашихъ пресловутыхъ юмористовъ довольствоваться утѣхой своей собственной шутки.

Дорога вела черезъ Гризли-Кененъ, на этотъ разъ облеченный въ мрачную, печальную тѣнь. Красныя деревья, хороня свои мохнатыя ноги въ красной почвѣ, стояли съ индійской сановитостью вдоль пути, словно благословляя своими нависшими вѣтвями проѣзжавшій гробъ. Заяцъ, захваченный врасплохъ, притаился, весь дрожа, въ придорожныхъ папоротникахъ. Бѣлки поспѣшили занять безопасный наблюдательный пунктъ на высшихъ вѣтвяхъ; а синія сойки, распустивъ крылья, бѣжали скороходами впереди, пока они не дошли до уединенно стоявшаго домика Товарища Теннесси.

Библиотека "Руниверс"

Литературный альбомъ. Дядя Власъ. Стихотвореніе Н. Некрасова. Композиція В. Чистякова, гравировалъ Напѣръ.

Библиотека "Руниверс"

И при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, это мѣсто нельзя было бы назвать веселымъ. Некрасивое мѣстоположеніе, грубыя и непріятныя очертанія, непоэтичныя детали, свойственныя всѣмъ вообще гнѣздамъ калифорнскихъ піонеровъ, здѣсь усиливались всей безотрадностью разоренія и нищеты. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ домика была безхитростная изгородь, за которой, въ короткіе дни супружескаго счастія хозяина, предполагалось развести садъ, но гдѣ теперь все сплошь заросло папоротникомъ. Когда мы подъѣхали, мы замѣтили нѣчто вродѣ недавней попытки обработки почвы, но это было ничто иное, какъ куча земли возлѣ свѣжей могилы.

Телѣжка остановилась у изгороди; и отвергнувъ предложеніе помощи съ тѣмъ скромно самоувѣреннымъ видомъ, который былъ ему присущъ, Товарищъ Теннесси взвалилъ тяжелый гробъ на спину и донесъ его до могилы. Затѣмъ приколотилъ доску, служившую крышкой, и взойдя на кучку земли возлѣ могилы, снялъ шляпу и медленно обтеръ лицо платкомъ. Толпа догадалась, что это введеніе къ рѣчи; и они расположились какъ кто могъ по изгороди и на пняхъ и ждали.

— Когда человѣкъ, началъ Товарищъ Теннеси медленно;— пробѣгаетъ цѣлый день безъ устали, что ему естественно сдѣлать? Конечно, вернуться домой. А если онъ не имѣетъ возможности самъ вернуться домой, что можетъ сдѣлать его лучшій другъ? Конечно, привезти его домой! Вотъ и Теннесси бѣгалъ день-деньской и умаялся, и вотъ мы привезли его домой...

Онъ помолчалъ, поднялъ съ земли кусочекъ кварца, задумчиво потеръ его о рукавъ и продолжалъ:

— Не одинъ разъ я приносилъ его домой на спинѣ, какъ вы сейчасъ видѣли. Не одинъ разъ я приносилъ его въ этотъ домъ, когда онъ былъ совсѣмъ безсиленъ и безпомощенъ; не одинъ разъ мы съ Джинни ждали его на томъ пригоркѣ, чтобы подобрать его и привезти домой, когда онъ не могъ говорить и не могъ признать меня. А теперь вотъ... такъ какъ это въ послѣдній разъ, онъ остановился и тихонько потеръ кварцемъ о рукавъ,—видите ли... Товарищу тяжко... Однако, джентельмены, примолзилъ онъ, оборвавъ себя и поднявъ съ земли заступъ,—похороны кончены: спасибо вамъ, отъ меня и отъ Теннесси, за ваше безпокойство.

И отказавшись отъ предложеній помощи, онъ принялся зарывать могилу, обернувшись спиной къ толпѣ, которая разбрелась, послѣ минутнаго колебанія. Когда они поднялись на небольшой холмъ, скрывавшій изъ виду Песчаную Косу, нѣкоторые, оглянувшись, увидѣли, что Товарищъ Теннесси, покончивъ дѣло, сидитъ на могилѣ, съ заступомъ между колѣнъ и съ краснымъ бумажнымъ платкомъ на лицѣ. Но другіе увѣряли, что на такомъ разстояніи нельзя было отличить лица отъ платка, и потому этотъ пунктъ остался неразрѣшеннымъ.

Въ реакціи, послѣдовавшей за лихорадочнымъ возбужденіемъ дня, Товарищъ Теннесси не былъ забытъ. Тайное изслѣдованіе сняло съ него всякое подозрѣніе въ соучастіи въ проступкѣ Теннесси. Песчаная Коса сочла обязанностью посѣтить его и почтить различными неуклюжими, но доброжелательными аттенціями.

Но съ этого дня его желѣзное здоровье видимо пошатнулось; и когда наступилъ дождливый сезонъ, и тонкія травки выглянули изъ-подъ холмика надъ могилой Теннесси, онъ слегъ въ постель.

Однажды ночью, когда ели вокругъ дома гнулись подъ бурей и припадали своими граціозными дланями къ крышѣ, и громко слышался плескъ и стонъ мятежной рѣки, Товарищъ Теннесси поднялъ голову съ подушки и проговорилъ:

— Пора ѣхать за Теннесси; пойти запречь Джинни...

И хотѣлъ-было привстать съ постели, но его удержалъ сидѣвшій у изголовья. Онъ продолжалъ бредить.

— Тпру! стой, Джинни... тпру, старуха! Какъ темно! Берегись пней... и смотри, не прозѣвать бы намъ его! смотри въ оба, старуха. Иногда, ты знаешь, когда онъ мертвецки пьянъ, онъ ложится поперекъ дороги... Держи прямо на ель, сюда, къ пригорку. Вотъ, я говорилъ! вотъ и онъ... сюда, Джинни! Смотри: стоитъ самъ, трезвый, лицо свѣтлое... Теннесси! Товарищъ!

И такъ они встрѣтились.

Это была... игра!..

РАЗСКАЗЪ

В. К. Гаклэндера.

(Окончаніе).

Если прежде, бывало возвратясь домой утомленнымъ, онъ съ неудовольствіемъ слушалъ, какъ въ прихожей его раздавался колокольчикъ, то теперь звонокъ этотъ даже пріятно дѣйствовалъ на его слухъ. Теперь и по ночамъ эти звуки уже не тревожили Дюринга: они призывали его къ исполненію принятыхъ имъ на себя обязанностей,—а это, по крайней мѣрѣ, развлекало доктора, разгоняя на время вереницу мрачныхъ его мыслей.

Однажды вечеромъ, когда онъ безпокойно бродилъ въ своей комнатѣ изъ угла въ уголъ и всѣми силами старался не думать о *ней*, а милый прекрасный образъ ея все носился передъ нимъ, то исчезая, то снова являясь,—къ нему вошла старуха - служанка и подала записку, сказавъ, что женщина, которая принесла эту записку, ожидаетъ отвѣта.

О, какъ сердце его забилось! И по біенію сердца онъ предугадалъ, чья рука писала ему; онъ узналъ это, не распечатавши еще письма,—и для этого ему даже не нужно было нѣжнаго запаха парижскихъ фіалокъ, которымъ сильно пахла записка.

«Мама почувствовала себя сегодня вечеромъ опять что-то несовсѣмъ здоровой», писала *она*, — «и если г. доктору не будетъ особенно затруднительно навѣстить больную, то она была-бы весьма благодарна за его визитъ».

— Можетъ быть завтра... пораньше утромъ? спросилъ Дюрингъ служанку, ожидавшую въ сѣняхъ отвѣта, но служанка, съ весьма озабоченнымъ видомъ, стала увѣрять его, что ея господамъ было-бы очень пріятно, если-бы господинъ докторъ потрудился явиться сегодня же вечеромъ.

И вотъ, отправился онъ по темнымъ улицамъ къ знакомому дому,—по тѣмъ же улицамъ, по которымъ онъ, нѣсколько дней тому назадъ, шелъ, ощущая полнѣйшее счастье, когда душа его ликовала, когда передъ нимъ мелькали свѣтлыя, блестящія картины, какъ тѣ солнечные лучи, которые обливали тогда все, что окружало его... А теперь — печаль наполняла его сердце, душа была мрачна, какъ темное, облачное небо, висѣвшее надъ его головой.

Да, если такъ еще недавно онъ надѣялся, стремился съ чувствомъ невыразимаго блаженства, очутиться въ очаровательной гостиной, изъ которой былъ видѣнъ садъ, то теперь онъ просто боялся этой комнаты и съ ужасомъ думалъ о томъ, что долженъ будетъ войти въ нее... Увы, и нельзя ему было избѣжать этого, потому что сейчасъ-же, какъ только вошелъ онъ въ домъ, хорошенькая горничная попросила его самымъ ласковымъ голосомъ подождать немножко... въ гостиной! Да, подождать въ гостиной молодой госпожи, покамѣсть не будетъ доложено о его приходѣ больной.

Дѣлать нечего — вошелъ докторъ въ гостиную, причемъ сердце его болѣзненно сжалось... Ощущеніе это было вполнѣ

Библиотека "Руниверс"

естественно, законно, а потому мы и сочли долгомъ не скрывать этого отъ благосклоннаго читателя, но... скромность не позволяетъ намъ передать здѣсь обстоятельно и подробно тотъ разговоръ, который затѣмъ произошелъ и имѣлъ такое рѣшительное вліяніе относительно серіознаго, къ сожалѣнію, окончанія этой маленькой исторіи.

* * *

По выходѣ изъ дома, стоящаго въ Фюрстенштрассе, докторъ, какъ кажется, вполнѣ разъяснилъ себѣ все, что хотѣлось ему разъяснить насчетъ своего положенія. Если-бы можно было взглянуть на его лицо (а этому мѣшала ночная темнота), то мы увидѣли бы на немъ то спокойствіе, которое обыкновенно замѣчается на лицѣ передъ тѣмъ, какъ мы, принявъ какое либо серіозное рѣшеніе, намѣреваемся привести его въ исполненіе. Но, да не думаетъ читатель, что въ глазахъ Дюринга выражалась, напримѣръ, печальная безнадежность,—совсѣмъ напротивъ! Мы даже готовы увѣрить васъ, что докторъ, идя серіознымъ шагомъ, не переставалъ ощущать спокойствіе духа, и спокойствіе это было благодѣтельнаго свойства.

Разъ только, во время пути, остановился онъ въ раздумьи и, постоявъ съ секунду и сообразивъ что-то, свернулъ съ своей дороги, пробормотавъ: «А можетъ быть онъ ужъ возвратился и я застану его дома, ну и поговорю окончательно, чтобы и съ нимъ разъ навсегда разсчитаться»?..

На этотъ разъ, покрайней мѣрѣ, счастье ему поблагопріятствовало, потому что когда докторъ дошелъ до жилища барона Венкгейма, то увидѣлъ у подъѣзда дома экипажъ своего друга. Свѣчи въ фонаряхъ экипажа еще горѣли, и онъ узналъ тутъ отъ лакея, таскавшаго въ домъ различныя дорожныя вещи, ящики и коробки всякаго калибра, что самъ баронъ только-что пріѣхалъ съ желѣзной дороги.

Бываютъ въ жизни такого рода обстоятельства, что, являясь къ какому нибудь лицу, мы считаемъ излишнимъ приказать камердинеру доложить о своемъ приходѣ,—а входимъ прямо, безъ всякаго доклада, причемъ привѣтствуемъ хозяина молча, однимъ кивкомъ головы, или произносимъ коротенькую фразу, вродѣ напримѣръ: «съ добрымъ вечеромъ»! Такъ точно поступилъ и докторъ Дюрингъ, войдя въ гостиную своего друга. Баронъ въ это время былъ въ спальнѣ своей и, какъ кажется, умывался тамъ, потому что оттуда слышался плескъ воды. Узнавъ по голосу своего друга, Венкгеймъ крикнулъ изъ сосѣдней комнаты:

— А, это ты, Отто! Ну, что, вѣдь ничего такого не случилось, а?.. Камилла... фрейленъ Пальмеръ, хотѣлъ я сказать, надѣюсь здорова, и мама ея также?..

— Обѣ здоровы.

— Ну, и слава Богу! произнесъ баронъ, быстро входя въ гостиную.—Знаешь-ли, другъ любезный, случается въ жизни попадать въ такія положенія, когда нѣсколько дней отсутствія представляются намъ маленькою такъ - сказать вѣчностью!...

— О, это я знаю...

— А съ твоей стороны, во всякомъ случаѣ, очень мило, что ты, не смотря на нѣсколько поздній часъ, посѣтилъ меня. Былъ ты сегодня *тамъ*?..

— Я—прямо изъ Фюрстенштрассе.

— Чортъ побери! Прямо изъ Фюрстенштрассе! Ужъ вѣрно что нибудь случилось... Мама была нездорова?...

— Такъ... маленькій припадокъ, о которомъ и говорить не стоитъ, да я для этого и не рѣшился бы стѣснять тебя своимъ присутствіемъ въ такое позднее время...

— Не рѣшился-бы... для этого?

Тутъ баронъ Венкгеймъ въ первый разъ заглянулъ въ лицо друга и, вѣроятно, усмотрѣлъ на немъ нѣчто такое, что ему не понравилось, потому что сейчасъ же быстро прибавилъ:

— Зачѣмъ это говоришь ты такимъ серіознымъ тономъ и такъ... торжественно?...

— Можетъ быть затѣмъ, что настроеніе духа моего такое, и вообще я хочу поговорить съ тобою именно такимъ тономъ.

— А—а, ужъ это похоже что-то на приступъ къ объясненію!... Хорошо. Но вѣдь ты, конечно, будешь благоразуменъ, Отто,—и, во всякомъ случаѣ, позволишь говорить съ собой, какъ слѣдуетъ, разсудительно?..

— Разумѣется.

— Ну, такъ садись-же въ кресло.... Постой! ради Бога только не на это! Или позволь покрайней мѣрѣ убрать сначала картонку, ибо садиться на нее нельзя.... Вотъ такъ! Благодарю тебя. Давай сюда картонку! А что ни говори — ты все-таки предобрый, прелюбезный малый, а потому сейчасъ и узнаешь, что именно содержится въ сей картонкѣ. Увидишь! Шаль—тончайшая, настоящая кашемировая!

— Впрочемъ, вѣдь ты въ подобныхъ вещахъ мало смыслишь, продолжалъ болтать баронъ, разбирая цѣлую кучу дорожныхъ вещей, принесенныхъ лакеемъ изъ кареты:—но, погоди, наступитъ и твое время, непремѣнно наступитъ,—и когда оно придетъ, тогда и тебѣ эти вещи доставятъ такое-же громадное, колосальное наслажденіе, какъ вотъ теперь — мнѣ! Да, я вотъ изъ-за этой настоящей-то кашемировой шали двѣ ночи провелъ въ дорогѣ;— вижу, смотришь ты на меня недовѣрчиво, а всетаки это совершеннѣйшая истина, потому что шаль эта куплена съ цѣлью, а для этой цѣли я ничего не могъ найти здѣсь, такъ какъ въ нашемъ городѣ нельзя было купить ничего въ этомъ отношеніи достаточно роскошнаго и драгоцѣннаго.

Дюрингъ, сидя въ креслахъ, молчалъ; онъ не проронилъ ни одного слова. Такимъ образомъ, рѣчь его друга лилась, ничѣмъ не прерываемая, какъ потокъ; баронъ послѣ дороги былъ въ нѣсколько возбужденномъ состояніи. Впрочемъ, доктору это было даже пріятно: во время болтовни Венкгейма онъ могъ собраться съ мыслями и вполнѣ овладѣлъ собой.

— Ну, вотъ—чортъ знаетъ! куда это я засунулъ вещичку, которую теперь ищу?! воскликнулъ баронъ Венкгеймъ и сталъ торопливо перерывать все, что заключалось въ его небольшой дорожной сумкѣ. Выбросивъ изъ нея множество всякой мелочи, онъ, наконецъ, вскричалъ:—«Ага! Вотъ она! Посмотрика, старина: это вѣдь я для тебя. Это, братецъ, одинъ изъ лучшихъ мундштуковъ, какой я могъ только найти. Такъ какъ ты теперь можешь курить теперь сколько душѣ твоей угодно, не опасаясь быть непріятнымъ гостемъ вслѣдствіе предательскаго табачнаго запаха, то эта хорошенькая вещица должна тебѣ понравиться. Ты взгляни: это не просто мундштучекъ, а настоящее художественное произведеніе изъ янтаря и пѣнки!»

— Ты ужъ, право, слишкомъ добръ, проговорилъ Дюрингъ,— и я долженъ тебя благодарить.

Эти слова докторъ произнесъ такъ сухо, что это навѣрно поразило-бы барона, если бы онъ, какъ разъ въ это время, не хлопоталъ около извѣстной уже намъ картонки. Открывъ ее, онъ уже приподнялъ великолѣпную настоящую индѣйскую ткань, чтобы и самому полюбоваться прелестью красокъ.

— Погляди-ка! воскликнулъ Венкгеймъ, обращаясь къ доктору.—Ну, скажи мнѣ по чести: видѣлъ-ли ты когда либо что нибудь болѣе изящное и тонкое?...

— Это, вѣроятно, свадебный подарокъ, замѣтилъ докторъ;—ужъ это, кажется, такъ заведено...

Баронъ кинулъ на своего друга проницательный взглядъ, взглянувъ на него искоса, затѣмъ громко расхохотался и произнесъ:

— А, такъ ты ужъ узналъ! Ну, теперь мнѣ понятно, почему ты заговорилъ со мной торжественнымъ тономъ.... Однако, я надѣюсь, что ты вѣдь не серіозно-же отнесся къ *этой* исторіи?..

— Ну—нѣтъ, довольно серіозно, и въ этомъ я могу тебя увѣрить. Видишь-ли, есть такого рода вещи, которыя, не смотря на все желаніе, не смотря даже на тѣснѣйшую дружбу, нельзя принимать съ улыбкой, весело... Что я правъ— это ты самъ потомъ увидишь и согласишься съ этимъ.

— Продолжай, продолжай, но будь благоразуменъ, то есть, этимъ я хочу сказать, что если ты дѣйствительно принялъ *все это* серіозно и вынесъ нѣкоторое впечатлѣніе (баронъ улыбнулся), то, значитъ, мы достигли нашей цѣли, а слѣдовательно разорвали твои несносныя, ужасныя цѣпи!..

Библиотека "Руниверс"

— Ты еще большаго достигъ, и я не скрою отъ тебя этого, сказалъ докторъ Дюрингъ, причемъ серіозное лицо его приняло почти мрачное выраженіе. Однако, баронъ этого не замѣтилъ: онъ былъ занятъ отыскиваніемъ своего портсигара. Найдя наконецъ портсигаръ, онъ раскрылъ его и, поднося другу, произнесъ:

— Ну, и прекрасно! Очень радъ, очень радъ! Теперь слѣдуетъ намъ, послѣ всего этого, выкурить «трубку мира»!..

— Пожалуй, *послѣ всего* — да, но именно по окончаніи всего *этого*, замѣтилъ молодой врачъ покойнымъ тономъ —и медленно приподнимаясь, даже съ какою-то торжественностью, наконецъ выпрямился, вставъ у стола и опираясь на него рукою.

При этихъ словахъ Дюринга баронъ Венкгеймъ, замѣтившій уже странныя манеры его, обнаружилъ крайнее удивленіе и, пожавъ затѣмъ слегка плечами, закурилъ свою сигару и опустился въ кресло, тщетно приглашая знаками доктора также усѣсться.

За симъ послѣдовала короткая пауза, и вотъ докторъ Дюрингъ заговорилъ:

— Ты, будучи до сихъ поръ моимъ другомъ, сыгралъ со мною лукавую игру—и этого ты отрицать не станешь, такъ какъ прямота твоего характера всѣмъ извѣстна, да отрицаніе ни къ чему-бы и не повело потому что союзница твоя—фрейлейнъ Пальмеръ — уже призналась мнѣ во всемъ... И вотъ, я теперь здѣсь. Я сюда явился для того, чтобы обратить твое вниманіе на весьма серіозныя послѣдствія этого необдуманнаго шага...

— О, вотъ какъ, любезный другъ! воскликнулъ Венкгеймъ.— Сдается мнѣ, что ты говоришь совершенно серіозно, по крайней мѣрѣ, тонъ голоса у тебя такой, но... я не вижу во всемъ этомъ смысла... Ужъ извини за выраженіе! Ты называешь мой поступокъ лукавой игрой? Ну, пожалуй, пусть игра эта—лукавая, мнѣ все равно; но вѣдь игру-то эту я велъ только ради тебя, чтобы тебя-же спасти, вырвать изъ положенія поистинѣ мученическаго!..

— Съ этимъ ужъ покончено: Фанни выходитъ за-мужъ за другаго.

— Хвала небесамъ! воскликнулъ Венкгеймъ.—Такъ чего-же тебѣ еще надо, неблагодарная ты душа?... Недоволенъ ты, что-ли, этимъ результатомъ?..

— Да, но есть еще другой результатъ, о которомъ я и долженъ поговорить съ тобою серіозно.

— Да-ну, перестань хандрить! Цѣли нашей мы достигли, ты нашелъ невѣсту мою прелюбезной особой (прощаю тебѣ это!), а потому—протягиваю тебѣ руку во имя новаго дружескаго союза!..

— Свою я подамъ тебѣ, можетъ быть, послѣ, когда выскажу все, когда кончу...

— Но, любезный другъ, нельзя-ли обойтись безъ комедій при этомъ! воскликнулъ баронъ почти съ угрюмымъ видомъ.— Ужъ если ты желаешь — пусть будетъ такъ: я готовъ сознаться, что шутка моя была немножко рискованной, пожалуй — неосторожной, но все-же она вовсе не такова, чтобы изъ-за нея стоило тебѣ заводить ссору съ старымъ твоимъ другомъ! Брось это, брось!..

— Но позволь-же мнѣ, по крайней мѣрѣ, говорить, замѣтилъ докторъ весьма серіознымъ, хотя сдержаннымъ тономъ,— и вотъ, послѣ того какъ я все выскажу и ты найдешь, что причинъ къ размолвкѣ нашей нѣтъ — ну, тогда я вполнѣ соглашусь на твое предложеніе.

— Такъ говори-жи, говори—о, скучный человѣкъ! Но — постой: предваряю тебя, что я ни подъ какимъ видомъ не стану ссориться съ такимъ добрымъ, честнымъ малымъ, какъ ты! Вотъ было-бы мило!...

Докторъ Дюрингъ поклонился и уже послѣ поклона началъ:

— Прежде всего, позволь мнѣ сказать о томъ, какое впечатлѣніе произвела на меня фрейлейнъ Камилла въ первую-же минуту, какъ только я ее увидѣлъ....

На губахъ барона заиграла пріятная улыбка.

— Она меня ослѣпила, продолжалъ докторъ,—я чувствовалъ тогда, что пьянѣю; я былъ похожъ на человѣка, который, застигнутый бурной ночью, вдругъ прямо изъ мрака попалъ въ ярко-освѣщенную комнату,—и мало того что попалъ, но еще былъ принятъ въ этой комнатѣ олицетворенной красотой, воплотившейся прелестью, чуднымъ созданіемъ—и какъ еще принятъ! Я видѣлъ по взгляду ея прелестныхъ глазъ, я чувствовалъ по біенію моего собственнаго сердца, что иду навстрѣчу любви... небезнадежной!..

— Однако, какими ярко-огненными красками рисуешь ты!..

— Я высказалъ только то, что чувствовалъ тогда, дабы ты понялъ, какъ глубоко я былъ несчастливъ, когда она была вынуждена (конечно, вслѣдствіе можетъ-быть нетерпѣнія моего и неосторожнаго слова) сознаться передо мной, что вся ея любезность, искренность, милая ея предупредительность....

Тутъ баронъ перебилъ его:

— Ну-ужъ, мнѣ кажется, ты не можешь относительно любезности ея употреблять подобные эпитеты...

— Да, что все это, продолжалъ докторъ,—была только лукавая игра!... Конечно, велась она съ благимъ намѣреніемъ, съ цѣлью разорвать цѣпи, которыя тяготили меня....

— Ну, вотъ видишь-ли! А такъ какъ говорится, что «цѣль оправдываетъ средства», то я думаю, что и ты могъ-бы удовлетвориться этимъ!...

— Ты не хочешь, кажется, дать мнѣ договорить до конца?...

— Да что-же еще-то тебѣ говорить? Ссориться съ тобой я вовсе не намѣренъ—такъ ты это и знай!

— Нѣтъ ужъ это ты мнѣ послѣ скажи, и я буду тебѣ тогда благодаренъ, отвѣтилъ молодой докторъ съ тѣмъ-же спокойнымъ тономъ, но потомъ нѣсколько взволнованнымъ голосомъ продолжалъ:

— Говорить тебѣ о томъ, что послѣ всего этого я ушелъ отъ нея съ неизъяснимой болью въ сердцѣ — не стоило-бы, но я долженъ прямо и честно вотъ что сказать: я люблю Камиллу и люблю такъ страстно, что любовь моя тронула-бы тебя, если-бы ты могъ заглянуть въ мое сердце!...

— Par exemple! проговорилъ баронъ, взглянувъ серіозно на доктора.

— Но, конечно, ты понимаешь, что, не смотря на все это, я твердо порѣшилъ никогда болѣе не видѣть ее...

— Ну, это уладится... потомъ...

— Я—человѣкъ и кромѣ этого еще—докторъ; а потому, какъ врачъ, я и долженъ былъ сегодня вечеромъ, вслѣдствіе настоятельнаго требованія госпожи Пальмеръ, снова отправиться туда, въ тотъ домъ, гдѣ такъ много было для меня прекраснаго и такъ много печальнаго....

— А въ которомъ часу, если смѣю спросить?

— Я былъ тамъ часовъ въ девять.

— Ну, а теперь уже за полночь. Ты здѣсь у меня не болѣе получаса, слѣдовательно—пришелъ ты сюда не прямо оттуда?..

— Нѣтъ, прямо оттуда. Ты, однако, не смотри на меня такъ тревожно, будь спокойнѣе, ибо я могу тебя увѣрить, что болѣзнь г-жи Пальмеръ такъ маловажна, что я посидѣлъ у нея всего только нѣсколько минутъ.

— Гм! произнесъ баронъ и положилъ свою сигару, можетъ быть уже потухшую,—значитъ, ты былъ потомъ у Камиллы?

— Да, я былъ потомъ у Камиллы.

— Два часа съ половиной?..

— Пожалуй, что и такъ, навѣрно сказать не могу.... Вѣдь случаются обстоятельства, когда часовъ не наблюдаютъ.

— А-а, ну, въ такомъ случаѣ, заговорилъ баронъ, медленно вставая,—я попросилъ бы.... Смѣю-ли освѣдомиться, что-же было предметомъ такого длиннаго разговора?... Полагаю, не медицинская консультація?..

— Нѣтъ. Фрейлейнъ Камилла, взволнованная и сильно растроганная, просила у меня извиненія въ томъ, что играла со мной въ эту лукавую игру. Извинялась она со всѣми признаками полнаго раскаянія, заливалась горячими слезами.... Словомъ—я былъ потрясенъ до глубины сердца.

— Такъ. И все это происходило ночью, то есть, отъ десяти до двѣнадцати часовъ, проговорилъ баронъ въ свою очередь серіознымъ тономъ, — гм! она могла-бы выбрать для

Библиотека "Руниверс"

этого болѣе подходящее время.... Ну, и чѣмъ-же кончилась эта странная бесѣда?

— Вотъ, затѣмъ-то я и явился сюда, именно, чтобы сообщить тебѣ это, а ужъ потомъ ты и рѣши самъ: должны-ли мы разстаться друзьми?

Баронъ быстрыми шагами прошелся по комнатѣ, потомъ подойдя близко къ молодому доктору, въ сильномъ волненіи спросилъ:

— Ты тоже велъ противъ меня лукавую игру?

рука, когда онъ бралъ письмо, но не для того чтобы сейчасъ-же прочесть его; письмо онъ положилъ подлѣ себя, на столъ, и, нѣсколько разстроенный, сказалъ:

— Да, къ сожалѣнію, я знаю, что ты настолько прямъ и честенъ, что мнѣ не приходится сомнѣваться въ этомъ.... Я вѣрю тебѣ, а также увѣренъ и въ томъ, что ты не былъ-бы въ состояніи играть теперь со мной, лукавить.... А потому позволь мнѣ успокоиться, остаться одному и прочесть это письмо.

Псковитянки. Рис. В. Фукье, грав. Перишонъ.

— Я тутъ менѣе всего виноватъ; скорѣе всему причиной странное стеченіе обстоятельствъ, а обрушились они на меня по твоей милости... Но мнѣ-бы хотѣлось не передавать тебѣ подробностей той бесѣды, избавить тебя отъ этого.

— Оно и лучше! воскликнулъ баронъ запальчиво.— Да для меня это вовсе и не важно, но... будь такъ добръ, освободи меня отъ страшнаго сомнѣнія....

— Могу-ли я это сдѣлать такъ, чтобы не огорчать тебя— не знаю; потому что долженъ откровенно сознаться, сказать тебѣ, что фрейлейнъ Камилла, отдавая мнѣ вотъ это письмо къ тебѣ (докторъ вынулъ письмо изъ кармана), прижалась къ моей груди, и заливаясь слезами... увѣряла меня... въ своей любви....

Сильно поблѣднѣлъ баронъ Венкгеймъ и задрожала его

Такъ какъ баронъ при этихъ словахъ нѣсколько холодно поклонился доктору, то и доктору ничего не осталось больше, какъ отвѣтить ему тѣмъ-же и выйти изъ комнаты.

. . . . . .

Спустя два дня, докторъ Дюрингъ получилъ письмо отъ своего друга.

Вотъ что писалъ ему баронъ:

.... «Мнѣ было тяжело или, пожалуй, трудно, оправиться, придти въ себя, и это случилось только послѣ того, какъ Камилла, со слезами, подтвердила мнѣ правдивость твоихъ словъ, въ чемъ я впрочемъ и не сомнѣвался. Послѣ перваго еще твоего визита къ ней, она призналась мнѣ въ томъ, какое глубокое впечатлѣніе произвела на нее твоя личность.

Библиотека "Руниверс"

И такъ, я проигралъ свою «лукавую игру», и чтобы уплатить тебѣ твой выигрышъ съ процентами, посылаю въ прилагаемой картонкѣ знакомую уже тебѣ драгоцѣнную индѣйскую шаль, въ надеждѣ, что ты уже найдешь для нея хорошенькое мѣстечко.—Намѣреваясь отправиться путешествовать года на два, я, не смотря на все, остаюсь твоимъ искреннимъ и вѣрнымъ другомъ. Рихардъ».

* * *

Намъ остается прибавить только, что въ городѣ мѣсяца два удивлялись такой развязкѣ, но потомъ нашли, что все это понятно, естественно, такъ какъ знаменитая пѣвица отдала свою руку молодому доктору,—а молодой докторъ, какъ это навѣрняка знали, уже не разъ спасалъ своимъ искусствомъ жизнь «дорогой мамаши».

Литературный альбомъ.

Дядя Власъ.

(СТИХОТВОРЕНІЕ Н. НЕКРАСОВА).

Кто не помнитъ этого стихотворенія, послужившаго темой карандашу нашего художника?

Въ армякѣ съ открытымъ воротомъ,
Съ обнаженной головой,
Медленно проходитъ городомъ,
Дядя Власъ—старикъ сѣдой.

На груди иконка мѣдная:
Проситъ онъ на Божій храмъ,
Весь въ вериГахъ, обувь бѣдная,
На щекѣ глубокій шрамъ,

Да съ желѣзнымъ наконечникомъ,
Палка длинная въ рукѣ...

. . . . . .

Полонъ скорбью неутѣшною,
Смуглолицъ, высокъ и прямъ,
Ходитъ онъ стопой неспѣшною
По селеньямъ, городамъ.

. . . . . .

Ходитъ съ образомъ и книгою,
Самъ съ собою говоритъ,
И желѣзною веригою
Тихо на ходу звенитъ.

Ходитъ въ зимушку студеную,
Ходитъ въ лѣтніе жары,
Вызывая Русь крещеную
На посильные дари...

Народы Россіи.

Псковитяне.

Не станемъ останавливаться на исторіи Пскова, во времена вѣчевого устройства. Пришлось бы говорить объ этомъ слишкомъ много и выйти изъ предѣловъ настоящей статьи. Задача наша менѣе обширна. Тамъ, гдѣ намъ приходилось говорить объ отдѣльныхъ племенахъ земли русской, мы очерчивали и природу, окружающую ихъ, и тѣ бытовыя условія, подъ вліяніемъ которыхъ складывалось ихъ нынѣшнее положеніе. Теперь же обратимъ только вниманіе на особенности народнаго склада въ одной изъ вѣтвей великорусскаго племени, осѣвшей и разросшейся въ предѣлахъ Псковской губерніи.

Вся почти Псковская губернія покрыта холмами, довольно крутыми, хотя и не высокими, въ Новоржевскомъ уѣздѣ болотистыми пространствами, лѣсами и полями, на которыхъ разсѣяны эрратическіе камни. Нѣкоторыя мѣста, особенно въ Островскомъ уѣздѣ, имѣютъ весьма унылый характеръ. Часто на этихъ мокрыхъ понизьяхъ лежитъ сѣрая однообразная полоса тумана, изъ которой только и выдѣляются вершины поросшихъ кустарникомъ холмовъ. Озера усѣяли почти всю площадь губерніи; насколько они многочисленны—можно видѣть изъ того, что въ одномъ Новоржевскомъ уѣздѣ напр. ихъ 94; изъ нихъ только въ Ало ежегодно ловится рыбы на 800 р. во всѣхъ же покрайней мѣрѣ на 10.000 р. Въ Островскомъ же уѣздѣ на возвышенныхъ плоскогорьяхъ лѣваго берега р. Великой—лежатъ свѣтоводныя озера еще болѣе многочисленныя. Въ этомъ же районѣ, около Воронцовскаго погоста также почти одно сплошное болото на двадцать верстъ. Эти—моховыя, топкія болота даютъ начало рѣкамъ вливающимся въ Великую. Много отдѣльныхъ горныхъ кряжей, каковы Вязовскіе, Святогорскіе и другіе, проходятъ въ разныхъ частяхъ губерніи, но они не высоки и не составляютъ рѣзко обозначенныхъ вершинъ. Крестьянство здѣсь занимается главное разведеніемъ льна. Хлѣбопашество только въ одномъ Новоржевскомъ уѣздѣ обезпечиваетъ мѣстное продовольствіе. Въ Опочевскомъ, Островскомъ, Порховскомъ и другихъ — снятаго съ полей хлѣба не хватаетъ крестьянамъ до слѣдующаго урожая и они прикупаютъ обыкновенно рожь у *«вольныхъ торговцевъ»*.

Особенною прелестью здѣсь, хотя и не роскошью южныхъ красотъ, отличаются мѣстныя озера, которые скопились въ котловинахъ, иногда на самомъ краю горныхъ террасъ, такъ что, проѣхавъ озеро, тотчасъ же нужно спускаться съ крутой и высокой горы. Такія озера бываютъ и глубоки: озеру напр. лежащему у села Роменья, Торопецкаго уѣзда, нѣтъ и дна по народному слуху. Часто одни озера, соединяясь съ другими истоками, наконецъ даютъ рѣку или рѣчку, въ свою очередь впадающую въ большую рѣку. Нѣкоторыя изъ озеръ длинны и извиваются змѣеобразно. Въ одномъ изъ такихъ озеръ «Ужо»—рыболовы по свидѣтельству г. Маровскаго вытащили въ одну тоню 16 возовъ огромныхъ лещей. Но количество рыбы здѣсь умаляется, потому что крестьяне ежегодно лѣтомъ вылавливаютъ много мелкой рыбы, подроста или мальковъ по мѣстному выраженію. Въ Великолуцкомъ уѣздѣ этой губерніи есть болота, вселяющіе не малый страхъ всему окрестному населенію. Они извѣстны подъ именемъ Черновщины, отъ небольшой рѣки Черной или Черновки, берущей свое начало въ центрѣ самаго края. Вода ея имѣетъ коричневый цвѣтъ и въ стаканѣ кажется легкимъ пивомъ или весьма слабымъ чаемъ. По заключенію доктора Маровскаго это просто растворъ гуминовой кислоты. «Черновщина, говоритъ онъ,—состоитъ изъ архипелага небольшихъ низменныхъ островковъ, окруженныхъ непроходимыми болотами, по большей части поросшими густымъ словымъ лѣсомъ, въ изобиліи покрытымъ поразительными мхами. Странный волшебный видъ представляютъ большіе ели, сверху до низу покрытыя мхомъ, опускающимъ внизъ свои длинныя нити. Онѣ стоятъ безъ иголъ и очевидно умерли не отъ старости, а высосаны паразитами, охватившими не только стволъ ихъ но и мельчайшія вѣтви».

Верхняя одежда мужчинъ здѣсь—бѣлая. Впрочемъ рубахи часто шьются изъ пестряди. Лапти съ суконными или кожаными оборами составляютъ обувь. Повои, поверхъ которыхъ надѣваютъ платки, отличаютъ замужнихъ женщинъ. Сарафанъ по большей части синій съ бѣлыми цвѣточками или полосами, съ высокой таліей, подпоясанной тесемкой. У дѣвушекъ только одни цвѣтные платки на головѣ, по большей части красныя. Женщины тоже ходятъ въ лаптяхъ. Не слышно, чтобы во время работы крестьяне пѣли пѣсни. Но работаютъ они усердно, иногда до поздней ночи, въ особенности же женщины. Дома здѣсь не стѣснены, не скучены, хотя выстроены въ рядъ, а въ Великолуцкомъ уѣздѣ даже разбросаны какъ попало. Всѣ они крыты соломою, есть и очень много—курныхъ, черныхъ избъ. Неопрятность ихъ колосальна. Въ иныхъ такъ много таракановъ, что крестьянка просила у д-ра Маровскаго совѣта противъ изъязвленія обѣихъ рукъ, предплечій и плечь этими насѣкомыми. Кожа на этихъ частяхъ была до крови изгрызана ими и опухла. На ней оставалось мало мѣста нетронутаго ими. И все это только въ продолженіи одной ночи истинно богатырскаго сна (Записка о санитарномъ состояніи Великолуцкаго уѣзда, составленная др. Л. А. Маровскимъ, стр. 9 — 35). Крестьяне здѣсь живутъ большими семьями до 15 и болѣе душъ, помѣщаясь въ одной избѣ, почти всегда тѣсно. Въ сильные холода вмѣстѣ съ ними въ избѣ ночуютъ телята, овцы и свиньи, и даже проводятъ цѣлые дни въ морозныя зимы. Мужчины здѣсь не особенно обижаютъ прекрасный полъ, занимающійся, кромѣ тяжелыхъ работъ дома и въ полѣ, еще и медицыной. Онѣ прижигаютъ пламенемъ восковой свѣчи веснухи или ворогушу т. е. весенніе лихорадки, собираютъ лекарственныя травы и лечатъ скотъ и людей вѣроятно впрочемъ одними и тѣми же средствами. Въ случаѣ

Библиотека "Руниверс"

опасныхъ болѣзней—зовутъ знахаря, который разумѣется прибѣгаетъ къ ворожбѣ и кровопусканіямъ. Нужно кстати отмѣтить между прочимъ и тотъ фактъ, что въ средѣ крестьянскаго населенія этой губерніи довольно распространенъ сифилисъ *«котораго крестьяне и крестьянки не особенно стыдятся»*. Крестьяне этой губерніи очень бѣдны и весною часто поневолѣ продовольствуются самыми непитательными веществами, такъ напр. лепешками изъ корня водянаго подорожника (Alisma plantago). Часто случаются весьма печальныя сцены. Такъ напр. г. Маровской засталъ одну семью повально больною. Мужъ только-что переболѣлъ тифомъ и едва еще оправился, но не могъ рабоать. Молодая жена сидѣла на полу и провѣявала ситомъ, только-что собранную рожь, зерна которой сама только-что выбрала изъ колосьевъ. Она была въ жару, въ полусознаніи. Глаза ея безсмысленно смотрѣли вокругъ, руки дрожали... Эти данныя извлечены нами изъ оффиціальнаго изданія мѣстнаго статистическаго комитета.

Обычаи псковитянъ тоже представляютъ нѣкоторыя особенности Такъ напр. прійдя съ крещенія младенца домой, кума *бѣжитъ* на рѣку полоскать тѣ ризки, въ которыя она принимала его отъ купели. Съ рѣки тоже бѣжитъ домой, чтобы ребенокъ скорѣе началъ ходить. Свадьбы начинаются сватовствомъ или же *невѣста бѣжитъ съ женихомъ*. Эта свадьба уводомъ совершается въ такихъ случаяхъ, когда родители невѣсты не согласны на бракъ ея, или такъ бѣдны, что не могутъ съиграть свадьбы. Парни приглядываются къ дѣвушкамъ на супряткахъ (родъ посидѣнокъ). Нерѣдко, говоритъ священникъ Семирѣченскій, парни и до вѣнчанія не отказываютъ себѣ въ преимуществахъ брачнаго сожитія. Сватовство дѣлается или черезъ сваху, которая входя въ избу невѣсты беретъ клюку и ходитъ съ нею по горницѣ, постукивая въ землю,—или черезъ родителей, которые съ сватами идутъ въ домъ невѣсты съ извѣстными обрядовыми формальностями. Если отецъ невѣсты признаетъ предложеніе исподходящимъ, то разговоръ о сватаньи свертываютъ на другое и замѣняютъ посторонней бесѣдой, наконецъ обѣщаютъ прислать отвѣтъ. Если же напротивъ родители ея согласны, то назначаютъ женщину день, когда они придутъ къ нему дымничать, т. е. осмотрѣть домъ и хозяйство его. При прощаньи распиваютъ водку, принесенную стороною жениха. Дымничанье ограничивается угощеніемъ, на которомъ назначаются глядины (смотрины), на которыхъ парня заставляютъ долго смотрѣть на дѣвушку повторяя ему:

— Любуй, любуй дѣвушку, а послѣ не мудруй!

Насмотрѣвшись, женихъ выходитъ въ сѣни.

— Люба невѣста или нѣтъ? спрашиваютъ его родители.

Если нѣтъ, то не заходя обратно въ избу и не говоря ни слова они уходятъ домой. Если люба—возвращаются.

— Ель или сосна? (да или нѣтъ) спрашиваютъ ихъ.—Весь - слава Богу?

— Ель. У насъ все слава Богу, а у васъ?

— И у насъ все слава Богу.

Молодыхъ ставятъ на постланную шубу (шерстью вверхъ), другою накрываютъ ихъ съ головами... Затѣмъ совершается обрученіе. Начинается угощенье, во время котораго невѣста за занавѣскою причитаетъ:

Не продавай ты меня родной батенька дешевенько,
Не радуйся родной батюшко на ихну золоту казну.
Въ (вмѣсто у) ихъ злата казна занята, а добры копи понаняты и т. д.

Потомъ идетъ обѣдъ съ обычнымъ «горько» и пѣсиями.

Начинаются хороводы. Затѣмъ опредѣляется для формы цѣна невѣсты.

— Сколько дать за покруту невѣсты?

Вслѣдъ за глядинами бываютъ иногда катанья, вечеринки и т. д., наконецъ слѣдуетъ отпускъ жениха за невѣстою. Начинается церемонія *дружка*; дружками бываютъ спеціалисты этого дѣла, нарочно приготовляющіеся для того. Они должны быть разговорчивыми, находчивыми. Дружка прежде всего обуваетъ жениха, кладя ему въ сапогъ монету.

— Чтобъ жили богато.

Потомъ ставитъ его подъ полку. Тутъ молодой стоитъ помолясь Богу. Дружка ударяетъ въ полку кнутовьемъ и говоритъ:

— Боже, кладу твой крестъ животворящій на расточеніе всѣхъ враговъ и супостатовъ нечестивыхъ, неправедныхъ, колдуновъ, волшебниковъ, отъ колдуній и вѣдуній, отъ всѣхъ злыхъ и лихихъ людей, и т. д. до безконечности.

Женихъ, поддерживаемый братьями подъ руки, кланяется въ ноги отцу и матери. Его сажаютъ на квашню, спиной къ порогу, а глазами къ иконамъ и чешутъ подъ прибаутки дружки. Дѣвушки въ тоже время поютъ: Родимый батюшко, очеши головушку гладкимъ гладенько и т. д. Ставятъ наконецъ столъ съ водкой и кушаньями. Послѣ нѣсколькихъ обрядовъ и пѣсни дѣвичьей, дружка опять выступаетъ на середину и приглашаетъ гостей. Часто пиръ затѣмъ переходитъ въ оргію. Все это время дѣвушки поютъ. А дружки обращаются къ нимъ съ подарками и гостинцами:

— Дѣвицы пѣвицы, пирожныя мастерицы, горшечныя пагубницы, двѣ ножки подходитъ, двѣ ручки подноситъ, головка съ поклонцемъ, сердце съ покорцемъ, языкъ съ приговорцемъ, малое простите—на большомъ не судите.

Потомъ идетъ пляска. Наконецъ потомъ, послѣ цѣлаго ряда прощаній, во время которыхъ дѣвушки запѣваютъ,—женихъ, одѣтый въ лучшее свое платье, встаетъ, молится и садится за столъ. Отецъ и мать даютъ ему хлѣба и соли, послѣ чего, поклонившись имъ и всѣмъ присутствующимъ роднымъ въ ноги, онъ выходитъ изъ избы съ дружкой и братьями. Въ слѣдъ ему, когда онъ уѣзжаетъ за невѣстой, тоже поются пѣсни, подходящія къ случаю. Если поѣздъ жениха ѣдетъ черезъ другую деревню, то дорогу ему заставляютъ жердью и до тѣхъ поръ не пропустятъ поѣзжанъ, пока тѣ не поподчуютъ народъ водкой.

Подъѣзжая къ деревнѣ гдѣ живетъ невѣста, свадебный поѣздъ останавливается. Впередъ ѣдетъ только дружка съ боярами. Въ деревнѣ ихъ встрѣчаютъ дѣвушки:

Во чистомъ полѣ стояли бояры,
Писали они грамотку золотомъ по бархату,
Отсылали грамотку къ Ивану въ высокъ теремъ,
Отдавали грамотку за кольчату завѣсу,
Аксиньи Ивановнѣ во бѣлы руки.
Что это батюшка за грамотка?
За чѣмъ она писана и въ теремъ мой прислана?

Дружка стучитъ плетью въ ворота.

— Есть ли тутъ у воротъ воротники, а при ключахъ ключники, либо братецъ родной, либо дружка вѣрная служка,—либо ворота отопри, либо голосъ покажи.

— Есть!... Дай ка поглядѣть, кто ты такой. Что вы за люди ѣздите и чего ищите?

— Послушай, мы люди вотъ какіе. Нашъ молодой стоитъ въ чистомъ полѣ, въ зеленыхъ дубровахъ, шатромъ окинувшись, тафтой покрывшись,—и послалъ меня дружку, вѣрнаго служку, легкую ножку, скорую посылку, чтобы княгиня молодая ворота отворяла и князя молодова принимала.

— Мы ничего видомъ не видали, ни слыхомъ не слыхали.

— Какъ? все сдѣлано добрымъ покладомъ. Иначе и я не зналъ бы какъ и зачѣмъ идти.

— Нѣтъ, братецъ, мы не знаемъ, чего ты хочешь и чего ищешь.

— Ворота отворяйте князя, принимайте.

— У нашего батюшки стоитъ дубъ на дворѣ о 12 каракуляхъ (сукахъ) и на каждомъ мелкія пташки сидятъ и пѣсенки поютъ. Пустить васъ—все люди пьяные, у васъ кнуты долгіе, умы благіе. Дубы переломаете, пташекъ поразгоняете.

— Мы люди рахманные, смирные... Въѣдемъ тихонько и смирненько. Дубовъ не изломаемъ, пташекъ не сгоняемъ, а только возьмемъ пташенку, молоду княгинюшку.

— Нѣтъ, наша княгинюшка тонко пряла, звонко ткала, бѣло бѣлила, ходила она въ сине море, свои дары бѣлила, ключи уронила. Нечѣмъ отворить.

И т. д. Наконецъ его пускаютъ. Начинаются опять церемоніи въ домѣ, гдѣ 15 коп. напр. играетъ роль 15,000 руб. за которыя покупаютъ жениху мѣсто. Наконецъ жениха ведутъ, и дѣвушки-дружки поютъ ему навстрѣчу:

Не буйны вѣтры позавѣяли,
Незнакомы гости понаѣхали,
Полонъ дворъ коней навели,
Полны сѣни сѣделъ нанесли.
Полонъ теремъ бояръ попашло,
Шапочкамъ всѣ гвоздики поувѣшали.
На морѣ гагаль—погагалкивая,
Друженька во теремѣ поговаривая,
Плеточкой въ полочку поколачивая;
Родимый батюшко прости и благослови
За дубовый столъ зайти, за бранныя скатерти
За яствы сахарныя, за снѣди отборные
Хлѣба-соли кушать, бѣла гуся рушить...

Наконецъ, послѣ разныхъ обрядовъ, женихъ входитъ въ домъ невѣсты и цѣлуетъ ея, покрытую платкомъ. Начинаются опять переговоры между дружками, послѣ которыхъ жениха съ невѣстою сажаютъ за столъ. Сестра послѣдней осыпаетъ столъ житомъ и хмѣлемъ. Въ концѣ обѣда, послѣ нѣсколькихъ поговорокъ, дружки выходятъ изъ-за стола и отправляются на погостъ въ церковь къ вѣнцу. По совершеніи брака на невѣсту повязываютъ повойникъ. Молодыхъ встрѣчаютъ дѣвушки пѣснями а отецъ и мать иногда встрѣчаютъ молодыхъ въ шубахъ выворочеиныхъ вверхъ шерстью. При входѣ въ избу сыплютъ на молодыхъ житомъ. Во время обѣда гостей дѣвушки поютъ:

Въ нашу горницу ведутъ новую дворницу,
Ложкамъ приборницу—животамъ кукобницу.
У насъ про эту дворницу жбаны тяжелы,
Ведра дубовыя.
Подитко нѣженка,
Въ саду вырощена, калачемъ выкормлена
Сытой выпоена.
Пошла спѣсивая, вошла угрюмая... и т. д.

Дѣвушки величаютъ гостей и требуютъ съ нихъ подарковъ. Послѣ обѣда дружка отводитъ молодыхъ спать въ приготовленную имъ горницу. Гости со стороны молодой и ея родственники уѣзжаютъ домой и дѣвушки поютъ имъ вслѣдъ:

Слѣпые кашники
Въ огородъ заѣхали.
Кочарыгъ нарѣзали
Горшки напарили
Животы направили...

Таковы свадебные обряды у псковитянъ по свидѣтельству г. Семирѣченскаго.

Библиотека "Руниверс"

Скудная природа и убожество тяжелымъ гнетомъ лежатъ на крестьянахъ этого края. Въ нѣкоторыхъ населенныхъ пунктахъ сплошь окруженныхъ болотами—прекращается вовсе весною и лѣтомъ сообщеніе съ остальнымъ міромъ—и только зимою къ нимъ заѣзжаютъ со стороны торговцы, и они сами могутъ отправляться въ сосѣднія мѣста по дѣламъ. За то въ этой глуши всѣцѣло хранятся старыя преданія, и бытъ псковскаго крестьянства можетъ дать богатый матеріалъ для историка этнографа.

Цѣпной мостъ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ.

Нью-Іоркъ — главный городъ штата того-же названія, городъ торговый и самый населенный изъ городовъ Сѣверныхъ Штатовъ. Онъ стоитъ на островѣ Нью-Іоркъ - Эйландѣ, который прежде назывался «Манхаттанъ». Островъ отъ материка отдѣляется проливомъ, называемымъ Гарлемской рѣкой; между этимъ островомъ и другимъ—Лонгъ-эйландомъ, на востокѣ, другой вроливъ—East River (Восточная рѣка). Нью-Іоркъ основанъ голландцами въ 1612 г.; первый фортъ возведенъ въ 1623 г., первая церковь выстроена въ 1642 г. Городъ назывался тогда «Нью-Амстердамомъ». Онъ имѣлъ (1656 г.) около 120 домовъ и около 1,000 жителей. Въ 1664 г. онъ перешелъ въ руки англичанъ и достался именно герцогу Іоркскому (отсюда настоящее названіе города), затѣмъ въ 1783 г. англичане должны были оставить Нью-Іоркъ. Въ 1785 г. въ немъ собрался первый конгрессъ. Въ 1860 г. жителей въ Нью-Іоркѣ было 800,000, въ 1869 — 1.000,000, въ нынѣшнемъ году, надо полагать, населеніе Нью-Іорка дошло уже до 2.000,000. Оно представляетъ смѣсь изъ европейцевъ и жителей другихъ штатовъ Америки. *Южная* (древнѣйшая) часть города не особенно красива: узкія, кривыя улицы, такіе-же переулки прямо указываютъ на древность этой части Нью-Іорка; тутъ помѣщаются склады, магазины, всевозможныя лавки, отели, трактиры, но встрѣчаются и общественныя зданія. *Сѣверная*—отличается правильностью постройки; тутъ видите вы широкія, прямыя улицы, прекрасныя длинныя аллеи; что ни зданіе—то дворецъ и нерѣдко изъ мраморныхъ плитъ. Главная улица (Невскій проспектъ такъ - сказать) называется Broadway; шириною она въ 80 англійскихъ футовъ и тянется въ длину на 3 англійскія мили. Безпрерывное движеніе по этой улицѣ можно пожалуй уподобить стремящейся массѣ кровяныхъ шариковъ въ артеріяхъ лягушки, находящихся въ перепонкахъ ея лапки, растянутой подъ микроскопомъ. Нью-Іоркъ изобилуетъ гуляньями — парками, скверами, украшенными прудами, фонтанами, статуями; такъ, напр., любопытнымъ мѣстомъ гулянья нью-іоркцевъ является Battery, раскинутое на берегу моря: чудесный воздухъ, прелестный видъ манитъ туда толпу гуляющихъ. Общественныя зданія великолѣпны и ихъ чрезвычайно много; они смѣло могутъ поспорить съ лучшими изъ зданій европейскихъ столицъ (Новая биржа: 200 фут. длины и 144 ф. ширины). Церквей въ Нью-Іоркѣ 300; къ наиболѣе красивымъ по архитектурѣ принадлежитъ: церковь св. Троицы, св. Павла. Изъ частныхъ зданій замѣчательны: Old Fellow Hall, домъ библейскаго общества, естественно-историческій музей и гостинницы (отели). Послѣднія относительно роскошной обстановки и всевозможныхъ удобствъ — верхъ совершенства и въ этомъ отношеніи далеко оставляютъ за собою наши европейскія гостинницы. Американцы на устройство такихъ отелей не жалѣютъ 1,000,000 долларовъ и болѣе. Какъ на образецъ гостинницы въ Нью-Іоркѣ укажемъ на Metropolitan Hôtel. Не мало и учебныхъ заведеній: Columbia College (съ 1754 г., прежде называлось Карловской Коллегіей), съ прекрасной библіотекой; Нью-Іоркскій университетъ (съ 1831 г.) изъ бѣлаго мрамора, женскій институтъ, нѣсколько семинарій, сотни школъ, въ которыхъ учатся 150,000 дѣтей. Въ 1848 г. основана «Вольная Академія» (средній и высшій курсы, тутъ-же политехническая школа и спеціальные классы по всѣмъ предметамъ). Городская «Общественная библіотека» имѣетъ 40,000 томовъ, при ней читальня; «Общество молодыхъ купцовъ» устроило библіотеку съ читальней (50,000 т.); въ новѣйшее время, по завѣщанію г. Астора (нѣмца по рожденію), устроена «Библіотека для всѣхъ» (болѣе 80,000 т.). Всѣ эти цифры относятся къ 1869 году и, весьма вѣроятно, что за четыре года книгохранилища Нью-Іорка обогатились еще болѣе. Благодаря хорошо устроенному водопроводу, городъ снабженъ въ изобиліи прекрасною водою, что очень важно и въ случаѣ пожара. Пожарная команда весьма хороша. Нью-Іоркъ, какъ торговый городъ, занимаетъ первое мѣсто. Гавань его (большой заливъ, почти никогда не замерзающій) весьма удобна для большихъ кораблей. Тутъ на стоянкѣ постоянно находится отъ 600 — 800 кораблей, разныхъ судовъ подъ всевозможными флагами. Въ Нью-Іоркѣ — главный узелъ, центръ многихъ желѣзно-дорожныхъ линій, страховыхъ обществъ десятки, банковъ 55, а теперь пожалуй и больше. Городъ этотъ замѣчателенъ еще тѣмъ, что является широкою пристанью для европейскихъ переселенцевъ. Такъ, напр., въ 1852 г. въ Нью-Іоркѣ высадилось 300,000 человѣкъ, бѣжавшихъ изъ Европы *навсегда* ради новой, лучшей жизни въ Новомъ Свѣтѣ. Они бѣжали не отъ самаго труда, а отъ условій его въ Европѣ, чтобы на новомъ мѣстѣ снова приняться за работу. Нью-Іоркъ не только торговый, но и промышленный, фабричный городъ; онъ занимаетъ даже первое мѣсто относительно производствъ машиннаго и желѣзнаго, а также и по кораблестроенію. Нью-Іоркъ защищенъ моремъ и фортами. Пароходы по East River'у перевозятъ за весьма умѣренную плату изъ Нью-Іорка въ города Бруклинъ, Вильямсбургъ, Габокенъ и др. Всѣ эти города, по ту сторону Восточной рѣки, сами по себѣ тоже большіе, но являются какъ-бы предмѣстьями Нью-Іорка. Нынѣ сообщеніе черезъ East-River скоро сдѣлается постояннымъ, благодаря громадному мосту, повисшему между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ. Но объ этомъ послѣ. Вообще говоря, окрестности Нью-Іорка, прелестны, особенно привлекателенъ берегъ Гудзонова пролива. О мѣстномъ климатѣ можно сказать, что онъ теплый, а лѣтомъ былъ-бы даже невыносимо-жарокъ, если-бы съ моря не вѣяло прохладой. Нью-Іоркъ раздѣленъ на 20 кварталовъ. Управляется онъ «майоромъ» (градоначальникомъ) и «совѣтникомъ». Первый избирается на 2 года, второй на годъ. Вся полиція состоитъ изъ 1,200 человѣкъ, каждые два года избираемыхъ изъ гражданъ города. Цифра эта относительно такого громаднаго и разнохарактернаго населенія Нью-Іорка весьма даже невелика. Скажемъ теперь нѣсколько словъ о цѣпномъ мостѣ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ.

Всѣми, даже не спеціалистами инженерами, признано за фактъ, что американцы далеко опередили всѣ другія націи въ дѣлѣ постройки мостовъ. Господа янки поражаютъ при этомъ не только смѣлостью, но и цѣлесообразностью сооруженія; прочность и экономія на первомъ планѣ, что особенно бросается въ глаза при постройкѣ желѣзныхъ мостовъ и именно цѣпныхъ (висячихъ), которые являются самыми легкими, наиболѣе изящными и по прочности своей замѣчательно-крѣпкими.

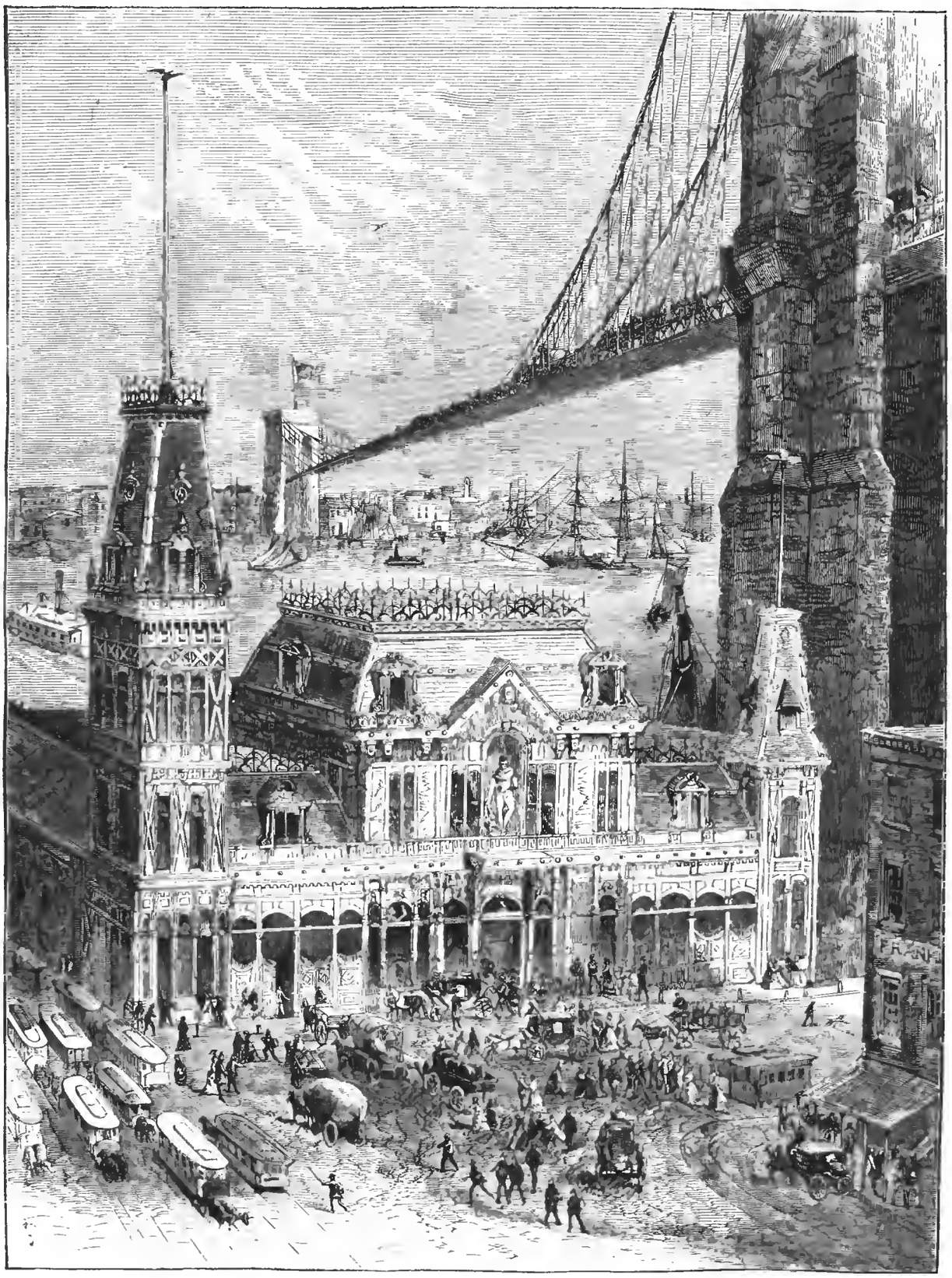
Слава серіозной, широкой разработки въ Америкѣ этой системы мостовъ принадлежитъ инженеру Реблингу, виртембергскому уроженцу, умершему нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Реблингъ первый ввелъ въ употребленіе проволочный канатъ, чѣмъ и достигъ значительной степени выносливости цѣпей и самаго моста на большомъ протяженіи. Большой цѣпной мостъ черезъ Ніагару, которымъ въ свое время такъ восхищались, есть произведеніе Реблинга. Въ настоящее время строится мостъ по его системѣ, который будетъ величайшимъ цѣпнымъ мостомъ въ мірѣ—это такъ-называемый «East River Bridge» (Востоко-рѣчной мостъ), соединяющій Нью-Іоркъ съ Бруклиномъ. Рисунокъ нашъ представляетъ это грандіозное произведеніе.

Великолѣпное зданіе, находящееся внизу, влѣво отъ громадной мостовой башни, это — вокзалъ, станція отправленія пароходовъ, которые покамѣстъ служатъ единственнымъ средствомъ сообщенія между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ. Зданіе называется Fulton Ferry House. Каждая изъ масивныхъ башенъ, стоящихъ vis-à-vis, на концахъ моста, имѣетъ 278 футовъ (англійскихъ) вышины, т. е. только на 8 фут. ниже башни церкви св. Троицы въ Нью-Іоркѣ. Толстые проволочные канаты съ той и съ другой стороны укрѣплены на разстояніи 800 фут. отъ башни, слѣдов., длина всего протяженія 1,600 фут. при ширинѣ 80 ф. и вышинѣ надъ уровнемъ рѣки въ 130 ф. Видъ съ середины моста на величественную East River и на двухъ дружественныхъ сосѣдей — Нью-Іоркъ и Бруклинъ — въ высшей степени привлекателенъ и грандіозенъ; да, янки смѣло могутъ гордиться своимъ East River Bridge!..

Политическое обозрѣніе.

Въ одномъ изъ прошедшихъ нашихъ обозрѣній мы передали читателямъ подробности переворота, совершившагося въ парламентской жизни Англіи. Такъ какъ переворотъ этотъ состоялъ въ замѣнѣ либеральнаго министерства Гладстона консервативнымъ министерствомъ Дизраэли, въ конституціонныхъ же государствахъ перемѣна министерства показываетъ перемѣну по внутренней политикѣ страны, — то въ настоящую минуту считаемъ небезполезнымъ познакомить читателей съ самымъ составомъ новаго министерства, а слѣдовательно и съ будущимъ направленіемъ его политической дѣятельности. Во главѣ новаго кабинета стоитъ 69-и лѣтній старикъ, Дизраэли, еврей по происхожденію. Личность этого политическаго дѣятеля, какъ по характеру своему, такъ и по всей его политической карьерѣ, заслуживаетъ того, чтобы на ней остановиться подольше. Родился Дизраэли въ 1805 году, въ Лондонѣ; одинъ изъ предковъ его, вмѣстѣ со многими своими единовѣрцами, былъ изгнанъ изъ Испаніи инквизиціей и, послѣ долгихъ странствованій, поселился въ Венеціи. Болѣе двухъ столѣтій прожили предки нынѣшняго премьера въ Венеціи, зани-

Библиотека "Руниверс"



Висячій мостъ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ. Съ американскаго эскиза грав. Пейнъ.

Библиотека "Руниверс"

маясь преимущественно торговлей. Въ 1748 году, дѣдъ настоящаго главы англійскаго министерства переселился въ Англію, гдѣ, продолжая заниматься различными торговыми оборотами, нажилъ себѣ весьма солидное состояніе. Нынѣшній первый министръ вступилъ на политическое поприще не вдругъ, а путемъ неустанной борьбы и неоднократныхъ попытокъ занять мѣсто въ парламентѣ. Занимаясь литературнымъ трудомъ и проводя время въ путешествіяхъ по Европѣ, Дизраэли не терялъ изъ виду и политической дѣятельности. Три раза пытался онъ, при помощи либеральной партіи, проникнуть въ парламентъ, но постоянно терпѣлъ неудачи на выборахъ, вслѣдствіе чего сдѣлался врагомъ этой партіи и, для большаго успѣха, примкнулъ, наконецъ, къ партіи консервативной. Въ 1837 году, ему удалось-таки сдѣлаться членомъ Палаты Общинъ, но и здѣсь на первыхъ порахъ ему не повезло: вслѣдствіе-ли неумѣнія Дизраэли говорить передъ большимъ политическимъ собраніемъ, по незнанію-ли имъ парламентскихъ обычаевъ, или по какой нибудь иной причинѣ, но въ первое время его не хотѣли слушать, и рѣзкія рѣчи его встрѣчали взрывы смѣха на разныхъ скамьяхъ. Дизраэли, однако, не унывалъ и наконецъ добился того, что его не только стали слушать, но со временемъ консервативная партія выбрала его даже своимъ главою, а затѣмъ онъ сдѣлался и первымъ министромъ. По низверженіи либеральнаго министерства Гладстона, Дизраэли вторично сталъ главою правительства. Министерство его опирается на трехъ основахъ, весьма благопріятствующихъ популярности его среди англійской націи: во-1-хъ, весь новый кабинетъ составленъ изъ лицъ не только одного направленія съ своимъ главою, но даже болѣе консервативныхъ, нежели онъ самъ; подборъ товарищей сдѣланъ Дизраэли съ большою осторожностію и предусмотрительностью, такъ, что разногласія предвидѣть невозможно; во 2-хъ, новое министерство пользуется поддержкою значительнаго большинства въ обѣихъ палатахъ; наконецъ, въ 3-хъ, труды предшествующаго министерства настолько водвинули впередъ всѣ задуманныя реформы, что новому министерству остается только пожинать плоды, посѣянные его же противниками, а такая не трудная роль во плечу и менѣе способному министерству. Взять хоть бы напримѣръ финансовую часть. Блистательное положеніе, въ которомъ она теперь находится, можетъ служить самымъ лучшимъ памятникомъ благотворной для страны дѣятельности предъидущаго министерства. Поступленіе доходовъ къ концу нынѣшняго финансоваго года превышаетъ произведенные расходы приблизительно на 19 мильоновъ рублей, вслѣдствіе чего *парламентъ принужденъ былъ уменьшить расходы* на эту сумму. Увеличеніе доходовъ безъ возвышенія налоговъ несомнѣнно показываетъ увеличивающееся благосостояніе страны, которое выражается усиленіемъ производства и потребленія предметовъ, доставляющихъ доходъ казнѣ; и вотъ мы видимъ, что въ Англіи, несмотря на сдѣланное прошломъ году пониженіе съ сахара вслѣдствіе той-же причины, т. е. превышенія доходовъ надъ расходами, — государственная казна въ настоящемъ бюджетномъ году все-таки получила до $1^1/_2$ мильона фунтовъ стерлинговъ (около $10^1/_2$ м. рублей) *излишка* въ сборѣ пошлины противъ предположенной суммы. Въ слѣдующемъ 1874-75 году излишка доходовъ надъ расходами предвидится на 25 мильоновъ рублей, и уже теперь возбуждается вопросъ куда дѣвать этотъ остатокъ? Такъ-какъ въ Англіи главнѣйшій доходъ казнѣ доставляютъ косвенные налоги съ различныхъ предметовъ потребленія, то каждая изъ отраслей промышленности, обложенныхъ налогами, старается истолковать этотъ остатокъ въ свою пользу: сахарные заводчики предлагаютъ уменьшить налогъ на сахаръ, пивовары на свой продуктъ и т. д.

То же самое видимъ и въ дѣлѣ военномъ. И въ этомъ случаѣ Англія представляетъ разительную противоположность съ остальными Государствами Европы, съ каждымъ почти годомъ увеличивающими свои дѣйствующія арміи. Въ Берлинѣ, несмотря на энергическіе протесты парламента и общественнаго мнѣнія, во чтобы то-ни-стало хотятъ провести законъ объ увеличеніи дѣйствующей арміи до 400 слишкомъ тысячъ въ *мирное* время, да при этомъ еще закрѣпить дѣйствіе этого закона на 12 лѣтъ; во Франціи, правительство требуетъ отъ страны весьма значительныхъ пожертвованій на возведеніе новыхъ сооруженій вокругъ Парижа; даже въ Италіи—и тамъ предполагаютъ довести численность дѣйствующей арміи до неслыханной для этой страны цифры—400 тысячъ человѣкъ, не считая 200,000 такъ-называемыхъ «второлинейныхъ», т. е. не вполнѣ еще обученныхъ солдатъ, составляющихъ резервъ. Можно себѣ представить, какіе расходы должно нести населеніе на содержаніе такихъ массъ войска! Совсѣмъ другое видимъ въ Англіи. Еще во времена Гладстона, смѣта военныхъ расходовъ представляла весьма умѣренную сумму относительно ко всей смѣтной суммы расходовъ и въ особенности по сравненію съ военными бюджетами другихъ государствъ нашего материка; но теперь и эта смѣта уменьшена на половину. Если хотите, численность англійской арміи также увеличена, но при всемъ томъ содержаніе этой увеличенной арміи будетъ стоить дешевле... Не странно-ли послѣ этого видѣть, что бѣдная, отягощенная долгами Италія стремится увеличить свои военныя силы, а богатая и болѣе многолюдная Англія стремится къ возможному ихъ уменьшенію! Такимъ образомъ, Дизраэли остается только идти по пути, созданному для него его предшественниками.

Мы ничего еще не говорили съ читателями о расколѣ въ церкви болгарской, а между тѣмъ движеніе это принимаетъ все болѣе и болѣе угрожающій характеръ. Извѣстно, что между греками и болгарами, несмотря на ихъ религіозное родство, съ давнихъ поръ существуетъ непримиримая вражда. Множество фактовъ служатъ тому доказательствомъ; у обѣихъ націй есть даже много пословицъ и поговорокъ, характеризующихъ ихъ взаимныя отношенія. Мотивомъ вражды служитъ для болгаръ — стремленіе грековъ первенствовать надъ ними, а для грековъ — сопротивленіе, оказываемое имъ въ этомъ болгарами, и желаніе ихъ сохранить свою временную самостоятельность и независимость отъ эллинизма. Несмотря, однако, на неоднократныя попытки освободиться отъ греческаго вліянія, болгары продолжаютъ находится въ нѣкоторомъ подчиненіи у грековъ, по крайней мѣрѣ въ дѣлахъ церкви. Стремленіе грековъ подчинить себѣ болгаръ и другихъ славянъ вызвало, наконецъ, со стороны нѣкоторыхъ болгарскихъ общинъ стремленіе выйти изъ этого подчиненнаго положенія черезъ присоединеніе къ какой-либо другой церкви. Съ этою цѣлью, болгары, въ лицѣ своего епископа Нила, обратились къ правительству Англіи съ просьбой о присоединеніи ихъ къ англійской церкви; но эта первая попытка, за отказомъ со стороны представителей Англіи, успѣха не имѣла. Тогда болгары рѣшились хлопотать о соединеніи ихъ съ римско-католической церковью. Латинское духовенство встрѣтило это стремленіе, конечно, съ восторгомъ—и всѣми мѣрами принялось дѣйствовать къ осуществленію этого намѣренія болгаръ. На сколько можно судить по газетнымъ извѣстіямъ, болгары намѣрены соединиться съ римскою церковью не совершенно, а на правахъ уніатовъ, т. е. сохранить всѣ догматы и обряды православной церкви, въ лонѣ которой пребываютъ въ настоящее время, и вмѣстѣ съ тѣмъ признавать римскаго епископа (папу) главою христіанства. Такъ какъ болгары находятся въ подданствѣ Турціи, то турецкое правительство сдѣлало съ своей стороны попытки уладить возникающую распрю; увѣряютъ, что оно предложило допустить смѣшанныя епархіи, представивъ общинамъ свободный выборъ церкви; но едва-ли греки согласятся на такое условіе: въ ихъ глазахъ это значило бы проиграть дѣло. Во всякомъ случаѣ, церковная распря въ Болгаріи продолжается, и часть болгаръ повиднмому рѣшила окончательно свое отреченіе отъ греческой церкви.

Взаключеніе, считаемъ небезъинтереснымъ сообщить читателямъ слѣдующія свѣдѣнія о нынѣшнемъ Хивинскомъ ханѣ, заимствуемыя нами изъ «Биржевыхъ Вѣдомостей:»

Нынѣшній Хивинскій ханъ Сеидъ-Мухамедъ-Рахимъ-Ханъ вступилъ на престолъ въ 1864 году и въ настоящее время имѣетъ 28 лѣтъ. Онъ высокаго роста, брюнетъ, рябоватъ, по типу лица представляетъ что-то смѣшанное изъ среднекавказской расы съ монгольскою, сообщителенъ, держитъ себѣ довольно гордо, какъ подобаетъ среднеазіатскому властелину; особеннаго образованія, какъ и всѣ среднеазіатскіе Ханы, не получилъ, говоритъ на узбекскомъ нарѣчіи, вставляя въ каждую фразу то персидскія, то арабскія слова; въ костюмѣ его замѣтны только нѣкоторыя отличія отъ подданныхъ, именно кусокъ кожи полукруглой формы, пришиваемый къ голенищамъ сапогъ съ передней стороны. У него двѣ жены, отъ которыхъ онъ имѣетъ трехъ дѣтей; старшему сыну 5—6 лѣтъ. Вступленіе на престолъ молодаго хана сопровождалось разными опеками, отъ которыхъ онъ и въ настоящее время не совсѣмъ избавился. Вслѣдствіе этого, ханъ и по сю пору не выработалъ положительныхъ, самостоятельныхъ взглядовъ на управленіе ханствомъ, въ чемъ сознался и самъ въ откровенной бесѣдѣ. Въ сношеніяхъ его съ русскими замѣтно миролюбивое настроеніе, безъ всякой задней мысли, какъ это дѣлаютъ другіе среднеазіатскіе властелины, подъ временнымъ страхомъ; держитъ данное слово, вообще честенъ и невѣроломенъ. У хивинскаго хана два брата; старшему изъ нихъ 23 года, это человѣкъ легкомысленнаго и безпокойнаго характера. Во время управленія ханствомъ своего брата, онъ собиралъ вокругъ себя недовольныхъ ханомъ, но значительной партіи собрать не могъ. Однажды, узнавъ чрезъ мать свою, что братъ его, вмѣстѣ съ однимъ персіяниномъ, приготовляетъ ему шербетъ съ зельемъ, чтобы отравить его,—ханъ, удостовѣрившись въ дѣйствительности сказаннаго матерью, приказалъ отрѣзать уши персіянину, который былъ пойманъ въ то самое время, когда онъ готовилъ вышесказанный напитокъ,—а своего брата приказалъ подвергнуть домашнему аресту, поставивъ часовыхъ къ его дому. Отъ азіатскаго владыки трудно было ожидать такого мягкаго наказанія своему преступному брату,—и потому можно думать, что ханъ по характеру своему способенъ усвоить современемъ европейскій взглядъ на вещи. Младшій братъ хана — личность апатичная и вполнѣ безцвѣтная.

Библиотека "Руниверс"

Изъ Версали.

(Собственныя корреспонденціи «Нивы»).

Версаль 1874 года 7 (19) марта.

Вчера 6 (18) марта Шалемель-Лякуръ и Гамбетта интерпелировали правительство касательно циркуляра г. Броя къ префектамъ. Вы знаете, сколько толковъ возбудило это административное посланіе, и съ какимъ нетерпеніемъ ожидала Франція объясненій министерства по поводу этого документа. Лица подписавшіе интерпелляцію поручили произнести рѣчь г. Шалемель-Лякуру. Краснорѣчіе этого депутата крайней лѣвой—дѣлаетъ честь французской трибунѣ; сдержанность, необыкновенный тактъ, отсутствіе всякой риторики и общихъ мѣстъ—приковываютъ вниманіе партій, ослѣпленныхъ политическими страстями. Шалемель-Лякуръ просилъ министерство объяснить настоящее значеніе Сентената: составляетъ ли онъ шагъ къ упроченію республики, или преддвѣріе къ монархіи; представляетъ ли онъ начала прочнаго порядка, узаконяющаго республиканскія стремленія большинства націи, или служитъ продолженіемъ неопредѣленнаго политическаго statu quo. Бордосскій договоръ или какъ его называлъ Тьеръ «перемиріе партій» (la trève des partis) былъ высокимъ политическимъ актомъ знаменитаго *старика*; теперь же, сказалъ Шалемель-Лякуръ: когда страна уплатила контрибуцію, когда она находится, слѣдовательно, въ состояніи полнаго самообладанія,—подобное выжидательное состояніе отжило свое время. Затѣмъ ораторъ указалъ на застой промышленности, на недовѣріе иностранныхъ и туземныхъ капиталовъ, и на неминуемый коммерческій кризисъ.

Въ какомъ положеніи находится *l'ordre moral* т. е. нравственное состояніе страны? спросилъ ораторъ. Бонапартистская манифестація служитъ тому лучшимъ отвѣтомъ. «Франція прочла письмо г. Руэра, въ которомъ глава бонапартистской партіи соболѣзнуетъ о непрочности настоящаго правительства, совѣтуя однако своимъ друзьямъ поддерживать институтъ Семилѣтія, *ибо онъ долженъ неминуемо привести къ имперіи.* Въ продолженіи своей рѣчи ораторъ многократно указывалъ правительству на глубокій разладъ который существуетъ между нимъ и націей, и что если правительство не пользуется достаточнымъ авторитетомъ въ странѣ, то именно вслѣдствіи этой причины. Указавъ затѣмъ на истинное значеніе закона о мэрахъ какъ на лучшее орудіе для офиціальныхъ кандидатуръ, ораторъ сказалъ съ ироніей, что онъ оставитъ на трибунѣ два вопросныхъ пункта написанные на бумагѣ, о разъясненіи значенія Сентената, чтобы г. Брой могъ дать категорическій отвѣтъ на сказанную имъ рѣчь. Въ теченіи всей рѣчи, собраніе не обнаруживало того раздраженія, какое овладѣваетъ имъ при видѣ на трибунѣ оратора крайней лѣвой. Исключая рѣзкой фразы о бонапартистской интригѣ, рѣчь г. Шалемеля отличалась большимъ политическимъ тактомъ и ловкостью. Ораторъ зорко слѣдилъ все время за своей аудиторіей, и старался стать выше духа партій, сознавая важность минуты, и зная что его слушаемъ Франція и Европа.

Версаль 1874 года, 8 (20) марта.

Послѣ рѣчи г. Шалемель-Лякура засѣданіе было прервано на четверть часа. Въ залѣ образовались группы, въ которыхъ происходили оживленные толки: видно, что рѣчь почтеннаго оратора крайней лѣвой произвела сильное впечатлѣніе, и что защитники теперешняго кабинета почувствовали сильную необходимость убѣдиться въ надежности той части большинства, которая поддерживаетъ кабинетъ г-на Броя. Кромѣ того необходимо было отклонить новый и неизбѣжный ударъ,—такъ называемый *vote de confiance,* потребовать который министерство было бы вынуждено послѣ второй рѣчи какого либо изъ членовъ лѣвой, такъ какъ эта вторая рѣчь заключала бы понятно категорическое заявленіе недовѣрія почти половины собранія. Друзья кабинета зашныряли по лавкамъ наименѣе надежныхъ союзниковъ съ предложеніемъ редактировать *простое заключеніе* по поводу настоящихъ дебатовъ, т. е. *l'ordre du jour pur et simple.* Простой ordre du jour имѣетъ преимущество передъ *мотивированнымъ* въ томъ отношеніи, что вотируется первый, и что оставляетъ вопросъ о довѣріи къ министерству совершенно въ сторонѣ. Г. Брой тревожно посматривалъ на суетившагося г. Бараньона и г. Ламбера-Сенъ-Круа, который размахивалъ руками среди небольшой группы, внимавшей его орлеанистскому краснорѣчію. Однако четверть часа прошло; послышался звонокъ небезпристрастнаго ex-бонапартиста г. Бюффе, и г. Брой поднялся съ мѣста. Медленно, съ неловкой развязностью взошелъ онъ на трибуну.

Шумный говоръ смѣнился абсолютной тишиной. Видно было, что собраніе публики съ нетерпѣніемъ ожидало опредѣленнаго отвѣта министерства на запросъ лѣвой стороны, столь ясно изложенный г. Шалемель-Лякуромъ. Ожиданія не сбылись. Отвѣтъ министра былъ крайне уклончивый и туманный. Г. Брой началъ намекомъ на правительство 4 сентября, которое вмѣстѣ съ нетроліемъ и прочими ужасами всегда доставляетъ ему торжество, выражающееся аплодисментами на правой. Почтенный министръ сказалъ, что его упрекаютъ за законы о мэрахъ несправедливо, ибо правительство 4 сентября дѣйствовало также какъ онъ, разница въ томъ, что вышесказанное правительство назначало *только* республиканцевъ, а онъ, Брой, назначаетъ *только* консерваторовъ, не исключая никакую партію. Аргументъ какъ видите довольно странный, ибо если правительство 4 сентября дѣйствовало произвольно, то на то была серіозная причина. Дѣятели 4 сентября спасая честь Франціи хотѣли продолжать войну, которую хотѣли прекратить бонапартисты и монархисты послѣ Седана, и конечно успѣли бы въ этомъ, еслибы администрація была въ ихъ рукахъ. Дѣйствія г. Броя произвольны—и только, ибо Франція спокойна, и исключать людей изъ администраціи потому что они заявляютъ открыто свои республиканскія убѣжденія во время республики,—просто недобросовѣстно и указываетъ на враждебное настроеніе кабинета противъ той формы правленія, которой онъ служитъ представителемъ. Затѣмъ, г. Брой началъ развивать ту мысль, что законы о мэрахъ и циркуляръ ясно указываютъ только на то что правительство намѣренно поддерживать политическое statu quo всѣми силами, но ничуть не намѣренно предрѣшать судьбы страны помимо волѣ Верховнаго Національнаго Собранія, которое въ свое время и среди новыхъ обстоятельствъ произнесетъ послѣднее слово, сообразно желаніямъ большинства страны. Отвѣтъ г. министра представляетъ, слѣдовательно, отсутствіе всякаго отвѣта, ибо запросъ заключался въ томъ что такое Сентенатъ: начало ли, организаціи республики или преддверье монархіи. Лица подписавшіе запросъ не скрыли отъ правительства того обстоятельства, что они подозрѣваютъ его въ сочувствіи ко монархіи, и что законы о мэрахъ и избирательный законъ дѣлаютъ изъ Сентената приготовительную школу для пропаганды монархическихъ идей.

Что касается условій среди которыхъ маршалъ принужденъ будетъ направлять исполнительною властью въ теченіи 7-ми лѣтняго срока, то они будутъ формулированы собраніемъ во время преній объ «организаціи публичныхъ властей (конституція), добавилъ министръ въ заключеніи своей рѣчи; затѣмъ онъ повторилъ еще разъ, что семилѣтняя власть маршала составляетъ краеугольный камень теперешняго политическаго устройства Франціи.

Члены лѣвой стороны поняли. что возражать на такую рѣчь невозможно,—толку недобьешся. Будущее разъяснить то, чего не рѣшается заявить министерство вслѣдствіе своимъ личныхъ цѣлей, и кромѣ того, изъ боязни утратить большинство 50 — 60 голосовъ, которыми оно держится.

Простой Ordre du jour былъ вотированъ большинствомъ 62 голосовъ.

И на этотъ разъ министерство побѣдило; но побѣда эта досталась дорого: г. Брой не рѣшился даже упомянуть о бонапартистской манифестаціи 16 марта, которая сильно подорвала авторитетъ правительства, изъ боязни потерять 22 голоса гг. защитниковъ переворота 2 декабря 1852 года.

Послѣ рѣчи г. Броя, легитимисты почуствовали необходимость заявить что такое Сентенатъ по ихъ убѣжденію—и г. де-Казенавъ де-Прадинъ произнесъ небольшую рѣчь въ которой сказалъ, что вотируя продолженіе власти г. Макъ-Магона, онъ и его политическіе друзья имѣли въ виду *только* сохраненіе порядка въ странѣ, котрой угрожала анархія при образѣ дѣйствій предъидущаго правительства. «Вотируя Сентенатъ мы (легитимисты) были *твердо убѣждены*, что герой Малахова Кургана *не заставитъ ожидать наслѣдника Бурбонской династіи, у порога Сентената*, когда придетъ время *возвратить* Франціи ея законнаго короля». Г. Брой, отдѣлавшись кое какъ отъ Шалемель-Лякура былъ снова поставленъ въ необходимость отвѣчать на заявленіе г. Казенавъ де Прадина. Непріятность положенія заключалась въ томъ, что это заявленіе предшествовало вотировкѣ, которая дала правительству какъ уже вамъ извѣстно 62 голоса. Такъ какъ министру не хотѣлось потерять 52 голоса, то онъ далъ слѣдующій уклончивый отвѣтъ на откровенное заявленіе гг. легитимистовъ. «Прямодушное заявленіе г. Казенавъ де Прадина составляетъ его личное убѣжденіе, которое ничуть не обязательно для правительства. Несмотря на это легитимисты вотировали за него. На слѣдующій день маршалъ-президентъ благодарилъ печатно своего министра, и заявилъ еще разъ, что онъ сохранитъ власть въ теченіи семи лѣтъ и не дозволитъ никому посягнуть на существующій государственный порядокъ.

Легитимисты еще до сихъ поръ не опомнились отъ этого удара. Il y est, il y reste!

Долго ли продлится это statu quo или нѣтъ—покажетъ будущее. Франція не Испанія, серіозно говоритъ о дезорганизаціи арміи невозможно; но это обстоятельство еще не даетъ права утверждать, что французская армія сочувствуетъ вполнѣ теперешнему правительству; въ рядахъ ея и до сихъ поръ находятся солдаты Луарской арміи и Конлійскаго лагеря, которыхъ республиканскія убѣжденія не подлежатъ сомнѣнію. Солдатъ - республиканецъ, журналистъ - радикалъ и генералы какъ Федербъ и Данферъ одинаково смутно понимаютъ значеніе Сентената, несмотря на различіе ихъ умственнаго уровня, и безъ сомнѣнія предпочтутъ временной и неопредѣленной формѣ правленія прочно организованную республику.

А парламентское большинство? Оно уменьшается съ каждымъ днемъ. Заявленіе г. Казенава де Прадина указываетъ намъ на то, что легитимисты не станутъ поддерживать Сентенатъ, а дѣя-

Библиотека "Руниверс"

тельность г. д'Омаль въ Безансонѣ и почетъ которымъ онъ пользуется—подтверждаютъ то убѣжденіе, что онъ работаетъ pour son propre compte. По распущеніи собранія на каникулы Пасхи, гг. Люсіенъ Бренъ и Казенавъ де Прадинъ уѣхали къ графу Шамбору въ Зальцбургъ несмотря на грозный циркуляръ г. Броя. Бананартисты продолжаютъ путешествовать между Парижемъ и и Чизльгерстомъ, не смотря на увѣренія маршала-президента въ томъ, что онъ сохранитъ власть въ теченіи 7 лѣтъ. Почтенный депутатъ департамента Луаре монсиньоръ Дюпанлу не желая отстать отъ Зальцбургскихъ пиллигримовъ, отправился имъ вслѣдъ надѣясь вѣроятно на то что *le Roy* послушается его пастырскаго слова и уступитъ свое бѣлое знамя. Словомъ, всѣ партіи не теряютъ вакаціонное время даромъ и стремятся ниспровергнуть существующій порядокъ въ пользу своихъ претендентовъ. Вотъ среди какихъ обстоятельствъ соберется снова Версальскій парламентъ будущаго 12 мая; понятно что конституціонные законы возбудятъ жаркія пренія, — но толку не выйдетъ. Что касается правительства, то оно встрѣтитъ грозную оппозицію и почти распавшееся большинство съ неудачнымъ проэктомъ конституціи, и непопулярными законами, подорвавшими въ странѣ всякій кредитъ къ теперешнему кабинету. Предсказать точно что изъ всего этого выйдетъ—почти невозможно. Достовѣрно только то, что произойдутъ перемѣны въ составѣ кабинета, который долженъ будетъ разстаться съ почтеннымъ герцогомъ Броемъ.

Н. Чашниковъ.

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

Государственный Совѣтъ, въ Департаментѣ Законовъ и въ Общемъ Собраніи разсмотрѣвъ представленіе Главноуправляющаго II Отдѣленія Собственной Е. И. В. Канцеляріи объ измѣненіи постановленій, по которымъ рожденныя въ податномъ состояніи дѣти лицъ, пріобрѣвшихъ впослѣдствіи права высшаго состоянія, не пользуются сими правами, и соглашаясь въ существѣ съ заключеніемъ Главноуправляющаго, *мнѣніемъ положилъ:* въ измѣненіе подлежащихъ статей Свода Законовъ и Свода Военныхъ Постановленій постановить: 1) Рожденныя въ податномъ состояніи дѣти лицъ, пр обрѣвшихъ по изданіи сего закона права дворянства или почетнаго гражданства, исключаются изъ податнаго оклада и пользуются всѣми правами и преимуществами, предоставленными дѣтямъ сихъ лицъ, рожденнымъ по выходѣ ихъ родителей изъ податнаго состоянія. Тѣ же права предоставляются и дѣтямъ означенныхъ лицъ, рожденнымъ въ нижнемъ воинскомъ или рабочемъ званіи. 2) Сыновья офицеровъ и чиновниковъ, по изданіи настоящаго закона получившихъ по чинамъ личное почетное гражданство, не исключая рожденныхъ въ то время, когда отцы находились въ нижнемъ воинскомъ или рабочемъ званіи, относятся ко второму разряду канцелярскихъ служителей, а сыновья канцелярскихъ служителей, лѣкарскихъ учениковъ, курьеровъ и фельдшеровъ, безъ различія, рождены ли они прежде или послѣ полученія отцами сихъ званій, не исключая и тѣхъ, кои до вступленія въ службу состояли въ податномъ окладѣ, относятся къ третьему разряду канцелярскихъ служителей. 3) Сила постановленій, изложенныхъ въ ст. 1 и 2-й, распространяется и на лица, родители коихъ пріобрѣли права высшаго состоянія до изданія настоящаго закона, но въ томъ лишь случаѣ, когда со стороны такихъ лицъ будетъ предъявлено надлежащее о семъ ходатайство. 4) Опредѣленные дѣйствующими узаконеніями сроки для вступленія въ гражданскую службу дѣтей канцелярскихъ служителей и другихъ нижнихъ чиновъ гражданскихъ вѣдомствъ отмѣняются.

Его Императорское Величество изложенное мнѣніе Государственнаго Совѣта 5-го марта сего года Высочайше утвердить соизволилъ и повелѣлъ исполнить.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— 23-го марта, въ 10 часовъ утра, въ Новомъ адмиралтействѣ происходила *закладка канонирской лодки «Ершъ»*, которая строится изъ желѣза казенными средствами. Эта лодка будетъ не болѣе 250 футовъ длины и предназначается для защиты береговъ; она будетъ вооружена орудіями большихъ калибровъ.

— Говоря о плаваніи нашихъ судовъ за границею, «Кронш. Вѣстникъ» сообщаетъ, что паровой клиперъ «Всадникъ», подъ командою капитанъ-лейтенанта Новосильскаго, отправившійся нынче осенью изъ Кронштадта на станцію въ Тихій океанъ, 3-го (15-го) февраля вышелъ изъ Порто-Гранде на островахъ Зеленаго-Мыса и направился въ Пернамбуко, въ Бразилію — портъ, довольно рѣдко посѣщаемый русскими судами.

Другой клиперъ, «Гайдамакъ», отправившійся вмѣстѣ съ «Всадникомъ», пришелъ въ Бахіо (въ Бразиліи) 27-го января, послѣ благополучнаго 15-ти-дневнаго плаванія изъ Порта-Прайя.

ЛИТЕРАТУРА.

новыя книги.

Труссо. Клиническія лекціи. Перев. подъ ред. Ю. Чудновскаго. Изд. А. Сергѣева. Т. II. Вып. II. Тип Д—та Удѣл. 8 д. 225—384 стр. 1,200 экз.

Сергѣевъ, А. Ф. Основы раціональнаго земледѣлія. Попул. практич. руков. Спб. Тип. Губ. Правл. 8 д. 2+102 стр. 5,000 экз. Ц. 40 к.

СОДЕРЖАНІЕ: Вильгельмъ фонъ Каульбахъ (съ портретомъ).—Товарищъ Теннесся, разсказъ Брэтъ Гарта.—Это была игра... (окончаніе).—Литературный альбомъ. Дядя Власъ, стих. Н. Некрасова (съ рисункомъ).—Народы Россіи. Псковитяне (съ рисунк.).—Цѣпной мостъ между Нью-Іоркомъ и Бруклиномъ (съ рисункомъ).—Политическое обозрѣніе.—Корреспонденціи изъ Версаля.—Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Только-что поступила въ продажу полезная книжка:

ДАМСКІЙ ГАРДЕРОБЪ

ВПОЛНѢ ПРИЛИЧНЫЙ

НА 100 РУБЛЕЙ ВЪ ГОДЪ.

Съ англійскаго. Цѣна **40** коп.

У Битепажа, Базунова, Попова, въ «Русской Книжной Торговлѣ» и другихъ книгопродавцевъ въ С.-Петербургѣ.

ВАЛЬДФРИДЪ

новый романъ **В. Ауэрбаха,** въ шести книгахъ (3 тома), напечатанъ въ русскомъ переводѣ съ рукописи и вышелъ въ свѣтъ одновременно съ нѣмецкимъ изданіемъ, по соглашенію съ авторомъ, отъ котораго пріобрѣтено исключительное право перевода на русскій языкъ.

Читавшій этотъ романъ еще въ рукописи помѣщены въ нѣмецкихъ газетахъ многочисленные самые лѣстные отзывы о немъ. Для характеристики приводимъ отзывъ «Аугсбурской Газеты», явившійся однимъ изъ первыхъ:

«Ауэрбахъ, бывшій очевидцемъ значительнѣйшихъ событій послѣдней германо-французской войны, работалъ съ тѣхъ поръ надъ романомъ, въ которомъ выступаютъ на сцену всѣ группы германскаго народа, отъ государей до простолюдиновъ, въ живыхъ образахъ и въ художественно-увлекательномъ разсказѣ. Этотъ разсказъ содержитъ выводы изъ пережитаго и передуманнаго авторомъ въ теченіи полувѣковой жизни и составляетъ историческій документъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высоко-художественное произведенія. Это по всей вѣроятности, послѣдній крупный трудъ знаменитаго автора. Уже теперь, только что газеты сообщили объ окончаніи этого произведенія, является живѣйшій запросъ со стороны публики, и мы убѣждены, что ожиданія будутъ нетолько оправданы, но и превзойдены».

Цѣна русскому изданію—3 р. 50 к., съ перес. 4 р. (нѣмецкую изданію цѣна назначена 6 талеровъ, т. е. 6 р. 50 к.)

Продается во всѣхъ извѣстнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ.

Во всѣхъ извѣстнѣйшихъ книжныхъ магазинахъ продается новая книга:

РАЗСКАЗЫ БРЕТЪ ГАРТА.

Переводъ съ англійскаго. Цѣна 1 р. 50 к. на перес. прилаг. за 2 ф.

Редакція «Нивы» пріобрѣла значительное число экземпляровъ этой книги для своихъ подписчиковъ, которые могутъ получать ее изъ редакціи по пониженной цѣнѣ, а именно по 1 р. за экземпляръ, ничего не прилагая за пересылку. Какъ образецъ этого изданія въ нынѣшнемъ нумерѣ «Нивы» помѣщенъ одинъ изъ разсказовъ: Товарищъ Теннесси.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА **1874** ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ **4** руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева **4** руб. **50** коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ **5** руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію **5** руб. **50** коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы“ и преміи за 1874 годъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи **„НИВЫ“** въ С.-Петербургѣ, **Большая Морская, домъ № 9.**

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

При семъ нумерѣ прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе объ изданной и поступившей въ продажу книги «Хозяйственныя необходимости».

Дозволено цензурою. 12 апрѣля 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 17 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 22-го апрѣля 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" НА 1874 ГОДЪ.

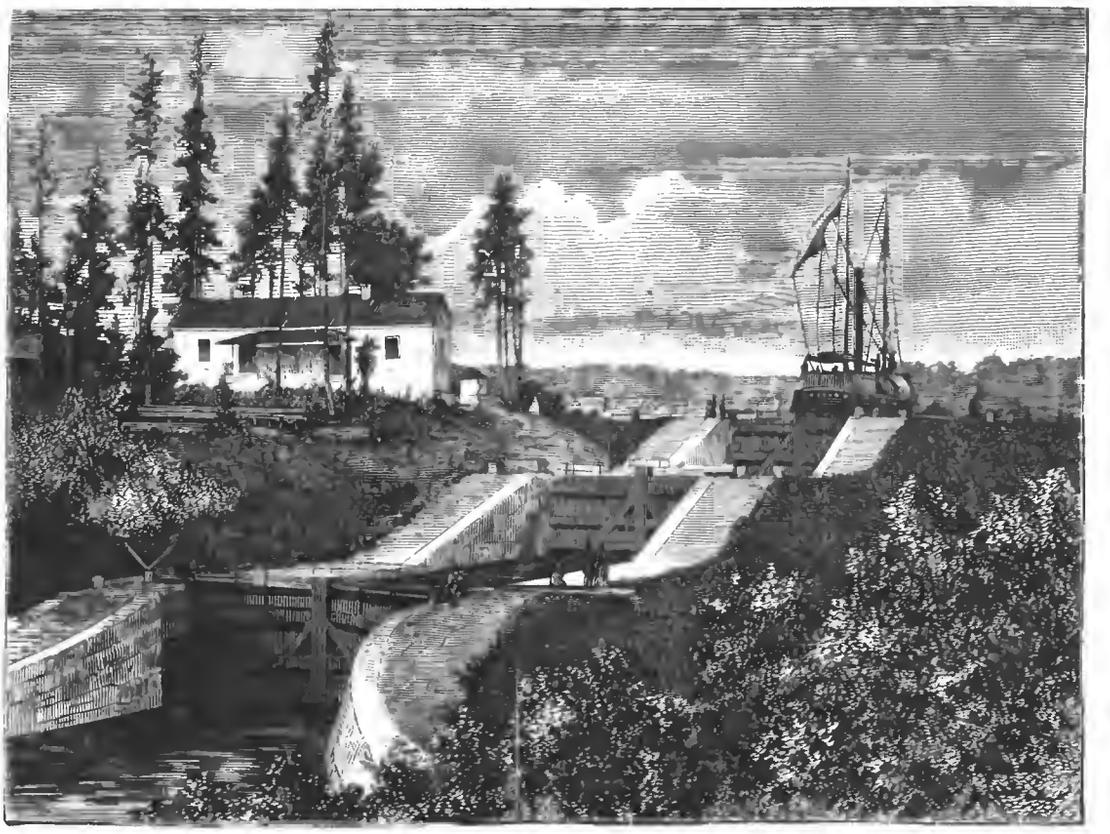
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА **1874** ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ **4** руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева **4** руб. **50** коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ **5** руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію **5** руб. **50** коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" и преміи за 1874 годъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**



Сайменскій каналъ. Рис. съ фотографіи Космаковъ, грав. Скримосскій.

Библиотека "Руниверс"

Сайменскій каналъ.

Мы очень хорошо знаемъ всѣ диковинки Европы, и не имѣть понятія о какомъ нибудь туннелѣ, о какомъ нибудь замѣчательномъ сооруженіи—считалось бы у насъ чуть не преступленіемъ. Между тѣмъ, многіе ли у насъ имѣютъ точное понятіе о Сайменскомъ каналѣ, этомъ удивительнѣйшемъ созданіи труда и науки? Чтобы привести въ исполненіе колосальную идею прорытія канала — нужно было предпринять не менѣе колосальную борьбу съ гранитными твердынями Финляндіи, и тутъ человѣкъ явился полнымъ побѣдителемъ природы. Такія побѣды дѣлаютъ больше чести человѣчеству, чѣмъ всевозможныя побѣды на поляхъ битвъ, гдѣ притомъ же и результаты сомнительны и непрочны, гдѣ сегодняшній побѣдитель завтра самъ можетъ встать въ ряды побѣжденныхъ...

Исторія постройки этого канала весьма интересна. Очевидная польза судоходнаго сообщенія между моремъ и огромнымъ внутреннимъ бассейномъ сайменскихъ водъ, сознавалась уже въ началѣ XVI столѣтія. Тогдашній шведскій намѣстникъ, Эрикъ Туресонъ Бьелько, приступилъ къ прорытію канала въ 7-ми верстахъ отъ Вильманштранда. Слѣды его остались до сихъ поръ, и извѣстны подъ именемъ *Ванха-Койвапто*, или стараго канала. Почти черезъ 100 лѣтъ, около 1602 г., во время царствованія короля Карла IX и управленія Финляндіи шведскимъ полководцемъ Яковомъ де-ла-Гарди, вторично было приступлено къ прорытію канала въ 200 саженяхъ отъ стараго; слѣды и этого втораго канала также видны и извѣстны подъ именемъ *Уфи-Койвапто*, или новаго канала. Оба предпріятія прекратились по неимѣнію средствъ. Послѣ этого дѣлалось еще нѣсколько попытокъ, но всѣ онѣ оставались также безуспѣшны.

Казалось, великому проекту такъ и суждено было остаться неосуществленнымъ,—но черезъ 200 лѣтъ, послѣ присоединенія всей Финляндіи въ Россіи, вопросъ этотъ снова былъ возобновленъ. Всего замѣчательнѣе, что онъ былъ поднятъ 13-ю крестьянами кирхшпилей (приходовъ) Куопіо и Нильсіа. Въ 1826 г. они подали объ этомъ прошеніе императору Николаю I. Но и этотъ проектъ, вслѣдствіе различныхъ причинъ, черезъ два года былъ оставленъ, и вторично возобновленъ въ 1833 г. Наконецъ финляндскій сенатъ рѣшился энергически приступить къ дѣлу, и поручилъ шведскому инженеру Эриксону составить планъ и смѣты на прорытіе Сайменскаго канала. Въ 1846 г. было приступлено къ работамъ.

Инженеръ воспользовался небольшими озерами разбросанными въ направленіи отъ Вильманштранда къ Выборгу, такъ что протяженіе самаго канала составляетъ собственно говоря не болѣе 32 верстъ. Но всю эту линію нужно было просѣчь, пробить, прорвать въ гранитныхъ скалахъ; въ иныхъ мѣстахъ приходилось взрывать порохомъ такія сплошныя массы гранита, что отвѣсныя стѣны, которыя образовывались послѣ прорывовъ, имѣли до 10-ти и болѣе саженъ вышины; въ другихъ мѣстахъ необходимо было сравнять молотомъ выдающіяся глыбы; а тамъ гдѣ гранитъ залегалъ довольно глубоко—слѣдовало вырыть землю, а потомъ просѣчь гранитъ. Чтобы остающіеся гранитные осколки не пропадали даромъ, ими обложили набережную канала, вымостили гладкими плитами бичевникъ и мѣстами, гдѣ было нужно, устлали дно канала. Такимъ образомъ, вмѣсто лишней траты на вывозку осколковъ, была еще пріобрѣтена превосходная гранитная набережная; она такъ укрѣпила берега, что надобность въ починкахъ будетъ встрѣчаться весьма рѣдко; между тѣмъ, благодаря гранитному дну канала, онъ не засоряется пескомъ, не заростаетъ травой, слѣдовательно не требуетъ постоянной чистки. Такое употребленіе осколковъ было повидимому простой, но счастливѣйшей мыслью; сколько благодаря ей сдѣлано экономіи въ работахъ, сколько сбережено труда и времени!

Но гигантскія работы сооруженія канала не ограничивались одними взрывами гранитныхъ глыбъ. Озеро Сайма, представляющее самое разнообразное сплетеніе озеръ, плесовъ, проливовъ, заливовъ, острововъ, перешейковъ и полуострововъ, захватывающее собою огромное пространство территоріи въ 300 верстъ длины и въ 200 верстъ ширины, лежитъ на 30 саженъ выше Финскаго залива. Чтобы удержать напоръ этой страшной массы водъ, на протяженіи канала потребовалось поставить 28 шлюзовъ; они обыкновенно находятся при входѣ канала въ озера и при выходѣ изъ нихъ. Для проѣзда черезъ каналъ построено въ разныхъ мѣстахъ 9 мостовъ; при нѣкоторыхъ находятся доки, водоспуски, водосливы. Мосты отличаются изяществомъ и такъ легки, что одинъ, много два работника могутъ отводить ихъ на берегъ для прохода судовъ. Наименьшая ширина канала $31^1/_2$, а глубина $8^1/_2$ футовъ. Длина всей системы Сайменскаго канала отъ перваго до послѣдняго шлюза 46 верстъ, а до Выборга $54^1/_2$ версты; прорытъ же собственно каналъ, какъ упомянуто выше, на 32 версты.

Не смотря на всю трудность и многосложность работъ, Эриксонъ оцѣнилъ постройку канала въ 3 милліона руб. сер., и обѣщалъ окончить всѣ работы въ теченіи 15 лѣтъ! Такая баснословная дешевизна и скорость просто изумительны. Это возможно только въ Финляндіи; вѣдь извѣстно, что и финляндская желѣзная дорога—самая дешевая изъ всѣхъ нашихъ желѣзныхъ дорогъ. Загадка эта объясняется непоколебимой честностью финскаго племени, распорядительностью при работахъ, а отчасти также и относительной дешевизной рабочихъ рукъ и продовольствія. Мало этого: обыкновенно всякія постройки обходятся гораздо дороже смѣтъ; тутъ было наоборотъ. Уже въ 1850 г. противъ смѣтъ Эриксономъ было сдѣлано около 100,000 экономіи, и всѣ работы произведены всего лишь въ теченіи 11-ти лѣтъ, съ 1845—1856 г.

Каналъ беретъ начало на южномъ берегу озера Саймы, въ 7-ми верстахъ къ востоку отъ Вильманштранда, у деревни *Лауритсала*, и черезъ проливъ *Ливо-ла-кеальми* входитъ въ Выборгскій заливъ. Главное направленіе всей системы канала южное, отклоняющееся сначала къ юго-востоку, а потомъ къ юго-западу. Каналъ проходитъ 6 довольно большихъ озеръ: — *Нуйяма-ярви Пелли-ярви, Лієтти-ярви, Регсти-ярви, Сарки-ярви, Юстела-ярви*,—и пересѣкаетъ нѣсколько разъ рѣку *Соскуонъ-іокки*. Благодаря этой системѣ соединія канала съ озерами, въ немъ могутъ ходить въ одно время и суда и пароходы; суда расходятся въ озерахъ или въ болѣе широкихъ мѣстахъ канала. Для предупрежденія опасности, могущей произойти отъ встрѣчи судовъ въ узкихъ мѣстахъ канала, въ извѣстныхъ пунктахъ выбрасываются условные флаги, по которымъ суда узнаютъ какъ направить свой путь. При акуратности и всегдашней трезвости финновъ, тутъ нечего опасаться несчастныхъ случаевъ: знакъ навѣрное будетъ выставленъ во-время и на мѣстѣ. Всѣ работы на каналѣ и шлюзахъ исполняются съ удивительной точностью и вниманіемъ. Сторожевые бѣленькіе домики, незатѣйливой постройки, и все вокругъ нихъ—блещетъ чистотой. На нашей картинѣ видно, какъ пароходъ проходитъ шлюзы. Теперь онъ въ верхнемъ шлюзѣ, но вотъ сейчасъ отворятъ ворота, вода начнетъ медленно переливаться въ слѣдующее отдѣленіе; сначала пароходъ, вмѣстѣ съ убылью воды, опускается все ниже и ниже: потомъ, по мѣрѣ того какъ наполняется шлюзъ—и онъ подымается и переходитъ въ слѣдующій бассейнъ. Точно такимъ же образомъ переправляютъ черезъ шлюзы и прочія суда, нагруженныя преимущественно лѣснымъ матеріаломъ, а иногда желѣзомъ и масломъ. Суда идутъ съ этимъ грузомъ изъ сѣверной Финляндіи въ Выборгъ и Петербургъ, а возвращаются назадъ съ хлѣбомъ и солью.

До прорытія канала внутренніе губерніи Финляндіи не имѣли торговаго сообщенія съ моремъ. Пороги на Кюмени и Иматра на Воксѣ запирали выходъ какъ въ Финскій заливъ, такъ и въ Ладожское озеро. Между тѣмъ, страна богата хорошимъ строевымъ лѣсомъ, который изстари составлялъ весьма прибыльную статью торговли,—и постоянно нуждается въ привозѣ хлѣба и соли. До сооруженія канала, товары шли водою только до Вильманштранда, а оттуда перевозились на пространствѣ 50 верстъ горными дорогами до Выборга, оттуда снова перегружались на суда для отправки въ Петербургъ или заграницу. Такимъ же точно способомъ доставлялись товары во внутреннюю Финляндію. Подобная перевозка товаровъ поглащала очень много времени и вдвое подымала цѣны на товаръ. Съ прорытіемъ же Сайменскаго канала открывалось непрерывное судоходство на протяженіи слишкомъ 1000 верстъ, считая этотъ путь отъ самаго сѣвернаго берега озера Саймы до Петербурга. Торговля Финляндіи оживилась; тысячи рукъ нашли себѣ работу, это подняло общее благосостояніе страны. Въ настоящее время, есть предположеніе продлить каналъ въ сѣверномъ направленіи,—и какъ слышно, если только эти слухи вѣрны, его намѣрены довести до самаго важнаго сѣвернаго пункта Финляндіи, т. е. до Улеаборга.

Многіе изъ нашихъ читателей, съ наступленіемъ лѣта, вѣроятно дѣлаютъ планы различныхъ поѣздокъ туда и сюда. Финляндская желѣзная дорога съ каждымъ годомъ болѣе и болѣе привлекаетъ туристовъ въ страну близкую къ полюсу, «сосѣднюю Гиперборейскому морю». Большею частію поѣздки эти ограничиваются Иматрою, но мы совѣтовали бы всѣмъ проѣхаться еще 32 версты до станціи *Лауритсала*, гдѣ начинается Сайменскій каналъ. Дорога въ высшей степени живописна, хотя не оживлена памятниками человѣческой жизни и дѣятельности; но тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе, когда посреди этого безлюдья, посреди лабиринта скалъ и лѣсовъ, вдругъ является одно изъ самыхъ гигантскихъ созданій человѣческаго генія. Это первый памятникъ человѣка въ Финляндіи, но такой, который никогда не перестанетъ возбуждать удивленіе въ потомствѣ.

Уже за 25 верстъ до станціи Лауритсала, начинаетъ показываться изъ-за лѣса озеро Сайма, а если подняться на гору, то открывается самый обширный и великолѣпный видъ на озеро. Вдали виднѣется необозримое зеркало озера со множествомъ лѣсистыхъ острововъ, съ высокими крутыми берегами, поросшими густымъ лѣсомъ, изъ-за котораго выглядываютъ лысины обнаженныхъ гранитныхъ утесовъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ канала, эти грозные черные утесы какъ будто висятъ надъ нимъ, образуя по обѣимъ его сторонамъ отвѣсныя гранитныя стѣны, которыя кажется грозятъ ежеминутнымъ паденіемъ. Судно идетъ здѣсь точно въ какомъ-то подземномъ туннелѣ. Затѣмъ картина мѣняется: съ отлогихъ береговъ открывается живописная даль лѣсовъ и горъ; дальше каналъ входитъ въ обширное озеро или пересѣкаетъ рѣку. Переправа черезъ шлюзы съ зубчатыми колесами и воротами возбуждаетъ обыкновенно большое любопытство, особенно

Библиотека "Руниверс"

въ тѣхъ, кому приходится дѣлать такого рода путешествіе въ первый разъ. Отъ грозныхъ скалъ, взоръ падаетъ на легкіе рѣзные чугунные мосты, переброшенные черезъ каналъ, на великолѣпную гранитную набережную и гранитный тротуаръ для бичевника, тамъ гдѣ нѣкогда была одна сплошная гора гранита, и вездѣ его поражаетъ громадность труда и необыкновенное торжество человѣка надъ природою.

Павлинъ.

Разсказъ Н. С. Лѣскова (Стебницкаго).

Я былъ участникомъ въ небольшомъ нарушеніи строгаго монастырскаго обычая на Валаамѣ. На этой суровой скалѣ не любятъ праздныхъ прогулокъ: откуда бы ни приплылъ сюда далекій посѣтитель и какъ бы ни велико было въ немъ желаніе познакомиться съ островомъ, онъ не можетъ доставить себѣ этого огромнаго удовольствія, — говорю *огромнаго*, потому что островъ по истинѣ прекрасенъ и грандіозныя картины его восхитительны. На Валаамѣ за обычай всякій паломникъ подчиняется *послушанію*: онъ долженъ ходить въ церковь, молиться, трапезовать, потомъ трудиться, и наконецъ отдыхать. На прогулки и обозрѣванія здѣсь не разсчитано; но однако мнѣ, въ сообществѣ трехъ мужчинъ и двухъ дамъ, удалось обойдти въ одну ночь весь островъ—и запечатлѣть навсегда въ памяти дивную картину, которую представляютъ при блѣдномъ полусвѣтѣ лѣтней сѣверной ночи дикія скалы, темныя урочища и тихіе скиты русскаго Аѳона. Особенно хороши эти скиты, съ ихъ непробудною тишью, и изъ нихъ особенно поражаетъ скитъ Предтечи на островкѣ Серничанѣ. Здѣсь живутъ пустынники, для которыхъ суровость общей валаамской жизни кажется недостаточною: они удаляются въ Предтеченскій скитъ, гдѣ начальство обители бережетъ ихъ покой отъ всякаго нашествія мірскаго человѣка. Здѣсь теплятъ свои лампады люди умершіе міру но неустанно молящіеся за міръ: здѣсь вѣчный постъ, молчанье и молитва.

Не зная направленія валаамскихъ тропинокъ, мы подошли къ проливу, отдѣляющему островокъ Серничанъ отъ главнаго острова, неожиданно,—и плѣнясь густыми папортниками, которыми заросла здѣшняя котловина, сѣли отдохнуть и заговорили о людяхъ избравшихъ это глухое уединеніе мѣстомъ для своей молитвенной и созерцательной жизни.

— Какіе это люди, съ какими силами и съ какимъ прошлымъ приходятъ они сюда, чтобъ погребсти себя здѣсь заживо? воскликнулъ одинъ изъ нашихъ собесѣдниковъ.—Я ни какъ не могу иначе думать, что это должны быть какіе-то титаны и богатыри духа.

— Да, и вы правы, отвѣчалъ другой:—это богатыри, но только богатыри мощные нищетою. Это зерна, которые уже *прозябли* и пошли въ ростъ.

— А пока они прозябли?

Собесѣдникъ улыбнулся и отвѣтилъ:

— Пока они прозябли... они лежали при дорогахъ, глохли подъ терніемъ и погибали, какъ вы и я и цѣлый свѣтъ, пока вѣтеръ схватилъ ихъ и бросилъ на добрую почву.

— Вы говорите такъ, какъ будто вы знали кого нибудь изъ людей имѣвшихъ силу погребсти себя заживо въ этихъ дебряхъ.

— Да, мнѣ кажется, что я дѣйствительно зналъ такого человѣка.

— Онъ былъ уменъ?

— Да.

— И разсудителенъ?

— Гм!.. да. А впрочемъ я о немъ судить не берусь, но я его любилъ и очень уважаю его память.

— А онъ уже умеръ?

— Да.

— Здѣсь?

— Неподалеку, отвѣтилъ снова тихо улыбнувшись собесѣдникъ.

— Жизнь такого человѣка всегда способна возбуждать во мнѣ большой интересъ.

— И во мнѣ, и во мнѣ тоже, подхватили другіе.

Дамы интересовалися еще болѣе мужчинъ—и одна изъ нихъ, красивая блондинка съ чорными глазами, обратясь къ этому нашему попутчику, сказала:

— Знаете ли, что вы сдѣлали бы намъ чрезвычайно большое одолженіе, если бы здѣсь же, въ тиши этой дебри гдѣ мы такъ неожиданно очутились, разсказали намъ исторію извѣстнаго вамъ отшельника.

Другая дама и всѣ мы присоединились къ этой просьбѣ—и тотъ къ кому она относилась согласился ее исполнить и началъ:

I.

Назадъ тому лѣтъ двадцать, когда я былъ школяромъ и ходилъ въ одну изъ петербургскихъ гимназій, мы съ покойницей моей матушкой и ея сестрою, а моею теткой Ольгой Петровной, жили въ домѣ моей другой богатой тетки по отцу. Хотя этой послѣдней теперь уже нѣтъ въ живыхъ, но я все таки не выдамъ ея настоящаго имени и назову ее Анной Львовной. Домъ ея стоитъ и теперь на томъ же мѣстѣ, на которомъ стоялъ; но только тогда онъ былъ извѣстенъ какъ одинъ изъ большихъ на всей улицѣ, а нынче онъ тамъ одинъ изъ маленькихъ. Громадныя новѣйшія постройки его задавили—и на него ни кто болѣе не указываетъ, какъ было въ то время съ котораго начинается моя исторія.

Начавъ свой разсказъ не съ людей, а съ дома, я уже долженъ быть послѣдователенъ и разсказать вамъ, что это былъ за домъ; а онъ былъ домъ страшный—и страшный во многихъ отношеніяхъ. Онъ былъ каменный, трехэтажный и съ тремя дворами, уходившими одинъ за другой внутрь и обстроенными со всѣхъ сторонъ ровными трехэтажными корпусами. Видъ его былъ мрачный, сѣрый, почти тюрем-

Библиотека "Руниверс"

ный. Впечатлѣніе производимое имъ было самое тягостное. Домъ этотъ составлялъ часть приданаго моей тетки, когда она выходила замужъ за своего не совсѣмъ далекаго родственника, очень много обѣщавшаго, въ свое время блестящаго, свѣтскаго молодаго человѣка, который впрочемъ кончилъ тѣмъ, что необыкновенно проворно спустилъ все незначительное свое и значительное женино состояніе и протянулъ руки къ остаткамъ ея приданаго, т. е. къ этому дому. Такое поползновеніе мужъ моей тетки обнаружилъ въ Парижѣ, гдѣ супруги въ то время жили и гдѣ Анна Львовна думала, что она блистаетъ красотою и можетъ удивить ею весь свѣтъ — если бы только на глазахъ у этого свѣта не мелькала какая-то дама полусвѣта, съ которою борьба была неудобна, да и невозможна, потому что роскошь сей послѣдней была до того баснословна, что самыя солидныя дамы интересовались: откуда все это берется у этой куртизанки? Интересовалась вѣроятно этимъ и моя тетушка Анна Львовна и получила отъ своего мужа въ отвѣтъ, что завидное положеніе проходимки зависитъ отъ щедрости какого-то разбогатѣвшаго въ индѣйской компаніи англичанина; но вскорѣ оказалось, что все это вздоръ и что богачъ англичанинъ былъ ни кто иной какъ самъ супругъ моей тетушки, самымъ неосмотрительнымъ образомъ распорядившійся ея состояніемъ въ пользу этой темной звѣзды. Увлеченіе его зашло такъ далеко, что у нихъ не осталось ни чего кромѣ петербургскаго дома, о которомъ я говорю. Узнавъ объ этомъ тетка Анна Львовна побѣсновалась, порыдала, а потомъ взялась за умъ и проявила не только большую силу характера но даже и порядочную долю жестокосердія: она уничтожила формальнымъ порядкомъ свои довѣренности на имя мужа—и бросивъ его въ Парижѣ на жертву кредиторамъ, укатила назадъ въ Россію и поселилась въ своемъ домѣ. Домъ этотъ давалъ изрядный доходъ, такъ что тетка могла безнуждно жить этими средствами и воспитывать сына Вольдемара, или по домашнему Додю. Мужу она ничего не посылала и никогда о немъ не говорила: такъ онъ гдѣ-то пропадалъ и наконецъ совсѣмъ пропалъ заграницею въ полной безвѣстности. Одни говорили, что онъ умеръ гдѣ-то въ долговой тюрьмѣ; другіе увѣряли, что онъ служилъ въ должности крупьэ въ какомъ-то игорномъ домѣ. Но это для насъ все равно. Тетка Анна Львовна къ тому времени когда я ее узналъ была женщина лѣтъ сорока пяти; она еще сохраняла слѣды довольно замѣчательной, хотя самой непріятной, сухой и жесткой красоты составляющей принадлежность женщины русскаго бомонда. Анна Львовна жила въ своемъ домѣ, занимая половину прекраснаго бельэтажа. Это было большое помѣщеніе, которое давало тетушкѣ возможность жить какъ должно большой дамѣ, при томъ дамѣ строгой и солидной, какою она слыла у огромнаго числа посѣщавшихъ ее высокопоставленныхъ людей. Она любила немножко рисоваться своимъ положеніемъ, жаловалась при случаѣ на свою беззащитность и ограниченность вдовьихъ средствъ—и превосходно обдѣлывала свои дѣла. Благодаря ея связямъ и ловкости, воспитаніе сына ей ничего не стоило, она кромѣ того какимъ-то образомъ исходатайствовала себѣ очень порядочную субсидію за «безпримѣрное несчастіе», а доходы съ дома копила. Анна Львовна была женщина очень разсчетливая и, по правдѣ сказать, весьма безсердечная, что вы я думаю можете отчасти заключить изъ ея поступка съ мужемъ, которому она никогда не простила его вины и не помогла ему въ его бѣдственномъ положеніи ни однимъ грошемъ. Въ домѣ тетки всѣ ее боялись и трепетали: я это зналъ отлично, потому что живучи въ одномъ изъ флигелей ея дома я могъ наблюдать какъ на нее смотрѣли люди. У тетки не было управляющаго: она сама завѣдывала домомъ, и была госпожею строжайшею и немилосерднѣйшею. У нея былъ порядокъ, что всѣ жильцы должны были платить ей за квартиры за мѣсяцъ впередъ—и если кто не платилъ одинъ день, тому сейчасъ же выставляли окна и черезъ два дня вышвыривали жильца вонъ. Льготы и снисхожденія не оказывалось ни кому—и ихъ ни кто изъ жильцовъ не пытался добиться, потому что всѣ знали, что это было бы напрасно. Тетка правила мудро: она сама была для жильцовъ никогда невидима и къ ней ни кого изъ нихъ не допускали, ни подъ какимъ предлогомъ,—она только отдавала приказанія, и немилостивыя приказанія эти приводились въ исполненіе. Говорили, что въ исполненіи этихъ приказаній никогда не допускалось ни малѣйшей поблажки,—но тетка все таки находила, что исполнители ея воли дѣйствовали еще довольно слабо и перемѣнила многихъ изъ нихъ, пока не нашла наконецъ одного, который вполнѣ удовлетворялъ ея немилосердой строгости. Этотъ замѣчательный человѣкъ былъ швейцаръ Павлинъ Петровъ, по фамиліи Пѣвуновъ, или попросту, какъ его звали, *Павлинъ*.—Рекомендую этого человѣка особенному вашему вниманію, потому что не смотря на его скромное положеніе онъ будетъ героемъ начатаго вамъ разсказа. Поэтому же самому я и опишу его вамъ нѣсколько подробнѣе и разскажу: какъ мы лично имѣли удовольствіе познакомиться съ этимъ антикомъ въ пестрой ливреѣ.

II.

Когда мы съ матушкою поселились въ маленькой квартиркѣ одного изъ флигелей второго двора теткинаго дома, Павлинъ Пѣвуновъ уже лѣтъ шесть состоялъ у нея въ должности швейцара и считался преданнѣйшимъ ей человѣкомъ и, что называется, ея правою рукою. Насчетъ безграничнаго довѣрія Анны Львовны къ Павлину и еще болѣе насчетъ того что онъ жилъ у нее безсмѣнно много лѣтъ, тогда какъ до него ни кто изъ людей у нея не уживался, по дому ходили даже разные нелѣпые толки, основанные на самыхъ глупыхъ выводахъ и болѣе всего на томъ, что Павлинъ по мнѣнію многихъ былъ красавецъ. Опишу вамъ наружность Павлина въ ту пору его жизни, какъ я его зналъ. Ему въ то время было лѣтъ съ небольшимъ за сорокъ, онъ былъ мужчина высокій, плотный и очень стройный; свѣтлый

Библиотека "Руниверс"

Послѣдній привѣтъ христіанской мученицѣ на аренѣ. Рисунокъ и композиція Г. Макса, грав. О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

блондинъ, съ большими, очень пріятными сѣрыми глазами, прекраснымъ умнымъ лбомъ, замѣчательною строгостію въ лицѣ и достоинствомъ въ движеніяхъ и во всей его въ глаза бросавшейся многозначительной позитурѣ. Можно держать какое угодно пари, что ни въ одной изъ столицъ Европы не было и нѣтъ швейцара импозантнѣе Павлина. Я думаю, что онъ былъ бы еще важнѣе въ какой нибудь другой, болѣе важной, не швейцарской ливреѣ; но однако и этотъ пестрый уборъ шолъ къ нему чрезвычайно. Въ разшитомъ галунами, длинномъ ярко-синемъ сюртукѣ съ капюшономъ, въ широкой убранной галуномъ перевязи, въ трехугольной шляпѣ и съ блестящею вызолоченою булавою въ рукахъ, Павлинъ былъ настоящій *павлинъ*, и при томъ самый нарядный павлинъ, способный поспорить съ наилучшимъ экземпляромъ щеголеватой птицы передѣланной Юноною изъ Аргуса. По этой представительности Павлинъ могъ бы получить мѣсто швейцара въ любомъ изъ клубовъ, или при какомъ нибудь изъ самыхъ блестящихъ посольствъ, но Павлинъ за этимъ не гнался и служилъ въ довольно скромномъ и буржуазномъ домѣ моей тетки. Сюда онъ поступилъ на первое мѣсто въ Петербургѣ, а мѣнять мѣста было не въ его правилахъ. Павлинъ у тетушки содержался не въ особой холѣ и по обычаю буржуазныхъ домовъ несъ на себѣ нѣсколько обязанностей. Павлинъ былъ тетушкинъ Аргусъ: при его содѣйствіи она могла знать все что только желала. Онъ кажется видѣлъ весь домъ сквозь его каменныя стѣны и зналъ, что дѣлается въ самыхъ сокровенныхъ его закоулкахъ,—и это для всѣхъ было тѣмъ удивительнѣе, что Павлинъ не имѣлъ во всемъ домѣ ни съ кѣмъ изъ прислуги ни какихъ сношеній. Онъ былъ очень гордъ и важенъ не только съ вида, но и по характеру—самоуважающему, твердому и даже надменному. Павлинъ жилъ въ небольшой, но очень чисто содержимой имъ комнатѣ, скрытой за колонадою просторнаго параднаго антре, гдѣ на небольшомъ возвышеніи между двухъ колоннъ стоялъ его тронъ, старинное черное кресло съ мѣднымъ дракономъ на высокой спинкѣ. Съ тѣхъ поръ какъ Павлинъ поселился въ своей комнатѣ, у него не былъ ни кто изъ постороннихъ людей и ни кому не было извѣстно, что тамъ у него за убранство. Два выходившія на улицу окна клѣтки Павлина были всегда задернуты чистою кисеею, на нихъ стояли горшки съ цвѣтами—и если кому доводилось заглянуть въ эти окна вечеромъ, когда комната освѣщалась изнутри горѣвшею передъ образникомъ лампадою, то тотъ могъ только видѣть верхъ очень чистыхъ, густою голубою краскою выкрашенныхъ стѣнъ и ширмы; а болѣе ничего невозможно было разсмотрѣть. Комната постоянно была заперта и ключь отъ ея маленькой двери всегда былъ у Павлина въ карманѣ. Досужихъ людей, которые подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ пытались проникнуть въ покой Павлина, онъ не допускалъ до этого самымъ рѣшительнымъ и безцеремоннымъ образомъ, такъ что его наконецъ всѣ оставили и ни кто въ гости къ нему не порывался. Что такъ тщательно хранилъ Павлинъ въ своей вѣчно-запертой комнатѣ? этого ни кто не могъ отгадать, а такъ какъ нельзя же было оставить этого безъ объясненія, то учредившійся въ домѣ наблюдательный комитетъ за Павлиномъ открылъ, что онъ тоже чрезвычайно бережливъ, умѣренъ въ пищѣ и не пьетъ ничего кромѣ воды и молока,—по этому комитетъ объявилъ, что Павлинъ «молоканъ». Это всѣмъ очень понравилось и удовлетворило общественную пытливость насчетъ личности Павлина настолько что всѣ почили въ спокойной увѣренности, что Павлинъ *гордецъ по религіи*. Какъ во всякомъ вздорѣ есть своя доля истины, такъ было и здѣсь: Павлинъ дѣйствительно былъ заносчивъ и гордъ и не хотѣлъ допускать ни малѣйшаго сближенія съ собою ни кого изъ служащихъ людей. Оно и было понятно: онъ былъ поставленъ съ ними въ одну среду, но не имѣлъ съ ними ни чего общаго ни по уму, ни по характеру. Прошлое его было мало извѣстно: были слухи, что онъ изъ крѣпостныхъ людей, служилъ камердинеромъ у какого-то важнаго лица и лѣтъ пять тому назадъ откупился на волю, взнеся своему господину чуть ли не тысячу рублей серебромъ за одну свою гордую и суровую душу; но этимъ слухомъ не совсѣмъ довѣряли. Гораздо охотнѣе вѣрили чьей-то выдумкѣ, что Павлинъ ограбилъ почту, убилъ шесть почтальоновъ и потомъ добылъ себѣ фальшивую бумагу съ которою и живетъ въ швейцарахъ, храня въ своей запертой коморкѣ несмѣтныя сокровища ограбленной почты. Впрочемъ и это разумѣется разсказывали только стороною; самъ же Павлинъ никогда ни чего не говорилъ о своемъ прошломъ. Жизнь свою онъ провождалъ однообразно и разсчитано какъ часы: рано утромъ онъ появлялся въ антре, мелъ его и потомъ скрывался въ свою комнату, гдѣ пилъ чай или кофе изъ какого-то особаго самоварчика, котораго устройство и способъ кипяченія оставался для всѣхъ секретомъ и предметомъ неразъяснимаго любопытства. Затѣмъ Павлинъ выходилъ въ одной ливреѣ на лѣстницу и отправлялся къ тетушкѣ: тутъ у нихъ шолъ докладъ или бесѣда, по поводу которой ни кто ни чего достовѣрнаго не зналъ и всѣ сплетничали невѣроятный и невозможный вздоръ. Бесѣда длилась около часа и послѣ нее Павлинъ снова появлялся на лѣстницѣ, но уже не съ пустыми руками, а съ домовою книгою, которую клалъ на столъ подъ клеенку, надѣвалъ перевязь, бралъ въ руки булаву и отпиралъ двери подъѣзда. — Совершивъ эту церемонію, онъ садился въ широкое обитое краснымъ сафьяномъ кресло и начиналъ просматривать домовую квартирную книгу, дѣлая изъ нея крандашомъ отмѣтки въ особую тетрадку. Этимъ дѣломъ Павлинъ занимался до десяти. Съ послѣднимъ ударомъ десятаго часа онъ ставилъ къ колоннѣ булаву, смѣнялъ треугольную шляпу обшитою галуномъ фуражкою и въ этой полуформѣ выходилъ черезъ ворота на дворъ: мимоходомъ онъ молча ударялъ рукою въ дворницкую дверь, и когда оттуда на этотъ знакъ тотчасъ же выскакивали два рослые парня, одинъ съ

Библиотека "Руниверс"

топоромъ, другой съ молоткомъ и клещами, и оба ему низко кланялись, онъ отвѣчалъ имъ на ихъ привѣтствіе молчаливымъ поклономъ и шолъ далѣе. Дворники, вооруженные топоромъ и клещами, слѣдовали за нимъ молча и въ почтительномъ отдаленіи. Павлинъ направлялъ свои стопы туда, куда указывала ему раскрытая передъ нимъ на рукѣ квартирная книга.

Я вамъ едва ли съумѣю передать хотя слабую тѣнь того, что̀ такое производило на всѣхъ въ домѣ это утреннее шествіе Павлина по дому, въ сопровожденіи двухъ слѣдовавшихъ за нимъ ликторовъ. Изъ всѣхъ оконъ длинныхъ флигелей внутренняго двора, занимаемыхъ бѣдными жильцами, на Павлина устремлялись то злые, то презрительные, а чаще всего тревожные взоры; нерѣдко вслѣдъ ему слышались бранныя слова и ядовитыя насмѣшки, еще чаще проклятія и слезные вопли; Павлинъ не обращалъ ни на что на это никакого вниманія. Онъ совершалъ свое теченіе какъ планета въ ряду разчисленныхъ свѣтилъ по закону своего вращенія и неудостоивалъ ни какія заявленія ни гнѣва, ни сожалѣнія. Шествіе это выражаетъ, что Павлинъ идетъ собирать ежемѣсячную плату съ бѣдныхъ жильцовъ дробныхъ квартиръ, на которыя тетушка передѣлала всѣ внутренніе флигеля—въ томъ основательномъ разсчетѣ, что дробныя квартиры всегда приносятъ болѣе, чѣмъ крупныя, потому что они занимаются людьми бѣдными, которыхъ всегда болѣе, чѣмъ богатыхъ, и которые не претендуютъ ни на вкусъ, ни даже на чистоту. А почему это шествіе Павлина представлялось столь внушительнымъ и возбуждало столько ужаса, мы сейчасъ увидимъ, если послѣдуемъ за нимъ на одну изъ узкихъ темныхъ лѣстницъ, по которымъ онъ взбирается въ сопровожденіи своихъ ассистентовъ. Вотъ онъ останавливается у извѣстнаго ему нумера и звонитъ у двери; ему не скоро отворяютъ, но онъ терпѣливъ и не докучаетъ; онъ слышитъ какъ тамъ шушукаются, бѣгаютъ, что-то прячутъ и плачутъ—и все стоитъ, а потомъ звонитъ во второй разъ, не особенно сильно, но такъ внушительно, что болѣе не отпираться нельзя и двери нехотя отпираются. Павлинъ снимаетъ фуражку и спокойно входитъ въ нихъ со своею книгою, а сопровождающіе его люди между тѣмъ ждутъ на террасѣ. Если онъ минуты черезъ три выходитъ назадъ, то вы непремѣнно видите, что онъ кладетъ что-то за широкій обшлагъ своей пестрой ливреи. Это онъ прячетъ хозяйскія деньги и идетъ далѣе, въ другую квартиру для которой сегодняшній день есть тоже день очередной расплаты за мѣсяцъ впередъ. Дворники опять слѣдуютъ за нимъ по пятамъ съ топоромъ и клещами и ждутъ его *распоряженій*. Всѣ ждутъ этихъ распоряженій и всѣ молятъ Бога, чтобы ихъ не послѣдовало. Но что же это за распоряженія?.. А вотъ что: вотъ Павлинъ, выйдя изъ одной квартиры ничего за свой обшлагъ не спряталъ, а только кивнулъ головою, и сейчасъ же въ одномъ изъ оконъ этой квартиры появляются двѣ головы павлиновыхъ сопутниковъ; топоръ и клещи работаютъ съ неописанною быстротою и ловкостью рама исчезаетъ—и въ обезрамленное окно несется женскій крикъ и дѣтскій плачъ, а Павлинъ течетъ далѣе и теченіе его опять-гдѣ нибудь выражается изчезающею изъ окна рамою.. И опять крикъ и плачъ, и въ пустыя окна вырывается клубомъ незащищенная комнатная теплота, которую вымораживаемая бѣдность напрасно силится удержать и сберечь вывѣшиваемыми на рычагахъ и щоткахъ лохмотьями...

Чѣмъ далѣе вглубь дворовъ и чѣмъ выше этажи по лѣстницамъ, тѣмъ эти въ содраганіе приводящія распоряженія Павлина повторяются чаще. Я хотѣлъ было сказать «и тѣмъ рѣшительнѣе», но у Павлина ничего никогда не было мало-рѣшительно.

Обойдя всѣ двери, въ которыя ему надлежало въ этотъ день постучаться, онъ текъ обратнымъ теченіемъ, а дворники за нимъ несли выставленныя рамы, которыя Павлинъ собственною рукою запиралъ въ особый чуланъ у себя подъ лѣстницею и затѣмъ спокойно садился въ свое высокое кресло съ бронзовымъ дракономъ на спинкѣ и начиналъ читать *Пчолку* и другія газеты, которыя получались въ домѣ, проходя непремѣнно предварительно черезъ павлиновы руки. Это чтеніе повидимому очень его интересовало, и онъ занимался имъ во всѣ свои свободныя минуты. Просмотрѣвъ газеты и потомъ уже раздавъ ихъ подписчикамъ, Павлинъ брался за чтеніе книгъ, преимущественно или даже исключительно переводныхъ французскихъ романовъ, которыхъ впрочемъ онъ по гордости своей ни у кого не выпрашивалъ, а абонировался на нихъ въ библіотекѣ.

За этимъ занятіемъ, кромѣ посѣтителей, которымъ Павлинъ долженъ былъ оказать то или другое содѣйствіе по должности швейцара, за этимъ же занятіемъ его заставали другіе посѣтители, — это тѣ жильцы, квартиры которыхъ онъ подвергнулъ утромъ усиленной вентиляціи черезъ вынутыя рамы.

Если неисправный жилецъ приносилъ деньги, Павлинъ молча бралъ ихъ, отмѣчалъ въ книгѣ—и дергалъ звонокъ на который являлись дворники, и вынеся изъ чулана молча указанную имъ раму, отправлялись ее вставить. Если же жилецъ или жилица являлись съ жалобою, пенями или просьбою льготы, то опять молчаніе, звонокъ, дворники—и проситель выводится, не услыхавъ въ отвѣтъ на свои жалобы ни одного слова.

Такъ исполнялъ свою службу моей теткѣ ея знаменитый Павлинъ, съ которымъ потомъ съ самимъ судьба съиграла не менѣе знаменитую штуку, чѣмъ всѣ разъигранныя имъ съ жильцами теткина дома.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Христіанскіе мученики въ древнемъ Римѣ

Въ 107 году нашего лѣтосчиленія, императоръ *Траянъ*, во время своего похода противъ Армянъ и Пареянъ, посѣтилъ *Антіохію*, главный городъ римской Азіи и вторую колыбель христіанства. Въ то время во главѣ христіанской церкви стоялъ тамъ ученикъ апостола Іоанна, славный своими подвигами епископъ *Игнатій*. Пастырь этотъ, въ бурныя времена преслѣдованій Домиціана, собралъ вмѣстѣ всѣхъ христіанъ и самъ съумѣлъ избѣжать злодѣйскихъ рукъ язычниковъ. Теперь насталъ и его часъ, и онъ долженъ былъ запечатлѣть свою вѣру кровью.

Императоръ Траянъ, не смотря на свои высокія стремленія и многія достоинства, не умѣлъ оцѣнить новой религіи. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ старца, который за благочестіе былъ прозванъ *Θеодоромъ* (носящій въ себѣ Бога), и рѣзко спросилъ его: «Кто ты, злой демонъ, что ты такъ неустанно сопротивляешься моимъ повелѣніемъ?» Преподобный спокойно отвѣчалъ ему:—Никто не называетъ злымъ демономъ Θеодора. Демоны бѣгутъ отъ тѣхъ, кто служитъ Господу. — Что же это значитъ *Θеодоръ*? спросилъ императоръ. Преподобный отвѣчалъ:—Человѣкъ, который носитъ Бога въ своемъ сердцѣ.

— Значитъ, опять спросилъ его Траянъ,—ты носишь въ твоемъ сердцѣ того, что былъ распятъ на крестѣ?

— Да, твердо отвѣчалъ Игнатій,—потому что въ писаніи сказано: я поселюсь въ нихъ и буду жить въ нихъ.

Императоръ потерялъ терпѣніе. Гнѣвно произнесъ онъ свой приговоръ надъ епископомъ:

— Игнатій, высказавшій что онъ носитъ въ своемъ сердцѣ того, что былъ распятъ на крестѣ, приговаривается къ отправленію его связаннымъ въ Римъ, и къ отдачѣ его тамъ для удовольствія народа на растерзаніе дикимъ звѣрямъ.

Повелѣніе это было исполнено буквально. Исповѣдавшій свою вѣру старецъ сначала долженъ былъ здѣлать тяжелое путешествіе въ Римъ, свое дальнее мѣсто казни, чтобы тамъ, претерпѣть, *для удовольствія народа*, мученическую смерть.

Послѣ игръ гладіаторовъ, *звѣриныя травли* составляли въ то время любимое удовольствіе римскаго народа. Звѣрей травили и убивали, а также заставляли ихъ бороться или другъ съ другомъ или съ людьми. Сначала для этихъ ужасныхъ боевъ употреблялись только преступники и военноплѣнные; но впослѣдствіи, для этихъ игръ стали наниматься (какъ въ гладіаторы) охотники. Были цѣлыя семейства звѣриныхъ борцовъ, которые воспитывались въ особенныхъ школахъ. Домиціанъ, изъ числа четырехъ основанныхъ имъ императорскихъ школъ, одну назначилъ спеціально для образованія такихъ борцовъ.

Съ расширеніемъ римской имперіи и зрѣлища эти принимали все большіе и большіе размѣры; каждая новопокоренная земля посылала во всемірную столицу самыхъ рѣдкихъ своихъ и самыхъ дикихъ звѣрей. Когда покоритель Этоліи, Фульвій Нобиліоръ, въ 186 г. до Р. Х. устроилъ первую звѣриную травлю, въ ней участвовало уже много разнообразныхъ породъ львовъ и пантеръ, позднѣе къ этимъ звѣрямъ присоединились леопарды, гіены, медвѣди, слоны. Но зрѣлище не остановилось на этомъ; къ концу до-христіанской эры, передъ народомъ выводились звѣри, которыхъ до того знали въ Римѣ лишь по наслышкѣ и ловля которыхъ была сопряжена съ величайшими трудностями: сюда привозились нильскія чудовища крокодилъ и гиппопотамъ, носороги и жирафы, тигры и рыси.

Число собиравшихся звѣрей кажется почти невѣроятнымъ. При помпеевскихъ играхъ, какъ говорятъ историческія указанія, бывало по 18 слоновъ, 500—600 львовъ, 410 другихъ африканскихъ звѣрей; при играхъ императора Августа 400—500 медвѣдей и т. д. Звѣри, собиравшіеся въ тѣ времена въ Римѣ для одного какого нибудь праздника, могли бы въ наши дни наполнить зоологическіе сады всей Европы. Во время стодневнаго праднества, даннаго Титомъ въ честь открытія Флавійскаго амфитеатра въ 80 году по Р. Х., въ *одинъ* день было выведено 5000 дикихъ звѣрей, а въ теченіи всѣхъ празднествъ число всѣхъ убитыхъ звѣрей, ручныхъ и дикихъ, простиралось до 9000. Для этой цѣли императорскіе звѣринцы постоянно были наполнены рѣдкими и дорогими звѣрями, что стоило весьма значительныхъ суммъ; во всѣхъ концахъ великой имперіи, тысячи смѣлыхъ охотниковъ подвергали себя ужаснѣйшимъ опасностямъ, чтобы доставить требуемое число звѣрей.

Для того чтобы дать одинъ большой праздникъ съ той пышностью, къ какой привыкъ Римъ, разсказываютъ Фридлендеръ въ своей «исторіи нравовъ Рима»,—индусъ пускалъ своихъ ручныхъ слоновъ на охоту за дикими слонами; обитатели рейнскихъ береговъ разставляли сѣти въ болотистыхъ тростниковыхъ чащахъ, гдѣ строилъ свое жилище бобёръ; мавры гнались по пустынямъ за страусомъ и въ страшныхъ степяхъ Атласа подкарауливали въ ямахъ льва. Если эти опасныя охоты увѣнчивались успѣхомъ, то предстояла еще новая забота, какъ доставить на мѣсто пойманныхъ звѣрей. Тутъ начиналъ работать топоръ, визжала пила плотника, дымилось горнило кузницы, и страшныхъ плѣнниковъ запирали въ крѣпкія клѣтки съ надежными рѣшетками. Въ одномъ изъ стихотвореній Клавдіана описана такая звѣриная травля. Поэтъ заставляетъ самую Діану съ ея нимфами бѣгать по всѣмъ на свѣтѣ горамъ, лѣсамъ и пустынямъ. Результатъ этой охоты конечно таковъ, что тутъ недостаетъ плотниковъ, чтобы обтесать хоть однѣ балки для всѣхъ потребныхъ клѣтокъ; ихъ ужъ дѣлаютъ на скорую руку просто изъ буковыхъ и вязовыхъ стволовъ, зеленѣющихъ отъ оставшейся на нихъ листвы.

Транспортированіе звѣрей происходило частію моремъ, при чемъ корабли часто задерживались противнымъ вѣтромъ, до того что опаздывали пріѣхать ко времени, а нерѣдко и совсѣмъ погибали отъ бурь; частію—тяжелые экипажи съ клѣтками тянулись на волахъ сухимъ путемъ.

При громадныхъ растояніяхъ, какія надо было проходить этимъ обозамъ, они проводили иногда въ пути цѣлые мѣсяцы; во время переѣзда звѣри иногда погибали массами или приходили на мѣсто своего назначенія въ никуда не годномъ состояніи.

Звѣриныя травли начинались обыкновенно рано утромъ: носороговъ натравливали на слоновъ, медвѣдей на буйволовъ, тигровъ на медвѣдей и т. п. Природная свирѣпость этихъ звѣрей возбуждались еще искуственнымъ образомъ: ихъ раздражали свистомъ бича, уколами и прижиганьемъ калеными прутьями; обвѣшанныя яркими тряпками соломенныя чучела, которыя бросали передъ ними, приводили ихъ въ ярость; тогда они кидались на своихъ противниковъ и растерзывали ихъ на клочки. Къ этому присоединялись бои съ опытными, хорошо вооруженными охотниками, нападавшими на дикихъ звѣрей съ превосходно-дрессированными собаками. Бои быковъ также часто давались со временъ Цезаря.

Но ничто не доставляло испорченному народу такого удовольствія какъ *казни посредствомъ дикихъ звѣрей*. Иногда приговоренныхъ къ смерти привязывали къ столбамъ; такимъ образомъ они отдавались на жертву вполнѣ безоружными, иногда же имъ предоставлялось съ оружіемъ въ рукахъ вступать въ опасный бой. Но утонченная жестокость зрителей не довольствовалась этимъ... Публика требовала, чтобы кровавое зрѣлище имѣло пышную театральную обстановку. На декораціи и на машины поэтому не жалѣли денегъ: полъ арены, на которой происходили бои, лежалъ надъ крѣпкими нижними сводами, или подземельями, куда люди и звѣри могли попадать невидимо для зрителей. Такимъ образомъ всѣхъ дѣйствующихъ лицъ и участвующихъ звѣрей, можно было вдругъ изъ подъ земли вывести на сцену—и потомъ снова заставить ихъ исчезнуть. Казни превращались въ настоящія пантомимы! Актерами были приговоренные къ смерти преступники; ихъ учили этимъ представленіямъ; они выходили на сцену въ великолѣпныхъ затканыхъ золотомъ туникахъ и пурпуровыхъ мантіяхъ, но вдругъ изъ этихъ одеждъ выходилъ огонь, медленно сжигавшій несчастныхъ.

Библиотека "Руниверс"

Ягуаръ. Рисовалъ и гравировалъ Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

«Нѣтъ ни одной извѣстной изъ исторіи пытки или рода смерти», говоритъ Фридлендеръ, «которые бы не были представлены въ амфитеатрѣ для потѣхи народа. Тутъ представлялся пожираемый пламенемъ Геркулесъ, Муцій Сцевола держащій надъ жаровней съ угольями свою руку до тѣхъ поръ пока она не сгорѣла, Лореолусъ, герой одной извѣстной комедіи, висящій на крестѣ и разорванный дикими звѣрями. Въ другомъ представленіи, изъ подъ полу выходилъ будто изъ подземнаго міра Орфей; его игра околдовывала природу, скалы, деревья приближались къ нему, птицы порхали вокругъ него, множество звѣрей толпилось кругомъ, и комедія заканчивалась тѣмъ, что его раздиралъ медвѣдь.

Къ такой-то смерти былъ приговоренъ почтенный антіохійскій старецъ. По пріѣздѣ въ Римъ, онъ былъ немедленно переданъ префекту—и такъ какъ это были послѣдніе дни сатурналій и игры уже приближались къ концу, то его немедленно же повели въ великолѣпный флавійскій амфитеатръ, выстроенный Веспасіаномъ, колосальныя развалины котораго и теперь еще приводятъ насъ въ изумленіе. Амфитеатръ описывалъ не полукругъ, какъ греческій театръ, а полный кругъ, опоясывающій эллиптической формы арену. Созданіе Флавіана вмѣщало въ себѣ 86,000 народа, и въ настоящее представленіе въ немъ не было ни одного пустаго мѣста, начиная отъ самыхъ верхнихъ ярусовъ для рабочаго класса и кончая блестящими золотомъ, пурпуромъ и шелкомъ ложами богатыхъ патриціевъ и дворянъ.

Вся эта чуть не стотысячная толпа собралась позабавиться кровавой смертью беззащитнаго, невиннаго старца.

Пылающіе треножники съ курящимися аравійскими ароматами, соединенные между собой розовыми гирляндами, украшаютъ столбы и коллоны амфитеатра. Порталы убраны блестящимъ оружіемъ и латами. Остроумно-придуманныя машины бросаютъ вверхъ душистыя струи вина и шафранной воды. Великолѣпные сиракузскіе ковры свѣшиваются съ перилъ и креселъ патриціанскихъ ложъ, купая концы своихъ бахромъ въ бассейнахъ, въ которые льется вода изъ громадныхъ львиныхъ пастей. Бронзовыя статуи, яшмовыя и порфировыя коллоны, художественной работы вазы украшаютъ сцену.

Полъ арены покрытъ тщательно углаженнымъ пескомъ, который долженъ всасывать въ себя кровь казненныхъ; въ каналѣ, окружающемъ мѣсто боя, плаваютъ ручные носороги и крокодилъ; изъ подземелій слышится отъ времени до времени ревъ запертыхъ тамъ голодныхъ звѣрей. Но еще нетерпѣливѣе звучитъ ропотъ собравшейся толпы, ея крики и возгласы. Наконецъ двери тюрьмы открываются и передъ народомъ выходитъ *епископъ Игнатій* съ высокимъ спокойнымъ лбомъ, обрамленнымъ серебряными волосами. Хлопанье въ ладоши, радостные крики, топанье ногами, возбужденные его явленіемъ, не трогаютъ его. Твердо поднявъ взоръ къ небу, онъ восклицаетъ:—Я пшеничное зерно Господне; меня должны измолотъ зубы дикихъ звѣрей, для того чтобы изъ меня вышелъ чистый хлѣбъ Господень. «Звѣрей! звѣрей!» отвѣчаетъ на это дикій ревъ съ галлерей. Мученикъ преклоняетъ колѣна. Рѣшетки, защищающія вдѣланныя въ стѣны клѣтки, подымаются; выскакиваютъ два льва, и въ нѣсколько минутъ страдалецъ разорванъ на клочки. Отъ него остаются только самыя большія кости. Его друзья собрали ихъ и отвезли въ Антіохію, чтобы похоронить ихъ на мѣстѣ дѣятельности пастыря.

Жертвами дикихъ звѣрей бывали и *женщины*, какъ матери, такъ и молодыя нѣжныя дѣвушки, — и картина, послужившая поводомъ для настоящаго очерка, вовсе не есть плодъ фантазіи художника. Во всѣхъ большихъ гоненіяхъ христіанъ—начиная отъ Нерона до Деція и Діоклетіана—*женщины* являлись энергическими поборницами вѣры, и можетъ быть не мало способствовали ея побѣдѣ. Между многочисленными мученицами, особенно выдается образъ римлянки *Фелицитаты*, которая, въ царствованіе Марка Аврелія, вмѣстѣ съ своими семью сыновьями радостно шла на на смерть; въ діоклетіановскомъ гоненіи упоминается о другой римлянкѣ, *Агнесѣ*, которая приняла казнь будучи всего 13 лѣтъ отъ роду; нельзя не вспомнить также геройскую мученицу *Бландину* изъ Лугдунума (Ліона), вступившую въ амфитеатръ съ торжествующей радостью, будто идя подъ вѣнецъ а не на растерзаніе дикимъ звѣрямъ. Языческій ораторъ Вибаніусъ справедливо восклицалъ: «Что за удивительныя женщины есть между христіанами!» Ужасающая сцена, представленная на нашей картинѣ, должна конечно запечатлѣть въ сердцѣ память объ этихъ мученицахъ, дошли ли ихъ имена до потомства, или нѣтъ. Что означаетъ брошенная на полъ роза и обращенный кверху взглядъ мученицы? Бросилъ ли эту розу молодой патрицій, пораженный твердостью и мужествомъ молодой женщины, или не было ли это знакомъ сочувствія тайнаго единовѣрца. Во всякомъ случаѣ это отвлекло ея взглядъ отъ медленно приближающейся и озирающей свою добычу тигрицы. Хотя мученица знаетъ лучшее и болѣе высокое утѣшеніе, чѣмъ можетъ ей дать брошенный цвѣтокъ, но пусть этотъ привѣтъ сочувствующей души порадуетъ и подкрѣпитъ ее до встрѣчи съ ужасной смертью!

Ягуаръ.

Между красивыми членами кошачьяго семейства, въ родѣ леопардовъ или пантерныхъ кошекъ, заключается самое ужасное и хищное животное новаго свѣта — ягуаръ или унце (Leopardus Onza).

Ягуаръ больше всѣхъ другихъ членовъ этой группы и лучше всѣхъ разрисованъ. По своей величинѣ онъ стоитъ не могъ ниже тигра и превосходитъ всѣхъ другихъ членовъ этого семейства, разумѣется за исключеніемъ льва.—Его тѣлосложеніе выражаетъ болѣе силу чѣмъ ловкость, но при всемъ томъ онъ статенъ и величественъ. Вполнѣ взрослый ягуаръ длиною безъ хвоста болѣе 4 футовъ, съ хвостомъ-же около 7, вышиною въ загривкѣ около 2½ футовъ. Мѣхъ короткій, густой, блестящій и мягкій, на горлѣ, нижней части шеи, груди и животѣ длиннѣе чѣмъ на остальномъ тѣлѣ. Цвѣтъ мѣха значительно измѣняется, какъ въ основномъ цвѣтѣ, такъ и въ рисункѣ пятенъ. Первый у большей части красновато-желтый, за исключеніемъ внутренности ушей, нижней части рыла, челюстей, горла и прочихъ нижнихъ частей, а такъ же и внутренней стороны ногъ, гдѣ онъ бѣлый. Весь мѣхъ покрытъ частью маленькими, черными, круглыми, длиноватыми или не правильными пятнами, частью большими кольцами, которыя въ срединѣ имѣютъ одно или два черныхъ пятна.

Самка ягуара бываетъ обыкновенно нѣсколько блѣднѣе цвѣтомъ и имѣетъ менѣе кольцевидныхъ пятенъ.

Отечество ягуара занимаетъ большое пространство; именно: отъ Парагвая черезъ всю Южную Америку частью до Сѣверныхъ Соединенныхъ Штатовъ. Всего чаще онъ встрѣчается въ умѣренныхъ частяхъ южной Америки, всего рѣже въ Соединенныхъ Штатахъ, гдѣ приняты весьма дѣятельныя мѣры къ его уничтоженію. Живетъ ягуаръ по лѣснымъ берегамъ ручьевъ, рѣкъ и озеръ, по опушкамъ лѣсовъ, лежащихъ недалеко отъ болотъ и въ болотистыхъ странахъ, гдѣ растутъ травы и камыши, саженной высоты. На открытомъ полѣ и во внутренности лѣсовъ онъ встрѣчается рѣже—и только въ томъ случаѣ, если переходитъ изъ одной мѣстности въ другую. Онъ не имѣетъ опредѣленнаго логовища и не устраиваетъ себѣ берлоги, а напротивъ гдѣ его застанетъ солнце—тамъ и ложится, въ чащѣ лѣса или въ высокой травѣ и камышахъ. — На грабежъ онъ выходитъ въ утреннія или вечернія сумерки, а также при свѣтломъ мѣсяцѣ, но никогда днемъ или въ темную ночь.

Пищу ягуара составляютъ всѣ животныя, съ которыми онъ можетъ совладать. Органы чувствъ у него остры и равномѣрно развиты. Его подвижные глаза отлично видятъ въ сумерки и ночью, и не выносятъ только сильнаго солнечнаго свѣта; слухъ превосходный; обоняніе-же, какъ и у всѣхъ кошекъ, не особенное, хотя все таки онъ на нѣкоторомъ растояніи отлично чуетъ свою добычу. Но кромѣ большихъ животныхъ ягуаръ часто подкрадывается къ болотной дичи, ловитъ мелкихъ животныхъ, и подобно нашей домашней кошкѣ иногда съ успѣхомъ занимается рыбною ловлею. — Кромѣ вышеупомянутыхъ животныхъ, ягуаръ съ удовольствіемъ пожираетъ и амфибій; такъ, онъ злѣйшій врагъ всѣхъ черепахъ и преслѣдуетъ ихъ по берегамъ рѣкъ, гдѣ они кладутъ яица. Онъ нападаетъ на нихъ на пескѣ, и чтобы удобнѣе съѣсть—перевертываетъ ихъ. Черепахи не могутъ снова сами повернуться,

Библиотека "Руниверс"

и такъ какъ ягуаръ перевертываетъ ихъ больше чѣмъ въ состояніи съѣсть, то индѣйцы часто пользуются его любезной предупредительностью и безъ труда подымаютъ приготовленныхъ ягуаромъ черепахъ.—Нельзя при этомъ не удивляться ловкости его когтей, съ которою онъ очищаетъ пойманную черепаху; онъ какъ будто бы хирургическимъ инструментомъ подрѣзываетъ связки мускуловъ и очищаетъ все находящееся въ панцырѣ мясо.

Охотясь, ягуаръ подобно змѣѣ тихо извиваясь по землѣ подкрадывается къ добычѣ—и если ему удалось подойти близко незамѣченнымъ, то однимъ, рѣдко двумя прыжками онъ бросается на добычу, прижимаетъ ее къ землѣ, перекусываетъ ей горло и еще бьющуюся въ предсмертныхъ судорогахъ относитъ въ чащу лѣса. Въ тотъ моментъ, когда онъ крадется за животнымъ, вниманіе его такъ сильно занято, что онъ вовсе не обращаетъ вниманія на то, что дѣлается вокругъ него, и не замѣчаетъ даже довольно сильнаго шума.

Въ стадахъ ягуары производятъ довольно часто значительный вредъ. Они преслѣдуютъ главнымъ образомъ молодой рогатый скотъ, лошадей и муловъ.

Убиваютъ они этихъ животныхъ совершенно особеннымъ образомъ. Прыгая на шею своей жертвы, ягуаръ запускаетъ ей въ затылокъ свой коготь и проламываетъ или прокусываетъ ей шею.—Лошади и мулы легко достаются ему въ добычу. Первыя еще иногда стараются спастись отъ него бѣгствомъ; зато вторые при видѣ ягуара приходятъ въ такой ужасъ и такъ теряются, что или не двигаются съ мѣста, оставаясь какъ бы окаменѣлыми, или даже падаютъ на землю, при его появленіи.

Ягуаръ еще не знакомый съ человѣкомъ при встрѣчѣ съ нимъ всегда почтительно уступаетъ ему дорогу или смотритъ на него съ любопытствомъ, но только издали,—такъ что не рѣдко случалось наталкиваясь на одного или на нѣсколькихъ ягуаровъ обращать ихъ въ бѣгство однимъ только появленіемъ человѣка. Еще не было случая, чтобы ягуаръ въ необитаемомъ лѣсу заѣлъ человѣка. Но тѣ ягуары, которые держатся въ населенныхъ мѣстностяхъ или по берегамъ судоходныхъ рѣкъ, скоро перестаютъ бояться человѣка и нападаютъ также и на него; если-же ягуаръ хоть разъ попробуетъ человѣческаго мяса, то оно становится его любимымъ блюдомъ; тогда онъ нападаетъ на людей не только при случайной встрѣчѣ, но даже съ жадностью ищетъ ихъ. Ежегодно повторяются случаи, какъ неосторожные корабельщики попадаются въ лапы этого звѣря. — Бываютъ случаи, что ягуары даже забираются ночью на суда приставшія къ берегу, воруютъ вывѣшенное мясо и собакъ, наносятъ матросамъ смертельныя раны и даже уволакиваютъ ихъ въ чащи лѣса.

Раны, которыя наноситъ ягуаръ, всегда въ высшей степени опасны—не только по своей величинѣ но и по своимъ свойствамъ.

Его зубы и когти вовсе не остры, такъ что, нанося рану, онъ раздавливаетъ и рветъ въ одно время. А въ тѣхъ жаркихъ странахъ, при совершенномъ отсутствіи медицинской помощи, обыкновеннымъ слѣдствіемъ подобныхъ ранъ бываетъ столбнякъ.

За тотъ страшный вредъ, который ягуаръ наноситъ въ населенныхъ странахъ, за нимъ охотятся и убиваютъ его всевозможными средствами.

Охота на этихъ звѣрей даетъ такой пріятный результатъ, достигаемый только послѣ многихъ опасностей и трудностей, что можетъ сдѣлаться настоящею страстью,—несмотря на то, что подобные охотники въ концѣ концовъ обыкновенно оканчиваютъ жизнь въ когтяхъ ягуара.

Но не смотря на то, что ягуаръ считается такимъ страшнымъ врагомъ какъ крупныхъ такъ и мелкихъ звѣрей и даже самаго человѣка, и у него есть враги, хотя и не большіе, но тѣмъ не менѣе опасные. Такъ напримѣръ, одному путешественнику пришлось видѣть какъ ягуаръ поймалъ антилопу и только что расположился пообѣдать, какъ подлѣ него явилась небольшая змѣйка, съ шипѣньемъ поднялась спирально, уставивъ свой пристальный взглядъ на ягуара.

Подобное сосѣдство повидимому было очень непріятно хищнику, онъ оскалилъ зубы, раскрылъ пасть, и лапой нанесъ сильный ударъ змѣѣ. Послѣдняя съ перешибленнымъ хребтомъ повалилась на землю, но сохранила въ себѣ еще настолько силы, что вцѣпилась своими острыми ядоносными зубами въ лапу своего убійцы. Первое время ягуаръ, какъ бы ничего не подозрѣвая, сталъ спокойно уплетать свою антилопу, какъ вдругъ тѣло его задергалось сильною судорогою—все чаще и чаще—и не болѣе какъ черезъ четверть часа онъ уже безъ дыханья растянулся между своими жертвами.

Междуцарствіе.

Борьба патріотовъ за Москву, занятую Поляками (1610—1612 г.).

(Окончаніе).

Въ началѣ 1612 г. московскіе бояре, провѣдавъ объ ополченіи, прислали въ Нижній грамоты съ увѣщаніемъ: присягнуть Владиславу и не стоять за Заруцкаго, уже явно заявлявшаго мнимыя права сына Марины на престолъ.

Съ своей стороны Заруцкій приступилъ къ дѣйствіямъ. Чтобы помѣшать соединиться ополченію Ярославскому съ Нижегородскимъ, атаманъ послалъ Просовѣцкаго захватить въ расплохъ Ярославль. Пожарскій отрядилъ туда своего двоюроднаго брата (кн. Дмитр. Петр. Лопату - Пожарскаго) и ему удалось предупредить клеврета атаманова. Узнавъ о неудачѣ кова, Заруцкій послалъ мнимое раскаяніе идущимъ патріотамъ и предложеніе стоять за одно противъ поляковъ. Чоглоковъ, посыльный Заруцкаго, встрѣтилъ Пожарскаго уже въ Решмѣ. Вождь велъ свои силы на Кострому, гдѣ сидѣлъ сторонникъ Владислава Иванъ Шереметевъ, не хотѣвшій пускать въ городъ Нижегородцевъ. Но съ приближеніемъ дружинъ патріотовъ, сторона друзей отечества перемогла и воевода погибъ бы безъ великодушнаго заступничества Пожарскаго. Не попавъ въ Ярославль, Просовѣцкой пошелъ къ Суздалю. Отрядивъ туда еще разъ Лопату, Пожарскій вступилъ въ Ярославль въ началѣ апрѣля и узналъ здѣсь изъ грамоты лаврской о попыткѣ Плещеева заставить подъ Москвою войско Трубецкаго присягнуть псковскому царику, тогда какъ тверская сторона и замосковскіе города ждали совѣта отъ нижегородскаго вождя и думали пристать къ его знамени. Трубецкой отъѣхалъ отъ Заруцкаго въ Лавру. Въ Москвѣ поляки и измѣнники уморили голодомъ доблестнаго Гермогена (17 февраля 1612 г.). Все было въ полномъ воодушевленіи, но прямо идти къ Москвѣ мѣшали Пожарскому невыгодно - сложившіяся обстоятельства: шведы стояли въ Тихвинѣ, а поляки владѣли Угличемъ и Пошехоньемъ. Нужно было поэтому обезопасить тылъ дружинамъ.

Въ это - то, для народнаго возстанія критическое время Пожарскій и писалъ къ Делагарди заявленіе, что на выборъ въ цари шведскаго королевича Филиппа земскіе люди соизволяютъ, если приметъ онъ православіе. Отвѣтъ, изъ Новгорода послѣдовалъ нерѣшительный, но Пожарскому только то и было нужно. Псковъ послушался воззванія нижегородскаго вождя и самозванецъ долженъ былъ бѣжать, а потомъ схваченъ и отвезенъ въ Москву (1 іюля). Лопатѣ Пожарскому принадлежитъ честь очищенья Углича отъ казаковъ и Пошехонья отъ поляковъ. Смутникъ Биркинъ въ Ярославлѣ потерялъ наконецъ авторитетъ свой и ушелъ, а другія распри утишены при соучастіи архіепископа Кирилла Ростовскаго. Вотъ что заставило медлить двинуть отсюда къ Москвѣ ополченіе. Да тутъ еще отъ Заруцкаго подосланный убійца бросился на Пожарскаго, но промахнулся и высказалъ со страха: кто виновникъ. Вождь даровалъ пощаду посягателю и не хотѣлъ распри съ посыльщикомъ, только остерегся стать рядомъ съ таборами Тушинскихъ бояръ.

Извѣстно было, что гетманъ Ходкевичъ идетъ къ Москвѣ съ значительными силами. Предупредить приходъ его казалось дѣломъ первой важности и дружины Пожарскаго, черезъ Троицкую лавру, поспѣшили къ Москвѣ. Дмитріевъ и Левашовъ—начальники передовыхъ отрядовъ, по повелѣнію вождя своего, пришли и заняли острожекъ у Петровскихъ воротъ. Князь Дмитрій Лопата съ Самсоновымъ стали у Тверскихъ. Злобный Заруцкій, видя что дѣло дѣлается не такъ, какъ онъ думалъ,—изливалъ злобу надъ пришедшими раньше нижегородцевъ ополченіями украйныхъ городовъ, не давая имъ мѣста расположиться. Пожарскій назначилъ имъ стоять у Никитскихъ воротъ Бѣлаго города. Дерзкій атаманъ уже совсѣмъ проявилъ враждебность, выславъ казаковъ противъ отряда Лопаты-Пожарскаго; но побѣдитель шаекъ углицкихъ справился и съ этимъ, прогналъ и разбилъ ихъ, занявъ и назначенное ему мѣсто съ боя. Видя и тутъ неудачу, да боясь уже и раздѣлки за всѣ смуты, атаманъ не сталъ дожидать прихода Пожарскаго а потянулся къ Коломнѣ—и тамъ переправясь черезъ

Библиотека "Руниверс"

Оку, сталъ опустошать рязанскій край. Въ это время и Трубецкой уже открылъ измѣну предводителя казаковъ, изъ числа которыхъ оставшіеся подъ Москвою послали отъ себя депутацію на послѣдній станъ Пожарскаго, при Троицкой лаврѣ. Приходъ сюда казаковъ, страшныхъ издали нижегородскимъ дружинникамъ, имѣлъ благой исходъ для ускоренія похода подъ Москву: Пожарскій ободрился, увѣрившись не въ полной враждебности къ себѣ своевольцевъ.

Наконецъ, вѣсть о скоромъ прибытіи Ходкевича ускорила выходъ отъ Лавры войскъ Пожарскаго. Августа 18-го, къ вечеру, дошли главныя силы нижегородцевъ до Яузы и здѣсь ночевали, а 19-го августа встрѣтилъ ихъ дружелюбно кн. Трубецкой, напрасно склонявшій Пожарскаго стать съ нимъ вмѣстѣ и съ казаками. Отказъ, да расположеніе въ острогѣ, на Арбатѣ, разсердилъ и боярина и казаковъ, поселивъ между ними и пришедшими дружинами холодность, чуть не враждебность. Но будемъ ли мы за эту осторожность,—хотя и вредившую общему дѣлу, можетъ быть въ началѣ,—сѣтовать на освободителя отечества? Въ живой памяти у всѣхъ была смерть Ляпунова.

При такихъ-то обстоятельствахъ получена вѣсть о приближеніи отъ Вязьмы Ходкевича (21 августа). Вечеромъ въ этотъ день гетманъ уже занималъ Поклонную гору. Пожарскій отошелъ къ Новодѣвичьему монастырю, на лѣвый берегъ Москвы рѣки. А на правомъ берегу ея, противъ крымскаго двора, сталъ кн. Трубецкой.

Увѣдомляя о своемъ здѣсь нахожденіи, вождь просилъ у Пожарскаго въ поддержку нѣсколькихъ конныхъ сотень. Пожарскій выбралъ пять лучшихъ—и послалъ къ нему, несмотря на то что самъ ожидалъ скорѣе на себя, чѣмъ на Трубецкаго, перваго нападенія гетмана.

Такъ и случилось. Съ разсвѣтомъ дня 22-го августа, Ходкевичъ переправился черезъ Москву рѣку подъ Новодѣвичьимъ монастыремъ и напалъ на дружины нижегородскія. Съ пяти часовъ утра до полудня мужественные патріоты отбивали отважныя аттаки опытнаго стратега, не смотря на превосходство силъ его. Каждое нападеніе заставляло отодвигаться русскихъ и уже дружины Пожарскаго придвинуты были къ оврагу и Чертольскимъ воротамъ. Здѣсь, сойдя съ коней уже, Нижегородцы стали отбивать наскоки конницы польской.

А Трубецкой, стоя на другомъ берегу, смотритъ холодно на затруднительность соперника. Казаки же вслухъ кричатъ на отбивавшихся защитниковъ родины: «богаты пришли изъ Ярославля, отстоятся и одни отъ гетмана!»

Видя эту умышленную низость, сотни Пожарскаго не выдержали: бросились въ плавь и своимъ великодушнымъ порывомъ увлекли еще четырехъ атамановъ казацкихъ, въ которыхъ пробудилась совѣсть дремавшая въ тушинскомъ бояринѣ. — «Отъ твоей вражды не погибать же московскому государству, да ратнымъ людямъ»! крикнули они Трубецкому, бросаясь въ рѣку, за нижегородцами.

Появленіе свѣжихъ силъ на мѣстѣ боя, рѣшило дѣло. Гетманъ ушелъ на Поклонную гору, а поляки сдѣлавшіе — но уже поздно—вылазку изъ Кремля, были побиты дружинами русскими у Водяныхъ воротъ.

Наступила ночь. Ходкевичъ задумалъ ввести въ Кремль обозъ съ провіантомъ, въ 400 возовъ. Все шло казалось удачно. Измѣнникъ, нашъ же, Орловъ Григорій, показывалъ дорогу. Подошелъ къ Китаю уже и отрядъ, служившій эскортомъ, вступилъ въ открытыя тихонько ворота, но вдругъ изъ засады поднялись русскіе—и отбили возы.

Поляки на слѣдующій день сдѣлали изъ Китая напускъ въ Замоскворѣчье и укрѣпились подлѣ Бальчуга, у церкви Георгія на Ѣндовѣ, съ колокольни вывѣсивъ польское знамя. Ходкевичъ рѣшился пробиться сюда и подать соотчичамъ руку помощи. Гетманъ думалъ, что; напавъ на Трубецкаго, на кануиѣ оставившаго нижегородцевъ, съ ихъ стороны не найдетъ онъ тоже помощниковъ Тушинскому боярину. Вышло напротивъ. При вѣсти о нападеніи на Трубецкаго, Пожарскій съ большею частью силъ своихъ явился на выручку соперника и не далъ гетману одержать поверхность. На слѣдующій день (24 августа) загремѣлъ отчаянный бой, длившійся съ разсвѣта почти до полудня. Бился и выдерживалъ натиски непріятеля за Москвою-рѣкой одинъ Пожарскій. Трубецкой поспѣшилъ переправиться въ свои таборы. Острожекъ у церкви Климента на Пятницкой остался во власти поляковъ, но казаки, устыдясь того, что на церковь православную вывѣсили враги знамена свои—ударили дружно и прогнали ляховъ. Впрочемъ сами тутъ же разгнѣвались на нижегородцевъ, что тѣ будто-бы не стояли единодушно, и положили зарокъ: не вступать больше въ дѣло. Народные вожди видя, что безъ казаковъ, одними силами ихъ, и безъ Трубецкаго, не справиться съ гетманомъ,—послали къ Аваамію Палицыну, съ просьбою: уговорить казаковъ еще разъ ударить на врага.

Краснорѣчіе посулъ келаря подѣйствовало: буйные послушались и съ крикомъ «Сергій!» переплыли Москву-рѣку и смяли поляковъ. Одновременно сдѣлали натискъ и дружины Пожарскаго, овладѣвъ Клементьевскимъ редутомъ да залегши по ямамъ, по линіи дорогъ, чтобы воспрепятствовать пройти гетману къ Кремлю.

День уже оканчивался. По всѣмъ полкамъ духовенство пѣло молебны, ободряя защитниковъ, давшихъ обѣтъ соорудить три храма во имя: Срѣтенія, Іоанна Богослова и Петра митрополита.

Видя, что рѣшительнаго ничего не сдѣлано еще, Мининъ попросилъ у Пожарскаго людей, чтобы ударить еще разъ на Ходкевича. Взялъ три сотни дворянъ, съ передавшимся къ намъ ротмистромъ Хмѣлевскимъ; переплылъ Москву рѣку и ударилъ на три польскія роты, стоявшія у крымскаго двора. Смятеніе распространилось въ станѣ гетмана. Пользуясь имъ, поднялась пѣхота русская—стрѣльцы; а за ними ударила конница. Поляки не устояли: общая паника распространилась повсюду. Потерявъ 500 человѣкъ разомъ, въ этомъ натискѣ, гетманъ отступилъ на Воробьевы горы. Русскіе провожали ихъ огнемъ изъ ручницъ, длившимся часа съ два.

Всѣ утомлены были до полнаго изнеможенія. И преслѣдовать врага или напасть на него въ его станѣ—что бы слѣдовало теперь—некому было. Къ счастію и врагъ былъ въ такомъ же, если не въ худшемъ положеніи, послѣ боя, довольный что оставляютъ его въ покоѣ, но едва ли сообразивъ причину этого. Все заснуло спокойно. Утромъ узнали, что гетманъ совсѣмъ ушелъ къ Можайску, оставивъ патріотовъ доканчивать славный подвигъ ихъ: очищеніе столицы. Изъ казацкихъ таборовъ продолжали, между тѣмъ, выходить смуты; жалобы на неплатежъ жалованья удовлетворены займомъ изъ лаврскихъ сокровищъ. Трубецкой съ Пожарскимъ и выборнымъ земскимъ Мининымъ уставили сборное мѣсто для съѣздовъ на вершенье дѣлъ—на Трубѣ. Поставили туры: у Пушечнаго двора, въ Георгіевскомъ монастырѣ, да у Всѣхъ св. на Кулешахъ, чтобы громить послѣднюю защиту осажденныхъ враговъ.

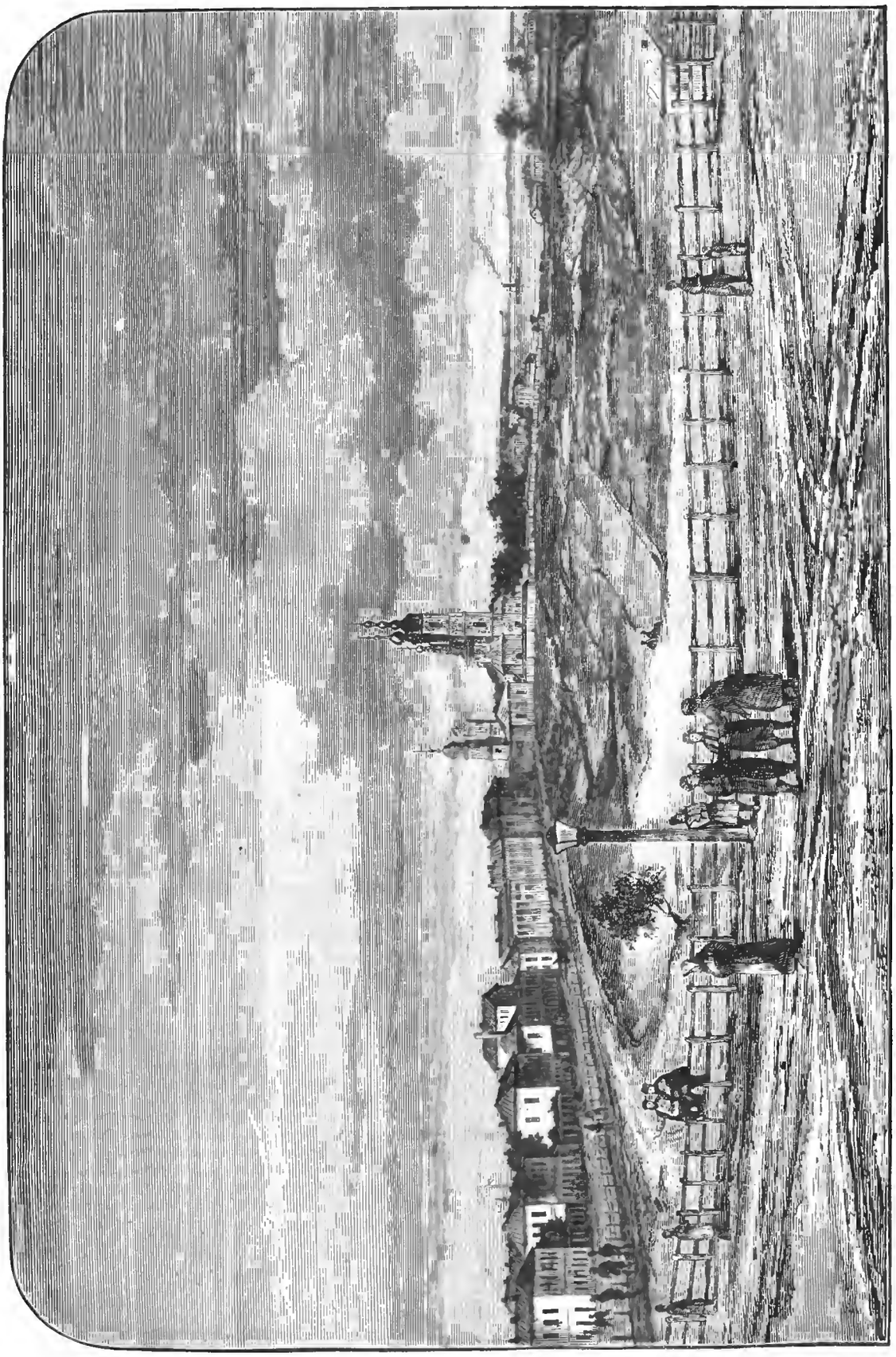
Томясь жесточайшимъ голодомъ, отъ нихъ чаще и чаще стали являться перебѣжчики, повѣдывая страшныя повѣсти о пожираніи труповъ чуть-живыми, одичалыми и обезсиленными людьми. Сволочь Ходкевича разбрелась кто-куда. Казаки малороссійскіе, между тѣмъ, взяли и сожгли Вологду (22 сентября), по безпечности воеводы.

Съ другой стороны вѣсти о Ходкевичѣ достигали въ лагерь подъ Москвою и заставляли вождей принимать мѣры противъ ночнаго провоза въ Кремль хлѣба. Съ цѣлью не допустить до этого, по Замоскворѣчью проведенъ поперекъ ровъ, до рѣки. Пожарскій послалъ къ осажденнымъ еще въ половинѣ сентября предложеніе сдаться, но получилъ на это грубый отвѣтъ. Прошелъ еще мѣсяцъ. Рѣшено взять штурмомъ Китай и 22-го октября эта крѣпость досталась въ наши руки. Кремль продолжалъ держаться. Наконецъ, въ исходѣ ноября, открылись оттуда переговоры о сдачѣ.

Враги, доведенные до крайности, сперва выпустили русскихъ бояръ, большею частію малодушныхъ, если не предателей.

Позволимъ себѣ замѣтить, что въ числѣ выпущенныхъ, сохранившихъ здоровье среди тяжкихъ испытаній и принятыхъ подъ охрану дружинъ Пожарскаго, были страдальцы Романовы: бояринъ Иванъ Никитичъ, невѣстка его, инокиня Марѳа Ивановна и 16-ти-лѣтній сынъ ея Михаилъ

Библиотека "Руниверс"



Петрозаводскъ. Съ акварели профессора Боголюбова, Рис. Космаковъ, грав. Сосинскій.

Библиотека "Руниверс"

отецъ котораго, митрополитъ Ростовскій Филаретъ, томился въ плѣну мстительнаго короля Сигизмунда. Поляки, вышедшіе въ станъ Пожарскаго, тоже нашли пріемъ дружескій. Не та была участь попавшихъ въ руки Трубецкаго и казаковъ. Ноября 27-го 1612 года вошли наши въ Кремль, поруганный и оскверненный врагами. Поздно одумавшійся Сигизмундъ еще разъ шелъ къ Москвѣ, но воротился, узнавъ о разбитіи передоваго отряда.

Съ удаленіемъ теперь короля, приступилъ къ выбору въ цари земскій соборъ всей русской земли и единодушно назвалъ государемъ сына страдальца—Михаила Романова (21 февраля 1613 г.).

П. Петровъ.

Петрозаводскъ.

Петрозаводскъ, губернскій городъ Олонецкой губерніи, расположенъ на весьма неровномъ мѣстѣ, при заливѣ Онежскаго озера, на сѣверо-западномъ его берегу, при впаденіи въ него рѣчекъ Лососинки и Неглинной, въ растояніи 458 верстъ отъ Петербурга. Рѣка Лососинка протекаетъ посерединѣ города, раздѣляя его на двѣ части, одну такъ-называемую заводскую, другую—городскую. Самъ по себѣ маленькій, скучный, малолюдный городокъ, Петрозаводскъ славенъ сохранившимися въ немъ воспоминаніями о великомъ основателѣ его Петрѣ I. До 1703 г. на мѣстѣ нынѣшняго города стояла мукомольная мельница и жилъ одинокій мельникъ. Петръ Великій, обратившій особенно вниманіе на изобиліе края желѣзными рудами и нерѣдко посѣщавшій его, приказалъ въ 1703 г. основать горный заводъ на р. Лососинкѣ, который и началъ свое дѣйствіе въ 1704 г. На немъ плавили чугунъ, отливали пушки и снаряды, выдѣлывали разное желѣзо, ружья, фузеи, палаши, сабли, тянули проволоку. Въ то же время, для пріѣзда Императора былъ выстроенъ дворецъ, разведена березовая роща, а заводъ былъ обнесенъ земляным валомъ, вооруженъ пушками и снабженъ гарнизономъ. Въ скоромъ времени заводъ сталъ приходитъ въ упадокъ; въ 1726 г. оружейная фабрика была переведена въ Сестрорѣцкъ, а на слѣдующій годъ дѣйствія завода прекратились совсѣмъ. Въ 1755 г. на р. Лососинкѣ, ниже бывшаго пушечнаго завода, былъ выстроенъ мѣдноплавильный заводъ переведенный сюда съ Кончъ-озера, но и онъ скоро прекратилъ свои дѣйствія. Въ 1763 г. французы Баралль, Фульдонъ и Шанонъ построили выше стараго Петровскаго завода частный заводъ, на которомъ дѣлали разное желѣзо, подносы, посуду, самовары и разную мелочь. На той же рѣка Лососинкѣ былъ выстренъ въ 1774 г. пушечный заводъ, называемый *Александровскимъ*, и донынѣ существующій. Конечно, съ устройствомъ заводовъ возникла и слобода, получившая названіе *Петровской*. Императрица Екатерина II въ 1777 г. наименовала эту слободу городомъ Петрозаводскомъ, учредивъ въ немъ губернскія присутственныя мѣста и утвердивъ новый планъ его. При императорѣ Павлѣ, Петрозаводскъ оставался уѣзднымъ городомъ Новогородской губерніи, но въ 1802 г. отчисленъ отъ нея и по прежнему назначенъ губернскимъ городомъ Олонецкой губерніи.

Въ числѣ историческихъ памятниковъ Петрозаводска замѣчателенъ, сохранившійся отъ времени Петра Великаго, соборъ во имя св. апостоловъ Петра и Павла, деревянный внутри и снаружи отштукатуренный. Онъ построенъ по повелѣнію Императора Петра I въ 1703 г. во время втораго посѣщенія имъ здѣшняго края. Видъ церкви пирамидальный, съ четырьмя уступами, между которыми была проведена лѣстница до самаго верха, куда Петръ Великій, какъ говоритъ преданіе, не рѣдко всходилъ и любовался дикою природою сѣвера. Въ церкви сохранилось нѣсколько образовъ, пожертвованныхъ Петромъ изъ его походной церкви; на хорахъ устроено два придѣла. Въ настоящее время храмъ этотъ служитъ лѣтнимъ соборомъ.

Садъ, находящійся за соборомъ св. апостоловъ Петра и Павла, разведенъ по плану Петра Великаго, подъ собственнымъ его наблюденіемъ. Въ немъ сохранилось нѣсколько березъ, посаженныхъ собственными руками великаго преобразователя Россіи. Въ нижней сторонѣ сада находится огромный камень, обнесенный кругомъ бесѣдкою, въ память того, что надъ нимъ, по словамъ преданія, былъ устроенъ алтарь походной церкви Государя. Въ верхней же сторонѣ сада, въ воспоминаніе великаго монарха, поставленъ на чугунномъ пьедесталѣ чугунный же бюстъ его въ греческой тогѣ.

Изъ церквей замѣчательны еще: соборъ во имя св. Духа, въ коемъ хранится плащаница съ частями мощей Кіевскихъ и Новогородскихъ чудотворцевъ, перенесенная въ городъ въ 1829 г.; церковь во имя св. вел. князя Александра Невскаго, отличающаяся изящной живописью образовъ. Послѣдняя церковь принадлежитъ вѣдомству Александровскаго завода, и была построена въ честь посѣщенія его Императоромъ Александромъ I въ 1819 г.

Александровскій пушечный заводъ—одно изъ достопримѣчательнѣйшихъ зданій въ Петрозаводскѣ. Здѣсь, подъ особымъ навѣсомъ, хранятся двѣ пушки, служащія памятниками пребыванія на заводѣ Императора Александра I. Одна изъ пушекъ была отлита во присутствіи государя, другую онъ ковалъ собственными руками—и слѣды ударовъ означены на ней серебряными знаками.

Къ замѣчательнымъ сооруженіямъ принадлежитъ еще Константиновскій маякъ, устроенный въ 1839 г. иждивеніемъ городскаго общества при нѣкоторыхъ пожертвованіяхъ частныхъ лицъ, для безопаснаго плаванія судовъ по заливу Онежскаго озера въ осеннее время. Маякъ называется *Константиновскимъ* въ честь Великаго князя Константина Николаевича, генералъ-адмирала русскаго флота. Одинъ изъ рефракторовъ обращенъ на с. Соломенное, другой на Онежское озеро. Первый рефракторъ подвиженъ и можетъ быть свободно обращенъ ко второму, чтобы вмѣстѣ сильнѣе свѣтить судамъ, идущимъ по Онежскому озеру. По показаніи лоцмановъ, свѣтъ маяка бываетъ видѣнъ за 30 верстъ.

Петрозаводскъ сообщается съ С.-Петербургомъ почтовою дорогой; кромѣ того, во время навигаціи происходитъ пароходное сообщеніе. Въ городѣ 2 пристани, казенная и городская. Площадей три; всѣ онѣ немощеныя; однако же, по возвышенному мѣстоположенію и твердому грунту земли, грязи на нихъ не бываетъ. Дома большею частію деревянные. Каменный домъ встрѣчается въ видѣ рѣдкаго исключенія. Жизнь города однообразна и скучна, но для своего небольшаго населенія Петрозаводскъ имѣетъ достаточное количество учебныхъ заведеній, чѣмъ, къ сожалѣнію, отнюдь не могутъ похвалиться многіе губернскіе города даже съ большимъ населеніемъ чѣмъ Петрозаводскъ. Въ Петрозаводскѣ есть мужская гимназія, уѣздное училище, приходское училище, Маріинское женское разрядное училище, безплатная школа для дѣвочекъ, горное училище и Николаевскій дѣтскій пріютъ. Кромѣ того, въ городѣ естъ больница и богадѣльня съ отдѣльніемъ для умалишенныхъ.

Главное занятіе жителей состоитъ въ мелочной торговлѣ; многіе занимаются рыболовствомъ на озерѣ; другіе заняты хлѣбопашествомъ и сѣнокошеніемъ. Мѣстное купечество, кромѣ снабженія жителей мѣстными и необходимыми товарами, привозимыми изъ Петербурга, ведетъ торговлю хлѣбомъ, получаемымъ изъ Рыбинска, лѣсомъ, рыбою и разными мѣхами, идущими преимущественно въ Петербургъ. Товары лѣтомъ отправляются водой съ мѣстныхъ пристаней, зимою—гужемъ. Въ городѣ собираются ежегодно 3 незначительныя ярмарки: Отъ 18—31 января, отъ 17—28 марта и съ 29 іюня по 6 іюля; лучшая по оборотамъ ярмарка та, что бываетъ между 18—31 января. По субботамъ еженедѣльно бываютъ базары, на которые привозятся съѣстные припасы.

Въ окрестностяхъ Петрозаводска находится *Кончозерскій* чугунный заводъ, основанный Петромъ Великомъ въ 1707 г., а въ 45 верстахъ отъ Петрозаводска, *Кончозерскія* минеральныя воды, открытыя въ 1714 г. гдѣ нѣсколько разъ съ пользою лечился Петръ I. Кромѣ того, близь деревни *Тивдіи*, въ Петрозаводскомъ уѣздѣ, замѣчательны *Тивдійскія* мраморныя ломки; здѣсь въ большомъ количествѣ выламывается мраморъ и шокшинскій порфиръ, изъ котораго высѣченъ памятникъ императору Наполеону I, находящейся въ Парижскомъ домѣ инвалидовъ.

Въ 1858 г. Петрозаводскъ былъ удостоенъ посѣщеніемъ благополучно царствующаго нынѣ государя Императора Александра II.

Судебная Хроника.

Дѣло о подложномъ свидѣтельствѣ, представленномъ въ университетъ.—Дѣло о цѣлой ротѣ солдатъ, обвиняемой въ нарушеніи воинской дисциплины.—Дѣло о мнимыхъ чудесахъ.—Процессъ о насильственномъ бракѣ.

Въ прошедшемъ мартѣ мѣсяцѣ, въ III отдѣленіи петербургскаго окружнаго суда, разсматривалось слѣдующее, выходящее изъ ряда обыкновенныхъ, дѣло: 24-го сентября прошлаго года, уволенъ былъ изъ с.-петербургскаго университета студентъ Василій Кравченко, какъ поступившій въ университетъ по подложному свидѣтельству отъ псковской гимназіи. Произведенное слѣдствіе обнаружило, что означенное свидѣтельство дѣйствительно подложно, доказательствами чего могутъ служить слѣдующіе факты: 1) лица, подписи которыхъ значатся на свидѣтельствѣ, не признали ихъ за свои собственныя; 2) то-же самое подтвердили и эксперты; 3) въ исходящей книгѣ псковской гимназіи за 1869 годъ (годъ, выставленный на свидѣтельствѣ), отъ 8-го іюня, значится, за № 686, свидѣтельство на увольненіе въ отпускъ инспектора

Библиотека "Руниверс"

гимназіи Михайлова. Обвиняемый въ составленіи подложнаго свидѣтельства, елисаветградскій купеческій сынъ Вас. Кравченко показалъ, что, встрѣтивъ надобность въ свидѣтельствѣ объ окончаніи гимназическаго курса наукъ, для полученія степени кандидата, и находя, что выдержаніе имъ экзамена въ гимназіи будетъ для него затруднительно,—онъ рѣшился заполучить это свидѣтельство отъ нѣкоего Тихомирова, черезъ своего знакомаго, Августовскаго, который продалъ Кравченкѣ означенный документъ за 230 р., выдавая его за настоящій. Въ документѣ этомъ значилось, что онъ, Кравченко, подвергался испытанію въ псковской гимназіи и признанъ усвоившимъ предметы гимназическаго курса. На судѣ, обвиняемый призналъ себя виновнымъ въ представленіи свидѣтельства, отрицая, однако, что бы подложность его была ему извѣстна; свидѣтель же Августовскій показалъ, что, слыша жалобы Кравченки на затруднительное его положеніе, онъ только посовѣтовалъ ему обратиться къ Тихомирову, который, при своемъ знакомствѣ съ профессорами и служащими въ гимназіи, могъ-бы быть подсудимому полезенъ, попросивъ кого-слѣдуетъ, чтобы экзаменъ былъ поснисходительнѣе. Судъ, признавая Вас. Кравченко виновнымъ въ представленіи въ университетъ подложнаго свидѣтельства, постановилъ: на основ. 300 ст. Уложенія о наказ. и 977 ст. Уст. Угол., заключить его въ тюрьму на 5 мѣсяцевъ и сверхъ того возложить на него судебныя издержки.

Газета «Судебный Вѣстникъ» приводитъ на столбцахъ своихъ подробности весьма интереснаго дѣла, разбиравшагося временнымъ отдѣленіемъ военно-окружнаго суда въ Нижнемъ Новгородѣ. Поручикъ Луткевичъ, командовавшій образцовой ротой, возбуждалъ неудовольствіе подчиненной ему команды, постоянно дрался и проч. Желая выразить ему неудовольствіе, солдаты сговорились не отвѣчать ему на обычное воинское привѣтствіе; и дѣствительно, 27 сент. прошлаго года, когда Луткевичъ поздоровался съ ними, они не отвѣтили ему (кромѣ 4 — 5 человѣкъ); онъ повторилъ имъ привѣтствіе, они не отвѣчали вторично. Онъ спросилъ, отчего они не хотятъ здороваться съ нимъ; тогда вышелъ рядовой Дерюшевъ и объяснилъ, что вся рота находитъ, что онъ ее притѣсняетъ, что заставляетъ вставать очень рано, держитъ долго на ученьяхъ, по праздникамъ заставляетъ обучать ихъ грамотѣ. Обо всемъ случившемся Луткевичъ донесъ начальнику полка, и началось слѣдствіе. Подсудимые признали себя виновными и выдали главныхъ зачинщиковъ нарушенія дисциплины, при чемъ объяснилось, что фельдфебель и унтеръ-офицеръ знали о приготовляющейся Луткевичу непріятности, но не приняли никакихъ мѣръ къ ея утраненію, а, на-оборотъ, устраняли возможность Луткевичу узнать объ этомъ заблаговременно. Защита, находя, что данное преступленіе представляетъ неважное нарушеніе дисциплины, просила судъ ограничиться незначительнымъ взысканіемъ. Судъ постановилъ: фельдфебеля Плонскаго заключить въ арестантскія роты на 6 лѣтъ; унтеръ-офицера Вараковскаго на 4 года, главныхъ зачинщиковъ: Каленова и Мусатова, на 3 года; остальныхъ, въ количествѣ 36 человѣкъ, приговорилъ къ наказанію розгами 200, 150, 100 и 50 ударами, и только одного изъ подсудимыхъ оправдалъ.

Въ той же газетѣ находимъ разсказъ о весьма характеристичномъ дѣлѣ, разбиравшемся недавно въ Воронежскомъ окружномъ судѣ. Въ селѣ Новочеркутинѣ, Усманскаго уѣзда Тамбовской губерніи, близъ церкви, построено пять «домочковъ» или келій, въ которыхъ проживаютъ чернички, слывущія въ народѣ за монахинь, и въ числѣ ихъ нѣкая Софія Грачева, дѣвица 35 лѣтъ, полная, небольшаго роста, лицомъ смуглая, У Грачевой въ кельи была икона Воскресенія Христова, послужившая ей орудіемъ для слѣдующихъ продѣлокъ. Въ зиму 1872—1873 г., Грачева стала распространять въ народѣ, что икона ея проявляетъ изумительныя чудеса, что на ней сначала показались какъ-бы капли пота, горькаго на вкусъ, а потомъ появились уже потоки деревяннаго масла; Грачева указывала на эти обстоятельства, какъ на явленіе чудесное, объясняя, что масло «истекаетъ изъ иконы.» Та же Грачева разсказывала многимъ, и въ томъ числѣ священникамъ Лукину и Благодарову, что «подъ-Рождество ликъ находящагося у ней образа Воскресенія измѣнялся: то онъ былъ свѣтлый, то мрачный», что, наконецъ, изъ той-же иконы по временамъ «сверкали огни ввидѣ молніи.»... Затѣмъ, стали разноситься по окрестнымъ селамъ слухи, что, кромѣ всѣхъ этихъ чудесныхъ явленій въ кельѣ Грачевой, однажды ночью образъ ея ушелъ со стѣны въ сѣнцы, что свидѣтельствовала и крестьянка Безпалова, ночевавшая тогда у Грачевой. Къ Грачевой со всѣхъ сторонъ стали стекаться богомольцы и, конечно, не съ пустыми руками, чтобы поклониться «чудотворной» иконѣ и послушать разсказовъ Грачевой, которая считалась въ народѣ за женщину «святую»; но странное дѣло!—самаго истеченія масла изъ иконы никто изъ народа не видалъ, хотя въ желобкѣ, прибитомъ къ нижнему краю иконы, оно постоянно находилось. Отсутствіе такихъ явленій въ присутствіи постороннихъ Грачева объясняла тѣмъ, что будто «приходили нечестивые»... Ввиду такихъ дѣйствій Грачевой и желая разувѣрить народъ въ мнимыхъ чудесахъ, священникъ Благодаровъ обратился къ Грачевой съ просьбой, чтобъ она отдала образъ въ церковь для провѣрки, прибавивъ, что «если онъ такой дѣйствительно есть, то ей его возвратятъ.» Грачева икону отдала. Ее на-сухо вытерли и поставили въ церкви; но сколько времени она тамъ ни находилось, никакого масла изъ нея не вытекало, а когда въ концѣ марта 1873 года икону возвратили Грачевой по ея просьбѣ, то масло снова изъ нея выдѣлялось. — Но этимъ «чудесныя» явленія въ кельѣ Грачевой не ограничились: въ углу, подъ иконами, подъ поломъ, въ пескѣ появился вдругъ чудесный огонекъ, самъ собою загоравшійся и горѣвшій на подобіе лампадки. Многіе видѣли этотъ огонекъ, горѣвшій при нихъ иногда съ четверть часа и затѣмъ потухавшій, но никто не видалъ, какъ огонекъ зажигался въ пескѣ. Впрочемъ, одинъ изъ свидѣтелей показалъ, что ему удалось замѣтить въ этомъ мѣстѣ маленькій, едва примѣтный, фитиль, какой бываетъ въ лампадкахъ. Когда съ пескомъ, находившимся подъ поломъ въ кельѣ, сдѣланъ былъ въ церкви тотъ-же опытъ, что и съ иконой, то огонь въ кельѣ прекратился, а въ церкви и вовсе не появляяся. Впослѣдствіи же, когда караулъ около кельи былъ снятъ, чудесныя явленія снова въ ней стали повторяться. — Но и этими «чудесами» Грачева не удовлетворилась: на мысль о проявленіи новыхъ чудесъ навели ее сами же простодушные крестьяне, которые говорили ей, что если у нея въ кельѣ есть святое мѣсто, то на Св. недѣлѣ на слова «Христосъ воскресъ» изъ кельи долженъ послѣдовать отвѣтъ. Опытъ былъ сдѣланъ, и дѣйствительно, на троекратное привѣтствіе послышался отвѣтъ: «воистину воскресе.» Такъ-какъ явленіе это повторилось нѣсколько разъ, въ особенности-же ввиду того, что голосъ, отвѣчавшій изъ кельи, былъ похожъ на голосъ самой Грачевой, — которая, однако, увѣряла всѣхъ, что это голосъ «Алексѣя-угодника»,—то священникъ распорядился послать туда старушку вмѣстѣ съ понятыми, которые, войдя въ домъ Грачевой, нашли ее въ сѣняхъ притаившеюся къ стѣнѣ... На судѣ Грачева виновною себя не признала. объяснивъ, что всѣ чудесныя явленія въ ея домѣ дѣйствительно происходили, но что она не понимаетъ, какимъ образомъ все это дѣлалось; находящійся у ней образъ Воскресенія, по ея словамъ, «былъ взятъ изъ Ивана Великаго», еще во время нашествія французовъ, и потомъ купленъ ея родными изъ какой-то церкви и проч. — Судъ, признавъ Грачеву виновною въ распространеніи, съ умысломъ, ложныхъ чудесъ, приговорилъ ее къ заключенію въ смирительномъ домѣ на на три мѣсяца, на основаніи 933, 134, 135, и 37 ст. Улож.

Въ засѣданіяхъ Симферопольскаго окружнаго суда 4-го и 5-го марта, безъ участія присяжныхъ засѣдателей, разсматривалось, какъ пишутъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», весьма интересное дѣло по обвиненію старика-отца капитана Абдураманчикова и матери, изъ татаръ, въ насильственной выдачѣ замужъ ихъ родной дочери, которая явилась на судъ въ качествѣ потерпѣвшей. Ей не болѣе 18-19 лѣтъ; одѣта она по-европейски, съ наружностью довольно симпатичною, говоритъ по-русски. Три года тому назадъ, она была помолвлена за одного молодаго человѣка, котораго она, по магометанскому закону, хотя и не видѣла, но любила. Затѣмъ, впослѣдствіи родители невѣсты, усомнившись въ нравственныхъ достоинствахъ жениха, отказали ему въ рукѣ своей дочери и выдали ее за г. Боснякова, человѣка, къ которому она не питала ни малѣйшей симпатіи. Когда производился обрядъ вѣнчанія, невѣста рыдала,—и на вопросъ о томъ, согласна-ли она выйти за Боснякова, она, какъ заявила на судѣ, ничего не отвѣчала и продолжала плакать. Когда потомъ слухъ объ этомъ насильственномъ бракѣ дошелъ до мѣстныхъ властей, то въ деревню, гдѣ проживали Абдураманчиковы, былъ посланъ сперва становой приставъ, потомъ товарищъ прокурора; но на вопросы ихъ несчастная женщина, изъ боязни гнѣва родителей своихъ, которые и безъ того содержали ее подъ карауломъ, отвѣчала, что вышла за-мужъ по своему желанію,—и только по пріѣздѣ въ городъ разсказала всю правду. На судѣ она подтвердила показанія, данныя ею на предварительномъ слѣдствіи, объяснивъ, что ее не разъ заставляли рыдать, что она была близка къ самоубійству и т. далѣе. Согласно съ нею показали: ея родной братъ, сестра и зять. Изъ числа спрошенныхъ по сему дѣлу 35 свидѣтелей, иные говорили *за* а иные—*противъ* обвиненія. Судъ рѣшилъ, не признавая совершенія насильственнаго брака, считать ввиду этого стариковъ Абдураманчиковыхъ по суду оправданными; сваху же, Гаркумъ, признавая виновной, подвергнуть тюремному заключенію на 4 мѣсяца. Вопросъ же о дѣйствительности или недѣйствительности брака передать на разсмотрѣніе духовнаго начальства. Процессъ этотъ замѣчателенъ въ особенности тѣмъ, что въ немъ мы видимъ столкновеніе азіатскихъ воззрѣній на бракъ съ европейскими, хотя рѣшеніе суда было и не въ пользу потерпѣвшей стороны. Особенность этого процесса, съ внѣшней стороны, та, что обвиняемые—люди весьма богатые, пользующіеся между татарами большою извѣстностью и популярностью; самъ Абдураманчиковъ—въ чинѣ капитана и явился предъ судомъ въ мундирѣ съ орденами. Жена его во все время засѣданія отворачивалась отъ суда и съ ненавистью поглядывала на дочь-обвинительницу. Костюмъ ея былъ національный, съ покрытымъ лицомъ. Залъ засѣданія суда былъ переполненъ публикой; для татаръ этотъ процессъ былъ событіемъ весьма значительнымъ: они съѣхались изъ разныхъ деревень, бросили свои занятія и оставались въ городѣ до окончанія интересовавшаго ихъ дѣла.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: Полевой Аудиторіатъ Варшавскаго округа нынѣ же упразднить, образовавъ взамѣнъ его военно-судную часть при командующемъ войсками означеннаго округа въ составѣ, опредѣленномъ особеннымъ штатомъ, и временное отдѣленіе при Главномъ Военно Судномъ Управленіи изъ начальника отдѣленія, двухъ столоначальниковъ и восьми писарей.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ Ковнѣ, въ центрѣ расположенія ротъ и полковой учебной команды 111-го пѣхотнаго Донскаго полка, устроено, какъ сообщается въ «Русскомъ Инвалидѣ», *чайное заведеніе* для нижнихъ чиновъ полка, съ цѣлію отвлеченія ихъ отъ посѣщенія питейныхъ заведеній. Заведеніе это состоитъ изъ четырехъ комнатъ: общей залы, читальни, бильярдной и буфета. Для чтенія нижнимъ чинамъ выписываются журналы «Чтеніе для Солдатъ» и «Солдатская Бесѣда». Для игры имѣются бильярдъ и шашки.

Нижніе чины полка весьма довольны устройствомъ этого заведенія и въ свободное отъ службы и занятій время охотно посѣщаютъ его, что позволяется до 8½ часовъ вечера, когда заведеніе закрывается.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

— Слѣдующія суммы назначены въ текущемъ году на народное образованіе уѣздными земскими собраніями: Уржумскимъ 33,355 р. (больше противъ прошлаго года на 11,735 р.), Слободскимъ 14,855 руб., Чистопольскимъ 12,060 руб.

— По духовному завѣщанію г. Краснокутскаго назначено Ардатовскому земству, въ неприкосновенный капиталъ на народныя школы, 65,000 руб.

— Чрезвычайное *Тарусское* Уѣзд., Калуж. губ., Земское Собраніе поручило Уѣздной Управѣ ходатайствовать объ измѣненіи Питейнаго Устава въ томъ смыслѣ, чтобы доходъ, получаемый за патенты на продажу вина и отъ акциза, былъ разложенъ на другіе предметы обложенія, и затѣмъ всѣ заведенія съ продажею вина были бы закрыты.

— Чрезвычайное *Мещовское* Уѣзд., Калуж. губ., Земское Собраніе постановило образовать при Уѣздной Управѣ ссудо-сберегательную кассу для уѣзда съ капиталомъ отъ 4,000 до 5,000 рублей.

— Высочайше разрѣшенный съѣздъ представителей Земельныхъ Банковъ окончилъ въ воскресенье, 24-го марта, свои занятія: Рядъ принятыхъ съѣздомъ мѣръ и предположенныхъ ходатайствъ свидѣтельствуютъ о всестороннемъ и подробномъ изученіи съѣздомъ современныхъ нуждъ земельнаго кредита.

1. Постановлено ограничить 30 милл. рублей сумму выпусковъ закладныхъ листовъ всѣхъ акціонерныхъ Земельныхъ Банковъ въ теченіе 1874 года.

2. Предположено конкурирующимъ въ одной мѣстности Банкамъ вступить между собою въ добровольное соглашеніе насчетъ разграниченія между собою своего района дѣйствій.

3. Утверждены главныя основанія системы оцѣнокъ: нормальной и спеціальной, предположено выработать къ будущему съѣзду развитіе сихъ основаній.

4. Предположено представить на утвержденіе Правительства рядъ мѣръ къ устраненію встрѣченныхъ Правленіями Банковъ многообразныхъ затрудненій и недоразумѣній при исполненіи юридическихъ и нотаріальныхъ обрядностей.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

— Въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ» сообщается, что по свѣдѣніямъ, полученнымъ *Николаевскимъ Окружнымъ Правленіемъ Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ*, въ теченіе января сего года крушеній судовъ въ Черномъ морѣ было два, 28-го января, на Евпаторійскомъ рейдѣ, причемъ оба судна—«Любица» и «Св. Николай»—были сорваны съ якорей при сильномъ южномъ вѣтрѣ съ огромною зыбью. 8 человѣкъ, составлявшіе экипажи этихъ судовъ, спасены.

— Главное Правленіе Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ получило отъ Астраханскаго Окружнаго Правленія увѣдомленіе о томъ, что всего Астраханскою станціею въ трехмѣсячное ея существованіе спасено 8 человѣкъ.

— 25-го января открыло здѣсь дѣйствія Высочайше утвержденное 14-го октября 1873 г. *«Кѣлецкое благотворительное Общество»*, имѣющее цѣлью помогать впавшимъ въ нищету, устроить рабочій пріютъ для нищихъ и пріискивать работу и занятія для могущихъ работать.

НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

— Крестьянинъ Тверской губ., Александръ Трофимовъ Щеголевъ, изобрѣлъ новую машину, которая приводится въ дѣйствіе безъ огня, воды и всякихъ пружинъ. Придуманная Щеголевымъ машина основана на опорной точкѣ, замѣнитъ нынѣ существующіе паровозы на желѣзныхъ дорогахъ, пароходахъ, фабрикахъ, мельницахъ и т. п., а также можетъ быть примѣнена къ пожарнымъ инструментамъ и къ конно-желѣзной дорогѣ. Въ настоящее время, Щеголевъ проситъ отъ правительства за это изобрѣтеніе десятилѣтней привилегіи и денежнаго пособія, для поддержанія своей семьи, оставшейся на родинѣ безъ всякихъ средствъ къ жизни, такъ какъ на достиженіе задуманной имъ машины онъ употребилъ болѣе 4-хъ лѣтъ, чрезъ-что пришолъ въ крайнюю нужду.

— *Изъ Кѣлецъ*—въ «Варш. Дневникѣ» сообщаютъ, что инженеру II горнаго округа въ Царствѣ Польскомъ присланъ недавно сосудъ *съ нефтью*, добытой въ имѣніи *Вуча, г. Попеля, въ Стопницкомъ уѣздѣ*. Въ мѣстности этой будутъ произведены вскорѣ точнѣйшія изысканія для опредѣленія количества нефти. Это первый источникъ нефти, открытый въ здѣшнемъ краѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Саймевскій каналъ (съ рисункомъ).—Павлинъ. Разсказъ Н. С. Лѣскова (Стебницкаго).—Христіанскіе мученики въ древнемъ Римѣ (съ рисункомъ).—Ягуаръ (съ рисункомъ).—Междуцарствіе. П. Н. Петрова (окончаніе).—Петрозаводскъ (съ рисункомъ).—Судебная хроника.—Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. на Типографскіе расходы для напечатанія новаго адреса и проч.

Дозволено цензурою. 19 апрѣля 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 18 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 29-го апрѣля 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1874 ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" и преміи за 1874 годъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**

Павлинъ.

Разсказъ Н. С. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

III.

Мы съ матушкою и ея сестрою Ольгой Петровной, занимавшеюся при нездоровіи maman моимъ воспитаніемъ, имѣли въ домѣ Анны Львовны небольшую квартирку по одной изъ лѣстницъ втораго двора. Я не вспомню теперь сколько мы платили за нашу квартиру и не могу сказать какъ бы съ нами было поступлено, если бы мы хотя одинъ разъ не сдѣлали за нее своего взноса въ срочное время. Вѣроятно, что, не щадя своего запропавшаго мужа, Анна Львовна не обличила бы слабости и къ его сестрѣ а моей матери, которая Богъ вѣсть почему заблагоразсудила жить въ домѣ своей золовки, гдѣ насъ на первомъ же шагу встрѣтила памятная непріятность при которой мы въ первый разъ познакомились съ Павлиномъ. Мы перебирались въ тетушкинъ домъ въ самый рождественскій сочельникъ. День былъ морозный и по обыкновенію въ это время года въ Петербургѣ очень короткій, такъ что когда возы съ нашею небогатою мебелью взъѣхали на дворъ, настали уже сумерки. Матушка до этого времени сидѣла у тетки Анны Львовны, а мы съ тетей Ольгой, которая терпѣть не могла Анны Львовны, разхаживали по пустой квартирѣ; но чуть прибыла наша мебель, матушка тоже пришла въ свою квартиру, чтобы распорядиться гдѣ ставить вещи. По ея словамъ, Анна Львовна сама посовѣтывала ей придти для этого, и она пришла и сказала людямъ «вносите»; но люди только переглянулись, а изъ-за плечь ихъ выросъ Павлинъ и за нимъ два его адъютанта съ извѣстными инструментами.

— Что тебѣ батюшка угодно? спросила maman.

— Деньги пожалуйте за мѣсяцъ, отвѣчалъ Павлинъ, разворачивая передъ maman свою книгу.

— Хорошо, батюшка мой, хорошо; я завтра утромъ пришлю, отвѣчала maman съ родственною короткостію, отстраняя отъ себя рукою и книгу и Павлина, и подзывая своихъ слугъ; но слуги не трогались, а Павлинъ едва замѣтно улыбнулся и отвѣчалъ, что онъ до завтра не можетъ ничего отсрочивать,—что деньги должны быть заплачены ему непремѣнно сію же минуту.

Maman сочла это за невѣжливость и обидѣлась, и поблѣднѣла.

Павлинъ это замѣтилъ и это ему очевидно было непріятно: онъ насупилъ брови и съ нѣкоторою нервною нетерпѣливостью въ голосѣ проговорилъ:

Библиотека "Руниверс"

— Сударыня! здѣсь такой порядокъ.

— Прекрасно, что у тебя такой порядокъ, но вѣдь ты же я полагаю можешь разсудить... Матушка горячась теряла слова и запнулась.

Павлинъ отвѣтилъ ей на ея послѣднее замѣчаніе:

— Могу-съ.

— Ты знаешь, что Анна Львовна мнѣ не чужая, а своя?...

— Знаю-съ.

— А знаешь такъ что... такъ чего же тебѣ.?

— Деньги-съ.... я безъ того не могу позволить вносить вашихъ вещей.

— Какъ не можешь позволить? но неужто же вещамъ стоять ночь на дворѣ, а намъ на полу спать?

— И вамъ не спать на полу, а вы потрудитесь отсюда уйдти, или я сейчасъ велю выставить окна, отвѣчалъ Павлинъ и опять сдѣлавъ нетерпѣливое движеніе бровями прибавилъ:—у насъ такой порядокъ.

Между прислугою и извозчиками, доставившими наши вещи, начались говоръ и смятеніе. Павлинъ стоялъ съ книгою въ передней и не обращалъ ни на что это ни какого вниманія.

— Но это смѣшно, воскликнула maman,—я сейчасъ видѣлась съ Анной Львовной и она мнѣ ни слова не сказала, что не вѣритъ мнѣ до завтра... Засидѣвшись у нея, я опоздала взять въ банкѣ деньги .. Но... но что за глупость! Я вовсе не хочу съ тобой разсуждать, добавила разсерженная матушка и сказала, что она сейчасъ сама идетъ къ Аннѣ Львовнѣ.

— Это будетъ напрасно-съ, сухо отвѣтилъ Павлинъ.

— Ну, ужъ это не твое, батюшка, дѣло.

И она, взволнованная, накинула на себя платокъ и пошла къ хозяйкѣ, межъ тѣмъ какъ Павлинъ не покидая своего поста сдѣлалъ незамѣтный для насъ знакъ своимъ ассистентамъ—и черезъ минуту къ немалому нашему удивленію изъ комнаты назначавшейся для маменькиной спальни потянулъ проницающій холодъ. Я, занимавшійся до сихъ поръ разсматриваніемъ пестраго убранства Павлина, оглянулся и увидалъ, что дворники несли въ рукахъ по одной внутренней рамѣ, а въ тоже время съ другой стороны появилась maman и вся дрожа отъ холода и негодованія сказала по французски:

— Представь, Ольга: какова эта Анна Львовна? Вообрази: она меня не приняла!

Добрая тетя Ольга отвѣчала, что она этого и ожидала.

— Это ужасно! отвѣчала maman.—Я увѣрена, что она дома, потому что нѣтъ четверти часа, какъ мы разстались; но мнѣ сказали, что она уѣхала ко всенощной. Какъ она можетъ быть у всенощной, когда здѣсь въ ея домѣ такъ оскорбляютъ родню ея мужа! Уѣдемъ отсюда: пусть все бросаютъ на дворѣ, но я не хочу здѣсь жить и моя нога болѣе не будетъ въ этомъ домѣ! Одѣвайся и уѣдемъ куда нибудь въ гостинницу. Я не могу одной минуты видѣть этого негодяя!

Отпустивъ этотъ послѣдній комплиментъ по адресу Павлина, моя нервная maman начала порывисто надѣвать на меня мое теплое платье. Между прислугою смятеніе еще болѣе усиливалось, дворники съ вынутыми рамами въ рукахъ тихонько пересмѣивались, извозчики внизу кричали и шумѣли ропща что ихъ долго не отпускаютъ; по квартирѣ разползался черезъ выставленныя рамы холодъ. Павлинъ стоялъ въ своей строгой позитурѣ и на лицѣ его не было замѣтно ни малѣйшаго безпокойства. Какъ ни странно можетъ показаться вамъ мое сравненіе, но онъ мнѣ сразу напомнилъ тогда собою Гёте, величавую и до холодности спокойную фигуру котораго я зналъ по гравюркѣ, вклеенной въ моей дѣтской книжкѣ. Павлина какъ будто вовсе не трогали мелкія страданія людей: онъ имѣлъ въ виду одну какую-то общую гармонію того, что совершалъ и видѣлъ.

Но помимо этихъ моихъ наблюденій, я не знаю чѣмъ бы все это смѣшное и досадное замѣшательство съ нами кончилось; вѣроятно насъ бы прогнали, если бы въ дѣло не вмѣшалась тетка Ольга. Она отвела maman немножко всторону и говоря съ нею по французски успѣла ее убѣдить, что дѣло отъ каприза ни чего не выиграетъ и что мы почтенной Аннѣ Львовнѣ ничего не докажемъ, потому что она уже вѣроятно видѣла всякія доказательства въ этомъ родѣ и ни однимъ изъ нихъ не переубѣдилась.

— Но я увѣрена, что это не она, а этотъ грубіянъ, молвила смягчаясь maman.

— А я увѣрена напротивъ, что это именно *она*, а не «этотъ», какъ ты его называешь, «грубіянъ». Онъ мнѣ кажется очень хорошимъ и честнымъ человѣкомъ, потому что онъ точно исполняетъ то, что обязанъ исполнить; я это уважаю и цѣню, отвѣчала Ольга.

— Но что же намъ дѣлать? Это смѣшно: у меня не достаетъ денегъ, я забыла ихъ взять...

— Мы ихъ достанемъ и заплатимъ.

— Гдѣ? теперь банкъ закрытъ, на дворѣ вечеръ, а у насъ нѣтъ никого знакомыхъ (мы тогда только переселились въ Петербургъ изъ провинціи). Не у Анны же Львовны занимать, чтобы ей же заплатить.

— Нѣтъ, не у нея, молвила тетя Ольга и съ этимъ подойдя къ Павлину сняла со своей руки два бриліантовыя кольца и спросила:—не можете ли вы взять отъ насъ это до послѣзавтра въ залогъ? Послѣзавтра мы возьмемъ деньги и выкупимъ.

— Сударыня, я долженъ сейчасъ представить госпожѣ деньги, отвѣчалъ Павлинъ съ глубокимъ уваженіемъ къ Ольгѣ. Отвѣчая ей на вопросъ, онъ точно благодарилъ ее интонаціею своего голоса за то, что она о немъ сказала maman.

— Ну пошлите заложить эти вещи въ какую нибудь лавку.

Библиотека "Руниверс"

Павлинъ подумалъ—и моргнувъ одному изъ своихъ дворниковъ велѣлъ ему исполнить требованіе Ольги заложивъ ея кольца у какого-то извѣстнаго ему лавочника, имя котораго имъ было названо и потомъ для обстоятельности еще разъ повторено.

Пока посланный дворникъ возвратился съ деньгами, которыхъ принесъ болѣе чѣмъ намъ на этотъ случай было нужно, Павлинъ молча помогалъ другому вставить вынутыя у насъ рамы—и получивъ что̀ ему слѣдовало за квартиру, вѣжливо поклонился и вышелъ.

Тетка Ольга, обладавшая не только большимъ смысломъ и добротою, но и превосходнымъ веселымъ характеромъ и остроуміемъ, тотчасъ же по уходѣ Павлина начала очень забавно трунить надъ нашимъ минувшимъ затрудненіемъ и привела въ самое веселое расположеніе не только maman и меня, но даже всю нашу прислугу и извощиковъ, которые внося каждую вещь снизу въ комнаты не упускали случая отпускать разныя остроты насчетъ Анны Львовны, величая ее чертовкой и вѣдьмой и другими лестными названіями.

Черезъ часъ у насъ вся мебель была поставлена на мѣсто, мелкія вещи болѣе или менѣе были убраны и квартира приведена въ возможный порядокъ; а еще черезъ другой часъ, который мы съ матушкою и теткою провели у всенощной, мы застали нашу квартиру уже теплою и встрѣтили праздникъ на своихъ чистыхъ постеляхъ. Черезъ день кольца тетки Ольги разумѣется были выкуплены и мы зажили, но безъ рѣшимости оставаться здѣсь долго, послѣ встрѣтившихъ насъ на первыхъ же шагахъ непріятностей. Maman говорила, что мы здѣсь не останемся долѣе мѣсяца, а если она ранѣе найдетъ удобную квартиру, то мы переѣдемъ отсюда и ранѣе. Ей никто не противорѣчилъ, но другой удобной квартиры къ крайней досадѣ maman не находилось, а та въ которой мы теперь жили была тепла, суха и какъ нельзя болѣе для насъ удобна. Къ тому же, суровый домъ тетки Анны Львовны, благодаря царившему въ немъ строгому духу Павлина, отличался тишиною и опрятностью, на что тетка Ольга указывала maman и мало-по-малу убѣдила ее не горячиться и не переѣзжать отсюда до лѣта.

— Мы ее этимъ не накажемъ, говорила тетка Ольга намекая на почтенную Анну Львовну,—а только себѣ надѣлаемъ хлопотъ и убытковъ. Сто̀итъ ли она этого?

Матушка мало-по-малу согласилась, что Анна Львовна этого не сто̀итъ и рѣшилась остаться еще на мѣсяцъ, но только съ тѣмъ, чтобы «грубіянъ», то есть Павлинъ, не возмущалъ ея спокойствія и никогда не показывался къ намъ въ квартиру.

Тетка Ольга взялась это устроить—и подъ тотъ день, когда намъ предстоялъ второй мѣсячный платежъ, она сама занесла деньги въ швейцарскую и вручила ихъ Павлину.

Съ Анной Львовной не видались ни maman, ни тетка Ольга, въ отношеніяхъ которой къ Аннѣ Львовнѣ я при всей моей тогдашней неопытности замѣчалъ неодолимое отвращеніе. Мы жили совершенно какъ чужіе и вовсе незнакомые хозяйкѣ люди и это насъ ни мало не тяготило, — ее это тоже вѣроятно не очень смущало.—Мы видали изъ своихъ оконъ, какъ Павлинъ отъ времени до времени совершалъ свои роковые обходы по дому за сборомъ денегъ, послѣ чего то въ одной, то въ другой квартирѣ открывались въ окнахъ прорѣхи; но это насъ непосредственно не касалось и мы къ этому скоро привыкли, и даже стали понемножку подсмѣиваться. Что дѣлать? — такова сила «чудовища-привычки». Мы смѣялись не надъ горемъ вымораживаемыхъ жильцовъ, а надъ тѣмъ способомъ, какъ это̀ дѣлалось среди многолюднаго города, словно на постояломъ степномъ дворѣ. Этотъ важный пестрый Павлинъ съ физіогноміею и позитурою Гёте, эти дворники съ инструментами напоминающими распинателей Іисуса Христа на картинѣ Штейбена, и это быстрое выставленіе и вставленіе оконъ и полное равнодушіе всѣхъ къ этому самоуправству,—все это въ самомъ дѣлѣ имѣло въ себѣ что-то трагикомическое. Къ намъ Павлинъ не появлялся, потому что въ концѣ втораго мѣсяца тетка Ольга опять отвратила его появленіе, лично занеся ему деньги въ его швейцарскую наканунѣ срока; точно такъ же опять наканунѣ заплатила она и на четвертый мѣсяцъ и такой порядокъ у насъ установился—и благодаря ему, мы продолжали жить въ своей хорошей и удобной квартирѣ, вовсе позабывъ, что домъ этотъ принадлежитъ Аннѣ Львовнѣ, по милости которой мы такъ оригинально встрѣтили канунъ Рождества. Мы вспоминали о ней впрочемъ, когда видѣли изъ своихъ оконъ огни въ ея парадныхъ комнатахъ, но вспоминали такъ мимоходомъ равнодушно: «вотъ де у нея гости» или что нибудь подобное. Что же касается до Павлина, то я и самъ не знаю, какъ это сталось, что имя его, бывши у насъ долгое время подъ запретомъ, вдругъ начало произноситься не только безъ раздраженія и злобы, но даже съ чѣмъ-то похожимъ на уваженіе.

IV.

Если установившееся у насъ доброе мнѣніе о Павлинѣ могло ему на что нибудь пригодиться, то онъ обязанъ былъ за это теткѣ Ольгѣ, къ которой онъ при всякой встрѣчѣ относился съ безконечной аттенціей и самъ обрѣлъ у нея себѣ благоволеніе. Матушка шутя смѣялась надъ тетей Ольгой, что она совершила даніилово чудо надъ звѣремъ, поработивъ себѣ Павлина; но въ этой шуткѣ была своя доля истины: Павлинъ благоговѣлъ передъ теткой, хотя къ чести его надо сказать, что онъ однако и это благоговѣніе выражалъ съ полнымъ сохраненіемъ своего неприступнаго достоинства. Онъ только кланялся ей гораздо ниже чѣмъ прочимъ и уступалъ ей дорогу почтительнѣе чѣмъ самой Аннѣ Львовнѣ, которую онъ, по наблюденіямъ тетки Ольги, терпѣть не могъ и презиралъ. На чемъ она основывала эти свои выводы и заключенія никогда не говоря съ Павлиномъ, я не знаю, но въ выводахъ этихъ чувствовалась правда. Изъ этого вы видите, что у

Библиотека "Руниверс"

насъ почему-то постоянно занимались Павлиномъ: онъ заинтересовалъ насъ собою, не исключая даже и меня, засматривавшагося на его пеструю ливрею, и maman начавшую симпатизировать ему за подмѣченное въ немъ теткой Ольгой презрѣніе къ Аннѣ Львовнѣ.

Такъ шло довольно долго: мы все продолжали жить въ домѣ Анны Львовны и наблюдали Павлина издали, какъ вдругъ совершенно неожиданно представился поводъ къ ближайшему съ нимъ знакомству. Это случилось такимъ образомъ, что maman, будучи недовольна кѣмъ-то изъ прислуги, нанимала другого человѣка. Вмѣсто отходящаго былъ отъисканъ и ангажированъ другой, и на слѣдующій день этотъ новый слуга долженъ былъ прибыть и вступить въ отправленіе своей должности, но въ предшествовавшій этому дню вечеръ тетя Ольга получила съ дворникомъ конвертъ надписанный на ея имя. Почеркъ былъ незнакомый и изъ нещегольскихъ,—какимъ пишутъ на Руси грамотные самоучки; въ конвертѣ оказалось письмо, писанное опрятно, на чистой бумажкѣ, но тѣмъ же самоучковымъ почеркомъ и содержало оно въ себѣ, сколько я помню, отъ слова до слова слѣдующее: «Ваше Высокоблагородіе Ольга Петровна! Госпожа ваша сестрица договорили себѣ прислугу (имя рекъ), но сей договоренный есть человѣкъ легкомысленный, а потому къ довѣренности ему ненадежный, о чемъ пріемлю смѣлость вамъ для предосторожности доложить». Подпись: «швейцаръ Павлинъ Пѣвуновъ». Тетка показала это письмо матушкѣ и та рѣшила послушаться предостереженія, которое дѣлалъ Павлинъ; договоренному легкомысленному слугѣ былъ посланъ отказъ, а maman идучи на свою обычную прогулку и встрѣтивъ на дворѣ Павлина поблагодарила его за доброжелательство. Антикъ снялъ свою шляпу съ галуномъ и отвѣтилъ maman молчаливымъ, но вѣжливымъ поклономъ.—Вечеромъ maman сидя за чаемъ сказала теткѣ Ольгѣ:

— Но однако же намъ все таки нуженъ слуга. Господинъ Павлинъ намъ одного опорочилъ, а гдѣ искать лучшаго не показалъ.

— Это и не его дѣло, отвѣчала тетка.

— Знаю; но... онъ бы, я думаю, могъ намъ порекомендовать если бы захотѣлъ.

— А ты его развѣ просила?

— Нѣтъ; да онъ кажется со мною и не желаетъ говорить—взглянулъ окомъ по меньшей мѣрѣ министерскаго величія и откланялся. Другое дѣло, пошутила она,—если бы ты его объ этомъ попросила: для тебя онъ вѣрно за высокую для себя честь почтетъ оказать намъ эту услугу.

Тетка приняла эту шутку съ обыкновенно-свойственною ей веселостью и такъ же шутя отвѣчала:

— Хорошо: я его попрошу.

На другой же день тетушка идучи куда-то передъ вечеромъ вмѣстѣ со мною зашла въ швейцарскую, гдѣ Павлинъ по обыкновенію сидѣлъ одинъ въ своемъ креслѣ и читалъ передъ зеленою лампою книгу. Увидѣвъ тетку, онъ тотчасъ же положилъ на столъ книгу, вѣжливо поклонился и выпрямившись во весь свой длинный ростъ, принялъ позитуру Гёте.

Тетушка высказала ему просьбу. Павлинъ сдвинулъ брови, подумалъ и отвѣчалъ:

— Нынче обстоятельныхъ слугъ къ своей должности нѣтъ.

— Такъ вы и не можете намъ никого рекомендовать?

— Не смѣю-съ, потому что ни кого такого не предвижу.

Мы отошли ни съ чемъ и когда вернулись домой, то maman не мало потрунила надъ тетушкой, что власть сей послѣдней надъ Павлиномъ Пѣвуновымъ не плодотворна и онъ все таки грубый бирюкъ; но тетя и тутъ защищала его, говоря, что она и въ этомъ его отказѣ видитъ только новое доказательство его обстоятельности и благоразумія: онъ остороженъ, говорила она, потому что «обстоятельный человѣкъ». А знай онъ кого нибудь за кого бы могъ поручиться, онъ бы конечно непремѣнно порекомендовалъ.

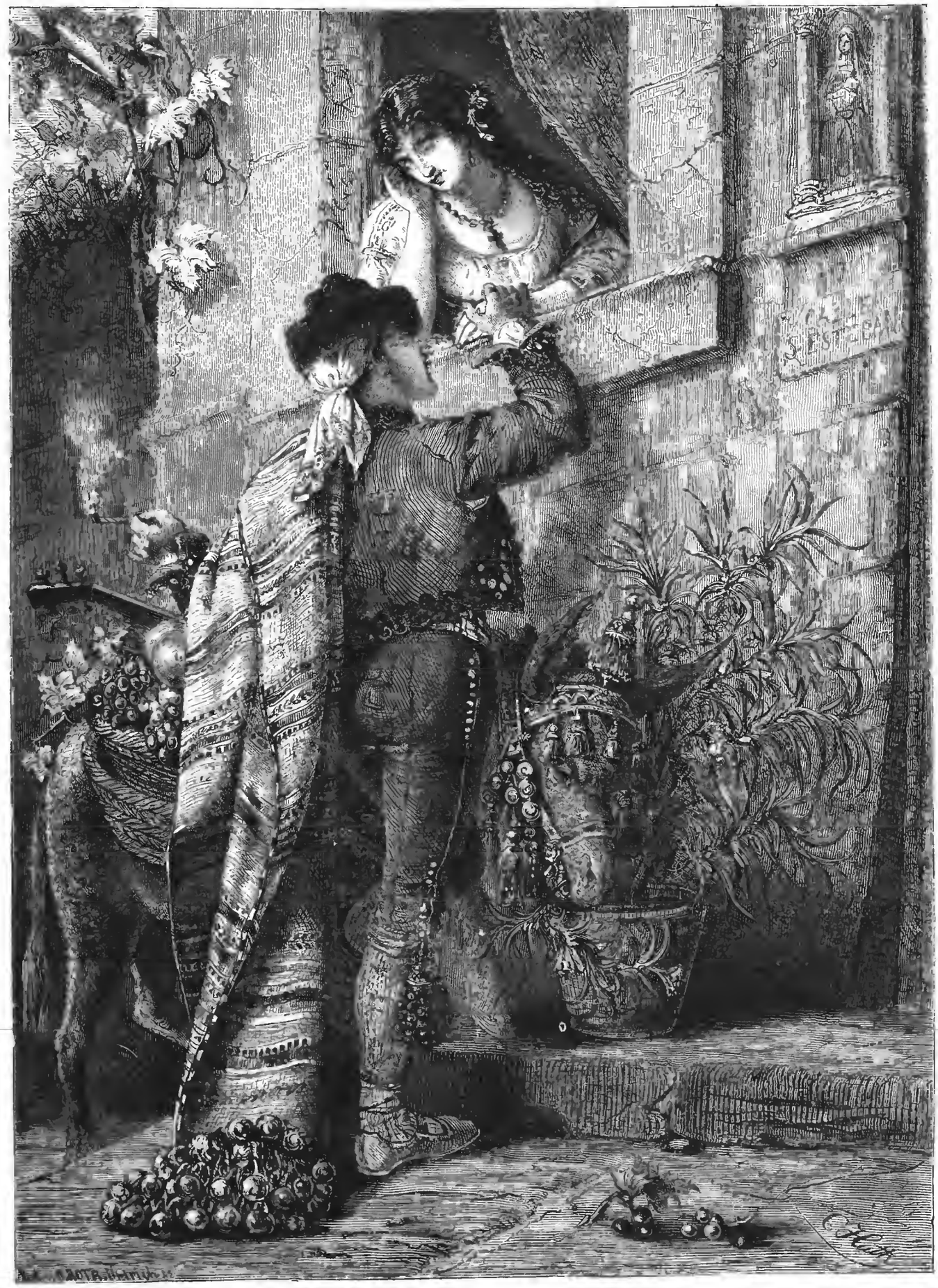
И тетка не ошиблась: къ ея вставанью на слѣдующее утро опять появилось краткое письмо, которымъ Павлинъ, въ лапидарномъ стилѣ, просилъ ее повременить дня два наймомъ слуги, ибо онъ получилъ какія-то свѣдѣнія объ извѣстномъ «обстоятельномъ господскомъ служителѣ, бывшемъ однихъ съ нимъ господъ».

Тутъ сказались настоящія чувства maman къ Павлину: она перестала говорить о немъ какъ о грубіянѣ и очень обрадовалась, что можетъ имѣть слугу одной съ нимъ школы, и изъявила согласіе ждать рекомендованнаго Павлиномъ человѣка хоть цѣлый мѣсяцъ. Но это было вовсе не нужно, потому что ожидаемое лицо явилось на другой же день и тотчасъ же было нанято и вступило въ должность скромнаго лакея нашего скромнаго жилища.

Поставленный Павлиномъ человѣкъ былъ нѣсколько старше его и гораздо его простодушнѣе и добрѣе. Онъ даже совсѣмъ былъ добрякъ, имѣлъ веселый, открытый характеръ и необычайную кротость и исполнительность, чѣмъ и заслужилъ у насъ сразу всеобщее довѣріе и расположеніе, хотя разумѣется ему въ этомъ не мало содѣйствовала рекомендація Павлина, оказавшаго намъ такимъ образомъ первую услугу.

Вскорѣ онъ сдѣлалъ и другую: мы собрались на лѣто въ деревню и грустили, что должны были оставить нашего любимаго человѣка дома при квартирѣ, и что-же? Не успѣли мы объ этомъ поговорить дома за нашимъ вечернимъ чаемъ, какъ утромъ опять къ тетушкѣ посланіе: Павлинъ опять въ томъ же лапидарномъ стилѣ извѣщаетъ, что намъ отнюдь не нужно ни кого оставлять на лѣто въ своей квартирѣ, такъ какъ онъ, Павлинъ, «самъ достаточно можетъ ее досмотрѣть безъ всякаго затрудненія». Принять это одолженіе было очень соблазнительно; это отлично улаживало всѣ наши дѣла и вопросъ могъ быть только въ томъ: какъ вознагра-

Библиотека "Руниверс"



Андалузское rendez-vous. Съ картины К. Гута, грав. О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

дить Павлина за его досмотръ? Къ обсужденію этого вопроса былъ допущенъ нашъ слуга, но отъ него получился по этому поводу рѣшительный протестъ.

— Павлинъ Петровичъ, человѣкъ амбиціонный сказалъ онъ:—онъ это предоставляетъ изъ чести и платою его можно несносно обидѣть.

Такъ это и осталось: ни maman, ни тетка Ольга рѣшительно не могли придумать: чѣмъ-бы поблагодарить *добраго* Павлина.

Павлинъ у насъ началъ именоваться «*добрымъ*». Такъ измѣнялъ онъ въ нашихъ глазахъ свою репутацію въ предверіи наступающей эпохи, когда ему предстояло явить себя на искусѣ въ борьбѣ чувствъ ему повидимому вовсе несвойственныхъ.

(Продолженіе будетъ)

Подъ испанскимъ небомъ.

Подъ вѣчно яснымъ небомъ *Tierra de Maria Santisima* «земли Пресвятой Дѣвы», какъ любятъ называть свою страну Андалузцы, живутъ такіе же какъ это небо веселые, беззаботные люди. Пропитанные окружающимъ ихъ бальзамическимъ воздухомъ, они и по характеру и по образу жизни какъ нельзя болѣе гармонируютъ съ небомъ, подъ которымъ родились.

Стройный и ловкій, изящный въ каждомъ движеніи, андалузецъ умѣетъ еще болѣе возвышать эластичность своего тѣла плотно-прилегающимъ къ нему платьемъ. Особенно, андалузскія женщины, врожденной своей прелестью, производитъ такое чарующее обаяніе, какъ ни одна другая женщина, не считающая своимъ отечествомъ Андалузію. Танцы и пѣніе—главное занятіе этихъ женщинъ; а гитары и кастаньеты—инструменты, которыми онѣ оживляютъ веселье мужчинъ и увлекаютъ ихъ въ вихрь удовольствій. Само небо съ отеческой нѣжностью позаботилось объ Андалузіи: почва такъ богата и уступчива, что земледѣлецъ едва нуждается въ заступѣ и плугѣ чтобы быть щедро вознаграждаемымъ за самый ничтожный трудъ; такимъ образомъ, ему остается довольно времени на веселье.

Андалузецъ очень любитъ наряжаться и увѣшивать себя всевозможными блестящими бездѣлушками. Своего осла или лошака онъ также наряжаетъ и украшаетъ. Кромѣ того, андалузецъ не требуетъ отъ животнаго невозможнаго, онъ разговариваетъ съ нимъ какъ съ товарищемъ и одобряетъ его ласковыми словами. Животное отлично знаетъ свою кличку и навостряетъ уши, когда хозяинъ зоветъ его по имени. Ѣдетъ ли андалузецъ съ нагруженнымъ животнымъ по деревнѣ или на рынокъ, гитара всегда его неразлучная спутница; она лежитъ обыкновенно на верху клади, заботливо уложенной съ плетеныхъ соломенныхъ корзинкахъ, висящихъ по обѣимъ сторонамъ животнаго.

Собственно *національная одежда* андалузцевъ состоитъ изъ такъ-называемаго *майо*, т. е. *параднаго костюма*; это любимый костюмъ бойцевъ на боѣ быковъ во всей Испаніи. Одежда эта состоитъ изъ короткой, плотно охватывающей и украшенной множествомъ разныхъ металлическихъ или серебряныхъ пуговицъ, бархатной или суконной куртки, вышитой въ ладонь ширины шелкомъ. Жилетъ и панталоны изъ такой же матеріи какъ куртка и также обтянуты. Первый, очень короткій и узкій, отдѣланный такими же пуговицами какъ куртка, оставляетъ на груди открытой ослѣпительной бѣлизны рубашку, изъ-за отложнаго воротничка которой выглядываютъ кончики повязаннаго вокругъ шеи, тонкаго, шелковаго платка. Панталоны доходятъ до колѣнъ; наверху, у кармановъ, и внизу, гдѣ болтаются толстыя шелковыя кисти, находятся разрѣзы, также отдѣланные пуговицами и шитьемъ. Длинный голубой или красный шарфъ, нѣсколько разъ опоясанный вокругъ таліи, придерживаетъ панталоны и служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ для того чтобы можно прятать въ него всякія бездѣлицы. «Навайя», длинный, похожій на кинжалъ, складной ножъ, безъ котораго андалузецъ не можетъ жить, помѣщается съ лѣвой стороны, въ верхнемъ разрѣзѣ. На ногахъ надѣты бѣлые чулки; иногда, особенно въ дурную погоду, сверхъ нихъ надѣваются вышитые кожаные гетры. Обувь состоитъ изъ кожаныхъ или пеньковыхъ сандалій (Alpargata).

На головѣ андалузецъ носитъ *Sombrero*, круглую, низенькую шляпу съ загнутыми полями; изъ подъ нея свѣшиваются на спину концы шелковаго платка, которымъ повязана голова. На лѣвомъ плечѣ виситъ пестрая, затканая поперечными полосами манта; это шерстяное одѣяло, служащее для майо плащемъ въ дождь и холодъ, покрываломъ и постелью ночью. Южному испанцу манта (длинное, широкое двойное одѣяло, сшитое на одномъ концѣ вмѣстѣ) также необходима, какъ необходимъ сѣверному его *капа (capa)*, толстый шерстяной коричневый плащъ. *El papelito*, т. е. папироска, всегда должна быть у андалузца между указательнымъ и большимъ пальцемъ лѣвой руки, хотя бы онъ даже и не курилъ въ эту минуту.

Такой же нарядный костюмъ и у *alter ego* майо, у майя, особенно у молодыхъ дѣвушекъ, и вся природная красота ихъ только въ этомъ нарядѣ выступаетъ во всей своей силѣ. Иностранецъ, привыкнувъ къ сѣвернымъ костюмамъ, видитъ въ этомъ майя ничто иное какъ кокетство; но если онъ слишкомъ увлечется подобной мыслью, то дѣло можетъ кончиться плохо. «Mirar y no tocar!» «Любуйся мной, но не трогай!» любимая поговорка истой, кровной майя. Костюмъ ея состоитъ изъ узкаго шелковаго корсажа, краснаго, желтаго или голубаго цвѣта, съ узенькими, короткими рукавчиками; пестрая юбка, надѣтая на ней, достаточно коротка чтобы выказать прелестнѣйшія ножки; прекрасные, черные какъ вороново крыло, густые, длинные волосы, распущенные или тщательно заплетенные въ косы, падаютъ по плечамъ и всегда украшены съ лѣвой стороны цвѣткомъ.

Выходя со двора, майя граціозно накидываетъ на голову кружевную или шелковую мантилью, которая чрезвычайно идетъ къ ея смуглому личику.

Тоже что для майо *papelito*, то для майя *abanico* (вѣеръ), никогда не выпускаемый ею изъ рукъ и приводящій ихъ въ вѣчное движеніе. Только майя успѣетъ накинуть мантилью, какъ сейчасъ же беретъ вѣеръ, и каждая крестьянка въ Андалузіи такъ же отлично умѣетъ владѣть имъ какъ и первая аристократка. Вообще въ Испаніи вѣеръ играетъ большую роль; въ рукахъ прекраснаго пола это настоящій передвижной воздушный телеграфъ. Не выговоривъ не одного слова, не бросивъ ни однаго опредѣленнаго взгляда, испанка умѣетъ посредствомъ вѣера открыть все свое сердце.

Во всей Испаніи существуетъ обычай самымъ знатнымъ дамамъ и кавалерамъ появляться на народныхъ праздникахъ, на бояхъ быковъ и т. п., въ костюмѣ майо или майя. Это дѣлается тѣмъ охотнѣе, что онъ очень идетъ ко всѣмъ. Но въ самой Андалузіи, гдѣ этотъ костюмъ не такъ бросается въ глаза, знатные господа часто надѣваютъ его, смѣшиваются съ народомъ и пускаются въ такія продѣлки, которыхъ не могли бы себѣ позволить въ одеждѣ принадлежащей ихъ званію.

Въ Испаніи сельскіе дома стоятъ обыкновенно по большой дорогѣ, среди принадлежащихъ къ нимъ угодій, занимающихъ всего нѣсколько десятинъ. Все это обнесено гранатовой или кактусовой изгородью, или стѣной. Землей большею частію владѣютъ дворяне, мужикъ не болѣе какъ арендаторъ. Впрочемъ, здѣсь описываются только ближайшія окрестности городовъ, гдѣ занимаются преимущественно огородничествомъ

Библиотека "Руниверс"

и очень мало хлѣбопашествомъ. Это ближайшія поселки около городовъ называютъ *huerta*, т. е. огородъ.

Одна изъ такихъ хуертъ служитъ мѣстомъ дѣйствія нашего маленькаго разсказа, касающагося событій карлистской войны во время экспедиціи генерала Гомеца на Кордову.

I.

— Valgame Dios, Pepita de mi alma! Господи помилуй, сердечная моя Пепита (Жозефиночка)! У тебя сегодня такое лицо, точно всю твою петрушку побило градомъ.

Слова эти обращались молодымъ, изящно одѣтымъ майо, гнавшимъ передъ собой осла, нагруженнаго плодами, къ молодой дѣвушкѣ, стоявшей въ утреннемъ туалетѣ у открытаго окна одного изъ сельскихъ домиковъ южной *хуерты* вблизи *Кордовы*.

Та, къ которой обращалась рѣчь, была погружена въ глубокую задумчивость; она испугалась знакомаго голоса. Молодой человѣкъ приблизился къ окну, гдѣ стояла дѣвушка, чтобы поздороваться съ нею и поднести ей только-что-сорванную свѣжую пунцовую розу, какъ онъ ежедневно дѣлалъ это все лѣто.

Молодая дѣвушка оставалась неподвижной и грустно смотрѣла на него, когда онъ, положивъ свою правую руку къ ней на руку, съ любовью глядѣлъ въ ея глаза.

— Что съ тобой, мое сокровище, чѣмъ ты такъ огорчена?

— Я огорчена, я несчастна, отвѣчала дѣвушка, которую и мы будемъ называть *Пепита*, — тѣмъ, что мой братъ сдѣлалъ открытіе, какъ я жестоко обманута: тотъ, кому я вѣрила, кому я отдала свое сердце, вкрался въ него хитростью и обманомъ. Діего, прибавила она твердо и рѣшительно,—между тобой и мной лежитъ глубокая пропасть: ты не тотъ за кого я тебя считала, за кого ты себя выдавалъ. Ты не Діего, сынъ арендатора хасіенды-де-ла-Аламеды; ты сынъ богатаго маркиза де-Санта-Круца, самаго гордаго изъ всѣхъ грандовъ Андалузіи. Какъ могу я, дочь вдовы бѣднаго офицера, не имѣющая за собой ничего кромѣ своей чести и вѣрнаго сердца, еще долѣе оставаться въ заблужденіи сдѣлаться твоей!

Діего спокойно слушалъ упреки молодой дѣвушки, любимой имъ со всѣмъ жаромъ андалузца; между тѣмъ оселъ его преспокойно обглядывалъ-себѣ подъ шумокъ листочки и нѣжныя вѣтви стоящаго подъ окномъ растенія, а самъ Діего держалъ въ сторонѣ курящуюся папелито, чтобы дымъ не шелъ въ лицо его возлюбленной. Его поразила эта неожиданная проповѣдь, однако онъ скоро овладѣлъ собой и продолжалъ:

— То что ты говоришь, Пепита, правда. Да! я сынъ маркиза де-Санта-Круцъ. Я одѣлся майо чтобы не возбуждать вниманія къ себѣ, выдавалъ себя за сына арендатора Аламенды, каждый день проходилъ здѣсь съ его осломъ до самыхъ городскихъ воротъ, чтобы поймать одинъ взглядъ твоихъ чудесныхъ глазъ,—и былъ несчастливъ, когда ты, какъ скромная фіалочка, прятала свое личико за занавѣской и мои глаза не встрѣчались съ твоими. Наконецъ я сталъ храбрѣе и рѣшился предложить тебѣ пунцовую розу, и былъ невыразимо счастливъ, когда ты не пренебрегла символомъ любви и сейчасъ же воткнула розу себѣ въ волосы. Разъ позволивъ себѣ эту смѣлость, я уже каждый день сталъ заговаривать съ тобой, сердца наши слились въ одно, и съ тѣхъ поръ я счастливѣйшій изъ всѣхъ сыновей грандовъ. Твоимъ открытіемъ ты только предупредила мое намѣреніе: формально просить сегодня твоей руки. Онъ горячо схватилъ ея правую руку, прижалъ ее къ своимъ губамъ, и поднявъ на нее умоляющіе глаза, проговорилъ:—Пепита! хочешь быть моей, предлагаю тебѣ руку и сердце!

При послѣднихъ словахъ точно электрическій токъ пробѣжалъ по всему существу Пепиты, она задрожала отъ волненія.

Робко взглянувъ на стоящаго предъ ней съ умоляющимъ выраженіемъ красиваго молодаго человѣка, она тихо отвѣтила ему:

— Дорогой Діего! сердце мое давно принадлежитъ тебѣ; что же касается моей руки, то ею можетъ располагать только моя мать! Если твои намѣренія чисты, иди къ ней,—и если нѣтъ никакихъ препятствій для честнаго союза между тобой и мной, то она слишкомъ любитъ свою единственную дочь, чтобы мѣшать ея счастію.

Діего, не колеблясь ни минуты, согласился съ этимъ и обѣщалъ въ этотъ же день представиться матери. Наконецъ Пепита, болѣе счастливая чѣмъ въ началѣ свиданія, простилась съ своимъ возлюбленнымъ, послѣ того какъ онъ еще разъ нѣжно поцѣловалъ ея руку.

Кордова, бывшая нѣкогда резиденціей мавританскихъ королей изъ рода Альмогадовъ, расположена амфитеатромъ, прислонясь къ послѣднимъ отрогамъ Сіерры Морены и подойдя къ самому берегу Гвадалквивира, черезъ который построенъ каменный мостъ. На югъ и сѣверъ отъ города, вдоль рѣки, лежитъ роскошная *хуерта* (огородъ) орошаемая рѣкой; она производитъ великолѣпную растительность, какой нѣтъ подобной въ цѣлой Испаніи. Маленькіе крестьянскіе домики лежатъ словно въ цвѣточныхъ корзинахъ въ своихъ изгородяхъ изъ гранатовыхъ и розовыхъ кустовъ, фиговыхъ, миндальныхъ, апельсинныхъ, померанцевыхъ и шелковичныхъ деревьевъ, надъ которыми тамъ и сямъ поднимаются финиковыя пальмы.

На южномъ концѣ хуерты, около четверти леги отъ города, лежитъ хасіенда-де-ла-Аламеда, бывшее владѣніе и лѣтняя резиденція епископовъ Кордовы. Епископы много сдѣлали для украшенія своихъ владѣній, превратили ихъ въ настоящій рай. Великолѣпнѣйшія деревья и кустарники всѣхъ странъ свѣта украшаютъ паркъ, гдѣ любятъ гулять праздные кордовцы. На сѣверномъ концѣ хуерты, около мили вверхъ по рѣкѣ, лежитъ Альколеальскій мостъ, черезъ который идетъ дорога въ Кадиксъ. Это тотъ самый мостъ, у котораго, по ту и по другую сторону Гвадалквивира, часто происходили кровавыя битвы; еще въ недавнее время онъ былъ зрителемъ кровопролитной схватки, рѣшившей судьбу королевы Изабеллы. Здѣсь былъ тяжело раненъ маркизъ Новалихесъ (генералъ Павія).

Въ тотъ самый день, когда Пепита говорила подъ окномъ съ красивымъ майо, часовъ въ пять по полудни, изящно одѣтый молодой человѣкъ съ великолѣпнымъ букетомъ пунцовыхъ розъ, шелъ черезъ севильскіе ворота въ Кордову. Онъ направлялъ свои шаги къ хуертѣ, лежащей на югъ отъ города, завернулъ тамъ въ *Калле-Санъ-Естебанъ* и остановился передъ дачей съ садомъ, окруженнымъ высокой гранатовой изгородью.

Молодой человѣкъ былъ никто иной какъ *Донъ-Діего-де-Базанъ*, второй сынъ *маркиза де-Санта-Круцъ*.

Съ любезностью настоящаго кабаллеро представился онъ хозяйкѣ дома, вдовѣ полковника *Манцано*, матери своей возлюбленной Пепиты, съ поклономъ подалъ ей букетъ и сѣлъ противъ нее, на предложенный ему Пепитою стулъ.

— Имѣю честь представиться вамъ, уважаемая госпожа полковница, началъ Діего:—я Діего-де-Базанъ, второй сынъ маркиза де-Санта-Круцъ, и пришелъ почтительно просить васъ принять въ ваше семейство какъ сына и удостоить меня руки вашей дочери, сеньорины Пепиты.

Діего при этихъ словахъ всталъ, поклонился и почтительно поцѣловалъ у дамы руку. Затѣмъ онъ опять сѣлъ и продолжалъ.

— Хотя я не наслѣдникъ, но у меня есть свое собственное состояніе, которое дастъ мнѣ полную возможность содержать семью сообразно моему общественному положенію. Кромѣ того я совершеннолѣтній, а Пепита дочь хидальго, полковника, слѣдовательно равная мнѣ по рожденію. Такъ-называемаго приданаго мнѣ не надо, отдайте мнѣ Пепиту такъ какъ она есть.

Онъ быстро взялъ руку своей возлюбленной, надѣлъ ей дорогое кольцо, и прежде чѣмъ удивленная дама могла опомниться, бросился вмѣстѣ съ невѣстой къ ея ногамъ и сказалъ:

— Благословите насъ, матушка!

Донна Долоресъ де-Манцано де-Линаресъ, мать Пепиты, была достойная матрона, рано узнавшая житейскія невзгоды. Во все время своей замужней жизни, она мало видѣла веселыхъ дней. То было время безпрерывной борьбы партій. Ея мужъ

Библиотека "Руниверс"

былъ первымъ поручикомъ Эстремадурскаго полка, состоявшаго въ то время подъ начальствомъ полковника Цумалакарреньи. Его заподозрили вмѣстѣ съ этимъ послѣднимъ въ карлизмѣ и отставили отъ службы съ однимъ единовременнымъ денежнымъ пособіемъ; это заставило его удалиться съ своимъ семействомъ въ свое маленькое имѣніе въ Кордовской хуертѣ; тамъ, промѣнявъ мечъ на плугъ, онъ самъ занялся устройствомъ своей маленькой собственности. Раздраженіе и досада на испорченную карьеру преждевременно состарили вообще весьма почтеннаго и еще бодраго человѣка. Работая больше чѣмъ позволяли его силы, онъ вскорѣ получилъ смертельную болѣзнь, вслѣдствіе чрезмѣрнаго напряженія и 15 мая 1835 г. спокойно скончался.

Госпожа де-Манцано, до глубины души обрадованная и вмѣстѣ съ тѣмъ пораженная, что судьба ея любимой дочери такъ неожиданно устроилась, положила обѣ руки на голову молодыхъ людей и сказала:

— Будьте счастливы, дѣти, наслаждайтесь болѣе радостными и спокойными днями, чѣмъ выпавшіе мнѣ на долю! Господь благослови васъ!.. она перекрестила ихъ... — Пусть онъ возметъ васъ подъ свое святое покровительство!

Они встали, обняли мать, потомъ заключили другъ друга въ крѣпкое долгое объятіе.

Вѣсть объ этомъ обрученіи какъ молнія облетѣла всю хуерту, особенно южную ея часть. Повсюду собирались толпы молодыхъ дѣвушекъ и женщинъ. Многія изъ нихъ, особенно изъ первыхъ, чуть не лопались отъ зависти, и говорили что Пепита не стоитъ богача, красавца Базана. Но молодые люди хуерты были справедливѣе, они какъ нельзя симпатичнѣе относились къ этому браку, считая что никто болѣе Донъ-Діего не достоинъ взять у нихъ «цвѣтокъ хуерты»... la flor de la huerta... какъ они называли Пепиту.

Многіе молодые люди сговорились дать молодой невѣстѣ серенаду. Такія серенады въ Испаніи, а особенно въ Андалузіи, состоятъ изъ нѣсколькихъ импровизированныхъ въ честь того кому устроиваютъ овацію стиховъ, которые авторъ ихъ поетъ съ аккомпаниментомъ гитары. *Фанданго*—всегда первое съ чего начинаетъ пѣвецъ; онъ всего лучше знаетъ этотъ мотивъ, да онъ и всего сильнѣе дѣйствуетъ на публику. Не успѣетъ онъ дотронуться до струнъ, не успѣетъ съиграть перваго такта фанданго, какъ у малаго и у стараго сердце прыгаетъ отъ радости. Для слушателей тогда все равно гдѣ раздается музыка, на улицѣ ли, или въ другомъ какомъ мѣстѣ; гдѣ стоятъ, тутъ и открывается бальная зала съ синимъ, яснымъ небомъ вмѣсто потолка. Дѣвушки, проходящія мимо, приглашаются на танцы. Танцоры становятся другъ противъ друга, берутъ кастаньеты, раздается гитара, и вотъ начинается танецъ. Фанданго всегда танцуется вдвоемъ, и танцующіе даже рукой не прикасаются другъ къ другу; но они выступаютъ впередъ и то приближаются другъ къ другу, то опять удаляются; въ ту минуту, когда кажется что танцовщица уже готова поддаться, она вдругъ мгновенно ускользаетъ отъ побѣдителя; тотъ преслѣдуетъ ее, она преслѣдуетъ его... однимъ словомъ всѣ жгучія впечатлѣнія переживаемыя обоими выражаются въ каждомъ ихъ взглядѣ, въ каждомъ жестѣ и движеніи.

Когда испанецъ танцуетъ, онъ все забываетъ; вся его жизненная сила сосредоточена въ эту минуту только въ красивыхъ движеніяхъ его тѣла. Всѣ принимаемыя имъ позы въ высшей степени изящны. Ловкіе танцоры дѣлаютъ все что только возможно сдѣлать при ихъ природной гибкости, любви къ искуству и желаніи нравиться. Вниманіе окружающихъ приковано къ танцующимъ, зрители кажется впиваются глазами въ каждое ихъ движеніе, и всѣ лица сіяютъ удовольствіемъ.

Пепита рядомъ со своимъ женихомъ смотрѣла на танцы изъ окошка; и она наконецъ не могла устоять дольше и согласилась на просьбу своего жениха сдѣлать нѣсколько туровъ фанданго. Когда стоявшая внизу публика, все прибывавшая во время танцевъ, увидѣла что и женихъ съ невѣстой танцуютъ, раздались громкія восклицанія: «Que salero! que flor de la canela!» Эти оригинальныя названія: salero (солонка), flor de la canela (цвѣтокъ корицы) даются какой нибудь женщинѣ, отличающейся красотой, умомъ, любезностью и добротой.

Донъ Діего выписалъ изъ города угощеніе и прохладительные напитки. Онъ самъ, подъ руку съ невѣстой сошелъ внизъ, чтобы благодарить публику за вниманіе, оказанное ему и его невѣстѣ; расхаживая въ толпѣ, онъ пожималъ руку то тому то другому знакомому парню; наконецъ весь народъ понемножку разошолся, посылая еще на послѣдокъ веселые возгласы:—Viva la flor de la huerta! Viva Don Diego de Bazan!

(Окончаніе будетъ).

Троицко-Сергіевская лавра.

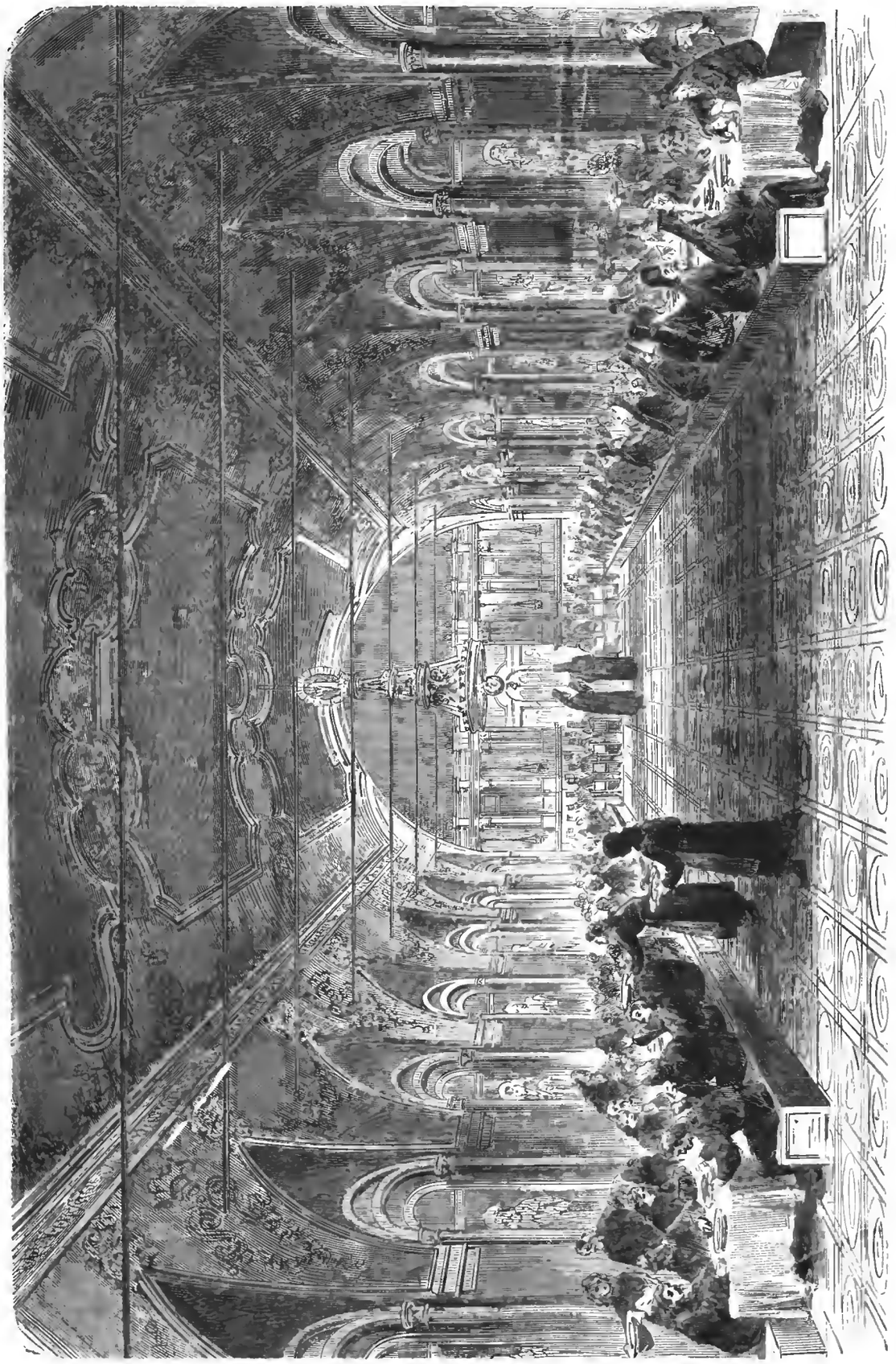
Въ шестидесяти верстахъ отъ Москвы, по ярославской желѣзной дорогѣ, находится знаменитая обитель, основанная св. Сергіемъ въ XIV столѣтіи. Безчисленныя вереницы богомольцевъ со всѣхъ концовъ Руси пѣшкомъ стекаются къ этой древней святынѣ, съ которой можетъ поравняться развѣ только Кіевопечерская лавра. Даже въ Москвѣ, между самыми зажиточными обывателями до сихъ поръ сохраняется обычай хоть разъ въ нѣсколько лѣтъ сходить къ *Троицѣ-Сергію*, при чемъ болѣе или менѣе удобный экипажъ, припасенный на всякій случай, плетется шажкомъ за богомольцами. Въ прежнія времена странники захватывали съ собой даже постели и прочія дорожныя принадлежности; нынѣ же при монастырѣ находится гостинница со всѣми европейскими удобствами, въ которой сотни посѣтителей находятъ полный комфортъ за весьма умѣренную плату. Всякій увидавшій Троицкую лавру прежде живописной Москвы—невольно подивится внушительному множеству ея церквей и зданій, окруженныхъ зубчатою съ башнями стѣной, извивающейся по холмамъ и неровностямъ почвы. Въ древности монастырь былъ укрѣпленъ еще сильнѣе и даже окруженъ рвомъ, ибо во времена его основанія такія обители служили крѣпостями противъ враговъ вѣры и въ стѣнахъ ихъ нерѣдко находились иноки, препоясывавшіеся мечомъ на защиту отечества. Ни одна изъ христіанскихъ церквей, въ теченіи долгаго промежутка съ XIII по XV вѣкъ, не отличалась такою ревностью противъ ислама какъ русская—и эти подвиги заслонили западную Европу отъ нашествія татаръ, угрожавшаго всему цивилизованному міру.

Святая Троицкая лавра началомъ своимъ современна возвышенію княжества Московскаго надъ прочими княженіями русскими. Около 1328 года, именитая чета, Кириллъ и Марія, знатнаго и богатаго боярскаго рода, лишась почти всего достоянія отъ различныхъ бѣдствій, переселилась въ удѣлъ принадлежавшій впослѣдствіи сыну *В. К.* Іоанна Даніиловича, Андрею, въ село Радонежъ, гдѣ намѣстникомъ княжескимъ обѣщаны были всѣмъ переселенцамъ льготы. Средній изъ сыновей Кирилла, Варѳоломей, родившійся около 1314 года въ Ростовѣ, издавна желалъ отречься міра—и по смерти родителей, предоставивъ наслѣдственное достояніе младшему брату Петру, удалился къ старшему, Стефану, принявшему иночество въ Покровскомъ Хотьковѣ монастырѣ, гдѣ погребены и родители ихъ. Стремясь къ болѣе глубокому уединенію, оба брата избрали мѣсто въ пустынѣ, въ лѣсу на горѣ, верстахъ въ десяти отъ Радонежа и отъ Хотькова, и устроили здѣсь келлію и церковь, которая по благословенію митрополита Ѳеогноста освящена во имя Святыя и Живоначальныя Троицы. По отбытіи Стефана въ московскій богоявленскій монастырь, Варѳоломей, принялъ отъ игумена Митрофана постриженіе 23-хъ лѣтъ отъ роду и нарѣченъ Сергіемъ.

Мало по малу стали къ нему собираться желавшіе жить подъ его руководствомъ и стали строить келліи. Такъ образовался монастырь, который благодаря живописному положенію на горѣ, съ трехъ сторонъ округленной, въ древности прозывался: *иже на Маковцѣ*. Долгое время къ нему не было и пути удобнаго, а вела только узкая тропинка. Уже въ княженіе Іоанна Іоанновича (1353—1359) стали селиться въ окрестностяхъ монастыря земледѣльцы, «исказиша пустыню, и непощадѣша, и составиша села и дворы многи», а вмѣстѣ съ тѣмъ и путь къ обители сталъ пространнѣе; но окрестные лѣса были еще такъ дики, что и по смерти Сергія въ нихъ ловили на рѣкахъ бобровъ.

Преподобный Сергій по справедливости признается первымъ настоятелемъ обители св. Троицы, такъ какъ игуменъ Митрофаній, являющійся въ ней при началѣ ея, былъ только случайнымъ пред-

Библиотека "Руниверс"



Трапеза церкви пр. Сергія, въ Троицкой лаврѣ. Рис. Е. Штейнманъ, грав. Рихтеръ.

Библиотека "Руниверс" 36

ставителемъ начальствованія, которымъ смиренный Сергій хотѣлъ оградить себя отъ необходимости начальствовать; по кончинѣ же Митрофана Сергій не могъ уже противустоять просьбамъ братіи и благословенъ былъ на игумениство переяславскимъ епископомъ Афанасіемъ въ 1354 или 1356 году. Во время его управленія, нищета и нестяжаніе обители были такъ велики, что братія «*самыя книги не на хартіяхъ* (пергаментѣ) *писаху, но на берестахъ. Самъ же блаж. Сергій таковы ризы худы* носилъ, что многіе изъ приходившихъ не узнавали его, принимая за одного изъ просившихъ милостыню. Даже священные сосуды, въ которыхъ священнодѣйствовалъ Сергій, были деревянные, покрытые красною краскою съ написанными изображеніями — на потирѣ Христа Спасителя, Божіей Матери и Іоанна предтечи, а на дискосѣ Агнца Божія и ангеловъ, а священническая риза его изъ ткани бумажной, не тонкой и темноцвѣтной,—какъ это можно и нынѣ видѣть въ ризницѣ, гдѣ хранится святыня. Впрочемъ, еще въ игуменство пр. Сергія, смоленскій архимандритъ Симонъ, пришедшій къ нему «со многимъ имѣніемъ» далъ ему средство воздвигнуть болѣе пространную церковь для умножавшейся братіи, и самыя келліи расположены были пространнѣе на четыре стороны вокругъ нея, а по учрежденіи общежитія устроена трапеза и другія зданія. Ограду монастыря составлялъ деревянный тынъ.

Обитель пр. Сергія часто посѣщалъ Великій Князь Дмитрій Іоанновичъ и особенно прибѣгалъ къ нему за совѣтами, когда разнеслась молва о нашествіи Мамая на Россію. Сергій благословилъ и укрѣпилъ Великаго Князя на подвигъ за вѣру и отечество, далъ ему въ сподвижники иноковъ Ослябя и Пересвѣта, и во время битвы на Куликовомъ полѣ вновь подкрѣпилъ его благословляющею грамотою на первую побѣду надъ татарами, за которую Великій князь получилъ прозваніе Донскаго и самъ причтенъ церковью къ лику святыхъ. Сергій былъ посвѣщеникомъ отъ купели двухъ сыновей великаго князя и свидѣтелемъ при его духовномъ завѣщаніи—особенно важномъ по тому, что имъ вводился необыкновенный дотолѣ, благодѣтельный порядокъ наслѣдованія престола послѣ отца сыну, помимо старшихъ въ родѣ (служившихъ нескончаемымъ источникомъ смутъ удѣльнаго періода)—и охраненіе этого новаго государственнаго учрежденія ввѣрено было преподобному Сергію. Великій іерархъ Церкви россійской, св. Алексій, всю жизнь свою питалъ особенную любовь къ Сергію и предполагалъ имѣть его преемникомъ на престолѣ митрополіи Всероссійской; но смиренный Сергій на всѣ убѣжденія его отвѣчалъ одно: «выше моея мѣры, еже глаголеши», и отклонилъ отъ себя избраніе, котораго никто не былъ достойнѣе.

Нашествіе Тохтамыша на Москву (1382 г.) побудило Сергія удалиться въ Тверь; Москва и окрестные города были разорены, но обитель его осталась неприкосновенною. Кончину свою св. Сергій провидѣлъ за полгода и поручилъ братію преподобному Никону; самъ же пребывалъ въ безмолвіи и 25 сентября 1392 г., преподавъ братіи послѣднее наставленіе, предалъ духъ свой Богу. Черезъ три года послѣ того какъ монастырь (въ 1408 г.) въ нашествіе Эдигея былъ сожженъ, пр. Никонъ устроилъ новый деревянный храмъ, вѣроятно на новомъ мѣстѣ, сохраняя прежде для построенія каменнаго, который съ открытіемъ мощей пр. Сергія въ 1422 г. воздвигнутъ надъ ними во имя святыя и живоначальныя Троицы.

Во время малолѣтства царя Іоанна Васильевича началось построеніе каменной ограды монастыря. По просьбѣ игумена Порфирія, 1540 года, марта 12 дня, разрѣшено было крестьянамъ Троицкаго Сергіева монастыря брать камень и известь, гдѣ бы ни нашлись они, во всѣхъ волостяхъ ближайшаго Переяславскаго и другихъ уѣздовъ, безпошлинно и безъ всякаго возмездія, доколѣ не устроится стѣна. Не видно, когда окончено строеніе ограды, но въ 1550 году игуменъ Серапіонъ уже просилъ царя, чтобы крестьяне троицкіе не были занимаемы никакими работами, а всѣ были бы обращены на поддержаніе укрѣпленій Сергіева монастыря. Къ числу построеній 50-лѣтняго царствованія Іоаннова, кромѣ храмовъ надъ гробомъ преподобнаго Никона и Сошествія св. Духа на апостоловъ, должно отнести и соборъ Успенскій, хотя онъ оконченъ и освященъ на другой годъ по смерти царя, а послѣдній придѣлъ его уже при Василіѣ Іоанновичѣ Шуйскомъ, во время осады Лавры 9 мая 1609 года. По описи монастырской, составленной въ послѣдніе годы царствованія Михаила Ѳеодоровича, протяженіе стѣны монастырской съ двѣнадцатью башнями полагается въ 551½ саж., а вышина ея у главнаго входа въ обитель въ двѣ сажени до зубцовъ, а на южной сторонѣ до 2½ саж. На башняхъ находились 90 огнестрѣльныхъ орудій различной величины; между ними были «полоняники», вѣроятно отбитыя у непріятеля. Кромѣ того 20 орудій лежало подъ навѣсомъ. На *водяной* башнѣ находился мѣдный котелъ въ 100 ведеръ, въ которомъ варили смолу во время осады.

Въ 1608 г., во время начала осады обитель Троицкая имѣла болѣе 300 человѣкъ братіи; сверхъ того, для защиты монастыря присланы были царемъ двое воеводъ съ отрядомъ войска, кн. Г. Б. Долгорукій-Роща и А. И Голохвастовъ; скудное число воиновъ дополняли слуги монастырскіе и жители окрестныхъ селеній, такъ что всѣхъ защитниковъ было до 2500 человѣкъ. Не мало было и наѣзжихъ, искавшихъ здѣсь убѣжища; между прочими: Королева Марѳа Владиміровна (дочь князя Старицкаго, супруга датскаго принца Магнуса, короля лифляндскаго) и Ксенія Борисовна Годунова. Стѣны и башни были снабжены военными снарядами, въ хлѣбныхъ запасахъ не ощущалось недостатка, но мельницы всѣ находились внѣ монастыря, а сѣна и дровъ не могло быть вдоволь. 23 сентября польскія и литовскія войска, въ числѣ 30,000 человѣкъ, подъ предводительствомъ Сапѣги и Лисовскаго, съ русскими приверженцами самозванца, татарами, черкесами, казаками, обложили монастырь съ двухъ сторонъ, и получивъ отказъ на предложеніе сдачи, стали громить его изъ 63 пушекъ. Стѣны тряслись, но не падали. Осажденные производили вылазки, наносили частыя и нерѣдко кровопролитныя пораженія непріятелю. Осада продолжалась почти цѣлыхъ 16 мѣсяцевъ; но не смотря на подкопъ, который былъ своевременно открытъ и взорванъ двумя клементьевскими крестьянами, ставшими жертвою своего подвига; не смотря на ожесточенные приступы, отбиваемые со стѣнъ оружіемъ, камнями, известію, смолою и паромъ; не смотря на цынгу, развившуюся въ обители отъ тѣсноты, сырости и лишеній, отъ которой умирало въ сутки сначала по 10, потомъ по 50 и по 100 человѣкъ въ день; не смотря на измѣну, вкравшуюся въ самыя стѣны монастыря; — осада была отражена и 12 января 1610 года Сапѣга обратился въ бѣгство.

Съ тѣхъ поръ и до нашего времени, въ обители св. Сергія не переставали воздвигаться новые храмы и зданія и перестраиваться древніе. Такъ какъ, въ концѣ XVII столѣтія, надворотная и трапезная церковь стали приходить въ ветхость, то повелѣніемъ царей Іоанна и Петра Алексѣевичей въ 1687 году вмѣсто той и другой начата новая церковь во имя св. Сергія съ обширной трапезой и въ 1692 году освящена послѣднимъ патріархомъ русскимъ, Адріаномъ, въ присутствіи государей. А послѣ того какъ Петръ Великій въ стѣнахъ Лавры дважды находилъ убѣжище и спасеніе отъ стрѣлецкихъ смутъ, архимандритомъ Тихономъ (1717—1721) построены *чертоги* на сѣверной сторонѣ монастыря для принятія государей. Въ 1738 году разобрана прежняя колокольня, и въ 1741 заложена новая, выше Ивана Великаго.

Въ нынѣшнемъ своемъ видѣ Троицкая Лавра представляетъ зрѣлище по истинѣ величественное. Кинемъ общій взглядъ на замѣчательнѣйшіе ея храмы и зданія.

1) *Соборный храмъ Пресвятыя Троицы* построенъ надъ гробомъ пр. Сергія, кромѣ трапезы весь изъ бѣлаго камня, съ вызолоченнымъ верхомъ. Глава и крестъ покрыты мѣдью и позолочены чрезъ огонь царемъ Іоанномъ Васильевичемъ въ 1556 г. Около 1720 года и желѣзная кровля надъ церковью и алтаремъ покрыта была червоннымъ золотомъ, а въ 1805 г. желѣзо покрыто золоченою мѣдью. Стѣны внутри расписаны при пр. Никонѣ двумя иконописцами - иноками, Даніиломъ и сподвижникомъ его Андреемъ Рублевымъ — и стѣнопись эта возобновлялась въ 1635, 1777, 1834 и 1354 годахъ. Пятиярусный иконостасъ обложенъ серебромъ въ 1672 году стольникомъ Яновымъ, въ 1779 г. снова обитъ серебромъ чеканнымъ золотомъ, а въ 1850 усердіемъ поч. гражд. А. И. Лобкова нижній ярусъ вновь обложенъ позолоченымъ серебромъ. Первый полъ чугунный устроенъ въ соборѣ въ 1779 году. Въ алтарѣ надъ святымъ престоломъ воздвигнута въ 1809 году, тщаніемъ митрополита Платона, кованая, мѣстами золоченая сѣнь на четырехъ круглыхъ столпахъ (серебра употреблено 6 пудъ 30 фунтовъ). За престоломъ стоитъ серебряный седмисвѣщникъ въ видѣ древа съ вѣтвями, на которыхъ семь позлащенныхъ чашъ для свѣчей. Между нимъ и престоломъ поставлена дарохранительница въ 9 фунтовъ золота и 32 фунта серебра. Царскія двери съ изображеніемъ Благовѣщенія пр. Богородицы и 4-хъ евангелистовъ устроены и украшены царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Между древними иконами, наполняющими иконостасъ, первенствуютъ монастырскій образъ *Живоначальныя Троицы*, обложенный золотомъ и драгоцѣнными камнями въ 1600 г. царемъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ (на большомъ изумрудѣ высѣчено изображеніе св. Троицы), и образъ *Видѣнія прес. Богородицы пр. Сергіемъ*, устроенный изъ верхней гробовой доски пр. Сергія и сопровождавшій царя Алексѣя Михайловича въ польскомъ походѣ 1654 года, графа Бориса Петровича Шереметева во всю великую сѣверную войну, московское ополченіе въ 1811 году и дѣйствующую армію въ Крыму 1856 года. У южной стѣны близь иконостаса почиваютъ мощи св. Сергія въ серебряной позолоченной ракѣ устроенной царемъ Іоанномъ Васильевичемъ, а вокругъ этой раки императрицею Анною Іоанновною сдѣлана другая, также серебряная съ сѣнію на 4-хъ столпахъ (серебра болѣе 25 пудовъ); въ 1838 году деревянная доска, покрывавшая раку, замѣнена серебряною чеканной работы. При св. мощахъ находятся принесенные въ даръ въ іюлѣ 1853 г. нынѣ царствующимъ Государемъ Императоромъ и Государыней Императрицей Евангеліе и крестъ, украшенные золотомъ, драгоцѣнными камнями и жемчугомъ. Предъ главою мощей неугасимо горитъ большая серебро-позлащенная лампада, даръ В. К. Маріи Николаевны въ 1850 г. Противъ раки хранится келейная икона (образъ святителя Николая) пр. Сергія, его священническая риза, епитрахиль, поручи, деревянный посохъ, аналавъ отъ схимы, ножъ со влагалищемъ и ложка. Въ соотвѣтствіе сѣни надъ ракою Преподобнаго, устроенъ на лѣвой сторонѣ собора серебряный кивотъ для образа пресв. Богородицы въ 1838 г. Среди церкви виситъ огромный хоросъ греческій или паникадило серебряное, круглое, украшенное иконами, около 5-ти пудовъ вѣсомъ, устроенное въ 1813 г. Три другія паникадила и всѣ лампады предъ мѣстными образами также серебряныя. Въ юго-западномъ углу храма находится мѣдная

Библиотека "Руниверс"

доска надъ могилою князя Андрея Владиміровича, въ инокахъ Саввы, къ области котораго нѣкогда принадлежалъ Радонежъ.

Въ непосредственной связи съ соборомъ состоитъ:

а) *Церковь пр. Никона* пристроена къ Троицкому собору съ полуденной стороны. Царскія врата въ ней кованыя серебряныя, мѣстами вызолоченныя, вѣсомъ болѣе 4-хъ пудъ. Въ юго-западномъ углу церкви почиваютъ мощи пр. Никона; гробница покрыта серебромъ.

б) *Юго-западный притворъ Троицкаго собора* пристроенъ къ западной части южной стѣны собора. Здѣсь находится икона посѣщенія преподобнаго Сергія Божіею Матерію и въ особыхъ ковчегахъ хранятся десная рука архидіакона Стефана и камень отъ Гроба Господня, въ 1850 г. принесенный А. Н. Муравьевымъ изъ Іерусалима.

2) *Успенскій соборъ* воздвигнутъ среди Лавры о пяти большихъ главахъ, изъ которыхъ средняя позолочена червоннымъ золотомъ въ 1744—58 годахъ, а въ 1806 покрыта золоченою мѣдью; прочія меньшія главы украшены мѣдными золочеными звѣздами. Храмъ украшенъ стѣнною иконною живописью въ 1684 году, которая донынѣ остается въ первоначальномъ видѣ за исключеніемъ пяти куполовъ. Иконостасъ рѣзной, пятиярусный. Внутри собора, въ сѣверо-западномъ углу погребены: Королева Марѳа Владиміровна и дочь ея королевна Евдокія, а на южной сторонѣ: архіепископы: Моисей рязанскій (+1651) и Августинъ (+1819). Въ паперти собора, служившей ему трапезою, положены были, перенесенныя въ 1606 г. изъ московскаго Варсонофьева монастыря, тѣла царя Бориса Ѳеодоровича Годунова, супруги его Маріи Григорьевны и сына ихъ, царя Ѳеодора Борисовича, а потомъ тутъ же погребена царевна Ксенія Борисовна, въ иночествѣ Ольга; по уничтоженіи паперти, гробницы ихъ остались внѣ собора, противъ сѣверо-западнаго угла.

3) *Церковь сошествія св. Духа*, при которой находится часовня надъ гробомъ пр. Максима Грека.

4) *Церковь преподобнаго Сергія*, на южной сторонѣ монастыря, занимаетъ въ длину съ трапезою и папертью 34 сажени. Снаружи стѣны ея покрыты разноцвѣтными красками; окна обставлены разноцвѣтными изъ камня колонами; вокругъ церкви идетъ открытая галлерея, выстланная чугуномъ, на протяженіи 100 саженъ. Кровля надъ трапезною церковью на желѣзныхъ стропилахъ устроена съ особымъ искусствомъ, такъ что вся тяжесть ея покоится на стѣнахъ, нигдѣ не прикасаясь широкаго свода. Внутренность церкви украшена живописью въ 1778—1780 годахъ, возобновленной въ 1847 г. Полъ въ церкви изъ мрамора. Въ обширной трапезѣ учреждаются соборные столы въ великіе праздники и высокоторжественные дни; съ южной стороны при церкви находится повседневная трапеза братіи, надъ церковью монастырское книгохранилище, а подъ церковью устроены страннопріимныя палаты, въ которыхъ богомольцамъ (нерѣдко многочисленнымъ) предлагается обѣдъ.

Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о церквахъ:

5) *Рождества Іоанна Предтечи*, 6) *Видѣнія Божіей матери пр. Сергію и Михею*, 7) *Божіей Матери Одигитріи*, 8) *Св. великомученицъ Варвары и Анастасіи*, 9) *Св. Зосимы и Савватія* и 10) домовой церкви *Св. апостоловъ Петра и Павла*.

Замѣчательнѣйшимъ въ архитектурномъ отношеніи сооруженіемъ является лаврская колокольня, огромное, величественное, изящное зданіе въ пять ярусовъ, имѣющее видъ четвероугольнаго столпа, который по мѣрѣ возвышенія уменьшается въ объемѣ. Въ первомъ ярусѣ каждая сторона имѣетъ въ ширину 12 саженъ съ аршиномъ. Высота колокольни до купола 34 сажени съ аршиномъ, съ куполомъ 41 сажень съ аршиномъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ она украшена колоннами и вазами изъ бѣлаго камня и увѣнчана мѣднымъ, черезъ огонь вызолоченнымъ, куполомъ, устроеннымъ наподобіе огромной чаши, надъ которой возвышается ньсдесталъ, а на немъ яблоко и крестъ, напоминающіе императорскую державу. Изъ колоколовъ достойны замѣчанія: *Царь*, вѣсомъ 4000 пудовъ, болѣе котораго нѣтъ въ Россіи въ дѣйствительномъ употребленіи, перелитый въ 1748 году, по указу императрицы Елисаветы Петровны, изъ разбитаго лаврскаго колокола,—и *Годуновъ*, вкладъ царя Бориса Ѳеодоровича, вѣсомъ до 1850 пудовъ. Всѣхъ же колоколовъ на колокольнѣ около 40, вѣсомъ до 8600 пудовъ. Въ 1784 году на колокольнѣ устроены большіе боевые часы.

На пространствѣ между колокольнею и Троицкою соборною церковью, въ 1792 г., поставленъ обелискъ изъ дикаго камня на такой же томбѣ, вышиною 14 аршинъ, съ мѣднымъ, вызолоченымъ шаромъ на вершинѣ. Надъ томбою укрѣплены солнечные часы, а на самой томбѣ съ четырехъ сторонъ надписи о достопамятныхъ событіяхъ Лавры: куликовской битвѣ, польской осадѣ, деулинскомъ мирѣ и спасеніи Петра I отъ стрѣльцовъ.

Въ монастырской ризницѣ, двухэтажномъ зданіи на западной сторонѣ Троицкаго собора, построенномъ въ 1782 г., хранятся несмѣтныя сокровища Лавры. — Перечислимъ лишь наиболѣе достопамятныя. Крестъ, присланный преподобному Сергію святѣйшимъ патріархомъ цареградскимъ Филоѳеемъ, обложенный золотомъ и украшенный драгоцѣнными камнями, а также и упомянутые уже нами священные сосуды и проч. предметы, принадлежавшіе пр. Сергію. Множество Евангелій, писанныхъ (на пергаменѣ и на бумагѣ) и печатныхъ, въ богатыхъ окладахъ. Изъ напрестольныхъ крестовъ древнѣйшій—золотой съ мощами святыхъ, украшенный бурмицкими зернами и драгоцѣнными камнями — вкладъ царевны Ирины Михайловны. Священно-служебные сосуды: серебряные архимандрита Діонисія, золотые въ 6 фунтовъ вѣса съ драгоцѣнными камнями боярина Бориса Годунова съ женою и дѣтьми, золотые въ 12 фунтовъ украшенные алмазами и антиками Екатерины II и проч. и проч. Воздухи, покровы, плащаницы, пелены и ризы изъ парчи, бархату (на нѣкоторыхъ ризахъ до 9 фунтовъ жемчугу) — вклады царей, царицъ, царевнъ, князей, бояръ и проч. со временъ Грознаго и ранѣе. Изъ митръ замѣчательна низанная жемчугомъ по серебряной вызолоченной доскѣ, украшенная драгоцѣнными камнями (одинъ рубинъ оцѣненъ въ 20,000 рублей). Въ числѣ панагій находится величайшая рѣдкость изъ агата, въ которомъ естественнымъ сочетаніемъ цвѣтовъ камня представляется распятіе и молящійся передъ нимъ, — осыпана брильянтами митрополитомъ Платономъ. Между разными церковными вещами достойны вниманія кадило золотое $5^1/_2$ фунтовъ вѣса съ драгоцѣнными камнями—даръ царя Михаила Ѳеодоровича, и трисвѣщникъ серебряный вѣсомъ 1 пудъ 15 фунтовъ, даръ царя Бориса Ѳеодоровича. Величайшую древность являетъ грамата на бумагѣ, длиною съ небольшимъ въ вершокъ, а шириною около двухъ, жалованная *на озера* отъ князя Ѳеодора Андреевича преподобному Никону; при ней восковая печать.

Изъ прочихъ зданій въ Лаврѣ замѣчательны: 1) келліи настоятельскія съ залою, нѣкогда именовавшеюся *Царскою палатою*, украшенною портретами (въ числѣ ихъ древнѣйшіе: царя Іоанна Васильевича и пр. архимандрита Діонисія), 2) келліи намѣстничьи, 3) восточная и западная линіи братскихъ келлій, 4) пѣвческій корпусъ, странно-пріимная больница и Академическія зданія для наставниковъ и студентовъ Академіи, ея библіотеки и больницы.

Троицко-Сергіевская лавра воспитываетъ въ стѣнахъ своихъ до 400 учениковъ; такъ напр., въ школѣ живописи мальчики изъ простонародья занимаются изученіемъ не только византійскаго письма, но и современнаго искусства.

Всѣ исчисленныя церкви и зданія окружаются каменною стѣною, болѣе версты въ окружности, вышиною въ 4, 6 и 7 саженъ, шириною въ 3 сажени и болѣе, крытой желѣзомъ, съ девятью башнями и четырьмя воротами. Съ южной и отчасти западной сторонъ примыкаетъ къ монастырской оградѣ обширный садъ, обнесенный особой каменной оградой.

Внѣ ограды расположены слѣдующія принадлежащія Лаврѣ зданія: часовня противъ св. воротъ на Красной горѣ, часовня подъ горою надъ кладеземъ пр. Сергія, домъ призрѣнія больныхъ и безпомощныхъ, Гостиный для посѣтителей Лавры каменный домъ, а за нимъ конюшенный дворъ.

Кромѣ того, въ настоящее время Лаврѣ принадлежитъ нѣсколько прудовъ, нѣсколько участковъ земли, съ лѣсомъ и сѣнокосами, въ окрестностяхъ ея, и подворья въ обѣихъ столицахъ.

Грамотою данною первому архимандриту Троицкаго монастыря, Елеѳерію, въ 1561 году, монастырь этотъ поставленъ выше всѣхъ прочихъ московской митрополіи, въ 1702 году — вторымъ по Кіевопечерскомъ, въ 1744 г. утверждено за нимъ древнее наименованіе Лавры.

Митрополитъ московскій—въ то же время и архимандритъ Троицкой Лавры; у него есть тамъ собственныя палаты, служащія обыкновенно временнымъ мѣстопребываніемъ особамъ царской фамиліи. Въ Лаврѣ же находится и усыпальница митрополитовъ московскихъ.

Смѣсь.

Фридрихъ Великій и іезуиты. Фридрихъ Великій находился въ такихъ дружелюбныхъ отношеніяхъ съ іезуитами, что далъ имъ убѣжище въ Силезіи, когда ихъ выгнали изъ другихъ государствъ Европы,—и вотъ, поэтому отцамъ іезуитамъ было совершенно непонятно: вслѣдствіе чего внезапно была запечатана ихъ драгоцѣнная библіотека въ Бреславлѣ?...

Такъ какъ происшествіе это весьма мало извѣстно, то мы и разскажемъ о немъ нашимъ читателямъ, пользуясь главнымъ образомъ разсказомъ самаго пріора іезуитской коллегіи въ Бреславлѣ, *Цефихаля*, котораго король Фридрихъ уважалъ и очень цѣнилъ.

Прогуливаясь однажды въ саду своемъ въ Потсдамѣ, король встрѣтилъ молодаго человѣка, на видъ—чужестранца, наружность котораго его поразила, вслѣдствіе чего онъ остановился и спросилъ: кто онъ такой? Молодой человѣкъ сказалъ, что его зовутъ *Гедиесси*, что онъ теперь изъ Франкфурта, гдѣ изучалъ теологію, а родомъ—венгерецъ, и вотъ хочетъ теперь возвратиться на родину, но прежде ему желательно осмотрѣть Берлинъ и Потсдамъ. Послѣ этого король завязалъ съ нимъ довольно-продолжительный разговоръ и, бесѣдуя, нашелъ, что реформатскій теологъ—человѣкъ весьма ученый, дѣльный, ловкій; однимъ словомъ—онъ такъ

Библиотека "Руниверс"

понравился королю, что Фридрихъ сказалъ ему:—«знаешь что? Оставайся-ка ты на моей землѣ! Ужъ я о тебѣ позаботусь. Слышишь—а?»... Венгерецъ въ отборныхъ выраженіяхъ сталъ увѣрять, что такое приглашеніе сдѣлало-бы его счастливѣйшимъ человѣкомъ, но тутъ же прибавилъ, что, къ сожалѣнію, семейныя его обстоятельства не позволяютъ ему воспользоваться этою милостью. — «Досадно! проговорилъ король:—ну, такъ вотъ что: проси у меня какой нибудь другой милости». — «Затрудняюсь, отвѣчалъ венгерецъ,—въ настоящую минуту я, право, не знаю»...

Король. Неужели-же я не могу сдѣлать для тебя никакого одолженія?...

Венгерецъ. Ваше величество, вы могли-бы кое-что сдѣлать для меня, если-бы захотѣли быть такъ милостивы. Я, вотъ, купилъ себѣ разныхъ книгъ, теологическихъ и философскихъ книгъ, но, полагаю, всѣ эти книги запрещены въ Вѣнѣ... Разсмотрѣніемъ-же ихъ занимаются тамъ іезуиты—это дѣло въ ихъ рукахъ. Если-бы ваше величество были столь милостивы...

Король не далъ ему договорить и произнесъ съ жаромъ:

— Бери всѣ свои книги съ собой! Да прикупи-ка еще, какія тебѣ нужно и какія, по твоему мнѣнію, строго запрещены въ Вѣнѣ. Слышишь?... Ну, а если тамъ *они* захотятъ отнять у тебя книги — скажи *имъ* только, что это я ихъ подарилъ тебѣ. Впрочемъ, господа патеры не очень-то обратятъ вниманіе на эти слова... Э, да не бѣда! Ты ужъ позволь имъ отобрать отъ тебя книги и, какъ только они это сдѣлаютъ, сейчасъ-же отправляйся къ моему посланнику, отрекомендуйся ему, разскажи всю исторію, случившуюся съ тобой, и передай то, что я тебѣ говорилъ. Затѣмъ, ступай въ самую лучшую гостинницу, остановись въ ней и живи какъ можно роскошнѣе. Ты долженъ будешь тратить ежедневно по крайней мѣрѣ по червонцу. Въ гостинницѣ оставайся до тѣхъ поръ, пока *они* не пришлютъ тебѣ въ гостинницу обратно твоихъ книгъ... Все это я устрою!

Окончивъ этотъ длинный и горячій монологъ, король быстрыми шагами пошелъ по направленію къ дворцу и, спустя немного, вернулся съ записочкой. На бумагѣ собственною рукою короля было написано:

«Bon pour rester à Vienne aux dépens de moi. Federik».

Странно, но такъ именно Фридрихъ подписывалъ свое имя.

— Вотъ, сказалъ онъ,—тебѣ записка съ моею подписью! Ты ее покажи только моему посланнику—и все будетъ хорошо. Книжки свои ты получишь обратно... Но, повторяю—слышишь: катайся въ Вѣнѣ какъ сыръ въ маслѣ! Трать каждый день по червонцу!

— Но, ваше величество, заговорилъ Гедгесси...

— Никакихъ «но»! перебилъ король.—Положись только на меня. Ты получишь въ Венгріи лучшій приходъ. Ну, теперь—прощай, Поѣзжай себѣ съ Богомъ, да напиши-ка мнѣ потомъ—слышишь?

Гедгесси откланялся, поблагодаривъ короля. Этотъ замѣчательный разговоръ сильно взволновалъ молодого человѣка, а личность великаго Фридриха оставила въ немъ глубокое впечатлѣніе.—На границѣ съ венгерцемъ случилось то, чего онъ ожидалъ. Книги

Общій видъ Троицко-Сергіевской Лавры натуры рисов. Е. Штейнманъ, грав. Рихтеръ.

его были опечатаны и затѣмъ конфискованы въ Вѣнѣ; при этомъ Гедгесси не забылъ сказать того, что король совѣтовалъ ему замѣтить, но господа іезуиты возразили: «А какое намъ дѣло до короля прусскаго?»... Венгерецъ отправился къ прусскому посланнику, которому и показалъ записочку, причемъ передалъ весь свой разговоръ съ королемъ. Посланникъ, получившій уже изъ Берлина приказанія на этотъ счетъ, сейчасъ-же распорядился: онъ позвалъ одного изъ своихъ слугъ и поручилъ ему проводить венгерца въ наилучшую гостинницу и увѣдомить содержателя ея, что новый постоялецъ будетъ жить въ гостинницѣ на счетъ прусскаго посольства. Распорядившись такимъ образомъ, посланникъ отписалъ въ Берлинъ о ходѣ дѣла.

Вскорѣ послѣ этого Бреславльскій губернаторъ и министръ фонъ Мюнховъ получили неожиданный приказъ: составить коммисію изъ одного штабъ-офицера, одного кригсрата, нѣсколькихъ младшихъ чиновниковъ и солдатъ—и немедленно послать ее въ Бреславльскую іезуитскую коллегію, приказавъ онымъ чинамъ запечатать двери библіотеки коллегіи и, по запечатаніи, приставить къ дверямъ двухъ часовыхъ. Далѣе: ежедневно, по утрамъ, офицеръ въ сопровожденіи одного изъ счетчиковъ палаты долженъ былъ являться къ запечатаннымъ дверямъ и тщательно, вмѣстѣ съ счетчикомъ, осматривать: не повреждены-ли печати? За каждый такой осмотръ офицеръ, а равно и счетчикъ палаты будутъ получать по *одному* талеру, шестиже солдатамъ (для трехъ смѣнъ въ день) назначается по *два* талера ежедневно, а коммисіонныхъ за опечатаніе библіотеки опредѣлено — *тридцать* талеровъ... И весь этотъ расходъ повелѣно отнести на счетъ іезуитской коллегіи.

Господа іезуиты какъ-бы упали съ облаковъ на землю; они онѣмѣли отъ ужаса, когда передъ ними вдругъ явилась цѣлая коммисія, составленная по особому повелѣнію короля,—и запечатала ихъ драгоцѣнную библіотеку. Начались разспросы, патеры ломали голову, судили, рядили, но никто не могъ понять: вслѣдствіе какихъ такихъ причинъ ими утрачена благосклонность короля,—короля, всегда бывшаго ихъ покровителемъ?... Они тщетно просили министра и губернатора разъяснить имъ это дѣло, — тщетно потому, что на самомъ дѣлѣ и министръ, и губернаторъ тоже тутъ ровно ничего не понимали и не знали что отвѣтить. Братьямъ іезуитамъ ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ послать въ Потсдамъ депутацію изъ такихъ членовъ ордена, которыхъ король зналъ и любилъ. Отправились депутаты изъ Бреславля въ Потсдамъ, прибыли туда, выпросили себѣ аудіенцію, но не тотчасъ были допущены къ королю: аудіенція все почему-то откладывалась. Но вотъ, наконецъ, по прошествіи четырехъ недѣль, наступилъ желанный день пріема депутаціи. Король, сверхъ всякаго ожиданія, принялъ іезуитовъ милостиво и самъ сейчасъ-же началъ разговаривать съ ними о разныхъ разностяхъ, такъ что имъ никакъ нельзя было заговорить о своемъ дѣлѣ и они находились, такъ сказать, на угольяхъ. Но выдалась наконецъ ми-

Библиотека "Руниверс"

нутка—и депутаты всеподданнѣйше обратились къ его величеству съ вопросомъ: «вслѣдствіе какой вины коллегія имѣла несчастье утратить милость его величества»?...

— Ага! воскликнулъ король:—это вы насчетъ библіотеки? да?... Касательно запечатанія ея? Ну, такъ, такъ... Это я приказалъ. Вы должны обратиться къ посланнику моему въ Вѣнѣ и попросить у него разъясненія. Прощайте, господа! Кланяйтесь отъ меня господамъ собратьямъ вашимъ, господамъ членамъ книжной ревизіонной коммисіи въ Вѣнѣ. Лично противъ васъ я ничего не имѣю. Прощайте!

Депутація, такимъ образомъ, была отпущена; но члены ея, уходя, знали не больше того, что знали и пять - шесть недѣль тому назадъ... Даже хуже вышло: они стали крѣпче недоумѣвать, потому что къ непонятному прибавилось еще нѣчто новое и таже совершенно - непонятное... Поспѣшно отправились они съ этими новостями въ Бреславль, а въ Бреславлѣ съ нетерпѣніемъ ждали депутатовъ: вѣдь библіотека все еще стояла запечатанною, два чиновника ежедневно осматривали печати, да и часовые продолжали охранять двери книгохранилища... Собрались члены коллегіи, чтобы выслушать прибывшихъ депутатовъ... Выслушали... Ректоръ и профессора были умные іезуиты, а стали втупикъ, не могли разрѣшить загадки. Одно только они поняли, что нужно какъ можно скорѣе послать депутацію въ Вѣну. Это было исполнено немедленно. Два депутата - іезуита поспѣшно отправились въ путь и черезъ нѣсколько времени явились къ прусскому посланнику въ Вѣнѣ, который не заставилъ ихъ ждать, какъ въ Потсдамѣ король. Разсказали они все, что случилось съ ними въ Бреславлѣ, передали и то, что сказалъ король ихъ депутаціи, а также не забыли упомянуть, что его величество послалъ ихъ къ нему, вслѣдствіе чего они и просятъ настоятельно разъяснить это дѣло.—«Но, господа, сказалъ посланникъ,—я и самъ сущности дѣла хорошенько еще не знаю. Здѣсь, въ Вѣнѣ, находится одинъ молодой человѣкъ, у котораго ваши здѣшніе господа собраты, члены книжной ревизіонной коммисіи, отобрали ящикъ съ книгами»... Тутъ завѣса спала съ глазъ господъ іезуитовъ: они бросились къ коммисарамъ помянутой ревизіонной коммисіи (цензорамъ), братьямъ своимъ по ордену,—и спустя немного времени венгерецъ получилъ всѣ свои книги обратно. Но этимъ дѣло еще не кончилось: господа вѣнскіе іезуиты должны были согласиться уплатить 96 червонцевъ по счету содержателя гостинницы, въ которой остановился Гедгесси... Когда эти деньги были уплачены, посланникъ выдалъ депутатамъ свидѣтельство въ томъ, что молодой венгерецъ получилъ обратно сполна свои книги и что по его счету гостинницѣ также сполна уплачено что слѣдуетъ. Съ этимъ свидѣтельствомъ въ рукахъ депутаты уѣхали въ Бреславль, откуда уже другіе депутаты немедленно отправились въ Потсдамъ, гдѣ и выпросили аудіенцію у короля. Король тотчасъ-же приказалъ позвать ихъ. Свидѣтельство было представлено, и Фридрихъ велѣлъ написать приказъ губернатору и министру въ Бреславлѣ: *снять печати съ университетской библіотеки іезуитовъ*. Бумага эта была отдана депутатамъ, причемъ имъ было сказано, что король по прежнему къ нимъ милостивъ. Кромѣ этого приказа, король вручилъ имъ собственно-ручное свое письмо на имя отца - ректора, въ которомъ говорилось, что коллегія и впредь будетъ пользоваться милостями короля, а далѣе прибавлено было слѣдующее:

«Вы предостерегите господъ собратовъ вашихъ въ Вѣнѣ и членовъ тамошней консисторіи, чтобы они не вздумали отомстить кандидату Гедгесси. Я буду серіозно освѣдомляться о житьѣ-бытьѣ этого человѣка; я буду требовать подробныхъ свѣдѣній о положеніи его, и, если онъ не получитъ лучшаго прихода въ Венгріи, или, если къ нему и роднымъ его станутъ придираться, притѣснять,—то вы и коллегія ваша отвѣтите мнѣ за все. Я буду держаться за васъ».

Бреславльская коллегія іезуитовъ уплатила только 134 талера, потому что цифра издержекъ по освидѣтельствованію печатей на дверяхъ библіотеки была уменьшена. Что касается Гедгесси, то онъ получилъ достаточно хорошій приходъ и іезуиты его не трогали. Въ 1780 году Гедгесси былъ еще живъ.

Новѣйшія изслѣдованія луны. Поэты такъ много воспѣвали холодную, цѣломудренную луну, которая, по картинному выраженію одного англійскаго поэта, поблѣднѣла отъ усталости вѣчно и вѣчно смотрѣть на такое множество ночныхъ грѣховъ земли,—что даже какъ-то странно слышать, когда наука вдругъ объявляетъ намъ, что на лунѣ и именно во время полнолунія бываетъ такой сильный жаръ, что ни одно изъ извѣстныхъ намъ существъ не могло бы выдержать прикосновенія къ ея разгоряченной поверхности.

Таковы послѣднія свѣдѣнія, доставленныя намъ наукой о спутницѣ земли. Впрочемъ, они не должны бы быть для насъ совсѣмъ неожиданы; дѣйствительно, если серіозно поразмыслить объ этомъ, то мы должны бы были подозрѣвать этотъ фактъ гораздо раньше, чѣмъ наука торжественно доказала его существованіе.

Астроному извѣстно, что поверхность луны, въ теченіи всего луннаго дня продолжающагося четырнадцать земныхъ дней, подвержена вліянію солнечныхъ лучей, дѣйствующихъ тамъ такъ же сильно, даже гораздо сильнѣе, чѣмъ на землѣ. На лунѣ во первыхъ нѣтъ атмосферы, которая была бы въ состояніи умѣрять солнечный жаръ, какъ это дѣлаетъ наша атмосфера; на землѣ это происходитъ не потому чтобы земная атмосфера сама по себѣ могла представлять какія либо препятствія напору солнечныхъ лучей, но потому что часть земной поверхности нѣсколько защищены отъ солнечнаго жара покровами облаковъ, подымающихся изъ морей.

Поверхность луны чрезвычайно сильно разгорячается задолго до наступленія полдня луннаго дня.

Несомнѣннымъ слѣдствіемъ этого отсутствія лунной атмосферы должно быть еще и то, что луна точно такъ же быстро испускаетъ изъ себя въ пространство полученный отъ солнца жаръ, такъ какъ опять таки атмосфера удерживаетъ жаръ на нашей планетѣ. На вершинахъ высочайшихъ горъ гдѣ воздухъ очень рѣдокъ—полуденный жаръ чрезвычайно силенъ, но онъ проходитъ такъ скоро, что на этихъ вершинахъ можетъ лежать вѣчный снѣгъ. Хотя лунный жаръ исчезаетъ можетъ-быть еще быстрѣе, но это не мѣшаетъ лунной поверхности нагрѣваться гораздо сильнѣе чѣмъ нагрѣвается поверхность земли,—именно вслѣдствіе того, что солнечные лучи долгое время безпрепятственно горятъ на ней. Такъ, еще Джонъ Гершель, портретъ котораго былъ помѣщенъ въ одномъ изъ недавнихъ нумеровъ нашего журнала, объяснилъ, что поверхность луны во время луннаго полдня должна имѣть температуру, вѣроятно превышающую точку кипѣнія воды. Въ новѣйшее же время это доказано какъ несомнѣнный фактъ.

Карлъ Россе въ Англіи, посредствомъ опытовъ, подробно распространяться о которыхъ не позволяютъ размѣры нашей статьи, доказалъ, что луна не только рефлектируетъ тепло до земли, но даже отдаетъ землѣ полученное ею тепло. Эта разница не всѣмъ читателямъ покажется сразу ясной и понятной, но ее весьма легко объяснить и сдѣлать доступной. Если въ жаркій лѣтній день, мы возмемъ кружокъ очень гладкаго металла, и посредствомъ его будемъ рефлектировать на своемъ лицѣ солнечный свѣтъ, то почувствуемъ ощущеніе тепла. Это отраженный солнечный жаръ. Если же мы будемъ держать этотъ кусочекъ металла до тѣхъ поръ пока онъ отъ солнечныхъ лучей самъ не сдѣлается совсѣмъ горячимъ, то тогда ощущеніе тепла мы будемъ получать просто отъ близости металла, даже не держа его такъ, чтобы онъ отражалъ солнечный жаръ.

Луна подвержена не только сильному жару, но также и ужаснѣйшему холоду, такъ какъ ночи на ней очень продолжительны.

Въ пустомъ міровомъ пространствѣ предполагаютъ, какъ извѣстно, температуру въ 200 градусовъ холода—это такой холодъ, какаго наше воображеніе не можетъ себѣ представить. Вообще трудно составить себѣ понятіе о такомъ мірѣ, гдѣ ночи болѣе жестокія чѣмъ ночи полярныхъ странъ, чередуются съ днями, температура которыхъ превышаетъ точку кипѣнія воды. Даже какъ-то странно подумать, что луна, повидимому такая спокойная, подвержена такимъ ужаснымъ крайностямъ. «Луна, ты свѣтишь такъ кротко» и т. д. въ этомъ родѣ—все это должно потерять теперь всякій смыслъ. Теперь мы готовы смотрѣть на бѣдную луну чуть не съ состраданіемъ. При такихъ условіяхъ на лунѣ едва ли возможна какая либо жизнь. Луннымъ обитателямъ, еслибъ тамъ были таковые, надлежало бы быть великими мастерами строительнаго искуства, чтобы дома ихъ могли выдерживать такія постоянныя перемѣны температуры; можно судить, какимъ страшнымъ расширеніямъ и сжиманіямъ подвергнуто вещество луны при этихъ рѣзкихъ смѣнахъ жара и холода.

Подъ вліяніемъ этихъ расширеній и сжиманій, покрытая кратеровъ поверхность луны должна непремѣнно постоянно взламываться.

Никакіе пластическіе матерьялы на землѣ не выдержали бы подобныхъ процессовъ, и кажется, поверхность луны преимущественно состоитъ изъ разкрошенныхъ тѣлъ.

Не удивительно поэтому, если астрономы отъ времени до времени открываютъ измѣненія на поверхности луны, и объявляютъ что тутъ на ней провалилась гора, тамъ исчезъ кратеръ. Скорѣе надо удивляться, какъ крутыя высокія горы, покрывающія луну, давно не разлетѣлись въ дребезги и не превратились въ груды развалинъ.

Луна представляетъ дѣйствительно интереснѣйшую задачу для величайшихъ научныхъ изслѣдованій. Разоблачаемыя на ней тайны приведутъ къ грандіознѣйшимъ рѣшеніямъ загадокъ звѣзднаго міра. Изъ всѣхъ планетъ это самая близкая къ намъ; ее отдѣляютъ отъ насъ всего только скромныя пятьдесятъ тысячъ миль. Конечно, желѣзная дорога еще не скоро соединитъ насъ съ серебристой луной, но телескопъ лорда Росса видитъ очень далеко; безъ сомнѣнія за нимъ послѣдуютъ еще болѣе дальнозоркіе инструменты, такъ что пожалуй и въ самомъ дѣлѣ мѣсяцъ можно будетъ чуть не рукой достать.

Нужда въ Парижѣ быстро возрастаетъ. Лучшіе производители предметовъ парижской роскоши выселились въ Англію или Америку. Новыхъ построекъ почти не производится, такъ что каменьщики изъ Creuse и Corrèze принуждены отправляться въ Метцъ и работать тамъ для германскаго императора при возведеніи новыхъ укрѣпленій. Большія мастерскія распускаютъ сотнями своихъ рабочихъ или сокращаютъ на половину число рабочихъ часовъ. Стоитъ только заглянуть въ торговые кварталы Парижа, прежде столь дѣятельные, оживленные, чтобы увидѣть признаки застоя, упадка: въ Вивіенской галлереѣ—цѣлыхъ пять пустыхъ кладовыхъ, а въ Шоссе д'Антижъ — тридцать. Портные говорятъ, что имъ приходится больше чинить старое, чѣмъ шить новое платье. Хлѣбники, торгующіе простымъ хлѣбомъ, употребляютъ теперь муки вдвое менѣе прежняго, а булочники преиму-

Библиотека "Руниверс"

щественно распродаютъ простой хлѣбъ, изготовляя весьма мало печеній высшихъ сортовъ. Лавочники говорятъ, что они сбываютъ теперь почти исключительно только необходимыя пряныя приправы, а на болѣе цѣнные, тонкіе колоніальные товары покупателей является весьма мало; эти-же продукты, принося болѣе барыша, только и поддерживаютъ торговлю. Прочіе мелочные торговцы заявляютъ, что все что имъ удалось скопить—уже прожито. Три тысячи несостоятельныхъ должниковъ висятъ, такъ сказать, на волоскѣ: они потому только не были объявлены банкротами, что кредиторы ихъ весьма охотно согласились отсрочить векселя, въ которыхъ сами нуждаются. Но всего знаменательнѣе слѣдующее явленіе: производство сальныхъ свѣчей приняло нынче широкіе размѣры. Во время имперіи сальныя свѣчи жгли только въ подвалахъ, только бочары и покупали ихъ; а теперь, во многихъ домахъ, сальная свѣча стала вытѣснять стеариновую, какъ слишкомъ дорогую для людей употребляющихъ вмѣсто вина воду съ виномъ, вмѣсто сахара—патоку и иногда вмѣсто хлѣба—картофель.

Право и права. Извѣстный геттингенскій ученый, Лихтенбергъ, сказалъ однажды: «Чтобы навѣрно поступить *право* (справедливо, хорошо, нравственно) нужно знать очень мало *права*, но чтобы навѣрно совершить что либо *неправое* (несправедливое, безнравственное)—нужно изучить *права*».

Различные цвѣта траура. Въ Европѣ существуетъ повсемѣстный обычай *чернымъ* цвѣтомъ выражать трауръ. Цвѣтъ этотъ соотвѣтствуетъ нашему душевному настроенію во дни печали и скорби; черный цвѣтъ — это мракъ, отсутствіе свѣта, символическій образъ смерти, похитителя жизни. Въ Китаѣ, напротивъ, траурная одежда — *бѣлая*, потому что китайцы льстятъ себя надеждою, что усопшій обрѣтается на небѣ — въ области всего *чистаго*. Въ Египтѣ траурный цвѣтъ—*желтый* это на томъ основаніи, что цвѣты, листья, стебли, умирая, *желтѣютъ*. Въ Эфіопіи — *коричневый* цвѣтъ траурный у эфіоповъ онъ потому, что краска эта напоминаетъ цвѣтъ земли, а изъ земли сотворенъ человѣкъ, онъ вышелъ изъ нея и въ нее же потомъ возвращается. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Турціи цвѣтъ траура—*голубой*. Это цвѣтъ неба, куда улетаютъ души умершихъ. Въ иныхъ мѣстахъ турки носятъ вмѣсто голубаго траура—*красный* и *фіолетовый*. И такъ, всѣ почти цвѣта могутъ считаться траурными.

Что такое иллюзія? Ламартинъ, въ своей «Исторіи Жирондистовъ», сказалъ: «Исправлять все постоянно, всегда идти къ лучшему, не желая одиимъ разомъ уничтожить всѣ сложныя несправедливости - вотъ въ чемъ состоитъ правда у насъ, существъ несовершенныхъ. Время, кажется, есть одинъ изъ элементовъ самой истины; требовать отъ одного какого нибудь момента полнаго выраженія истины — значитъ требовать отъ природы вещей (явленій) болѣе, нежели она можетъ дать. Нетерпѣніе рождаетъ больше иллюзій и несчастій, нежели истинъ. *Иллюзіи — суть также истины, но сжатыя прежде времени.*

Плодовитость животныхъ. Пара голубей производитъ въ четырехлѣтній періодъ времени потомство въ 14760 штукъ; пара кроликовъ, въ такой же промежутокъ времени, оставляетъ 1274840 дѣтенышей. Чѣмъ выше, благороднѣе животнѣе, тѣмъ рѣже у него случаи рожденія. Такъ, напр., лошадь, слонъ могутъ произвести въ четыре года (самое большое) пять особей, и то рождая послѣдовательно, безъ остановокъ.

Домашнее и сельское хозяйства. Съ недавняго времени много шума производитъ въ Бельгіи открытіе Лудвига Раймекерса. Все дѣло въ томъ, что простую, обыкновенную землю можно превратить несложнымъ, дешевымъ способомъ въ отличный горючій матеріалъ. Вотъ что разсказываетъ газета «Constitutionel», издаваемая въ городѣ Гассельтѣ (главный городъ бельгійской провинціи Лимбургъ): «Сегодня, въ 10 часу, Лудвигъ, Раймекерсъ, изобрѣтатель новаго дешеваго горючаго вещества, прибылъ въ нашъ городъ и распорядился выгрузить на рыночной площади цѣлую телѣгу составленнаго имъ топлива, которое состояло изъ слѣдующаго; 5 корзинъ обыкновенной земли, *одной* корзины каменнаго угля и соды на 70 сентимовъ, растворенной въ теплой (не кипяченной) водѣ. Этотъ новый составъ хорошо горитъ, и не только тогда, когда положенъ на яркій огень, но и самъ по себѣ даетъ прекрасное пламя. Мы собственными глазами видѣли, какъ изобрѣтатель вытопилъ печь въ нашей конторѣ *своимъ* топливомъ, употребивъ лишь небольшое количество соломы и растопокъ.—Изъ *Tournai* пишутъ слѣдующее: «Въ послѣдніе три дня здѣсь сожжена цѣлая гора земли, и купцы мѣстные распродали громадное количество соли. Бѣдняки отправляются съ тачками въ предмѣстья и возвращаются оттуда, наполнивъ тачки землею.»—Дѣло въ томъ, что въ *Tournai* способъ Раймекерса замѣненъ уже другимъ, который и изваинъ «Ларондовскимъ» (Ларондъ—фамилія одного господина): вмѣсто соды берется простая поваренная соль, что обходится гораздо дешевле, да и самое пламя отъ этого жарче и ярче, ктому же и дурнаго запаха тутъ нѣтъ, и онъ бываетъ при горѣніи соды. То это чудесное свойство соды и поваренной соли не ограничивается этимъ. — «Многіе изъ нашихъ подписчиковъ (говоритъ «Union Liberale Verviers' а) дѣлали опыты относительно новаго способа освѣщенія, сообщеннаго нашимъ корреспондентомъ, и получили весьма даже удовлетворительные результаты. Опыты ихъ состояли въ слѣдующемъ: они брали 30 граммовъ (граммъ — $^1/_{12}$ лота) просѣянной соды (пульверизованной) и растворяли ихъ въ пол-литрѣ (литръ — $^1/_{12}$ ведра) дождевой воды, въ которую вливали 7 капель нефти. Этою смѣсью наполняли резервуаръ лампы—и лампа горѣла $7^1/_2$ часовъ такимъ же яркимъ и горячимъ пламеннемъ, какъ и чистая нефть.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— Его Величество Государь Императоръ съ Его Императорскимъ Высочествомъ Государемъ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ, 19-го сего апрѣля, въ 8 часовъ вечера, изволилъ выѣхать, по Варшавской желѣзной дорогѣ, изъ С.-Петербурга за границу, а 21 апрѣля (3 мая) въ сопровожденіи Ихъ Императорскихъ Высочествъ Государя Великаго Князя Алексѣя Александровича и Государя Великаго Князя Константина Николаевича, изволилъ благополучно прибыть въ Берлинъ, въ 1 часъ пополудни.

— Его Императорское Высочество Государь Великій Князь Владиміръ Александровичъ, 21 апрѣля, обрученъ съ Ея Великогерцогскимъ Высочествомъ Принцессой Маріей Мекленбургъ-Шверинской, дочерью царствующаго Великаго Герцога.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— 18-го апрѣля Его Величество Государь Императоръ изволилъ произвести *весенній смотръ войскамъ*. Войска были разставлены, какъ сообщается въ «Русск. Инвал.», на Марсовомъ полѣ въ пять линій. На смотру участвовало: пѣхоты $41^4/_4$ батальонъ, кавалеріи $44^1/_2$ эскадрона и артиллеріи 31 батарея при 138 орудіяхъ.

— Въ началѣ нынѣшнаго года, въ 112-мъ пѣхотномъ Уральскомъ полку, квартирующемъ въ гор. Поневѣжѣ, открыто—пишутъ въ «Русск. Инвал.» — *собраніе для нижнихъ чиновъ* полка. Въ этомъ собраніи нижніе чины, въ свободное отъ службы время, могутъ собираться для чтенія полезныхъ книгъ, которыми собраніе снабжено по выбору командира полка, а также пить чай, играть на бильярдѣ и въ шашки.

— Въ «Кронштадтскій Вѣстникъ» телеграфируютъ, что корветъ *Витязь*, возвращающійся изъ кругосвѣтнаго плаванія, 17-го (29-го) апрѣля прибылъ въ Шербургъ.

ЭКСПЕДИЦІИ.

Въ скоромъ времени назначенъ, какъ сообщаютъ въ «Русс. Инв.», выѣздъ изъ С.-Петербурга нѣкоторыхъ членовъ командируемой въ Аму-дарьинскій Край ученой экспедиціи, именно: Генеральнаго Штаба полковника Столѣтова, доктора Морева, художника Каразина и другихъ.

Главнѣйшія задачи ученой экспедиціи заключается: въ опредѣленіи количества водъ и степени судоходства Аму-дарьи въ ея дельтѣ и вверхъ по теченію, до крайняго нашего пограничнаго пункта съ Бухарою; въ изслѣдованіи сухихъ руслъ, прилегающихъ къ низовьямъ рѣки Аму и направляющихся къ сторонѣ Сыръ-дарьи; въ изысканіяхъ условій высыханія степныхъ водоемовъ и распространенія песковъ въ предѣлахъ нашихъ владѣній; въ производствѣ метеорологическихъ, а въ случаѣ возможности и астрономическихъ наблюденій, и въ разныхъ топографическихъ, статистическихъ и естественно-историческихъ изслѣдованіяхъ въ нашемъ Аму-дарьинскомъ Краѣ.

Для сопровожденіи экспедиціи при ея экскурсіяхъ полагается отрядить въ распоряженіе начальника оной особый конвой, примѣрно изъ одной казачьей сотни и 25 человѣкъ стрѣлковъ, которые могли бы распредѣляться по каюкамъ или шлюпкамъ, при посылкѣ таковыхъ для измѣреній по рукавамъ дельты Аму-дарьи.

Экспедиція отправляется изъ С.-Петербурга прямо въ Казалинскъ, откуда и направится въ Аму-дарьинскій Край. Въ распоряженіе ея будетъ назначенъ одинъ изъ пароходовъ Аральской флотиліи съ баржею.

Время, потребное для исполненія возложенныхъ на Аму-дарьинскую ученую экспедицію задачъ, разсчитано примѣрно на шесть мѣсяцевъ.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Въ Люблинской губерніи въ способахъ обработыванія земли въ послѣдніе годы, особенно съ 1872, замѣчается, по словамъ «Варш. Вѣстника», быстрый прогрессъ преимущественно въ помѣщичьихъ и арендаторскихъ имѣніяхъ: прежнія ручныя орудія домашняго приготовленія уступаютъ мѣсто усовершенствованнымъ земледѣльческимъ орудіямъ и машинамъ, изъ коихъ наиболѣе распространяются сѣялки, вѣялки, жатвенныя машины и молотилки, приводимыя въ движеніе лошадьми.

— Изъ Юрьева-Польскаго — пишутъ въ «Земледѣльч. Газету»: *Жатвенныя машины* все болѣе и болѣе распространяются въ Опольщинѣ, Владимірской губерніи. Онѣ были предметомъ обсужденія на послѣднемъ засѣданіи Юрьевскаго Общества сельскаго хозяйства. Изъ оживленныхъ преній выяснилось, что жнейки имѣютъ важное значеніе для крупныхъ и мелкихъ хозяйствъ. Всѣ хозяева, у которыхъ имѣется *жатвенная машина Джонстона*, отзываются о ней благопріятно. Во Владимірской губерніи, въ уѣздахъ: Александровскомъ, Юрьевскомъ, Суздальс-

Библиотека "Руниверс"

комъ, Владимірскомъ и Покровскомъ, имѣется теперь до 10 машинъ Джонстона. При работѣ ими въ прошлогодній лѣтній рабочій періодъ ни у кого не случилось никакихъ значительныхъ поломокъ, а случавшіяся мелкія легко исправлялись сельскимъ кузнецомъ. Помимо прочности и отличной работы, машина Джонстона хороша тѣмъ, по замѣчанію хозяевъ, работавшихъ ею, что она жнетъ безъ чувствительнаго урона въ зернѣ даже полеглый хлѣбъ.

— Въ Пензѣ *Мѣстный сельско-хозяйственный музей* мало по малу начинаетъ обогащаться различными землѣдѣльческими орудіями, и хотя еще не открытъ совершенно, тѣмъ не менѣе успѣлъ уже оказать вліяніе на развитіе сельскаго хозяйства. Грабли, вилы, заступы, косы, бруски ножницы для стрижки овецъ и многіе другіе земледѣльческіе инструменты, составляющіе предметъ первой необходимости, были выписаны въ музей отъ лучшихъ англійскихъ мастеровъ въ довольно большомъ количествѣ экземпляровъ и быстро распроданы въ кругу землевладѣльцевъ Пензенской губерніи.

КАТАСТРОФЫ.

— *Изъ Цицундскаго округа*, Сухумскаго отдѣла, пишутъ въ газету «Кавказъ»: Въ ночь съ 20-го на 21-е января, въ сел. Псырцхъ, по направленію отъ сѣверо-запада къ югу-востоку вплоть до самаго моря, на протяженіи болѣе версты, въ ширину до двухсотъ саженъ сдвинулась земля. Пространство это покрылось безчисленнымъ множествомъ трещинъ, шириною отъ одной четверти до полутора аршина; во многихъ мѣстахъ земля осѣла до двухъ аршинъ, и только въ одномъ мѣстѣ до девяти квадратныхъ саженъ. Можно полагать, что предварительно эта часть земли была поднята, и затѣмъ ужс послѣдовалъ разрывъ. Послѣднее предположеніе доказывается тѣмъ, что деревья, находившіяся на этомъ мѣстѣ, отброшены съ корнями въ сторону. Верхняго слоя земли и слѣда нѣтъ, а напротивъ поверхность покрылась подпочвеннымъ слоемъ и каменьями. На пространствѣ этомъ жили три семейства, которыя благополучно со всѣмъ своимъ имуществомъ перешли къ родственникамъ и знакомымъ; сакли же ихъ наклонились м къ дальнѣйшему въ нихъ жилью негодны, а одинъ большой турлучный сарай до 2-хъ аршинъ вошелъ въ землю. Означенное пространство находится между двумя ручьями: съ восточной стороны Дзыхта, а съ западной Алдзыхъ. Явленіе это, по всей вѣроятности, произошло вслѣдствіе накопившихся подземныхъ водъ, которыя и произвели передвиженіе почвы. Высказанное предположеніе основывается и на томъ, что многія трещины наполнены водою, имѣющей теченіе къ морю, а поперечныя трещины постепенно осѣдаютъ.

— *Въ Душетѣ* 20-го марта вечеромъ, въ 10 ч. 45 м., чувствуемо было *землетрясеніе* по направленіи съ юга на сѣверъ. Въ продолженіи двухъ секундъ слышны были два подземные удара.

— Изъ Нью-Іорка, отъ 13-го (25-го) апрѣля, телеграфируютъ, что рѣка Миссисипи затопила своимъ разливомъ долину Онахила, городъ Монроэ и 27 плантацій. Тысячи людей умираютъ отъ голода.

НОВЫЯ ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

— По словамъ газеты «Кіевлянинъ», благодаря участію одного изъ помѣщиковъ Подольской губерніи, въ скоромъ времени будетъ введено *новое усовершенствованіе въ добываніи сахара*. Усовершенствованіе это состоитъ изъ машины, недавно изобрѣтенной механиками - инженерами Грубинскимъ и Фидлеромъ. Машина приспособлена къ принятію тертой свекловицы, причемъ она сама собою подаетъ послѣднюю подъ гидравлическій прессъ. Этимъ нововведеніемъ, если только оно будетъ имѣть ходъ, сократится для каждаго свеклосахарнаго завода, по крайней мѣрѣ, шестьдесятъ работниковъ.

ТЕАТРЪ. МУЗЫКА.

«Петербургская Газета» сообщаетъ, что послѣ представленія оперы «Опричникъ» всѣ профессора петербургской консерваторіи пригласили композитора «Опричника», г. Чайковскаго, въ ресторанъ Бореля, гдѣ ему былъ данъ торжественный ужинъ, во время котораго г. Чайковскому, по приговору всѣхъ членовъ консерваторіи, была поднесена завѣщанная покойнымъ г. Кондратьевымъ премія въ 300 руб. золотомъ, за достойнѣйшее русское лирическое произведеніе.

НЕКРОЛОГЪ.

— 15-го марта скончался, на 80-мъ году жизни, одинъ изъ ветерановъ 1812 года, генералъ-отъ-кавалеріи *баронъ Карлъ Егоровичъ Врангель 1-й*. Покойный началъ службу свою въ достопамятную эпоху отечественной войны и съ отличіемъ участвовалъ почти во всѣхъ войнахъ послѣдующихъ царствованій. Послѣдніе годы баронъ Карлъ Егоровичъ проживалъ въ своемъ имѣніи въ Эстляндской губерніи. Немощный тѣломъ, онъ до послѣдней минуты былъ бодръ духомъ и постоянно вспоминалъ прошлую трудовую жизнь, посвященную служенію отечеству.

— Въ ночь съ 11-го на 12-е апрѣля умеръ въ Ниццѣ, какъ сообщаетъ «Journal de St.-Petersbourg», бывшій министръ юстиціи, членъ государственнаго совѣта, дѣйствительный тайный совѣтникъ, статсъ-секретарь *графъ Викторъ Никитичъ Панинъ*.

СОДЕРЖАНІЕ: Павлинъ. Разсказъ **Н. С. Лѣскова (Стебницкаго)** (продолженіе). — Подъ Испанскимъ небомъ (разсказъ) (съ рисункомъ). — Троицко-Сергіевская Лавра (съ двумя рисунками). — Смѣсь. — Разныя извѣстія. — Шахматы.

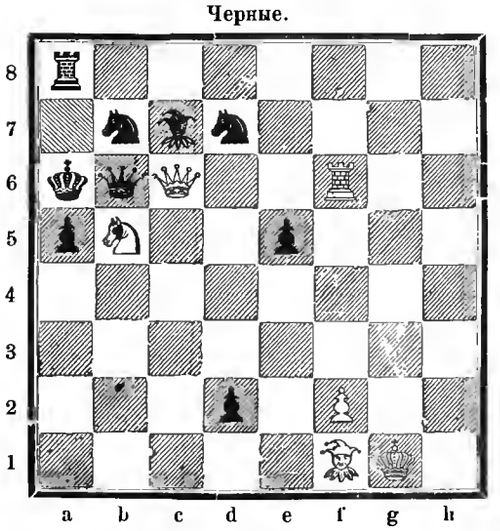
Редакторъ В. Клюшниковъ.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 4

В. И. Львова.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи будетъ въ слѣдующемъ № „Нивы“.

ПОПРАВКИ.

Въ нѣкоторыхъ экземплярахъ перваго листа № 14 «Нивы» по ошибкѣ выставлены невѣрныя цифры въ заголовкѣ страницъ. На второй страницѣ (слѣдующей за рисункомъ «развалины Гапсальскаго замка»), вмѣсто напечатанной колонцифры: 200, слѣдуетъ выставить 210 и такъ далѣе: 211, 212, 213, 214, 215 и 216 до конца листа.

Въ № 16 «Нивы», въ статьѣ «Вильгельмъ фонъ Каульбахъ» на страницѣ 242 во второмъ столбцѣ, въ строкѣ 54 сверху:

Напечатано:	Слѣдуетъ поправить:
скончался въ Берлинѣ.	въ Мюнхенѣ.

„УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЫ“

20 рублей сер.,

самая лучшая семейная ручная швейная машина.

Съ новыми усовершенствованными и вполнѣ опробованными на на работѣ апаратами.

При каждой машинѣ прилагается: двойной рубильникъ, ваточникъ, апаратъ для нашиванія тесьмы, апаратъ для обшиванія тесьмой, самошвейникъ, линейка съ винтомъ, отвертка, масленка, флаконъ масла, 6 иголокъ и наставленіе на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Изъ всѣхъ фабрикацій, производящихъ ручныя швейныя машины, эта, одна изъ лучшихъ новыхъ конструкцій, по своей отчетливой отдѣлкѣ, простотѣ механизма, легкости движенія, равно какъ скорости и правильности шитья, гораздо удобнѣе всѣхъ прочихъ существующихъ системъ, и дѣйствительно можетъ рекомендовать себя, какъ самая практическая ручная швейная машина для семейства.

Новое приспособленіе: эту ручную швейную машину съ примѣненіемъ къ ней металлическаго поддонка не нужно больше привинчивать къ столу.

Большой ассортиментъ: машинныхъ иголокъ, бумаги, нитокъ, шелку, суташу всѣхъ цвѣтовъ, машиннаго костянаго масла и проч.

Гг. иногородные покупатели при выпискѣ машины прилагаютъ 21 руб. на укладку и укупорку машины въ самомъ лучшемъ видѣ.

Гг. торговцы при требованіи не менѣе 12 машинъ пользуются большой уступкой.

Центральный складъ лучшихъ американскихъ швейныхъ машинъ

со всѣми новыми усовершенствованіями и апаратами.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ.

Каждая машина вполнѣ опробована на работѣ.

А. Крумбюгель.

Невскій проспектъ, № 62, противъ Аничкова дворца.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на многородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

Дозволено цензурою. 26 апрѣля 1874 г. Изданіе А. Ф. Мариса въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 19 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 6-го мая 1874 года. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ПРИ ЭТОМЪ НУМЕРѢ ПРИЛОЖЕНЫ «ВЕСЕННІЯ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ» ЗА МАЙ СЪ 12 РИСУНКАМИ.

Павлинъ.

Разсказъ Н. С. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

V.

Мы уѣхали и возвратившись застали свою нежилую во все время нашего отсутствія квартиру въ чрезвычайномъ порядкѣ, а изъ дверей въ двери противъ насъ въ другой квартирѣ появились новые жильцы. Это была молодая дама съ престарѣлою матерью и шестилѣтнею дочерью, очень красивою дѣвочкою. Намъ разумѣется до этихъ новыхъ сосѣдей не было ни какого дѣла, но maman и тетка невольно обратили вниманіе на одну замѣчательную странность фамильной черты всѣхъ трехъ лицъ нашихъ новыхъ сосѣдокъ: всѣ три онѣ были въ разныхъ порахъ жизни, но у всѣхъ у нихъ на лицахъ — въ красотѣ меркнущей, цвѣтущей и еще только распускающейся—была какъ бы растворена какая-то родовая печаль и роковое предназначеніе къ несчастію.

Дѣвушка изъ окрестностей Архангельска.
Съ фотографіи рис. Космаковъ, грав. Боярскій.

Тетка Ольга первымъ дѣломъ позаботилась узнать: не бѣдны ли онѣ,—и отрадно успокоилась, что у этой семьи есть кормилецъ; оказалось, что у молодой дамы есть мужъ, который служитъ полковымъ врачемъ и онѣ живутъ не нуждаясь. Тетка перекрестилась и сказала: «слава Богу». Это «слава Богу» касалось и нашихъ сосѣдокъ и самой тетки, которая въ первую же ночь по нашемъ возвращеніи въ городъ видѣла во снѣ, будто къ нашимъ сосѣдкамъ пришелъ Павлинъ и его распинатели, и будто изъ ихъ оконъ выкидывали все на дворъ и въ ту же пору со двора поѣхалъ гробъ, на этомъ гробу сидѣла та прекрасная дѣвочка

Библиотека "Руниверс"

съ растворенною печалью въ лицѣ и чертами роковаго несчастія, и за этимъ поѣздомъ очутился Павлинъ въ своей пестрой ливреѣ съ росписною перевязью и въ шляпѣ. Въ одной рукѣ у него будто была его блестящая булава и факелъ, а въ другой его собственная отрѣзанная голова, а вокругъ него изъ подъ земли выныривали какія-то блѣднорозовыя птицы: онѣ быстро поднимались вверхъ, производя нестерпимый свистъ своими крыльями, а оттуда съ высоты съ этихъ крыльевъ сыпались бѣлые перушки и по мѣрѣ приближенія къ землѣ обращались въ перетлѣвшій пепелъ. Минута —и отъ всей пестроты павлинова убора уже не осталось и знака, а онъ стоялъ весь черный, какъ обгорѣлый пень, и былъ опять съ головою, но съ какою-то такою страшною, что тетушка пришла въ ужасъ, закричала и проснулась,—но проснулась съ убѣжденіемъ, что она видѣла сонъ вѣщій, который не можетъ пройдти безъ послѣдствій.

Тетка не ошиблась: ея сонъ былъ въ руку и непрерѣкаемаго Павлина ждало тяжкое и роковое испытаніе.

Дѣло началось съ того, что проснувшись однажды въ жестоко холодное крещенское утро мы увидали въ квартирѣ нашихъ новыхъ сосѣдей три выставленныя окна. Матушка и тетка тотчасъ же поняли, что это работа нашего «*добраго*» Павлина и такъ и ахнули. На дворѣ, какъ я вамъ сказалъ, стояла жестокая стыдь и не трудно было себѣ представить, что теперь должны были переносить злополучныя женщины, жилище которыхъ добрый Павлинъ привелъ среди зимы на лѣтнее положеніе. Очевидно, онѣ должны были коченѣть въ своихъ комнатахъ безъ оконъ. Maman съ свойственною ей нервностью страшно разгнѣвалась; назвала нѣсколько разъ «добраго» Павлина палачомъ, жидомъ и разбойникомъ и послала дѣвушку просить сосѣдокъ сдѣлать ей одолженіе занять на время одну изъ нашихъ комнатъ, которая сію же минуту и была приготовлена къ ихъ принятію. Но дѣвушка возвратилась съ отвѣтомъ, что самой сосѣдней барыни нѣтъ дома,—что она куда-то ушла, а старушка мать ея благодаритъ за участіе, но рѣшительно отказывается принять матушкино предложеніе. Отказъ старушки былъ мотивированъ тѣмъ, что она ждетъ дочь и увѣрена что та скоро возвратится съ деньгами, тогда-де заплатимъ и все опять будетъ въ порядкѣ. Maman опять послала втораго посланца просить, чтобы къ намъ отпустили хоть маленькую дѣвочку, которой вынутыя изъ оконъ рамы угрожали простудою. Это посольство было задачливѣе: я точно сейчасъ вижу, какъ къ намъ привели шестилѣтнюю дѣвочку съ прехорошенькимъ но будто отмѣченнымъ какою-то печатью несчастія лицомъ. Есть такія лица, есть: по крайней мѣрѣ я не разъ встрѣчалъ ихъ. Наша маленькая гостья очевидно не ясно понимала тогда затруднительное положеніе своего семейства—и освободясь изъ шолковаго ватошника, въ которомъ ее привели въ нашу переднюю, обратила свое вниманіе на то чтобы взойти съ извѣстною граціею и сдѣлать реверансъ, что̀ ей вполнѣ и удалось. Видно было, что о ея внѣшней благовоспитанности и манерахъ заботились,—впрочемъ, тогда дѣти неумѣющія войдти и поклониться еще не входили въ моду,—фребелевскихъ матерей у насъ еще не было.

Пока мы обогрѣвали дѣвочку, которую звали Любою,—ея мать, имени которой я теперь не помню, возвратилась домой. Наши видѣли, какъ эта молодая дама прошла къ себѣ въ квартиру, но къ величайшему нашему удивленію, она не спѣшила изъ квартиры прибѣжать или прислать за дочерью—и за нею, какъ бывало въ подобныхъ случаяхъ если недоимка была вымогнута, не несли выставленныхъ рамъ... Все это были плохіе знаки: не трудно было отгадать, что бѣдная сосѣдка наша вернулась безъ денегъ: мать и тетя Ольга поняли это сію же минуту и послѣдняя ни мало не медля бросилась въ разоренную квартиру, а еще черезъ минуту вернулась назадъ, щелкнула ключикомъ своей шкатулки и снова убѣжала къ сосѣдямъ. Десять минутъ спустя по двору подвигалась извѣстная процессія: дворники, рамы, молотки, клещи, гвозди и жестяной жбанъ съ замазкой, а за всѣмъ этимъ пестрый Павлинъ съ его до сихъ поръ въ трепетъ меня приводящею платежною книгою. Было понятно, что добрая тетка Ольга нашла у себя нужныя деньги и что сосѣдки наши приняли ихъ и заплатили за свою квартиру, которая немедленно же была приведена въ порядокъ и топилась. Но какъ комнаты, оставаясь въ теченіи нѣсколькихъ часовъ безъ оконъ, значительно настыли, то maman и тетя не только не отпустили домой маленькой Любы, но залучили къ себѣ на весь день и ея мать. Просили и бабушку Любы, но старушка вѣжливо благодарила, но ни за что не пошла и оставалась дома. Мать же Любы просидѣла у насъ до полуночи и горько плача разсказала, что мужъ ея служитъ врачемъ, въ одномъ изъ находившихся тогда въ Венгріи русскихъ полковъ, — что состоянія у нихъ никакого не было и нѣтъ; но что они жили безъ нужды, до тѣхъ поръ пока мужъ ея выступилъ съ полкомъ въ походъ. Сначала онъ присылалъ имъ на содержаніе, но вдругъ два мѣсяца замолкъ и они не имѣютъ о немъ ни слуха, ни духа.

— Богъ вѣсть, говорила рыдая дама:—можетъ быть... его уже нѣтъ въ живыхъ, или онъ въ плѣну, или съ нимъ случилось еще что нибудь худшее—и тогда... мое бѣдное дитя... мое бѣдное дитя, что съ нимъ будетъ?

Она взглянула на Любочку, которую я развлекалъ усадивъ ее на кресло и стоя передъ нею на колѣняхъ, и вдругъ быстро отвернулась и закрыла рукою глаза, молвивъ въ какомъ-то вдохновеніи:

— Темно, темно: я не могу глядѣть въ эту темь!

И она вдругъ затрепетала, рванулась къ ребенку и прижавъ къ груди своей ребенка замерла.

Тетка Ольга знала болѣе: она знала, что корми-

Библиотека "Руниверс"

льца этихъ сиротъ уже не было на свѣтѣ: его не то поразила венгерская пуля, не то прикончила лихорадка. И бабушка знала объ этомъ и сказала это теткѣ Ольгѣ, съ тѣмъ, чтобы она помогла ей открыть роковую вѣсть бѣдной вдовѣ и пособила бы ей принять весь ужасъ ея безпомощнаго положенія.

Тетка вѣроятно исполнила какъ нибудь это печальное порученіе, хотя я не знаю какъ и когда она это сдѣлала, потому что моя впечатлительная и нервная maman послѣ этого дня ни за что не хотѣла оставаться въ нашей квартирѣ и мы вскорѣ же дѣйствительно выбрались въ другой домъ, гдѣ не было ни Павлина, ни жестокихъ порядковъ, которые онъ съ такою суровостью приводилъ въ исполненіе.

VI.

Maman, какъ очень многія впечатлительныя женщины, болѣе всего избѣгала сценъ возмущавшаго ее жестокосердія и заботилась о томъ, чтобы *не видѣть ихъ*; но нервы тетки Ольги были крѣпче и она не боялась становиться съ горемъ лицомъ къ лицу, а потому она и здѣсь не оставила нашихъ сосѣдокъ и навѣщала ихъ съ своей новой квартиры. Тонкая деликатность тетки вѣроятно не позволяла ей спросить у нихъ: есть ли чѣмъ у нихъ заплатить за слѣдующій, наступающій мѣсяцъ, но она стерегла и подкарауливала какъ имъ обойдется урочный день наступающаго срока платежа. Я помню, какъ она тревожно и съ какимъ сердобольнымъ безпокойствомъ она берегла въ своей памяти этотъ день, страшась какъ бы не просчитать его,—и дождавшись когда онъ наступилъ, рано утромъ побѣжала въ домъ, гдѣ наши бѣдныя сосѣдки оставались во власти Павлина. Взбѣжавъ на дворъ, она прежде глянула на ихъ окна... рамы были на мѣстѣ... Тетка успокоилась. Прошелъ и еще мѣсяцъ—и тетка Ольга опять точно такъ же стерегла срочное число и опять съ деньгами въ карманѣ побѣжала къ старымъ сосѣдкамъ, и опять все застала въ полномъ порядкѣ и спокойствіи, какое было возможно въ ихъ стѣсненномъ положеніи. Покрайней мѣрѣ квартира была тепла, хотя видимо все мало-по-малу пустѣла. На третьемъ мѣсяцѣ у этихъ бѣдныхъ жильцовъ умерла старушка бабушка... Ходили странные слухи: говорили, будто она отравилась фосфорными спичками и сдѣлала это въ полной памяти и съ знаніемъ дѣла: она распустила фосфоръ не въ водѣ и не въ спиртѣ, какъ это дѣлаетъ большинство отравляющихся этимъ способомъ, а въ маслѣ, въ которомъ фосфоръ растворяется совершенно. Говорили, что она отравилась съ единственной цѣлію не обременять собою бѣдную дочь, которая не хотѣла ее оставить и бѣдствовала давая дешевые уроки, тогда какъ она съ одною дѣвочкою могла бы поступить куда нибудь классною дамою или гувернанткою. Бабушка хотѣла развязать своей дочери руки и развязала ихъ съ удивительнымъ спокойствіемъ. Справедливы или нѣтъ были всѣ эти толки объ отравѣ—я навѣрно не знаю; но только старушку однако схоронили безъ всякихъ полицейскихъ исторій, а разсчетъ ея оказался невѣрнымъ: хотя она и развязала руки дочери, но дочь ея не получила желаемаго мѣста,—а напротивъ, бѣгая по своимъ дешевымъ урокамъ, совсѣмъ надломила свой потрясенный организмъ, послѣ чего ей довольно было самой маленькой простуды, чтобы у нея развилась жестокая болѣзнь, менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ низведшая эту бѣдную женщину въ могилу.

Она умерла не оставляя дочери ничего: ни имѣнія, ни добрыхъ людей; даже моей доброй тетки Ольги не было тогда въ городѣ, потому что она объ эту пору ѣздила въ другой городъ къ роднымъ и возвратилась въ очень скверный день, когда по грязному снѣгу раннимъ февральскимъ утромъ на Волково кладбище тащились бѣдныя дроги съ гробомъ, у изголовья котораго тутъ же на дрогахъ сидѣла заплаканная Люба, а сзади дрогъ шолъ — Павлинъ... Словомъ: все точь-вточь, какъ тетка Ольга видѣла когда-то во снѣ. Павлинъ былъ съ непокрытою головою, облаченный для сего печальнаго случая въ сѣрую шинель на старомъ волчьемъ мѣху. Тетка Ольга ужасно встревожилась этимъ событіемъ и переговоривъ съ maman рѣшила взять сиротку Любу къ намъ пока удастся ее куда нибудь устроить, но все это оказалось излишнимъ: Люба уже была устроена и вѣроятно не хуже, чѣмъ бы могли устроить ее мы съ нашими весьма ограниченными средствами и безъ всякихъ сколько нибудь вѣскихъ и значительныхъ связей. Виновникомъ попечительныхъ заботъ объ осиротѣвшей дѣвочкѣ явился тотъ же самый Павлинъ, который два мѣсяца тому назадъ вымораживалъ ее вмѣстѣ съ ея матерью и бабушкой.

Когда тетка Ольга, окончивъ свои переговоры съ maman, пришла въ швейцарскую Павлина, чтобы узнать отъ него: гдѣ Люба,—она не нашла его на его обычномъ креслѣ. Это было едва ли не первое нарушеніе Павлиномъ своихъ обязанностей съ тѣхъ поръ, какъ онъ надѣлъ въ этомъ домѣ пеструю ливрею и взялъ въ руки блестящую булаву.

Освѣдомясь у кого попало о швейцарѣ, тетка узнала, что онъ уже возвратился съ кладбища къ себѣ и принесъ туда на рукахъ въ свою комнату дѣвочку.

Тетка долго не раздумывая направилась къ неприкосновенному апартаменту Павлина и растворила дверь. Передъ нею открылась очень маленькая комнатка, съ диванчикомъ, на которомъ помѣщалась плачущая Люба, а передъ нею стоялъ на колѣняхъ Павлинъ и перемѣнялъ на ребенкѣ промокшую обувь.

При входѣ тетки онъ всталъ и вѣжливо поклонясь ей сказалъ:

— Сударыня, вѣрно изволили пожаловать насчетъ барышни?

— Да, отвѣчала тетка.

— Изволите желать взять ихъ?

— Да.

— Какъ вамъ угодно.

Библиотека "Руниверс"

Дѣвочка тянулась къ теткѣ и мы ее взяли, но ввечеру того же дня къ намъ появился Павлинъ и просилъ доложить теткѣ, что онъ пришелъ переговорить о сиротѣ.

Павлина позвали въ залъ, куда къ нему вышла и тетка. Они говорили около получаса, по истеченіи котораго Павлинъ ушелъ, а тетка возвратилась къ maman въ восторгѣ отъ ума и твердости характера Павлина.

Павлинъ явясь къ теткѣ объяснилъ ей, что желаетъ взять Любу на свое попеченіе, но не настаиваетъ на этомъ, если дѣвочка можетъ быть устроена лучше. А для того чтобы дать теткѣ возможность судить о его средствахъ и благонадежности онъ нашелъ нужнымъ разсказать ей свое прошлое и представить нынѣшнее свое положеніе и планы насчетъ Любы. По его словамъ, онъ былъ крѣпостной человѣкъ, обученъ музыкѣ, но не любилъ ее, и изъ музыкантовъ попалъ въ камердинеры, потомъ откупился дорогою цѣною на волю самъ своею единственною душою; но послѣ, собравъ трудами и бережливостью довольно большую для его положенія сумму, онъ выкупилъ на волю свою старуху мать, сестру и зятя и снялъ имъ на большой тульской дорогѣ хорошій постоялый дворъ. Затѣмъ, считая себя обязаннымъ помогать хозяйству этихъ родственниковъ, онъ самъ не женился и жилъ для родныхъ; но назадъ тому съ мѣсяцъ, онъ получилъ извѣстіе, что всѣ его родные вслѣдъ другъ за другомъ поумирали холерою. Оставаясь теперь совершенно одинокимъ и находя, что ему время для женитьбы уже прошло, Павлинъ выразилъ желаніе остатокъ дней своихъ посвятить сиротѣ Любѣ, которая по своему положенію, сдѣлась ему чрезвычайно жалка.

Тетку мою такъ тронуло это доброе движеніе, что она подала Павлину руку и посадила его чтобы онъ обстоятельно изложилъ ей свой планъ, которому думаетъ слѣдовать насчетъ Люсы. Тетка была увѣрена, что степенный Павлинъ, рѣшаясь взять дитя на свои руки, непремѣнно имѣетъ ясныя намѣренія, которыя и разсчитываетъ привести къ выполненіе, и она не ошиблась. Павлинъ дѣйствительно имѣлъ планъ и при томъ весьма обстоятельный, удобоисполнимый и вполнѣ отвѣчающій его солидному и твердому характеру. Онъ приготовился не только взять дѣвочку и воскормить ее, но разсчелъ весь путь, какимъ она должна была войдти въ жизнь и стать въ ней твердою ногою. При этомъ онъ обнаружилъ въ своемъ характерѣ нѣкоторыя до сихъ поръ еще незамѣченныя въ немъ черты, а именно: прямоту, скромность и презрѣніе къ тщеславнымъ посягательствамъ человѣка на высшій полетъ. Павлинъ избиралъ сиротѣ можетъ быть очень скромную долю: онъ сказалъ теткѣ, что намѣренъ отдать Любу въ школу къ одной извѣстной ему очень хорошей дамѣ, гдѣ дѣвочка года въ четыре обучится необходимымъ по его соображенію наукамъ, то есть чтенію, письму, закону Божію и ариѳметикѣ, а также «историческимъ свѣдѣніямъ», а потомъ онъ отдастъ ее учиться рукодѣліямъ, а самъ въ это время къ выходу ея изъ этой послѣдней науки соберетъ ей денегъ, откроетъ магазинъ и потомъ выдастъ ее замужъ за честнаго человѣка, «который ее могъ бы стоить. Этакъ, говорилъ онъ,—я располагаю, будетъ гораздо вѣрнѣе, потому что къ благородству, если удастся судьба, можно всегда очень легко привыкнуть, но самое первое дѣло человѣку имѣть средства на себя надѣяться».

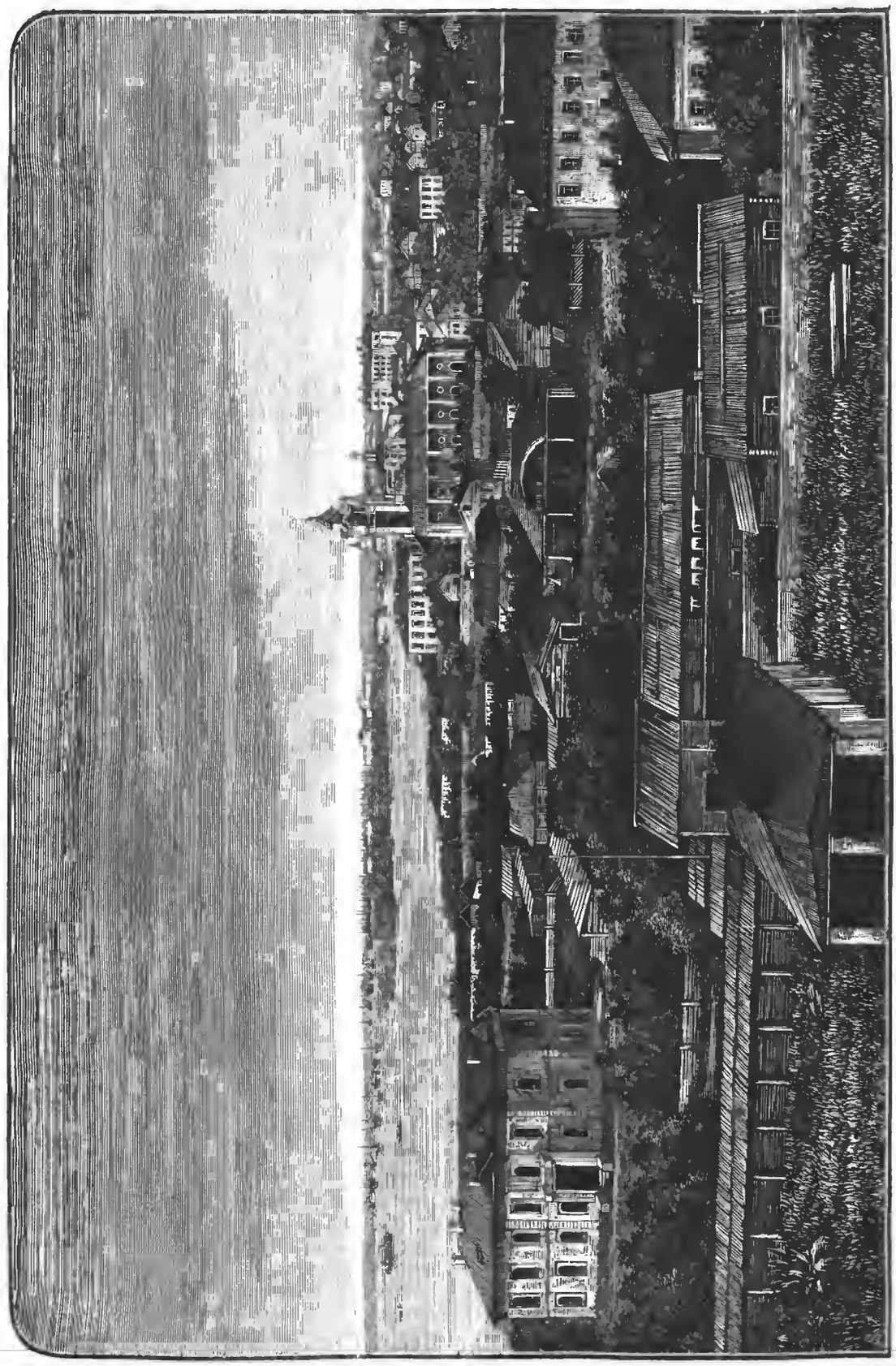
Теткѣ, которая всегда была сама очень умна и проста, этотъ простой и удобный планъ воспитанія необыкновенно какъ нравился, но maman планъ Павлина не совсѣмъ былъ по мысли: она находила, что ни кто не имѣлъ права такимъ образомъ «изковеркать будущность бѣдной сиротки противъ того, на что она имѣла право по своему происхожденію». На этомъ maman и тетка ни какъ не могли согласиться и онѣ вѣроятно долго бы спорили, если бы въ дѣло не вмѣшался случай и не порѣшилъ все это по своему: здоровье maman потребовало перемѣны климата и она должна была уѣхать на годъ далеко изъ Петербурга къ своему брату; меня отдали въ Петербургѣ въ пансіонъ, а моя добрая тетка отъѣхала въ иную сторону и устроилась особеннымъ образомъ: она поступила въ одинъ уединенный женскій монастырь на берегу Днѣпра за Кіевомъ. Сиротку Любу такимъ образомъ волею-неволею пришлось ввѣрить исключительнымъ попеченіямъ Павлина, котораго рвеніе устроить это дитя и средства все это сдѣлать были при томъ едва ли не далеко превосходнѣе нашихъ. При томъ же и нравственныя ручательства, которыя Павлинъ далъ теткѣ при прощаньи съ нею, значительно успокоивали ее за судьбу Любы. Павлинъ объяснился теткѣ въ такомъ родѣ:

— Я знаю сударыня, сказалъ онъ,—что меня считаютъ злымъ человѣкомъ, а это все отъ того, что я почитаю что всякій человѣкъ долженъ прежде всего свой долгъ исполнять. Я не жестокое сердце имѣю, а съ практики взялъ, что всякій въ своей бѣдѣ много самъ виноватъ, а потворство къ тому людей еще болѣе располагаетъ. Надо помогать человѣку не послабленіемъ, такъ какъ отъ этого человѣкъ еще болѣе слабнетъ, а надо помогать ему на ноги становиться и о себѣ вдаль основательно думать, что бы могъ отъ немилостивыхъ людей самъ себя оберегать.

И такъ, maman и тетка, оплакавъ Любу, оставили ее Павлину на его произволъ дѣлать изъ нея женщину безъ слабостей и способную сама себя оберегать; а вышло что она—эта маленькая дѣвочка—сдѣлала изъ самого Павлина то, чѣмъ этотъ крѣпкій человѣкъ врядъ ли думалъ сдѣлаться.

(Продолженіе будетъ)

Библиотека "Руниверс"



Общій видъ города Архангельска съ набережной. Съ фотографіи рис. И. Косматовъ, грав. Барановскій.

Библиотека "Руниверс"

Подъ испанскимъ небомъ.

(Окончаніе).

II.

У Пепиты не закружилась голова отъ расточаемыхъ ей любезностей. Чтобы избѣжать предстоявшихъ тягостныхъ визитовъ, мать и дочь рѣшили уѣхать на нѣсколько дней изъ Кордовы въ маленькій, отстоящей отъ нея въ шести легахъ, городокъ Буйалансъ, гдѣ Пепитинъ дядя былъ пасторомъ. Единственный ея братъ, мальчикъ лѣтъ пятнадцати, воспитывался тамъ подъ руководствомъ дяди.

Дорога въ Буйалансъ идетъ черезъ Альколеальскій мостъ. Въ Испаніи, особенно въ горныхъ странахъ, дамы обыкновенно путешествуютъ въ портшезахъ (*andas*), привязанныхъ по бокамъ крѣпкаго сильнаго лошака. Такимъ образомъ должны были ѣхать и наши дамы.

Было чудное октябрское утро, когда онѣ пустились въ путь. Дороги были безопасны, карлисты нигдѣ не показывались. Правда, прошелъ слухъ что карлистскій генералъ Гомецъ двинулся съ своимъ корпусомъ на Санъ-Яго-де-Компостелла. Но отъ Санъ-Яго слишкомъ далеко до Кордовы, чтобы стоило тревожиться этимъ слухомъ; къ тому же было извѣстно, что значительныя правительственныя войска подъ предводительствомъ генерала Нарваэца готовились дать сильный отпоръ смѣлому карлистскому вождю.

Но едва пробыли наши дамы нѣсколько дней въ Буйалансѣ, какъ вдругъ тамъ распространился слухъ, что Гомецъ сдѣлалъ нападеніе на Кордову. Слухъ вскорѣ превратился въ увѣренность; урбаносы (ополченцы) и разные другіе военные и статскіе чиновники королевы Христины, бывшей еще въ то время регентшей за дочь свою Изабеллу, пользуясь ночной темнотой и туманомъ, бѣжали изъ Кордовы въ болѣе безопасный Буйалансъ; сюда же стянулось ополченіе изъ окрестныхъ мѣстъ. Набралось около 4000 этихъ лошаковыхъ героевъ, которые, судя по ихъ рѣчамъ, разомъ бы истребили весь корпусъ Гомеца.

Нашимъ путешественницамъ стало наконецъ не подъ силу переносить долѣе наглость и пошлое хвастовство этихъ людей. Обѣ онѣ были въ глубинѣ души карлистки—и еслибы понадобилось, отдали бы жизнь за это дѣло, но до сихъ поръ держали себя совершенно пассивно, и вообще въ теченіи всей гражданской войны жили втихомолку въ своей хуертѣ, вдали отъ всякой общественной жизни. Извѣстія объ Гомецѣ поразили ихъ, грубость урбаносовъ сдѣлалась имъ невыносима, онѣ не могли больше оставаться въ Буйаланcѣ, и думали какъ бы вернуться назадъ въ Кордову, въ свой мирный домикъ въ хуертѣ. Особенно стремилась домой Пепита; она не могла жить безъ Діего.

Итакъ, онѣ стали подумывать какъ бы, не дѣлая огласки, привести въ исполненіе свое намѣреніе; но очень трудно было найти погонщика, который согласился бы свезти ихъ до Кордовы: всякій боялся, какъ бы лошакъ его не приглянулся карлистамъ и не достался бы имъ въ добычу. Наконецъ одинъ мужикъ, за очень дорогую цѣну, согласился проводить ихъ до Альколеальской венты. Оттуда, въ сопровожденіи слуги пастора, дамы должны были пройти до Кордовы пѣшкомъ.

Онѣ охотно согласились на эти условія, и хотѣли выѣхать на другой же день рано утромъ. Погонщикъ съ лошакомъ долженъ былъ ждать ихъ за городомъ на условленномъ мѣстѣ.

На другой день, въ пять часовъ утра, дамы благоговѣйно отслушали божественную службу, совершенную для нихъ ихъ почтеннымъ родственникомъ. Потомъ, послѣ небольшаго завтрака, пошли въ сопровожденіи священника за городъ, гдѣ ждалъ ихъ погонщикъ.

Но каково было ихъ удивленіе, когда онѣ увидѣли, что тотъ не одинъ! Тутъ же былъ главный командиръ урбаносовъ, горячій политическій боецъ, человѣкъ въ высшей степени раздражительный и злой, ненавидимый въ странѣ за его грубость. Какъ только онъ завидѣлъ приближавшееся и ничего-не-подозрѣвавшее общество, сейчасъ же направился къ госпожѣ де-Манцано и передалъ ей письмо съ порученіемъ собственноручно отдать его корреджидору Кордовы. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ объявилъ, что оставитъ ея сына въ заложникахъ, пока не получитъ извѣстія, что письмо доставлено по назначенію.

Это требованіе командира разразилось надъ бѣдными женщинами словно громовой ударъ съ яснаго неба. Онѣ, не вмѣшивавшіяся никогда въ жизни въ политику, вдругъ должны сдѣлаться передательницами корреспонденціи изъ одного враждебнаго лагеря въ другой; вѣдь ихъ могли обвинить въ шпіонствѣ, а это преступленіе влечетъ за собой часто смертную казнь. Госпожа де-Манцано всѣми силами отказывалась исполнить приказаніе командира; она выставляла ему на видъ всѣ опасности, какимъ она подвергается, если ее перехватятъ съ подобнымъ письмомъ. Она говорила, что за жизнь своего ребенка не безпокоится, такъ какъ увѣрена что ему не сдѣлаютъ никакого зла; но всѣ ея просьбы и мольбы ни къ чему не привели. Командиръ категорически настаивалъ на своемъ приказаніи; у него не было другаго болѣе вѣрнаго случая доставить письмо, которое чрезвычайно важно. Онъ даже торопилъ ихъ отѣздомъ, и когда онѣ выразили желаніе вовсе отказаться отъ путешествія, онъ сталъ угрожать имъ жестокимъ и постыднымъ наказаніемъ, если онѣ еще будутъ медлить.

Что оставалось имъ дѣлать какъ не покориться необходимости, и, какъ говорятъ французы, дѣлать добродушную мину передъ дурной игрой? Притомъ же командиръ былъ извѣстенъ тѣмъ, что приводилъ въ дѣйствіе свои угрозы не смотря ни на какое лицо. Онъ откомандировалъ съ ними довѣреннаго проводника, который долженъ былъ проводить за Альколеальскій мостъ. Для большой безопасности самой госпожи Манцано, онъ предложилъ ей зашить письмо въ нижнюю юбку, затѣмъ онъ велѣлъ ихъ пропустить, и пожелалъ имъ счастливаго пути.

Къ одинадцати часамъ утра, онѣ безъ дальнѣйшихъ приключеній пріѣхали къ упомянутому мосту. У венты, находившейся на правомъ берегу рѣки, дамы встали чтобы немножко отдохнуть и подкрѣпить свои силы какой нибудь пищей. Погонщикъ лошака, довольный что сдѣлалъ свое дѣло, не далъ даже какъ слѣдуетъ отдохнуть животному и поскорѣе повернулъ во свояси; пасторскій слуга взялъ багажъ и остался въ то же время единственнымъ защитникомъ ввѣренныхъ ему женщинъ. Повѣренный командира еще нѣсколько времени слѣдилъ за ними, пока онѣ наконецъ не скрылись изъ виду за ближайшимъ холмомъ.

Альколеальскій мостъ, черезъ который шли теперь дамы, состоитъ изъ двадцати арокъ и весь построенъ изъ черныхъ плитъ похожихъ на мраморъ; это самый большой и красивый изъ памятниковъ Испаніи временъ правленія Карла IV, кромѣ этого не сдѣлавшаго ничего замѣчательнаго во все свое долгое царствованіе. *El puente nuevo de Alcolea*, новый Альколеальскій мостъ, какъ его называютъ еще и до сихъ поръ, лежитъ нѣсколько выше прежняго стараго моста, *puente viejo*, который былъ построенъ Римлянами но оказался для настоящаго времени слишкомъ узокъ, да кромѣ того и ветхъ, такъ что его надо было перенести на другое мѣсто. Черезъ теперешній мостъ идетъ почтовый трактъ изъ Мадрита черезъ Кордову на Кадиксъ.

Мѣстность около этого моста, на нѣсколько миль кругомъ, пустынна и безлѣсна; особенно по лѣвому берегу Гвадалквивира, почти вплоть до Буйаланса, нигдѣ не видно человѣческаго жилья, только тамъ и сямъ виднѣется овечій загонъ. И по правому берегу тоже непривѣтливая пустыня тянется почти на треть пути до Кордовы; но потомъ мѣстность вдругъ дѣлается необыкновенно живописной, просто волшебной. Влѣво отъ дороги бѣжитъ Гвадалквивиръ, *Wad-al-Kebir* (большая рѣка) арабовъ, которую испанцы перекрестили въ Гвадалквивиръ. Вправо, растилаются постепенно склоняющіеся отроги

Библиотека "Руниверс"

лѣсистой Сіерры Морены. Открывающаяся панорама великолѣпна. Среди роскошной растительности вездѣ выглядываютъ сельскіе домики и мызы. Тщательно-обработанныя поля тянутся отъ рѣки до главной массы Сіерры Морены; все это производитъ неописанное впечатлѣніе на путешественника, только-что оставившаго печальную пустыню; ему кажется, что онъ перенесся прямо въ рай.

Съ полъ-пути, отъ моста къ Кордовѣ, начинаются по обѣимъ сторонамъ дороги оливковыя рощи; самую дорогу окаймляютъ шелковичныя и миндальныя деревья; между оливковыми деревьями тамъ и сямъ подымаются группы высокихъ могучихъ лѣтнихъ дубовъ. Эти оливковыя и дубовыя рощи простираются до сѣверной кордовской хуерты, гдѣ онѣ уступаютъ мѣсто болѣе нѣжной культурной растительности и исчезаютъ.

Героини наши проѣхали почти половину дороги среди этой очаровательной мѣстности, въ довольно печальномъ настроеніи духа. Пепита старалась утѣшить и ободрить мать, такъ какъ ею овладѣлъ сильный страхъ.

— Не бойся, милая мама! говорила она:—ты вѣдь знаешь: чѣмъ больше горе, тѣмъ ближе помощь! Не отчаявайся, все отлично кончится, я уповаю на Бога!

Не успѣла Пепита выговорить этихъ словъ, какъ въ одну минуту онѣ были окружены вооруженными людьми, выскочившими изъ-за толстыхъ дубовъ по обѣимъ сторонамъ дороги. Это былъ патруль передоваго отряда карлистовъ, который подъ начальствомъ полковника Рейна, бывшаго конногвардейскаго офицера, былъ расположенъ подъ тѣнью деревьевъ нѣсколько дальше къ хуертѣ.

III.

— Alto!... стой!... Quin vive?... Кто идетъ? закричалъ одинъ изъ солдатъ, выскочивъ впередъ съ взведеннымъ курокомъ.

— Gente de paz!... мирные люди! отвѣчала Пепита быстро и рѣшительно, между тѣмъ какъ у матери потемнѣло въ глазахъ отъ страха.

— Ради Бога, успокойся, милая мама, шепнула она ей,— не выдай себя твоимъ страхомъ!

Мужество дочери придало матери силы, она наконецъ пришла въ себя и просила солдата проводить ихъ къ офицеру, командующему отрядомъ. Этотъ послѣдній, въ ту минуту какъ раздался крикъ ведетта, разговаривалъ съ полковникомъ Рейна, и съ нимъ вмѣстѣ направился къ мѣсту, откуда посыпался крикъ.

Полковникъ былъ пораженъ, увидѣвъ госпожу де-Манцано, свою хорошую знакомую, съ мужемъ которой онъ долгое время вмѣстѣ стоялъ съ полкомъ въ Кордовѣ. Съ любезностью настоящаго кабаллеро, распросилъ онъ дамъ откуда онѣ идутъ и куда; при этихъ распросахъ онъ украдкой поглядѣлъ на прелестную молодую спутницу госпожи де-Манцано.

Не получивъ еще отвѣта на первые вопросы, онъ съ любопытствомъ продолжалъ:—А эта сеньорита вѣдь не....

— Моя дочь Пепита, перебила его мать,—невѣста Донъ Діего де-Базана, сына графа Санта-Круцъ.

Услышавъ это, полковникъ поклонился Пепитѣ и въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ принесъ ей свое поздравленіе.

Между тѣмъ, госпожа Манцано, совершенно успокоясь отъ страха, твердо рѣшилась расказать полковнику всю исторію съ письмомъ, не взирая на угрозы командира урбаносовъ относительно ея сына. Она велѣла достать письмо изъ тайнаго мѣста гдѣ оно было зашито, и передала его полковнику. Онъ схватилъ письмо, поспѣшно разпечаталъ его, наскоро пробѣжалъ, и сказалъ.

— Милостивыя государыни, вы должны немедленно идти со мной къ генералу Гомецу.

Едва успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ изъ-за поворота, образуемаго здѣсь дорогой, показался самъ генералъ Гомецъ на гордомъ андалузскомъ конѣ благороднѣйшей породы. Онъ выѣхалъ за городскіе ворота для рекогносцировки, а также и для необходимыхъ совѣщаній съ командовавшимъ кавалеріей полковникомъ Рейна.

Карлистскому передовому отряду, также состоявшему подъ начальствомъ Рейна, было поручено стеречь всѣ дороги къ Альколеальскому мосту; изъ Кордовы ни одна душа не смѣла перейти за мостъ. Всѣхъ, кто приходилъ съ лѣваго берега Гвадалквивира, строго осматривали и обыскивали; особенно строго слѣдили за письмами.

Генералъ Гомецъ, будучи баталіоннымъ командиромъ, стоялъ съ своимъ полкомъ въ Кордовѣ, и часто дѣлалъ разныя поѣздки за городъ; каждый уголокъ и каждая тропинка, а главное, всѣ пути къ Сіеррѣ Моренѣ, по ту и по сю сторону Гвадалквивира, были ему наизустъ извѣстны.

Увидѣвъ генерала, Рейна извинился передъ дамами, подошелъ къ нему и передалъ ему письмо.

Гомецъ прочиталъ письмо; глаза его радостно заблистали. При случайностяхъ, при всѣхъ трудностяхъ встрѣчавшихся ему въ походѣ, быстрое рѣшеніе и такое же быстрое исполненіе всегда было его правиломъ, поэтому онъ больше всего заботился чтобы солдатъ заранѣе хорошенько поѣлъ и выспался, какъ только это позволяли обстоятельства. «Если солдатъ сытъ и порядкомъ отдохнулъ, онъ всегда годенъ въ дѣло», обыкновенно проповѣдывалъ онъ своимъ офицерамъ.

По прочтеніи письма, онъ сталъ совѣщаться съ Рейна, повидимому о чемъ-то важномъ; послѣ этого подъѣхалъ къ дамамъ, и поклонясь имъ съ свойственной ему любезностью, просилъ еще разсказать ему исторію съ письмомъ. Выслушавъ ихъ, онъ выразилъ свое сожалѣніе, что не можетъ проводить ихъ, такъ какъ ему не медля ни минуты нужно вернуться назадъ въ Кордову.

— Дамы могутъ идти дальше, сказалъ онъ ведетту; потомъ простился съ ними со словами:—до свиданія въ Мадритѣ!

Рейна тоже велѣлъ подать себѣ лошадь, поклонился дамамъ, и въ минуту исчезъ изъ глазъ вмѣстѣ съ генераломъ.

Мальчикъ, оставленный нами рано утромъ передъ Буйалансомъ, безпрекословно повиновался приказанію командира урбаносовъ и спокойно пошелъ за человѣкомъ, который повелъ его въ квартиру командира. Онъ даже сердился на своего дядю, пастора, предлагавшаго себя въ заложники вмѣсто него.

— Ты всегда говорилъ мнѣ, милый дядя, убѣждалъ онъ его,—что въ горѣ надо надѣяться на Бога! вотъ я такъ и дѣлаю теперь, поэтому не бойся за меня, будь также бодръ какъ я.

Придя въ названную квартиру, онъ скоро замѣтилъ, что никто не приставленъ для присмотра за нимъ; проводникъ его ушелъ; солдаты, держащіе караулъ, преспокойно сидѣли себѣ на корточкахъ у воротъ и глазѣли на улицу. Мальчикъ зналъ расположеніе дома, ему было очень хорошо извѣстно, что изъ саду можно выдти въ поле; значитъ, тутъ и надо искать свободы. Долго не раздумывая, отъ мысли онъ какъ разъ перешелъ къ дѣлу; черезъ нѣсколько минутъ онъ былъ ужъ за городомъ—и прежде чѣмъ стемнѣло бѣжалъ по Кордовской дорогѣ; вскорѣ послѣ прибытія своихъ, и онъ появился въ хуертѣ.

Мать и сестра въ одинъ голосъ радостно вскрикнули при этомъ неожиданномъ свиданіи. Оно сильно потрясло госпожу де-Манцано, она упала на колѣни съ горячей благодарностью къ милосердному Создателю за освобожденіе ея ребенка.

Пасторскій слуга, чрезвычайно преданный смѣлому мальчику, былъ свидѣтелемъ этой трогательной сцены; онъ раздѣлялъ общую радость, съ видимымъ сочувствіемъ смотрѣлъ на всѣхъ троихъ, обнимавшихъ другъ друга, и радостныя слезы текли по его честному лицу.

Госпожа де-Манцано дала этому вѣрному слугѣ порученіе тотчасъ же отправиться въ городъ къ Донъ Діего, извѣстить его объ ихъ возращеніи и подробно разсказать ему всѣ ихъ приключенія.

Донъ Діего не заставилъ себя долго ждать. Любовь къ Пепитѣ, страстное желаніе ее видѣть, превратили его ноги въ крылья.

— Пепита!... Діего! безъ дальнѣйшихъ привѣтствій оба бросились въ объятія и долго не могли оторваться другъ отъ друга.

Библиотека "Руниверс"

— Это послѣдняя разлука! воскликнулъ Донъ Діего, отрываясь отъ Пепиты. — Я уже сдѣлалъ всѣ приготовленія; сегодня же церковь должна благословить насъ, сегодня же мы на вѣкъ будемъ принадлежать другъ другу. Черезъ нѣсколько дней мы уѣдемъ во Францію, пока не утихнетъ междоусобная война и не возстановится порядокъ въ нашей чудной Испаніи. Мать и братъ поѣдутъ съ нами, нашъ управляющій позаботится объ интересахъ матери, слѣдовательно ничто не мѣшаетъ мнѣ привести мой планъ въ исполненіе.

Недѣлю спустя, четверо счастливцевъ садились въ Санъ-Лукарѣ на пароходъ, который привезъ ихъ въ Марсель, гдѣ онѣ благополучно высадились на берегъ.

Еслибы письмо, врученное госпожѣ де-Манцано въ Буйалансѣ, попало въ должныя руки, корпусъ генерала Гомеца сильно бы пострадалъ. Но теперь Гомецъ имѣлъ время предупредить угрожающую опасность, самому броситься на врага и разбить всѣ его планы.

Командиръ урбаносовъ сообщалъ именно въ письмѣ къ кордовскому корреджидору, что *Нарваэцъ* съ его летучимъ кавалерійскимъ корпусомъ стоитъ недалеко отъ Кордовы. Самъ же онъ съ своими 4000 урбаносовъ намѣренъ на вторую ночь занять Альколеальскій мостъ и отрѣзать карлистамъ отступленіе. Между тѣмъ, корреджидоръ съ своей стороны долженъ дать обо всемъ этомъ знать ближайшимъ войскамъ, и побудить ихъ какъ возможно поспѣшнѣе броситься на Кордову, потомъ фальшивымъ отступленіемъ заставить карлистовъ все болѣе и болѣе удаляться отъ этого города, пока не подоспѣетъ Нарваэцъ.

Гомецъ разрушилъ весь этотъ планъ. Черезъ два часа послѣ разговора съ дамами, полковникъ Рейна передвинулъ свою кавалерію за Альколеальскій мостъ и занялъ тамъ позицію. Гомецъ послѣдовалъ за нимъ съ пѣхотой, но не останавливаясь пошелъ дальше на Буйалансъ,—и тамъ, около 3-хъ часовъ утра, напалъ на урбаносовъ, которые еще спали крѣпкимъ сномъ, и обезоружилъ ихъ. Всѣ военные припасы урбаносовъ, 4000 ружей и много прекрасныхъ лошадей достались побѣдителямъ. Начальникъ урбаносовъ, застигнутый врасплохъ въ постели, хотѣлъ защищаться, но лишился при этомъ жизни.

Въ окрестностяхъ Архангельска.

(ИЗЪ ПУТЕВЫХЪ ЗАМѢТОКЪ В. НЕМИРОВИЧА-ДАНЧЕНКО).

1. Соломбала. Кузнечиха. Маймакса. Лѣсопильные заводы.

Мы въ Архангельскѣ были еще вновѣ. Осмотрѣвъ городъ, намъ хотѣлось увидѣть его прелестныя лѣтомъ окрестности, заводы и крѣпость. Выбравъ теплое утро, мы выѣхали въ послѣднюю, нанявъ извощика, принявшаго насъ за англійскихъ кентейновъ, во множествѣ являющихся сюда во время навигаціи. Онъ заговорилъ съ нами по англійски.

— Ты гдѣ это научился коверкать языкъ Шекспира и Байрона? остановилъ его мой товарищъ.

— Мы съ измалѣтства къ этому пріобыкли, потому эфтихъ каптиновъ страсть что перевозимъ кажное лѣто. Они очень это любятъ; ему за первый сортъ, ежели по ихнему... Сейчасъ тебѣ шилингъ на чай... только говори съ нимъ поаккуратнѣй.

— Поаккуратнѣй?

— Да. Они наше охаверство не очень уважаютъ. Сейчасъ— слѣзъ и пошелъ прочь. Что говорить! Народъ обходительный, особливо когда пьянъ...

— Однако подгони-ко лошадку.

— Однова этотъ капитанъ меня къ себѣ на карапь звалъ. Счасъ ейную водку на столъ и прочее угощеніе, какъ по ихнему закону полагается. Однако я тогда довольно хорошо натрескался. Ночью слышь въ части окно вышибъ, потому въ полицу попалъ. Дорого мнѣ это угощеніе стало. Сраму одного сколько, на другой день съ фараонами выгнали улицу мести... Н-н-у, подлая! Чаво у кабака стала? Ишь, каторжная, точно человѣкъ... понимаетъ!.. А что, господа, я полагаю супротивъ нашего Архангельска города не найтить?...

— Почему?

— Потому у насъ ровно... Просторъ. Гладкость эта. Ни тебѣ оврага, ни тебѣ пригорка... опять же насчетъ ѣздока. Ѣздокъ у насъ лѣтомъ—первый сортъ. Полтину спросишь—слова не скажетъ. Нашъ ѣздокъ любитъ, чтобы поговорить съ нимъ, потому онъ извѣстное дѣло баринъ, человѣкъ глупый, ну ты его и наставь. Разскажи ему про все. За это самое на чай жертвуютъ, за наставленіе значитъ. У насъ ѣздокъ хорошъ! рѣшительно проговорилъ онъ и погналъ лошадейку.—Вотъ, примѣрно, взмахнулъ онъ кнутомъ направо, на какую-то черненькую и грязненькую слободку,—вотъ примѣрно—Кузнечиха. А почему она Кузнечиха? Потому что въ ей народъ голый, запивоха народъ... прощеколда. Ну и чести ей мало. Какой это народъ— ни поддевки на емъ ни сапогъ... Самый необходительный народъ—поэтому и прозывается онъ Кузнечевскимъ. А таперчи проѣхали мы Нѣмецкую слободу— ей честь большая, супротивъ прочаго тамъ живетъ ѣздокъ хорошій... А въ Кузнечихѣ поди и ѣздока нѣтъ.

— Кто же у васъ въ Нѣмецкой слободѣ живетъ?

— Иностранецъ тамъ пребываетъ. Иностранные люди. У нихъ и родители нѣмцами были... Чего тутъ!.. Онъ въ свою кирку ходитъ и все значитъ тамъ въ книжку читаетъ. Попъ евоный свое, а енъ свое... Одначе у него деньги есть!.. неожиданно заключилъ онъ.

Что это за жалкое мѣсто—Кузнечиха! Послѣ благоустроеннаго, чистенькаго, опрятнаго Архангельска, эта часть его показалась намъ какимъ-то гнѣздомъ нищеты и убожества: кривыя улицы, узкіе переулки, деревянные домишки, покосившіяся, потрескавшіеся, похожія на физіономію пьянаго забулдыги, сплошь усѣянную синяками и шрамами. Длинные заборы, за которыми скрываются черные пустыри, хижинки въ два и одно окно. Невольно думалось намъ: какъ скверно должно быть живется тутъ людямъ! Какъ непріятна, холодна ихъ обстановка! Вотъ выползла изъ какой-то избушки-землянки, едва отличаемая отъ тряпокъ, въ которые она завернута,—старушонка. Что это за необыкновенныя лохмотья, что за ужасныя морщины! Каждая какъ будто проведена цѣлыми годами страданій. Безнадежно на безкровномъ лицѣ глядятъ тусклые глаза, костлявая синяя рука тянется къ намъ за подаяніемъ.

— Ты тутъ и живешь, старушка?

— Тутъ и живу... *Домъ* у меня то свой... Жильца пускаю. Хижина была всего въ одно окно.

— Гдѣ же у тебя жилецъ живетъ?..

— А въ горницѣ. Печка значитъ—моя, а окно—евоное. Такъ и живемъ.

— Чай, плохо приходится?

— Плохо, родимый, плохо. Колибъ не свинья — совсѣмъ бы пропасть надо.

— Какая свинья?

— А свиньей я живу, кормилицъ, свиньей. Свинья у меня такая есть, давно ужь у меня живетъ. Свинья-то мнѣ поросятъ носитъ. И такіе ли ладные поросята!.. Хорошая у меня свинья-то... Красавушка! Нѣмцу въ городъ поросятъ продаю... Мы ей подали. Старуха просіяла. Она не знала чѣмъ угодить намъ, наконецъ предложила посмотрѣть свинью. Мы отказались, но попросили позволенія посмотрѣть, какъ она живетъ. «Голо живу, батюшко, а пожалуй, иди, смотри!» Въ низенькую дверцу согнувшись въ три погибели вошелъ сначала я. Весь домъ стоялъ только изъ сѣней, одинъ бокъ которыхъ раскололся, давая снѣгу, вѣтру и дождю свободный доступъ внутрь жилья,—да изъ небольшой, шаговъ пять, комнатки. Крыша надъ сѣнями была разобрана на дрова. Въ комнатѣ все смотрѣло жалко, пусто, грязно. Какое-то тряпье висѣло наверху; худая, костлявая, почти одичавшая съ голоду кошка шмыгнула при нашемъ появленіи въ уголъ и распушила хвостъ, злобно оскаливаясь на непрошеныхъ посѣтителей. У окна сидѣлъ старикъ, искривленный, желтый, лысый, чиня единственную рубаху и оставаясь поэтому въ костюмѣ нашихъ прародителей. Онъ быстро накинулъ на себя-что-то невозможное, дырявое, изношенное, ничуть не прикрывавшее худаго, узлами да синими подтеками испещреннаго тѣла... Мы раскланялись.

— Они и прошенія пишутъ!.. видимо хвасталась старуха своимъ жильцомъ, какъ единственнымъ достояніемъ, принадлежащимъ ей лично.

— Это точно, что для пропитанія...

Мы вышли.

Скоро мы проѣхали мостъ черезъ р. Двину, соединяющій городъ съ Соломбалой, гдѣ еще недавно были и верфи и доки, и гдѣ теперь нѣтъ ничего кромѣ кабаковъ, да пустыхъ громадныхъ казармъ. Впрочемъ лѣтомъ Соломбала оживленнѣе города. Въ это время, чуть ли не въ каждой ея улицѣ открываются трактиры и харчевни для матросовъ съ иностранныхъ кораблей, посѣщающихъ сотнями мѣстную гавань. Къ самой набережной привалили сотни торговыхъ судовъ и пароходовъ, грузившихся ссыпными и льняными товарами. Тутъ были и безобразные англійскіе угольщики и превосходные ливерпульскіе и гульскіе парусники и разныя засаленныя и прокопченныя Ангелики, Агнесы, Амаліи и Маргариты изъ Гамбурга, Любека, Киля. Большая часть ихъ трех-

Библиотека "Руниверс"

мачтовики. Тутъ же встрѣчались суда и пароходы изъ Лондона, Глочестера, Бристоля, Плимута, Шотландіи, Амстердама, Роттердама, Грюнингена, Антверпена, Бордо, Дюнкирхена, Марсейля, Гавра, Генуи, даже изъ Туниса и Бостона. Толпы народа двигались по направленію къ нимъ и обратно. Посрединѣ гавани нѣсколько пароходовъ грузилось прямо изъ неуклюжихъ карапузыхъ барокъ. Два военные корвета, «Самоѣдъ» и «Полярная звѣзда», стояли тутъ же на неподвижномъ зеркалѣ Мурманскаго устья с. Двины. Мы быстро миновали ихъ—и скоро оставивъ за собою городъ, выѣхали въ пустынныя и безлюдныя окрестности.

Отсюда вплоть до Маймакскихъ лѣсопильныхъ заводовъ начиналась и шла весьма порядочная дорога, едва ли существующая въ другомъ мѣстѣ; этотъ путь устроенъ хозяевами лѣсопильныхъ заводовъ, вѣроятно изъ забракованныхъ досокъ. Русскій человѣкъ эти же самыя доски или спалилъ бы или бросилъ безъ всякаго употребленія. По этой скатерти, какъ по полотну желѣзной дороги, мы ѣхали безъ тряски, конечно и быстро, оглядывая однообразныя глади съ черными кучами вызженнаго каменнаго угля и шлака, который выбрасываютъ сюда. Безоблачное небо, не смотря на половину августа, палило какъ въ серединѣ лѣта. Откуда-то доносилась пѣсня, своими едва уловимыми тонами вызывая въ душѣ какую-то безпредметную, безпричинную тоску.

Наконецъ прямо противъ насъ показалось какое-то кирпичное строеніе. Не то фабрика, не то заводъ.

— Это что?

— А это купца Бранта, лѣсопильня.

— А осмотрѣть ее можно?

— Допущаютъ, потому антиресно. Тамъ пружина дѣйствуетъ, Здорово она эти дрова жретъ.

Мы вышли; въ заводъ вели два входа—одинъ внизу и печи въ три жерла, надъ которыми устроены указатели степени жара. Котлы только что начали растапливать. Вверху рабочихъ не было вовсе.

— Что у васъ работы вовсе нѣтъ, сегодня?

— Мой непонмайть...

Наконецъ мы столковались съ нимъ по нѣмецки. Оказалось, что на заводѣ перемѣнной артели нѣтъ—работаетъ одна артель.

— Вотъ въ Маймаксу поѣдете, тамъ работа безсмѣнная, и день и ночь. А у насъ дѣло только въ началѣ.

— Значитъ у васъ и смотрѣть нечего?

— Пока нечего.

Брантъ—главная Архангельская фирма. Отецъ ея настоящаго представителя былъ одинъ изъ предпріимчивѣйшихъ и полезнѣйшихъ людей на русскомъ сѣверѣ. Такъ, онъ нѣсколько разъ снаряжалъ экспедицію на Новую землю, помогъ Академику Гофману изслѣдовать наше Запечорье, а самъ вмѣстѣ съ нимъ шатался въ глуши этого дикаго края. Онъ организовалъ первую колонію на Мурманѣ, устроилъ въ Архангельскѣ сахарный заводъ, громадное зданіе котораго поражаетъ и теперь своею запущенностью и пустотою. Тамъ нынче не производится никакихъ работъ и только изрѣдка въ немъ просушивается подмоченный ленъ. Теперь вся дѣятельность фирмы Бранта заключается въ отпускѣ черезъ Архангельскъ ссыпныхъ и льняныхъ товаровъ, да въ такомъ же отпускѣ черезъ Петербургъ и Ригу... Наконецъ мы поѣхали къ спуску къ рѣкѣ, на противуположной сторонѣ ея рукава тянулись громадныя строенія Маймаксы, этого втораго города, кипящаго дѣятельностью и во всякомъ случаѣ болѣе оживленнаго, чѣмъ тихій пустой Архангельскъ.

Перевозчика не оказалось. Прямо передъ нами медленно тянется по рѣкѣ какая-то неуклюжая, грубо выстроенная лодья, должно быть временъ троглодитовъ или эпохи свайныхъ построекъ. Воображеніе такъ и рисовало на ней первобытнаго человѣка съ каменнымъ топоромъ въ рукахъ, одѣтаго въ звѣриныя шкуры. Оказалось, что на этихъ ковчегахъ, уступающихъ своему библейскому образцу только въ величинѣ, перевозятъ въ городъ песокъ. Пользуясь близостью разстоянія и медленностію хода этого рѣчнаго чудовища, я завелъ съ его экипажемъ, состоявшимъ изъ одного матроса (онъ же и капитанъ судна), разговоръ... «Откуда лодьи эти»?

— Задвинныхъ деревень. Песокъ возимъ.

— Много ль его помѣстится въ посудинѣ этой?

— Въ карбасикѣ-то, что-ль? Рублей на десять заразъ

— Сколько же доходу очистится за все лѣто?

— Рублевъ шестьдесятъ, а то всѣ семьдесятъ чистыхъ. Только и есть заработку у насъ.

— А долго-ли судно это служитъ?

— Годковъ пятнадцать, если крѣпко, постоитъ. На постройку его рублевъ полтораста сойдетъ...

И поевъ ковчегъ повернулъ за уголъ.

— Пе-ре-воз-чикъ! оралъ возница, надсаждая грудь.

— Че-его! пронеслось съ противуположнаго берега.

— Подавай кар-басъ... Генерала везу!... для пущаго эффекта импровизировалъ первый, снабжая все это трехъ-этажными фразами.

— Лад-но не по-ко-лѣ-ете!... донеслось оттуда. И генералъ какъ видите не помогъ.

— Дды я ге-не-ра-ла ви-зу... Чо-о-ртъ!...

— Хоть самого фартальнаго!.. Наконецъ черная точка отдѣлилась отъ набережной Маймаксы и минутъ черезъ пять карбасъ причалилъ къ намъ.

— Иде инералъ?..

— А что, испугался?

— Мы генералами не очень чтобъ напуганы. Не опасаемси!.. У насъ тутъ свой инералъ—Карла Карлычъ есть,

Всѣмъ разомъ переѣхать оказалось невозможно. Сначала перебрались мы, потомъ перевезли дрожки и наконецъ лошадь. Все это заняло болѣе трехъ часовъ, въ теченіи которыхъ мы шатались по заводамъ.

Маймакса — это груда деревянныхъ строеній, состоящихъ изъ заводовъ, домовъ для рабочихъ, маленькихъ и кокетливыхъ коттеджей нѣмецкихъ-заводскихъ «чиновниковъ», амбаровъ, кладовыхъ, навѣсовъ, старыхъ и нынѣ-брошенныхъ заводовъ и еще Богъ знаетъ какихъ зданій. Все это занимаетъ цѣлый островъ р. с. Двины, все это перемѣшано, вездѣ кипитъ толпа практической дѣятельности, вездѣ снуютъ лошади съ досками, распиленными на заводѣ и сваливаемыми подъ навѣсы, откуда въ свою очередь ихъ сгружаютъ на суда для отправки за границу. Вездѣ—грохотъ, свистъ машинъ, говоръ сотень народа, куда-то идущаго, откуда-то выходящаго. Вездѣ бьются невидимые пульсы, вездѣ по незримымъ артеріямъ разливается горячая кровь дѣятельнаго организма. Мы даже растерялись отъ всего этого шуму и гомону, отъ всей этой суеты и движенія. Какъ-то озадачивала эта жизнь рядомъ съ безлюднымъ Архангельскомъ.

Здѣсь нѣсколько заводовъ. По такому же, какъ и у Бранта, косому перекату мы поднялись, вошли подъ громадный навѣсъ White Sea C° и остановились буквально оглушенные и пораженные. Какой-то рѣзкій, пронзительный свистъ билъ въ одно ухо, громкое звяканье цѣпи и гулкій шумъ распиловочной рамы — въ другое. Въ глазахъ мѣшались толпы рабочаго люда, снующаго взадъ и впередъ, запыхавшагося, замореннаго на работѣ, кричащаго и ухитряющагося переговариваться въ этомъ адскомъ шумѣ.

Тутъ были и взрослые, и дѣти. Всякій дѣлалъ свое дѣло. Надсмотрщикъ въ вязанномъ шарфѣ, вѣроятно—знакъ болѣе высокаго соціальнаго положенія, покрикивалъ на рабочихъ, забѣгая то вправо, то влѣво. Спустя нѣсколько минутъ, мы разглядѣли въ чемъ самая суть производства, по крайней мѣрѣ кажущаяся, бьющая въ глаза. Громадная цѣпь влачила нѣсколько колосальныхъ и толстыхъ бревенъ (и какіе великолѣпные лѣсные гиганты были срублены на это!), движимая въ горизонтальномъ направленіи машиною. Бревна придерживались крюками. Передовое бревно, у задняго конца котораго на одновременно движущейся платформѣ стоитъ рабочій, подходитъ къ рамѣ, въ которой вертикально дѣйствуютъ въ обратномъ одна другой направленіи три пилы. Главное вниманіе рабочаго направлено на то, чтобы бревно шло совершенно ровно, не уклоняясь ни вправо, ни влѣво. Входя въ раму и подвигаясь по ней, оно распиливается на четыре продольныя части во всю его длину. Двѣ изъ нихъ, среднія, ровныя и толстыя, обработываются окончательно вправо отъ главной рамы, колесообразною пилою, срѣзывающей два еще нетронутые бока доски. Остающіяся за тѣмъ еще двѣ доски, если онѣ достаточно толсты, обработываются тутъ же. Въ противномъ случаѣ, т. е. если онѣ тонки и плохи, ихъ мальчики тутъ же сбрасываютъ за окно, гдѣ ими растапливаютъ машинную паровую печь. Готовыя доски складываются на двухколесные козлы—и здоровыми сытыми лошадками, верхомъ на которыхъ сидятъ бойкіе мальчуганы, доставляются въ склады.

— Сколько вы получаете за работу? Обратился я къ надзирателю.

— Мало.

— А именно?

— Да вонъ—ребята, указалъ онъ на четырнадцати и пятнадцатилѣтнихъ подростковъ,—получаютъ отъ 6 до 8 рублей въ мѣсяцъ, а взрослые рабочіе по 40 к. въ день, круглый годъ, на своихъ харчахъ.

— Сколько часовъ ваш приходится работать въ день, если вычесть отдыхъ?..

— А по двѣнадцати. Изъ объясненій надсмотрщика я узналъ, что рабочіе раздѣляются на двѣ артели. Каждая изъ нихъ работаетъ въ теченіи сутокъ по 12 часовъ. Смѣняются онѣ черезъ шесть часовъ. Такъ, въ шесть часовъ утра напр. идетъ первая артель и работаетъ до двѣнадцати, въ двѣнадцать идетъ вторая и работаетъ до шести, въ 6 идетъ вновь первая и работаетъ до 12 ночи, въ 12 ночи приходитъ опять вторая и работаетъ до шести утра, т. е. работа идетъ кругомъ всѣ сутки. Праздниковъ нѣтъ. Трудъ здѣсь требуетъ особеннаго напряженія силъ и вниманія, почему долженъ быть признанъ въ высшей степени утомительнымъ, а плата за него—несообразною съ дѣйствительнымъ количествомъ затрачиваемой работы. Поэтому жалобы рабочихъ на ничтожность вознагражденія — вполнѣ основательны; но такъ какъ всѣ заводы дѣйствуютъ солидарно, то нѣтъ и конкуренціи, благодѣтельной для рабочаго, имѣющаго возможность выбрать гдѣ для него повыгоднѣе. Поневолѣ и продавай свои силы за безцѣнокъ, за возможность только не умереть съ голода, да уплатить подать.

Вдоволь надышавшись здоровымъ смолистымъ воздухомъ, мы вышли вонъ, невольно удивляясь кучамъ мусора и опилокъ валявшихся повсюду. Мнѣ кажется, что съ извѣстными приспособленіями и опилки могли бы не пропадать безслѣдно. Изъ нихъ стоило бы только приготовлять кирпичи, для отопленія тѣхъ же паровыхъ печей. Раздумывая объ этомъ, вошли мы во второе отдѣленіе завода, гдѣ находилась собственно машина. Тутъ была относительная тишина. Только изъ помѣщенія рядомъ доносился

Библиотека "Руниверс"

свистъ и грохотъ производства. Температура была весьма высока, въ ней трудно казалось выдержать и двадцать минутъ, которыя мы провели здѣсь. Кажется, что термометръ показывалъ выше 30°, не выдаемъ впрочемъ за вѣрное.

Здѣсь мы встрѣтили русскаго машиниста. На заводахъ такого рода машинистами бываютъ обыкновенно нѣмцы; тутъ, напротивъ, передъ нами стоялъ здоровый, сильный крестьянинъ съ открытымъ, умнымъ лицомъ, внимательно слѣдившій за механизмомъ завода. Оказалось, что и другой, смѣняющій его, крестьянинъ тоже... Но зато какая ничтожная плата дается имъ! Иностранецъ на такомъ же мѣстѣ получалъ бы 80–97 р. въ мѣсяцъ, русскій получаетъ лишь 15 р.,—жалкихъ 15 р., которыми онъ долженъ быть сытъ и одѣтъ; ихъ должно хватить и на подати и на его семейство. А у машиниста, видѣннаго нами, семья оказывалась далеко не малочисленной. Иностранцы всегда поступаютъ такимъ образомъ. Они въ исключительномъ случаѣ пожалуй и возьмутъ русскаго, но будутъ держать его въ черномъ тѣлѣ. Впрочемъ, что говорить! Эксплуатація и эксплуататоръ вездѣ одинаковы... Мы вышли вонъ и отправились бродить по Маймаксѣ. На каждомъ шагу красовались англійскія и нѣмецкія названія конторъ, повсюду порусски изображалось: здѣсь воспрещается курить. Не вдалекѣ отъ завода и пристани привалило и грузилось поморское судно.

— Откуда?

— Изъ Сумы.

— А судно чье?

— Антопова. Лѣсомъ грузимся, рогожу беремъ, дранки тутъ же.

— Дорого-ли берутъ съ васъ?

— Хозяинъ про то знаетъ. Должно — дорого, потому третій день себѣ затылокъ чешетъ. Вонъ въ городѣ канатовъ купили, припасу разнаго. У хозяина въ селѣ лавки свои, ну такъ про запасъ значитъ.

Пошли дальше; по обѣимъ сторонамъ уложенной досками дороги тянулись амбары, склады и кладовыя. Дома для рабочихъ виднѣлись вдали. Хотѣли мы зайдти туда, да это оказалось невозможнымъ—по какимъ причинамъ—не знаю. Также запрещенъ входъ въ складъ продовольственныхъ матеріаловъ, откуда, *какъ говорятъ*, совершенно доброкачественные товары отпускаются рабочимъ по своей цѣнѣ. Это существуетъ впрочемъ въ большинствѣ нѣмецкихъ заводовъ, и съ этого давно бы слѣдовало брать примѣръ русскимъ заводчикамъ, которые если и открываютъ лавки для своихъ рабочихъ, то дерутъ съ нихъ неимовѣрныя цѣны. Если мы не можемъ описать помѣщеній рабочихъ, по слухамъ довольно удовлетворительныхъ, то — вина не наша. И къ чему эта дикая система запрещеній! Хорошо-ли впечатлѣніе вынесетъ туристъ, если ему на каждомъ шагу толкуютъ: «Сюда нельзя-съ... А сюда такъ тоже нельзя-съ... Мы бы съ нашимъ удовольствіемъ, но какъ значитъ наши хозява»...

— Ну а куда можно? — «А вотъ по улочкѣ погуляйте... По улочкѣ—мы этого не опасаемси»... И разговоръ конченъ. Нѣмецъ хоть тѣмъ хорошъ, что не устроитъ кабака, гдѣ бы рабочій пропивалъ свой скудный заработокъ. Нашъ отечественный заводчикъ свой заводъ какъ крѣпость бастіонами окаймилъ бы питейными домами — у всѣхъ дорогъ, ходовъ и выходовъ насажалъ бы разныхъ «Развеселыхъ заведеній», «заведеній для прохлажденія» и т. п. кабаковъ. Въ примѣръ разнаго рода заводамъ слѣдовало бы поставить рабочія слободы въ Мюльгаузенѣ, по крайней мѣрѣ въ эпоху до нѣмецкаго раззоренія Эльзаса. Какая тамъ чистота и опрятность! Какое мудрое экономическое начало сквозитъ во всякой мелочи, во всякихъ пустякахъ! Сколько дешево-стоющихъ и въ то же время красящихъ жизнь удобствъ! Путешественникъ ходитъ тамъ какъ у себя дома. Ему нигдѣ не указываютъ на запреты. Захочется ли ему осмотрѣть садъ или домъ рабочаго, онъ осматриваетъ ихъ безпрепятственно. Полюбопытствуетъ ли онъ узнать, какъ устроены бани и прачешныя,—входи и гляди. Я не могу забыть, съ какимъ радушіемъ провожалъ меня одинъ старикъ рабочій всюду, куда мнѣ только хотѣлось заглянуть съ назойливою безцеремонностью истаго туриста. Въ Мюльгаузенѣ большая часть домовъ составляютъ уже собственность рабочихъ, въ 1853 году компаніею было выстроено тамъ до 600 котеджей—и $^3/_4$ изъ нихъ, то есть 400, въ 1868 году уже находились въ полномъ владѣніи исправныхъ и трезвыхъ тружениковъ, вносившихъ единовременно до 350 франковъ, а остальное выплачивавшихъ по мелочамъ. Мюльгаузенскія рабочія слободы всѣ потонули въ маленькихъ садикахъ. Чистые каменные тратуары, веселыя занавѣски на окнахъ, газовое освѣщеніе, школы, все это дышетъ порядкомъ и указываетъ на болѣе разумное соціальное устройство. Впрочемъ, то Мюльгаузенъ.

Лѣсъ у насъ не такъ дорогъ какъ въ Танневальдѣ—и постройка просторныхъ избъ обошлось бы гораздо дешевлѣ.

Впрочемъ и то сказать, намъ двѣнадцати-часовой трудъ едва ли оставитъ время на обработку полей или садовъ. Идя дальше, мы добрались до необитаемой части Маймаксы, гдѣ по видимому прежде кипѣла жизнь. Вездѣ тянулись оставленные заводы и ветхіе амбары. На крышѣ одного пустаго строенія красовались два бюста.

— Гёте и Шиллеръ... рѣшилъ безапеляціонно мой товарищъ.

— Полно врать! что за отношеніе между поэтомъ и лѣсопильнымъ заводомъ?

Бюсты такъ и остались загадкою.

Мы воротились. Оказалось, что лошадь все еще не перевезена; пришлось сѣсть у набережной и ждать. Погода была чудная. Солнце обливало рѣку и Маймаксу зноемъ и свѣтомъ. Только порою чуялось въ воздухѣ что-то осеннее, какой-то легкій холодокъ, пріятно щекотавшій нервы, струившійся въ тепломъ воздухѣ и охватывавшей насъ жаждою дѣятельности, здоровымъ стремленіемъ къ труду, къ кипучему и производительному труду. Изъ Маймакскихъ лѣсопильныхъ заводовъ слѣдующія фирмы отпускаютъ доски за границу:

Gribunoff, Fontaines et C°.	573,540	штукъ досокъ.
Clarke	818,960	» »
E. H. Brandt et C°	334,656	» »
White Sea C°.	674,400	» »
А. Поповъ	50,000	» »
Всѣ расходы	2.451,556	штукъ досокъ.

О числѣ приходящихъ за досками судовъ можно судить изъ того, что одна White Sea C° ежегодно отпускаетъ грузы досокъ на сорока пяти иностранныхъ судахъ.

Лодка съ лошадью подъѣхала. Наконецъ мы сѣли и поѣхали въ Новодвинскую крѣпость.

(Продолженіе будетъ).

Борьба за Неву.

II. Взятіе русскими Ландскроны 18 мая 1301 года.

Не прошло года послѣ побѣды, обезсмертившей Александра Ярославича, какъ новгородцы уже довели его до полнаго съ собою разлада и принудили героя ѣхать съ женою и съ матерью къ отцу въ Переяславль. Враги какъ будто ожидали его выѣзда. Была зима, когда храбрый князь оставилъ бурную волховскую столицу народа своевольнаго и не наступила еще весна какъ на Водскую пятину нагрянули враги — чудь съ нѣмцами. Мирныя жилища новгородскихъ данниковъ, вожанъ, запылали—и тѣ только обѣщаніемъ дани разорителямъ своимъ избавились отъ дальнѣйшихъ бѣдствій. Торжествующіе воители въ погостѣ Копорьѣ срубили деревянное укрѣпленіе, взяли людную Тесовскую волость и уже за тридцать верстъ отъ Новагорода хозяничали, распространяя ужасъ повсюду и заставляя бѣглецовъ спасаться въ отчину святой Софіи отъ огня и меча враговъ, не встрѣчавшихъ сопротивленія. Новгородцы стали просить у великаго князя, Ярослава, втораго его сына Андрея себѣ въ правители, но не нашли въ юномъ князѣ такихъ качествъ, которыми отличался герой Невскій. Разочарованіе въ Андреѣ Ярославичѣ—вызвало искреннее раскаяніе и признаніе вины своей предъ Александромъ. Всѣ бѣдствія, казалось, разомъ опрокинулись на народную державу: съ сѣверо-запада идутъ нѣмцы съ чудью, а съ юга, не давая сосредоточить силы для прогнанія этихъ враговъ, послѣдовалъ наѣздъ Литвы на новгородскія области. Уже по берегамъ Луги широкимъ потокомъ разливалось истребленіе, когда, снизойдя на просьбы раскаявшихся, воротился въ Новгородъ Александръ Невскій. Первымъ дѣломъ его было, съ полками ладожскими, да съ союзными силами корелъ и ижоры идти къ Копорью. Взять новую твердыню не представило большихъ трудностей для побѣдителя Биргера. Овладѣвъ враждебнымъ сооруженіемъ, Александръ раскопалъ его, и перебивъ гарнизонъ да наказавъ вожанъ переметчиковъ, вожатыхъ на наши волости эстовъ съ нѣмцами,—уѣхалъ опять къ отцу. Въ слѣдующую весну нанесъ Александръ рыцарямъ пораженіе на льду Чудскаго озера (5 апрѣля 1242 г.) и слѣдствіемъ побѣды былъ надежный миръ Новгорода съ западными, воинственными его сосѣдями. Это и дальнѣйшія дѣла Александровы должны насъ занимать только какъ представленіе выгодности положенія для Новгорода, благодаря побѣдамъ героя, небезпокоимаго шведами состороны Финляндіи.

Прошло пятнадцать лѣтъ послѣ Невской побѣды. Александръ Невскій уже занималъ послѣ отца престолъ великаго княженія, когда шведы, завоевавъ Тавастскую землю и набравъ полчища изъ Ями и Тавастскихъ Финовъ, затѣяли новый походъ въ Водскую пятину (1256).

«Въ лѣто 6764, пріидоша Свѣи, и Емь, и, Сумь и Дидманъ со своею же волостью и множество рати и начаша чинити городъ на Наровѣ»,—говоритъ первая Новгородская лѣтопись. Время для укрѣпленія за собою—сооруженіемъ замка—входа въ Нарову съ моря выбрано врагами нашими самое удобное. Въ Новѣгородѣ усобицы гражданъ удалили князя. Нападеніе внѣшнее отрезвило страстные порывы: благомысленные патріоты переселили. Нарядили посольство къ великому князю: просить прощенья и сына опять въ князья. А во всѣ волости посланы сборщики ратныхъ людей.

Библиотека "Руниверс"

Эти приготовленія оказались однако чуть не фальшивою тревогой. Вступившіе съ непріязнью враги исчезли. Князь Александръ Ярославичъ, прибывъ въ мятежную отчину святой Софіи вмѣстѣ съ митрополитомъ, за исчезновеніемъ врага не думалъ оставлять его безнаказаннымъ, не смотря на осень. Онъ объявилъ походъ и прежде двинулся на западъ, но отъ Копорья уже въ пору полной распутицы вдругъ повернулъ на сѣверъ, войдя въ становища финскаго народа Ями. Къ счастію, ожидаемые ужасы похода въ эту пору не оправдались для воителей. Непроглядныя хмары да изморозь испытывали только воротившіеся изъ Копорья въ Новгородъ. Разумѣется, осенній походъ въ Финляндію ограничился истребленьемъ жилищъ непріятельскихъ, да уводомъ въ плѣнъ жителей. Въ ту пору и такой результатъ казался достаточнымъ возмездіемъ за страхъ, да за поднятіе дружины. Рады были и тому, что сами плѣнители убрались безъ потерь и ущерба. Для великаго князя имѣло интересъ и укрѣпленіе сына — Василья Александровича—на богатомъ княженьѣ Новгородскомъ, такъ-сказать санкціонированное этимъ походомъ на чудь, уже послѣднимъ въ жизни Невскаго героя.

Тринадцать лѣтъ послѣ этого не звенѣло оружіе на западной грани Новгородскаго государства. Помощь оказанная Новымъ-городомъ брату своему меньшему—Псковской республикѣ - вызвала было снова ратныя силы на рубежъ приморскій. Нѣмцы-рыцари встрѣтившись съ новгородцами на р. Великой—дали тылъ и скрылись, а потомъ заслали пословъ съ просьбой о мирѣ, выставивъ заманчивымъ предложеніемъ уступку республикѣ всего теченья Наровы (1268 г.). Миръ состоялся и князь Ярославъ Ярославичъ на возвратномъ пути понялъ необходимость—для большей безопасности западнаго предѣла новгородской области — поставить новый острогъ въ Копорьѣ. Хотѣлъ было князь тогда же прогуляться и за Неву—въ гости къ сосѣдямъ — но его удержали совѣты осторожныхъ воеводъ, бойцовъ опытныхъ. Прибывъ въ Новгородъ, князь потребовалъ отъ вѣча средствъ для возведенія новой крѣпости на Копорьи. Сооруженіе впрочемъ послѣдовало въ 1279 г., разумѣется въ видѣ острога бревенчатаго. Каменная же крѣпость заложена спустя еще 17 лѣтъ (1297 г.).

До того, шведы попытались Невою прорваться въ озеро Ладожское. Это было въ 1283 г. и отважные искатели приключеній успѣли ограбить товары у встрѣченныхъ на озерѣ купцовъ Обонежскихъ. Дерзость такая вызвала заксиный отпоръ. Вооружившіеся на скоро, обыватели Ладоги поспѣшили на Неву и на широкомъ раздольѣ рѣки этой дали урокъ хищникамъ за захватъ добра купеческаго.

Шведскій историкъ Далинъ вѣритъ, что шведы уже имѣли въ 1279 году укрѣпленіе Нетеборгъ на Невѣ, но мы этаго принять не можемъ.

Шведы не пронялись урокомъ на Невѣ. На слѣдующую весну, (1284 г.), въ лайвахъ и шнекахъ, опять прошли Невою въ Ладожское озеро. Цѣлью прихода ихъ теперь былъ, будто бы, сборъ дани съ Корельскихъ погостовъ, которыхъ правители шведскіе считали своими, не справляясь, или, лучше сказать, не желая и знать, что они въ русскомъ подданствѣ. Предводителя этой экспедиціи лѣтопись новгородская называетъ *Трунда (? sic)*; шведы не говорятъ ничего въ это время, а потому трудно добраться: кто это былъ именно?

Вѣроятно враги расчитывали укрыться, пользуясь туманами, такъ обычными въ это время на бурной Ладогѣ. Былъ уже сентябрь мѣсяцъ—такъ-называемое *бабье лѣто*. Ожиданія враждебниковъ нашихъ не сбылись. Утро слѣдующее за праздникомъ Рождества Богородицы сложилось особенно ясное. Враги съ добычею подходятъ къ Невѣ, и вдругъ видятъ поперекъ Невы флотилію новгородцевъ, предводимыхъ храбрымъ посадникомъ Семеномъ. Уйдти уже было невозможно. Принять бой—опасно. Стали отступать, но наши уже схватились съ ними. Страхъ обуялъ шедшихъ позади, и они оставивъ малодушно своихъ—всѣхъ здѣсь перебитыхъ или плѣнныхъ—бѣжали къ сѣверу. Что съ ними сталось—шведскіе источники не упоминаютъ.

Эта неудача по всей вѣроятности была поводомъ застройки въ 1293 году Выборгскаго замка Торкелемъ Кнутсономъ— регентомъ Швеціи за малолѣтствомъ (воцареннаго въ 1291 году) короля Биргера. Враждебности къ намъ требовала и политика шведскаго духовенства, получавшаго то и дѣло изъ Рима новыя внушенія о скорѣйшемъ принятіи мѣръ противъ мнимыхъ посягательствъ Руси: остановить распространеніе христіанства, проповѣдываемаго католическими миссіонерами. Правитель Швеціи волею неволею дѣлался исполнителемъ рѣшеній вліятельной партіи въ то именно время, когда физическія бѣдствія — каковы голодъ и моръ — давали поводъ врагамъ Торкеля обвинять его въ недостаткѣ предосмотрительныхъ мѣръ для ослабленія этихъ бичей. Пущены были ими въ ходъ предзнаменованія будто бы новыхъ золъ, какъ кара за холодность къ вѣрѣ, выказывавшей неохоту подчиняться велѣніямъ Рима. Распря финляндскаго архіепископа Іоанна съ примасомъ лундскимъ произвела бы скандалъ, если бы смерть не постигла скоро перваго изъ нихъ. Противникъ его получилъ отъ папы повелѣніе собрать крестовое воинство на невѣрныхъ—и умный правитель, видя въ этихъ крестоносцахъ средства добыть что-либо и для выгодъ государства, согласился руководить ополченіемъ церкви въ Финляндіи, противъ Руси. Повода къ объявленію войны искать долго не пришлось. Набѣгъ нашъ на Ямь давалъ предлогъ для отплаты тою же монетою, благо силъ было достаточно. Въ догонку будто бы за разорителями края, Торкель послалъ (1292 г.) 400 конниковъ въ Корельскіе погосты, а 400 другихъ—на ижорскія селенія, въ Водской пятинѣ. Результаты оказались противоположными расчету добрыхъ католиковъ: крестоносцы ихъ побиты и Корелою и Ижорою. Въ барышахъ остался одинъ Торкель. Пользуясь сборомъ военныхъ людей, правитель занялъ ихъ, до новыхъ дѣйствій, сооруженіемъ необходимаго притона, на случай новой неудачи. Этимъ притономъ и порнымъ пунктомъ военныхъ операцій противъ новгородцевъ Торкель Кнутсонъ задумалъ сдѣлать замокъ Выборгъ. Чужими руками, ничего своего не истративъ, онъ и построилъ его (1293 г.).

Новгородцы поняли тотчасъ настоящее значеніе Выборга—и еще не успѣлъ растаять снѣгъ какъ послали ополченіе: взять новую угрозу, не давъ вооружить совсѣмъ сооруженнаго замка. Дружинами предводилъ самъ великій князь Андрей Александровичъ. Отряды—ввѣренные Роману Глѣбовичу, Юрью Мишиничу да тысяцкому Андреяну—однако оказались недостаточными для взятья замка болѣе крѣпкаго, чѣмъ расчитывали въ Волховской столицѣ. Приступъ во вторникъ на 5-й недѣлѣ великаго поста—былъ неудаченъ: гарнизонъ отбилъ всюду штурмующихъ, отступавшихъ сильно потерпѣвшими. Величайшую потерю дружины, по словамъ лѣтописца, составлялъ смертельно-раненый Иванъ Клекачевичъ, мужественный витязь—«мужъ добръ», по лѣтописи.

Одна неудача рѣдко бываетъ безъ другихъ. За отбитіемъ приступа—наступила ранняя оттепель и разлились воды. Станъ русскій подъ городомъ Выборгомъ скоро представлялъ изъ себя озеро. Добыть конямъ корму также не откуда. Пришлось отступать, съ величайшими затрудненіями. Клекачевича донесли однако до родины и витязь закрылъ глаза на вѣки, въ семьѣ своей. Безславное отступленіе наше отъ Выборга придало увѣренности правителю. Онъ въ 1295 году (по словамъ лѣтописи,—по шведскимъ сказаніямъ, опять будто-бы, за долго раньше) приготовилъ Выборгу—Кексгольмъ, въ становищахъ корельскихъ. Новую твердыню ввѣрилъ Торкель храброму рыцарю Сигге *Лаке*. Новгородцы незамедлили освѣдомиться, что это за крѣпость здѣсь, и имѣли уже полную удачу. Ненавистный Кексгольмъ обратился въ развалины. Побѣдители думали, что въ огнѣ истребленія погибъ съ гарнизономъ храбрый Сигге; но эта надежда не сбылась, кажется.

Онъ вѣроятно не погибъ тутъ, но на бѣду нашу скоро возстановилъ разрушенный замокъ корельскій. Новгородцамъ не до того было. Въ 1297 году обновили они свой острогъ въ Копорьѣ, поставивъ его несокрушимымъ стражемъ на пять вѣковъ. Годъ спустя разразились надъ Новымъ городомъ бѣдствія: бури и пожары; а тамъ умеръ владыка Климентъ. Избраніе на его мѣсто Ѳеоктиста да возстановленіе погорѣвшихъ зданій занимало умы гражданъ Нова города, когда разнеслась грозная вѣсть, что пришли «изъ-заморія Свеи, въ силѣ велицѣ, въ Неву. Приведоша изъ своея земли мастеры. Изъ великаго Рима отъ папы мастеръ приведоша нарочитъ. Поставиша городъ надъ Невою, на усть Охты рѣки, и утвердиша твердостію несказанною. Поставиша въ немъ *порокы* (бойницы) и похвалившеся оканьніе нарекоша его Вѣнецъ земли» (Ландскрона), — наивно передаетъ намъ авторъ первой новгородской лѣтописи, подъ годомъ 1300 (6808-мъ отъ созданія міра).

По смыслу лѣтописнаго сказанія, самъ Торкель Кнутсонъ, правитель Швеціи—по лѣтописи «бе съ ними намѣстникъ королевь, именемъ Маскалка» (Mariscallus—маршалъ)—лично находился при закладкѣ Ландскроны, ввѣривъ охраненіе надежной казалось твердыни, храброму изъ храбрыхъ, рыцарю Степу.

По шведскимъ сказаніямъ, заложеніе Ландскроны послѣдовало еще въ 1298 году. На два года разность — ничего впрочемъ не значитъ при этомъ. Гораздо важнѣе для насъ упорное утвержденіе историка Далина, что Ландскрона то же самое, что Орѣшекъ (Нетеборгъ). Съ этимъ уже никакъ нельзя согласиться, встрѣчая указаніе въ лѣтописи на устье Охты. Такая неточность, конечно, заставляетъ и изъ другихъ мѣстъ сказанія этого историка принимать только то, что согласно съ нашими извѣстіями, очевидно больше заслуживающими вѣроятія. Намъ поэтому предстоитъ выслушивать обѣ стороны,—и въ самыхъ недомолвкахъ, или противорѣчіяхъ находить средній путь, ведущій къ подлинному уразумѣнію дѣла. Далинъ основаніе Ландскроны называетъ *продолженіемъ* русской войны. «Правитель, говоритъ онъ,—для этого вооружилъ сто одиннадцать судовъ, съ которыми отплылъ около праздника Сошествія Святаго Духа и сталъ на якорь въ р. Невѣ.» О Ландскронѣ, какъ мы уже замѣтили выше, выражается историкъ какъ о существовавшей,—только, будто бы, *опустошенной* хотя и *заложенной имъ* (когда же?). «Первое стараніе» Кнутсона было теперь «привесть ее въ хорошее состояніе». Сущность будетъ одна и та же, въ настоящемъ случаѣ. Но вотъ, гдѣ опять противорѣчіе. По нашимъ лѣтописямъ, великаго князя въ Новѣгородѣ въ тотъ годъ не было, а Далинъ заставляетъ его собрать тридцать тысячь войска, изъ коего часть, на тысячи небольшихъ гребныхъ судахъ, прибыла по рѣкамъ въ озеро Ладожское, а другая шла сухимъ путемъ, чтобы напасть вдругъ на шведовъ. Позволимъ себѣ замѣтить, что въ 1298 году рыцари воевали со Псковомъ и что новгородцы всего вѣроятнѣе участвовали въ отбитіи ихъ. О собственномъ походѣ куда-нибудь новгородцевъ лѣтопись новгородская молчитъ, и упоминаніе ею о войнѣ Псковичей всего легче объяснить участіемъ въ томъ новгородцевъ. Въ 1299 году бѣдствія Новагорода не давали ему опять подумать о такомъ

Библиотека "Руниверс"

громадномъ вооруженіи, а особенно о собраньи флота гребнаго, настолько сильнаго. Позднее же узнаніе о хозяйничьи шведовъ на Невѣ помѣшало Новгородцамъ развѣдаться съ врагами и въ 1300 году. Слѣдовательно, все что говоритъ Далинъ о мнимыхъ подвигахъ Торкеля на Невѣ въ 1298 году—мы позволяемъ себѣ считать цвѣтами фантазіи. Цвѣты эти однако очень роскошны. Повѣствователь легендарныхъ побѣдъ основателя Выборга такъ себя, впрочемъ, выдаетъ, что его измышленія никѣмъ, полагаемъ, не могутъ быть сочтены за дѣйствительность. «Торкель, по словамъ Далина,—по учиненіи хорошихъ распоряженій, хотя и послалъ водою нѣсколько сотъ воиновъ, подъ предводительствомъ нѣкоего Гаральда въ Ладожское озеро, для дѣйствій,—однако узнавъ отъ шпіоновъ, что непріятель намѣренъ *пустить* нечаянно *при сильной бурѣ наполненныя горячими веществами суда на шведскій флотъ, повелѣлъ вколотить передъ рѣкою Невой* (въ озерѣ-то, на сильномъ протокѣ?) *скрытыя сваи, коими русскія суда удержаны были* (?) Русскіе, вышедши на берегъ, соединились съ сухопутными своими силами при Нетеборгѣ. Кнутсонъ напалъ на нихъ въ самое удобное время и такъ удачно, что *всѣ* въ короткое время или *изрублены*, или попали въ плѣнъ, или обращены въ бѣгство». Здѣсь отличился, по словамъ Далина, рыцарь Матіасъ Кетильмундсонъ, тѣмъ именно, что увидѣвъ «около тысячи непріятельскихъ рейтаровъ, остановившихся не вдалекѣ отъ мѣста боя», онъ испросилъ позволеніе маршала: «ѣхать къ нимъ и вызвать изъ нихъ кого-либо на поединокъ. Но онъ напрасно надрывалъ грудь, вскрикивая до поздней ночи свои вызовы имъ. Наконецъ, они поѣхали своимъ путемъ, такъ какъ и бѣжавшіе ихъ сотоварищи». Странно читать, даже въ исторіи, такіе, вовсе не забавные куншткюки. Донъ-Кихоты могли и у шведовъ оказаться, но вся ихъ мнимая побѣда побивается ихъ же оружіемъ, допуская что-нибудь похожее на этотъ эпизодъ. Побѣдители, все разгромивъ, не трогаются съ мѣста, чтобы уничтожить спокойно стоящій свѣжій отрядъ непріятеля, и только кричитъ какой-то сумасшедшій, на незнакомомъ русскимъ, шведскомъ языкѣ. И историкъ находитъ подобное фанфаронство чѣмъ-то способнымъ создать репутацію храбреца. Послѣ такого героя, по словамъ Далина, «оказали не мало храбрости Педеръ-Порсе младшій, Генрихъ и Іоганъ фонъ Кирпены, также какъ и многіе другіе». Если и поименованные попали въ герои за то же, за что и Кетильмундсонъ,—то какъ намъ смотрѣть на нихъ?

«Послѣ такой побѣды Торкель Кнутсонъ могъ уже границы съ этой стороны привести въ безопасное состояніе и докончить Ландскрону, которую снабдилъ необходимымъ гарнизономъ и поставилъ въ ней комендантомъ знаменитаго рыцаря Стена». По нашему мнѣнію—вотъ вся сущность похода Торкеля. А всѣ прочія измышленія досужей, хотя и не гибкой фантазіи—рѣшительно излишни. Но и приведенная нами эссенція повѣствованія Далина о Ландскронѣ становится въ разладъ съ описаніемъ историка о трагической судьбѣ этой крѣпости и ея защитниковъ. Послушайте. Далинъ говоритъ, что едва «Кнутсонъ вывелъ изъ Кореліи войско шведовъ, русскіе почувствовали охоту къ войнѣ и собрали новыя силы». Ландскрона будто-бы оказывалась больше опасною для гарнизона, чѣмъ для враговъ собравшихся въ большихъ силахъ въ 1301 году, для ея разрушенія». Положеніе рѣшительно неожиданное. «Каменныя стѣны», продолжаетъ историкъ, «выведены были съ такою поспѣшностью, что сырость осталась въ нихъ и отъ того попортились съѣстные припасы, сообщивъ употреблявшимъ ихъ болѣзни и большую смертность. Изъ 300 человѣкъ гарнизона едва оставалась шестая часть». Видя сильную потерю людей, опытный военный администраторъ, Торкель Амундсонъ, предлагалъ коменданту Стену довести до свѣдѣнія маршала настоящее положеніе дѣла, которое могло привести къ критическому результату въ случаѣ появленія непріятеля. Стенъ отвѣчалъ, что должно воину надѣяться на божественную помощь, а маршала тревожить изъ этого не слѣдуетъ.

Такое пожалуй опять фанфаронство имѣло однако гибельный конецъ.

Надежда на помощь свыше оказалась несостоятельною, а храбрецъ Стенъ явился еще меньше годнымъ для серіозной роли, съ приближеніемъ опасности.

Онъ совершенно оплошно вышелъ изъ крѣпости, всего съ двадцатью воинами,—на развѣдку о врагѣ — и вдругъ попалъ на превосходную числомъ засаду. Личная храбрость дѣйствительно дала ему возможность открыть себѣ дорогу и пробиться до крѣпости, но потерявъ большую часть своихъ спутниковъ, при ограниченномъ числѣ рукъ вообще, способныхъ держать оружіе. Не успѣлъ храбрый комендантъ скрыться въ стѣны укрѣпленія, какъ началась тѣсная осада. Штурмующіе въ нѣсколько дней успѣли сжечь все, что могло горѣть внутри Ландскроны; изъ защитниковъ ея будто-бы, осталось всего *тринадцать героевъ* и съ комендантомъ. Струсившій рыцарь тутъ предложилъ, будто-бы, непріятелю сдаться, безусловно, но враги слышать не хотѣли. Амундсонъ, по словамъ Далина, повторилъ въ эту горькую для Стена минуту его слова, теперь имѣвшія смыслъ ироніи: «не нужно безпокоить маршала». Затѣмъ, будто бы начался приступъ. Побѣдители не давали никому пощады, а первыми жертвами ихъ лютости были Стенъ и Амундсонъ. Часть храбрецовъ политиковъ спрятались въ погребѣ, а одинъ изъ нихъ, Карлъ Гаке, для чего то, до приступа еще облачился въ русскую одежду; какъ и почему это онъ сдѣлалъ, Далинъ не объясняетъ, сообщая только, что переодѣтаго свои не узнали—и убили. Сами же они заперлись и защищались до тѣхъ поръ, пока русскіе дали клятву пощадить ихъ, разрушая все въ крѣпости безслѣдно.

Наши лѣтописи, безъ витіеватыхъ эпизодовъ, описываютъ взятіе Ландскроны нѣсколько иначе. По словамъ первой новгородской лѣтописи, великій князь Андрей Александровичъ привелъ полки низовскихъ городовъ должно быть раннею весною въ Новгородъ. Мая 18-го 1301 г. (6809 л. отъ созд. міра)—въ пятницу, за день до Троицы,—взяли Вѣнецъ земли приступомъ. Бой былъ должно быть жаркій, потому что штурмовавшіе «*потягнуша крѣпко*». Съ тринадцатью человѣками, дѣло скоро бы кончилось. О такой горсти нечего бы лѣтописцу говорить, что когда взяли городъ, то защитниковъ его «овыхъ избиша и изсѣкоша, а иныхъ извязавше поведоша съ города, а городъ запалиша и разгрѣбоша. Покой Господи, въ царствіи своемъ души тѣхъ, иже у города того головы своя положиша за святую Софью».

Смыслъ лѣтописнаго сказанія нашего, слѣдовательно, не даетъ ни малѣйшаго права считать настолько ничтожнымъ дѣломъ, какъ старался выставить шведской патріотъ историкъ, уменьшая славу враговъ и возводя въ перлъ созданія мужественный подвигъ защитниковъ падшей Ландскроны.

Этимъ мотивомъ, достойнымъ похвалъ во всѣхъ другихъ случаяхъ, почтенному историку не удается ослабить силы впечатлѣнія такого событія какъ потерю Невы опять, когда уже шведы считали воды рѣки этой своимъ достояніемъ. Правитель получилъ уже донесеніе о гибели Ландскроны на государственномъ сеймѣ, передъ коронаціей короля Биргера. Духовенство грозило возстаніемъ, видя неудовлетворяемыми свои безконечныя жалобы, препираясь съ королевскою властью о правѣ на денежныя пени, налагаемыя за преступленія противъ нравственности. Спустя четыре года, пала на эшафотѣ голова основателя Выборга, въ числѣ винъ которому высказано и небреженіе объ удержаніи Невы для Швеціи. Наши смиренные лѣтописцы затѣи маршала и сооруженія по Невѣ Ландскроны называютъ *высокоуміемъ*. Они, впрочемъ, кару провидѣнія за гордость видятъ и во взятіи нами первой невской крѣпости отъ шведовъ: «твердость та ни во что же бысть, за высокоумье ихъ, зане вскуе трудъ ихъ, безъ Божія повелѣнія.

П. Петровъ.

(Продолженіе будетъ).

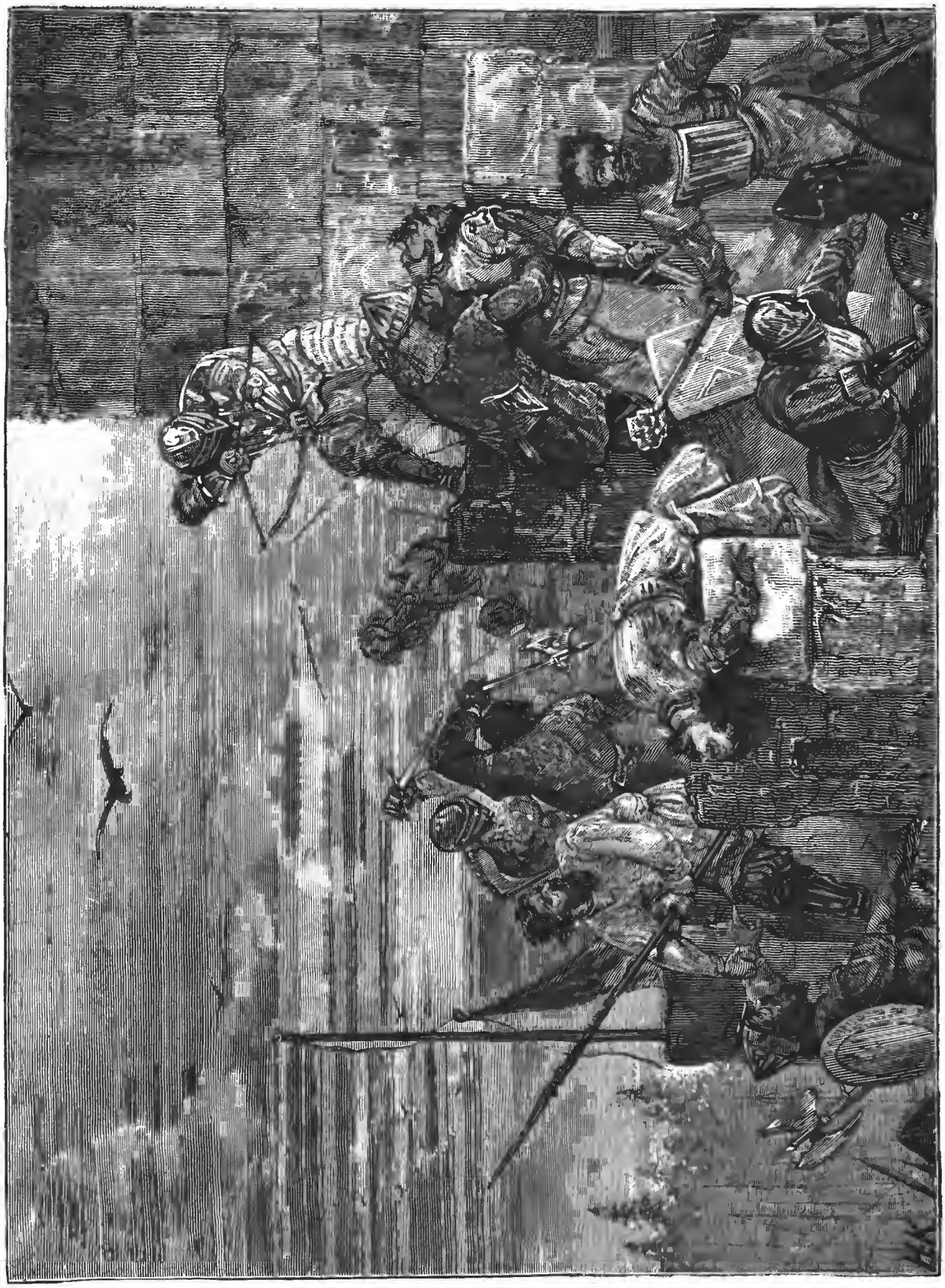
Благодѣтельная кошка.

(Разсказъ Женни Гиршъ).

Въ портретной галлереѣ Южнаго Кенсингтона, въ Лондонѣ, находится портретъ знатнаго барина: онъ изображенъ въ костюмѣ временъ Генриха VII, около него—кошка, которая держитъ въ когтяхъ голубя и, какъ кажется, подаетъ эту красивую птичку своему господину. Еслибы вмѣсто кошки тутъ нарисована была собака, то никого-бы это не удивило, потому что присутствіе собаки можно было-бы объяснить просто желаніемъ страстнаго охотника имѣть свой портретъ съ изображеніемъ вѣрнаго товарища — спутника своихъ охотничьихъ наслажденій въ моментъ исполненія имъ своей обязанности—и этимъ самымъ передать память потомству о вѣрномъ псѣ. Если что и могло-бы тутъ нѣсколько удивлять, то это именно добыча—невинный голубь, а не дикая какая либо птица. Но какимъ образомъ рядомъ съ выкороднымъ господиномъ очутилась кошка?... Что побудило его сняться съ животнымъ, которое рѣдко-рѣдко встрѣчается на рисункахъ гербовъ и уже вовсе не служитъ эмблемою рыцарскихъ добродѣтелей?... Причину появленія такой картины, на основаніи данныхъ, находящихся во всѣхъ хроникахъ, нужно искать, конечно, въ одномъ изъ прекрасныхъ чувствъ, въ добродѣтели хотя и не исключительно-рыцарской, однакоже все-таки въ добродѣтели высокоцѣнимой, общечеловѣческой, а именно—въ чувствѣ благодарности.

По извѣстіямъ, дошедшимъ до насъ, вотъ имя и фамилія господина, изображеннаго на этой картинѣ: *сэръ Генрихъ Уайэтъ* (sir Henry Wyat) изъ Аллингтонъ-Кастля въ графствѣ Кентскомъ. Сэръ Генрихъ Уайэтъ во время войнъ Бѣлой и Алой Розъ перешелъ рѣшительно на сторону Ланкастерскаго Дома и оставался вѣрнымъ ему и тогда, когда, повидимому, Іоркскій Домъ одержалъ верхъ и скипетръ Англіи достался Эдуарду IV, а затѣмъ—брату его, страшному Ричарду III. Въ царствованіе этого послѣдняго, баронетъ Генрихъ Уайэтъ былъ приверженцемъ Генриха Ричмонда изъ Ланкастерскаго дома, претендента на королевскую корону,—и вполнѣ естественнымъ результатомъ этой приверженности, преданности было то, что баронетъ провелъ большую часть своей

Библиотека "Руниверс"



Борьба за Неву. II. Взятіе русскими Ландскроны (на мѣстѣ гдѣ теперь находится Малая Охта). Съ наброска П. Петрова. Рис. Н. Каразинъ, грав. Нанбрунъ.

Библиотека "Руниверс"

жизни въ темницѣ... Можно, пожалуй, удивляться тому, что Ричардъ III, вообще смотрѣвшій на жизнь человѣческую какъ на сущую бездѣлку, не прибѣгнулъ къ короткой расправѣ съ баронетомъ — не велѣлъ отрубить ему головы. Впрочемъ, однажды, кажется, подумывали объ этомъ: хотѣли умертвить сэра Уайэта медленною смертью или довести его до того, чтобы онъ, подъ гнетомъ всяческихъ физическихъ страданій, упалъ духомъ... Король приказалъ заключить его въ холодную, тѣсную тюрьму, гдѣ арестантъ не имѣлъ достаточной одежды, могущей защитить его отъ пронзительнаго холода, не имѣлъ постели, въ которой могъ-бы согрѣть свои окоченѣвшіе члены и, наконецъ, пищу давали ему самую жалкую, скудную. Тщетно жаловался баронетъ своему тюремщику на такое недостойное съ нимъ обращеніе — на всѣ жалобы его отвѣчали, что и такое положеніе достаточно еще хорошо для «измѣнника»... И сэръ Генрихъ Уайэтъ погибъ-бы въ темницѣ, если-бы къ нему не явилась тутъ... кошка, благодѣтельница его. Кошкѣ удалось пробраться въ казематъ чрезъ дыру въ полу,—и вотъ она, выбравшись изъ-подъ пола, начала мурлыкать, выгибать спинку и тереться около заключеннаго. Сэръ Уайэтъ обрадовался появленію въ своей тюрьмѣ живаго существа: онъ поманилъ къ себѣ кошечку, обласкалъ ее, даже прижалъ къ своей груди,—и съ этой минуты кошка, повидимому, чрезвычайно какъ привязалась къ одинокому арестанту. Она приходила по нѣскольку разъ въ день, согрѣвала озябшаго своей теплой, мягкой шубкой и однажды притащила голубка, какъ будто сообразила, какую ужасную нужду терпитъ заключенный... Такой подарокъ, нечего и говорить, былъ хорошъ,—но такъ какъ баронетъ не могъ, подобно своей «благодѣтельницѣ», ѣсть птицу въ *такомъ видѣ*, незажаренною, то и долженъ былъ найти средство обратить принесеннаго голубя въ настоящее жаркое, съѣдобное для человѣка,—а можетъ быть, и не одного этого голубя; можетъ быть «благодѣтельница» его и впредь будетъ приносить ему такіе же дары своей любви?.. Баронетъ опять сталъ жаловаться тюремщику на скудную, дурную пищу и когда тюремщикъ только презрительно усмѣхался, сэръ Уайэтъ спросилъ его: «А изготовишь-ли ты мнѣ жаркое, если я дамъ тебѣ мяса»?—«Извольте! Обѣщаю, что состряпаю жаркое!» воскликнулъ стражъ, вполнѣ увѣренный, что гдѣ же арестанту его достать мяса и прибавилъ: «Всякую, примѣрно, дичь, которую вы мнѣ дадите, я буду вамъ возвращать обратно въ самомъ наилучшемъ видѣ».

При этихъ словахъ тюремщика, сэръ Генрихъ Уайэтъ вытащилъ своего голубя и подалъ его ему... Тюремщикъ, давши слово, не могъ отказаться, а потому взялъ голубя и велѣлъ его зажарить. Такъ какъ кошка дѣйствительно продолжала таскать своему любимцу голубей, то они послѣдовательно и зажарювались и въ видѣ жаркого подавались баронету.

И такъ, Ричардъ III ни холодомъ, ни голодомъ и другими лишеніями не могъ принудить стойкаго, твердаго сэра Уайэта отказаться отъ своихъ политическихъ убѣжденій, а потому и прибѣгнулъ къ другому средству, о которомъ въ англійскихъ законахъ и помину не было, но средство это было хорошо извѣстно англійскимъ судьямъ... Король велѣлъ *пытать* баронета—и сэра Уайэта подвергли пыткѣ. Было-ли зрѣлище пытки особенно—занимательнымъ для короля или онъ придавалъ большое значеніе личности пытаемаго—неизвѣстно, но только самъ Ричардъ III присутствовалъ при пыткѣ. Сэръ Генрихъ Уайэтъ переносилъ всѣ истязанія и муки съ твердостью, ни одинъ стонъ не вырвался изъ его груди... Побѣжденный такимъ геройскимъ мужествомъ, даже Ричардъ III велѣлъ пріостановиться палачамъ и, обратившись къ баронету, воскликнулъ:—«Зачѣмъ ты, Уайэтъ, такой дуракъ? Ты служишь и кланяешься не лунѣ, а только отраженію ея въ водѣ!.. Тотъ, кого ты считаешь своимъ господиномъ—просто бродяга—нищій!.. Брось его и ступай ко мнѣ... Развѣ я не могу наградить тебя?.. И клянусь тебѣ: ты будешь награжденъ»!.. На это арестованный отвѣтилъ:—«Если-бы сначала я васъ избралъ своимъ господиномъ, то и служилъ-бы вамъ теперь вѣрно, если-бы вы нуждались въ этомъ; но моего господина зовутъ Карломъ... Пусть онъ бѣденъ, несчастливъ—и все-таки я не отстану отъ него! Ни пытки, ни угрозы, ни обѣщанія награды не заставятъ меня измѣнить ему»...

Баронетъ уперся на этомъ. Королю, который не могъ или не хотѣлъ лишить его жизни, не оставалось ничего больше какъ снова отправить арестанта въ его холодную, одинокую тюремную келью, гдѣ «вѣрному слугѣ» платила *вѣрностью* его кошка.

За свою вѣрность, стойкость, баронетъ получилъ наконецъ награду, кромѣ награды отъ кошки, награды хотя и чрезвычайно рѣдкой но недостаточной. Въ сраженіи при Босвортѣ Ричардъ III потерялъ вмѣстѣ съ жизнью и корону, а Генрихъ Ричмондъ, сочетавшись бракомъ съ Елизаветой Іоркской, дочерью Эдуарда IV, соединилъ Бѣлую Розу съ Алой, и когда Генрихъ VII вступилъ на престолъ Англіи—оказалось, что вѣрный баронетъ служилъ и покланялся не призраку, *не отраженію луны въ водѣ*. Новый король сдѣлалъ сэра Уайэта членомъ Тайнаго Совѣта, возвелъ его въ санъ начальника Бриліантоваго дома, хранителя драгоцѣнностей Королевской Палаты и такъ щедро одарилъ его, что баронетъ могъ купить Allington Castle—одинъ изъ самыхъ солидныхъ, благородныхъ замковъ въ Кентскомъ графствѣ.

Если сэръ Генрихъ Уайэтъ былъ вѣрнымъ и твердымъ въ несчастьи то во дни счастья чувство благодарности не покинуло его. Онъ ухаживалъ за своей благодѣтельницей—кошкой до конца ея жизни, остался навсегда страстнымъ любителемъ кошекъ и приказывалъ портретистамъ, всякій разъ какъ снимался, изображать непремѣнно и кошку рядомъ съ нимъ. Любовь и благодарность передали такимъ образомъ память о немъ потомству. На его портретъ, какъ и на портреты многихъ другихъ людей, обратили-бы мимолетное вниманіе, не стали-бы и распрашивать, чей именно это портретъ, и сэръ Генрихъ Уайэтъ пребывалъ-бы себѣ въ архивной пыли, въ полномъ забвеніи, если-бы любопытные не стремились узнать: какое отношеніе существуетъ между *баронетомъ* и *кошкой*?...

Политическое обозрѣніе.

Проектъ новаго военнаго закона въ Германіи, надѣлавшій столько хлопотъ правительству, наконецъ принятъ германскимъ парламентомъ. Благопріятному для правительства исходу этого важнаго дѣла предшествовали многочисленные переговоры министровъ съ представителями различныхъ парламентскихъ партій,—переговоры, приведшіе обѣ стороны къ окончательному соглашенію. Читатели помнятъ, что яблокомъ раздора между правительствомъ, предлагавшимъ Рейхстагу проектъ новаго военнаго закона, и представителями Германіи—были два главнѣйшіе пункта этого закона, изъ которыхъ одинъ устанавливалъ численность войска въ мирное время въ 401,000 человѣкъ, а другой требовалъ утвержденія этой цифры и вмѣстѣ съ тѣмъ потребной для содержанія этого количества суммы на 12 лѣтъ. Значительное большинство членовъ германскаго парламента не желало принять обоихъ этихъ пунктовъ на томъ основаніи, что, считая цифру 401,000 человѣкъ и слишкомъ значительною и несоотвѣтствующею нынѣшнему миролюбивому настроенію сосѣдей Германіи, оно въ особенности считало неудобнымъ и противнымъ парламентскимъ обычаямъ утвержденіе военнаго бюджета на столь продолжительный срокъ, какъ 12 лѣтъ. Въ нарочно-избранной для этого коммиссіи проектъ новаго военнаго закона встрѣтилъ рѣшительное противодѣйствіе, не предвѣщавшее для всего этого дѣла благопріятнаго исхода. Ввиду такого разногласія, правительство рѣшилось воспользоваться нѣсколькими днями каникулъ, чтобы склонить парламентскія партіи на сторону своего проекта, сдѣлавъ имъ нѣкоторыя уступки и разъяснивъ нѣкоторыя темныя мѣста новаго закона. Въ соглашеніяхъ этихъ, несмотря на болѣзнь, продолжающуюся уже нѣсколько недѣль, принималъ живѣйшее участіе и князь Бисмаркъ; императоръ Вильгельмъ лично посѣтилъ больнаго канцлера и имѣлъ съ нимъ по поводу соглашеній продолжительный разговоръ. Послѣ этого свиданія, у императора нѣсколько разъ собирался военный совѣтъ, съ участіемъ графа Мольтке, и шли переговоры съ наиболѣе вліятельными членами германскаго парламента. Какъ обыкновенно бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, дѣло не обошлось безъ нѣкотораго застращиванія, причемъ сопротивляющихся правительственному проекту старались выставить передъ общественнымъ мнѣніемъ въ невыгодномъ для нихъ свѣтѣ, называя ихъ врагами имперіи и равнодушными къ судьбамъ своей родины. Богъ знаетъ, къ чему привели бы всѣ эти споры и пререканія, если бы на помощь обѣимъ сторонамъ не выступило среднее мнѣніе, примирившее, наконецъ, стремленія правительства съ желаніями и взглядами народныхъ представителей; это среднее мнѣніе принадлежало президенту Беннингсену, который предложилъ утвердить требуемую проектомъ численность войска не на 12, а только на 7 лѣтъ, предоставивъ затѣмъ парламенту, по прошествіи означеннаго срока, утвердить численность войска окончательно. Эта поправка нашла сочувствіе не только въ правительственной партіи, но и въ другихъ, до тѣхъ поръ отстаивавшихъ ежегодное утвержденіе военнаго бюджета, такъ-что соглашеніе съ правительствомъ, а слѣдовательно и самое рѣшеніе вопроса, состоялось еще до открытія парламента. Не желая, однако, оставлять въ забвеніи прежнихъ порядковъ и не соглашаясь совершенно съ предложеніемъ Беннингсена, нѣкоторыя изъ парламентскихъ партій взамѣнъ 1-го пункта правительственнаго проекта, выставили слѣдующія три предложенія: 1) партія прогрессистовъ предлагала оставить *ежегодное* опредѣленіе наличнаго состава арміи, причемъ считала возможнымъ довести въ 1875 году размѣры ея до цифры, предлагаемой правительствомъ; 2) партія такъ-называемаго центра, сходясь съ прогрессистскою партіей въ необходимости утверждать военный бюджетъ ежегодно, предлагала опредѣлять наличный составъ арміи смотря по обстоятельствамъ, въ которыя будетъ поставлена имперія; наконецъ 3) партія демократическая предложила, впредь до изданія новыхъ законовъ, опредѣлить численный составъ арміи, въ теченіе двухъ мѣсяцевъ въ году, не менѣе какъ въ 540,000 человѣкъ, а въ теченіе остальныхъ мѣсяцевъ — не свыше 18,000 чел., и притомъ съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы вмѣсто арміи было народное ополченіе (Volks-

Библиотека "Руниверс"

wehr). Но всѣ эти поправки были отвергнуты собраніемъ, а предложеніе Бенингсена принято большинствомъ 224 голосовъ противъ 146; меньшинство составляли: Эльзасъ и Лотарингія, поляки, центръ, большая часть прогрессистовъ и демократическая партія. Въ слѣдующія затѣмъ засѣданія были приняты Рейхстагомъ и остальные пункты новаго военнаго закона. Такъ кончилось эта парламентская борьба, по началу которой нельзя было предъугадать о ея концѣ, борьба милитаризма съ современностью, экономіи съ расточительностью.

Но если правительству удалось выйдти побѣдителемъ изъ борьбы съ различными фракціями парламента, то неизвѣстно еще, удастся-ли ему побороть другую силу, упорство которой далеко не соотвѣтствуетъ ея существованію какъ политической партіи, ея raison d'etre. Хотя между парламентской борьбой по поводу новаго военнаго закона и тою, о которой мы только-что повели рѣчь, не можетъ быть никакого сравненія, — тѣмъ не менѣе обѣ онѣ несомнѣнно служатъ знаменіемъ времени и сдѣлали правительству не мало хлопотъ, потребовавъ отъ него значительныхъ усилій и даже мѣръ энергическаго характера. Сопротивленіе духовенства новымъ церковнымъ законамъ растетъ не по днямъ, а по часамъ; внесенный недавно въ имперскій парламентъ проектъ закона о церковнослужителяхъ, которымъ правительству предоставляется право арестовывать неблагонадежныхъ изъ духовенства лицъ, довелъ страсти до степени крайняго раздраженія,—и чѣмъ больше строгости выказываетъ въ этомъ дѣлѣ правительство, тѣмъ большее и большее противодѣйствіе встрѣчаетъ оно въ средѣ духовенства. Епископы, не изъявившіе покорности, одинъ за другимъ подвергаются арестуу; на мѣсто арестованнаго Ледоховскаго управлять Познанскою епархіей назначенъ былъ членъ капитула Войцеховскій, но въ послѣднее время арестовали и его; кромѣ того, подвергнуты заключенію: епископы Трирскій и Кельнскій и будетъ заключенъ епископъ Падерборнскій; на епископовъ-же Мюнстерскаго и Эрмеландскаго наложены высокіе штрафы за противозаконное назначеніе священниковъ изъ лицъ, извѣстныхъ правительству свою неблагонамѣренностью. Хотя оба эти епископа покуда находятся еще на свободѣ, но рано или поздно средства ихъ истощатся, и они будутъ подвергнуты заключенію наравнѣ съ прочими своими собратами. Всѣ эти строгія мѣры противъ духовенства вносятъ въ среду его сильное раздраженіе; народъ и въ особенности мелкое духовенство начинаютъ смотрѣть на заключаемыхъ по распоряженію администраціи какъ на мучениковъ, страдающихъ за права церкви, безбожно попранныя свѣтскою властью, какъ на искупительныя жертвы, назначенныя имъ отъ Бога за грѣхи всего человѣчества... Такой образъ дѣйствія не одобряется и лучшею, безпристрастною частью общественнаго мнѣнія, которое, при посредствѣ прессы, совѣтуетъ прекратить подобныя гоненія, такъ-какъ они не только не принесутъ дѣлу никакой пользы, но вообще недостойны правительства чувствующаго свою силу въ странѣ и свой авторитетъ между разными слоями населенія. Взамѣнъ этого, умѣренная часть общества предлагаетъ правительству дѣйствовать противъ клерикаловъ путемъ законодательнымъ, опираясь на парламентъ, который принятіемъ новыхъ церковныхъ законовъ показалъ истинныя желанія страны, а также и то, на чьей сторонѣ находятся ея симпатіи. Важнымъ симптомомъ въ этомъ отношеніи служитъ недавнее принятіе имперскимъ парламентомъ закона о гражданскомъ бракѣ, которымъ въ значительной степени подрывается вліяніе духовенства на своихъ прихожанъ. Предложеніе баварскаго депутата Фелька о введеніи гражданскаго брака не только принято было въ парламентѣ значительнымъ большинствомъ голосовъ, но еще подверглось измѣненіямъ въ смыслѣ устраненія духовенства даже отъ веденія духовныхъ книгъ. Такимъ образомъ, мало-по-малу ускользаютъ изъ рукъ католическаго духовенства тѣ нити, при помощи которыхъ оно управляло совѣстью народа, стѣсняя его свободное развитіе и дѣлая его орудіемъ своихъ личныхъ — корыстолюбивыхъ и честолюбивыхъ плановъ и дѣйствій.

Общественное мнѣніе Англіи съ большимъ вниманіемъ слѣдитъ въ настоящее время за ходомъ борьбы между земледѣльческими рабочими и фермерами (мелкими арендаторами), продолжающейся уже нѣсколько мѣсяцевъ. Борьба эта, равной коей давно уже не было въ Англіи, началась изъ-за того, что рабочіе потребовали отъ фермеровъ возвышенія заработной платы въ количествѣ необходимомъ для прокормленія ихъ семействъ, на что получили рѣзкій отвѣтъ. Стачка мало по малу охватила цѣлые округа и такимъ образомъ приняла для фермеровъ весьма угрожающій характеръ. Поддерживаемые землевладѣльцами, фермеры, съ своей стороны, вступили въ союзъ и рѣшились не соглашаться на требованія рабочихъ, хотя бы для этого пришлось пожертвовать значительными суммами. А между тѣмъ, наступаетъ время полевыхъ работъ. Ввиду невозможности пріискать рабочихъ даже на сторонѣ, фермеры начинаютъ уже понижать тонъ и относятся къ требованіямъ своихъ противниковъ снисходительнѣе; съ другой стороны, и сами рабочіе, несмотря на денежную и нравственную поддержку рабочихъ союзовъ, не въ состояніи продержаться безъ работы столь продолжительно время; поэтому уступки съ ихъ стороны будутъ, вѣроятно, еще большія, нежели уступки фермеровъ. Впрочемъ, эти послѣдніе, соглашаясь на примиреніе, въ то-же самое время ставятъ непремѣннымъ условіемъ его то, чтобы поступающіе къ нимъ въ услуженіе рабочіе дали обѣщаніе не принадлежать ни какимъ рабочимъ союзамъ. Требованіе это, не имѣющее ничего общаго съ сущностью тѣхъ отношеній, которыя должны быть между нанимателемъ и рабочими, не вызываемое ни чувствомъ справедливости, ни требованіями закона, — встрѣчаетъ въ рабочихъ сильное противодѣйствіе и не одобрятся даже землевладѣльцами, на участкахъ которыхъ живутъ фермеры. Общественное мнѣніе, даже въ лицѣ своихъ консервативныхъ газетъ, порицаетъ подобныя притязанія фермеровъ, предсказывая имъ неуспѣхъ и еще большее озлобленіе со стороны рабочихъ. До сихъ поръ все еще неизвѣстно, къ какому результату приведетъ это печальное столкновеніе двухъ важнѣйшихъ экономическихъ интересовъ.

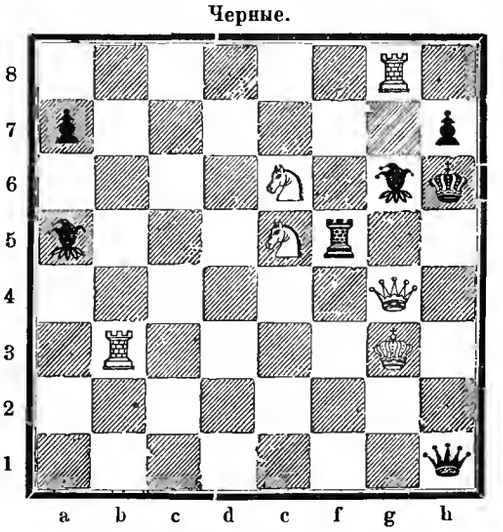
По случаю открывшагося въ англійскихъ колоніяхъ въ Индіи страшнаго голода, охватившаго огромное пространство, съ населеніемъ до 25 мильоновъ человѣкъ, въ Англіи приняты слѣдующія мѣры: кромѣ ассигновки суммы изъ государственнаго казначейства, повсюду открыта подписка въ пользу голодающихъ, произведены закупки риса, созываются митинги для обсужденія мѣръ, которыя можно было бы принять для прекращенія бѣдствія, и проч. Но бѣдствіе продолжаетъ разыгрываться еще съ большею силой.

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 5

Н. Ермилова.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 2 хода.

Рѣшеніе задачи будетъ въ слѣдующемъ № „Нивы“,

Рѣшеніе шахматной задачи № 4. (см. № 18 «Нивы»)

Бѣлые.	Черные.
1) c6 — b6 +	1) c7 — b6 или d7 — b6
2) b5 — d4 +	2) a6 — a7
2) d4 — c6 M	

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 24-го апрѣля (6 мая), Его Величество Государь Императоръ изволилъ благополучно прибыть въ 3 часа пополудни, въ Штутгартъ. На станціи желѣзной дороги Государь Императоръ былъ встрѣченъ Ихъ Величествами Королемъ и Королевою Виртембергскими и всѣми членами Королевской фамиліи, а равно Ихъ Императорскими Высочествами Государемъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, Государыней Великой Княгиней Александрой Іосифовной и Августѣйшими дѣтьми Ихъ Высочествъ. 26-го апрѣля (8-го мая), утромъ, въ Королевскомъ замкѣ, совершилось, съ большою торжественностію, бракосочетаніе Ея Императорскаго Высочества Государыни Великой Княжны Вѣры Константиновны съ Его Королевскимъ Высочествомъ Герцогомъ Евгеніемъ Виртембергскимъ. Вѣнчаніе было совершено: въ русской церкви Ея Величества Королевы — по обряду православному и въ одной изъ залъ замка—по протестантскому обряду. Въ половинѣ седьмаго часа вече-

Библиотека "Руниверс"

ромъ, послѣ бракосочетанія, послѣдовалъ отъѣздъ Высоконовобрачныхъ, съ особеннымъ поѣздомъ, въ Фридрихсгафенъ, гдѣ они проведутъ двѣ недѣли, а затѣмъ отправятся въ Карлсруэ, въ Силезіи, къ родителямъ Высоконовобрачнаго.

— Государь Императоръ выѣзжаетъ изъ Штутгарта въ Англію въ понедѣльникъ, 29-го апрѣля (11-го мая) вечеромъ.—Городской Совѣтъ Гревезенда поднесетъ Государю Императору, по прибытіи Его Величества въ Англію, адресъ, причемъ будутъ находиться и представители англійскаго Ламаншскаго флота. Вечеромъ 1-го (13-го) мая будетъ семейный обѣдъ въ Виндзорскомъ замкѣ; 2-го (14-го) мая парадный обѣдъ въ Георгіевской залѣ; 3-го (15-го) мая Государь Императоръ и англійскій Дворъ переѣзжаютъ въ Лондонъ; 4-го (16-го) мая—празднество въ Хрустальномъ Дворцѣ; 6-го (18-го) мая завтракъ, даваемый лондонскимъ Городскимъ Совѣтомъ въ Гильтголѣ, а вечеромъ концертъ въ Альбертголѣ; 7-го (19-го) мая посѣщеніе арсенала въ Вуличѣ и затѣмъ отъѣздъ Государя Императора изъ Англіи.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Вслѣдствіе признанной Правительствомъ Его Величества Императора Всероссійскаго и Правительствомъ Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ необходимости точнѣе опредѣлить и сдѣлать болѣе дѣйствительными постановленія, содержащіяся въ дополнительной статьѣ отъ 15-го (27-го) января 1868 года къ трактату о торговлѣ и мореплаваніи, заключенному между Россіею и Американскими Соединенными Штатами 6-го (18-го) декабря 1832 года, нынѣ уполномоченными обѣихъ сторонъ подписана декларація относительно клеймъ для товаровъ или ихъ помѣщеній и клеймъ фабричныхъ или торговыхъ, по которой русскіе подданные въ Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ и граждане Соединенныхъ Штатовъ въ Россіи будутъ пользоваться тѣмъ же покровительствомъ, какъ и туземцы.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Во время пребыванія Государя Императора въ Берлинѣ, Императоромъ Вильгельмомъ пожалованы знаменныя ленты русскимъ полкамъ: драгунскому Военнаго ордена и Петербургскому Гренадерскому Короля Фридриха-Вильгельма III. Калужскій пѣхотный Императора Германскаго полкъ имѣетъ уже давно эти ленты.

— Въ послѣднее время въ нѣкоторыхъ частяхъ войскъ Одесскаго округа, въ томъ числѣ и въ квартирующемъ въ Николаевѣ Прагскомъ пѣхотномъ полку, сильно развилась, какъ сообщается въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ», глазная эпидемія. Для изысканія средствъ, къ скорѣйшему прекращенію этой болѣзни, на дняхъ прибылъ въ Николаевъ лейбъ-окулистъ Кабатъ, по просьбѣ котораго главный командиръ Черноморскаго флота и портовъ предоставилъ подъ устройство лазарета для глазныхъ больныхъ, на время эпидеміи, одно изъ большихъ зданій, находящихся въ Спасскомъ адмиралтействѣ.

— Таможенная флотилія на Балтійскомъ морѣ будетъ состоять, по словамъ «Кронштадтскаго Вѣстника», изъ 10 шхунъ, трехъ большихъ: «*Часовой*», «*Стражъ*» и «*Зоркая*», и семи малыхъ. Изъ всей этой флотиліи двѣ шхуны: «*Часовой*» и «*Стражъ*» строются еще въ Бьернеборгѣ, и первая будетъ готова къ августу, а вторая къ концу мая. Каждая изъ шхунъ вооружена четырехфунтовымъ стальнымъ орудіемъ, заряжающимся съ казенной части. Численность команды трехъ большихъ шхунъ простирается до 26 человѣкъ вмѣстѣ съ кочегарами; малыя шхуны комплектованы всего лишь девятью человѣками команды. Всѣ матросы вооружены палашами и скорострѣльными ружьями системы Баранова. Несмотря на то, что таможенная флотилія образовалась еще недавно и плавала съ октября прошлаго года только до заморозковъ, она уже успѣла навести страхъ на контрабандистовъ Финскаго залива, а главнымъ образомъ на обитателей островов Даго, Эзель, Готландъ. Островитяне всю жизнь энергично промышлявшіе контрабандою, по словамъ мѣстныхъ жителей, начинаютъ мало по малу убѣждаться въ невозможности продолжать свое ремесло въ виду таможеннаго флага въ нашихъ сѣверныхъ водахъ, и многіе изъ нихъ берутся въ настоящее время за земледѣліе.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Первые дни Святой недѣли ознаменовались осуществленіемъ одного прекраснаго и полезнаго дѣла для жителей Петербурга, именно-со вторника, 2-го апрѣля, устроилось *ночное дежурство врачей* сначала въ одномъ мѣстѣ. Врачи находятся съ 9-ти часовъ вечера до 9-ти часовъ утра въ помѣщеніи водолѣчебницы—на углу Мойки и Демидова переулка, д. Корпуса. Они принимаютъ въ теченіи ночи приходящихъ больныхъ, посѣщаютъ больныхъ на дому по первому приглашенію и подаютъ врачебныя пособія.

— *Саратовская* Город. Дума утвердила проектъ кондицій на устройство газоваго освѣщенія въ городѣ, назначивъ торги на отдачу этого устройства 14-го марта текущаго года.

— *Херсонская* Город. Дума дала разрѣшеніе нѣсколькимъ лицамъ заняться на городскихъ земляхъ раскопками для открытія древнихъ сокровищъ, имѣющихся тамъ по преданію, съ правомъ распредѣленія найденнаго въ пользу предпринимателей и города.

— *Чистопольская* Городская Дума приняла на общія городскія средства устройство мостовыхъ въ городѣ, предположивъ произвести это устройство, съ теченіемъ времени повсемѣстно.

ЗЕМСКАЯ ХРОНИКА.

—*Олонецкое* Губ. Зем. Собраніе, признавая продолженіе спеціальныхъ геологическихъ изысканій весьма полезнымъ для развитія горной промышленности въ губерніи, между прочимъ, постановило просить Императорское Минералогическое Общество о командированіи въ текущемъ году въ Повѣнецкій уѣздъ профессора Иностранцева для продолженія начатыхъ имъ геологическихъ работъ и на этотъ предметъ внести въ смѣту нынѣшняго года 2.000 рублей. Засимъ, находя, что описаніе и промѣръ Онежскаго озера, составленіе меркаторскихъ картъ и установка на немъ предостерегательныхъ знаковъ принесутъ существенную пользу судоходству по озеру, положило ходатайствовать о назначеніи Гидрографической Экспедиціи для изслѣдованія Онежскаго озера и на этотъ предметъ внести въ смѣту текущаго года кредитъ въ 5.500 рублей.

— *Сызранское* Уѣзд. Симбирской губерніи, Зем. Собраніе по выслушаніи отношенія Симбирской Губернской Управы о введеніи въ Сызранскомъ уѣздѣ селитроваренія, постановило просить гласнаго Пустошкина, какъ спеціалиста, представить будущему Собранію свои соображенія по этому предмету.

— То же *Котельническое* Уѣзд. Зем. Собраніе, обсуждая мѣры къ улучшенію экономическаго быта крестьянъ въ уѣздѣ, признало полезнымъ развитіе мелкихъ ремеслъ и на первый разъ введеніе производства щепяныхъ и гончарныхъ издѣлій. По докладу Управы о пользѣ устройства небольшихъ крестьянскихъ кирпичныхъ сараевъ Собраніе постановило объявить крестьянскимъ обществамъ, что въ случаѣ желанія устроивать кирпичные сараи, они могутъ ходатайствовать о пособіи отъ земства.

— Изъ отчета *Херсонской* Уѣзд. Зем. Управы между прочимъ видно, что согласно постановленію 5-го сентября 1872 года, ею устроены книжные склады при земскихъ образцовыхъ школахъ въ гор. Бериславѣ, въ семи мѣстечкахъ и селеніяхъ. Завѣдываніе складами возложено въ селеніяхъ на учителей земскихъ школъ, и книгъ выписано для складовъ на 800 рублей, продано же со времени открытія продажи, то-есть съ февраля 1873 года до наступленія каникулярнаго времени, въ маѣ, всего на 131 рубль 51 коп.

НЕСЧАСТІЯ.

—Изъ Ярославля сообщаютъ, что на пароходѣ «Велизарій», слѣдовавшемъ изъ Костромы, взорвало котелъ. При этомъ убиты; владѣлецъ парохода купецъ Игнатьевъ, кочегаръ крестьянинъ Егоръ Никитинъ и пассажиры: безсрочно-отпускной рядовой Трофимъ Юхтинъ, торговецъ изъ Нижняго и крестьянка Ярославскаго уѣзда, фамиліи коихъ еще не узнаны. Изъ 59 раненыхъ, доставленныхъ въ Ярославль, умерли: 5 крестьянъ, 1 отставной рядовой и двое дьяческихъ дѣтей. Въ больницѣ находятся 51 человѣкъ; изъ нихъ 12 безнадежны и 10 сомнительны. Изъ 51 больныхъ: крестьянъ 46, нижнихъ воинскихъ чиновъ 4 и мѣщанинъ 1.

— Изъ Вѣдомостей о пожарахъ, поступившихъ въ департаментъ полиціи исполнительной въ теченіи января, февраля и марта 1874, видно, что за три мѣсяца въ Россіи было 4707 пожаровъ. Изъ нихъ: случаевъ поджога или подозрѣнія въ ономъ: 545; отъ неизвѣстныхъ причинъ: 2632; отъ неосторожности: 1530. Убытку понесено на 4 852.998 рублей.

ЛИТЕРАТУРА.

новыя книги:

Сиворцовъ, С. А. Основанія сельскаго хозяйства. Съ полнотою. Изд. 3-е. Москва. Тип. Іогансонъ. 4 д XVI+262+432 стр. 1.500 экз. Ц. 4 р.

Зуевъ, Н. И. Иллюстрированная популярная физическая географія. Ч. II. Изд. 2-е, А. Ролякова. Спб. Тип. Акад. Наукъ. 4 д. 240 стр. 4,010 экз. Ц. 3 р.

Доминиканъ. О свободной и закрытой системахъ чищенія городовъ и отводѣ нечистыхъ водъ на окрестныя поля для ихъ орошенія. Одесса Тип. Нитче. 8 д. 2+73 стр. 3.0 экз.

Анненковъ, Ц. Н. Отношенія англо-индійскихъ владѣній къ сѣверо-западнымъ сосѣдямъ. Спб. Тип. Д—та Удѣл. 8 д. 61—96 стр. 500 экз.

Баконъ. Собраніе сочиненій. Перев. П. А. Бибикова. Т. I. О достоинствѣ и усовершенствованіи наукъ. Спб. Тип. Глазунова. 8 д. 626 стр. 1,200 экз.

Фридель, І. Г. Исторія франк-масонства отъ возникновенія его до настоящаго времени. Перев. подъ ред. В Ильина. Т. II. Изд. А. Гіероглифова. Спб. Тип. Скарятина. 8 д. XXIII+310+63 стр. 2,5 0 экз.

СОДЕРЖАНІЕ: Павлинъ. Разсказъ **Н. С. Лѣскова (Стебницкаго)** (продолженіе)—Подъ испанскимъ небомъ (окончаніе).—Въ окрестностяхъ Архангельска (изъ путевыхъ очерковъ) **В. И. Немировича-Данченки** (съ двумя рисунками). — Борьба за Нену. II. Взятіе русскими Ландскроны 18 мая 1301 года. **П. Н. Петрова** (съ рисункомъ) (продолженіе).—Благодѣтельная кошка.—Политическое обозрѣніе.—Шахматы.—Равныя извѣстія.

Парижскія моды за май мѣсяцъ съ 12 рисунками.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА **1874** ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ **4** руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева **4** руб. **50** коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ **5** руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію **5** руб. **50** коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы“ и преміи за 1874 годъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи **„НИВЫ“** въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ **№ 9.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

Дозволено цензурою. 3 мая 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса** въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 20 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 13-го мая 1874 года. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

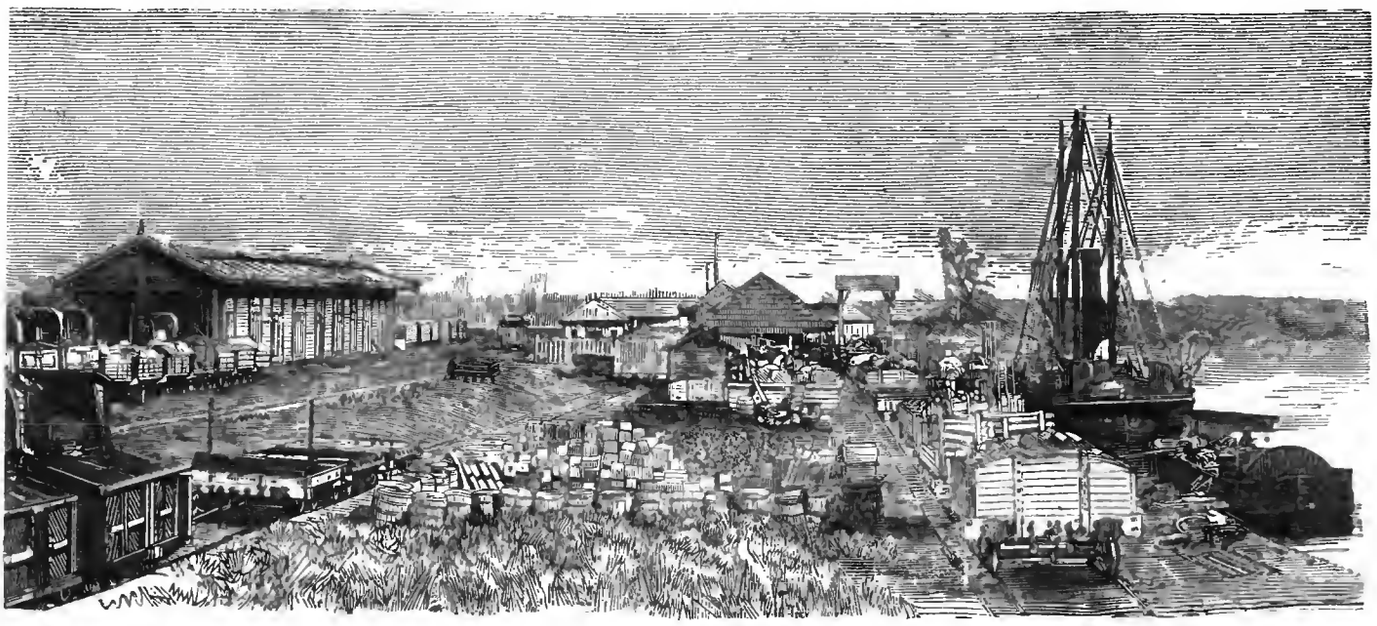
ВТОРАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ подписчикамъ „НИВЫ" на 1874 годъ.

При этомъ нумерѣ, для всѣхъ подписчиковъ «НИВЫ» на 1874 годъ, въ видѣ безплатной преміи прилагается большая гравюра съ знаменитой картины Г. И. Семирадскаго:

„ГРѢШНИЦА",

пріобрѣтенной въ собственность Е. И. В. Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и временно находившейся на выставкѣ 1874 года въ Императорской Академіи Художествъ. Отчеты объ этой картинѣ, сюжетъ которой заимствованъ изъ поэмы графа А. К. Толстаго, исполненные самыхъ лестныхъ отзывовъ, появлялись какъ во всѣхъ русскихъ періодическихъ изданіяхъ, такъ и въ заграничныхъ, въ то время, когда картина была на Вѣнской всемірной выставкѣ. Нашъ рисунокъ на деревѣ исполненъ самимъ авторомъ, г. Семирадскимъ, въ бытность его въ Римѣ, и тщательно выгравированъ сотрудникомъ «Нивы», г. Пуцомъ.

Объемъ нашего журнала не дозволяетъ намъ приложить гравюру иначе какъ сложенною въ четверо. Для расправленія сгибовъ, слѣдуетъ слегка смочить водой гравюру съ исподней ея стороны и намазавъ лишь края полей вишневымъ клеемъ, наклеить гравюру на доску,—при высыханіи гравюра вытянется и станетъ гладкою. За неимѣніемъ доски достаточно, смочивъ гравюру, положить ее подъ прессъ.



Поти-Тифлисская желѣзная дорога. Станція Поти. Грав. Езерскій.

Библиотека "Руниверс"

Павлинъ.

Разсказъ Н. С. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

VII.

Время шло; Павлинъ воспитывалъ Любу точно такъ, какъ обѣщалъ моей тётѣ въ первомъ ихъ разговорѣ объ этой сироткѣ. Пока я проводилъ послѣдніе годы въ гимназическомъ пансіонѣ, Люба училась въ домашней школѣ у одной дамы, которой Павлинъ платилъ за ученіе и содержаніе своей питомки съ свойственной ему аккуратностью. Здѣсь Люба разумѣется не набралась большихъ знаній, но однако же все таки узнала гораздо болѣе, чѣмъ считалъ для нея нужнымъ и полезнымъ Павлинъ. Занятый своимъ дѣломъ, я было совсѣмъ позабылъ о Любѣ, но увидавъ ее случайно на улицѣ вскорѣ послѣ своего поступленія въ университетъ, я тотчасъ же ее вспомнилъ и очень ей обрадовался. Мнѣ тогда было лѣтъ восемнадцать, а Любѣ шолъ четырнадцатый годъ. Она разцвѣтала и обѣщала быть очень красивою дѣвушкой, у нея выполнялась очень стройная и преграціозная, миньонная фигурка; головка ея была повита густыми волнующимися золотистыми волосами, самаго пріятнаго цвѣта, и при этомъ черныя брови и длинныя темныя рѣсницы изъ-подъ которыхъ глядѣли два большіе темно-синіе глаза. Я такъ былъ пораженъ ея красотою, что противу воли моей не умѣлъ этого скрыть, и мы оба другъ друга сконфузились и разстались неуспѣвши наговориться. Потомъ еще черезъ годъ мы съ нею снова встрѣтились въ церкви за ранней обѣдней, гдѣ она еще болѣе разцвѣтшая стояла впереди Павлина, глядѣвшаго на нее, какъ мнѣ тогда казалось, съ глубочайшею нѣжностію. Восемь лѣтъ имѣли на Павлина небольшое вліяніе, но вліяніе не особенно разрушительное: онъ только началъ сѣдѣть и потучнѣлъ, но все таки былъ молодцомъ для своихъ пятидесяти лѣтъ. Въ его выходномъ костюмѣ не было никакой разницы; Люба же у него была одѣта скромно, но очень опрятно и держалась барышней,—Павлинъ, въ поношеной коричневой бекешѣ, казался ея дядькой. Онъ, какъ я вамъ сказалъ, стоялъ сзади Любы и держалъ на рукѣ ея плащъ и вязанную гарусную косыночку, которую та сняла, потому что въ церкви было довольно жарко. Жарко было всѣмъ, но казалось, что Любѣ было особенно знойно и томно: она краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ, и взглядъ ея представлялся мнѣ безпокойнымъ и растеряннымъ. И еще что̀ было замѣчательнѣе, что эта видимая напряженность ея состоянія усиливалась по мѣрѣ приближенія службы къ концу. Мнѣ сдавалось, что въ этой напряженности кое-что принадлежитъ моему неожиданному появленію передъ Любой, такъ какъ она, увидавъ и очевидно узнавъ меня, не переставала наблюдать меня своими большими зрачками изъ-подъ густыхъ и длинныхъ темныхъ рѣсницъ. Послѣдствія убѣдили меня, что я не ошибался; когда я по окончаніи обѣдни подошелъ къ Любѣ, которой Павлинъ подавалъ въ это время ея верхнее платье, напряженность ея достигла крайней степени: она мнѣ едва кивнула головкой, и спѣшно одѣваясь все совала руку мимо рукава, межъ тѣмъ какъ на опущенныхъ книзу рѣсницахъ ея потупленныхъ глазъ сверкала большая, полная слеза,—слеза не умиленная и добрая, а раздражительная и досадная. Люба несомнѣнно страдала отъ того, что я видѣлъ ее *съ лакеемъ*, но не въ томъ положеніи въ какомъ лакей могъ бы быть пріятенъ для человѣческой суетности. Павлинъ не показывалъ ни малѣйшаго вида, что онъ это замѣчаетъ, но я былъ увѣренъ, что онъ все это видѣлъ и понималъ; однако же онъ повидимому не смущался но дѣлалъ свое дѣло какъ всегда точно и аккуратно, то есть въ данномъ случаѣ онъ одѣлъ Любу и оправилъ все на нее надѣтое не болѣе какъ со вниманіемъ служителя; а Любѣ казалось и это не нравилось: она что̀ называется *пижонилась*,—сторонилась отъ него какъ голубенокъ отъ сосѣдящагося къ нему грача.

Во мнѣ шевельнулись старыя воспоминанія: припомнилось уваженіе, которое моя добрая тетка выражала къ этому суровому блюстителю всякаго принятаго на себя долга,—и мнѣ стало досадно на Любу: я одновременно подалъ правую руку ей, а лѣвую Павлину и какъ умѣлъ ласково сказалъ ему:

— Я очень радъ, что вижу васъ, Павлинъ Петровичъ,—простите, что подаю вамъ лѣвую руку, но она ближе правой къ сердцу.

Онъ сжалъ мою руку крѣпко-крѣпко, и мнѣ показалось, что на глазахъ у него тоже блеснула слеза, но не такая какъ у Любы. Это не скрылось отъ любиной наблюдательности и потупленные глаза ея поднялись: она точно обрадовалась, что между всѣми нами тремя какъ будто возстановилось равенство и просіяла. Павлинъ опять былъ тотъ же по внѣшности, но было что-то такое, что̀ и въ немъ сказалось тихо-сдержаннымъ удовольствіемъ.

— Любовь Андревна-то-съ, заговорилъ онъ ко мнѣ выходя изъ церкви, — какъ перемѣнились... выросли совсѣмъ.

— Да, выросла и.... я хотѣлъ сказать, что она похорошѣла, но нашолъ, что не слѣдуетъ ей этого говорить, и добавилъ, что я едва узналъ ее.

— Какъ-же, отвѣчалъ Павлинъ: — помните.... вѣдь онѣ тогда остались... совсѣмъ ребенокъ.... А теперь имъ нынче пятнадцать лѣтъ.

Я очень некстати удивился, что будто уже со дня сиротства Любы идетъ десятый годъ. Тѣмъ это и кончилось; но въ слѣдущее воскресенье я опять свидѣлся съ Любой и Павлиномъ въ той же церкви и встрѣчи эти пошли все чаще и чаще, пока нако-

Библиотека "Руниверс"

нецъ я однажды увидалъ Павлина въ церкви безъ Любы и освѣдомился: что это значитъ?

— Онѣ.. Любочка.. нездоровы-съ, отвѣчалъ швейцаръ, называвшій Любу въ ея присутствіи не иначе какъ Любовь Андревна.

Я спросилъ: что съ нею такое случилось?

Павлинъ задумался и развелъ руками, а потомъ неохотно промолвилъ:

— Должно быть что нибудь отъ воображенія.

— Развѣ, говорю,—Любочка очень мнительна?

— Нѣтъ-съ,—если вы полагаете мнительность на счетъ болѣзни, то нѣтъ-съ; на этотъ счетъ онѣ не мнительны, а даже напротивъ... не занимаются собой; а... такъ .. въ характерѣ у нея сохраняется что-то... этакое...

Мы на этомъ разстались, и послѣ долго не видѣлись, но вдругъ совсѣмъ неожиданно въ одинъ осенній вечеръ ко мнѣ приходитъ Павлинъ и съ тревожнымъ выраженіемъ сообщаетъ, что Люба заболѣла.

— Пришла, говоритъ,—въ прошлую субботу ко мнѣ вечеркомъ на одну минуту и вдругъ разнемоглась и всѣхъ перепугала. Анна Львовна своего доктора прислали, и даже сами приходили и молодой баринъ... но теперь ей лучше: спала немножко и проснувшись говоритъ: «какъ бы мнѣ хотѣлось что нибудь о моей мамашѣ слышать!». Сдѣлайте милость пожалуйте къ ней посидѣть. Она про васъ вспомнила—и я замѣчаю, что ей хотѣлось бы про дѣтство свое поговорить, такъ какъ вы ея мать видѣли. Вы этимъ ей больной большое удовольствіе можете принести.

Я всталъ и пошолъ.

— Только знаете, если она будетъ много спрашивать, вы ей не все говорите, шепнулъ Павлинъ вводя меня въ заповѣдную дверь своей швейцарской комнатки.

Эта комната, которую я теперь видѣлъ въ первый разъ, была очень маленькая, но преопрятная и пріютная; она мнѣ съ перваго же взгляда напомнила хорошенькую коробочку, въ которой лежитъ хорошенькая саксонская куколка: куколка эта и была пятнадцати-лѣтняя Люба.

VIII.

Павлинъ оставилъ насъ здѣсь съ Любою вдвоемъ, а самъ пошелъ хлопотать о чаѣ. Люба сидѣла въ креслѣ, съ ногами положенными на скамеечку и укутанными старенькимъ, но очень чистымъ плэдомъ. Я привѣтствовалъ ее выраженіемъ удовольствія, что она поправляется, и сѣлъ напротивъ ея черезъ столикъ.

Она мнѣ ничего не отвѣтила, но вздохнула и сдѣлала гримаску, которую я принялъ за выраженіе какого нибудь болѣзненнаго ощущенія, но это была ошибка: Люба хотѣла показать своею гримассою, что она недовольна и безутѣшна.

— Я вовсе не рада, что я выздоравливаю, проговорила она мнѣ наконецъ, надувъ свою губку.

— Не рады! что же, вамъ нравится болѣть? отвѣчалъ я, стараясь настроить разговоръ на шутливый тонъ; но Люба еще больше насупилась и молвила:

— Нѣтъ, не болѣть, а у...

— «У?..» отвѣчалъ я съ попыткою обратить дѣло въ шутку.—Вамъ еще рано «у...»

— Я очень несчастна, прошептала больная, и слезы ручьями полились по обѣимъ ея щекамъ.

Я старался ее успокоить общими утѣшеніями въ родѣ того, что вся ея жизнь еще впереди и пройдетъ тяжелая полоса, наступитъ и лучшая, но она махнула мнѣ ручкою и нетерпѣливо сказала:

— Никогда мнѣ ни чего лучшаго не будетъ.

— Почему?

— Такъ... мнѣ это на роду написано.

Я посмотрѣлъ на нее и не нашолся, что̀ ей отвѣчать: въ ея словахъ звучало не минутное болѣзненное настроеніе, а въ самомъ дѣлѣ что-то роковое, и во всемъ существѣ ея лежало что-то неотразимое, феральное. Молодое ея личико напоминало мнѣ лица ея бабушки и матери. Разговоръ нашъ перервался и не шолъ далѣе. Люба не выспрашивала меня о своемъ прошломъ, какъ ожидалъ Павлинъ, а молчала и сердилась. На что? — очевидно на свое положеніе. Кого же она въ немъ винила? устроившее такъ провидѣніе?.. нѣтъ; у нея кажется былъ на умѣ другой виноватый—и этотъ виноватый какъ мнѣ показалось едва ли не Павлинъ. Подозрительность подсказывала мнѣ, что вѣроятно между ними незадолго передъ этимъ произошла какая нибудь сценка, отъ которой Павлинъ растерялся—и не желая безпокоить Любу своимъ присутствіемъ, а въ то же время жалѣя оставить ее одну, позвалъ меня къ ней самъ, безъ всякаго ея желанія. Та же, можетъ быть не совсѣмъ основательная, подозрительность подсказывала мнѣ, что Павлинъ нажилъ себѣ въ Любѣ напасть. Люба казалась мнѣ дѣвочкою не въ мѣру чувствительною, претензіозною и суетною,—а я уже тогда зналъ, что съ такими существами серіозному человѣку не легко ладить. Мнѣ сдавалось, что все страданіе Любы главнымъ образомъ происходитъ отъ того, что она живетъ въ швейцарской, а не въ бельэтажѣ, и что она обязана благодарностью *лакею*, а не его госпожѣ... И вотъ, придя съ тѣмъ, чтобы сожалѣть Любу, я невольно началъ жалѣть Павлина. Онъ казалось уже пасовалъ передъ нею, и теперь чувствовалъ, что онъ прирожденный лакей,—а она, всѣмъ ему обязанная, всетаки прирожденная барышня, въ которой сила привычки заставляетъ его признавать существо чѣмъ-то его превышающее. Люба тоже несомнѣнно замѣчала это преобладаніе надъ своимъ воспитателемъ, но у нея не было великодушія, чтобы быть скромною и благодарною. Разговорившись со мною, она всего охотнѣе разсказывала лишь о томъ, что у нея сегодня и вчера была сама Анна Львовна и ея старшій сынъ Вольдемаръ, тогда только-что произведенный въ корнеты одного изъ щегольскихъ гвардейскихъ кавалерійскихъ полковъ. Надутая и молчаливая Люба чрезвычайно охотно распространялась объ ихъ посѣщеніи и о

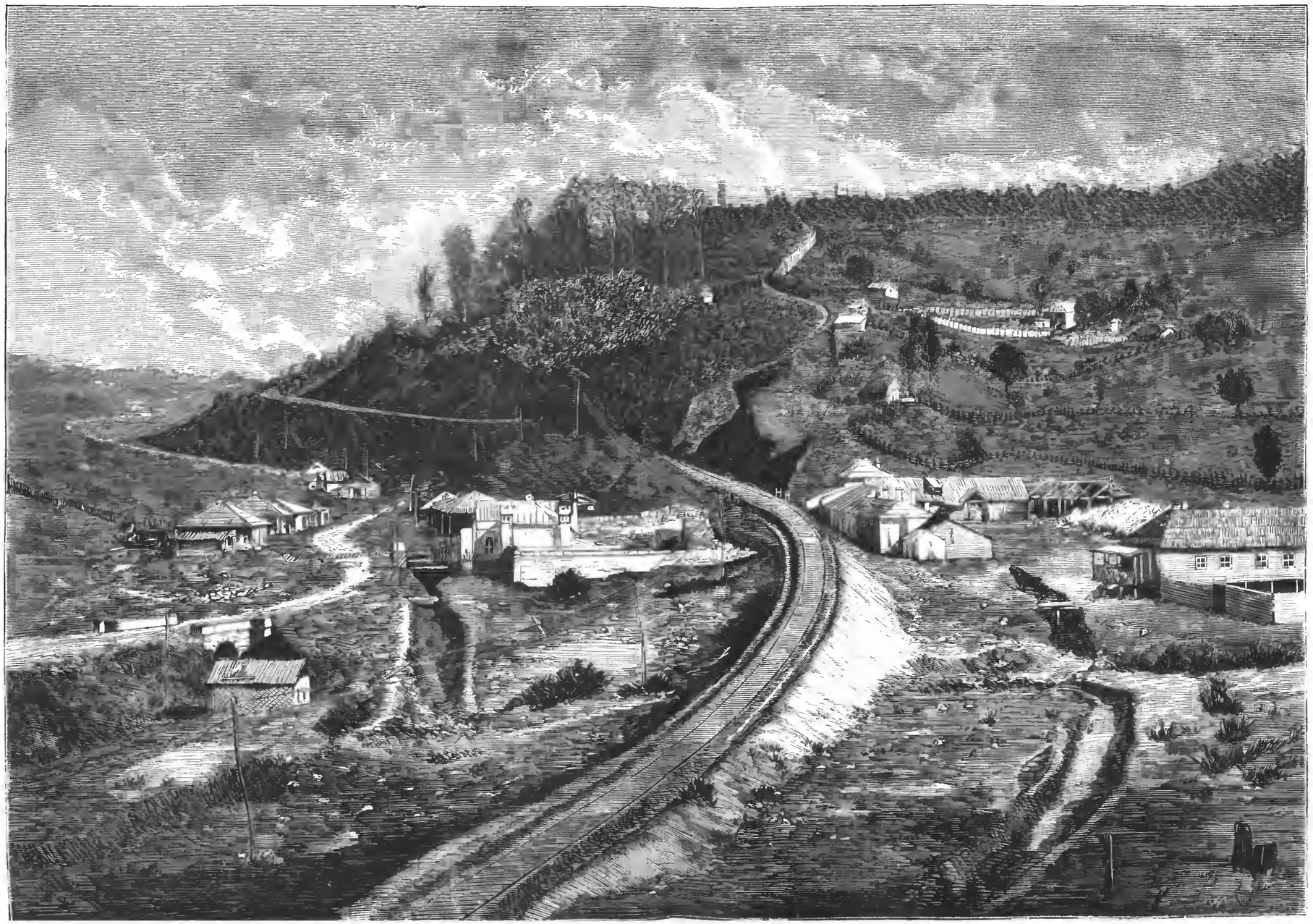
Библиотека "Руниверс"

томъ, что они «говорили съ нею по-французски, потому что не хотѣли чтобы Павлинъ понималъ ихъ разговоръ», и при этомъ Люба со вниманіемъ разсматривала и нюхала оставленный ей старою генеральшею флаконъ съ ароматическимъ уксусомъ. Послѣ этого разговора я былъ окончательно убѣжденъ, что для того чтобы вылечить Любу—надо бы ее только какъ кошечку перекинуть съ мѣста на мѣсто, то есть перенести изъ швейцарской въ бельэтажъ,—и послѣдствія невдалекѣ же показали мнѣ, что я не ошибся.

Выздоровѣвъ и побывавъ въ бельэтажѣ у генеральши, молоденькая Люба нашла отраду въ томъ, чтобы хотя нѣсколько часовъ въ день не удаляться оттуда. Въ мастерскую, куда она была отдана Павлиномъ, теперь ей было такъ тяжело идти, что при одной мысли объ этомъ она снова разнемогалась. Павлинъ не зналъ что́ ему съ нею дѣлать: онъ все только жаловался, говоря:

— Вотъ, вотъ люди!.. Гм!.. подруги... наговорили ей, знаете, про то, что она... благородная! Теперь не хочетъ! А что такое это благородство? пустяки.

Принудить же Любу, заставить, поневолить ее идти въ мастерскую... на это непреклонная воля Павлина была безсильна. Взять же ее къ себѣ и держать въ своей комоpочкѣ онъ тоже находилъ неудобнымъ и непристойнымъ, такъ какъ коморка была тѣсна, а Люба была уже почти совсѣмъ взрослая дѣвушка. Однимъ словомъ, дѣло гнуло совсѣмъ не туда, куда направлялъ его Павлинъ,—и что же вы думаете: какъ онъ нашолся уладить всю эту неладицу? Ручаюсь, что вы не отгадаете!.... Павлинъ черезъ годъ женился на этой шестнадцати-лѣтней Любѣ, на этой пустой и напыщенной дѣвчонкѣ, которая его презирала со всею жестокостью безнатурности, — и вы были бы несправедливы если бы хоть на одну минуту подумали, что



Поти-Тифлисская желѣзная дорога между станціями Сурамомъ и Квириллами. Съ фотографіи грав. Барановскій.

Павлинъ Любу къ этому прямо или косвенно чѣмъ нибудь приневоливалъ. Ни мало нѣтъ; молодая дѣвушка сама этого захотѣла. А какъ ей это пришло въ голову—про это я вамъ сейчасъ разскажу.

IX.

Какъ иногда люди женятся и выходятъ замужъ?

Хорошіе наблюдатели утверждаютъ, что едва ли въ чемъ нибудь другомъ человѣческое легкомысліе чаще проглядываетъ въ такой ужасающей мѣрѣ какъ въ устройствѣ супружескихъ союзовъ. Говорятъ, что самые умные люди покупаютъ себѣ сапоги съ гораздо большимъ вниманіемъ, чѣмъ выбираютъ подругу жизни. И вправду: не въ рѣдкость, что этимъ выборомъ какъ будто неруководствуетъ ни что кромѣ слѣпаго и насмѣшливаго случая. Такъ было и у Павлина съ Любою.

Люба хотѣла только не идти въ магазинъ, гдѣ какая-то дѣвочка сказала ей грубость,—и въ этихъ цѣляхъ «пижонилась» и ластясь подъ крылышко Анны Львовны жаловалась и горевала, что ей опять надо идти туда гдѣ люди такъ необразованы и грубы, что не умѣютъ цѣнить преимуществъ ея происхожденія, а напротивъ какъ бы мстятъ ей за него.

— Да и навѣрное они мстятъ тебѣ, отвѣчала глядя на Любу Анна Львовна.

Онѣ обѣ въ это время сидѣли и работали у матоваго карселя въ уютномъ кабинетѣ.

— И чему этотъ Павлинъ хочетъ тебя еще учить? Не понимаю я этого! продолжала Анна Львовна, взглянувъ на любину работу: по моему ты и теперь уже превосходная мастерица.

— *Онъ* хочетъ мнѣ открыть магазинъ....

— *Онъ*... Позволь мнѣ тебѣ сказать что этотъ твой *онъ* — ужасный, пестрый, гороховый шутъ. Затѣмъ онъ будетъ тебѣ открывать магазинъ?

— А что-же ему со мной дѣлать?

Библиотека "Руниверс"

— Что дѣлать?... Очень просто; я не понимаю: зачѣмъ онъ на тебѣ не женится?

Дѣвушка потупилась и промолчала. Она тогда еще едва ли думала о замужествѣ, но во всякомъ случаѣ оно представлялось ей желаннымъ вовсе не съ Павлиномъ. Генеральша видѣла, что высказанная ею мысль не приходила въ голову Любы, но видѣла и то, что она ее однако не пугаетъ и по видимому довольно хорошо укладывается въ ея головѣ.

— Конечно такъ, продолжала генеральша.—Ты думаешь, это легко быть модисткой: лгать всякой рожѣ: «это хорошо! это вамъ идетъ,» да потрафлять на всякій капризъ и становиться передъ каждою на колѣни да мѣрку снимать?.. А между тѣмъ, выйди ты замужъ... это гораздо лучше. Особенно если за него, за Павлина; тогда бы мы съ тобой никогда не разставались: ты бы у насъ при гостяхъ разливала чай и кофе, я бы тебѣ что нибудь платила, на гардеробъ; а по вечерамъ мы бы съ тобою сидѣли и вмѣстѣ работали, ожидали бы пока Володя пріѣдетъ и разскажетъ намъ гдѣ что̀ дѣлается. Володя очень любитъ съ тобою говорить и ты всегда будешь какъ своя въ нашемъ домѣ.

Люба краснѣя молчала и на рѣсницахъ у нея стали поблескивать слезки, а генеральша продолжала:

— А то ты подумай, что же если ты открывши магазинъ когда нибудь и выйдешь хоть и за молодаго человѣка, да за необразованнаго какого ни будь положимъ хоть ремесленника, или даже художника — ни чего вѣдь изъ этого лучше не будетъ. Такъ въ томъ кружкѣ и погрязнешь. А за кого ни будь другаго повыше тебѣ выйдти мудрено, потому что ты не такъ поставлена.

— Я это знаю, произнесла глотая слезы Люба.

— Вотъ и прекрасно что ты такая умница! А Павлинъ, какъ ты хочешь, онъ хоть не молодъ, но человѣкъ рѣдкихъ правилъ, онъ тебя ни въ чемъ не стѣснитъ:—я его болѣе двадцати лѣтъ знаю и всегда онъ честенъ, всегда уменъ, всегда въ порядкѣ и при томъ всемъ, хотя я не вѣрю что люди болтаютъ будто бы онъ нажилъ себѣ у меня порядочныя деньги, но онъ человѣкъ очень бережливый и какія нибудь деньжонки у него непремѣнно есть въ запасѣ. Вотъ пусть онъ на тебя этотъ запасецъ-то и поразтрясетъ. Да, мой другъ, да! И ты этого сто̀ишь. И оно конечно такъ все и будетъ, потому что что̀ же ему можетъ быть пріятнѣе, какъ не наряжать молоденькую и такую хорошенькую жену? Повѣрька мнѣ, что люди его лѣтъ гораздо надежнѣе чѣмъ всякіе вертопрахи въ родѣ этого художника, который ходитъ снимать съ меня портретъ и все на тебя заглядывается.

Люба спламенѣла: она еще въ первый разъ слышала что на нее заглядываются мужчины—и при томъ слышала это отъ такой солидной женщины какъ генеральша, къ которой молодая дѣвочка стремилась какъ травка къ солнцу. Ей было пріятно что Анна Львовна ее такъ бережетъ—и Люба разнервничалась и сбросивъ съ колѣнъ работу кинулась къ ней на грудь и заплакала лепеча: «заступитесь за меня, я васъ во всемъ буду слушаться» Анна Львовна отвѣчала ласками на ея ласки и продолжала ее наставлять и уговаривать, и наконецъ заключила:

— Я только одного боюсь, можетъ быть Павлинъ въ самомъ дѣлѣ тебѣ кажется немножко старъ?

Люба молчала.

— Можетъ быть тебѣ непремѣнно хочется молоденькаго мужа?

— Ахъ, я ни чего объ этомъ не говорю, перебила Люба.

— Ну и прекрасно, если ты этого не говоришь такъ и дай Богъ добрый часъ.

Дѣвушка испугалась, что все было такъ скоро кончено и краснѣя поспѣшила сказать, что она ни за кого не пойдетъ замужъ; но Анна Львовна пропѣла ей стишокъ изъ «Краснаго сарафана» что «не вѣкъ-де пташечкой въ полѣ распѣвать и златокрылой бабочкой порхать», и разсмѣявшись приподняла рукою ея личико, и спросила:

— Не хочешь ли ты въ монастырь?

— Мнѣ все равно, отвѣчала шопотомъ Люба.

— О-о-о, лжешь: не тѣ у тебя глазенки, что бы идти въ монастырь. Нѣтъ, ты тамъ всѣхъ будешь смущать: мужчины вмѣсто того, чтобы Богу молиться, будутъ на тебя смотрѣть.

Дѣвушка разсмѣялась.

— А вотъ что... шутки въ сторону, ты подумай на что̀ тебѣ рѣшиться: я тебѣ объ этомъ давно хотѣла сказать и теперь такъ серьозно говорю, потому что вижу, что ты насъ очень полюбила...

— Я васъ очень, очень люблю! подтвердила Люба, покрывая поцалуями генеральшины руки.

— Да, и я понимаю, что побывъ съ нами ты въ мастерскую къ этимъ своимъ швеямъ рѣшительно не можешь идти...

— Рѣшительно не могу! Я скорѣе утоплюсь.

— Я все это понимаю; рѣшительно все понимаю, но не знаю зачѣмъ топиться: это грѣхъ. Павлину не дѣлаетъ чести, что онъ такой умный человѣкъ, а посылаетъ тебя, гдѣ ты наслушиваешься всѣхъ этихъ нехристіанскихъ мыслей: я уже ему про это говорила...

— Вы ему говорили *про это?*

— Да; я ему говорила, и онъ тоже это принимаетъ и согласенъ со мною, но ты посуди: куда же ему тебя дѣть? Въ самомъ дѣлѣ вѣдь съ тобою очень трудно что нибудь придумать: ты такъ воспитана, что гувернанткою ты не можешь быть, потому что мало знаешь; боною при дѣтяхъ ты тоже еще не годишься, потому что очень молода; а вѣдь въ швеи или въ горничныя тебя опредѣлить—это ему будетъ очень тяжело... Онъ о тебѣ все таки заботился... Неправда-ли?

Дѣвушка уронила тихое: да.

— Ну вотъ видишь, продолжала генеральша:—я бы положимъ сама взяла тебя къ себѣ жить...

Библиотека "Руниверс"

Люба кинулась передъ нею на колѣни и воскликнула:

— Ахъ, возмите! возмите! Бога ради, возмите!

— Но какая же будетъ у меня твоя роль?

— Это все равно; только бы у васъ...

— Да и Павлинъ этого не захочетъ, онъ непремѣнно найдетъ что это не хорошо и не захочетъ; къ тому же у меня взрослый сынъ мужчина. Положимъ что онъ у меня добрый молодой человѣкъ, и очень тебя любитъ, но все таки ты теперь уже совершеннолѣтняя дѣвушка и это не идетъ. А разъ, что ты выйдешь за Павлина замужъ.... тогда все это прекрасно улаживается.

Дѣвушка молчала, а Анна Львовна продолжала:

— Мой совѣтъ вотъ: послушайся меня и выходи за Павлина замужъ и ты будешь жить препокойно; а время свое ты будешь проводить у насъ: я стара и мнѣ всѣ простятъ что я тебя къ себѣ приблизила.

Люба опять молчала.

— Ну что же, надо говорить, а не молчать: быть такъ, или нѣтъ?

Дѣвушка опять припала къ мягкой пухлой рукѣ своей покровительницы и прошептала:

— Вы лучше знаете, что̀ мнѣ нужно: я на все согласна.

Такъ экспромтомъ подготовилось это несчастіе для Павлина съ Любою, въ которую Павлинъ дѣйствительно былъ жестоко влюбленъ, но только не смѣлъ о ней думать. Когда же генеральша все это за него обдумала и прямо открыла передъ нимъ двери рая—у него закружилась голова, онъ позабылъ всѣ доводы разсудка заставлявшаго его не мечтать о Любѣ.

Я какъ сейчасъ помню визитъ, которымъ онъ почтилъ меня приглашая къ Любѣ шаферомъ; Павлинъ былъ неузнаваемъ: онъ просидѣлъ у меня съ часъ и все дѣлалъ въ это время себѣ разные комплименты, чего съ нимъ прежде никогда не бывало. Мысль, что его любитъ молодая дѣвушка, очевидно до того вскружила ему голову и развязала языкъ, что онъ сдѣлался несносно болтливъ и даже хвастливъ, но конечно совершенно по-своему. Онъ и въ этомъ порывѣ говорливости все стоялъ на почвѣ долга.

— Я человѣкъ простой, говорилъ онъ,—но я человѣкъ довольно начитанный и я изволите видѣть раньше времени себя не погубилъ. Я давно развѣ не могъ бы жениться-съ? Очень бы могъ-съ и многія женщины мнѣ къ этому виды подавали, но я имѣлъ такой долгъ, чтобы этого не сдѣлать. Проще сказать: я для родныхъ этого не сдѣлалъ. Глупые люди говорили, что родные мои будутъ мнѣ неблагодарными родственниками, а я останусь на старости лѣтъ одинъ. Что-же, я никогда на это не уважалъ. Я вѣдь роднымъ помогалъ не изъ благодарности, а долгъ свой исполнялъ; я и Любовь Андревну воспиталъ совсѣмъ не изъ благодарности и не изъ какихъ нибудь видовъ, а вышло вотъ, что счастіе себѣ и подругу въ нихъ получилъ. Надо всегда дѣлать все какъ должно, а уже оно само непремѣнно все выйдетъ какъ слѣдуетъ на настоящую пользу.

Этотъ обобщающій выводъ меня чрезвычайно заинтересовалъ и я съ величайшимъ вниманіемъ слушалъ, какъ Павлинъ все подводилъ подъ это правило: выходило, что онъ и окна у жильцовъ выставлялъ для блага человѣчества, въ тѣхъ видахъ, что *она*, т. е. Анна Львовна, жалости не знаетъ и надо, что бы на свѣтѣ ни кто на жалостливыхъ не разсчитывалъ, потому что ихъ немного, да и въ тѣхъ можно ошибиться и «тогда хуже выйдетъ». А строгость лучше: при ней всякъ о себѣ больше заботится и злыхъ людей опасаясь лучшее себѣ во всемъ получаетъ.

И за симъ, менѣе чѣмъ черезъ двѣ недѣли послѣ этого разговора, Павлинъ сдѣлался мужемъ своей питомки, Любы, — а вскорѣ и очень большимъ страдальцемъ по ея милости и по милости другихъ, не пощадившихъ ни его заслугъ, ни его сѣдинъ и достоинствъ его замѣчательнаго твердаго и честнаго характера.

(Продолженіе будетъ).

Развалины Гапсальскаго замка.

(Окончаніе).

Сады Линдена превосходили красотой все, что̀ тогда можно было видѣть, въ этомъ родѣ, въ Эстляндіи. Петръ завтракалъ тамъ подъ соснами, которыя существуютъ до сихъ поръ, и разспрашивалъ садовника о всѣхъ подробностяхъ его созданія. Между тѣмъ въ залѣ былъ накрытъ обѣденный столъ, къ которому пригласили монарха. Входя въ залу, онъ увидѣлъ по цвѣту одной стѣны, что тутъ висѣла картина; оглянувшись, онъ нашелъ за печью портретъ Карла XII, наскоро снятый со стѣны. Онъ велѣлъ повѣсить его опять на прежнее мѣсто.

Во время обѣда египетскій голубь сѣлъ ему на голову, онъ взялъ его, поцѣловалъ и сказалъ: ты принесъ мнѣ счастье. Потомъ онъ потребовалъ бокалъ. Свита его и прислуга были встревожены тѣмъ, что всѣ бокалы были съ съ вензелемъ Карла XII; онъ замѣтилъ тревогу, и сдѣлалъ выговоръ своимъ служителямъ за неумѣстное усердіе, взялъ бокалъ и провозгласилъ здоровье шведскаго короля.

Послѣ обѣда, поблагодаривъ хозяйку за радушный пріемъ, онъ возвратился въ Гапсаль, посѣтивъ магистратскаго совѣтника Іенкена, котораго домъ и теперь можно видѣть, и отправился къ своему флоту.

Прекрасной хозяйкѣ Линдена предложилъ онъ въ супружество своего генералъ-адъютанта Ягужинскаго, но она, чтобъ избѣжать этого бража, отдала руку свою барону Розену, который нѣсколько разъ дѣлалъ предложеніе, не получая согласія.

Въ 1737 г. Гапсаль началъ возвышаться, благодаря стараніямъ ратмана Георга Рамбаха. По назначенію правительства, особая коммиссія была назначена для всеобщаго обозрѣнія и внушенія магистрату справедливости, умѣренности, единодушія, а гражданамъ послушанія. Тогда же была учреждена конная почта между Ревелемъ и Гапсалемъ. Средства городской думы умножались болѣе и болѣе, въ 1767 г. была построена ратуша. Юстицъ-коллегія опредѣлила пошлину съ каждаго корабля, приходящаго въ гавань. Нѣкоторые крестьяне, недовольные своими помѣщиками, поселились въ пустыхъ окрестностяхъ Гапсаля, и скудно питались ловлей рыбы и поденной работой. Въ другихъ предмѣстьяхъ тоже поселились нѣсколько шведовъ и до сихъ поръ много семействъ говорятъ по-шведски. Городская школа въ 1789 г., стараніями ректора Іоанна Гавиніуса, достигла очень почтенныхъ размѣровъ. Этотъ скромный ученый и истинно благочестивый человѣкъ управлялъ ею болѣе 40 лѣтъ, со всей педагогической мудростью и отеческой нѣжностью. Онъ получалъ на содержаніе школы сначала 60 руб., потомъ 200 руб., и едва можно вѣрить, что такія скудныя средства были для него достаточны.

Эта школа обратила на себя вниманіе генерала-губернатора

Библиотека "Руниверс"

Рѣпнина въ 1794 г. Онъ былъ очень доволенъ преподаваніемъ въ этой школѣ, куда собирались мальчики и дѣвочки, и ласкалъ дѣтей.

Въ 1804 г. городъ имѣлъ счастіе видѣть у себя Его Величество Императора Александра I, который осматривалъ кирасирскій полкъ, расположенный въ городѣ и загородомъ. По его повелѣнію была открыта окружная школа, которая теперь состоитъ изъ двухъ классовъ, а потомъ основана и элементарная школа. Женская школа. закрытая въ 1839 г., была возобновлена въ 1853 г. Дѣтскій пріютъ ,обязанный своимъ существованіемъ инспектору учебнаго округа Руссвурму, основанъ и поддерживается Высочайшими щедротами, и состоитъ подъ покровительствомъ Е. В. Императрицы. Онъ называется «Marien-Asyl».

Стараніями доктора статскаго совѣтника Карла Авраама Гунніуса, котораго память сохраняется съ особеннымъ почтеніемъ, жителями Гапсаля основана въ 1838 школа для дѣтей эстонцевъ и богадѣльня въ 1844 г., существующая добровольными пожертвованіями посѣтителей водъ. Новоустроенная русская церковь воздвигнута высочайшими щедротами, школа для воспитанія солдатскихъ дѣтей женскаго пола основана госпожей Кнорингъ въ 1859 г.

Во время войны 1854 — 55 г. было мало желающихъ посѣтить воды, но это не сдѣлало большаго вреда городу. Хотя соединенные флоты были недалеко, и выходили на берегъ на Эзелѣ, Даго и Вормсѣ, но городъ не потерпѣлъ отъ ихъ сосѣдства. Иногда показывались лодки вблизи, вооруженные барказы доходили до гавани, но все кончалось напрасной тревогой.

Хотя съ 1817 г. торговля въ Гапсалѣ постепенно уменьшалась, однако городъ, особенно въ послѣднія 20 лѣтъ, постоянно увеличивался и украшался, такъ что онъ сдѣлался не узнаваемъ. Улучшеніемъ обязанъ онъ своему положенію на берегу моря, своему илу, извѣстному необыкновенно-цѣлебнымъ свойствомъ, и морскимъ купаньямъ.

Почти полстолѣтія Гапсаль считается въ числѣ городовъ, извѣстныхъ морскими ваннами.

Въ 1812 г. тогдашній директоръ таможни Гейнрихъ фонъ-Бокъ построилъ для собственнаго употребленія первую купальню въ морѣ. Число посѣтителей увеличивалось каждый годъ, особенно стараніями и дѣятельностью господина доктора Гунніуса, который впродолженіи 30 лѣтъ отъ 1821 до 1851 г. трудился неусыпно, пока смерть прекратила его полезные труды. Онъ первый открылъ и изслѣдовалъ цѣлебную силу морской грязи, и по его иниціативѣ построилъ графъ Магнусъ де-ла-Гарди первое заведеніе грязевыхъ ваннъ. Второе большое заведеніе построилъ самъ докторъ Гунніузъ вмѣстѣ съ барономъ Унгернъ-Штернбергомъ. Гапсаль, возведенный на степень главнаго города Викскаго округа, имѣетъ теперь бульваръ для прогулокъ, салонъ для танцевъ, павильонъ и многія другія заведенія. Въ 50-хъ годахъ число посѣтителей было такъ велико, что почти недоставало помѣщеній; теперь же, когда поѣздки за границу сдѣлались такъ доступны, число посѣтителей уменьшилось. Гапсаль получилъ неожиданный блескъ по случаю пребыванія Императорской фамиліи. Въ 1852 г. Великая Княгиня Цесаревна Марія Александровна, нынѣ благополучно царствующая, съ своими августейшими дѣтьми, пробыла въ немъ пять недѣль, избравъ своей резиденціей замокъ графини де-ла-Гарди. Государь Императоръ удостоилъ городъ своимъ посѣщеніемъ, бывши еще Наслѣдникомъ престола, а потомъ и въ 1857 году блаженной памяти Цесаревичъ Николай Александровичъ, въ сопровожденіи своихъ августейшихъ братьевъ, бралъ здѣсь ванны и принималъ посѣщеніе своихъ Высокихъ родителей.

Въ 4-й разъ вся Императорская фамилія осчастливила городъ своимъ присутствіемъ въ 1859 году. Всѣ тогдашніе многочисленные посѣтители Гапсаля, вѣрно, съ живѣйшимъ удовольствіемъ вспоминаютъ истинно-волшебный видъ блистательной иллюминаціи развалинъ замка. Все величественное зданіе, окна, двери, стѣны были освѣщены тысячами шкаликовъ, съ чрезвычайнымъ трудомъ поставленныхъ на мѣстахъ почти недосягаемыхъ и обозначавшихъ темныя очертанія развалинъ огненными линіями. Церковь была также иллюминована внутри, вездѣ на стѣнахъ пылали столпы пламени, и по временамъ бенгальскій огонь обливалъ все зданіе то краснымъ, то зеленымъ, то голубымъ, то бѣлымъ свѣтомъ. При входѣ августейшихъ посѣтителей въ замокъ, поднялась ракета, зазвучалъ колоколъ и внутри церкви замка раздался гимнъ съ аккомпаниментомъ духовыхъ инструментовъ, подражавшихъ въ совершенствѣ тону органа. Впечатлѣніе было поразительное, и достигло своего высшаго выраженія, когда по окончаніи гимна, раздались потрясающіе звуки военной музыки, исполнившей народный гимнъ: «Боже Царя Храни!»

Сдѣлавъ въ предъидущихъ строкахъ историческое описаніе Гапсальскихъ руинъ, мы считаемъ обязанностію познакомить читателя и съ самыми Гапсальскими водами и грязями, издавна извѣстными своей цѣлебной силою въ различнаго рода болѣзняхъ; но предварительно нельзя не упомянуть и о томъ, что этотъ уютный городокъ, кромѣ своей живописной мѣстности, славится еще и благорастворенныхъ климатомъ,—лучшимъ доказательствомъ чего служитъ то, что холера и т. п. эпидеміи вовсе неизвѣстны постояннымъ жителямъ Гапсаля. Въ отношеніи же чистоты улицъ и опрятности домиковъ онъ можетъ служить образцомъ для многихъ. Что же всего болѣе бросается въ глаза для пріѣзжающихъ изъ Петербурга, Москвы и ихъ окрестностей — это отсутствіе кабаковъ и пьянства. Втеченіи всего минувшаго лѣта намъ даже и въ праздничные дни не приходилось встрѣтить на улицѣ ни одного пьянаго крестьянина. Прибавьте къ этому отсутствіе всякихъ концертныхъ и танцовальныхъ вечеровъ, кромѣ конечно семейныхъ внѣ воксаловъ и семейныхъ баловъ, и отсутствіе театра, — то нисколько не удивительно, что многія семейства ищущія въ лѣтнее время единственно только отдыха и возстановленія своего здоровья, предпочитаютъ этотъ городокъ многимъ заграничнымъ минеральнымъ водамъ, гдѣ балы, концерты, театры и пикники стоятъ почти на первомъ планѣ. Главное же развлеченіе гапсальскихъ жителей и всѣхъ пріѣзжающихъ въ Гапсаль на лѣтніе мѣсяцы заключаются въ купаньѣ и прогулкѣ по окрестнымъ деревнямъ, расположенныхъ среди густыхъ лѣсовъ по берегу Балтійскаго моря, такъ что втеченіи цѣлаго дня, около воксала и оркестра вы не встрѣтите массы публики, которая только къ вечеру небольшими группами собирается на променадѣ, устроенномъ въ видѣ открытой галлереи на самомъ берегу моря близъ главнаго воксала. Иногда семейныя бесѣды продолжаются почти до полуночи, и не смотря на легкія платья никто не опасается пострадать отъ сырости, такъ какъ отъ воды рѣшительно незамѣтно ни какого испаренія, въ особенности съ половины іюня, до того же времени при цвѣтеніи моря у самыхъ береговъ видно легкое испареніе и купанье въ морѣ не дозволяется.

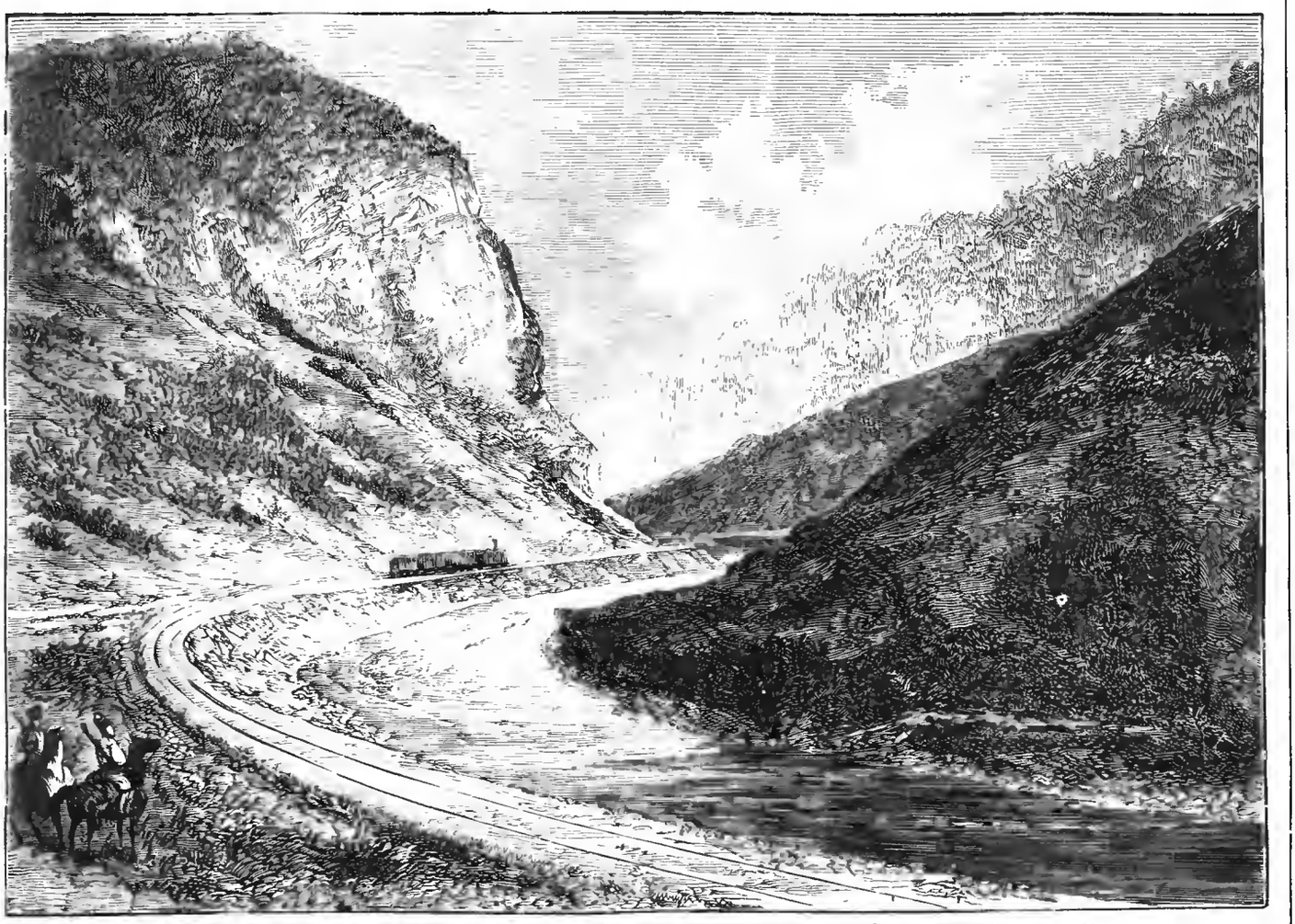
Кромѣ ваннъ устроенныхъ въ двухъ зданіяхъ воксаловъ, принадлежащихъ различнымъ хозяевамъ, на всемъ протяженіи Гапсальскаго берега, почти предъ каждымъ домомъ на водѣ устроены небольшія будочки, соединяющіяся съ берегомъ посредствомъ длинныхъ мостковъ; будочки эти, служащія для раздѣванья, окружены съ правой и лѣвой сторонъ березками, третья же сторона остается открытой для желающихъ плавать въ самомъ морѣ. Также къ числу пріятныхъ развлеченій въ Гапсалѣ можно отнести катанье на парусныхъ лодкахъ, управляемыхъ тамошними опытными лодочниками. Затѣмъ въ вечернее время не мало удовольствія приноситъ прогулка въ экипажахъ по загороднымъ окрестностямъ, въ числѣ которыхъ любимымъ мѣстомъ является деревня Паралебъ, стоящая въ самомъ густомъ лѣсу, изобилующемъ ягодами и грибами. Пріѣзжающія семейства останавливаются близъ одной обширной корчмы, предъ которой устроено нѣсколько столиковъ и скамеекъ, гдѣ вообще устраиваются закуски, пьютъ чай или парное молоко, а во время этого угощенія нѣкоторые отправляются искать ягодъ и грибовъ и чрезъ нѣсколько минутъ уже возвращаются съ полными корзиночками.

Немалое количество больныхъ привлекаютъ цѣлебныя гапсальскіе грязи, помогающія при всякаго рода болѣзняхъ, какъ-то: при золотухѣ, ревматизмѣ, хроническомъ катаррѣ, нервныхъ и другихъ страданіяхъ; впрочемъ мы, какъ не спеціалисты по медицинской части, не рѣшаемся дѣлать ихъ подробное описаніе, всецѣло принадлежащее перу однихъ только медиковъ. Однако желающіе предварительно ознакомиться съ физическимъ и химическимъ составомъ этихъ грязей — могутъ найти описаніе ихъ въ брошюрѣ извѣстнаго гапсальскаго доктора г. Генніуса.

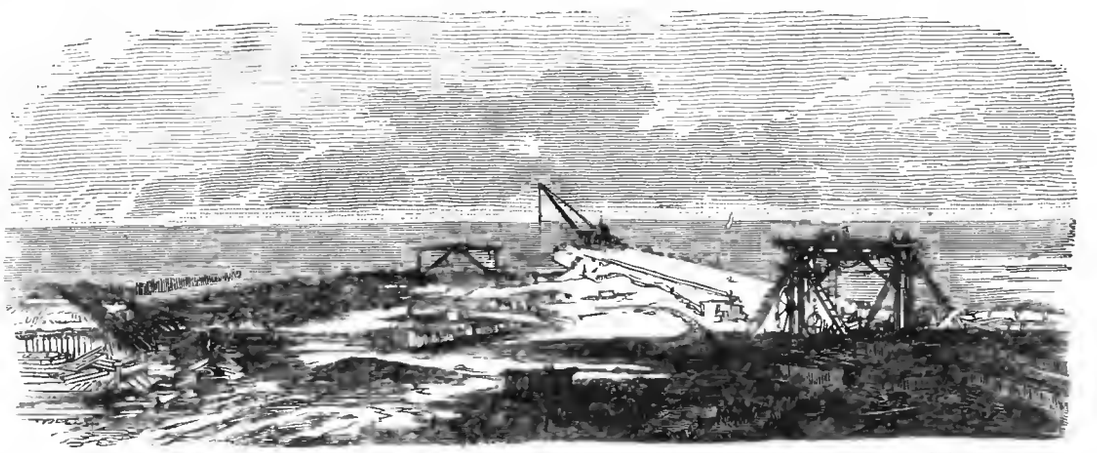
Упомянувъ о достоинствѣ гапсальскихъ минеральныхъ водъ и грязей, нельзя не замѣтить однако нѣкоторой безпечности лицъ, на обязанности которыхъ лежитъ священный долгъ, служить такъ-сказать подспорьемъ на пользу человѣчества, по предмету полнаго ознакомленія больныхъ съ тамошними водами, въ которыхъ масса пріѣзжающихъ въ столичные города крайне нуждается а равно нуждается и въ ознакомленіи съ самымъ маршрутомъ. Такъ напримѣръ, многія семейства, въ особенности провинціалы, при отъѣздѣ на минеральныя воды задаются главнымъ вопросомъ какъ о маршрутѣ, такъ и о наймѣ квартиръ и имѣющихся къ нимъ принадлежностяхъ, а потому при отсутствіи знакомыхъ находятся въ весьма затруднительномъ положеніи. Зачастую намъ приходится слышать, что квартиры отдающіяся мѣстными жителями, близъ минеральныхъ водъ, занимаются на слѣдующее лѣто или тѣми же лицами, или сими послѣдними рекомендуются своимъ знакомымъ, такъ что семейства не имѣющія подобной рекомендаціи, при внезапномъ пріѣздѣ на воды, находятся въ необходимости или занять крайне дорогое помѣщеніе, или поселиться на далекомъ разстояніи отъ мѣста купанья, что для страдающихъ ревматизмомъ ногъ или подобнымъ тому недугомъ—крайне прискорбно. Гостинницы же на минеральныхъ водахъ, по дороговизнѣ въ нихъ на все цѣнъ, для небогатыхъ семействъ—положительно недоступны и всегда заняты, и главное то, что въ двухъ гапсальскихъ гостинницахъ не болѣе 18 номеровъ. Такія же неудобства мы встрѣчаемъ и при другихъ минеральныхъ водахъ, какъ напр. въ старой Русѣ, въ Друскеникахъ, въ Пятигорскѣ и др. Укажемъ хоть на Пятигорскія минеральныя воды, заслужившія своими цѣлебными водами и грязями европейскую извѣстность, — несмотря на самые лестные объ нихъ отзывы, едвали кто въ состояніи рискнуть на поѣздку въ такой дальній край, не имѣя подъ рукой ни маршрута, ни цѣнъ отдающихся въ той мѣстности квартиръ, ни тѣхъ къ цимъ домашнихъ принадлежностей, которыя крайне необходимо предварительно знать каждому семейству; а потому весьма многіе, которымъ по совѣту докторовъ предназначаются Гапсальскія или Пятигорскія воды, волей неволей отправляются въ Старую Русу, какъ самое ближайшее мѣсто къ Петербургу и Москвѣ. Но и тамошнее обыкновеніе сдачи квартиръ весьма не утѣшительно. Эта операція производится слѣдующимъ образомъ: при выходѣ съ парохода на берегъ васъ встрѣчаетъ масса деревенскихъ бабъ, мальчишекъ и извощиковъ съ предложеніемъ квартиръ, послѣдніе

Библиотека "Руниверс"

же, т. е. извощики, залучивъ васъ къ себѣ, завозятъ въ такія катакомбы, что вы, не смотря на усталость, просите указать на другое помѣщеніе и затѣмъ на третье и на четвертое, — что ими дѣлается конечно въ виду хорошей платы за провозку васъ въ различные концы города. Такимъ образомъ обоюдное неудобство какъ для содержателей минеральныхъ водъ, такъ и для потребителей ихъ заключается именно въ отсутствіи устройства предварительной сдачи квартиръ, въ отсутствіи печатанія брошюръ и указанія самаго маршрута, безъ котораго путешествіе также крайне затруднительно. Укажемъ напр. хоть на путешествіе какого либо семейства въ Гапсаль; всякому конечно легко узнать въ Петербургѣ, что для поѣздки въ тотъ край можно проѣхать двоякимъ путемъ: или водой на пароходѣ до самаго Гапсаля, или по желѣзной дорогѣ до Ревеля. На первую поѣздку многіе, въ особенности нервическіе, рѣдко рѣшаются изъ боязни воды и непогодъ, которыя зачастую случаются въ вѣчно бурномъ Балтійскомъ морѣ, а потому большинство публики отправляется въ Ревель, а оттуда въ Гапсаль черезъ станцію Кегель. По пріѣздѣ же на эту станцію, отъ которой до Гапсаля 75 верстъ, встрѣчается замѣчательный камень претковенія, а именно: ни у станціи, ни близь ея, вы не найдете не только какого нибудь сноснаго экипажа, но даже и простой тѣлежки ни за какія деньги. Правда, неподалеку существуетъ почтовая станція, но во первыхъ она доступна только для лицъ ѣдущихъ по подорожной, а во вторыхъ, самые экипажи и тѣлежки безъ рессоръ до того неудобны, что не только съ слабымъ—и съ хорошимъ здоровымъ прокатиться на нихъ 75 верстъ по истинѣ мучительно. Такимъ образомъ, пріѣзжающіе на эту станцію убѣждаются въ томъ простомъ открытіи, что для полученія удобнаго экипажа нужно было, предварительно пріѣзда, послать за нѣсколько дней впередъ телеграмму начальнику Кегельской станціи, который также въ свою очередь дастъ телеграмму Гапсальскому фурману о высылкѣ на станцію экипажа



Поти-Тифлисская желѣзная дорога между Кутаисомъ и Квириллами. Съ фотографіи грав. Напѣръ.



Поти-Тифлисская желѣзная дорога. Гавань въ Поти, на Черномъ морѣ. Грав. Шласскій.

Библиотека "Руниверс"

въ условное время. Однимъ словомъ при существованіи описанныхъ нами неудобствъ, многіе больные не рѣшаются ѣхать на воды, чрезъ что видимо приносится для хозяевъ водъ явный убытокъ. При значительномъ наплывѣ публики, матеріальныя средства ихъ могутъ находиться въ блистательномъ положеніи, а между тѣмъ многіе воды, какъ напр. Солигаличскія и Друсгеникскія, не могли упрочить себѣ твердаго основанія, и первыя уже окончательно закрыты. Намъ кажется, что съ введеніемъ хотя бы въ однихъ только большихъ городахъ временныхъ конторъ, гдѣ бы отъѣзжающіе на минеральныя воды могли найти для себя подробныя свѣдѣнія, несомнѣнно бы проявилась обоюдная польза.

П. Н—въ.

Поти - Тифлисская желѣзная дорога.

Между Чернымъ и Каспійскимъ морями залегаетъ на протяженіи въ длину 150, а въ ширину 12—30 нѣмецкихъ миль громадный альпійскій хребетъ, котораго высочайшія точки превосходятъ самую вершину Монблана на нѣсколько тысячъ футовъ. Это хребетъ кавказскихъ горъ, столь славныхъ недавнорѣшенною, пятидесятилѣтнею борьбой русской цивилизаціи съ дикими горцами. Этотъ естественный пограничный валъ между Европой и Азіей издали представляется гигантской непрерывной каменной стѣной, съ вѣнчанными льдомъ и снѣгомъ вершинами, шпицами, конусами и такъ-называемыми шапками, отъ черноморскаго полуострова Тамани до Апшеронскаго мыса на Каспійскомъ морѣ,—и ради зубчатки своего профиля, на поэтическомъ языкѣ востока называется «тысячеглавымъ хребтомъ». Три почти-паралельныя горныя цѣпи, образующія Кавказскій хребетъ, состоятъ преимущественно изъ трахита и другихъ плутоническихъ (огненнаго происхожденія) породъ, которыя, вслѣдствіе могущественнаго дѣйствія подземнаго огня, въ расплавленномъ видѣ выступили и поднялись въ трещину между Азовскимъ и Каспійскимъ морями. Объ этой вулканической дѣятельности свидѣтельствуютъ и донынѣ сохранившіеся на обоихъ вышеупомянутыхъ полуостровахъ (а также и въ самыхъ Кавказскихъ горахъ) горячіе ключи, богатые нефтяные и углеводные источники, поддерживающіе *вѣчный* огонь Бакинскихъ огнепоклонниковъ, и многочисленные грязевые вулканы или сопки у подошвы предгорій Кавказа.

Эта горная громада, тянущаяся съ Сѣверозапада къ Юговостоку, со всѣхъ сторонъ является въ такомъ великолѣпіи, что еще въ глубокой древности люди поражались величественнымъ явленіемъ природы — и греческіе миѳы считали эту мѣстность концомъ свѣта, гдѣ Прометей похитилъ у боговъ священный огонь и за то прикованъ былъ къ скалѣ, а по ту сторону ея начиналась уже киммерійская тьма. Въ позднѣйшія историческія времена Кавказъ признавали народо-раздѣломъ, разграничивающимъ цивилизованный эллинскій міръ отъ дикихъ племенъ средней Азіи, —и не разъ прорывались орды монгольской расы сквозь ущелья Кавказа въ культурныя страны малой Азіи, прокладывая пути, по которымъ впослѣдствіи разбойничьи племена горцевъ сами стали производить набѣги на плодоносныя мѣстности по берегамъ Чернаго и Каспійскаго морей, за добычей всякаго рода и въ особенности ради обращенія плѣнныхъ въ неволю, — хищническіе походы, продолжавшіеся отчасти и въ нашемъ столѣтіи.

На сѣверѣ Кавказскія горы громадными террасами поднимаются непосредственно со степныхъ низменностей Терека и Кубани. На Востокѣ гордый крутой обрывъ хребта отдѣленъ отъ моря лишь узкой, ровной, или холмистой, береговой полосой, мѣстами преизобилующей лихорадками, — а къ сѣверу отъ Гагръ спускается къ самому морю закругленными лѣсистыми холмами и утесистымъ берегомъ, поросшимъ лѣсомъ. Съ юга хребетъ граничитъ лѣсными равнинами, степями Ріона и Куры, по которымъ онъ высылаетъ нѣсколько отроговъ и вѣтвей въ Мингрелію, Имеретію, Грузію и даже въ гористыя мѣстности Арменіи. Къ востоку онъ простирается своими крайними отрогами до Баку и къ Апшеронскому мысу, а къ сѣверо-западу отроги эти быстро выростаютъ въ горныя вершины отъ 3000 — 7000 футовъ, и затѣмъ сливаются въ зубчатый хребетъ около 10,000 футовъ высоты, которая и остается почти постоянною на всемъ его протяженіи. На восточной части хребта съ него и даже всторонѣ отъ него высятся отдѣльныя вершины еще болѣе громадныхъ размѣровъ, какъ напр. Бавардуси (14,713 футовъ), Шахъ-дагъ (Царская гора) и Шелбурдагъ до 14,000 футовъ. Изъ срединной группы, въ долинѣ Терека выдѣляется Казбекъ (16,550 футовъ) громаднымъ конусомъ, превосходя всѣ сосѣднія вершины на цѣлыхъ три тысячи футовъ. Отсюда и до Эльбруса средняя высота вершинъ доходитъ до 12000 ф., лежащія западнѣе Ципальдинскія высоты—15000 — 16000, а самый Эльбрусъ — 18,524 рейнскихъ фута (17,376 парижскихъ). Эти числовыя данныя уже довольно ясно показываютъ читателю, что общее впечатлѣніе Кавказа поразительнѣе самыхъ Альповъ и Пиренеевъ, — и потому нечего удивляться, если въ послѣднее время члены британскаго Альпійскаго клуба на споръ съ русскими офицерами лазили по Кавказскимъ горамъ, восходя на вершины, промѣряя ихъ высоту и давая названія. Не мало способствуетъ уразумѣнію общаго впечатлѣнія и тотъ фактъ, что большая часть горныхъ проходовъ, такъ-называемыхъ перевалъвъ черезъ хребетъ, лежитъ на высотѣ 10,000 футовъ и переходъ по нимъ сопряженъ со всевозможными затрудненіями въ вѣчныхъ снѣгахъ и льдахъ.

Кавказъ находится уже неподалеку отъ тропическаго пояса, признаками котораго служатъ осенніе и зимніе дожди съ лѣтними засухами; но вслѣдствіе частыхъ перемѣнъ температуры на снѣжныхъ вершинахъ, онъ не имѣетъ постояннаго, нормальнаго климата — и въ различныхъ мѣстностяхъ представляетъ самыя разнообразныя уклоненія, величайшіе контрасты жары и стужи и т. д. Между тѣмъ какъ въ жаркихъ равнинахъ Грузіи возможна самая роскошная растительность, богатѣйшія хлѣбныя поля, рѣдчайшіе плоды и виноградныя кисти до 12 фунтовъ вѣсу, а по южнымъ склонамъ хребта тѣснятся непроходимые лѣса дубовые, каштановые, буковые, дикія яблони и груши (которыхъ здѣсь, безъ сомнѣнія, первобытная родина), вишни, сливы, орѣховыя деревья, — на высшихъ точкахъ сѣвернаго Кавказа виднѣются лишь рѣдкіе перелѣски, царятъ суровыя зимнія стужи, глубокіе снѣга, знойные вѣтры и отсутствіе дождя лѣтомъ; къ тому же, при таяніи снѣга, въ маѣ и іюнѣ рѣки и горные потоки повсемѣстно выступаютъ изъ береговъ, а вся страна представляетъ рядъ необыкновенно рѣзкихъ переходовъ отъ свѣжести лѣсныхъ чащъ къ пустынямъ степямъ, которыя лишь искуственнымъ орошеніемъ могутъ быть сдѣланы плодоносными.

Горы—за исключеніемъ великолѣпныхъ лѣсовъ буковыхъ, грабовыхъ, дубовыхъ, яворныхъ и проч., съ густыми кустарниками по опушкамъ,—довольны бѣдны растительностью, въ особенности употребляемыми въ пищу и тому подобными растеніями, за то изобилуютъ дичью: оленями, косулями, кабанами, серпами, турами, зубрами, медвѣдями, рысями, волками, куропатками, фазанами и проч. Въ горныхъ долинахъ много хорошихъ пастбищъ и луговъ на склонахъ, а потому главное занятіе жителей состояло въ скотоводствѣ, именно въ разведеніи овецъ. Рогатаго скота было мало, по кровныхъ и выносливыхъ лошадей достаточное количество, такъ какъ большая часть кавказскихъ горцевъ были наѣздники и не могли обходиться безъ этихъ сильныхъ и гибкихъ коней, съ крѣпкими мышцами, лазящихъ словно козы по утесамъ, Поэтому кавказскія лошади, въ особенности кабардинскія, издревле славились и на заграничныхъ рынкахъ, составляя значительную статью вывозной торговли. При населеніи, вслѣдствіе сравнительной скудости природы исключительно занимавшемся скотоводствомъ, а земледѣліемъ лишь для собственныхъ потребностей, при отсутствіи торговыхъ сообщеній и дѣятельнаго обмѣна, и при общей замкнутости въ своихъ родахъ и аулахъ горныхъ племенъ,—культура ихъ вообще находилась на весьма низкой степени развитія. Большинство горцевъ исповѣдывали исламъ, а это одно уже указываетъ на духовный застой; при этомъ они раздроблялись на различныя племена, которыя жили въ различныхъ мѣстностяхъ и мало имѣли сношеній между собою, а потому и сохранили особенности, свойственныя каждому племени. Таковы племена: грузинское или иберійское (къ которому принадлежатъ грузины, мингрельцы, суанеты и лазы); западно-кавказское или черкесское, славящееся красотою и врожденнымъ благородствомъ (черкесы, абхазцы, шапсуги, кабардинцы, и проч.) съ ихъ князьками и феодальной аристократіей; осетинское, мнаджегское; къ нимъ слѣдуетъ еще придать пришельцевъ, каковы: туркмены, татары, ногаи, армяне, караиты и т. д. Кавказскіе горцы были народъ дикій и безпокойный, въ вѣчной враждѣ и распрѣ между собой и сосѣдями, гордый, мстительный (кровавая месть составляла ихъ коренной узаконенный обычай), ревнивый, мало наклонный къ ремесламъ и работѣ, безпечный и хищническій. При всемъ томъ они были гостепріимны, честны въ торговыхъ сдѣлкахъ, уважали собственность и преклонный возрастъ, свято хранили дружбу (куначество) и братство по оружію. Но нерожаи, недостатокъ пашенъ, привычка и неутомимая жажда дѣятельности заставляли ихъ дѣлать на сосѣднія мѣстности набѣги, которые они періодически предпринимали то небольшими шайками, то многочисленными скопищами, — причемъ каждый считалъ величайшею славою напасть на врага какъ можно хитрѣй и коварнѣе и нанесть ему возможно большій вредъ, увести его скотъ, женъ и дѣтей, съ тѣмъ чтобы обратить послѣднихъ въ невольничество или продать, а не то такъ взять за нихъ дорогой выкупъ. Такъ разбойничали они съ глубокой древности и разоряли окрестныя страны почти безнаказанно,—кто же могъ бы преслѣдовать ихъ по горному бездорожью, въ аулы или селенья, расположенныя по уступамъ горъ, защищенные башнями, стѣнами и завалами? Дома въ этихъ аулахъ по большей части были одноэтажныя хижины (сакли), деревянныя или каменныя, безъ всякихъ удобствъ. Горецъ жилъ грубо и неопрятно, питаясь просомъ, рисомъ или кукурузой, молокомъ, хлѣбомъ, (чурекъ) и добычей охоты. Вся мебель его заключалась въ нарахъ и нѣсколькихъ скамейкахъ, домашняя утварь—въ котлѣ и небольшомъ количествѣ глиняной или деревянной посуды; единственной гор-

Библиотека "Руниверс"

достью и богатствомъ его были конь, сѣдло и оружіе. Одежду мужчинъ составляли шаровары изъ грубаго холста или бумажной матеріи и такая же рубаха, кожаныя поговицы, шерстяные носки и кожаная обувь. Поверхъ надѣвался суконный бешметъ (казакинъ) съ поясомъ или шалью; богатые накидывали еще *черкеску*, долгополую безрукавку, расшитую галунами. На головѣ носили барашковую шапку (папаху) различныхъ формъ. На груди бешмета нашивались кармашки для боевыхъ патроновъ; за поясъ затыкались длинные пистолеты, подвѣшивались трубка и кисетъ съ табакомъ, а спереди широкій кинжалъ. Съ лѣвой стороны висѣла на перевязи шашка, тяжелая, почти прямая, къ концу слегка изогнутая сабля, а справа черезъ плечо длинное, дальнобойное ружье узкаго калибра, которымъ горцы мастерски владѣли. Богатство и роскошь частныхъ лицъ выказывались только на оружіи, составлявшемъ гордость владѣльца, который съ нимъ никогда не разставался. Одежда женщинъ гораздо проще, сообразна климату и далеко не лишена изящества, но такъ какъ жены горцевъ обязаны работать въ полѣ, ходить за скотомъ и вести домашнее хозяйство, а слѣдовательно жизнь ихъ трудовая,—почему и пользуются они правомъ ходить безъ чадры (покрывала) и другими льготами,—то наряжаются онѣ только въ праздничные дни, при этомъ нерѣдко выказывая чисто-восточную роскошь. Нынѣ, съ окончательнымъ покореніемъ Кавказа, цивилизація и въ этомъ краю дѣлаетъ громадные успѣхи. Россія, владѣя многими портовыми городами на Черномъ и Каспійскомъ моряхъ, соединяетъ ихъ между собою желѣзною дорогой, которая должна будетъ вести отъ Поти (на Черномъ морѣ) до Баку (на Каспійскомъ). Поти, еще нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ, былъ несчастнымъ мѣстечкомъ у самаго устья Ріона, гдѣ гнѣздились всевозможныя лихорадки; теперь это дѣятельный торговый городъ — съ новоустроенною гаванью и первая станція Кавказской желѣзной дороги; то и другое изображено на прилагаемыхъ рисункахъ. Дорога эта безъ сомнѣнія захватитъ въ свои руки отъ Требизонда на Черномъ морѣ караванную торговлю съ Персіей, которая въ прежнее время занимала до 300,000 вьючныхъ верблюдовъ. Это отчасти уже и достигнуто, такъ какъ эта торговля уже въ 1872 уменьшилась до 100,000 вьюковъ. Большая часть персидскихъ товаровъ, идущихъ сухимъ путемъ въ Европу, въ послѣднія десять лѣтъ преимущественно направлялись по хорошей военной дорогѣ отъ Баку на Новую Шемаху, Елисаветполь, Тифлисъ, Гори, Кутаисъ и Поти, а съ окончаніемъ желѣзнаго сообщенія путь этотъ еще болѣе оживится. Эта желѣзная дорога—предпріятіе смѣлое, колосальное, но безъ всякаго сомнѣнія принесетъ вслѣдъ достойные его плоды и возвыситъ значеніе Россіи въ Азіи. Протяженіе желѣзнаго пути между Поти и Тифлисомъ окончено уже вначалѣ 1872 года и съ этого времени началось движеніе поѣздовъ. Эта линія идетъ по долинѣ Ріона до Кутаиса и представляетъ множество живописныхъ пейзажей, изъ которыхъ два изображены на прилагаемыхъ рисункахъ. Одинъ изъ нихъ представляетъ часть дороги между Кутаисомъ и Квириллами въ долинѣ одного изъ притоковъ Ріона; другой—мѣстность между Сурамомъ и Квириллами, гдѣ дорога длинными извивами взбирается на юго-восточную вѣтвь Кавказскихъ горъ, служащихъ водораздѣломъ между Ріономъ и Курой и какъ бы пограничнымъ валомъ между Имеретіей и Грузіей. Въ этой мѣстности уклонъ подъемовъ и спусковъ простирается до 0,045, а кривизна дугъ доходитъ до 75 саженъ въ радіусѣ. У Поти дорога начинается на высотѣ 1,8 сажени надъ уровнемъ моря, идетъ на протяженіи 60 верстъ въ болотистой мѣстности съ небольшими подъемами (0,010), за тѣмъ достигаетъ предгорій и наконецъ на 118-й верстѣ — хребта юго-западной вѣтви; здѣсь она вьется въ горныхъ ущельяхъ съ кривизною до 75 саженъ въ радіусѣ и нерѣдко двойными эсо-образными (наподобіе латинскаго S) кривизнами, соединенными между собой прямымъ путемъ едва въ длину трехъ вагоновъ,- при подъемахъ въ 0,014, отъ 140-ой версты до 158-й достигающихъ 0,022. Тутъ дорога поднимается на горный хребетъ на 9-верстномъ протяженіи съ подъемомъ 0,045, достигаетъ высшей точки на 300-саженной въ длину террасѣ, и начинаетъ спускаться при кривизнахъ 150-ти саженъ въ радіусѣ, такимъ образомъ достигаетъ Сурамскаго прохода и отсюда уже до Тифлиса тянется нормальнымъ путемъ.

Подвижной составъ этой дороги заключается въ 13 пасажирскихъ локомотиво-тендерахъ (три изъ нихъ съ апаратомъ Лешателье), въ 25 товарныхъ локомотиво-тендерахъ (15 съ апаратомъ Лешателье), въ 3-хъ локомотивахъ Файри (употребляемыхъ на 13-верстномъ перевалѣ чрезъ высшую точку дороги), 122 пассажирскихъ вагонахъ, 16 багажныхъ и 700 товарныхъ крытыхъ и платформахъ.

Современные композиторы

Рихардъ Вагнеръ.

Тамъ гдѣ рѣчь идетъ о новѣйшей музыкѣ и ея представителяхъ, первое мѣсто, по праву генія, новизны, самостоятельной своеобразности, несомнѣнно принадлежитъ Рихарду Вагнеру. Онъ является центромъ новой громадной музыкальной эпохи. Это фактъ такой неоспоримый и до того всѣми признанный, что художнику не мыслимо было отвести его портрету другое мѣсто какъ центръ въ группѣ современныхъ музыкантовъ, которую мы помѣщаемъ въ нашимъ сегодняшнемъ нумерѣ и къ которой настоящая статья служитъ біографическимъ дополненіемъ.

Съ незапамятныхъ временъ въ Германіи замѣчено, что музыкальный талантъ передавался наслѣдственно въ извѣстныхъ семействахъ, пока не проявлялся въ одномъ какимъ нибудь членѣ его съ такимъ блескомъ, который пріобрѣталъ ему и его до тѣхъ поръ мало выдававшемуся имени громкую славу или хотя извѣстность. Ребенокъ росъ такъ-сказать въ музыкальной атмосферѣ, его учили музыкѣ какъ черкесъ сажаетъ свое дитя на лошадь, и если онъ обладалъ не совсѣмъ дюжиннымъ дарованіемъ, онъ дѣлался какъ бы итогомъ, высшимъ выраженіемъ спеціальности, выработанной цѣлымъ рядомъ предковъ. Самый яркій примѣръ такаго нормальнаго, такъ-сказать почвеннаго, развитія таланта мы видимъ въ молодомъ Моцартѣ, который музыкальными своими знаніями, техникой,—словомъ всѣмъ: чему, даже при его почти чудовищной геніальности, нужно учиться,—былъ обязанъ своему отцу. Не такъ распорядилась судьба съ Рихардомъ Вагнеромъ. Она не поставила его колыбель въ музыкальную среду, какъ бы для того, чтобы яснѣе опредѣлилось его призваніе, истекающее изъ глубокой внутренней необходимости, а отнюдь не изъ внѣшнихъ какихъ либо условій—и этимъ съ первыхъ же шаговъ избавила его отъ всѣхъ путъ традиціонной рутины, которая можетъ быть нигдѣ такъ не сильна и, къ несчастью, нигдѣ такъ безропотно благоговѣйно не признается, какъ именно въ музыкѣ, этомъ казалось бы свободнѣйшемъ изъ искуствъ. Такъ было покрайней мѣрѣ, до самаго новѣйшаго времени, т. е. до тѣхъ поръ пока Вагнеръ, Листъ и Шуманъ открыли новыя необозримыя царства въ далеко не вполнѣ еще извѣданномъ мірѣ звуковъ. Вагнеръ—сынъ скромнаго чиновника Лейпцигскаго суда; онъ родился 10—22 мая 1823 г. По смерти отца, семейство переѣхало на житье въ Дрезденъ, и тамъ девятилѣтній Рихардъ поступилъ въ простую школу, потомъ прошелъ и гимназическій курсъ, ничѣмъ особенно не отличаясь отъ товарищей. Только молодая творческая сила уже начинала бродить въ мальчикѣ, искала, но не находила еще настоящаго исхода. Онъ страстно занимался древними языками и миѳологіею, писалъ стихи, даже набросалъ планъ большой трагедіи. Онъ учился и музыкѣ, но не болѣе того, на сколько она вообще входитъ въ воспитательную программу образованныхъ классовъ въ Германіи. Какъ-то онъ въ Лейпцигѣ присутствовалъ на Бетховенскомъ концертѣ. Это было для него откровеніемъ. Онъ пришелъ въ состояніе какой-то экзальтаціи, которая разрѣшилась аріею, сонатою и квартетомъ. При всѣхъ своихъ неизбѣжныхъ погрѣшностяхъ, эти пробы пеститаго пера обнаружили въ юномъ авторѣ такіе не сомнѣнные и поразительные задатки, что побудили его родныхъ дозволить ему посвятить себя музыкѣ. Замѣчательно, что это не заставило его пренебрегать своимъ общимъ образованіемъ: въ 1831 г. онъ поступилъ въ Лейпцигскій университетъ и тамъ же въ Лейпцигѣ, при своихъ университетскихъ занятіяхъ, съ упорнымъ усердіемъ погружался въ изученіе теоретической части музыкальной науки и проходилъ необходимую гимнастику упражненія въ пріемахъ композиторской техники. И въ эти учебные годы уже было исполнено нѣсколько его сочиненій — увертюры, симфонія. Въ 1833 г. онъ уже получилъ мѣсто директора хоровъ въ Вюрцбургѣ при театрѣ, и тамъ написалъ свою первую оперу «Феи» (Die Feen), которая хотя и была принята въ Лейпцигѣ, но почему-то никогда не была исполнена. Въ Берлинѣ ему не повезло: кромѣ неопредѣленныхъ обѣщаній и дешевыхъ любезностей, онъ ничего не добился. Въ 1837 г., женившись на актрисѣ Вильгельминѣ Плаперъ, онъ поступилъ въ Кенигсбергѣ капельмейстеромъ при оперѣ, но скоро лишился этого мѣста вслѣдствіе того что дирекція обанкротилась. Ему очень нуженъ были хорошій оперный текстъ и онъ писалъ поэтому къ Скрибу въ Парижѣ, но не имѣлъ успѣха. Неудачи съ либреттами навели его на мысль, что композиторъ всего лучше самому писать текстъ къ своимъ операмъ, а такъ какъ онъ обладалъ многостороннымъ образованіемъ и нѣкоторымъ литературнымъ талантомъ, то онъ и могъ это дѣлать. Но когда онъ впослѣдствіи, въ своихъ музыкальныхъ статьяхъ, поставилъ каждому композитору въ непремѣнный долгъ писать оперы не иначе какъ на текстъ собственнаго сочиненія, онъ слишкомъ увлекся весьма вѣрною въ основаніи мыслью, что только этимъ путемъ можетъ быть достигнута истинная цѣльность музыкально-драматическаго творенія,—и потерялъ изъ вида то обстоятельство, что огромное большинство даже талантливыхъ музыкантовъ не обладаетъ тѣмъ рѣдкостнымъ соединеніемъ условій, которое дѣлаетъ изъ него самого почти феноменальное явленіе.

Горячо интересуясь политикою, страстно преданный самымъ либеральнымъ и демократическимъ идеямъ, Вагнеръ пришелъ въ восторгъ отъ романа Бульвера и перекроилъ себѣ изъ него либретто, изъ котраго онъ два дѣйствія переложилъ на музыку въ

Библиотека "Руниверс"

бытность свою въ Ригѣ капельмейстеромъ. По истеченіи срока своего контракта въ 1939 г., онъ рѣшился ѣхать въ Парижъ и до Пиллау проѣхалъ на парусномъ суднѣ. Плаваніе это, по милости безпрерывныхъ почти бурь, длилось двѣ съ половиною недѣли, но прошло не безплодно для художника: въ это время его живое воображеніе успѣло прельститься грозными красотами моря и легендою о «Кораблѣ-призракѣ,» разсказанной ему однимъ матросомъ на кораблѣ, и съ этихъ поръ его неотступно занималъ проектъ знаменитой оперы того же имени. Онъ принялся за эту оперу тотчасъ послѣ того какъ онъ окончилъ «Ріенци» (1840 г.), опять уѣхавъ изъ Парижа, гдѣ онъ ничего для себя не могъ устроить, несмотря на знакомство съ Мейсербеером, который впрочемъ навряд ли оцѣнилъ его по достоинству. Съ такимъ жаромъ и вдохновеніемъ работалъ онъ, что въ семь недѣль написалъ всю оперу «Корабль-призракъ» (Der Fliegende Holländer), а пока онъ въ Дрезденѣ руководилъ репетиціями *Ріенци* (имѣвшаго большой успѣхъ) и тотчасъ же затѣмъ ставилъ на ту же сцену «Корабль,» его неутомимо творческая фантазія уже носилась съ переработкою въ музыкальную драму нѣмецкой народной легенды о рыцарѣ «Таннгейзерѣ». Это опера была окончена зимою 1844 — 45 г. Во все это время ему то улыбалась судьба, то хмурилась на него. Нѣкоторые театры принимали его оперы, другіе отсылали партитуры обратно, но вообще нельзя сказать, чтобы успѣхъ ихъ соотвѣтствовалъ ихъ достоинству. Публика любитъ новизну — но новизну легкую, блестящую, бьющую въ глаза — или въ уши; — новизна же глубокая, имѣющая колоссальное значеніе въ художествѣ, озадачиваетъ ее, оставляетъ холодною, даже просто противна ей — пока не прокричатъ о ней признаніе авторитеты, противъ которыхъ нельзя возвысить голоса, подъ страхомъ выказать себя невѣждами. Тогда мода вступаетъ въ свои права и рѣшаетъ дѣло. Такую-то могущественную поддержку оказалъ Вагнеру, между прочимъ, Листъ, съ которымъ онъ коротко сблизился и подружился въ Веймарѣ, куда онъ долженъ былъ бѣжать изъ Дрездена въ 1849 г., послѣ того какъ онъ тамъ участвовалъ въ Майскомъ возстаніи.

Впрочемъ и въ Веймарѣ, славномъ преданіями со временъ Гёте и Шиллера, да и вообще въ Германіи, онъ не могъ долго остаться по тѣмъ же все политическимъ причинамъ, и слѣдующіе десять лѣтъ провелъ по большей части въ Цюрихѣ. Теперь покрайней мѣрѣ онъ былъ обезпеченъ отъ борьбы за насущный хлѣбъ, заставлявшей его писать статьи въ разныя музыкальныя литературныя изданія и даже доставлять берлинскому издателю Шлезингеру легкія фортепьянныя пьесы и переложенія—работа претившая ему въ всѣхъ отношеніяхъ. Въ эти десять лѣтъ онъ работалъ съ увлеченіемъ безостановочно. Пока онъ носился съ сюжетомъ къ одному либретто, онъ другой набрасывалъ, третій кончалъ; въ то же время, переплетаясь и чередуясь въ его плодовитой головѣ, создавались опера за оперою, а такъ какъ сюжеты свои онъ бралъ изъ міра древне-германскихъ миѳовъ и легендъ, то это побуждало его предпринимать обширныя и глубокія историческія и миѳологическія изслѣдованія. Плодомъ ихъ явился цѣлый рядъ замѣчательныхъ твореній: *Лоэнгринъ*, *Фридрихъ Барбаруосса*, *Смерть Зигфрида*, *Валкирія*, *Тристанъ и Изольда*, *Рейнское золото* (Rheingold), *Кольцо Нибелунга*. Почти единственными перерывами въ этомъ десятилѣтнемъ упорномъ трудѣ была поѣздка въ Лондонъ (въ 1855 г.), гдѣ онъ, по приглашенію, познакомилъ публику съ отрывками изъ своихъ произведеній въ восьми концертахъ, да другая въ Венецію. Въ 1859 г. Вагнеръ, стосковавшись въ изгнаніи, притомъ побуждаемый естественнымъ желаніемъ послушать свои оперы, которыя теперь уже съ гигантскимъ успѣхомъ давались на всѣхъ нѣмецкихъ сценахъ, обратился къ великому герцогу Баденскому съ просьбою разрѣшить ему поселиться въ его владѣніяхъ—но получилъ отказъ. Тогда онъ поѣхалъ въ Парижъ, чтобы хотя послушать хорошей музыки, и тамъ далъ три большіе концерта, очень понравившіеся публикѣ. Поэтому случаю императоръ Наполеонъ III обратилъ на него особое вниманіе и приказалъ исполнить въ Grand opéra его Таннгейзера, что и послѣдовало въ мартѣ 1861 г. Впрочемъ эта глубокая музыка не принялась на французской почвѣ и Таннгейзеръ былъ устраненъ изъ репертуара послѣ трехъ представленій. Теперь наконецъ Вагнеръ получилъ желанное разрѣшеніе вернуться въ Германію и въ томъ же 1861 г. онъ присутствовалъ при исполненіи на вѣнской сценѣ *Лоэнгрина*, потомъ *Таннгейзера*. Между тѣмъ онъ опять уже занимался сочиненіемъ новой оперы: *«Мейстерзингеры»* и скоро въ одномъ изъ лейпцигскихъ концертовъ была исполнена прелюдія къ этой оперѣ. Послѣ этого онъ много путешествовалъ: былъ въ Вѣнѣ, Прагѣ, Петербургѣ, Берлинѣ, Пештѣ, Бреславлѣ, Львовѣ и пр.; во всѣхъ этихъ городахъ онъ дирижировалъ симфоническими концертами. Въ 1864 г. его пригласилъ къ себѣ баварскій король, страстный поклонникъ его генія, и въ Мюнхенѣ его оперы: *Мейстерзингеры*, *Рейнское золото*, *Валкирія* были исполнены съ величайшимъ совершенствомъ и небывалымъ великолѣпіемъ сценической постановки. Съ этихъ поръ онъ жилъ то въ Мюнхенѣ, то въ окрестностяхъ Люцерна, а теперь окончательно поселился въ Байрейтѣ въ Баваріи, гдѣ строится особый театръ для исполненія его произведеній, по его указаніямъ и подъ мощнымъ его надзоромъ. Этотъ театръ принадлежитъ акціонерному обществу, но будетъ отъ времени до времени открываться и для публики.

Францъ Листъ.

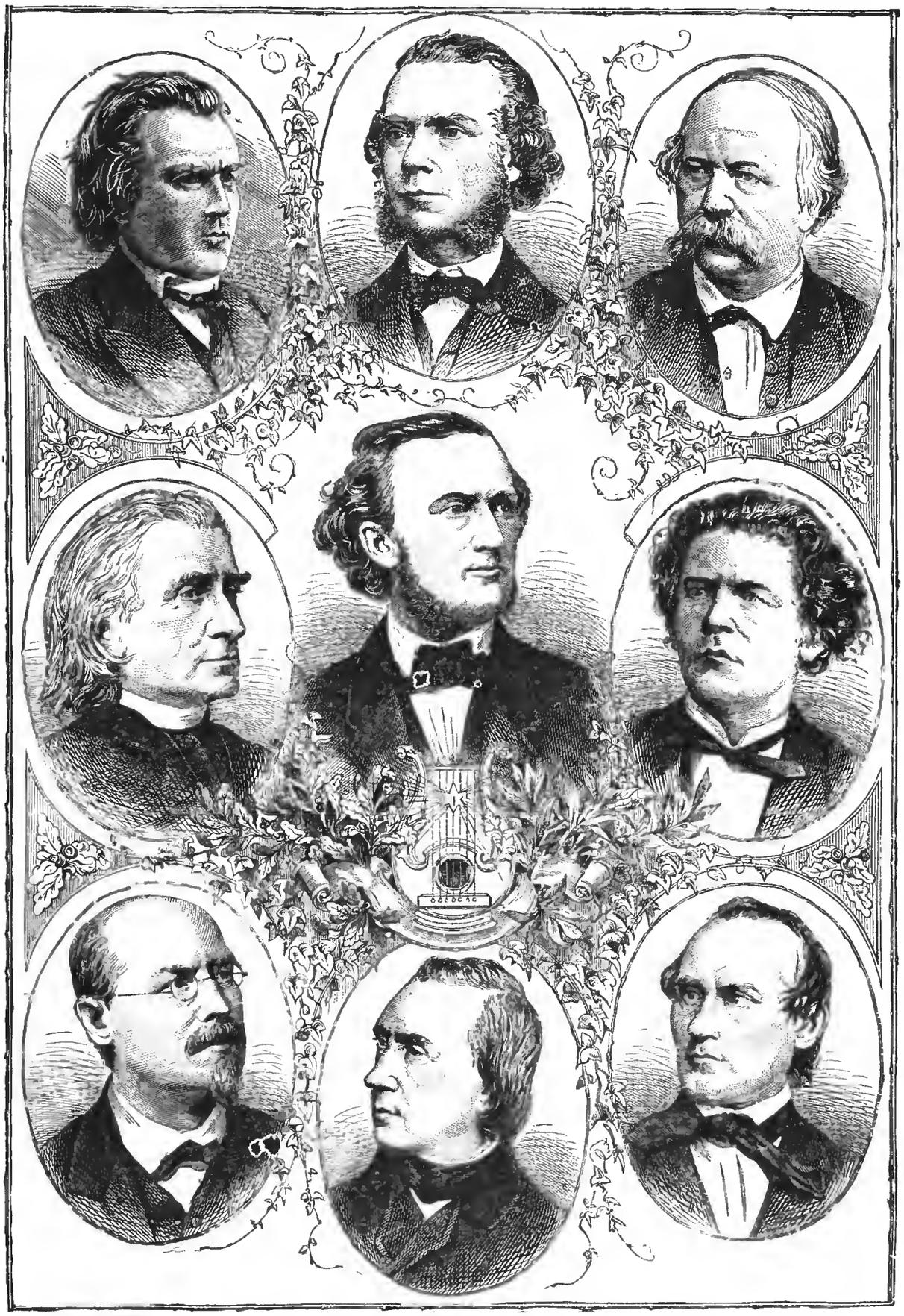
Листъ, удалившійся на покой и доживая вѣкъ свой въ бесѣдахъ съ паною и за сочиненіемъ духовныхъ мотивовъ и каттатъ, кажется намъ ужасно старымъ; между тѣмъ ему только 63 года — онъ всего двумя годами старше своего друга Вагнера, который, какъ извѣстно, не проявляетъ ни малѣйшихъ признаковъ старческаго одряхленія или отживанія. А кажется намъ Листъ такимъ старцемъ вѣроятно потому, что мы съ дѣтства привыкли слышать его имя гремящимъ уже въ полной славѣ, что намъ о немъ натвердили чуть ли еще не дѣды наши, слышавшіе Паганини на скрипкѣ и говорившіе, что съ нимъ никто не можетъ состязаться кромѣ Листа—на рояли. И не мудрено, что слава этого великаго виртуоза принадлежитъ къ нашимъ первымъ впечатлѣніямъ: ему, какъ мы сейчасъ говорили, 63 года, а десяти лѣтъ онъ уже былъ знаменитымъ піанистомъ. Весьма вѣроятно, что такой ранній успѣхъ и непомѣрное баловство, которымъ осыпали необыкновеннаго ребенка самыя высокопоставленныя лица парижскаго grand'mond'a, заглушили бы въ немъ талантъ, развивъ въ немъ чрезмѣрное тщеславіе, самодовольство, а слѣдовательно и лѣнь; но къ счастью отецъ его, самъ хорошій музыкантъ, хотя и не артистъ по профессіи, съ непреклонною строгостью заставлялъ его проходить полный комплектъ всѣхъ упражненій и этюдовъ, безъ которыхъ недостижима высокая степень виртуозности ни на какомъ инструментѣ. И все же умный, заботливый отецъ и руководитель не могъ вполнѣ устранить вредныхъ результатовъ этого баловства и лести, не могъ помѣшать неразумнымъ поклонникамъ дѣйствительно гигантскаго таланта его сына вскружить молоденькую, пылкую голову. Мальчикъ, учившійся у Черни и у Сальери, вообразилъ себя великимъ композиторомъ и, четырнадцати лѣтъ, нимало не сомнѣваясь въ своемъ призваніи какъ преемника Бетховена и Моцарта, храбро взялся писать оперу. Всего удивительнѣе то, что тогдашняя дирекція парижской оперы серіозно отнеслась къ этой ребяческой самонадѣянности и даже поставила на сцену *Don Sanche ou le Château de l'Amour (Донъ Санхо или Замокъ Любви)*— такъ было озаглавлено либретто, отданное въ распоряженіе юнаго новичка. Публика, какъ ни была обворожена молодымъ Листомъ, однако на этотъ разъ не дала себя обморочить и казнила безпощадно это первое произведеніе его творчества, оказавшееся отчаяннымъ ничтожествомъ. Это подѣйствовало на юношу какъ отрезвляющій холодный душъ. Онъ имѣлъ на столько ума, что на первый разъ отказался отъ подобныхъ честолюбивыхъ попытокъ и весь посвятилъ себя усовершенствованію своей титанической игры, которою до 1848 года онъ изумлялъ и восхищалъ поочередно всѣ главные города не только Европы, но и Америки. Въ 1848 году онъ поселился на постоянное жительство въ Веймарѣ, гдѣ ему было предложено мѣсто капельмейстера при дворѣ великаго герцога. Благодаря его замѣчательному таланту дирижера, ввѣренный ему оркестръ вскорѣ достигъ необычайнаго совершенства. Свою власть и вліяніе въ Веймарѣ Листъ употребилъ всецѣло на поддержку воззрѣній и сочиненій своего друга Вагнера, за дѣло котораго онъ въ возникшей вскорѣ музыкально-полемической войнѣ сражался и перомъ, со всѣмъ свойственнымъ его натурѣ жаромъ и увлеченіемъ. Съ этого времени онъ снова, и уже съ несравненно большимъ успѣхомъ, сталъ заниматься и композиторствомъ. Въ громадномъ числѣ его пьесъ для фортепьянъ есть переложенія и арранжировки, которыя можно назвать почти геніальными. Въ этомъ отношеніи особенно выдаются его *Венгерскія рапсодіи*, или переложенія различныхъ венгерскихъ народныхъ мотивовъ, украшенныя самыми поразительными, почти можно сказать волшебными фортепьянными эфектами, не доходящими однако до искорененія или омраченія ясности первоначальной темы. Чтобы *такъ* передать и разукрасить эти крайне простые, часто коротенькіе, въ нѣсколько тактовъ, и построенные на немногихъ, даже просто на *двухъ* аккордахъ мотивы, нужно не только глубокое знаніе всѣхъ средствъ и тонкостей инструмента, всѣхъ его богатыхъ и бѣдныхъ сторонъ, — нужны роскошная фантазія, крайнее изящество, благородство вкуса, нужна наконецъ та пролегающая подъ всѣмъ этимъ національная жилка и любовь къ роднымъ напѣвамъ, которыхъ Листъ никогда не утратилъ ни вслѣдствіе громадной литературной начитанности, ни среди своей бурной артистической карьеры, вихремъ носившей его въ самыхъ разнородныхъ, самыхъ космополитическихъ кружкахъ. Можно навѣрное сказать, что каждый піанистъ, достигнувшій достаточной виртуозности, чтобы преодолѣть непомѣрныя техническія трудности, которыми пестрѣютъ эти своеобразныя произведенія, будетъ съ избыткомъ вознагражденъ за изученіе ихъ высокимъ наслажденіемъ, которое исполненіе ихъ будетъ доставлять ему самому и его слушателямъ. Въ послѣдній періодъ своей дѣятельности, передъ удаленіемъ его въ Римъ и поступленіемъ въ духовное званіе, Листъ писалъ также и симфоніи, въ такъ-называемомъ вагнеровскомъ стилѣ. Теперь же встъ уже нѣсколько лѣтъ какъ *аббатъ* Листъ если еще и сочиняетъ, то исключительно духовную музыку.

Изъ учениковъ Листа громкою и заслуженною славою пользуется Гансъ фонъ Бюловъ, классическою игрою котораго наша публика снова имѣла случай насладиться этимъ постомъ. Покойный Таузигъ также былъ ученикомъ Листа.

Антонъ Рубинштейнъ.

Въ одномъ изъ нумеровъ «Нивы» за 1870 годъ мы помѣстили большой портретъ и подробную біографію этого геніальнаго рус-

Библиотека "Руниверс"



Іоганъ Брамсъ.
Францъ Листъ.
Іоахимъ Раффъ.

Карлъ Ройнике.
Рихардъ Вагнеръ.
Робертъ Францъ.

Робертъ Фолькманъ.
Антонъ Рубинштейнъ.
Фридрихъ Киль.

Библиотека "Руниверс"

скаго піаниста, и потому здѣсь только въ видѣ напоминанія пробѣжимъ главныя черты его жизни. Онъ родился въ 1829 г. близь Яссъ и въ дѣтствѣ пользовался отличнымъ воспитаніемъ, такъ какъ его отецъ былъ человѣкъ весьма достаточный. Какъ онъ, такъ и младшій братъ его Николай первое музыкальное преподаваніе получили отъ матери, хорошей музыкантши и пьянистки. Шести лѣтъ Антонъ сталъ брать уроки въ Москвѣ у Виллуэна, а восьми съ половиною лѣтъ уже могъ участвовать въ концертѣ и обратилъ на себя приятомъ всеобщее вниманіе. Полтора года спустя, онъ въ Парижѣ игралъ въ концертѣ. Тамъ Листъ слышалъ его и пришелъ въ такой восторгъ отъ даровитаго мальчика, что при всѣхъ взялъ его на руки, поцѣловалъ и во всеуслышаніе объявилъ: «Онъ будетъ преемникъ моей игры!» Въ 1844 г. Антонъ, совершивъ въ сопровожденіи родителей свое первое артистическое путешествіе, пріѣхалъ въ Берлинъ, гдѣ усердно занялся теоріею композиціи подъ руководствомъ Дена (Dehn), подстрекаемый въ этомъ совѣтами и участьемъ Феликса Мендельсона Бартольди. Лишившись, вслѣдствіе смерти отца, почти всякихъ средствъ къ жизни, онъ въ 1815 г. переѣхалъ съ матерью въ Вѣну, боролся тамъ съ нуждою, содержалъ себя уроками, но также много сочинялъ. Возвратившись въ Россію въ 1848 г., онъ получилъ доступъ ко двору и былъ вполнѣ оцѣненъ просвѣщенною любительницею и покровительницею искусствъ, особенно музыки, великою княгинею Еленою Павловною. Съ этого времени жизнь его устроилась самымъ блестящимъ и пріятнымъ образомъ. Поставленный въ главѣ только-что основанной въ С.-Петербургѣ консерваторіи, онъ занялся труднымъ учредительскимъ дѣломъ съ любовью, доходившею до самопожертвованія,—что, къ счастью, не мѣшало ему давать ежегодно концерты и предпринимать артистическія поѣздки по Европѣ. А. Рубинштейнъ въ то же время по справедливости можетъ назваться однимъ изъ вождей школы новѣйшихъ композиторовъ: онъ много писалъ для фортепьяно — сонаты и салонныя вещи—дуэты и квартеты для смычковыхъ инструментовъ, октеты, ораторіи, симфоніи, наконецъ нѣсколько оперъ, не говоря уже о многихъ романсахъ—и всѣ эти произведенія свидѣтельствуютъ о большомъ талантѣ.

Робертъ Фолькманъ.

Робертъ Фолькманъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ и плодовитѣйшихъ композиторовъ нашего времени, родился въ Ломматшѣ, въ Саксоніи, въ 1815 г. Отецъ его былъ канторомъ при церкви. Ему-то сынъ его обязанъ первымъ музыкальнымъ своимъ развитіемъ. Онъ у него учился играть на фортепьяно и на органѣ, и съ такимъ успѣхомъ, что двѣнадцати лѣтъ могъ уже замѣнять отца при богослуженіи; онъ помогалъ ему еще тѣмъ что заставлялъ мальчиковъ хористовъ разучивать церковные хоры, причемъ упражнялся поневолѣ въ чтеніи и игрѣ партитуръ. Ребенкомъ онъ былъ замѣчательно сдержанъ и смиренъ; за нимъ не водилось никакихъ шалостей или грубыхъ выходокъ. Со школьными товарищами онъ не сходился и единственными его друзьями были братъ ректора и второй сынъ органиста. Онъ назначался въ учителя, и поэтому, окончивъ курсъ въ гимназіи, былъ посланъ въ Фрейбергъ, въ учительскую семинарію. Тамъ его музыкальное дарованіе и первые композиторскіе опыты обратили на него вниманіе тамошняго капельмейстера, по настоятельному совѣту котораго ему разрѣшено было посвятить себя исключительно музыкѣ. Въ 1836 г. Фолькманъ переселился въ Лейпцигъ и тамъ усердно учился до 1839 г., когда онъ побывалъ въ Прагѣ и оттуда отправился въ Венгрію учителемъ музыки. Въ Пештѣ онъ не безъ труда добился исполненія въ нѣсколькихъ концертахъ разныхъ своихъ произведеній. Нельзя сказать, чтобы публика сразу отнеслась къ нимъ восторженно, однако они не прошли и безслѣдно, критика съ уваженіемъ занялась ими, а когда въ 1852 г. вышелъ его тріо для фортепьянъ (B-moll) и два квартета (G-moll и A-moll), то и знатоки и публика признала, что имѣютъ дѣло съ явленіемъ не дюжиннаго разрида. Поощряемый такимъ успѣхомъ, онъ съ еще большой любовью предался творчеству и пріобрѣлъ большую популярность—въ наилучшемъ смыслѣ этого слова—особенно своими симфоніями. Кромѣ оркестровыхъ и квартетныхъ вещей, Фолькманъ много писалъ для фортепьяно въ двѣ и въ четыре руки, и съ аккомпаниментомъ другихъ инструментовъ, а также концертныя инструментальныя вещи съ аккомпаниментомъ оркестра или фортепьяно, пѣсни (Lieder) для одного голоса и нѣсколькихъ голосовъ, хоровыя церковныя пьесы, мессы для хора мужскихъ голосовъ и пр. и пр.

Іоганъ Брамсъ.

Родившись въ Гамбургѣ (въ 1833 г.), гдѣ отецъ его былъ контрабасистомъ при театрѣ, Брамсъ въ первую свою артистическую поѣздку, предпринятую имъ въ качествѣ піаниста, въ Дюсельдорфѣ познакомился съ Робертомъ Шуманомъ, который пришелъ въ такой восторгъ отъ его игры и сочиненій, что посвятилъ ему особую статью въ своемъ музыкальномъ журналѣ «Neue Zeitschrift für Musik», а въ этой статьѣ прямо выставилъ юношу будущимъ — мессіею искуства. Въ томъ же году онъ игралъ въ лейпцигскихъ концертахъ нѣсколько фортепьянныхъ пьесъ своего сочиненія, вызвавшихъ въ публикѣ разногласное мнѣніе о немъ. Хотя Брамсъ и не оправдалъ восторженнаго о немъ пророчества Шумана, но во всякомъ случаѣ его многочисленныя произведенія, (тріо, квартеты, сонаты, пьесы для оркестра, для пѣнія, для хора и пр.) заслуживаютъ полнаго вниманія и его несомнѣнно можно назвать однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ композиторовъ нашего времени — правда довольно бѣднаго по этой части. Съ 1853 до 1863 г. Брамсъ жилъ въ Гамбургѣ, потомъ переселился въ Вѣну, гдѣ ему было предложено мѣсто учителя хоровъ при академіи пѣнія.

Карлъ Рейникке.

Карлъ Рейникке, одинъ изъ лучшихъ современныхъ піанистовъ и композиторовъ, съ 1861 г. состоящій учителемъ при лейпцигской консерваторіи, родился въ 1824 г. въ Альтонѣ, гдѣ отецъ его пользовался извѣстностью какъ отличный учитель музыки. Талантливость его какъ композитора не подлежитъ сомнѣнію: онъ принадлежитъ къ тѣмъ представителямъ искусства, которые, обладая большою легкостью техники, не увлекаются однако мишурными эфектами,—а добросовѣстно, съ любовью, какъ въ большихъ такъ и въ мелкихъ сочиненіяхъ своихъ, стремятся поддержать чистоту вкуса и задушевность свойственныя истинному высокому художеству. Это онъ доказалъ въ ста слишкомъ сочиненіяхъ — для фортепьяно, для пѣнія, въ симфоніяхъ, увертюрахъ, концертахъ, квартетахъ и пр.

Іоахимъ Раффъ.

До 1843 г. Іоахимъ Раффъ, родившійся въ 1822 г. въ Лахенѣ на Цюрихскомъ озерѣ, былъ по профессіи филологомъ, но съ этого времени посвятилъ себя исключительно музыкѣ и жилъ то на Рейнѣ, то въ Веймарѣ, гдѣ очень сблизился съ Листомъ, а съ 1857 г. въ Висбаденѣ. Многими далеко не дюжинными сочиненіями Раффъ занялъ видное мѣсто между современными композиторами. Онъ написалъ нѣсколько оперъ, въ томъ числѣ *«Короля Альфреда»*, множество инструментальныхъ вещей, увертюры, симфоніи, квартеты, тріо, сонаты для фортепіано и три получившія громкую извѣстность большія сонаты для фортепіано со скрыпкой. Онъ также занимаетъ не послѣднее мѣсто какъ писатель, что доказываетъ его книга *«Вагнеровскій Вопросъ»*, отличающаяся эрудиціею и блестящимъ слогомъ.

Робертъ Францъ.

Послѣ безподобныхъ, безсмертныхъ *Lieder* Шуберта, Мендельсона и Шумана, рѣдкія произведенія по этой симпатичнѣйшей отрасли музыкальнаго творчества пользуются такою популярностью какъ «Пѣсни» Роберта Франца. Послѣ многолѣтней практической дѣятельности (онъ родился въ 1815 г.) въ качествѣ учителя, дирижера, органиста и пр., онъ въ послѣдніе годы все болѣе удаляется въ тихую частную жизнь и исключительно занимается сочиненіямъ *Lieder*'овъ, которыхъ вышло очень большое собраніе, и обработкою старинныхъ классическихъ твореній, преимущественно Баха.

Фридрихъ Киль.

Этотъ композиторъ у насъ въ Россіи еще вовсе не достигъ извѣстности. Да и въ Германіи не видать, чтобы онъ пользовался большою популярностью. О немъ отзываются больше съ уваженіемъ какъ о почтенномъ, добросовѣстномъ и полезномъ музыкальномъ дѣятелѣ. Во всякомъ онъ занимаетъ почетное мѣсто между своими собратьями и получилъ много лестныхъ отличій.

Политическое обозрѣніе.

Переживаемое нами время можетъ быть по справедливости названо временемъ борьбы свѣтской власти съ духовною. Куда ни глянешь — вездѣ происходятъ столкновенія двухъ этихъ началъ, вызываемыя стремленіемъ одного сохранить за собой вліяніе на политическія дѣла въ государствѣ и желаніемъ другаго — подчинить первое видамъ государственной пользы. Католическое духовенство, подстрекаемое папой, ни за что не хочетъ разстаться съ своею политической ролью, упустить изъ рукъ своихъ вліяніе на суевѣрную массу, которая привыкла слушаться его, привыкла служить слѣпымъ орудіемъ для осуществленія его личныхъ плановъ и намѣреній, очень часто враждебныхъ государственному строю и видамъ правительства. Помимо одной этой причины, совершенно достаточной уже для удержанія духовенства въ границахъ отведенной для него сферы, существуетъ еще и другая, которая заставляетъ лучшую часть общественнаго мнѣнія въ западной Европѣ относиться крайне непріязненно къ дѣйствіямъ духовенства на столь ему несвойственномъ пути, какъ политическая дѣятельность; эта другая причина состоитъ въ томъ, что, объявляя войну стремленіямъ свѣтской власти съузить кругъ дѣйствій духовнаго сословія въ государствѣ, подчинивъ ихъ надзору правительства,—католическое духовенство, еще раньше того, при посредствѣ папскихъ посланій, объявило войну и лучшимъ завоева-

Библиотека "Руниверс"

ніямъ прогресса: свободѣ совѣсти, наукѣ и свободѣ политической. Такимъ неосторожнымъ и безтактнымъ образомъ дѣйствій оно нажило себѣ враговъ не только въ средѣ правительственной, но и между представителями общественнаго мнѣнія. Въ нѣсколькихъ нашихъ обозрѣніяхъ мы представили читателямъ въ общихъ чертахъ характеристику борьбы, о которой здѣсь идетъ рѣчь, въ различныхъ государствахъ Европы, упомянувъ, что этой борьбы не избѣгла и Австрія, наиболѣе католическая изъ всѣхъ странъ міра. Теперь мы можемъ сообщить нѣкоторыя подробности о происходящей тамъ «церковной войнѣ» (Kirchenkrieg). Вызовомъ къ этой войнѣ, какъ сказано въ докладѣ, представленномъ правительствомъ въ Рейхсратъ вмѣстѣ съ проектами новыхъ церковныхъ законовъ, послужила папская энциклика 1864 года и знаменитый силлабусъ, предававшіе проклятію начала на которыхъ основана была Австро-Венгерская монархія, а также признаніе за папою бывшимъ въ 1870 году въ Римѣ церковнымъ соборомъ догмата непогрѣшимости. Эти дѣйствія представителей католицизма повлекли за собою принятіе правительствомъ Австріи мѣръ къ огражденію государства отъ весьма возможныхъ посягательствъ на его спокойствіе со стороны австрійскаго духовенства, получающаго вдохновеніе изъ Рима, отъ папы и окружающихъ его іезуитовъ — кардиналовъ. Особая коммиссія занялась составленіемъ проектовъ новыхъ церковныхъ законовъ, ограничивающихъ участіе духовенства въ дѣйствіяхъ свѣтскихъ властей и подчиняющихъ его дѣйствія надзору правительства. Сущность выработанныхъ этою коммиссіею законопроектовъ заключается въ слѣдующемъ: первый изъ нихъ устанавливаетъ, чтобы каждое духовное лицо, назначаемое на какую-либо должность, утверждалось въ ней свѣтскимъ правительствомъ; всѣ распоряженія епископовъ получаютъ силу не иначе какъ по утвержденіи ихъ правительствомъ, на предварительное разсмотрѣніе котораго они поступаютъ. Второй законопроектъ постановляетъ, что монашескія братства могутъ быть открываемы не иначе какъ съ разрѣшенія правительства, при чемъ это послѣднее оставляетъ за собою право производить въ монастыряхъ обыски и имѣть надзоръ за поступающими туда пожертвованіями. Третьимъ закономъ опредѣляются подробно условія, при которыхъ возможно существованіе различнаго рода религіозныхъ братствъ и обществъ. Наконецъ, четвертый законъ имѣетъ цѣлью опредѣлить участіе прихода въ содержаніи своего причта. Обсужденіе всѣхъ этихъ законопроектовъ въ австро-венгерскомъ парламентѣ вызвало наружу всѣ страсти; клерикалами выдвинута была вся ихъ тяжелая и до фанатизма односторонняя аргументація, причемъ нѣкоторые изъ ораторовъ отождествили настоящую борьбу съ борьбой невѣрія противъ дорогихъ для каждаго народа религіозныхъ вѣрованій, а одинъ изъ нихъ даже пригрозилъ собранію, что хотя люди его партіи и не имѣютъ обыкновенія вступаться за свободу, но за свободу *церкви* они постоятъ, если потребуется, даже съ оружіемъ въ рукахъ... Не взирая однако на всѣ эти угрозы, ухищренія и всевозможные происки, правительства не взяло назадъ своихъ законопроектовъ, и палата вотировала ихъ. Результатъ голосованія оказался совершенно въ пользу новыхъ церковныхъ законовъ, проведенію которыхъ такъ старалось помѣшать духовенство, — и побѣда повидимому осталась на сторонѣ государства. Мы говоримъ «*повидимому*» не безъ основанія, ибо трудно предвидѣть теперь, съ какими препятствіями придется бороться правительству въ будущемъ, т. е. при самомъ примѣненіи новыхъ церковныхъ законовъ къ практикѣ, когда изъ области теоретическихъ разсужденій они перейдутъ въ жизнь и встрѣтятъ отпоръ со стороны духовенства. Однимъ словомъ, есть полное основаніе предполагать, что австрійскому правительству въ скоромъ времени придется прибѣгнуть къ тѣмъ же репрессивнымъ мѣрамъ по отношенію къ духовенству, какія употребляетъ теперь Пруссія — хотя и энергично, но безъ видимаго успѣха.

Но не въ одной только Европѣ встрѣчаемъ столкновенія свѣтской власти съ духовною: ихъ не избѣгла и Америка. Въ Бразиліи напримѣръ произошло это столкновеніе изъ-за слѣдующаго повода. Тамошній епископъ Олинда распорядился: въ число членовъ разныхъ полудуховныхъ-полусвѣтскихъ обществъ не допускать послѣдователей франкмассонства (секта), и когда нѣкоторыя изъ этихъ обществъ отказались исполнить желаніе епископа, то онъ распорядился закрыть ихъ. Правительство пригласило его отказаться отъ своего распоряженія, но епископъ не только не выполнилъ этого требованія, а еще опубликовалъ папское посланіе, одобряющее подобную мѣру, распорядился закрыть другія духовныя общества, вмѣстѣ съ принадлежащими имъ церквами, и въ одной изъ своихъ проповѣдей заявилъ даже, что «сынъ церкви не можетъ подчиняться правительству.» Своимъ открытымъ сопротивленіемъ правительству онъ возбудилъ въ странѣ такое волненіе, что правительство рѣшилось наконецъ арестовать, и предать его верховному суду за нарушеніе конституціи. Арестованный епископъ былъ отвезенъ въ Ріо-де-Жанейро и тамъ заключенъ въ крѣпость. Вскорѣ былъ назначенъ судъ, на которомъ епископъ отказался давать отвѣты, объявивъ, что не признаетъ надъ собою власти свѣтскаго суда. Послѣ многихъ споровъ и препирательствъ, засѣданіе верховнаго суда однако состоялось, и рѣшеніемъ его епископъ, за сопротивленіе власти, былъ приговоренъ къ 4-хъ лѣтнему тюремному заключенію съ принудительною работой (нѣчто въ родѣ каторжной). Но правительство помиловало епископа и еще передъ этимъ послало въ Римъ къ папѣ своего посланника, съ объясненіемъ всѣхъ подробностей прошедшаго столкновенія. Папское правительство письмомъ къ епископу Олинды и къ его помощнику выражаетъ желаніе уладить это столкновеніе.

Газеты много говорятъ о затрудненіи, возникшемъ въ политическомъ мірѣ относительно Суэзскаго канала и участія въ этомъ предпріятіи извѣстнаго г. Лессепса. Этотъ горячій прожектеръ, пользуясь покровительствомъ бывшей императрицы французовъ, Евгеніи, родственникомъ которой онъ состоитъ, возымѣлъ смѣлую мысль перекопать Суэзскій перешеекъ, соединяющій Африку съ Азіей, и тѣмъ открыть ближайшій морской путь въ Индію. Послѣ многихъ усилій, которыя вызывались разными природными препятствіями, ему удалось-таки прорыть каналъ между Чермнымъ моремъ (Аравійскимъ заливомъ) и Средиземнымъ. Въ 1868 году, съ большимъ торжествомъ и баснословною роскошью, въ присутствіи императрицы Евгеніи и многихъ знатныхъ иностранцевъ, совершилось открытіе Суэзскаго канала. Компаніей, на деньги которой создано было это предпріятіе, выговорено было право взимать пошлину въ 10 франковъ съ тонны всякаго проходящаго судна; но тутъ возникло недоумѣніе, какъ разумѣть эту судовмѣстимость — какъ цѣльную, т. е. всего судна, или же какъ чистую, т. е. одного только мѣста для груза? По поводу этого, въ концѣ прошлаго года созвана была въ Константинополѣ международная коммисія, выработавшая тарифъ къ выгодамъ какъ судовладѣльцевъ, такъ и компаніи. Но г. Лессепсъ, отъ имени всѣхъ акціонеровъ, протестовалъ противъ такого рѣшенія на томъ основаніи, что заключенія коммиссіи, въ которой не участвовали представители компаніи, не могутъ быть для нея обязательны, и грозилъ закрыть каналъ. Тогда турецкое правительство, во владѣніяхъ котораго находится Суэзскій каналъ, предписало хедиву (египетскому султану, находящемуся въ вассальныхъ отношеніяхъ къ Турціи), въ случаѣ исполненія г. Лессепсомъ угрозы, принять каналъ въ свое завѣдываніе. Опасаясь столь непріятнаго для него исхода, г. Лессепсъ долженъ былъ поневолѣ уступить, но еще разъ протестовалъ противъ рѣшенія константинопольскаго съѣзда представителей первостепенныхъ державъ. Этимъ дѣло, однако, не кончилось, и вопросъ о правахъ компаніи Суэзскаго канала вновь предстанетъ на судъ всего политическаго міра.

Съ вопросомъ о правахъ г. Лессепса и компаніи на эксплуатацію Суэзскаго канала самымъ тѣснымъ образомъ вяжется воспоминаніе о тамошнемъ властителѣ, египетскомъ султанѣ — хедивѣ. Ему-то главнымъ образомъ страна и обязана тѣмъ безотраднымъ положеніемъ, въ которомъ въ настоящее время находится. Благодаря расточительной жизни Исмаила-паши (имя хедива), полному отсутствію какой-либо системы въ управленіи страною, личному эгоизму и безпредѣльной жадности правителей, — страну въ скоромъ времени постигнетъ неминуемое банкротство. Въ то время какъ долги государства растутъ не по днямъ, а по часамъ, и чтобы покрыть хоть одинъ изъ нихъ принуждены дѣлать новые и новые займы, — личное имущество и богатства самого хедива увеличиваются въ ужасающихъ размѣрахъ. Къ этому присоединяются еще весьма натянутыя отношенія хедива къ султану, въ подданствѣ котораго на правахъ вассала онъ состоитъ. Египетскій паша давно уже стремится къ независимости отъ Турціи и не пропускаетъ ни одного случая, чтобы показать это Константинопольскому правительству. Это послѣднее, конечно, не остается равнодушнымъ зрителемъ подобныхъ намѣреній и стремленій, вслѣдствіе чего между обоими этими властелинами происходятъ постоянныя и весьма серіозныя съ политической точки зрѣнія пререканія.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 30-го апрѣля (12-го мая), Его Величество Государь Императоръ былъ встрѣченъ на границѣ Голландіи Е. К. В. Принцемъ Генрихомъ Нидерладскимъ. На каждой станціи былъ выставленъ почетный караулъ. Въ 1 часъ по полудни Его Величество изволилъ благополучно прибыть въ Амстердамъ, гдѣ на станціи желѣзной дороги ожидали Государя Императора Е. В. Король Нидерландскій Вильгельмъ III съ Е. К. В. Принцемъ Оранскимъ и всѣми членами Королевскаго Дома. Государь Императоръ и Король Вильгельмъ обнялись нѣсколько разъ. Хоръ музыкантовъ кавалерійскаго полка исполнилъ русскій народный гимнъ. Несмотря на шедшій дождь, Государь Императоръ, Король Вильгельмъ и Принцъ Оранскій отправились въ открытыхъ экипажахъ во дворецъ, надъ которымъ развѣвался русскій флагъ. Восторгъ народа огромный. Предъ Государемъ Императоромъ и Королемъ Вильгельмомъ, находившимися на балконѣ дворца, прошелъ историческій аллегорическій кортежъ; народъ

Библиотека "Руниверс"

восторженно привѣтствовалъ Августѣйшихъ Особъ которыя изволили милостиво кланяться публикѣ.

Въ 4 часа Государь Императоръ выѣхалъ изъ Амстердама въ дальнѣйшее путешествіе. Ихъ Высочества Принцъ Оранскій и Принцъ Генрихъ сопровождали Его Величество до Флиссингена, куда Императорскій поѣздъ пришелъ въ 10 час. Его Королевское Высочество Герцогъ Эдинбургскій также прибылъ въ этотъ городъ, чтобы сопровождать Государя Императора въ Лондонъ. Его Величество, по прибытіи въ Флиссингенъ, немедленно изволилъ переѣхать, въ сопровожденіи Своего Августѣйшаго Зятя, на Императорскую яхту «Держава».

— 2-го (14-го) мая, Государь Императоръ съ Великимъ Княземъ Алексѣемъ Александровичемъ изволилъ прибыть въ Виндзоръ въ 1 часъ 15 минутъ ночи. Принявъ привѣтственный адресъ отъ мэра города Виндзора, Государь Императоръ, вмѣстѣ съ сопровождавшими Его Принцами англійскаго Королевскаго Дома, отправился въ замокъ. Отрядъ гвардейской кавалеріи замыкалъ поѣздъ. Въ замкѣ Королева Викторія встрѣтила Государя Императора на крыльцѣ. Встрѣча Императора и Королевы была самая радушная. Въ замкѣ происходилъ семейный ужинъ. Городъ Виндзоръ былъ украшенъ флагами. Тысячи зрителей находились на пути отъ желѣзной дороги къ Королевскому замку.

— 3-го (15-го) мая, Его Величество Государь Императоръ изволилъ въѣхать въ Лондонъ въ 11 ч. 40 м. утра. Какъ на станціи въ Виндзорѣ, такъ и на станціи въ Лондонѣ выставлены были почетные караулы. Государь Императоръ и всѣ Августѣйшія Особы отправились со станціи желѣзной дороги, въ парадныхъ каретахъ, въ Бокингемскій дворецъ. Хоръ военныхъ музыкантовъ игралъ русскій народный гимнъ. Многочисленная толпа народа радушно привѣтствовала Высокихъ Гостей. Въ Бокингемскомъ дворцѣ Государю Императору, въ часъ пополудни, имѣли честь быть представленными члены Дипломатическаго Корпуса и затѣмъ всѣ Министры. При пріемѣ членовъ Дипломатическаго Корпуса, Государь Императоръ изволилъ выразить, что политика Россіи заключается въ сохраненіи мира на континентѣ Европы и что надѣется, что Правительства Европы соединятся между собою для этой общей цѣли. Затѣмъ Государь Императоръ изволилъ отдать визиты членамъ Королевской фамиліи. Дочерямъ Королевы Викторіи, принцессѣ Еленѣ (супругѣ Принца Шлезвигъ-Голштинскаго), Принцессѣ Луизѣ (супругѣ маркиза Лорна) и Принцессѣ Беатрисѣ пожалованы знаки ордена св. Екатерины большаго креста. Въ половинѣ седьмаго часа вечеромъ Государь Императоръ, въ сопровожденіи Великаго Князя Алексѣя Александровича и Герцога Эдинбургскаго, посѣтилъ графа Парижскаго. Вечеромъ, въ честь Его Величества, былъ обѣдъ у Его Королевскаго Высочества Принца Валлійскаго и у Герцога Соутерленда балъ, который Государь Императоръ удостоилъ своимъ присутствіемъ. 4-го (16-го) мая, утромъ Государь Императоръ сдѣлалъ визитъ Императрицѣ Евгеніи въ Чайзльгерстѣ. Затѣмъ Его Величество изволилъ посѣтить Палату Лордовъ и Вестминстерское Аббатство. Вечеромъ Государь Императоръ присутствовалъ на обѣдѣ, концертѣ и фейерверкѣ, данныхъ въ честь Его Величества въ Хрустальномъ Дворцѣ. 5-го (17-го) мая утромъ, выслушавъ божественную литургію въ русской церкви, Государь Императоръ изволилъ отправиться въ Виндзоръ; для посѣщенія Ея Величества Королевы Викторіи. 6-го (18-го) мая, состоялся въѣздъ Государя Императора въ Лондонское Сити — утромъ. Его Величество изволилъ присутствовать на завтракѣ въ Гильдъ-голлѣ, данномъ въ честь Его Величества городомъ Лондономъ. Отвѣчая на адресъ лондонскаго лорда мэра, Государь Императоръ благодарилъ за гостепріимный сердечный пріемъ, оказанный какъ его Августѣйшей Дочери, такъ Ему, и выразилъ надежду, что эти заявленія любви со стороны англійскаго народа еще тѣснѣе соединятъ узы дружбы между Россіею и Англіею, въ интересахъ обоюднаго благоденствія. На завтракѣ присутствовали три тысячи лицъ, которыя самымъ радушнымъ образомъ привѣтствовали Государя Императора. Вечеромъ Его Величество изволилъ обѣдать у Герцога Кембриджскаго, въ Глочестеръ-гозѣ, и затѣмъ присутствовалъ на концертѣ въ Альбертъ-голлѣ.

СОДЕРЖАНІЕ: Павлинъ. Разсказъ **Н. С. Лѣскова (Стебницкаго)** (продолженіе).—Развалины Гапсальскаго замка (окончаніе).—Поти-Тифлисская желѣзная дорога (съ четырмя рисунками). — Современные композиторы (съ девятью портретами). — Политическое обозрѣніе.— Разныя извѣстія.—Шахматы.

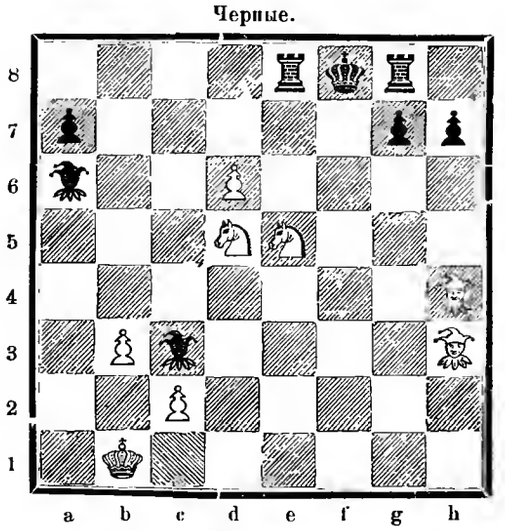
Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 6

Н. Ермилова.

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи будетъ въ слѣдующемъ № „Нивы“.

Рѣшеніе шахматной задачи № 5. (см. № 19 «Нивы»)

Бѣлые.	Черные.
1) g4 — g6 + или g8 — g6	1) h7 — g6 въ обоихъ случаяхъ
2) g8 — h8 M или g4 — g6 M	

Только-что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу

РОМАНЪ

В. КЛЮШНИКОВА.

БОЛЬШІЕ КОРАБЛИ.

ЦѢНА 2 РУБЛЯ.

Гг. подписчики «Нивы» на 1874 годъ, желающіе выписать это изданіе чрезъ контору редакціи, ничего не платятъ за пересылку.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

ЛУЧШИХЪ АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

СО ВСѢМИ НОВЫМИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯМИ И АПАРАТАМИ

БОЛЬШОЕ УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЪ

ЛУЧШІЯ, СОЛИДНЫЯ НАСТОЯЩІЯ АМЕРИКАНСКІЯ СЪ ГАРАНТІЕЙ

ФАМИЛЬНЫЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ:

Эліасъ Хау младш. А. . . . . 67 руб. сер.
Виллеръ и Вильсонъ . . . . . 55 » »
Вилькоксъ Гибсъ . . . . . 60 » »

Каждая машина вполнѣ опробованная на работѣ, повышеніе цѣны зависитъ только отъ болѣе элегантной отдѣлки.

Машины для мастерскихъ также по уменьшенной цѣнѣ

РАЗНЫЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ

лучшихъ системъ:

Въ 1 нитку . . . . . отъ 18 до 20 руб. сер.
» 2 нитки . . . . . » 25 » 35 » »

БОЛЬШОЙ АССОРТИМЕНТЪ

машинныхъ иголокъ, бумаги, нитокъ, шелку, машиннаго костянаго масла и проч.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

КРУМБІГЕЛЬ.

№ 62. Невскій проспектъ противъ Аничкова дворца.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА“ НА 1874 ГОДЪ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ“ НА **1874** ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ **4** руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева **4** руб. **50** коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ **5** руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію **5** руб. **50** коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы“ и преміи за 1874 годъ.

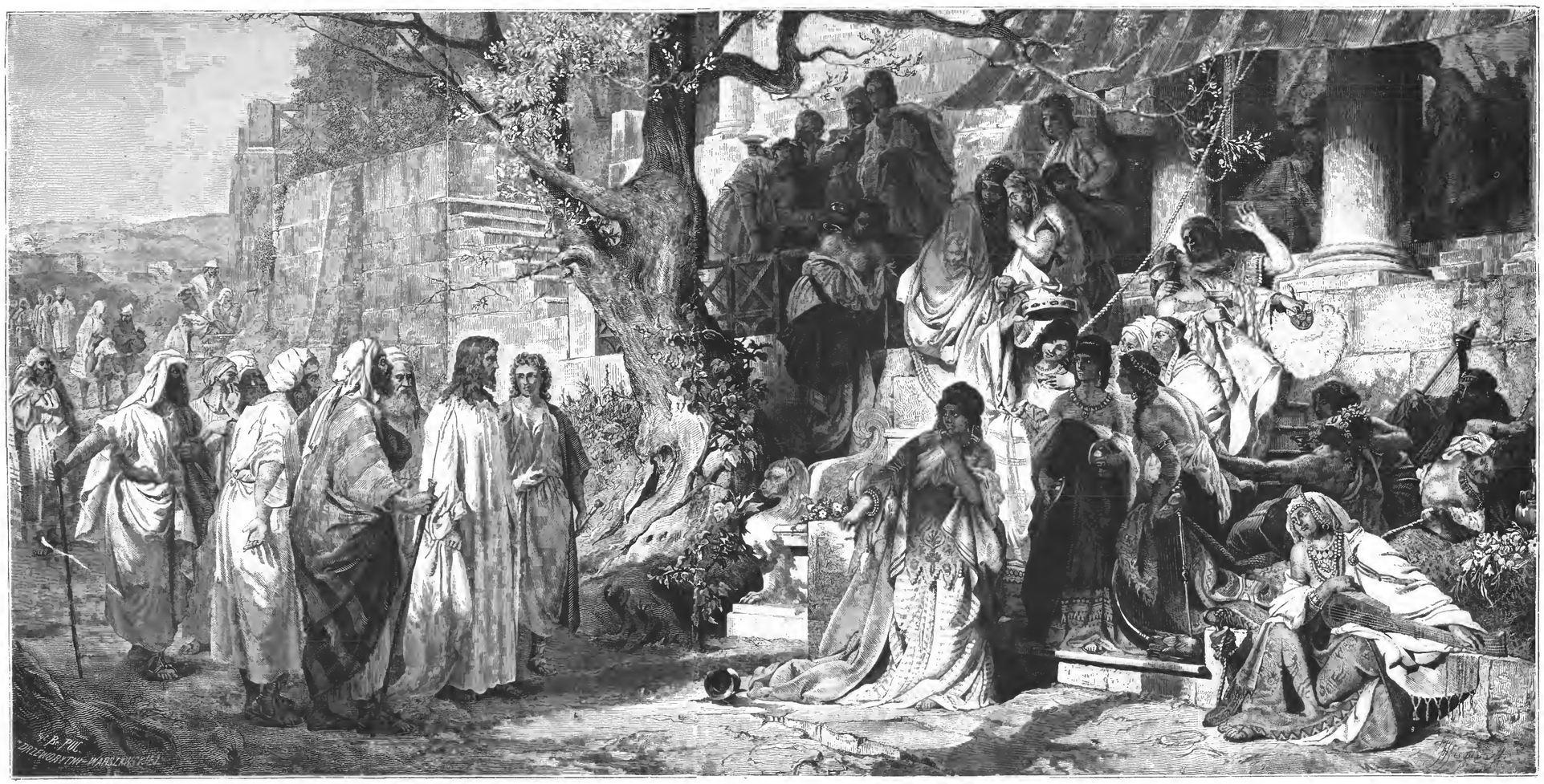
ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи **„НИВЫ“** въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

При этомъ нумерѣ приложено для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ чайнаго магазина О. Л. Корещенко, въ Москвѣ.

Дозволено цензурою. 10 мая 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознес. пр., д. № 58.

Библиотека "Руниверс"



ГРѢШНИЦА.

(изъ поэмы графа А. К. Толстаго) Съ картины Г. И. Семирадскаго, составляющей собственность Государя Наслѣдника Цесаревича, на деревѣ рисовалъ самъ авторъ въ Римѣ, гравировалъ Пуцъ.

(Оригиналъ временно находился на выставкѣ въ Академіи Художествъ 1874 года).

...И онъ въ молчаніи глубокомъ
Обводъ сидящихъ тихимъ окомъ,
И въ домъ веселья не входя,
На деракой двѣ самохвальной
Остановилъ свой взоръ печальный.
...И вдругъ въ тиши раздался звонъ
Ихъ рукъ упавшаго фіала,
Стѣсненной груди сдавленъ стонъ,
Блѣднѣетъ грѣшница младая,
Дрожатъ открытыя уста...
И пала ниць она рядомъ
Передъ святымъ Христа.

А. Толстой.

ВТОРАЯ БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ ДЛЯ ГГ. ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ 1874 Г.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 21 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 20-го мая 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА ЖУРНАЛЪ „НИВА" НА 1874 ГОДЪ.

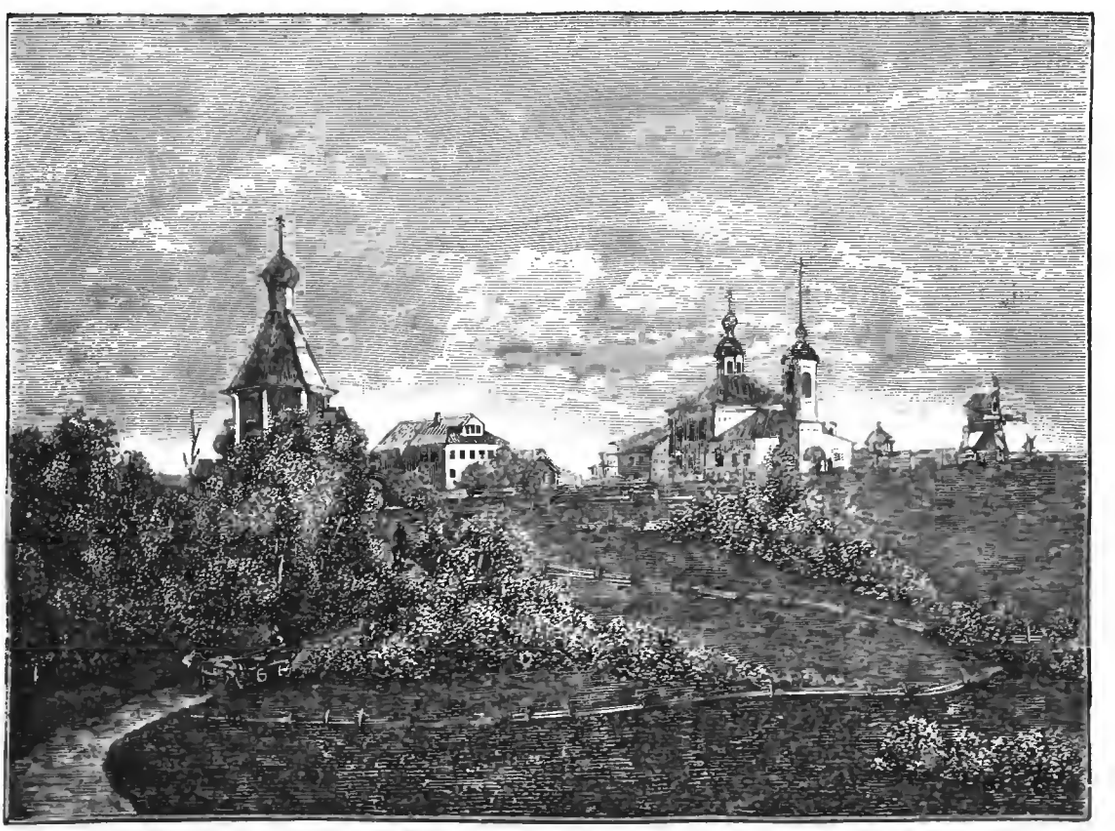
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА „НИВЫ" НА 1874 ГОДЪ.

Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 руб. II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Соловьева, А. Лангъ и А. Ф. Живарева 4 руб. 50 коп. III. Въ С.-Петербургѣ: съ доставкой на домъ по городской почтѣ 5 руб. IV. Въ губерніяхъ: съ пересылкой чрезъ газетную экспедицію 5 руб. 50 коп.

Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе №№ „Нивы" и преміи за 1874 годъ.

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9

Издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ.



Лявля. Селеніе въ 30 верстахъ отъ Архангельска. Рис. И. Космаковъ, грав. Дьяманъ.

Библиотека "Руниверс"

Павлинъ.

Разсказъ Н. С. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

IX.

Я не знаю, достаточно ли я обрисовалъ вначалѣ своего разсказа генеральшу Анну Львовну?—вѣроятно, нѣтъ,—и потому теперь еще разъ обращусь къ этому и вкратцѣ скажу, что это была женщина не только сухая, своекорыстная и жосткая, но и едва ли не жесточайшая и разсчетливѣйшая эгоистка въ мірѣ, способная не остановиться ни передъ чѣмъ ради самыхъ ничтожныхъ своихъ выгодъ. Она всегда была готова съ невозмутимѣйшимъ спокойствіемъ приносить въ жертву для самомельчайшихъ своихъ разсчетовъ и счастіе, и самую жизнь своего ближняго. То самое дѣлала она и теперь, соединивъ пожилаго Павлина узами брака съ юною Любой. Анна Львовна знала, что Люба не можетъ любить Павлина, и не ошибалась: ни лежавшая между супругами огромная разница лѣтъ, ни строгость павлинова характера, ни его внѣшняя суровость ни что не позволяло надѣяться, что Люба рано или поздно привыкнетъ къ своему мужу и станетъ питать къ нему что нибудь кромѣ страха и отвращенія—не столько какъ къ старику, сколько какъ къ лакею... Генеральша Анна Львовна сама хотя давно умерла для всякихъ увлеченій, но все таки она была женщина—и знала, что въ такомъ супружествѣ, какое она устроила для Павлина и Любы, у послѣдней непремѣнно будетъ много горькихъ минутъ если не бѣшеной, то тихой но ядовитой тоски; а отъ тоски разовьется мечтательность, мечтательность воспитываетъ безпокойное воображеніе, а безпокойное воображеніе чего не нарисуетъ и чего не подстроитъ? Анна Львовна знала, что въ молодой головѣ съ безпокойнымъ воображеніемъ непремѣнно скоро пойдутъ сравненія—и какъ вообще ни какая жизнь не можетъ выдержать сравненій съ пылкой мечтою, мечта ее одолѣетъ и... Люба увлечется и очутится въ рукахъ Анны Львовны. Вы не подумайте пожалуйста, что я обмолвился сказавъ вамъ, будто генеральшѣ понадобилась, что бы Люба попала въ *ея руки*. Нѣтъ, ей дѣйствительно такъ было нужно. Что бы скорѣе вести мою исторію къ концу, скажу вамъ прямо, что Анна Львовна соединивъ Павлина съ Любою затѣяла на ихъ счетъ прежестокую игру, мысль и планъ которой внушили ей самыя возвышенныя чувства, именно *материнскія*.

Володичка, служа въ щегольскомъ полку, стоилъ Аннѣ Львовнѣ дорого и велъ себя рискованно. Аннѣ Львовнѣ хотѣлось его немножечко присадить дома, а какъ его присадишь, когда его тянетъ на десно и на лѣво. Женить его было рано; вниманіемъ свѣтскихъ женщинъ онъ хотя и хвастался, но на самомъ дѣлѣ ни въ чемъ подобномъ никогда ни какого успѣха не имѣлъ; иностранныя дамы изъ «морскихъ» и въ тѣ времена обходились такъ дорого ихъ адораторамъ, что генеральша трепетала всякаго слуха о сближеніи Володички съ этими кровопійцами,—а между тѣмъ Володичка доказывалъ, что онъ какъ русскій барчукъ извѣстнаго тона непремѣнно долженъ жить какъ всѣ «порядочные люди»; а для того чтобы жить такъ — онъ конечно хотѣлъ обнаруживать покровительственныя права на какую нибудь женщину, которая бы была не хуже другихъ за веселымъ столомъ у любого изъ «морскихъ» рестораторовъ. Генеральша и сама понимала, что это настоящему свѣтскому кавалеристу необходимо и противъ этого не спорила; но это и тогда какъ и теперь, стоило чертовски дорого, и вотъ... Но добрая мать, послѣ долгоночныхъ думъ и соображеній. набрела на мысль, что у нее противъ всего этого есть подъ рукою универсальнѣйшее средство, и это средство есть Люба. Люба молода, хороша и пикантна, — и если ее немножечко *поразвить*, то она очень и очень можетъ отслужить Додѣ службу за выѣздную даму: а что Додя влюбитъ ее въ себя — въ томъ можетъ ли быть сомнѣніе?

Онъ на взглядъ матери былъ хорошъ собою — и хотя она считала его «дуракомъ на службѣ», но у него такой красивый мундиръ, онъ умѣетъ подбирать себѣ аккомпаниментъ и поетъ романсы въ родѣ кружившаго тогда женскія головы пѣснопѣнія объ «удаломъ постояльцѣ».

Какъ хорошъ, неправда-ль, мама,
Постоялецъ нашъ удалый?..
Мундиръ золотомъ весь шитый
И какъ жаръ горятъ ланиты...
Боже мой, Боже мой, ахъ, когда бы онъ былъ мой!

Анна Львовна знала, что того скуднаго обаянія, какимъ владѣлъ ея «дуракъ на службѣ», было много, слишкомъ много для легкомысленной женщины имѣющей семнадцать лѣтъ отъ роду и мужа старика, котораго она стыдится... Игра, казалась безпроигрышною и началась подтасовка и сдача на руки картъ.

Прежде всего, что бы повысить соціальное положеніе Любы, обратились къ шуткѣ: ее всѣ въ домѣ звали «швейцаркой Любой.» Это очень хорошо звучало и удачно маскировало ея лакейскій марьяжъ. Всѣ молодые люди вертѣвшіеся въ домѣ Анны Львовны видѣли въ Любѣ не молоденькую жену надутаго швейцара Павлина, а что-то совсѣмъ особенное, стоящее совсѣмъ ни отъ кого независимо и... и привлекательно.

За Любою началось волокитство, умѣренное и сначала благоприличное, но постоянное, упорное и неотвязчивое. Ухаживали за нею безъ исключенія всѣ товарищи Доди. Любѣ не нравился изъ нихъ ни

Библиотека "Руниверс"

кто: она довольна была всѣми кого видѣла въ домѣ Анны Львовны, но, какъ говорили встарь поэты, сердце ея еще ни кого не избрало, и Павлинъ былъ счастливъ. Счастливъ чѣмъ? Развѣ Люба такъ любила и счастливила? Нѣтъ; Люба была все та же: она отъ него только тщательно сторонилась и проводила все свое время у Анны Львовны за работою или разливаніемъ кофе и чая, но Павлинъ безмѣрно любилъ ее и не желалъ ни чего кромѣ ея счастья. Для ея счастья нужно было не быть съ нимъ — онъ и это принималъ съ удовольствіемъ. Уязвленный страстью, Павлинъ совсѣмъ что называется ослѣпъ и осуетился: его прирожденный демократизмъ стаялъ какъ снѣгъ и онъ самъ хотя и не стыдился своей пестрой ливреи, но видимо желалъ, что бы Люба забирала крыломъ повыше. Люба, знакомая съ французскимъ языкомъ съ дѣтства и подъучившаяся ему еще болѣе въ школѣ, а потомъ окончательно напрактиковавшаяся у Анны Львовны, радовала своего мужа тѣмъ, что она могла держать себя совсѣмъ какъ барышня, совсѣмъ какъ иностранка,—словомъ: швейцарка по всѣмъ статьямъ. Въ Павлинѣ, который всего этого какъ бы самъ желалъ, въ то же время развивалась особенная, весьма странная робость, которую онъ чувствовалъ передъ капризами Любы. Бѣдный старикъ кажется безпрестанно стѣснялся тѣмъ, что она родовая барышня, а онъ лакей. Ему вѣроятно никогда и въ голову не приходило, что онъ будетъ ее такъ любить и такъ ея стѣсняться какъ это вышло. Онъ противъ этого ни мало не возставалъ и не возмущался: напротивъ, ему даже нравилось служить Любѣ и во всемъ поблажать ей. Онъ рядилъ ее какъ куколку, рядилъ именно что бы она походила не на швейцаршу, а на настоящую швейцарку. Это порядкомъ опустошало мѣшокъ его завѣтныхъ, но относительно конечно весьма незначительныхъ сбереженій; но онъ все это терпѣлъ безропотно и усугублялъ экономію на себя и на всѣ тѣ статьи, гдѣ могъ замѣнить расходы личнымъ трудомъ. Такъ, съ женитьбою своею онъ хотя не ослабѣлъ въ исполненіи своихъ служебныхъ обязанностей, но у него уже не оставалось такъ много времени для чтенія романовъ, потому что чуть Люба вставши и разодѣвшись утромъ отправлялась наверхъ къ Аннѣ Львовнѣ, Павлинъ убиралъ свою комнату, пересматривалъ женинъ гардеробъ и наконецъ брался приводить его въ порядокъ. Люба наверху шила для Анны Львовны разные broderie anglaise, а Павлинъ запершись на ключъ въ своей чистенькой коморочкѣ чистилъ женины сапожки, закрѣплялъ подпоровшуюся прюнель, закрѣплялъ пуговки и крючочки и грѣлъ въ маленькой круглой печкѣ плоильные щипцы и утюги, а когда они раскалялись—вытаскивалъ изъ за-шкафа гладильную доску, покрывалъ ее чистымъ закатникомъ и начиналъ гладить и плоить ея рукавчики, юбки и манишки. Взявшись за эти занятія въ видахъ экономіи, Павлинъ скоро достигъ въ глаженьѣ и плойкѣ надлежащаго совершенства, но сбереженія отъ всего этого были ничтожны въ сравненіи съ огромными расходами, какихъ требовало франтовство Любы и страсть Павлина утѣшать ее хорошими нарядами, о которыхъ Люба его ни когда не просила, но которыми влюбленный старикъ самъ хотѣлъ ее забавлять и тѣшить.

При такомъ баловствѣ и холѣ, Любѣ не трудно было для всѣхъ посѣтителей дома Анны Львовны оставаться на счету интересной «швейцарки»,—иностранки, которою заниматься, въ качествѣ хорошенькой, пикантной женщинки, отнюдь не предосудительно: съ нею говорили, смѣялись, шутили и вообще обращались какъ съ ровнею. Нѣкто изъ пріятелей сына генеральши, имѣвшій небольшой талантъ граціозно рисовать крандашомъ женскія головки, безпрестанно набрасывалъ во всѣхъ альбомахъ легкую, бѣлокурую головку швейцарки Любы. Головка эта ему особенно удавалась и молодежь наперебой выпрашивала себѣ у автора эти пріятные абрисы. Эскизы эти, расходясь по рукамъ jeunesse dorée, сообщали Любѣ довольно широкую популярность. Люба, сама того не зная и вовсе о томъ не заботясь, сдѣлалась въ нѣкоторомъ родѣ магнитомъ для очень многихъ молодыхъ людей, желавшихъ видѣть оригиналъ художественнаго списка. Такимъ образомъ, у Любы являлось все больше и больше поклонниковъ: за нею волочились на сколько это было удобно—и генеральша это видѣла и допускала.

Что же касается до Павлина, то онъ обнаруживалъ въ отношеніяхъ къ своей молоденькой женѣ такую толерантность, какой не встрѣтите у очень многихъ крикуновъ о независимости чувствъ и о равноправіи половъ въ разсужденіи свободы. Павлинъ впрочемъ предавался въ это время нѣкоторой суетности: онъ *молодился* и съ этою цѣлію досталъ гдѣ-то рѣдкую по его словамъ книгу, изъ которой вычитывалъ замѣчательныя вещи. Такъ наприм онъ однажды разсказывалъ мнѣ, что «совсѣмъ утвердился въ своихъ правилахъ насчетъ обязанности человѣка, который если будетъ жить по нравоученію долга, то проживетъ на свѣтѣ по меньшей мѣрѣ сто лѣтъ». Свой вѣкъ въ пятьдесятъ лѣтъ Павлинъ разматривалъ на основаніи той книги только какъ *совершеннолѣтіе* и по той же книгѣ увѣрялъ, что «умираютъ ранѣе ста лѣтъ одни глупцы—а болѣютъ негодяи, которые практики жизни не понимаютъ». Что же касается до него, то онъ всеконечно былъ глубоко убѣжденъ, что имъ эта «практика» вполнѣ усвоена. «Я, говорилъ онъ,—никогда болѣнъ не былъ и не знаю зачѣмъ болѣть: живи какъ слѣдуетъ; не пей вина, ни кофею; не копти грудь табакомъ и не заболишь; спи безъ подушки въ правильную линію и не будешь гнуться; а ѣшь солонѣе и пей кислѣе, такъ и умрешь не сгніешь.

Изъ этихъ сказовъ Павлина я позналъ тайны его обыденной гигіены и подумывалъ: врядъ ли все это можетъ нравиться молоденькой и свѣженькой Любѣ?

Онъ ни мало не претендовалъ, что Люба почти

Библиотека "Руниверс"

не жила въ его швейцарскомъ затворѣ, въ которомъ съ женитьбою Павлина появились новыя занавѣсы, цвѣты и канарейки. Онъ даже не ревновалъ, когда выходящіе отъ Анны Львовны молодые люди, принимая изъ его рукъ свои шинели, расточали неосторожно не совсѣмъ скромныя похвалы красотѣ «швейцарки». Павлинъ при этихъ хваленьяхъ только молчалъ и улыбался въ свои густые, свѣтлорусые усы.

Благоразумный и разсудительный по всегда строгій къ себѣ и честный Павлинъ, не будучи способенъ ни къ какому коварству и предательству, не подозрѣвалъ его и въ другихъ—и потому имѣя умъ свой чистымъ и свѣтлымъ, являлся совершенно слѣпымъ. Глядя на него, можно было провѣрить всю истинность словъ Бакона веруламскаго о людяхъ, которые, вслѣдствіе преобладанія философскаго настроенія, дѣлаются совами, видящими только во мракѣ своихъ умозаключеній и слѣпотствующими при свѣтѣ дѣйствія, а особенно, лишонными способностями видѣть то, что всего яснѣе и очевиднѣе. Такъ какъ «сынове міра сего мудрѣе сыновъ свѣта въ родѣ своемъ» и какъ Павлинъ въ своемъ родѣ былъ сынъ свѣта и слуга долга, то сынове міра перемудрили его и обокрали....

Люба была окончательно отвращена отъ мужа и затѣмъ конечно сбита съ толку и обманута сама. Какъ это произошло—я не стану вамъ разсказывать, потому что самъ при томъ не былъ и ни отъ кого этихъ подробностей не слыхалъ,—да и наконецъ, не все ли это равно намъ, какъ это сдѣлалось. Довольно того, что имѣющій стадо овецъ таки взялъ и отнялъ послѣднюю у имѣвшаго одну овцу.

(Продолженіе будетъ)

Весна.

(Рисунокъ Коверзнева).

Для большинства городскихъ жителей слово «весна» — пустой звукъ, часто ничего не выражающій, иногда сопровождаемый желчной усмѣшкой. Горожане узнаютъ о наступленіи *красы природы*—или изъ стереотипной фразы календаря, что-де весна начнется 9 марта, или въ булочной по печенымъ жаворонкамъ съ корнкою вмѣсто глазъ, или по закрытію оперного сезона, или наконецъ просто по тому, что въ шубѣ становится жарко и на улицахъ появляются дрожки, а за столомъ редиска и огурцы. — Совсѣмъ не тѣ признаки весны въ деревнѣ. Тамъ еще съ половины февраля начинаетъ погуливать тѣмъ особеннымъ весеннимъ воздухомъ, котораго ароматъ словно липнетъ ко всѣмъ предметамъ: пахнетъ имъ въ полѣ, пахнутъ наружныя стѣны зданій, пахнутъ люди пришедшіе спадворья, пахнутъ самыя стекла оконъ снаружи. Но снѣга и холодъ еще дружно держатся; если гдѣ и поотстаетъ за день въ оттепель, къ вечеру опять замерзнетъ, а морозный утренникъ окончательно скуетъ. Но вотъ наступаетъ мартъ. Сельчане съ особеннымъ вниманіемъ наблюдаютъ 1 число, Евдокіинъ день: Евдокія красна и весна красна; Евдокія весну снаряжаетъ; на Евдокею снѣгъ—урожай, теплый вѣтеръ—мокрое лѣто, вѣтеръ съ сѣвера—холодное лѣто; отколѣ вѣтеръ на Евдокеи—оттуда во все лѣто, у Евдокеи вода, у Егорьи трава: коли курочка на Евдокея напьется, то и овечка на Егорья (23 апрѣля) напьется; какова Евдокея, таково и лѣто. Числа около четвертаго появляются прилетѣвшіе изъ-заморя, исхудалые, бѣлоносые грачи и бродятъ тамъ-и-сямъ у навозныхъ кучъ по деревнѣ, въ сосѣдствѣ съ рощей, гдѣ еще на голыхъ вѣнчкахъ вершинъ словно заброшенныя шапки темнѣютъ ихъ прошлогоднія гнѣзда. Съ каждымъ вечеромъ больше и больше собирается въ стаяхъ черной птицы—и смотрятъ старушки: коли грачи прямо на гнѣзда летятъ — быть веснѣ дружной. Чаще и чаще пошли оттепели, ледъ на рѣчкѣ съ каждымъ днемъ синѣетъ и все тоньше становится; на холмахъ, по косогорамъ стала оголяться земля, появились и въ поляхъ проталинки мать-мача-меньше—и вотъ съ одной изъ нихъ серебристымъ колокольчикомъ взвился въ синеву первый жаворонокъ. Сорокъ мучениковъ (9 марта)—сорокъ утренниковъ еще будетъ, а съ полдня дуетъ уже благодатный, душистый вѣтерокъ, несетъ теплом—и небо становится все лазуриѣе, солнце красное пригрѣваетъ все дольше, любовнѣе — и вотъ на Алексѣя (17 число) пошли ручьи, съ горъ, по оврагамъ, въ деревнѣ; а если ручьи мелки, то и пойма (разливъ) большая будетъ. Всюду слышится лепетъ веселыхъ водъ, звонко падаютъ сосульки съ крышъ и заборовъ, мальчишки не разъ ужъ провалились на рѣчкѣ..... Того и гляди все тронется. Вотъ надъ синимъ зеркаломъ рѣчки, вдоль по улицѣ, взмывая надъ крышами, полого носятся быстрые, черные, щебечущіе, живые зигзаги—это ласточки. Да и пора—завтра Благовѣщенье, а Благовѣщенье безъ ласточекъ—холодная весна; мокрое Благовѣщенье—грибное лѣто; на Благовѣщенье гроза — къ теплому лѣту, къ урожаю орѣховъ. Прошла еще недѣля — и хлынули дружно вешнія воды, разливъ рѣкъ и рѣчепокъ затопилъ берега; всюду парнитъ теплом; изъ влажной земли зеленой щетинкой пробивается молодая травка. Съ юга по вечернимъ и утреннимъ зорямъ высоко въ небѣ тянетъ всякая прилетная птица—кулики, турахтаны, дунеля, утки, а тамъ закурнякаютъ несущіеся треугольникомъ на рѣзвыхъ крыльяхъ журавли, рѣетъ извиваясь пятной стая дикихъ гусей... Стонъ стоитъ надъ болотомъ отъ птичьяго свиста и гаму. Чуть сядетъ солнышко, по безлистнымъ еще лѣсистымъ просѣкамъ начинается тяга сломокъ (пальшиповъ); надъ лужицами толкутся комарики; въ самой чащѣ отзывается фисйтой черный дроздъ... А тамъ сойдетъ весеннее водопольe, забуркочатъ рѣченки, ручьи въ тѣсныхъ бережкахъ, вызеленятся почки на деревьяхъ — и легкими прихотливыми извивами мелькаютъ въ воздухѣ бабочки, въ полѣ стонетъ немолчный стрекотъ кобылокъ, луга пестрѣютъ цвѣтами... Громыхнетъ и раскатится вдали первая гроза и косой дождь сквозь солнце полосой сѣкнетъ поля... Пошла дружная весна-красна...

Вотъ такой-то ясный денекъ, когда сороки не лѣзутъ подъ стрѣху, а весело щекочутъ по надрѣчнымъ ветламъ, изображенъ на прилагаемомъ рисункѣ. Еще вчера, по всѣмъ примѣтамъ выходило такъ, что быть ведру. Съ вечера въ лугахъ чибезы кричали, галки собирались густою гурьбой, жуки летали по всему выгону, а комариные рои такъ столбомъ и поднимались кверху. Дѣдъ Описимъ, записной рыболовъ, все это знаетъ до точности и еще до заката солнышка поставилъ верши. Ну и не ошибся старый! Ванюшка, внучатный его племянникъ, едва успѣваетъ обирать рыбу въ подолъ, радостно взвизгивая надъ добычей и не зная ужь кому и похвастаться... У матери свое дѣло: въ избѣ къ празднику барашковъ зарѣзали — надо головы перемыть, а меньшой сынишка того и гляди въ рѣку свалится... Такъ и носитъ его по берегу отъ вершей къ мамкѣ, да опять къ дѣду. Ясное солнышко жарко пригрѣваетъ окрестныя поля и деревню, дикіе гуси лѣниво тянутъ въ теплом воздухѣ — и только сороки безъ умолку трещатъ и щекочутъ въ развилистыхъ сучьяхъ прибрежныхъ вербъ, словно привѣтствуя лучшее время года, обновленіе природы, весну...

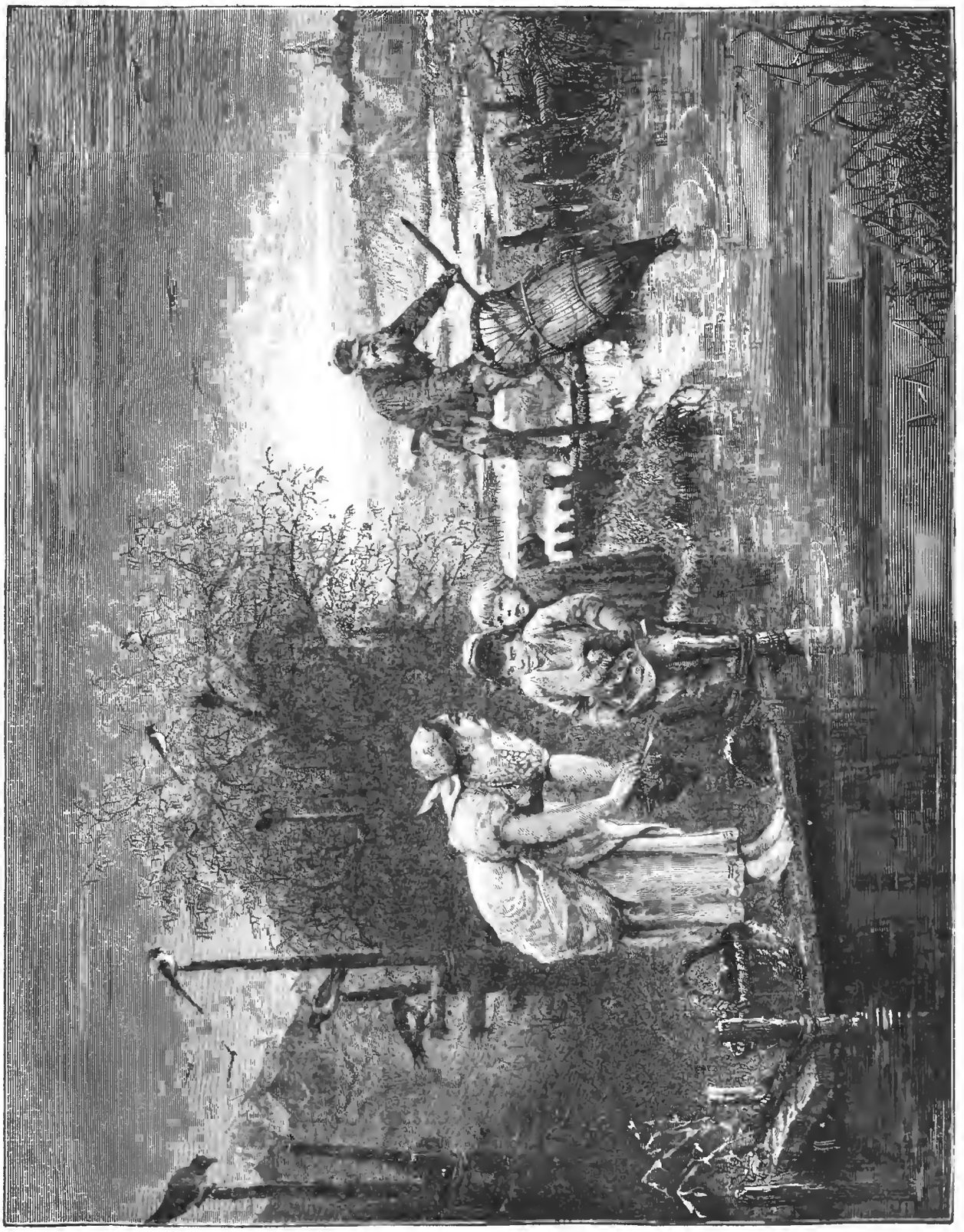
Въ окрестностяхъ Архангельска.

(Продолженіе).

2. Упраздненная крѣпость. Домикъ Петра Великаго.

Въ 1700 г. разнеслись слухи о намѣреніи Шведовъ разорить Архангельскъ. Нашимъ сѣвернымъ портомъ особенно дорожилъ великій преобразователь Россіи, какъ первымъ окномъ въ ту Европу, по образу и подобію которой должно было устроиться государство русское. Тотчасъ же Петръ приказалъ заложить передъ Архангельскомъ сильную крѣпость, что и было исполнено въ

Библиотека "Руниверс"



Весна въ деревнѣ. Рис. Коверзневъ, грав. Ольшевскій.

Библиотека "Руниверс"

1701 году. Новодвинская крѣпость заложена на правомъ берегу Березовскаго устья с. Двины, въ 20 верстахъ отъ города, на островѣ Линскомъ. Еще недоконченная, она оказала важную услугу порту. Въ 1701 году Шведы задумали напасть на него, для чего и отрядили нѣсколько фрегатовъ. Войдя въ устья Двины, послѣдніе взяли съ берега крестьянина Мудьюжскаго селенія Ивана Рябова и въ качествѣ переводчика службу Никольско-Корельскаго монастыря Дмитрія Горожанина. Въ это время для предупрежденія опасности устья Двины была заружены потопленными баркамп, а на выдающихся пунктахъ берега установлены батареи. Рябовъ условился съ Горожаниномъ подвести Шведовъ подъ выстрѣлы нашихъ пушекъ, что они и исполнили. Описывать подробнѣе этотъ фактъ — нечего. Онъ извѣстенъ всѣмъ. Въ слѣдующемъ году Петръ посѣтилъ Архангельскъ, долго жилъ близь строившейся крѣпости на островѣ Марковѣ, въ простомъ деревянномъ срубѣ. Марковъ смытъ былъ водою во время двинскихъ разливовъ, а самый домъ Петра перенесенъ на другое мѣсто, на островъ Линскій. Кстати будетъ здѣсь замѣтить, что ранѣе Новодвинской крѣпости, въ самомъ Архангельскѣ было по плану царя Алексія Михайловича устроено нѣчто въ родѣ этого — Нѣмецкій гостинный дворъ укрѣпленный башнями. Распорядителями работъ по этой постройкѣ были иностранные инженеры Петръ Марциллисъ и Виллимъ Шарфъ. Кирпичи какъ для гостиннаго двора, такъ и для монетнаго двора были вывезены изъ Голландіи. Они необыкновенно велики и крѣпки до такой степени, что разбираемое зданіе монетнаго двора долгое время считалось несокрушимымъ. Покрайней мѣрѣ сварившійся кирпичъ не поддавался ни киркѣ, ни лому. Впрочемъ, еще ранѣе, на мѣстѣ Архангельска, называвшагося тогда Пуръ-Наволокомъ, существовалъ деревянный острогъ, въ видѣ продолговатаго четвероугольника о двухъ этажахъ, съ шестью башнями и старинными бойницами или амбразурами. Съ рѣчной стороны острогъ былъ окруженъ землянымъ рвомъ и палисадомъ, внутри же былъ раздѣленъ на три части: верхняя—русскій гостинный дворъ, нижняя — нѣмецкій гостинный дворъ и средняя—собственно крѣпость.

Дорога въ Ново-Двинскъ—ужасна. Тамъ теперь живетъ священникъ, да трое или четверо солдатъ пограничной стражи, потому и дорога не ремонтируется вовсе. Да и незачѣмъ. Городъ съ упраздненной крѣпостью не имѣетъ никакихъ сношеній. Мы ѣхали весьма медленно между двумя рядами березъ, за которыми тянулся сплошной унылый лѣсъ. Ни пѣнья птицъ, ни звуковъ жизни. Все тихо и мертво. Только слегка-пожелтѣвшія вѣтви тянутся вверхъ, да порой слышится шорохъ падающихъ листьевъ. Стукъ отъ копытъ лошадиныхъ, громыханье дрожекъ, да наши голоса какъ-то странно звучали въ этой пустынѣ.

— Прелюдія весьма печальная! проговорилъ мой товарищъ, оглядывая полосу болотистой тоши, неожиданно развернувшейся налѣво.

Становилось холодновато. Еще нѣсколько лѣсистыхъ и болотистыхъ пространствъ, еще часъ немилосерднаго встряхиванія по рѣдкимъ клапшамъ запущенной дороги — и мы въѣхали въ форштадтъ бывшей крѣпости, въ которомъ поселились отставные нижніе чины бывшаго порта съ своими семействами. Жаль было и смотрѣть на эту глушь! Нѣсколько мелкаго скота паслось около. Бородатый козелъ посрединѣ улицы уставился въ землю, разсуждая повидимому о весьма важномъ предметѣ. Двое ребятъ въ однихъ рубахахъ барахтались въ лужѣ съ лохматымъ, вывалявшимся въ грязи псомъ. Въ подслѣповатое окно полуразвалившейся хибарки глядѣло красивое личико молодой дѣвушки, пристально слѣдившей за нами. Странно было видѣть это полное жизни, юное существо въ этой пустынѣ, гдѣ нѣсколько домишекъ, словно толпа отдыхавшихъ на лугу нищихъ, было разбросано вправо и влѣво отъ дороги. Впрочемъ, одно что красило ихъ— огороды и убогіе садики, прилегавшіе къ каждому жилищу. У порога одного домишка, лицомъ къ землѣ спалъ ребенокъ; вокругъ него словно комочки желтоватаго пуху бѣгали цыплята. Солидная, хохлатая курица клохтала, отдыхая на спинѣ у дитяти, словно стараясь разбудить дремавшаго... Черезъ нѣсколько минутъ вся эта идилія осталась позади и только въ душѣ молчаливыхъ туристовъ еще свѣтили, но уже отгорая, кроткія, ласковыя очи хорошенькой дѣвушки; такъ огонекъ мелькаетъ одинокому путнику въ ночномъ туманѣ широкой степи и тепло становится у него на сердцѣ и выступаетъ цѣлый рой милыхъ, дорогихъ воспоминаній... И какихъ воспоминаній!.. Какъ смутные очерки лѣсовъ, рощъ и полей, въ мглистомъ сумракѣ ростутъ и ростутъ они — и такъ больно, такъ мучительно сладко вглядываться въ нихъ, узнавать пережитыя были....

И въ опьяненіи, наперекоръ уму,
Завѣтнымъ именемъ будить ночную тьму...

Но forward! Вотъ передъ нами развернулся широкій лугъ, по самой серединѣ котораго сѣрѣло какое-то всеривѣтное строеніе, вродѣ сарая или амбара. Спрашиваю у извощика—что это? Тотъ сейчасъ же принимаетъ авторитетный видъ.

— Это я могу. Въ эфтимъ доми проживалъ великій царь Петръ—десять пудовъ одною рукой подымали и ростомъ были въ три аршина и три верха (вершка). Супротивъ его по цѣлому свѣту несыскать. Слыхалъ ты, какъ ёнъ одинъ цѣлое шведское царство повоевалъ и швецкую царицу въ полонъ взялъ, по одначе пустилъ на всѣ четыре стороны, потому она повиновалась. Онъ же швецкаго королевича Карлу на чепи во дворѣ держалъ. У насъ въ простой мужицкой избѣ жилъ, а бороды у него не росло.

— Ты почему это знаешь?

— Мы знаемъ... Чего, тутъ мы оченно знаемъ, что ёнъ всѣмъ велѣлъ бороды брить, а кто бороды не брилъ—тому башку съ плечъ долой. Однимъ попамъ да монахамъ льготу далъ на двадцать головъ не брить бороды, потому старецъ ему являлся—Засима, онъ его и вриструнилъ.

Мы подъѣхали. Прямо противъ насъ рисовались бѣлые бастіоны и брустеры крѣпости. Сначала впрочемъ надобно было осмотрѣть домъ Петра Великаго. Онъ помѣщенъ подъ деревяннымъ чахломъ, выстроеннымъ глаголемъ. Арки, прорѣзанныя въ чахлѣ, сплошь забиты узенькими досками, для того чтобы не давать доступу внутрь скоту, пасущемуся кругомъ. Дворецъ преобразователя— простой срубъ, съ грубою рѣзьбой по окраинамъ кровли. Черезъ низенькія двери входишь въ просторныя покосившіяся сѣни. Направо отсюда кабинетъ и спальня государя, налѣво зало. Прямо— ходъ въ кухню. Комнаты низенькія и малы. Повидимому онѣ только недавно выбѣлены известкою. Стѣны состоятъ изъ круглыхъ бревенъ, домъ вросъ въ землю. Теперь и бѣдный крестьянинъ живетъ лучше Петра. Невольно думалось, глядя на эту скудость, на эту поразительно-неприглядную простоту: въ какихъ непріютныхъ углахъ работала мысль этого титана! среди какой грубой обстановки задумывались и совершались величайшія дѣянія послѣдняго царя Московскаго и перваго Всероссійскаго Императора!..

Невольное благоговѣніе росло въ душѣ. Эти половицы попирала его нога. Къ этимъ круглымъ бревнамъ прикасалась его голова, когда усталый онъ откидывался закрывая глаза и на минуту забывая свои великіе планы. Тутъ онъ ходилъ, обдумывалъ грядущія преобразованія; тамъ онъ шумно пировалъ съ иностранными гостями, празднуя постройку крѣпости для излюбленнаго имъ Архангельска.

Тише говорилось въ этомъ, жалкомъ на видъ, срубѣ, который тѣмъ не менѣе казался храмомъ, гдѣ еще до сихъ поръ жила мысль обитавшаго его титана. Такъ пиллигримъ, бродящій по песчанымъ пустынямъ, входитъ въ руины, гдѣ нѣкогда жили сказочные герои его народа. Въ одно мгновеніе забыто все: и усталости пути, и лишенія, и нападенія кочующихъ хищниковъ. На колѣняхъ стоитъ онъ у раскаленнаго солнцемъ каменнаго порога, съ благоговѣніемъ вглядываясь во тьму, царствующую подъ тяжелою каменною кровлей. А кругомъ неподвижные, какъ изваянія, лежатъ въ пескѣ утомленные верблюды, аватически глядя и на грандіозную храмину и на колѣнопреклоненную фигуру молящагося.

Въ этомъ логовищѣ сѣвернаго льва, въ этой обители Петра, нынѣ играютъ въ жмурки дѣти — и самые проходы пришлось заколачивать отъ непочтительныхъ коровъ, неизучавшихъ исторію и не понимающихъ значенія великихъ памятниковъ старины.

Sic transit gloria mundi! Но слава Петра не прейдетъ, до тѣхъ поръ пока существуетъ Россія, потому что она—скрижаль на которой вырѣзаны его дѣянія. Разрушатся его дома, развалятся выстроенныя имъ крѣпости, создадутся быть можетъ иные государственные центры и системы,—но незыблемы будутъ тѣ столбы, которые поставилъ онъ въ основу отечества. Поворотъ къ старому невозможенъ, потому что на послѣдней страницѣ прошлаго и на первой страницѣ новаго порядка—желѣзомъ, огнемъ, слезами и кровью вписано имъ свое неистребимое завѣщаніе...

Хорошо было бы домъ Петра перенести отсюда въ городъ, все равно онъ находится не тамъ, гдѣ выстроенъ. Островъ Марковъ давно, еще въ началѣ настоящаго столѣтія, смытъ водою. А въ Архангельскѣ его поддержка и присмотръ за нимъ гораздо удобнѣе, чѣмъ въ окружающей пустынѣ. Дворъ того зданія гдѣ нынѣ помѣщенъ музей—представляетъ всѣ необходимыя условія. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ стѣною, пространство его весьма велико и наконецъ самый домъ Петра будетъ такимъ образомъ необходимымъ довольствіемъ музея. Тутъ онъ именно былъ бы на своемъ мѣстѣ. Пароходы «Самоѣдъ» или «Полярная звѣзда» въ одинъ рейсъ могли бы перевезти его лѣтомъ, разобравъ его по частямъ предварительно. Совѣтуемъ городскому обществу обратить на это вниманіе — и еслибы голова виссъ въ управу такое предложеніе, онъ бы оказалъ истинную услугу городу, обогатившемуся бы въ этомъ случаѣ еще одною историческою драгоцѣнностію. При постоянномъ и близкомъ надзорѣ за нимъ, съ нимъ бы вѣроятно не случилось того, что было съ знаменитыми Петровскими свѣтлицами, выстроенными на Мойсеевомъ островѣ, противъ Архангельска, въ первый пріѣздъ преобразователя на Сѣверъ и въ двадцатыхъ годахъ настоящаго столѣтія изчезнувшими неизвѣстно куда, безъ слѣда.

Островъ Марковъ, на которомъ прежде стоялъ домъ Петра, находился противу самой крѣпости. На немъ былъ редутъ съ ретраншементомъ и черезъ фарватеръ рѣки для перегражденія пути непріятелю натягивались цѣпи. Онѣ и теперь хранятся въ крѣпости. Самая крѣпость имѣетъ видъ квадрата съ четырьмя бастіонами и однимъ равеліномъ. Изъ домика Петра мы пошли прямо туда. Крѣпость окружена хорошо сохранившимся рвомъ, черезъ который перебрасывался прежде крѣпостной мостъ, водымавшійся на ночь. Теперь устроенъ постоянный. Съ тяжелымъ тоскливымъ чувствомъ смотрѣли мы на сѣрыя линіи хорошо-сохранившейся, когда-то важной нынѣ упраздненной крѣпости. Воображеніе рисовало пиры Петра, кипучую дѣятельность во время

Библиотека "Руниверс"

шведскаго нашествія, типы первыхъ ея защитниковъ, безмолвно умиравшихъ на своемъ посту, грохотъ пушекъ, стоны раненыхъ... А теперь?.. Теперь все тихо, все пусто, все мертво.

Съ тѣмъ же тоскливымъ чувствомъ мы вошли въ открытыя нынѣ, никогда незапирающіяся ворота твердыни. У самаго входа лежатъ два громадныя каменныя ядра. Сырость обхватила насъ въ темномъ проходѣ, заплѣсневѣлые и облупившіеся своды котораго вѣяли двумя столѣтіями. Наконецъ мы выбрались на крѣпостной дворъ. Тутъ прежде всего кидается въ глаза деревянная церковь, съ простою деревянною колокольней, конусообразной формы. Нѣсколько деревянныхъ строеній, домикъ получше другихъ, спрятавшійся подъ тѣнью высокихъ и раскидистыхъ березъ, бѣлые бастіоны съ каменными лѣстницами, зеленые откосы валовъ и пороховые погреба. Все это, кромѣ разобраннаго на дрова, какого-то деревяннаго зданія, было цѣло, но въ то же время все было пусто.

Мы вошли въ домъ священника—бывшее помѣщеніе коменданта. Большія комнаты были пусты, громадныя сѣни со множествомъ дверей поставили было насъ въ тупикъ. «Пожалуйте сюда!» Маленькая фигурка священника показалась изъ какой-то щели.

— Вы и комендантъ здѣсь? пошутилъ мой товарищъ.

— Да; крѣпостные ключи у меня. Какъ оказалось, хозяинъ былъ чѣмъ то въ родѣ патріарха. У него переваливо за дюжину дѣтей, но и со всѣмъ своимъ громаднымъ семействомъ ему повидимому было жутко въ большихъ хотя и неприглядныхъ комнатахъ стараго комендантскаго дома

— Вы давно здѣсь?

— Нѣтъ. Я сюда попалъ изъ-за Печоры. Въ Ижмѣ былъ.

— У зырянъ?

— Да-съ. Народъ хорошій, трудолюбивый, умный. Вѣкъ бы оттуда не выѣхалъ, да и Ижма-то получше всѣхъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губерніи. Какіе храмы, что твой соборъ!

— Зачѣмъ же вы забрались въ крѣпость?

— А дѣтей воспитывать надо. Да что же, мы здѣсь не скучаемъ, поля вотъ засѣваемъ, хлѣбъ самъ-шестъ уродился. Стадо, коровенки, луга-то свои кругомъ. А по вечерамъ дѣйствительно тоска, ну да семья большая—ничего! Въ городъ только трудно попадать: лѣтомъ еще когда на лодкѣ, а вотъ зимой—точно отшельникъ. Занесетъ снѣгами, мертво все. Тишина такая!

Пошли осматривать церковь, выстроенную при Петрѣ. Въ ея иконостасѣ видѣли мы своего рода историческую рѣдкость—подарокъ Царя. Это образа, лѣтъ двѣсти тому назадъ нарисованные красками на шелковой матеріи. Они превосходно сохранились, особенно Спаситель и Марія съ младенцемъ. Рисунокъ нѣженъ, переливы тѣней отдѣланы прекрасно. Впрочемъ, оно и понятно. Это — работы приглашенныхъ Петромъ иностранныхъ художниковъ. На боковыхъ дверяхъ такія же изображенія ангеловъ. Священникъ показалъ намъ серебряную утварь, пожертвованную преобразователемъ. На ней рѣзьбы не было вовсе. Все было и просто и прочно, какъ и самъ дарившій. Въ церковь ведутъ двери, стекла въ которыхъ со временъ Петра замѣнены слюдою. Такъ они сохранились до сихъ поръ въ настоящемъ своемъ видѣ. Осмотрѣли и облаченіе ветхое, старинное, простое, нѣсколько евангелій той эпохи и другіе мало интересные предметы.

Въ такой убогой церкви молился Великій. Здѣсь — гроза всей вѣтхозавѣтной Руси — смиренно преклонялъ онъ колѣна предъ царемъ царствующихъ и Господомъ господствующихъ. Здѣсь онъ, можетъ быть, каялся въ жестокостяхъ, вызванныхъ духомъ эпохи и непримиримою, не поддававшеюся на уступки борьбою. Тутъ, раскрывая свое сердце, онъ быть можетъ молился за ту Россію, которую безпощадно перекраивала его могучая воля, чтобы прочнѣе сдѣлать задуманное имъ дѣло, чтобы въ самый корень подсѣчь старый порядокъ, сломать царство тьмы вѣковѣчной.

Мы вошли на колокольню. Она впрочемъ была недостаточно высока. Передъ нами открылась однако панорама Двины съ ея островами. Прямо противъ крѣпости, пользуясь попутнымъ вѣтромъ, плыло на всѣхъ парусахъ поморское судно. Какъ граціозно оно накренилось въ водѣ, какъ красиво округлились казавшіеся розовыми при свѣтѣ заходящаго солнца паруса. Приходило на память выраженіе англійскаго поэта:

Нѣтъ ничего красивѣе кони среди зеленой степи
И корабля, скользящаго по волнамъ.

Дѣйствительно, ничто не могло быть прелестнѣе этой картины. Каждый канатъ, каждая снасть отчетливо рисовались передъ нами. Два-три матроса шевелились на палубѣ. Вотъ изъ каютки, придѣланной къ кормовой части, вышла высокая поморка въ красномъ кумачномъ сарафанѣ; вся она словно вспыхнула въ лучахъ зари. Вотъ пронесся обрывокъ какой-то пѣсни, другой, третій... Вотъ и вся она звучная, ясная, бьется и плещется въ проникнутомъ холодомъ и свѣтомъ воздухѣ. Вотъ она замерла вдали, а послѣднія ея отзвучія какъ будто еще просятся въ ухо... Вотъ шкуна еще разъ блеснула своими розовыми парусами, какъ легкая чайка нѣжно-оперенными крыльями.. Отсюда мы пошли на валы; за ними ширилась во всѣ стороны зеленая окрестность съ желтоватыми пятнами тронутой осенью листвы. Желтоватыя пятна казались теперь золотисто-розовыми, а вся остальная зелень сіяла изумруднымъ блескомъ. Въ дали—куда только могъ забраться глазъ—синѣла смутная полоса едва замѣтнаго лѣса. Не знаю почему—когда глядишь на эти отдаленные, сливающіеся, словно въ сумракъ уходящіе тоны — душа рвется куда-то въ даль, сердце бьется такъ тихо, передъ глазами встаютъ полузабытыя милыя лица, цѣлыя картины воскресаютъ передъ вами, переполненныя свѣтомъ и юностью, счастьемъ и свободою.... Гдѣ эти лица?... Гдѣ эти картины?... И тихія, тихія слезы застилаютъ глаза и хочется невольно пѣть или плакать.

Сердце подаетъ другому далекому вѣсть о себѣ....

— Или ты забыло меня, мое дорогое!...

А вотъ и береза Петра. Старое раскидистое корявое дерево отдѣльно стояло посреди зеленаго луга; вершина его отчетливо рисовалась на розовомъ фонѣ неба каждою своею вѣткой, я сказалъ бы: каждымъ своимъ листикомъ. Въ просвѣты, образовавшіеся въ его листвѣ, прорвались два золотые луча и широкою полосою легли по лугу. Вотъ какая-то птица тяжело и грузно подвялась оттуда и полетѣла за рѣку. Вотъ шелохнулись вѣтви—и вновь все неподвижно...

Тутъ отдыхалъ Петръ. Какъ будто и теперь его тѣнь шевелится тамъ въ сумракѣ, подъ этимъ темно-зеленымъ сводомъ....

Прежде береза была обвесена рѣшеткою, на что выдавалась отъ казны извѣстная сумма.

По земному откосу мы сбѣжали въ крѣпостной дворъ. Священникъ предложилъ намъ осмотрѣть старыя тюрьмы, существовавшія въ прежнее время. Мы подошли къ однимъ воротамъ. Изъ-подъ свода ихъ маленькая дверь вела въ каменный мѣшокъ съ небольшимъ окномъ, едва пропускавшимъ свѣтъ. Широкія пятна испещряли прозеленѣвшую стѣну. На насъ пахнуло могилою. Подъ ногою хрустѣлъ щебень. Изъѣденныя червями, нары лежали развалившись на кучахъ мусору. Съ одной стороны стѣна была оббита, но и вмѣсто кирпича — та же зелень, тѣ же пятна, словно лишаи на гниломъ зеленомъ лицѣ мертвеца. «Воздуху, свѣту»!

— Еще, пожалуйте, вотъ....

Рядомъ съ этой могилой *черныло* отверстіе въ какую-то *тьму*. Ни границъ, ни формъ ея не было видно. Есть ли тамъ стѣна или нѣтъ, есть ли тамъ полъ или она бездонная?.. Если только существуютъ гдѣ нибудь привидѣнія — они должны являться тутъ... Вонъ скорѣе изъ этой могилы!

Я быстро выбѣжалъ отсюда—и розовый закатъ засвѣтился передъ моими глазами эмблемою жизни и счастья.

Пора было воротиться домой. Когда мы проѣзжали форштадтъ, стекла жалкихъ избенокъ горѣли алымъ блескомъ, кровли золотились—и все словно преобразилось подъ жезломъ волшебника. Даже рога у козла принимали золотистый оттѣнокъ; даже сѣрая свинья, теревшаяся у забора, казалась розовой. А что за хорошенькая дѣвушка стояла у порога того же дома, въ окнѣ котораго прежде мы видѣли ея милую головку! Ея глаза такъ и сыпали искры, лицо горѣло здоровымъ наливнымъ румянцемъ, золотистая коса роскошно ложилась на плеча; полныя круглыя плечи едва сдерживались двумя перехватами сарафана.

Вдали прозвучалъ и замеръ пастушескій рожокъ. Мы поклонились царицѣ пастуховъ, коровъ и огородовъ. Фея засмѣялась въ отвѣтъ—и все очарованіе исчезло.

А пастушескій рожокъ снова запѣлъ съ тѣми переливами, которые такъ хороши на вольномъ воздухѣ поемнаго луга, на просторѣ лицомъ къ лицу со всеисцѣляющей, всепримиряющей матерью-природой.

Ночью мы вернулись въ городъ, Соломбала все еще кипѣла жизнью.

(Окончаніе будетъ).

Е. В. Будзко.

Еще глаза твои такъ ясны
И чисты первыя мечты,
Еще ребенокъ милый ты
И надъ тобой пока невластны
Порывы страстные любви....
Господь тебя благослови!

* * *

Но ужъ порой зарею яркой
Пылаютъ дѣтскіе глаза—
И—знаю я—близка гроза;
Она придетъ съ весною жаркой,
За ней—томленія любви...
Господь тебя благослови!

* * *

Съ грозой весны, съ грозой разсвѣта
Иныя думы и мечты,
То—ароматные цвѣты
Все-оживляющаго лѣта,
Въ нихъ блескъ и счастіе любви...
Господь тебя благослови!

* * *

Пусть утро бурно,—полдень зноенъ,
Пусть страсть кипитъ въ душѣ твоей,
Отдайся ей и не робѣй
И будетъ вечеръ твой спокоенъ,
Его зарю переживи....
Господь тебя благослови!

Библиотека "Руниверс"

Рысь и дикая кошка.

Обыкновенная Рысь (Lynx vulgaris) считается принадлежащею къ семейству кошекъ, хотя по новѣйшимъ зоологіямъ и составляетъ особую группу.

Вполнѣ взрослая рысь бываетъ ростомъ съ собаку, около трехъ и даже четырехъ футовъ въ длину и двухъ съ половиной въ вышину у загривка. Туловище сильное, сжатое съ боковъ, уже съ перваго взгляда выказываетъ силу и крѣпость. Уши довольно длинныя, пріострены и оканчиваются кисточкообразнымъ пучкомъ черныхъ, торчащихъ волосъ. Рысь покрыта мягкою густою шерстью, которая удлиняется на мордѣ, въ родѣ бороды, и придаетъ физіономіи ея какой-то особый отпечатокъ. Мѣхъ на верхней части тѣла—красновато сѣрый, въ перемѣшку съ бѣловатымъ; на головѣ, шеѣ, спинѣ и бокахъ онъ усѣянъ рыжебурыми и сѣробурыми пятнами.

Лѣтомъ шерсть бываетъ короткая и рыжеватая, зимою длинная и сѣробѣловатая. Самка, какъ кажется, постоянно отличается отъ самца болѣе рыжимъ цвѣтомъ и менѣе явственными пятнами.

Рысь держится только въ большихъ густыхъ темныхъ лѣсахъ и въ скалистыхъ или гористыхъ странахъ, гдѣ она находитъ ущелья и пещеры для своего убѣжища или гдѣ можетъ укрываться въ камышахъ, высокой травѣ или чащѣ. Нерѣдко мѣстопребываніемъ ея служатъ лисьи и барсучьи норы. Днемъ она остается въ уединенныхъ мѣстахъ, гдѣ считаетъ себя безопасною, садится на толстые сучья деревьевъ довольно высоко отъ земли, откуда спрыгиваетъ на мимопроходящихъ животныхъ; ночью-же или рано утромъ ходитъ на добычу.

Движенія рыси довольно медленны но сильны и плавны. Развитіе органовъ чувствъ вполнѣ соотвѣтствуетъ крѣпости тѣла: слышитъ она очень хорошо; чутье у ней лучше чѣмъ у другихъ кошекъ, видитъ такъ превосходно, что глаза ея «рысьи глаза» вошли даже поговорку. Голосъ ее очень рѣзокъ и отчасти похожъ на собачій вой. Рысь наноситъ весьма много вреда животнымъ, составляющимъ предметъ нашей охоты. Благодаря своей силѣ, она истребляетъ не только мелкую дичь, но и всякую красную дичь, какъ молодую такъ и старую. Отыскавъ слѣдъ, она поджидаетъ, когда пройдетъ животное, подкрадывается къ нему и двумя тремя прыжками бросается на него, схватываетъ его за шею или затылокъ, глубоко запускаетъ свои когти, и своими острыми зубами прокусываетъ шейныя артеріи.

Она сидитъ на животномъ до тѣхъ поръ, пока оно не околѣетъ. Такимъ образомъ она уничтожаетъ оленей, косуль, сѣверныхъ оленей и иногда даже лосей. — Если рысь не чувствуетъ недостатка въ дичи, она вполнѣ довольствуется ею. Если же дичи не довольно или охота была неудачна, рысь нападаетъ и на домашній скотъ: овецъ, телятъ и даже коровъ; но вообще какъ бы боится выдавать себя нападеніямъ на нихъ. Въ большинствѣ случаевъ пищу ея составляютъ барсуки, сурки, хорьки, зайцы и въ большомъ количествѣ рябчики, тетерева и глухари.

Дикая кошка (Catus ferus), одного семейства съ рысью, во многомъ схожа съ нею по росту; дикая кошка гораздо больше домашней, равно какъ значительно превосходитъ ее и по силѣ.

Взрослая дикая кошка приблизительно достигаетъ величины лисицы, слѣдовательно на одну треть или почти даже вдвое болѣе домашней. Ее можно отличить отъ послѣдней съ перваго взгляда; мѣхъ ее гуще, въ усахъ больше волосъ, взглядъ дикъ, а зубы сильнѣе и острѣе. Самымъ рѣдкимъ отличіемъ дикой кошки служитъ ея кольчатый хвостъ и желтовато-бѣлое пятно на горлѣ. Длина ея тѣла безъ хвоста отъ $2^1/_2$ до 3 футовъ, хвостъ около 1 фута, вышина 11 и 16 дюймовъ. Мѣхъ густой и длинный; у самцовъ сѣрый, иногда даже чернобѣрый.—у самокъ же желтоватый. На лбу начинаются четыре черныхъ полосы, изъ которыхъ двѣ среднихъ сливаются вмѣстѣ и образуютъ спинную черную полосу. Отъ этой полосы на обѣ стороны идутъ черныя полосы, которыя покрываютъ бока до брюха, желтоватосѣраго цвѣта, съ черными неправильными пятнами. Хвостъ сѣрый въ черныхъ правильныхъ кольцахъ.

Обыкновенно дикія кошки живутъ попарно, большею частію въ большихъ лѣсахъ, особенно на горахъ и не любятъ сосѣдства своихъ собратьевъ. Образъ ихъ жизни ночной—и въ этомъ отношеніи они вполнѣ похожи на рысь и на нашу домашнюю кошку. Дикая кошка ловко лазаетъ и легко взбирается на деревья; она отдыхаетъ на толстыхъ вѣтвяхъ, и если не можетъ спрятаться въ нихъ, то плотно прижимается къ вѣткѣ и такъ какъ она похожа по своей окраскѣ—ее бываетъ трудно замѣтить. Только съ наступленіемъ ночи она выходитъ на ловлю, совершенно какъ домашняя кошка. Съ хитростью свойственною всѣмъ кошкамъ, она подкрадывается къ птицѣ сидящей на гнѣздѣ, къ зайцу въ его логовищѣ, къ кролику и бѣлкѣ. Большимъ звѣрямъ, она, подобно рыси, прыгаетъ на спину и перекусываетъ шейныя артеріи. Короче сказать, по своимъ привычкамъ и образу жизни она очень немногимъ разнится отъ своихъ цивилизованныхъ сестеръ и своей дикой родственницы, рыси.

Зимою дикія кошки иногда предпринимаютъ большія странствованія и въ это время томимыя голодомъ заходятъ даже въ села и деревни, поселяются въ свинахъ и тутъ-то наносятъ громадный вредъ животнымъ, уничтожая домашнихъ птицъ и мелкій скотъ.

Охота на дикихъ кошекъ можетъ быть при извѣстныхъ обстоятельствахъ опасна. За нею лучше всего охотиться по снѣгу, потому что ее можно найти по слѣду и выслѣдить мѣсто, гдѣ она отдыхаетъ. Если она подстрѣлена, то съ яростью и фырканьемъ вскакиваетъ, сильно выгибаетъ спину, подымаетъ хвостъ и съ шипѣньемъ приближается къ человѣку; тутъ она бѣшено становится въ наступательное положеніе—и бросаясь на него, глубоко запускаетъ въ тѣло свои острые когти, особенно въ грудь, такъ что ее почти невозможно отцѣпить. Подобные раны заживаютъ съ трудомъ. Собакъ она боится такъ мало, что часто—покуда еще не видитъ охотника—добровольно спускается съ дерева и подымаетъ страшную драку. Разсвирѣпѣлая кошка часто раздираетъ собакамъ кожу своими ногтями и всегда старается попасть въ глаза; она очень живуча и защищается съ упрямымъ бѣшенствомъ, до тѣхъ поръ пока въ ней есть хоть искра жизни. Но не однимъ собакамъ достается отъ острыхъ зубовъ и длинныхъ когтей дикой кошки: и между звѣрьми, особенно ее родичами у нея есть непримиримые враги, одинъ видъ которыхъ приводитъ ее въ бѣшенство. Къ такимъ врагамъ принадлежитъ и ея родственница рысь, на бой съ которой мнѣ разъ пришлось полюбоваться.

—

Дѣло было въ Карпатскихъ горахъ. Зиму я провелъ въ городкѣ Черновицахъ по дѣламъ, а ранней весной выѣхалъ въ деревню, чтобы поохотиться на глухарей, охота на которыхъ была моей любимѣйшей и у насъ въ Россіи.

Тотчасъ послѣ полуночи, разпростившись съ моимъ гостепріимнымъ хозяиномъ, я, закинувъ ружье заплечо и забравъ съ собою немного съѣстныхъ припасовъ, отправился въ горы. Ночь была отличная, тихая, теплая... Я осторожно пробирался по горной тропинкѣ къ мѣсту, гдѣ токовали глухари, рискуя ежеминутно оборваться и выцарапать себѣ глаза вѣтвями.

Стало свѣтать, почти незамѣтно небо становилось свѣтлѣе, легкій предутренній вѣтерокъ зашелестилъ вѣтвями и какъ-то легко стало дышать.

Дойдя до вырубки, мѣста тока, я остановился и присѣлъ на пнѣ большой вѣковой сосны. Природа и ея обитатели, чувствуя приближеніе утра, стали оживать и пробуждаться. Вотъ въ мелкомъ кустарникѣ запѣла малиновка, подъ горой раздался утренній гимнъ юлы, лѣсного жаворонка, гдѣ-то вдали зачуфыкалъ косачъ, и ему отвѣтила своимъ гнусливымъ голосомъ тетерка. Маленькія синицы, пухлики и корольки весело перепархивали съ вѣтки на вѣтку высокихъ деревьевъ; а бѣлка, какъ-бы разминая послѣ сна свои члены, то подымалась, то опускалась по дереву.

Солнце еще не взошло и только на востокѣ показалась предвѣстница зорька и узкой розовой полоской загорѣлась на небѣ.

Но, съ нетерпѣніемъ ожидаемаго, желаннаго голоса глухаря все не было слышно!..

Въ кустахъ раздавались трели и переливы соловья, цѣлая стая какихъ-то маленькихъ птичекъ пронеслась надъ вырубкой, сбоку послышалось хрюканье и свистъ вальдшнепа, въ кустахъ что-то мелькнуло—и косой зайка выйдя на болѣе открытое мѣсто всталъ на заднія лапки и сталъ умываться. Я приложился, хотѣлъ уже спустить курокъ, какъ вдругъ, вправо отъ меня, послышалась близкая сердцу дорогая пѣсня глухаря.... Я замеръ и опустилъ ружье.

Что-то роднее, живее, неизъяснимо сладкое слышалось въ сладостныхъ звукахъ влюбленнаго пѣвца...

Мигомъ позабылъ я про зайца и вальдшнепа, пересталъ любоваться окружающей природой и съ замирающимъ сердцемъ притаивъ дыханіе сталъ подходить къ глухарю подъ звуки его пѣсни.

Съ четверть часа подходилъ я къ дорогой добычѣ. Звуки пѣсни становились все яснѣе и яснѣе; оставалось сдѣлать еще пять шесть перепрыжекъ, какъ вдругъ вмѣсто ожидаемой пѣсни послышалось сильное лопотанье крыльевъ, какой-то глухой, какъ бы предсмертный хриплый крикъ, опять взмахъ крыльевъ и все стихло.

Я простоялъ минуты три въ ожиданіи пѣсни, но все было тихо. Что случилось съ глухаремъ—меня интересовало, ласка ли подкралась къ нему, хорекъ ли ловкой хваткой перехватилъ ему горло или глухарь просто спугнутый чѣмъ нибудь улетѣлъ.

Я двинулся осторожно пробираясь между деревьями съ какой-то тайной надеждой увидѣть глухаря—и вдругъ глазамъ моимъ представилась слѣдующая картина...

По толстому суку подрубленнаго дерева, спускаясь на землю большая славная рысь—тихо, плавно, а въ зубахъ своихъ держала пѣль моей охоты, громаднаго глухаря, голова и распущенныя крылья котораго волочились и цѣплялись за мелкія вѣтки.

Отъ такой неожиданности я оторопѣлъ, сердце замерло, дыханіе сперло—и однимъ охотникамъ понятная нервная дрожь пробѣжала по моему тѣлу.

Что было дѣлать? Оба мои ствола были заряжены дробью хотя и крупной, но все-таки не настолько, чтобы уложить такого живучаго звѣря какъ рысь. Я притаился за деревомъ и сталъ выжидать, когда рысь подойдетъ поближе.

Но вотъ надъ моей головой что-то зашурчало — съ вѣтки на вѣтку на другое дерево... Я поднялъ голову—и что-же увидѣлъ! Дикую кошку, это столь рѣдкое для насъ русскихъ охотниковъ животное.

Библиотека "Руниверс"

Рысь и дикая кошка. Рис. и грав. Шпехтъ.

Библиотека "Руниверс"

Кошка, вѣроятно тоже приманенная звуками глухариной пѣсни, но предупрежденная своей сотоваркой рысью, съ свирѣпымъ видомъ высоко изогнувъ спину, едва ступая на толстые сучья, легко и граціозно спускалась съ вѣтки, приближаясь къ своему противнику, котораго она еще не разсмотрѣла. Вотъ она подползла къ дереву, на которомъ сидѣла рысь,—и какъ бы удивленная остановилась шагахъ въ трехъ передъ нею.

Рысь повидимому тоже осталась недовольна подобнымъ визитомъ—и наложивъ переднія лапы на свою жертву, заложила уши назадъ и оскалилась показывая острые крѣпкіе зубы.

Нѣсколько секундъ противники простояли, не спуская другъ съ друга глазъ; но вотъ кошка приготовилась къ прыжку, рысь присѣла на заднія лапы, — еще минута — и оба врага, забывъ о глухарѣ, вцѣпились другъ въ друга съ страшнымъ остервенеціемъ.

Я стоялъ въ моей засадѣ въ какомъ-то оцѣпенѣніи—и скажу къ стыду моему, совершенно растерялся, а рысь и кошка вцѣпившись своими острыми когтями и крѣпкими зубами немилосердно таскали другъ друга по землѣ, первое время не уступая одна другой ни въ силѣ ни въ ловкости.

Солнце уже взошло и его первые красно-багровые лучи озарили всю мѣстность и поле сраженіе.

Прошло ужъ добрыхъ пять минутъ, а бойцы все еще не поддавались другъ другу, но вотъ когти ихъ разогнулись, лапы какъ бы ослабѣли—и они отпустили другъ друга, разошлись шага на два.

Боязнь потерять столь дорогую и рѣдкую добычу—меня отрезвила. Но что было дѣлать? Я уже взвелъ курки и хотѣлъ прицѣлиться, чтобы мѣткимъ выстрѣломъ покончить хоть съ однимъ изъ бойцовъ,—какъ вдругъ кошка, словно собравшись съ новыми силами, сдѣлала прыжокъ и очутилась на спинѣ у рыси. Время терять было нечего, я приложился и сразу спустилъ оба курка, ружье сильно отдало,—кошка упала съ рыси и въ предсмертныхъ судорогахъ корчилась на землѣ, а рысь обливаясь кровью всетаки добѣжала до перваго дерева и взобралась на нижнія сучья. Съ возможною скоростью зарядивъ ружье, я подошелъ подъ самое дерево и вѣрнымъ выстрѣломъ покончилъ и съ нею.

Жизнь на морѣ.

(Изъ воспоминаній моряка).

Въ большей части нашего общества существуетъ убѣжденіе, что морякъ въ морѣ страдалецъ. Въ прежнее время подобное убѣжденіе могло имѣть мѣсто потому, что суда были парусныя и вслѣдствіе этого вполнѣ зависимыя отъ капризныхъ стихій,—но теперь, съ примѣненіемъ пара къ судоходству и другихъ усовершенствованій въ кораблевожденіи, сказанное мнѣніе по меньшей мѣрѣ несправедливо.

Съ знаніемъ своего дѣла и съ полной осторожностью морякъ смѣло можетъ сказать, что поборется со всѣми случайности въ морѣ и всегда выйдетъ побѣдителемъ.

Судно, на которомъ я имѣлъ честь плавать, было учебное, нарочно посылаемое въ практическое океанское плаваніе съ вновь выпущенными гардемаринами. Надо непремѣнно видѣть, чтобы составить себѣ понятіе о величинѣ военнаго фрегата.

Представьте себѣ трехъэтажное судно, не говоря уже о подвальныхъ, если такъ можно выразиться, помѣщеніяхъ. Вмѣщало оно около 800 жителей, изъ которыхъ 100 человѣкъ принадлежало къ образованному классу и притомъ къ самой цвѣтущей молодости (80 гардемаринъ и 20 офицеровъ). А если прибавить къ этому церковь, библіотеку, хоръ музыки и даже театръ, то судно наше скорѣе походило на уѣздный городъ, да еще и не на какой нибудь заштатный или незначительный, ибо въ рѣдкомъ уѣздномъ городкѣ издается какой либо литературный органъ, а у насъ и въ этомъ не было недостатка. Гардемарины издавали еженедѣльную газету подъ заглавіемъ «Шило», цѣль которой была преслѣдовать наши общественные недостатки. Въ послѣдующихъ отрывкахъ я приведу одинъ изъ нумеровъ этой газеты, которая не лишена была нѣкотораго интереса.

Спектакли на фрегатѣ давались въ хорошую погоду на верхней палубѣ. Для спектаклей этихъ, еще до ухода нашего изъ Россіи, гардемарины запасались на собранныя деньги по подпискѣ всевозможными матеріалами, какъ-то: женскими платьями, матеріей въ кускахъ для фабрикаціи платьевъ уже въ морѣ (по мѣрѣ надобности, своими средствами), шиньонами, разной косметикой и прочимъ. Декораціи дѣлались тоже своими средствами, для чего на деревянныя рамы натягивалось полотно, а на полотно наклеивались шпалеры; окна же, печи и прочіе аксесуары комнаты рисовались на этихъ обтянутыхъ рамахъ или транспарантахъ самими же участниками. Занавѣсью служилъ большой кормовой флагъ. Иногда же встрѣчались такія пьесы, въ которыхъ сцена должна изображать лѣсъ или садъ; тогда декораціи вырѣзывались изъ толстаго картона и потомъ раскрашивались. Для спектаклей выбирались не одни только водевили, какъ это бываетъ большею частью на домашнихъ спектакляхъ, а ставились и довольно серіозныя пьесы; такъ, напримѣръ, переиграно было много пьесъ Островскаго, нѣсколько Гоголя и другія. И надо отдать справедливость, что роли выполнялись очень и очень добросовѣстно, что и не мудрено при такомъ большомъ обществѣ какъ наше, гдѣ талантовъ не занимать стать. Что же касается до женскаго персонала, то были такіе искусники, что какъ въ игрѣ, такъ и въ гримировкѣ не уступали нашимъ Александровскимъ примадоннамъ. Въ подтвержденіе этого я могу сослатся на судей болѣе компетентныхъ чѣмъ мы, а именно: намъ случилось разъ играть стоя на якорѣ, въ присутствіи туземнаго дамскаго общества, которое долго не могло увѣриться, что всѣ женскія роли исполняются мужчинами; такъ они были искусно одѣты и загримированы. Кромѣ театровъ иногда устраивались костюмированные балы, на которыхъ встрѣчались юмористическіе костюмы, совершенно импровизованные, но тѣмъ не менѣе намекающіе на какой либо общественный недостатокъ. При такомъ веселомъ составѣ общества скучать было положительно невозможно. Иногда, стоя на вахтѣ *), сердишься на какое либо неправильное исполненіе команды матросами и вмѣстѣ съ этимъ доносится до васъ съ низу острота какая нибудь, или веселый смѣхъ молодежи, или же мотивъ какой либо оперы, напоминающій веселое настроеніе духа сослуживцевъ; тутъ невольно исчезаетъ ваша суровость—къ общей радости, какъ вашей, такъ и команды.

Глядя на насъ и команда испросила себѣ разрѣшеніе дать спектакль. Да не подумаетъ читатель, что я подъ словомъ команда разумѣю матросовъ; нѣтъ, это особенная каста людей, называемыхъ офиціально разночинцами, а между нами фрегатской аристократіей. Эта каста состоитъ обыкновенно изъ фельдшеровъ, писарей, дьячка, артиллерійскаго унтеръ-офицера, капитанскаго лакея и тому подобныхъ. Вотъ они-то и заразились нашимъ примѣромъ и на первый разъ поставили, по иниціативѣ фельдшера, передѣланную имъ самимъ допотопную драму, которую онъ назвалъ *«Убійство посредствомъ коварности»*, гдѣ роль какого-то графа англичанина поручили играть младшему писарю, на томъ основаніи, что онъ *«немного понимаетъ по-чухонски»*. Безсмысленная передѣлка и безъ того уже безсмысленной драмы вызвала много хохоту, ибо въ ней встрѣчались монологи въ родѣ слѣдующаго: «Вамъ бы, графъ, слѣдовало написать отношеніе и тогда бы воспослѣдовало рѣшеніе....»

Но отъ команды драма потерпѣла полное фіаско, которое выразилось тѣмъ, что боцманъ рецензировалъ въ глаза фельдшеру его игру и пьесу такъ: «Господа покрайности хоть умѣютъ дурака ломать, а вы что.... одно слово сбродъ». Фельдшеръ не счелъ нужнымъ возражать на такое дерзкое замѣчаніе изъ презрѣнія къ такому, какъ онъ выражался, необразованному человѣку, а можетъ быть и оттого, что боцманъ, какое ни на есть, а все-таки начальство. А потому ограничился только гримасой и отозвавъ писаря замялъ непріятный разговоръ вопросомъ: «Посмотрите, Аѳанасій Ивановичъ *), какая славная погода на поверхности тихаго моря свирѣпствуетъ. Не правда ли, что при видѣ сей экстренности душа чувствуетъ невольный комплементъ, и такъ и хочется окончить жизнь свою посредствомъ смерти»,—на что писарь отвѣтилъ: «Вуй-съ, Созонтъ Лукичъ».

Но фельдшерское общество не унывало и съ каждымъ разомъ ставило все болѣе и болѣе раздирательныя драмы, но непремѣнно передѣланныя.

Во время масляницы, чтобы повеселить команду и напомнить ей нѣсколько родину, устроили горы,—для чего отъ средины задней мачты къ подножью средней натягивалась парусина шириною около 3-хъ аршинъ; по этой-то парусинѣ и совершалось катаніе на собственныхъ, природныхъ экипажахъ.

Всѣ эти развлеченія устраивались по большей части въ пассатной полосѣ, въ которой смѣло можно разсчитывать, что какъ сила вѣтра, такъ и его направленіе не измѣнятся; а потому и можно быть спокойнымъ, что въ продолженіи этого времени не случится никакихъ шкваловъ.

Описывая развлеченія собственно въ морѣ, я не могу пройти молчаніемъ—въ нѣкоторомъ родѣ офиціальное—празднованіе перехода черезъ экваторъ.

Незадолго до момента перехода, который опредѣляется астрономическимъ путемъ или же счисленіемъ, на бакѣ (носъ судна) начинаются у команды приготовленія къ празднеству.

Для этого устраивается колесница изъ ганшпуговъ съ роульсами **) такъ, что передніе два ганшпуга играютъ роль оглобель, а ихъ роульсы переднихъ колесъ; другіе два ганшпуга служатъ основаніемъ колесницы и концами своими привязываются къ переднимъ колесамъ, а ихъ роульсы — задними колесами. На такого рода колесницу или лучше сказать роспуски кладется рѣшотчатый люкъ, на который ставится большой обрѣзъ или чанъ съ водою. Мат-

*) Вахта очередное офицерское дежурство для управленія судномъ.

*) Надо замѣтить что эта каста обращаясь другъ къ другу говоритъ: *Вы*.

**) Ганшпугъ съ роульсомъ—толстая палка съ колесикомъ на концѣ.

Библиотека "Руниверс"

росъ, слывущій у команды за остряка-балагура, выбирается въ этомъ случаѣ на роль Нептуна, для чего раздѣвается до-нага, оставаясь только при поясѣ приличія. Голову украшаетъ пенковымъ парикомъ, на который надѣваетъ картонную зубчатую корону, затѣмъ вооружается раскрашеннымъ деревяннымъ трезубцемъ и въ такомъ видѣ влѣзаетъ въ чанъ съ водою поставленный на колесницу. Сзади, на запяткахъ, или лучше сказать на томъ пространствѣ, которое остается за постановкою чана, обнимая Нептуна помѣщается жена его Амфитрида. Для этой роли команда выбираетъ самаго некрасиваго коряваго матроса и наряжаетъ его въ кринолинъ, сдѣланный изъ бочечныхъ обручей и покрытый сверху краснымъ флагдукомъ (шерстяная матерія). Грудь Амфитриды совершенно обнажена, а голова украшена вѣнкомъ изъ вѣниковъ. Свита Нептуна состоитъ изъ его адъютанта и четырехъ городовыхъ при одномъ квартальномъ. Костюмъ адъютанта нисколько не отличается отъ костюма праотца Адама, если не считать офицерской сабли опоясывающей его, сапогъ и треугольной шляпы. Квартальный и городовые наряжаются въ старые офицерскіе сюртуки безъ погоновъ. съ воротниками, обшитыми краснымъ флагдукомъ, имѣя на головахъ бумажныя пожарныя каски.

Въ самый моментъ перехода, который всегда пригоняется такъ, чтобы совершился засвѣтло, — по командѣ вахтеннаго офицера, унтеръ-офицеры становятся къ большому (среднему) гротъ люку, хоромъ свистятъ въ дудки и потомъ хоромъ-же выкрикиваютъ: «Пошелъ всѣ наверхъ Иквакеръ *) переходить». Когда команда выйдетъ наверхъ, начинается торжественное шествіе колесницы съ бака на шханцы **). Впереди всѣхъ идетъ адъютантъ Нептуна съ обнаженной саблей, за нимъ хоръ музыки, играя какой нибудь маршъ, за музыкантами колесница съ царемъ морей, везомая шестью нагими матросами, съ ногъ до головы выпачканными сухимъ сурикомъ. По бокамъ колесницы городовые подъ предводительствомъ квартальнаго несутъ маленькій брандспойтъ. Дойдя до середины шханецъ, процессія, по мановенію трезубца Нептуна, останавливается. Адъютантъ тотчасъ-же подходитъ къ командиру судна, дѣлаетъ саблей честь и обращается съ такою рѣчью: «Нашъ морской царь Евтунъ приказалъ спросить ваше высокоблагородіе, какіе это пароходы мутятъ его воды и... и... и можно ли справить переходъ черезъ Иквакеръ?». Конечно, получается отвѣтъ благопріятный. Тогда квартальный подноситъ командиру вино, который, попробовавъ его, кладетъ на подносъ деньги—дань Нептуну за спокойствіе океана; при чемъ команда поетъ хвалебныя пѣсни въ родѣ слѣдующей:

Молодцамъ матросамъ
Не объ чемъ тужить,
Съ командиромъ хватомъ
Любо, братцы, жить.
Онъ насъ не печалитъ,
Онъ насъ не гнететъ,
Онъ за дѣло хвалитъ
И за дѣло бьетъ.
. . . . . .

и тому подобное.

Потомъ та же исторія съ каждымъ изъ офицеровъ, если онъ переходитъ экваторъ не въ первый разъ. Если же въ первый, что сообщается Нептуну, кѣмъ либо изъ офицеровъ заранѣе, — то царь морей, при подходѣ дерзновеннаго, начинаетъ окунаться, брызгаться и издавать нечеловѣческіе звуки, похожіе на рычаніе медвѣдя.

Это продолжается до тѣхъ поръ, пока виновникъ не будетъ спрыснутъ соленой океанской водой изъ брандспойта. Когда дойдетъ очередь до матросовъ, то съ ними Нептунъ распоряжается уже не такъ церемонно, а прямо сажаетъ подведеннаго, съ помощію городовыхъ и возницъ, въ чанъ, и при общемъ хохотѣ окунаетъ его нѣсколько разъ, смотря по степени сопротивленія. Но и тутъ соблюдается строгій порядокъ относительно того, чтобы не купать тѣхъ, которые переходятъ экваторъ не въ первый разъ. Вотъ здѣсь-то и необходима Нептуну его полиція, для розыска прячущихся отъ купанія. Перекупавъ такимъ образомъ всѣхъ, пересѣкающихъ экваторъ въ первый разъ, процессія отправляется обратно, съ тою только разницею, что на обратномъ пути страдаютъ отъ струй брандспойта—уже самъ Нептунъ и его свита.

Но ничто насъ такъ не досадовало, какъ стирка бѣлья на фрегатѣ. Нѣсколько разъ въ мѣсяцъ фрегатъ принималъ видъ прачешной. Въ эти дни или лучше сказать утра,—на палубѣ вездѣ вода, пройдти нѣтъ никакой возможности, чтобы не замочится и не помѣшать стирающимъ, расположеннымъ въ самыхъ живописныхъ позахъ по верхней палубѣ. Стирка эта, кромѣ своей оригинальности, замѣчательна еще тѣмъ, что матросы трутъ свое бѣлье не руками, какъ это дѣлаютъ прачки, а жесткими щетками, предварительно намазавъ его мыломъ. Подобный способъ мытья объясняется слишкомъ экономическими порціями прѣсной воды, раздаваемой матросамъ для стирки. Тѣ изъ команды, которые не прокучивали въ портахъ получаемаго ими жалованья и вслѣдствіе этого имѣли возможность, по приходѣ на рейдъ, отдавать свое бѣлье настоящимъ прачкамъ, — подтрунивали надъ стирающими. Большая часть подтрунивающихъ принадлежала къ фрегатской аристократіи. Одинъ разъ мнѣ удалось подслушать, какъ капитанскій деньщикъ, имѣвшій претензію на знаніе всевозможныхъ языковъ, подтрунивалъ надъ однимъ изъ стирающихъ унтеръ-офицеровъ такъ: «Пуркува ву тужуръ всегда стираете сами, жё отдаю свой лапжъ и прочее блашезѣ». Воскресенье на военномъ суднѣ нѣсколько отличается отъ будничной жизни. Утромъ команда переодѣвается въ чистое платье и выстраивается на верхней палубѣ, гдѣ командиръ здоровается съ нею, а иногда и опрашиваетъ претензіи, послѣ чего читается командѣ нѣсколько главъ изъ морскаго устава и уложенія о наказаніяхъ за проступки. Затѣмъ всѣ спускаются въ батарейную (закрытую) палубу, для слушанія обѣдни. Надо замѣтить, что каждую субботу для всенощной и каждый праздникъ для обѣдни складывается алтарь изъ нѣсколькихъ ширмъ, съ нарисованными на нихъ образами, соединяющихся между собою петлями. Затѣмъ іеромонахъ начинаетъ служеніе, во время котораго на средней мачтѣ поднимается бѣлый флагъ съ краснымъ крестомъ посрединѣ, — знакъ того, что на суднѣ идетъ церковное Богослуженіе. По окончаніи обѣдни, команда располагается обѣдать и потомъ часъ или два отдыхать. Послѣ чего раздается свистокъ: «Вставать, веселиться, пѣсни пѣть, играть!» Да не удивится читатель, что такъ безцеремонно обращаются съ состояніемъ человѣческаго духа, что даже и веселиться заставляютъ по командѣ. По издавна заведенному порядку, на военномъ суднѣ совершается все по свистку, а слѣдовательно и всякія игры. Матросовъ нерасположенныхъ почему либо къ веселью—не принуждаютъ, а развѣ сами-же товарищи начнутъ подсмѣиваться надъ тюфяками-философами и тѣмъ самымъ заставляютъ ихъ, если не теперь, то на будущее время быть нѣсколько поразвязнѣе и не отказываться отъ общихъ развлеченій.

В. Савичъ.

(Продолженіе будетъ).

*) Экваторъ выговариваютъ кто какъ умѣетъ.

**) Шханцы—пространство между задней и средней мачтами.

Судебная Хроника.

30-го апрѣля, с-петербургскимъ окружнымъ судомъ разбиралось, между прочимъ, дѣло, извѣстное всему Петербургу и вызвавшее въ свое время много толковъ какъ въ обществѣ, такъ и въ печати, — дѣло отставнаго штабъ-ротмистра Колемина, обвинявшагося въ устройствѣ у себя игорнаго дома. Обстоятельства этого дѣла, судя по обвинительному акту, заключаются въ слѣдующемъ: До свѣдѣнія прокурора спб. окружнаго суда дошло, что въ домѣ Абамелекъ, на Михайловской площади, въ квартирѣ Колемина, происходитъ азартная игра въ рулетку. Произведеннымъ затѣмъ дознаніемъ обнаружено несомнѣнное существованіе у Колемина игорнаго дома. Вслѣдствіе того, въ ночь на 15-е марта 1874 года, въ квартиру Колемина прибыли: судебный слѣдователь съ мѣстнымъ товарищемъ прокурора, полиціей и понятыми и въ одной изъ комнатъ застали Колемина и 13 игроковъ, сидѣвшихъ вокругъ большаго стола, со вдѣланною вскрытнѣ рулеткою и суконною покрышкою, на которой отпечатаны обычные при игрѣ въ рулетку нумера и надписи. Колеминъ держалъ банкъ. Передъ банкометомъ и сидѣвшимъ противъ него подполковникомъ Бендерскимъ были кучи золотыхъ монетъ, а также кредитные билеты, всего на сумму до 14 тысячъ рублей. Всѣ эти деньги оказались принадлежащими Колемину. Гости оказались едва знакомыми Колемину, а одного изъ нихъ онъ даже вовсе не могъ назвать по фамиліи. При осмотрѣ квартиры Колемина, найдены 8 рулетокъ, невдѣланныхъ въ столы, и книги приходорасходныя, счетныя и долговыя, изъ которыхъ видно, что игра у Колемина шла постоянно и въ опредѣленные дни съ ноября 1872 года и что онъ былъ почти въ постоянномъ выигрышѣ. Кромѣ того, спросомъ присутствовавшихъ въ тотъ вечеръ у Колемина, прислуги и другихъ свидѣтелей выяснилось: что игра въ рулетку происходила у Колемина сначала по два, а потомъ и по три раза въ недѣлю, въ одни и тѣ же опредѣленные часы; что всѣмъ приходившимъ предлагалось даровое угощеніе; что входъ въ квартиру и участіе въ игрѣ были свободны для всякаго, кого рекомендовалъ кто-либо изъ игроковъ; что значительное число лицъ посѣщало Колемина собственно только для игры, не ведя съ нимъ помимо того знакомства и не принимая его у себя; что нѣкоторые посѣтители постоянно помогали ему въ счетахъ, участвуя извѣстною долею въ выигрышѣ и проигрышѣ банка. Гостей собиралось иногда до 30; послѣ игры они ужинали; рулетки частію выписаны были Колеминымъ изъ за-границы, частію же петербургскаго издѣлія; банкъ обыкновенно держалъ самъ Колеминъ, за счетъ онъ платилъ извѣстный процентъ своему знакомому и бывшему сослуживцу Тебенькову.—Судъ, признавъ Колемина (26 лѣтъ) виновнымъ въ устройствѣ въ своемъ домѣ рода заведенія для запрещенной игры, на основаніи 990, 42, 84 статей Улож. о наказ., 1254 ст.

Библиотека "Руниверс"

Уст. Гражд. судопр., 777 ст. Угол. судопр. и 512 ст. Уст. о предъупр. и прес. прест. XIV тома Св. Зак., постановилъ: подвергнуть его денежному взысканію въ пользу государственнаго дохода въ количествѣ 2,000 рублей, а въ случаѣ несостоятельности къ уплатѣ взысканія — заключить въ тюрьму на 6 мѣсяцевъ; обратить на него судебныя издержки; находящіяся при дѣлѣ вещественныя доказательства уничтожить; добытыя преступными дѣйствіями Колемина деньги, въ количествѣ 35,607 рублей 25 коп., возвратить лицамъ, отъ которыхъ деньги получены; съ деньгами, которыя останутся неистребованными, поступить въ порядкѣ, указанномъ въ 512 ст. Устава о пред. и пресѣч. прест. 14 т. Св. Законовъ.

Въ томъ же засѣданіи суда разсматривалось дѣло, возникшее изъ памятной всѣмъ катастрофы на Ладожскомъ озерѣ, случившейся въ ночь съ 8-го на 9-е октября 1873 года. Обстоятельства, подавшія поводъ къ уголовному преслѣдованію нѣкоторыхъ лицъ, заключаются въ слѣдующемъ: 8-го октября, въ 1 часъ по полуночи, пароходъ «Царь», принадлежавшій обществу петрозаводскаго пароходства, имѣя около 150 пассажировъ, снялся съ якоря, на которомъ онъ стоялъ въ устьяхъ рѣки Свири, и пошелъ въ озеро. Была тихая, ясная, звѣздная ночь; волненія не было, легкая зыбь шла по направленію С. З. Огни парахода были поставлены правильно и горѣли хорошо. Около 3 часовъ, влѣво отъ направленія парохода «Царь», показался бѣлый (мачтовый) огонь парохода «Царица», который шелъ навстрѣчу; черезъ нѣсколько времени показался красный огонь (означающій лѣвую сторону парохода), затѣмъ этотъ огонь вдругъ пропалъ и показался зеленый огонь, зажигаемый на правой сторонѣ. Ввиду подобнаго курса «Царицы», капитанъ парохода «Царь» приказалъ, во избѣжаніе несчастія, взять вправо, но въ это время пароходъ «Царица» врѣзался носомъ въ лѣвую сторону кормовой части «Царя», который быстро сталъ наполняться водой и потонулъ ввиду парохода «Царица», на который спаслось большинство пассажировъ; тѣмъ не менѣе погибло отъ 30 до 50 человѣкъ, а убытки отъ крушенія ровняются 165,000 рублей. Первоначальное слѣдствіе по этому дѣлу обнаружило, что курсъ парохода «Царь» былъ совершенно правиленъ,—что, напротивъ того, курсъ взятый пароходомъ «Царица» могъ только ввести въ заблужденіе капитана пар. «Царь» и быть главною причиной столкновенія; что вмѣсто капитана, который сидѣлъ въ каютѣ 1-го класса, пароходомъ «Царица» во время катастрофы и до нея управляли шкиперъ и рулевой, тогда-какъ нахожденіе на мостикѣ при встрѣчѣ съ другимъ пароходомъ, въ данномъ случаѣ и при данныхъ условіяхъ, было для капитана положительно обязательнымъ; что, по показанію экспертовъ, рулевой «Царицы» правилъ дурно, рыскалъ то въ ту, то въ другую сторону, чрезъ-что ввелъ въ недоумѣніе командира пар. «Царь.» Ввиду всѣхъ этихъ обстоятельствъ, капитанъ, шкиперъ и рулевой парохода «Царица» и преданы были были суду петербургскаго окружнаго суда, который, по выслушаніи заключенія прокурора, отзывовъ свидѣтелей и мнѣній экспертовъ,—удостовѣрившихъ, что кромѣ лицъ, служившихъ на пароходѣ «Царица», къ суду должны быть привлечены и лица, служившія на пар. «Царь»,—постановилъ: пріостановить дальнѣйшее производство дѣла, исключить его изъ числа нерѣшенныхъ и возвратить на дальнѣйшее распоряженіе прокурорскому надзору.

Смѣсь.

Искуственные камни. Производство искуственныхъ камней сдѣлало въ послѣднее время значительные успѣхи, и результаты его кажется дѣйствительно ведутъ если не къ совершенному вытѣсненію кирпича и плитняка, то во всякомъ случаѣ къ сильной конкуренціи съ ними. Мы хотимъ здѣсь сообщить нашимъ читателямъ различныя методы фабрикаціи искуственнаго плитняка и вмѣстѣ съ тѣмъ передать испытаніе, которому онъ былъ подвергнутъ относительно его крѣпости. Отличный искуственный камень приготовляетъ англичанинъ *Алленъ*. Онъ смѣшиваетъ 1 часть угольной пыли или мелкой золы съ 5—6 частями хорошаго портландскаго цемента. Что касается твердости, непромокаемости и огнепостоянности, то камни эти смѣло могутъ быть рекомендованы, и въ Англіи уже получили большое примѣненіе. Кирпичи или формуются особеннымъ употребительнымъ здѣсь образомъ и обжигаются на кострахъ, или прессуются въ красивыхъ гладкихъ формахъ откуда они выходятъ очень ровными, съ хорошенькимъ ободкомъ, и могутъ идти на наружную обкладку стѣнъ. Г. Берндъ въ Дейбенѣ, около Дрездена, изготовляетъ цементный кирпичъ слѣдующимъ образомъ: онъ смѣшиваетъ разведенную известь и каменноугольную золу въ довольно густую массу, наполняетъ ею кирпичныя формы и вываливаетъ кирпичи изъ формъ на ровную землю или на доски, какъ это дѣлаютъ съ глиняными кирпичами. Эти кирпичи впрочемъ не имѣютъ достаточной крѣпости; гораздо лучше когда сыроватую смѣсь, состоящую изъ каменноугольной золы и жидкой извести, хорошенько уминаютъ, отчего происходитъ плотное соединеніе отдѣльныхъ частицъ. Видъ этихъ послѣднихъ, очень крѣпкихъ кирпичей, гладокъ и красивъ. Методы приготовленія плитняка весьма различны; до сихъ поръ лучшими способами считается слѣдующіе: смѣшиваютъ отъ 1 до 5 частей песку, 1 часть сухой извести и 1 часть цемента—съ небольшимъ количествомъ воды, такъ чтобы не образовывалось каши, но чтобы цементъ и известь все-таки растворились. Масса уминается тонкими слоями, особенно въ углахъ и стѣнкахъ, чтобы частицы улеглись какъ можно крѣпче. Сформованные куски сушатъ на воздухѣ, потомъ опускаютъ ихъ въ растворъ жидкаго стекла, гдѣ они остаются отъ 2 до 3 дней. Высохнувъ они они становятся тверды какъ камень. Этотъ камень очень хорошъ для карнизовъ и орнаментовъ; его можно пожалуй поставить даже на ряду съ такъ-называемыми Рангомскими камнями. Эти послѣдніе изготовляются изъ смѣси цемента, промытаго мѣла и песку, смѣшанныхъ съ водой въ довольно жидкое тѣсто. Изъ числа трехъ испробованныхъ отношеній смѣси, самымъ лучшимъ было признано слѣдующее: 6 частей цемента, 12 частей промытаго мѣла, 6 частей мелкаго песку, 1 часть кремневаго гура. Эти камни твердѣютъ весьма скоро. На цементномъ заводѣ *Росслера* въ Кемницѣ изготовляются искусственные камни для лѣстницъ, состоящіе изъ смѣси 3 частей цемента и 5 частей кварцеваго песку. Опыты, произведенные надъ крѣпостью этого камня, дали весьма удовлетворительные результаты. Мы остановимся на этихъ опытахъ нѣсколько подробнѣе. Аппаратъ для производства опыта состоялъ просто изъ двухъ поставленныхъ вертикально въ нѣкоторомъ разстояніи другъ отъ друга песчаниковыхъ плитъ, сверхъ которыхъ была вертикально положена испытуемая ступенька для лѣстницы, вмазанная известковымъ растворомъ и хорошо укрѣпленная. Она имѣла 1,70 метровъ длины, лежала свободно на пространствѣ 1, 41 метра, имѣла 18, 5 сант. толщины, 36, 5 сант. ширины, и была, какъ обыкновенно, скошена снизу. Поверхность ея поперечнаго разрѣза равнялась 455,24 квадратнымъ сантиметрамъ, вѣсу въ ней было 176,5 килограммовъ. Она была изготовлена за три мѣсяца до опыта и состояла изъ вышеописанной смѣси. Подъ прямымъ угломъ надъ серединой свободнаго пространства этой ступени была положена экипажная ось (около 9 сант. квадр. сант. въ разрѣзѣ), на концахъ которой находились, въ родѣ вѣсовыхъ чашекъ, придѣланныя на цѣпяхъ крѣпкія доски, назначаемыя для принятія желѣзныхъ гирь. Нѣкоторыя предохранительныя приспособленія противъ сильнаго сотрясенія въ случаѣ перелома и паденія обломковъ ступени, — дополняли аппаратъ. Ступень сломалась почти на самой срединѣ своей, отъ постепеннаго прибавленія на нее тяжести въ 834 килограмма, кромѣ 97 килограммовъ, которые надо прибавить на ось, цѣпи и доски, слѣдовательно при 931 килогр. спокойнаго груза на серединѣ. — Поверхности излома были очень ровны, разломъ былъ почти подъ прямымъ угломъ съ длиною ступени, находился на разстояніи 7,2 сант. отъ нагруженной оси, и при ближайшемъ изслѣдованіи, оказался совершенно равномѣрнымъ. На основаніи этого, сила сопротивленія этого поперечнаго разрѣза ступени высчитана кругомъ въ 993 килограмма и коэфиціентъ крѣпости цементной массы въ 33 килограмма на квадратный сантиметръ. Лѣстничная ступень изъ кемницкаго порфирнаго туфа (такъ-называемаго глинянаго порфира), взятаго за два мѣсяца съ лучшихъ ломокъ и хорошаго высушеннаго, имѣвшая точно такіе же размѣры, сломалась посерединѣ при грузѣ въ 714,5 килограмма. Поверхность излома была также довольно ровна, линія разлома также приходилась подъ прямымъ угломъ съ длиною ступени и отдалена на 10 сант. (вправо) отъ тяжести. Сила сопротивленія поперечнаго разрѣза этой ступени высчитывается въ 969 и коэфиціентъ преломленія въ 26 килограммовъ на квадратный сантиметръ. Итакъ, изъ этого видно, что ступени сдѣланныя изъ искуственнаго камня даже превосходятъ крѣпостью ступени изъ натуральнаго камня. Приведенныхъ примѣровъ, мы полагаемъ, достаточно, чтобы обратить вниманіе нашихъ читателей на превосходныя качества искуственныхъ камней, примѣненіемъ которыхъ сберегаются большія суммы денегъ.

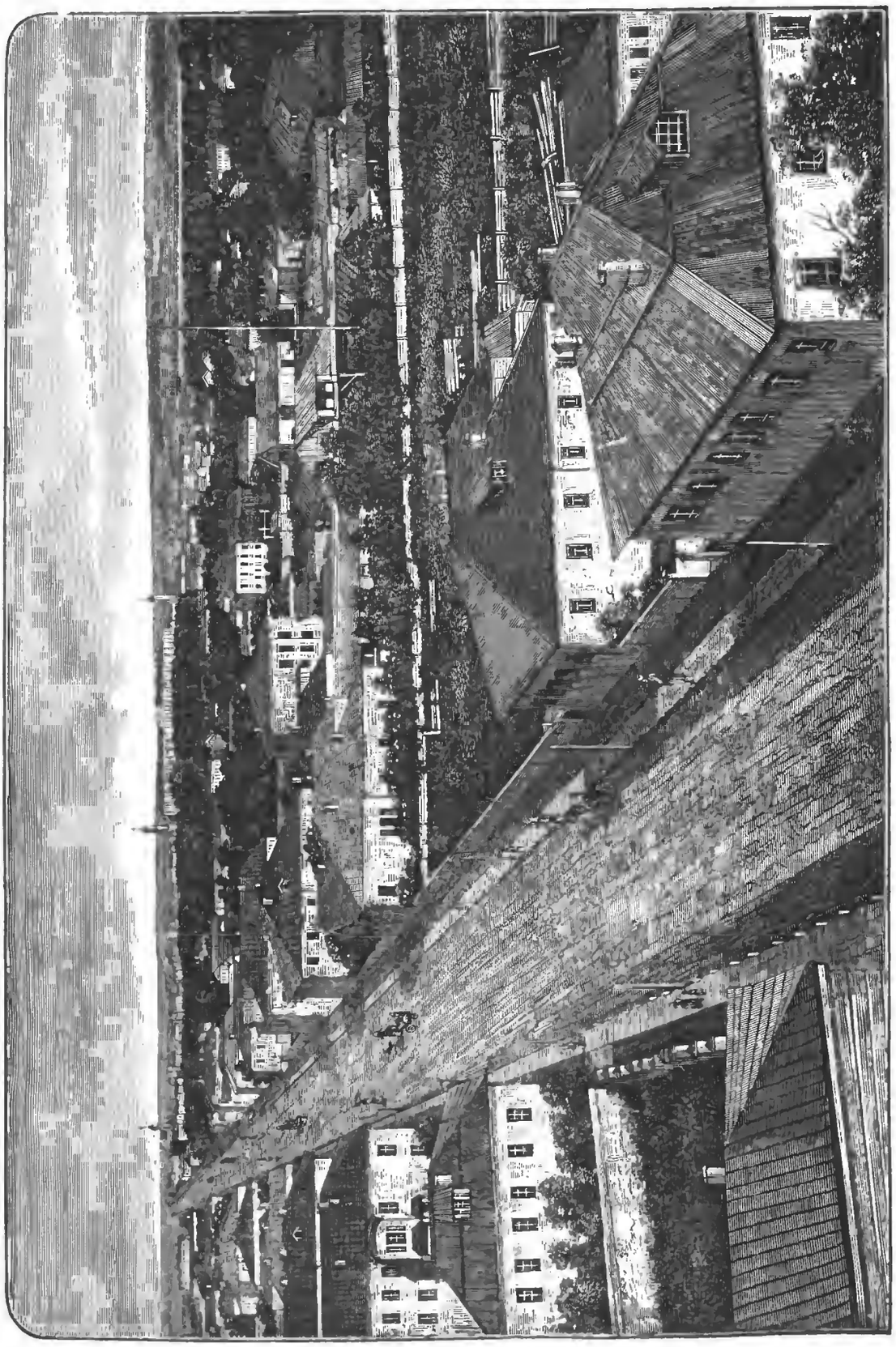
Бѣдовыя чернила.

— Убирайтесь вонъ! говорилъ мистеръ Прингль.—Убирайтесь и заприте дверь! Мнѣ ничего не нужно изъ вашихъ товаровъ.

— Вы можете такъ говорить только тогда, когда посмотрите что у меня есть, возразилъ разнощикъ, влѣзая въ кабинетъ. — Вѣдь я за показъ денегъ не беру; я всегда со всѣмъ удовольствіемъ готовъ услужить покупателю. У меня тутъ тысяча такихъ вещицъ, что безъ нихъ кабинетъ джентльмена никакъ не можетъ обойдтись.

— Да вѣдь говорятъ вамъ, мнѣ нечего не нужно, воскликнулъ мистеръ Прингль, который съ перомъ въ рукѣ и съ двумя перьями

Библиотека "Руниверс"



Нѣмецкая слобода въ Архангельскѣ. Рис. Космаковъ, грав. Боярскій.

Библиотека "Руниверс"

торчавшими у него изъ за каждаго уха, занимался надъ юридическимъ сочиненіемъ, то и дѣло заглядывая въ лежавшую на столѣ толстую черную книгу.

— А я повторяю вамъ, что это мнѣ ровно ничего не значитъ. Я вамъ все-таки покажу свой товаръ, и онъ началъ раскладывать его на столѣ.—Вотъ-съ модная чернильница и ручка для перьевъ, всего полъ-доллара. Вотъ вѣчное перо, два шиллинга,—извольте только помакнуть это перо въ чернила. сами не надивитесь какъ оно пишетъ.

— Кажется у меня нѣтъ недостатка ни въ чернильницахъ ни въ перьяхъ! отвѣчалъ мистеръ Прингль, показывая на своемъ столѣ на эти предметы.—Вы приносите уголь въ угольныя копи; право всего лучше вы сдѣлаете, если уйдете прочь.

— И, да у меня еще есть другія вещи! Вотъ ножикъ, точно нарочно сдѣланъ для холостаго человѣка. Шесть клинковъ, и всѣ изъ лучшей стали: вотъ тутъ напильникъ, а вотъ штопоръ; вотъ инструментъ чтобы открывать коробки съ сардинками. Для холостяка, который такъ заваленъ дѣлами, что долженъ завтракать у себя въ кабинетѣ, ничего не можетъ быть лучше тартинки съ сардинками и стаканомъ эля, а вы-то знатокъ въ немъ, какъ я вижу. Пропасть инструментовъ въ одномъ ножичкѣ, и всѣ они у васъ подъ руками. Всего долларъ. Ужъ навѣрное такая штучка вамъ нужна.

Разнощикъ вертѣлъ ножичкомъ передъ носомъ стряпчаго, но тотъ оставался непреклоннымъ.

— Говорю вамъ, у меня есть рѣшительно все, что только мнѣ нужно для моей земной жизни! раздражительно отвѣчалъ мистеръ Прингль.

— Можетъ статься вамъ такъ кажется, сказалъ разнощикъ,— только не закаивайтесь, пока не посмотрите мои остальные товары. Отличныя зубочистки? Не нужно. Удивительно дѣло! Мыло? Растительное средство для волосъ? А... вотъ ужъ это такъ вамъ надо: чернила для волокитъ! Вотъ, извольте-ка взять, не упускайте ихъ изъ рукъ.

— Убирайтесь вы къ чорту! За кого вы меня принимаете? — разгнѣвался юристъ.—Съ ума вы сошли? вы хотите вѣрно чтобы васъ заперли въ сумасшедшій домъ?

— Взгляньте-ка сюда, сэръ! говорилъ разнощикъ, засунувъ большой палецъ въ жилетный карманъ и держа въ обѣихъ рукахъ по маленькой синей бутылочкѣ.—Я принимаю васъ за того кто вы есть—за первѣйшаго адвоката съ отличной практикой и съ большимъ талантомъ. А такая вещь можетъ пригодиться всякому умному человѣку. Чернила эти, когда только-что ими написано, такъ черны какъ лучше быть не надо; но меньше чѣмъ въ три недѣли они совсѣмъ пропадаютъ, такъ что и слѣдовъ не остается написаннаго. Я самъ употребляю ихъ, когда случается писать любовныя цидулочки. Меня никто не потянетъ въ судъ за нарушеніе письменнаго обѣщанія жениться. Вотъ потрудитесь взять, всего на всего 25 центовъ.

— Вы говорите, писанное исчезаетъ въ три недѣли? спросилъ мистеръ Прингль, взявъ бутылочку.

— Совсѣмъ исчезаетъ, отвѣчалъ разнощикъ.

— Я возьму ихъ, сказалъ мистеръ Прингль.

— Одну бутылочку? спросилъ разнощикъ.

— Да, отвѣчалъ мистеръ Прингль.

— Хорошо. Ужъ я зналъ, что что-нибудь да найдется у меня, что вамъ понадобится! Нѣтъ такого человѣка, ни мужчины ни женщины, чтобы ни нашелъ между моими товарами чего подходящаго. Будьте здоровы!

И онъ ушелъ съ своимъ коробомъ за плечами, а мистеръ Прингль остался съ чернильной бутылочкой, которую онъ держалъ между пальцами.

— Они мнѣ пригодятся, сказалъ онъ самъ себѣ, и подумалъ объ одномъ случаѣ, очень занимавшимъ его умъ въ настоящую минуту. Онъ былъ слишкомъ опытнымъ адвокатомъ чтобы не знать, что разъ написанное можетъ въ одинъ прекрасный день послужить уликой противъ извѣстнаго лица,—и вслѣдствіе этого онъ отказывалъ себѣ въ удовольствіи вести переписку съ миссъ Лотти Лаутонъ, въ которую онъ былъ очень влюбленъ, а она жила за нѣсколько миль отъ города и дѣла не позволяли ему часто бывать у нея.

Мистеръ Прингль еще не пришелъ относительно миссъ Лотти Лаутонъ ни къ какому положительному рѣшенію, между тѣмъ ему очень улыбалась перспектива помѣняться съ хорошенькой дѣвушкой нѣсколькими нѣжными словами; теперь обладая чернилами, которыя исчезаютъ черезъ три недѣли, можно было безопасно писать ей. Онъ поставилъ бутылочку на письменный столъ, окончилъ свои занятія, и въ тотъ же вечеръ написалъ письмо миссъ Лаутонъ, принявъ предосторожность чтобы ни на бумагѣ ни на конвертѣ не было его вензеля.

— Ей никогда и въ голову ничего не придетъ, думалъ мистеръ Прингль. — Во всякомъ случаѣ это отличная штука. Если я на ней не женюсь, она не можетъ этого требовать на основаніи писемъ. Если же женюсь, то ей нельзя будетъ сунуть мнѣ подъ носъ письма и сказать: Когда я еще не была мистриссъ Прингль, вы мнѣ писали то-то и то-то.

Письмецо вышло прехорошенькое; оно было написано такъ, что навѣрное должно было покорить сердце дѣвушки, и ужъ во всякомъ случаѣ смягчить ея гнѣвъ, еслибы она разсердилась за письмо.

Но послѣдняго не случилось. Миссъ Лаутонъ отвѣчала ему. Ее очень обрадовало письмо мистера Прингля.

А мистеръ Прингль, будучи почти убѣжденъ что миссъ Лотти сдѣлается наслѣдницей имѣнія Тофтъ, такъ усердно продолжалъ переписку, что бутылочка скоро опорожнилась почти на половину, какъ вдругъ онъ узналъ, что есть въ живыхъ еще ближайшій наслѣдникъ старой-старой мистриссъ Тофтъ.

Тутъ у него явились подозрѣнія что миссъ Лаутонъ бѣлится и румянится, что она пятью годами старше, чѣмъ себя выдаетъ, вообще вовсе не годится ему въ жены, и онъ прекратилъ свои письма.

Миссъ Лаутонъ, которая въ самомъ дѣлѣ была гораздо моложе Прингля и очень недурна собой, съ недѣлю или съ двѣ ждала письма отъ него и въ простотѣ сердца думала, чѣмъ же она могла обидѣть мистера Прингля.

Женщина непремѣнно любитъ того, кто увѣряетъ ее въ своей любви. Но миссъ Лаутонъ не дѣлала ему никакихъ упрековъ, а еще менѣе думала подавать на него жалобу за нарушеніе обѣщанія жениться на ней, хотя онъ покинулъ ее, такъ сказать, у подножія алтаря. Письма мистера Прингля могли бы быть написаны самыми обыкновенными чернилами, безъ малѣйшей опасности для него. Невинная деревенская барышня берегла бы ихъ развѣ на память о джентльменѣ, который нѣкогда клялся ей въ любви.

Мистеръ Прингль между тѣмъ восхищался своей хитростью, когда вспоминалъ объ этомъ эпизодѣ, и спокойно продолжалъ свою дѣловую карьеру.

Время шло да шло. Маленькая синяя бутылочка, съ стеклянной пробкой и остатками чернилъ на днѣ, все еще стояла на письменномъ столѣ Прингля. Писарь его ничего не зналъ о чернилахъ, да еслибы ему и было извѣстно ихъ таинственное свойство, такъ ему не было никакого резона желать чтобы его любовныя письма уничтожались черезъ три недѣли. Что касается же мистера Прингля, то въ своихъ новыхъ похожденіяхъ, онъ упражнялся больше словесно, чернила ему не требовалось. Разнощикъ съ тѣхъ поръ не появлялся; объ чернилахъ такъ и позабыли.

Одинъ изъ старѣйшихъ и значительнѣйшихъ довѣрителей мистера Прингля опасно занемогъ и разъ утромъ прислалъ какъ можно скорѣе просить его къ себѣ. Мистеръ Прингль немедленно отправился. Этотъ довѣритель былъ очень скупой старикъ, который при всемъ своемъ богатствѣ, отказывалъ себѣ рѣшительно во всемъ. Онъ нанималъ маленькую комнатку въ ресторанѣ, рядомъ съ конторой Прингля; вся его мебель заключалась въ деревянной кровати, столѣ и одномъ стулѣ. Маленькая желѣзная печка, стоявшая въ углу комнаты, была подаркомъ домоваго хозяина.

— Прингль, сказалъ старикъ, когда къ нему вошелъ его стряпчій,—я чувствую себя очень скверно.

— Мнѣ весьма грустно, сэръ Патези, слышать это! отвѣчалъ Прингль.

— Мнѣ нисколько, сказалъ Патези, — жизнь нынче слишкомъ дорога.

— Но вѣдь и умереть не дешево стоитъ, сэръ! Обдумайте это, сэръ! возразилъ Прингль, которому не очень-то хотѣлась лишиться выгодной практики.

— Да, дорогонекъ этотъ свѣтъ, простоналъ скряга.—Ну-съ, я позвалъ васъ чтобы изложить мою послѣднюю волю.

— Весь къ вашимъ услугахъ, сэръ, отвѣчалъ Прингль.

— Пошлите за вещами, какія вамъ нужны, или сейчасъ же принесите ихъ сами, сказалъ сэръ Патези.—Смотрите же, исполните все пунктуально. Я не хочу чтобы послѣ меня хоть одинъ центъ достался моему брату и его двумъ сыновьямъ, которые во всю свою жизнь были безпутными мотами и больше ничего. Не удастся имъ просадить моихъ денежекъ послѣ моей смерти! Нѣтъ. Поторопитесь, Прингль.

— Налейте поскорѣе чернилъ въ мою карманную чернильницу, сказалъ Прингль своему писарю Тому, — и приготовьте мнѣ пару перьевъ.

Этимъ временемъ онъ собралъ какую нужно гербовую бумагу и печати, и черезъ десять минутъ былъ уже опять у сэра Патези.

— Вы, Прингль, знаете приблизительно какъ велико мое состояніе? спросилъ старикъ.

— Около 300,000 долларовъ, сэръ, сказалъ Прингль,—и я надѣюсь, что вы еще долго будете пользоваться вашимъ богатствомъ.

— Ну! отвѣчалъ старикъ.—Можетъ быть вы и въ самомъ дѣлѣ такъ думаете. Вы всегда усердно слѣдили за моими интересами, сэръ. Счеты ваши были всегда въ порядкѣ. Въ имѣніи 150,000 долларовъ, въ долговыхъ обязательствахъ, ипотекахъ, векселяхъ и наличными деньгами еще 150,000 долларовъ. Прингль, имѣніе свое я хочу оставить въ пользу Трифалирскаго сиротскаго дома, а остальное мое состояніе отказать вамъ. Напишите духовную такъ, чтобы мой братъ и его сыновья никакъ не могли привязаться къ ней.

— Неужели, сэръ? воскликнулъ Прингль: — я не могу вѣрить, что я не ослышался.

— Однако это сущая правда, возразилъ старикъ. — Ну-съ, за дѣло!

— Если вы дѣйствительно имѣете такія милостивыя намѣренія, бормоталъ Прингль, который отъ волненія едва могъ говорить,— то я долженъ позвать сюда одного изъ моихъ коллегъ. Я не могу самъ писать духовнаго завѣщанія, дѣлаемаго въ мою пользу. Оно не можетъ тогда имѣть законной силы...

Библиотека "Руниверс"

— Правда, правда! перебилъ его старикъ.—Духовная должна быть сдѣлана такъ, чтобы въ ней ничего нельзя было оспаривать. Пошлите за кѣмъ нибудь.

Мистеръ Прингль написалъ любезнѣйшее письмо мистеру Сэвори въ Нассау-Стритъ, прося: не можетъ ли онъ пожаловать сюда. Мистеръ Сэвори пришелъ. Духовная была составлена, духовная, дѣлавшая мистера Прингля наслѣдникомъ состоянія въ 150,000 долларовъ. Содержатель ресторана и его жена подписались на духовной въ качествѣ свидѣтелей. Старикъ Патези подписалъ ее, всѣ необходимыя формальности были соблюдены, затѣмъ мистеръ Сэвори взялъ духовную къ себѣ на сохраненіе, поздравляя своего коллегу съ неожиданнымъ счастіемъ. Мистера Прингля происшествіе это до того взбудоражило, что возвратясь домой онъ началъ танцовать по кабинету, что удивило Тома не менѣе доллара́, полученнаго имъ въ подарокъ отъ мистера Прингля. Томъ, какъ большинство адвокатскихъ писарей, получалъ весьма скудное жалованье, а квартиру и столъ имѣлъ отъ своихъ родителей; подарокъ мистеръ Прингля поразилъ Тома столько же, сколько самого мистера Прингля наслѣдство.

За старикомъ Патези между тѣмъ—хорошо ухаживали; ему давали вдоволь вина и чаю. Наслѣдникъ, который принялъ на себя расходы на эти укрѣпляющія средства, не подмѣшивалъ въ нихъ ни мышьяку ни стрихнина. Онъ ухаживалъ за больнымъ заботливо и добросовѣстно. Тѣмъ не менѣе жизненная нить мистера Патези приближалась къ концу. Въ одно утро онъ умеръ, и передъ этимъ еще увѣщевалъ мистера Прингля брать примѣръ съ него и не тратить денегъ. И вдругъ мистеръ Прингль почувствовалъ себя богатымъ! Онъ сдѣлалъ своему благодѣтелю богатые похороны съ разными дорогими церемоніями, все это на свой счетъ, и почтилъ его память глубокимъ трауромъ. Наконецъ съ очень печальной миной пришелъ онъ въ маленькую комнатку въ ресторанѣ, гдѣ мистеръ Сэвори долженъ былъ прочесть послѣднюю волю покойнаго. Въ числѣ публики было двое постороннихъ—братъ умершаго Патези съ сыномъ. Они даже не были въ траурѣ.

— Милостивые государи, началъ мистеръ Сэвори,—я держу въ рукахъ духовное завѣщаніе, заключающее въ себѣ послѣднюю волю нашего умершаго друга, которое, какъ я могу это засвидѣтельствовать, было сдѣлано имъ въ полномъ обладаніи умственныхъ способностей и памяти. Онъ отошелъ туда, гдѣ земныя блага не имѣютъ никакой цѣны, какъ добрый другъ нашъ, присутствующій здѣсь господинъ пасторъ—при этихъ словахъ онъ поклонился въ его сторону—сказалъ намъ въ своей рѣчи; эти блага принадлежатъ живымъ, которымъ покойный завѣщалъ ихъ.

— Послѣдняя воля и духовное завѣщаніе сэра Роджера Унтингтена Патези,—продолжалъ мистеръ Сэвори, читая надпись конверта, который онъ держалъ въ рукахъ и сламывая печати.

Мистеръ Прингль поднялъ глаза къ потолку и вздохнулъ. Братъ сэра Патези взглянулъ на него и сдѣлалъ гримасу. Пасторъ благочестиво улыбался. Хозяинъ дома посмотрѣлъ на свою жену. Молодой Патези металъ яростные взгляды на домохозяина.

— Ровно три недѣли тому назадъ были мы у него, заговорилъ опять мистеръ Сэвори;—и вотъ мы опять здѣсь, а онъ... О-о-о!..

— Что это такое? вскрикнула хозяйка. — Вы ничего не видѣли?

Добрая женщина говорила о привидѣніи; но, сама того не зная, высказала дѣйствительный фактъ. Мистеръ Сэвори ничего не видѣлъ. Нечего было видѣть.

— Я могу поклясться, что это тотъ самый гербовый листъ, на которомъ я писалъ завѣщаніе и положилъ на него печати! воскликнулъ онъ;—но, честное слово, изъ написаннаго не видно ни одной буквы, исключая надписи, которую я сдѣлалъ потомъ у себя на дому, послѣ того какъ я еще разъ перечиталъ завѣщаніе. Я не знаю что думать. Не можете ли вы объяснить этого, мистеръ Прингль? Тутъ дѣло идетъ о вашихъ интересахъ. Какую я могъ сдѣлать ошибку?

Дѣло дѣйствительно шло объ интересахъ мистера Прингля, и онъ могъ объяснить странное обстоятельство, но не во всеуслышаніе. Онъ зналъ теперь такъ же вѣрно, какъ еслибы видѣлъ это собственными глазами, что Томъ, совершенно невинно, налилъ его карманную чернильницу изъ бутылочки съ волокитными чернилами, которыя исчезаютъ черезъ три недѣли и которыя онъ купилъ чтобы писать ими письма бѣдненькой миссъ Лотти Лаутонъ. Онъ вспомнилъ, какъ напрасно искалъ въ своей записной книжкѣ замѣтки, сдѣланныя имъ въ тотъ самый день три недѣли тому назадъ. Онъ зналъ, что его 150,000 долларовъ улетятъ въ трубу, но ничего не сказалъ.

Онъ помогалъ искать завѣщаніе. Мистеръ Сэвори чуть не помѣшался, а хозяйка была убѣждена что нечистые духи выскребли написанное. Мистеръ Прингль вернулся въ свою контору, откуда сію же минуту прогналъ Тома, потомъ въ дребезги разбилъ маленькую синюю бутылочку съ «волокитными чернилами» и раздавилъ осколки каблукомъ. Между тѣмъ братъ сэра Патези и его сыновья вступили во владѣніе наслѣдствомъ покойнаго и пользовались имъ въ свое удовольствіе.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

— 9-го (21) мая, въ *четвергъ*, Государь Императоръ и Великій Князь Алексѣй Александровичъ изволили выѣхать изъ Лондона въ $12^1/_2$ часовъ пополудни. На станціи былъ выставленъ почетный караулъ. Принцъ и Принцесса Уэльскіе, Герцогъ и Герцогиня Эдинбургскіе, Герцогъ Кембриджскій и Герцогъ Текъ сопровождали Высокихъ Гостей въ Гревзендъ, гдѣ, въ $1^1/_2$ часа пополудни, при пушечной пальбѣ, Они на яхтѣ «Держава» вышли въ море. Въ Лондонѣ и Гревзендѣ многочисленная толпа народа провожала Августѣйшихъ Путешественниковъ.

— Отъ 7-го (19-го) мая, во *вторникъ* въ газетѣ «Standard» сообщаютъ, что Королева Викторія намѣрена нынѣшнею осенью отдать визитъ Государю Императору въ Петербургѣ. Время пріѣзда Королевы еще не опредѣлено, но полагаютъ, что это произойдетъ въ августѣ.

— 10-го (22-го) мая, въ *пятницу*, Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Брюссель, на станцію желѣзной дороги, въ четверть перваго часа пополудни, гдѣ для встрѣчи Его Императорскаго Величества находились бельгійскіе Министры и иностранные Посланники. Дамы поднесли Государю Императору букетъ цвѣтовъ. Государь Императоръ сѣлъ въ коляску вмѣстѣ съ Королемъ Бельгійцевъ и отправился во дворецъ. На всемъ протяженіи пути, отъ станціи до дворца были выстроены войска. Нѣсколько хоровъ музыки исполнили русскій народный гимнъ. Стеченіе публики было огромное.

— Въ три четверти втораго часа пополудни, Государь Императоръ, въ сопровожденіи Короля бельгійцевъ, прибылъ изъ дворца на станцію желѣзной дороги и отправился въ дальнѣйшій путь. Король бельгійскій сопровождаетъ Государя Императора до Лувена.

— 22-го мая, въ *пятницу вечеромъ*, Государь Императоръ изволилъ прибыть въ Эмсъ въ три четверти десятаго часа пополудни и остановился въ гостинницѣ «Четыре времени года». Пріемъ оказанный въ Эмсѣ Государю Императору былъ торжественный. Городъ былъ иллюминованъ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше утвержденнымъ, 7-го апрѣля 1874 г., положеніемъ Комитета по дѣламъ Царства Польскаго постановлено: 1. Въ селеніи Бортатыче, Люблинской губерніи, Замостьскаго уѣзда, возстановить греко-уніятскій приходъ въ прежнемъ его составѣ, съ причисленіемъ онаго къ 3-му разряду штатныхъ приходовъ Холмской епархіи и съ возвращеніемъ сему приходу принадлежащаго ему земельнаго надѣла,—и 2. Потребную на содержаніе церковнаго причта означеннаго прихода сумму въ размѣрѣ 475 руб. въ годъ отпускать съ 1-го января 1875 года изъ Государственнаго Казначейства.

— Министръ Юстиціи назначилъ временемъ открытія Окружныхъ Судовъ: Вологодскаго — 1-е, Стародубскаго — 10-е и Нѣжинскаго — 20-го іюня, и Черниговскаго, Вятскаго и Саратовскаго — 1-е іюля сего года.

— Высочайше утвержденнымъ, 22-го марта сего года, положеніемъ Комитета Министровъ опредѣлено: разрѣшить генералъ-маіору Беренсу устройство цѣпнаго по р. Свири пароходства.

— Правленіе Государственнаго Банка назначило взимать съ 6-го мая по Банку, Конторамъ и Отдѣленіямъ онаго по учету векселей и судамъ подъ залогъ товаровъ $5^1/_2$, а по ссудамъ подъ залогъ процентныхъ бумагъ по $6^1/_2$ процентовъ въ годъ.

— Высочайше разрѣшено: открыть два новые округа Воспитательнаго Дома, одинъ между Окуловскою и Валдайскою станціями Николаевской желѣзной дороги, и другой между Бѣлою и Торошинскою станціями Варшавской желѣзной дороги, съ присвоеніемъ первому изъ нихъ названія Угловскаго и второму—Новосильскаго, по именамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, лежащихъ въ центрѣ помянутыхъ округовъ.

— Высочайше утвержденнымъ 23-го апрѣля сего года мнѣніемъ Государственнаго Совѣта относительно водворенія на Китайской границѣ новыхъ казачьихъ поселній постановлено предоставить командующему войсками Западнаго Сибирскаго военнаго округа водворять въ теченіе 1874 и 1875 годовъ ежегодно по 50-ти казачьихъ семействъ Сибирскаго войска поселеніями на Китайской границѣ, избирая, по усмотрѣнію своему, соотвѣтствующія пользѣ и удобствамъ такого водворенія мѣста въ Зайсанскомъ, Бухтарминскомъ и Курчумскомъ краяхъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— По курляндскому прибрежью нынѣшнею весною строятся крестьянами на паяхъ: 3 судна въ 180 ластовъ, 3 въ 150, 1 въ 100, 6 въ 50, 2 въ 45 и 1 въ 30 ластовъ—всего 16 судовъ, поднимающихъ 1.510 ластовъ. Спускъ этихъ судовъ предполагается въ продолженіе наступающаго лѣта.

— Работы по сооруженію Одесскаго порта будутъ производиться, по словамъ «Одесскаго Вѣстника», безъ перерыва, и предположенные молы будутъ доведены до окончанія. Въ настоящее время дѣлается въ Италіи покупка въ большихъ размѣрахъ пуццолано (гидравлическаго цемента), необходимаго для массивовъ, опускаемыхъ въ море. Удлиненіе карантиннаго мола произведено уже довольно далеко въ море.

Библиотека "Руниверс"

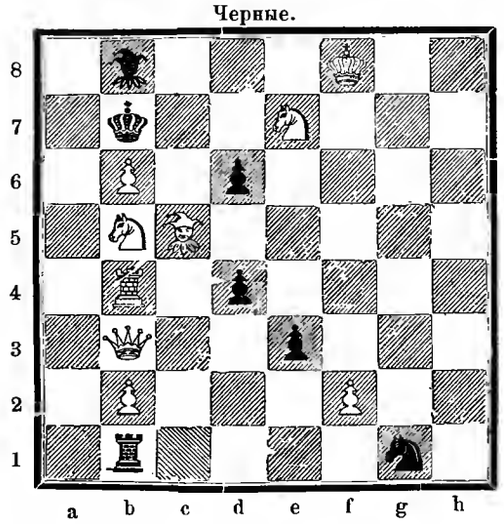
ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 7

Н. Ермилова.

Посвящается **Н. И. Кублицкому.**

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе задачи будетъ въ слѣдующемъ № „Нивы“.

Рѣшеніе шахматной задачи № 6. (см. № 20 «Нивы»)

Бѣлые.	Черные.
1) h4 — e7+	1) e8 — e7
2) d6 — e7+	2) f8 — e8
3) h3 — d7 M	

СОДЕРЖАНІЕ: Павлинъ. Разсказъ **Н. С. Лѣскова (Стебницкаго)** (продолженіе).—Весна (съ рисункомъ).—Въ окрестностяхъ Архангельска. **В. Н. Немировича-Данченко.** (Съ двумя рисунками) (продолженіе).—Рысь и дикая кошка (съ рисунк.)—Жизнь на морѣ (изъ воспоминаній моряка). **В. Савичъ.**—Судебная хроника.—Бедовыя чернила.—Разныя извѣстія.—Шахматы.

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

Мунъ-цзинъ-ча. Перваго сбора ароматный черный чай съ цвѣточкомъ, спѣлый, превосходнаго вкуса, пріобрѣтенъ магазиномъ фирмы «Кяхта» въ первый разъ и, какъ интересная новость, рекомендуется любителямъ хорошаго китайскаго чая. Цѣна крайне-умѣренная — 2 р. 20 к. за фунтъ.

Изъ чаевъ новаго почученія замѣчательно хороши черные ароматные чая, цѣною въ 2 р., 2 р. 30 коп., 2 р. 50 и 2 р. 50 к. за фунтъ, и сребровидные лянсины—въ 3 р. и 4 р. за фунтъ.

Гг. иногороднымъ. Чай означенныхъ сортовъ пересылается иногороднымъ покупателямъ чрезъ почту, на счетъ магазина «Кяхта», при единовременномъ требованіи не менѣе 5 фунтовъ чая.

Московскіе чайные магазины «Кяхта» Петра Лебедева и фирмы Корещенко въ С.-Петербургѣ: Казанская ул., противъ Ломбарда; Невскій пр., противъ церкви Знаменія; Вознесенскій пр., у Вознесенскаго моста. Въ Москвѣ: Охотный рядъ, д. Мѣщанскаго Общества.

КЕФЕЛИ.

Высокое достоинство турецкаго табаку Воронежской фабрики **«КЕФЕЛИ»** обязываетъ меня рекомендовать его любителямъ куренія; приготовленный по личному моему заказу, онъ дѣйствительно далеко превосходитъ своимъ качествомъ табакъ здѣшнихъ фабрикъ, часто назойливо предлагаемый по искусственно удешевленной цѣнѣ, какъ очень будто-бы выгодный; но, въ этой кажущейся дешевизнѣ, неоспоримо, убѣждаютъ насъ постоянныя жалобы лицъ, испробовавшихъ такой табакъ, всегда оказывающійся весьма плохаго качества. Турецкій табакъ фабрики **«КЕФЕЛИ»**, цѣною за фунтъ 95 коп., 1 руб. 40 коп., 1 руб. 80 к., 2 руб. 20 коп., 2 руб. 60 к., 3, 4, 5 и 6 руб., можно получать только **по Казанской улицѣ (бывшая Большая Мѣщанская), противъ Ломбарда, въ домѣ Глазунова, № 8—10, въ табачномъ магазинѣ А. Рофе.**

Гильзы изъ настоящей маисовой бумаги **АБАДИ**, отъ 1 до 3 тысячъ въ коробкахъ.

Отъ мая мѣсяца до сентября. Въ это время значительное большинство жителей обѣихъ столицъ, благоразумно оставляя душный городъ, живутъ на дачахъ, въ городскихъ окрестностяхъ, въ провинціи и заграницей, пользуясь тамъ свѣжимъ, чистымъ воздухомъ.

Ко многимъ полезнымъ удовольствіямъ дачной жизни, слѣдуетъ безспорно отнести и пользованіе хорошимъ, вкуснымъ чаемъ; неудовлетвореніе этой, какъ и всякой другой, любимой потребности, конечно, составляетъ лишеніе, которое, въ данномъ случаѣ, становится особенно чувствительнымъ, потому-что благотворное вліяніе хорошаго воздуха укрѣпляетъ здоровье, изощряетъ вкусъ, дѣлаетъ его воспріимчивѣе, изысканнѣе; при отсутствіи-же дѣйствительно хорошаго чая, удовлетвореніе требованій вкуса становится невозможнымъ.

Вотъ причина, побудившая меня напомнить отъѣзжающимъ на дачи о томъ, что имъ положительно необходимо запастись своевременно, теперь же, тѣмъ хорошимъ чаемъ, къ употребленію котораго они давно привыкли и который въ С.-Петербургѣ и Москвѣ они постоянно покупали въ чайныхъ магазинахъ «Кяхта» Петра Лебедева и фирмы М. Корещенко.

Въ настоящее время всѣ магазины «Кяхта» снабжены свѣжими чаями перваго сбора. Всѣ чаи новаго полученія, обладая спорстью колера, очень вкусны и ароматны. Изъ нихъ въ особенности хороши **Семейный** въ 2 руб. и, выбранныя изъ высшихъ сортовъ чернаго чая, въ 2 руб. 50 к. и 2 руб. 60 к. за фунтъ; лянсины сребровидные въ 3 и 4 р.

Московскіе чайные магазины «Кяхта» Петра Лебедева и фирмы М. Корещенко въ С.- Петербургѣ: 1) по Казанской ул., противъ Ломбарда, въ д. № 8—10. 2) По Невскому, противъ церкви Знаменія, въ д. Маркевичъ, № 79—41. 3) По Вознесенскому проспекту, у моста, въ д. Макарова. Въ Москвѣ — въ Охотномъ ряду, въ д. Мѣщанскаго Общества.

ОБЩЕПОЛЕЗНОЕ ЗАЯВЛЕНІЕ:

Довожу до свѣдѣнія всѣхъ вообще потребителей чая, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ вода крѣпка, и слѣдовательно, плохо растворяетъ чай, при кипяченіи воды, очень полезно класть въ самоваръ дву-углекислую соду, въ количествѣ, судя по мѣрѣ надобности, отъ 1/8 чайной ложки на самоваръ. Вода, дѣлаясь оттого мягче, сильнѣе растворяетъ чай, не измѣняя его вкуса.

ЧРЕЗЪ ПОЧТУ

чай высылается иногороднымъ лицамъ на счетъ магазина, при единовременномъ требованіи въ количествѣ не менѣе 5 фунтовъ, изъ слѣдующихъ сортовъ: черный въ 1 руб. 60 к., 1 р. 80 коп., 2 р., 2 р. 30 к., 2 р. 50 к. и 2 р. 60 к. Цвѣточный въ 2 р. и 2 р. 50 к. Лянсинъ въ 3 руб., 3 р. 50 к. и въ 4 руб. за фунтъ. Чай въ 1 р. 20 к. и въ 1 р. 40 к. высылается въ небольшомъ количествѣ только при требованіи другихъ сортовъ, а не отдѣльно.

Гг. иногородные торговцы,

желающіе производить торговлю чаями магазиновъ «Кяхта», съ требованіями, за объясненіями и съ предположеніями кондиціонныхъ условій, благоволятъ обращаться исключительно, въ С.-Петербургъ, къ Петру Петровичу Лебедеву, по **Казанской улицѣ, домъ № 8—10.**

„УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЫ“

20 рублей сер.,

самая лучшая семейная ручная швейная машина.

Съ новыми усовершенствованными и вполнѣ опробованными на на работѣ апаратами.

При каждой машинѣ прилагается: двойной рубильникъ, ваточникъ, апаратъ для нашиванія тесьмы, апаратъ для обшиванія тесьмой, самошвейникъ, линейка съ винтомъ, отвертка, масленка, флаконъ масла, 6 иголокъ и наставленіе на русскомъ и немецкомъ языкахъ.

Изъ всѣхъ фабрикацій, производящихъ ручныя швейныя машины, эта, одна изъ лучшихъ новыхъ конструкцій, по своей отчетливой отдѣлкѣ, простотѣ механизма, легкости движенія, равно какъ скорости и правильности шитья, гораздо удобнѣе всѣхъ прочихъ существующихъ системъ, и дѣйствительно можетъ рекомендовать себя, какъ самая практическая ручная швейная машина для семейства.

Новое приспособленіе: эту ручную швейную машину съ примѣненіемъ къ ней металлическаго поддонка не нужно больше привинчивать къ столу.

Большой ассортиментъ: машинныхъ иголокъ, бумаги, нитокъ, шелку, суташу всѣхъ цвѣтовъ, машиннаго костянаго масла и проч.

Гг. иногородные покупатели при выпискѣ машины прилагаютъ 21 руб. на укладку и укупорку машины въ самомъ лучшемъ видѣ, кромѣ пересылки. (Машина съ укупоркою вѣситъ 30 фунтовъ).

Гг. торговцы при требованіи не менѣе 12 машинъ пользуются большой уступкой.

Центральный складъ лучшихъ американскихъ швейныхъ машинъ

со всѣми новыми усовершенствованіями и апаратами.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ.

Каждая машина вполнѣ опробована на работѣ.

А. Крумбюгель.

Невскій проспектъ, № 62, противъ Аничкова дворца.

Дозволено цензурою. 17 мая 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе,** Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 22 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 27-го мая 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

Подписка на „НИВУ" въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ П. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

Продолженіе разсказа «Павлинъ» будетъ помѣщено въ слѣдующемъ № «Нивы».

Общій видъ города Сарепты. Съ фотографіи рис. И. Космаковъ, грав. Малиновскій.

Библиотека "Руниверс"

Сарепта.

До половины прошедшаго столѣтія, обширная, прекрасная страна по берегамъ южнаго теченія Волги представляла совершенную пустыню. Мысль о колонизаціи этого края принадлежитъ Екатеринѣ II. Изъ Германіи были вызваны колонисты, которымъ отвели здѣсь огромные участки; колоніи, облегченныя разными преимуществами и льготами, возникали одна за другой, и колонизація быстро двинулась впередъ. Прохышленный духъ и неутомимое прилежаніе колонистовъ показали, что можно сдѣлать изъ этой почвы. Довольно сказать, что треть всего вывоза сельскихъ и мануфактурныхъ продуктовъ изъ Саратовской и Самарской губерній—приходится на долю нѣмецкихъ колонистовъ. Они завели здѣсь хлопчато-бумажныя фабрики, занимающія множество рукъ въ Саратовѣ и въ колоніяхъ; усовершенствовали желѣзныя издѣлія и скотоводство. Впрочемъ, главное ихъ занятіе составляетъ хлѣбопашество и разведеніе табаку; большая часть мельницъ принадлежитъ имъ, и лучшая мука, отправляемая изъ Самарской губерніи въ Астрахань и Черкасскъ, идетъ изъ колоній.

Въ настоящее время колоніи благоденствуютъ, но первое время, когда онѣ были окружены дикими степями, имъ много приходилось терпѣть отъ кочевыхъ народовъ — Башкировъ, Калмыковъ и Киргизовъ. Поселенцы постоянно должны были держать сторожей на церковныхъ башняхъ, ходить на работу неиначе какъ вооруженными съ головы до ногъ, толпами; на степныхъ курганахъ постоянно стояли сторожа, которые давали знать о приближеніи хищниковъ. Необходилось дѣло и безъ кровавыхъ стычекъ, но огнестрѣльное оружіе и энергія колонистовъ брали верхъ надъ дикими шайками. Теперь ужъ ничего не слышно о разбояхъ, а объ уводѣ людей конечно не можетъ быть и помину; въ тѣ же времена, нерѣдко случалось, что дикіе кочевники уводили жителей въ неволю и продавали въ Хиву и Бухару.

Изъ всѣхъ возникшихъ въ этомъ краѣ колоній самая примѣчательная—это безъ сомнѣнія, колонія *Сарепта*, Саратовской губерніи Царицынскаго уѣзда. Она расположена по Астраханскому почтовому тракту, при рѣкѣ Сарпѣ, недалеко отъ впаданія ея въ Волгу. Колонія основана въ 1765 г. евангелическимъ братствомъ гернгутеровъ, (по особому договору, заключенному агентомъ ихъ, Петромъ Конрадомъ Фризомъ) подъ предводительствомъ начальника ихъ Даніила Генриха Фика, умершаго въ 1801 г. Колонія была построена заимообразно насчетъ казны, ссудившей для этой цѣли 48,748 р., которые были выплачены въ 1830 г. При заселеніи братству было дано въ полное владѣніе 5,870 десятинъ земли, и особенныя льготы и привиллегіи, изъ коихъ важнѣйшія: избавленіе отъ всѣхъ податей и натуральныхъ повинностей на 30 лѣтъ, свободная торговля, самостоятельное управленіе и гражданскій судъ посредствомъ выбора своихъ судей, свободное винокуреніе и пивовареніе для собственнаго употребленія, и проч. Первоначальное общество жило нераздѣльно, имѣло общія мастерскія и фабрики; каждый членъ долженъ былъ за извѣстную плату работать для всѣхъ. Вслѣдствіе такихъ условій, Сарепта сдѣлалась одною изъ богатѣйшихъ и лучшихъ колоній. Уже на второй годъ своего существованія, своимъ необыкновеннымъ прилежаніемъ, трудолюбіемъ и примѣрнымъ поведеніемъ, Сарепта обратила на себя вниманіе императрицы Екатерины II. Императоръ Павелъ также удостоилъ своимъ вниманіемъ эту трудолюбивую и благонравную колонію. Государь, въ грамотѣ своей отъ 20 іюля 1797 г., выражая свое милостивое одобреніе, даровалъ Сарептѣ новыя льготы.

Эта, столь мирная теперь колонія, съ опрятными домиками, гдѣ все говоритъ о тихой и трудолюбивой жизни, въ началѣ своего основанія была обнесена валомъ съ 6-ю бастіонами и рогатками и окопана рвомъ отъ нападеній разбойниковъ и кочевыхъ инородцевъ. Въ 1744 г. она сильно пострадала отъ шаекъ Пугачева. Въ 1769 г. въ колоніи было всего 60 человѣкъ колонистовъ обоего пола, но число ихъ быстро возростало; въ началѣ шестидесятыхъ годовъ нынѣшняго столѣтія, собственно колонистовъ было въ Сарептѣ уже до 500 человѣкъ. По постройкамъ она совсѣмъ походитъ на городокъ; въ ней 69 слишкомъ домовъ, церковь, 2 училища, фабрики хлопчатобумажная, табачная и 2 горчичныхъ. На послѣднихъ въ 1869 г. выдѣлано горчицы на 76,000 р. Для сбыта своихъ произведеній, Сарепта имѣетъ свой магазинъ въ Петербургѣ.

Необходимая приправа.

— Во выше всего прославляю я зернистый снѣгъ.
Первую и послѣднюю приправу всякаго хорошаго вкуса.
Благородную соль, которая пользуется почетомъ за всякимъ столомъ.
Гёте.

Да, соли надо воздать самую большую хвалу, не только какъ «первой и послѣдней приправѣ хорошаго вкуса» но еще больше какъ основному условію всякой органической жизни, какъ регулятору здоровья всего живущаго на землѣ.

Въ виду этого, природа столько же щедро, сколько разумно, разсыпала соль по всей земной поверхности. Материкъ скрываетъ ее въ своихъ темныхъ пещерахъ въ видѣ самородныхъ камней, или блестящимъ поясомъ опоясывается ею на цѣлыя мили; моря наполнены ею отъ вершины пѣнящихся волнъ до самыхъ глубокихъ безднъ неизмѣримаго дна.

Однако же человѣческому уму, наукѣ, дано было извлечь это сокровище изъ нѣдръ земли, съ точностью опредѣлить его свойство и размельчить на тысячи серебристыхъ крупинокъ, изъ которыхъ для человѣчества, каждая несравненно важнѣе, чѣмъ неоцѣненнѣйшій изъ драгоцѣнныхъ камней.

Дѣйствительно, одинъ изъ интереснѣйшихъ процессовъ, изслѣдуемыхъ химіей, это процессъ образованія соли. Она происходитъ отъ двухъ странныхъ веществъ. Одно изъ нихъ, *металлъ*, встрѣчающійся преимущественно въ маленькихъ отдающихъ серебристымъ блескомъ шарикахъ, другое, желтовато зеленаго цвѣта *газъ*. Между тѣмъ какъ другіе металлы тяжелы, тверды и способны противустоять вліянію воздуха, *натрій*, такъ называетъ наука этотъ металлъ, такъ мягокъ, что его можно разрѣзать ножемъ или смять пальцами, и такъ уступаетъ дѣйствію воздуха, что подъ вліяніемъ сырости тотчасъ же окисляется и превращается въ порошокъ Далѣе, ближайшіе родственники его, серебро и золото, не имѣютъ, какъ извѣстно, ни чего общаго съ водой, и всегда тотчасъ же стремятся къ твердой землѣ, а онъ преспокойно плаваетъ въ водѣ, или скользитъ по ея поверхности, легко, какъ какой нибудь воздушный духъ. Разумѣется это плаваніе продолжается не долго. Черезъ нѣсколько времени, плавающія жемчужины начинаютъ свѣтится, потомъ горѣть точно жидкій огонь; затѣмъ онѣ начинаютъ вертѣться въ такомъ дикомъ танцѣ, что глазъ едва можетъ слѣдить за ихъ движеніями, На нѣсколько минутъ ихъ вдругъ окружаетъ красивое пламя, потомъ онѣ исчезаютъ, не оставляя по себѣ ни малѣйшаго слѣда; металлъ распустился въ водѣ. — Но и такъ давно начавшее служить наукѣ подъ именемъ *хлора*, вещество, также не менѣе замѣчательно. Онъ невидимо плаваетъ въ атмосферѣ и только когда наука заключитъ его въ стеклянныя оковы, онъ становится видимымъ для глазъ въ образѣ мелкаго желтовато-зеленаго пара. Не смотря на то, что газъ этотъ разрушаетъ всякую органическую жизнь, и распространяя невыносимый, удушливый запахъ, онъ оказываетъ громадную пользу въ хозяйствѣ природы. Онъ очищаетъ воздухъ отъ міазмовъ, распространяемыхъ въ немъ смертями и болѣзнями; кромѣ того онъ обладаетъ рѣдкимъ свойствомъ, вступать въ тѣснѣйшую связь со всѣми элементами безъ исключенія.

Итакъ, натрій и хлоръ суть химическіе родители соли. Гдѣ бы ни встрѣчались эти два вещества въ громадной лабораторіи природы, онѣ съ быстротою мысли соединяются между собою, растворяются одно въ другомъ и образуютъ тотъ драгоцѣнный жизненный продуктъ, безъ котораго благоденствіе человѣка было бы большимъ вопросомъ.

Дѣятельнѣйшими факторами для распространенія соли на землѣ являются моря; послѣднія, покрываютъ, какъ извѣстно ½ земнаго шара и содержатъ среднимъ числомъ около 30 процентовъ соли. Чрезвычайно интересенъ и замѣчателенъ кругооборотъ, совершаемый солью черезъ всѣ царства природы. Почти всѣ каменныя породы содержатъ въ себѣ соляныя частицы; при вывѣтриваніи,

Библиотека "Руниверс"

частички эти смываются водой и черезъ рѣки уносятся въ моря. Поэтому содержаніе соли въ моряхъ, должно бы, собственно говоря, постепенно увеличиваться, такъ какъ въ нихъ *чистая* вода постоянно испаряется, сгущаясь на материкѣ въ туманъ и дождь, которые опять собираются въ ручьяхъ и рѣкахъ, откуда растворенныя соленыя частички снова уносятся въ море. Но морская вода не только испаряется въ воздухѣ, она проникаетъ образующіе ея бассейнъ камни и разлагаясь, отдаетъ имъ часть своей соли. Вслѣдствіе этого процесса образуются громадныя массы хлорныхъ паровъ, которые ищутъ себѣ выхода, съ силой вырываясь изъ глубины дѣйствующихъ вулкановъ и — расходятся по всему земному шару. Вырвавшійся въ атмосферу хлоръ распространяется по всей землѣ и производитъ свои отправленія какъ въ животной и растительной жизни, такъ и въ твердой земной корѣ. Остатокъ, завершивъ свой кругооборотъ, опять уходитъ въ море вмѣстѣ съ водой и другими растворенными въ ней составными частями.

Таковъ процессъ, посредствомъ котораго природа обезпечиваетъ себѣ количество соли, требуемое для ея собственнаго обилія. Добываніе же поваренной соли для домашняго очага человѣка, кромѣ того что даетъ ему море, происходитъ слѣдующимъ образомъ.

Всѣ осадившіеся изъ моря камни, особенно берговыя образованія, обильно содержатъ въ себѣ соль, такъ какъ постоянно пригоняемая къ нимъ вѣтромъ вода, оставляетъ на нихъ большой осадокъ соляныхъ частицъ. Эти каменистыя наслоенія вслѣдствіе совершающагося въ теченіи столѣтій поднятія почвы, все дальше и дальше отдаляются отъ моря; проникающая въ нихъ дождевая вода, постепенно всасываетъ въ себя ихъ соль, и наконецъ вырывается наружу въ видѣ *соляныхъ источниковъ* или *ключей*. Но и далеко отъ моря, среди каменистыхъ наслоеній, въ образованіи которыхъ море *не* участвовало, какъ это доказываютъ находимые тамъ остатки животныхъ и растеній, природа скопляетъ громадные запасы соли. Съ теченіемъ вѣковъ, подъ вліяніемъ различныхъ климатическихъ условій, образуются наклоненія и соотвѣтствующія углубленія земной поверхности, а въ нихъ такъ-называемыя внутреннія озера. Множество маленькихъ рѣчекъ и ручьевъ надѣляютъ эти озера солянымъ частицами, а такъ какъ изъ нихъ испаряется чистая вода, то соляное содержаніе все увеличивается и наконецъ осаждается на днѣ озеръ слоями въ видѣ *каменной соли*. Въ теченіи столѣтій вода изъ озеръ совершенно испаряется и вмѣсто ее остаются могучіе, имѣющее подобіе скалъ, соляные осадки; смѣшанные съ гипсомъ, глиной и другими земляными породами, они покоятся въ глубокихъ нѣдрахъ земли, пока наростающія поколѣнія не отыщутъ ихъ и не возьмутъ въ свое владѣніе. Какъ напримѣръ такого величественнаго аппарата природы для концентрированія солянаго содержанія обширной поверхности, въ сравнительно маленькомъ пространствѣ, въ числѣ другихъ мы укажемъ на наше знаменитое Элтонское озеро, находящееся въ 129 верстахъ отъ Саратова, въ Астраханской губерніи, въ Царескомъ уѣздѣ. Оно лежитъ на ровной мѣстности посреди степи, изобилующей вообще солончаками. Окружность его имѣетъ около 50 верстъ, самый большой поперечникъ до 20 верстъ, а вся площадь занимаетъ болѣе 20,000 десятинъ. Оно имѣетъ видъ нѣсколько продолговатый. На днѣ озера залегаетъ такой толстый слой соли, что ея было бы достаточно для продовольствія всей Европы. При изслѣдованіи глубины пластовъ не могли рыть дальше двухъ сажень; за сотней вынутыхъ пластовъ, слѣдовала такая твердая масса соли, что всѣ инструменты ломались. Ежегодная добыча соли изъ озера едва замѣтна; мѣсто гдѣ выламывается соль къ слѣдующему же году наполняются новыми слоями свѣжей соли, не оставляя никакихъ слѣдовъ, такъ что запасы соли въ этомъ озерѣ неистощимы. Въ южной Италіи, Швабіи, Тюрингенѣ, Венгріи, Галиціи, въ древнѣйшихъ соляныхъ формаціяхъ находятъ иногда до десяти наслоеній, отъ 20 до 30 футовъ толщины.

Въ мѣстности между Волгой и Каспійскимъ моремъ, а также въ сибирскихъ степяхъ есть много такихъ запасовъ соли, скопленныхъ природою въ теченіи неизчисленнаго множества вѣковъ.

Итакъ, предусмотрительная природа, даетъ человѣку этотъ необходимый въ его жизни продуктъ въ трехъ различныхъ видахъ: въ видѣ *морской соли*, *соляныхъ источниковъ* и *каменной соли*.

Соль, содержащаяся въ морской водѣ добывается выпариваніемъ воды посредствомъ солнечной теплоты. Этотъ способъ разумѣется самый простой и дешевый, но онъ пригоденъ лишь въ теплыхъ береговыхъ странахъ, какъ напримѣръ берега чрезвычайно богатаго солянымъ содержаніемъ Средиземнаго моря. При добываніи морской соли, морская вода во время прилива проводится посредствомъ имѣющаго отъ 20 до 30 футовъ ширины канала въ обширный бассейнъ; оттуда черезъ очистительный бассейнъ, гдѣ она освобождается отъ песка и раковинъ, она переходитъ въ третій бассейнъ; въ этомъ послѣднемъ излишняя вода подвергается выпариванію, слѣдовательно процентъ солянаго содержанія въ ней увеличивается. Горячее южное солнце вмѣстѣ съ сухими вѣтрами дующими изъ африканскихъ степей очень ускоряютъ это выпариваніе. Когда вода въ этомъ бассейнѣ будетъ наконецъ заключать въ себѣ 27 процентовъ соли, ее накачиваютъ посредствомъ большихъ помпъ въ собственно кристаллизаціонный бассейнъ, но столько сколько солнце можетъ испарить въ одинъ день. При этомъ соль отдѣляется безчисленными кубиками, которые опускаются на дно и тамъ образуютъ твердую ледообразную массу состоящую изъ чудеснѣйшихъ кристалликовъ. По прошествіи отъ 3 до 6 мѣсяцевъ бассейнъ наполняется до краевъ этими солянымъ наслоеніями, и тутъ начинается жатва. Соль ломается заступами и складывается на берегу въ пирамидальныя груды, которыя покрываются тростникомъ или тонкимъ слоемъ глины. Въ такомъ состояніи она оставляется на нѣкоторое время для того чтобы изъ нея вышла горечь, затѣмъ ее упаковываютъ въ мѣшки или боченки, и она поступаетъ въ торговлю. Выгодно расположенная варница можетъ добывать ежегодно отъ 6 до 800,000 центровъ поваренной соли.

Еще обильнѣе и легче добываніе соли въ соляныхъ озерахъ. Такъ напримѣръ уже упомянутое Элтонское озеро доставляетъ ежегодно не менѣе 6,000,000 пудовъ соли. Надо замѣтить что количество это можетъ быть увеличено, смотря по спросу, а спросъ на Элтонскую соль съ каждымъ годомъ увеличивается. Добываніе соли въ настоящее время производится на западномъ берегу, на пространствѣ 6 верстъ. Вдоль берега прорыты перпендикулярно къ берегу каналы, идущіе версты на двѣ въ озеро до мѣста лучшей ломки соли. Отъ главнаго канала вырыты малые каналы, по которымъ на досчаникахъ подвозится соль къ площадкѣ, куда соль выкидывается лопатами и потомъ сгребается въ правильные коническіе бугры, заключающіе въ себѣ не менѣе 100,000 пудовъ соли. Въ этомъ видѣ она сушится и потомъ поступаетъ въ продажу.

Добываніе поваренной соли изъ *соляныхъ источниковъ* требуетъ несравненно болѣе труда и затратъ, нежели добываніе ее изъ морской воды въ теплыхъ приморскихъ странахъ, такъ какъ здѣсь для выпариванія ея солнечный жаръ долженъ быть замѣненъ топливомъ, что опять требуетъ различныхъ приспособленій, машинъ, построекъ. Во первыхъ вода соляного источника, черезъ устроенное надъ послѣднимъ зданіе проводится въ *градирню*; тутъ она очищается отъ всѣхъ гипсовыхъ, известковыхъ и желѣзистыхъ частей и обогащается солянымъ содержаніемъ. Градирня состоитъ изъ узкихъ, имѣющихъ футовъ 30 вышины, и и идущихъ очень далеко, иногда на четверть версты въ длину, подмостокъ изъ крѣпкихъ еловыхъ балокъ; они раздѣлены на множество перегородокъ, а внизу снабжены бассейномъ, который заключенъ въ каменныхъ стѣнахъ. Перегородки устроены часто, черезъ ровные промежутки, и покрыты плотными рядами колючаго терновника. На верху зданія устроенъ разсолопроводъ съ кранами. Соленая вода, выливаясь изъ крановъ на колючія перегородки, раздробляется о нихъ, капаетъ отъ одной колючки къ другой; и такимъ образомъ часть воды теряется, а примѣшанныя къ ней землистыя составныя части осаждаются на колючкахъ. Улучшенный такимъ образомъ разсолъ собирается въ находящемся внизу бассейнѣ; если разсолъ еще слишкомъ бѣденъ солью, его градируютъ еще разъ, и продолжаютъ это до тѣхъ поръ, пока въ немъ не будетъ 27 процентовъ соли. Тогда его проводятъ въ варницу, тутъ въ большихъ жестяныхъ котлахъ онъ нагрѣвается надъ торфянымъ или угольнымъ огнемъ, до тѣхъ поръ, пока не отдѣлятся соляные кристаллы.

Добываніе *каменной соли* происходитъ наконецъ преимущественно посредствомъ шахтъ. Знаменитѣйшія и извѣстнѣйшія соляныя копи находятся въ Галиціи, окрестностяхъ Велички. Соляной слой простирается здѣсь на 9800 футовъ, и имѣетъ толщину въ 1200 футовъ. Шахты расположены въ пять этажей; каждый изъ нихъ представляетъ цѣлый лабиринтъ ходовъ, пещеръ и залъ, для сооруженія которыхъ не было употреблено никакого строительнаго матерьяла кромѣ соли. Тринадцать шахтъ, нѣкоторыя почти въ 2000 ступенекъ, изъ соли и дубоваго дерева, ведутъ въ глубину. Въ верхнемъ этажѣ построена капелла Св. Антона; все въ ней: своды, кафедры, колонны, статуи святыхъ и разные орнаменты, вырублены изъ соляного камня; здѣсь каждый день совершается божественная служба. Капелла построена въ память благочестивой супруги одного изъ первыхъ польскихъ королей, которая по ниспосланному ей свыше откровенію узнала о таящимся въ нѣдрахъ земли сокровищѣ. Когда разъ, какъ гласитъ преданіе, она молилась своему патрону объ облегченіи народныхъ бѣдствій, онъ, во снѣ, велѣлъ ей принести въ жертву самую дорогую для нея вещь. Она велѣла бросить въ колодезь свое обручальное кольцо. Черезъ нѣкоторое время, нѣсколько карпатскихъ мужиковъ принесли ей въ подарокъ кусокъ блестящаго солянаго камня, воображая что это какой нибудь иноземный драгоцѣнный камень. Однако его разсмотрѣли внимательнѣе и въ прозрачномъ кристаллѣ нашли—обручальное кольцо королевы. Это чудо обратило вниманіе королевы на удивительный камень, и она велѣла предпринять усерднѣйшія изслѣдованія, и сама руководила ими— такъ были открыты знаменитыя соляныя залежи, сдѣлавшіяся съ тѣхъ поръ неистощимымъ источникомъ богатства для страны. — Въ томъ же этажѣ этихъ величественныхъ подземныхъ зданій; находится обширная зала съ эстрадой для оркестра, колоннами, особенно замѣчательна въ ней люстра изъ чистѣйшей кристаллизированной соли, имѣющая 20 футовъ въ объемѣ; въ особенныхъ случаяхъ здѣсь даются концерты и балы. Но самое необыкновенное впечатлѣніе производятъ, находящіяся въ нѣкоторыхъ этажахъ подземныя озера. Неподвижная водяная поверхность тянется здѣсь въ безконечной пустыни, подобно таинственному черному, мрачному Стиксу въ подземномъ царствѣ; громоздящіяся кругомъ скалы, залитыя багровымъ свѣтомъ горящихъ факеловъ, стоятъ какъ гигантскіе ледяные строжи для того, что-

Библиотека "Руниверс"

бы заставлять хранить вѣчное молчаніе, обыкновенно такой веселый элементъ. Никогда ни одна птица не обмокнетъ своихъ крыльевъ въ этихъ безмолвныхъ водахъ, ни одинъ цвѣтокъ не цвѣтетъ по ихъ берегамъ, никогда ни одинъ золотой солнечный лучъ не игралъ на его поверхности, все здѣсь мрачно, все погружено въ гробовую тишину! — Иногда только раздаются звуки, похожіе на тяжелые удары грома; это взрывы, которыми отрываются большія цилиндрическіе куски или плиты камня, и которые повторяются безчисленнымъ эхомъ отъ однихъ зубчатыхъ скалъ къ другимъ. Какъ велико богатство этихъ коней, доказываютъ ежегодные отчеты, изъ коихъ видно, что количество добываемой въ годъ соли, простирается до милліона центнеровъ.

Кромѣ этихъ громадныхъ запасовъ соли, собранныхъ природою такъ разумно и въ такихъ величественныхъ размѣрахъ, есть еще видъ соли, который созданъ какъ бы враждебными силами злыхъ духовъ чтобы морочить людей этимъ искаженіемъ благословеннаго дара. Это *солончаки*, пустынныя пространства, покрытыя миріадами соляныхъ кристалловъ. Внутри Новой Голландіи, въ Средней Азіи, въ Аравіи и въ Южной Америкѣ, такія солончаковыя пустыни простираются на 20 т. кв. миль. Горе путешественнику, который, изнемогая отъ зноя и жажды, увлечется мерцающимъ вдали серебристымъ блескомъ, въ надеждѣ найти тамъ живительный источникъ. Тотъ же самый даръ природы, что въ другихъ случаяхъ споспѣшествуетъ жизни и поддерживаетъ ее, здѣсь превращается въ гибельный обманъ; поддавшагося ему ожидаетъ истощеніе и смерть. Сначала думали, что эти солончаки были нѣкогда-ложами морей, которыя вслѣдствіе особенныхъ климатическихъ вліяній высохли, или что блестящія массы скрывались далеко во внутренности земли и поднялись на поверхность вслѣдствіе сильныхъ сотрясеній земли. Но потомъ открыли, что на этихъ ужасныхъ мѣстахъ, соль, положительно — *растетъ*; какъ только что пробовали ее удалять, въ нѣкоторое время она начинала возобновляться, открытыя скважины снова сплачивались. Наука, стараясь рѣшить эту загадку, пришла къ тому, что соляные растворы, образующіеся въ почвѣ и въ каменныхъ породахъ, посредствомъ волосной силы разныхъ слоевъ земли, подымаются на верхъ, гдѣ вода испаряется и тогда соль изъ нея осѣдаетъ. Разумѣется масса эта не можетъ употребляться въ качествѣ поваренной соли. Но когда въ позднѣйшіе періоды развитія, эти солончаковыя степи будутъ прорѣзаны рѣками, то, лишась своего солянаго содержанія, они дадутъ весьма плодоносную почву. Такъ напримѣръ отдѣлившіяся отъ Нѣмецкаго моря болотныя низменности, бывшія сначала совершенно безплодными, вслѣдствіе испаренія, постепенно дали такую благодарную почву, что на ней сто лѣтъ безъ удобренія можно будетъ сѣять рожь.

Еще другаго рода осѣданіе соли происходитъ черезъ *растенія*, ростущія преимущественно по берегамъ морей, но встрѣчающихся и по внутренности материка. Такъ напримѣръ, морская пить, щавель, соляной корень и извѣстное украшеніе теплицъ, «гусиная лапка», весьма богаты соляным содержаніемъ. Изъ нихъ добываютъ соду.

Наконецъ остается еще упомянуть, что предусмотрительная природа снабжаетъ насъ солью, не только изъ нѣдръ земли или черезъ посредство воды, но извлекаетъ ее для насъ и силой огня. Иногда вулканъ, вмѣсто того чтобы выбрасывать изъ себя, какъ было говорено выше, хлорные пары, выпускаютъ соляные пары, которые собираются потомъ въ разщелинахъ и углубленіяхъ на поверхности земли, или кристаллизируются на застывшихъ потокахъ лавы и собираются въ этомъ видѣ окрестнымъ населеніемъ. Такъ въ 1822 г. съ кратера Везувія собирали куски соли въ 24 квадратныхъ фута. Такое же явленіе бываетъ и на Геклѣ въ Исландіи.

Важное значеніе соли, еще въ глубокой древности, сдѣлало изъ нея многозначительный символъ. Она представляетъ важный моментъ въ историческомъ развитіи народовъ и занимаетъ первое мѣсто въ различнѣйшихъ языческихъ, а равно и христіанскихъ обычаяхъ и правахъ.

Древніе народы считали соль непосредственнымъ даромъ боговъ и предметомъ, особенно пріятнымъ имъ; по этому безъ нея не приносилось не одной жертвы. Въ библіи сказано: «Ко всякой жертвѣ, ты долженъ брать соль!» — Древніе египтяне, во время празднествъ въ честь земли, матери всего живущаго, наполняли лампы къ своихъ храмахъ елеемъ и солью, а у китайцевъ до сихъ поръ каждый годъ бываетъ праздникъ въ честь того, кто первый ввелъ въ употребленіе соль. У древнихъ евреевъ существовалъ обычай натирать новорожденнаго ребенка солью, чтобы укрѣпить его противъ житейскихъ невзгодъ. И въ христіанствѣ соль является символомъ, всеукрѣпляющей и всеоживляющей вѣры. Христосъ говорилъ своимъ ученикамъ. «Вы соль земли!» Св. апостолъ Петръ пишетъ: «Слова ваши должны быть исполнены силы и приправлены солью.»—Тонкая, остроумная рѣчь, которую такъ любили изящные аѳиняне, называлась въ древности «аттической солью». *Опредѣленія* сохранились и до нашихъ дней, рѣчи къ сожалѣнію измѣнились. — Понимать что нибудь *«cum grano salis»* (съ крупинкой соли), значитъ, умѣть схватить самую тонкую сторону предмета. Въ уваженіе къ свойству соли придавать силу и прочность всему съ чѣмъ она приходитъ въ соприкосновеніе, были въ свое время изданы различные законы, *legis saliae*, названные соляными законами. Въ библіи, мы находимъ законы, долженствовавшіе сохраниться на вѣчныя времена подъ названіемъ *pacta salis*, то есть соляныхъ договоровъ.—Различныя народныя племена еще не искусившіяся въ утонченныхъ порядкахъ Европы, при заключеніи разныхъ договоровъ, ставятъ на столъ солонку съ солью, и каждый изъ договаривающихся, вмѣсто клятвы въ ненарушимой вѣрности, беретъ въ ротъ нѣсколько крупинокъ соли. У многихъ народовъ, чужеземца, въ знакъ гостепріимства встрѣчаютъ хлѣбомъ-солью, и солонка составляетъ первую необходимость, какъ на столѣ богача, такъ и на столѣ послѣдняго бѣдняка. Въ средніе вѣка, опрокинуть солонку считалось дурнымъ предзнаменованіемъ, да еще и въ наше время найдутся легковѣрные люди, вѣрящіе въ этотъ предразсудокъ. Въ древности существовалъ обычай, чтобы у хозяйки, а равно и у каждаго сидящаго за столомъ, была своя собственная солонка. Въ одной хроникѣ говорится, что дочь Эдуарда I англійскаго, выходя за герцога Брабантскаго, получила въ приданое 6 золотыхъ и 120 серебряныхъ солонокъ.

Однако мы не всегда встрѣчаемъ соль въ качествѣ элемента, распространяющаго благоденствіе и благословеніе, иногда она является символомъ ужаса, проклятія. Это объясняется тѣмъ, что тамъ гдѣ соль покрываетъ землю, въ большихъ количествахъ, почва лишается способности производить что либо. Въ ветхомъ завѣтѣ, пророкъ Іеремія проклялъ іудеевъ, приговоривъ ихъ къ жизни въ засохшей пустынѣ, въ необитаемой, безплодной соляной степи. Далѣе, Авимелехъ, завоевалъ городъ Сихемъ и разрушивъ его стѣны, велѣлъ усыпать землю солью, для того чтобы она долго оставалась безплодной. Тоже самое сдѣлалъ въ средніе вѣка императоръ Барбаросса съ непокорнымъ Миланомъ.

Значеніе соли въ обычаяхъ и правахъ, перешло и въ языкъ, какъ это доказываютъ разныя символическія употребленія этого слова въ рѣчи. Въ древности, жалованье называлось *salarium*, отъ слова *sal*, соль, и даже до настоящаго времени это слово сохранилось, видоизмѣнясь въ *salaire*. Римляне говорили: «онъ зарабатываетъ свою соль», вмѣсто того какъ мы говоримъ: «онъ зарабатываетъ свой хлѣбъ.» Въ Индіи, говорилось объ людяхъ находящихся въ услуженіи: «они ѣдятъ хозяйскую соль,» у голландцевъ принято выражаться про того кого содержатъ: «онъ мнѣ обязанъ своей солью. «Солоно хлебать» говорится у насъ, или: «безъ соли, безъ хлѣба худая бесѣда.» Поступки не отличающіеся особенной любовью къ ближнему, характеризуются выраженіемъ: «онъ ему порядкомъ насолилъ»; чтобы посмѣяться надъ чьей нибудь неловкостью, говорятъ, «посыпь соли лягушкѣ на хвостъ.» Наконецъ, какъ доказательство того, что великіе поэты всѣхъ временъ, прославляли соль, мы приведемъ въ заключеніе къ цитированному нами эпиграфу Гёте, нѣсколько строкъ изъ IX пѣсни Иліады дѣдушки Гомера, гдѣ онъ говоритъ, описывая трапезу, предложенную Ахиллесомъ посламъ Нестора:

«Жаркій огонь между тѣмъ разводилъ Менетидъ боговидный.
«Чуть же огонь ослабѣлъ и багряное пламя поблекло,
«Угли разгребши Пелидъ, вертела надъ огнемъ простираетъ,
«И *священною солью* кропитъ—и т. д.

Какъ живой!..

Передъ нами одна изъ тѣхъ тихихъ, семейныхъ драмъ, которыя, незримо большинству публики, всегда слѣдуютъ за драмами общественными. Гдѣ-то далеко, за тридевять земель, разыгралась военная кампанія со всей своей грандіозной обстановкой, въ грохотѣ пушекъ и столбахъ пороховаго дыма, при частомъ и бѣгломъ ружейномъ огнѣ, со всею вереницей атакъ, наступленій, ошибокъ, штурмовъ... Многіе славные результаты достигнуты въ этихъ битвахъ, но не для семьи, изображенной на прилагаемомъ рисункѣ. Не вернулся изъ похода подъ кровъ ея одинъ изъ главнѣйшихъ ея представителей, мужъ и отецъ, глава дома. Нужно-ли описывать горе бѣдной вдовы, когда страшная вѣсть впервые поразила ее?! И какъ мало мѣста—всего строчку занимала эта ужасная новость въ цѣлыхъ столбцахъ газеты, гдѣ описывались послѣдніе подвиги дѣйствующихъ войскъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что значитъ жизнь одного офицера—тамъ, гдѣ цѣлая страна кладетъ оружіе предъ побѣдоносными орлами?... А между тѣмъ для осиротѣвшей семьи въ этой строчкѣ заключалось все — и

Библиотека "Руниверс"

Какъ живой!... (C'est bien lui!...). Съ картины Боньe. Рис. Коверзневъ, грав. Сосинскій.

Библиотека "Руниверс"

прошлое, невозвратно-минувшее счастіе, и грядущія превратности судьбы... Отъ былой надежной опоры осталось лишь одно воспоминаніе—это портретъ незабвеннаго между прочими фамильными портретами... И вотъ, прошло ужъ не мало времени со дня вдовства, самый трауръ приближается къ концу, другіе члены семьи давно уже сняли его,—а память сердца не слабѣетъ... Нѣтъ-нѣтъ да и остановиться вдова мимоходомъ передъ изображеніемъ дорогихъ чертъ, присядетъ въ кресло противъ портрета и всматривается въ оттѣнки знакомаго облика... «Какъ живой!..» шепчутъ ея блѣдныя губы.

Жизнь на морѣ.

(Изъ воспоминаній моряка).

(Продолженіе).

Въ числѣ многихъ физическихъ явленій природы, не слишкомъ-то приходящихся по сердцу моряку, не малую роль играетъ смерчъ.

Смерчъ происходитъ отъ борьбы двухъ вѣтровъ, дующихъ въ верхнихъ слояхъ воздуха въ противоположномъ другъ къ другу направленіи. Смерчи образуютъ обыкновенно двойной конусъ; верхняя часть опрокинутаго конуса состоитъ изъ массы облаковъ, между тѣмъ какъ нижній конусъ, котораго вершина обращена къ верху, состоитъ изъ воды,—если метеоръ образуется на морѣ; но иногда этотъ метеоръ замѣчается и на сушѣ, тогда нижній конусъ его состоитъ изъ песку или другаго какого-либо грунта.

Водяные смерчи подымаютъ воду часто до высоты нѣсколькихъ сотъ футовъ—и ихъ нижняя часть достигаетъ иногда весьма значительнаго діаметра.

Смерчи рѣдко продолжаются долѣе получаса. Ходъ ихъ и движеніе весьма неправильны. Сила ихъ часто бываетъ весьма велика; они въ состояніи вырывать съ корнемъ деревья, срывать крыши съ домовъ, ломать вооруженіе (мачты и прочее) самыхъ большихъ кораблей, но иногда проходятъ надъ маленькими судами, не причиняя, при своемъ разрушеніи, никакого вреда. Часто смерчи сопровождаются сильнымъ туманомъ и издаютъ непріятный запахъ, близко подходящій къ сѣрному.

Они бываютъ чаще на морѣ, чѣмъ на сушѣ, и преимущественно вблизи береговъ. Особенно часты они въ тѣхъ странахъ, гдѣ безвѣтріе часто смѣняется бурею. Послѣднее наблюденіе объясняется происхожденіемъ смерчей, т. е. что они обязаны своимъ происхожденіемъ небольшимъ бурямъ.

Въ предупрежденіе столкновенія судна съ смерчемъ, причемъ весь водяной конусъ можетъ обрушиться на первое, принимаютъ слѣдующія мѣры: завидя смерчъ, заряжаютъ пушку ядромъ и потомъ стрѣляютъ въ этотъ столбъ. Отъ полета ядра нарушится равновѣсіе между частицами смерча и онъ неминуемо долженъ разрушиться. Картина разрушенія его чрезвычайно эффектна: при паденіи водянаго конуса образуется изъ взбрызговъ цѣлый снопъ расходящихся мелкихъ струекъ, такъ что общій видъ этого момента напоминаетъ роскошнѣйшій фонтанъ.

Большую часть пути, при переходѣ изъ порта въ портъ, фрегатъ дѣлалъ подъ парусами. Только-что выйдетъ съ рейда подъ парами въ открытое море или океанъ, какъ раздается свистокъ: «Пошолъ всѣ наверхъ, винтъ поднимать, паруса ставить». Надо сказать, что когда прекращаютъ пары для того, чтобы вступить подъ паруса, всегда подымаютъ винтъ изъ воды, черезъ колодезь, внутро судна для того, чтобы онъ не задерживалъ своими лопастями ходъ судна. Для этой цѣли разобщаютъ его съ общимъ машиннымъ валомъ и потомъ вмѣстѣ съ рамой, въ которую упирается ось винта, его поднимаютъ черезъ колодезь, сдѣланный въ задней части фрегата насквозь.

Поднявши винтъ приступаютъ уже къ постановкѣ парусовъ. Надо самому видѣть, чтобы имѣть понятіе о красотѣ военнаго судна подъ парусами въ хорошій, ровный вѣтеръ. Уже самъ по себѣ, корпусъ каждаго военнаго судна болѣе или менѣе граціозенъ; а тутъ на каждой изъ его мачтъ по три по четыре бѣлыхъ ловко пригнанныхъ и хорошо сшитыхъ паруса; спереди на бушпритѣ два или три косыхъ паруса. А въ нѣкоторыхъ случаяхъ, т. е. когда направленіе вѣтра образуетъ тупой уголъ съ курсомъ *) судна или на морскомъ языкѣ «бакшталъ» то прибавляютъ по бокамъ добавочные паруса, называемые лиселями. Для этого съ реевъ выдвигаютъ въ стороны длинные деревья, на которыхъ и подымаютъ эти лиселя. Эти паруса совершенно всѣ выходятъ за наружный бортъ судна, и если смотрѣть съ какой-либо внѣшней точки на судно, идущее подъ всѣми парусами, то видъ его представляется чрезвычайно грандіознымъ, величественнымъ. На оборотъ-же, въ штормъ, когда брамъ-реи и брамъ-стеньги спущены и фрегатъ подъ одними глухо зарифленными **) марселями или-же, что еще хуже, подъ триселями (нижніе продольные паруса), представляетъ чрезвычайно невзрачный, общипанный, если только такъ можно выразиться, видъ.

Нашъ фрегатъ, по своей конструкціи, отличался чрезвычайно быстрымъ ходомъ, какъ подъ парусами, такъ и подъ парами. Подъ парусами и подъ парами, что случается весьма рѣдко, и конечно при благопріятномъ вѣтрѣ, скорость его доходила до четырнадцати узловъ въ часъ, что составляетъ, принимая каждый узелъ за одну и три четверти версты,—двадцать четыре съ половиною версты въ часъ, почти это локомотивная скорость пассажирскаго поѣзда.

Ничто не можетъ такъ задѣть за живое моряка, какъ невозможность обогнать встрѣтившееся судно. Намъ почти не удавалось испытывать этой досады, ибо большая часть встрѣчающихся судовъ, были худшіе ходоки, въ сравненіи съ нашимъ фрегатомъ.

Разъ какъ-то, какой-то дерзкій американецъ - купецъ *) вздумалъ обогнать насъ, но мы, надѣясь на своего Митьку, какъ называли его матросы, не унывали; а только прибавили сверхъ несенныхъ уже парусовъ, бомъ-брамсели **). И не прошло часу, какъ купецъ уже читалъ, что у насъ на кормѣ написано.

Послѣднее выраженіе также принадлежитъ къ числу матросскихъ остротъ.

Самая невеселая якорная стоянка наша была на островѣ С. Винцентъ, одномъ изъ группы острововъ Зеленаго Мыса; исключительною цѣлію захода сюда была необходимость нагрузиться углемъ, который здѣсь дешевъ и притомъ хорошаго качества, благодаря предпріимчивости англичанъ, которые первые захватили эту монополію. Торговля эта приноситъ имъ огромные барыши, ибо острова Зеленаго Мыса единственный пунктъ для запаса углемъ паровыхъ судовъ идущихъ изъ Европы въ порты Америки. Городъ на островѣ чрезвычайно маленькій, расположенный въ двѣ линіи домовъ по песчаному берегу острова, растительности почти никакой нѣтъ. Жители состоятъ преимущественно изъ негровъ, португальскихъ подданныхъ; если и есть нѣсколько англійскихъ семействъ, то это исключительно тѣ, отцы которыхъ принадлежатъ къ каменноугольной компаніи острова. Слѣдствіемъ непроизводительности почвы неизбѣжно является и бѣдность обывателей, а потому здѣшніе негры терпятъ крайнюю нужду даже въ пищѣ, не говоря уже о болѣе прихотливыхъ потребностяхъ. Нерѣдко намъ случалось видѣть матерей, за безцѣнокъ продающихъ своихъ дѣтей иностранцамъ, собственно для того, чтобы избѣжать лишняго рта въ семьѣ. Недостатокъ заработковъ ощущается во всемъ, даже стиркою бѣлья для приходящихъ моряковъ занимаются негры, и надо отдать имъ справедливость, что нѣкоторые изъ нихъ дошли въ этомъ до возможной степени совершенства. Но есть также и такіе прачки-негры, которые не столько выстираютъ бѣлье, сколько разорвутъ его или, что всего хуже, пропьютъ. Но не смотря на эти недостатки или достоинства, какъ хотите, такъ и назовите, каждый изъ нихъ требуетъ аттестацію себѣ въ этомъ искусствѣ, которая могла бы служить рекомендательнымъ документомъ для другихъ приходящихъ моряковъ. Въ этой просьбѣ имъ никогда не отказываютъ. Но нѣкоторыя изъ этихъ аттестацій до такой степени курiозны, что достойны полнѣйшаго описанія. Вотъ одна изъ такихъ аттестацій выданная предшественниками, нашими же соотечественниками, которую владѣлецъ и счелъ долгомъ предъявить намъ: «Господа соотечественники, первымъ долгомъ просимъ васъ при чтеніи этой аттестаціи не показывать виду владѣльцу ея, какого она содержанія. Предъявитель сего, португальскій подданный, негръ, довольно мускулистаго сложенія, волосы съ просѣдью,—порядочный нахалъ, пьяница и воръ; несмотря на всѣ эти достоинства, онъ имѣетъ претензію на прачешное искусство. Но если вы, господа соотечественники, не желаете, чтобы большая часть вашего бѣлья пропала безвѣсти, а другая явилась въ видѣ накрахмаленныхъ чулковъ, носковъ и прочаго, то вы не отдадите вашего бѣлья стоящему передъ вами субъекту». Затѣмъ слѣдуютъ подписи. Просьба соотечественниковъ по возможности исполняется. Вслѣдствіе этого подателю долго суждено теряться въ догадкахъ, отчего это ему при аттестаціи не даютъ ни одной тряпки, тогда какъ другіе его земляки цѣлыми ворохами таскаютъ бѣлье въ лодки, не имѣя ни какой рекомендаціи. По недостатку береговыхъ, мѣстныхъ развлеченій, мы въ одну прекрасную ночь устроили пикникъ на островѣ, для чего свезли съ фрегата большой парусъ (фокъ), изъ котораго соорудили палатку, въ которой роль столовъ и стульевъ играли боченки (анкерки) и люки. Яства-же всякія были изготовлены въ фрегатской кухнѣ и свезены на берегъ уже въ холодномъ видѣ. Часовъ около девяти общество наше съ музыкантами отправилось на берегъ, гдѣ и расположилось попировать. Этотъ ужинъ среди такой ночи, какъ ночь тропическая съ ея блестящимъ звѣздами небомъ и, если такъ можно выразиться, электрическою луною, при хорѣ музыки, — не лишенъ былъ своего рода

*) Курсъ—направленье носа судна по компасу.
**) Зарифленными—уменьшенными.

*) Купецъ на морскомъ языкѣ—коммерческое судно.
**) Самые верхніе маленькіе паруса бомъ-брамселя.

Библиотека "Руниверс"

фантастичности. А если прибавить къ этому, что палатку окружали со всѣхъ сторонъ негры и негритянки, которыя чрезвычайныя охотницы до музыки, съ ихъ сверкающими глазами и зубами, то картина представлялась уже совсѣмъ выхваченною изъ какого либо балета. Подъ конецъ пиршества былъ сожженъ небольшой фейерверкъ, приготовленный судовыми средствами, и затѣмъ все наше общество отправилось домой. Вообще говоря, стоянка здѣсь намъ сильно наскучила; только подъ самый конецъ пришло американское судно, моряки съ котораго и не замедлили познакомиться, и тотчасъ-же сдружиться съ нами; но это продолжалось недолго ибо нагрузка съ углемъ подходила къ концу, зеленью запаслись на ближайшемъ островѣ св. Антонія, куда для этой цѣли посылался барказъ—и мы вскорѣ снялись съ якоря при дружныхъ крикахъ ура и пожеланіяхъ счастливаго пути, нашихъ за-атлантическихъ друзей.

На этомъ пути мы, пользуясь пассатнымъ вѣтромъ, производили различнаго рода ученья, въ числѣ которыхъ особенно интересна была стрѣльба въ цѣль изъ ружей. Для этого спускали за бортъ на толстомъ канатѣ бочку, къ которой прикрѣплялся щитъ съ расчерченными на немъ кругами; разстояніе измѣняли помощію выпусканія каната на опредѣленное число саженей. Стрѣлки стояли на ютѣ и стрѣляли изъ ретирадныхъ портовъ. Этого рода стрѣльба требовала большаго искусства со стороны стрѣлковъ, нежели береговая, ибо въ нашемъ случаѣ, какъ самая цѣль, такъ и мѣсто, съ котораго стрѣляли, были подвижны. Не смотря на всѣ эти трудности процентъ стрѣльбы былъ все-таки болѣе чѣмъ удовлетворительный. На этомъ пути мы встрѣчали цѣлыя сѣрозеленыя поля на водѣ изъ водныхъ растеній. Причина ихъ появленія здѣсь объясняется теченіемъ гольфстритъ, которое, омывая берега изобилующія водными растеніями, вслѣдствіе своей быстроты отрываетъ и влечетъ за собою, но въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ теченіе останавливается или лучше сказать теряется—эти растенія поневолѣ сгруппировываются и до перваго сильнаго вѣтра или волненія образуютъ сплошныя поля. Нѣкоторые изъ матросовъ удивлялись этому такъ: «И чего это за границей не выдумаютъ, на морѣ сѣютъ, словно на землѣ мѣста мало». «Да нешто это сѣяное», отвѣчаетъ другой, «я давесь слышалъ, какъ господа разговаривали, что эту самую траву занесъ сюда англичанскій командеръ Голоштретъ, потому Притугалія (Португалія) заказала ему.»—Да нешто здѣсь Притугалія-то? вѣдь мы въ прошломъ годѣ были въ ней, она какъ изъ Брейсту выйдешь, такъ сейчасъ за угломъ и будетъ въ Лисьемъ-бонѣ (Лисабонъ). — «А здѣсь нешто не Притугалія, все одно, царица-то у нихъ одна».—Звѣстно одна, да ужъ все не то.

Пройдя этотъ путь безъ всякихъ треволненій, мы увидѣли на горизонтѣ небольшое темное пятно, которое по мѣрѣ нашего приближенія къ нему увеличивалось и увеличивалось; наконецъ передъ глазами нашими открылся во всемъ своемъ величіи Теперифскій пикъ, стоящій на островѣ того-же имени и принадлежащій къ группѣ Канарскихъ острововъ. Происхожденіе пика, какъ и самыхъ острововъ, ученые объясняютъ сильною вулканическою дѣятельностію земли въ этомъ мѣстѣ; подобное мнѣніе подтверждаетъ кратеръ пика и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ самая оболочка его, состоящая изъ лавы, аспида и проч. Мы бросили якорь на рейдѣ острова Теперифъ въ виду города Санта-Круцъ, принадлежащаго, какъ и весь островъ, несчастной Испаніи. Первая изъ шлюпокъ подошедшихъ къ нашему борту была карантинная съ сидящими въ ней карантинными чиновниками и докторами. Надо замѣтить, что нигдѣ такъ безобразно строго не исполняются карантинныя правила, какъ въ Испаніи. Пересмотрѣвъ наши документы, которые могли бы ихъ убѣдить откуда мы пришли, осмотрѣвъ по наружному виду команду, они все-таки не дали намъ разрѣшенія съѣзжать на берегъ изъ опасенія заразить туземцевъ какой либо эпидемической болѣзнію. Не смотря на всѣ наши просьбы и заявленія, что мы пришли изъ того порта, гдѣ эпидемій никакихъ не существуетъ, что можетъ быть извѣстнымъ черезъ телеграфъ и самимъ имъ;—они все таки остались непреклонными въ своемъ рѣшеніи и мы, нагрузившись углемъ и провизіей, снялись съ якоря, проклиная безалаберныя правила Испаніи. Но въ первое наше путешествіе, т. е. годомъ назадъ, испанскія власти не были такъ строги и намъ удалось побывать въ этомъ городѣ. Описаніе Санта-Круца я начну съ рейда, въ высшей степени неспокойнаго и мало защищеннаго отъ господствующихъ вѣтровъ; вслѣдствіе этого волненіе на рейдѣ громадное и прибой волнъ къ берегу чрезвычайно сильный. Поэтому здѣсь, при съѣздѣ на берегъ, шлюпки высаживаютъ своихъ пассажировъ слѣдующимъ образомъ: не доходя нѣсколько сажень до берега, который здѣсь чрезвычайно крутъ, ворочаютъ шлюпку, помощію веселъ, кормою къ берегу и съ носа ея кидаютъ маленькій якорь (дрекъ), тогда имѣя задержку въ якорѣ сдаются по веревкѣ настолько, чтобы съ кормы шлюпки можно было шагнуть на берегъ или пристань. Если бы эта предосторожность не соблюдалась, то волна при своемъ приливѣ къ берегу могла-бы разбить и самую шлюпку о сей послѣдній. Когда-же берегъ отлогъ, то при сильномъ прибоѣ волнъ употребляютъ уже другой способъ, а именно: подходя къ берегу, пользуются приливомъ волны, которая сразу выкидываетъ шлюпку на берегъ, въ этотъ моментъ гребцы выскакиваютъ вонъ и быстро тащутъ шлюпку по берегу далѣе. Эта предосторожность имѣетъ тотъ смыслъ, чтобы волна, прибившая шлюпку къ берегу, съ своимъ уходомъ не унесла бы послѣднюю обратно. При выходѣ на пристань мы были окружены множествомъ оборванныхъ чичероне, которые на перерывъ предлагали намъ свои услуги. Первымъ нашимъ дѣломъ была просьба о лошадяхъ, которыхъ здѣсь оказалось слишкомъ мало—и потому мы раздѣлились на двѣ кавалькады. Одна сѣла на лошадей, а другая на ословъ. По указаніямъ чичероне, бѣжавшихъ около нашихъ лошадей, мы поѣхали осматривать окрестности Санта-Круца, которые чрезвычайно живописны; проѣхавъ нѣсколько верстъ мы очутились у подножья Теперифскаго пика и рѣшили подняться на его вершину, но дорога оказалась чрезвычайно трудною, крутою и несовершенно безопасною, ибо лошади наши, ступая по аспидному грунту, часто поскальзывались, а потому мы, поднявшись на нѣсколько сотъ футъ, ограничились этимъ и налюбовавшись вдосталь видомъ съ высоты на океанъ, отправились вспять. Пріѣхавъ въ городъ, мы остановились въ довольно чистенькой гостинницѣ, содержимой какимъ-то нѣмцемъ, Здѣсь мы пообѣдали и вволю полакомились фруктами и виноградомъ, которые здѣсь въ изобиліи. Отдохнувъ, мы пошли по городу, который днемъ не представляетъ, по своей безжизненности, ничего интересного. Рѣдко-рѣдко кого встрѣтишь, на улицѣ, а если и встрѣтишь, то преимущественно погонщиковъ муловъ, на которыхъ здѣсь перевозятъ различныя клади. Дома города довольно опрятные, каменные, большею частію двухъ этажные, съ черепичными крышами; каждое изъ оконъ дома снабжено непремѣнно жалюзи; улицы хотя и узенькія, но прямыя и хорошо мощеныя. Но воздухъ крайне удушливъ, что и причиной того, что жители на цѣлый день прячутся въ свои хуэрты. За то вечеръ вполнѣ вознаграждаетъ всѣ неудобства дня. Необыкновенная мягкая свѣжесть воздуха, луна, ароматъ при легкомъ вѣтеркѣ съ острова, при всемъ этомъ божественныя испанки съ ихъ необыкновенно блестящими глазами и крошечными ножками. Вечеромъ вся аристократія и не аристократія выползаетъ изъ своего дневнаго заточенія въ городской садъ или на бульваръ. Костюмъ испанскихъ дамъ преимущественно состоитъ изъ чернаго платья, легкой шелковой мантильи и кружевной косынки, покрывающей голову, въ рукахъ у каждой изъ нихъ можно замѣтить вѣеръ. Намъ, созерцающимъ эти въ высшей степени граціозныя фигуры, невольно приходила на память серенада... «Скинь мантилью, ангелъ милый»... и т. д. Вотъ и все, что осталось у меня въ памяти отъ нашего пребыванія въ Санта-Круцѣ. Еще не могу не упомянуть о тѣхъ молюскахъ, которые плаваютъ по рейду острова и вообще вблизи всей группы острововъ.—Это слизистыя животныя фіолетоваго цвѣта, которыхъ нижняя половина подъ горизонтомъ воды, а верхняя въ видѣ бѣлаго гребня находится сверхъ воды и вслѣдствіе этого имѣетъ поразительное сходство съ игрушечнымъ корабликомъ, отчего мы и прозвали этихъ молюсокъ,—испанскимъ флотомъ. Да не осудитъ меня читатель, что отрывки мои далеко не полны и не послѣдовательны; причиною этому то, что я во время плаванія не велъ ни какихъ записокъ и теперь пользуюсь исключительно только одною памятью.

Настоящія мои замѣтки я пишу за два года плаванія, въ промежутокъ этого времени мы приходили въ Кронштадтъ; а потому и были въ нѣкоторыхъ портахъ по два, по три раза. А для того, чтобы не повторять одного и того-же по нѣскольку разъ, я не буду описывать порты по порядку плаванія,—а въ разбивку. Такъ какъ наше судно не имѣло никакой другой цѣли плаванія, кромѣ практической, то мы и не стѣснялись заходомъ въ порты намъ не по пути. Такъ, напримѣръ, мы на второй годъ нашего плаванія зашли на западный берегъ Африки въ Гамбію и Либерію.

Судно, на которомъ я имѣлъ честь плавать, было первое и послѣднее изъ русскихъ военныхъ судовъ, которому выпалъ случай побывать на западномъ берегу Африки — въ республикѣ Либеріи.

Цѣль нашего захода сюда имѣла смыслъ благодарности за тотъ адресъ, который либерійцы прислали Государю Императору, по поводу освобожденія крестьянъ. Республика Либерія сформировалась очень недавно изъ переселенцевъ негровъ, бывшихъ американскихъ невольниковъ. Теперь понятно, почему они не преминули выразить свои чувства Государю Императору, такъ какъ сами на себѣ испытали все иго рабства.

Входя на рейдъ главнаго города Либеріи,—Монровіи, стоящаго на рѣкѣ Мезурадо, мы были встрѣчены множествомъ челноковъ, выдолбленныхъ изъ стволовъ пальмъ. Въ каждомъ изъ челноковъ сидѣло по негру, которые замѣчательно искусно управляли своими челноками съ помощію весла о двухъ лопастяхъ. Подходя къ судну они въ голосъ предлагали свои лоцманскія услуги на ломаномъ англійскомъ языкѣ. Желаніе ихъ оказать эту услугу было такъ велико, что они пренебрегали опасностью столкнуться съ нашимъ фрегатомъ и перевернуться, и не смотря на все наше искусство маневрировать между ними, одинъ изъ нихъ все-таки перевернулся. Не успѣли мы приготовится къ поданію помощи, какъ челнокъ былъ уже снова перевернутъ и негръ сидѣлъ въ немъ, какъ ни въ чемъ не бывало. Дѣло въ томъ, что негры замѣчательные пловцы, не считаютъ этотъ казусъ за большое неудобство, а въ слѣдствіе легкости и плоскодонности ихъ челноковъ, подобные случаи съ ними не рѣдки. Когда челнокъ отъ какихъ либо причинъ перевернется, то владѣлецъ его, держась на водѣ, переворачиваетъ его снова и начинаетъ качать, причемъ вода, находящаяся въ челнокѣ, отъ быстроты качанія, выбрасывается. Когда такимъ образомъ нужное количество воды выбросится, негръ вскакиваетъ въ челнокъ и продолжаетъ плаваніе далѣе.

Библиотека "Руниверс"

Мы приняли одного изъ такихъ лоцмановъ на судно, который и не преминулъ вручить намъ свой патентъ на эту профессію, хранящійся у него въ закрытой жестянкѣ, повѣшенной на ремнѣ черезъ плечо, ибо одежды лоцмана, исключая пояса приличія, никакой не имѣютъ.

Войдя на рейдъ города Монровіи въ воскресенье—день, который въ Либеріи, въ религіозномъ отношеніи, соблюдается также строго, какъ и въ Соединенныхъ штатахъ, т. е. что работъ никакихъ не производится,—мы салюта не производили. А на другой день фрегатъ нашъ, при подъемѣ флага республики, отсалютовалъ націи 21-мъ выстрѣломъ. На этотъ салютъ тотчасъ-же получили отвѣтъ съ мѣстной крѣпости тѣмъ же числомъ выстрѣловъ.

Видъ при входѣ на рейдъ чрезвычайно живописный, берега довольно низменны и изобилуютъ всѣмъ тѣмъ, что только въ состояніи произвести тропическая почва и климатъ. Дома города чрезвычайно живописно расположены въ пальмовыхъ и кипарисовыхъ рощахъ, большею частію тростниковые, но есть нѣсколько и каменныхъ.

Методизмъ и баптизмъ—религіозныя формы, предпочитаемыя ремесленниками и бѣдными. Весьма значительная доля приверженцевъ этой секты — самые истинные христіане. Методизмъ негрямъ особенно нравится потому, что даетъ имъ свободу внѣшнимъ образомъ выражать свои чувства. Во время невольничества баптисты составляли аристократію, а методизмъ—чернь. Эти двѣ секты преобладаютъ въ Монровіи и не жалѣютъ никакихъ средствъ и условій для подготовки изъ среды своей достойныхъ пастырей; изъ нихъ-то и выходятъ наиболѣе вліятельные проповѣдники.

Въ нравственномъ отношеніи уровень Либеріи, не смотря на недавнее ея рожденіе, — довольно высокій. Городъ имѣетъ нѣсколько мужскихъ и женскихъ училищъ, одну гимназію, прогимназію и даже воскресную школу. Школы эти не примыкаютъ ни къ одной изъ этихъ сектъ. Къ текстамъ священнаго писанія, учителямъ школъ не позволяется прибавлять ни одного толкованія, съ цѣлію сдѣлать эти школы одинаково пригодными для дѣтей всѣхъ сектъ.

Языкъ либерійцевъ имѣетъ также нѣсколько нарѣчій, но многіе

Татарская семья дома. Рис. Віола, грав. Паннемакеръ.

Общій видъ религіи жителей — протестантизмъ, дѣлящійся на четыре секты, а именно: пресвитеріанство, епископство, методизмъ и баптизмъ. Различія этихъ сектъ преимущественно внѣшнія и приверженцы ихъ ни какихъ распрей между собою не ведутъ.

Пресвитеріанство, тоже самое, что и реформаторская церковь въ ея первоначальномъ устройствѣ во Франціи, съ консисторіями и синодами. Слабость этой секты—возможность дробиться до безконечности на нѣсколько другихъ, второстепенныхъ сектъ. Пресвитеріанство проповѣдуетъ подчиненіе человѣка непреложнымъ опредѣленіямъ Бога, оно въ значительной мѣрѣ сообщаетъ твердость послѣдователямъ среди испытаній въ жизни; поэтому пресвитеріанство главнымъ образомъ господствуетъ между классомъ промышленнымъ и торговымъ, людьми инициативы и предпріятій.

Епископство въ Монровіи считается церковью хорошаго тона; если пресвитеріанство нравится преимущественно людямъ дѣла, то форма епископальная увлекаетъ людей досуга. Внѣшняя обстановка, доказывающая религіозность приверженца секты, занимаетъ въ ней обширное мѣсто.

негры говорятъ по-англійски на нарѣчіи Соединенныхъ штатовъ.

Стоянка на рейдѣ города Монровіи, въ опредѣленное время года, довольно спокойная; но нельзя того-же ожидать въ дождливый періодъ, когда вѣтры разводятъ на рейдѣ сильное волненіе и тѣмъ дѣлаютъ якорную стоянку не покойною. Гребныя суда могутъ безпрепятственно входить въ рѣку Мезурадо, ибо баръ ея имѣетъ въ самую малую воду 4 фута глубины. Рѣка-же св. Павла, находящаяся нѣсколько сѣвернѣе рѣки Мезурадо и соединяющаяся съ нею небольшимъ рукавомъ, имѣетъ глубины въ самыхъ мелкихъ мѣстахъ до 10 футъ и вслѣдствіе этого служитъ убѣжищемъ для небольшихъ морскихъ судовъ. Флотъ Либеріи въ настоящее время изъ нѣсколькихъ шкунъ *), изъ коихъ однѣ выстроены въ Монровіи изъ туземныхъ матеріаловъ, остальныя же приведены изъ Америки и Англіи.

(Окончаніе будетъ).

*) Шхуна—небольшое 2-хъ-мачтовое морское судно.

Библиотека "Руниверс"

Въ окрестностяхъ Архангельска.

(Окончаніе).

8. Поѣздка въ Лявлю. Подгородныя села. Кегъ-островъ. заводы, промысла, Вовчуга.

Въ тридцати верстахъ отъ Архангельска есть большое село — Лявля.

Оно славится живописными окрестностями и потому мы воспользовались случаемъ осмотрѣть ихъ въ Успеньевъ день—храмовой праздникъ Лявленской церкви, когда сюда собираются десятки тысячъ народа, перевозкою котораго безпрестанно заняты наканунѣ и въ самый праздникъ пароходы: Югъ, Десятинный и Вологда.

Что это было за славное утро! Пароходъ плылъ словно по зеркалу, Двина была неподвижна. Направо и налѣво мягкими, волнистыми линіями уходили въ туманную даль зеленѣющіе берега ея.

Каюты перваго класса на пароходѣ «Десятинный» очень не дурны.

Вообще всѣмъ, кто когда бы то ни было попадетъ на Двину, я совѣтую выбирать пароходы купца Булычева. Тутъ и помѣщенія больше и прислуга лучше, да и ходятъ они скорѣе.

Правый берегъ становился все возвышеннѣе. Строеніе его откосовъ указываетъ на страшный напоръ льда, бывающій въ этихъ мѣстахъ. Нѣкоторые выступы на громадномъ протяженіи буквально срѣзаны льдинами. Можно еще разсмотрѣть линіи и полосы, проведенныя острыми краями ледяныхъ глыбъ. Лѣвый берегъ рѣки, напротивъ, представлялъ ровную гладь, уходившую въ мутную синь далей, развертывавшихся какъ въ панорамѣ по мѣрѣ движенія парохода впередъ. Я пристальнѣе всмотрѣлся въ плавучее населеніе парохода. Тутъ было до четырехсотъ человѣкъ, преимущественно женщинъ. Всѣ съ узелками, изъ которыхъ выглядывали на свѣтъ Божій всевозможные пироги, хлѣбы, тюрички съ чаемъ.

Татары на выходѣ изъ мечети. Рис. Віола, грав. Паннемакеръ.

Ни одного диссонанса, ни одного рѣзкаго оттѣнка на всемъ этомъ безграничномъ просторѣ. Двѣ, три тучки будто копья расплавленнаго серебра застоялись въ голубомъ небѣ, отражаясь всѣми своими оттѣнками въ покойной водѣ рѣки. Пароходъ круто повернулъ налѣво. Оказалось, что здѣсь въ этомъ году образовалась новая мель; вообще фарватеръ рѣки въ высшей степени капризенъ.

Къ расчисткѣ его все еще не приступаютъ не смотря на то, что ежегодно къ Архангельску приплываютъ здѣсь двѣ тысячи рѣчныхъ судовъ, пароходовъ, барокъ и плотовъ. Намъ разсказали на пароходѣ, что вопросы о расчисткахъ Двины, Сухоны и Юга подняты только теперь.

Мѣстности направо и налѣво становились все лучше и лучше. То тамъ, то сямъ изъ волнистыхъ линій зеленѣющаго берега выплывали села. Изрѣдка бѣлый храмъ легкими очертаніями подымался посреди скучившихся вокругъ него деревянныхъ избъ. На его колокольнѣ и куполахъ играло солнце, убирая золотистыми переливчатыми блестками и окна ближайшихъ къ берегу селеній.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, деревни стояли у самой воды, но рѣдко, и то на болѣе возвышенныхъ площадкахъ. Песчаныя отмели сплошь казались золотыми.

Въ сторонѣ отъ всѣхъ какой-то въ пухъ и прахъ расфрантившійся писецъ, съ прилизанными височками, носомъ въ видѣ отчаяннаго пируета, вздернутымъ кверху, и съ усиками самаго непозволительнаго рыжаго цвѣта, угощавшій орѣхами помянутно-краснѣвшую дѣвушку въ бѣдномъ ситцевомъ платьицѣ. Джентльменъ повидимому чувствовалъ себя на своемъ мѣстѣ. Свинные, слезящіеся глазки прищуривались, на толстыхъ и рыхлыхъ губахъ бродила отчаянно ловеласовская улыбка. Шляпа сидѣла на затылкѣ и весь ensemble составлялъ такую противуположность съ красивою свѣжестію его подруги, что становилось противно смотрѣть на него.

Рядомъ съ ними два толстые субъекта, поднявъ свои бороды кверху, мирно бесѣдовали о китахъ, на коихъ утвержденъ земной шаръ. По мнѣнію одного, въ числѣ этихъ китовъ былъ и поглотившій Іону, другой утверждалъ, что то совсѣмъ особый китъ, китъ—Левіафанъ, ему и честь-де другая. Дюжины полторы дамъ и дѣвицъ сидя вокругъ верхней каюты перваго класса испытующимъ окомъ созерцали наряды другъ друга. Налѣво шелъ разговоръ о торговлѣ. Тутъ же высокій хлыстообразный мѣща-

Библиотека "Руниверс"

нинъ тщетно старался найти равновѣсіе, потерянное имъ въ буфетѣ.

На капитанской площадкѣ, казалось, некуда было упасть и яблоку. И что за смѣсь одеждъ и лицъ! Отъ чистенькаго нѣмчика до оборваннаго родственника незабвеннаго Павла Ивановича Чичикова. Носы вздернутые, носы сплюснутые, носы тонкіе, тупые, носы острые, греческіе, римскіе, готтентотскіе—одни словно обнюхивавшіе что-то; другіе гордо устремлявшіеся вверхъ, на лицахъ застывшихъ съ выраженіемъ самодовольства; третьи смиренно свѣсившіеся внизъ. Около буфета неизъяснимая толчея. Одни мужественно устремляются туда, работая языкомъ и локтями, другіе медленно выходятъ, ища опоры подъ ногами и тщетно хватаясь за воображаемую балюстраду. Толстый краснощекій господинъ, съ добродушнымъ выраженіемъ расплывшагося лица, обѣими руками сжималъ бутылку добытаго имъ пива, точно боясь, чтобы она не вылетѣла у него въ недосягаемую высь, табъ привѣтливо висѣвшую надъ нами.

А берега становились все выше и выше, наконецъ поднялись отвѣснымъ гребнемъ, высившимся саженъ на тридцать надъ рѣкою отвѣсно. Пароходъ шелъ близко къ правому берегу. Сѣрая стѣна его съ урѣзанными откосами и съ пучками зеленыхъ кустовъ, вырывавшихся почти горизонтально, тянулась передъ нами. На самой верхушкѣ ея словно кучи пестрыхъ мельчайшихъ козявокъ—шевелились раньше пріѣхавшіе горожане. Нѣсколько человѣкъ попробовали было взобраться наверхъ, цѣпляясь за кусты, но на половинѣ откоса останавливались, судорожно махали руками и эффектно скатывались внизъ, къ особенному удовольствію толпы. Сойдя съ парохода мы пошли къ церкви, сначала лугомъ, потомъ тропинкою, извивавшеюся по всхолмленной мѣстности, на одной изъ высшихъ точекъ которой стоитъ небогатый сельскій храмъ. Толпы горожанъ бродили взадъ и впередъ. Живописными группами они расположились въ обрестностяхъ церкви. Вездѣ было замѣтно оживленіе, звучалъ искренній смѣхъ. Тутъ нѣсколько хорошенькихъ дѣвушекъ уединились въ тѣни церкви и звонко смѣялись чему-то; тамъ, сверкая яркими платками, яркими платьями и яркими лицами, возсѣдало семейство зажиточнаго мастероваго, быстро уничтожая цѣлыя горы какой-то снѣди. Молоденькое созданіе, съ раскраснѣвшимися щеками и веселыми живыми глазами, сбѣгало внизъ объ руку съ неуклюжимъ юношей въ невыразимо пестрыхъ панталонахъ, гордившимся ими и безобразно откидывавшимъ ноги собственно для указанія необыкновеннаго изящества и красоты этой части своего туалета. Лугъ передъ церковью былъ сплошь усѣянъ отдыхавшими богомольцами. Хорошо отстроенный домъ священника былъ переполненъ гостями.

— Выпьемъ! звучало изъ одного окна.

— Могу!

— Хватимъ что-ль? звучало изъ другаго окна.

— Ды совѣстно.

— Дай Богъ здоровье глазкамъ—отмигаются.

Въ кучкѣ молодыхъ мастеровыхъ шелъ разговоръ важный, солидный.

— Ты, говоришь, самъ холеру видѣлъ?

— Самъ. Своимъ глазамъ. Чего тутъ!

— Побожись!

— Лопнуть на семъ самомъ мѣстѣ.

— Какая она? вмѣшался третій.

— Черная.

— Съ фостомъ?

— Фоста признаться съ испугу не замѣтилъ. Кажись самый махонькій. А тольки спины у ей нѣтъ.

Немного далѣе холмогорскій пряничникъ (сюда съѣзжаются изъ Холмогоръ, даже изъ Пинеги) торговалъ медовыми птицами съ какими-то необыкновенными крыльями. Тутъ же архангельскій торговецъ разложилъ жестяные ящики съ конфектами, леденцами и т. под. товаромъ. Два крестьянскихъ мальчика несказанно удивлялись роскоши городскихъ лакомствъ, стараясь подальше засунуть въ ротъ кулачки отъ изумленія. Нѣсколько счастливыхъ паръ толковали о «любви и сопрнкосновенныхъ съ нею предметахъ» подъ кущами райскихъ садовъ. Мы пошли въ самую Лявлю, отстоящую отъ церкви на версту или двѣ. Дорога подымалась то вверхъ то внизъ. Направо и налѣво тянулись лѣсочки и огороди.

По крутымъ спускамъ бѣгало молодое поколѣніе, обрадовавшись теплому солнцу, да чужимъ пестро-одѣтымъ людямъ.

Встрѣтился по дорогѣ крестьянинъ. Этотъ оказался мѣстнымъ патріотомъ.

— Супротивъ нашей Лявли мѣста нѣтъ, да и быть не можетъ, потому у насъ красота.

— Ну, а какъ у васъ народъ живетъ?

— Живемъ мы по хрестьянски, художествъ или качествъ какихъ за нами не водится.

— Не о томъ я спрашиваю. Богато-ли живете?

— Богато?.. Ишь ты! Нашего богатства не перечесть.

— Строенія у васъ хоть куда.

— У сталавѣровъ дѣйствительно что! Потому народъ, надо такъ говорить, тверезый. Мироѣды есть тоже.... Ты на строеніе не гляди. Ты въ печь смотри, что мужикъ ѣстъ, что внутро свое валитъ. Прежде и богатство было—больше товару Двиной возили, больше работы. Ну а нонѣ пошли тяготы, подвели животы.

— Хлѣбъ у васъ хорошъ-ли?

— Хлѣбъ у меня самъ-шестъ родился. Недонмка одолѣла. У меня, братецъ, прежъ всего три коровы было, двѣ-то я въ голодный годъ на мясо побилъ, а третью сей годъ для счету у цѣловальника пропилъ. И выходитъ, что я своему роду врагъ, потому у меня нутро распалилось, потому заботишки нѣтъ, все прахомъ идетъ...

Только что мы вошли въ село, передо мною развернулись знакомыя картины. Вижу, на тѣлежкѣ во всю прыть несутся два обнявшіеся парня изъ зажиточныхъ, въ черныхъ суконныхъ сюртукахъ съ туго подвязанными шарфами на шеѣ. Лица ихъ буквально пылаютъ. «Изсушила, сокрушила...» реветъ во все горло одинъ, второй хватаетъ кого-то въ воздухѣ и гонитъ здоровую лошаденку, которая и безъ того стремглавъ летитъ внизъ по крутому спуску. Вонъ крестьянскія дѣвушки, въ городскихъ костюмахъ, щелкаютъ орѣхи, перебалтывая между собою, какъ стая молоденькихъ утятъ. Вонъ изъ кабака выползъ и едва бредетъ впередъ стариченко въ чистой бѣлой рубахѣ. Еще издали онъ оповѣщаетъ свою семью.

— Эй, дѣти... хозяинъ идетъ!... Отворите ворота!.. Ноги его тщетно стараются переступить канаву, невозможнаго сдѣлать нельзя, и потому онъ благоразумно останавливается.

— Эй, супруга... хозяинъ домой идетъ, пьяной!.. Отворяйте!.. Никто не откликается.

— А канавки не перейти! вслухъ разсуждаетъ онъ.— И подлая же канавка какая!..

Въ сторонѣ парни, въ черныхъ сюртукахъ и (до чего дошла цивилизація!) въ калошахъ съ дождевыми зонтиками въ рукахъ—при совершенно сухой и ясной погодѣ—топтались на мѣстѣ, одолѣваемые желаніемъ подойти къ дѣвицамъ. Но дѣвицы неумолимы, и молодые парни только напрасно сдували пухъ съ сукна, да оправляли необыкновенные галстухи, до безобразія душившіе имъ горло. Что дѣлать, прежде всего мода, а требованія ея также строги въ деревнѣ (зри—дождевые зонтики) какъ и въ большомъ свѣтѣ нашихъ столицъ.

— Много-ли старовѣровъ у васъ? спросилъ я у одного крестьянина.

— А есть.

— Не ссорятся съ православными?

— Зачѣмъ ссориться! Народъ добрый, помогаетъ. Прежде какъ гнали ихъ, такъ расколъ у насъ шибко дѣйствовалъ, потому страдали они очень, такъ жалко ихъ было... Ну а теперь ничего.

— Хозяйство у старовѣровъ поди лучше?

— Какъ не лучше! Народъ обстоятельный! Впрочемъ нонѣ и изъ ихнихъ въ кабакъ похаживаютъ, не брезгуютъ. А только рѣдко и по малу пьютъ. По хозяйству они первые люди. И грамотѣ они всѣ сплошь знаютъ.

— А школа есть у васъ?

— Въ нашей волости есть, въ Уймѣ.

— Большая-ли?

— Слышь, считается по бумагамъ—двѣ. Одна—Попова, такъ-та такъ себѣ. Ей нѣтъ, на счету она только. А то въ Уймѣ мужская—то на наши деньги; десятка четыре робятъ, да два десятка дѣвчонокъ учатся. Да больно неспособно далеко. Ты посуди, милой, деньги со всѣхъ берутъ, а школу верстъ за двадцать откроютъ. Есть-таки школы, что ни въ жизнь не пошлешь робенка. А деньги со всѣхъ.

— Ну, а народъ охотно посылаетъ дѣтей учиться?

— Чего не охотно! У насъ такъ — коли отецъ грамотной такъ самъ рабенка учитъ. Слышь, въ Уймѣ прежде такая школа была первый сортъ! Дѣтей пропасть ходило. Домина огромаднѣющей былъ. Словно въ церкву придешь. А только пороли на смерть. Положутъ и давай учить... Розгой больше учили, потому въ ей, въ розгѣ, сила.

— Давно закрыта эта школа?

— Ее палата держала. Какъ теперче палату прекратили — и школу долой.

— Ну а хлѣбопашество у васъ какъ?

— Хлѣбу у насъ водъ, супротивъ другихъ мѣстовъ. А только не достаетъ. Прикупаемъ въ Архангельскомъ. Я вотъ въ прошломъ году три четверти купилъ. На кажиаго человѣка-хлѣбопашца придется по 10 пудъ прикупить въ годъ. Опять-же ягодъ у насъ—гибель, въ городъ возимъ. Недостатки все-же нонѣ большіе. Обидѣли нашу губернію господа купцы, мало товару стали посылать: допрежъ работы больше было. Нонѣ въ Питеръ ходимъ на работы, въ Архангельскій лѣтомъ. На промысла когда. Рыбку ловимъ—въ городъ возимъ. Сѣно косимъ.

— А сколько пудовъ сѣна даетъ здѣсь десятина?

— Не ровно, когда пятьдесятъ, когда шестьдесятъ, а когда и всѣ девяносто. Бывали годы по сто двадцать пудовъ снимали. Да оно одно на одно выходитъ, какъ сѣна мало—за него даютъ дороже, а много—хоть не продавай—цѣна ему грошъ. Въ прошломъ 1872 году до 1 руб. 20 коп. пудъ сѣна доходилъ, вотъ оно каково.

Мы подошли къ краю берега, отвѣсно опрокидывавшагося внизъ. Тамъ внизу подъ нами темно-голубою лентою тянулась широкая Двина. Бѣлый парусъ небольшаго карбаса словно чайка несся впередъ—туда гдѣ за излучинами рѣки синѣлъ неопредѣленный просторъ далей. И что это была за синь! Вся прозрачная, мягко облекавшая и далекіе луга и далекіе лѣса. А тамъ за ними тянулась золотая песчаная полоса. Противоположный берегъ Дви-

Библиотека "Руниверс"

ны входилъ въ рѣку обмелѣвшими косами и мысами, на одномъ изъ которыхъ черпѣли вытянутыя на берегъ лодки. Прямо передъ нами въ темно-голубыхъ, кое гдѣ искривившихся струяхъ рѣки желтѣла длинная линія несчанаго острова, за нею тянулись такіе же заливаемые въ половодье клочки земли. Свѣжимъ, здоровымъ вѣтромъ вѣяло съ рѣки. Мы долго стояли тутъ очарованные этою внезапно развернувшеюся картиной. Глаза не могли оторваться, отъ нея и возвращаясь мы еще долго оглядывались назадъ, желая унести съ собою опредѣленное, ясное воспоминаніе объ этомъ прекрасномъ уголкѣ. Хотѣлось остаться тутъ навсегда, выстроить на гребнѣ этого берега какую нибудь избенку и жить всторонѣ отъ суеты и движенія, отъ эгоизма и толчеи большихъ городовъ. На душѣ росло какое-то мягкое расплывающееся въ непреодолимыхъ смутныхъ грезахъ чувство... А какъ хорошо здѣсь должно быть зимою, когда опаловый просторъ окованной льдомъ рѣки, засіяетъ подъ алыми лучами сѣверной зари золотисто-розовымъ блескомъ! Какъ хорошо сверху глядѣть въ эту ярко разцвѣченную низь, всѣ оттѣнки которой, медленно переливаясь, облекутся въ такія краски, какихъ не создать никакою кистью, никакимъ воображеніемъ... Пора было возвращаться домой. Пароходъ пыхтѣлъ у берега, ожидая пассажировъ. Издали приближался другой пароходъ съ новыми массами городскихъ жителей. На палубѣ его гремѣла музыка,—чистые звуки которой далеко разносились по всему этому свѣжему, сочному, необъятному простору.

Разумѣется, при возвращеніи необошлось безъ того, чтобы нѣсколько человѣкъ не были перенесены съ берега на палубу мертвыми тѣлами; до этого довело ихъ черезъ-чуръ усердное служеніе Вакху.

Противъ самаго Архангельска на срединѣ рѣки Двины находится большой островъ, гдѣ расположено селеніе Кегъ-Островское. Въ 1693, 1694 и 1702 годахъ, Петръ I-й, во время своего пребыванія на сѣверѣ, любилъ отдыхать здѣсь и самъ пѣвалъ на клиросѣ во время всенощной, въ здѣшней теперь уже не существующей церкви Св. Пророка Иліи. Это довольно большое селеніе, которое намъ удалось разсмотрѣть во время гулянія, бывающаго здѣсь 20-го іюля. Во время этого праздника особенно бросились мнѣ въ глаза костюмы мѣстныхъ дѣвушекъ, образчикъ которыхъ представленъ на рисункѣ № 19 «Нивы». Не могу передать какую прелесть этотъ костюмъ придаетъ лицамъ крестьянокъ и какую грацію — ихъ движеніямъ. Въ самомъ Кегъ-Островкѣ мы остановились у одного довольно зажиточнаго хозяина.

Кегъ-Островъ это большое село съ двумя церквами, домами хорошей постройки, выведенными въ два этажа, но съ неизбѣжнымъ кабакомъ въ самомъ началѣ. Тутъ всегда масса народа. Мѣсто это не бываетъ пусто. Почтеннѣйшее цѣловальничество, открывая въ селѣ кабакъ, обыкновенно принимаетъ на себя обязательство строить часовню, платить ежегодно на церковь опредѣленную сумму. Историческій афоризмъ Домиціана, сказавшую знаменитую фразу, что деньги не пахнутъ, перевелъ всецѣло въ наши нравы, хотя человѣчество пережило съ тѣхъ поръ не мало великихъ нравственно обновляющихъ эпохъ.

Здѣсь-же въ Кегъ-Островѣ я ознакомился съ тѣми производительными предпріятіями, которыя на нашемъ оффиціальномъ языкѣ называются фабриками и заводами. Читая различные отчеты, мы не разъ встрѣчали въ нихъ: въ такой-то губерніи столько-то *тысячъ* фабрикъ и заводовъ, чуть-ли не по пяти на каждое село. Неудомѣвая, мы напрасно искали разрѣшенія этого вопроса.

Оказалось что заводами считаютъ нижеслѣдующее: Стоятъ напримѣръ въ Кегъ-Островѣ по серединѣ улицы двѣ деревянныя перекладины, колесо съ ручкой и скамья для сидѣнья. Что это такое? спрашиваю. Канатный заводъ.—А на много-ли приготовляетъ этотъ заводъ канатовъ? Рублевъ на сорокъ въ годъ. Вотъ вамъ и заводы. Тутъ-же мы осматривали три сельдеконтильни. Они помѣщаются въ деревянныхъ сараяхъ и—какъ все у насъ—поражаютъ невыразимою патріархальностію производства, завѣщанною россійскому народу блаженной памяти царемъ Горохомъ. Вообще надо признаться, что нашъ способъ приготовленія сельдей всякаго рода—никуда не годится. Еще недавно, т. е. лѣтъ семьдесятъ тому назадъ, сельдяной промыселъ доставлялъ населенію сѣвера до милліона рублей. Теперь его размѣры низошли до 6,000 рублей.

За Кегъ-Островомъ далѣе есть еще нѣсколько деревень. Таковъ старый Кегъ-островъ, Перхачево, Заостровье, Ладино. Великое и другія. Всѣ они пользуются особеннымъ почетомъ въ глазахъ мѣстныхъ археологовъ. Это первые осадки Новгородскихъ вольницъ, отстой тѣхъ колонизаторскихъ партій, которыя прошли по всему сѣверу, изгнавъ или истребивъ Чудь. Пріемы колонизаціи по видимому не отличались особенною мягкостію, потому что Чудь скорѣе рѣшалась на самосожженіе, на самопогребеніе заживо, чѣмъ на подчиненіе болѣе сильному племени и сліяніе съ нимъ.

В. Немировичъ-Данченко.

Народы Россіи.

XIX. Татары.

Нынѣшніе татары, населяющіе нѣкоторыя мѣстности россійской имперіи, — прямые потомки тѣхъ татаръ, которые съ Батыемъ, племянникомъ хана Угедея, старшаго сына Темучина, прозваннаго Чингисъ-ханомъ, перешли на правый берегъ Урала и, какъ грозная туча, неодолимые ни кѣмъ, медленно подвигались впередъ съ своими семействами, кибитками и стадами,—разоряя всѣ населенныя мѣста встрѣчавшіяся на пути, истребляя или уводя въ плѣнъ жителей. Опустошивъ владѣніе Камскихъ Болгаръ, Татары зимою 1237 года, вошли въ предѣлы княжества Рязанскаго, разорили его; потомъ двинулись въ область Суздальскую, взяли и сожгли г. Владиміръ, затѣмъ пошли къ Новгороду, и, не могши достигнуть этого города по причинѣ непроходимыхъ лѣсовъ, болотъ и весенняго разлива рѣкъ, повернули къ юго-востоку въ Приволжскія степи. Здѣсь-то, по смерти великаго хана Угедея, вернувшись въ 1241 г. изъ походовъ въ южную Русь, гдѣ Батый опустошилъ княжества Черниговское, Кіевское, Волынь и Галицію —а потомъ въ Венгрію и Польшу,—раскинули они свои кочевья отъ Урала до низовьевъ Дуная. Батый образовалъ изъ своего народа новое царство, подъ именемъ Золотой или Кипчакской орды, столицею котораго сдѣлался, выстроенный имъ на волжскомъ рукавѣ Ахтубѣ, богатѣйшій городъ Серай.

Въ концѣ XV вѣка, по выраженію нашихъ лѣтописей, «Большая орда порушилась и почали цари ордынскіе жити въ Астрахани, а большая орда опустѣла», т. е. что столица прежняя Серай была оставлена ханами. При Василіи Темномъ Золотая Орда распалась на двѣ части: Казань и Крымъ. Казанское царство основалъ Улу-Махметъ,—Крымъ подпалъ подъ власть династіи Гиреевъ, первый ханъ который былъ извѣстный Азы-гирей. Кромѣ того, изъ Золотой Орды, въ XIV и XV вѣкахъ, отдѣлились незначительные князки и заселяли съ своими подданными нѣкоторыя мѣстности въ Россіи, принимая на себя у русскихъ князей обязанность защищать предѣлы Россіи отъ нашествія своихъ же единоплеменниковъ.

Выходцы эти селились преимущественно на рѣкѣ Окѣ; такъ образовалось, напримѣръ, ханство Касимовское—ленное владѣніе Великаго князя Московскаго. Нѣкоторая часть татаръ попала въ Закавказье и поселилась по западному берегу Каспія.

Само собою разумѣется, что разсѣявшись по разнымъ мѣстамъ обширной Россіи, татары, хотя и весьма упорно отстаивающіе до нынѣ свою національность, должны были подчиняться вліянію той среды, въ которой они поселились, а равно климатическимъ и территоріальнымъ условіямъ, что неизбѣжно отразилось на образѣ ихъ жизни, занятіяхъ, постройкахъ, одеждѣ и языкѣ — и дѣйствительно: между татариномъ изъ Закавказья и татариномъ изъ Касимова — нѣтъ, на первый взглядъ, почти и сходства, между тѣмъ какъ они дѣти одной семьи.

Татары, поселившіеся въ Россіи, собственно всѣ земледѣльцы, живутъ тихо, не отличаясь ни особенною дѣятельностью, ни зажиточностію: многіе изъ нихъ часто занимаются конокрадствомъ; характеръ ихъ угрюмый и скрытный; они горды и злы отъ природы, но умѣютъ владѣть собой и чрезвычайно боязливы. Которые побогаче—имѣютъ болѣе двухъ женъ; всѣ трезвы и корыстолюбивы. Росту преимущественно средняго, но сильны; лица у нихъ продолговатыя, бѣлыя и худощавыя; волосы русые, а глаза больше черные, небольшіе. Женщины не такъ красивы, но здоровы и хорошо сложены. Одежда мужчинъ состоитъ изъ длинной рубахи съ отложнымъ воротомъ и длинными рукавами. Рубаха надѣвается сверхъ шароваръ и не подпоясывается поясомъ. Сверхъ рубахи надѣвается—лѣтомъ кафтанъ безъ рукавовъ съ косымъ воротомъ,—а зимою полушубокъ: сверхъ-же этого кафтана надѣваютъ халатъ. На ногахъ сапоги, а у богатыхъ козловые цвѣтные и узорчатые чулки, а сверхъ нихъ калоши—ичагъ. Голова брита вся и покрыта ермолкою, называемою — гюбстей, всегда пестрою, а у богатыхъ вышитою золотомъ, даже жемчугомъ и камнями. Поверхъ гюбстейки носится лѣтомъ—бѣлая островерхая съ широкими полями войлочная шляпа—малахай. Женщины покрывалъ не носятъ, но голова у замужнихъ закрывается платкомъ такъ, чтобы щеки и лобъ были до половины закрыты. Женщины носятъ подобно мужчинамъ рубахи, шаровары и сапоги. Кафтаны ихъ много короче и не подпоясываются какъ у мужчинъ кушакомъ, а просто застегиваются на пуговки. Въ ушахъ носятъ серги, состоящія изъ огромныхъ металлическихъ колецъ съ подвѣсками изъ металла, бусъ или пуха, связаннаго въ видѣ шарика. На шеѣ множество бусъ, монетъ, бляшекъ и т. п. Этимъ-же украшены грудь и косы у дѣвушекъ. На рукахъ носятъ браслеты, и кольца на пальцахъ, ногти которыхъ красятъ хенною въ ранжевый цвѣтъ. Брови подкрашиваютъ, почти всѣ поголовно бѣлятся и румянятся. Нравственности женщины весьма строгой; съ русскими не сходятся, хотя часто живутъ въ одной и той-же деревнѣ, рядомъ домъ съ домомъ. Почти ни одна татарка не говоритъ по русски.

Библиотека "Руниверс"

Дома татаръ въ Россіи строятся такъ же какъ у русскихъ, но окна почти никогда на улицу не дѣлаются, а если и есть, то очень маленькія и заклеенныя вмѣсто стекла пузыремъ. Татары держатъ свои дома много опрятнѣе русскихъ. Чуланъ и дверь каждой избы дѣлаются на востокъ; кругомъ стѣнъ устроены низкія нары, на которыхъ стелятъ широкія постели. Нѣтъ ни одной татарской деревни, въ которой не было-бы мечети, и нѣтъ положительно ни одной мечети, при которой не было-бы школы, гдѣ и обучаются мальчики отъ 8 до 14 лѣтъ, подъ руководствомъ муллъ. Жены же муллъ и ахундовъ обучаютъ грамотѣ дѣвочекъ. Отъ этого нѣтъ ни одного татарина, который бы не зналъ болѣе или менѣе грамотѣ, и всѣ имѣютъ понятія объ своемъ законѣ. Татары всѣ ревностные мусульмане и если когда принимаютъ христіанскую религію, то это только въ крайности. Перемѣнивъ религію, татаринъ никогда не остается въ своей деревнѣ, а удаляется куда нибудь подальше. Татары охотно занимаются торговлею, особенно мелкою; тяжелаго земледѣльческаго труда они не любятъ.

Татары крымскіе носятъ другой костюмъ, состоящій изъ широкихъ шальваръ турецкаго покроя и курточки, надѣтой на рубашку съ широкими рукавами. Рубашка, заправляется въ шальвары, которые подпоясываются широкимъ цвѣтнымъ кушакомъ. Сверхъ всего носится халатъ. На головѣ низкая баранья шапка, на ногахъ сапоги или калоши. У женщинъ уже есть чадры. Повозки ихъ, какъ и у Закавказскихъ татаръ — двуколесныя, такъ-называемыя «арбы».

Татарская арба. Рис. Александръ де Баръ, грав. Саржанъ.

Мы сказали, что татары всѣ ревностные послѣдователи мусульманства, т. е. религіи, главный догматъ которой выражается фразою: «ля илляхе иль алла, Магметъ ресулъ алла» т. е. нѣтъ Бога кромѣ единаго и Магометъ его пророкъ. Правила исламизма требуютъ совершать въ день пять разъ омовеніе и молиться (намазъ), соблюдать строго положенные посты, какъ: «Рамаданъ», наканунѣ «Ноурузъ» т. е. новаго года, наканунѣ «Курбанъ-Бейрама» т. е. праздника жертвъ и наконецъ воспоминаніе смерти Шахъ-Гуссейна, что производится съ особеннымъ торжествомъ. За тѣмъ законъ воспрещаетъ ѣсть свинину, пить вино, строго предписываетъ подавать милостыню и, хотя разъ въ жизни, посѣтить Каабу въ Меккѣ и гробъ Магомета въ Мединѣ. Лица, посѣтившія эти святыя для мусульманъ мѣста, получаютъ титулъ «хаджи». а какъ наружное отличіе — право носить чалму. Не одну Мекку и Мэдину посѣщаютъ благочестивые мусульмане; есть и другія мѣста, привлекающія поклонниковъ. Такъ, городъ Мешедъ съ могилою высокочтимаго святаго и посѣтившіе это мѣсто получаютъ титулъ «мешади»; есть на восточномъ берегу Каспійскаго моря могила святаго въ урочищѣ Акстамъ (Бѣлая стѣна), напротивъ острова Челекена; въ Бакинской губерніи есть тоже мусульманскіе святые и именно семейство Шихъ. Одинъ изъ Шиховъ похороненъ въ урочищѣ Чіпли и надъ его могилою былъ въ древности построенъ монастырь, отъ котораго остались едва замѣтные слѣды. Сестра этого святаго, Биби (Варвара) умерла на своей роднѣ въ с. Биби-Гейбатѣ, въ 7-ми верстахъ отъ г. Баку, въ которомъ находится древняя мечеть надъ ея прахомъ и живутъ потомки этой фамиліи, почему и деревня эта носитъ названіе «Шиховой деревни» т. е. поселеніи фамиліи Шихъ. Мѣсто это преимущественно посѣщается женщинами, которыя отправляются туда для поклоненія, испрашивая или плодородія или помощи въ несчастной любви. Далѣе, въ пригородѣ Билярскѣ есть тоже древнее кладбище Бальньгози, особенно почитаемое мусульманами, потому что тамъ находятъ могилы святыхъ мужей.

Всѣ правила религіи заключены въ книгѣ коранъ. Коранъ не только содержитъ правила религіи, но и всѣ законы общественной жизни. Книга эта не написана самимъ пророкомъ, который, какъ извѣстно, не умѣлъ писать, а есть собраніе всего того, что онъ говорилъ своимъ ученикамъ. Магометане такъ уважаютъ эту книгу, что не смѣютъ ее печатать, но переписываютъ, а оригиналъ хранятъ въ богатѣйшемъ переплетѣ. Уже съ этихъ копій печатаются экземпляры корана.

Кромѣ корана есть «*сунны*» т. е. случайно произнесенныя Магометомъ изрѣченія; но они признаются не всѣми. Это послужило причиной раскола мусульманства на два главные толка: Суннитовъ, т. е. признающихъ Сунну, и «*Шіитовъ*», не признающихъ ее вовсе (Персы) и почитающихъ преемникомъ Магомета не Абу-Бекера (отца жены пророка) а Али—мужа дочери Магомета. Между Суннитами и Шіитами глубокая религіозная вражда. Наружное отличіе духовныхъ есть слѣдующая: у Суннитовъ тюрбанъ бѣлый, у Шіитовъ красный, отчего и произошло прозвище, которымъ честятъ Персіанъ—«кизилъ-башъ»—«красная голова».

Кодексъ гражданскихъ и уголовныхъ законовъ заключается въ сборникѣ—«*Шаріатъ*», по которому и производится всегда гласный и открытый судъ мусульманъ.

Библиотека "Руниверс"

У мусульманъ есть много и своеобразныхъ (въ родѣ монашескихъ) орденовъ, вообще носящихъ названіе «дервишъ». Моленія свои дервиши разныхъ сектъ совершаютъ различно. Въ русскихъ владѣніяхъ, дервишей, кромѣ поющихъ — нѣтъ. Моленія свои они производятъ усаживаясь вкругъ на полу мечети и громко поютъ положенныя молитвы. Вообще у татаръ все читается *на распѣвъ*; даже глагола *читать* нѣтъ на языкѣ татарскомъ, и онъ замѣненъ глаголомъ «пѣть»—«*огуйяръ*»; такъ «читать книгу» по татарски сказать нельзя, а надо говорить: «*огуйяръ кибатъ*» — распѣвать книгу.

(Продолженіе будетъ).

Политическое обозрѣніе.

Со времени послѣдней бесѣды нашей съ читателями объ Испаніи, положеніе дѣлъ въ этой странѣ измѣнилось немного. Консервативное правительство маршала Серрано, обязанное своимъ происхожденіемъ случаю и содѣйствію военной силы, при самомъ энергическомъ участіи генерала Павіи, не внушаетъ къ себѣ особеннаго довѣрія. Первымъ дѣломъ новаго правительства было подавленіе карлистскаго возстанія; заручившись побѣдою надъ карлистами, правительство маршала Серрано разсчитывало снискать къ себѣ въ испанскомъ народѣ большую расположенность и сдѣлаться, если уже не популярнымъ, то по крайней мѣрѣ достойнымъ уваженія и довѣрія. Съ этою цѣлью, маршалъ Серрано рѣшился оставить Мадридъ и отправился самъ на мѣсто дѣйствія. Наступала рѣшительная минута; карлисты съ каждымъ днемъ дѣлали все новые и новые успѣхи и наконецъ простерли свою смѣлость до того, что рѣшились осадить одинъ изъ лучшихъ военныхъ портовъ на сѣверѣ Испаніи, Бильбао. Укрѣпившись на высотахъ, окружающихъ этотъ городъ, карлисты начали правильную осаду его и имѣли полное основаніе разсчитывать на успѣхъ; но прибытіе маршала Серрано и послѣдующія затѣмъ дѣйствія его измѣнили положеніе дѣлъ въ пользу республиканской арміи. Впрочемъ, на первыхъ порахъ Серрано не только выказалъ странную нерѣшительность и колебанія, но даже, заключивъ перемиріе съ карлистами, вступилъ съ ними въ переговоры, подавшіе поводъ къ различнымъ неблаговиднымъ подозрѣніямъ насчетъ истинной цѣли этихъ переговоровъ: маршала стали подозрѣвать въ намѣреніи уступить карлизму... Тогда Серрано рѣшился дѣйствовать энергичнѣе; сформированъ былъ изъ свѣжихъ силъ корпусъ, начальство надъ которымъ вручено престарѣлому генералу Кончѣ, человѣку испытанной храбрости, но съ очевидною для всѣхъ симпатіею къ дону-Альфонсу, сыну бывшей королевы Изабеллы. При общемъ недовѣріи и сумятицѣ, и это назначеніе возбудило съ одной стороны подозрѣнія, а съ другой—надежды на возстановленіе монархіи съ принцемъ Астурійскимъ во главѣ. Но ни тѣмъ ни другимъ не суждено было сбыться. Одно уже появленіе генерала Кончи среди солдатъ возбудило упавшій духъ ихъ; послѣ неимовѣрныхъ усилій и изумительнаго геройства, были взяты у карлистовъ одно за другимъ укрѣпленія ихъ, въ томъ числѣ и неприступный Монте-Абанто. Карлисты отступили, и такимъ образомъ Бильбао оказался въ рукахъ правительства. Побѣда эта произвела сильное впечатлѣніе во всей Испаніи; потери карлистовъ весьма значительны: кромѣ людей, они потеряли еще много орудій и боевыхъ снарядовъ, которыми воспользовались побѣдители. Но главная потеря заключается въ упадкѣ боеваго духа карлистскихъ войскъ: несмотря на прокламаціи донъ-Карлоса къ своему воинству, несмотря на угрозы и различныя жестокости, которыя позволяютъ себѣ начальники карлистскихъ бандъ, бывшіе сторонники карлизма одинъ за другимъ переходятъ на сторону правительства. При всемъ томъ, главное ядро карлизма остается еще несломленнымъ, и, отступивъ отъ Бильбао, карлистскія войска продолжаютъ блокаду гор. Санъ-Себастіана и Витторіи. Что-же дѣлаетъ въ это время генералъ Конча? Генералъ Конча находится въ выжидательномъ положеніи, которое, какъ многіе полагаютъ, поможетъ карлистамъ оправиться и, собравшись съ силами, ударить на правительственныя войска... А тѣмъ временемъ, въ Мадридѣ происходитъ волненіе по поводу перемѣны министерства, дѣятельное участіе въ которомъ принимаетъ нашъ старый знакомый, бывшій глава министерства, Сагаста. По мысли этого политическаго дѣятеля, извѣстнаго своею дѣятельностью на поприщѣ интригъ и подпольной пропаганды, рѣшено было составить такъ-называемое «министерство примиренія», въ

Дервиши на молитвѣ. Рис. Віола, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

которомъ каждая изъ партій имѣла бы своихъ представителей. Съ этою цѣлью, для занятія министерскихъ портфелей приглашены были глава республиканцевъ Кастеляръ и другъ его Абазуза, но какъ только стало извѣстнымъ, что портфель министра внутреннихъ дѣлъ достался Сагастѣ, то представители республиканской партіи объявили, что они не могутъ быть въ министерствѣ съ такимъ человѣкомъ. Этого только, повидимому, и ждали монархисты: тотчасъ-же было образовано министерство изъ лицъ, однородныхъ по убѣжденіямъ, и притомъ жестокихъ противниковъ республики. Борьба партій, слѣдовательно, не только не утихаетъ, но отъ подобной мѣры еще больше разгорается. Испуганные республиканцы различныхъ оттѣнковъ обратились тогда къ Серрано, какъ къ главѣ исполнительной власти, съ требованіемъ категорическаго отвѣта, желаетъ-ли онъ монархической реставраціи или намѣренъ поддерживать республику. Маршалъ Серрано отвѣчалъ на этотъ вопросъ уклончиво, показавъ тѣмъ, что будетъ дѣйствовать не въ пользу республиканской формы правленія. Двусмысленное поведеніе современныхъ представителей власти въ Испаніи, волненія въ окрестностяхъ Мадрида, происки различныхъ монархическихъ партій, междоусобная война стоющая ежедневно около одного мильона рублей, — все это скорыми шагами ведетъ страну къ погибели: къ полнѣйшему государственному банкротству, къ торговому и промышленному кризису, къ совершенному безначалію и деморализаціи. Нельзя сказать, чтобы такая перспектива имѣла хоть что-нибудь утѣшительное!

Во Франціи также неожиданно-негаданно произошелъ министерскій кризисъ. Собственно говоря, инспировержения стараго министерства желали тамъ многіе; но никто не воображалъ, чтобы оно совершилось такъ быстро и къ тому-же при такихъ исключительныхъ обстоятельствахъ, когда вообще на сторонѣ министерства было въ Палатѣ значительное большинство голосовъ. Министерство герцога Брольи воображало, что продолжительное существованіе его обезпечено уже тѣмъ, что въ Собраніи, при необыкновенномъ разъединеніи его членовъ, не можетъ составиться большинство, враждебное ему—хотя бы въ какомъ-нибудь единичномъ вопросѣ, а тѣмъ болѣе такое, которое могло бы угрожать его министерству паденіемъ. Но вышло не такъ, и парламентское большинство противъ министерства составилось слѣдующимъ образомъ: герцогъ Брольи и нѣкоторые изъ его товарищей, принадлежа къ партіи орлеанистской, въ глубинѣ своихъ душъ питаютъ и ростятъ надежду, что рано или поздно, а верховная власть во Франціи перейдетъ-таки къ одному изъ членовъ Орлеанскаго дома, и въ такихъ цѣляхъ дѣйствуютъ не только на общественное мнѣніе страны, черезъ посредство преданныхъ имъ газетъ, но и въ Національномъ Собраніи. Дѣйствовать открыто не представляется, однако, выгоды, такъ-какъ, состоя главой министерства при правительствѣ маршала Макъ-Магона, надлежало, по крайней мѣрѣ для виду, поддерживать мысль о семилѣтнемъ срокѣ, назначенномъ Собраніемъ для его президентства, а слѣдовательно—волей-неволей — способствовать утвержденію во Франціи республиканской формы правленія. Результаты такого двусмысленнаго положенія вскорѣ не замедлили себя выказать. Замѣчая настроеніе Собранія въ пользу продленія полномочій Макъ-Магона до 7 лѣтъ, кабинетъ герцога Брольи рѣшился предложить Собранію проектъ учрежденія второй или такъ-называемой Верхней Палаты, на подобіе наполеоновскаго Сената. Учрежденіе такого рода, по проекту Брольи, должно было состоять изъ 300 членовъ и носить новый титулъ «Grand Conseil.» 100 членовъ этого «большаго совѣта» назначаются исполнительною властью (т. е. президентомъ республики или королемъ); 150 избираются департаментами, а на остальныя 50 мѣстъ имѣютъ право по своему положенію: маршалы, адмиралы, кардиналы и другія заслуженныя лица. Избирателями членовъ «Большаго Совѣта» могутъ быть: бывшіе судьи и вообще чиновники, кавалеры ордена почетнаго легіона и лица, платящія высшій размѣръ подоходнаго налога. Роль этого парламентскаго учрежденія, какъ показалъ многолѣтній опытъ не только во Франціи, но и въ другихъ государствахъ, имѣетъ скорѣе отрицательный характеръ и является тормазомъ всякихъ благихъ начинаній Нижней Палаты или Національнаго Собранія. Такимъ образомъ, какъ самый составъ членовъ этого новаго учрежденія на старой подкладкѣ, такъ равно и характеръ его дѣятельности, подчиняющій Національное Собраніе власти «Большаго Совѣта», въ особенности же составъ избирателей,—все это до очевидности показало Собранію, съ одной стороны—неспособность или нежеланіе кабинета пойти въ истинныя потребности страны и составить проекты такихъ законовъ, въ которыхъ она дѣйствительно нуждается, а съ другой — разоблачило тайные замыслы герцога Брольи создать несмѣняемое, сильное своимъ консерватизмомъ и приверженцами Орлеанскаго дома, учрежденіе, которое могло бы взять въ свои руки Національное Собраніе и затѣмъ повернуть все дѣло въ пользу герцога Омальскаго или кого-нибудь другаго изъ орлеанскихъ принцевъ. Внесенный въ Собраніе проектъ о Верхней Палатѣ подвергся осужденію почти всѣхъ партій; даже крайняя правая не одобрила его, а признала за нимъ цѣль, для осуществленія которой Собраніе не считаетъ себя въ правѣ трудиться. Но до обсужденія проекта о Верхней Палатѣ дѣло не дошло: предлогомъ къ разрыву между Національнымъ Собраніемъ и министерствомъ выставленъ былъ вопросъ о томъ, проекты какихъ законовъ разсматривать прежде: муниципальныхъ (организація городскихъ общинъ) или избирательныхъ. Министерство предлагало разсмотрѣть сначала проектъ избирательнаго закона; палата же, большинствомъ 64-хъ голосовъ, высказалась за немедленное разсмотрѣніе муниципальныхъ законовъ. Изъ этого частнаго, повидимому, вопроса былъ сдѣланъ вопросъ и о существованіи самого кабинета герцога Брольи. По окончаніи столь непріятнаго для министерства голосованія, министры отправились къ президенту республики и вручили ему свои прошенія объ отставкѣ. Маршалъ Макъ-Магонъ, согласно принятымъ учтивостямъ, сталъ совѣтоваться съ ними насчетъ составленія новаго министерства; но Совѣты бывшихъ министровъ не привели къ счастливому результату. Тогда Макъ-Магонъ предложилъ составленіе кабинета сначала Бюффе (президенту Нац. Собранія), и когда тотъ отказался, — бывшему когда-то министромъ юстиціи Дюфору, а за отказомъ и этого,—тоже бывшему министру Гуляру. Но и Гуляру не удалось выполнить возложеннаго на него порученія, такъ что до сихъ поръ еще ничего неизвѣстно о составѣ будущаго министерства. Оставленный своими наружными друзьями, маршалъ, чтобы спасти себя и страну, долженъ, кажется, теперь обратиться къ умѣренной лѣвой сторонѣ и тамъ найти сколько-нибудь вѣрную поддержку. Что касается до общественнаго мнѣнія Франціи, то оно, говоря вообще, весьма довольно паденіемъ министерства Брольи, а съ нимъ вмѣстѣ и той неопредѣленной и двусмысленной политики, которой оно держалось. Въ Парижѣ и во всей Франціи господствуетъ совершенное спокойствіе: только одному Тьеру была сдѣлана небольшая демонстрація при выходѣ его изъ вагона въ Парижѣ.

Смѣсь.

Общая цифра судовъ, плавающихъ нынѣ по морямъ, простирается до 61429, изъ которыхъ: парусныхъ — 56281, паровыхъ—5148. На долю Англіи приходится болѣе половины всѣхъ пароходовъ, а именно—3061, и ей же принадлежитъ болѣе трети парусныхъ судовъ—20842. Первое мѣсто послѣ Англіи, въ этомъ отношеніи, занимаютъ Соединенные Штаты; второе — Франція: у нея 392 парахода и 3973 парусныхъ судовъ; третье, непосредственно,—Германія. Въ Германіи, въ настоящее время, общимъ числомъ 3984 купеческихъ, паровыхъ и парусныхъ судовъ.

Интересныя цифры. Статистики опредѣляютъ цифру общаго народонаселенія на земномъ шарѣ приблизительно въ 1.280,000,000 душъ. Изъ нихъ 360,000,000 принадлежатъ къ кавказскому племени, 552.000,000—къ монгольскому, 190.000,000 — къ эфіопскому, 176,000,000 — къ малайскому и наконецъ 1.000,000 — къ индо-американскому. Количество разговорныхъ языковъ опредѣляется въ 3,642. Насчитываютъ 1000 различныхъ религій. Ежегодная смертность на земномъ шарѣ 33.333.333 души, что составляетъ по 91554 человѣка въ день, по 3780 въ часъ, по 62 въ минуту, по 1 человѣку въ секунду, такъ что каждому удару сердца нашего соотвѣтствуетъ смерть какого нибудь человѣка. Общая, средняя продолжительность человѣческой жизни есть 33 года. Четвертая часть народонаселенія умираетъ до *восьмаго* года, половина до *восемнадцатаго*. Изъ 100000 человѣкъ только одинъ достигаетъ 100 лѣтняго возраста, до 90 лѣтъ доживаетъ одинъ изъ 500; до 60—одинъ изъ 100. Восьмая часть всего мужскаго народонаселенія — солдаты (при общей военной повинности дойдетъ до *половины*). На 1000, достигающихся 70 лѣтняго возраста, приходится: 43 священника или вообще людей говорящихъ въ публикѣ, 30 земледѣльцевъ, 33 ремесленника, 32 солдата, 29 адвокатовъ (столько-же инженеровъ), 24 доктора медицины. Раньше другихъ умираютъ люди, посвятившіе себя продлѣнію чужой жизни.

Важное открытіе. Послѣ введенія хлороформа, едва ли было сдѣлано въ хирургіи болѣе важное и болѣе значительное по своимъ результатамъ открытіе, чѣмъ новое открытіе профессора Эсмарка въ Килѣ. Онъ придумалъ способъ, который позволяетъ дѣлать на конечностяхъ всякаго рода операціи безъ малѣйшей потери крови. «Съ перваго взгляда кажется сказкой, смѣлой мечтой», пишетъ одинъ медицинскій журналъ,—что съ этихъ поръ мы будемъ дѣлать операціи безъ крови! Между тѣмъ это какъ нельзя болѣе вѣрно. Мы будемъ въ состояніи дѣлать всякія операціи на конечностяхъ, безъ того чтобы оперируемые теряли даже самое ничтожное количество крови». Профессоръ Бильретъ въ Вѣнѣ высказался объ этомъ способѣ съ энтузіазмомъ: изъ Англіи, гдѣ онъ уже былъ много разъ примѣненъ, приходятъ объ немъ самые удовлетворительные отзывы. Способъ этотъ поразителенъ по своей простотѣ; съ удивленіемъ спрашиваешь себя: какимъ это образомъ такая простая и практическая метода, до сихъ поръ не была открыта? Способъ профессора Эсмарка заключается въ слѣ-

Библиотека "Руниверс"

дующемъ: конечность, начиная съ кончиковъ пальцевъ оборачивается кнаружи, эластическимъ, крѣпкимъ тканымъ гуттаперчевымъ бинтомъ. Наложенный такимъ образомъ бинтъ вытѣсняетъ изъ конечности всю кровь. Непосредственно надъ бинтомъ, конечность обвивается въ пять или въ три раза эластической каучуковой трубкой въ палецъ толщины. Посредствомъ этой послѣдней всѣ мягкія части, включая сюда и артерію, плотно придавливаются къ костямъ, что препятствуетъ всякому дальнѣйшему приливу крови. Тогда гуттаперчевый бинтъ снимается, а каучуковая трубка остается. Подъ ея давленіемъ конечность будетъ совершенно безкровна-блѣдна какъ частица трупа, и хирургъ можетъ, не теряя ни капельки крови, впустить въ нее свой ножъ. Этотъ способъ представляетъ не только то преимущество, что при немъ паціентъ не теряетъ крови, но еще и то, что при немъ можно обойтись безъ ассистента. Чтобы вполнѣ оцѣнить это преимущество стоитъ только подумать, какъ трудно доктору найти опытнаго ассистента въ деревнѣ, и недостатокъ ихъ на войнѣ послѣ большихъ сраженій.

Разныя извѣстія.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ виду большаго развитія между офицерами Кавказскаго военнаго округа занятій стрѣльбою въ цѣль, по приказанію Его Императорскаго Высочества Главнокомандующаго арміею, устроено въ Тифлисѣ стрѣльбище, съ ежегоднымъ состязаніемъ на призы, для всѣхъ желающихъ гг. генераловъ, штабсъ- и оберъ-офицеровъ какъ тифлисскаго гарнизона, такъ и прибывающихъ въ Тифлисъ изъ другихъ мѣстностей Кавказа. 23-го марта настоящаго года, въ присутствіи Государя Великаго Князя, состоялось первое состязаніе на призы, пожалованные Его Высочествомъ и Государынею Великою Княгинею Ольгою Ѳеодоровною. Всѣхъ желающихъ состязаться явилось около 60 человѣкъ, но къ состязанію на призы, согласно изданнымъ правиламъ, допущено было только 28 человѣкъ, изъ коихъ 13 человѣкъ выполнили всѣ условія, требуемыя состязаніемъ, для полученія призовъ, почему таковыми удостоены были только тѣ изъ выполнившихъ условія, у коихъ сумма квадратовъ дѣйствительныхъ выстрѣловъ оказалась наименьшею.

— Въ Ярославлѣ—въ минувшую зиму офицеры 137-го пѣхотнаго Нѣжинскаго полка имѣли возможность прослушать цѣлый рядъ чтеній по военной топографіи и военной гигіенѣ, а также о военной дисциплинѣ и нѣкоторые эпизоды изъ обороны Севастополя и проч. Кромѣ того, подъ руководствомъ командира полка и начальника Штаба 35-й пѣхотной дивизіи, каждую недѣлю Великаго поста офицеры занимались рѣшеніемъ на планѣ тактическихъ задачъ. Въ военной игрѣ принимали участіе и офицеры 138-го пѣхотнаго Болховскаго полка, части котораго прибыли въ Ярославль для несенія караульной службы, а равно и офицеры губернскаго батальона.

— Съ осени прошедшаго года, въ квартирующемъ въ Замостьѣ Полтавскомъ полку открыто военное собраніе. Съ наступленіемъ весны, при собраніи устроенъ прекрасный садникъ, предназначенный для лѣтней столовой. Кромѣ того, въ собраніи помѣщаются библіотека и фехтовальный залъ полка. Лекціи, читанныя въ Собраніи командиромъ полка, бесѣды, военная игра, фехтованіе, оркестръ, составленный изъ членовъ-любителей, и т. под., служатъ весьма пріятнымъ развлеченіемъ для офицеровъ.

— Броненосныя мастерскія Николаевскаго адмиралтейства, состоящія изъ двухъ отдѣленій: бронепригоннаго и желѣзнаго судостроенія, оканчиваются постройкою. Въ бронепригонномъ отдѣленіи установлены уже прессъ для сгибанія броневыхъ плитъ до 12 дюймовъ толщины, подвижные краны самаго большаго размѣра, большой двойной радіально-сверлильный станокъ и двойной долбежный. Въ отдѣленіи желѣзнаго судостроенія совершенно готова кузница, въ которой установлены и дѣйствуютъ 6 горновъ, ковательный, заклепко-дѣлательный и клепательный станки и двѣ большаго размѣра калительныя печи. Броннепригонное отдѣленіе будетъ окончательно изготовлено ко времени установки брони на поповку «Вице-адмиралъ Поповъ», т. е. къ концу настоящаго или къ началу будущаго года. Остальные же отдѣленія этой мастерской будутъ постепенно приводиться къ окончанію въ теченіе настоящаго лѣта.

— Винтовый клиперъ «Всадникъ» 28-го марта сталъ, какъ сообщается въ «Кр. Вѣстн.», на якорь *на Капштадтскомъ рейдѣ* (на мысѣ Доброй надежды). Переходъ изъ Пернамбуко совершенъ клиперомъ въ 34 дня. Изъ Капштадта «Всадникъ» пойдетъ въ Сингапуръ, а потомъ, вѣроятно, въ Гонконгъ, Шанхай и Владивостокъ.

— Въ Кронштадтѣ въ скоромъ времени ожидается построенная въ Англіи паровая яхта «Славянка». Въ Гуллѣ строится паровая яхта «Царевна». Яхта эта будетъ вооружена шхуною, съ тремя голыми мачтами, брифокомъ и летучимъ марселемъ. Между различными приспособленіями она будетъ имѣть паровое отопленіе для жилыхъ помѣщеній. Вооруженіе яхты состоитъ изъ четырехъ стальныхъ орудій. Отдѣлка царскихъ каютъ самая простая: дубъ съ орѣхомъ, но очень изящная.

— Изъ свѣдѣній о ходѣ преподованія въ существующихъ въ Курляндской губерніи мореходныхъ классахъ видно: Виндавскіе классы посѣщались 37 учениками, Донданенскій 38, Газаускій 11, Феликсбергскій 6 и Лубъ-Озернскій 12. Въ присутствіи учрежденной въ гор. Виндавѣ испытательной Коммисіи выдержали экзаменъ и получили дипломы: изъ Виндавскихъ классовъ: на званіе шкипера дальняго плаванія — 7 чел., на званіе шкипера каботажнаго плаванія или штурмана дальнаго плаванія — 3 и на званіе штурмана каботажнаго плаванія — 4; изъ остальныхъ классовъ—на званіе штурмана каботажнаго плаванія 13.

— По свѣдѣніямъ, полученнымъ Николаевскимъ Окружнымъ Правленіемъ Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, въ Черномъ морѣ въ февралѣ и мартѣ сего года потерпѣли крушеніе десять судовъ. Экипажи этихъ судовъ спасены.

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА.

— Потомственный почетный гражданинъ В. П. Аваевъ 12-го апрѣля заявилъ тверскому городскому головѣ, что онъ жертвуетъ въ вѣдѣніе города Твери 100.000 р. на устройство больницы и при ней отдѣленія для душевно-больныхъ, съ тѣмъ чтобы на первоначальное устройство больницы было употреблено не болѣе 10.000 руб., а проценты съ остальныхъ 90.000 руб. поступали на ея содержаніе.

— По словамъ газеты «Кіевлянинъ», Е. П. Демидова княгиня С.-Донато вошла въ Кіевскую Городскую Думу съ предложеніемъ принять отъ нея, въ память недавно утраченнаго сына, пожертвованіе въ 12.000 р. на устройство при городской больницѣ дѣтскаго отдѣленія. Городская Дума, съ своей стороны пожертвовала на увеличеніе означеннаго дѣтскаго отдѣленія 8000 р.

— По одобреніи С.-Петербургскою Городскою Думою сѣти конно-желѣзныхъ дорогъ въ С.-Петербургѣ, проектированной особо учрежденной для того Коммисіей, состоялись въ Думѣ (въ засѣданіи 8-го мая) относительно постройки этой сѣти слѣдующія постановленія: постройку всей сѣти произвести въ 3 года и 6 мѣсяцевъ льготныхъ; дороги допустить только съ широкой колеей; предпринимателей же обязать расширить мосты и улицы, гдѣ будетъ это признано необходимымъ для свободнаго движенія поѣздовъ.

— *Тульск.* Город. Дума выслушавъ сдѣланное ей предложеніе по устройству водопровода въ гор. Тулѣ, поручила особой Коммисіи войти по сему предмету въ соглашеніе съ частными предпринимателями, съ тѣмъ чтобы это устройство было отдано безъ гарантіи со стороны города.

— Въ видахъ охраненія народнаго здравія, *Кронштадтск.* Город. Управа обратила вниманіе на введеніе въ городѣ очистки нечистотъ усовершенствованнымъ способомъ, посредствомъ герметически закупоренныхъ бочекъ. Такая система очистки, какъ показалъ опытъ, обошлась городу всего на 50 р. дороже противъ стараго способа очистки, а между тѣмъ распоряженія общественнаго управленія послужили примѣромъ и для городскихъ жителей, большинство коихъ стало обращаться для очистки нечистотъ въ своихъ домахъ къ агенту городскаго управленія.

— *Сумская* Город. Дума постановила употребить на устройство зданія для реальнаго училища въ гор. Сумахъ всего 82.842 руб., въ томъ числѣ 59.000 руб. изъ принадлежащихъ городу капиталовъ, 22.920 руб. на счетъ займа въ мѣстномъ общественномъ Банкѣ и 922 р. на счетъ пожертвованія, сдѣланнаго на сей предметъ городскимъ головою М. И. Скубенко.

— *Касимовск.* Город. Дума поручила особой Коммисіи изъ среды гласныхъ войти въ обсужденіе и представить соображенія о способахъ призрѣнія бѣдныхъ дѣтей въ гор. Касимовѣ; гласный же Дѣевъ пожертвовалъ для начала этого дѣла съ своей стороны 500 рублей.

ТОРГОВЛЯ.

— Хлѣбные запасы въ Одессѣ постоянно пополняются теперь подвозами по желѣзной дорогѣ и моремъ; но склады не увеличиваются, потому что прибывшіе продукты немедленно нагружаются на пароходы. Вообще разсчитываютъ, что хлѣбъ, который получитъ Одесса до новаго урожая, большею частью будетъ вывезенъ на пароходахъ. Оживленію хлѣбнаго рынка въ послѣднее время способствовали вѣсти изъ Англіи и Франціи. Изъ Англіи сообщаютъ о легкости сбыта наличнаго продукта и о значительныхъ покупкахъ на срокъ. Въ Англіи еще недавно было пониженіе на хлѣбный товаръ, вслѣдствіе отличной погоды, обѣщающей хорошую жатву, а также вслѣдствіе подвозовъ изъ Америки. Пониженіе доходило до 2—3 шилл. на кварт. Но въ настоящее время пониженіе вдругъ остановилось и хлѣбныя сдѣлки оживились, что отразилось и на значительныхъ закупкахъ въ Одессѣ. Эти закупки были бы еще значительнѣе, если бы на лицо было болѣе хорошо сохраненнаго продукта. Въ теченіе окончившейся 5-го мая недѣли Одесскій рынокъ пріобрѣлъ нѣкоторую пользу; на немъ состоялись довольно видныя сдѣлки съ повышеніемъ цѣнъ на 30—50 к.; но большихъ выгодъ отъ повышенія не предвидится, такъ какъ мѣстный запасъ весьма ограниченъ. Приблизительно въ запасѣ считаютъ: пшеницы мягкой польской и бессарабской—70.000 четв., гирки—40.000; сандомирки — 1.000, ржи — 15.000, льнянаго сѣмени — 2.060. Кукурузы нѣтъ, овса весьма мало, вслѣдствіе вывоза

Библиотека "Руниверс"

за западную границу; точно также не имѣется и ячменя.

— Изъ Россіи продолжаетъ идти чрезъ Юго-западную границу въ Австро-Венгрію огромное количество хлѣба — сообщаетъ газета «Кіевлянинъ». Въ теченіе недѣли, окончившейся 17-го (29-го) — марта продолжаетъ та же газета — движеніе хлѣба вновь было весьма значительно, и хлѣбъ преимущественно шелъ въ Венгрію и въ западную Галицію, между тѣмъ какъ Германія въ настоящее время прекратила покупки хлѣба и требуетъ только овесъ. Въ перевозкѣ хлѣба наибольшее участіе въ теченіе недѣли принимала желѣзная дорога Карла-Лудвига. Хотя по ней ежедневно провозилось отъ 30 до 40.000 центнеровъ хлѣба, но магазины въ Бродахъ и Подволочискѣ все еще переполнены, и въ первомъ пунктѣ лежатъ 130.000 центнеровъ, а въ послѣднемъ 85.000 центнеровъ хлѣба подъ открытымъ небомъ. Такое же значительное движеніе совершается и черезъ другіе пункты, какъ-то: Волочискъ, Радзивиловъ и др. Вслѣдствіе этого доходы на нѣкоторыхъ австрійскихъ желѣзныхъ дорогахъ возрасли на 100%. Недавно черезъ Радзивиловъ прошло изъ Россіи въ Австрію 399.000 пудовъ хлѣбнаго товара, а чрезъ Подволочискъ 111.000 пуд. По 13-е (25-е) апрѣля ожидали сильнаго отпуска хлѣба изъ Россіи чрезъ Новоселицы. Съ 15-го по 22-е апрѣля съ Кіево-Брестской желѣзной дороги передавали, какъ сообщается въ газетѣ «Кіевлянинъ», въ Радзивиловѣ ежедневно на дорогу Карла-Людвига отъ 45.000 до 48.000 пудовъ хлѣба. Въ Подволочискѣ съ Одесской дороги подвозъ хлѣба также увеличился и сталъ доходить до 13.506 пуд. въ день.

ПОСТРОЙКИ И СООРУЖЕНІЯ.

— Изъ Кутаисской губерніи, изъ *Сенакскаго* уѣзда пишутъ въ газету «Кавказъ», что 11-го марта въ с. Накалакеви, въ присутствіи военнаго губернатора, нѣсколькихъ другихъ приглашенныхъ и при огромномъ стеченіи народа, *открытъ вновь выстроенный мостъ чрезъ р. Техуръ*. Сооруженіе этого моста, благодаря содѣйствію окрестныхъ владѣльцевъ и крестьянъ, выразившемуся въ пожертвованіи лѣснаго матеріала и личнаго труда, обошлось весьма недорого, около 1.000 руб. Мостъ имѣетъ около 100 саж. длины, построенъ на сваяхъ и съ обѣихъ сторонъ рѣки упирается въ каменные устои чрезвычайно прочной и солидной конструкціи. Внѣшній видъ этого моста весьма изященъ и построенъ онъ замѣчательно быстро: начатъ въ августѣ и вполнѣ оконченъ въ ноябрѣ минувшаго года. Новый мостъ является истиннымъ благодѣяніемъ для Сенакскаго уѣзда, различныя части котораго благодаря разливамъ Техура, бывали иногда разобщены на нѣсколько дней и даже недѣль.

— Въ Каменецъ-Подольскѣ также окончена *постройка новаго моста*. Мостъ перекинутъ между скалами и по красотѣ своей, капитальности работы и значительной высотѣ (до 18 саж.) могъ бы служить украшеніемъ любаго города.

— Въ Минскѣ — 30-го минувшаго января *открытъ городской водопроводъ*. Въ главномъ резервуарѣ водопровода чистая ключевая вода поднимается, посредствомъ пароваго насоса, на 130 футовъ высоты. О подробностяхъ устройства этого водопровода и оцѣнкѣ его значенія для города будетъ сообщено въ непродолжительномъ времени.

ЛИТЕРАТУРА.

Новыя книги:

Костомаровъ, Н. Русская исторія въ жизнеописаніяхъ ея главнѣйшихъ дѣятелей. Вып. IV. XVII столѣтіе. Спб. Тип. Стасюлевича. 8 д. 220 стр. 5,000 экз. Ц. 1 р. 25 к.

Собраніе трактовъ и конвенцій, заключенныхъ Россіею съ иностранными державами. По поруч. М-ства Ин. Дѣлъ составилъ **Ф. Мартенсъ**. На русск. и франц. яз. Т. I. Трактаты съ Австріею. 1648—1762. Спб. Тип. Бенке. 4 д. XXIII—324 стр. 1,200 экз.

Владиміровскій-Будановъ, М. Государство и народное образованіе въ Россіи XVIII в. Ч. I. Ярославль. Тип. Фалька. 8 д. VI+325 стр 200 экз.

Вреденъ, Э. Курсъ политической экономіи. Вып. I. Спб. Тип. кн. Оболенскаго. 8 д. 160 стр. 1,960 экз.

Сборникъ матеріаловъ объ артеляхъ въ Россіи. Вып. II. Спб. Тип. Майкова. 8 д. 256 и 43—68 стр. 1,000 экз.

Тиндаль, Джонъ. Шесть чтеній о свѣтѣ. Перев. съ англ. А. Драшусова. Москва. Унив. тип. 8 д. 201 стр. 1,200 экз.

СОДЕРЖАНІЕ: Городъ Сарепта (съ рисункомъ).— Необходимая приправа.—Какъ живой!. (съ рисункомъ).— Жизнь на морѣ (изъ воспоминаній моряка). **В. Савича** (продолженіе).—Въ окрестностяхъ Архангельска. **В. Н. Немировича-Данченко.** (окончаніе). — Народы Россіи XIX. Татары (съ четырьмя рисунками).—Политическое обозрѣніе. - Смѣсь. - Разныя извѣстія. - Шахматы.

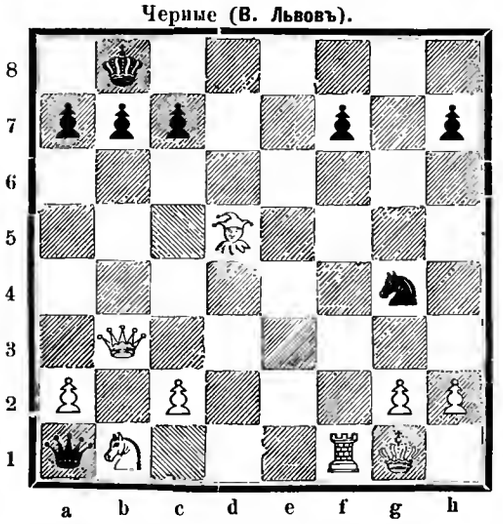
Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 8

Окончаніе партіи игранной въ Петербургѣ 3 апрѣля 1874 г.

Черные (**В. Львовъ**).



Бѣлые (**В. Кузнецовъ**).

Черные начинаютъ и даютъ матъ въ 6 ходовъ.

Рѣшеніе задачи будетъ въ слѣдующемъ № „Нивы“.

Рѣшеніе шахматной задачи № 7. (см. № 21 «Нивы»)

Бѣлые.	Черные.
1) b3 — d5 +	1) b7 — a6
2) b5 — c7 +	2) a6 — a5
3) d5 — a2 M	
или	
1) b3 — d5	1) b7 — a6
2) b5 — c7	2) b8 — c7
3) d5 — a8 M	

Семейный перваго сбора, черный розанистый китайскій чай, замѣчательный необыкновенно пріятнымъ вкусомъ, ароматомъ и сильнымъ настоемъ. Чай этотъ удовлетворитъ самому требовательному вкусу большинства потребителей, а въ семействѣ, гдѣ чая расходуется много, тамъ, при другихъ достоинствахъ этого чая, спорость его будетъ оцѣнена въ особенности. **Цѣна этому чаю 2 руб. за фунтъ.** Какъ рѣдкость рекомендуется любителямъ и знатокамъ черный чай, выбранный изъ высшихъ сортовъ перваго сбора, цѣною за фунтъ **2 рубля 50 коп. и 2 руб. 60 коп.** Получать можно только въ московскихъ чайныхъ магазинахъ «Кяхта», Петра Лебедева и фирмы М. Корещенко, въ **С.-Петербургѣ, по Казанской улицѣ, (бывшая Большая Мѣщанская), противъ Ломбарда, д. Глазунова, № 8—10; на Невскомъ пр., противъ церкви Знаменія, д. Маркевича; на углу Вознесенскаго пр. и Екатерининскаго канала, у Вознесенскаго моста, д. Макарова.** Въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, въ д. Мѣщанскаго Общества, гдѣ гостинница «Лондонъ». Пересылку чаевъ магазинъ «Кяхта» принимаетъ на свой счетъ только при требованіи не менѣе пяти фунтовъ чаю въ одномъ ящикѣ. Гг. иногородныхъ съ требованіями и за условіями покорно прошу обращаться по слѣдующимъ адресамъ: въ С.-Петербургѣ, Казанская улица, магазинъ «Кяхта», Петру Петровичу Лебедеву; въ Москву: въ Охотный рядъ, магазинъ «Кяхта», Петру Петровичу Лебедеву.

Гг. Торговцы, желающіе производить торговлю чаями Петра Лебедева и фирмы М. І. Корещенко, или одной только фирмы М І. Корещенко, могутъ получать чай на особенно выгодныхъ условіяхъ; вывѣски для гг. торговцевъ высылаются отъ магазина безплатно.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы“ заблаговременно возобновлять подписку на вторые полгода, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27.

Дозволено цензурою. 24 мая 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса.** Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 23 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 27-го мая 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

При этомъ нумерѣ приложены «Парижскія моды» за іюнь мѣсяцъ съ 20 рисунками.

Подписка на „НИВУ" въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы" А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы" заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугода по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27. Также принимается теперь подписка на второе полугодіе, съ № 27, отъ новыхъ подписчиковъ, по вышепоказаннымъ цѣнамъ. Во 2-мъ полугодіи будутъ помѣщены разныя большія повѣсти, между прочимъ **И. Боева**.—Что случилось съ Петромъ Петровичемъ, г. **Каразина**—Двуногій волкъ, г. **Шкляревскаго**—разсказъ судебнаго слѣдователя и пр. и пр.

Павлинъ.

Разсказъ Н. С. Лѣскова (Стебницкаго).

(Продолженіе).

X.

Вамъ, я думаю, едва ли нужно говорить, кто былъ виновникомъ увлеченія Любы? Не трудно отгадать, что она, при всеобщемъ за нею волокитствѣ, должна была сдѣлаться львиною долею Доди, которому особенно благопріятствовали на этотъ счетъ всѣ домашнія обстоятельства. Люба проводила съ нимъ дни и ночи подъ однимъ кровомъ—и такъ-сказать противъ воли поддалась увлеченію. Она видѣла, что онъ готовъ мстить ей, нарушая дорогое ей расположеніе Анны Львовны; видѣла что когда онъ супится и дуется на нее, это огорчаетъ ея благодѣтельницу—и та плачетъ и страдаетъ... Люба не нашлась какъ поступить иначе и отерла ея слезы... Додя былъ малый пустой, онъ моталъ деньги когда онѣ были, а когда ихъ не было добывалъ ихъ подъ тройные векселя и при всемъ томъ не имѣлъ дамы, которая бы слыла его фавориткою. Люба ему представилась удобною для этой роли и онъ ее къ тому предназначилъ и довелъ. На этотъ выходъ ее снарядилъ и одѣлъ самъ Павлинъ своими собственными руками (онъ мнѣ впослѣдствіи разсказывалъ объ этомъ въ одну прискорбнѣйшую минуту своей жизни).

Библиотека "Руниверс"

Это былъ такой случай: на дворѣ стояла зима; въ городѣ шли балы и маскарады—и Анна Львовна желая доставить бѣдной Любѣ маленькое удовольствіе снарядила ее на одинъ изъ костюмированныхъ баловъ, въ какомъ-то клубѣ. Объ этомъ выѣздѣ Павлину было сказано чуть ли не за мѣсяцъ, а въ теченіи этого мѣсяца въ домѣ шли хлопоты о любиномъ костюмѣ. Въ этихъ хлопотахъ принимали участіе всѣ, начиная отъ самой Анны Львовны до Павлина, который сверхъ обыкновенія былъ постоянно отрываемъ отъ должности и бѣгалъ съ записками то въ одинъ, то въ другой магазинъ за мелочами, требовавшимися къ волшебному костюму Любы. Самымъ же выполненіемъ костюма, требовавшимъ особыхъ художественныхъ соображеній, завѣдывалъ художникъ — другъ Доди, рисовавшій такіе удачные карандашовые портреты Любы. Все это разумѣется сближало молодыхъ людей до самой дружественной короткости и совсѣмъ затушовывало въ головкѣ Любы стараго мужа лакея. Наконецъ костюмъ былъ готовъ и вышелъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Павлинъ увидалъ жену сходившую по лѣстницѣ сверху въ сопровожденіи родственницы Анны Львовны и оберегавшихъ Любу кавалеровъ, въ числѣ коихъ были художникъ и Додя.

Люба была *одѣта Зарею*: на ней былъ легкій эфирный хитонъ *изъ разцвѣченной* красками въ тѣнь дымки. *Низъ этого* широкаго густыми складками падающаго *платья* былъ теменъ какъ ночь, но чѣмъ выше, тѣмъ болѣе темнота рѣдѣла, облегчалась, переходила мягкими полутонами въ другіе болѣе легкіе и яркіе цвѣта—и съ пояса вверхъ становилась уже воздушной и легкой, такъ что фигура Любы словно уносилась и таяла какъ облака. И посреди-то этого таянія, свѣтлая головка Любы сіяла вѣнчанная лилеей и красною розой; а за плечами у нея сквозили переливами свѣта испещренныя тысячью цвѣтовъ восковыя крылышки, въ рукахъ же у нея былъ золотой свѣточъ, обвитый голубыми незабудками и махровымъ макомъ. Сонъ и пробужденіе, темная дрема страстей и яркій разгаръ ихъ—все знаменовалось въ Любѣ приличными приспособленіями, – и Павлинъ такою усадилъ ее въ карету, а черезъ четыре часа вынулъ ее изъ этой же кареты совсѣмъ другою... Люба, встрѣтивъ мужа, не сказала ему ни слова; не хотѣла прикоснуться къ приготовленной имъ для нея жареной курицѣ и пастилѣ, а сорвавъ съ себя платье бросилась въ постель, обернулась къ стѣнѣ, и не двигаясь пролежала въ такомъ положеніи остатокъ ночи и весь слѣдующій день. Павлинъ берегъ ея долгій сонъ, но берегъ его напрасно: Люба не спала, — она сначала долго плакала и потомъ лежала съ краснымъ воспаленнымъ лицомъ и сухими, открытыми глазами, устремленными въ одну точку.

Всякій мало-мальски наблюдательный человѣкъ, взглянувъ на эту женщину, не усумнился бы сказать, что у нея черезъ руки прошла большая игра, и это было вѣрно. Люба сама хотѣла открыть что-то на этотъ счетъ Павлину, но передумала и дождавшись вечера одѣлась и пошла жаловаться на Додю Аннѣ Львовнѣ. Однако жалоба такъ дурно сочинялась въ ея головѣ, что она и это отмѣнила— и ограничилась тѣмъ, что пожаловалась на Додю ему самому и... заключила миръ поцалуемъ. Разъ начатые въѣзды и веселости подъ маскою—стали повторяться. Когда Павлинъ, дремля поздно вечеромъ въ своихъ креслахъ, поджидалъ запаздывающихъ жильцовъ парадной лѣстницы, или укладывался безъ подушки на жосткій коникъ за колоннами — онъ и не подозрѣвалъ, что въ это время его жена отнюдь не скучаетъ съ Анной Львовной, а носится въ черномъ домино по ярко - освященнымъ маскараднымъ заламъ—въ вихрѣ танцевъ, а въ тѣ часы когда онъ пробуждается и посылаетъ женѣ вверхъ на генеральшину половину мысленный привѣтъ, нѣжная Люба, съ головкою отуманенною парами шампанскаго, мчится на погромыхивающей бубенчиками тройкѣ, жадно глотая распаленными устами свѣжій воздухъ...

Долгонько все это шло шито да крыто. Обстоятельства такъ хорошо сложились, что, казалось, обманщицѣ никогда нечего было опасаться. Старая генеральша такъ рано уходила въ свою комнату и такъ плотно запирала за собою двери изъ маленькой моленной, гдѣ спала на обитомъ мягкимъ ковромъ отоманѣ Люба, что послѣдней не стоило ни какого труда встать и одѣться въ свои лучшія платья, которыя по милости той же генеральши хранились въ шкафахъ ея гардеробной. Анна Львовна или крѣпко спала, или была такъ занята своими счетами, что никогда не слыхала этихъ сборовъ. Болѣе: она была такъ простодушна, что даже никогда невзначай имъ не помѣшала ни уходить, ни приходить. Возвращаясь въ образную, Люба могла если хотѣла поплакать передъ слабо освѣщеными строгими темными ликами фамильныхъ иконъ. Но плакала ли передъ ними Люба о своемъ паденіи? Вѣрно немножко поплакалось вначалѣ, но за то очень много поплакала она вконцѣ своего яркаго блистанія въ томъ крѣпко затягивающіемъ кругѣ, который былъ затрогиваемъ очень многими писателями въ литературахъ всѣхъ образованныхъ странъ свѣта, но едва ли онъ имѣетъ гдѣ нибудь полное, комплектное описаніе, которое могло бы знакомить съ физіологіею его роковой и чудовищно-затягивающей жизни. У насъ онъ вовсе ни кѣмъ не изображонъ, ни въ одной мало мальски живой и яркой картинѣ.

XI.

Въ томъ кругѣ страсти кишатъ и пылаютъ часто гораздо сильнѣе, чѣмъ въ свѣтѣ, и наша швейцарка увлеклась своей новой жизнью и играла видную роль въ своей средѣ. Сначала она такъ дичилась и конфузилась, что едва рѣшилась на это. А потомъ тутъ вскорѣ замѣшалось самолюбіе. Люба увидала, что Додя труситъ и сомнѣвается: можетъ ли онъ предстать съ нею не опасаясь, что она будетъ хуже другихъ; отнюдь не лишенная ума и проницательно-

Библиотека "Руниверс"

сти Люба замѣтила эту обидную неувѣренность, въ ней заговорила гордость суетной красавицы—и она во что̀ бы то ни стало положила себѣ быть первою между тѣми куда спускалась, и все что она себѣ тогда въ уязвленіи своей гордости положила—то все такъ въ совершенствѣ и исполнила. Додичкѣ не приходилось краснѣть за Любу: она сразу же вошла въ свою роль и исполняла ее съ такимъ апломбомъ что всѣ должны были признать полный успѣхъ madame Paulin. Это сладостное имя можетъ быть даже не разъ долетало до ушей самаго Павлина; но что ему было за дѣло до этого? онъ не зналъ, что̀ оно значитъ.

Успѣхъ Любы усиливался, темная слава ея росла, но Люба была кладъ не купленый: она любила Додю и тѣмъ окончательно сбила его съ толку. Онъ возмечталъ о себѣ такъ высоко, что возмнилъ, будто для любой женщины пѣтъчеловѣка его драгоцѣннѣе. Этимъ воспользовались дышавшая на Любу зависть и злоба соперницъ: зазнавшагося Додичку коварно приласкали и потомъ все это вывели наружу. Люба была уязвлена въ самое сердце и стала мстить равнодушіемъ. А между тѣмъ, пока она вела эту игру, Додичку трясли за карманъ и трясли такъ немилосердно и ловко, что онъ не успѣлъ оглянуться какъ погрязъ въ самыхъ запутанныхъ долгахъ. Тутъ началась исторія обыкновенная, кончившаяся однако же не совсѣмъ обыкновенно. По мѣрѣ того, какъ средства Додички истощались, соперницы Любы охладѣвали къ ея измѣннику и наконецъ, насытясь местію и не видя въ Додѣ болѣе ни чего́ лестнаго, покинули его на жертву скорби и униженія. Между тѣмъ въ это время съ глазъ Павлина начала опускаться завѣса: Люба, обнаруживавшая такъ много способностей скрывать свою любовь, рѣшительно оказалась безсильною такъ-же скрытно переносить свое страданіе: она вопервыхъ сбѣжала изъ аппартаментовъ своей благодѣтельницы и плотно поселилась у мужа. Этимъ шагомъ Люба разумѣется не хотѣла начинать шаговъ безповоротныхъ, къ доброму житью, а желала только не видать нѣкоторое время своего измѣнника; бѣдняжка надѣялась дать ему этою порою почувствовать, что она къ нему равнодушна и легко можетъ обойдтись безъ него... Павлинъ напрягъ умъ и зрѣніе что бы проникнуть: что̀ за сокровенная но злая скорбь мучитъ его жену? Доискиваясь этой разгадки, онъ сначала было подумалъ: не обидѣла ли Любу Анна Львовна, но Люба успѣла увѣрить мужа, что Анна Львовна ни чего ей не сдѣлала обиднаго. Тогда подозрѣнія Павлина пошли по другому пути и все прямѣе и ближе къ цѣли — онъ мекнулъ: не обидѣлъ ли его жену баринъ—и сердце его упало въ груди и заныло. А тутъ вдругъ—нежданно негаданно — подоспѣло и полное раскрытіе тайны. Додичка, подобно большей части пускающихся на этотъ путь безъ громадныхъ средствъ, окончательно запутался и принужденъ былъ оставить свой полкъ и удалиться въ одинъ изъ очень отдаленныхъ городковъ на сѣверо-востокѣ Россіи. Понятно, что все это не обошлось безъ семейныхъ сценъ, во время которыхъ и Павлина какъ ударъ грома поразила вѣсть о невѣрности его жены.

XII.

Павлинъ, прійдя въ себя, ни съ того ни съ сего явился поздно вечеромъ ко мнѣ съ просьбою дозволить ему переночевать у меня, тамъ какъ онъ *боялся* ночевать въ домѣ Анны Львовны, ибо «понявъ все дѣло какъ слѣдуетъ, опасается какъ бы не могъ во гнѣвѣ сдѣлать чего не должно». Я разумѣется ему въ этомъ не отказалъ—и вотъ тутъ-то наступила довольно странная въ моей жизни ночь, когда я въ теченіи нѣсколькихъ часовъ жилъ въ нѣдрахъ чужой души и самъ ощущалъ то палящій жаръ ея любви и страданія, то смертный леденящій холодъ ея ужаснаго отчаянія.—Павлинъ находился въ состояніи сильнѣйшаго возбужденія—но какого возбужденія? Какого-то страннаго и непонятнаго. Хотѣлъ бы для болѣе точнаго опредѣленія наблюдаемаго мною тогда состоянія этого человѣка воспользоваться библейскимъ выраженіемъ—и сказать, что онъ былъ *восхищенъ* изъ самого себя и поставленъ на какую-то особую ступень созерцанія, открывающаго ему взглядъ во что-то сокровенное. Если помните, въ Эрмитажѣ недалеко отъ рубенсовской залы есть небольшая картинка страшнаго суда, писанная чрезвычайно отчетливо и мелко какимъ-то средневѣковымъ художникомъ. Тамъ есть эмблематическая фигура, которая помѣщена въ серединѣ картины, такъ что ей одновременно видѣнъ вверхъ Богъ въ Его небесной славѣ, а внизъ глубина преисподней съ ея мрачнымъ господиномъ и отвратительнѣйшими чудищами, которыя терзаютъ тамъ грѣшниковъ. Всякій разъ, когда я становлюсь передъ этой картиной и гляжу на описанную мною фигуру—мнѣ непремѣнно невольно припоминается Павлинъ: такъ, мнѣ казалось, схоже было его душевное состояніе съ положеніемъ этого эмблематическаго лица. Павлинъ, если такъ можно выразиться, страдалъ мучительно, но торжественно и благоговѣйно: онъ не палъ духомъ, не плакался и не рыдалъ, но и не замкнулся въ суровомъ и гордомъ молчаніи, въ чемъ многіе полагаютъ силу характера. Напротивъ: онъ созерцалъ откуда ниспалъ и куда еще глубже того долженъ погрузиться и низвести съ собою другое существо,—и онъ принялъ все надъ нимъ разразившееся какъ вполнѣ заслуженный имъ ударъ учительской лозы и заговорилъ въ самомъ неожиданномъ для меня тонѣ самоосужденія. Взойдя ко мнѣ, онъ сѣлъ въ моей залѣ безъ всякаго моего приглашенія и нѣсколько минутъ провелъ въ глубокомъ и тихомъ молчаніи, переводя глаза съ предмета на предметъ и потирая на колѣняхъ одну руку другою, а потомъ вдругъ окинулъ меня тяжелымъ, какъ бы усталымъ взглядомъ и спросилъ:

— Слышали-съ?

Я отвѣчалъ ему утвердительно.

Онъ покачалъ въ раздумьи головою и тихо про-

Библиотека "Руниверс"

изнесъ: «Это ужасно!», а вслѣдъ за тѣмъ, какъ бы спохватясь, добавилъ живѣе: «Вы извините меня, что я такъ... сѣлъ...

— Сдѣлайте милость, Павлинъ Петровичъ!

— Колѣни гнутся-съ... Не могъ успокоиться-съ... пока не услышу отъ *нея* самой... Все хотѣлъ утвердиться во всемъ.

— И что же: распросили вы *ее*?

Онъ ни чего не отвѣтилъ, но склонилъ въ знакъ согласія молча голову и черезъ минуту началъ таинственнымъ шопотомъ:

— Благородная-съ!.. Всю душу свою мнѣ открыла... на груди моей плакала-съ и прощенія просила...

— Вы простили?

— То есть... въ чемъ же-съ? Она мнѣ, открывъ душу свою, вглубь меня зрѣнье открыла, и я-съ ужаснулся-съ. Ея вина про себя какъ легкій жаворонокъ пропѣла и подъ небомъ скрылась; а мой грѣхъ, какъ грачь разботѣлый, по-низу крячетъ и отъ земли не поднимется... Я сейчасъ ходилъ къ духовному отцу; онъ меня утѣшалъ, говоритъ: «ты законъ сохранилъ, а она жена невѣрная». Позвольте!.. это все смоковничье листье: ими я себя не закрою. Богъ видитъ, гдѣ былъ я, когда къ годамъ моимъ сопрягалъ ея юность? Я насильникъ: я вижу, что я палъ какъ гора и разсыпался... Вы полагаете, что я тотъ, какой былъ вчера и третьяго дня? Нѣтъ-съ; нынѣ въ день скорби Господь мнѣ явилъ свою милость: я внялъ, что я прахъ, что я весь образованъ изъ бренія и что всѣ вожди страстей могутъ орать и сѣять на хребтѣ моемъ: страсть, гордость, нечистота и сластолюбіе и ревность и... и... склонность къ убійству... Ахъ!-ахъ!-ахъ!...

Онъ вскочилъ и заметавшись по комнатѣ продолжалъ:

— Простите меня... Я... самъ я теперь ни чьего прощенья не стою, а ради Христа... во имя Христово... простите!.. Я все говорю и... молчать не могу... Духъ внутри... меня тѣснитъ какъ вино не открытое и... бьетъ въ совѣсть и языкъ подвигаетъ въ гортани... Прошу... если со мной что случится... чтобъ знали, что я *ее* погубилъ... Правъ Господь... меня наказуя: благословляю огорчившаго душу мою и исполню все къ счастію ихъ.

— Что вы такое думаете?

— Я... я хочу сдѣлать... чтобы я не мѣшалъ.

— То есть какъ же это?... Умереть что-ли?

Онъ посмотрѣлъ на меня и вдругъ неожиданно улыбнулся, чрезвычайно странной улыбкой, давшей его гордому лицу такое доброе и прелестное выраженіе, какого я никогда на немъ не видалъ, и проговорилъ:

— Умру-съ и живъ буду. Надо спасаться. Она теперь дома. Позвольте мнѣ у васъ немножко уснуть!

«Вино вѣрно открылось и духъ его болѣе не тѣснилъ». Онъ казался глубоко спокойнымъ и оставшись одинъ въ комнатѣ тотчасъ же легъ на диванъ и заснулъ. Утромъ, я еще спалъ, когда Павлинъ всталъ и умывшись на кухнѣ ушолъ. Мой человѣкъ, по любопытству своему прослѣдивъ Павлина, видѣлъ, что онъ пошелъ въ церковь.

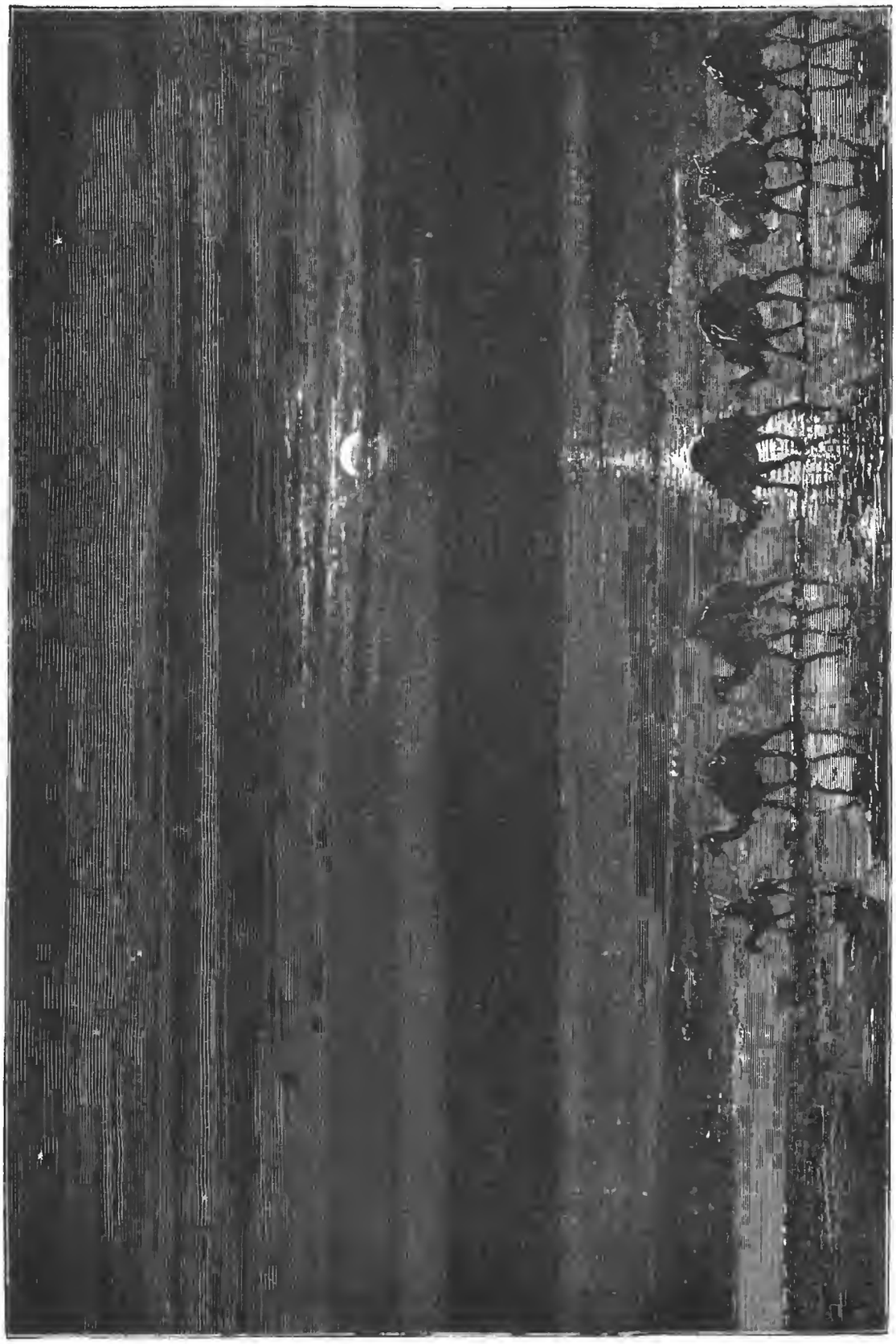
XIII.

Когда я, въ то время еще довольно нетерпѣливый, утромъ появился къ огорченной ma tante Аннѣ Львовнѣ, она уже была вставши и довольно граціозно сидѣла въ глубокихъ креслахъ—и изображая изъ себя невинную страдалицу, понемножечку плакала, обтирая платкомъ глаза. Она была говорлива и даже краснорѣчиво распространялась на тему о злонравномъ товариществѣ, которое будто бы подвело ея неосторожнаго Додю подъ незаслуженныя имъ подозрѣнія и погубило его при содѣйствіи отвратительнѣйшей женщины.

Тутъ Анна Львовна несла всякій вздоръ, рисуя такія фантастическія картины, что всякій по неволѣ убѣждался, что все это вздоръ и клевета.

Во весь этотъ день, приходя и уходя отъ Анны Львовны, я не видѣлъ ни Любы, ни Павлина, должность котораго въ этотъ суматошный день оставалась безъ отправленія и мнѣ не у кого было о немъ даже освѣдомиться. Не получивъ о немъ ни какихъ слуховъ и во весь другой день, я къ вечеру пошолъ безъ церемоніи о немъ справиться. Я узналъ слѣдущее. Комната Павлина еще со вчерашняго дня оказалась пустою: имущество его найдено все брошеннымъ зря и какъ попало, точно послѣ воровскаго визита; ни Павлина ни жены его нигдѣ не было и никто о нихъ не могъ дать ни какаго ни слуху, ни духу. Одинъ я могъ свидѣтельствовать, что Павлинъ говорилъ мнѣ, будто жена его теперь дома и онъ желаетъ освободить ее отъ грѣха и соблюсти свою душу; но что могли значить всѣ эти его слова? Теперь имъ приписывались разныя иносказательныя значенія, въ истолкованіи которыхъ казалось по временамъ что-то не совсѣмъ невѣроятное. «Жена дома теперь» это говорили будто бы значитъ, что онъ ее прикончилъ и такимъ образомъ проводилъ въ вѣчный домъ; а пошолъ соблюдать свою душу, это онъ ушолъ куда нибудь въ пустыню. Какъ вы хотите, въ этомъ было нѣчто столь вѣроподобное, что всѣ такъ на этотъ разказъ и положились. Въ добавокъ же ко всему, недѣли черезъ двѣ, или нѣсколько позже, гдѣ-то у Екатерингофа или въ Чекушахъ, волною прибило къ берегу подвергшееся гнилости тѣло молодой женщины, лица которой узнать было невозможно, нона ней оказалось тонкое бѣлье и чорное шолковое платье.... какъ разъ такое, въ которомъ видѣли въ послѣдній разъ швейцарку Любу. Правда, что большинство чорныхъ шолковыхъ платьевъ всѣ похожи одно на другое, но подозрѣніе не разсуждаетъ: къ молодой утопленницѣ ни кто не признавался ни изъ родныхъ, ни изъ знакомыхъ,—а потому домашними Анны Львовны и ею самою было рѣшено и утверждено, что эта утопленница никто иная какъ несчастная Люба, жена свирѣпаго и мстительнаго Рауля, швейцара Павлина Пѣвунова, пропавшаго безъ вѣсти.

Библиотека "Руниверс"



Озеро Арысъ въ Туркестанѣ. Караванъ въ лунную ночь. Рис. Н. Каразинъ, грав. Ольшевскій.

Библиотека "Руниверс"

Это обстоятельство не прошло безъ послѣдствій: погибшую женщину схоронили, и Анна Львовна была такъ добра, что отпустила для нея десять рублей на гробъ и на поминъ души Любы. Такимъ образомъ, благодаря христіанской заботливости Анны Львовны, были устроены заупокойныя молитвы о душѣ безвременно-погибшей Любы, а про Павлина забыли. И позабыли про него такъ хорошо, что не вспомнили о немъ и до сихъ поръ, кромѣ одного раза, когда въ аукціонной камерѣ продавали неразворованные остатки имущества «безвѣстнопропавшаго Пѣвунова»

Но гдѣ же дѣлись Павлинъ и Люба?

Для этого мы должны вернуться назадъ къ тому времени, когда потеряли ихъ изъ вида.

(Окончаніе будетъ).

Движеніе каравана ночью, по отмелямъ озера Арысъ.

Когда послѣ большаго дождя, что называется—ливня, проглянетъ теплое лѣтнее солнышко,—оно быстро высушитъ громадныя лужи, казавшіяся прежде цѣлыми прудами и озерами.

Вы наблюдаете за постепеннымъ уничтоженіемъ одного изъ такихъ озеръ, кратковременныхъ по своему существованію. Вотъ, смотрите вы, берега постепенно сжимаются, измѣняютъ формы; мало по малу показываются отмели, островки... все это увеличивается, соединяется вмѣстѣ; суша беретъ очевидный перевѣсъ надъ мѣстами, еще покрытыми водою; эти островки уже сошлись съ первоначальными берегами, и вотъ изъ всей, когда-то большой водной поверхности остались крохотныя озерки и лужицы; да и среди нихъ просвѣчиваетъ уже желтоватая глина и песокъ, зеленѣютъ клочки освѣженной влагою травки.

Части воды сбѣжали, пробираясь по разнымъ рытвинамъ и трещинамъ, по глубокимъ колеямъ, оставшимся отъ колесъ проѣхавшей тѣлеги; добрались эти бѣглыя капли до канавы, оттуда до глубокаго оврага и слились, на его днѣ, съ постояннымъ родниковымъ ручьемъ... Большая же часть воды улетѣла въ видѣ паровъ на воздухъ, вытянутая могучими солнечными лучами.

Совершенно подобное, даже тождественное явленіе можно было наблюдать надъ необъятнымъ доисторическимъ моремъ, занимавшимъ всю центральную Азію, отъ возвышенныхъ плато западной Сибири до гребней Гималая, отъ Уральскаго хребта и Кавказа до заоблачныхъ кряжей Тіаншана,—съ тою только разницею, что первое явленіе вы можете лично наблюдать, сидя покойно у окна и поорудившись терпѣніемъ не болѣе какъ на два-три часа; второе же недоступно для одного человѣка, непосредственно, и, тянувшись десятки вѣковъ, стало уже принадлежностью—безсмертной науки,—передаваясь отъ дѣда къ отцу, отъ отца къ сыну и такъ далѣе, прибавляя къ общей книгѣ знанія все новыя и новыя страницы.

Богъ вѣсть сколько еще времени наши потомки будутъ продолжать наблюденія своихъ предковъ!.. Въ настоящее-же время наблюдаемое пространство находится въ слѣдующемъ видѣ:

Тысячи маленькихъ озеръ, разбросанныхъ по безконечнымъ степямъ и равнинамъ центральной Азіи, не болѣе не менѣе какъ крохотныя лужицы—остатки одной большой лужи!... Наибольшія изъ нихъ: Каспійское и Аральское моря суть только лужи, мало по малу высыхающія, мелѣющія, сокращающіеся въ своихъ объемахъ и современемъ, въ свою очередь, имѣющія раздробиться на множество мелкихъ лужицъ, которыя потеряютъ всякое значеніе торговыхъ, водныхъ путей и пригодятся только развѣ для отдыха міріадамъ перелетныхъ птицъ, направляющихся отъ сѣвера на югъ, отъ суровыхъ зимъ Сибири къ жару и приволью индѣйскаго лѣта.

Измѣненія береговъ этихъ внутреннихъ морей — замѣтно даже на глазъ; разростаніе отмелей — по близости береговъ доходитъ до того, что на тѣ изъ нихъ на которыя года три тому назадъ невозможно было попасть иначе какъ вплавь на лодкѣ—теперь можно легко пройти въ бродъ. Прибрежный песокъ, усыпанный мелкими камешками и пестрыми ракушками, словно завоевываетъ себѣ у воды новую и новую территорію, дѣлая съ помощью союзника—солнца—свое неотразимое наступленіе.

Въ маленькихъ озерахъ — еще замѣтно бываетъ противудѣйствіе: тамъ массы зимняго снѣга, растаявъ отъ весенняго тепла, сливаются ручьями въ эти озера и увеличиваютъ ихъ, заливая сплошь всѣ высохшія за лѣто пространства; но это только минутное, кажущееся увеличеніе,—а въ результатѣ, сравнивая объемы озеръ періодически черезъ два-три года примѣрно, вы все-таки видите неизбѣжный результатъ—высыханіе.

Одно изъ такихъ маленькихъ озеръ особенно замѣтно для глазъ путешественника; тѣмъ болѣе, что оно лежитъ въ сыпучихъ, солонцевыхъ пескахъ, какъ разъ на пути каравановъ, идущихъ изъ Троицка, черезъ степь, мимо Оренбургскаго укрѣпленія, прямо на Перовскъ, на Сыръ-дарьѣ. Это озеро Арысъ, или правильнѣе сказать, небольшая группа озеръ, находится верстахъ въ двухъ-стахъ отъ Перовска, по направленію на сѣверъ.

Въ весеннюю ростопоть всѣ эти лужи сливаются вмѣстѣ, и караваны, избѣгая далекихъ обходовъ, рѣшаются идти прямо, придерживаясь тѣхъ мѣстъ, гдѣ вода мельче. Эти отмели, хорошо извѣстныя караванъ-башамъ (вожакамъ каравановъ), покрыты только небольшимъ слоемъ солонцоватой грязи, недоходящимъ даже до колѣнъ верблюдовъ и едва подмачивающимъ ихъ мохнатыя щиколотки.

Странное зрѣлище представляетъ такой караванъ, бредущій по водѣ разстилающейся до самаго горизонта. Блескъ солнечныхъ лучей, отражаясь отъ воды, слѣпитъ глазъ. Даже привычные верблюды жмурятъ свои глаза, мотаютъ махнатыми мордами и, гремя безчисленными бубенчиками, осторожно, ровно ступаютъ по предательской почвѣ, словно не довѣряя тому, что у нихъ подъ ногами.

Рядомъ съ этимъ караваномъ идетъ другой караванъ, стройный, опрокинутый внизъ головами, — идетъ и шагаетъ шагъ въ шагъ съ первымъ, сливаясь съ нимъ оконечностями ногъ.—Это караванъ-отраженіе.

Фантастичность всей картины еще болѣе увеличивается ночью, когда, изъ-за слоя густыхъ паровъ, разстилающагося надъ воднымъ разливомъ, словно изъ-за темной ширмы, вдругъ, не съ горизонта, какъ вообще привыкъ глазъ, а прямо съ полу-неба, покажется блѣдный дискъ луны, предшествуемый какимъ-то таинственнымъ, молочно-бѣлымъ свѣтомъ. Тогда длинный столбъ луннаго отраженія серебристою лентою перерѣзываетъ все озеро, и еще рѣзче, еще черпѣе становятся силуэты горбатыхъ «кораблей пустыни», пересѣкающимъ его безконечною вереницею. При этомъ, надо замѣтить, что и звѣзды на Востокѣ кажутся несравненно ярче и крупнѣе чѣмъ въ нашихъ широтахъ, а слѣдовательно и отраженія ихъ въ водѣ гораздо объемистѣй, какъ это видно на приложенномъ рисункѣ, исполненнымъ по этюду, сдѣланному на мѣстѣ, подъ самымъ живымъ впечатлѣніемъ, произведеннымъ этимъ оригинальнымъ, чисто степнымъ свѣтовымъ эфектомъ.

Библиотека "Руниверс"

Законъ большихъ чиселъ.

(По Улэ).

«Числа управляютъ міромъ», гласитъ старое изреченіе, а *Гёте* прибавляетъ: «числа покрайней мѣрѣ показываютъ, какъ онъ управляется». «Въ народномъ хозяйствѣ, какъ въ области естественнонаучныхъ изслѣдованій, числа имѣютъ рѣшающее значеніе; они послѣдніе неумолимые судьи въ спорныхъ вопросахъ политической экономіи». Такъ говоритъ *Гумбольдтъ*, чтобы окончательно убѣдить въ могуществѣ чиселъ. Но еслибъ понадобилось еще доказательствъ, то достаточно бросить взглядъ на общественную жизнь, заглянуть въ журналы и газеты. Естествоиспытатели, фабриканты, купцы, политики, наконецъ арміи, народы сражаются другъ противъ друга числами.

Безъ сомнѣнія, числа означаютъ что нибудь; они выражаютъ идеи, а идеи управляютъ міромъ. Что числа, въ самомъ дѣлѣ, значатъ что нибудь, это лучше всего извѣстно естествоиспытателю. Онъ знаетъ, что управлять силами природы, заставить ихъ дѣйствовать въ пользу человѣка возможно тогда только, когда онѣ выражены въ числахъ. Механикъ долженъ находить числа для давленія воды и каменныхъ массъ, для силы вѣтра и пара, для дѣйствія теплоты, чтобы строить дома, плотины, мосты, фабрики, паровыя машины.

Гдѣ нѣтъ чиселъ, тамъ нѣтъ господства надъ силами природы. Химикъ превращаетъ матерію и ея свойства въ числа, чтобъ открыть тайну ея дѣйствій,—и химическія числа составляютъ одинъ изъ тѣхъ важнѣйшихъ факторовъ, которымъ современная индустрія обязана своимъ богатствомъ. Числа открыли астроному доступъ къ небу, и ими едва ли не ограничиваются его свѣдѣнія относительно того міра, который находится надъ голубымъ небеснымъ сводомъ. Минералогъ различаетъ камень при помощи чиселъ, выражающихъ углы кристаллическихъ формъ, какія придаетъ твердымъ массамъ образовательная сила природы. Словомъ, числа сдѣлали естествознаніе наукой, ибо они служатъ выраженіемъ закона и ручательствомъ за его вѣчность. Существуетъ множество явленій, повидимому совершенно произвольныхъ, которыя тѣмъ не менѣе управляются закономъ; послѣдній дѣлается для насъ неяснымъ только вслѣдствіе сложности и запутанности производящихъ причинъ. Какъ примѣръ, можемъ взять *погоду*. Что еще такъ неправильно, такъ произвольно, какъ вошедшее въ пословицу непостоянство погоды, которая не подчиняется повидимому никакому закону, никакой послѣдовательности? Вопросъ о причинахъ перемѣнчивости погоды издавна занималъ человѣка, такъ какъ успѣхъ и выгоды его труда тѣсно связаны съ этимъ изслѣдованіемъ. Но всѣ старанія оказывались безуспѣшными. Каждый разъ за увѣренностью, что открытъ предсказатель погоды, слѣдовало горькое разочарованіе. Хотя знали свойства силъ, производящихъ метеорологическія явленія, знали законы лучеиспусканія, происхожденіе вѣтровъ и испаренія воды, знали упругость паровъ и возникновеніе осадковъ; но когда и гдѣ эти силы вступаютъ во взаимодѣйствіе, какъ одно явленіе обусловливаетъ другое, отчего въ одномъ году прохладное лѣто, а въ другомъ — теплая зима, на всѣ эти вопросы наука не могла дать никакихъ отвѣтовъ. И не удивительно! 15 вѣковъ должны были пройти прежде, чѣмъ Копернику удалось открыть законъ движенія небесныхъ свѣтилъ, между тѣмъ какъ эти движенія такъ просты, такъ правильны и повторяются въ такіе короткіе промежутки времени! Метеорологія, или наука о погодѣ, напротивъ того самая молодая изъ всѣхъ отраслей естествознанія. Термометръ и барометръ изобрѣтены недавно: первый — 250 лѣтъ тому назадъ, а второй—200 лѣтъ. Примѣненіе же къ метеорологіи инструменты эти получили не раньше конца прошлаго столѣтія—и всего только тридцать лѣтъ какъ метеорологическія наблюденія производятся съ достаточнымъ знаніемъ дѣла и въ различныхъ пунктахъ земнаго шара. Въ чемъ, однакожъ, заключается трудность, требующая такихъ усилій, и на чемъ основана надежда, что усилія эти приведутъ къ желанной цѣли, т. е. къ законамъ и числамъ? Естествоиспытатель, изучающій дѣйствіе паровъ, законы лучеиспусканія, силу гальваническаго тока, имѣетъ предъ глазами весь аппаратъ, на которомъ совершается явленіе; однимъ взоромъ онъ обозрѣваетъ всѣ условія конечнаго результата. Не таково поле метеорологическихъ явленій. Сѣверная Африка, Средиземное море, Вестъ-Индія, Атлантическій океанъ, Ледовитый океанъ, обширный азіатскій континентъ, — вотъ тѣ мѣста, гдѣ рождается погода. Распространяясь по нашей маленькой Европѣ, она приноситъ съ собой хорошій или плохой урожай. Еслибъ каждый въ отдѣльности, съ помощью инструментовъ, дѣлалъ бы самыя точныя наблюденія въ окрестныхъ домахъ, горахъ и лѣсахъ, то онъ всетаки ничего бы не узналъ о томъ, что происходитъ вдали отъ него, въ колыбели метеорологическихъ явленій, служащихъ предметомъ его изслѣдованій. Но если тѣлесное око безсильно, тогда слѣдуетъ призвать на помощь умственное. И вотъ, вмѣсто единичныхъ наблюдателей, выступаютъ сотни, которые съ одинаковыми инструментами разсыпаются по обширному пространству, чтобы изъ года въ годъ дѣлать правильныя, неусыпныя наблюденія. Изъ сопоставленіи многочисленныхъ наблюденій являются средніе неизмѣнные результаты. Въ большихъ числахъ теряютъ свое значеніе незначительныя уклоненія, обусловливаемыя мѣстомъ и временемъ, уничтожаются тысячи мелкихъ перепутывающихся и перемѣшивающихся вліяній—и дѣйствіе господствующихъ силъ выступаетъ какъ выраженіе вѣчныхъ незыблемыхъ законовъ. Вотъ это и есть *законъ большихъ чиселъ*, имѣющій мѣсто вездѣ, гдѣ обширность изслѣдуемой области уравновѣшивается числомъ наблюденій, а разнообразіе мелкихъ вліяній исчезаетъ въ крупныхъ господствующихъ силахъ.

Если отъ науки и первыхъ ея чиселъ ожидаютъ нѣчто, подобное тому, чего суевѣрные люди искали въ игрѣ въ числа; если какъ результатъ научныхъ изслѣдованій хотятъ имѣть столѣтній календарь, который для всякаго мѣста и часа предсказалъ бы каждую каплю дождя, каждое облачко, каждый солнечный лучъ,—то, конечно, такія ожиданія не оправдаются. Все, что законъ большихъ чиселъ сдѣлалъ въ причудливыхъ метеорологическихъ явленіяхъ, ограничивается нѣсколькими средними числами, нѣсколькими общими выводами относительно давленія воздуха, распредѣленія дождя и направленія вѣтровъ по мѣсту и временамъ года. Какъ эти результаты, повидимому, ни ничтожны, но на самомъ дѣлѣ они имѣютъ важное значеніе для человѣческой культуры. Найденныя числа средней температуры служатъ руководствомъ земледѣльцу при насаживаніи чужеземныхъ растеній, а законъ вѣтровъ даетъ возможность мореплавателю еще въ гавани предвидѣть бурю и въ открытомъ морѣ указываетъ ему направленіе, котораго онъ долженъ держаться, чтобъ избѣгнуть ее.

Но возможно ли ожидать чего нибудь подобнаго тамъ, гдѣ жизнь создаетъ свои законы, гдѣ повидимому господствуетъ произволъ и непостоянство, въ мірѣ органическомъ или нравственномъ и умственномъ? Словомъ, подчиняется ли закону чиселъ также и человѣкъ, его воля и чувства, его мысли и поступки? Существуетъ ли, какъ для температуры и количества дождя, среднія числа здоровья и продолжительности жизни человѣка, его умственныхъ способностей, наклонностей, добродѣтелей и пороковъ?

Если разнообразіе дѣйствующихъ силъ составляетъ важнѣйшее условіе вѣрности закона большихъ чиселъ, то, въ данномъ случаѣ, оно достигаетъ самыхъ широкихъ размѣровъ. Человѣкъ есть продуктъ родной почвы и роднаго климата; его характеръ, національность, измѣняются сообразно съ особенностями окружающей природы. Подмѣтить на одномъ человѣкѣ вліянія безчисленнаго множества дѣйствующихъ причинъ, конечно, невозможно. Но въ массѣ людей отдѣльныя личности стушевываются; тогда выступаетъ среднее мѣрило, пріобрѣтающее силу закона и служащее центромъ, около котораго группируются отдѣльныя дѣйствующія причины. Вы-

Библиотека "Руниверс"

ступаетъ *средній человѣкъ*, созданіе чисто отвлеченное, которое никогда не существовало и никогда не будетъ существовать, но которое тѣмъ не менѣе выражаетъ норму человѣка въ данномъ періодѣ его развитія. Средняго человѣка можно взвѣсить, измѣрить, можно сосчитать число его дыханій и ударовъ пульса, можно опредѣлить силу и протяженіе его органовъ. Средній человѣкъ есть въ то-же время идеалъ человѣческой красоты и гармоніи, къ которому стремятся художники всѣхъ временъ—и уклоненіе отъ котораго считается величайшей ошибкой въ искуствѣ. Этотъ средній человѣкъ живетъ, развивается, умираетъ, вступаетъ въ бракъ, совершаетъ преступленія, сочиняетъ, занимается вычисленіемъ, ведетъ процессы, изобрѣтаетъ машины—точно живые люди, но дѣйствія его всегда подчинены строгому закону чиселъ. Средній человѣкъ не обладаетъ свободной волей: онъ послушенъ неизмѣннымъ законамъ природы, создавшей его. Для каждаго народа и времени существуетъ другой средній человѣкъ, ибо онъ отраженіе извѣстныхъ общественныхъ условій. Пища и образъ жизни могутъ измѣнить процентъ смертности и приращенія населенія. Неурожаи, суровыя зимы, болотистая почва въ состояніи сократить продолжительность жизни и обезобразить человѣческую фигуру. Общественные нравы, государственный порядокъ, научныя открытія могутъ повліять удивительнѣйшимъ образомъ на физическую и духовную жизнь цѣлаго народа. По среднему человѣку, слѣдовательно, можно выводить обратное заключеніе — о причинахъ, произведшихъ его, а равно составить себѣ понятіе объ условіяхъ мѣста и времени, къ которымъ онъ принадлежитъ: *Гёте* правъ, говоря: «числа показываютъ какъ управляется міръ».

Статистика—это именно та наука, которая имѣетъ своимъ предметомъ воспроизведеніе и изслѣдованіе средняго человѣка, соціальнаго и государственнаго, физическаго и духовнаго. Статистика — это исторія въ числахъ. Статистическія числа и таблицы не только констатируютъ существующіе факты, но указываютъ также и причины. А знаніе есть сила. Ни одно зло, ни одно бѣдствіе не можетъ быть радикально уничтожено безъ твердаго и всесторонняго знанія его свойствъ и причинъ. Законодательство и государственныя реформы, не опирающіяся на статистику, лишены почвы. Наука о среднемъ человѣкѣ заключаетъ въ себѣ счастье народовъ.

Изъ церковныхъ и метрическихъ книгъ, изъ таможенныхъ и окладныхъ журналовъ, уголовныхъ и полицейскихъ актовъ, рекрутскихъ списковъ и свѣдѣній о бѣдныхъ—возникаетъ существо, которое характеризуетъ собой время и его условія, степень здоровья и благосостоянія, умственнаго и нравственнаго развитія народа и проч. Средній человѣкъ есть только *численное существо*, но онъ развивается совершенно также, какъ развивается всякое живое существо. Разсмотримъ нѣкоторыя стороны этого развитія. Извѣстно, что въ цивилизованныхъ странахъ рождается больше мальчиковъ, чѣмъ дѣвочекъ. Число ежегодно рождающихся мальчиковъ относится къ числу дѣвочекъ почти какъ 53 къ 50, т. е. на 53 мальчика рождается 50 дѣвочекъ. Если удивительно видѣть числа тамъ, гдѣ природа повидимому совершенно произвольно и безъ всякой правильности распредѣляетъ въ семействахъ мальчиковъ и дѣвочекъ; то еще удивительнѣе слышать, что неумолимая *смерть*, вторгающаяся въ жизнь и вырывающая изъ нея безъ всякой пощады и разбора: дѣтей, юношей, молодыхъ, цвѣтущихъ дѣвицъ, полныхъ силъ мужей и хилыхъ стариковъ,—что и она тоже связана законами чиселъ. Съ первымъ дыханьемъ ребенка смерть вступаетъ въ свои права. Нѣжность дѣтскаго организма, небрежность и невѣжественность лицъ, имѣющихъ уходъ за ребенкомъ, — все это доставляетъ смерти, какъ всѣмъ извѣстно, самую обильную жатву въ средѣ дѣтей перваго возраста. Въ Германіи вымираетъ въ первые мѣсяцы жизни *четвертая* часть рождающихся дѣтей, а въ Россіи больше *половины*. Только съ пятымъ годомъ оканчивается самая опасная пора для жизни человѣка. Изъ списка умершихъ, можно вывести числа, которыя покажутъ, сколько изъ опредѣленнаго числа рождающихся остается въ каждомъ возрастѣ въ живыхъ, и найдти такимъ образомъ вѣроятность для продолжительности жизни въ различныхъ ея періодахъ.

Такія таблицы заключаютъ въ себѣ еще другой важный смыслъ. Онѣ даютъ мудрыя наставленія народамъ и правительствамъ, указывая на тѣ многочисленныя вліянія, какія имѣютъ на степень смертности бѣдность, богатство, званіе, общественное положеніе, климатъ, степень населенности и проч. Смерть, говорятъ, не взираетъ ни на бѣдность, ни на богатство; но числа учатъ противному. Съ бѣдными смерть ближе знакома, чѣмъ съ богатыми, особенно въ раннемъ возрастѣ. Въ Парижѣ, на 100 смертныхъ случаевъ, между богатыми, приходится 32 дитяти; а у бѣдныхъ на тѣ же 100 смертныхъ случаевъ приходится 53 дитяти. Другими словами, бѣдныхъ дѣтей умираетъ слишкомъ въ полтора раза болѣе, нежели богатыхъ.

Если организмъ бѣдняка съ исполинской силой побѣдилъ опасности перваго дѣтства, то смерть всетаки найдетъ болѣе богатую добычу среди бѣдности, чѣмъ среди богатства. Парижскій тряпичникъ умираетъ десятью годами раньше банкира. Вотъ какъ бѣдность похищаетъ у человѣка не только радости, но также часть его собственной жизни и жизни его дѣтей.

Трудъ также, какъ и бѣдность, сокращаетъ жизнь.

Мы сдѣлали бы упрекъ природѣ въ томъ, что, надѣляя наибольшимъ долголѣтіемъ людей, самыхъ недостойныхъ, бездѣльниковъ, она почти во всякій трудъ — этотъ источникъ прогресса—кладетъ зародышъ уничтоженія, еслибъ не знали, что жизнь и долголѣтіе двѣ вещи разныя и что жизнь долголѣтняя нерѣдко становится для насъ невыносимымъ бременемъ. Таблицы смертности устанавливаютъ границы для жизни каждаго званія и положенія; большимъ капиталистамъ выпадаетъ наибольшая продолжительность жизни, а наименьшая—много-страдальному медику и плоховознаграждаемому школьному учителю.

Климатъ и мѣстныя условія имѣютъ также несомнѣнное вліяніе на смертность. Въ многолюдныхъ городахъ, въ особенности, въ окрестностяхъ фабрикъ гнѣздятся тысячи болѣзней, отъ которыхъ избавлены мѣста малонаселенныя. Въ душныхъ и тѣсныхъ жилищахъ, въ гнилой, испорченной пищѣ скрываются зачатки смерти. Географическая широта и положеніе мѣста надъ уровнемъ океана тоже вліяютъ на процентъ смертности. Мѣста высокія, или лежащія ближе къ сѣверу обнаруживаютъ меньшую смертность, чѣмъ мѣста низменныя или лежащія ближе съ югу. Такъ, въ Норвегіи, одинъ смертный случай приходится только на 50 человѣкъ, въ Германіи же среднимъ числомъ на 36. А въ Россіи на климатическія условія обращали до сихъ поръ слишкомъ мало вниманія, и это особенно прискорбно въ тѣхъ случаяхъ, когда опасность ихъ увеличивается вслѣдствіе рѣзкихъ контрастовъ. Вѣдь извѣстно изъ опыта, что климатъ производитъ страшныя опустошенія въ средѣ переселенцевъ и арміи, и что иная негостепріимная почва должна быть усѣяна трупами прежде чѣмъ на ней воздвигнется городъ или утвердится на ней армія.

Панамская желѣзная дорога могла бы быть вымощена костями ея жертвъ. Древніе римляне, какъ разсказываетъ Витрувій, имѣли обыкновеніе осматривать печени у зарѣзанныхъ животныхъ, пасшихся въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ они намѣревались построить городъ или стать лагеремъ. Если печени оказывались съ какими нибудь пороками, они покидали эти мѣста и искали другихъ. Въ наше же время, когда химія и физика даютъ самыя богатыя средства для изслѣдованія, мы ими не пользуемся—и когда дѣло идетъ о постройкѣ города или лагеря или когда предпринимаемъ съ какой нибудь цѣлью экспедицію, мы даже не справляемся съ термометромъ. Такое игнорированіе климатическихъ условій бываетъ часто источникомъ военныхъ катастрофъ: цѣлыя арміи погибаютъ отъ невидимаго оружія невидимыхъ враговъ. Смертность между военными вообще далеко превышаетъ смертность мирныхъ гражданъ, но она въ значительной степени возрастаетъ съ удаленіемъ солдатъ отъ отечественныхъ границъ и особенно съ приближеніемъ къ тропинкамъ. Хотя утверждаютъ,

Библиотека "Руниверс"

что продолжительное пребываніе въ жаркихъ странахъ благотворно вліяетъ на здоровье, однакожъ факты противорѣчатъ этому. При этомъ нужно замѣтить, что большое значеніе въ дѣлѣ приспособленія къ новому климату имѣютъ національность и раса.

Такъ, лица принадлежащія къ одной національности акклиматизируются скорѣе нежели лица принадлежащія къ другой.

Метеорологическія данныя должны играть такую же роль въ стратегическихъ планахъ полководца, какую играютъ формулы атмосфернаго лучеиспусканія въ вычисленіяхъ астронома.

Такое крайнее разнообразіе вліяющихъ причинъ явно влечетъ за собой сильное колебаніе смертности; и дѣйствительно, нигдѣ число настолько не безсильно, какъ въ данномъ случаѣ. Не слѣдуетъ однакожъ думать, что война, голодъ и эпидеміи производятъ чрезвычайное нарушеніе обыкновенныхъ размѣровъ смертности. Опустошенія, производимыя сказанными бѣдствіями, бываютъ лишь кратковременны и только тогда въ возможности *душевной статистики?*

Каждый видитъ только самыя близкія, маловажныя причины своихъ поступковъ; но въ общей суммѣ человѣческихъ дѣйствій все мелкое, маловажное стушевывается передъ безграничною властью всеобщихъ законовъ. Что эти законы имѣютъ болѣе важное значеніе для нашего организма и менѣе нарушаются мѣстнымъ и индивидуальнымъ вліяніемъ, чѣмъ тѣ даже силы, которыя обусловливаютъ собой состояніе погоды и высоту барометра и термометра, — за это ручается строгое постоянство ихъ чиселъ. Возьмемъ примѣръ: казалось бы, что нѣтъ другаго дѣйствія, которое бы такъ зависѣло отъ воли человѣка, какъ вступленіе въ бракъ. Можно было бы на основаніи этого думать, что число ежегодно совершаемыхъ въ какой либо странѣ браковъ чрезвычайно различно. На дѣлѣ же оказывается совершенно противное. Въ Бельгіи, въ теченіе 20 лѣтъ, число браковъ, какъ по отношенію къ народонаселенію, такъ и къ возрасту бракосочетающихся, не потерпѣло никакого измѣненія; и еще удивительнѣй: не измѣнилось число браковъ между дѣвицами и холостяками,

Татарскія бани. Рис. А. де Баръ, грав. Гюрель.

страхъ преувеличиваетъ ихъ размѣры. Каждый помнитъ, съ какой паникой встрѣчена была холера въ Европѣ въ 1831 году,—но если сравнить годичные списки умершихъ какого нибудь многолюднаго города, откуда холера вырвала въ одинъ годъ болѣе 2000 жертвъ, то окажется, что впродолженіе цѣлаго года на 100 человѣкъ умерло *однимъ* только больше противъ предыдущихъ лѣтъ.

Но возьмемъ другую область, которую мы охотнѣе всего желали бы оградить отъ природы и ея строгихъ законовъ,— область душевной дѣятельности. Здѣсь царствуютъ любовь и самыя тонкія ощущенія сердца, господствуютъ страсти, здѣсь разумъ открываетъ истины. Какія могутъ быть тутъ числа? Кому здѣсь охота считать и измѣрять? А всетаки мы съ неменьшей увѣренностью можемъ судить о душевной дѣятельности по ея внѣшнимъ проявленіямъ—поступкамъ, чѣмъ о температурѣ и давленіи воздуха по повышенію и пониженію уровня ртутнаго столба. А если эти поступки, подобно метеорологическимъ наблюденіямъ, будутъ тщательно записаны и изъ списковъ получатся постоянныя числа, недопускающія ни малѣйшихъ колебаній и отличающіяся большей строгостью и неизмѣнностью, чѣмъ тѣ числа которыя опредѣляютъ средній возрастъ, среднюю годичную температуру и продолжительность жизни, — то развѣ мыслимо сомнѣваться между дѣвицами и вдовцами, вдовцами и холостяками, вдовцами и вдовицами. Никакимъ законодательнымъ постановленіемъ нельзя было бы достигнуть того, что̀ было достигнуто въ данномъ случаѣ свободнымъ соглашеніемъ.

Но еще болѣе запутанными и случайными кажутся тѣ мотивы, которыя побуждаютъ человѣка къ покушенію на жизнь и собственность ближняго и даже къ самоубійству; а между тѣмъ, въ большомъ государствѣ число такихъ преступленій остается почти постояннымъ.

Во Франціи, напримѣръ, ежегодно привлекается къ суду 2,700 человѣкъ, изъ которыхъ ровно $^2/_3$ присуждается къ наказанію. Изъ числа этихъ 2,700 подсудимыхъ $^1/_2$ вовсе не умѣетъ ни читать, ни писать, $^1/_3$ читаетъ и пишетъ но плохо, $^1/_7$ удовлетворительно и только $^1/_{30}$ обладаетъ высшимъ образованіемъ. Эти отношенія рѣшаютъ вопросъ о вліяніи образованія на нравственность. Такая же правильность замѣчается въ числѣ увѣчій, причиняемыхъ себѣ рекрутами для избѣжанія военной службы, въ числѣ отправляемыхъ по почтѣ незапечатанныхъ писемъ, писемъ съ нечеткими адресами или вовсе безъ адресовъ.

Законы, управляющіе этими числами и предписывающіе съ безпощадной строгостью среднему человѣку поступки, стоятъ,

Библиотека "Руниверс"

въ свою очередь, въ зависимости отъ народа и времени. Въ Бельгіи валлонецъ женится двумя годами раньше фламандца, а вдова перваго легче находитъ себѣ мужа, чѣмъ вдова втораго. Во Франціи самое сильное расположеніе къ преступленію обнаруживается на 28 году жизни, въ Англіи и Баденѣ—на 25, а въ Бельгіи на 26. Каждый возрастъ характеризуется особымъ родомъ преступленія, лежащимъ въ условіяхъ развитія человѣка. Въ крѣпкомъ молодомъ возрастѣ преобладаетъ насиліе, а въ слабомъ старческомъ — обманъ. Воровствомъ открывается цѣлый рядъ преступныхъ дѣйствій: разбой, грабежъ, убійство, который заканчивается отравленіемъ и подлогами. Самоубійство тоже имѣетъ свои законы. Расположеніе къ нему пробуждается еще въ раннемъ дѣтствѣ, достигаетъ опаснаго развитія въ зрѣлыхъ лѣтахъ, затѣмъ, хотя медленно, но постепенно возрастая, достигаетъ своего апогея. Число самоубійцъ во Франціи простирается ежегодно до 3,084. Изъ нихъ прибѣгаетъ къ петлѣ 1,110, къ водѣ—695, къ огнестрѣльному оружію—432, къ острому—только 130, а 137 къ яду, угару и проч. По мѣсяцамъ цифры самоубійствъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Въ Январѣ. . .	194	Въ Іюлѣ . . .	305
» Февралѣ . .	145	» Августѣ . .	266
» Мартѣ . . .	236	» Сентябрѣ . .	236
» Апрѣлѣ . .	315	» Октябрѣ . .	286
» Маѣ . . .	321	» Ноябрѣ . .	204
» Іюнѣ . . .	363	» Декабрѣ . .	213

Сопоставленіе этихъ данныхъ приводитъ къ весьма интереснымъ заключеніямъ о причинахъ, вызывающихъ самоубійство. Въ Мартѣ, съ прекращеніемъ зимнихъ развлеченій и съ потерею здоровья и денегъ, наступаетъ разочарованіе. Въ лѣтніе мѣсяцы жара производитъ болѣзни мозга, располагающія къ самоубійству. Уединеніе и условія дачной жизни дѣлаетъ нѣкоторые способы самоубійства удобоисполнимыми, а возрастающая до жатвы нужда служитъ, по большей части, побуждающей причиной. Оттого въ эти мѣсяцы самоубійство достигаетъ ужасающихъ размѣровъ, которые уменьшаются въ іюлѣ и августѣ во время полевыхъ работъ. Что касается четвертей года, то число самоубійствъ въ первые и послѣдніе мѣсяцы больше, чѣмъ въ средніе, на 200. Этотъ избытокъ какъ показываютъ спеціальныя таблицы, находится въ связи съ сроками уплаты долговъ.

И такъ, наукѣ удалось создать средняго *физическаго* человѣка, измѣрить и взвѣсить его, сосчитать число его дыханій и ударовъ пульса, опредѣлить силу рукъ и ногъ, констатировать правильное отношеніе съ такою точностью, что разница на $^1/_{20}$ всей длины руки бросается въ глаза художнику. Удалось также создать средняго *соціальнаго* человѣка, изъ процента рождающихся вывести законъ производительной силы, изъ цифръ смертности опредѣлить среднюю продолжительность жизни—и положить, такимъ образомъ, основаніе многимъ соціальнымъ учрежденіямъ для страхованія жизни и обезпеченія доходовъ; найденъ критеріумъ соціальнаго прогресса и государственныхъ реформъ. Созданъ также средній *нравственный* человѣкъ съ его склонностями, страстями, заблужденіями и преступленіями.

Съ нравственнымъ человѣкомъ дѣло пошло скорѣе, чѣмъ съ физическимъ, потому что соціальныя явленія, подчиненныя, какъ кажется съ перваго взгляда, человѣческой волѣ, повторяются съ гораздо бо́льшей правильностію, чѣмъ зависящія отъ матеріальныхъ и случайныхъ причинъ—явленія физическія; да притомъ, нравственный міръ впродолженіе тысячи лѣтъ претерпѣваетъ меньше измѣненій, чѣмъ физическій и соціальный—въ одно столѣтіе.

Но наука создала также средняго *интеллектуальнаго* человѣка—и тутъ пришлось ей преодолѣвать громадныя трудности. Здѣсь именно всего менѣе господствуетъ равномѣрность, а бросаются въ глаза только крайности.

И душевныя, умственныя способности человѣка развиваются съ возрастомъ, умственная воспроизводительная сила растетъ и исчерпывается одновременно съ ея организмомъ—мозгомъ. Это предметъ изслѣдованія физіолога—и трудно ожидать, чтобы къ нему былъ примѣненъ законъ большихъ чиселъ.

Однакожъ открыли весьма простой путь къ рѣшенію и этой задачи. Съ помощью экзаменовъ нашли среднюю оцѣнку знанія отдѣльныхъ лицъ, а сопоставленіе этихъ данныхъ, дало общую годичную оцѣнку. Далѣе, подведены подъ математическіе законы развитіе творческой силы въ области наукъ и искуствъ. Сравненіе выдающихся драматическихъ произведеній англійскихъ и французскихъ писателей привело къ тому заключенію, что творчество стоитъ въ зависимости отъ возраста писателя. Лучшія трагедіи принадлежатъ лѣтамъ отъ 30 до 40, а комедіи отъ 40 до 55; первыя созданы въ цвѣтущую пору пылкой фантазіи, жгучихъ страстей и поэтическаго паѳоса, а послѣднія—въ періодѣ созрѣвающей опытности, спокойнаго міросозерцанія и критическаго анализа. Драматическія произведенія, написанныя позже 55 года жизни, обязаны своею извѣстностью только славѣ автора, но не внутреннему своему достоинству.

Безстрастность, отсутствіе порывовъ, недовѣрчивость къ прогрессу, неповоротливость мысли, вотъ чѣмъ характеризуется старость—и ожидать отъ нея великихъ подвиговъ столько же неосновательно, сколько ждать, что изъ гнилаго пня произрастутъ душистые цвѣты. Вся ея дѣятельность ограничивается собраніемъ и разработкой мыслей и плановъ, возникшихъ въ юности. Все великое, созданное человѣкомъ, принадлежитъ молодости, періоду умственнаго физическаго развитія. На 24 году жизни *Ньютонъ* положилъ основаніе дифференціальному исчисленію, на 26 онъ открылъ законъ тяготѣнія, и этимъ замѣчательнымъ открытіемъ положилъ основаніе небесной механикѣ. На старости лѣтъ этотъ же геніальный человѣкъ писалъ самыя нелѣпыя теологическія разсужденія. На 30 году жизни *Рафаэль* и *Моцартъ* окончили произведенія, которыя доставили имъ всемірную славу великихъ художниковъ. Какъ физическій ростъ, душевныя движенія и страсти, такъ точно и творческій даръ подчиняется строгому математическому закону, опредѣляющему его границы. И такъ, числа господствуютъ не только въ абстрактномъ мірѣ, но также въ живой конкретной природѣ. Числа—это охранители народнаго счастья и безпристрастные цѣнители общественныхъ дѣятелей.

Еще наука объ этихъ живыхъ числахъ, статистика, находится въ періодѣ младенчества, а уже трудно сказать, обязана ли она своимъ развитіемъ умственному движенію послѣдняго столѣтія, или же напротивъ, это умственное движеніе возникло и поддерживается трудами статистики. Отъ статистики ожидается рѣшеніе животрепещущихъ вопросовъ настоящаго, и указаніе скрытыхъ путей къ невѣдомому будущему. Ея успѣхами многіе пользуются въ частной жизни. Статистика указала важное значеніе такихъ явленій общественной жизни, которыя до нея считались недостойными вниманія. Можно надѣяться, что въ скоромъ времени она пріобрѣтетъ широкое примѣненіе въ области чисто умственныхъ отправленій. Возникнутъ знанія, послѣдствій которыхъ мы теперь не въ состояніи предсказать. Средній человѣкъ еще дитя; онъ выростетъ и разовьется подъ руководствомъ его матери—науки.

Начало такимъ широкимъ изслѣдованіямъ въ области статистики положили возникшіе на нашихъ глазахъ статистическіе конгрессы, т. е. періодическіе съѣзды разноплеменныхъ представителей современнаго развитія этой науки. Ученые различныхъ государствъ Европы и Америки не разъ уже собирались, между прочимъ и у насъ въ Петербургѣ и Москвѣ, составляли различныя секціи или отдѣлы, смотря по роду своей спеціальности, и выработанные ими результаты не мало содѣйствовали обогащенію общей сокровищницы знаній.

Библиотека "Руниверс"

Народы Россіи

XIX. Татары.

(Окончаніе).

Главный свой постъ, рамаданъ или рамазанъ, мусульмане исполняютъ крайне строго. Рамазанъ есть имя девятаго арабскаго мѣсяца. Какъ и прочіе мѣсяцы, Рамазанъ имѣетъ свой эпитетъ: онъ называется священнымъ. Въ продолженіи этихъ-то тридцати дней, говоритъ Магометъ, сошелъ къ нему съ небесъ его коранъ, во время бесѣдъ его съ архангеломъ Гавріиломъ въ пещерѣ горы Хара близь Мекки. Кромѣ обыкновенныхъ пяти молитвъ, отправляемыхъ мусульманами, сообразно съ предписаніями пророка, въ извѣстные часы дня,—они обязаны въ это священное время отправлять ежедневно нѣсколько другихъ молитвъ, или въ мечетяхъ или дома; кромѣ того, раздавать милостыню и перечитать коранъ хотя одинъ разъ во весь постъ. Наконецъ, одна изъ главнѣйшихъ статей поста состоитъ въ строгомъ воздержаніи отъ всякой пищи, питья, даже воды, отъ куренія табаку, отъ общества женщинъ. Постъ начинается съ восходомъ солнца и разрѣшается вечеромъ.

Правовѣрные начинаютъ поститься съ минуты появленія новой луны. Не всегда однако легко подстеречь наступленіе этой таинственной минуты. Если небо не чисто, то необходимо свидѣтельство двухъ людей о появленіи мѣсяца. Если же небо чисто, то показаніе одного человѣка, какого бы званія и образа жизни онъ ни былъ, достаточно для того, чтобы весь правовѣрный міръ приступилъ къ отправленію поста. Въ исходѣ *Шобана*, предыдущаго Рамазану мѣсяца, муэззины влѣзаютъ на свои минареты и наблюдаютъ за рожденіемъ мѣсяца.

Дѣтей до пяти-лѣтняго возраста, дряхлыхъ старцевъ, опасно больныхъ, кормилицъ, беременныхъ, рудокоповъ и помѣшанныхъ законъ освобождаетъ отъ поста.

Наступленіе вечера призываетъ къ *ифтору* (рушеніе поста) и проголодавшіеся, измученные мусульмане начинаютъ пить, ѣсть и праздновать. Предъ солнечнымъ восходомъ снова садятся за трапезу, называемую *имсакъ*; а тамъ мужчины снова призываются къ посту. Въ самую полночь муэззинъ забирается на минаретъ и звучнымъ голосомъ распѣваетъ особый кантъ, называемый *тамджидъ*; вотъ его переводъ:

«О Господи Боже! о Владыко владыкъ! Ты милостивъ, Боже!
Тебѣ нѣтъ подобнаго въ премудрости и величіи.
«Удивительно, какъ можетъ забыться сномъ обаянный любовью.
«Возстань, спящій! Полно спать!
«Любящій Бога не предается сну.
«Боже милостивый! Боже вѣчный! Всемірный Владыко! Царь безсмертный!
«Тебѣ принадлежитъ владычество и могущество. Ты не старѣешь.
«О Боже мой! Великій обладатель милостей и местей небесныхъ!
«О Вседержитель умовъ и сердецъ человѣческихъ!
«Спаси насъ отъ мученій могильныхъ и отъ огня вѣчнаго!
«Нѣтъ Бога, кромѣ единаго Бога, Господа Бога!»

Нарушеніе поста считается страшнымъ преступленіемъ. Несчастный, уличенный въ этомъ двумя свидѣтелями, обязанъ очистить себя разными милостынями, молитвами и новымъ постомъ въ шестьдесятъ дней. Постъ этотъ долженъ начаться для него по захожденіи Рамазана.

Двадцать седьмая ночь Рамазана, одна изъ священныхъ ночей мусульманскихъ, называется *Лейлетъ-уль-кадръ*, т. е. ночь милосердія или священнаго предопредѣленія. Настоящій срокъ этой ночи скрытъ отъ поклонниковъ Ислама. Извѣстно, что она должна приходиться въ одно изъ нечетныхъ чиселъ Рамазана и потому ее обыкновенно празднуютъ двадцать седьмаго числа. Священное преданіе Мухамеда гласитъ, что въ ночь эту всѣ неодушевленные предметы обожаютъ Бога; всѣ воды морскія въ эти таинственныя минуты дѣлаются сладкими, и что, наконецъ, такъ велика ея святость, что молитвы, совершенныя въ лейлетъ-улькадръ, равняются въ достоинствѣ молитвамъ цѣлаго года.

Байрамъ или *иди-фитръ*, т. е. праздникъ рушенія поста, празднуется перваго числа мѣсяца Шевваля, ровно тридцать дней спустя отъ начала Рамазана. Съ восхожденіемъ солнца мусульмане спѣшатъ въ мечеть и послѣ молитвы предаются празднествамъ.

Семьдесятъ дней послѣ этого наступаетъ *Курбанъ-байрамъ*, праздникъ жертвоприношеній. Жертвоприношенія совершаются три дня, а праздникъ вообще—четыре дня. Эти дни настоящій праздникъ для бѣдныхъ, которые запасаются надолго насущнымъ хлѣбомъ.

Всѣ общественныя молитвы мусульмане производятъ въ мечети. Мечеть обыкновенно строится четвероугольная, съ небольшими башенками по четыремъ угламъ, а иногда и съ высокой башенкой съ галлереею на верху и съ крышей оканчивающейся высокимъ шпицемъ—это минаретъ. Съ минарета, а гдѣ его нѣтъ съ вершины башенокъ на крышѣ мечети, муэззины призываютъ въ положенное время къ молитвѣ. Мечети строются почти всегда со сводомъ внутри; а свѣтъ проходитъ черезъ окна. Полъ выстланъ коврами и рогожами. Сверхъ этого имѣется внутри мечети возвышеніе, съ котораго мулла читаетъ коранъ и толкованія на него. Входящіе въ мечеть должны скинуть свою обувь, сдѣлать омовеніе и потомъ войдти въ мечеть тихо и сѣсть на мѣсто. Тишина во время службы—мертвая. Ни разговоровъ, ни перехода съ мѣста на мѣсто, ни глазенья по сторонамъ — ничего рѣшительно нѣтъ. Съ глубокимъ благоговѣніемъ совершаютъ свои моленія мусульмане.

Внутри мечети стѣны, даже въ бѣдныхъ, выбѣлены очень чисто и украшены изрѣченіями изъ корана. Эти изрѣченія пишутся золотомъ или краскою. Надписи дѣйствительно составляютъ украшенія въ видѣ прихотливыхъ арабесковъ, потому что арабскія буквы даютъ возможность такъ писать ими, что выходитъ узоръ и восточные калиграфы въ совершенствѣ владѣютъ этимъ искусствомъ.

Въ мечетяхъ читается алкоранъ всегда по арабски, хотя простой народъ и не понимаетъ этого языка,—почему мулла, прочитавши мѣсто изъ алкорана, опредѣленное для того дня, обыкновенно прибавляетъ небольшое толкованіе для тѣхъ, которые не знаютъ по арабски.

Бракъ у мусульманъ двоякій: *кибимъ* и *сейга*. Кибимъ есть дѣйствительный бракъ и жена кибимная можетъ быть *только одна*; она считается вполнѣ законною женою и дѣти ея суть прямые наслѣдники своего отца. Бракъ кибимный—бракъ навсегда. Сейга есть *временный бракъ*, по окончаніи котораго мужъ не имѣетъ права удержать у себя жену,—она свободна и можетъ выдти замужъ за кого захочетъ. Отпуская жену, мужъ обязанъ давать ей содержаніе 10-ть мѣсяцевъ, и жена ранѣе этого срока не имѣетъ права выдти за другаго. Это дѣлается въ видахъ возможной беременности. Если отпущенная мужемъ жена родитъ до истеченія 10 мѣсяцевъ послѣ того, какъ она вышла изъ дома мужа, то послѣдній обязанъ давать на содержаніе ребенка, до 7 лѣтъ, опредѣленную сумму.

Какъ бракъ кибимный, такъ и сейговый совершается по взаимному согласію, при свидѣтеляхъ, муллою, который обязанъ внести всѣ условія кибима т. е. того вознагражденія, которое жена получаетъ отъ мужа при выходѣ за него замужъ, въ особую бумагу, кибимное условіе, подписываемое: женихомъ, невѣстою, свидѣтелями и муллою. Актъ этотъ сохраняется у жены—и при несостоятельности мужа, кибимный долгъ уплачивается первымъ полностію.

По смерти мужа, дѣти отъ кибимнаго брака наслѣдуютъ имущество отца, дѣля его поровну. Дѣти отъ сейговаго брака наслѣдуютъ имущество отъ своей только матери.

Изнемогающаго и при послѣднимъ издыханіи находящагося татарина посѣщаетъ мулла, и читаетъ надъ нимъ молитвы изъ алкорана, до тѣхъ поръ, пока больной не умретъ. Умершаго обмываютъ, мужчину—мужчины, а женщину старухи, и въ вознагражденіе получаютъ въ свою собственность все, что при смерти на покойникѣ было. Обмывъ, обвертываютъ тѣло холстомъ—мужчину три раза, женщину пятеро. Потомъ собираются всѣ родные и знакомые, кладутъ трупъ на доску, покрытую ковромъ или какою нибудь матеріею, и выносятъ изъ дому головою впередъ. Не доходя шаговъ съ сорокъ до могилы, останавливаются и начинаютъ всѣ молиться Богу на полдень, такимъ же порядкомъ какъ въ мечети. Проговоривъ молитвы, ставятъ покойника въ могилу на доскѣ или лубкѣ; въ могилѣ дѣлаютъ для помѣщенія тѣла особенный погребъ съ боку, и проходъ въ него закладываютъ досками или лубьемъ, а остальное отверстіе засыпаютъ землею. Съ могилы семью умершаго уже не посѣщаютъ, но расходятся по домамъ, ибо послѣ похоронъ пиршествовать прежде трехъ дней считается за грѣхъ, даже приготовленіе себѣ пищи домашними покойнаго считается нѣсколько грѣховнымъ,—отъ чего благочестивыя семейства въ эти три дни кушанья себѣ не готовятъ, а питаются подаяніемъ отъ своихъ сосѣдей. По прошествіи трехъ дней, собираются въ домѣ умершаго всѣ знакомые, приглашается мулла, который и читаетъ положенныя на этотъ случай молитвы на-дому. Награжденіемъ муллѣ, кромѣ денежнаго, служатъ кожи всѣхъ животныхъ, заколотыхъ на поминки.

Другіе поминки бываютъ по прошествіи семи дней, а третьи по прошествіи сорока дней: ибо они думаютъ, что душа приходитъ въ домъ свой въ это время, какъ ее поминаютъ. По этому и муэззинъ не остается безъ вознагражденія; онъ получаетъ все оставшееся послѣ покойника платье, за что обязанъ каждый вечеръ надъ могилою, или въ своемъ домѣ, читать просительныя молитвы на пользу души умершаго.

Рѣзкую разницу съ татарами, населяющими Россію, представляютъ тѣ, которые водворились въ Закавказьѣ. Наружная разница такъ велика, что ихъ легко принять за народъ совершенно другаго племени. Ни въ наружности, ни въ одеждѣ, ни въ домашней жизни, ни въ постройкахъ жилищъ—нѣтъ ничего похожаго. Татары закавказскіе вообще хорошаго роста, прекрасно сложены, сухощавы, черты лица напоминаютъ перса, волосы и глаза черные и весьма рѣдко голубые, одежда персидская, и какъ персіане они носятъ локоны — зюльфаръ—и клочекъ волосъ на макушкѣ. Женщины отличаются красотою. Красота прославленныхъ грузинокъ

Библиотека "Руниверс"

ничто предъ ними. Сложены прелестно, оконечности истинно аристократическія даже до ногтей. Черты лица правильныя, пропорціональныя, чрезвычайно нѣжныя; большіе продолговатые глаза, оттѣнены густыми рѣсницами, брови тонкія, правильныя и, какъ говорилось встарину на Руси—соболиныя; взглядъ живой, ласкающій, страстный; ротъ очерченъ прекрасно, губы ярко пунцовыя, улыбка привлекательная; волосы шелковисты и замѣчательной длины. Нерѣдко встрѣтишь женщину, у которой съ головы сбѣгаютъ до 12 косъ, падая далеко ниже колѣна. Грудь высокая, весь станъ античной формы. Словомъ, это такого рода женщины, которыя, по поговоркѣ, «*за море заведутъ*»—и заводятъ они отличнѣйшимъ образомъ, потому что нѣтъ такихъ кокетокъ нигдѣ, какъ закавказскія татарки. Костюмъ ихъ живописенъ и такъ придуманъ, что дѣйствительно возвышаетъ ихъ природную красоту. Голова повязывается, въ видѣ тюрбана, шелковымъ платкомъ, преимущественно алаго цвѣта,—называемымъ *келагай*; у богатыхъ украшается золотыми монетами. Рубашка кисейная, очень короткая, съ широкими рукавами, на груди разрѣзывается съ обѣихъ сторонъ шеи, обшивается узенькимъ галуномъ и застегивается запонками подъ рубашку, подолъ который достигаетъ до половины живота надѣваются широкія шаровары—*туманы*, драпирующіеся въ красивыя складки и обшитыя внизу шелковой съ золотомъ тесьмой, *бота*. Сверхъ рубашки надѣвается кофточка съ узкими разрѣзными рукавами и съ открытой грудью — *донъ*. На ногахъ пестрыя носки—*джюрабъ*, и кокетливыя остроконечныя, на высокихъ каблукахъ, цвѣтныя туфельки—*коши*. Сверхъ всего накладывается лѣтомъ бѣлая кисейная, а зимой клѣтчатая черная съ краснымъ шелковая фата, называемая *чарсабъ* (чадра), въ которую они весьма изящно драпируются. Червонцы, кораллы, *арта* т. е. мелкія кораллы съ золотыми зернышками, украшаютъ шею; въ ушахъ длинныя серги, на пальцахъ кольца, на рукахъ браслеты. Татарка легче согласится ѣсть сушеную сельдь (кутумъ), лукъ и черствый хлѣбъ, — но одѣнется роскошно. Вотъ почему даже бѣдныя женщины одѣты въ шелкъ и имѣютъ червонцы на груди, собираемые по одному долгіе годы. Всѣ онѣ мастерицы плясать и пѣть т. е. импровизировать, потому что музыка пѣсень имѣетъ всего три мотива, и вся суть пѣнія заключается въ словахъ. Поютъ аккомпанируя себя на бубнѣ — *дэфъ*. Какъ мужчины, такъ и женщины чрезвычайно привѣтливы, мастера на комплименты и отличаются достойной подражанія вѣжливостію. Замкнутая жизнь развиваетъ любопытство, и «хабаръ»—новость—играетъ громадную роль. Послѣ перваго привѣтствія встрѣчающихся, уже слѣдуетъ вопросъ: «*на хабаръ?*» т. е. что новаго?

Обычай воспрещаетъ татаркамъ часто ходить въ гости, особенно молодымъ и ихъ вечеринки—*кананлыкъ*—бываютъ рѣдко; но зато у нихъ каждый четвергъ баня. Баня это клубъ. Женщины идутъ въ баню разодѣтыя въ самыя лучшія свои платья. Шумъ, пѣніе, смѣхъ слышится издалека. Въ баняхъ они и моются, и танцуютъ, и поютъ; разсказываютъ новости, хвастаютъ костюмами и любовными связями, потому что у рѣдкой хорошенькой татарки нѣтъ сердечнаго друга—*ашна*. Въ банѣ онѣ и угощаются пловомъ, сластями, пьютъ шербетъ.

Бани нагрѣваются снизу и имѣютъ краны съ теплой и холодной водой. Въ нихъ можно прекрасно вымыться, но не париться, потому что для этого нѣтъ ни каменки, ни полка. Кругомъ бани устроены широкія каменныя нары и ванны, а гдѣ возможно и фонтаны. Полъ каменный. Содержатся съ чрезвычайною чистотою.

Мужчины въ баню тоже ходятъ еженедѣльно, но держатъ себя въ нихъ скромно. Ихъ клубъ и ежедневный — это базаръ. Есть-ли дѣло, нѣтъ-ли, а татаринъ непремѣнно отправляется на базаръ, гдѣ видится со всѣми, узнаетъ всѣ новости, гдѣ сидя у какой нибудь лавочки, ведется оживленная бесѣда. Лавки татаръ тоже своеобразны. Лавка въ тоже время и мастерская. Вотъ, напримѣръ, мясная лавка: Тутъ-же производится рѣзка и свѣжеваніе животныхъ, тутъ-же продаютъ свѣжее мясо, тутъ-же пожалуй и жарятъ *кебабъ*, пересыпая его различными приправами и щедро прибавляя луку. Продавцы - *бакалъ*—важно сидятъ съ засученными рукавами и курятъ трубки. Кругомъ сидятъ посѣтители, и за ними десятки голодныхъ собакъ, ожидающихъ своей доли. Татары какъ и турки не запрашиваютъ на товаръ излишней цѣны и не торгуются. Цѣна всегда назначена одна; хочешь бери — хочешь нѣтъ. На просьбу уступить купецъ флегматически отвѣчаетъ: «*олмазъ*»—нельзя и ничего болѣе. Вѣшаютъ и мѣряютъ съ чрезвычайной точностію. Недомѣра, недовѣса не бываетъ никогда. Мало этого, отвѣшивая или отмѣривая покупателю что либо, купецъ непремѣнно немного прибавляетъ на *пешкешъ* подарокъ. Честность торговцевъ такъ велика, что жители посылаютъ покупать дѣтей, вполнѣ убѣжденные, что обману быть не можетъ.

Жители побогаче собираются въ кофейняхъ, которыя устраиваются всегда въ болѣе красивой мѣстности и снабжены всѣмъ, что необходимо для пріятнаго отдохновенія, т. е. мягкими диванами, множествомъ красивыхъ кальяновъ, расторопною и красивою прислугою изъ мальчиковъ. Тамъ-же гдѣ есть какой нибудь бродячій дервишъ - меддахъ (раскащикъ) кофейня бываетъ всегда полна народу. Татары страстные любители слушать разсказы, сказки, повѣсти и т. п. Надо отдать справедливость меддахамъ, — они дѣйствительно мастерски разсказываютъ. Талантъ меддаха цѣнится наровнѣ съ талантомъ музыканта — Зуриачи и пѣвца-импровизитора.

Вотъ, поджавъ подъ себя ноги и куря трубки, молча сидятъ по-

Татарскіе мясники и купцы. Рис. Калонъ, грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

сѣтители кофейной и жадно смотрятъ на отворенную дверь сосѣдней комнаты. Всѣ въ ожиданіи: изъ этой двери выйдетъ меддахъ Баба-пирръ-Али, знаменитый своимъ искуствомъ. Вотъ наконецъ появляется меддахъ. Ему лѣтъ пятьдесятъ. Онъ худощавъ и сгорбленъ, борода его подстрижена и выкрашена хеною въ ярко красный цвѣтъ; щеки и носъ ясно даютъ понять, что почтенный Баба-Пирръ-Али непрочь и выпить, да и порядочно выпить; глаза въ маслѣ. На немъ надѣта старая коричневая аба, въ рукахъ трубка и четки. Баба дѣлаетъ всѣмъ общій поклонъ, стряхиваетъ съ ногъ коши и важно садится на приготовленное для него мѣсто. Онъ долго куритъ трубку, обводя глазами собраніе, и иногда болтаетъ съ близь сидящими вполголоса. Вотъ наконецъ трубка докурена. Онъ отдаетъ ее мальчишкѣ кафеджи съ абою и остается въ одномъ архалукѣ. Засучивъ рукава, онъ отхаркивается, хлопаетъ два раза въ ладоши и начинаетъ:

Прислушайте, господа, я разскажу вамъ хорошенькую сказочку, способную позабавить почтенное собраніе.

«*Сакалы кеса!*» возгласилъ наконецъ султанъ, видимо раздраженный, глядя съ ужасомъ на свою бороду...

«Дуракъ я, дуракъ! вопіялъ онъ,—нѣтъ болѣе сомнѣнія».

Онъ захлопнулъ книгу и далеко бросилъ ее отъ себя.

Вошли придворные, привѣтствуя любимаго монарха. Когда всѣ заняли свои мѣста, «скажите мнѣ, спросилъ ихъ султанъ,—дуракъ я или нѣтъ?..»

Изумленные придворные всѣ до одного вытаращили на султана Мусу свои глаза.

Молчаніе было гробовое.

«Повторяю вамъ», закричалъ султанъ,—«отвѣчайте мнѣ, дуракъ я или нѣтъ».

Первый визирь рѣшился наконецъ развязать свой языкъ.

— Милостивый монархъ нашъ! Весь міръ удивляется твоей мудрости, сказалъ онъ.

«Всѣ ли вы этого мнѣнія?» говорилъ султанъ, пробѣгая взоромъ по глазамъ придворныхъ.

Татары и армяне въ кофейнѣ. Рис. Колонъ, грав. Паннемакеръ.

Въ старые годы, въ городѣ Дамаскѣ царствовалъ султанъ, по имени Муса. И какой это былъ государь, какой государь! отецъ своимъ подданнымъ. Правосудіе его не дремало ни днемъ, ни ночью. Миръ и благоденствіе царили вмѣстѣ съ нимъ надъ его землею. Султанъ Муса любилъ заниматься науками, литературою, и окружилъ себя мудрецами и учеными. Вотъ, читая однажды какую-то древнюю книгу, дочитался султанъ Муса до весьма страннаго замѣчанія мудраго автора этой книги. Это замѣчаніе заключалось въ слѣдующихъ словахъ: «*Адамъ ады муса, безокъ киса, сакалы кеса—дели*» (человѣкъ, называющійся Муса, небольшаго роста, съ козлиной бородой,—дуракъ).

«Такъ стало быть и я дуракъ!» сказалъ въ раздумьѣ султанъ.

Въ самомъ дѣлѣ, султанъ Муса былъ пренизенькаго роста и имѣлъ козлиную бороду.

«*Ады Муса*, продолжалъ онъ, *безокъ киса, сакалы кеса!* Да, я именно имѣю всѣ эти три достоинства... стало быть, кто же я?.. Дуракъ, дуракъ, дуракъ».

И онъ въ изступленіи захлопалъ въ ладоши.

Явились невольники.

«Сей же часъ, закричалъ султанъ,—дать знать всему двору, чтобы онъ собирался къ моему трону».

Невольники скрылись.

Султанъ оставшись одинъ опять раскрылъ книгу, и, поводивъ нѣсколько времени по строкамъ пальцемъ, принялся съ разстановкою разбирать роковое замѣчаніе.

«*Ады Муса!*» произнесъ онъ, и остановился. Потомъ помолчалъ нѣсколько времени.

«*Безокъ киса!*» продолжалъ онъ, и погрузился въ думы.

— Ты свѣтило премудрости!.. Ты Аристотель... Ты образчикъ изящнаго вкуса! Ты эссенція всѣхъ совершенствъ! кричали взапуски придворные, не слушая другъ друга.

«Какъ же», произнесъ султанъ, поднявъ и развернувъ книгу,—«какъ же, по словамъ этого, мудреца, человѣкъ — и онъ началъ читать—*котораго зовутъ Муса, и если онъ къ тому маленькаго роста и имѣетъ козлиную бородку, долженъ быть непремѣнно дуракъ?*» И султанъ устремилъ на придворныхъ вопрошающій взоръ.

— Сочинитель этой книги, осмѣлился замѣтить визирь, — не мудрецъ, а какой нибудь бѣднякъ, погрязшій по уши въ тинѣ невѣжества и заблужденій, либо гяуръ, шатающійся въ потемкахъ варварства съ грузомъ логическихъ ошибокъ за спиною.

«Сейчасъ разослать людей по всему государству» сказалъ султанъ, видно не тронувшись рѣчью визиря;—«отыскать мнѣ трехъ человѣкъ съ этими примѣтами. Чтобы у нихъ было все, какъ здѣсь написано: *ады Муса, безокъ киса, сакалы кеса*, и привести ихъ ко мнѣ. Если я найду, что они всѣ дураки,—то, несмотря на громкіе эпитеты, которые вы мнѣ надавали, я все таки не что иное, какъ дуракъ. Спѣшите исполнить мое приказаніе».

Чрезъ три дня три человѣка, или лучше сказать, три карлика съ козлиными бородками и съ именемъ Мусы, явились во дворецъ Дамаскаго владыки.

«Ты кто такой?» спросилъ султанъ перваго Мусу, котораго ввели къ нему.

— Я учитель изъ мѣстечка Хора, сказалъ онъ, кланяясь.

«Сколько тебѣ лѣтъ?»

— Этакъ будетъ шестьдесятъ, шестьдесятъ-пять.

«Что это у тебя за рана на головѣ?»

Библиотека "Руниверс"

— Это такъ, ничего, отвѣчалъ первый Муса, потирая съ нѣжностію огромный шрамъ, проходившій у него поперегъ исего лба.

«Разскажи, какимъ образомъ ты получилъ эту рану.»

— А вотъ, изволишь видѣть, милостивый монархъ. Въ школѣ моей я держу все въ необыкновенномъ порядкѣ, и главное вниманіе обращаю на пріученіе дѣтей къ хорошимъ учтивымъ манерамъ и, между прочимъ, на строгое наблюденіе обычая *теменна*, (слово въ слово: просьба, желаніе). Когда кто-нибудь въ классѣ чихнетъ или напьется воды, прочіе должны закрыть свои книги и ударить въ тактъ въ ладоши, каждый разъ приговаривая: во здравіе! Такъ уже у меня всегда водилось. Вотъ, однажды, на школьномъ дворѣ сталъ засоряться колодезь, такъ что бадья, какъ ни опускалась, не хватала воды... Что за пропасть! подумалъ я, и предложилъ ученикамъ, чтобы кто нибудь изъ нихъ позволилъ опустить себя на веревкѣ въ колодезь, и тамъ если можно узнать причину, отчего онъ засорился. Но никто изъ шалуновъ не рѣшался на эготъ подвигъ. Я вижу дѣлать нечего; велѣлъ имъ обвязать меня веревками и опустить въ колодезь. Въ то время, какъ я такимъ образомъ опускался, вдругъ что-то у меня въ носу защекотало, и я чихнулъ. Мальчишки, услышавъ это, бросили изъ рукъ веревки, на которыхъ я висѣлъ, и всѣ разомъ захлопавъ въ ладоши, прокричали торжественнымъ голосомъ: *во здравіе*! а я, ударившись нѣсколько разъ головою объ стѣны колодца, съ разбитымъ лбомъ бухнулъ въ воду. При этомъ мальчики, разсудивъ, что мнѣ приходилось пить въ ту минуту, снова ударили три раза въ ладоши и прокричали: *во здравіе*! Когда меня вытащили, голова моя вся была разбита!

«Умная голова!» сказалъ султанъ: «ступай своей дорогой. Позвать ко мнѣ другаго Мусу.

Ввели втораго Мусу. У этого огромный носъ былъ обагренъ свѣжей кровью.

«Ты кто такой?» спросилъ султанъ.

— Я? я мулла изъ деревни Таиба.

«Сколько тебѣ лѣтъ?»

— Да будетъ этакъ шестьдесятъ, шестьдесятъ-пять.

«Что у тебя съ носомъ?»

— Да это такъ. Покуда я дожидался тамъ, чтобы меня сюда кликнули... вижу: доски на полу разсохлись, мнѣ и вздумалось попытаться, просуну-ли я носъ свой въ эту щель. Вотъ я и растянулся на полу и принялся за дѣло. Съ трудомъ, однакоже успѣшно, удалось мнѣ просунуть носъ свой; но назадъ, какъ я ни силился, не могъ его вытащить. Въ это время глядь въ щель, а тамъ внизу комната; на полу сидитъ арабъ и куритъ табакъ изъ длиннаго чубука, а между тѣмъ мурлычитъ какую-то пѣсню. Не много спустя, онъ приподнялъ голову, чтобы получше вытянуть одну ноту... Танъ-таиа-тэнта!... да вдругъ и остановился: онъ замѣтилъ мой носъ, «кой чортъ! чтобы это такое было?» сказалъ онъ, пристально въ него вглядываясь и приподнимаясь съ мѣста. «Кажись тутъ ласточки не летаютъ; а эта штука точъ въ точъ ласточкино гнѣздо». И съ этимъ словомъ онъ протянулъ къ потолку свой чубукъ и горячей люле (трубка) коснулся моего носа. Я, въ отчаяніи, что было силы сталъ тянуть носъ и ранилъ его до крови.

«Умная голова, нечего сказать!» произнесъ султанъ: «ступай себѣ съ Богомъ домой».

У третьяго Мусы щека была раздута страшнымъ образомъ.

«Кто-ты таковъ?» спросилъ султанъ, когда этого ввели въ комнату.

— Я погонщикъ изъ Алепа.

«Сколько тебѣ лѣтъ»?

— Да кто его знаетъ! будетъ, можетъ статься, лѣтъ этакъ шестьдесятъ, шестьдесятъ-пять.

«Что это у тебя щека-то?»

— Такъ ничего. Этому ужъ очень давно, когда у меня и жены не было. Разъ, какъ-то, я шелъ по улицѣ; вдругъ идетъ ко мнѣ на встрѣчу дядя Хаджи-Гассанъ. Смотрю, онъ глядитъ на меня во всѣ глаза и головою качаетъ. «Что это ты, Муса, сказалъ онъ мнѣ,—такой больной ходишь на улицѣ?»—Кто боленъ?... сказалъ я ему. «Да, ты, ты», сказалъ онъ мнѣ.—Я совершенно здоровъ, сказалъ я.—«Что ты, несчастный! Да ты преопасно болѣнъ, сказалъ онъ.

А у меня вовсе ничего таки не болѣло. Я диву дался, что̀ говоритъ мнѣ дядя.

«Ступай, ступай Муса, сказалъ онъ мнѣ опять,—да скажи матери, чтобы она положила тебя въ постель, да хорошенько закутала.» Право, дядюшка, я здоровъ, сказалъ я ему. «Не вѣрь, не вѣрь, возразилъ онъ мнѣ,—ступай домой, не упрямься, да скажи матери, чтобъ за тобой хорошенько присматривала.»

— Что ты прикажешь дѣлать! Я пожалъ плечами и пошелъ домой. А пришедши домой залегъ въ постель, да закутался и съ головою. Приходитъ мать. «Что съ тобою, Муса?»—Да дядя Хаджи-Гассанъ сказалъ мнѣ, что я болѣнъ, и наказывалъ тебѣ смотрѣть за мною.—«Да что же ты чувствуешь? сказала мнѣ мать.—«Да я ничего не чувствую, кромѣ голода, сказалъ я.—«Да что у тебя болитъ?» сказала она.—Да ничего не болитъ, сказалъ я.—«Ну, нечего дѣлать, надо бѣжать за лекаремъ», сказала она, и побѣжала. А я межъ тѣмъ лежалъ, не шевелился подъ одѣяломъ. Пришолъ лекарь, разспросилъ меня обо всемъ и приказалъ съѣсть натощакъ двадцать сырыхъ яицъ. Я и ну на другое утро набивать себѣ ротъ. Штукъ пять, шесть проглотилъ, ничего; а больше нейдетъ никакъ. Но я не смѣлъ ослушаться приказаній лекаря; къ тому же и мать меня понукала. Я принялся снова и такъ набилъ себѣ ротъ яицами, что не могъ уже выплюнуть, ни проглотить. Я туда, сюда, ничего не помогаетъ. Только реву себѣ какъ дикій звѣрь. Мать испугалась да за цирульникомъ. Цирульникъ долго не церемонился, взялъ инструментъ, да чикъ! и разрѣзалъ щеку. Я такъ и застонялъ и упалъ въ обморокъ. Онъ въ это время принялся изъ отверстія щеки вынимать яица и потомъ зашилъ ее; да вѣрно небольшой былъ мастеръ своего дѣла, щека-то съ тѣхъ поръ такъ и не опадала.

«Прочь съ глазъ моихъ!» завопилъ султанъ. Его утащили.

«Рѣшено! я тоже дуракъ», сказалъ онъ съ отчаяніемъ, когда остался одинъ, и схвативъ свою бороду, хотѣлъ тотъ же часъ ее подрѣзать. Что дѣлать? Взявъ бороду въ кулакъ по самый подбородокъ, бѣгалъ онъ по комнатѣ... Вдругъ мысль! Онъ подходитъ къ свѣтильнику и конецъ бороды, торчавшій изъ кулака, подставляетъ огню... волосы занимаются; отъ жару онъ отдергиваетъ руку... пламя взвилось и въ одно мгновеніе бороды султана какъ не бывало.

Увидя себя безъ бороды султанъ Муса остановился, покачалъ головою, и, раскрывъ зловѣщую книгу, съ разстановкою и торжественно прочиталъ ужасныя строки: *ады муса, безокъ киса, сакалы кеса*... «Дуракъ! дуракъ! дуракъ!» закричалъ онъ, и безъ чувствъ повалился на полъ».

Меддахъ закуриваетъ трубку, которую ему подаетъ кафеджи; между слушателями начинается шопотъ и мальчишка съ чашечкою начинаетъ ходить между посѣтителями, собирая посильную дань въ пользу разскащика.

Разныя извѣстія.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повѣлено:

1. Установить для тарифа внутренней телеграфной корреспонденціи слѣдующія основанія:

1. Въ Европейской Россіи до Екатеринбургскаго меридіана, со включеніемъ Кавказа, считаются для телеграфныхъ сношеній три пояса, причемъ длина радіуса внѣшняго округа каждаго пояса опредѣляется:

Для 1-го пояса . . . . 100 верстъ.
» 2-го » . . . . . 1.000 »

а къ 3-му поясу относится все остальное за предѣлами 2-го пояса пространство.

2. Въ Азіятской Россіи между Екатеринбургскимъ и Стрѣтенскимъ меридіанами, со включеніемъ Туркестанскаго края, а равно между Стрѣтенскимъ меридіаномъ и предѣлами Имперіи на Восточномъ океанѣ считаются для телеграфныхъ сношеній по четыре пояса съ длиною радіусовъ:

для 1-го пояса . . . . . 100 верстъ.
» 2-го » . . . . . 520 »
» 3-го » . . . . . 1.570 »

а къ 4-му поясу относится все остальное за предѣлами 3-го пояса пространство.

3. За передачу единичныхъ въ 20 словъ депешъ взимается:

въ 1-мъ поясѣ . . . . . 50 к.
» 2-мъ » . . . . . 1 р. — »
» 3-мъ » . . . . . 2 » — »
» 4-мъ » . . . . . 3 » — «

4. При переходѣ депешъ изъ Европы въ Азію, а также изъ одной полосы Азіятской Россіи въ другую или обратно (кромѣ станцій, упомянутыхъ въ слѣдующемъ п. 5) взимается плата сложная изъ установленныхъ для каждой изъ названныхъ частей Россіи.

5. За передачу единичныхъ депешъ между станціями, лежащими по обѣ стороны Екатеринбургскаго или Стрѣтенскаго меридіана и отстоящими одна отъ другой на разстояніи не свыше 100 вер., взимается 50 коп., на разстояніи же отъ 100 до 520 верстъ—1 рубль.

6. За каждыя прибавляемыя къ депешѣ 10 словъ взимается половина причитающейся за единичную депешу платы.

II. Измѣненный на этихъ основаніяхъ тарифъ ввести въ дѣйствіе съ 1-го іюля 1874 года.

ЖЕЛѢЗНЫЯ ДОРОГИ И ТЕЛЕГРАФЫ.

— Устройство подводнаго прямаго телеграфнаго сообщенія Одессы съ Константинополемъ весьма близко къ окончанію: 1-го мая начата уже, какъ сообщается въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», укладка подводнаго кабеля въ Константинополѣ, и пароходъ «La Plata» вѣроятно скоро прибудетъ съ кабелемъ въ Одессу. Кабель будетъ выведенъ на берегъ около дачи Томазини, откуда проведенъ будетъ обыкновенный воздушный проводъ до станціи государственнаго телеграфа въ Одессѣ.

— Между Николаевомъ и Херсономъ открывается ежедневное пароходное сообщеніе. Сообщеніе это — замѣчаетъ «Николаевскій Вѣстникъ»—представляется несравненно болѣе удобнымъ чѣмъ бывшее доселѣ дилижансовое.

СЕЛЬСКОЕ ХОЗЯЙСТВО.

— Изъ Олькуша сообщаютъ въ «Варш.

Библиотека "Руниверс"

Дневникъ», что нѣсколько недѣль тому назадъ, въ пещерѣ, называемой «Чайовская», близь Ойцова, начали добывать гуано, котораго оказалось тамъ значительное количество. Гуано это вывозится за границу.

— По словамъ «Одесск. Вѣстн.», состояніе озимыхъ посѣвовъ почти на всемъ югѣ Россіи превосходно. Яровые въ сѣверныхъ частяхъ Херсонской губерніи также недурны, но къ югу, особенно по линіи желѣзной дороги, довольно сильно засорены сорными травами; вѣроятно, вспашка земли была неудовлетворительна, или же мѣстами и сѣмена не отличались чистотою. Во всякомъ случаѣ, продолжающаяся прохладная погода поддерживаетъ хорошіе виды на урожай хлѣбовъ и на сборъ сѣна. Въ Херсонскомъ уѣздѣ, вблизи отъ гор. Херсона, появились жучки, которые истребляютъ хлѣбъ. Членъ Херсонской Уѣздной Управы г. Буксгевденъ для истребленія этихъ насѣкомыхъ заказалъ въ гор. Херсонѣ особый изобрѣтенный имъ аппаратъ и отправляется вскорѣ въ уѣздъ, гдѣ примѣнитъ его къ дѣлу.

— Изъ Новороссійска въ газету «Кавказъ» пишутъ, что мѣстные табаководы ревностно подготовляютъ плантаціи для посадки табаку: многимъ изъ нихъ розданы безвозмездно сѣмяна, выписанныя чрезъ посредство Константинопольскаго Посольства. Сорты *«Дюбекъ»* и *«Самсонъ»* преобладаютъ надъ прочими.

— 6-то апрѣля возвратился изъ Кокана В. Ф. Ошанинъ, которому было поручено собрать въ Коканскомъ ханствѣ коллекцію прядильныхъ матеріаловъ—хлопка изъ разныхъ мѣстностей ханства. Послѣ неизбѣжныхъ отговорокъ и промедленій, В. Ф. Ошанину доставлены были, пишутъ въ «Туркестанскихъ Вѣдомостяхъ», отъ мехтера требуемые образцы волокна и сѣмянъ; образцы же желтаго хлопка г. Ошанинъ купилъ на возвратномъ пути своемъ въ Бишъарыкѣ. Вывозъ хлопка изъ Кокана въ Ташкентъ и въ Россію, въ послѣднее время замѣтно уменьшился. По мнѣнію г. Ошанина, мало надежды на развитіе въ Коканскомъ ханствѣ и даже въ Ходжентскомъ уѣздѣ культуры американскаго хлопка, вслѣдствіе постоянныхъ чрезвычайно сильныхъ вѣтровъ, гибельно дѣйствующихъ на хлопокъ. По крайней мѣрѣ всѣ произведенные до настоящаго времени опыты въ Ходжентѣ и Коканѣ были неудачны.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— *Товарищество Вытегорскихъ горныхъ заводовъ* (въ Олонецкой губ.) пригласило для работъ въ шахтахъ 29 человѣкъ рабочихъ изъ *Пруссіи*, чтобы они, работая вмѣстѣ съ русскими, пріучили послѣднихъ къ мало знакомой имъ работѣ въ рудникахъ. Прусскіе рабочіе получаютъ плату втрое большую противъ русскихъ; работа одного прусскаго рабочаго равняется работѣ двухъ русскихъ.

— Уже давно извѣстно, что русскій *Туркестанъ* богатъ *минеральнымъ топливомъ*. Пласты каменнаго угля встрѣчаются здѣсь во многихъ мѣстахъ, и притомъ весьма выгодные для эксплуатаціи. Все это имѣетъ большое значеніе въ виду существующаго проекта средне-азіатской желѣзной дороги. Для этой дороги найдутъ сбытъ и Бороздайскія копи, и Первушинская копь (близь Ташкента) и Ходжентскія копи полковника Фовицкаго въ Ходжентскомъ уѣздѣ. Эти копи находятся близь города Ходжента, въ разстояніи отъ него, на югъ, около 70 верстъ. Залежи каменнаго угля обнаруживаются вывѣтрившейся сажей, и пластъ угля достигаетъ толщины въ 6-ть четвертей. 24-го ноября прошлаго года отправлена къ этой копи для настоящей развѣдки партія, состоящая изъ прикащика и 12-ти человѣкъ ходжентскихъ сартовъ.

— *Въ Уральской области на зимнемъ неводномъ рыболовствѣ*, производившемся съ 8 января по 1-е февраля текущаго года, было хозяевъ и пайщиковъ 2.045, у нихъ рабочихъ: 517 казак., 87 малолѣтк., 1 иногород. и 84 киргиза; участвовало въ рыболовствѣ 323 невода; поймано черной рыбы 17.462 пуда; рыба продавалась отъ 20 коп. до 1 р. 20 к. за пудъ. Изъ Гурьева сообщаютъ, что ловъ рыбы аханщиками въ нынѣшнюю зиму шелъ плохо съ болѣе или менѣе значительными убытками. У одного изъ аханщиковъ унесло до 800 сѣтей и нѣсколько лошадей. Съ 1-го по 16-е марта въ р. Донѣ у Старочеркаскаго юрта рыба ловилась въ огромномъ количествѣ, вслѣдствіе чего продавалась она почти за безцѣнокъ: тарань за 1.000 отъ 40 до 90 к., сотня сулы средней величины отъ 1 р. 20 к. 2 р. и проч. Какъ въ станицѣ Старочеркаской, такъ и по хуторамъ ея, расположеннымъ по берегамъ р. Дона, почти у каждой семьи заготовлены значительные запасы рыбы. *Изъ Бриньковской станицы*—пишутъ въ «Кубанскія Областныя Вѣд.», что *болѣе десяти лѣтъ не было рыбы* не только въ станицѣ, для жителей которой рыболовный промыселъ составлялъ почти единственный источникъ благосостоянія, но и на болѣе важныхъ рыболовныхъ пунктахъ азовскаго прибрежья, какъ-то: *Ахтаряхъ*, *Ясеняхъ* и проч. Но въ нынѣшнемъ году вдругъ, нежданно-негаданно, въ концѣ минувшаго февраля и въ особенности марта хлынула громадная масса рыбы въ прибрежные лиманы, а отсюда въ гирла рѣчекъ. Теперь тысячи рукъ принялись жарко снова за рыбный промыселъ. Ежедневно подъѣзжаютъ и уѣзжаютъ тысячи фуръ изъ ближнихъ и не такъ отдаленныхъ станицъ; много наѣхало изъ Енисейска, есть также наѣзжіе греки и евреи. *На соль* огромное требованіе. Еще въ январѣ соль здѣсь можно было покупать дешевле 20 к., теперь же цѣна ей дошла до 50 к. за пудъ. Приливъ рыбы такъ великъ, что нѣтъ никакой возможности управиться съ нею. Не рѣдко заброшенный волокъ за большимъ количествомъ рыбы не доходитъ къ берегу саженей на 100. Выгружаютъ два-три дня наконецъ не хватаетъ ни посуды, ни покупателей, и рыбу выпускаютъ на свободу. Тысячи ежедневно подъѣзжающихъ фуръ не могутъ подбирать улова. До настоящаго времени ловится исключительно *тарань*, хотя попадается много и судака; но рыболовы, на основаніи опыта прежнихъ временъ, увѣрены, что вслѣдъ за таранью пойдетъ судакъ, коропъ, щука и чебакъ.

СПОРТЪ.

— «Кронштъ. Вѣстн». сообщаетъ, что въ теченіе нынѣшняго лѣта въ С.-Петербургскомъ Рѣчномъ Яхтъ-Клубѣ *назначено* восемь гребныхъ и парусныхъ состязаній, въ числѣ ихъ *14-го іюля большое гребное состязаніе:* гиковъ-четверокъ, на призъ отъ имени Государя Наслѣдника Цесаревича; 6-ти весельныхъ вельботовъ, съ рулевымъ изъ членовъ Яхтъ-Клуба или любителей, или морскихъ офицеровъ, гардемариновъ, или кондукторовъ, съ военными матросами Яхтъ-Клуба или съ вольными гребцами; шлюпокъ для прогулокъ; 6-ти-весельныхъ гичекъ; лоцманскихъ судовъ и шлюпокъ рѣчной полиціи — всѣ на призы отъ Яхтъ-Клуба. Кромѣ того назначаются небольшія состязанія *по понедѣльникамъ* 24-го іюня и 8-го, 15-го, 22-го и 29-го іюля.

— Изъ прочитаннаго въ бывшемъ недавно годичномъ Собраніи членовъ «Петербургскаго Общества любителей охоты» отчета за прошлый годъ между прочимъ видно: Капиталъ Общества въ 187³/₄ г. составлялъ въ приходѣ 2.728 руб., а въ расходѣ 2.169 р. Къ числу 11 учредителей и шести почетныхъ членовъ въ теченіе года было выбаллотировано 46 дѣйствительныхъ членовъ. Общество имѣетъ въ своемъ распоряженіи до 68.000 десятинъ земли.

— *Изъ свѣдѣній о дѣятельности Нижегородскаго Общества Охоты* съ 1-го марта 1873 г. по 1-е марта 1874 г. между прочимъ видно: въ продолженіе отчетнаго года всѣхъ записавшихся въ члены Общества Охоты было 65 чел. Общихъ Собраній состоялось 5.

Что касается собственно свѣдѣній объ охотѣ, то отчетный годъ относится къ числу неблагопріятныхъ. Постепенное уменьшеніе мѣстной дичи, при незначительности прилета, отразилось и на весеннихъ охотахъ по вальдшнепамъ и тетеревамъ, и въ стрѣльбѣ по болоту во время лѣтнихъ и осеннихъ охотъ. Къ числу добычливыхъ выѣздовъ должно отнести охоты на зайцевъ. Общія охоты за лосями были назначаемы шесть разъ.

— По словамъ «Бессарабскихъ Губернскихъ Вѣдомостей», въ Кишиневѣ предполагается устройство *Общества охотниковъ*. Охота въ окрестностяхъ Кишинева и въ уѣздахъ сильно развита, но въ то же время ведется на началахъ далеко не раціональныхъ, и потому Общество охотниковъ, имѣя болѣе средствъ, чѣмъ частныя лица, можетъ производить болѣе успѣшныя облавы на волковъ, которые повременамъ сильно безпокоятъ мѣстныхъ овцеводовъ; кромѣ того существующее нынѣ воспрещеніе охоты съ 1-го марта по 1-е іюля, часто нарушаемое въ настоящее время, по трудности надзора за всѣми одиночными охотниками, особенно изъ поселянъ, могло бы быть тщательно охраняемо правильно организованнымъ обществомъ, которое, имѣя своихъ сторожей, будетъ въ состояніи слѣдить за продавцами дичи на базарѣ въ запрещенное время.

НАВОДНЕНІЯ.

— Изъ Люблинской губерніи сообщаютъ отъ 15-го (27-го) мая, что вслѣдствіе проливныхъ дождей, продолжавшихся почти безпрерывно со второй половины апрѣля, вода на Вислѣ въ Яновскомъ уѣздѣ, поднявшись на 20 футовъ, залила прибрежные луга и поля дер. Янишова и Забѣльча. Дождями же повреждены шоссейныя дороги. Подъ пос. Ново-Александріею высота воды достигла 16 футовъ 9 дюймовъ выше обыкновеннаго уровня, вслѣдствіе чего съ 9-го (21-го) мая переправа въ Радомскую губернію прекратилась; мѣстности же, незащищенныя дамбами, въ особенности поля и луга въ Опольской низменности, принадлежащія крестьянамъ деревень: Кемпа, Петровинская, Застовъ, Добре и Подгурже, залиты водою. Въ Замостскомъ уѣздѣ отъ разлива рр. Вепржа, Топорницы и Лабунки низменныя мѣста представляютъ видъ одного сплошнаго озера. Напоромъ воды повреждены мельницы, снесены плотины и мосты и испорчены проселочныя дороги, а между Замостьемъ и станціею Хоменцисками вода покрыла самое шоссе. Сельскіе хозяева понесли большіе убытки. Подъ г. Замостьемъ, напоромъ рѣки Топорницы возлѣ бывшаго крѣпостнаго шлюза образовались на Устилугско-Завихостскомъ трактѣ, по направленію въ города Щебрешинъ, Бѣлгорай, Яновъ и Австрійскую Галицію, большія (шириною до 3-хъ саж.) промоины, и часть шоссе снесена, вслѣдствіе чего сообщеніе по этому тракту прекратилось.

О починкѣ поврежденій на дорогахъ 1-го разряда, равно къ приведенію въ исправность испорченнаго шлюза подъ гор. Замостьемъ и образовавшихся по обѣимъ сторонамъ онаго промоинъ и къ возстановленію прерваннаго сообщенія, со стороны Люблинскаго Губернскаго Правленія сдѣлано соотвѣтственное распоряженіе.

Разливомъ Вислы затоплены на правомъ берегу: въ Павловицахъ долины, въ имѣніяхъ Маціевицкихъ семь фольварковъ, а также 13 деревень, расположенныхъ по границѣ этихъ имѣній; вблизи Варшавы затоплены Высочинъ, Пивонинъ, Отвочкъ и много другихъ. На лѣвомъ берегу: все пространство отъ Магнушева до Горы-Кальваріи, т. е. нѣсколько десятковъ деревень и фольварковъ. Потери понесены большія: напримѣръ, въ Маціевицкихъ убытки простираются до нѣсколькихъ десятковъ тысячъ рублей. Меньшія имѣнія и крестьянскія колоніи совершенно лишились посѣвовъ настоящаго года, не считая убытка, причиненнаго разрушеніемъ построекъ и прекращеніемъ составленія инвентарей.

Библиотека "Руниверс"

ПУТЕШЕСТВІЯ И ЭКСПЕДИЦІИ

— Отъ русскаго путешественника Миклухо-МаклаяИмператорское Географич. Общество получило извѣстіе изъ Амбоины отъ 13-го февраля 1874 г. Онъ пишетъ въ день вторичнаго отъѣзда на Новую-Гвинею, но уже на юго-западный берегъ, гдѣ намѣренъ былъ пробыть три мѣсяца.

— Объ Оленекской экспедиціи получено Обществомъ отъ г. Чекановскаго слѣдующее извѣстіе: 16-го февраля экспедиція намѣревалась выступить въ путь къ вершинамъ Оленека, откуда, или быть можетъ съ вершинъ Вилюя, будетъ доставлено сообщеніе о дальнѣйшемъ ходѣ экспедиціи.

НЕКРОЛОГЪ.

13-го сего мая скончался въ Петербургѣ членъ Адмиралтействъ - Совѣта адмиралъ Александръ Ивановичъ Панфиловъ, которому 21-го апрѣля минуло 50 лѣтъ службы. Выносъ тѣла изъ дома покойнаго почтили Ихъ Императорскія Высочества Великіе Князья Генералъ-Адмиралъ Константинъ Николаевичъ и Николай Николаевичъ Старшій. Прослуживъ четыре года въ Балтійскомъ морѣ, мичманъ Панфиловъ назначенъ былъ въ Средиземное, гдѣ вскорѣ поступилъ на корветъ «Наваринъ», подъ команду капитанъ-лейтенанта Нахимова, и съ этой минуты судьба какъ бы дѣлаетъ его почти неразлучнымъ до конца дней жизни синопскаго героя. Черезъ три года оба они одновременно поступаютъ на службу въ Черноморскій флотъ, которымъ только-что вступилъ въ командованіе вице-адмиралъ, генералъ-адъютантъ Лазаревъ. Разставаясь съ Кавказомъ въ чинѣ капитана 1-го ранга, Александръ Ивановичъ принимаетъ въ командованіе корабль «Двѣнадцать Апостоловъ», на которомъ впослѣдствіи, предъ началомъ войны, совершаетъ въ эскадрѣ Нахимова замѣчательно счастливую для паруснаго флота перевозку и высадку 16.000 сухопутныхъ войскъ во второй половинѣ сентября на Кавказъ. Затѣмъ началась Восточная война и знаменитая, славная оборона Севастополя, участіе въ которыхъ адмирала Панфилова извѣстно каждому русскому.

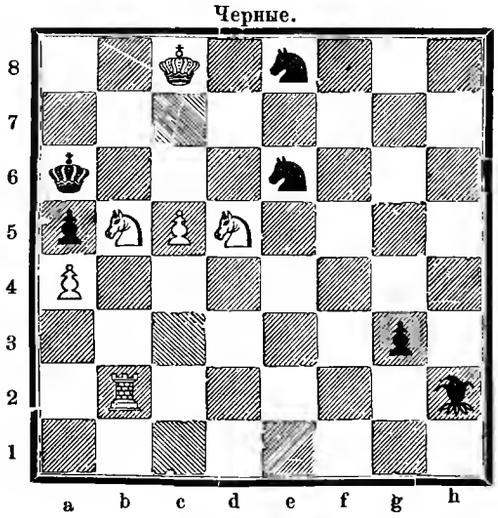
СОДЕРЖАНІЕ: Павлинъ. Разсказъ **Н. Лѣскова-Стебницкаго** (продолженіе).—Шествіе каравана по отмѣлямъ озера Арысъ (съ рисункомъ).—Законъ большихъ чиселъ.— Народы Россіи. XIX. Татары (съ тремя рисунками) (окончаніе). — Разныя извѣстія.—Шахматы. **Парижскія моды за іюнь мѣсяцъ съ 20 рисунками.**

Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ШАХМАТЫ.

ЗАДАЧА № 9. (**В. И. Львова**).

Черные.



Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 4 хода.

Рѣшеніе задачи будетъ въ слѣдующемъ № „Нивы",

Рѣшеніе шахматной задачи № 8. (см. № 22 «Нивы»)

Бѣлые.		Черные.	
1)	4) h1—g1.	1) a1—d4+	4) f2—h3+
2) b3—e3 *).	5) g1—h1.	2) d4—e3+	5) e3—g1+
3) g1—h1.	6) h1—g1.	3) g4—f2+	6) h3—f2M

*) Если бы бѣлые не пожертвовали ферзью—матъ былъ бы въ 5 ходовъ.

Нѣмецко-русскій словарь синонимовъ и однозвучныхъ словъ нѣмецкаго языка. Составилъ **К. Клоссе**. Цѣна **40** к., съ пересылкою **45** к. Продается въ книжномъ магазинѣ для иногородныхъ, **Черкесова, Исакова** и др. **К. Клоссе.**

КЕФЕЛИ.

Высокое достоинство турецкаго табаку Воронежской фабрики «**КЕФЕЛИ**» обязываетъ меня рекомендовать его любителямъ куренія; приготовленный по личному моему заказу, онъ дѣйствительно далеко превосходитъ своимъ качествомъ табакъ здѣшнихъ фабрикъ, часто назойливо предлагаемый по искусственно удешевленной цѣнѣ, какъ очень будто-бы выгодный; но, въ этой кажущейся дешевизнѣ, неоспоримо, убѣждаютъ насъ постоянныя жалобы лицъ, испробовавшихъ такой табакъ, всегда оказывающійся весьма плохаго качества. Турецкій табакъ фабрики «**КЕФЕЛИ**», цѣною за фунтъ 95 коп., 1 руб. 40 коп., 1 руб. 80 к., 2 руб. 20 коп., 2 руб. 60 к., 3, 4, 5 и 6 руб., можно получать только **по Казанской улицѣ (бывшая Большая Мѣщанская), противъ Ломбарда, въ домѣ Глазунова, № 8—10, въ табачномъ магазинѣ А. Рофе.**

Гильзы изъ настоящей маисовой бумаги **АБАДИ**, отъ 1 до 3 тысячъ въ коробкахъ.

Чунъ-цзинъ-ча. Перваго сбора ароматный черный чай съ цвѣточкомъ, спѣлый, превосходнаго вкуса, пріобрѣтенъ магазиномъ фирмы «Кяхта» въ первый разъ и, какъ интересная новость, рекомендуется любителямъ хорошаго китайскаго чая. Цѣна крайне-умѣренная — 2 р. 20 к. за фунтъ.

Изъ чаевъ новаго полученія замѣчательно хороши черные ароматные чаи, цѣною въ 2 р., 2 р. 30 коп., 2 р. 50 и 2 р. 50 к. за фунтъ, и сребровидные лянсины—въ 3 р. и 4 р. за фунтъ.

Гг. иногороднымъ. Чай означенныхъ сортовъ пересылается иногороднымъ покупателямъ чрезъ почту, на счетъ магазина «Кяхта», при единовременномъ требованіи не менѣе 5 фунтовъ чая.

Московскіе чайные магазины «Кяхта» Петра Лебедева и фирмы Корещенко въ С.-Петербургѣ: Казанская ул., противъ Ломбарда; Невскій пр., противъ церкви Знаменія; Вознесенскій пр., у Вознесенскаго моста. Въ Москвѣ: Охотный рядъ, д. Мѣщанскаго Общества.

БОЛЬШОЕ УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЪ

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

ЛУЧШИХЪ НАСТОЯЩИХЪ

АМЕРИКАНСКИХЪ ШВЕЙНЫХЪ МАШИНЪ

СО ВСѢМИ НОВЫМИ УСОВЕРШЕНСТВОВАНІЯМИ И АПАРАТАМИ

СЕМЕЙНЫЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ:

Эліасъ Хау младш. А. . . . . 65 руб. сер.
Виллеръ и Вильсонъ . . . . . 55 » »
Вилькоксъ Гибсъ . . . . . 60 » »

Каждая машина вполнѣ опробованная на работѣ, повышеніе цѣны зависитъ только отъ болѣе элегантной отдѣлки.

ПРЕВОСХОДНЫЯ

ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ ДЛЯ МАСТЕРСКИХЪ

также по уменьшеннымъ цѣнамъ.

РУЧНЫЯ ШВЕЙНЫЯ МАШИНЫ ЛУЧШИХЪ СИСТЕМЪ:

Въ 1 нитку . . . . . отъ 18 до 20 руб. сер.
» 2 нитки . . . . . » 25 » 35 » »

БОЛЬШОЙ АССОРТИМЕНТЪ

машинныхъ иголокъ, бумаги, нитокъ, шелку, машиннаго костянаго масла и проч.

Машинная бумага Браоксъ въ 200 ярдъ всѣхъ №№ бѣлая и черная, за катушку 8 коп. одного № за дюжину . . . . . 75 коп.
разныхъ №№ » . . . . 85 »
Цвѣтная всѣхъ возможныхъ колеровъ кат. 10 к., дюж. 1 руб.
Машинныя иголки: Хау, Виллеръ и Вильсонъ, Зингеръ, Гроверъ-Беккеръ и проч., за иголку . . . . . 8 к., дюжина 75 к.
Вилькоксъ-Гибсъ, » . . . . . 15 » » 1 р. 50 »

Гг. торговцамъ дѣлается большая уступка.

ЦЕНТРАЛЬНЫЙ СКЛАДЪ

А. КРУМБІГЕЛЬ.

№ 62. Невскій проспектъ противъ Аничкова дворца.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ"

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

Дозволено цензурою. 31 мая 1874 г. Изданіе **А. Ф. Маркса**. Въ С.-Петербургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе**, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

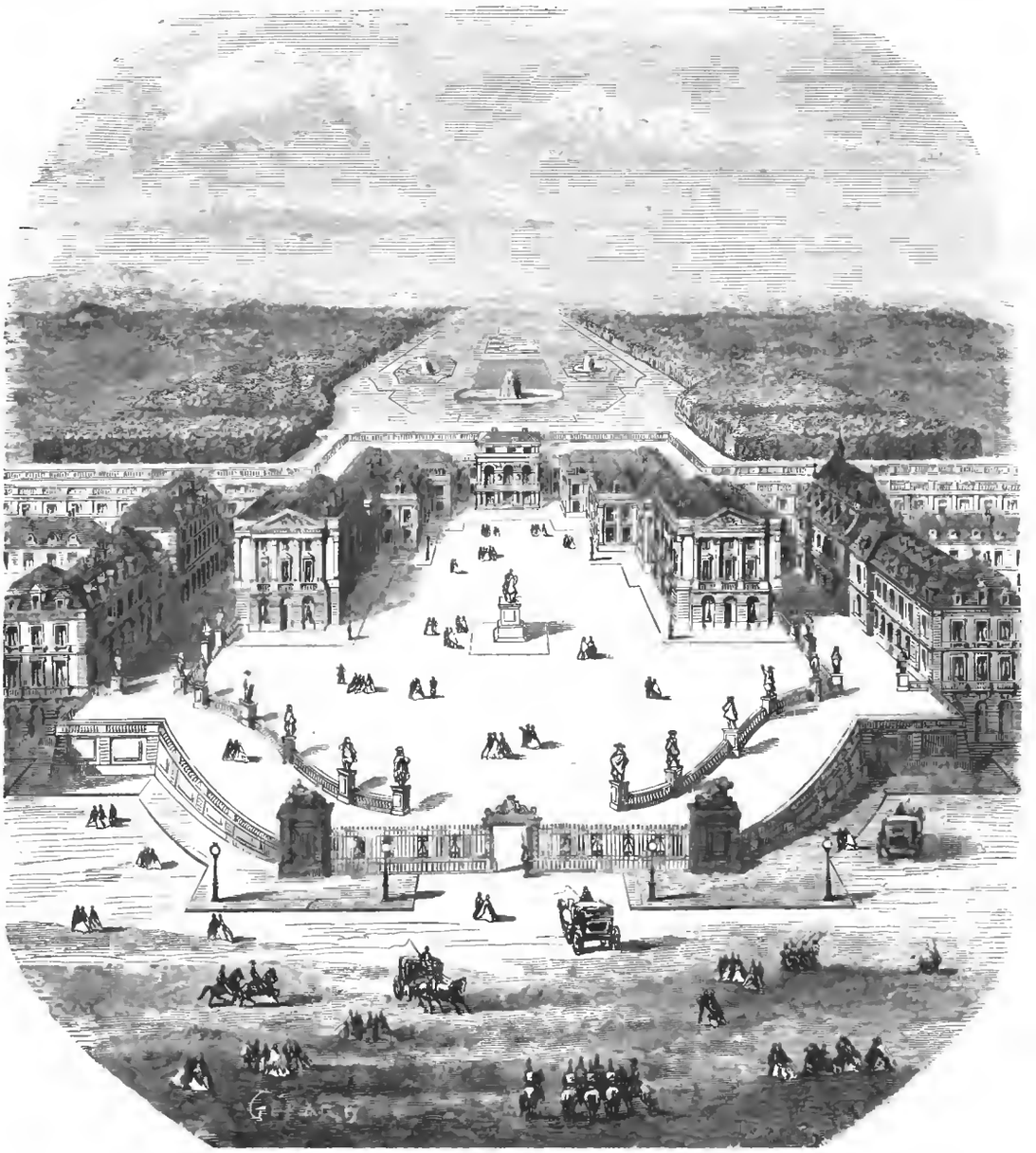
НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 24 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ ПАРИЖСКІЯ МОДЫ.

Выданъ 10-го іюня 1874 года. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.



Общій видъ замка въ Версали. Рис. Делоней, грав. Жераръ.

Библиотека "Руниверс"

Версаль.

Версаль, главный городъ департамента Сены и Оазы, одинъ изъ величайшихъ и красивѣйшихъ городовъ Франціи, лежитъ въ четырехъ часахъ къ югозападу отъ Парижа, въ обширной равнинѣ, и соединяется двумя желѣзными дорогами съ обоими берегами Сены у Парижа. Одна изъ нихъ, по лѣвому берегу, тянется далѣе на ле-Манъ, Нантъ и Брестъ, а другая, по правому, на Вернейль, Алансонъ и Шербургъ. Версаль, мѣстопребываніе префекта и прочихъ властей департамента, епископа, суда первой и второй инстанціи, имѣетъ 8 церквей (между ними соборъ), богословскую семинарію, лицей, нормальную школу для образованія учителей (съ ботаническимъ садомъ), рисовальное училище, синагогу, городскую библіотеку (45,000 томовъ), многія ученыя общества, фабрики—часовыя, оружія, инструментовъ, желѣзныхъ и мѣдныхъ издѣлій, кашемирскихъ шалей, хлопчато-бумажныхъ тканей, фарфора, папки, крахмала, иголокъ и пр., значительную торговлю и 43,899 жителей. Въ Версали родились: король Людовикъ XIV, генералы Бертье и Гошь, аббатъ л'Эпе и актриса ш-Ле Марсъ. Впервые упоминается о Версали въ началѣ XI столѣтія какъ о невзрачномъ селеніи съ старымъ рыцарскимъ замкомъ. Людовикъ XIII, купивъ его въ 1627 году у Жана де-Соази, построилъ здѣсь сначала охотничій домъ, потомъ охотничій замокъ. Людовикъ XIV, въ 1660 году, задумалъ превратить замокъ въ резиденцію—и въ 1664 году оба флигеля, которые и донынѣ вмѣстѣ съ охотничьимъ замкомъ образуютъ такъ-называемый мраморный дворъ, были уже настолько закончены, что Людовикъ XIV могъ давать здѣсь блестящія празднества. Вскорѣ затѣмъ воздвиглись три главныя зданія, образующія фасадъ со стороны сада. Одновременно заложены были меньшія постройки и разбиты сады по плану Ленотра, и въ 1672 году дѣло настолько подвинулось впередъ, что Людовикъ XIV въ февралѣ основалъ здѣсь свою резиденцію. Между тѣмъ работы продолжались; часовня начата лишь въ 1690 году и окончена не ранѣе 1710. Еще при Людовикѣ XIII нѣкоторые изъ его любимцевъ настроили себѣ дачъ поблизости замка. Людовикъ XIV предоставилъ желающимъ строиться всевозможныя льготы—и такимъ образомъ вокругъ замка скоро поднялся красивый и населенный городокъ. Регентъ, герцогъ Орлеанскій, правда, перенесъ мѣстопребываніе двора въ Тюилери въ Парижѣ. Но какъ только Людовикъ XV достигъ совершеннолѣтія — резиденціей тотчасъ же снова сталъ Версаль (1723) и оставался таковою до октябрскихъ дней 1789, когда Людовикъ XVI силою вынужденъ былъ покинуть дворецъ своихъ предковъ. Въ теченіи этого времени городъ значительно разросся и населеніе его простиралось до 100,000 душъ. Замокъ также былъ расширенъ и украшенъ. Когда же Людовикъ XVI выѣхалъ изъ Версали, населеніе города уменьшилось до 30,000 человѣкъ, а разграбленный замокъ постепенно приходилъ въ упадокъ.

Во времена Директоріи часть его была обращена въ пріютъ инвалидовъ, а другая часть служила помѣщеніемъ для картинной галлереи. Наполеонъ I ограничился поддержкою замка и парка; также было при Людовикѣ XVIII и Карлѣ X. По повелѣнію Людовика-Филиппа съ 1833 до 1837 въ замкѣ былъ устроенъ національный музей, гдѣ наглядно изображалась исторія Франціи, преимущественно въ картинахъ Ораса Верне. Сумма, пожертвованная на это королемъ, простиралась до 15.000,000 франковъ. Замокъ версальскій съ послѣдней четверти XVII вѣка служилъ типомъ для множества замковъ европейскихъ владѣтелей. Фасадъ его, обращенный къ городу, не производитъ особеннаго впечатлѣнія и носитъ на себѣ слѣды различныхъ эпохъ и плановъ. Но тѣмъ величественнѣе фасадъ его къ парку, хотя и утомляетъ нѣсколько своей правильностью. Въ томъ же стилѣ и вкусѣ выполнено внутреннее убранство замка. Большая галлерея, galérie des glaces, называемая также *галлереей Людовика XIV*, съ находящимися по концамъ ея залами *войны* и *мира*, занимаетъ всю длину главнаго зданія — и благодаря разрисованнымъ плафонамъ, зеркаламъ, колоннамъ, пилястрамъ и и проч., производитъ ошеломляющее впечатлѣніе. Кромѣ этой галлереи слѣдуетъ упомянуть о часовнѣ, послѣднемъ произведеніи Мансара младшаго, замѣчательной по невообразимой роскоши, объ оперной залѣ, о залахъ Марса и Геркулеса и наконецъ объ Эль-де-бёфѣ. Плафоны во внутреннихъ апартаментахъ замка расписаны Лебрёномъ, Жувенэ, Лафоссомъ, Миньяромъ и другими. Скульптуры принадлежатъ Жирардону, братьямъ Кусту, Легро и пр. Бронзовыя статуи въ садахъ работы братьевъ Келлеръ, Обри и Рожье. Фонтаны въ паркѣ все болѣе и болѣе приходятъ въ упадокъ. Самый паркъ, разбитый на правильные участки, съ своими цвѣтниками, газонами, песчаными тропинками и аллеями, фонтанами и безчисленными статуями,—очарователенъ.

Съ Версалью соединены увеселительные замки: Большой и Малый Тріанонъ.

Павлинъ.

Разсказъ Н. С. Лѣскова (Стебницкаго).

(Окончаніе).

XIII.

Павлинъ, простясь со мною, прошолъ къ женѣ ни кѣмъ не замѣченный. Люба, увидя мужа, затрепетала: она никогда не видала его такимъ добрымъ и оттого онъ ей и показался такимъ страшнымъ.

Онъ наскоро переодѣлся, одѣлъ жену, взялъ все что находилъ нужнымъ и вывелъ Любу изъ дома Анны Львовны. Люба не сопротивлялась, и понимала только одно, что ее куда-то везутъ. Павлинъ и Люба встрѣтили Додичку на одной изъ станцій за Петербургомъ. Люба не показывалась, но Павлинъ предсталъ моему кузену и—предсталъ не въ злобѣ оскорбленнаго мужа, а въ великой кротости смирявшаго себя христіанина и сказалъ ему:

— Будьте милостивы и великодушны, скажите: любили ли вы мою жену?

— Да; что же тебѣ нужно? отвѣчалъ Додичка, еще не отвыкшій тогда чувствовать свое превосходство передъ стоявшимъ противъ него лакеемъ.

— Я вамъ сейчасъ скажу, что̀ мнѣ нужно, отвѣчалъ смиренный Павлинъ,—но вы извольте мнѣ прежде отвѣтить: любите ли вы ее и теперь?

— Да; люблю, ну и что же такое?

— Только-съ, только-съ всего, и она васъ тоже любитъ, ужасно любитъ... и... и сама мнѣ объ этомъ сказала.

— Ты ее объ этомъ спрашивалъ?

— Да-съ; я ее объ этомъ спрашивалъ, и она

Библиотека "Руниверс"

мнѣ прямо во всемъ призналась и плакала.... Что дѣлать: я виноватъ за нее Богу!

Додичка ушамъ своимъ не вѣрилъ и не понималъ: что это значитъ? А Павлинъ вышелъ въ это время въ сосѣднюю комнату и вывелъ оттуда за руку свою смущенную жену и сказалъ:

— Вотъ она-съ; она мнѣ больше не жена!

— Ну?! воскликнулъ не понимая чѣмъ это кончится Додичка.

— По всему этому я ее по божественному закону отъ себя отпускаю... И какъ она васъ столь преданною любовью любить, то берите ее и женитесь на ней!

— Ты съ ума сошелъ, оправился Додичка. — Какъ я могу на ней жениться?

— Почему же нѣтъ? Развѣ вамъ унизительно?... Напрасно-съ. Я бы ей даже не совѣтовалъ выходить за васъ, потому что я знаю какой вы человѣкъ и ей счастья съ вами не будетъ, но и она сама это знаетъ и все-таки васъ въ сердцѣ имѣетъ, такъ тутъ дѣлать нечего... Ей бы надо въ монастырь идти, а ее еще въ пропасть тянетъ, такъ пусть же это будетъ хоть безъ грѣха и срама; а потому.... женитесь!

— Но ты постой, Павлинъ, залепеталъ оправдываясь Додичка:—я вѣдь.... не потому... а что ты живъ еще...

— Да-съ, я живъ; я живъ еще и Богъ знаетъ сколько еще промаячу, но я рукъ на себя и для нея даже не наложу. Вчера я объ этомъ думалъ, но.....

При этихъ словахъ Люба взвизгнула и бросилась въ темный уголъ съ сжатыми у лица руками.

— Г-мъ, видите! молвилъ болѣзненно улыбнувшись Павлинъ:—она меня не любитъ и ей за меня тяжко, а вамъ за нее словно бы нѣтъ, а между тѣмъ она васъ все таки любитъ.... Люби она меня сотую долю такъ, какъ она васъ любитъ, я бы-даже ссылку съ нею за рай почиталъ.... Ну да что толковать!... все равно: извольте ее теперь взять и поѣзжайте... и... женитесь на ней... я за этимъ буду наблюдать и... если вы не сдѣлаете какъ я говорю, то... Онъ пригнулся къ уху Доди и добавилъ:—не понуждайте меня ко грѣху: я теперь говорю вамъ смиренно, какъ христіанинъ, а то я васъ убью; гдѣ бы вы ни были—я васъ найду и убью, за нее... за жену.... за беззащитную...

Павлинъ должно быть говорилъ это очень рѣшительно, или кузенъ мой былъ уже слишкомъ большой трусъ, но только у него вдругъ отпала всякая охота отказываться отъ женитьбы на Любѣ, и онъ изъявилъ на это свое полное согласіе. Впрочемъ возможно, что онъ далъ это согласіе имѣя въ умѣ твердое намѣреніе никогда его не исполнить, тѣмъ болѣе что имѣлъ основаніе разсчитывать на возможность скрыться отъ Павлина. Въ этихъ соображеніяхъ онъ только указалъ старику на то обстоятельство, что немедленное бракосочетаніе его съ Любою невозможно, потому что жену живаго мужа съ другимъ не перевѣнчаютъ, но Павлинъ отвѣчалъ:

— Ну ужъ объ этомъ вы не безпокойтесь, это мое дѣло: я къ тому времени умру, а васъ съ ней перевѣнчаютъ.

— Ты умрешь?

— Да; я умру.

— Умретъ, а между тѣмъ хочетъ убивать меня, думалъ Додя. — Бѣдный старикъ, какъ они, эти простые люди, иногда любятъ!... Мнѣ его даже жалко: онъ помѣшался.

XIV.

Съ этимъ они разъѣхались—и Додя конечно считалъ себя совершенно освобожденнымъ и отъ наскучившей ему жены Павлина, которую онъ не прочь былъ показывать какъ свою любовницу, но ни какъ не хотѣлъ имѣть своею женою. Додя ѣхалъ хорошо. Онъ путешествовалъ не спѣша, не по срочному маршруту; останавливался въ подорожныхъ городахъ, принималъ посѣщенія и самъ посѣщалъ лицъ, вниманію которыхъ былъ рекомендованъ доброжелателями Анны Львовны изъ Петербурга, и даже заживался кое-гдѣ подъ предлогомъ усталости и болѣзни. Словомъ: все шло для нашего странника какъ нельзя лучше, и онъ такимъ образомъ отбылъ почти весь свой путь, какъ вдругъ на самомъ перевалѣ черезъ Уралъ на него—какъ будто изъ вѣковѣчныхъ снѣговъ и тумановъ—грянулъ Павлинъ!... Да вѣдь какой Павлинъ: грозный и неотразимый, видимый и незримый, дѣйствущій и несуществующій.

Знаете: когда читаешь въ повѣсти или романѣ какое нибудь чрезвычайное событіе, всегда невольно думаешь: «эхъ, любезный авторъ, не слишкомъ ли вы широко открыли клапанъ для вашей фантазіи?» А въ жизни, особенно у насъ на Руси, происходятъ иногда вещи гораздо мудренѣе всякаго вымысла—и между тѣмъ такія странности часто и остаются совсѣмъ незамѣченными.

Додичка пріѣхалъ въ какой-то городокъ, котораго я вамъ не назову, да тутъ и не въ названіи дѣло. Здѣсь мой милый кузенъ надѣялся найдти лицъ, къ которымъ онъ имѣлъ письма. Разсчитывая тутъ пріотдохнуть и понѣжиться, онъ, приставъ за болѣзнію въ единственной тамошней гостинницѣ рядомъ со станціей, уже успѣлъ à la Хлестаковъ перемигнуться съ какою-то сосѣдкою изъ противуположнаго дома, — сосѣдкою, лица которой онъ — къ слову сказать — надлежащимъ образомъ не разсмотрѣлъ, потому что чуть она появилась у окна въ комнатѣ, снаружи передъ этимъ окномъ вдругъ всталъ и началъ протитирать рукавомъ стекла высокій, лохматый, сѣдой старикъ съ огромною бородою и въ неестественной по понятіямъ Доди оленьей шубѣ. И чортъ его знаетъ, откуда онъ взялся? Додичка его, правда, слегка замѣтилъ сидящимъ у окна на заметенной снѣгомъ завалинѣ, но онъ ему съ перваго взгляда показался болѣе похожимъ на стараго козла, чѣмъ на человѣка— и вдругъ это чучело вскакиваетъ и ѣздитъ по стек-

Библиотека "Руниверс"

ламъ своими лапами, точно нарочно для того, что бы лишить добраго юношу возможности наслаждаться красотою сосѣдки... И онъ таки своего достигъ, этотъ старикъ. Додя не разсмотрѣлъ заинтересовавшей его сосѣдки, но это впрочемъ ему было совершенно все равно: она ему понравилась по одному чутью— и съ его стороны не было болѣе ни какихъ препятствій разыграть съ ней мимолетную интрижку, тѣмъ болѣе что сосѣдка (сколько онъ могъ судить) тоже имъ вѣроятно заинтересовалась. По крайней мѣрѣ Додя имѣлъ основаніе такъ думать, потому что занимательная незнакомка, замѣтивъ его, очевидно не безъ умысла нѣсколько разъ мелькнула въ окнѣ. Досадно было только то, что она все мелькала немножко слишкомъ быстро, такъ что Додя никакъ не могъ ее хорошо разсмотрѣть. Но за то это конечно еще болѣе раздражало любопытство, и онъ присѣлъ къ окну съ твердою рѣшимостію не вставать съ мѣста прежде чѣмъ ее хорошенько увидитъ. Дѣло было подъ вечеръ: Додя все сидѣлъ у окна и все дожидался, не покажется-ли еще разъ поясиѣе въ окнѣ его интересное vis-a-vis... Судьбѣ заблагоразсудилось его побаловать: вотъ въ окнѣ блеснулъ слабый свѣтъ, на столѣ появилась зажженная свѣча, а между нею и окномъ выдвинулся и сталъ силуэтъ женской фигуры. Опять весьма эффектное, но самое неудобное положеніе. Какая же женщина, желая показать себя, станетъ или сядетъ между темнымъ окномъ и свѣчою освѣщающею ее сзади? Очевидно, это или совершенная невинность, или уже очень опытная кокетка, желающая производить свои коварныя упражненія надъ неопытнымъ человѣкомъ. Но Додя не провинціальная простофиля: онъ прошолъ хорошую петербургскую школу у женщинъ и конечно хотѣлъ считать себя человѣкомъ опытнымъ: онъ не зажжетъ у себя огня и сосѣдкѣ его нельзя будетъ видѣть: занимается онъ ею или нѣтъ? Такимъ образомъ, если она не кокетка, а податливая романическая простушка, то она непремѣнно попадется на эту удочку. Это ей покажется досадно: она не поостережется и разсердясь подойдетъ сама принять свою свѣчку— и тогда онъ ее увидитъ: а если она ловка и хитра, какъ. . какъ напримѣръ была въ Петербургѣ эта Люба, отъ которой онъ, слава Богу, такъ далеко теперь откатился, то тѣмъ лучше: она будетъ хорошо наказана за свою хитрость и можетъ просидѣть хоть до завтраго, или пока этотъ ея сѣдой козелъ закроетъ ставни... А кстати гдѣ дѣлся этотъ сѣдой козелъ? его что-то нѣтъ... Впрочемъ, легокъ оказался и онъ на поминѣ: не успѣлъ сидящій во тьмѣ Додя о немъ подумать, какъ ему послышалось будто скрипнула дверь его номера—и когда онъ обернулся, передъ нимъ стоялъ упомянутый козловатый старикъ. Онъ взошолъ тихо, и имѣя на ногахъ мягкіе валеные сапоги, тихо же подошолъ къ самому креслу Додички и остановился у него за плечами, такъ близко, что когда мой кузенъ обернулся, то они стали носъ къ носу съ таинственнымъ пришельцемъ. Додя, какъ всѣ наглые люди, былъ большой трусъ, и при подобной встрѣчѣ невыразимо потерявшись едва произнесъ упавшимъ голосомъ:

Потрава. Съ картины Бродовскаго. Гравировалъ Заблоцкій.

— Что вамъ нужно?..

— Не безпокойтесь-съ, отвѣчалъ таинственный посѣтитель голосомъ, въ которомъ не было ни чего страшнаго, но отъ котораго трусливаго Додю забила лихорадка.—Не безпокойтесь, я къ вамъ по маленькому дѣлу не отъ себя...

— Павлинъ!... это ты?

— Тссъ! позвольте... Что такое: Павлинъ? ни какъ нѣтъ: вы ошибаетесь: я не Павлинъ: я не знаю ни какого Павлина; я совсѣмъ другой человѣкъ. Я мѣщанинъ Спиридонъ Андросовъ, простой мѣщанинъ... да-съ, и со мною мой паспортъ есть... хорошій паспортъ, законный: съ печатью и все проименовано. Спиридонъ Андросовъ, мастеровой, хожу для промысла и бумагу свою часто прописываю: куда пріѣду, сейчасъ же ее прописываю... для осторожности; тоже и здѣсь недѣлю тому назадъ прописалъ...

— Но это ты... ты самъ Павлинъ! развѣ я тебя не знаю?

— Ни какъ нѣтъ, я Спиридонъ Андросовъ.

— Что же вамъ отъ меня нужно?

— Мнѣ совершенно ничего; а вамъ я принесъ записочку, вотъ извольте получить.

— Отъ кого это?

— Отъ одной вдовы тутъ... да, молодая вдова... извольте прочесть: сами увидите, что тутъ такое.

Кузенъ мой за минуту предъ симъ былъ увѣренъ, что передъ нимъ стоитъ никто иной какъ окосматѣвшій Павлинъ, но услышавъ соблазнительныя слова о вдовѣ и ея запискѣ, онъ какъ-то все упустилъ изъ виду и торопливо зажегъ свѣчу, что бы скорѣе прочитать бумажку,—и вдругъ неожидано уронилъ ее снова: теперь не могло быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что стоявшій передъ нимъ человѣкъ былъ Павлинъ Пѣвуновъ. Онъ только чрезвычайно обросъ сѣдыми волосами во-

Библиотека "Руниверс"

кругъ всей головы и лица, да вырядился въ какой-то полуазіатскій костюмъ, но тѣмъ не менѣе всякій, кто его зналъ, не могъ бы не сказать, что это онъ, Павлинъ, самъ собственнѣйшею своею особой. И въ его-то глазахъ ясно видно, что онъ видитъ, что его узнали и понимаетъ, что не узнать его невозможно. Кузенъ мой ото всего этого такъ растерялся, что на сей разъ уже громко закричалъ: — Павлинъ!.. Клянусь честью, это ты Павлинъ, но... но при этихъ его словахъ пришлецъ такъ сильно сдавилъ Додю, въ косточкахъ руки, что молодой франтъ присѣлъ книзу и пролепеталъ: «что же это такое?» и въ растерянности опять взялъ оброненную имъ бумагу: это была церковная выпись изъ книги объ умершихъ, гдѣ значилось, что около полутора мѣсяца тому назадъ въ такомъ-то городѣ скропостижно умеръ и погребенъ царскосельскій мѣщанинъ Павлинъ Петровъ Пѣвуновъ, а вдовѣ его Любови Андреевой Пѣвуновой выдано въ томъ сіе свидѣтельство съ подписью и печатью.

— Такъ вотъ кто эта вдова! Эта вдова была ни кто иная, какъ сама влюбленная въ Додю Люба. Дѣло было поставлено круто и узловато—и результатомъ всего этого вышло, что Додичка, не доѣхавъ до мѣста своего назначенія, женился на «швейцаркѣ Любѣ.» Посягнулъ онъ на это не оказавъ ни какого сопротивленія, а какъ будто даже и съ удовольствіемъ. Почему это произошелъ въ немъ такой куркенъ-переверкенъ—разсказать не умѣю, но думаю что тутъ играли роль все большее и большее удаленіе его отъ дома—и по мѣрѣ большаго удаленія все болѣе и болѣе чувствуемое сиротство. Они-то, вѣроятно, пробудили въ немъ живыя чувства къ нѣжно любившей его женщинѣ, а тутъ и ея красота, романическое положеніе, а можетъ быть и угрожающія настоянія Павлина,—однимъ словомъ: все это вмѣстѣ или порознь подвигнуло моего кузена къ тому, что онъ даже съ удовольствіемъ обвѣнчался съ женою Павлина, а мѣщанинъ Спиридонъ Андросовъ былъ при ихъ сватьбѣ и росписался свидѣтелемъ въ обыскной книгѣ.—Надѣюсь, вы меня не станете разспрашивать: какъ же это могло статься, что Павлинъ похоронилъ самого себя и добылъ въ томъ свидѣтельство своей вдовѣ? Эти вещи у насъ не сказка, но побывальщина: умеръ на постояломъ дворѣ прохожій; Павлинъ стакнулся съ кѣмъ надо, сунулъ въ суму покойника свой паспортъ, а его бумагу взялъ себѣ, — вотъ и дѣло сдѣлано. Въ Новороссійскомъ краѣ когда-то, это систематически дѣлалось и отъ того такъ люди по паспортамъ до полутораста лѣтъ доживали. Умретъ Иванъ 70-ти лѣтъ, его паспортъ беретъ сорокалѣтній Петръ и пошло продленіе возраста... Однако я продолжаю, или, лучше сказать, оканчиваю мою повѣсть.

XV.

Молодые, поселясь въ назначенномъ имъ для житья крохотномъ городишкѣ, рѣшительно не знали, чѣмъ занять себя и что дѣлать. Привязанность Любы не могла надолго осчастливить Додю, который въ качествѣ петербургскаго свѣтскаго юноши любилъ жизнь общественную и душа котораго жаждала сильныхъ ощущеній. Не имѣя желанія, а можетъ быть не находя въ себѣ и силы отстать отъ этого образа времяпрепровожденія, онъ и теперь въ этомъ скверномъ своемъ положеніи отъискалъ, какихъ могъ, подходящихъ ему по вкусамъ людей между разнымъ сбродомъ, пьянствовалъ съ ними простой водкой, игралъ на мелкія деньжонки въ карты, дергалъ и передергивалъ, былъ часто битъ, и наконецъ къ великому своему, но едва ли сознаваемому имъ счастію, совсѣмъ убитъ въ дракѣ, за неправильно взятый съ кону пятіалтынный. Во все время этой жизни, продолжавшейся около двухъ лѣтъ, Люба пила что называется горькую чашу жесточайшаго страданія, но въ этой унылой горести своей постоянно была поддерживаема письмами и деньгами Спиридона Андросова, который какъ видно не выпускалъ ее ни на минуту изъ вида и былъ на стражѣ ея спокойствія. Онъ опредѣлился гдѣ-то неподалеку на службу—и при отличной честности, умѣренности и аккуратности неизмѣнившихся въ немъ съ перемѣною имени, онъ скоро пріобрѣлъ себѣ уваженіе и деньги, и изъ послѣднихъ почти ничего на себя не тратилъ, а все берегъ для Любы. Не знаю какъ Люба распоряжалась этими сбереженіями, которыя пересылалъ ей ея отставной мужъ, но вѣрнѣе всего можно полагать, что если не всѣ эти деньги, то покрайней мѣрѣ большую ихъ часть пропивалъ и проигрывалъ ея мужъ, совершенно распившійся и омужичившійся Додичка. Говорили, что онъ отнималъ у Любы все, иногда самыми грубыми требованіями, а въ другой разъ даже и побоями. Павлинъ все это зналъ, какъ будто онъ тутъ вотъ и жилъ съ ними, но не смутилъ души Любы ни на одно мгновеніе и не воспользовался ея разочарованіемъ въ Додѣ, для того, что-бы разлучить ихъ другъ съ другомъ. Совсѣмъ напротивъ: Павлинъ поддерживалъ Любу большими и прекрасными письмами, которыя по нѣкоторому случаю сдѣлались моимъ достояніемъ—и я храню ихъ какъ рѣдкій и превосходный образецъ простаго но глубокаго философски-мистическаго умствованія необразованнаго, но умнаго и могучаго волею человѣка. Эти письма, писанныя «отъ грѣшнаго раба» къ сострадущей Любови, имѣютъ немножко характеръ посланій: въ нихъ авторъ говоритъ какъ бы уже онъ все вынесъ; онъ страдалъ и, бывъ искушенъ, самъ теперь можетъ помогать искушаемымъ. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ и даже очень во многихъ Павлинъ ничего не пишетъ женѣ объ интересѣ дня, а даетъ совѣты, убѣждаетъ ее быть терпѣливою, благоразумною, доброю, неизмѣнно-вѣрною и преданною избранному ею мужу. Если читать эти письма въ хронологическомъ порядкѣ и читать по времени ихъ слѣдованія одного за другимъ, то въ нихъ невольно обращаетъ на себя вниманіе постоянно усиливающійся духъ религіознаго мисти-

Библиотека "Руниверс"

цизма. Авторъ сначала какъ будто соболѣзнуетъ о долѣ Любы и говоритъ о необходимости терпѣнія, потому что отъ нетерпѣнія бываетъ еще горше: но потомъ онъ мало по малу видоизмѣняетъ этотъ мотивъ и начинаетъ ее убѣждать, что она должна радоваться если несчастна, и самъ радуется, да радуется такъ, что вначалѣ поневолѣ чувствуется смущеніе: не овладѣло ли душою автора низкое злорадство въ очевиднымъ несчастіямъ измѣнившей ему Любы; но потомъ, ближе вникая въ дальнѣйшія письма, вы видите, что перомъ ихъ сочинителя водитъ иное чувство, чувство какой-то совершенно особенной, прямо можно сказать неземной любви—и при томъ любви самой заботливой и самоотреченной, но строгой. Павлинъ все учитъ Любу терпѣть для блага другихъ и для искупленія своихъ заблужденій и убѣждая въ этомъ доводами довольно старыми, издавна-извѣстными изъ книгъ духовнаго содержанія, излагаетъ эти доводы съ такою живостью и непосредственнымъ даромъ убѣдительнаго краснорѣчія, что какъ бы придаетъ имъ новую живую силу. Онъ несомнѣнно заботится объ одномъ: *возродить духомъ* погибающую Любу—и вѣроятно видя изъ ея отвѣтныхъ писемъ, что это озабочивающее его возрожденіе возможно, даже въ самомъ обращеніи къ ней употребляетъ слова «дочь моя.» Послѣднее письмо съ этимъ воззваніемъ вначалѣ исполнено своеобразнѣйшей и трогательной нѣжности, непоглощаемой покрывающимъ его общимъ локальнымъ суровымъ тономъ: въ этомъ письмѣ Павлинъ, подписывающійся «Спиридономъ Андросовымъ», пишетъ: «не унывай: не намъ слабымъ, а святому апостолу Павлу ангелъ сатаны былъ данъ въ плоть его, но онъ его побѣдилъ и ты побѣдишь его силою, ибо уже и недолго остается».

Это «недолго» было пророчествомъ провидца и Люба его такъ и приняла, когда черезъ нѣсколько дней послѣ полученія этого письма отъ перваго своего умершаго міру мужа, второй ея мужъ былъ избитъ въ дракѣ и умеръ у ея двери, въ которыя не могъ попасть съ пьяна. Она тотчасъ же извѣстила объ этомъ событіи Павлина—и тотъ немедленно же явился къ ней: они вмѣстѣ похоронили какъ должно Додю и вслѣдъ за тѣмъ немедленно же вмѣстѣ изчезли. Куда? Ни кто этого не зналъ; но я вамъ разскажу и то, чего ни кто не знаетъ. За Кіевомъ надъ Днѣпромъ въ темномъ дремучемъ бору есть бѣдный женскій монастырекъ. Бѣдность и незначительность этой обители такова, что ее иначе не называютъ какъ *монастырекъ*: тамъ-то была монахиня, потомъ схимница, Людмила. Она скончалась нѣсколько лѣтъ тому назадъ, далеко еще не въ преклонныхъ годахъ *ослѣпнувъ отъ слезъ*. Эта милая, чистая сердцемъ старица съ *выпликинными глазами*, въ орбиты которыхъ у нея для благообразія были вставлены кругленькіе перламутровые образки, была настоящій ангелъ кротости и милосердія; о добротѣ ея и всепрощающей христіанской любви и теперь еще съ умиленіемъ и слезами вспоминаютъ не только сестры бѣдной обители и посѣщающіе монастырекъ богомольцы, но даже еврей близко-лежавшаго торговаго мѣстечка. О ней извѣстно, что она была вдова человѣка очень хорошей фамиліи и поступила въ монастырь потерявъ мужа, а привезъ ее сюда на собственной лошади очень издалека какой-то суровый человѣкъ, *молчальникъ*, отъ котораго никто не слыхалъ ни одного слова. На могилѣ ея нѣтъ памятника, объясняющаго ея происхожденіе, а стоитъ простой дубовый крестъ съ надписью: «Схимонахиня Людмила, въ мірѣ грѣшная Любовь». Крестъ этотъ надъ нею поставилъ тоже схимникъ, приходившій въ монастырекъ, послѣ смерти сестры Людмилы изъ далекой суровой обители, которой мнѣ вамъ называть не за чѣмъ. Не знаю также, нужно ли вамъ пояснять и то, что эта схимница Людмила «въ мірѣ грѣшная Любовь» была ни кто иная какъ наша знакомая швейцарка Люба; а схимникъ, который пришолъ поставить на ея могилѣ крестъ, былъ Павлинъ, иноческаго имени котораго я не знаю. Вотъ какія тайны и какіе характеры живутъ иногда въ стѣнахъ монастырей!

Найденная жена.

— О, папа, неужели эта свадьба должна состояться? Все мое существо возмущается противъ этого!

— Дочь моя, будь мужественнѣе. Теперь, когда ты уже въ подвѣнечномъ платьѣ и священникъ уже ждетъ тебя у алтаря, конечно ты не возмешь назадъ даннаго слова?

— Но человѣкъ за котораго я выхожу, поступаетъ такимъ страннымъ образомъ. Ждать меня у церковныхъ дверей, вмѣсто того чтобы пріѣхать за мной сюда, въ нашъ домъ! Мнѣ это очень тяжело, папа.

— Все это пройдетъ, возразилъ господинъ Моррисъ.— Когда вы сживетесь другъ съ другомъ, ты непремѣнно полюбишь его, потому что онъ хорошъ собой, уменъ и хорошій человѣкъ. Маргарита, милое мое дитя, собери свои силы и не медли дольше. Часъ насталъ, все готово.

* * *

Утро было сумрачно и туманно. На небѣ висѣли тучи и отдаленный громъ предвѣщалъ скорую грозу и проливной дождь.

Не смотря на эту неблагопріятную погоду, къ извѣстной церкви сквера въ Лондонѣ подъѣхало два экипажа; изъ одного вышелъ господинъ Моррисъ съ дочерью, изъ другаго выскочилъ одинъ только господинъ, красивое лицо котораго далеко не было весело. Онъ подошелъ къ трепещущей молодой дѣвушкѣ, спокойно поклонился ей и ея отцу, взялъ дѣвушку за руку и повелъ ее отъ экипажа. Взойдя на паперть, они остановились на нѣсколько минутъ въ ожиданіи пока выйдутъ изъ другихъ каретъ подруги невѣсты, которыя и послѣдовали за ними съ остальными гостями въ наполненную церковь. Тамъ женихъ и невѣста преклонили колѣна передъ алтаремъ, и произнесли торжественныя клятвы, потребованныя совершавшимъ обрядъ священникомъ.

Послѣ того какъ Фрэнсисъ Томсонъ и Маргарита Моррисъ

Библиотека "Руниверс"

были объявлены мужемъ и женой, свадебные гости оставили церковь; молодая парочка сѣла вмѣстѣ съ мистеромъ Морри сомъ въ экипажъ, въ которомъ невѣста пріѣхала въ церковь.

Во время пути къ дому господина Морриса, новобрачный разъ обратился къ своимъ спутникамъ съ нѣсколькими замѣчаніями насчетъ дурной погоды; съ ихъ стороны послѣдовалъ на это короткій отвѣтъ, затѣмъ всѣ трое снова погрузились въ молчаніе. Къ счастію, разстояніе до дому было не велико. Молодые заговорили только тогда, когда очутились въ гостиной окруженные гостями, и среди шума и разговора время прошло настолько же пріятно какъ обыкновенно.

Наконецъ гости стали разъѣзжаться; во время общаго движенія при прощаніи, молодая женщина почувствовала, что ея мужъ сунулъ ей въ руку записку. Въ слѣдующую минуту она увидѣла, что онъ со шляпой въ рукахъ направился къ двери — и у нея явилось убѣжденіе, что слѣдующій прогремѣвшій экипажъ уносилъ его отъ нхъ дома.

Дѣйствительно, такъ и было; новобрачный къ удивленію всѣхъ присутствовавшихъ уѣхалъ, оставивъ свою молодую жену въ домѣ ея отца.

Господинъ Моррисъ, уведя дочь отъ остававшихся еще гостей въ ея дѣвическую комнату, взялъ изъ дрожащихъ рукъ молодой женщины упомянутую записку и съ серіознымъ и сердитымъ выраженіемъ лица прочиталъ слѣдующее:

«Миссизъ Томсонъ, дорогая госпожа, васъ вѣроятно удивитъ мой внезапный отъѣздъ; въ нѣсколькихъ словахъ объясню вамъ свое поведеніе. Нашъ бракъ въ высшей степени противенъ мнѣ. Ничто съ моей стороны не могло оправдать этой жертвы, кромѣ торжественнаго обѣщанія, которое я далъ моему умиравшему отцу жениться на васъ. Мы почти не знаемъ другъ друга, въ теченіи шести мѣсяцевъ мы видѣлись всего шесть разъ, и то самымъ формальнымъ образомъ,—и я твердо убѣжденъ, что этотъ дѣловой договоръ нашихъ родителей противенъ и вамъ столько, же сколько мнѣ. Такъ какъ я вполнѣ увѣренъ, что ни ваше ни мое сердце не будетъ сокрушаться о разлукѣ, то я избавляю васъ отъ всѣхъ обязательствъ какъ моей супруги, предоставляю вамъ полную свободу дѣйствій, и вмѣстѣ съ тѣмъ разъ навсегда освобождаю васъ отъ своего присутствія. Уваженіе къ памяти моего дорогаго отца всегда заставитъ меня помнить, что вы избранная имъ, законная моя жена; поэтому мой кошелекъ всегда будетъ къ вашимъ услугамъ, по кромѣ извѣстной суммы, которую я обязуюсь ежегодно высылать вамъ, вы ничего обо мнѣ не услышите. Я не принадлежу къ числу терпѣливыхъ людей, но этому церемонія, соединившая насъ другъ съ другомъ, была бы для меня источникомъ безконечной и безполезной муки. Впрочемъ, будьте увѣрены, что я твердо сохраню васъ въ своей памяти. Прощайте».

Фрэнсисъ Томсонъ.

* * *

Прошло восемь лѣтъ со времени разсказаннаго выше страннаго случая; мы еще разъ поведемъ читателя въ тотъ же самый домъ на Реджентъ-Стритѣ въ Лондонѣ. Но какъ не похожа царящая теперь въ немъ молчаливая печаль на свадебное веселье, которое мы встрѣтили въ немъ тогда. Смерть посѣтила этотъ домъ; нѣсколько дней тому назадъ бренные останки господина Морриса были опущены въ послѣднее мѣсто успокоенія. Оглядѣвшись въ гостиной, изъ которой подъ молоткомъ аукціонера уже успѣла исчезнуть вся мебель, мы увидимъ только одного пожилаго господина и молодую даму; по глубокому трауру, черному чепчику и креповому вуалю можно заключить, что это дочь умершаго Самуэля Морриса. Да, Маргарита Томсонъ, покинутая жена, готовится къ отъѣзду въ новое отечество, новую страну, гдѣ можетъ быть ее встрѣтитъ новая, болѣе счастливая жизнь. Она приняла предложеніе дорогихъ друзей, мистера Беверлея и его жены, замѣнить имъ дочь, принять ихъ имя и уѣхать съ ними въ новое отечество; они хотѣли ѣхать въ Америку, и надѣялись что Маргарита забудетъ тамъ грустное прошлое своей молодой жизни. Ей было теперь 24 года; теперь наружность ея была совсѣмъ другая, чѣмъ у молоденькой, блѣдной дѣвушки, стоявшей нѣсколько лѣтъ тому назадъ передъ алтаремъ. Прекрасная собой, съ совершенными формами, отлично образованная, такъ какъ большую часть времени она проводила въ уединеніи и серіозныхъ занятіяхъ,—она садилась съ своимъ пріемнымъ отцомъ въ ожидавшій ея экипажъ, навсегда покидая родину, съ болѣе легкимъ сердцемъ и большими надеждами, чѣмъ она считала это возможнымъ для себя. Но прожитые тамъ со смерти матери годы были такъ печальны, что она жадно стремилась къ другой обстановкѣ, къ другимъ обязанностямъ. Мистеръ Беверлей и его жена очень хорошо знали исторію своей молодой подруги; потерявъ свою единственную дочь, они такъ были увѣрены въ ея искреннемъ сочувствіи къ ихъ горю, что упросили ее пополнить пустоту, которую произвела въ ихъ сердцѣ смерть дочери. Итакъ, они намѣревались съ годъ по путешествовать по Сѣверо-Американскимъ штатамъ, а потомъ поселиться по сосѣдству Нью-Іорка, и были очень счастливы когда Маргарита приняла ихъ предложеніе и приготовилась къ отъѣзду съ ними.

Во время этого путешествія, Мэджъ, какъ ее называли новые ея родители, повеселѣла, поздоровѣла и похорошѣла необыкновенно. Ее радовалъ всякій новый интересный предметъ, она оказалась безстрашной и восторженной любительницей всякихъ приключеній; когда же потомъ была куплена и съ большимъ вкусомъ отдѣлана прекрасная дача въ нѣсколькихъ часахъ ѣзды отъ Нью-Іорка, молодая женщина также охотно и весело предалась удовольствіямъ домашней жизни. Мѣсто, гдѣ поселились Беверлеи, было обращено къ Гудсоновой рѣкѣ, а земля, окружавшая домъ, отдѣлялась однимъ низкимъ плетнемъ отъ такой же красивой дачи. На ней жила нѣкая миссизъ Лей, вдова; но домъ принадлежалъ единственному брату миссизъ Лей, котораго каждый день ожидали изъ очень продолжительнаго путешествія.

Разъ вечеромъ, Мэджъ сидѣла совсѣмъ одна на прохладной верандѣ и думала о своемъ печальномъ прошломъ. Глаза ея были обращены на колеблющіяся воды рѣки, съ дрожавшими въ ней и чудесно освѣщавшими ее лучами мѣсяца. Она любила эту чудесную картину, но теперь хотя и смотрѣла на нее, а сердце и мысли ея уносились далеко.

Мистеръ и миссизъ Беверлей весь день провели въ Нью-Іоркѣ, откуда хотѣли возратиться только поздно вечеромъ; свою сосѣдку, миссизъ Лей, общество которой она чрезвычайно любила, молодая женщина также не видала сегодня, такъ какъ въ этотъ день та исключительно посвятила себя брату, наконецъ благополучно вернувшемуся изъ путешествія.

Молодая женщина очень скучала, такъ что ей было очень пріятно, когда подошедшій кучеръ миссисъ Лей прервалъ нить ея грустныхъ мыслей.

— Что такое, Робертъ? спросила она, замѣтивъ что тотъ не рѣшается заговорить съ ней,—у васъ есть какое нибудь порученіе ко мнѣ?

— Да, миссъ, да только не веселое. Моя госпожа упала изъ экипажа и сильно ушиблась. Мы бы очень желали, чтобы миссизъ Беверлей или вы сами зашли къ намъ, если это вамъ возможно.

— Непремѣнно. Я сейчасъ же приду, такъ какъ мамы нѣтъ дома, отвѣтила Мэджъ.

Сказавъ прислугѣ куда ее позвали, она сошла съ лѣстницы и исчезла въ маленькомъ отверстіи въ плетнѣ, ведущемъ къ сосѣдямъ. Затѣмъ она поднялась по широкой лѣстницѣ, прошла въ комнату миссизъ Лей, и приблизилась къ кровати, на которой лежала ея подруга.

При ея приближеніи, господинъ сидѣвшій у кровати всталъ и освободилъ ей мѣсто.

— Она очень больна? спросила Мэджъ, не подымая глазъ на господина.

— Я боюсь что она сильно расшиблась, впрочемъ, во всякомъ случаѣ жизнь ея не въ опасности. Я возвратился сегодня утромъ изъ путешествія, и меня такъ соблазнилъ чудесный день, что я просилъ сестру немножко прокатиться со мной. Выѣхавъ на возвратномъ пути изъ центральнаго

Библиотека "Руниверс"

парка, лошади чего-то испугались, понесли, и насъ обоихъ выбросило изъ экипажа. Съ той минуты сестра въ безсознательномъ состояніи и только по временамъ приходитъ въ себя. Она расшибла голову, но докторъ, только сейчасъ ушедшій отсюда, говоритъ, что она скоро поправится, если только не сдѣлается воспаленіе мозга. Чтобы предупредить его, ей надо безпрестанно класть на голову холодные компрессы. Осмѣлюсь просить васъ посидѣть возлѣ больной, пока я приготовлю предписанное ей успокоительное лекарство?

— Безъ сомнѣнія, сэръ. Я сдѣлаю для моей бѣдной подруги все что въ моихъ силахъ. Мама нѣтъ дома, иначе она непремѣнно пришла бы со мной, отвѣчала Мэджъ, но голосъ ея дрожалъ и губы поблѣднѣли, потому что въ мущинѣ, который стоялъ передъ ней, она узнала своего мужа, Фрэнсиса Томсона.

Отвернувъ отъ него лицо, она наклонилась надъ миссизъ Лей, и стала шептать ей на ухо успокоительныя, ласковыя слова, которыя, какъ ей казалось, больная слышала и понимала.

Послѣ этого она стала обертывать голову больной компрессами, намоченными въ самой холодной водѣ, пока жаръ значительно не успокоился.

— Мэджъ, вы останетесь у меня на ночь, неправда-ли?

— Да, если вы желаете. Мнѣ такъ грустно видѣть васъ въ такомъ состояніи.

— Какъ я радъ, что вы соглашаетесь остаться здѣсь! Позвольте узнать ваше имя? спросилъ мистеръ Томсонъ.

— Миссъ Беверлей, это мой братъ, сказала больная.— Я давно бы должна была представить вамъ его, но... Сильный приступъ боли не далъ ей говорить, съ ней сдѣлался обморокъ.

— Не принуждай себя говорить, сестра. Миссъ Беверлей и я будемъ ухаживать за тобой всю ночь. Будь совершенно спокойна и попробуй уснуть. Я между тѣмъ придвину сюда эти спокойныя кресла для твоей подруги, а самъ помѣщусь въ уголокъ дивана. Мнѣ кажется, прибавилъ онъ тихонько,— что моя бѣдная голова также получила порядочное сотрясеніе, она у меня сильно болитъ.

— Да, сэръ! воскликнула Мэджъ,—вы въ самомъ дѣлѣ ушиблись! У васъ на волосахъ кровь, и губы ваши совсѣмъ бѣлы. Прошу васъ, позвольте мнѣ убѣдиться, насколько серіозенъ вашъ ушибъ?

Больной, не находя никакихъ возраженій, опустился на стулъ, между тѣмъ какъ Мэджъ принесла воды, заботливо обмыла кровь, обрѣзала темно-русые кудри около раны, стянула кожицу и залѣпила ее англійскимъ пластыремъ, который нашла въ ящичкѣ съ лекарствами, стоявшемъ на столѣ.

— Благодарю васъ, миссъ Беверлей, вы очень добры; но увѣряю васъ, мнѣ очень совѣстно доставлять вамъ столько труда.

— Тутъ нѣтъ никакого труда, сэръ. Мнѣ очень пріятно оказать вамъ помощь. Теперь, сдѣлайте мнѣ одолженіе, ложитесь на диванъ,—я буду ухаживать за вами обоими.

Положивъ подушку подъ голову больнаго, Мэджъ не успокоилась до тѣхъ поръ, пока онъ не исполнилъ ея просьбы. Затѣмъ она поставила лампу такъ, чтобы свѣтъ не падалъ въ глаза обоимъ больнымъ, сѣла въ кресло между ними, пославъ предварительно дать знать домой объ томъ, что она остается ночевать здѣсь, и начала свое длинное ночное дежурство.

Можно судить, какія разнообразныя чувства волновали ее, когда она такъ неожиданно сидѣла тутъ, держа въ своей рукѣ руку сестры своего мужа, а самъ этотъ мужъ лежалъ тутъ на диванѣ, въ какихъ нибудь двухъ шагахъ отъ нея.

Ей нечего было опасаться, потому что глаза, которые такъ часто останавливались на ней, не находили въ ея цвѣтущемъ лицѣ, алыхъ губахъ и роскошныхъ формахъ ни малѣйшаго сходства съ бѣдной молодой дѣвушкой, оставленной имъ девять лѣтъ тому назадъ такимъ страннымъ образомъ. Притомъ же, она носила теперь совсѣмъ другое имя, значитъ: онъ легко можетъ быть обманутъ. Онъ былъ законнымъ мужемъ Маргариты Моррисъ, между тѣмъ какъ молодая женщина, мягкая рука которой успокоивала его больную голову, и голубые глаза которой такъ часто боязливо останавливались на немъ, называлась Мэджъ Беверлей.

* * *

Ночью, мистеръ Томсонъ нѣсколько разъ вставалъ, подходилъ къ кровати, щупалъ пульсъ своей сестры и давалъ ей лекарство. Потомъ онъ говорилъ тихонько нѣсколько ободрительныхъ словъ внимательной сидѣлкѣ и снова ложился на диванъ. Однако Мэджъ видѣла по его лицу и по сжатымъ губамъ, что онъ долженъ очень страдать.

— Извините меня, сказала она наконецъ, подходя къ нему,—ваша сестра спитъ теперь спокойно, а вы не спите и страдаете. У мама часто бываютъ жестокія головныя боли, и иногда я ей помогаю, тихонько смачивая ей лобъ. Не позволите ли вы испытать мнѣ теперь это средство съ вами?

— Если вы такъ добры. Отъ внезапнаго сотрясенія при паденіи и отъ страха, что я увидѣлъ мою сестру безъ сознанія, у меня сдѣлалась эта сильная боль въ головѣ. Это только тяжело, но не опасно.

— Въ такомъ случаѣ, можетъ быть я и помогу вамъ, замѣтила Мэджъ.

Она положила на полъ подлѣ него подушку, встала на нее на колѣна, налила себѣ на руку немножко спирта и тихонько стала гладить ему лобъ. Мистеръ Томсонъ закрылъ глаза и неподвижно лежалъ въ полудремотѣ; отъ продолжительнаго успокоивающаго прикосновенія этихъ мягкихъ пальцевъ онъ дѣйствительно чувствовалъ нѣкоторое облегченіе.

— Я обязанъ этой боли удовольствіемъ, какого не выпадало на мою долю съ самаго дѣтства: удовольствія чтобы обо мнѣ заботились. Мы, холостяки, не знаемъ многихъ наслажденій семейной жизни. Благодарю васъ, миссъ Беверлей. Ваше прикосновеніе произвело магнетическое дѣйствіе; я чувствую, что сейчасъ усну.

— Такъ спите-же; это будетъ для васъ самымъ лучшимъ лекарствомъ, прошептала Мэджъ.

Она еще нѣсколько разъ молча провела рукой по его лбу; труды ея были вознаграждены, такъ какъ она увидѣла, что онъ спокойно засыпаетъ. Она потихоньку встала и опять сѣла возлѣ миссизъ Лей.

На разсвѣтѣ мистеръ Томсонъ проснулся.

— Надѣюсь, что вы чувствуете себя лучше, сэръ? спросила Мэджъ, когда онъ подошелъ къ ней.

— Лучше? Да я совсѣмъ здоровъ и долженъ благодарить васъ за то, что вы вылечили меня отъ сильнѣйшей головной боли. Вы—превосходная сидѣлка, миссъ Беверлей. Гдѣ пріобрѣли вы эту совершенно-женскую, но тяжелую способность?

— Многія болѣзни моихъ близкихъ родныхъ часто заставляли меня просиживать у кровати страждущихъ, мистеръ Томсонъ. Единственной дочери трудно не пріобрѣсти этой способности.

Она замолчала. Она могла бы разсказать о семи безнадежныхъ мѣсяцахъ, которые она пережила у кровати своего отца, о многихъ ночахъ, проведенныхъ подлѣ него безъ сна, о многихъ тревожныхъ дняхъ, въ которые она не отходила отъ больнаго, пока наконецъ смерть не отняла его отъ ея нѣжныхъ заботъ,—но она избѣжала подобнаго разсказа. Ея прошедшая жизнь должна останаться для этого человѣка закрытой книгой; онъ никогда не долженъ знать, что мистеръ Беверлей не родной, а только пріемный ея отецъ.

Нѣсколько часовъ спустя, она уже стояла на колѣняхъ въ своей собственной комнатѣ, моля Небеснаго Отца дать ей силы для предстоящихъ ей испытаній. Своимъ пріемнымъ родителямъ она не сказала ни слова о страшной встрѣчѣ. Хотя они и знали имя ея мужа, но это имя встрѣчается на каждомъ шагу; она была увѣрена, что имъ и въ голову не придетъ, что онъ и сосѣдъ одно и то же лицо. Она не могла сказать имъ этого, потому что не въ состояніи была бы выносить замѣчаній, которыя бы дѣлались послѣ нихъ каждой встрѣчи.

Во все время болѣзни и выздоровленія миссизъ Лей, Мэджъ постоянно была у нея. Она сдѣлалась для своей подруги до

Библиотека "Руниверс"

такой степени полезною и необходимою, что ей трудно было отказываться отъ ея усердныхъ приглашеній заходить къ ней почаще. Поэтому ей приходилось каждый день проводить по нѣскольку часовъ у сосѣдей. Эти посѣщенія были также очень пріятны и брату миссисъ Лей, который проводилъ большую часть времени въ библіотекѣ, смежной съ комнатой, гдѣ теперь постоянно сидѣла его сестра. Часто, когда Мэджъ читала вслухъ какое нибудь стихотвореніе или повѣсть, звуки ея голоса привлекали его въ комнату. Она читала прекрасно, у нея былъ богатый голосъ и много выразительности. Иногда она пѣла, аккомпанируя себѣ на гитарѣ или на фортепьяно; тогда онъ тихонько входилъ въ комнату и прекрасная мелодія почти захватывала ему дыханіе. Случалось, что онъ аккомпанировалъ ей своимъ чудеснымъ голосомъ. Но когда онъ опять оставался одинъ, мысли его дѣлались такъ горьки, что онъ по цѣлымъ днямъ избѣгалъ ея присутствія и впадалъ въ глубокую тоску.

Разъ Мэджъ ушла отъ миссисъ Лей, весело проведя съ ней часъ—другой; дойдя до сада, она вдругъ увидѣла, что забыла свою работу. Она поспѣшила назадъ въ домъ,—но уже взявшись за ручку двери, она услышала, что произносятъ ея имя. Она остановилась и отъ слова до слова услышала слѣдующій разговоръ:

— Сестра, когда поселились здѣсь ваши сосѣди?

— Да такъ, съ полгода. Какаго ты мнѣнія о Мэджъ?

— Они самая образованная и самая милая женщина, какую я когда либо встрѣчалъ. Черты ея лица какъ будто напоминаютъ мнѣ одну даму, которую я когда-то видѣлъ, но не знаю гдѣ. Если бы я не былъ связанъ своей несчастной женитьбой, то легко могъ бы полюбить ее; я именно выбралъ бы себѣ такую жену, еслибы мнѣ было позволено слѣдовать собственнымъ моимъ желаніямъ.

— И ты имѣлъ бы въ ней добрую, хорошую жену. Бѣдный отецъ! Онъ не зналъ, какъ испортитъ тебѣ этимъ всю жизнь. Гдѣ та дѣвушка?

— Должно быть въ Лондонѣ. На прошедшей недѣлѣ я перелистывалъ нѣкоторыя англійскія газеты, пришедшія во время моего отсутствія, и тутъ въ первый разъ узналъ, что ея отецъ, мистеръ Моррисъ, полтора года тому назадъ умеръ. Бѣдная дѣвушка, ей должно быть очень тяжело! Знаешь, сестра, со времени нашего несчастія, отъ котораго мы чудомъ отдѣлались такъ дешево, я совсѣмъ другими глазами смотрю на жизнь. Мнѣ кажется, я слишкомъ несправедливо поступилъ съ моей женой. Ахъ, какъ бы я хотѣлъ быть свободнымъ, но этого нѣтъ; совѣсть теперь, постоянно упрекаетъ меня.

Мэджъ не слушала больше. Она неслышно отошла отъ двери, но въ сердцѣ своемъ благодарила Бога за то, что онъ далъ ей услышать это признаніе изъ устъ своего мужа.

Въ одинъ прекрасный день, Мэджъ вышла къ рѣкѣ. Она очень страдала, потому что замѣчала, какъ мистеръ Томсонъ тоскуетъ все больше и больше. Она не знала какъ ей поступить: открыться ли ей и утѣшить этимъ человѣка, горе котораго ей было такъ тяжело видѣть,—или совершенно предоставить все провидѣнію? Она часто задавала себѣ этотъ вопросъ, но не могла отвѣчать на него. Она сѣла на скамью, подъ тѣнистымъ вязомъ, и такъ погрузилась въ свои мысли, что и не слышала приближающихся шаговъ,—и только тогда замѣтила присутствіе мистера Томсона, когда онъ обратился къ ней съ вопросомъ:

— Миссъ Мэджъ, вы мнѣ позволите на нѣсколько минутъ присоединиться къ вамъ въ этой очаровательной мѣстности?

— Разумѣется! отвѣчала она, давая ему мѣсто на скамейкѣ.—Природа здѣсь слишкомъ хороша, чтобы наслаждаться, ею, не раздѣляя ни съ кѣмъ этого наслажденія. Я очень рада найти собесѣдника.

— Я боюсь только быть слишкомъ скучнымъ собесѣдникомъ и навести грусть тамъ, гдѣ должно быть одно веселье.

— Я замѣтила, какъ вы убиты чѣмъ-то въ послѣднее время; могу ли я спросить васъ о причинѣ вашего безпокойства? возразила она дрожащимъ голосомъ.

— Я охотно бы разсказалъ вамъ мою исторію, если она не будетъ вамъ непріятна. Если бы я могъ подѣлиться съ кѣмъ нибудь моимъ горемъ, вмѣсто того чтобы прятать его въ своемъ сердцѣ, это было бы для меня большимъ облегченіемъ; а я нуждаюсь въ участіи. Но выслушайте все, и судите сами о моей печальной участи. Мой отецъ, умирая, взялъ съ меня слово, что я женюсь на дочери человѣка, котораго онъ любилъ съ дѣтства. Вообразите, что я чувствовалъ, отдавая себя такимъ образомъ въ жертву. Я далъ обѣщаніе и не могъ не исполнить его. Насталъ день свадьбы; я видалъ свою невѣсту и нашелъ въ ней блѣдненькую дѣвочку, почти ребенка. Мое сердце возмущалось при видѣ ея. Однако въ назначенный день мы обвѣнчались, и послѣ церемоніи я распростился съ ней. Она моя жена, но съ того дня мы никогда не видѣлись больше. Съ тѣхъ поръ я избѣгаю женщинъ, а когда я бываю дома, сестра служитъ мнѣ единственной собесѣдницей. Но буря, происходящая въ моей душѣ, сдѣлала изъ меня безпокойнаго смертнаго: мой домъ мало притягиваетъ меня къ себѣ. Я много путешествовалъ, я поставилъ океанъ между мной и моей женой, и только въ послѣднее время пришелъ къ сознанію, что я очень виноватъ передъ ней. Эта женщина моя жена, я передъ алтаремъ обѣщалъ *никогда не оставлять ее*. Я нарушилъ это обѣщаніе. Я не люблю ее, но мнѣ сильно хочется исполнить свой долгъ. Скажите мнѣ откровенно, какъ сестра, ваше мнѣніе: долженъ ли я вернуться къ своей женѣ, и какъ вы думаете, приметъ ли она меня?

Мэджъ молчала, сердце ея билось почти до боли.

— Вы не отвѣчаете мнѣ, проговорилъ несчастный человѣкъ.—Вы можетъ быть боитесь сказать мнѣ, что по вашему мнѣнію она встрѣтитъ мое раскаяніе съ презрѣніемъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, мистеръ Томсонъ, не думайте этого. Поѣзжайте къ вашей женѣ; если она настоящая христіанка, то она приметъ васъ съ радостью. Простите мнѣ мое молчаніе. Я просто думала о томъ, какъ глубоко могу я вамъ сочувствовать. Это можетъ показаться страннымъ, но моя исторія точь въ точь похожа на вашу. Я также вслѣдствіе даннаго отцу обѣщанія вышла замужъ за человѣка, который былъ для меня почти совершенно чужимъ.

— Неужели? О, мой другъ, значитъ и вы знаете горе? Давно онъ умеръ?

— Онъ живъ, хотя для меня онъ умеръ со дня нашей свадьбы.

— Мэджъ!

— Сейчасъ же послѣ того какъ мы обмѣнялись кольцами, онъ сунулъ мнѣ въ руку записку, въ которой говорилъ, что хотя по закону мы мужъ и жена, но будемъ всю жизнь порознь.

— Не съ ума ли я схожу! воскликнулъ взволнованнымъ голосомъ мистеръ Томсонъ, вскакивая съ мѣста.—Мэджъ, сжальтесь надо мною, скажите мнѣ имя этого клятвопреступника!

— Сэръ, его имя Фрэнсисъ Томсонъ, а моя Маргарита Моррисъ. Я только пріемная дочь мистера и миссисъ Беверлей.

— Значитъ, вы моя жена? О, милая моя, простишь ли ты меня когда нибудь? полюбишь-ли когда?

— Вѣрьте, что я совершенно, вполнѣ, простила вамъ все.

— Но я хочу больше простаго прощенія. Я хотѣлъ бы найти сердечную привязанность въ женщинѣ, которой теперь я по совѣсти могу сказать, что люблю ее.

— Съ этой минуты будь навсегда увѣренъ въ ней, дорогой мой мужъ, отвѣчала Мэджъ, падая въ объятія, которыя онъ открылъ чтобы принять ее.

Удивленіе и волненіе въ обоихъ домахъ, при объявленіи этой новости, легко себѣ представить. Всѣ поздравляли молодую чету, всѣ радовались, что печальная свадьба, бывшая девять лѣтъ тому назадъ, окончилась такъ счастливо.

Надо ли еще говорить, что покинутая Томсономъ жена сдѣлалась для него всѣмъ на свѣтѣ? Жизнь молодыхъ супруговъ была одной радостью, и мистеръ Томсонъ никогда не говорилъ больше:

— Какъ бы я желалъ быть свободнымъ!

Библиотека "Руниверс"

Народы России.

XX. Алеуты.

Къ западу отъ острова Аляски, почти на линіи 53° сѣверной широты и между 190° и 214° восточной долготы лежитъ гряда огнедышущихъ конусовъ и пирамидъ, какъ бы длиннымъ барьеромъ отдѣляя Берингово или Бобровое море отъ Великаго или Тихаго океана. Эти вулканы обрушиваются въ море скалистыми обрывами, то врѣзываясь въ его пѣнистыя валы мрачными гранитными утесами, то извилинами берега образуя бухты и заливы. Величавое зрѣлище представляетъ цѣпь этихъ острыхъ пиковъ въ осеннюю и зимнюю пору, когда пламенные столбы вырываясь изъ ихъ кратеровъ озаряютъ вѣчно-движущуюся пустыню океана и ярко отражаются отъ выступовъ и стѣнъ ледяныхъ громадъ, плавающихъ по его необозримому простору. Сѣверное сіяніе на небѣ и огни вулкановъ на землѣ одновременно соперничаютъ въ блескѣ и грозной красотѣ своего зарева, одинаково охватывающаго кроваво-краснымъ пламенемъ тучи на небѣ и ледяныя глыбы въ морѣ. Издали не различить: гдѣ начинается одно и кончается другое зарево. Сполохъ соединяется съ пламенемъ огнедышущихъ горъ—и огненная полоса какъ таинственная завѣса виситъ на краю Боброваго моря.

Эта цѣпь вулкановъ и скалъ называется — Алеутскими островами.

Бобровое (Берингово) море, лежащее отсюда на сѣверъ, лишено живительныхъ вліяній, которыя производятъ на наши сѣверныя моря Голфстримъ и теплые югозападные вѣтры, оттого, въ то время, какъ напримѣръ въ Норвегіи подъ 60° сѣв. шир. еще ростетъ маисъ, а подъ 69° сѣется ячмень, въ Архангельскѣ подъ 65° у крестьянина Кардакова вызрѣвала пшеница и гречиха, — на Алеутскихъ островахъ и подъ 53° сѣв. шир. не ростетъ ни одно деревцо, а сырая и холодная температура способствуютъ только росту травъ, но никакъ не посѣвамъ хлѣба. Пройдя черезъ этотъ естественный барьеръ къ сѣверу — въ Берингово море, мы сразу вступаемъ въ самую суровую область крайняго сѣвера. Лѣтомъ надъ нимъ лежатъ непроницаемые туманы, потому что притекающій со всѣхъ сторонъ теплый воздухъ осаждается на него въ видѣ паровъ, зимою — оно загромождено громадами плавающихъ льдовъ. Въ лѣсахъ и низменныхъ долинахъ Алеутскихъ острововъ ростутъ великолѣпныя травы, а на сѣверныхъ склонахъ ихъ только мхи да лишаи устилаютъ негостепріимные берега дивнаго отсюда архипелага. Отдѣльныя вершины этихъ острововъ достигаютъ иногда до 6,000 фут. Съ апрѣля до половины іюля здѣсь царствуютъ туманы, затѣмъ до конца сентября — небо улыбается никамъ и утесамъ своею безоблачною лазурью, прекрасная лѣтняя погода дѣлаютъ ихъ очень привлекательными для путешественника, который бы присталъ сюда въ это собственно время. Въ сентябрѣ мало по малу окрестности заволакиваются вновь туманами и только острыя вершины пиковъ плаваютъ въ однообразномъ морѣ сѣрой мглы. Въ первыхъ числахъ октября начинаются снѣжныя вьюги—и зима наступаетъ до начала мая.

На этихъ Алеутскихъ островахъ и на еще болѣе суровыхъ островахъ Прибылова, гдѣ только трава да желтые лишаи испещряютъ поверхности скалъ, живутъ — Алеуты, да водяныя птицы, тюлени и моржи (сивучи), покрывающіе въ нѣкоторыхъ мѣстахъ всѣ берега черными каймами своихъ громадныхъ и жирныхъ массъ. Это главное богатство края. Оно вмѣстѣ съ обиліемъ здѣсь морскихъ выдръ заманило сюда впервые отряды казацкихъ ватагъ изъ Камчатки. Многіе разсказываютъ о первыхъ войнахъ между русскими піонерами и алеутами. Все населеніе острововъ вмѣстѣ съ Кадьяками, Кенайцами, Чугачами, Колошами и Аляскайцами было отдано въ полную власть основанной Павломъ I Россійско-Американской компаніи въ 1799 г., которая устроила промысловыя становища на всѣхъ островахъ Берингова моря и станціи отъ Охотска до Петербурга, по которымъ провозились мѣха, жиръ и другая добыча морскаго лова. Центромъ компаніи былъ Ново-Архангельскъ на островѣ Ситхѣ. Сюда доставлялась первоначально вся добыча и отсюда же снабжались необходимыми припасами всѣ подначальныя земли. Средняя ежегодная добыча, посылавшаяся отсюда въ Петербургъ и другіе рынки для сбыта: 1,150 шкурокъ морской выдры, 16,000 шкурокъ морскаго котика, 900 штукъ чернобурой лисицы, 8,030 шкуръ бобра, 1070 хвостовъ морской выдры, 1,280 чернобрюхихъ лисицъ, 2,250 рыжихъ лисицъ, 700 штукъ бѣлаго песца, 2.430 штукъ бураго песца, 240 штукъ медвѣдя, 200 штукъ рыси, 100 россомахъ, 800 рѣчной выдры, 810 американскаго соболя, 240 ондатры, 325 пудовъ моржовыхъ бивней, 100 фунтовъ китоваго уса и 800 фунтовъ бобровой струи. При этомъ расходы компаніи, съ 1826 до 1838 гг. напримѣръ, доходили до 6,600,000 руб. или почти 800,000 руб. ежегодно.

Алеуты впрочемъ заслуживали иной участи. Это — терпѣливое мужественное и честное племя. Собственность между ними неприкосновенна. Они не только не запираютъ ничего у себя, но имущество и постороннихъ людей — вполнѣ обезпечено. Нѣтъ между ними и убійствъ. Епископъ Іоаннъ Веніаминовъ разсказываетъ, что самыя ужасныя страданія не вырвутъ у Алеута стона или вопля. Попавъ въ капканъ, алеутъ будетъ неподвижно ждать, пока изъ его ноги не вынутъ глубоко вошедшія въ тѣло зубцы. Путешественники свидѣтельствуютъ, какъ, напримѣръ, алеутъ раздавленный громаднымъ камнемъ, мучась въ предсмертной агоніи болѣе четырехъ часовъ, ни разу не застоналъ и ни однимъ словомъ не выразилъ, какъ тяжело ему переносить эти страданія. Алеутъ совершенно безстрашенъ. Онъ считаетъ за крайнее неприличіе удивляться чему бы то ни было. Его ничѣмъ не обрадуешь, ничѣмъ не испугаешь, ничѣмъ не вызовешь въ немъ сильнаго впечатлѣнія. Оно и понятно: на этихъ волканическихъ никахъ, за работой среди бурнаго океана, всю жизнь борясь съ неисчислимымъ удѣломъ, доставшимся ему на долю и, наконецъ, пройдя тяжелую школу испытанія въ средѣ завоевателей, алеутъ долженъ былъ притерпѣться ко всему, не удивляться, умѣть умирать молча безъ жалобъ и стоновъ. Впрочемъ все это не убило въ немъ сердца. Алеутъ любитъ своихъ дѣтей, своихъ родныхъ; онъ сохранилъ благородную гордость до такой степени, что считаетъ оскорбленіемъ не только обидное слово, но и пренебрежительный взглядъ. Онъ свято держитъ данное имъ слово, и при какихъ бы то ни было обстоятельствахъ — выполняетъ разъ принятое на себя обязательство.

Онъ никогда не лжетъ. Поселѣвъ приводилъ случаи, въ которыхъ ложь могла спасти алеута отъ тяжелаго наказанія, разъ даже отъ смерти, но онъ оставался непреклоннымъ въ угрюмомъ молчаніи своя все и не рѣшаясь обмануть другаго. Гартвигъ говоритъ между прочимъ. «Любовь алеута къ роднымъ въ высшей степени трогательна. Алеутъ Оисяпниковъ, заработывавшій хорошія деньги, катая жителей столицы на своей байдарѣ по Невѣ, тѣмъ не менѣе поротился въ Уналашку (одинъ изъ острововъ Алеутскихъ), чтобы ходить здѣсь за слѣпою матерью».

Больше всего алеуты любятъ водку и табакъ. Особенно же послѣдній. Они смѣшиваютъ его съ стружками сосновой коры и вполнѣ отдаются этому наслажденію, зажмуривая глаза. Трубка обходитъ кругъ собесѣдниковъ. Ожидающіе ее наслаждаются созерцаніемъ пріятныхъ ощущеній того, у кого въ рукахъ она находится въ данный моментъ. Алеуты далеко не такъ уродливы, какъ напримѣръ сосѣди ихъ Чукчи. Плоскій сзади и сжатый по бокамъ черепъ ихъ имѣетъ нѣсколько пирамидальную форму. Широкое, плоское лицо съ выкатившимися скулами и вкось прорѣзанными глазами скорѣе заставляетъ предполагать родство этого племени съ монгольскою, чѣмъ съ американской расой. Цвѣтъ тѣла и лица у алеутовъ — бѣлый, переходящій у самыхъ сѣверныхъ ихъ родичей въ смуглый. Алеуты принадлежатъ къ самымъ рослымъ племенамъ эскимосскаго корня, вообще не отличающагося особенно крупнымъ складомъ и даже прозваннаго карликами. Всѣ они широкоплечи, сильны и какъ Лапландцы не смотря на грубую работу и лишенія обладаютъ маленькими и изящными руками и ступнею. Ноги у мужчинъ искривлены вслѣдствіе постоянной привычки сидѣть на байдарѣ.

Жилье свое алеуты, какъ и всѣ эскимосы, дѣлаютъ зимою вырывая въ землѣ и обкладывая снаружи снѣгомъ, а лѣтомъ живутъ они какъ и чукчи (см. № 2 «Нивы»). Не особенно развитый въ умственномъ отношеніи, алеутъ отличается необыкновенною переимчивостью. Онъ съ удивительною легкостью способенъ быстро усвоить себѣ ремесло видѣнное имъ очень не много. Такимъ образомъ, между ними, въ послѣднее время являлись столяры, плотники, кузнецы, сѣдларя и сапожники. Были даже примѣры, что изъ алеута выходилъ недурной мѣстный живописецъ. Большая часть мужчинъ-алеутовъ говоритъ хорошо по русски, впрочемъ теперь съ уступкою этихъ земель американцамъ — между ними по всей вѣроятности развивается изученіе англійскаго языка. Способности алеутовъ преимущественно направлены на практическую дѣятельность. У нихъ нерѣдки превосходные мерщики, одинъ даже занимался весьма успѣшно глазомѣрною съемкой.

Второе жилье алеута—это его лодка байдара, въ ней можетъ сидѣть только одинъ человѣкъ. Она замѣчательно легка и состоитъ изъ ужаго деревяннаго остова, обтянутаго со всѣхъ сторонъ и сверху тюленьими шкурами. Алеутъ садится въ отверстіе, оставленное посрединѣ ея такъ, что наружу видна только верхняя часть туловища этого смѣлаго морехода. Въ отверстіе именно и вдѣланъ тотъ мѣшокъ, въ которомъ помѣщается алеутъ. Благодаря такому въ сущности простому, но въ высшей степени практическому устройству, внутрь байдары не попадаетъ воды и какова бы не была буря — она никогда не утопитъ эту легонькую лодку. «Съ легкимъ весломъ, описываетъ Гартвигъ, съ оружіемъ передъ собою, поддерживая равновѣсіе, какъ эквилибристъ пляшущій на лошади, стрѣлою летитъ онъ по подвижной стихіи, а опрокинетъ байдару волна, морякъ съумѣетъ справиться весломъ и снова принять должное положеніе. Кромѣ такихъ легкихъ байдаръ существуютъ такъ называемыя *семейныя* — большія лодки, устроенныя точно также и изъ одного и того же матеріала съ первымъ. На нихъ плаваютъ исключительно женщины. Взрослые мужчины считаютъ позоромъ сѣсть въ такую лодку.

До появленія русскихъ Алеуты управлялись тоэнами — родоначальниками, старшими въ родѣ. Они раздѣлились на три класса. Первый состоялъ изъ тоэновъ и знатныхъ алеутовъ, которые вообще далеко не равнодушны къ своей генеалогіи; второй—изъ свободныхъ людей и третій изъ рабовъ. Во время управленія остро-

Библиотека "Руниверс"

Кавказъ. Изъ Лермонтова. Рис. Шарлери. грав. Паннемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

вами Россійско-американской компаніей—рабство было уничтожено, а тоэны приняли на себя роль ея прикащиковъ. Въ средѣ этого народа много держится историческихъ преданій, какъ напримѣръ новая американская газета «Alaska Gerald», уже сообщила много интересныхъ алеутскихъ мелодій и пѣсенъ, которыя отличаются нѣкоторыми поэтическими достоинствами. Большая часть пѣсенъ этого племени вращается около морскихъ промысловъ и кромѣ того существуетъ цѣлый циклъ пѣсенъ о любви, хотя и отзывающихся слегка цинизмомъ и чувственностію, но тѣмъ не менѣе свидѣтельствующихъ, что и на отдаленныхъ окраинахъ нашей планеты человѣкъ все-таки одинаково чувствуетъ и ощущаетъ. Разница только въ формѣ и фазѣ развитія.

Главный пульсъ алеутской жизни и дѣятельности—морской промыселъ. Тутъ только это племя развиваетъ вполнѣ свои силы, свои способности и обнаруживаютъ смѣлость и мужество высокаго качества. Въ апрѣлѣ отсюда выходитъ въ морѣ болѣе 300 байдаръ. Всѣ они раздѣляются на партіи, по пятнадцати, двадцати и тридцати лодокъ въ каждой. Не смотря на бури и волненія, они уходятъ далеко въ море. Тутъ каждая партія раскидывается прямою линіею, оставляя отъ одной лодки до другой значительное разстояніе. На эти интервалы и обращено вниманіе промышленниковъ. Какъ только гдѣ нибудь между лодками покажется голова морской выдры—въ нее уже летитъ готовая стрѣла. Лодка съ которой замѣтили ее слѣдуетъ за нею—а всѣ остальные байдары образуютъ боевой кругъ, центромъ котораго служитъ первая. Какъ только выдра показалась, въ этотъ разъ въ нее уже летитъ нѣсколько стрѣлъ и скоро убитаго звѣря вытаскиваютъ изъ моря. Если же появилось нѣсколько выдръ — то партія распалась бы на нѣсколько круговъ и въ каждомъ производился бы отдѣльный ловъ звѣря. Зимній ловъ выдры доказываетъ смѣлость и находчивость этого племени. Въ бури, когда по Океану ходятъ громадныя волны сбиваясь въ одну толпу, морскія выдры забираются на необитаемые острова и скалы, гдѣ и засываютъ свертываясь въ какой нибудь выбоинѣ дикаго камня или просто въ трещинѣ утеса. Въ эту, страшную всякому, кромѣ алеута, погоду — онъ отправляется на своей байдарѣ на промыслы. Въ каждой лодкѣ помѣщаются по два ловца. Байдара подходитъ къ скалѣ или острову съ подвѣтренной стороны, и одинъ изъ ловцовъ выжидая прибоя вмѣстѣ съ нимъ ловко выскакиваетъ на берегъ, держа ружье въ рукѣ. Нужна необычайная на нашъ взглядъ ловкость для того, чтобы только скользнуть по волнѣ и не уйдти въ ея пучину—не разбиться о выступы дикаго камня на крутыхъ берегахъ. Испол-

Народы Россіи. XX. Алеуты. Рис. Руссо, грав. Пашемакеръ.

Библиотека "Руниверс"

нивъ этотъ маневръ: алеутъ подбирается къ спящей выдрѣ и убиваетъ ее — такъ что та и не очнется. Алеутъ съ добычею возвращается назадъ, но тутъ его ждетъ новый столь же непостижимый подвигъ нужно не упуская убитаго звѣря скользнуть съ нимъ и съ ружьемъ—съ волною отбоя къ байдарѣ. Не было случая, чтобы это не удавалось инородцу. Случается, что морскихъ выдръ ловятъ и сѣтями; но алеуты, находящіе наслажденіе въ преодолѣніи опасностей, пренебрегаютъ этотъ родъ облавы и идутъ на нее уже въ крайней необходимости, и то только въ одномъ Ачинскомъ округѣ. Не менѣе интересенъ ловъ морскихъ котиковъ. Какъ только въ апрѣлѣ показались у береговъ сѣверныхъ островъ Бобрового моря морскіе котики — партіи охотниковъ уже готовы. Всѣ идутъ длинною линіей—впереди самые ловкіе и смѣлыя, а позади — начальникъ промысловой экспедиціи, управляющій ея движеніемъ. Какъ только послышалось блеяніе, похожее на овечье и характеризующее этотъ родъ морскихъ звѣрей, алеуты тотчасъ же кидаются впередъ, стремясь отрѣзать отъ берега котиковъ преимущественно малолѣтнихъ. Самокъ и взрослыхъ самцовъ свободно отпускаютъ въ море и бьютъ только подростковъ. Послѣ этой бойни — въ теченіи нѣсколькихъ дней осиротѣвшіе самки плаваютъ у береговъ, оглашая окрестности полярнаго острова самыми отчаянными криками. Ежегодно здѣсь бьютъ до 3,500,000 штукъ молодаго звѣря. На китовъ алеутъ охотится одинъ. Тутъ ему уже нужно всю силу характера, все самообладаніе. На своей байдарѣ онъ долго перешлываетъ море въ разныхъ направленіяхъ— и замѣтивъ кита, старается поровняться съ головою морскаго исполина. Какъ только это исполнено, алеутъ вонзаетъ свое копье подъ передней лапой его и тотчасъ же изо всѣхъ силъ гребетъ назадъ, стремясь скорѣе отойти отъ животнаго, которое бьется на волнахъ, и въ эти минуты ударами своего хвоста можетъ утопить не одну байдару, а цѣлую флотилію этихъ маленькихъ челноковъ. На стрѣлѣ бываетъ мѣтка—имени владѣльца—и куда бы не выбросило мертваго кита, онъ повсюду принадлежитъ раненому его охотнику. Во время такихъ отчаянныхъ охотъ случается, что не совсѣмъ ловкаго алеута китъ сажени на четыре подбросетъ къ верху, или далеко въ сторону швырнетъ его байдару. Часто еще въ то время, когда промышленникъ идетъ рядомъ съ чудовищнымъ животнымъ, чтобы скорѣе добраться до головы послѣдняго, оно случается поворотомъ своего громаднаго тѣла или ударомъ хвоста утопитъ и лодку и алеута, разумѣется разбивъ первую.

Не менѣе самообладанія и силы, нужно для охоты на моржей. Отправляясь на послѣднюю, алеутъ прощается съ родными и знакомыми, готовясь умереть. Изъ этого уже видно, какъ опасна такая охота. Моржей стараются поймать, когда тѣ выходятъ на берега. Тогда всѣ охотники кидаются на звѣря съ громкими криками, не допуская его къ морю. У убитыхъ моржей тутъ же разбиваютъ челюсти и вынимаютъ клыки, снимаютъ съ нихъ шкуру, а самыя туши оставляютъ гнить на берегахъ. Сала изъ нихъ не вытапливается вовсе. Только въ тѣхъ случаяхъ, когда охота производилась у самого берега,—приливъ уноситъ убитыхъ звѣрей прямо въ пасти акулъ, которыя здѣсь въ свою очередь уже сторожатъ свою добычу...

Такимъ образомъ, жизнь этого племени — вѣчный и неустанный трудъ. Тѣмъ не менѣе экономическое положеніе его далеко не удовлетворительно. Во время существованія Россійско-американской компаніи они были въ вѣчной кабалѣ у ея приказчиковъ, теперь ихъ также (если еще не хуже) эксплуатируютъ американцы.

Но отвращая глаза наши отъ этого страшнаго зрѣлища остановимся на прелестныхъ вулканическихъ островахъ, затерянныхъ въ глуши Великаго Океана. Исторія человѣчества была бы ужасною и непрерывною агоніей смерти, если бы ея дѣйствіе не происходило среди такихъ прелестныхъ декорацій.

Смѣсь.

Потрава.

Прилагаемый рисунокъ принадлежитъ карандашу извѣстнаго живописца животныхъ, Бродовскаго, который воспроизвелъ его съ собственной картины масляными красками. Это веселенькій образчикъ того рода жанра, что нѣмцы называютъ still-leben. Задремавшій пастухъ недоглядѣлъ за ввѣреннымъ ему стадомъ— и вотъ одна изъ коровъ съ теленкомъ забралась въ капустники, гдѣ и предается глубокимъ размышленіямъ надъ различной овощью и травами, какъ бы не рѣшивъ еще, слѣдуетъ ли ей приступить къ невѣдомымъ яствамъ или нѣтъ.

Спеціальность Бродовскаго составляютъ лошади, но помѣщенный нами рисунокъ свидѣтельствуетъ о томъ, что художникъ съ не меньшимъ успѣхомъ передаетъ типичныя черты и другихъ домашнихъ животныхъ. Первоначальное свое образованіе Бродовскій получилъ въ одной изъ Варшавскихъ школъ, но впослѣдствіи много работалъ въ Италіи и теперь является одинъ изъ искуснѣйшихъ живописцевъ въ своемъ родѣ. Онъ пользовался особеннымъ покровительствомъ покойнаго намѣстника Варшавскаго, свѣтлѣйшаго князя Паскевича, для котораго написалъ цѣлую галлерею лошадей.

Маленькая дворцовая исторія. Когда Серрано, вновь выбранный въ настоящее время президентомъ республики, былъ регентомъ Испаніи, въ Мадридѣ ходила слѣдующая курьозная исторія: «супруга Серрано, въ качествѣ жены регента, заняла частныя комнаты экс-королевы въ мадридскомъ дворцѣ. Но вскорѣ послѣ занятія регентомъ великолѣпнаго королевскаго дворца, Изабелла потребовала возвращенія ей находящагося тамъ ея частнаго имущества. Оно должно было быть отослано ей до послѣдней мелочи. Фуры, нагруженныя ящиками и чемоданами, привезли эти сокровища до дальнѣйшихъ распоряженій на желѣзную дорогу. Спустя нѣсколько времени, Изабелла потребовала еще нѣкоторыя недостающія вещи, въ томъ числѣ главное, одно фортепьяно, которое было ей подарено однимъ музыкальнымъ обществомъ, чествовавшимъ ее какъ свою покровительницу. Инструментъ отличался богатой позолотой, и на середней доскѣ былъ вставленъ великолѣпный, искусно гравированный медальонъ въ брильянтовой оправѣ. Инструментъ стоялъ въ частныхъ комнатахъ королевы. Между тѣмъ госпожа Серрано увѣряла, что она его не видѣла; тщетно искали во всемъ дворцѣ фортепьяно— они не находились; а бывшая королева ни на чемъ такъ не настаивала какъ именно на этомъ «дорогомъ воспоминаніи». Положеніе Серрано передъ своей бывшей покровительницей становилось все затруднительнѣй, къ тому же въ публикѣ ходили толки, что дѣйствительно при въѣздѣ регента въ королевскій дворецъ фортепьяно находилось тамъ. Серрано самъ перерылъ весь дворецъ, отыскивая во всѣхъ углахъ потерянный фортепьяно, и хотя его супруга тысячу разъ увѣряла что ничего и искать въ ея комнатахъ, онъ, тревожимый дурнымъ предчувствіемъ, и тамъ пересмотрѣлъ каждую щелку, и—наконецъ просьбами и угрозами, ему удалось довести свою супругу до сознанія, что, въ одномъ критическомъ денежномъ затрудненіи, она продала инструментъ. Между супругами произошла сильная сцена. Серрано послалъ довѣренное лицо къ особѣ, купившей инструментъ, чтобы перекупить его; но фортепьяно перешло уже въ какое-то кафе лишась предварительно своихъ золотыхъ украшеній и брильянтовъ, которые были проданы ювелиру. Что дѣлать? Лицо, получившее порученіе всети переговоры, отправилось въ кафе и предложило за инструментъ двойную цѣну; однако хитрый хозяинъ объявилъ, что не можетъ безъ него обойтись, и сталъ подаваться только тогда, когда ему предложили въ пять разъ больше. Послѣ этого разыскали ювелира; этотъ послѣдній былъ не глупѣе хозяина кафе, онъ объявилъ пожимая плечами, что золото онъ переплавилъ, а брильянты употребилъ на другія вещи; впрочемъ прибавилъ, что берется сдѣлать точно такіе украшенія, даже и медальонъ, такъ какъ вслѣдствіе красоты послѣдняго онъ снялъ съ него точный рисунокъ. Все это было въ высшей степени невѣроятно, но, чтобы не довести дѣло до громкаго скандала, инструментъ надо было имѣть во что бы то ни стало, и именно въ томъ самомъ видѣ въ какомъ онъ былъ прежде. Ювелиръ объявилъ свои требованія - и вскорѣ послѣ этого инструментъ былъ секретнымъ образомъ доставленъ во дворецъ, гдѣ говорятъ, наконецъ нашелся въ какомъ то темномъ углу между другими вещами экс-королевы.

Открытыя письма. Съ лѣтъ поръ какъ и въ Россіи по примѣру другихъ странъ введены открытыя письма, онѣ болѣе и болѣе входятъ въ употребленіе, доказательство, какъ подобнаго рода учрежденія быстро прививаются въ настоящее время. Когда американскіе Соединенные Штаты ввели 1-го января 1873 г. открытыя письма, ихъ предположено было выпустить 100 мильоновъ для годоваго употребленія. Въ первые же 5 мѣсяцевъ, какъ показываетъ лежащій передъ нами отчетъ, въ Союзъ разошлось 64½ мильона этихъ писемъ.

Пищеварительный аппаратъ животныхъ. Само собою разумѣется, что у различныхъ животныхъ пищеварительный аппаратъ представляетъ величайшую разницу: есть такія животныя, которыя совсѣмъ лишены органовъ принятія и измѣненія пищи; есть наоборотъ такія, устройство желудка которыхъ чрезвычайно сложно, какъ напримѣръ желудокъ жвачныхъ. Обыкновенно онъ раздѣляется на четыре мѣшка. Лишь слегка разрубленная пища проходитъ черезъ пищепріемный каналъ въ первый мѣшокъ, такъ-называемый «первый желудокъ», гдѣ она смачивается желудочной жидкостью; послѣ этого она проходитъ во второй мѣшокъ, «сѣтчатый желудокъ» или «сальникъ»; это маленькій, круглый мѣшечекъ, покрытый множествомъ сѣткообразныхъ складокъ. Когда животное наѣлось вдоволь, то отсюда оно отрыгаетъ пищу назадъ въ ротъ, и только въ этотъ разъ старательно пережевываетъ ее и снова проглатываетъ. Но разжеванная пища теперь не проходитъ въ первый желудокъ, а минуя его переходитъ въ третій желудокъ, такъ-называемый «книжку» — названіе данное ему по случаю складокъ, покрывающихъ, точно книжные листы, его слизистую оболочку; отсюда уже пища поступаетъ собственно въ желудокъ, такъ называемый «сычугъ», представляющій большой продолговатый мѣшокъ съ маленькими косыми долевыми складками внутри, и отдѣленный отъ тонкой кишки клапаномъ, какъ у всѣхъ млекопитающихъ. Мы встрѣчаемъ жвачку также у кэнгуру, лѣнивца и у нѣкоторыхъ грызуновъ, какъ напр. у полевой мыши и

Библиотека "Руниверс"

лемминги. У верблюдообразныхъ жвачныхъ желудокъ раздѣленъ только на три части, а лошадиный пищеварительный аппаратъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ при входѣ пищепріемнаго канала находится клапанъ, дѣлающій для лошади рвоту невозможной. Лошадиный желудокъ — это простой продолговато-круглый мѣшокъ.

Замѣчательныя особенности находимъ мы въ пищеварительномъ аппаратѣ птицъ. У нихъ нѣтъ небной занавѣски, которая какъ у млекопитающихъ отдѣляетъ ротъ отъ горла. Ихъ пищепроводный каналъ посерединѣ своей длины раздувается и образуетъ зобъ, служащій для собиранія и смягченія пищи. У птицъ питающихся зернами—зобъ этотъ очень великъ и напоминаетъ первый желудокъ жвачныхъ. Какъ извѣстно, птицы кормятъ своихъ дѣтенышей изъ зоба, потому что слабый желудокъ нѣжныхъ созданьицъ не переварилъ бы другой пищи. За зобомъ слѣдуетъ передній или «желѣзистый желудокъ», поверхность котораго содержитъ множествъ желѣзъ, обильно отдѣляющихъ предназначаемый для смягченія пищи сокъ. Передній желудокъ отбрасывается въ настоящій желудокъ, гдѣ уже происходитъ преобразованіе пищи въ одну жидковатую массу. Желудокъ этотъ не раздѣленъ какъ у млекопитающихъ, и у мясоядныхъ птицъ имѣетъ мѣшкообразную форму, а у зерноядныхъ образуется изъ двухъ почти полукруглыхъ мускуловъ, играющихъ роль какъ бы плющильныхъ досокъ, между тѣмъ какъ внутренняя поверхность ихъ покрыта рогообразной твердой оболочкой, слѣдовательно они вполнѣ приспособлены растирать всякую попадающую между ними пищу. Для того же чтобы этотъ процессъ совершался еще лучше, птицы проглатываютъ маленькіе камешки, которые помогаютъ перемалывать зерна.

У амфибій пищеварительный аппаратъ начинается широкимъ, довольно мускулистымъ, пищепроводнымъ каналомъ, отъ котораго у амѣй и голыхъ амфибій, сейчасъ же начинается желудокъ, только нѣсколько расширяясь, между тѣмъ какъ у черепахъ и ящерицъ есть лежащій поперекъ желудокъ представляющій различныя формы. Крокодилы имѣютъ двойной желудокъ; первый, кругловатый, большихъ размѣровъ, выходитъ черезъ узкое устье въ серединѣ въ лежащій подъ нимъ, гораздо меньшихъ размѣровъ, желудокъ.

Особенную разницу въ формѣ и величинѣ представляетъ строеніе желудка и кишечнаго канала у рыбъ. Рыбы обладающія легкими имѣютъ простой кишечный каналъ безъ точно-очерченнаго желудка; въ желудкѣ карпа нѣтъ слѣпаго мѣшка, между тѣмъ какъ у сельдей онъ принимаетъ конусообразную форму съ идущей вверхъ вѣтвью. Лососи, ведущія разбойническую жизнь, обладаютъ большимъ, мускулистымъ желудкомъ, который переходитъ сзади въ явственно-отдѣленный, у иныхъ породъ длинный, у другихъ короткій выходной каналъ.

Весьма естественно, что у насѣкомыхъ не можетъ быть такого желудка какъ у позвоночныхъ животныхъ; здѣсь весь аппаратъ заключается въ кишечномъ каналѣ, идущемъ отъ рта, прямо или извилинами, черезъ все тѣло къ заднему проходу и распадающемся на четыре отдѣла.

Вообще, чѣмъ больше отдаляемся мы отъ позвоночныхъ животныхъ, тѣмъ ниже опускается организація пищеварительнаго аппарата. У паукообразныхъ животныхъ, напримѣръ, онъ заключается или въ простомъ проходящимъ отъ рта до задняго прохода кишечномъ каналѣ, или состоитъ изъ узкаго пищепровода, ведущаго отъ полости рта въ отличающійся большимъ количествомъ слѣпыхъ придатковъ желудокъ, изъ котораго кишка къ заднему проходу. Пищеварительный аппаратъ червей мало чѣмъ отличается отъ ихъ самихъ; у глистовъ его совсѣмъ нѣтъ.

Не останавливаясь на раковичныхъ животныхъ, на лучистыхъ животныхъ и полипахъ, упомянемъ еще въ заключеніе объ инфузоріяхъ, которыя принимаютъ въ себя пищу двоякимъ образомъ. Иногда у этихъ животныхъ вовсе нѣтъ рта, въ такомъ случаѣ лучистые отростки, которыми усажена оболочка ихъ тѣла, дѣйствуютъ какъ всасывающіе хоботки насѣкомыхъ; они хватаютъ добычу (другихъ инфузорій) и, точно черезъ трубку переливаютъ ихъ тѣло въ свое собственное; у нѣкоторыхъ же инфузорій мы находимъ опредѣленно организованныя мѣста для принятія пищи и для выдѣленія негодныхъ для организма веществъ. Но кишечнаго канала нѣтъ ни у которыхъ изъ нихъ.

Хотя во всемъ сказанномъ мы бросили лишь поверхностный взглядъ на различные пищеварительные аппараты животныхъ, но кажется этого достаточно, чтобы убѣдиться въ томъ, что «желудокъ» животныхъ всегда устроенъ соотвѣтственно даннымъ потребностямъ того или другаго рода животныхъ. Цѣль пищеваренія во всѣхъ организмахъ одна и та же, какъ у слона, такъ и у микроскопической инфузоріи, и голодъ и жажда есть и будутъ жесточайшими тиранами, управляющими міромъ.

«Правительству требуется сто коробовъ»! Такъ возвѣщало въ прошедшее лѣто объявленіе, прибитое на стѣнахъ китайскаго города Чу-Іинга. Но этими лаконическими словами народу давалось знать ни болѣе ни менѣе какъ то, что сто человѣкъ должны быть — *обезглавлены*. По этому случаю и вызывались работники для изготовленія коробовъ, въ которыхъ должны были нести преступниковъ на мѣсто казни.

Въ мартѣ 1873 г. генералъ *Пангъ* былъ назначенъ китайскимъ правительствомъ для производства въ вышеупомянутомъ городѣ слѣдствія надъ всевозможными безпорядками, творившимся тамъ въ теченіи цѣлыхъ лѣтъ; такъ, жители отказывались исполнять требованія мандариновъ, колотили сборщиковъ податей, и т. п. Но чиновники всему этому вели счеты, и вотъ наступило время расплаты.

На генерала Пангъ еще за три года передъ тѣмъ было возложено подобное же порученіе въ другихъ провинціяхъ. Онъ всегда окружалъ себя сильной стражей тѣлохранителей, и дѣйствія его отличались неумолимой жестокостью. Въ Чу-Іингѣ все дрожало передъ нимъ. На этотъ разъ онъ удовольствовался предварительно восемьдесятью головами, такъ какъ казнь остальныхъ двадцати преступниковъ была отложена.

На загородномъ «кровяномъ полѣ», длинными рядами были выставлены предназначенныя для бойни жертвы; между каждымъ человѣкомъ оставалось около сажени свободнаго пространства, чтобы палачъ могъ дѣлать безпрепятственно свой взмахъ.

Палачъ приступилъ къ дѣлу и своей сѣкирой сбивалъ человѣческія головы, точно головки мака. Одинъ англичанинъ, бывшій свидѣтелемъ казни, говорилъ: «Вѣрнѣе и быстрѣе не могла бы работать ни какая гильотина»!

Въ теченіи послѣднихъ трехъ лѣтъ генералъ Пангъ велѣлъ отрубить покрайней мѣрѣ три тысячи головъ, и большая часть ихъ была отрублена «Соколинымъ клювомъ». Палачъ, маленькій коренастый человѣкъ, получилъ такое прозвище за свой горбатый носъ. Какъ мы уже видѣли, это былъ въ своемъ родѣ превосходный человѣкъ, такъ какъ искуство отрубать головы зналъ въ совершенствѣ. Нѣкогда онъ самъ находился въ числѣ бунтовщиковъ; его схватили и приговорили къ смерти. Между тѣмъ палачъ, который долженъ былъ покончить съ нимъ и съ нѣсколькими другими кандидатами на тотъ свѣтъ, дѣлалъ свое дѣло изъ рукъ вонъ плохо и махалъ зря, куда попало. Это взбѣсило Соколинаго клюва, стоявшаго уже на очереди, и онъ громко закричалъ, обращаясь къ генералу Пангу: «Неужто-же насъ всѣхъ будутъ такъ свински крошить? Снимите мнѣ цѣпи; я вамъ покажу какъ это надо дѣлать»! Пангъ согласился съ этимъ; Соколиный клювъ живо сносъ всѣ остававшіяся головы и потомъ хладнокровно потребовалъ чтобы то же сдѣлали и съ нимъ, но только поживѣе и какъ слѣдуетъ. «Нѣтъ», сказалъ генералъ Пангъ, «ты долженъ остаться жить и служить». Съ этого дня онъ сдѣлался любимымъ палачомъ генерала, который прославляетъ его за то, что онъ еще ни разу не сдѣлалъ невѣрнаго удара.

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

30-го мая, въ 10 часовъ вечера, Ея Величество Государыня Императрица изволила выѣхать изъ Царскаго-Села за границу.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше повелѣно: бывшимъ колонистамъ, исключеннымъ бывшею Саратовскою конторою иностранныхъ колонистовъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 14-го марта 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, составляющаго примѣчаніе къ Уст. 435 ст. Колонист. по продолж. 1868 г., за самовольное переселеніе на Кавказъ изъ колонистскаго званія и никуда затѣмъ не приписавшимся, разрѣшить, въ видѣ изъятія, приписаться къ прежнимъ ихъ обществамъ на правахъ бывшихъ колонистовъ вездѣ, гдѣ общества изъявятъ согласіе принять ихъ, предоставивъ имъ вмѣстѣ съ тѣмъ право приписки и къ другимъ обществамъ поселянъ-собственниковъ (бывшихъ колонистовъ), гдѣ имѣются излишнія земли, на основаніи ст. 16 правилъ 4-го іюня 1871 года, безъ пріемныхъ отъ тѣхъ обществъ приговоровъ.

— Высочайше повелѣно: прекративъ, съ 1-го января 1874 года, взиманіе съ крымскихъ татаръ сбора по *сорокъ три копѣйки* съ души на устройство Таврическаго полуострова, сравнить сихъ татаръ съ того же срока по окладамъ подушной подати съ прочими податными сословіями Таврической губерніи, состоящими на общихъ окладахъ.

— Высочайше повелѣно: предоставить Министру Государственныхъ Имуществъ право отдавать Обществамъ желѣзныхъ дорогъ въ аренду безъ торговъ небольшіе участки казенныхъ земель въ одномъ мѣстѣ не свыше 25 десятинъ, срокомъ до 24 лѣтъ собственно для выемки песку, камня, гравія и другихъ матеріаловъ для сооруженія и ремонта рельсовыхъ путей за плату, которую Министръ Государственныхъ Имуществъ признаетъ выгодною, но не иначе, какъ съ его, Министра, каждый разъ утвержденія.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ: лицамъ, получившимъ въ бытность ихъ въ унтеръ-офицерскомъ званіи золотыя и серебряныя медали съ надписью «за усердіе», для ношенія на шеѣ, продолжать носить эти медали и по производствѣ сихъ лицъ впослѣдствіи въ офицерскій или классный чинъ.

Библиотека "Руниверс"

НАРОДНОЕ ПРОСВѢЩЕНІЕ.

— 18-го сего мая происходилъ въ Императорскомъ Училищѣ Правовѣдѣнія тридцать пятый выпускъ воспитанниковъ, кончившихъ курсъ наукъ. Изъ нихъ четырнадцать утверждены въ чинѣ *титулярнаго совѣтника*, трое въ чинѣ *коллежскаго секретаря* и двое въ чинѣ *губернскаго секретаря*.

Всѣ поименованныя лица опредѣлены на службу въ Департаментъ Министерства Юстиціи.

Причемъ, гг. Котляревскій и Васильевъ за благонравіе и преосходные успѣхи въ наукахъ награждены *золотыми* медалями, а имя и фамилія перваго изъ нихъ изображены золотыми буквами на мраморной доскѣ въ конференцъ-залѣ Училища; гг. Шамшинъ и Страховъ награждены *серебряными* медалями.

— Члены собравшагося 19-го февраля схода Кольско-Лопарской волости, имѣя въ виду обнародованіе всесословной воинской повинности, пришли къ убѣжденію о необходимости завести въ своемъ обществѣ приходскія школы для обученія своихъ мальчиковъ грамотѣ и общую школу шкиперскихъ курсовъ для приготовленія моряковъ.

— Изъ Одесскаго уѣзда пишутъ въ «Одес. Вѣстникъ», что въ виду предстоящей всесословной воинской повинности, волостной сходъ Кандинской волости, населенной нѣмцами, постановилъ имѣть при всѣхъ сельскихъ школахъ учителей русскаго языка, назначивъ имъ содержаніе 350 — 500 рублей изъ волостнаго капитала.

— Благодаря тому обстоятельству, что Керченская Дума сдѣлала постановленіе о выдачѣ въ пособіе каждой открывающейся въ поселкахъ градоначальства школѣ въ 200 р., уже въ пяти поселкахъ открыты, какъ сообщаютъ въ «Одесскомъ Вѣстникѣ», *элементарныя народныя школы для мальчиковъ и дѣвочекъ*.

— На Оедоровскихъ заводахъ, Осинскаго уѣзда Пермской губерніи, открыты недавно публичныя чтенія для заводорабочихъ. На первое чтеніе, устроенное въ домѣ владѣльца заводовъ А. Ѳ. Чердынцева, собралось 60 слушателей. Предметомъ чтенія была русская исторія. По окончаніи чтенія нѣкоторые слушатели благодарили г. Чердынцева и лектора. Послѣ втораго чтенія зашла рѣчь о томъ, не пожелаетъ ли кто изъ слушателей учиться грамотѣ. Для примѣра одинъ изъ нихъ былъ обученъ очень скоро, и этого было достаточно, чтобы привлечь быстро къ ученію и другихъ рабочихъ; число изъявившихъ желаніе учиться скоро достигло до 20 человѣкъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— 24-го мая пароходъ «Онега», подъ брейдъ-вымпеломъ Его Императорскаго Высочества Государя Наслѣдника Цесаревича, подошелъ къ Восточному Кронштатскому рейду, гдѣ встрѣтилъ его катеръ съ главнымъ командиромъ, начальникомъ Штаба и адъютантомъ. Пароходъ «Онега» остановился для принятія главнаго командира и затѣмъ продолжалъ идти на Большой рейдъ на встрѣчу идущей съ моря построенной въ Англіи яхтѣ Государя Наслѣдника «Славянка». Подойдя къ яхтѣ у Толбухина, Государь Наслѣдникъ и Ея Императорское Высочество Государыня Цесаревна переѣхали на яхту «Славянка», на которой, подъ Своимъ брейдъ-вымпеломъ, отправились въ Петербургъ въ сопровожденіи парохода «Онега».

— Его Императорское Высочество Генералъ-Адмиралъ, прибывъ въ *Кронштадтъ*, какъ сообщается въ «Кронш. Вѣстникѣ», 23-го мая вечеромъ, съ утра слѣдующаго дня изволилъ начать осмотръ судовъ, находящихся въ докахъ и изготовляющихся въ кампанію сего лѣта. Осмотръ судовъ Великимъ Княземъ Генералъ-Адмираломъ продолжался слишкомъ до 5 часовъ вечера.

УЧЕНЫЯ И ДРУГІЯ ОБЩЕСТВА.

— По свѣдѣніямъ Николаевскаго Окружнаго Правленія Общества поданія помощи при кораблекрушеніяхъ, въ апрѣлѣ настоящаго года было два случая крушенія судовъ на Черномъ морѣ. Команды обоихъ судовъ спасены.

— 16-го мая состоялось въ Варшавѣ засѣданія Отдѣла дешевыхъ кухонь. На засѣданіи этомъ прочитанъ былъ отчетъ о дѣйствіи кухонь въ прошломъ году. Изъ отчета этого между прочимъ видно, что въ *одной* кухнѣ въ отчетномъ году обѣдало 118.055 человѣка, а въ другой — 99,339 человѣкъ. Въ теченіи года израсходовано на обѣ кухни 21,231 рубль. Недобору оказалось 971 рубль.

СОДЕРЖАНІЕ: Версаль (съ рисункомъ). — Павлинъ. Разсказъ Н. Лѣскова-Стебницкаго (окончаніе). — Найденная жена. — Кавказъ (съ рисункомъ). — Народы Россіи. XX. Алеуты (съ рисункомъ). — Потрава (съ рисункомъ). — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

Семейный перваго сбора, черный розанистый китайскій чай, замѣчательный необыкновенно пріятнымъ вкусомъ, ароматомъ и сильнымъ настоемъ. Чай этотъ удовлетворитъ самому требовательному вкусу большинства потребителей, а въ семействѣ, гдѣ чая расходуется много, тамъ, при другихъ достоинствахъ этого чая, спорость его будетъ оцѣнена въ особенности. **Цѣна этому чаю 2 руб.** за фунтъ. Какъ рѣдкость рекомендуется любителямъ и знатокамъ черный чай, выбранный изъ высшихъ сортовъ перваго сбора, цѣною за фунтъ **2 рубля 50 коп. и 2 руб. 60 коп.** Получать можно только въ московскихъ чайныхъ магазинахъ «Кяхта», Петра Лебедева и фирмы М. Корещенко, въ **С.-Петербургѣ, по Казанской улицѣ, (бывшая Большая Мѣщанская), противъ Ломбарда, д. Глазунова, № 8—10; на Невскомъ пр., противъ церкви Знаменія, д. Маркевича; на углу Вознесенскаго пр. и Екатерининскаго канала, у Вознесенскаго моста, д. Макарова.** Въ Москвѣ, въ Охотномъ ряду, въ д. Мѣщанскаго Общества, гдѣ гостинница «Лондонъ». Пересылку чаевъ магазинъ «Кяхта» принимаетъ на свой счетъ только при требованіи не менѣе пяти фунтовъ чаю въ одномъ ящикѣ. Гг. иногородныхъ съ требованіями и за условіями покорно прошу обращаться по слѣдующимъ адресамъ: въ С.-Петербургѣ, Казанская улица, магазинъ «Кяхта», Петру Петровичу Лебедеву; въ Москвѣ: въ Охотный рядъ, магазинъ «Кяхта», Петру Петровичу Лебедеву.

Гг. Торговцы, желающіе производить торговлю чаями Петра Лебедева и фирмы М. І. Корещенко, или одной только фирмы М. І. Корещенко, могутъ получать чай на особенно выгодныхъ условіяхъ; вывѣски для гг. торговцевъ высылаются отъ магазина безплатно.

ОТЪ РЕДАКЦІИ „НИВЫ“

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСОВЪ.

Покорнѣйше просимъ Гг. подписчиковъ нашихъ, при перемѣнѣ адреса высылать:

1) за перемѣну: С.-Петербургскаго на иногородный . . . . 60 к.
2) » » Иногороднаго на С.-Петербургскій . . . . 50 »
3) » » Иногородные при перемѣнѣ адреса (изъ одного города въ другой) благоволятъ присылать 30 коп. почтовыми марками, которыхъ не надо застраховывать.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*) »

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.

Издатель „Нивы“ А. Ф. Марксъ.

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы“ заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугода по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27. Также принимается теперь подписка на второе полугодіе, съ № 27, отъ новыхъ подписчиковъ, по вышепоказаннымъ цѣнамъ. Во 2-мъ полугодіи будутъ помѣщены разныя большія повѣсти, между прочимъ **П. Боева**.—Что случилось съ Петромъ Петровичемъ, г. **Каразина**— Двуногій волкъ, г. **Шкляревскаго**—разсказъ судебнаго слѣдователя и пр. и пр.

Дозволено цензурою. 7 іюня 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

№ 25 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 17-го іюня 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

Монбланъ.

Монбланъ, высочайшая гора европейскихъ Альповъ вообще, въ то же время и наивысшая вершина одной изъ наиболѣе рѣзко-очерченныхъ и обособившихся центральныхъ альпійскихъ массъ, которая тянется на разстояніи $5^1/_2$ миль отъ югозапада къ сѣверовостоку, отдѣляя Фосинью (нынѣ уголокъ французской Савойи) отъ Пьемонта, а сѣверовосточными отрогами заходитъ даже въ швейцарскій кантонъ Валлисъ. Охваченный съ обоихъ боковъ глубокими продольными долинами, съ сѣвера знаменитою долиною Шамуни, съ юга валлійскою и пьемонтскою долиною Фере и такъ называемою Allée blanche (бѣлый проходъ), горный хребетъ этотъ достигаетъ на сѣверовостокѣ Роны, а на юговостокѣ — лежащаго на высотѣ 7.520 футовъ col de Bonhomme'a. Въ 4—5 дней можно обойдти весь хребетъ, слѣдуя продольными равнинами и переходя небольшіе горные отроги, пересѣкающіе ихъ: черезъ col de Balme (7,900 футовъ) переходятъ изъ долины Роны въ долину Шамуни, черезъ col de Seigne (7,530 фут.) — отъ Бонома къ Allée blanche, а черезъ col de Fereí (7.250 ф.) въ область Роны. Въ этихъ-то предѣлахъ воздымается Монбланъ громадною массою первобытныхъ горныхъ породъ, окруженною гнейсомъ, сланцемъ и осадочными образованіями, выступающими у подошвы горъ. Уже Соссюръ наблюдалъ характеристическое вѣеровидное строеніе этихъ наслоеній. Благодаря почти отвѣсному направленію плитъ гнейса и слоевъ первозданныхъ горныхъ породъ, образуются большею частью недоступныя ногѣ человѣка, крутыя пирамиды скалъ (такъ-называемыя *иглы*, aiguilles) въ группѣ Монблана, между тѣмъ какъ вершина самого царя Альповъ имѣетъ форму верблюжьяго горба — 150 футовъ длины и 50 фут. ширины—и возвышается надъ всѣми этими иглами. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ, высота его простирается до 14.776 футовъ (15.744 англійскихъ футовъ по измѣренію Форбеса и 14,760 парижскихъ футовъ по Соссюру), а высота иглъ колеблется между 9.000 и 13.000 футовъ. Aiguille du Midi (южная игла) на сѣверѣ высится на 12.031 футъ; aiguille verte (зеленая игла) на сѣверовостокѣ имѣетъ 12,603 фута; aiguille de geant (игла великана) на востокъ отъ вершины Монблана достигаетъ 12,022 футовъ. На западѣ хребта горныя массы до самой вершины Монблана образуютъ тѣсно-сплоченное цѣлое, между тѣмъ какъ на сѣверовостокъ отъ него иглы распредѣляются двумя главными рядами,

Восхожденіе на Монбланъ. Рисовалъ и гравировалъ О. Ротъ.

Библиотека "Руниверс"

охватывающими систему долинъ, изъ которыхъ собирается знаменитый ледникъ Mer de glace (ледяное морс) въ долинѣ Шамуни, превосходно видимый съ вершины Монтанвера (5911 футовъ). Ни одна долина, ни даже сколько нибудь глубокое ущелье не прорѣзываетъ южнаго высочайшаго гребня горъ, за исключеніемъ труднодоступнаго и лежащаго на высотѣ 10,458 футовъ прохода col du Geant, ведущаго на югъ. Здѣсь-то погибъ недавно смѣлый русскій путешественникъ и естествоиспытатель Ѳедченко, предпринявшій изслѣдованіе этого ледника для сравненія съ нимъ ледниковъ Средней Азіи. Какъ сообщалось въ газетахъ, смерть постигла неутомимаго дѣятеля науки—благодаря безпечности и не добросовѣстности проводниковъ, которые сначала не приняли необходимыхъ предосторожностей для труднаго восхожденія, а затѣмъ когда истощенный отъ холода и усталости путешественникъ выбился изъ силъ и упалъ среди *Ледянаго моря* — покинули его въ этой пустынѣ, заботясь лишь о собственномъ спасеніи.

Гдѣ только крутизна утесовъ не мѣшаетъ снѣгу держаться, всѣ вершины покрыты вѣчнымъ снѣгомъ и льдомъ, съ поверхности которыхъ во всѣ тѣснины и ущелья стремятся ледники, сливающіеся въ *Ледяное море*. Изъ 20 болѣе или менѣе обширныхъ ледниковъ сѣверной стороны достойны упоминовенія: glacier du Miage, de Bionassais, des Bossons, d'Argentien и знаменитое Mer de glace. Между еще болѣе многочисленными но меньшихъ размѣровъ ледниками южной стороны замѣчательны: Rniz de Miage и glacier de Brenva. Съ вершины Бренвента и съ высоты обѣихъ скалистыхъ башень, Монъ-Шетифа и Монъ-ла-Сакса, открывается великолѣпный видъ на всю горную массу отъ подножія до высочайшихъ вершинъ. Эти горные ландшафты оставляютъ далеко за собою красоту Андовъ—и только Гималайскій хребетъ побѣдоносно превосходитъ ихъ своимъ несравненнымъ величіемъ. Вершины col de Balme и col de Seigne также весьма удобны для обозрѣванія хребта.

Первое восхожденіе на Монбланъ было совершено Жакомъ Бальма изъ долины Шамуни въ іюнѣ 1786 года, затѣмъ предпринялъ восхожденіе д-ръ Паккаръ изъ Женевы 8 августа 1786 и Соссюръ 1 августа 1787 г. Съ тѣхъ поръ на Монбланъ всходили все чаще и чаще—даже дамы. Денежная стоимость этого подвига, на который тратится 2—3 дня, простирается отъ 600—700 франковъ. Какъ обширна должна быть панорама съ Монблана вполнѣ ясно видимая лишь при рѣдкомъ стеченіи всѣхъ благопріятныхъ условій) можно себѣ представить изъ обзора отдаленныхъ мѣстностей, откуда видна вершина Монблана: его видно изъ Іюна, съ вершинъ Дижона, съ высоты Лэнгра, съ вершинъ Вейсенштейна въ Юрѣ, съ Лигурійскихъ альпъ и съ Миланскаго собора.

Антипатичный человѣкъ.

(Изъ дневника бывшей институтки).

1 января.—Насилу выбрала свободную минуту, чтобъ написать хоть нѣсколько словъ для начала. Какъ это мнѣ цѣлые полтора года не пришло на мысль писать дневникъ? Однако, уже полтора года минуло съ тѣхъ поръ, какъ я разсталась съ институтомъ... Боже, какъ скоро идетъ время! Какъ-то встрѣтила Новый годъ моя несравненная, моя обожаемая Соня, въ глухой деревушкѣ, гдѣ и порядочнаго общества-то нѣтъ?! Бѣдная! Кажется, я ни за что, ни за какія блага не пошла-бы въ гувернантки. Какъ я рада, что у меня все есть и не нужно жить «самостоятельнымъ трудомъ».... Пишу эти слова и хохочу какъ сумасшедшая, потому что вспоминаю анекдоты объ женскомъ самостоятельномъ трудѣ, которые такъ уморительно разсказываетъ дядя Володя. Мнѣ ужасно нравится, что онъ мнѣ и кузинѣ говоритъ рѣшительно все... А то такъ досадно бываетъ! разсказываютъ что-нибудь дамамъ (вотъ хоть-бы m-r Zalussky), потомъ на самомъ интересномъ мѣстѣ взглянутъ на насъ и говорятъ: «я докончу послѣ»... Точно мы дѣти и ничего не понимаемъ!... Je vous salue, m-r Zalussky! я, можетъ быть, не хуже вашего все знала еще въ институтскихъ стѣнахъ.

На дняхъ мнѣ пришла фантазія подурачить тётю. Я состроила самую постную физіономію и спрашиваю:

— Ma tante! объясните мнѣ, отчего рождаются дѣти.

Тётя пристально оглядѣла меня, сдѣлалась очень-очень серіозна и говоритъ:

— Они, душечка, происходятъ оттого, что если дѣвушка любитъ мужчину и выходитъ за него замужъ, то сердце у нея такъ сильно бьется и все внутри такъ волнуется, что отъ этого рождается ребенокъ.

Я чуть-чуть не расхохоталась, но кое-какъ удержалась и говорю тётѣ:

— Но вѣдь и мужчины, вѣроятно, волнуются, когда женятся; отчего-же они не рожаютъ?—И тутъ не выдержала... улыбнулась.

Тётя ужасно разсердилась, сказала, что я неблагодарная, испорченная дѣвчонка, и пожаловалась maman. Maman стала мнѣ читать нотацію, но когда тётя ушла, она разсмѣялась, надрала мнѣ ушко и назвала шалуньей. Безцѣнная maman! Ахъ, вотъ ея шаги; нужно скорѣе спрятать тетр...

—

7 января.—Всѣ эти дни, или, вѣрнѣе, ночи, я танцовала до упаду и ужасно измучилась; maman находитъ, что я даже поблѣднѣла. Нужно будетъ нѣсколько дней просидѣть дома, побольше спать, и тогда все придетъ въ порядокъ. А чтобъ не было скучно, буду читать романы. Тётя думаетъ, что я читаю тѣ нравоучительныя книги, которыя она мнѣ даетъ.... Какъ это наивно съ ея стороны! Онѣ всѣ, старыя дѣвы, такія.... Кто знаетъ, можетъ быть и меня ждетъ такая-же участь. О, это ужасно! Но нѣтъ,—всѣ говорятъ, что я хорошенькая, а тётя была дурнушка; это и по портрету видно...

Но что-же все-таки я буду читать? Книги мнѣ доставляетъ по большей части кузина, которая абонировалась тайкомъ въ библіотекѣ. Но у нея такой странный выборъ.. Сегодня, напримѣръ, она мнѣ привезла «Бѣлую руку съ чернымъ пальцемъ» и другой романъ съ ужасно смѣшнымъ заглавіемъ: «Ночные звуки»... Нѣтъ, я предпочитаю французскихъ писателей; у нихъ такъ много чувства.... Вотъ недавно я прочла «Femme du feu»... какъ это хорошо! я не могла оторваться. Дядя Володя обѣщалъ мнѣ принести, въ замѣнъ ее, Дроза, но что-то не несетъ. Совсѣмъ онъ завертѣлся съ своимъ театромъ Буффъ. У, противный!..

Нечего дѣлать—примусь за «Бѣлую руку».

—

10 января.—Сегодня у насъ появилась новая личность господинъ Рукавицынъ — служитъ съ рара въ земствѣ. Блондинъ, съ маленькой эспаньолкой; черты лица гордыя и умныя. Я люблю такія физіономіи. Только онъ, кажется, очень серіозенъ,—все больше съ рара говорилъ — и притомъ носитъ нѣсколько длинные волосы, что, по словамъ дяди Володи, служитъ признакомъ нигилизма. Впрочемъ, дядя можетъ быть говоритъ это потому, что у нихъ, у военныхъ, не позволяется имѣть длинные волосы... Тутъ дурнаго вѣдь ничего нѣтъ? Притомъ, г. Рукавицынъ пишетъ въ газетахъ, а всѣ литераторы и артисты, сколько мнѣ ни случалось ихъ видѣть,—всѣ носятъ длинные волосы.

Между прочимъ, я замѣтила, что г. Рукавицынъ нѣсколько разъ довольно пристально посмотрѣлъ на меня.... Какъ это нужно понимать?

—

12 января.—Вчера каталась по Невскому и видѣла г. Рукавицына. Онъ шелъ быстро и задумчиво, никого не замѣчая. Насъ онъ вѣроятно и не видѣлъ совсѣмъ.

—

16 января. — Онъ былъ у насъ вчера вечеромъ и все больше говорилъ съ мужчинами и пожилыми дамами. Странный вкусъ! Не танцуетъ. Ко мнѣ не подошелъ во весь вечеръ. Я въ этомъ нисколько не нуждаюсь и не претендую, но нахожу, что это невѣжливо. Впрочемъ, можно-ли ожидать любезности и вниманія отъ этихъ господъ! Я удивляюсь, какъ онъ еще перчатки носитъ...

—

20 января.—Рара въ восторгѣ отъ г. Рукавицына,—отъ его ума, таланта и краснорѣчія. Не понимаю, что въ немъ

Библиотека "Руниверс"

такого особеннаго... Мы сегодня разбирали его съ кузиною и нашли, что рѣшительно нѣтъ ничего интереснаго.

Дядя Володя находитъ, что онъ такія идеи высказываетъ, за которыя его не слѣдуетъ и въ домъ пускать.... А papa восхищается и говоритъ, что «дай Богъ такихъ людей побольше»... Они даже немного поспорили изъ-за этого. Papa нахмурился и, чтобы покончить разговоръ, замѣтилъ:

— Я не насилую чужихъ мнѣній, но хочу, чтобъ то же дѣлали и относительно меня.

На мой взглядъ, дядя Володя былъ совершенно правъ.

—

27 января.—Каково!—Дора тоже перешла на его сторону. Я такъ съ нею спорила, что даже въ концѣ концовъ расплакалась отъ досады. Не будь она моя сестра, я-бы совсѣмъ разсорилась съ нею.

На послѣднемъ вечерѣ онъ не обращалъ на меня рѣшительно никакого вниманія и только поклонился издали; я, разумѣется, небрежно кивнула головою... Сестра-же, напротивъ, вела съ нимъ очень продолжительную бесѣду. Я удивляюсь, какъ это позволяетъ ей мужъ. Если-бы я была мужчиною, я ни за что не допустила-бы, чтобъ моя жена такъ вольничала. У насъ дамы вообще слишкомъ много себѣ позволяютъ...

—

4 февраля.—Сегодня каталась съ maman, потомъ обѣдали у Ридеиовъ, вечеромъ были въ большомъ театрѣ на новомъ балетѣ. Но мнѣ все что-то скучно... такая тоска и досада!.. Пріѣхала домой, легла въ постель и... расплакалась. Отчего это? рѣшительно не понимаю. Вѣроятно, нервы...

Ни вчера, ни третьяго дня его не видѣла. Почему онъ не былъ у насъ на вечерѣ?

—

5 февраля.—Сегодня онъ у насъ обѣдалъ и они горячо совѣщались съ papa о какихъ-то земскихъ вопросахъ. Нечего сказать, очень интересно было для насъ! Потомъ онъ удостоилъ меня своего милостиваго вниманія. Я, не знаю почему, сконфузилась... О, какъ я ненавижу этого человѣка!

—

7 февраля.—Въ 2 часа была у меня кузина и мы долго говорили съ нею о господинѣ Рукавицынѣ. И что-жъ въ результатѣ? Она заключаетъ почему-то, что я въ него влюблена... Мнѣ такъ и хотѣлось сказать ей по институтски: «ахъ, душка, какая вы дура»!.. да удержалась.

—

16 февраля.—Хоть уже поздно и я ужасно устала, но не могу все-таки не занести сегодняшнихъ впечатлѣній. Въ мазуркѣ m-r Zalussky изобрѣлъ фигуру такого рода: очередной кавалеръ бросаетъ платокъ, а дамы ловятъ—и какая поймаетъ, та и танцуетъ съ нимъ. M-r Zalussky, конечно, остался не въ убыткѣ отъ своей выдумки, потому что къ нему сошлись всѣ дамы, но когда очередь дошла до m-r N., весьма скромнаго и застѣнчиваго молодаго человѣка, — не поднялась ни одна, и онъ опустился въ самомъ отчаянномъ положеніи. Тогда я встала и прямо подала ему руку. Онъ посмотрѣлъ на меня чуть не со слезами на глазахъ... Ужасно безжалостны наши барышни! Я была очень рада, что могла доставить удовольствіе этому бѣдному молодому человѣку.

За креслами, кажется, стоялъ m-r Рукавицынъ и все время смотрѣлъ на меня такимъ ласковымъ взглядомъ.... Впрочемъ, можетъ быть, я ошиблась...

—

19 февраля.—Я была у Доры и застала его въ голубой гостиной. Мы проболтали втроемъ часа два. Какъ онъ хорошо и просто говоритъ!... видно, что отъ души. Онъ разсказывалъ о какой-то дѣвушкѣ, которая хотѣла учиться, а ей не позволяли, и она бросилась съ отчаянія въ ужасную жизнь. По его мнѣнію, нашимъ женщинамъ нужно давать болѣе серіозное образованіе, — тогда только онѣ будутъ истинными помощницами и подругами мужей. Это кажется очень вѣрно; мы такъ мало знаемъ... Вотъ когда говорятъ о земствѣ, я всегда скучаю, а можетъ быть, еслибъ я была умнѣе, то находила-бы такой разговоръ интереснымъ. Мнѣ стало такъ грустно.... Бѣдная эта дѣвушка, которая хотѣла учиться!

—

22 февраля.—Я опять была у Доры и снова застала его. Оказывается, что Сергѣй Ивановичъ (такъ зовутъ Рукавицына)—товарищъ ея мужа и жилъ прежде въ своемъ имѣніи, въ провинціи. Мы очень пріятно провели время. Я, кажется, ошибалась въ немъ... Теперь онъ мнѣ представляется нѣсколько въ иномъ свѣтѣ.

—

30 марта.—Давно я не писала ничего, потому что не хотѣлось. Теперь моя душа такъ полна... Боже, какъ я люблю его! О, навѣрно теперь нѣтъ женщины счастливѣе меня! И сколько въ немъ доброты и мягкости подъ этою суровою оболочкою!.. Какъ хорошо звучали слова признанія! они записались въ моемъ сердцѣ на всю жизнь. Милый, хорошій, дорогой, обожаемый Serge!.. Какъ я буду за нимъ ухаживать! Онъ будетъ учить меня всему, всему, потому что я хочу быть его *настоящей* подругой, хочу, чтобъ онъ цѣнилъ меня... Одно не хорошо—это фамилія. M-me Rouka vitzine!—точно купчиха какая... Впрочемъ, у меня вѣдь на карточкѣ будетъ написано née comtesse Naïnsky... Но что это я занимаюсь такимъ вздоромъ? онъ навѣрно разсмѣялся бы, еслибъ услышалъ.... Не все-ли равно, какъ называться? А все-таки.... Но я никогда, никогда не скажу ему объ этомъ!

Н. Юговъ.

Какъ произошелъ фаэтонъ.

Въ восьмидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія, когда на англійскомъ престолѣ сидѣлъ Георгъ III, еще не выказывавшій въ то время того слабоумія, въ какое онъ впалъ впослѣдствіи,—сыну его, наслѣднику англійскаго престола, принцу Уэльскому доставляло особенное удовольствіе дѣлать все наперекоръ своему отцу, министрамъ и парламенту; онъ только на время исправился ставъ принцемъ - регентомъ, но послѣ смерти своего слабоумнаго отца, вступивъ на англійскій престолъ подъ именемъ Георга IV, снова вернулся къ прежнему образу жизни.

Карльтонгоузъ служилъ въ означенное выше время сборищемъ виговъ и писателей ихъ партіи; кромѣ того, сюда стекались блестящіе кутилы, интересные портреты которыхъ сохранились для потомства въ мемуарахъ того времени. Остроумный Шериданъ, извѣстный своими комедіями и парламентскими рѣчами (изъ которыхъ и тѣ и другія одинаково превосходны) былъ тамъ своимъ человѣкомъ, и много толпилось тамъ такихъ людей, какими Альбіонъ вполнѣ вправѣ гордиться; всѣ они были немного легкомысленны, но занимали высокое мѣсто по уму и образованію. Между этими личностями попадались и такія, которыя безъ особенныхъ умственныхъ дарованій умѣли, своей изобрѣтательностью и вкусомъ въ области моды, пріобрѣсти неограниченное вліяніе на весь этотъ кружокъ и сдѣлать свою внѣшность законодательницей цѣлаго періода времени. Между такими людьми отличался знаменитый *Бруммель*, геніальный изобрѣталь длинныхъ панталонъ и чернаго фрака,—мистеръ Бруммель—образецъ искусства завязывать гатстукъ, идолъ всего элегантнаго міра, кумиръ портныхъ и шляпошниковъ, творческій геній по части костюмовъ. Первое мѣсто послѣ него занималъ *сэръ Джонъ Ладе*; онъ былъ по экипажной части то же что Бруммель по части панталонъ, жилетовъ, сюртуковъ, шляпъ,—и деспотически задавалъ тонъ на всѣ экипажныя моды. Его фабрикантомъ былъ *Форстеръ*, и всѣ бѣжали къ

Библиотека "Руниверс"

этогому послѣднему, потому что у него заказывалъ Ладе. Такимъ образомъ, тотъ доставлялъ ему практику всей аристократіи.

Къ числу другихъ своеобразныхъ качествъ этихъ законодателей модъ, этихъ, какъ ихъ называли «*Beaux*»,—а величайшимъ честолюбіемъ аристократической молодежи было самимъ сдѣлаться такими же *Beaux*, или по крайней мѣрѣ, всяческими возможными и невозможными сумазбродствами, хотя по возможности приближаться къ нимъ,—слѣдуетъ прибавить то, что при ихъ баснословной расточительности, они весьма рѣдко могли похвалиться удовлетворительнымъ состояніемъ своей кассы, и обыкновенно выражались съ глубочайшимъ презрѣніемъ о необходимости платить по своимъ длиннымъ счетамъ. Впрочемъ, ни портному, ни шляпошному фабриканту, ни сапожнику, никогда и въ голову бы не пришло послать счетъ мистеру Бруммелю. Напротивъ, они еще считали величайшей милостью имѣть честь получать заказы отъ этого «*Beau*», такъ какъ это обезпечивало имъ богатую и знатную практику, — потому что портной, шляпошникъ, сапожникъ мистера Бруммеля имѣли преимущество передъ всѣми другими, даже передъ королевскими поставщиками. Однако, экипажный мастеръ сэра Джона Ладе, Форстеръ, не раздѣлялъ этой мудрой политики своихъ собратьевъ. Разъ утромъ, онъ проснулся въ дурномъ расположеніи духа, и это обстоятельство послужило къ его погибели.

Онъ сидѣлъ въ комфортабельно-устроенной конторѣ въ своемъ прекрасномъ домѣ на Лонгъ-Акрѣ, одной изъ многолюднѣйшихъ лондонскихъ улицъ, и перелистывалъ главную счетную книгу. Онъ увидѣлъ, что между его неисправными плательщиками самымъ неисправнымъ былъ знатный его покровитель, сэръ Джонъ Ладе; вотъ уже цѣлыхъ шесть лѣтъ, съ самаго начала какъ тотъ сталъ у него заказывать, ни разу еще онъ ничего не получалъ по своимъ счетамъ, которые дошли до значительной суммы, именно до 5000 фунтовъ стерлинговъ. Долгъ этотъ доросъ до такихъ размѣровъ преимущественно за эксперименты, которые заставлялъ дѣлать Ладе, придумывая разные новые фасоны, и только въ незначительной степени за дѣйствительно-доставленные экипажи. Всѣ коляски, выдуманныя и пущенныя въ ходъ сэромъ Джономъ, дѣлались въ мастерской мистера Форстера и въ безчисленномъ множествѣ поставлялись на аристократію. Въ теченіи послѣднихъ шести лѣтъ, цвѣтущее состояніе дѣлъ мистера Форстера дало ему вѣрныхъ 100,000 фунт. стерл. чистаго барыша, и кажется онъ могъ бы быть доволенъ этимъ. Самое лучшее было бы для него, не задумываясь, вычеркнуть счетъ своего важнаго покровителя, или ужъ по крайней мѣрѣ никогда и не заикаться объ немъ. Но, какъ уже сказано, мистеръ Форстеръ былъ въ это утро въ дурномъ расположеніи духа, а ужъ если человѣкъ задумаетъ дурить, такъ обыкновенно дуритъ до конца.

Какъ нарочно, именно въ ту минуту когда мистеръ Форстеръ сидѣлъ передъ своей счетной книгой, злая его судьба привела въ контору сэра Джона Ладе.

— Мистеръ Форстеръ, сказалъ вошедшій, безъ дальнѣйшихъ церемоній разваливаясь передъ фабрикантомъ въ кресла, — у меня есть идея новаго лѣтняго экипажа; я хочу въ этотъ же сезонъ пустить его въ моду. Этотъ экипажъ долженъ быть готовъ не далѣе какъ черезъ три недѣли, потому что тогда начинаются весеннія катанья въ Гайдъ-паркѣ.

— Сэръ Джонъ, отвѣчалъ мистеръ Форстеръ, — честное слово, мнѣ будетъ большой убытокъ, если выйдетъ новый фасонъ для лѣтнихъ экипажей. У меня въ магазинахъ стоитъ до тысячи экипажей теперешняго фасона, и при перемѣнѣ моды они всѣ сядутъ мнѣ на шею.

— Ну, такъ что же изъ этого, мистеръ Форстеръ? Пошлите эти экипажи въ Индію или Америку, тамъ вы ихъ продадите еще съ нѣкоторой выгодой. Я того мнѣнія, что въ этотъ сезонъ должно выдти что нибудь новое.

— Я не раздѣляю этого мнѣнія, сэръ Джонъ. Что касается вкуса, изящества, удобства и практичности, то мы достигли въ этомъ отношеніи до всего, чего только возможно требовать....

— То есть я достигъ этого! перебилъ его дворянинъ. — Такъ вы полагаете, мистеръ Форстеръ, что совсѣмъ стоите теперь на своихъ собственныхъ ногахъ, и можете обойдтись безъ меня? Вы не расположены больше, какъ прежде, приводить въ исполненіе мои идеи?

— Исполненіе вашихъ идей, сэръ Джонъ, сопряжено съ большими, весьма большими издержками. Опыты, пробы, вѣчное передѣлыванье, поглощаетъ суммы....

— Которыя вы въ тысячу разъ вернете, какъ скоро добьетесь настоящаго. Да и кромѣ того, вѣдь издержки по экспериментамъ, вовсе до васъ не касаются! Развѣ я не сказалъ вамъ шесть лѣтъ тому назадъ, когда сдѣлалъ вамъ первый свой заказъ, чтобы вы все ставили на мой счетъ?

— Совершенно справедливо, сэръ Джонъ! и я дѣлалъ это съ величайшей аккуратностью, что доказываетъ лежащая передо мною счетная книга. Только вы никогда еще не были такъ добры, чтобы поручить вашему банкиру заплатить по этому счету, который уже доходитъ теперь до 5000 фунтовъ стерлинговъ.

— Въ самомъ дѣлѣ, мистеръ Форстеръ? хладнокровно замѣтилъ дворянинъ, — я думалъ, что это составитъ гораздо больше... И вы осмѣливаетесь напоминать мнѣ о такой бездѣлицѣ, мнѣ, который сдѣлалъ васъ богатымъ человѣкомъ? Стыдитесь! я вамъ скажу, мистеръ Форстеръ, что платить экипажные счеты вовсе не въ моихъ привычкахъ....

— О, сэръ Джонъ! съ горечью воскликнулъ фабрикантъ, — еслибы я зналъ вашъ взглядъ на это....

— Еслибы вы знали его, мистеръ Форстеръ, то весьма вѣроятно не согласились бы на мои предложенія, и оставались бы всю вашу жизнь голышемъ. Такъ или нѣтъ?

— Хорошо, хорошо, сэръ Джонъ, съ досадой ворчалъ фабрикантъ, — ужъ я вижу къ чему это клонится! Вы желаете чтобы я далъ вамъ квитанцію въ 5000 ф. с. *въ подарокъ*.

— Вы безсовѣстны, мистеръ Форстеръ! вскрикнулъ дворянинъ, гнѣвно вскакивая съ мѣста. — Какъ осмѣливаетесь вы, милостивый государь, говорить мнѣ о *подаркѣ?* Слишкомъ вы ничтожная дрянь, чтобы смѣть такъ говорить со мной! Я сдѣлалъ изъ васъ богатаго человѣка, вы и забылись! Хорошо, мистеръ Форстеръ; я болѣе не буду васъ просить исполнять мои идеи. Клянусь, я оставлю васъ въ покоѣ, но это раззоритъ васъ до тла, меньше чѣмъ въ три года! Теперь, перваго попавшагося починщика стараго хлама— я сдѣлаю такимъ же знаменитымъ фабрикантомъ какимъ вы были до сегодняшняго дня, будьте въ этомъ увѣрены, мистеръ Форстеръ! Прощайте!

Съ этими словами, сэръ Джонъ Ладе внѣ себя вышелъ изъ комнаты, оставивъ мистера Форстера въ нѣкоторомъ смущеніи отъ произшедшей сцены. Онъ струсилъ; однако старался преодолѣть это чувство.—Пф!... ворчалъ онъ про себя, — чѣмъ онъ можетъ мнѣ повредить? Невозможно, чтобы онъ отнялъ у меня мою важную практику. Я пользуюсь слишкомъ большой милостью аристократіи, которая предпочитаетъ мои произведенія всѣмъ другимъ и всегда будетъ такъ дѣлать, не смотря на сэра Джона и его изобрѣтенія. Да и что онъ можетъ выдумать новаго? У насъ есть куріэли, гиги, чейрсы, виски и сотни другихъ фасоновъ. Хоть голову сломай, ничего не выдумаешь въ этомъ родѣ, чего-бы уже не существовало въ самомъ превосходномъ видѣ! А за то что онъ еще имѣлъ наглость выругать меня, я вотъ взыщу съ него мои 5000 фунт. стерл., и ужъ выжму ихъ изъ него, если только вообще тамъ есть что выжать!...

Послѣ этихъ разсужденій съ самимъ собой, мистеръ Форстеръ отлично позавтракалъ и выпилъ рюмку превосходной старой мадеры. Потомъ онъ пошелъ по мастерскимъ взглянуть на работы. Къ большому запасу экипажей, стоявшихъ въ его магазинахъ, онъ велѣлъ еще приготовить довольно большое количество хорошенькихъ лѣтнихъ экипажей, само собою разумѣется, современнаго фасона.

Сэръ Джонъ, между тѣмъ, съ раздраженіемъ вышелъ изъ

Библиотека "Руниверс"

Римлянка съ ребенкомъ. Съ картины Сушона. Грав. Этлингъ.

Библиотека "Руниверс"

улицы Лонгъ Акръ, и медленно шелъ по одному изъ переулковъ ведущихъ къ Темзѣ. Онъ внимательно глядѣлъ на вывѣски по обѣимъ сторонамъ улицы. Наконецъ, онъ повидимому нашелъ то, чего искалъ. У воротъ одного закоптѣлаго и общипаннаго домишки висѣла вывѣска, которая гласила: «*Вильямъ Лидеръ*, экипажный мастеръ; починки по самымъ дешевымъ цѣнамъ».

— Вотъ отлично! пробормоталъ успокоенный сэръ Джонъ. Онъ вошелъ въ ворота, прошелъ сначала подъ длинный навѣсъ и увидѣлъ старуху, сортировавшую тряпье. Когда онъ спросилъ ее: гдѣ найти мистера Лидера, она отослала его на задній дворъ; тамъ онъ дѣйствительно нашелъ экипажнаго мастера за работой.

Вильямъ Лидеръ былъ еще молодой человѣкъ лѣтъ тридцати; по всей очевидности, ему не очень-то легко было перебиваться на свѣтѣ. Впрочемъ, лицо у него было умное и онъ казался способнымъ работникомъ, потому что работа, которой онъ былъ въ эту минуту занятъ,—онъ чинилъ заднее колесо старой почтовой кареты, — шла у него въ рукахъ очень проворно и ловко.

Каретникъ вѣжливо снялъ свою старую шапку, когда къ нему подошелъ элегантный господинъ.

— Вѣдь вы экипажный мастеръ, мистеръ Вильямъ Лидеръ? спросилъ послѣдній.

— Точно такъ, отвѣчалъ тотъ. — Чѣмъ могу служить вашей свѣтлости?

— Вы знаете меня?

— Какъ же! Я долго работалъ въ мастерскихъ мистера Форстера—и тамъ иногда видалъ вашу свѣтлость.

— Почему же вы больше не работаете у мистера Форстера?

— Да вотъ я женился, ну и захотѣлось самому быть хозяиномъ. Да и ужъ больно трудно было ладить съ мистеромъ Форстеромъ, онъ человѣкъ своенравный...

— Просто на просто дуралей этотъ мистеръ Форстеръ! Онъ до того глупъ, что не хочетъ больше исполнять моихъ идей, и такъ дерзокъ, что напоминаетъ мнѣ о пустѣйшемъ долгѣ въ 5000 ф. стерлинговъ.

— О, о! возможно-ли это?

— Я побожился въ три года обанкротить его—и перваго встрѣчнаго починщика старыхъ рыдвановъ сдѣлать знаменитѣйшимъ лондонскимъ фабрикантомъ. Случай привелъ меня къ вамъ — вы, разумѣется, не совсѣмъ простой починщикъ, если работали у мистера Форстера, да впрочемъ, въ сущности это рѣшительно все равно...

— Ваша свѣтлость, по правдѣ я ничто иное, какъ то, чѣмъ вы меня видите, хотя конечно могъ бы быть чѣмъ и получше! У меня нѣтъ хорошихъ заказчиковъ. Я вотъ только чиню старыя почтовыя кареты да мелочныя телѣжки, да этимъ и перебиваюсь кое-какъ!..

— Ну такъ вотъ, мой милѣйшій, я намѣренъ доставить вамъ знатныхъ заказчиковъ, которыми теперь владѣетъ мистеръ Форстеръ. Я предполагаю, мистеръ Лидеръ, что вы будете въ состояніи исполнить изящно и самымъ превосходнымъ образомъ одну мою идею; это первое условіе. Если вы не надѣетесь на себя, такъ возьмите людей, могущихъ сдѣлать эту работу.

— Я думаю, что ваша свѣтлость можете спокойно довѣрить мнѣ вашу идею, краснѣя возразилъ каретникъ. — Я работалъ на первыхъ экипажныхъ фабрикахъ въ Лондонѣ. У Гольдзалля и К° я работалъ надъ дорогимъ экипажемъ для вице-короля ирландскаго, что стоилъ 7000 фунт. стерлинговъ; такія толпы приходили смотрѣть этотъ экипажъ, что въ свалкѣ было задавлено нѣсколько человѣкъ. Разумѣется, рисунокъ составилъ не я, его сдѣлалъ какой-то нѣмецъ по имени Аккерманъ; онъ былъ тогда въ товариществѣ съ Вагнеромъ, а теперь у него свой знаменитый магазинъ художественныхъ вещей и фабрика красокъ. Потомъ я работалъ у Гаттета и К° за обоими великолѣпными экипажами, что лордъ Мэкэртни, уѣзжая посланникомъ въ Китай, везъ китайскому императору, и что въ Пекинѣ надѣлали такого шума....

— Довольно, мистеръ Лидеръ! я ужъ вижу, вы какъ разъ человѣкъ какого мнѣ нужно!

Сэръ Джонъ вынулъ изъ кармана портфель и досталъ изъ него маленькій, имъ самимъ сдѣланный рисунокъ; онъ изображалъ изящный экипажъ легчайшей и прелестнѣйшей формы, какую только можно себѣ представить.

— Посмотрите-ка на эту вещицу, мистеръ Лидеръ. Это изобрѣтенный мною новый легкій экипажъ; я окрестилъ его *фаэтономъ*. Соорудите мнѣ такой экипажъ въ три недѣли, какъ только возможно лучше; тамъ ужъ дальше увидите, что изъ этого выйдетъ. Стоитъ только мнѣ показаться въ этомъ экипажѣ въ Гайдъ-паркѣ, такъ не пройдетъ нѣсколькихъ дней, какъ вся аристократія закажетъ вамъ такіе фаэтоны. Само собою разумѣется, я скажу всѣмъ, что мой фабрикантъ больше не Форстеръ, а вы. Такой экипажъ, въ томъ видѣ какъ я его хочу, можетъ стоить фунтовъ 200. Въ первую же недѣлю, послѣ моего появленія съ фаэтономъ въ Гайдъ-Паркѣ, вамъ ихъ закажутъ штукъ 500; это составитъ 100,000 фунт. стерл. Еще такое же количество будетъ заказано въ теченіи лѣта, значитъ вотъ еще 100,000 фунт. Когда эти суммы поступятъ въ вашу кассу, мистеръ Лидеръ, то за очищеніемъ всѣхъ расходовъ, вамъ останется хорошенькій капиталецъ, и вы сдѣлаетесь богатымъ человѣкомъ...

Бѣднаго каретника ошеломило исчисленіе такихъ громадныхъ суммъ; немного погодя, онъ, глубоко вздыхая, жалобнымъ голосомъ проговорилъ: — Но, ваша свѣтлость, изъ какихъ же средствъ заведу я такую большую фабрику, гдѣ-бы можно было исполнять всѣ эти заказы?

— Пустяки! развязно отвѣчалъ аристократъ. — Достанетъ ли вашихъ средствъ, мистеръ Лидеръ, на то чтобы черезъ три недѣли сдѣлать заказанный мною экипажъ въ самомъ превосходномъ видѣ?

— Да, возразилъ послѣ нѣкотораго размышленія каретникъ, — матерьяловъ я могу купить, настолько у меня хватитъ кредита, а экипажъ я сдѣлаю одинъ. Но мнѣ непремѣнно надо будетъ какъ можно скорѣе покрыть свои расходы, иначе я буду въ большомъ затрудненіи.

— Вы поставите мнѣ, мистеръ Лидеръ, цѣну моего экипажа, 200 фунт. стерл. на счетъ, хладнокровно сказалъ вслѣдъ за тѣмъ сэръ Джонъ. — Когда вы получите эти деньги, это знаютъ боги, лучше чѣмъ я....

— Но...

— Слушайте! Фаэтонъ произведетъ такой фуроръ въ Гайдъ-паркѣ, о какомъ я вамъ говорилъ; само собою, вы должны будете представить рисунокъ и описаніе экипажа въ патентное бюро, и получить патентъ, который-бы обезпечивалъ въ вашу единственную собственность форму и конструкцію новаго экипажа. Найдется много денежныхъ людей, которые ссудятъ вамъ большія суммы для заведенія фабрики, какъ скоро узнаютъ, что вы заручились большими заказами. Если вы можетъ быть не имѣете сношеній съ банкирами, то я имѣю ихъ достаточно, и я вамъ пришлю такого господина, когда понадобится. Вамъ придется заплатить очень большіе проценты и имѣть сначала много убытковъ, мистеръ Лидеръ. Но не бойтесь ничего этого! Вы впослѣдствіи разгоните все это въ счеты вашихъ аристократическихъ заказчиковъ; они привыкли платить въ три-дорога и не скупятся дать за экипажъ тридцатью или сорока фунтами больше, лишь-бы онъ былъ красивъ и изященъ. Также и сумму въ 5000 ф. с., что я долженъ мистеру Форстеру, вы переведете на свой счетъ, и также разгоните ее на триста или четыреста другихъ счетовъ. Значитъ мнѣ нечего больше и заботиться объ этомъ вздорѣ. Понимаете? Вы должны будете въ свое время заплатить за меня эти деньги мистеру Форстеру, но не ждите получить отъ меня ни словечка благодарности. Предварительно вамъ необходимо нанять контору въ одной изъ главныхъ улицъ Лондона, для пріема заказовъ. Вы должны это устроить черезъ три недѣли, чтобы мнѣ можно было давать вашъ адресъ. Остальное пойдетъ само собою. Заказы польются къ вамъ со всѣхъ сторонъ, необходимыя денежныя средства будутъ вамъ даны, вы наймете мастеровъ и учредите большую фабрику, въ родѣ той какою владѣетъ те-

Библиотека "Руниверс"

перь мистеръ Форстеръ; вы сдѣлаетесь его конкурентомъ и прогоните его съ поля битвы. Все это весьма просто, мистеръ Лидеръ. Если у васъ есть хоть капелька мозга, то вы разумѣется примете мои предложенія. Даю вамъ три минуты на размышленіе.

Сэръ Джонъ вынулъ изъ кармана свои дорогіе часы и сталъ смотрѣть на циферблатъ, напѣвая арію изъ итальянской оперы.

Минуты двѣ въ душѣ мистера Лидера происходила страшная буря. Но такъ какъ онъ былъ весьма неглупый человѣкъ, то быстро рѣшился рискнуть парой жалкихъ пфенинговъ, сбереженныхъ на черный день,—чтобы впослѣдствіи загребать деньги кучами. Онъ обладалъ настоящимъ дѣловымъ умомъ, дѣлавшимъ его способнымъ пускаться въ большія спекуляціи. Своимъ вѣрнымъ взглядомъ онъ тотчасъ же понялъ, что предложеніе сэра Джона имѣетъ весьма реальную почву—и его вовсе нельзя назвать безумной причудой взбалмошнаго аристократа.

И такъ, онъ объявилъ, что готовъ предпринять и исполнить все угодное сэру Джону. Онъ обѣщалъ немедленно же нанять нарядную контору въ Лонгъ Акрѣ, отложить въ сторону всѣ свои починки и денно и нощно работать надъ фаэтономъ, который долженъ быть мастерскимъ произведеніемъ. Онъ обязался при первой возможности заплатить мистеру Форстеру 5000 и нѣсколько фунтовъ стерлинговъ, и натурально никогда не имѣть низости безпокоить сэра Джона какимъ либо счетомъ или тому подобной нелѣпостью; напротивъ каждый заказъ сэра Джона будетъ приниматься съ вѣчной благодарностью, какъ особенная милость.

Сэръ Джонъ самодовольно кивнулъ головой и прибавилъ еще, что онъ выигралъ на пари у лорда Гросвенора пару великолѣпныхъ лошадей и что эти великолѣпныя животныя произведутъ настоящій эффектъ, когда будутъ запряжены въ фаэтонъ. Затѣмъ онъ пошелъ прочь. Вильямъ Лидеръ почтительно проводилъ его до воротъ и стоялъ у нихъ, пока онъ не завернулъ за уголъ. Послѣ этого, каретникъ пошелъ къ своей женѣ и разсказалъ ей о всемъ что произошло.

— Ты съ ума сошелъ, Вильямъ! испуганно воскликнула она: — ты ни за что не долженъ такъ рисковать...

— Рискну! хочу попробовать счастіе, а тамъ покажетъ время! бодро и рѣшительно возразилъ Вильямъ. Онъ побѣжалъ на дворъ, пихнулъ старую почтовую карету въ уголъ и ревностно принялся изучать рисунокъ, изображавшій модель новаго экипажа, фаэтона.

—

Прошло три недѣли. Чудесный весенній день привлекъ въ Гайдъ-паркъ густыя толпы народа; всѣ спѣшили взглянуть на первую молодую зелень и вмѣстѣ съ тѣмъ полюбоваться на безчисленное множество изящныхъ экипажей, которые, запряженные великолѣпными породистыми рысаками, проѣзжали взадъ и впередъ по широкой аллеѣ. Англійская аристократія старалась перещеголять другъ друга въ блестящей и вмѣстѣ съ тѣмъ солидной роскоши. На знатныхъ дамахъ, небрежно развалившихся въ колясках, были великолѣпнѣйшіе туалеты. Элегантные кавалеры правили своими легкими экипажами съ такой ловкостью, что, право, глядя на этихъ изящныхъ господчиковъ, рождалось искреннее сожалѣніе, зачѣмъ судьба въ самомъ дѣлѣ не предназначила ихъ для кучерской профессіи, въ которой они оказывали такъ много таланта. Позади экипажей покачивались хорошенькіе, маленькіе грумы. Въ это чудесное утро, даже высочайшія особы удостоили своимъ посѣщеніемъ Гайдъ-паркъ. Въ прелестномъ легкомъ экипажѣ катался принцъ Уэльскій, любезно раскланиваясь со всѣми красивыми дамами, возвращавшими ему поклонъ съ самыми очаровательными улыбками.

Вдругъ всѣ глаза устремились по *одному* направленію. Тамъ, пара удивительныхъ рысаковъ, съ неподражаемой ловкостью управляемыхъ красивымъ, элегантнымъ кавалеромъ, мчала экипажъ совсѣмъ новаго рода,—легкостью, красотой и изящной простотой далеко затмѣвавшій всѣ остальные экипажи. За удивленными взглядами послѣдовали удивленныя восклицанія,—и скоро вся пятидесятитысячная толпа, собравшаяся въ паркѣ, только и говорила о геніальномъ сэрѣ Джонѣ Ладе, котораго разумѣется тотчасъ же всѣ узнали, и объ его удивительномъ экипажѣ.

Принцъ Уэльскій подъѣхалъ къ знаменитому «Beau», который съ апломбомъ въ мигъ остановилъ своихъ рысаковъ.

— Такъ-то, сэръ Джонъ! воскликнулъ принцъ.—Вы опять приготовили намъ отличный сюрпризъ! Увѣряю васъ, ничего не можетъ быть красивѣе и милѣе этого маленькаго экипажа! Что, эта идея есть плодъ исключительно вашей фантазіи, или вамъ тутъ помогалъ вашъ protégé, Форстеръ?

— О, ваше высочество, выразительно воскликнулъ сэръ Джонъ,—не думайте пожалуйста, чтобы Форстеръ былъ способенъ на что нибудь подобное! Нѣтъ, онъ никуда больше не годится, я съ нимъ навсегда распрощался. Этотъ экипажъ называемый «фаэтономъ» есть исключительно моя выдумка, а сдѣлалъ его Вильямъ Лидеръ, Лонгъ-Акръ, № 128, это открытый мною геній по части экипажныхъ построекъ! Позвольте рекомендовать его какъ человѣка, вполнѣ заслуживающаго покровительства вашего высочества!...

Принцъ записалъ въ своей записной книжкѣ имя и адресъ фабриканта. Дюжина кавалеровъ и джентльменовъ точно также внесли въ свои книжки фамиліи и номеръ дома новаго мастера. Дѣло еще не пришло къ вечеру, какъ адресъ Вильяма Лидера уже былъ записанъ чуть не въ тысячи записныхъ книжкахъ знатнѣйшихъ аристократовъ.

На другой день послѣ катанья въ Гайдъ-паркѣ, молодой каретникъ отправился въ свою контору, и въ первый же день получилъ множество заказовъ. Для предохраненія себя отъ подражаній, онъ разумѣется взялъ патентъ, дѣлавшій фаэтонъ единственно его исключительной собственностью. Дѣйствительность превзошла всѣ его ожиданія. Заказы сыпались со всѣхъ сторонъ; онъ едва успѣвалъ записывать имена всѣхъ принцевъ, герцоговъ, графовъ, маркизовъ, лордовъ и баронетовъ. При такомъ блестящемъ успѣхѣ, банкиръ, котораго сэръ Джонъ завдекъ этимъ дѣломъ, не колеблясь далъ искусному каретнику 10,000 фунт. стерл. за восемь процентовъ на продолжительный срокъ. Вильямъ Лидеръ немедленно приступилъ къ устройству экипажей фабрики на широкую ногу. Помѣщеніе для фабрики случайно попалось какъ разъ подъ самымъ носомъ бывшаго его хозяина, мистера Форстера, который позеленѣлъ и пожелтѣлъ отъ зависти и злости: онъ разомъ потерялъ всю свою знатную практику; аристократическіе заказчики знать не хотѣли фабриканта, надъ которымъ произнесъ свой безапелляціонный приговоръ сэръ Джонъ Ладе. Лучшіе работники покинули мистера Форстера, чтобы перейти къ своему прежнему товарищу. Это дало ему возможность во-время поспѣвать съ многочисленными заказами. Принцъ Уэльскій наименовалъ его своимъ придворнымъ экипажнымъ мастеромъ, и получилъ за эту милость второй готовый экземпляръ «фаэтона».

Счастливый молодой фабрикантъ вѣрно сдержалъ свои обязательства; онъ заплатилъ долгъ Ладе Форстеру и никогда не представлялъ своему покровителю счетовъ сдѣланнымъ для него фантастическимъ экипажамъ, которыхъ сэръ Джонъ выдумалъ еще нѣсколько. Но впрочемъ фаэтонъ былъ зенитомъ его славы. Что же касается мистера Форстера, то онъ напрасно выбивался изъ силъ, чтобы пріобрѣсти прежнее расположеніе аристократіи; всѣ его спекуляціи, всѣ выдумки кончались несчастливо, а такъ какъ онъ ни за что не хотѣлъ уступить своему конкуренту, то спекулировалъ до того безразсудно, что въ шесть или семь лѣтъ спустилъ послѣднюю гинею и погибъ въ безвыходной пропасти банкротства. Вильямъ же Лидеръ въ двадцать лѣтъ заработалъ большое состояніе; онъ умеръ въ началѣ нынѣшняго столѣтія, оставивъ своимъ наслѣдникамъ — какъ показано въ одной хроникѣ которой мы обязаны нашимъ разсказомъ — капиталъ, превышающій 200,000 фунтовъ стерлинговъ.

Библиотека "Руниверс"

Жизнь на морѣ.

(Изъ воспоминаній моряка).

(Окончаніе).

Въ настоящее время Либерія считается одинъ изъ захолустьевъ, такъ что даже почта идущая изъ Европы сюда незаходитъ; жители-же получаютъ корреспонденцію черезъ посредство шхуны, посылаемой за нѣсколько миль для принятія почты съ почтоваго парохода. Но современемъ, благодаря предпріимчивости жителей и хорошимъ почвеннымъ условіямъ, Монровія займетъ выгодное мѣсто въ смыслѣ торговаго порта. Предметы торговли, какъ-то: сахарный песокъ, кофе, слоновая кость, пальмовое масло, лѣсъ и пряности, настолько важны въ экономическомъ отношеніи, что предположеніе это рано-ли, поздно-ли, но должно оправдаться.

Въ числѣ многихъ занятій либерійцевъ не малое мѣсто занимаетъ выгодная охота на слоновъ, водящихся въ этомъ краѣ въ изобиліи. Но охота эта производится въ опредѣленное время года. Мы пришли сюда не задолго до окончанія послѣдней охоты, а потому намъ и неудалось быть свидѣтелями этого въ высшей степени интереснаго по разсказамъ зрѣлища.

На другой день по приходѣ въ Либерію, командиръ нашъ представился въ домѣ президента,—самому президенту и всѣмъ главнымъ членамъ правленія республики; причемъ президентъ изъявилъ желаніе посѣтить фрегатъ на слѣдующій день. Въ ожиданіи его фрегатъ нашъ принялъ праздничный видъ. Офицеры были въ полной парадной формѣ, а команда переодѣвшись въ чистое платье выстроилась во фронтъ, во главѣ ея стоялъ почетный караулъ при хорѣ музыки. Ровно въ 12 часовъ президентъ *) негръ со всею свитою прибылъ на нашемъ капитанскомъ катерѣ на фрегатъ, гдѣ былъ встрѣченъ командиромъ при звукахъ туземнаго гимна. Президентъ очень любезно раскланялся съ офицерами и выразилъ сожалѣніе, что не былъ предувѣдомленъ ранѣе о приходѣ сюда русскаго судна. А потому теперь, въ виду нашей непродолжительной стоянки здѣсь, не можетъ доставить намъ возможности проѣхать по рѣкамъ, для ознакомленія съ внутренностью страны, ибо легкіе суда находящійся въ его распоряженіи, въ настоящее время въ отсутствіи. Но между прочимъ посовѣтовалъ на своихъ шлюпкахъ сдѣлать не далекую экспедицію по рѣкѣ Св. Павла, для осмотра кофейныхъ сахарныхъ плантацій. Затѣмъ очень долго и внимательно осматривалъ фрегатъ, гдѣ главное вниманіе останавливалъ на предметахъ новѣйшаго изобрѣтенія, какъ-то: на дессантныхъ нарѣзныхъ пушкахъ и на машинѣ, при чемъ высказывалъ довольно дѣльныя замѣчанія и предположенія. Послѣ осмотра фрегата, президентъ и его свита были приглашены въ каютъ-компанію, гдѣ былъ приготовленъ роскошный обѣдъ, въ продолженіи котораго играла музыка и по просьбѣ гостей піесы преимущественно русскихъ композиторовъ. По окончаніи обѣда были вызваны на верхнюю палубу пѣсенники и плясуны изъ команды. Какъ самыя пѣсни, такъ и пляска подъ нихъ особенно нравились гостямъ. Уѣзжая, президентъ просилъ командира передать Государю Императору тѣ восторженныя чувства, которая страна питаетъ къ нашему Монарху Освободителю и вмѣстѣ съ тѣмъ обѣщалъ прислать образцы предметовъ, которыми Либерія можетъ вести торговлю съ Европою. По отъѣздѣ президента на нѣкоторое разстояніе, съ фрегата былъ произведенъ ему салютъ, причемъ команда разбѣжалась по мачтамъ и реямъ; эта почесть предписывается морскимъ уставомъ для царственныхъ особъ или же для занимающихъ ихъ мѣста.

На слѣдующій день мы воспользовались совѣтомъ президента и отправились на своихъ катерахъ въ путешествіе по рѣкѣ Св. Павла. Но для того, чтобы сберечь силы и здоровье нашей команды, непривычной къ работѣ подъ палящими лучами тропическаго солнца, мы наняли въ гребцы негровъ, которые съ большой охотой согласились выполнить эту роль, потому что въ условія съ нашей стороны, кромѣ денежной платы, входило и вино, до котораго негры большіе охотники. Въ продолженіи почти что всего нашего плаванія по рѣкѣ, гребцы негры пѣли пѣсни, сюжетъ которыхъ относился преимущественно къ временамъ невольничества, а потому мотивъ ихъ былъ преисполненъ безъисходной грусти и отчаянія. Но вино, даваемое имъ, мало по малу развеселило ихъ такъ, что на обратномъ пути, какъ мотивъ, такъ и характеръ пѣсенъ былъ уже совершенно въ Офенбаховскомъ родѣ.

Рѣка Св. Павла шириною своею не достигаетъ болѣе 30 саженъ, чрезвычайно извилиста и, не смотря на порядочную глубину, дно ея ясно видно въ хорошую погоду—до такой степени прозрачна ея вода. Берега рѣки низменны и по обѣ стороны изобилуютъ сахарныхъ тростникомъ и кофейными рощами и позади ихъ лѣсомъ, представляющимъ какъ-бы фонъ картины и дѣлающимъ общій видъ чрезвычайно живописнымъ. Проѣзжая мимо домовъ плантаторовъ, мы почти что каждый разъ были приглашаемы ими къ себѣ, гдѣ встрѣчали самый радушный пріемъ, а нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ, при отъѣздѣ нашемъ, салютовали намъ изъ небольшихъ дачныхъ пушекъ.

*) Этотъ президентъ выбранъ не задолго до нашего прихода. Онъ отлично изъясняется на англійскомъ языкѣ.

Къ сожалѣнію, время не позволило намъ совершить нашу экспедицію далѣе 100 верстъ, а потому мы и вернулись обратно.

На другой день мы должны были оставить Либерію, которая, не смотря на кратковременное пребываніе наше въ ней, оставила въ надъ хорошее впечатлѣніе.

Костюмъ либерійцевъ состоитъ изъ бѣлой или полосатой рубахи и такихъ же шароваръ, но нѣкоторые и этотъ костюмъ считаютъ излишней роскошью и ходятъ въ костюмѣ Адама. Головы повязываются платками, но большинство ни чѣмъ не прикрываетъ головы.

Власти республики и нѣкоторые сановники одѣваются по Европейски, что чрезвычайно не гармонируетъ съ ихъ черпымъ цвѣтомъ кожи

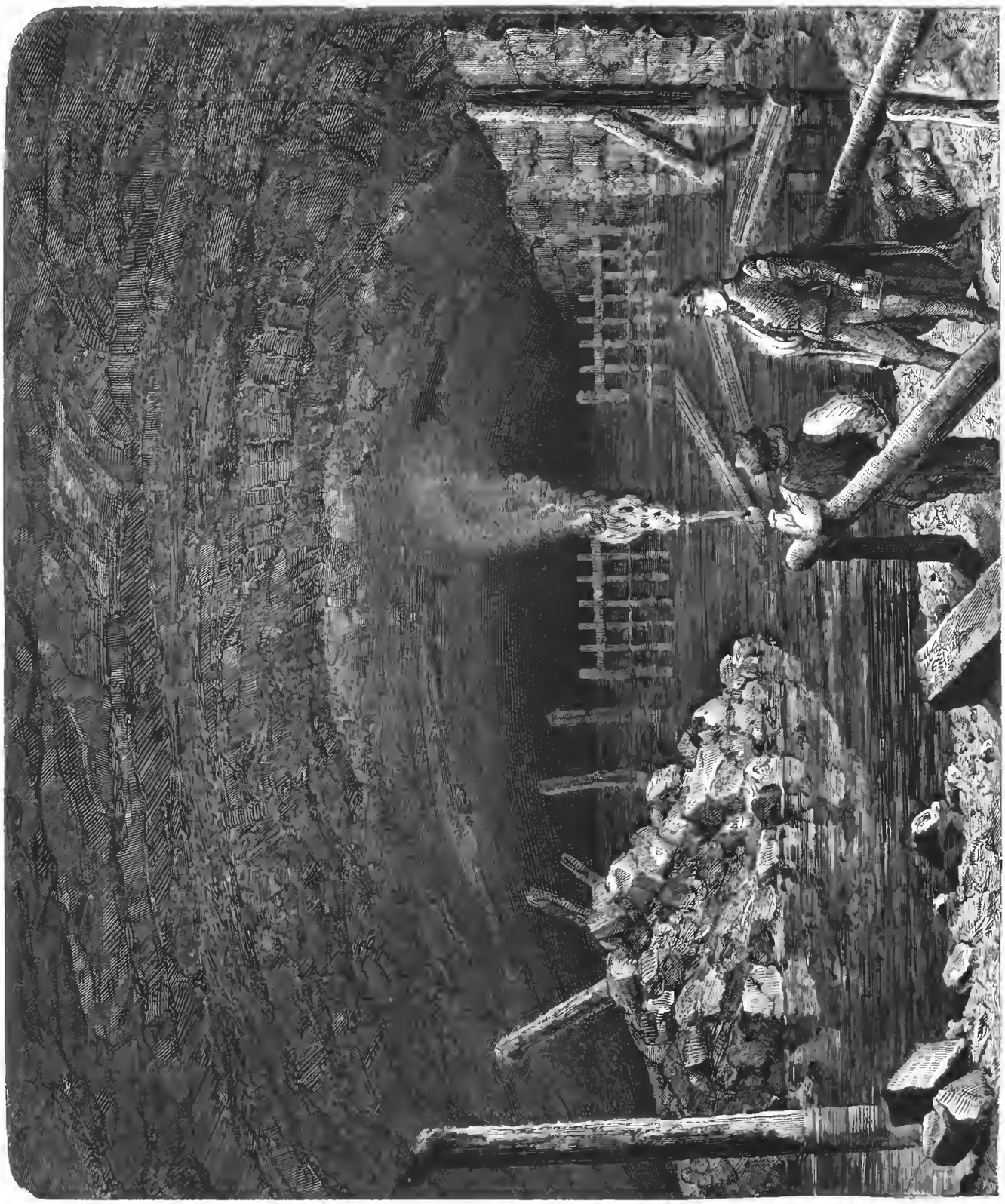
Женщинъ замѣчательно мало въ Либеріи, въ особенности молодыхъ, вслѣдствіе этого браки здѣсь очень рѣдки.

III.

Описавъ пребываніе наше въ Либеріи перейду теперь, къ стоянкѣ нашей въ Гамбіи. При подходѣ къ этому берегу Африки, чрезвычайно низменному, съ сѣверной стороны заросшему лѣсомъ, открывается баръ рѣки Гамбіи. Правый берегъ рѣки необыкновенно густо заросъ всѣмъ тѣмъ, что только можетъ возпроизвести тропическая почва и природа; лѣвый же берегъ представляетъ сначала низменную песчаную площадку, на которой и раскинулся небольшой городокъ Батурстъ,—англійская колонія. Пройдя баръ рѣки Гамбіи, мы бросили якорь на довольно большой глубинѣ. Отсалютовали націи двадцать однимъ выстрѣломъ и получили съ мѣстной крѣпости таковой-же отвѣтъ. Картина входа военнаго судна на иностранный рейдъ чрезвычайно эффектна, а потому я и постараюсь описать ее насколько умѣю. Передъ входомъ на рейдъ, поднимаютъ на средней (гротъ) мачтѣ флагъ той націи куда пришли, но флагъ этотъ покуда еще находится въ свернутомъ видѣ; одновременно съ этимъ заряжаютъ пушки холостыми зарядами и вызываютъ на верхнюю палубу имѣющійся на суднѣ хоръ музыки. Когда все уже готово, то по командѣ «начать салютъ» сигнальщикъ дергаетъ веревочку поднимающую флагъ, отчего послѣдній развертывается, а хоръ музыки начинаетъ играть гимнъ той націи, куда пришли. Хорошо отсалютовать, то есть на полномъ ходу и черезъ ровные промежутки отъ выстрѣла до выстрѣла, считается морскимъ щегольствомъ. Одинъ изъ моихъ сослуживцевъ чрезвычайно мѣтко сравнилъ скорый и ровный салютъ съ ловкимъ поклономъ джентельмена, при входѣ въ гостинную. Основываясь на этомъ сравненіи, я не краснѣя могу сказать, что фрегатъ нашъ былъ въ полномъ смыслѣ слова джентльменомъ. Послѣ этихъ оффиціальныхъ привѣтствій спускаются шлюпки, и желающіе офицеры отправляются на берегъ. Мы отправились на нѣсколькихъ шлюпкахъ—и та въ которой я былъ шла впереди всѣхъ. Каждому изъ насъ хотѣлось выйдти на берегъ первымъ, чтобы имѣть потомъ право сказать: «я первый изъ русскихъ, который вступилъ на берегъ Гамбіи». А потому одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, разсчитывая на свою ловкость, прыгнулъ изъ шлюпки тогда, когда она не дошла еще нѣсколькихъ футовъ до берега, но маневръ этотъ ему не удался—и онъ, къ общему хохоту, преисправно шлепнулся всей своей фигурой въ воду на полутора-футовой глубинѣ, такъ что планъ его выйдти на берегъ Гамбіи первымъ не удался и онъ долженъ былъ вернуться на фрегатъ для того, чтобы переодѣться.

Самый городъ болѣе походитъ на большое селеніе, нежели на городъ; дома города большею частію тростниковые съ окнами безъ стеколъ, но снабженные жалюзи; попадается нѣсколько деревянныхъ домиковъ и два или три каменныхъ, да и тѣ заняты подъ магазины съ казеннымъ провіантомъ. Улицы чрезвычайно неправильны, грязны, немощены; но съ моря видъ городка, благодаря природнымъ рощамъ раскинутымъ на площадкахъ города, довольно привлекательный. Легкая-же постройка домовъ объясняется во-первыхъ климатомъ, а во-вторыхъ несовершенною осѣдлостію жителей англичанъ,—ибо англійское правительство, по прослуженіи извѣстнаго числа лѣтъ и по желанію самихъ батурстскихъ чиновниковъ, замѣняетъ ихъ новыми. Но никогда мы не удостоивались такихъ овацій, со стороны жителей, какъ въ этомъ маленькомъ городкѣ. Дѣло въ томъ, что послѣ визита, который сдѣлали командиръ и офицеры мѣстному губернатору, жители городка, по инціативѣ губернаторши, женщины еще очень молодой, устроили намъ балъ въ квартирѣ губернатора. Въ день назначенный для бала, часовъ около девяти, мы гуртомъ отправились на берегъ; при входѣ въ садъ, черезъ который намъ надо было проходить, чтобы попасть въ квартиру губернатора, мы были поражены картиной, представившеюся нашимъ глазамъ. На площадкѣ сада былъ выстроенъ мѣстный гарнизонъ, состоящій изъ негровъ, одѣтыхъ въ красные мундиры и бѣлые чалмы, при офицерахъ и хорѣ музыки; только-что мы поровнялись съ нимъ, какъ гарнизонъ по командѣ полковника отдалъ намъ честь при звукахъ музыки «Боже, царя храни». Надо сказать, что было уже темно; садъ былъ роскошно иллюминованъ,

Библиотека "Руниверс"



Наводненіе въ соляныхъ копяхъ Велички. Рис. Григлевскій, грав. Прикорскій.

Библиотека "Руниверс"

а это черное войско не мало помогало фантастическому виду картины. На крыльцѣ дома мы были встрѣчены самимъ губернаторомъ, который войдя въ залъ и представилъ насъ всему туземному бомонду. Затѣмъ начался балъ, котораго я описывать не буду, потому что всѣ городскіе балы въ большей или меньшей степени похожи одинъ на другой; скажу только, что всѣмъ было весело, стѣсненій никакихъ не было—и празднество это, виновниками котораго были мы, кончилось въ седьмомъ часу утра. Въ отвѣтъ на эту овацію, общество наше не ударило какъ говорится лицомъ въ грязь и пригласило тоже на балъ, но даваемый не въ квартирѣ, а на верхней палубѣ фрегата. Изъ палубы военнаго судна сдѣлать залъ для танцевъ—задача не легкая, а потому я и постараюсь описать всѣ приготовленія для этого оригинальнаго бала. Во-первыхъ, всѣ орудія (пушки), находящіяся на верхней палубѣ между средней и задней мачтами, были свезены на бакъ и ютфутъ (бакъ—пространство между передней оконечностію судна и передней мачтой; ютфутомъ-же называется та часть палубы, которая заключается между передней и средней мачтами). Такимъ образомъ устроилась въ этомъ мѣстѣ довольно обширная площадь, надъ которой растянули парусный тентъ съ боковыми фордеками; совнутри, какъ самый тентъ, такъ и его фордеки (боковыя полки) были чрезвычайно искусно драпированы разноцвѣтными флагами. У бортовъ разставили стулья и диваны, въ промежуткахъ между ними были поставлены огромныя лимонныя, фиговыя, банановыя и апельсинныя деревья, такъ что залъ нашъ болѣе походилъ на душистый садъ. Освѣщеніе состояло изъ люстръ сдѣланныхъ изъ ружейныхъ штыковъ, обвитыхъ миртами, фонарей и разноцвѣтныхъ фонариковъ, фабрикованныхъ самими-же офицерами. На ютѣ фрегата (ютъ—пространство на верхней палубѣ, заключающееся между задней мачтой и кормовой оконечностію судна) надъ винтовымъ колодцемъ былъ устроенъ фонтанъ, струи котораго падали въ резервуаръ обложенный всевозможными раковинами. Надъ всѣмъ фонтаномъ былъ сдѣланъ гротъ изъ растеній, густо сплетенныхъ между собою; освѣщался же фонтанъ разноцвѣтными фонарями и повременамъ бенгальскими огнями. Капитанская каюта, какъ самое роскошное изъ всѣхъ судовыхъ помѣщеній, была обращена въ дамскую уборную, а каютъ-компанія выполняла роль столовой и буфета. Къ восьми часамъ начали съѣзжаться гости на нашихъ-же катерахъ, украшенныхъ коврами. При приставаніи ихъ къ борту фрегата, весь путь по трапу освѣщался фальшфейрами (трапъ—лѣстница ведущая на судно), причемъ музыка, размѣщенная полукругомъ у средней мачты, играла что нибудь изъ оперъ. По пріѣздѣ губернаторши, которую на этотъ вечеръ просили быть хозяйкою, начались танцы. Гостямъ нашимъ до такой степени понравился этотъ оригинальный балъ, что только бѣлое утро напомнило имъ объ окончаніи его—и то они уѣзжали съ фрегата съ большой неохотою.

Кромѣ этихъ развлеченій, многіе изъ насъ въ сообществѣ туземцевъ ѣздили на барсовую охоту.—Барсовъ здѣсь очень много, такъ что ночью жители не разъ замѣчали ихъ ищущими добычи въ предмѣстьяхъ города. Что-же касается до Батурста, какъ порта, то онъ совсѣмъ не удовлетворяетъ потребностямъ моряка. Провизіи почти никакой невозможно достать, а если что и есть, то цѣны непомѣрно-высокія. Матросы наши по уходѣ изъ Батурста сильно горевали о пальмовой водкѣ, которую очень полюбили. Одинъ изъ нихъ разсказывалъ своему собрату, наказанному не съѣзжать на берегъ, объ этой водкѣ такъ: «И эта, я тебѣ скажу, деревянная водица—такая важнецъ, что чарку или двѣ хватишь и въ лёжку».—«А городъ-то хорошъ?» спрашиваетъ слушающій.—«Первый сортъ, я право акромя пристани ничего не видѣлъ, потому тутъ значитъ сичасъ-же и упились, а опосля уже боцманъ въ барказъ стащилъ... А ничего, городъ важнѣющій».

При подходѣ къ Бразиліи моряку открываются первыя примѣтныя точки, это ея горы Карковадо и Сахарная голова. Обогнувъ мысъ того-же имени, фрегатъ нашъ вошелъ въ проливъ соединяющій Ріо-жанейрскую бухту съ океаномъ; проливъ этотъ чрезвычайно узокъ,—съ одной стороны его нависли горы Каровадо, съ другой совершенно отвѣсный берегъ крѣпости Санта-Круцъ. Миновавъ проливъ, мы вошли въ огромную бухту съ множествомъ стоящихъ и движущихся по ней судовъ. Почти по всему берегу бухты расположился городъ Ріо-Жанейро или Санъ-Себастьянъ на отлогой покатости, такъ что съ моря можно видѣть нѣкоторыя центральныя его улицы. А вечеромъ, когда зажгутся фонари, то по нимъ улицы города отличаются еще рельефнѣе. Только-что фрегатъ усѣлъ бросить якорь, какъ палубу фрегата осадили французы и француженки, коммиссіонеры и комиссіонерши по всѣмъ отраслямъ нуждъ встрѣчающихся моряку по приходѣ въ портъ. Судя по нимъ, трудно вѣрилось, что мы въ Бразиліи, а не въ какомъ либо французскомъ портѣ; только по гребцамъ ихъ шлюпокъ, неграмъ или мулатамъ, можно было догадаться, что находишься въ Бразиліи. Всѣ эти комиссіонеры и комиссіонерши наперерывъ старались втереть намъ свои адресъ-карточки и предлагали всевозможныя услуги. Но мы были уже искушены подобными комиссіонерами въ другихъ портахъ и потому не слишкомъ-то довѣрялись ихъ услужливости и честности. Идя на берегъ, почти каждый изъ насъ имѣлъ въ виду, по первому обзору, покушать хорошенько по береговому. Да не удивится читатель такому прозаическому мечтанію моряка! Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ не уважительно это мечтаніе послѣ долгаго перехода, въ продолженіи котораго солонина да невзрачные на видъ и вкусъ консервы частенько появлялись на столѣ? А потому, съѣхавъ на берегъ и размѣстившись по колясскамъ и фіакрамъ, запряженнымъ мулами, мы велѣли вести себя въ одинъ изъ хорошихъ отелей. Но возницы наши не трогались съ мѣста, а только перебранивались между собою, называя по именамъ нѣсколько отелей. Изъ этого мы заключили, что они получаютъ нѣкотораго рода гонорарій отъ содержателей гостинницъ за привозимыхъ путешественниковъ. Долго-бы эта перебранка не кончилась—и мы бы все стояли и стояли, еслибы одинъ изъ насъ же не выбралъ на удалую одного изъ отелей, называемыхъ ими, а именно Hotel-don-Pedro,—и тогда мы настоятельно требовали, что-бы возницы везли насъ именно туда, въ противномъ случаѣ грозя выйдти вонъ. Это подѣйствовало на нихъ, и мы тронулись. Hotel-don-Pedro, какъ оказалось впослѣдствіи, принадлежалъ къ аристократическимъ гостинницамъ и содержался, подобно большей части всѣхъ гостинницъ въ Ріо-де-жанейро, французомъ. Не смотря на непомѣрно-высокія цѣны на все, мы таки не роптали на don-Pedro; отель этотъ оказался резиденціею французскихъ Ріо-жанейрскихъ актрисъ, съ которыми или лучше сказать которыя и не замедлили свести съ нами знакомство. Съ перваго раза насъ удивилъ счетъ бразильскихъ денегъ за что ни хватишься, все стоитъ тысячу, двѣ, три тысячи рейсовъ. Оказалось, что тысяча рейсовъ на наши деньги составляетъ всего только семьдесятъ копѣекъ. Собственно же рейсъ—т. е. одинъ рейсъ—монета номинальная; а самая мелкая ходячая монета, на которую положительно ничего нельзя купить, это пятьдесятъ рейсовъ. Долго мы не могли привыкнуть къ такому безобразному счету денегъ, но подъ конецъ стоянки даже между собою разсчитывались на рейсы. Команда-же наша никакъ не могла переварить этого счета—и страшно роптала. Одинъ изъ матросовъ, прокутившій въ предшествовавшемъ портѣ кой какія иностранныя деньжонки, покупалъ что-то у негра и совалъ ему залежавшійся у него двугривенный; тотъ конечно не бралъ, тогда матросикъ окончательно вышелъ изъ себя и сказалъ: «Чтожъ ты... свинья этакая бразельская... рисъ, да рисъ, да что я тебѣ его чеканить что-ли буду»? Позавтракавъ по береговому въ Hotel'ѣ, мы поѣхали осматривать городъ. Сперва насъ повезли по главной улицѣ города Rua d'Ouvidor, довольно большой и опрятной, хорошо вымощенной, но все-таки узкой для главной улицы города. Дома ея двухъ, трехъ и четырехъ этажные съ черепичными и желѣзными крышами, всѣ сплошь усѣяны вывѣсками магазиновъ, которые содержатъ французы. Оказалось, что большая часть торговаго класса принадлежитъ къ этой націи. Сами бразильцы народъ крайнѣ безпечный, апатичный и лѣнивый. Если они и удержали за собою право торговли, такъ это исключительно строевымъ лѣсомъ, кофе, сахарнымъ пескомъ и еще очень не многими предметами —и то только потому, что на плантаціяхъ ихъ работаютъ негры-невольники; отнимите у нихъ этихъ даровыхъ рабочихъ—они пожалуй бросятъ и это. А французы продолжаютъ себѣ набивать карманы рейсами—и понабивъ ихъ порядочно, уѣзжаютъ во свояси, на мѣсто которыхъ тотчасъ-же являются другіе ихъ соотечественники. Дворецъ императора Бразиліи, помѣщающійся на довольно обширной площади, выстроенъ изъ гранита, но такой невзрачной архитектуры, что трудно вѣрится, чтобы это былъ дворецъ. Постранствовавъ по городу, мы отправились на главную торговую площадь, которая болѣе прочихъ рыночныхъ мѣстъ наполнена народомъ. Здѣсь продажа и покупка всякаго рода товаровъ съ ранней зари до поздней ночи не прекращается: въ одномъ мѣстѣ сбываютъ красильное дерево и за него получаютъ матерію; въ другомъ мѣстѣ сахарный песокъ, табакъ, фрукты, кофе и проч. на сало и пеньку; далѣе хлопчатую бумагу и пряности вымѣниваютъ на вино, сталь и сукна. Словомъ сказать: въ этомъ мѣстѣ большая часть торговыхъ сдѣлокъ совершается безъ посредства звонкой монеты,—а помощію обмѣна товаровъ на товары. Шагу нельзя ступить, чтобы назойливый торгашъ не предлагалъ бы самымъ навязчивымъ образомъ купить что либо изъ имѣющагося при немъ товара. Купишь что нибудь ради того чтобы отвязаться — тотчасъ тебя обступаетъ другая группа — негровъ переносчиковъ, которые самымъ докучливымъ образомъ предлагаютъ свои услуги за ничтожное вознагражденіе. На честность переносчиковъ и вѣрность въ доставкѣ покупки на мѣсто можно смѣло положиться—ибо свободные негры вообще, а бразильскіе въ особенности, отличаются своею честностію, не смотря на лѣность, присущую этому племени, а вслѣдствіи этого и крайнюю нищету. На заднемъ планѣ этого обширнаго рынка въ нѣсколько рядовъ устроены скамейки, на которыхъ въ клѣткахъ и на свободѣ разставлены обезьяны и птицы всевозможныхъ мѣстныхъ породъ. Эта часть рынка предназначена собственно для покупателей иностранцевъ - путешественниковъ, которую мы впослѣдствіи и посѣщали каждый день. Здѣсь насъ особенно интересовали бразильскія маленькія обезьянки, довольно красивенькія, съ цѣпкими хвостами, которыхъ мы и накупили множество. Но что особенно замѣчательно, такъ это артистическая отдѣлка нѣкоторыхъ вещей а именно цвѣтовъ изъ перьевъ колибри Это до такой степени тонкая работа, что представить себѣ невозможно, чтобы это было дѣлано человѣческими руками. Колибри—птичка величиною не болѣе вершка съ длиннымъ хвостикомъ и носикомъ, языкъ имѣетъ разщепленный, отличается необыкновеннымъ разноцвѣтно-металическимъ блескомъ перьевъ. Гнѣздо вьетъ на тоненькихъ сучкахъ или-же на крѣпкихъ листьяхъ, питается нектаромъ съ цвѣтовъ и

Библиотека "Руниверс"

потому всегда находится близь жилья и садовъ; по конструкціи своихъ крыльевъ, она способна держаться въ воздухѣ на подобіе тылька. Вотъ изъ перьевъ-то этой крошечной птички и фабрикуютъ въ Бразиліи цвѣты, которые надо сказать и здѣсь не дешевы, но въ Петербургѣ мнѣ положительно не приходилось встрѣчать ничего даже подобнаго. Многіе изъ насъ навезли этихъ цвѣтовъ—и петербургскія цвѣточницы не могли надивиться этому роду искусства. Ріо-жанейро имѣетъ театръ, итальянскую оперу и Альказаръ. Въ нашу бытность здѣсь театры почему-то прекратились, а потому мы преусердно стали посѣщать Альказаръ. Альказаръ—это кафе-шантанъ, совершенно во французскомъ вкусѣ; въ партерѣ между креслами и стульями поставлены столики, на которыхъ пьютъ и ѣдятъ, а въ это время актеры и актрисы подъ акомпаниментъ хлопающихъ пробокъ и звяканья стакановъ поютъ скабрезныя шансонетки, причемъ букеты за хорошее исполненіе не подаются, какъ это бываетъ въ Европейскихъ театрахъ, а бросаются прямо на сцену, такъ что артистка не поспѣваетъ даже подбирать ихъ. Букетовъ этихъ, ради потѣхи, бросается гибель, ибо они страшно дешевы—по пяти сотъ рейсовъ штука, что составитъ около тридцати копѣекъ. По этому каждый входящій непремѣннымъ долгомъ считаетъ накупить этихъ букетовъ нѣсколько десятковъ, и располагаетъ у себя на колѣняхъ. Не забуду я, какъ одинъ изъ моихъ сослуживцевъ, накупивъ этихъ букетовъ, до такой степени увлекся бросая ихъ, что не замѣтилъ даже, какъ бросилъ вмѣсто букета фуражку. Общество наше по отношенію къ поклоненіямъ актрисамъ раздѣлилось на двѣ партіи, изъ которыхъ одна партія, сильно противодѣйствующая другой, принадлежала къ поклонникамъ актрисы Ремъ, вторая-же имѣла во главѣ актрису Ловато, которая въ настоящее время подвизается на петербургской излеровской сценѣ. Сами-же эти актрисы до такой степени враждовали между собою, что если общество дѣлаетъ оваціи въ видѣ ужина или пикника одной, то другая уже ни за что не приметъ участія—и наоборотъ. Въ одно изъ утръ мы были свидѣтелями смотра, который дѣлалъ императоръ Донъ Педро войскамъ, отправляющимся на мѣсто военныхъ дѣйствій близь Монтевидео. Изнуренный видъ солдатъ-негровъ былъ по истинѣ жалокъ, нѣкоторые тутъ-же на смотру падали отъ изнуренія. Послѣ уже изъ разсказовъ одного бразильскаго негоціанта мы узнали, что войска въ Бразиліи содержатся крайне не гуманно: пища скверная, занятій много и при этомъ офицеры нещадно бьютъ и наказываютъ солдатъ. Мы тутъ-же подумали, что съ подобнаго рода войскомъ можно выиграть сраженіе развѣ только чудомъ. Познакомившись съ городомъ, мы поѣхали осматривать окрестности Ріо-де-Жанейро, изъ которыхъ болѣе другихъ замѣчательны: предмѣстье Ботафого, водопадъ Тижуко и Петрополисъ—лѣтняя резиденція императора. Дорога въ Ботафого идетъ у подножья горы Карковадо по берегу бухты, которая представляется путешественнику въ видѣ озера; по обѣимъ сторонамъ дороги мѣстами тянутся сады и долины, совершенно въ швейцарскомъ вкусѣ, изрѣдка прерываемыя небольшими рощами; проѣхавъ нѣсколько верстъ, возница нашъ указалъ намъ на какой-то по его мнѣнію замѣчательный трактиръ, въ которомъ каждый путешественникъ непремѣнно долженъ остановиться. Изъ любопытства и мы отправились въ трактиръ, оказавшійся довольно грязненькимъ и содержимый какимъ-то полу-французомъ, полуитальянцемъ Фиско, который до приторности любезенъ передъ нами и въ концѣ концовъ за скверную закуску содралъ съ насъ что-то очень много тысячъ рейсовъ. Отсюда мы отправились въ ботаническій садъ, находящійся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ трактира. Въ этомъ саду насъ особенно поразила пальмовая аллея, состоящая изъ рѣдкихъ породъ пальмъ, такъ-называемыхъ императорскихъ. Это аллея изъ чрезвычайно рослыхъ, красивыхъ пальмъ, посаженныхъ въ двѣ линіи на протяженіи пятидесяти саженъ; кромѣ этого здѣсь много замѣчательныхъ породъ деревьевъ тропическихъ породъ.

На другой день, нанявъ верховыхъ лошадей, такъ какъ дорога должна идти черезъ горы, мы отправились на водопадъ Тижуко. Сначала ѣхали все предмѣстьями, которымъ кажется не предвидѣлось и конца, наконецъ выѣхали на гористую мѣстность, но и здѣсь, кромѣ утомленія отъ подыманія на горы и спусканія съ нихъ, ничего не было замѣчательнаго. Наконецъ чичероне нашъ, указывая рукою передъ собой, проговорилъ: «Тижуко»; но мы рѣшительно ничего не могли замѣтить даже тогда, когда подъѣхали къ самому водопаду. Оказалось, что это нѣсколько горныхъ ручейковъ спускаются въ природный бассейнъ. Ну, спрашивается, можно ли назвать подобное журчаніе воды водопадомъ. Все, что только и было здѣсь интереснаго, такъ это исключительно видъ съ горъ на море и на городъ; проклиная эту поѣздку за потерянное время, мы съ большимъ удовольствіемъ вернулись въ городъ. Въ Петрополисъ мнѣ по нѣкоторымъ обстоятельствомъ не удалось съѣздить, но по разсказамъ эта мѣстность чрезвычайно живописна и лежитъ на горѣ. Вслѣдствіе этого климатъ тамъ значительно умѣреннѣе городскаго и воздухъ чище отъ окружающихъ растеній. Это и есть одна изъ главныхъ причинъ переселенія императора и аристократіи туда на лѣтнее время, такъ какъ лѣтомъ въ городѣ царятъ всевозможныя эпидеміи, которыя санитарная часть старается поддерживать; это я заключаю изъ того, что ночью положительно невозможно выйдти на улицу: на каждомъ шагу встрѣчаются бѣгущіе негры съ кадками на головахъ, наполненныхъ нечистотами,—такой первобытный способъ очищенія домовъ врядъ-ли можетъ быть терпимъ гдѣ либо, не говоря уже о столицѣ цѣлой имперіи. Мы простояли нѣсколько недѣль на совершенно покойномъ Ріо-жанейрскомъ рейдѣ, изобилующемъ микроскопическими инфузоріями, содержащими въ своемъ организмѣ электричество,—вслѣдствіи чего при малѣйшемъ прикосновеніи къ водѣ образуются огненныя знаки и полосы. Особенно красивъ рейдъ ночью, во время дождя, когда дождевыя капли, падая на поверхность воды, вызываютъ безчисленное множество огненныхъ звѣздъ и тѣмъ превращаютъ поверхность воды въ огромный бриліантъ, свѣтящійся какимъ-то неуловимо огненно-зеленымъ блескомъ. Матросы, дивуясь на это замѣчательное явленіе природы, не преминули сдѣлать свои умозаключенія: одинъ напримѣръ говоритъ что «это киты пущаютъ изъ себя сѣру»; другіе-же приписывали это антихристу; а когда подошелъ къ нимъ фельдшеръ, то разомъ разрѣшилъ ихъ споръ такъ: «это братцы все происходитъ отъ вашего необразованія, потому вы и не можите имѣть объ этомъ мнѣнія. А я вамъ скажу, отчего это такъ». «Разскажите, Созонтъ Лукичъ»—просятъ его матросики. «Ну ужъ такъ и быть. Это все видите-ли потому, что въ океанской аквѣ много аммоніи мурьятикумъ и натру сульфурикумъ». «Тэкъ... тэксъ, Созонтъ Лукичъ, благодаримъ покорно» отвѣчаютъ ребята. Наконецъ мы снялись съ якоря и отправились въ бухту Абраа, лежащую въ шестидесяти миляхъ отъ Ріо-Жанейро, для практической стрѣльбы въ цѣль изъ пушекъ и для практической-же описи и промѣра бухты. Здѣсь фрегатъ нашъ красился внутри, а потому мы переселились на берегъ въ палатки. По близости селеній никакихъ не было—и мы держались только своей компаніи, да нѣсколькихъ негровъ, которые намъ были необходимы, какъ чичероне по бразильскимъ мѣстамъ. Эти негры до такой степени полюбили насъ, что нѣкоторые изъ нихъ при уходѣ нашемъ навзрыдъ плакали. Должно быть гуманное обращеніе незнакомо имъ совершенно, но что цѣнить они его умѣютъ—это тоже фактъ несомнѣнный. Въ свободное отъ занятій время мы бродили по лѣсамъ, съ цѣлію наловить или покрайнѣй мѣрѣ настрѣлять попугаевъ и обезьянъ, но какъ тѣ такъ и другіе никакъ не позволяли заполонить себя. Въ эти прогулки—бразильскіе лѣса и горы, я думаю, въ первый разъ съ начала своего существованія вторили русскимъ мотивамъ, которыми мы хоромъ не рѣдко оглашали ихъ. Храбрость наша во время этихъ путешествій положительно не имѣла границъ; случалось иногда поздно вечеромъ или даже ночью возвращаться изъ лѣсу и ни кто никогда не трусилъ—тогда какъ бразильскіе лѣса изобилуютъ нѣкотораго рода хищными животными, а въ особенности ядовитыми змѣями, не исключая и удавовъ, которыхъ Бразилія отечество. Можетъ быть, что съ нами никакого несчастія не случалось еще и потому что негры, наши проводники, обладали необыкновеннымъ чутьемъ, которымъ узнавали присутствіе даже мелкихъ птицъ, не говоря уже о большихъ вредоносныхъ животныхъ и гадахъ. Покончивъ всѣ наши практическія работы въ бухтѣ, мы зашли опять въ Ріо-Жанейро для запаса провизіи на предстоящій большой переходъ и набравши всякаго рода живности, зелени и прочаго,—вышли въ море.

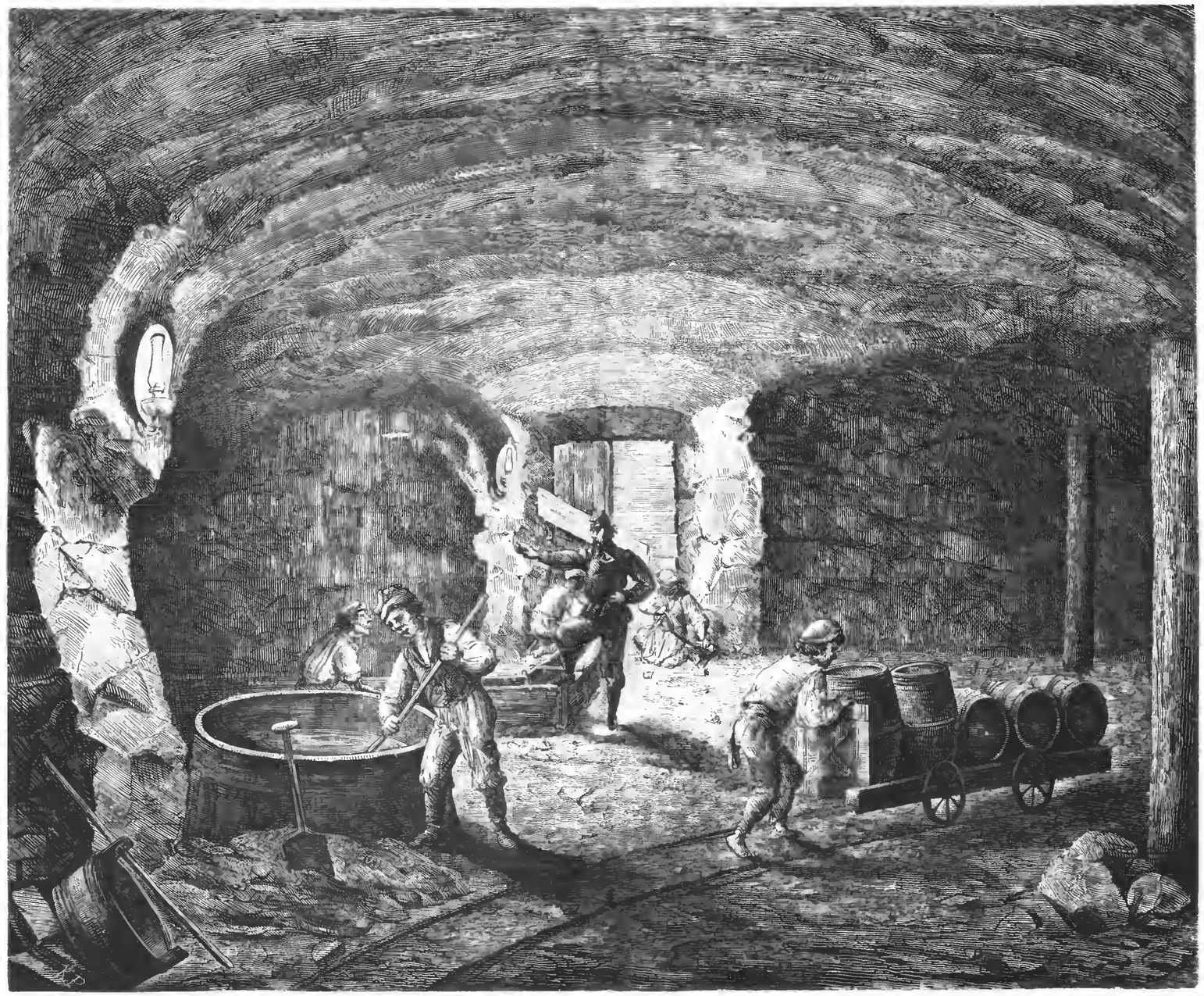
Въ день выхода въ море, въ особенности если предстоитъ большой переходъ, военное судно представляетъ собою цѣлое село. Въ банкахъ (пространство между пушками на одной и той-же сторонѣ) размѣщены живые быки, на бакѣ въ загородкѣ овцы и свиньи, въ курятникахъ гуси, куры и утки, вездѣ развѣшана зелень, тамъ сѣно,—и если ко всему этому прибавить ревъ быковъ, блеяніе овецъ, крики птицъ, то картина выйдетъ уже окончательно деревенская, достойная кисти фламандской школы. Подъемъ быковъ на судно совершается довольно интересно. Когда подведутъ къ борту фрегата на шаландѣ (баркѣ) быковъ, то внутро судна ихъ поднимаютъ на таляхъ, сначала нѣсколько выше борта, а потомъ уже оттяжками притягиваютъ къ нужному люку, причемъ стропъ для талей накладывается или на рога или-же подъ животъ. Когда такимъ образомъ быка поднимутъ на нѣкоторую высоту, то вѣроятно отъ страху и головокруженія онъ на нѣкоторое время одурѣваетъ; это я заключаю изъ того, что когда его спустятъ на палубу, то онъ почувствовавъ подъ собою твердую почву начинаетъ бѣситься. Тутъ только нужно не давать ему свободы, а бѣшенство это непродолжительно, минутъ на десять. Одинъ разъ быкъ, когда его спустили на палубу, умудрился вырваться и бросился на одного изъ гардемаринъ; тотъ отступая отъ быка очутился между, пушками, которыя въ то время были отодвинуты отъ борта—и ему оставалось одно средство, броситься черезъ пушечный портъ въ воду, но на счастіе его въ это время у борта фрегата стояла шаланда съ углемъ, въ которую онъ и прыгнулъ;—быкъ за нимъ, но не разсчиталъ и грохнулся прямо въ воду. Тутъ, не думая долго, взялъ курсъ къ берегу и поплылъ, такъ что въ погоню за нимъ должны были послать катеръ, который и прибуксировалъ бѣглеца. Быкъ точно такимъ-же образомъ былъ опять поднятъ на фрегатъ, но въ скоромъ времени и заколотъ, ибо у него оказался вывихъ или переломъ ноги, не помню. И вотъ, нагрузившись всѣмъ нужнымъ мы направили путь свой къ Мысу Доброй-Надежды. На этомъ пути, хотя насъ и трепало порядкомъ, но все таки-же не такъ какъ въ Бискайской бухтѣ. Да, что-же я собственно ничего не сказалъ про штормъ? Постараюсь описать его и вообще всѣ невзгоды могущія встрѣтиться моряку въ морѣ. Суда выходящія изъ Россіи въ Атлантическій океанъ, по большей части, испытываютъ первые штормы и бури въ Балтійскомъ и Нѣмецкомъ моряхъ, или же въ Бискайской бухтѣ или Гаскон-

Библиотека "Руниверс"

скомъ заливѣ. Балтійское и Нѣмецкое море мы миновали благополучно; за то Бискайскій заливъ далъ намъ себя знать. Положительно необъяснимо, откуда такія маленькія птички какъ «штормовки», съ нашего воробья величиною, появляются въ морѣ или открытомъ океанѣ. Неужели-же ихъ крошечный интеллектъ требуетъ такихъ сильныхъ ощущеній, какъ штормъ? Величина этихъ птичекъ и цвѣтъ близко подходятъ къ нашему воробью. Появленіе ея производитъ непріятное впечатлѣніе и на матросовъ, уже бывшихъ въ плаваніи. Одинъ изъ нихъ, завидя этихъ птичекъ, разсуждаетъ такъ: «Ишь ты анафимская животная, опять прилетала, ну быть шкодѣ! и откуда она берется, шутъ ее знаетъ! воробей не воробей — тотъ все въ навозѣ живетъ, ласточка не ласточка—та Божья птица... Ахъ ты, стреклятая»! И вотъ, вѣтеръ дѣлается крѣпче и крѣпче, небо заволакиваетъ тучами, дождь гудитъ, реветъ вѣтеръ—и со свистомъ проносится между снастями, срывая верхушки волнъ, въ видѣ мокрой соленой пыли. Фрегатъ подъ самыми малыми парусами валитъ на бокъ, тяжело качается онъ въ волнахъ океана, и душу раздирающій скрипъ ходитъ по всѣмъ его членамъ и переборкамъ. Съ наступленіемъ ночи картина еще ужаснѣе: темень такая, что съ кормы не видать средней мачты; громъ, молнія и дождь, вѣтеръ реветъ—и вдругъ съ новымъ своимъ порывомъ вырываетъ парусъ. «Свистать всѣхъ на верхъ, парусовъ убавлять»! слышится отчаянный голосъ офицера; но какъ управлять дѣйствіями команды, когда ничего не видно?... тутъ только пользуются тѣми моментами, когда блеснетъ молнія и тѣмъ освѣтитъ работающихъ. Бывалые уже въ дальнихъ плаваніяхъ матросы подтрунываютъ надъ новичками, пугая ихъ еще болѣе небылицами въ родѣ слѣдующей: «Это что еще! погоди то-ли будетъ; вотъ когда мы ходили на Амуру на конвертѣ Ковыряла (корветъ Калевала) черезъ горную мызу (мысъ Горнъ), такъ такая была шкода, что конвертъ нашъ трубой чиналъ». Кромѣ штормовъ есть еще и другія явленія, не слишкомъ-то приходящіяся по сердцу моряку—это смерчи, тифоны и тому подобное. Смерчъ намъ удалось видѣть неболѣе какъ въ пятидесяти-саженномъ разстояніи отъ фрегата.

И такъ, мы вышли въ море для слѣдованія къ мысу Доброй Надежды. Какъ я уже говорилъ,—этотъ переходъ былъ для насъ въ полномъ смыслѣ слова благопріятный, даже не смотря на то, что на половинѣ этого пути находящійся островъ Тристанъ д'Акунья замѣчателенъ бурливымъ состояніемъ океана на нѣсколько миль вокругъ, но мы прошли и его безмятежно. Подходя къ берегу, но не видя его еще, стали встрѣчать суда и альбатросовъ — вѣрный признакъ близости берега. Альбатросы—это замѣчательныя морскія птицы величиною съ домашняго гуся; весь корпусъ ихъ совершенно бѣлый, а крылья черныя. Они необыкновенно граціозно парятъ надъ самыми волнами океана, иногда задѣвая крыльями верхушки волнъ и ловко выхватывая добычу изъ воды: рыбъ, молюсковъ и тому подобное. Наконецъ сигнальщикъ, смотрѣвшій въ трубу, доложилъ, что берегъ видѣнъ. Новость эта или открытіе быстро проносится по фрегату, каждый спѣшитъ выйдти на верхъ и собственными глазами убѣдиться въ справедливости сказаннаго открытія; тутъ смѣло можно быть увѣреннымъ, что даже самые пасмурные флегматики и тѣ заинтересованы этимъ. Да и въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть радостнѣе этой вѣсти? Каждый радуется и оживаетъ по своему, но общій ансамбль все-таки веселость. Одинъ, напримѣръ, разсчитываетъ по приходѣ на рейдъ получить письма съ родины отъ родныхъ и близкихъ сердцу людей, другой жаждетъ убѣдиться собственными глазами въ справедливости того, что вычиталъ изъ печатныхъ сочиненій про ту страну, на которую черезъ нѣсколько часовъ самъ вступитъ; наконецъ третій, болѣе прозическихъ взглядовъ, предвидитъ скорую возможность удовлетворить свой гастрономическій апетитъ не слишкомъ-то балованный во время перехода. Однимъ словомъ, почти у каждаго свое индивидуальное желаніе, которому предвидится скорое осуществленіе.

Наконецъ открылись передъ нами, во всемъ своемъ величіи, горы: Чертовъ пикъ, Столовая и Львиная гора, и черезъ нѣсколько часовъ мы бросили якорь въ бухтѣ Simons bay, въ виду мѣстечка или города Simons town. Городъ этотъ расположенъ по песчаному берегу бухты амфитеатромъ, такъ что съ рейда домà его представляются какъ бы нагроможденными другъ на друга; а вечеромъ городъ отъ темнаго фона скалъ, тотчасъ же начинающихся за домами, представляетъ таинственный, волшебный видъ.



Добываніе соли въ Величкѣ. Рис. Григлевскій. грав. Прикорскій.

Рейдъ города крайне безпокоенъ и открытъ господствующему въ извѣстное время года вѣтру, который разводитъ страшное волненіе и тѣмъ дѣлаетъ якорную стоянку не совсѣмъ удобною. Намъ здѣсь пришлось довольно жутко, такъ что мы почти два дня не имѣли сообщенія съ берегомъ, вслѣдствіе невозможности отправлять шлюпки; да и самъ фрегатъ стоялъ на трехъ якоряхъ,

имѣя готовые пары и давая по временамъ нѣсколько оборотовъ винта впередъ и все-таки цѣпи якорей были натянуты въ струнку. Первыми посѣтившими нашъ фрегатъ были торговцы фруктами малайцы, одинъ за другимъ приставшіе къ фрегату въ лодкахъ наполненныхъ всевозможными фруктами и виноградомъ, который и продавали намъ по цѣнѣ вдвое больше береговой, пользуясь тѣмъ, что мы не съѣзжали на берегъ и вслѣдствіе этого не могли ознакомиться съ цѣнами.

Городъ Simons town не представляетъ ничего интереснаго, исключая жителей, которые какъ кажется принадлежатъ къ всевозможнымъ расамъ и націямъ. Здѣсь встрѣчаются негры, готтентоты, кафры, бушмены, малайцы, европейцы различныхъ націй и даже русскіе. Малайцы, типъ которыхъ близко подходитъ къ монгольскому, составляютъ главную часть населенія. Костюмъ ихъ состоитъ изъ холщевыхъ шараваръ, бѣлой полосатой рубашки и безобразной тростниковой остроконечной шляпы, у другихъ-же голова повязана простымъ бумажнымъ платкомъ. Цвѣтъ кожи малайцевъ смуглый, растительность на лицѣ скудная, глаза узенькіе и скулы выдавшіяся; но женщины-малайки довольно красивы, еслибы не портили себя своей безобразной куафюрой. Кафры, бушмены и другія племена принадлежали когда-то къ разряду дикихъ, кочующихъ въ такъ-называемыхъ земляхъ кафровъ и готтентотовъ; но тѣснимые сначала голландцами, а впослѣдствіи англичанами, вынуждены были покориться и перемѣнить жизнь кочевую на осѣдлую. Съ плѣнными во время войнъ какъ англичане, такъ и голландцы обращались какъ съ арестантами: запирали ихъ въ остроги, заковывали въ цѣпи, заставляли работать не по силамъ. Слѣды этого обращенія сохранились и по настоящее время, это я сужу по тому, что остроги всего мыса Доброй Надежды наполнены чернокожими арестантами. Простоявъ нѣсколько дней въ Simons bay перешли въ бухту Table bay, на видъ города Капштадта (Cape town), составляющую часть большой бухты False bay. Цѣль перехода была познакомиться съ огромнымъ городомъ Капштадтомъ и для большаго удобства въ нагрузки провизіи. Но стоянка на этомъ рейдѣ еще опаснѣе нежели въ Simons bay. Теперь вѣроятно это неудобство уже устранено, ибо въ бытность нашу тамъ сооруженіе брекватера—огромный молы защищающей рейдъ отъ вѣтровъ и волненій—подходило къ концу. Это своего рода гигантское предпріятіе, на которое способны только англичане съ своимъ невозмутимымъ терпеніемъ. Сколько разъ работы ихъ при началѣ постройки разрушались волнами и вѣтрами, но они не унывали и придумывали новыя средства и наконецъ таки побороли природу. А прежде, до окончанія постройки, существовалъ въ городѣ телеграфъ, который давалъ знать сигналомъ стоящимъ на рейдѣ судамъ о приближающейся бурѣ, по которому всѣ суда уходили въ море на время шторма; нѣкоторыя же изъ нихъ, не успѣвшія спастись бѣгствомъ, были выбрасываемы на скалистые берега и разбивались. Не проходило того года, чтобы нѣсколько судовъ не погибло на этомъ рейдѣ. Примѣтами-же для жителей, опредѣляющими приближеніе бури, служатъ горы Столовая и Львиная. Если облака спустились на первую и образовали родъ скатерти, или левъ надѣлъ чепчикъ, то добра ожидать нечего. Столовая гора называется такъ потому, что общій видъ ея подходитъ близко къ фигурѣ стола; скаты ея совершенно отвѣсны, а плоская вершина имѣетъ совершенно горизонтальное положеніе. Львиная-же гора рѣшительно не понимаю почему такъ называется. Люди обладающіе пылкимъ воображеніемъ—находятъ поразительное сходство выдающейся части горы съ львиною головою; а когда спустятся на нее облака, то говорятъ, что левъ надѣлъ чепчикъ,—тогда какъ и самъ Гоголевскій почтмейстеръ сказалъ что «это не остро и развѣ можетъ быть свинья въ ермолкѣ?»—Самый городъ Капштадтъ расположенъ на огромномъ пространствѣ, дома большіе, большею частію каменные съ садами и чистыми дворами, представляютъ опрятный для глаза видъ. Гостинницы чисты и удобны, а что въ нихъ намъ нравилось особенно, такъ это система продовольствія постояльцевъ. Встаете вы утромъ—вамъ подаютъ кофе или чай по желанію. Часовъ около 12 звонокъ къ завтраку, по этому звонку всѣ постояльцы собираются въ обѣденную комнату, гдѣ на раскрытомъ столѣ поставлены всевозможныя соленья, прѣсныя, мясныя и другія явства; еслибы не отсутствіе суна, то этотъ завтракъ нисколько бы не отличался отъ обѣда, какого нибудь аристократическаго семейства, и—надо замѣтить, что въ этомъ табльдотѣ принимаетъ участіе и самъ хозяинъ, а если онъ семейный то и его семейство. Часовъ около 6 звонокъ къ обѣду, за которымъ подается все то же что и за завтракомъ съ прибавкою горячаго, затѣмъ около 11 часовъ ужинъ.—Курить за столомъ ни въ одной изъ гостинницъ не разрѣшается. И за все это удовольствіе вмѣстѣ съ комнатою платится полъ-фунта

Библиотека "Руниверс"

стерлинговъ въ сутки, что составитъ около трехъ съ половиною рублей,—плата довольно умѣренная. Вслѣдствіе любезности городскихъ властей, намъ удалось осмотрѣть военный портъ, который какъ учрежденіе чисто спеціальное я описывать не буду, а также мѣстный острогъ, въ которомъ содержались чернокожіе арестанты, и другія правительственныя учрежденія. Въ одинъ изъ хорошихъ дней, мы предприняли поѣздку на Столовую гору; за городомъ дорога потянулась сначала между дачами и различными коттеджами затѣйливой архитектуры. По мѣрѣ приближенія къ подошвѣ Столовой горы, она все болѣе и болѣе суживалась и наконецъ у самой подошвы потерялась совсѣмъ. Тогда мы по совѣту нашихъ проводниковъ оставили своихъ лошадей на попеченіе одного изъ нихъ и начали карабкаться въ гору. Эта экспедиція по своей трудности и крайней утомительности надолго останется въ памяти у насъ. Мы до такой степени измучились, что готовы были вернуться назадъ,—но ободряемые проводниками, предвѣщавшими близость цѣли, взобрались таки на плоскую вершину этой горы и долго любовались видами. Самый Капштадтъ, кажется отсюда крошечной деревушкой, а бухта Table bay со стоящими въ ней судами — небольшимъ прудомъ съ игрушечными корабликами. Долго мы бы еще оставались здѣсь, но рѣзкая перемѣна въ температурѣ заставила насъ позаботиться о своемъ здоровьи и мы скрѣпя сердце вернулись подъ кровъ гостепріимной Капштадтской гостинницы. Кромѣ этого мы ѣздили еще въ такъ называемую Констанцію, которая пріобрѣла всемірную извѣстность въ лицѣ вина именующимся констанскимъ. Про Констанцію можно сказать только одно, что виноградъ въ ней разводится необыкновенно крупныхъ и вкусныхъ породъ, а вслѣдствіе этого и самое вино чрезвычайно пріятно на вкусъ.

Простоявъ въ Капштадтѣ нѣсколько дней, мы въ одно прекрасное утро распрощались съ нимъ и вышли въ море для слѣдованія въ Россію и чрезъ три - четыре мѣсяца благополучно бросили якорь на Кронштадтскомъ рейдѣ.

В. Савичъ.

Величковскія соляныя копи встарь и нынѣ.

Вотъ какъ описывалъ Величковскія копи, лѣтъ сорокъ тому назадъ, одинъ изъ посѣтившихъ ихъ путешественниковъ, капитанъ Батурстъ.

«Я не хотѣлъ», говоритъ капитанъ, «оставить Краковъ не посѣтивъ соляныхъ копей Велички; одно только меня удерживало — присутствіе моей жены и моихъ дѣтей; но къ удивленію моему жена моя не только была на это согласна, а даже непремѣнно хотѣла слѣдовать за мною, не смотря ни на какія опасности.

«Величка—небольшой городокъ, лежащій въ долинѣ, при подошвѣ горы, составляющей отрасль горъ Карпатскихъ. Прежде на этомъ самомъ мѣстѣ было нѣсколько деревень, носившихъ это имя; но съ разработкою соляныхъ копей богатство этого города возрастало и состояніе жителей улучшалось, и теперь Величка хотя и не большой, но очень красивый городокъ.

«Копи каменной соли въ Величкѣ были отрыты около половины тринадцатаго вѣка, во время царствованія Болеслава V, короля Польскаго. Казиміръ великій улучшилъ въ нихъ самые способы добыванія, и съ этого времени онѣ сдѣлались неистощимымъ источникомъ богатства и благоденствія цѣлой страны.

«Лишь только мы подъѣхали къ мѣсту» говоритъ капитанъ, «одинъ изъ проводниковъ предложилъ намъ быть нашимъ вожатымъ; разумѣется, мы приняли его предложеніе. Онъ сказалъ намъ, что можно спуститься по лѣстницѣ въ четыреста ступенекъ, или съ помощію каната. Къ величайшему моему удивленію, жена моя избрала послѣднее средство».

«Тотчасъ окутали насъ въ длинныя, бѣлыя покрывала для того чтобы предохранить наши платья и насъ самихъ отъ вліянія сырости; потомъ повели насъ подъ какой-то навѣсъ, гдѣ насъ ждали два мальчика, съ фонарями въ рукахъ. Увидя насъ, они открыли отверстіе, чрезъ которое мы должны были спуститься, и притянули къ себѣ канатъ ужасной толщины, навернутый на валъ и прикрѣпленный къ своду навѣса».

«Я усадилъ жену и двухъ моихъ дѣтей на одну изъ скамеекъ, расположеннымъ одна за другою по длинѣ каната, крѣпко привязавъ ихъ къ нему подъ руки. Когда мы всѣ были готовы, то при слабомъ свѣтѣ двухъ маленькихъ лампъ стали спускаться въ глубину пропасти. Канатъ разматывался чрезвычайно быстро; мнѣ казалось, что по мѣрѣ того какъ мы спускались—быстрота увеличивалась, такъ что платья наши поднимались отъ сопротивленія воздушнаго столба, который мы разсѣкали нашимъ паденіемъ. Менѣе нежели въ двѣ минуты мы уже были на днѣ. Толпа рудокоповъ поздравляла насъ съ благополучнымъ прибытіемъ и помогала намъ освободиться отъ нашихъ оковъ. Я отблагодарилъ ихъ за эту услугу нѣсколькими серебряными монетами. Рудокопы возвратились къ своимъ работамъ, а мы остались одни съ нашимъ проводникомъ и съ двумя мальчиками, которые должны были свѣтить намъ».

«Въ продолженіе нѣсколькихъ минутъ, глаза мои, привыкшіе къ дневному свѣту, не могли ничего различить въ этомъ мрачномъ и новомъ для меня мірѣ, въ которомъ мы находились. Но мало по малу я началъ видѣть эти толстые своды, которые тянутся на огромное пространство, и наконецъ я могъ разсматривать эти чудеса, отысканныя человѣкомъ въ нѣдрахъ земли».

«Проводникъ провелъ насъ чрезъ большія залы, длинные коридоры, гдѣ мертвая тишина прерывалась только стукомъ топоровъ о скалы каменной соли и пѣніемъ нѣкоторыхъ работниковъ, разсѣянныхъ тамъ и сямъ. Наконецъ, мы пришли въ одну довольно обширную залу, у входа которой поставлена статуя Августа II, короля Польскаго, во весь ростъ, сдѣланная изъ одного куска соли. «Вотъ мы и въ часовнѣ», сказалъ проводникъ. Въ самомъ дѣлѣ это былъ маленькій храмъ, посвященный католическому богослуженію. Въ глубинѣ его возвышался алтарь, превосходно выточенный, а весь сводъ кругомъ поддерживался безчисленнымъ множествомъ колоннъ; этотъ сводъ былъ слишкомъ высокъ для того, чтобы свѣтъ маленькихъ лампъ могъ достаточно освѣтить его. По правую и по лѣвую сторону алтаря были двѣ статуи клиросниковъ, изваянныя изъ розовой соли. Проводникъ сказалъ намъ, что соль этого рода находятъ очень рѣдко. Тутъ, вынувъ изъ кармана небольшой ящикъ, онъ просилъ меня позволить ему предложить моей дочери нѣсколько бездѣлокъ, которыя не имѣли другой цѣны, кромѣ рѣдкости вещества, изъ котораго онѣ были сдѣланы. Эмма, поблагодаривъ проводника, поспѣшила раскрыть ящичекъ; въ немъ было ожерелье и серьги изъ розовой соли. Эти вещи были сдѣланы съ особеннымъ искуствомъ и удивительною отчетливостію».

«Далѣе, мы пошли въ Залу Люстры, которую рудокопы называютъ Kloska. Ничего нѣтъ величественнѣе и болѣе внушающаго удивленіе того зрѣлища, которое представилось намъ. Огромное пространство здѣсь окружено цѣлымъ лѣсомъ черныхъ столбовъ, образующихъ собою со всѣхъ сторонъ большіе, темные корридоры; тысяча аркъ слѣдуютъ одна за другою. Изъ центра огромнаго свода спускается люстра ужасной величины; она выточена изъ кристаллизованной соли».

«Нѣсколько времени мы шли, не встрѣчая никакихъ препятствій; только по временамъ слышенъ былъ страшный шумъ. Можно было подумать, что это ревъ потока, гонимаго бурею. Въ самомъ дѣлѣ это была подземная рѣка, воды которой падали съ необыкновенною силою и съ ужасной вышины; а въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе онѣ текли совершенно спокойно.

«Дѣти мои, испуганныя шумомъ и пораженныя этимъ чудомъ, дрожали и плакали отъ страха. Я попросилъ проводника отвести ихъ къ работникамъ въ такое мѣсто, гдѣ не такъ страшно. Мы дождались у нижней части катаракта возвращенія нашего проводника».

«Онъ вскорѣ возвратился и увѣрилъ насъ, что дѣти наши внѣ всякой опасности,—и слѣдя по извилинамъ потока, привелъ насъ на маленькій мостикъ, откуда мы лучше могли видѣть большую часть копи. Около насъ было съ сотню работниковъ, которые съ фонаремъ, привѣшеннымъ къ кушаку, откалывали куски соли. Рѣка текла подъ нами; пространство въ семь тысячъ футовъ открывалось предъ нашими глазами; влѣво отъ насъ былъ каскадъ; а прямо надъ нашими головами возвышался соляный сводъ «въ четыреста тридцать два фута высоты».

Мы прошли безчисленное множество другихъ залъ, не менѣе замѣчательныхъ, корридоровъ, аллей всякаго размѣра и величины, своды которыхъ были поддерживаемы большею частію цѣлыми стволами деревъ. Потомъ мы видѣли конюшни, гдѣ нѣсколько старыхъ лошадей отдыхали, ожидая часа работы. Проводникъ между тѣмъ разсказывалъ намъ въ краткихъ словахъ объ управленіи копями, говорилъ о разныхъ работахъ, которыхъ онѣ требуютъ,—и мы узнали отъ него, что для добыванія соли употребляется болѣе тысячи двухъ сотъ человѣкъ. Онъ показалъ намъ куски соли, въ которыхъ было отъ пяти до шести центнеровъ [7]), обсѣченные въ цилиндрическую форму, для того чтобы удобнѣе было переносить ихъ; мы видѣли огромные чаны, въ которыхъ лежатъ обломки этихъ скалъ, разскрошенные на мелкіе кусочки. Онъ показалъ намъ всѣ четыре рода соли, составляющіе скалы Велички: темную или простую соль, зеленую соль, бѣлую соль и кристаллизированную прозрачную соль. Онъ показалъ намъ также куски соли, извлеченные изъ верхнихъ слоевъ; онѣ были смѣшаны съ глинистою землею, раковинами и окаменѣлостями. Со временемъ эти куски смѣшанной соли обратились бы въ сѣрую, зеленую или бѣлую соль, такъ же какъ раковины и глинистая земля обращаются въ камни и мраморъ. Первый слой *чистой* соли находится въ землѣ на *тысячу футовъ* отъ ея поверхности. Проводникъ увѣрялъ насъ, что съ того времени какъ открыты копи, изъ нихъ добыто болѣе шестисотъ милліоновъ центнеровъ соли, что значится по книгамъ».

«Мы проходили мимо обелиска въ Бальную Залу. Представьте себѣ огромную залу съ богатыми колоннами, наполненную вещами отличной работы—и все это изъ соли! Проводникъ приказалъ

[7]) Центнеръ имѣетъ 100 фунтовъ.

Библиотека "Руниверс"

зажечь свѣчи—и тогда мы увидѣли эту залу во всемъ блескѣ. Здѣсь я невольно дѣлалъ сравненіе этихъ поразительныхъ красотъ природы съ бѣдными, ничтожными и непрочными украшеніями нашихъ гостинныхъ. Нашъ вожатый былъ человѣкъ лѣтъ 45-ти; онъ разсказывалъ намъ, что въ своей молодости онъ былъ свидѣтелемъ многихъ великолѣпныхъ праздниковъ, даваемыхъ въ этомъ подземномъ царствѣ. Онъ вспоминалъ особенно про балъ, данный здѣсь въ 1813 году, во время уединенія князя Понятовскаго».

«Скоро свѣчи погасили, и мы оставили Бальную Залу. Дальнѣйшее подземное путешествіе наше было опять пополамъ со страхомъ, по причинѣ совершенной темноты; лампъ нашихъ было недостаточно—и мальчики, шедшіе впереди насъ, должны были зажечь факелы. И такъ, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ, мы пришли въ Залу Озера. Факелы наши освѣщали значительное пространство—и вотъ какая картина открылась предъ нашими глазами: мы видѣли огромное озеро, совершенно спокойное; вода въ немъ казалась черною. Съ противуположнаго берега приближались какія-то привидѣнія, покрытыя длинными бѣлыми саванами. При дрожащемъ свѣтѣ факеловъ, при глубокой тишинѣ, они двигались какъ тѣни мертвецовъ (лишонныхъ погребенія), которые бродятъ по берегамъ Стикса, покуда сострадательная рука не выроетъ имъ могилы. Для дополненія обмана, на озерѣ стояла барка, прикрѣпленная къ берегу желѣзною цѣпью. Когда мы приблизились къ баркѣ, перевощикъ дикимъ голосомъ спросилъ насъ: не хотимъ ли мы сѣсть въ судно. Мы сѣли, и страшныя фигуры въ бѣломъ послѣдовали нашему примѣру: это были два иностранца, привлеченные сюда любопытствомъ какъ и мы. Два гребца управляли нашимъ судномъ, плывшимъ медленно по тяжелымъ водамъ адскаго озера. Густой дымъ нашихъ факеловъ, ихъ свѣтъ, который отражался на поверхности этого подземнаго озера, пѣніе гребцовъ, шумъ веселъ, волненіе воды, эти странныя мантіи которыми мы были покрыты, эта неопредѣленность которую нельзя описать, но которую чувствуешь въ необыкновенныхъ обстоятельствахъ жизни, все это воспламенило мое воображеніе. Мы вышли изъ судна на другой берегъ, не увѣренные еще въ томъ, не потребуетъ-ли перевощикъ обола мертвецовъ.

«Проводникъ нашъ свелъ насъ въ нижніе этажи. Прошедши съ нимъ много другихъ залъ не менѣе замѣчательныхъ, осмотрѣвъ машины и трубы, мы подошли подъ сводъ, съ котораго висѣли блестящіе сталактиты. Когда мы любовались этими прекрасными и разнообразными богатствами природы, проводникъ сказалъ намъ съ величайшимъ хладнокровіемъ: «Это мѣсто, гдѣ мы теперь стоимъ, находится подъ самою серединою того озера, чрезъ которое мы сейчасъ переѣзжали. Озеро надъ самыми нашими головами!»

«Моя жена при этихъ словахъ, объятая внезапнымъ страхомъ, вскрикнула, вырвалась изъ моихъ рукъ и побѣжала къ входу; я побѣжалъ за нею... Вдругъ возлѣ самыхъ насъ послышался взрывъ; потомъ раздался съ шумомъ стукъ паденія обломковъ, повторяемыхъ эхомъ то вблизи, то въ дальнемъ разстояніи... Мы думали, что своды рушатся подъ тяжестію водъ этого озера, и стояли какъ окаменѣлые.

«Проводникъ подошелъ къ намъ и смѣясь разсѣялъ однимъ словомъ нашъ глупый страхъ; онъ сказалъ, что посредствомъ пороховаго взрыва оторвали сейчасъ огромный кусокъ соли.

«Наконецъ мы оставили этотъ мрачный, но чудесный подземный міръ, въ которомъ мы провели болѣе осьми часовъ. Проводникъ говорилъ намъ, что для подробнаго обозрѣнія всѣхъ копей нужно употребить не менѣе шести мѣсяцевъ. Мы поднялись въ верхній этажъ по лѣстницѣ, выдолбленной въ соляной скалѣ, и нашли нашихъ дѣтей, немножко встревоженныхъ, но счастливыхъ, тѣмъ что съ нами опять увидѣлись.

«Я далъ нѣсколько шиллинговъ проводнику, тихонько подсмѣивавшемуся надъ нашимъ страхомъ, — и привязавъ къ канату, по которому мы спустились, одинъ изъ коробовъ, которымъ вытаскиваютъ соль изъ копей, я усадилъ въ него мою жену и дѣтей; потомъ взошелъ самъ, и мы всѣ вмѣстѣ возвратились на земную поверхность.»

Нынѣ Величка — городокъ въ Австрійско-Галиційскомъ округѣ Бохніи, расположенный въ живописной долинѣ, мѣстопребываніе властей горнаго и солянаго вѣдомства, имѣетъ школу для дѣтей мужскаго пола, францисканскій монастырь, соляныя минеральныя воды и 4,536 жителей. Знаменитыя соляныя копи были случайно открыты пастухомъ Величкомъ въ 1233 г. Онѣ расположены подъ самымъ городомъ и составляютъ какъ бы второй подземный городъ, занимающій своими улицами и площадями пространство гораздо болѣе обширное чѣмъ надземный его собратъ. Песчанистый и глинистый мергель, ангидритъ и песчаникъ перемежаются со слоями каменной соли. Самыя копи нынѣ имѣютъ 1,220 фут. глубины на пространствѣ 9,500 фут. длины съ востока къ западу и 3,600 фут. ширины съ юга къ сѣверу, а вся площадь ихъ занимаетъ 250,000 кв. саж. Онѣ распадаются на три отдѣленія, изъ которыхъ каждое имѣетъ 7 выводящихъ шахтъ, водоподъемную шахту, 2 фаршахты и 13 разработываемыхъ шахтъ. Въ самомъ городѣ залегаютъ двѣ шахты: *Францишекъ* съ витою лѣстницею въ 470 ступеней, заложенная въ 1744 году, и *Даниловичъ* въ 198 фут. глубины. Подземныя пространства, образующія настоящій лабиринтъ переходовъ, нерѣдко соединенныхъ между собою мостиками, заключаютъ въ себѣ часовню изъ соли, украшенную статуями и изваяніями святыхъ вырубленными также изъ соли, мостъ императора Франца, соленое озеро, великолѣпную танцовальную залу изъ соли съ деревяннымъ паркетомъ и съ громадными канделябрами изъ соли, а также множествомъ памятниковъ въ честь посѣщеній высокими особами. Въ копяхъ занимаются 1,500 рабочихъ, не живущихъ въ самыхъ копяхъ, и 100 лошадей, которыя помѣщаются въ подземныхъ стойлахъ, вырубленныхъ въ соли. Копи эти доставляютъ до мильона центнеровъ соли ежегодно на сумму около 600,000 гульд. Соль добывается рубкою и ломомъ, а также и пороховыми взрывами. Въ торговлю она поступаетъ илитами въ 1½ цент. (кристаллическая соль); бочкообразными валами (болванами) въ 5—10 цент., которые преимущественно идутъ въ Россію; въ болѣе мелкихъ кускахъ, которыми наполняются боченки въ ½—5 цент.; въ видѣ нечистой соли, сильно смѣшанной съ глиной и годной только для скота. Изъ чистой и совершенно прозрачной соли приготовляются четки, крестики и разные тонары. Копи Величковскія нѣкогда принадлежали Польшѣ. Польскій король Казиміръ впервые установилъ правильную эксплоатацію ихъ. Позднѣе, король Августъ II, курфюрстъ саксонскій, выписалъ въ Величку саксонскихъ горнорабочихъ, которые ввели еще лучшую эксплоатацію,—и все же копи эти приносили польской казнѣ мало выгоды. Въ 1772 г. отошли онѣ къ Австріи. По Вѣнскому миру 1809 г. онѣ стали общею собственностью Австріи и герцогства Варшавскаго. Обѣ страны добывали ежегодно до 5.100,000 пуд. соли. По Парижскому миру 1814 г., послѣ Вѣнскаго конгресса онѣ стали окончательно полною собственностью Австріи.

Первый изъ прилагаемыхъ рисунковъ изображаетъ страшную катастрофу, происшедшую нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Напоромъ внутреннихъ водъ прорвало одну изъ стѣнъ въ шахтахъ и все подземное пространство копей было затоплено наводненіемъ. Многіе предсказывали, что копи должны будутъ въ скоромъ времени подвергнуться упраздненію — и никто не имѣлъ надежды помочь бѣдѣ помощію машинъ. Но нѣсколькимъ даровитымъ инженерамъ удалось остановить наводненіе посредствомъ помпъ, которыя дѣйствуя въ громадномъ числѣ выкачивали воду въ большемъ количествѣ чѣмъ ее притекало изъ подземныхъ источниковъ. Несчастіе это тѣмъ не менѣе тяжело отразилось на копяхъ; многіе изъ рабочихъ и инженеровъ лишились жизни, попортилось нѣсколько сотъ тысячъ пудовъ соли и работы должны были прекратиться на нѣсколько мѣсяцевъ. Въ концѣ концовъ, отверстія, въ которыя прорывалась вода, были задѣланы—и нынѣ Величковскія копи работаютъ по прежнему и даже болѣе.

На второмъ рисункѣ изображены рабочіе, занятые добываніемъ соли, въ одной изъ горизонтальныхъ шахтъ. Нѣкоторые изъ нихъ укладываютъ соль въ бочки и отправляютъ въ большихъ тачкахъ по рельсамъ.

Смѣсь.

Римлянка съ ребенкомъ.

(съ картины Сушона).

Италія вообще славится красотою своихъ обитателей, но классическая почва Рима и въ наше время оставляетъ за собою пальму первенства въ этомъ отношеніи. Вотъ передъ нами римлянка изъ простаго народа, которая такъ и просится въ натурщицы для одной изъ мадоннъ Рафаэля. Южная природа роскошно развила ея формы, поэтическое настроеніе народа-художника запечатлѣлось на благородномъ челѣ и въ смѣлыхъ, красивыхъ чертахъ римскаго типа. Легко и вольно дышется молодой женщинѣ подъ живописнымъ сводомъ на колоннахъ, носящихъ на себѣ несомнѣнный характеръ сѣдой древности и можетъ быть нѣкогда служившихъ театромъ грозныхъ историческихъ сценъ временъ республики или имперіи. Она конечно не знаетъ точныхъ преданій своей первобытной родины, ей ближе сонеты Петрарки и строфы освобожденнаго Іерусалима, хотя и тѣ извѣстны ей больше по слухамъ, — но такое прошлое не проходитъ безслѣдно: красота, изящество и благородство движеній присущи каждой римлянкѣ, будь она транстеверинка или даже скромная обитательница Кампаньи, — и эти-то характеристическія отличія итальянки превосходно уловилъ соплеменный художникъ, съ картины котораго мы представляемъ вѣрный снимокъ.

Какъ предохранять желѣзо отъ ржавчины на воздухѣ. Мѣшаютъ равныя части смолы и дегтя, и для черноты прибавляютъ довольно большое количество сосновой сажи. Этой смѣсью покрываютъ посредствомъ короткой кисти желѣзные предметы, рѣшетки, перила и пр., по желанію, разъ или два раза. Если желѣзо будетъ вымазано этимъ составомъ весной, то съ усиливающимся тепломъ онъ постепенно твердѣетъ въ такой степени, что уже и лѣтній жаръ ему не вредитъ и не можетъ растопить массы.

Библиотека "Руниверс"

Разныя извѣстія.

ПРИДВОРНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

2-го (14-го) іюня, въ часъ пополудни, изволила прибыть въ Югенгеймъ Ея Величество Государыня Императрица. На 3-е (15) іюня, въ 4 часа по полудни, назначено прибытіе въ Югенгеймъ Императрицы Германской Августы, проживающей въ настоящее время въ Баденъ-Баденѣ.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

— Высочайше разрѣшено: Въ предѣлахъ Ялтинскаго уѣзда, Таврической губерніи, отдавать въ наемъ частныя недвижимыя имущества на сроки до *девяносто* лѣтъ, съ тѣмъ чтобы договоры о наймѣ означенныхъ имуществъ на сроки свыше двѣнадцати лѣтъ были совершаемы не иначе какъ крѣпостнымъ порядкомъ.

ДѢЛА ЦЕРКВИ.

— Послѣ поступленія въ Святѣйшій Синодъ отъ неизвѣстнаго лица пожертвованія процентными бумагами на 25.000 рублей въ пользу Пермской духовной семинаріи на содержаніе изъ процентовъ съ сего капитала въ семинаріи круглыхъ сиротъ Духовнаго Вѣдомства Пермской епархіи, прислано отъ того же неизвѣстнаго и на тотъ же предметъ еще *двадцать пять тысячъ рублей* процентными же бумагами.

— Число богомольцевъ, отправившихся въ 1873 году изъ Вятской губерніи въ Іерусалимъ, простиралось до 39 человѣкъ, изъ которыхъ было 20 мужчинъ и 19 женщинъ.

ВОЕННОЕ И МОРСКОЕ ДѢЛО.

— 22-го мая, корветы «Львица», «Память Меркурія» и «Ястребъ», составляющіе практическій отрядъ Черноморскаго флота, вышли, какъ сообщается въ «Никол. Вѣстн.», на рейдъ. Отрядъ этотъ отправится въ трехмѣсячное практическое плаваніе съ юнкерами флота (на «Львицѣ» и «Ястребѣ») и съ молодыми командами.

— При открытіи 1-го іюня въ Варшавѣ главнымъ военнымъ прокуроромъ Военно-Окружнаго суда, тайный совѣтникъ Философовъ сказалъ, какъ сообщается въ «Русск. Инвал.», краткую рѣчь, въ которой объяснилъ основанія новаго военнаго судопроизводства и значеніе ихъ для жизни войскъ. Новый судъ помѣщается въ домѣ Военнаго Вѣдомства, на улицѣ Новой Свѣтъ. Зала Суда находится во второмъ этажѣ этого дома.

— Винтовой корветъ «Витязь» пришелъ 2-го іюня утромъ изъ 4-хъ-лѣтняго кругосвѣтнаго плаванія и сталъ на якорь на Большомъ Кронштадтскомъ рейдѣ.

— 16-го мая спущенъ на воду тимберовавшійся въ Николаевскомъ адмиралтействѣ корветъ «Воинъ», какъ сообщаютъ въ «Ник. Вѣстникѣ», самое большое и едва ли не лучшее судно Черноморскаго флота. Вытащенный на элингъ осенью прошлаго года, онъ перетимбероване совершенно заново и подготовленъ для принятія артиллеріи различныхъ новѣйшихъ образцовъ.

ГИГІЕНА.

— Въ отчетѣ Офтальмическаго института (глазной больницы) имени князя Эдуарда Любомірскаго въ гор. Варшавѣ за 1873 г. сообщается, что въ теченіе отчетнаго года пользовалось въ больницѣ 3.203 человѣка, именно въ палатахъ 540 и въ амбулаторіи 2.663. Изъ общаго числа пользовавшихся въ палатахъ 346 оставили больницу совершенно выздоровѣвшими, 102 съ значительнымъ облегченіемъ, 29 безъ облегченія и 38 остались на 1874 г. Амбулаторнымъ больнымъ даны были 12.493 консультаціи, слѣдовательно среднимъ числомъ по 41,6 въ сутки, и произведено было 162 операціи.

СОДЕРЖАНІЕ: Монблакъ (съ рисункомъ). — Антипатичный человѣкъ. Н. Югова. — Какъ произошелъ фаэтонъ. — Жизнь на морѣ (изъ воспоминаній моряка) В. Савича (окончаніе). — Величковскія соляныя копи (съ двумя рисунками). — Римлянка съ ребенкомъ (съ рисункомъ. — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ

съ сильнымъ настоемъ, черный ароматный чай, очень пріятнаго вкуса, за фунтъ 1 р. 60 к и 1 р. 80 к. ССЫПНОЙ (мелкій) чай—букетъ изъ черныхъ и цвѣточныхъ чаевъ, чрезвычайно спорый и особенно вкусный, за фунтъ 1 р. 40 к. Вышепоименованные сорта чаевъ, по своимъ качествамъ и дешевизнѣ, рекомендуются потребителямъ, какъ экономически-выгодные чаи Получать можно ТОЛЬКО въ магазинахъ «Кяхта» Петра Лебедева и фирмы М. Корещенко, въ С.-Петербургѣ, по Казанской улицѣ, противъ Ломбарда, д. № 8—10; по Невскому проспекту, противъ церкви Знаменія, въ д. Маркевича; по Вознесенскому пр., у Вознесенскаго моста, въ д. Макарова.

ЧРЕЗЪ ПОЧТУ

чай высылается иногороднымъ лицамъ на счетъ магазина, при единовременномъ требованіи въ количествѣ не менѣе 5 фунтовъ, изъ слѣдующихъ сортовъ: черный въ 1 руб. 60 к., 1 р. 80 коп., 2 р., 2 р. 30 к., 2 р. 50 к. и 2 р. 60 к. Цвѣточный въ 2 р. и 2 р. 50 к. Лянсинъ въ 3 руб., 3 р. 50 к. и въ 4 руб. за фунтъ. Чай въ 1 р. 20 к. и въ 1 р. 40 к. высылается въ небольшомъ количествѣ только при требованіи другихъ сортовъ, а не отдѣльно.

Гг. иногородные торговцы,

желающіе производить торговлю чаями магазиновъ «Кяхта», съ требованіями, за объясненіями и съ предложеніями кондиціонныхъ условій, благоволятъ обращаться въ С.-Петербургъ, къ Петру Петровичу Лебедеву, по **Казанской улицѣ, домъ № 8—10**; въ Москвѣ, въ Охотный рядъ, домъ Мѣщанскаго Общества.

Только-что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

„БОЛЬШІЕ КОРАБЛИ.“

В. КЛЮШНИКОВА,

АВТОРА ПОВѢСТИ

БАРЫШНЯ И БАРЫНЯ,

помѣщенной въ «Нивѣ» 1874 г.

Цѣна романа 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Гг. подписчики «Нивы», обращающіеся съ требованіями въ контору редакціи ничего не платятъ за пересылку.

МАГАЗИНЪ К. ЗЕЙФЕРТЪ,

рекомендуетъ переносные ледники, мороженницы, ванны, вентиляторы, керосиновые аппараты для изготовленія кушанья, воздушные и ватеръ-клозетные умывальные столы, биде, машинки для стирки бѣлья и разные тому подобные вещи. На Вознесенскомъ просп. близъ Офицерской.

Подписка на „НИВУ“ въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:		НА ПОЛГОДА:	
I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ	4 р. — к.	I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ	2 р. — к.
» съ доставкой на домъ	5 » — »	» съ доставкой на домъ	2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ	4 » 50 »	II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ	2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой	5 » 50*) »	III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ	3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ“ въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Издатель „Нивы“ **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы“ заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугода по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27. Также принимается теперь подписка на второе полугодіе, съ № 27, отъ новыхъ подписчиковъ, по вышепоказаннымъ цѣнамъ. Во 2-мъ полугодіи будутъ помѣщены разныя большія повѣсти, между прочимъ **Н. Боева**—Что случилось съ Петромъ Петровичемъ, г. **Каразина**—Двуногій волкъ, г. **Шкляревскаго**—разсказъ судебнаго слѣдователя и пр. и пр.

Дозволено цензурою. 14 іюня 1874 г. Изданіе А. Ф. Маркса. Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. Эдуарда Гоппе, Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"

№ 26 1874

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ДВА ЛИСТА СЪ 2—4 РИСУНКАМИ И ЕЖЕМѢСЯЧН. ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

Выданъ 24-го іюня 1874 года. ПАРИЖСКІЯ МОДЫ. Отдѣльные №№ „Нивы" по 15 коп., съ пересылкою 20 к.

Подписка на „НИВУ" въ 1874 году продолжается

И КАЖДЫЙ НОВЫЙ ПОДПИСЧИКЪ ПОЛУЧАЕТЪ ВСѢ УЖЕ ВЫШЕДШІЕ ВЪ 1874 ГОДУ №№ «НИВЫ».

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

НА ГОДЪ:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 4 р. — к.
» съ доставкой на домъ 5 » — »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . . 4 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой . . . . 5 » 50*)»

НА ПОЛГОДА:

I. Въ С.-Петербургѣ: безъ доставки на домъ 2 р. — к.
» съ доставкой на домъ 2 » 50 »
II. Въ Москвѣ: безъ доставки на домъ, въ книжныхъ магазинахъ И. Г. Соловьева и А. Лангъ . . 2 » 50 »
III. Въ губерніяхъ: съ пересылкой на домъ 3 » — »

ПОДПИСКА принимается въ **конторѣ редакціи „НИВЫ" въ С-Петербургѣ, Большая Морская, домъ № 9.**

Издатель „Нивы" **А. Ф. Марксъ.**

*) Для облегченія пересылки свыше 5 руб. назначенныя 50 коп., можно высылать почтовыми 10 коп. марками, которыя по почтовымъ правиламъ не надо застраховывать, т. е. не нужно обозначать на конвертѣ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Покорнѣйше просимъ гг. подписчиковъ на первое полугодіе „Нивы" заблаговременно возобновлять подписку на вторые полугода по вышеозначеннымъ цѣнамъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ высылка нумеровъ нашего журнала будетъ пріостановлена съ № 27. Также принимается теперь подписка на второе полугодіе, съ № 27, отъ новыхъ подписчиковъ, по вышепоказаннымъ цѣнамъ. Во 2-мъ полугодіи будутъ помѣщены разныя большія повѣсти, между прочимъ **Н. Боева**—Что случилось съ Петромъ Петровичемъ, г. **Каразина**—Двуногій волкъ, г. **Шкляревскаго**—разсказъ судебнаго слѣдователя и пр. и пр.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

КЪ СЛѢДУЮЩЕМУ № 27 „НИВЫ" БУДЕТЪ ПРИЛОЖЕНА

ТРЕТЬЯ

ВЪ НЫНѢШНЕМЪ ГОДУ

БЕЗПЛАТНАЯ ПРЕМІЯ

ДЛЯ ГОСПОДЪ ПОДПИСЧИКОВЪ НАШЕГО ЖУРНАЛА,

ЗАКЛЮЧАЮЩАЯСЯ ВЪ

БОЛЬШОЙ КАРТѢ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССІИ

СЪ ПОКАЗАНІЕМЪ ВСѢХЪ ЖЕЛѢЗНЫХЪ ДОРОГЪ,

какъ существующихъ такъ и проектированныхъ, великолѣпно отпечатанной на камнѣ тремя красками.

Цѣна этой карты въ отдѣльной продажѣ будетъ 50 коп., съ пересылкой 60 коп.

Гг. подписчики «Нивы» желающіе пріобрѣсти нѣсколько экземпляровъ благоволятъ высылать за каждый лишній (сверхъ премій) экземпляръ **60 коп. почтовыми марками.**

Библиотека "Руниверс"

На травѣ.

(ОЧЕРКИ КАВАЛЕРІЙСКОЙ ЖИЗНИ).

Всеволода Крестовскаго.

(Продолженіе).

II.

Ильяновская легенда.

Увы! легенда «пана органисты» оказалась произведеніемъ совершенно ничтожнаго творчества. Все дѣло будто-бы въ томъ, что панъ-грабя Валицкій, живучи въ Парижѣ, влюбилъ въ себя какую-то знатную француженку, злую и ревнивую женщину, которая ни какъ не хотѣла отвязаться отъ вѣтрянаго ловеласа. Валицкій долженъ былъ тайкомъ удрать отъ нея изъ Парижа, но французская «вельможна пани» поскакала вслѣдъ за нимъ и долго странствовала по Европѣ, розыскивая повсюду своего невѣрнаго друга, съ цѣлью привлечь опять къ себѣ его сердце или же отомстить ему самымъ чувствительнымъ образомъ. Многолѣтнія старанія и поиски ея были совершенно безуспѣшны. Едва доходилъ до нея слухъ, что фантастическій графъ проживаетъ въ томъ-то или въ этомъ городѣ, она мчалась къ нему,—но случай всегда устраивалъ дѣло такимъ образомъ, что Валицкій, ничего не зная и не подозрѣвая о ея преслѣдованіи и поискахъ, чуть не наканунѣ, или за нѣсколько часовъ до ея пріѣзда, уѣзжалъ въ другой городъ или въ другое государство—и бѣшеная француженка снова начинала свою неутомимую погоню. Между прочимъ, графъ успѣлъ побывать на Востокѣ, въ Константинополѣ и въ Каирѣ, гдѣ купилъ себѣ на рынкѣ прекрасную «туркиню», или «бѣлую арабку», плѣнившись ея замѣчательною красотою. Графъ всею душою привязался къ своей рабынѣ и, найдя, что странствія и шатанія по бѣлу свѣту достаточно уже ему надоѣли, вернулся въ Литву и поселился со своею «туркиней» въ тишинѣ и уединеніи Ильяновскаго фольварка. Здѣсь у него «туркиня» все лежала на отоманкѣ и играла на торбанѣ, а панъ-грабя влюбленно дремалъ у ея ногъ,—и этотъ магометовъ рай въ Ильяновѣ продолжался нѣсколько мѣсяцевъ, какъ вдругъ нежданно и негаданно, словно снѣгъ на голову, въ Ильяновское затишье нагрянула бурная француженка. Графъ очень смутился, но какъ «гоноровы и поржондны чловѣкъ», т. е. какъ истый galant homme, связанный съ «герцогиней» воспоминаніями нѣжнаго чувства, не дерзнулъ отказать ей въ гостепріимствѣ тѣмъ болѣе, что герцогиня эта успѣла убѣдить его, будто она ѣдетъ въ Петербургъ и случайно узнавъ въ Гроднѣ, что старый другъ ея находится въ своемъ помѣстьѣ, такъ близко отъ ея прямаго пути, рѣшилась свернуть немного въ сторону, сдѣлать двѣ три лишнія мили, чтобы только взглянуть на него и этимъ посѣщеніемъ заплатить дань воспоминанію о дняхъ любви и счастія, пережитыхъ когда-то съ нимъ вмѣстѣ. Панъ грабя принялъ путешественницу, ни какъ не подозрѣвая, что она можетъ таить въ душѣ какіе-либо коварные замыслы. Но путешественница ихъ таила. Она попыталась было воскресить въ душѣ графа старое чувство, попробовала вновь плѣнить и увлечь его своею красотою, но графъ пребылъ въ неполебимой вѣрности своей «туркинѣ». Герцогиня упросила его показать ей туркиню—и графъ, послѣ долгихъ колебаній, исполнилъ ея желаніе. Француженка употребила всю свою ловкость и любезность, чтобы обворожить простодушную соперницу. Къ сожалѣнію, легенда не удостовѣряетъ съ точностью, на какомъ языкѣ изъяснялись между собою обѣ женщины. Впрочемъ, когда мой Апроня предложилъ этотъ вопросъ пану органистѣ, то находчивый парень не затруднился и на этотъ разъ отвѣтомъ: «герцогыня не мувила по турецьку и туркыня не мувила по французьску, то може обыдвѣ днѣ мувили по польску, а якъ и по польску не мувили, то кеды жь не можно съ пантомины!?»—Но, какъ-бы то ни было, женщины подружились — одна искренно, другая притворно и стали ходить вмѣстѣ «на шпацеръ до лясу». На этихъ прогулкахъ сначала было ихъ сопровождали гайдуки и «панны покоёвы», но француженка измѣнила этотъ порядокъ, сказавъ, что для лѣсныхъ прогулокъ она предпочитаетъ уединеніе. Такимъ образомъ, избавясь отъ докучливыхъ глазъ и ушей сопровождавшей дворни, она получила возможность прогуливаться съ глазу на глазъ со своею ничего не подозрѣвавшею соперницей.

Быть можетъ, графу и казалось иногда нѣсколько страннымъ это продолжительное пребываніе мимоѣзжей француженки въ его соломенномъ палацѣ, но такъ какъ онъ прежде всего былъ широкій магнатъ и очень гостепріимный человѣкъ, да притомъ и большой эксцентрикъ, то и сказалъ себѣ: «пусть живетъ, коли ей нравится—у Валицкаго-де мѣста и хлѣба хватитъ для цѣлаго батальона француженокъ!» — И влюбленая француженка, къ не малому соблазну и скандалу окрестныхъ помѣщицъ, проживала въ Ильяновѣ уже около мѣсяца, ни съ кѣмъ не знакомясь и не унывая насчетъ главной своей задачи—вернуть къ себѣ привязанность графа. Но графъ не поддавался и все-таки пребывалъ въ вѣрности къ туркинѣ. Видя его непреклонность, француженка рѣшилась добиться своего, что называется, не мытьемъ такъ катаньемъ. Однажды, въ жаркій полдень, во время уединенной прогулки съ туркиней въ лѣсу, она предложила ей выкупаться въ озерѣ и утопила. Какъ именно удалось ей утопить соперницу—легенда не объясняетъ. Графъ чуть не помѣшался отъ горя, но подозрѣвать свою гостью не могъ, потому что она первая и принесла ему вѣсть о смерти, прибѣжавъ домой въ ужасѣ и въ слезахъ, съ отчаянными криками «спасите! спасите!», и объявила, что прекрасная туркиня, почувствовавъ дурноту во время купанья, упала въ обморокъ и утонула. Дней десять подрядъ закидывали въ озеро неводъ, но тѣла не отыскали. Француженка осталась въ Ильяновѣ утѣшать графа въ горести, но графъ былъ безутѣшенъ. Напрасно мечтала она, что теперь его сердце обратится къ старой привязанности; напрасно расточала передъ нимъ свои ласки, и нѣжность, и предупредительность, и всяческія обольщенія,—безутѣшный графъ оставался вѣренъ памяти своей туркини. Тогда убѣдясь въ окончательной безуспѣшности своихъ исканій и безпрестанно чувствуя въ глубинѣ души мучительныя угрызенія совѣсти за смерть неповинной и довѣрчивой женщины, француженка однажды ночью ушла изъ своей комнаты, оставивъ въ ней открытое письмо, гдѣ исповѣдывалась въ совершенномъ ею преступленіи и заявляла, что идетъ теперь наказать себя за грѣхъ подобною же смертью. На другой день, въ прибрежной осокѣ нашли ея мертвое тѣло и безъ христіанскаго погребенія закопали въ лѣсу, гдѣ, пожалуй, еще и теперь можно отыскать слѣды ея одинокой могилы. Графъ послѣ этого уѣхалъ въ Петербургъ и съ тѣхъ поръ очень рѣдко уже навѣдывался въ Ильяново, съ которымъ соединялось у него столько тяжелыхъ воспоминаній. За то французская грѣшница и по смерти не оставила-таки въ покоѣ это

Библиотека "Руниверс"

мѣсто: съ тѣхъ поръ, иногда, тоскующая тѣнь ея бродитъ по лѣсу и протяжнымъ стономъ своимъ оглашаетъ окрестную пущу. Зла она никому не дѣлаетъ; но тѣ, которые имѣли несчастіе встрѣчать ее ночью лицомъ къ лицу, всегда кончали тѣмъ, что рано или поздно тонули въ озерѣ. — «Для того и прошу пана ротмистра не слѣдить больше за нею, бо я знаю, панъ любитъ купаться!» Этимъ предостереженіемъ закончилъ панъ органыста свой разсказъ моему сожителю.

— Какъ ты находишь эту легенду? спросилъ меня Апроня.

— Весьма подозрительною, отвѣчалъ я.

— Почему такъ? изумился сожитель.

— А потому, что она отзывается чѣмъ-то дѣланнымъ, сочиненнымъ, да притомъ и сочиненіе-то не суразое, а какъ будто придумана вся эта штука на скорую руку и, быть можетъ, по вдохновенію самого же пана органысты.

— Да что же за цѣль, однако?

— А кто его знаетъ!

— Но... вѣдь привидѣнье-то мы видѣли?

— Ну, видѣли.

— А коли видѣли, такъ что-жь оно такое?

— Не знаю: поживемъ—увидимъ, а увидавши, можетъ, и довѣдаемся, «цось оно доказуе».

* * *

Прошло дня два. Маіоръ нашъ былъ въ отсутствіи, уѣхавъ по дѣламъ службы въ штабъ, а за старшаго остался Апроня.

Вахмистръ, явившись по утру съ рапортомъ, что въ эскадронѣ «все обстоитъ благополучно», замялся на минутку и потомъ, крякнувъ себѣ въ руку, спросилъ нѣсколько таинственнымъ и какъ-бы неувѣреннымъ, сомнѣвающимся тономъ:

— Ваше благородіе ничего ночью слышать не изволили?

— Ничего. А что?

— Да такъ-съ... собаки больно разлаялись...

— А и въ правду! замѣтилъ я:—даже разбудили было меня, проклятыя!

— Такъ точно-съ, подтвердилъ вахмистръ:—очинно безпокоились, а особливо Шарикъ нашъ.

— Что же за причина? спросилъ мой сожитель.

— Кто его знаетъ! «Ночные» сказывали, будто ходило что-то... Они запримѣтили на обходѣ, словно-бы бѣлое что-то около мызы по лѣсу бродитъ... и собаки все въ лѣсъ швырялись.

Мы съ Апроней невольно переглянулись.

— Это, ваше благородіе, надо быть, все та... французинка! помолчавъ и таинственно понизивъ голосъ, замѣтилъ вахмистръ.

— А ты откуда про нее знаешь?

— Деньщикъ сказывалъ; потому какъ онъ слышалъ, когда ваше благородіе за обѣдомъ разсказывать изволили...

— Ну, такъ ты распорядись, чтобы ночные непремѣнно изловили и задержали это «бѣлое», коли оно еще разъ около мызы станетъ шататься.

— Слушаю-съ, ваше благородіе!

Но съ тѣхъ поръ «бѣлое» не показывалось по ночамъ около Ильянова—и мы перестали вспоминать о немъ. Между тѣмъ, время шло своимъ чередомъ и мы вполнѣ пользовались тою привольною жизнью, которую приноситъ «трава» армейскому солдату и офицеру.

* * *

На другой же день, по приходѣ эскадрона на траву, стали расковывать лошадей; это для нихъ—то же, что скинуть обувь для человѣка, натрудившаго ноги продолжительною ходьбою. Солдаты живо устроили конюшни въ отведенныхъ сараяхъ—и тутъ же, около своихъ коней, примостили себѣ изъ кой-какихъ досокъ нары подъ собственныя постели; надъ нарами подвѣсили досчатыя полки, на которыхъ обыкновенно помѣщаются ленчики съ потниками и шапки, а въ стѣны повбивали неизбѣжные колышки. Безъ этихъ колышковъ нигдѣ и никогда не обойдтись нашему солдату. Послѣ стойла для лошади, колышки являются ближайшею его заботою; онъ набьетъ ихъ въ стѣну прежде, чѣмъ подумаетъ устроить свою собственную постель, не говоря уже о прочемъ. На одномъ колышкѣ повѣситъ онъ мундштукъ съ уздечкой, на другомъ кабуру съ пистолетомъ, на третьемъ саблю, на четвертомъ торбу съ фуражемъ, на пятомъ щетку и скребницу и т. д. У инаго этихъ колышковъ надъ постелью вбито штукъ до десяти, коли не болѣе, — и на каждомъ повѣшена какая нибудь принадлежность солдатскаго обихода. Когда, наконецъ, колышки вбиты, вещи развѣшаны и постели устроены, солдатъ начинаетъ подумывать объ украшеніи своего временнаго обиталища. Взводный вахмистръ, какъ старшій въ конюшнѣ, гдѣ помѣщается особо его взводъ, выбираетъ себѣ конечно и лучшее мѣсто—обыкновенно въ темномъ углу сарая, въ томъ разсужденіи, что гдѣ потемнѣе, тамъ прохлады больше и муха не такъ донимаетъ. Затѣмъ, наиболѣе комфортабельныя мѣста разбираютъ себѣ унтера, находящіеся во взводѣ, а за ними уже рядовые, которые посмышленѣй да порасторопнѣе. Наименьшая доза удобства выпадаетъ обыкновенно на долю «смиренныхъ», роль которыхъ естественнымъ образомъ играютъ рекрута въ первые мѣсяцы по прибытіи въ полкъ, пока не пообтрутся и не освоятся вполнѣ со своимъ бытомъ. У стараго солдата, а тѣмъ болѣе у унтера, всегда почти есть въ запасѣ на случай какая нибудь кошма, или старенькій вылинялый коврикъ, который онъ въ подражаніе «господамъ», т. е. офицерамъ, непремѣнно повѣситъ на стѣну надъ своею постелью. Это первый признакъ того, что конюшня начинаетъ украшаться. Затѣмъ—смотришь—гдѣ нибудь выглядываетъ отбитый кусочекъ зеркальца, или кисетъ, сшитый изъ пестрыхъ лоскутковъ, либо какая нибудь картинка, случайно добытая и вырванная изъ «Иллюстраціи» или изъ моднаго дамскаго журнала. Солдаты необыкновенно любятъ всякія подобныя картинки. Какое нибудь иллюстрированное объявленіе, хотя бы отъ чайнаго магазина, какая нибудь пестрая бумажка отъ конфекты, выброшенная на улицу за окончательною ненадобностью, непремѣнно будутъ подобраны солдатомъ, если только онъ набредетъ на нихъ; а разъ что набрелъ, то ужь непремѣнно подыметъ, разсмотритъ что это не просто бумажка, а картинка, и сейчасъ засунетъ за обшлагъ шинели или за голенище, имѣя въ виду—немедленно же по приходѣ на квартиру украсить ею стѣну надъ своею постелью. У одного молодаго солдатика я замѣтилъ разъ въ сараѣ надъ его изголовьемъ засаленнаго и обгрызаннаго бубноваго валета, который былъ прилѣпленъ къ стѣнѣ хлѣбнымъ мякишемъ.—Зачѣмъ это у тебя? спрашиваю его. — «Потому, ваше благородіе, картинка-съ» отвѣчалъ онъ, съ удовольствіемъ осклабляя свои бѣлыя зубы и любуясь на бубноваго валета. Когда же я, видя такую его любовь къ «картинкамъ», подарилъ ему цѣлый нумеръ «Иллюстраціи», купленный когда-то на желѣзной дорогѣ, то радостямъ и восторгу моего солдатика просто и конца не было. Лучшаго подарка для него, кажись, невозможно было и придумать. Онъ тотчасъ же украсилъ политипажами все пространство стѣны надъ своимъ изголовьемъ, не пренебрегши даже и шахматною задачей; но бубноваго валета все-таки не снялъ—«потому, ваше благородіе, все-же и онъ картинка!» Съ этими «картинками» нашъ солдатъ почти никогда не разстается; если у него есть сундукъ, то картинки непремѣнно украшаютъ исподнюю сторону крышки,—а нѣтъ сундука, солдатъ при переходѣ съ квартиры на квартиру забираетъ съ собою и свои картинки, пряча ихъ то за па-

Библиотека "Руниверс"

зуху, то въ походный чемоданчикъ. На другой же день по приходѣ на новую стоянку, можете быть увѣрены, что всѣ эти картинки вы сполна найдете надъ его изголовьемъ. Но кромѣ картинокъ, во время «травы» у солдата является и еще одно украшеніе; это—зеленыя вѣтви лиственныхъ деревьевъ и пучки болотнаго пахучаго апру.

Чуть пойдутъ люди въ озеро купаться, непремѣнно нарѣжутъ листьевъ этого апру и наломаютъ въ лѣсу свѣжихъ, кудрявыхъ вѣтокъ смолистаго тополя да березы—«потому духъ отъ нихъ очень прекрасный». Всю эту зелень они понатыкаютъ въ разные щели и разукрасятъ, уберутъ ею стѣны надъ своими постелями. Войдешь въ конюшню—и глазу весело становится: такая она вся кудрявая, зеленая, нарядная, и свѣжій растительный запахъ въ ней дѣйствительно «очень прекрасенъ!...»

Но главный предметъ украшенія каждой конюшни, это — неизмѣнная «веселка», которая качается надъ входомъ на высокой и гнуткой жердинѣ (*). Какихъ только фантазій и какого искуства не прилагаютъ солдаты, чтобы устроить какъ можно красивѣе свою веселку, чтобы перещеголять ею веселки всѣхъ остальныхъ взводовъ! Но это соревнованіе достигаетъ наивысшаго своего предѣла въ томъ случаѣ, напримѣръ, когда, во время лагерныхъ сборовъ, въ смежности расположатся эскадроны различныхъ полковъ. Я помню, въ Гроднѣ въ 1870 году, на Бѣлостоцкомъ форштадтѣ помѣщались рядомъ одинъ эскадронъ Ямбургскихъ и дивизіонъ Владимірскихъ уланъ. Надо было видѣть это веселочное соревнованіе! — Ямбуржцы выставили какую-то узорчатую фигуру, свитую изъ соломы и украшенную пестрыми лоскутками; Владимірцы тоже прибѣгли къ помощи лоскутковъ и устроили для себя нѣчто въ видѣ медали, въ серединѣ которой красовался бѣлый крестъ на подобіе георгіевскаго. Ямбуржцамъ стало нѣсколько завидно: «ишь, молъ, яишница (*) Егорья ухитрилась подвѣсить!» И вотъ, соревнованіе побудило ихъ смастерить не то что медаль, а цѣлую звѣзду съ соломенными лучами. Это въ свой чередъ подзадорило Владимірцевъ, которые къ своей медали подвѣсили обручъ и въ немъ помѣстили двухъ куколъ, въ видѣ уланъ въ заломленныхъ на бекрень шапкахъ. Черезъ день точно такіе же уланы появились и у Ямбуржцевъ, да не просто, а избоченясь фертомъ. Но Владимірцы ухитрились между своими двумя уланами приладить и третьяго, да еще верхомъ на коникѣ, руки въ боки, и пику съ флюгаркой въ коника воткнули — и такимъ образомъ перещеголяли Ямбуржцевъ. Все это дѣлалось въ ожиданіи царскаго проѣзда, такъ какъ Государь Императоръ долженъ былъ проѣзжать по этой улицѣ къ лагерному полю на смотръ гродненскаго отряда.

На травѣ подобное же соревнованіе относительно украшенія веселокъ, хотя конечно въ меньшей степени, является между взводами одного и того же эскадрона. Солдаты очень любятъ, когда надъ ихъ конюшнею качается красивая и притомъ «затѣйная» веселка. А если по сосѣдству съ веселкой появится еще вѣтряная мельница съ трещеткой, смастеренная искусною рукою какого нибудь взводнаго механика-самоучки, то ужъ конюшня почитается вполнѣ изукрашенною—и солдатамъ остается только «утѣшаться» въ свободныя минуты на свою «вѣтрянку» да на веселку: — «у насъ, молъ, не въ примѣръ веселѣй, чѣмъ въ третьемъ взводѣ!»

(Продолженіе будетъ).

(*) «Веселка»—плетется изъ соломы, въ видѣ кольца или диска, и въ ней подвѣшиваются соломенныя кисточки. Число кисточекъ обозначаетъ число лошадей стоящихъ на конюшнѣ.

*) Яишница — шуточное названіе Владимірскаго полка, данное ему Ямбуржцами еще въ 30-хъ годахъ, по причинѣ желтаго цвѣта, присвоеннаго этому полку, и въ отместку за прозвище «угольщики», которымъ Владимірцы окрестили своихъ одно-бригадцевъ Ямбургскихъ уланъ, поражавшихъ нѣкогда глазъ мрачнымъ видомъ своего темнаго фронта.

Разумное воспитаніе дѣтей.

Подъ этимъ заглавіемъ мы представимъ читателямъ «Нивы» рядъ статей по предмету воспитанія дѣтей, предмету столь существенно важному, какъ въ семейномъ, такъ и въ общественномъ отношеніяхъ, но, къ сожалѣнію, такъ мало у насъ разработанному съ практической стороны. Въ нашей крайне бѣдной оригинальными сочиненіями педагогической литературѣ трудно найти такую книгу, которая заключала бы въ себѣ основанныя на *сознательно-продѣланномъ опытѣ*, а не на однихъ только теоріяхъ, *практическія* правила обхожденія съ дѣтьми въ раннемъ ихъ возрастѣ, начиная съ колыбели до поступленія ихъ въ школу. Въ нашихъ весьма немногихъ журналахъ, посвященныхъ дѣлу воспитанія, обращается вниманіе главнымъ образомъ на т. наз. *школьный* возрастъ, т. е. на возрастъ отроческій и юношескій, и почти совершенно игнорируется возрастъ *дѣтскій*. Послѣдній между тѣмъ есть самый важный періодъ, въ которомъ кладется основаніе физическому и нравственному развитію дѣтей,—и относительно этого-то періода родители и воспитатели всего болѣе нуждаются въ совѣтахъ практически-полезныхъ и педогогически-разумныхъ.

Мы поэтому съ искреннею радостію встрѣтили появленіе сборника подъ заглавіемъ: «Практическія замѣтки объ индивидуальномъ и общественномъ воспитаніи малолѣтнихъ дѣтей», составленный бывшими редакторами журнала «Дѣтскій садъ» и изданный нынѣшнею редакціею названнаго журнала. На сколько намъ извѣстно, авторы сборника, гг. Симоновичъ, были первые, которые взялись у насъ въ Россіи за пропаганду (словомъ и дѣломъ) столь полезныхъ дѣтскихъ садовъ, и надо отдать этимъ людямъ дань уваженія: они исполняли свою трудную задачу весьма добросовѣстно и со знаніемъ дѣла. Журналъ «Дѣтскій садъ», основаный ими въ 1866 г. и издававшійся подъ ихъ редакціей въ продолженіи 3 лѣтъ, былъ въ свое время единственнымъ образцовымъ педагогическимъ журналомъ, въ которомъ, кромѣ очень дѣльныхъ статей, касавшихся различныхъ сторонъ дѣтскаго воспитанія, помѣщались, въ видѣ приложенія, дѣтскія сказки, пѣсни, игры и занятія. Этотъ журналъ за 1866, 67 и 68 г. остается и до сихъ поръ единственнымъ изданіемъ, въ которомъ подробно и практически разработанъ вопросъ о воспитаніи дѣтей, — вопросъ, который, какъ мы уже сказали, новѣйшіе педагогическіе журналы совершенно игнорируютъ. То, что журнала этого уже нѣтъ болѣе въ продажѣ, а также семилѣтній опытъ, во многомъ измѣнившій взгляды авторовъ,— по всей вѣроятности, побудили послѣднихъ собрать въ одно цѣлое все, что было лучшаго въ ихъ изданіи за три года, выбросивъ то, что потеряло современный интересъ и прибавивъ новыя статьи, и въ такомъ видѣ издать педагогическій сборникъ подъ вышеприведеннымъ заглавіемъ. Сборникъ состоитъ изъ двухъ томовъ: первый теоретическій, второй прикладной (занятія, игры, пѣсни и сказки).

Такъ какъ черезъ руки гг. Симоновичъ проходили сотни дѣтей различнѣйшихъ характеровъ (гг. Симоновичъ содержали впродолженіи десяти лѣтъ дѣтскій садъ и школу въ Петербургѣ и въ Тифлисѣ), и они имѣли, слѣдовательно, обильный матерьялъ для наблюденія и изученія природы дѣтей, то мы должны относиться съ довѣріемъ къ ихъ практическимъ замѣткамъ о воспитаніи дѣтей, тѣмъ болѣе что эти замѣтки

Библиотека "Руниверс"

Первый шагъ. Съ Картины М. Бонна. Гравюра пріобрѣтенная нами по соглашенію съ единственными собственниками этого художественнаго произведенія, Гупилемъ и К° въ Парижѣ.

Библиотека "Руниверс"

имѣютъ подъ собою строго научную почву. Повидимому, авторы обладаютъ основательнымъ знаніемъ физіологіи и психологіи, столь необходимымъ для педагога. Все это дѣлаетъ для насъ сборникъ гг. Симоновичъ весьма цѣннымъ руководствомъ при воспитаніи дѣтей—и мы рѣшились познакомить читателей нашего журнала съ изложенными въ немъ взглядами почтенныхъ педагоговъ. Надѣемся принести этимъ пользу родителямъ, понимающимъ всю важность воспитанія дѣтей въ ихъ раннемъ возрастѣ.

1. Что такое воспитаніе.

Наслѣдственность физическихъ и нравственныхъ качествъ.—Задача воспитанія.—Темпераменты и свойственные имъ пороки.—Индивидуальность и ея особенности.

Величайшій ученый настоящаго вѣка, *Дарвинъ* доказалъ, что дѣти наслѣдуютъ отъ родителей какъ физическія, такъ и нравственныя качества. Что дѣти бываютъ похожи *наружностью* то на отца, то на мать,—это извѣстно всякому изъ ежедневнаго наблюденія. Но кто задастъ себѣ трудъ прослѣдить и *внутренній характеръ* дѣтей, тотъ навѣрно найдетъ прототипъ его въ комъ нибудь изъ членовъ восходящей линіи. Это есть правило, основанное на множествѣ наблюденій и подтверждающееся на каждомъ шагу. Мы должны поэтому смотрѣть на каждаго ребенка не какъ на индиферентное существо, изъ котораго искуственнымъ путемъ можно сдѣлать какого угодно человѣка, хорошаго или худаго; нѣтъ, дитя уже съ рожденіемъ приноситъ съ собою на свѣтъ зачатки унаслѣдованныхъ отъ родителей хорошихъ или дурныхъ качествъ, дальнѣйшее развитіе которыхъ впослѣдствіи опредѣлитъ характеръ даннаго человѣка—его личность. *Развивать*, путемъ упражненія, *хорошія* качества; *ослабить*, путемъ устраненія вредныхъ условій, *дурныя*;—вотъ въ чемъ заключается существенная *задача воспитанія*, какъ ее понимаютъ лучшіе современные педагоги.

Намъ могутъ предложить слѣдующій вопросъ:

Если ребенокъ уже съ самаго рожденія заключаетъ въ себѣ въ зачаткѣ унаслѣдованныя хорошія качества, то нужно ли еще его *воспитывать?* Не лучше ли дать этимъ качествамъ самимъ развиваться параллельно съ развитіемъ тѣла? Чтобъ отвѣтить на этотъ вопросъ—мы ссылаемся на доказанный Дарвиномъ законъ, по которому всякій органъ, всякая способность, если ихъ не упражнять, перестаютъ развиваться, чахнутъ и, наконецъ, окончательно теряютъ свою функцію. Наоборотъ бываетъ при упражненіи. Подтвержденіемъ только-что высказаннаго положенія могутъ служить слѣдующіе примѣры.

Извѣстно, что у танцоровъ отъ постояннаго но не безпрерывнаго упражненія ноги дѣлаются крѣпкими, ловкими и нелегко утомимыми. Такая же крѣпость, подвижность и ловкость существуетъ въ рукахъ людей, занимающихся ручнымъ ремесломъ, у пьянистовъ и проч. Не только органы *движенія* (мускулы), но и органы *внѣшнихъ чувствъ* развиваются и совершенствуются путемъ упражненія и навыка. Такъ, отъ частаго слушанія музыки развивается слухъ, при занятіяхъ рисованіемъ совершенствуется зрѣніе, при работѣ мелкими инструментами развивается осязаніе и т. д.

Точно такому же закону прогрессивнаго развитія или усовершенствованія отъ упражненія подчиняются и *умственныя способности* человѣка. Такъ дитя, которое не въ состояніи выучить въ день наизусть стихотвореніе въ десять строкъ, когда ребенку только 7 лѣтъ, будетъ въ состояніи выучить въ часъ стихотвореніе втрое большее, когда ему минетъ 10 лѣтъ, если только все время будемъ упражнять его память задаваніемъ наизусть. То, чего дитя не можетъ понять, когда оно молодо,—оно постигаетъ спустя нѣсколько лѣтъ, когда развилась его способность соображенія. И такъ бываетъ во всѣхъ остальныхъ сферахъ человѣческой жизни. Добрыя и дурныя *душевныя качества*, каковы состраданіе и жестокость, любовь и зависть, а также правдивость и лживость, мужество и трусость,—все это развивается путемъ упражненія.

Такимъ образомъ, мы видимъ, что отъ упражненія или бездѣйствія того или другаго органа, той или другой душевной способности зависитъ усовершенствованіе или неразвитіе органа или способности; а если дѣло касается всего организма, или всей душевной сферы дитяти, то отъ этого зависитъ: быть-ли ребенку человѣкомъ здоровымъ или хилымъ, развитымъ или тупоумнымъ *).

Доказавъ такимъ образомъ необходимость воспитанія для правильнаго развитія дѣтей, посмотримъ, какъ нужно воспитывать дѣтей различныхъ темпераментовъ.

Читатель, безъ сомнѣнія, слыхалъ неоднократно слово *темпераментъ*, имѣетъ болѣе или менѣе ясное понятіе о значеніи его. Тѣмъ не менѣе (для тѣхъ, кому этотъ терминъ не вполнѣ понятенъ) мы дадимъ опредѣленіе. Подъ темпераментомъ разумѣютъ совокупность тѣлесныхъ и нравственныхъ свойствъ, являющихся преобладающими у даннаго лица и придающихъ ему тотъ или другой характеръ: веселый или мрачный, дѣятельный или вялый. Изъ дальнѣйшаго изложенія дѣло еще болѣе выяснится.

Различаютъ четыре типа темпераментовъ.

1) *Флегматическій темпераментъ или лимфатическій*. Это темпераментъ спокойствія, постояннаго хладнокровія и равнодушія. Лимфатикъ тяжелъ на подъемъ, сонливъ, вялъ и скученъ, не любитъ шевелить мозгами, равно какъ и волноваться; за то любитъ хорошо поѣсть и другія плотскія наслажденія. Флегматикъ никогда не можетъ сдѣлаться передовымъ человѣкомъ, неспособенъ на геройскіе подвиги. Это фанатикъ покоя, лежебокъ, заплывающій жиромъ. Образцомъ флегматика можетъ служить герой извѣстнаго романа Гончарова *Обломовъ*.

2) *Сангвиническій темпераментъ*. Люди этого темперамента веселы, живы и подвижны. Сангвиникъ впечатлителенъ, страстенъ, быстро увлекается, но также быстро остываетъ. Мысли живы, но не глубоки и лишены основательности. Сангвиникъ въ спорахъ горячъ; въ любви и дружбѣ непостояненъ. Непостоянство выражается также въ убѣжденіяхъ и желаніяхъ: постоянно новые взгляды, новые идеалы, новыя дѣйствія. Сангвиникъ не можетъ вести правильнаго образа жизни. Любитъ знакомиться, скоро дружится со всѣми и также скоро расходится. Онъ довѣрчивъ, легкомысленъ, болтливъ и откровененъ. Обѣщаетъ много, исполняетъ мало; за все берется и ничего не доводитъ до конца. Словомъ, это вѣтеръ въ полѣ. Какъ на примѣръ истаго сангвиника, можно указать на извѣстнаго греческаго полководца *Алкивіада*.

3) *Холерическій темпераментъ* характеризуется крѣпкими и твердыми мышцами, рѣзкими чертами лица, смуглымъ цвѣтомъ кожи, сильнымъ голосомъ, быстрою рѣчью, темными сверкающими глазами, выдающимся подбородкомъ, кудрявыми жесткими волосами. Холерикъ тоже страстенъ, но его чувства и страсти глубже и постояннѣе чѣмъ у сангвиника. Основныя качества холерика: твердость, смѣлость, самоувѣренность, стремленіе возвыситься надъ другими, властвовать. Изъ холериковъ выходятъ люди передовые, историческіе герои. Такимъ былъ нашъ великій преобразователь *Петръ I*.

4) *Нервный или меланхолическій темпераментъ*. Голова обыкновенно большая, мышцы слабы, шея длинная; большіе тусклые голубые глаза, мягкіе нѣжные волосы, нѣжныя черты лица, узкія плечи, плоская грудь. Нервный человѣкъ серіозенъ, глубокомысленъ, уменъ, постояненъ, впечатлителенъ, молчаливъ и таинственъ. Онъ избѣгаетъ общества и любитъ уединеніе. Глубоко чувствуетъ, глубоко

*) Многимъ вѣроятно извѣстна исторія *Каспара Гозера*, который, какъ говорятъ, вслѣдствіе какой-то интриги, въ дѣтствѣ былъ замурованъ между двухъ стѣнъ, гдѣ онъ провелъ около 15 лѣтъ, не видя предъ собою человѣческаго лица. Пища ему подавалась чрезъ отверстіе въ стѣнѣ, а движеній онъ почти не дѣлалъ никакихъ. Когда этотъ несчастный былъ наконецъ выпущенъ изъ своего заключенія, то онъ, будучи уже 25 лѣтъ, не могъ ходить какъ слѣдуетъ, не умѣлъ говорить, и въ умственномъ развитіи стоялъ на той же ступени, на какой онъ стоялъ при заключеніи, словомъ: остался совершеннымъ ребенкомъ. Этотъ человѣкъ представлялъ поразительный примѣръ неразвитія вслѣдствіе неупражненія тѣлесныхъ и душевныхъ силъ.

Библиотека "Руниверс"

радуется, полонъ состраданія къ ближнему. Его сильно занимаетъ будущее, для него онъ живетъ и работаетъ. Это поэтъ, художникъ, мыслитель, законодатель. Какъ на примѣры, вмѣщающіе въ себѣ почти всѣ исчисленныя наружныя и внутреннія качества, можно указать изъ поэтовъ на *Шиллера*, изъ законодателей на *Сперанскаго*. Кромѣ этихъ *типическихъ* темпераментовъ, которые въ жизни обыкновенно встрѣчаются рѣдко, существуетъ множество смѣшанныхъ темпераментовъ, какъ-то: нервный холерикъ, нервный сангвиникъ, смѣсь сангвинизма съ холеризмомъ, холерико-лимфатическій темпераментъ и т. д. У большей части людей существуетъ черты нѣсколькихъ темпераментовъ.

Изложивъ главныя свойства темпераментовъ, посмотримъ, насколько это познаніе можетъ быть полезнымъ для воспитателя.

Уже давно замѣтили, что не всякій человѣкъ подверженъ всѣмъ нравственнымъ порокамъ или болѣзнямъ, что извѣстнымъ темпераментамъ свойственны извѣстные только нравственные недостатки. Другими словами, одинъ темпераментъ предрасположенъ исключительно къ однимъ только порокамъ, другой къ другимъ, которые вовсе не замѣчаются въ первомъ. Если темпераменты хорошо воспитаны, то въ нихъ не замѣчается проявленія пороковъ,—они всѣ хороши и полезны для человѣчества; но при дурномъ воспитаніи темпераменты развиваются ненормально—и каждый темпераментъ пріобрѣтаетъ особенные ему свойственные недостатки.

Вотъ эти-то недостатки, спеціальные для каждаго темперамента, воспитатель и долженъ знать, чтобы умѣть предохранить воспитанниковъ отъ нихъ.

Ребенокъ *лимфатическаго* темперамента равнодушенъ къ внѣшнимъ впечатлѣніямъ, склоненъ оставаться въ такомъ положеніи, въ какомъ пребываетъ; онъ любитъ полезное, практическое—ѣду. Онъ обыкновенно здоровъ и крѣпокъ.

При дурномъ воспитаніи, т. е. при дурныхъ условіяхъ, темпераментъ этотъ предрасположенъ къ слѣдующимъ недостаткамъ.

У флегматиковъ замѣчается отсутствіе жизни и энергіи; они ничѣмъ не могутъ увлечься, ничто ихъ не интересуетъ, ничто ихъ не возбуждаетъ. У нихъ нѣтъ фантазіи, остроумія, честолюбія и страстей. Мысль движится медленно, разговоръ медленный, дѣйствія вялы и лѣнивы. У нихъ нѣтъ вслѣдствіе этого самостоятельности и способности творчества. Это педанты науки, крючкотворы чиновничьяго міра, люди мертвой буквы, но не живой идеи.

Ребенокъ *сангвиническаго* темперамента миловиденъ, чрезвычайно живъ; ему не сидится на одномъ мѣстѣ; его трудно удержать отъ движеній во время урока; онъ постоянно работаетъ руками и ногами и вертится на стулѣ.

При неправильныхъ условіяхъ воспитанія, люди этого темперамента предрасположены заболѣвать слѣдующими недостатками: 1) Они дѣлаются чувствительны, сантиментальны, если начитались глупыхъ романовъ и если не занимались серіознымъ чтеніемъ и работами. 2) Они дѣлаются, при дурномъ воспитаніи, легкомысленными; они тогда совершенно не обдумываютъ ни своихъ словъ ни своихъ дѣйствій. 3) Далѣе, если дурныя условія продолжаютъ дѣйствовать, они дѣлаются способными ко лжи, къ обману, лести, фальшивости. 4) Дѣлаются болтунами и сплетниками.

Холерическій темпераментъ предрасположенъ къ слѣдующимъ недостаткамъ:

1) Грубости, жестокости, особенно въ обращеніи съ животными. 2) Если холерика часто раздражаютъ, то онъ дѣлается сердитымъ, злымъ. Если же, напротивъ, его сильно балуютъ, то онъ дѣлается своевольнымъ, упрямымъ, деспотомъ.

Нервный ребенокъ—способный, онъ охотно учится, ученіе ему легко дается; его чувства легко возбуждаются, мысль постоянно работаетъ. Но при дурномъ воспитаніи этотъ темпераментъ дѣлается предрасположеннымъ къ раздражительности. Малѣйшее обстоятельство огорчаетъ его—и разъ выведенный изъ нормальнаго состоянія, онъ долго не успокоивается. 2) Къ зависти и ненависти, скрытности, боязни, трусости.

Зная недостатки, къ которымъ расположенъ каждый темпераментъ, педагогъ будетъ облегченъ въ своей задачѣ воспитанія. Онъ будетъ знать, что *воспитаніе флегматика* должно состоять въ томъ, чтобы главнымъ образомъ увеличить возбудимость его нервовъ, центральныхъ органовъ нервной системы, и чтобы укрѣплять мышечную силу. Здоровая мясная діэта, гимнастика, усиленная ходьба, путешествія пѣшкомъ, интересные разсказы, умственная работа (даже принудительная при помощи наградъ и наказаній)—вотъ что нужно флегматику. Это такъ-называемое укрѣпляющее воспитаніе, рекомендуемое врачами золотушнымъ дѣтямъ. Преподаваніе флегматику должно быть оживленное. Съ нимъ необходимо много наблюдать и разговаривать по поводу видѣннаго—для того чтобы возбудить способности сужденія, отвлеченія, заключенія, сообразительности и самостоятельности. Съ нимъ надо много говорить, много читать и много работать. Отвѣты отъ флегматика надо требовать короткіе, быстрые, но ясные. Такого ребенка необходимо торопить, строго смотрѣть за исполненіемъ и окончаніемъ работы. Необходимо расшевеливать его мыслительную способность—и тогда онъ выйдетъ умнымъ.

Съ ребенкомъ *сангвиническаго* темперамента уже требуется совершенно другое обращеніе. Предъ всякимъ урокомъ ему необходимо доставлять сильную мышечную гимнастику или движеніе. Ему не слѣдуетъ дозволять быстро переходить съ одного предмета къ другому; съ нимъ, напротивъ, нужно говорить часто объ одномъ и томъ же предметѣ, но съ разныхъ сторонъ. Глубже заставлять наблюдать, пріучать къ твердости, предусмотрительности; полезно его убѣждать во вредѣ отъ легкомыслія и безхарактерности,—ибо безхарактерный человѣкъ не можетъ быть ничьимъ другомъ, и никто не можетъ быть его другомъ: никто ему не можетъ довѣрять. Рекомендуется чтеніе серіозныхъ книгъ; давать серіозныя, завлекательныя работы.

Съ *холерикомъ* опять другое дѣло. Такъ какъ онъ отличается стойкостью, твердою волею, быстрыми и рѣзкими движеніями, то понятно, что отъ направленія его умственныхъ занятій, отъ степени его познаній и симпатій могутъ зависѣть рѣшительныя мѣры. Поэтому, рядомъ съ укрѣпленіемъ энергіи, свойственной этому темпераменту, и готовности служить идеѣ, необходимо возбуждать всестороннюю мысль, любовь къ людямъ, любовь къ правдѣ, истинѣ и наукѣ. За такимъ ребенкомъ надо смотрѣть, чтобы онъ не мучилъ животныхъ безъ надобности; напротивъ, возбудить въ немъ чувства справедливости и заступничества за слабыхъ, угнетенныхъ. Его не слѣдуетъ раздражать, напрасно останавливать на каждомъ шагу, а давать ему работу, чтобы развивать его самодѣятельность, энергію и волю.

Нервный ребенокъ учится охотно и легко: его чувства легко возбуждаются, мысль постоянно работаетъ; но органы пищеваренія и дыханія слабы. Поэтому такихъ дѣтей заставлять много учиться—вредно. Они обыкновенно дѣлаютъ быстрые успѣхи; они научаются многому, когда взрослые даже ихъ не учатъ. Эти дѣти безъ принужденія учатся хорошо; имъ надо предоставлять свободу, но заботиться о томъ, чтобы они ѣли хорошо, пили хорошо, дышали чистымъ воздухомъ и отдыхали во время. Имъ нужно гулять на свѣжемъ воздухѣ, дѣлать гимнастику, плавать, бѣгать, веселиться, бывать въ обществѣ другихъ дѣтей.

Однимъ словомъ педагогъ, понимающій темпераменты, не будетъ всякое дѣйствіе примѣнять ко всѣмъ дѣтямъ одинаково; онъ пойметъ, что надо постоянно сообразоваться съ ребенкомъ. Между тѣмъ, сколько погрѣшностей мы встрѣчаемъ въ учебныхъ заведеніяхъ въ этомъ отношеніи. То наказанъ ребенокъ за лѣнь; внимательное изслѣдованіе ребенка показываетъ, что въ этомъ ребенкѣ нѣтъ и тѣни лѣни. То ребенокъ сидитъ въ карцерѣ за дерзость и грубость, между тѣмъ тутъ виновато лишь невѣжество воспитателя, принимающаго за дерзость и грубость то, что заслуживаетъ скорѣе названія незнанія хорошаго обращенія. То ребенка наказываютъ

Библиотека "Руниверс"

за драчливость и буянство, когда онъ только отвѣтитъ ударомъ своему товарищу, который его прибилъ. Всѣ эти случаи характеризуютъ невѣжество воспитателей, не имѣющихъ понятія о воспитаніи.

Посмотрите, какъ различно относятся разные темпераменты къ одному и тому же дѣлу.

1) Толпа дѣтей въ комнатѣ; на дворѣ кто-то хлопнулъ скатертью, отряхивая ее. Ребенокъ сангвиникъ изъ толпы мгновенно закричалъ: «давайте дѣлать хлопушки»! Дѣти обрадывались этой мысли: «ахъ, какъ хорошо!» Нервный мальчикъ тотчасъ побѣжалъ за бумагой.

«Папа, дай мнѣ бумаги, я хочу сдѣлать хлопушку!»

— Нѣтъ у меня бумаги, былъ отвѣтъ отца. Мальчикъ пошелъ къ матери—и получивъ отъ нея тотъ же отвѣтъ, что отъ отца, пошелъ отыскивать бумагу въ другомъ мѣстѣ; онъ обошелъ всѣхъ домашнихъ, у всякаго просилъ бумаги и, наконецъ доставъ желаемый кусокъ бумаги, сдѣлалъ себѣ хлопушку, которою и занимался долго, пока она не изорвалась.

Холерикъ пришолъ къ отцу.

«Папа, дай бумаги, я хочу сдѣлать хлопушку»!

— Нѣтъ у меня бумаги, говоритъ отецъ.

«Я знаю, что у тебя въ шкафу есть много бумаги».

— Ключей у меня нѣтъ.

«Я ихъ сейчасъ найду. Вотъ они».—Отперли шкафъ.

— Видишь, тутъ нѣтъ бумаги такой, которую я бы могъ тебѣ дать.

«Ну дай мнѣ отсюда одинъ листъ» (показывая на кипу нужныхъ бумагъ).

— Эти бумаги я не могу дать, онѣ мнѣ нужны; видишь, онѣ всѣ исписаны.

«А вотъ этотъ листъ не исписанъ» (показывая на поллиста чистой, но пришитой къ дѣлу, бумаги).

— Этого нельзя вырвать.

«Ну что за важность вырвать полиста!.... вѣдь на немъ ничего не написано, вѣдь онъ не нуженъ».

— Вѣдь вся тетрадь изорвется.

«Нѣтъ, я его такъ вырву, что тетрадь останется цѣлая».

Наконецъ у отца лопнуло терпѣніе и онъ крикнулъ на холерика: «убирайся, вѣдь говорятъ тебѣ:—нельзя!» Но мальчикъ этимъ ничуть не смутился: ястребинымъ взглядомъ онъ снова оглянулъ комнату, гдѣ бы можно было найти старую бумажку,—и подъ конецъ онъ все-таки добился бумаги. Лифматикъ всё это время ждалъ въ залѣ и сталъ дѣлать хлопушку изъ бумаги, принесенной нервнымъ и холерикомъ. А сангвиникъ въ это время уже увлекся разными играми и объ хлопушкѣ позабылъ. А когда хлопушки были готовы, онъ бралъ хлопушки другихъ дѣтей и хлопалъ каждою по нѣскольку разъ.

Эта сцена, списанная съ натуры, вполнѣ характеристична. Развѣ по этимъ поступкамъ четырехъ разныхъ дѣтей вы не можете судить о будущей ихъ дѣятельности?...

---

2) Задана трудная — невозможная задача. Толпа дѣтей кричитъ: «ай, трудная, не сдѣлаемъ ее». Вы уже думаете предложить другую. Но вотъ раздается тоненькій, но пріятный голосокъ сангвиника: «а я сдѣлаю!». Всѣ дѣти удивлены, ихъ беретъ соревнованіе—и они начинаютъ думать надъ задачей. Только флегматикъ говоритъ: «дайте лучше намъ другую, легкую; эта очень трудна». Но большинство уже начало работу и даже лифматикъ въ нее втянулся. Результаты работы слѣдующіе: нервный ребенокъ работалъ тихо, дѣлалъ отчетливыя выкладки и наконецъ объявилъ: задача невозможная, немыслимая. Холерикъ сдѣлалъ разъ, другой и говорилъ: «а я все-таки добьюсь рѣшенія», и началъ дѣлать въ третій разъ. Лифматикъ потѣлъ, работалъ и кричалъ: «трудная». Сангвиникъ вовсе бросилъ задачу, сказавъ: «лучше другую дайте намъ!»

---

3) Дѣти затѣяли театръ. Кто его затѣялъ? Ужь вѣрно сангвиникъ.—Взялись за работу. Холерикъ всѣмъ распоряжается, назначаетъ роли, взявъ себѣ лучшую. Нервный ребенокъ придумываетъ лучшую декорацію, приспособляетъ послѣднюю къ смыслу пьесы; лифматикъ приводитъ все въ исполненіе, потѣетъ надъ работой, ободренный энергіей холерика.

Вы видите, что всѣ темпераменты полезны, нужны: сангвиникъ даетъ мысль, которая мимолетно у него явилась; нервный обработываетъ, совершенствуетъ эту мысль вширь и вглубь; холерикъ распоряжается проведеніемъ этой мысли въ жизнь и заставляетъ другихъ принять эту мысль, а лимфатикъ исполняетъ самую работу проведенія. Отъ совокупной работы всѣхъ темпераментовъ жизнь кипитъ движеніемъ и совершенствуется. Самъ по себѣ каждый отдѣльный темпераментъ не могъ бы наполнить всей жизни человѣчества. Еслибы всѣ люди были лимфатики—жизнь замерла бы на одной точкѣ; еслибы были одни сангвиники—у насъ было бы много мыслей, но мало дѣла и т. д. Но всѣ, взятые вмѣстѣ, дополняютъ другъ друга; всѣ необходимы; каждый изъ нихъ исполняетъ что нибудь для жизни.

Выяснивъ сущность и различіе темпераментовъ, скажемъ нѣсколько словъ о такъ-называемой индивидуальности.

Индивидуальность обусловливается слѣдующими моментами:

1) *Качествомъ унаслѣдованныхъ органовъ.* Чѣмъ выше, чѣмъ совершеннѣе органы, которые ребенокъ получилъ по наслѣдству, — тѣмъ выше его индивидуальность, тѣмъ онъ способнѣе къ выразительному и характерному проявленію тѣхъ хорошихъ качествъ, которыя свойственны его темпераменту. Два человѣка одного и того же темперамента, получившіе одно и то же воспитаніе,—при всѣхъ прочихъ равныхъ условіяхъ, совершенно будутъ отличаться другъ отъ друга, если органы, унаслѣдованные ими, обладаютъ различною степенью совершенства.

2) *Воспитаніемъ и образованіемъ.* Чѣмъ всестороннѣе было образованіе, тѣмъ чище, цѣльнѣе выйдутъ проявленія хорошихъ сторонъ индивидуальныхъ. Холерикъ, государственный дѣятель, получившій обще-европейское образованіе,—выше другаго холерика, государственнаго дѣятеля, который получилъ одностороннее, узко-національное развитіе. Философъ съ обширнымъ образованіемъ выше философа съ незначительнымъ или одностороннимъ узкимъ національнымъ образованіемъ.

И такъ, индивидуальность зависитъ отъ самыхъ органовъ и ихъ усовершенствованія.

Что индивидуальность, не однозначуща съ темпераментомъ, доказывается тѣмъ:

1) Что два человѣка одного и того же темперамента, одного и того же воспитанія, отличаются различными способностями.

и 2) Что люди одинаковыхъ способностей дѣйствуютъ различно, смотря по ихъ темпераменту и воспитанію.

Примѣры:

къ 1) Предъ нами два холерика.

Одинъ изъ нихъ получилъ ничтожное образованіе или происходитъ отъ родителей, не высоко стоявшихъ на лѣстницѣ развитія. Что вы въ немъ замѣчаете? Онъ постоянно бранится, постоянно кричитъ; всѣ окружающіе его боятся; онъ всѣхъ покорилъ своей грубой власти. Всѣ дѣйствія грубы, обусловливаются насиліемъ, дерзки, нахальны. Того онъ сдѣлалъ несчастнымъ, того онъ погубилъ, тѣхъ по міру пустилъ. Никому добра не сдѣлалъ.

Другой получилъ высшее образованіе, или происходитъ отъ родителей съ усовершенствованными способностями. По вступленіи въ жизнь онъ дѣлается реформаторомъ. Онъ все себѣ подчиняетъ: всѣ его боятся, но всѣ его уважаютъ за силу, умъ и могучую волю; всѣ его слушаютъ. Онъ энергиченъ, быстро приводитъ въ исполненіе одинъ новый планъ за другимъ.

къ 2) Два брата унаслѣдовали отъ своихъ родителей одни и тѣ же способности, одни и тѣ же болѣе или менѣе усовершенствованные органы; оба кончили курсъ въ одномъ и томъ же учебномъ заведеніи;—но поступки ихъ различны, вслѣдствіе

Библиотека "Руниверс"

различныхъ темпераментовъ. Одинъ изъ нихъ сангвиникъ, легко увлекается всѣмъ новымъ; всѣ его любятъ; онъ со всѣми говоритъ, ко всѣмъ внимателенъ, всѣмъ обѣщаетъ; онъ какъ будто созданъ для всего міра, о себѣ онъ не думаетъ; онъ живетъ одною внѣшнею жизнью; всюду находитъ наслажденіе; никогда не постояненъ. Другой изъ нихъ холерикъ—всѣхъ вокругъ себя подчиняетъ своему вліянію; всѣ чувствуютъ его силу надъ собою; многіе за эту силу его ненавидятъ; онъ имѣетъ много враговъ; но онъ не смущается отъ этого; его дѣйствія рѣшительны, рѣзки; за что ни возьмется, всюду закипаетъ новая жизнь; онъ честолюбивъ и самолюбивъ; эгоистиченъ, но не въ мелочахъ; онъ не терпитъ никого равнаго передъ собою.

къ 2) Два брата съ одними и тѣми же унаслѣдованными способностями при равномъ воспитаніи.

брата, флегматика, принять его идеи: онъ двигаться съ мѣста не можетъ, онъ слишкомъ ожирѣлъ.

Ясно, что индивидуальность не то, что темпераментъ.

Индивидуальность, точно также какъ и темпераментъ, должна быть принимаема во вниманіе при воспитаніи дѣтей.

Воспитаніе будетъ ненормальнымъ—въ томъ случаѣ, когда мы развиваемъ ребенка больше или меньше того, чѣмъ могутъ усвоить его органы или способности. Такъ напримѣръ, если ребенка учатъ больше того, чѣмъ можетъ переварить его мозгъ и если вслѣдствіе этого умственныя его способности тупѣютъ, спокойствіе и довольство его нарушаются,—то мы говоримъ, что ребенокъ этотъ получилъ ненормальное воспитаніе, въ отличіе отъ нормальнаго, т. е. такого, которое соотвѣтствуетъ умственному состоянію данной индивидуальности въ данномъ возрастѣ.

Императорскій Эрмитажъ въ С.-Петербургѣ.

La dévideuse. Двѣ картины Жерара Дова. La liseuse.

Рисовалъ де ла Шарлери, гравировалъ Паннемакеръ.

Одинъ изъ нихъ флегматикъ, довольствуется буржуазною обстановкою: ѣстъ хорошо, пьетъ хорошо, дорожитъ удобствами жизни; пальцемъ не пошевельнетъ для того, чтобы сдѣлать другому услугу; ему и о себѣ трудно подумать; онъ живетъ по разъ-заведенному порядку; все новое для него не существуетъ; онъ равнодушенъ ко всему; для него все равно, что бы вокругъ него ни совершалось, лишь бы его не трогали; онъ консерваторъ, потому что его страшитъ новое. Другой, нервный человѣкъ, о себѣ во все не думаетъ; настоящій міръ съ его обыденными явленіями кажется ему пустымъ и мелочнымъ; онъ все думаетъ о будущемъ; онъ строитъ новыя гипотезы, новыя теоріи; онъ рисуетъ человѣчеству новые идеалы, лучше старыхъ. Всѣхъ поражаетъ глубина его мысли. Онъ все предвидѣлъ, всѣ обдумалъ. Какъ всѣмъ было бы хорошо, если бы его идеи были приняты! несчастій бы не было. Одно только плохо. Трудно заставить его же

Равнымъ образомъ, если дитя по своимъ унаслѣдованнымъ свойствамъ могло получить большее образованіе и болѣе всестороннее, нежели ему дали,—то мы говоримъ, что оно получило ненормальное воспитаніе.

По признаніи этого, задача воспитанія должна состоять въ томъ, чтобы развивать индивидуальность сообразно съ ея естественными влеченіями и наклонностями и по ея темпераменту. Это будетъ *воспитаніе сообразное съ природою человѣка.*

Этимъ мы закончимъ на первый разъ нашъ краткій очеркъ одной изъ главнѣйшихъ сторонъ воспитанія. Надѣемся, что бѣглыя замѣтки эти принесутъ нѣкоторую пользу желающимъ поглубже вникнуть въ предметъ—хотя бы тѣмъ уже, что заинтересовавъ читателей, пробудятъ въ нихъ стремленіе ознакомиться съ дѣломъ воспитанія изъ болѣе обширныхъ и подробныхъ руководствъ.

(Продолженіе будетъ).

Библиотека "Руниверс"

Опасный врагъ.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ много было толковъ объ одномъ тяжкомъ преступленіи, невѣроятномъ какъ съ фактической такъ и съ психологической стороны. Однако судебное слѣдствіе подтвердило его во всѣхъ ужасающихъ подробностяхъ. Это было дѣло объ отравленіи матерью своего девятилѣтняго ребенка, не вдругъ, но—для того чтобы скрыть преступленіе—самымъ медленнымъ образомъ. Она употребляла для своей цѣли *свинцовый сахаръ*, которымъ посыпала конфекты. Ребенокъ, получая отъ времени до времени изъ рукъ матери эти гостинцы, понемногу хирѣлъ и наконецъ умеръ. Можетъ ли быть на свѣтѣ такая мать? спрашивали многіе... Слѣдствіе показало, что можетъ. Можетъ-ли, спрашивали съ другой стороны иные,—свинецъ, который у каждаго бываетъ въ рукахъ и встрѣчается во всевозможныхъ ежедневныхъ потребностяхъ, производить такое скрытное, незамѣтное смертельное дѣйствіе?...

Да, свинецъ пріобрѣтаетъ себѣ жертвы не только пущенный изъ траншеи или въ открытомъ полѣ битвы; химическое дѣйствіе этого металла на человѣческій, какъ вообще на всякій животный, организмъ чрезвычайно вредно, и тѣмъ болѣе опасно, что оно вліяетъ обманчивымъ, коварнымъ образомъ.

Если разрѣзать расплавленный свинецъ, то поверхность разрѣза будетъ блестѣть какъ зеркало... но лишь на короткое время! Скоро поверхность эта становится тусклой, то есть подергивается сѣроватой пленкой, окисью. Это происходитъ отъ того, что свинецъ, какъ большинство металловъ, стремится къ соединенію съ кислородомъ, который онъ, при влажности, можетъ въ достаточномъ количествѣ вбирать въ себя изъ атмосфернаго воздуха. Пленка эта превращается окончательно въ бѣлый порошокъ, такъ-называемую *окись свинца*, которая въ природѣ образуется конечно весьма медленно,—технически же можетъ быть легко произведена въ большихъ количествахъ, могущихъ быть взвѣшенными на вѣсахъ. Со всѣми свинцовыми вещами слѣдуетъ обходиться какъ можно осторожнѣе, такъ какъ они всегда имѣютъ на себѣ этотъ слой свинцоваго сахара. Поэтому надо остерегаться брать въ ротъ какія либо свинцовыя вещи. Даже въ стрѣляной дичи надо вырѣзать мясо около прострѣла, гдѣ сидитъ пуля или дробь, такъ какъ мѣсто это легко можетъ быть отравлено. Разумѣется, этого нельзя признать за неизмѣнное правило, потому что иной раненый носитъ въ своемъ тѣлѣ пули нѣсколько лѣтъ, иногда всю жизнь, не чувствуя никакого вреда. Въ этомъ случаѣ, природа сама себя предохраняетъ; она поступаетъ здѣсь такъ же, какъ бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда мы какимъ нибудь образомъ вырываемъ у себя кусокъ мяса: около того мѣста быстро образуется нагноеніе, потомъ оно затягивается кожицей. Свинцовая пуля вслѣдствіе этого изолируется отъ воздуха и соковъ, не можетъ окисляться—не говоря о другихъ нерастворимыхъ соединеніяхъ, которыми покрывается свинцовая пуля, вслѣдствіе находящейся во всякой крови сѣры. Но не смотря на это, бываютъ исключенія: когда окись свинца все-таки образуется и довольно ясно выказываетъ свое вредное вліяніе.

Значитъ, поэтому, мягкій, уступчивый, такъ легко обрабатываемый и дешевый свинецъ совсѣмъ нельзя употреблять въ такихъ вещахъ, какія имѣютъ какое либо отношеніе къ нашей пищѣ. Можетъ ли онъ послѣ того служить для водопроводныхъ трубъ, хотя бы тѣ и лежали подъ землей?... Вопросы эти уже многосторонне разбирались съ санитарной точки зрѣнія компетентными людьми; результатъ ихъ изслѣдованій былъ такой, что уже удаленіе этихъ трубъ отъ воздуха значительно затрудняетъ окисленіе; но другая, въ высшей степени замѣчательная, причина еще гораздо болѣе обезпечиваетъ отъ опасности этого примѣненія свинца. Обыкновенная рѣчная вода *не* производитъ въ свинцѣ никакихъ растворимыхъ окисей, въ чемъ каждый самъ легко можетъ убѣдиться. Для этого стоитъ только наполнить два стакана водой, и именно, въ одинъ стаканъ налить чистой, дистиллированной воды, въ другой—обыкновенной рѣчной, и потомъ положить въ каждый стаканъ по нѣскольку кусочковъ свинца. Къ величайшему нашему изумленію, мы увидимъ, что дистиллированная вода весьма скоро потеряетъ свою прозрачность, сдѣлается мутной — въ ней образовалась водная окись свинца. Въ другомъ стаканѣ, напротивъ, вода остается чистой, потому что въ ней не образовалось никакого свинцоваго раствора. Въ ней и химикъ не откроетъ никакихъ слѣдовъ свинца; опущенный въ нее лоскутокъ синей или красной лакмусовой бумаги нисколько не измѣняется, между тѣмъ какъ въ другомъ стаканѣ онъ получаетъ свой основной синій цвѣтъ. Причина этого явленія заключается просто въ томъ, что *рѣчная вода почти всегда содержитъ въ себѣ сѣрно-кислыя соли*, изъ которыхъ образуется сѣрно-кислая окись свинца; эта же послѣдняя не растворяется въ водѣ, но крѣпко держится на свинцѣ, а поэтому вполнѣ безвредна. Изслѣдованіе кромѣ того показало, что въ водѣ, проведенной черезъ свинцовыя трубы, никогда не оказывалось слѣдовъ окиси свинца. Дѣлаютъ же въ нѣкоторыхъ странахъ водяныя помпы не деревянныя и не желѣзныя, какъ въ новѣйшее время, а свинцовыя,—и никогда не было замѣчено, чтобы проходящая черезъ нихъ вода оказывала вредное вліяніе на здоровье.

И такъ, мы не опариваемъ у свинца, просто какъ металла, его высокаго значенія въ разнообразныхъ примѣненіяхъ современной техники; ради его пользы можно бы пожалуй забыть о гибельномъ его дѣйствіи вслѣдствіе легкомыслія, неосторожности, невежества, или безумной страсти.

Но и при самыхъ его полезныхъ примѣненіяхъ не надо забывать, что мы все-таки имѣемъ дѣло съ металломъ, который, по прирожденнымъ своимъ свойствамъ, коварнѣйшій и опаснѣйшій металлъ. Только карандашъ, которымъ мы рисуемъ и пишемъ, смѣло можно подносить къ губамъ, чтобы смочивъ, заставить его дѣлать болѣе явственные штрихи,—потому что онъ не имѣетъ ничего общаго со свинцомъ, хотя прежде и думали противное. Вещество изъ котораго дѣлается карандашъ—даже добывается вовсе не изъ руды, такъ какъ оно не происходитъ изъ металлическихъ жилъ земли. Темно-сѣрое, свинцеобразное вещество графита, какъ это доказываетъ геологія, есть ни что иное какъ обугленные остатки первобытной флоры нашей земли. Прежде еще чѣмъ она покрылась зеленью, до образованія ея гигантскихъ островов съ удивительными каменно-угольными лѣсами, остатки которыхъ, послѣ долгаго покоя, заступъ рудокопа вырываетъ въ наше столѣтіе на свѣтъ божій въ видѣ благороднаго антрацита или каменнаго угля,—еще раньше этого, море производило свои растенія, служившія прародителями земной растительности. Морскія водоросли были первообразомъ растительной жизни на землѣ. Отсюда именно происходитъ полезное вещество, употребляемое въ карандашахъ, графитъ.

Можемъ ли мы узнать свинецъ во всѣхъ красивыхъ, блестящихъ яркими красками веществахъ, въ какія превращается онъ въ рукахъ химика? Онъ безпрестанно встрѣчается намъ въ жизни, замаскированный въ эти, повидимому, безвредные и такіе обманчивые предметы, и умѣетъ безпрепятственно подкраться къ намъ. Кто не останавливался съ восторгомъ передъ картиной, гдѣ художникъ, при помощи свинцовыхъ красокъ, такъ живо изобразилъ дѣйствительность? Металлическія краски вообще неизбѣжны въ живописи; одинъ свинецъ доставляетъ изъ своихъ окисловъ нѣсколько прекраснѣйшихъ красокъ, особенно бѣлую и характеристическій ярко-красный сурикъ. Это самыя прочныя краски; онѣ не сбѣгаютъ отъ вліянія свѣта, какъ тѣ, что добываются изъ растительныхъ веществъ. Разумѣется и онѣ не всегда имѣютъ это постоянство; но это зависитъ не отъ ихъ летучести. Особенно чистая свинцовая бѣлая краска часто играетъ съ акварельнымъ художникомъ скверныя штуки. Онъ нарисуетъ напримѣръ, среди прелестнаго ландшафта, великолѣпнаго, бѣлаго жеребца, и оставитъ картину на нѣсколько времени въ покоѣ. Немудрено, что черезъ день, другой, бѣлая лошадь превратится въ красновато-розовую. Вещь конечно удивительная, однако тутъ не будетъ никакого волшебства, а просто дѣйствіе химическихъ причинъ. Это странное явленіе происходитъ не оттого, какъ предполагали прежде, что бѣлая свинцовая краска теряетъ свою чистоту отъ соприкосновенія съ другими металлическими веществами (особенно серебромъ, составляющимъ особенное цвѣтное соединеніе съ свинцомъ), но, какъ это доказано опытами, оттого, что, вслѣдствіе выдѣленія кислорода, въ свинцѣ произошла другая степень окисленія, что обусловило вещество другаго химическаго свойства и иначе окрашенное.

Не изумительно ли это?.. Къ свинцу прибавляется немного лишняго кислорода, и вдругъ образуется совсѣмъ другое вещество! Но то же повторяется со всевозможными веществами; всякое измѣненіе въ степени окисленія, даже нѣсколько лишнихъ атомовъ кислорода, производятъ вещество совершенно иное для глазъ, для обонянія и вкуса.

Углекислоту мы пьемъ для здоровья въ зельтерской водѣ, даже во всякой свѣжей простой водѣ; отъ окиси же углерода мы бѣжимъ какъ отъ ядовитаго газа,—между тѣмъ онъ не что иное, какъ тотъ же углеродъ въ меньшой степени окисленія. Удивительно ли послѣ этого, что бѣлая свинцовая краска, вслѣдствіе, столь-же ничтожнаго обстоятельства, превращается въ розовую?

Химикъ легко можетъ добыть какія угодно окиси свинца; свинецъ способенъ къ разнообразнѣйшимъ соединеніямъ съ кислородомъ, при чемъ онъ всякій разъ обращается въ новое, совершенно другое тѣло. Но какъ ни различны всѣ эти вещества, всѣ они въ сущности ядовиты и тѣмъ опаснѣе, что, вслѣдствіе сладковатаго вкуса, легко вводятъ въ заблужденіе насчетъ своего ядовитаго свойства. Наступающая, часто только черезъ нѣсколько лѣтъ, свинцовая колика не рѣдко стоитъ жизни самому осторожному работнику, который, какъ того требуютъ многія фабричныя производства, подверженъ пыли отъ свинцовыхъ окисей. А едва-ли есть искусство или ремесло, гдѣ бы не играла важной роли та или другая окись! Самый употребительный въ ремесленныхъ производствахъ сортъ, это такъ-называемый *свинцовый глетъ*. На видъ онъ желтовато-краснаго цвѣта, чрезвычайно блестящъ, и образуется отъ нагрѣванія свинцоваго металла при очень высокой температурѣ и сильномъ теченіи воздуха. При этомъ онъ покрывается сперва сѣрой оболочкой (закись свинца),—но вскорѣ, вслѣдствіе дальнѣйшаго поглощенія кислорода изъ воздуха, оболочка эта становится желтовато-красной—и тогда это уже окись свинца, то есть именно свинцовый глетъ. Его употребляютъ лакировщики и столяры для приготов-

Библиотека "Руниверс"

ленія съ помощью льнянаго масла быстро-высыхающаго лаку. На фарфоровыхъ фабрикахъ онъ употребляется въ огромныхъ количествахъ для произведенія нѣжной свинцовой глазури. Хрусталь есть ничто иное, какъ свинцовое стекло. Аптекарь приготовляетъ изъ нея свинцовыя мази и свинцовую воду. На химическихъ же заводахъ она производится въ огромныхъ массахъ—и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ основаніемъ ярко-краснаго сурика (перекись свинца), минеральной желтой краски или «Кассельской желтой» (хлористый свинецъ и окись свинца), особенно же высоко цѣнимыхъ *свинцовыхъ бѣлилъ* (углекислая окись свинца). Производство послѣднихъ, состоящее единственно въ томъ, чтобы химически соединить въ одно тѣло углекислоту съ окисью свинца, составляетъ значительную вѣтвь промышлености, которая намъ показываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ неусыпное стремленіе науки добывать промышленные продукты все проще, раціональнѣе и притомъ дешевле. По прежней голландской методѣ, для этого употреблялся рядъ камеръ, куда разстилались гніющія вещества, именно солома и дубильная кора, образующія при гніеніи много углекислоты. Туда же ставили сосуды съ уксусомъ, а ихъ покрывали свинцовыми пластинками; послѣднія также покрывались гніющими веществами. Эти соединенія были очень умно разсчитаны. Именно, вслѣдствіе образующейся отъ разложенія соломы и проч. теплоты, уксусъ въ сосудахъ постепенно испарялся и образовывалась уксусно-кислая окись свинца, которая черезъ посредство имѣющейся углекислоты быстро превращалась въ углекислую окись свинца, то есть именно въ свинцовыя бѣлила, которыя шли на знаменитую краску «Кремзерову-бѣлую». Въ настоящее же время это дѣлается чрезвычайно просто, преимущественно по простѣйшей англійской методѣ, принятой теперь почти повсемѣстно. Свинцовый глетъ, смѣшанный съ уксусомъ, просто разстилаютъ на каменный доски и пускаютъ на нихъ дымъ отъ горящаго кокса; углекислота, находящаяся какъ извѣстно въ достаточномъ количествѣ во всякомъ дымѣ, быстро вытѣсняетъ уксусъ, тотчасъ соединяется вмѣсто его съ окисью свинца,—вотъ вамъ и готовы чудеснѣйшія свинцовыя бѣлила!

При всѣхъ этихъ химическихъ соединеніяхъ, природа является настоящей волшебницей. Но со свинцомъ мы и сами можемъ показывать удивительные фокусы. Повидимому изъ ничего мы создадимъ вамъ цѣлый міръ. Мы заставимъ металлическій свинецъ нарисовать картину изъ прозрачной жидкости налитой въ стеклянный сосудъ. Это чудесное волшебное явленіе такъ-называемаго *свинцоваго дерева*, которое возбуждаетъ въ незнакомыхъ съ нимъ справедливое удивленіе. Между тѣмъ это не болѣе какъ естественный процессъ, основанный на простомъ химическомъ законѣ сродства веществъ. Явленіе, о которомъ мы говоримъ, очень легко произвести. Надо болѣе или менѣе большой сосудъ наполнить растворенным въ водѣ свинцовымъ сахаромъ (уксусно-кислый свинецъ), куда для большой прозрачности прибавляется немного уксусной кислоты, и ради большаго эфекта, говорится: «Посмотрите, вотъ вода, чистѣйшая вода!»—Въ нее опускается цинковая палочка; для удобства, чтобы не держать ее, она укрѣпляется въ пробкѣ, которой можно закрыть сосудъ, при чемъ палочка будетъ висѣть внутри сосуда. Немного погодя, цинковая палочка начинаетъ покрываться свинцово-сѣрымъ осадкомъ, изъ нея начинаютъ выходить нѣжныя металлическія блесточки будто нѣжные листочки; они все умножаются и умножаются, пока наконецъ вся волшебная картинка свинцоваго дерева не готова; тогда ростъ его останавливается. Но послѣ окончанія опыта, въ самой жидкости, черезъ сутки, мы не найдемъ ни малѣйшихъ слѣдовъ свинцоваго сахара, онъ замѣненъ уксусно-кислой окисью цинка! Весь этотъ удивительный процессъ будетъ для насъ вполнѣ ясенъ, если мы до опыта, и послѣ него, тщательно *свѣсимъ* какъ цинковую палочку, такъ и окись свинца. Цинковая палочка, послѣ опыта, окажется ровно настолько легче, сколько вѣситъ свинцовое дерево! Это значитъ что цинкъ подъ вліяніемъ сродства отнялъ у окиси свинца ея кислородъ, вслѣдствіе чего самъ превратился въ окись цинка и соединился вмѣстѣ съ тѣмъ съ уксусной кислотой. Освободившійся такимъ образомъ свинецъ осѣлъ въ видѣ металлическихъ блестящихъ звѣздочекъ. Этотъ маленькій фокусъ въ сущности можетъ служить наглядной иллюстраціей одного изъ великихъ законовъ природы.

На основаніи того же самаго закона добываютъ металлическій свинецъ, заключенный въ горныхъ жилахъ свинцовыхъ рудъ. Въ природѣ послѣднія всего чаще встрѣчаются въ видѣ извѣстнаго *свинцоваго блеска*. Вѣроятно читателю случалось видать въ музеяхъ или на лекціяхъ куски такой руды, которые отличаются своей тяжестью и блестящими, изъ-черна-сѣрыми, кубическими кристаллами. Отсюда преимущественно и добывается металлическій свинецъ. Этотъ свинцовый блескъ состоитъ изъ соединенія свинца съ сѣрой, это *сѣрнистый свинецъ*. Но при плавленіи этихъ двухъ тѣлъ, тѣсно связанныхъ природой въ одну руду, ихъ нельзя попросту отдѣлить дѣйствіемъ одного жара, какъ отдѣляютъ нѣкоторыя другія руды. Этого достигаютъ (не говоря о различныхъ пріемахъ) благодаря знанію, что спеціально желѣзо имѣетъ большее сродство къ сѣрѣ нежели свинецъ. Это уже ясно указываетъ дальнѣйшій путь: руду свинцоваго блеска плавятъ вмѣстѣ съ желѣзомъ; при этомъ образуется сѣрнистое желѣзо; во время этого процесса, желѣзо химически притягиваетъ къ себѣ сѣру изъ ея тѣсной связи съ свинцомъ. Освобожденный такимъ образомъ свинецъ отливается въ формы и въ такомъ видѣ поступаетъ въ продажу—можетъ быть для того чтобы въ смертоносныхъ пуляхъ убивать людей, или на веселой охотѣ летѣть вслѣдъ за ищущимъ спасенія животнымъ, или наконецъ чтобы служить намъ болѣе благороднымъ образомъ на мирномъ поприщѣ промышленности.

Поѣздка по льду озера Байкалъ.

Въ бытность мою въ Сибири, мнѣ довелось съѣздить за озеро Байкалъ—и я раннею весною, на парѣ лошадей, по льду, обработалъ данное мнѣ не слишкомъ трудное военно-судное дѣло въ Туркинскѣ по предмету уиуска дезертировъ волостною стражею; между прочимъ выкупался разъ десять въ тамошнихъ сѣрныхъ горячихъ ключахъ, полюбовался на прекрасную забайкальскую природу, подивился, въ обратный путь, на то, что въ десятыхъ числахъ апрѣля уже пробивался, почти изъ-подъ снѣга, озимый хлѣбъ крестьянъ и инородцевъ,—и утромъ 15 апрѣля, по чуть подымающейся зарѣ, былъ уже въ селеніи Посольскомъ, на берегу—еще одѣтаго въ синій ледъ—озера Байкала или (по мѣстному выраженію)—Святаго моря.

Теперь я съ удивленіемъ вспоминаю о тогдашней рѣшительности моей и рискѣ ѣхать по льду, не съ большимъ за сутки до вскрытія колыхавшагося отъ внутренняго волненія озера. Но тогда мнѣ казалось болѣе ужаснымъ сидѣть полторы или двѣ недѣли въ бездѣйствіи, въ селеніи, между крестьянъ и инородцевъ, и ждать прохода льда,—или объѣзжать озеро кругомъ по трудному, теперь заброшенному тракту, гдѣ нельзя было иначе проѣхать какъ верхомъ, на вьючныхъ копяхъ. Къ тому же, пріискать себѣ охотника-извозчика—мнѣ не стоило большаго труда. Я вынулъ полуимперіалъ—и охотникъ явился. Не смотря на то, что мы оба были не совсѣмъ спокойны въ душѣ, однако мы въ пятомъ часу утра, благословясь, отправились впередъ. Мой ямщикъ запрягъ лошадей цугомъ, или одну за другою, и ворчалъ себѣ подъ носъ: «провалится одна, такъ успѣемъ остановить другую».

Всей дороги льдомъ намъ предстояло проѣхать до 120 верстъ, и не прошло часа, какъ мы наѣхали на первую двухаршинную щель во льду. Небывалый на мѣстѣ сталъ бы въ недоумѣніе передъ этою задачею, а мой возничій, пріостановившись, вытащилъ изъ-подъ меня привязанныя выше санныхъ полозьевъ двѣ доски, положилъ ихъ поперекъ щели, пригласилъ меня пройдти по нимъ, съ условіемъ не смотрѣть внизъ, чтобы не закружилась голова,—потомъ посыпалъ доски снѣгомъ и перевелъ лошадей съ санями. Эта эволюція повторялась съ восточнаго берега, въ тѣни отъ горъ, на разстояніи 45 или 50 верстъ,—раза три; потомъ мы выѣхали на ровную и совершенно еще гладкую поверхность озера, и, можно сказать, даже съ какою-то гордостію помчались поперекъ его вплоть до обѣда. Ледъ качался, но былъ еще твердъ посрединѣ озера и ждалъ только первой бури съ южнаго берега. Я даже вздремнулъ въ саняхъ, такъ спокоенъ и пріятенъ былъ путь. На половинѣ дороги ямщику и мнѣ захотѣлось ѣсть, а лошадямъ надо было дать вздохнуть. Ямщикъ выпрягъ лошадей и, задавши имъ корму, привязалъ ихъ позади саней, потомъ настрогалъ съ дорожныхъ вѣхъ щепу, высѣкъ на трутъ огонь, завернулъ его въ сѣно, раздулъ, подложилъ подъ щепки на льду—и котелокъ съ водою изъ льда и снѣга, поставленный на треножникъ, закипѣлъ, а черезъ четверть часа мы выпили по стаканчику водки и дружно закусывали взятыми съ собою сухарями недурно приготовленный чай. Вся эта процедура продолжалась около часа, и мы, запасшись новыми силами, пустились въ дальнѣйшій путь.

Подъѣзжая въ 3 или 4 часу вечера, вначалѣ сумерекъ, къ противуположному берегу, или такъ сказать, къ солнечной сторонѣ озера, мы снова вынуждены были чаще и чаще останавливаться и переползать по доскамъ черезъ щели во льду. Но это насъ уже не пугало, потому что берегъ становился все болѣе и болѣе видѣнъ. Тутъ встрѣтилось намъ человѣкъ семь крестьянъ на деревянныхъ лыжахъ, тащившихъ за собою на веревкахъ доски и идущихъ пѣшкомъ черезъ озеро. Эти смѣльчаки передали намъ, что мы къ берегу подойдти не можемъ, потому что ледъ около него прошелъ въ р. Ангару на разстояніи около 1/4 версты и постоянно продолжаетъ откалываться вслѣдствіе подымающагося южнаго вѣтра. При этомъ они прибавили, что мы уже съ берега уже замѣчены и что въ полынью спущены лодки, чтобы насъ принять.

Когда мы подъѣхали къ югозападному берегу озера или Лиственичной станціи, то нашли себя дѣйствительно отдѣленными отъ берега на разстояніе около полуверсты; я выстрѣлилъ нѣсколько разъ изъ пистолета, а мой ямщикъ опять высѣкъ и завернулъ въ сѣно огонь, и махалъ имъ по воздуху до тѣхъ поръ пока на окраинѣ горы не зашевелился народъ, который вскорѣ выѣхалъ

Библиотека "Руниверс"

на лодкѣ ко мнѣ и перевезъ меня и ямщика; лошадей же мы пустили вплавь, а сами были перетянуты на веревкѣ. Такъ очутился я снова на твердой землѣ и, откровенно сказать, внутренно благодарилъ судьбу, что она мнѣ помогла перетащиться черезъ озеро,—потому что когда я взобрался на берегъ, высящійся надъ водою сажень на 15, и оглянулся назадъ, то невольно вздрогнулъ и далъ себѣ слово впередъ не пытать своего счастія. Озеро было черно какъ воронье крыло и изъ щелей во льду подымался густой паръ.

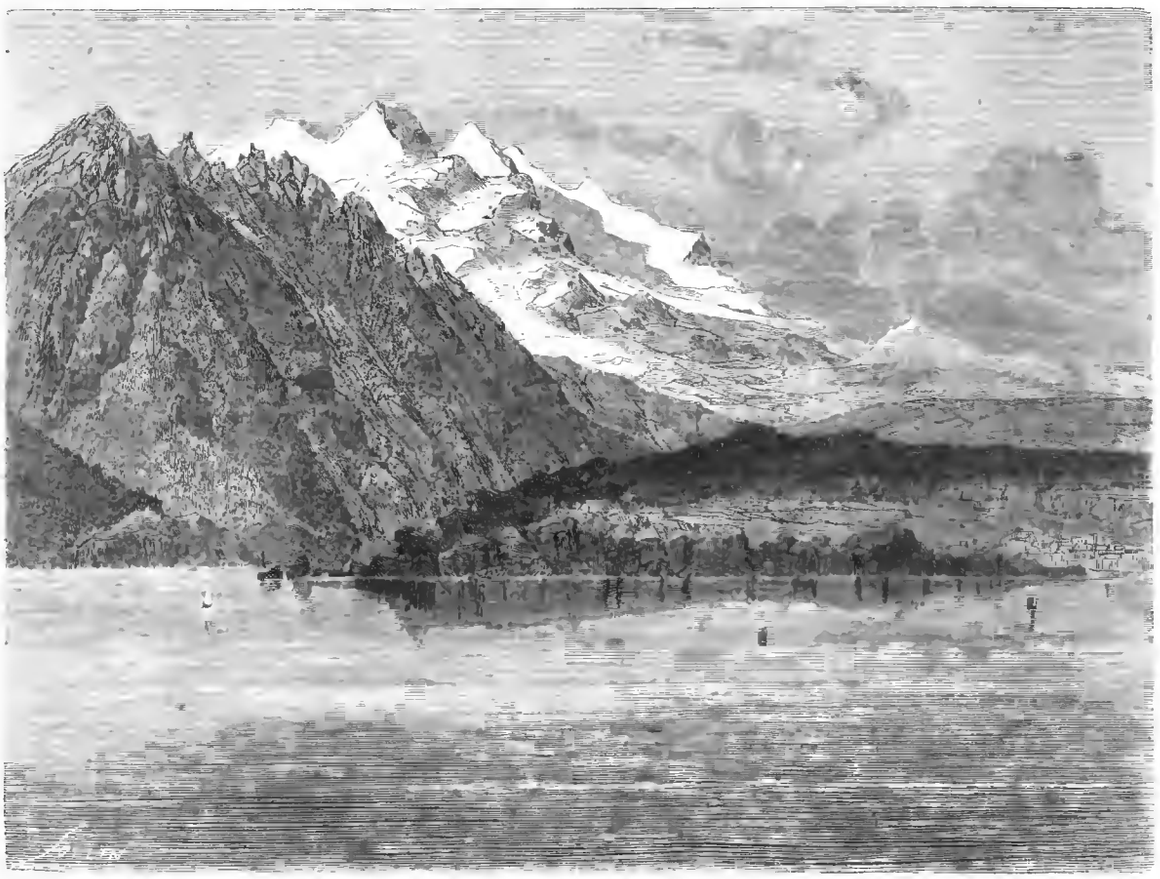
Южный берегъ Байкала окаймленъ горою Шайтанъ (дьяволъ), лежащею страшною глыбою надъ водою; длина ея слишкомъ въ три версты, а вышина сажень въ 30, если не болѣе. Возлѣ этой неуклюжей глыбы высится другая, похожая наружностію своею на голову сахара. Эта громадина выше Шайтана еще на 20 сажень, но названія ея теперь не припомню.

Лиственничные крестьяне, получивши за оказанную мнѣ услугу достойную награду, пригласили меня не ѣхать дальше, а переночевать у нихъ,—такъ какъ по ихъ примѣтамъ долженъ былъ подняться къ полуночи вѣтеръ съ дождемъ, а быть можетъ и буря.

Затѣмъ я заснулъ и проснулся къ пяти часамъ утра, какъ обыкновенно. Тутъ вскорѣ я увидѣлъ и чудное, и вмѣстѣ съ тѣмъ ужасное зрѣлище. На морѣ вздымались и опускались страшныя горы льда, набѣгали одна на другую и рушились; вѣтеръ ревѣлъ до того, что нельзя было держаться на ногахъ, не уцѣпившись о столбы, къ которымъ на станціи привязываются почтовыя лошади. Ледяныя глыбы, кружась и ударяясь о береговые камни, скатившіеся съ Шайтана (Чортовой горы), стремглавъ неслись въ р. Ангару,—и тамъ, еще болѣе разрушаясь, уносились потокомъ внизъ, отрывая цѣлыя громады земли съ ея береговъ и выворачивая деревья съ корнями, такъ что въ эту пору прекращается ѣзда по почтовому тракту, проведенному нѣсколько выше тѣмъ же берегомъ.

Я прожилъ здѣсь болѣе сутокъ и только тогда рискнулъ въ дальнѣйшій путь, верхомъ на вьючныхъ коняхъ и лѣсомъ; мнѣ оставалось 60 съ чѣмъ-то верстъ до Иркутска, которыя я на вьюкахъ и сдѣлалъ въ двое сутокъ.

По мѣстнымъ преданіямъ стариковъ, перешедшимъ и къ нимъ отъ стариковъ же, значилось: на мѣстѣ озера была когда-то, очень



Озеро Байкалъ съ западной стороны. Рис. и грав. Соаленъ.

Я согласился болѣе потому, что чувствовалъ себя сильно утомленнымъ и имѣлъ уже ранѣе нѣкоторое понятіе о предстоящей мнѣ дурной, изрытой отъ весеннихъ дождей, лѣсной дорогѣ. Къ тому же мнѣ хотѣлось посмотрѣть на картину вскрытія озера отъ льда. Тамошніе старожилы указали мнѣ на черное пятно на горизонтѣ и объяснили, что это опускается ураганъ и что къ утру или не дальше завтрашняго полудня пойдетъ озеро во всей своей ужасной силѣ. На вопросъ же мой: успѣютъ ли перейдти встрѣтившіеся мнѣ на второй половинѣ озера крестьяне на лыжахъ,—мужички, подогрѣтые выставленною на мой счетъ водкою, захохотали и стали вызываться: не угодно ли мнѣ еще разъ прокатиться съ ними, только уже на лыжахъ, на другой берегъ, куда мы непремѣнно должны будемъ успѣть къ другому утру. Конечно, я отказался отъ этого удовольствія, потому что былъ тяжелъ для бѣга на лыжахъ; а когда все поуспокоилось вокругъ меня, то сталъ записывать въ дорожную книжку мое путешествіе черезъ море въ такое рисковое время года и придумывать: отъ чего бы происходилъ постоянный гулъ подъ озернымъ льдомъ, похожій на отдаленный звонъ большихъ колоколовъ какого либо древняго монастыря,—и дошелъ до того убѣжденія, что онъ происходитъ отъ неровнаго, ступенями изрытаго, въ видѣ воронки или котла—дна морскаго, а также отъ вулканическаго происхожденія береговъ озера, проточеннаго тысячами горныхъ рѣчекъ и ручейковъ.

давно, высочайшая гора въ мірѣ, на которой горѣлъ постоянный огонь, по бурятски «*Бый-халъ*», т. е. великій огонь. Эту гору обходила рѣка Ангара двумя рукавами, и когда гора частію прогорѣла, а частію подрытая рѣкою, провалилась въ преисподнюю, то явилось море, названное уже по русски Байкаломъ. Съ этого же почти времени начали въ этомъ краѣ появляться первые русскіе люди, «баллалыки», т. е. казаки. Значитъ, это время можно отнести къ началу XV-го или концу XIV-го столѣтія.

Озеро Байкалъ, названное со временъ иркутскаго святителя Инокентія, мощи котораго покоятся въ тамошнемъ монастырѣ — Святымъ Моремъ, имѣетъ странное свойство: оно по нѣскольку разъ въ сутки становится то бурнымъ, то спокойнымъ, то вдругъ снова вскипаетъ безъ всякаго наружнаго вѣтра, и это происходитъ частію отъ окружающихъ его горъ и двухсотъ верстнаго овальнаго очертанія его, частію же отъ вулканическихъ причинъ подводной котловины его, которая только въ послѣдніе годы мѣстами извѣдана и оказалась почти недосягаемой глубины, уступами, въ видѣ воронки. Около береговъ его, богатыхъ золотомъ, серебромъ и графитомъ, на разстояніи версты и до двухъ видны и въ настоящее время стоящими на днѣ столѣтнія деревья, вышиною 15-ти и 18-ти до 20-ти сажень. Это лиственницы, сосны, кедры и ели, которыхъ верхушки лѣтомъ зеленѣютъ, высовываясь изъ воды, а зимою изъ подъ льда,—однимъ словомъ, по всему замѣтно, что въ этомъ краѣ когда-то, не слишкомъ въ отдален-

Библиотека "Руниверс"

номъ прошедшемъ времени, въ природѣ происходило что-то ужасное. Изъ весеннихъ трещинъ во льду и теперь выползаетъ нерпа и тюлень, и мѣстные жители довольно вѣрно опредѣляютъ, что озеро это имѣетъ подземную связь съ Тихимъ океаномъ, или Ледовитымъ, хотя, по отдаленности того и другаго, трудно предположить эту возможность. А какъ это нашими натуралистами еще не извѣдано, то этому преданію невольно вѣрится, тѣмъ болѣе, что въ серединѣ озера вода горько-соленаго вкуса, а по бокамъ его она текучая и сладкая.

Г. Толь.

Двѣ картины Жерара Дова.

Жераръ Довъ, знаменитый нидерландскій живописецъ, родился 1613 года въ Лейденѣ и былъ ученикомъ Рембрандта, у котораго заимствовалъ живость и гармонію красокъ, а также взглядъ на законы свѣто-тѣни, но ему не достаетъ огня и мощнаго вдохновенія учителя. Онъ стремился къ законченности въ частностяхъ до малѣйшихъ мелочей и проявилъ въ этомъ отношеніи чудо искусства въ отношеніи отдѣлки мелочей. Вилль, гравировавшій ихъ, назвалъ одну «старушкой, разматывающей нитки» (la Dévideuse), другую—«старушкой за чтеніемъ» (la Liseuse). Первая находилась въ собраніи графа де Вансъ, распроданномъ въ 1762 году; графъ Кобенцель въ то время заплатилъ за нее двѣ тысячи пять сотъ шестьдесятъ семь ливровъ, а впослѣдствіи

Озеро Байкалъ съ восточной стороны. Рис. и грав. Манини.

замѣчательную терпѣливость. Картины его всегда поражаютъ необычною вѣрностью природѣ. Довъ умеръ въ 1680 году. Множество жанровыхъ произведеній его кисти находится въ Парижскомъ музеѣ, въ Мюнхенской пинакотекѣ, въ Дрезденской галлереѣ, въ музеяхъ Антверпена, Амстердама, Дортрехта, въ Гросвенорской галлереѣ въ Англіи, въ Кембриджскомъ музеѣ Фицъ-Вильяма, въ Варвикшейрѣ,—а величайшее созданіе Дова—возвратившійся Товій изцѣляющій слѣпоту своего отца—въ Бервудѣ въ Вильтшейрѣ. Гравировали съ картинъ Дова: Сарраба, Каунерцъ, Смитъ, Боварне, Гальяръ, Крюгеръ, Вилль, Клессингъ и др. Учениками Дова были: Шалькенъ, Францъ Міэрисъ и Метцу.

Въ залахъ Императорскаго Эрмитажа находится 15 картинъ Жерара Дова, изъ которыхъ замѣчательнѣйшія: «врачъ» и прилагаемыя нами въ вѣрныхъ снимкахъ двѣ небольшія картинки — уступилъ ее Императрицѣ Екатеринѣ II. «Читающая» принадлежала г. де Жюльену и была пріобрѣтена за три тысячи сто одинъ ливръ во время распродажи этой безцѣнной коллекціи въ 1767 году.

Эти два портрета—черты обоихъ лицъ слишкомъ исключительны для того чтобы могли явиться чисто въ воображеніи художника — представляютъ собою торжество искусства въ отношеніи законченности. Колоритъ ихъ, нѣсколько темный, явно указываетъ на то, что Жераръ Довъ развивался въ мастерской Рембрандта—и что если онъ и выбралъ нѣсколько иной путь въ мелочной и терпѣливой отдѣлкѣ своихъ произведеній, то все же остался ученикомъ великаго фламандскаго художника относительно единства освѣщенія и прозрачности свѣто-тѣни.

Первый шагъ.

Всякій помнитъ конечно на одной изъ годичныхъ выставокъ нашей Академіи художествъ прелестную мраморную группу Каменскаго «Первый шагъ». Сюжетъ этотъ, такъ близкій сердцу каждаго, соблазнилъ и талантливаго французскаго художника Леона Бонна (Bonnat). Картина его масляными красками «первый шагъ» имѣла, на послѣдней парижской художественной выставкѣ, большой и вполнѣ заслуженный успѣхъ. И въ самомъ дѣлѣ, какъ хорошъ этотъ ребенокъ, какъ онъ здоровъ и счастливъ! ему хочется ходить, но его слабыя ножки еще едва-едва поддерживаютъ его... А какъ краситъ материнская любовь эту женщину съ ярко освѣщеннымъ выразительнымъ лицомъ, какъ волнуется ея грудь радостью и гордостью! Художникъ не стремится поразить насъ какимъ нибудь необыкновенными эффектами, онъ довольствуется тѣмъ что передаетъ картинку съ натуры во всей ея красотѣ и правдѣ, и тѣмъ сильнѣе впечатлѣніе производимое ею на зрителя.

Библиотека "Руниверс"

Стихотворение В. Г. Бенедиктова.

Двѣ книги. *)

(А. Е. Грену).

Дрѣвняя мимоидоша, се быша вся нова.
2 Кор. 5, 17.

Ты знаешь ли книгу?—Великій пророкъ,
Оставивши землю, на горной твердынѣ,
Изъ Божьяго грома глаголы извлёкъ—
И создалъ завѣтъ непреложной святыни.
Сложилъ онъ имъ повѣсть о тайнахъ созданья;
И мощно свершилъ онъ свой страшный обѣтъ
И страшно вѣщалъ онъ глаголъ прорицанья.
Отгрянуло эхо въ пустынныхъ горахъ,
Откликнулись небу нѣмыя громады—
И вѣсть пронеслася въ земныхъ племенахъ
О будущемъ міра глаголомъ отрады.
Ты знаешь ли чувство? Когда въ тишинѣ,
Склонясь надъ завѣтомъ о тайнахъ былова,
Въ какомъ-то священномъ, таинственномъ снѣ,
Созданія повѣсть проходишь отъ слова до слова,
И рѣешь ты духомъ въ тѣхъ пламенныхъ дняхъ,
Когда по единому слову міры созидались,
И звѣзды, ликуя, во тьмѣ возжигались,
И ангелы свѣта, столпясь въ вышинѣ,
Смотрѣли на землю святыми очами,
И то ниспускались къ сребристой лунѣ,
То быстро неслись межъ златыми звѣздами,—
Какими-жь очами ты ихъ созерцалъ?
Ужь-ли, озаренный невѣдомымъ свѣтомъ,
Ты холодно книгу созданья читалъ,
Не плакалъ отрадно надъ *Вѣтхимъ Завѣтомъ?..*

Есть книга иная—то *Новый Завѣтъ*;
Сложенъ не изъ громовъ и писанный кровью,
Онъ пролилъ на землю божественный свѣтъ,
И назвалъ онъ свѣтъ тотъ—любовью.
Кротка и печальна, проста и свята
Небесная повѣсть—то повѣсть страданья;
Не съ горной твердыни—съ твердыни креста
Услышали люди святыя сказанья!
И Слово, что древле міры за мірами
По тверди небесной, какъ ткань, развило,—
Сошло, воплотилось и тихо стонами
Любви и смиренья всю землю прошло.
Не поняли люди небеснаго слова;
Его пригвоздили къ позору креста,
И тайна святая—свѣтъ міра инова—
Немногими только была понята,
Немногіе вслѣдъ ему шли по дорогѣ страданья
И съ теплою вѣрой по слову текли,
Смирялися духомъ—и терпѣ испытанья
Вѣнцамъ рукотворнымъ они предпочли!
Есть чувство святое—когда предъ крестомъ,
Надъ *Новымъ Завѣтомъ* сидишь погруженный
Въ глубокую думу о мірѣ другомъ,
О таинствѣ жизни, о жизни вселенной;
Когда предъ тобою проходятъ во мглѣ:
Созданіе міра—завѣтъ вѣтхозданный,
И день, когда снова одряхшей землѣ
Въ сіяніи неба спишелъ Обѣщанный,
И чудно свершился небесный обѣтъ,
И въ сына земнаго самъ Богъ воплотился,
Вѣщалъ человѣкамъ свой новый завѣтъ—
И жизнію духа нашъ міръ обновился.
Глаголы вѣщаній всю землю прошли;
Текло океаномъ священное слово;
Оно, какъ потокомъ, лилось по земли,
Омыло грѣхъ міра—и все было ново.
Духовныя волны кипѣли кругомъ—
И мощно слилися въ купель искупленья;
Поверглися люди во прахъ предъ крестомъ—
И крестъ сталъ залогомъ спасенья.
И вольно стремится на небо душа,
Завѣтъ искупленья читая,
И тайна завѣта свѣтла, хороша,
Какъ свѣтъ, какъ предчувствіе рая.
И сладкія слезы стремятся изъ глазъ,
И сердце трепещется жизнію вѣчной,
Когда мы читаемъ: страдалъ Онъ за насъ
И умеръ владыка любви безконечной,
И адскія двери Онъ мощно расторгъ—
И свѣтъ просіялъ воскресенья....
И душу объемлетъ священный восторгъ,
И дума полна вдохновенья.

Смѣсь.

Вопросъ о сожженіи мертвыхъ. Въ различныхъ частяхъ Германіи, въ Австріи и Швейцаріи, въ настоящее время обсуждается вопросъ о томъ, оставить ли существующій донынѣ способъ превращенія труповъ «въ прахъ и пепелъ» посредствомъ зарыванія ихъ въ землю, или достигать того же результата процессомъ сожженія.

Въ засѣданіи Вѣнскаго общества врачей (18 февраля) членъ санитарнаго совѣта, докторъ Озеръ, доказывая важное гигіеническое значеніе вопроса о сожженіи мертвыхъ, предложилъ для всесторонняго изслѣдованія его образовать особый комитетъ. Лѣтъ 20 тому назадъ не смѣли-бъ и заикнуться о такой мысли, а теперь она сдѣлалась предметомъ публичнаго обсужденія. Вліяніе почвы на зарожденіе болѣзней вообще а заразительныхъ въ особенности—вызываетъ настоятельную необходимость устранить всѣ тѣ элементы, которые вредно дѣйствуютъ на здоровье. Существующій способъ погребенія скрываетъ трупы съ глазъ, но нисколько не уничтожаетъ послѣдствій гибельнаго процесса разложенія для живой генераціи. Испорченность почвенной и рѣчной воды, вредные газы, образующіеся при гніеніи труповъ (преимущественно, умершихъ отъ заразительныхъ болѣзней), вліяютъ, естественно, на смертность. Военно-гигіеническая сторона этого вопроса имѣетъ немепьшее значеніе. Описанія ужасовъ Седанскаго сраженія достаточно убѣждаютъ въ томъ, что вопросъ о погребеніи мертвыхъ требуетъ неотлагательно коренной реформы, которая коснулась бы и принятаго способа зарыванія труповъ животныхъ, такъ-какъ они весьма часто служитъ причиной распространенія заразительныхъ болѣзней. Въ теоріи такая реформа очень проста, но практическое ея примѣненіе встрѣтитъ серіозныя затрудненія. Главную роль будетъ играть психическая сторона этого вопроса, а потому всякое обстоятельство должно быть взвѣшено и обсуждено со всѣхъ сторонъ. Затѣмъ, докторъ Когонъ прочелъ заявленіе бургомистра и еще пяти членовъ Обердёблингскаго общиннаго совѣта; въ этомъ заявленіи они обязуются завѣщать сжечь ихъ тѣла, если это только будетъ дозволено. Противъ этого докторъ Шнитцлеръ замѣтилъ, что новая система, быть можетъ, не будетъ удовлетворять требованіямъ гигіены, хотя, конечно, не настолько насколько зарываніе труповъ въ землю,—и при этомъ цитировалъ мнѣніе Гиртля, который говоритъ, что «въ Индіи, гдѣ весьма распространено сожиганіе мертвыхъ, эта процедура заражаетъ въ окрестностяхъ воздухъ на громадномъ разстояніи». А потому желательно, чтобы химія поставила себѣ задачей найти такой способъ сожиганія, который сдѣлалъ бы продукты горѣнія, по возможности, безвредными.

Австрійскія газеты сообщаютъ, что возбужденный въ Вѣнѣ вопросъ о сожиганіи мертвыхъ служитъ въ Грацѣ предметомъ самаго серіознаго и энергическаго обсужденія. Многіе изъ членовъ общин-

---

*) Это стихотвореніе, долго хранившееся въ бумагахъ А. Е. Грена, доставлено въ редакцію «Нивы» вскорѣ послѣ смерти автора. *ред.*

Библиотека "Руниверс"

наго совѣта твердо рѣшились подать голоса за сожиганіе мертвыхъ, и въ ближайшемъ засѣданіи членъ Гейслеръ внесетъ предложеніе — признать въ принципѣ сожиганіе мертвыхъ. Для разработки деталей введенія, выбранъ комитетъ изъ 5 членовъ; но число это можетъ увеличиться, по надобности, экспертами. На первомъ планѣ стоитъ разсмотрѣніе проэкта лейпцигскаго доктора, Реклама (сжиганіе посредствомъ раскаленной струи воздуха). Способъ Реклама, о которомъ онъ въ послѣднее время читалъ во многихъ городахъ публичныя лекціи, заключается въ слѣдующемъ. Въ нарочно-устроенномъ помѣщеніи находится яма, къ которой примыкаетъ выстроенный изъ несгараемаго камня склепъ, закрываемый такой же дверью. Въ этотъ склепъ опускаютъ мертвое тѣло и, захлопнувъ дверь, направляютъ на него заранѣе накаленную добѣла струю воздуха. Maximum черезъ 20 минутъ тѣло превращается въ дымъ и газы, которые подымаются по высокой каменной трубѣ, а оттуда распространяются по воздуху. Въ склепѣ остается только небольшая куча бѣлаго почти какъ снѣгъ пепла, которая, если угодно, можетъ быть собрана въ урну или же разсѣяна по полю. Расходы на этотъ процесъ простираются всего отъ 2 до 3 талеровъ, въ томъ даже случаѣ, еслибъ пришлось для каждаго раза приготовить струю воздуха. Устройство такого помѣщенія и прочіе необходимые предметы обзаведенія составятъ сумму въ 15 тысячъ талеровъ.

Принятіе этого проэкта не подлежитъ сомнѣнію, однакожъ клерикалы употребляютъ всевозможныя усилія, чтобы возстановить народъ противъ этого нововведенія, а консервативныя католическія общества предувѣдомлены о томъ, чтобы единодушно протестовать противъ сожженія, какъ нехристіанскаго поруганія надъ прахомъ умершихъ.

Въ изданномъ недавно вѣнской императорской типографіей 54-омъ выпускѣ офиціальнаго отчета о всемірной выставкѣ помѣщенъ рефератъ моргофскаго доктора Мозетига о сохраненіи здоровья солдатъ и доставленіи имъ во время войны добровольной помощи. Въ этомъ рефератѣ выражена мысль о сожиганіи мертвыхъ. Онъ заходитъ еще далѣе и предлагаетъ планъ, примѣненіе котораго на практикѣ почти немыслимо. Онъ совѣтуетъ производить сожиганіе въ газометрахъ, и отдѣляющійся при сгораніи трупа газъ употреблять на освѣщеніе.

Движеніе къ отысканію цѣлесообразнаго способа погребенія мертвыхъ происходитъ нетолько въ Германіи и сосѣднихъ государствахъ.

Изъ Лондона недавно писалъ Максъ Шлезингеръ въ «N. fr. Pr.» что въ будущемъ столѣтіи, по всей вѣроятности, никто въ Англіи не будетъ похороненъ. Уже давно въ ученыхъ кружкахъ слышались голоса противъ существующей процедуры, и на всемірной выставкѣ заявленъ былъ протестъ, но такой скромный, что онъ обратилъ на себя вниманіе только немногихъ. Въ итальянскомъ отдѣлѣ выставки были выставлены профессоромъ паталогической анатоміи при университетѣ въ Падуѣ, Брунетти, остатки труповъ и отдѣльныхъ членовъ, которые онъ получилъ при различныхъ процессахъ сжиганія. Они состояли изъ мелкаго, бѣлаго пепла, вѣсъ котораго отъ трупа взрослаго человѣка простирается до 1,70 килогр., а для полученія его требовалось 3½ часа. Не входя въ подробный разборъ опытовъ Брунетти, замѣтимъ, что сожженіе трупа по предлагаемому имъ способу обойдется въ 1 фл. 20 крейц. Хотя опыты Брунетти обратили на себя вниманіе только тѣсныхъ спеціальныхъ кружковъ, однакожъ этимъ не уменьшается ихъ заслуга предъ будущимъ. Неудивительно будетъ, если Англія раньше всѣхъ покончитъ съ зарываніемъ мертвыхъ и введетъ способъ сожженія.

Запасы гуано въ Тихомъ океанѣ. С. Рндъ, членъ парламента отъ южнаго Норфолька, въ письмѣ къ лорду Грэнвиллю говоритъ, что по его мнѣнію необходимо какъ можно скорѣе предпринять англійское измѣреніе запасовъ гуано въ Тихомъ океанѣ. Это тѣмъ необходимѣе что, какъ оказывается, перуанскія исчисленія совершенно неосновательны. Въ 1853 г. перуанское правительство исчисляло запасы гуано въ Киихасѣ въ 25,000,000 тоннъ. По распоряженію лорда Пальмерстона, адмиралъ Морсби составилъ отчетъ, въ которомъ цѣнитъ запасы этого матерьяла въ 8.600,000 тоннъ. Общая масса, вывезеннаго въ промежутокъ между 1853 — 1871 г. гуано — въ послѣднемъ году запасы на островахъ истощились — простиралась до 7,250,000 тоннъ. Слѣдовательно, заключеніе англійскаго адмирала было весьма близко къ истинѣ. Британскій консулъ въ своемъ отчетѣ за 1873 г. оцѣниваетъ общую массу перуанскаго гуано на Гванапскихъ и Макабійскихъ островахъ и на Лобосѣ въ 3,000,000 тоннъ; цѣнность имѣющагося перуанскаго гуано простирается до 700,000,000 фунтовъ стерлинговъ.

Ловля ласточекъ. Въ департаментѣ Жиронды во Франціи, подъ предлогомъ ловли жаворонковъ, ежегодно убивается и продается на рынки около 1,076,000 ласточекъ. Въ началѣ сентября болота и луга въ окрестностяхъ Блэ, Сен - Сіера, Бурга, Могриня, Амбе, Кубзака, Горіаге и Сенъ-Фоа-ла-Грандъ, покрываются по участкамъ сѣтями отъ 15 до 20 метровъ длины. Незадолго до переселенія, ласточки изъ различнѣйшихъ частей Европы, въ огромномъ количествѣ собираются въ этихъ мѣстахъ. Въ ту минуту, какъ онѣ, пускаясь въ далекій путь, всѣ разомъ подымаются и еще несутся низко надъ землей, на нихъ накидываются сѣти и птички попадаютъ въ плѣнъ. Ихъ тотчасъ же убиваютъ, ощипываютъ съ нихъ перья, и показывая въ такомъ видѣ чиновникамъ, наблюдающимъ за охраненіемъ птицъ, вводятъ тѣхъ въ заблужденіе,—или, что еще вѣроятнѣе, задариваютъ смотрителей, и тѣ охотно даютъ себя обманывать. Мудрено ли послѣ этого, что ласточки съ каждымъ годомъ становятся рѣже? Такъ какъ по Флорану Прево каждая ласточка ежедневно съѣдаетъ отъ 200 до 250 вредныхъ насѣкомыхъ, то простой расчетъ показываетъ, какое вліяніе имѣетъ это безумное истребленіе массъ такихъ полезныхъ птичекъ на равновѣсіе въ распредѣленіи птицъ и насѣкомыхъ на землѣ.

Разныя извѣстія.

МОРСКОЕ ДѢЛО.

— Въ «Кронштадтскій Вѣстникъ» телеграфируютъ, что винтовой клиперъ «Всадникъ» 2-го (14-го) іюня прибылъ въ Батавію.

— 28-го мая съ элинга въ Севастополѣ спущена на воду поповка «Новгородъ». До 15-го іюня судно это предполагается оставить на Севастопольскомъ рейдѣ для продолженія испытаній какъ самаго судна, такъ и его артилеріи. Затѣмъ поповка прибудетъ въ Николаевъ для окончанія накладки брони, послѣ чего опять отправится въ Севастополь.

— Въ газетѣ «Temps» опубликовано вновь изобрѣтенное спасительное для плавающихъ средство — *спасительная рубашка Госселена*. Вотъ описаніе этого аппарата: онъ состоитъ изъ каучуковой трубочки, обертывающейся вокругъ тѣла столько разъ, сколько необходимо для того, чтобы она могла вмѣстить въ себѣ объемъ воздуха, достаточный для поддержанія на водѣ человѣка. Эта трубочка помѣщена совершенно незамѣтно между двойною оболочкою рубашки и оканчивается на груди пуговкою, служащею для запиранія трубки, когда послѣдняя надута воздухомъ. Операція надуванія воздухомъ совершается очень легко и скоро; въ случаѣ уменьшенія объема трубочки, спасающійся можетъ дополнить запасъ заключающагося въ ней воздуха во всякое время безъ малѣйшаго затрудненія. Опыты, произведенные изобрѣтателемъ, г. Госселеномъ, въ присутствіи многочисленныхъ зрителей показали, что изобрѣтенная имъ рубашка дѣйствительно способна поддерживать на водѣ человѣка, нисколько не стѣсняя его движеній.

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ.

— «Иркутскія Губ. Вѣд.» сообщаютъ объ открытіи и заявкѣ 34 золотыхъ пріисковъ въ разныхъ мѣстахъ Восточной Сибири. Самое замѣчательное въ этихъ заявкахъ есть открытіе пріисковъ по системѣ рѣки Алдана. Мѣста, гдѣ открыты пріиски, подходятъ къ Удскому Краю; такимъ образомъ, золотопромышленность проникла въ самыя отдаленныя страны Россійской Имперіи. Одинъ изъ заявленныхъ пріисковъ находится на островѣ Аскольдѣ, гдѣ прежде добывали золото китайскіе манзы (изгнанники).

— Главное Управленіе Намѣстника Кавказскаго разрѣшило двумъ лицамъ, жителямъ гор. Шемахи, производить по всей Бакинской губерніи поиски на добычу «золота». Это третій примѣръ частной предпріимчивости по дѣлу исканія золотыхъ розсыпей за Кавказомъ.

АРХЕОЛОГІЯ.

— Въ Бахчисарайскомъ Успенскомъ монастырѣ, при разрытіи фундамента подъ постройку новыхъ келій, вблизи трапезы, найденъ—пишутъ въ «Од. Вѣстникѣ» — глиняный кувшинъ элипсоидальной формы. Находка такихъ простыхъ кувшиновъ въ Крыму не рѣдкость; но этотъ замѣчателенъ тѣмъ, что сохранился весьма хорошо, найденъ на саженной глубинѣ около камней разной искусственной формы и вмѣщаетъ около 10 ведеръ. По всей вѣроятности, тамъ держалось вино; на днѣ его сохранился красный осадокъ. Цвѣта онъ краснобураго, выжженъ превосходно и издаетъ совершенно металлическій звонъ. Работу подобныхъ кувшиновъ можно отнести къ XI вѣку, т. е. къ византійцамъ, обитавшимъ въ Крыму въ этомъ вѣкѣ и предшествовавшимъ татарамъ.

— Въ засѣданіи Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ академикъ Бычковъ прочелъ полученное имъ отъ Д. А. Ровинскаго письмо, съ изложеніемъ плана предпринимаемаго имъ новаго труда подъ заглавіемъ: «Русскія народныя картинки». Сущность этого письма состоитъ въ слѣдующемъ. «Въ предисловіи помѣщено будетъ краткое обозрѣніе происхожденія и развитія народныхъ картинокъ въ чужихъ странахъ, затѣмъ свѣдѣнія о появленіи первыхъ народныхъ картинокъ въ Россіи: а) иностранной работы и в) русскихъ мастеровъ. Произведенія мастеровъ Оружейной палаты XVII вѣка и московскихъ частныхъ фабрикъ XVIII и XIX вѣковъ до 1848 года. Перечень замѣчательнѣйшихъ собраній народныхъ картинокъ. Перечень русскихъ сочиненій, относящихся до этого предмета. Текстъ картинокъ предполагается напечатать дословно, съ древнѣйшихъ экземпляровъ, съ указаніемъ, гдѣ экземпляръ находится и опредѣленіемъ времени

Библиотека "Руниверс"

его напечатанія. Отдѣльно отъ книги будетъ изданъ атласъ съ копіями замѣчательныхъ народныхъ картинокъ.

ГИГІЕНА.

— Способъ леченія водобоязни д-ра Бюнсона обращаетъ на себя особенное вниманіе по своей простотѣ и легкой возможности примѣнить его до прибытія медицинской помощи въ каждомъ селеніи повсюду — благодаря укоренившемуся въ Россіи обыкновенію употреблять въ цѣляхъ чистоты и опрятности, а также въ цѣляхъ врачеванія многихъ болѣзней, то самое средство которое рекомендуется д-ромъ Бюнсономъ какъ радикально излечивающее послѣдствія укушеній бѣшеными животными. Способъ этотъ заключается въ употребленіи паровой ванны или обыкновенной русской бани, леченіе которою д-ръ Бюнсонъ совѣтуетъ производить слѣдующимъ образомъ: укушеннаго бѣшенымъ животнымъ, у котораго однакожъ не начались еще припадки водобоязни, свести, для предупрежденія развитія болѣзни, въ русскую баню, нагрѣтую до температуры отъ 49 до 50° Р., и продолжать это семь дней по одному разу въ день. Если же водобоязнь уже развилась, то достаточно сводить больнаго только одинъ разъ въ баню той же температуры 46—50° Р. и затѣмъ помѣстить его въ особой комнатѣ до совершеннаго выздоровленія.

— 18-го мая открыто кумысолечебное заведеніе, учрежденное д-ромъ В. Бродовскимъ и г. Зацвилиховскимъ за Маримонтскою заставою, въ мѣстности, извѣстной подъ названіемъ «Каскада», въ Варшавѣ.

Плата за леченіе, со всѣми удобствами и полнымъ содержаніемъ, опредѣлена 3 рубля въ сутки, причемъ нужно имѣть въ виду, что больнымъ прописывается употреблять до 6 бутылокъ кумыса въ день. Пока 16 кобылъ доставляютъ молоко, изъ котораго приготовляется около 100 бутылокъ кумыса въ день; но по мѣрѣ надобности производительность заведенія можетъ быть увеличена.

НАХОДКИ, ОТКРЫТІЯ И ИЗОБРѢТЕНІЯ.

— Въ газетѣ «Кіевлянинъ» сообщаютъ, что Г. К. Ставровскимъ, во время его геологической экскурсіи лѣтомъ 1873 г., найденъ лигнитъ въ Овручскомъ уѣздѣ, у села Збранокъ, въ оврагѣ, называемомъ мѣстными крестьянами *Яръ-Ковтюгъ*. Лигнитъ обнажается на самомъ днѣ этого оврага и составляетъ даже дно его. Съ правой стороны оврага также замѣтенъ пластъ лигнита, на который налегаетъ наносная глина до 9 саженъ высотою. Обнаженіе лигнита тянется по дну оврага къ с. на протяженіи 10 шаговъ, а въ ширину до 4 шаговъ, и потомъ скрывается подъ наносную почву. Образцы этого лигнита доставлены г. Ставровскимъ въ *Кіевское общество естествоиспытателей*.

— Въ фольваркѣ Словики, находящемся въ разстояніи одной версты отъ гор. Олькуша, Кѣлецкой губерніи, найдены довольно толстые слои огнеупорной глины.

— Въ г. Ржевѣ, при копаніи ямы для погреба при домѣ городскаго головы Е. В. Берсенева, на глубинѣ 1½ арш. отъ поверхности земли найденъ хорошо сохранившійся мамонтовый клыкъ длиною около аршина и до 18 фунт. вѣсу. Подобный же клыкъ найденъ былъ въ прошломъ году въ городскомъ лѣсу.

— Въ «Николаевскомъ Вѣстникѣ» помѣщено слѣдующее сообщеніе о произведенныхъ въ Англіи 13-го (25-го) февраля въ Деванпортскомъ адмиралтействѣ опытахъ надъ несгораемымъ деревомъ, приготовленнымъ по способу доктора Томаса Джонса. Стружки приготовленнаго дерева, брошенныя на огонь, только обугливались, но не загорались. Пирамида, сложенная изъ кусковъ такого дерева и облитая парафиновымъ масломъ, точно также только обугливалась, тогда какъ другая, сложенная изъ обыкновеннаго дерева, при тѣхъ же обстоятельствахъ черезъ 12 минутъ уже почти вся сгорѣла. Послѣдній опытъ былъ сдѣланъ надъ деревяннымъ боченкомъ, вымоченнымъ въ составѣ доктора Джонса и въ который было положено небольшое количество пушечнаго пороха въ картузѣ, сдѣланномъ изъ бумаги, пропитанной тѣмъ же составомъ. Боченокъ былъ облитъ парафиновымъ масломъ и зажженъ. Когда парафинъ сгорѣлъ, оказалось, что боченокъ только слегка обуглился; тогда черезъ открытое дно его на картузъ съ порохомъ начали понемногу бросать горящія стружки; онѣ сгорали не производя взрыва. Въ заключеніе, чтобы показать, что порохъ предохранялся отъ огня дѣйствительно только бумагой, онъ былъ вынутъ изъ картуза и воспламененъ. Приготовленіе 50-ти кубическихъ футовъ дерева по способу г. Джонса обходится отъ 8 шилл. до 11 шилл. 6 пенсовъ, но оно будетъ стоить гораздо дешевле, когда составъ войдетъ въ общее употребленіе.

СОДЕРЖАНІЕ: На травѣ (очерки кавалерійской жизни) **Всеволода Крестовскаго** (продолженіе). — Разумное воспитаніе дѣтей. — Первый шагъ (съ рисункомъ). — Опасный врагъ. — Поѣздка по льду озера Байкалъ (съ двумя рисунками) **Г. Толя.** — Императорскій эрмитажъ. Двѣ картины Жерара Дова (съ рисункомъ).— Стихотвореніе **В. Г. Бенедиктова.** — Смѣсь. — Разныя извѣстія.

Редакторъ В. Клюшниковъ.

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЪ И ВЫШЕЛЪ ВЪ СВѢТЪ

безъ предварительной цензуры

ПОЛНЫЙ ПЕРЕВОДЪ

РОМАНА

„ВТОРАЯ ЖЕНА“,

Соч. М. Марлитта.

Цѣна 1 руб. 50 коп., съ пересылкою 2 руб.

Никогда еще талантъ автора не выказывался съ такой поражающей яркостью, какъ въ этомъ послѣднемъ его произведеніи, которое живыми и блестящими красками рисуетъ придворную жизнь мелкихъ нѣмецкихъ княжествъ.

Подписчики „НИВЫ“, обращающіеся съ требованіемъ прямо въ контору редакціи „НИВЫ“, получаютъ романъ за 1 р. 30 коп., и ничего не платятъ за пересылку.

ЭКОНОМИЧЕСКІЙ

съ сильнымъ настоемъ, черный ароматный чай, очень пріятнаго вкуса, за фунтъ 1 р. 60 к. и 1 р. 80 к. ССЫПНОЙ (мелкій) чай—букетъ изъ черныхъ и цвѣточныхъ чаевъ, чрезвычайно спорый и особенно вкусный, за фунтъ 1 р. 40 к. Вышепоименованные сорта чаевъ, по своимъ качествамъ и дешевизнѣ, рекомендуются потребителямъ, какъ экономически-выгодные чаи. Получать можно ТОЛЬКО въ магазинахъ «Кяхта» Петра Лебедева и фирмы М. Корещенко, въ С.-Петербургѣ, по Казанской улицѣ, противъ Ломбарда, д. № 8—10; по Невскому проспекту, противъ церкви Знаменія, въ д. Маркевича; по Вознесенскому пр., у Вознесенскаго моста, въ д. Макарова.

ЧРЕЗЪ ПОЧТУ

чай высылается иногороднымъ лицамъ на счетъ магазина, при единовременномъ требованіи въ количествѣ не менѣе 5 фунтовъ, изъ слѣдующихъ сортовъ: черный въ 1 руб. 60 к., 1 р. 80 коп., 2 р., 2 р. 30 к., 2 р. 50 к. и 2 р. 60 к. Цвѣточный въ 2 р. и 2 р. 50 к. Ляпсинъ въ 3 руб., 3 р. 50 к. и въ 4 руб. за фунтъ. Чай въ 1 р. 20 к. и въ 1 р. 40 к. высылается въ небольшомъ количествѣ только при требованіи другихъ сортовъ, а не отдѣльно.

Гг. иногородные торговцы,

желающіе производить торговлю чаями магазиновъ «Кяхта», съ требованіями, за объясненіями и съ предложеніями кондиціонныхъ условій, благоволятъ обращаться въ С.-Петербургъ, къ Петру Петровичу Лебедеву, по **Казанской улицѣ, домъ № 8—10;** въ Москвѣ, въ Охотный рядъ, домъ Мѣщанскаго Общества.

„УМЕНЬШЕНІЕ ЦѢНЫ“

20 рублей сер.,

самая лучшая семейная ручная швейная машина.

Съ новыми усовершенствованными и вполнѣ опробованными на на работѣ апаратами.

При каждой машинѣ прилагается: двойной рубильникъ, ваточникъ, апаратъ для нашиванія тесьмы, апаратъ для обшиванія тесьмой, самошвейникъ, линейка съ винтомъ, отвертка, масленка, флаконъ масла, 6 иголокъ и наставленіе на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ.

Изъ всѣхъ фабрикацій, производящихъ ручныя швейныя машины, эта, одна изъ лучшихъ новыхъ конструкцій, по своей отчетливой отдѣлкѣ, простотѣ механизма, легкости движенія, равно какъ скорости и правильности шитья, гораздо удобнѣе всѣхъ прочихъ существующихъ системъ, и дѣйствительно можетъ рекомендовать себя, какъ самая практическая ручная швейная машина для семейства.

Новое приспособленіе: эту ручную швейную машину съ примѣненіемъ къ ней металлическаго поддонка не нужно больше привинчивать къ столу.

Большой ассортиментъ: машинныхъ иголокъ, бумаги, нитокъ, шелку, суташу всѣхъ цвѣтовъ, машиннаго костяпаго масла и проч.

Гг. иногородные покупатели при выпискѣ машины прилагаютъ 21 руб. на укладку и укупорку машины въ самомъ лучшемъ видѣ. кромѣ пересылки. (Машина съ укупоркою вѣситъ 30 фунтовъ).

Гг. торговцы при требованіи не менѣе 12 машинъ пользуются большой уступкой.

Центральный складъ лучшихъ американскихъ швейныхъ машинъ

со всѣми новыми усовершенствованіями и апаратами.

ДЕШЕВЫЯ ЦѢНЫ.

Каждая машина вполнѣ опробована на работѣ.

А. Крумбюгель.

Невскій проспектъ, № 62, противъ Аничкова дворца.

Только-что вышелъ изъ печати и поступилъ въ продажу

РОМАНЪ ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ

„БОЛЬШІЕ КОРАБЛИ.“

В. КЛЮШНИКОВА,

АВТОРА ПОВѢСТИ

БАРЫШНЯ И БАРЫНЯ,

помѣщенной въ «Нивѣ» 1874 г.

Цѣна романа 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.

Гг. подписчики «Нивы», обращающіеся съ требованіями въ контору редакціи, ничего не платятъ за пересылку.

Дозволено цензурою. 21 іюня 1874 г. Изданіе **А. Ф. Мариса.** Въ С.П-бургѣ, Большая Морская, д. № 9. Тип. **Эдуарда Гоппе,** Вознесен. пр., д. № 53.

Библиотека "Руниверс"